

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

1800–1917

*биографический
словарь*

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

11—20 вв.

*серия
биографических
словарей*

НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

МОСКВА
НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
НАУЧНО-ВНЕДРЕНЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ФИАНИТ

1999

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ 1800–1917

*биографический
словарь*

**4
М-П**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
П. А. НИКОЛАЕВ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В. Н. БАСКАКОВ, Б. Л. БЕССОНОВ, Н. Б. ВОЛКОВА,
В. Э. ВАЦУРО (заместитель главного редактора), Б. Ф. ЕГОРОВ
(заместитель главного редактора), С. П. ЗАЛЫГИН,
А. В. ЛАВРОВ, Д. С. ЛИХАЧЕВ, Ю. М. ЛОТМАН, Ю. В. МАНН,
К. Д. МУРАТОВА, В. А. МЫСЛЯКОВ, Н. Н. СКАТОВ,
В. П. СТЕПАНОВ, Р. Д. ТИМЕНЧИК, В. А. ТУНИМАНОВ,
В. Е. ХАЛИЗЕВ, М. Н. ХИТРОВ (заместитель главного редактора),
К. М. ЧЕРНЫЙ (заместитель главного редактора),
А. П. ЧУДАКОВ, И. Г. ЯМПОЛЬСКИЙ.

МОСКВА
НАУЧНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«БОЛЬШАЯ РОССИЙСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ»
НАУЧНО-ВНЕДРЕНЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ ФИАНИТ

1999

РЕДАКЦИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Заведующая редакцией Т. А. ГАННЕВА

Редакторы разделов:

1800—1840-е гг.: ведущие научные редакторы кандидат филологических наук Л. М. ЩЕМЕЛЕВА, Н. П. РОЗИН, научный редактор М. К. ЕВСЕЕВА.

1850—1870-е гг.: научные редакторы Л. Ф. БОРОВЛЕВА, Л. С. ЛИТВИНОВА, А. К. РЯБОВ, при участии Ю. Г. БУРТИНА.

1880—1890-е гг.: научные редакторы С. М. АЛЕКСАНДРОВ, Э. И. РОЗАНОВА.

1900—1910-е гг.: научные редакторы Л. Н. КЛИМЕНЮК, кандидат филологических наук Л. И. ЛЕБЕДЕВА.

Транскрипция, иллюстрирование: научный редактор И. П. ОЛОВЯННИКОВА.

Редактор Т. М. БУДАРНА.

В консультировании различных разделов тома принимали участие доктор филологических наук Н. А. БОГОМОЛОВ, кандидат педагогических наук А. И. РЕЙТБЛАТ, К. М. ПОЛИВАНОВ.

Рецензент тома — академик Российской академии наук М. Л. ГАСПАРОВ.

АРХИВНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛОВАРЯ

Консультант — Б. Л. БЕССОНОВ

Российский государственный исторический архив (РГИА): С. И. ВАРХОВА, Б. М. ВИТЕНБЕРГ, Н. М. КОРНЕВА, Г. Г. ЛИСИЦЫНА, В. М. ЛУПАНОВА, Л. М. СЕСЕЛКИНА.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ): Э. И. ПЕРЕГУДОВА, И. Н. ЗАСЫПКИНА, Л. В. КРЯЧКОВА.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА): Н. Ю. МУРАВЕЙНИКОВА, Е. В. КАРЕВА, Н. Н. СВИНЦОВА, Н. Г. СНЕЖКО.

Российский государственный архив Военно-Морского Флота (РГАВМФ): В. Н. ГУДКИН-ВАСИЛЬЕВ.

Центральный государственный исторический архив г. Москвы (ЦГАИМ): В. В. АЛЕКСАНДРОВА, Г. Ю. БОРИСОВА.

Российский государственный архив древних актов (РГАДА): С. Р. ДОЛГОВА.

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ): Л. Н. ИВАНОВА, Т. В. МИСНИКЕВИЧ, А. Г. НОСОВА, Н. А. ПРОЗОРОВА, М. В. РОДЮКОВА, Л. К. ХИПРОВО, Н. А. ХОХЛОВА.

В томе использованы также материалы, представленные Российским государственным архивом литературы и искусства (РГАЛИ), Отделами рукописей Российской государственной библиотеки (РГБ), Российской национальной библиотекой (РНБ), Архивом внешней политики России (АВПР), Отделом рукописей Научной библиотеки Санкт-Петербургского государственного университета, Центральной библиотеки г. Санкт-Петербурга, Центральным архивом Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦАФСБ), республиканскими и областными архивами страны. Редакция выражает благодарность сотрудникам Государственного Литературного музея и архивных учреждений, принимавшим участие в подготовке тома.

В наборе иллюстраций приняли участие сотрудники Музея ИРЛИ Т. А. КОМАРОВА, В. С. ЛОГИНОВА, Л. Е. МИСАЙЛИДИ, А. П. ХОЛИНА.

Консультанты-библиографы: кандидат филологических наук Ю. Г. КОНДРАТЬЕВА, Г. А. ПЕТРОВА (РГБ), О. В. МИЛЛЕР (ИРЛИ; 1800—1840-е гг.), Л. Ф. КАПРАЛОВА (РНБ).

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ОТДЕЛЫ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Зам. главного редактора издательства кандидат философских наук Н. М. ЛАНДА, ведущий научный редактор Газетной редакции кандидат филологических наук Г. В. ЯКУШЕВА.

Литературно-контрольный редактор Т. Н. ПАРФЕНОВА.

Группа библиографии — Т. И. КОВАЛЕНКО (руководитель группы), ст. редакторы Н. С. САПРИЦКАЯ, В. И. СЕЛЕЗНЕВА. Внештатная библиограф: Г. М. ИГНАТОВА, С. К. КОРОТКИХ, И. А. КУДРЯВЦЕВА, В. Н. ЯКОВЛЕВА.

Редакция иллюстраций — А. В. АКИМОВ (зам. редакция), ст. художественные редакторы М. К. МОРЕЙНИС, Д. П. МУШТАКОВА, при участии художественного редактора О. И. ЗОБИНОЙ.

Корректорская — Ж. А. ЕРМОЛАЕВА (зам. корректорской), ст. корректоры М. Д. ШТРАМЕЛЬ, Л. С. ВАЙНШТЕЙН, В. И. ИВЛЕВА, Е. А. КУЛАКОВА, С. Ф. ЛИХАЧЕВА, А. В. МАРТЫНОВА, А. С. ШАЛАЕВА.

Производственный отдел Н. А. ВЕТРОВА (зам. отдела).

Ведущий технический редактор Т. Ф. АЛЕКСАНДРОВА.

Копировально-множительная лаборатория — Л. Ф. ДОЛГОПОЛОВА, В. И. КЛИМОВА, Г. В. МЕЩАНИНОВА.

Первый зам. директора Н. С. АРТЕМОВ.

Оформление художника Б. К. МИРОШИНА.

ИЗДАТЕЛЬСКО-КОМПЬЮТЕРНЫЙ ОТДЕЛ НВП ФИАННТ

Кандидат физико-математических наук И. В. МАМОНТОВ (верстка), Л. С. ПУШКИНА (набор).

В финансировании тома принимал участие Международный фонд «Культурная инициатива».

МЕЛЬНИЦКИЙ Всеволод Петрович [12(24).2.1827, Новгород, губ. — 16(28).9.1866, Петербург (?); похоронен на Смоленском правосл. кладб.], автор путевых очерков, редактор ж-ла «Мор. сб-к». Из ваддайских дворян. Учился в Штурманском уч-ще (Кронштадт), затем в Мор. корпусе (1843—45), при выпуске произведен в мичманы. В 1849 совершил плавание за границу на корабле «Смоленск». В 1850 участвовал в описании финских шхер; в этом же году дебютировал в печати: ст. «Пошлина и навигация по Зунду и Бельтам» («Мор. сб-к», № 12). В 1852 прикомандирован к Мор. ученому к-ту, где работал над составлением Мор. устава. Участник Крымской войны 1853—56 (служил в Кронштадте флаг-офицером у нач. соединенных дивизий флот-адмирала П. И. Рикорда). Зимой 1854—1855 вновь прикомандирован к Мор. ученому к-ту. Капитан-лейтенант (1859), капитан 2-го ранга (1866). Умер от холеры.

Собственно лит. произв. М. немногочисленны. Повесть в 4 рассказах «Вечера в кают-компании» (СПб., 1856), сюжеты к-рой основаны на анекдотич. происшествиях, целиком укладывается в рамки жанра «морских историй». Опубл. два цикла путевых очерков: «Шхеры Финского залива» (отд. изд. — СПб., 1852) и «Перезды по России в 1852 г.» («Совр.», 1853, № 6—8, 11). Сочетавшие живописные и эмп. описания виденных картин, сцен и достопримечательностей с любопытными этногр. наблюдениями Финляндии, Поволжья и Кавказа и по-военному точными геогр. сведениями и статистич. таблицами, путевые очерки М. являлись одновременно увлекательным и полезным чтением (ср. оценку, данную первой книге в рец. П. А. Кулиша: «записки веселого, умного и наблюдательного путешественника» — «Совр.», 1853, № 1, с. 15—19). М. писал также стихи, печатавшиеся анонимно в «Пантеоне» и «Живописном сб-ке» (не выявлены).

С нач. 50-х гг. М. сотрудничал в «Мор. сб-ке», где поместил неск. спец. статей: «Общий обзор французского морского законодательства» (1853, № 11—12) и др. Со 2-й пол. 50-х гг., в русле предреформ. эволюции нек-рых офин. изд., «Мор. сб-к» начал менять направление, превращаясь из узкоспециализ. ж-ла в издание для широкого читателя (см.: Шелгунов и др., I, 114—16, 184). Деятельное участие в этом процессе, к-рый был инициирован и поддерживался руководителем Мор. мин-ва, пред. РГО вел. кн. Констант. Ник., принимал М., назначенный пом. редактора И. И. Зеленого (1855), а затем редактором ж-ла (с 1860 и до кон. жизни). При М. значительно расширился неофин. отдел, к сотрудничеству в «Мор. сб-ке» были привлечены И. А. Гончаров, А. С. Афанасьев-Чужбинский, А. А. Потехин, А. Н. Майков, М. Л. Михайлов, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский, С. В. Максимов; последний вспоминал о М. как о «литературно образованном человеке, успевшем написать множество прекрасных и длинных статей ... человеке гуманно-воспитанном, обладавшем прекрасным сердцем и привлекавшем к себе многими симпатичными чертами» (РМ, 1890, № 2, с. 39). По заданию Мор. мин-ва организовывались этногр. экспедиции писателей в разл. местности России (их мат-лы частично публиковались в ж-ле).

Сам М. выступал как один из осн. авторов, писал статьи по мор. и воен. быту («Описание быта племени в настоящее время» — 1856, № 4), по экономич. проблемам («Русское общество пароходства и торговли» — 1856, № 12; «Первый в России частный пушечный завод» — 1864, № 11, и др.). Печатал ист. исследования «Адмирал П. И. Рикорд и его современники» (1856, № 1, 2, 3, 6, 13; отд. изд. — СПб., 1856, ч. 1; не окончено) и «История восточности России. Англии и Франции в войну за независимость Греции» (1862, № 4, 5, 10, 12; отд. изд. — СПб., 1862; выдано под ред. М., в соавт. с участием Г. Н. Палладова и А. Синицы), в ж-ле обильно цитируются редкие и ранее не публиковавшиеся ист. док-ты. Источниковедч. ценность таких изд. подчеркивалась А. Н. Пылиным (рец. на монографию о Рикорде — «Совр.», 1857, № 1), впрочем, не без оснований отмечавшим разлад, растяннутость и отрывочность работы М., представлявшей собой, в сущности, свод сырого мат-ла. Среди публ. М. выделяются статьи о педагогике в ее применении к воспитанию воен. моряка. Разделяя пед. взгляды сотрудничавшего с ж-лом с кон. 50-х гг. Н. И. Пирогова, в т. ч. высказавшие в его ст. «Вопросы жизни», и указывая на недостатки системы образования в Мор. корпусе, М. замечал: «Цель морского корпуса — образовать не кабинетных ученых, не физиков и литераторов, а деятелей практических.» («Ответ флотского офицера на статью „Из одного места разные вещи“» — «Мор. сб-к», 1856, № 13, с. 73; см. также: «Произошедшее и будущее в воспитании моряка», 1856, № 7).

По инициативе М. в «Мор. сб-ке» регулярно появлялись рецензии на новые книги, имеющие отношение к мор. тематике. Сам он выступил с рец. на кн. «Фрегат „Паллада“» И. А. Гончарова (1858, № 6), «Народные беседы» Д. В. Григоровича (1860, № 11), «Рассказы и повести старого

морьяка» Н. Бестужева (1860, № 13) и др.; отклики М. представляют некоторый интерес, в т. ч. как взгляд моряка-профессионала.

Лит.: «Мор. сб-к», 1866, № 10 (некролог, библиогр. сведения). Брокау; Венгеров. Источ.; ОМС; ПИИскр.; ИДРДВ; Ревакин А. И., Островский и его современники. Библиогр., М.—Л., 1931; Боград. «Совр.», Максимов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 3928; ф. 4, оп. 1, № 24 (некролог — вырезки из неустановленных печатных изд.). В. М. Болова.

МЕМОРСКИЙ Михаил Фёдорович (? — не ранее 1820), литератор, автор учебников и уч. пособий. Биограф. сведения крайне скудны (б. ч. — в его книгах). Вероятно, по происхождению принадлежал к провинц. обеленевшему дворянству или сел. духовенству. Получил неплохое образование: знал франц., нем. и лат. языки, читал антич. и совр. европ. авторов. В 1794—95 учитель частного Арбатского нар. уч-ща в Москве. Пед. представления, сформировавшиеся без влияния идей франц. просветителей и подкрепляемые ссылками на авторитеты Сократа, Вергилия, Сенеки, Декарта, М. изложил в кн. «Зеркало, в которое всякому человеку смотреть должно, или Должности человеческие» (М., 1794; посв. М. Д. Мешанинову, по всей видимости, финансировавшему изд.); идеалом М.-педагога стала Др. Греция, в к-рой «воспитание детей почиталось государственным предметом, а одной из осн. добродетелей была «любовь к отечеству».

Одновременно М. давал дом. уроки детям гр. П. А. Ефимовского, в-рым послал свой первый учебник «Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества, в вопросах и ответах состоящая» (ч. 1—2, М., 1794; переизд. до 1857). С небольшими изменениями и под новым назв. «Арифметика в вопросах и ответах, расположенная по новейшему методу ... для легчайшего обучения детей» (ч. 1—2, М., 1823; список риз. см.: Боград, О341) этот учебник издавался почти ежегодно вплоть до 1917 и стал настольной книгой для детей на протяжении целого века (ср. упоминание «Арифметики...» Л. Н. Толстого, ретовозвращен в 1886 за ее непрадл. переизд. как учебника для народа — ЛН, т. 69, ч. 2, с. 94). Аналогично построен и др. изд. учебник М. — «Новая российская грамматика в вопросах и ответах ... к легчайшему обучению малолетнего юношества, с присовокуплением краткой поэзии» (т. с. поэзии. — Пел.) (М., 1801), прочно лидировавшая среди неакадемич. грамматик 1-й четв. 19 в. (до 1825 — 13 изданий; переизд. до 1868). М. принадлежал также «Литинская грамматика, в вопросах и ответах, вновь исправленная» (М., 1810; переизд. изд. не найдено).

Популярность учебников М. объясняется краткостью и простотой слога, привлекательностью вопроса-ответной системы изложения мат-ла, изобилующей как учеником, так и «горемык-педагогов» «от излияния хлопот» (Беллинский, I, 115). Однако уже в 20-е гг., после выхода грамматик Н. И. Греча и А. Х. Востокова, «Новая рос. грамматика» устаревает (см.: ПТ, 1826, ч. 10, с. 148—55, а также замечание М. А. Вяземского в работе отрывков из 3-й гл. «Евгения Онегина» А. С. Пушкина — ст. «Об александрах 1827 г.», Вяземский, II, 23) и в 30-е гг. уступается незначимо иронич. рец. В. Ф. Белинского, часто вспоминающего «фемерную грамматику», «для своего времени довольно сносную», однако теперь предвзято-вольную в «явлении дилетантисма, ископаемого ... что пред нею все широчинны в мире» (Белинский, II, 43; ср. стальные иронич. замечания

А. Д. Галадова, поев. «Арифметикс...» М. — 03, 1841, № 7; 1843, № 12).

В последние годы 18 в. М. на неск. лет оставляет учительскую деятельность и занимается «правлением вотчин» тамбов. помещика (его имя обозначает криптонимом К.И.А.Г.). Перемена рода занятий сказалась на характере его лит. продукции: М. переводит брошюру «Полезное изобретение о размножении и приведении в лучшее состояние конских заводов» (М., 1799; поев. М. П. Нарышкину), обобщает «на опыте ... дознанные экономические замечания» и нар. сельскохозяйств. календарь в «практическом сочинении» «Сельский приказчик, или Полевая книжка, с четырьмя бухгалтерскими таблицами, служащая к легчайшему управлению сельскими конторами» (М., 1804; поев. А. З. Дурасову).

Одновременно с публикацией учебников и книг прикладного характера М. занимался и собственно лит. сочинительством. В 1795 в Москве вышел в его пер. авантюриный франц. ром. «Всяк своему счастью есть кузнец, или Непреоборимая верность Монеса и Марии» (поев. очередному меценату М. — А. Ф. Кошкину) с разветвленным сюжетом, включающим и сентимент. перспиктиву героев; в 1802 — пер. (с франц.) соч. Ж. Ф. Мимольта «Новый Фоблас, или Приключения Фрорбеля» (Смоленск; 2-е изд., ч. 1—4, СПб., 1804; имя переводчика указано в кн.: Со п н к о в). Позднее М. выпускает в форме ежемес. издания эпистолярный ром. «Сатирический театр, или Зрелище людей нынешнего света» (М., 1808) — компилянт. собств. переводов сатирич. произведений Ж. Ж. Руссо, К. Ф. Геллерта и Г. В. Рабенера, перемежающихся авт. рассуждениями о дурном воспитании детей учителями-французами, об отсутствии полковых библиотек и т. п. Среди включенных в роман стихотворений — общенар. сатирич. ода Г. Р. Державина «Вельможа», вложенная в уста одного из героев без указания авторства и т. о. приписанная собств. перу М.

Значит. часть ориг. творчества М. представляют исполненные публицистич. пафоса книги — отклики на злободневные полит. события: воен. кампании 1805—07 и Отеч. войну 1812. Так, присоединение России к континент. блокаде (1807) нашло отражение в кн. «Дух, или Мысли англичанина на Воробьевых горах, оплакивающего нынешнее состояние англичан» (М., 1807), монологе старика-англичанина, оставшегося в «приятной российской стороне» и обращающегося к соотечественникам, «разрушившим согласие с Россией, с сим благополучным всем народам пристанищем», с призывом «одуматься». В кн. «Англичане в Дании,

или Действие настоящей войны» (М., 1807; поев. Д. П. Черевину), явившейся откликом на бомбардировку англ. войсками Копенгагена, пашифист. настроения М. нашли выражение в не связанных между собой драм. сценах с пестрым набором действующих лиц (англ. король, солдаты, офицеры, мирное население, торговцы-евреи и др.); демокр. симпатии автора (сочувствие к неграм-невольникам) сочетаются с нивным монархизмом (противник войны король противопоставляется парламенту и министрам — гл. виновники несчастий простых людей). Близки по характеру к названным произв. книги М. «Отчаянный султан» (анонимное изд., автор установлен по кн.: Со п н к о в) и «Театр нынешней войны, или Бенниген и Бонапарте в армиях» (поев. гр. Н. И. Зотову; обе — М., 1807), призванные проамерикански ничтожество врагов России и «снятие русского оружия». В кн. «Сон Бонапарта, виденный им в Париже в самую ту ночь, когда он расположен был отправиться в армию, для вступления со оною в российские пределы, взятый из достоверных сведений» (М., 1813; анонимно; автор установлен по кн.: Каталог рус. книг б-ки имп. С.-Петерб. ун-та, т. 2, СПб., 1902) зафиксировано фольклорно-мифол. представление о Наполеоне как о «кровожажущем герое», к-рый видит пророческий сон о погублении от «белого царя» (Александр 1). Кн. «Русские славятся и торжествуют в Париже, с кратким описанием сей столицы, и отчаяние Наполеона Бонапарте, бывшего обладателя сего знаменитого града» (М., 1814; поев. И. А. Маслову) представляет собой краткий очерк событий Отеч. войны 1812, совмещенный с изложенным в форме диалогов париж. путеводителем. Произведения М. отмечены стилистик. эклектизмом и размытостью жанровых границ, присущими низовой лит-ре.

В нач. 1810-х гг. М. продолжает выпускать уч. пособия для школьников: «Микроскоп всемирной истории, или Сокращенный повествователь ... с присовокуплением зерна Российской истории» (М., 1811), «Краткая священная история церкви ветхого и нового завета...» (М., 1809, 1816; анонимно; предположит. атрибуцию М. 1-го изд. см. в кн.: Со п н к о в; авторство 2-го изд. указано в кн.: Б-ка Смирдина; в переработанном виде пособие выходило до 1853). Опираясь на «Universalis Lexicon» Дрезденского ун-та, сочиняет объемную «Новейшую и пространнейшую всеобщую географию, или Подробнейшее описание пяти частей света...» (ч. 1—4, М., 1814), не лишённую курьезных нелепостей в рассказе об азиат. странах; в описании

Тамбов. губ. М. делает автобиогр. отступление, явившееся одним из последних свидетельств о его жизни: указывая на свое проживание в 1806 в с. Мокром Шацкого у., попутно сообщает о том, что «мучился ... почти ежечасно от судорожных припадков», но побывал на Липецких водах и «возвратился оттуда невредим» (с. 91).

В библиогр. (Венгеров. Источ.; Сопикова; Б-ка Смирдина) принято разделять Михаила и Константина Менделевич. Имя последнего стоит на учебниках «Полная рос. грамматика с присовокуплением краткой истории славяноор. языка...» (М., 1823) и «Краткая арифметика, служащая к легчайшему обучению малолетнего юношества...» (ч. 1—2, М., 1815; 1829). Тождество этих учебников с пособиями М. позволяет предположить, что часть изданий М. выпускал под псевд., вероятно, по коммерц. соображениям (ср.: комм. С. А. Венгера, с замечанием о «подражательности» М., выпущенным студентом биогр. данных о нем — в кн.: Белинский В. Г., ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 509—10; Мезюв).

Лит.: Белинский (ук.); Половцов В., Краткая летопись грамматич. деятельности в России, СПб., 1847, с. 36, 38; Веснин Л., Ист. обзор учебников общей и рус. географии (1710—1876), СПб., 1876, с. 136—38. + Гензлин: Брокгауз; Венгеров. Источ.; Венгеров. Рус. кн.; Сопиков; Богдан. ОЗ (1); Мезюв.

А р х и в ы: РГБ, ф. 233, к. 58, № 15; т. 35, № 55 (библиогр. заметки о М.); ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 5, л. 7; оп. 5, д. 11 (цел. мат-лы: в т. ч. о возвращении М. в 1813 для исправления рукоп. «Наблюдатель нынешних чрезвычайных происшествий, случившихся во время нашего пребывания в России» и «Светлейший князь Голенищев-Кутузов в Генералиссимус князь итальянский Суворов в Гемале бессмертия», а также о подаче им в 1820 «для 2-го изд.» рукоп. «Катинка, или Найденное дитя» (изд. с этим назв. — пер. соч. Ф. Г. Дюкре; Доменица, выпущенный не М., а переводчиком нач. 19 в. К. Кирченко-Остроумов. — выпущенное дважды: М., 1802; Орел, 1820. — Т. Н.); РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 785 (о судебном деле по поводу переизд. «Арифметики» и «Рос. грамматик», 1828 г.) (справка Л. М. Сосекиной).

Т. Ф. Нешумова

МЕНДЕЛЕВИЧ Родион Абрамович (осн. псевд. Р. Меч; 1867 — 28.4.1927, Москва), поэт, журналист. Из семьи бедного еврея-ремесленника. Брат изв. скульптора И. А. Менделевича (1887—1952). В юности служил мальчиком у др. своего брата — портного. Рано начал писать стихи, с 1885 в течение ряда лет ак-

тивно печатался в газ. «Новости дня». Вначале был близок к поэтам-самоучкам Суриковского лит.-муз. кружка, особенно дружил с поэтом и прозаиком, участником и составителем коллективных сб-ков писателей-самоучек С. В. Лютовым (1866—97), однако влияние суриковцев оказалось неглубоким, и в последующих стих. М. характерные для них тематика и интонация менее ощутимы. А. П. Чехов, познакомившийся с М. (по своей инициативе), в 1885 рекомендовал его Н. А. Лейкину: «человек забытый, голодающий, представляющий нечто бесформенное и неопределенное», но стихи его выделяются на фоне «московской чепухи» — «и свежи, и гладки, и коротки. Попапались такие, что хоть на музыку перекладывай» (Письма, I, 162; резко отрицат. реакция Лейкина, отметившего неотделанность стихов, избитость тем, и возражения Чехова — там же, 170, 400; о муз. переложениях стихов М. из сб. «Молодые побеги» см.: Иванова, М. нередко бывал дома у Чехова, х-рый и позднее опекал его, «устранивая» в разл. издания (см. «Ключки воспоминаний» М. — «Раннее утро», 1914, 2 июля; в чеховской б-ке сохранились две книги М. с дарств. надписями, см.: Балухатый). В дальнейшем М. так и остался преим. «газетным» поэтом, обслуживавшим десятки изданий: ж. «Будильник» (1886—1914), «Разлучение» (1887—1909), «Осколки» (1888—1904), «Стрекоза» (1888—1911), «Искры» (1901—07), «Всемирная илл.» (1912—16), «Рус. сатирич. листок» (1880—1910-е гг.), газ. «Рус. листок» (1890, 1900), «Моск. листок» (1901—17), «Бирж. вед.» (1904), «Раннее утро» (1908—14), «Театр. газ.» (1914) и др. В них он выступал в осн. как стихотворец-репортер, с злободневными, в т. ч. сатирич., откликами, отмеченными зачастую живостью непосредств. впечатлений: «надо было удивляться способности Менделевича схватывать все события и мелочи московской жизни и тут же воспроизводить их в стихотворной форме» [Белослов (1), с. 39]. С нач. 1900-х гг. во многих газетах он печатал также стихотв. рекламные тексты (под псевд. Дядя Михай), постепенно все более и более превращаясь в газетного поденщика; ср. его собств. признание — в сб-ке, изданном к 25-летию газетной деятельности: «Увы! Я только — тень поэта! Кропотель жалкий, „длобы дня“...! Меня подтякивала муза! Нам, Ролька, надо есть! Пиши! И вот опять строчил стихи я, — Ненечерпаем рифм запас» («Раннее утро», М., [1910], с. 1).

Лирич. стих. и поэмы М. были собраны в его кн. «Молодые побеги» (М., 1889), «Святочные поэмы» (М.,

1897) и «Мечты и явь» (М., 1901). При нек-ром жанровом разнообразии (в сб-ки включены опыты в таком достаточно редком жанре, как сонет) и определ. уровне версификац. умелости стихи тем не менее лишены индивидуальности: в осн. это навязчивые вариации мотивов и фразеологии, традиционных для поэзии 80-х гг. («Он сказал мне: „Мой брат, мой измученный брат!... / Ты ль страдаешь один...“» — «Долго, долго терзалась усталая грудь...»), меланхолич. пейзажные зарисовки, порой с прямолинейной аллегоричностью, романсные «перепевы» в духе А. Н. Апухтина и др. («Ночи душные, ночи пахучие...»), отсылки на полит. события (нек-рые из них М. перепечатывал по несколько раз, «приурочивая» к разл. поводам) и т. п.

Начало 1-й мировой войны, настроения, царившие в Европе в первые военные дни, М. описал в заметках очевидца [сб. «Застигнутые войной (Русские туристы в 1914 г.)...», М., 1914]. Позднее в погоне за заработком издавал агитацион. ура-патриотич. стихотв. брошюры: «Вильгельм в аду» (М., 1914), «Сказка о Вильгельме-пруссаче, Франце-Балде и русском казаке» (М., 1915), «Степка-Растрепка доброволец» (М., 1915). События 1917 отразились в брошюре на «сенсационную» тему «Голос с того света, или Гришка Распутин в гостях у Сатаны» (М., 1917).

После Окт. революции М. — сотрудник отдела моск. хроники в «Правде» (1918—23), пост. фельетонист «Известий Моссовета»; печатался в газ. «Известия», «Гудок», «Беднота», «Голос трудового крестьянства», ж. «Тачка» (1918—19), «Крокодил» (1923) и др. Чл. Союза драматич. и муз. писателей (с 1918).

Др. произв.: стихотв. переложения сказок «Кот в сапогах» (М., 1890), «Дюймовочка» (М., 1891); стихотв. брошюры «Женщины-герон. Сестра Татьяна и Катя-доброволец» (М., 1915), «Слава сибирякам героям!» (М., 1915).

Изд.: [Стих.] — В кн.: Стихотв. сатира: Кобзарь. — В кн.: Венок России Кобзарю, М., 1989.

Лит.: Чехов (ук.); Балухатый С. Б-ка Чехова. — В кн.: Чехов и его среда. Л., 1930, с. 259; Гиляровский В. А., Избр. т. 2, М., 1960, с. 188; ЛН, т. 68 (ук.); Нефедов, 1927; «Правда», 29 апр.; «Журналист», № 5, Венгров. Источ.: Смирнов-Сокольский; Алма; и сб-ки (1, 2); Писатели совр. эпохи (2); Иванов; Масалов.

Архивы: РГБ, ф. 331, оп. 51, № 54 (письма А. П. Чехову, 1885—1902); ф. 625, оп. 1, № 40 (письмо С. В. Лютову, 1887); ИРЛИ, ф. 273, оп. 1, л. 387 (письмо П. В. Выкову, 1894); ЦИАМ, ф. 31, оп. 3, л. 2193 (цел. мтл.); РГАЛИ, ф. 675, оп. 2, № 407 (л. д. в Союзе драм. и муз. артистов).

А. И. Реабилитат.
МЕНДЕЛЕЕВ Дмитрий Иванович [27.1(8.2).1834, Тобольск — 20.1(2.2).1907, Петербург; похоронен на Волковом кладб.), химик, экономист; публицист, обществ. дея-

тель. Из культурной сиб. семьи. Правнук (по материнской линии) Вас. Як. Корнильева — владельца типографии, издателя первого в Сибири ж. «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» (1789—91). Семнадцати-летний ребенок директора Тобольской г-зии. В детстве испытал влияние друживших с его семьей ссыльных декабристов — М. А. Фонвизина, А. М. Муравьева, И. А. Анненкова, Н. В. Басаргина (мужа сестры М.). Решающим в дет. и юношеские годы стало воздействие матери, Марии Дм. (ум. 1850), чья волевая настойчивость, нравств. принципы определили во мн. жизненную судьбу М.; заветы матери считал «священными». В 1849 окончил Тобольскую г-зию, где обучался словесности у П. П. Ериова, с к-рым поддерживал дружеские отношения (позднее женился на его падчерице Феозве Никитичне Лешевой; в 1865 содействовал очередному изд. «Конька-Горбунка»). Рано потеряв отца (1847),

М. переезжает в Москву к брату матери В. Д. Корнильеву, присутствует на встречах дяди с изв. писателями (о запомнившемся М. визите Н. В. Гоголя см.: Добротин, Карнилов, с. 108). В 1850 поступил на естеств.-матем. ф-т петерб. Главного пед. ин-та, к-рому, по собств. признанию, «обязан всем своим развитием» (см.: Макареня, Нутрихин, с. 13); окончил курс с золотой медалью (1855). В 1856 защитил магистерскую дис. по химии, в следующем году утвержден приват-доцентом Петерб. ун-та. 1859—60 проводит в науч. командировке за границей (Париж, Гейдельберг, Карлсруэ).

В Гейдельберге становится главой кружка рус. науч. молодежи, знакомится с Н. М. Семновым, сблизится с А. П. Бородиным, поддерживает отношения с семьей Т. П. Плетск и с Марко Янович. Среди его знакомых — писатель Л. Ф. Де-Роберти, приданный узлаемские черты М. молодому ученому-индустриалу; герою своей пов. «Гурани» (РВ, 1861, № 7/8); впоследствии сын М., И. Д. Менделеев (см. о нем ниже), в своел. исп. retrospectивно сблизил мо-

лового М. с образом Базарова из «Отцов и детей» Н. С. Тургенева (см. Младенцев, Тищенко, т. 2, с. 353, 366).

В 60-е гг., по возвращении в Россию, общается с Н. Н. Страховым (их знакомство относится ко времени совместного обучения в пед. ин-те). Более интенсивной становится пед. и науч. деятельность М.: он продолжает преподавать в Петерб. ун-те (1862—90), читает лекции в Инж. академии (1862—66), Технологич. ин-те (1862—72) и др. уч. заведениях. Уже в это время проявились его качества врожденного педагога и яркого лектора (позднее слушатели отмечали его дар «захватывать аудиторию и мощно властвовать над ней» — М. в восп. современников, с. 125, 128—30). В 1865 защитил докт. дис. (о водно-спиртовых растворах; в дальнейшем расчеты М. легли в основу рецепта классич. рус. водки) и получил звание проф. Петерб. ун-та по кафедре технич. химии. В 1869 М. открыл один из осн. законов естествознания — периодич. закон химич. элементов. Выходит в свет гл. его труд «Основы химии» (в. 1—5, СПб., 1869—71; выдержал при жизни М. 8 изд.).

Классич. «Основы химии», содержащие формулировку периодич. закона, признаны в ученой среде «таким же величайшим проявлением человеческого гения, как „Божественная комедия“ Данте, как „Страшный суд“ Микеланджело, как 9-я симфония Бетховена» (А. А. Байков — М. в восп. современников, с. 64). В восприятии ил. современников-симболистов значение труда М. далеко выходящее за рамки «чисто научного («химическое свадендсе», по определению, приводимому А. Белым, — I, 414), а образ М. обретал отчасти мифологизированные черты. Периодич. система представляла (главным воплощением) мировой гармонии, «неким космическим, песней позитивным органом» (там же). А. А. Блок, сблизившись с семьей М. в кон. 90-х гг. (17 авг. 1903 обвенчался с его дочерью Л. Д. Менделеевой), считал М. одним из проявлений нового миропонимания, хранителем сокровенного «вселензания»: «Он дано все это, что бывает на свете. Во все проник... Его знание самое полное» (письмо Л. Д. Менделеевой, 1903 — ЛН, т. 89, с. 130). А. Белый, изучивший «Основы химии» в 1899, находясь в них «обилье прекрасных творческих парадоксов», «огненные прозрения» (письмо Э. К. Мстиславу — РГБ, ф. 167, оп. 3, № 7), а М. называл Саваофом. Образ ученого-демиурга дополнял характерный внеш. облик М. в поздние годы (по отзыву современника, «красивой и выразительной головы не найти даже у Доре в его издательствах», см.: Махарева, Нутрихин, с. 99).

В 1876 М. избран чл.-к. АН. В этом же году принял активное участие в бурной полемике о спиритизме, инициированной медиумич. сеансами, организаторами к-рых выступили А. Н. Аксаков, А. М. Бутлеров и Н. П. Вагнер, возглавил науч. комиссию Рус. физич. об-ва по изучению спиритич. явлений. Выступлением М. сделали его имя широко известным в журналист. и писательских кругах. Он познакомился и неск. раз беседовал о «медиумизме» с Ф. М. Достоевским, к-рого, по свидетельству сына М., «очень уважал», хотя его творчество ценил не слишком высоко («дорогу с помощью таких людей найти трудно!» — см.:

Младенцев, Тищенко, [т. 2], с. 355, 367). Результаты работы комиссии были обобщены М. в трех «Публичных чтениях о спиритизме» (прочитаны в дек. и апр. 1876; опубли. в изданном им сб. «Мат-лы для суждения о спиритизме», СПб., 1876).

Выступая с резкой критикой спиритизма как внеснауч. течения, дымающегося, однако, прикрыть оккультную основу псевдонауч. оболочкой (спириты «помогли славу с наукой», там же, с. 322), и особенно опасным считал спиритич. увеличение ученых-естествоиспытателей. М. осп. внимание уделял опытно-эмпирич. проверке выводов сторонников спиритизма, выявлению фальсификаторских приемов медиумов и т. п. Такая позиция вызвала неприятие Достоевского, неоднократно затрагивавшего спиритич. тему в «Дневнике писателя». Будучи столь же яростным противником «отрагической гипотезы» спиритизма — свидетельства разложения рус. общества, — Достоевский тем не менее утверждал, что спиритизм нестремит логику, определенности и что деятельность комиссии лишь усиливает к нему интерес (см.: Волгин, Рабинович). Сам М. к концу исследований также усомнился в возможности полностью искоренить общество, заблуждения («думалось, имеешь дело с научным вопросом, оказалось — это вопрос совсем какой-то другой») — «Мат-лы для суждения о спиритизме», с. 382). По все же усилия комиссии признавал неагрессивными (см. также познанию ст. «Спиритические узоры», НВ, 1904, 18 мая).

На протяжении 70-х гг. и позднее выступал в печати по вопросам просвещения, развитие к-рого считал исключительно важной, приоритетной задачей правительства (кн. «Заметки о народном просвещении России», СПб., 1901).

В «Заметке по вопросу о преобразовании гимназий» (СПбВед, 1871, 1 мая) он обосновал необходимость демократизации уч. заведений, выдвинул идею непрерывного образования; критикуя реформу 1866—71 (введение классич. г-зий и реальных уч-щ), резко протестовал против построения системы просвещения на «классич.» основах, доказывал важность включения в гимназич. курс естествознания и более глубокого изучения рус. языка. В 1876 участвовал в полемике по проекту нового ун-тского устава, существенно ограничивавшего права ун-тов, в т. ч. выступал против М. Н. Каткова: «За и против. В защиту „Антошки — Homo Novus“» [псевд. Каткова. — *Red.*] («Голос», 1876, 11 февр.).

В последующих работах М. неоднократно возвращался к критике «классицизма», к-рый понимал широко — как мировоззренческое отставание эпохи, основанное на бесплодных, по его мнению, умств. построениях, не проверенных опытом и наблюдениями, а потому ведущих к самообману, разочарованию и отчаянию; такому мировоззрению он противопоставлял философию «жизненного реализма» — объективное, «по здравому смыслу», отношение к действительности, лишенное идеологич. предвзятости идеализма и материализма: «реалистич.» (с чертами позитивизма) подход позволяет человеку, согласно М., полностью овладеть материальными силами, а затем привнес к науч. изучению и овладению сферой духа (см.: Соч., т. 24, с. 253; т. 20, с. 253).

В 1880 при выдвижении М. в академики его кандидатуру забаллотировали, что было с возмущением воспринято отеч. и заруб. науч. общест-

венностью. Исход выборов предопределялся мнением академич. руководства, не принимавшего предложенную М. программу коренного пересмотра принципов деятельности Академии и изменения ее структуры (см. не изданную при жизни М. ст. «Какая же Академия нужна в России?» — НМ, 1966, № 12, публ. Б. С. Мейлаха; то же в изд.: «Границ познанию...», с. 220—68; о противоборстве академич. «партий» вокруг кандидатуры М. см.: Кн и я з е в).

В это же время происходит драма в личной жизни М., связанная с его увлечением молодой художницей А. И. Поповой и исходом первой жены дать развод (лишь благодаря вмешательству друга М. — А. Н. Бекетова развод был отложен и М. обвенчался с Поповой в 1882).

Конец 70-х — нач. 80-х гг. самим М. ощущаются как «переходное время» (см. в кн.: Архим М., 1951, с. 82). Расширяется круг его знакомств: на менделеевских «средах» собираются художники, критики (среди друзей М. — А. И. Куинджи, Н. А. Ярошенко, И. Н. Крамской, И. Е. Репин, В. В. Стасов), он встречается с Тургеневым, Вл. С. Соловьевым, В. М. Гаршиным и др. М. обобщает свои практич. иссл. в области промышленности и сел. хозяйства (результаты изучения нефтяных промыслов, опытов на полях его «сельскохозяйств. станций» — в имени Боблово, и др.), постепенно вырабатывает собою концепцию социально-экономич. развития России, размышляет о философии науки, ее роли в обществе, прогрессе, о соотношении рационального (научного) и худож. способов познания мира. Волновали его в этот период проблемы отразились в кн. «Нефтяная промышленность в североамериканском штате Пенсильвания и на Кавказе» (СПб., 1877), насыщенной живым воспроизведенными впечатлениями от поездки в Соединенные Штаты для изучения нефтяного дела (лето 1876). Разочарованный амер. действительностью эпохи пром. кризиса М. опровергает взгляд на Америку как на страну процветания и неограниченных будущих возможностей («новая заря не видна по ту сторону океана»), считает ее отражением «средних и худших сторон европ. цивилизации», а амер. вере в индивидуальность в ее предельном развитии противопоставляет убежденность в том, что «для цивилизации неделимое есть общественный организм...» (с. 145—50); в будущем ключевую роль в судьбах мира М. отводит славному (в более поздних трудах корректирует негативную оценку Америки и указывает, что в организации экономич. жизни Соединенные Штаты могут служить примером для России). Подобные идеи звучат и в др. работах: анализируя понятия частного и общего (статья «Единица» — «Свет», 1877, в. 11) или проводя ана-

логии между новыми явлениями в естествознании и живописи (ст. «Пред картину А. Н. Куинджи» (отклик на «Ночь на Днепре») → «Голос», 1880, 13 ноября). М. акцентирует мысль о необходимости отнесения от индивидуализма, от поклонения лишь «уму и духу людскому» ради возможности развития «единицы высшего порядка — семьи, общества, государства, человечества» (Соч., т. 24, с. 247, 243) — тезис, ставший одним из центральных в позднейших его трудах (ср. также размышления М. о «новой религии» — в кн.: «Семейная хроника в письмах...», с. 198—202). В этот же период окончательно формируется полит. credo М. — «постепеновство», т. е. убежденность в благотворности только постепенных, хотя и неуклонных изменений в обществ. жизни (о совпадении его «постепеновства» взглядом с воззрениями Тургенева см. в кн. М. «Заветные мысли», [в. 1—4], СПб., 1903—04, с. 223—24; ср. свидетельства В. И. Вернадского о консерватизме воззрений М. → М. в восп. современников, с. 69).

В марте 1890, после неудачной попытки помешать подавлению студенч. волнений и конфликта с мин. нар. просвещения И. Д. Деляновым, М. оставил ун-тскую кафедру. С 1891 выступает как автор и редактор химико-технич. и фабрично-заводского разделов «Энци. словаря» Брокгауза и Ефрона. В 1893 избран чл. Академии художеств. С 1892 и до конца жизни занимал должность учебного хранителя (с 1893 управляющего) Гл. Палаты мер и весов, не прекращая кипучей практич. деятельности и в др. областях (труды по воен. делу, воздухоплаванию, воздухоплаванию и др.).

Мемуаристы, в подробностях воссоздавшие облик М. этого периода, отмечают его поразительную работоспособность и внутр. силу, сохраняющуюся до старости «природную дикость либерка, не подавлявшуюся никогда никакою ласкою», импульсивный, зыбкий темперамент, порождавший трудности в общении, но и — непосредственность (временами почти детскую) реакции: «он был смесью простоты, наивности и недоступной сложности» (Отаровская, с. 72, 132 и др.).

В 1899 М. по поручению мин. финансов С. Ю. Витте, с к-рым сблизился в 90-х гг., совершил поездку по Уралу и Сибири. Ее результатом стала изданная под редакцией М. кн. «Уральская железная промышленность в 1899...» (СПб., 1900; отрицат. отзыв К. А. Скальковского см. в его кн.: «Очерки и фантазии», СПб., 1903) — своеобразная «энциклопедия» фабрично-заводского Урала, включающая одновременно и личные восп. («Поездка в Тобольск») и сохраняющая непосредственность путевого дневника, к-рый фиксирует «счастливые случайности дорожных встреч» (с. 418), портреты людей, впечатления от уральской природы.

В последние годы М. много времени посвящал научно-филос. публицистике; суммируя свои изыскания в области экономики, пром. развития, в вопросах просвещения и гос. устройства Рос. империи, он рассматривал проблемы развития России в контексте общемировых процессов. Итоговыми стали кн. «Заветные мысли» ([в. 1—4], СПб., 1903—04; отклики: В. В. Протопопов — «Петербург. газ.», 1904, 13 июня, приб.; М. О. Меньшиков — НВ, 1904, 4 июля; А. Перепёлкин — «Голос Москвы», 1907, 20 июля, и др.), основанный на анализе данных первой переписи населения 1897 работа «К познанию России» [СПб., 1906; 7-е изд., СПб., 1912; отклики: А. С. Суворин — НВ, 1906, 15 июля; там же, 16 июля; «Нева», 1906, № 1; ПИ, 1906, 1, 2 авг., и др.] и опубликованные посмертно «Дополнения к познанию России» (не оконченны: 1—2-е изд. — СПб., 1907; рец.: РИ, 1907, 31 мая).

Убежденный приверженец промышленного (капиталистического) пути развития России как залога ее будущего благосостояния, М. утверждал приоритетность «покрошительств, инициатив», т. е. прозумданной системы правительств. мер по стимулированию и защите рос. промышленности и торговли, обосновывая необходимость такого протекционист. подхода и в фундаментальных, спец. научных проблемах, но не лишая их публицистич. работ («Таловый тариф», в. 1—3, СПб., 1892; «Учение о промышленности», в. 1, в. 1—2, СПб., 1900—01, не окончен; и др.) и в популярных статьях, зачастую острого, пропалагандист. или полемич. характера: «О возбуждении промышленного развития в России» («Вест. промышленности», 1884, № 2); «Письма о заводах» («Новь», 1885, т. 3, № 10; т. 6, № 21; т. 7, № 1) и др. Выступая за ускоренный рост городов, М. тем не менее отвергал идеи насильственного разрушения традиц. крестьянского хоз. уклада, считал возможным развитие промышленности «на общинных началах» («Заветные мысли», с. 182; «Учение о промышленности», в. 1, с. 36, 63).

Три последние книги М., несмотря на нек-рую неотделанность и внутр. противоречивость, наиб. полно отражают его концепцию ист. развития общества и понимание им совр. эпохи. Пытаясь нащупать границы применимости точных методов в сфере социальных явлений, М. исследует закономерности обществ. жизни, привлекая для анализа обширный статистич. мат-л (демографич., экономич. и т. п. данные). Основа его концепции — «антигалтуэвизмский» тезис о зависимости уровня благосостояния стран от темпов роста их населения (от «размножения людского»). М. был убежден в том, что неизбежное достижение всеми странами «промышленной эпохи» позволит со временем отказаться от «классич.» войн, революций и т. п., верил в возможность обесценить человечеству бесконечное развитие и духовное процветание через соединение промышленности с наукой и просвещением (см.: «Учение о промышленности», в. 1, с. 18—19). М. предвидел мн. глобальные (в совр. термино-

логии) проблемы 20 в., в т. ч. крупные войны с участием России, проблемы неравномерности социально-экономич. развития разных стран, загрязнения окружающей среды и т. п. Однако считал их успешно разрешимыми, если отмеченный им процесс образования «мировых» держав закончится выработкой междунар. соглашений или образованием «особых видов Соединенных Штатов» («Дополнения к познанию России», с. 11). Насущным требованием времени М. называл сильную гос. власть, способную гармонизировать личные, обществ. и гос. интересы, и пренебрежением таким сочетанием видел причину распространения: «ложного учения» социалистов следствия к-рого «очевидны: застои и неизбежность порабощения новыми или свежими народами, чуждыми утопич. увлечений» («Заветные мысли», с. 243). В грядущей истории, по М., одно из ведущих мест будет принадлежать народам Азии (в т. ч. густонаселенному Китаю), и роль «средней Азии» России, «стоящей между молотом Европы и наковальней Азии», будет состоять в «объединении двух важнейших частей человечества» — Запада и Востока («К познанию России», с. 1; «Заветные мысли», с. 246).

Общественно-экономич. взгляды М., выраженные в его последних трудах, описано против воли самим Л. Н. Толстым, за выступление к-рого М. сидел, хотя отбывался о нем рец. и упоминал от личного знакомства (в отклик на к-рым др. проблемам их позиции были объективно близки, ср., напр., траекторию Толстого по теме спиритизма в «Плодах просвещения»), Толстой, проматывая кн. «К познанию России», заинтересовался статистич. данными по концепции М. подверг резкой критике: «Каждому безразлично и просто грубо Менделеево «разнообразие» (дневник, 24 авг. 1906 — LV, 237). Блок, с пристальным вниманием следивший за публицистикой М., находил «в направлении духа начал — менделеевского и толстовского» трагедию России (Блок, V, 325).

В работах 1900-х гг. наиб. отчетливо проявилось своеобразие стил. М.: неоднократные повторения ключевых тезисов, тяжеловатый и сложный синтаксис (следы привычки к лекторской устной интонированной речи), обилие примечаний, за частую имеющих самостоятел. смысловую ценность и законченность, много гочисл. отступлений, что не мешает однако, воспринятию его текстов как эмоционально окрашенного авторского монолога.

Старший сын М. (от второго брака), Нв. Д. Менделеев (1883—1936) — физик, метролог, впоследствии женой отца участвовал в подготовке его кн. «К познанию России»; посмертно издали М. «Дополнения к познанию России» (Летпись жизни и деятельности М., с. 512). В юности дружил с Блоком, к-рый высказывал ему стих. «Был вечер поздний и багровый» (1902, нов. в рукописи) и «Завлечение слюва» (1903) отразившие на филос. споры (см.: Блок, Блок. Зап. вкл., оба — укр.: ЛН, т. 89, с. 320 по укр.: т. 92, укр.). Автор филос. соч. «Мысли о познании» (1909), «Образование истины» (1910) «Метод математики. Логика и философия математики, знания» (1913), с предисл. проф. А. И. Васильева; все — СПб.), «От критцизма

этнч. геоэологин. Отвержение критицизма проф. А. И. Введенского... (Клин, 1914). Его «Вост. об. отк. Д. Н. Менделеева» (опубл. в сокр.: М. в вост. современном; полностью — Младенцев, Тищенко, [т. 2]) — ценный источник о жизни М.

Др. произв.: очерки «Воздушный полет из Клина во время затмения» (СВ, 1887, № 11—12), «Будущая сила, покоящаяся на берегах Дона» (там же, 1888, № 8—12), статьи «Подъем рус. промышленности в царствование имп. Ал-дра Александровича» (НВ, 1894, 26 окт.), «Оправдание протекционизма» (там же, 1897, 11 июля).

Изд.: Соч., т. 1—25, М.—Л., 1934—54 («Завесные мысли» см. в т. 23—24; «К познанию России» и «Дополнения...» — в т. 21; отбл. с купюрами: добродуш. изыск. о м.: «Завесные мысли» [гл. 9, отрывки] — «Независимая газ.», 1994, 4 янв.; «Неизвестный М.» — НМ, 1994, № 6, публ. и предисл. И. Молчанова; Завесные мысли. Полное изд. (вырванные постскрипты 1905 г.), М., 1995; «Грани познания: предвидеть неотвоянно», М., 1991 (вступ. ст. Ю. И. Соловьева); С думою о благо русском. Избр. экономич. произв., Новосибир., 1991 (вступ. ст. С. В. Казакина); [Дневник 1861—62 гг.] — в кн.: Науч. наследство, т. 2, М., 1951; Архив М., т. 1, Автобюро, мат-лы СБ, докт. Л., 1951.

Лит.: Толстой; Достоевский; Горький; Блок; Блок, Зап. вл.; Блок в вост.; Пассек; Белый (все — ук.); Меньшиков М. О. Письма к близкому [Л. Толстой, Менделеев, Верещагин]. — НВ, 1904, 4 июля; Семейная хроника в письмах матери, отца, брата, сестер, дяди М. Вост. о М. его племянника Н. Я. Губиной (урожд. Капустинной), СПб., 1908; Временник ПД, 1913, П., 1914, с. 54—55 (письмо Н. А. Добролюбову, 1858); Менделеева А. И., М. в жизни, М., 1928; Озаровская О. Э., М. по вост. О. Э. Озаровской, М., 1929; Князев Г. А., М. и царская АН (1859—1907). — «Труды Ин-та истории науки и техники», Сер. I. Архив истории науки и техники, в. 6, М.—Л., 1935; Младенцев М. Н., Тищенко В. Е., М. его жизнь и деятельность, т. 1, М.—Л., 1938; [т. 2]. Ун-тский период, 1861—1890 гг., М., 1993 (Науч. наследство, т. 21; предисл. Ю. И. Соловьева; в прил. — переписка М. 1867—81 гг.; вост. сына М. — Н. Д. Менделеева; вост. М. Н. Младенцева) (не окончена, мат-лы в т. 3 — С.-Петербург. отд. Арх. РАН, в. 6, М.—Л., 1935; П. В. Сергеевский О. Н., Менделеев, М., 1949 (ЖЗЛ); Екимов А. А., К истории написания и появления в свет работы М. «К познанию России» (1906). — «Вестник ЛГУ», 1957, № 5 (сер. экономич. философии и права, в. 1); его же, М. в жизни и творчестве А. Блока. — РЛ, 1960, № 1; Гольдманская Э. А. В. Вблизи Толстого, М., 1959 (ук.); Борисов К. М., А. И. Герцен и М. — «Вопросы философии», 1962, № 4; Новос о Реннсе, Л., 1969, с. 102 (письмо И. Е. Репнина к М., 1904); Утков В. Г. Дороги «Конька-Горбушка», М., 1970, с. 61—64; Орлов В. Н., Пути и судьбы, Л., 1971, с. 680—82; Волгин И. Л., Рабинович В. Л., Достоевский и М.: антитезис. диалог. — «Вопросы философии», 1971, № 11; Громиков М. М., Сиб. кушак Корнильев. — «Изв. Сиб. отд. АН СССР», 1972, № 6 (сер. обществ. наук, в. 2); ее же, Сиб. кушак и друзья Ф. М. Достоевского, 1850—54, Новосибир., 1985, с. 153—57; М. в вост. современников, 2-е изд., М., 1973 (соот. А. А. Макарина, И. Н. Фельдмана); Смирнов Г. В., Менделеев, М., 1974 (ЖЗЛ); Добротин Р. Б., Карпило Н. Г., Бха Д. И., Менделеев, Л., 1980; Макарина А. А., Нутрихин А. И., М. в Петербурге, Л., 1982; Фигуровский Н. А., Д. И. Менделеев, 2-е изд., М., 1983; Летопись жизни и деятельности М., Л., 1984 (соот.: Р. Б. Добротин, Н. Г. Карпило, Л. С. Керова, Д. И. Трифонов); Колылов В. Е., М. и Зауралье, Тимель, 1986; Макарина А. А., Рысев Ю. В., Д. И. Менделеев, 3-е изд., М., 1988; Керова Л. С., Газанова Н. В., Боблюев — одна из творч. лабораторий М., Л., 1990; ЛН, т. 87, 89, 90, 92 (ук.); «Некрологи», 1907; НВ, 23 янв. (М. О. Меньшиков);

«Голос Москвы», 23 янв. (А. Пережелкин); там же, 24 янв.; Известия АН, 6 сер., 1907, т. 1, № 3, с. 51—54 (Н. Н. Бекетов); Брокгауз; ИЭС; Внорг. словарь профессоров СПб. ун-та; ПЭС; ОСЭ; БСЭ; ФЭ; ИЭРДВ; Д. И. Менделеев. Библиогр. трудов, [в. 1—3], Л., 1969—78.

Архивы: РНБ, ф. 479; Музей-архив М. при ЛГУ, ф. 1; Петерб. горный ин-т (л. ф.): РГАЛИ, ф. 436, оп. 1, № 1286 (письмо И. И. Сретенскому, 1868); ф. 459, оп. 1, № 2623 (письмо А. С. Суворину, 1875—1907); ф. 2862, оп. 1, № 69 (письма родным; копии); ГАРФ, ф. 564, оп. 1, з. 2533 (письмо к А. Ф. Кони).

А. К. Рыбов, Л. Д. Клеин, М. М. Казбек-Казиева

МЕНЦОВ Фёдор Николаевич (10(22).2.1818, Петербург — 4(16).2.1848, там же; похоронен на Смоленском кладб.), поэт, критик, автор статей по ориенталистике. Сын небогатого чиновника (в 1830—1840-х гг. надзирателя в госпитале при Петерб. почтамте). В 1827—28 девятилетний М., получивший начальное образование, числился копистом в Почтовом деп. Мин-ва внутр. дел. В 1828—34 учился во 2-й петерб. г-зии, по окончании 6-го класса поступил в Петерб. ун-т (1834). Одновременно дебютировал в печати стихотворениями: «Стариня» (ЛПРИ, 1834, 1 июля), «Италиа» («СО и СА», 1834, т. 46, № 48), «Солдат» (там же, написано ок. 1832). В ун-те изучил неск. вост. языков [по сведениям А. В. Старчевского, был учеником О. И. Сенковского (позднее, при изд. «Энци. лексикона» А. А. Плюшара, его гл. помощником), к-рого боготворил и называл своим «вторым отцом», — ИРЛИ, ф. 583, № 32, л. 10 об., 44, № 87, л. 113; сообщено О. Э. Вацууро]; окончил со званием кандидата вост. филологии (1838). В студенч. годы завел лит. знакомства (ср. стих. «В. А. Жуковскому» — ЛПРИ, 1837, 6 нояб.). Для «Энци. лексикона» Плюшара (т. 9, 10, 12—16, СПб., 1837—1839) написал ок. 110 статей (гл. обр. по индологии, а также «Гёте», «Данте» и др.).

После годичного сотрудничества в «Журнале Мин-ва нар. просвещения» [статья «Нездеждерд III, последний государь Персии, до покорения ее аравитянами» — 1838, ч. 17, № 3 (краткий отзыв Н. А. Полевого; СО, 1838, т. 3, с. 54), «Взгляд на литературу, науки и художества гиндусов» — 1838, ч. 18, № 4] в мае 1839 М. поступил (в чине губ. секр.) в редакцию ж-ла, где прослужил до конца жизни (в июне 1843 определен чиновником Археогр. комиссии с оставлением при редакции; коллеж. ас. — 1847). Здесь он опубликовал неск. статей (1839—40, 1842—43, 1845), представляющих собой высокопрофессиональные реферативные обзоры мат-лов иностр. печати (автор определял их жанр как «сокращение», но источники указывал редко). В 1839—44 М. много писал для рубрики «Обозрение русских газет и журналов...»: рассматривал лит-ру по

философии, статистике, географии, промышленности, технологии, сель. хозяйству и — практически всегда — «изящную словесность». В 1840—45 печатал в ж-ле (а в 1842—1844 и в «С.-Петербур. ведомостях») отзывы на отд. книги (список его рец. см. в кн.: [Галанни], с. 133; Межов В. И., Систематич. каталог рус. книгам, продающимся в книжном магазине А. Ф. Базунова, СПб., 1869, ук. и № 5264, 10320).

Подчеркнутая беспристрастность М.-критика, обдуманная взвешенность и эмоциональная скупость его критич. оценок оттачивали одних (ср. ирония В. Г. Белинского; «критик основательно тонкий» — V, 189) и импонировали другим (ср. сочувств. отзыв об «основательных разборах» М. в кн.: Плетнев П. А., Первое двадцатипятилетие Имп. С.-Петербур. ун-та, СПб., 1844, с. 81). Остерегаясь резкости суждений, М. был точен в похвалах — выделял прозу А. Ф. Вельтмана, Н. В. Гоголя, В. И. Дала, В. Ф. Одоевского, поэзию М. Ю. Лермонтова, одним из первых заметил Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова, Н. А. Некрасова («Русская поэзия приобрела в нем один из тех свежих и сильных талантов, которые много обещают в будущем» — ЖМНП, 1840, ч. 27, № 7, отд. VI, с. 63—64). Настойчивость, с к-рой М. возвращается к поэзии молодого Некрасова (ср.: ЖМНП, 1840, ч. 25, № 3; 1841, ч. 31, № 7; о нетривальности высоких оценок ее см.: Верховский Г. П., С чего начинается некрасоведение. — В сб.: О Некрасове. Статьи и мат-лы, в. 4, Я., 1975), позволяет предположить их личное знакомство (о творч. использовании Некрасовым перевода М. из В. Гюго «Падение Содома и Гоморры» см.: Вацууро). М.-критик демонстративно опирался в оценках лишь на собств. вкус, что, однако, не исключало его живого интереса к проблемам эстетики (его рукоп. трактат «Мысли об изящном», по-видимому, не сохранился — см.: Чежин В., 1848, с. 33).

Кроме издательской журн. работы М. много и успешно занимался рецитаторством (с бедняки — бесплатно; ср. также письмо М. к А. Н. Охляну по поводу одной благотворит. акции — СПбВед, 1846, 4 апр.), но вино, карты, «слабости» и бывшая неупорядоченность потягали добитые тяжким трудом деньги. Поддерживая свои несветскость, имел «измешканно испорченный костюм» («Чужин», 1852, с. 44), голыми ногами шлепался, избегал общества литераторов и ученых (поощрял только деловые отношения). Высокий, плотный, заикающийся, с копной рыжих волос, М. искал удивления загорелых прогулок («из вост. кроме поэзии и истинно прекрасного, он смотрел с особенной философской точки и казался, ни к чему в мире не был слишком привязан» — Смирновский П., Еще о Менделее, — «Вест. Петерб. гор. полиции», 1848, 24 марта).

В поэтич. творчестве М. (выявлено более 50 стих. — «СО и СА», 1834—35; ЛПРИ, 1834—38; БдЧ, 1835, 1838—39; МН, 1835—36; СО,

1837, 1839, 1847—48; «Пантеон», 1840; «Лит. приб. к ЖМНП», 1840; ЛГ, 1842—43, 1847—48) осн. место занимают ориентальные мотивы («Молодая аравитянка. Газель» — «СО и СА», 1835, т. 51; «Три возраста жизни. Подражание арабскому» — ЛПРИ, 1835, 1 июня; «Грусть паша» — МН, 1836, ч. 8, кн. 1) и перепевы «унылой» элгии 1820-х гг. («Последнее прощанье» — ЛПРИ, 1835, 30 окт.; «Воспоминания» — СО, 1848, № 1). Не понимавшая выше среднего уровня массовой поэзии того времени (ср. мнение Н. А. Полевого — СО, 1839, № 3), хотя и пользовавшаяся определ. известностью (стихи цитировались, «разбирались» на эпиграфы), поэтич. продукция М. позволяет отнести его к «бедняцкой школе» в рус. поэзии (см.: Вацуро, с. 277).

Немногочисленные прозаич. зарисовки М. из петерб. быта («Положенный день. Сцена из семейной жизни» — СО, 1836, ч. 179; «Красотка (Петербургский рассказ)» — ЛГ, 1848, 8 янв.) не выделялись из потока журн. беллетристики.

В ист.-лит. трудах постоянно сближает М. с его братом Ник. Ник. Меншовым (1814—46), назв. сов., изв. газетером, также служившим в Археогр. комиссии, исчерпавшим статьи и переводы в «Журнале Мин-ва нар. просвещения» (сплош. соч.: Галактик), с. 133; о нем: ЖМНП, 1836, ч. 10, № 5, с. СХХVII—СХХVIII; 1840, ч. 26, № 6, ст. 1, с. 176; ч. 27, № 8, ст. 131, с. 14—15; Отчеты о читат. и издат. Археогр. комиссии за двадцатипятилетие ее существования..., СПб., 1860, с. 41; Самарковский, указ. соч.: Мокрицкий А. Н., Дневник художника, М., 1975, ук.).

Др. произв.: «Биография Жана-Батиста Пекелена Моллера» («Пантеон», 1840, № 12), «Нечто о мистерах» (там же, 1843, № 11).

Изд.: Сб. критич. статей о Некрасове (сост. В. Зелинский), ч. 1, М., 1886; 3-е изд., М., 1906.

Лит.: Отчет Об-ва посещения белых за второс полугодие от 9 нояб. 1846 по 9 мая 1847 г., ... СПб., 1847, с. 9; (Чижин Г. Г.). Неск. слов о жизни и учено-лит. трудах М. — СО, 1852, кн. 9 (наиб. полная библиография); Плетнев П. А., Отчеты Имп. Акад. наук по ОРЯС за первое десятилетие его учреждения. СПб., 1852, с. 80, 109; Воронов А. С., Ист.-статистич. обозрение уч. завесаний С.-Петербурга, уч. округа с 1829 по 1853 г., СПб., 1854, прил., с. 53; Григорьев В. В., Имп. С.-Петерб. ун-т в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870, с. LXXV; Зотов В. Р., Петербург в сороковых годах. — ИВ, 1890, № 5, с. 311; Старчевский А. В., Восп. старого литератора. — Там же, 1890, № 9, с. 329—30; Молзатовский Л. Б., Б-ка Пушкина. Новые материалы. — ЛН, т. 16—18, М., 1934, с. 986, 1023—24; Анкина А. А., Бухштаб Б. Первые печатные отзывы о стихотворениях Некрасова. — ЛН, т. 53—54, М., 1949, с. 81—84; Равич Л. М., Библиография в «Журнале Мин-ва нар. просвещения» (Из истории рус. журналистики). — Тр. Ленингр. гос. библиотечного ин-та, т. 5, Л., 1959, с. 55—56, 59—60, 64; Вацуро В. Э., К лит. истории стич. Некрасова «Землетрясение». — «Некрасовский сб-ик», т. 3, Л., 1973; Гаркави А. М., Малюков, декларация Некрасова. — Там же, т. 8, Л., 1983; Оповат А. Я., Неск. заметок к лит. биографии Тютчева. — ЛН, т. 97, кн. 2, М., 1989, с. 499; Некрологити, 1848; «Вед. Петерб. гор. полиц-ии», 9 марта (Г. Г. Чижин); СПбВед. № 30; ЛГ, 12 февр. (А. А. Красевский); Галактик И., Указатель повременных изданий Мин-ва нар. просвещения с 1803 по июль 1864 гг., неофиз.

часть, СПб., 1865, с. 133; История ист. науки в СССР. Докл. Габриельский период. Библиограф., М., 1965 (ук.); Тартаковский П. И., Рус. поэзия и Восток. 1800—1950. Опыт библиографии, М., 1975 (ук.); Брокгауз; Советск. Источ.: Лерини; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 25, л. 3299 (биогр. мат-лы) (справка Н. М. Корнеевой).

А. А. Ильин-Тамич.

МЕНШКОВ. Меньшиков Павел Никитич (9(21)*.8.1809, Петербург — 14(26).12.1879, там же; похоронен на Тихвинском кладб. Александр.-Нев. лавры), драматург. Из купцов (в 1835 вместе с отцом и братьями возведен в дворян. достоинство). По окончании С.-Петерб. высшего уч-ща в 1829 определен в Особенную канцелярию мин. финансов по кредитной части в чине коллеж. регистратора. В дальнейшем служил в Мин-ве внутр. дел: младшим (1833—37), а затем старшим (1838) пом. столоначальника 1-го отд. канцелярии, чиновником по распоряжению министра (1844—47). В 1856 заседатель в С.-Петерб. палате гражд. суда, в 1860-е гг. — в Палате уголовного суда Петерб. губ. Умер в чине статского советника.

В 1840—50-е гг. близок к кругу ж. «Современник» и «Отч. записки», в к-рых в осн. печатался. Близко сошелся с Мих. Ал-др. Языковым (1811—85), литератором, участником кружка В. Г. Белинского, дир. Петерб. стекольного завода. В кругу знакомых (к к-рому принадлежали И. А. Гончаров, А. В. Никитенко, А. А. Красевский, А. В. Дружинин) сложился гостеприимством и друж. «лукулловскими обедами» (Никитенко, III, 110). В 1857 путешествовал по Европе, в Париже встречался с Гончаровым и Никитенко (см.: Гончаров, VIII, 296—97). С 1859 член только что учрежденного Об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым, в 1864 кандидат в члены К-та, в 1865—67 и 1878 чл. ревизионной комиссии об-ва. Участвовал в проведении Ломоносовского юбилея (1865).

На лит. поприще дебютировал «драматической фантазией» из жизни чиновничества «Торжество добродетели. Очерки канцелярской жизни» («Пантеон», 1840, ч. 1, № 1/3). Тесно связанная с натуральной школой, пьеса принадлежит к переходному жанру драматизированных очерков-картин (см.: Лотман Л. М., А. Н. Островский и рус. драматургия его времени, М.—Л., 1961, с. 43). В том же году поместил в «Пантеоне» комедию «Благородные люди» (ч. 2, № 4/6; в репертуаре: 1864—68, 1887), х-рую Белинский назвал «картинной современных нравов» (IV, 291), выделил ее вместе с «Торжеством добродетели» из потока драм. произведений последних лет (ОЗ, 1840, № 7; 1841, № 1). В последующих произв. — «драм. рассказы»

«Богатая невеста» (ОЗ, 1845, № 5) отмеченном влиянием Н. В. Гоголя (Белинский, IX, 397), «история в роде комедии» «Шутка» («Совр.» 1847, № 5; отд. изд. — СПб., 1847 рец.: ОЗ, 1847, № 7; В. Н. Майков) — «Совр.», 1847, № 6), комедии «Причуды» («Совр.», 1850, № 8; рец. (А. А. Григорьева), ранее приписывавшаяся А. Н. Островскому, — «Москв.», 1850, ч. 5, № 17, атрибутирована В. Я. Лакшиным — ВЛ, 1958, № 6, с. 220; др. отзыв — ОЗ, 1850, № 12, отд. VI, с. 135), пьесе «Хороший человек» («Совр.» 1855, № 10) — М. обличает чванство, корыстолюбие и шизмиз малообразованного столичного дворянства; противопоставляя ему бедных чиновников и провинциальных мелкопоместных дворян, сохранивших пылкость чувств и оригинальность ума Сюжетной пружиной чаше становится кочич. ситуация неудавшейся женитьбы (или замужества). В основ сюжета «драматической фантазии» «Выгодное предприятие» («Совр.» 1849, № 5) — история лопнувших начинаний шайки дельцов-мошенников.

Критика, в целом благожелательна настроенная по отношению М. — «умному и наблюдательному автору» («Москв.», 1850, ч. 4, № 17, отд. IV, с. 22), умеем «подмечать живую сторону русско жизни и русской речи» (Дружинин и А. В., Дневник, 1854. — См. его кн.: Повести. Дневник, М., 1981, с. 293), — указывала на рыхлость композиции его пьес, размытость оси конфликта, несоразмерность частей произв., излишнее увлечение мелочами в ущерб целостности картины и пр. Трактуют эти особенности присущие и лучшим вешам М («Шутка», «Причуды»), как дан «физиологическому» подходу к изображению действительности (осозн. вавшемуся и самим автором, — ср. жанровые определения и подзаголовки), рецензенты относили сочинения М. к «драм. рассказам», «физиологам в драм. форме» («Совр.», 1847, № 6, отд. III, с. 97).

В драм. сценах «Старый литератор» («Совр.», 1852, № 4) М. пытается поставить эстетич. проблемы Проводя в диалоге двух литераторов сравнение совр. лит-ры с лит-ро 1820-х гг. (обильно и не всегда месту цитируя критич. разборы), М. подводит к выводу о превосходстве лит-ры середины века, освобожденной от оков нормативности и значительно расширившей диапазон тем. Дружинин, отметив односторонность и поверхностность взгляда автора, отнес пьесу к самым слабым его трудам (БЛЧ, 1852, т. 113).

Пьесы 1840-х гг. были перенесены М. в составе сб. «Сочинения [1840—1847]» (т. 1, СПб., 1858), к

да вошла и его повествоват. проза, в т. ч. «сказка» «Умные люди», в к-рой развернуты картины жизни и быта разных гор. сословий, объединенные «сказочным» мотивом поиска умного человека. В 1861 М. опубликовал пов. «Диета души. Гельсингфорская легенда» («Совр.», 1861, № 4), близкую по проблематике (обличение столичного общества «на водах») и построению (растянутое сюжетом, включение комич. эффектов) к его пьесам.

Лит.: Белинский (ук.); Григорьев, театр. критика (ук.); XXV лет. 1859—1884. Сб. кн. — об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1884, с. 51, 151; Об-во для пособия нуждающимся литераторам и ученым, СПб., 1885, с. 32—33; Майков В. Критич. опыты. СПб., 1891, с. 318; Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. М.—Л., 1960 (ук.); Зограф Н. Г., Малый театр второй пол. XIX в., М., 1960, с. 571; Рус. повесть XIX в., Л., 1973 (ук.); Очерки истории рус. театр. критики. Ком. XVIII — первая пол. XIX в., Л., 1975 (ук.); Очерки истории рус. театр. критики. Вторая пол. XIX в., Л., 1976 (ук.). + Брокгауз; Венгерос. Источ.: Мельер; ТЭ; ИРДТ; Муратова (1); Адрес-календари на 1834—38, 1845—47, 1857, 1864/65 гг. (СПб.); ПИСКР.; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 3306 (дело о дворянстве Меншиковых, в т. ч. копии м. с.); ф. 777, оп. 1, д. 1592 (запис. мат-лы — о запрещении публ. в «Пантеоне» «арм. анекдотов» «Особеннос несчастье», 1841 г.) [справка В. М. Луиановой], ф. 1349, оп. 4, 1837, л. 40 (ф. с. 1837 г.) [справка А. И. Рейтблат].

К. Р. Антонов.

МЕНЬКОВ Пётр Кононович [3(15).6.1814*, по др. сведениям — 2(14).6.1815**, г. Кашиин Твер. губ. — 9(21).10.1875, Петербург; похоронен на кладб. Новодевичьего мон.], воен. деятель; очеркист; мемуарист, журналист. Из дворян. Сын поручика. Воспитанник 1-го кадет. корпуса (1825—33), после службы в 13-й арт. бригаде в Кашиине (1833—1837) был отправлен в Николаев. акад. Ген. штаба, по ее окончании причислен к Ген. штабу (1840) с назначением в 4-й пех. корпус в Киеве. Первая публикация М. — кн. «Военно-статистич. описание Киев. губ.» (б. м., 1847). В 1848—50 делавший штаб-офицер при Гл. штабе действующей армии в Варшаве.

В 1849 был арестован по несогласию, подозрению в умеле получить секретные документы из архива III ота., необходимые для его работы над кн. «Воен. история Малороссии» (не окончена), в то же время в его бумагах была найдена записка с негативной характеристикой николаевской армии. На следствии М. «показался» в написании «полюбовной записки» (РС, 1888, № 3, с. 782), был возвращен на службу.

В 1849 участвовал в подавлении венг. восстания; по поручению и под руководством фельдмаршала И. Ф. Паскевича (канцелярий к-рого заведовал в 1850—53) составил «Описание воен. действий рос. войск против венг. мятежников в 1849 г.» (СПб., 1851). В 1853—55 — в штабе Дунайской армии; сост. критич. заметки «Немцы и Дунай» («Рус. заграничный сб-к», Б.—Париж — Лондон, 1858, в. 1, ч. 1), в к-рых в тоне просторечной солдат. байки про-

тиво поставил бездарные действия генералитета (в осн. нем. происхождения) заравному смыслу рус. солдат. Широкое распространение получили солдат. песни «Под Силистрию ходили» (1854; в кн.: Волыная рус. поэзия второй пол. XVIII — первой пол. XIX в., 2-е изд., Л., 1970, с. 693—95; БЛРС), в к-рой М. использовал популярный «митрофановский» размер песни «За горами за долами» (Митрофанов С., Песни русские известного охотника..., СПб., 1799), иронически сопоставив реальность безтолковых распоряжений командования с благополучием офиц. реляций. Песня стала прямой предшественницей «севастопольских песен» Л. Н. Толстого, к-рому Е. Г. Бушканец приписывал и эту песню (РЛ, 1960, № 3, с. 178—85); однако А. М. Новикова убедительно обосновала авторство М. (Уч. зап. Моск. обл. Пед. ин-та им. Крупской, т. 122, в. 8, М., 1963, с. 3—47).

С 1855 — в Севастополе (был контужен), вел офиц. «Журнал обороны Севастополя»; заметки, очерки и бытовые зарисовки публиковал в «Рус. инвалиде» (под псевд. Пётр Кашиин). Нек-рые мат-лы с разрешения М. были использованы в рассказах А. Ф. Погосяева и в работе Н. Ф. Дубровина «Трехсот-сорока-девятидневная защита Севастополя» (СПб., 1872). В неподцензурном очерке «Журнал Севастополя» («Рус. заграничный сб-к», в. 1, ч. 2, Б.—Париж—Лондон, 1858) М. дал хронику обороны за июль 1854 — февр. 1855, в к-рой критически представил воен. администрация России, включая шаржированные портреты А. С. Меншикова, Д. Е. Остен-Сакена, П. С. Нахимова и др. М. — инициатор и активный деятель к-то по организации музея обороны в Севастополе; завещал почти все свои средства на его создание (РИ, 1875, 12 нояб.).

После отставки (1858) М., переехав в Петербург, был назначен (1859) редактором ж. «Воен. сб-к», к-рый поддерживал и популяризировал воен. реформы Д. А. Милюткина (высокую оценку Милюткиным дея-

тельности М.-редактора см.: РС, 1888, № 3, с. 773).

Положение редактора офиц. органа ограничивало возможности критик. выступлений; статьи, не пропущенные цензурой, М. рекомендовал Н. А. Некрасову для «Отеч. зап.», с к-рыми поддерживал связь. По неясным причинам не состоялся публ. пер. М. драмы В. Гюго («Марион Делорм» в «Отеч. зап.» (см.: ЛН, т. 51—52, с. 382, 456). С янв. 1869 в ведение ред. «Воен. сб-ка» была передана газ. «Рус. инвалид». В 1872 М. по состоянию здоровья оставил пост редактора и был назначен чл. Военно-ученого к-та.

В 1858, 1864 и 1870 М. совершил продолжит. поездки по Зап. Европе (см. его очерки «Беглые заметки из-за границы», «Воен. сб-к», 1864, № 10). В 1870 подружился в Маринбаде с И. А. Гончаровым («Огни», кн. 1, П., 1916, с. 186—89).

На протяжении всей жизни М. вел записки, к-рые позднее были сведены А. М. Зайончковским в хронологически последоват. дневник — «Записки» (т. 1—3, СПб., 1898), охватывающие период 1833—75. Составитель исключил из текста значит. часть заметок 1860—70-х гг. «по несвоевременности печатания их» и тексты, относящиеся к лит. и обществ. жизни Петербурга, вандал. «резкости в характеристике деятелей» (Записки, т. 2, с. 325). Опубл. часть отражает детство М., учебу в акад. Ген. штаба, службу в Царстве Польском, Житомире (описан быт провинц. общества, отношения рус. и польск. общины) и Петербурге — редактирование «Воен. сб-ка» и «Рус. инвалида» (акцентируя близость к реформаторам, особенно к Милютину, и свое свободомыслие, М. скромные успехи редактируемых им печатных органов стремится списать на проники недоброжелателей и влияние цензуры). Дневник содержит большое число достоверных деталей, характеризующих армейскую среду, и выдает склонность М. объяснять многие полит. коллизии личными отношениями действующих лиц. Поэтому важное место занимают в дневнике подробные, психологически мотивированные, колкие и остроумные характеристики видных деятелей той эпохи (Паскевич, Д. А. и Н. А. Милютин, Н. О. Сухозанет, А. И. Барятинский и др.), что делает дневник не только ценным источником сведений о закулисной стороне полит. борьбы, но и необычным для воен. среды образцом рус. мемуаристики.

Лит.: Никитенко (ук.); Герцен (ук.); Махеев Н., И. Г. Чернышевский — ред. «Воен. сб-ка», М., 1950; Зайончковский П. А., Воен. реформы 1860—70-х гг. в России, М., 1952; Дукельский В., Генерал-штабштабник: чем обернулся И. Менюкову его записки. — «Родина», 1995, № 3—4. + Некрасов, 1875; ПЛ, 11 окт.; «Новости», 11 окт.; «Голос», 12 окт.; РИ, 10 окт., 12 нояб.; «Гражданин», 1876, № 4. Витроград. Источ.: Брокгауз; Воен. энциклопедия, т. 15, СПб., 1914; СИЭ; БСЭ; ИБРДВ; Масанов.

Архивы: ИРЛД, ф. 375, ф. 265, оп. 2, № 1627 (письмо А. П. Мансурова от 22 февр. 1874 с биограф. сведениями о М.); РГИА, ф. 1343.

МЕНЬШИКОВ

оп. 25. д. 3312, л. 4, 1825 г. (выписка из ист. реч. книги)* [справка С. И. Вареховой]; РГБИА, ф. 167; ф. 1, оп. 1, д. 30465 (п. с. 1867 г., с добавлениями по 1872 г.)** [справка Н. Ю. Муравленковой].

МЕНЬШИКОВ Михаил Осипович [23.9(5.10).1859, г. Новоржев Псков. губ. — 20.9.1918, г. Валдай Новгород. губ.; похоронен на кладб. возле храма св. апостолов Петра и Павла], публицист, лит. критик. Отец — коллеж. рег.; мать — из обедневшего дворян. рода. Детство М. прошло в с. Заборье Опочецкого у. Псков. губ. По окончании Опочецкого уездного уч-ща (1870—73) поступил в Кронштадт. мор. технич. уч-ще (окончил в 1878), где был

инициатором и редактором школьного ж. „Неделя“ (И. Ювачёв — «Мор. сб-к», 1927, № 10, с. 73). Участвовал в ряде мор. экспедиций; очерки о плавании на фрегате «Князь Пожарский», опубли. в «Кронштадт. вест.» (1878—79; в 1884—89 печатал в нем рассказы из мор. жизни), составили кн. «По портам Европы» (СПб., 1879). В кон. 70-х гг. печатался в газ. «С.-Петербург. вед.», «Голос». В 1883 сблизился в Кронштадте с С. Я. Нааоном (восп. М. о нем см.: Кн. «Недели», 1897, № 2, 3; а также в кн. М.: Критич. очерки, СПб., 1899). по рекомендации к-рого П. А. Гайдебуров пригласил М. сотрудничать в газ. «Неделя», где тот поначалу публиковал судебные очерки. С 1887 — младший производитель работ Картографич. части Гл. гидрографич. управления. В 1892 вышел в отставку в чине штабс-капитана. В 90-х гг. стал секретарем редакци, ведущим лит. критиком и публицистом «Недели» и «Книжек „Недели“», сотрудничал в газ. «Русь».

Часто замещал ред.-издателя «Недели». М. однажды чуть было не стал жертвой возмущенного читателя. 20 марта 1896 Н. И. Жезлов. ге-

рой корреспонденции «Красноварский бунт» («Неделя», 1896, № 10, бл.), разоблачавшей его как несравнимо земского начальника, выстрелом в упор ранил М. (о промиссе над Жезловым см.: «Неделя», 1896, № 24—26; содружеством писем Л. Н. Толстого М. от 24 марта 1896 — т. LXIX). Впоследствии М. в полном эгоизме в ряду других, «когда жизнь держалась на волоске», выдвигая в нем уродное предзнаменование («Дневник 1918», с. 33).

В числе характерных выступлений этого времени по вопросам обществ. правственности — ст. «Совесть и знание» (РМ, 1895, № 7), в к-рой М., полемизируя с В. А. Гольцевым, отстаивал определяющее значение вести по отношению к знанию и их единство в «нравственном просвещении». С сент. 1900 М. фактически заведовал «Неделей».

Взгляды М. 90-х гг. (народничества с христианско-либеральной окраской и значительной долей толстовства) наиб. полно выразились в кн. «Думы о счастье» (Кн. «Недели», 1894, № 3—7; отд. изд. — СПб., 1898; 2-е изд., СПб., 1901; отзывы: Н. Минский — «Новости и бирж. газ.», 1899, 28 янв., и др.), в к-рой дана романтич. критика гор. цивилизации и выдвинут идеал органически цельной культуры, связанной с сел. трудом, близкой к природе и к Богу. Машера письма М. в ранних работах несколько архаична, порой дидактична (дневниковая самооценка М. 1918: «О, мое беспросветное резонерство» — «Рос. архив IV», с. 42). Отношение критики было разноречивым: А. И. Богданович определил позицию М. как «выродившееся народничество на буржуазной подкладке» (МБ, 1898, № 11); М. А. Протопопов оценил книгу как «эпич. поэму», к-рой присуща «глубокая серьезность», «тихая задумчивость и почти молитвенная сосредоточенность» (РМ, 1898, № 11, с. 148, 152). Кн. «О любви» (под назв. «Элементы романа» — Кн. «Недели», 1897, № 6—12; отд. изд. — СПб., 1899; 2-е изд., Ставрополь, 1994), рассматривающая круг традиционных эthic. вопросов и осуждающая несоместимое с христианством неумеренное воспевание и превеличие роли половой страсти (с древнейших времен до Ш. Бодлера), вызвала резко критич. отклики (Розанов В., Кроткий же мизантроп. — НВ, 1897, 19 нояб.; то же в его кн. «Религия и культура», т. 1, М., 1990; Марков Е., Идиллия и действительность. — НВ, 1897, 9 дек.; Протопопов М., По поводу одной серпантин книжки. — РМ, 1899, № 2, и др.). Позднее М. продолжил полемику с Розановым (и с Д. С. Мережковским) на страницах «Нов. времени» («Das Ewigweibliche», «О гробе и колыбели» и др. — см. в кн.: Письма к близким, СПб., 1902), а также как участник Религ.-филос. собраний (см.: «Нов. путь», 1903, № 2, с. 88—89; № 6, с. 61—62); прининая культуру эл-

линизма далеко не во всем, а лишь исторически («в язычестве было много потенциального христианства»), М. выступал против совр. сторонников «нового язычества», к-рые вслед за Ф. Ницше отрицают христианство как «религию рабов»: «В символизме новой поэзии, в эгоизме новой философии, в теориях новой политики, в диких линиях и диких красках искусства — язычество необходимо действует на средние умы и подчиняет себе даже талантливых людей» («Поганое в паганизме» — в кн.: Письма к близким, СПб., 1902, с. 462, 456); в ст. «Титан и пигмей» (НВ, 1903, 23 марта) М. сочувственно привел мнение протоиерея Иоанна Кронштадтского, назвавшего направление ж. «Нов. путь» сатанинским. Позицию М. поддержали митрополит Антоний (Вадковский) в письме от 20 окт. 1902 и протопресвитер Иоанн (Янышев) в письме от 21 марта 1904 (Личный архив О. М. Меншиковой).

В статьях, опубли. в «Книжках „Недели“» на рубеже веков, М. выразил предчувствие духовных и социальных катастроф, трагедно богоотступничества («Кончина века» — 1900, № 12) и отметил характерные черты времени: пессимизм, скептицизм и безмерие интеллигенции, разрушение традиций («Нашествие дикарей» — 1899, № 12, с. 173), разочарование в идее свободы («Язва нигилизма обезобразила прекрасные черты свободы и заставила отшатнуться от нее» — «Смысл свободы», 1896, № 2, с. 335; статью поддержал Л. Н. Толстой: «Читал собравшимся друзьям вашу прекрасную статью... и очень хвалил» — LXIX, 75), декадентство как кризисное мировоззрение [см., напр., ст. «Критический декаданс» (1893, № 7), в к-рой М. защищал Н. Г. Чернышевского от «неслыханной расправы» А. Л. Волынского]. Собранные в кн. «О писательстве» (СПб., 1898; рец.: А. Фаресов — НВ, 1898, № 11; резко критич. отзывы: А. Волынский: «настоящее половое обиходы мест и документных моралистических назиданий» — СВ, 1898, № 10—12, с. 212; А. П(ылин) — ВЕ, 1898, № 12; МБ, 1899, № 1, б. п.) и в кн. «Критич. очерки» (т. [1]—2, СПб., 1899—1902; рец.: ИВ, 1902, № 7) статьи вызвали у современников знач. интерес (так, А. П. Чехов 30 мая 1895 писал М.: «Ваши статьи наводят на тысячу мыслей» — Письма, VI, 62). Отмечая упадок лит.-ры конца века, М. объяснял его общим «упадком духа» в совр. европейском обществе («прогресс убил культуру»), отказом лит.-ры от высокого пророческого назначения, господством натурализма («Лит. бессение и его причины» — Кн. «Недели», 1892, № 1; «О лит.-ре и писате-

МЕНШИКОВ

дах» — там же, № 11, 12; «Пределы лит-ры» — там же, 1893, № 10; все 3 вошли в кн. «О писательстве»). В нек-рых статьях М. предвосхищает идеи О. Шпенглера о возникновении цивилизации без культуры», Х. Ортеги-и-Гассета об экспансии массового сознания в культуру: «в лит-ру хлынул народ, хаос мышления к-рого не перестал быть хаосом, сделавшись громким» («О писательстве», с. 1). Подобные мысли М. высказывал и позднее, напр. в ст. «Преступное слово» (НВ, 1907, 31 мая), с иронией отмечая неожиданное для себя совпадение с взглядами К. И. Чуковского («Спасите!» — «Судьба народа», 1907, 30 апр.) на совр. скандальную прессу.

Из современников М. выделял Чехова как последнего крупного писателя «золотого века» рус. лит-ры: «Без воли и совести» (Кн. «Недели», 1893, № 1; о «Палате № 6»), «Критич. заметки» (там же, 1897, № 5; о пов. «Мужики»; статья, ссылаясь и неожиданностью оценок вызвавшая критику, нападки на М.; так, вопреки мнению о «хмурым пессимизме» писателя, М. отмечал «едва уловимые настроения прекрасной, бодрой души, все созерцающей точно в солнечном свете»), «Три стихии» (там же, 1900, № 3; о пов. «В овраге»; две первые с измененным, третья под тем же назв. вошли в «Критич. очерки»).

Одним из существенных моментов позиции М. (близкой взглядам К. Н. Леонтьева) было его отрицательное отношение к «иронической школе, аналитической, обличительной» в рус. лит-ре 19 в. и даже к «злойбонной иронии гоголевской школы» («Литературная хворь» — Кн. «Недели», 1893, № 6, с. 206, 211; ср. также более поздний вывод: «Наша ... болящая и злобная обличительная лит-ра есть не столько лечение, сколько сама болезнь» — «Дневник 1918», «Рос. архив IV», с. 118); «обличительный» тон не принимал и у высокооцененных писателей, в т. ч. у Чехова.

Ряд статей в «Критич. очерках» посвящен анализу творчества А. С. Грибоедова («Оскорбленный гений» — Кн. «Недели», 1895, № 3), А. К. Толстого («Поэт возр. возрождения» — там же, № 11), Н. С. Лескова («Художественная проповедь» — там же, 1894, № 2; «Приоритет грек» — там же, 1899, № 8), Л. Н. Толстого («Работа совести» — там же, 1893, № 11; «Свидельсва с дороги» — там же, 1895, № 5; реп.: Л. Никифоров — там же, 1896, № 3) и др. М. был в дружеском общении и переписке со многими литераторами. В 1892 он познакомился (отчасти на почве увлечения толстовством) с Лесковым, к-рый писал о нем А. И. Фарусову 17 сент. 1893: «... признаю его за человека очень умного, с большим знанием лит-ры и с выдающимися способностями к разнообразной критике и аналитике» (XI, 539; здесь же опубли. 11 писем Лескова к М., остальные 36 — в ИРЛИ, архив фон. № 22574; наскрол «Памяти Н. С. Лескова» — «Неделя», 1895, 26 февр.). У Лескова М. познакомился с В. Мухом (Л. И. Веллимитской), с к-рой долгие годы поддерживал творческие и дружеские контакты. В числе близких друзей М. — О. А. Фридеб, с к-рой он познакомился у Я. П. Полонского в 1898 (ей по-

сылал ст. «Антипод Максимы Горького», — НВ, 1912, 15 апр.).

Незадолго до смерти М. записал в дневнике: «Никого я так не любил в жизни, как Толстого и Чехова» (опубл.: «Огонек», 1985, № 5, с. 21). Познакомившись в 1891 у Гайдебуровых, Чехов и М. переписывались до 1904 (сохранилось 48 писем Чехова и 60 писем М. — РГБ, ф. 331, к. 51, № 55; 3 письма М. опубл.: ЗапГБЛ, в. 8, М., 1941). О ст. «Клевета обожания» (Кн. «Недели», 1899, № 10), в к-рой М. полемизировал с Мережковским по поводу творчества А. С. Пушкина, Чехов писал автору: «... образцовая критич. статья, это настоящая литература» (Письма, VIII, 335). Вместе с тем Чехов осуждал нек-рые выступления М. в «Нов. временах» (в частности, против Н. К. Михайловского; см.: Чехов. Письма, XII, 509). Отношения М. с Толстым за полтора десятилетия претерпели серьезные изменения. Они познакомились в 1894, когда М. был последователем религиозно-этич. учения Толстого. Ст. «Работа совести» (Кн. «Недели», 1893, № 11) — возможно, единственная поддерживающая позицию Толстого, высказанную им в ст. «Неделание» (1893); высокую похвалу этой публикации М. см. в письме Толстого к Лескову от 10 дек. 1893. Толстой особо выделял статьи М. «Китайская стена» («Неделя», 1893, 12 сент.), «Ошибки страха» (Кн. «Недели», 1896, № 4—6), «Красный цинизм» (там же, 1900, № 9; о произв. М. Горького, полемизируя с к-рым, М. утверждал, что «не безумство храбрых спасет мир, его спасет мудрость кротких»; о Горьком и ст. «Вожди народные» — там же, № 10). Принципиальные разногласия с Толстым-публицистом возникли позже: М. не принимал толстовского отрицания гос-ва, церкви, армии как институтов «зла». Резко выступая против «христ. анархизма» на страницах «Нового времени»: ст. «Две души Л. Н. Толстого» (1909, 23 авг.), «Страдает ли гр. Л. Н. Толстой?» (1910, 13 апр.), М. причислял Толстого к врагам России, «осужденной им на разрушение». Несмотря на глубокие идейные расхождения, контакты между ними не нарушились: М. всегда ценил в Толстом выдающуюся личность и художника слова. Статья «Памяти Л. Н. Толстого» (НВ, 1910, 9 нояб.) вызвала серьезные возражения архиепископа Николая (Рождественского), упрекавшего М. за панегирик еретику (см. в кн.: Духовная трагедия Л. Толстого, М., 1995, с. 160). Позанее М. вновь возвращается к толстовской теме в статьях «Очень сложное самобытство» (НВ, 1910, 14 нояб.), «Кризис толстовства» (там же, 20 нояб.).

Постоянно стремясь в своих суждениях к «норме», равновесию, «золотой середине» (в противоположность своему антиподу и соратнику по «Нов. времени» Розанову), М. уже на страницах «Недели» заявил о себе как умелый публицист. Острую полемику, напр., вызвала его ст. «Дознание» (Кн. «Недели», 1895, № 8; под назв. «Серпуховской циник» вошла в сб. «Народные заступники и др. нравственно-бытовые очерки», СПб., 1900; подробнее см. в ст. Мантейфель А. П.). После закрытия «Недели» (из-за финансовых неурядиц) М. перешел в «Нов. время» и стал с апр. 1901 (по март 1917) одним из ведущих и наиб. плодотворных публицистов газеты, имевшим большое влияние на широкие круги читателей (в т. ч. сел. учителей). Этот переход был воспринят радикальной интеллигенцией, и прежде всего Михайловским, как измена «Неделе» и ее принципам (Михайловский и Н. К., Последние соч., т. 2, СПб., 1905, с. 447—55). М., в свою очередь, видя в «Нов. времени» газету не к.-л. одной партии, а широко взятую «рус. национального направления», газету как «парламент мнений», не считал, что утратил в ней независимость своих суждений («Библиейский титул г. Михайловского» — в кн.: Письма к ближним, СПб., 1904, с. 30—44). В. В. Шульгин в своих восп. утверждал, что М. имел в «Нов. времени» «такое положение и влияние, что решительно ни от кого не зависел. Его политические анализы и прогнозы не шалили ни «левых», ни «правых», ни азефов, ни Столыпина» (опубл.: газ. «Домострой», 1991, 22 янв.).

С дек. 1901 М. вел в «Нов. времени» пост. рубрику «Письма к ближним» (под этим назв. выходили ежес. журн. книжки, к-рые составляли ежегодники «Письма к ближним», т. 1—15, СПб., 1902—16). Продолжая жанровые традиции «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского (ср. также «Маленькие письма» А. С. Суворина), М. обращался к широкому кругу духовно-нравственных, социальных, полит., бытовых и др. вопросов, так или иначе связанных с ист. судьбами России. Многогранность проблематики и охвата жизненных явлений, интенсивность работы (3—4 статьи в неделю) обусловили содержательную ценность «Писем» как своеобразной летописи (при всей субъективности оценок) предвр. эпохи. Характер выступления М. в этот период определялся его общественно-полит. идеалом, к-рый сложился в нач. 1900-х гг.: монархич. власть с парламентским представительством и нек-рыми конституционными свободами, способная защитить традиц. ценности рус. общества и оздоровить нар. жизнь

(«Сильная машина» — НВ, 1905, 6 февр.; «Твердая власть» — 26 окт.). В окт. 1905 по просьбе С. Ю. Витте М. составил проект манифеста и конституционных начал, к-рые «шли несравненно далее того, что было сделано 17 октября и всеми последующими законами» (Витте С. Ю., Восп., т. 2, М., 1960, с. 557; см. также: К истории создания манифеста 17 октября. Публикация А. В. Островского и М. М. Сафонова. — «Сов. архивы», 1985, № 5, с. 62—64; Милуков П. Н., Восп., М., 1991, с. 216). Позиция М., неоднократно высказанная в его выступлениях, была направлена на укрепление государственности: «Быть или не быть сильной власти — это то же самое, что быть или не быть России...». Видя, что страна переживает «страшную государственную болезнь», М. полагал, что она «унаследована в самом зачатии государственности» («Власть как право» — НВ, 1907, 21 авг.). Нормальность или ненормальность тех или иных форм гос. строя зависит, с его т. з., от «единодушия народного», к-рое эти формы поддерживает или не поддерживает («Общая неудача» — НВ, 1910, 25 марта). В кризисной ситуации «нар. представительство (Гос. дума. — Ред.) мешает власти, но и власть в каких-то важных отношениях мешает народу» («Утомление власти» — НВ, 1910, 11 сент.). «Неуспешность» совр. государственности, к-рая «не достигает своих целей», неизбежно вела к катастрофе, предчувствовавшей М. еще при жизни П. А. Столыпина: «Революция во втором ее акте провозглашена» («Хирургическая мера» — НВ, 1910, 11 дек.).

Будучи одним из создателей Всерос. нар. союза (1908), М. в ряде статей сформулировал его цели: «возстановление рус. национальности, не только как господствующей, но и государственно-творческой» («Русское пробуждение» — НВ, 1910, 23 янв.; «Национальный съезд» — 1914, 23 янв.). Поставив целью создать широкую общерус. партию, М. критиковал Гос. думу, и прежде всего октябристов как главную партию в ней, за дрязги, трусость и разногласия («Наши мелкотурки» — НВ, 1909, 15 апр.), крайне правые — за экстремизм и грубость (пост. оппонент М. — ел. В. П. Мещерский; см., напр.: «Гражданин», 1912, № 43, 48). Правительством, с з. т. М., должно быть свергнуто («Дворничество и власть» — НВ, 1909, 24 февр.), представлять в Думе должны «только люди государственного единодушия», т. е. «гос. партия» («Кто у власти» — НВ, 1910, 6 марта). «Общая неудача» — там же, 25 марта). В 1912 он выступил с планом реформы Думы, предлагая удалить из нее тех либералов, к-рые считал враждебными России, и представлявшей «заведомо преступными» партий («Дума о Думе» — НВ, 1912, 9 июня; см. также ст. «Хозяева Туркестана» — 1908, 22 нояб.).

Создателями и хранителями духовных основ нац.-ист. жизни России М. почитал прежде всего православных святых (кн. Ольгу, Серафима Саровского), из современников — Иоанна Кронштадтского, по словам М., «величайшего представи-

теля» христианства вообще («Памяти святого пастыря» — НВ, 1908, 23 дек.; «Завещание отца Иоанна» — 25 дек.). М. иногда резко критиковал православное духовенство за его слабость и пассивность, видя в них причину растущего в обществе безверия, падения нравственности, нигилизма («Дни раскаяния» — НВ, 1905, 13 марта; «Расстройство церкви» — 1908, 9 февр.; «Борьба с одичанием» — 1913, 30 июля; эти и др. статьи М. вызвали полемику: Аквилонов Е., Так ли мы виноваты?, СПб., 1905; Светский И., По поводу статьи «Мир или Борьба», М., Житомир, 1908; Ш-в А., Открытое письмо М. по поводу его статьи «Борьба с одичанием», Владимир, 1913).

Популярность М. снижали острые статьи о падении нравов в деревне и «власти тьмы», о физич. и нравственном здоровье, преодолении бедности,

М. О. Меншиков. Рис. И. С. Куликова, 1914. Аquarel О. М. Меншиковой.

сел. благоустройстве («Нужда великая» — НВ, 1904, 31 марта; «В деревне», 1909, 4, 6, 8 авг., и др.). М. критиковал правительство за полустыительство нар. пьянству, невнимание к нуждам народа, слабую армию («Спазмы сердца» — НВ, 1905, 12 окт.; цикл статей под общим назв. «Пьяный бюджет» — 1907, март — дек.; «Казна и пьянство» — 1913, 23 апр.; «Есть ли у нас флот?» — 1904, 25 июля, и др.). А. С. Суворин в 1904 записал, как о фельетоне М. (в к-ром он утверждал, что флота у нас нет) докладывали царю: «Царь выразил удивление, что в газете можно было это напечатать. Потом сказал, что наказывать не надо, а достаточно сделать вынуждение» («Дневник», М., 1992, с. 372).

В ряде выступлений М. на страницах «Нов. времени» о «еврейской опасности», создавших ему в либеральных («Рус. богатство») и рев. кругах репутацию журналиста-охранителя и антисемита («верный сторожевой пес царской черной сот-

ни» — Ленин, XX, 142), он писал о постепенном «внутреннем завоевании» страны евреями, о том, что рус.-япон. война 1904 «есть чуть не прямое следствие евр. агитации в тех странах, где печать и биржа в руках евреев» («Великая тревога» — НВ, 1904, 14 февр.; резко отрицат. отзыв: В. Мякотин — РБ, 1904, № 3, с. 161—65, 2-я паг.; полемику М. с А. В. Амфитеатровым на эту тему см.: ст. «Журнальные горланы» — «Письма к ближним», СПб., 1904, с. 197—210; Амфитеатров А. В., Листки. — «Русь», 1904, 17 февр., 3 марта). М. считал, что России грозит «инородческий заговор», к-рый имеет «конечной целью лишение почти всех наших завоеваний в Европе — отторжение Финляндии, Прибалтийского края, Польши, Западного края и Кавказа» (НВ, 1906, 7 янв.). Отвергая деятельность рев. организаций как партий «еврейской смуты» («Революция и бунт» — НВ, 1905, 16 нояб.; «Лужи крови» — 1907, 26 апр.), М. считал, что и черносотенные группы не в меньшей степени вредят делу обновления России («Помеха работе» — НВ, 1906, 19 окт.; «Черныла и кровь» — 1909, 1 окт.). Позиция М. в этих вопросах во многом определяла лицо газеты.

Гос. национализм ужасался у М. с культурологич. взглядом, согласно к-рым национализм есть «развитие в себе наилучшей человечности»: «Все трогательное и великое под солнцем, все благородное, что дошло до нас от Египта, Вавилона, Египта, Персов, Индусов, Греков, Римлян, средневековых и новейших европейцев, — все это „моет“, все это признаю мной и усвоил, но навеки с страстными деланиями вносить в себя и передать потомству» («Что такое национализм» — НВ, 1916, 31 янв.; «Спор о ирреденте» — 19 февр.).

В разгар 1-й мировой войны (с авг. 1914 М. вел в «Нов. времени» рубрику «Должны победить»), как бы подводя итоги жизни своего поколения, писал: «Разве нынешняя всесветная катастрофа не свидетельствует о банкротстве людей, родившихся в средние десятилетия девятнадцатого века?.. Мечтали все мы, кажется, о свободе — и дождались попытки к неслыханнейшей тирании, какую помнит мир. Мечтали о равенстве — и дождались всесветного грабежа. Мечтали о братстве, об „алюминиевых дворцах“ — и дождались ураганного огня и удушающих все живое газов...» («О лучшем будущем» — НВ, 1915, 23 авг.).

В статьях М. после февр. 1917 — тревога, смятение, надежды на «народоправство» с оттенком фатализма («что порешит совокупная воля народная, то и будет»). Недавно еще убежденный конституционный монархист, долгие годы считавший «единение царя и народа» залогом ист. существования Рос. империи, М. вскоре после отречения Николая II признал, что «старый порядок рухнул от неуважения к свободе», и при-

зывает «с бодрым сердцем» готовиться к Учредит. собранию. «не оглядываясь, как жена Лота, на оставленный Содом» («Жалеть ли прошлого?» — НВ, 1917, 7 марта). В «минуты роковые» почувствовавший совершающееся ист. предательство («все отшатнулись от монархии»), М. решительно обвинил в этом одну сторону: «Была измена, но со стороны монархии, со стороны самодержавия, преступно обманувшего народ» («Кто кому изменил» — НВ, 1917, 18 марта). Как временную меру, позволяющую избежать голода, М. уже в 1916 допускал введение «всеобщей трудовой повинности» (отклик: В. Кузьмин-Караваев — ВЕ, 1916, № 5, с. 399—400), а в 1917 писал о необходимости прибегнуть, по примеру Германии, к «государственному социализму» с такой крайностью, как «принудительный всеобщий труд» («Три опасности» — НВ, 1917, 9 марта). Переживая неудачи на фронте, М. горько сетовал на беспомощность правительства, не способного преодолеть развал страны. Мрачные прогнозы М. распространялись и на социалистич. вариант полит. устройства России: «... много шансов, что они (социалисты. — *Ред.*) скомпрометируют свою систему. Как монархию сделали бездарной и преступной, так, пожалуй, ухитрятся сделать и с социализмом» (запись в дневнике от 5 авг. 1917). Фактически лишенный возможности заниматься обществ. и публицист. деятельностью, М. писал Розанову о своем бедственном положении (письмо от янв. 1918 — РГАЛИ, ф. 419, оп. 1, № 530). Оставшись с большой семьей (6 детей) практически без средств к существованию, М. некоторое время работал канторским служащим в Валдае. Ездил к И. Д. Сытину в Москву, переписывался с ним в надежде на возобновление лит. деятельности.

В 1918 арестован и после шестидневного заключения расстрелян на берегу Валдайского озера Чрезвычайным полевым штабом Новгородской ЧК. В предсмертных письмах к жене М. сообщал, что члены ЧК не скрывали: суд над ним есть акт мести за его «погромные» статьи («обвинение сплошь ложное, но они ищут не правды, а мести» — «Рос. архив IV», с. 229—31). В «Известиях» (1918, 22 сент.) сообщалось о «монархическом заговоре», во главе к-рого якобы стоял М., и издания газ. «призывающей к свержению сов. власти». 17 окт. 1918 после панихиды в киевском Софийском соборе слово о М. произнес митрополит Антоний (Храповицкий) (газ. «Наша Родина», К., 1918, 22 окт.). В 1993 М. реабилитирован.

Др. произв.: «Руководство к чтению морских карт, русских и ино-

странных» (СПб., 1891). «Лощня Абоских и вост. части Аландских шхер» (СПб., 1892), рассказы: «Несчастный» («В добрый час», СПб., 1895; отзв.: «Нов. слово», 1896, № 4, б.п.), «Исповедь» (НВ, 1906, 26 февр.), «Красное знамя» (НВ, 1906, 18 дек.; отз. изд. — СПб., 1906), «Цари Востока (Святочная сказка)» (НВ, 1910, 3 янв.).

Изд.: Начала жизни. Нравственно-философские очерки, СПб., 1901; Памяти Д. И. Менделеева — В кн.: Д. И. Менделеев в восп. современников, 2-е изд., М., 1973; Из записных книжек. — Альм. «Прометей», т. 12, М., 1980; Из писем к близким, М., 1991 (сост. М. В. Поспелов); Дневник 1918, письма М. — В кн.: Рос. архив IV, М. О. Меньшиков. Мат-лы к биографии, М., 1993; Статьи М. — В кн.: Рос. судьбы. Святая Ольга, Владимир святой, М., 1996.

Лит.: Блок (ук.); Горький (ук.); Короленко, Х. 386; Периов (ук.); Толстой (ук.); Чехов (ук.); Пругавин А., Письмо в редакцию. — «Жизнь», 1899, № 6, с. 456 (о крупном пожертвовании М. на нужды голодающих Самар. губ.); Пилыцкий П., Критич. статьи, т. 1, СПб., 1910; Спасский П. Н., В защиту Ветхозаветных Патриархов, Новгород, 1914; еп. Никон (Бессонов), Орлы и Ворчун. (Мысли по поводу статьи М.), [К., 1915]; Юрьевский Б., Памяти М. — НВ (Велград), 1921, 23 апр.; Короленко, Петерб. сб-к, П., 1922, с. 95—96; Гиндлиц З. Н., Жизнь лица, т. 2, Прага, 1925, с. 82; Миклулич В., Встречи с писателями, Л., 1929 (ук.); Поссе В. А., Мой жизненный путь, М.—Л., 1929 (ук.); Лесков Н. С., Собр. соч., т. 11, М., 1958; Рус. лит-ра (1. ук.); Лесков А. Н., Жизнь Николая Лескова, т. 1—2, М., 1984 (ук.); Критич. самозащита в России, 1895—1917, Л., 1984 (ук.); Меньшикова М. В., За что? (Как убили моего мужа А. О. Меньшикова), — «Кубань», 1989, № 10; Соловьев В. С., Лит. критика, М., 1990 (ук.); Соловьев Ю. Б., Самозащита и вздорство в 1907—1914 гг., Л., 1990 (ук.); Гончаров С., Голубь выше Сокола (о жизни и творчестве М.), — «Москва», 1993, № 6 (здесь же статьи М., публ. М. В. Поспелова); Шлемин П. И., Наш отношение и прада человека в России. Диалог с М., М., 1993; Кожников В. В., Загадочные странные истории XX в. «Черносотенцы и революция», М., 1995, с. 137; ЛН, т. 84, кн. 1 (ук.); т. 90 (ук.), т. 95 (ук.). + Брокгауз: НЭС; Венцеров. Источ.: ЛЭ; Муратова (1, 2, ук.); Мансанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2169; ф. 459, оп. 2, № 152—683 (переписка с А. С. Суворина); № 913 (письма читателей к М.); ф. 452, оп. 1, № 2628 (письма А. С. Суворину), оп. 2, № 280 (письма Суворина); ф. 240, оп. 1, № 160 (письма А. И. Куприну); ф. 122, оп. 2, № 49, оп. 1, № 900 (переписка с И. И. Горбуновым-Посадовым); РГБ, ф. 386, к. 94, № 41 (письмо В. Я. Брюсову); ф. 249, к. 3876 (письма В. В. Розанову); ф. Дост.Л., к. 6, № 71 (письма А. Г. Достоевской); ИРЛИ, ф. 303, № 450 (письма Л. Л. Толстому); ф. 402, оп. 2, № 348 (письма к М. В. Ватсон); оп. 4, № 62 (письма С. Я. Назанову); шифров. фонд, № 5528 (письма В. Л. Кипру); № 12258 (письма Я. П. Полонскому); РГАВМФ, ф. 434, оп. 2, д. 1221 (м. с.); ф. 417, оп. 4, д. 2698 (дело об увольнении); ф. 406, оп. 3, д. 813, 827, 953 (п. с.); личн. архив О. М. Меньшиковой (Москва), дочери М.

А. А. Гумеров, при участии М. В. Поспелова.

МЕРДЕР Надежда Ивановна [урожд. Свечина; псевд. Северин; 1839 (по др. сведениям — 1837), Саратов — 13(26).3.1906, Москва], прозник. Из семьи полковника в отставке, управляющего уездным Саратов. округом, богатого помещика. В 13 лет лишилась матери. Воспитывалась теткой В. Н. Воейковой, племянницей Г. Р. Державина. Училась в саратов. Марин. ин-те. В 1858 вышла замуж за К. П. Мердера и в 1859

переехала в Петербург. Первая изв. публ. М. — пов. «Крепостные артисты» («Светоч», 1862, кн. 5; подпись Н. Первов). Разойдясь с мужем в 1865, осталась без средств к существованию с 7-летним сыном на руках.

Лит. труд стал для нее единств. источником дохода. А. К. Шеллер-Михайлов устроил ее в ж. «Дело», где в 1877—79 публиковались ее повести и рассказы. В 80-х гг. она печаталась в «Живописном обозр.», «Вест. Европы», «Рус. мысли», «Рус. богатство», «Наблюдателю»; в 90-х гг. — в «Ист. вест.», «Ниве», «Рус. вест.», «Гусляр», «Свете». В прозе М., разнообразной по жанрам (ист. и бытовые романы, повести, рассказы, очерки), начиная с пов. «Не в порядке вещей» (ОЗ, 1877, № 2, 3), доминирует нравственно-бытовая проблематика: брак, семья, судьбы брошенных детей и обольщенных девиц. Ее произв. мелодраматичны, изобилуют сценами роковых страстей, кровавой мести, самоубийств. Н. С. Лесков (с к-рым М., считая его своим учителем, состояла в переписке литературно-дружеского характера — РГАЛИ, ф. 275, оп. 1, № 260), называл ее романы «нарочито любовственными» (Быков П. В., Силуэты далекого прошлого, М.—Л., 1930, с. 159). Трилогия «История одного развода» (РМ, 1881, № 3, 6—11; реш.: «Набл.», 1882, № 11), «Вся чужая» (РМ, 1885, № 7—10) и «Сумрак» («Дело», 1886, № 2—8) представляют собой семейную хронку (автобиогр. мотивы), герои к-рой каждый по-своему пытаются уйти от «гнетущей тоски и пустога жизни». В ром. «Брошенные» (ЖО, 1887, № 8... 37) — иронически поданный образ «передовой женщины», не пожелавшей стать «глухой жертвой семейного деспотизма» и посвятившей себя проблемам дет. воспитания, забыв при этом собств. детей, что уравновешивает ее нравственно с мужем — свет-

МЕРЕЖКОВСКИЙ

ским обольстителем. В ром. «Танькина карьера» (Ю. 1894, № 7—12) — драм. история падения крест. девочки-сироты, из прислуги в петерб. дом превратившейся в проститутку и жестоко мстившей за поруганную молодость. В ист. ром. «Авантюристы» (Собр. соч., т. 1), «Фамильная хроника Воротынцева» (ИВ. 1891, № 1—7; отд. изд. под назв. «Воротынцевы», СПб., 1891) и др. история России 18 — нач. 19 вв. — лишь повод для рассказа о близких М. нравах «доброе старое время». Для воссоздания в своих произв. быта М. использует семейные архивы, восп., записки и устные рассказы, ист. исследования, в т. ч. К. Валишевского, консультируется с С. Н. Шубинским и П. И. Бартеневым (рецензенты отмечали «презвычайно правдиво и выпукло» нарисованные ею картины нравов — «Север», 1891, № 42).

Оценки М. в критике расходятся: от «мало кем читанной» и «совершенно непопулярной» (К. Воеводин — ИВ. 1906, № 5, с. 557—569) до «мгнотной» (С. К. Эфрон — там же, № 4, с. 242—44; см. также: Глазковский Б., «Ист. вест.», за 35 лет. — ИВ. 1915, № 1, с. 187—89). С т. з. рецензента «Рус. мысли», М. — «застойно пишущая», но без «большой духовной работы и стройного архитектурного плана» (1891, № 6, с. 294). И. С. Тургенев озорительно отозвался о рассказе М. «Возвек» (ВВ. 1882, № 10), считав его началом романа (Тургенев Письма, XII, 61—62). Сб. рассказов «Блаженныя» (СПб., 1889) вызвал полонизм, отклики («Гулливер», 1889, № 19; ИВ. 1889, 26 апр.). Нек-рые критики отрицали наличие в произв. М. убедительно раскрытых описок, типов («Набл.», 1882, № 11, с. 80—83), отмечали недостатки органики связи между отдельными хорошо написанными частями («Свет», 1878, № 9, с. 310; 1879, № 3, с. 150).

Русофильство, верность православию, полнит. консерватизм М., проявившиеся в любви к дворян. нравам и быту, наиб. ярко выражены в пов. «Без почвы» (СПб., 1889), о к-рой «Сев. вест.» писал: «Г-жа Мердер впряглась в пристяжку к кн. Мещерскому и г. Буренину» (1890, № 9, с. 96; ср. положит. отзыв об этой повести: ИВ. 1890, 4 янв.).

На основе устных рассказов обитателей дворян. гнезд М. создает ряд мемуарных очерков: «Восп. о В. И. Анненковой» (ИВ. 1902, № 10), восп. о С. А. Леонтьевой-Левинской (подробно цит. в кн.: Таубе М. Ф., Памяти С. А. Леонтьевой-Левинской, СПб., 1904), «Люди былого времени. Из рассказов В. И. Анненковой...» (РА, 1906, № 1), «Из далекого прошлого. Тетушка В. Н. Восойкова» (ИВ. 1909, № 11, 12), по сюжетной увлекательности и живости деталей не уступающих романам. Так, напр., эпизод о бегстве «Оленьки Сократовны» (дочери дом. врача отца М.), с характерной для М. негативной оценкой «прелестей свободной любви» в духе «польско-коковских» романов, предвосхищает иронич. взгляд на супругу Н. Г. Чер-

нылевского в ром. В. В. Набокова «Дар».

Высоко ценя литературу, рассчитанную на «избранных» (см., напр., ее отзыв о М. Метерлике в письмах А. С. Суворину — РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2629), сама М. писала в осн. для т. н. пестрого читателя. Этим отчасти объясняются характерные для ее стиля сбив, немотивированные в потоке авт. повествования переходы от франц. фраз к жаргонным, просторечным выражениям.

В пьесах М. остается верна себе: интерес к бракоразводным проблемам — в основе фарса «Супружеское счастье» (СПб., 1884; с 1883 по 1914 ставился в т-рах Москвы и Петербурга; реж.: С. Васильев (С. Флоров) — МВед. 1889, 11 сент.; «Артист», 1889, № 2; БВед. 1892, 18 дек.; 1893, 11 мая; 1900, 2 июля), в к-ром мужа, убившего свою жену, и его адвоката объединяет мужская солидарность; жен. судьбы в любовных перипетиях — в комедиях «Наседка» (СПб., 1889; пост. тогда же в т-ре Корша; отряп. реж.: РМ, 1889, № 10; С. Васильев — МВед. 1889, 25, 26 сент.) и «Генеральша Матрена» («Сцена. Драм. сб-ка», в 25, М., 1895; реж.: «Набл.», 1896, № 5; по поводу претензий В. А. Крылова на авторство этой пьесы — перепиסקа М. с разными лицами — ПГТМ, ф. 169; см. также: Эфрон С. К., Восп. о В. А. Крылове. — ИВ, 1906, № 4, с. 242—44). Пьесы М. не пользовались большим успехом. В 1885 она пыталась инсценировать «Братьев Карамзовых» Ф. М. Достоевского (рукоп. — ИРЛИ), перепиывалась с А. Г. Достоевской (одобренной пьесы). Инсценировка была запрещена цензурой как произв., «ложашееся позорным пятном на рус. помещичье сословие» (РГИА, ф. 776, оп. 26, д. 4).

В 1900—03 М. жила в Варшаве (куда по службе переведен был ее сын), интересовалась историей Польши, думая написать роман из эпохи перед 2-м разделом (18 в.). С 1903 и до конца жизни — в Москве. Революцию 1905 М. объясняла утратой нравств. критериев, «туманом новых идей», распространением католицизма (см. ее «Призыв к русским людям» — МВед. 1906, 8 янв.; см. также переписку с П. И. Бартеневым — РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 597—98). Корни совр. зла обнаруживала в Чернышевском, стремившемся, как она полагала, к «уничтожению понятий о Родине, о чести, о Боге, о совести и долге» («Из письма к издателю „Рус. архива“» — опубл.: РА, 1909, № 6, с. 218—20).

Наз.: Собр. соч., т. 1—10, П., 1915—18; рассказ «Из жизни петерб. детей (Никитки)», — В кн.: Петерб. сказочный рассказ, Л., 1991.

Лит.: Достоевский (уж.); Лесков, XI, 433—34; Яценский И. И., Лит. вост. — ИВ.

1898, № 2, с. 568; Соколов С. Д., Саратов — писатели и ученые. — «Труды Саратов. ученой арх. комиссии», в. 33, 1916, с. 154—56 (библ.); Дризен Н. В., Лит. вост. — «Весь мир», 1918, № 29, с. 7, 9—10; Орнатская Т. И., Степанова Г. В., Романы Достоевского и драм. поэтура. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Мат-лы и иссл., т. 1, Л., 1974, с. 283; ИРДТ, т. 6, 7 (ук. на фам. Северин); Лит. процесс и журналистика (2, ук.). — Некрологи, 1906: МВед. 17 марта; ИВ, № 4; ТИИ, № 12; «Мирный труд», № 3 (А. Каут). Броуэтз; Голицын; Венгерер; Иетон; Мельер; Трапез; Смирнов-Сокольский; Масанов.

Архивы: ПГТМ, ф. 169; письма М. — ИРЛИ, ф. 343, № 76 (С. Н. Шубинскому); ф. 134, оп. 3, № 1083 (А. Ф. Кони); ф. 36, оп. 2, № 292 (В. П. Буренину); ф. 446, № 167 (Р. И. Семипалатовскому); РНБ, ф. 874, № 43, 46, 49, 52, 55, 77, 82, 85, 93, 97, 101, 106 (Шубинскому); РГБ, ф. Дост/ II, к. 6, № 73 (А. Г. Достоевской); РГАЛИ, ф. 2304, оп. 1, № 613 (А. А. Яблоковой); ф. 2, оп. 1, № 894 (Ю. Н. Творухин-Отроку); ф. 230, оп. 1, № 54 (В. А. Крылову); РГИА, ф. 395, оп. 23, д. 271 (указ об отставке Н. В. Свечина 1834 г.); оп. 51, д. 1022 (и, с. Конст. Палл. Мердера 1859 г.).

М. Ф. Максимова

МЕРЕЖКОВСКИЙ Дмитрий Сергеевич [2(14).8.1865. Петербург — 7.12.1941. Париж; похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа вместе с женой З. Н. Гумиус], прозаик, поэт, критик, публицист, переводчик, лит.-обществ. деятель. Отцы, Серг. Ив. (1821—1908), потомок укр. рода Мережки. — столоначаль-

ник при имп. дворе, действит. тайный советник; мать, Варв. Вас. (урожд. Чеснокова) — дочь управляющего канцелярией петерб. обер-полицеймейстера (умерла в 1889). М. был младшим из сыновей [в семье было 9 детей; Конст. Сер. Мережковский (1855 — ?), приват-доцент С.-Петерб. ун-та (дисс. «Мат-лы к познанию животных пигментов», 1883), печатался в Тр. Об-ва естествоиспытателей; хранитель Зоотомич. кабинета, 1878—86; см. о нем: Биогр. словарь профессоров СПб. ун-та, т. 2]. М. рос под духовным влиянием матери (ее образ воссоздан в автобиогр. поэме «Старинные октавы» — ЗР, 1906, № 1—4); «У него не было ни одного друга ... Он, в

сушности, был совершенно одинок, и вся сила любви его сосредоточилась ... в одной точке: мать» (Гиппиус-Мережковская, 1951, с. 43). В 1875—83 М. учился в 3-й петерб. гимназии, с авг. 1883 — студент историко-филол. ф-та Петерб. ун-та, к-рый закончил в 1888 (см.: ЦГИА СПб., ф. 114, оп. 3, д. 23357). Летом 1888 в Боржоме М. познакомился с Э. Н. Гиппиус, после свадьбы (8 янв. 1889, в Тифлисе) Мережковские на долгие годы обосновались в Петербурге: сначала в квартире на Верейской ул., затем — в доме Мурузи на Литейном проспекте, д. 24 (осень 1889 — май 1912), и позднее — на Сергиевской ул., д. 83 (напротив Таврич. сада); у М. с 1890 до 1917 (с перерывами) собирались писатели и видные представители столич. интеллигенции. Гиппиус на всю жизнь стала ближайшим духовным спутником М., вдохновительницей и соучастницей его идейных и творч. исканий. Прожив вместе 52 года, «не разлучаясь ... ни разу, ни на один день» (Гиппиус-Мережковская, 1951, с. 5), «они сумели сохранить каждый свою индивидуальность, не поддаваясь взаимно друг друга. ... Они были „идеальной парой“, но по-своему. ... Они дополняли друг друга. Каждый из них оставаясь самим собой» (Одоевцева И., На берегах Сены, М., 1989, с. 44).

«Лет 13-ти начал писать стихи» («Автобиограф. заметка». — В кн.: Венгеров. Лит-ра 20 в., т. 1, с. 290). В 1880 М. встретился с Ф. М. Достоевским, к-рому читал свои стихи, опыты; в нач. 1880-х гг. сблизился с С. Я. Надсоном и «полюбил его, как брата» (там же, с. 291; письма М. к Надсону 1883—84 — «Новое ЛО», 1994, № 8). Лит. дебют М. — стих. «Нарцисс» в лит. сб-ке «Отклик» (СПб., 1881); 4 его стих. печатаются в «Отеч. зап.» (1883, № 11; 1884, № 1). С 1885 стихи М. публикуются в ж-лах «Вест. Европы», «Живописное обозр.», «Наблюдатель», «Сев. вестник». Через Надсона М. сблизился с А. Н. Плещеевым, к-рый содействовал его знакомству с маститыми писателями старшего поколения (И. А. Гончаровым, А. Н. Майковым, Я. П. Половским) и сотрудниками ж-ла «Сев. вестник» — Н. К. Михайловским, Г. И. Успенским, В. М. Гаршиным, В. Г. Короленко. «Михайловский и Успенский были два моих первых учителя. Я ездил в Чудово к Глебу Ивановичу и проговорил с ним всю ночь напролет о том, что тогда занимало меня больше всего, — о религиозном смысле жизни» («Автобиограф. заметка», с. 292). В том же году М. совершил путешествие по Волге, Каме, в Уфим, и Оренбург. губернии, «беседовал с

крестьянами, собирав и записывал наблюдения» (там же).

Первая кн. М., принесшая ему лит. известность, — «Стихотворения. (1883—1887)» (СПб., 1888) — была выдержана в тематич. и стилевой тональности творчества восьмидесятников, с характерными для нее народнич. и надсоновскими мотивами; М. обыгрывает на свой лад мотивы одиночества, сомнений, разочарований в высоких устремлениях. В то же время в кн. намечен пересмотр народнич. заветов: «Напрасно я хотел всю жизнь отдать народу! Я слишком слаб; в душе — ни веры, ни огня...» (1887; с. 22); «ближним» задачам усовершенствования «жалкого мира отчаяния и муки» (с. 68) поэт предпочитает порывы к высшему идеалу, грезы о неведомом «новом рае» («Кораллы», 1884). Наряду с лирикой лично-исповедального характера в кн. включены образцы ист. поэзии, переложения лит. памятников («Протопоп Аввакум», «Угольно», «Орваси» и др.), вариации на классич. лит. и ист. темы, выдержанные в традициях объективно-описательного письма, пластич. и красочно-декоративных поэтич. композиций А. Н. Майкова.

Сборник был сочувственно встречен критикой (РБ, 1888, № 1; «Пабл.», 1888, № 1). Михайловский назвал М. «одним из выдающихся молодых поэтов»: «Мысль его почти всегда ясна, стихом он владеет прекрасно» (СВ, 1888, № 3, отл. II, с. 138). В то же время указывалось, что красота и сладость стихов М. «весь противостоит голому, а не созданию сердца» (РМ, 1888, № 6, отл. III, с. 276).

К кон. 1880-х гг. относятся первые опыты М. в лит. критике — из числа наиб. ранних общш. истолкований творчества А. П. Чехова и Короленко.

В ст. «Старый вопрос по поводу нового таланта» (СВ, 1888, № 11; перепеч. в кн.: Чехов А. П., В сумерках. Очерки и рассказы. М., 1986) М. не приметя утилитарно-направленческого подхода к творчеству Чехова, с похвалой отмечал в рассказах «молодого безлестия» «ясное, неуловимое — волнистое, лиризм и тонкую бытовую наблюдательность, сочетание «мистического чувства природы и бесконечности с трезвым здоровым реализмом», защищал органически развивающийся талант писателя от обвинений в отсутствии «сознательной намеренной тенденции» (с. 79, 77, 85, 94). Приоритетность критериев эстетич. критики склывалась и в ст. «Рассказы Вл. Короленко» (СВ, 1889, № 5), в к-рой, подчеркивая тематич. новизну произв. писателя (исследование «чуждых, самостоятельных, активных типов из народной среды», пребывающих «в страстном искании и новой вере»), М. особое внимание уделяет характеристике его худож. приемов (в т. ч. типичные к скульптурности, в противоположность Гаршину и Чехову — «колоритные типичновской школы», — с. 12, 15, 23).

В этих статьях, а также в ст. «Руссо» (РБ, 1889, № 11), где обосновывается взгляд на франц. писателя как на эгоцентрика, «очарованного и ослепленного богатством своей ... внутренней жизни» (с. 67), уже прослеживаются осн. черты критич. метода М. — предпочтение личностного и отвлеченно-метафизич. подхода социально-историческому, попытки

обнаружить «тайные» импульсы, обуславливающие творч. деятельность писателя и выстраивающие ее разрозненные проявления в целостное идейно-психол. единство.

Решит. поворотом от позитивистского к религ. мирозерцанию, ошущенно мистич. тайны бытия отмечены кн. М. «Символы. (Песни и поэмы)» (СПб., 1892), в к-рую вошли напечатанные ранее «петерб. поэма» «Смерть» (СВ, 1891, № 2—3; отчасти стилизована под «Евгения Онегина» и «Меданого всадника»), поэма «Вера» (РМ, 1890, № 3—4), «драм. сказка» «Возвращение к природе» (в первой публ. «Сильвено» — СВ, 1890, № 2—5; по мотивам пьесы П. Кальдерона «Жизнь есть сон»). Поэма «Легенда о Франциске Ассизском» (ЛПН, 1891, № 3) и стих. из раздела «Песни и легенды» («Пророк Исая», «Марк Аврелий», «Коллизей» и др.) отразили нарастающий интерес М. к теме «вечных спутников» человечества, к со- и противопоставлению двух типов европ. культуры — языческой и христианской.

Критика выделала в «Символах» поэму «Вера» — за «живой тип совр. героя» (П. П. Перцов) — РБ, 1892, № 11, отл. II, с. 68), отмечала мастерство М. во владении стихом (П. Чубаров — РО, 1892, № 7; Б. и. — РМ, 1892, № 7); в то же время А. Л. Волынский четко сформулировал те осн. упреки, к-рые на разные лады будут предъявляться едва ли не всем последующим кнгам М.: отсутствие живого, искреннего чувства, «иррациональная аффектация», «сухая и разражающая диалектика» (СВ, 1892, № 4, отл. II, с. 65; см.: его же — СВ, 1893, № 3; 1896, № 3).

При всей риториčnosti самовыражения, религ. идеи М. были связаны с его индивид. переживаниями, и эта связь стала гл. формирующим началом творч. личности М.; Плещеев писал о нем летом 1891: «...он не может ни гулять, ни есть, ни пить без того, чтоб не разлагодилось о бессмертии души и о разных других столь же высших предметах» (см. в кн.: Письма рус. писателей к А. С. Суворину, Л., 1927, с. 131).

Попытку переоценки традиц. демокр. идейного катехизиса М. предпринял в семейно-бытовой психол. мелодраме «Гроза прошла» («Труд», 1893, № 1; здесь радикально-общества. лагерь представлен в сниженно-сатирич. виде) и в особенности в лекциях «О причинах упадка рус. лит-ры» (прочитана в Петербурге 26 окт. 1892 в Рус. лит. обществе; повторно — 8 дек. 1892) и «О новых течениях совр. рус. лит-ры» (15 дек. 1892). Лекции легли в основу кн. «О причинах упадка и о новых течениях совр. рус. лит-ры» (СПб., 1893), воспринятая как манифест нового лит. движения; давая обзор творчества крупнейшей классиков рус. лит-ры 19 в. и писателей-современников в мистико-символич. духе, М. провозглашал смену «удушающего мертвенного позитивизма» «художественно-

«ственным идеализмом», выделяя три определяющих элемента нового искусства — мистич. содержание, символы и расширение «худож. впечатлительности».

Хотя М. не был склонен резко противопоставлять новые задачи достижениям лит-ры прошлых — а напротив, опирался на классиков как прототипов «нового идеализма» и не представлял развернутого обоснования символист. эстетики, его кн. была встречена гл. обр. с осуждением, как выход классик. заветам: А. М. Скабичевский назвал М. «изменником ... родной рус. лит-ры» («Новости и бирж. гат.», 1893, 11, 18 марта; ср. отзыв Н. Иванова — РБед. 1893, 1 марта), Михайловский полагал, что дворяне «думает удовлетворить свою жажду в безводной, давно высохшей пустыне и принимает за воду за действительность» («Рус. отражение франц. символизма» — РБ. 1893, № 2, ст. 11, с. 66); напротив, Ю. Н. Говоруха-Отрох (посл. поэт. Ю. Николая) поддержал М. в его отходе от объективного утилитаризма и обращении к «бесконечному и бессмертному» (МВед. 1893, 29 апр.). Развитие концепции книги — в статьях М. «Мистич. движение нашего века» («Труд», 1893, № 4), «Неоромантизм в драме» (ВИЛ. 1894, № 11), «Новейшая лирика» (там же, 1894, № 12), трагизмных «декадентские» мотивы как симптом разложения «больных детей бывшего века» (там же, с. 160) в прежних верованиях и попытку поиска нового начала.

«Новые стихотворения. 1891—1895» (СПб., 1896) М. воплощают те же особенности мироощущения и взгляды на совр. эпоху; открывающее сб. стих. «Дети ночи» было воспринято как манифест декадентского искусства: «Мы для новой красоты / Нарушаем все законы / Преступаем все черты; / Мы — над бездною ступеней / Дети мрака, солнца ждем». Превращение М. в «печального приспешника клики декадентов» (ЛПН. 1896, № 9, стб. 210), похвалы язычеству, греху, «дерзости преступления» встретили единодушную отповедь в лит. среде (6. п. — «Новое слово», 1896, № 11; П. (О.) Морозов — «Обр.», 1896, № 12).

Мн. проблемы, затрагиваемые в стих. 1890-х гг., развиваются и в рассказах М. из совр. жизни: конфликт между высокими порывами и косной действительностью («Пророк» — «Набл.», 1891, № 12; «На новом Замоскворечьи» — ЛПН. 1895, № 6), темы «бессилья души» совр. героя («Княжна Деспина» — там же, 1895, № 8), романтич. стремления к совершенной красоте, дающей новое осмысление и ощущение жизни («Любовь» — ЖО. еженес. лит. прил., 1898, № 5; «Ангел» — «Дом. б-ка», 1899, № 1). При этом худож. проза М., как и его поэзия, по формальным параметрам была вполне традиционна и общедоступна, что отчасти облегчало его писательскую судьбу в отличие от др. крупнейших приверженцев «нового» иск-ва 1890-х гг. В это время М. широко печатался в популярных изданиях («Рус. мысль», «Вест. Европы», «Труд», «Мир Божий», лит. приложения к «Ниве» и др.). в первой пол. 1890-х гг. — один из ближайших сотрудников ж-ла «Сев. вестник», отстаивавшего (под руководством Во-

лынского) «идеалистические» концепции.

С весны 1891 и затем почти ежегодно М. предпринимает заграничные путешествия, знакомится с иск-вом и культурой Средиземноморья; впечатления от Парфенона и др. памятников эллинского иск-ва (весна 1892) открывают ему красоту языч. мира, гармонию утраченного рая. М. переводит др.-греч. классиков — роман Лонга (на т. л. — Лопус) «Дафнис и Хлоя» (СПб., 1896; 2-е изд., СПб., 1904), трагедии (многочисленно переиздававшиеся отдельными книгами): Эсхила — «Скованный Прометей» (ВЕ. 1891, № 1), Софокла — «Антигона» (ВЕ. 1892, № 4), «Эдип царь» (ВИЛ. 1894, № 1—2), «Эдип в Колоне» (ВЕ. 1896, № 7), Еврипида — «Ипполит» (ВЕ. 1893, № 1), «Медея» (ВЕ. 1895, № 7).

И. Ф. Анненский отмечал «ясный стих, отличный литературный язык, местами чувствительность и искреннее опущение» переводов М., но указывал и на их недостаточную филологич. точность (ЖМНП. 1908, № 12, с. 236); «слабое понимание текста и духа переводимых творений» у М. констатировали также Г. Г. Зоргенфрей («Лит. вест.», 1902, № 4, с. 417) и И. И. Халапалх (ЖМНП. 1908, № 12).

«Античные» пристрастия М. преломились в его первом ист. ром. «Смерть богов. (Юлиан Отступник)» (первонач. назв. «Отверженный» — СВ. 1895, № 1—6; отл. доработ. изд. — СПб., 1896; 2-е изд., СПб., 1902; 3-е изд., СПб., 1906), составившем первую часть трил. «Христос и Антихрист»; в центре сюжета — история жизни императора Юлиана, стремившегося к восстановлению язычества, быт, нравы, идейная борьба в Римской империи 4 в. «Смерть богов» уже заключает в себе осн. черты поэтики всех последующих ист. романов М. Это роман «археологический» — с подробной реконструкцией событий и картин прошлого, строго соответствующих документально зафиксированным фактам, насыщенный инкорпорированными в текст цитатами из первоисточников (растворенными, как правило, в диалогах героев), с широким вовлечением в действие подлинных ист. лиц. И вместе с тем — роман «идеологический», в к-ром действие и персонажи (почти лишенные индивидуал. психологии, одержимые «страстями ума», исказившим «последних» истин) служат гл. обр. вычлениению и аргументации определ. комплекса метафизич. идей. Природа такого повествования двойственна — исторична и антиисторична одновременно, поскольку «музейная» подлинность ист. реконструкций и точность худож. зрения и обобщения у М. совмещаются с организационной повествоват. целого под знаком «теории», надъсторической концепции, нередко оборачивающейся априорной схемой.

Осн. коллизия «Смерти богов» — в непримиримом противоречии двух типов культуры, языческой и христианской: мир эллинский — светлый, воплощающий полноту земной жизненной красоты, с его культом телесной и душевной естественности (реалистич. и тяготением к безмятежной созерцательности — противостоит миру христианства — мрачному, скорбному, исполн. мученичества, подавляющему естеств. влечения человека, но дающему взамен, вместе с полнотой религ. переживания, приобщение к запредельному, к высшей жизни (религия духа). Метафизич. ущербность и нецелостность языч. культа поисторичной жизни и с др. стороны — враждебного жизни аскетич. фанатизма, насаждаемого христ. верой в потусторонний мир, должны, согласно концепции М., быть преодолены в грядущем синтезе «двух враждующих мудростей» (предвозвещаемом героиней романа Арсиной, прошедшей свой драм. путь к христианству). При этом клонящийся к закату антич. мир (колоритно воссозданный также в рассказе «Пир» — ЛПН. 1896, № 8) обрисован автором с большей симпатией, чем мир торжествующего «черного» христианства, хотя М. с безусловной худож. убедительностью показал невозможность реставрации язычества. Необратимость ист. процесса. В образе антихристианина Юлиана акцентированы черты трагич. обреченного героя, уже «отравленного» чувством христ. любви и милосердия, идеей возвыш. страдания (все эти противоречия позволили видеть в нем разновидность совр. ницшеанского типа).

Роман М. стал первым крупным произв. «нового» иск-ва, выдвинувшим к себе серьезное и взвешенное отношение (А. Богданович — МБ. 1895, № 11; А. Г. Горюнов — РБ. 1895, № 11); критике подвергался «декадентская» и ницшеанская позиция М. (Энгельсгардт Н., Поклонение злу. — Кн. «Неделя», 1895, № 12; Оболенский Л., Влечение к древности. — Там же, 1896, № 10; П. А. Ачкасов — РБ. 1896, № 1), его нападкам на традиц. мораль и ист. христианство (Линский Б. Б., Очерки рус. прогресса. СПб. 1900, с. 404—16; М. К-ский — СО. 1895, 4 июня), а гл. строй разоблачался как «ничтожный и жалкий декаданс чистого современного пошляка» (6. п. — РМ. 1895, № 11, с. 547). А. В. Амфиатов в ст. «Рус. литератор и римский император», сопоставив текст романа с персонажами, приводит ряд важных наблюдений, касающихся специфич. творч. метода М., пришел к выводу, что «Смерть богов» — «все же очень сильный и талантливый провозвещатель возрождения и пантеизма на гротескный лад» (Амфиатов А., Лит. альбом. [СПб., 1904], с. 152).

Многочисл. критич. очерки М. 1890-х гг.: о Плинии Младшем («Труд», 1895, № 4), Марке Аврелии, Кальдероне (там же, 1891, № 21, 24), М. Монтене (РМ. 1893, № 2), Гончарове, А. Н. Майкове («Труд», 1890, № 24; 1891, № 4) и др. — объединены в кн. «Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы» (СПб., 1897; 2-е изд.,

СПб., 1899), вызвавшей не меньший резонанс в лит. среде. Книга представляет собой, в противовес утилитарно-обществ., тенденциозной критике, образец критики «аристократической» и субъективно-психологической; цель М. — воссоздание и осмысление облика каждого из «вечных спутников» в его неповторимых индивидуальных чертах и непреходящем значении. Особую известность приобрел очерк об А. С. Пушкине; М. ярко показал всеобъемлющее значение поэта как своего рода олимпийского первоисточника для последующего развития рус. лит-ры, как воплощения изначальной эстетич. гармонии.

Книга вызвала ряд сочувств. отзывов: критики даровали М. признание и литераторы, отрицали или скептически относились к его принципам субъективной критики, з т. ч. В. Д. Спасович (ВЕ, 1897, № 6; то же — в кн.: Спассович В. Д. Соч., т. 9, СПб., 1900, с. 313—370), Б. В. Никольский (ИВ, 1897, № 11) и Горюхов (РБ, 1897, № 3).

В сер. 1890-х гг. М. неоднократно бывал в Италии (Рим, Флоренция, Таормина), вынашивая замысел ром. о Леонардо да Винчи; весной 1896 посетил родное селение Леонардо (описав эту поездку в очерке «Селение Винчи» — «Cosmopolis», 1897, № 1), повторил путешествие по городам Италии, проделанное некогда Леонардо вместе с Франциском I. Интерес к итал. и в целом зап.-европ. истории и культуре эпохи Возрождения сказался в серии новелл 1895—1897 гг. (см. раздел Др. прозв.); часть их вошла в кн. М. «Любовь сильнее смерти. Итальянская новелла XV в.» (М., 1902; 2-е более полн. изд., СПб., 1904).

Роман «Воскресшие боги. (Леонардо да Винчи)» — вторая часть трилогии «Христос и Антихрист» — выпущ. отд. изданием в 1901 (СПб.; 3-е изд., СПб., 1906).

Намерение печатать его в «Сев. вестнике» не было осуществлено из-за прекращения отношений (летом 1897) с руководителем журнала Волынского (по причине идейных разногласий, а также под влиянием разрыва личной олондней Гиппиус с Волынским); первая 7 глав ром. появились в ж. «Начало» (1899, № 1—4), полностью — в ж. «Мир Божий» (1900, № 1—12).

Идейная концепция и худож. приемы «Смерти богов» получили в «Воскресших богах» дальнейшее развитие. Целиком основанный на наст. свидетельствах — жизнеописание Леонардо, его записи и трактаты, исследовательские работы о нем и его эпохе, — роман дает широкую и многоплановую панораму итал. жизни конца 15 — нач. 16 вв., осмысленной под знаком противостояния двух «бездн» — духа и плоти, блестящим языком культуры (флорентийский слог Лоренцо Медичи) и аскетич. фанатизма (проповедник Дж. Савонарола). Помимо этих оппозиций, в романе обозначаются также антитезы: природа — искусство, действие — созерцание, путь любви — путь по-

знания, чувство — разум, свобода — истина, причем М. не отдает предпочтение тому или иному члену оппозиции, уравнивает их иственный статус («небо вверх» — «небо вниз»). Так, один из гл. персонажей, ученик Леонардо Джованни Бельтраффио, богослов, мученик внутренней развоенности и «герой пути», пытается обрести истину между двумя непримиримыми для него сферами — воскресшим «олимпийским» миром иск-ва и познания и «галлиейским» миром веры и отречения от жизни. Леонардо («Боготворец, самовластный / Богоподобный человек» — стих М. «Леонардо да Винчи», 1895), предстающий как художник-демиург, к-рый знаменует одновременно самостоятельность личностной исключительности, вмещает и примиряет все метафизич. антитезы: демонизм гениальности и рассудочного аналитизма, торжество эстетич. начала, независимость познания и творчества от этич. критериев. В романе ошутимы ницшеанские и «декадентские» настроения, культ аристократизма, элементы эстетизированной апологии зла и симпатии к «макиавеллистическому» пониманию государственности.

В «Воскресших богах», как и в «Смерти богов», подчеркивается тщательность попыток воскресить мир разрозненной драм. радости и пророчествует синтез двух глобальных типов мироустройства и мировосприятия — языческого и христианского, сопрягающийся в сознании М. с рус. нап. еврей (финал романа — сон рус. иконописца Евпатия, в к-ром Иоанн Предтеча является с лицом Леонардо) (сочувств. рец.: В. Мерсера (Е. А. Соловьев) — ЖВ, 1902, № 2; Д. П. Шестаков — МИ, 1902, № 1; ср. отзывы — см. Фомин).

Намерение М. приступить к созданию 3-й части трилогии вытеснилось новым замыслом — «Человек-бог и Богочеловек, — иначе Христос и Антихрист в русской литературе» (письмо М. к П. П. Першову от 4 авг. 1899 — РЛ, 1991, № 3, с. 133), к-рый обрел форму большого лит.-критич. и филос. исследования «Л. Толстой и Достоевский» (МИ, 1900—1901; 1902, № 2; отд. изд. — т. 1, СПб., 1901; 4-е изд., СПб., 1909; т. 2, СПб., 1902; 3-е изд., СПб., 1909); осн. работу над ним М. вел вне России (зима 1899—1900 — Рим, весна 1900 — Сицилия и Флоренция, лето 1900 — Германия). Этот замысел предполагал коррекцию прежних идейных установок.

«Когда я начинал трилогию „Христос и Антихрист“, мне казалось, что существуют две правды: христианство — правда о небе, и язычество — правда о земле, и в будущем соединении этих двух правд — водноста религиозной истины. Но, клочая, я уже знал, что соединение Христа с Антихристом — конъюнктивная ложь; я знал, что обе правды — о небе и о земле — уже соединены во Христе Иисусе» (лат. предисл. в кн.: Мережковский Д. С. ПСС, т. 1, М., 1914, с. VI).

При работе над испл. о Л. Н. Толстом и Ф. М. Достоевском М. был вдохновлен идеями Новой Церкви, окончательно оформившейся у М. в

1899. «Неохристианство» М. было не приходом в лоно ортодоксальной церкви, а пророчествованием о новом, апокалипсич. христианстве, исповеданном Третьего Завета, или Церкви св. Иоанна, — религии св. Духа, третьей ипостаси Божественной Троицы, соединяющей религию Отца и религию Сына в новом и окончательном единстве — Христе грядущем.

Проблема соотношения двух «правд» — Божественной и человеческой — рассматривалась М., как и его др. глобальные проблемы, едва ли не во всех жанрах и на протяжении десятилетий, постоянно уточняясь в бесчисл. модификациях: «Или жизнь без Христа, или христианство без жизни. Мы не можем принять ни того, ни другого. Мы хотим, чтобы жизнь была во Христе и Христос в жизни» (из кн. М. «Гоголь», СПб., 1909, с. 230—31). Концепция «нового христианства» (позже в наст. аспекте, она, в разные периоды, получила у М. различное социальное наполнение, см. ниже) вызвала критику как со стороны ортодоксально-церк. христианства (см., напр., «Страдания», 1903, № 7), так и совр. религ. философов (см.: С. Соловьев, Бердяев; Розанов В. В.; Франк). По мнению С. Л. Франка, «Третье откровение» («религия св. Духа»), соединяющее земное и небесное, призвано М. «освятить» доселе антирелигиозное и мисредлиозное культурное творчество, примирить религию с мирской жизнью и тем завершить «божественный процесс» (Франк, с. 341).

Толстой и Достоевский в религио-гнозистич. интерпретации М. — два грандиозных образа-символа рус. культуры, каждый из к-рых с совершенной полнотой воплотил одну из двух метафизич. «бездн» — бездну плоти (Толстой) и бездну духа (Достоевский); примирение этих двух начал, тезиса и антитезиса, в синтезе — «духовной плоти» — становится прерогативой христианства эсхатологического; соединение «правд» Толстого и Достоевского видится М. как начало нового религ. действия, к исполнению к-рого призвана Россия.

Развертывание этих концепций осуществляется у М. путем историко-философского, психологич., эстетич. анализа жизни и творчества писателей (в противоположность господствовавшей в критике публицистич. и социологич. методам), позволяющего говорить об исследовании М. как о целой «эпохе в истории русской критики»: «Первые в этой книге так искусно использованы детали биографических материалов. Первые именно детали, частности, незначительный случай подмечается и, ставясь в связь с целым, делается красноречивым и знаменательным» [Грифцов Б. Три мыслителя, М., 1911, с. 117—118; сочувств. отзыв Л. Шестакова: «О книге Мережковского» — МИ, 1901, № 8/9; в то же время Шестаков порицал М. за предпочтение схем «живому хаосу» («Взгляд идей» — МИ, 1903, № 1/2, с. 82)].

В критике особо отмечались тенденциозный «прокурорски-обвинительный тон» в отношении Толстого и «восторженность ослепленной пифии» в отношении Достоевского (А. Е. Ефремов) — МБ, 1901, № 11, отд. II, с. 4; Ю. К. Ар-

МЕРЕЖКОВСКИЙ

естей — ВЕ, 1901, № 5; Н. Михайловский — РБ, 1902, № 9, 10); в отечественном плакате, рисунке «Отцы и дети» рус. либерализма» (МР, 1901, № 2/3) М. преостерегал от проекции через мнимый «христианство» Толстого с его «буддистским ингибилом». Высшую оценку получил посыл М. в символистской среде: В. Я. Брюсов полагал, что М. в нем «дает самую убедительную проповедь христианства, какая когда-либо была написана на русском языке» («Вестн. III. Черт и Хам» — «Вестн», 1906, № 3/4; Брюсов в (2), с. 180; другие рец. — см.: Фомина).

На рубеже веков активизируется обществ. деятельность М. и Гиппиус, направл. к объединению единомышленников и сочувствующих их религ.-филос. исканиям; многолетним духовным и жизненным спутником Мережковских стал критик Д. В. Философов, один из учредителей ж. «Мир искусства», к к-рому они были близки, позднее — церк. деятель А. В. Карташёв (1875—1961) — религ. публицист, историк церкви. Как духовного наставника воспринимали М. молодые поэты-символисты — Андрей Белый, А. А. Блок и др.; в кругу единомышленников и сочувствующих его исканиям М. стал осознаваться безусловным лидером, по словам А. Белого, «когда по вечерам приходили друзья, близкие, поклонники, Мережковский развертывался во всю свою величину: казался большим и близким, родным, но далеким, проливающим лучами одному ему ведомого восторга: казался прекрасным, был своим собственным художественным произведением... Здесь, у Мережковского, вонистину творили культуру...». Вокруг Мережковского образовался целый экспонат новых течений, из которого все черпали. Все здесь когда-то учились, ловили его слова» (Белый А., Арабески, М., 1911, с. 414).

Весной 1901 в доме Мережковских начались интимные домашние богослужения, мыслившиеся как прообраз общего религ. действия, чаемой «Новой Церкви». В окт. 1901 М. — осн. инициатор и один из пяти «членов-учредителей» (наряду с Философовым, В. В. Розановым, В. А. Тернавцевым и В. С. Миролубовым) Религ.-филос. собраний в Петербурге, залученных как дискуссионный центр, способствующий преодолению разлада между интеллигентной и церковью и поиску путей религ.-обществ. возрождения России; на собраниях, продолжавшихся с 29 ноября 1901 до их запрещения (в результате нападков охранит. и ортодоксально-церк. печати) 5 апреля 1903, М. выступал как один из самых активных и темпераментных полемистов, стремясь в споре с православными иерархами связать постулаты христ. религии и церкви с насущными совр. проблемами.

В 1903—04 М. — один из руководителей религ.-филос. и лит. журнала «Новый путь» (офш. редактор — Перцов, с лета 1904 — Философов),

печатавшего стенограммы Собраний (см.: Записки Петерб. Религ.-филос. собраний. 1902—1903 гг., СПб., 1906) и статьи, отражавшие проблематику диалога между интеллигентской и духовенством; в лит. отделе журнала преобладали прозв. символы, хотя и проводилась общая линия на преодоление эстетского индивидуализма и крайностей «декадентства» — под знаком устремления к положит. религ. идеалу.

З. Н. Гиппиус, Д. В. Философов, Д. С. Мережковский. 1910.

В «Новом пути» была опубликована кн. М. «Судьба Гоголя. Творчество, жизнь и религия» (1903, № 1—3; отд. изд. — «Гоголь и черт», М., 1906; 2-е изд. — «Гоголь. Творчество, жизнь и религия», СПб., 1909). Личность и творчество Н. В. Гоголя истолковывались в ней как проявление борьбы писателя с метафизич. злом — чертом, воплощающимся в «н(о)уменьальной середине сущего, отрицании всех глубин и вершин — вечной плоскости, вечной пошлости» (ч. 1, гл. 1), в хлестаковщине и чичиковщине; трагич. судьба Гоголя, пытавшегося спастись от зла путем ухода от мира, в «черном», монаш. христианстве, — веский для М. аргумент в обоснование идеи необходимости нового христианства.

Среди б. ч. негативных отзывов (б. п. — «Странник», 1903, № 7; Н. (И.) Коробка — ЖМНП, 1904, № 5; Горюнов А. Е., Кытл и люди. Лит. боссам, 1, СПб., 1908, с. 278—80) выделялся отзыв А. Белого, оценивавший «много слов», позволяющих «пробить брешь в глубину духа действительные, но обычно сплывающие в «человечьем» (ЗР, 1906, № 4; Белый А., Арабески, с. 430).

Начало 1900-х гг. для М. — время пристального внимания к российской нац. проблематике, стремления к познанию религ. души народа: в частности, интерес к сектанству побуждает М. и Гиппиус совершить с

15 июня по 8 июля 1903 путешествие к местам нар. паломничества — на озеро Светлояр (Нижегород. губ.), скрывающее, по нар. легенде, невидимый град Китеж. Эти идейные тяготения были отчасти обусловлены работой над заключит. частью трилогии «Христос и Антихрист» — романом «Антихрист. Петр и Алексей» (НП, 1904, № 1—5, 9—12; «Вопросы жизни», 1905, № 1—3; отд. изд. — СПб., 1905; 2-е изд., СПб., 1906). В

нем М. стремился не только к реконструкции переломной петровской эпохи, но и к созданию историсофской, символически-провиденциальной картины, проливающей свет сквозь образы прошлого на грядущие судьбы России и мира. Центральные образы романа — Пётр I и царевич Алексей — воплощают, соответственно, «языческие» и «христианские» устремления в их противоположной направленности, являя тем самым две правды и две неправды одновременно. Они также включают в ряд иных смысловых оппозиций: религия Бога Отца (Пётр, в к-ром акцентированы черты грозного, жестокого зиждителя и законодателя, воплощает патерналистское начало) — религия Бога Сына (любовь и всепрощение, слабость и кротость Алексея); «западнический» путь — путь национальной самобытности; последний М. видит в духовных традициях и искушениях старообрядцев и сектантов; Петровское же иудейство, по М., — пример «ложного синтеза», внешнего смещения русского и европейского. Православной церкви, разлагаемой союзом с «ежедневной» силой самозеркаива, противостоит грядущая церковь «Белого, Иоаннова Евангелия» (се провидит в

Русское богословствование: З. Гиппиус, Д. Мережковский, Д. Философов. Шарж Ре-Ми. Журнал «Сатирикон», 1910, № 12.

финале герой-богослов Тихон). В отъездах критики, по преим. одобрит., в частности с особой похвалой констатировалась разоблачит. обрисовка высшего православного духовенства (А. Б(огданович) — МБ, 1905, № 7; Н. Никольский — «Православно-рус. слово», 1905, № 14; др. рец.: Чуноссов М. (Ясинский и И. Н.), Старомосковский Гамлет. — «Беседа», 1905, № 11; А. А. Измайлов — «Нов. ил.», 1905, № 18; Е. (А.) Л(яшкнй) — ВЕ, 1905, № 12).

Трилогия «Христос и Антихрист» — наиб. значит. плод деятельности М.-беллетриста. Романы трилогии построены по единому композиционно-сюжетному плану, в каждом из них изображается переходная ист. эпоха (от язычества к христианству, от Средневековья к Возрождению, от древней к новой России), раздраемая непримиримыми противоречиями. Соответствия между ними подчеркнуты символич. мотивами и образами, переходящими из романа в роман (античная статуя Венеры — «белой дьяволицы» и др.), типологич. родством героев, выполняющих сходные идейно-сюжетные функции — рисующие «симметричные линии» в творческом «философском балете» (Коган П., Очерки по истории новейшей рус. лит-ры, т. 3, в. 3, М., 1911, с. 80—81). В каждом романе фигурируют носитель идеи грядущего века — религ. синтеза (учитель Юлиана Максим Эфесский — Кассандра — Иоанн, сын Громов), «ищущий» герой, мечущийся между двумя истинами и осознающий неполноту каждой (Арсина — Джованни Бельтраффио — Тихон

Запольский), группы персонажей — приверженцев односторонних истин.

Главные герои трилогии, отчасти противопоставляемые (Леонардо — гений созерцания, Петр — гений действия), также уподобляются друг другу как титанич. носители полунистины, убежденные язычники-индивидуалисты, бессознательно близкие грядущему христианству. В «Христе и Антихристе» сконцентрированы осн. структурообразующие принципы поэтики символистской прозы: универсалистские и мифопоэтич. концепции соединены с историческим, «книжным», «цитатным» материалом; целостная картина мира вырастает из переосмысления символич. отшлифованной в ходе эволюции мировой культуры и осознаваемой как особая метафизич. реальность, подчиняющая себе реальность эмпирическую и пророчествующая о реальности высшей.

В 1900-е гг. М. постепенно перестает выступать как поэт; его кн. «Собрание стихов. 1883—1903 г.» (М., 1904; с добавлением поэмы «Старинные октавы» — «Собрание стихов. 1883—1910 г.», СПб., 1910) имела итоговый характер. Отчасти по причине формально-стилевого «архаизма» она была встречена похвалой за красочность, эффектность и «своего рода литературную благовоспитанность» (А. П. Натанов — «Природа и жизнь», 1904, № 6, стб. 414), за ясность пластич. образов (б. п. — РМ, 1904, № 7); М. А. Кузмин, указав на принадлежность М. «по корням и даже приемам к поэзии Плонского, Фоданова и более всего Надсона», заключает, что «не в поэзии — сила автора», «не на поэзию направлено его устремление» («Аполлон», 1911, № 2, с. 58—59). К осознанию этого, видимо, пришел и сам М., сосредоточившийся с сер. 1900-х гг. на злободневной публицистике и лит. критике.

Такой крен был во многом обусловлен новым идейным сдвигом М., определенным в ходе диспутов на Религиозно-философских собраниях и под решающим воздействием рев. событий 1905 (см.: «Автобиогр. заметка», с. 294). От убежденности в положит. религ. силе рус. самодержавия, его связи с православием (самое нач. 1900-х гг., время противостояния М. заветам «либерализма») он отрывается в пользу противоположного тезиса: самодержавие — от Антихриста, насущная задача — соединение «нашего Бога с нашей свободой» («Революция и религия» — РМ, 1907, № 2, [отд. II], с. 85). Теперь пути «нового религ. сознания», ведущие к «новому» христианству, открываются для М. в «религ. общественности» (см. брошюру М. «Зачем воскрес? Религ. личность и общественность», П.,

1916), в слиянии задач социально-политич. революции и революции религиозной. Общественно-политич. индифферентизм М. вытесняется все более последоват. радикализмом, неприятием всей консерват. гос. системы старой России. Погружение в «общественность» сопровождается активизацией личных контактов (сближение с Н. А. Бердяевым, А. С. Глинкой-Волжским, А. Белым и др.), особенно заметной в месяцы рев. подъема; квартира Мережковских становится «своего рода психологическим магнитом, куда тянулись философствующие лирики и лирические философы» (Чулков Г., Годы странствий. Из книги восп., М., 1930, с. 129).

Новый «символ веры» М. обусловил новые акценты в интерпретации рус. классиков. В очерке «Пророк русской революции. К юбилею Достоевского» («Весьм», 1906, № 2—4; отд. изд. — СПб., 1906) М. приходит к выводу, что сознат. реакционер Достоевский был бессознательным революционером и апокалиптиком-визионером, сквозь личину православия, самодержавия и народности провидевшим контуры религ. революции и новой теократии. В ст. «О Чехове» («Весьм», 1905, № 11; в последующих изд. — «Чехов и Горький») М. порицал воплощенную в творчестве обоих писателей безрелигиозность — бессознат. религию рус. интеллигенции, влекущую в бездну разрушения и хаоса и оборачивающуюся духовным «босаяством». В очерке «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества» (РМ, 1909, № 3; отд. изд. — СПб., 1909) М. изобразил поэта «Каином русской литературы», изгоем и богоборцем, осуществившим метафизич. бунт против основ мироздания; пафос действия, воплощенный в личности поэта, М. проецирует на насущные задачи религ. обновления.

Ряд печатных выступлений М. отражал его позицию по отношению к полит. событиям 1905—06 гг.; важнейшее из них — ст. «Грядущий Хам» («Полярная звезда», 1905, № 1 — под назв. «Мешанство и рус. интеллигенция», № 3; отд. изд. — «Г. Грядущий Хам. II. Чехов и Горький», СПб., 1906), в к-рой он предостерег совр. общество от недооценки мощных сил, препятствующих делу освобождения, обществ. и религ. обновления. Согласно концепции М., интеллигенция, концентрирующей в себе начала духовного благородства, свободы и культуры и воплощающей «живой дух России», противостояла началу духовного рабства и ханства, питаемые стихией мешанства, безличности, серединности и пошлости; у «грядущего на царство мешанства» — три лица: настоящее — «лицо самодержавия,

МЕРЕЖКОВСКИЙ

мертвый позитивизм казенщины, прошлое — лицо православия, воздающего кесарю Божие, будущее — лицо хамства, идущего снизу — хулиганства, босячества, черной сотни — самое страшное из всех трех лиц» (Мережковский Д. С., ПСС, т. 14, М., 1914, с. 37). Последнее из этих «лиц» М. распознавал, в частности, в нарождавшемся большевизме. Он призывал Н. М. Минского, предоставившего газету «Новая жизнь» большевикам и напечатанного там свой «Гимн рабочим», выйти «из социал(ь)-демократического болота»: «Гимн рабочим» меня огорчил: из развалин, из пожаров — ничего не возникает, кроме Грядущего Хама» (письмо к Л. Н. Вилькиной от 14 нояб. 1905 — в кн.: Ежегодник РО ПД. 1991, СПб., 1994, с. 232; публ. В. Н. Быстрова). При этом М. отрицал возможность использования символа Грядущего Хама применительно к к.-л. обществу, классу, соотнося его лишь с общими свойствами личности и ее отношением к Богу («О благородстве пролетариата. (Ответ г. Минскому)» — «Свобода и культура», 1906, № 2).

Два с пол. года (25 февр. 1906 — 12 июля 1908) Мережковские провели в Париже; в числе целей загранич. пребывания — живое знакомство с европ. религ. и обществ. жизнью, а также с рос. полит. эмиграцией: «В Париже я сблизился с рус. эмигрантами-революционерами. Мне казалось и теперь мне кажется, что это лучшие русские люди, каких я встречал за всю свою жизнь ... в сложнейшую связь русского освобождения с религиозными судьбами России» (фрагмент из «Автобиограф. заметки» М., изданий цензурой, — ИРЛИ, № 24384). Ближе всего Мережковские сошлись с социалистами-революционерами — И. И. Фондаминским (Бунаковым), Б. В. Савиновым. В Париже М. написал (в соавторстве с З. Гиппиус и Философовым) драму «Маков цвет» (РМ, 1907, № 11; отд. изд. — СПб., 1908), в сюжете к-рой преломилась актуальная обществ. проблематика, а также подготовил (вместе с ними же) антимонархич. и антицерк. сб. статей на франц. языке, посвящ. рассмотрению религ. значения рус. революции: «Le Tsar et la Révolution» (Р., 1907; нем. пер. — «Der Zar und die Revolution», Münch.—Lpz., 1908); часть работ этого сб.-ка, а также ст. «Последний святой» (РМ, 1907, № 8, 9) с оценкой духовного подвига Серафима Саровского и критикой церк. ортодоксии составили кн. М. «Не мир, но меч. К будущей критике христианства» (СПб., 1908).

Даже сочувствующие богословско-политическим М. стремившиеся к объединению идеолог. «безбожного» интеллигента-революционера и

мистика-скапнта, говорили о его обреченности на одиночество: «никто не признает его совсем своим» (Е. Кузьмин — «Вест. теософии», 1908, № 3/6, с. 92); о том, что М. в новой книге «зарражает, гипнотизирует, но не убеждает», писал и А. Белый («Весы», 1908, № 6; то же — в его кн.: Арабские, с. 436). Вераев выдвиг в пострелигиоз. М. силу религ. прозрачной и слабости в конкретный оценкой действительности, «ощущений живых людей», удаленности мистич. идеи революции от революции в ее «эмпирических пределах», подчеркивал несомненность социального, максимализма с максимализмом религиозным («Мережковский о революции» — «Моск. ежеквартальник», 1908, № 25, с. 4—5, 7—8).

Во 2-й пол. 1900-х гг. М. активно сотрудничает в либеральной периодике — ж. «Рус. мысль», газ. «Речь», «Рус. слово», участвует в символистских «Весах»; по возвращении в Россию, с 1908 он — один из руководителей Религ.-философ. общества в Петербурге. Полемич. пафос выступлений М. этого времени направлен против полит. реакции и переоценки рев. заветов рус. интеллигенции (ст. «Семь смиренных», содержащая резкую критику идеологии сб. «Вехи», — «Речь», 1909, 26 апр.), против попыток примирения со старой рус. государственностью (полемика с П. Б. Струве; ответные выступления — в кн.: Струве П., Рагюйса, СПб., 1911, с. 109—27, 439—43). Эти провозв., проникнувшие сознанием глубокого неблагоприятия всего общества, уклада и тревожными предостережениями катастрофич. конца, объединены в сб.-ках М. «В тихом омуте» (СПб., 1908) и «Большая Россия» (СПб., 1910). В них окончательно определяется характерная для М., стилистика лаконичной «газетной» статьи, построенной на обыгрывании образных антитез и парадоксов, на неожиданных сравнениях и ассоциациях. В отзывах отмечалось, что, при всей яркости, эффектности и видимой убедительности, предпринимаемые М. сопоставления разнородных явлений и понятий грешат искусственностью и преднамеренностью ((А. Г. Горнфельд) — РБ, 1910, № 3; Ч. Ветринский (В. Е. Чешини) — ВЕ, 1910, № 3).

В 1900-е гг. у М. вызревает замысел второй, после «Христа и Антихриста», трилогии, связанный с его интересом к рус. истории кон. 18 — начала 19 в. В Париже М. написал драму «Павел I», задуманную как 1-я часть драм. трилогии (за ней должны были последовать «Александр I» и «Николай I»); 2-я и 3-я части, однако, были осуществлены в форме романов («Александр Первый» и «14 декабря»). Сюжетную основу «Павла I» (РМ, 1908, № 2; отд. изд. — СПб., 1908; под назв. «Смерть Павла I», Б., 1908) составила история заговора против императора и его убийства; вопреки традиц. трактовкам, М. видит в Павле гранич. личность, стремящуюся придать гос. деятельности религ. смысл.

Петерб. издание драмы сразу по выходе в свет было конфисковано, а против М. возбуждено судеб. преследование за «дерзкое неуважение к верховной власти» (на судеб. процессе 18 сент. 1912 М. был оправдан, а задрет с изъятием книг). М. О. Гершензон назвал эту историю, персонажей — «элементарными до крайности», а разработку психологии — «в духе „испанских драм“» (ВЕ, 1908, № 8, с. 762; подпись М. Г.; ср.: В. А-в — ИВ, 1913, № 4); Брюсов, напротив, счит. что «Павел I» быть может, — лучшее, что создал Д. Мережковский как художник» («Весы», 1908, № 6; то же — в кн.: Брюсов (2), с. 270).

Романы М. «Александр Первый» (РМ, 1911—12; отд. изд. — т. 1—2, СПб.—М., 1913, три изд.; под назв. «Александр I и декабристы», Б., 1925) и «14 декабря» (П., 1913; 2-е изд., Париж, 1921), герои к-рых разведены по двум станам — придворный круг и круг дворян-оппозиционеров, проникнуты идеями несовместности самодержавия с истинно христ. самосознанием, порочности офици. православия (воздающего «зверю» Божие) и убежденностью в спасит. для будущей России связи освободит. движения с религ. возрождением. (К таким воззрениям приходит гл. герой романа и выразитель взглядов автора декабрист князь Валериан Михайлович Голицын.) Изображаемые в романах конфликты заметно модернизированы под знаком идеи «религ. общечеловечности».

Александр I обрисован как человек внутренне противоречивый. Он одержим памятью об убийстве отца и видит в гонимых заговоре неизбежное возмездие. Перлов (сыгравший, что М. после обращения «радикальную веру» «потерял несомненный удер своей писательской значительности») увидел в Александре I в исполнении М. «вопр. литературного неврастения», а в декабристах — «тонкопопых» интеллигентов нового времени» («Александр» — ИВ, кал. прил., 1913, 18 мая, с. 9—10).

Неприятие акт. тенденциозности, упреки в пострелигиозности против акт. правды бытия осн. критич. акцентом в многоголос. откликах на «Александра Первого» (Садовской Б., Октябрьские темы — СВЗ, 1913, № 1; то же — в его кн.: Ледохов. Ст. и заметки, П., 1916; Э. Серебряков) — «Вест. знания», 1912, № 6; Н. Я. Абрамович — «Новая жизнь», 1912, № 3; Иванов-Разумник — «Звезда», 1913, № 1; Л. Войтоволский — «Князь мысль», 1913, 22 марта). Вместе с тем отмечалось, что познание в ром. проблеме «человек в перспективу „личности“» (Голдиков В., Лики авторов и лики догмы. — «Вест. знания», 1913, № 1, с. 124), разработаны с «эстетической законченностью» (Аничков Е., Белье павлины нашей судьбы. — «Новая жизнь», 1912, № 7, стр. 136).

Роман «14 декабря» вызвал менее широкую реакцию в печати, но в целом более сочувственную (при этом обращалось внимание на актуальность романа в свете свершившейся революции); отмечалось, что декабристы освещены в нем «сиянием мужественства и всей полнотой авторской симпатии» (М. О. Цетлин — СВЗ, 1921, № 5, с. 261), что автор «игру творческого воображения уверенной рукой ведет по установленным путям исторической правды» (М. Л. Слоним — «Воля России», Празд., 1921, 26 мая).

К разработке мет. сюжетов М. обращался в 1910-е гг. и в жанре драматургии. Пьеса «Романтизм» (П., 1917; пост. — Александрин. т-р, 1916) воскресает эпизод из семейной хроники

Бакуниных (у М. — Кубанины), описаний в кн. А. А. Корнилова «Молодые годы Михаила Бакунина» (1915). — борьбу Михаила, романтика-идеалиста за «освобождение» сестры Вареньки от скрывающихся ее брачных уз. Трагедия «Шаревич Алексей» (П., 1920; Прага, [б.г.]; пост. — Б. Драмотич, г.р. 1920) написана по сюжетной канве «Петра и Алексиса». Пьеса «Будет радость» (П., 1916; пост. — МХТ, 1916), написанная на совр. сюжет, прозитождана идеей соединения религии «отцов» (старых общественников-радикалов) и религии «детей» («скедастество» и богоскательство) в «религиозной общественности» (рси.: Одинокий Дий (Н. В. Туркин) — «Пегас», 1916, № 2; Я. Тютчевальд — СевЗ, 1916, № 3; Д. С. — «Летопись», 1917, № 1; В. Брюсов — УР, 1916, 4 февр.).

В 1910-е гг. М. приобрел репутацию маститого и влиятельного писателя, он был одним из немногих, получивших широкое признание за границей (романы и др. книги М. издавались в переводах на осн. европ. языки): «Из наших современных писателей он единственный, пожалуй, которого образованный европеец удостоился прочесть и которым интересуется» (Чулков Г., Наши спутники, М., 1922, с. 57). Творчество М. высоко ценили ведущие зап.-европ. писатели — среди них Г. Брандес (см.: Брандес Г., Собр. соч., т. 19, СПб., 1913, с. 313—25) и Т. Манн (см.: Манн Т., Художник и общество. Ст. и письма, М., 1986, с. 37—38, 85—86, 398—400). В М. видели живое воплощение традиции, идущей от Достоевского, Толстого и Вл. С. Соловьёва, — традиции максималистского отношения к литературе под знаком высшего идеала, как к религиозно-обществ. делу; подобно В. Г. Белинскому, М. воспринимался как «центральная натура» своей эпохи, «новый тип ... культурно-критич. сознания, в котором ... разрешаются разрозненные звуки нашей умственной культуры» (Бестужев В. (Гиппиус Вл. В.), Лит.-обществ. смена. — «Голос жизни», 1915, № 9, с. 18). В то же время воздействие М. на умы современников оставалось неглубоким; незначит. было и число его идейных приверженцев и последователей; М. воспринимался как один из тех, «кого слушают, кем возмущаются или восхищаются ... но к кому все одинаково холодно, кого не любят, не чувствуют с ним своего родства» (М. Р. В., Религ. демократ. — «Всеобщий ежемесячник», 1910, № 1, с. 155). Причину этого не без оснований находили в рационалистичности М. («Самая грусть его — холодная» — Розанов В., 1990, с. 313), в сомнительности его попыток «создать новую религию на основе чужого религиозного опыта» (Луидберг Е., М. и его новое христианство, СПб., 1914, с. 2), а специфич. «книжностн.», претворяющейся в «мертвое мастерство» (заглавие статьи о М.: Иванов-Разумник, Творчество и критика, т. 2, СПб., 1911).

Критич. неприятие писательского метода М. особенно усилилось в те же 1910-е гг., когда в его творч. опыта обозначились самоповторы, девальвация в использовании образно-смысловых антитез и стилиевых приемов. М. дистанцируется по отношению к соратникам-символистам, приходя их за эстетскую отрешенность от насущных жизненных проблем и даже за «измену тому святому, абсолютному, что было в рус. революции» («Балаган и трагедия» — РСЛ, 1910, 14 сент.). Одновременно он переосмысливает с т. зр. «религиозной общественности» культурное значение ведущих фигур демокр. интеллигенции. В лекции «Завет Белинского. Религиозность и общественность русской интеллигенции» (П., 1915) М. расценивает Белинского как прообраз всей рус. интеллигенции, акцентирует в личности критика поважинческое, мученическое начало и видит в его духовных уст-

Д. С. Мережковский. 1910.

ремлениях бессознат. поиски веры, «христианство без Христа» (с. 24). Сходным пафосом проникнута кн. М. «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» (П., 1915); в ней, в согласии со своим излюбленным методом лозярных противопоставлений, он возвеличивал Н. А. Некрасова как поэта, провозвестника будущего религ. народничества, а в кулуаре символистов Ф. И. Тютчева усматривал глубинный нигилизм и атеизм, скрытые под маской внешней религиозности и славянофильства.

Эта концепция была однозначно воспринята как беспочвенная и преизмеренная (Крючков Д., Печальная эволюция. — «Вершины», 1915, № 25), заслужившая по своим оценкам как Некрасова: «явно желанный (и кажется, тайно жданный), так и Тютчева: «явно гонимый (и тайно славимый не более близкий автору)» (Перцов П., Тайны г. Мережковского. — ИВ, изд. пред., 1915, 7 марта, с. 9); книга дала основание Б. М. Эйхенбауму и Ю. А. Николаевскому для полного отъединения критик. метода М. («рассудочность, облеченная в импрессионистич. форму») и оценки его «тайножелания» как литературного фокусничества («Д. С.

Мережковский-критик» — СевЗ, 1915, № 4, с. 130, 143). Не выказав в целом сочувств, резюмента и сб-ки статей М. 1910-я гг. (первые опубли. в газ. «Речь», «Рус. слово», «Дем.» ж-ле «Голос жизни» и др. изд.) — «Было и будет. Дневник 1910—1914» (Л., 1915) и «Невоенный дневник. 1914—1916» (П., 1917; на обл. загл.: «От войны к революции. Дневник 1914—1917»).

Февральскую рев-цию 1917 М. встретил с большим подъемом; по своим полит. установкам он солидаризировался с А. Ф. Керенским в первые месяцы его гос. деятельности (см.: Колонийский Б., А. Ф. Керенский и Мережковские в 1917 г. — ЛО, 1991, № 3). Октябрьскую рев-цию воспринял как контрреволюц. путч, уничтоживший все завоевания демократии и отдавший Россию во власть нового тиранч. правления: «царя-Зверя», символизировавшего прежний самодержавный строй, сменил, по убеждению М., «народ-Зверь», предавший свою свободу и обернувшийся Торжествующим Хамом (ст. «1825—1917» — «Веч. звон», 1917, 14 дек.); «революционной демократии» в обличье большевизма он противопоставляет заветы «революционной аристократии», восходящие к декабристам и хранимые подлинной рус. интеллигенцией («Революционная демократия» — «Новые вед.», 1918, 6 июня). 24 дек. 1919 М., Гиппиус, Философов и их секретарь поэт В. А. Злобин (1894—1967) выехали из Петрограда в Гомель и в янв. 1920 нелегально перешли польскую границу. Последующие 10 месяцев, проведенных в Варшаве, были заняты активной антибольшевист. деятельностью (основание газ. «Свобода», общение с Савиным и общие усилия, направл. к организации воен. интервенции против Сов. России и формированию рус. отрядов при польских войсках, аудиенция у Ю. Пилсудского). После подписания польско-советского перемирия в Минске, разочаровавшись в поляках и в Савинкове и пережив расхождение с Философовым, в ноябре 1920 М. и Гиппиус переехали из Варшавы в Париж, где прожили оставшуюся часть жизни. Под ред. и с предисл. М. был издан публицистич. сб. «Царство Антихриста» (Мюнхен, 1921); большевизм рассматривался в нем как воплощение абсолютного метафизич. зла, но также обличалась и бурж. Европа, обусловившая духовный кризис всей рус. культуры, к-рый разрешился рос. трагедией.

Непримиримая позиция Мережковских в отношении Сов. России, убежденность в желательности иностр. интервенции для ликвидации большевистской власти обусловили их отчуждение от «левых» полит. центров рос. эмиграции, стоявших на более умеренных позициях; для «правых», монархич. кругов был неприемлем их идейный радикализм.

МЕРЕЖКОВСКИЙ

Общее неприятие вызвали тяготения М. к итал. фашизму и увлечение фигурой Б. Муссолини (в х-ром он прозван разочаровался); М. «вовсе не склонен был безгранично восторгаться диктаторами и их политическими программами», но сам живя метафизикой. «в каждом новом очередном вожде подозревал такого же, как и он, метафизика» (Терапано Ю. Лит. жизнь рус. Парижа за полвека. Париж — Н.-Й., 1987, с. 30—31). В 1939 М. выступил по радио с приветств. речью Гитлеру, организованной — без ведома Гиппиус, отвергавшей нацизм, — Злюбиным; в ней он «сравнивал Гитлера с Жанкой д'Арк, призванной спасти мир от власти дьявола» (там же, с. 94; перепеч.: «Независимая газ.», 1993, 23 июня), после чего был подвергнут бойкоту в эмигрантской среде (как свидетельствует Гиппиус, известия о заговорах действиях гитлеровцев в России заставили его пересмотреть свою позицию). На протяжении 1920—30-х гг. М. продолжал оставаться в центре интеллектуальной жизни эмиграции, был пост. сотрудником ведущих изданий — ж. «Совр. записки» и газ. «Возрождение»; в февр. 1927 по инициативе М. и Гиппиус было организовано общество «Зеленая лампа», ставшее средоточием лит. жизни русского Парижа. Выдвигался претендентом на Нобелевскую премию.

В первое десятилетие эмиграции М. стремится выявить первоисток метафизич. начал, обусловивших возникновение христианства (вся история, по М., — пророчество об Иисусе Христе) и раскрывающих его эсхатол. смысл в древнейшей истории и культуре; переключением осн. внимания на эти темы было формой протеста против непримлемого настоящего и поиском скрижалей непреходящей духовности в далеком прошлом, проецируемом на грядущие времена: романная дилогия «Рождение богов. Тутанкамон на Крите» (СЗ, 1924, № 21—22; отд. изд. — Прага, [1925]) и «Мессия» (СЗ, 1926, № 27—29; 1927, № 30—32; отд. изд. — т. 1—2, Париж, 1928) реконструирует картины жизни Крита и Египта 14 в. до н. э.

В «Рождении богов» драм. конфликт строится на столкновении идеи вероподобного божества, воплощающего агрессивную, иллотскую природу древнего культа, и идеи страдающего Бича, утверждающего новое понятие святости и мощию откровения о благой природе высшего начала (поднявнина этой идеи, юная хриза Дино, обрисовывается как протозрительница, а мистерию Голгофы предвещается добровольной жертвенной гибелью на востре лавинского князя Таммузадада). Критика отмечала мозаичность, избыточную детализированность повествования (В. Т. Трезьяков) — «Сегодня», Рига, 1925, 20 июня), но признавала и мастерство М., сумевшего наложить «смертый архологический материал» «странной и странной жизнью» (Т. Таманин (Т. И. Манукина) — ПН, 1925, 9 июля).

В «Мессии» в центре внимания — духовная трагедия фараона Аденатона (Аменхотена) IV, идеального государя-миротворца и религ. реформатора, проповедующего принятие Богомолва, религиозной кротости и любви в чудном эти началом мир: «В „Мессии“ бьется именно прошлое, запалое сознание, только предположенное другой эпохой... сцена бунта написана человеком, видевшим и помнящим нашу революцию» (Г. Раевский — ПН, 1927, 13 авг.; ср. отзыв В. Ф. Ходасевича — «О Мережковском»: «Возрождение», Париж, 1927, 18 авг.; то же — в кн.: Ходасевич В. Коллелемый тоскоюлик. М., 1991, с. 536—39).

Осн. произв. М. эмигрантского периода относятся к жанру худож.-философской эссенции. прозы. Первая книга этого ряда — «Тайна Трех. Египет и Вавилон» («Окно», кн. 1—2, Париж, 1923 — под назв. «Египет — Озирис»; СЗ, 1923, № 15—17 — под назв. «Тайная мудрость Востока»; отд. изд. — Прага, 1925) — примыкает к «египетской» дилогии: в ней предприняты те же

Д. С. Мережковский. Париж. 1940.

попытки уловить «тень Христа» и «Тайну Трех» — Отца, Сына и Святого Духа — в незапамятной древности, служащей фундаментом последующего духовно-культ. строительства.

Верный своему принципу бинарных оппозиций, М. намечает два противоположных типа культуры, воплощенных в Египте (начала мира, благости, красоты и легкости, чувство обретенного Бога) и Вавилоне (начала трагедии и дисгармонии, греха, наказания и искупления: «воля к ужасу» и «окаменелая судорога») и в совокулности дающих образ того полусимволич. духовного «востока», к-рый определил основы европ. культуры: в верованиях Египта и Вавилона М. «находит великие пророчества, великие истины, совпадающие с самым существом, с сокровенным смыслом христианства» («Сегодня», 1925, 12 сент.).

Кн. М. «Тайна Запада. Атлантида — Европа» (Белград, 1930; переизд.: М., 1992) рассматривает предания о гибели «первого человечества» — снова в перспективе судеб совр. историко-культ. стазиса. М. Алданов отметил «огромный научный аппарат, редкий литературный дар» (СЗ, 1931, № 46, с. 491) этой исследоват. фантазии, близкой по пафосу к идеям О. Шпенглера о «закате Европы», а Б. Ю. Поплавский расценил книгу как «опыт непрерывного интеллектуального эстака», осуществленный «в библейском ощущении эсхатологического страха» («Числа», кн. 4, Париж, 1930—31, с. 162). Историко-биографич. книга М. «Наполеон» (т. 1 — «Наполсон-человек», т. 2 — «Жизнь Наполеона», Белград, 1929; переизд.: М., 1993 — послесл. А. Н. Николюкина) также включает в себя, несмотря на строго документальную основу, элемент фантазии: Наполеон, по М., один из отмеченных высшей силой гениев, связывающих начала и концы всемирной истории («иного творения тварь, человек иного космического цикла» — т. 1, 1929, с. 148), дан сквозь призму солнечного мифа, преданий об Атлантиде, мифологич. образов Аполлона и Диониса, Гильгамеша и т. п.

Итоговой по сути работой М. эмигрантских лет стало исследование «Иисус Неизвестный» [т. 1—2 (ч. 1—2), Белград, 1932—34; переизд.: «Октябрь», 1992, № 11—12, 1993—94; публ. Иг. Васильева] — попытка раскрыть «подлинный лик» непонятого, еванг. Иисуса на основании нового прочтения и истолкования священных текстов, апокрифов, ист. преданий и свидетельств.

Свою задачу М. видит в преодолении двухтысячелетней фиксации восприятия Евангелия, неподдающихся канонам и возматовке истинного приближения к Христу — чтобы через это по-настоящему прийти к «первому будущему еванг.». В. П. Васильева, отметив чуждость исследованию традициям богослов. полемик, видел в нем проявление абсолютной оригинальности «метода интуитивного разгадывания чудесного», «чтения метафизич. шифра», даруемого «способностью искусства, интуитивным слухом, чувством полноты и несмысленности того, что полагается Евангелием» (СЗ, 1934, № 55, с. 432—431). (В отзыве эмигрантской критики преобладали высшие оценки, что в значит. степени объяснялось общим отношением к М. как к живому классику.)

Логическим продолжением «Иисуса Неизвестного», отражавшим ту же эсхатол. концепцию Третьего Царства Духа, явились книги М., образующие цикл «Лича святых» об Иисусе к нам»: «Павел — Августин» (1936), «Франциск Ассизский», «Жанна д'Арк» (обе — 1938; все изд. в Берлине). В образах святых акцентируются черты, намечающие их внутр. путь от Евангелия «временного» к Евангелию «вечному». К этим работам примыкает посл. «Данте» (т. 1—2, Брюссель, 1939), вкл. жит-

МЕРЗЛЯКОВ

Г. М. М. и Достоевский. — В кн.: Достоевский. Мат-лы и вост., [в.] 10. СПб., 1992; сго же, М. и Герик Ибсен. (У истоков религ.-филос. идей М.М. — РП. 1992. № 1; Соболев А. Л., Мерзляковский в Париже. (1906—1908). — В кн.: «Тина. Биограф. альм.», [в.] 1. М.—СПб., 1992; Ильин И. А., Творчество М. — В его кн.: Отоявший художник. Статии. Речи. Лекции. М., 1993; Деффе О. В. М. и новое эстетич. сознание серебряного века рус. культуры. — В кн.: Время Дикоева. Универсалии серебряного века. Третьи Дикоевские чтения. в. 1. Пермь, 1993; Каграманов Ю., Божье и вражде. Выгляды в Мерзляковский. — «Континент», М.—Париж, 1994, № 83; Ваховская А. М., Ист. роман М. «Антихрист. Петр и Алексей»: субъективное толкование или проирезе? — «Рос. литературовед. журнал», 1994, № 3/6; Бойчук А. Г., «Музыкант старей» «слон» М. в «Кубке метелей» А. Белого. — Изв. ОЛЯ, 1995, № 2; Чудakov А. П., Чехов и М.: два типа художественно-филос. сознания. — В кн.: Чехована. Чехов и «серебряный век», М., 1996; Chozeville J., D. Merzjowski: l'âme russe et nous, P., 1922; Gras M., Die Religionsphilosophie von D. S. Merzjowski mit besonderer Berücksichtigung der Lehre der drei Testamente, Münch., 1955; Sprengler U., D. S. Merzjowski als Literaturkritiker, Luzern — Fr./M., 1972; Bedford C. H., The Secker, D. S. Merzjowski, Lawrence (Kansas), 1975; Rosenthal B. G., D. Merzjowski and the Silver Age. The development of a revolutionary mentality, The Hague, 1975; Stammier H., Russian metropolities: Merzjowski's religious understanding of the historical process. — «California Slavic Studies», 1976, v. 9; Clowes E., The integration of Nietzsche's ideas of history, time and «Higher Nature» in the early historical novels of D. Merzjowski. — «Germano-Slavica», 1981, v. 3, № 6; Pachtuss T., D. S. Merzjowski in exile. The master of the genre of biographic-romancer, N.Y., — [а.о.], 1990: ЛН, т. 85, 86 (ук.); т. 92, кн. 1, 5 (ук.); т. 98, кн. 1, 2 (ук.). — Бродяга: Венгеров. Источ.: ИЭС: ЛЭ; КЛЭ (здесь в нек-рых ар. историч. опечатка в дате рожд. — 1866); Фомиин А. Г., Библ. новейшей рус. лит-ры. — В кн.: Венгеров. Лит-ра 20 в., т. 2, кн. 5, с. 182—90 (в т. ч. лит-ра о М., 1888—1914 гг. — свыше 500 номеров); Муратова (1, 2; ук.); Феостер; Казак; Рус. эмиграция (ук.); Абызов, ч. 3; Алексеев; Писатели рус. зарубежья. (1918—1940). Справочник, ч. 2, М., 1994 (ст. А. Н. Николаюкина); Масанов.

Архивы: РМБ, ф. 481; ИРЛИ, ф. 177; РГАЛИ, ф. 327; Alberst Center for Russian Culture (Амстер, Масс., США); University of Illinois, The Russian and East European Center (Иллинойс, США). А. В. Лауров.

МЕРЗЛЯКОВ Алексей Фёдорович [17(28).3.1778, монастыр. слобода Далматово Казан. (позже Перм.) губ. — 26.7(7.8).1830, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], критик, теоретик лит-ры, поэт, переводчик, педагог. Род. в семье небогатого купца. По настоянию дяди, служившего правителем канцелярии перм. ген.-губернатора А. А. Волкова, был помещен в Перм. гл. нар. уч-ще, где «оказывал удивительные в учении успехи» (РА, 1881, кн. 1, с. 422). Ода М. на мир с Шведией была отправлена А. Волковым пред. Комиссии по нар. уч-щам П. В. Заваловскому как свидетельство успехов просвещения во вверенной ему губернии; по решению комиссии была напечатана в «Рос. магазин» Ф. О. Туманского под загл. «Ода, сочиненная Пермского гл. нар. училища тринадцатилетним учеником Алексеем Мерзляковым, который кроме семи училища нигде инде ни воспитания ни учения не имел» (1792, ч. I; отд. изд. не сохр.; см.: РА, 1881, кн. 1, с. 422—

423). По тому же решению М. был определен на казенный счет в г-зию при Моск. ун-те (1793—98).

Вся дальнейшая судьба М. была связана с Моск. ун-том: принят в 1798, в том же году произведен в бакалавры, что давало ему право одновременно преподавать в ун-тской г-зии. В 1804 магистр, тогда же занял кафедру рос. красноречия и поэзии. М. Н. Муравьев, товарищ мин. нар. просвещения, вызывает М. в Петербург — очевидно, с намерением отослать его для совершенствования за границу; препятствием к этому, возможно, стала вызывающая несвободность поведения М. [ср. запись М. Муравьева о нем: «manners and fashion» (манеры и мода) — в кн.: Шевырев С. П., История имп. Моск. ун-та, М., 1855, с. 346]. Пребывание в Петербурге (с 1804) в «лучшем кругу писателей, ученых и мужей государственных» осталось в памяти М. как «счастливейшее в жизни» (там же, с. 345, 346). По возвращении в Москву он получает звание адъюнкта, в 1807 экстраординарный, а в 1810 ординарный проф. красноречия, стихотворства и языка российского. В 1817—18 и с 1821 по 1828 был деканом словесного отд.

Моск. ун-та.

Лит. деятельность М. (исключая указ. «Оду...») началась в 1796 публикациями стих. в тесно связанном с ун-том ж. «Приятное и полезное препровождение времени». [Принадлежность атрибутированных ему А. Н. Неустроевым (в «Указателе к рус. поврем. изд. и сборникам за 1703—1802 гг.», СПб., 1898, с. 384) эпиграмм и песен, напечатанных в «Чтениях для вкуса, разума и чувствований» (1792—93, ч. 5, 12) под псевдонимами А. М. и А. в. М., маловероятна].

На рубеже веков (1798—99) М. сходится с Анз. Ив. Тургеневым и, через него, с В. А. Жуковским. Вли-

яние личности Анд. Тургенева, «блистательных» «достоинств» его души («Пусть говорят злые люди, что я некал быть знаем с тобою для моих собственных выгод по месту моему и состоянию...» — ГАРФ, ф. 1094, оп. 1, д. 110, л. 4; письмо М. 1799) было не только биографически, но и творчески значимым. Под его воздействием М. переживает увлечение нем. лит-рой, прежде всего Ф. Шиллером и И. В. Гёте, чье творчество во многом формирует эмоц. строй и тип жизненного поведения участников этого круга. Совместно с Анд. Тургеневым и Жуковским М. переводит «Страдания молодого Вертера» (см.: Жирмунский В. М., Гёте в рус. лит-ре, Л., 1981, с. 60—63) и «Коварство и любовь» (первый пер. остался неопубл., второй, вероятно, не был завершен). В 1799 они задумывают альм. «Сочинения М. Ж. Т.» (по начальным буквам фамилий: Мерзляков, Жуковский, Тургенев), к-рый должен был состоять из переводов и критич. разборов нем. авторов и открываться стих. М. «Слава» (см.: Истрик, 1911, с. 39; отд. изд. «Славы» — М., 1801) — подражанием «Песни к радости» Шиллера, ставшей своего рода гимном кружка. В 1801 трое молодых авторов основывают Дружеское литературное общество, куда также вошли Анд. и Мих. Кайсаровы, А. Ф. Воейков, Ал-др И. Тургенев и С. Е. Родзянко. М. — автор устава общества и, наряду с Анд. Тургеневым, один из его корифеев; произнес речь на открытии общества 19 марта, а также речи «О деятельности» и «О трудностях учения» (ИРЛИ, ф. 309, № 618). Взгляды М. того времени отличались энтузиастическим свободолобием, характерным для нач. alexсандровского царствования, в наибольшей мере они сказались в его «Оде на разрушение Вавилона» (ВЕ, 1805, № 11), связанной с известием о гибели Павла I, и переводах од Тиртея.

После отъезда Анд. Тургенева на дипл. службу и его смерти (1803) Дружеское общество распадается; в 1806 Жуковский писал Ал-дру Тургеневу: «Мне кажется, что Мерзляков (хотя с ним мне всегда было весело быть вместе, потому что он человек необыкновенный) не был со мною таков, каким бы я желал его видеть... между нами не было искренности» (Жуковский В. А., Письма А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 21).

Во 2-й пол. 1800 — нач. 1810 гг. вокруг М. складывается новое лит. общество (сведения о к-ром довольно скудны — см.: «Тр. ОЛРС», 1817, ч. 7, с. 94—95); Ф. Ф. Иванов, Н. Ф. Грамматин, С. В. Смирнов. Лит. собрания в доме Ф. Иванова, в к-рых участвовал Воейков, Н. И. Ильин, П. А. Вяземский, К. Н. Батюшков, А. М. Пушкин и др., «тогдашние

дружеские беседы» явились, по позднему свидетельству М., «предтечами» «Общества любителей рос. словесности», открывшегося в 1811 (там же, с. 106, 107). М. был одним из организаторов Общества, его временным Председателем, регулярным участником заседаний и одним из ведущих авторов (вкладчиков) изданий ОЛРС: «Трудов...» (ч. 1—20, 1812—1821) и «Сочинений в прозе и стихах» (ч. 1—7, 1822—28).

В эти же годы М. приобретает известность как литератор. Его стихи печатаются в «Вестнике Европы», «Аглае» (1808), «Утр. заре» (1803—1808), офиц. ун-тских изданиях типа «Торжеств. слова на полувековой юбилей имп. Моск. ун-верситета...» (М., 1805). Особую известность приносят М. песни, мн. из них он создает в содружестве с композитором Д. Н. Кашиним в 1803—06 и публикует в издаваемом Кашиним «Журнале отечеств. музыки» (1806), а также в «Вестнике Европы», «Новейшем и полном рос. общенарод. песеннике» (М., 1810) и др. Обращение к песенному жанру тесно связано с популярной в Дружеском лит. обществе идеей «народности», видевшем в рус. песнях «русские нравы и чувства, русскую правду, русскую доблесть» — ст. М. «Слово о духе, отличительных свойствах поэзии первобытной и о влиянии, какое имела она на нравы, на благосостояние народов» (М., 1808, с. 14). Вместе с тем, полагая песенный жанр «плодом умины, сладкого состояния, страсти тихой и нежной» («Тр. ОЛРС», 1820, ч. 17, с. 74), он перерабатывал фольк. источники в духе сентиментального романа или элегии. От предшественников песенного жанра (А. П. Сумароков, И. И. Дмитриев и особенно Ю. А. Нелединский-Мелецкий) М. отличает усвоение фольк. материала как «своего», общедоступно-национального; в песнях М. «первым умел быть народным, как Крылов в своих баснях» ((М. Максимович) — «Денинца на 1831 г.», М., с. XII; см. также: Беллинский, I, 63). Песни М., с преобладающими мотивами любви, разлуки, измены, приобрели исключит. популярность, а нек-рые из них — «Среди долины ровныя» (не опирающаяся на конкр. фольк. источник и имеющая автобиографич. психол. подтекст: объединяет темы разлуки влюбленных, духовного одиночества и тоски по родной стороне; опублик.: ВЕ, 1811, № 2, под загл. «Одиночество»), «Я не думала ни о чем в свете тужить», «Ах, что ж ты, голубчик, не весел сидишь», «Чернобровый, черноглазый...» и др. песни 1805—1810-х гг. (все вошли в сб. М. «Песни и романсы», 1830) — действительно стали народными; широко использовались в различных, в т. ч.

лит.-театр., кругах, они со временем дошли до «скромных провинциальных углов» (Гончаров, VII, 261). На стихи М. писали музыку А. Е. Варламов, А. Л. Гурилёв и др.

Переводч. деятельность М. связана преим. с теми антич. авторами, в к-рых он усматривал особую близость к природе и естеств. простоте нравов: излюбленным жанром оказывается эклога; пер. «Эклог» Вергилия (в качестве приложений вошли идиллии Феокрита, Биона, Мосха) восторженно встречен «Рус. вестником» С. Н. Глинки, увидевшим в нем «изображение нашей родной простоты» (ВВ, 1808, № 2, с. 217), пер. «Идиллий г-жи Дезульер» (оба — М., 1807) вызвал сочувств. рец. Н. Ф. Остолопова («Любитель словесности», 1806, № 12 — вышел в 1807). Большое историко-лит. значение имел пер. «Послания к Пизонам» Горация (ВЕ, 1807, № 14; полностью — УЗ, кн. 6, М., 1808; в переработанном виде — «Амфион», 1815, № 10—12) — отражение пост. интереса М. к классич. образцам нормативной эстетики (пер. «Поэтики» Аристотеля остался неизд.).

С 1808 М. публикует фрагменты перевода «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо, работе над ним отдает мн. времени; законченный в целом в 1813 (РА, 1865, кн. 1, с. 114), пер. напечатан по материальным соображениям лишь полтора десятилетия спустя. В 1807—08 М. совместно с И. Дубровным покупает типографию и выпускает в ней 18 книг (см.: Клейменова Р. Н., Книжная Москва первой пол. XIX в., М., 1991, с. 148). В эти же годы он, вероятно также с коммерч. целями, переводит пьесы А. Коцебу и либретто итал. опер (цережень — ИРДТ, т. 2; Жихарев, I, 104).

Наибольшую популярность приносит М. его преподават. деятельность. «Это ж одним только Мерзляковым можно в такие лета иметь у себя полную аудиторию». — писал Ал-др Тургенев отцу в 1804 (Истрия, 1911, с. 129). По словам студента М., юриста Ф. Л. Морозкина, он «отроду не слышал такой величественной декламации и такого могущественного дара импровизировать. Голос у Мерзлякова был тенор-бас, глуховатый, гибкий и благородно-улыблый... Этот голос производил на слушателя действит. подобное раскату грома, теряющегося на горизонте» (Барсуков, IV, 49—50). С лекционных курсами связан цикл изд. М. пособий по эстетике и теории литературы: «Краткая риторика, или Правила, относящиеся ко всем родам сочинений прозаических» (М., 1809, 1817, 1821, 1828), «Краткое начертание теории изящной словесности» (ч. 1—2, М., 1822), «Конспект лекций рос. красноречия и поэзии»

(М., 1827) и «Краткое руководство к эстетике» (М., 1829). Все эти труды представляют собой незначительные переработанные переводы (с нем.) «Очерка теории и лит-ры изящных искусств» (1783) И. И. Эшенбурга, дополн. примерами из рус. словесности; в качестве учебных пособий использовались до 1840-х гг.

В нач. 1810-х гг. слава М. лектора и критика достигает кульминации. Его прочитанное на открытии ОЛРС «Рассуждение о словесности в нынешнем ее состоянии» («Тр. ОЛРС», 1812, ч. 1), где обсуждались проблемы рус. языка и давался краткий обзор ист. развития рус. лит-ры в 18—19 вв., произвело огромное впечатление на лит. критику: «Сравнение Ломоносова с Державиным превосходно, не знаю, кто у вас в Питере мог бы так написать» (из письма Вяземского Батюшкову — ИРЛИ, ф. 19, № 28, л. 10). Небывалым успехом пользовался цикл из десяти лекций по теории лит-ры, прочитанных М. весной 1812 в доме кн. Б. В. Голицына (изложение цикла М. Т. Каченовским — ВЕ, 1812, № 7, 9; его реконструкция З. А. Каменским — в кн.: Рус. эстетич. трактаты..., т. 1, с. 390—95), где «собиралось множество слушателей: и литераторы, и люди светские, и вельможи, и дамы высшего круга» (Дмитриев, с. 160) и где, по несколько иронич. формуле Вяземского, писателя выдалась «в храм славы пропуск для будущей субботы» (стих. «К Жуковскому», 1813). Часть лекций («О гении, об изучении поэта, о высоком и прекрасном», «О талантах стихотворца», «Об изящной словесности, ее пользе, цели и правилах» и др.) была напечатана в «Вестнике Европы» (1812—13) и ж. «Амфион» (1815, № 7). В лекциях М. касался традиц. для классич. эстетики вопросов о нравств. цели иск-ва, о соотношении в нем удовольствия и пользы, о законах, на основании к-рых строится худож. произв. и их эthic. и гносеологич. предпосылки, о природе гениальности и др. Часть курса включала в себя «общие правила поэзии и красноречия»; его продолжение, к-рое М. предполагал посвятить рассмотрению самих образцов, т. е. «лучших сочинений древних и новейших, иностранных и отечественных» (ВЕ, 1812, № 7, с. 229), не состоялось из-за нач. Отеч. войны 1812.

Довоенные годы были наиб. благополучными и в личной жизни М.: «Нет человека любезнее его, когда он нараспашку» (Жихарев, I, 34); он сближается с семейством Ф. М. Вельяминова-Зернова и проводит много времени в его подмосков. имении в Жодочах. Дочь хозяина А. Ф. Вельяминова-Зернова была предметом безнадежной (из-за разницы в

социальном положении) любви М. и адресатом его лирики. Отъезд семьи на три года из Москвы кладет конец этим отношениям. В 1815 М. женится на Л. В. Смирновой, сестре своего товарища С. В. Смирнова, совместно с к-рым приступает к изд. ж. «Амфион».

На страницах «Амфиона» (1815) печатались произв. Батюшкова, Жуковского, Д. В. Давыдова, Вяземского, Ф. Иванова, С. Г. Саларёва, а также издателей журнала. Центральной публикацией был обширный инкл статей М., посв. «Россиаде» М. М. Хераскова (№ 1...9), в к-ром крайне почтительная интонация по отношению к автору первой рос. эпопеи соотнеслась с довольно бесстрастным анализом композиции, системы персонажей, сюжетной механики, использования элементов чудесного и проч. Вместе с тем полностью лишены эпитетных оговорок разбор «Россиады», сделанный П. М. Строевым («Совр. наблюдатель», 1816, № 1, 3), вызвал возмущение М.: в последних статьях цикла он дал отповедь молодому критику и несколько смягчил тон своих рассуждений о поэме.

Изд. «Амфиона» было прекрасено, поскольку М. в кон. 1815 возобновил свои публич. лекции — на этот раз в доме А. Ф. Кокошкиной. В ходе этих 24 лекций (абонемент на к-рые стоил исключительно дорого — 50 руб.) М. вновь повторил «сокращенно общие правила красноречия и поэзии» и перешел к изложению «правил различных родов сочинений и разбору знаменитейших рос. писателей» («Амфион», 1815, № 10/11, с. 186). Особое место в курсе занимала теория и практика (на рус. материале) драм. иск-ва, анализ драматургии А. П. Сумарокова, комич. оперы А. О. Аблесимова «Мельник» и особенно творчества недавно умершего В. А. Озерова, все трагедии к-рого стали предметом подробного рассмотрения (фрагменты разборов опубли.: ВЕ. 1817, № 4...14).

Критич. система М. внутренне конфликтна. С одной стороны, он убежден в том, что «искусство вообще есть следствие правляка» (ВЕ, 1813, № 7/8, с. 229), начала литературы «составляют науку обширную и глубокою, требующую труда и тишины» («Тр. ОЛРС», 1812, ч. 1, с. 81), что «вкус при всех прихотях своенравия, непостоянстве и уклонениях, существует один, и лучший» (ВЕ, 1812, № 21/22, с. 25), с другой — видит в самих этих правилах лишь «следствие наблюдений, сделанных человеком над собственными своими чувствами» (ВЕ, 1813, № 7/8, с. 211), а во вкусе — Протее, избегающего «оков всякой власти, всякого закона» («Тр. ОЛРС», 1818, ч. 10, с. 12).

Подобного рода противоречия определяют стиль мысли М., полагавшего, напр., что автор трагедии, берущийся за ист. сюжет, обязан «сохранять нравы и обычаи священные того времени» (ВЕ, 1817, № 5, с. 293) и одновременно «сближать их сколько можно» с современными (там же, с. 298). Эстетич. антиномии разрешаются выведением на первый план фигуры безусловно авторитетного критика, судьи; именно критика «при всех волнениях и изменениях вкуса», «подобно кормчичу проводит корабль образованности и просвещения среди скал и бурь в пристань чести и славы» («Соч. в прозе и стихах», ч. 2, 1822, с. 11—12); в др. месте М. уподобляет фигуру критика «наблюдателю», объясняющему ход светил — творцов «в области изящного».

Очевидно, что в роли такого критика, рос. Аристотеля, М. видел себя. «... Вот где система!» — говаривал наш Мерзляков, указывая на сердце», — вспоминал Н. И. Надеждин (Надеждин, с. 451). Такая позиция обуславливала и его чрезвычайно высокую требовательность; даже анализируя такие вершинные с его точки зрения, достижения рус. лит-ры, как ода М. В. Ломоносова «На день восшествия» («Тр. ОЛРС», 1817, ч. 7) или ода Г. Р. Державина «На взятие Варшавы» («Амфион», 1815, № 7), он обращает внимание и на их слабость. Критич. разбор в кон. жизни М. — это последовательное и по возможности полное рассмотрение всех элементов произв. с исключением его красот и погрешностей — отсюда огромные размеры многих его статей.

Печатные выступления М. о текущей лит-ре немногочисленны и носят случайный и чисто комплиментарный характер: разбор стих. В. В. Капниста «К несчастному», реп. на перевод Горация Г. В. Сокольским, «О сочинениях г-жи А. А. Наумовой» («Тр. ОЛРС», 1819, ч. 15, 16; 1820, ч. 20). Вместе с тем он достаточно определенно, хотя и в общей форме, высказывался как против карамзинистского культа безделок и малых жанров, так и арханизирующих тенденций шлюшкостов. По словам Батюшкова, в 1810—11 он называл «уродливую поэму князя Шихматова ... мозаикой славянских слов» (Батюшков К. Н., Соч., т. 2, М., 1989, с. 18). Проявленная М. осторожность в оценке ватиний совр. лит-ры свидетельствовала о его с ней глубоком расхождении. Так, резкую критику баллады как жанра, не предусматриваемого классич. поэтикой, содержало его «Письмо из Сибири» («Тр. ОЛРС», 1818, ч. 11), прочитанное им на заседании ОЛРС в присутствии Жуковского и вызвавшее скандал. Еще более глубокое неприятие

вызывала у него романтич. поэма: он критиковал на занятиях стихи А. С. Пушкина (РС. 1884, № 12, с. 539) и, чувствуя глубокий конфликт с временем, был вынужден искать поддержки у Д. И. Хвостова: «Мы не принадлежим уже к нынешнему веку, ибо у нас... что падезя, то новый век литературы ... новые рода и новые законы для сочинений! ... что от нынешних романтиков приобрели язык наш, поэзия, вкус, и особенно нравственность (в поэмах «Шыган», «Разбойников» и «Чернецов») и что они теряют или уже потеряли. Мы умрем спокойно и отрадно, сиятельнейший граф, потому что видели великих песнопевцев, умели любить их и им удивляться» (письмо Хвостову от 27 апр. 1825 — РС. 1892, № 8, с. 409). Драматизм позиции М. усугублялся тем, что, не находя геуретич. оправдания новой словесности, он в глубине души чувствовал ее достоинство. «Читая „Кавказского пленника“ он, говорят, плакал» (С. П. Шевырев — «Биогр. сл. ...», с. 96). О выступлении вдовца против романтизма «профессора Мерзлякова, бывшего в душе романтиком» вспоминает также Н. Н. Мурзакевич (Моск. ун-т в восп., с. 91). Оказавшись по долгу ун-тской службы цензором «Бахчисарайского фонтана» и предисловия к нему Вяземского — лит. манифеста романтизма, — М. способствовал выходу книги в свет. «Мерзляков уступил и написал мисс ответ, в коем обнажает его добрая душа. Жаль, что он одурел в университетской духоте» (ОА, III, 13). — писал Ал-ру Тургенев Вяземский (28 февр. 1824), чье отношение к М. было, как и у др. арзамасцев, заставших период его лит. славы, сложным и неустойчивым. Более юный Пушкин сохранил в адрес М. устойчивый скептицизм, хотя и выразил в нач. 1820-х гг., по восп. С. Е. Рачка, живую заинтересованность в его критич. отзывах (Пушкин в восп., I, 391). «Добрый пьяницей, по ужасным несвждой» назвал Пушкин М. сразу после его кончины (Пушкин, XIV, 159).

Закат М. во 2-й пол. 1810—20-х гг. отражается также в его поэтич. творчестве, где все большее место занимают стихи на случай, к-рые он должен был писать по своей должности в ун-те: «Плас радования восхищенных муз по случаю... прибытия в ... Москву государя императора Александра Первого» (ВЕ, 1816, № 16), «Стихи... при открытии новой... аудитории [в университете]» (ВЕ, 1819, № 13), «Ода на ... день Священной Иконы ... Миропозакия ... императора Николая I» (ВЕ, 1826, № 21), «Гений отечества и музы» (в кн.: Речь, произнесенная в торжеств. собрании имп. Моск. ун-та, М., 1828) и др. Даже его лекционная деятель-

ность утрачивает свой научный систематизм, превращаясь в череду вдохновенных импровизаций: «Сколько раз случалось мне, почему-то его любимцу, — вспоминал Д. Н. Свербеев. — прерывать его крепкий неподдающийся сон за полчаса до лекции, тогда вторых начинал он пить из огромной чашки ром с чаем... Дай мне книгу взять на лекцию, — призывал он мне, указывая на полки. — Какую? — Какую хочешь... И что же? Развертывается книга и начинается превосходное изложение» (Моск. ун-т в восп., с. 66). Но как профессор М. остается популярным. В конце 1817 вокруг него образуется «маленькая академия» (РС, 1879, № 10, с. 350), в к-рую входят, в частности, Ранч и Ф. И. Тютчев.

Университетская служба, вынуждавшая к творч. самоограничению, не спасала М. от постоянных материальных затруднений, усугублявшихся его нараставшим с годами пристрастием к спиритному. Он, по собств. признанию, «убивает себя и время на скудные уроки, которые доставляют только насущное и ничего не дают впрок» (письмо Жуковскому от 4 июня 1825 — РА, 1871, кн. 1, стб. 0154—0155). В числе учеников М. были П. Я. Чаадаев, И. И. Лажечников, И. В. Киреевский, М. Ю. Лермонтов (преподавал ему в Моск. ун-тском загородном пансионе теорию красноречия, давал дом, уроки в 1828—30) и др. В 1825 при посредстве Жуковского ему удается выхлопотать субсидию на издание «Подражаний и переводов из греч. и лат. стихотворцев» (т. 1—2, М., 1825—26) и пер. «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (М., 1828). Неудовлетворенным осталось намерение издать курсы публич. лекций, к-рые составили бы «шесть добрых томов» (РА, 1871, кн. 1, стб. 0152). «Подражания и переводы...», куда вошли соч. Эсхила, Софокла, Еврипида, Гомера, Вергилия, Каллимаха, Сафо, Пиндара, Горация, Феокрита, Биона, Мосха, Тибулла, Проперция. Овидия вызвали более и менее сочувств. отклики в «Соревнователе» (1825, № 5), «Моск. телеграф» (1825, № 16) и др., П. И. Шаликов в изд. им «Дам. журнале» назвал М. «великим талантом» (1826, № 19, с. 31). В то же время помещенная в качестве введения к сборнику ст. М. «О начале и духе древней трагедии и о характерах трех греч. трагиков» подверглась суровой критике Д. В. Веневитинова, студента М. СО, 1825, № 12; см. также: «Лит. критика 1800—1820-х гг.», обвинившего его в отсталости теоретич. представлений. С тех же позиций ранее критиковал «Краткий курс риторики» В. Ф. Одоевский («Мнемозина», 1824, кн. 1). Перевод «Освобожденного Иерусалима», к-рый М. считал

делом своей жизни, прошел полностью незамеченным.

В последние годы жизни М. пытается отстоять свой приоритет как создателя рус. гекзаметра (в связи с пер. «Илиады» Н. И. Гнедичем, о чем писали М. П. Погодин и Надеждин: МВ, 1830, № 4; возражения А. А. Дельвига — ЛГ, 1830, 17 марта) и в области «народных песен» — в это время входили в моду песни Дельвига (письмо Погодину — Барсуков, III, 169). За месяц до смерти он отправляется с чтением стих. «Юбилей» (ВЕ, 1830, № 12) на торжестве, заседание ун-та со словами: «Так я докажу же моим врагам, что у меня есть силы» (Барсуков, III, 171). Во многом итоговый сб. Мерзлякова «Песни и романсы» (М., 1830; факсимильное переизд.: М., 1988), вышедший в свет вскоре после его смерти, вызвал восторженный отзыв Надеждина («Телескоп», 1831, № 5) и сочувств. рец. Н. А. Полевого (МТ, 1831, № 3), отметившего, впрочем, что творчество М. принадлежит миновавшему периоду лит.-ры. 17 июня 1831 Вяземский в письме Пушкину сообщал, что «Университет не позволил Погодину прочесть на акте похвальное слово Мерзлякову. Каченовский сказал, что это не стоит внимания» (Пушкин, XIV, 177).

Изд.: Стихотворения, т. 1—2, М., 1867; Стихотворения, Л., 1958 (БПБ; с полной библиогр.); М.: вступ. ст. и прим. Ю. М. Логанова; Мастера рус. стихов. творчества, т. 1, М., 1968 (БПБ, 2-е изд.; вступ. ст., нов. текста и прим. Е. Г. Эткнз); Песни и романсы; Песни рус. поэтов; Рус. эстетич. трактаты первой трети XIX в., т. 1, М., 1974; Лит. критика 1800—1820-х гг., М., 1980 (ук.).

Лит.: Пушкин: Жихарев; Белинский; Гершен; Добролюбов; Чернышевский; Дмитриев (вс — ук.); ОА, III; Полевой Н. А., Полевой К. А., Лит. критика, Л., 1990 (ук.); К-в (Снегирев И.), Вост. об М. — ЛГ, 1845, 22, 29 марта, 26 апр.; (Шевырев С. П.), Мерзляков А. Ф. — В кн.: Биограф. сл. проф. и преподавателей Моск. ун-та, ч. 2, М., 1855, с. 52—100; Сушков Н. В., Обзор к поэтике у лингвиста. — «Рут», т. 3, М., 1854, с. 262—74; Панаев В. И., Вост., — ВЕ, 1867, № 9, с. 202; Мизюк Н. А., Мерзляков. Биографическо-критич. очерк. — РС, 1879, № 1; Белоусов И. М., Заметки рус. лит. критики, в 2 — М. как теоретик и критик, В., 1888; Виноградов Ф. А., Ф. Мерзляков. Опыт лит. характеристики. — В кн.: Отчет о состоянии б-й С.-Петерб. г-зии за 1907—1908 уч. г., СПб., 1908; Истрин В. М., Дружеское лит. общество 1801 г. (по мат-лам архива бр. Турлепых). — ЖМНП, 1910, № 8; 1913, № 3; его же, Младший турунскский кружок и Андрей И. Туренева. — В кн.: Архив Туренева, в 2, 1914; Барсуков (ук.); Трубицын (ук.); Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма, В. Ф. Одоевский, т. 1, М., 1913, с. 49—56; Резанов В. И., Из рецезийной о соч. В. А. Жуковского, в 2, П., 1916 (ук.); Брозский Н. Л., М. Ю. Лермонтов. Биография, т. 1, М., 1945, с. 74—81; Роткович Я. А., Очерки по истории преподавания лит-ры в рус. школе, М., 1953 (Изд. Акад. пед. наук, в 50); Лотман Ю. М., А. С. Кайсаров и литературно-обществ. борьба его времени, Тарту, 1958, с. 35—50 (Уч. зап. ТУ, в 63); его же, М. как поэт. — В его кн.: Избр. статьи, т. 2, Т., 1992; Мордованско И. И., Рус. критика первой половины XIX в., М.—Л., 1939 (ук.); Кан-Новикова Е., Рассказы о песнях (Среди долины ровных...), М., 1963; Егупов А. Н., Гомер в рус. переводах XVIII—XIX вв., М.—Л., 1964 (ук.); Гиллдерсон

М. И., П. А. Вяземский, Л., 1969 (ук.); Гудиников Я. И., Очерки истории рус. лит. песни XVIII—XIX вв., В., 1972, с. 39, 53—56; Возникновение рус. науки о лит.-ре, М., 1975 (ук.); Очерки истории рус. театр. критики, Л., 1975, с. 106—11; Рус. лит-ра и фольклор. (Первая пол. XIX в.), [в. 2], Л., 1976 (ук.); Домашневская Н. В., О романсах и «рус. песнях» М. — В кн.: Проблемы сюжета и жанра худож. произв., в 7, А.-А., 1977; Совакин В. С., Взаимодействие книжного и устного стиха в поэзии М. — В кн.: Проблемы изучения нар.-поэтич. творчества, в 5, М., 1978 (Моск. обл. пед. ин-т); Колесникова Н. М., Эстетич. проблемы прозы, классцизма в творчестве М. — «Вест. МГУ, сер. 7 — Философия», 1979, № 5; Шайтанов И. О., Забытый спор. — ВД, 1980, № 2; Новикова А. М., Рус. поэзия XVIII — первой пол. XIX в. и нар. поэзия, М., 1982, с. 70—89; Скопечная А. Д., Моск. Парнас, М., 1983, с. 24—35; Мильман В. Г., Критика и борьба лит. направлений. (Драматургия В. Озерова в оценке М.). — В кн.: Проблемы истории и методологии лит.-ведения и лит. критики, Душанбе, 1982; его же, Рус. поэзия, кн. 10-я — науч. 20-х гг. XIX в. и критико-теоретич. взгляды и суждения М. — В кн.: Лит. процесс в его жанровом и стилистическом своеобразии, Таш., 1987; Вацура В. Э., Вирологический М. Н., Письма Анд. Туренева к Жуковскому. — В кн.: Жуковский и рус. культура, Л., 1987 (и ук.); Лермонтов в восп. (ук.); Busch W., Horaz in Russland, Münch., 1964; ЛН, т. 4/6, с. 289—91, 336, 446, 450, 512, 997—998; т. 4/344, с. 292—96, и др.; т. 45/46, с. 258—60, и др.; т. 56, с. 321—28; т. 58 (ук.), т. 59 (ук.), т. 60, кн. 1 (ук.); Некрополь, 1830; ВЕ, № 13 (М. Т. Кавелинский); «Галатея», № 31; ДЖ, № 33 (эпитафия М.); № 36; МТ, № 13; Брокгауз; Венгеров; Источ.: СЛ ОЛРС; Мельер; КЛЭ; БСЭ; СДР; Лерн. энци.; Иванов; Черский; ИРДТ, т. 1, 2; Муратов; (1); Клейменова Р. Н., Систематич. роспись издавший ОЛРС..., М., 1981; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 564, № 91, 388, оп. 1, № 176—77, 13925/7, XXVI 64; 3007/ХВ в 52 и др. (стпх., оригиналы и копии); РНБ, ф. 286, оп. 2, № 295 (письма М. к В. А. Жуковскому); смена «Кассандра в чертогах Атлантиды»; ГАРФ, ф. 1094, оп. 1 (письма М. к Анд. Туренева).
А. Л. Торки

МЕРКЛИ Михаил Маркович [псевд. Иероним Южный; 28.9 (10.10).1817* (по др. данным — 1818**), Москва — 28.9 (10.10). 1846, там же; похоронен на Мускомском кладб., поэт, прозаик, дворянин. Сыл. князь 3-й гильдии, уроженца Риги, ставшего учителем и инспектором Моск. практич. коммерч. академии. В 1829—32 учился в моск. пансионе И. И. Галушки. С осени 1832 слушатель Моск. ун-та, в 1833 принят на мед. отд. ун-та, в кон. 1833 по состоянию здоровья переведен на словесное отделение. Тогда же дебютировал в «Дамском журнале» — переводами из А. Ламартина (обнаружив тяготение к меланхолич. романтич. поэзии: «Одиночество», «Вечер» — 1833, № 10, 49/50) и ориг. стих., посв. драматич. судьбе избранной личности («Гробница Наполеона», «Странник» — 1833, № 24, 51/52).

В авг. 1834 по желанию родителей оставил ун-т и в сентябре того же года поступил в Медико-хирургич. акад. (моск. отд.). Студентом издан в Москве два сб-ка: «Стихотворения» (1835), «Стихотворения» (1836, 1837). Во многом незрелые стихи юного М. изобилуют звучным, «роскошными» эпитетами: «опаловый отлив», «лазурный небосклон», «без-

мольные чертоги» и т. д.; однако у находившегося в плену традиц. романтич. клише («одиночество», «безотрадная» и «неведомая» тоска, мечты о любви и несбывшемся счастье) М. все-таки пробивается личная интонация в выражении чувства. Отд. темы и мотивы (земли и неба, идеального мира, довременного уядания души, странничества) поэзия М. напоминает рашную, не печатавшуюся и неизвестную ему, лирику М. Ю. Лермонтова, но без ее энергии отрицания (ср., напр., стих. М. «Мой мир» («Я создаю мир себе иной») и «Русскую мелодию» Лермонтова). В лирике М. предпринята попытка разрушить условно-поэтич. образ поэта, что связано с поисками новой романтич. доминанты — лирич. «Я» (в т. ч. в посланиях С. П. Вейделю — «Ты полюбил мои мечтания...» и М. Н. Лихошину — «Рано жизнь в груди проснулась...»). По-видимому, во 2-й пол. 1830-х гг. М. общается с П. С. Мочаловым (см. письмо М. к нему, б. д. — ЦГТМ, ф. 178, № 42, л. 12).

«Библиотека для чтения» отзывалась о сб-ках иронически (1835, т. 9; 1837, т. 21); В. Г. Белинский, рецензируя сб-к 1835, хотя и отметил, что М. «человек не без образования, не без смысла и даже не без ... таланта», но все же назвал стихи посредственными и посоветовал автору не печатать их «цельными книгами» (I, 203).

В 1837 М. под криптонимом М-Р-К издал ром. «Борис Годунов и Россия в XVII столетии» [ч. 1—3, М.; атрибутирован А. И. Рейтблатом («Сов. библиография», 1987, № 2, с. 43); переиздан в Москве в 1847, 1870 и 1895 под тем же назв., а в 1853 и 1869 — анонимно, под назв. «Князь Василий Сицкий. Роман из времен царя Бориса Федоровича Годунова»]. Определяя свой роман как «полусторический», М. в предисловии пояснил, что гл. интерес сосредоточен на лице вымышленном. В центре повествования — романтич. герой (князь Сицкий), прошедший через многочисл. испытания и утраты, через измену отечеству — во имя любви — и обретающий в монастыре надежду на искупление и возрождение в лучшем мире; в романе, написанном легким и живым слогом, органически сплавлены лирич. эпизоды и бытовые сцены, картины нар. жизни.

Весной 1839, будучи студентом 4-го класса, М. оставляет Мед.-хирургич. акад. по состоянию здоровья. С этих пор выступает преим. в пестерб. прессе — со стихами, в к-рых, наряду с прежними мотивами («Пигмалион» — СО, 1840, № 1), все сильнее начинают звучать мысли об очищающей силе раскаяния и неотвратимости смерти: «Могилы», «Борьба и победа», «Две кончины»

(СО, 1840, № 2; 1842, № 9, 10). «Слезы и песни», «К***» («Не думай, что венец поэта...»), «К***» («Прости меня, что холодно встречаю...») (ЛГ, 1843, 16 мая, 22 авг., 24 окт.); публикует также драм. соч. (в стихах и прозе) — о трагич. участи художника («Доменикино» — там же, 1843, 18 июля; ср. патетич. аполонич. творч. дара в «Борисе Годунове...» — изд. 1870, с. 31—32, 39—42; «Поэзия — цепь, сковывающая небо с землею, душу с телом» — с. 41), о неотвратимости тяготесного изд. человеком рока («Requiescat in pace!», «Астролог» — ЛГ, 1842, 22, 29 нояб.; 1843, б. 13 июня).

В 50-х гг. о творчестве М. неоднократно с теплотой отзывался А. А. Григорьев. Считая, что М., как и мн. художники 30-х гг., не справился с захватившим его романтич. вихрем, критик (в незаконч. ст. «Стих. Ивана Козлова») с явным пристрастием оценивал дарование поэта («...сколько смелости, огня и силы в таланте Иеронима Южного» — «Sertum Bibliologicum», П., 1922, с. 243) и полагал, что лучшие из его стихов должны войти в антологию рус. романтич. поэзии.

Изд.: [Переводы из А. Ламартина]. — В кн.: Франц. элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры. М., 1989 (изд. подготовлено В. Э. Вадуру и В. А. Мильчиной).

Лит.: Григорьев А. А. Великий трагик. [О П. С. Мочалове]. — В кн.: Григорьев А. А. Театр. критика. с. 150; его же. Искусство и нравственность. М., 1986 (ук.); Горбунов И. Ф. Соч. т. 3, ч. 1, СПб., 1907, с. 22. + Нестрен К. Моск. адрес-календарь... т. 3, 1842; Венгеров. Источ.: МНерк.: Масанов.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 103, д. 133** (студенч. дело); ф. 433, оп. 55, д. 109* (документы в фонде Моск. мед.-хирургич. акад.); ф. 31, оп. 5, д. 88, лл. 72 об. — 73 (сведения о познании в Моск. цензуре в 1833 альб. М. и А. Юрьева «Не тронь меня», — не изд.) [с использованием мат-лов, указанных А. И. Рейтблатом]; РГАЛИ, ф. 819, оп. 1, № 597 (автограф неопубл. стих. М. «Ты хороша! а о тебе мечтаю...» — в фонде П. И. Орловой-Савиной); РГБ, ф. 231, Подпись/П, 38.37 (письмо М. П. Потанину, 1841). И. А. Зайцева.

МЕРКУРЬЕВА Вера Александровна [24.8(5.9).1876, Владикавказ — 20.2.1943, Ташкент], поэтесса. Дочь чиновника-землемера. Окончила Владикавказ. жен. г-зию (1889—95). Смолоду болезненная (глухота, сердечные приступы, нервные расстройства), жила во Владикавказе, с рехими наездами в Москву (1906, 1909, 1914; при поддержке художника В. В. Переплётчикова). Дет. стихотв. опыты М. были одобрены Я. П. Полонским (письмо от 1885 — не сохр.). Первые сохранившиеся стихи — 1890. Ок. 1909 начинается дружба с Е. Я. Архиповым, «общее поклонение символизму (-стам)» (автобиография — РГАЛИ, ф. 2209, оп. 1, № 28). Первое (предположительно) выступление в печати — заметка о лекции А. А. Каменской «Осн. учения теософии» («Терек», 1912, 29 сент.; кратко изложение

этой заметки см.: «Вест. теософии», 1912, № 11, с. 86—87; с 1912 по 1917 М. — в списке участников ж-ла). Путь исканий М., по словам Архипова, «проходит через теософию, аскетизм, православие — без завершительного слияния с каким-либо течением» (РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 52). В 1914 после перерыва вновь начинает писать стихи. В марте 1917 (после смерти матери) переехала в Москву, осенью принесла стихи Вяч. И. Иванову, к-рый в письме «Салону поэтов» от 21 июня 1918, отметив у М. «дарование необыкновенное, силу и смелость чрезвычайнейшие», отнес ее к «лирикам труднейшим»; будучи новатором, она «не принадлежит ни к одной из наличных групп нашего новаторства», открывая «совсем непредвиденные возможности» (РГАЛИ, ф. 2209, оп. 1, № 51); по его рекомендации в 1918 подборка ее стихов под назв. «Души неживых вещей» напечатана в альб. «Весенний салон поэтов» (М.). В 1917—20 живет в Москве, служит, голодает, много пишет; рукоп. сб. «Тшета» (1915—20; РГАЛИ) — ок. трети написанного ею за всю жизнь. Кроме Вяч. Иванова (его письма к М. см.: РЛ, 1991, № 1; публ. К. Г. Петросова), была дружна с И. Г. Эренбургом (его заметка о М. и др. поэтессах — «Новости дня», 1918, 13 апр.), вела знакомство с А. Н. Толстым, О. Э. Мандельштамом, М. И. Цветаевой, Г. И. Чулковым, М. О. Гершензоном, Н. А. Бердяевым и др.

Самоощущение М., с самых первых стихов, — «я уродки и калека», «мир велик, а я мал» («но я — мир», напоминает ей Вяч. Иванов в поэмке на письмо М. от 19 дек. 1917 — РГБ, ф. 109, к. 29, № 23, л. 21—22). Отсюда неверие в себя («верить нужно не себе, а тому, что знаешь в себе», — отвечает Вяч. Иванов), взгляд на себя со стороны, раздвоенные ноты индийского аскетизма, сократовского «это не для меня», метерлинковского «Сохровища смиренных», вни-

манье к стихам Е. Ю. Кузьминой-Караваевой. М. стремится к бескачественности, это сближает ее лирич. героиню с дантовскими безличностями («ни в Элизий, ни в Эреб») и в то же время с божеством (к-рое тоже бескачественно); по аналогии с этим она представляет и Россию на ее пути самоотречения и праведных бедствий. Любовь в ее стихах — жертвенна («беречь чужое счастье»); она изображает и Вяч. Иванова как бы бодисатвой, к-рый достиг спасения, но отрелся от него, чтобы спасти других. Финальный образ ее «Шесты» — поэт как облако (как у П. Б. Шелли); оно все свое берет из мира и отдает миру, оно без пола (средне-го роа), без облика, без голоса, но его голосом говорят и камни, и вода, и ветер. В этом пантеистич. мире нет места Богу («не вечен Бог, но вечен мир», лучше быть проходящим, чем сущим), церквн она не признает и даже Иванова укоряет за церковность. Другой, параллельный образ — поэт как зритель и творец иного, подлинного мира, днем ничтожный (как у Пушкина), а вдохновенной ночью всевластный; отсюда повторяющиеся у М. образы греч. Кассандры, к-рой никто не верит, и рус. юродивой, к-рую никто не понимает. Вдохновение и плоды его не принадлежат поэту, оттого у М. нет потребности печататься. Ее стилистика опирается на символизм, но более иронична, с горьким гротеском, с резкими переборами арханч. слов (и даже грамматич. форм) и разговорной интеллигентской речи; строгие формы венков сонетов и пр. сочетаются у нее со смыслом расшатанными рифмами; интересны ее стилизация нар. стиха и опыты ритмич. и рифмованной прозы (большая композиция «Мечтание о Вячеславе Созвездном»). Вяч. Иванов находил в М. (кроме своей «школы») сходство с А. А. Ахматовой, В. В. Бородавским и А. К. Герцык (в тех же пометах); сама же М., преклоняясь перед Ахматовой, считала более близкой себе Цветаству (ответ на анкету Архиппова — РГАЛИ, ф. 1458, оп. 1, № 46).

В 1920—32 — во Владикавказе (1926 — публикация 11 стихов в альм. «Золотая зурна»; рец.: Л. Шумский — «Власть труда», Владикавказ, 1926, 26 нояб.), в 1932—41 — в Москве (1937 — книга переводов Шелли; второй сб-к стихов «Дикий колос», неизд.). В писат. организацию ее рекомендовали Мандельштам, Б. Л. Пастернак и др.; жила в бедности, дружила с А. С. Кочетковым, С. В. Шервинским и др. непечатавшимися поэтами. Познакомилась с Ахматовой (письмо М. о ней к К. Л. Архипповой опубл.: Requiem, М., 1989, с. 101—102). Умерла в эвакуации.

Лит.: Петросов К. Г., Забытая поэтесса. — «Коломенская правда», 1989, 12, 18, 21 апр.; его же, Лит. Старик, М., 1991, с. 10—18, 23—25, 37—43 и др.; Гаспаров М. Л., «Кассандра». — «Октябрь», 1989, № 3; его же, Вера Меркурьева: стихи и жизнь. — Альм. «Лица», в. 5, М.—СПб., 1994; его же, Вера Меркурьева — жена поэта, друг Вяч. Иванова. — В кн.: Vjaceslav Ivanov, Russischer Dichter — europäischer Kulturphilosoph. Hildb., 1993; Эрнбург И., Лиан, голм, жини, т. 1, М., 1990 (ук.). — Копьин: Dictionary of Russian Women Writers, Westrop — L., 1994.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2209; ф. 1458, оп. 1, № 70, оп. 2, № 26 (письма Е. Я. Арипову), оп. 1, № 52 (статья Архиппова о творчестве М.); ф. 548, оп. 1, № 360, 464 (письма Чупикову); ф. 1190, оп. 1, № 28 (письмо М. И. Цветаствой); РГБ, ф. 109, к. 29, № 93 (письма Вяч. Назову); к. 45, № 41, 42 (стих. М.); ф. 620, к. 68, № 13 (письма К. И. Чуковскому).

М. Л. Гаспаров, при участии С. Ю. Мадра

МЕРТВАГО Александр Петрович [8(20)*.8.1856, Казань — не ранее 1918, Москва?], публицист, мемуарист. Из родовитой, но небогатой дворянской семьи. Внук Д. Б. Мертваго. М. с 1868 учился в пансионе при Уч-ще правоведа в Петербурге (в уч-ще не поступил), затем (1870—75) во 2-й казан. г-зии, где

увлеклся театром, участвовал в руп. ж-ле, готовился к сдаче экстерном (не окончил). Загоревшись идеей создания идеальной сел. общины из труженников-интеллигентов (под влиянием соч. франц. утописта Ш. Ноэля «Записки дурака» и «Писем из деревни» А. Н. Энгельгардта), в 1878 М. получил согласие Энгельгардта приехать к нему в имение Батишево Смоленской губ., где вместе с др. энтузиастами работал два сезона рабочим, учился практике и теории земледелия. В Батишеве, затем в Петербурге знакомится с народнич. молодежью (И. И. Гриневецкий, А. М. Калмыков и др.), но не сближается с ними. С 1879 (по 1886) находился под негласным надзором полиции (ГАРФ, ф. 102, оп. 1900, л. 1879, л. 1). Первая публикация — ст. «Кулак ли разорять крестьян?» (НВ, 1880, 6 марта). В 1881—82 изу-

чал во Франции огородничество, слушал лекции в Сорбонне. В 1882 сближается с рус. эмиграцией, группировавшейся вокруг П. Л. Лаврова. По возвращении селится рядом с Батишевым, в д. Буково, пытается жить работой на земле. В 1887—93 печатается в «Земледелец, газ.», «Журнале сел. х-ва и лесоводства», «Нов. времени» и др.

С 1894 редактирует еженед. «Хозяин» (в 1899—1906 его издатель), в организации к-рого М. принял активное участие (в 1907—11 выходит под назв. «Нужды деревни»).

Журнал сохранял свою с-ж. направленность, печатал многочисл. мат-лы на обществ.-полит. темы: жизнь земства, развитие кооперации, проблемы агитационизма, голода и пр. Редактура ж-ла стала т. делом М. Цель его как редактора: привлечь внимание общества к проблемам деревни («будить ... хозяйственную мысль» — «Нужды деревни», 1911, № 1, стб. 1—2) и одновременно способствовать изменению самого общества, сознания. М. не отрицал необходимости освоободит. движения (ИРЛИ, ф. 377), но при этом вынес ст. задулу человека «в области реформирования человеческого ... реформировать себя самого» («Нужды деревни», 1910, № 8). После 1906 в ж-ле помещались отчеты о деятельности Думы и Гос. совета. Первые две ст. писал сам М., всего, по его сведениям, более 500 (об одной из них отзывался М. Горький в 1904: «В „Хозяин“ превосходная статья Мертваго о долготстве нашей прессы, превосходная!»), XXVII, 326). Издание получило 8 предостережений, 2 раза останавливался выход. В ж-ле печатались П. А. Костичев, В. В. Докучаев, К. А. Тимирязев, В. А. Анимиринов, М. А. Энгельгардт, кн. Д. М. Оболенский. С 1907 ж-л начал выходить в Москве на субсидии товарищества И. Д. Сытина. В эти годы он стал более популярным: число подписчиков, однако, не поднималось (св. 5 тыс.), «после того издание умерло своей смертью» (ИРЛИ, ф. 377).

В 1895 вышла книга М. «По торному пути (Сельскохозяйственные воспоминания)» (3-е изд., СПб., 1900) — о годах работы у Энгельгардта, с рядом его писем к М., о созданной его учениками сельскохоз. коммуне, о своем опыте хозяйствования, заруб. впечатлениях и пр. Сочетая худож. конкретность описаний и диалогов с деловыми агрономич. и экономич. соображениями и статистич. выкладками, мемуары М. представляют собой значит. лит.-публиц. документ эпохи, своего рода продолжение «Писем из деревни» Энгельгардта в условиях экономич. кризиса 80—90-х гг. (В печатном тексте мемуары сокращены по ценз. соображениям. В рукописи — описание Петерб. ун-та, лекций Д. И. Менделеева, знакомства с народниками в 1880—81, студенч. волнений.) Рецензенты приветствовали критич. взгляд М. на устоявшееся офиц. мнение о сел. общине (РМ, 1895, № 7, с. 342), а также на интеллигенцию, «занятую спасением души по Энгельгардту, Толстому, Марксу, отказавшуюся от работы собств. ума» (МБ, 1895, № 7, с. 207—13).

Взгляды М., практика-естественника, на явления ист., социального, культурного порядка сообщ. ярко и последовательно выражены в книге

статей «В тумане нашей намечающейся культуры» (М., 1908). Среди ее тем: пьянство, преступность, школа, интеллигенция, социализм и др. Под культурой М. понимает сл. обр. трудовую культуру нации, полагая, что не цивилизация, создающая «внешние» блага, и не гуманистич., просветит. теории, а выработка новых трудовых качеств ведет человечество к бесконечной цели самосовершенствования. Мысли М. казались парадоксальными, они шли вразрез не только с офиц. взглядами, но и с традиц. представлениями либеральной интеллигенции. Совм. с С. Н. Прокоповичем написал кн. «Сколько в России земли и как мы ею пользуемся» (М., 1907), к к-рой в своих работах обращался В. И. Ленин. С 1910 М. регулярно печатался в газ. «Утро России», «помещая статьи, освещающие разл. вопросы социальной, полит., экономич. деятельности людей с естественно-историч. т. з.» (из автобиогр. — ИРЛИ, ф. 377), писал о близости войны Германии с Россией или Англией за предел. мира («Близость большой войны», УР, 1911, 25 окт.; эту статью А. А. Блок назвал «пророческой» — Блок, III, 296).

Был знаком с И. С. Аксаковым, Л. Н. Толстым, к-рые хорошо знали семью М. В 1900, посещая Толстого, просил у него статью о голоде в Тульской губ.; в 1911 опубли. ст. «Первая любовь Л. Н. Толстого» (УР, 12 июня) об его увлечении З. М. Молоствовой, тетушкой М.

Из переписки М. и полиц. мат-лов известно, что М. был одним из активн. «крайних» деятелей Волногого экономич. об-ва. в нач. 1900-х гг. встречался с А. И. Иванчиним-Писаревым, А. В. Пешехоновым, В. В. Савинковой. В 1902 вместе с Н. К. Михайловским, В. Д. Набоковым, В. Г. Короленко, Горьким выбран в к-т по празднованию 200-летия периодич. печати в России. В Москве поддерживал связь с В. Г. Чертковым, после смерти Л. Н. Толстого помогал разбирать архив писателя (РГАЛИ, ф. 555, оп. 1, д. 3662); был знаком с И. А. Бунными. Вместе с Анзимиоровым активно участвовал в работе Об-ва деятелей печати, помогал семье М. А. Энгельгарда, его сыну Б. М. Энгельгарду, впоследствии изв. литературоведу, к-рый называл М. «одним из образованнейших петербуржцев» (РГАЛИ, ф. 319, № 48). В 1914 пишет продолжение своих «Воспоминаний», обещая отдать их С. П. Мельгунову по просьбе последнего. В 1911 тяжело заболел. Последнее прижизненное упоминание о М. — 18 янв. 1918.

Др. произв.: «О разработке пустой во Франции и у нас» (СПб., 1888, 2-е изд., 1892). «Село Климово и его хутора...» (СПб., 1891), «Сель-

скохоз, вопросы нечерноземной России» (СПб., 1891). «В чужих краях» (СПб., 1901).

Изд.: [Стать] Буржуа и буржуй. — «Megalopolis-express», 1991, № 2; [Отрывки из «Воспоминаний»]. — «Сельская молоток», 1991, № 6; [Стать]. — «Друга», 1992, № 3.

Лит.: Фаресов А. И., Семизяцкий, СПб., 1905; Анзимиоров В., Селеня и жем. — «Моск. газета-копейка», 1911, № 13; Ватаин М. П., Виль минувшего. — ИВ, 1913, № 1—7; Алтуция А., Журнал «Хозяин» и его редактор. — «Сел. житие», 1989, 26 нояб. + Брокгауз; Венгер, Источ.: БСЭ-2; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 319; ИРЛИ, ф. 377; ГАРФ, ф. 102, оп. 1881, д. 1299 (допосенн. полн.), оп. 1889, д. 512; ЦГА Татарстана, ф. 309, оп. 1, д. 1411, 1415 (биогр. сведения).

А. Г. Алтуция

МЕРТВАГО Дмитрий Борисович [5(16).8.1760, село Мертовщина (?) близ Алатыря (позже Ардатов, у Симбирской губ.) — 23.6(5.7).1824, Москва; похоронен в Симоновом мон.], мемуарист, гос. деятель. Из старинного дворян. рода; дед А. П. *Мертваго*. По свидетельствам брата, «основательный ум, чтение, наблюдательность ... заменяли ему недоста-

ток учения» (РВ, 1857, № 1, с. 54). В детстве пережил тяжелое потрясение, повлиявшее в значит. степени на формирование его личности: в 1774 семья Мертваго попала в плен к Е. И. Пугачёву, отец М. (отставной майор) был повешен в своей деревне, и 14-летний М., сам чудом спасшийся от пубели, принял на себя попечение о матери, младших братьях и сестрах (см. «Записки», гл. 1). [Позднее публикация фрагмента «Пугачевщина»] (РВ, 1857, № 1) вызвала негодование министра нар. просвещения (см.: Письмо М. Н. Каткова В. П. Безобразову, 1857 — РГБ, ф. Полт., п. 36, № 2; Никитенко, I, 457, 538)].

Записанный в 1775 унтер-офицером в гвардию, фактически начал служить с 1779 сержантом, но вскоре перешел в стат. службу (1781). Определен прокурором в Оренбург, где служил в течение 5 лет. к-рые, по собств. признанию, «проех... самым

праздным образом» («Записки», стб. 38). В 1786 переехал (в чине надв. сов.) в Уфу советником в гражд. палату; в 1787—97 советник Уфимского губ. правления. Обнаружившееся в эти годы честолюбие М. заключалось в «непреодолимой склонности прославиться добрыми делами» (там же, стб. 142); он проявил себя «безукоризненно честным и умным администратором» (Архив. опись, с. 233), у башкир имел славу «доброго судьи» («Записки», стб. 53, 90), строгого, но справедливого. Нетерпимость к мздоимству и корыстолюбию (сам М. во все годы службы не имел «достаточного состояния»), а нередко испытывал крайнюю нужду) приводила его к конфликтам — как с сослуживцами, так и с начальством, — постоянно сопутствующим служебной карьере М., независимо от занимаемой должности. «Непокаянная его честность была известна всем; но не всем, может быть, было известно, до какой строгости и чистоты возводили эта честность во всех его служебных оплошностях: мог ли такой человек не иметь врагов по службе?...» — писал С. Т. Аксаков, крестник М. (Аксаков, 1857, с. 128), неоднократно упоминавший о семье Мертваго (их общ. встречах в Уфе и в родовом оренбург. поместье М. Старой Мертовщине) в «Семейной хронике» и «Детских годах Багрова-внука» (ближайшая подруга матери Аксакова — родная сестра М. Ек. Дмитр. Чичагова).

В 1792 приехал в Петербург, где познакомился с Г. Р. Державиным. Общность взглядов («чистота моя ему понравилась» — «Звездка», стб. 65) переросла в многолетнюю дружбу. Державин покровительствовал М. по службе («заболел обо мне не менее самого меня» — там же, стб. 81); М. наблюдал за делами оренбург. арсенала и винокурного завода Державина (письмо Державина к М. опубли. Державин, V—VI). У М. хранился портрет поэта, выполненный В. Л. Боровиковским, со стихотв. надписью М.: «Певца Феликса здесь нам кисти изображает...» (опубл.: Державин, IX, 506).

С 1797 служил в Петербурге воен. советником Провиант. экспедиции, Ген.-майор (1798 пил. 1799). В нач. 1802 вышел в отставку, но уже осенью того же года по протекции Державина получил место гл. назирателя ярма, соляных озер. В 1803 назначен таежн. губернатором. В 1804 женился на Варв. Марковне Полторацкой (посредником выступил приятель М. и родственник его невесты президент АХ А. И. Оленин, в браке 3 сына и 5 дочерей).

В 1807 занял значит. должность ген.-провиантмейстера в воен. мин-ве под начальством А. А. Аракчеева, в то время воен. министра; постоянные притеснения Аракчеева трижды заставляли М. подавать прошение об отставке, к-рое в 1810 было удовлетворено (с этого времени б. ч. живет в имении в Твер. губ.). Отмечаемые современниками неадекватные деловые качества М. (его относили к числу тех, кто «здоров судят о делах и лучше знают все общество, нежели многие министры» — РА, 1872, кн. 2, стб. 2403) высоко

ценились и при дворе, и лично Александром I (о встречах с ним М. тоже рассказывал в мемуарах); в 1812 предполагалось определить М. начальником неск. объединенных губерний (проект не был осуществлен), затем его неоднократно уговаривали вернуться на службу. В 1817 был назначен сенатором в Москву с производством в тайные советники. По личному распоряжению Александра I участвовал в расследованиях злоупотреблений чиновников (во Владимир., Астрахан. губ. и на Кавказе).

По настоянию Державина М. составил свои «Записки», к-рые начал писать в 1807, а продолжил во время последней отставки (опубл.: РА, 1867, прил. к кн. 3; отд. оттиск — М., 1867). В «Записках» М. рассказывает о «суровых, крутых поворотах счастья являющихся приключенных своих» (стб. 335—36) — характерных для 18 — нач. 19 вв. перипетий продвижения по служебной лестнице, зависящего не столько от личных достоинств, сколько от интриг, протекции, расположения или немилости влият. особ. Неподкупность, твердость, благородство, личная независимость выставлены силой, позволяющей мемуаристу преодолеть превратности судьбы. Ист. целостность мемуаров во многом определяется обстоят., нередко скрупулезным изложением хода дел, к-рым был причастен М. К тексту «Записок» органично примыкает опубл. в составе «Дополнений к „Запискам“» (РА, 1868, кн. 1) духовное завещание М., подводющее итог его жизненному опыту, продолжающее и развивающее последние наставления его отца. Наиб. яркие страницы мемуаров — фрагменты о пугачевщине, о мрачной эпохе произвола Павла I, портреты гос. сановников, в т. ч. Аракчеева, основавшего «силу свою и достоинство власти» «единственно на чистом самовластии» («Записки», стб. 234). Несомненный интерес представляют полит. и экономич. соображения автора (в т. ч. о Крыме, Литве), свидетельствующие о его глубокой заинтересованности в вопросах рус. государственности. Решительный отмечал, что «Записки» М. рисуют «картину порядков и условий нашей администрации ... начерченную человеком ученым и свидетелем честным» (ВЕ, 1868, № 3, с. 478; см. также восторж. отзывы: РИ, 1867, 23 сент.; «Голос», 1867, 1 сент.). Последние годы жизни близко сошелся с митрополитом Филаретом (Дроздовым). Пользовавшийся М. доктор Ф. П. Гааз описал его «христ. кончину» (ИВ, 1913, № 4, с. 33—35).

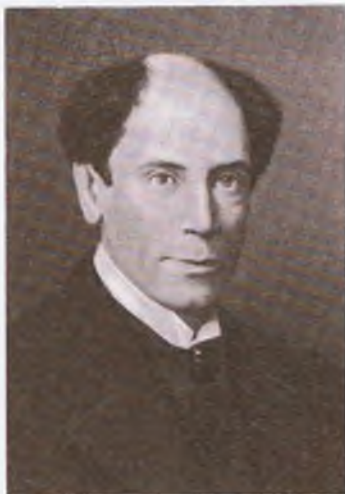
Изд.: [Глава о Пугачевском восстании]. — В кн.: Рус. б-ги по восп. современников. XVIII в., ч. 2, в. 2, М., 1922; Автобиограф. записки. — «Рус. словесность», 1994, № 1 (публ. и вступ. слово Т. А. Алпатовой).

Лит.: Державин (ук.); Аксаков С. Т., Восп. о М. — РВ, 1837, № 3; Арнольд М. (А.), Д. В. Мертваго. — В кн.: Об. ист. и статистич. мат-лов о Симбирск. губ., Симбирск, 1868; Островская Н., Д. В. Мертваго. — «Дет. отамх», 1887, № 11—12; Ватали М. (П.) [внучка М.], Близь минувшего. — ИВ, 1913, № 2—4. + МНскр.: Брокгауз: Венгеров. Источ.: ИДРБ: СНЭ.

Архивы: ГИМ, ф. 445, № 83, ч. 129 а, № 84, ч. 129 б (биограф. мат-лы, док-ты, письма); РГБ, ф. 41, к. 108, № 39 (письма К. Я. Булгакову), ф. Ботк., к. VI, № 6 (письмо Е. И. Бенкендорфу); РНБ, ф. 247 (Г. Р. Державина: переписка); письма к М. — А. А. Аракчеева, М. Б. Барклай-де-Толли, Д. В. Давыдова, П. С. Морозовина, М. М. Сперанского и др.

М. К. Ессеева.

МЕТНЕР Эмилий (Эмиль Карл) Карлович [лит. псевд. Вольфинг; 7(19).12.1872, Москва — ночь с 10 на 11.7.1936, Дрезден], литератор, муз. критик, философ. Старший брат композитора Н. К. Метнера, двоюродный брат композитора А. Ф. Гедике. Потомок нем. семей Метнеров (Medtner) и Гедике (Goedicke), пере-

селвшихся в Россию в кон. 18 — нач. 19 вв. (см. письмо П. Д. Этингеру от 27 сент. 1921 — в кн.: Н. К. Метнер. Восп. Статьи. Мат-лы, М., 1981, с. 290—300); отец М. — один из директоров акционерной компании «Моск. кружевная фабрика». В 1893, по окончании 5-й моск. г-зии, М. поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та, к-рый окончил в 1899 с дипломом 1-й степени (ЦИАМ, ф. 418, оп. 307, л. 507); затем занимался адвокатурой. С нояб. 1902 служил цензором в Н. Новгороде (именно он подписал разрешение на выход «Стихов о Прекрасной Даме» А. А. Блока); в марте 1906 вышел в отставку (гл. обр. по идейным соображениям; ср. запись М. от 1 февр. 1906: «Исключительно материальные соображения вынуждают меня не швырять отставки в лицо одному из самых гнусных правительств, которое когда-либо стояло во главе народов» — РГБ, ф. 167, к. 23, № 9, л. 181 об. — 182) и возвратился в

Москву, где жил в последующие годы (время от времени наезжая в Германию).

Лит. деятельность М. началась с публикаций в газ. «Моск. ведомости» в 1894—99 (в 1894—96 помощник секретаря редакции); корреспонденции, реферативные статьи, переводы, объединенные муз. тематикой (за подписями: Э. М., Эм.). В 1896 М. печатает там же (за подписью М-р) очерки о Туринк (29 сент., 3 окт.) и Болгарии (10. 13. 14. 27 окт., 30 нояб., 15. 16 дек.), основанные на личных впечатлениях. С янв. 1903 по окт. 1904 М. сотрудничал в екатеринском газ. «Приднепров. край», где печатал (за подписью Э.) цикл статей «Школа и образование», а также статьи на общезстетич. темы («Романтизм и Ницше» — 1904, 28 сент., 5, 12 окт.) и отклики на новейшие изд. рус. символистов — на ж. «Нов. путь» (1903, 7, 10, 13 марта), альм. «Гриф» (1903, 3, 4 июля) и «Сев. цветы» (1903, 9, 10 июня), «симфонии» (1903, 15, 16 дек.) и «Золото в лазури» А. Белого («Поэзия и критика» — 1904, 1 июня). М. приветствовал в них стремления преодолеть «прежнее утилитарно-позитивное мирозерцание» и «ответить на запросы совр. сознания», однако противопоставлял близкие ему символист. филос.-теургич. идеи, созвучные филос. эстетике нем. романтизма, «экстравагантному декадентизму» («Нов. путь» — 1903, 13 янв.); наиб. значит. и перспективными для развития «нового» иск-ва он находил первые творч. опыты Белого, с к-рым М. познакомился весной 1902 и к-рый вскоре стал одним из его ближайших друзей и духовных спутников (см. стих. «Старинный друг», поэм. М. — в кн.: Белый А., Золото в лазури, М., 1904).

Белый содействовал приобретению М. к моск. лит. среде. В 1906—09 М. постоянно печатает в ж. «Золотое руно» (под псевд. Вольфинг) статьи и корреспонденции на муз. темы: «„Скулой рыцарь“ и „Франческа да Римини“, оперы Рахманинова, на сцене Большого Московского театра» (1906, № 1), «Музыкальная весна» (1906, № 5), «Отголоски юбилея Шумана» (1906, № 11/12), «Sixtus Beckmesser redivivus» (Этюд о „новой“ музыке) (1907, № 2), «Модернизм и музыка» (1907, № 3; 1908, № 5), «Борис Бутяев против музыки» (1907, № 5), «Вагнеровские „фешпилины“ 1907 г. в Мюнхене. (Заметки невагнериста)» (1907, № 7—10; 1908, № 1—4), «Эстрада» (1908, № 11/12; 1909, № 2/3, 5), «О музыкальной критике» (1909, № 6—10), «Дом песни» (1909, № 11/12). Эти публикации составили основу книги М. (Вольфинга) «Модернизм и музыка. Статьи критические и полемические. (1907—1910).

Приложения. (1911)» (М., 1912), в к-рой последние муз. повашии затрагивались в тесной связи с общими культурологич. вопросами. Решительно ниспровергая муз. модернизм (творчество Р. Штрауса, М. Рegerа), М. предпринимал фронтальный опыт критики совр. культуры, растратившей, по его мнению, свое высокое предназначение в соинт. эффектах и внеш. самоценных приемах; беспочвенному модерниз. новаторству, совр. худож. унаочничеству и нессимизму М. противопоставлял символич. иск-во положит. ценностей, идеи культурной преемственности, традиционализма, единства подлинной культуры с основами нар. творчества. Концепции М. были отмечены догматич. германофильством, проповедью «арийства» (М. был приверженцем «арийского мирозерцания» Х. С. Чемберлена), в противовес «неарийским» элементам, якобы чуждым европ. культуре (к-рая сводилась преим. к «нордическо»-германскому началу); соответственно «муз. германизм» («нем. музыка великой эпохи» — И. С. Бах, В. А. Моцарт, Л. ван Бетховен, Р. Вагнер) противопоставлялся «музыкальному юданзму», проявление к-рого М. усматривал в «господстве эстрадно-рекламного духа» и «интернационально-еврейской виртуозности» (с. 117; подробнее см.: Постоутенко К. Ю., Н. К. и Э. К. Метнер: парадокс нац. самоидентификации. — «De Visu», 1994, № 1/2; то же — «Опыты», 1994, № 1). Муз. общественность встретила книгу М. отрицательно, хотя и признала ее «одним из самых крупных явлений на горизонте нашей музыкально-эстетич. литературы» (Сабанье в Л., Муз. беседы. — «Музыка», 1912, № 94, с. 756).

Деятельность М. во 2-й пол. 1900-х гг. была весьма неравномерна по интенсивности в связи с частыми припадками невравствениц, усугубленным тяжелой семейной драмой: его жена Анна Мих. (урожд. Братенши) предпочла ему обожаемого им брата, композитора Н. К. Метнера. Невозможность порвать отношения с братом усиливала душевную травму. В 1909 М. организует в Москве (совместно с Белым и Эллисом) изд-во «Мусагет» (предприятие субсидирует его близкий друг Явигя Фридрих, с к-рой он познакомился осенью 1907, затем подолгу жил в ее доме в Пильнице, близ Дрездена), объединяя приверженцев символизма, религ.-филос. ориентации; с «Мусагетом» сближаются Вяч. И. Иванов, Блок, а также моск. литераторы из окружения Белого.

Изд-во изначально задумывалось как некоммерческое, «идейное» предприятие, ориентированное на узкий круг просвещенных читателей, как совет элитным интеллигентам. В центре внимания «мусагетского» объединения были теорети-

ко-эстетич. и культурологич. аспекты, осмысливавшиеся как Белис «воздвигнуто» символизма; кроме того, М. во главу угла выдвигал идею преемственности по отношению к нем. философской и худож. культуре: «... тут царствуют тени Гете, Вагнера и великих мистиков» (Степул, с. 208). В 1910—16 «Мусагет» выпустил в свет 44 издания: книги Белого, Блока, Вяч. Иванова, С. М. Соловьева, Элиаса и др. рос. авторов, переводные произв. [в их числе — «Нибелунги. Всемирная история на основании сказания» Р. Вагнера (М., 1913) см. статью М.]

Под ред. М. и Белого в «Мусагете» с 1912 издавались филос.-эстетич. ж. «Труды и дни» (последний, 8-й в. — в 1916); общие принципы издания М. обосновал в ст. «„Мусагет“. Вступительное слово редактора» (1912, № 1); цель «мусагетского» объединения — стремление к преодолению культурного кризиса современности, искание и проложение путей к новой, органич. культуре, творч. деятельность на объективно-идеалистич. основе, сочетающая худож. и филос. подходы, с опорой на традиции неогматич. и духовно-преемственного мышления; универсальные символы культуры, провозглашаемой «Мусагетом». — Гете, осуществивший грандиозный синтез положительной культуры и Вагнер (синкретич. фигура, соединяющая в своем творчестве поэзию, музыку и религию). В согласии с этими приоритетами М. учредил в «Трудах и днях» отделы «Goetheana» (к-рому предпосыл программное «Введение» — 1913, № 1/2) и «Wagneriana», где печатал свои мифол. «Наброски к комментариям» (к «Кольцу Нибелунга») (1912, № 4—6; 1913, № 1/2); в «Трудах и днях» М. опубли. также ст. «Лист» (1912, № 1) и цикл статей «Инвективы на музыкальную современность» (1912, № 2—3).

В 1912 между М. и Белым обозначился конфликт, приведший к идейному расколу внутри «Мусагета»: Белый, став приверженцем антропософии Р. Штейнера, стремился проповедовать это учение в «мусагетских» изданиях, М. с доктринальной последовательностью противодействовал «оккультич.» экспансии и отставал ранее определенные культурологич. установки. В результате этого размежевания М. стал (в нояб. 1912) едн.личным ред. «Трудов и дней»; в марте 1915 его отношения с Белым были разорваны. Резкую критику антропософии содержала полемич. кн. М. «Размышления о Гете. Кн. I. Разбор взглядов Р. Штейнера в связи с вопросами критицизма, символизма и оккультизма» (М., 1914), повс. обстоят. анализу трудов Штейнера «Мировоззрение Гете» («Goethes Weltanschauung», 1897) и «Гете как отец новой эстетики» («Goethe als Vater einer neuen Aesthetik», 1889).

Аргументация М. направлена к установлению преемства между гетевизмом и антропософией, к констатации противоречий в воззвдах Штейнера и их превращении в самодеятельный энциклопедически разграфитый хаос» (с. 43); интерпретация Штейнера, по М., направлена лишь

к использованию Гете «для своих х. (пусть очень высоких и нравственно-безупречных) целей» (с. 330), к эпатиции мироощущения Гете для нужд плейернганской мистич. идеологии. Резкую оценку взглядам и доказательствам М. содержит исследование Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности. Отвст Эдмунд Метнер на его первый том „Размышлений о Гете“» (М., 1917).

Деятельность М. в «Мусагете» была фактически приостановлена в связи с началом 1-й мировой войны, к-рая застала его за границей. 20 июля 1914 М. писал А. М. Метнер из Мюнхена: «... для меня Россия и Германия два отечества, равно любимых. Вот почему эта в полном смысле слова братоубийственная война является для меня самым ужасашим событием моей жизни...» (Метнер Н. К., с. 159). С 1914 М. живет в Швейцарии (Цюрих), бываает наездами в Германии, тогда же сближается с швейц. психологом и философом культуры К. Г. Юнгом (его письма к М. (1917—36) — РГБ, ф. 167, к. 14, № 62; письма М. к Юнгу — в архиве последнего в Цюрихе). В 1916 М. приступил к подготовке 4-томного собр. соч. Юнга на рус. языке, к каждому тому написал обширное введение; при жизни М. вышли из печати в Цюрихе в 1929 под маркой «Мусагет-та» «Психол. типы» Юнга под его ред. и с предисл. (пер. С. А. Лорне), посмертно — т. 2 («Libido, ее метаморфозы и символы») и т. 3 («Опыт изложения психоаналитич. теории [и др. статьи]») Избр. трудов по аналитич. психологии Юнга (изд. Психол. клуба в Цюрихе, 1939). Отд. изданием («Über die sogenannte Intuition», Zürich, 1923) был опубли. цикл лекций М., прочитанных в цюрихском Психоаналитич. клубе (1922; более позднее назв. — Психол. клуб).

Др. произв.: «Meister Nikisch» (Zürich, 1921).

Лит.: Метнер Н. К. Письма, М., 1973 (ух: соот. и ред. З. А. Аленца); Белый (ух: Журинский В., Гете в рус. лит-ре, Л., 1937, с. 589—90; Лосев А., Проблема Р. Вагнера в прошлом и настоящем. — В кн.: Вопросы эстетики, в. 8, М., 1968, с. 107—111, 113; Волехов С., Редько Р., А. Блок и иск-во муз.-эстетич. проблемы его времени. — В кн.: Блок и музыка, Сб. ст., Л.—М., 1972, с. 105—110; Фрумкина Н. А., Флейшман Л. С., А. Блок между «Мусагетом» и «Сирингом». (Письма к М.). — В кн.: Блокский сб. [в. 2]. Тарту, 1972; Келдыш Ю. В. Муз. нелемеха. — В кн.: Рус. худож. культура кон. XIX — нач. XX в. (1908—1917), кн. 3, М., 1977 (ух.); Шагилян М., Человек и время. История человеческого становления, М., 1982, с. 393, 400, 413—14, 424—31, 459; Лавров А. В., «Труды и дни». — В кн.: Рус. лит-ра и журналистика (2, ух.); Толстиков Г. А. Изд-во «Мусагет». — В сб.: Книга, Иссл. и мат-лы, сб. 58, М., 1988; Степул Ф., Бывшее и несбытешее, т. 1, Лондон, 1990, с. 267—71, 283; Морозова М. К., Мои восп. — МН, 1991, № 6 (изд. Е. М. Бурумской-Морозовой); Эткинц А., Эрос невозможной. История психоанализа в России, СПб., 1993, с. 71—82; В. И. Иванов и Э. К. Метнер. Переписка из двух миров. — ВХ, 1994, № 2—3 (изд. и вступ. ст. В. Сапова); Chertov G., The Medtner papers at the Library of Congress. — «The Andrej Belyj Society Newsletter», 1989, № 8, p. 13—18; Ljunggren M., The dream of rebirth. A study of Andrej Belyj's novel «Peterburg», Stockholm, [1982] (index); Idem., The Russian Mephisto. A study of the life and work of

Emilii Medner, Stockh., 1994 (в прил. — переплетка М. и К. Г. Юнга).+ МЭ.

Архивы: РГБ, ф. 167; ф. 190 (изд-во «Музыка»); Гос. центр. музей муз. культуры им. М. И. Глинки, ф. 132. А. В. Лауров.

МЕЧНИКОВ Илья Ильич [3(15).5.1845, именной Панасовка в д. Ивановке Кулянского у. Харьков, *губ. — 2(15).7.1916, Париж; урна с прахом М. хранится в Пастеров. ин-те (Париж)], биолог, автор научно-популярных книг, мемуарист. Из семьи дворянина, ремонтера гв. полка, потомка молд. бояр из рода Спадаренко

(от *sprada* — рум. «меч», символ знатности; отсюда Мечниковы). Внук (по матери) Л. Н. Неваховича. Брат Л. И. Мечникова. М. окончил 2-ю харьков. г-зию (1856—62) с зол. медалью, через 2 года — естеств.-ист. отд. Харьков. ун-та со званием кандидата. В 1864—67 занимался эмбриологией в лабораториях Гисена, Гёттингена, Мюнхена, Неаполя. Защитил магистерскую (1867) и докторскую (1868) дис., стал приват-доцентом Петерб. ун-та (1868—70). С 1870 ординарный проф. кафедры зоологии и сравнит. анатомии Новорос. ун-та (Одесса). Из-за интриг, чинимых ун-тской администрацией и коллегами, а также обструкций со стороны леворадикального студенчества, к-рому М. казался ретроградом, он в 1882 вышел в отставку (см. его «Рассказ о том, как и почему я поселился за границей» — РВед. 1909, 18 окт.). Совм. с Н. Ф. Гамалеей основал в 1886 первую в России бактериологич. станцию для прививок против бешенства (об обществ. резонансе на это событие см.: «Письмо-разъяснение» — «Врач», СПб., 1886, 30 окт.). Выехав в 1887 за границу, М. занимал должность зав. лабораторией (1888—1905), а затем и зам. директора (1905—16) Пастеров. ин-та в Париже (его статьи, посв. ин-ту, см.: РСЛ, 1909, 21 нояб., 1913, 1 нояб.). Был чл. акад. наук почти всех стран мира (в т. ч. поч. член Пе-

терб. АН с 1902), мн. науч. об-в и ин-тов. Лауреат Нобелев. пр. (1908; совм. с П. Эрлихом) за открытие фагоцитоза и создание клеточной теории иммунитета (осн. труд М. по этому вопросу — «Невосприимчивость в инфекционных болезнях», СПб., 1903).

М. сочетал интенсивную разработку науч. проблем с их популяризацией, причем, по словам современника, «самые спец. вопросы и открытия в области науки он так просто излагал, что они невольно захватывали своим интересом» (Спиро С. П., Толстой о Мечникове. — РСЛ, 1909, 3 июня). Первая публ. М. — рец. на «Курс геологии» И. Леваковского — появилась в «Моск. вед.» (1861, 8 нояб.), когда ее автору было 16 лет. В 1863 он предложил ж-лу М. М. Достоевского «Время» критич. разбор теории Ч. Дарвина (статья не была опублик. в связи с закрытием изд.). Сопряжение микро- и макрокосма, стремление установить закономерности развития низших существ по аналогии с высшими (борьба за существование) привели М. к созданию фагоцитарной теории («Мое пребывание в Мессине» — РВед. 1908, 31 дек.), позволившей рассматривать старость как болезнь, поддающуюся излечению, а смерть как результат «самоотравления организма», что положило начало геронтологии. Размышления о природе жизни и смерти, о том, есть ли смысл в человеческом существовании (пессимистич. воззрения М. на этот счет отразились в ранней неокопч. ст. «Самоубийство. Антропологич. очерк» — ААН, ф. 584, оп. 1, № 288), составляют ядро его научно-популярной и филос. «трилогии» — «Этюды о природе человека» (М., 1903; впервые на франц. яз. — Р., 1903; рец.: «Нов. путь», 1904, № 10), «Этюды оптимизма» (М., 1907; впервые на франц. яз. — Р., 1907; рец.: РВед. 1907, 15 мая) и «Этюды о половом вопросе» (не окончены, 1915—16; опублик. Академич. собр. соч., т. 16), — написанной с позиций «своеобразного позитивизма в стиле „moderne“» (В. Таланкин — «Вера и разум», Х., 1913, № 20, с. 234). Согласно М., целесообразная человеческая деятельность продолжается до «появления „инстинкта смерти“... когда человек чувствует себя уже удовлетворенным продолжительностью своей жизни и начинает желать небытия» (Академич. собр. соч., т. 16, с. 283). Учение о достижении возраста «естественной смерти» путем совершенствования питания и гигиены, а также полового просвещения и воздержания М. назвал «ортобиозом», пропагандируя жизнь, основанную на исправлении дисгармонии человеческой природы: патологич. старости, преждевременной смерти, противоречий

между половым созреванием и возрастом вступления в брак и т. д. Пример «правильной жизни» он старался подавать сам. Рассматривая человека прежде всего как биологич. особь, М. подчас был склонен принимать особенности совств. жизни за модель человеческого развития. Так, свой путь от юношеского пессимизма к оптимизму зрелости он распространял на историю мировой литературы: напр., эволюция взглядов И. В. Гёте (от «Страданий молодого Вертера» к «Фаусту») и М. Метерлинка (см.: «Книга Метерлинка о смерти» — РСЛ, 1913, 17 июля). Пессимизм творчества Дж. Байрона, М. Ю. Лермонтова М. объяснял их возрастной психологией. С трактовкой М. мировоззрения А. С. Пушкина как пессимистического полемизировал Д. Н. Овсянко-Куликовский в ст. «Ценность жизни» (ВЕ, 1915, № 5). Возражения современников вызвал и отрицат. ответ М. на вопрос о бессмертии души (см., напр.: Толстой К. К., Корин бесспорного пессимизма, СПб., 1909). М. полагал, что если уж «невозможно жить без веры, то последняя должна быть верою в могущество науки» (РГАЛИ, ф. 1348, оп. 1, № 538). Активность М., выступавшего в печати почти по всем осн. вопросам биологии, да и науки вообще, объясняется его убеждением в том, что именно науч. мировоззрение призвано обеспечить прогресс (в т. ч. и духовный) человечества. Итоги филос. наблюдений гигиениста и физиолога подведены в его кн. «Сорок лет искания рационального мировоззрения» (М., 1913; рец.: Мокеевский П., Смерть и Логос. — РБ, 1913, № 1), вобравшей в себя статьи и выступления, опублик. в периодике с 1871 по 1910. Оценивая с т. з. ортобиоза филос. идеи своих ближайших предшественников и современников, М. отвергал интуитивизм А. Бергсона, критиковал Г. Спенсера и Ф. Ницше за «антиколлективизм» (не соответствующий науч. прогнозам о развитии общества). Ближе всех М. был А. Шопенгауэр, чьи взгляды на смысл жизни претерпели сходную эволюцию.

М. опублик. ряд автобиогр. мат-лов («Памяти Н. А. Умова» — РСЛ, 1915, 4 февр.), мемуарных портретов ученых и обществ. деятелей («А. О. Ковалевский» — ВЕ, 1902, № 12; «Восп. о Сеченове» — ВЕ, 1915, № 5; «О Н. П. Пирогове» — РСЛ, 1910, 13 нояб.; «Восп. о Витте» — РСЛ, 1916, 28 февр., и др.), а также очерки по истории биологии и медицины в России и за рубежом («Мученики науки» — «Нов. слово», 1909, № 7; «Основатели совр. медицины. Пастер — Листер — Кох», М., 1915, и др.). Их лит. достоинство — в отсутствии какой бы то ни было «литературности»: четкость изложе-

ния, точность наблюдений, беспристрастность повествования — приемы и методы науч. исследований, перенесенные в область лит. формы.

Через брата Л. И. Мечникова М. познакомился с А. И. Герценом («я увлекался им как литератором, но все, что у него касалось политики, на меня не произвело впечатления» — «Страницы восп.», с. 78). М. А. Бакуниним (его теории М. считал «поверхностными» — Мечников, с. 45), тесно общался с П. Л. Лавровым, поддерживал отношения с П. Д. Боборыкиным и В. М. Дорошевичем, переписывался с М. Горьким (к-рый хотел привлечь М. к участию в ж. «Летопись»). Принципиальные расхождения М. с Л. Н. Толстым в отношении к естеств. наукам, к «опрошению» (ст. «Закон жизни»). По поводу нек-рых произв. гр. Л. Толстого — ВЕ, 1891, № 9; см. также рубрику Н. К. Михайловского «Лит-ра и жизнь»; РМ, 1892, № 1—3) и месту женщины в обществе (см.: Тенеромо И. Б., Толстой и Мечников о женщинах, СПб., 1910), по мнению рус. публики, как будто не мешали их глубокой взаимной симпатии («День у Толстого в Ясной Поляне» — РСЛ, 1912, 30 сент.). Но в частных беседах Толстой утверждал, что позитивист. взгляды М. объясняются его «кастрированным нравственным чувством» (ЛН, т. 90, кн. 4, с. 133). В свою очередь, М. считал, что Толстой должен нести ответственность за подготовку Революции 1905—07 своими публицист. «проповедями».

М. был ред. мед. отд. НЭС, написал для него ряд статей. Переводит и редактировал переводы книг А. Любена, П. Топинара, П. Бера и др.

Изд.: Академич. собр. соч., т. 1—16, М., 1950—64; Страницы восп., М., 1946; Куванова Л. К., Бахракова М. С., Рукоп. материалы М. в Архиве АН СССР. Науч. описание, текст, М.—Л., 1960; Письма (1863—1916), М., 1974; Письма к О. Н. Мещеряковой, т. 1—2, М., 1978—80.

Лит.: Горький (ук.); Толстой (ук.); Крылов П., Мир земной борьбы, — РБ, 1893, № 8; Об-к. посв. М. в память пребывания его в Петербурге 14—26 мая 1909 г., СПб., 1909; Михайловский Н. К., Борьба за индивидуальность, — Собр. соч., 5-е изд., т. 1, СПб., 1911; Зеленский В. В., И. И. Мечников, — ВЕ, 1915, № 5; Штрайх С., Еврейские отношения М. — «Нов. путь», 1916, № 26; Прокладание М. — «Евр. вестн.», 1916, № 29; Овсянко-Куликовский Д. Н., Радость познания — радость бытия, Памяти М. — ВЕ, 1916, № 12; Фатеев А. Н., Познавч. и студент. годы М., 1916; Омельянский В. Л., И. И. Мечников, его жизнь и труды, П., 1917; Памяти М. Торжеств. совещание заезжане... 5 февр. 1917 г., Каз., 1918; Чистович Н. Я., И. И. Мечников, Б.—П.—М., 1923; Мельник М. И., И. И. Мечников. Жизнь — труды — миропознание, Х., 1924; Мечникова О. Н., Жизнь М. М.—Л., 1926; Безрукава А. М., История одной идеи, Творчество М., Х., 1926; Конзакков Н. П., Восп. и думы, Прага, 1927; Музей памяти М. (сб. ст.), М.—Л., 1930; Тимирязев К. А., Собр. соч., т. 1—10, М., 1937—40 (ук.); Грейзлянский М. А., И. И. Мечников. Его жизнь и работа, М., 1945; Зильбер Л. А., Мечников и его учение (к 100-летию со дня рождения), М., 1945; Каневский

А. Е., Пастер и М., Новосиби., 1946; Белкин Р. И., И. И. Мечников — великий рус. биолог, 2-е изд., М., 1953; Залкинд С. Я., И. И. Мечников, М., 1957; Могилевский Б. Я., И. И. Мечников, М., 1958; Гольдштейн А. Б., Вблани Толстого, М., 1959; Витт С. Ю., Восп., т. 1—3, М., 1960 (ук.); Блякин С. А., И. И. Мечников, М., 1972; Резник С. Е., И. И. Мечников, М., 1973; Фролов В. А., Оперативный врач, М., 1980; Mémoires, publiés à l'occasion du jubilé de Elie Metchnikoff, P., 1921; Zeiss H., Elias Metchnikow. Leben und Werk, Jena, 1932; Burnet E., Un européen. Elie Metchnikoff, Tunis, 1966; Mardus E., Man with a microscope, N.Y., 1968. + Некрологи, 1916: НВ, 4 июля; МВЕ, 5 июля; «Иж. Имв. АН», № 18; РСЛ, 6 июля; ВЕ, № 10. Хижняков В. В., Вайнарах Г. М., Хижнякова Н. В., Творчество М. и лит-ра о нем. Библиограф. указ., М., 1951; Биогр. словарь профессоров СПб. ун-та; Зисков; Брокгауз; Венгеров; Источ.; Гранат; БСЭ; Большая мед. энцикл., т. 15, М., 1981.

Архивы: ААН, ф. 584; РГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 389 (письма Л. Ф. Пантелееву); ф. 1348, оп. 1, № 538 (письма Ф. П. Келлеру); РГБ, ф. 259, п. 17, № 19 (письма в ред. «Рус. слова»). А. Б. Роговский, Е. М. Гушицкая
МЕЧНИКОВ Лев Ильич [18(30).5.1838, Петербург — 18.6.1888, кантон Невшатель, Швейцария; похоронен на кладб. в Кларане], географ, историк, публицист. Брат И. И. Мечникова. Первонач. образование получил в петерб. пансионе (Мечников, с. 4), с 1850 в Уч-ще правоведения, к-рое оставил по болезни. В

1851 с семьей переехал в Харьков, где учился во 2-й г-зии (из педа. характеристики: «разбрасывается»), по окончании (1855) — на мед. ф-те ун-та. В марте 1856 исключен (предположительно — за участие в студенч. волнениях). В 1857 стал студентом петерб. Медико-хирургич. акад., затем физ.-матем. ф-та ун-та. Одновременно обучался живописи в АХ, языкам (перс., тур., араб.) в Инте восточных языков. По окончании ун-та с 1859 переводчик рус. дипл. миссии на Бл. Востоке; после конфликта с секретарем миссии получил отставку, устроился торг. агентом Об-на мор. перевозок Средиземного и Черного морей. В 1860 уехал в Венецию продолжать занятия живо-

писью («Я создан быть только художником»), однако вскоре, воодушевленный выступлением Дж. Гарibaldi, решает организовать «славянский легион». Из-за угрозы ареста бежал в Ливорно, где вступил в армию Гарibaldi, сражался офицером артиллерии, получил тяжелое ранение легких и ног, что усугубило врожденную хромоту М. Находясь на излечении в Неаполе, познакомился с А. Дюма-отцом, сотрудничал в его ж. «Независимый» («l'Indépendant»); ж-л выходил на франц. и итал. языках; подробнее см.: РВ, 1861, т. 35, с. 427—33; М. помешал в нем заметки из неаполитан. жизни с собств. илл.). В 1862 М. начал издавать свою газ. «Бич» («Flagello»), однако власти, не удовлетворенные ее направлением, вскоре «отобрали редакцию». В эти годы Италия — одна из осн. тем публикаций М. в рус. периодике: «Записки гарibaldiнца» (РВ, 1861, № 9—11) — рассказ участника похода за освобождение Неаполитанского королевства, содержащий мн. ярких портретных характеристик, по жанру приближается к худож. очерку; статьи по истории Италии («Совр.», 1862, № 2—5; 1863, № 6, 7; 1864, № 5, 7, 10; РСЛ, 1864, № 7; «Дело», 1872, № 5, 6, 12), обзоры совр. итал. лит-ры и иск-ва (РВ, 1861, № 12; «Совр.», 1863, № 12; РСЛ, 1864, № 1, 3). Позднее М. перевел роман соратника Гарibaldi В. Оттолини «Гарibaldiны» («Дело», 1880, № 6—11; см.: Потапова З. М., Рус.-итал. лит. связи, М., 1973, с. 172, здесь же анализ статей М. об итал. лит-ре — с. 44—54). Вел переписку с Н. Г. Чернышевским об итал. событиях, предлагал «Современнику» план статей; известны 4 письма М. (см.: Проппс Н. Г. Чернышевского, Саратов, 1939, с. 65—67; ответные письма не найдены). В показаниях Чернышевского на суде М. упомянут как один из корреспондентов «Современника» (Чернышевский, XIV, 723).

В 1863 М. во Флоренции встречается с А. И. Герценом, публикует в «Колоколе» письмо «Точка поворота» (1863, 1 сент.) в защиту польск. восстания. В отчете III отд. за 1863 сообщается: «... на митингах в пользу Польши неоднократно говорил речи, направленные против рус. правительств» (КА, 1923, т. 3, с. 206). Герцен хорошо знал и ценил М.: из всей «молодой эмиграции» «один Мечников умеет писать» (XXVIII, 10).

М. испытал сильное влияние идей П. Ж. Прудона. Излагая его теорию, М. пишет, что Прудон смотрит на собственность как на условие личной инициативы, свободы человека, порабощенного гос-вом. Собственность есть кража при сохранении гос-ва. Поэтому Прудон, по мнению М.,

приходит к идее анархизма — безгосударств. будущности человечества. М. разделяет это убеждение, называя Прудона «гениальным публицистом», «учителем» («Колокол», 1864. 15 мая. — В кн.: Колокол, в. 7, М., 1963, с. 1524). М. вместе с тем возражает мнению Прудона о преимуществе системы европ. равенства перед нац. независимостью народов, считая нац. идею единств. основой будущего европ. порядка.

В связи с этим М. рассматривает полит. строй России как «союз гос-ва со всем, что есть злостного, безликого, полуживого и всего менее способного к движению и развитию в народ» (там же, с. 1523). «Колокол» Герцена публикует работу М. «Противники государства на Руси» («Les antagonistes de l'état en Russie», 1868, № 8—13; изд. в кн.: «Колокол». Газета Герцена и Огарева. Ж., 1868—69, М., 1978), в к-рой с достаточной полнотой выражены взгляды М. на будущее России: история всех стран есть борьба правителей, власти с нац. началами, несправедливых стремлений с автономией. Учреждения, уравновешивающие эти силы и не дающие развиваться деспотизму, существуют лишь в Европе; в России же деспотизм самодержавия безграничен и против него в истории выступал всегосударств. силы — крестьяне, раскольник, казачество, составлявшие динамичную и перспективную элемент борьбы за свободу.

В 1866 М. вместе с семьей переезжает в Швейцарию, вступает в 1-й Интернационал, присоединяется к М. А. Бакунину, с к-рым познакомился еще в Италии (см. восп. М. об этом — ИВ, 1897, № 3). Избран редактором кассы взаимопомощи рус. эмигрантов (Герцен, XIX, 324). Вместе с Н. Я. Николаевым редактирует ж. «Современность» (вышло 7 номеров, 20 апр. — 15 сент. 1866). Переводит и редактирует 2-й том «Записок» П. В. Долгорукова (Кантор Р. М., В погоне за Нечасовым, 2-е изд., Л.—М., 1925, с. 61). Под разными псевд. много печатается в рус. периодике («Б-ка для чтения», «Рус. слово», «Отч. зап.», «Дело», «Вест. Европы» и др.), гл. обр. статьи о науч. и худож. жизни Европы, используя свободное знание осн. европ. языков (об этом периоде жизни М. подробно см. его «Очерки швейцарской жизни и нравов» — ОЗ, 1868, № 5, 7).

Во время революции 1868—74 в Испании М. находится там (с офш. удостоверением корр. «С.-Петерб. вед.») и публикует очерки «Поездка в Испанию» (ОЗ, 1869, № 2—5, 8, 11, 12) — рассказ о жизни разл. провинций с бытовыми и портретными зарисовками, осн. на личных впечатлениях, дополняют рассуждения автора о совр. полит. ситуации, нац. характере испанцев, ист. экскурсы, что сообщает беллетристич. путевым заметкам фактич. полноту и аналитичность.

Осложнения, вероятные при возвращении в Россию («республиканец», «красный»), способствовали решению М. ехать в Японию, где в 1874—76 по приглашению Мин-ва просвещения в Токийском ун-те он

преподавал рус. язык. М. предложил «Отч. запискам» проект сотрудничества (ЛН, т. 13—14, с. 361—62); известно письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина о согласии взять япон. записки (ЛН, кн. 2, с. 147), к-рые не были опублик. Капитальный ист.-геогр. труд М. «Японская империя» («L'empire japonais», Gênevè, 1883, с его рис. в японском стиле; отрывки: «Эра просвещения Японии» — «Дело», 1876, № 10, 1877, № 2; «Мэй-Дзи...», Каз., 1905) принес ему известность в кругу ученых и вызвал читательский интерес. В 1876 из-за обострившейся болезни (туберкулез, малокровие) М. вернулся в Швейцарию (по дороге посетил США, о-ва Тихого океана). Становится сотрудником высланного из Фрауши за участие в Париж. коммуне выдающегося учено-географа Э. Реклю — работает вместе с ним и П. А. Кропоткин над «Всеобщей географией» (т. 1—19, окончена в 1896). Публикует статьи в России: «В недрах родной земли» («Дело», 1877, № 11, 12), «Хлебный вопрос в Америке и Европе» («Дело», 1880, № 5, 6) и др. Хронич. голод рус. населения объясняет «несостоятельностью коренных осн. экономич. быта» (там же, 1880, № 6, с. 134). Всего М. написано неск. сотен работ по вопросам науки, обществ. жизни, лит. критики, иск-ва. В 1883 Невшательская АН предлагает М. кафедру сравнит. географии и статистики в Лозаннском ун-те, к-рую он занимает до конца жизни. Широкую известность принесла М. кн. «Цивилизация и великие исторические реки» («La civilisation et les grands fleuves historiques», Р., 1889) — посмертное изд. курса лекций М. 1885—86, осуществленное Реклю с его же предисловием. Уже Франц. издание вызвало многочисл. положит. рец. (РМ, 1890, № 10, с. 463—64; «перевод на рус. яз. был бы очень желателен»; ВЕ, 1890, № 8; ИВ, 1890, № 2, с. 476; «столько новых и блестящих идей»; СВ, 1892, № 6; Вл. Соловьёв — «Вопросы философии и психологии», 1891, № 5, кн. 9). По мнению Г. В. Плеханова, «замечательная книга М. задает самые осн. вопросы философии и истории и для нек-рых из них дает вполне удовлетворительное решение» (Соч., т. 7, М.—Л., 1925, с. 17, 30). Вл. С. Соловьёв, высоко оценивая схему ист. развития М. («выгодно отличается ... большой определенностью и фактич. бесспорностью своей главной основы»), вместе с тем упрекал М. за то, что в ней не нашлось места христианству (Соловьёв В. С., Собр. соч., т. 6, СПб., 1907, с. 309, 310). На рус. языке книга М. — первое в отеч. мысли (наряду с лекциями В. О. Ключевского по рус. истории) исследование связей истории и культуры с

феноменами природы (почвой, климатом, рельефом) — была издана полностью в 1924 (М.). Идея М. позднее получили развитие в трудах А. Л. Чижевского, изучавшего зависимость ист. событий от космич. процессов (солнечная активность и пр.). По словам Реклю, М. хотел написать продолжение «Цивилизации...» — книгу «Цель жизни» — о будущем человечества. Эта цель — создание «морали солидарности» силами всех людей для полноты природы новому обществу.

Сохранились письма М. (окт. — нояб. 1886) писательнице Л. Ф. Макаловой (о ее мемуарах «М. и мое знакомство с ним» см.: ЛН, т. 63, с. 500) по поводу соч. Л. Н. Толстого, в частности пов. «Смерть Ивана Ильича» (прототип гл. героя — старший брат М. — Иван; см.: Салтыков-Щедрин XVIII, кн. 2, с. 71—73), в к-рых М. осуждает непривлекательность Толстого («Прометей», 1967, т. 2, с. 154—61). После смерти М. его жена О. Р. Скаряткина (история их знакомства описана М. в пов. «Смелый шаг» — «Совр.», 1863, № 11) пишет по просьбе Кропоткина восп. о нем (не окончен, хранятся — ГАРФ, ф. 6753, оп. 1, д. 88, л. 1—24; часть их использована в ст. А. К. Лишиной «Рус. гарibaldiец Л. И. Мечников». — В кн.: Россия и Италия, М., 1968). Ближе к жизни М. отзываются о нем как о богато одаренном человеке. «У него была натура необыкновенно подвижная, отзывчивая, художественная; но он никак не мог остановиться на выборе определенной деятельности и разбрасывался. Это помешало ему произвести все то, на что была способна его ... природа» (Мечникова, в. с. 37). Кое в чем совпадающую, но более жесткую характеристику дал М. И. Венюков, знавший М. по Швейцарии: не без иронии он назвал его «юношей в 50 лет», «парнем на все руки», хотя признавал в М. и талант, и ум (Венюков М. И., Из восп., кн. 3, Амстердам, 1901, с. 39, 40).

Лит.: Чернышевский (ук.); Маслово Н. К биографии М. — ИВ, 1897, № 6; Мечникова О. Н., Жизнь И. И. Мечникова, М.—Л., 1926; ЗапТБЛ, в. XII, М., 1951, с. 54; Романенко В. М., Борьба М. против макулатуры, социал-дарвинизма и расизма. — «Вопросы философии», 1956, № 5; Семенов И. Е., Рус. гарibaldiец М. — Уч. зап. ист. ф-та Кирг. Гос. ун-та, в. 5, Фрунзе, 1958; Невлер (Вилан) В. Е., Эпо гарibaldiецких сражений, М., 1963; Никитин Н. П., Л. И. Мечников. — В кн.: Экономич. география в СССР, М., 1965; Галактионов А. А., Никандров П. Ф., М. и его историко-социол. концепция. — Науч. доклады высшей школы. Филос. науки, 1968, № 6; Сиваков М. А., Философия и социология М. — В кн.: «Из истории рус. философии XIX — нач. XX вв.», М., 1969; Атаров Н., Дальшева М., Оповал мечом, 2-е изд., М., 1978; Караганова К. С., Дороги Л. Мечникова, М., 1981; Лебедева Т. А., Критика анарх. концепции обществ. прогресса Л. И. Мечникова. — В кн.: Развитие XXVI съездом КПСС теории науч. коммунизма, М.,

1985: Ковшарин В. П., М. о роли философии в развитии общества. — «Философия», 1988, № 5; его же, Рос. синоиолог Лес Мещиков, Владимир, 1994; ЯН, т. 41—42 (о М. и Гершене), т. 62 (письма Гершене и Старицу). + Некрологи, 1888: РБ, № 7; ИВ, № 9; Яшук, в. Я. Брежуа; НЭС: Гранат; БСЭ: Москва.

Илл.: Швейцария и великие ист. режис. Сталк. М., 1995).

Архивы: РГАЛИ, ф. 1636; ГАРФ, ф. 6753 (В. Комаровской; бюгр. свед. и док-ты, фото, рисунки), ф. 109, 3 экз., д. 25, 28, 44 и др. (бюгр. мат-лы). В. И. Митсон.

МЕШКОВ Николай Михайлович (10.22).3.1885, Москва — 11.8*. 1947, г. Муром Владимир обл.). Поэт. Из крест. рода т. Б. Горки-Покров, у Владимир. губ. Дед «сделался впоследствии подрачиком в Москве, нажил крупное состояние и приобрел потомств. почетное гражданство» (автобиография — ИРЛИ,

ф. 377, 1-е собр., № 1944, л. 1); отца, Мих. Ив., потерял в 15-летнем возрасте. Мать, Серафима Ал., — из старинного купеч. рода Ашукиных, «некогда очень богатого, но теперь разорившегося» (там же). Учился в 4-й моск. г-зии; помещал стихи в гимназич. лит. ж-ле: «по отвращению к казенной науке и из отвращения ко всякого рода аттестатам, ушел из 5-го класса» (бюгр. справка, записанная со слов М. в 1920-х гг., — РГАЛИ, ф. 1890, оп. 1, № 5). По собств. признанию, в 1904—06 утратился рев. движением, «был в 1905 г. арестован и сидел в Таганской тюрьме» (ИРЛИ, ф. 377). В 1906 опублик. первое стих. М. «В тяжелый год» («Вокруг света», № 43), с темой нагора. С этого времени печатал стихи в к. реж. рецензии в моск. ж-лах, в т. ч. «Студенч. жизни» (реци. на сб-к стихов С. А. Алякринского — 1910, № 36; атрибуция Р. Д. Тименчика). Стал чл. Моск. лит.-худож. кружка, посетителем телешовских «сред», сб-к завязал знакомства с И. А. Бунинным, Н. С. Ашукиным, И. И. Горбуновым-Посадовым, Н. Я. Абрамовичем, Эллисом, С. Я. Рубановичем, участниками лит.-муз. кружка «Сердарда» — композитором Б. Б. Красным, поэтом А. И. Гурьевым, С. Н. Дурмлинным. Позже, в нач. 1914,

разговор Б. Л. Пастернака с М., допустившим, очевидно, антисемит. выпады, послужил одной из причин раскола группы «Лирика», бывшей по составу фактически продолжением «Сердарды» (см. письмо Пастернака К. Г. Локсу от 27 янв. 1914 — «Минувшее», в. 13, М.—СПб., 1993, с. 182—83). В нач. 1910-х гг. М. поселился в ателье «Жатва», сблизился с кругом изда-ва «Жатва» — А. Альвингом, Е. Е. Курловым, участвовал в альт. «Жатва» (1912).

Уже в первой книге стихов М. «Снежные будни» (М., 1911; книга вышла в изда-ве «Порывы» В. П. Португалова, с к-рым М. был дружен) отчетливо обозначились гл. черты поэтич. манеры М.: пристрастие к «сезонно-календарной» теме (стих. «Апрельский вечер», «Мартовский вечер», «Утро в декабре», «Сентябрь», «На Святой», «На Страстной», «Канун Рождества», «Великий Пост» и г. д.), разработываемой под очевидным влиянием поэтов 19 в., прежде всего А. Н. Майкова: «консервативность» в области версификации (практически все стихи написаны четырех- и пятистопными ямбами с правильным чередованием мужских и женских рифм); приверженность к традиционн. «поэтической» лексике (постоянно «струящиеся» свет, дым, воздух и «мерцание звезд»; «бледная луна», «серебряный мороз», «реющие тени»; весенняя тема неизменно сопровождается «грачами» и «ручьями») в сочетании с насыщенностью текста атрибутами сел. и гор. быта (великопостные «запахи редьки, кваса и грибов», «древние иконы», «игра в бабки» мальчишек, «сапожары», святочные гадания, какки замершей воды в сенях и т. н.).

Как книгу, «от к-рой заветает» и к-рую «ни хвалить, ни бранить» нельзя: она не распухнет, охарактеризовал «Снежные будни» В. Ф. Хозаевский («Моск. галл», 1911, 2 сент.; подп. К. В.). Навязывая в подборе эпитетов и рифм, иногда граничащая с пародией (плажды использованные рифмы «струяны» («Анг», «декаданс» не паремическая банда), вызвала неприятие критиков (см. напр., рец. В. Л. Львова-Рогачевского — СМ, 1911, № 7; подп. В. Л.-Р.), М., к-рый «чуть не по календарю описывает в стихах весь год, но несмотря на отдельные меткие эпитеты... не может достичь того, чтобы все эти описания для описания не сливались в одно мутное пятно», В. Я. Брюсов отнес к «неореалистам» [РМ, 1913, № 8; лит. по: Брюсов (2), с. 410].

Если в стихах первой книги М. критикам еще чудилось влияние А. А. Блока (А. Бартевен (А. Альвинг) — «Жатва», кн. 3, М., 1912) и А. Белого («лучисто-снежная красота», «снежно-белая царина моей мечты»), то уже во второй кн. «Стихотворения» (М., 1914), посвя. Бунину («я знак неизменной любви и глубокого уважения») и включившей почти все стихи первой книги, с несомненно-стой отразилась ориентация М. на реалистич. традицию рус. лирики. Свообразным манифестом можно считать статью М. «Поэзия Ивана

Буннина» («Путь», 1912, № 12), где в качестве важнейших достоинств поэзии выделены верность «заветам Пушкина и Тургенева», «мотив... счастья жизни и радости бытия», природа как «главная вдохновительница» поэта (с. 24, 25).

Благожелательные рецензенты отмечали у М. пристрастие к зарисовкам интерьера уютных и «свежих», «машеру Левитана» в импрессионистич. пейзажах, «костюмную насыщенность» и «ясную религиозность» (Л. Н. Столина — «Свободный журнал», 1914, № 11, стб. 132, 133), а также «акварельность» в изображении деревни и старой Москвы (В. Брюсов — СМ, 1914, № 12). Рядом критически оценивали стихи М., как «умозв. стих» с одинаковым количеством слогов и ударений и с рифмой-наследией на конце строки, а в ежегодном неукоснительном переводе календаря из позиции взгляда через окно автора, «вымысловато» стихи, сй увлекл. образ нового Обломова (Свз, 1915, № 2, с. 221; подп. А. Подлинн).

Публиковал стихи также в ж. «Маяк» (1909—13), «Путь» (1912—13), «Жизнь» (1913), «Нов. жизнь» (1914—15), «Свободный журнал» и др. В целом же в лит. ситуации 1910-х гг. стихи М. воспринимались в одном ряду с опытами др. поэтов реалистич. ориентации (Ашукин, Н. Ф. Бернер, А. И. Вудзев, П. Н. Петровский и др.), в осн. — круга сб-ков «Жатва».

После 1917 состоял во Всерос. союзе писателей, участвовал в ряде лит. группировок 1920-х гг. («Кифара», «Лит. обсерватор» и др.). В 1920 в книжной Лавке писателей выступался авт. рукоп. сб-к из 13 стих. «Стихи о любви» (см. в кн.: Ново-Басманная, 19, М., 1990, с. 118; воспроизведение обложки — с. 100). В 1923 опублик. сб. стихов «Четыре времени года» (М.), продолжающий главные темы его предвр. сб-ков. В 1920-х гг. работал технич. редактором Ред.-издат. отдела ЦК Союза рабочих буцажников. В марте 1936 был арестован. После 5 лет лагерей был в ссылке, работал сторожем в больнице в Муроме. Реабилитирован в 1990.

Изд.: [Стихи]. — В сб.: Четс-декламатор. Б., 1922; Времена года в рус. поэзии, М., 1924; ЛО, 1993, № 1/2 (вступ. ст. О. Сушковой).

Архивы: ИМЛИ, ф. 434, № 16 (автобиография); РГАЛИ, ф. 1182—1—22 (рукописи сб. «Стихи о любви»); ГЛМ, Н-в 1706; ИРЛИ, ф. 377 (справка Н. А. Прозоровой); ЦА ФСБ (справка А. И. Шинкина: № 10/А—2, 11.01.95; 10/А—1020*, 21.3.95). К. М. Пешинин.

МЕШЁВСКИЙ, Мешовский Александр Иванович (ок. 1792 — ок. 1820, Оренбург), поэт, переводчик. Из дворян. Учился в Моск. ун-тском благородном пансионе (среди наставников выделял Н. Н. Сандунова), в кругу к-рого высоко ценится его «замечательное дарование» (Сушков и Н. В., Моск. ун-тский благородный пансион, М., 1858, с. 77; см. также с. 32). Дебютировал стихотв. пер. из О. Ракапа — «Уединенные» — в пансион. издании «Утренняя заря» (см.: «Избр. соч. из «Утренней зари», ч. 1, М., 1809). В «Вест. Евро-

пы» В. А. Жуковского опубликовались «чувствительные» стихи М. «Шесте уединенного» (1809, № 9). «Меналк и Дамет» (подражание 1-й эклоге Вергилия). «Дружба», басня «Орел и Чиж» (все — 1810, № 1).

Дальнейшая судьба М. реконструируется по отрывочным сведениям в его письмах. Пройдя через какие-то житейские неурядицы и безденежье. М., «гонимый всеми испуганиями молодости. ... бросился ... наконец в военную службу» (письмо П. А. Вяземскому, 6 февр. 1817 — Роскина, с. 538) — в 1812 поступил юнкером в Астрахан. кирасир. полк. Месяц спустя страх смерти, «при неумении управлять конем и палашом» казавшейся неизбежной, «мысли о ранее претерпленных ... несчастиях» внушили М. «бедственное желание сбросить с себя ... оковы необдуманной службы» (там же, с. 539). Попытка оставить полк в воен. время была приравнена к дезертирству. М. был разжалован в рядовые без права выслуги и в нач. 1814 сослан в Оренбург, где жил в бедности, зарабатывая на жизнь уроками. Попытки заступничества за М., в т. ч. покровительствовавшего ему ген. Д. И. Герцонберга, приезжавшего в Оренбург Н. Г. Волконского (ему повс. стих. М. «К Н. Г. В...му»), состояющее элегич. интонацию со стилем «шинельной оды», — РНБ), оставались безрезультатными.

Судьба М. явилась предметом особой заботы Жуковского, знавшего М. еще с пансиона, и Вяземского (не знакомые лично, переписывались с 1817); они помогали М. деньгами, отдавали в печать его произв., тщетно пытались хлопотать за него (в т. ч. через Н. М. Карамзина — см. письма Карамзина Жуковскому и Вяземскому, 1817 — РА, 1869, кн. 2, стб. 1386; «Старина и новизна», 1897, кн. 1, с. 28). Предполагалось участие М. в готовившемся в 1816 «арзамаском» ж-ле: имя М. постоянно мелькает в переписке арзамасцев: «Мешевский должен быть приемщиком Арзамаса ... дело идет о сотворении поэта и спасении человека» (письмо Жуковского А. И. Тургеневу, янв. 1817. — В кн.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 171 и др. по ук.; см. также: РС, 1901, № 4, с. 135; Батюшков К. Н., Соч., т. 1—3, СПб., 1885—87, ук.; ОА, т. 1, ук.; Ежегодник РО ПД, 1979, Л., 1981, с. 110—111 и др.). В судьбе М. принимали участие Ф. И. Толстой (РА, 1896, № 10, с. 208), А. П. Елагина (РС, 1883, № 9, с. 537—38, 541).

Жуковский и Вяземский подготовили к печати, но не успели издать сб-к стихов и переводов М. (РНБ). Значит. часть произв. сб-ка была опубликована в периодике (атрибутированы по рукописи сб-ка): в

«Вест. Европы», 1817 (б. п. или подписанные криптонимом М., иногда с пометой «Оренбург») — «Роман Едальвине», «К Нине» (№ 2), «Пловец» (№ 3), «Вечерняя песнь» (№ 5), «К луне» (вольный пер. с нем.) (№ 6), «Стихи на счет прелестной девушки, которую зовут Надеждою» (№ 8), «Мальвина» (№ 14), а также в «Соревнователе», 1818 (М. заочно был принят в члены ВОЛРС; печатался за подписью А. М...ий) — «Плач над прахом Лауры» (ч. 2, № 5), «На смерть (В. А.) Г(аббе)» (ч. 3, № 5). Отд. публикация стихов М. появлялись и в 1820-е гг.: «Месяц» (НА на 1826 г., СПб., 1825), «Горсть пастушки» («Опыт рус. анфологин», СПб., 1828) и др. Значит. место в творчестве М. занимают переводы, в т. ч. из Л. Г. Козегарте («Эдгар и Альвина» — ВЕ, 1817, № 11; «Два цветка» — РНБ), Ф. Маттиссона («Аделанда» — ВЕ, 1817, № 5), Ф. Шиллера («Эвлин», вольный пер. баллады «Рыцарь Тоггенбург» — опубл.: Поэты 1790—1810), И. В. Гёте («Присутствие милой» — ВЕ, 1817, № 5).

По мнению Ю. М. Лотмана, М. являл своего рода двойником Жуковского, доведшим до предела то, что у самого Жуковского было обогато непоследовательными и отступлениями (М. — «выпрямленный Жуковский»). Однако неурядица таланта сплела М. от элигиста. «Легко глаза интонациями, вселенным в поэзию Жуковским, он часто предпочитает стиль тинный, сюжетные запутанней, возродила поэтику «трудных» лириков XVIII века и перекликалась с арзамасцами из лагеря «Беседы»» (Поэты 1790—1810, с. 37—38).

Излюбленные жанры М. — романс и баллада, встречаются также стихи «на случай». Свообразие М. отмечено в единств. изв. отзыве современника — П. М. Головина, в 1819 писавшего П. И. Шаликову о М.: «Ума, силы, таланта много, вкусу меньше, рассудка также; чувство глубокое, но не изящное. ... он не изящен в своей поэзии: важный недостаток, особенно для поэзии легкой» (ДЖ, 1829, № 51, с. 186).

Не удовлетворяясь «мелочами», М. стремился попробовать себя в «чем-нибудь большем» (письмо Вяземскому, 14 февр. 1817 — РГАЛИ) — переложил пов. Карамзина «Наталья, боярская дочь» четырехстопным хореем (отрывок опубл.: СО, 1817, № 52; полное изд. — СПб., 1817) и пов. Жуковского «Марына роша» амфибрахией (СПб., 1818, обе подписаны криптонимом А. М.). В основном придерживаясь оригиналов, М. разворачивает фрагменты прозаич. текста в монологи и диалоги, вводит ситуации и описания, характерные для баллад, заменяет слова «среднего стиля» синонимами-славянизмами, вводит постоянные эпитеты, сравнения, перифразы.

В 1819 М. перевел трагедию Вольтера «Смерть Цезаря» (выбор пьесы.

постановка к-рой в России была запрещена цензурой, очевидно, сделал по совету Вяземского — см. письмо Вяземского, 3 янв. 1817. РГАЛИ) и пытался передать первое явление через Головина и Шаликова М. Т. Каченовскому для публикации в «Вест. Европы». В последнем письме к Вяземскому (3 дек. 1819) умирающий от хохотки М. писал, что переведет трагедию Вольтера «Брут», если проживет еще шесть-семь месяцев (РГАЛИ).

После смерти М. его имя использовал А. Ф. Воейков, поместивший в «Новый лист» стих. П. И. Колодица «Деревья» (1825, окт.), «Приправа» (1825, дек.) за полной поэзией М. Позднее в 1824 в цензуре стих. Колодица «К арзамасным друзьям», Воейков назвал его автором покойной М. Сомнительным представляется также авторство приписанного им М. пер. из Гёте «Присутствие милой» (НП, 1824, дек., с пометой «Оренбург, 1815») — ср. более удачный пер. М. того же стих., указанный выше.

Изд.: Поэты 1790—1810.

Лит.: Барсуков Н. П., Заметка о М. — РА, 1858, № 6, стб. 938—39; Зейдлин К. К., Жизнь и поэзия В. А. Жуковского, СПб., 1883, с. 105 и др.; Шиндлерский Ф. А., Мешевский. (Забвтый сильный поэт). — Искусство, 1927, кн. 2—3; Боровкова-Майкова М. С., Арзамас и арзамасские протоколы, Л., 1933 (ук.); Соколов А. Н., Очерки по истории рус. поэмы XVIII и первой пол. XIX в., М., 1935, с. 256—57; Роскина Н. А., Нюно о поэте М. — ЛН, т. 60, кн. 1, М., 1956 (см. также ук.); Лотман Ю. М., Ист.-лит. заметки. Нагл. стихотворения М. — Уч. зап. ТГУ, в. 104, Тарту, 1961; Жирмунский В. М., Байрон и Пушкин, Л., 1978, с. 236; Арзамас, т. 1—2, М., 1994 (ук.); Брокгауз; Венгеров (Сл. Источ.); Смирнов-Соколкин; Масалов (не учт. псевд. А. М...ий).

Архивы: РНБ, ф. 286, оп. 2, № 296, 339 (рукописи сб-ков стихов и переводов М.); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2308 (письма П. А. Вяземскому, 1817—19), ф. 198, оп. 1, № 110 (письма В. А. Жуковскому). Г. В. Зюкова.

МЕЩЕРСКАЯ Капитолина Сергеевна, княгиня (урожд. Мальцова (Мальцева), по второму мужу Дорнин; 8(20).7.1839* — после 1900 (после 1918?)), поэтесса, прозаик, переводчица и журналист. Отец — Сер. Ив. (1810—93), ген.-майор, крупный заводчик (см. о нем: Брокгауз), мать — Анаст. Ник., урожд. Урусова (1820—94).

МЕЩЕРСКАЯ

Владислава Мальцовых в Орлов, Калуж. и Смоленской губ. с десятками замков соединилась область, ж. д. в 200 верст. По отзывам Л. Н. Толстого, хорошо знакомого семье М., и особенно остро испытанного у них и в ихних, и на выезде в Краеве, отец был «... не дипломатичен и не لطивай, но очень испорченный властью» (Толстой, ЛХХХII, 497), а мать М. «... мысля и поведению уясню смирная женщина — правдивость кажда-то... непритворная» (там же, XLVIII, 71). О ее роли при дворе. близкая опoвeщeннa с лeк. кн. Марией Николаевной, а затем и имп. Марией Александровной покровиоe см.: Тютчевa А. Ф., При дворе двух императоров, М., 1828—1829 (ж.к.).

Атмосфера роскоши, интенсивной светской, салонной и придворной жизни способствовала раннему и всестороннему развитию характера М. Благодаря начитанности и образованности М. была лектрисой императрицы. В 1859 (по др. данным, когда М. было ок. 16 лет) она вышла замуж за кн. Н. В. Мещерского, однако отсутствие к.-д. духовных интересов у мужа, отмечавшееся еще Я. П. Полонским, бывшим репетитором молодых Мещерских и писавшим об атмосфере в их доме: «душно — как в тюрьме», привело к разводу. В 60-е гг. М. сыла ниплиетской. Ее первые лит. опыты остались в рукописи (из изв. стих. «Ты мне сказал: пора, пора придти», 1864, пов. «Рита», 1865, сб. стихов «Костер мой не погас», 1868).

В 1872 М. вышла замуж за банкира Шарля Дорiana (сына франц. поллит. деятеля лeвоi ориeнтaции, бывшего мин. обществ. работ) и с тех пор жила преим. за границей. Была связана с рус. ре. эмигранцией, в частности с П. Н. Ткачевым, К. М. Турским, П. В. Григорьевым, редакторами ж. «Набат», к-рый, по-видимому, поддерживала материально. В 1879 в Женеве, в Рус. типографии («Набата») вышел сб. «Стихотворения княгини Т. Мещерской» (инициал Т. означает Тола — произвольное от Капитолина), в к-рый вошли в осн. стих., написанные на родине в кон. 1860-х — нач. 1870-х гг. Сб.х М. — это своего рода лирич. дневник в поэтич. посланиях к близким и знакомым [часто скрытым за легко узнаваемыми инициалами: бабушке кн. Е. П. Урусовой (посвящением ей открывается сб.), поэту Н. А. Сергееву, Н. М. Столыпиной, отцу, мужу и т. д.], в нем отразились события и жизненные ситуации, воспоминания и впечатления о путешествиях, образы родных мест (Москва, Пенза, Средниково, Нескучное и т. д.).

Тяготением М. к поэтич. штампам («безусловно возмущен», «нмученная душа» и т. п.) обусловлено появление во мн. стихотворениях сб.х трагич. романтич. образ лирич. героя (а не героини, что потребовало бы более индивидуализир. психологич. разработки) — не понятого людьми художника, гитаника («Скорбный поэт», «Пария»). В этот ряд включаются и романтич. вариации («Из Гейне», «Ей (Из Лонгфелло)» и др.); в сб.х возник также ре. дух сиен «Манфред» Дж. Байрона. Более непосредственными стихотворения, образ. к близким и знакомым, связанные с памятными местами («Средниково», «Вечерняя проповедь в Сорренте»,

датированное 1 дек. 1875); впрочем, за лирич. пейзажем (наиб. удавшимся М. жанр) в них обычно следует развернутое отвлеченная медитация. Никак ориг. поэтич. идея — напр. мотив встречи «без имени» в стих. «А. Н. Тончаров» — воплощается в образах пч. ирани безымянной («И вот пять лет плывет плыви наш мильонный...») Нерония и поэтич. техника М.: при относительн. разнообразии рифмовка традиционна, в неких строках отсутствует явоч.

Вероятно, печаталась М. и в рус. легальной печати [так. стих. «Лесу Нескучному» из ее сб.х было перепечатано под псевд. L. Dorian в «Животном обозр.» (1882, № 48), в к-ром сотрудничали Ткачев и Григорьев], однако лонски ее публикации до сих пор не проводились.

М. деятельно участвовала в лит. жизни Парижа, печатала статьи и новеллы в ж.-лах, переводила на франц. яз. П. Б. Шелли (драмы «Ченчи», «Освобожденный Прометей», «Эллада» и др.) и А. Ч. Суинберна («Ода статусе Виктора Гюго» и др.), была завсегдатаем лит. салонов демократич. и радикального направления, особенно салона В. Гюго, «ученицей и близким другом» к-рого она стала в последние годы его жизни. На деньги М. в Женеве (1888) и в Париже (1889) издавалась газ. «Свобода. Полит. орган рус. интеллигенции» [ред. С. Кляжнин (С. М. Коган) и Турский].

В кон. 1888, когда в ре. «Свобода» началась трина. М., по избежанию «всяких несоразмерностей и толков» о ее отношении к газете, газета была разделена «на четный и ответственный пост редактора» (см. ее «Письмо в редакцию», «Свобода», 1888, № 15). Однако в 1889 издание прекратилось; в марте того же года, по-видимому, также не без помощи М., Турский выпустил газ. «Борьба» (Париж, № 1/2, редактором не обозначены, номер оказался единичным). В «Свободу» (1888, № 6/7) была помещена и единств. известная в рус. печати критика «Библии, заметка» на кн. сдобиорочный М. на франц. языке (вероятно, на «*Poemes lyriques*», Р., 1888). Оставшаяся «разбор нового труда» М. до след. номера (не появилась), рецензия («К. М. Турский») отмечала «высокое понимание автором роли поэта» на материале стих. «Песнь нигилиста», в к-ром поэтесса желает перво свое обратиться в «раскаленные лезвие» и выжечь из чрева усталостей народных плетно попора. В «Свободу» лишь один стих, М. «Родная песня» напечатано за ее подписью (1888, № 15), но, вероятно, и в этой газете, и в «Борьбе» есть ее стихи без подписей или под псевд. псевд., напр., в «Свободу»: «Пушкину» (№ 2, 1888, подпись: Вольный), «На смерть Наисона и Гаршина» (№ 5, 6/и), «Viro Major (Из В. Гюго)» (№ 6/7, 6/и) и др.; в «Борьбе»: «Пролок к вылам» (перевод Барбеса, 6/и), «Хмельная ночь (по А. Мюссе)» (подпись: Г—), а также перевод отрывка из «Правды о России» В. Т. Стяда.

В последующие годы М. переводила с англ. на франц., а также выпустила в Париже несколько книг на франц. яз.: поэтич. сб.ки « *Livre de vers lyriques*» (1890), «*Vesperales*» (1894), «*Roses remontantes*» (1897), пьеса «*La Belle madame Hesselin*» (1899). Ряд прозаич. сб.-ков повестей и рассказов («*Ames slaves*», 1890; «*Invincible race*», 1899) и пьеса «*Tamara*» (1891) посвящены рус. тематике.

Совладение с биографией М. писавших сведений о писательнице Н. А. Арнальди, использованная биография к-рой неизвестна, позволяет

предположить, что Арнальди — псевдоним М. (рус. анаграмма от L. Dorian).

Лит.: Фремельдан А. М., Виктор Гюго. Ег. лит. эпоха, жизнь, труды и мысли. 2-е изд. СПб., 1912, с. 89; Тихомиров Л., Воспоминания, М.—Л., 1927; Гюго, А. О. Олитературной жизни Виктора Гюго, М., 1983, с. 598—99; Письма А. Ч. Суинберна Толде Дориа (1833—1883—93 гг.). — В кн.: Swinburne A. Ch Letters, v. 4—6, New Haven, 1901—62 (ж.к. v. 6). → Голыгин; Брокгауз; НЭС; Южакон Венгрия. Источ.: Венгрия. Список; СКРНЗП La Grande Encyclopedie... (год рожд. М. — 185 указан неверно); Nouveau Larousse illustré...; Мюсанов (ошибочно указан подст. Т. Мещерская; и уместны псевд. Dorian L., Dorian T., Doria Tola).

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 1127 л. 7 (копия м. с.) [справка Л. И. Соколов]; РГВИА, ф. 400, оп. 15, д. 476 (п. с. отцы М.) [справка Е. В. Карповой].

К. М. Шахматов

МЕЩЕРСКАЯ Софья Сергеевна княгиня [урожа. Всеволожская 19(30).11.1775 — 4(16).10.1848, Москва; похоронена в Новолесничьем мон.], автор и переводчица религ.-нравств. книг для народа. И древнего дворян. рода. Сестра Н. С. Всеволожского. Двоюродная тетка Н. В. Всеволожского и (по мужу

А. В. Мещерского (1810—67). Бабушка В. П. Мещерского. Получила дом. образование, владела англ., франц., нем. языками. Жена секунд-майора Ив. Сер. Мещерского (1775—1851). Жила в имении Мещерских Лотошино Старокург у Твер. губ., в Москве и Петербурге (круг ее общения в числе других составляли А. И. Тургенев, П. А. Вяземский, а также Карамзины и Гончаровы, с к-рыми породнились в браках дети М.). После разорения Мещерских в Отеч. войну 1812, когда они, движимые патриотич. чувством, взяли на себя подряды по снабжению армии провиантом, М. сама стала вести дела своего мужа.

Пользовалась в семье большим авторитетом. Ее суждения, высказываемые «без околничностей», никем не оспаривались, потому что «всегда были верны». Высокая, неизменно в белом чепце, из-под к-рого видне-

лись два длинных белых локона, и черном кашемировом платье «самого простого фасона». М. была «женщиной строгой жизни»: соблюдала посты и «все правила церкви» (Мещерский, с. 12—13). Глубокая приверженность православию сочеталась у М. с англоманством (на мировоззрение и образ жизни оказал влияние англ. методизм).

Приняла активное участие в организации и деятельности Рос. Библийского об-ва (1812—26), в к-ром состояли также ее муж, дедьяк — обер-прокурор Синода П. С. Мещерский, сестра — А. С. Голицына (1774—1838; о ее лит. опытах см.: Голицына). В соответствии с задачами об-ва (распространение Библии среди иноверцев и христиан), созданного по примеру Брит. Библ. об-ва, М. занимается благотворительностью, посещает тюрьмы, больницы, приюты, где читает и разъясняет Библию. Переводит и приспособливает для народа издания Брит. религ. об-ва, т. н. Religious Tracts Society (в т. ч. произв. Дж. Аддисона, К. Бьюкенена, С. Уокера, Р. Пинкертон), а также сама составляет разл. переложения библич. текстов: «К страждущим» (СПб., 1813; 4-е изд. — 1819), «Разговоры матери с детьми о духовных предметах» (СПб., 1819), «Три разговора священника с прихожанами о истинном пути к спасению» (СПб., 1813; 2-е изд. — 1819), «Известия о распространении христианства между языческими народами и магометанами во всех частях света» (СПб., 1817) и др., делает извлечения из соч. Тихона Задонского и митрополита Михаила (Десницкого); пер. М. его проповедей на англ. яз. опубликованы в кн.: Pinkerton, р. 468—86. Степень доступности этих изданий для народа подвергалась сомнению (Флоровский, с. 148), но попытка воплощения религ. тем на рус. (а не на церк.-славянском) яз. имела очевидное значение, способствуя появлению рус. перевода Нового Завета. При участии М. было издано ок. 100 книг и брошюр (анонимно или с указанием авторства «некоторых благочестивой дамы»), получивших назв. «мейеровских» (по имени книгопродавца), общим тиражом более 400 тыс. экз. (неполный их перечень см.: Б-ка Смирнина, ч. 1, № 757, 778, 818, 969—1005). Издания М., пользовавшиеся изв. спросом (ср. письмо М. М. Сперанского дочери, 1816 — РА, 1868, кн. 2, стб. 1113), продавались по низким ценам, бесплатно раздавались маломужным и рассылались по распоряжению А. Н. Голицына по епархиям (М. затратила на них более 10 тыс. руб.).

М. завела дружеское расположение мн. церк. иерархов: митрополита Михаила (Десницкого), архи-

мандрита Иннокентия (Смирнова) (см. Письма преев. Иннокентия, епископа пензенского и саратовского, к кн. С. С. Мещерской, 1817—1819, М., 1875), митрополита Филарета (Дроздова), впоследствии отпавшего ее. С кон. 1810-х гг. М. выступала в роли духовной наставницы Александра I.

Христ. воззрения М. оказали значит. влияние на императора, вытеснив его увлечение религ. инстинктивом баронессе В. Ю. Крэднер (1764—1825), рус.-франц. писательницы (см.: Голицына), также участвовавшей в издании религ.-нравств. брошюр. Договорившись односторонне начать чтение Библии, М. и Александр I широко читали по две главы в день; их пристрастия на эту тему унижена М. перед смертью (одна измемо к ней Александра I опубли.: РА, 1866, кн. 3). Перед отъездом в Таширан в 1825 император посетил М. в Лотошине.

В 1830—40-е гг. М. переписывалась на религ.-филос. темы (в т. ч. о сакральности библиейского текста, о сближении христ. исповеданий) с П. Я. Чаадаевым; ей адресованы т. н. «Два письма к кн. Софии М.» Чаадаева, распространенные в списках. Отдавая должное авторитету М., «вся жизнь которой посвящена была осуществлению искренней и просвещенной религии» (Чаадаев, т. 2, с. 137), Чаадаев считал свои взаимоотношения с М. примером того, что «серьезные религиозные убеждения, самые разнородные, всегда симпатизируют друг с другом» (там же, с. 109).

Лит.: Чистович И. А., История пер. Библии на рус. яз., ч. 1, СПб., 1873, с. 92, 100—31; Греллс де Мобилье С., Зап. кавера о приближении в России. — РС, 1874, № 1, с. 3—5, 9, 23—25; Жакин В., Иннокентий, епископ пензенский и саратовский. — «Христ. чтение», 1884, № 3/6, с. 783, 793—95; Мещерский А. В., Восп., М., 1901, с. 12—13, 24—25; Стеллецкий Н., Кн. А. Н. Голицына и его церк.-ос. деятельность, К., 1901, с. 77—78, 84, 100, 106, 143—45, 155; Папаян А. Н., Нечел. и статьи по эпохе Адара, т. 1, П., 1916 (ук.); Флоровский Г., Пути рус. богословия, Париж, 1988 (ук.); Чаадаев П. Я., ПСС и избр. письма, т. 1—2, М., 1991 (ук.); Pinkerton R., Russia ... L., 1833, р. 357—60, 366, 412, + Геннад: Брокгауз; Венгеров; Источ.: Мелов: Голицына; МНЭрх.; Черейский.

Архивы: РГБ, ф. 103, п. 1032, № 29 (письма П. Я. Чаадаеву); ф. 265, к. 193, № 31 (письмо Ф. В. и С. Ю. Самаринки); РГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 327 (письма Ф. Н. Глинке); ф. 501, оп. 1, № 153 (письма А. И. Тургеневу); ф. 819, оп. 1, № 330 (письма П. И. Орловой-Савиной); РНБ, ф. 52, № 244 (два письма Александра I к М., 1816—17). М. Ф. Максимов.

МЕЩЕРСКИЙ Александр Васильевич, князь (7(19).3. 1810—10(22).2. 1867, Петербург; похоронен в Сергиевой пустыни под Петербургом), поэт-дилетант. Сын коллеж. сов. В. П. Мещерского. Родственник С. С. Мещерской (двоюродный племянник ее мужа). В 1823—29 учился в Царскоевском лицее (5-й выпуск), где подружился с М. Д. Деларю, Я. К. Гротом (письма М. к Гроту см. в кн.: Грот К. Я., Пушкинский лицей (1811—1817). Бумаги 1-го курса, собранные акад. Я. К. Гротом, СПб., 1911) и начал писать стихи. Грот вспоминал, что М. и Деларю «в замечательной степени успели раз-

вить свой талант ... под руководством» Н. Ф. Кошанского. Посетивший лицей А. С. Пушкин читал их стихи и «ободрял молодых поэтов», посоветовав, однако, М. «не писать французских стихов» (Грот Я., Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд., СПб., 1899, с. 43). Выпущенный из лицея с чином 9-го класса, служил в Деп. внеш. торговли Мин-ва финансов (1830—31). В 1831 определен в Гл. штаб по воен. поселениям; управляющий делами Стронельского к-та Деп. воен. поселений (1833); переводчик Инспекторского деп. Воен. мин-ва (1834—1835). В нач. 1830-х гг. М. «близко знаком» с А. В. Никитенко (Никитенко, I, 388).

Начал печататься в лицейском альб. «Царское Село» (СПб., 1829); стих. «Весна», «Желание» и «Весна и осень» (повс. М. Д. Деларю). Позже поменял свои прозв. в тех же изданиях, что и Деларю; стих. «Станцы» — в «Сев. цветах на 1832 г.» (СПб., 1831), «Заточение» — в «Одесском альб. на 1839 г.» (Од., 1838). В стихах М. очевидно влияние тем и ритмики-синтаксис. фигур поэзии Пушкина («Но кто любит, страдал и пел страданья / ... Тот любит шум в редеющем лесу, / Иль мертвый сон багрово-желтой сени / И осени бледнейшей красу» — «Весна и осень»); позднее переводил на франц. язык стих. Пушкина (в письме А. Н. Верстовскому просит позволения опубликовать с музыкой Верстовского свой пер. «Черной палач», выполненный тонич. стихом. — ЦГТМ). П. А. Вяземского (РГАЛИ).

С 1836 по 1856 служил в Варшаве: в Правительств. комиссии внутр. и духовных дел и нар. просвещения (с 1849 управляющий греко-уннатскими делами), в канцелярии е.и.в. статс-секретариата Царства Польского (с 1854). Действит. стат. советник (1855), камергер (1856). С 1858 до конца жизни гофмейстер двора вел. кн. Екатерины Михайловны (времено исполнял должность с кон. 1856). Член гл. правления училищ (с 1861).

В справочной лит-ре М. часто идентифицируют с его троюродным племянником Андром Вас. Мещерским (1822—1900).

Изд.: Сев. цветы на 1832 г., М., 1980.

Лит.: Грот и Плетнев, I, 139; Вацура, с. 177, 237; Кобско Д., Имп. Царскоевский лицей. Наставники и питомцы, 1811—1843, СПб., 1911, с. 274, 291—92. + Список чинам в гражд. службе состоящим, СПб., 1841; Адрес-календарь... на 1860—61 гг., ч. 1—2, ... на 1866—1867 гг., ч. 1—2 (СПб.); Руммель В. В., Голубцов В. В., Родословный сб-к рус. дворян, фамилий, т. 2, СПб., 1887, с. 48; Памятная книжка лицейств, СПб., 1911; ПНЭрх., Черейский.

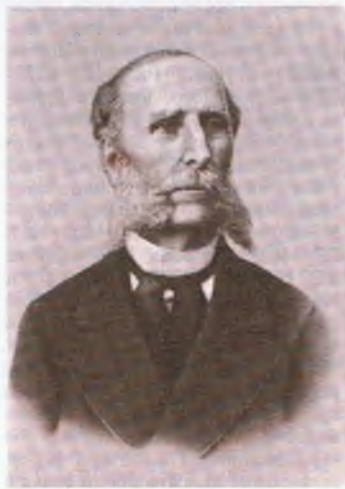
Архивы: РГАИ, ф. 472, оп. 35 (145/982), д. 11; ф. 533, оп. 1, д. 36 (биогр. мат-лы, в т. ч. ф.с. 1857, 1862 гг.) [справка Н. М. Корниевой]; РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 891 (пер. стих. П. А. Вяземского «Я пережил и многое и много...» на франц. яз.); ф. 123, оп. 1, № 148 (письмо

МЕЩЕРСКИЙ

ил. А. М. Горчакова к М.); ПИТМ. ф. 53. № 250 (письмо А. П. Верстовскому, 1854).

Г. В. Зыкова.

МЕЩЕРСКИЙ Александр Васильевич, князь [14(26).4. 1822, Петербург — 22.12.1900 (4.1.1901), Москва; похоронен в с. Лотошине Старицкого у. Твер. губ.], мемуарист, стихотворец, обществ. деятель. Из дворян Верейского у. Мать — урожд. баронесса Фитингоф; в родстве с Трубецкими, Всеволожскими, Ка-

рамзинными, Ливен. Дворянский брат В. П. Мещерского. М. — дядя Ал. Ал. Игнатьева (1877—1954), дипломата, ген.-лейтенанта, автора восп. «Пятьдесят лет в строю». Детство провел в с. Ошейкине Волоколамского у. Получил дом, воспитание. В 1834 переехал в Москву. В 1838 поступил юнкером в улан. Оренбург. полк; с 1839 — корнет. О своей жизни до 1844 М. подробно рассказал в кн. «Из моей старины. Воспоминания» (РА. 1900, кн. 2—3; 1901, кн. 1; отд. изд., доп. — М., 1901); восп. писались незадолго до смерти и остались незаконченными. Осуждая либеральные идеи 2-й пол. 19 в. и видя в совр. молодежи «утилитаризм и мелочный расчет», М. с умилением вспоминал о времени своей молодости — о дворян. среде, «не противоречавшей началам религии и нравственности», о Николае I, «идеальном типе царя», о богомольном купечестве, о слугах «добрых и верных». Среди светских знакомых М. были лит. и обществ. деятели. В отрочестве он встречался с П. Я. Чаадаевым, А. А. Перовским (А. Погорьельским), М. Ф. Орловым, С. А. Соболевским, К. П. Брюлловым, был дружен с ровесниками — А. В. Сухо-Кобылиным и особенно с А. К. Толстым (к-рый, как и Я. П. Полонский, был влюблен в сестру М. — Софью Вас.; см.: Мещерская С. В., Воспоминания, Тверь, 1902),

Зимой 1839 познакомился с М. Ю. Лермонтовым (отрывок из восп. М. перепечатан в кн.: Лермонтов в восп.). По свидетельству дочери М., в его архиве хранились «несколько писем Лермонтова», а также автограф стих. «Ветка Палестины» (Мещерская Е. А., Трудовое крещение. — ИМ, 1988, № 4, с. 217). В 1841 М. жил в Петербурге в семье П. А. Вяземского как товарищ П. П. Вяземского; в Ревеле, Гельсингфорсе и Царском Селе — в семье Карамзинных (был дружен с А. Н. Карамзиным), где познакомился с А. К. Шернваль, Д. Н. Блудовым, Е. П. Ростопчиной, А. О. Смирновой-Россет, И. П. Мятлевым, Ф. И. Тютчевым; бывал на вечерах М. Ю. Вильгорского. В 1844 познакомился с супругами Винаро, видел И. С. Тургенева. Восп. М., охватившие такой разнообразный круг современников, показывают их глазами светского человека.

В 1845 М. выехал охотником от л.-гв. Гусар. полка на Кавказ, участвовал в Даргинской операции, был ранен. Вернувшись в том же году в Москву, стал адъютантом моск. ген.-губернатора. В 1848 обвенчался с гр. Е. С. Строгановой. В 1850 вышел в отставку по болезни в чине ротмистра и до 1853 лечился за границей. В 1855, во время Крымской войны, вновь поступил на воен. службу в чине подполк. для особых поручений к новорос. и бессараб. ген.-губернатору (см. его «Записку о размене в г. Одессе пленных войны 1854—1856 гг.» — РА, 1899, кн. 3). По поручению имп. Марии Александровны раздавал пособия раненым защитникам Севастополя.

В 1855 опубли. на франц. яз. сб. «La question d'Orient» (СПб.), содержащий пять «песен в комическом роде по поводу совр. полит. событий и между прочим пер. изв. рус. стихотворения «Вот, в воинственном азарте / Воевода Пальмерстон...» (стих. В. П. Алферьева «На нынешнюю войну»; рец.: СПбВед. 1855, 4 июня; МВед. 1855, 13 мая; Journal de St. Petersburg, 1855, 13 avr., p. 2877—78).

В 1860—63 М. служил в Миниве внутр. дел. В 1867 уволен от воен. службы в чине ген.-майора. С 1872 по 1875 моск. губ. предводитель дворянства. Основал Петровско-Александров. пансион-приют и был его поч. опекуном (см. письмо М. Н. Каткову — РГБ. ф. 120, к. 7, № 7).

Опубли. неск. публицист. и экономич. брошюр: «Объяснит. записка к проекту устава поземельного банка рус. земства» (СПб., 1866), «Речи, произнесенные в Моск. дворян. собрании в 1869 г. ... по вопросу о Банке» (М., 1869) и др. По словам И. С. Аксакова, М. был сторонником «аристократического» направления,

к-рое стремилось «лоднить» значен. дворянства и даже обособить его в смысле политическом, придав ему нек-рые привилегии» (РА. 1895, № 12, с. 477). Одним из средств сохранить за дворянством ведущую роль в жизни гос-ва М. считал шт.-майоратов (см. его брошюру «О заповедных имениях. Ист. очерк», СПб., 1888; 2-е изд., М., 1894). М. защищал права дворянства только от «черни», но не от правительства, не одобряя дворян. оппозиции. Пост. оппонентом М. в Моск. дворян. собрании был Ю. Ф. Самарин, хорошо знакомый ему с детства. М. отзывался о нем как об «упорном и опасном противнике». После громкого скандала, вызванного обсуждением вопроса об участии дворянства в нар. образовании [М. требовал избавить общество «от резонирующей исключительно о правах своих грамотной черни»] (РГАДА, ф. 1379, оп. 1, л. 1654); Самарин резко возражал ему (см.: Сухотин С. М., Из памятных тетрадей. — РА. 1894, № 9, с. 56—57; «Журналы Моск. губ. училищного совета за 1874 г.», СПб., 1890, с. 105). М. покинул пост предводителя. Александр П., бывший в этом конфликте на стороне М., возвел его в 1875 в звание шталмейстера двора. С 1883 предводитель дворянства Полтав. губ. В 1890—96 чл. Совета по уч. части в Моск. уч.-ше ордена св. Екатерины и Александров. ин-те.

В 1860—90-х гг. чл. К-та Моск. об-ва любителей художеств. Издал «Альбом хронологич. видов из разных городов Испании, снятых А. В. Мещерским и художником Эйбнером» (СПб., 1868; сохранились черновые наброски его «Записок об Испании» в форме писем — РГАДА, ф. 1379, оп. 1, № 1097). За этот труд М. был удостоен звания поч. вольного общника АХ.

В сб. М. «Стихотворения» (СПб., 1881; 2-е доп. изд. — 1884, 3-е изд., 1890; отпечат. рец.: «Неделя», 1884, № 20; см. также: В. П. Буренин — ИВ. 1882, 4 июня) преобладают «альбомные» мадригалы; есть и романсы (в т. ч. подражания Г. Гейне), пер. на франц. яз. стих. Н. А. Некрасова «Прости, не помни дней паденья...», полит. стихотв. фелетоны («Послание китайцам»), куплеты («Как жутко нам»), «шутки», написанные в подражание А. К. Толстому («Любовь и Эскулап»). Стихотв. опыты М. в осн. любительского характера, иногда не вполне грамотные («Я на твоей груди забыта все мученья! / Которых испытала будучи одна»; «И след его хранила любящий наш диван»). Среди неопубл. черновилов — стих. «На смерть Достоевского» в к-ром М. возмущается чувствованием «каторжника», «лжепророка», севящего «крамолу».

В лит-ре (Черейский; Венгеров. Источ.; Памятка князю князю князю, СПб., 1911) часто смешивается с Алдром Вас. Мещерским (1810—1867).

Лит.: Барсуков (ж.): Павловский И. Ф., К истории полтав. дворянства, 1802—1902, т. 1. Полтава, 1906; его же. Полтавы, Полтава, 1914. + Некролог: «Новости дня», 1900, 24 дек.; РА, 1901, кн. 1 (П. И. Барнеин), Венгеров. Источ.; Лерн. жнц.

Архивы: ГИМ, ф. 240; РГАДА, ф. 1379; ф. 17, л. 298, 300, 304; РГБ, ф. 120, к. 49, № 39 (письма) М. Н. Каткова М.); РГАЛИ, ф. 637, оп. 1, № 25 (материалы для словаря Языкова).

Г. В. Зюкова

МЕЩЕРСКИЙ Алексей Павлович, князь [5(16).2.1797 — 21.1(2.2).1858. Москва; похоронен в Новодевичьем мон.), автор путевых записок. Из дворян Орлов. губ.; последний представитель одной из ветвей старинного княжеского рода. Сын наставника. Вступил в службу подпоручиком в л.-гв. Семёновский полк (1815). Переведен штабс-капитаном в Троицкий пех. полк (1820). Уволен по болезни майором (1827). Скончался скоропостижно от «антонова огня» (гангрены), случившегося в результате перелома ноги.

В 1839 совершил путешествие по Европе, описанное им в кн. «Записки русского путешественника: Голландия, Бельгия и Нижний Рейн» (М., 1842) и «Очерки берегов Рейна и Швейцарии. Из записок рус. путешественника» (М., 1844; отрывки опубли.: СП, 1841, 24 дек., 1842, 9, 10 и 12 янв.). Записки содержат подробное описание достопримечательностей (соборов, замков, музеев, библиотек), устройства гос. и частных заведений (фабрик, больниц, школ, тюрем, приютов); в публик. подтексте угадываются монархич. симпатии и патриотич. настроения автора [ср. панегирик Петру I. напечатанный в посещенном Саарламе (совр. Зандам): «Он обновлялся зарею величия России...»], выступающего противником республиканского духа Вел. франц. рев-ции. Книжки М. вызвали многочисленные и б. ч. доброжелат. отзывы критики ((П. Н. Кузряев) — ОЗ, 1842, № 7; (П. А. Плетнёв) — «Совр.», 1842, т. 28; (Н. А. Полевой) — РВ, 1842, № 4; П. А. Корсаков — СО, 1842, № 5; БдЧ, 1842, т. 52, 1844, т. 64). Отмечались умение автора находить в «исчерпанном» рус. лит-рой предмете, каковым представлялась Европа, новое и значительное, особенно в наоб. близкой ему сфере — архитектуре и искусстве, образованность путешественника, позволившую ему обогатить непосредств. впечатления «умного наблюдателя» ист. сведениями из книг, хороший слог и вкус М. Неоднократное понимание жанра путевых записок нашло отражение в противоречивых откликах «Москвитянина», в 1842 упрекавшего М. в том, что он злоупотребляет собств. «я» (№ 11, Н. Пельт), в 1844 сетующего, что автор мало описывает свои чувства и

похождения (№ 6), а также у рецензента «Лит. газеты» (1842, 17 мая), к-рый иронизировал над его «эрудицией записного дилетанта», не найдя в зап. «живого, современного человека» (ср. отрицат. отзыв: ОЗ, 1844, № 8). Упоминаемые в некрологе (МВед) статьи М., «рассеянные по разным повременным изданиям, русским и иностранным», не выявлены.

Лит.: Некрологи, 1858; МВед, 30 янв.; СП, 5 февр.; Мещерские из 1839, с. 342; Руммель В. В., Голубин в В. В., Розословный сб-к рус. дворян. фамилий, т. 2. СПб., 1887, с. 47; Березин; Венгеров. Источ. (М. ошибочно назван поэтом); МНкр.

Архивы: РГВИА, ф. 395, оп. 88, 1827 г., отд. 2, л. 266 (ф.с. 1827 г.) (справка Е. В. Каровой); РГИА, ф. 772, оп. 1, л. 1475 (прошение С. С. Удзоров, 1841, о ценз. прохождении соч. М.); ф. 1343, оп. 46, л. 579 (инициала. дела) (справка Я. М. Соселкиной).

М. Ф. Максимова

МЕЩЕРСКИЙ Владимир Петрович, князь [11(23).1.1839. Петербург — 10(23).7.1914. Царское Село], публицист, прозаик, издатель-редактор. Сын подполковника гвардии П. И. Мещерского и Е. Н. Карамзиной; внук С. С. Мещерской и Н. М. Карамзина; двоюродный брат А. В. Мещерского (1822—1900). За-

кончив Уч-ще правоведения (1857), служил по судебному ведомству до 1862, чиновником особых поручений при министре внутр. дел до 1867, после чего в чине д. стат. сов. и звании камергера причислен к Мин-ву нар. просвещения (с 1866 М. назначена ежегод. прибавка к жалованью в 1500 руб. как внуку Карамзина — РГИА*, л. 65).

В 60—70-х гг. выступал как публицист в газ. «Сев. пчела», «Рус. инвалид», «Моск. вед.», ж. «Рус. вест.», пока не создал, на частные пожертвования, газету-журнал «Гражданин» (в 1872—77 изд., в 1883—1914 изд. и ред.). «Гражданин» выходил с разной периодичностью: ежедневно, еженедельно, 2 раза в неделю, его выпуск прерывался на неск. лет. Получил назв. «княжеского органа», т. к. значит. часть его номеров составляли публицистика и беллетристика М.

М.-публицист подверг «патриотич.» критике гос. бюрократию и высший свет, одновременно объявив войну рев. нигилизму и либерализму, распространение к-рых объяснял отсутствием общества и правительством «духу времени». Призывал к возрождению роли дворянства, усилению самодержавия и церкви. Обществ. взгляды М. претерпели неск-рую эволюцию. Поначалу, в 60-х — нач. 70-х гг. он пишет о «благотворительном значении» реформ, пытается соединить идеи земства и «твердой власти»: «Очерки нынешней обществ. жизни России» (в. 1—2. СПб., 1868—70). Либер. критика приняла книгу осторожно, признав полезность собранных автором фактов (излюбл. лозунг М. — «изучать Россию»), но отметив тяготение к направлению газ. «Моск. ведомости» М. Н. Каткова («Дело», 1868, № 7; ОЗ, 1868, № 8; БВед, 1868, 14 июня; ВЕ, 1870, № 12; «Неделя», 1871, № 1; и др.). Боязнь новых реформ, особенно конституционных, к к-рым шла Россия, вынудила М. выступить более определенно. Он призвал «к реформам ... поставить точку, ибо нужна пауза ... чтобы дать жизни сложиться» («Вперед или назад» — «Гражданин», 1872, № 2, с. 42; ср. разъяснение М. «Что значит точка к осн. реформам?» — «Гражданин», 1872, № 12); с легкой руки А. С. Суворина (СПБВед, 1872, 5 нояб.) за ним утвердилось прозвище «князь Точка». По мере размежевания полит. сил охранительство М. становилось все более откровенным (требование «опеки» над обществом) — сб. «Речи консерватора» (в. 1—2, СПб., 1876; острополюмич. отклики 1876: В. В. Марков — СПБВед, 24 янв.; П. Д. Боборыкин — там же, 25 янв.; И. Ф. Васильевский — НВ, 25 янв.; Г. А. Ларош — «Голос», 29 янв.; в защиту М. выступили: МВед, 14 марта; ДБ, 12 июня). В связи с покушением А. К. Соловьёва на Александра II М. обвинил рус. интеллигенцию в «нигилизации России», идущем от «незнания России». С целью «вернуться к народу» предложил перенести центр гос. жизни из «ложного» Петербурга в «естественную» Москву, созвать церковный Собор, установить «лежурства» дворян по уездам, перенести унты в малые города («В улку времени», СПб., 1879; отзывы 1879: «Дело», № 9; ОЗ, № 9). Полит. цели М. пытался реализовать и средствами лит. критики, печатаясь анонимно в осн. в «Гражданине» (напр., «Заметки досужего читателя» — «Гражданин», 1874, начиная с № 9; атрибутируются по автобиогр. упоминаниям). Так, в его прочтении Вроцкий и Каренин — «из одной главы изваянные» идеальные герои дворянского кодекса, опора гос-ва («„Анна Каренина“ под ножом

критики. По поводу статей Громенки», СПб., 1885, с. 22; псевд. Князь Кемский). В то же время М. выступил против «духовно отравленного лицемерия» поздней публицистики Л. Н. Толстого («Гражданин», 1891, 11 февр.).

В 1863 напечатал небольшим тиражом поэму «Тавриада» (СПб.) — шуточно-подобострастное описание увеселений «малого двора» (как образец безвкусицы ее высмеял А. С. Суворин — СПбВед, 1872, 8 окт.; ответ М. — «Гражданин», 1872, 23 окт., с. 253—54); позднее М. изредка публиковал дилетантские стихи («Стихотворения», СПб., 1884).

Кратковременным, но громким успехом в 70-е гг. пользовались романы М. — сатира на космополитич. высшую бюрократию, нравы великосветского общества (как правило, печатались за подписью К. В. М.). Особую известность получали ром. «Один из наших Бисмарков» («Гражданин», 1872—73; отд. изд., т. 1—2, — СПб., 1874, 1876, 1894), в к-ром М. создал «под Шедрина» карикатурный образ высшего чиновника, недалекого, самодовольного консерватора, чуждого запросам рус. жизни (отклик 1874: «Голос», № 12; СПбВед, № 12; БВед, 1875, 30 янв.), и его продолжение — ром. «Граф Обезьяннов на новом месте» (т. 1—5, СПб., 1879; отрицат. рец. 1879: А. С. Суворин — НВ, 9 дек.; ОЗ, № 12). Критика разных направлений сходилась в определении метода М. как «фотографического» (Суворин: «точно в замочную скважину смотрел»), легко угадывая реальных лиц, в т. ч. в гл. герое — П. А. Валуева, в силу чего «Граф Обезьяннов...» был временно арестован и вызвал дебаты в ценз. ведомстве (РГИА, ф. 776, оп. 20, № 157). Ключ к назумевшим скандальным историям читатели находили и в романах из светской жизни: «Женщины из петерб. большого света» («Гражданин», 1873—74; отд. изд., т. 1—3, — СПб., 1874, 1875, 1879; иронич. отзыв В. П. Буренина — СПбВед, 1874, 31 дек.; анонимная пародия — «Дело», 1875, № 6; по замечанию Н. С. Лескова — Х, 389 — этот роман по популярности превзошел толстовскую «Анну Каренину»; его продолжением стали ром.: «Княгиня Лиза», СПб., 1882; «Недоразумение», СПб., 1885); «Лорд-апостол в большом петерб. свете» («Гражданин», 1875—76; отд. изд., т. 1—4, — СПб.—М., 1876; реальная основа романа раскрыта М. в кн. «Письма к лорду Редстоку», СПб., 1876) и др. В антиингилистич. романах, претендующих на панорамное изображение (ингилизм «от подвала до бельэтажа»), «развращение молодежи» М. объяснял ослаблением религиозности общества и за-

сильем либеральных и буржуазных («власть денег») воззрений: «Тайны современного Петербурга» («Гражданин», 1875—76; отд. изд., т. 1—4, — СПб., 1876—77; отрицат. рец.: «Дело», 1876, № 6; Н. К. Михайловский? — ОЗ, 1877, № 11; Г. А. Ларош — «Голос», 1876, 18 апр.), «Курсистка» (т. 1—2, СПб., 1886—1887) и др. Как романист М. тяготеет к открытой назидательности, авт. пристрастность проявляется в нарочитых сюжетных ходах, в т. ч. melodраматич. и «чуждесных», в схематизме характеров. Pamфлетные вкрапления (напр., историк Любозмиров в «Тайнах совр. Петербурга» — карикатура на И. И. Костомарова) придавали скандальную остроту тенденциозности М. Критика отмечала, что чрезмерно плодотворный М. «быстро испускает данный ему скромный талант», утрачивая остатки «внеш. наблюдательности» [ОЗ, 1878, № 11, с. 118; ср.: Достоевский, ХХХ (1), 43]. Тем не менее М. продолжал писать великосветские и памфлетные романы до 1900-х гг. все с той же торопливостью и однообразием.

В многочисл. отзывах современников М. предстает личностью малопривлекательной: «он держит себя надменно и подобно гулю расказывает в общество» (Дневник С. М. Сухотина 1871 г. — РА, 1894, № 7, с. 436). В то же время энергия и упорство М. в отстаивании консерват. позиции, а также нарочито-доверит. тон его публицистики и не в последнюю очередь «слабые и подобострастные приемы», «привычка... и умение клевет в дулю» (Витте С. Ю., Восп., т. 3, М., 1960, с. 576, 581) в общении с сильными мира, в т. ч. литературного (см., напр., письма И. С. Тургеневу — ИРЛИ, № 5759; Ф. М. Достоевскому — ИРЛИ, № 29777; РГБ, ф. 93, II, к. б. № 77), поначалу способствовали его широкому лит. контактам.

В 70-е гг. М. стремился объединить вокруг «Гражданина» писателей (среди них — А. Н. Апухтин, А. И. Майков, Достоевский, Н. Н. Страхов, М. П. Погодин, А. Ф. Писемский, Н. С. Лесков, Вас. И. Немирович-Данченко, Т. И. Филиппов, К. П. Победоносцев), многие из к-рых посещали его «среды». Сколько-нибудь единой группы М. создать не удалось. В апр. 1874 от редакторства «Гражданина» отказался Достоевский (ред. с янв. 1873) после ряда резких столкновений с М. как издателем [подробнее — в ст. Ф. М. Достоевский; см. также: Достоевский, ХХVII, 161—66, ХХХ (2), 22—24, — статьи Достоевского, подписанные псевдонимами М. с целью коррективов общей ред. позиции]. Кратким было сотрудничество с М. и других писателей (Лесков о М. в 1875: «за что ни возьмется, все оплоштит... ему не худо бы запретить писать...» — Х, 393). С нач. 80-х гг. «среды» (позднее — «пятницы») утратили значение литературных, превратившись в собрания чиновников, искавших покровительства у М. близкого в 60-е и в 80-е гг. к Александру III, а в 1902—04 и к Аликс-

Николаю II (см. переписку М. с ним: «Oxford Slavonic papers», v. 10—11, 1962—64), от к-рых он, постоянно нуждавшийся в деньгах и выпрашивавший их, с 80-х гг. добился крупных субсидий на изд. «Гражданина» (до 80 тыс. ежегодно — см.: Витте, т. 3, с. 581; Половцов А. А., Дневник гос. секретаря, т. 2, М., 1966, с. 140; Феоктистов, с. 247; кроме того, с 1897 получал ежегод. пенсию «за заслуги на лит. поприще» — РГИА*, л. 40). М. также издавал и редактировал ж. «Добро» (1881), «Воскресение» (1887—1894), «Дружеские речи» (1903—05), газ. «Русь» (1894—96), для к-рых добивался «обязательной» подписки (НВ, 1881, 11 апр.).

Близость к престолу М. особенно афишировал в «Дневнике», к-рый публиковал в «Гражданине» начиная с 1877 (отд. изд. — СПб., 1883—1901) и к-рый привлекал читателей как источник новостей и слухов из правительств. сфер. Свою влияние М. использовал для воздействия на внутр. и внеш. политику (участвовал в разработке манифеста 26 февр. 1903, предостерегал Николая II против вступления в войну с Японией, затем с Германией; в его салоне «подбирался министерские кандидатуры и готовились реакц. мероприятия» — Извольский и А. П., Восп., М., 1939, с. 163). Придворные связи М. использовал и для крупных финансовых махинаций, в к-рых неоднократно участвовал [см.: «Всеполюдневный отчет гос. контролера за 1894 г.», СПб., 1895, с. 118; НВ, 1895, 19 авг.; Феоктистов, с. 244—45; Короленко В. Г., Суррогаты гласности для высочайшего употребления. — «Освобождение» (Штутгарт), 1903, 2 февр.].

Имел репутацию мужеложца (Половцов, т. 2, с. 197, 440; в 1887 об этом писал француз. газ. «Figaro», см.: РНБ, ф. 124, оп. 2, № 553); за откровенные намеки на это обстоятельство в фельетоне «Темы дня. Ки. Мещерский. Опыт мекралога» (подпись Бутка (П. А. Крушован)) газ. «Знамя» (1903, 17 июня) была приостановлена Деп. полиции на 1 месяц (ГАРФ, ф. 102, 00, 1905 г., в. 13, ч. 5).

Подводя итоги своей лит. деятельности, М. со свойственной ему аффектированной чувствительностью сокрушался по поводу «бессилия убедить» рус. читателей, что он «честный человек» (см.: «30-летие издания ж. „Гражданин“», СПб., 1901, с. 1). С той же целью написаны «Мои воспоминания» (ч. 1—3, СПб., 1897—1912; отрицат. рец. Б. Б. Гляинского — ИВ, 1898, № 3), открывающие мн. подробности внутр. жизни высших офиц. сфер и содержание тенденциозные характеристики А. К. Толстого, Ф. И. Тютчева, Достоевского, Ю. Ф. Самарина, Каткова, Победоносцева.

Став одной из самых озабоченных фигур рус. журналистики («явление,

поистине позорящее Россию» — Шелгунов Н. В., Соч., 3-е изд., т. 3, СПб., 1904, с. 842). М. был подвергнут чуть не всеобщему ostrакизму. Даже его единомышленники — Катков (см. письма М. к нему — РГБ, ф. 120, к. 7, № 2), Победоносцев (см.: Письма Победоносцева к Александру III, т. 1—2, М., 1925—1926, ук.; К. П. Победоносцев и его корреспонденты, М.—П., 1923, ук.), В. Г. Авесенко (НВ, 1900, 3 окт., восп.) — относились к М. с осторожностью, переходящей в стремление отмежеваться: И. С. Аксаков, принимая в 1880 предложение М. о сотрудничестве в газ. «Русь», поставил условием анонимность (РГБ, ф. 359, к. 8228, № 3). М. вызывал сочувствие у В. В. Розанова, считавшего, что он («яркое дарование; «сколькое тонкости и остроты в языке и мысли») и его «Гражданин» окружены «зоной предубеждения», как в свое время Ф. В. Булгарин (М., «требует розги», «но ведь он же никого не сечет» — см.: Розанов В. В., Лит. очерки, 2-е изд., СПб., 1902, с. 218), однако это мнение расходилось с позицией большинства современников (см., в частности, отклик Михайловского на отзыв Розанова в кн.: Последние соч. Н. К. Михайловского, т. 1, СПб., 1905, с. 194; Короленко: «ультрадоверия и охранитель-крепостник», «старый шут, заведомый развратник», «уличный хищник», «посмешище всей печати и всей читающей России». — Короленко В. Г., Дневник, т. 4, Полтава, 1928, с. 177, 311); что же касается своеобразия лит. слога М., то, его неправомерности, косноязычие были расценены в рус. журналистике как проявление безграмотности.

Др. произв.: «Изо дня в день. Записки сел. священника» (СПб., 1875, анонимно; отрицат. отзыв: Лесков, Х, 189); по в. «Десять лет из жизни редактора журнала» [СПб., 1869; анонимный пасквиль на Н. А. Некрасова; отрицат. рец. 1869; ОЗ, № 5; Незнакомец (А. С. Суворин) — СПбВед, 18 мая]; романы: «Хочу быть русскою» (СПб., 1877, 1895; отрицат. рец. Н. К. Михайловского — ОЗ, 1877, № 1), «Дневник Ольги Николаевны» (СПб., 1885).

(Прототипом героев двух этих романов — гр. Ростовского и гр. Топкина — послужил Ф. И. Тютчев (М. не печатал его стихи в «Гражданине», расходясь с ним в нек-рых полит. вопросах; написал о нем некролог, значительно отредактированный Ф. М. Достоевским, — «Гражданин», 1873, № 31; poleмика об авторстве: Н. Ф. Бельчиков — «Визоль», 1925, № 5; А. В. Архипова — РЛ, 1973, № 1).

«Один из наших Мольтке» (СПб., 1890), «Святоши большого света» (СПб., 1891), «Мужчины петерб. большого света» (т. 1—4, СПб., 1897), «Письма отца к сыну (старого правоведа к новому) и сына (минист-

ра) к отцу. (Из прошлого)» (СПб., 1897); комедии: «Болезни сердца» (СПб., 1885; отрицат. отзыв П. Д. Биборыкина — «Новь», 1886, № 8), «Миллион» (ЛПГ, 1887, янв.) — обе пост. в Александрин. т-ре, 1886; корреспонденции: «Правда о Сербии» (СПб., 1877), «Кавказский путевой дневник» (СПб., 1878; иронич. рец.: ОЗ, 1878, № 2); публицистика: «Что нам нужно? Размышления по поводу последних событий» (СПб., 1880; об угрозе рева. террора, процесс В. И. Засулич; отзывы 1880: РБ, № 3; ОЗ, № 4); «История царствования имп. Александра II» (СПб., 1882, анонимно).

Лит.: Достоевский (ук.): Короленко (ук.); его же, ПСС, СПб., 1914, т. 5, с. 419—20 (против «басни» М. об отказе Лит. фонда помочь Достоевскому), т. 6, с. 259—69, 310—24, 337—41; Михайловский: Тургенев: Салтыков-Щедрин: Чехов: Горький: Михневич: Семеновский: Феоктистов (все — ук.); Ленин, XXIV, 20—21; «Россия», 1901, 16 окт. (В. М. Дорохов); Кузнецов П., Основы патриотизма, убеждений кн. Мещерского, М., 1902; Слоновский Л. О. Важнейшие для нашего времени. К. П. Победоносцев и кн. Мещерский, СПб., 1908; Чужой А., Из закулисных влияний. Кн. В. П. Мещерский и А. В. Кривошеин. — «Рус. прошлое», 1923, № 5; Поэты «Искры», Л., 1953 (ук.); Дневник П. А. Валуева, т. 2, М., 1961 (ук.); Толстой А. К., Собр. соч., т. 4, М., 1964, с. 394; Соловьев Вл. С., Стихи и шуточные песни, Л., 1974, с. 148, 255—60; Полонский Я. П., Соч., т. 1, 1986, с. 236; Зайончковский П. А., Рос. самодержавие в конце 19 столетия, М., 1970, с. 74—81; Далин В. М., Последние Романовы и кн. Мещерский. — В кн.: Вспомог. истории внешней политики СССР и междунар. отношений, М., 1976; Твардовская В. А., Исследования пореформ. самодержавия, М., 1978 (ук.); Соловьев Ю. Б., К истории происхождения манифеста 26 февр. 1903. — «Вспомогат. ист. исследования», в. 11, Л., 1979; Аманжол Б. В., О тексте манифеста 26 февр. 1903 г. (Из архива В. П. Мещерского). — Там же, в. 15, Л., 1983; Кринос самодержавия в России, 1895—1917, Л., 1984 (ук.); Порох В. И., Кн. В. П. Мещерский против Н. Г. Чернышевского. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. История. Философия. Литература. Саратов, 1982; Викторюков В. А., Достоевский и В. П. Мещерский. — РЛ, 1988, № 1; его же, К истории одного объявления в «Гражданине» 1873 г. — В кн.: Достоевский. Матлы и исследования, в. 7, Л., 1987; Богданович А. В., Три последние самодержавия, М., 1990 (ук.); ЛН, т. 51—52, с. 385—89 (письма М. к Н. А. Некрасову), т. 97(1), с. 523—24 (письмо Ф. И. Тютчева к М.); Незданные письма к А. Н. Островскому, М.—Л., 1932. + Некрологи, 1914: НВ, 11 июля; МВед, 12 июля; «День», 11 июля; НВ, № 8; НВ, 1897, 11 янв. (биография); Языков; Брокгауз; НЭС; Венгеров; Источ.; Гранат; БСЭ; КЛЭ; Мельер; Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: РГАДА, ф. 1378 и в составе ф. 2105; ЦГТМ, ф. 170; РГАЛН, ф. 459, оп. 1, № 2645 (письма А. С. Суворину); ф. 195, оп. 1, № 2312 (письма к П. А. Вяземскому); ИРИИ, ф. 659, № 127 (письма И. Ф. Горбунову); № 16868 (письма А. Н. Майкову); № 12266 (письма Я. П. Полонскому); № 9071 (письма Е. М. Феоктистову) и др. (см. ук.); РГИА, ф. 733, оп. 121, а. 219 (ф. с. 1902 г.); ф. 560, 565, 776 (матлы по издат. деятельности М.); ф. 1622 (письма к С. Ю. Витте).

В. А. Висторюков

МЕШЕРСКИЙ Элим Петрович, князь [7(19).11.1808; по др. сведениям — 26.10*(7.11).1808, Петербург — 2.11.1844, Париж; похоронен на Казан. кладб. в Царском Селе], поэт, переводчик, публицист (писал на рус. и франц. яз.); дипло-

мат. Отец, П. С. Мещерский. — прокурор Святейшего Синода, през. Рос. Библ. об-ва, мать, Е. И. Чернышова. — сестра А. И. Чернышова, през. Гос. совета при Николае I. Получил дом. образование; в 1825, сдав экстерном экзамены, аттестован в Петерб. ун-те. С 1823 определен в Гос. коллегию иностр. дел актуариумом, с 1826 в должности переводчика числен к вып. миссиям в Саксонии и Сардинии (произведен в камер-юнкеры). В 1828—30 в качестве атташе служит в Дрездене, в 1831—33 — в Турине. В эти годы М. ежегодно по несколько месяцев проводит в Мюнхене и Веймаре, где живет, разойдясь с мужем, его мать. Веймарский двор (юный М. был представлен И. В. Гёте — Дурмлин С., Рус. писатели у Гёте в Веймаре. — ЛН, т. 4/6, с. 234—36) становится для него воплощением традиционалистской Германии (впоследствии он настойчиво противопоставляет ее рева. Франции), по к-рой испытывает пост. ностальгию (см.: Le Duc de Broglie, Le secret du roi, [v.] I, P., 1878, p. 270—71); в 1827 веймарским герцогом М. был пожалован в кавалеры ордена Белого сокола. Веймар посвящены стих. «Когда, устав в пути от оскорблений рока» (вошло в сб. «Черные розы»), статьи пренн. 1830-х гг. (на рус. яз. см., напр., «Веймар» — СП, 1846, 3 дек.).

Лит. деятельность М. началась ревью «О русской литературе», произнесенной в об-ве «Атенеум» в Марселе (1830) и в осн. использовавшей идеи П. А. Вяземского из его предсл. к «Бахчисарайскому фонтану» А. С. Пушкина (опубл.: «Revue de Provence», 1830; ота. изд. — «De la littérature russe», Marseille, 1830; на рус. яз. в том же году напечатана в «Лит. газ.», 12 нояб.; благожелат. разбор О. М. Сомова — ЛГ, 1831, 26 янв.). В реви обнаружилось лит. симпатии М., исповедовавшего умеренный романтизм (нововведения не должны вредить истинному вкусу и заравому смыслу) и делавшего ак-

цент на наш. источниках иск-ва. Речь М. «с успехом знакомит Европу с Россией» (Погодин М., Год в чужих краях, ч. 3. М., 1844, с. 79) и «завлекла французов пуститься за князем в эту не изведенную ими страну» (А. Б. Ашуцкий) — «Илл.», 1847, № 27, с. 43). В дальнейшем, продолжая знакомить франц. публику с рус. лит-рой, М. опубли. ст. «О рус. сатире в различных эпохи развития рус. общества», «Поэзия козаков» («Rapport littéraire de l'Europe», 1834, т. 2).

В 1832 М. получает отпуск для поездки в Россию и, пробыв в Петербурге 3 месяца, уезжает в Париж (причислен к рус. посольству); еще раз в Петербурге — в 1836, посещая салоны В. Ф. Одоевского, Карамзиных, встречаясь с М. П. Погодиным, С. П. Шевыревым, М. И. Глинкой, с к-рым познакомился в 1831 в Турине, и др. Однако дипл. карьера мало интересует М. Его амбиции — лит. и культуротергерского характера: дать французам верное представление о России, способствуя культурным связям между двумя странами. М. назначает при посольстве спец. корреспондентом С. С. Уварова и первым рус. культурным атташе в Париже (о многолетней перипетике М. с Уваровым, а также А. А. Красевским см.: Мазол, р. 292—303). Доставляемые Уварову лит. корреспонденции, в к-рых М. рассказывал о франц. лит. новинках, в т. ч. религ.-филос. соч., помещались анонимно в «Журнале Мин-ва нар. просвещения» в течение 1834—37; М. таким образом негласно влиял на репертуар ж-ла.

В Париже он содействовал приобретению рус. сбором докт-ов, связанных с историей ионства (Мазол, р. 290—399), в 1832—33 замышлял кн. «Raison du Christianisme» («Смысл христианства») — антологический трудов филос. и публицистов, к-рым могла бы стать, по его мысли, «грациозной персонализицией» «Гения христианства» Ф. Р. Шатобрана (тер. также проект несуществующей записка журнала — там же, с. 302—03).

Используя информацию М., Уваров, однако, в целом воспринимал его как исполненного призрачных химер идеолога и отказал в финанс. поддержке его издат. планов (в 1836 на место М. назначен Я. Н. Толстой). Воззрения М. на будущность нашей тесно были связаны с мыслью о величии России, ее ист. мессианстве, а также с убеждением в том, что царствование Николая открыло «русскую эру» для Европы (знаменитая формула Уварова: «самодержавие, православие, народность» вполне отвечала его собств. устремлениям). Монархич. и правос. национализм М. отличался более энтузиазмом, чем глубокой познаний и цельностью концепции (Мазол, р. 404), что проявилось и в напечатанной по следам польского восстания религ.-полит. брошюре (оживленно обсуждавшейся в России) — резком возражении на статьи, направленные против по-

литики рус. правительства: «Lettres d'un Russe...» («Письма русского...»; Nice, 1832); пренебрежительно-отрицательно воспринята Вяземским («письма несколько синодские ... много ... самохвальства ... ребяческого жара и болтовни» — РА, 1868, кн. 2, стб. 621) и с одобрением И. И. Дмитриевым (см.: Снытко, с. 37); в поддержку и развитие высказанных в брошюре идей к М. обратился с пространным письмом в 1833 кн. А. А. Шаховской (опубл.: РА, 1908, кн. 1, с. 25—47).

С детства близкий (через отца) к религ. движению конца царствования Александра I, М. за границей попытался сильнее воздействовать филос.-религ. идей Ф. Базлера и Л. Э. Бетана (состоял в переписке), философия к-рых открыла ему путь синтеза истинной религии и науки. Своим взглядом он изложил в композитивном трактате «О вере в науке» («De la foi dans la science» — опубл.: Мазол, р. 246—70; рукопись — РГАЛИ) (имевшим точки соприкосновения со ст. И. В. Киреевского «О рус. литературе»), утверждая идею нравств. смысла рус. народа, не испорченного рационализмом, способного стать центром науч. и христ. возрождения в Европе. В мыслит. интуитивизме М. усматривал источник того истинного христ. знания, что может послужить объединению Востока и Запада, пришедшего, по М., в духовный, религ. и полит. упадок (Мазол, с. 444—45), установившего аналога между католичеством и православием (сам Богосл. отнесся скептически к рус. интерпретации своих идей М. (Мазол, р. 274)). При всем увлечении католич. философией М. оставался православным. На книгах, посвященных друзьям, обычно подписывался «Православному православному»; тем не менее Ж. де Местр утверждал, что «Бональд своими идеями привлек к католич. вере рус. князя Мещерского» (Мазол, р. 294).

Нормально М. считался на службе при посольстве в Париже до 1840, когда был вновь прикомандирован к миссии в Турине. Тем не менее до самой смерти осн. местом пребывания М. оставался Париж, где он был одной из центральных фигур лит. салона Е. Мещерской, посещаемого многими лит. знаменитостями того времени: О. Барбье, А. де Виньи, О. Бальзаком, Э. Дешаном (ему посвящен ряд стих. М.; фрагменты переписки с ними, их отклики на соч. М. опубл.: ЛН, т. 31/32), а также русскими, увлеченными католич. идеей; среди них — П. Я. Чаадаев, доверивший М. «Первое философическое письмо» [Лемке (2), с. 427—28]. Григ. Шувалов, трудившийся над обращением России и ставший впоследствии членом ордена варнаитов (Melun A. de, Mémoires, P., 1891, р. 179—82; Ancelot V., Un salon de Paris: 1824 à 1864, P., 1866, р. 98). Сам М. был принят в католич. лит. салонах С. П. Свечиной и г-жи Сиркур.

В 1839 М. женился на дочери С. П. Жихарева, Варв. Степ. Жихаревой (в ранней юности он пережил краткое, но бурное увлечение ее матерью), юной красавице, пользовавшейся успехом в свете (РА, 1900, кн. 3, с. 295; ОА, IV, 24). Письма М. к невесте составили своего рода психол. роман (частично опубл.: Мазол).

Как поэт М. был более известен во Франции, чем в России: из рус. стих. опубл.: «К молодой девушке» («Новогодник» Н. В. Кукольника, СПб., 1839) и «Поэзия» (альм. «Утр. заря» В. А. Владиславева, СПб., 1839), разрабатывающее мотив мессианского предназначения России (часть рус. и переведенных с франц. стихов М. опубл.: ЛН, т. 31/32). Первый и единственный прижизненный поэтич. сб. «Les Boréales» («Сев. сияние»; P., 1839) М., согласно романтич. традиции, приписал умершему поэту В. де Г. (Б. де Ж. — инициалы будущей жены М. — Варвары Жихаревой) (иронич. отзыв А. Н. Тургенева (ОА, IV, 49—50, 62) и хвалебный — в указ. рец. А. П. Башуцкого: «страсть поэта ... врачует все тайные страдания разума и сердца» («Илл.», 1847, № 27, с. 44; ср.: СП, 1847, 18 февр.)). С поэтич. точки зрения сб-к был лишен яркого индивидуального начала, являя собой виртуозную парафразу характерных для романтизма тем и мотивов (демонич. искушения и наслаждения, образ демона, спасаемого ангельской красотой, мотивы земли и неба, рая и ада и др.). Сам М. не только не скрывал вторичного характера своей поэзии, но и сознательно его демонстрировал, обильно вводя в собств. стихи фрагменты из А. де Виньи, Сент-Бёва, О. Барбье, Шатобрана, А. Ламартина. Уже после смерти М., стараниями его матери и друзей, была выпущена кн. «Les roses noires» («Черные розы»; P., 1845), открывавшаяся поэтич. посланиями изв. франц. друзей М., в т. ч. В. Гюго (см. его отзыв о М. в рус. прессе — СП, 1845, 4 апр.). Первую часть кн. составили драм. опыты, среди них «Артемон Матвеев», драм. поэма из рус. истории, уже ранее издававшаяся («Artemon Matvéïeff», P., 1843; благоприятный отклик Н. И. Греча в его кн.: Парижские письма, СПб., 1847, с. 237—39), а также подражания В. А. Жуковскому, Пушкину, И. В. Гёте и др. Вторая часть включала лирич. стихи, песни, романсы и баллады, с ошутимыми следами ритмики и тематики ранних стихов А. де Мюссе и Гюго; от 1-го сб-ка они выгодно отличались богатством воображения, экспрессией и «почти парнасской чистотой формы» (Мазол, р. 205). На фоне типично романтич. текстов особое место заняло стих. «Ma chimère» («Моя химера») — ода Св. Руси, продолжающая идеи его религ. публицистики и ставшая своего рода духовным завещанием поэта.

М. имел все данные хорошего переводчика (РС, 1882, № 4, с. 228—235; «La Revue nouvelle», 1847, т. 713, р. 284—94); переводил в осн. совр. ему поэтов, знакомых франц. читателя с рус. романтиками (Пушкиным, Жуковским, Е. А. Баратын-

ским, В. Г. Бенедиктовым, И. И. Козловым, Н. М. Языковым и др. — всего 55 поэтов). Посмертно опубликовано 55 переводов М. из рус. поэзии: «Les poètes russes, traduits en vers français» (Р., 1846). Современники (Погодин и др.) отмечали европ. образованность и «русский дух» М., благородство натуры (из дневников Фарихагена фон Энзе — РА. 1875, кн. 2, с. 347), красивую внешность и экзальтированность человека, исполненного романтич. причуд.

«В его прекрасной душе было два недостатка: слабость и неопытность... Он не верил во зло, поэтому был жертвой и мучником своего злитя». — писала графиня Даш (Dash, Mémoires des autres, [р.] 4. Р., 1896—97, р. 215—229; Мазон, с. 396, 401; с ошибкой в написании фам.). При жизни М. стал героическим: в качестве одного из персонажей появился в повести Ш. Моркса де Сент-Аге «Под шапками» (1842), ему посвящен роман П. Нубайе «Этим: история русского поэта» (1852), переизданный под псевд. «Любовь поэта» (1859).

Умер от водянки, сопровождавшейся истощением, о чем Гоголь упоминал незадолго до смерти, см. в письме к Языкову 5 июня 1845.

Лит.: Батюшков, I, 442; Барсуков (укр.) Каратыгина А. М., Воспоминания. — РВ. 1881, № 5, с. 117; Сигурев И. М. Дневник, т. 1, М., 1904, с. 231—34; Томашевский Б. В., Мелочи о Пушкине. — В кн.: Пушкин и его современники, в. 38—39, Л., 1930; Рукон Пушнина, М.—Л., 1935, с. 717—19; Летопись жизни и творчества М. И. Глинки, М., 1952 (укр.); Глинка М. И., Записки, Л., 1953, с. 79, 180; Мэзон (Мазон) А., «Книжка Этим», — ЛН, т. 31/32, с. 373—490 (вкл. биогр. мат-лы, служебные док-ты, переписку, стихи; обширная библиог.); Мазон А., Deux russes écrivains français, P., 1964; Смытко Н. В., Парижский корреспондент. (Об архиве М.), — Всп, л. 5, М., 1984; ЛН, т. 16/18, с. 808; т. 58, с. 126, 128. + Некролог, 1845: РЖ, 13 мая: «L'Апине», sér. IV, l. 4, 8 juin: «Journal des jeunes personnes», l. 13, p. 5—6; Ghénard y G., Les écrivains franco-russes, Dresde, 1874; Венгерос. Источ.: ПНкрп.; КЛЭ, т. 9, стб. 605; Черейский*.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2522; РНБ, ф. 452 (перечень с А. А. Краевскими); ИРЛИ, ф. 169 (черновые ст. 1835 г. «Об интеллектуальном развитии и формах управления в России», дневник «L'apnée matrice de souvenirs», рукописные стх. на франц. яз.); Bibliothèque Publiot de France (копии переписки М. с В. С. Жихаревой).

Е. Д. Липшица.

МИЗКО Николай Дмитриевич [30*5(11.6)], по др. сведениям — 13(25).5.1818, Екатеринослав — 27.5(8.6).1881, Москва; похоронен в Воронежке), критик, библиограф, переводчик. Писал на рус. и укр. языках. Из дворян; принадлежал к старинному закавказскому роду (в Борзне на Черниговщине), выходцы из к-рого были священниками и педагогами. Отец, Дм. Тим. (1772—1847), — основатель и многолетний дир. Екатеринослав. г-зии (его жизни М. посвятил «Памятную записку...», Одесса, 1849); мать, урожд. Легкоступ, умерла, когда М. было 4 года. Окончил с сереб. медалью Екатеринослав. г-зию (1828—33), однако не поступил в ун-т из-за противодействия отца, считавшего сына не подготовленным к самостоят. жизни. С 1834 служил канцеляристом в ряде екатеринослав. учреждений. Одновремен-

но брал частные уроки и в 1838 сдал экзамен в Харьков. ун-те за курс филол. (словесного) ф-та. В том же году дебютировал в печати: «Программа полного курса теории словесности» (ЖМНП, 1838, № 12). С нач. 40-х гг. сотрудничал в ж. «Репертуар и пантеон», где помещал статьи о Екатеринуослав. г-ре (1843, кн. 10; 1845, кн. 5, и др.). В 1845—47 чиновник губ. правления, редактор «Екатеринослав. губ. ведомостей», где выступал с краеведч. мат-лами, театр. обзором, статьями о лит-ре. В 1847 утвержден чл. Екатеринослав. Попечит. к-та о тюрьмах, занимал должность попечителя арстант. роты (тит. сов.).

В 1843 принял участие в полемике о «Мертвых душах» Н. В. Гоголя: рещ. «Голос из провинции о поэме Гоголя...» (ОЗ, № 4) — последнее из выступлений, вызванных появлением первого тома поэмы. Статья М. отразила влияние позиции В. Г. Белинского (к-рому принадлежит рещ. прим. к публикации: «выражение самостоятельного и вместе с тем не противоречащего духу нашего журнала мнения». с. 27).

Находя в «Мертвых душах» «высоко-гуманистич. взгляд поэта на жизнь» и «глубоко национальный пафос» (с. 48), М. опровергает зарекомендовавшие Гоголю обвинения в пренебреж. внимании к «темным сторонам» действительности: эстетич. рассуждения М. во многом декларативны, анализ подменяется питанием или переказом текста.

Рещ. привлекла внимание Гоголя, отметившего ее в письме к Н. М. Языкову («Лучшие критики большею частью из провинции. Одна из Екатеринослава замечательнее других...», XII, 192) и вспоминавшего о ней при личном знакомстве с М. в Одессе в янв. 1851 (см. мемуарное свидетельство М. об их встречах — в кн.: Записки о жизни Н. В. Гоголя..., т. 2, СПб., 1856, с. 245—48). М. откликнулся и на публикацию глав 2-го тома «Мертвых душ»: «Голос из провинции об отрывках из второй части поэмы Гоголя...» (ОЗ, 1856, № 6).

Повторяя, как и в предыдущей ст., установленные в критике положения, он считал наиб. удавшимися образы, соотносимые с действительностью, а упрощение тона объяснял его «несовременностью» — несудебностью изображения положит. рус. характера, «к-рому только предстоит возродиться, пройдя через грядущее «огненное крещение» (с. 66).

После смерти отца, унаследовав имение (владел землей в Новомосков. и Павлоград. уездах), М. оставил службу (1848, с чином коллеж. ас.). Много разъезжал по Украине, принимал деятельное участие в лит. жизни Киева и провинции. Был знаком с нек-рыми участниками украинифильского Кирилло-Медовидевского братства (1845—47), что отразилось в мат-лах следствия по делу этого тайного об-ва. Сотрудничал в стольничных ж-лах, выступал с рецензиями, лит.-критич. публикациями, статьями по педагогике и методич.

разработками. Писал рещ. на книги по теории лит-ры (на «Очерк теории изящной словесности» М. Б. Чистякова — «Москва», 1843, № 12), на энц. издания («Филос. лексикон» С. С. Гогошково, в. 1 — СПбВед, 1858, 5 июля; в. 2 — ЖМНП, 1861, кн. 4); выступал с лит. обзором («Рус. словесность в ее современном развитии»), «Лит. приб. к „Киевскому телеграфу“», 1860, № 1, 2), ист.-лит. публикациями («Ода Хераскова на восшествие на престол императора Александра I», БЗ, 1858, № 9); иредка высказывался о текущей политике («Мысли о восточном вопросе», «Москва», 1854, № 7). Опубли. кн. «Столетие рус. словесности» (Од., 1849; отклики, 1850; «Москва», № 23; ОЗ, № 4; «Совр.», № 4; БзЧ, 1851, т. 105; СП, 1851, 21 июня, подписка А. П.) — один из первых уч. курсов новой рус. лит-ры (охватывает период 1739—1839); по собиc М., признававшееся ценным систематизир. лит. обзором для учащихся, достаточно широко использовалось в преподават. практике, хотя, по мнению современника, страдало «недостатком независимой серьезной критики и замстой робостью перед... общеталыми определениями писательских достоинств (Рябинин, с. 93).

М. был знаком со мн. учр. писателями и учениками — Н. И. Костомаровым, П. А. Кушпим, П. П. Гулак-Артемовским, А. Л. Метлинским, А. С. Афанасьевым-Чужбинским, В. М. и Н. Д. Белозерскими. Напечатал рещ. на сб-к Метлинского «Народные южнорусские песни» («Москва», 1855, № 4) и кн. «Проводил протерия В. Гречулевича на малороссийском языке» (РусБ, 1857, № 3). Поддержал создание в Петербурге укр. ж. «Основа», на страницах к-рого указывал на особую роль театра в развитии укр. культуры и просвещения («Воспоминание о Соленике, знаменнейшем украинском актере», 1861, № 2), принципиальную важность укр. нар. языка для развития лит-ры, выступал за создание подробного библиограф. обзора печатной украинской лит-ры (рещ. на «Краткий ист. очерк украинской лит-ры» П. Петраченко — 1862, № 3) и т. д. В 1861 в рещ. «Основы» познакомился с Т. Г. Шевченко, позднее в газ. «Дон» публиковал переводы его произв.: поэму «Несобити» (1869, № 48, 49), отрывок из поэмы «Ерстик Иван Гус» (1871, 19—26 авг.), месс. лирич. стх., в т. ч. ранее не переводившихся (1870, 10, 15 янв., 5 марта) (о значении публикации М. в истории рус. переводов укр. классики см.: Павлюк).

В 1861 утвержден в звании «кандидата мирового посредника» Новомосков. у. (до 1862; ф. с. — ИРЛИ), избран д. чл. губернского статистич. к-та. В 1862 определен почетным смотрителем Павлоград. уездного уч-ща (с прежним чином тит. сов.), занимал эту должность до 1870 (мад. сов. — 1868). Еще в период подготовки реформы 1861 принял участие в дискуссии по «хрест. вопросу»: ст. «Несколько слов о крестьянском труде в барщинском хозяйстве» («Сел. благоустройство», 1858, кн. 3). Искренне сочувствовавший, по словам его биографа, «великому делу освобождения» крестьян, М.-помещик был, однако, «застынут

врасплох» происходившими изменениями (Рябинин, с. 100). Не сумев перестроить хоз. жизнь на новых основах, он продал свое имение.

В 1868 переехал на жительство в Воронеж. Деятельно участвовал в местной печати — газ. «Дон», «Воронеж. телеграф», «Воронеж. епархиальные вед.», ж. «Филол. вест.»; в последнем им помещены статьи по методике преподавания лит-ры: «Нужно ли руководство при изучении языка, теории словесности и истории литературы?» (1869, № 1), «Общие понятия о поэзии» (1869, № 6), «По поводу сочинения А. Филонова „Современное преподавание словесности“» (1870, № 3). В заметке «Несколько слов по случаю открытия памятника Кольцову в Воронеж» («Дон», 1868, 15 нояб.), опираясь на суждения Белинского, писал о несводимости кольцовского таланта к узким представлениям о самородках и самоучках; творчество Кольцова рождалось из постижения нар. поэзии «внутренним открытием своего внутреннего чувства». В ст. «Типы современной жизни» (там же, 1869, № 24), отметил жизненность и злободневность образов комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты», приветствовал ее как многообещающее явление, свидетельство обращения драматурга к худож. исследованию обществ. противоречий пореформ. России. Ряд «откликов из провинции» М., начатый статьями о Гоголе, продолжил работу «Тургенев, его тридцатилетняя литературная деятельность и его типы» (Воронеж, 1872) — первая критич. публ. о И. С. Тургеневе, изданная отд. книгой; в ней М. пытался проследить логику идейно-худож. эволюции писателя, анализировать его героев — от «Гамлета Шиндровского уезда» до Санина из «Вешних вод».

М. поддерживал широкие лит. контакты, переписывался со мн. деятелями лит-ры (С. Т. и К. С. Аксаковы, М. П. Погодин, И. И. Панаев, А. В. Дружинин, А. И. Кронеберг, Н. Ф. Шербина, М. Н. Лонгинов, А. В. Никитенко и др.). В 1865 избран д. чл. ОЛРС. Оставил мемуарные свидетельства о знакомстве и беседах с Белинским, М. С. Шепкиным и Кронебергом летом 1846 в Харькове и Екатеринославе, о знакомстве с Шевченко (в ст. «По поводу толков о малорусском языке и малороссийской словесности», «Дон», 1881, 17 мая).

В 1875 (1873 ?) М. переселился в Москву, однако не порывал связи с Воронежем. Последний его крупной работой стал критико-биогр. очерк «А. Ф. Мерзляков» (РС, 1879, № 1). В конце жизни собрал мат-лы для задуманного им обширного «Словаря рус. писателей» (не обнаружены) и

завещал капитал на его окончание. В написанном незадолго до смерти ст. «По поводу толков о малорус. языке...» М. подвел итоги своих занятий укр. лит-рой и, защищая ее право на самостоят. развитие, призывал не разрушать традиц. духовных связей между Украиной и Россией.

Др. произв.: «Педагогические заметки...» (СПб., 1856), «Книга для чтения при изучении истории древней классич. поэзии» (М., 1865; отклики, 1865: ОЗ, № 7—8; РИ, 12 июня; СПбВед, 14 июля), «Горе от ума» на провинциальной сцене» (Воронеж, 1870).

Изд.: Ст. «Голос из провинции о поэме Гоголя...». — В кн.: Рус. критич. лит-ра о произв. Н. В. Гоголя... Сост. В. А. Залынский, ч. 3. М., 1896: [История знакомства с Гоголем]. — В кн.: Вресев В. В., Гоголь в жизни. М., 1990, с. 492—93; [Письмо М. П. Погодину; автобиограф. сведения] — Барсуков. VII, 147—49.

Лит.: Гоголь, Белинский (укр.); Рябинин Д. Д., Воен. о М. — ИВ, 1882, № 10, с. 83—108; Шенрок В., Лит. отзывы современников о 1-м томе «Мертвых душ». — РС, 1894, № 10, с. 172—74; Багалей Д. И., Опыт истории Харьков. ун-та, т. 1—2, X, 1894—1904 (укр.) (сведения об отце М.); Быков П. В., Сидусты далекого прошлого. М.—Л., 1930 (укр.); Кулешов В. И., «Отец зал.» и лит-ра 40-х гг. XIX в., М., 1958 (укр.); Павлюк М. М., Роль украинских литераторов в перекладанні творів Шевченка російською мовою. — В кн.: 36. праць 11-ї наукової чернівецької конференції. К., 1963, с. 125—33; Лазуєвський О. Г., Лит. раскритик. Воронеж, 1972 (укр.); его же, Лит. обществ. движение в рус. провинции (воронежский край в эпоху Чернышевского), Воронеж, 1985 (укр.); Петровская И. Ф., Островский в откликах провинц. печати его времени (1853—1886). — ЛН, т. 88, кн. 1, с. 548—49; Манн Ю. В., В поисках живой души, 2-е изд., М., 1987 (укр.); + Некролог, 1882; КС, № 12 (П. Ефименко). Мсков: Сл. ОЛРС; Брокгауз; ИЭС; Венгеров. Источ.; Языков (наиб. полная библиограф. работ М., 60 номеров); Лерм. энци. УРЕ; Укр. сов. энци., т. 6, К., 1981; Шевченківський словник, т. 1, Київ, 1978; ИРДВ; Боград. ОЗ(1); Мसानов.

Архивы: РГБ, ф. 251, л. 2, № 2 («Список рукописам, оставшимся после умершего П. Д. Миклашевича, 53 наименования»); ИРЛИ, ф. 320, № 1470 (ф. с. 1865 г.); № 23217 (письма М. Н. Лонгинову, 1858 и 1865); № 7083 (письма М. Ф. Шербине, 1850) (справка А. Г. Носовой); ИНАМ, ф. 31, оп. 4, л. 711 (ненз. мат-лы); РГИА, ф. 1343, оп. 25, л. 3699, л. 19 (копия м.с.); л. 24 (биогр. мат-лы); ф. 733, оп. 78, л. 1081 (биогр. мат-лы).

Н. Н. Павлюк, О. Г. Лазуєвський

МИКЛАШЕВИЧ, Миклашевичева Варвара Семёновна [урожд. Смагина; 1772 — 21.12.1846 (21.12.1847), Петербург; похоронена на Лазаревском кладб. Александро-Нев. лавры], прозаик, переводчица. Предок отца пожалован вотчиной в Рязан. у. царем Михаилом Фёдоровичем за «многие службы против злодеев польских и литовских людей и русских воров». Отец, Сем. Ив., почти полвека прослужил в Польше и Центр. России; уже будучи в чине поручика и владельцем имений в с. Константиновке Шешкеев у. и с. Азасе Мокшан. у. Пензен. наместничества, убит бунтарями-пугачевцами, когда дочери было полтора года. Бывший в 1791—96 вице-губернатором в Пензе кн. И. М. Долгоруков, с к-рым М., уже «молодая барыня», ве-

ла частные беседы, вспоминал о ней (в 1818): «она была не хороша» собой, «умная и достойная, но увлеклась часто романтич. восторгамн. и от того много дурачества в свой век наделала» (см.: «Капли моего сердца...» — ЧОИДР, 1872, кн. 4, 2-я пат., с. 105).

Незадолго до замужества (состоявшегося не позже нач. сент. 1793) М. оказалась невольной виновницей самоубийства: у нее под окном застрелился учитель брата, когда она отклонила его любовное признание. Возможно, боязнь повторения трагедии повлияла на ее решение принять предложение небогатого местного дворянина, титу. сов. в должности магистратского прокурора А. О. Миклашевича, бывшего гораздо старше ее. Супруги переехали в Петербург; в 1800 по приказу Павла I мужа арестовали, обвинив в злоупотреблении казенными деньгами, а затем простили и срочно направили прокурором в донскую станицу Михайловскую; М. последовала за ним и в дороге родила сына.

Первые лит. опыты — ода на день рождения великой кн. Елизаветы Александровны (1806) и послание к Г. Р. Державину «Глас сердца» (6. д.) написаны под явным влиянием державинской поэтики (др. поэтик. произв. не сохр.). Поэт ответил ей стихотв. напутствием (не сохр.); однако провинц. жизнь и личные обстоятельства не способствовали ее лит. занятиям. В 1803, потеряв сына (муж умер ранее), она осталась одна и без средств к существованию (приданое муж проиграл в карты; сохранилось прошение М. 1813 к имп. Елизавете Алексеевне о пособии — РГИА, ф. 535, оп. 1, д. 2).

Вернувшись в Петербург, жила в неизвестности. Поселившись у А. А. Жандра вместе со своей воспитанницей П. П. Порешкой, в 1816 (?) стала его гражд. женой (будучи на 17 лет старше); позже (не ранее 1825) они «обвенчались» (по словам Порешкой, на к-рой женился Жандр после смерти М.). До 1821 вела замкнутую дом. жизнь, ограничиваясь узким кругом друзей; самыми близкими среди них стали А. С. Грибоедов и А. И. Оловьевский (с 1824), а также В. К. Кюхельбекер. (В письме от 18 дек. 1825 жаловавшемуся на сплин Жандру Грибоедову отвечает: «Оглянись, с тобою умнейшая, исполненная чувства и верная спутница в этой жизни, и как разнообразна и весела, когда не сердится» — ПСС, т. 3, 1917, с. 187.) Побуждаемая Жандром и Грибоедовым, в 1824 вновь обратилась к лит. занятиям, перевела с франц. одноактную комедию П. Мариво «Завещание, или Кто кого перехитрил» (пост.: Петербург и Москва, 1824) и либретто комич. оперы Э. Скриба «Спальня, или Полчаса из жизни гер-

цога Рицельс» (пост.: там же. 1824). После разгрома декабристов тяжело переживала аресты Жандра, Грибоедова (вскоре опущенных) и А. Одоевского, за к-рого многократно просила заступиться Грибоедова (сохр. его письма к М. о заступничестве перед властями). В 1829, защитая доброе имя убитого в Персии Грибоедова, написала (совм. с Жандром) памфлет, где утверждалась иная, неофициальная версия гибели рус. посланника (см. *Жандр* А. А.).

По настоянию Грибоедова в 1828 начала писать ром. «Село Михайловское, или Помещик XVIII столетия» (окончен в 1836). С его первыми главами он успел ознакомиться в чтении автора (опубл.: СО и СА, 1831, № 19, 20, 43, 44; распространялся в рукописи); отрывок в № 19 и 20 похвалил Кюхельбекер («талант высокий, мужественный» — Кюхельбекер, с. 318). Готовым романом заинтересовался (незадолго до гибели) А. С. Пушкин (см. его хвалебное оповещение: «Совр.», 1836, т. 3), собиравшийся написать эпиграфы к отд. главам; среди его опечатанных бумаг оказалась рукопись романа, к-рую В. А. Жуковский извлек и возвратил автору. В 1841 М. попыталась издать роман, но цензура не разрешила, поскольку усмотрела в нем одностороннее, неприглядное изображение помещиков, администрация и духовенства (см.: Никитенко, I, 243; Ватуро, 1977, с. 256). Роман опубл. посмертно, почти 30 лет спустя после его завершения (ч. 1—4, СПб., 1864—65, предисл. Н. И. Греча, эпиграфы — Жандра; 2-е изд., СПб., 1908 (текст препарирован и сокращен)).

Будучи «романом тайн», с запутанной интригой и множеством действующих лиц, «Село Михайловское», однако, имеет вполне реальную основу: по свидетельству Жандра, здесь изображены «злодейства, действительно совершенные богатым, необузданным в страстях» пензен. помещиком (Пановым, в ром. — Пенным), жившим в последние годы царствования Екатерины II (Данилов, с. 194, 199, 204). В романе продолжает Жандр, «нельзя искать искусства в создании лиц, ни в изображении происшествий; она ни первых не создавала, ни последних не вымышляла, даже духовные лица все списаны ею с натуры. И потому в ее книге ей принадлежит только форма романа и верность лиц, его представляющих. Только некоторые из них (Рылеев, кн. Одоевский, Грибоедов) она заставила жить на неск. лет раньше (50 лет), но сохранила характер, физиономию, наружность и даже самую их речь в Ильмене, Заринском и молодом Рузине» (цит. по кн.: Мешеряков, с. 133). Себя же автор изобразила в

лице «фантастической Оленьки» — именно такую, какою была во времена общения с Долгоруковым.

Роман, ориентированный на романт. поэтику, вышел в свет в эпоху господства реализм. прозы и поэтому остался почти незамеченным. Однако, появивсь «Село Михайловское» в момент своего завершения, оно, по основат. замечанию рецензента, «заяло бы видное место в ряду романов того времени» («Голос», 1865, 19 марта; см. также рец. 1865: РИ, 20 марта; КВ, № 4; СО, 6, 8 февр.).

Лит.: Пушкин (ук.); Никитенко (ук.; в т. ч. о попытке С. А. Бурачка опубл. роман М. вопреки ценз. запрещению); Грибоедов А. С., ПСС, т. 1, СПб., 1889, с. 407—08; Грибоедов в восп. (ук.); Тоголь, XI, 230, 412; Данилов И., Забытая писательница. — ИВ, 1900, № 7; Шукшинский сб., т. 4, М., 1905, с. 250—51; Бобров Е. А., Пушкин и М. — В кн.: Сб. Учено-лит. об-ва при Юрьевском ун-те, в. 13, Юрьев, 1908; Письма П. А. Катенина к Н. И. Бахтину, СПб., 1911 (ук.); Пихсанов Н. К., Грибоедов и А. А. Жандр. — В кн.: Грибоедов А. С., Горь от ума, М., 1912; А. С. Грибоедов. Четыре письма. — В кн.: Звенья, т. 1, М.—Л., 1932, с. 17—28 (вступ. ст. и прим. О. И. Поповой); Хазин М., Загадка пушкинских эпиграфов? — КО, 1969, № 32; Ватуро В. Э., Грибоедов в ром. М. «Село Михайловское». — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Труды, Л., 1977; Мешеряков В. П., А. С. Грибоедов. Лит. окружение и воспитание (XIX — нач. XX в.), Л., 1983 (ук.); Савин О., «Письму тебе в Пензу», Саратов, 1983, с. 99—106; Пик уль В. С., Посмертное издание. — В его кн.: Ист. миниатюры, [т.] 1, М., 1991; ЛН, т. 4748, с. 97—99, 130, 287; см. также лит. при ст. Жандр А. А. + ПНекр.: Арапов, с. 354; Голицын; Пономарев; Брокгауз (Эзоп); Венгеров. Источ.: ИРДТ: КЛЭ; Черейский; Маслов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 24, оп. 1, № 136 (письмо С. А. Бурачку); РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 4172* (дело о дозревании Смигных; роздольная Смигных 1850 г.); ф. 777, оп. 1, д. 1603 и ф. 772, оп. 1, д. 1417 (дела о запрещении и о подтверждении запрещения на печати ром. «Село Михайловское») [справка Н. М. Корневой]; ГА Пензен. обл., ф. 196, оп. 2, д. 1807 (роздольная Смигных); с. 2624, оп. 3, д. 74 [справка С. И. Красновой].

В. П. Мешеряков.

МИКУЛИЧ В. [наст. имя и фам. Лидия Ивановна Веселитская; 5(17).5.1857, г. Егорьевск Рязан. губ. — 23.2.1936. Детское Село Ленинград. обл.], беллетристка, переводчица, мемуаристка. Род. в дворян. семье. Отец, Ив. Гавр. Веселитский, — потомок даламатских князей Божидар, офицер-артиллерист, преподававший в Александров. кадет. корпусе; мать, Эмилия Ал-др. Дихеус, — швед.-нем. происхождения. После развода родителей и вторичного замужества матери М. воспитывал дед, с к-рым она жила то в Царском Селе (здесь прошла б. ч. жизни М.), то в Павловске. В 1867 поступила в Павловский жен. ин-т пансионеркой «на счет казенных сумм Главног. Туркестан. военного округа», окончила в 1874. Училась на Высших пед. курсах в Петербурге, в 1876 получила звание «дом. наставницы», но в дальнейшем отказалась от этого поприща. В 1881 вышла замуж за офицера Вс. Вл. Чернавина, в 1887

брак был расторгнут. По словам М. (восп. «Прожденная дорожка» — РГАЛИ, ф. 101, оп. 1, № 16), после окончания курсов она впервые выступила в печати в ж. «Семья и школа» и «Дет. чтение» (публ. не выявлены).

Активную лит. деятельность начала с 1883: рассказ «Студент» («Нива», № 46—47), одобренный И. С. Тургеневым (Тургенев. Письма, XIII, кн. 2, 154), и 1-я ч. трилогии «Мимочка-невеста» (ВЕ, № 9). Успех имела 2-я ч. трилогии «Мимочка на водах» (ВЕ, 1891, № 2—3), в к-рой выявлен тип совр. легковесной, эгоистичной, лишённой интел. духовных устремлений и моральных устоев светской женщины. А. Л. Волынский отметил «тонкий, иристый юмор и чрезвычайно выразительную легкую речь», хотя и неглубокий, но «блещущий меткостью» анализ, при этом указал на осн. недостаток прозы М. — «поверхностность и отсутствие серьезного и глубокого худож. замысла» в изображении коллизий жен. судьбы (СВ, 1891, № 4, с. 171—75). Л. Н. Толстой нашел повесть «по тону своему ... оригинальной», однако при повторном чтении заметил: «Хорошо. Но есть преувеличения и подражание самой себе» (Толстой, LXVI, 275; см. также: Интервью и беседы с Л. Толстым, М., 1936, с. 62). Н. С. Лесков назвал пов. «мастерским произведением»: «свежа, жива и любопытна, и при том manera писания чрезвычайно искусна и приятна. „Мимочка“ ... это своего рода Чичиков, в лице к-рого ничтожество являет свою силу» (Лесков, XI, 526). Диалогия «Мимочка» (отд. изд. — СПб., 1892; рец. 1892: РБ, № 11; РМ, № 7) была переведена на нем., франц., англ., польск., швед., дат. языки.

МИЛИЦЫНА

3-я ч. трилогии «Мимочка выдана» (ВЕ. 1893, № 9, 10; отд. изд. — М., 1895) прошла почти незамеченной; лишь анонимный автор аннотации в ж. «Рус. мысль» (1893, № 11, с. 551) отметил «отличный язык, живость развития положений... замечательно тонкий сарказм». Пов. «Зарницы» (СВ, 1894, № 1—4; отд. изд. — М., 1895), наиболее очевидно обнаружившая недостатки прозы М., вызвавшие Волынкин, вызвала резкие суждения критиков: «отсутствующие плана ... замысла ... слишком много болтовни» (П. Ачкасов — РВ, 1895, № 2, с. 229—30); «мысли героини отличаются какою-то пируэтностью» (Кв. «Неделя», 1894, № 5, с. 206). Толстой был неудовлетворен тем, что М. «серьезных жизненных вопросов» касается «слегка», а «такие вопросы надо разрабатывать до самой глубины или представлять их в худож. форме» (восп. М. «Встречи с писателями», с. 76).

Появление в 1898 (СПб.) отд. изд. ряда повестей и рассказов М. («Студент», «Новенькая» (впервые: МБ, 1892, № 7), «Мимочка», «Зарницы», «Черемуха» (впервые: СВ, 1898, № 1—2)) стало поводом для уничтожит. критики: «Зарницы» — «архискудная вещь»; «история юной женской души... сведена в „Черемухе“ к птичьему существованию, к птичьей философии и птичьим интересам», все соч. «производит впечатление чего-то старого, хорошо знакомого» (А. Б. (А. И. Богданович) — МБ, 1899, № 1, с. 7). Однако М. продолжала много писать, пытаясь утвердить свою лит. репутацию («живой талант» — Тургенев. Письма, XIII, 154). Драматичностью сюжетов, психол. достоверностью отличаются рассказы из семейной жизни «Ночь в вагоне», «В Венеции», «Моя любовь» (сб. «Рассказы», СПб., 1911). Расширился и тематич. диапазон ее прозы: рассказы о нищей жизни гор. низов, обитателей подвалов, ползавших в пороках и пьянстве «Пасха красная», «Телятина», «В доме Тришкина» (сб. «Пасха красная», СПб., 1914); нек-рые соч. проникнуты свойственным автору глубоким религ. чувством.

Занималась также переводами для детей соч. А. Дюма, В. Гюго, Ш. Нолье, А. Мишкевича, Ф. Шиллера и др., из к-рых составила сб. «Яшнина книжка» (СПб., 1899). Прозач. пер. поэмы Гюго «Бедные люди» после двух редактур Толстой включил в сб. «Круг чтения» [см.: Бойко М. Н., «Бедные люди» (о пер. В. Миклулич). — В кн.: Толстой-редактор, М., 1965]. Перевела с франц. яз. «Записки» А. О. Смирновой-Россет (СВ, 1893—94; отд. изд. — СПб., 1895).

Обладая даром обобщения, М. была знакома со мн. литературными и журналистскими работами живых писателей, беллетристов, мемуаров

(частенько вошла в сб. «Встречи с писателями», Л., 1929; прикл. Д. Вышеславского; б. ч. рукопис. мат-лов хранится в РГАЛИ). В 1880 в салоне Е. А. Шпаженшиной встретилась с Ф. М. Достоевским, затем неоднократно виделась и беседовала с ним; в очерке «Встреча со знаменитостью» (М., 1903) воспроизвела внешний облик писателя в последний год жизни, пересказала его высказывания о лит-ре и на др. темы. В 1881 познакомилась с В. М. Гаршиним, к-рому прислала «Всезвезд Гаршина», ИВ, 1914, № 1). В нач. 1890-х гг. вошла в круг редакции ж. «Сов. вост.» (Л. Я. Гурвич, Волынкин и др.). В янв. 1893, благодаря Гурвичу, стала входить в дом Лескова, часто, до самой его кончины, посещала писателя («Он усмотрел в ней редчайшего человека, но запросам духа и глубине ума... Автор „Мимочка“ заинтересовал его как своего крист. микромириадом, так и лит. талантом» — Максеева Н. А., Н. С. Лесков в последние годы своей жизни — РМ, 1908, № 10, с. 172, 176); ценно документ. повествование М. «Письма Н. С. Лескова» (альб. «Лит. мысль», Л., 1925, кн. 3). Лит. дружба связывала ее с М. О. Меньшиковым (познакомилась через Лескова в 1893), помогала ему в выпуске еженед. сб-ков «Письма к ближним»: в 1918 описала со слов жены Меньшикова последние дни его жизни, арест и расстрел (собр.: «Кубань», 1989, № 9).

В мае 1893 М. прислала в Яптию Поциту, с тех пор неоднократно посещала толстовское усадьбу и домовнический дом («очень умная, скромная и чуткая женщина» — Толстой, LXVIII, 323). Не разделяла антирех. взглядов Толстого, М. вместе с тем провела большой интерес к его публицистике, запрещенным цензурой соч., преклонилась перед личностью писателя, симпатизировала его последователям — Н. И. Ге, Н. Н. Страхову, П. И. Бирюкову и др., бывала у В. Г. Чертова. Взаимоотношения с Толстым и его семьей М. описала в очерке «Тени минувшего» (ИВ, 1913, № 2—4; отд. изд. под назв. «Тени прошлого» — СПб., 1914). Т. Л. Толстая-Сухотина писала к М. об этих восп.: «до сих пор я ничего не знаю, что так живо и правдиво пересказало бы дух семьи моего отца... Одно мне было весьма неприятно — это ваше осудительное и ироническое отношение к Чертову» (письмо от 27 апр. 1913 — «Звенья», т. 1, М.—Л., 1932, с. 508). Кад. и ряд др. текстов, этот очерк в сов. время был похищен авторатуре и получил назв. «У Толстого» при составлении сб. «Встречи с писателями»; М. О. Лернер отметил «многочисл. и явно тенденциозные пропуски мест первого изд., посвященных толстовцам Д. А. Хилкову и Чертову (особенно „любопытнейший“ последний), но подчеркнул, что «в книге много серьезных и чутких психол. наблюдений» («Звенья», 1929, № 2; др. ред.: «На лит. посту», 1929, № 11/12).

В нач. 1900-х гг. была знакома с Н. С. Гумилевым (см.: ЛН, т. 85, с. 407); по-видимому, встречалась в Царском Селе с И. Ф. Анненским, полюбившим ей стих. («Л. И. Миклулич» см. в его кн.: Стихотворения и трагедии, Л., 1990 (СПб.), с. 198). После 1917 поддерживала связи с Н. А. Котляревским, О. А. Фрибес, В. Я. Шинниковым.

Последние годы жизни М. прошли в Детском Селе в бедности и забвении, нек-рое время она преподавала музыку в дет. доме им. А. И. Герцена.

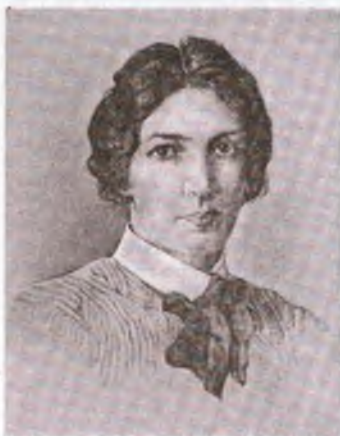
Др. произв.: «Дуся. Рассказы» (П., 1915, 1917), «Из переплски» («Звенья», т. 1, М.—Л., 1932).

Лит.: Толстой; Тургенев; Чехов (вс. — ух.); Переплска Чехова, т. 2, М., 1984 (ух.); Скабичевский А. М., История новейшей русской лит-ры, СПб., 1909, с. 386; Николаев П. Ф., Вопросы жизни в совр. лит-ре, М., 1902; История новейшей рус. лит-ры, 5-е изд., СПб., 1903; Голован К., Рус. роман и рус. общество, 2-е изд., СПб., 1904; Колтунская Е. А., Женские судьбы, СПб., 1912; Харьяков А. А., Мимочка. — «Опыт» (Львов), 1937, № 4; Рус. лит-ра кон. XIX — нач. XX вв. Деятели и соч., М., 1968 (ух.); В мире Лескова, М., 1983 (ух.); Тесков А. А., Жизнь Николая Лескова, т. 1—2, М., 1984 (ух.); Рос. архив, IV, М. О. Меньшиков. Мат-лы в биографик, М., 1993

(ух.); ЛН, т. 70, т. 90 (ух.). * Некролог: «Лит. Ленинград», 1936, 26 февр.; Брокгауз; Мельер; Венгеро. Источ. (неправильно указано имя М.); Грант; Валандалев; Галерея рус. писателей, М., 1901; ИРДВ: Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 101; ИРЛИ, ф. 44, ф. 377; ф. 230, оп. 1, № 42 (29 яким к Л. Я. Гурвичу); ф. 283, оп. 1, № 115 (письма к Е. П. Летоковой-Султановой); ГМТ (письма 1890-х гг. к С. А. Толстой, Т. Л. Толстой-Сухотной, Л. Л. Толстому — в соответствии фонды); РНБ, ф. 124, № 857 (2 письма Э. П. Юргенсону, 1913), № 3682 (2 письма В. В. Розанова, б.г.), № 4153 (письмо Н. Н. Страхова, 1895), № 2776 (2 письма М. О. Меньшикова, 1907 и б.г.); ф. 118, № 293, 1059 (письма П. В. Быкову, 1919); РГИА СПб., ф. 7, оп. 2, д. 192, л. 27—28; д. 208, л. 23—24; ф. 918, оп. 1, д. 403, л. 1 (сведения об образовании). С. А. Розанова.

МИЛИЦЫНА Елизавета Митрофановна [урожд. Разуваева; 24.4(6.5).1869, г. Острогжск Воронеж. губ. — 11.1.1930, Воронеж, похоронена на Митрофановском (Новозарожском) кладб., прозаик. Отец — приказчик в помещичьем хозяйстве, затем объездчик ж.-д. путей; мать — из семьи откупившегося

на волю крепостного крестьянина. «С самого детства видела бедность... Мать моя кое-как выучила меня грамоте, потом я много без разбору читала, что попадалось по руку» (Автобиография — ГА Воронеж. обл., ф. 188, оп. 2, д. 8, л. 3). В 1889 вышла замуж за управляющего имениями графов Толстых Г. Карпина, через три года брак распался. В 1894 стала женой агронома Н. А. Милицына, поощрявшего ее лит. занятия, и в том же году вместе с ним переехала в Москву, где сблизилась с демокр. лит. кругами.

Первая публ. — очерки «Деревенские картинки» (РВед. 1898, 6, 15, 22 янв.). Затем периодически печатала очерки и рассказы в ж. «Рус. мысль» (1902—07), «Рус. богатство» (1905—06). Пренм. разрабатывала традиции деревен. проблематику: бесправие, угнетение, невежество, бедность; особое внимание уделяла положению женщины в деревне, отношению крестьян к религии, к природе (не без идеализации нар. характе-

ра). Точность зарисовок деревен. быт., отчетливость постановки крест. проблем, простота изложения и внимание к положит. началам крест. жизни благожелательно отмечались в обзорной текущей лит-ры. Так, в пов. «За светом» (РМ, 1904, №1) А. В. Луначарский увидел «...интересную попытку проникнуть в душу той бродячей Русн, разнокалиберной, разноценной, богатой типами, к-раз ходит по лицу земли в поисках за утешением, поучением, развлечением, иногда и за более низменными благами» («Обр.», 1904, № 3, с. 120—25; см. также № 7; др. отзыв: Н. Геккер — «Одес. новости», 1905, 6 февр.). В 1905 выпустила сб. «Рассказы» (М.), удостоенный поч. отзыва АН при присуждении 16-й лр. им. А. С. Пушкина.

В рещ. на сб-к Н. Кондаков отметил: «любовно-внимательное погружение в разные виды заштатного, безнадёжного горя рус. нар. жизни», но сентиментальность и отсутствие новизны в разработке тем (Сб. ОРЯС, 1906, т. 81, № 3, с. 80—81; др. поч. отзыв, 1907: там же, т. 84, № 3; рещ. 1905: «Иск-во», № 2; О. Миртов — «Обр.», № 3). В. В. Розанов назвал в рассказе «Навалит» (РМ, 1904, № 2) отражение особенностей рещит. жизни рус. народа, «теплос-живос чувство веры» (ИВ, 1904, 23 июня), однако др. критик отказал М. в умении проникнуть «в душевный мир всех этих мужиков и баб...» (Н. Ю-н (Н. Н. Вентиль) — ИВ, илл. прил., 1905, 6 июля).

В 1905—06 ходила по деревням, записывала разговоры крестьян — этот материал использовала в своих последующих рассказах, критич. острота к-рых усилилась. Героями М. становятся деревен. бунтари, крестьяне с революционизир. сознанием, обрисованные с симпатией («Своим путем», «Скрывной», «Ожидания», «В ожидании приговора», «Страшная сказка» — см. в нижеук. сб-ке).

С 1906 М. жила в Воронеже. Печатила рассказы и повести в ж. «Маяк» (1910—13), «Жизнь для всех» (1911—15), «Вест. Европы» (1910), «Общедоступный журнал» (1912). Вступила в переписку с М. Горьким, увидевшим в ее лице «серьезного сотрудника и ценную силу» (письмо к М. от 26 апр. 1908 — Горький, ХХХ, 65—66), была привлечена к работе в изд-ве «Знание». Здесь в 1910 вышли 2 тома «Рассказов», в 1913 — 3-й том [на него был наложен арест (РГИА, ф. 776, оп. 17, 1913 г., д. 247), а М. привлечена к ответственности по 129 ст. Уголовного уложения — «восстановление класса на класс», — но в связи с начавшейся 1-й мировой войной и благодаря хлопотам друзей дело было остановлено].

Рассказы М. тепло встретили критики: в них «есть нечто несомненно свое» (А. В. Амфитеатов — «Совр.», 1911, № 2, с. 289), «настоящая, доподлинная деревня» (В. В. Брусникин — «Кругозор», 1913, № 2, с. 269) и, несмотря на обилие мрачных фактов (Н. Смирновский: «Кажется, что вся рус. жизнь предстает на сцену одну сплошную рану...», — «Отдых христианина», 1913, № 6, с. 1127—46), в них «есть и красота» (Ю. И. Аббасова — «Речь», 1912, 25 нояб.),

«в чисто худож. отношении они — не кружило, но приятно видится» (А-ский — «Завтра», 1913, № 2, с. 206—07). Однако с сожалением было отмечено отсутствие оригинальности и новизны в лит. языке: М. «пишет, как десятик, а м. б. и сотни беллетристов... осталась верной старой... пикале бытописательск.» (Брусникин — см. его вышеуказ. рещ.).

С 1913 М. — д. чл. ОЛРС. В 1914—15 работала в воен. госпиталях. Ее антивоен. «Записки сестры милосердия» (1915), не пропущенные цензурой, получили нек-рую известность благодаря чтению отрывков из них в 1916 В. И. Качатовым (рукопись — в Воронеж. доме-музее И. С. Никитина, машинописный текст — в л. ф. ГА Воронеж. обл.). После Окт. революции занималась обществ. и культурно-просветит. деятельностью, ездила по деревням с лекциями. В 1919 после смерти родителей и мужа уехала в с. Шукавку Воронеж. губ., где заведовала волостной б-кой, затем дет. домом, вела агиташ. работу. В 1920 вступила в РКП(б), в 1921 была исключена «за оторванность и непосещение собраний». В 1922 вернулась в Воронеж, печатила рассказы, очерки и корреспонденции в газ. «Коммуна», «Новая деревня», «Беднота», в Воронеж. сб-ках «Подъем» и «Звено». Писала о классовом противоборстве в деревне, о борьбе с неграмотностью: рассказ «Миражи» (Р-н/Д., 1926) и «Суд над неграмотным. Пьеса для деревен. театра» (Р-н/Д. — Краснодар, 1925; рещ.: О. Кайданова — «Вест. книги», 1925, № 2).

Изд.: Избр. рассказы. Вступ. ст. М. Подолова. Воронеж, 1949; Не по закону. Рассказ. М., 1907; В ожидании приговора. — «Сб. товарищества „Знание“», т. 32, М., 1910.

Лит.: Горький (ук.); Пугачев А. Е. Милицына. — ЛГ, 1930, 9 июня; Тепляков М. К вопросу о жизни и творчестве Е. М. Милицыной. — «Лит. Воронеж», 1940, № 2(9); Касторский С. Статьи о Горьком, 2-е изд., Л., 1955 (ук.); Тошков В. А. Из лит. прошлого Воронежа. — В кн.: Лисавети-воронежцы XIX — нач. XX вв., Воронеж, 1947; Павлова В. По следам ЦЮ. — «Подъем», 1967, № 4; Очерки лит. жизни Воронеж. края. Воронеж, 1970, с. 359; ЛН, т. 95 (ук.). * Венгеров, Истом. (ошибочно ук. имя и отчество и годы жизни М.); РВед. Сб. (неверно ук. имя и отчество); КЛЭ; Муратова (2); Масалов (несверно расшифрованы инициалы, ошибочно указан год рожд. и пр.).

Архивы: ГА Воронеж. обл., ф. 188 [справка Э. Б. Рюмина]; ИРЛИ, ф. 153; ф. 540, 1906 г., л. 13 об.

Е. Н. Петухова.

МИЛЛЕР Всеволод Фёдорович [7(19).4.1848, Москва — 5(18).11.1913, Петербург, похоронен в Москве], фольклорист, этнограф, востоковед. Сын Ф. Б. Миллера. Получил дом. образование; окончил частный иностр. пансион Эинеса в 1865. Сдав экзамены при 4-й моск. г-зии, поступил на ист.-филол. ф-т Моск. ун-та, где с особым увлечением занимался у Ф. И. Буслаева и санскритолога П. Я. Петрова. Первая публ. М. — пер. «Двух веронцев» У. Шекспира (Полн. собр. драм. произв., т. 4, СПб., 1868), выдержавший неск. переизданий. По окончании ун-та в

1870 был оставлен при кафедре сравнит. языкознания. Одновременно преподавал лат. яз. в г-зии. В 1874—1875 занимался сравнит. языкознанием и санскритом в ун-тах Тюбингена, Берлина, Праги, Парижа. В

1877 защитил магистер. дис. (монография «Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой, т. 1. Асвины—Диоскуры», М., 1876), в 1888 — докторскую (кн. «Осетинские эпюды», ч. 2, М., 1882). В моск. высших уч. заведениях читал лекции по истории Востока, санскриту, древнеперс. яз., истории рус. словесности и др. С 1884 проф. кафедры сравнит. языкознания, с 1892 проф. кафедры истории рус. яз. и словесности, с 1903 заслуженный проф. Моск. ун-та. Чл.-к. АН по ОРЯС с 1898, ординарный акад. с 1911.

Науч. деятельность М. (ему принадлежат более 200 печатных трудов) — при широте интересов и разнообразии проблематики — отличалась внутр. единством, органич. общностью его занятий лингвистикой, древними языками, мифологией, этнографией и нар. словесностью на основе последоват. применения к ним сравнит. метода. В канд. работе «Вост. и зап. родичи одной рус. сказки» («Труды этногр. отд. Обва-любителей естествознания, антропологии и этнографии», 1877, т. 4) М. доказывал, что рус. сказки заимствовались с Востока непосредственно. В кн. «Взгляд на „Слово о полку Игореве“» (М., 1877), утверждая книжный характер памятника, обнаружил в нем влияние визант. поэмы 10 в. о Дигенисе Акрите. Центром исследований М., предпринятых в кон. 70-х гг. на Сев. Кавказе, стала культура осетин («Осетинские эпюды», ч. 1—3, М., 1881—87, — посв. языку, истории, фольклору, религии), рассматривавшаяся в связи с пробле-

нами ирановедения и ролью Кавказа как связующего звена между Востоком и Русью.

С нач. 90-х гг. М. сосредоточивается на проблемах рус. нар. словесности, гл. обр. былин. Ему принадлежат неск. значительных сводных изданий рус. эпоса: «Рус. былины старой и новой записи» (М., 1894; совм. с Н. С. Тихонравовым), «Былины новой и недавней записи из разных местностей России» (М., 1908), «Ист. песни рус. народа XVI—XVII вв.» (СПб., 1915). Многочисл. теоретич. работы М. о рус. эпосе, обобщившие громадный фактич. материал и проинтерпретировавшие его в единую концепцию, собраны в кн. «Экспюры в область рус. нар. эпоса» (М., 1892) и «Очерки рус. нар. словесности» (т. 1, М., 1897; т. 2, М., 1910; т. 3, М.—Л., 1924). Анализ иран., тюрк., кавк. параллелей к былинам в первой книге привел М. к выводам (высказанным достаточно осторожно) о разл. «восточных» влияниях на рус. эпос (сюжеты, мотивы, образы); при этом М. отмечает в былинах «силу народности», способствовавшую превращению «чуждого» в «родное достояние» и сохранению их нац. характера. В «Очерках», выдвинувших М. главой «ист. школы» в рус. фольклористике, он развернул свою концепцию происхождения, эволюции и поздних судеб былин, к-рым (в том виде, как они дошли до нас) предшествовали, с его т. з., песни конкретно-ист. содержания, откликавшиеся на события полит. и бытовой жизни др. Руси и воспевавшие князей, дружинников, воевод. Чтобы восстановить «ист. фундамент» этих песен, М. предпринял фронтальный сравнит. анализ былинных текстов с летописными преданиями, разл. свидетельствами и реалиями в летописях и летописках др.-рус. (иногда — др.-болг. и византийской) лит.-ры. Методика конкретных сопоставлений для выявления в былинах ист. напластований изобиловала натяжками, отличалась прямолинейностью и не учитывала специфики эпич. творчества (влияние позитивист. подхода). Согласно концепции М., песни, предшествовавшие былинам, слагались княжескими и дружинными певцами и носили аристократич. характер, тогда как былины — результат их искажения в крест. среде. «Аристократич. теория», не имевшая в трудах М. антинар. окраски, была подхвачена в 1920-е гг. вульгарными социологами и доведена до крайности (в этом виде она подвергалась критике в сер. 1930-х гг., когда в противовес ей была выдвинута концепция нар. происхождения рус. эпоса).

М. — крупный организатор науки: с 1881 пред. этногр. отд. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии, один из основателей и

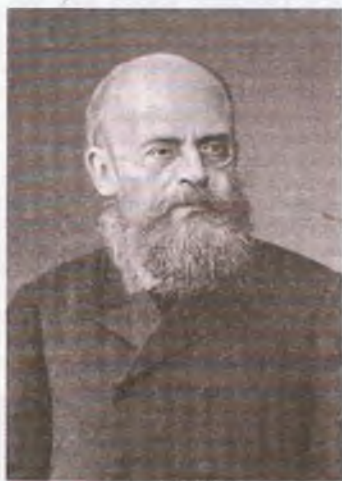
редактор ж. «Этногр. обозрение» (с 1889); в 1884—97 хранитель Дашковского этногр. музея (под ред. М. изданы 7 вып. описаний музейных коллекций и мат-лов по народам России и всего слав. мира); в 1897—1911 директор и проф. Лазарев. ин-та вост. языков.

Лит.: Юбилейный сб-ж в честь В. Ф. Миллера... М., 1900; «Этногр. обозрение», 1913, № 3/4 (посв. памяти М.); Марков А. В., Обзор трудов М. по нар. словесности. — ИзвОРЯС, 1914, кн. 2, 1915, кн. 1, 1916, кн. 1; Скафтымов А. П., Поэтика и эпическая былина М.—Саратов, 1924; Азадовский М. К., История рус. фольклористики, т. 2, М., 1963; Гусев В. Е., «Ист. школа» в рус. дореф. фольклористике. — В кн.: Очерки истории рус. этнографии, фольклористики и антропологии, в. 3, М., 1965; Астахова А. М., Былины. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966. — Некролог: «Изв. АН», 1914, № 2 (А. А. Шахматов), Брокгауз: НЭС: Мат-лы для биогр. словаря д. чл. АН, ч. 2, П., 1917 (список трудов М.); ЛЭ: КЭЭ: СДР: Мяснов.

Архивы: ГЛМ, ф. 11; РГАЛИ, ф. 323; ГИМ, ф. 451; ДО Ин-та Востока, ф. 24.

Б. Н. Путилов.

МИЛЛЕР Орест (Оскар) Фёдорович [4(16).8.1833, г. Гапсаль Эстлянд. губ. — 1(13).6.1889, Петербург; похоронен на Смоленском кладб.], фольклорист, историк лит.-ры, критик, публицист. Отец, нацв. сов., тамож. чиновник из обрусевших шведов, умер, когда М. было три года; мать, из семьи остзейских баронов

Унгер-Штернбергов, умерла при его рождении. Детство и юность М. прошли в Вильне и Варшаве, где в семье дяди, арт. офицера, женатого на русской (Е. Н. Чириковой), он получил превосходное домашнее образование (в теснине всей жизни сохранял глубокую привязанность и нежную любовь к присным родителям). В 15 лет по личному побуждению принял православие (изменив полученное при рождении имя Оскар). Будучи студентом ист.-филос. ф-та Петерб. ун-та (окончил в 1855), опублик. стих. «На смерть Жуковского» (СП, 1852, 30 мая).

В период патриотич. подъема, вызванного событиями Крымской войны 1853—56, выступил в печати со стих. «Молитва у гроба Кутузова» (в сб. «С нами Бог! Вперед!.. Ура!..», М., 1854) и драмой («Эпизод Отеч. войны») «Подвиг матери» (СПб., 1855; петерб. Михайловский т-р. 1854—55), благосклонно-нисходит. воспринятой критикой (Р. (М.) Зотов) — СП, 1855, 17 янв., 7 апр.; ОЗ, 1855, № 6; ср. краткую реч. Н. Г. Чернышевского, «Совр.», 1855, № 6, отметившего слабость пьесы, «к-рая, впрочем, писана довольно гладкими стихами», — II, 712). Доброжелательно была встречена ист. драма в шиллеровском роде «Конрадин» (ЖМНП, 1857, № 1; отд. изд. — СПб., 1857; отзывы: В. Я. Стоюнин — «Театр. и муз. вест.», 1857, № 12; В. Водовозов — БдЧ, 1857, т. 143).

В магистер. дис. «О нравственной стихии в поэзии ...» (СПб., 1858), кратком очерке истории мировой лит.-ры — от древней Индии через античность и ср. века до М. Сервантеса и У. Шекспира, — М. стремился проследить развитие нравств. начала в поэзии, борьбу в ней высшего, духовного с низшим, чувственным. Согласно М., идеальный мир поэзии показывает человеку, каким он должен быть, учит самоограничению, способности к самопожертвованию. Совр. лит.-ру М. обвинял в «материализме», отказывал ей в истинной нравственности. На фоне обществ. умонастроений кон. 50-х гг. работа была воспринята как проявление рутинной идеологии; А. А. Котляревский («Атеней», 1858, № 37, 39) отметил зависимость М. от гегельянца К. Розенкранца, неполноту фактов, односторонность подхода к теме; Н. А. Добролюбов («Совр.», 1858, № 10) резко осудил книгу как проповедь «отречения от своей личности и поклонения чужому авторитету» (III, 376); более сдержанным был отклик «Отеч. зап.» (1858, № 10). Отзывы, ошеломившие М., на время закрыли перед автором двери редакций, лишив возможности объяснить свою позицию, неотделимую от личности и житейского поведения самого М., всегда готового к самоограничению ради др. людей (о сохранявшейся в студенч. среде вплоть до сер. 80-х гг. инерции первонач. восприятия М. сквозь призму добролюбовских оценок см.: В ересе в, с. 204—205). В 1859 М. причислен к Мин-ву нар. просвещения (тит. сов.). В 1860 благодаря друж. поддержке К. Д. Ушинского, служившего инспектором жем. Смольного ин-та, приглашен в этот ин-т преподавателем рус. словесности, через год получил приглашение на ту же должность в Мариинский ин-т. После успешных публичных лекций и статей по истории рус.

словесности в ж. «Учитель» (в т. ч. «Белинский как педагог», 1861, № 9—12; отд. изд. — СПб., 1861) и поездки за границу для пополнения образования (1862—63: Берлин, Прага) утвержден в 1863 приат-доцентом (с 1871 — ординарный проф.) Петерб. ун-та, где стал горячим пропагандистом изучения устной нар. поэзии [мат-лы его лекций по истории фольклора вошли в работу «Опыт исторического обозрения рус. словесности...» — «Учитель», 1862, № 2...24; отд. изд. — ч. 1—2, СПб., 1865; как прил. к «Опыту...» издавалась «Хрестоматия...» (СПб., 1863, 1866)].

В докт. дис. «Сравнительно-критические наблюдения над слоевым составом нар. рус. эпоса. Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869; отклики: Ф. И. Буслев — ЖМНП, 1871, апр.; Отчет о 14-м присуждении Уваровских наград, СПб., 1872), залогом ставшей одним из осн. трудов по рус. эпосу, М., полемизируя с работами В. В. Стасова, придерживавшегося «миграционной теории», в т. ч. с его кн. «О происхождении рус. былин» (1868), на огромном сравнит. мат-ле, рассмотренном с позиций мифол. школы в фольклористике, впервые поставил вопрос о соединении в содержании былин ретиктивных мифол. представлений народа с худож. элементами разных эпох, доказывая на самобытность былин как выражения рус. нар. нравств. идеала (мягкость характера, человечность, непризнание «права сильного»). М. принадлежат также работы о рус. нар. песнях, укр. думах, древнерус. лит-ре. Эпизодически он занимался поэтич. переводами, в т. ч. сербских нар. песен (см. в кн.: Поэзия славян, СПб., 1871; здесь же ст. М. «О славянских народных песнях»).

Еще во время загранич. поездки М. начал сотрудничество с газ. И. С. Аксакова «День», опубликовавшей в 1863 два письма М. (22 июня, 31 авг.), а затем его вступ. лекцию к ун-тскому курсу (21 дек., с прим. Аксакова, посчитавшего программу курса близкой славянофильскому направлению; возражения М. — там же, 1864, 9 февр.); позднее был пост. сотрудником слав. отдела газеты. Вплоть до кончины Аксакова М. поддерживал с ним тесные связи, в 80-е гг. публиковался в его газ. «Русь». Выступил (совм. с журналистом и публицистом С. Ф. Шароповым) составителем «Сб-ка статей, напечатанных... по случаю кончины И. Аксакова» (М., 1886; включены и статьи М.), опубликовал кн. «Внутренняя жизнь и ход развития И. С. Аксакова по его письмам» (СПб., 1889). В работах 70—80-х гг. М., идеализировавший древнюю Русь, видевший в ней «народосоветие»,

торжество общинных начал, подчеркивал родственность своих воззрений славянофильским. Историч. раннего славянофильства посвящена его ст. «Основы учения первоначальных славянофилов» (PM, 1880, № 1, 3) — одна из первых попыток науч. изучения этого течения рус. обществ.-полит. мысли. Объективно, однако, общество. деятельность М. этого времени, публицистич. и критич. выступления, частично собранные в кн. «Славянство и Европа» (СПб., 1877), в большей степени были связаны не с разработкой проблематики, актуальной для ранних славянофилов, а с обсуждением круга «славянских» проблем, широко дискутировавшихся в рус. об-ве в период «восточного кризиса» и рус.-тур. войны 1877—78 (см.: Цимбаев, 1986, с. 40, 43—45). Действительно участвуя в работе петерб. Слав. благотворит. к-та, М. стоял в нем несколько особняком. Позиция М., стремившегося исходить в оценке обществ. и лит. явлений из критерия нравств. представлений, выработанных в ходе ист. развития народа, воспринималась современниками как противостоящая и либералам, и консерваторам; ср. определения А. Н. Пыпина и — в более развернутом виде — Б. Б. Глинского: «своего рода ученый „народник“ и „ученый народник-славянофил и моралист» (BE, 1889, № 7, с. 439; Глинский, с. 52—53, 125).

Предметом постоянного интереса М. наряду с фольклором была история рус. лит-ры 19 в. и текущий лит. процесс (его публ. на эту тему основывались на ун-тских и публич. лекциях). В кн. «Русские писатели после Гоголя» (1—2-е изд. под назв. «Публичные лекции...», СПб., 1874, 1878; 3-е изд., ч. 1—3, СПб., 1886—1888; 5-е изд., ч. 1—3, СПб.—М., 1909—10; 6-е изд., т. 1, 2, СПб.—М., 1913—15; включены очерки о И. С. Тургеневе, Ф. М. Достоевском, И. А. Гончарове, А. Ф. Писемском, М. Е. Салтыков-Шедрине, С. Т. Аксакове, П. И. Мельникове, А. Н. Островском) исповедуемые М. идеи обществ. и гражд. служения, характерный для него нравств. угол зрения на творчество совр. писателей, к-рое он смело вводил в историю лит-ры, определяли логику анализа героев разбираемых произведений. Превалирование религ.-нравств. оценок ощутимо в ст. «А. Н. Майков» (PM, 1888, № 5, 6), где М. называл Майкова продолжателем традиций А. С. Пушкина и К. Н. Батюшкова, но упрекал его в чрезмерном увлечении «миром языческим»: поэт недостаточно сильно противопоставил ему христианское учение, не указав ясно на область «жиздательного ... деятельного христианства» (№ 6, отд. 2, с. 47—48). Анализируя творчество С. Я.

Надсона («Основной мотив» (Лекция о Надсоне) — «Новости», 1887, 6 февр.; «С. Я. Надсон (по поводу посмертного издания его стихотворений)» — PC, 1887, № 11), гл. его заслугу М. считал не выражение «нашей душевной боли и наших умственных язв», а «живое от них врачество», к-рое видел в «запасе нравств. сил, каким он был одарен...» (PC, 1887, № 11, с. 495—96).

М. опубликовал также ряд статей и небольших монографий о писателях 19 в., не лишенных просветительски-популяризаторского начала и обнаруживших широту его лит. вкусов и симпатий: «Об общественных типах в повестях И. С. Тургенева» («Беседа», 1871, № 11—12); «Стихотворения Хомякова со стороны руководящих мыслей» («Заря», 1869, № 7; в переработ. виде — в сб. «Братская помощь пострадавшим семействам Боснии и Герцеговины...», СПб., 1875), «Гр. А. К. Толстой как лирический поэт» (BE, 1875, № 12), «Последние песни Некрасова» («Свет», 1877, № 5), «Речь о Пушкине. Пушкинский вопрос» (PM, 1880, № 4), «Разбор стихотворений Я. П. Полонского» («Первое присуждение Пушкинских наград», СПб., 1882), «Область отрожденной личности (по поводу 50-летия „Ревизора“)» (ИВ, 1886, № 6), «Наши современные поэты. Н. М. Минский» (PM, 1888, № 1), «Памяти В. М. Гаршина» (СПб., 1889), «Г. И. Успенский. Опыт объяснения изложения его сочинений» (СПб., 1889). Был знаком со многими писателями, в т. ч. с Достоевским; посвятил ему поминальную ст. (PM, 1881, № 3) и еще неск. статей: о речи на Пушкинском празднике («Неделя», 1881, № 5), о взаимоотношениях его с Тургеневым (там же, 1884, № 8) и др.

После смерти Достоевского собирал измученные свидетельства о писателе, одним из первых (наряду с Н. Н. Страховым) предпринял попытку создания его биографии: «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского» (в кн.: Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского (СПб., 1883), вышедшей как 1-й том посмертного Полного собр. соч. Достоевского; отклик: К. Арсеньев, BE, 1884, № 1); составил хрестоматию «Русским детям. Из соч. Ф. М. Достоевского» (СПб., 1883).

Отмечается современниками первое впечатление от знакомства с М. («маленький, горбачевский человек», «почти карлик», говоривший «напыщенным, декламаторским голосом» — Вересаев, с. 204; Платонов, с. 110) соседствует в мемуарных свидетельствах с единодушным признанием популярности М. среди студентов, ценивших его «высокую моральную личность» (Платонов, с. 111), честность и прямоту его суждений, гуманность и доброту. Даже слушатели, не слишком высоко ставившие М. как ученого, называли его «выдающимся руководителем юношества ... учителем по призна-

нию», увлекавшим своих учеников «благородным идеализмом» (Гривс, с. 65). Всегда готовый к бескорыстной помощи студентам («вечный печальник их нужд и горестей» — Глинский, с. 91), М. был пред. студенч. научно-лит. об-ва (с 1886), товарищем пред. Об-ва вспомоществования студентам, бесплатно читал лекции на Высших жен. (Бестужев.) курсах и жертвовал в их фонд часть своего заработка. Восхищался даровитостью и прогрес. устремлениями молодежи («И такую-то молодежь окрестили у нас нигилистами!» — письмо А. А. Котляревскому, РНБ, ф. 386, д. 80).

Неоднократно выступавший против направления «Моск. вед.» М. Н. Каткова, М. за лекцию «Славянофилы и Катков» («Рус. курьер», 1887, 29 сент.) был уволен из ун-та (в письме мин. нар. просв. И. Д. Делянова отмечалось, что «профессор присваивает себе ничем не ограниченное право свободы слова на кафедре», а в его лекции содержится «резкое осуждение деятельности публициста, высокая оценка которого ... сделана совершенно в ином смысле с высоты Престола» — цит. по: Гривс, с. 69). В последние годы жизни продолжал обществ. и благотворит. деятельность (за час до смерти написал записку с просьбой о пособии студентам).

Др. произв.: «Беседы о молод. истории» (СПб., 1862), «Опыт ист. обозрения рус. словесности» (ч. 1—2, СПб., 1865), «Лора Байрон и его судьба» (ВЕ, 1878, № 2, 4), «А. С. Грибоедов. Жизнь и переписка» (СПб., 1879), «Байрон в итал. период его жизни и творчества» («Век», 1883, кн. 1—2), «Новые домыслы учения о замствованных» («Филол. вест.», 1879, кн. 4); «Ф. И. Булгаев» («Пантеон лит-ры», 1888, № 9).

Изд.: Письма — Ф. М. Достоевскому, 1879—80 (в кн.: Достоевский и его время. Л., 1971, с. 278—80; публ. В. А. Турьянова); А. Ф. Достоевский, 1881; И. С. Аксакову, В. П. Гагарину, 1879 (вс — ЛН, т. 86, ук.); Г. А. Деволлану, 1881—82 (ГМ, 1914, № 4, с. 146—153); [Автопортр. заметки] — Семеновский.

Лит.: Достоевский; Достоевский в восп.; Тургенев. Письма; Добролюбов; Салтыков-Шчадрин; Никитенко (вс — ук.); Шляпкин И. Очерк науч. деятельности проф. О. Ф. Миллера. СПб., 1889 (включена библ. работ М., 1870—87); Пыпин А. И., История рус. этнографии, т. 2, СПб., 1891, с. 293, 422; Ветринский Ч. (Чеплякин В. Е.), Из незавного прошлого С.-Петербурга. Унта. — «Новое слово», 1895, № 2, с. 157—60; Глинский Б. Е., О. Ф. Миллер. Биогр. очерк, СПб., 1896; Бороздин А. К., Студенч. науч.-лит. об-во при С.-Петерб. ун-те, СПб., 1900, с. 9—10, 14; Де-Воллан Г. А., Очерк прошлого. — ГМ, 1914, № 4, с. 146—53; Острогорский В., Из истории моего учителя. Как я сделался учителем (1851—1864 гг.). 2-е изд., СПб., 1914, с. 129—30; Ягич И. В., История слав. филологии, СПб., 1910 (ук.); Гривс И. М., В годы юности. За кулисами. — «Бичик», 1918, № 12, с. 39—72; Платонов С. Ф., Несколько восп. о студенч. годах. — «Шта и дин», 1921, кн. 2, с. 109—111; Вересаев В., В студенч. годы. — Собр. соч., т. 5, М., 1961, с. 204—06; Азадовский М. К., История рус.

фольклористики, т. 2, М., 1962; Цимбаев Н. И., И. С. Аксаков в области жизни пореформ. России, М., 1978 (ук.); его же. Славянофильство. Из истории рус. обществ.-полит. мысли XIX в., М., 1986 (ук.); Аннелин В. П., Проблемы фольклора в трудах М. — В кн.: Очерки истории рус. этнографии, фольклористики и антропологии, в. 9, М., 1982, с. 63—72 (Пр. Иста этнографии АН СССР. Новая серия, т. 110); Махашин С., Саттыков-Шчадрин. Последние годы, 1875—89, М., 1989 (ук.); Письма А. А. Котляревского к М., [1866—80]. — В кн.: Из истории рус. фольклористики, в. 3, Л., 1990, с. 81—103 (публ. и вступ. ст. З. И. Власовой); ЛН, т. 86 (ук.); в т. ч. письма к М. — И. С. Аксакову, А. Г. Достоевской, Ф. М. Толстому, С. А. Юрьеву. + Некрологи, 1889: НВ, 2—4 июня; МВед, 6 июня; ВЕ, № 7 (А. Н. Пыпин); ЖМНП, № 7, «Слав. изв.», № 23 (оба — К. Н. Бестужев-Рюмин); там же, № 24 (В. Мясотин); РМ, № 6; ИВ, № 7; РС, № 9; «Неделя», № 24. Языков, в. 9; Биогр. словарь профессоров. — С.-Петербург, ун-та, т. 2, СПб., 1898; Венгеров, Источ. Брокгауз (ст. С. А. Венгера); ИЭС; Гранат; Пискар; ЛЭ; КЛЭ; БСЭ; СДР (в трех последних — с неверными датами рождения и смерти); Смирнов-Сокольский; ИДРЛБ; Мелья; Турьгова (1; ук.).

Архивы: РГАЛИ, ф. 1380 [в т. ч. мемуары «Воспоминания и признания (1833—1886)»; ИРЛИ, ф. 156; РГИА, ф. 733, оп. 121, л. 868 (фс. 1885 г.); оп. 193, л. 524, 563, 673 (пересказа 1876 с III отд. о разрешении публн. лекций М.); запрещенные чтеннй в связи с «крайним славянофильским воззрением и обращением публннх лекций в полит. речи»; л. 707, 793; оп. 194, л. 83, 351; оп. 199, л. 166983 (о публн. чтеннх, 1879—85 гг.); ф. 846, оп. 1, л. 174 (черновики предпнсаннй мин. нар. просв. об увольнении М. из ун-та, 1887 г.) (списка Г. Г. Лисицкой); ГАРФ, ф. 102, ДЗ, 1883 г., л. 29; 1886, л. 647 (биогр. сведения).

З. И. Власова А. К. Рабо.

МИЛЛЕР Федор Богданович [22.1(3.2).1818, Москва — 20.1(1.2). 1881, там же; похоронен на Лазаревском кладб., переводчик, поэт, изд.-редактор. Отец В. Ф. Миллера. Сын немца, принявшего рос. подданство (возможно, отцу М. принадлежит сохранившаяся расписка 1794: «резного дела мастер, иноземец, Богдан Миллер», обязавшийся исполнить работу по оформлению дома гр. Н. П. Шереметева — РГИА, ф. 1088, оп. 3, л. 143, л. 28); мать — русская, урожд. Калитина. Рано потерял отца. Обучался в нем. школе при моск. лютеранской церкви Петра и Павла (хо-

тя и был правосл. вероисповедания), где начал сочинять стих. на рус. и нем. языках. Вынужденный отказаться из-за материальных затруднений от поступления в ун-т, по окончании школы определился на службу аптекарским учеником в Моск. гор. больницу (1834), в 1837 переведен в аптеку Моск. ун-та гезелем (подмастерьем), исключен из податного сословия. В 1838—39 деботировал в печати ром. «Цыганка» (ч. 1—3, М.) — авантюрным повествованием о превратностях судьбы, испытаниях и торжестве добродетели, вызвавшим отрицат. отклики (БзЧ, 1839, т. 33; ОЗ, 1839, № 3); лишь спустя неск. лет М. удалось получить от книгопродавца ничтожный гонорар (биография М. — ИРЛИ). Пытался продолжить образование, посещал лекции в Моск. ун-те, при к-ром в 1838 и 1841 сдал экзамены на звание дом. учителя рус. и нем. яз. В 1841 принят учителем нем. яз. (с 1848 преподавал также рус. яз.; к этому времени — тип. сов.) в 1-й моск. кадетский корпус. Прослужил в нем (с небольшим перерывом в 1862—63, когда был переведен учителем в Александров. сиротский кадет. корпус) более 25 лет [см. стих. «В день столетнего юбилея 1-й Моск. военной г-зии» («Мне этот храм науки мил...»), 1879 — в изд. М. «Стихотворения», т. 6, 1880]. Как поэт-переводчик (ориг. стих. печатал наименом режк) стал выступать с нач. 40-х гг. (одна из первых публ. — переложение с нем. «мистерии» «Брильянт и Роза», М., 1841). В 40—50-е гг. наиб. деятельно сотрудничал в «Москвитянке» (1841; пер. И. Ф. Кастелли «День Карла Пятого» — № 8; пер. «Надежды» Ф. Шиллера — № 10; стих. «Черные очи» — № 12); публ. М. регулярно появлялись в ж-ле вплоть до прекращения изд. (1856).

Позднее, в 60-е — нач. 80-х гг. М., отличавшийся значит. переводч. продуктивностью, печатался в «Рус. слове» (1860, № 7 — «Конрад Валленроат», А. Миньковича), «Отч. зап.» (1872, № 9—10 — «Агасфер в Риме» Р. Гамерлинга), «Рус. вост.» (1877, № 5 — «Одланта. Древнесорунд. драма»; 1870, № 6 — «Тюрьма и венеи» К. Зейланд; 1871, № 6 — «Сикст V» Ю. Миндига; 1882, № 2, поэм. — «Дочь короля Рене» Х. Херца; и др.), в «Вест. Европы» и др. изданиях.

Круг переводч. интересов М. достаточно широк: пьесы У. Шекспира («Цимбелин» и «Мера за меру» — в кн.: Полн. собр. соч. Шекспира в пер. рус. писателей, т. 4, СПб., 1868), поэзия Дж. Байрона, визант. (поэма «Похищение Елены» Колуфа) и слав. (в сб.: Раут, кн. 3, М., 1854; «Поэзия славян»). Пол ред. Н. В. Гербеля, СПб., 1871) поэты; однако преимуществ. внимание он уделял нем. лит-ре: И. В. Гёте (стих. из «Риччио элегий»; фрагменты из «Ифигения в Тавриде» — «Москв.», 1846, № 5), Шиллеру («Вильгельм Тель» — отд. изд., М., 1843; [4-е

изд.]. М.—Л., 1933; отрицат. отзыв: Тургенев, I, 205—11; «Мессинская новость» — фрагменты: «Москв.», 1855, № 1920, полностью: «Драм. произв. Шиллера», т. 4, СПб., 1858; отд. изд., СПб., 1858; благоденств. отклики: Добролюбов, III, 192; Чернышевский, II, 744), Л. Уланду, Г. Гейне (отд. стих. — «Москв.», 1848, № 2, 3, 5; «Альманзор» — БдЧ, 1864, № 10/11), Ф. Фрейлиграту («Погребение разбойника» — «Москв.», 1848, № 4; перевод послужил основой для популярной «разбойничьей» нар. песни «Среди лесов дремучих...»).

В целом публ. М. отражает характерные черты становления профессионального переводчика в 1850—60-е гг.: стремление к точности смысла и полноте передачи оригинала сочеталось с неприятием к формальным особенностям и стилю источника, не слишком высоким уровнем стихотв. техники (Девин, 1988, с. 310; ср.: Жирмунский, с. 358—59). Наиболее удачны переводы М. «классического» и «эпического» характера (по сравнению с переводами и собств. стих. в «романтическом» роде: «в таланте его нет совсем ... лирической струны» — Михайлов, т. 3, с. 57, отзыв о пер. из Шиллера и Гейне).

Сам М., выходя перевод, особенно в начале творч. деятельности, как гл. свое признание («Мне суждено чужие только звуки... / На языке родном передать...» — «Послание М. П. Погодину», 1842; РГА), рассматривал его как разновидность «высокой», «серьезной» литературы. С неизменной лиричностью он относился к литераторам лувинского круга (см. письмо М. А. Плетнёву, 26 мая 1850 — ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 431), переводчикам-предшественникам («Нескандальное слово С. Е. Рачке» — журнал Рачку, с. 4-ым М. познакомился в сер. 40-х гг. — «Москв.», 1855, № 2172), нередко специально рассматривал старые переводы (напр., С. П. Шевырёва из Шиллера) для сопоставления с собственными (см. письмо М. к Н. В. Гербею — РНБ). Ориентация на перевод, традицию нач. 19 в., к-рая проявилась в первом сб. М. «Стихотворения», 1841—1848 (М., 1849), отметил М. Я. Михайлов, утверждавший переводчика в неудачных попытках подражать В. А. Жуковскому (РСЛ, 1859, № 12).

Средн. ориг. соч. М., в осн. вступающих его переводам, — романсы, эпиграммы, басни, попытки стилизации под былинны («Поток-Богатырь и Девница-Лебедь» — «Москв.», 1847, № 1; «Песня про Илью Вологовича» — в сб.: «Стихотворения», 1849) и разработки ист.-лит. сюжетов (поэма «Судья Шемяка» — ОЗ, 1873, № 4). Как и в переводах, в ориг. творчестве он тяготел к классич. жанрам, иногда с элементами повествовательности: стихотв. аллегорич. рассказу («Дикий остров» — «Москв.», 1847, № 4), автолит. эпиграмме (цикл «Русские реки», 1845 — в сб. «Стихотворения», 1849). Значительно число стих. «на случай», а также «посвящений-посланий» изв. писателям: на юбилей А. С. Пушкина и А. С. Грибоедова, М. П. Погодину, А. Н. Островскому и др. Сторонясь острых социальных проблем, выдерживая благонамеренность тона (показательно стих. «Огни Иванович Комиссаров-Костромской», посв. крестьянину, спасшему Александра II от выстрела

Д. В. Каракозова, — «Развлечение», 1866, № 15), М. вместе с тем не чужд демокр. настроениям эпохи: проставленные разночинца-труженника («Труд» — в сб. М. «Стихотворения», М., 1849; ср. пер. из Фрейлиграты «Труженник» — в кн.: Поэтич. эскизы, М., 1850), сочувствие задавленному неравенством и нуждой бедняку («Страдальцы» — в изд. М. «Стихотворения», т. 6, М., 1880; басня «Стон и овцы» — РГАЛИ, ф. 323, № 554). Одновременно встречается у М. и обличение «коммунистич.» морали радикалов-разночинцев (басня «Философия коммуниста»: «Так рады всегда делиться коммунизмом / Им нечего терять; у них карманы чисты» — «Москв.», 1848, № 9). Эпизодически М. выступал как детский поэт, сотрудничал в ж. Вл. Н. Майкова «Подснежник» (1858, № 9): стих. «Хочешь ли счастье земным всегда в тишине наслаждаться?», «Ты приобрел сокровище земное», «Трубочист» отмечены доверительностью интонации, ненавязчивым дидактизмом. Всеобщую известность получило стих. «Раз-два-три-четыре-пять / Вышел зайчик погулять» [из цикла «Подписи к картинкам. (Для детей первого возраста)», 1851; см. в изд. «Стихотворения», т. 6, М., 1880], породившее многочисл. «перевывы», подражания и продолжения.

Ранняя критика оценивала М. лишь как усредн. но малоодаренного переводчика (П. А. Плетнёв, [Реп. из «Вильгельма Телла»] — Плетнёв, II, 413—14; более резкие оценки — ОЗ, 1848, № 11; «Совр.», 1849, № 10). Подчас подчеркивалось просветит. значение его переводов как средства широкого приобщения читателей к зап.-европ. лит-ре (ИВ, 1881, № 3, с. 703, и др.). Отклики на ориг. соч. были, как правило, отрицательны (исключение — отзыв Е. Ф. Розина на сб. «Стихотворения» 1849, в к-ром рецензент характеризует М. как поэтащего надежды ориг. поэта и советует оставить переводы, попроще. — СО, 1849, вл. 10).

С началом Крымской войны 1853—56 М. выступает с патриотич. и сатирич. стихами, направленными в т. ч. против французов и англичан: «Карлуша...», «Французам» (оба 1854 — см. в кн. М. «Стихотворения», т. 5, 1880), «Молитва русско-го», «Север, запад, юг» (в кн.: «С нами Бог! Вперед!.. Ура!..», М., 1854). В 60-х гг. участвовал в работе моск. Слав. к-та (см.: Никитин); живо интересовался «слав. вопросом», помешал стих. и пер. в многочисл. сб-ках в поддержку славян, откликаясь на события в Боснии и Герцеговине, ход рус.-тур. войны 1877—78.

В 1859 М. основал лит.-юмористич. ж. «Развлечение» — один из первых в России илл. еженедельников (см.: Масанов И. Ф., 1913); оставался его руководителем до кон. жизни (передав, по нек-рым свидетельствам, с нач. 70-х гг., фактич. редакторство И. А. Ваишкову, см.: Гиляровский). В ж-ле помеща-

лись едкие карикатуры на моск. купцов, чиновников, актеров и т. п., стихи (в т. ч. И. З. Сурикова, самого М.), очерки (А. И. Левитов и др.), фельетоны о бытовых происшествиях (напр., фельетон М. о грубой выходке купцов «Наши безобразники» — 1866, № 45; многочисл. публ. Ваишкова). Юмористика ж-ла пользовалась особой популярностью в купеч. и мелкочиновничьем слоях, гл. обр. благодаря узнаваемости выведенных под прозрачными псевд. героев (см.: Покровский, с. 127; «Др. и новая Россия», 1881, № 2, с. 374—75). Начиная с 1860 ж-л привлекал внимание Моск. ценз. к-та, неоднократно «был замечан в помещении диффамаций или т. н. обличительных статей», публ. и карикатур, «оскорбляющих обществ. нравственность», и т. п., что вызвало в 1866 высочайшее повеление цензуре иметь особое наблюдение за направлением издания (РГА, ф. 776, оп. 2, 1877 г., д. 17; д. 2, л. 356 об., и др.). Вместе с тем цензоры признавали, что журн. фельетоны, к-рые «почти всегда заключают в себе правду», служат целям сдерживания «злых порывов» и нек-рого облагораживания нравов моск. об-ва: полагая в «Развлечение» — «довольно сильная угроза для многих» (донесение цензора Фёдорова, 1869. — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 535, л. 10—16).

В 1858 по рекомендации Шевырёва М. избран в чл. ОЛРС, активно участвовал в работе Об-ва: в 1871—1881 занимал должность его казначея (см.: «Речь ОЛРС в 35-летний юбилей Ф. Б. Миллера» — ИРЛИ). В 1860 выпустил сб. «Стихотворения» (т. 1—2; изд. 2-е, вообрало стих. и пер. из сб. 1849; отрицат. отклик: «Светоч», 1860, № 1), в 1873 — сб. «Новые стихотворения. 1861—73» (оба изд. — М.). В последние годы пробовал писать повести в стихах, возможно, под влиянием опытов А. Н. Майкова в этом жанре: «Загробные письма» (1880; первонач. — «Газ. Гатсука»), «Скелет в болоте» (1880, обе вошли в изд.: «Стихотворения», т. 6, 1880); прозаичность интонации и слога сочетаются в них с мелодраматичностью ситуаций.

После выхода в отставку из кадет. корпуса (1869; в чине стат. сов.) М. в 1873 зачислен в штат Мил-ва внутр. дел по Деп. духовных дел и иностр. исповеданий; произведен в чин д. стат. советника (1878). По службе занимался переводами с польского — церковных гимнов и объемного (16 тыс. стихов) молитвенника польских протестантов (ф.с. 1880, л. 40—41 — РГА).

Др. произв.: стихотв. «рассказ» «Старый матрос. Недавняя быль» (СПб., 1873).

Изд.: Стих., т. 1—6, М., 1872—80; [Стих.] — в кн.: Гербека, с. 444—47; Поэты 1840—1850; Песни рус. поэтов; Рус. эпитафия; Мастера рус. стих. перевода, т. 1—2, Л., 1968 (ЛПБ); вступ. ст. и биогр. заметка Б. Г. Эткинда; Рус. поэзия XVIII; Письмо к редактору — в кн.: Цаделовский М. А., Книга восп. о Пушкине, М., 1931.

Лит.: Барсуков; Белинский; Чернышевский; Добролюбов; Тургенев (все — ук.); Шербина Н. Ф., Полн. собр. соч., СПб., 1873, с. 434—38 (письма к М., 1859 г.); «Различение», 1884, юбилейный номер (27 окт.) (стих. А. Грузинского «Памяти Ф. Б. Миллера»; восп. о М. — П. М. Невежина, М. А. Козьрева, Ф. С. Гурина); Берг Н. В., Посмертные записки. — РС, 1891, № 2, с. 247, 250; Покровский Д. А., Очерки Москвы. — ИВ, 1893, № 4, с. 127—29; Письмо В. И. Дала к М., 1859). — РС, 1899, № 9, с. 558; Захарьин (Якулин) И. Н., Артистическая жизнь Москвы в семидесяти годах. — ИВ, 1902, № 11, с. 489—91; Быков П. В., Песни уличка (Кое-что о забытом писателе). — «Север», 1907, № 40; ОЛРС, Ист. записка и мат-лы за сто лет, М., 1911, с. 80 и др.; прил., с. 32; Дружинин А. В., Собр. соч., т. 6, СПб., 1865, с. 499—500; Михайлов М. Я., Соч., т. 3, М., 1958 (ук.); Гиларовский В. А., Иобр., т. 2, М., 1960, с. 176—78; Никитин С. А., Стих. к-ты в России в 1858—1876 гг., М., 1960, с. 66; Жирмунский В. М., Гете в рус. лит-ре, Л., 1981 (ук.); Левин Ю. Д., Рус. переводчики XIX в. и развитие худож. перевода, Л., 1985 (ук.); его же, Шекспир и рус. лит-ра XIX в., Л., 1988 (ук.); Мали Ю. В., В поисках живой души: «Мертвые души». Писатель — критик — читатель, 2-е изд., М., 1987, с. 327—28 (письмо М. к М. П. Погодину, май 1842). + Некрологи, 1881: ИВ, № 3; РМ, № 2; «Изма», № 11; «Семейное чтение», № 6; «Несы», № 5; «Илл. мисл», № 8 (П. В. Быков); «Газ. Гапучка», № 4; ИВед, 21 янв.; Рвед, 24 янв.; «Совр. явл», 27 янв. (А. Смирнов); «Стрела», 26 янв.; «Ож. край», № 30; Березин; Са. ОЛРС; Брокгауз; Венгров. Источ.; Языков; Мезьер; Гранат; Муратова (1, ук.); Алян; и сб-ки (1); Масанов И. Ф., Рус. сатирико-юмористич. ж-лы, в. 2, Владимир, 1913; Шекспир. Библиограф. пер. и критич. лит-ры в Росс. яз. 1748—1962, М., 1964 (ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 323 (в т. ч. мемуары «Пережитое»; ф. 680, оп. 1, № 208 (с. д. 1861 г.); ИРПН, ф. 93, оп. 1, № 835 (биография М., записанная с его слов П. В. Быковым); ф. 12270 (письмо Я. П. Полонскому, 1875); ф. 178, № 14104 («Речь ОЛРС в 35-летний юбилей Ф. Б. Миллера»; ф. 158, № 23218 (письмо М. Н. Кошарову, 1861—64; басня «Книжничья филология»); РНБ, ф. 174, № 74 (письмо Н. В. Гербеку); ЦИАМ, ф. 418, оп. 7, д. 190 (биограф. сведения); ф. 16, оп. 58, д. 77; ф. 31, оп. 3, д. 2123, 2167; оп. 5, д. 454, 526, 535, 543, 593 и др.; ф. 46, оп. 1, д. 799 (цел. мат-лы о ж. «Различение») [справка В. В. Александровой]; РИИА, ф. 821, оп. 12, д. 417 (ф.с. 1880 г.); ф. 1108, оп. 1, д. 180 (письмо и стихотв. «Послание к М. П. Погодину», 1842); ф. 772, оп. 1, д. 4532; ф. 776 (цел. мат-лы о ж. «Различение»); А. М. Равич.

МИЛОНОВ Михаил Васильевич [5(16).3.1792, Придонский Ключ Задонского у. Воронеж. наместничества — 17(29).10.1821, Петербург; похоронен на Георгиевском кладб. Большой Охты], поэт. Род. в семье мелкопоместного дворянина. В 1803 помещен в Моск. ун-тский благородный пансион (где сблизился с Н. Ф. Грамматиным), по окончании к-рого за «отличные успехи в науках и особливо в беллетрах» получил серебрян. и зол. медали (РНБ, ф. 833, оп. 1, № 473), с 1805 М. — студент Моск. ун-та. К этому времени относятся его первые выступления в печати (прозаич. пер. с франц. «Сократ и Термоген» и «Стихи, читанные в собрании Ун-тского пансиона»

(УЗ, кн. 5, М., 1807), прозаич. пер. с лат. «Письмо Брута к Цицерону», «Благополучие. (Аллегорич. вилление)» (там же, кн. 6, М., 1808). Окончив ун-т со степенью кандидата словесных наук (1809), М. переехал в Петербург, где сначала служил чиновником пл. управления мануфактур Мин-ва внутр. дел; в янв. 1811 перешел в деп. Мин-ва юстиции, к-рый возглавлял покровительствовавший ему И. И. Дмитриев. В ноябре 1810 М. был принят в чл. ВОЛСНХ; сблизается с К. Н. Батюшковым, Н. И. Гнедичем, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, А. Ф. Воейковым и др. изв. поэтами; в эпизоде с «оскорблением» Д. В. Дашковым Д. И. Хвостова выступил на стороне последнего (НБ СПб. ун-та, архив ВОЛСНХ, п. 187, л. 152 об.); в 1810-е гг. печатается в «Вест. Европы», «Двуетнике», «С.-Петербург. вест.», «Сыне отечества», «Благонамеренном» и др. изд. Летом 1812 М. хлопочет о вступлении в Моск. ополчение (письмо Вяземскому от 9 авг. 1812 — здесь и далее цит. по изд. 1983), чему, видимо, помешала болезнь («Я все еще нездоров, но мне лучше» — из письма Грамматину от 24 окт. 1812). В мае 1813 М. переведен в Москву к И. Дмитриеву на должность правителя Канцелярии в комиссию по рассмотрению прошений от «потерпевших разорение от нашествия неприятельского», к-рую «отправлял с особенным усердием, отличною деятельностью и знанием» (РНБ, ф. 833, оп. 1, № 473); тогда же опублик. оду «На истребление наполеоновских армий в России» (СПб., 1813). Именно с Отеч. войной 1812 связана героико-патриотич. тема в творчестве М.: «К патриотам» (СПб. Вест, 1812, № 6), «Мысли при гробе кн. Кутузова-Смоленского» (СО, 1813, № 24), «Освобожденные плешники» (СО, 1815, № 8).

Совмещать поэтич. призвание с обязанностями чиновника становилось все тягостнее («... я час от часу деревенею» — из письма Грамматину от 14 янв. 1813); все чаще поэтищет утешения в вине. В марте 1814 он возвращается в Петербург, нередко самовольно отлучается со службы совершая неожиданные «приватные» поездки к друзьям — в Вологду, Кострому и др. города (см. письмо А. Е. Измайлова Грамматину от 29 окт. 1814 — ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1154 л. 3, 9). В июне 1815 подает в отставку и последующие три года живет в отъезде в Задонске, иногда называя в Москву и Петербург, гостит у своего дяди А. Бехтеева в имении Дубки Владимир. губ. К этому времени, по свидетельству мемуариста, встречавшегося с ним в Дубках («... светлый блондин... одевался он крайне не рьяливо... но в глазах его видна была светлая мысль»), в «даровитом, но несчастном» М. «сильно развилась несчастная страсть излишней скупости Вакху» (Гольц Миллер, с. 142—43). Сам М. эту слабость и любовь к дружескому застолью сделал темой не предназначен для печати шуточных стих. т. н. «Зеленой книги» (см. ниже), а литераторы-современники — предметом целого ряда анекдотов (М. А. Дмитриев, Вяземский, Хвостов; см.: Вигель).

В июле 1818 М. возвращается в Петербург с намерением издать об. стих., вновь пытается служить — вначале при А. И. Тургеневе в деп. Мин-ва просвещения, затем в Провиантском деп. Воен. мин-ва. В нач. 1819 вышел единств. прижизненный сб. М. (разрешен цензурой в окт. 1818) «Сатиры, постанья и др. мелкие стихотворения» (СПб.). Поэт. полон новых творч. замыслов, но по дорванному здоровью резко ухудшается, привычка к спиртному переходит в болезнь, учащаются эпилептич. припадки, появляются признаки психич. расстройства. В 1820 в состоянии ни депрессии он покусался на самоубийство. Незадолго до смерти М. работал над комедией «Олекул-стихотворец» (отрывок опублик.: «Сатиры...»), поэмой «Сотворение мира» (не сохр.), по свидетельству друзей лучшим его произв. — «Что такое «Сотворение мира?» — интересовался А. С. Пушкин в письме брату, 27 июля 1821.

Лит. позиция М. была своеобразной: он обладал способностью с равной уверенностью работать в жанрах: «легкой поэзии», «унылой элегии» и сатиры. Опыт М. в сфере «легкой поэзии» параллелен батюшковским: «Блаженство, Подражания Парни», «П. А. Никольскому» («Мне явился светлый гений» («Цепник», 1810, № 11, 12); о популярности свидетельствуют подража-

ния — ср. стих. М. «Весна Тибула», «К Неере» (оба 1812), «К другу. О наслаждении в жизни» (1810) со стих. К. Ф. Рыльева «Тоска», «К Делли», «К другу» (Маслов В. И., Лит. деятельность К. Ф. Рыльева, К., 1912, с. 122—23, 137—38). «Унылые элегии» М. воспринимались современниками как классич. образцы жанра.

Пушкин включил в предисловие стихи Леского («Куза, куза вы задились! Весны моей дядые дни?») реминисценции из элегий М. «Падение листьев» (ВЕ, 1812, № 3 — полный пер. из Ш. Мильвуа) и «Бедный поэт» (в 1-й публ. «Несчастный поэт» — СО, 1816, № 31 — полный пер. стих. Н. Жильбера), присоединив М. к «русскому Жильберу» («О, дней моих весна! Куза сокрылась ты?... Кто знает, что судьба в грядущем нам готовит?»). В «разборе» посланного стих. О. М. Соков отмечал: «Милонов был переводчик-творец: он брал в своем авторе то, что близко было к его сердцу, дополнил собственными мыслями» («Благ.», 1821, № 23/24, с. 249). «Бедного поэта» М. в известной степени превратил в политич. декларацию об обществ. назначении поэта, его трагич. судьбе: «Я гражданин, за жизнь я обществу плачу: что может выше быть поэтов достоинств? Они бессмерты согражданин дают». Е. А. Баратынский, переводя Мильвуа (в одном из элегий), опирался именно на оригинал, но и на текст М.; в 1819 «Падение листьев» было переведено на нем. яз. («Благ.», 1819, № 14).

Элегии М. («К***», «Я б счастлив был, когда б, гоним своей судьбою») — «Цветник», 1810, № 10; «Уныние» — ВЕ, 1811, № 19; «Ночь на могиле друга», 1816; опубл. 1961] порой конкурировали с элегиями Жуковского. Нередко он соревновался с ним и в мастерстве творч. перевода; сопоставление переводов «Идеалов» Ф. Шиллера — стих. М. «К юности» и «Мечты» Жуковского (оба 1812) — породило исследование традицию (см.: Книжачев И. В. (М.), Разбор двух стих., переложенных из Шиллера В. А. Жуковским и М., — «Благ.», 1821, № 23/24, с. 217—45; Данилевский И.; ср.: Вацууро, 1994, гл. 7).

Наиболее известны были все же сатиры М. Как и в элегии, он не реформировал жанра «высокой сатиры», но удачно использовал его возможности. Сатиры М., как и вообще его поэтик, язык, отличаются афористичностью: «Наемная хвала — бесчестия венец», «Судить не мудро — примером трудно быть», «Тот мертвый человек, кто в обществе не славен», «Здесь пишет не поэт — здесь плачет гражданин» (ср. позднейшее рылеевское: «Я не поэт, а гражданин»). Гражданственность и сатирич. пафос М. питались глубиной демократичностью («Я ваши петь хочу полезные труды, / В них жизнь почнет царств, богатство и свобода» — из «Послания к земледельцам» — «Цветник», 1810, № 10). В лучших своих сатирах «К Рубеллию. (Сатира Персеева)» (там же) и «Отрывок из Сатиры Луцилла против его века» (там же, 1810, № 9) М. выступал как прямой представитель поэтов-декабристов.

Первая из них послужила образцом для сатиры Рыльева «К временщику. Подражание Персеевой сатире „К Рубеллию“», считавшего М. «бичом пороков» (ПСС, М.—Л., 1934, с. 105 — стих. «Пустыня»). Ложная ссылка на рим. сатирика Персия должна была «усыпить» бдительность цензуры, усилить обобщающий смысл обличения. Против деспотизма, «умов порабощенья» выступает М. в «Отрывке из Сатиры Луцилла...». В рисунках здесь картина общества, где — «суды суть торжища, судьи — враги закона», где знатный род возводит «надежного глупца в священный сан вождя», а оратор «среди трудов без силы, без наежд, с отчаяньем в боренье», — ошутны образы радищевского «Путешествия...» (см. просьбу М. к Грамматину в письме от 6 окт. 1810: «О Радищеве [т. е. его „Путешествии...“ — Б. У.] похлопочи перелискою: много меня одолжишь» — изд. 1983, с. 279).

Сочетание в творчестве одного поэта лирики и сатиры (свойств и др. поэтам нач. 19 в.) казалось современникам преимуществ. особенностью М. (см., напр., рец. на «Сатиры...» П. А. Плетнёва — «Тр. ВОЛРС», 1822, кн. 1; А. А. Бестужев — о М.: «сильный в сатирах и чувствительный в элегиях» — ПЗ, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым, М.—Л., 1960, с. 23; см. также: Волкова, с. 23). Впоследствии В. Г. Белинский, называя М. «замечательным сатириком», причислил его и к «истинным поэтам» (I, 64; VII, 129). П. А. Вяземский сравнивал М. с Г. Р. Державиным (см.: Батюшков, III, 153), к-рый подал пример такого соединения и к-рый занимал важнейшее место в лит. пантеоне М. Близость к державинской традиции — сатира, исполненная лирич. одушевления, — обнаруживается в стих. «На кончину Державина» (1816; впервые опубл.: «Сатиры...»), в оде «Выздоровление» (ВЕ, 1813, № 23/24) (реминисценции из «Властиелей и судиям» Державина).

Во 2-й пол. 1810-х гг. М. предпринимает попытки с большей ясностью определить свои лит. предпочтения. В 1818, отказываясь от соперничества с Жуковским и уступая ему элегич. темы, он заявляет в послании к нему: «Итак, останемся мы каждый при своем — С галиматьею ты, а я с парнасским жалом! / Зовись ты Шиллером, зовусь я Ювеналом!» («Жуковский, не забудь Милонова ты вечно...», 1818; опубл. 1959).

Мн. произв. М. писались в разгар борьбы между шинковистами и карамзинистами, позиции к-рых не отвергались, но и не разделялись поэтому, искавшим своего пути. В нач. 1812 он сближается с «Беседой любителей рус. слова», нередко присутствует на ее заседаниях (см.: «Арза-

мас», кн. 1, с. 542—43), одновременно поддерживая тесные отношения со мн. арзамасцами. В стих. «Сополконики Аполлона...» (1812; опубл. 1959) — ответе на хвалебное послание Вяземского, он иронически отзывался о «докулиевой Беседе». В сатирах же «К Луказию» (СПбВест, 1812, № 1), «К моему рассудку» («Пантеон», 1815, кн. 12) сатирически характеризуются как члены «Беседы...», так и видные карамзинисты, участники «Арзамаса» — Дашков, одноклассник и некогда приятель М., и В. Л. Пушкин. Дашков ответил на это ревью в «Арзамасе» (29 окт. 1815), где назвал М. «милым певчим Беседы» («Арзамас», кн. 1, с. 280), отмечая тем самым свою зависимость его лит. позиции. Своей независимостью М. проявлял и в ВОЛСНХ, где он прибегал к различному рода демаршам и христификациям (чтение в июле 1812 в Об-ве «под его именем: „Светлана, русская баллада“», к-рая, как сам он после объявил, сочинена г. Жуковским, его выход из Об-ва в том же году с последующим возвращением в него в 1813 и т. д. — НБ СПб. ун-та, архив ВОЛСНХ, п. 204, л. 202—13). В 1818 снова становится активным членом Об-ва.

Сб-к стих. 1819 включал лишь часть написанного М. Многие его произв. оставались рассеянными в журналах и альманахах. Помимо названных, он печатался в «Чтениях в Беседе...», «Соревнователе», «Укр. вестнике» и др. Немало стих. осталось в рукописях, в большинстве утраченных. По утверждению современника, «лучшие произв. М., вероятно, пропала для света, потому что ... они состояли из импровизаций» (Завалишин Д. И., Отрывки из записок. — «Др. и новая Россия», 1879, т. 1, № 2, с. 154). Сохранившиеся рукописи свидетельствуют о крепнувшем таланте М., доказательством чего является ряд его поздних дружеских посланий: «Моему почтенному дядюшке ...» (1817; опубл. 1923), «Послание в Вену к друзьям» (1818; опубл. как войсковое в «Совр.», 1859, № 1; опровержение см.: СП, 1859, 16 марта — письмо Д. М. Княжевича Н. И. Гречу), «Послание ... к Н. Р. Политковскому» (1818; опубл. 1959) и др.

Особый интерес представляют шутивно-фамильярные, лирико-иронические стих. М. из «Зеленой книги» — своеобразного рукоп. альманаха дружеского кружка М. и братьев Политковских (см. П. С. Политковский), просуществовавшего, судя по дошедшим спискам, с 1811 по 1820. В таких стихах, как «На вздоржане рома до восьми рублей бутылка», «К Н. Р. Политковскому», Послание поздравительно-просительное, по случаю всерадостного

МИЛораДОВИЧ

бракосочетания, от сожигателей, испуганных перемещением на новое и неизвестное жилище и др. (опубл. 1971 — в сб.: Поэты 1790—1810) ошутимо размывание границ между «низкими» и «высокими» жанрами, вторжение быта в лит-ру, а лит-ры — в повседневный быт. С особой наглядностью это проявляется в новоявленных списках стих. М. из «Зеленой книги» («Ответное послание к П. С. Политковскому», «Протекушны мыслию грядущи времена...» (опубл. 1985 — в кн.: Памятники культуры)).

«Зеленая книга», очевидно, мыслится М. как поле для эксперимента. Осуществленные там поэтич. открытия М. нашли выражение и в нек-рых стих., предназначенных для печати, — «К сестре моей» (1812) и «Договор со смертью» (1816), где философичность сочетается с бытовой достоверностью, остротенность сюжета — с естественностью интонации, разговорность языка. В целом на творчество М. лежит печать трагич. незавершенности.

Изд.: Речь и стихи, читанные в собрании любителей отеч. словесности... М., 1808; Сов., СПб., 1849; Карамзин и поэты его времени, [П.], 1936; Поэты-сатирики: Поэты нач. XIX в., Л., 1961; Поэты 1790—1810: Марин С. Н., Милонов М. В., Стих. Драм. произв., сонны и отрывки. Письма, В., 1983 (изд. подготовлено Б. Т. Удоловым); Памятники культуры, 1983, Л., 1985; Франц. алегрия XVIII—XIX вв. в пер. поэтов пушкинской поры, М., 1989.

Лит.: «Благ.», 1821, № 23/24, с. 201—93 (номер посвящен памяти М.; стихи и стих. А. М., В. М. и Д. М. Княжичевой, О. М. Сомова, В. И. Панаева, А. Е. Имайлова и др.); Вяземский (ук.); Батюшков, III (ук.); Вигель (ук.); Динтриев (ук.); Хвостов Д. И., Записки о словесности. — ЛА, [Л.], 1. М.—Л., 1938, с. 363, 367—385; Белинский (ук.); Добролюбов (ук.); Понгиннов М. Н.), Соч. Нахимова, М. и Суворовкина. — «Совр.», 1849, № 11; его же, Мат-лы для ПСС М. — РА, 1864, кн. I; Колбасин Е. Лит. деятели прежнего времени. СПб., 1859, с. 291; Гольц-Миллер Н., Восп. о М. — РС, 1896, № 1; Колупанов Н., Биография А. И. Ковшева, т. I, кн. I, М., 1889, с. 540; т. II, кн. 2, с. 306—307; Розанов И. Н., Рус. лирика. От поэзии бесликой — к песнопевству. М., 1914, с. 361—69; Удолов Б. Т., М. В. Милонов. — В кн.: Очерки лит. жизни Воронеж. край. В., 1970; Данилевский Р. Ю., Шиллер и становление рус. романтизма. — В кн.: Ранние романтизм. вестия, Л., 1972 (ук.); Топорков А. Л., Незд. стих. М. — В кн.: Памятники культуры, 1983, Л., 1985; Волкова О. О., Жизнь и творчество М. М., 1993 (дипломная работа, кафедра истории рус. лит-ры МГУ); Вавура В. Э., Лирика пушкинской поры. «Эстетическая школа». СПб., 1994 (ук.); «Арама», кн. 1—2, М., 1994 (ук.). Ф. Некролог: «Благ.», 1821, № 17/18 («А. Е.» Имайлова); Брокгауз; Великий. Истоки; Мельер; БСЭ; КЛЭ; Черейский; Муратова (1); Рус. писатели, М., 1971 (ст. Ю. М. Лотмана); Рус. писатели, 1990; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 833 (биограф. мат-лы; аттестаты, ф. с и др. докт., 1808—21 гг.); ф. 197 (Н. И. Гнедич) — письмо Гнедичу, без даты; РГБ, ф. 398: РГАЛИ, ф. 195, 1336: ИРЛИ, ф. 357, оп. 2, № 2 (стх.); ф. 590, № 113 (письмо Н. И. Гнедичу); ф. 93, Собр. П. Я. Дашкова, оп. 4, № 15 (письмо Н. И. Гнедичу); ф. 377 (библ. сведения — в 1-м собрании, № 1869); ф. 265, № 3697 (заметка В. А. Долгорукова об эпиграмме М., приписываемой А. Ф. Воеводе [спиритке Н. А. Прозоровой]; ИБ СПб. ун-та (архив В.О.ЛСНХ, п. 54, 204, № 3, 4, п. 187, № 22, л. 199, п. 249 — содержит стих., не вошедшие в

сб. «Сатиры», упомянуты о несоблюд. стихах) [справка А. Лейбовой]. Б. Т. Удолов.

МИЛораДОВИЧ Александра Александровна (урожд. Васильчикова; 16(28).7.1860 — после 1918), беллетристка, переводчица, поэтесса. Из семьи гофмейстера е.и.в. Двора, дир. имп. Эрмитажа А. А. Васильчикова (см.: Брокгауз). Мать — из старин. дворян. рода Олсуфьевых. Получила дом. образова-

ние и в наследство от отца — глубокий интерес к истории России Смутного времени. В 1883 вышла замуж за Л. А. Милоразовича (б. подольского губернатора), переехала в полтав. имение мужа и там продолжала занятия историей. Арх. разыскания увлекли М. После смерти отца в 90-е гг. она предложила ред. «Рус. архива» опубликовать ценные докт-ы из фам. коллекции, касающиеся отеч. истории и культуры 17—19 вв. Одновременно просила П. И. Бартенева руководить ее лит. занятиями: «... осветите мне мою лит. тропинку, к-рая вьется в глубоких потемках» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 583, л. 384). Работала над биографиями вел. кн. Анны Петровны и кн. А. Д. Меншикова (там же, № 584, л. 302—303). В архиве «Рус. старины» сохранилась копия ее стих. «Великая княжна Анна Петровна» (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 4169, л. 1—20). к-рое по неизв. причинам не было опубл.

В сер. 90-х гг. заинтересовалась судьбой двух жен царя Михаила Федоровича. Предлагая Бартеневу ст. «Шарина Мария Владимировна (1608—1625)» (РА, 1897, кн. 3, № 9), М. писала: «Не ищите тут новых документов и подробностей ... мне хотелось вырвать из мрака неизвестности эту кровавую скорбную тень, и я не украсила ее никакими вымыслами» (РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 589, л. 131 об. — 132). Судьбе второй жены царя посв. ст. «Шарина

Евдокия Лукьяновна Стрешневых» (РА, 1897, № 12; 1901, кн. 1, № 2). «Жертвенно-царский облик царицы ... величаво восстает на фоне истории, окруженный тройным ореолом: величия, красоты и благочестия» (с. 473).

Поэтич. наклонности М. проявились сначала в переводах А. Теннисона, Г. Лонгфелло, М. Метерлинка, Сюлли-Прюдомо и др. В книгу стих. и переводов трех авторов — М., Л. Кологривова, В. Гордеева (М., 1902) были включены ее пейзажные зарисовки, сонеты, адресованные членам царской семьи, а также сурово жен. лирика с традиц. набором любовных мотивов («Утренняя серенада», «Стрела и песня», «Гивны ночи» и др.). Стих. шкнт «Ист. силуэты» в нач. 20 в. печатался в «Моск. вед.», затем опубл. в кн. «Сказки, переводы и стихотворения» (М., 1904, с. рисунками автора). Это издание, выпущенное в пользу раненых воинов на Д. Востоке, привлекло внимание читателей, хотя отзывы были разноречивы. Д. И. Павлов высоко оценил нежную, полную редкого изящества музу г-жи М., ее интерес к рус. истории, звучный, непринужденный стих в сочетании с оригинальностью мысли. Критик отметил также у М. «способности прекрасной рисовальщицы» (МВед, 1904, 21 марта). Ср. оценку В. Я. Брюсова: «Автору хотелось оплести свои стихи и свои переводы худож. выветками, намекнуть на недосказанное в словах — рисунком, хотело красноречием самого шрифта, набора, всей внешности страниц — дополнить впечатление. ... У г-жи М. есть школа, есть любовь к изысканности выражений, есть стремление к певучести стиха и верности образов» («Весы», 1904, № 4, с. 63).

Позднее М. вернулась к ист. жанру в публикациях, сделанных на основе семейного архива: «Архаровы. Из памятных записей А. А. Васильчикова» (РА, 1909, кн. 1, в. 1); «Из памятных записей А. А. Васильчикова» (там же, кн. 2, в. 6); «О Гоголе. Со слов покойного А. А. Васильчикова» (там же, в. 7); «Восп. А. И. Васильчиковой. О 1812 г.» (там же, 1912, кн. 2, № 9).

Из докт-ов, опубл. М., следует выделить письмо М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову от 7 окт. 1753 (РА, 1913, кн. 1, № 3), письма Николая I, Александра II, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. Н. Островского и др. (там же, 1914, кн. 1, № 4; 1915, кн. 1, № 1).

Лит.: Сказания о роде дворян и графов Милоразовичей, К., 1884 (сост. Г. А. Милоразович), с. 87—88, 129—31 (родословная М.); Милоразович Г. А., Рождество князя Черныгов. дворянства, т. 2, ч. 6, СПб., 1901.

Архивы: РГБ, ф. 342, к. 29, № 21, л. 1—46 (38 писем М. к П. П. Шибанову); РГАЛИ, ф. 1823, оп. 3, № 174, л. 1—1 об. (фотографии

М. с дарственной рукописью И. Я. Стелешкову от 1 июля 1918). В. Н. Абросимова

МИЛЬКЕЕВ Евгений Луквич (1815, Тобольск — ок. 1845*; по др. сведениям — кон. 1846 или нач. 1847**; Москва), поэт. Родился в семье мелкого канц. служащего; в три года лишился отца. Нач. образование получил в Тобольском уездном уч-ще. С 11 лет начал службу писцом в губ. канцелярии (заодно «доучивался почерку и грамоте» — «Путешествие В. А. Жуковского...», с. 12); в 16 лет коллеж. рег., и тогда же им овладело «решит. желание сделаться стихотворцем» (там же, с. 13); в 1833 вступил в должность ном. столоначальника Гл. управления Зап. Сибири. (Изнутри знакомый мир узких интеллектуально-канц. среды изобразил в «Сцене канцелярной» — «Совр.», 1839, т. 15, с. 130—36.) Самообразованием стало гл. школой М., а книги — первыми наставниками. В выборе книг обнаружился природный худож. вкус будущего поэта: «Первая хорошая книга, к-рая попала мне в руки, была басня Крылова» («Путешествие В. А. Жуковского...», с. 13). 2 июня 1837 в Тобольске состоялась встреча М. с Жуковским (путешествовавшим с наследником, будущим Александром II, по России), круто изменившая жизнь провинц. чиновника: прославленный поэт открыл в нем «много таланта» («Нигде ничему не учась, он приобрел замечательное искусство писать» — РС, 1901, № 7, с. 98) и настоял на переезде в столицу. В нач. 1838 М. приехал в Петербург, а в мае с рекомендат. письмом Жуковского отправился в Москву, где встретил поддержку со стороны С. П. Шевырева, супругов Н. Ф. и К. К. Павловых, Н. А. Мельгунова и А. С. Хомякова (в 1839 написавшего стихотв. послание «Милькееву», исполненное дружеского участия и признания поэта, дара М., а в 1840 сообщавшего Н. М. Языкову: «М. ... растет не по дням, а по часам и пишет славные вещи» — VIII, 1900, с. 95).

В июле 1838 семейные обстоятельства (беспокойство о судьбе оставленной больной матери и боязнь потерять работу) вынудили М. вернуться в Тобольск, где он продолжил самообразование, используя великолепное собрание рус. книг, перешедших ему Жуковским через П. А. Плетнёва. На родине поэта ждали суровые испытания. Распространившиеся среди сослуживцев слухи о сумасшествии «высокомерного» маленького чиновника способствовали решению начальства избавиться от неугодного, строптивого служащего (см. письмо к Н. Я. Зимовскому — РЛ, 1983). М. решил расстаться с Сибирью; весной 1839 поселился в Москве и через посредство Жуковского получил место в канцеля-

рии моск. гражд. губернатора И. Г. Сеньянина. Поддерживал пост. переписку с Плетнёвым, печатался в его «Современнике» (за подписью Эм-ъ, Эм-в, Эм-въ или М-в), и только одно стих. — «К. К. Павловой». В альбоме опубликовал в «Москвитяине» (1842, № 9, с. 3).

В 1843 в Москве при содействии Сеньянина вышел сб. «Стихотворения Е. Милькеева» (с автобиограф. письмом в предисл.; ц. р. 28 июня 1842).

Он вывел разногласию откликов: уничтожающий (дерзавший «на приезд» покровитель М. — славянофил) В. Г. Белинский (1843: многолика поэтическая и «дурацкая проза в плохих стихах» — VII, 606) и саркастичский О. И. Сенковского (БаЧ, 1844, т. 62), одобрительный Плетнёва («владет самими смелыми идеями и создал для их оттенков множество счастливых оборотов и выражений» — «Совр.», 1843, т. 30, с. 185), благожелательно напутствующий Шевырева («Москва», 1842, № 8) и обнадеживающий неств. автора в «Лит. газ.», издаваемой Ф. А. Кошк. М. — подрядитель, чью в глазах его поощрения была оригинальность, сила и смелость», к-рым только служить ему «материалом для создания себе собою. оферы в рус. лит-ре» — 1843, 18 июля, с. 534—35). Неопубл. стихи М. подтверждают мнение «Лит. газ.»: сквозь традиц. романтизм, штампы в лирике современников — Жуковского, В. Г. Бенедиктова, А. С. Пушкина, отчасти М. Ю. Лермонтова — прорывается ориг. голос самого М.

В стихах М. постоянно присутствует тема безжалостности и светного «света» и моск. барства, выливающаяся в горькое обличение человеческого высокомерия и черствости («Свет», «Малитва», оба стих. — 1843). «Сцена канцелярная» и «Рекрут» (опубл. 1972) обнаруживают худож. зоркость в изображении социальной действительности. Параллельно с бытовым в его лирике сосуществует филос. пласт: сосредоточ. осмысление жизни сердца, духа («Мой домик», 1843), попытки постижения законов природы, раздумья о тайнах бытия («День и ночь», «День рассеянный, день нестройный», «Смертному», «С туч, беременных дождями»); здесь благотворным оказалось влияние на М. поэзии Ф. И. Тютчева.

В поэме «Абалак» воплотил религ.-ист. сюжет (постройка церкви в монастырском селении Абалак, близ Тобольска, и чудеса, творимые Абалацкой иконой Богоматери), заодно обращаясь к истории Сибири, освоению ее просторов, возникновению первых городов. Присутствующине в ней характерные для М. религ. мотивы получили непосредств. воплощение в цикле «Переложений из Библии» (духовных псалмов; 1843). Среди традиц. стихотв. форм у М. выделяется один из первых удачных опытов рус. дольника («День рассеянный, день нестройный») и смелое нарушение цезуры в 6-стопном ямбе («Рекрут»).

Большая часть лит. наследия М. осталась в рукописях. Она обогащает представление о жанровой и стилистич. многоплановости его поэзии, и становится очевидным, что романтизм, лафос его творчества, философско-пантеистич. воспри-

ятие природы во многом определила стб. тематика («Прошение с родиною» — сокр.: РЛ, 1983, № 1, с. 206; «Зима», «Сиб. влады» — оба в ИРЛИ). пейзаж целиком подчинен движению, интуитивной смеси тонов, оттенков, красок («Дождик» — в ИРЛИ; «Гроза», 1843). «Мир столь особенный», «чуждый», насыщенный гармонич. образам, «радужным» мечтами взлетит в глубинное, потаенное существование М., делая его в глазах окружающих человеком «не от мира сего».

В наследии М. немало посланий; они очерчивают круг его лит. связей, особенно первоначальных; наиболее частый их адресат — К. К. Павлова (кроме вышеназванного — «К. К. П-вой» (1843), «Каролине Карловне (по случаю жизни в Сокольниках)» (1840, опубл. 1983)). В 1838 Павлова посвятила М. стих. «Неизвестному поэту» (ставшее в 1839 первой публ. ее рус. стихов), где почти провидчески советовала М. вернуться на «край света» (на родину): «Забывши нас, забытый нами, / поэтом сохраниться ты!».

К сер. 40-х гг. М. переживает тяжелую душевную депрессию, очевидно усиленную разгромно-саркастич. отзывами о сб-ке. У него нарастает чувство одиночества: без родных, лишенный, по-видимому, непосредственного, повседневного участия лит. покровителей, М. оказался не в силах перенести внутр. надлом и покончил с собой (повесился). В 1855 К. Павлова в покаянном стих. («Памяти Е. М.») воссоздала психол. основу его жизненной трагедии («Глядя эта тень, поднимаемая влады, / Глазами в глаза мне уныло. / Призвали его из родной мы земли, / Но долго заняться мы им не могли: / Нам некогда было...»).

Обличение, жалоба, удивление, гордость, «мятеж инстпуленных дум», самоутрачение — жизнь мечты в поэтич. образе — все это естественно отражалось в стихах М., к-рого можно назвать поэтом несвершившегося дарования.

Др. произв.: «Путешествие В. А. Жуковского по России. (Письмо Милькеева Жуковскому)» («Совр.», 1838, т. 12, с. 5—22; вошло как автобиограф. предисл. в сб-к 1843).

Изд.: [Стих.]. — В сб.: Поэты 1840—1850 (с. 198—99 — обоснование даты смерти «ок. 1845*»); РЛ, 1983, № 1, с. 201—08 (и письма, в т. ч. к Н. Я. Зимовскому от 3 янв. 1839, Плетнёву от 22 февр. 1839).

Лит.: Жуковский В. А., Дневники, СПб., 1903, с. 320; Хомяков А. С. Стих. и драмы. Л., 1969, с. 109—10, 557; Павлова К. К., Стих. М., 1985, с. 77, 111—12, 222—23, 234; РС, 1904, № 5, с. 371 (из письма С. П. Шевырева к В. Ф. Одоевскому); Белинский (ук.); А. Скатов, III (ук.); Плетнев, III, 641—642; Панаев (ук.; прим. 159**); см. возращение Панасу М. П. Розенштейн: ОЗ, 1861, № 11 — «Заметки предшатающегося»; Грот и Плетнев, II, 57—58, 89; Азодовский М. К., Непт. поэт-сибиряк. (Е. Милькеев). — В кн.: Камелия. Цита. 1922 (то же — в его кн.: Ст. и письма... Новосиб., 1978); Бурнин В. (ук.). Поэзия, подматериалы М. — «Омский альм.», кн. 6, 1947; его же, Лето. Судьбы. События. Новосибир., 1970; его же, Живое и мнящееся. — В кн.: Аб. в. 19, М., 1985, с. 205—208; Кунгуров В. Ф., В. Г. Белинский о творчестве писателей-сибиряков. — Уч. зал. Иркут.

МИЛЬЧЕВСКИЙ

оса. лит-га», в. 12, 1957; Постников Ю. С., Рус. лит-ра Сибири первой пол. XIX в., Новосибир., 1970, с. 326—41; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1. Новосибир., 1982, с. 314—21; Горбенко Е. П., К биографии М. — РЛ, 1983, № 1: ЛН, т. 16/18, с. 1034, 1036, 1041; т. 49/50, с. 344. — Брогауз; Венгеров. Источ.: Южаков; РЛС; Масалов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 245 и 430 (письма Плетнёву и рукоп. стихов); оп. 8, № 62, 63 (тетрадан стихов и прозы М.); РГБ, ф. 231, к. 21, № 4 (письмо к М. П. Погодину от 25 авг. 1844).

Е. П. Горбенко.

МИЛЬЧЕВСКИЙ Октавий Витальевич [22.3(3.4).1833*, Могилёв-губ.(?) — 10(22).5.1878, Владикавказ*], журналист, библиограф, прозаик, переводчик. Из дворян. Сын педагога, преподавателя франц. языка. Обучался в Иркутской (1843—50) и 2-й казан. (1850—51) г-зиях. По окончании Казан. ун-та (1855) служил учителем франц. яз. в нижегород. Александров. дворянском ин-те, нижегород. Марининском ин-те благородных девиц (с 1857) и 1-й казан. г-зии (с 1858). «Зная одинаково русский язык и французский, он сумел осмыслить изучение чужого языка настолько, что большинство из нас [учащихся — А. Р.] в седьмом классе довольно свободно читали французские книги» (К л е м е н ц Д. А., Из прошлого, Л., 1925, с. 90). М. нередко вступал в конфликты с косной пед. средой, в 1860 его речь «О наших средних уч. заведениях» преподавателем округа была признана «неудобною для прочтения на акте по излишней резкости тона, который оскорбляя публику, в то же время может иметь неблагоприятное, по всем последствиям, влияние и на воспитанников» (шнт. по: Владимирова В., с. 465).

Печататься М. начал в сер. 1850-х гг. Самое раннее из выявленных прозов. — заметка на ботанич. тему в «Записках имп. Казанского экономич. об-ва» (1854, № 11); в дальнейшем нередко печатался в этом изд., опубли. в т. ч. обширную статью о состоянии ж-лов, посвященных промышленности, и стоящих перед ними задачах: «Письмо к редактору» (1859, № 2; подписи Лежебоков, об авторстве М. см.: ИРЛИ, ф. 155, прил. к ж-лу Лиг. фонда за 1879, л. 19). В 1861 сотрудничал в «Рус. уч. вест.»; ст. «О наших средних уч. заведениях...» (№ 1), «О языковедении в наших училищах» (№ 3, под псевд. Заноза), «Программа преподавания всеобщей истории в гимназиях» (№ 4) и др. Первые публ. М. свидетельствовали об обширных знаниях, умениях легко и занимательно писать.

В 1862, возможно, из-за конфликтов с начальством, М. вышел в отставку (с чином коллеж. секр.), переехал в Петербург и стал профессиональным литератором. Публиковался в ж. «Искра» (стихи — 1862, № 17, 21, 25, 37, 44), «Заноза», «Рус. сло-

во», «Рус. сцена» (театр. рецензии, а также пер. комедии У. Шекспира «Виндзорские проказницы» — под назв. «Веселые виндзорские барыньки» — 1865, № 4/5; пер. отмечен живностью языка и удачными попытками передать яркую речевую характеристику персонажей, см.: Шекспир и русская культура, М.—Л., 1965, с. 504), газ. «С.-Петерб. вед.» (1862), «Совр. слово», «Бирж. ведомости», «Русь». Изрека выступал с прозаич. автобиогр. соч.: пов. «Выгодная кондичия (Из студенч. воспоминаний)» («Рус. пед. вест.», 1861, № 2, под псевд. Дебютант, раскрытые псевд. см.: РНБ, л. 342—43) — о летней поездке к помещику в качестве дом. учителя; воспроизводящий впечатления от гимназии, службы рассказ «Педагогико-юмористические очерки» («Рус. мир», 1862, 10, 17 марта). Эти прозов. — легкого, «фельетонного» характера, не лишённые выразительности в обрисовке действующих лиц. — юмористически изображали гимназич. и ун-тское начальство, студенч. и помещичий быт.

В целом М.-журналиста отличали ярко выраженная популяризаторская ориентация и жанровая «всеядность»: «могу вести и политический, и внутренний обзор, затем фельетон — жёлый, замечательный, стихами и прозой, музыкальный и театральные обзоры... критику и библиографию по педагогике, естествознанию, географии, камеральным наукам, наконец, знаю основательно языки французский, немецкий, английский и итальянский, я могу составлять компилятивные работы и пр.» (письмо М. П. Погодину — РГБ, ф. 231/11, л. 3). В виду ж-ла М. печатал большие обзорно-реферативные статьи по самым разным проблемам: «Некоторые вопросы естественных наук и наша литература за 1862 и начало 1863 года» (ОЗ, 1863, № 3, 7), «Химия в лабораториях и химия в органике» (БзЧ, 1863, № 9), «Государственные и церковные партии в Западной Европе» (БзЧ, 1863, № 11), «Старая и новая география» (БзЧ, 1864, № 4/5), «Очерк прошлой деятельности рус. географов» (БзЧ, 1864, № 7), «Борьба двух цивилизаций в Северо-Западной Африке» (БзЧ, 1864, № 10—12) и др. В 1863—64 был фактическим редактором ж. «Книжный вест.», где поместил заметки анонимных рецензий, а также ряд статей о проблемах социального бытования литературы: «Наше книжное дело вообще» (1864, № 1), «Наша журналистика и публицика» (1864, № 13) и др.

В статьях М. выступал с позиций естеств.-науч. материализма и социального радикализма. Он участвовал в работе пед. комиссии Петерб. комитета грамотности, был близок, по-видимому, к рев. кругам. После покушения Д. В. Каракозова (1866) М. был арестован, 2 недели просидел в Петропавлов. крепости, а затем отъезду под негласный надзор полиции. В том же году переехал в Москву, где давал уроки рус. языка и музыки, печатался в ж. «Развлечение» (1866—1867), «Будильник» (1866), газ. «Русский» (рецензии, а также ст. «Наши календары», 1868, 29 янв., 6. п.: об авторстве М. см. письмо Погодину — РГБ). Осн. средством заработка стало для него издание науч.-популярных книг. Нек-рые из этих ра-

бот, достаточно серьезные по содержанию, — «Жизнь всего мира, или Рассказ о веществах, силах и явлениях природы» (М., 1867) и «Основания науки антропозологии, или Закон отношений между человеком и природою» (М., 1868; сочувств. отзыв — ОЗ, 1868, № 2) — не были допущены в школьные библиотеки (по письму мин. внутренних дел, считавшего, что в них «провождается грубый материализм и безверие» — ГАРФ, ф. 109, 3 экзп., 1888, л. 116). По заказам рыночных книготорговцев (гл. обр. С. И. Леушина) М. подготавливал и более коммерческие издания (часть его книг, подписанных псевдонимами или анонимными, не выявлена); ориентированные в отборе мат-ла на обыденные представления массового нар. читателя, они вместе с тем нередко скрывали под «заказательным» названием добротное и интересно написанное соч., пропагандирующие совр. науч. представления и разоблачающие суеверия. Среди этих книг — «Полный новейший синодолокатель...» (М., 1869), «Великий маг и чародей. Сокровища всех волшебств, тантравенных и магич. наук: кабалистики, астрологии, черной и белой магии, демонологии, алхимии, хиромантии» (М., 1869; 2-е изд., М., 1879; резко отрицат. отзыв — «Дело», 1869, № 3), «Страсти и преступления...» (М., 1870, под псевд. О. Писарев), «Прелести и ужасы разврата публичного, тайного, женского, мужского, корыстного, бескорыстного, его история... Жизнеописание знаменитых своим развратом женщин всех времён и народов, в блеске и грязных трущобах» (М., 1870, под тем же псевд.; кн. Моск. окружным судом, как «оскорбление, явно противное нравственности и благопристойности», приговорена к уничтожению; см.: БВед, 1871, 16 окт., утр. изд., тут же — раскрытие псевд.; см. также: ЦИАМ, ф. 212), пер. романа Л. Ульбаха «Остров фантазий» (М., 1872). В 1871 подавал в цензуру рукопись «Поэтический сб-к» (в его составе — переводы прозов. В. Гюго, Шекспира, Т. Г. Шевченко, А. Мицкевича, либретто мажорос. оперы по одной из пов. Н. В. Гоголя); последовало запрещение перевода поэмы Шевченко «Княжна» — «по крайне возмутительным сценам разврата постоянно пьянствующего помещика» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, л. 558, л. 18 об.). В 1872 переехал в Одессу, публиковался в «Одес. вестнике»; вскоре (по-видимому, в том же году) поступил на службу в Тифлис. г-зию учителем франц. языка; с 1877 преподавал во Владикавказ. реальном уч-ще. Печатался в тифлис. газ. «Кавказ» и «Тифлис. вестник».

Др. прозов.: «Опыт синонимики французского языка для русских»

МИЛЮКОВ

(Каз., 1861), «Первоначальный курс рационального, теоретико-практического и сравнительного изучения франц. языка для русских» (Каз., 1861; 2-е изд., под назв.: «Учебник французского языка...», М., 1869), «Технолог-практик. Книга фабричных, заводских, ремесленных, художественных и других промышленных производств» (ч. 1—7, М., 1868; 2-е изд. — М., 1875), «Полный настольный календарь на 1870 г.» (М., 1869), «Причины вырождения человека» (М., 1870).

Лит.: Владимирова В., Ист. записка о 1-й казанской 1-зии, ч. 3, Каз., 1868, с. 451, 460, 464, 465; Протопопов Д. Д. История С.-Петербурга. к-та грамотности (1861—1895), СПб., 1898, с. 277; Винер Е. Н., Бюлл. журнал «Книжный вестн.» (1860—1867), Л., 1950, с. 53—55, 61, 81, 88—90, 102, 111; Заболов Н. В., История рус. библиографии до нач. XX в., 2-е изд., М., 1951, с. 318; Шекспир и рус. культура, М.—Л., 1965 (ук.); Формозов А. А., Страницы истории рус. археологии, М., 1986, с. 186—87, 194—95; Сажин В., Тысяча мелочей. — «Новое лит. обозрение», 1993, № 5, с. 156 (о ценз. запрещении соч. М.); + Рус. энцикл. словарь, отд. 3, т. 2, СПб., 1874, с. 230; Брокгауз (неверно указано отчество): Венгеров, Истоц.; ИДРДВ; Мसानов (не указаны исхвд., названные в статье).

Архивы: ЦГА Татарстана, ф. 92, оп. 1, д. 6492, 7257, 7387, 7574 (сведения об учебе и пед. службе); ф. 350, оп. 2, д. 663 (копии м. с. * Монгилье, римско-католич. дух. консистории); РГНА, ф. 1349, оп. 3, д. 1444, л. 345 (ф. с. отца М.); [справка Б. М. Витенберга]; ГАРФ, ф. 109, 3 экз., 1868, д. 116; 1869, д. 115, ч. 1, л. 124 об. (биогр. сведения, в т. ч. об объекте М. по «независимому делу»); ШИАМ, ф. 31, оп. 4, д. 710 (рукопр. запрещенной сказки «Сказание о дитинь-букин дзута сердечного, таракана запятого, рассказанное им самим»); оп. 5, д. 520, 523, 543, 558; ф. 212, оп. 1, д. 22, 38 (неполн. мат.-лы) [справка по ф. 31, оп. 5 и ф. 212 — Г. Ю. Борисовой]; РГБ, ф. 231/1, к. 21, а. 5 (письма М. П. Погодину, 1868); ф. 418, к. 1, д. 20 (письма В. П. Масловой, 1868); ИРЛИ, ф. 155, прил. к ж. Лит. фонда за 1879, л. 18—19* (прописки жемч. М. в Лит. фонд; дата и место смерти); РНБ, ф. 438, № 11, л. 342—43; № 13, л. 187—88; № 14, л. 58 (прописка М. в Лит. фонд, 1862—65 гг.). А. И. Рейнштам.

МИЛЮКОВ Александр Петрович [30.7(11.8).1817, по др. данным — 1816*, г. Колязов Тамбов. губ. — 6(18).2.1897, Петербург; похоронен в Александро-Нев. лагере], лит. критик, мемуарист, очеркист, автор путевых записок. Из мещан; мать — дочь моск. купца, дед по отцу — также моск. купец, торговавший ситцем («Старик строгой честности, но очень крутой и скупой» — ИРЛИ, № 5456 — Автобиогр. зап. М.; там же указание на 1817 год рожд., л. 3). С раннего детства жил в Москве; окончил Трехсвятительское уч-ще у Красных ворот; в нач. 1830-х гг. учился в Моск. губ. г-зии, посещал лит. вечера Ф. Ф. Кокошкина, пользовался его б-кой (очерк о нем, а также описание патриарх. моск. уклада, нар. празднеств, годов учения и особенно трудностей поступления в г-зию вошли в кн. «Доброе старое время»). В 1839—43 учился в Петерб. ун-те (вместе с А. Н. Майковым; см. его стих. «А. П. Милюкову по поводу моего 50-летнего юбилея»,

1888), к-рый не закончил; с 1843 входил в кружок И. И. Введенского, где в нач. 1850 познакомился с Н. Г. Чернышевским. В 1846—49 участник кружка С. Ф. Дурова; здесь в 1848 встретился с Ф. М. Достоев-

ским; посетил обоих в Петропавлов. крепости накануне их отправки на каторгу. Ок. 20 лет (с перерывами) М. преподавал в ср. восп.-уч. заведениях; с 1840 учитель математики в Шлиссельбург. уездном уч-ще, в 1841—44 в петерб. Рождественском уездном уч-ще, в 1844—49 учитель рус. языка во 2-й петерб. г-зии; одновременно, с 1844 по 1858, преподавал рус. словесность в петерб. Николаевском сирот. ин-те. В 1847 выдержал экзамен на звание старшего учителя рос. словесности (с 1854 коллеж. ас.).

Лит. имя М. принесла кн. «Очерк истории русской поэзии» (СПб., 1847, 1858, 1864; сб. балансиров. реш. на 1-е изд. — БзЧ, 1848, т. 86), содержащий обзор рус. лит-ры от Нестора и «Слова о полку Игореве...» до М. Ю. Лермонтова включительно. Следуя мысли В. Г. Белинского о зависимости поэзии от «начал в обществе жизни», М. в развитии допетровской лит-ры видит регресс, допетровскую Русь называет грубой и невежественной, подтверждая этот тезис нар. песнями, «дурными» сказками и духовными стихами, а все «проявления духа» связывает с норманским влиянием, к-рое постепенно ослабевало из-за татаро-монг. ига. «Послепетровская» лит-ра представляется М. «подражательно-риторической», тогда как истинная поэзия должна быть «самобытно-сатирической», и именно с сатирич. линией он связывает достижения рос. словесности. Являющаяся по сути компиляцией работ Белинского 40-х гг., книга, однако, получила значит. резонанс в критике, увидевшей в ней ценную популяризиацию.

Для Н. А. Добролюбова даже 1-е изд. «до сих пор не терзает своей правды и значимости» («Сверст.», 1858, № 2, с. 113; то же — Добролюбов в. II, 218); видимо, с противостоянием кн. М. учебным курсам Н. И. Греча и С. П. Шеварева связан и полемич. отзыв Чернышевского (I, 400; см. также: XIV, 211, 215). В целом негативную оценку «Очерку...» дал А. В. Дружинин — в обширном разборе, помещенном в «Б-ке для чтения» (1858, т. 151). Позднейшие переиздания книги, не исключившие новых имен, вызвали еще более сдержанные отзывы (см., напр.: В. Ф.) Воловцов — ЖМНП, 1860, № 12; БзЧ, 1865, т. 2), а упоминан. на сатирич. направлении лит-ры повлияли А. П. Гитковскому назвать их «idées fixes» г. Милюкова («Якорь», 1864, № 44; отд. отт. — СПб., 1864).

С 1847 по инициативе О. И. Семеновского М. недолго сотрудничал в критич. отделе «Б-ки для чтения»; в 1-й пол. 50-х гг. один из рецензентов «Отч. записок». В 1860—62 фактич. ред. и один из ведущих авторов ж. «Светоч». Позиция ж-ла заявлена в ред. статье (1860, кн. 1) как примиренные западной и «восточной» партий. Будучи в 40-е гг. «рьяным западником» («Доброе старое время», с. 38), М. в попытке примирения «крайних воззрений» больше внимания уделяет разбору позиции славянофилов. Он готов признать положительную идею единства слав. племен, а также общинного владения землей, но не прищелт смирение как источник спасения, «общая ист. покаяния» (по М., это «род какого-то постоянного оплакивания условий грехов, вечного посыпания головы траурным пеплом» — «Светоч», 1861, кн. 6, Критич. обзор., с. 39). М. отвергает и утверждения о «гнилом состоянии Запада»; в то же время не принимает и «рабского поклонения» Западу, и «отрицания западниками» «всего светлого в нашем народном характере» (там же). Споры партий М. признает важными и полезными для прояснения многих «идей о нашем прошедшем, настоящем и будущем» (там же, с. 35), к-рые помогают встать на более трезвую среднюю позицию. В творчестве авторов журнала и образовавшегося вокруг него кружка (в т. ч. М. М. Достоевский, Н. Н. Страхов, А. А. Григорьев, чуть позднее составившее ядро ж. «Время» и «Эпоха»; в них М. помешал очерки, прозу и рецензии) складывалась идеология почвенничества. Сам М. становится либералом-почвенником — позиция, особенно отчетливо проявившаяся в опублик. в «Светоче» статья «Заключительное слово „Русской беседы“» (1860, кн. 2), рецензия «„История Петра Великого“ Н. Устрялова» (1860, кн. 3), «Стихотворения А. С. Хомякова» (1861, кн. 6). «„О круговой поруке на Руси“ И. Беляева» (1860, кн. 4), где он стремился найти не только слабые, но и сильные стороны в утверждениях своих оппонентов.

Несмотря на изменение полит. пристрастий, в своих лит.-критич. выступлениях М., хотя и не отрицает

эстетич. критериев, остается верен взгляду на лит-ру как на выражение «обществ. истины». В ст. «Обломов», роман Н. Гончарова» («Светоч», 1860, кн. 1) он спорит с утвердившейся точкой зрения на Обломова как архетип рус. характера, «наш. темперамента»; не признавая обломовскую апатию сутью рус. природы, он в то же время считает еще большим злом идеализацию в рус. обществе типа «практич. эгоиста» Штольца (с. 6, 9, 28). Для М. важно выявление генезиса любого обществ. явления, что он особо отмечает в ст. «Бурса в школе и литературе» (вошла в сб. «Отголоски...»); именно рассказ Н. Г. Помяловского о «детстве этих людей», нравах и «подвигах литературной камчатки», воспитанной «бурсой». «служит естественным ключом к уяснению ... (их) литературной партии» (с. 211). Из малоизвест. рец. на «Записки из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского («Светоч», 1861, кн. 5) современникам запомнилось сравнение «мертвого дома» с крутами дантова ада, а Достоевского — с Вергилием.

Непродолжительность издания «Светоча» — следствие, скорее всего, подчеркнуто невоинственной, корректной, примиряющей позиции редакции и самого М., апологета «золотой середины». В 1868—70 он фактич. редактор газ. «Сын отечества». Ставшая при нем несколько разнообразнее и живее (помимо полит. и бирж. известий появляются муз. и театральная летопись, обзоры журналов и книжных новинок, путевые заметки и бытовые зарисовки из моск. и петерб. жизни), газета тем не менее не приобрела сколько-нибудь ярко выраженного лица. В нач. 1870-х гг. М. редактировал газ. «Рус. мир».

М. написал многочисл. путевые заметки, написанные по следам своих европ. путешествий и поездок по стране: «Очерки Финляндии, 1851—1852 гг.» (СПб., 1856; рец.: А. Н. Пыпин) — «Совр.», 1856, № 11), «Афины и Константинополь» (СПб., 1859; рец.: Добролюбов) — «Совр.», 1859, № 11); вошла вместе с «Очерками Финляндии...» в кн. «Путевые впечатления на севере и юге» (СПб., 1865; на нем. яз.: Од., 1865), «Летние поездки по России» (СПб., 1874) (см. также разбросанные по ж-лам и др. сб-кам его очерки о Венеции, Милане, Женеве, Саксонской Швейцарии и др.). Путевые записки не выходят за рамки традиц. описаний, это, по словам самого М., «мимолетные впечатления туриста, который, не мудрствуя лукаво, передает, что видел» («Летние поездки...», с. 137).

Другой излюбленный жанр М. — мемуары. Беллетризов. воспоминания о детстве и отрочестве «Доброе старое время. Очерки былого»

(СПб., 1872) содержат и ист. эпизоды: о спасении Новодевичьего монастыря монахиней в Отеч. войну 1812, о крестном театре кн. Н. Б. Юсупова и др. Главой «Откуда Пушкин взял сюжет „Медного всадника“» М. способствовал разработке петерб. мифа: здесь он первым (со слов Мих. Ю. Внелгорского) обнаружил легенду о пророч. сне обер-прокурора Синода А. Н. Голышина, благодаря к-рому была предотвращена эвакуация памятника Петру I в 1812 (см.: Осипов А. Л., Тименчик Р. Д., «Печальную повесть сохранить...», М., 1985, с. 45—46, 102—108). Наиб. ценное из соч. М. этого рода — «Литературные встречи и знакомства» (СПб., 1890), где он выступает мастером лит. портрета, в основу к-рого положен принцип анекдота, яркого штриха (одобрит. рец.: С. Т-чев — ИВ, 1890, № 7: «прекрасный, образный язык», «сжатость и меткость в характеристиках, развитое повсюду чувство меры и наблюдательный ум» — с. 221; сдержанно-негативный отклик: ВЕ, 1890, № 7). Не проходя мимо странностей и чудачеств своих «персонажей», но с нескрываемой симпатией к ним М. создает запоминающиеся лит.-бытовые характеристики Кокошкина (в пов. «Записки одного скитальца» некие его черты использованы в сатирич. обертонами), Д. И. Языкова, Введенского, Я. П. Буткова, Л. А. Мея, А. А. Григорьева, Дурова, бр. Достоевских, описывает атмосферу кружка Дурова, историю ареста петрашевцев (цензор предлагал изъять «дерзкие» места рукописи — РГИА, ф. 777 — справка В. М. Лупановой); Мемуары включают и заметки о Сенковском, знакомстве М. в Лондоне в 1857 с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Он был также знаком с Н. С. Лесковым (ИРЛИ, ф. 220, № 25: фотопортрет писателя с дарств. надписью М., 1869 г. — справка Н. А. Прозоровой). В 70-е гг. и позднее М. собирал у себя «вторники», на к-рых присутствовали Ф. Достоевский, В. В. Крестовский, В. П. Ключников, Г. П. Данилевский, Лесков, Майков, Ф. Н. Берг, Страхов (ИВ, 1895, с. 193; Всп, в. 7, 1990, с. 49, 57).

В 1865 М. издал кн. зарисовок «На улице и еще кое-где. Листки из памятной книжки» (СПб.; 2-е изд. под назв. «Рассказы из обычного быта...», СПб.—М., 1875; 3-е изд., СПб., 1886), к-рые называл «легким материалом», «летучими заметками всякого рода случаев» «без примеси вымысла» (с. I, II). М. подматривает характерные или просто любопытные ситуации из нар., мешанского, чиновничьего (моск., реже петерб.) быта, иногда удачно улавливая стереотипы бытовых реакций и обществ. настроений этих слоев. По

жанру к такого рода «физиологич.» коротким наброскам примыкают рассказы: «Процесс наших путешественников» («Светоч», 1862, кн. 4), «Петербургские инфузорины», «Современные самозванцы» — из кн. «Рассказы и путевые воспоминания» (СПб., 1873), куда вошла и пов. «Записки одного скитальца. Не совсем фантастич. пов.» (впервые: «Эпоха», 1864, № 8) — стилизация, выполненная в жанре «физиологич. повествование ведется от «лица» старого пуделя.

С сер. 70-х гг. М. снова преподает в Николаевском ин-те (письма Н. В. Гербулю — ИРЛИ, ф. 179, № 75), печатается в газ. «С.-Петербург. вед.», ж-лах «Рус. старина», «Ист. вестник», где выступает с фрагментами своих мемуаров, биогр. и критич. заметками (о соч. Е. Тур. Лескова — ИВ, 1880, № 1, 6), переиздает, без к-л. изменений, разбросанные по разным изд. статьи и рассказы: сб. «Отголоски на литературные и общественные явления» (СПб., 1875) помимо перепечатанных статей (преим. из «Светоча») включает обширную ст. «Вопрос о малороссийской литературе», в к-рой М. отрицает самобытность укр. лит-ры и даже возможность ее существования — при общерос. гос. укладе (с. 149). К концу жизни более четко обозначилась эволюция М. от западничества и либерального почвенничества к славнофильству. В ст. «Ф. Н. Глинка» (ИВ, 1880, № 7) он как положит. качество отмечает близкий к славнофильскому взгляд Глинки на нар. жизнь, а в ст. о П. И. Мельникове-Печерском (Мельников П. И., ПСС, т. I, СПб.—М., 1897, с. 319—324) ставит писателю в осн. заслугу как «чисто-художественное» воспроизведение мира рус. старообрядцев и раскольников («полное беспристрастие без всякой обличит. цели» — с. 320—22), так и, в особенности, знание «рус. жизни ... и рус. духа», «исконной кондовой Руси» (там же). Возросший интерес к истории петровской Руси проявился в пов. из эпохи Ивана Грозного «Царская свадьба» (СПб.—М., 1873; 2-е изд., СПб., 1886).

Др. произв.: одобрит. отзыв о «Дядюшкином сне» Достоевского («Le Nord», Bruxelles, 1859, 29 avril), «Жемчужины рус. поэзии» (хрестоматия, сост. М.; СПб., 1874); ст. «Рус. путешественник за границей в прошлом веке» (1771—73) (ИВ, 1881, № 9).

Изд.: [Мемуары]. — В кн.: Гершен в восп.: Достоевский в восп.: I: [Очерки]. — В кн.: Очерки моск. жизни. [М.], 1962, с. 69—84.

Лит.: Достоевский; Чернышевский; Добролюбов (всё — ук.); Достоевский; Письма (ук.); Страхов Н. Н., Восп. о Ф. М. Достоевском. — В кн.: Биография, письма и заметки из зап. книжки Ф. М. Достоевского, СПб., 1883, 2-я паг., с. 187, и след.; Котляревский А. А., Соч., т. I, СПб., 1889, с. 139—62.

т. 2. СПб., 1889, с. 221—36; Волынский А. Лит. заметки. Н. А. Добролюбов. — СВ, 1894, № 3, с. 111—14; Модзалевский Б. Л. Альбом О. А. Милюковой. — ИзвОРАС, 1912, т. 17, кн. 4; Пиксанов Н. К. Два века рус. лит-ры, 2-е изд., М., [1924], с. 117—18; Скаф-тымов А. Преподанные лит-ры в дореволюционной школе. — Уч. зап. Саратов. гос. пед. ин-та, в. 3, 1938, с. 161, 164—68, 201, 207—08; Исидор С. Г. Прибалтика в рус. лит-ре второй пол. 1830-х—1850-х гг. — Тр. по рус. и славян. филологии, т. 5, Тарту, 1962, с. 144, 149—50 (Уч. зап. ТТУ, в. 119); Достоевская А. Г. Востп., М., 1981 (ук.); ЛА, т. 6, М.—Л., 1961, с. 272—295; Демченко А. А., Н. Г. Чернышевский. Науч. биография, ч. 1, Саратов, 1978 (ук.); Пиклякина Г. Г., Петрашова и Ламенин. — В кн.: Достоевский. Мат-лы и наст., в. 3, Л., 1978; Якубович И. Д., Неизв. отзыв о пов. «Дадошкин сон». — В кн.: Достоевский. Мат-лы и наст., [в. 5], Л., 1983, с. 190—91; Дружинин А. В., Лит. критика, М., 1983 (ук.); Некрологи, 1897: «Правительств. вестн.», в февр.; КВ, № 2; Вн. т. 1, № 15; ИВ, № 4; и др. Брошюры: НЭС; Венгеров. Истоки; Михлевич; ПНскр.; Мельер; ЛЭ; Нецкаса, «Время»; Нецкаса, «Эпоха» (оба — ук.); Ботрада, «Совр.»; Ботрада, ОЗ (1); ИЛРДВ, т. 2—3; Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 236, № 104, ф. 274, оп. 3, № 138 (письма Г. П. Данилевскому 1860—69 и 1872 гг.), ф. 548, оп. 1, № 184 (письма В. Р. Зотову), Р. III, оп. 2, № 938—942 (письма Е. Н. Опочинину, б. д.; № 1053 — 1884 г.); РНБ, ф. 124, № 2825 (письма Л. Н. Васкелю 1858—78 гг.), архив С. Н. Шубинского, ф. 874, оп. 1, № 2...40 (письма Шубинскому) [справки Е. Э. Лавинной], ф. 118, д. 58 (П. В. Быков. Сл. рус. писателей — библиограф. список публикаций М. в периодике) [справка А. Н. Рейтблата], ф. 1000, оп. в, № 35 (зап. книжка М., лены, с записями о людях, общах, играх и проч. в высшем обществе 18 и кон. 19 вв.), ф. 874, оп. 2, № 259 (заметка М. «Знамена вольных казаков»), ф. 115, № 33 (реч. М. на роц. В. Крестовского «В ожидании лучшего», 1860) [справка Т. В. Мисникевич]; РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1444 (ф. с. 1858 г.) [справка Б. М. Витберг].

М. М. Максимов.

МИЛЮКОВ Павел Николаевич (15(27).1.1859, Москва — 31.3.1943, Экс-ле-Бен, Франция; после войны перезахоронен на кладб. Батиньоль в Париже), историк, публицист, мемуарист, полит. деятель. Из дворян. Отец, Ник. Пав., — моск. архитектор, затем оценщик в одном из банков. Задолго до смерти отца (1879) отношения М. с матерью, Марией Арк. (урожд. Султановой), в первом браке Барановой), отличавшейся суровым, властным характером, испортились; он рано оторвался от семьи.

В «Воспоминаниях» (здесь и далее цит. по изд.: М., 1991) М. примерно к 1873 отписывается о себе «цельного отправления к жизни», «какой-то высшей степени сознательности в мыслях и в действиях» (с. 30); он с отрочества занимался музыкой (и до старости играл на скрипке в любительских квартетах), театром, поэзией, особенно драматической. Позднее тоже при всяком удобном случае изучал «языки, литературу, живопись, румын, итальян» (Византия, 1956, с. 190), приобрел энциклопедич. познания. В пору своей душной деятельности, напр., ежедневно читал газеты на 13 языках.

«Целый религ. поворот», повлиевший на мировоззрение М., вызвали труды Г. Спенсера и вообще философия позитивизма (С. Смирнов — «П. Н. Милюков. Сб-к мат-лов по созданию его семидесятилетия, 1859—1929», Париж, 1930, с. 2; далее: «Сб-к...»). Под совместившимися впечатлениями от книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» и разгоравшегося в сер. 70-х гг. «слав. движения» М. пережил кратковременное увлечение полит. идеями Ф. М. Достоевского, чей «Дневник писателя» читал «с жадностью» («Восп.», с. 58). В 1877, окончив с сереб. медалью 1-ю моск. г-зию, М. летом ездил на Закавказ. фронт рус.-тур. войны в составе санитарного отряда моск. дворянства, а осенью поступил на ист.-филол. ф-т Моск. ун-та (где его однокурсниками были А. И. Гучков, М. К. Любавский, В. В. Розанов). В апр. 1878 кружок студентов поручил ему написать Достоевскому письмо с вопросом о «правильных» отношениях интеллигенции к народу. В ответном письме (см.: Достоевский, ХХХ, кн. 1, 21—25), по словам М., адресатов поразило «резкое противопоставление» рус. народа Европе. Именно тогда у него складывается «ответная формула: Россия тоже Европа» («Восп.», с. 59).

На первых курсах М. занимается сравнит. языкознанием и ранними формами словесности у Ф. Ф. Фортунатова и В. Ф. Миллера, методологией ист. исследования — у П. Г. Виноградова. На 3-м курсе (1879) решил специализироваться по рус. истории у В. О. Ключевского. В 1881 за участие в запрещенной (после царствования 1 марта) студенч. сходке был исключен из ун-та и уехал в Италию, «помня о своей задаче: изучить ист. эволюцию искусства» («Восп.», с. 89).

В 1882 М. был оставлен при кафедре Ключевского; готовился к магистерскому экзамену (сданному в 1885) и преподавал историю в 4-й жен. г-зии (1883—94), Земледельч. уч-ще, давал частные уроки. В 1885 женился на Анне Серг. Смирновой (любимой ученице Ключевского по жен. курсам В. И. Герье). С 1886 в качестве приват-доцента читал в Моск. ун-те лекции по исторнографии, ист. географии и истории колонизации. А. А. Кизеветтер, слушавший М., вспоминал, что «молодой

лектор» особенно привлекал к себе студентов, охотно вводя их в лабораторию своей исследоват. работы (в его кн.: На рубеже двух столетий. Прага, 1929, с. 87). Тогда же М. начал в «Рус. мысли» ст. «Юридич. школа в рус. исторнографии» (1886, № 6; первая публ.) и до 1894 сотрудничал в этом ж-ле как ведущий рецензент названий по истории.

Сняв квартиру в одном доме с Н. И. Стороженко, с сер. 80-х гг. М. тесно сближается с кругом моск. либеральной профессуры, к-рый, как он позднее подчеркивает в «Воспоминаниях», «в комическом и злобном освещении» описал в мемуарах А. Белый, сумевший, однако, «отметить многое, действительно смешное в этом маленьком мире» (с. 102). М. общается с И. И. Янжулом, В. А. Гольцевым, А. И. Чупровым, знакомится с Вл. С. Соловьевым; бывает у Л. Н. Толстого, с к-рым резко расходится в понимании ценности науч. знания (см. в «Восп.» яркий эпизод разговора с Толстым о науке — с. 114—15).

С 1886 по 1892 в моск. и петерб. архивах М. работал над дис. «Гос. хозяйство России в связи с реформой Петра Великого» (ЖМНП, 1890, № 9—11; 1892, № 1—2; отл. изд. — СПб., 1892; премия С. М. Соловьева, 1893), к-рая имела осн. целью показать, что Петровская реформа была уже подготовлена предшествующим развитием России и представляет собой результат эволюции, в принципе одинаковой у России с Европой, лишь задержанной ист. условиями рус. жизни. Т. о., М. отказывался как от западнической т. з. (заимствование у Европы), так и от славянофильской (насилствие, разрыв ткани наш. жизни); «сам Петр» у М. «является не столько субъектом, сколько объектом реформы» (Д. М. Одиен — «Сб-к...», с. 62).

Собрав благоприят. отзывы, М. (по существовавшим прецедентам) был почти уверен, что получит докт. степень (минуя магистерскую). Мнение ф-та воспротивился, однако, офшн. оппонент Ключевский, к-рого, как полагал М., раздражал размах его обобщений («Восп.», с. 107). В итоге получил лишь степень магистра, дал себе слово (и сдержал его) никогда не писать докт. дис., а его связи с Ключевским были надолго прерваны.

Позднее, в ст. «В. О. Ключевский» (в сб. «В. О. Ключевский. Характеристики и восп.», М., 1912) М. описал историю своих отношений с учителем, определявшуюся в осн. различием их локальных и духовных типов. (Понятие «филлиппинок» всегда занимало в сознании М. значит. место.) Подчеркнув «обаяние, к-рое производили лекции Ключевского» (с. 186) и величие его науч. заслуг, М. отмечал некую устарелость его методологии, надлет «шестидесятилетия» в суждениях, хотя «к славянофильству он склоняется сердцем» (с. 200), глубокую «литератур. связь с „бытом“ духовного сословия» (с. 203), вообще сочувствие «москов-

ской. XVII века, старинс» (с. 205), «слепка насмешливые отголоски к „конституции“» (с. 213), т. е. все то, что молодой М. воспринимал как чуждое себе, чего Ключевский, разумеется, не мог не учитывать в своем отношении к ученику.

К тому же в нач. 90-х гг. Ключевский уже имел основания ощутить и публич. подтекст ист. штудий М., и его стремление выйти за рамки чисто академич. деятельности. В публичной лекции «Разложение славянофильства» («Вопросы философии и психологии», 1893, № 3) М. «открыл в ней свое идейное знамя» («Восп.», с. 114), заявив, что обе составляющие старого славянофильства — идея нации и идея всемирной миссии — разложились у его «эллигов»: первая обернулась у Данилевского и К. Н. Леонтьева назуверским «подморозиванием России», вторая у Вл. Соловьёва привела к европеизму и католицизму. Возражая М. в том же номере ж-ла, Соловьёв соглашался, что славянофильство мертво, но указывал, что идейный генозис Леонтьева не связан с ранним славянофильством, а об его собств. «универсально-реалиг. идее» судить с т. з. историка-позитивиста едва ли корректно (с. 154). В свою очередь возражая Соловьёву, М. заметил, что позитивизм, не ограничиваясь «фактами», включает и «идеи», и дал понять, что во всяком случае считает поле для собств. ист.-нац. построений свободным (там же, № 4).

Первые обществ. выступления М. связаны с широким просветит. проектом по ознакомлению публики с данными совр. науки, разработанным (не без его участия) среди либеральных земцев и профессуры еще в кон. 80-х гг. В 1892—93 М. читал на Пед. курсах лекции по истории рус. культуры, к-рые литографировались и широко обсуждались. В. М. Чернов в «Зап. социалиста-революционера» (кн. 1, 6-е. — М., 1922) вспоминал, что тогдашние марксисты воспринимали их как «воду на свою мельницу» (с. 165), будущие эсеры находили в них защиту свободы общины, тогда как сам М. говорил о «стоящей на очереди задаче полит. борьбы» (с. 171).

Поворотной в биографии М. стала совпавшая со сменой царствования осенью 1894 поездка в Н. Новгород с чтением публичных лекций «об обществе, движениях в России», в т. ч. о кружках при Екатерине II, причем позиция доносила, что лектор «искусным подбором односторонне освещенных фактов» позволяет думать, «что этими кружками может быть поставлена преграда росту самодержавия в России» (Меньшиков в Л., Охрана и революция, ч. 1, М., 1925, с. 237). 18 февр. 1895 Мин-во нар. просвещения по представлению Деп. полиции уволило М. из Моск. ун-та, запретив ему преподавание вообще.

Вскоре в обстановке всеобщего сочувствия и хлопот по смягчению его участи М. отправился в адм. ссылку в Рязань, что в глазах молодежи возводило его в ранг «светочей науки опальной» (В. М. Зензинов — «Сб-к ...», с. 160). В речи на прощальном обеде Гольцев «пророчески» пожелал М. сделатья «историком падения рус. монархии» («Восп.», с. 121).

Вершина творч. активности М. — годы, прожитые им в Рязани (1895—1897). На основе накопившихся лекций М. начал многолетнюю работу над нрсл. «Очерки по истории рус. культуры» (МБ, 1895, 1896, 1899, 1900, 1901, 1902; отд. изд. — ч. 1—3, СПб., 1896—1903; перечень последующих, регулярно перерабатываемых изд. «Очерков ...» до 1930 см.: Евренинов), первые части к-рого получили в осн. комплиментарные оценки.

П. Б. Струве писал, что они «войдут в „деловой инвентарь“ образоват. средств каждого рус. человека» («Нов. слово», 1897, отд. с. 94). Согласно Кизветтеру, «ист. эссекурсы» М. «привращаются ... в живой ист. комментарий неразрываемой связи современности» («Обр.», 1896, № 11, с. 100). А. Н. Пылин пристегивал отзыв М. от «фальстич.» теории славянофильов и переход «на почву науч. изучения и зараво. смысла» (ВЕ, 1898, № 2, с. 690). По мнению совр. историка, М. «горячо восстает против всяких поисков за „смыслом“ истории в виде того или иного телологич. ее объяснения, объектизируя в форму так называемой „философии истории“» (В. А. Мяхотин — РБ, 1896, № 11, 2-я отд., с. 4). Очерки «Очерки ...» Толстой («Политика ето писать историю народов, а не царей очень удалась» — ЛН, т. 90, кн. 2, с. 241), М. Горький; А. П. Чехов отразил эстетизм в 6-ку Тагарина; был эстетизм в двиндской 6-ке царя. Правда, Ключевский записал в дневнике 29 нояб. 1896: «Книгу Милюкова больше цитировали, чем читали. Он был бы учен, если бы не силлся быть им» — в его кн.: Афоризмы, Ист. портреты и эпиграм. Дневники, М., 1993, с. 59).

Почти одновременно с «Очерками ...» М. написал кн. «Главные течения рус. ист. мысли» (т. 1, М., 1897; 3-е изд., СПб., 1913), где, разбирая ист. труды М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, А. Л. Штейнера, Н. М. Карамзина, М. П. Погодина и др., старался ухватить «частные взгляды» историка и его «специальные выводы» с более общим мировоззрением эпохи (В. Мяхотин — «Сб-к...», с. 44). Здесь, как и в «Очерках...», М. жестко вписывал конкретный материал в рамки своей ист.-социологич. концепции, гл. признаки к-рой — понятия «эволюции» и «закономерности» применительно к гуманитарному знанию, снятие в социологич. «синтезе» противоположности духовного и материального начал, преим. внимание к отд. социально-нац. организму сравнительно с целым «всемирной историей», на к-ром (ошибочно, с т. з. М.) строил свое учение о стадиях прогресса О. Конт, причем этот «организм» М. мыслил не как константу, а рассматривал в его эволюц. изменчивости. Выяснение роли личности в истории

в рамках своей концепции М. признавал в принципе возможным, но затруднительным, а «ходячей аксиоме бесконечного прогресса» («Восп.», с. 74—75) противопоставлял идею циклич. развития, в значит. мере опираясь на учение об ист. «круговороте» (corsi e ricorsi) Дж. Вико.

Как бы на периферии этих больших работ — блестящие очерки в «Рус. мысли», «Рус. вед.» и разл. сб-ках о верховниках и шляхетстве, любви и идеализме тридцатых годов», С. Т. Аксакове, А. И. Гершене, В. Г. Белинском, Т. Н. Грановском и др., составившие «сб-к статей и эпизодов» «Из истории рус. интеллигенции» (М., 1902). Они дали Розанову повод назвать М. «талантливейшим в наши дни историком» (НВ, 1902, 24 дек.).

Встречавшиеся в откликах на «Очерки ...» возражения (см.: Соколов Н. М., Об идеях и идеалах рус. интеллигенции, СПб., 1904), М., с трудом переносивший критику, частично проигнорировал, частично отверг (см., напр., его ответ критикам — МБ, 1900, № 1), частично, правда, учет последствием. Осн. признаком «жизнеспособности» своей работы он считал принципиальную «синтетичность» интерпретации рус. истории, «ее известную независимость от мировоззрений, поочередно господствовавших над умом рус. интеллигенции», будь то западничество или славянофильство, народничество или марксизм, а позднее — теория Н. П. Павлова-Сильванского или евразийства. В отношении сходств/важисходства рус. ист. процесса с европейским поздний М. исходил как из «синтеза обеих черт» (Карпович, с. 365), так и из возможного впрдь изменения баланса в ту или иную сторону, считая свою концепцию готовой ассимилировать любое развитие событий в силу глубокой проработки ее базовых социологич. понятий. Поэтому в последней ред. «Очерков ...», над к-рой М. работал до конца дней (т. 1 — Париж, 1937; т. 1, ч. 2 — Гаага, 1964; перенд.: т. 1—3, М., 1993—95), он дополнил изложение, начинающееся с «место-развития» и «происхождения национальностей» в России, материалом сов. периода, причем писал, что «в новом ист. материале» нашел «очень хорошую иллюстрацию осн. положений и общего построения своей работы» (т. 1, М., 1993, с. 32). Большевик, как считал М., не породил в России новых культурных процессов, дело свелось к «распространению в массах готовых элементов культуры», что в общем усугубило «преemptивность ист. процесса» (там же, т. 2, кн. 2, М., 1994, с. 481).

Исходя из «открытости» концепции М. П. М. Бицкли в 1929 замечал: мысль, что «нация для него — продукт ист. процесса, а не

его субстрат» («СБ-ж.»., с. 84), вполне закономерна для историка-политика. Тем не менее разрыв между народом и интеллигентской или «экуларизированной рус. культурой» (с. 83), края изначально вышита из православия. М. считал безусловной данностью, имевшей своим последствием, по его мнению, всеобщий религ. индифферентизм, т. е. бессознат. веру народа и полную безрелигиозность интеллигенции. М. продолжал Бицилли, довольствуясь этой безразличной констатацией, т. к. считает, что «история есть ... конкретная социология» (с. 88), наука о массовых явлениях. История же должен считаться не только с массовыми, но и со всеми явлениями, напр. с религиозностью Гоголя, Достоевского, Толстого, опровергающей тезис о безрелигиозности всей интеллигенции. Критика Бицилли веса к выводу о том, что существует, как признает я сам М., «недооцененные влияния», т. е. те же Власть и Общество (Народ) пока еще не спаяны в единый организм посредством Права. Такова Россия. М.-политик, по мнению Бицилли, активно и легально борющийся за Право, за конкретное единство нации, продолжал, т. о., сильные и восставал слабые стороны М.-историка, что и приват его личности «символич. значение» (с. 91).

Весной 1897 М. был поставлен перед выбором: год заключения в тюрьме в Чре либо высылка за границу на 2 года. Он принял приглашение занять в Софийском высшем учебном заведении покойного М. П. Драгоманова, но вскоре был отстранен от преподавания из-за протокольного промаха в контактах с рус. посольством в Софии. Оставшееся время высылки посвятил знакомству с положением на Балканах, будучи уже тогда против «одностороннего (со стороны России — *Red.*) покровительства Сербии в ущерб Болгарии» («Восп.», с. 127), изучению местных языков и археологии, раскопкам, регулярно помещая в «Рус. вед.» «Письма из Македонии» (1898—99). К этому времени восходит репутация М. как специалиста по балкан. делам.

Свое превращение «из историка в политика» М. датировала в «Воспоминаниях» 1905 (с. 176). Тем не менее уже в 1899 он приехал в Петербург человеком, твердо определившим свои полит. цели и соответствующий им кодекс поведения. — таким, каким он запомнился хорошо узнавшей его впоследствии по работе в кадет. ЦК и не очень расположенной к нему А. В. Тырковой-Вильямс: «Он поставил себе задачей превратить ее (Россию. — *Red.*) из неогранич. самодержавной монархии в конституционную ... Он был глубоко убежден в ист. необходимости такой перемены, но она должна быть связана с его, Милюкова, политикой, с ним самим» (Тыркова-Вильямс, с. 409).

В накаленной из-за студенч. волнений полит. атмосфере М. становится одной из центр. фигур радикального Петербурга: чл. Лит. фонда (1899), завсегдатаем редакций ж. «Рус. богатство» и «Мир божий»; совм. с А. В. Пешехоновым М. составил проект конституции России, а на студенч. вечере памяти П. Л. Лаврова (январь 1901) предсказывая в случае неуступчивости власти волну по-

лит. терроризма. Арестованный за это выступление, М. проводит ок. 6 месяцев в Доме предварит. заключения, затем, освобожденный до приговора, живет в Удельной под Петербургом. Не желая, по словам И. И. Петрункевича, «обречь Милюкова на судьбу Герцена», т. е. пожизненную эмиграцию («Архив рус. революции», т. 21. М., 1993, с. 337), руководящее ядро будущих «освобожденных» вместо него посылает за границу Струве в качестве рел. ж. «Освобожденные», однако фактически авторство программного заявления «От рус. конституционалистов» («Освобожденные», Штутгарт, 1902, 18 июня) принадлежит М., как и мн. др. статей в ж-ле за подписью С. С., остававшихся лично бескомпромиссной борьбы с самодержавием против, по словам Струве, «идеалистов самодержавия» и «неисправных славянофилов» гл. обр. из числа земцев.

Лето 1902 М. провел в Англии, осенью явился отбывать приговор в «Крестах»; вскоре, благодаря неожиданному заступничеству Ключевского (см. его письмо мнн. внутр. дел В. К. Плеве от 30 нояб. 1902 в его кн.: Афоризмы. Ист. портреты и этюды. Дневники, с. 365), был вызван из тюрьмы к самому Плеве, отказавшись занять предложенный ему пост мнн. нар. просвещения, мотивируя свой отказ тем, что изменить к лучшему текущую политику можно лишь на его, Плеве, посту, и неск. дней спустя вышел на свободу, напутствуемый обещанием Плеве «сместить» его, если он вступит «в открытую борьбу» с властью («Восп.», с. 145).

Весной 1903 по приглашению Чикагского ун-та М. читал в Америке лекции о России, проникнутые пафосом близости рус. революции (см. его кн.: «Russia and its Crisis», Chi., 1905; переизд. — Л., 1969), затем опять жил в Англии, общаясь с рус. полит. эмигрантами (в т. ч. вел. однажды «бесполезный спор» с В. И. Лениным — «Восп.», с. 178) и заводя связи с англ. политиками; путешествовал по Балканам, готовясь к лекциям в Чикаго теперь уже о балкан. делах; в ответ на заявление Струве о допустимости для либерала патриотич. позиции в рус.-япон. войне («Листок „Освобождения“», 1904, 11 февр.) заявил о своем «недоумении» по этому поводу (там же, 7 марта); осенью 1904 участвовал в Париже в качестве чл. Союза освобождения в тайном съезде либеральных и рев. партий, к-рый считал «переломным пунктом в полит. движении в России» (цит. по кн.: Riha, p. 60); едет в Петербург, чтобы в предварит. совещаниях зем. съезда напомнить земцам, что «лекарства от кризиса надо искать не в агрономии, а в полит. реформе» (цит. по кн.: Шацкилло, с. 280); спешит в Америку к

сроку начала лекций, там узнает о событиях 9 янв. 1905 и в апр. возвращается в Россию.

Весной—летом 1905 М. разъезжает по стране, мобилизуя «организацию проф. интеллигенции ... специально с военною целью, т. е. для разрушения Самодержавия» (Маклаков, ч. 2, с. 370), успешно подчиняя своему влиянию зем. движение. В мае становится пред. Союза союзов. В эти месяцы М. уверен, что общество готово «взять власть в свои руки» (ст. «Россия организуется» — «Освобождение», 1905, 26 июля). «Теоретически он правее, но тяга у него всегда влево» (Б. Э. Нольде — в кн.: Устами Бушных, т. 2, с. 83). С шокирующей прямотой, за к-рую заслужил прозвище «бог бестактности», М. заявляет крайним левым: «вы делайте за сценой гром и молнию, а мы будем играть на сцене», т. е. в кадет. партии (Гессен, 1993, с. 200), к-рую на ее учредит. съезде в Москве 12—17 окт. объявляет «первой попыткой претворить интеллигентские наказы в осуществимые практики, требования, взяв из лит. деклараций все, что может быть введено в полит. программу» («Восп.», с. 208).

Будущимие (в-за разл. понимания границ «конституции», объявленной манифестом 17 окт.) переговоры М. в нояб. 1905 о вхождении в пр-во с С. Ю. Витте (к-рый назвал его «сидевшимся бурж. революционером» — Витте С. Ю., Восп., т. 2, М., 1960, с. 413), а весной-летом 1906 — с Д. Ф. Тrepовым и П. А. Столыпиным об образовании кадет. кн-га М. полнее описал в мемуарах-публик. кн. «Три попытки» (Париж, 1921). Неудачу переговоров он объяснял гл. обр. неспособностью власти из-за большего, чем «обещания», там, где требовались формально-юридич. гарантии необходимости нового строя. Осенивая эту аргументацию, правый кадет В. А. Маклаков писал, что по вине М. был утерян ист. шанс союза либералов с пресетолом, и упрекнул его в «всех истолкованиях и невосприимчивости к морати в политике» (см.: Маклаков). М. отвечал ему в статье «Суд над кадетским „либерализмом“» (СЗ, 1930, № 41) и «Либерализм, радикализм и революция» (там же, 1935, № 57). Разбирающий эту полемич. «меланхолию» для обоих Г. В. Адамовиче находит, что анализ М. был «правдоподобнее ... традиционные в своей бессмысленности», чем у Маклакова, у к-рого угадываются истоки материалистического понимания власти (Адамович, с. 105). В свете этой вырзает, полемикой можно замечать, что в лице М. впервые в России сложился совр. тип жесткого проф. политика.

Не попав в 1-ю и 2-ю Гос. думы из-за отсутствия у него квартирного ценза, М. тем не менее руководил кадет. фракцией, по тогдашней шутке, «из буфета» — как правило, посредством «уклончивых формул» (Н. А. Гредескул — цит. по кн.: Аврех, 1981, с. 190) и «приведения разл. мнений к бессодержат. единству» (Маклаков, ч. 3, с. 499), что вскоре утвердилось и как общий стиль его руководства партией, многократно описанный в мемуарах и науч. лит-ре (см., напр.: Аврех; Сло-нинский; Думова, 1988). Непсыкаемая тактич. гибкость (еще одна черта полит. стиля М.) позволяла ему

в любых условиях сохранять свое лидерство.

Как деп. 3-й и 4-й Гос. дум М. считал захваченность текущей законодат. работой с речками, но броскими демаршами (вроде облетевшего всю страну заявления о калетах как «опозиции Его Величества, а не Его Величеству» — «Речь», 1909, 21 июня).

С февр. 1906 по окт. 1917 М. совм. с И. В. Гессеном редактировал газ. «Речь», в десятках передовиц к-рой проводит упорную «осаду» правительства, добиваясь исполнения условий, необходимых, с его т. з., для «органич. работы»; всеобщего избират. права, ответственности исполнит. власти перед законодательной и однопалатности парламента, хотя, учитывая обстановку, часто шел и на широкие тактич. компромиссы, порождавшие брожение в партии.

Тип «рус. европейца» (М. Вишняк — «Сб-к ...», с. 175), англомана и парламентария, культивируемый М., вызывал почти иррациональную ненависть к нему крайне правых: в 1907 он был избит черносотенцем на улице; пристала к нему кличка «профессор Баррикадов» (В. А. Гринмут); «его считали ... творцом всех рев. потрясенней и событий» (Тыркова-Вильямс, с. 367).

Однако чуждость М. типу «рус. деятеля» лигала неприязнь к нему и в гораздо более широких слоях рус. об-ва — от Толстого (см.: ЛН, т. 90, ук.) до А. А. Блока (писавшего матер из Италии, 1909: «не читало неприличных имен Союза рус. народа и Миллюкова» — VIII, 284; ср. более развернутую блоковскую характеристику кадетства, 1917: «прохлито, кадетское, еврейское, еврейское, личное иет и ничего не будет» — лейтмотив «Ренн» и Миллюкова. Умные бескрылые люди» — Блок. Зап. вл., с. 342).

В ст. «Интеллигенция и ист. традиция» (сб. «Интеллигенция в России», СПб., 1910) М. категорически отверг «веховскую» ревизию интеллигентской идеологии; признавая правильность мн. частных утверждений в «Вехах», он считал тем не менее «культ прошлого», царящий в сб-ке, противоречащим модернизаторской миссии рус. интеллигенции и как историк призывал «отчаявшихся» помнить, что они — «только звено в цепи поколений» (с. 191).

В 1907—14 М. много времени проводил вне Петербурга: бывал на Балканах, в Зап. Европе и в Америке, жил на своих дачах в Крыму и в Финляндии. О балкан. конфликте, грозящем войной, и неувяренности рус. политики на Балканах М. писал в кн. «Балканский кризис и политика А. П. Извольского» (СПб., 1910) и говорил в лекции «Вооруж. мир и ограничение вооружений» (сб. «С.-Петерб. об-во мира», в. 1, СПб., 1911), к-рую Блок в предисл. к поэме «Возмездие» назвал «интереснейшей» (III, 296) как симптом предвост. состояния Европы. За резкие статьи М., «требовавшие максималь-

ных уступок от Сербии ради избежания мировой войны» (Гессен, 1993, с. 325), в день объявления войны «Речь» подверглась запрету, но гранки уже готовых антигерьм. статей позволили быстро возобновить издание; М. же, приняв войну как совершившийся факт, впредь отстаивал «войну до победного конца» и рус. контроль над Босфором и Дарданеллами (к-рый понимал сугубо геополитически, без религ. подоплеки). После воен. неудач весны 1915 и начавшегося хаоса в правительстве М. в авг. 1915 становится лидером думского Прогресс. блока, к-рый рассматривал как «спасательный пост тонушей монархии» (цит. по кн.: Н а s e g a w a T s., The February Revo-

П. И. Миллюков. Рис. Пьер-О. Ж-л «Огонек», 1909, № 38.

lution: Petrograd, 1917, Seattle—L., 1981, p. 32) и чьей задачей «было преодолеть распутицу, фактически взять власть в свои руки» (Керенский, 1943, с. 333; ср.: фиксируя в дневнике агонию власти в «сумасшедшей стране», З. Н. Гиппиус замечала: «И бедный Миллюков тут думает „действовать“ — в своих европейских манжетах» — Гиппиус, с. 42; см. записи М. на заседаниях Прогресс. блока — КА, 1932, № 50—51, 52; 1933, № 56).

В 1916 М. объезжает с делегацией Думы страны-союзницы (его парламент. отчеты о поездке: КА, 1932, № 54—55; 1933, № 58), а по возвращении совершает наиб. резкий и двусмысленный шаг в своей полит. карьере: 1 нояб. в думской речи «Глупость или измена?», опираясь на данные иностр. печати и, видимо, др. источники (см.: Мельгунов, 1931, с. 78), обвиняет в сговоре с немцами премьеря Б. В. Шпормера и косвенно императрицу.

«Трудно передать настроение, охватившее не только депутатов, но и журналистов, и публи-

ку Думова, 1988, с. 77), при том, что «факты были не очень убедительны» (Шульгин, с. 393). Злобная инсинуация рев М. в тисках коний распространялась по стране, в т. ч. в армии. Она безусловно «носила рев. характер» (Е. Д. Кукова — ПН, 1924, 5 аск.), хотя и антовалась «субъективным намерением провозгласить революцию» (Керенский, 1943, с. 333). Не без скупости М. в «Воспоминаниях» пишет, что в реальности «низмы» он «не был ... вполне уверен», ч. «культурному сигналу революции», как окрестили рев, не стремился, а считал лишь долгом любой ценой аскрыть «наполненный проем путы» распутицы и добиться «ответственного министерства» (с. 445). Хотя, учитывая сложность его натуры, «в определенности интимных мотивов его ... действий легко и ошибиться» (М. Адамов — «Сб-к ...», с. 27).

После отречения Николая II М. 3 марта 1917 «чуть ли не на коленях» (Адамович, с. 203) тщетно умолял вел. кн. Михаила Александровича принять престол, понимая, что иначе конституционная монархия в России не состоится. Как министр. дел Врем. правительства (где был «единств. человеком, к-рый мог вести внешнюю политику и к-рого знала Европа». — Набоков, с. 34) М. в марте—мае продолжал отстаивать нужность для России проливов, игнорируя преобладающее настроение за мир «без аннексий и контрибуций» (ср. запись в дневнике Гиппиус: если «чортовы проливы ... во сто раз нужнее (нам), чем это кажется Миллюкову, — во сто раз непростимее его фатальная бестактность» — Гиппиус, с. 129), заслужив прозвище Миллюкова-Дарданельского и даже, по свидетельству А. И. Денкина, уговаривал ген. М. В. Алексеева предпринять «самостоят. операцию по овладению Константинополем», практически неосуществимую в тех обстоятельствах (Денкин А. И., Очерки рус. смуты. Крушение власти и армии, т. 1, в. 1, М., 1991, с. 182). Голосование в кадет. ЦК об отставке М. (под давлением рев. улицы) сложилось не в его пользу: 18 голосами против 10 ЦК высказался «за» отставку и отклонил предложение М. уйти из правительства всем кадетам вместе (см.: Думова, 1988, с. 153).

В авг. 1917 М. пытается примирить Л. Г. Корнилова с А. Ф. Керенским; после большевист. переворота 25 окт. (тут же объявленного к розыску и аресту) через Москву уезжает на Дон; в Новочеркасске входит в Совет обществ. деятелей, сотрудничает пл. обр. с ген. Алексеевым, но быстро, видимо, разочаровывается в способности Добровольч. армии свергнуть большевиков, сплотить Россию и пишет Алексееву письмо, что теперь это сделают «германцы» (см. в его ст. «Пятнадцать лет назад» — ПН, 1933, 26 февр.). С уходом добровольцев из Ростова-на-Дону нек-рое время живет в подполье; в мае 1918 едет в Киев договариваться с немцами об учреждении ими конституционной монархии в России.

В науч. лит-ре недостаточно проведены побудит. мотивы этой внезапной сменой сознания, ориентации на германскую. Часть кадетов (Петрункевич) считала поездку М. в Киев «элементарной и вредной мыслью» (цит. по кн.: Думова, 1982, с. 111), другие (Д. С. Пасманик) закликали его «принять на себя проклятие истории и стоворваться с германцами» [см. «Дневник П. Н. Милюкова (переговоры с немцами в 1918 году)» — «Нов. журнал», Н.-Й., 1961, № 66, с. 185]. Знавший М. с детства П. Д. Долгоруков был уверен, что «сознательно или не сознательно» в этой эскападе М. сказались желание разойтись с партией, предавшей его во время правительства (Долгоруков П. Д., Великая разлука, Мадрид, 1964, с. 112).

Быстро увидев бесперспективность терм. ориентации, М. вновь повернулся к союзникам [участие в Яском совещании (1918), попытки организовать в Англии и Франции иностр. помощь белым армиям, издание в Лондоне эфемерного ж. «New Russia» и т. д.]. Однако тотчас после поражения войск П. Н. Врангеля в Крыму М. в дек. 1920 объявил в Париже о «новой тактике», т. е. об отказе от вооруж. борьбы с большевиками и ставке на «эволюцион» режим, чем вызвал раскол кадет. партии в 1921. Оставшимся с ним кадетам (т. н. Демокр. группа партии «нар. свободы»), давно привыкшим к партийной внесодовности, М., под впечатлением Крошадатского восстания (1921), предложил организоваться в крест. партию, повергнув «в священный ужас» патриарха католицизма Петрункевича (Гессен, 1993, с. 201). В 1922 эта идея реализовалась в создании малочисл. Республиканско-демокр. объединения с правыми эсерами, к-рое в дальнейшем «ежегодно расказывалось» (Вакар, с. 373).

Наблюдая эти идейно-тактич. метания, Гессен писал, что «подлинный полит. убеждения» М. никому не известны, м.б., «их и нет у него», а есть лишь уверенность, что «реальную политику» он может делать лучше других (Гессен, 1993, с. 201; Д. С. Мережковский называл его Чичиковым — в кн.: Устами Буныхин, т. 2, с. 169). Впрочем, мн. старые полит. друзья М., не затусыывая разногласий с ним, старались все же сохранить прежние отношения, как, напр., тот же Гессен или В. Д. Набоков, погибший 22 марта 1922 в Берлине, прикрывая собой М., в к-рого стреляли два офицера-монархиста (подробно см.: Гессен, 1979, с. 133—138).

С февр. 1921 по июнь 1940 М. руководил в Париже газ. «Последние новости», где сверял «новую тактику» с полит. эмиграцией и корректировал «линию». В кн. «Эмиграция на перепутье» (Париж, 1926) М. писал: за последние годы в России «произошел громадный психич. сдвиг и сложилась ... новая социальная структура» (рус. вариант всевроп. перемен после мировой войны), и «только с программой глубокой

экономич. и социальной реконструкции» эмиграция может идти в Россию (с. 136). В кн. «Республика или монархия?» (Р.-Ж., 1929) М. заявил, что «сберечь приобретения революции» рус. народ может «только в формах демокр. республики» (с. 31).

Естественно, вождем в Кремле был в центре внимания М.: в ст. «Сталин» (СЗ, 1935, № 59) М. писал, что И. В. Сталин — человек «обывательского типа» (с. 421), к-рый под давлением собств. чиновников оказался «в бессильн. борьбе с бытом» (с. 432), разлагающим бастионы «ленинизма», и т. о. обеспечивает эволюцию режима в нужном направлении. Отчасти утратив ощущение подлинности/неподлинности ист. фактуры, М. порой почти восхищался сталинскими деяниями — «гигантским ростом индустрии и коллективизации земледелия» (с. 432), а позднее — разгромом идейного «социализма» на Больших процессах, к-рые принимал за чистую монету. В дни «присоединения» Бессарабии и Прибалтики к СССР М. говорил: «Они делают то, что я бы делал, если бы сидел в Кремле» (Яновский, с. 251).

В контексте «новой тактики» воспринимались ист. работы М. 20-х гг.: «История второй рус. революции» (т. 1, в. 1, 2. София, 1921; в. 3, София, 1924; начатая по горячим следам еще в ростов. подполье в 1918), в к-рой он сам выступает не только автором, но и свидетелем, и действующим лицом; «Россия на переломе. Большевиств. период рус. революции. т. 1. Происхождение и укрепление большевиств. диктатуры; т. 2. Антибольшевиств. движение» (Париж, 1927) — книга, выросшая из лекций, прочитанных им в Америке в 1921 и своей упрощенной схематичностью приспособленных для понимания иностранцев.

Отклики в осн. свелись к небезосновательным упрекам: М. преувеличивает роль рус. демократии в Феврале 1917 (Вишняк, 1931); слишком часто историзирует факты, чтобы не заподозрить желания выставить себя в лучшем свете (Мельгунов, 1929); строит изложение «полю слышн. и офин. захватей», как если бы ими исчерпывалось содержание революции (Покровский, с. 40).

Как руководитель крупнейшей газеты эмиграции, а с апр. 1921 пред. Союза литераторов и журналистов в Париже, М. ближе, чем кто-либо раньше, соприкоснулся с лит. средой. Поначалу в «Последних новостях» лит-ра считалась «сиропом, комм. подслащающейся горькая хлипа общественных истин» (Яновский, с. 243). Напр., М. заявлял В. Ф. Ходасевичу, «что он газете совершенно не нужен», и как-то заметил: «Окончил г-зию, окончил ун-т, а Цветаеву не понимаю» (Берберова, с. 260, 401). Однако позднее в газете М. печата-

лись В. В. Набоков, Г. И. Глазнов, поэты «парижской ночи», Адамович, Н. Н. Берберова, В. В. Вейдле и мн. др., т. е. почти все литераторы «молдовой» эмиграции.

Нек-рые из них зафиксировали черты характера и душевно-духовного склада М. Человек «исключит. интеллигент», «он импонирует почти всем, мог и очаровывать, когда этого хотел», но «идею разбирался в людях» (Вишняк, 1956, с. 206). «Он как-то боком проходил мимо вост. лирич. что возмущает человека» (Вакар, с. 369; ср.: «сужде. мысли еще могли его интересовать, но не чул. психология» — Туркова-Вильямс, с. 410). «О смерти думать не любил. В заробитую жизнь не верил ... базаровский „лолуп“ был для него логич. завершенн. финиш. конца» (Семья, с. 177).

Вероятно, М. сознавал, что лютельное отвлечение в газете эволюцион. сов. режима политически бездейственно и похоже на соглашательство. Тем не менее до конца сохранял осанку властной уверенности, хотя, «как знать, что таилось за маской „лидера“ после исчезнувшего в этом „лидерстве“ реального содержания?» (Адамович, с. 238).

Отдоев в 1935, М. женился на своей старинной приятельнице, музыкантше Нине Вас. Лавровой. Работая над кн. «Живой Пушкин» (Париж, 1937), М. думал едва ли не о себе, прослеживая путь Пушкина «не к могиле, а к бессмертию» (с. 135) и заключая, что основа пушкинского величия — независимость, государственничество и простота («вопреки Достоевскому, он не унес в могилу никакой тайны. Мистика великих „лисий“ и „всечеловеческих проблем“ была ему чуждой» — с. 136; рец.: Н. Кузьман — СЗ, 1936, № 64). Мемуарные заметки о 1902—06 «Роческие годы», регулярно печатавшиеся в ж. «Рус. записки», к-рый М. редактировал в 1938—39, стали первым наброском его «Воспоминаний. 1859—1917» (опубл.: т. 1—2, Н.-Й., 1955), начатых в 1940, после оккупации Парижа и переселения на юг Франции.

Др. произв.: «Спорные вопросы финансовой истории Моск. гос-ва» (СПб., 1892), «Год борьбы. Публик. хроника 1905—06» (СПб., 1907), «Вторая Дума. Публик. хроника 1907» (СПб., 1908), «Константинополь и пролив» (ВЕ, 1917, № 1, 2, 4—5—6), «Россия в плену у Шиммервальда. Две речи» (П., 1917), «Поклонники скотского бога» (ПН, 1933, 13 июня), «М. М. Винавер как политик» (в кн.: М. М. Винавер и рус. общ.ственность нач. XX в., Париж, 1937), «Положение накануне войны» («Нов. журнал», Н.-Й., 1943, № 6), «Дневник» (там же, 1962, № 67).

Лит-ма: Письма М. к М. А. Осоргину 1940—42 гг. — «Нов. журнал», Н.-Й., 1988, № 172—73 (стбл. Т. А. Осоргиной-Бакушиной); Глазнов М. — оккупация Франции и Вост. фронт. Письма М. Я. Б. Полонскому (1940—1942). — «Время и мы», Н.-Й. — Тель-Авив — Париж, 1980, № 51, 52.

Лит.: Пресняков А. Е. Первый опыт истории рус. самосознания. СПб., 1901: По-

сровский М., Противоречия г-на М., М., 1922; Резаков А. С., Штурмовый сигнал М., Париж, 1924 (приведен текст речи М. 1 нояб. 1916); Пашев парижского режима, т. 1—7, Л., 1924—27 (ук.); Астров Н., Ясное совещание (из восп.), — «Голос минувшего из чуждой страны», Париж, 1926, № 3; Гиппиус З. Н., Стихи ваяла, Белград, 1929; Мельгунов С. П., Гражд. война в воспоминаниях М., Париж, 1929; его же, На путях к дворцовому перевороту, Париж, 1934; его же, Мартовские дни 1917 г., Париж, 1961; Наживин И. Ф., Глухость или измена? Открытое письмо Милютову, Брюссель, 1930; Лидак О. А., М. как историк, — В кн.: Рус. ист. лит-ра в классовом освещении, т. 2, М., 1930; Слоним М. М. о рус. лит-ре, — «Воля России», Прага, 1931, № 3—2; Вишняк М. В., История и политика в «Истории рус. революции» М., — В его кн.: Два пути: (Февраль и Октябрь), Париж, 1931; его же, Мемуарист, историк, политик, человек в «Восп.» М., — «Нов. журнал», Н.-Я., 1956, № 44; Маклаков В. А., Власть и общественность на заре старой России (восп. современника), ч. 1—3, [Париж], 1936; Вакар Н. М. в измнении, — «Нов. журнал», Н.-Я., 1943, № 6; Карпович М. М. как историк, — Там же; Тыркова-Вильямс А. В., На путях к свободе, Н.-Я., 1952; Дон Аминадо, Поезд на третьем пути, Н.-Я., 1954; Ефимовский Е., Перед судом истории (о «Восп.» М.), — «Возрождение», Париж, 1956, № 51; Азамович Г., Вас. Ал. Маклаков. Политик, юрист, человек, Париж, 1959; Сельва А., Далекие близкие, 2-е изд., Н.-Я., 1962; Шапиро А. Л., Рус. историография в период империализма, Л., 1962; Вернадский Г. В. М. и историзм рус. народа, — «Нов. журнал», Н.-Я., 1964, № 77; Дакин В. С., Рус. буржуазия и партия в годы первой мировой войны, 1914—1917, Л., 1967 (ук.); его же, Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг., Л., 1978 (ук.); Слонимский А. Г., Катастрофа рус. либерализма, Душанбе, 1975; Установ Буничко, Дивичани И. А. и В. Н. Буничко и др. арх. материалы, т. 1—3, Гр. М., 1977—82 (под ред. М. Грин; ук.); Гессен Н. В., Годы испания, Париж, 1979 (ук.); его же, В двух веках. Жизненный отчет, — «Архив рус. революции», т. 22, М., 1993 (ук.); Аврек А. Я., Черном и IV Дума, 1912—1914 гг., М., 1981 (ук.); его же, Распад третейской системы, М., 1985 (ук.); его же, Партия накануне свержения, М., 1989 (ук.); Думова Н. Г., Кадет, контролизация и ее разгром, М., 1982 (ук.); ее же, Кадет. партия в период первой мировой войны и Февр. революции, М., 1988 (ук.); ее же, Либерал в России: трагедия независимости, Нет. портрет М., ч. 1, М., 1990; Стариков В. И., Крах черенщины, Л., 1982 (ук.); Шашилло К. Ф., Рус. либерализм накануне революции 1905—1907 гг., М., 1983 (ук.); Назоков В., Время правдолюбия и большевист. переворот, Л., 1988; Шульгин В., Голос. Дни, 1920, М., 1990 (ук.); Суханов Н. Н., Зап. о революции, т. 1—3, М., 1991 (ук.); Вандальковская М. Г., П. Н. Мидоков, А. А. Киселёв: история и политика, М., 1992; Керенский А. Ф., Россия на ист. повороте, М., 1993; Яновский В. С., Полюс Елисейские. Книга ламги, СПб., 1993 (ук.); Берберова Н., Курсы войн, М., 1996 (ук.); Riha T. A., Russian European, Paul Miljukov in Russian Politics, Notre Dame—L., 1969; Rosenberg W. G., Liberals in the Russian Revolution, The Constitutional Democratic Party, 1917—1921, Princeton (New Jersey), 1974, + Некрологи, 1943; «Нов. журнал», Н.-Я., № 5 (А. Ф. Керенский; М. Адамов); «Социалистическ.», Н.-Я., 8 изд. (Б. Николаевский), Евреминов Б. А., Библи. печатных трудов М. (1886—1930), Париж, 1930; РВед.Об.; Брокгауз; ИЭС; Гранат; БСЭ (1—3); СИЭ; СДР; Полит. энцикл. России, 1917, М., 1995; Фостер; ИДРЭВ; Маслово.

Архивы: ГАРФ, ф. 579; РНБ, ф. 482.
А. В. Чашев.

МИЛЮТИН Владимир Алексеевич (16(28).12.1826, с. Титово Лихвино, у. Калуж, губ.* — 5.8.1855, Эмс (совр. Бад-Эмс), Германия), публицист, экономист, историк. Из дворян. Брат Д. А. Милютин и Н. А. Милютин (1818—72), гос. деятеля, активного

участника крест. реформы (памяти его посв. стих. Н. А. Некрасова «Кузнец»). Отец М. — смотритель Экспедиции Крестьянских строений (коллеж. сов.), мать — сестра гр. П. Д. Киселёва. Учился в 1-й моск. г-зии.

В 1847 окончил юридич. ф-т Петерб. ун-та. В это время участвует «по приглашению Майкова» (Майков В. Н., Критич. статьи, СПб., 1891, с. XXV) в критико-библ. отделе «Отч. записок»; вместе с ним составляет (см.: Усачкин А.) «общество литераторов» (входили М. Е. Салтыков-Щедрин и В. П. Стасов), сблизается с редакцией «Современника» (В. Г. Белинским, Некрасовым, И. И. Палаевым), становится постоянным сотрудником ж-ла. Уже первые публикации — ст. «Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции» (ОЗ, 1847, № 1—4), «Мальтус и его противники» («Совр.», 1847, № 8—9), неск. статей по поводу книги А. Бутовского «Опыт о нар. богатстве, или О началах полит. экономии» («Совр.», 1847, № 10—12; ОЗ, 1847, № 11—12; ответ М. на критику см.: «Совр.», 1848, № 9, 1849, № 3) обнаружили незаурядность экономич. мышления М. Белинский в своем обзоре «Взгляд на рус. лит-ру 1847 г.» определяет эти статьи («Совр.», 1853, № 6), секр. ота. статистики (1849—52); в 1852—1855 секр. РГО, ред. его «Вестника...» (дал рекомендацию Ф. И. Тютчеву для вступления в РГО — «Вест. РГО», СПб., 1854, кн. II, с. 41). После защиты (1849) магистр. дис. «О недвижимых имуществах духовенства в России» (опубл.: ЧОИДР, 1859, кн. 4, 1860, кн. 3, 1861, кн. 1—2; отд. изд. — М., 1862; В. О. Ключевский считал, что иссл. М. имеет «большую науч. цену» — Соч. в 8 тт., т. 2, М., 1957, с. 271—72) М. назначен (1850) адъюнкт-проф. Петерб. ун-та по кафедре рус. гос. права, с 1853 профессор, читал полн. право, в том же году был переведен на кафедру благочиния и благоустройства.

М. не только ученый, но оригинальный мыслитель. Характеризуя положение Запада, М. пишет, что невиданное прежде развитие производительности сопровождается распространением пауперизма (Издр. произв., 331). Ряд европ. ученых, с т. з. М., не заметили этого противоречия, ибо анализ экономического благосостояния ... вывели в ... умножении массы производимых продуктов, а вовсе не в улучшении судьбы каждого из производителей» (с. 332), положив на основании политэкономии не живую идею человека, но отвлеченное понятие богатства» (с. 309). М. утверждал, что экономикой должна ориентироваться на социальное служение, на

воспитание духовных потребностей, полагая, что человек не только экономическое существо и его бытие не определяется одним материальными условиями. Вот почему «экономические законы не иначе могут быть поняты, как в связи с другими законами общественной жизни...» (с. 380). П. Н. Сакулин считал, что «никто, кроме М., в рус. печати 40-х гг. не подвергал утопии, социализму такой ... критике» (Сакулин П. Н., Рус. лит-ра и социализм, ч. 1, 1922, с. 175). Он был «одним из первых рус. ист. социалистов» (Володин А. И., Утопия и история, М., 1976, с. 211).

Контрасты вышест. и цивилизации М. с худож. выразительностью набросал в реч. на кн. Бутовского, тем не менее полагая, что европ. путь — единств. путь цивилизации, а зто, его сопровождающее, будет исторически изжито.

О яркой одаренности М., проявившейся в столь молодые годы, писали мн. современники (Добродюбов, ук.; Чернышевский, ук.). Салтыков-Щедрин посвящал ему пов. «Противоречия» (ОЗ, 1847, № 11), вынеся в заглавие «одно из опорных понятий социолого-экономич. взглядов М.» (Макашин С., Салтыков-Щедрин. Биография, т. 1, 2-е изд., М., 1951, с. 233); он состоял с М. в переписке, о чем неоднократно упоминает (XVIII, кн. 1, ук.), по она не найдена. Л. Н. Толстой, отзывавшийся о М. как о замечательном человеке, воспринял один из эпизодов их дет. знакомства в «Исповеди» (см. об этом: ЛН, т. 90, ук., а также: Толстой, XXIII, 1; XXXIV, 402; Гусев Н. Н., Л. Н. Толстой. Мат-лы к биографии с 1828 по 1855 г., М., 1954, с. 132—35). По восп. А. В. Дружинина, М. участвовал в работе над очерками «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокижника по петербургским дачам» («Совр.», 1850, № 7, 8, 12). Нек-рое время М. посещал «пятницы» М. В. Петрашевского («Дело петрашевцев», т. 1, М.—Л., 1937, с. 178, по делу не привлекался; в ром. «Алексей Слободин» А. И. Пальм выводит М. как одного из участников собрания петрашевцев). В 1848 избран чл. РГО (сост. отчет РГО за 1852 — «Совр.», 1853, № 6), секр. ота. статистики (1849—52); в 1852—1855 секр. РГО, ред. его «Вестника...» (дал рекомендацию Ф. И. Тютчеву для вступления в РГО — «Вест. РГО», СПб., 1854, кн. II, с. 41). После защиты (1849) магистр. дис. «О недвижимых имуществах духовенства в России» (опубл.: ЧОИДР, 1859, кн. 4, 1860, кн. 3, 1861, кн. 1—2; отд. изд. — М., 1862; В. О. Ключевский считал, что иссл. М. имеет «большую науч. цену» — Соч. в 8 тт., т. 2, М., 1957, с. 271—72) М. назначен (1850) адъюнкт-проф. Петерб. ун-та по кафедре рус. гос. права, с 1853 профессор, читал полн. право, в том же году был переведен на кафедру благочиния и благоустройства.

«Красивой наружности, с густыми каштановыми волосами», «он обладал необычайной памятью и читал свои лекции наизусть. «Мы все относились к нему с таким уважением, с какою мы относимся даже к иным старым профессорам» (Устралов Ф., Восп. о С.-Петербурге, ум-те в 1852—56 гг. — ИВ. 1884, № 6, с. 592—93). Устрялов же сообщает о популярности лекций М. и среди образованной публики. По его сведениям (за полную достоверность которых он не ручается — там же, с. 595—96), в одну из таких слушательниц М. безотчетно влюбился, что и стало одной из причин самоубийства М. за границей, куда он уехал для лечения в 1854. Др. причины самоубийства называет Некрасов в письме Богдану со ссылкой на ненайденное письмо самого М. (ЛСС, т. X, М., 1952, с. 243): упадок сил, неизлечимая болезнь (П. П. Семенов-Тян-Шанский, близко знавший М., называет со слов лечащих М. врачей его болезнь раком — Семенов-Тян-Шанский П. П., Мемуары, т. 1, П., 1917, с. 206—07). В изречение говорилось: «Рус. наука лишилась одной из надежд своих, рус. лит-ра одного из умных и даровитых писателей» («Совр.», 1855, № 9, с. 54; там же перечень основных статей М., опублик. в ж-ле в 1847—55, известие о незаверш. докт. дис. — «О дыхах»).

Др. произв.: статьи «Совр. заметки» (совм. с Н. А. Некрасовым; «Совр.», 1847, № 7), «Очерки рус. журналистики, преимущественно старой» («Совр.», 1851, № 1—3), «Обзор дипл. сношений древней России с Рим. империей» («Совр.», 1851, № 7—8), «Жизнь Алкивиада» («Совр.», 1855, № 1, 2, 9).

Изд.: Избр. произв., М., 1946.

Лит.: Достоевский, Толстой, Никитенко (все — ук.); Русанов Н. С., Из идейной истории рус. социализма 40-х гг. — РБ, 1909, № 1; Блюмин Н., Экономич. взгляды М. — «Проблемы экономики», 1936, № 2; его же, Очерки экономич. мысли России в первой пол. XIX в., М., 1940; Ярыгин П. И., Экономич. взгляды М., М., 1955 (Автореферат); Усачкина Т. И., Петрашевский и лит.-обществ. движение 40-х гг. 19 в., Саратов, 1965, с. 9—10, 16—17, 103, 107; Божрежский С., Критика капитализма и бурж. политэкономии в трудах М., — «Экономич. науки», 1978, № 7; История рус. экономич. мысли, т. 1, ч. 2, М., 1958, с. 16; Дубнов А. С., Экономич. взгляды М., М., 1958; Кулешов В. И., «Отеч. энциклопедия» и лит-ра 40-х годов XIX в., М., 1959 (ук.); Романов Г. И., Критическо-утолич. социализм М., М., 1980 (Автореферат); его же, Социализм, исиханизм М. — В кн.: История социализма, учений, 1986, М., 1986; Егоров В. Ф., Петрашевский, Л., 1988 (ук.); + Брокгауз; Венгеров, Источ.: Гранат; БСЭ; СЭЭ; Экономич. энци. «Полит. экономия», т. 2, М., 1975; ФЭ, т. 3; Ботград. Совр.; Вспад. ОЗ (1).

Архивы: РГБ, ф. 169 (Милютин); ЦИАМ, ф. 4, оп. 10, д. 1343, л. 6 (дело о заочном; и. с.); РГИА, ф. 369, оп. 1, л. 1662 (конспект лекций М.).

В. И. Мильцова

МИЛЮТИН Дмитрий Алексеевич [28.6(10.7).1816. Москва — 25.1(7.2).1912, Сименз, похоронен в Москве на кладб. Новодевичьего мон.), гос. и воен. деятель, историк, мемуарист. Чл.-к. Петерб. АН (1854). Брат В. А. Милюткина и Н. А. Милюткина. В 1828 М. поступил в 3-й кл. Моск. губ. г-зии. С 1829 воспитаник Моск. ун-тского благородного пансиона, где участвовал в лит. собраниях и редактировал рукоп. ж. «Улей» (утрачен), в к-ром помещались, в частности, первые стих. сочинения М. (классом ниже) М. Ю. Лермонтова; предположительно, в архиве М. хранились неизв. рукописи Лермонтова (подробнее см.: Лерм.

энц.). В числе ученич. работ М. — «Опыт лит. словаря» (М., 1831; подпись Д. М.) — компилятивный лексикон терминов словесности. «Руководство к съёмке планов с применением математики» (М., 1831; полужит. отзыв: СП, 1831, 4 сент.), опыты переводов. Летом 1831 познакомился с семьей Аксаковых и сбли-

зился с К. С. Аксаковым, «принимал участие в лит. об-ве, заведенном тогда Константином» (Аксакова В. С., Дневник, СПб., 1913, с. 38).

В дальнейшем в течение всей жизни М. не оставал лит. и науч. занятий. В 1833—36 он подготовил более 150 статей по физике, географии, математике и воен. делу для «Энциклопедич. лексикона» А. А. Плюшара (т. 10—17) и «Воен. энциклопедич. лексикона» Захаря (т. 2—8). Писал рецензии, делал переводы, участвовал в ж. «Отеч. зап.» — ст. «Суворов» (1839, № 4, 5) и ст. «Рус. полководцы 18 столетия» (не опубликована полностью). В 1848 М. было поручено завершить (ч. 1, т. 1 была написана А. И. Михайловским-Данилевским) «Историю войны России с Францией в царствование имп. Павла I в 1799 г.» (т. 1—5, СПб., 1852—1853, 2-е переработ. изд. — т. 1—3, СПб., 1857; Демидовская пр., 1853; пер. на нем. язык — Bd 1—5, München, 1856—58). М. подошел к делу «как истинный историк, умеющий извлекать из массы разрозненных материалов их внутр. смысл и сущность ... История ... займет, без сомнения, весьма почетное место в общероссий. лит-ре» (Т. П. Грановский — МВд, 1853, 21 мая, с. 623; ср.: А. П. Карцев — «Совр.», 1853, № 6, с. 113).

По окончании пансиона в 1832 вступил на воен. службу (фейерверкер 1-й л.-тв. арт. бригады, в 1833 произведен в офицеры) и сделал блестящую карьеру. Окончив Воен. акад. (1835—37, с серебр. медалью), служил в Гвардейском Ген. штабе; в 1839—44 — на Кавказе (был ранен при штурме крепости Ахульго; см. его позднейшие восп.: «Описание воен. действий 1839 г. в Сев. Дагестане», СПб., 1850; сочувств. рец.: «Москв.», 1850, № 12, кн. 2, с. 180—192; см. также: ОЗ, 1850, № 6, с. 74—86). С 1845 проф. воен. географии в Воен. акад., ввел новую дисциплину — воен. статистику, отд. изд. курса — «Первые опыты воен. статистики» (т. 1—2, СПб., 1847—1848, Демидовская пр., 1849) — было оценено как «важное явление не только в русском, но и в европ. уче-

ном мире» («Совр.», 1848, № 3, с. 87). В кон. 40-х — нач. 50-х гг. М. входил в кружок вел. кн. Елены Павловны и вел. кн. Константина Николаевича, сблизился с Т. Н. Грановским, К. Д. Кавелиным и Б. Н. Чичерным. Часто бывал у И. И. Панаева и А. Я. Панаевой, где встречался с Н. А. Некрасовым и Н. Г. Чернышевским (Панаева в. ук.); был знаком с петрашевцами А. П. Баласогло и П. А. Кузьминным, к-рым содействовал в организации геогр. экспедиции в Сибирь («Дело петрашевцев», т. 2, М.—Л., 1941, с. 135). В 1853 М. сопровождал имп. Николая I в его загран. путешествии.

В 1856—59 нач. Гл. штаба войск на Кавказе, разработал план операций, приведших к пленению Шамиля и окончанию войны. В 1860 М. назначен товарищем воен. министра, с 1861 — управляющим мин-ва, с нояб. 1861 — воен. министром.

Проводил коренную воен. реформу (с 1855 — чл. комиссии по ее подготовке; подробнее см.: Джаншиев Г., Эпоха великих реформ, 8-е изд., М., 1900; Зайячковская). Для ее пропаганды вызвал изюк издания «Воен. сб-ка» (1858), лично руководил газ. «Рус. инвалид» (Феоктистов, с. 325), к-рую превратил в одну из самых авторитетных либеральных газет с четко выраженной программой: Россия с сильным центр. властью, проведение политики вос. реформ, равноправие всех сословий. Позиция М. в аграрном и крестьянском вопросе позволила его противникам утверждать, что М. — «присвоен человек красных и изборник демокр. начал» (Никитенко, т. 2, с. 395). В то же время М. оказался сторонником жесткого подавления польского восстания 1863—64, стремился оправдать самые жестокие действия рус. войск (см. отзыв А. И. Терьева — XVII, 70). В 1868 «Рус. инвалид» был приостановлен «за вредное направление» и в 1869 возобновлен как чисто ведомств. изд. под ред. П. К. Мельова. В 60—70-е гг. по вооружению у М. собирался дружеский кружок, где бывали К. К. Грот, А. В. Голловин, Д. А. Домошницкий, Кавелин, Е. Ф. Корш, Н. А. Милютин, Е.-М. Феоктистов и др. (Зыков, с. 121; Витчмер А. П., Ухождение слова и пера. — НВ, 1913, № 8, с. 573).

Успешная мобилизация армии (1876, закончена за 15 дней) и победа в рус.-тур. войне (по итогам к-рой М. в 1878 был пожалован графский титул), показавшие эффективность воен. реформы, усилили влияние М. на внешнеполит. курс, но после убийства Александра II и перемены правительства курса (имен К. П. Победоносцева, лежащие в основе контрреформ, М. называл отрицанием «основ европ. цивилизации» — Дневник, т. 1, с. 62; см. также его ст. «Воен. реформы имп. Александра II» — ВЕ, 1882, № 1) М. вынужден был уйти в отставку (1881). В 1889 совершил путешествие в Египет, Палестину и Италию. В 1898 ему было пожаловано звание ген.-фельдмаршала. Жил «опальным отшельником» в своем крымском имении в Симензе (с 1882), где работал над мемуарами, публикацию к-рых предполагал только через 50 лет со дня своей кончины (Либрович С. Ф., На книжном пути. П.—М., 1916, с. 305). По смерти М. все рукописи

поступили в Акад. Ген. штаба, к-рая готовила полное изд. его трудов, однако 1-я мировая война и революция 1917 прервали эту работу. В 1919 в Томске, куда была эвакуирована Академия, вышел первый и единственный «Воспоминаний» (кн. 1—3; рукопись под назв. «Мои старческие воспоминания за 1816—1873 гг.» из 19 тетрадей хранится в РГБ, 6-я тетрадь утеряна). «Дневник» М., к-рый он вел в 1873—99, также опубликован (т. 1—4, М., 1947—50 — записки за 1873—82).

Гл. содержание «Дневника» составляют почти ежеднев. записки служебного характера; сухие, иногда конспективные, они тем не менее не только передают напряженную атмосферу полн. кулис, борьбу на «арене власти» разд. полн. сил, но и наглядно иллюстрируют сложный ход правительств. механизма, его тайные движители (один из них — «пошлая камарилья» царя), влияющие на выработку решений и определяющие практич. политику. Подробно освещая перипетии гос. жизни, в частности малозвестный период «кризиса верхов» в кон. 70-х гг. и борьбу правительств. группировок в нач. 80-х гг., М., используя краткие, иногда язвит. штрихи, создает полн. портреты гл. «участников» событий. Благожелат. характеристики сторонников модернизации страны (А. А. Абазы, М. Т. Лорис-Меликова, Н. К. Гирса и др.) и критич. отношение к «противудеиствовавшим» (Победоносцеву, Д. А. Толстому, П. А. Шувалову и др.) косв. образом подтверждают полн. симпатии М. В «Воспоминаниях» М. подробно и живо описывает жизнь своего большого семейства в Москве и деревне, учебу в пансионе, начало службы. События внутри- и внешнеполит. жизни (в т. ч. студенч. волнения, ход воен. реформы, восстание в Польше и др.), жизнь имп. двора воспроизводятся с документ. точностью, с использованием газет и арх. мат-лов. Часть «Воспоминаний», касающаяся полн. курса правительства, носит апогетич. характер. Обширные знания, ум, приверженность реформам выделяли М. из среды правительств. чиновников, где он в изв. степени выражал взгляды рос. либерализма, что сообщает и мемуарам М., отличающимся добросовестным изложением событий и фактов, многие из к-рых он впервые вел в оборот, дополнит. интерес.

Др. прозв.: пер. «Записки маршала Сен-Сира о войнах во время директории, консульства и империи французской» (совм. с Л. Л. Штюермером; «Воен. б-ка... на 1839 г.», т. 5, М., 1840). «Наставление к занятию. обороне и атаке лесов, деревень...» (СПб., 1843, 1845), «Краткий очерк Кавк. края в воен. отно-

шении» (б.м., 1848), «Карманная справочная книжка для рус. офицеров» (СПб., 1856).

Изд.: Воспоминания, М., 1997 (вступ. ст. Л. Захаровой, послесл. Б. Линкольна).

Лит.: Гершиц; Никитенко; Толстой; Турганев; Чернышевский; Фоксистер (все — ук.); Богданович М., Ист. очерк деятельности воен. управления в России. 1855—1880, т. 1—4, б. СПб., 1880; Миллервич; Жерве Н. П., Граф Д. А. Милютин, СПб., 1906; Коки А. Ф., Граф Д. А. Милютин, Собр. соч. в 8 т., т. 5, М., 1968; Зыков С. П., Наброски из моей жизни, СПб., 1910; Базов А. К., Граф Д. А. Милютин. — Изв. имп. Николаев. воен. акад., СПб., 1912, № 26, 27; Бородакин М. М., Граф М. в отъезде его современников, СПб., 1912; Симонов И. С., Граф М. и воен.-уч. ведомство, СПб., 1912; Зайончковский П. А., Воен. реформы 1860—1870 гг. в России, М., 1952; Зиновьева М. Д., Перисика М. с Ф. Ф. Бергом. — В кн.: Восстание 1863 г. и рус.-польские рев. связи 60-х гг., Сб. ст., М., 1960; Бушнелл Дж. Д., Милютин и Балканская война: описание воен. реформы. — В кн.: Великие реформы в России 1856—1874, М., 1992; Шлихтер Б. А., Арапов М. — ЗапЕЛ, в. 36, М., 1954; Miller F. A., Dmitrii Milutin and the Reform Era in Russia, Nashville, 1968. + Некрологи, 1912: ИВ, № 3; «Воен. сб-я», № 2; «Ж-л имп. рус. военно-ист. об-ва», № 2; «Изв. имп. Николаев. воен. акад.», № 25, 26; РСЗ, 26 янв. (в т. ч. С. Ю. Витте о М.); ИВ, 26 янв. Брокгауз; ЭЭС; Вестерв. Источ.; БСЭ; СИЭ; ИБРДВ.

Архивы: РГБ, ф. 169 (ф. Милютинских); РГВИА, ф. 224, ф. 400, оп. 9, д. 3262 (к. п. с. 1880 г.), ф. 970, оп. 3, д. 2282 (дополнение к п. с. до 1908 г.); ШНАМ, ф. 4, оп. 10, д. 1343 (топия м. с.).

Н. П. Соколов

МИЛЯЕВ Василий Иванович [27.2(11.3). 1874, селцо Ивановское Корчев. у. Твер. губ. — 18.4.1929, с. Володарское близ Мариуполя], поэт, прозаик. Сын мещанина (бывшего дворового). Детство провел в родном селе, в 1881 семья переехала в Москву. До 1886 учится в нач. тор. уч-ще, затем служил мальчиком

в посудной лавке, в чайном магазине, с 15 лет — писцом в стронт. конторе; в это же время начал писать стихи и рассказы. В 1890 познакомился с М. Л. Леоновым, И. А. Белоусовым, С. Д. Дрожжиным, М. А. Козыревым. Первая публ. — рассказ «Новогоднее счастье» (газ. «Вестник», 1892, 1 янв.). В 1890-х гг. работал в

книжном магазине, публиковался в петерб. и провинц. изданиях («Родина», «Орлов. вест.», «Север» и др.), затем уже как проф. литератор сотрудничал в моск. газетах («Рус. листок» и др.), помещая в них небольшие заметки, репортажи и фельетоны (часто без подписи). Первые опыты М. в прозе — лирич. рассказы (напр., эскиз «Лилловая сирень» — сб. «На доброе дело», М., 1894—95). В газ. «Курьер торговли и промышленности» печатал фельетоны под рубрикой «Провинциальная жизнь» (1895, февр. — апр.); рассказы «Голос сердца» (1895, 2 марта), «Красный звон» (1895, 2 апр.), «Блудный сын» (1896, 1 янв.), «Враги» (1896, 24 февр.); повесть из совр. жизни о «первой любви» и «разбитом сердце» «Русалка» (1895, 17 дек. ... 1896, 6 марта; подпись В. Морской); фельетонные ром. «Клад» (1895, 22 июня... 13 дек.), «Власть золота» (1896, 9 февр. ... 14 июня; не окончен); ист. очерки из времен завоевания Сибири «Купцы Строгановы» (1895, 28 мая... 1896, 2 февр.). Здесь же опубли. стихи на христ. праздники «Крещение Господне» (1896, 6 янв.), «Христос Воскрес!» (1896, 24 марта). В газ. «Курьер» напечатан роман М. из жизни лит. богемы «Мертвый омут» (1897, 6 ... 28 нояб.; не окончен). В стих. М. 1890-х гг. (он издал три сб-ка: «Огоньки», «Хуторок», оба — К., 1893, и «Васильки», К., 1895) эклектич. смешение стилей (А. В. Кольцов, А. А. Фет, С. Я. Надсон). «Доля бедняка», красота рус. пейзажа, бессильный призыв к счастью, увлеченная любовь, ранняя усталость души — его осн. темы. Реже звучат гражд. мотивы: горячее желание вступить «в бой неравный» с силами зла, обреченный на поражение слабостью и безверием — болезнью всего поколения (см., напр.: «Дума» — «Родина», 1893, № 14; «Элегия» — «Набл.», 1895, № 2).

По восп. М., под впечатлением знакомства с Л. Н. Толстым (см. очерк «У Льва Толстого» — «Орлов. вест.», 1893, 27 апр.; см. об этой встрече восп. И. С. Ивина в кн.: Лубочная книга, М., 1990, с. 384—85) в 1898 оставил журналистику и до 1905 служил волостным писарем в Екатеринослав. губ. Вернувшись в Москву в разгар рев. событий, поступил в изд-во «Искра», участвовал в издании сб-ков рев. стихов, «свободных песен», помещая в них свои прозв. под псевд. Чужой. Мягкий лиризм ранних сб-ков сменяется резким обличит. пафосом (напр., в стих. «Я проклял ту землю, где юность текла ...» — сб. «Под красным знаменем», в. 1, М., 1906). Нек-рые из них приближаются к жанру рев. песни, в особенности стих. «Собирайтесь под красное знамя» (там же и в сб. «За свободу!», Р. и Д., 1906),

написанное воинственным анапестом «Марсельезы», а также стих. «Мы — братья!» (сб. «Под красным знаменем», в. 2, М., 1906; отд. изд. — Архангельск, 1917), ставшее популярной песней в годы Революции 1905—07; «Новые пахарь» («Сб-к рев. стихов для декламации», М., 1921) и др.

В 1905 в моск. ж-лах публиковались рассказы и очерки М. из нар. жизни, в к-рых он стремился показать новые настроения крестьян, мастеровых, подмеченные им в провинции: «Пробуждающиеся силы» («Голос жизни», № 1), «Занумерованные души» (там же, № 7). Характерна маленькая пов. «В деревне» (ИВ, 1905, № 11), записанная со знанием крест. быта, тонким пониманием природы, проникнутая сочувствием к беззащитному рус. мужику и не без сатирич. сгушения красок изображающая «сильных мира сего».

В 1905 М. начал издавать сатирич. ж. «Шрапнель» (вышло два номера, причем первый полностью отпечатан в красном цвете), с карикатурами и эпиграммами; объект сатиры — рус. правительство, генералы-«усмирители» вооруженного восстания в Москве, «черная сотня» и т. д. Здесь же помещены и рассказы М. «В тюрьме» (№ 1) и «Колокольни» (№ 2), по своей экспрессивности тяготеющие к прозе Л. Н. Андреева. Против ж-ла и его издателя было возбуждено судебное дело (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 2180). В 1907 в газ. «Мужичья правда» опубликованы стихи М. «Да, я сокол, мой друг, только сокол с крылом перебитым...» (25 окт.). После неск. лет заключения (до 1910) жил в Екатеринославе, губ. В 1915, получив в наследство небольшую усадьбу, жил с семьей в с. Никольском (позднее с. Володарское) близ Мариуполя, в 1916 служил счетоводом на Ревельском судостроит. заводе, в 1917 — экспедиционером в архангельской газ. «Сев. утро»; в 1918 переехал в Москву, где, стесненный нуждой, служил в милиции; в 1919 М. удалось вернуться к семье в с. Никольское; до 1923 он занимал в местном ревком. должность секретаря и нар. судьи. В последние годы жизни, отойдя от обществ. деятельности, занимался обработкой своего участка земли.

Др. произв.: биогр. очерки «А. С. Пушкин», «М. Ю. Лермонтов» (оба — К.—Х., 1893; отрицат. рец.: СВ, 1895, № 2); отв. стихи: «Моск. вест.», 1904, 18, 25 янв.; «Сев. утро», 1911, 19 июля, 1912, 24 окт.; «Млечный путь», 1914, № 1.

Лит.: Шапсва Р., В. Е. Милдасе — автор песни «Мы — братья!» — РЛ, 1965, № 2; Шабунин А., И все-таки это — Милдасе! — ВЛ, 1973, № 2. + Венгеров (См. Источ.); Смирнов-Скопский; Алм. и сб-ки (М. ошибочно приписано авторство «Варшавянкам»); Мяснов.

Архивы: ИМЛИ, ф. 249; ИРЛИ, ф. 377; ф. 193, № 119 (письма М. Л. Лозову), № 120 (письма А. И. Яшинскому); ГАРФ, ф. 63, оп. 50, 1912 г., д. 142; Назаров.

И. В. Никитина.

МНШ Дмитрий Егорович [27.3 (8.4).1819* (по др. сведениям — 1818), Рязан. губ. — 30.10(11.11).1885, Петербург; похоронен на Новодевичьем кладб.], поэт-переводчик, медик. По происхождению «из великобританских подданных» (ф. с. 1839 — ЦИАМ), сын инженера. Жил преим. в Москве, где окон-

чил Практич. акад. коммерч. наук (1834), затем Медико-хирургич. акад. (1839, с зол. медалью). До 1856 работал ординатором в Екатеринин. больнице, одновременно, в 1846—1852, — ассистентом в госпитальной клинике Моск. ун-та. В 1849 защитил в ун-те дис. на степень д-ра медицины (утвержден в степени в 1851); в 1851—58 второй ред. «Врачебного журнала». В 1858 избран альюнкти-проф. мед. ф-та ун-та по кафедре гос. врачевноведения, а в 1863 проф. по кафедре судебной медицины; неоднократно выступал мед. экспертом на судебных процессах. В 1864 возглавил работу по принятию экстренных мер во время холерной эпидемии. В 1856—68 секр. мед. ф-та; избирался ун-тским судьей, периодически исполнял обязанности ректора и попечителя уч. округа. Опубли. ряд мед. работ. В 1878 оставил ун-т по состоянию здоровья, после чего переехал в Петербург.

Лит. творчество составляло «частную» сторону жизни М. Осн. труд, принесший ему славу «рус. истолкователя Данта» (Михайлов, с. 49), — полный пер. строфической подлинника (терцинами) «Божественной комедии» Данте Алигьери. Принявшись ок. 1840 перевести песни «Ада», М. не решился опубликовать пер., пока одобрение С. П. Шевырева не побудило его отдать перевод в «Москвитянине» (1843, № 4); позднее в ж-лах появились еще

4 песни. Полный пер. «Ада», предзнаменовавший М. П. Логозинным для publ. в 1852 в «Москвитянине», был первонач. запрещен цензурой (напечатан с ценз. купюрами — «Москв.», 1853, № 6 ... 24); позднее вышел отк. книгой с обширным комм. М. и переводными пояснит. статьями (М., 1855; положит. отзывы: А. В. Никитенко — ЖМНП, 1855, ч. 88, № 10; Я. Н. Турунов) — РИ, 1856, 2 марта. Дальнейший труд (пер. «Чистилища» и «Рая»), переработка пер. «Ада» растянулся на долгие годы, и при жизни М. были опублик. лишь 3 песни «Чистилища» (РВ, 1865, № 9; 1879, № 3). Полностью пер. был издан посм. (т. 1—3, СПб., 1902—04; рец.: ВЕ, 1902, № 5; Пушкинская пр., 1907; см.: 17-е присуждение Пушкинских премий, Сб. ОРЯС, 1908, т. 84, № 5). Труд М., опиравшегося на глубокое изучение латинск. и богослов. рассуждения Данте, намного превосходил все рус. пер. «Божественной комедии» 19 в. Впоследствии М. Л. Лозинский, сам переведший это произв., хотя и считал с т. з. требованный 20 в., что по стихам М. «трудно судить о поэтической мощи подлинника» («Лит. совр.», 1938, № 3, с. 98), использовал, однако, в своем пер. нек-рые поэтич. находки М.

С нач. 1850-х гг. М. переводил Дж. Байрона (II—IV песни «Дон Жуана» — РВ, 1881, № 3, 4; отд. изд. — М., 1881; поэма «Осада Коринфа» — РВ, 1875, № 3; неск. стих.), У. Шекспира (монолог Ричарда II из однок. хроники — РВ, 1864, № 4; хроника «Король Иоанн» — РВ, 1882, № 7; отд. изд. — М., 1882) и Ф. Шиллера («Порезанная ладонь индейца» — «Совр.», 1854, № 9; «Песня о колоколе», СПб., 1856; «Художник», СПб., 1857; все перевел: Лиринские стих. Шиллера в пер. рус. поэт. т. 1—2, СПб., 1857). Переводы были высоко оценены критикой (см.: Чернышевский, IV, 506; Добролюбов, II, 158; Дружинин А. В., Собр. соч. т. 7, СПб., 1865, с. 438—39). Тогда же М. заинтересовался англ. «эпиком бедных» Дж. Крабом и озабочивал рус. читателей с отч. частями его поэмы: «Прихожские списки» (РВ, 1856, № 12; 1857, № 3; 1860, № 11) и «Местечко» (Лит. отг. МВед., 1857, 16 февр.; под назв. «Питер Граймс» — РВ, 1862, № 11). Посм. был опубликован пер. поэмы Т. Тасо «Освобожденный Иерусалим» (т. 1—3, СПб., 1900). В числе пер. М. также отдельные стихотв. произв. Ф. Петрарки, Дж. Мильтона, Р. Бернса, У. Вордсворта, Т. Камбелла, Т. Мура, П. Б. Шелли, А. Теннисона, У. Морриса, Р. Бюкенена, Г. Лонгфелло, Л. Уэланда, Ф. Фрейниграта. Переводч. деятельность М. отличалась полнотой полноты переводимому автору, стремление к точной передаче содержания и формы подлинника; отсутствие у М. ориг. стихотворный опресало разнообразие его пер., на к-рые не накладывался отпечаток собств. поэтич. манеры. М. Л. Михайлов писал в 1859: «По силе стиха, по мастерству, с какою властью он владет, по глубокому такту, позволившему ему уловить и передать главный характер подлинника, настоящее переложение Данта, Крабба и Лесни о колоколе» мы не обинуясь назовем первым после Жуковского переложником» (с. 49).

В последние годы жизни М. тяжело болел, жил уединенно. По словам автора некролога, в день смерти «задыхающийся его голос просил дать „Божественную комедию“ и слабою-

шая рука, бессильно скользя по страницам бессмертного творения, искала в комментариях к нему недосказанного слова...» (НВ, 1885, 4 нояб., с. 3).

Изд.: [отрывки из предисл. переводчика к V, XV, XVII песни «Ада»]. — В кн.: Данте Алигьери. Божественная комедия. М., 1988 (ступ. ст. и прим. А. А. Илюшина).

Лит.: Гасбов И. Иванов Д. История чешск. Практич. акад. коммерц. наук. М., 1860, с. V, 221; Шершавкин С. В. Д. Е. Мин (1818—1885). — В кн.: Науч. конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Разан. обл. Технич. акад. М., 1953; Михайлов М. Л., Соч., т. 3, М., 1958, с. 49—51; Рус. писатели о персване. XVIII—XX вв., Л., 1960 (ук.); Бэлза И., Брюсов и Данте. — В кн.: Данте и славяне. М., 1965, с. 82—84 (отзыв В. Я. Брюсова о переводе М.); Горохова Р. М., «Ада» Данте в пер. М. и царская цензура. — В кн.: Рус.-серб. лит. связи. М.—Л., 1966; Голенищев-Кутузов Н. Н. Творчество Данте и мировая культура. М., 1971 (ук.); Левин Ю. Д. Рус. переводчики XIX в. и развитие худож. пер. Л., 1983 (глава о М.); Асоян А. А., «Поэтика высочайшего поэта...». Судьба «Божественной комедии» Данте в России. М., 1990, с. 19—22; Burriot-Darsières H. Danie et la censure russe. — «Revue de littérature comparée», 1924, v. 4, p. 109—111; Engel-Braunschmidt A., Deutsche Dichter in Russland im 19. Jahrhundert. München, 1973, S. 186—89, у Некрополи, 1885: МВед., 5 нояб. (П. Нейдинг): «Новости и бирж. газ.», 5 нояб.; «Нива», № 50; ЖМНП, № 12; НВ, 1885, № 1. Добролюбов Н. В., Яковцов С. Д. Библиогр. словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (прим.) Рязан. губ., Ряз., 1910; Эмев: Сл. ОЛРС; Брокгауз; ЭС: Высшей. Истоц. Мезер; Языков; Гранат; Смирнов-Соколовский; Данченко В. Т., Данте Алигьери. Библиогр. укр. рус. переводов и критич. лит-ры на рус. яз. 1762—1972. М., 1973; Шкелтер. Библиографич. рус. пер. и критич. лит-ры на рус. яз. 1748—1962. М., 1964; Масанов.

Архивы: ГГАЛИ, ф. 1863 (ф. с. 1848, 1877 г.); РНБ, ф. 1000, оп. 2, № 896 (свидетельство об окончании Мезико-хирургич. акад., 1839 г.); ЦНАМ, ф. 433, оп. 55, д. 109 (ф. с. 1839 г.); ф. 418, оп. 46, д. 456 (ф. с. 1872 г.); оп. 30, л. 198; оп. 369, л. 213, л. 5 (биогр. мат-лы) (справка В. В. Александровой); РГИА, ф. 777, оп. 2, 1857 г., д. 61 (письмо Н. В. Гербастю, 1856); оп. 149, 1873 г., д. 10; оп. 120, д. 628 (биогр. сведения); д. 230 (ф. с. 1865 г.).

Ю. Д. Левин

МИНАЕВ Дмитрий Дмитриевич [23.10(4.11).1835*, Симбирск — 10(22).7.1889, там же; похоронен на Свято-Духовском кладб. рядом с отцом Д. И. Минаевым], поэт-сатирик, пародист, фельетонист, переводчик. Мать М., симбирская дворянка Е. И. Зиминская, «от природы женщина очень умная, многозначитаяная», по свидетельству домашнего учителя М., владела иностр. языками, «была барыня с своим особенным барским слогом»; ребенком М. был похож на нее «и обликом и многими душевными качествами» (Г. Н. Потанин, «Восп. о М.» — РГАЛИ, ф. 553, оп. 1, № 1079, л. 2—2 об.). С детства М. знал много стихов, «чутко их понимал и временами силится так же торжественно читать их, как читал его отец» (Потанин Г. Н., Речь на могиле поэта М. — «Симбирские губ. вед.», 1899, 30 июня). В 1847 родители М. переселились из Симбирска в Петербург, где М. отдели в Дворян. полк. В годы учебы на него оказали значит. влияние знако-

мый отец, преподаватель словесности, изв. переводчик И. И. Введенский, будущий поэт В. С. Курочкин (учившийся тогда же в Дворян. полку), его брат Н. С. Курочкин, а также вольная атмосфера, царившая в то время в доме отца М., поддерживавшего друж. связи с нек-рыми петршевцами (см.: Дело петршевцев, ук.) и встречавшегося с Н. Г. Чернышевским (см.: Чернышевский И. I, 371, 395, 400, 402).

В 1852 М. вернулся в Симбирск, видимо не окончив курса (см.: Ямпольский, 1974, с. 245), и определился на службу в губ. казенную палату. Еще в годы учебы он начал сочинять (сохранились сведения о не дошедшем до нас рассказе, включенном в рукоп. журнал Дворян. полка; см.: Миклашевский А. М., Дворян. полк в 1840-х гг. — РС, 1891, № 1, с. 117). Один из симбирцев вспоминал позднее о шумном успехе ходившего по рукам стих. М. «У нас бульвар устроили средь улицы большой...» с карикатурными портретами реальных лиц (см. об этом: Бейсо в П., «Губернская фотография» М. — «Уч. зап. Ульяновского пед. ин-та», в. I, 1948). Возможно, с этим стих. генетически связана поэма М. «Губернская фотография» (частично напечатана в «Гудке», 1862, № 4, 6). Полный текст поэмы, получивший в Симбирске широкое хождение в списках, «вся губерния читала и декламировала» (Н. Никольский — «Симбирские губ. вед.», 1899, 23 июня).

В 1855 М. пересел в Петербург и, прослужив два года в земском отд. Мин-ва внутр. дел, вышел в отставку в чине коллеж. рег. С тех пор М. жил только на гонорары, что обрекло его, по словам близкого приятеля, на

«каторжную работу»: «... это был русский Бальзак, писавший без перерыва с лишком тридцать лет. Он писал все и обо всем...» (Мартыанов П. К., Дела и люди века, т. 1, СПб., 1893, с. 175—76).

Сначала М. сотрудничал во второстепенных столичных изданиях («Иллюстрация», «Ласточка», «Рус. мир», «Развлечение»), затем его имя стало появляться в «Рус. речи», «Дамском вестнике», «Рус. вестнике» и др. В 1859 вместе с А. П. Ситкинским М. пытался получить разрешение на издание газ. «Рус. телеграф», в чем им было отказано (РГИА, ф. 777, оп. 2, 1859, д. 96; см. также: Ямпольский, 1974, с. 246). Не позднее того же года М. сблизился с А. П. Милюковым, давним знакомым отца по кружку Введенского, посетил его «вторник», где встречал А. Н. Майкова, В. В. Крестовского, А. А. Григорьева, ставших через год-два излюбленной мишенью М.-пародиста. Сузя по письму Милюкова к Ф. М. Достоевскому от 28 сент. 1859 (ЛН, т. 83, с. 160). М. участвовал в создании ж-ла Милюкова «Свечок», печатаясь затем на его страницах (а также в выходившем при нем «Карикатурном листке»), что позднее не помешало ему насмешливо отзываться о позиции этого журнала (стх. «Последние славянофилы», 1862).

В нач. 60-х гг. М. вошел в обиход самых заметных литераторов радикального лагеря, чувствовал себя в этом кругу настолько уверенно, что выступал в роли советчика и руководителя своего бывшего учителя Гавр. Н. Потанина, в то время начинающего беллетриста (см. выдержки из дневника Потанина в кн.: Мельгунов В. В., Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989, с. 245, 249).

Творческая биография М. неотделима от судьбы наиб. известных левых журналов 1860—70-х гг. — «Искры», «Рус. слова», «Современника», «Гудка» (первые 14 номеров вышли под ред. М.), «Будильника», «Отеч. записок», «Дела». Успех нек-рых из них — прежде всего «Искры» и «Рус. слова» — в немалой мере обязан деятельному участию М., к-рый, в свою очередь, именно на их страницах обрел собств. голос. Сотрудничая одновременно в нескольких изданиях, М. выступал — часто в одной и той же книжке журнала — с сатирич. стихотворениями, пародиями, комич. поэмами, драматич. сценками, переводами, а также лит.-критич. обозрениями, хроникой худож. жизни и фельетонами. Он контаминировал, «капризно» смешивал жанры, что являлось результатом продуманной лит. позиции, не раз декларированной прямо: «Прихотлив и отрывист мой будет рассказ/ И

капризен, как жизнь и природа». «Я пишу произвольно, о чем захочу! Что ни встречу — все будет мне темой! Хоть на зло всем риторикам песни мои! Я и назвал капризно поэмой» [«Будни. (Отрывки из совр. поэмы)» — «Гудок», 1862, № 13]. Пестрота мотивов, внезапные сдвиги интонации (гражд. патетика сменяется дурашливым тоном, лиризм — ерничеством), частые переходы от прозы к стихам, имитация живой болтовни, изобилующей эффектными каламбурами и язвительными эпиграмматами, — все эти устойчивые черты поэтики М. придали особый блеск его прозаич. фельетонам, пересыпанным пародиями, «перепевами» и оригинальными стихотворениями. Среди наиб. известных фельетонных циклов М. — «Дневник темного человека» (РСл, 1861, № 2 — 1864, № 8; В. В. Гиппиус подвзвг справедливому сомнению принадлежность М. лишь одного фельетона — РСл, 1864, № 4; см.: ЛН, т. 11—12, с. 99), «С Невского берега» («Дело», 1868—70) и «Невинные заметки» (там же, нач. 1870).

В ист.-лит. перспективе фельетоны М. — уникальное свидетельство эпохи, живая летопись журнальных боев, способная служить комментарием ряда вершинных произв. тех лет. Под пером М., в тесном взаимодействии с др. сотрудниками «Искры», сформировалась зашифрованная образность и расхожая фразеология радикальной прессы 60-х гг., игравшие роль лит. сырья для многих писателей. Целые смысловые блоки со страниц «Искры» перекочевали в произв. М. Е. Салтыкова-Щедрина (см.: Рейфман П. С., «Искра» и М. Е. Салтыков-Щедрин. (По мат-лам хроник «Наша обществ. жизнь»). — «Уч. зап. Тартус. ун-та, в. 209. Труды по рус. и слав. филологии. XI. Литературоведение», Тарту, 1968]. Захлебывающийся «свист» «искровцев» — и в первую очередь М. — следует учитывать при осмыслении ряда героев Достоевского. Так, в «Братьях Карамазовых» черта — само воплощение «отрицания», сотрудник журналов «по отделу критики» — соотносится с галерей чертей, веселых бесов скамьяла, комически символизировавших на страницах «Искры» «обличительную» журналистику 60-х гг. (см., в частности, поэму М. «Проказы черта на железной дороге», СПб., 1862); в речи черта Достоевский пародировал язык фельетона тех лет, не в последнюю очередь — фельетона М. (см.: Майорова О. Е., Лит. параллели к образу черта в «Братьях Карамазовых». — В кн.: Проблема характера. Сб. науч. трудов, Свердловск, 1983).

Хотя фельетоны М. вызвали значительный резонанс в печати, в ис-

торию лит.-ры он вошел прежде всего как поэт-сатирик (показательно, что в 20 в. переиздавались в осн. его стихотворения; лишь «искровский» фельетон «Быть или не быть?» перепечатан в кн.: Рус. театр. фельетон, Л., 1991). К нач. 60-х гг. М. уже твердо завоевал репутацию «обличительного поэта» (его первый сб-к «Перепевы. Стихотворения 1859» — поэт с парадоксальной позицией ниспровергателя собственно поэтик. слова, превратившего поэзию лишь в средство полемики и критики обществ. пороков. Именно в «обличении», как декларировал М. в своем развернутом лит. манифесте — рецензии на двухтомное «Собрание стихотворений» Вас. Курочкина «Старая и новая поэзия» («Дело», 1869, № 5), — он видел назначение «полезного» поэта, «поэта с направлением» и «принципом», впервые занявшего достойное место на рус. Парнасе благодаря творчеству Вас. Курочкина и (как подразумевалось) самого М. (сатирик, дарования Н. А. Некрасова он не признавал). Однако критика, даже дружески настроенная, часто упрекала М. в поверхностном «обличительстве» и недостатке самобытности (Курочкин Н. С., Библиография, параллель. — «Дело», 1868, № 1), а рецензенты враждебного лагеря видели в его сатирич. стихотворениях лишь «мелочность мысли, монотонность и однообразие мотивов», считая М. бездарным эпигонном Некрасова: «протест против всяческого насилия, стон и слезы больной души, — становился предметом спекуляции шарлатанов» (Л. Н. А(нтропов). Совр. рус. сатирическая журналистика. — БдЧ, 1865, февр., кн. 1, с. 24, 34).

При всей своей плодовитости М.-сатирик работал в довольно узком диапазоне тем, выбирая одни и те же предметы «обличения»: ретроградство, легковесный либерализм, «слезно-гражданская» демагогия, казенный патриотизм, аристократич. амбиции. Гл. сатирич. жанром стала для М. пародия, особая природа к-рой определялась не вполне эксплицированной, но четкой корреляцией между лит. и обществ. позицией его оппонентов. Считая лирику, особенно любовную и пейзажную, уделом «чиствующих воробьев» с их «крошечными ... ощущениями ... и грациозными до ... идиллизма образами» («Старая и новая поэзия», с. 26), он довольно жестко увязывал «чистое искусство» с обществ. ретроградством и подчинял свои пародии на А. А. Фета, Майкова, Я. П. Полонского, В. Г. Бенедиктова, К. К. Случевского (на них М. нападал особенно часто) не столько задачам дискредитации их поэтики, сколько разоблачению их взглядов. Даже в от-

рицательной рецензии на сб-к М. «Думы и песни» (СПб., 1863) как одно из немногих достоинств М. отмечалось умение раскрыть «весь разврат лирич. мотивов, замаскированных сладкими словечками и конфетными картинками» («Совр.», 1863, № 11, 2-я паг., с. 48; ср. более резкий отзыв Н. А. Добролюбова на сб. «Перепевы»: «Совр.», 1860, № 8). В нек-рых случаях объект пародии перерастал под пером М. в устойчивую сатирич. маску. Так, пародируя М. П. Розенгейма, М. еще в 60-х гг. создал образ тупого резонера «отставного майора Михаила Бурбонова» (здесь он явно ориентировался на Козьму Прутков), выпустив «под его именем» — помимо множества фельетонов, статей и отд. стихотворений — целый сб. «Здравия желаю! Стихотворения отставного поэта Михаила Бурбонова» (СПб., 1867). Вечный оппонент самого автора, Михаил Бурбонов оказался необходим М. до конца жизни. Горячий патриотизм «отставного майора», дидактич. пафос его стихов, дифирамбич. интонация, горделивое самосознание поэта — все должно было восприниматься с обратным знаком, превращая удачно найденную маску в универсальное средство полемики.

Современники нередко объясняли «грубый смех» М., издательский тон его пародий отсутствием «поэтического чутья» (Круглов А. В., Пережитое. — «Светоч и дневник писателя», 1913, № 2, с. 68). Однако М. намеренно игнорировал оттенки и колебания поэтик. смыслов. Именно тонкий худож. слух сделал его метким пародистом, умело игравшим на незаметных сдвигах значений и смело экспериментировавшим [см.: Гаспаров М. Л., «Уснуло озеро»: Фета и паллиадом Минаева (поэтика пародии). — В его кн.: Избр. статьи, М., 1995]. Нек-рые его пародии оказались на грани подражания: второй план сдвигался с первым — и пародия становилась неотличима от среднего стих. пародируемого поэта, что М. не раз использовал в мистификаторских целях.

М. не был сторонником тотального отрицания иск-ва: он воспротивился пушкинофобии «Русе. слова», что вызвало в 1864 его разрыв с журналом и спровоцировало создание комич. поэмы «Евгений Онегин. Роман в стихах (сокращенный и исправленный по статьям критиков-реалистов „Рус. слова“» («Будильник», 1865, № 74, 75, 77, 78, 79; отд. изд., СПб., 1866; 2-е изд., с новой, пятой, главой и измененным названием, СПб., 1868; 3-е изд., с новой, шестой, главой, СПб., 1877). Опираясь на фабулу пушкинского романа и используя онегискую строфу, М. нарисовал злоую карикатуру на обобщенный образ «нового человека», задевая вместе с тем почти всех веду-

ших сотрудников «Рус. слова». Некрасов расценил поэму как «одну из самых остроумных его пародий» («Совр.», 1866, № 3, с. 126).

Хотя М. обычно избегал прямого обсуждения острых обществ. вопросов, о его взглядах в самом общем виде позволяет судить круг изданий, к-рым он примыкал. С 1865 М. находился под негласным надзором полиции, а весной 1866 после выстрела Д. В. Каракозова он (как и нек-рые др. журналисты радикального лагеря) был арестован и провел 2 мес. в Петропавловской крепости — за сотрудничество в изданиях, «известных своим вредным социалистич. направлением» (из мат-лов следственной комиссии по делу о покушении на Александра II — цит. по кн.: Ямпольский, 1974, с. 253). Индикатором обществ. взглядов М. может служить и напечатанный в 1860 очерк М. «В. Г. Белинский» («Дамский вест.», № 1, 2; перераб. Д. Свияжский; отд. изд. — СПб., 1860) — первая, хотя и очень краткая биография критика, представляющая собой компиляцию двух источников — «Очерков гоголевского периода рус. лит-ры» Чернышевского и трактата А. И. Герцена «О развитии рев. идей в России» (см.: Ямпольский И. Г., Первая биография В. Г. Белинского. — «Науч. бюллетень Ленинград. ун-та», 1945, № 3). В дальнейшем убеждения М. не претерпели существенных изменений, однако о нюансах его взглядов судить трудно. По-видимому, не лишено оснований бытовавшее в 60-е гг. недоверие к его радикализму: по свидетельству мемуариста, Г. Е. Благовещова «называл минаевского свободолобне „трактирно-офицерским краснословием“» (Фирсов Н. Н., В редакции ж-ла «Рус. слово». Из восп. шестидесятника. — ИВ, 1914, № 5, с. 500). С годами творчество М. все больше сосредоточивалось на собственно лит. жизни, что рождало парадоксальную ситуацию: тематика всех — и поэтических, и литературно-критических — выступлений язвительного сокрушителя «чистого искусства» оказалась замкнута рамками лит. тем, точнее — склоп петерб. журналистов. Как писал Салтыков-Шчедрин в иронич. рецензии на сборник стихотворений М. «В сумерках» (СПб., 1868), его сатира, «притягиваясь к Петербургу», «может интересоваться только небольшим кругом прикосновенных» (Салтыков-Шчедрин, IX, 243, 246).

Положение М. в лит. мире всегда было шатким в силу его болезненно неровного характера и склонности к пьянству. Журнальную полемику он легко переводил в плоскость житейского скандала, в бытовом поведении был разражающе притязателен: «считал себя призванным руководить

обществ. мнением и бичевать людские пороки» (Мартынов П. К., Дела и люди века, т. 3, СПб., 1896, с. 96). В итоге, даже его принципиальным шагам — таким, как разрыв с «Рус. словом», — придавался превратный смысл: сложилась легенда, что М. был изгнан из журнала, «потому что поведение его в публичных местах вредило видам и стремлениям редакции» (ГАРФ, ф. 109, 1 СА, л. 2009). Несомненно, однако, что разрыв с «Рус. словом» сопровождался и личными конфликтами. Показательно, что на редакционных вечерах М. обычно «кончал тем, что начинал ... ругать» Благовещова (Окрей и С. С., Из лит. восп. — ИВ, 1907, № 5, с. 408). В «Современнике» и позднее в «Отч. записках» М. также не мог быть вполне «своим»: он часто задевал Некрасова в печати, упоминал в разных контекстах о «муравьевской оде», и, судя по достоверному свидетельству Я. П. Полонского (1874), разносил о поэте «нездешние слухи» (ГМ, 1915, № 10, с. 74). От Некрасова М., в свою очередь, получал не лестные отзывы: «Линияев, сатирик холодный» (стих. «Недавнее время», 1871; подробнее об их взаимоотношениях см. в предисл. к публикации писем М. к Некрасову — ЛН, т. 51/52, с. 390).

1870-е гг. оказались кризисной для М. эпохой. В его творчестве стали отчетливо звучать мотивы разочарования и тоски (см. стих. «Когда-то, милые друзья...» — «Дело», 1870, № 11; «Смех и слезы» — там же, 1873, № 1; пов. «С того света. Замогильные записки» — там же, 1873, № 2, 3), что в начальной мере было вызвано пережитой М. семейной драмой. По восп. его единокровной сестры, М. оказался у себя в доме «совершенно чужим человеком», его жена была увлечена гувернером детей, и М. «пил запоем, занимаясь в кабинете по мелким суткам» (Х. Д. Курцова, «Записки о жизни М.» — РГАЛИ, ф. 329, оп. 1, № 16, л. 4—4 об., б). Вскоре супруги разошлись, но развод не оформили (жена М. позднее предъявила ему судебный иск на выплату ей увеличенного содержания — см.: Дело супругов Минаевых. — «Новости», 1887, 20 мая).

Уже с кон. 60-х гг. в связи с нек-рым спадом радикальной прессы М. стал все чаще печататься во второстепенных изданиях — в газ. «Неделя», в ж-лах «Стрекоза», «Пчела», в тифлис. ж-лах «Фаланга» и «Гусля» (см. подробнее: Новые мат-лы к истории рус. лит-ры и журналистики второй пол. XIX в., т. 1, Тб., 1977, с. 160—81). В дальнейшем он постепенно отставал от популярных толстых журналов. Если не считать редких выступлений в «Рус. мысли» и «Вест. Европы», в 80-е гг. М. сотрудничал в осн. в газетах («Бирж. вед.»,

«Новости», «Петерб. газ.», «Молва», «Моск. телеграф»), что вызывало у него чувство острого недовольства. В 1888 М. писал А. В. Эвальду: «не увлекайся: не наше время теперь» (ИВ, 1895, № 12, с. 736).

Виртуозный версификатор. М. всю жизнь занимался поэтич. переводами, хотя, как было известно в его окружении, плохо знал языки: «как же он переводит в таком случае — это его тайна!» (письмо М. И. Семевского, 1866. — «Былое», 1925, № 6, с. 41; о работе М. с прозаич. подстрочниками поэтич. текстов см.: Либрович С. Ф., На книжном посту. П.—М., 1916, с. 214—16, 223, 226). М. много переводил Дж. Байрона, Г. Гейне, П. Б. Шелли, Данте, Мольера, В. Гюго, Т. Мура, А. Мюссе, Дж. Чосера, А. Мишквича и др. Будучи противником дословного перевода, он часто слишком вольно обрабатывался с подлинником, иногда изменял оригинал до неузнаваемости (см.: Левин Ю. Д., Рус. переводники XIX в. и развитие худож. перевода. Л., 1985, с. 179, 207; Гордон Я. И., Гейне в России (1830—1860), Душанбе, 1973, с. 308—33), что вызывало недовольство и насмешки рецензентов. Особой критике подвергались его переводы из Гейне, «обесчеловечившие» подлинник «людиными перифразом самых картинных, самых образных выражений» (Баров Н., Письма о нек-рых лит. явлениях. — СПбВед. 1868, 3 апр.; см. также: Incognito (Зарни Е. Ф.), Опыт о добродетели в полемике. — ОЗ, 1864, № 10, с. 881).

В 1870-е гг. М. выступал и как драматург, но его пьесы — «Либера» (ОЗ, 1870, № 12; пост. 1871 — Александрин. т-р, моск. Малый т-р) и «Спелая песня» (ВЕ, 1874, № 5; пост. под назв. «Разоренное гнездо» — моск. Малый т-р, 1876; критич. рец.: А. М. Скабичевский — ОЗ, 1874, № 5/6; «Театр. газ.», 1876, № 82, 84, 85) — ни у зрителя, ни у читателя успеха не имели, хотя последняя была удостоена Уваровской пр. (см. отрицат. отзыв Н. К. Михайловского на «Спелую песню» — Из дневника и переписки Ивана Непомнящего, ОЗ, 1874, № 11, с. 238—46). М. много писал для детей, выступая и с оригинальными стих. («Теплое гнездышко», М.—СПб., [1882]), и со стихотв. в прозаич. переложениями нар. сказок («Дедушкины вечера», СПб., 1880; «Нар. рус. сказки для детей в иллюстрациях», СПб.—М., 6/р.). В 1880-е гг. М. регулярно сотрудничал в детском ж. «Залужевное слово». Высказывалось не вполне убедительное предположение, что ему принадлежит перевод «Штрувельпета» («Растреланный Петр») Г. Гофмана (СПб., 1849; 2-е изд. — СПб., 1857; см. об этом: Путилова Е., Тайна авторства «Степки-рас-

трепки». — «Нева», 1985, № 12; Саксонова И. Х. Разгадана ли тайна? — Там же, 1987, № 7).

Последние два года жизни М., тяжело болев, провел в Симбирске, где продолжал работать, посылая свои прозы в Петербург. М. пережил свою славу. В появившихся вызобили после его смерти мемуарных заметках о нем вспоминали не как о блестящем фельетонисте и бойком сатирике, делавшем популярность с ведущими сотрудниками «Искры», но гл. обр. — как об авторе застольных экспромтов, злых эпитирам и едких шуток, быстро разносившихся по лит. Петербургу и принесших ему много врагов.

Изд.: Собр. стик., Л., 1947 (БФБ); вступ. ст., прим. И. Г. Ямпольского; Поэты «Искры»: Стих. и поэмы. 2-е изд., т. 2, Л., 1960 (БПБ); Мysteria рус. стихота. перевода. 2-е изд., т. 2, Л., 1968 (БФБ); Рус. поэзия детям.

Лит.: «Страхов Н. Н.», Песни и поэмы М. — «Заря», 1870, № 11; Вольф: Шевляков М. В., Рус. остроты и остроуи их. СПб., 1878; Русаков В. (С. Ф. Либрович), Наша жизнь сквотв прику смеха и сатиры. — «Новь», 1898, № 22; Шарниов У., Оригинальный перевод. — «Простор», 1964, № 12; Ямпольский И. Г., Сатирик, журналистика 1860-х гг. Журнал реп. сатиры «Искра» (1858—1873), М., 1964; его же, Середина века. Очерки о рус. поэзии 1840—1870-х гг., Л., 1974; Горюхи Я. И., М. в рус. гейтлице. — В кн.: Писатели и лит. процесс, в. 2. Душанбе, 1974; Геллер Т. А., Арх. документ об издательской деятельности М. — В кн.: Вопросы источниковедения рус. лит-ры второй пол. XIX в., Каз., 1983; Газаров М. Л., Очерк истории рус. стиха. Метрика. Ритмика. Рифма. Строчка. М., 1984, с. 193, 195, 198—99; Хаоростьянова Е. В., Эпитирамы М. на Б. М. Марквича. — В сб.: Анализ одного стихотворения, Л., 1985; Сказов И. Н., Некрасов. Современники и продолжатели. Очерки, М., 1986, с. 77—99; ИРЛТ, т. 5 (изд.), + Некрасов, 1889; Галг, 18 июля; ИВ, № 9. Брокгауз; НЭС; Венгеров. Источ. Языков; Смирнов-Сохольский; ИДРЛБ; Муратов (1); Мосалов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 329; ф. 191, оп. 1, № 238 (письма П. А. Ефремову); ф. 640, оп. 1, № 127 (письма В. М. Лаврову); ф. 289, оп. 1, № 26 (письма Н. А. Лейкину); РГИА, ф. 1343, оп. 25, з. 4093, л. 12—12 об. (изд.); ф. 549, оп. 2, л. 34 (о похоронении М.); ИРЛИ, ф. 357, оп. 3, № 50 и ф. 548, оп. 1, № 185 (письма В. Р. Зотову); ф. 183, оп. 1, № 237 (письма В. О. Микшевну); ф. 202, оп. 2, № 57 и др. (письма Н. А. Некрасову); ГАРФ, ф. 109, 1 СА, в. 1995; 1 жеп., 1866 г., д. 100, ч. 56.

О. Е. Майорова.

МИНАЕВ Дмитрий Иванович (1808, Симбирск — 1(13).10.1876, там же; похоронен на Свято-Духовском кладб., т. н. «минаевском»; останки М. и его сына Д. Д. Минаева (ввиду затопления кладб. в 1951) перезахоронены ок. Воскресенской церкви), поэт, публицист, переводчик. Из беспоместных дворян. По окончании Симбирской г-зии переехал в Петербург и в 1823 вступил в воен. службу (унтер-офицер саперного батальона); в кон. 1826 выдвинут прапорщиком в 3-й мор. полк, откуда в 1833 переведен в Симбирский батальон воен. кантонистов (подпоручик). Выйдя в отставку в кон. 1835, вернулся в Симбирск; «тайно увез девицу из богатой фамилии» (последствия написал «картину,

изображающую его венчание в сельской церкви»; Баюшев В., Из зап. о былом. — МВед, 1883, 22 окт.). С 1838 снова служит в Симбирской комиссарнатской комиссии, а с 1841 по 1847 смотритель Оренбург. воен. госпиталя, чиновник Провиант. деп. (Новгород, в 1846 наблюдал за поставкой хлеба в Рыбинске). В 1847 М. переезжает в Петербург (смотритель петерб. Измайлов. провиантского магазина); участвует в кружке И. И. Введенского. Весной 1851 М. навсегда покидает Петербург (назначен дистанционным смотрителем провиантских магазинов Симбирской губ.; капитан) и возвращается в Симбирск вместе с Н. А. Гончаровым, симбирским учителем (братом И. А. Гончарова), с к-рым был в близких отношениях; Н. Гончаров отзывался о М. как о человеке «благородном, но со странностями» и «несть от мира сего» («И. А. Гончаров в восп. ...», с. 44); часть пути проделал с Н. Г. Чернышевским, дальним родственником М. В 1858 полн. симбирского обер-провиантмейстера; состоял по армейской пехоте. В нач. 1866 или в 1867 в чине подполковника вышел в отставку.

Первая публ. — восемь стих. в «Новогоднике» Н. В. Кукольника (СПб., 1839); В. Г. Белинский увидит в них «талант, борющийся с фразерством» (Белинский, III, 139). В 1840-х гг. печатал стихи в «Б-ке для чтения»: «Упрек Кавказу» (на смерть А. А. Бестужева; 1840, т. 42), «Дума на Киргис-кайсацкой степи» (1840, т. 43), «Шлем-мечеть и копье-минарет (Уральское предание)» (1845, т. 70), «Баянка. Три Ивана» (1846, т. 76, и др.) и в еженед. Кукольника «Иллюстрация» («Жигулевские горы», «Воспоминание» — 1846, № 26; «Русской на берегах Роны» — 1846, № 29, и др.). Стихотв. продукция М. типична для эпохи: здесь и фольк. стилизации, и трактованная с нек-рой полемичностью военно-патриотич. тема (см., напр., «Две зари на Бородинской годовщине» — БЧ, 1840, т. 42), и описание мировых катаклизмов, особенно в «восточных» поэмах (сюжетно и композиционно не собранных) — «Первая музья» («Илл.», 1846, № 42) и «Потоп» (БЧ, 1847, т. 81) со всеми подобающими компонентами жанра: экзотич. темами, вещими видениями, с героем, постигающим тайны мироздания («Первая музья»). Стиль изобилует подчеркнuto необычными сравнениями и нарочито сниженными образами, пристрастие к к-рым характерно для позднего романтизма: «Ландкарты древнего зора / В обломках мира не узнать; / Потоп замыл следы позора / И стер, не выпустил в печать» («Дума на Киргис-кайсацкой степи»).

Если публикации в «Б-ке для чтения» и «Иллюстрации» прошли мимо внимания критики, то пер., в прозе и стихах, «Слова о полку Игоря» (СПб., 1846; с посвящением Н. Гончарову; единств. одобрит. отклик — «Илл.», 1846, № 40) и последовавшая за ним ориг. «Баянка» (поэма) «Слава о вешем Олеге» (СПб., 1847) вызвали резинт. испротиве большинства рецензентов. В этих поэмах впервые отчетливо проявилось своеобразие лит. поведения М., не соответствовавшего привычным нормам. М. заявил, что считает «Слово ...» центр. явлением всей рус. лит-ры; критика, однако, упрекала писателя за слишком вольное обращение с памятником (считая его соч. переделкой, а не переводом); М. использовал его как материал для лит. манифеста ((П. А. Плетнев) — «Совр.», 1846, № 12; (В. Н. Майков) — ОЗ, 1847, № 3; ФВ, 1847, № 3; Белинский, X, 34; см., однако, двусмысленные похвалы О. И. Сенковского: БЧ, 1846, т. 79, отд. 6, с. 32; см. также: СО, 1847, № 2, отд. VI, с. 26—31). В стихотв. вступлении и послесловии М. призвал совр. рус. культуру вернуться к нап. основам, утраченным в результате вторжения Запада; он с неодобрением говорил о совр. России как «двуухоловом» «Янусе» («Слава о вешем Олеге», с. V—VI и с. 75).

Судьба национальной и в высшей степени возмущ. особенностью рус. народа (как в древности, так и сейчас) М. считал злыское мироощущение, свободное и от акизничной зал. «идеальности», и от зрнст. акизничности. Отсюда — поэтизация прабей и попок, а иногда и жестокости (в «Славе о вешем Олеге»), связанная со спадичн. понятием М. рус. бытшарства.

М. видел себя в роли обновителя рус. лит. языка, образен к-рого, с его т. зр., он дал в своем переложении «Слова ...». В. Н. Майков, выступивший с пространнм разбором минаевских соч., расценил слог М. как неоправданную «смесь образов и выражений старинных и народных с новейшими и книжными» (Майков во. Критич. опыт, с. 150; см. его же — ОЗ, 1846, № 11, с. 13—19; аналогичную оценку см.: Белинский и Х, 34; благоприятный отклик дал Л. В. Брант в «Сев. пчеле» — 1847, 24 февр.). Послесловие М. к «Славе о вешем Олеге», содержавшее ответ критикам, было воспринято как агрессивная самореклама; П. А. Плетнев, напр., писал, что М. «взял ... на себя и выдерживает удивительно серьезно» «роль лит. реформатора и учителя» («Совр.», 1847, № 3/4, отд. III, с. 112, подпись Н.).

Традиции др.-рус. «кружка слова», «плетневских словес», по мнению М., хранит метафорич. стиль романтич. прозы (А. А. Бестужев-Маринский, А. Ф. Вельями; в этом стилевом ключе выдержано его стих. в прозе «Литературные иноходцы» — СО, 1851, № 3; отрицат. рец.: ОЗ, 1851, № 6), в то время как «литературная школа», в силу своей «простословности»

(«Слово...», с. 67), пренебрегает или трагичизирует. В обычных комментариях к пер. «Слова...» провалилась склонность М. к построению историко-филол. гипотез при помощи этимологизирования (ср. подобное у А. Ф. Вельтмана).

Экцентрисический и несколько скандальный характер соч. М. затруднил возможность познейших публикаций (за исключением ж. «Сын отечества», 1851); большую же часть плодов его активной творч. деятельности, продолжавшейся до последних лет жизни, пристроить не удалось.

В 1840-х гг. симпатии к рус. языческой старине сочетались у М. с интересом к социалистич. настроениям: он был в дружеских отношениях с молодым Чернышевским и, по свидетельству последнего, нек-рое время под его влиянием причислял себя к «коммунистам» (Чернышевский И. 1, 402, 395). Обижен был и петрашевцами А. И. Пальмом, А. П. Батаголом и С. Ф. Дуровым (с последним М., очевидно, сближался и обшире лит. связи). Был привлечен к допросу по делу М. В. Петрашевского (Дело петрашевцев. т. 1—3, М.—Л., 1937—51; ук.), состоял под арестом (ГАРФ, ф. 109, 1 эксл., 1849, л. 214, ч. 84).

В 1850-е гг. взгляды М., претерпев существов. изменение, не утратили своей крайности и утопичности. Восторги его перед нар. язычеством сменяются страхом. Теперь гл. объектом перевоспитания становится готовое к бунту невежество крестьянства. Петровские реформы, по мнению М., разрушили целостность нации: «Чернорабочая Русь еще ... стоит за рекой делятровского мира, без моста и без желания перейти на нашу сторону» — из обширного письма И. П. Сахарову от 7 янв. 1861, своего рода нового манифеста М. (ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2505, л. 4).

Углубил положение, по мнению М., влияние песни, к-рые крестьянин слышит с детства и к-рые представляют ему «указание хаосом», «безобразным смеслением разных веков и преданий», из к-рых рус. человеку через лица «спятых чуждыми миссиями утопиков», «беснующихся», «позорных злодеев, безумцев и богатых лавачей» открывается тысяча опасных и разрушит. дорог: он «делается и скотом, и мучником мнимой правды, и бродягой, и поджигателем» (там же, л. 3 об.).

Помочь развращенному обществу может лит-ра; М. рассматривал ее как «вторую религию», а истинных писателей — как «гражд. апостолов» и «пророков» («И. А. Гончаров в восп. ...», с. 44; восп. Г. Н. Потанина). Современные же литераторы, (при том, что духовенство пренебрегает своими обязанностями) слепо идеализируют, а не воспитывают народ; его вождями становятся преступники, бунтовщики. Как явствует из симбирских слухов, дошедших до Петербурга, М. не утратил «веры в превосходство» народа (и других классов) перед язычеством, полагая что гении «по

б. ч. ... были из простого народа» (ГАРФ, ф. 109, 3 СА, 968; справка З. И. Перегудовой).

Начиная с 1860-х гг. М. переходит от худож. лит-ры к публицистике, окрашенной в эсхатологич. тона: «Тайная жизнь рус. простонародья» (предисл. и планы — ИРЛИ, ф. 616, № 40; не опубл.; возможность издания за границей обсуждалась в письме М. к А. Д. Желтухину, 1861 — там же, № 14), ряд статей, посланных в кон. 60-х — нач. 70-х гг. М. П. Погодину, вместе с к-рым он намеревался принять участие в «крестовом походе» против «инглистов» (РГБ), напечатанные в газ. Погодина «Русский» заметки: «События в селе Лыскове», «Еще из Лыскова» (1868, 15 и 29 янв.; подписи Проезжий и Н.).

М. предлагает создать для народа новую лит-ру, используя понятные для народа фолькл. формы. Таким «врачебным средством против наших воспаленных ран» М. считал им самим написанную «отеч. историю в песнях» (ИРЛИ, ф. 616, № 40, л. 3—4) — поэтич. сб. «Тысячелетие Руси в русеских народных сказаниях. Хартия первая» (Симбирск, 1856, 1857; отрывки под назв. «Нар. эпопея» — СО, 1851, № 1, 9; рукопись «хартия вторая» — РГАЛИ, ф. 329, оп. 1, № 18), представляющий собой попытку реконструкции слав. фольклора первых веков н. э.; подобный характер носили и афоризмы М., напечатанные под видом нар. пословиц (СО, 1851, № 5).

В нач. 1870-х гг. пытается установить связи с неославянофильскими ж. «Заря» и «Рус. беседа»; потерпев неудачу, вынужден обратиться в «Рус. вестн.», преодолев глубокою неприязнь к «лит.-министерскому уму-разуму» М. Н. Каткова (РГБ, ф. 231/11, к. 21, № 13, л. 18), где опубл. очерк «Из быта крестьян в голодные годы» (1874, № 7) о событиях зимы 1864—65 в Самаре. Жизнь крестьянина описывается как «ужасная» и экзотическая; крестьяне не доверяют «гор. властям» до такой степени, что, и умирая от голода, не соглашаются принять помощь от земства.

У М. не сложились отношения с сыном, Д. Д. Минаевым, к-рому отец, отошедший от социализма, увлеченный, представлялся ренегатом; они не виделись по 10 лет; М. жаловался Погодину на интриги сына, прелятствовавшего публикации его статей (там же, № 14, л. 8, 8 об., 22). В обширной ст. М. «Передовые люди» («Русский», 1868, 28, 29 нояб., 2, 3, 5, 7, 12, 13 дек., подпись Б. Крестовосцев), начинавшейся необычным для М.-старшего опытом сатирич. поэзии, явно сквозила обида на сына; М. писал о социализме как об идеологии

«детей», «молодых инглистов», во всем враждебных и теснящих «отцов». Умер в бедности и одиночестве.

Др. произв.: «Крикут Перо. Анекдот из жизни пинты» (СО, 1851, № 1), прозаич. «сцены из драмы» «Русь во времена Донского» (СО, 1851, № 3—5), [цикл статей о слав. языч. названиях месяцев] (СО, 1851, № 1—6) (отрицат. рец.: ОЗ, 1851, № 6).

Лит.: Белинский (ук.); Белинский В. Г. ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 525 (прим.); Чернышевский (ук.); Майков В. П., Критич. опыты (1845—1847), СПб., 1891; Иванов Н. И., Восп. заслуженного интпренера. — ИВ, 1891, № 10/12, с. 343—4; Быков П., Паюги М. — «Русь», 1901, 12 окт.; Державин Н. А., На забытых мостах. — ИВ, 1909, № 6, с. 970, 973—77, 981; Шамбинаго С., Худож. переложения «Слова». — В кн.: Слово о полку Игореве, М.—Л., 1934, с. 212—14 («Academia»); И. А. Гончаров в восп. современников, Л., 1969 (ук.); Ямпольский И. Г., Э. Минаев. — В кн.: Поэты «Искры», т. 2, с. 8—9, + Некрологи, 1876 («Сибирские губ. вед.», 5 окт. (В. Башов); «Голос», 12 окт. Справочник книжника и зар.-каваларь Симбирской губ. во 1916 г., Симбирск, 1916, отд. 1, с. СХХV—СХХVI; Тольки Мельков: Тельняш; Бродягу; Ветерок; Источ. Энциклопедия «Слова о полку Игореве», т. 3, СПб., 1995; Минаев (по чтению поема. Проезжий, Б. Крестовосцев).

Архивы: РГБ, ф. 231/11, к. 21, № 12, 13, 14 (письма М. П. Погодину от 11 янв. 1874, в т. ч. о новом пер. «Слова...»); др. сб. «Низовские земли 1870-х гг.» с произв. самого М. (открыт о беллетристическая драм. пародия «Повещение Алтыриста» и др.); а также стихи и мемуары его симбирских знакомых; ГАРФ, ф. 109, 1 СА, 1141 (перлестрич. письмо Погодину, без даты, с изложением взглядов М. на «текущую историю»); РГИА, ф. 842, оп. 2, л. 100 (фс. 1859 г.) (справка Н. Ю. Муравейниковой).

Г. В. Зыкина

МИНАЕВ Николай Николаевич [1(13).5.1893, Москва — 14.6.1967, там же], поэт. Род. в семье мещанина Кракосельской слободы. Интерес к иск-ву и лит-ре пробудился в М. с юности — он участвовал в самодельн. детских спектаклях, писал стихи (самые ранние из сохранившихся помечены 1910 — ГЛМ, ф. 383, оп. 1, № 84). В 1905—12 обучался на балетном отделении Имп. театр. уч-ща в Москве, после окончания к-рого был танцовщиком в Большом т-ре; первые выступления на сцене состоялись еще в годы учебы: роль Черномора в оперном спектакле «Руслан и Людмила» (1910), роль Ганнибала в балете А. Ф. Арденды «Салтамо» (1910—11). Позднее, уже будучи в штате театра, М. танцевал гл. обр. второстепенные партии, наиб. заметной и удачной была роль Коробейника в балете «Конек-Горбунок» (1917).

Первое опубл. стих. — «Милый друг! Как красив этот вид! ...» («Весь мир», 1913, № 29, с. 18); в дальнейшем М. печатал в ж. «Весь мир» (1914—17), «Мечта» (1914), «Рус. иллюстрация» (1915), «Полночь» (1914—15), «Вест. Европы» (1917), сб. «Русской армии — артисты Москвы» (М., 1915) и др., гл. обр. лирич., стихи о природе: «Сквозь громаду свиновую туч...» («Полночь», 1914, № 4), «Летним ве-

чером» («Весь мир», 1914, № 33), «Первый снег» (там же, 1915, № 50) и др. Взгляд поэта обращен, как правило, к сельскому и пригородному пейзажу: «Крутом от края и до края/ Спокойно дремлет поле ржи,/ Над

нею в воздухе ныряя./ Рвутся ловкие стрижки ...» («В поле» — «Весь мир», 1914, № 33); на картины природы «накладывается» эмоц. состояние лирич. героя: «И томится, и болит моя душа/ Вместе с небом, вместе с сумраком полей ...» (стих. «Ветер яростно раскачивает лес ...» — В рукописной кн.: «Стихотворения, 1913—1916» — ГЛМ, ф. 383, № 34, л. 7).

Лирика М. отмечена влиянием А. А. Фета и К. М. Фофанова, с к-рым М. объединяет противопоставление мира поэтич. грез реальному миру: «Бессильна черствой жизни плесень/ Коснуться светлой красоты/ Тех вешних грез, тех летних песен./ Что соловьем пропел нам ты...» (из стих. 1916 «Памяти К. М. Фофанова» — ГЛМ, там же, л. 23). Творчеством Фофанова М. впоследствии занимался как исследователь, собирая библиографич. мат-лы о нем, его рукописи, поев. поэту стихотворения и т. п. (ГЛМ, там же, № 114—121).

В 1910-е гг. М. был чл. лит. секции Моск. союза учащихся искусству, в 1913 примыкал к лит. кружку издателя А. Д. Яшурина «Молот», название к-рого, вероятно, было связано с одним из девизов кружка: «Объединяйтесь и сами выковывайте из жизни все лучшее!» (см. приглашит. билет на заседание «Молота» от 21 марта 1913 — ГЛМ, там же, № 261); о неопределенности лит.-эстетич. платформы кружка свидетельствовал и другой его девиз: «Вся красота жизни состоит в порыве исканий того непостижимого, что нас увлекает в сокровенную глубину свою ...» (там же).

Во время 1-й мировой войны М. печатает ряд патриотич. стих.: «России» («Весь мир», 1915, № 46), «Со славою павшим!» (там же, 1915, № 11), «На взятие Перемышля!» (там же, 1915, № 15) и др., на одно из к-рых («Сраженный пулей роковой» — там же, 1915, № 37) сохранился благодарный отклик читателей, потерявшей на фронте сына (ГЛМ, там же, № 228).

После Окт. революции М. нек-рое время продолжал работать в Большом т-ре. Член Об-ва молодой лит-ры и иск-ва (1918—19), в нач. 20-х гг. чл. Всерос. союза поэтов, лит. объединений «Моск. цех поэтов», «Лит. особняк», «Никитинские субботники», «Неоклассики». Входил в 1919—22 вместе с М. А. Осоргиным, Н. А. Бердяевым, А. К. Дживелеговым и др. в число пайщиков Моск. Книжной Лавки писателей, где одной из форм непосредств. общения писателя и читателя было создание и распространение рукоп. книжечек (см.: Богомолов Н. А., Шумихин С. В., Книжная Лавка писателей и автографич. издания 1919—1922 гг. — В кн.: Ново-Басманная, 19, М., 1990, с. 85). Печатался в сб-ках: «Плетень» (П., 1921), «Лирика» (сб. 1—2, М., 1922), «Альманах „Лит. особняк“» (№ 1, М., 1922), «Стык» (М., 1925) и др. В стихах этих лет преобладает интимная лирика, в к-рой М. осн. внимание уделяет совершенствованию формы (ср. его более позднее высказывание: «Не так важно, что хотел сказать поэт ... а то, как он это выполнил» — ГЛМ, там же, № 61, л. 5), добиваясь ритмич. выразительности и метафоричности: «И в густой, как любовь/ И в тягучей, как ревность, воде/ Золотым пауком/ Осторожно звезда шевелилась» (сб. «Прохлада», М., 1926, с. 51). О повышенном внимании М. к стихотв. технике свидетельствует и письмо к В. Я. Брюсову от 30 мая 1919 (РГБ, ф. 386, к. 95, № 4), где, направляя мэтру на отзыв поев. ему сонет-акrostих, М. интересуется прежде всего его мнением о «технич. стороне» произв. Брюсов признавал лит. дарование М., ср. строки из его стих. «Первый привет», поев. М.: «Зов заветный слышал в полумраке/ Голос Музы, — над путем росистым ...» (1919) (Брюсов В., Собр. соч., т. 3, М., 1974, с. 394), однако сама ориентация М. и его друзей по лит. группировке «Неоклассики» — В. А. Гиляровского, Н. Л. Манухиной, С. А. Укше, А. А. Чумаченко и др. — была Брюсову чужда, поскольку они возвращали, по его мнению, «технику стиха к досимволич. временам, к самому темному периоду, ... к 80-м годам» [Брюсов (2), с. 644].

Заметная лит. активность М. в 1-й пол. 1920-х гг. сменяется постепен-

ным уходом со страниц печати в дом. кружок («И упорно Музы краснолицые./ Отгессая белокожих нас./ При поддержке чуть ли не милиции/ Всей коммунальной лезут на Парнас...» — из рукоп. кн. «Совершенные стихи, 1919—1958» — ГЛМ, там же, № 61, л. 45 об.), что было вызвано не только нежеланием выполнять «социальный заказ», но и попытками протестовать, хотя бы на маргинальном уровне (см., напр., сатирич. стихи и эпиграммы, в т. ч. на И. Уткина — «Ответ живописной лахудры» — там же, л. 63, и В. Маяковского — «Сажанный рост. фигура Геркулеса ...» — там же, № 91, л. 77 об.).

В 1928—30 М. был женат на Софье Ал-др. Богодуровой, племяннице Б. А. Садовского, с к-рым его связывали дружеские отношения; о последнем свидетельствует, в частности, сохранившийся список шуточной поэмы Садовского «Нэти» (ГЛМ, там же, № 64), где воссоздана атмосфера вечеров на квартире А. И. Худяковой, вазы проф. Н. Н. Худякова (выведена под именем Нэти); среди персонажей поэмы также литераторы Н. П. Оболенская (Хабисас), Е. Сокол, И. С. Рукавишников, юрист М. Л. Мандельштам и др. В авг. 1929 М. был арестован с конфискованной рязд. стих. и провел 2 месяца в Бутырской тюрьме; после освобождения устроился на работу во Всехимпром, в 1930-х гг. служил в Планхо и Могизе. Продолжал писать стихи, к-рые читал в кругу знакомых и друзей, в большинстве своем, подобно М., вытесненных на обочину лит-ры (Б. М. Зубакин, С. Е. Нельдихен, В. И. Вольпин, В. А. Бутягина, Н. П. Кугушева-Сивачёва и др.). Часть стихотворений, в особенности вошедших в рукоп. кн. «Ультрафиолетовые стихи» (ГЛМ, там же, № 64), проникнута острым неприятием порядков, установившихся в «стране холопов и секретарей» в «преддверии социализма» («Если гнусно так в преддверии/ То за дверь какую ж?!»). Включенный в сб-к цикл эротич. стихов отмечен раскрепощенностью в описании любовных сцен, зачастую переходящей в явную безвкусицу. Сохранившийся в архиве М. рукоп. альбом содержит более 100 записей, сделанных литературой из окружения М., в т. ч. шуточных стих., посвященных экспромтов. Наличие в альбоме поэтич. переключек, резинисценций, явных и скрытых намеков свидетельствует не только о дружеских связях литераторов и реалиях лит. быта, но говорит о том, что «альбомное» творчество в жизни изгоев сов. литературы было большим, нежели просто вид лит. игры.

Во время Великой Отеч. войны 1941—45 М. работал на фабрике, откуда в апр. 1944 попал в тюрьму за

самовольное оставление рабочего места. После годичного заключения нигде не работал. Перенес инфаркт. Сразу после войны женился на Зое Евг. Сотниковой, дочери художника Е. М. Сотникова. В марте 1953 вновь был арестован и приговорен к 10 годам заключения по статье 58¹⁰ ч. 1 УПК РСФСР за «чтение антисов. стихов и клевету на сов. власть». Наказание отбывал в лагерях Петропавловска-Камчатского, Семипалатинска и Актюбинска. В сент. 1955 был освобожден, однако проживал «на 101-м километре» (г. Малоярославец), где продолжал писать стихи и восстанавливать по памяти конфискованные при последнем аресте. Собственноручно, как в молодые годы, изготавливал рукоп. книжки. В 1966 М. было разрешено проживание в Москве. В 1990 посмертно реабилитирован.

Изд.: [Стихи]. — В кнл. Евтушенко Е. Стифы века. Антология рус. поэзии, Минск — М., 1995 (укл.; в биогр. справке неточности).

Лит.: Дынин В. Право на песню. — «Красная Новь», 1926, № 12. + Писатели соц. эпохи (1: верно указан год рождения М.).

Архивы: ГЛМ, ф. 383; ЦА ФСБ РФ, д. Р-14858 (1929 г.); Р-39308 (1953 г.).

А. А. Кеда

МИНСКИЙ Николай Максимович [наст. фам. Виленкин; 15(27).1. 1856*, с. Глубокое Вилен. губ. — 2.7.1937, Париж; похоронен на кладб. Пер-Лашез]; поэт, драматург, философ, публицист, переводчик. Из бедной еврейской семьи; рано осиротел (по свидетельству, восходящему к самому М., был усыновлен неким

вым и З. А. Венгеровой. С 1877 в гражд. браке с Ю. И. Безродной (в 1882, приняв православие, обвенчался с ней; в 1886 развелся). На рубеже 1880-х гг. полтора года прожил в Париже и Италии в качестве учителя детей изв. банкира, общества деятеля и филантропа барона Г. О. Гинцбурга, с к-рым впоследствии был связан деловыми отношениями. До первой рус. революции жил в Петербурге, часто бывая в Зап. Европе; в 1888 совершил путешествие в Палестину. Числился присяжным поверенным округа Петерб. судебной палаты (в 1880-е гг.), почти не практикую как адвокат. Позднее служил архивариусом в Русском для внеш. торговли банке.

Первые выявленные публ. М. — стих. «Сон славянина» (НВ, 1876, 12 сент.) и поэма «На родине» (ВЕ, 1877, № 1) — были отмечены сочувствием к освободит. борьбе Болгарии против тур. гнета и вместе с тем скептич. рефлексией по поводу иллюзий «славянского братства» (рать славян, идущую на выручку погибающим болгарам, в поэме «вицнт» следец). Сильнейшим в его стихах тем лет (см., напр., цикл стих., опубл. в «Вест. Европы», 1877, № 2) оказался мотив разлада идеала и действительности, окрашенный в тона «гейнеанской» иронии: «Мечты святые я учился/ Скрывать от глупого суда;/ И так при этом изволичился/ Что скоронил их навсегда» («От глаз насмешливо-холодных» — там же). Единственное сочувствие дебют М. получило со стороны лит. поколения сороковых годов: И. А. Гончаров «пришел в восторг» от поэмы «На родине» и рекомендовал ее М. М. Стасюлевичу (см. в кн.: Венгеров. Лит-ра 20 в., т. 1, с. 358; отзывы К. Д. Кавелина, И. С. Тургенева, П. В. Анненкова см.: Стасюлевич, П., 153; III, 115, 338).

Впоследствии М. никогда не перепечатывал немногочисл. произв. 1876—77, предпочитая связывать свой поэтич. путь «из мрака к свету» (по назв. сб-ка стих. 1922) прямо с традицией лирики «гражд. скорби», в к-рой, по его позднейшим словам, «царили Некрасов и Плещеев» и преобладала имевшая морально обязывающий характер «боль любви, спорная своей личности на костре любви — к народу, к человечеству и, в сущности, ни к кому» («О себе» — «Новая рус. книга», Б., 1922, № 8, с. 40). Начиная с 1878 лирич. герой «раннего М.» отчетливо вписывается в социально-психол. контекст эпохи: это рефлектирующий различием-интеллигент «большого поколения», для к-рого народнич. идеалы, сохраняя свое обаяние и моральную власть, утратили ореол безусловной истины. Особенно в поэме «Белые ночи» (ВЕ, 1879, № 11,

в сб. 1887 — с посвящением Венгеру; благосклонный отзыв Тургенева см.: Тургенев. Письма, XII, кн. 2, с. 170) в контрастном освещении петерб. «белых ночей» и «черных дней» ясна его роковая разволенность — императив «правды» рев. народничества и томящее ощущение ее недостаточности: «Этот свет без светы! / Без звезд небеса, тяжкий сон без видений... / Без тайн красота, жизнь без жизненных сил» (С. Я. Надсон: «Какие это прекрасные, полные простоты и искренности стихи!» — В его кнл.: Проза. Дневники. Письма, СПб., 1912, с. 331). Новацией М. в рамках образно-тематич. системы народнич. поэзии стал сильно акцентированный мотив «таинственности народа», народа «сфинкса», как бы воспроизводившего в себе разволенность лирич. героя; народа — страдательной жертвы (как у большинства «гражд.» лириков), но и вместе с тем — темной стихии, «грозной загадки» [поэма «Песни о родине» (песни 1-я — 3-я — РМ, 1882, № 10; полностью — «Стихотворения», 1887)]. Мучит. драм. коллизия отношений лирич. «я» с народом и «родиною несчастною», образующая внутр. сюжет стих. М. «В деревне» (1878). «На чужом пиру» (1880), «Песен о родине» и мн. др., не могла разрешиться только в духе традиции «народолюбия». Потребность в высшем оправдании земной «правды» наряду с вопрошанием «небес» о страданиях родины и народа, т. е. в возведении на религ. уровне интимной, неразрешимых на уровне психологии, впервые проявляется у М. в поэме «Последняя исповедь», опубл. в нелегальной газ. «Нар. воля» (1879, 1 окт.; б. п., поств. «казненным»); вошла в «Полное собр. стихотворений», т. 1; перепечатана в кнл.: Лит-ра партии «Нар. воля», М., 1930) и подкавказшей И. Е. Репину замысел картины «Отказ от исповеди» (1879—85), подаренной им поэту (Грабарь И., Репин, т. 1, М., 1963, с. 247, 323).

Гл. обр. своей чуткостью к нравств. конфликтности народнич. эпохи, к проблематике совести и жертвы «правды» до фотографичности мартырология рус. духа» (Полонский, с. 374) в поэзии М. снижала ему к нач. 1880-х гг. широкую популярность: он с неизменным успехом выступает на лит.-муз. вечерах, сотрудничает (помимо «Вест. Европы») в ж. «Рус. мысль», «Книжки Недели», «Устой», «Новь», бывает на «пятницах» Я. П. Полонского, на вечерах у Репина, баронессы В. И. Икскуль фон Гильдебрандт, А. А. Давыдовой и др.; среди его знакомых весь лит. Петербург — от Н. А. Лейкина до Н. К. Михайловского, из наиб. близких — Надсон и В. М. Гаршин.

Виленкиным — Мильтон, с. 155). Вырос и получил воспитание в Минске (отсюда псевдоним), в 1875 окончил Минскую г-зию (зол. медаль), где хорошо изучил др.-греч. и неск. зап.-европ. языков. В 1875 поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та, окончил в 1879, в марте 1880 утвержден в степени кандидата прав (РГИА, ф. 776, оп. 1, д. 1993). Все время учения содержал себя частными уроками. Студентом подружился с С. А. Венгеро-

Однако не только высказываниям моралисту, но и присутствию М., районизации проявились в его публицистических статьях 1879—80, в «органе рус. евреев» — еженед. «Рассвет». М. писал, в частности, о необходимости для евреев «единения» с рус. народом (1879, № 1, стб. 36) и образовательно-социальные еврейские землячества как средства ижить т. н. еврейский вопрос (1879, № 11, стб. 434); возмущал А. С. Суворину по поводу о расе евреев в реп. движении, к-рым объявлял органы, сылав евреев с рус. обществом, реагирующим на его «сильное содрогание» (там же, 1880, № 10, стб. 398; подробнее в кн. М. «На общественные темы», с. 56—61). В «Рассвете», вспоминал Г. Б. Слютерберг, М. «был писателем-еврей, но не еврейский писатель», т. е. «был чувства, обычные для всей интеллигенции» (в его кн.: Дела давно минувших дней. Записки рус. еврея, т. 1. Париж, 1933, с. 122).

Рыхлая эклектичность ранней поэтики М., фундамирующей основой к-рой был «некрасовский стих без некрасовской мощи» (Блок, V, 280), не исключала чужеродных элементов в сюжетных мотивах и поэтич. интонациях, напр. отвлеченного «космогизма» (см.: «Солнце. Сцена из поэмы о мироиздании» — ВЕ, 1880, № 5), подкажанного, очевидно, стойким интересом к религии и «отреченным» учениям древности. Пребывание М. в Италии вызвало в его стихотворениях появление весталок, алтарей и т. п. «бутафорни» культурно-ист. аллегоризма, не всегда стилистически выдержанного (напр., антич. сюжет «смерти Кая Гракха» М. трактует «в стиле эпохи т. н. ложно-классицизма» — Оболденский, с. 203) и обнаруживающего аналогии в живописи Г. И. Семирадского. В стихе же М. присутствуют фогановская мелодичность: «Сны беззаботные./ Сны мимолетные/ Снятся лишь раз» («Серенада», 1879), отзвуки прозаизированной стихотв. речи К. К. Случевского и т. д. Эта «бесстыльность» ранних вещей М. может, видимо, считаться знаком его будущей непредсказуемой эволюции.

Поэтич. облик М., не соответствовавший эстетич. аскезе поэтов рев. народничества, вызывал явную неприязнь к нему в среде, близкой к «Нар. воле». В позднейшем — уничтожительном — обзоре творч. пути М. как одного из гл. виновников «насаждения „черных роз“» декадентства в рус. лит-ре П. Ф. Якубович (Мельшин) писал, что его чуждость вытекала из одного факта его сотрудничества в либеральном «Вест. Европы», а не в радикальных «Отеч. зап.», где он не печатался ни разу (Мельшин, с. 272, 282). Репутацию «чужака» не изменили и ценз. преследования, выпавшие на долю М.: его сб. «Стихотворения» (1883), выпущенный «без предварит. цензуры», был уничтожен за «тенденциозное содержание»; установл. за М. негласный надзор снят в февр. 1885 (ГАРФ, ф. 102, 3-е д-во, 1903 г., д. 1341; 7-е д-во, 1906 г., д. 2291, 1913 г., д. 5 ч. 73, д. 7 — справка Е. А. Чирковой); М. вспоминал:

«министр (внутр. дел) Д. А. Толстой вызвал меня, кричал и топал на меня ногами» — [О себе], с. 40 (см. также в кн.: Добровольский Л. М., Запрещенная книга в России. 1825—1904, М., 1962, с. 146). В мае 1884 Комитет духовной цензуры запретил принятую в «Вест. Европы» поэму «Гейфиманская ночь», продолжав-

ления удивившей обихода атмосфере. «Думаю, что еврей все-таки лучше (о падении поколения голорю), чем русскому», — писал ему Гаршин 10 дек. 1881, и М. был от этого письма «в истерике» (см.: Гаршин, с. 231, 240). Стоим. героиней одностопного «я» принята стилист. драма из эпохи Богдана Хмельницкого «Осада Тульчина» («Восход», 1888, № 1/2), написанная аллюзиями на еврейские поэмы в России после изгнания 1 марта 1881. — М. закончил ее в 1883 и широко читал в петерб. лит. салонах (подробит. отклик в письме Гаршина Над-

В. М. Гаршин, И. И. Ясницкий, Н. М. Минский. Киев, 1884.

шую лирию «Последней исповеди» (под назв. «Искушение» опубли.: «Пушкинский сб.», СПб., 1899), — как соч., расходящиеся «с евангельским сказанием о последних днях земной жизни Христа Спасителя» и с «недостойным» его «величия и святости» поэтич. образам (цит. по кн.: Поэты 1880—1890, с. 647); поэма стала еще одним свидетельством отчуждения М. от ортодоксального народничества. Поэма широко распространялась в списках (см. отзыв Кавелина: Стасюлевич, II, 178—179), позднее Б. Б. Глинский, сокрушаясь о декадентском «превращении» М., вспоминал: «всякий передовой студент считал делом иметь в своей библиотеке рукописный экземпляр „Гейфиманского сада“» (ИВ, 1896, № 2, с. 631).

С др. стороны, и друзья М., особенно Гаршин, вместе с ним все высказывали выход из тупика наступившего безвременья, отчастье отделили себя от М., усматривая в его «инородчестве» отсутствующую у них опору для внутр. сопротив-

лению, нояб. 1883: Гаршин, с. 304). Из письма И. И. Ясницкому от 18 февр. 1884 видно, что М. совершенно сознательно отпоясился к своему объективному положению в текущей лит-ре; оговаривая, что не разделяет «взгляда на читателя, как толпу», М. писал: «все-таки считая, что мои чувства должны оставаться чуждыми для толпы, что в живую если не на высоте, то все-таки в каком-то замкнутом мире, из которого у меня нет ни желания, ни возможности выйти» (РНБ, ф. 901, оп. 3, № 535, л. 1).

Переход М. на позицию т. н. «эстетизма» относят к 1884, когда под впечатлением от «Исповеди» Л. Н. Толстого (понятой им, в частности, как проповедь утилитарной эстетики) он инспирировал совм. с Ясницким полемичку в киев. газ. «Заря» «о границах лит.-худож. и науч. знания», к-рую завершил статьей «Старинный спор» (29 авг.). Здесь, не отрицая связи худож. деятельности с пласушной жизненной проблематикой, ее этич. содержания и «учительной» роли, М. утверждает и аргументирует автономию иск-ва: поэзия, в отличие от науки, «творит новую

природу», не «поучает», как думает Толстой, но создает действительность, к-рая «живет» той, что существует «на самом деле». Исх-во формирует поведенч. модели (идеалы), служащие нам «как бы образами», но эта его жизне- и преобразующая функция невозможна без «эстетич. наслаждения» и «красоты». Статья М. — первая декларация «эстетизма» в рус. лит-ре, близкого символистскому, но не идентичного с ним (подробнее об этом, а также о нем «Старинного спора» в рус. культурной традиции см.: Минц). С т. з. высказанного кредо М. предпринят разбор поэзии Надсона («Новь», 1885, № 11), на примере к-рой произвел, по сути, расчет и с собств. психологизированно-морализирующей поэтикой, что возмутило друзей Надсона и вскоре привело к разрыву отношений М. с ним и Гаршиным.

В 1914 М. опубликовал ст. «Зап. книжка Надсона» («День», 6 апр.), где, ссылаясь на материалы стипод. текстов в записной книжке, подаренной ему Надсоном в 1884, обвинил (безосновательно) редакторов его посмертных изданий в тенденциозном упрощении его поэтич. облика. Резкость последователей полемике показала, насколько глубоко был проникнутый в 1885 разрыв М. с литературой радикального лагеря: А. В. Пешехонов писал о повторной попытке М. «сташить с пьедестала» Надсона — РВед, 1914, 9 апр.; см. также: М. Ватсон — «День», 1914, 10 апр.; ответ М. Пешехонову и Ватсон — РВед, 1914, 18 апр.; Ф. Д. Батюшков — «Речь», 1914, 5 мая (ИРЛИ, ф. 402, М. В. Ватсон), оп. 1, № 34, оп. 2, № 10, 357 — в т. ч. два письма М. к Ватсон от 1888).

Годы 1886—90 («вторая жизнь»), сопровождавшиеся возраставшей духовной изоляцией, М. позднее называет лучшими в своей жизни («О себе», с. 41; ср. в стихах: «Средь одиночества, настоящего нежданно! В душе моей затаих желаний бред и шум, / И отблеск неземной упал на путь туманный»). В эти годы М. работал над своим осн. филос. произв. — трактатом «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни» (СПб., 1890, 1897). Д. С. Мережковский в кн. «О причинах упадка и новых течениях совр. рус. лит-ры» (1893) назвал его «странным вымыслом поэта, оригинальным возрождением пламенного гностицизма древней Александрии III и IV веков в современном Петербурге, между Бурениным и Скабичевским» и засвидетельствовал, что сказавшаяся в нем духовная эволюция М. — результат «глубоко современного перерождения, хорошо знакомого людям 80-х годов» (Мережковский Д. С., ПСС, т. 13, М., 1914, с. 264). В ряде мифопоэтич. образах, далеких от филос. строгости, М. выразил свою глубокую уверенность в том, что совр. человек и культура пребывают во всеобъемлющем кризисе, вызванном утратой ощущения осмысленности жизни; он попытался передать смутный, в т. ч. мистич., опыт совр. души, не противореча при этом уста-

новкам «положит. знания» (в чем, в частности, проявилась устойчивая потребность умственного склада М. в «рационализации иррационального»; мистика М. — «это не мистическое а priori, а мистическое а posteriori» — Полонский с. к. 388, 396). В качестве «выхода» М. предлагал собств. филос. теорию «меонизма» (от греч. το μήδυν — несуществующее) — своего рода «религию небытия», вобравшую в себя в причудливых сочетаниях идеи христ. антропологич. нем. филос. «волюнтаризма» (гл. обр. А. Шопенгауэра и Ф. Ницше) и отд. положения вост. мистики. В ист. перспективе она представляется хронологически первой манифестацией рус. религ. модернизма, типологически сходной с «новым христианством» Мережковского и в нек-рых чертах с религ.-философскими построениями В. В. Розанова.

В менее литературно яркой, но более систематизированной форме М. изложил свое понимание меонизма в кн. «Религия будущего. Филос. разговоры» (СПб., 1905; под назв. «Филос. разговоры» печаталась в ж. «Мир искусства», 1901—03), где отказываясь от непосредств. веры в Бога как фундаментального, решающего фактора религ. мироощущения в совр. мире (борьба между «критич. мыслью» и «чувством веры», по М., сопровождала всю историю христианства). Замену богочеловечества человекобожием М. считал свершившимся фактом совр. духовного развития и «спасение» видел в том, чтобы овладеть «мистич. познанием» без веры, что, по его мнению, вполне возможно: в отличие от «чувства веры» (детского «райского» состояния души) «религ. чувство» врождено человеку и неистребимо в нем.

Задача меонизма состоит в том, чтобы «подглядеть в душе возникновение... мистич. зарп. узнать не то, в чем заключается вечное, а то, как вечное открывается во временном» (с. 16—17). Достичь этого можно двояким образом: как путем максимального удовлетворения запросов личности (Ницше), так и путем отречения от них (Л. Толстой). Оба пути «священнодейственны» и призваны переродить совр. мораль, т. е. освятить потребности (чувственные, житейские), или — другой путь — «вести в практику жизни идеал отречения» (с. 147).

Т. к. меонизм не новая объективная истина и не «еще одна религия», а «легенда», постигаемая во внутр. открытии, «бесмысленное сваливание от человеческого разума» (с. 25), по сути, иррационалист. веру в Бога как безусловную высшую реальность, он предполагает сознательно культивируемый идеализм — культ духовного «я» и «величайшую любовь» к нему: эта любовь, с т. з. М., «проникает собою все законы и агоний проповеди, к-рые поверхностному взору кажутся вершиной любви к ближнему»

(с. 256). Т. о., меонизм М. претендует и на пересмотр осн. постулатов традиц. христианства.

Кн. «При свете совести» вызвала хотя и преимущественно негативную реакцию. «Замечательно сильно начало. Отрицание, но познание (свое) ужасно. Это даже не бред, а сумасшествие» (из дневника Л. Толстого, 31 дек. 1889 — Л. 196; ср. в его письме В. Г. Черткову, написанном в тот же день: «есть много мест поразительных по силе, искренности и красоте выражения. Я чувствую, кроме того, родственность взглядов с собою» — LXXXVI, 284). Вл. С. Соловьев опровергал исходный тезис М. об эонизме как единств. хотя и осуждаемом собою, мотиве человеческого поведения (альтруизм, по М., лишь рафинированная форма эонизма), теорию же меонизма (т. е. образцов тотального несуществования души) назвал «адаптивной абракадаброй», а саму книгу «интересным психологич. этюдом» (ВЕ, 1890, № 3, с. 441, 437; то же — Собр. соч., т. 6, СПб., 1912). А. Л. Волынский, также указывая на несостоятельность мн. построений М., не принимал и его идеологию к «совести»: М. говорит от лица духовно и нравственно ущербных людей совр. поколений; «свет этой совести хуже всякой тьмы...» (СВ, 1890, № 2, отл. II, с. 105).

Впрочем, книга М. встречала и безоговорочное признание. Восхиление Л. Е. Оболенского вызвала «грандиозная» аллегорич. картина «последнего сува совести», за мейонизм он назвал «блестящей концепцией непознаваемого» (РБ, 1890, № 1, с. 123, 133). Более многочисленными были отклики на 2-ю изд. книги (все — 1897): Л. С. (Л. З. Слонимский) — ВЕ, № 7; «Науч. обзор», № 1; (М. Ф.) (Сутеранский) — ИВ, № 5; «Неделя», № 5; МВед, 27 апр.; М. Беллинский (И. И. Ясинский) — ВВос, 5 янв.

Позднее, когда меонизм уже утвердился в устах обихода рус. общества, Л. Галич (Л. Е. Габрилович) смог заявить, что, несмотря на очевидные недостатки, это все-таки лишь вторич. попытка соловьевской, «метафизич. система, рожденная в России» («Новости и бирж. газ.», 1904, 15 нояб.; ср.: Чулков, с. 129). Совершенно отделившись на «религию будущего» Розанов — ст. «Одна из русских поэтико-филос. концепций» (ЗР, 1906, № 7/9); отменив «греческ.» характер нек-рых положений М., он заключал: «... это не трудной, бесчувственной стонимости и не мертвый буддизм. Здесь есть движение, горение; это — не только схема ума, но и мотив наших действий» и «загр.» (с. 149).

В стих. М. меонич. мотивы появляются во 2-й пол. 80-х гг.: «Как сон, проидут дела и помыслы людей...» (1886; А. А. Блок приписывал его к «лучшим» у М.; выделив в тексте слова «сам себе мираж создал», заметил: «этому неземному лозунгу изверившегося в земное человека можно поверить» — Блок, V, 284; ср. оценку Волынского — СВ, 1886, № 2, с. 74), «На кладбище», «Над могилы В. Гаршина» (оба — 1889). В откликах на сб. «Стихотворения» (1887; 2-е изд., 1888; 3-е, 1896; все — СПб.; репринт 3-го изд.: Мюнхен, 1977) сложилось быстро ставшее общим местом мнение о «риторичности» поэтич. языка М., однозначно рассматриваемой как недостаток (см., напр.: Говоров К. (Медведский К. П.), Совр. поэты. Критич. очерки. СПб., 1889, с. 179—80; Миллер). К. К. Арсеньев первым указал, что у М. «некоторый подъем речи является естественным ... результатом подъема мысли» (Арсеньев, с. 127). «Интеллектуализированность» его поэзии ощущается почти каждым пишущим о М., причем, в зависимости от угла зрения критика, она воспри-

нимается то как эстетически нейтральная («поэт мысли») — Мережковский (ук. соч., с. 263), то как свидетельствующая о худож. худосочи («Минский не поэт...», «... Минский — резонер» — Пильский и др., с. 62, 65), а иногда привлекает внимание возможностью особой поэтич. выразительности (М. «не лирик», зато в его стихотворениях — оригинальная поэзия ... поэзия ума) — Чуковский К., Заметки читателя, О г. Минском. — «Одес. новости», 1905, 1. 4 февр.).

В 1890-х гг. М. возвращается к деятельному участию в лит. жизни, существенно изменяется его лит. среда. Разнообразные и сложные отношения складываются у него с Мережковским, З. Н. Гиппиус, Ф. Сологубом, Вольским. Вспоминал М. этого периода, П. М. Пильский писал: «От него веяло и еще некоторым высокомерием, колючей самовлюбленностью. Минский кокетничал. Своих литературных гостей он принимал в комнате, обитой крутом сукнами или коврами. Минскому нравилось чувствовать и изображать себя органистом», женщинам «он импонировал своей осанкой и проповедью заморозженной холодности, и в большой моде были его стихи „Холодные слова“ и еще „Белые ночи“. Их знали наизусть» («Сегодня», 1937, № 188).

С М. был связан один из мучит. метафизич. романов Гиппиус (см. ее зап. «Contes d'Amour» — «Возрождение», Париж, 1909, № 211, и письма к М. 1890-х гг. — ИРЛИ, ф. 34, № 203), отразившиеся в ее стих. «Идеи за мной» (1895), «Любовь — омега» (стих. 1896 и 1913) и др. (см. об этом в кн.: Гиппиус З. Н., Социализм. Стихотворения. Проза, Л., 1991, с. 610—12, 630; комм. К. М. Азавского и А. В. Лаврова). М. выведен в образе «влюбленной» учителя Завина в ее ром. «Златоцвет» (1896). Идеи и личность Гиппиус претворились в центр. образе пьесы М. «Альма» и нек-рых его стихах (сб. 1896).

М. становится сотрудником (с осени 1895 — секр. ред.) ж. «Сев. вест.» Вольского и Л. Я. Гуревич (посещает ее журфиксы), где печатаются его стих. и поэмы «Свет правды», «Индийская легенда» (1892, № 12), «Город смерти» (1894, № 11), «Холодные слова. Рождественская фантазия» (1896, № 1), «У отшельника» (1896, № 2). — в них варьируются различные мотивы мейонич. «легенды», а в стилистич. отношении они несут следы внимат. чтения франц. символистов, Г. Ибсена, М. Метерлинка, к-рых М. узнал раньше и лучше, чем кто-либо из первых рус. «декадентов». С Ибсенем и Метерлинком у М. связывается представление об «истинном символизме», противопоставляемом «ложному символизму декаданса» [СВ. 1897. № 1, с. 76; см. также его кн. «Генрих Ибсен» (СПб., 1897); перечень рец. — Муратова, (2)].

В это же время М. занят переводом «Идиллий Гомера» (опубл. в 1896, 2-е изд., 1909; оба — СПб.; переизд.: М., 1935; см. ст. М.

«Идеи „Илиады“» — СВ, 1896, № 5); этот опыт более доступного перевода Гомера не был оставлен без внимания (рец.: РБ, 1896, № 6; А. Б. (А. И. Богданов) — МБ, 1896, № 5; С. Соболевский — ЖМНП, 1911, № 4). М. переводил также П. Б. Шелли (стихотворения, поэма «Аластор»), Дж. Байрона («Еврейские мелодии», «Сон») и др. авторов (переводы вошли в 3-й том «Поэт. собр. стих.», ром. «Саламба» Г. Флобера (1913), комедию Аристофана «Лисицистрата» (1922), нек-рые пьесы Мольера и У. Шекспира).

Лит. событием стала публ. пьесы М. «Альма. Трагедия из совр. жизни» (СПб., 1900, 1909), отмеченная влиянием «Слепых» Метерлинка [обзор многочисл. откликов см. в кн.: Рус. лит-ра (1), с. 456—57]. В ее основе новый в рус. лит-ре внутр. конфликт: молодая красивая женщина в своем стремлении к красоте, бесконечному и сверхличному, последовательно убивает в себе все жизненные инстинкты, уходит в приют для прокаженных, где, заразившись, погибает, отравленная подружкой, желавшей избавиться ее от страданий. (Ср. интерпретацию сходного жен. типа в предавращающем замысле пьесы стих. «Портрет», 1896: «Ей чудно было все, что мир зовет стыдливым / И в мире не признав святого ничего / Она лишь в красоте ценила божество / И грех казался ей не злым, а некрасивым.») «Альма», при реалистич. фактурности сюжетного описания, стоит в ряду самых заметных произв. раннего рус. символизма (Брюсов, «про себя» оценивавший ее невысоко, писал И. Коневскому в апр. 1900: «в разговорах я прославляю эту драму» — ЛН, т. 98, кн. 1, с. 489). Вместе с тем драма явилась последней эстетически значимой вещью М.; как творч. потенциал М., так и интерпретационные возможности мейонизма (здесь его поэтич. «переложение» наиб. удалось М.) вместе с этой пьесой исчерпываются. По словам Гиппиус, «свобода, та, к которой шла Альма — Психея Минского, не путь к Богу, т. е. не движение, а стояние перед Богом. Стояние в смерти, в „нет“ бесконечном, ибо во всякой неподвижности — бесконечность» (МИ, 1900, № 17/18, с. 93).

То же значение идейно-худож. кульминации, исчерпывающей своеобразие М.-поэта, имел его сб. «Новые песни» [СПб., 1901; многочисл. рец. см.: Муратова (2)] — одно из ярких достижений филос. лирики символизма. «Одиночество», индивидуализм «в его непримиримой форме» [Андреевич (Е. А. Соловьев) — «Жизнь», 1901, № 3, с. 232] интерпретированы здесь с нарочитым бесстрастием, в «холодных словах», освобожденных от психол. коннотаций, ради единой истины, предносящейся поэту («Кто Бога узрит, тот умрет / Кто зряч, тот видит только Бога» — «Кто Бога узрит...») и рисующей перспективу некоей новой

религии, снимающей проблему этич. выбора: «Нет двух путей добра и зла / Есть два пути добра / Меня свобода привела / К распутию в час утра / И так сказала: две тропы / Две правды, два добра / Их выбор — мука для толпы / Для муарца — игра» («Два пути», 1901; ср.: «Я в своей литературной деятельности преследую одну единственную цель — сделать возможным, хотя бы в теории, хотя бы в далеком будущем, новые религиозные отношения между людьми» — письмо Ф. Д. Батушкову от 18 нояб. 1912 — РНБ, ф. 51, № 19, л. 2). В 1904 выходит «Полное собр. стихотворений» (на т. л. — 4-е изд., т. I, СПб.).

В 1901—03 М. вместе с Мережковским, Гиппиус, Розановым и др. выступает инициатором и активным участником Религ.-филос. собраний в Петербурге (доклад «О свободе религ. совести», СПб., 1902), много печатается в ж. «Новый путь»: статьи «Двуединство нравств. идеала», «Новый путь» и «Путь сатанинский» (оба — 1903, № 4), «Справедливость и праведность» (1904, № 3) и др. Среди написанных в 1-й пол. 1900-х гг. работ — «Фридрих Ницше» (МИ, 1900, № 4), «О двух путях добра» (СЦ на 1903 г., М., 1903), «Нравств. проблема наших дней» («Весы», 1904, № 12; с последней статьей — лекцией — М. ездил в 1905 по России — РГИА, ф. 1405). Помимо салона Мережковских М. посещал «пятницы» К. К. Случевского (1899—1903) и сам в 1900-е гг. вместе с женой Л. Н. Вилькиной, разделявшей мистич. увлечения М., «декадентской» по настроению и стилю поведения, устраивает в своей квартире изв. лит. салон (Н. А. Бердяев с «неприятным чувством» вспоминал, как однажды наблюдал «дионисийский» хоровод М., Розанова, Вяч. Иванова, Ф. Сологуба и др. — см. в его кн.: Самопознание. Опыт филос. автобиографии, М., 1991, с. 157; ср. с дошедшими до Гиппиус слухами о «радении» у М. с причисленным кровью — Гиппиус З. Н., Стихотворения. Живые лица, М., 1991, с. 344; см. также: с. 329, 345, 362—63 и комм. Н. А. Богомолова; с. 415—16, 420—21; о «жертвенном» обряде в салоне М. в 1905 — в кн.: Рус. рев. движение и проблемы развития лит-ры, Л., 1989, с. 178—79; Блок, VIII, 124—25).

К 1905 М. переживает увлечение рев. настроениями, осенью 1905 (при посредстве М. Горького) становится ред.-издателем газ. «Новая жизнь» (кон. октября — 2 дек.), первого легального органа социал-демократии (с ноября идейное руководство газетой осуществлял В. И. Ленин). В условиях поднимающейся революции М. чувствует себя «ставленным пролетариата» (Кугель А. Р., Ли-

ствя с дерева. Восп., Л., 1926, с. 176), 13 нояб. печатает стих. «Гимн рабочим» («Пролетарии всех стран соединяйтесь! / Наша сила, наша воля, наша власть») — в том же номере «Новой жизни», где появляется левянская ст. «Партийная организация и партийная литература». М. был арестован, ему предъявлено неск. обвинений (в т. ч. за публикацию программы РСДРП и др. мат-лов как «содержащих оскорбл. неуважение к верховной власти» и «возбуждавших к усилению бунтовщических деяний» — РГИА). Через неск. дней выпущен под залог в 10000 руб. 8 дек. 1905 М. нелегально вышел за границу. (Подробно «новожизнечский» эпизод описан в восп. сотрудников газеты в кн.: «Новая жизнь». Первая легальная социал-демократическая газета. Полный текст под ред. и с предисл. М. Ольминского, в. 1. Л., 1925; см. также: Мейлах Б., Символисты в 1905 г. — ЛН, т. 2728.) Т. з. крута Мерещковского на индент высказал Д. В. Философов в ст. «История одного легкомыслия»; М. «пытался привить меонизм к социализму и бежал за границу, не сохранив на родине ни связей, ни симпатий». Эту «трагич.» ситуацию он создал сам: «ради газеты Ленин и Горький могли пойти на словесное признание всякого „меонизма“». Нужно было не пожимать и не уважать эти «крупные фигуры», чтобы рассантитывать, что «в такое время» они «преисполнятся его идеями» («Наша жизнь», 1906, 30 марта; отклик Мерещковского — в письме Вилькиной от 14 нояб. 1905 — Ежегодник РО ПД. 1991, СПб., 1994, с. 231—33).

Поселился в дек. 1905 в Париже. М. становится корреспондентом газ. «Бирж. вед.», «Совр. слово», а также «Русь» (здесь опубли. «Историю моего редакторства» — 1906, 12—13 марта) и, позанес, «Утро России», в к-рых, как и в последующих публик. работах, по собств. признанию (РГИА), говорил о «враждебности» марксизма культуре, философии, религии и искусству. В 1908 посылает в Петербург ст. «Леонид Андреев и Мерещковский» («Наша газета», 1908, 16 марта) с защитой Л. Н. Андреева и резкой критикой неохристианства Мерещковского (в одном из откликов статья была названа «вагнеровской битвой меонизма с апокалипсизмом», с «отпечатком фамильного сходства»: Д. Левин — «Речь», 1908, 22 марта; Розанов в этом споре скорее берет сторону Мерещковского — «Свои люди» поспорились — НВ, 1908, 21 апр.). В 1907 выпускает «Полное собр. стихотворений» (т. 1—4, СПб.), после чего уже практически не пишет стихов (хотя стих. М. вплоть до сер. 1920-х гг. включаются в разл. альма-

нахи и антологии). Репутация М. в символистских и околосимволистских кругах, особенно после 1905, резко упала, он оказывается — и, т. о., и воспринимается — на периферии лит. процесса. Пильский писал об остановившемся творч. «росте» отца декадентов, как называли М. (С. Венгерова — Венгерова. Лит-ра 20 в., т. 1, в. 3, с. 359; Перцов, с. 268, и др.): «целый период, целая эпоха рус. стиха, рус. поэзии, ее исканий и находок, ее тревог, изобретений и приобретений прошла мимо, будто все эти годы Минский диктовал свои стихи, находясь в летаргическом сне» (Пильский, с. 72). М. все больше погружается в изучение франц. рабочего движения, гл. обр. анархосиндикализма, с к-рым, очевидно, связывает возможность обществ. устройства, позволяющего осуществить утопич. социальные проекты меонизма: обобщенное воспитание детей и создание меонич. монастыря, где, «не давая обета», «усталые могли бы отдохнуть, огорченные — просветлеть; озлобленные — примириться» («Религия будущего», с. 275). Прем. этому кругу вопросов, с привлечением философии истории к разбору осн. течений рев. и теоретич. социализма повс. сб. ст. «На общественные темы» (СПб., 1909, два изд.: рец.: Вас. Гиппиус — «Слово», 1909, 1 апр.); «Широта размаха составляет гл. недостаток — или, быть может, достоинство — обществ.-полит. рассуждений» М. (Л. З. Слонимский — ВЕ, 1909, № 6, с. 862). «Беспочвенным» рус. и европ. теоретикам социализма с их экономич. материализмом и классовой борьбой он противопоставляет «рус. революцию», проникнутую идеями «социал-гуманизма» (ст. «Социал-гуманизм», признанного «облагодородить самый образ жизни» (с. 69—70). В сб-ке входят также полемич. статьи о Мерещковском и Л. Андрееве, Л. Толстом, ответ Розанову и др. В драм. трилогии «Железный призрак» (РМ, 1909, № 2), «Малый соблазн» (альм. «Шиповник», кн. 12, СПб., 1910) и «Хаос» («Новая жизнь», 1912, № 12), растанутая, с явственными чертами схематизма, звучит (как и в предыдущем сб-ке) тревога о том, что «мещанский идеал предметного благополучия» может обесмыслить и свести на нет завоевания, достигнутые трудящимися в ходе полит. и социального освобождения (Г. В. Плеханов в ст. «Евангелие от декаданса», 1909, выступил против идеологствения М. «пролетарских идеалов» с сытым «мещанством» — цит. по его кн.: «Лит-ра и эстетика», т. 2, М., 1958, с. 470).

В 1912 М. обращается (вместе с Вилькиной) с просьбой о возвращении в Россию («Всеми силами души

жажду этого возвращения... Этим семь лет внимательного изучения европ. действительности, в стороне от охватившей русскую литературу эротомании, дали мне реальную жизненно-твердую точку опоры в моих религиозных и философских исканиях» — письмо Ф. Батюшкову от 24 дек. 1912 — РНБ, ф. 51). За него «представительствует» чл. Гос. совета С. Ю. Витте (РГИА), осенью 1913 М. помилован, а в марте 1914 возвращается в Петербург. «где старые друзья... с Федором Сологубом во главе устроили ему радушную встречу» (Венгерова. Лит-ра 20 в., т. 1, в. 3, с. 363); М. участвует в лит. диспутах, выступает с лекцией «О любви к людям и предметам» («Дневники писателя», 1914, № 1, с. 54; № 2, с. 57; там же его публ. «Из записной книжки»).

Первая мировая война застаёт М. на пути в Париж («по частному делу»), он, т. о., оказался отрезанным от России, что обусловило его окончат. эмиграцию. «Рус. революцию» воспринимает двойственно — со «страхом за судьбу культуры» ([О себе], с. 41). После 1917 М. читает в Париже лекции о союзе между умами, и физич. трудом, пишет кн. «От Данте к Блоку» (Б., 1922), в к-рой рассматривает творчество различных писателей «лишь как моменты в огромной вековой проблеме личности» (с. 5), и филос. «мистерию» «Кого ищешь?» (Б., 1922; рец.: Ю. Оксфосимов) — «Новая рус. книга», 1922, № 9). Тогда же издает итоговый сб. стих. «Из мрака к свету» (Б.—П.—М., 1922). В нач. 20-х гг. М. жил в Берлине, где стал пред. правления образовавшегося в 1921 «Дома искусств» («седоластый старец», говоривший «долго», «многосторонне» и «весьма отвлеченно» — Белый, III, 158, 160), на собраниях «Дома искусств» в берлинском кафе встречались эмигрантские и сов. писатели. Из Берлина М. переехал в Лондон, где одно время служил в сов. посольстве. Лит. деятельностью после 20-х гг. не занимался. После смерти Вилькиной (ум. в 1920) женился в 1925 на З. Венгеровой, всю жизнь преданно любившей его (см.: Мильтон, с. 156). С 1927 жил в Париже.

На стихи М. писали романы А. Г. Рубинштейн, С. В. Рахманинов, Р. М. Глизэр, С. М. Волконский, П. И. Бларамберг и др.

Др. проиыз.: статьи «Идея рус. революции» («Перевал», 1906, № 1), «Скупой рыцарь» (в кн.: Пушкин А. С., Соч., СПб., 1909), «Короленко и Гоголь» («Грани», Б., 1923, № 2).

Изд.: [Стихи]. — В кннгах: Ехов И. С., Шакурин Е. И. (сост.). Антология рус. лирики от символизма до наших дней, М., 1925 (репринт — М., 1991); Волная рус. поэзия второй пол. XIX в., Л., 1959 (БПБс, 2-е изд.); Поэты 1880—1890 (БПБс); Силет серебряного века, М., 1990; Рус. поэзия серебряного века, 1890—1917.

МИНЦЛОВ

Антология. М., 1993; [Переводы]. — В кн.: Мастера рус. стихотв. перевода, т. 2, Л., 1968 (БПбс. 2-е изд.); Несколько слов о Гаршине по поводу достижения его смерти. [В сокр.]. — В кн.: Современники о В. М. Гаршине, Саратов, 1977; «Отпетый стих». [Ред. 1921]. — В кн.: Н. Гумилев в восп. современников. М., 1990, с. 169—172.

Лит.: Толстой: Блок; Белый (все — ук.); Брюсов В. Я., Н. Минский. Опыт характеристики. — Собр. соч., т. 6, М., 1975; Брюсов (2); Михайловский, VI, стб. 609—19, 723—18; VIII, стб. 504—06, 516—17, 665—86; Полонский Г., Попова М. — В кн.: Венгров Л. Я., История «Сев. востика», — Венгров С. А., Н. Минский. — Там же, в. 3 (вкл. ст. М. «Мемориал»; Раалов Э. Л., Философия М. — Там же, в. 4; Оболденский Л., Наши теоретические спитворители. Элементы поэзии М. — РБ, 1887, № 12; Миллер О., Наши совр. поэты. Н. М. Минский. — РМ, 1888, № 1; Арсеньев К. К., Рус. поэты новейшего времени. Н. Минский. — В его кн.: Критич. этюды по рус. лит-ре, т. 2. СПб., 1888; Бибииков В. И., Рассказы, СПб., 1888, с. 384—400; Волынский А., Борьба за казавини, СПб., 1900, с. 477—87; Андреевский С. А., Лит. очерки. 3-е изд., СПб., 1902, с. 433—39; Батушков Ф. В., Комедия и трагедия индивидуализма. — В его кн.: Критич. очерки и заметки о современниках, т. 2, СПб., 1902; Мельшин Л. (Якубович П. Ф.), Совр. миниморты. I, Н. М. Минский. — В его кн.: Очерки рус. поэзии, СПб., 1904; Засоидинский П. В., Из восп. М., 1908, с. 324—31; Чулков Г., Узкие стихи. — В его кн.: Покрывало Ниццы. Критич. очерки. М., 1909; Попов А., Н. М. Минский. — В кн.: Книга о рус. поэтах последнего десятилетия, СПб.—М., 1909; Измайлов А., Помрачение божков и новые кумиры, М., 1910 (ук.); Пильский П., Н. Минский. — В его кн.: Критич. статьи, т. 1, СПб., 1910; Шулятьков В., Этюды новейшей лирики. — В кн.: Из истории новейшей рус. лит-ры, М., 1910, с. 256—75; Захарьевский А., Религия. Психод. параллели, К., 1913, с. 146—79; Львов-Рогачевский В. Л., Русско-сарвакка лит-ра, М., 1922 (ук.); Ясинский Н., Роман моей жизни. Книга восп., М.—Л., 1926 (ук.); Максимов Д. Е., «Сев. вост.» и символисты. — В кн.: Евгенийев-Максимов В., Максимов Д., Из прошлого рус. журналистики, Л., 1930; Перлов (ук.); Гаршин В. М., ПСС, т. 3 — Письма, М.—Л., 1934 (ук.); Таратула Е., Три письма Э. Л. Войнич (Минскому). — «Огонек», 1955, № 50; Егунцов А. Н., Гомер в рус. переводах XVIII—XIX вв., М.—Л., 1964, с. 399, 420; Куприяновский П. В., Из истории раннего рус. символизма. (Символисты и ж. «Сев. вост.»). — В кн.: Рус. лит-ра XX в., сб. 1. Калуга, 1968; Милльстон Е., Восп. о поэте М. — «Новый журнал», Н.-Я., 1968, кн. 91; Майский И. М., Восп. сов. дипломата 1925—1945 гг., М., 1971, с. 31, 53; Чарный М., Время и его герои, М., 1973, с. 363—69; Лосев А. Ф., Проблема символа и реалистич. иск-во, М., 1976, с. 280—81; Силдара Л., Рус. лит-ра кон. XIX — нач. XX в., Будапешт, 1983, с. 118—21; Лит. процесс и журналистика (2, ук.). Рус. лит-ра и журналистика (1, 2, ук.); История рус. лит-ры, т. 4, Л., 1983 (ук.); Герасимов Ю. К., Драматургия символизма. — В кн.: История рус. драматургии, 2-я пол. XIX — нач. XX в. до 1917 г., Л., 1987, с. 554—56; Песни рус. поэтов, т. 2, М. и Л., 1987 (ук.); «Старинный спор» и ее место в становлении рус. символизма. — В кн.: Блокостский сб., в. 9 — Биография и творчество в рус. культуре нач. XX в., Тарту, 1989 («Уч. зап. ТГУ», в. 857); Мерзковский Д. С., 14 декабря. — Гиппиусов Э. Н., Дмитрий Мерзковский, М., 1991, с. 315, 317, 395, 398—99, 405, 421—22; Соболса Л. А., Мерзковский в Париже. — «Литва. Биограф. альм.» в. 1, М.—СПб., 1992, с. 342—43, 355; Письма К. Д. Бальмонта к М. — РЛ, 1993, № 2 (публ. П. В. Куприяновского и Н. А. Мелчаковой); Письма З. Н. Гиппиус к А. Л. Волынскому. — «Минувшее», в. 12, М.—СПб., 1993 (ук.); публ. Л. Е. Евстигнеевой и Н. К. Пушкарской); Ай хенвальда Ю., Минский. — В его кн.: Силуэты рус. писателей, М., 1994; Valda A., La place de N. Minskij dans le renouveau de la pensée à la fin du XIX siècle. — «Cahiers du monde russe et soviétique», 1983, v. 24, № 3:

Ruman A., Minsky. Areliminary study of the man in his generation. — «Scottish Slavonic Review», Glasgow, 1983, № 2; Письма Э. А. Венгровой к С. Г. Балашовской-Петри. — «Revue des études slaves», 1995, t. 67, fasc. 1, 293; ЛН, т. 27/28, с. 167—96; т. 85, 92 (кн. 1—5, ук.). + Некрополи, 1937; ПН, Париж, 8 июля; «Сетонда», № 188 (П. Пильский); «Дая вас», Рига, № 32 (А. Перфицкая); Фомики А. Г., Библиографич. указ. рус. лит-ры, Н. Минский. — В кн.: Венгров, Лит-ра 20 в., т. 2; Брокгауз (ст. Вилленкин); Евр. инт.; БСЭ; ЛЭ; КЛЭ; ФЭ; Алм. и сб-ки (1, 2); Иванов; Фостер; Алексеев; Писатели рус. зарубежья, т. 2; Рус. писатели Богомолов (1); Муратова (2); Масаню.

Архивы: ИРЛИ, ф. 39; ф. 377, оп. 6, № 2410; ф. 289, оп. 4, № 72* (биограф. сведения в т. ч. полная дата рож.); Р. III, оп. 2, № 1377—1382 (письма П. П. Перлову 1902—1903 гг.); ф. 649, оп. 3, № 65 (письма Ф. Ф. Фалалеру 1891—1908 гг.); ф. 293, оп. 1, № 333 (письма М. М. Стасюлевичу 1877—1908 гг.) [справка Н. А. Прохоровой]; РГА, ф. 1405, оп. 530, в. 211, л. 161—169 (заклад мин. юстиции И. Г. Щепетникова о прекращении обвинит. дел против М. с их изложением); ф. 497, оп. 10, л. 1240 (о рассмотрении к пост. письма «Альма», 1913, с характеристикой Ф. Д. Балашова); ф. 777, 776 (инт. аста) [справки В. М. Лулановой]; РНБ, ф. 901, оп. 3, № 535, ф. 115, № 44 (письма И. И. Язынскому 1884—86 гг.); ф. 51, № 19 (письма Ф. Д. Батушкову 1912—13 гг.) [справки Т. В. Мискиной]. А. В. Чащев.

МИНЦЛОВ Сергей Рудольфович [1(13).1.1870, Рязань — 18.12.1933, Рига], прозаик, автор стихов, мемуарист; библиограф, археолог. Внук Рудольфа Ив. Минцлова (1811—83), библиографа, консерватора (хранитель) Имп. публичной б-ки, переводчика на нем. яз. произв. А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Д. В. Григорьева-

ча, воспитателя Александра III и вел. князей (в т. ч. цесаревича Николая Александровича), автора кн. «Петр Великий в иностр. лит-ре» (СПб., 1872); его супруга Эрнестина де Галле — франц. поэтесса. Отец М. — Рудольф Рудольфович (1845—1904), юрист, обществ. деятель, публицист, в моск. салоне к-рого в 1890-е гг. на «субботники» собирались представители науки, иск-ва, лит-ры, либеральных обществ. кругов. Мать — Анна Як. (урожд. Бодиско). М. окончил Аракчеев. кадет. корпус в Н. Новгороде (1881—88) и Александров. уч-ли в Москве (1890). Выпущен юнкером 106-го пех. Уфим. полка, служил в Вильне (на родине своих отдаленных предков,

павших в битве при Грюнвальде) и на Кавказе. Женится на Марии Ал. Пенковой (1871—1911), впоследствии — ред.-изд. сб-ков юношеского и детского творчества «Юная мысль» (СПб., 1908—09), основательница Рождествен. коммерч. уч-ща (с 1908) и сотрудница Лаборатории экспериментальной пед. психологии под руководством А. П. Нечаева. Их дочь Мария — автор кн. «По древней Литве. Путевые наброски» (СПб., 1914) — о путешествии, совершенном вместе с отцом. В 1892 вышел в отставку и поступил в Нижегород. археологич. ин-т, к-рый окончил в 1895. С 1895 по 1900 жил в Одессе, Уфе, Новгороде, служа в губ. казначействах или таможенных (см. его кн. «В таможенном мире. Из восп.»), Трелезона, 1917). Одновременно занимался археологич. и краеведч. исследованиями.

В 1897 выпустил кн. «Стихотворения. 1888—1897» (Од.) — в осн. подражательная, романтически окрашенная любовная лирика, зарисовки природы (часто ночной, таинственной), космич. мотивы (навеянные поэзией Ф. И. Тютчева и А. А. Фета). Стихи М. были названы «благоглупостями», а их автор «необыкновенно развязным поэтом» (П. Ф. Якубович) — РБ, 1898, № 2, с. 77). Пробовал себя в драм. жанре: комедии «Женихи» (Од., 1898; пост. 1898, Одес. гор. т-р) и «Женское дело» (Од., 1899), драмы «Боярин Кучко» (Варшава — СПб. — Витебск, 1901) и «Первый камень» (СПб., 1902). Пьесы М. ставились исключительно на провинц. сцене, хотя, по свидетельству В. П. Адамова, А. И. Сумбатов-Южин и А. П. Ленский восхищались их языком (ИВ, 1913, № 10).

С 1900 по 1914 М. жил в осн. в Петербурге. Печатался в ж. «Юный читатель», «Восход», «Мир» (рец., библиограф. обзоры, этюды, путевые очерки, «Образование», «Ист. вест.» (напр., ст. «Злоумышленные голуби» — 1912, № 1), реж. в «Былом» [ст. «Четырнадцать месяцев „свободы печати“, 17 окт. 1905 — янв. 1907. Заметки библиографа» — 1907, № 3], «Голосе минувшего» (ст. «О рязанских „кромальниках“» — 1915, № 5). Вскоре зарекомендовал себя как писатель для «юных любителей ист. чтения», «нех-рые из его повестей можно было найти в любой школьной б-ке» («Мир», 1909, № 9—10, с. 48). В ист. романе «На заре века» (СПб., 1901; 4-е изд., СПб., 1910; под назв. «Волки», Рига, 1927), повс. событиям Смутного времени, по мнению рецензента, передан «ужас сматення эпохи», оригинально трактована личность Василия Шуйского (ИВ, 1910, № 5, с. 721). Эпоха Петра I как реформатора и преобразователя России рассматривается с т. з. западничества в ром. «В грозу»

(СПб., 1903; 4-е изд., Рига, 1927; подложит. рец.: Д. Масляненко — ИВ, 1913, № 2). Критика отмечала, что автор — «серьезный ученый и знаток истории» («Мир», 1910, № 6, с. 489). Однако беллетристич. элемент (обычно любовная история и связанные с ней приключения в духе В. Скотта, придающие чтению занимательность) не оригинален. К лит-ре «легкого чтения» относятся произв. из жизни ср.-век. Прибалтики — «В лесах Литвы» (СПб., 1904; 4-е изд., Рига, 1927); «Литва» (СПб., 1911; критич. отзыв: А. Фаресов — ИВ, 1911, № 4), из быта раскольников — «Во гъме» (СПб., 1907).

В жанре дет. приключенч. лит-ры написаны рассказы «Беглецы (из гимназич. восп.)» («Юный читатель», 1901, № 14, 16, 18; отд. изд. — СПб., 1902), пов. «Война и приключения оловянных солдатиков» (СПб., 1900; 3-е изд., СПб., 1904; отрицат. рец.: (А. М. Релько) — РБ, 1905, № 7).

Наряду с реалистич. устремленностью М.-писателя («острое чувствование быта, его корней, духа, запаха, близость к земле») П. М. Пильский видел в нем и «глубокую подверженность ... мистическому началу», «веру в таинственное, в нескланное и неразгаданное» (см. его предисл. к кн. М. «Мистич. вечера», Рига, б. г., с. XXXII; уничтожающая рец.: Г. В. Адамович — «Илл. Россия», Париж, 1931, № 17). Мистич. настроения в духе времени проявились в таких книгах М., как «Власть именов (Странное ...)». О влиянии имени на судьбу человека» (П., 1915), «Неведомое. Рассказы» (Трапезонд, 1917). В последней мистика приобретает черты науч. фантастики (переселение героя в иное ист. время при помощи странного прибора).

Не менее известен М. как библиофил и библиограф. Еще в годы учебы в Александров. воен. уч-ще он по примеру дяди и отца занялся собираньем редких книг и со временем стал владельцем одной из ценнейших б-к в России, насчитывавшей около 4 тыс. томов (см. его труды: *Опись книгохранилища С. Р. Минцлова*, СПб., 1905; *Книгохранилище С. Р. Минцлова*, СПб., 1913). Основу собрания составили записки, дневники, восп., книги по археологии и истории России, нукунабулы, рукописи и семейный архив Минцловых, нелегальные изд. и произв. вольной печати (см. ст.: К. Л. (К. М. Лепилов), *Ценное книгохранилище*. — «Рус. библиофил», 1911, № 6). Свою собирательскую деятельность М. описал впоследствии в сатирич. «библиофильской» пов. «За мертвыми душами» (СЗ, 1921, т. 5, б. 8; 1922, т. 10; отд. изд. — Б., 1921; перизд. с сокр. в кн.: *Книжные страсти*, М., 1987; полнотью: М., 1991; рец.: В. Хо-

вни — ж. «Наш огонек», Рига, 1925, № 10). В рец. М. И. Ганфмана повесть названа «одной из самых интересных и живо написанных книг последнего времени. Это та бытовая беллетристика, где художник и беллетрист сливаются в гармоническое целое» («Сегодня», Рига, 1925, 18 апр.). В дальнейшем б-ка была продана: по одной версии, Прус. гос. книгохранилищу, по другой — нем. фирме в Лейпциге; во время войны 1941—45 слезы ее затерялись. Составленный М. «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и впечатанных на рус. яз.» (в. 1—5, Новгород, 1911—1912; репринтное изд., Лейпциг, 1976) долгое годы был единств. капитальной библиограф. р. мемуаров (положит. рец.: Анд-ж. (В. М. Андерсон) — «Рус. библиофил», 1912, № 5; У. Г. Иваск — РА, 1912, № 2; М. К-ов (М. В. Ключков) — ИВ, 1912, № 3; К. Сивков — ГМ, 1913, № 1; А. Ф-н (А. Г. Фомин) — «Совр.», 1912, № 5).

М. был д. чл. Рус. археологич. об-ва, РГО, Об-ва ревнителей истории. Рус. библиографич. об-ва, Петерб., Нижегород., Чернигов. ученых арх. комиссий.

Весной 1914 в качестве чиновника особых поручений при Гл. управлении землеустройства и земледелия находился в поездке (вместе со своей второй женой Кс. Дм., урожд. Бодиско) по верхоям Енисея с целью исследования Урянхайского края. В кн. «Секретное поручение» (Рига, 1915; фотографии К. Д. Минцловой) представлена картина быта, нравов, природы, религ. обрядов края. Материалы археологич. наблюдений отражены в цикле статей «Памятники древности в Урянхайском крае» (в кн.: «Записки Вост. отд. имп. рус. Археологич. об-ва», т. 23, П., 1916).

В 1916 по собств. желанию перевелся из тыловой Киев. дружины в Кавк. армию; был назначен исполняющим должность нач. Трапезонд. воен. округа. Из брошенных тур. типографий создал русскую и стал издателем «Трапезонд. воен. листка». Одновременно занимался исследованием этого района (см. его «Статистич. очерк Трапезонд. воен. округа», Трапезонд, 1916). В 1917 вернулся в Петроград, откуда переехал на свою дачу в Кемере (Финляндия), где прожил до 1919. Впоследствии поселился в Югославию, был директором рус. г-зии в г. Нови-Сад. Последние годы жизни (с 1926) провел в Риге. За границей М. перендавал написанные ранее произв., а также публиковал новые ист. романы: «Под шум дубов» (Б., 1919) — об обороне Псково-Печорского мон. от нем. захватчиков в 1501; «Приключения студентов. Ист. авантюрный роман»

(Рига, 1928); «Орлиный взлет» (Рига, 1931) — о Литве на рубеже 14—15 вв. Печатался сначала в Париже (ж. «Совр. записки») и Берлине (изд-во «Медный всадник»), с 1927 в Риге (изд-ва «Восток», «Книга для всех», ж. «Перезвон»). По данным Тургеневской б-ки в Париже, ист. проза писателя пользовалась большой популярностью в среде рус. эмиграции. Чл. Об-ва друзей рус. книги в Париже, печатал статьи в его «Временнике».

Особый интерес представляет серия дневников и восп. М., воспроизводящих атмосферу эпохи и почти всю канву его собств. жизни. Еще в 1917 в России был опубл. «Дневник» М. 1903—06 (ГМ, № 9—12). За границей вышли: «Далекие дни. Восп. 1870—1890» (Б., 1925); «У камелька (Моя молодость)» (Рига, 1930); «Петербург в 1903—1910 гг.» (Рига, 1931); «Добрый жизни. Дневник 1910—1915» (Б., [1915]; Уфа, 1992; рец.: А. Петущев — «Лит. обзор», 1993, № 11/12, с. 75); «Трапезондская эпопея. Дневник» (Б., 1925; рец.: А. Изюмов — «На чужой стороне», 1925, № 12). В к-рых описаны деятельность и быт губ. чиновников, нравы царской армии, духовное оскудение поместного дворянства, положение крестьян и рабочих. Из публ. в газ. «Сегодня»: «Смолянский институт» (1924, 14, 17 дек.), «Полковник С. И. Мясоедов и Е. С. Мясоедова» (1935, № 95), «В молодые годы на Кавказе (Из восп.)» (1933, № 104); Насыщенность восп. фактич. материалом определяет их ист. ценность.

Др. произв.: «Редчайшие книги, напечатанные в России на рус. языке» (СПб., 1904), «Каникулы», рассказы (СПб., 1904), фантастич. пов. «Царь царей» (СПб., 1906), «Без идеалов» (Уфа, 1910), «Очерки Приуралья» (Уфа, 1910), ром. «Царь Берендей» (Б., 1923), ром. «Сны земли» (Б., 1924), ром. «Закат» (Б., [1926]; рец.: Ю. И. Айхенвальд — «Сегодня», 1926, 5 нояб.), «Святые озера. Недавнее» (Рига, 1927), рассказы «Чернокнижник (Таинственное)» (Рига, 1928), юмористич. и др. рассказы «Свистолуп» (Рига, 1929; рец.: М. А. Осоргин — ПН, 1930, № 3221), ист. ром. «Гусарский монастырь» (2-е изд., Рига, 1930), ром. «Мерианье дали» (Рига, 1930), «Прошлое» (София, б. г.), «Синодик библиотек, архивов и коллекций, погибших во время великой войны и революции» (Б., б. г.).

Изд.: *Собр. соч.*, т. 1. СПб., 1910; *Ист. повести*, СПб., 1912; *Ист. драмы*, Трапезонд, 1917.

Лит.: Александров, воен. уч-ще, 1863—1901, М., 1901, с. 134; П-ий (Пильский), Памяти одного книгохранилища. — В кн.: *Временник об-ва друзей рус. книги*, Париж, 1925, с. 68—70; его же, С. Р. Минцлов, 40-летие лит. деятельности. — «Сегодня», 1928, № 114; его же, Жизнь М. — «Сегодня», 1933, № 350; Шалфосов, Б., Музей в частной квартире (Коллек-

ция М.). — «Сетани», 1927, № 144; Смирнов-Соколовский Н., Рассказы о вликах, 2-е изд., М., 1960, с. 332—34; Блюм А. В., Мартынов И. Ф., С. Р. Минцлов и его библиофилская повесть. — АБ, в. 2, М., 1975; Рубинчик С., Рукопись, написанная в сахарке, Рига, 1978; Шмаков А., Дебри жизни. — В его кн.: Письма из Долины. Литературоведч. очерки. Челябинск, 1980; Блюм А. В., Состав души. — «В мире книг», 1983, № 1; Гринкевич Н., В мире тайн и легенд. — «Простор», 1988, № 10; Ласунский О., Книга М. — земского печальника. — «Уральский следопыт», 1988, № 12. + Библиогр. рус. библиографич. по истории СССР, М., 1957; Машкова М. В., История рус. библиотеч. нач. XIX в. (до окт. 1917), М., 1969; Абызов НЭС; Велтерос (Источ. Спичко); Гранат; КТБ; СИЗ; Книговедение; Камка; ИДРЛВ; Фостер; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 342, к. 29, № 34 (письма П. П. Шибанову); ф. 358, к. 254, № 25 (письма Н. А. Рубанкину); ф. 783, к. 6, № 14 (письма У. Г. Иляску); РГАЛИ, ф. 205 (письма С. П. Мельникову).

Ю. А. Петровский,
Е. А. Минцлова, Г. Н. Воронцова,
при участии Людвиг А. Новикова

Сестра М., Анна Рудольфовна (10(22).6.1866, г. Зарайск Рязан. губ. (сообщено Л. А. Новиковым) — 1910?) — деятель теософ. и розенкрейцеровского движений, участница междунар. теософ. конгрессов в Лондоне (1905), Париже (1906), Мюнхене (1907). Окончила 6 кл. г-зии С. И. Фишер (1883). Визаче ее духовным руководителем была соучредительница Теософ. общ-ва и его президент с 1907 Аниэ Бензати. С 1905 Минцлова становится одной из первых рус. участниц главн. нем. теософов Р. Штейнера. Счита-

лась его эмиссаром в России, находилась с ним в переписке до 1909 (письма Штейнера к Минцловой в кн.: Die Rudolf Steiner Gesamtausgabe. Bd 264. Zur Geschichte und aus den Inhalten der ersten Abteilung der Esoterischen Schule 1904—1914. Domach, 1984). В восприятии современников Минцлова ассоциировалась с Е. П. Блаватской.

В 1900 вместе с В. Я. Брюсовым и А. Л. Миропольским (А. А. Лангом) участвовала в медиум. опытах и состояла с ними в «одновременной переписке» (письмо Ланга Брюсову от 17 марта 1900 — РГБ, ф. 386, к. 91, № 41). Летом 1905 в Париже обзавелась с М. В. Сабанинковой и М. А. Волошиным, приобщила их к теософии Штейнера. Тогда же состоялась ее поездка с Волошиным в Руан; ей посв. цикл его стихов «Руанский собор» (1907), ее образ — в стих. «Безудья и огни всен.» (1911). В Париже Минцлова познакомилась с художниками М. С. Чухло и К. А. Соколовым (Чухло и Сабанинкова писали ее портреты).

Через Волошиных в 1906 знакомится с Вяч. И. Ивановым и Л. Д. Зиновьевой-Анпibal, становится доверенным лицом во время романа Вяч. Иванова и Сабанинковой (см. письмо Зиновьевой-Анпibal к ней, частично опублик. Богомолов Н. А., М. Кузмин. Статьи и мат-лы.

М., 1995, с. 91, 95—96). После смерти Зиновьевой-Анпibal в 1907 Минцлова стала «окультисткой утешительницей» Вяч. Иванова и поначити его своему вликому. Инспирируемые ею попытки Вяч. Иванова «общаться» с умершей «окультистными способами» описаны М. А. Кузминым в пов. «Поклонница в доме» (СПб., 1914), где Анна Рудольфовна является прототипом сестер Ламбер. Кузмин, также испытывавший сильное воздействие Анны Рудольфовны, но быстро избавившийся от него, карикатурно описал ее в пов. «Двойной наперник» (ЗР, 1908, № 10). Вяч. Иванов посвятил ей стих. «Vates» (1907) и («Cot ardens».

В 1908 произошло обличение Минцловой с А. Белым на почве интереса последнего к судьбам розенкрейцества и эзотерической тематике. В 1909 возник «эзотерич. треугольник» — «тройственный союз» Минцловой, Вяч. Иванова и Белого (подробнее об этом в ст.: Carlson M., Ivanov — Belyi — Minzlova: The Mystical Triangle. — In: Cultura e memoria: atti del terzo Simposio Internazionale dedicato a Vjaceslav Ivanov, Firenze, 1988, p. 63—79). Вместе с Вяч. Ивановым Минцлова помогала восстановлению общения между Белым и А. А. Блоком (см.: А. Блок и А. Белый. Перискиа, М., 1940, с. 234). По свидетельству Белого, «первые «БЛОКОВЦЫ-МОСКВИЧИ» стали первыми антропософами» (РГБ, ф. 60, № 14, л. 108) во многом под влиянием Минцловой. Она способствовала консолидации творческого ядра издава «Мусаст» (Эликс, Белый, Э. К. Метнер, А. С. Петровский, М. И. Ситов, В. О. Ниландер, И. П. Киселёв и др.) вокруг розенкрейцеровской проблематики и христ. эзотерики.

В 1905 Минцлова перевела «Портрет Дорнана Грея» и «Замысли» О. Уайльда (оба — М., 1906; рец.: В. Брюсов — ЗР, 1906, № 79). Мнения рецензентов разошлись: М. Ф. Ляминдопуло нашел ряд существенных источников и ошибок в передаче оригинала («Всему», 1906, № 8), рецензентов ж. «Перевал» удовлетворил «хороший язык перевода и — вообще — довольно тщательное его выполнение» (А. Бачинский — 1906, № 2; А. Печковский — там же, № 1). Из-за «Грифа» предлагало напечатать переведенную Минцловой пов. Новалиса «Ученики в Саисе» (изд. не состоялось); по предположению Брюсова она перевела все осн. принта. Новалиса (письмо Брюсову от 3 авг. 1903 — РГБ, ф. 386, к. 95, № 6, л. 34). В 1905 Минцлова специально для Сабанинковой перевела «Пир» Платона (ИРЛИ, ф. 562, оп. 5, № 23). В 1910 вышел в свет ее пер. книги Штейнера «Феософия. Введение в сверхчувственное познание мира и назначение человека» (СПб.) — первое ота. изд. его трудов на рус. яз.

В 1908—09 Минцлова сотрудничала в ж. «Вест. теософии» и в сб. «Вопросы теософии» (в. 1, 1907). Затем она порвала с Рос. теософ. общ-вом и ее деятельность христ.-эзотерич. характера становится автономной по отношению к Штейнеру и Всемир. теософ. общ-ву. Последний период ее жизни отмечен сближением с представителями правосл. старчества (после в Солонечский мон. в июне 1910). Осенью 1910 исчезла при невыясненных обстоятельствах (разные версии ее исчезновения см.: Белый, кн. 3, с. 322; Бердяев П. А., Самопознание, М., 1991, с. 191).

Лит.: Белый (ук.); Белый А., Вост. о Блоке. — «Эпоха», 1923, № 4; Минцлова С. Р., Далекие дни. Б., 1925, с. 4[»], 16 и др.; Брюсов В., Дневник, М., 1927 (ук.); Дешару О., Введение. — В кн.: Иванов Вяч., Собр. соч., т. 1. Брюссель, 1971, с. 139—40; Герцук Е., Воспоминания, Париж, 1973, с. 54; Волошина М. (М. В. Сабанинкова), Зеленая змея. История одной жизни, М., 1990, с. 123—125, 344—45; Волошина М. А., Автобиограф. проза. Духовный, М., 1991, с. 229, 231—34, 236, 237, 242—45, 252, 256, 257, 259—65, 269—78, 281, 284, 285; ЛН, т. 92, кн. 3, с. 365, 369; Fedjuchin Victor B., Russlands Sehnsucht nach Spiritualität, Novalis Verlag, 1988, S. 91—98.

Архивы: [письма Минцловой] — ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 843—845 (М. А. Волошину); ф. 562, оп. 5, № 87 (М. В. Сабанинковой); ГРМ, ф. 133, № 256 (К. А. Соколову); РГБ, ф. 25, к. 19, № 17 (А. Востому); ф. 25, к. 31, № 2, ф. 109, к. 30, № 1—10, к. 31, № 1—7, № 5, л. 34 (Вяч. Иванову); ф. 374, к. 6, № 53, л. 17[»] (Е. А. Бальмонт); ф. 167, к. 14, № 29 (Э. К.

Метнеру); ф. 167, к. 22, № 16, 18 (записи бесед Метнера с Минцловой).
Н. Ф. Дашилова,
при участии Н. А. Богомолова
и Людвиг А. Новикова

МИРОПОЛЬСКИЙ А. Л. (наст. имя и фам. Александр Александрович Ланг; 1872, Москва — 1917), поэт, переводчик, прозаик. Выходец из семьи обрусевших немцев, старший сын владельца изв. книжного и муз. магазина А. А. Ланга. Учился в 1-й маг. частной г-зии Ф. И. Креймана, где сблизился с В. Я. Брюсо-

вым; Брюсов посвятил М., «другу давних лет», раздел «Юношеские стихи» в сб. «Пути и перепутья» (т. 1, М., 1908) и ряд отд. стихотворений.

По окончании г-зии М. работает в магазине отца — «неохотно — мейта в лит. карьере» (Ланг Е. А., Из восп. моего детства. — ГЛМ, ф. 51, оп. 2, д. 114, л. 27). Увлечение спиритизмом и оккультными науками, рано проявившееся у М., нашло отражение в стихах и прозаич. отрывках, помещенных в сб. «Рус. символисты» (в. 1, М., 1894; тексты были отобраны для печати и отрецензированы Брюсовым). Нарочито манифестированное импрессионистич. восприятие мира (в духе франц. символистов) и декадент. декларация вызвали насмешливые отклики критики (свод рецензий см.: Библиография В. Я. Брюсова. 1884—1973. Ер., 1976, с. 237—40). Развитие тех же мотивов — в стихотворениях, опублик. во 2-м в. «Рус. символистов» (М., 1894); одно из них иронически анализирует Вяч. Соловьев (ВЕ, 1895, № 1, подпись Вяч. С.; др. рец.: РБ, 1894, № 11). В кон. 1894 — нач. 1895 М. переживает душевную драму из-за несогласия родителей на его брак с А. П. Ширяевой и вследствие этого отказывается сопутствовать Брюсову в его проектах: ср. в 3-м в. «Рус. символистов» (М., 1895) прим. об «отречении г. А. Л. Миропольского от лит. деятельности» (с. 28).

МИРОШЕВСКИЙ

Наметившийся разрыв с Брюсовым, чрезмерно деспотически направлявшим творчество М., побуждает последнего к поиску собств. пути в лит-ре. М. формулирует свое представление о декадентстве как отказе от «отрицания всего достойного, святого», восстании «против грубого материализма, доходившего часто до неестественности и гадости» (отрывок без назв. — РГБ, ф. 386, к. 57, д. 31). Во 2-й пол. 1890-х гг. М. сознательно строит свой облик («странный долговязый юноша с темными безумными глазами» — таким он запомнился В. К. Станюковичу — ЛН, т. 85, с. 724) и был в соответствии с тем: стихи: стены в его комнате завешаны черной тканью с каббалистич. знаками, освещение причудливо; М. развивает медиумич. способности (ср. запись 1893: «Мой первый транс» — Пятое Тынянов, чтения. Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения. Рига, 1990, с. 104—05), занимается практич. магией. Пробуя силы не только в лит-ре, но и в скульптуре, живописи, он пытается выразить в иск-ве сферу подсознательного. Об одной из своих картин он писал в 1896 Брюсову: «Это фантазия в зародыше, которая может появиться у нас в голове, но будучи нами брошена на бумагу — нам сама не понятна» (РГБ, ф. 386, к. 91, д. 40, л. 20 об. — 21). В то же время М. стремится соединить декадент. взгляды и спиритизм с христианством (см. в штиров. наброске о декадентах: «В их произведениях ясно проглядывает стремление к истинно религиозному, моральному миру»). 26 окт. 1896 Брюсов сообщает о нем М. П. Ширяевой: «Говорит он только о спиритизме и ни о чем больше; впрочем нет! Говорит еще о чудесах, о мощах и о церквях: вероятно, он вскоре перейдет в православие» («Молодежь Грузин», 1965, 27 марта). Среди лит. работ этого времени — оставшиеся неизданными переводы из Ф. Эверса с к-рым М. состоял в переписке, упоминаемые в письмах переводы из Ф. Велекинда и ряд стих., вошедших в кн. «Одиноким труд» (М., 1899; под псевд. А. Брезин). Принципиально важным для М. в этой книге было предисл. «Я обвиняю» (что засвидетельствовано письмом от 25 июня 1899 к Брюсову о вариантах названия сборки — РГБ, ф. 386, к. 91, д. 40, л. 47). В этой статье М. декларировал непосредств. приемств. связь «декадентов» (назав имена К. Д. Бальмонта, Н. М. Минского, Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Ф. Солодуба, Брюсова и А. М. Добролюбова) с рус. классич. традицией — А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Е. А. Баратынского, А. А. Фета.

В нач. 1900-х гг. М. сближается при посредстве Брюсова с символи-

стами, группирующимися вокруг изд-ва «Скорпион», и участвует в альб. «Сев. цветы» (М.) на 1901 (три стих.), 1902 (стих. «Великому брату») и 1903 (рассказ «Митя, Божий человек»). Занятия М. спиритизмом находят отражение в статьях, опублик. в нем. ж. «Die übersinnliche Welt» и «Spiritistische Rundschau»; неск. работ, гл. обр. переводы из ср.-век. хроник с комментариями и дополнениями на основании собств. мистич. опыта, он публикует в ж. «Ребус» в 1902: «Медиумическое проявление в 1641 г.» (№ 1); «Во власти духа» (№ 9); «Потерянная и вновь найденная вещь» (№ 11); «Дьявол у пастора» (№ 25); пер. обзорной статьи «Спиритизм в Германии» (№ 32) и др. В нояб. 1902 выходит с посвящением И. Коневскому поэма М. «Лествица» (М., на т. л. — 1903; предисл. Брюсова) — попытка описать в мистич.-мифол. образах и сюжетах глубинные основы бытия, «заточить в магическом единстве, в „заколдованном кругу“ элементы безвластные в своей отдельности, но в целом представляющие род калейдоскопа, действующего притягательно и магически» (Блок, V, 599).

Критика, стоя на «табличную декадентскую» поэму, тем не менее признавала, что «автор обладает недюжинным и главное не банальным дарованием» («Рус. листок», прил., 1902, 8 дек.; ар. реп.: В.Б. — МВед, 1902, 10 дек. (в «Библиографии В. Я. Брюсова» и в кн.: Брюсов (2) приписана Брюсову, что опровергается исследованием А. В. Лаврова, В. Я. Мордара и А. Е. Паринса — в кн.: ЛН, т. 98, кн. 1, с. 545); Флоренский П., Спиритизм как агностическое явление. — НП, 1904, № 3; «Курьер», 1902, 3 дек.; РБ, 1902, № 12; П. Чистяков — «Ребус», 1903, № 2).

В 1904 (фактически в кон. 1903) М. публикует рассказ «Пришлец» и 2 стих. в альб. «Гриф» (М.), что вызвало решит. протест Брюсова и отказ печатать произв. М. в очередном выпуске «Сев. цветов» (ЛН, т. 85, с. 372—74). Контакты М. с «Грифом», основанные на обмене с его владельцем С. Кречетовым интересе к спиритизму, продолжались: в 1905 М. печатает в нем (в. 3, М.) рассказ и 3 стих., в том же голу выпускает книгу из двух поэм «Ведьма.—Лествица» (М.) с предисл. А. Белого. «Ведьма», развивающая традиц. для М. тему танств. власти магич. сил над жизнью людей, отмечена влиянием драматургии Г. Ибсена и К. Гамсуна в образке психол. типов.

В 1909 М. тяжело заболел (наследств. чахотка) и по совету врачей купил имение Нагорное вблизи Гагр, где жил почти безвыездно. Последняя известная его публ. — рассказ «Сказка черкеса» (1913; в кн.: «Альм. „Гриф“. 1903 — 1913», М., 1914), где мистич. сюжет соединяется с неск. дубочным кавк. антуражем. В 1917 М. отправился разыскивать сына, пропавшего без вести на

тур. фронте, и забавел, умер в тыловом госпитале.

Лит.: Белый (ук.); Брюсов (1, 2; ук.); Брюсов В., Из моей жизни. Моя юность. Памяти М., 1927 (ук.); Блок (ук.); Блок. Зап. кн. (ук.); Гузлий Н. К., Из истории раннего рус. символизма. — «Иск-во», 1927, № 4, с. 210—16; Перлов (ук.); Белецкий А. И., Первый лит. роман В. Я. Брюсова. — «Науч. зап. Харьк. гос. пед. ин-та», 1940, т. 3, с. 22—23; Мирза-Авакян М. Л., Брюсов и лит. сред. (189—1904 гг.). — В кн.: Брюсов, чтения 1963 г. Ер., 1964, с. 86; Дашкевич Н. А., Хомутова Е. В., В. Я. Брюсов-редактор. — В сб.: Книга. Иссл. и мат-лы, в. 27, М., 1973, с. 84—85; Дронов В. С., К творч. истории «Me ego esse». — В кн.: Брюсовские чтения 1971 г. Ер., 1973, с. 82—83; Шербаков Р., Брюсов и В. Станюкович. — В кн.: Брюсовский сб., в. 3, Ставрополь, 1977, с. 163—64; Гречинский С. С., Ранняя проза В. Я. Брюсова. — РЛ, 1980, № 2, с. 206; Ямпольский И. Г., Письма М. к И. Коневскому. — В кн.: Памятник культуры. 1988, М., 1989, с. 19—32; Жизнь и смерть Нины Петровской. — «Минувшее», а. 8, Париж, 1989 (публ. Э. Гаротто; ук.); ЛН, т. 27/28, с. 283; т. 85 (ук.); т. 98, кн. 1—2 (ук.); — Лесман, с. 380—81; Венгерос, Истоки; КЛЗ; Альм. и сб-ки (1, 2); Смирнов-Сокольский; Муратова (2, ук.); Масанов.

Архив: РГБ, ф. 386 (творч. рукописи, в т. ч. нотопубл., переписки); ф. 25 (письма А. Белому); ИРЛИ, ф. 240 (письма С. А. Полакову).

А. Л. Соболев

МИРОШЕВСКИЙ Василий Иванович (ок. 1800 — не ранее 1859), беллетрист, драматург. Из дворян Нижегород. губ. (по отцовской линии — потомок древнего польского рода). Учился в Мор. кадет. корпусе (1812—15), по окончании к-рого был произведен в мичманы и откомандирован в Астрахань. В 1815—21 плавал на судах Каспийской флотилии; в 1817 доставлял морем позарки Александра I перс. шаху. В 1821 переведен в Архангельск, в 1824 — в Кронштадт. В 1827—30 побывал в Италии, Греции, Норвегии, Англии, Дании, Франции, Египте и др. странах. Во время рус.-тур. войны 1828—1829 принимал участие в блокаде Дарданелл (1829), выполнял личные поручения ген.-фельдмаршала И. И. Дибича-Забалканского. Впечатления плаваний легли в основу его «Полодных записок морского офицера» (СО, 1830, № 31—32; МТ, 1832, № 5); описывая путешествия от Кронштадта до Копенгагена и затем — в Норвегию, М. характеризует нравы североевроп. народов; в повествование включены авт. рассуждения о меланхолии, упоминаются Н. М. Карамзин и Ж. Ж. Руссо. Произведен в лейтенанты (января 1830). Оставив флот, находился при гл. квартире действующей армии в Польше (1831), участвовал в ряде сражений, в т. ч. штурме Варшавы. В 1832 переведен в 41-й егерский полк с чином капитана и вскоре уволен «за болезнью» (1833). В 1835 определен в Бранский егерский полк. Ко дню смотра, устроенного войскам под Калышем Николаем I и Фридрихом Валингельмом, был издан очерк М. «Исторические воспоминания о Калыше» (Калыш, Воен.-походная типография, 1835; пер. на нем. яз. —

б.м., 1835). В 1836 предан воен. суду заслушание и отставлен от службы. Вновь определен на службу (в Люблинский егерский полк) лишь благодаря личному ходатайству И. Ф. Паскевича (1840). С 1843 служил в Грузинском гренадер. полку, за отличия в сражениях против горцев произведен в майоры (1845). Переведен в штат Тифлис. комиссариатской комиссии (1847). В 1849 уволен по болезни подполковником. В 1850—59 служил в Провиантском деп. и вышел в отставку полковником.

Наиб. значительное лит. произв. М. — «Девница Всеволожская, или Картины русского быта в XVII веке» (СПб., 1839; отрывок под назв. «Русские святки» — СП, 1839, 31 янв., 1 февр.), ист. роман с «чувствительным» сюжетом, в противовес модным веяниям идеализации старины ориентированный на «легкую» занимательность и «дамский» вкус.

Вплоть сочувственно отзывалась о романе «Б-ха для чтеца», отмечавшая «бойкое повествовательное зарисовки» М. (1839, т. 34, отд. VI, с. 8; ср. также озабит. рец.: П. А. Плетнёв) — «Совр.», 1839, т. 15: СО. 1839, т. 8: СП, 1839, 18 марта).

Др. рисователи угадали М. в том, что в романе «незамечено никого пологого на художественное содание», нет «живописи, а только одни краски ... еще не растерты»; особое раздражение вызвали «чувствительные возгласы, кака-то сентиментальность, искусственные умствования» (ОЗ, 1839, № 4, отд. VII, с. 32—35; ЛПРИ, 1839, № 14, с. 303—04) — явление архаичного для этого времени «чувствительного» автора-расклевки.

Одновременно М. пробовал свои силы в драматургии. Комедия-водевиль «Ремонтеры, или Сцены на ярмарке» (пост.: СПб., 1839; рукоп. — СПб ГТБ) содержала выпады против О. И. Сенковского. Появление на сцене слона дало повод В. Г. Белинскому, отмечавшему многочисл. недостатки («растянутость ... отсутствие игривости, остроумия, множестве лиц и ни одного характера»), иронически назвать комедию началом новой эпохи в рус. театре (ЛГ, 1840, 13 янв.); провал спектакля явился предметом шуток и анекдотов (СП, 1840, 23 янв.; Ф. Коин — там же, 30 янв.; ср. также: Алексеев А. А., Восп. актера, М., 1894, с. 53). Не имела успеха и др. комедия М. — «Необыкновенный маскарад на Новый год» (М., 1841; ставилась в Москве, в гл. роли — М. С. Щепкин), вызвавшая язвит. отзыв П. Н. Кузравьева (ОЗ, 1841, т. 18, б. п.), в числе прочего обратившего внимание на несуразность подзаголовка «оригинальная комедия ... Сюжет заимствован из повести Г. Шюке».

В «Русской народной песне на день рождения ... государя наследника цесаревича 8 сентября 1843 года» (СПб., 1843) и «Русском народном гимне по случаю ... коронация ... императора Александра Николаевича» (М., 1856) сочтались

черты фолькл. стилизации с «подносной» одой. В 1853 М. издал «Воспоминания о русском флоте» (СПб.) — краткий очерк истории рус. флота в стихах, к к-рому приложены примечания и ст. М. «Несколько слов о пользе путешествий по морю, о жизни на море и о влиянии ее на здоровье человека», содержащая нек-рые автобиогр. подробности.

Лит.: Белинский (ук.); Веселого Ф., Очерк истории Мор. кадет. корпуса с прил. списка воспитанников за 100 лет, СПб., 1852, 2-я пол., с. 73; Триц Т. С., М. С. Щепкин. Летопись жизни и творчества, М., 1966, с. 287. + Брокгауз; Венгеров. Источ.: ОМС, т. 7; ИРДТ, т. 3.

Архивы: ИРЛИ, ф. 395; РГВИА, ф. 395, оп. 41, д. 224, 1849 с. (фс. 1848 г.), оп. 50, д. 1194, 1858 г. (фс. 1857 г.), оп. 34, д. 584, 1843 г., оп. 111, д. 214, 1856 г. (бюгр. мат-лы) [справка Н. Ю. Муравейниковой]; РГИА, ф. 1343, оп. 25; д. 434б, 4348 (о авариях в Миросельских) [справка В. М. Лутановой]; РГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 94; ф. 432, оп. 1, д. 918, 967; оп. 5, д. 1511 (бюгр. мат-лы) [справка В. Н. Гудкина-Васильева].

К. Ю. Рогов.

МИРТОВ О. (наст. имя и фам. Ольга Эммануиловна Негрескул, в первом замужестве Котылёва, во втором — Розенфельд; 19(31).1.1874, хутор ок. Екатеринослава — 5.1.1939, Москва, похоронена на Новодевичьем кладб.), прозаик, драматург. Мать М. П. Негрескул (1851—1919; см. о ней: Максик-ов. Дочь

за его брата Э. Ф. Негрескула (ок. 1852—?). М. — старшая дочь от второго брака, имела двух сестер. Мать, подрабатывавшая переводчицей с франц. и нем. языков, позже была переписчицей всех произв. М. В 1882—89 М. училась в Екатеринослав. жен. г-зии (оставила по болезни).

Ок. 10 лет (в 1890-е гг.) была в браке с А. И. Котылёвым.

Котылёв Ал-др Ив. (?—1917), петерб. редактор, сотрудник «бульдварных» сжидельников «Скэттинг-Ринк», «Всемирная панорама», газ. «Петербург. листок», «Петербург. газ.», «Бирж. вед.» и др. По свидетельству Б. А. Филиппова, «ценили его: и реально может создать, и крепкий мужик: из одного редактора по морде отдал, а одного издатели избил в локоть (всю кля: Вспышное в памяти. Рассказы. Очерки. Восп. Лондон, 1990, с. 275—76). А. М. Реколов назвал его «королем петерб. шантжа, газетной утки и скамизала» (Ремизов А., Встречи, Париж, 1981, с. 14; придал ему прозвище Кот-и-Лев) и своим «благодетелем» («стрелой год печатает Котылёв мои сказки; «мордобоем» выбивает гонимых, с. 21, 33). по его словам, «забрав деля славы Куприна создала Котылёвым» (там же, с. 52), Котылёв «покровительствовал (П. П.) Потемкину», с к-рым также связан известный в 1906 делом «попозапов» (там же, с. 51). М. разделяла с Котылёвым, считая его не только монархистом («любил оторвать Свободу вообще» — ее письмо к П. Ф. Якубовичу от 17 июля 1905, ИРЛИ, ф. 266, оп. 5, № 87), но и человеком «опустившимся и пошлым» (письмо А. Н. Острогорскому от 28 авг. 1906 — ИРЛИ, Р. I, оп. 12, № 132). «После развода два сына жили с нею, но и с отцом не перерывали связи: Котылёв «даторальный», беззащитный, но именно как «даторальный» с порывами доброго и горячего сердца» (Ремизов А., Встречи, с. 52).

Архивы: РГИА, ф. 2115.

Жила в Харькове, потом в Петербурге.

В кон. 1890-х гг. М. поехала «на голод» в д. Нижняя Балаида Казан. губ., где заведовала столовой, ухаживала за больными. В «С.-Петербург. вед.» в 1899 опублик. статьи о тяжелейших условиях жизни населения этого края (подписываясь О. Котылева; см., напр., номер за 5 июня). В ответ на ее публикации и письма в петерб. газеты со всей страны и из-за границы (благодаря Лаврову и матери М.) посылают голодающим деньги, продукты. Вернувшись в Петербург, М. занялась рев. работой. Поступила на фельдшерские курсы. Добывала средства за существованию худож. рукоделием.

В 1901 при разгоне мартовской демонстрации у Казанского собора была избита казаками. Для лечения развившейся после этого легочной болезни выехала в Швейцарию, где печаталась в нелегальных изданиях. По возвращении в Россию поступила на рисовальные курсы при Об-ве поощрения художеств. В янв. 1903 М. арестовали вместе с матерью как участницу кружка «Объединение рев. сил памяти П. Лаврова», готовившего убийство В. К. Плеве. Сыска в Вост. Сибирь на 5 лет была заменена из-за рус.-япон. войны ссылкой в Вологод. губ. В связи с отсрочкой по болезни в февр. 1903 вместе с матерью были отправлены в Мариуполь.

Лаврова — «Вест. лит.-ры», 1919, № 7; также — ДРДР; ГАРФ, ф. 102, ОО, 1898 г., д. 175, т. 2 «О ликвидации кружка дворянки Марии Петровны Негрескул», — дочь П. Л. Лаврова; после смерти от чахотки первого мужа М. Ф. Негрескула (1843 или 1849—1871), связанного с «незачесным делом» и отпущенного из тюрьмы по болезни, вышла замуж

а затем в сентябре через Петербург в ссылку. В 1905 амнистирована.

В 1904 опублик. первый рассказ — «Художник» («Обр.», № 4—5). В ссылке написала пьесу «Алчущие» (шла также под назв. «Блаженны алчущие») (СПб., 1908), после временного запрещения поставленную с большими купюрами П. П. Гайдебуровым в Передвижном т-ре (сезон 1905/06). В пьесе отразились предчувствия рев. событий 1905—07, разл. «исдейные течения в среде рус. культурных работников» (Г.—Тин, 1908, № 50, с. 898), предпринята попытка ужестить роль творч. интеллигенции в освободит. движении. Наряду с этим значимой для М. была и тема «вечно женственного» (ее письмо В. А. Мироновой — РГАЛИ, ф. 2534, оп. 1, № 19) — и не только в творчестве, но и в создании собств. «женского» образа («В ее внешности ничего не было „дисательского“, всегда нарядная „модница“ она была похожа скорей на офицерскую жену, с хохолком и бархоткой, таких встречал Достоевский, а говорливость непрерывная и ни на какой гонимор не поддающаяся» — Ремизов А., Встречи, с. 52).

Критика отмечала серьезность проблематики, но упрекала автора в доктринерстве и интениности (Н.—Тин, 1906, № 14, с. 213), «немотирированности» изложения (Л. Васильевский — «Речь», 1906, 28 марта), называя пьесу «кощичкой из неополитич. эскиза» (от Г. В. Плеханова до «инициализма à la Мерзжковский»), а персонажей — «аманексами с армяком» («Театр», 1907, 21 сент.); В. Г. — «Речь», 1907, 15 марта; БВед, вч. в., 1907, 14 марта.

В очерках «Затерянные края» («Обр.», 1905, № 4—6) о вымирающей чуваш. деревне М. пыталась осмыслить события, описанные ранее в ее репортажах «с голода». Во мн. произв. этих лет преобладает социальная проблематика: рассказ «Больные» («Обр.», 1906, № 10) и очерк «Девятое января» (сб. «В борьбе», в. 2, СПб., 1906) рисуют атмосферу рев. событий 1905, жизнь обитателей трущоб показана в рассказе «Смерть херувимчика» (ВЕ, 1912, № 5). Среди коротких прозаич. произв. М. — лирич. рассказы из жизни детей: «Тема» («Юж. зап.», 1905, № 26), «Каштанья» («Шиповник», кн. 8, СПб., 1909); проникнутая юмором бытовая зарисовка «Тик-так» («Одес. новости», 1907, 25 дек.), психол. этюд «За чертой» («День», 1913, 25 дек.).

В основу ром. М. «Мертвая зыбь» (РМ, 1909, № 8—12; отд. изд. — СПб., 1910; на нем. яз. — Франкфурт-на-Майне, 1910, первая глава опублик. в сб. «Италия», СПб., 1909) легли впечатления вологод. ссылки. В нем проявилась тенденция, характерная для лит-ры послев. лет, отразившей разочарование, усталость, нарастание индивидуалистич. настроений в среде революционно настроенной интеллигенции (Б. В. Са-

винков, Л. Н. Андреев), ссыльные описаны с иронией, часто близкой к шаржу; игра в конспирацию, бесконечные собрания и диспуты, мелочные прязни, деформация характеров в связи с вынужденным бездельем и изоляцией от реальной полнит. жизни; в то же время образы немногих последовательных революционеров романтизированы. В развитии темы любви как «права на счастье», в обрисовке гл. героя ошутимо влияние М. П. Арцыбашева, котя, по мнению М., это, скорее, тот Санни, к-рого «не поняла, проглядел Арцыбашев». В «ссылке» автор видела «болезнь, нарост», а в ссыльных — «постепенно заблевающих», центром романа считала «драму души»; «может быть, есть срывание ореолов, но — с толпы, с той накипи, к-рой действительно полна теперь ссылка, но не с революционеров вообще» (письмо к М. К. Иорданской — ИРЛН, ф. 528, оп. 1, № 539).

Примечательно, как менялась оценка романа М. Горьким: в дек. 1909 он пишет А. В. Амфилю: «это не без таланта, и котя в том же тоне, как „Безданный Конт“ (Савицкого), но честнее, искреннее» (ЛН, т. 95, с. 179), ему же в июне 1910: «капризно, претенциозно и телсичнозом» (ИМЛИ, Архив А. М. Горького, ПГ—РЛ, 1—25—71) и Н. Каржанскому (сент. 1910) — «это стремление попасть в тон победителю мечтанию», книга «агитреволюционная» (там же, 18—17—2). См. также рец.: Аксе (Измайлов А. А.), Герои без ореола. — БВед, вч. в., 1909, 5 сент.; Колтоновская Е. Критич. этюды, СПб., 1912, с. 70—73; В. Савенко — НЖав, 1910, № 23; Моритт (В. А. Попова) — НВ, 1909, 9 окт.; В. Бошновский — «Нов. Русь», 1909, 3 нояб.; отрывк. отзывы: С. Арианов — ВЕ, 1910, № 1; В. Львов-Рогаачевский — СМ, 1911, № 4.

О новом ром. «Яблони цветут» (РМ, 1911, № 4—12; отд. изд. — СПб., 1913) критика писала, что мн. страницы свидетельствуют о «серьезности, глубине и талантливости автора» (В. Львов-Рогаачевский — «Совр.», 1913, № 9, с. 336), «настоящая вадохновенни» и «интеллектуальной силе», что сцены любви обнаруживают «поэтичность, глубину ... необыкновенную тонкость и сложность» (Е. А. Колтоновская — «Сиб. жизнь», 1912, 9 февр.; ее же — «Библиотекарь», 1914, № 1; ее же — «Всеобщий еженесычник», 1911, № 11) и удачны зарисовки из жизни детей (НЖав, 1913, № 7). Однако худож. впечатление ослабляют длинноты, повторы, «худож. эклектизм» (Львов-Рогаачевский; см. также: Вл. Кр(анихфельд) — СМ, 1913, № 10; Л. Л-лит — СевЗ, 1914, № 1).

В 1904—05 М. сотрудничала как редактор у Острогорского в «Образовании», в журнале часто появлялись ее критич. обзоры. В 1911—12 совм. с мужем, И. М. Розенфельдом, редактировала ж. «Новая жизнь» и «Новый журнал для всех», вела в них беллетристич. отдел, изредка помещала и свои статьи (о Бальмонте — «Новая жизнь», 1912, № 3). Печатались в газ. «День», напр., очерк «В

пути — через всю Россию. (Впечатления)» (1914, 3 авг.), ст. «Слухи» (1914, 13 авг.), «„Шайка“ Алексея Карамазова» (1916, 14 окт.). В газ. «Бирж. вест.» (веч. в., 1914, 29 авг.) опублик. ее заметка «Нужен ли театр?», повс. иск-ву в период крупных потрясений, а в 1915 (25 янв.) — рассказ о встречах с Лавровым в Париже.

В период с 1914 по 1917 пишет три пьесы, повс. теме любви, тайнам жен. души. В драме «Маленькая женщина» (П., 1915, 1916; пост. в сезон 1915/16 в Москве и Петербурге) сюжетную основу составляет классич. ситуация любовного треугольника, гл. интерес сосредоточен на психол. мотивировках и «небальных», по отзыву критики, размешенных о любви (Ю. Соболев — «Рампа и жизнь», 1915, № 38, с. 9).

В центре пьесы, по мнению Катановской, «психологически-мичич. тема — о роковом одиночестве человеческой души и о единственно возможном выходе из этого одиночества — через великую индивидуальную любовь» (ВЕ, 1915, № 5, с. 351). Ту же «мичич. глубину», «двойное дно» пьесы отметил И. В. Житкин — «когда за „реальной плоскостью“ ... обкомбинисм фирмом» прозирается «роковая, обреченная, жертвенная и вечная любовь» (РСЛ, 1915, 17 сент.). Критика указывала на нек-рые фальшивые ноты (Н. Зф(рос) — РВса, 1915, 17 сент.), но в целом пьеса имела успех (рец.: Вл. Соловьев — «Аполлон», 1915, № 2; Л. Гуревич — «Речь», 1914, 29 дек.; БВед, вч. в., 1914, 12 дек.; «Софит» — «Жен. дело», 1915, № 22; М.М. — «Вятская мысль», 1917, 3 нояб.).

В пьесе «Хищница» (П., 1916, 1917; пост. 1916 — т-р Незлобина, Москва и Петербург), в к-рой предпринята попытка создать образ «женщины будущего» и анализируется психология «невпичных хищников», мн. рецензенты находили общие мотивы с Арцыбашевым, героиню сравнивали также с ибсеновской Геддой Габлер.

Нек-рые считали пьесу неудачной (С. Я. С. В. Потресов (Яблоновский) — РСЛ, 1916, 20 янв.; Ю. Соболев — «Театр», 1916, 20 — 21 янв.; его же — «Рампа и жизнь», 1916, № 4; И. Рабинович — «Речь», 1916, 2 марта); «великодушным образчиком ... безтактной пошлости» (Бн (Б. В. Назаревский) — МВса, 1916, 20 янв.), другие находили ее «интересной и замечательной» (— (Э. М. Бескин) — «Раннее утро», 1916, 20 янв.; Э. Б. (его же) — «Театр. глос.», 1916, № 4; ср.: Аичар (В. Ф. Бошновский) — БВса, вч. в., 1916, 1 марта; П. Демич — «Жен. жизнь», 1916, № 3; П. Незлобина — «Забайкальская новь», 1919, 21 нояб.). Парадоксальность мн. положений, вывол, брошенный «любимке и морали», «нера парадокс. жизнь», к-рые в ней были, привнеси пьесу зрительский успех (рец.: Л. Пасляков — Тин, 1916, № 10; И. Дюжос (И. В. Иванов) — там же, 1916, № 4; О. Миртов (о своей пьесе) — БВед, вч. в., 1916, 25 апр.; там же, утр. в., 1915, 3 июля, 6. л.; «День», 1916, 1 марта; Импрессионист (Б. И. Белтович) — там же, 1916, 2 марта; БВед, вч. в., 1915, 17 дек., и др.).

«Сценнич. недоразумением», «винегретом из давно и много раз виденного и слышанного» назвал критик (Д. Языков — «Рампа и жизнь», 1918, № 9) пьесу о событиях 1-й мировой войны «Блаженная», шешую в сезон 1917—18. Местами несвязная, растянутая, она была трудна для сценнич. воспроизведения, «пьеса для

чтения, а не для театра», по отзыву Бескина («Театр. газ.», 1918, № 10).

После революции М. опубли. неск. рассказов, газ. заметок. Роман «Помещички» (отд. изд. — М., 1926) отличается трезвым и самостоятельным видением прослоек, социальных реалий, своеобразная стилистика удачно передает языковую и обществ. «многоголосицу» растревоженного провинци. быта. Критика обвиняла его в «пыльняковщине» и идеологич. грехах (Г. Лелевич [Л. Г. Калмансон] — «Молодая гвардия», 1924, № 7/8, с. 264; «Два письма [Н. Крайневской к М. и ответ]» — «Россия», 1925, № 5; Я. Л. — «Молодая гвардия», 1926, № 12). Вероятно, по этой же причине не увидели свет произв. на совр. темы — пьеса «Ишная королева», «Ржа», рассказы и большой ром. «Машенька» (см. материалы РГАЛИ).

Лит.: Колтоновская Е. Женские силуэты. СПб., [1912], с. 178—88; Короленко Х., 297—99; Гайдебуров П. П. Лит. наследие. Всеп. Ст. Религиозные эскизы. Вступительн. М., 1977, с. 403; ЛН, т. 95 (ук.). ✦ Некролог: ЛГ, 1939, 10 янв. Писатели совр. эпохи (2); Dictionary of Russian women writers: Альм. и сб-ки (1); ИРДТ, т. 7 (ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ. ф. 2534; Семейлиги: ф. 2252, оп. 1, № 172 (письма 1920—36 Н. Г. Ляжневу); ф. 770, оп. 1, № 217 (письма 1915 Е. П. Карпову); ГАРФ. ф. 102, 7 д-во, 1903 г., л. 72, ч. 15, ф. 102, ОО, 1906, л. 702, т. 10 [справка А. И. Топоник]; РГИА, ф. 1405, оп. 521, д. 457; ф. 1101, оп. 2, д. 440; ИРЛИ. ф. 629, № 26 (письма к Е. А. Колтоновской, 1913—16); РГБ. ф. 683, к. 2, № 12; РНБ. ф. 753, № 68 (письма к П. Б. Струве, 1910—11); ф. 352, № 178 (Н. С. Книжнич-Ветрова, «Записки восьмидесятилетнего», ч. IV); сохрвст. отзывы 1931 о ром. «На крутом повороте» — № 2021 (М. Алексеев), 2052 (С. Матяшкин), 2066 (М. Г. Спачев). О. Е. Балашова

МИРЭ, А. Мирэ [знат. имя и фам. Александра Михайловна Моисеева; 1874 — 1(14).9.1913, Москва], прозаик, переводчица. Дочь небогатого провинц. чиновника, училась в Борисоглебской г-зии, к-рую оставила в 16 лет, «чтобы поступить на сцену в одном из приволж. городов» (Юшкевич П., А. Мирэ. — «День», 1913, 9 дек.). В нач. 1890-х гг., охладев к артистич. деятельности, уехала в Москву, где попала в среду рев. молодежи; в 1893 была арестована. Весной 1894 ее освободили из одес. тюрьмы, до осени 1897 жила в Кишинёве под надзором полиции, после чего уехала в Париж, где прожила два года, затем скиталась по Европе (Франция, Италия, Бельгия, Швейцария). Вращалась в богемной среде художников-французов, работала натурщицей; была вхожа и в круги рус. парижан. Один из любовников М. продал ее в Марселе в публичный дом; ей удалось оттуда бежать, добраться (пешком, прося подаяния) до Парижа. В 1902 М. вернулась в Россию и поселилась в Н. Новгороде. В это время начинается ее лит. деятельность: в газ. «Нижегород. листок» и «Одес. новости» ре-

гулярно печатаются прозаич. миниатюры — «короткие рассказы и психол. картинки, с оттенком своеобразного романтизма, страстного и в то же время печального» (Тыркова А., А. Мирэ. — РМ, 1914, № 1, отд. III, с. 26), к-рые не проходят не замеченными в читательской среде.

56 ранних рассказов М. собраны в ее кн. «Жизнь» (Н. Новгород, 1904); это лаконичные прозаич. зарисовки, отчасти напоминающие стих. в прозе И. С. Тургенева и Ш. Бодлера и навеянные в осн. заграничными впечатлениями (в «сюжетных» набросках преобладают сцены из жизни париж. богемы, лишь один — «За решеткой» — написан на рус. тему); наряду с «бытовыми эскизами», дающими живые, лирически окрашенные кар-

тины повседневности, в книге имеются и условно-аллегорич. этюды. А. А. Блок, рецензируя «Жизнь», противопоставил рассказы из франц. жизни («... обращают на себя внимание тихой измученностью, которая не мешает свежести восприятия ... читая беспременнозные рассказы, мы уловим в них то, что можно назвать «истинностью жизни»») ее же вымученным и вычурным «антихудож. абстракциям», к-рые он сравнил, по авт. стремлению к «ложной утонченности», с горьковскими «песнями о буревестниках» («Вопросы жизни», 1905, № 7, с. 216—17; Блок, V, 584—86). В прозе М. заметно воздействие Г. де Мопассана, О. Мирбо, Э. Золя и др. новейших европ. преим. франц. прозаиков, в чем, вероятно, сказывалась сознат. авт. установка: «Любимым ее писателем в это время был Гамсун. „Лан“ Гамсуна был для нее своего рода Библией ... Рус. писателей последнего двадцатилетия она совершенно не ценила, не любила» (С. Юшкевич — «Одес. новости», 1913, 13 дек.). В. Я.

Брюсов, отмечая в рецензии на «Жизнь» соотносимость рассказов М. с франц. прозой, лаконичность, тщательную отработанность стиля, говорил вместе с тем об отсутствии глубины психол. анализа: «Темы нередко выбираются сложные, глубокие, сильно-драматические, но разрабатываются они как-то слишком легко, и читатель, не останавливаясь, не задумываясь, переходит от одного трагич. анекдота к другому» (Брюсов в (2), с. 120).

Н. П. Ашенид, увидевший в прозе М. «много блисков красоты, чувства, лирич. настроений», указывал также на неестро и «жесткость ее худож. мира: «... нет центрального пункта, нет нервной осн. вокруг которой вращался бы художественный аппарат писателя» («Обр.», 1905, № 1, отд. II, с. 144). О полноте лиризма в рассказах М. и преобладающем в них пессимистич. мирооптении писали и др. рецензенты: РМ, 1904, № 7, с. 209; Вл. Боляновский — «Русь», 1904, 17 авг.; Л. Б. — МБ, 1905, № 2, отд. II, с. 37; Н. Теккер — «Киса, отклик», 1905, 18 июля. Миниатюры «Жизни» оказались одним из первых проявлений последовательно импрессионистич. стиля в рус. прозе, предвосхищая творчество В. К. Зайцева, О. Дымова («Солнцесворот»), Е. Г. Гуро.

В 1903 М. встретила в Н. Новгороде с Г. И. Чулковым, знавшим ее с отроческих лет (черты биографии М. отразились в геронне его рассказа «Щурочка и Веня»; см.: Чулков в Г., Люди в тумане. Книга рассказов, М., 1916, с. 101—18), к-рый способствовал ее приобщению к кругу петерб. символистов. С 1905 М. — в Петербурге, она печатается в столичных изданиях, гл. обр. модернист. толка («Вопросы жизни», «Золотое руно», «Перевал», «Наша жизнь», «Новый журнал для всех» и др.), сближается с Вяч. И. Ивановым и Л. Д. Зиновьевой-Аннибал, А. Д. Дрейер Н. Чеботаревской, В. А. Щеголсовой. «На средах у Лидии и Вячеслава Ивановых всегда можно было открыть где-нибудь в углу ее бледное, помятое лицо, с растерянной, жалкой улыбкой и горящими, красивыми глазами, все еще молодыми и полными ожидания ... А те подлинные, красочные грезы, которые рождались вопреки всему в ее душе ... напрасно искали себе воплощения в жизни и только неполно и робко выглядывали из ее рассказов» (Тыркова А., указ. соч., с. 26—27). М. живет попеременно в Москве и в Петербурге. Влияние модернист. окружения сказалось на второй книге ее рассказов и драм. сцен «Черная пантера» (М., 1909), в к-рой преобладают аллегорич. и символич. миниатюры с элементами фантастики, затрагивающие в осн. метафизически осмысленные темы Любви и Смерти; в книге очевидны следы воздействия рус. символист. прозы и заруб. писателей, прежде всего О. Уайльда (рассказ «Черная пантера»; см.: Павлова Т. В., О. Уайльд в рус. лит-ре. — В кн.: На рубеже XIX и XX вв., Л., 1991, с. 121, 127). В письме к Ал-дре Че-

МИТРОПОЛЬСКИЙ

Лит.: Чулков Г. Голя странствий. Из книги восьм. М., 1930, с. 43—47; Михайлова М. В., «Я женщина с головы до ног...» (Творч. портрет писательницы М.). — В кн.: Время Дягилева. Универсалии Серебряного века. Третий Дягилевский чтения. Мат-лы. в 1. Пермь, 1993; то же [расширено]. — «Преображение», 1993, [№ 1]; ее же, Творчество М. и зап.-европ. лит-ра. — В кн.: Рус. женщины и европ. культура. СПб., 1993; У Некрологи: «Вечь», 1913, 11 дек. (Г. Ч(улков)); УР, 1913, 11 дек. (Ю. К.); «Рампа и жизнь», 1913, № 51 (С. Крестов); «Жен. дело», 1914, № 1 (И. Попов); ИВ, 1914, № 1. Масанов. А. В. Лагров.

МИТРОПОЛЬСКИЙ Иван Иванович [26.9(8.10).1872 — после 1917], прозаик, журналист. Род. в семье наив. сов., секр. Моск. окружного воен.-мед. управления, врача и литератора И. А. Митропольского; брат А. И. Митропольского (писателя Арсения Несмелова). Учился в 1-м моск. кадет. корпусе, с 1891 в 3-м

Александров. воен. уч-ще, по окончании в 1893 в чине подпоручика служил сначала в гренадер. полку в Астрахани, а с 1894 в пехотном полку в Кутаисе. По увольнении в запас в 1896—99 чиновник Минского акцизного управления (в 1897 из подпоручиков запаса переименован в коллеж. секр.). С 1900 вновь на воен. службе — сначала в 3-м гренадер. Пернов. полку, затем в штабе 1-й гренадер. дивизии (в 1901 произведен в поручики). Во время рус.-япон. войны в 1904 под его ред. в Москве выходил ж. «Война с Японией» (№ 3—31); с нояб. 1904 по дек. 1905 в качестве нач. арбяного транспорта служил в Маньчжур. армии; за отличия в воен. действиях удостоен ордена Станислава 3-й степени с мечами и бантом. В 1906 вернулся в Москву в Пернов. полк; вышел в отставку по болезни в 1907.

С 1900 печатался в ж-лах и газетах: «Нар. благо», «Досут и дело», «Рус. мысль», «Искры», «Дет. чтение», «Игрушечка», «Семья», «Дет. круг», «Нива», «Путеводный огонек», «Охотничий вест.» и др. Первые лит. выступления относятся к сер. 90-х гг. (пов. «На Волге» —

ЛПН, 1895, № 12). В 1899 опублик. кн. «Рыцарь. Рассказ. Из истории одного медведя» (М., на г. л., — 1900; 3-е изд., М., 1913) и сб-х рассказов «Из жизни» (М.: 3-е изд., М., 1917; рассказы этого сб-ка выходили и отдельно: «Митель», М., 1899; 4-е изд., М., 1916; «Ждут фельдшера», 2-е изд., М., 1916; «Пахомычев внук», 2-е изд., М., 1917) в издававшейся М. В. Клюкиным серии «Добрые души. Чтение для детей и народа» (в ней впоследствии вышла большая часть соч. М.). Написанные «беспритязательно, тепло и реально», они были доброжелательно приняты критикой (ИВ, 1899, 22 дек.). Был близок к лит. кружку «Среда»: принял участие в сб-ке для юношества «Книга рассказов и стихотворений» (М., 1902), задуманном как издание «небольшого», «товарищеского» кружка (письмо Н. Д. Телешова А. П. Чехову от 20 авг. 1901 — ЛН, т. 84, кн. 1, с. 527—28); в сб-к вошли произв. Л. Н. Андреева. И. А. Бунина, М. Горького, А. И. Куприна, Д. Н. Маммина-Сибиряка и др. Чл. Об-ва деятелей периодич. печати и лит-ры. Будучи ред. сб. «Живые слова. Писатели, обществ. деятели и артисты, записавшие свои голоса или муз. исполнения в пользу Об-ва деятелей периодич. печати...» (М., 1910), вместе с И. А. Белоусовым [см.: Белоусов (1), с. 213] в окт. 1909 ездил в Ясную Поляну, чтобы записать на фонограф голос Л. Н. Толстого (текст записи с предисл. М. и его подробным восп. о посидке опублик. в этом сб-ке; фрагмент — в кн.: Интервью и беседы с Львом Толстым, М., 1986, с. 417). Сотрудничал в газ. «Столичная молва» (в 1912 ее врем. ред. — № 230—250); печатал в ней свои статьи на темы внутр. политики (об угрозе либеральным свободам), по экономич. вопросам (о злоупотреблениях в снабжении армии, о насыщенных хоз. заказах и пр.).

На темы рус. истории — «Евпатий Коловрат. Ист. рассказ из эпохи XIII столетия» (М., 1902) и «Случай. Ист. повесть из времен Паула I» (М., 1905). Герои мн. рассказов — «простые» люди (крест. дети, сироты, бедняки) — несут в себе исконные начала нар. нравственности. Нек-рые произв. для детей передают экзотич. колорит др. стран — пов. «Король камышей» (М., 1904; 2-е изд., М., 1915), «Маленький Манза. Повесть из манджурской жизни» (М., 1913). Особое место занимают рассказы с войне, гл. мотив к-рых — христ. нравств. подвиг солдата: «Вода» (Р.И.Д., 1903), «После сражения» (М., 1904), сб. «Из прошлого и настоящего» (М., 1905). Написанные динамично и увлекательно (однак несколько назидательно), они сочетают традиц. описания природы с орг. характерами, точными и емки

ботаревской (б. д.) М. признавалась, что этой книгой «недовольна *очень*»: «... я поняла, что все это совсем не то, что я хотела написать» (ИРЛИ, ф. 189, № 120). М. вынашивала замысел большой повести, оставшийся невоплощенным, продолжала писать прозаич. миниатюры в своем раннем стиле: «От декадентства я окончательно и бесповоротно отошла» (письмо к Н. Г. Чулковой, осень 1911. — РГАЛИ, ф. 548, оп. 1, № 465). Наиб. значит. ее произв. этого времени — «Страницы из дневника» («Жатва», 1912, № 3), автобиогр. повествование о переживаниях и впечатлениях взрослеющей девушки, проникнутое ошущением полноты и подлинности бытия: «И жизнь влечет меня к себе, несмотря на открывающийся, временами, скрытый в ней ужас» (с. 191).

В эти же годы М. переводит с французского для изд-ва «Пчелы» (М.) Ж. Розенбаха («Мертвый Брюгге», «Звонарь». [1909]). Ж. А. Барбе д'Орессилы («Дьявольские маски», 1909), а также роман Золя «Жерминаль» («Углекоп» — Собр. соч., т. 13. СПб., 1912) и новеллы Мопассана (ПСС, т. 13. СПб., 1916).

В 1910 М. познакомилась по брачному объявлению и по переписке с холостяком-агрономом, за к-рого вышла замуж [из письма к Л. И. Рыбаковой (б. д.): «Все это странно и прелестно, как сказка». — РГБ, ф. 371, к. 4, № 19], поселилась вместе с ним в захолустье (с. Частые Оханского у. Перм. губ.). Союз оказался непрочным, и в 1912 М. вновь осталась одна, что вызвало тяжелое душевное расстройство (была помещена в психиатрич. лечебницу в Москве). В последние месяцы жизни избегала общения с лит. знакомыми; полав в кон. августа 1913 в Старокатерининскую б-шу, умерла как скиталица: ... одинокая, никем не навещаемая и не опознанная и поэтому даже похороненная в общей могиле» (Юшкевич П., указ. соч.). Лишь три месяца спустя друзья узнали о ее смерти и смогли получить оставшиеся после нее рукописи.

Др. произв.: «Сказки черных ночей» («Вопросы жизни», 1905, № 6), «Пустынный» («Наша жизнь», 1905, № 24/25), «В тихой усадьбе» (там же, 1906, № 3/4), «Легенда черных снегов» («Прометей», 1906, № 2), «Смерть» («Перевал», 1906, № 2), «Любовь» (там же, 1907, № 10), «Человек с портфелем» («Наша жизнь», 1906, № 10), «На лесной тропинке» (там же, 1906, № 16), «Сиреневый дом» («Илл. еженед.», 1907, № 33), «Весенняя ночь» («Живописная неделя», 1908, № 22), «Белый ключ» (НЖАВ, 1910, № 24), «Препятствие» («Солнце России», 1912, № 136/137), «На пчельнике» (УР, 1912, 30 марта).

Изд.: [Рассказы]. — «Преобразование», 1993, [№ 1]: Заколдованный круг. Рассказы. — «Октябрь», 1994, № 7 (вступ. ст. и публ. М. В. Михайловой).

ми бытовыми деталями, иногда — необычными сюжетами. Мн. очерки и рассказы — «Соломонья Сабурова» (М., 1903), «Тяжелый год. Рассказы из 1812 года» (М., 1903; 3-е изд., М., 1912), «Кавказская война и ее герои» (М., 1904), «Смоленск в 1812 году» (М., 1902; 2-е изд., М., 1913), «В отчизне и дедине» (М., 1914) — содержат достоверное, обстоятельное изложение событий рус. воен. истории. За сост. кн. «За братьев-славян. Русско-турецкая война 1877—1878 гг.» (совм. с П. Поповым; М., 1902) был награжден зол. часами из кабинета е.и.в.

С темой города связаны трагич. мотивы обреченности человека, оторванного от родных корней (рассказ «Тоска» в его сб. «Пестрые странички. Повести и рассказы», М., 1902). Гор. тема преобладает и в сб.-ке юмористич. рассказов «Смейтесь на здоровье!» (М., 1901), «Дробь» (М., 1907), герои к-рых — огранич., трусливые обыватели, жонглирующие рев. фразеологией в стремлении не отстать от моды.

Среди др. произв. для взрослых — полесский цикл, отрадивший, вероятно, впечатления от путешествия по Полесью, совершенного в юности. Особенно выделется написанная, по-видимому, под влиянием К. Гамсуна, пов. «В тумане жизни» (М., 1912), в к-рой трагич. любовь развивается на фоне романт. весенней природы. Остросоциальные и психол. проблемы — в рассказах «На плотах» (Р.иД., 1903), «Жуть» (в сб. «Пестрые странички...»). Занимался также ред.-издат. деятельностью: выпускал в Москве ж. «Дух времени» (1906), «Наш понедельник», «Живая мысль» (прил. — газ. «Дух времени»; оба ж-ла — 1907), «Летучая мышь» (1912—13), газ. «Столичная молва» (1912) и «Семафор» (1912—14; совм. с женой — М. Ю. Митропольской).

В 1914—15 под редакцией М. выходили сб. «Пассажир» (в. 1—5, М.), включавшие его очерки и рассказы (а также статьи и рассказы Арлова, С. Глаголя) гл. обр. о событиях 1-й мировой войны 1914—18.

После 1917 М., по-видимому, отошел от лит.-ры; публикации этого времени неизвестны.

Др. произв.: пов. «Дуэль» (М., 1900), «Муравьи-спасители и др. рассказы для детей» (М., 1903; 2-е изд., М., 1915), «Рассказы» (М., 1903), «Рассказы про седую старину» (М., 1903; 3-е изд., М., 1914), «Федор Коробейник и др. рассказы для детей» (М., 1903), «Из волж. рассказов» (М., 1904; 2-е изд., М., 1915), «Колька Суходольский» (М., 1906), пьеса «Свобода. Сцены из жизни в Македонии» (М., 1913).

Лит.: ЛН, т. 90, кн. 4, с. 80. + Венгеров. Источ.: Альм. и сб-ки (1, 2; ук.); Библиограф.

лит. изданий России, 1901—1916, т. 1—4, Л., 1958—61 (ук.); Макалов (не учтен псевд. Иван Иванов).

Архивы: РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, № 1889 (ст. М. «Тройная испуга», заметка «Ревизия сенатора Гарина» и сопроводит. письмо в ред. газ. «Речь»), ф. 598, ред. гал. «Курьер», оп. 2, с.л. 9 (фото); РГВИА, ф. 409, оп. 2, л. 17836 (п. с. 1907 г.) [справка М. Ю. Муравейниковой]; ИРЛИ, ф. 349, № 21 (в архиве х. «Курьер» авторграф отыма М. на кн. Н. Д. Телешова «Белая ильма»), ф. 540 (Пост. комиссий), 1902 г., № 46; РГИА, ф. 1343, оп. 36, л. 16293 (копия свидетельства о рождении М. и п. с. 1903 г.; п. с. 1882 отца М.) [справка Н. М. Корневой].

А. О. Талстелина.

МИТРОФАН [в миру Воронцов Михаил Лаврентьевич; 2(13).11.1791, с. Ивановское Дмитров. у. Моск. губ. — 20.11(2.12).1850, Москва; похоронен в Покров. монастыре], проповедник, духовный писатель; архимандрит. Сын дячка, оба деда — священники, у одного из них М. воспитывался после смерти матери в 1795. С 1801 учился в Дмитров. духовной сем., в 1805 переведен в Славяно-греко-лат. акад., где был одним из лучших учеников; параллельно посещал лекции в Моск. ун-те, давал уроки в состоят. домах, а с 1812 преподавал лат. яз. и рус. грамматику в самой академии. По окончании академии (1813) назначен преподавателем риторики, поэзии и франц. яз. в Перервинскую сем.; здесь М. «составлял» пьесы для своих учеников, писал лат. стихи. В 1814 проф. словесных наук Спасо-Вифанской сем.; по отзыву моск. викария Августина «при отличных дарованиях и мн. сведениях» имел «особенный дар витийства и редкую склонность к ученым занятиям» (ДЧ, 1868, № 10, с. 131). В том же году М. оставил учительскую службу (хотя в 1815—20 преподавал закон Божий и церк. историю в Моск. ун-тском благородном пансионе; «Слово на освящение храма в университетском пансионе...», М., 1819, — наиб. раннее из опубл. «слов» М.), женился, был рукоположен в священники (церковь Иоанна Богослова в Бронниках), в 1815 переведен в Николаевлеп. церковь на Арбате, при к-рой состоял наем св. 20 лет — до 1836.

В это время начинается (1818) и достигает расцвета проповеднич. деятельность М.: он становится известным в Москве «духовным оратором» («Москв.», 1849, № 19, отд. V, с. 57), его проповеди отличались живостью слога, эмоц. красноречием, проникновенностью тона («звучный, входящий в душу голос»); в этих ранних, оставшихся неизданными проповедях М. обличал мн. совр. пороки и «худые обычаи» (ДЧ, 1868, № 10, с. 133, 137, 146).

«Я всегда с радостью, а не воздыхая творил дело Божие, дело моего служения среди вас» (там же, с. 137), — говорил М., оставляя Николаевлеп. церковь при пострижении в 1837 в монахи (после смерти

жены и старшего сына) по предложению митрополита Филарета (Дроздова). Взят имя Митрофан, по имени святителя Митрофана, Воронеж. епископа, сподвижника Петра I; ему еще до пострига М. посвятил поэму (в 5 песнях) «Хвалебное приношение веры новопрославленному святителю Митрофану...» (М., 1836; в РГБ — экз. с царств. надписью архимандриту Арсеню) — риторич. восхваление «героя Веры и Креста», «смирненного сердцем», чуждого «блестящих дарований» и «выспренных познаний» (с. 1, 7, 8).

В еще большей степени эта тема подчеркивается в «житийной» поэме «Радонежский пустыльник, св. Сергий Чудотворец» (М., 1849; в 9 песнях); здесь М. сосредоточивается преим. на дет. годах отрока Варфоломея (мирское имя Сергия Радонежского) — с картинами идеализиров. патриарх. быта рус. боярства («Жизнь, недоступная разврату, укоризне». «Там нравы христиан сжали чинше злата» — с. 7), рассказывает о пути его духовного возмужания с ранним выбором иночества и пустынножительства. Описалне тягот жизни и искушений в пустыни, где молодой инок создал первую обитель и стал ее игуменом, — наиб. удачные страницы поэмы (как и не лишние психол. пронаительности увещевания и предостережения матери — с. 34—38). В целом поэма изобилует длиннотами, распространенными метафорами и библи. уподоблениями. М. писал и не предназначавшиеся для печати стихи «на случай» (на смерть сына: «Отлетел мой соловей! Первенец любви мой», 1832; опубл. 1868). Незаанными остались поэма «Св. Алексей. Божий человек» (1848; не окончена), стих. «Товий», а также пер. соч. св. Иеронима, св. Киприана, Блаженного Августина и др. (местонахождение неизв.).

После пострижения М. — архимандрит Златоустовского мон., с нач. 1839 — Знаменского (в 1842 награжден орденом св. Анны 3-й степ.), а с 1845 — Богоявленского мон. в Москве. Член Моск. духовной консистории, надзиратель за приведением в порядок ее архива (с 1838), участвовал в разл. рода ревизиях. Тяготился адм. обязанностями, но выполнял их добросовестно. Пользовался особым расположением митрополита Филарета (ценившего его за усердие и «беспрекословную покорность»), по поручению к-рого составлял и произносил проповеди в разл. храмах. Знаток европ. языков (латынь, франц., нем.; в конце жизни изучил англ.), переводил статьи из иностр. ж-лов, принимал иностр. духовных лиц, интересовавшихся древностями и святынями столицы. В 1848 под наблюдением М. в моск. Синодальной типографии печаталась рукопись бо-

МИХАЙЛОВ

послуженного Евангелия для болгар.

В последнее десятилетие жизни активно публиковал свои проповеди. Выходят отц. брошюрами «Слово при освящении храма во имя Софьи» (М., 1843), «Речь при открытии Сретенской школы Моск. Благоволит. общества ...» (М., 1844), а также «Слова при погребении ...» протопресвитера Успен. собора И. Д. Никольского (М., 1843), «Болярыны» В. Ф. Скалон (М., 1844), А. А. Проклоповича-Антоносова (М., 1848), проповеди «Слова и речи на разные случаи, говоренные Моск. Богоявлен. монастыря настоятелем архимандритом Митрофаном» (М., 1850; значит. часть составили речи, произнесенные при погребениях). В положит. отклике («Москв.», 1850, № 11) отмечались такт и чувство меры при составлении погребальных слов, способность, не впадая в панегиризм, «на все бросить взгляд, приличный случаю веры» (с. 127). В этом же году М. опублик. 15 ранее не изд. проповедей, произнесенных с 1838 по 1850 («Поучительные слова на всесоветоржественные дни и на разные случаи ...», М., 1850). Хотя сб-к состоит в осн. из «слов» по случаю тезоименитства и дней рождения Николая I и вел. князя Ал-тра Ник., темой проповедей (за исключением зачина и окончания) становятся вопросы нравств.-духовной жизни и веры: об искушении (с. 44 и след.), о «вангальской свободе» и злоупотреблении ею (с. 25), о духе христ. милоты, к-рая «есть голос нужды» (с. 36), о способности восхищения людьми, превосходящими нас по достоинству, как прообразе божеств. благоговения (с. 7). Неоднократно обращается М. к обсуждению природы земной власти (в т. ч. в двух проповедах по поводу дворян. выборов в «судание судей»), обязанности добровольно подчиняться всякому «начальству». Назначение светской власти он видит в обуздании невежества, возмездии слабым, спасении «убогого от руки сильного» (с. 32, 35) и часто подчеркивает ограниченность ее возможностей: только «законы веры» «преследуют лукавый умысел в самых сокровенных изгибах сердца, — убивают его в самом зародыше» (с. 68). Свои рассуждения М. постоянно подкрепляет удачными применением Священного Писания.

В 1847 в «Моск. губ. ведомостях» М. опублик. небольшие соч. богослов.-ист. характера: «Сказание о чудотворной иконе Знаменая Пресвятая Богородицы ...» (№ 48), «Нечто достопамятное о Моск. Богоявленском монастыре» (№ 4 — 17, 28—31, 33—34), «Сведения о св. Мароне Чудотворце ...» (№ 50), «Церковь пророка Марона Чудотворца ...» (№ 49), послед. изд. кн. Л. Ф. Басова, изд. в исправл. и дополн. виде под загл. «Наставления христианам для духовности в религ.-нравств. деятельности» (в письмах)» (М., 1849; впервые: «Моск.

губ. вед.», 1847, № 18—22, 24—28) — собр. кратких статей, дающих осн. ориентиры в духовной жизни. Выбор М. объекта для перевода вызвал сдержанное неодобрение Филарета, опасавшегося влияния католич. традиции («Монашество православное не скучно настальскими св. отцов») и не имеет нужды быть перучиваемо по западным руководствам» (ДЧ, 1868, № 11, с. 172); ср. отзыв о Парфении: «позорю для душевной пищи», «истинно-христианские, практические уроки для преуспеяния в ружме духовном и благочестии» (там же, с. 173).

Умер М. от водянки. В отпевании участвовал (сослужил) митрополит Филарет.

Др. произв.: рассказ «Предвкусение сны грядущего века» (ДЧ, 1866, № 5).

Лит.: Архимандрит Григорий, Архимандрит Митрофан. — ДЧ, 1868, № 10, 11 (там же фрагменты неоконч. автобиографии, стихи); + Некрологи, 1850; МВед. 23 нояб. (то же — «Моск. губ. вед.», 1851, № 4); «Москв.», № 23. Филарет (Гумилевский). Обзор рус. духовной лит-ры, 2-е изд., кн. 2, Чернигов, 1863; Брокгауз; Венгеров. Источ.

Архивы: РГИА, ф. 796, оп. 119, д. 714 (вкл. в. с. 1837 г.), оп. 126, д. 1284, оп. 132, д. 2378 (дело о смерти, 1851 г.) [справка Н. М. Корниовой].
А. В. Кемалова.

МИХАЙЛОВ Владимир Васильевич [18(30).3.1832, Петербург — 7(19).11.1895, там же; похоронен на Смоленском кладб.], педагог, литератор. Сын дир. Дсп. Мин-ва путей сообщения. Окончил 1-ю петерб. гимназию. Учился на физико-матем. ф-те Петерб. ун-та (не окончил из-за болезни); чтобы восстановить здоровье,

уехал в Лужский у., где проявилась его склонность к нед. деятельности. Первая публ. — ст. «О воспитании в семье» («Мор. сб-к», 1856, авг.), пось. высокому призванию учителя и трудному в нравств. плане положению дому воспитателя. Возвратясь в Петербург, М., по настоянию отца, 7 лет занимался канц. работой. Выйдя в отставку в чине губ. секр., целиком отдался любимому делу — сначала в качестве воспитателя в провинции и столичных семействах, а с 1860 как содержатель пансиона для мальчиков в Петербурге. После за-

крытия пансиона в 1869 5 лет служил дом. воспитателем. В 1875—83 преподавал в Елизаветин. зем. реальном уч-ще, с 1883 — в г-зии Я. Г. Гуревича. С 1884 М. — инспектор по уч. части школ Рус. технич. об-ва. Добиваясь расширения сети школ об-ва для рабочих и их детей, вел переговоры с попечительствами о необходимых для этого средствах, устраивал лит.-муз. вечера, нар. чтения, к-рые вел сам, пользуясь славой превосходного чтеца (Гринштейн Н., Памяти М. — «Рус. школа», 1895, № 11).

Немногочисленные драм. опыты М. не имели успеха. В Александрин. т-ре поставлены водевиль «Странная болезнь» (1857) и драма «Не хуже других» (1861; Моск. Малый т-р — 1863). Герой последней, страдающий «неизлечимой нравств. болезнью», стремится быть «не хуже других» и для этого женится по расчету; как неизбежное наказание следует смерть жены. Пьеса, как и др. лит. произв. М., не избежала нек-рой дидактичности.

Герои пов. М. «Игрушка» (ОЗ, 1857, № 5) — молодые люди, для к-рых первая любовь «будто игрушка»: «Им весело играть ею, пока она еще нова ... Долго ли улетит она у них?» (с. 108). Сб-к из 5 рассказов «К праздникам» (СПб., 1884; тогда же рассказы вышли и отд. брошюрами; 2-е изд. под назв. «Рассказы 12-летнему человеку», СПб., 1894) объединен темой становления характера подростка и представляет различные семейные воспитания («слепая» родительская любовь, разумная строгость и др.). Положительно оценены сб-к, рецензенты отмечали, что он удовлетворяет требованиям, предъявляемым к лит-ре для детей, отличается простотой слога, «объективностью тона» (Жено, 1884, № 10, с. 675), удачной обрисовкой характеров, «верным изображением дет. интересов» (СВ, 1895, № 6, с. 93), чужд «назидательности или приторной чувствительности» («Пед. сб-к», 1884, № 3, с. 322).

Ф. М. Достоевский использовал для работы над ром. «Подросток» наблюдения М.-педагога за детьми (письмо Достоевского к М.: РС, 1883, № 12, с. 715—16), называя их «драгоценными»: «Хочется ... дух Ваш русский (настоящий) втолковать кому-нибудь из здешних» (Достоевский, ХХХ, кн. 1, с. 12).

Др. произв.: «От Рождества до Пасхи» (в. 1, 2, СПб., 1879—80; календарь с биогр., ист. и др. статьями).

Лит.: Королахов И. М., Памяти М., б. инспектора по уч. части школ Имп. Рус. технич. об-ва, СПб., 1896. + Некрологи, 1895; ВП, т. 54, с. 387; НВ, 9 нояб.; «Новости», 9 нояб.; ИВ, т. 76, с. 307. Вальф (ук.); Венгеров (Сл.; Источ.); Мельер; ИРДБ, т. 4, 5 (ук.).

А. Н. Кузнецов, И. И. Ганина.

МИХАЙЛОВ Константин Арсеньевич [6(18).3.1868, Петербург — 1919, Петроград (?)], писатель-юморист. Бюогр. сведения, крайне скудные, содержатся лишь в автобиографии М. 1913 (ИРЛИ, ф. 377): сын ремесленника; в 14 лет закончил «Комиссаров. школу»; с 18 лет жил на лит. заработки; за 25 лет написал ок. 2 тыс.

1915), «Богатый Терентьище» (П., 1915), «Сосватались и рассватались» (П., 1915). Несмотря на разл. жанровые определения, данные автором («картинка провинц. нравов», «былина в лицах из рус. старины», «водевиль из купеч. жизни» и т. д.), они также тематически однообразны (злочиления неверной жены, похищения искателя богатых невест и т. п.); сценич. воплощения не получили.

Др. произв.: «Красавицы далекого прошлого. Сб. романт. историй и приключений. Женщины прошлых веков. 1. Фрина. 2. Мария Паулла. 3. Атнесса Сорель. 4. Форнарина» (СПб., 1900), «Романы героини». Сб-к ист.-романт. рассказов и эпизодов. Женщины прошлого Франции» (СПб., 1900), «Знакомые фигурки (Забавная комедия нравов). Собрание сатирич. стихотворений» (СПб., 1905).

Лит.: Венгеров (Список); Каталог ОРДП; Масалов.

Архивы: СПб ГТБ (рукописи пьес): РГАЛИ, ф. 317, оп. 1, № 248 (письмо И. Ф. Масанову, 1905); ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 448 (письмо Н. К. Михайловскому, 1893); РНБ, ф. 874, оп. 1, № 69 (2 письма С. Н. Шубинскому, 1897); РГИА, ф. 776, оп. 26, л. 8, 11 (исп. мат-лы о запрещении одноактных пьес «Идеса» и «За друзей»). *Е. Р. Котомцова*

небольших рассказов и ок. 1,5 тыс. стихотворений.

Печатался со 2-й пол. 80-х гг., под многочисл. псевдонимами (св. 320), в юмористич. ж.-лаз «Шут», «Стрекоза», «Будильник», «Развлечение»; с 1886 пост. сотр. «Осколков» Н. А. Лейкина (в 1908—16 ред.-изд. этого ж.-ла). Писал типичные для чисто развлекательной журн. юмористики 2-й пол. 1880-х—1910-х гг. стихи, диалоги, сценки, рассказы, поев. в осн. «жертвам, жрецам и жрицам любви» («Осколки», 1910, № 34, с. 6). Из номера в номер появлялись циклы его рассказов с выразит. названиями: «Из похождения юной авантюристки», «Из жизни одного многоженца», «Обольстительницы», «Похождения колостяков», «Из жизни молодой обманщицы» и т. д.; позднее многие из них вошли в отд. сб. «Женские тайны» (СПб., 1898), «Соломенные вдовушки» (СПб., 1900) и др. По признанию самого М., в его соч. «преобладают старания избегать тоски и — желания видеть жизнь светлее и радостнее» (ИРЛИ, ф. 377).

М. был чл. ОРДП. Его многочисл. пьесы — б. ч. одноактные водевили, фарсы, шутки, собранные в кн. «Драм. сочинения» (СПб., 1896, в. 1—5) и публиковавшиеся в 1896—1905 в ж. «Дом. театр» (бесплатное прил. к ж. «Родина»), в т. ч. «В декадентском гнезде. Рус. декаденты. Сатирич. фарс в 3 д.» (1900, № 8—10), «Дядюшкин сон. Комедия в 4 д.» (1901, № 4), — перелетка комич. пов. Ф. М. Достоевского, а также бытовис пьесы «Женатый дурак» (П.,

1800-е гг. В 1804 в «С.-Петерб. журнале» (изд. при МВД) он публикует серию переводов англ. философа и юриста И. Бентама: «О распространении познания законов», «О пользе просвещения», «О свободе книгопечатания», «О безопасности» (№ 2, 8) и др.; трудами Бентама интересовались гр. Н. С. Мордвинов, члены учрежденного Александром I в 1801 неофиц. Негласного к-та: Сперанский, разработавший план реформы юстиции, Кочубей, кн. А. Чарторыйский (см.: Брокгауз, т. 3, с. 458). Переводы М. из Бентама были «очевидно прямым исполнением той программы, которой, вслед за императором, держались лучшие люди тогдашнего правительства» (Пыпин и А. Н., Очерки лит-ры и общественной жизни при Александре I, П., 1917, с. 36 — гл. Рус. отношения Бентама). С 1805 М. публикует перевод классич. гр. Бентама «Рассуждение о гражд. и уголовном законоположении...» (выполненный с изданного Этьеном Дюмоном соч. Бентама на франц. яз.; с предисл. и доп. Дюмона: СПб., т. 1—3, 1805—11; поев. Александру I). Интерес к Бентаму переводчика, как и рус. образов. общества в целом (см., напр., иредисл. Дюмона и рец. на 1-й том перевода М. в ж. И. И. Мартынова «Лицей», 1806, ч. 1, кн. 2, с. 61—77), вызван во многом тем, что отд. вопросы права и систему законодательства вообще Бентам включал в широкий филос. и нравственно-социальный контекст, признавая «единственным» критерием «достоинства законов» «удаление или уклонение от скорби» (т. 1, с. XI); «правила Бентама были одинаково хороши и для монархий, и для республик: «не возмущать естеств. хода надежд и привычек» («Лицей», ук. рец., с. 65). Помимо общей благожелат. оценки («Перевод сей книги отнестн можно к малому числу весьма полезных переводов», в т. ч. «по чистоте языка русского» — там же, с. 61) рецензент особо отмечает осведомленность автора в предмете и значимость перевода для формирования в России языка «полит. наук» (там же, с. 75, 77).

Перевод способствовал известности М. в образов. кругах. Интерес к политэкономии — трудом Бентама, А. Смита, франц. экономиста Ж. Б. Сая (к-рого М. будет переводить позднее) — «был яркой чертой обществ. настроения молодежи в 1818—1820 гг.» (Лотман Ю. М., Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», Комментарий, Л., 1983, с. 134). А. С. Пушкин упоминает о них как предмете учебных речей в 1-й гл. «Евгений Онегин».

Собственно лит. интересы М. проявились рано (в 1792 он выступает с переводами в «Новых ежемесячных соч.», 68, 72, 77), но имели эпизодич. характер. В 1801 он вступил в ВОЛСНХ, был наряду с И. М. Борном, В. В. Попугаевым, В. В. Дмитриевым одним из первых его чле-

МИХАЙЛОВ Михаил Кузьмич (Козьмич) [10(21).10.1775 (менее вероятно — ок. 1777*), Петербург — 4(16).9.1856, Павловск], переводчик, поэт-любитель; экономист. Из дворян. Отец М., назв. сов., умер, оставив вдову с 10 детьми. При содействии дяди С. Я. Румовского (Яковлева), астронома, акад. Петерб. АН, М. был определен с братьями в академич. г-зию, к-рую окончил «с отличными успехами» в словесности и иностр. языках в 1793. В конце того же года поступил на службу в Гл. почтовых дел правление (с кон. 1794 коллеж. секретарем), в 1796 — в Экспедицию о гос. доходах (губ. секр., 1798). В 1801 перешел на службу в канцелярию Гос. совета под начало гр. М. М. Сперанского, оценившего «дарования и познания» М. и в дальнейшем ему покровительствовавшего. В 1802 становится пом. секретаря Дел-та Мин-ва внутр. дел (назв. сов., 1806), с сент. 1807 назначен секретарем при министре внутр. дел гр. В. П. Кочубее («правой рукой» к-рого был Сперанский), затем при кн. А. Б. Куракине. С 1811 М. — дир. канцелярии Гос. контролера (с оставлением при Гос. канцелярии, к к-рой был причислен в 1810) и МВД; в должности дир. канцелярии МВД состоял до нач. 1830; дослужился до действит. стат. советника (1823; с 1815 — стат. сов.).

Проф. и науч. интересы М. были непосредственно связаны с его гос. службой, проведением либер. преобразований гос. устройства России в

нов-утрадателей («Заметки А. Х. Востокова о его жизни», СПб., 1901, с. 40; публ. В. И. Срезневского), но уже к июню 1802 в его составе не числился; в альб. Общества «Свиток мум» (кн. 1, СПб., 1802) напечатал стих. «Моя книжка» («Меня кров хижины смиренной! Спасет от бурн, зидитит») — с прославлением удельной сел. жизни, расхожими для нач. века мотивами бегства от гор. цивилизации, «от зависти и от сует». В 1830 М. напечатал дилетантское стихотв. послание «П. Г. М.» (альб. «Комета ... на 1830 г.», М.) в духе алегч. романтизма (ар. стих. и басни остались ненапечатанными — см.: РИ, 1860, 10 апр.; по всей вероятности, М. и не стремился их публиковать). Значительно более удачны худож. переводы М. (с франц.) повестей популярной в России с нач. века г-жи де Сталь («Две повести», СПб., 1804): «Алетиада и Теопор» и «Мирза» (герой последней — негр Ксимое, впавший в «меланхолию» от несчастной любви); встречающиеся архаизмы, местами усложненный синтаксис в целом не нарушают гладкий, в духе рус. сентимент. повести, слог перевода.

В 1820-е гг. М. часто назначался в различ. уездные к-ты (РГА: для рассмотрения проекта арданд. губ. прокурора об улучшении содержания препр-возлаземых в Сибирь колодников (1824), земских повозностей (1825—28), способов к улучшению городов (1825—28), доходов и расходов Петербурга (1827—28; под председательством Кошуба). М. был през. к-та «об устр-ве хозяйства, управления в С.-Петерб. и Моск. столицах» (1827—28), состоял в секретр. комиссии для открытия тайной торговли землем (1827).

После отставки в марте 1830 М. пережил трудный период: безвозвратно пропал капитал, вложенный им в частное предприятие. М. сам, вместе с женой (урожд. Вальц), подготавливал четырех сыновей к поступлению в ун-т, к-рый они закончили со степенью кандидата, а трем дочерям дал хорошие дома, воспитание, дав им наставников и учителей.

Вопросами права и полит. экономии М. занимался на протяжении всей жизни: в 1826—27 в ж. Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча (бывшего в 1830 подчиненным у М.; Греч Н. И. Записки ..., СПб., 1836, с. 186) «Сев. архив» опубли. «Предварит. рассуждение о Политической экономии. Из Сея» (ч. 24—25), содержащее обстоят. разбор экон. систем, в 1828 — ст. «О влиянии машин на нар. богатство» (№ 6), в к-рой уровень развития «мануфактуры» в России связан с «духом» времени (с. 206). В 1833 по предложению Вольного экон. общества М. написал соч. «Об изыскании причин чрезвычайной смертности младенцев в крест. сословии и способов ее отвращения» (в 1836 удостоено зол. медали и премии в 500 руб.; работы представлялись анонимно, соч. М. — под

девизом «И создал Бог человека, перст взем от земли»). В 1840 М. также был награжден зол. медалью Ученым к-том Мин-ва гос. имуществ за рассуждение «Об изыскании способа улучшения хозяйств. быта поселен.»

В 1845 М. представил в Акад. наук к соисканию Демидов. премии «Политическую экономию» в 2 томах. Академик П. И. Кеплен высоко оценил соч. («Теперь у нас готова явиться своя политическая экономия» — Кеплен, с. 230—31), а М. назвал «самостоятельным мыслителем», рассуждающим о «своем предмете ... с теплою любовью к просвещению» (там же, с. 240); по мнению Кеплена, тр. М. выходит за пределы означенного в загл. содержания: он скорее посвящен науке «о законах хозяйства, общежития» (с. 233). Отметив влияние Сея, Кеплен подчеркивает, что М. относит к ценностям, входящим в состав производства, знания («ценность», по М., «может заключаться в одной мысли, идее, в одном слове», с. 240), в то время как Сей и др. экономисты признают богатством только «вещественное имущество» (там же, прим.). М. не получил Демидов. награду только из-за того, что тр. был представлен им в рукописи (местонахождение не обнаружено).

М. умер от возобновившейся водянки. Современники отмечали кропотл., незлобивость, простоту нрава как природные отличит. черты М. (по восп. сослуживца О. А. Пржевальского, М. был «умный, образованный и очень добрый человек» — РС, 1874, № 12, с. 665; см. также с. 668—69), отличавшийся «невозмутимым спокойствием духа», он жил в строгом согласии между внутренними убеждениями, «чистыми помыслами» и самими поступками (СП, 1856, 13 дек.).

Сын М., Михаил Михайлов (1807 или 1808—1889), кандидат права (служил в МВД в 1830-е — в Мин-ве иностр. дел, секр. Церемониального деп-та, камергер двора), ун-тский приятель А. В. Никитенко, знакомого со всем семейством М. (Никитенко, ук.), оставил краткие восп. «Мелочи из моей памяти» (ИВ, 1838, № 3, 79); ему также принадлежит публикация «Переезд из Англии во Францию» (благодарит, упоминание В. Г. Белинского: Белинский, II, 387; одобрит, рец. Ф. В. Булгарина — СП, 1838, 7 апр.), помещенная в «Собрание из 1838 г., составленном из лит. трудов...» (СПб., 1838), изд. А. Ф. Вейсманом; с ним М. общался в 1820—30-е гг. (см.: РС, 1901, № 2, с. 385; РИ, 1860, 10 апр., с. 306). «Переезд...» — испрительный и живой очерк англ. быта и нар. характера (англ. «фигюра и безответность», «мелкохолодский покров, х-рмы облепены ... облепств. умселенна» англитич и т. п. — с. 60, 61).

Изд.: Полта-радинцева, 1935.

Лит.: Кеплен П. И., Разбор соч. д. стат. сов. М. «Влиян. экономии». — В кн.: Четырнадцатое присуждение уречья. П. И. Демидовым награжд., СПб., 1845; Чирнышевский, т. 4, с. 492, и след. — Некролог: СП, 1856, 13 дек. (В. Я. Фукс); Гениан; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Смирнов-Соколовский.

Архивы: РГА, ф. 1343, оп. 25, д. 4630 (ф. с. 1830 г.) (справка С. И. Вареховой, Е. Ю. Нещименко, Л. М. Шенельва).

МИХАЙЛОВ Михаил Ларнонович (Илларионович) 4(16)* или 3(15).1. 1829, Уфа* — 2(14).8.1865, рудник Калая, Забайкал. обл.; похоронен близ Кадан], поэт, переводчик, прозаик, публицист; реж. деятель. Дед М., крепостной родственник С. Т. Аксакова (упоминается в его «Семейной хронике»), умер, по словам

М., «не вынес позора от ... незаслуженного телесного наказания» [Лемке (3), с. 107; нек-рые уточнения см.: Гудков, Гудкова, 1988]. Отец — чиновник из вольноотпущенных, губ. казначей в Оренбург. казенной палате (находилась в Уфе, см.: Хазиев, 1984, с. 80—81), дослужился до дворян. звания (к кон. жизни — надв. сов.); мать — кирг. княжна, дочь ген.-лейт. В. Е. Уракова. В раннем детстве М., родившийся полуслепым, перенес операцию на веках (отсюда сильная близорукость и полуопущенные веки, составлявшие наряду с «киргизскими» чертами характерные приметы его внешности). В 1835 семья М. переехала в пос. Илецкая Защита, где отец служил в Соляном правлении и в 1841 стал управляющим промыслом. М. получил хор. домашнее образование (одним из его учителей был сельный поляк), овладел неск. иностр. яз.; по сведениям П. В. Быкова (в изд. М., 1913, т. 1, с. VIII), «на десятом году» поступил в Уфимскую г-зию, но курса не кончил [арх. данные об учебе не обнаружены (сообщено В. Г. Хазиевым)]; возможно, получил аттестат, сдав экзамены экстерном, см.: Хазиев, 1981, 1984; ср. ст. М. Г. Рахимулова в изд. М., 1989, с. 9]. Раю начал писать стихи и прозу. В 1845 послал в «Иллюстрацию» пер. ром. А. Карра, к-рый не был напечатан. Первые опубли. стих.:

«Ее он безмолвно, но страстно любил» и «Сосна и пальма (Из Гейне)» (оба — «Илл.», 1845, № 11).

Осиротев (мать ум. в 1841, отец — в 1845), М. с братьями и сестрой переехал к родственникам в Уфу. В 1846 отправился в Петербург, где, не выдержав вступит. ун-тских экзаменов, поступил на ист.-фил. ф-т ун-та вольнослушателем; здесь он познакомился с Н. Г. Чернышевским, стал первым из его ун-тских друзей. Чернышевский отзывался о М. как о «чрезвычайно убойной голове...»: «я с ним гораздо более откровенен, нежели с другими. Не любить его нельзя, потому что у него слишком доброе сердце... чем больше я стал узнавать его, тем более стал любить» (письмо родным, дек. 1846, февр. 1847 — XIV, 83, 110). В круту лит. увлеченный М. — статьи В. Г. Белинского, «в высшей степени замечательного человека» (письмо М. к В. Р. Зотову, 11 июля 1848 — ЛА, VI, 154), оказавшие значит. влияние на его духовное становление.

Во 2-й пол. 40-х гг. М. тесно сотрудничает со мн. столичными периодич. изд. — его стихи, пер. и очерки печатаются в «Иллюстрация» (1845—48), «Бе-ке для чтения» (1846—47). Сблизившись с В. Р. Зотовым, всячески поощрявшим его публикации (см. письмо М. к нему, 1847—48 — ЛА, VI, 129—60), помещал значит. число своих произв. в его «Лит. газ.» (1847—49). По восп. Зотова, М. «с первого появления в круту литературной петербургской молодежи ... приобрел ее любовь и всеобщую симпатию. Добродушный, восторженный, увлекающийся, он всегда был готов жертвовать собою ради других, для тех идей, которые он считал справедливыми и гуманными» (Зотов, с. 294—95). Однако напряженная лит. деятельность не принесла материального достатка, и в февр. 1848 «по расстройству ... деловых дел» (Пылин, 1910, с. 70) М., оставив ун-т, вынужден был уехать в Н. Новгород, где поступил на службу в Соляное правление (до 1852; вышел в отставку в чине губ. секр.). Тяготая провинци. жизнью и службой, не прекращая лит. занятий. Круг его лит. интересов расширился: продолжал переводить (осуществил в т. ч. полный пер. «Фауста» И. В. Гёте (не сохр.) и др.), он обратился к прозе, пробовал силы в драматургии (сатирич. комедия «Тетушка», 1849, опубл.; РСЯ, 1860, № 1), занимался библиографией, собирал фольклор. В 1849 предложил свое сотрудничество М. П. Погодину (письмо к нему — Барсуков, X, 346), публиковался в «Москвитяине» (1849—1852). В 1850 его посетил проездом А. Н. Пылин и Чернышевский; последний пытался помочь М. вернуться в Петербург, но хлопоты оказа-

лись безуспешными (см.: ЛА, VI, 141—42).

В 1845—51 М. выступал гл. обр. как поэт. Начав писать в романтич. духе, он после переезда в столицу примыкает к демокр. направлению (ср. иронию над прежними романтич. настроениями, условным поэтич. пейзажем в стих. «Если б я врасно встретил...», 1847: «... во мгле туманно-бледный/ Лик луны и листьев шелот...»). В стих. «Надя», «Груня», «Хорошая партия» (1847), «Кабак» (опубл. без загл.: ЛГ, 1848, № 17), «Встреча» (1848) — характерны для нового направления темы, герои (страдания людей из народа, судьба падшей женщины, безрадостная любовь бедняка разночинца); вводятся конкретные бытовые детали, социально дифференцированная разговорная речь, просторечная лексика, диалектизмы. Специфичны используемые жанры: социальная сатира, сохранившая следы куплетной традиции («Помешки», опубл. под псевд. загл. «Охотник», ЛГ, 1847, № 19), стихотв. очерк, рассказ из нар. жизни. В то же время в его раннем творчестве значит. место занимали антологич. поэзия и чистая лирика: «Антологические стихотворения» (ЛГ, 1848, № 20), публ. 1849—51 в «Москв.» (стих. «Облака», «Простая история»), по поэтике близкие к лирике раннего А. А. Фета, Я. П. Полонского. Стихотв. пер. еще не отделялся четко от ориг. поэзии: переводные стихи печатались попеременно с оригинальными, принципиального различия между ними М. не делал. Переводил (без особого отбора) нем., франц., древнегреч.. реже англ. стих.; однако уже наметились поэты, к к-рым он позднее постоянно обращался, — Г. Гейне и Гёте.

Известность в нач. 50-х гг. М. приобрел как прозаик, автор пов. «Адам Адамыч» («Москв.», 1851, № 18—20), в к-рой выступил продолжателем традиций реализма 40-х гг. (во второй ред. посвятит ее И. С. Тургеневу, чье влияние ощутило в повести). Незамысловатая история гувернера-немца, сентимент. идеалиста (прототипом послужил воспитатель М. в дет. годы), ставшего жертвой пошлости и грубости нравов провинци. среды, вызвала полярные критич. оценки.

Озабоченно встреченная «Современником» («здорование несомненное» — (И. И. Панаев), 1851, № 12, отз. б. с. 152—53) и «Отч. зап.» (1851, № 12), пов. подверглась критич. разборам в «Москвитяине». Отмечая нек-рые параллели в таланте М. и художника П. А. Флората («Москв.», 1851, № 21, с. 79, б. п.), сотрудники ж-ла все же склонялись к мнению А. А. Григорьева, осуждавшего М. за «копировку всех без разбора явлений действительности» (там же, 1852, № 3, с. 108; ср. суждения о «неспособности» пов. — Барсуков, XI, 407). В. И. Даль, знавший М. и рекомендовавший его Погодину, назвал пов. «третью» (там же, 406). Сложные выражения — а отзыве самого Погодина («Дос-

тонства несомненьные, но грязновато. Сюжета заднего двора. Грустно» — цит. по изд. М., 1965, с. 5), отразившим его отношение к «направлению сатирическому, изображающему, как отмечалось в ред. прим. к «Сатирич. сценам» М. «Нюношка» («Москв.», 1851, № 13, с. 65), «жизнь действительную, в ее уклонениях, болезнях, недостатках» (публикации М. объяснялись в этом прим. уступкой читат. вкусам).

Оставив службу в февр. 1852 (в отставке с июля того же года), М. вернулся в Петербург и стал сотрудничать в «Современнике» (до 1865), печатался также в изд. А. А. Краевского — «Отч. зап.» (до 1857) и «С.-Петерб. вед.» (1852—53); неск. позднее (с 1854) — исключит. сотрудник «Б-ки для чтения» А. В. Старчевского. Возобновляются его дружеские отношения и переписка с Чернышевским. В числе знакомых М. — почти все заметные петерб. литераторы: Полонский (близкий друг М.), А. Н. Майков, Н. В. Гербель, Н. Ф. Шергина, Л. А. Мей; нек-рые из них — Тургенев, Д. В. Григорович, А. В. Дружинин — принимали участие в его лит. судьбе (так, Тургенев в 1855 улаживал его конфликт с Краевским, см.: Дикман, Левин, 1960, с. 208—10). В 1853 состоялось знакомство М. с Н. В. Шелгуновым, перешедшее в тесную дружбу, к-рой не могла поколебать возникшая в дальнейшем взаимная любовь М. и Л. П. Шелгуновой.

Детальный участие лит. петерб. жизни, восторженность Е. А. Штакеншнейдер и др. лит. собраний, М. при первом знакомстве привлекал внимание гл. обр. оригинальностью ларужности: «маленькие, узкие, вкось, как у киргиза, разрезанные глаза и бледно-сизый цвет лица несли что-то восточно-степное, ориентальское»; «ирриподитные и загнутые зубы бровей», губы «зо того аркого цвета, что итали просят в глаза» (Шелгунов и др., I, 111—12; Папаева, с. 195). Одновременно мизантропы отмечали свойственное ему «природное изящество», «успокаивающую кротость и мягкость», «легкость и живость в общении: по словам Шелгуновой, «остроумие, привлекательные и интересные Михайлова ничего быть не могло» (Шелгунов и др., I, 111—12; П. 60). Отличавшийся «порядочной долей ледкомиссии» (там же, I, 112), М. слыл «впечатлителем женских сердец» (Папаева, с. 195; ср.: Боромкина, II, 320); не оставшая чуждым он многим сесткам увлеченным столиц. кругов, ср. свидетельство о его интересе к френологии (Штакеншнейдер, с. 111).

После 1852 М. перестал публиковать ориг. стихи, хотя продолжал писать их (б. ч. утрачена) и отдавал в печать лишь прозаич. произв. и переводы. Шелгунов вспоминал, что, когда они познакомились, М. «считал себя беллетристом и, кажется, мало ценил себя как переводчика и знатока иностранной литературы» (Шелгунов и др., I, 110). В рассказах «Он. Дневник уездной барышни», «Поэт», «Сынок и маменька» (все 1852), позднее объединенных вместе с нек-рыми другими в сб. «В провинции» (т. 1, СПб., 1859—60), он с горечью и грустью рисует обыват. рутину, духовное убожество серой будничной провинци. жизни. Обратившись к показу скудного бытиями

бытия мелких гор, чиновников, их маленьких радостей и печалей, нездурного внутр. мира (рассказ «Скромная доля», 1852), изображая разношерстный гор. люд (очерк «Кухмистерша», 1853), М. становится признанным бытописателем этой среды. Как отмечалось в печати, «нижний класс городского населения ... никто не умеет так хорошо рисовать, как г. Михайлов» (ОЗ, 1853, № 1, отд. 4, с. 20).

В центре пов. «Кружевница» (1852; отрывок: «Москва», 1852, № 11; отрыв. Л. Н. Толстого: «мечта хороша, особенно по чистоте русского языка» — XLV, 125) — противопоставление моральной чистоты молодой услужливой девушке (образ ее несколько идеализирован) распушенности и эгоизму соблазненного ее «защего барина». Трагична участь золотойшейки, сплывшей от непосильного напряжения («Голубые глазки», 1855). Трателем поэтический образ молодой калочки (автобиогр. рассказ «Уленька», 1857), чьи порывы к чему-то светлому, настоящему обрываются полной безнадородностью, покорностью деспотич. семье.

Нек-рая приглушенность повествования, зачастую лишь намеченность психол. рисунка сочетаются в этих прозв. с точностью деталей, мягким и грустным юмором, за к-рым скрывается сочувствие автора к героям, заданным обстоятельствами (ср. мнение П. В. Быкова, сблизившего юмор М. с чеховским. — в изд. СПб., 1913, т. 1, с. XVI). Чутко отзываясь на веяния времени, М. обращается к новым героям-разночинцам, пытается проследить их эволюцию — от драматич. крушения надежд на возможность изменения убогой окружающей среды (ром. «Марья Ивановна», ОЗ, 1853, № 6—8; одобрит. отзыв Чернышевского — СПбВед, 1853, 10 нояб., б. п.) до постепенного преодоления безволия и созерцательности, до осознания необходимости перенести свои субъективные романт. переживания на «все, что просит любви и деятельного сердечного участия» (пов. «Шголев», БлЧ, 1855, № 2; указ. строки добавлены во 2-й ред. — в сб. «В провинции», ч. 2, 1860). Иск-ву и быту провинци. актерской труппы посвящен ром. «Перелетные птицы» (ОЗ, 1854, № 9—12; сдержанно-одобрит. отклики: (И. И. Панаев), «Совр.», 1855, № 1; БлЧ, 1854, № 11; 1855, № 1—2), в героях к-рого современники узнавали пл. персонажей нижегород. театр. сцены (Боборыкин, II, 519; Гациский А. С., Нижегород. т-р (1798—1867), Н. Новгорода, с. 11). Успех имели очерки «Святки» (ОЗ, 1853, № 3; отд. изд. — СПб., 1854; единодушно одобрит. рец. 1854: «Совр.», № 1; БлЧ, № 1; ОЗ, № 2), по отзыву Зотова, — «один из самых грациозных рассказов, которые нам случалось читать на русском языке» (цит. по изд.: М., 1913, т. I, с. XV). Окружающий мир, с картинами патриарх. помещичьего быта, оваянного поэзией нар. обрядов и поверий, песен,

преданий, всех этих «чудных видений туманного, сказочного зра» (цит. по изд.: М., 1991, с. 201), предстает в очерках преломленным через сознание ребенка.

Образится М. и к непосредств. изображению крест. жизни, однако недостаточное знакомство с нею сказалось и в рассказе «Ау» (БлЧ, 1855, № 8), и в рассказе «Африкан» («Совр.», 1855, № 7), вызвавших критику Н. А. Добролюбова (VI, 30); в последнем М. рисует тип крестьянина с особые душевным складом, с тязой к странничеству, пытается воссоздать его религ. искания, что роנית это проит. с «Кашаном с Красивой Мечи» Тургенева.

Важный момент в духовном становлении М. — поездка 1856—57 в Оренбург. губ. и на Урал по командировке Мор. мин-ва для «исследования быта жителей, занимающихся морским делом и рыболовством» (т. н. «лит. экспедиция», в к-рой участвовали также С. В. Максимов, А. Н. Островский, А. Ф. Писемский и др.; о М. см. подборку док-тов в публ. Ю. Д. Левина — в кн.: Из истории рус. фольклористики, в. 3, Л., 1990).

В ходе ее М. изучал быт и экономику, положение местного населения, обычаи, верования, нар. творчество (для записи нек-рых текстов специально «изучил татар. яз.», см. там же, с. 75), особенно интересовался массовыми движениями — башикирскими бунтами, восстанием Пугачева. Свои впечатления, в т. ч. от беспорядочного положения местных жителей, он изложил в обширных ист.-этногр. трудах («Очерки Башкирии» и «От Уральска до Гурьска»), к-рые не попали в печать, за искл. небольшой ст. «Уральские очерки» («Морской сб.», 1859, № 9) (в дальнейшем все собранные мат-лы были натыты при аресте М. в 1861 и, вероятно, погибли в III отд.).

Поездка дала ему «и опыт, и встречи с людьми, и ближайшее изучение Руси» (письмо Полонскому, 7 июля 1857 — в кн.: Шестидесятые годы, с. 446). После возвращения с новой энергией принимается за лит. труд. Его лит. симпатии в это время достаточно разнообразны, обществ.-полит. взгляды окончательно не определились.

Летом 1857 ехал в Москву, возможно, в связи с приглашением Г. А. Кушелева-Безбородко сотрудничать в организованном ж-ле «Рус. слово» и редактировать его (впоследствии публ. М. пожелался в ж-ле в 1859—60, в осн. при редактировании Полонским, до перехода «Рус. слова» под руководство Г. Е. Благовестникова). Получил предложение М. Н. Каткова о непосредств. участии в «Рус. вест.» (гас печатался в 1856—59), но, несмотря на свое вождел. отношение («душа у меня всегда будет лежать к „Рус. вестнику“ из всех журналов наших» — в кн.: Шестидесятые годы, с. 445), работать в нем не стал. С энтузиазмом относился к попыткам организации др. новых периодик. изд., в т. ч. к замыслу Дружинина и Толстого выпустить журнал, до мн. направленный против «Современника» (см. письмо Дружинина, 1858, в кн.: Толстой, Переписка, I, 272—73). Позднее безуспешно пытался основать собственное изд. «с благодушием и определенным направлением» (письмо Шелгунову, июль 1859 — Шелгунову в др. I, 118).

В июле 1858 — апр. 1859 вместе с Шелгуновыми М. посетил Францию (Париж, Трувилль, города Нормандии) и Англию. В Лондоне (февр. 1859) познакомился с А. И. Герценом и Н. П. Огаревым. Публиковавшиеся в «Современнике» «Парижские письма» (1858, № 9—12; 1859, № 2) и

«Лондонские заметки» (1859, № 6—9) принесли М. известность как публицисту. В них он знакомил рус. читателей с нац. культурой и бытом стран Зап. Европы, их деятелями (рассказывал, в частности, о встрече с франц. поэтом-песенником Э. Потье), писал об успехах в пром. развитии и торговле, но и — об углублении социального неравенства, росте нищеты, затрагивал полит. проблемы (обличал «мрак» реакции, стгушающийся над Францией Наполеона III).

По возвращении вошел в состав редакции «Современника», где вел отдел иностр. лит-ры. В критич. ст., печатавшихся также в «Рус. слове», пропагандировал демокр. лит-ру (творчество П. Ж. Беранже, В. Гюго, Потье, Т. Гуза, Дж. Элиот, Н. Готорна и Г. Лонгфелло), выступал против энтологического романтизма и натуралистич. «мелочной копировки» жизни; рецензировал изд. переводных произв. и сборники поэтов-переводчиков. Тогда же он стал редактором отдела словесных наук в «Энци. словаре» П. Л. Лаврова, где опубликовал ок. 70 своих статей (библи. перечень — Егоров, с. 103—04; атрибуцию М. нек-рых ст. в 4-м томе «Словаря», опубли. после его ареста, см.: Володин А. И., Итенберг Б. С., Лавров, М., 1981, с. 95). Продолжая публицистич. выступления, осн. внимание уделял жем. эмансипации, требовал в ряде ст. («Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе», «Совр.», 1860, № 4, 5, 8; и др.) доступа женщин к высшему образованию и всем родам обществ. деятельности, уравниения с мужчинами во всех гражд. правах и обязанностях. Перестройке семейных отношений в этом направлении придавал принцип, значение как «спасению от нравственной шаткости, которую, как старческоею немощью, болело современное общество» (изд. 1958: III, 375), расходясь, в частности, с Чернышевским, оценивающим проблему эмансипации как второстепенную. Статьи М. произвели «в русских умах землетрясение», автор их был «провозглашен творцом женского вопроса» (Шелгунов и др., I, 121). Столь же бурную реакцию вызвали и последующие выступления, напр., ст. в «С.-Петерб. вед.» (1861, 3 марта), инициировавшие полемику о т. н. «безобразном поступке „Века“» (см. в ст. П. И. Вейнберга).

Пробовавший свои силы в самых разнообразных лит. жанрах и областях знания, М. в историю рус. лит-ры 19 в. вошел гл. обр. как поэт-переводчик. Стихотв. перевод стал основой его лит. деятельности в период творч. зрелости (1855—61).

Осн. внимание он уделяет Гейне, считая, что «отголоски песни Гейне слышатся везде в современной лирике», издает «Послн Гейне» (СПб.,

1858; одобрит. рев.: М. А. Добролюбов, «Совр.», 1858, № 5; П. И. Вейнберг, БЧ, 1858, № 7; критик: А. Ф. Визерт, «Атеней», 1858, № 29). Добролюбов считал, что М. «лучше всех дружию передавал силу впечатлений, оставленного в читателе стихами Гейне» (II, 489). Позднее А. А. Блок в докладе «Гейне в России» (1919) утверждал, что М. «до сих пор по качеству своих переводов не превзойден никем»: «большая часть из них — настоящие перлы поэзии» (VI, 113, 119). Переводил М. и прозу Гейне, публиковал заметки о его жизни и творчестве (БЧ, 1858, № 6, 7) — первую на рус. яз. биографию поэта. Действительно участвовал в предпринятом Гербелем изд. Шиллера, много переводил Гете, а также Р. Бернка, Дж. Байрона, Т. Гуза, А. Шаниссо, Н. Ленау, Ф. Фрейлигера, Ш. Петефи (первый в России) и др. Из А. Тенисона, Л. Уолла и др. М. избирал стих. в духе нар. поэзии. В 1860 начал публиковать пер. из поэт. вост. В 1860 перевел стихи Т. Г. Шевченко, с к-рым был знаком.

Теоретик и практик перевода, М. требовал от переводчика как проникновения «внутром постижения», так и овладения формой в ее новом языковом воплощении, «чувствия» ее рус. языка. Собств. его переводы отличаются точностью передачи оригинала, умелое нахождение формы, соответственной при выборе стихотв. формы, порой с легкой экспериментацией с ней (стих Гейне «Северное море»; отсутствует от оригинала обычно свидетельствуют о поиске адекватных средств для передачи эмот. значения стих. («Гренадер» Гейне). Ист. и жанровые различия переводческой поэзии определили богатство перевод. наследия М. Вместе с тем его пер. из разных поэт., при всем их соответствии оригиналу, нередко отмечены общностью эмот. настроения: тихой, немного сентимент. природы, несбыточной задушевной простотой и напевностью — своеобразным «михайловским калитроном» (ср. Якубович), особой поэтик. интонацией, к-рой почти не проводилась в его ориг. творчестве, типичным к гражданственности.

В «Современнике» и «Рус. слове» кон. 50-х гг. продолжилась лит.-критич. деятельность М., начавшаяся в 1852. Его ст. посвящены филологич. проблемам (текстологии — рев. на «Соч.» М. Ю. Лермонтова, изд. С. С. Дудышкиным, РСЛ, 1860, № 5; «Заметка о Лермонтове», «Совр.», 1861, № 2; и др.), текущему лит. процессу. В понимании характера и задач лит. критики М. ориентируется на Белинского — «идеал критического дарования», органично соединивший в своем анализе «обществ.» и «эстетич.» стороны критики. Пинертрофирование одной из этих сторон (поборниками «чистого искусства» или сторонниками обществ. его значения) привело, по М., к «безобразным и смешным крайностям» (см.: изд. 1958, III, 101). Выдвигаемая М. теория «автономности» иск-ва, акцентирование принципа «художественности» сближали его подход с «органич. критикой» Ап. Григорьева и обусловили отличие, при сходстве теоретич. посылок, от позиции Добролюбова (см.: Егоров, с. 92—94), в т. ч. расхождение и по конкретным вопросам, напр. в оценке драмы Писемского «Горькая судьбина», резко критиковавшей Добролюбовым и положительно воспринятой М. (РСЛ, 1860, № 2).

Расхождение М. с Чернышевским и Добролюбовым не затрагивали обществ.-полит. сферы, где их взгляды совпадали. К 1860 М. сформировался как демократ-просветитель, со-

циалист и революционер, чей идеал — «уравнение прав и отношений капиталиста и работника, богатого и бедного», создание такого положения, «когда результат производства составляет собственность трудившегося» («Совр.», 1861, № 5, Совр. обзор., с. 2, 23). Начиная с этого времени М. вел конспиративную работу. Через брата Шелгунова Е. П. Михайлов связался с революционно настроенным студенчеством, участвовал в обсуждении манифеста 1861 об освобождении крестьян (ср. свидетельство современника о радикализме М., осуждавшего манифест «сильнее и зловетнее всех... тон и содержание его протестов показывать, что этот человек уже „сжег свои корабли“» — Боборыкин, I, 234; ср.: II, 521). Организовал печатные прокламации Чернышевского «Барским крестьянам...», возможно, помогал Шелгунову в написании прокламации «Русским солдатам» и «К молодому поколению», призывавших к восстанию против самодержавия (степень соавторства М. остается спорной), обеспечил издание первой из них. В апр. 1861 вновь выехал с Шелгуновыми за границу (Германия), в июне прибыл в Лондон, куда доставил рукоп. «К молодому поколению»; отпечатанные в типографии Гершена 600 экз. тайно провез в Россию. В кон. лета 1861 поддерживает тесные контакты с вернувшимся в Петербург Добролюбовым (см.: Левин, 1961). В нач. сентября у М., попавшего в поле зрения III отд., производится обыск, не давший результатов, вслед за чем он вместе с Михайловым и А. А. Серно-Соловьевичем распространил привезенную прокламацию. Выданный В. Д. Костомаровым, арестован 14 сент. 1861, заключен в Петропавлов. крепость. На суде принял всю вину на себя, приговорен [за участие в написании и распространении «злостышл. сочинения... которое имело целью возбудить бунт против верховной власти. для потрясения осн. учреждений гос-ва» — Лемке (3), с. 130—31] к 12 с половиной годам каторги и пожизн. поселению в Сибири; по высочайшему повелению Александра II срок каторги был уменьшен до 6 лет, 14 дек. 1861 над М. был совершен обряд гражд. казни, после чего его в кандалах отправили в Сибирь. Арест и осуждение М., ставшее первым полит. процессом 60-х гг., вызвали широкий отклик в среде рус. интеллигенции: «процесс его стал личным делом всякого» (Шелгунов и др., I, 241). В Лондоне вышло спец. приб. к «Колоколу» (15 янв. 1862) под загл. «Михайлов и студенческое дело».

По прибытии в Забайкалье М. был неофициально освобожден от каторжных работ и жил на Казаков-

ском приiske у своего брата, П. Л. Михайлова, горного инженера. Много писал и переводил, основал школу для местных детей. В авг. 1862 к нему приехали Шелгуновы, но, заподозренные в намерении организовать побег М., они в сент. были арестованы, а М. перевели в Казань, селение у кит. границы. Здесь с авг. 1864 он год жил вместе с Чернышевским.

Начиная с 1860, а затем в годы тюрьмы и ссылки творчество М. посвящено в осн. задачам рев. пропаганды. Сознывая себя наследником декабрист. традиции, М. воспринимал темы, характерные для декабрист. поэзии (повтород. вольница, борьба республиканцев Др. Рима и др.). К декабристам обращено стих. «Пятеро» («Над вашими телами наругавшись...», 1862) — ораторское «слово», развивающее тему подлинной и мнимой славы. Гражд. патетика отличается обращениями к молодежи (стих., зовущие к полит. борьбе («Памяти Добролюбова», «Крепко, дружно вас в объятья», 1861, «И за стеной тюрьмы — тюремное молчанье», 1863?). Стих. «О сердце скорбное народа!» (1861?), осуждавшее крест. реформу («Дар царский — подкуп и обман»), призывавшее к восстанию: «Восстань из рабства векового, / Восстань свободен и велик!». Учитывая задачу воздействия на широкую демокр. аудиторию, М. стремился к логич. ясности, конкретности и простоте стихотв. речи, вводил в нее лексику рев.-демокр. публицистики, использует фразеологию и обобщенные образы-символы рев. поэзии 60-х гг.

Еще до ареста М. нередко использовал стихотв. перевод как средство пропаганды передовых идей. Так, он перевел ряд полит. острок. стих. Гейне, «Белое покрывало» М. Гарзиани и др. Заулавливая вытупление против крепостничества было опубликовано пер. «Песен о невольничестве» Г. Лонгфелло («Совр.», 1861, № 3, исп. загл. «Песни о нестрах»). Пропандеистские цели возобладали после ареста. Рассчитывая, что хотя бы часть переведенного дойдет до читателей, М. переводил в заключении связанные с социальной и рев. тематикой стих. Гейне, П. Ж. Беранже, А. Минквеша, Г. Гервега, А. Мейснера, К. Рюгаса и др. Извещ. восстания против тирании проникнул пер. последней сцены трагедии Эсхила «Скованный Прометей», к-рый удалось опубликовать («Совр.», 1861, № 1—2; см.: Алексеев В. А., К истории ж-на «Современник». — Уч. зап. ЛГУ, 1955, № 200).

Ряд переводных стих. этого времени посвящен теме неволи, изгнания, заточения. В последние годы жизни М. вновь обращается к интимной лирике. В стих., посвященных Шелгуновой, — мотивы «всевоскресающей любви», поддерживающей в изгнании неразрывной связи личного и общечеловеческого («Зарю обновления / В моей ночи взошла любовь твоя», «Всегда, везде ты, друг, со мной»). В стих. «Долгий пышной шли мы рядом» развертывание аллегорич. образа (река-разлучница) со-

оттеснено с нарастанием чувства горечи от утраты любимой.

Наиб. значительным прозаич. произв. М. 60-х гг. стали «Записки» (1852, опубл. в 1906), охватывающие период от ареста до прибытия на Казанковский прииск (март 1862). Конкретность их адресата (восп. обращены к Шелгуновой) придает оттенок исповедальности подробному повествованию о совсем недавних событиях, зафиксированных М. с почти протокольной точностью (что подтверждается при сопоставлении с мат-лами следствия и процесса). Описывая путь в Сибирь, М. рассказывает о встречах с полит. ссыльными (Д. И. Завалишным, Ф. Н. Львовым, М. В. Петрашевским), каторжниками, переселенцами — новым окружением, в к-ром он всматривается с напряженным вниманием. Лаконозность и безыскусственность повествования отличают инкл. «Сибирских очерков» («Дело», 1867, № 7—9) о судьбах людей из народа, причинах, приведших их на каторгу, нестерпимости тяги к «воле» (очерк «Кукушка», посв. беглым каторжникам).

В 1862—64(?) М. работал над автобиогр. роч. «Вместе»; начатый почти за год до «Что делать?» Чернышевского, он повествует о судьбах «новых людей»-революционеров, их понимании любви, этич. принципах. После посмертной публ. четырех гл. («Дело», 1870, № 1) б. ч. романа была изъята цензурой и, по-видимому, уничтожена (см.: Коган Г., Судьба «неоконченного» романа М. о «новых людях» — ВЛ, 1962, № 1; Левин, 1965). В 1865 М. закончил работу над науч.-популяр. очерками «За пределами истории. (За миллионы лет)» («Дело», 1869, № 3—4) — полубеллетристич. рассказы о самых ранних этапах развития человечества; по-видимому, это последнее его прозаич. произв.

М. умер от чахотки, осложненной органич. перерождением почек [Лемке (3), с. 149]. Сообщение о его смерти появилось в «Колоколе» (1865, 1 окт., л. 205) под заголовком «Убили».

Изд.: Стих., Б., 1862: Собр. стих., СПб., 1890; Женщины, их воспитание и значение в семье и об-в., СПб., 1903; Полн. собр. соч., под ред. с критико-биогр. очерком и библиографией П. В. Быхова, т. 1—4, СПб., 1913—14 (изд. не завершено); Полн. собр. стих., М., 1934 (биогр. очерк и комм. Н. С. Алупкина); Собр. соч. в 5 т. Под общ. ред. М. В. Нечетной, т. 1, Чкалов, 1951 (вступ. ст. и прим. П. С. Фадеева; изд. прекращено); Соч., т. 1—3, М., 1958 (вступ. ст. М. И. Дикман и Ю. Д. Левина); Адам Адамич. Пов. и рассказы, М., 1963 (вступ. ст. М. И. Дикман и Ю. Д. Левина); Сибир. стих., 2-е изд., Л., 1969 (ВПБ; подг. текста, вступ. ст. и комм. Ю. Д. Левина); Избранное, М., 1979 (вступ. ст., подг. текста Г. Г. Елизаретовой); «По своей воле...», пов. и рассказы, Уфа, 1984 (вступ. ст. М. Рахимкулова); Адам Адамич и другие. Избр. произв., М., 1991 (вступ. ст. Г. Г. Елизаретовой); Записки, в кн.: Шелгунов и др., т. 2 (прилож.: письма к Шелгуновой); Рус. писатели о переводе. XVIII—XX вв., Л., 1960;

Письма: В. Р. Зотову, 1847—58, А. В. Старчевскому, 1854—55, В. П. Гаврыко, В. П. Печатинову, Я. П. Полоноскому, Г. А. Кушелеву-Безбородко, М. Н. Лонгинову, К. Н. Вестуеви-Рюмину, П. Л. Лаврову — ЛА, т. 6 (здесь же — автобиогр. справка М.); публ. Л. П. Ключковой, Ю. Д. Левина; Н. В. Гербулю — в кн.: Ист.-лит. сб., посв. В. И. Срезневскому, Л., 1924; РЛ, 1984, № 3, с. 176—78 (письмо 1863 г.); публ. В. Н. Сакина, М. Д. Эльзона; А. В. Дружинину — в кн.: Письма к А. В. Дружинину, М., 1948; В. Д. Косточарову — в кн.: Лемке (3); П. Л. Лаврову — «Кн. и революция», 1922, № 6, ЛН, т. 7—8; Н. А. Некрасову — в кн.: Персицкая Н. А. Некрасова, т. 1, М., 1987 (вступ. заметка и сост. В. А. Викторича); М. П. Потанину — в кн.: Барсуков, т. 10—12; Я. П. Полоноскому — 1855—62, в кн.: Шестидесятые гг., М., 1940; Письма М., из лит. экспедиции 1856—57 гг. — в кн.: Из истории рус. фольклористики, в 3 т., 1990 (деловая переписка, док-ты, связанные с экспедицией; публ. Ю. Д. Левина).

Лит.: Герцик Добролюбов; Чернышевский; Тургенев. Письма; Боборыкин; Дружинин; Панаева; Штаксис-Шнейдер (фасе — ук.); Шелгунов Н. В. Восп. — в кн.: Шелгунов и др., т. 1 (ук.); Шелгунова Л. П., Из далекого прошлого — там же, т. 2; «Колокол» о «воле» М. (брошюра) «На смерть М. Л. Михайлова». Письмо П. Л. Михайлова к Л. П. Шелгуновой о смерти М., Из дневника и восп. о М. и Л. П. Шелгуновой — там же, т. 2; Jastrzębskie Zielonka L., Wspomnienia z Syberji od roku 1863—1869, ser. 1, Lwów, 1886, str. 170—210.

Письма к М.: Азурбах Б., в кн.: Новая писателя инстр. XVIII—XIX вв. из ленин. рукописных собраний, М.—Л., 1960; Гузиковский Т., там же; Некрасов Н. А., в кн.: Некрасовские сб., т. 3, М.—Л., 1960; Плещеев А. Н., в кн.: ЛА, т. 6; Тургенев И. С. — РЛ, 1971, № 1, с. 93; Пашин А. Н., в кн.: Н. Г. Чернышевский. Эстетика, литература, критика, Л., 1979.

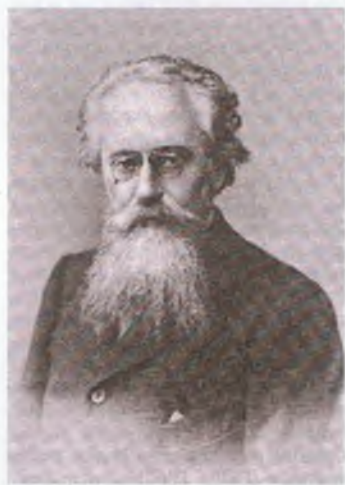
Зотов В. Р., Петербург в 40-х гг. — ИВ, 1890, № 5, с. 294—96; Паппин А. Н. Мои заметки. — ВЕ, 1905, № 2, с. 497—98; № 3, с. 9—21 (отд. изд. — М., 1910); Михайловский В. В., М. Л. Михайлов (к 50-летию его смерти). — ГМ, 1915, № 9; Полоноский Я., Из дневника — ГМ, 1919, № 1—4, с. 103—04, 113—17; Лемке (3); Мещерский Н. М. и его лит. командировка. — «Степные огни», 1941, № 4; Фадеев П. С., Последние годы жизни, борьбы и творчества револ. демократа М. — «Забайкальск», кн. 4, Чита, 1950; его же, М. — революционер, писатель, публицист, М., 1969; Захаркин А. Ф., Новые материалы о полт.-революционере М. — «ИзвОЛЯ», 1953, т. 12, в. 5; его же, Письма к М. — «Уч. зап. МПШ», 1961, т. 160; его же, Рус. поэты второй пол. XIX в., М., 1975, с. 85—119; Салькова Л. А., М. и поэты-петрашевцы. — «Уч. зап. Краснодарского гос. пед. ин-та», 1956, в. 18; Дикман М. И., Левин Ю. Д., И. С. Тургенев и М. — В кн.: И. С. Тургенев (1818—1883—1958). Ст. и мат-лы, Орен., 1960; Его-ров Б. Ф., М.-критик. — «Уч. зап. Тартус. гос. ун-та», в. 104, Тарту, 1961 («Тр. по рус. и слав. филологии», IV) (в прил. — библиографич. указ. критич., науч. и публицистич. статей); Левин Ю. Д., Об отношении Н. А. Добролюбова и М. в 1861 г. — «ИзвОЛЯ», 1961, т. 20, в. 5; его же, Последний роман М. — там же, 1965, т. 24, в. 3; его же, М. и деятель польского нац.-освободит. движения. — В кн.: Из истории русско-слав. лит. связей XIX в., М.—Л., 1963; его же, Издание стих. М. — В кн.: Издание классич. лит-ры. Из опыта «Би-ки поэта», М., 1963; его же, Рус. переводчики XIX в. и развитие худож. перевода, Л., 1985 (глава о М. и по ук.); а т. ч. обширная библиограф. работ о М.-революционере; Хазнев В. Г., О месте рождения писателя-революционера М. — «Сов. архивы», 1981, № 6, с. 62—63; его же, Писатель-революционер М. — уроженец Уфы. — В вкл.: Поэзия и фольклор. Краевед. сб., Уфа, 1984; Гузиков Г. Ф., Гузикова З. И., С. Т. Аксаков. Краевед. очерки, Уфа, 1981, с. 43—44; его же, Незаконч. повесть С. Т. Аксакова «Паташа». Ист.-краевед. комм., Уфа, 1988, с. 12—27 (в т. ч. о деле М.); Рощевская Л. П., «Тобольское дело (М., тобольское об-во и доносчи-

ки)». — В кн.: Полит. ссыльные в Сибирь (XVIII — нач. XX вв.), Новоси., 1983; Формозов А. А., Революционер-шестидесятник М. о первоначальных годах. — «Сов. этнография», 1985, № 6. + Геннад; Брокгауз; Венгеров. Источ.; Мешер; ИЭС; Грант; ДДР; ЛЭ; Смирнов-Сокольский; ВСЭ; СНЭ; КЛЭ; Муратова (1; 3, ук.); Лери. энц.; Шевченко-Славянск. т. 1, Киев, 1978; ИДРДВ; Г. Гейне. Библиография рус. пер. и критич. лит-ры на рус. яз., М., 1958; Житомирская З. В., Н. В. Гете. Библиограф. указ. пер., М., 1972; Лыбан В. А., Американ. лит-ра в рус. пер. и критич. Библиография, М., 1977; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 111; ИРЛИ, ф. 547 (см.: Ключкова Л. П., Рухонис М. — «Биолетени РО ПД», в. 5, М.—Л., 1955).

* Ссылки о месте и дате рождения М., приводимые в лит-ре о нем, разнообразны. П. В. Быхов (в изд. М., 1913, т. 1, с. VII) называл таким местом Илецкую Запугу, В. В. Михайловский — Оренбург (Михайловский, с. 10; это указание повторилось в последующих биографиях и справочной лит-ре, см., напр., КЛЭ); Уфу как место своего рождения указал сам М. в автобиогр. записке (дата рождения — 3 янв., см.: ЛА, VI, 198), что подтверждается анализом копий мск., определенной к фс, отца 1832 г. (дата рождения — 4 янв.; РГАМ, ф. 1343, см.: Хазнев, 1984, с. 80—81, здесь же о причинах ошибок в определении места рождения). Ю. Д. Левин.

МИХАЙЛОВСКИЙ Николай Константинович [15(27).11.1842, г. Мешовск Калуж. губ. — 28.1(10.2).1904, Петербург, похоронен на Литератор. мостках Волкова кладб.], публицист, социолог, критик, обществ. деятель, отец, Конст. Павл. — из дворян Калуж. губ., штабс-капитан, служил окружным

начальником. Мать, Юлия Вас. (урожд. Фишер, по происхожд. немка), умерла в раннем детстве М. Семья, где было пять детей, располагала небольшими средствами; в 1845 переехала из Мешовска в Кострому. В 1852 М. поступил в Костром. г-зию. В 1856, после смерти отца, определен опекунами в Горный ин-т в Петербурге, именован в это время статусом воен. уч. заведения (М. был «своскоштным пансионером»). В мае 1862 за участие в конфликте кадетов с начальством отчислен из ин-та за неск. месяцев до получения звания горного инженер-поручика.

М. шутило писал старшей сестре Елизавете (в замужестве Михайловой), что был огорчен за «чуждостью убеждения», к-рые выразились преимущественно тем, что я носил длинные волосы и замечал их издали» (РГБ, ф. 578, к. 1, № 8, д. 3) — С 1859 глады издавали рукоп. ж-лы с характерными названиями: «Гласность», «Прогресс» (См. альт. в кн. К. Восп. молодости, СПб., 1906, т. VI, VIII); М., занимавшийся сочинительством с гимназии, лет, принимал в них деят. участие.

В стенах ин-та М. написал ст., ставшую первой публ., — «Софья Николаевна Беловодова» («Рассвет», 1860, № 4), по поводу отрывков из ром. «Обрыв» И. А. Гончарова, — о борьбе двух начал в рус. жизни: «спящего и будящего», выразив уверенность, что «воля, ум и чувство» активно влекут личность к «нравств. бессоннице» (X, 371—72, 377).

В 1862 получил небольшое отцовское наследство и стал посещать лекции на юридич. ф-те Петерб. ун-та. Хорошо владел нем. и франц. языками, вскоре увлекся самостоят. изучением лит-ры по философии, социологии и истории культуры. В 1863—1864 устроил (по Чернышевскому) переплетную мастерскую, к-рая быстро поглотила ичмешеные деньги. Работа корректора давала средства лишь для полугодовой жизни: в кон. 1864 М. тяжело заболел, и только пост. поддержка сестры помогла ему преодолеть невзгоды.

В 1864 в петерб. газ. «Русь» и «Якорь» напечатал неск. статей по жен. вопросу. В нач. 1865 познакомился с Н. С. Курочкиным (к-рого считал своим лит. «крестным отцом»), привлечшим его к сотрудничеству в ж. «Книжный вест.», и в 1865—67 начата пост. лит. работа М. (см.: ПСС, X, раздел «Рец. из „Книжного вест.“»). Сильное влияние на М. оказал сотрудник ж-ла ученый-естествовед Н. Д. Ножин (выведен под фам. Бухарцев в очерках «Вперемежку»). Под его руководством М. заинтересовался взаимосвязью биологии и социологии. С критики социал-дарвинизма начался путь М.-социолога. В то же время он испытал воздействие идей П. Ж. Прудона, перевел его «Франц. демократию» (СПб., 1867) и воспринял отрицат. отношение к «классовым» формам борьбы.

После закрытия «Книжного вест.» провел лето 1867 на даче Н. С. Курочкина на Черной речке, где образовалась колония писателей, живших без пост. заработка. Здесь сблизился с Вас. С. Курочкиным, Д. Д. Миняевым, Н. А. Демертом и др. По приглашению П. А. Гайдебурова принял участие в газ. «Гласный суд», где в июле 1867 напечатал два «Лит. обозрения» с критикой социальной теории Г. Спенсера.

Однако газета была на грани закрытия, и осенью М. уехал в имение Михайлов под Костромой — Селище с намерением работать над ром. «Борьба» и обширной социологич.

статей, в к-рой задумал опровергнуть теорию Спенсера, показав различие биологич. и социального прогресса. Зимой 1867/68 вернулся в Петербург с первой частью романа, весной 1868 сообщил сестре: «Приехал сюда, а получил приглашение работать в трех изданиях. Из них от одного („Дело“) я совсем отказался. В „Отеч. зап.“ были напечатаны неск. моих мелких рецензий (в отд. библиографии), теперь я от них отстал. В „Неделе“ я работал месяца два и поругался. Теперь сижу в „Совр. обозр.“, ибо ред. Н. Л. Тиблен решил приобрести ром. „Борьба“, не дожидаясь его окончания» (РГБ, ф. 578, к. 1, № 8, л. 18).

Анонимное сотрудничество М. в ж. «Отеч. зап.» относится к нач. 1868 (впоследствии он датировал свой приход в ж-л дек. 1868, чем ввел в заблуждение биографов и библиографов). М. смущала пошатнувшаяся в то время репутация Н. А. Некрасова (после «оды» в честь гр. М. Н. Муравьева). Однако уже в марте 1868 он написал, что «новые „Отеч. зап.“ обещают быть положительно нашим лучшим журналом» («Неделя», 1868, № 10). Став в это же время ведущим сотр. «Совр. обозр.», М. рассчитывал придать ему разный характер, однако в июле 1868 ж-л прекратил существование (ред. бежал от долгов за границу). Потеряв, т. о., возможность публиковаться здесь ром. «Борьба», М. предложил его «Отеч. зап.» (читал начало ром. в присутствии Некрасова, М. Е. Салтыкова-Шедрина, Г. З. Елисеева и др.), ему посоветовали довести повествование до конца. После некоторых колебаний М. использовал материалы ром. в очерках «Вперемежку» (ОЗ, 1876—77), изображающих настроения рус. демокр. интеллигенции периода «хождения в народ», т. н. каюшихся в дворян (термин М.). Некрасов 15 июля 1869 писал А. А. Краевскому: «... теперь ясно, что это самый даровитый человек из новых, и ему, без сомнения, предстает хорошая будущность. Кроме несомненной талантливости, он человек со сведениями, очень энергичен и работяш» (Некрасов, XI, 147). Сотрудничество М. в «Отеч. зап.» длилось 15 лет; после смерти Некрасова М. стал соредактором Салтыкова-Шедрина и Елисеева.

Брак М. с Марией Елграфовной Павловской (февр. 1869) оказался непрочным, весной 1873 супруги разошлись. Поскольку М. не получил развода, союз с Лиз. Мих. Левинской имел форму брака (дочер. М. усыновила), в 1886 и этот брак распался (с 1891 усыновил, по желанию М., жили с ним: один из них, Мих. Мих. Михайловский (1875—1923), стал актером МХТ, после 1917 эмигрировал).

М. был хорошим собор. среднего роста, с классически правильными чертами лица, сияющего и физическою и духовною красотой, с чрезвычайно умным, пронзительным взглядом, с замечательной наизысканной белозубостью зубов; с безукоризненно изысканным манером; к тому же он «лико ташебал мазуру» и с головы до ног представлял собой чистокровного интеллигента» (См. библиогр. М. А., Лит. восп., М.—Л., 1928, с. 273). Любимая женщ., пользовалась уважением и называл себя «великим гревником». Салтыков-Шедрин ворчал по этому поводу: «Я не понимаю, у него всё родится какое-то, влюбляется!» (письмо М.

к Е. П. Лещковой, сеп. 1883 — РГАЛИ, ф. 280, оп. 1, № 201, л. 112). Увлечение Е. П. Лещковой оставило большой эстетич. след: 130 писем М. (частично опубл.: РБ, 1914, № 1). Близкая дружба связывала М. с А. А. Давыдовой, ред. ж. «Мир болей»; Э. К. Дименовой (см. ее вост. «Лит. мемуары», Л.—М., 1929); М. Н. Спешковой (64 письма М. к ней и листки его итпного дневника за февр. 1899 — РГАЛИ, ф. 462, оп. 1, № 104; ф. 308, оп. 1, № 1). Последнее увлечение Л. П. Боголюбовой отразилось в материале В. Г. Короленко, собранных для лит. портрета М. (РГБ, ф. 135, раздел 1, к. 43, № 12).

Известность М. принесла первая большая работа «Что такое прогресс?» (ОЗ, 1869, № 2, 9, 11). В ней он выступил против тех форм индивидуализма, к-рые подавляют развитие человеческой личности. Статью заметил А. И. Герцен: «сущность хороша», но написано «тяжело» и «ужасным языком» (Герцен, XXX, 64; см. также отзыв Н. П. Огарева — ЛН, т. 39—40, с. 533). П. Л. Лавров в ст. «Формула прогресса г. Михайловского» осудил оценочный характер т. з. М., с к-рой «история остается печальным рассказом о том, как не следовало ей быть» (ОЗ, 1870, № 2, отд. II, с. 236, б. п.). Солидарность с позицией М. неоднократно высказывал Салтыков-Шедрин, 4 авг. 1876 он писал: «... жму Вашу руку, ту самую, к-рая выдвинула вперед вопрос о качественности индивидуализации» (Салтыков-Шедрин, XIX, кн. 1, с. 11). Впоследствии, развив свои мысли, М. «резче и определеннее мотивировал требования субъективизма „борьбою за индивидуальность“, а в пояснение двойств. характера прогресса добавил учение о типах и степенях развития» (I, IV). Теория прогресса получила развитие в ст. «Теория Дарвина и обществ. наука» (1870—73), «Философия истории Луи Блана» (1871), «Что такое счастье?» (1872), «Идеализм, идеолопоклонство и реализм» (1873), шкеле ст. «Борьба за индивидуальность» (1875—76) и др. ст., напечатанных в «Отеч. зап.».

М. придерживался объективного метода в естеств. науках, но признавал неизбежность и необходимость субъективного элемента в изучении социальных явлений. Эволюц. теорию Ч. Дарвина он считал непригодной для социологии, ибо в подходе к делам человеческим помимо категории сущего и необходимого должны учитываться категории должного и желаемого. Обществ. науки обязаны опираться на такие «субъективные» понятия, как «справедливость», «право», «нравственность», «Неделимое» (по терминологии М., высшая ценность) есть человек, полнота его развития. М. выступал против социальной «неоднородности», кастового устройства общества, превращавшего человека в специализир. «орган» с одной обществ. функцией — в «палец от ноги». Был противником разделения на «труд без наслаждения и наслаждение без труда» и считал прогрессом лишь такое раз-

вание общества, к-рое служит «практич. благо» человека, является движимым от сущего к должному. В отличие от естеств. истории, где царят «борьба за существование» и право сильного, в жизни общества высшим принципом выступает закон усложняемых личностей, движение ее к «идеалу совершенства», что диктует «борьбу за индивидуальность». Объективная правда-истина состоит в «фатальном антагонизме» человека и общества. «Чистокровные объективисты» защищают некие «объективные законы», а не права личности. Эту измену человеку М. считал «позорнейшим пятном на умств. жизни XIX в.» (III, 418). Обществ. науки не должны упускать из виду правду-справедливость, т. е. должны защищать интересы человека. В 1899 Короленко так определил гл. смысл выклада ст. «Борьба за индивидуальность»: «„человечность“, постоянный рост человеческой личности, с ее усложняющимися потребностями, материальными и нематериальными» (ПСС, т. 5, СПб., 1914, с. 357). За игнорирование отд. личности и детерминизм М. критиковал философию истории Г. Ф. В. Гегеля. Положительно оценивал экономич. теорию К. Маркса, в частности критику процессов разделения труда, приводящих к духовному и физич. ущемлению рабочего, защищал Маркса «от изощренной и недобросовестной критики» (ст. «Карл Маркс перед судом г-на Ю. Жуковского» — ОЗ, 1877, № 10; вызвала заинтересов. отклик в неоправд. письме Маркса в ред. «Отеч. зап.» — см.: Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 изд., т. 19, с. 116—21). При этом М. отрицал диалектич. метод как научно обоснованный, но претендующий стать «всеразрешающей книжкой» (XO, 1922).

Субъективный метод М. оспаривался с разных сторон: марксистами, народниками-ортодоксами, либералами. Последние в лице Л. З. Словинского (ст. «Мнимая социология» — ВЕ, 1889, № 5) утверждали, что «борьба за индивидуальность» несовместима с социалистич. идеалом. П. Б. Струве, напротив, допускал соединение социалистич. идеала с «индивидуалистич. тенденцией этики» (предисл. к кн.: Бердяев Н. А., Субъективизм и индивидуализм в обществ. философия. Критич. этюд о М., СПб., 1901, с. LIX). В свою очередь М. отрицал «единодержавные объективный метода в социологии», считая его «маской, к-рою люди недобросовестные обманывают других, а добросовестные — самих себя» (III, 9). По поводу преимуществ «науч. объективизма», провозглашенных Струве в кн. «Критич. заметки к вопросу об экономич. развитии России» (1894), М. заметил:

«Совершенно непонятно, как при „классовой борьбе“ возможен объективизм. Субъективный метод и состоит, между прочим, в сознат. приложении и предъявлении определенной т. з.» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 3, № 2). Бердяев критикует М. за то, что у него — «идеал будущего» вместо объективного «научного прогноза будущего» (цитируемое соч., с. 49). М. скептически относился к таким прогнозам, полагая, что история порою дает «задний ход» и в ней «торжествует внезапное исчезновение смысла» (III, 2). В более поздних трудах Бердяев находил, что «правы были Прудон, у нас Герцен и Н. Михайловский, утверждавшие социализм во имя индивидуума, во имя человека» (Бердяев Н., Сутьбы России, М., 1990, с. 254).

Школа М. в дореф. историографии именовалась этико-социологической за самостоятельность этической т. з. в подходе к обществ. явлениям, а его направление внутри народничества — критическим (Д. Н. Овсянко-Куликовский, С. Н. Южаков, Н. С. Русанов, А. И. Красносельский, Е. Е. Колосов, В. М. Чернов, М. Неведомский и др.).

Опорными понятиями для социологии М. были тип и степень развития. Более высокий тип может находиться на низкой степени развития. Такое разделение давало возможность, не идеализируя совр. крест. жизнь, видеть в ней зародыш высшего типа обществ. устройства, позволяющего сохранить однородность общества и разнородность личности — гл. условия прогресса по теории М. Признавая относит. правоту славянофилов, он замечал, что европ. и рус. хоз. уклады — разн. типы, могущие иметь весьма разл. степени развития, причем невысокая степень развития рус. общины не снимает вопроса о более высоком ее типе как формы нар. самоуправления. Кроме того, М. был против насильств. разрушения общины, полагая, что ее судьбу должны решить жизнь и сами крестьяне.

С др. стороны, он считал, что типы развития не замыкаются в наш. рамки, ибо ист. опыт одних народов не проходит бесследно для других. Отдавая приоритет «идее народа», т. е. идее социальной, перед «идеем нации», М. призвал оставить спор о «самобытном» или заимствованном пути развития, а выбирать «наилучший тип, каков бы он ни был в данную минуту — русский или европейский» (III, 762—63).

С кон. 70-х гг. М. начал полемику с народниками почвеннического толка, сплотившимися вокруг газ. «Неделя», к-рые «до такой степени уверены в вековой особенности рус. народа», что «не замечают, как ... рус. община растет» (IV, 619). При этом

защищал Г. И. Успенского от упреков в очернительстве деревни и постоянно преостерегал от «тенденциозного идеализирования» общины, от изображения жизни «только с одних светлых сторон»; представитель оптимистич. т. з. на жизнь рус. деревни, в частности Н. Н. Златовратского, М. причислял к «дистилляторам действительности» (X, 867, 870). В ст. «Вольница и подвигники» (ОЗ, 1877, № 1) он исследовал корни нар. правдоискательства, показывая, что ненависть к настоящему заставляет народ искать «Божью правду», «правду-справедливость», причем этот поиск может быть направлен и в прошлое, и в будущее и поэтому подлежит качеств. оценке социолога.

Ряд теоретич. статей М. посвящен проблемам массовой психологии: «Герои и толпы» (ОЗ, 1882, № 1, 2, 5), «Еще о героях» (РМ, 1891, № 3, 4, 6, 7, 12; без загл., под пост. рубрикой «Лит-ра и жизнь»), «Еще о толпе» (РБ, 1893, № 4—6) и др. Анализируя склонность толпы к бессознат. подражанию героям, М. считал, что коллективному автоматизму поддаются ушербные индивидуальности, готовые подчиняться внеш. власти. Столь же критично он оценивал роль «героев», толкающих толпу на массовые движения (крестовые походы, сектанство, избитые иноверцев и инородцев, стихийные бунты и т. д.). Развитая индивидуальность, по М., руководствуется сознат. выбором и несет «благое иго» или «легкое бремя» собств. решений и решимости.

М. был последовательным противником детерминизма и квинтизма, подчинения сознания бытию. Соприравлением окружающей среде он мерил достоинство человека, выделяя три типа в жизни и в иск-ве: «забитые, разбитые и борющиеся» (II, 604). Личность, так или иначе приспособленная к господств. порядку — в качестве властелина или раба, — располагалась на отрицат. шкале ценностей. И, наоборот, всякий протест против обществ. угнетения «был, есть и будет для мыслящего и чувствующего человека интереснейшим моментом жизни» (VIII, 507). «Я не знаю, доживет ли человечество до счастья, — писал М. в 1895 Русанову, — знаю только, что это неведенье или сомнение не упраздняет обязанности и счастья борьбы» («Былое», 1907, № 7, с. 136).

С 1872 вел в «Отеч. зап.», под разными заголовками и подписями, лит.-обществ. обозрения. Таковы циклы: «Из лит. и журн. заметок» (1872—74), «Из дневника и переписки Ивана Непомнящего» (1874—75), «Записки профана» (1875—77), «Письма о правде и неправде» (1877), «Лит. заметки» (1877, 1879—80), «Записки совре-

менника» (1831—82), «Письма постороннего в ред. „Отеч. зап.“» (1833—84). Постоянно вступал в полемику с консерват. и либеральными органами печати и был популярнейшим публицистом демокр. лагеря. По статистике читательского спроса в 70—80-е гг. «Отеч. зап.» занимали первое-второе место (см. ежегодные «Отчеты Изд. Публ. б-ки», СПб.); о популярности М. свидетельствуют слова В. В. Розанова о том, что «у ног» этого публициста «была вся Россия» (ВЛ. 1989, № 10, с. 164).

В 1879 М. подвергся обыску и был взят под негласный надзор полиции. В 1882—86 жил в ссылке — Выборге и на ст. Любань Новгород. губ. Среди причин высылки было его нелегальное свидание с В. Н. Филлер 15 нояб. 1882 в Харькове (о чем доносил провокатор С. П. Дегаев); непосредств. поводом послужила речь в Технологич. ин-те 27 нояб. 1882 о чести и совести (первый мотив означал пробуждение человеческого достоинства, второй — чувство долга перед народом). По поводу причин высылки Салтыков-Щедрин заметил: «Уж не об динамите и шареубийстве идет речь, а о простом человеческом образе мыслей» (Салтыков-Щедрин, XIX, кн. 2, с. 175).

Отношение М. к рев. борьбе было непросто. Не случайно он избрал себе для подпольных изд. «Нар. воли» псевд. Гроньяр (в пер. с франц. — ворчун). М. был противником царсубийства, фабричных и аграрных бунтов, экспроприаций и т. п. «Став на этот скользкий путь, легко докатиться до грабежа и разбоев» (цит. по кн.: Народолюбцы после 1 марта 1881. Сб. статей и мат-лов, М., 1928, с. 77). Считал, что нужно бороться не с конкретными лицами, а с «идеей самодержавия», к-рая «должна быть вырвана с корнем из жизни и из сердца народа» (цит. по кн.: Лит-ра партии «Нар. воли», в. 1, М., 1907, с. 112—13). С. Г. Нечаева с его тактикой «нар. расправы» М. назвал «во всех отношениях монстром» (I, 867). В нач. 1883 залучил ром. «Карьера Оладушкина», оставшийся незавершенным, в к-ром предполагал изобразить «типичного мерзавца», вовлеченного в народолюбч. движение честолюбием (опубл. посмертно: «Из романа „Карьера Оладушкина“», СПб., 1906; отд. главы печатались при жизни М.). Ближе всего ему был Лавров, предлагавший путь постепенного социального воспитания народа. Однако проект пост. сотрудничества в заграничном ж. «Вперед!» (Цюрих) М. отверг, а вместе с тем и мысль об эмиграции. В письмах к Лаврову (1873) М. писал о себе, что он «не революционер, всякому свое» и поэтому не считает себя «вправе про-

менять 8000 читателей» легального ж-ла «на дело неверное и трудное», омраченное рядом «мерзостей» и опасением, что «новые боги гораздо опаснее и в этом смысле хуже» (X, 65); объяснял невозможность для себя обращаться к молодежи «в повелит. наклонении», т. е. с рев. призывами, ибо «никакой радикально-социалистич. оппозиции в России нет, ее надо воспитывать», при этом рус. молодежь должна встретить будущее «не с Моленоттом на устах и не с иррушечными коммунаи, а с действит.

созыв Учредит. собрания для выработки основ земельного законодательства. В письме Исполнит. к-та «Нар. воли» Александру III от 10 марта 1881, отредактированном М., предлагался путь правительств. преобразований, ведущих к конституц. правопорядку со свободой печати, слова, сходок и избират. программ (письмо было одобрено Марксом — см.: Прибылева-Корба А. П., Некоторые данные о «Письме Исполнит. к-та к Александру III» — «Былое», 1906, № 6). И позднее, в 1890-е

Комитет Лит. фонда. 1884—85. Сзади направо стоят: П. А. Гайдебуров, Д. Л. Морозов, А. Д. Градовский, Ф. Ф. Воронов, Н. К. Михайловский, М. И. Семевский, А. М. Скабичевский, сидят: К. К. Арсеньев, В. П. Гасвский, А. А. Кравский, А. Н. Пилин.

знанием рус. народа и с полным умением различать добро и зло европ. цивилизации. Откровенно говоря, я не так боюсь реакции, как революции» (X, 65).

Однако он не ограничивался рамками легальности: в 1870—1880-е гг. имел прямые связи с «Нар. волей», в 90-е — с «Нар. правом», в 1900-е — с эсерами. В нач. 1870-х гг. отдавал предпочтение социальным преобразованиям, полагая, что полит. свободы, нужные интеллигенции, не облегчат тяжелую жизнь народа. Но очень скоро перешел к «святому девицу» народничества — «Земля и Воля». Не входя формально в партию, М. с 1878 сотрудничал в изданиях «Нар. воли». В «Полит. письмах социалиста» («Нар. воля», 1879, № 2, 1880, № 3; легальное изд., Н. Новгород, 1906) призывал к систематич. полит. борьбе и союзу с либералами, укоряя рус. революционеров за неумение слышать голоса нар. жизни с ее пл. принципом принадлежности земли земледелцу. При этом отрицал стихийный захват земли и считал необходимым

и 1900-е гг., М. считал, что рев. действия могут подтолкнуть правительство на путь реформ; если же этого не произойдет, то рус. общество «вернется к террору с неопределяемостью его последствий»: «Я предчувствую смутные и мрачные времена», — писал он 19 нояб. 1901, имея в виду революцию (Русанов Н. С., «Политика» Н. К. Михайловского. Из восп. о нем и его писем. — «Былое», 1907, № 7, с. 137—38).

М. играл видную роль в лит.-обществ. организации: в 1874 по рекомендации Некрасова вступил в Лит. фонд, где был секр., а затем неизменным чл. к-та; с 1887 г. чл. ОЛРС; с 1897 чл.-упр. редактор Союза взаимопомощи рус. писателей.

В поисках «журнального приюта» после закрытия «Отеч. зап.» (апр. 1884) вошел в 1885 в ред. «Сев. вест.», в к-ром вел раздел «Дневник читателя» (1885—88). Однако прочного союза с издательницей ж-ла А. М. Евреиновой не получилось, конфликты следовали один за другим, и в апр. 1888 произошел окончат. разрыв. В 1888—93 вел в «Рус. вед.» пост. разделы «Случайные заметки» и «Письма о разных разно-

стих» в обычной своей манере разговора с читателем на лит. и обществ. злобы дня, в частности о прозв. Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. М. Минского, И. Н. Потапенко, А. Доде, П. Бурже, откликнулся на смерть Н. Д. Хвощинской (Зайончковской). Салтыкова-Шедрина, Елисеева, Н. В. Шелгунова (трех последних он посвятил большие работы в 1890—92). В марте 1889 — апр. 1893 сотрудничает на положении «гостя» в «Рус. мысли», постоянно конфликтует с редакцией из-за самовольного изменения текста статей в видах цензуры (письма М. в кн.: Памяти В. А. Гольцева, М., 1910; Архив В. А. Гольцева, т. 1, М., 1914).

С участием в похоронах Шелгунова в апр. 1891 связана вторая высылка М. из Петербурга, хотя он лишь пытался погасить конфликт молодежи с полицией. Проведя неск. месяцев в клинском именованном редактора «Рус. вед.» В. М. Соболевского, а затем на ст. Любань, получив разрешение вернуться. В хлопотах о прекращении ссылки принимал участие Вл. С. Соловьев.

Осенью 1892, благодаря энергичному участию А. И. Иванчинна-Писарева, друзьям М. удалось приобрести на паях ж. «Рус. богатство», офиц. издателем к-рого стала жена Н. Г. Гарина-Михайловского — Над. Вавериановна. Это событие было приурочено к 50-летию М., неофициально ставшего гл. ред. «Рус. богатства» (его имя появилось на обложке ж-ла лишь в 1900). В 1893—1903 М. вел в нем ежемес. раздел «Литература и жизнь»; изд-во при ж-ле выпускало его книги. После размежевания редакции и ухода группы ортодоксальных народников во главе с С. Н. Кривенко (1894) М. вел в нее Коротенко и Н. Ф. Анненского (на большого Г. И. Успенского был записан пай ж-ла).

Новая редакция придана «Рус. богатству» «ярко разнальный», по определению Коротенко, обществ. характер, но стремилась более гибко подходить к проблемам иск-ва, избегая «непрестанных рыканий» в духе 60-х гг. А. Г. Горьфельд, после первого знакомства с М., писал П. П. Першову в 1895, что М. готов «отказаться от старых крайностей школы», однако «с должной дипломатичностью», не нарушая ист. преемственности и не впадая в др. крайность (ИМЛИ, ф. 122, оп. 1, № 18, л. 1—2). В письме к П. Ф. Якубовичу от 2 дек. 1898 М. ставил в заслугу пушкинскому гуманизму «органич. возвращение к аскетизму, ко всякой вольной и невольной узрке полноты человеческого существования» (РБ, 1910, № 1, отд. 1, с. 252). М. никогда не сочувствовал «разрушительно эстетичн.» «Грубая и жестокая операция» Д. И. Писарева над Пушкиным

или В. А. Зайцева над Лермонтовым, — писал М., — это лишь «нелепая хула», к-рая не передалась следующим поколениям (VII, 289). Красоту «цельной и неделимой души» Лермонтова М. видел в его поисках единства мысли, чувства и дела («Герой безвременья» — РВед, 1891, 15 июля, 8 авг., 27 авг., 1 окт.). В 90-е гг., выступил против чрезмерного аскетизма Л. Н. Толстого, т. е. против «умаления» роли красоты и эстетич. наслаждения, тем не менее в целом разделял позицию писателя, ставящего перед иск-вом внеэстетич. цель — благо человека и человечества («„Что такое иск-во?“ — ст. гр. Л. Н. Толстого», «Еще об иск-ве и гр. Толстом» — РБ, 1898, № 3, 4). Д. С. Мережковский назвал М. идеалистом, однако отношение его к иск-ву определял как позитивистское, чуждое «мистич. чувству» (см. его кн.: «О причинах упадка и о новых течениях совр. рус. лит-ры», СПб., 1893, с. 72—76). М. не отказался от определения «идеалист», но заметил, что в это понятие можно вкладывать разл. смысл. В символизме он находил «зерно правды», «реакцию против односторонности, сухости и узости» натурализма и позитивизма («Рус. отражение франц. символизма» — РБ, 1893, № 2). Позитивизм 60-х гг. М. преодолел в начале своего пути. Его больше привлекала «знаменитая троица» 30—40-х гг. — «истина, красота и справедливость» (V, 39). В религии он видел «непреодолимую потребность человеческой природы» и оспаривал «узкую и сухую» теорию экономич. материализма, к-рая расценивала религию как «одну из подробностей лабиринта над фундаментом форм производства материальных ценностей» (Последние соч., т. 2, с. 3).

М. всегда стоял в центре идейных споров рус. общества и был объектом мн. критик, суждений. Розанов видел у М. электизм, стремление «брать хорошее отовсюду» и противопоставлял ему славянофильскую цельность (МВед, 1892, 20 июля); однако в том же году он писал М. по поводу ст. «О задачах науки» (РМ, 1892, № 3): «Это — чистая правда: защита — чисто лучшее; отрицание (науки) — правильное и в меру сбалансированное» (РГАЛИ, ф. 308, оп. 1, № 19). Ю. Николаев (Ю. Н. Говоруха-Орлов) негодовал, что М. стремится возродить эпоху 60-х гг., когда «разношумно возрвался на лит. и обществ. арену», как «раб, спущенный с цепи» (МВед, 1892, 30 мая). А. Л. Волынский считал, что «имя М. приобрело большую известность в нек-рых слоях рус. общества, растлительного предававшим лит.-отрицат. движениям и потом чуть-чуть усмирившегося в своем отрицании» («Рус. критик», СПб., 1896, с. 787). В. Я. Брюсов полагал в 1895, что М. не хочет идти вперед, «его идеалы не в будущем, а в прошлом» (ЛН, т. 98, кн. 1, с. 686). П. А. Кропоткин отмечал, что у М. нет свойственного Белинскому «соединения чуждого общественно с чуждому художественным» («Идеалы и действительность в рус. лит-ре». — Соч., т. 5, СПб., 1907, с. 323). Критику М. относили к «утилитарной школе», т. е. кто отставал независимость иск-ва от морали и религии (см., напр., статью П. Д. Боборыкина «Красота, жизнь и творчество» — «Вопросы философии и истории», 1893, № 1, 2; а также высказывание

Брюсова о «критиках школы М.» — ЛН, т. 85, с. 494).

М. не раз подчеркивал, что не считает себя собственно лит. критиком. Будучи критиком-публицистом, он никогда не забывал о читательской публике демокр. России, к-рой стремился истолковать обществ. смысл худ-жа, произведений. М. ждал от иск-ва учительства; один «протокол» без нравств. «приговора» его не устраивал: «Искусство есть своего рода гласный нравств. суд» (IV, 277). Полемицировал с теми, кто оспаривал союз этики и эстетики, в частности с натуралистами, пантенистами, модернистами. М. считал, что «одной истины человеку мало — нужна еще справедливость» (IV, 430). Иск-во должно рисовать «жизнь, как она есть», не забывая о «жизни, какую она должна быть», т. е. дополняя реализм изображением идеализмом настроения. Такую позицию М. видел у близких ему Салтыкова-Шедрина, Г. Успенского, В. М. Гаршина, к-рым посвятил в 80-е гг. специальные работы. Как публицист М. вступал в спор с великими современниками, не забывая, однако, отдавать дань уважения их талантливости (VIII, 634).

В статье о «Бесах» Ф. М. Достоевского (ОЗ, 1873, № 2, отд. II) М. обращал внимание на то, что религ. настроения в рев. среде облекаются в иные формы, чем защищаемая Достоевским месснианская идея особой «правды народной», отличной от общечеловеческих идеалов. М. утверждал, что не только христианские, но и социалистич. идеи «совпадают» с нек-рыми, по крайней мере, элементами нар. рус. правды» (I, 887). Достоевский заметил в статье М. «как бы новое откровение», хотя настаивал на том, что неприменной чертой социализма является атеизм (см. гл. «Спор с Н. К. Михайловским» в кн.: Розенблюм Л. М., Творч. дневники Достоевского, М., 1981). И если М. не увидел всей опасности бесов революции — он зорко подметил угрозу бесов национализма, толкующих о вредности европ. просвещения и полит. форм, усматривающих «новое слово» всемирного братства в великодержавных амбициях России (полемика М. с «Дневником писателя» Достоевского — ОЗ, 1880, № 9). Одновременно, в 1881, М. воздал «великую честь» Достоевскому за то, что он «горячо любит народ, желал ему добра и видел в нем надежду России» (V, 433). В наиб. известной ст. «Жестокий талант» (ОЗ, 1882, № 9, 10) выступил против стремления превратить Достоевского в «пророка Божия» и «оплот офиц. мощи правосл. рус. гос-ва». Рассуждая о «мучит. стороне огромного дарования Достоевского», М. предлагал тем, ко-

му не нравится определение «жестокый», говорить о преобладании «трагич. ноты» в его таланте (V, 2, 3, 40, 77). Позднее разъяснял, что никогда не видел в Достоевском «только жестокий талант», а предлагал читателю «посмотреть только на те черты ... к-рые оправдывают заглавие статьи» (Последние соч., т. 2, с. 266). В 90-е гг. М. называл Достоевского «черной жемчужиной» рус. лит-ры и писал о громадной творч. силе художника, к-рая заслоняет его недостатки. В ст. «О Достоевском и г. Мережковском» (РБ, 1902, № 10, с. 174) отметил родство бесчеловечных, казарменных утопий социализма в «Бесах» и в царстве Великого инквизитора, одинаково построенных на власти «могущества вождя» над «покорным людским стадом». По мнению М., гуманистич. направленность в произв. Достоевского убывала.

И. С. Тургенев нашел, что М. «верно подмечает основную черту творчества Достоевского, а по поводу его статьи о ром. «Нова» (ОЗ, 1877, № 2), в к-рой самому Тургеневу был препявлен упрек в пролом знания реп. среды, заметил, что «в душе согласен» с критикой Тургенев. Письма. XIII. кн. 2, с. 49; XII. кн. 1, с. 116).

Творчество Толстого вызывало у М. то «глубочайшее почтение, почти граничившее с восторгом», то «резко отрицат. чувство» («Лит. восп. и совр. смута», т. 1. СПб., 1900, с. 198). В 1872 он поддержал скептич. взгляд Толстого на технич. «благодейная прогресса», к-рые «сами по себе ни малейше не гарантируют благосостояния народа» (I, 788). В 1875 взял сторону Толстого в его полемике с пед. миром. Эта тема нашла отражение и в ст. «Десница и шуйца Льва Толстого» (ОЗ, 1875, № 5, 7; в переработ. виде под назв. «Гр. Л. Н. Толстой» — в кн.: «Критич. опыты», [т.] 1. СПб., 1887). Показал внутр. противоречия писателя: с одной стороны, фатализм и оправдание действительности, с другой — смелый анализ и деятельное вмешательство в совр. события. Личное знакомство М. с Толстым произошло в нояб. 1881. «Я ожидал большего, — писал Толстой Н. Н. Страхову, — очень молодо, шеголевато и мелко» (Толстой, LXIII, 86). В 80-е гг. неоднократно посещал Толстого в Москве, о чем рассказал в «Личных восп. о гр. Толстом» (РМ, 1892, № 2). В 1886 объявил, что «великий писатель земли русской» совсем левша стал», проповедуя непротивление и смирение, но одновременно возражал против грубых антитолстовских выступлений (VI, 396, 407). Протестовал против «изумительных по наглости и дикой распущенности» обличений Розанова и консерват. печати («Обращение г. Розанова к Л. Толстому» — РБ, 1895, № 10, отд. II, с. 32). «Крейсеру сонату» оценил как «заток

возрождения» «великого мастера», хотя отрицание совр. брака и физич. любви способно «озадачить читателя» (VI, 764, 771). По поводу «Хозяина и работника» написал, что рассказ напоминает лучшую пору Толстого, когда правда и жизнь являлись гл. «героями» его произв., а смерть гл. «злодеем» (VIII, 57—58). Вместе с тем не раз отмечал, что почитатели «колоссального худож. таланта» Толстого и «драгоценных черт его духовной физиономии» «со скорбью и недоумением следят за капризными скачками» его проповеди (VII, 163). В ром. «Воскресение» ценит изображение обществ. среды, призванной «заглушить в оча. человеке естественно благородный голос разума и сердца» (Последние соч..

«Слово», сб. 2, М., 1914, с. 216—218); впоследствии А. С. Суворин утверждал: «Губить Чехова стал именно М.» (в кн.: Письма А. С. Суворина к В. В. Розанову. СПб., 1913, с. 143). Сам Чехов засвидетельствовал в 1900: «Я глубоко уважаю М. с тех пор, как знаю его, и очень многим обязан ему» (Чехов. Письма, IX, 88). Творчеству Чехова М. посвятил ст.: «Об отцах и детях и о г. Чехове» (РБед, 1890, 18 апр.), «Палата № 6» (РБед, 1892, 4 дек.), «Кос-что о г. Чехове» (РБ, 1900, № 4), «О повестях и рассказах гг. Горького и Чехова» (РБ, 1902, № 2). Считал, что Чехов в неск. лет «вырос почти до неузнаваемости», перейдя от «благодушно-веселого и безразличного-фотографич. отношения к действительности к «широко задуманным и превосходно выполненным» картинам рус. жизни, к-рая нуждается в «какой-то резкой перемене декораций», и Чехов провидит это «в более или менее отдаленном будущем» (Последние соч., т. 2, с. 172).

Осенью 1894 М. откликнулся теплым письмом на присланный М. Горьким в «Рус. богатство» рассказ «Челкаш»; их знакомство состоялось в окт. 1899 в Петербурге. (Горький, ПСС, XVI, 485). В ст. «О г. Максиме Горьком и его героях», «Еще о г. Максиме Горьком и его героях» (РБ, 1898, № 9, 10), в рец. на пьесу «Мешане» (РБ, 1902, № 4; б. п.) и в отклике на пьесу «На дне» (РБ, 1903, № 4) М. изложил свои надежды и сомнения в связи с появлением нового имени, в к-ром сразу признал большую худож. силу. В «босняком байронизме» он видел протест против бесчеловечных условий жизни (босяки — «не столько отверженные, сколько отверпшие»). Вместе с тем вопреки апологии босачества в рус. критике первым отметил разрушит. и антиобществ. потенции философии люмпенства, показал опасную широту и беспредметность босяцкого «свободолюбия», способного обернуться проповедью насилия над ближним, отметил его «разительное сходство» с нищенством и указал на особую «чувствительность» молодого писателя к «красоте силы».

В статьях, посв. Ф. Ницше (РБ, 1894, № 8, II, 12), положительно оценил противостояние детерминизму, идее «самодержавной истории», проповедь «человека-творца», восстающего против «роковых сил» и «стихийных процессов». Одновременно отверг теорию «двух моралей» (для «господ» и «рабов»), культ сверхчеловека, презрение к слабым, проповедь «любви к дальнему» как отказ от традиц. гуманизма, свойственный в это время и Горькому, и модернизму. В 1894 предсказал «новую умств. эпидемию» нищенства, к-рая распространится в России в уп-

Н. К. Михайловский. Худ. Н. А. Ярошенко. 1893. Репродукция с дарственной подписью Михайловского.

т. 1, с. 281). В 1902, в связи с «выходкой» Мережковского, причислившего Толстого к «разбогатевшим на счет своих рабов помещикам-барам», М. писал: «Нам все равно, граф он или не граф ... он был и есть сам, считающийся только с собственной своею совестью ... В этом смысле он для нас больше, чем великий писатель. Он — как бы живой, облеченный в плоть и кровь символ достоинства печатного слова» (Последние соч., т. 2, с. 252—253).

Осенью 1887 М. передал Чехову предложение написать для «Сев. вест.» большую повесть; лично познакомился с ним 2 дек. 1887 в Петербурге (Чехов. Письма, II, 159). 15 февр. 1888, прочитав корректуру пов. «Степь», написал автору, что ему предстоит «блестящая будущность», если он использует свою «силу ясноту» для служения добру, в частности уйдет из «Нов. времени»

рошенной форме «культы силы» и моральной вседозволенности.

В статье о Г. Ибсене (РБ, 1896, № 11, 12) отметил, что «властительное положение в европ. лит-ре» писатель занял не своим символизмом, а тем, что рисовал трагич. столкновение личности с обществом, создав своеобразную «книгу об ответственности человека».

М. уделял мн. внимания молодым писателям. При его содействии вошли в лит-ру Гарин-Михайловский, Горький, И. А. Бунин, А. И. Куприн, С. С. Юшкевич и др. Он откликнулся на произв. Д. Н. Мамина-Сибиряка, П. Д. Боборыкина, В. В. Вересаева, Е. Н. Чирикова, Л. Н. Андресова и др. Бунины вспоминал, что М. предсказал ему в 1893 большую будущность (Собр. соч., т. 9, М., 1967, с. 261). Куприн поставил имя М. первым в ряду тех, кому он особенно благодарен («Огонек», 1913, № 20), а по поводу его ст. об Андрееве (РБ, 1902, № 2) написал в 1925, что М. «принял его с тем дружеским радушием, с к-рым этот большой человек встречал истинные таланты» (см.: Куприн, с. 110).

В 90-е гг. развернулась полемика М. с рус. марксистами, в центре к-рой была оценка роли крестьянства в России. В противовес характеристике этого многомиллионного слоя как «мелкобуржуазного», подлежащего освобождению от «власти земли», «вывариванию в фабричном котле», он предрек горе тому поколению, к-рое воспитается на презрительной формуле Маркса об «идиотизме деревен. жизни» («О народничестве, швабентик. материализм, субъективизме и проч.» — РБ, 1897, № 11, отд. II, с. 139). Отвергал «монистич. взгляд на историю», исходил из «теории факторов», т. е. комплексного анализа экономич., геогр., нац., религ., идеологич., этнич. и др. элементов. Идею «ист. необходимости» приравнял к фатализму, теорию неизбежного перерастания капитализма в социализм считал исторически не проверенной. Допускал «теоретич. возможность» гибели всей совр. культуры, если человечество не приложит сознат. усилий для ее сохранения. Отвергал идею гегемонии одного класса над другим, призывал «не сшибать лбами» разл. трудовые слои общества (VIII, 664), высоко ценил интеллигенцию как самостоят. обществ. силу, к-рая служит идеалам человечности и социальной справедливости, а не классовым интересам. М. принципиально отрицал «грядущие блага» человечества, если для них нужно принести в жертву «здоровье, жизнь, честь современников, к-рые „до радостного утра“ не доживут» (VIII, с. 698—99).

Позднее Короленко так сформулировал «сущность спора» М. с «молодыми и злыми марксистами»: «Интерес народа как совокупности трудящихся классов, на одной стороне. Интерес одного промышленного пролетариата, на другой» (Письма. 1880—1921, П., 1922, с. 303—04; в этом изд. отбл. письма Короленко к М.).

Во времена, когда «марксистами становились повально все, марксистам льстили, за марксистами ухаживали» (Ленин, VI, 15), М. стал терять популярность, многим его фигура казалась устаревшей, Ленин назвал его «эпигоном умирающей эпохи» (I, 264). «Когда все живое потянулось к свету нового учения, — писала марксистская „Искра“ (1901, № 2), — у старого писателя не шевельнулось в груди ничего, кроме злобной насмешки, и ненавидящее перо его писало лишь проповеди». Однако празднование 40-летия лит. деятельности М. 15 нояб. 1900 показало, как глубоко симпатичен рус. обществу к нему. Полици. запрет упоминаний юбилея в печати, конфискация адресов у депутатов из провинции, задержка выхода сб. «На славном посту (1860—1900)» не помешали юбилейному торжеству, в к-ром приняли участие и некр-ые марксисты: Струве, М. М. Филиппов. «Все соглашаются, — писал Короленко жене 17 нояб. 1900, — что ничего подобного по размерам в области лит. юбилеев еще не бывало» (ЛГ, 1992, 25 нояб.).

В кон. 1902 М. и др. сотрудники «Рус. богатства» приняли участие в обществ. к-те для подготовки празднования 200-летия рус. периодич. печати, к-рое предполагали использовать для оппозиц. выступлений и к-рое не состоялось. 10 дек. 1902 мнн. внутр. дел В. К. Плеве вызвал М. как «главнокомандующего» обществ. оппозиции и руководителя ж-ла, ставшего «гл. штабом революции»; при этом Плеве заметил, что правительство не остановится «ни перед ссылками, ни перед их изгнанием», и посоветовал М. добровольно покинуть Петербург, на что получил письмен. отказ («Мое свидание с В. К. Плеве» — X, 59—64).

Умер М. скоропостижно, вернувшись с заседания Лит. фонда. Похоронен по правосл. обычаю. «Служил молодой священник панихиду среди шкапов с книгами, — писал Короленко жене 31 янв. 1904, — Вместо икон со стен глядели: портрет Успенского, с одной стороны, и бюст Шелтунова — с другой. Потом вынесли гроб в Спаскую церковь напротив, где шла очень долгая литургия ... Толпа была такая, что, говорят, не было с похорон Тургенева ... Венки везли на трех колесницах, гроб до самого кладбища несли на руках ...» (РГБ, ф. 135, раздел II, к. 4, № 1, л. 4—5).

Изв.: ПСС, т. 1—8, 10 (статьи Н. С. Русялова и Е. Е. Колосова; прил.: предметный указ., из-

дечения из указ. имен, указ. лит-ры о М.), СПб., 1906—14; Посидание сов., т. 1—2, СПб., 1905 (соответствуют неважущему 9 т.); Лит.-критич. статьи, М., 1937 (вступ. ст. и прим. Г. А. Балог); Лит. критика. Статьи о рус. лит-ре XIX — нач. XX в., Л., 1989 (вступ. ст. и прим. Б. В. Аверина); Лит. критика и аспект, М., 1995 (вступ. ст. и прим. М. Г. Петровой и В. Г. Хороса).

Лит.: Волынский А. М. и его рассмотрение рус. лит-ры. СВ, 1894, № 4; Батушкоч Ф. Д., Критик-уравнитель. — «Обр.», 1900, № 12; Красносельский А. И., Мирозрение гуманизма нашего времени. Основы учения М., СПб., 1900; его же, Лит.-худож. критика М., — РБ, 1905, № 1; его же, Нравственность и общественность в учении М. — «Совр. зап.», 1906, № 1; его же, О нравств. учении М. — «Современность», 1906, № 2, апр.; его же, М. о религии. — РБ, 1907, № 4; Северов Л. (Фадин Л. П.), Объективизм в иск-ве и критике. — «Науч. обзор», 1901, № 11—12; Соловьев (Андреевич) Е., Очерки по истории рус. лит-ры XIX в., СПб., 1902, с. 374—96; Ратнер М. Б., Проблемы идеализма в рус. лит-ре. — РБ, 1903, № 8; Короленко В. Г., Н. К. Михайловский. — РБ, 1904, № 2; его же, Н. К. Михайловский. — РБ, 1914, № 1; его же, Восп. о писателе, М., 1934; Бердяев Н. А., М. и Чернышев. — НП, 1904, № 10; Иванов-Разумник Р. В., Михайловский. (Центр, пункт его мировоззрения). — РМ, 1904, № 3; Кареев Н. И., Памяти М. как социолога. — РБ, 1904, № 3; Невазюковский М. Н., К. Михайловский (Опыт психол. характеристики). — МБ, 1904, № 4; то же в его кн.: Значительные и продолжатели, П., 1916; Потресов А. Н., Этюды о рус. интеллигенции, СПб., 1906 (гл. «Совр. восток»); Русялов Н. С., [гл. о М.]. — В кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. 4, М., 1910; его же, Архан. М., — РБ, 1914, № 1; его же, М. и обществ. жизнь России. — ГМ, 1914, № 2; Овсянников К., Куликовский Д. Н., История рус. интеллигенции, ч. 2, М., 1907 (гл. о М.); Чернышев В. М., Филос. и социологич. этюды, М., 1907; его же, М. как этич. мыслитель. — «Звенья», 1914, № 1; Горький А. Г., Книжки и люди, СПб., 1908 (гл. о М.); Елпатьевский С. Я., Всплески тити, СПб., [1916] (восп. о М.); Анисимский Н. Ф., Памяти М. — В кн.: Юбилейный сб-к Лит. фонда, СПб., 1910; Якубович П. Ф., Письма М. — РБ, 1910, № 1; Колосов Е. Е., Очерки мировоззрения М., СПб., 1912; его же, М. А. Бакунин и М. в старом народничестве. — ГМ, 1913, № 5—6; его же, Лавров и М. в рус.-тур. войну. — СМ, 1916, № 9; его же, Н. К. Михайловский, П., 1917; его же, М. в деле Караганова. — «Бюле», 1924, № 2; Кузьмин Д. (Колосов Е. Е.), Народовольцы, журналисты, М., 1930 (гл. о М.); Фигнер В. Н., Из полнот. жизни 80-х гг. — РБ, 1912, № 11; Иванчин-Писарев А. И., Из восп. о М. — «Звенья», 1914, № 1; Евгеньев (Максимов) В., Н. А. Некрасов и М. — «Рус. зап.», 1915, № 9; Клеостер Н. С., Чехов и М. — СМ, 1915, № 12; Витязев П. (Селезнев Ф. И.), П. Л. Лавров и М., П., 1917; Горев Е. И., Н. К. Михайловский, 2-е изд., М., 1933; Кирпичов В. Я., Публицисты и критики, Л.—М., 1932 (гл. о М.); Козьмин Б. П., От «двадцатого февраля» к «первому марту». Очерки по истории народничества, М., 1933; Балый Т. А., гл. о М. — В кн.: История рус. критики, М.—Л., 1958; его же, М.-беллетрист. — В кн.: Уч. зап. ЛГУ, 1971, серия филол. наук, № 349, в. 74; его же, В. Г. Короленко и М. в их переписке. — В кн.: От Грибоедова до Горького, Л., 1979; его же, Чехов и рус. реализм, Л., 1981 (гл. Чехов и М.); Есин Б. И., М. и журнал «Сев. вост.» в 80-е гг. — В кн.: Из истории рус. журналистики, М., 1959; Егоров Б. Ф., Тартуские студенты и М. — В кн.: Из истории рус. лит. отношений XVIII—XX вв., М.—Л., 1959; Седов М. Г., К вопросу об общественно-полит. взглядах М. — В кн.: Общество движется в пореформен. России, М., 1965; Итенберг Б. С., Движение рев. народничества, М., 1965; Твардовская В. А., Социалистич. мысль в России на рубеже 1870—80 гг., М., 1969; Парыгин Б. Д., Рудаков Л. И., М. о личност. факторе в ист. процессе. — В кн.: История и психология, М., 1971; Макаров В. П., Формирование обществ.-полит. взглядов М., Саратов, 1972; Хорос В. Г., Народно-идеологич. и марксист (концеп XIX в.), М., 1972; Сусялова Ф. М., М. и движение рев. народничества 70-х гг.

XIX в. — «Ист. зап.», 1974, т. 94; см. же М. о некапиталистич. развитии России. — В кн.: Освободит. движение в России. в. 5, Саратов, 1975; Петрова М. Г., Эстетика поэтического народничества. — В кн.: Лит.-эстетич. конференция в России кон. XIX — нач. XX в., М., 1975; см. же Блок и народнич. демократия. — ЛН, т. 92, кн. 4, М., 1987; см. же Мельдунная переписка при свете арх. документов (Чехов, М. и др.). — «Искусств», 1987, т. 46, № 2—3; см. же М. и критика «Рус. богатства». — В кн.: Горький и его эпоха, в. 2, М., 1989 (см. здесь же Балик Б. А., Почему полуправда хуже неправды. — О ст. М. Г. Петровой...); см. же Каховский дворецник и некапиталистич. интеллигент. — ЛГ, 1992, 25 нояб.; Виленская Э. С. М. и его идейная роль в народнич. движении 70-х — нач. 80-х гг. XIX в., М., 1979; Слинкхо А. А., М. и рус. обществ.-лит. движение второй пол. XIX — нач. XX в., 2-е изд., Воронеж, 1982; Коналов В. Н., «Лит. обозрения» М. как ист.-лит. источник. — В кн.: Вопросы источниковедения русской литературы второй пол. XIX в., Кал., 1983; Вересас В. В., Невыдуманные рассказы о прошлом, М., 1984 (вст. о М.); Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г., Рев. трагедия в России, М., 1986; Мисляков В. А., Шерин и М.: проблема «героя» и «толпы». — РЛ, 1990, № 2; Тархова-Вильямс А., На пути к свободе, 2-е изд., Л., 1990, с. 30—31; Баушев Б. П., М. и «дегильный марксизм». — «Отеч. история», 1992, № 6; Kulezyski L., Rewolucja Rosyjska, Lwow, 1911 (на о. М.); Frangian E., Michailowsky als Soziologe und Philosoph, B., 1913; Billington J., Michailowsky and Russian Populism, Oxf., 1958; Meindel A., Dilemmas of progress in tsarist Russia. Legal Marxism and Legal Populism, Camb., 1961; Walecki A., The Controversy over Capitalism, Oxf., 1969; Pawlak J., Filozofia społecznosci M. Michajlowskiego, Toron, 1979; Kurlowski M., Ideologia narodnicka a literatura rosyjska w latach 1870—1890, Warz., — Krakow, 1986 (ук.); Lami G., Un Ribelle «legale» N. K. Michajlowski 1842—1904. Contributi per una biografia intellettuale, Milano, 1990. + Отклик на смерть М. — РБ, 1904, № 2—5, РВед.Сб.; Брокгауз; Южаков; Грант; Владиславлев; ДРДР (верстка восьмидесятого тома — ИМЛИ); БСЭ; КЭЗ; СИЗ; ФЭ; ЛР. процесс и журналистика (2): ЛН, т. 87 (ук.); НРДВ: Богра, ОЖЗ; Муртова (1, 2, 3); Мазанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 181; ф. 266 (в составе фонда «Рус. богатство»); РГБ, ф. 578; ф. 135 (74 письма к В. Г. Короленко); РГАЛИ, ф. 308; РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 4747 (дело о дворянстве); ф. 776, оп. 8, д. 1399; ф. 777, оп. 2, д. 13.

М. Г. Петрова.

МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ Александр Иванович [26.8 (6.9).1790, Петербург — 9(21).9.1848, там же; похоронен на Тихвинском кладб. Александр-Нев. лавры; могила не сохранилась], воен. историк, мемуарист; пред. Военно-ценз. к-та. Отец, И. Л. Данилевский, — из малорос. дворян; стат. сов., дир. Гос. заемного банка; получил приставку к фам. — Михайловский — из-за того, что по ошибке подвергся опале со стороны имп. Павла I и по его же указанию стал называться Михайловским-Данилевским (см.: ПСС, предисл. Л. Бранта; Шильдер, 1891). Учился в Петропавлов. (Петровской) школе, где рус. яз. преподавал Н. И. Греч. В 1801 записан на службу в Гос. заемный банк (в 1806 губ. секр.). В 1807, вскоре по окончании школы, лишился отца, после чего вышел в отставку и уехал учиться в Гёттинген. ун-т, где его соучениками оказались А. П. Куницын и Н. И. Тургенев. Изучал преим. финансы; путешествовал по Европе (в т. ч. Германия, Австрия,

Швейцария, Франция), что отчасти запечатлелось в очерковых «Письмах из Италии, писанных в 1809 году» (РВ, 1817, № 7—10). В февр. 1812 принят пом. ученого секретаря в канцелярию Мин-ва финансов.

Вступив в авг. 1812 добровольцем в Петерб. ополчение, стал адъютантом его начальника — М. И. Кутузова; вскоре вслед за ним отправился в действующую армию. Вел переписку и ж-л воен. действий, привлекался к составлению летучих армейских изданий, выпускавшихся походной типографией А. С. Кайсарова (подробнее см.: Лотман). Участвовал в Бородинском сражении и Тарутинском, где его ранили. Вернулся на прежнюю должность в нач. 1813; незадолго до смерти Кутузова в чине штаб-капитала переведен в свиту е.и.в. по квартирмейстерской части; в сент. 1813 — капитан (за отличие). Участник zahraniчных походов 1813—14. Во время летнего перемирия 1813 входил в т. н. Рейхенбахский кружок воен. историков, возглавляемый Ф. Н. Глинкой (участвовали также Д. И. Ахшарумов, А. Г. Краснокутский, А. А. и М. А. Шербинины); в нем обсуждалась программа создания ист. трудов о 1812 и предпринимались практич. шаги по превращению ее в жизнь (см.: Тартаковский А., Незагаданный Барклай. — «Звезда», 1993, № 8, с. 176, 178).

В авг. 1814 присвоен к Гвардейскому ген. штабу. Первый нач. 6-ки Гл. (Ген.) штаба (до 1820; приобрел для нее книги с 1814). С 1816 финцель-адъютант (полковник с 1815). Сопровождал императора на Венский конгресс, в поездках по югу России (1816—18), на Аленский конгресс. К 1822 личные отношения с Александром I испортились и М.-Д. с согласия императора перешел в армию командиром бригады (в чин ген.-майора).

М.-Д. входил в масон. ложь: «Воен. ложу св. Георгия» (1813), «Св. Иоанна Иерусалимского» в Париже (1814), «Избранного Михаила» в России (1815). Участвовал в заседа-

ниях ВОЛРС (см.: Базанов, ук.). Среди его знакомых 1810—20-х гг. были кроме Тургенева и Глинки Ал-др Н. Муравьев, Н. И. Лорер, А. О. Корнилович, А. Ф. Бриттен и др. будущие декабристы. Сам М.-Д. обставался противником рев. действий.

Вместе с тем, воспитанный в либеральном духе александровского времени, достаточно критически относился к великим князьям, в т. ч. к Николаю Павловичу. После его воцарения, не надеясь с ним «ужиться», вышел в отставку и уехал в нижегородское имение жены Юрьев (Арзамас. у.). С началом рус.-тур. войны 1828—29 попытался возвратиться на воен. службу, но получил отказ. Лишь после аудиенции у Николая I ему было разрешено вступить в армию. Командовал бригадой (к окончанию войны дежурный ген. 2-й армии), участвовал в польской кампании 1831 (где получил ранение); по окончании ее переехал в Петербург.

Активно начал печататься с 1816, публикуя целый ряд фрагментов из записок и биогр. очерков, осн. на личных дневниках («ж-лах»), к-рые регулярно вел с 1808 по 1826 (а спорадически и позднее): «Случаи, предшествовавшие входу в Париж рос. войск в 1814 г.», «Вход Рос. армии в Париж марта 19-го 1814 г.», «Журнал путешествия из Вены в Венгрию в 1814 г.», «Вторичный вход россиян в Париж в 1815 г.» (СО, 1816, № 12, 48, 51; 1817, № 4), «О ген. Моро в Рос. армии» (РВ, 1817, № 5/6), «Два отрывка из истории 1812 г.» (ВЕ, 1817, № 22), «О ген. Дохтурове», «О пребывании Рос. армии в Калише с 21 февр. по 26 марта 1816 г.», «Отрывки из журнала путешествия по Германии и Швейцарии в 1815 г.», «Воспоминания о Венс. во время Конгресса в 1814 г.» (СО, 1817, № 2, 8, 10, 13), «Журнал путешествия из Швейцарии ... 1815 г.» (ВЕ, 1817, № 23/24), «Журнал похода 1815 г.» (там же, 1818, № 5), «О сдаче Москвы» (РВ, 1819, № 5/6), «О пребывании русских в Париже в 1814-м г.» (там же, 1819, № 9/10), «Черты из жизни кн. Кутузова-Смоленского» (ОЗ, 1820, № 4).

После 1821 прекратил на время печататься, свсылая на ценз. притеснения: «Мы, бедные рус. литераторы, находимся в самом жалком положении, ибо не имеем права печатать то, что желаем. Не смеем участвовать о полит. предметах ... Мы должны или безусловно хвалить, или молчать» (дневник за 1820 — РНБ, ф. 488, № 19, л. 8—9).

С возвращением в Петербург М.-Д. был приближен ко двору. Постепенно совершенся его переход на охранит. позиции и одновременно возникла ориентация его суждений

на мнения императора и его окружения. В то время, возвращаясь в лит-ру, М.-Д. обратился к жанру мемуарно-ист. записок о зарубежных походах: «Записки 1814 г.» (СПб., 1831) и «Воспоминания. Из записок 1815 г.» (СПб., 1831), в последующих изданиях объединенные под назв. «Записки 1814 и 1815 гг.» (СПб., 1832, 1836, 1841; рец.: ОЗ, 1842, № 1). «Записки о походе 1813 г.» (СПб., 1834, 1836; Демидовская пр. АН; рец.: БЧ, 1835, т. 8). Частично они вообразили в себя журн. публикации 1816—20, но более литературно обработанные и законченные. Выходя за мемуарные рамки, повествователь включал в записки элементы науч. исследования, ссылки на источники, документальные приложения, но умышленно избегал подробных воен. описаний и обращался по преимуществу к «таким частностям, к-рые одни могут пояснить ход и последствия сих битв» («Зап. о походе 1813 г.», 1834, предисл. автора, с. IV—VI). Личностный характер в наиб. степени присущ «Воспоминаниям» 1815, облеченным в форму путевого дневника с жанровыми признаками «лит. путешествия»: описания дорожных видов, достопримечательностей, воен. событий сочетались с прямыми характеристиками ота, личности и европ. общества, примечат. эпизодами и автор. размышлениями. Субъективность восп. о столь знаменательном годе в истории Европы и России вызвала, однако, и недовольство критики, не нашедшей в них «ни обширности, ни общности взгляда» («Телескоп», 1831, № 12, с. 518; ср. также: МТ, 1831, № 7, с. 380). Следует отметить весьма существенное отличие оригинала дневниковых записей М.-Д. от публикации, к-рые он предоставил публике (Б. П. Козьмин — ЛН, т. 39/40, с. 257).

В дек. 1835 произведен в ген.-лейтенанта и назначен сенатором с оставлением по армии; тогда же возглавляет Военно-лицей. к-т.

С 1835 началась работа М.-Д. над сочинениями, посвященными рус. воен. истории, предпринятая «по высочайшему повелению» и под личным контролем Николая I. Он получил доступ во все гос. и местные архивы, а также к мат-лам Гл. штаба, К-та министров, Сената, Мин-ва иностр. дел и даже личным бумагам Александра I. Ему бескорыстно помогали мн. сведущие должностные лица; так, подбором книг из фондов Имп. Публ. б-ки руководил А. Н. Оленин, а непосредственно занимался им, в частности, И. А. Крылов (см. в кн.: Бабинцев С. М., И. А. Крылов, М., 1955, с. 89—90). В руках у М.-Д. скопилось огромное количество копийных и подлинных док-тов о рус. воен. истории Александров. царствования, в т. ч. воспоминаний о

1812, значит. часть к-рых написана по просьбе и инициативе самого историка (подробнее см.: Малышкин, 1987).

Проработав их, М.-Д. написал серию ист. описаний: «Описание похода во Францию в 1814 г.» (ч. 1—2, СПб., 1836, 1841, 1845; Демидовская пр. АН; рец.: БЧ, 1837, т. 20, 21; РИ, 1836, 31 окт.); «Описание Отеч. войны в 1812 г.» (ч. 1—4, СПб., 1839, 1843; рец.: СО, 1839, № 10; БЧ, 1839, т. 36; ОЗ, 1839, № 10); «Описание войны 1813 г.» (ч. 1—2, СПб., 1840, 1844; рец.: БЧ, 1840, т. 42), сразу же привлечших к себе читательское внимание. По существу, они составили первую крупномасштабную и полномерную историю Отеч. войны (само наименование «Отеч. война» введено в обиход М.-Д.) и заграничных антинаполеонов. походов рус. армии в 1813—14. Исключит. богатство источниковой базы, обстоятельность, выразительность деталей сочетались в ней с композиц. цельностью, живостью изложения и слогом, ориентированным на И. М. Карамзина; влияние «последнего рус. летописца» ощущалось также в характеристиках: романтически приподнятых и нередко идеализированных. Идеология, ориентиры «описаний» сопрягались с теорией общ. народности применительно к воен. истории, что заметно, в частности, в возвыщении роли Александра I как истинного вождя и вдохновителя побед, в изображении антинаполеонов. войн как личной борьбы Александра и Наполеона, в результате к-рой «восстановлены наследственные престолы и полит. равновесие в Европе» («Описание... 1814 г.», ч. 1, 1836, предисл., с. I; см. также с. III—IV), в трактовке Отеч. войны как верноподданнич. подвига, когда «вся Россия устремилась к оружию ... по гласу монаршему», «мысли всех соединились в общем порыве — отстоять целость Государства». Но главным двигателем было дворянство» («Описание... 1812 г.», ч. 2, 1839, с. 41—42, 62).

«Описание» подвергалось тройному редактированию: Николая I, воен. мин. А. И. Чернышёва и ген.-фельдмаршала И. Ф. Паскевича (см.: РВ, 1889, № 2, с. 162—64); по их требованию убран ряд внутр.- и внешнеполит. подробностей, не подлежавших огласке, смягчена подчас резкая критика в адрес ота, генератов, умерены похвалы М. И. Кутузову (бывшему наряду с Александром I объектом преклонения М.-Д.). Ориентация на императора и его окружение побудила самого М.-Д. воен. заслуг Чернышёва и Паскевича сильно преувеличить, а опальных в 1820-х гг. генератов (в т. ч. А. П. Ермолова) — замолчать, что вызвало обвинения в «холопстве» и «лактействе» (Ф. В.

Остен-Сакен, Д. В. Давышов, С. Г. Волконский). Однако читательский интерес и оценка совр. критикой оставались высокими: «Мы не помним, чтобы когда-нибудь на рус. или на др. языке читали историю воен. действий, написанную лучше, яснее, увлекательнее» (БЧ, 1839, т. 36, отд. V, с. 3). Тот же Давыдов писал А. С. Пушкину: «Я обзорнеем еще 1814 г. довольно доволен. Происшествия изложены ясно, есть в нем документы неизвестные; конечно, ни одно выражение не берет на штыки читателя, зато все сочинение проникнуто теплой любовью к России что для меня, варвара, человека без примеси русского, бог знает как услужительно ...» (Пушкин, XVI, 194). О книгах М.-Д. многократно отзывалась европ. печать (Смитт Бернгарди: см.: РВ, 1889, № 2, с. 159), в осн. довольно прохладно.

В 1841 избран членом Рос. АН. По выходе в свет «Описания» М.-Д. признаны образованно и хрестоматийными (первоначально — как написанные по «высочайшему повелению», но со временем — и независимо от него). В 1843 В. Г. Белинский назвал «Описания» «учено-беллетристическими» (VIII, 93), в 1845 в рец. на 3-й том серии «Сто русских литераторов», куда вошло и соч. М.-Д., отметил, что «воин-литератор ... дав но уже приобрел себе в рус. лит-ре значение классик. воен. писателя» (IX, 256), а в 1858 «Рус. инвалид» заключил: «В воен. отношении история А. И. Михайловского то же, что в отношении государственном, Н. М. Карамзина История России» (И. Бутковский — РИ, 1858, 19 дек.) Уже к 40-м гг. «Описание» стало обязательным уч. пособием по совр. истории России в военно-уч. заведениях, а также использовались в школах и ун-тах (Грот и Плетнев, II, 201; Добролюбов, II, 53). Их, как и др. сочинения М.-Д. об этой эпохе широко использовал Л. Н. Толстой в работе над «Войной и миром».

После выхода в 1841 «Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг.» (СПб. М.-Д. обратился к Николаю I с планом по созданию многоотомной воен. истории России 1-й четв. 19 в. и был поддержан. В рамках плана вышли: «Описание Турецкой войны царствование имп. Александра I 1806-го до 1812-го г.» (ч. 1—2, СПб. 1843; подхит. отклик Белинского го — VIII, 93), «Описание первой войны имп. Александра с Наполеоном в 1805-м г.» (СПб., 1844; рец. Н. А. Некрасова — ОЗ, 1845, № 1) и «Описание второй войны имп. Александра с Наполеоном в 1806 и 1807 гг.» (СПб., 1846).

Помимо военно-ист. работ М.-Д. продолжал в 1830—40-х гг. обработку «журналов» и писание мемуаров

фрагменты из них стали появляться еще при жизни и продолжали публиковаться после смерти историка, вплоть до наст. времени; в т. ч.: «Воспоминания о фельдмаршале гр. Дибиче» (РВ, 1842, № 5/6; содержит рассказ об обстоятельствах создания А. С. Хомяковым патристич. стих. «Прощание с Адрианополем»); «Воспоминания о гр. М. А. Милорадовиче» (в кн.: Сто рус. литераторов, т. 3, СПб., 1845; высокая оценка Белинского: IX, 255—56; о личном знакомстве Белинского с М.-Д.: XII, 59; воспоминание критика о званом вечере у М.-Д. иронически воспроизведено в кн.: Панаев, ук.) и «Нек-рые выписки из бумаг М. Данилевского» (в кн.: Ист. об. Вольной рус. типографии ... кн. 2, Лондон, 1861; то же — М., 1971, факсимильное изд.). Восп. М.-Д. — своего рода хроника внимат. наблюдателя, обильная ценными сведениями по истории России 1-й трети 19 в. (фактографич., биогр., бытовыми), а также характеристиками и подробностями обществ. настроений. Составил также ряд жизнеописаний в редактируемом им изд. «Имп. Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814, 1815 гг. Военная галерея Зимнего дворца» (т. 1—6, СПб., 1845—49; рец.: «Совр.», 1845, т. 38).

Умер скоропостижно, от холеры. Был женат на А. П. Чемодановой; имел двух сыновей и четырех дочерей.

Др. произв.: «Разбор рос. сочинений, касающихся до истории 1812 г.» (ОЗ, 1820, № 6, 8; 1821, № 9, 11, 12, 14, 16), «Представители России на Венском конгрессе в 1815 г.» (РС, 1899, № 6), «Из дневника о польской войне 1831 г.» (РВ, 1889, № 2), «Записки. 1812 г.» (ИВ, 1890, № 10), «Вступление на престол имп. Николая I ...» (РС, 1890, № 11), «Записки. 1823 г.» (ИВ, 1892, № 7—8), «Из восп. 1817 г.» (РС, 1897, № 6), «Из восп. 1818 г.» (РС, 1897, № 7—8, 11—12; 1898, № 1), «Из восп. 1819—1821 гг.» (РС, 1899, № 12), «Из восп. 1822 г.» (РС, 1900, № 9), «Из восп. 1824 г.» (РС, 1900, № 10), «Из восп. 1825 г.» (РС, 1900, № 11—12), «Выписки из дневника 1813 г.» (на франц. яз.; в кн.: Бумаги, относящиеся до Отеч. войны 1812 г., собр. и изданные П. И. Щукиным, ч. 7, М., 1903; там же его записка как цензора и письмо как историка — с. 247, 283—84), «Журнал 1813 г.» (в кн.: «1812 год ... Воен. дневники», М., 1990, с. 313—80).

Изд.: ПСС, т. 1—7, СПб., 1849—50 (перизд. Л. Браун).

Лит.: Пушкин; Белинский; Герцен; Толстой; Архив Тургеневых; Ватушков К. Н., Соч., т. 2, М., 1989; Давыдов Д. В., Соч., М., 1962; Вяземский, VII; Глинка Ф. И., Письма к другу, М., 1990 (ук. на Данилевского); Кюхельбекер; Полевой К. А., Записки, СПб., 1888 (рец. 11 — до ук.).

Бесаргин Н. В., Восп., рассказы, ст., Иркутск, 1988, с. 321; Граббе П. Х., Записная книжка, М., 1888; Зотов В. Р., Петербург в сороковых годах. — ИВ, 1890, № 1, с. 49—50 (о зап. проекте М.-Д.); Давыдов В. Д., Записки о «Зап.» моего отца — старика Д. В. Давыдова. — РС, 1872, № 9; Волковский С. Г., Записки, СПб., 1901, с. 329 (и ук.); Дрейдинг М. Р., Восп. участника войны 1812 г. (1820). — В кн.: 1812 г. Восп. воинов рус. армии, М., 1991, с. 378; Лебедев К. Н., Из зап. сенатора. — РА, 1910, кн. 3, с. 241—42; Лорер Н. И., Зап. декабриста. Иркутск, 1984, с. 328—329; Марченко В. Р., Автобиопр. записка. — РС, 1896, № 3, с. 499; Муханов П. А., Письмо к М.-Д. — РС, 1900, № 10, с. 217—18; Смирнова-Россетт (ук.); Фонвизин М. А., Соч. и письма, т. 2, Иркутск, 1982 (ук.); Шершбинин А. А., «Восп. журнал 1813 г.». — В кн.: 1812 год ... Восп. дневники, М., 1990 (ук.).

РИ, 1838, 27 февр. (рекрипт Николая I на имя М.-Д.); Ливранди И. П., Нек-рые замечания ... о действит. причинах гибели Наполеонов. побед в 1812 г., СПб., 1855; его же, Краткое описание эпизода Отеч. войны (из соч. М.-Д.) ... СПб., 1858; его же, Мат-лы для Отеч. войны 1812 г. Собр. ст., СПб., 1867; Богданович М. И., История Отеч. войны 1812 г. по достоверным источникам, т. 3, СПб., 1860, с. 535—37 (рец. на его кн.: РИ, 1859, 18 нояб.; СП, 1860, 19 янв.; МВед. 1860, 5 марта; «Воск. об.», 1860, № 6).

Брант Л. А. И. Михайловский-Данилевский. — СО, 1849, № 2; Шильдер Н. К., А. И. Михайловский-Данилевский. По поводу столетней годовщины со дня его рождения, 1790—1848—1890. — РС, 1890, № 11; 1891, № 9; Зававторницкий Н. А. (сост.). Столетие Восп. Минва, т. 3, СПб., 1907, отз. IV, с. 182—196; Торжкова Н., К вопросу о прототипах образа кн. Андрея. — В кн.: Л. Н. Толстой. Сб. ст. о творчестве, [в.] 2, М., 1959; Бескровный Л. Г., Очерки поэт. историографии России, М., 1962 (ук.); Лотман Ю. М., Поконая типография штаба Кутузова и ее деятельность. — В кн.: 1812 год. К столетиюшестилетию Отеч. войны, М., 1962; Тартаковский А. Г., Восп. публицистика 1812 г., М., 1967, с. 65, 87—94, 99—101, 113, 123, 205, 206, 209; его же, 1812 г. и рус. мемуаристика, М., 1980 (ук.); Желвакова И. А., Мат-лы М.-Д. в «Ист. об. Вольной рус. типографии». — В кн.: Археогр. ссср, 1969, М., 1971; Бучина Л., Дневники М.-Д. — В кн.: Исл. памятников культуры в собр. и архивах отц. рукоп. и редких книг. Восп. и дневники, Л., 1987 (ГПБ), с. 34—44; Малишкин С. А., Рус. восп. историк М.-Д. и его «Описание Отеч. войны в 1812 г.», М., 1990 (Авторграф. дж.); Борисов Г., «И исполнился уже шраб ...» — «Лит. Россия», 1990, 14 сент., с. 15; Троицкий Н. А., Отеч. война 1812 г. История темп. Саратов, 1991, с. 15—20, 50, 89; Соловьев К. А., Мат-лы М.-Д. в архиве Н. К. Шильдера. — В кн.: РНБ: XXIX науч. конференция молодых специалистов ... Мат-лы, СПб., 1994; ЛН, т. 19/21, с. 304, 314, 334, 336, 490; т. 58 (письмо П. П. Савицкого к М.-Д.); т. 60, кн. 1; т. 69, кн. 1 (ук.). — Некролог: СП, 1848, 10 сент., 9, 11 нояб. (Ф. В. Булгарин); МВед. 1848, 16 сент.; СПбВед. 1848, 19 сент. (К. П. Олелевой?); ЖМНП, 1849, № 1/3; ПНекр.; Ист. клубища Петербурга, СПб., 1993 (ук.); Старчевский, т. 8; Восп. энц. лексикон, т. 8, СПб., 1855; Брокгауз; ВЭ; Венгеров, Источ.; БСЭ; СИЭ; Сов. восп. энциклопедия, т. 5, М., 1978; ИРДВ; Черейский; Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: Малишкин С. А., Об архиве историка Отеч. войны 1812 г. М.-Д. — «Сов. архивы», 1987, № 4; Архив АН, т. 2, М.—Л., 1946, с. 122; РНБ, ф. 488; ИРЛИ, ф. 527 (письма М.-Д.); РГВИА, ф. 241 (в т. ч. письма М.-Д. за 1834—44); ф. 970, оп. 3, л. 2284 (ф. с. 1846 г.).

В. М. Бочова.

МИХАЛОВСКИЙ Дмитрий Лаврентьевич [26 или 28.2 (9 или 11.3). 1828, Петербург — 9(22).2.1905, там же; похоронен на Волковом кладб.], поэт, переводчик. Из духовного звания, сын обер-священника Отд. Кавк. корпуса. Учился в Тифлис.

г-зин, в 1848 окончил юридич. ф-т Петерб. ун-та, затем, вернувшись на Кавказ, служил в канцелярии наместника края (1848—56). В сер. 1850-х гг., после увольнения по болезни, переехал в Петербург и был приписан к Мин-ву внутр. дел (1857—59), служил по Хоз. деп. (с 1859 коллеж. сов.). В 1863 переведен в общую канцелярию Мин-ва финансов, в ведомстве х-рого оставался свыше тридцати лет. В 60-х гг. проходил службу в зап. губерниях; пред. мирового съезда в Вилькомре Ковен. губ. (1868); в 1869 командирован в Варшаву в распоряжение зав. финансовым управлением Царства Польского (нек-рое время возглавлял управление). В чине д. стат. сов. участвовал в экспедиции для выбора места коммерч. порта на Мурманском берегу и сборе сведений об экономич. развитии края (1870). Вышел в отставку в 1893 (в том же чине).

Независимо от служебной деятельности, имевшей для М., по-видимому, единств. цель — обеспечение средств существования, развивалось его лит. творчество — ««святая святых» всей его жизни» (А. А. Корнифский — «Север», 1898, № 19, стб. 604). Дебютировал переводом поэмы Дж. Байрона «Мазела» («Совр.», 1858, № 5), опубл. по настоянию Н. А. Некрасова; одновременно Н. Г. Чернышевский привлек его к подготовке «Ист. б-ки», изд. при «Современнике», поручив перевод соч. Ф. К. Шюссера «История восемнадцатого столетия и девятнадцатого ... с особенно подробным изложением хода лит-ры» (т. 1—8, СПб., 1858—60) и одного из томов «Истории земледельского сословия во Франции» Ж. Э. Боннера; последний пер. не был пропущен цензурой (см. восп. М. «Начало моего знакомства с Н. А. Некрасовым и Н. Г. Чернышевским» — ЛН, т. 67). В пер. М. был опубл. также автобиогр. роман итал. революционера Дж. Руффини «Записки Лоренцо

Бенони» («Совр.», 1861, № 7—9, прил.; достоинства пер. отмечены в положит. отклике — ОЗ, 1862, № 1) о борьбе молодежи против деспотич. монархии, вызвавший ценз. преследования (см.: Евгенийев-Максимов В., «Современник» при Чернышевском и Добролюбове, Л., 1936, с. 496—506). О лит.-обществ. взглядах М. этого времени свидетельствует ст. «Новые итальянские поэты» («Совр.», 1860, № 3; вкл. пер. из У. Фосколо, Дж. Леопарди, Дж. Берше и др.), в к-рой ценность творчества рассматриваемых авторов ставится в зависимость от их гражд. позиции, участия в освободит. борьбе.

Близость к кругу «Современника», наложившая печать на все творчество М., его приверженность к демокр. направлению отчетливо осознавались литераторами последующего поколения, к-рые относили М. к «шестидесятиникам» (М. А. Протопопов — РМ, 1891, кн. 9, отд. 2, с. 131). Сотрудничество в изд. демократич. ориентации М. продолжал и в дальнейшем: в 1868—1881 регулярно печатался в «Отес. зап.», а также в «Деле», «Слове», «Рус. богатстве». В 1881—87 публиковался в «Рус. мысли»; эпизодически выступал в «Сев. вест.» и «Вест. Европы».

Основное в творчестве М. — стихотв. перевод, хотя диапазон его как переводчика чрезвычайно широк (пьесы, худож., публици., науч. проза). Гл. критериями при отборе переводимых стих. были для М. идейная направленность произв., характеристичность и оригинальность его содержания (письмо Некрасову, 1866 — ЛН, т. 51—52, с. 395), а также значительность автора, распространенность известности к-рого среди рус. читателей он способствовал своими переводами. Переводил прозу, ок. 40 англ., амер., нем., франц. и итал. поэтов, гл. обр. Дж. Байрона («Чайльд-Гарольд», песня I, отрывки песни IV; «Евр. мелодии», «Элегия к Тирзе», «Тыма» и др.) и Г. Лонгфелло (20 стих., пролог и 11 из 22 глав «Песни о Гайавате»; «Совр.», 1866, № 4; ОЗ, 1868, № 5, б. 10, 11; 1869, № 6; отд. изд. — СПб., 1890; реш.: РМ, 1890, № 7). Среди др. поэтов, переводившихся М. в 60-е — нач. 70-х гг., — Т. Гуд, Г. Гейне, Н. Ленау, Ф. Фрейлинград, позже — Ш. Бюллер, А. Мюссе. Переводч. принципы М. были сформулированы еще в ранней ст. «Шекспир в переводе г. Фета» («Совр.», 1859, № 6; статья, опубл. под псевд. М. Лавренский, ошибочно приписывается Н. А. Добролюбову, см., напр., перепечатку в его ПСС, т. 2, М., 1934, с. 619—43) — резко критич. отклик на фетовский пер. «Юлия Цезаря» (отзыв послужил одной из причин ссоры и разрыва Фета с «Современником», см.: ЛН, т. 51—52, с. 59; Фет А. А., Стих. Поэмы, М., 1988, с. 365). Говоря о необходимости близкой передачи содержания оригинала, о важности сохранения его формы, М. критиковал переводч. буквализм и требовал от переводчика

воссоздания «жизни, которою проникнут подлинник» («Совр.», 1859, № 6, с. 287). Практич. реализацией этих принципов явились пер. М. 5 пьес У. Шекспира: «Юлий Цезарь» («Совр.», 1864, № 4), «Король Генрих V», «Ромео и Джульетта», «Король Ричард II» и «Антоний и Клеопатра» (Полн. собр. соч. В. Шекспира в пер. рус. писателей, 4-е изд., т. 2, 3, СПб., 1887—88; за пер. двух последних — половинная Пушкинская пр., 1890; «совершенная близость перевода к подлиннику» в сочетании с умением сохранить поэтичность и силу оригинала отмечалась в отклике П. И. Вейнберга, назвавшего М. «переводчиком в лучшем значении этого слова». — «Шестое присуждение Пушкинских премий: Прил. к LXVI т. Записок имп. Академии наук», № 1, СПб., 1891, с. 36). Переводы М. отмечены ясностью и чистотой языка, экспрессивностью и изяществом стиха (гладкости к-рого он добивался обычно за счет увеличения числа строк). Вышние достижения М.-переводчика, напр. «Песнь о Гайавате» Лонгфелло, отличаются смысловая точность и тщательная передача ритмич. своеобразия оригинала (переводч. находки М. широко использовал И. А. Бунин, слившийся в процессе работы своей пер. «Песни о Гайавате» с трудом предшественника, см.: ЛН, т. 84, кн. 1, с. 659—60, 662). Со временем, однако, для М. все более характерным становилось вольное обращение со стиховой формой (упрощение строфич. структуры произв., смена размера стиха и т. д.).

В ориг. стих., первое из к-рых заключало в себе призыв: «Протестуй, пока есть в жилах/ Капля крови молодой!» (ОЗ, 1876, № 12, отд. 1, с. 456), М. — поэт некрасовской школы. В стих. «Сеятели» (1879; вариация некрасовского стих. «Сеятель») М. пишет о прорветит. миссии своего поколения, к-рое несло «слово правды сквозь мрак», «С бесконечной борьбой и тревогой/ Свет внося в сердца и умы». Поэма «Поэт и Муза» («Слово», 1880, № 10; отд. изд. — [СПб.], 1880) утверждала мысль, что истинный поэт — «идеи пламенный служитель/ И правды доблестный борец». Той же идеей проникнута стихотв. «фантазия» «Три могилы» (РМ, 1889, № 9). Однако начиная с 80-х гг. в стих. М. получают выражение настроения эпохи безвременья: пессимизм, скорбь, бессилие и безнадежность, горькое сознание бесплодно прожитой жизни, тоска ночных кошмаров и мрачных дум («После битвы», «Кожмар», «Ночь»); эти настроения в его поэзии усиливаются на рубеже веков, когда подводятся «итог печальный и ничтожный/ Ненужных дел, глухой борьбы» («Нет больше чар, нет упо-

ванья ...», 1901). Соответствующие мотивы отыскивались у переводимых поэтов, среди к-рых осн. место заняли Драмор (псевд. швейц. поэта Ф. Шмидта) и Скюлли-Прюлом, а сами пер. нередко превращались в переделки, вариации на заданную тему, служащие для выражения собств. настроений. Декларируя свободу обращения с оригиналом, М. в сущности создавал новые произв., идейный смысл к-рых мог противоречить смыслу первоисточника (о гипнозе репутации М.-переводчика, заставляющем видеть близость к оригиналу даже в случаях отступления от него, см.: Левин, с. 253, 258). Несмотря на пессимистич. мотивы, развивавшиеся как в оригинальных, так и в переводных стихотворениях, тема духовной преемственности и надежда на молодое поколение проходят через все творчество М. — вплоть до последней поэмы «Три брата» (М., 1903) и стих. «Пегас» («Родная нива», 1905, № 9).

Поэтич. стилистика М. отразила упадок стиховой культуры рус. поэзии 1870—80-х гг., особенно в гражд. лирике. При всей гладкости и правильности его стих. отличались однообразием строфики, бедностью рифм, банальностью эпитетов; предметная реальность уходила из них, вытесняемая аллегорич. образными сигналами (мрак, огонь, факел) и навязчиво варьирующимися формулами (права и свет, любовь и добро и т. д.), к-рые постепенно вырождались в штампы.

Для заработка М. переводил прозу, в т. ч. Э. Буллер-Литтона, Ч. Диккенса, А. Дюма; срavn. мемуаров — «Записки» Е. Р. Дашковой (полный список прозаич. пер. см. Левин, с. 252; часть из них была выполнена соим. с женой — Люб. Ал-др. Михаловской, к-рая сама переводила ром. Ф. Штильгагена, Г. Гринна, Г. Зерера). В 90-е гг. М. редактировал переиздание подготовл. Н. В. Гербелем полн. собр. соч. Байрона (4-е изд., т. 1—3, СПб., 1894) и Шекспира (5-е изд., т. 1—3, СПб., 1899), подготовил сб. «Стихотворения» Лонгфелло (СПб., 1894). Выступал также как дет. писатель: стихи в ж. «Игрушечка» и «Дет. чтение», «были» «Доброе слово поэта». Эпизод из жизни Отес. войны» ([СПб.], 1891) и сб-к (в осн. состоявший из пер. и переделок дет. рассказов и стихов) «Маленькие герои и др. рассказы» (СПб., 1894; 2-е изд. — М., 1902; отклик: «Рус. школа», 1895, № 12).

В последние годы жизни много болел, в 1899 лишился глаза; нуждаясь, постоянно обращался в Лит. фонд за вспомоществованием.

Дочь М., Надежда Дм. (1863—после 1913) (см. о ней: Венгеров, Ситник; Михалов; упоминание о прощении М. в Лит. фонд — ИРЛИ, ф. 155, 1901, журнал 12, прил. 4), известна как автор эпизодич. публ. для детей в ж. «Игрушечка» (под псевд. Н. Дитревская); рассказы и зарисовки «Вот поможет!» (1891, № 5), «Тревога в повале» (1892, № 2), «Сон под Рождество» (1894, № 12), «На рыбной ловле» (1896, № 9). Ей принадлежат также рассказ из крест. жизни «Бригады» («Наше время», 1893, № 30; поэт. Н. М.).

Изд.: Иностр. поэты в пер. Д. Л. Михаловского, СПб., 1876 (с библиографией М., сост. Н. В. Гербелем); Иностр. поэты в пер. М. и оригинальные стих., т. 1—2, СПб., 1896 (отзывы на оба изд. см.: Венгеров, Иттин); [Стих.] — В кн.:

НА, в. 2, П., 1917, с. 190—94 (вступ. заметка Ф. Батюшкова); Мастера рус. стихота, переолод. кн. 2, Л., 1968 (БПб; биогр. справка и прим. Е. Г. Эткннда); Поэты 1880—1890-х гг., 2-е изд., Л., 1972 (БПб; вступ. ст. Г. А. Велого, биогр. справка Л. К. Долгополова и Л. Н. Николаевой); Рус. поэзия детям; Рус. писатели о переолод. XVIII—XX вв., Л., 1960 (вступ. ст. А. В. Федорова, сост. Р. А. Шашевой); письма Н. А. Некрасову, 1866—75, — ЛН, т. 51—52* (публ. В. Е. Евснцова-Макснмова); Некрасовский сб., т. 10, Л., 1968, с. 162 (публ. О. Б. Алжесной).

Лит.: Некрасов (ук.); Чуйко В. В. Совр. рус. поэзия в ее представителях, СПб., 1885, с. 194; [Статьи к 40-летию лит. деятельности М.]; НВ, 1898, 2 мая (прнл.); «Народ», 1898, 7 мая; «Еженед. прнл. к газ. СО», 1898, 17 мая; «Нива», 1898, № 20; ЖО, 1898, № 20; Шекспир и рус. культура, М.—Л., 1965 (ук.); Струве П. Б., Дух и слово. Статьи о рус. и западно-европ. лит-ре, Париж, 1981, с. 256—58; Левин Ю. Д., Рус. переводники XIX в. и развитие худож. перевода, Л., 1985 (глава о М.); ЛН, т. 51—52, 53—54, 84 (ук.). — Некрасовы, 1905: НВ, 10 февр.; «Слово», 11 февр.; «Новости и бирж. газ.», 11 февр.; «Розная нива», № 8; «Воскресенье», № 8; «Нива», № 9; ЖО, № 9; НВ, № 3; Бродягу; НЭС; Межов; Мельер; Веттерс. Источ.: Гранат; Смирнов-Соколовский; Аким; и сб-ки (1, 2); Борзла; ОЗД; Шекспир, Библиография рус. пер. и критич. лит-ры на рус. яз. 1748—1962, М., 1964 (ук.); Взаимосвязи рус. и нем. лит-р. Библиографич. ук., ч. 1—4, М., 1968 (ук.); Либман В. А., Америк. лит-ра в рус. пер. и критике. Библиография 1776—1975, М., 1977 (ук.); Маслов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 309; РНБ, ф. 489; ф. 373, № 9 (письма А. А. Коринфского); ф. 118, № 58 («Словарь рус. писателей» П. В. Бюкова; библиогр. ук., № 593 (письма П. В. Бюкова, 1890 и б. д.); ф. 621, № 559 (письма А. Н. Пынина, 1881, 1898); РГИА, ф. 1284, оп. 75, л. 240 (ф. с. 1863 г.). Ю. Д. Левин.

МИХЕЕВ Василий Михайлович [11(23).6*.1859, Иркутск — 7(20).5.1908, Ярославль, похоронен в с. Спас-Преображенье Романово-Борисоглебского у. Ярослав. губ.], драматург, прозаик, поэт, худож. критик. Род. в богатой купеч. семье (мать — из семьи сеньиного псков. дворянина, ученица декабриста А. В. Поджио). Окончил г-зию в Иркутске; в 1875 поступил в 5-й кл. Москов. реального уч-ща, откуда был исключен в 1877 «по неуспешности» (РГИА, ф. 776, оп. 13, д. 78, ч. 1, л. 260). Юношей нек-рое время по делам отца провел на таежных приисках близ Олжминска (см. замечания М. о своем духовном возмужании под влиянием условий Сибири, не знавшей крепостничества, в ст. «Сорок лет тому назад» — «Сев. край», 1901, 19—21 февр.). С нач. 1880-х гг. жил в Москве [Н. Россов: «многие широко пользовались его гостеприимством и щедростью (он имел паролочные средства, но потом все прожил)» — ТИИ, 1908, № 22, с. 387].

В 1884 дебютировал стихотв. сб-ком «Песни о Сибири» (М.: два изд. за год), где, продолжив поэтич. линию И. В. Омулевского, в условноромантич. манере с долей «гражд. скорби» и приемами стихотв. «рассказа» описал сиб. природу, быт горнозаводских рабочих, экзотич. бурят. уклад и т. д.; в неск. стих. говорилось о декабристах на каторге и в ссылке: «В лице страданне тая, / Шли-приближались к мрачной цели/ Изнемо-

женные князья» (рец.: «Новь», 1884, № 3; РМ, 1885, № 1; «Сибирь», 1885, № 4). Сиб. колорит. «тайна тайги» окрасил первый период писательства М. В «нар. комедии из сиб. жизни» «По хорошей веревочке (По хорошей дорожке)» (М., 1889) он с легкостью разрешал конфликт купцов домостроевской закатки с новым поколением сибиряков, тяготеющим к свободе и цивилизованности. В драме «Тайга (Лесная глушь)» (М., 1893; литографир. изд. — М., 1906) — наиб. удавшимся произв. М. — уже не традиц. «конфликт поколений», скорее схватка непримиримых социобиологич. начал: заброшенным на прииск в тайгу по-гаршински рефлекснрующим интеллигентам противостоял в любовной борьбе человек-зверь, вскормленный жестокой стихией, чьи неукротимые инстинкты (незвизра на его цивилизованность) вели к развязке с убийством женщины и жизненным крахом всех осн. персонажей. Глубинные основы сильного характера, психол. подоплека его борьбы за себя — преобладающий мотив в пьесах М. (не только о Сибири): напр., в драме «Арсений Гуров» (М., 1891; Александрин. т-р, 1892; рец.: «Театр. мирок», 1892, № 8), комедии «Ложные итоги» (М., 1894; т-р Корша, 1893; рец.: «Артист», 1893, № 31) и др., к-рые не удерживались на стиличной сцене, но, бывало, позолу шли в провинции.

«Арсений Гуров» — это фактически точное воспроизведение в рус. обстановке и на рус. лад истории последней любви и предсмертной дуэли Ф. Лассала. Н. К. Михайловский писал о «несообразности предприятия» М., т. к. в России невозможен тип легкого социалиста и т. о. профанируется обществ. смысл лассалевской драмы: «С Арсением Гуровым может случиться то же самое, что случилось с Фердинандом Лассалем, но оно не может так случиться» (в его кн.: Соч., т. 6, СПб., 1897, стб. 977). Между тем М. не ставил ни биогр., ни полит. задач; его интересовал сильный человек как таковой, выходящий (или не выходящий) за пределы социальной среды: в этом качестве его герой, честолюбивый удачливый адепт, произвел неизв. впечатление на

публику. (В частности, к его имени восходили лит. пов. И. Я. Гурланди.)

Как прозаик М. всегда оставался под определяющим воздействием не столько стиля, сколько мировоззрения и личности В. М. Гаршина, редкие встречи с к-рым причислял к важнейшим событиям своей жизни. В кон. 80-х — 90-х гг. он печатался в «Сиб. сб-ках» (прнл. к газ. «Вост. обозр.»), ж. «Труд», «Театр. б-ка», «Сев. вест.», «Артист», «Мир божий», «Рус. богатство» и др.; особенно часто — в ж. «Нива». В отличие от своих пьес, как правило, динамичных, с яркими страстями, М. писал рассказы в приглушенной гамме, с вялым сюжетом, иногда — бессобытийные «эскизы» или произвольные «фантазии» в декорациях условной Италии к.-л. ист. эпохи. В сб. «Художники» (М., 1894) и «В семье и вне семьи» (СПб., 1895) превалировал слаболобный, потерявшийся человек, будь то захолустный мечтатель, следящий за жизнью по газетам, или художник, томимый «жаждой творчнги» и отсутствием впечатлений для творчества. Критика подчёрнула «провинц. характер» трагического у М. и лучшую черту его дарования — юмор («Артист», 1894, № 37, с. 191; др. рец., 1894; РМ, № 5; РБ, № 9; «Неделя», № 41), подметила «давление лит. ничитанности» автора (МБ, 1895, № 4, 2-й отл., с. 35; др. рец.: РМ, 1895, № 7). Большая совесть, как бы двоящаяся мысль и чувства при «безукоризненной честности отношения к раз взятому сюжету» (Н. Россов, ТИИ, 1908, № 22, с. 388) и бледном «интеллигентском» языке в явно неудачном единств. романе М. «Золотые россыпи» — о художнике, удавшемся на прииск в поисках «натуры» («Артист», 1893, № 26—31; отл. изд. — ч. 1—2, М., 1892, 1894), дали основание рецензенту написать, что «нельзя уповить и усмирить себе основной идею автора» (РМ, 1894, № 6, 2-й отл., с. 284).

Человек скромно озаренный, М. преданно любил и хорошо чувствовал «таинственность» живописца, в частности, эстетич. своеобразие рус. худож. школы. В «Артисте» печатались его очерки творчества И. Е. Репина, М. М. Антокольского (1893, № 26—29; в них М. использовал «психологич.», к-рые «смело шутт за Достоевским и Л. Н. Толстым, ид учителями в старшей по времени отрасли иск-ва», — № 29, с. 79), биогр. эпох: о Ф. А. Васильеве (1894, № 44), а также разбор рус. пейзажа в Третьяков. галерее («в случаях душевной творч. смуты спасителем художника может служить одна природа» — 1894, № 34, 35; интета: № 35, с. 142), отчеты о выставках и др.

Оставшись холостяком и обеднев, М. в 1896 поселился с матерью в Ярославле, где вскоре получил репутацию «местного писателя». По местным преданиям написал ист. пов. «Отрок-мученик» (СПб., 1899) и «Колдунья Марина» (Я., 1900; о Марине Миншек в ярослав. плену). Живо интересовался постановкой

нар. образования в губернии, работал в просветит. об-вах. Пред. правления Об-ва вспомоществования учащимся (ГАРФ. ф. 102. 00, 1901 г., д. 895, л. 11). Школа, учительство, дети — в пов. «Тихие дела» («Нива», 1899, № 38—48), рассказе «Последние 25 рублей (Записки педагога)» («Сев. край», 1901, 8, 10, 13, 15, 17 нояб.) и др., частично собранных в кн. «Рассказы» (М., 1902).

С 1898 близкий сотрудник. с 1902 секр. редакци, с 1905 редактор ярослав. газ. «Сев. край», одной из лучших рус. провинц. газет земско-либерального толка, где печататься «считалось за честь» (Тыркова-Вильямс А., На путях к свободе, Нью-Йорк, 1952, с. 99). Имел репутацию политически неблагонадежного (РГИА. ф. 776, оп. 13, д. 78; ф. 1405, оп. 530, д. 371, 998). В 1900—08 периодически печатался в центр. ж-лах: «Нива», «Рус. богатство», «Рус. мысль» (1904, № 12, — пов. «Незаживающая рана»), «Нар. благо» и др. Революция 1905—07 потрясла М. В своих последних произв. он постарался вернуться к сильным характерам и ощущению драмы жизни: пьесы «Герой народной свободы. „Галота“» (Я., 1906; о массовых движениях времен гайдамачщины, понытых из «наблюдений теперешнего движения», — с. VI) и «Освобождение (Исцеление)» (М., 1908; смерть ригориста и ревнива — носителя умертвившей морали — прочитывалась как бесповоротный расчет с прошлым).

Изд.: Пьесы о Сибири. Иркутск, 1938; [Стихи]. — В кн.: Становое море, Иркутск, 1949; Стихи о Сибири, М., 1961; Золотые россыпи, Иркутск, 1984; Беглые театр. воспоминания. — В кн.: Островский в восп.

Лит.: Крутлов А., Пострые страницы. — ИВ, 1895, № 12, с. 814; Россич П. А., Силуэты. — ИВ, 1909, № 7, с. 30—34; Дубровская К., Симпатичный писатель. — В его кн.: Рассказы в стране изгнания, П., 1916; Бродская Н. Л., Декабристы в рус. живописи. — Кис, 1925, № 8 (21), с. 210—13; Заболова Н., Мат-лы для сиб. словаря писателей, М., 1928; Жеребцов В., Предшественник прелест. литературы в Сибири. — «Сиб. опит», 1930, № 6; Черныш П., Заметки о творчестве В. М. Михневича. — «Сиб. опит», 1937, № 4; Белоусов А. А., Повесть Сибири. — В его кн.: Лит-ра и драм. Улан-Удэ, 1964; Куклина Е. А., Социально-нравств. тенденции в творчестве В. М. Михневича 90-х гг. XIX в. — В кн.: Очерки лит-ры и критики Сибири XVII—XX вв., Новосибирск, 1976; Маршлев П., Декабристы в стихах сиб. поэта. — «Байкал», 1976, № 6; Лит. процесс и журналистика (2, укл.). Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибирск, 1982 (укл.); Ф. Нефедов, 1908; РСЛ, 8 мая; Убед. 9 мая; «Русь», 9 мая; ИВ, 31 мая; «Нива», № 21; ИВ, № 6; ЕИТ, 1909, к. 6—7; Рус. провинц. некрополь, т. 1, М., 1914, с. 368; Бродская; Венгеров; Источ. ЛЭ; КЭД, т. 9; ИРЛТ; ССЭ; Петрушев; Огурцов Н. Г., Опыт местной библиографии. Ярослав. край (1718—1924), Я., 1924 (укл.); Писатели Вост. Сибири. Библиогр. указатель, Иркутск, 1973; Астафьева А. В., Астафьева И. А., Писатели Ярослав. края, 2-е изд., Я., 1974; Писатели Вост. Сибири. Библиогр. указатель, в. 2, ч. 1, Иркутск, 1983; Лит. Сибири. Критико-библиографич. словарь писателей Восточной Сибири, т. 1, Иркутск, 1986; Масанов.

Архивы: РГАЛИ. ф. 1354; ИРЛИ. ф. 377; ф. 357, св. 5, № 74 (автобiogр. письмо 1901 г.

А. Н. Сальникова); РГБ. ф. 165, к. 3, № 50 (восп. Н. М. Мещерякова); ф. 196, к. 23, д. 47 (восп. Е. С. Никраевой и письмо М. к ней); РГИА. оп. 26, л. 8, 9, 10, 12 (доклады цензоров о пьесах М.); ф. 1405, оп. 530, д. 371, 998; ф. 1343, оп. 39, л. 3152 (дело о дворянстве; м.с.).
А. В. Чапцев.

МИХНЕВИЧ Владимир Осипович (Иосифович) [14(26).1.1841, Киев — 24.2(8.3).1899, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], журналист, беллетрист, историк быта. Дядя (по матери) Д. Д. Бурлюка. Отец М. — из старинного, обедневшего дворян. рода — арендовал в разное время мелкопоместные поме-

ния в юж. губерниях Малороссии (см. восп. М. «Из прошлого» — «Новости», 1898, 15 февр.). Получил дом, образование в семье своего дяди (по отцу) Ивана, «обрусевшего и оправославленного» (Семевский, с. 333); в 1869 перешел из католич. в православную веру. Увлекался ист. лит-рой; десяти лет прочитал «Историю об Александре Великом (Македонском)» Квинта Курция, а затем проштудировал «Руководство к познанию всеобщей полит. истории» И. К. Кайсаанова. Учился во 2-й киев. г-зии (1853—56), окончил (по желанию отца, переселившегося в Полтав. губ.) Нежин. г-зию (1860).

Самообразование шло наперекор казенным гимназич. порядкам, где «неучебная» книга была под запретом, а А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь объявлялись под-ранными учителями «пустыми» и «вредными» писателями. Правильные сведения о Крым. войне, обороне Севастополя гимназисты получали из фраз. «Иллюстраций». В те же годы, по признанию М., у него обнаружилась «чуждость к сочинительству и вообще к худож. творчеству... и рисовал, и сочинял с одинаковым увлечением...» (Семевский, с. 334). В 13 лет сочинил рыцарскую повесть в стиле А. А. Бестужева-Марлинского, гимназистами разыгрывалась его комедия «Отставка без мушкетера» (там же).

Из Нежина М. послал в «Искру» (1859, № 47—48) свою юмореску «Сны», высмеивающую педагогов гимназии, провинц. нравы. Фельетоны на бытовые темы с 1860 печатал в «Киев. телеграфе» (в числе первых публ. — фельетон «Барышники тол-

кучих рынков», 4 дек.). В 1861—64 учился на ист.-филол. ф-те Киев. ун-та, «но курса не окончил, отвлекаемый долгими отлучками в провинцию „на кондиции“, т. е. на гувернёрство, ради списания средств» (Семевский, с. 335). Это были годы формирования демокр. взглядов, ориентированных преим. на «Современник» (в лит. кружке, к которому примакал М., «запоем» читали каждую новую книжку ж-ла), не без влияния к-рого М. преодолел «весьма романтич. украинифильство» с верой в «гетманшину», «казачью конституцию» и т. п. Побеждает вера в «обшрусское отечество», «единое для всех ветвей и оттенков рус. племени от Урала до Кавказа» (там же, с. 333). В 1863—64 М. — дом. учитель в семье возвратившегося из сиб. ссылки декабриста А. А. Крюкова, жившего в Киеве, знакомство с к-рым «сильно и благотворно» повлияло на склад характера и понятий М. (там же, с. 335).

В 1865, избрав журн. поприще, М. переезжает в Петербург. Начало сотрудничества в изданиях И. А. Арсеньева «Петербург. листок» и «Заноза» принесло разочарование в столичных лит. нравах. К тому же он испытал первые ценз. притеснения: очерк о «хороших» людях, вдруг исчезавших после бесед с надзирателем Нагайкинским, был запрещен цензурой к печати в «Будильнике» (опубл. в кн.: Ямпольский И. Г., Сатирич. и юмористич. журналы 1860-х гг., Л., 1973). Мытарства провинц. журналиста, его лит. батрачество М. изобразил в своей кн. «Литературный мир. Подонки (Сатирические очерки)» (СПб., 1869), правдиво описав «жалкий быт» «кропателей газетных статей», их зависимость от «лит. плутов», выдающих себя за сборников просвещения (рец. — ВТ, 1869, № 9). Отойдя на время от лит. дел, М. служил помощником библиотекаря в б-ке вел. кн. Константина Павловича, затем у одного «дядьки» занялся сочинением и перепишкой разных прощений, не пренебрегая должностью приказчика в мебельном магазине. Первые его наблюдения (гор. быт, нравы сословий, «язывы Петербурга») — в кн. «Романы кухарки и Камелин. Рассказы из петерб. жизни» (СПб., 1869). С 1870 полностью отдается писательству: велет еженед. фельетон «Смеха невинного ради» (1871, № 23, 24, 26, 28, 38, 41) в «Будильнике» Н. А. Степанова, воскресный фельетон в «Сыне отечества» (1872—76) А. В. Старчевского, а с 1876 в «Голосе», куда был приглашен В. А. Бильбасовым. Одновременно сотрудничает в «Деле», «Стрекозе», «Неделе», «Муз. свете», «Петербург. газете» и др.

Свою лит.-обществ. позицию в журналистике той поры М. выразил

в собств. комм. к кн. «1863—1877. Пятнадцатилетие газеты „Голос“» (СПб., 1878): содействовать практич. разработке проводимых реформ, критически оценивать «плоды всеобщ. прогресса», служить делу, а не лицам, не «партиям». Эту программу он пытался осуществить в либеральном издании «Новости и биржевая газета», в к-ром был одним из ведущих сотрудников, чл. редакции более 20 лет (с 1877). Его пост. фельетон «Вчера и сегодня» (в 1895—98 назывался «На очереди»), отличавшийся жанровым разнообразием (полемич. статья, ист. очерк, юмореска, репортаж-обозрение, обзоры «По худож. выставкам», физиологич. очерк и др.). — отклик на разнообразные вопросы текущей и прошлой жизни России, Петербурга — отмечен иронией автора, остроумием, незаурядной эрудицией. М. способствовал превращению газетного фельетона, зачастую рассчитанного на легкое чтение, в ведущий газ. жанр, насыщенный острой общественной проблематикой, заменявший в «Новостях...» передовую статью. Ориентируясь на традиции рус. классич. лит-ры, М. часто обращался к лит. образам А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, цитировал произв. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого и т. п.; создавал лит. типы, чаще всего переосмысливая традиционные: к примеру, «ответственные» как заурядные неудачники в любовной сфере. Фельетонный стиль М. нередко близок иронич. повествованию Г. И. Успенского (характерные заголовки: «Заметки и наблюдения праздного человека», 1887, 22 февр.; «Мой ораторский грех», 1887, 5 апр.; «Элегия малокровного человека», 1887, 19 апр., и др.). Особенность фельетонов М. — освещение «злых дней» в связи с прошлым («вчера» и «сегодня»), в преемственности и противоречивости обществ. и бытовых явлений («Дрейфусиада», 1898, 18 янв.), лит. типизация («Сплетники и „подшныпы“», 1887, 1 февр.; «Наши „скитальцы“», 1887, 13 марта; «Театралы и театралки», 1888, 30 окт., 25 нояб., 27 нояб.). В откликах на годовщины, памятные даты деятелей лит-ры и иск-ва, избегая традиц. комплиментарных интонаций, находил повод отметить нравств. моменты: «Опыт философии русского пьянства. (Памяти Н. Г. Помяловского)» (1888, 2 окт.), «Горькое слово. (Памяти Салтыкова-Щедрина)» (1889, 2 мая), «Немножко запоздалая правда о Гончарове» (1891, 26 сент.), «Писательская судьба. (По поводу смерти Н. С. Лескова)» (1895, 26 февр.).

Касаясь обществ. (в т. ч. национальных) проблем, М., не принимая ни к «европейцам», ни к славянофилам, неизменно выступал в либераль-

ном духе (см., напр., фельетоны 1887: «Затычка к „окну в Европу“», 29 марта; «Народничество на почве пустомыслия», 21 июня; «Народничество разных времен и фасонов», 28 июня, в 1889 — «Основы истинного патриотизма», 28 мая). Позиция М. вызвала неприязнь конкурирующей прессы, в т. ч. «Нов. времени» А. С. Суворина, обвинявшего М. и его коллег в отсутствии «чувства нац. долга» и в пристрастии к закулисным историям (см. заметку Суворина — НВ, 1888, 31 дек., серию полемич. статей Ф. И. Булгакова — НВ, 1889, 16, 24, 27 апр., фельетон В. П. Буренина — НВ, 1889, 5 мая, и др.). Пару раз нападки, М. подчеркивал: «Новости...» — газета «русская и патриотическая во всех отношениях» (1887, № 3). Полемика иногда доходила до резких взаимных обвинений, превращалась в публичную ссору, однажды даже с вызовом на дуэль, отклоненным Бурениным (см. Кауфман). А. П. Чехов в письмах к Суворину не разделял воинств. позиции обонх журналистов (см.: Чехов, Письма, II, 292; III, 98, 125). Призвать оба издания пытался и Д. В. Григоревич («Письма рус. писателей к А. С. Суворину», Л., 1927, с. 29).

Преодолев трудности и «годы безвестности» («Нива», 1899, № 11), М. к 80-м гг. стал видным журналистом, к сотрудничеству с к-рым стремились мн. издания (в т. ч. «Живописное обозр.», «Новь», «Жен. образование», «Одес. новости»), организатором дружеских обедов, объединявших литераторов, издателей, ученых (ИВ, 1912, № 11, с. 618). Со мн. современниками М. связывали приятельские (Д. Д. Минин, Н. С. Лесков, М. И. Семевский, Д. Л. Мордовцев, В. П. Острогорский, А. М. Скабичевский, М. Л. Песковский) и деловые (П. Д. Боборыкин, И. М. Булацкий, П. И. Вейнберг, Б. Б. Глинский, Г. К. Граловский, А. Ф. Иванов-Классик, М. М. Стасюлевич, С. В. Максимов, Вас. И. Немирович-Данченко, Старчевский и др.) отношения. В 1884 М. выпустил свою энциклопедию (ок. 1000 имен) — «Наши знакомые. Фельетонный словарь современников» (СПб.), с портретами-кариатурами («по наброскам автора»; художники — А. И. Лебедев, М. Е. Мальшев, А. А. Серебряков) наиб. известных лиц. В лит.-портретных характеристиках в жанре психологич. очерка, выдержанного в легком фельетонном стиле, выделялись индивидуальные особенности личности, ее обществ. репутация. Многие из них оказались удачны, достоверны (Салтыкова-Щедрина, Г. Успенского, Л. Н. Толстого, В. В. Верещагина, С. П. Боткина и др.) и стали одним из источников в оценке конкретного лица,

его эпохи (см., напр., характеристику Е. М. Феофтистова в кн.: Феофтистовов комм. к соч. К. Н. Леонтьева — ЛН, т. 22—24, с. 483, 489). Критика, принимая в целом ориг. издание М., отмечала неравноценность портретных статей, авт. стремление распределить «знакомых» по «ранжиру» (РМ, 1885, № 3; «Новь», 1885, № 6). М. не включил в словарь ряд имен, к-рые уже задавали новый тон в лит-ре, к примеру Д. Н. Маммина-Сибиряка, Чехова, сотрудничавшего тогда с М. в «Осколках» Н. А. Лейкина, М. И. Семевский в своем альбоме «Знакомые» (1888), где помещен лит. автопортрет М., использовал в выборе имен замысел «Наших знакомых». На собств. средства М. издал кн. «Сочинения П. И. Якушкина. С портретом автора, его биографией С. В. Максимова и товарищеским о нем воспоминанием» (СПб., 1884), в предисл. к к-рой отдал должное «народолюбивой душе» покойного.

Параллельно многообразной журнально-газетной деятельности М., благодаря редкой трудолюбивости и предприимчивости, выпускал кнги своих фельетонов (все — СПб.): «Мы, Вы, Они, Оне, Юмористич. очерки и шаржи» (1879), «Картинки петерб. жизни» (1884, рец.: РМ, 1885, № 3), «Барышни и барыни. Рассказы» (1889).

Наиб. интерес критики вызвал сб. «Мы, Вы, Они, Оне», решительно поддержанный «Отч. запискам» (1879, № 10) за «либеральные идеи», «облипыт.» мотивы, за новые типы в сравнении с Левкиным. Белос. сдержанно, но в целом одобрительно, отзывались «С.-Петерб. вед.» (1880, № 15), оценив серьезность очерка «Траурные дни» (из раздела «Отголоски времен войны»), «фотография, точность» «Павловских аристократов», посетовав, однако, что «остальные гораздо слабее и бессодержательнее». Отрицат. отзыв, проанализировавший отчасти испорченно к редактору «Новостей...» О. К. Ноточичу (см. «Дело», 1879, № 3, с. 150), опубли. в ж. «Дело» в книге М. «Из одного живого человека» (1879, № 9, с. 58).

В юмористич. беллетристике М. выделялся устойчивой тематикой (нравы горожан, закулисные истории в журналистской и театральной среде, дачный ампюлетер), привлекавшей внимание разных читателей. Разделы сб.-шек (обычно — три: первые два в большей степени публицистические, третий — с «романическими» историями) объединены рассказчиком (к-рый «всегда хорошо знает, что рассказывает и для чего...») (РМ, 1890, № 2, с. 45—47), проинизирующим над людскими грехами. «Беллетристич. очерки М. не блещут ярким худож. талантом, глубиной психол. анализа», но отличаются «живой наблюдательностью бытописателя» (Кауфман, с. 145).

Жанр романа-фельетона, эпизодически возникавший в рус. лит-ре и ориентированный, в частности, в юмористич. прессе в большей степени на сиюминутное чтение, приобре-

гал у М. серьезность, обществ. смысл. В ром. «В петербургском омуте» (СПб., 1879, положит. рец.: ИВ, 1879, 21 марта; ср. «Парижские тайны» Э. Сю, «Петербургские грушобы» В. В. Крестовского) круговорот событий захватывает провинциала, жаждшего «окунуться с головой» в «неведомую для него кипучую жизнь». Омут — в противоборстве чиновников разных рангов, в мошеннич. сделках, в «схватках» различных полит. деклараций (см. гл. «Два полюса рус. мысли»). Внешняя интрига не заслоняет ряда интересных типов, лиц с «прозрачными намеками» (этнограф «болярин» Косма Иваныч, генерал Куропатский и др.), хотя образ гл. героини, супруги сановного генерала, из-за к-рой происходят «сердечные катастрофы», остался нераскрытым. В «Москвичке» (СПб., 1891) вокруг гл. жен. персонажей (описанных более предметно, с психол. нюансами) — вдовы-миллионерши, филантропки из Китай-города, «объевропеленной» Кабанихи, княгини Голеницинской, искренне желающей сделать добро, — вращаются лица из того же «омута»: дельцы, адвокаты, «акробаты благотворительности» (РМ, 1891, № 1, с. 4—5). Изображение событий подчинено осмеянию т. н. престижности, за к-рой гоняются «пустые и дрянные люди, а нередко и хорошие, кладут столько стараний и усилий...».

Ист. соч. М. «Исторические этюды рус. жизни» (т. 1—3, СПб., 1879—86), «Исторические очерки и рассказы» (т. 1—2, СПб., 1900) и др. показывают предисторию совр. нравов, истоки нар. мирозерцания. Ориентировался на ист. воззрения А. П. Шапова, П. И. Якушкина. Бытовая история России 17—18 вв., воссозданная на основе забытых документов и свидетельств, предстает у М. (галантливого популяризатора, имеющего «ист. чутье», — Н. Соловьев, СПбВед, 1879, № 20) в колоритных, символич. деталях, в их бытовании: «История рус. бороды», «Лодка (Простонародная святочная игра)», «Пляска на Руси в хороводе, на балу и в балете». «Мы не знаем, — утверждал А. П. Милюков, — др. сочинения, в к-ром этот предмет (наш быт) разобран был так основательно и передан в таком живом и интересном рассказе» (ИВ, 1882, № 5, с. 464). Более поздние иссл. подтвердили ряд гипотез М. (см.: Фаресов А. И., История борьбы и усов. — Там же, 1904, № 10), М. опубл. также «Очерки истории музыки в России в культурно-обществ. отношении» (СПб., 1879), где выделялись нар. истоки пения, нар. опера и др. «Историю русского смеха» («Осколки», 1882, № 6, 10, 19, 48). Попытка вслед за Д. Л. Мордовцевым

высмыслить общий тип рус. женщины («Русская женщина XVIII столетия», СПб., 1896; отрицат. рец. — МБ, 1896, № 6) была менее удачной: смешение разных типов личности (императрица, принцесса, графиня, актриса и др.), унификация их характеристик в угоду консерват. традициям («Любовь и сватовство», «Жена и мать», «Хозяйка и помещица») приводили к упрощениям и натяжкам (см. рец. — РБ, 1896, № 7). Однако общая цель издания с обильными илл. из литературы (драматургия, Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин) — показать не «параллельный ход истории» («Рус. женщина...», с. 9), увидеть в «независимой и самостоятельной» женщине 18 в. «первообраз современного нам типа рус. женщины — человека и гражданина» (с. 232) — была привлекательна. Простая эпоха, ее жен. типы интересовали М. и в связи с биографией А. С. Пушкина: «Дед Пушкина (А. П. Гвиннибал). Трагикомедия конца прошлого столетия» (ИВ, 1886, янв.), «Роман Пушкина» («Новости», 1887, 25 янв.).

М. проследил «редким знатоком петерб. жизни» (Кауфман, с. 137) и благодаря историко-статистич. иссл. — «Петербург весь на ладоны» (ч. 1—2, СПб., 1874; город в старину, движение населения и др.) и особенно «Язывы Петербурга» («Набл.», 1882, № 1—6, 8, 10, 12, отд. изд. — СПб., 1886; пер. на франц. яз.). В последнем — историко-публиц. картина «нравственности столичного населения» (ч. 1 — «Статистика нужды, недовольства и нравств. порчи», ч. 2 — «Мир преступлений», ч. 3 — «Картина нравов») в переходное время становления бурж. порядков (кон. 60-х—70-х гг.), с верой в прогресс в противовес распространенному мнению об общем упадке нравов, что прежде всего поддразнил А. Н. Пыпин (ВЕ, 1886, № 5). Обществ. резонанс имели очерки «Черные дни. Наблюдения и заметки» (СПб., 1892; рец.: ИВ, 1892, № 5), о голоде в Поволжье с критич. оценкой администрации Нижегород., Казан., Симбирской, Рязан. губ., земства, перекликающиеся отчасти с выводами Толстого в статьях «О голоде», «Страшный вопрос». В очерках есть свидетельства М. о его встречах с Толстым в Бегичевке, о воспоминаниях Толстого, касающихся Крымской войны, обороны Севастополя. (Очерки М. о Толстом см.: «Новости», 1895, 28 марта, 14 мая; 1898, 21 окт., 18 дек.) Ценные факты, авт. впечатления содержатся и в др. мемуарных очерках М.: «Восп. об И. С. Тургене» (там же, 1883, 9 сент.), «Страшилка лит. воспоминаний. (По поводу статьи С. С. Трубацэва „Карикатурист Н. А. Степанов“» (ИВ, 1891,

№ 6) и др. В «нравств. завещании» от 12 мая 1891 своим душеприказчиком писал: «всем обязан, — и самыми светлыми минутами в жизни, и лучшими помыслами, и, наконец, как писатель» — рус. лит-ре («Новости», 1899, 14 апр.).

Остался незаконченным составленный вместе с Елиз. Ник., женой М., словарь «Рус. мысль в излечении из первоклассных рус. беллетристов и поэтов» (там же). В последние годы жизни М., не прерывая писательской деятельности (смерть от расширения аорты застала его за работой над обзором новой ист. лит-ры), активно участвовал в деятельности Лит. фонда. Был одним из учредителей кассы взаимопомощи нуждающимся литераторам и ученым, казначеем правления кассы. Завещал Лит. фонду свою библиотеку и 2/3 недвижимого имущества.

Др. произв.: «Князь Михаил Тверской и татарский погром» (СПб., 1872, 2-е изд., 1873), «Смутное время. Рассказы из рус. истории» (СПб., 1874); «Всего понемножку. Фельетонно-юмористич. наброски... в трех сериях» (СПб., 1875); «Варшава и варшавяне. Наблюдения и заметки» (СПб., 1881; положит. рец.: М. М. Стасюлевич — ВЕ, 1881, № 5); «Любимцы. Хроника одного ист. семейства (Скаворонских)» (СПб., 1885); «Петербургское лето. Фельетонные наброски» (СПб., 1887); «Школьные типы 50-х гг.» («Рус. школа», 1894, № 3, 4); «Юбиляр malgré lui» («Новости», 1895, 5 февр., 12 февр.); «На заре киевской журналистики (Из лит. восп.)» («Жизнь и искусство», Киев, 1898, 30 дек., 1899, 5 янв.); «История карточной игры на Руси» (ИВ, 1901, янв. — март).

Изд.: Петербургские сады и их этнография. — В сб.: Язывы Петербурга, Л., 1990; Рус. женщина XVIII столетия, М., 1990.

Лит.: (6/6). В. О. Михневич, с. фотография Шпирко. — «Новь», 1887, № 14; Мартов Н., Газета рус. писателей и художников, СПб., 1901, с. 62, 63—64; Глиньский Б. Б., Среди литераторов и ученых, СПб., 1914, с. 215—28 (первае публ. о М. — 1899); Богданов Д. П., В. О. Михневич. Ист. очерки и рассказы. — ИВ, 1900, № 3; Семеновский Р. И., Что нового в литературе? (Ист. очерки и рассказы покойного М.). — ЛПН, 1900, 1/4; его же, «Дом писателя». — ИВ, 1907, № 9 (М. и др. фонд); Кауфман А. Е., Из журн. воспоминаний. — ИВ, 1912, № 10; Сербатов; Русаков Н. С., На родине, 1859—1882, [М., 1931] (ук.); Писыма А. П., Человек от брата Александра Чехова, М., 1939 (ук.); Ямпольский И. С., Литер. журналистика 1860-х гг., [М., 1964] (ук.); Лесков А., Жизнь Н. Лескова, т. 1—2, М., 1984 (ук.); Буриляк Д., Восп. ота рус. футуризма. — «Мишурин», в. 5, Париж, 1988, с. 19. + Некрологи, 1899: ИВ, № 4; «Новости и бирж. газ.», 25 февр.; ИВ, 26 февр.; «Нил», № 11. Гороаский Б. М., Систематич. ук. содержания «Ист. вестника» за 25 лет (1880—1904), СПб., 1908; Брокгауз, Вепстер, Источ.: Гранат; Мейер; Муратава (1); Массанов.

Архивы: ИРИИ, ф. 183, ф. 377; РГАЛИ, ф. 391, оп. 1, № 53 (завещание М.); публ.: в «Новь» лит. «Братни» — «Новости дня», 1899, № 5706; Фемеланд; РНБ, ф. 874 (писыма С. Н. Шубинскому), ф. 39 (писыма); ГМТ (писыма Л. Н. Толстому); ГА Киев, «бл.», ф. 782, оп. 1,

№ 7571, л. 161 (дело дворян Михалевиц, в т. ч. м. с. М.).

Г. В. Красное.

МИЦКЕВИЧ Сергей Иванович [6(18).8.1869. г. Яранск Вятской губ. — 12.9.1944, Москва], очеркист, мемуарист; обществ. деятель, врач. Из семьи воен. интенданта. В 1888 окончил Нижегород. кадет. корпус; под влиянием народнич. идей в том же году оставил воен. службу. В 1888—93 студент мед. ф-та Моск.

ун-та. Врачебную практику начал в студенч. годы в Нижегород. губ.; в 1888 участвовал в ликвидации эпидемии холеры. В сер. 80-х гг. в Н. Новгороде познакомился с В. Г. Короленко и А. И. Богдановичем; в 1889 — с М. Горьким (см.: М. Горький в восп. современников. М., 1955). С кон. 80-х гг. чл. нелегальных студенч. кружков, автор прокламаний для рабочих. В 1893 в Н. Новгороде познакомился с В. И. Лениным, в сент. того же года стал одним из основателей «Моск. рабочего союза», положившего начало моск. с.-д. орг-ции. Вошел в тесный контакт с виленской евр. с.-д. орг-цией, через к-рую получал агитац. лит-ру. В 1894 арестован, а затем сослан в Якутию (1897—1903), где с 1899 работал врачом в отдаленных областях Колым. края; организовал в Среднеколымские б-цу и лепрозорий. «С удовольствием вспоминаю это время: интересный, совсем не исследованный край, своеобразный быт местного населения, интересная врачебная и исследовательская работа» (Автобиография). В 1900—03 в иркутской газ. «Вост. обозр.» и в «Рус. вед.» поместил около двух десятков корреспонденций об обычаях, нравах и занятиях якутов, юкагиров и ламутов. Наиболее труднодоступные поселения Колымы описаны в ст. «Вымирающий край (из путевых заметок врача)» (РБ, 1902, № 7). Помимо науч. ценности этногр. очерки М. име-

ли и практич. цель — привлечь внимание общественности к бедственному положению народов, оказавшихся на грани вымирания. М. одним из первых описал особенности заболеваний, к-рым подвержены народы Крайнего Севера.

С 1905 вместе с В. М. Фриче, М. Г. Лушцем и др. работал в лекторской группе при Моск. совете. Продолжал мед. практику в Москве (с 1904), Н. Новгороде (1906—14) и Саратове (с 1914); участвовал в 9-м Пирогов. съезде (1907). В 1912 пытался создать с.-д. легальную еженед. газ. «Поволжская быль» (просуществовала 7 недель), в 1915 в Саратове — «Нашу газету». В июле 1917 гласный Гор. думы, в нояб. — чл. Исполкома Саратов. совета солдат. и рабочих депутатов, пред. совета гор. комиссаров. В 1918 переехал в Москву. В годы Гражд. войны пом. нач. санчасти Юж. и Юго-Зап. фронтов. С 1921 пред. Моск. губ. отдела союза работников просвещения; чл. коллегии Истпарта при ЦК РКП(б) (1922—24); дир. Музея революции СССР (1924—34). Делегат 9-го съезда РКП(б).

Восп. М.: ист. очерк «На заре рабочего движения в Москве» (сб. «Текущий момент», М., 1906; впервые в мемуаристике упоминается Ленин); «На грани двух эпох. От народничества к марксизму» («Пролет. революция», 1923, № 2; отд. изд. — М., 1937); «Революционная Москва» (М., 1940); «Записки врача-общественника» (М.—Л., 1941; 2-е изд., М., 1969, библ.) — содержит наряду с автобиогр. сведениями богатую информацию о развитии рев. движения и становлении моск. большевист. орг-ции; о жизни Н. Новгорода на рубеже веков; портреты Короленко, Горького; о мед. ф-те Моск. ун-та; о деятельности зем. врачей; об эволюции взглядов самого автора — от народничества к большевизму.

Лит.: Ульянова А. И., Восп. — В кн.: Первый съезд РСДРП. Март 1898 г. Док-ты и мат-лы. М., 1958; Бонч-Бруевич В. Д., Избр. соч., т. 2. М., 1961 (жк.); Мицкевич Е. С., Одной лишь душой власть. М., 1971; Ключкин В. И., Сергей Мицкевич. 1869—1944. Киров, 1980; Федосеев И. И., В колых. глуши. М., 1985. + Гранат (автобиография); РБез. Сб.; БСЭ; СИЭ; БМЭ; Москва; ИРДВ; Москов.

Архивы: РГБ, ф. 170; Гос. музей революции, ф. Я—28; ГАРФ, ф. 63, 1890 г., л. 511; ЦИАМ, ф. 418, оп. 302, д. 437 (па.); ф. 131, оп. 17, д. 1091. В. Н. Савлов, И. Л. Попова.
МОДЕСТОВ Василий Иванович [24.1(5.2).1839, с. Кемшы Валдайского у. Новгород. губ. — 13.2.1907, Рим], филолог-классик, публицист, историк. Отец — священник, настоятель прихода. Окончив Старорус. духовное уч-ще (1847—53), учился в Новгород. сем. (1853—56) и Гл. пед. ин-те (до 1859), где познакомился с Н. А. Добролюбовым («Н. А. Добролюбов. Воспоминания о личности и взгляд на писателя» — «Новь»,

1886, № 6; переизд. в кн.: Добролюбов в восп.). В 1860 окончил Петерб. ун-т (о студенч. «волнелии умов» в «ожилании кровавого переворота» и о друге М. — основателе рус. школы византинистов см. восп.: «В. Г. Васильевский» — ЖМНП, 1902, № 1). В 1860—61 преподавал лат. яз. и всеобщую историю в Петрозаводске (где общался с П. Н. Рыбниковым). В 1862 выдержал в Петерб. ун-те экзамен на степень магистра рим. словесности. Был командирован в Боннский и Гейдельберг. ун-ты (1862—1865; см.: «Зарубиные воспоминания» — ИВ, 1883, № 2—4). В 1865 защитил в Петерб. ун-те магистер. дис. «Тацит и его сочинения» (СПб., 1864). В 1865—67 — доцент кафедр рим. словесности Новорос. (Одесса) ун-та (см.: «Отрывок из воспоминаний» — ИВ, 1884, № 11). В 1868 защитил докт. дис. «Римская письменность в период царей» (Каз., 1866; нем. пер. — Berlin, 1871) и избран ординарным проф.; в 1869—77 ординарный проф. Киев. ун-та. В 1871—76 проф. Киев. духовной акад., с 1903 ее поч. чл. (см.: Дроздов). С 1877 ординарный проф. Петерб. духовной акад.; в 1878—79 приват-доцент Петерб. ун-та.

Следуя за своим учителем Н. М. Благовещенским, М. выступал против «грамматич.» направления в классич. филологии, за целостное изучение антич. культуры (см. его отчет о командировке в Берлин. ун-т — ЖМНП, 1862, № 9). Собр. труды М., не отвечающие столь высокому идеалу, — в осн. обзорного характера: «Лекции по истории рим. лит-ры» (курс 1 — К., 1873; 3-е изд. — СПб., 1889; курс 2 — К., 1875; 2-е изд. — СПб., 1889; курс 3 — СПб., 1889; все три курса — СПб., 1888) — первый опыт систематич. изложения вопроса на рус. яз.

(отрицат. рец.: Зелинский Ф. Ф., *Отзыв о соч. М. «Лекции по рим. лит-ре»*. М. — СПб., 1889). Нападки М. на «грамматич.» направление выжидали встречные обвинения в непрофессионализме и стремлении «угодить вкусу публики» (Верт Э., М. как критик и ученый. — ЖМНП, 1876, № 5, с. 25). По мнению М., рус. филологи, не помышляя о науч. творчестве, довольствуются рабским копированием методов нем. ученых или даже простой популяризацией их работ. Подобные заявления призывали М. к конфликту со многими коллегами, в т. ч. и с Благовещенским (см. его рец. на докт. дис. М. — ЖМНП, 1868, № 8; ответ М.: «Скептицизм в рим. истории (с прил. двух отзывов проф. Н. Благовещенского)». Каз., 1869).

В 1878, переехав в Петербург (после конфликта в Киев. ун-те с М. П. Драгомановым и В. С. Иконниковым; см.: «В Казани и в Киеве» — ИВ, 1885, № 12), возобновил журналист. деятельность (начатую в 1864—1865 в «С.-Петербург. вед.»), помещая в газ. «Голос» передовицы в либеральном духе о внеш. политике России, образовании, рец. и др. Наиб. резонанс имела ст. «Невольная тема» (1881, 8 февр.), в к-рой М. утверждал, что значение публицистики Ф. М. Достоевского преувеличено людьми, привыкшими «лезть» к писателям «со своим полицейским аттестатом: либерал или консерватор». Достоевский, по мнению М., не полит. мыслитель: его вера в гос. мудрость «серых зипунов» наввела М. Н. Катков (М. зател и его) назвал М. «врагом народа» и «жалким обскурантом» (МВед, 19 февр.), А. С. Суворин обвинил в буржуазности, неверии в лучшее будущее и авторитарной защите совр. узких полит. форм» (НВ, 10 февр.). Разногласия М. с «Нов. временем» вскоре приняли форму скандала (см., напр., фельетон В. П. Бурынина о «затхлом семинаризме» М.: НВ, 1881, 12 июня). В 1880 М. ушел в отставку, публично осудив классич. систему образования, в к-рой он видел нетворческое воспроизведение программ друг. г-зий, не учитывающее особенностей рус. культуры; об-ж статей «Школьный вопрос», СПб., 1880. В 30-е гг. жил лит. трудом. В 1882 оставил «Голос», не сойдясь с редакцией в оценке положения русских в Галиции. В 1894 неожиданная для «Сев. вест.» негативная оценка М. студента, волоньер 1861 и той роли, к-рую сыграли в них поляки, в заказной ему ж-лом ст. «Санкт-Петербург. ун-т» (№ 1, 2) стала причиной скандала (см., напр.: СВ, 1894, № 6, с. 115—123). Способность вступать в конфликты одновременно и с либералами, и с консерваторами отмечали современниками как специфич.

черта М.: «Как всегда бывает с лицами, старающимися найти средний путь между двумя крайними воззрениями, М. не угодил ни тем, ни другим» (В. З(отов) — ИВ, 1883, № 4, с. 226). Многие из напечатанного М. в 1880-е — 1900-е гг. в разнообразных изд. — от «Новостей» до «Наблюдателя» — собрано в кн. «Статьи для публики по вопросам историческим, политическим, общественным, философским и проч.» (т. 1, СПб., 1883). «О Германии» (СПб., 1888; поств. в осн. герм. воен. угрозе; рец.: «Allgemeine Zeitung», 1888, 19 июня; «Revue politique et littéraire», 25 авг.). «О Франции» (СПб., 1889; Франция представляется М. наиб. желательной союзницей России).

В 1886—89 приват-доцент Петерб. ун-та, с 1889 ординарный проф. классич. филологии Новорос. ун-та. В 1894 вышел в отставку и вскоре навсегда уехал в Рим. Революция 1905 воспринял как «крушение нашего отечества» (Дроздов, с. 237). В последние годы жизни занимался историей, развивая мысль о необходимости синтеза гуманитарных наук. Его «Введение в рим. историю. Вопросы доист. этнологии и культурных влияний в дорим. эпоху в Италии и начало Рима» (ч. 1—2, СПб., 1902—04; франц. пер. — Р., 1907) — первое обобщающее соч. на эту тему (положит. рец.: S. Reipach — «L'Anthropologie», 1902, v. 13).

Лит.: Достоевский (ук.); Чехов (ук.); Семеский; Михневич; Марквич А. И., 25-летие Имп. Новорос. ун-та, Од., 1890; Пышин А. И., История рус. этнографии, т. 1—4, СПб., 1890—92 (ук.); Цветаев Н. В., Проф. М. По поводу сорокалетия его учено-лит. деятельности. — «Филол. обзор», 1899, т. 17, с. 79—98; Дроздов Н., Памяти проф. М. Осера ж-лн и учено-лит. деятельности. — «Труды Киев. духовной акад.», 1907, № 6; Садов А. И., Проф. М., Воронеж, 1911 (библи.); Шофман А. С., В. И. Модестов как историк античности. — В кн.: История и этнология, 1975, М., 1978. + Некролог, 1907; РВед, 18 февр. (Д. Н. Анучин); «Голос Москва», 18 марта (Н. В. Шестаков); «Вест. лит-ры», № 3 (С. Шестаков); РВед, Об.; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Гранат; Масанов.

Архивы: письма М. — ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 56 (Е. В. Богданович); № 601 (А. Е. Кауфман); ф. 183, оп. 1, № 241 (В. О. Михневич); ф. 207, № 138 (О. К. Нотович); ф. 446, № 176 (Р. И. Семенов-Томарский); ф. 529, № 3 (Л. А. Изгелю); РИВ, ф. 253, № 533 (А. А. Дмитриевский); ф. 436, № 29 (М. М. Лесерле); ф. 608, оп. 1, № 1025 (И. В. Помяловский); ф. 874, оп. 1, № 16, 22, 31, 37, 49, 52, 58 (С. Н. Шубинский); ф. 1000, оп. 2, № 895 (Кауфман).

В лит-ре (Венгеров, Брокгауз) М. ошибочно отождествляется с Вас. Ал. Модестовым (ок. 1810 — ?), переводчиком, докт. писателем, к-рый также учился в Пед. ин-те в Петербурге, в нач. 1840-л. и был старшим учителем Витебской г-зии. Невероятно в осн. ист. труды: Крузе Х. и Ф. Атлас и таблицы для обозрения истории всех европ. земель и гос-в, от первого их народонаселения до новейших времен (СПб., 1843); Очерки всеобщей истории для детей от десяти до пятнадцати лет (СПб., 1844); Галлеа, Никомедий (т. 1—2, СПб., 1845). Его пер. «Курс эстетич. науки» Гегеля (ч. 1—2, ч. 1—3, СПб., 1847—60) вымал отрицат. отзыв В. Н. Майкова («Лит.

критика», Л., 1985, с. 330). См. о нем также: Белинский (ук.).

Г. В. Зюкова

МОДЗАЛЕВСКИЙ Борис Львович [20.4(2.5).1874, Тифлис — 3.4.1928, Ленинград; похоронен на Смоленском кладб., историк рус. лит-ры. Сын Л. Н. Модзалевского. Окончил 2-ю петерб. г-зию (1884—1894); в 1894 поступил на ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та, но из-за недоразумений с администрацией перешел на

юридич. ф-т, к-рый окончил в 1898 с дипломом первой степени. Сохранив привязанность к истории и лит-ре. М. в студенч. годы под руководством В. И. Сантова и Л. Н. Майкова занимался изучением забытых и малоисследованных писателей 18 (В. Г. Рубан) и 19 вв., преимущественно пушкин. эпохи (Е. П. Люценко, И. Е. Веллиопольский и др.). В 1898 опубликовал первую пушкиновед. ст. «Пушкин и Е. П. Люценко» (РС, 1898, № 4). Начал службу в канцелярии по учреждениям имп. Марии, в апр. 1899 приглашен в АН, где до последних дней жизни протекала его науч. и служебная деятельность. В 1899 М. — ближайший сотрудник Майкова по организации юбилейной Пушкин. выставки и публикатор ее мат-лов: в 1900—06 вел переговоры с наследниками о приобретении для АН личной б-ки Пушкина, перевез ее в Петербург и составил библиографическое описание «Б-ка А. С. Пушкина» (СПб., 1910; репринт — М., 1988), к-рое стало одной из классич. пушкиновед. работ. С 1903 по 1927 под ред. М. выходило серийное изд. «Пушкин и его современники», объединившее неск. поколений исследователей. В 1903 М. был командирован в Париж для описания рукописей Пушкина, принадлежавших А. Ф. Онегину (после смерти последнего коллекция была доставлена в Ленинград и принята М. в 1928). Б-ка Пушкина и собрание его рукописей положили начало Пушкинскому Дому, одним из основателей к-рого (вместе с акад. Н. А. Котляревским) стал в 1905 М.

С 1907 по предложению непрямого секр. АН акад. С. Ф. Ольденбурга М. заведовал архивом Конференции АН (утвержден в 1912); принял ряд архивоведч. источниковедч., биографич. и генеалогич. разысканий по истории АН. Как крупному знатоку и исследователю биографии и генеалогии рус. деятелей 18—19 вв. ему принадлежат свыше 300 статей в РБС (1896—1918), статьи в изд. «Рус. портреты XVIII и XIX ст.» (т. 1—5, СПб., 1905—09), богато документированные издания мемуаров и эпистолярных мат-лов. М. изучал наследие деятелей декабрист. движения; был редактором-составителем «Архива Раевских» (т. 1—5, СПб., 1908—15) и «Архива декабриста С. Г. Волконского» (т. 1, П., 1918; изд. не оконч.); на неизд. письмах построен его труд «Роман декабриста Каховского...» (Л., 1926). Вместе с изв. генеалогом А. А. Сиверсом М. написал 580 биогр. статей для «Алфавита декабристов» (Восстание декабристов, т. 8). Его карточка персоналий, включающая 165 тыс. карточек (регистрировались упоминания в печат. лит-ре, некрологич. известия, данные арх. источников), наряду с аналогичными (но меньшими по объему) карточками Сантова и Л. Б. Модзалевского (сына М.), хранящаяся ныне в ИРЛИ (Пушкинском Доме), — неоценимый источник для любого биобиблиографического исследования.

Венцом науч. деятельности М. стали комментиров. издания «Пушкин. Письма» (т. 3 подготовлен Л. Б. Модзалевским, отчасти по мат-лам отца) и «Пушкин. Дневник 1833—35» (М.—П., 1923), объединившие его разыскания в области пушкиноведения, истории и биографии пушкин. эпохи. Комментарий отразил как сильные, так и слабые стороны культурно-ист. школы, к к-рой принадлежал М.: в нем получили освещение преим. ист. и биогр. реалии; меньше внимания было уделено лит.-эстетич. и социально-филос. проблематике творчества поэта. Вместе с тем он представляет собой уникальную по богатству и точности энциклопедич. пушкин. эпохи в ее ист. и биогр. связях, в этом своем качестве являющийся одним из высших достижений академич. пушкиноведения 1910—1920-х гг.

В 1918 М. по представлению А. А. Шахматова и Котляревского был избран чл.-корр. АН по отд. языка и словесности. В 1919 М. — старший уч. хранитель Пушкинского Дома, в 1922—24 исполнял должность директора созданного им науч. центра. Ему принадлежат публикации писем И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и др., поэмы М. Ю. Лермонтова «По-

следний сын вольности», документов о тайном надзоре за Пушкиным («Пушкин под тайным надзором», Л., 1922; 3-е изд., Л., 1925) и др. Постерно был издан сб-к его статей «Пушкин» (Л., 1929). Список трудов М. насчитывает более 650 назв.

Лит.: Коллан Б. И. Краткий очерк науч. деятельности М. — Изв. АН СССР. Отд. гуманитар. наук, 1929, с. 302—16; Измайлов Н. В., Б. Л. Модзалевский. — РЛ, 1974, № 3; Мурьянов М. Ф., Б. Л. Модзалевский. — Изв. ИРЛИ, 1974, № 3; Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966 (ук.); Гречинский С. С., О фонде М. — «Сов. архивы», 1976, № 2; И перепиши М. — В кн.: Пушкинский Дом. Статьи. Документы. Библи., Л., 1982 (сбл. Е. И. Семенова); Басхакоев В. П., Картошка М. История, состав, источники. — В кн.: Иссл. по древней и новой лит-ре. Л., 1987; его же. Пушкинский Дом (ист. очерк), Л., 1988. + Некрологич., 1928: «Мир приключений», № 5 (Н. В. Измайлов); «Читатель и писатель», 14 апр. (Н. Ф. Бельчиков); «Красная газета», вст. а. 4 апр. (Измайлов); Б. Л. Модзалевский. Биогр. даты. Список трудов, Л., 1924; Памяти М. 1874—1928. Биогр. даты. Библи. трудов, М., 1928; ЛЯ; БСЭ; КЛЭ; Муратова (1).

Архивы: ИРЛИ. ф. 184; СПбОИИ. ф. 68. В. И. Басхакоев.

МОДЗАЛЕВСКИЙ Лев Николаевич [14(26).2.1837, д. Гари Гаов. у. Петерб. губ. — 12(24).5.1896, Петербург; похоронен в Гаярах], поэт, публицист, педагог. Сын отставного штаб-капитана из полтав. дворян. Отец Б. Л. Модзалевского. Окончил 3-ю петерб. г-зину, сильное влияние на М. оказал преподаватель В. Я.

Стоюкин. На филол. ф-те Петерб. ун-та (1855—59) однокурсниками М. были А. М. Скабичевский, Л. Н. Майков, Вс. В. Крестовский; в ун-те он участвовал в издании рукоп. юмористич. ж. «Светоч» и студенч. сб-ка. После окончания ун-та работал гувернером, дом. учителем, преподавателем Таврич. школы, к-рая бесплатно готовила первых учителей для нар. школ. С 1861 преподавал рус. яз. и словесность в старших классах Смольного жен. ин-та, в к-ром волевод К. Д. Ушинского сошлись впоследствии изв. педагоги и литераторы — О. Ф. Миллер, В. И. Воловцов, М. И. Семевский, Д. Д. Семёнов.

По восп. современников, уроки М. «молодого талантливого преподавателя, волновали всех. Идеалы 60-х гг. увлекли молодые головы... о протитанном спорили, восхищались» (Черепнин Н. П., Имп. Воспитат. Об-во благородных девиц. Ист. очерк. 1764—1914, т. 2, П., 1915, с. 314).

С целью изучить постановку воспитания и обучения в др. странах дважды (в 1862—64 и в 1865) ездил за границу (Франция, Швейцария, Богемия), слушал лекции в Йенском и Гейдельберг. ун-тах. Его корреспонденции печатались в 1863—64 в «Журнале Мин-ва нар. просвещения», результат его непосредств. наблюдений — очерк «Быт студентов в Германии. Из заграничных писем» (СПб., 1865). В 1866 выпел тремя выпусками его «Очерк истории воспитания и обучения с древнейших до наших времен» (СПб.; 3-е изд., ч. 1—2, СПб., 1892—99) — фундаментальная монография. Гл. убеждением М. была мысль о том, что воспитание должно быть основано на началах христианства, гуманности, человечности, отсюда, в первую очередь, необходима забота о первонач. воспитании и образовании. После возвращения в Россию в 1864 преподаст в Смольном ин-те, в 3-й петерб. г-зину, в Андреев. уездном уч-ще в Петербурге, выполняя одновременно обязанности инспектора курсов при уч-ще (1865—66). В 1867—81 жил на Кавказе, преим. в Тифлисе. По предложению вел. кн. Михаила Николаевича стал воспитателем детей имп. Александра; преподавал в Тифлисе. жен. г-зину, с 1872 ее директор. По инициативе М. в Тифлисе было открыто восемь бесплатных школ; с 1877 получил назначение на должность окружного инспектора Кавк. уч. округа. Обществ. и благотворит. деятельность М. (в частности, он — чл.-учредитель Муз. об-ва 1871—75, написал под псевд. Л. Гарский либретто оперы «Тарас Бульба», СПб., 1880, муз. В. В. Кюнера) сочетал с лит. и публицистич.ской: печатался в газ. «Кавказ», «Голос», «Книж. вест.», ж. «Рус. школа», «Семья и школа», «Нар. школа». Последние семь лет жил в Петербурге; занимая должности инспектора Маринин. ин-та и дир. уч-ща для глухонемых, продолжал широкую пед. и организаторскую деятельность.

В творческом наследии М. особое место принадлежит его стих. (ок. тридцати), написанным для кн. «Родное слово» (СПб., 1864) и печатавшимся под иници. Л. Н. или анонимно. Положенные на музыку Кюнером, стихи были изданы без указания автора текста в Тифлисе в 1878 — «Сбирель. Сб. детских песен» (перев. изд. — СПб., 1900; М., 1908). Эти

стихи соответствовали широкой программе воспитания детей, намеченной издателем книги Ушинским. Непреходящий успех выпал на долю стих. «Приглашение в школу» («Дети, в школу собирайтесь! Петушок пропел давно! Попроворной одевайтесь! Смотрит солнышко в окно!... Рыбаки уж ташат сети! На луку коса дремлет...! Помолясь, за книгу, дети! Бог лениться не велит»). Стих. «Вечерняя заря весною» («Слетит к нам, тихий вечер! На мирные поля; перелесам нем. поэта Г. К. Клаудуса) — поэтич. пейзажная зарисовка сел. вечера, было положено на музыку ин. композиторами, в т. ч. П. А. Кюи, Н. Н. Черепниным. Стихам М. присуща интонация мягкого родительского наставления; приобретает к миру природы. автор приглашает их к «собеседованию» с этим миром (мольотком, рыбой и т. д.), к созерцанию его красоты и к сопереживанию. По словам М., общая пед. идея, положенная в основу этих стих., — «одновременно содействовать развитию поэтич. и муз. потребностей детей от 7- до 12-летнего возраста, пробуждая в них эстетическое и тесно связанное с ним религиозное чувство, устанавливая изящный вкус, изощряя слух и голос, ибо любовь к природе и к прекрасному служит лучшим основанием и для нравственно-го воспитания» (цит. по: Семенов, *отд. оттиск*, с. 15—16).

Др. произв.: «Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 г.» (Тифлис, 1880), «Амос Каменский, основатель новой педагогик» (СПб., 1892), «Имп. Мария Федоровна и ее первый женский ин-т. Из истории С.-Петербур. Марининского ин-та» (СПб., 1894).

Изд.: Для детей. Стишки, П., 1916 (рис. Е. Нарбута); К биографии К. Д. Ушинского. — В кн.: Ушинский К. Д. Собр. соч., т. 11, М.—Л., 1952; [Стихи]. — В сб-ках: Песни рус. поэтов, т. 2; Рус. поэзия детям.

Лит.: Семенов Д. Д. Влияние школы и среды на развитие природного таланта. По поводу смерти М. — «Вест. воспитания», 1897, № 2 (отд. оттиск — М., 1897); Михайловский, Л. с. III—VII; Михайловская, М. Л. Н. Молящаяся. — «Сов. педагогика», 1987, № 10; [Шамова К. Д. Ушинского к М.] — В кн.: Ушинский К. Д. Пед. соч., т. 2, М., 1988, с. 465—72. + Некролог: ИВ, 1896, № 7. Мемор. Бегуни; Брокгауз; Венгеров. Источ.; Назин; Миславю.

Архивы: ИРЛИ. ф. 164.

Е. О. Путилова.

МОЖАЙСКИЙ Иван Павлович [1828 (по др. сведениям — 1830) — 19.2(3.3). *1893, Новгород], поэт-сатирик, педагог. Из дворян. Сын полковника, вице-дир. Арт. департамента. В 1839 зачислен в 1-ю петерб. г-зию, по окончании к-рой (1847) поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та; уволен по прошению со 2-го курса в 1850. С 1854, выдержав экзамен на звание учителя нар. уч-щ, начал пед. деятельность: был учителем (рус. яз.) в 1854—58 по совместительству чер-

чение и рисование), с 1857 смотрителем Новгород. уездного уч-ща, потом учителем г-зии (франц. яз.); с 1859 М. — смотритель, с 1869 (и до конца жизни) инспектор нар. уч-щ Новгород. губ. На этом посту проявил себя как деятельный просветитель, поощрявший тягу крестьян к образованию (см. записки М. «Из дневника инспектора нар. училищ» — «Рус. школа», 1891, № 2). Собрал большую библиотеку. Умер на службе (стат. сов., 1878).

М. — «веселый рассказчик, остроумный анекдотист ... являлся душой общества» (Круглов, с. 638). В нач. 60-х гг. был одним из руководителей (вместе с Н. К. Отто) рев. кружка в Новгород. г-зии; о его «републиканских демокр. убеждениях» было информировано III отд. Печататься М. начал в 50-е гг. Одно из первых его стих. «Мечта о нем» высеял за бессмысленность рецензент «Отч. зап.» (1855, № 6, отд. IV). В 60-е гг., когда сложилась поэтич. индивидуальность М., он активно сотрудничал в «Искре», «Будильнике» как автор сатирич. стих., тем для рисунков и подписей к ним. Печатался под псевд. Дядя Пахом, образ к-рого не стал сатирич. маской, как у др. некроцев, но определил отбор материала, угол зрения. М. был одним из тех, кто освещал обществ. жизнь рус. провинции; в нач. 60-х гг. основной становится новгород. тематика. «Герои» «царства зимнего сна» (ретроград правитель Филимон, «газилыш» Макар, губ. поэт Чепухин) изображались М. язвительно-остро и узнаваемо (учителя Отто, М. и Войнаровский писали на губернатора Филипповича «разные сатиры, которые помешались в „Искре“ и др. временных журналах более года» — из доноса в III отд.; цит. по вступ. ст. И. Г. Ямпольского, с. 444). Объектом его разоблачений были либеральная болтовня («Провинциальный прогрессист»), примазывание к нигилизму и др. течениям («Джентльмен, каких много», «Барышня»), социальные пороки («И к чему носить перчатки! С вымурными швами! Прямо халбал бы уж взятки! Гольми руками»). В 1863—66 провинц. колорит ослабляется, критика М. приобретает более обобщенный характер, соотносится программой радикального крыла «Искры». Так, вслед за стих. «Умеренный человек», выставившим на осмеяние сторонника «золотой середины» («Во всем лоборинк примиренья! И убоженный крайних враг»), последовала карикатура Н. А. Степанова на «либерала-эквилибриста».

Свособразие сатирич. стиля М. — в умении создать выразит. портрет «героя времени» и оценить его метким определением: «живой мертвец», «мраколюбец», «фат, каких

много», «провинциальный мандарин». Прямая авт. оценка сочетается с приемом самораскрытия героя в стих., написанных от имени персонажа («Когда доходное ко мне поступит дело...», «Патриот», «Добродетельный человек», «Мраколюбец» и др.). М. чутко улавливает и воспроизводит «чужую» поэтич. манеру, многие его стих. — «перелеты» К. Ф. Рыльева, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. А. Фета, Г. Гейне и др. Стихов. сатира М. особенно близка некрасовской поэзии конкретностью бытовых зарисовок, естественностью разг. тона, тяготением к жанру сатирич. портрета. А. В. Амфиотров предполагал поместить стихи М. в 3-м сб-ке «Забытого смеха» — «Некрасовцы» (не выпущен).

В 70-е гг. печатался мало. В 80-е гг. активизирует сотрудничество (под тем же псевд.) в ж. «Осколки», «Будильник», «Наблюдатель», «Стрекоза», «Гудок». Многие стих. посвящены событиям внеш. политики России, ряд стих. — о повседневности гор. жизни. Критика, «опрокинутая в быт» (в духе массовой юмористики тех лет), теряет прежнюю масштабность, обществ. проблемы освещаются в тоне легкого либерализма («Кому что нужно», «Удильщик», «Зима без согрева»). Вместе с тем сохраняется присущая стиху М. естественность интонации, юмористич. зарисовки его в «Осколках» отличаются лаконизмом, меткостью языка. Один из осн. худож. приемов М. — полн. аллегория (в стих. «Фонари» автор призывает гор. фонари «светиться», «Чтобы среди глубокой тьмы! В грязь не вязли ноги! Чтоб не сбился ум! Юные «с дороги»). Стихотворения этого периода («Набл.», 1886, № 5) вызвали уничтожит. замечание С. Я. Надсона: он увидел в них (вместе со стихами К. М. Фофанова, Л. И. Пальмина и др.) одно из проявлений поэзии «без направления» («Лит. очерки», СПб., 1887, с. 51). В 1885 М. выпустил единств. «Собр. стихотворений (прежних и новых)» (М.), состоящее из трех разделов: 1. Разные стихотворения, 2. Мотивы из провинц. жизни, 3. Басни и аллегории. Спустя десятилетие А. В. Круглов писал: «Книжка его стихов — теперь почти библиографическая редкость. Она будит в душе старые грезы, напоминает о былом времени, когда умели смеяться без флигеляства и, смеясь, не развращали читателя, не тинули его в балаган» (Круглов, с. 637).

Возможно, М. принадлежат вышедшие под тем же псевд. брошюры в лубочной стилистике нар. воспитания. Одна из них — «Русская смелка, или Хоть кафтан у русского мужика и сер, да ум-то ведь не волк съел. Рассказы дяди Палыма про русские самушеск» (М., 1880) — отчасти близка изв. балладе М. «Ничего. Легенда о железном кольце князя Бисмарка. Стих. И. П. Можайского» (Новгород, 1887), а другая — «Братоубийца, или Рассказы дяди Палыма про

добрых русских князей на святой Руси матушке, родимой нашей ли оторонушке, как правили земля, да жини меж собой. (Ист. повесть)» (М., 1880; то же с небольшими изменениями — в 1886) — близка его книжка для «нар. чтения» «Святые мученики: князь Михаил Черниговский и боярин его Феодор» (Новгород, 1893) и выступления в «Ист. вест.» по истории дореформ. России: «Легенды о гр. Аракчееве» (1885, № 7), «Времена военных поселений» (1886, № 8), «Суворов в селе Кончанском» (1886, № 11). Записи устных рассказов «очевидцев», «старожилых», «бывших носилан» отличались непосредственностью, автор стремился не к восстановлению точности, а к сохранению легендарности в освещении события (ср. со статистик. иссл. Н. Богословского «Мат-лы для истории воен. поселений» — «Новгород. сб.», в. III, Новгород, 1865).

Др. произв.: «Несколько слов о покойном акад. П. А. Федотове» (ОЗ, 1859, № 1), «Учебный курс географии Новгород. губ.» (Новгород, 1878, 2-е изд., 1890).

Изд.: (Стихотворения). — В сб-ках: Поэты 1860-х гг., Л., 1968 (биогр. справка и прим. И. Г. Ямпольского); Поэты «Искры».

Лит.: Круглов А. В., Пестрые страницы. — ИВ, 1895, № 9, с. 637—38; [Заметка] — «Светоч и дневник писателя», 1914, № 2, с. 149. + Некролог. 1893; ЖО. № 10 (дата смерти 23 февр.); ИВ, № 4; ВМ, 6 марта. Венгерс (Источ.); Языков; Бродягуз; Смирнов-Сokolский; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 874, оп. 1, № 31, 34, 37 (рукописи стих. и восп. М. о 1-й петерб. г-зии, посланные им в «Ист. вест.»), № 55 (мат-лы о перелаче С. И. Шубинскому архива М.); ф. 118, д. 58 (в т. ч. библиография М. в периодике); РГИА, ф. 773, оп. 225, д. 320 (ф.с. 1875 г.); ф. 1343, оп. 25, д. 5231 (ф.с. 1890 г.; дело о дворянстве); ф. 777; ЦГИА СПб., ф. 114, оп. 1, д. 622 (л.д.); ГА Новгород, обл. ф. 373, оп. 1, д. 98 (биогр. сведения). Н. А. Портнова.

МОЗАЛЕВСКИЙ Виктор Иванович [15(27).7.1889, г. Влоцлавек Варшав. губ., Царство Польское — 26.11.*1970, Москва, похоронен на Армян. кладб.], прозаик. Потомок декабриста А. Е. Мозалевого (ок. 1803—51). Отец — ген.-лейтенант мед. службы, стат. сов. Детство прошло в Измаиле, там же поступил в г-зию. После того как отец оставил семью, мать с тремя сыновьями переехала в Тифлис.

Старший брат М., Леонид, погиб в 1914 на войне. Брат Иван [12(24).9.1890, Брослау, Вост. Пруссия — янв. 1975, Симферополь], художник-график, сотрудничал в ж. «Лугоморье», «Ареус», «Аполлоны», сб-ках «Словоки». В эмиграции (1918—47) во Франции известен под псевд. Жан Алле; см. его кн.: «Совр. положение художников во Франции», М., 1950. См. о нем в кн.: Северухин Д. Я., Лейкин Д. Л., Художники рус. эмиграции, СПб., 1994.

В 1907 М. окончил 1-ю тифлис. г-зию. Позднее женился на дочери директора муж. матем. г-зии М. И. Мелик-Бегларовой. В 1907—10 студент Киев. ун-та (в своих восп. «Тропинки, пути, встречи» — РГАЛИ, ф. 2151, оп. 1, № 19 — описал круг малоизвестных киев. молодых литераторов кон. 1900-х гг.), в 1913 окончил юридич. ф-т Моск. ун-та с дипломом 1-й степени. В эти годы много путешествовал по Европе (Швейцария, Австрия, Германия, Франция, Италия). В 1914—18 на воен. службе (с июля 1914 вольноопределяющимся, с янв. 1916 участвовал в боевых операциях, в нояб. 1916

произведен в подпоручики и награжден орденом св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом). После войны занимался адвокатурой.

К кон. 1900-х гг. относятся первые опыты М. в прозе — в их числе рассказы «Вивея», навеянный «очарованием гофманской фантастики» (восп. — РГАЛИ, ф. 2151, оп. 1, № 19, л. 16); предстательный в ж. «Аполлон», там напечатан не был, однако вызвал сочувственное отношение М. А. Кузмина, к-рому в апр. 1912 М. выслал др. свои рукописи (РНБ, ф. 124, № 2879; в апр. 1914 Кузмин читал в «Бродячей собаке» фрагменты из повести М.). В авг. 1912 направил рукописи также В. Я. Брюсову и в его лице нашел первого серьезного критика и ценителя; в

письме к Брюсову от 8 авг. 1917 М. упоминал о первых встречах с ним летом 1913: «Я помнил Ваши строгие слова о стиле „Вивея“ и как будто чеканил стиль... Вы были, есть и будете мой maître» (РГБ, ф. 386, к. 95, № 19). Брюсов рекомендовал начинающего автора владельцу изд-ва «Альциона» А. М. Кожеватнику, к-рый («без какой-либо для себя корысти, а скорее с риском») взялся издать («Тропинки, пути, встречи», л. 28) первую книгу М. «Фантастич. рассказы» (М., 1913; в ней опубл. «Вивея»; худож. оформление И. Мозалева).

Произв. этого сб-ка примыкают к традиции стилизаторской прозы (Кузмин, С. А. Ауслендер, Б. А. Садловской и др.), все они вдохновлены ретроспективными презами, навеянными исключительно книжными или живописными впечатлениями и мотивами (гл. объекты «реставраши» — франц. «сентиментальный» 18 век и романтич. сказочная новела в духе Э. Т. А. Гофмана). Культурная «вторичность» заявлена как программная установка: реалии и лица описываются через худож. ассо-

циации (героиня «с лицом женщины из рисунка Макса Клингера „У ворот“» — с. 24; сосны, как «странные деревья на картинах Бениццо Гоццолли» — с. 152); сюжетные линии и связи играют ослабленную, подчиненную роль по отношению к самодетальному ист.-культурному «напормор-там», отражающимся в прихотливо выстроенных рядах сугубо эстетич. зеркал; люди и вещи уравниваются, вступают друг с другом в игровые отношения (люди уподобляются куклам, игрушкам, неодушевленные предметы оживают, персонажи высказывают «из пыльных книг» — с. 147). При этом порой возникает иронич. тональность (возможно, непреднамеренная) при взаимодействии двух языковых потоков — языка книжно-культурных ассоциаций и грубовато-просторечной лексики.

Эстетизированные «капризно» М. были встречены в критике неоднозначно: Саловской увидел в книге лишь погоню «за призраками чужих слов» и отсутствие индивидуального стиля (СемЗ, 1914, № 3, с. 192); П. К. Губер заметил несоответствие между призраками авт. воображения и несостойчивостью «скользко-нибудя» занимательного созерцания: «Кажется, что смотришь театральную пьесу, исполняемую на фоне пестрых аккордов разрозненных и нереализованных актерами. Постановка пьесы — что и говорить. Но, к несчастью, драматург забыл разработать интригу и диалог» (РМ, 1913, № 10, 4-я паг., с. 369). Напротив, С. Кречетов указывал, что явные эллипы «Гофмана и (в меньшей мере) Андерсена... — возвышенного порядка и далеки от всякой инуитации», что автору удается сочетать «ишество нашей эпохи, обостренное отставание Бердслеса... с медлительной грацией старинных новелл» (УР, 1914, 25 янв., с. 6). Сам М. в автобиографии (1922) описал «Фантастич. рассказы» как «ром juvenilis»: «... влюбил их покровительственно, в них много юношеской небрежности, женатости, самолюбования» (в его кн.: «Обман и др.», с. 5).

В 1915 М. участвовал в петрогр. лит. кружке «Медный всадник», в это время познакомился с Ю. Л. Слэзкинским, с к-рым и в последующие годы поддерживал дружеские отношения.

Эстетич. концепция, декларированная М. в первой книге, принципиальных изменений впоследствии не претерпела, расширился лишь круг имен и худож. систем, в соотношении с к-рыми осуществлялись его беллетристич. опыты; свою лит. установку М. обозначил в письме к Брюсову от 8 авг. 1917: «... я последний моги-кан, негодный тряпичник литературы и хочу умереть неопозоренным эстетом pur sang (чистоковром — франц.). Флобер, Бальзак, Стендаль, я окружил себя ими, их книги — целие события в моей жизни, большие, быть может, чем события 1-го марта» (т. е. свержение самодержавия в России) (РГБ, ф. 386, карт. 95, № 19). В чарующий мир ушедшей худож. культуры в новых творч. опытах М. все более решительно вторгается враждебный ему мир пошлой и агрессивной совр. действительности. Впервые со всей отчетливостью эта тем. двоесмирия раскрыта в пов. «Не-

МОЛОСТВОВ

«чезнувшая мечта», посв. Брюсову («Адаидона», кн. 1, М., 1914; два тома); ее герой, граф, фантазер и эстет, живущий в фамильном дворце в споре об истинных бурь и сознательное окружающий себя образами прекрасного «книжного» прошлого, вновь встречается с фантомами своего воображения и гибнет, залившись «визжаками гостей» от угрожающей им «мерзости жизни» (с. 113; совр. фан. действия — рев. волнения и правительств. репрессии). А. А. Измайлов указал в повести «образец утонченного, рафинированного искусства», сила к-рого — «в нежных перепадах, в мелких деталях прошлого, в сочетании и смелом фантазировании» («Возрождение Гофмана» — БВед, 1914, 10 апр., с. 2—3). Тот же мотив двойной жизни — в мире лит. образов и в реальной действительности — развивается в рассказе «Верошани» («Полон. Лит. сб.», П., 1916). Попытка преодоления этой двойственности — путем любовного слияния с целостным миром первоэпической природы — отражена в рассказе «Пантентичная Полна» («Эвока», кн. 1, М., 1918). «Обретенный рай» («Зеркало», 1918, № 2).

В 1921 М. пытался с семьей (дочь, Нина Мозалевская — художница, 1913—90) эмигрировать, но вынужден был вернуться в Москву. Лишь немногие из прозаич. опытов М. кон. 1910 — 20-х гг. были опубл. Их объединяет то же стремление к созданию параллельного реальности худож. мира, навеянного опосредованными лит.-эстетич. впечатлениями. В рассказе «Двойная смерть» («Фельетон», кн. 1, М., 1922) в обстановке постерев. уездного быта воспроизводится на новый лад образно-сюжетная коллизия пушкинской «Пиковой дамы». В трех рассказах, составивших сб. «Обман и др.» (Б., 1923; В. Луры сравнила их с «плотким переводом с неопределенного аждаха и из неизвестной эпохи» — «Дни», Б., 1923, 25 февр., с. 11), ситуации романтич. противостояния «подлинной» иллюзии и «неподлинной» реальности облекаются то в формы вариаций на темы романа А. Франса «Бог жадует» («Обман»), то в драм. чувств «советской служащей» Метрополи, живущей в окружении призраков ушедшей культуры и тяготеющей косной повседневностью («Дуаль»), то в фантазмагорич. картинах преображения совр. Москвы в дворовый мир франц. аристократии эпохи Короля-Солнце («Господин Людовик в Москве»). В цитируемой автобиографии М. среди написанных им в 1917—22 прозв. называет пов. «Паденье» (о крушении революци. идеологии), готовившуюся в 1919 к печати Петрогр. союзом писателей и получившую, по сообщению

М., благоприятный отзыв М. Горького; фантастич. утопию «Покоренный ферофа» (рукоп. — РГАЛИ, ф. 2151, № 13). В РГАЛИ хранятся также рукописи неопубл. прозв., в т. ч. «Веселье фазаны», «Глупо, но красиво», «Аматата», «Бертольдони», «Стронтели», «Египетские ночи», а также мемуаров.

В 1922—24 М. участвовал в деятельности моск. лит. кружка «Зеленая лампа» — наряду со Слѣзным, М. А. Булгаковым (в прозв. к-рого, в т. ч. ром. «Мастер и Маргарита», можно обнаружить аналогии худож. построениям М.), Ауслендером, Д. А. Стоновым, Е. А. Галати и др.; участвовал в редактировании машинописного ж. «Гермес» (1923). В 1924 чл. Всерос. Союза писателей. Одновременно работал по осн. юрич. специальности. С 1930-х гг. практически отошел от лит.-ры (если не считать его переводов новелл Г. де Мопассана, печатавшихся в сов. изд. с 1946).

Др. прозв.: рассказы «Сверхчеловек» («Лукоморье», 1915, № 27), «Милая елка» («Гермес», 1923, № 3).

Лит.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д. Программы «Броуни собаки». — Памятник культуры. 1983. Л., 1985, с. 233, 256; Чудаков В. М., Жигановские Михаил Булгаков. [2-е изд.], М., 1988, с. 191—95, 218—21, 224; Горбунов Б. Из восп. о М. А. Кушелеве. О ж-ле «Гермес». — В кн.: Путь Тихонов. Чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига, 1990, с. 179, 185, 188; Рубанов Л. Клуб «Мелкий газетчик». — В кн.: Восп. о серебряном веке. М., 1993, с. 470—71; К истории мажоритарных изданий 1920-х гг. Публ. Г. А. Левинсона и А. Б. Устинова. — Там же, с. 198, 203, 207; ЗН, т. 76, с. 483, 485. + «Новая рукопись», Б., 1922, № 2, с. 38; Писатели совр. эпохи (1).

Архивы: РГАЛИ, ф. 2151; свидетельство о смерти (личный архив В. И. Михалева, Москва); РГВИА, ф. 409, оп. 1, д. 83840, 83841, 181183 (лс.) [справка Е. В. Каровой]. А. В. Ларош.

МОШЕР Егор Александрович (псевд. Петербургский житель; 1812—79), беллетрист, журналист. Сын художника, биогр. сведения скудны; до нач. 1850-х гг. участвовал в дом. спектаклях у Штакеншнейдеров (см.: Штакеншнейдер, ук.). В 1858 как доверенное лицо Г. А. Кушелева-Безбородко подбирал сотрудников для ж. «Рус. слово», в связи с этим познакомился с М. М. и

Ф. М. Достоевскими (см.: Достоевский, ук.). Позднее участвовал в их ж. «Время»; в 1863 Ф. М. Достоевский по поручению Лит. фонда обследовал материальное положение М. и высказался в поддержку его прошения о пособии (РНБ, ф. 438, № 1, 12). Первые публ. М. — ежесмес. хроникальные зарисовки «Заметки петербургского жителя» (БдЧ, 1854, т. 124—28). В «Б-ке для чтения» опубл. пов. «Горькая доля» и «Регретуиш мобиле» (1854, т. 128), «Было, да былое поросло» (1856, т. 138). В дальнейшем сотрудничал в «Иллюстрациях», «Рус. мире», «Рус. слово» (в 1859 вел хроникку «Обществе. жизнь в Петербурге», опубл. пов. «Разлучница» — 1859, № 12), в еженед. «Сын отечества» печатал теат. рецензии, в «Отеч. записках» помещал «бойкие фельетоны» (см.: Брокгауз), и др. В списке своих трудов, представленном в Лит. фонд в 1863, М. назвал переводы для разных изданий с польского и французского. мелкие библи. статьи, пьесу «Кошке — игрушки, мышке — слезки», написанную в 1863 и принятую к пост. (РНБ, ф. 438, № 12; сведения о ее пост. и сама пьеса не обнаружены), но запрещенную в янв. 1864 цензурой ввиду того, что в ней «выведены наши петербургские камелни и, кроме того, в самом нахальном виде» (РГИА, ф. 780, оп. 1, л. 41, л. 8 — справка Б. М. Витенберга). М. заявил себя бытописателем петерб. низов. Его герои — бедняки, мечтающие о семейном счастье и богатстве (пов. «Настя» — БдЧ, 1855, т. 133; отд. изд. — СПб., 1857; резко отрицат. отзыв — ОЗ, 1855, № 10, отд. IV, с. 117—19), перебивающиеся случайным заработком (рассказ «Под качелями» — «Время», 1861, № 5/6), разнообразные типы столичных жителей (рассказ «Старый шник» — БдЧ, 1855, т. 132). Большинство прозв. М. публиковалось в разделах «Смесь» как легкое чтение. В 1866—67 М. являлся корреспондентом «Рус. вест.» в Париже (1866, № 1—5, 7, 9—12; 1867, № 10).

Др. прозв.: рассказ «Старый и малый» («Светоч», 1861, № 6), пер. Э. По «Похождения Артура Гордона Пэйма» («Время», 1861, № 3).

Лит.: Долгоруков П. В. Петерб. черкн. М., 1934, с. 272; Быков П. В. Силуэты далекого прошлого, М.—Л., 1930, с. 101 (ошибка в отчестве); Письма к А. В. Дружинину, М., 1948 (вступ. ст. и комм. П. С. Попова; опубл. письмо М. — с. 216—17); Петровская Н. Ф., Историко-литературная историч. рус. драм. театра. Л., 1971, с. 137; Нечасва «Вреки»; Нечасва «Эпоха» (ук.). + Брокгауз; Венгеров; Источ.; Масанов. В. И. Сажин.

МОЛОСТВОВ Николай Германович [21.1(2.2).1871, Казань — 20.5.1910, София], критик, журналист. Из дворян Казан. губ. Отца, Герман Влад., — ген.-майор. В 1885 поступил в Мор. кадет. корпус («вопреки желанию отца и матери»), но вскоре

МОЛОСТОВА

«встал в противоречие с училищной обстановкой, с перспективой будущего офицерства» (письмо Л. Н. Толстому от 12 янв. 1897 — ГМТ), что, впрочем, не помешало ему окончить корпус в 1892 мичманом (в 1890 удостоен Нахимовской пр.). Раздвоенность, вызванная противоборством в его сознании пашифист. идей Толстого с воинским долгом, привела к тому, что однажды М. самовольно покинул Кронштадт, где служил, и отправился пешком (без вещей) в Петербург, а затем в Москву. Чтобы избежать трибунала, ему пришлось лечь в психиатрич. больницу (на 6 мес.). В 1896 поселился в своем имении Долгая Поляна Тетюш. у. Казан. губ., находясь в отпуске по болезни и дожидаясь окончания срока обязат. службы. В 1898 вышел в отставку в чине лейтенанта. В том же году начал заниматься лит. деятельностью как врем. сотрудник газ. «Бирж. вед.». К этому времени относится знакомство М. с А. Л. *Волынским*, горячим сторонником и популяризатором идей к-рого он становится. Пытаясь спасти находившийся на грани банкротства ж. «Сев. вест.», М. просит Толстого поддержать ж-л своим участием (письмо Толстому от 12 окт. 1898 — ГМТ). В 1901 М. на свой счет средства организовал поездку Волынского с лекциями о совр. лит-ре по Прибалт. краю (продав часть родового имения, чтобы передать деньги на общее «идейное дело», — письмо М. от 14 авг. 1901, ГМТ; и в дальнейшем постоянно помогал Волыному деньгами). Все редактируемые им изд.: «Прибалт. край» (1899—1902), «Саратов. коммерч. вест.» (1903), «Приволж. край» (Саратов, 1904), «Совр. Россия» (1906) — использовались М. для пропаганды идей Волынского (иронич. отзыв о выступлениях М. в «Прибалт. крае» и его «провинциальном покровительстве» Волынского: Вл. Боцяновский — «Лит. вест.», 1901, т. 2, кн. 8, с. 346; см. также: 1902, т. 3, кн. 2, с. 216—18). Позиция М. достаточно отчетливо выражена и в программе «Прибалт. края»: развитие общественно-культурной солидарности окраины с Россией на началах гуманистического и всеобъемлющего, не беспочвенного и мечтательного, но деятельного и убежденного идеализма. Наиб. значительные из выступлений М. — статьи под рубрикой «Популярно-науч. наброски», в к-рых неприятие идеализма расценивается как «трусость мысли» («Источники совр. заблуждений» — «Прибалт. край», 1901, 3, 10 янв.), а также цикл статей «Прогресс и бесхарактерность» (там же, февр. — апр.). В 1900 М. был привлечен к суду за публ. в «Прибалт. крае» двух статей, запрещенных цензурой, но был оправдан («Россия»,

1901, № 727). В кн. «Борец за идеализм» (Рига, 1902; 2-е изд., СПб., 1903; реп.: К. К. Арсенев — «Лит. вест.», 1903, кн. 3, с. 393—97; ЛПН, 1902, № 7; МИ, 1902, № 9/10) М. включил тексты лекций Волынского о совр. лит-ре и отзывы критики о них, приводя примеры плагиата (с его т. з.) из работ Волынского в ста-

тьях А. М. Скабичевского и Е. А. Соловьёва. В критич. отзыве на книгу М. А. Протопопова, назвав М. «приспешником» ловкого «идеалиста», усердствующим «не меньше г-жи Гуревич», отметил, что «труба рекламирующего герольда становится мистерией для слуха» (РМ, 1903, № 4, с. 202—203; см. также рец.: ВЕ, 1903, № 5). Апологией Волынского была и следующая кн. М. «Волынский и новейшие идеальность» (СПб., 1905), в к-рой он упрекал С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева в «эксплуатации чужого умственного труда» (с. 37), утверждая, что их работы — «это, в сущности, парафраз идеалистич. аргументации Волынского» (с. 8). В эпоху «господства эклектич. учений» Волынский, с т. з. М., обладающий «цельным духом», — исключение (наряду с Толстым). Брошюра «Айседора Дункан (Бесела с А. Л. Волынским)» (СПб., 1908) посв. проблемам совр. муз. эстетики. В переводе М. вышли: «Леда и Джоконда. Le songe d'une femme» Реми де Гурмона (СПб., 1909; рец.: «Речь», 1909, № 189) и нек-рые романы Ч. Диккенса (ПСС, т. 17, СПб., 1909).

Критико-биогр. очерк М. «Л. Н. Толстой. Жизнь и творчество» (в. 1—3, СПб., 1909—10; совм. с П. А. Сергеевко; в. 4—10 — рукопись и машинопись в ГМТ; машинопись и гранки в З. 4 с правой С. А. Толстой в РГАЛИ, ф. 508, оп. 1, № 260—61; положит. рец.: Б. Б. Глинский — ИВ, 1909, № 5; «Обр.»,

1909, № 4) вызвал недовольство Толстого, считавшего, что М. «не имеет способности хорошо писать — слишком напыщенно, многословно» (ЛН, т. 90, кн. 3, с. 210; см. также его письма к М. от 19 февр. и 16 мая 1897 — LXX, 29, 81).

С 1905 М. — чл. Лит. фонда. В 1910 командирован в качестве корр. Петерб. телеграфным агентством в Софию, где скоростножно скончался.

Лит.: Толстой (ук.): Обзор преобразований Мор. кадет. корпуса с 1852 г., СПб., 1897 (сост. Н. Коргуев), с. 316; Лодыженский И. Н., Розословная Молоствовых, СПб., 1900. + Некролог: «Прибалт. край», 1910, 22 мая (в хронике заруб. событий).

Архивы: ГМТ, л. ф.: РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, № 52 (письма А. Л. Волынского), № 990 (статья Е. Грековой «М. и его книга „Борец за идеализм“»); РГА ВМФ, ф. 432, оп. 7, л. 2424; ф. 406, оп. 7, д. 441 (л. с. 1898); РГИА, ф. 733, оп. 123, д. 103 (просьба М. принять его на службу в Мин-во нар. просвещения 1 нояб. 1902); ИРЛИ, ф. 673, № 81 (письма Волынского); ф. 155, № 11, 1905 г.; РНБ, ф. 152, оп. 2, № 518 (письма К. А. Военскому). Л. Д. Зубарева.

МОЛОСТОВА Елизавета Владимировна [урожд. Бер; 1(13).12.1873, Н. Новгород — 1.8.1936, с. Долгая Поляна Тетюш. р-на Тат. АССР], историк сектанства, публицист, автор стихов. Сестра Б. В. *Бера* (ею написан основательный труд — «Записки о жизни моего брата Б. В. Бера. Извлечения из писем, дневников и черновых тетрадей», РГАЛИ, ф. 3, оп. 1, № 121). Получила дом. образование, сдала экзамен экстерном при муж. реальной г-зии Н. Новгорода, в дальнейшем училась во Франции и в Италии. Преподавала в Нижегород. воскресной школе (1891—94). В 1899 вышла замуж за предводителя дворянства В. Г. Молостова (1859—1918), брата Н. Г. *Молостова*. Жила в имении Долгая Поляна (после революции 1917 и Гражд. войны, продолжая жить во флигеле, передала имение дет. дому, затем — Дому творчества Союза писателей СССР). С 1910 чл. РГО, в 1924 была избрана поч. чл. Об-ва археологов, истории и этнографии при Казан. ун-те.

С 1904 переписывалась с Л. Н. Толстым. С 1905 неоднократно его посещала (Д. П. Маховицкий, слушая рассказы М., записал: «Вероятно, она и талантливая писательница» — ЛН, т. 90, кн. 1, с. 256). Свидетельства М. и ее мужа о трагич. событиях на Ходынском поле 1896 Толстой использовал в рассказе «Ходынка». Совместными усилиями М. и Толстого в 1905 был освобожден вождь сектант. движения К. А. Малёванный (содержавшийся 12 лет в Казан. психиатрич. больнице). С этим связана и первая публ. М.: Толстой переслал В. Г. Черткову ее письмо о встрече с сектантом, а Чертков опубли. его без ведома М. и без подписи («Свободное слово», Purleigh-Essek, 1905, № 17—18). Разделяя взгляды Толстого, М. знамени-

за его со своими очерками о сектант. течениях в России (см.: Толстой, ЛХХДХ, 175); по совету Толстого она распространяла соч. Г. Джорджа, ст. «Великий грех». Его опубл. заметки: о Толстом — «В час заката» («Междунар. толстовский альм.», М., 1909) и «О Тургеневе» («Звенья», 1936, № 6).

Ст. М. «Секта неговистов» («Живая старина», 1909, № 1; отд. изд. — СПб., 1909) положила начало фундаментального иссл. «Неговисты. Жизнь и соч. кап. Н. С. Ильина. Возникновение секты и ее развитие» (СПб., 1914; под ред. и с предисл. А. С. Пругавина, в к-ром дана полит. оценка работы М.; ср. сдержанные рец.: В. Д. Бонч-Бруевич — ГМ, 1916, № 11, с. 221—228; его же, Из мира сектантов. М., 1922, с. 192—203). Книга представляет собой свод материалов о секте, необходимых для будущего исследования, и вместе с тем содержит опр. публицистич. пафос оправдания сектантов. Ослабляя распространенную т. з. на неговистов как на сектантов-террористов (см., напр.: Ивановский Н. И., До чего дошли уральские сектанты неговисты. — «Миссионерское обозр.», 1900, № 9), сложившаяся в результате деятельности некоторых последователей Ильина, М. видит в сектантстве позитивное начало: «... мысль человеческая ... не может помириться с заеванием, что истина уже найдена, ей надо ... непрестанно двигаться по пути к совершенству» (с. 259). Сектантство понималось М. как «широкий ... угол народной жизни, святая святых народной души, с ее религ. исканиями и запросами, не находящими ответа в общепринятых догматах» («Апостол „общечеловеческой религии любви“ (к истории рус. сектантства)» — ВФ, 1912, № 2, с. 189). По словам М., «всякая секта в самом существе своем уже заключает в себе протест, т. е. движение» («Вансов Божий полк» — «Мир ислама», 1912, т. 1, № 2, с. 152), и ведет к живой, истинной вере. Др. религ. течениям посв. ее статьи: «Грядущее царство мира» («Мир для всех», 1910, № 11), «Иудействующие в рус. сектантстве» («Пережитое», Сб-к, посв. обществ. и культурной истории евреев в России, в. 3, СПб., 1911).

В кн. «Солдатские письма» (Каз., 1917), изд. при посредничестве Бонч-Бруевича, М. собрала письма солдат с войни. В предисл. М. отмечала, что эти свидетельства — более бытового и психологического содержания, чем военного, — как ничто другое позволяют понять «величие истинного смирения и несокрушимую крепость души русского народа» (с. 8).

Писать стихи М. начала в девичестве (нахождение сброшюрованной

машинописи более 200 стихов неизвестно; неск. стихов сохранилось у А. И. Толстого). Собранный ею гербарий (более 3 тыс. видов флоры Казан. губ.) был завешан Казан. ун-ту.

С 1917 почти ничего не писала и не публиковала. По просьбе Бонч-Бруевича участвовала в подготовке Юбилейного изд. Толстого: совм. с Н. С. Родионовым подготовила комм. к т. 49, опубл. после ее смерти.

Лит.: Толстой (ук.); Письма М. Горького Б. В. Бери и Е. В. Молоствовой. — «Волга», 1966, № 5 (публ. Ф. Попова); Горький и его эпоха. Иссл. и мат-лы. в. 1, М., 1969 (ук.); ЛН, т. 69 (ук.), т. 90 (ук.).

Архивы: Музей истории религии и атеизма, ф. 5; РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, № 650 (письма А. Л. Вольскому); ф. 122, оп. 1, № 927 (письма И. И. Горбунову-Посадову); ф. 2167, оп. 1, № 287 (письма А. С. Пругавину); ф. 41, оп. 1, № 59 (письма П. И. Бирюкова к М.); РГБ, ф. 369, к. 397, № 7 («Вредный человек» — восп. о М. Горьком); ф. 369, к. 303, № 26 (письма В. Д. Бонч-Бруевичу); ГМТ (письма Л. Н. Толстому); ИМЛИ, Архив А. М. Горького, КГ-РЭ, 5-26-1 (письма М. Горькому); Куйбышевский лит.-мемориальный музей.

Е. В. Отрошенко, А. И. Толстой

МОЛЧАНОВ Александр Николаевич [10(22).2.1846, г. Мамадыш Казан. губ.* — не ранее 1916], журналист, прозаик. Из дворян Казан. губ. Отец, Ник. Дм., — уезд. судья. В 1863 как «бесплатно приходящий» окончил Лазаревский ин-т вост. яз. Учился в Петерб. ун-те, но в 1864 был уволен за неуплату (РНБ, ф. 438,

1866, 13, 18, 23, 25 мая; подпись А. М-ъ). В 1866 командирован стипендиатом от Вилен. уч. округа в Петерб. ун-т, к-рый окончил в 1867 кандидатом права и был назначен судебным следователем Орловского, затем Елецкого окружных судов в чине тит. сов.; позднее — присяж. стряпчий кассацион. департаментов Сената; вместе с М. И. Ходоровским составил «Полное собр. решений» этих департаментов за 1866—71, относящихся к ч. 1 т. 10 «Свода законов гражданских» (в. 1—2, СПб., 1872). В 1871 причислен к Мин-ву внутр. дел; в 1872 отправился с рус. эскадрой для изучения иностр. портов, посещаемых рус. коммерч. судами, и условий переправки рус. эмигрантов в Америку (см. очерки «Поездка в Нью-Йорк. (Заметки об эмиграции)» — «Киев. телеграф», 1875, 6 авг. ... 21 сент.).

По возвращении в Россию поселился в Одессе, вышел в отставку, занялся адвокат. практикой и журналистикой (с 1873 сотрудничал в «СПб. вед.»). Уличенный в краже арестант. паспортов (подобные авантюры М. неоднократно предпринимал и позже), переехал в Киев, где стал негласным ред. «Киев. телеграфа» (после отъезда в эмиграцию М. П. Драгоманова), к-рый издавал в леворадикальном духе (см., напр., «Письмо к нашим корреспондентам» — 1875, 26 нояб.). В 1875 за этнографич. работы избран чл. РГО.

В нач. 1876, после возбуждения уголов. преследования против М., снабдившего чужим паспортом, он скрылся за границу (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 818, л. 186) с кассой «Киев. телеграфа» (см.: Яценский И. И., Роман моей жизни, М., 1926, с. 122), жил в Белграде, Пеште, Вене, Женеве и др., печатался в газ. «Вперед!». Рус. правительство безуспешно требовало от Австрии его выдачи.

В ст. «Насущные практич. вопросы» («Вперед!», 1876, 1 июня) заявил, что Россия готова к рев. взрыву, и выступил с идеей объединит. съезда рус. революционеров для создания единой дисциплинированной организации. П. Л. Лавров в ст. «Роль народа и роль интеллигенции» (там же) раскритиковал якобин. устремления М. После того как Лавров отказался напечатать размышление М., тот поместил его в органе рус. якобинцев ж. «Набат» — ст. «Что мы должны делать? (Мой ответ редактору „Вперед!“)» (№ 7—8, июнь—июль); П. Н. Ткачев в предисл. «От редакции» поддерживал идею объединит. съезда, но согласился, однако, с анархист. призывами М.

Ст. «Граф А. К. Толстой» («Набат», № 10) содержала сведения о действиях отца Толстого Л. А. Перовского, об имених Толстого, об его отношении к крестьянам, к дарю и его про-

№ 15, л. 186—187). Дебютировал в ж. «Рус. слово» (вероятно, через основателя ж-ла Г. А. Кушелева-Безобразова, родственника М.) рассказом «Андреевка. (Очерки быта пригородных сел)» (1864, № 11; 1865, № 8), посв. развитию капиталистич. отношений в деревне. С этого времени печатался также в «Будильнике», «Голосе», «Иллюстрации». С 1865 — учитель математики и рус. яз. Рогачев. дворян. уч-ща Могилев. губ.; составил «Ист. очерк Рогачев. дворян. уч-ща» («Вилен. вест.»,

страннее высказывали о династии Романовых в кругу друзей в Венсции весной 1872.

Сушность «якобинства» М. была, видимо, провокаторской. В письме к бывшей издательнице «Киев. телеграфа» А. И. Гогойкой от 27 нояб. 1876 (письмо было перлюстрировано и дотожено царю) М. излагал проект ж-ла «Россия», к-рый «должен вмешать в себе все лучшие силы рус. лит-ры и избегать... утопий», возродить «начала чисто рус. жизни», причем «Россия» «не должна быть... антиправительственной» (ГАРФ, ф. 109, оп. 1, № 454, л. 4, 2). Тогда же предложил шефу III отд. Н. В. Мезенцову «свои услуги» для избавления от шайб. активных эмигрантов из партии «Набата»; с этой целью он якобы принял на себя редакцию «Набата» [там же, л. 6, 8; был ли М. редактором «Набата», неизвестно: см. спор об этом между Драгомановым (ст. «Ми і „Набат“» — «Громада», 1879, № 4) и Ткачёвым («Г. Драгоманов в роли обвинителя» — «Набат», 1879, № 3—5)]. Связи М. с III отд. были раскрыты быстро (см.: «Набат», 1876, № 11—12, с. 24), однако М. успел сообщить из Женевы, Берна и Мадрида сведения об эмигрантах и сотрудниках «Набата» в России, домогаясь за это звания камерюнкера и должности консула в южных странах или в администрации южных губерний России; однако в сент. 1877 ему пришлось удовлетвориться лишь разрешением вернуться в Россию.

С 1878 М. — пост. сотрудник «Нов. времени». Как заграничный корр. он писал из Парижа, Константинополя, Каира (1878), Лондона (1885—86), Индиан (1888; см. брошюру «Индия», К., 1889), Берлина (1888) и др. Сб-к статей о рус.-тур. войне «Между миром и Конгрессом. Письма в „Нов. время“» (СПб., 1878), выдержанный в «славянофильском» духе, содержал, в частности, выпады против революционеров (см. язвительную рец. Ткачёва: «Дело», 1878, № 10; Ткачев П., Избр. соч. на социально-полит. темы, т. 3, М., 1933, с. 470—71; сдержанная рец.: ОЗ, 1878, № 10).

Славянофильский характер книги М., по-видимому, способствовал знакомству М. с И. С. Аксаковым (через В. С. Россоловского). (Еще в молодости М. писал Аксакову о своем параллельном рус.-чеш.-серб. словаре, прося помочь в редактировании и издании, — РНБ, ф. 14, № 226, б.г.) В 1885 М. печатался у Аксакова в «Руси» (см.: «Восп. об И. С. Аксакове» — ИВ, 1886, № 8; здесь опубликованы отрывки из писем Аксакова). О степени искренности новых убеждений М. судить трудно. М. был склонен к минимизации в политике (об этом см., напр.: Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину, М., 1935,

с. 90—91), вводившей многих в заблуждение: так, для Ф. М. Достоевского, возмущенного ст. М. «О монахах», о монастырях во Франции и его интервью с Л. Гамбеттой, имя М. стало нарицательным обозначением либеральной журналистики (см. в заготовках для «Дневника писателя» — Достоевский, XXVII, 50, 63).

В кн. «Путевые письма. Повести, рассказы и наброски» (СПб., 1878) М. собрал свои разнородные публикации, объединенные газ. рубрикой «фельетон», путевые зарисовки («Русская камаринская в Лиссабоне», «Новый год в Мадриде»), стих. в прозе («Путь героев»), «тенденциозную» и сентиментальную прозу («Женитьба не вовремя», «Прозелитка», «Уроженец Петербурга»). М. охотно исполняет экзотич. антураж, этнографич. заметки сопровождаются переводами и имитациями переводной беллетристики (см., напр., романт. историч. место — «Эпизод из испанской войны»). В письме М. к А. С. Суворину (1878) есть характерный пассаж: «Посоветуйте мне, куда обратиться с переводом турецкого романа? Роман не ахти какой, но зато настоящий турецкий» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2763). Успеха сборник не имел; левые изд. писали об «аляповатости» исполнения и «известного пошби патриотизме» (ОЗ, 1879, № 6, с. 195, 2-я паг.; «Дело», 1879, № 6, с. 70—72, 2-я паг.).

Сотрудничество в прессе, по-видимому, часто было для М. единств. источником средств к существованию, и он вынужден был писать много, печатаясь, кроме «Нов. времени», в «Ист. вестнике» (1884—94), «Совр. известиях» (1885), а также в «Рус. вест.», «Рус. богатстве» и др. изд. (см. его письма к С. Н. Шубинскому с жалобами на безденежье и пренебрежительное отношение редакторов — РНБ, ф. 874, № 28, 31, 34 и др.). С 1894 М. издавал в собств. типографии в Петербурге ж. «Базар» (изд.-ред. Н. В. Сарычева, родственница М.), в дальнейшем преобразованный в илл. еженед. «Санкт-Петербург», с 1902 — во «Всеобщую маленькую газ. Санкт-Петербург» (с 1914 — «Петроград»), заполняя их гл. обр. своими соч. под разными псевд. (не выявлены); с 1899 М. — единственный ред.-изд. В 1890-е гг. вернулся к юридич. практике: с 1892 — присяж. поверенный Киев. суд. палаты, вскоре лишенный права ведения дел за вымогательство (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 818, л. 186); с 1896 — юриконсульт Мни-ла путей сообщения; в 1903 — поч. мировой судья.

Определенную известность с 70-х гг. М. приобрел как бойкий, хотя и неглубокий журналист, классический представитель «фельетонной

лит-ры» («Набл.», 1885, № 2, с. 41—42). Его «гл. достоинством» считалось «умение подметить и изобразить факты. Там, где автор хочет объяснить, он оказывается недостаточно подготовленным» (РМ, 1884, № 9, с. 29, 3-я паг.). Корреспонденция М. была свойственна развязности, соединенная с морализаторством (см., напр., «Царство улетки», СПб., 1895). Наиболее удавались М. путевые зарисовки и интервью.

Как корреспондент «Нов. времени» М. объехал всю Европ. Россию, результатом чего явился цикл статей «По России» (СПб., 1884); сюда же относятся и «Письма из Новороссийского края» (Од., 1884) и хотя, по свидетельству Л. А. Тихомирова, в них многое написано «с ветру», тем не менее критика М. рос. порядков в провинции попадала в цель («Дело», 1882, № 9, с. 75). В кн. «По России» М. описывал становление капитализма, к-рый считал губительным для страны; по материалу наиб. интересна глава «В Москве» о т. н. «ситцевых ребятах» — изготовителях массовой лит-ры (рец.: РМ, 1884, № 9; ИВ, 1884, № 12; «Набл.», 1885, № 2). Эта тема была продолжена 20 лет спустя в ром. «Три товарища» (ж. «Санкт-Петербург», 1903, 17 авг. ... 31 дек.), обратившем внимание цензуры, поскольку «тенденция автора вращается в сфере рабочих беспорядков» (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 818, л. 157—60, 168). Известность получила интервью М. с Л. Н. Толстым «В Ясной Поляне» (ИВ, 1890, 7 июня; сокр. перепечатано в сб.: Толстой в восп., т. 1; см. также: В. Л[ахши]. Забытое интервью с Львом Толстым. — НМ, 1963, № 3).

В «Ист. вест.» М. поместил кроме путевых очерков и восп. ряд критич. статей: «Пленные англичане в России» (1886, № 1), «Записки Гобарапашин» (1887, № 1), «Мемуары Бейста» (№ 6) и др. Его драма «Разбитая лира» (СПб., 1885) была разгромлена Н. К. Михайловским в «Дневнике читателя» (СВ, 1885, № 3; то же: Михайловский Х, 337—366), ряд его беллетристич. соч. печатался отдельно в «Веленовой библиотечке Молчанова», изд. им в Петербурге с 1900 (рассказы «Час счастья», «Человек всегда человек», «Вылечился», пов. «Послушанием да лаской», роман-фельетон «Из записок беглого» (ч. 1—2), сицилийская сказка «Небесная кара» — все 1900, и др.).

Лит.: Достоевский (ук.); Михневич; Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. кн. 1. Б., 1923. с. 163; Лавров П. Л. Народники-пропагандисты 1873—1878 гг., Л., 1925, с. 155; «Вперед!» 1873—1877. Мат-лы из архива В. И. Самарина. Отбрасыв. сбавил. примеч. и очерком истории «Вперед!» В. Салир, т. 1—2, Dordrecht, 1970 (ук.); Лавров — годы эмиграции. Арх. мат-лы. Отбрасыв. сбавил. примеч. и вступ. очерком В. Салир, т. 1—2, Dordrecht — Boston, 1974 (ук.); Вахрушев И. С., Очерки истории

МОНТЕВЕРДЕ

рус. реж.-демокр. печати 1873—1886 гг. [Саратов], 1980, с. 83—84; Гросул В. Я., Рса. Россия в Балканах (1874—1883), М., 1980 (ук.); Публицистика белорус. народников. Нелегальные изд. белорус. народников (1881—1884). Минск, 1983, с. 95; Революционеры и либералы России. М., 1990 (ук.); Рудник Е. Л., Рус. башкизм. Петр Ткачев. М., 1992 (ук.). + Систематич. ук. рус. лит-ры по самоуправству и самоуправству, гражданскому и уголовному, СПб., 1896 (гост. А. Поворинский; перечень вклада, статей М.); Смирнов-Соколовский; Брокгауз Венгеров (Источ.; Списки); Южаков; НЭС; ЭДР; ИБРДВ; Маслов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2763 (письма А. С. Суворину); РНБ, ф. 459, оп. 2, № 287 (письма Суворина к М.), № 914 (письма И. С. Аксакова к М.), № 1199 (письма А. П. Колонингу), № 1253 (письма А. А. Суворину), ф. 874, № 40, 43, 46, 58 (письма С. Н. Шубинскому); РГИА, ф. 1343, оп. 25, л. 5428 (м. с.)^{*} [статья Г. Г. Лисицкой].

Г. В. Зыкова, Б. М. Шалмаев.

МОЛЧАНОВ Иван Евстратович [9(21).3.1818, по др. свед. 1817, 1809, с. Красное близ Костромы — конец октября 1881, Владимир], певец, автор песен. Из крест. семьи. С 1825 — в Москве, в ученье у ремесленника-золотаря. В 1833, напылавшись паров ругни, заболел и стал инвалидом. «Выйдя из ученья», собирав

составил «Знаменитый рус. и цыганский песенник» (СПб., 1859), «Новый настоящий молчановский песенник» (СПб., 1860), «Собрание песен, исполняемых хором песенников Ив. Молчанова» (СПб., 1864), «Новейший лучший песенник» (М., 1869), «Новейший рус. и цыганский песенник...» (7-е изд., СПб., 1871) и др.

Изд.: Песни и романсы (ук.); Песни рус. поэтов, т. 2.

Лит.: кн. Н. И. г. Молчанов и его хор рус. песенников. — ПЛ, 1864, 10 сент.; К-в (Кружков А. П.?). Рус. нар. песни М. — Там же, 1863, 27 марта (с прибл. песни «Со дворном сивалась хата»); Песни, собранные П. В. Киреевским, а. 9, М., 1872, с. 184, XXXV—XL; Охотский В., Муз.-лит. наследие, М., 1956 (ук.); Грановский Б., Певец-самородок М. — «Сов. музыка», 1958, № 1; Кузнецов Е., Из прошлого рус. эстрады, М., 1958 (ук.); Давыдов В. Н., Рассказ о прошлом, Л.—М., 1962 (ук.); Богатырев П. И., Моск. старина. — В кн.: Ушедшая Москва, (М.), 1964, с. 148. + Некрологи, 1881: СПбВед., 7 нояб.; ПЛ, 24 нояб. (А. Соколов), Рима Г., Муз. словарь, пер. с нем., М.—Лейпциг, [1901—04], с. 865; Брокгауз; Венгеров. Источ.; МЭ.

Архивы: [автобиографии] — ГЦ ММК, ф. 73, л. 125; РНБ, ф. 539, оп. 1, л. 11.

А. И. Рейтблат.

МОНТВИД А. С., см. *Шабельская А. С.*

МОНТЕВЕРДЕ Пётр Августинovich [псевд. Пётр Петров; 7(19).11.1839, Петербург — 10(23).8.1916, Петроград; похоронен на Георгиев. кладб. на Б. Охте], журналист, беллетрист; военный. Сын исп. дворянина, переселившегося в Россию, инженера по мор. ведомству Августина Ант. (1797—1873); мать — Каролина Федерсон, по происхождению немка, лютеранка. В 1856 унтер-офицер л.-гв. Измайлов. полка; в 1859 корнет Гроднен. гусар. полка; в 1860 переведен поручиком в 14-й гусар. Мнтавский полк; с 1862 служил в Сводном дивизионе Улан. бригады в Москве. В 1869 вышел в отставку в чине майора (по свидетельству К. И. Воронича, исключен за карточную аферу по суду товарищей). С 1872 в качестве корреспондента в Париже помешает цикл очерков и обозрений в газ. «Рус. мир» (1872—78), «С.-Петербург. вед.» (1878—79), «Парижские письма» в «Рус. вест.» (1874, 1875; отд. изд. под назв. «Париж. Очерки прошлого» — СПб., 1896; положит. отзывы: «Сб. Нивы», 1896, № 6, с. 43). В осн. это хроника парламент. борьбы периода диктатуры маршала П. Мак-Магона — калейдоскоп лиц и сменяющихся форм правления. Оперативный и широко осведомленный журналист, декларировавший свою беспристрастность, М. разделял позиции «Рус. мира»: здоровый консерватизм, неотделимый от прогресса. М. называет существующий во Франции беспорядочный режим «платоническим республиканизмом» («Рус. мир», 1877, 12 окт.), революцию — миражом, с иронией отзываясь о полемике между К. Марксом

и М. А. Бакунным (там же, 1873, 11 сент.).

Темы фелетонов М. — повседневная жизнь Парижа (жизнь женщины, семейные отношения, судейские разбирательства, структура рекламы и т. д.), культура, новинки лит.-ры: ром. А. Домасьяна («Рус. мир», 1872, 23 нояб.), творчество Г. Флобера (писатель «из неслыханных публике», там же, 1874, 17 марта), ром. В. Гюго «Девяносто третий год» — «тешищюнная демолого-социалистич. сказка» (РВ, 1874, № 3); в отклике на париж. премьеру «Реквием» Дж. Верди — детальный разбор муз. формы («Рус. мир», 1874, 18 июня).

Стиль очерков М. занимательный и живой. Диалог постоянно чередуется с описанием, сменяются масштаб изображения и способы передачи речи, сценки и сюжеты из жизни разных слоев общества: правящих кругов, рабочих, средней или мелкой буржуазии (о заимствовании Ф. М. Достоевским из этих очерков париж. реалий в ром. «Подросток» см.: Ра к В. Д., Доп. к комм. ПСС Ф. М. Достоевского. — В кн.: Достоевский. Мат.-лы и иссл., в. 4, Л., 1988).

По натуре искатель сильных ощущений, М. в 1875 отправляется в Герцеговину в качестве единств. корр. «Рус. мира» для освещения хода антитурецкого восстания, рассматриваемого издателями газеты генералами М. Г. Черняевым (находясь в России, он согласовывает с М. свои действия и советуется о дальнейших планах — ИРЛИ, ф. 5370, письма от 23 авг. 1875, 30 янв. 1876) и В. В. Капаровым с позиций панславизма. В своих регулярных (и высоко оплачиваемых) донесениях (до сер. 1876) М. подробно описывает обстановку, участников и ход восстания, призывает поддерживать сбор средств в пользу его жертв (см. также: «Очерки Герцеговинского восстания» — РВ, 1877, № 11, 12; 1878, № 2, 4, 8; публи. не окончена). Вместе с тем публикатор М. в нек-рых европ. газетах, гл. обр. в «Фигаро», имели протурецкую направленность (ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 4, л. 156).

хоры из товарищей-мастеровых и пел с ними в моск. трактирах. Там его услышал П. Г. Лебедев, учитель пения полков, стоявших в Москве. В 1834 М. поручили учить пению солдат Суздальского полка, а потом и всех полков Москвы, чем он и занимался до нач. 1860-х гг. В 1840-х гг. М. приобрел известность как собиратель и исполнитель рус. нар. песен. В нач. 1850-х гг. создал из воен. песенников, увольнявшихся в запас, первый проф. нар. хор. гастролировавший в Петербурге и мн. провинц. городах и приобретший большую популярность. Был хорошо знаком с В. Ф. Одоевским, записывавшим у него напевы ряда песен и обучавшим его нотной грамоте. М. — автор изв. песни «Дело было под Полтавой» (кон. 1840-х — нач. 1850-х гг.), песни «Петербургские команды», «Ах, ты, ночь моя, ночь огненная», «Со дворцом сивалась хата» и др. Он

После начала Серб. войны служил в Тимошо-Моравской армии в должности пом. нач. Ген. штаба Комарова. Как заместитель ставкокомандующего Чершева сосредоточил в своих руках распространение информации и каску (вероятно о присвоении им казенных денег см.: «Стрекоза», 1878, № 5, с. 4). Высокомерие, доходя на широкую ногу настраивали против него рус. добровольца. В антигерманских кружках в нем видели гл. проводника отрицат. взглядов на ход войны (И. С. Тургенев: «этого пролазу я знаю лично», «заведомый жулик» — Письма, XI, 351; см. также ук. к комм.; подробность личного знакомства с М. неизвестны), привел его к асиморализации армии, разбазариванию пожертвований, замалчиванию потерь в рус. войсках, распространением особых «корреспондент-бюро» (см. передовую «Рус. мир», 1877, 25 июля). В качестве доверенного лица Г. С. Веселитского-Божидаровича М. вел тайные переговоры с Германией и Австрией о воени. помощи Герцеговине, восстанию (РГВИА, ф. 261, оп. 1, № 3). Публично отрицает обвинение австр. газ. «Neue Freie Presse» в том, что он возможный шпион (см.: «Рус. мир», 1876, 15 июля). Проигрывает в подпольники, награжден серб. орденом Такова.

В 1877 М. — в Париже (корреспондент в «Рус. мир» под псевд. М-де, М-е, П. М., М.), летом участвует в боях в Черногории, ранен («Рус. мир», 29 авг.).

В 1879 возвращается в Россию. Выступает с фельетонами в «С.-Петербург. вед.» (подп. Amicus). С окт. 1880 — ред. «Петербург. газ.»; вел в ней рубрику «Ежедн. беседы» (псевд. А-ъ, Амкус), в к-рой откликался на новости (напр., об инд. общине Е. П. Блаватской — 1882, 16, 17 янв.), слухи, уголовную хронику. Называя свои фельетоны «обличительной прозой» («Петербург. газ.», 1880, 28 нояб.), М. часто облекает их в форму писем разных лиц, разговоров, снов или видений, не гнушаясь обидных наименований и оскорблений (отзывы современников: «физич. отправление», «нетрезвость слова» — Достоевский, XXVII, 51, 332; см. также ук.; М. — «журнальная приживалка» — Д. Д. Минаев, «Молва», 1880, 5 июня). Его неосторожные (на первых порах) высказывания в переписке и публикациях обратили на себя внимание Александра II; в результате М. грозилась высылка (не осуществившаяся; ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 1, д. 1825). Объектом насмешек часто служат газ. «Голос» и ее сотр. Д. В. Аверкиев («судальский драмолот», 1880, 12 нояб.), в юмористич. табели о рангах (1880, 5 дек.) помимо традиц. недругов — А. А. Краевского, Аверкиева, В. П. Мещерского — фигурируют имена Тургенева, М. Н. Каткова (1880, 12 дек.; 1882, 9 янв.), Достоевского (автора «психиатрич. исследований»; ср., однако, почтительные публ. в связи с его кончиной). Характерный штрих, обнаруживающий нравств. позицию М.: детально описывая казнь убийц Александра II (1881, 4 апр.), он восхищается идиллически солнечным утром.

Выступая в амплуа фельетониста «малой прессы», М. вместе с тем остался верен — по крайней мере внешне — славянофильским взглядам; католки иностр. происхожде-

ния, он надевает маску «православного русского» (говоря о церк. праздниках, широко используя пословицы и нар. приметы, проявляя особенное внимание к антигерманским или антиеврейским сюжетам). Признание Петерб. окружным судом клеветнич. характера публикации о купцах-евреях «Арест шайки» («Петербург. газ.», 1886, 14 февр., б. п.; см. также: 17 февр.; отклики: «Новости», 13 июня; НВ, 14 июня) вызвало ряд утверждений о подкупе адвоката (Н. П. Карабчевского) и травле «одного из тех враждующих против еврейства журналистов, к-рые никогда не согласятся подписаться под еврейской равноправностью» (Ж и т е л ь (А. А. Дьяков), За клевету и диффамацию. — НВ, 22 июня). Патетич. выражение верноподданнических чувств сочетается у М. с критикой в адрес Гор. думы, нек-рых законов, с призывами к разумно ограниченной свободе прессы, к жен. эмансипации, к расширению прав земств. Был одним из наиб. популярных фельетонистов (см.: «Доп. вопросы к личному хартам статистич. переписи, предлагаемые Антошей Чехонте» — Чехов в. I, 116; см. также ук.).

В кон. 1887 покидает должность ред. «Петербург. газ.» в связи с воспалением мозговых оболочек (ИРЛИ, ф. 540, № 18; см. также: Кугель А. Р., Лит. восп., П.—М., 1923, с. 59).

С 1889 по 1896 ред. популярной славянофильской газ. «Свет», издаваемой Комаровым (приветственный адрес, написанный М.-издателю в день 10-летия газ. см.: 1892, 3 янв.); в те же годы был его заместителем в должности пом. распорядителя Рос. телеграфного агентства. В 1890—91 ред. ж. «Звезда».

Написал неск. произв. с любовно-уголовным сюжетом, представляющих героев в знакомой автору и интригующей читателя среде: фельетонный ром. «Русские в Париже (В тине)» (опубл. трижды: СПбВед, 1879, янв. — март; отд. изд. — СПб., 1881; «Свет», 1889, 3 нояб. ... 19 дек. — под расхожим назв. «Кто убийца?»; рецензент назвал М. «настоящим лит. альфонсом» и «бульварным ухарем» — ОЗ, 1881, № 7, с. 79; см. также отрицат. рец.: «Русь», 1881, № 48; «Мысль», 1881, № 9) и пов. «Багровая пыль (Русские в Париже во время Коммуны)» («Нива», 1884, № 23—27) изображают трудную судьбу соотечественников, оказавшихся на чужбине без помощи своего государства. — случайные заработки, жизнь на содержании и т. д. «Горные орлы. Повесть из времен Герцеговинского восстания» («Нива», 1881, № 48—50) — о встречах автора с романтич. черногор. разбойником-аферистом. Пов. «Из-за могилы. Рассказ из южно-

славянской войны» («Нива», 1886, № 31—36) — об инсценированном самоубийстве с целью очернить честного офицера, личность к-рого проявилась на полях сражений за слав. дело (попутно рисует фигуры Чернышева и Комарова).

До последних дней М. сотрудничал с «Петербург. газ.», выступал с фельетонами «Из военной жизни» (напр., о войне в Маньчжурии в окт.—нояб. 1900), с рецензиями на спектакли франц. труппы Михайловского т-ра (подпись Друг), среди актеров к-рой был известен как «дедушка М.».

Лит.: Семеновский; Михневич; «Битва при Дунае. Рассказ очевидца». — «Рус. мир», 1876, 27—28 окт.; Веселитский-Божидарович Г. С. Положение слав. семейств Боснии и Герцеговине, бежавших по случаю восстания. СПб., 1876, с. 14; Гирс Д., Штаб ген. Чернышева. — СПбВед, 1876, № 282; Мещерский В. П., Прада о Сербии. СПб., 1877, с. 212—16, 267; Воронин К. И., Изнашка Серб. войны, ч. 1—2. СПб., 1877, с. 113, 114, 125, 160, 208, 209, 259, ч. 3. СПб., 1878, с. 171—74, 178—87, 222—26; Деволлан Г., Независл. старина. Поход в Сербию в 1876 г. — РА, 1879, кн. 2, с. 360; Прощание с Amicus'ом. — СПбВед, 1880, 26 окт.; Стасов В. В., Собр. соч., т. 2. СПб., 1894, с. 403—06; Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939 (ук.); Лесков А., Жизнь Николая Лескова. М., 1954, с. 368; Никитин С. А., Слав. комитеты в России в 1858—1876 гг., М., 1960 (ук.); Рухов, наследие Н. С. Лескова. Каталог, Л., 1991 (ук.); Левит М., Лит-ра и политика. Пушкинский праздник 1880 г., СПб., 1994 (ук.). — Некрологи, 1916: «Петрогр. газ.», 11. 14 авг.; «Обзор т-ро», 12 авг.; Бродягу: Венгров. Источ.: Муратова (1; ук.); Масанов (не указаны имен. Друг, М-е, М-е, П. М., М.).

Архивы: ИРЛИ, л. ф.; РГВИА, ф. 261; ф. 400, оп. 9, д. 5777 (п.с. 1869); ГИМ, ф. 208 (телеграммы М. о положении в Сербии, 1876); РГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 527, ч. 1, л. 52—62 (сведения о родителях М.); РГБ, ф. 331, к. 36, № 75 б (письма В. В. Библибина А. П. Чехову).
М. В. Пашенко

МОРАВСКАЯ (во втором браке — Коглан, Coughlan) Мария Магдалина Франческа Людвиговна (31.12.1839, Варшава — 26.6.1947, Майами, США), поэтесса, прозаик, критик. Из польской католич. семьи, в два года потеряла мать, в детстве жила в бедности; отец переменил в своей жизни много профессий ... и всегда

стремился к ... путешествиям и изобретениям. Для дальних странствий у него не хватало средств, а для изобретательской деятельности — образования (автобиограф., 1915 — ИРЛИ, ф. 377, № 2458, 2 собр., № 581). Спустя несколько лет отец женился на сестре матери М. и семья переехала в Одессу. В 15 лет М. ушла из дому, не поладив с мачехой, и потеряла связь с семьей. Переехала в Петербург, зарабатывала на жизнь уроками, перепиской, поступила на Высшие жен. (Бестужев.) курсы (не закончила). Участвовала в полит. кружках и была польской патриоткой, потом социалисткой. «В 905... со мной происходили разные трагич. события, о к-рых теперь нельзя говорить в печати. Потом я два раза сидела в пересыльной тюрьме, в 906 и 907 гг.» (там же). Свой недолгий брак считала «неприметной случайностью». «замужней фамилии» не признавала.

Первые опублик. стихотворение в ученич. ж. «Свободная школа» в 16-летнем возрасте, печатала стихи под псевдонимами в одес. газетах. В 1910 познакомилась с М. А. Волошиным, к-рого высоко ценила и к-рый оказывал ей житейскую помощь (Волошин М., Из лит. наследия, СПб., 1991, с. 210). Вскоре вошла в круг авторов ж. «Аполлон» (см. ее рецензии — 1911, № 9).

В нач. 1911 начала появляться на «понеделниках» Вяч. И. Иванова, выступала в Об-ве ревнителей худож. слова. Осенью 1911 стала участницей «Цеха поэтов», где объявлен к печати ее сб. «Голубые лютики» (издание не состоялось), ее стихи вошли в «Цеховую» подборку («Нов. жизнь», 1912, № 1). В это же время ей как «презвычайно талантливой особе» покровительствует З. Н. Гиппиус (письмо Гиппиус к К. И. Чуковскому от 14 сент. 1911 — РНБ, ф. 620). С 1912 часто печаталась в петерб. ж. «Вест. Европы», «Ежемес. журнал», «Наша заря», «Нар. мысль», «Свежие силы», «Журнал журналов» и др. В 1913 ее стихами увлекся Иванов-Разумник, читал их А. Белому и В. Я. Брюсову, к-рые отозвались положительно, знакомил с ними А. А. Блока (по-видимому, по их поводу он вспоминал о непростительном изобилии «вовсе» и «совсем» в стихах у женщины в своем письме к А. А. Ахматовой от 14 марта 1916 — Блок, VIII, 459). Иванов-Разумник поместил в ж. «Цветы» (1913, № 6, 10) две подборки стихов М. и написал о ней вдохновенную статью (1913, № 10), построенную на тезисе о соответствии «формы» стихов М. ее «переживаниям»: дольничковые формы адекватно выражают психол. паузы. «Капризно-сентиментальные» (Mirsky D. S., Uncollected writings on Russian

literature, Berkeley, 1989, p. 61) стихи М. строились на контрасте петерб. мутной обыденности и порывов к юж. экзотике, отсюда и загл. сб-ка — «На пристани» (СПб., 1914). В стихах разрабатывается прием инфантильной интонации и, по-видимому, эта нота привлекла внимание И. Г. Эренбурга, посвятившего М. стих. в своем сб. «Стихи о канунах» (1916). Сама М. в полушутливом стих. «Поэтессы» утверждала: «Ведь женщина-стихотворщица // Не может жить без лозманя: // Это ее призванье, // Она за это борется» (ЖЖ, 1915, № 11). Сб-к посв. очень близкому другу — Францу Эртнеру, к-рый, по словам М., «удерживал ее от преждевременных незрелых выступлений в печати, помог преодолеть символизм и выявить свою поэтич. личность» (ИРЛИ, ф. 377).

Видно, об этом сб-ке (в рукописи написала отзыв А. А. Кублицкая-Пиотух: «По-моему, это не поэзия... Может быть, Брюсов и Андрей Белый думают, что стремление на юг, в к-ром состоит почти все соизрадание, — это тоска трех сестер и вообще по Земле Обетованной. — Они ошибаются. Это просто желание поехать в теплые страны, в Крым, на солнышко». Блок сделал принику: «Очень, очень верно» (Бекетова М. А., А. Блок и его мать. Восп. и заметки, Л.—М., 1925, с. 171). М. свидетельствовала, что «тоска... по дальним странам» передалась ей по наследству от отца: «она составляет почти все содержание моей первой книжки» (ИРЛИ, ф. 377), стих. «Плениние» в этой книге — об отце.

К сб-ку предположительно предан Брюсов, но от предположенного им текста М. отказалась: «Ваше мнение, что я — поэт узкокопичий, с моей точки зрения — обвинительный приговор для книжки «Брюсов» (2), с. 698). По выходе книги Брюсов повторил утверждение, что М. «никогда резко-субъективна», но признавал в стихах «поэзию подлинную» (РМ, 1914, № 2, с. 19). В. А. Паст одобрил «неподдельность» аут. заочной, но осудил «реализм, эггипетизм, развращающий в неинтересном настроении скуки и томления» («Отклики», прил. к газ. «День», 1914, 8 мая; др. рец.: Мак (Р. Иванс) — «Знакомство», 1914, № 10; Д. Выготский) — «Гомельская мысль», 1914, 12 июня).

Последующие сб-ки М. вызывали меньший интерес и сочувствие. На «Стихи о войне» (СПб., 1914) откликнулись отрицат. рец.: А. И. Тихонов («День», 1915, 5 февр.) и Г. В. Иванов («Аполлон», 1915, № 1, 3). Сб. «Прекрасная Польша» (П., 1915), посв. А. Мицкевичу, — дань любви, привитой к детству бабушкиными пересказами польск. легенд и событий из эпохи последнего восстания. В автобиографии М. писала, что влияние на ее творчество оказали «польские классики, потом символисты» (ИРЛИ, ф. 377). Редактировала сб. «Мы помним Польшу» (П., 1915), а также фин. сб-к, перевела фин. поэтов. Сб. «Золушка думает» (П., 1915) с посв. «памяти Елены Гуро», влияние к-рой на поэзию М. было значительным (издават. рец.: А. Ожигов (Н. П. Ашениов) — ЖЖ, 1915, № 24; др. рец.: Лундберг Е., О поэтич. нищете и нищей поэзии. — «Голос», 1915, № 32; Д. Тальников (Д. Л. Шпитальня-

ков) — СМ, 1916, № 1; А. И. Журин — «Свободный журн.», 1915, № 9—10). Затем последовали попытки поэм — «Девушка с фонариком» («Рус. зал.», 1915, № 10) — о билетерше кинотеатра, «Соколов и Даниленок» (РМ, 1915, № 9) — из жизни рабочих.

М. активно работала в лит-ре для детей; печаталась в ж. «Тропинка», «Галчонок», выпустила сб. рассказов «Цветы в подвале» (СПб., 1914). О сб. «Апельсиновые корки» (СПб., 1914) писала Тиханкову: «это мои любимые стихи» (РНБ, ф. 774, № 30). Книга посв. «родным по отцу», «братьям и сестренкам», к-рых М. «не видела много лет» (ИРЛИ, ф. 377). Рецензенты хваляти М. за поэтич. талант, естественность, понимание детской души.

Никаких иррауочений, никакого замесивания — только чувство, только образ, только шутка, юмор» (Б. М. Эйхенбаум — РМ, 1914, № 2, с. 60). «Автор ... подходит к детям без обычных ужимок ... не боится прозаизмов и будничных тем» (А. Веский — «Совр.», 1914, апр. кн. 8, с. 117). «это действительно детские стихи, без сервильности, но и без наскороного сюсюканья ... поэтика охватывала язык и тематику» (Г. В. Иванов — «Аполлон», 1915, № 3, с. 53).

Можно утверждать, что лит. судьба М. сложилась не очень счастливо. В лит. процессе она держалась особняком. Установка на тематич. открыти (поэзия телеграфа, авиации, кинематографа) не была оценена, находки в области разг. интонации побили на фоне развивающегося творчества сверстников.

Критика не могла не отметить «несовершенство величия» Ахматовой (это же червячий прерывистый ритм, тот же намеренно простой, рассчитанный интимный язык. Точнее... часто заметны белые пятки» — С. Кречетов, УР, 1914, 26 апр.; впоследствии именем М. открывал стихос «ахматовской школы» М. Кузмин — «Жизнь иск-ва», 1918, 18 нояб.).

Иванов-Разумник именно в противовес Ахматовой решил выдвинуть поэзию М., рекомендовав Брюсову рукопись будущего сб. «На пристани» с оговоркой: «Есть зависимость (от Блока, Кузмина, — но не от Анны Ахматовой, к-рая менее «я»; менее талантлива)» («Cahiers du monde russe et soviétique», 1974, v. 15, № 1—2, p. 186). М. поддержала в печати книгу Ахматовой «Четки» за «простоту», хотя и упрекнула ее за «эстетские слова» (ЕЖЛ, 1914, № 4, с. 157). В позднейших же ахматовских мемуарных заметках и устных высказываниях никаких оценок «товарища по цеху» (как названа М. в аут. инскрипте на «Вечере» Ахматовой 10 марта 1912 — Лесман, с. 32) не появлялось. Можно предположить какой-то конфликт М. с участниками «Цеха» — имя ее в списке членов (Архив М. Л. Лозинского) позднее вычеркнуто, хотя она присутствовала на заседании 10 июня 1914 (см. письмо Эйхенбаума к Л. Я. Гуревич — РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 201, л. 86; М. названа здесь «очень

искренним человеком»). Показательно неупоминание М. в критич. выступлениях Н. С. Гумилева. С. М. Городецкий достаточно резко оценил «На пристани» за «неврастению», разрезающую форму стихов и не дающую им «развиться как организм» («Речь», 1914, 14 апр.), и впоследствии пенял М. на небрежные формы, недостатки стиха, выдаваемые за «музыку» и *vers libre* («Речь», 1914, 8 дек.; «Кавк. слово», Тифлис, 1917, 8 сент.; там же, 1918, 16 февр.).

Расхождение М. с акмеистами отчасти объясняется ее резко критич. отношением к ж. «Аполлон» [«Все красиво, стильно, звучно, ну и скучно, скучно, скучно!» — из стих. «Аполлон» (ЖЖ, 1915, № 11), к-рое, по свидетельству современника, было отрывком из большой сатирич. поэмы М., ходившей по рукам, — Кузьмин Н. (В.), Давно и издавно, М., 1982, с. 245] как к органу «великосветских снобов» (ст. «Знатная иностранка. О рус. поэзии» — ЖЖ, 1915, № 12). При этом противопоставленная «эстетству» и «лиловым туманам» символизма «душевная конкретность» новой поэзии (ст. «Волнующая поэзия» — НЖдВ, 1915, № 8) была, несомненно, открытием акмеистов, и М. неизбежно являлась их невольной соратницей, когда писала: «А символизму надо дать по шалке. Красота общденности идет ему на смену» (письмо Е. Янтарёву от 1 июля 1915 — РГАЛИ, ф. 1714, оп. 2, № 3) или «Такого рода демонически-эротич. символизм мы уже переросли» (о романе С. Пшибышевского «Дети горя» в пер. В. Ф. Ходасевича — РМ, 1916, № 3, с. 5).

Тенденции «поэзии последнего призыва», где будничные образы являются выразителями душевного волнения, пропагандировались М. со ссылкой на поэтику частушки — в докладе в Об-ве поэтов 3 дек. 1913 и в докладе «Поэзия миллионов людей» 1 окт. 1915 в Лиге равноправия женщин (опубл.: РМ, 1915, № 11; отклик П. Г. Богатырёва — РФВ, 1916, № 4), вызвавшем протест Б. А. Садовского против «проповеди одиночества» (ст. «Вредное чирканье» — БВед. 1915, 3 окт.) и раздражение Г. Иванова на «безвкусную и неумную дамскую болтовню» («Аполлон», 1916, № 1, с. 61). Поэтич. пафос «освобождения» — стиливого (от описательности), ритмического (от «тесных рамок ямбов и хоресов» — в пользу «тактов» и «лауз» — предтечей этого стихосложения М. объявила тютчевское стих. «Последняя любовь» — «О, как на склоне наших дней»), социального (см. ее ст. «Плебейское искусство. Об Игоре Северянина» — ЖЖ, 1917, № 10) — привел ее к феминистич. лит. критике — докладу «Женщины

о себе», читавшемуся в Петербурге и провинции (саркастич. резюме Садовского «Золушка совсем не думает» — ЖЖ, 1915, № 34), в к-ром разбиралось творчество А. Мар, В. И. Рудич, Е. А. Нагродской и др., восторженно говорилось о М. И. Цветаевой и ставился вопрос о праве критиков обсуждать автобиографичность жен. творчества (см. отчет В. Стечкина о лекции — «Саратов. вест.», 1915, 18 дек.).

В годы войны М. часто выступала с очерками и рассказами из совр. жизни («У лазаретных косяк» — СевЗ, 1915, № 4; «Душа минувшего сезона» — «Отечество», 1915, № 5/6; «Ситцевый бал» — СМ, 1915, № 6; «Хрустальная туфелька» — РМ, 1915, № 8; «Хочу» — РМ, 1916, № 8, и др.). В 1917 совершила путешествие в Японию (см. цикл из пяти стихов — «Летопись», 1917, № 9—12) и в том же году переехала в США, откуда отправилась в долгую поездку по Лат. Америке, читала в Чили лекции на исп. языке («Нов. рус. книга», Б., 1922, № 9, с. 37), опубл. очерк о восприятии кино в Юж. Америке («Что хочет публика ниже экватора»; «What the public wants below the equator» — «The Outlook», 1922, 27 Sept.). Стратуничала в десятках амер. ж.-лов.

Нес-рые ее сочинения критик Э. Дж. О'Брайен относил к лучшим амер. коротким рассказам. Ост. тема очерков М. — Америка глазами новички, бывшей американочки, мечтавшей «пережить типичного русского и типичного американца в колдовском котле, чтобы создать новое, нежное, благозвучное, гармонич. существо» («Ваши газеты и наши»: «Your newspapers and ours» — «Bookman», 1919, Jan., p. 389), неск. разочарованной положением асирчанских детей, женщины, чернокожих и евреев в США, миссе независимым духом прессы, «сам в царской России, миссия моральной свободой» («Мое частное мнение о вас»: «My private opinion of you» — «Independent», 1919, 19 Apr.), лит-рой «со счастливым концом» («Беллетристика, аводшая в заблуждение»: «Misleading fiction», — *ibidem*, 1918, 9 Nov.), оптимизмом Р. Эмерсона, не оставившим места для жалости («Налог компенсации»: «The kild of compensation» — «The Nation», 1919, 28 June), беспечностью и безгневностью амер. идеала («Не улыбайся!»: «Stop smiling!» — *ibidem*, 1920, 15 May; «Неврастения, искорененная улыбкой»: «Neurasthenia-breeding smile» — «The Outlook», 1922, 25 Oct.), неинтеллигентностью городской массы, потребляющей готовые инетия («Опасности грамотности»: «The perils of literacy» — «The American Review», 1928, № 26), безответственностью реклами («Вы тоже...»: «You too...» — «The Outlook», 1923, 7 Feb.), разнородным земократич. к судьбе гения («Страна, которая не заботится о судьбе гения, не может быть названа великой». — «Книги и те, кто их делают»: «Books and those who make them» — «Atlantic Monthly», 1919, May). Но при этом критика Америк. по словам М., у нее — «от любящего сердца», от желания «выцять ее совершенной» («Новичок в Америке»: «The Greenhorn in America» — «Atlantic Monthly», 1918, Nov., p. 667).

Сквозной мотив очерков М. нач. 1920-х гг. — ее будущее возвращение в Россию. В письме в Петроград она жаловалась: «Живешь, как мертвая, мертвая для поэзии, потому что тут ведь стихов писать не стоит» («Лит. записки», 1922, № 2, с. 19). Тем не менее М. писала большую по-

эму по-английски «Черепичная тропка», разводила полугаев, по поводу чего изв. амер. прозаик П. Колум написал очерк «Поэт и ее птицы» (см. письмо М. к М. Троммер от 16 июня 1937 — Б-ка Конгресса, Вашингтон). Роман «Жар-птица», рассказывающий о петерб. жизни 1910-х гг., опубл. на англ. яз. в 1927 в Нью-Йорке и в 1928 в Лондоне.

Лит.: [Стихи]. — В кн.: Петербург в рус. поэзии. Л., 1988: Рус. поэзия дств; Рус. поэзия серебряного века. 1890—1917. Антология. М., 1993: Сто поэтов серебряного века. СПб., 1996 (в сборн. кн. очерки О. Б. Кузиной).

Лит.: Ашукин Н. О волнующей поэзии. (Ответ на ст. М.). — НЖдВ. 1915, № 9; Гизетти А., Три души. (Стих. Н. Львовой, А. Александровой, М. Моравской). — «Ежемес. журнал», 1915, № 12; Гусман; Зал. ГЕЛ, в. 33, М., 1972, с. 274; Чукотка. Рухол. альм. К. Чукотского, М., 1979, с. 84—86; Алигер М., Встречи и разлуки. М., 1989; Ламтиники культуры. 1983, Л., 1985, с. 250; Бисс А., Поэты серебряного века. — «Нов. рус. слово», Н.-И., 1961, 28 мая; Шустов А., Поэты забытого юга, — «Нова», 1986, № 8; ЛН, т. 92, кн. 2, с. 391—92; Паст, 1997; Teitelboim V., Nombre y nombre, Santiago de Chile, 1969, p. 353; Z dziejow antipolskich obsesji w literaturze rosyjskiej, Warsz., 1992, s. 202, 204; Who's Who in Polish America, 3d ed., N.-Y., 1943, p. 306; Wallace W. S., Dictionary of North American Authors, Deceased before 1950, Toronto, 1951, p. 99; Dictionary of Russian women writers. + Владиславлев; Адам и об-м (2. ук.); Тарасиков (ошибочно приписана кн. «Мои стихи». Ревель, 1916); Лесман; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 124, № 2892 (письмо Е. А. Озеровой), № 2891 (письмо М. А. Кузиной, 1910); ИРЛИ, ф. 377 (справка О. Б. Кузиной); РГАЛИ, ф. 1068, оп. 1, № 102 (анкета 1915 г.).

Р. Д. Тименищ

МОРДОВЦЕВ Даниил Лукнич [7(19).12.1830, слобода Даниловка земли Войска Донского — 10(23).6.1905, Кисловодск; похоронен в Ростове-на-Дону], прозаик, публицист, историк. Писал на рус. и укр. яз. Потомок запорож. казаков («переписанных» к моменту рождения М. в купеч. звание), Отец, Лука Анд. (умер, когда М. не было и года), — крепостной, выбывшись в управляющие, сумел выкупиться; мать — дочь дьячка. До 9 лет М. не знал рус. языка. По окончании Усть-Медведицкого окружного уч-ща (1840—44), о к-ром в «Школьных восп.» М. писал:

«... умственный застой, глушь, дичь невыносима» (РСЛ, 1863, № 2, с. 14), и Саратов. г-зии (где подружился с А. Н. Пыпиным и П. А. Ровинским; поместил первые лит. опыты в рукоп. ж-ле) поехал поступать (1850) в Казан. ун-т на физико-матем. отд. Однако благодаря блестящим ответам по древним языкам (М. знал лат., др.-греч., др.-евр., а также нем., франц., калмыцкий, тат. языки) был зачислен на филол. ф-т. В 1851 переехал в Петерб. ун-т, где занимался в семинаре И. И. Срезневского (вместе с О. Ф. Миллером, В. И. Ламанским и Пыпиным; через последнего познакомился с Н. Г. Чернышевским); окончил ун-т в 1854 (за соч. «О языке „Рус. правды“» получил на 3-м курсе золотую медаль). В Петербурге М. возобновил знакомство с уроженкой Саратова А. Н. Пасхаловой (см. *Мордовцева А. Н.*) и осенью 1854, «к немалому удивлению» (Чернышевский) знакомых, женился на ней, взяв на себя заботы о пяти ее детях от первого брака. Вернувшись вместе с семьей в Саратов (май 1855), М. вошел в кружок местной демократически настроенной интеллигенции, возглавлявшийся Н. И. Костомаровым (круг саратов. друзей и их деятельности изображены в неоконч. «романе-были» «Профессор Ратниров», «Книжки „Недели“», 1889, кн. 1, 2). Друж. отношения с Костомаровым, сложившиеся с самого начала знакомства («мы скоро сошлись на украинской поэзии и на многом ином» — автобиография М., ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, № 18) и оказавшие значит. влияние на мировоззрение и творчество М., поддерживались в течение многих лет; ему посвящены статьи М. «Исторические поминки по Н. И. Костомарове» (РС, 1885, № 6), «И. И. Костомаров в последние 10 лет его жизни» (там же, № 12; 1886, № 2) и др.

Лит. деятельность М. начал как укр. писатель, создав ряд произв. из укр. жизни — поэму «Казяки и море» (1854, опубли. в 1859 в «Малорусском лит. сб-ке», изданном в Саратове совм. с Костомаровым; здесь же помещены переводные М. на укр. яз. повести Н. В. Гоголя; рец. — ОЗ, 1859, № 9), рассказы «в духе М. Вовчка» — «Нидице» («Старці», 1855, опубли. «Зоря», 1885, № 20), «Звошарь» («Дзвонарь», 1858, опубли. «Основа», 1861, № 3), «Салатка» (1859, опубли. там же, № 5). Малорос. произв. М. были собраны в кн. «Оповізанія» (СПб., 1885). И. Франко, оценивая укр. произв. М., позднее валишет: «Не покоряет он нас ни силой, ни пластичкой картин. ни построением... Но с точки зрения мелодичности языка и сердечной искренности тона ... мало кто с ним срав-

нится» (сб. «Ватра», Стрый, 1887, с. 149).

В 1856 М. занял должность помощника секр. Саратов. статистич. к-та (до 1864), одновременно редактировал неофиц. отдел «Саратов. губ. вед.». В этот период он начал печататься по-русски, помещал в газете (за подписью Д. М.) многочисл. ист.-краеведч. заметки и статьи, а также обличит. фельетоны, один из к-рых, повс. офицеру, избившему на улице солдата, вызвал скандал и разбирательство с М. в Мин-ве внутр. дел (автобиогр. — ИРЛИ, ф. 377; см. также: Глинский, 1905, с. 586—587). Многолетняя служба (1856—1873) по ведомству Мин-ва внутр. дел (в 1867 правитель дел в комиссии нар. продовольствия и цензор газ. «Саратов. листок», с 1868 правитель канцелярии губернатора, с 1869 секр. губ. статистич. к-та, с 1871 коллеж. сов.) открыла М. доступ к саратов. и др. архивам, что дало ему материал для ист. работ (печатались в местных и центр. изданиях; одни из первых публ. в столич. органах — в газ. И. С. Аксакова «Парус» и «День»). Крупнейшие из его ист. трудов — «Самозванцы и понизовая вольница» (т. 1—2, СПб., 1867; рец. — ВЕ, 1867, № 2), «Гайдамачина. Ист. монография» (т. 1—2, СПб., 1870), «Палитские движения рус. народа. Ист. монография» (т. 1—2, СПб., 1871; на две посл. работы положит. рец. — ОЗ, 1870, № 9; предположительно, М. Е. Салтыкова-Щедрина), «Русские гос. деятели прошлого века и Пугачев» (ОЗ, 1868, № 8, 9, 10), «Русские ист. женщины. Популярныя рассказы из рус. истории. Женщины допетровской Руси» (СПб., 1874), «Русские женщины нового времени» (СПб., 1874). Публикация в «Деле» в 1872 кн. «Накануне воли. Архивные силуэты» (А. Н. Пылин: «Одна из самых страшных книг, какие являлись в нашей лит-ре» — в его кн.: Мои заметки, М., 1910, с. 12), в к-рой М. использовал саратов. арх. мат-лы о положении дореформ. крестьянства, была остановлена цензурой, а сам М. после объяснения с начальником Гл. управления по делам печати М. Н. Лонгиновым (на основании составленной в управлении докладной записки) был вынужден уйти в отставку. В 1889 отд. изд. очерков запретили; книга была сожжена по распоряжению Мин-ва внутр. дел с мотивировкой: крепостное право для М. «не что иное, как история рус. негровладательства» (РГИА, ф. 776, оп. 20, д. 1129, л. 2). Эти работы, а также многочисл. ист. статьи, опубли. в «Рус. слове» (к сотрудничеству в к-ром М. пригласил Г. Е. Благосветлов), «Деле», «Вест. Европы» и составившие затем сб. «Ист. пропылен» (т. 1—2, СПб.,

1889), были сочувственно отмечены историками разных школ (М. П. Погодин, Костомаров, Пылин) и принесли М. известность. (Дважды ему предлагали кафедру рус. истории в Петерб. ун-те, но М., не склонный к пед. деятельности, обремененный к тому же семейными заботами, отклонил эти предложения — см. Глинский, 1914).

По своим ист. взглядам М. примыкал к школе Костомарова, под влиянием к-рого создал свою теорию ист. процесса. Ист. движение происходит, по М., в свободном противоборстве «центробежных» (представленных стихийными нар. выступлениями) и «центростремительных» (интегрирующее начало гос-ва, права) сил. Отождествление им «центростремит.» начал с «силой движения» позволяло воспринимать его теорию как «апофеоз государства, у подножия к-рого... бьются бессильные нар. волны» (Короленко, V, 316). М. постоянно подчеркивает бессознательность и разрушительность нар. выступлений, но вместе с тем глубоко сочувствует «центробежным силам» (бунтующий народ, раскольники, гайдамаки и пр.), полностью отрицая насилие и рев. методы в достижении ист. прогресса — «свободный рост в истории» предпочитается «насилственному»; последний тезис особенно значим для него при оценке ист. деятелей, напр. Петра I (см. ст. «Участие семинаристов в нар. движениях XVIII в.», «Зоря», 1871, № 10/11; «Представляет ли прошедшее русского народа какие-либо полнит. движения?», ОЗ, 1871, № 3; «К слову об ист. романе и его критике», ИВ, 1881, № 11).

По мнению критики, работы М., отличавшиеся «легким популярным изложением», «не лишены и многих ученых достоинств» (ОЗ, 1870, № 9, с. 41), однако «какая-то особенная юркость ума не дает ему погрузиться целиком в исследование „действ и причин“ ист. вещей» (Михайловский и Н. К., Соч., т. 6, СПб., 1897, стб. 664). По собств. признанию, М. гл. обр. собирав «киричи», строил «пропылен», предверие, ведущее в храм науки. Свою заслугу он прежде всего видел в освоении нового, не исследованного историками предшественниками пласта материала, в изображении нар. движений, нар. вождей и того, «как пахал землю, вносил подати, отбывал раскручину, благоденствовал и страдал рус. народ, как он косил или развилался, как подчас он бунтовал и разбойничал шельмы массами, воровал и бегал тоже массами...» («Ист. пропылен», т. 1, с. 38). «Я полагаю, что в „Древнюю и новую Россию“, — писал М. редактору этого ж-ла, — следует впустить рус. народ, а то ваш сборник почти исключительно вертится около на-

рей, шарни, шаревен, князей и всяких высоких особ. Я хочу немного демократизировать ваш журнал...» (цит. по кн.: Глинский, 1914, с. 249—250). Обилие ценных фактич. и арх. сведений, позволявшее читателям делать собственные, порой не зависящие от авт. концепции выводы, обусловили популярность его работ, в т. ч. в радикальной среде. Ист. труды М., отвечавшие «настроениям бунтарей-романтиков, носившихся, как известно, с мыслями о нар. восстаниях и героях» (Дейч Л., С. М. Кравчинский-Степняк. Батовень судьбы, П., 1919, с. 6), изучались в кружке «чайковцев», в 1873—74 народники использовали «Гайдамачину» в своей пропаганде (см. «Процесс 193-х», М., 1906, с. 103, а также: Лойко Л. П., От «Земли и воли» к ВКП(б), 1877—1928, Воспоминания, М.—Л., 1929, с. 37; Попов М. Р., Записки землевладельца. М., 1933, с. 211). Гл. управление по делам печати характеризовало М. как «писателя весьма предосудительного направления», к-рый под «движениями» рус. народа «подразумевал ... исключительно бунты Стеньки Разина, Пугачева и им подобных» (РГИА, ф. 776, оп. 20, д. 1129, л. 2). Сходны отзывы нек-рых критиков, упрекавших М. в приращении к «гольцбе» и «гультяям» (П. К. Шебальский — РВ, 1870, № 9; полемич. ответ М. — ОЗ, 1871, № 3), в «лирич. сочувствии к самозванцу Емельке Пугачеву» (Леопольдов А. Ф., Заметки на нек-рые мысли в статье М., Саратов, 1869).

С 1873 М. вновь поселяется в Петербурге, поступает на службу в Мин.-во путей сообщения (до 1886: 1875 — зав. статистич. отделом, 1877 — старший пом. делопроизводителя Деп. железных дорог, кон. 1877 — ред. ж-ла Министерства, 1886 — л. стат. сов.). Посещает «вторники» Костомарова, сближается с Г. З. Елисеевым. Используя материалы из дел губ. правления в Саратове, активно выступает (в т. ч. в «Саратов. губ. вед.») по актуальным экономич. и краеведч. вопросам: «Совр. экономич. значение Поволжья» («Дело», 1873, № 7—8), «Действительно ли мы богаты?» (там же, № 11—12). Многие публн. статьи содержали критику существующих порядков. Сам М. вспоминал (см. «3 минулого та пережитого», «Лит.-научовий вiст.», т. 18, Львів, 1902, с. 244), что в своих «обличениях» он шел вслед за герценовским «Колоколом» и «Баткой Тарасом» (знаком с Т. Г. Шевченко с 1858; был инициатором Об-я им. Шевченко и «Шевченковских вечеров» в Петербурге; подробней см.: Прийма Ф. Я., Шевченко в отзывах М. — В кн.: Страницы истории рус. лит.-ры, М., 1971, с. 339—47). Бурную полемику

(с участием А. С. Гациского, К. В. Лаврского и мн. др.) вызвала ст. «Печать в провинции» («Дело», 1875, № 9—10, реш. — «Неделя», 1875, № 48) — реплика М. в дискуссии о роли провинции, возможности развития «местных центров» и провинци. периодич. изданий, их вкладе в т. н. «отечествоведение»; исходя из своих теоретич. посылок о «центростремит.» силе, М. отказывал провинции в сколько-нибудь значит. интеллектуальном потенциале, считал бесперспективной провинци. периодику (впоследствии пересмотрел свою т. з., признав правоту оппонентов, см.: Глинский Б. Б., Рус. периодич. печать в провинции. — ИВ, 1898, № 1, с. 317—20). В центре внимания М. в эти годы была тема земства («Десятилетие рус. земства» — ОЗ, 1875, № 4—8, 10, 1876, № 7, 9, 11, 12). Горячий приверженец реформ 1860-х гг., М. расценивал земские преобразования как положит. ист. акт, открывший возможность через постепенное просвещение народа, приобщение его к сознательной гражд. жизни высвободить и направить в созидат. русло нар. энергию, прорывавшуюся раньше в стихийных и разрушит. формах.

Осознанное желание расширить аудиторию для изложения своих взглядов на историю и современность, «принести пользу» большому числу читателей («К слову об ист. романе...» — ИВ, 1881, № 11, с. 643) привело М. к беллетристике. Его представления о романном жанре несли отпечаток позитивист. тенденций эпохи (ср., напр., тезис о вытеснении писателей-«художников» «светилами науки»: «Только хороший критик и ученый может быть хорошим романистом» — в кн.: Знамена времени, М., 1957, с. 318). Вбирая накопленный фактич. материал, романы М. развертывали и «иллюстрировали» темы и концепции его ист. трудов и публицистики.

Особое место в творчестве М. занимают романы, посв. идейным исканиям разночинной молодежи. — «Новые русские люди» (ВТ, 1868, № 5—8, в последующих изд. — «Новые люди»; в резком отзыве Салтыков-Щедрин отказал М. в знании изображаемой среды, назвав героев романа «призраками», нарисованными по «убогому и бессодержат. рецепту». — ОЗ, 1870, № 7) и «Знамена времени» (ВТ, 1869, № 1—7). В последнем М., проявив полит. прозорливость, изобразил в кон. 60-х гг. как «знаменное время» хождение в народ. Выраженная в романе вера в силу личности, способной перестроить мир на разумных основаниях, образы героев, «цельных и непосредственных натур» (Чудновский С. Л., Из давних лет, М., 1934, с. 83), для к-рых «лучше сломиться и по-

гибнуть, чем гнить в бездействии», социальный критицизм, воспринимавшийся как «покров... революционности», обилие намсков, к-рые, «наверное, оставались загадкой для самого автора» (Короленко, V, 316), — все это позволяло прочесть «Знамена времени» в контексте рев.-демокр. произв. о «новых людях» 60-х гг. и обеспечило роману «огромный успех» (там же) в демокр. среде. Однако по авт. замыслу роман не наследовал традиции рев. демократов, а напротив, пересматривал ее. Неприятие революции (стремясь к переменам, «новые люди» М. отвергали рев. методы борьбы — «звериный закон» — ради либерально-культурнич. работы: «Мы идем не бунты затевать, не волновать народ и не учить его, а учиться у него терпению, молотбе и косыбе...») переплеталось в нем с верой в близкое переустройство обшного строя, призыв отдавать жизнь за народ, идеи долга и жертвенности — с проповедью легальной деятельности. Важной составляющей позитивной программы романа являлись панславист. идеи — будущее России связывается М. со слав. единством. [Актуальные для кон. 60—70-х гг. и воспринятые М. под влиянием контактов с И. Аксаковым, Ламанским, М. П. Погодиным и др. (см.: Муратов, с. 130—131)] идеи панславизма звучат в ист. трудах М., а также в его драмах, повс. событиям истории и современности слав. народов: «Степан Малый» (ВТ, 1870, № 8) и «Пражский погром» (опубл. в кннге М. «Славянские драмы», СПб., 1877, уничтоженной по распоряжению цензуры).]

И-за пеп. затруднений ота. изданием ром. «Знамена времени» вышел только в 1900 (СПб.). А. И. Богданович, найдя в нем отражение нек-рых народнических идей, к-рые формировались в описываемую эпоху, отмечал, что читатель 900-х гг. смотрит на героев «восторженно» («горячий умишкой слез над промотавшим отцом» (МБ, 1900, № 8, с. 6). Эта рец. вызвала резкую полемику ст. Михайловского, отрицавшего связь с народничеством и в целом серьезное обшество и худож. значение «Знаменного времени», в т. ч. для 60-х гг. (РВ, 1900, № 9).

С сер. 70-х гг. осн. жанр творчества М. — ист. роман. Усилившийся с началом реформ 60-х гг. интерес к истории, в к-рой зачастую искал объяснения происходящих перемен (ср. мнение М.: «ист. роман не может не служить задачам современности» — ИВ, 1881, № 9, с. 649), в сочетании с традиц. повышенным вниманием читателя к ист. беллетристике (с ее возможностями динамич. развития сюжета, внесения в повествование авантюрных и экзотич. элементов и т. п.) предопределили успех произв. М. в достаточной широких читательских кругах. За 30 лет он написал более 20 романов из укр. и рус. истории, иррем. 17—18 вв., и более 10 романов из истории Др.

Египта, Рима, Иудеи, Кавказа (б. ч. первоначально печатались в периодике; далее указаны даты публ. романов отд. изданиями, все — СПб.). В числе последних — «Замурованная царница», «Царь без царства. Роман из истории последних дней царства Имеретинского» (оба 1891), «Богиня Изида-сваха», «Говор камней» (оба 1895), «Прометеево потомство. Роман из истории последних дней независимости Абхазии», «Ирод», «Погибель Иерусалима» (все 1897) и др. Центр. тема романов, написанных на рус. и укр. материале, — история раскола. Драматич. эпизоды противоборства патриарха Никона с ревнителями «древнего благочестия» воссоздаются в ром. «Великий раскол» (1881) — с опорой на «Житие» протопопа Аввакума и др. источники; по оценке современника, М.-романист одним из первых «взял под свою защиту людей старой веры, взглянул на эту веру как на имеющую право законного существования и равноправную с прочими исповеданиями и представил этих людей ... как искренне стремящихся к истине и правде» (Гл. и с. кий, 1905, с. 598; критик подчеркивал небезопасность для автора такого освещения раскола). М. обращается к реформаторской деятельности Петра I («Державный плотник», 1899, и др.), описывает коллизии борьбы самодержавия и его сторонников «реалистов» с защитниками старины, противостоящими его деспотизму («Идеалисты и реалисты», 1878, — первый ист. роман М.). Многие прозв., посвященные переломным ист. эпохам или событиям (смуты, восстания, несчастия и войны): «Лжедмитрий», «Двенадцатый год» (оба 1879), «Мамаево побоище» (1881), «Сагайдачный» (1882) и др. Обрисовка ист. персонажей у М. порой страдает натяжками; так, С. Т. Разин изображается то как не лишенный мелодраматич. черт злодей, то как пылкий влюбленный и богобоязненный паломник (пов. «За чьи грехи?», 1891); домысливается эпизод благодеяния Разина Аввакумом («Великий раскол») и т. п. Вместе с тем в лучших прозв. М. сумел отойти от штампов массовой ист. беллетристики. В его ром. ослабляется сюжетобразующая роль вымышленных персонажей, акцент переносится на показ ист. явления — как результата сложного взаимодействия одновременно развертывающихся событий (отсюда — папюранность повествования, включение множества «равноправных» героев и переплетающихся сюжетных линий); изложение опирается на проверенные факты или логически выстроенные, не противоречащие «духу эпохи» допущения: М. пытается воссоздать стиль древних памятников (за счет обильной цитирова-

ния ист. документов, разл. способов комбинирования цитат, стилизации как авт. речи, так и речи героев в соответствии с принятыми языковым поведением изображаемого времени), передать особенности мышления людей ушедших эпох (формульность, «этикетность» сознания средневекового человека, восприятие им событий современности как соответствий «архетипич.» событиям Священной истории и т. п.) (подробнее см.: Панов, Ранчин — в изд. 1990).

Критикой ист. романистика М. была оценена в осн. отрицательно (средн. причины таких оценок — невыработанность критериев суждения об ист. романе как жанре, а также — идеол. поляризация критики 1870—1900-х гг.). Не отказывая М. в таланте и «основат. знании истории», рецензенты укоряли М. в прямолинейности, с к-рой он воплощает в романах свои ист.-теоретич. постулаты (см. статью Ф. И. Булгакова «В защиту истории в ист. романе» — ИВ, 1881, № 12), отмечали (часто с несправедливой утрированностью) «крайнюю небрежность» М., вызванную его необычайной плодотворностью; писали об отсутствии «полит. или обществ. точки зрения» (Н. В. Шелгунов — «Дело», 1880, № 10) и «чувства худож. меры» (Н. К. Михайловский — ОЗ, 1878, № 10); находили у него «несуразную болтливость, выдающую порою из всех пределов» (Скабичевский А. М., История новейшей рус. лит-ры, 1848—1892 г., СПб., 3-е изд., 1897, с. 234—50).

Тяжело пережив смерть жены и самоубийство (1885) приемного сына В. Н. Паскалова (см. о нем в ст. А. Н. Мордовцева), М. выходит в отставку (1886) по Мин-ву путей сообщения и поселяется в семье брата в Ростовед-Дону. Сотрудничает в местной и столичной («Новости», «Рус. старина», «Ист. вест.») прессе, много путешествует по России и за границей, результатом чего явились живо написанные путевые очерки: кн. «Поездка к пирамидам», «Поездка в Иерусалим» (оба 1881), «Из прекрасного далека», «По Италии», «По Испании», «На Арабат» (все 1884). В 1895 М. был одним из организаторов тайного кружка «Земская лига» (или «Либеральная лига»), к-рый стремился добиться льгот для литераторов (М. в числе других подписал в 1895 обращение к императору о пересмотре узаконений о печати) и создать в Лондоне печатный орган «Свободное слово» (ГАРФ, ф. 102, ДЗ, 1895 г., л. 450, 64, ОО, 1899 г., д. 50). В конце жизни выпустил мемуары «3 минувшего та пережитого» («Литературно-научковий вистник», т. 18, Львів, 1902), рассказывающие в т. ч. о встречах с Шевченко, знакомстве с Чернышевским и др. В

апр. 1905 на чествовании М. в связи с 50-летием его лит. деятельности было отмечено ее необычайное разнообразие; по подсчетам издателя, соч. М. могли составить 129 объемистых томов (см.: ИВ, 1905, № 6; ср. замечание мемуариста: его «лит. наследства ... хватило бы на известность и славу целой дюжины писателей» — Кауфман, с. 225). Накануне его чествования критика отметила, что по каталогам и отчетам провинц. библиотек и читален спрос на произведения М. «идет непрерывно и занимает одно из первенствующих мест» (Глинский, 1905, с. 579). Высказанные ранее сомнения в продолжительности успеха М. (см. ст. Ф. И. Булгакова — ИВ, 1881, № 12, с. 836) разрешились к тому времени, когда он заканчивал свой путь, в его пользу.

Др. прозв.: пов. «Соловешкое сидение» (М., 1880); ром. «Царь и герман» (М., 1880), «Господин Великий Новгород» (М., 1882), «Авантюристы» (СПб., 1886); ст. «Общественная лит-ра в первых рус. ж-лах и стесненные гласности» (РСЛ, 1860, № 2, 3), «Об ист. значении Некрасова как поэта» («Древняя и новая Россия», 1878, т. 1).

Изд.: Собр. соч., т. 1—50. СПб., 1901—02. Полн. собр. ист. романов, повестей и рассказов, т. 1—32. СПб., 1914 (в т. 1 — критико-биогр. очерк П. В. Бывкова); Полн. собр. соч., т. 1—12. П., 1915; Собр. соч., т. 1—14, М., 1995—96 (в т. 1 — вступ. ст. И. Пашкова); Соч. (вступ. ст. и комм. Ю. В. Лобасова), т. 1—2, М., 1992; Известия времени, М., 1957 (преврат. Г. Аржанкой); Державный плотник. Роман и повесть, М., 1990 (вступ. ст. и прим. Ю. И. Сенчукова); За чьи грехи? Великий раскол, М., 1990 (вступ. ст. и комм. С. И. Панова и А. М. Ранчина); Гроза двенадцатого года, М., 1991 (вост. предвст. и комм. А. И. Салтыга); Замурованная царница. Романы, М., 1991 (послед. А. М. Ранчина); Ирод, М., 1991; Москва следом по верит. Ист. романы и повести, М., 1993 (вступ. ст. Ю. Сенчукова); Лжедмитрий. Романы, М., 1994 (послед. Ю. Сенчукова); Замечательные женщины из Руси: от княгини Ольги до наших времен, Калининград, 1994 (репринт. изд.); Творч. т. 1—2, К., 1958 (вступ. ст. В. Г. Белаева).

Лит.: Салтыков-Щедрин (укр.); Глинский Б. Б., Лит. деятельность М. — ИВ, 1905, № 2; его же. Среди литераторов и ученых, СПб., 1914; Полфоров Я. Я., Из восп. о М. — ИВ, 1906, № 2; Карасев А., Происхождение М. — ИВ, 1907, № 4; Юденич, Мордовцев в Саратов. — ИВ, 1907, № 3; Бобров Е., Мемуары лит. биографич. Е. А. Белова. — «Сбк. Учен.-лит. общ. при имп. Юрьевском ун-те», т. 12, Юрьев, 1907, с. 63—72; Кауфман А. Е., Д. Л. Мордовцев [Вост.]. — ИВ, 1910, № 10; Добровольский Я. М., Запрещенная лига в России, М., 1962, с. 124—25, 177—78; Егоров В. Ф., Роман 1880-х — нач. 1870-х гг. о «новом доде», Тарту, 1963, с. 31—35; Муратов А. Б., Роман М. «Смещение времени». — Уч. зап. Ленингр. ун-та, 1971, № 349, в. 74; Мюмот В. С., Д. Л. Мордовцев, Радл, 1978 (дата смерти М. — 26 июня); его же, М. в рус. критике. — «Фил. науки», 1981, № 4; Костылева Р. Д., М. — история нар. деятели в России второй пол. 18 в. — В кн.: Проблемы истории СССР, в. 12, М., 1982; Марголис Ю. Д., Т. Г. Шевченко и М. — «Восток. ЛГУ», 1985, № 9 (История, язык, лит-ра, в. 2); Давыдовский В. А., Жанрово-стилевое своеобразие романа М. «Великий раскол». — В кн.: Проблемы стиля и жанра в рус. лит-ре XIX — нач. XX вв., Саратов, 1989; Захаров В., Исследователь нар. деятели (Ист.-краевед. деятельность И. И. Костомарова и М.). — В кн.: Годы и люди, в. 6.

Саратов. 1992; Layton S. *Imaging the Caucasian Hero: Tolstoy vs. Morozov*. — «Slavic and East European Journal», 1986, в. 30, № 1. — Перелож. 1905: МБ, № 7; Жав. № 8, ВЕ, № 6; «Слово», 14 июня (П. В. Бяков); «Новости», 12 июня. Соколов С. Д. *Саратовцы — писатели и ученые*. Труды Саратов. ученой арх. ком. Миссия. 1916, в. 33; Венгеро. Источ. Бюлл. ОЗ; Рус. писатели. 1990; КЭЭ; СИЭ; Травчевский А. *Введение*. — В кн.: Морозов Д. *Восточная паниа*. СПб., 1903; Мельер; Муролова (1); СДР; Масанов; Доронинович Г. Д. *Мордовцев как литературна и громадска постать (1830—1905)*, «Украина». 1930, № 42 (библи. прил. М. на укр. яз. и лит-ры о нем).

Архивы: РГАЛИ. ф. 320, РНБ, ф. 494, ф. 621, л. 365, л. 37 (письма А. Н. Плещину); ГА Одесской обл., ф. 146, ИД АН Украины, ф. 24; Чернигов. ГЛММ, № 2807—2832; Чернигов. ИМ, № 688, 702—704, 718; ИРЛИ. ф. 377, ф. 273, оп. 2, № 18 (автобиограф., концы с автобиографией. 1890-е(?) гг.); в разных фондах — письма к 54 адресатам. 1858—1905 гг. (справка Е. М. Алексеевой); РГИА, ф. 229, оп. 10, л. 1983 (ф. с. 1886 г.), ф. 776 и 777 (фотограф. зап. вета, в т. ч. о наложении ареста на ром. «Жертвы обществ. неауза», СПб., 1866, перепиетка 1872 г. IV отд. облож. с.я.в. канцелярии о нежелательности использования книг М. в 6-час уч. заведений). Н. Г. Ильинский.

МОРДОВЦЕВА Анна Никаноровна (урожд. Залетаева, в первом браке Паскалова; 8(20).10.1823. Саратов — 21.12.1885 (2.1.1886), там же; похоронена на Воскресенском кладб.), фольклористка, поэтесса. Жена (в 2-м браке) Д. Я. Мордовцева. Родилась в семье саратов. чиновника (из духовного звания); пре-

док со стороны матери, урожд. Юнгер, — англичанин, обосновавшийся в России при Петре I. Получила основательное дом. образование, владела мн. языками (англ., франц., польским, чешским). В 16 лет выдана замуж за Н. В. Паскалова, крупного петерб. чиновника (занимал должность дир. Сенатской типографии), с к-рым уехала в Петербург. Здесь проявились разносторонние способности М. (к поэзии, музыке, рисованию и др.), к-рые принесли ей иск-ную известность, в т. ч. в столичных лит. кругах; поддерживает знакомство с И. С. Аксаковым, друзьями мужа (К. К. Данзасом, бр. Н. А. Милютиним и Д. А. Милютиним и др.).

Драматизм судьбы М. определили несложившаяся семейная жизнь («Муж все такой же. — грубый, жес-

токий./ Жизнь с ним — тюрьма...» — в кн.: *Отзвуки жизни*, с. 19) и глубокая любовь к Н. А. Милютину (впоследствии видному деятелю реформы 1861), пронесенная ею через всю жизнь. В 1848 отец увез ее с пятью детьми в Саратов, вскоре последовал офиц. развод. М. тяжело переживала вынужденный разрыв с петерб. друзьями, отчуждение саратов. об-ва, вызванное ее положением «развопки»; первое время полностью посвятила себя воспитанию детей.

В 1852 познакомилась с Н. И. Костомаровым, отбывавшим в Саратовскую ссылку по делу Кирилло-Мефодиевского братства. От природы живая и общительная, с увлечением бравшаяся за любое дело («заняться она готова чем угодно и с одинаковым интересом», в т. ч. физикой, астрономией и т. д., — Костомаров, 1885, с. 25). М. скоро сблизилась с его друзьями — т. н. «саратовским кружком», объединявшим представителей демократически настроенной гор. интеллигенции. В числе знакомых по кружку — Н. Г. Чернышевский, отношения с к-рым поддерживались М. и позднее. Под влиянием Костомарова М. обращается к занятиям этнографией (в русле фольклорно-этногр. движения в рус. провинции кон. 40-х — нач. 50-х гг., к-рое поощрялось 2-м отд. АН). В родовом имении матери (сельцо Юнгеровке) она записывает фольклорные тексты, движимая идеей «собрать все, что поется народом в ... родной губернии» (предисл. к рукопис. «Сб-ку саратовских нар. песен», включившему более 350 былин, ист. и лирич. песен, — см. раздел Архив и в-ы; в этом же предисл. М. предлагает систему и методику записи мат-ла, его классификацию, описывает свои взаимоотношения с крестьянами). Частичное изд. собранных в 1852—53 текстов («Саратов. губ. вед.», 1854, 20 марта, 10 апр. — 18 сент.; перенд. И. И. Срезневским — «Изв. имп. АН по отделению рус. яз. и словесности», т. 3, СПб., 1854; Н. С. Тихонововым — «Летопись рус. лит-ры и древности», т. 4, М., 1862) стало первой публ. песенного фольклора Саратовского края.

После изд. собрания М. позднее перепечатывалась в составе фольк. сб-ков (см., напр.: Рус. нар. песни, М., 1937, с. 647—59). Худож. и науч. ценность ряда публ. снижает ред. правка Костомарова, опирающаяся на раннее изд. печатных источников (подробнее см.: Алексеева; Домановский).

С 1853 М. вновь в Петербурге, где оформляет дела по наследству (по-видимому, муж умер в том же году). В Публ. б-ке по заданию АН занимается описанием др.-рус. рукописей II в.: «Слов» Григория Назианзина (составила полный словарь рукописи) и «Изборника Святослава 1073 г.» (см.: «Изв. имп. АН по отделению рус. яз. и словесности»,

т. 3, СПб., 1854, стлб. 312; 1855, стлб. 357—58; 1856, стлб. 46). Возобновившееся знакомство с Мордовцевым (ранее он давал уроки детям М.; в Петербурге пользовался ее советами при работе над дипломным соч.) закончилось их браком (осень 1854). Приезд супругов в Саратов в 1855 совпал с началом т. н. «либеральной весны» местного об-ва. М. ввела Мордовцева в круг саратовских знакомых, активизировала и направляла деятельность мужа (М. была старше его на 7 лет), помогала в ред. работе в «Саратов. губ. вед.» и в науч. занятиях. Выступала с корреспонденциями в местной и столич. печати, отразившими ее обществ. устремления (см.: Алексеева).

Современники, отмечавшие эксцентричность и экзальтированность М., акцентировали в ее облике типичные черты эмансипированной женщины 60-х гг.: «постриженная в кружало, одетая в какой-то халат, с громкою, ясной и твердою речью, со смелостью и размышлительностью движений, с лицом, резко очерченными крупными штрихами, она скорее напоминала мужчину...» (Горизонтов; ср.: Юанн, с. 931—32). В некрол. рон. Морозовна «Профессор Ратнов» (1889) М. представлена в образе стриженной барыньки (Пасхиной), чье «стигматическое перерождение» трепет. М. (а также дочери и внуки) посвящена кн. Мордовцева «Русские женщины нового времени». Вместе с тем радикальностью взглядов М. не отличалась; вначале близкая к асокр. кругам и по-видимому, в сек. разделявшая их установки, в нач. 60-х гг. она резко осуждала направление «Совершенство» и «Рус. слова», деятельность Чернышевского (ср. антиинтеллигент. пафос ее высказываний в письме И. Аксакову — Алексеева, с. 330—31).

В полной мере реализовать свои способности М. не смогла из-за хронич. заболевания, к-рое преследовало ее до конца жизни. Ее отношения с Мордовцевым постепенно пришли к разладу и в нач. 70-х гг. фактически прекратились. Последующие годы М. провела в Саратове (с матерью и дочерью от 2-го брака Верой, оставшей вост. о родителях, см.: Алексеева и др.). Умерла от паралича.

На протяжении всей жизни М. писала стихи, пробовала себя в переводах («Перевела в т. ч. «Книгу песен» Г. Гейне; по свидетельству Мордовцева, написанное ею составляло бы «неск. объемных томов» — см.: Солодовниченко, Парунова, с. 56). Публ. единственного сб. «Отзвуки жизни» (Саратов, 1877) была связана с событиями сербо-тур. войны 1876—78 (в Сербии погиб сын М., участвовавший в войне в числе рус. добровольцев; кн. предполагалось продавать «в пользу осиротевших малюток-девочек Черногории»). В сб. включены оныты М. в разных жанрах (баллады, романсы, экспромты, эпитафии, «шутки», эпиграмматич. «фотографии» и т. п.). Нек-рый интерес представляют подражания нар. поэзии, а также автобиогр. стихи дневникового характера, в к-рых под романтит. риторикой угадываются характерные черты натуры М. («Хочу тревог, хочу страстей./ Хочу

и жить мученья...» — «О, тяжело переживать», и др.).

М. оказала благотворное влияние на своих детей в искусстве, в числе к-рых — гл. музыканты и драм. артисты. Первый сын — Виктор Николаевич Пастухов (1841—85), композитор, известный М. П. Мусоргским и В. В. Стасовым, автор романса «Под душинуго ветвью сирени» (слова В. В. Крестовского), «Душито, милость господня с тобой» (слова П. П. Огарёва) и др., а т. ч. на поэты матери; покончил жизнь самоубийством (о нем и др. представителях рода Пастуховых см.: Назаревский, Белецкий; МД: 79).

Лит.: Костомаров Н. И., Автобиограф. — РМ, 1885, № 6, с. 25, 27 (см. также: Автобиограф., М., 1922, с. 212, 215, 218, 380); Горизонтов И. П., Восп. о М. — «Саратов. листок», 1886, № 1; Юдин П., Морозовы в Саратове, — ИВ, 1907, № 3, с. 923—24, 931—38; Александрова В. Д. Л. Морозов. Спознал його дивачи — «Україна. Науковий журнал українознавства», 1930, кн. 39; Алексеева О. Б., Изв. писателя в публ. Н. И. Костомарова и М. — В кн.: Рус. фольклор. Мат-лы и посл., [т.] 6, М., 1961; Домановский Л. В., Собр. поэм Сарат. губ. А. Н. Пашкаловой — там же, [т.] 7, М., 1962; Лазерсон Б., Собрательница песен, — «Воля», 1969, № 9; Назаревский П., Белецкий И., Пашкалова. Страницы из прошл. Л., 1970, с. 3, 5—10, 33, 35 и др.; Солодовниченко Л. Я., Парунова О. Е., «Вы жили негаром...» — В кн.: Саратов. другая Чернышевского, Саратов, 1985; Алексеева О. Б., Эпизод из деятельности «Саратов. кружка», — РЛ, 1989, № 1, + Некрологи, 1886; Восп. обит. календарь на 1887 г., СПб., с. 498; «Имя», № 6. Языков, Галицын; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Иванюв, Масанов.

Архивы: Уч. архив Рус. Геогр. общ-ва, ф. 36, оп. 1, № 57—58 (рукоп. «Сб. саратовских нар. песен», 1850-е гг.); АРАН СПб., ф. 216, оп. 3, № 1099 («Словарь к Изборнику 1073 г.», 1853; листки до буквы «И»); ф. 35, оп. 1, № 992 (письма В. И. Лаванскому); РГАИ, ф. 809, оп. 1, д. 1620—21 (письма Н. А. Малютину); РГБ, ф. 86, № 79 (письма В. И. Григорьевичу); ф. 169, д. 70, № 39 (письма Д. А. Милотину, 1869—74); ф. 2841, к. 5, № 66 (письма Н. С. Тихомирову); РГАЛИ, ф. 476, оп. 1, № 1301 (письма Н. И. Сивилеву, 1855—64); ф. 459, оп. 1, № 2779 (письма А. С. Суворову). Е. М. Ассетики.

МОРОЗОВ Василий Степанович [1849, Ясная Поляна Тульской губ. — 22.4(5.5).1914, Тула], автор рассказов и восп. Из крестьян Л. Н. Толстого. С детства испытал сиротство и нужду (2 лет лишился матери; отец женился на другой, вскоре стал горьким пьяницей). В 1859—63 М. — ученик Яснополянской школы; Толстой описал его под именем

Фельки в ст. «Кому у кого учиться писать, крестьянским ребятам у нас или нам у крестьянских ребят?» (1862). В соавторстве с др. учеником, И. С. Макаровым, и Толстым М. был сочинен рассказ «Ложкой корнит, а стеблем глаз колет» («Ясная Поляна», 1862, кн. 4), к-рый Толстой считал образцом рус. нар. языка, с вызовом сравнивая Фельку и Гёте: «Крестьянский, полуграмотный мальчик вдруг проявляет такую сознательную силу художника, какой... не может достичь Гёте» (Толстой, VIII, 308). В «Ясной Поляне» (1862) появляются и самостоят. рассказы М. из крест. быта: «Крестинны», «Похороны» (оба — кн. 5), «Как меня не взяли в Тулу» (кн. 11; др. редакция этого рассказа — в ст. Толстого «Яснополянская школа за ноябрь и декабрь месяцы»). В рассказе «Солдатничье житье» (там же, кн. 9) Толстой отмечал такие подробности, «перед к-рыми невольно приходишь в недоумение и, вспоминая, что это писал 11-летний мальчик, спрашиваешь себя — неужели это нечаянно?» (VIII, 314).

Летом 1862 М. сопровождал Толстого на кумыс в Самар. губ. После женитьбы Толстого и закрытия Яснополянской школы М. нанялся к нему работником, но вскоре перебрался в Тулу. Голодал, ночевал где попадал, слыл одно время «пропащим человеком», был близок к самоубийству. По его словам, светлые восп. о школьных годах помогли ему подняться. Занимался извозом, женился, оброс большой семьей. Перенес тяжелую продолжит. болезнь. Часто («почитай, каждую неделю») виделся с Толстым, иногда беседовал с ним. Последние годы жизни страдал болезнью глаз, бросил извоз, жил в Телятинках у В. Г. Черткова, потом служил у него управляющим хутора Хмелевое. Скончался от воспаления легких в Тульской гор. б-це.

Предваряя публ. рассказа М. «За одно слово» (ВЕ, 1908, № 9; отд. изд. — Ветил, 1908), Толстой писал: «... выхвачен кусочек... рус. жизни с ее грустными, мрачными и дорогими, задушевными чертами» (ВЕ, с. 64). Особый интерес представляют мемуары М.: «Из исповеди» («О Толстом. Междунар. толстовский альм.», М., 1909) и «Восп. о Л. Н. Толстом ученика Яснополянской школы» (М., 1917; сокр. вариант первоначально опублик. РСЛ, 1912, 2 нояб.; предисл. А. Панкратова). В предисл. к последней книге И. И. Горбунов-Посадов отмечает «простосердечность» автора (с. 7). А. П. Сергеев считает восп. М. «истинно-худож. произв.», достойным стать «наряду с лучшими произв. рус. лит-ры» (с. 14). Помимо худож. ценности восп. М. отличает убедительность передачи речи Толстого и его собе-

седников, самой атмосферы дружеского общения крест. детей с «гражд.», достоверность ми. эпизодов, схваченных живо, с юмором. Вспоминая о революционно настроенных молодых людях, к-рым М. возил к Толстому («которые сошались или которые читают его книги и чего-нибудь доискиваются...»), М. подчеркивает собств. позицию: «Я не причастен к смуте, к той или другой стороне» («Из исповеди», с. 151). Несмотря на близость к Толстому, по свидетельству Панкратова, до конца жизни сохранил верность правосл. церкви.

Изд.: Восп. яснополянского крестьян о Л. Н. Толстом, Тула, 1960; Толстой в восп.

Лит.: Толстой (ук.); Панкратов А. С., У великих людей, М., 1914, с. 54—74 (здесь же опублик. сокр. вариант восп. М.); Толстой-редактор, М., 1965, с. 303—20; Нейна, Толстой в архивах России и США, М., 1994, с. 171—74; ЛН, т. 90 (ук.). + Некролог: РСЛ, 1914, № 94 (А. Панкратов), Муратова (Г.; ук.).

Архивы: РГАЛИ, ф. 532, оп. 1, № 3694 (письма к А. К. Чертковой); Языков: ФМТ, фонд Л. Н. Толстого, № 60258—60260 (неопубл. восп. М., письма), № 67548 (рассказ).

С. М. Гущин.

МОРОЗОВ Иван Игнатьевич [13(25).11.1883, с. Луховицы Зарайского у. Рязан. губ. — 26.2.1942, Москва; похоронен на Пятницком кладб.], поэт. Шестой ребенок в крест. семье; в раннем детстве потерял отца, Игната Сем.; мать, Праск. Сер., — женщина грамотная и работячая. В 1891 М. поступил в сел. школу, после окончания к-рой был рекомендован на казенный кошт в Рязан. учительскую сем. Однако мать, опасаясь, что сын станет «безбожником», воспротивилась этому, и М. устроился в волостное правление пом. писаря. В этот период много читал, пробовал писать стихи. В 1901 женился на Марии Троф. Пичинкиной (имел трех дочерей). В 1901 познакомился с поэтом В. К. Влазневичем, к-рый ободрял его и помогал советами; М. посвящал ему в 1904 очерк «Поэт-самоучка» («Рязан. листок», 15 янв.).

Самая ранняя публ. — стих. «Весенняя рения» («Рязан. листок», 1903, 17 апр.), хотя сам М. в автобиографиях 1925, 1929 и др. док-тах указывал дату своей первой публ. в провинци. прессе — нояб. 1902. Однако названное им стих. «Иде вы, дни моей молодой весны...» на самом деле опублик. в «Рязан. листке» 29 апр. 1904. В 1903 в лит. сб. «Памяти Н. А. Некрасова» (М.; сер. 1, в. 2) были напечатаны три его стих.; тогда же М. перебрался в Москву, где стал одним из чл. учредителей Суриков. лит.-муз. кружка. Работал сначала на Рязанско-Уральской, затем — на Николаев. ж. д. В 1905 призван на воен. службу; из-за доноса на него (ошибочно был принят за Н. А. Морозова) в полк был отправлен под конвоем, нек-рое время со-

стоял под надзором, подвергался обыскам; служил на Д. Востоке. В дек. 1908 вернулся в с. Луховицы, крестьянствовал, служил писарем в волостном суде. Продолжал писать стихи; С. Д. Дрожжин советовал ему в письме от 10 апр. 1910: «У Вас есть талант, сохраните его и развивайте... чтением лучших образцов поэзии и самообразованием» (ИМЛИ, ф. 48, оп. 1, № 24). В 1910 переехал с семьей в Москву, снова определившись на Николаев. ж. д.: стал секретарем и чл. правления Суриков. кружка. По восп. мемуариста, «вопреки другим писателям-суриковцам, любившим рядиться „под мужика“ — в сермяжную чуйку, нагольную шубу или в поношенный плащик и косоворотку рабочего», М. всегда одевался хорошо, хотя и скромно — носил костюм, рубашку с галстуком, шляпу [Е. Шаров — «Путь к коммунизму», Луховицы (Моск. обл.), 1960, 12 марта].

Печатал стихи в сб. «Старый зуб» (М., 1910), «Живые звуки» (сб. 1—2. Каменец-Подольск, 1908—11), «Назевка» (жл. 1. М., 1912), «Пробуждение» (жл. 2. В., 1913; жл. 4. Владимир, 1915), в ж. «Светлый луч», «Степак», «Розина», «Жизнь для всех», «Весь мир», «Нар. мысль», «Жизнь», «Нар. журнал», «Духовный христиан.»; «Тверской кооператор» и др.; в газ. «Рус. слово», «Сев. утро», «Доля бедняка» и др.

В 1911 опубли. очерки «Из восп. о Л. Н. Толстом» («Сев. утро», 13 июля; в нем рассказывается о перепишке крестьянина Сафронова и Н. Н. Гусева, секр. Толстого) и «Паломничество на могилу Л. Н. Толстого» (там же, 31 авг.). Участвовал в лит. кружках «Родник» (1911) и «Огни» (1912—13); в 1912—13 в качестве редактора принимал участие в издании ж. «Огни», пятый номер к-рого был уничтожен по приговору Моск. суд. палаты от 5 нояб. 1913 за публикацию статей, пропагандировавших рев. идеи (ЦИАМ, ф. 31, оп. 3, № 1737). Из-за понесенных убытков издание ж-ла было прекращено (там же, ф. 63, оп. 33, л. 13). По совету друзей в 1911 М. отправил на Капри М. Горькому тетрадь своих стих., писал ему о своих лит. пристрастиях: «Я — поклонник классической поэзии Пушкинской школы, враг декадентства и модернизма» (М. Горький. Мат-лы и иссл., [в. 1], Л., 1934, с. 293). В ответном письме Горький давал советы относительно формы стихов, грамматики, расширения кругозора, в окт. 1912 ободрял: «Дело идет вперед. Хороши стихи о „молытках“ и „колокольчиках“, а ваши „орлы“ — хуже „летушек“» («Гудок», 1928, 29 марта). В дальнейшем Горький ориентировал М. в издат. мире, помогал рекомендациями, написал предисл. к первому сб-ку стихов М. «Разрыв-трава», в к-ром привел значит. фрагменты из автобиографии М. и к-рое завершал словами о том, что М. идет к «великой ... цели с прекрасной песней» (Горький и др., XXIV,

167). Их личные встречи состоялись в Москве в кон. 1916, в мае 1917, в февр. 1921 (см. восп. М. о Горьком — «Гудок», 1928, 29 марта).

Кн. «Разрыв-трава» была принята петерб. изд-вом «Промей» и к 1915 отпечатана, но задержана в изд-ве по ценз. соображениям изд-ва предисл. Горького. В 1917 она вышла в изд-ве «Жизнь и знание» (П.) [об истории публ. см. восп. М. о Горьком (рукоп. от 28 июня 1931) — РГАЛИ, ф. 140, оп. 1, № 108; письма М. к В. Д. Богач-Бруевичу от 4 сент. 1915 и 28 янв. 1918. — РГБ, ф. 369, № 303]. Положит. рец.: А. Добролютов — «Волгарь», 1915, 5 марта (на рукоп. кн.); Н. Рогожин: «Чудо земли — красоту природы в ее синоптичных формах и проявлении природы изложил, подслушал поэт, записал в своей душе...» («Песни природы. Поэт-самоучка М.» — «Тверской кооператор», 1918, № 11, с. 12).

Вторая книга — «Красный звон» (М., 1916) с предисл. Дрожжина, в к-ром отмечалось «самобытное дарование» автора, искренность его «бесхитростных песен», и с открываю-

щим книгу стих. А. А. Коринфского, восп. М., увидела свет раньше первой.

Книгу заметили рецензенты мн. провинц. изданий, и хотя М. упирался в старомодной технике стиха, нек-рой хрестоматийности образов (М. Богданович — «Голос», Я., 1916, 20 авг.; К. Вехтин — «Турьская молва», 1916, 23 авг.), общий тон был доброжелательным — отмечали истинность и нежность чувства, особенно в картинках природы, свежесть сравнений, нар. колорит, близость к фольклору (балладам, песням, сказаниям) (А. Умский — «Нижегород. листок», 1916, 11 июля; Д. Родин — «Сев. утро», 1916, 29 июля; З. Зыбицкая — «Оренбург. жизнь», 1916, 21 июля; А. Елешкин — «Трудовая копейка», 1916, 30 нояб.; С-ий — «Ростов. речь», РязД, 1916, 11 июля); В. Г. Короленько писал ему: «У Вас деревенская природа рисуется мягкими и свежими чертами, но Ваш „казак“ поет очень наглою песню, как и „дунец“» (Короленько В. Г. Избр. писем, т. 3, М., 1936, с. 253—54 — письмо от 30 нояб. 1916; см. также письмо от 17 дек. 1916 — ЛГ, 1956, 25 яск.).

В 1919 в Твери вышла кн. «Земля родная. (Думы и песни)» с предисл. М. Неведомского, ему же принадлежат и доброжелат. отзыв в ж. «Тверской кооператор» (1919, № 29; подп. М. Н.), отметивший «тихую музыку» и «задушевность стихов» М (с. 6).

Как у большинства поэтов из народа в стихах М. звучат жалобы на

долю бедняка, на злую судьбу и тяжкий труд, боль за судьбу свою и своего народа. Однако главная тональность скорее радостна и жизнелюбива, особенно в пейзажной и песенной лирике, источник радости — сама поэзия. К-рая буквально «околдовала», «обворожила» М., «пробудила струны сердца, радость светлую дала» (стих. «Поэзия» в кн. «Разрыв-трава»). Деревня, крест. труд — также неизменная тема стихов («На родине», «Пахарь», «Сеятели», «Жница»), приверженность фольклорной традиции особенно проявилась в балладных по строю произв. («Разрыв-трава», «Егорий», «Пантелей-целитель»), в сказках («Волшебный перстень»). Особое место в творчестве М. занимает диптих «Русь» («Даль родная, даль дремучая...» и «По тебе моя истома...»), написанный в 1914—15 и пользовавшийся особым успехом на лит. вечерах Суриков. кружка (опубл. в кн. «Красный звон»). Нек-рые стих. М. стали нар. песнями: «Лен» («Ах ты, лен, ты, мой батюшка седенький...»), «Расплетается волнистая коса...», «Не скрипи, родная прялка...», «Пой, играй, моя гармошка...» и др. (объединены в кн. «Разрыв-трава. Песенник», М. — П., 1923).

В 1926 выпустил кн. «Паля цветущие» и «Зрей, ячмень!» (обе — М.—Л.). В стих. этого периода появились темы «обновленного» крест. труда, «смычки» города и деревни, единения крестьян и рабочих («Смычка», «Провода», «Шумный город тихих селам...» и др.), однако и в этих книгах он остается по преимуществу поэтом лирич. настроения, созерцателем родной природы.

М. написал биогр. очерки-предисл. к книгам Е. К. Кузьмичева (1917), М. В. Праскунина (1918), Дрожжина (1923), И. А. Белоусова (1924). В 20-е гг. печатал много стихов в разл. ж-лах и сб-ках. Входил в ВОКП, МАПП (в 30-е гг. был секр. Сокольников. отд.). В 30-е гг. почти не печатался. Участие в лит. и обществ. начинаниях, человеческие качества обусловили сближение М. со мн. литераторами. Он был знаком и дружен с С. П. Подъячевым, С. Г. Скитальцем, А. С. Новиковым-Прибоем, Н. Д. Телешовым, В. А. Гиляровским, Ф. С. Шкулёвым, П. В. Орешинным, А. В. Ширяевым, С. А. Есениным, М. Л. Леоновым, Е. Е. Нечаевым, Н. К. Де-Лазари, С. И. Гусевым-Оренбургским, П. А. Травинным, И. А. Назаровым и мн. др. М. собирал мат-лы о писателях из народа (не опубл.). В альбоме М. сделаны записи Горький, И. А. Бунин, И. С. Шмелёв, Б. Пильняк, А. С. Серафимович, Д. М. Ратгауз и мн. др. (ИМЛИ).

Др. произв.: «Таже „поэт“» [о крест. поэте М. Колягине] («Рязан.

«Листок», 1904, 19 февр.). «Кос-что о Сурикове» («Доля бедняка», 1910, 22 апр.). «Письмо в редакцию» («Раннее утро», 1911, 10 июня), «Из вояк восп.» («Сев. утро», 1912, 31 окт.).

Изд.: [Стинц]. — В кн.: Сб. пролетар. писателей, П., 1918; Чернозем, в. 2, М., 1919; Стю стинцевской. Тверь, 1923; Среда. Тверь, 1923; Спир. рабоч.-крест. поэты..., Иваново-Вознесенск, 1925 (сост. П. Я. Заволокини); Б жов И. С., Шапуринов Е. И., Рус. поэзия XX в. Антология рус. лирики от символизма до наших дней (М.), 1925 (репринт под назв. «Антология рус. лирики первой четверти XX в.» — [М.], 1991); Книга для чтения по истории новейшей рус. лит-ры, [ч. 1.] — Рабочее-кост. творчество за 30 лет, 2-е изд., Л., 1925; Антология крест. литературы, зюм. М.—Л., 1931; И. З. Суриков и поэты-суриковцы. М.—Л., 1966 (Библ. 2-е изд.); Поэзия XIX — нач. XX в., М., 1984; Песня в строю, М., 1987; Серебряный век рус. поэзии, М., 1993; Земляки (Лутовинов (Моск. об-н.), 1993).

Лит.: Леонов М., Юбилей нар. поэта. — «Сев. утро», 1912, 11 нояб.; [б. п.], Юбилей М., — там же, 1912, 20 нояб.; Васильев В. В. (Васа), Рус. самородки, т. 1, Ревель, 1916, с. 201—09; Торова М., Поэты из народа. — «Вост. зоря», 1918, № 1; Белоусов И. (А.), Стихи из народа. — «Обединение», 1918, № 23; Белоусов (2); Львов-Рогачевский В. (Л.), Поэзия новой России. Поэты подальше в гор. окраин. М., [1919]; Новейшая рус. поэзия, Иваново-Вознесенск, 1927; Шаров Е., Четыре встречи. — «Дон», 1971, № 1; Воси, о В. И. Лашко, М., 1979; Бесенин С. А., [О пролет. писателях]. — Собр. соч., т. 5, М., 1979; Рючкинов В. И., Рус. певцы природы. — «По ленинскому пути», Лутовинов (Моск. об-н.), 1983, в окл. его же, «В ноябрь земле живет свобода». — «Лит. Россия», 1984, № 6; Лиселин С., Песни родного края. — «Ленинское дело», М., 1983, 1 дек.; его же, Тагант, оладный шепот. — «По ленинскому пути», 1983, 24 нояб.; Валентинов В., Юбилей поэта-земляка. — там же, 1983, 3 дек.; + Вейтхов, Спеско; Валентинов; Владиславлев И. В., Лит-ра прошлого десятилетия. (1917—1927), т. 1, М.—Л., 1928; Львов-Рогачевский В. Л., Мавдельштам Р. С., Рабоч.-крест. писатели, Библ. уч. М.—Л., 1926; Дз; КДЗ; Муратова С. Азиз и об-ки (1, 2); Тарасенков.

Архивы: ИМЛИ, ф. 48, ф. 26, оп. 2 (стих. М. к. Арван М. Горького, КГ — нр/б, 40, 26/2 в др. (перепишка с Горьким); РГАЛИ, ф. 44, № 158 (письмо И. А. Бунину); ф. 66, оп. 1, № 102 (письма И. А. Белоусову, 1911—1929); ф. 176, оп. 1, № 68, 173, 275, 372, 374, 407, 421 (автобюогр.; стихи; письма С. Д. Дрожжину, 1903—30; статья Дрожжина о М., 1916, в др.); в. 297, оп. 1, № 5 (письма А. А. Коринфскому, 1915—18); ф. 317, оп. 1, № 254 (письма И. Ф. Митрополцу); ф. 341, оп. 1, № 279, 588, 858 (автобюогр.; стихи, письмо к Е. Ф. Шикитиной); ф. 374, оп. 1, № 171, 294 (письма С. П. Поддальцару, 1897 (стих.); ф. 1068, оп. 1, № 103 (письма П. Я. Замятнину, 1919—23; автобюогр.; стихи); № 181 (биоогр. очерк А. В. Шапранова); ф. 1345, оп. 1, № 271 (стихи, автобюогр.); ф. 1730, оп. 1, № 262 (письма С. Д. Фовину); в. 1747, оп. 1, № 180 (письма к И. И. Лашко, 1902—15); РГБ, ф. 125, раздел II, ч. 30, № 15 (письма В. Г. Корolenко); ф. 154, п. 1, № 24 (переписка изгот. кн. стихов М. «Подсказки», 1925); ИРЛИ, ф. 377; ф. 649, оп. 3, № 68 (письма Ф. Ф. Фидлеру); ф. 155 и ф. 540 (переписка о материальной помощи в 1911, 1912, 1913, 1915, трижды — в 1916).

С. В. Лисенин, О. Е. Ближенин

МОРОЗОВ Михаил Абрамович (псевд. М. Юрьев; 7(19).8.*1870, Москва — 12(25).1903, там же), автор ист. соч., прозаик и худож. критик-дилетант; промышленник-мешеход, коллекционер. Из «тверской» ветви изв. купеческого старообрядч.

род.

В 1844 предстатели торгово-пром. знамен Морозовых получили пошталь почтовым

гражданство. Отец М. — А. А. Морозов, при жесточайшем единоверии; умер в 1882 от тяжелой болезни. Мать, урожд. В. А. Хлулова, из купеч. семьи текстильных фабрикантов, известна как благотворительница. Овдовев, стала графд. женой экономиста и журналиста В. М. Соколовского, участвовала в изд. газ. «Рус. ведомости»; исполняла протопитом геронии (А. С. Станполной) ром. П. Д. Боборыкина «Китай-город».

В 1882—88 М. обучался в 3-й моск. г-зии («классической»), выборкой отражал характерные тенденции в купеч. среде 1870—80-х гг. — стремление давать детям систематич. образование, зачастую с «классич.», а не «реальным» уклоном. Одновременно брал уроки живописи у художника и педагога Н. А. Мартынова, затем у К. А. Коровина. В 1888—93 — на ист.-фил. ф-те Моск. ун-та, по окончании поступил на естество. отд. физ.-матем. ф-та того же ун-та, отчислен по прошению в 1895 (сту-

с. 41). В течение ряда лет (с 1893) служил по ведомству учредительной комиссии (коллеж. экз.).

По отъезду С. П. Дятлева, М. «был чрезвычайно характерной фигурой, по всем его облике было что-то своеобразное и вместе с тем неотделимое от Москвы, он был очень яркой частью ее быта, чуть-чуть экстравагантной, стильной, но выразительной и заметной» («Мир искусства», 1903, № 9, с. 41). Наиб. известность он приобрел как страстный любитель живописи и коллекционер. С 1893 в доме М. постоянно собирались художники, в т. ч. Коровин, А. М. Васнецов, В. В. Перелётчиков, И. С. Остроухов, М. А. Врубель, В. И. Суриков, В. А. Серов. С посещением М. подражал творцам друж. отношения; в 1902 Серов написал портрет М. — один из самых психологически емких в серовском творчестве (ныне в Гос. Третьяковской галерее); писал и др. членов его семьи. Как коллекционер М. отличался «тонким чутьем» (Дятлев в С. П., там же), позволявшее составить значит. собрание картин совр. ему рус. и зап.-европ. художников (см.: От Моисе до Пикассо. Морозов и Шукин — рус. коллекционеры, М.—СПб.—Кельн, 1993), в т. ч. импрессионистов, а также П. Гюгена, В. Ван Гога, П. Боннара (творчество к-рых М. оценил первым из рус. коллекционеров). В нач. 1900-х гг. в его собрании — 83 картины, 10 скульптур, свыше 60 икон. В 1910 группа М. переехала в дар Третьяковской галерее значит. часть коллекции (ныне — в Гос. Третьяковской галерее, Гос. музей изобразит. иск-ва и Гос. Эрмитаже). После смерти М. традицию собирательства худож. продолжил его брат, И. А. Морозов, в чей коллекция также с достоверной полнотой были представлены все рус. художники, импрессионисты и постимпрессионисты.

В числе увлечений М. ранних лет — наука и лит-ра, на поприще к-рых он выступал довольно интенсивно, хотя и в течение короткого времени (все публ. ограничения 1894—1895 гг.). Ему принадлежат ист.-комп. плативные кн. (в основе их — студенч. работы М.), трактующие нех-рые проблемы европ. Средневековья и Возрождения: неоконч. «эпюд» «Карл Пятый и его время» (ч. 1, М., 1894) и кн. «Спорные вопросы западноевропейской исторической науки» (М., 1894; вошли в т. ч. статьи о Марии Стюарт, о спорах вокруг биографии полководца А. Валленштейна).

Написанные по-инициалам герачо, обидчиво и многолюдно, эти работы обширны гл. обр. из соч. зап.-европ. ученых (переписки переработаны в нот.-литериски из связанных комб. к нх выстраиваниям). Целью М. было доказать пристрастность и некомпетентность зап.-европ. ист. науки, обосновать, по его мнению, истинность европ. истории (могут только рус. ученые, к-рых она критиче не касалась. Кн. М. демонстрировали значит. начитанность автора в совр. ист. лит-ре при довольно своеобразном подходе к материалу, содержащему причины в «детских и незрелостях» рассуждений и — одновременно — высокое об. «импрессионистич.» относительности мысли ист. знания, к-рым исключит. необходимость окончат. ответов («право, для истории вовсе не так важно, убил ли Марья Стюарт своего мужа или нет» — «Спорные вопросы...», с. 79; ср.: «Карл Пятый...», с. 11, 113).

Тащитение к свободной форме подачи мат-ла привело к тому, что повествоват. фрагменты книг, не лишние почти живописной выразительности (напр., описание двора Маргариты Австрийской — «Карл Пятый...», с. 99), тонули в полемике, а воляное следование за возникающими прихотливыми ассоциациями насыщало текст самыми неожиданными мыслями и рассуждениями (о наследственности, индивидуализме,

денч. дело — ЦИАМ; Морозова, с. 101). Коммерцией М. интересовался мало, управлением семейной фирмой — Т-вом Тверской мануфактуры бумажных изделий — занимался в осн. его брат Ив. Абр. Морозов и мать; сам М., по словам современника, «горел только искусством» (Р (А К Ш а н) и н., 1903).

В Москве М. — «сентиментальный ... коридор» (Перелётчиков, с. 54) — знал как увлекающийся, даже избыточно, вздорный человек (широко известным стал его миллионный картонный проирым, сделанный в одну ночь в Англ. клубе), гастронома и алкогольного глотаща. Рациональная база его общества и благоволения, действительность: похититель гор. посылительств о бедных и Ротжского 4-го начального муж. уч-ща, дир. Николаевского приюта, чл. Совета больницы им. Александра III. Принимал участие в деятельности и финансировании ин. культурных и просветит. об-в. Казанч. Моск. консерватории, староста Успенского собора в Кремле (частично финансировал реставрац. работы) и т. д. Пожертвовал значит. сумму на создание при Моск. ун-те Икса для лечения страдающих опухолями. Вышел на себя расходам по устройству грех. замк. Музея изысканных иск-в (члм. по посп. Н. В. Пастера, вывел неудовольствие своего двоюродного брата Саввы Т. Морозова, ранее откачанного в этом пождертвовании, см.: Из архива Гос. музея изобразит. иск-ва, т. 2,

прогрессе и пр.), зачастую парадоксальными и рискованными с т. з. состоявшихся мнений. М. мог неожиданно помянуть Боборыкина, неслетно отозваться о Н. К. Михайловском, сравнить всех совр. лит. критиков с «червями, х-рые съедают мясо» лит-ры, оставляя лишь «скелет», или мимоходом отметить превосходство слога О. И. Сенковского над скверным, «тягучим, паточным» языком В. Г. Белинского (там же, с. 145, 65).

Откликами на публ. М. стали разгромные фельетоны А. П. Лухина («Колесниковая литература» и «Баш о колесниковой литературе» — «Новости и бирж. газ.», 1894. 21 и 28 мая). Оперируя выражениями «суждения с кондачка», «бесстыдность кафешианного эволюциониста» и т. п., рецензент приходит к выводу: «В его творчестве в литературу выразилось торжественное триумфальное шествие чуждого» (ср. рецензия в ром. М. «В потемках»: «Показал он этому кутишке, как лезть в литературу! — Почему же нельзя кутишу быть литератором?... — Чумакоуто?», с. 100). Отрицательно, хотя и сдержаннее по тону отозвался ж. «Наблюдатель» (1894. № 6; б. п.), особо отыскивший отсутствие в кн. ссылки на и «разубласто-диктаторский» слог автора (отз. 1. с. 24).

Отрывочная, субъективно-ассоциативная манера письма М. оказалась более органичной в его опыте «путевых заметок» — кн. «Мои письма...» (М., 1895), вобравшей впечатления от путешествия по Германии, Франции, Италии и Египту. Трудно по тематике (описания природы, культурные и экзотич. достопримечательностей, зачастую в контрасте с картинами буднично-крикливой жизни посещаемых городов), кн. любопытна образом автора — образованного, «европеизированного» рус. туриста, чей взгляд порой отличается тонкостью и нешаблонностью восприятия (М. пересказывает свой мистич. страх при виде статуй-колоссов в Луксоре, не скрывает разочарования от пирамид, к-рые «удивительно похожи на гигантские стоги сена», и т. д. — с. 99, 123). Отд. часть составляют «моск. письма» — наблюдения над худож. жизнью Москвы, разборы выставок, размышления о буржуазии и ее месте в культурном будущем России, внезапно перебивающиеся сюжетно-автобиограф. новеллистич. зарисовкой (с. 220—32), и др. Частично в кн. перепечатаны худож. рец. М., появлявшиеся в 1894—1895 в газ. «Новости дня»: «XXII передвижная выставка картин» (1894, 28 апр.), «XIV периодическая выставка картин» (1895. 9 и 20 янв.) и др.; будучи субъективными размышлениями «критика-озорника» (Переплетчиков, с. 55), эти отклики отличались независимостью и безапелляционностью суждений (в т. ч. по отношению к знакомым — Серову, Коровину).

Содержащееся в предисл. к «Мои письма...» (с. 3 неумер.) и перешедшее в биогр. источ. (исключок — ИВ. 1903. № 12, с. 3148; Масанов) указание автора о публ. сто «писем» в «Св. вест.», по-видимому, ошибочное; тексты его под псевд. или наст. фам. в ж-ле не обнаружены.

В романе «В потемках» (М., 1895), насыщенном автобиограф. реалиями, М. живо, с заметной остротой на «Китай-город» Боборыкина, рисуется купеч. нравы кон. 19 в., с особенным увлечением описывая сцены разгулов и «безобразий», обольщенный, адультеров и т. п. Вместе с тем ром. не лишен нек-рой моралистич. подоплека: ищущий «правильной» жизни герой — двойник автора последовательно разочаровывается в любви, науч. и издат. деятельности, теории «малых дел», религиозности и благотворительности, видит во всем шинизм и лицемерие, отсутствие «умственного и душевного света» (с. 142) и, наконец, приходит к выводу о необходимости соответствовать своей социальной «нише» (истинное занятие купца — коммерция, а смысл

М. А. Морозов. Худ. В. А. Серов. 1902. Фрагмент.

жизни — в детании денег). По представлению мин. внутр. дел И. Н. Дурново ром., рисующий «ряд самых пошлых и исполненных возмутительного шинизма сцен» (Добровольский и Л. М., Запрещенная книга в России. М., 1962, с. 200), подвергся ценз. запрету, б. ч. тиража была уничтожена.

По широко распространенному в Москве слуху, неоднократно подтвержденному в мемуарных источниках, с М. списан гла. герой пьесы А. И. Сумбатов-Южина «Джентльмен», в сюжетных линиях к-рой частично предузаны и первоист. его семейной жизни. Драматург, опровергая этот слух («Кл. А. И. Сумбатов о «Джентльмене»» — РСЛ, 1914, 14 февр., с. 6), имел нек-рые основания: прототипом в большей степени послужил не реальный М., а «образ» автора, реконструированный по его ист. публикациям и ром. «В потемках» (об истинном авторе Сумбатов-Южин узнал позднее, см.: Айхенвальд). Герой пьесы, воспроизводящий определен. взгляды и черты бытового поведения М. (используя испитывший нрав. семейный доспехик, незловоливый ранимый «новоэвасинизм» для рабочих), проповедует идеи, не всегда совпада-

ющие с его воззрениями (напр., о молодом поколении купеч. сословия как единств. жизнеспособной в культурном смысле силе; ср. «Мои письма...», с. 238—42).

В последние годы жизни М. собирав мат-лы по истории кремлевского Успенского собора, начал писать работу о нем, оставшуюся незавершенной. Не отличавшийся крепким здоровьем (в детстве перенес скарлатину, лавшую тяжелые осложнения) и воздержанностью в быту, умер от болезни почек.

С 1891 М. был женат на Маргарите Кирилловне урож. Мамонтовой (1873 — 1958), к-рая после его смерти, унаследовав капитал, сделала известна как покровительница Моск. религ.-филол. об-ва памяти Вл. С. Соловьева и авиацион. изд-ва «Путь»; оказывала финансовую помощь также Моск. Педагогич. об-ву, «Моск. еженедельнику» и др. Один из их самых (в возрасте пяти лет изображенный на картине Серова «Мика Морозов») — Мих. Мих. Морозов (1897—1952), литературовед, театровед, переводчик, один из лучших сов. шекспироведов.

Лит.: Р (х ш а л и н) Н., Из Нижнего. Очерки и сивки. — «Новости и бирж. газ.», 1897. 2 февр.; сг о ж е, Из обиденной жизни. — МЛ. 1903. 14 окт.; Муратов П., Новый дар Третьяковской галереи. — «Моск. еженедельник», 1910. № 13; Волкова А. И., Восп. дневник и статьи, И. Новгород, 1913 (ук.); Мамонтова С., Серов-портретист. — РСЛ, 1914, 12 февр.; Терновски Б., И. А. Морозов. — «Срез коллекции серов». 1921. № 10, с. 38—39; Из воспоминаний личных расходов фабриканта М., — КА, 1937. № 4 (83), с. 225—27 (публ. Н. Журавлева); В. А. Серов в восп., дневниках и переписке совр., т. 1—2, М., 1971 (ук.); Переплетчиков В., Из дневника ... М. А. Морозов. — «Художник», 1976. № 12, с. 54—55; Из архива Гос. музея изобразит. иск-ва. История создания музея в переписке проф. И. В. Цветаева с архитектором Р. И. Клейнман и др. док-тах (1896—1912), т. 1—2, М., 1977 (ук.); Лениши и В. А., Портреты живописца В. А. Серова 1900-х гг. Ост. проблемы, Л., 1980, с. 41—72; В. Серов в переписке, док-тах и интервью, т. 1—2, Л., 1983 (ук.); Айхенвальд Ю. А., А. И. Сумбатов-Южин, М., 1987, с. 177, 220—25; К. Королин вспоминает..., М., 1990, с. 402—04; Морозова М. К., Мои восп. — НН, 1991, № 6, с. 95—103; Бурмышкин П. А., Москва купеч., М., 1991, с. 60, 131, 133; Думова Н., Моск. мемуары, М., 1992, с. 77—96 и др.; Сабашников М. В., Записки..., М., 1995, с. 106, 562; Некролом, 1903; «Мир иск-ва», № 9 (С. Дягилев); перепечатан в кн.: Сергей Дягилев и рус. акт-во..., т. 1, М., 1982, с. 178—79; ИВ. № 12; «Киевщина», 16 окт.; БВед., № 281; «Таганрог. вест.», 16 окт. Венгров. Источ.: ИДРВБ; Полуднина Н., Фролов А., Рус. коллекционеры. Опыт биогр. словаря. — В кн.: Мемуары и коллекционеры. Вызвещано Россие («Памятник Отечества», 1993. № 1—2), с. 133; Масанов.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 302, л. 441 (студенч. дело, в т. ч. конья м. с.); оп. 307, л. 528 (студенч. дело); ф. 31, оп. 3, л. 2186; ф. 16, оп. 85, л. 117 (порт. мат-лы о кн. «В потемках»); рапорт об уничтожении сс «содержимым» (справка В. В. Александровой); РГИА, ф. 1349 (ф. с. 1893 г.); ф. 1343; оп. 39, д. 3193, 1842 г. и д. 3194, 1844 г. (о возмещении преемств М. в ипотечн. поч. гражданств); ф. 776 (справка Л. М. Сосекиной).

В. М. Боква
МОРОЗОВ Михаил Владимирович (8.20.3.1868, г. Балта Подольской губ. — 13.5.1938, Москва; похоронен на Новодевичьем кладб.), журналист, лит., театральный, худож. критик; парт. и хоз. деятель. Чл. РСДРП с 1901. Род. в семье землемера, получившего личное дворянство. Учился в Одес. реальном уч-ще, исключен в 1886 за связь с народовольч. орг-цией и за создание марксист. кружков для учащихся и рабочих (уч-ще все

же окончил в 1887). В эти годы интересуется произв. Н. А. Добролюбова, П. Л. Лаврова, Н. К. Михайловского, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина (к последним двум относится довольно критически), вместе с П. А. Нилусом издает классич. ж. «Опыты». Тогда же происходит основат. знакомство М. с филос.

лит-рой — произв. Б. Спинозы, И. Канта, Д. Юма, А. Рюля, трудами Ф. Лассаля, Г. В. Плеханова. С 1888 студент Петерб. Лесного ин-та, выступал против толстовства, активно включился в оппозиц. студент. движение; за организацию студент. волнений в 1890 сослан в Одессу под гласный надзор полиции; в 1892 подвергся аресту за рев. пропаганду по «делу 41», в 1894 сослан в Вост. Сибирь. В ссылке отказался присягать Николаю II (см. в кн.: Революционеры, вожаки масс, Таш., 1967, с. 8), был сослан в Киренск, потом переведен в Якутск. Из Якутска посылал корр. в «Вост. обзор» (1-я публ., предположительно, 1897, 17 авг., последняя — 1900, 12 мая). После ссылки поселился в Саратове; служил секретарем пред. губ. управы; в сент. 1900 регулярно печатал в газ. «Саратов. дневник» заметки о текущих событиях, рецензии. Одновременно участвовал в создании е.-д. к-та, встающего на позиции ленинской «Искры». В 1902 ред. (неофициально) газ. «Уралец» (г. Уральск; из города выслан за напечатание газеты вопреки запрещению цензуры). В 1903 — газ. «Юж. Россия» (г. Николаев), в к-рых помещал статьи, лит. очерки, журн. обозрения. В ст. о Л. Н. Толстом («Уралец», 1902, 5 сент., перепечатано с небольшими изменениями в «Юж. Россия», 1903, 28 авг.) М. впервые в легальной печати пытался с марксист. позиций истолковать противоречия писателя, оценить его деятельность в связи с возникновением рев. ситуации; эти взгляды получили развитие в следующей ст. о Толстом («Всеобщий ежесыщник», 1911, № 1), гл. стержень к-рой — полемика с концепцией писателя как религ. мыслителя. Но пуб-

ликация в газете мат-лов, в к-рых М., по мнению издателя, «переселил в еврейском и рабочем вопросах» (Автобиография. Архив В. М. Морозова), приводит к расторжению в октябре договора с «Юж. Россией».

После подпольной работы в Баку (1903—04) М. жил в Самарканде (с лета 1904 по 1905) и Ташкенте (1906—07), где создал единую Туркест. с.-д. орг-цию, был сотрудником, ред., а затем и издателем газ. «Самарканд» и «Рус. Туркестан». В передовицах, фельетонах, печатавшихся под назв. «Теплое слово», выступал против шовинистич. политики царского правительства, против самодержавия. В ст. о постановке «Иванова» («Самарканд», 1905, 17, 20 мая) говорил о показанном А. П. Чеховым «крушении человеческого» в среде бурж. интеллигенции и утверждал, что претворить в жизнь чеховскую мечту о прекрасном будущем сможет только пролетариат, творящий революцию. Отд. статьи были собраны в кн. «Теплое слово» (Самарканд, 1905). В 1905 М. присутствовал на съезде журналистов в Петербурге. В 1906 выезжал в Стокгольм на 4-й съезд РСДРП.

С 1907 до эмиграции в 1911 М. жил с семьей (после 1908 нелегально) в Петербурге и в Финляндии, занимаясь только лит. работой; опубликов. ст. «Пред лицом смерти» (сб. «Лит. распад», кн. 1, СПб., 1908; отд. изд. — СПб., 1908), направленную против христ.-мистич. подоплеки творчества рус. модернистов; социальные программы Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус, Д. В. Филофова он именовал «булгафорским революционизмом», к-рый плохо маскирует их «религ.-филос. мысль» (близкую по смыслу ст. «В типичное слово» М. опублик. в «Образовании», 1909, № 1). Тот же пафос в ст. «Старосветский мистик. (Творчество Бориса Зайцева)» («Лит. распад», кн. 2, СПб., 1909) и «Ужас бессельности. („Мои записки“ и „Черные маски“ Леонида Андреева)» («Вспышки», кн. 1, СПб., 1909). С лит. заметками М. выступал в 1908—09 и в либерально-бурж. газ. «Реформа», «Совр. слово», «Сев.-зап. голоса»; в ж. «Бодрое слово» (1909, № 6—8, 12, 13, 15, 16) помещал бытовые очерки о Петербурге. Диапазон лит. интересов М. в это время широк: критико-библ. отдел ж. «Всеобщий ежесыщник», к-рым М. заведовал в 1910—11, откликался на произв. И. А. Бунина, Н. С. Гумилева, а также на романы В. К. Винниченко, М. Криничкова, А. П. Камениского и т. д. Отмечая «огромный» талант Ф. Сологуба, «своеобразное» дарование А. М. Ремизова и др. представителей модернист. рус. лит-ры, М. сетовал, что «искры вдохновения» проявляются у них в «полных мистичиз-

ма» «романтич. грезах». Отвергая «мистич. порчу» в совр. лит-ре, он, однако, поддерживал ростки того мистичизма, к-рый дает представление о мире «как целом, неразрывно во всем своем многообразии связанном с душой человека», раскрывает «природу и жизнь в самой сокровенной глубине» (эту черту он находил у Б. К. Зайцева и С. Н. Сергеева-Ценского).

В 1911 опублик. «Очерки новейшей литературы» (СПб.; рец.: М. Г. — «Всеобщий ежесыщник», 1911, № 5), включив в книгу статьи о М. Горьком («Молодая деревня») и «Мертвая жизнь», ранее напечатанные в ж. «Наша заря» (1910, № 1) и «Новый журнал для всех» (1910, № 18), Сергеева-Ценского, Л. Н. Андреева, Зайцева, А. Н. Толстого, Б. В. Савинкова (Ропшина). Собранные вместе статьи, по аттестации самого автора, должны были дать представление о «пессимистич. уклоне» в иск-ве, об «унылой картине» лит-ры эпохи реакции и о противоположных тенденциях, питающих творчество «певца пролетарских сил» Горького, «вдохновенную поэзию» Сергеева-Ценского, «возвращение к быту» А. Н. Толстого. Оставаясь приверженцем реализма как «высшей правды в искусстве», М. положительно отзывался о поисках писателя-модерниста в области формы, об их чуткости к сложным явлениям, к-рые «игнорировались реалистами». Определив в предисловии задачу марксист. критики как выявление «корней общественных настроений», он призывал не ограничиваться социологич. анализом худож. произв., но учитывать и «стихийные» начала творчества.

В Париж. эмиграции (1911—17) М. входил в секцию РСДРП, руководимую В. И. Лениным, редактировал газ. «Париж. вест.» (1912—13), в к-рой вел рубрики «Полит. дневник», «Маленький фельетон», «Теплое слово», лит. страницу. Осн. направление работ М. в эти годы — разоблачение «аморализма санинских и солдатовских откровений» (реферат «Обличители и апологеты эротики в совр. рус. лит-ре» прочитан в Париже в зале Альянса 24 февр. 1913). Обращаясь к произв. Камениского, Ф. Сологуба, Винниченко, М. П. Арцыбашева, Р. Г. Григорьевца, Савинкова о полит. борьбе, рев. прошлом, М. требовал давать им парт. оценку, предлагал нравственно оправдывать насилие в период острой классово-полит. борьбы как вынужденное (см.: «Париж. вест.», 1913, 8 февр.) и более активно отражать «непобедимую стихийность... клещины» масс к будущему (там же, 1913, 1 марта). М. писал также о «замкнутости круга переживаний» эмигрант. лит-ры, о росте в ней настроений бессилия

(статья о стихах И. Г. Эренбурга под назв. «Гниющий пессимизм» — там же, 1913, 19 апр.), подчас игнорируя худож. ценность произведений. Принял участие в дискуссии о пролет. культуре — занял близкую А. В. Луначарскому позицию сторонника «приобщения к сокровищницам мирового творчества» и отстаивал значение общечеловеческого в иск-ве; идею «пролет. культуры» он называл «бесполезной утопией», «искусственной тепличкой» (там же, 1913, 22 марта). М. Горький в «Летописи» (1917, № 2—8) напечатал его «Письма из Франции» об обществ.-полит. обстановке в стране во время войны. В 1914—17 М. работал землемером, токарем, монтером, шофером такси, декоратором.

Возвратившись в Россию в авг. 1917, первое время находился на хоз. работе. Был деп. Моссовета неск. сроков, чл. Президиума об-ва старых большевиков, чл. Совета моск. театров, преа. Союза рев. драматургов. В 1924 издал сб-к лирич. и шуточных стих. «Пересветы» (М.). В 1927—28 и 1931 печатал статьи о театре в ж. «Новый зритель» и «Прожектор». В 1929—30 вице-президент ГАХН. В 1930—32 М. — ред. лит.-худож. отдела Госиздата и изд-ва ЗИФ. В эти же годы им написаны муз. мелодрама-памфлет «Остров дураков» (1927—31), социальная драма «Руха Молоха» (1930), муз. буффонада «Христос воскрес» (1931), пьеса «Без предков» (1932) (хранятся в личном архиве В. М. Морозова, сына М.). С 1932 зав. секцией иск-ва при Критико-библ. ин-те, ред. ряда его изданий; печатал статьи об изобразит. иск-ве в ж-лах «Плакат и худож. репродукция», «Детская и юношеская лит-ра» и др. В 1936 дир. изд-ва «Всекохудожник». С 1937 на пенсии.

Др. произв.: «О'тао» (М., 1921), «Музыкант» («Вторники», М., 1923, № 1).

Лит.: А. М(ейер), «Теплое слово» г. Мрота. — «Рус. Туркестан», 1905, № 196; Грабарь И. Э., Моя жизнь, М.—Л., 1937; Смирнов Н. Ф., Большевик, живший в Туркестане. (1902—1907 гг.), Таш., 1940; Рахманов Б., Карти войны. — В его кн.: Письма, Таш., 1958; Мавляни И. М., М. В. Морозов, Таш., 1963; Акрамов С. А., Рев. деятельность М. — «Тр. Самарканд. гос. ун-та. Новая серия», в. 140, 1964; Константинова М. (С.), Рус. докт. пресса Узбекистана о Чечене. — «Уч. зап. Таш. инст. кн-та», в. 24, 1961; Соколов А. Г., Михайлова М. В., Рус. лит. критика кон. XIX — нач. XX в., М., 1982; Михайлова М. В., Петровская И. В., Непознанный статьи критика-марксиста М. о Л. Н. Толстом. — В кн.: Из истории рус. лит-ры кон. XIX — нач. XX в., М., 1988; Михайлова М. В., Ранняя марксист. критика из стран Зап. — «Север-Зин, сборн.», — «Вестник МГУ. Сер. 10 — Журналистика», 1969, № 1, + ЛЗ; КЛЗ; Муратов (2); Масанов.

Архивы: РСХИДНИ; ЦГА Узбекистана, з. 11; ГАРФ, ф. 539, оп. 4, № 6540; личное дело № 22740; ФГАН, ф. 611, оп. 2, № 150; ф. 656, оп. 1, № 1991, 2937. М. В. Михайлова

МОРОЗОВ Николай Александрович [25.6(7.7).1854, с. Борок Молог. у. Ярослав. губ. — 30.7.1946, Борок, похоронен там же], народолюбец, ученый, поэт, мыслитель, мемуарист. Незаконный сын крупного помещика Петра Ал-др. Шелочкина и его крепостной крестьянки Анны Вас. Морозовой, к-рую, вступив с ней в

гражд. брак, он записал в мешан. словные. Отчество М. получил по крепостному отцу. До 14 лет учился дома, увлекался в осн. естеств. науками; в 1868 поступил в 2-й класс 2-й моск. классич. г-зии, где образовал «Тайное об-во естествоиспытателей-гимназистов», в 1926 вспоминал, что гл. обр. враждебность системы классич. образования духу естеств. наук восстановила его «как против церковных, так и против монархич. доктрин» (автобиография — Гранат, т. 40, стб. 306). В 1874 притяжение начавшегося «хождения в народ» с его «романтической обстановкой, полной таинственного», знакомство с нек-рыми из «чайковцев» (особенно близкое с С. М. Кравчинским), сопровождавшееся влюбленностью в хозяйку конспиратив. квартиры, поставили М. перед выбором между наукой и стремлением разделить участь революционеров, к-рая представлялась ему «трагической», ибо он «не верил в их победу» (там же, стб. 306, 307).

Не окончив 5-го кл. г-зии, тайне от семьи М. в мае 1874 отправляется как пропагандист в ряд губерний Центр. России; в нояб. командирован руководящим ядром «чайковцев» в Швейцарию в качестве их представителя в редакции газ. «Работник». В Женеве обближается с П. Н. Ткачевым, чье полит. «якобинство» отвечает его собств. темпераменту, вступает в Интернационал, пишет неск. фактографич. заметок для «Работника», но т. к. не разделяет иллюзий догматич. народничества, присущих

большинству членов редакции, решает вернуться в Россию.

Задержанный при переходе рус. границы в марте 1875, М. остается под арестом в Петербурге до янв. 1878, когда на «процессе 193-х» ему засчитывают в срок годы предварит. заключения и выпускают на свободу. В июле М. участвует в неудавшейся вооруж. попытке земледельцев освободить в Харькове осужденного П. И. Войнаральского; в авг. формально вступает в орг-цию «Земля и воля». С окт. в Петербурге М. — секр. редакции газ. «Земля и воля», ведет в ней хронику событий, однако товарищи по подполью тактично пресекают его попытки определять идеологию движения (Д. А. Клеменц пишет Кравчинскому об одной из «теоретич.» статей Воробья (кличка М.): «... к работе он относится слишком легко; мало у него сомнений, мало он сам себе возражений делает ...» (цит. по: Твардовская, с. 84)). Как вспоминал Л. А. Тихомиров, М. в то время «оставался ... мальчишкой ... бредил террором» и «всегда готов был поставить жизнь на карту» (в его кн.: Восп., М.—Л., 1927, с. 128). Даже с образованием «Нар. воли» в авг. 1879 М., вошедший в ее Исполнит. к-т, отстаивал полит. террор как некий перманент. регулятор рус. полит. жизни (см. его брошюру «Террористическая борьба», Лондон, 1880), хотя программа партии выдвела в терроре лишь средство завоевания власти с последующим созывом Зем. собора. М. считал, что из-за темноты крестьянская Собор неизбежно санкционирует монархию. Это разногласие превратило работу М. в редакции газ. «Нар. воля» в череду более или менее явных стычек с Исполнит. к-том, закончившуюся в янв. 1880 предоставлением ему бессрочного отпуска (фактически — «отставки»). Вскоре М. со своей гражд. женой, народолюбкой Ольгой Спир. Люботович, выехал за границу.

За год жизни в Европе М. общается с П. А. Кропоткиным, посещает в Лондоне К. Маркса (см. его восп. «Карл Маркс и „Нар. воля“ в нач. 80-х годов» — КиС, 1933, № 3), становится, по сути, связным между «Нар. волей» и рев. эмиграцией, — роль, смягчающая остроту его конфликта с партией, что осознают обе стороны. Д. Н. Овсяннико-Куликовскому, встретившему М. в Париже накануне его возвращения в Россию, запомнился жизнелюбивый обаятельный человек «лучистого» типа высоко-моральных натур», чуждый «кружковой заносчивости и рев. генеральства» (в его кн.: Восп., П., 1923, с. 115).

В февр. 1881 М. опять был арестован на рус. границе и на «процессе 20-ти» в февр. 1882 приговорен к жизни заключению, к-рое до авг. 1884

отбывал в Алексеевском рavelине Петропавлов. крепости, а затем — в Шлиссельбурге.

Зрелое мировоззрение М. сложилось лишь в шлиссельбургском заточении под сильным воздействием психологии «заживо погребенного». В «опыте психол. характеристики Шлиссельбургской крепости» «Тени минувшего» (в кн.: «Народовольцы», сб. 3. М., 1931), лишением обычной в рев. мемуаристике героизации, М. воспроизвел атмосферу психич. аффектов на грани безумия, бывшую повседневностью для шлиссельбуржцев, сопротивление к-рой требовало мобилизации всех сил. Полагая, что если он «не жалел своих врагов на свободе, то и они имеют право не жалеть» его в тюрьме (с. 58), М. постарался установить режим взаимной терпимости с тюремной администрацией (разумеется, в рамках этики заключенного) и продолжил науч. занятия, начатые еще под следствием в 1875—77 (работы тех лет не сохр.). Получая на первых порах только рeзак. книги, М. штудировал Библию и отцов Церкви, затем появилась возможность заниматься химией, физикой, астрономией, математикой и др. Позднее в «Письмах из Шлиссельбургской крепости» к родным (ВЕ, 1909, № 1—3, 5—7; отд. изд. — СПб., 1910) М. опишет свои науч. исследования.

В реп. на имя В. Я. Брюсов записки, что в лице М. «полотрился — история графа Монте-Кристо, но его талант, аббатом Фарна был он сам» (РМ, 1910, № 9, ота. 2, с. 284). В 1924 В. М. Штауде, сотрудница М., отыскал «обширный дух», предопределяющий конкретку его искл. — «везде он ищет и находит бесконеч. ряд аналогич. явлений» (цит. по кн.: Н. А. Морозов — ученый-энциклопедист, М., 1982, с. 25: здесь дается подробный обзор взгляда М. в разном ряде точных наук и приводится библиогр. его трудов).

Лучше всего этот способ мышления проявляется в написанных для товарищей по заключению «науч. популяризациях» М. (изд. под назв. «На границе неизвестного», М., 1910; реп.: СМ, 1910, № 11), где исходный психол. импульс протеста против жизни в тюремной одиночке побуждает его к созданию собств. космогонии.

М. понимает бытие как испещр. трансформацией «атомов-душ», он уравнивает линейное время и принципиальное различие между людьми, животными и жертвой природы: «Все Вселенная состоит из бесчисл. элементарных душ, и в слове создающих ее единиц первичного эфира есть не что иное, как одно живое „Я“, повторяющееся бесчисл. число раз в бесконеч. мировом пространстве» (с. 182). Онуление «индик. единств» с окружающей природой, писал М., стало для него «чем-то вроде новой религии» (с. 187). В состав этой религии в причудливых сочетаниях входят догадки о будущих открытиях религиостр. фетиши, элементы фант. сочинения, в-мн. слабой методологич. проработки получившего характер психологизирующего своеобразия, а также свойственной социальности, сознанию создававшей оптимизм, возвышенный М. в ряде заключенных трудов.

«Науч. пантеизму», призванному сменить «авторитет теологии» как основы общечеловеч. культуры, М.

(см. его ответы на анкету в сб. «Куда мы идем?», М., 1910, с. 108) останется верен навсегда, а укоренившееся в нем чувство сопричастности бытию космоса определит его отчасти отрешенный взгляд на события текущей истории. «Я не в крепости сидел, я сидел во Вселенной» (см.: Золотарева) — эта афористич. реплика М. характеризует его мировосприятие и после освобождения.

По амнистии 1905 в нояб. М. вышел из Шлиссельбурга с 26 томами разл. рукописей, к-рые с 1906 печатаются в ж. «Былое», «Рус. богатство», «Обр.», «Вест. Европы», «Совр. мир», «Рус. мысль», «Сев. зап.», газ. «Рус. вед.», «Речь», «Русь» и др. Честуемый обществом как «мученик», сохранив душевную и телесную бодрость, М. вскоре включается в активную жизнь: в круг его общения входят М. В. Ватсон, Овсяннико-Куликовский, И. Е. Репин, Е. В. Тарле, в 1907 он женится официально на 28-летней дочери генерала, «смолянке» и «консерваторке» Кс. Ал. Борнславской; по представлению Д. И. Менделеева получает (honoris causa) степень д-ра наук за иссл. «Периодич. системы строения вещества. Теория образования химич. элементов» (М., 1907) и тогда же принимает приглашение П. Ф. Лесгафта преподавать химию и астрономию в петерб. Волыной высшей школе и Психоневрологич. ин-те; в 1908—16 объезжает с публич. лекциями 54 города России.

Мемуары М. «В начале жизни» (РБ, 1906, № 5—6; отд. изд. — М., 1907) — 1-я часть «Повестей моей жизни» — обратили на себя внимание Л. Н. Толстого, заметившего, что они позволяют «взглянуть в душу революционеру» (ЛН, т. 90, кн. 2, с. 358); тем не менее общее мнение Толстого о М.: «Он удивительно, должно быть, даровитый человек, вероятно, из тех человек, на все способных и во всем недалеких» (там же, с. 406), видимо, подтвердилось во время их беседы в Ясной Поляне 28 сент. 1908, и знакомство не получило дальнейшего развития (ср. «письмо в редакцию» М. «Свидание с Д. Н. Толстым» — РВед, 1908, 3 окт.).

Беллетризов. мемуары о своей революции М. полностью издал позднее, в 1916—18, под назв. «Повести моей жизни» (т. 1—4, М.; реп.: «характерно русский „роман приключений“» — А. С. Ив (Ланге), «Речь», 1917, 24 янв.; И. Н. Игнатов — РВед, 1917, 18 янв.). Обилие красочных деталей и портретов разнообраз. лиц, характеризующих оттенки народнич. умонастроений, не искупает в них многочисл. ошибок памяти, обусловленных не только естеств. забывчивостью, но и эволюцией его мировоззрения, и снижающих ценность «По-

вестей...» как ист. источника. (Подробно об этих «ошибках» и вообще о рев. деятельности М. см.: Твардовская.)

Он также составил кн. «Под сводами. Сб. повестей, стих. и восп.», написанных заключенными в старой Шлиссельбургской крепости» (М., 1909).

Огромный резонанс вызвало иссл. М. «Откровение в грозе и буре. История возникновения Апокалипсиса» (СПб., 1907; репринт — М., 1991; в 3-м, испр. и доп. изд. (М., 1910), приведен перечень откликов), утверждающее на основании астрономич. выкладок, что расположенные светила, зашифрованное в образах Апокалипсиса, могло быть наблюдено с о. Патмос лишь 30 сент. 395, а, т. о., его автором был не Иоанн Богослов (1 в.), а св. Иоанн Златоуст (4 в.), к-рого М. представил революционером своего времени, борющем против гнета Рим. империи.

Несмотря на газетный ажиотаж, «Откровение...» подверглось уничижительной критике: говорилось о безакадемичности догадки, будто Апокалипсис содержит метафорич. картину взрывающего неба, и истинности в толковании греч. слов (Эрн, с. 291, 296—97), о «грубой методологич. ошибке» М., сделавшего ист. выводы из астрономич. доказательств, и исподволь им смыслом, природы разбрасывающего текста (Аст-ро в. с. 12, 14—15), о «нелепости» преисбрежения ист. свидетельств и фискал. разработкой вопроса (Аксаков Н. П.). Отмечались, впрочем, и незаурядность динги как «чисто психол. явления» (Эрн, с. 286), и поэтич. сила «высшего „чувства“, проявленного М., олицетворяющим себя «в мавальном Златоусте» (Николаевский, 1908, с. 32). Как правило, критики старались подчеркнуть зиссонне безупреч. гражд. репутации М. и его науч. квалификации («Никто не осудит Лисья Морозова из Шлиссельбурга... но его „Гроза в буре“ иссл. и претенциозна» — Розанов В. В., Соч., М., 1990, с. 43).

Позднее на основе того же «астрономич. метода» М. опубли. иссл. «Пророки. История возникновения библи. пророчеств, их лит. изложение и характеристика» (М., 1914), сводившееся к столь же произвольной переработке книг пророков Иеремии, Иезекииля, Захарии и др. и прошедшее почти незамеченным (резкая рец.: Д. Святский — ЕЖЛ, 1914, № 6).

Сочинения М.-поэта тоже оценивались в общем с оглядкой на его гражд. облик. Стихи М. писал с детства; первые сохр. тексты опубли. в 1877 в Женеве в сб. «Из-за репетки», а также в его первом поэтич. сб. «Стихотворения. 1875—1880» (Женева, 1880; на обложке — 1881), ничем не отличавшихся от «народолюбивой» риторики поэтов рев. подполья 70-х гг. В Шлиссельбурге его стихи, по-прежнему не достигая проф. уровня, осложняются эмоционально (за счет трагических пережитой пибели товарищей: «Трудно жить и бороться за волю, / Но легко за нее умереть») и тематически — в силу его растущей уверенности в том, что поэзия «скоро захватит себе не только кос-

могонию, но и физику, и химию, и др. естеств. науки» (ст. «Наука в поэзии и поэзия в науке» — Рвед. 1912, 1 янв.); показат. пример такого «захвата» у М.: «Все мы — микробов конгресс./ Временной плазмы сплетения./ Кто мы? Мы только процесс./ Жизни стихийной явления!».

А. А. Блок, слушавший чтение М. на одном из «вечеров искусства» (1908), выдвинул в его поэзии сочувствие далеким от поэзии читателям широкой публики: «стихи... плохи... еще гораздо хуже плещескиных», однако «я слышал, что он хотел передать им слушателям, видел по приметам и по лицам аудитории, что ему удалось это» (V, 308).

Брюсов, признавший в сб-ке М. «Из стен неволи. Шлиссельбургские и др. стих.» (СПб., 1906) лишь «психол. документ» [Брюсов в (2), с. 203], впоследствии, в личном общении с М., приветствовал в нем «отнюд поэзии» (цит. по: Маргарян, с. 177) и даже изредка печатал его стихи в «Рус. мысли», хотя, правда, никогда больше публично не высказывался о них, в частности, не выполнил обещания откликнуться на сб. «Звездные песни» (М., 1910; В. Львов(-Рогачевский): стихи скорее «астронома», чем «поэта», «чистое пламя науки и любви к человеку» — СМ, 1910, № 8, отд. 2, с. 102; «закристаллизированные переживания», «полное непонимание задач стиха» — Гумилев, с. 107).

За неск. антиклерикальных стих. в «Звездных песнях» М. в нояб. 1911 приговаривается Моск. судебной палатой к году тюрьмы (отчет о суде — УР. 1911, 25 нояб.). Сенат отклоняет его кассацию, с июня 1912 он отбывает срок в Двинской крепости, где завершает «Повести моей жизни». Новое заключение прервало захватившие М. с 1910 занятия авиацией — в ней он видел предвестие «крылатой эры человеческой жизни» (цит. по: Внучков, с. 92), стал чл. Всерос. аэроклуба, сам не раз поднимался в воздух на самолете и воздушном шаре, увлекся идеями К. Э. Циолковского, к-рому уже при сов. власти помог в бытовом устройстве, и т. д. (сб-к стихов и прозы М., повс. воздухоплаванию, «Средн облаков», Л., 1924; на обложке — 1925).

Взгляд М. на действительность с дистанции «планетарного сознания» ярко проявился в 1915—16, когда в качестве уполномоченного Зем. союза он провел неск. недель на Зап. фронте. Отсюда он посылал в «Речь» и «Рус. вед.» статьи (собраны в кн. «На войне. Рассказы и размышления», П., 1916), в к-рых использовал реалистич. зарисовки окопной жизни для иллюстрации своих социологич. умозаключений.

В них М. приходил к странному выводу, что, в отличие от прошлых войн истории, побеждаемая «армия энтомоидов», данная война выигрывается либо «особобит. высокоразумными насекомыми (солониками), либо, на худой конец, «нап. энтомоиды» (Германия), к-рый, однако, тоже «уже nanoparticles альтруистич. т. е. перешагнула ступень

к дальнейшей стадии развития человеческого рода, самого во всех своих племених и народах», и т. о. — с т. зр. эволюции, — считал войну потенциально прогрессивной (с. 148—149).

С тех же позиций эволюц. оптимизма М. принял Февр. революцию 1917 (брошюра «Эволюционная социология», П., 1917), нарастающий хаос социального бунта объяснял исключительно непродвинутостью народа (ср. в стихах: «Народ — дикарь, народ — дикарь./ Но он не дикий зверь»), в авг. участвовал в Гос. совещаниях в Москве, в сент. — чл. Совета республики (т. н. Предпарламента) от партии кадетов (непризн. портрет «новопеченного кадета» М., заявляющего накануне Октября: «Годика через два мы с удовольствием будем... об этом времени вспоминать», см. в мемуарах И. В. Гессена — «Архив рус. революции», т. 22, Б., 1937; репринт — т. 21/22, М., 1993, с. 378). Не одобрил большевист. переворота, М. тем не менее пришел к выводу, что нужно «дать урагану пронестись» (Гранат, т. 40, прил., стб. 317), и полностью устранился от к.-л. полит. активности — редкие поэтич. отклики М. на рев. современность выдержаны в добродушно-шутиливой тональности: «Записалась/ Русь марксистскою./ А осталась/ Монархистскою» (1918) и др.

Совершенно лояльный к новой власти, М. более, чем мн. др. старшие народолюбцы, рассматривается ею в качестве живой ретлики рев. движения, в кон. 1918 назначается дир. Естественнауч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта в Петрограде и остается в этой должности до конца дней; в 1921 по распоряжению В. И. Ленина за ним закрепляется в пожизн. пользование родовое имение Борок; в 1932 избирается почетным акад. АН СССР; не раз награждается высшими орденами гос-ва; в 1934 его имя присваивается открытой в Пулков. обсерватории планете-астероиду.

Последним фундам. соч. М. стала задуманная еще в Шлиссельбурге, писавшаяся с 1918 грандиозная «история человеческой культуры в естественнауч. освещении» «Христос» (кн. 1—7, М.—Л., 1924—1932; назв., подразумевающее не столько евангельского Иисуса, сколько букв. значение этого греч. слова — «посвященный в тайное знание») — труд, поражающий разнообразием эрудиции автора и спешфич. смелостью его выводов. Продолжая линию «Откровения...» и «Пророков» на разн.кальный переосмотр хронологии культуры, М. привлекает теперь данные не только астрономии, но и геофизики, истории развития орудий производства, этнопсихологии, «статистики» (под к-рой понимает математич. обработку повторяемости ист. явлений с т. з. теории вероятности), лингвистики и

Т. д., чтобы прийти к заключениям, полностью перечеркивающим устоявшуюся картину ист. процесса.

Важнейшие из них: отрицание существования античности, все лит. памятники к-рой являются подделками эпохи Возрождения, и сар. народа (Ветхий Завет — инстинктивная познание христ. теологии); утверждение, что в 1 в. н. э. в Средиземноморье царил каменный век; история как таковая начинается лишь с 3 в. — с некоей единой латинско-эллино-сирийско-египетской империи, а рим. императоры, египет. фараоны, «цари Иранцев» и пр. суть один и тот же ряд лиц, различие между к-рыми — плод недоразумения; письменность возникает в 4 в., как и христианство, причем Иисусом Христом был на самом деле са. Василий Великий, расцвехт 20 марта 368 (соответственно Евангелия датируются 5 и позднеисидийскими веками).

Акад. Н. М. Никольский, подробно разобравший боеспеч. ошибки, наважик. фактически интерпретации в 1-й кн. «Христос», намечал, что труд М. интересен «скорее для искателя», чем для историка (Никольский, 1925, с. 175). Вскоре, однако, идеологич. контроль над печатью сделал возможным обсуждение лишь тех или иных частей в «Христосе» [см., напр., послесловие в «Правде», 1928; 9 мая (М. в защиту своих теорий), 13 мая (возражения П. Преображенского), 27 мая (политическое «завещание» резюме Н. Суханова); см. также: Ю. Стеклов — «Известия», 1924, 21 окт.; М. Данан — ЛГ, 1929, 10 июня]; ост. идейно-психол. «замаскир.» М. опровержений им самим как «уничтожение суверенит.» (Гранат, т. 40, прил., стб. 317), оставалась за рамками дискуссии. Как ислое в своей уникальной феноменальности «Христос» М. не получил адекватной оценки. Взгляды М. на историю были развиты математиком А. Т. Фоменко [см. его реферат: «Критика традиц. хронологич. аргументации и средневековая (какой сейчас век?)», М., 1993]. Однако небезосновательна и остроумная интерпретация Ю. К. Осенин: «М. был посажен в крепость ... лишен общения с миром... — Ах, вы меня лишили мира? Хорошо же! Вашего мира не было!» («Ни дня без строчки», М., 1965, с. 174).

Др. произв.: «В поисках филос. камня» (СПб., 1909), «Что может принести нам встреча с кометой?» (М., 1910), «Лингвистические спектры. Средство для отличения плагиата от истинных произв. того или другого изв. автора» (П., 1916), «Принцип относительности и абсолютное. Эюд из области проваленной волнообразного движения» (П., 1920), «Поезд Сознания. Грезы о времени и пространстве» («Человек и природа», 1924, № 7/8), «Христос или Рамзес? Попытка применения математики теории вероятности к ист. предмету» (М.—П., 1924)].

Изд.: Звездные песни. Первое полн. изд. есса стх. до 1919 г., кн. 1—2, М., 1920—21; (Стихи). — В кн.: Поэты рев. народничества: Звездные песни, Стихи и поэмы, Я., 1974; Повести моей жизни, т. 1—3, М.—Л., 1928; т. же, [М.], 1947; т. же, 3-е изд., т. 1—2, М., 1961 (перизд. — М., 1962, 1965).

Лит.: Толстой (ук.): Блок (ук.); Любатович О. Далеко и недалеко. — «Былое», 1906, № 5—6; Полюв М. Р. Из моего рев. прошлого. — «Былое», 1907, № 7; Эри В. Откровение в грозе и буре. — БВ, 1907, № 10; Астров П., По поводу книги М. «Откровение в грозе и буре», М., 1908; Аксаков Н. П. Беспредельность невежества и Алкоголизм, СПб., 1908; Никольский Н. Спор ист. критики с астрономией. По поводу книги М. «Откровение в грозе и буре», М., 1908; сго же, Астрономия, переводит в ист. науку. — НМ, 1925, № 1; Плещеев А., что вспоминалось. Астеры и писатели, т. 3, СПб., 1914, с. 250—256; Крукотская Л. Я., Н. А. Морозов, [2-е изд., П.], 1919 (библ.); Филгнер В. Н., Н. А. Морозов. — В кн.: Шлиссельбургские узники, 1884—1905 гг. Биограф. очерки, М., 1920; Румянцев А. А. Методы

ист. анализа в работах М. — «Изм. Ленинградского Науч. ин-та им. П. Ф. Лесгафта», 1924, т. 10; Теодорович И. А., Роль М. в рев. прошлом. — КИС. 1932. № 7; Новорусский М. В., Залески Шинкельбургца, М., 1933 (ук.); Морозова К. Н. А. Морозов, М.—Л., 1944; Золотарев А. А., Н. А. Морозов. (Вооп.). — «Сев. рабочий», 1964, 7 изд.; Маргаран А. В. Брехов и Шинкельбургца М. — ВЛ. 1965, № 1; Судеб. преследование «Землячки песни». Из переписки М. и В. Брехова. — ВЛ. 1976, № 7; Троицкий Н. А., Ботумство храбрых. Рус. революционеры и карательная политика царизма, 1866—1882 гг., М., 1978 (ук.); Твардовская В. А. М. в рус. освободит. движении, М., 1983; Виучков Б. С., Унич. Шинкельбургца. О жизни и деятельности М., (2-е изд.), Я., 1988; Соловьев О. Ф., Масонство в России. — «Вопросы истории», 1988, № 10, + Н. А. Морозов. Библи., М., 1981; Фицнер: НЭС: Писатели опер. эпохи (1); ДРР, ИДРДВ; БСЭ (три изд.); ЛЭ; КЛЭ; СИЗ; Масанов.

Архивы: Архив РАН. ф. 843; РГАЛИ, ф. 1836; ИМГи, ф. 70. А. В. Чапеев.

МОРОЗОВ Павел Тимофеевич [1808, Пенза (?) — 25.3 (6.4).1881, там же], литератор, публицист, метеоролог. Из дворян Пензен. губ. Воспитанник Моск. ун-тского благородного пансиона (окончил в 1824 с зол. медалью); на публичном акте произнес «Речь о влиянии наук точных на успехи науки словесных»

(ВЕ, 1824, № 6), в к-рой под влиянием воззрений А. Ф. Мерзлякова определял два осн. качества «вкуса»: «нежность, в высшей степени чувствительную» и «правильность», очищающие «воображение и ум» «от всего низкого, мелкого, оскорбительного» (Соч., с. 445).

Приезд М. (поступившего на службу в канц. новорос. ген.-губернатора) в Одессу в 1824 совпал с культурным в обществ. подъемом в Новорос. крае, связанным с назначением на пост ген.-губернатора М. С. Воронцова (1823). Не занимая видных адм. должностей (в 1834—36 состоял чл. Совета приказа обществ. призрения в чине коллеж. ассесора, в 1837 произведен в навл. сов.), М. принял деятельное участие в культ. жизни Одессы: сотрудничал в «Одес. вест.» (с 1827), входя в редакцию газеты; при

содействии Воронцова предпринял изд. «Новорос. календаря» (1831—1837: одобрит. отзыв — ЛГ, 1831, 20 июня; Г. (И.) Соколов — «Москв.», 1842, № 3), служившего «периодич. зеркалом совр. быта, как в особенности» одесского, так и «вообще Новой России» («Одес. альм. на 1840 г.», Од., 1839, с. 35); в приложении к нему (на 1837) опубли. ст. «О календаре древних и новых народов». В 1831 вместе со своим пансионским товарищем М. П. Розбергом издал «Одес. альм.».

Напечатанные в нем две статьи М. — «Ист. взгляд на Одессу» и «Одесса в 1830 г.» — представляют ... в легком, живом рассказе историю и нынешнее состояние Одессы» (МТ, 1831, № 13, с. 99); «первый опыт» ист. изучения города, осн. «на фактах и преданиях», но без использования «местных документов, тогда еще никому не известных» (Склядовский А. А., Участие Одессы в подвигах на поприще наук, Отеч. истории и словесности. — СО, 1842, № 6, с. 24; см. также с. 51—52). Совр. общими Одессе посвящена ст. М. «Праздники Рождества Христова и Новый Год в Одессе» («Поздравк Братств», Од., 1834); о помещенном в «Одес. альм. на 1840 г.» рассказе М. «Отдыхи жизни» с одобрением отзывался В. Г. Белинский (IV, 122).

Лит. занятия обеспечили М. знакомства в культурных кругах Одессы: с В. И. Туманским, одес. археологом И. П. Бларамбергом (Туманский В. И., Стих. и письма, СПб., 1912, с. 27), А. И. Лёвшиным (одес. градоначальником и литератором), Скальдовским; в 1830-х гг. М. — завсегдатая «четвергов» графини Р. С. Эдлинг, на к-рые собирались А. С. Стурдза, ред. «Одес. вест.» А. Г. Тройницкий, Розберг, М. Л. Магницкий, «много молодых людей из Рингельевского лицея» (Соч., с. 192) (см. также «Мое знакомство с М. Л. Магницким» — РА, 1875, кн. 3, с. 241—50; отд. изд. — М., 1877).

Отвод распространение обывания Магницкому в «личности и жестокости», М. упрелка его во «внутреннем деспотизме», «публичной страсти к нововведениям»; «Магницкому Россия... обязана тем, что лучшие юноши шли толпами в злощастный лагерь врагов правительства: они «чуждому» делят добра, но ревность его была не по разуму» — заключает М. (Соч., с. 202, 191, 201).

М. был ревностным сотрудником Об-ва сел. хозяйства Юж. России (с 1829, в 1831 — по нач. 1841 — секр. об-ва; в 1832—36 и в 1840 ред. «Записок Об-ва...»), занимался метеорологией (кн. «О климате некоторых Юж. России», Од., 1832, и др.; одобрит. рец. — МТ, 1832, № 24).

Во второй пол. 1830-х гг. ход дела вынуждают М. покинуть Одессу (расставание с городом тяготило его, а надежды на возвращение не оправдались); М. живет в осн. в своем имении в Пензен. губ. (с. Паширевка). В нач. 1840-х гг. вышел в отставку в чине стат. советника (с 1868 д. стат. сов.) и навсегда поселился в Пензен. губ., где служил по выборам, в 40—60-е гг. избирался уездным предводителем дворянства Городиншен. уезда; был мировым посредником, поч. по-

печителем местной гимназии, чл. губ. статистич. к-та.

Президент Об-ва сел. хозяйства Юго-Вост. России (с момента его основания в 1849 по 1867), помещает юного статей в «Журнал сел. хозяйства» (имение М. было в числе опытных хозяйств) и «Пензен. губ. вед.» (в т. ч. метеорологич. наблюдения о состоянии атмосферы в Пензе с 1838 по 1854; см., напр., обстоят. ст. — 1861, № 12—14, часть неофиц.; составляет «Статистич. и хозяйств. описание Городиншен. уезда Пензен. губ.» (СПб., 1850; рец.: БЧ, 1851, т. 105; «Совр.», 1850, № 6). Главное пристрастие на пути «всегого улучшения» М. выдет в «крестном состоянии, вышедшем когда-то под патриархальными отношен., но теперь потерявшим весь смысл» (РС, 1897, № 1, с. 150 — письмо от 1837); поинее высказывался за переход «от обшного владения... к частному и фермерскому чрез доставление крестьянам (права) покупать земли для завладения отд. хозяйства» («Пензен. губ. вед.», 1860, № 21, часть неофиц.).

В деревне М. начинает писать «духовные сочинения»: в брошюрах «Борьба язычества и христианства» (М., 1845) и «Неподвижные звезды и планеты нравственного мира» (М., 1846) рассуждает о Божеств. миропорядке, осн. на «истинном учении» — христианском (догматы к-рого всегда неизменны), противостоящем «учению лжи», или идолопоклонству; борьба с ним не «кончилась с падением язык. храмов» (Соч., с. 1, 11).

Распространение «избыточных мнений» и усиление «владычества чувственности» (там же, с. 11—12) ведут к нравств. падению и гибели человека и общества; в бедственном положении пребывает совр. Зап. Европа (см. также «Взгляд на начало и развитие превратных понятий о свободе», М., 1872; письма к Стурдже — РГАЛИ, л. 16). В числе духовных и филос. авторитетов М. называет Ж. де Местра, Л. Бональдэ, Ф. Р. Штобрана, «из советских людей» отдает первенство Стурдже. Преодоление Стурдзы ар. «духовным» писателем не случайно: его М. считал «Богом дарованным ему руководителем» (РГАЛИ, л. 16). А в письмах к нему развил идею о мессианской роли России, призванной «обновить мир уничтожением рин. отлучничества» и «восстановлением общего владыки Церкви Вселенской» (там же). Главные терты будущего казались М. исти обозначенными — «неизбежное падение Турни, 8-й Вселенский собор, учреждение славяно-греч. царства с исповедом духа и благодати над мертвоем буквоем и бездушной западными формами...» (там же).

«Борьба язычества...» вызвала полемику между М. и критиком «Отеч. зап.» А. Д. Галаховым (ОЗ, 1845, № 10; «Москв.», 1846, № 5; ОЗ, 1846, № 7), к-рый оспаривал ее осн. положения, я в соч. «Неподвижные звезды...» — наивной по подходу попытке опровержения теории прогресса — увидел «оригинальное заблуждение», произошедшее от «ложного понятия о совершенстве наук» (ОЗ, 1847, № 1, с. 39—40).

Убежденный монархист и консерватор, исповедующий православно-ортодоксальные взгляды, М. утверждал небесное происхождение власти, жаждя единения с к-рой, по его мнению, — одна из осн. черт рус. характера (Соч., с. 53, 373). В своих позднейших брошюрах («Взгляд на начало и развитие превратных понятий о свободе», «Три семьи», обе — М., 1872; «Несколько слов от сердца посылаемых вост. христиана-

нам» — «Восток», 1880, № 41. «Деревенские беседы» — там же, 1880, № 52, 68, 70; отд. изд. — М., 1880; и др.), написанных в духе и стиле религ. риторики, публицистики, он высказался по целому ряду общественно-полит. вопросов, полагая, что главное для русского и др. народов — необходимость единства веры, к-рое важнее и глубже «единства национальности»; «...принцип национальности» несет с собой дух раздора, а не любви» (Соч., с. 377, 17). М. — противник либерализма и «либеральных учреждений», к-рые «обошли мир и опустошили его», утверждали «деспотизм масс» и в конечном счете привели к рев. разгулу и падению нравственности (все перечисленные выше и др. работы вошли в посмертное изд. соч. М. в 1883).

Мировоззрение М. наложило отпечаток на его характер. «Человек глубоко религиозный, (М.) обратил свой дом в монастырь, во время еды у него читались Евангелия и др. священные книги... Человек суровый, с твердою волею, Павел Тимофеевич настойчиво проводил свои убеждения» (Селиванов А. Ф., Биограф. Пенза, 1889, с. 34). У М. есть и прозаич., написанные легко и непринужденно, напр. «Письмо из Москвы» («Восток», 1881, 8. 14 июня), где нашли отражение его впечатления от поездки в Москву (очевидно, в 1880): в живой, ироничной манере автор высмеивает моск. нравы того времени. Статья была опубл. уже после смерти М., к-рый, как сказано в некрологе, скончался в результате глубокого потрясения, получив «роковое известие о злодейском умерщвлении ... Александра II» (там же, 8 июня, с. 321, прим.).

Др. произв.: «Меторологич. очерки, составл. из наблюдений ... прим. в Пензен. губ.» (М., 1865; в. 1, М., 1872), «Арабески мира духовно-православного» (СПб., 1874), «Предсказание и иссл. буря» (М., 1877), «Из одес. восп.» (РА, 1877, кн. 3), «Восп. о днях великого поста» (М., 1877), «Аскетизм и невоздержанье» (М., 1880).

Иза.: Соч., М., 1883.

Лит.: Письма к А. Г. Тройницкому — РС, 1897, № 1; 1898, № 4; РС, 1897, № 11, с. 446 (письмо А. Стурляж); Барсуков, III, 194, + Памятная книжка Пензен. губ. за 1864—1870 гг., Пенза, 1864—71; «Листок духовной библиографии и журналистики», прил. к «Воскресному чтению», 1872, № 8, с. 127—28; БВед, 1877, 16 нояб.; Боровская М. П., Ист. обзор пятидесятилетней деятельности мнн. Об-ва сел. хозяйства юж. России с 1828 по 1878 г., Од., 1878; Попруженко М., Овес. гор. публичная б-ка, 1830—1910 г., Од., 1911, с. 19; Маслов С., Ист. обзор действий и трудов мнн. Моск. об-ва сел. хозяйства, М., 1846, с. 265; Камский З. А., Филос. идеи рус. Просвещения, М., 1971, с. 278, + Брокгауз; Венгров. Источ.: Языков; Боград. ОЗ(1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1348, оп. 1, № 1165 (письма к А. С. Стурляж); ф. 46, оп. 1, № 57 (письмо П. И. Баргтенбу); ф. 300, оп. 1, № 420 (письма М. П. Розбергу); ф. 4, оп. 1, № 17

(фото. сведения); РГБ, Подг., ф. 231А1, № 56 (письма Я. П. Погодину).

МОСКВИНА Мария Осиповна [1765 — 25.3(6.4). 1824, Москва; похоронена в Покровском мон.], поэтесса. Из старой моск. купеч. семьи (изв. с 1725), просвещенной и богатой. Воспитывалась дома. Вместе с сестрой сочиняла стихи, привлекая внимание В. С. Подшивалова и Б. К. Бланка, карамзиниста круга М. Н. Макарова, в к-ром культивировалось «дамское сочинительство». Бланк издал сб. сестер в 1802 под назв. «Аония, или Собрание стихотворений» (М.; под криптонимом Г(оспод) жи***), присвоив купив и неск. своих стихотворений. Тексты сб-ка не позволяют однозначно определить характер соавторства, однако судя по содержанию, можно предположить, что сестры писали порознь.

Соавтором М. традиционно считается (см. справочную лит-ру) Елиз. Осиповна Москвина [23.8(3.9).1759 — 22.10(3.11).1833, Москва], что, однако, вызывает сомнения, т. к. Елизавета была выдана замуж за тульского железного заводчика Ив. Род. Баташева не позже 1782 г. (Крестовников, с. 11) и, следовательно, не соответствовала первым расхожим критериям «дамских Москвиных» (Руссоа, с. 31); девицей была Мария (см.: Иваск). Сведения об участии в сб-ке Елизаветы восходят к статье Макарова, к-рый мог быть знаком с Москвиной по моск. саловым или зная о них от Бланка; Макаров же уточняет, что Елизавета впоследствии вышла замуж за ина. врача Ефр. Осиповича Мухина (см. в ст. А. Е. Мухин), но, вероятно, это ошибка и речь идет о др. сестре — Над. Осиповне Москвиной, в замужестве Мухиной [1768* — 9(21).3.1830, Москва; похоронена, как и обе сестры, в Покровском мон.].

Весьма типичный для своего времени сб. «Аония» свидетельствует об изв. лит. искушенности авторов: здесь представлены осн. мотивы журн. поэзии кон. 18 — нач. 19 вв. (непознаваемость Божественного промысла, душевный покой и сердечные бури, гармония природы, аллегорич. описания смены времен года, сновидений) и ее разнообразные жанры (послание, эпиграмма, мазагарал, эпитафия, рондо, «эмблема»). Значит. место в сб-ке отдают религ.-филос. медитациям — как архаичным по слогу, напр. «Ирмос», так и более живым и личным по интонации и характеру размышления (сб-ка вообще не отличается стилистикой ровностью): «Мы созданы к блаженству/ Да где ж теперь оно?./ Неужли к совершенству/ Путей нам не дано?» (стих. «Ах, скаучно!»). На фоне условно-поэтич. образности в ряде стихов обнаруживаются конкретные автобиогр. реалии, к-рые в нек-рой степени позволяют реконструировать образ жизни и круг интересов сестер (катание в санях, книги, «нежная гитара», фортепьяно; одна из девиц — ученица знаменитого нем. пианиста и композитора И. В. Геслера: «О Геслер! Это ты мне душу восхищил» — из послания «К Геслеру»; ср. также стих. «Музыка»). Отдельные поэтич. строки отмечены искренно-

стью чувства и изв. психол. точностью в изображении переживания («Смертный оар», «Чувство любви», «На раздуку») (примечательна реакция современника на экземпляре книги, хранящиеся в Музее книги РГБ: «Это правда!!!, все правда!» — по поводу стих. «Раздука» и «Зима»). Иногда внутр. установка авторов не чужда лит. полемичности, как в стих. «Токсовские горы» (где говорится и о «бессмертном певце», «нежном» Оссане); в нем «выдумкам» «искусства» противопоставлена правда «сердечных чувств», выражаемая в духе эпитон. сентиментализма.

Несмотря на то что стихи Москвиных «не везде чисты, не всегда ясны», Макаров отдает должное поэтессам, «учившимся только по букварю природы» (Макаров, с. 8). Позднее В. Г. Белинский отметил «Аонию» в ряду примечательных явлений «женской» лит-ры (Белинский, VII, 652).

Иза.: «Розно». — В кн.: Париль юж. Рус. полесты XIX — нач. XX вв., М., 1989 (соств. вступ. ст. и комм. В. В. Ученовой).

Лит.: Макаров М. Н.), М. О. Москвина — ДЖ, 1830, № 27, июнь; Крестовников Н. К., Семейная хроника Крестовниковых, [изд.] Г. М., 1903, с. 10—17; Иваск У. Г., Рождественская Москвина, М., 1910; Левин Ю. Д., Оссан в рус. лит-ре... Л., 1980, с. 44, + (Руссоа с. В.), Библиографич. каталог рос. писателей, СПб., 1826; Гензали: Голышев; Венгров. Источ.: МНскр.; Смирнов-Сokolский; Масанов.

М. К. Евсева

МОСКВИЧИН А., см. Павлов А. А.

МОСКОТИЛЬНИКОВ, Москатильников, Савва Андреевич [5(16).1.1768, Ярославль — 5(17).8.1852, Казань; похоронен на кладб. Введенского Кизического мон.], поэт-любитель, переводчик. Из обедневшей купеч. семьи. Нигде не обучался (начальное образование получил под руководством учителя Ярослав. духовной семинарии). После смерти матери и вторичной женитьбы отца самостоятельно зарабатывал на жизнь и занимался самообразованием (выучил, в частности, франц.

зпых). Спасаясь от попыток родных сделать из него винооторговца, поступил в канцелярию, с 1782 — колликт в Ярослав. гор. магистрате.

Уже в Ярославле определяют лит. и театральные интересы М.: стал актером ярослав. «Вольного т-ра» (познее, со своей женой Аграфеной Фёд., ум. в 1829, играл «на Казанском вольном театре» — Загоскин, с. 217), перевел, вероятно с нем., басню «Два Фигляра», написал классицистскую трагедию в 5 д., 6-стопным ямбом, «Остан» (обе — 1786; опубл. в 1902 в кн.: Бобров, т. 4) — малоудачное подражание образам жанра (действие происходит в Инаки, «в царском доме»). В 1786 переведен в Вологод. гражд. палату, в 1788, по собств. желанию, — в Нижегород. наместнич. правление, где служит губ. регистратором. Здесь сближается с влият. в провинции литератором и масоном Н. М. Веревкиным (сам М. был близок к «старшим» моск. масонам круга Н. И. Новикова).

В бумагах М., частью им уничтоженных, сохранилось несколько масонских стихов: «Моя жизнь» с выпадами против рационалистов-интеллектуалов, гимн «Великому мастеру» и др. (опубл. Бобров, т. 3, Каз., 1902, с. 102—09); из этого рода соч. выделяется похвала, стих. 1817 «Резинов» (опубл.: там же, т. 4). Принадлежат Веревкину рукописный сб. «Собр. соч. и переводов друзей моих» (свер. 1790-х; РНБ), в осн. членов масон. лит. кружка, содержит мн. числ. рец. и филос. «расуждения» М., в т. ч. «О рождении и разрушении тел ...», «О возможности существования герметич. философии», «О сущности жизни человеческой», фрагменты переписки из К. М. Виландза и Ш. Бониса, оду «На день святая Пасхи» (1791 или 1793; опубл.: Поляты-радищевы, 1935).

В Казани, куда М. переехал в 1793 (секр. гор. магистрата), состоял в ложе «Восходящего солнца». Создал лит. кружок, в к-рый входили представители местной интеллигенции — историк Н. С. Арцыбашев, учитель нар. уч-ща И. И. Черныашев (в 1803 занявший кафедру рус. яз. и словесности в Вильне; см. о нем: Поэты-радищевы, 1935) и близкий друг М. поэт Г. П. Камнев, к-рого он всячески поддерживал, содействовал его знакомству с масонами И. В. Лопухиным, И. П. Тургеневым и лит. моск. знаменитостями (см. письма поэта к М. из Москвы; Бобров, т. 3, 4). В 1803 М. написал на смерть Камнева «Эпитафию другу» («В нем некогда пылал небесный чистый пламень»); 1-е четверостишие воспроизведено на его надгробной плите), а в 1831 посвятил ему ностальгич. «Сон друга ...» (оба опубл.: там же, т. 4). Все четыре участника кружка были членами ВОЛСНХ (сам М. с 1805 до апр. 1812 — Науч. 6-ка СПбГУ, архив ВОЛСНХ, № 204, л. 167); к кружку примыкали преподаватели Казан. нар. уч-ща, И. А. Второв.

В 1801 М. принимает участие в раскрытии судебных злоупотребле-

ний в Казани — дело по ложному обвинению в совершении поджога (один из обвиняемых умер «под кнутом»), что послужило поводом к изданию Александром I вскоре после коронации (27 сент. 1801) указа «О запрещении пыток в России». Происками местного начальства М. был обвинен в преступлениях по службе и отдан под суд: «Я жертвой был плутов, иль глупых гордецов! На действия мои яд зависть проливала./ А дружба ложная мне ковы солгала» — вспомнил М. в «Послании к гр. Д. Н. Хвостову», 1818 (опубл.: Бобров, т. 4). Однако благодаря усердию защитника в суде барона П. Р. Альбелиля и заступничеству Д. П. Трошинского (будущего министра юстиции) по высочайшему повелению был оправдан, назначен губ. стряпчим уголовных дел (1801) и награжден чином коллеж. ассессора. В благодарность М. пишет «Оду государю императору Александру I» (1801; опубл. там же), в к-рой, называя Александра I «ангелом мира», особенно восхваляет монаршее правосудие (тогда же указ воспет Г. Р. Державиным в оде «Милость»). В др. оде — «Ода на день коронавания ... Александра I» (единств., не считая басни «Волк и лисица», напечатанной при жизни автора в «Трудах Казан. об-ва любителей отеч. словесности», 1815, кн. 1) — прославляются учрежденные Александром I «свободы», законы, ун-ты и др. учеб. заведения, обновившие «храм просвещения».

В 1806 и 1814 М. (коллеж. сов., с 1808 советник Казан. губ. правления) ходатайствует о предоставлении ему в Казан. ун-те кафедры «рос. юриспруденции», но оба раза получает отказ, основанный, быть может, на неблагоприятном отзыве дир. Казан. г-зии, а затем декана Казан. унта И. Ф. Яковкина: в письме к попечителю Казан. учеб. округа М. Л. Магницкому (яв. 1807) он характеризовал М. как «ябедника», человека, лишённого «доброты души и общежительных добродетелей» (Загоскин, с. 217).

В результате «приказных интриг» 1814—19 М. в 1820 был снова предан суду, уволен и лишь в 1827 «оправдан по всем пунктам обвинения» (РГИА, ф. с.); тогда же назначен чиновником особых поручений при гражд. губернаторе (см. также: Бобров, т. 4, с. 221—22, 240). С 1818 М. — секретарь казан. отд. Рос. библ. об-ва («Сев. почта», 1818, 13 февр.). В 1820-е гг. избирался казан. дворянством в различ. к-ты.

В 1812 М. вступает в казан. Об-во любителей отеч. словесности при Казан. ун-те и становится «самым деятельным» его членом (Де-Пуле М. Ф., Н. И. Второв. — РА, 1877, кн. 2, с. 345). Он посвящает Общест-

ву прозаич. перевод «Освобожденного Иерусалима» Т. Тассо (с франц. перевода Лебрена), над к-рым работал с 1800; именно за перевод 1-й песни по представлению Арцыбашева был зачислен чл.-корр. ВОЛСНХ (в целом благоприятный, с указанием на отсутствие «славянизмы» отзыв А. Х. Востокова см.: ЖМНП, 1890, № 3, с. 93—94; здесь же сочувств. упоминание об «Оде ...» Александром I). Перевод «Освобожденного Иерусалима» был опубл., при содействии Хвостова, лишь в 1819 (ч. 1—2, М.; 2-е изд., М., 1820—21), одновременно с выходом перевода поэмы А. С. Шишкова, выполн. с итал. подлинника (1818—19). К этому времени перевод «не с оригинала», в т. ч. и перевод М., воспринимался как «неполноценный» (И. А. Е. Измайлов) — «Благ.», 1819, № 14; СО, 1819, № 34; В. О. — СО, 1820, № 18; «Рецензент», 1821, № 1). Известно, что в 1821 М. переводил (прозой, с франц.) «Ненстового Роланда» Л. Ариосто.

В 1834 М. — вновь советник Казан. губ. правления. В 1846 выходит в отставку с чином стат. советника (с 1837 — навл. сов.), но полтора года не получает пенсию — «дошел до последней крайности, вынужден распродавать имущество» (Бобров, т. 4, с. 245). После смерти М. его рукописи и бумаги сохранил П. К. Проскуряков — дочьеру казан. мешанина К. Ф. Пушкарева, к-рый был «единственным слугой» М. и умер от холеры; не имевший детей М. удочерил двух оставшихся сиротами девочек. По восп. Н. Н. Булича, знавшего М. в последние годы его жизни, он «занимал» новое поколение «как обломок старого времени»: на него «падала тень Шварца, Новикова, Лопухина; старческие, уже потухшие, но умные глаза как бы уходили внутрь; седые, длинные до плеч волосы в тихий, но внушительный голос — все заставляло смотреть на него с невольным уважением...» (Булич, с. 534). «Это была одна из замечательных личностей своего времени — литератор-самоучка, замечательный приказной делец, юрист-практик и один из последних представителей масонства в Казани» (Шпилевский С. М., Заботы имп. Александра I о Казани, Каз., 1877, с. 6).

Др. прозв.: Нскролог казан. губернатору Б. А. Мансурову («Казан. известия», 1814, № 43); 8 псалмов [из пер. «Псалтири» ... на славенорус. язык] («Казан. губ. вестн.», часть неофин., 1853, 23 февр.). Возможно, М. принадлежат приписываемое А. П. Мельгунову «Собр. стихов, сочиненных во время бытности в Вологде ... на разные случаи» (рукопись — РНБ), включающее отклики на спектакли Вологод. театра

(Лазарчук Р. М., Из истории провинци. театра... — В кн.: XVIII век, сб. 15. Л., 1986; с. 67—68).

Изд.: Поэты-разношцы. 1935: Поэты-разношцы. 1979; М. как литератор (юбил. соч. М.). Из переводов и бумаг М. — В кн.: Бобров Е. А., Лит-ра и просвещение в России XIX в., т. 4. Каз., 1902, с. 75—197, 198—253.

Лит.: Второв Н. И., Г. П. Квинев. — «Вчера и сегодня», кн. 1, СПб., 1845, с. 32—37; Сб. инст. Рус. инст. об-ва, т. 62, СПб., 1888, с. 43; Загоскин Н. П., История Казан. ун-та..., ч. 1, Каз., 1902, с. 217; Бобров Е. А., Первый рус. романтик Г. П. Камелев. — ИВ, 1903, № 8, с. 535—38; ИВ, № 7, с. 15—17; Булич Н. И., Из первых лет Казан. ун-та, т. 1, СПб., 1904, с. 533—35; Агафонов Н. Я., Казань и казанцы в 1. Каз., 1906, с. 88, 113—17; Алексеев М. П., Рус. культура и романский мир, Л., 1985 (ук.). + Некролог: СП, 1853, 20 янв.; «Казан. губ. вед.», часть неофиц., 1853, 9, 16, 23 февр. (бюогр. сведения и фрагменты соч. М.); Гонимый; Брокгауз; Венгеров. Источ.

Архивы: РНБ, собр. Н. М. Михайловского, № Q—472 (рукопис. об-ки, в т. ч. «Собр. соч. ...» Н. М. Верещагина); РГГА, ф. 1349, оп. 3, в. 1494 (ф. с. 1836 г.); [справка Л. М. Семеновича]; ИРЛИ, ф. 322, № 65, 66 (письма Д. И. Хвостову 1817—19 гг.); ф. 57, оп. 2, № 94 (2 письма Г. С. Волжскому 1813 г.); [справка Н. А. Прозоровой]. А. Е. Толтукова.

МОСОЛОВ Александр Николаевич [7(19).3.1844, Буйский завод Уржум. у. Вятской губ. — 8(21).5.1904, Петербург, похоронен в Александропо-Нев. лавре], публицист, гос. деятель, автор восп. и драм. произв. Из дворян Казан. губ.; сын майора. В 1857 зачислен в эскадрон Школы гв. подпрапорщиков и кав. юнкеров. В

июне 1861 выпущен подпоручиком в л.-гв. Стрелковый батальон вып. фамилии и прикомандирован к Николаев. ниж. академии. Прослужив год в строю, вышел в отставку по болезни. В 1860 опублик. ст. «Рус. воспитание в женских типах нашей лит-ры» («Светоч», 1860, № 3—4). В. Я. Стоюнин расценил ее как «далеко не новое рассуждение о нелепом женском воспитании» («Рассвет», 1860, № 9, с. 22). В мае 1863 М. Н. Муравьев, назначенный в связи с восстанием в Литве и Белоруссии ген.-губернатором Сев.-Зап. края, пригласил М. на должность секретаря. В 1866 Му-

равьев продиктовал М. свои «Записки», опублик. в лит. обработке последнего (РС, 1882, № 11, 12; 1883, № 1—5; 1884, № 6). Годы службы в Вильне описаны М. в восп. «Виленьские очерки 1863—1865 гг.» (РС, 1883, № 10—12; 1884, № 1; отд. изд. — СПб., 1898). В очерках, так же как и в ст. «Памяти гр. М. Н. Муравьева» (НВ, 1898, 8 нояб.), автор счел своим нравств. долгом как свидетель событий оправдать средства, употребленные Муравьевым для подавления мятежа, в противовес «легендам и преувеличенным, пристрастным толкам». Отметив, что очерки — «живо и интересно изложенные», рецензенты офиц. прессы обращали внимание на то, что «самый ход мятежа мало останавливает на себе внимание автора», значительное же место уделено личности Муравьева, а также реформам, проведенным им с целью «возвышения престижа рус. власти и правосл. церкви» (К. И. Храчевич — ИВ, 1898, № 12, с. 1172—73; В. В. Латышев — НВ, 1898, 4 нояб.; «Правительств. вест.», 1898, 5 нояб.).

В 1866—69 М. — чиновник особых поручений при прибалтийском ген.-губернаторе. Активно проводил политику русификации края; был одним из основателей рус. газ. «Риж. вест.» (1869), с пл. ред. к-рой — Е. В. Чешинским — состоял в переписке (см.; «Прибалт. край», 1900, 9 сент. — 7 окт.). По мат-лам риж. архивов написал ист. посл. «Курляндия под управлением Екатерины Великой (1795 г.)» (РВ, 1870, № 5; упоминается в капитальном тр. В. С. Иконникова «Опыт рус. историографии», т. 1, кн. 1, К., 1891, с. 566), в к-ром пл. причинной пост. волнений в Прибалтике считал восстановление после смерти Екатерины II всех привилегий местной знати, отмененных городским положением 1783. По его мнению, с 1801 началось фактич. отчуждение вышеназванных губерний от России, чему способствовал ряд реформ, «укреплявших за этим краем его немецкий характер».

С 1869 по 1877 М. — чиновник особых поручений при мин. внутр. дел. В 1878 вице-дир., с 1879 дир. Деп. духовных дел и иностр. исповеданий Мин-ва внутр. дел. В 1881 был аккредитован при Ватикан. дворе, где на него была возложена чрезвычайная миссия по установлению соглашения с рим. курией. В 1882 перемещен на должность вологод. ген.-губернатора; с дек. того же года по 1894 новгород. ген.-губернатор. По мат-лам архива Новгород. губ. правления опублик. заметку справочного характера «А. И. Герцен, гражданская его служба в 1820—1841 гг.» (РС, 1888, № 3).

М. — автор двух драм. соч. в стихах: «Вокруг пылающей Москвы. Драм. сцены из 1812 г.» (СПб., 1900) — на сюжет «Рославлева» М. Н. Загоскина, и «На закате славы. Комедия-быль конца XVIII в.» (ИВ, 1902, № 1), повс. екатерининской эпохе. Премьера первой драмы состоялась 15 нояб. 1899 на сцене т-ра Лит.-худож. об-ва (петерб. Малый т-р). В рецензиях нек-рых периодич. изд. отмечались зрелищность спектакля (в сцене охоты участвовали гонимцы, на белом коне выезжал М. И. Кутузов), изыщество, чуждое «дешевых эффектов и балагадной трескотни» (Ю. Д. Беляев — НВ, 1899, 16 нояб.; др. реш.: Б. И. Бенатович — «Новости и бирж. газета», 1899, 16 нояб.; Д. П. Голынин — СПбВед, 1899, 17 нояб.; «Россия», 1899, 17 нояб.). Однако А. Р. Кугель характеризовал пьесу как «мало пригодную для сцены», увидел в ней «патристическую бравулу, совершенно бесцельную в наше время» (Тий, 1899, № 47, с. 831).

В 1894—1904 М. вновь дир. Деп. духовных дел и иностр. исповеданий. 6 мая 1904, за два дня до кончины, назначен чл. Гос. совета.

Лит.: Семейский, с. 203; Альманах совр. рус. гос. деятелей, изд. Г. А. Гольцберга, СПб., 1897, с. 1006—1007; ИВ, 1898, № 12, с. 1115—1117; Падение царского режима, т. 1, Л., 1924, с. 257 (из показаний Б. В. Штюрмера 1918; о «Записках» М., к-рым «должны быть изданы» и в к-рих, в частности, он высоко отзывался об уме и таланте Н. Ф. Манасевича-Мануйлова). + Некрологи, 1904; ИВ, № 6, 8; НВ, 9, 11 мая; «Правительств. вест.», 11 мая; Тий, № 20, Венгеров (Список. Источ.); ИРДТ, т. 7 (ук.); ИРДВ; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 178, РГВИА, ф. 321, оп. 1, л. 255; ф. 489, оп. 1, з. 7074, ч. 2 (п. с. отпа М.); ГАРФ, ф. 1463, оп. № 1115, 1116 (восп. М.).

Г. Н. Воронцова, Ю. И. Штассельберг.

МОШИН Алексей Николаевич [16(28).5.1870, г. Великие Луки Псков. губ. — 15.2.1929, г. Новоржев], прозак, драматург, фольклорист, краевед. Из старинной купеч. обедневшей семьи. Отец, Ник. Ал-др., — кустарь, изготовлял рыболовные снаряды, рыбачил, охотился, занимался расчисткою земель в низовьях р. Ловати. М. учился год в гор. уч-ще, затем окончил 5 кл. в реальном уч-ще, далее занимался самообразованием. Много читал, пользуясь в этом отношении советами С. И. Взорова, С. А. Венгеровой, Д. Н. Овсяннико-Куликовского и др. Сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости, потом — по всем предметам ист.-филол. ф-та Петерб. ун-та. С 16 лет работал на железной дороге — пом. таксировщика станции, старшим контролером путей и др. До 1912 служил в санитарно-врачебном отделе Петерб. гор. управы, уволился по болезни.

Лит. деятельность начал в 1891. Опубликовал заметку в газ. «Сиб. листок» (31 окт.); печатался во многих периодич. изд.: «Сибирь», «Курь-

ер», «Русь», «Бирж. вед.», «Новости дня», «Вокруг света», «Театр и иск-во», «Совр. слово», «Рязан. листок» и др., его прозв. помещались в лит. альманахах и сб-ках «Лит. вестер» (1897, кн. 9), «Волны» (1907, № 1), «Лепестки» (сб. 1, Вильна, 1910).

Первый сб. М. «Очерки и наброски» (Саратов, 1898) почти полностью состоял из рассказов, ранее опублик. в периодике, «написанных хорошим лит. языком» и обнаруживающих в авторе «известный запас юмора и наблюдательности» (Н. А. (Н. М. Архангельский) — «Саратов. дневник», 1898, 28 дек.). Большинство рассказов сб-ка переиздано в составе следующей кн. «Штрихи и настроения» (М., 1901, 1903), вместо предисловия к к-рой опублик. беседа с Л. Н. Толстым; по утверждению М., Толстой не слишком одобрял полагать по тем временам увлечение писательством, однако, выслушав рассказ М. «Секрет Митрича», признал, что автору следует продолжать лит. работу. Вопрос о «всеобщем праве писать», проблема объективной оценки произв. неизв. авторов чрезвычайно занимали М. (см. его беседу с В. Г. Короленко — «Беседа», 1904, № 1).

Рассказы М. разнообразны: бытописательные («Счастливы», «Прители»), насмешливо-критич. — о тупости закорюченной жизни («Промышленники в городе Болотинске»), стилист. романтич., в чем-то сказочные житейские истории («Со звездой», «Король огня»); драматич. рассказ «Оценка жизни» о гибели машиниста и бездумном отношении администрации к судьбе его семьи; даже нравы провинц. заводички, беспорядок рабочих изображены в рассказе «Как Прошка пристроился». Книга вызвала множество откликов — в осн. доброжелательные. Отмечалась правда, некая «этничность», непроработанность сюжетов (Ю.-н (Н. Н. Вентцель) — НВ, илл.

прил., 1903, 23 июля), но рецензент «России» (О. Г. (А. В. Амфитеатров) — 1901, 31 авг.) писал, что М. тесно примыкает к школе Чехова, что его лучшие рассказы полны «того же глубокого, острого отрицания. того же ... презрения к среде, из была которой они возникли, как и „Дядя Ваня“ и „Три сестры“»; сходная оценка прозвучала и в «Нов. времени» (В. Г. — илл. прил., 1901, 18 апр.).

Книгу завершал цикл мемуарных заметок о рус. писателях, позднее неоднократно выходивший отд. изданиями («Ясная Поляна и Васильевка», СПб., 1904; «О писателях», СПб., 1905; «Новое о великих писателях», 2-е изд., СПб., 1908). Интерес к такого рода материалу М. унаследовал от деда по отцу, к-рый лично знал А. С. Пушкина, давшего ему совет собирать разл. предания. После смерти деда его записки попали к М. и положили начало его личной собират. работе.

По сообщению М., ряд ли достоинству, в бумагах деда были и автографы Пушкина, но несомненно уничтожены; утратил якобы лишь автограф о «Вильно», к-рый М. в 1895 подарил Короленко, о чем нет никаких свидетельств. Собранные и записанные М. рассказы описывались о Пушкине, И. В. Гоголе, И. С. Тургеневе, И. А. Некрасове, Ф. М. Достоевском, М. Е. Салтыкове-Шчилине, Толстом, изложены в повернуто едком документальном стиле, вызвали споры; одни считали, что любой, хотя бы самый незначит. факт жизни великого писателя, важен и интересен, другие наоборот, что место подобной записки скорее «в собрании сочинений Кузьмы Прутков» (А. Иванович — НВ, 1908, № 10, с. 302); суровую оценку М. дал П. Е. Щегелев, усмотревший в них мелочность, незначительность записанного, стремление к бесцеремонной саморекламе (П. Ш. — НВ, 1904, № 9; см. также: РБ, 1904, № 11; К. — «Киев. старина», 1904, 26 июля; П. Г. — «Слово», 1908, 7 марта; «Саратов. листок», 1905, 5 ноября).

Очерки и заметки о писателях М. печатал и в периодике: «В Ясной Поляне в день юбилея. (Неизданные до сих пор наблюдения)» («Отклики Кавказа», 1910, 9—11 нояб.), «Полчась у графа Льва Толстого» («Саратов. дневник», 1898, 22 февр.), «Из восп. о Чехове» (НМ, 1904, № 139).

Отклики М. на трагедию 9 янв. 1905 и активизацию крест. движения — рассказы «За что?» (СПб., 1906; перенд. — М.—Л., 1926) и «Усемирли» (СПб., 1906; перенд. — М., 1928). Две книги рассказов — «Гашниш и другие новые рассказы» (СПб., 1905, 1907) и «Крамозла и другие новые рассказы» (СПб., 1908) — М. выпустил как 2-ю и 3-ю книги «Штрихов и настроений». Он по-прежнему обращается к разнообразным темам и сюжетам, пытается осмыслить (в рассказах «Крамозла», «Камень») остросоциальные проблемы, философствует («Под открытым небом», «Илья» и др.), но совр. критика принимает его новые книги весьма сдержанно, часто — и недоброжелательно, особенно первую из них: почти во всех ста-

тьях говорится об «удивительном однообразии», «томительной пустоте», «серости» (РМ, 1906, № 11, с. 293; В. Бр. — «Книга», 1906, № 7), рассказы «не волнуют, не раздражают, не радуют и не заставляют ломать голову ...» (О. М(иртов) — «Обр.», 1905, № 6, с. 122); лишь рецензент газ. «Псковитянин» (1907, 27 мая; позинсь С.-л-в) пишет, что благодаря «безыскусственности ... жизненной реальности» прозв. М. читаются «легко, с наслаждением, оставляя в душе самое отрадное впечатление». В отзывах на сб. «Крамозла...» также говорилось о «малохудожественном изложении» (БВед. 1908, 9 февр.).

М. вел обширную переписку (в осн. делового характера). Состоял в Петерб. лит. об-ве, Моск. об-ве деятелей периодич. печати, ряде обществ. организаций, широко занимался благотворительностью. Был изв. коллекционером автографов (в его коллекции автографы А. П. Чехова, М. Горького, Л. Толстого, И. Е. Репина, Марка Твена и др., о чем он сообщает в письме А. Г. Горинфельду от 5 сент. 1907 — РНБ, ф. 211, № 804) и картин; на его «вторничках» в 1907 в Петербурге, где царил «атмосфера красок и звуков» (ПЦТМ, ф. 179, № 76), бывали И. Е. Репин и Н. Б. Нордман, Ф. И. Шаляпин, Т. Л. Шенкина-Кулерник, братья В. Е. и К. Е. Маковские, А. Д. Вальшева, В. И. Немирович-Данченко и др.

М. занимался краеведением, много путешествовал по России и др. странам. В кн. «Легенды Великих Лук» (Псков, 1915; последнее переизд. — БТ, 1986, сб. 27) он опублик. краеведч. сведения о родном городе, предания, апокрифы, христ. легенды, документ. записки деда; к этой книге приыкают «Древние „дсальмы“ Псковского края» с нотами (СПб., 1911, совм. с С. Г. Рыбаковым). В жанре путевых заметок написана кн. «От Днепра до Пирдана» («Красный звон», 1909, № 7—12).

Драматургич. опыты М. опирались, как правило, на его же рассказы. Первая (совм. с К. С. Баранцевичем) попытка написать пьесу «Счастье» (ок. 1904) закончилась неудачей. Но 3 апр. 1912 на сцене Петерб. худож. драм. об-ва была пост. и с успехом шла пьеса «Трып-трава» («Волчков»), созданная на основе рассказа «Блуждающий огонек» (реж.: «Новая всемирная илл.», 1912, № 15; М. Мурашев — «Артист и сцена», 1912, № 7; Е-р — «Костромская жизнь», 1913, 28 мая). Написанная тогда же пьеса «Прошкина карьера» (др. назв. — «У рублика, или Прошкина карьера»), в к-рой М. развил тему социальной несправды заводских рабочих, только намеченную в рассказе «Как Прошка пристроился», к постановке не была разрешена (ценз. запрещение от 10 но-

яб. 1912). Пьесы на основе своих рассказов М. продолжал писать и после 1917 (напр., эпид «Гашинш», пост. в 1918 в Тифлисе, в т-ре «Ладья Аргонавтов»).

В годы 1-й мировой войны М. служил в штабе Киев. воен. округа пом. старшего адъютанта (1915—16). После 1917, получив звание проф., преподавал эстетику в Одес. консерватории и Феодосийском ин-те нар. образования, много ездил по стране с лекциями. Был чл. Рабкреса, Всерос. Союза писателей, Моск. отделения Об-ва писателей и композиторов (РНБ. ф. 103. № 103). В 1925 передал свой архив в Пушкинский Дом и получил за это Пушкинскую медаль; после его смерти дочери передали туда же рукопись «Желанная» (собранные М. частушки Великолук. у.). Умер от инсульта во время чтений лекций в Новоржеве.

Лит.: Толстой (ук.); Кр-р А. А., А. Мошки. Краткая критико-биогр. заметка, СПб., 1905; Письма Г. Мачета М. — В сб.: «Комета ... на 1905 г.», [СПб., 1905], с. 70—91; Письма М. к И. Е. Решину. — В кн.: Решин и Украина. Письма деятелей укр. культуры к Решину, 1896—1927. К., 1962 (ук.). * Муратова (1); Масанов.

Архивы: ИРЛИ. ф. 192; ф. 134. оп. 3. № 1138; ф. 313. оп. 5. № 46; ф. 391. № 40; Р. III. оп. 2. № 700. 1052 (справка М. В. Розинковой); ЦТМ. ф. 179; РГАЛИ. ф. 66. оп. 1. № 805 (письма И. А. Белоусову); ф. 675. оп. 1. № 10. л. 294—313 (биогр. мат-лы); ф. 341. оп. 1. № 279. л. 23 (биогр. справка); ф. 1624. оп. 1. № 145 (биография); РГБ. Чех. л. 52. 38 (письма А. П. Чехову); РНБ. ф. 211. № 804 (письма А. Г. Горинфельду). № 1397 (письмо П. М. Пильскому); ф. 773. оп. 1. № 1291 (биогр. мат-лы); ф. 810. № 4 (письма Ф. Ф. Физлеру) (справка Т. В. Мисенивич); РГИА. ф. 776. оп. 9. № 1377 (свед. о привлечении Н. В. Корсакова к судебной ответственности за публ. рассказа М. «После парода»). О. Е. Бланович.

МСТИСЛАВСКИЙ Сергей Дмитриевич (наст. фам. Масловский; 23.8(4.9).1876, Москва — 22.4.1943, Иркутск), прозаик, публицист. Род. в семье воен. историка Д. Ф. Масловского, ген.-майора, проф. Академии Ген. штаба (см. о нем: НЭС). Учился в 1-й моск.-г-зии Ф. И. Креймана, затем в ист.-физiol. г-зии в Петербурге, овладел пятью языками, обучался музыке, живописи, верховой езде, фехтованию. В гимназич. годы увлекся историей, этнографией и культурой Ср. Азии, Индии, Тибета. В 1895 сразу после окончания г-зии поступил на физико-матем. ф-т (разряд естеств. наук) Петерб. ун-та, где начал заниматься антропологией. В 1896—1899 совершил пять экспедиций в Туркестан, объехал Вост. Бухару и предгорья Памира, в 1898—99 принял участие в работе противочумной комиссии (пред. — принц А. П. Ольденбургский) в кишлаке Анзоб. За науч. иссл. «Талжики» М. была присуждена зол. медаль на конкурсе Петерб. ун-та (см. «Отчет Петерб. ун-та за 1898 г.», СПб., 1899), в «Рус. антропологич. журнале» (1901. № 2: отд. оттиск — М., 1901) опублик. его иссл. «Гальча. (Первоыбитое насе-

ление Туркестана)»: составленный М. в 1899 словарь язгуямского и шутнамокого языков не сохранился.

В 1900 началась публикация этногр. произв. М.: в очерке «На окраине» («Россия», 18 июля), давшем название всему циклу, напечатанному в этой газете, описывается представляющая до сих пор значит. науч. интерес сцена радения членов мистич. ордена Кадрия («лающих деревней»), в др. очерках даны точные и яркие зарисовки нар. праздника в кишлаке Дарх с участием бачи — мальчика-танцора, переодетого в жен. наряд («Кишлак скомоухов» — 15 авг.), селения прокаженных («В Самарканде» — 29 авг.), торговцев наркотиками и опиумоманов («Курильщики опиума» — 16 окт.) и нар. состязания («козло-

драния»), до сих пор бытующего в Сев. Афганистане («Коп-карн» — 5 нояб.).

Позднее М. считал эти «лит. опыты» случайными, мотивированными поиском заработка: «никаких мыслей о лит. деятельности у меня в то время не было. В этом отношении определенную роль сыграло мое воспитание на классич. лит-ре, к-рую я довольно хорошо знал. — притом же в переводе, а в подлиннике, и в силу этого лит. мастерство — и, стало быть, профессия писателя — казалась мне делом для меня несчастьем...» (восп. 1941 — РГАЛИ. ф. 306. оп. 6. № 31, л. 19).

Зимой 1904 М. был командирован с докладом по теме «О дервишестве в Средней Азии» на Всемирный конгресс ориенталистов (Алжир, 1905). Но командировка не состоялась в связи с отказом М. от науч. работы: его интересы все больше перемещались в сферу революционную. Весной 1899 он принял участие в студенч. забастовке, за что был исключен из ун-та; в 1901 М. сдал экстерном гос. экзамены и поступил в Академию Ген. штаба на должность заведующего б-кой и музеем (позже и типографией), где проработал до марта 1917 (числился до марта 1918).

Два обстоятельства наложили отпечаток на личность и мировоззрение М.: анархич. бунтарство («Отталкивание от среды, к к-рой я принадлежал по рождению, ... сделало меня крайним индивидуалистом, одиночкой» — автобиография, там же, оп. 8. № 510, л. 25) и романтич. восприятие мира. Именно этот «настрой» молодого интеллигента рубежа 19—20 вв., современника «героев»-террористов, почитателя стихов о Прекрасной Даме, ницшеанской «горной философии», доислам. араб. поэта-воина аш-Шанфара, популярного у европ. романтиков, породил в М. ощущение своей избранности, хастовой, аристократич. замкнутости и вместе с тем искреннее стремление сразиться с любовью несправедливостью.

Сам М. так характеризовал свои жизненные «университеты»: «Возможность, — в течение действит. жизни, — по своему социальному положению и связи, впасть „духулисы“ царского нравительства, „старого“ государства, индизм (гвардейского и светского быта, салонов и канцелярий; непосредственное в иных случаях и интимное) общение в 1900-х гг. с рядом руководителей городского и земского движения, лидеров наших радикалов и либералов; знакомство (во время поездок в Германию и Францию) с западной „демократией“ — буржуазной и „социальной“ — привели в конечном и общем итоге — не только к изысканию к шариату, но и к отрицанию даже „демократического“ государства: по убеждению своим — в течение всей почти активной интеллигентской жизни — я принимал к „революционному синдикализму“, теория которого очень увлекала в 1900-х гг. и с практикой которого отнюдь не (при посредстве Лагарделя) в бытность мою в Париже» (там же, л. 25—26).

В 1904 через А. И. Иванчина-Писарева М. сблизился с партией эсеров. В 1905—06 был боевым инструктором в рабочих дружинах Петербурга, пред. Боевого рабочего союза. Используя свои связи, организовывал кружки в среде гвардейского офицерства. Фактич. пред. Всерос. воен. (офицерского) союза (в 1906—08 ред. его органа — газ. «Нар. армия»), чл. междунартийного Боевого к-та по подготовке восстания в Петербурге, участвовал в подготовке Кроштадтского восстания [см. его восп. «Смена подполья» — ЛОКАФ, 1931. № 11; «Отрывки о пятом годе» — КиС. 1928. № 2; «Из истории воен. движения. „Офицерский“ и „Боевой“ союзы 1906—1908. (По личным восп.)» — КиС, 1929, кн. 55]. В этот период М. писал прокламации, анонимно и нелегально издал брошюру «Краткое руководство к уличному бою» (СПб., 1906). Летом 1905 нелегально выехал через Польшу, Германию и Бельгию в Париж, где встретился с П. Б. Струве и др. рус. полит. эмигрантами, с франц. социалистами и анархо-синдикалистами, одновременно устанавливал науч. связи с видными франц. антропологами.

В 1906 М. женился на М. П. Павловой-Сильванской, сестре изв. историка, к-рая была врачом-хирургом.

состояла, как и М., в партии эсеров, жила до февр. 1917 на нелегальном положении; у них впоследствии было четверо детей.

Легальная жизнь М. в это время протекала вполне rispetабельно. В 1906 в Александрин. т-ре в Петербурге пост. его романтич. комедия «Во сие» (рукопись — РГАЛИ, ф. 306, оп. 4, 6).

В мае на фоне развития авантюрной фабулы изображено соперничество героев-антагонистов: графа-инкарнация «гусара», «твора», и рус. публициста «труженника идей», «корошета таланта», к-рый выигрывает у графа в словесном поединке, проигрывая ему в любовном. Тип «незрелого» героя явно имеет своим прообразом «сказочника» Ф. Ницше.

В мае 1910 М. был арестован по делу о воен. орг-ции эсеров по обвинению в принадлежности к течению «автономистов» (ГАРФ, ф. 102, 7 л-во, 1910, л. 865; ДО, 1911 г., д. 296), затем с новым обвинением — в подготовке восстания войск Финляндского воен. округа, во главе к-рого он, по утверждению охран. отделения, должен был встать в качестве «диктатора», — был переведен в Петропавлов. крепость, где провел 11 месяцев. Весной 1911 освобожден решением суда за недостаточностью улик (РГАЛИ, ф. 306, оп. 8, № 510).

В крепости М. написал рассказы «Живец» (РБ, 1910, № 12), «Аэринок» («Заветы», 1913, № 12), эссе «Песни из плена» (там же, 1912, № 8). С этого времени активно выступал как публицист. В 1912 — авг. 1914 участвовал в редактировании вместе с Ивановым-Разумником ж. «Заветы», где заведовал отделом шутриполит. жизни и входил в редколлегию, поместил в ж-л цикл обществ.-полит. очерков «Свое и чужое» (1912, № 1—6, 8—9; 1913, № 1, 3—11; 1914, № 1—2, 5, 7), статью о В. М. Гаршине (1913, № 3), а также серию статей («Приговор по делу Бейлиса» (1913, № 10), «Бейлис и Вилли Ферреро» (1913, № 11), «Предметный урок» (1913, № 12)), осуждающих правительство, антисемитизм. Анонимно издал брошюру «Война и евреи» (СПб., 1912), в к-рой выступил против планов исключить евреев из армии. В предвоен. годы М. сотрудничал в энциклопедиях Брокгауза и Ефрона, бр. Гранат, Воен. энциклопедии, Рус. биогр. словаре (статьи о рус. воен. деятелях в историч. рос. армии). С начала 1-й мировой войны М., к-рый по причине полит. неблагонадежности не был призван в армию, регулярно готовил воен. обзоры для «Правительства. вестн.», «Рус. вестн.», «Киев. мысли», газ. «День» (псевд. С. Дмитриев).

К 1912—15 относится участие М. в масонских ложах Петербурга: он чл. Верховного Совета «Великого Востока народов России», создатель литературной и военной лож, а также автор устава масонской орг-ции.

к-рый опубл. под псевд. Евграф Сидоренко (не учтен у Масанова) и замаскировал под исследование об итал. карбонариях 20—30-х гг. 19 в. — «Италянские угольщики начала XIX в. (Опыт ист. исследования)» (СПб., 1913). «Большому честолюбицу», М. импонировали за секретность орг-ции масонов, тайные ритуалы, своеобразие их философии («теория элиты», включавшая элементы вождизма, — см.: Николай евский Б., Рус. масоны и революция, М., 1990, с. 59—66). В этот период М. — пред. Петрогр. Союза рабочих потребит. обществ, пред. неторгового отд. Сев. обл. союза кооперативов (издал брошюру «Рабочая кооперация», П., 1916, 1917).

26 февр. 1917 М. был вызван в Таврич. дворец для формирования штаба восстания и принял на себя руководство боевыми действиями в городе, был товарищем пред. Союза офицеров-социалистов. В последующие дни кооптирован в Исполком Петрогр. совета рабочих и солдатских депутатов, 9 марта командирован им в Царское Село для ареста Николая II и препровождения его в Петропавлов. крепость (в этой акции участвовал А. И. Тарасов-Родионов, будущий сов. писатель), но выполнить задание не смог, охранявшийся только проверкой охраны дворца [см. его восп. «Пять дней. Начало и конец Февр. революции», М., 1922 (с купюрами), с. 41—61; 2-е изд., Б.—П.—М., 1922; рещ. М. Г(анфман) — «Сегодня», Рига, 1922, 3 дек.]. В этот период М. — чл. редколлегии эсеровских газ. «Дело народа», «Земля и воля», левозесеровских газ. «Знамя труда» и ж. «Наш путь». Еще в 1916 вместе с Ивановым-Разумником и А. Белым участвовал в создании неформальной обществ.-лит. группы «Скифы» [по названию альм. «Скифы» (сб. 1, СПб., 1917)], в к-ром вместе с Ивановым-Разумником написал предисл., тяготевшей к левому крылу партии эсеров. Первое «скифское» собрание состоялось в Петрограде у М. (см.: Ремизов А. М., Взвзхренная Русь, 2-е изд., Лондон, 1979, с. 88).

В дни Окт. переворота М. был пред. фракции эсеров на 2-м съезде Советов, после ее раскола вошел в президиум съезда от «левых». Чл. ВЦИК 2—4-го созывов. При организации партии левых эсеров-интернационалистов вошел в состав ее ЦК, чл. первой Брестской мирной делегации в нояб. 1917 [издал записки «Брестские переговоры. (Из дневника)» (СПб., 1918; два изд.)]. В 1918, в первый период Гражд. войны, М. — пред. комиссии ВЦИК по организации партизанских войск, нач. Гл. штаба партизанских войск при К-те рев. обороны Петрограда, а в дальнейшем комиссар всех партизан-

ских отрядов и формирований РСФСР. В апр. 1918 на 2-м съезде левых эсеров переведен в разряд кандидатов в члены ЦК, на 3-м съезде (июль 1918) в ЦК не избран. 6 июля арестован ВЧК по делу об убийстве герм. посла В. Мирбаха. Находился на гауптвахте в Кремле до 1 авг. Освобожден на основании показаний М. А. Спиридоновой (см.: Красная книга ВЧК, т. 1, М., 1989, с. 269). В 1919—20 М. — один из организаторов и членов ЦК укр. партии левых эсеров «боротьбистов» (УПЛСР). Весной 1919 был пред. Всеукр. Лит. к-та, редактором «органа рев. социализма» «Борьба» и ж. «Зори», где печатались О. Э. Манделштам, В. И. Нарбут, О. Д. Форш, Р. Иванев и др. При А. И. Деникине остался на подпольной работе в Киеве, с авг. по дек. 1919 руководил боевой работой УПЛСР («Из восп. о денкинщине на Украине» — «Былое», 1924, № 25—28; 1925, № 1, 2). В 1921, вернувшись в Москву, М. стал редактором одного из первых частных ж-лов «Вестника театра-искусства-кино-спорта» — «Экран» и частного изд-ва «Денница», позже пытался организовать ж. «Основы» с активным участием Е. И. Замятина. С сент. 1921 — тов. пред. Моск. отд. Вольной философ. ассоциации (Вольфила), после высылки в 1922 Н. А. Бердяева и отъезда в Берлин А. Белого стал фактич. ее руководителем. В 1921—25 редактор неперриодич. изданий в Коминтерне профсоюзов.

Только отойдя от активной полит. деятельности, М. смог посвятить себя лит. творчеству, к-рос он считал продолжением «дела», понимаемого как непрестанная борьба и «Битва ради Битвы» («Только для дела — путь к слову...» — восп., РГАЛИ, ф. 306, оп. 8, № 510, л. 24—25). В 1925 вышла кн. «Крыша мира» (М.; 4-е изд., М., 1990) — 1-я книга замученного им романа в 5 частях «На тропе. Роман о моей жизни», из к-рых увидела свет еще 2-я кн. «На кровн» (М.—Л., 1928, с купюрами; полностью — т. 1, 2, Б., 1928) — о Революции 1905, а части «У старцев», «Борьба за огонь» (эпоха Февр. и Окт. революций и Гражд. войны) и «Записки моего внука» (социальная утопия) не были завершены (РГАЛИ — наброски, отрывки, планы). Диалогия «На тропе» воплотила противоречивый опыт исканий М. всего предрев. периода, Центр. персонаж — молодой интеллигент из обедневшей дворян. семьи — автобиографич. Замысел «Крыши мира» возник из еженед. рассказов М. детям о своей юности и начале жизненного пути. Существенным в творч. историч. романа было и знакомство М. в 1922 с неопубл. дневниками и перепиской А. А. Блока:

«Я хотел использовать Блока для противопоставления двух — резко различных — „романтик“, носителями которых в моем представлении являлись он и я» (восп. — РГАЛИ, ф. 306, оп. 6, № 31, л. 27). Образ Блока «соловьевской поры», в понимании М., символизировал романтика, к-рый стремится к Красоте мира, но не считает возможным достигать ее в действит., в Битве на Тропе. В романе показано становление «сверхчеловека» ницшеанского толка, вышедшего на путь индивидуального террора в борьбе со Злом. В повествовании о приключениях «донкихотской» пары — гл. героя и его проводника-шутника и балагура, развернутом на экзотич. вост. фоне, заметно сильное влияние неоромантизма Р. Киплинга (ром. «Ким»).

Критика относилась к первому роману М. в целом положительно. Отмечалось, что «роман написан свежо, талантливо и стилистически соответствует поставленным задачам; несмотря на его принадлежность к т. н. авантурному жанру, предпочтительно по стилистическим признакам рассматривать его «вне всякого жанра, в стиле определения самого автора, данного в подзаголовке. Это, действительно, „роман о моей юности“, сохраняющий свежесть и увлекательность сравнительно ранней юности». Критик хвалил автора за сатирич. изображение старого Туркестана («беспособные стены ит быта рус. властей») и упрекал за излишнее злоупотребление фантастикой (легендами и сказками Востока). Через всю книгу проглядит «нек-рая философия борьбы» — «очень широкий раз. идеализм, как пафос свободы, к-рым жито целое поколение накануне 1905» (К. Локе — Писр. 1925, № 7, с. 272—73; др. отзывы: И. Нухович — «Кинтология», 1925, № 18; И. Валленская — «Октябрь», 1925, № 9; С. — «Смена», 1927, 25 мая).

Тот же герой в ром. «На крови» действует не в обстановке экзотического Востока, а в обстоятельствах Революции 1905. Тема «двойничества», только намеченная в «Крыше мира», становится стержневой в этом романе. Исключит. возвышение «сверхчеловеческого» сознания ревл. личности над стихийным сознанием «темной толпы» кристаллизуется в теории «протезизма». Герой М., подобно античному божеву Протею, обладает способностью менять свой облик, не меняя внутренне: в соответствии с этим он имеет два имени и два облика — Сергей (в среде аристократии) и Михаил (на рабочих окраинах). К этому двойничеству он приходит сознательно. В трактовке нравств. «протезизма» М. близок концепции романов Б. Савинкова «Коль бедный» и «То, чего не было». Утверждая свою свободу в границах имморализма и крайнего индивидуализма, он в итоге приходит к духовному краху и трагич. одиночеству. Отношение М. к своему персонажу двойственно: с одной стороны, он сочувствует индивидуальной борьбе «сверхчеловека» в защиту «бедных и слабых», с другой — осуждает убийства во имя «идеи» и «азефовщины» как следствие «протезизма».

Ю. А. Айхенвальд дал точное определение психол. типа героя-протезиста — «стихл ревл.

личности» («он се устремно делал, но делал в качестве спортсмена и эста, в нес совершенно не веря, забываясь игрою в свою и в чужие головы»). Считая «инициальную» и авантурную стороны романа наиболее убедительными и автобиографическими, критик подчеркивал, что книга М. «практически от себя отталкивает. Трудно от нас оторваться, трудно ею не возмущаться» («Руль», Б., 1928, № 2253); др. отзывы: ИМ, 1928, № 7; «Красная новь», 1928, № 7; «Известия», 1928, 31 марта; «Комсомольская правда», 1928, 1 сент. В нояб. 1928 в Гос. т-ре им. Е. Вальтова состоялась премьера спектакля «На крови» по роману М. (в авт. инсценировке; пост. Р. И. Симонова), вызвавшая многократ. отклики прессы.

В дилогии М. окончательно вырабатывается упругий, динамич. стиль с частыми интонационными (авторскими) тире и инверсиями, обилем сравнений и метафор, отличающийся также богатством цветовой палитры, многообразием характеристик персонажей через их мимику и жесты.

С. Д. Мстиславский.
Худ. К. С. Петров-Водкин. 1929.

В 1925—31 помощник гл. редактора «Большой сов. энциклопедии», с 1931 редактор изд-ва «Федерация». Переехав в Москву, читал лекции о рабочем движении на Западе в Центр. профшколе и Пед. ин-те им. Литкенса, преподавал в Высшем худож. ин-те им. В. Брусова и на Высших гос. лит. курсах. Один из создателей ж. «ЛОКАФ» (Орган Лит. объединения Красной Армии и Флота, с 1933 — «Знамя»).

В 1920—30-х гг. М. написаны романы «Союз таласлой кавалерии» (М.—Л., 1929) — об истории «похищения» Романовых и попытках восстановить в России монархию, «Без себя» (М.—Л., 1930) — о Гражд. войне на Украине, «Партионцы» (М., 1933) — о народовольцах, пов. «Черный Магома. Рассказы о старой уходящей Аварии» (М., 1932); ст. «Мастерство жизни и мастера слова» (ИМ, 1940, № 11—12), прозаич. пересказ для детей эпич. поэмы Низами «Искандер-намэ» (М.—Л.,

1942), пьесы «Судьба гор» (М., 1933), «Удел сильных» (ИМ, 1935, № 12).

Значит. событием в лит. биографии М. стал сб. «Откровенные рассказы полковника Плятова о знакомых и даже родственниках» (М., 1935), где даны яркие, подчас сатирич. картины жизни гвардейских офицеров начала века, нарисован образ «рус. империалиста». В др. своих произв. М. не отходит от присущей ему проблематики и системы образов, создавая в осн. произв. на ист.-рев. тему (ром. о Н. Э. Баумане, «Грач, птица весенняя», М.—Л., 1937, до 1990 многократно переизд.; «Накануне. 1917 год», М., 1940), но раскрывая ее по канонам социалистич. реализма.

В нач. 1938 по решению ЦК ВКП(б) М. был назначен офиц. биографом В. М. Молотова (пов. «Слава. Первый комсомол», М., 1939). В 1938—40 руководил творч. кафедрой в Лит. ин-те СП СССР. Умер в эвакуации.

Лит.: Седова А. Ф., Становление писателя. (М. конца 1880-х — нач. 1890-х гг.). — «Науч. тр. Ташкент. ун-та», 1970, в. 389; с. ж. О нек-рых особенностях изображения героя-романтика. («Крыша мира» М.). — Там же, 1971, в. 396; с. ж. Нек-рые особенности изображения героя М. — Там же, 1973, в. 444; Савельев А. (Предисл. к публикации «Арест Николая II. Из восп. М.»). — КО, 1990, № 35—36; с. ж. Формула воинничества. — «Рус. курьер», 1992, № 13, + КЛЭ; Казах; Масаган.

Архивы: РГАЛИ, ф. 306.

А. Л. Савельев

МУЙЖЕЛЬ Виктор Васильевич [18(30).7.1880, дер. Уза Порхов. у. Псков. губ. — 3.2.1924, Петроград; похоронен на Волковом кладб.], прозаик. Отец (белорус, по др. сведениям — из литов. выходцев, принадлежал к податному сословию) обвенчался тайно с дочерью поляка, владельца небольшого имения, в к-ром был работником; в дальнейшем, служа по найму, часто менял места работы, поэтому детство М. прошло в разъездах по России и Ср. Азии. Систематич. образования не получил: учился в Псков. и 8-й петерб. г-зиях, Великолук. реальном уч-ще. В 17 лет ушел из дому, работал писцом у зем. начальника, приказником на лесоповале, канцеляристом в Мин-ве финансов (см.: Лит. календарь-альманах, СПб., 1908). В возрасте ок. 20 лет поступил вольнослушателем в Худож. уч-ще барона Штиглица, зарабатывая изготовлением литографий, гл. обр. для изд-ва П. П. Сойкина (автобиогр. подробности юности — в рассказе «Встреча», опубл. посм., Л., 1926). В 1900 выслан на два года «за политику» в Псков, где служил в зем. статистич. бюро. Вернувшись в Петербург, продолжил работу в изд-ве Сойкина: помещал свои рисунки в ж-л «Родина», «Природа и люди». Первая вышедшая публ. М. — «эскиз»

«Праздничное» в ж-ле «Отдых» (1902, № 10).

Эта публ., очевидно, была забыта автором. По словам М., свой первый рассказ («о ценюшпестях деревни, жизни перд городской») он написал в 17—18 лет, впервые напечатал в ж-л «Природа и люди» — «дакется, под псевд. — не то «Пскович», не то «Тениборский»; причему своей забывчивости объяснил тем, что «много рисовал под псевд. и спутался уже в шик» (см.: Фидлер, с. 122—23; из этого источника названные псевд. попали в словарь Маславова). Однако в указанном ж-ле текстов, опубликованных под такими псевд., нет, но имеется ист. очерк «Последний вешник. (Из поселки в Псков)» (1903, № 40), за подписью: В. В. Муйжель. Тогда же в ж-л «Родина» появился очерк М. «Поселкины псалты в Пскове» (1903, № 3).

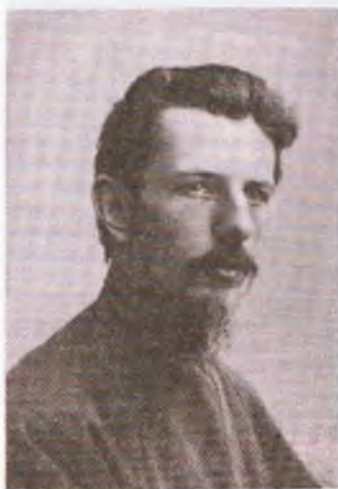
Началом своей лит. деятельности М. считал рассказ «В непогоду» (МБ. 1904, № 8; отд. изд. — СПб., 1904), отобранный для публ. А. И. Купринным (ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, № 19, л. 3). Покинув Петербург, жил в Псков, губ., содержал лит. трудом семью; за 10 лет (1904—14) написал, по собств. подсчетам, 16 тт. по 10,5 л. (письмо В. Д. Бонч-Бруевичу — РГБ, ф. 369, к. 305, № 4, л. 5). Печатался в ж-лах, в т. ч. «Рус. Богатство», «Совр. мир», «Журн. для всех», «Лит. прил. к «Ниве»», «Новое слово», «Солнце России», «Огонек», «Правда», «Образование», «Пробуждение», а также в разл. альманахах и лит. сб-ках (напр.: «Зарницы», «Вершинны», оба — 1909). Рассказы М. выходили отд. изданиями, обычно в сериях «для народа» («Б-ка для всех», «Новая б-ка» и др.), затем объединялись в разных комбинациях в авт. сб-ки.

В центре написанного — рус. деревня, жизнь крестьянства; иногда герой — крестьянин, оказавшийся в несправичных социальных условиях: в солдатах, в городе, на строе ж. д., в ссылке, но всегда сохраняющий «мушкетерский» характер. Картины сель. жизни исключительно мрачные; деревен. быт — бессмысленная череда гонимого существования, изнуряющего труда, пьянства, драк, ругани; в семьях царит алчность, недоверие, презрение к чужестр. достоинству и таланту, соединенные с угодничеством и раболовством перед сильными.

«Что из рассказ. то зуть и кошмар... то вост. ужасом бездны. Деревня — жестокая, томная, дыша в слезах... В мраке жестокости, во тьме невежества у него копошится человек-тролопод с его переробитыми инстинктами и страстями» (М. Коронильский — ВЕ. 1916, № 10, с. 370—71).

Критика либрс. толка встретила первые рассказы М., обнаружившие «близкое знакомство с крест. жизнью и ее правдивое воспроизведе-ние» (Ф. Арнольд — РМ, 1907, № 12, с. 236), доброжелательно: рассказ «Мужичья смерть» (МБ, 1905, № 3) Ю. И. Айхенвальд назвал «трогательным», отметил влияние Л. П. Толстого и В. Г. Короленко (РМ, 1905, № 4, с. 187). Социальная значимость шибирских М. сюжетов, полнит. актуальность тем [рассказ «Аренда» (РБ, 1906, № 8—9), отразивший

крест. волнения в деревне в годы первой революции и вызвавший недовольство цензуры (см.: КВ, 1906, № 40, с. 946); рассказ «Кошмар» (РБ, 1906, № 1), воссоздающий картину дикой расправы казаков над мирно гулявшими студентами] импонировали критикам, ориентированным на реалистич. традиции; в произв. М. находили гуманизм и «искание правды» (Александрович Ю., После Чехова, М., 1908, с. 235), «верность заветам Гоголя—Толстого—Чехова» (М. Костеловская — «Обр.», 1907, № 12, с. 141). В то же время было очевидно и худож. несовершенство его прозы: громоздкость, грузность, многословие и растянутость (Айхенвальд Ю. И.) — РМ, 1906, № 3, с. 205; № 11, с. 156); даже выделявшийся на «сером фоне»

альманаха «Шиповник» (кн. 2 — СПб., 1907) рассказ М. «Пока» (Горнфельд А. Г., Книжки и люди, СПб., 1908, с. 123—25) вызвал упреки благожелательно настроенного рецензента тем, что «сух, растянут и местами скучен» из-за обилия описаний (П. Дмитриев — «Обр.», 1907, № 8, с. 102).

С появлением в 1908—10 «Рассказов» (т. 1—4, СПб.) складывается устойчивая репутация М. как добротного бытописателя, однако не обладающего крупным талантом (В. П. Полонский — «Всеобщий ежемесячник», 1910, № 4), «бытовика с ясно выраженными народнич. симпатиями» (М. Костеловская — «Обр.», 1907, № 12, с. 141). «Рассказы» обратили внимание критиков, стоявших на позициях «нового иск-ва», для к-рых произв. М. служили доказательством худож. упадка традиц. прозы, «мертвого, бездейственного реализма» (Н. Петровская — «Весь», 1907, № 11, с. 60; ср.: отзыв Эллиса на рассказ «Пока» — там же, № 8); А. Белый видел в творчестве

М. пример неосознанности художником собств. настроения, отсутствия к.-л. худож. новизны: «Сколько раз это писалось и сколько раз будет написано и впредь всеми десятками, сотнями и тысячами грядущих литераторов?» («Перевал», 1907, № 8—9, с. 96). Негодование вызывали сцены грубого насилия; озверевшие солдаты насилуют юную девушку («Аренда»), то же проделывает больной сифилисом солдат («Грех» — альм. «Жизнь», СПб., 1908); сюжет с групповым изнасилованием полицейскими героини рассказа «Кошмар» встретил резкий протест А. Крайнего (З. Н. Гиппиус): «нельзя на такие вещи реагировать „произв. иск-ва“. Есть переживания, к-рые не могут служить лит. „сюжетом“, или они не переживания» (РМ, 1911, № 9, с. 25; ср.: отзыв В. А. Чудовского — «Аполлон», 1911, № 8, с. 72). Не меньшее неприятие вызывали и социальные взгляды М.: «... страна, где все воры, развратники и пьяницы, слабые дурачки или злые звери... где царит тупость, косность и жестокость. Эта страна — Россия, и народ этот — русские. Так уверяет г. М.» (М. Кузмин — «Аполлон», 1911, № 9, с. 75). Все это заслоняло от большинства критиков особенность худож. метода М. — стремление воссоздать действительность сквозь призму начинающего пробуждающегося сознания «героя из народа», что дало основание А. Белому в ст. «Символизм и совр. рус. иск-во» писать о соединении в его рассказах народничества с импрессионизмом («Весь», 1908, № 10, с. 39).

М. ни организационно, ни творчески не входил в устойчивые лит. объединения; по своей худож. манере тяготел к писателям-реалистам, труппировавшимся вокруг «Журн. для всех», приезжая в столицу, проводил время с писателями — завсегдатаями ресторана «Вена» (Куприн, А. Н. Толстой и др.), дружил с М. П. Арцыбашевым (их переписка — РГАЛИ, ф. 328, оп. 1, № 18; РНБ, ф. 124, № 219, 222, 2916; ф. 497, № 144). В 1908 по предложению Л. Н. Андреева, поддержанному М. Горьким, подготовил для изд-ва «Знание» кн. рассказов, к-рая, однако, по прочтении была отвергнута Горьким, увидевшим в прозе М. «многословие», «реакц. содержание», «антидемократизм» и «мещанский романтизм» (Письмо К. П. Пятницкому, 1908 — Архив Горького, IV, с. 250; см. также: ЛН, т. 95, с. 980). Негативную реакцию Горького Андреев объяснил дружбой и сотрудничеством М. с Арцыбашевым (см.: ЛН, т. 72, с. 531), в альм. к-рому («Жизнь», 1908; «Смерть», 1910) он принимал участие.

В 1910-х гг. М. стремится расширить жанровый и тематич. диапазон

своего творчества, усилить в нем социальные мотивы. Однако крупная худож. форма ему не удается: роман «Год» (РБ, 1911, № 1—12), в к-ром уклад жизни оказывается недоходящим столыпинским аграрным преобразованиям, поразил критику своей непомерной растянутостью и породил коллективную эпиграмму («„Год“ пройдет... Честный народ! Вот как буду жить на свете я! Коль на будущий нам год! Муй-жель двинет „Многoletие“» — см.: Дейч А., День нынешний и день минувший, М., 1969, с. 294). Пов. «Опустошение» (РБ, 1913, № 10—12; отд. изд. — П., 1917), пов. послереволюц. разочарованию в обществ. идеалах («себялюбие, пошлость, люди опускаются, уходят в личные мелочи, бегут общественности» — см. письмо М. к А. Г. Горнфельду, РНБ, ф. 211, № 805, л. 15), была возвращена с требованием радикального сокращения, что чуть было не привело к разрыву М. с ред. «Рус. богатства» (копия переписки с Горнфельдом — РГБ, ф. 135/П, к. 30, № 35, л. 1, 13—14).

В эти годы М. несколько отходит от «деревенской» темы: действие переносится в большое торговое село или небольшой город; герои — представители местной интеллигенции: учительница зем. школы (пов. «Учительница», «Новый журн. для всех», 1913, № 1, 2; отд. изд., П.—М., 1915), сотрудницы небольшой провинц. газеты (пов. «Опустошение»). Однако общая тональность прозы М. не изменилась: действительность и здесь остается дикой, темной, ужасающе бессмысленной; критика продолжала отмечать «непомерную однотонность» письма, слабую обрисовку характеров и т. д. (М. Корольков — ВЕ, 1917, № 4—6).

В 1914—15 — воен. корреспондент «Бирж. ведомостей» в Галиции и Польше (корреспонденции составили сб. «С железом в руках, с крестом в сердце», П., 1915; рец.: Нс-Буква (И. М. Василевский), Душевная книга. — ЖЖ, 1915, № 29). Вернувшись с фронта, М. выпускает короткие «гуманные» рассказы на воен. темы в «Дешевой нар. б-ке», издаваемой Скобелевским к-том («Враги», «В пути», оба П., 1916).

В 1914 М. составил четыре тома своих рассказов и продал их изд-ву «Жизнь и знание» (руководитель — В. Д. Бонч-Бруевич), однако война разрушила эти планы (вышел лишь один том: «Опустошение», П., 1917).

После Окт. революции сотрудничал в беспартийной, затем сов. печати: летом 1918 — ред.-изд. беспартийных газ. «Молва» (вышло 17 номеров) и «Утренняя молва», где помещал свои фелетоны, призванные вселить в читателя социальный оптимизм; также работал в разл. коопера-

тивных изд-вах (напр., см.: ЛН, т. 92, кн. 4, с. 594). Печатался в ж. «Платье», «Новый путь» и, подобно др. писателям нар. темы, активно издавал рассказы в массовых сериях, в т. ч. изд-ва Петрогр. совета рабочих и красноарм. депутатов и изд-ва «Прибой»; перерабатывал соч. заруб. авторов для широкого круга читателей (Швейкель Р., За свободу. Ром. из крест. войны 1525 г. в Германии, М.—П., 1923; Гамсун К., Соки земли, М., 1923). Темой его рассказов становится конфликт «нового со старым»: работников со своими бывшими хозяевами («Кухаркины дети», М., 1925); отца с сыном, нашедшим свое место в новой жизни (рассказ «Повстречались», «Звезда», 1924, № 1); честного труженника с дочерью свитского генерала (рассказ «Тайна» — в сб. «Возвращение»). К ним примыкает единств. опыт в драматич. жанре — «представление» «Питерский жених» [опубл. в подготовленном М. сб.-кв. пьес «Деревен. театр» (Л., 1924), в числе участников — В. Я. Шишков, А. П. Чапыгин, В. Я. Ленский и др.]. Чтобы содержать семью, М. был вынужден вновь поступить на службу (чиновником в Главлеском) (см. анкету, составленную для Лит. отд. Наркомпроса, 1920 г. — РГБ, ф. 81, к. 14, № 364). В 1920-е гг., больной туберкулезом, он жил продажей своих имуществ (письмо В. Я. Брюсову 29 янв. 1924 г. — РГБ, ф. 386, к. 95, № 38); тщетно умолял Бонч-Бруевича издать купленные у него в 1914 рукописи.

Изд.: Собр. соч. т. 1—11. СПб., 1911—12; Бгларев смерти. — Владимир Пестельский. — Светлые души. П., 1916; Отец Николай, М., 1916; Хутор № 16, П., 1916; У моря. П.—М., 1914; Прохожий, П., 1919; Рассказы, т. 1, П., 1920; Погыжасть и др. рассказы, П., 1922; Путешествие, П., 1923; К новой жизни, М.—П., 1924; Возвращение. Последние рассказы, М.—Л., 1926 (предисл. П. Мельяева).

Лит.: Десятилетие ресторана «Вена», СПб., 1913, с. 52—56; Владиславлев И. В., Рус. писатели, 4-е изд., М.—Л., 1924; его же, Лит-ра великого десятилетия, М.—Л., 1928; Каторжский С. В., В. Муйжель. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 10, М.—Л., 1954; Пикевич И., Выготинский рус. деревни. — В альб.: На берегах Великой, кн. 10, Псков, 1958; Пектерев А. С., К темс народа в творчестве М. эпохи первой рус. революции. — В кн.: Рус. лит-ра XX в. Доокт. период, Тула, 1974; Изюмов Е. А., «Их измена забылась не долгами», Л., 1989, с. 128—32; Чудовский К. И., Дневник, 1901—1929, М., 1991 (ук.); ЛН, т. 82, с. 204 (А. В. Луначарский о М., 1908 г.); Фандлер: РБвд. Сб.: НЭС: Гранат; КЛД: БСЭ; Рус. писатели: Алдн. и сб-ки (1, 2); Муратова (1, 2; ук.); Смирнов-Соколовский (1, 2, 3); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 328; ИРЛИ, л. ф. в составе собрания А. Е. Бурцева; ф. 123, оп. 2, № 320—31; ф. 185, оп. 1, № 819 (письма В. С. Миролубову); ф. 123, оп. 2, № 337 (письма В. С. Миролубову); ф. 377; ф. 155; ф. 273, оп. 2, № 19 (автобиогр. письмо П. В. Быкову, 1913 г.); РБвд. ф. 497; РГБ, ф. 135/П, к. 30, № 25 (письма В. Г. Королькову); ГА Псков, обл., ф. 8, оп. 1, в. 27, 28 (минимич. дело).

А. А. Носов.

МУНДТ Николай Петрович [14(26). 12.1803 — 21.1(2.2).1872, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], бел-

летрист, переводчик. Из дворян Петерб. губ. Сын изв. врача П. Ив. Мундта (ок. 1777—1834). Воспитывался в Петерб. высшем воен. уч-ще; не кончив курса, вышел из 6-го кл. Выдержав экзамен в Гв. Ген. штабе, был определен подпоручиком в л.-гв. Гренадер. полк (март 1820), с июня служил в л.-гв. Семенов. полку. После восстания полка переведен в Вологод. пех. полк (ноябрь). В 1821 произведен прапорщиком, в 1824 подпоручиком. В 1827 по увольнении из воен. службы определен в кантору имп. петерб. театров (в 1828 получил чин губ. секр.); в 1829—1836 секретарь при дир. петерб. театров. Служил в Петерб. таможне (1836), в Военно-походной с.и.в. канцелярии (1837). В 1838 поступил в канцелярию Воен. мин-ва на вакансию секретаря, с 1842 правитель канцелярии Канцеляриатского департамента. В 1851 переведен в Мин-во финансов чиновником особых поручений (прикомандирован к Деп. гос. казначейства). Выезжал по секретным делам в Ковен. губ. и Берлин (1853), в Тамбов. губ. (1854). С 1858 пред. Астрахан. казенной палаты; д. стат. сов. Пред. Тамбов. казенной палаты (с 1861). В 1862 вышел в отставку (по болезни).

С 1827 на петерб. и моск. сценах шли многочисленные франц. и нем. пьесы разнообразных жанров в переводах М. (наиб. популярные — «Матильда, или Ревность», драма Ж. Ф. А. Байара и Лоренсена, в репертуаре 1835—64, опубл.: «Репертуар рус. театра», 1841, № 8; «Ольга, русская сирота», водевиль Э. Скриба, Т. Ф. Вильнёва и Деверже, в репертуаре 1830—71, рукоп. в СПб ГТБ); М. был одним из первых переводчиков А. Дюма (ист. драма «Генрих III и его двор», СПб., 1829; в репертуаре 1916—17), К. Гуцкова (драма «Вернер, или Сердце и свет» — «Пантеон», 1842, кн. 17). Успехом пользовались и драм. представления «Людмила» (СПб., 1830), написанное М. и Р. М. Зотовым по балладе В. А. Жуковского (в репертуаре 1830—53).

По указанию библиографов, восходящих к А. Ф. Смирнову (см.: Третье приб. к росписи рос. книгам — из 6-кн. А. Смирнова, в. 1, СПб., 1847, с. 31), М. принадлежат пер. романа Ч. Р. Метьюриана «Мельмот Скотланд» (СПб., 1833), выполненный с сокращениями франц. изд. (М. П. Алексеев предположительно называл переводчиком Н. А. Мельмунова, см. анализ перевода в стл.: Алексеев М. П., Ч. Р. Метьюриан и рус. лит-ра. — В его кн.: Англ. лит-ра. Очерки и исследования, Л., 1991, с. 300—02, 314—16).

Во второй пол. 1830-х гг. М. оставил занятия переводами. Сотрудничал, по собств. признанию, «много и усердно, но незаметно и безыменно» («Голы в восп., с. 69) в «Отеч. зап.», «Энцикл. лексиконе» А. А. Плюшара, «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“», др. изданиях (в числе немногих подпи-

данных публ. — «Быть» «Бродяга», ЛПРИ, 1837, 19 июня — 3 июля). В 1838 стал одним из компаньонов А. А. Красевского, материально поддержав «Отеч. зап.» (Панаев, с. 125). В альб. В. А. Владиславлева «Утр. заря на 1839» (СПб., 1839) М. поместил пов. «Домик в Подгорной слободке» (негативный отзыв: (В. Г. Белинский) — МН, 1839, ч. 1, № 2). Насыщенная мелодрам. эффектами, повесть сюжетно близка к «Белой Лизе» Н. М. Карамзина; значит. место занимают топография города и описание быта петерб. окраины.

Причастный к театальному миру, М. выступил в роли историка театра. Составленные им очерки «Биография Карла-Лудовика Дидло, бывшего балетмейстера имп. С.-Петербурга» (ЛПРИ, 1837, № 50), «Биография Василья Ивановича Ризанцева» («Репертуар рус. театра», 1840, № 1), «Биография знаменитой русской артистки Марьи Даниловы» («Пантеон», 1840, № 2), отличающиеся живостью и изяществом изложения, благоклонно отмечались Белинским (ОЗ, 1840, № 2, 4; ЛГ, 1840, 28 февр.). М. оставил также ценное мемуарное свидетельство о неудавшейся попытке Н. В. Гоголя поступить в труппу Александрии. театра — «Попытка Гоголя» (СПбВед, 1861, 24 окт.; перепечатано под назв. «Гоголь на сцене» — «Петербург. газ.», 1909, 20 марта).

Заграничные путешествия М. нашли отражение в его зап. «Прогулка по Саксонской Швейцарии» (ЛГ, 1840, 27 июля), «Путевые записки и впечатления» (там же, 1841, 11 марта), «Письма из-за границы» («Пантеон», 1854, № 6, 7; одобрит. отклик: ОЗ, 1854, № 8, отд. IV, с. 119), содержащих сведения об архитектуре, живописи, ист. достопримечательностях, традициях и быте европ. народов.

Изд.: Гоголь в восп.: Н. В. Гоголь в рус. краине и вольс. современников. М.—Л., 1951; 2-е изд., М., 1959.

Лит.: Батушлов (ук.); Белинский (ук.); Зотов Р. М., Записки. — ИВ, 1896, № 3, с. 309—10; Каратыгин П. А., Записки т. 2, Л., 1930 (ук.). — Затуворинский Н. М., Столетие восем. минув. Указатель биограф. сведений..., т. 3, отд. 5, СПб., 1909 (ук.); Вольф; Венгеров; Историю; Мелюк; Мурагова (1, ук.); Самарин-Солдатовский; ПНер.; ИРДТ, т. 3—5, 7; Мяснов.

Архивы: РГИА, ф. 1, оп. 1, д. 7780, 18147 (ф.с. 1845 г.) (справка Н. Ю. Муравьиной); РГА, ф. 497, оп. 1, д. 3318, 4579, 6295 и др. (биогр. мат-лы); ф. 560, оп. 8, д. 910 (аттестат на основе ф.с. 1862 г.); ф. 1343, оп. 25, д. 6116 (о дворянстве рода Мундт) (справка Е. И. Соколовой). Е. И. Пискарев.

МУНИ (наст. имя и фами. — Самуил Викторович Киссин; 24.10(5.11). 1885, г. Рыбинск Ярослав. губ. — 22.3(4.4).1916, Минск), поэт, критик. Сын Викт. Игнатьевича Киссина, еврея, купца второй гильдии из Орши, получившего «промышленное свидетельство на торговое предприятие второго разряда» (ЦИАМ,

ф. 418, оп. 317, д. 463) и занимавшегося переброской грузов по рекам — видимо, при посредстве Рыбинского цепного пароходства. Окончил Рыбинскую г-зию в 1903 (серебр. медаль), в том же году поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та (окончил в 1912). Служил в издат. фирме «Гросман и Кнебель».

Первая публ. — стих. «Монахия» («Зорн», в. 3, М., 1906). С тех пор при жизни было напечатано всего ок. 20 стих. (см. библи. в статье: Андреева И. «Огромной рифмой связало нас...». — «De Visu», 1993, № 2) с разнообразными подписями: Муни (самый изв. псевдоним. чаще

всего употреблявшийся и в жизни; происходит от имени Самуил, а не от «Сахья-Муни» Д. С. Мережковского. М..... Александр Беклемишев, С. Киссин, что для стороннего читателя делало незаметным присутствие М. в лит-ре. Под псевд. Эрний печатал небольшие и достаточно равносильные рецензии в ж. «Перевал» (1906—07), газ. «Лит.-худ. неделя» (1907, № 2, 3) и «Час» («К психологии графоманов» — 1907, № 37). Значит. архив, где помимо стихов есть неопубл. проза — неоконч. нов. «Новостя Брутикова», новеллы «Выхухоль» и «Легкое бремя», афоризмы, пьесы, письма, хранится у дочери Л. С. Киссинной (умерла в 1993; местонахождение архива неизвестно). С 1909 К. был женат на Л. Я. Брюсовой, сестре В. Я. Брюсова.

Его место в лит-ре точно определил ближайший друг В. Ф. Ходасевич, благодаря к-рому сохранилась память о М.: «[он], в сущности, ничего не сделал в литературе. Но ... он всем своим обликом выражал нечто глубоко характерное для того времени, в к-ром протекала его недолгая жизнь. Его знала вся лит. Москва конца девятисотых и начала де-

вятьсотых годов» (Ходасевич В., Колеблемый треножник. М., 1991, с. 313). Нек-рые даже острее высказались его едких замечаний — по словам К. Г. Локса, у М. был «ум, выжигающий все вокруг, как серная кислота» («Минувшее», в. 15, М.—СПб., 1994, с. 145).

Чрезвычайно строгая требовательность М. к себе выделяла его из круга молодых литераторов-символистов. Даже вполне отделанные стих. и проза оставались неопубл. Характерными особенностями его творчества, как и творчества др. молодых поэтов его поколения (Ходасевич, А. Я. Брюсов, В. И. Стражев и др.), были символистское мироощущение, тяготение к мистич. персжииваниям, реальному ощущению двойничества (Ходасевич описывает перевоплощение М. в др. человека, Ал-дра Ив. Беклемишева, едва не приведшее к психич. расстройству, а также др. подобные эпизоды), внезапным озарениями и пр., одновременно — в поэтике стремление к классич. строгости форм, ориентация на пушкинскую эпоху. Однако наряду с этим он пробует и иные формы построения произв., в т. ч. пишет типично символистскую прозу (рассказ «Летом 190* года» (архив Л. С. Киссинной), подписанный «Ал. Беклемишев», отд. мотивы к-рого отразились в поэзии Ходасевича) и использует приемы, близкие к лит-ре абсурда. в небольшой пьесе «Месть негра» («Театр. жизнь», 1989, № 6; публ. Д. Б. Волчек; там же — вступ. ст. публикатора «Ходасевич и М.»).

Покончил с собой, находясь на воен. службе (сопровождал санитарные поезда), к-рую переносил очень тяжело. После его смерти Ходасевич планировал издать кн. стихов «Легкое бремя», ряд стих. из нее напечатал в 1918 в газ. «Понедельник Власти народа» (3 июня), однако рукопись книги затерялась в изд-ве «Эра-то». Наибольшие воздействие личности и творчества М. оказали на произв. Ходасевича, к-рый не только посвятил ему ряд стих., раздел в кн. «Счастливым домик», его памяти — кн. «Путем зерна» и спец. очерк в кн. «Некрополь», но и ввел ряд аллюзий на творчество М. в свою поэзию (помимо ст. И. Андреевой см.: Богомолов Н. А., Рецензия поэзии пушкинской эпохи в творчестве В. Ф. Ходасевича. — В кн.: Пушкинские чтения в Тарту, Т., 1987, с. 77—80; а также его прим. в кн.: Ходасевич В., Стих., Л., 1989, с. 371—75, 380—83), а одно из его стих., «Шмель медовый голос» («Понедельник», 1918, 3 июня), приписал поэту предпушкинской поры Василью Травникову, герою своей поздней лит. мистификации (см.: Зорн И. А., Начало. — В кн.: Ходасевич В., Державин, М., «Книга», 1988,

с. 30—35, 383). В автобиогр. справке Ходасевич писал: «Он [Андрей Белый] один из самых важных людей в моей духовной биографии и один из самых дорогих мне людей вообще. Он — да поэт С. В. Киссин (Муни), умерший в 1916 г.» («Минувшее», в. 13, М.—СПб., 1993, с. 248; публ. Дж. Мальмстада).

Изд.: Рус. поэзия серебряного века. 1890—1917. Антология. М., 1993 (предисл. М. Л. Гаспарова).

Лит.: Шагинян М., Человек и время. История человеческого становления. М., 1982, с. 196—97; Белый. Ш. 221—23 (и укр.); Ходасевич А. И., Восп. о В. Ф. Ходасевиче. — В кн.: Ново-Басманная. 19. М., 1990; Пастернак Б., Письма к К. Локусу. — («Минувшее», в. 13, М.—СПб., 1993, с. 177, 179 (публ. Е. Б. и Е. В. Пастернак); Из переписки Н. И. Петровской. — Там же, в. 14, М.—СПб., 1993 (публ. Р. Л. Шербакова и Е. А. Муравьевой); Локсе К., Повесть об одном десятилетии. (1907—1917). — Там же, в. 15, М.—СПб., 1994, с. 144—45 (публ. Е. В. Пастернак и К. М. Подивынова); Богомолов Н. А., В Ходасевича в Москву и Петроград. Кружок. — НЛО. 1995, № 14.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 172 (стихотворения); ф. 537 (письма к В. Ф. Ходасевичу, ответные — ИРЛИ, Р.); РГБ, ф. 386, в. 89, № 38, 39 (письма В. Я. Брюсову и Н. М. Брюсовой). Н. А. Богомолов.

МУНТ-ВАЛУЕВА, Валюева-Мунт Анна Петровна [1(13).8.1856, Петербург — 17(30).1.1902, Екатеринбург; похоронена на Севастопольском кладб.; детская писательница. Отец — юрист; умер, когда дочери исполнилось 11 лет. До 12 лет жила в имени родителей матери — Алфёровых. Затем по настоянию прадеда гр. Ф. П. Литке, изв. мореплавателя, президента Петерб. АН, ее поместили в нем. уч-ще св. Петра в Петербурге, где она получила навыки систематич. труда, хорошую языковую и лит. подготовку (автобиография — РГАЛИ, ф. 1624, оп. 1, № 23). По окончании уч-ща в 1873 поступила на математич. отд. Жен. пед. курсов. Параллельно посещала лекции на словесном отд. Ее работа о Т. Тассо и перевод статьи Ф. Шиллера привлекли внимание В. П. Острогорского, рекомендовавшего ей не оставлять лит. занятий. По окончании курсов получила место образцовой учительницы математики в гимназии, вела уроки естествознания в младших классах г-зии Н. Д. Оболенской. В 1876—78 участвовала в работе Красного Креста. В 1884 вышла замуж за инженера путей сообщения П. М. Валуева, прервав учебу на Высших жен. (Бестужев.) курсах в связи с переездом — сначала в Поволжье, затем в Псков. Последние годы жизни М.-В. прошли в Екатеринославе, где ее муж служил помощником нач. ж. д. и где она «заслужила добрую память участием во мн. благотворительных делах» («Приднепров. край», 1902, 18 янв.).

Первая публ. — биогр. очерк «Оливер Голдсмит» («Дет. чтение», 1876, № 7). Была пост. сотр. «Дет. чтения» (1876—92), «Жен. образова-

ния» (1881), «Родника» (1885—92) и др. Осн. ее жанр — беллетризованные биографии знаменитых людей, предназначенные для детского или юношеского чтения. Часть из них вышла в серии «Нашему юношеству рассказы о хороших людях»: «Теодор Кернер (Биогр. очерк)» («Дет. чтение», 1878, № 1; отд. изд. под измененным назв. — СПб., 1892; 2-е изд., Екатеринбург, 1901; рец.: РМ, 1894, № 2); «Венъямин Франклин» (СПб., 1892; 5-е изд., М., 1913); «Авраам Линкольн» (СПб., 1892; 6-е изд., М., 1913; рец.: РВед, 1894, 2—3 дек.; НВ, 1894, 1 мая; РМ, 1895, № 8; СВ, 1892, № 2; 1895, № 8); «Друзья слепых и глухонемых» (СПб., 1892; 4-е изд., М., 1913); «Не от мира сего. Из жизни Елизаветы Кульман» («Родник», 1889, № 5, 6; отд. изд. — СПб., 1892; 3-е изд., Екатеринбург, 1903); «Детство Александра Пушкина» («Дет. чтение», 1888, № 1; отд. изд. — СПб., 1892; 4-е изд., М., 1913); «Первые дни Колумба в Новом Свете (По случаю 400-летнего юбилея открытия Америки)» («Родник», 1892, № 10; отд. изд. под назв. «Христофор Колумб» — СПб., 1892; 4-е изд., М., 1914; рец.: «Рус. школа», 1893, № 12). В выборе имен характерен акцент на западноевропейские и американские.

В рецензиях, в ось. положительных, провозг. М.-В. рекомендованы для дет. и нар. чтения: СВ, 1892, № 7, с. 64; МБ, 1892, № 8, с. 240; «Что читать народу?», т. 1, СПб., 1884, с. 672. В критич. откликах [напр., о рассказе «Джордж Вашингтон» («Дет. чтение», 1880, № 7, 8; отд. изд. — СПб., 1880; 5-е изд., М., 1913)] отмечались стремление в небольшом объеме осветить все факты жизни героя (Н. Феодосиев — там же, № 11, стб. 418), выдержанность стиля (Е. Тихеев — «Воспитание и обучение», 1892, № 9, стб. 344).

М.-В. принадлежит также ряд ист. и этногр. рассказов; одобрит. отзывы вызвала ее кн. «По великой рус. реке. Очерки и картины Поволжья» (СПб., 1895; 3-е изд., СПб., 1912; рец.: ВИ, 1897, № 2); А. Н. Пылин отмечал, что «рассказ ведется живо и занимательно» (ВЕ, 1896, № 7, с. 444—45; см. также рец.: «Рус. школа», 1896, № 4, с. 213).

Несмотря на то что диапазон тем в книгах М.-В. широк, осн. акцент в них всегда один: героин интересны автору не сами по себе, а как люди или вышедшие из народа, или посвятившие свою жизнь заботе о его благе. Именно этим можно объяснить вызвавшие недоумение критики («Воспитание и обучение», 1892, № 9, с. 402) преувеличенная оценка роли няни, простой деревенской женщины, в воспитании поэта в кн. «Детство Александра Пушкина» и помещенные ее в серию «Нашему юношеству...». В кн. «Севастополь и его славное прошлое» (СПб., 1899; 2-е изд., СПб., 1904) М.-В. собрала и пересказала в доступной для детей форме сведения по истории Севастополя

и представила героин. оборону города в 1854—55 прежде всего как нар. войну, не делая различий между героями-солдатами и героями-офицерами и всячески подчеркивая демократизм последних.

Переводы М.-В. рассказа Ч. Диккенса «Рождественский сочельник» (СПб., 1891; 2-е изд., СПб., 1904) и кн. Г. Ф. Ричардсона «Как читать книги, чтобы они приносили нам пользу?» (СПб., 1893) критика отмечала как удачные (РБ, 1894, № 2, с. 61—63; «Рус. школа», 1895, № 7/8; СВ, 1894, № 4, с. 47; 1895, № 6, с. 94).

Др. произв.: «Кориолан» («Дет. чтение», 1876, № 10), «В гостях у казмыцкого князя» (там же, 1886, № 2), «Поганкины палаты» (там же, 1892, № 8), «На вершине Чатыр-Дага» («Журнал для детей», 1886, № 9), «Две матери. (Екатерина Гете и Катерина Байрон)» (СПб., 1894).

Лит.: Некролог. 1902; ИВ, № 3; НВ, № 9298, 9300; Брокгауз, Венгеров (Сл., Источ., Рус. кн.); Юдаков; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 401, оп. 1, № 27 (письмо И. И. Ползихову); Языков; ИРЛИ, ф. 377. Л. Д. Зубарева.

МУНШТЭЙН Леонид Григорьевич [Леон Гершкович; псевд. Lolo; 31.12.1866 (12.1.1867)°, Екатеринбург — 6.8.1947, Ницца], поэт-фельетонист, драматург, переводчик, издатель, театр. деятель. Отец М. — Григ. Алдрович Мунштейн, купец (умер в Лозанне 14 марта 1915; некролог, вероятно, написанный М., — «Рампа и жизнь», 1915, № 12), мать — Эмма Вранцфельд. До 1880 учился в Екатеринбург. г-зии, затем во 2-й киев. г-зии, к-рую окончил в 1886. В 1891 закончил юридич. ф-т Киев. ун-та (с дипломом 1-й степени), в списках студентов значится как «почтенный гражданин иудейского вероисповедания» (ГА Киева). В 1892 вольнослушатель ист.-филол. ф-та Моск. ун-та. Женился на драм. актрисе и театр. рецензенте Вере Ник. Ильинской [по

сцене Ильнарской; 8(20).10.1880, Кострома — 23.1.1946, Ницца].

Печататься начал студентом в 1886 в киев. газ. «Заря» — лирич. стих. «Осень» («На всех тоску навостил осень...» — 23 нояб.). В 1887—90 публиковал лирич. стихи, а также фельетоны в стихах и прозе (в т. ч. «Дневник мичмана Дырки» — 1888, 28 февр.; циклы «*Suult coque*», «Из дневника») в газ. «Киев. слово». В нач. 1890-х гг. переехал в Москву. С дек. 1892 по янв. 1894 в ж. «Семья» публ. под псевд. Л. Монд лирич. стихи в духе С. Я. Надсона. Известность к М. пришла, когда он начал сотрудничать в газ. «Новости дня», опубл. в ней с 1894 по 1905 под псевд. Lolo свыше тысячи юмористич. и сатирич. сочинений в стихах под общим загл. «Страничка из письма» — своеобразную летопись обществ. жизни, в к-рой особое внимание уделялось лит-ре, театру и иск-ву. М. писал шаржи, пародии, эпиграммы, экспромты, диалоги в стихах, миниатюры для театра-кабаре, оргн. рецензии в стихах — ему принадлежит первый отзыв о рассказе А. П. Чехова «Ариадна» (1895, 23 дек.), отклики на премьеры в МХТ пьес М. Горького «Мещане» и «На дне» (1902, 30 марта и 20 дек.). К 50-летию со дня смерти Н. В. Гоголя М. напечатал его биографию в стихах — «Гоголь. Биогр. эскиз» («Его взрастила мать Украина...» — 1902, 21. 22 февр.). Пеструю тематику «страничек из письма» дополняли и развивали в той же газете и др. выступления поэта-фельетониста: «Пародии: Шалости пера», «Монологи», «Causerie» (1902, 20 марта), «Театральный альбом».

Своеобразная стилистика М. складывалась из сочетания «смешного», идущего от газетного фельетона, и лирического. При этом легкость, экспромтность, сиюминутность отклика на «факт», лаконизм и меткость характеристик, свежесть и неординарность рифм сочетались с тщательной технич. отделкой стиха.

Его стихи исполнялись с эстрады (см. тексты М., перепечатанные М. Н. Ермольев — одной из их исполнительниц — ПУТМ, ф. 98, № 568, 530, 531), а К. С. Станиславский в письме к М. П. Линский из Ессентуков от 17 июля 1900 шутливо удивлялся от М. экспромт «Чикара» с Резером тошмак на Мишке» (Станиславский К. С., Собр. соч., т. 8. М., 1960, с. 181).

М. — пародист и эпиграмматист обращался за сюжетами к рус. классич. поэзии. В истории пародирования в рус. лит-ре пушкинского Онегина занимательной выглядит и версия М. «Онегин наших дней» (Роман-фельетон в стихах) (М., 1896; первонач. в «Новостях дня»; рец.: РМ, 1896, № 9).

К прозе М. обращался реже. Из-за цензурских придирок он вынужден был перейти в «Новостях дня» к

прозаич. жанру романа «на злобу дня» — «Вечный праздник», его персонажи посещали новые выставки картин, театр. премьеры, конные бега и скачки, что получало соответствующую иронич. или язвит. характеристику автора.

В особый жанр сложились отсылки М. на лит. юбилей и некрологи: «И. С. Тургенев. К 25-летию со дня смерти» («Тургенев!.. Много ли имен! Таких любимых, незабвенных...») («Рампа», 1908, № 2), «Умопылы Чехова» («Ползи года чредою черной...») («Киев. заря», 1905, 2 июля; в кн.: Чеховский юбилейный сб. М., 1910); стих., прочитанное на панихиде по В. Ф. Комиссаржевской «Не надо пошлых фраз, не надо жалких слов!» («Пробуждение», 1910, в. 5; в кн.: Сб. памяти В. Ф. Комиссаржевской. СПб., 1911; под ред. Евг. Карпова), «Над святой могилой. Стих. памяти С. А. Муромцева» («Пробуждение», 1910, в. 20).

В 1905—07 М. сотрудничал в сатирич. ж. «Сигнал» (1905), «Стрелы», «Заклепка», «Гром», «Зарницы» (все в 1906) и др. В 1906 его стихи печатаются в сб.-ках: «Книгоизд-во „Набат“» (М.), «В борьбе» (в. 1. СПб.), «Лит.-худож. сб.» (Од.), в моск. газ. «Вечерняя заря» и в газ. «Киев. заря». Впоследствии М. нек-рые свои стихи рев. времени перепечатал в «Рампе и жизни» (1917). В иронич. автобиографии М., вспоминая ту пору своей жизни, писал: «И я, как все, считал священной/ Одну лишь книгу: „Капитал“./ И я на лире вдохновенно о Революции бряцал» («Клочок из автобиографии» — «Сегодня», Рига, 1937, 13 марта). По просьбе Ф. И. Шалапина в 1906 в Киеве М. передал вырученные от концерта деньги на рев. нужды (см. письмо М. в редакцию киев. газ. «Отголоски жизни», 1906, 1 мая), что привело к его столкновению с властями и бегству из Киева. Гл. мишенью М.-сатирика были бюрократия, черносотенная пресса, трусливый ополчитель. В 1907 он изубл. полит. шаржи и газету-фельетон «Новая дума» на страницах моск. газ. «Утро свободы», а затем в моск. газ. «Утро России» — народный орган всех умеренных и благонамеренных партий» (подзаголовок менялся).

В 1908 М. и театр. критик Э. М. Бескин издают и редактируют в Москве илл. еженед. ж. «Рампа» (пробный номер вышел 15 авг. 1908). В восьмом номере, посв. десятилетию МХТ, М. перепечатал свои старые рецензии в стихах на постановки «Юлия Цезаря» У. Шекспира, «Царя Федора Иоанновича» А. К. Толстого, пьес Чехова и «Свиной птицы» М. Метерлинка. Именно в «Рампе» начал печатать «Словарь сцениче-

ских деятелей» (1908, с № 12) — эпиграммы на актеров, драматургов, антрепренеров; словарь, по замыслу автора, должен был стать пародийно-юмористич. вариантом энциклопедии, посв. театру. В связи с возникшими между М. и Бескиным разногласиями «Рампа» разделилась на два независимых ж-ла: «Рампа и актер» (1909) Бескина и ж-л М. «Рампа и жизнь» (1909—18), ставший одним из самых популярных рус. театр. изданий, в нем, по словам М., «он всегда отстаивал интересы актерской братии и воевал с антрепренерами» (письмо А. А. Плещееву — ПУТМ, ф. 76, № 94). Журнал был хорошо иллюстрирован, в нем регулярно печаталась хроника текущих театр., муз., худож. событий Москвы и Петербурга, давалась обильная информация о провинц. рус. театре, отмечались юбилейные даты первых постановок пьес рус. классиков; помещались материалы о знаменитых актерах 19 в. — П. С. Мочалове, М. С. Шепкине, К. Н. Рыбакове. Почти в каждом номере ж-ла публиковались произв. М.-юмориста. Среди прил. к «Рампе и жизни» выделяется кн. «Жрецы и жрицы искусства. Словарь сценич. деятелей. Стихи Lolo. Шаржи и карикатуры» (т. 1—2, М., 1910—12). С 1911 М. — д. чл. Об-ва деятелей периодич. печати и лит-ры.

Как драматург М. попробовал себя в 1900. На сцене моск. т-ра Корша была пост. его пьеска «Опечатка: Пустьячок в I действии», в к-рой гл. роль играла тогда начинающая артистка Е. Н. Рошина-Инсарова. За дебютом последовала написанная М. совм. с Н. Никольским пьеса «Святое искусство. Сцены из жизни современной столицы» (М., 1901), злободневность к-рой носила скандальный характер — ее содержанием стало известное банкротство С. И. Мамонтова, под прозрачными именами выводились знакомые публике лица.

Л. Н. Андреев с негодованием писал, что пьеса «плохо состоит из залезания в частную жизнь еще живых и действующих лиц», и сожалел, что М. был одним из ее авторов, т. е. считал, что в стихах М. «при всей их выужденной злободневности часто проскальзывали искорки истинной поэзии» («Курьер», 1901, 12 нояб., подпись Л.-в.).

Успех имела пьеса М. «Вечный праздник» (СПб., 1903; в 1903 пост. в Москве в т-ре Корша, в 1904 — в Петербурге в Суворин. т-ре), представляющая собой живые наброски курортной жизни Кисловодска.

По свидетельству М., В. М. Дорошевич назвал ее «блуждом шампанского», а Ф. А. Корш после 25-го представления «нушил» автора «в своих объятиях» (лит. письмо Плещееву). Необычайно смелым для того времени было и то, что действие в 1-м акте происходит в вагоне.

Кроме оргн. пьес М. в 1902—08 шли переведенные им в стихах комедии О. Блюментала «Фея Каприз»

(1-я пост. в бенефис актрисы Миткевич, т-р Корша) и Л. Фульды «Причуды сердца» (с нем. яз.), «Шуты» М. Замакоиса (с франц.), комедия-сатира «2 x 2 = 5» Г. Внда (с датского). Все пьесы М., как правило, ставились сначала в Москве в т-ре Корша, затем в Петербурге и в провинции. Позже М. писал для театра-кабаре Н. Ф. Балнева «Летучая мышь», в т. ч. трагич. гротеск в стихах «В двенадцать часов по ночам» («Рапла и жизнь», 1917, № 20). М. был устроителем в Москве благотворит. спектакля «Плоды просвещения» Л. Н. Толстого, роли в к-ром исполняли писатели (Е. Н. Чириков, Е. П. Гославский и др.).

Февр. революцию 1917 М. приветствовал стихами «Освободителям!» («Свобода! Этот канч вчера звучал как бред...») (там же, 1917, № 12). Но в окт. 1917 он перепечатаывает свое старое стих. «Мы свободны! Жизнь прекрасна!», добавив к нему новый, иронич. вариант и снабдив новым заголовком «История повторяется» (там же, № 43). В собств. продолжении баллады А. К. Толстого «Поток-богатырь» М. приводил пессимистич. параллели между «веснами» при Николае II, А. Ф. Керенском и В. И. Ленине (там же, 1918, № 16). В сент. 1918 в Москве в «Эрмитаже» поставлена комедия М. и Тэффи «Екатерина II» на музыку Ж. Оффенбаха. М. писал по этому поводу: «Успех нас не радовал: в публике преобладали кожаные куртки. Раскланывались мы смущенно из директорской ложи, а через 2 недели бежали в Киев» (цит. письмо Плещееву). В кон. 1918 он эмигрировал. По пути в зарубежье недолго работал в киев. изданиях — «Мир» и в газ. «Чертова перенница» И. М. Василевского (Не-Буквы), в одес. газетах «Наше слово» и «Совр. слово», создал с Тэффи, А. Р. Кугелем, А. Н. Толстым и др. «Устную газету» в Одессе.

В 1923—25 М. был худож. руководителем рус. театра «Маски» в Италии. Затем поселился в Ницце.

Г. Кузнецова записала в своем дневнике после посещения М. вместе с И. А. Бунным осенью 1930: «Струтил Лоло, как и ждали мы, позавтрак; проговорили о полноте какого-то Колышко-Израильсона, травившего его все последние время в своей газетке, и старались найти поддержку и успокоение в И. А., к-рый благодушно сл и успокаивал несчастного Лоло, к-рому состояние сердца не позволяло ни есть ни пить» (ее кн.: Русский дневник. Рассказы. Оливковый сад. М., 1995, с. 179—80).

Печатался во мн. эмигрантских изданиях — газ. «Последние новости», «Утро», «Рус. газета», «Рус. время», «Возрождение» (все — Париж), «Руль» (Берлин), «Сегодня» (Рига), ж. «Театр и жизнь», «Илл. Россия» (оба — Париж). В 1931 в Париже возобновил с М. Г. Корнфельдом сатирич. и юмористич. ж. «Сатирикон». Свои стихотв. фельетоны на полит.

темы он публиковал под заголовком «Письма, на которые не отвечают» и «Cartes postales». Нападая на «Триэсерню» и ее правителей, М. использует «наработанные» им в дорева. время приемы и жанры стихотв. сатиры. Одновременно он ведет лирич. дневник писателя-эмигранта, томящегося ностальгией по утраченной родине, — тематич. рубрика «Братья-писатели. Клочки из эмигрантского дневника» («Братья-писатели, беженцы — странники...» — «Сегодня», 1926, 27 июня). В эмиграции М. продолжает свой «Словарь», включая в него эпиграммы как на литераторов-эмигрантов, так и на сов. писателей, — «Братья писатели. Карманный словарь» («Сегодня», 1926, 28 нояб., 12, 23, 29 дек.; 1927, 16, 30 янв., 13 февр., 22 июня). К «Словарию» примыкает воображаемая анкета «Когда мы вернемся в Россию». В число отвечающих на нее М. включил и себя («Рус. слово», Харбин, 1926, 19 дек.).

За рубежом М. смог выпустить только две книги: «О черте лысом и о всех его присных. Конеч красной сказки» (Париж, 1922) и «Пыль Москвы. Лирика и сатира» (Париж, 1931; рец. М. Алданова — «Илл. Россия», 1931, № 16). Лейтмотивом второй, итоговой книги становятся горестные странствия эмигранта: «Пыль Москвы на ленте старой шляпы / Я, как символ, свято берегу...». На издание в 1938 третьей книги «Москва далекая. Клочки воспоминаний» у М. не хватило средств. Появлявшиеся в эмигрант. прессе к его юбилеям статьи рассказывают в осн. о доэмигрантском периоде жизни М. В связи с 40-летием лит. деятельности М. в рижской газ. «Сегодня» П. М. Пильский вспоминал: «Особенным достоинством искрящихся злободневностью легких стихов Лоло была редкая в этой области черта — лиричность, окутанная нежной дымкой грусти... Самая большая его смелость заключается в том, что он не боялся изыщества» (1930, 2 ноября), а в своей статье, посв. 70-летию М., приводил устный отзыв В. Я. Брюсова: «Лоло я читаю часто. Меня всегда заинтересовывают его рифмы. Писать каждый день и давать несамобытные стихи, это — трудное дело...» (там же, 1937, 13 марта). Брошенное мельком А. Г. Горнфельдом определение «рифмующий фельетонист» («Лит. записки», 1922, № 3, с. 16) включает меткую характеристику жанра, избранного М., и созвучно его автобиогр. образу «ярого рифмодея» («Рапла и жизнь», 1918, № 22, с. 12).

Иза.: У райских врат... Аллюзия сатиры и юмора. Б., 1922; Свободная леснь. Сб. рец. песен и стих., Н.-Я., 1925; Автобиография (в стих.). — В кн.: Гримасы кисти и пера. Сб. рус. юмористов ..., Рига, [1928] (собрано В. Гааландиным; предисл. П. Пильского); Рождество в Москве. Кусочки восп. — «Рупор», Харбин, 1935,

7 янв.; Клочки из автобиографии. — «Сегодня», 1937, 12 марта; Стихи. — В кн.: Стихотв. сатира, 1969; Рус. лит-ра XX в. в зеркале пародии. М., 1993 (сост., вступ. ст. и комм. О. Б. Кушлиной); Эпиграммы. — ВЛ, 1991, № 11/12, с. 348—351 (вступ. заметка и публ. Ю. Иродникова).

Лит.: Скроботов, с. 91; «Рус. книга», Б., 1921, № 1, с. 26; Волжанин О., У. Л. Г. Мушкетей-Лоло в Ницце. — «Сегодня», 1930, 20 июля; Тэффи Н. А., 70-летие М. — «Сегодня», 1937, 23 янв.; сс же. Так жили-были. Восп. о Лоло. — «Рус. новости», 1947, 5 сент.; сс же. Житье-бытье. Рассказы. восп. М., 1991, с. 340; Е. Х., Юбилей М. (Лоло). — «Новое рус. слово», Н.-Я., 1937, 12 апр.; Яблоковский С., Неодождившуся. — «Рус. мысль», 1947, 6 сент.; Гольдсвейзер А., Л. Г. Мушкетей-Лоло. — «Новое рус. слово», 1947, 5 окт.; Колганова А. А., Вослеа чужому гению. М., 1989, с. 51—52; Дон-Аминдело, Паши маленькая жизнь. М., 1994, с. 595; Флейшман Л., Абызов Ю., Равдин Б., Редкий Б., Печать в Риге. Из истории газ. «Сегодня» 1930-х гг. Кн. 1. На грани эпох, Стэнфорд, 1997, с. 343—351. + ЛЭ рус. зарубежья (автор В. Н. Чуватов); Абызов: Альм. и сб-ки (1, 2); Мяснов (кромж Л. М-я, Л. Му-ч, Мун-ч, Л. М-ш-ч).

Архивы: Метрич. книга г. Ниццы (дата рождения в записи о смерти М.); ГА Киева, ф. 81, оп. 59, № 133; ф. 16, оп. 465, № 596, 612, 615, 618, 619, 620, оп. 469, № 398 (документы Киев. ун-та, списки учащихся 2-й тиев. г-зии); Южный Калифорнийский ун-т (США) — восп. Н. Ф. Балнева; ЦГТМ, ф. 1, № 1853, 1937 (записки А. А. Бахрушину), № 1936, № 5728; ф. 117, № 262 (письмо А. А. Кондратьеву, 1903). В. Н. Чуватов.

МУРАВЛИН Дмитрий Петрович, князь (наст. фам. Голицын; 6.12. 1860, Висбаден — дек. 1928, Выеград, Югославия), прозаик, драматург. Сын поручика кн. П. П. Голицына. Получил хорошее дом. образование. После окончания Александров. лицея по первому разряду (1881) поступил на службу в Гос. канцеля-

рию. С 1893 помощник статс-секр. Гос. совета, в 1912—17 чл. Гос. совета. В 1903 в качестве чл. Совета министра нар. просвещения участвовал в преобразоват. работах мин-ва (на М., в частности, были возложены ревиз. командировки в уч. округа). С 1906 товарищ главноуправляющего, с 1910 главноуправляющий Собств. с.и.в. канцелярии по учреждениям ичп. Марии.

Был также чл. Олсуфев. совета и товарищем председател. К-та попечительства дет. приютов

ведомства имл. Марин, почитателем Екатерины, мн-та благородных девиц (см. вост. Н. Л. Надеждиной). «Дворец, Фонтанкой отраженный» — ГГАЛИ, ф. 1337, оп. 5, № 31, л. 46—48; Поч. чл. Моск. публичного и Румянцева музеев, чл. совета Об-ва ревнителей рус. ист. просвещения в память Александра III, издский Лит.-худож. об-ва, комиссии по пересмотру законов о театре и зрелищах, к-та Пушкинского лицеинского об-ва.

Писать начал в лицее. Из ранних глбл. известных стих. «Воспоминанье» и «Ночью» в «Живписном обозр.» (1879, № 15); в этом ж-ле М. сотрудничал до 1884. Печатался также в газ.-ж. «Гражданин», ж. «Нива», «Рус. вест.» (стихи, эскизные зарисовки, рассказы). Кн. «Убогие и нарядные. Очерки и наблюдения» (СПб., 1884) и ром. «Тенор» (СПб., 1885), поств. А. К. Шеллеру-Михайлову, руководившему первыми шагами М. в лит-ре (см. письмо М. к А. С. Суворину, 1888 г. — ГГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 957), вызвали в петерб. большом свете «известного рода сенсацию» узнаваемостью прототипов и обстоятельств «их интимной жизни» (PM, 1885, № 6, Библ. отд., с. 3). Высший свет рос. аристократии предстал под пером неизв. писателя в виде скопища монахов и ничтожеств («отцы — поголовно выжившие из ума ... маменьки, или совсем сумасшедшие ... или негодящие бабы; сынки — купцы, пьяницы, моты, негодяи и даже просто воры; дочки — дуры и развратницы» — там же, с. 4; др. реш.: «Новь», 1884, № 2; 1885, № 10, 21; «Набл.», 1885, № 3). С выходом ром. «Баба» (СПб., 1885) псевд. «нового таланта» (А. М. Скабичевский — РВ, 1885, 8 мая) был раскрыт, и М. быстро приобрел репутацию одного из самых плодотворных поставщиков беллетристики. Его произв. издавались до кон. 19 в. почти ежегодно отд. книгами (все — СПб.): ром. «Хворь. Петерб. история», «Мрак» (оба — 1886), «Около любви» (1887), «Рубль» (1889), «Поэзия», «Будни» (оба — 1895); «Повесть и рассказы» (1886), рассказ «Не убий» (1890), полемизирующий с «Крейцеровой сонатой» Л. Н. Толстого, к-рую М. считал «лживой» (см. письмо И. Л. Леонтьеву-Щеглову — РНБ, ф. 124, № 1226), сб-ки повестей и рассказов «Суд идет» (1891), «Дети» (1893), «В толпе» (1894), «В Петербурге» (1899; состоит из пов. «Режаниновы», «Корольса», «Звист отшельника», «На севере», объединенных одними и теми же героями).

В центре внимания М. либо слабые характерные вырожденцы, либо «нахальные баловни фортуны», инициально адаптирующиеся к новым условиям жизни, в к-рой властвуют лишь «вещные рубли» (НВ, 1889, 16 нояб.); или лица его произв. затрагивали все ост. житейские и социальные сферы жизни большого света. Но, по словам рецензента, М. не хватило «ни чутья,

ни знания жизни на разумение, что все им описываемое не составляет исключит. признаков именно высшего общества» (PM, 1885, № 6, Библ. отд., с. 5), а характерно в целом для рос. жизни пореформ. десятилетий. Найденный прием, давший в первых книгах нек-рый худож. эффект, — соединение фактуры и достоверности «натуры», свойственных физиологич. очерку, со свободой вымысла — М. механически эксплуатировал в продолжение всей своей писательской деятельности. С появлением каждой следующей книги критика укреплялась в мнении, что место, занимаемое М. в совр. лит-ре, — «одно из тех средних мест», с к-рого нет никакой возможности «передвинуться вперед», но есть опасность «опуститься еще ниже», ибо он «повторяет самого себя» (PM, 1889, № 5, Библ. отд., с. 184).

М. называли то великосветским бытописателем, то «блестристом-фотографом», причем эпитетом отмечалось, что его «фотография» — «элюксис, выцветшие» (PM, 1887, № 1, Библ. отд., с. 4). М. хотя и много знает «из жизни того круга, а к-ром он вращается», но при этом никак не может справиться с массой своих наблюдений, потому что он наблюдает вслепа, видя, только внешнюю сторону жизни» (А. Кузин — «Колоса», 1887, № 12, с. 310). Иезонкртно отмечалось, что М. не психолог, потому что «мало обращает внимания на внутр. жизнь, на душевные побуждения тех личностей, к-рые проходят и проходят перед ним построю вереницей», у него «есть только внешние образы», но нет характеров (PM, 1886, № 2, Библ. отд., с. 79); он художник «подробной» тьмы (СВ, 1886, № 2, с. 301). «зрелость натур» его героев не дает возможности «найти читателю на ч-л. серьезные размышления», заис осли иной раз писатель и способен хотя бы внешне сдвинуть «драм. моменты жизни» (НВ, 1889, 16 нояб.) и держать внимание читателя «интересом лиц и фактов» («Колоса», 1887, № 12, с. 316) — т. е. любознательством, к-рое прорывает большинство читателей к закрытому для них миру высшего света.

Если наблюдательности М. критика иначалу еще уделяла должное (см.: PM, 1885, № 10, Библ. отд., с. 3; Скабичевский А. М., История рус. лит-ры, СПб., 1891, с. 415), то во время, что касается формы, его — со временем все настойчивее — упрекали в неадекватности (см.: СВ, 1886, № 2, с. 301; В. П. Буренин — НВ, 1891, 29 нояб.), называя при этом в качестве образцов, к-рым он послушно следует, П. Д. Боборыкина и В. В. Крестовского. Отмечалось также, что романы М. строятся по типу сериалов — с его четко очерченной интригой и без к-л. лирич. и филос. отступлений («Новь», 1885, № 12, с. 112—113).

Гл. противоречие, к-росе долгие время приводило в недоумение современников М., заключалось в том, что, принадлежа к высшему об-ву, он дал в своих произв. «такую ужасающую картину разврата, низости, тупости, вырождения» аристократии, какой ни сумел бы представить и «самый тенденциозный демократ» (Михайловский, VI, 639). Но это противоречие снималось четко обозначенной во всех соч. позицией автора: он блюстителем чистоты кастовых устоев, непримирим к порокам, поразившим высшее об-во (как иронически заметил анонимный рецензент ром. «Тенор», характеризую гл. героя, к-рому М. дал фам. своей

матери: «Ни в ком и нитде — ни искры ума, чести, добра... кроме Чертова... то есть автора, возмущающегося подлостью приятелей» — PM, 1885, № 6, Библ. отд., с. 4), но сами эти пороки М. считал следствием растленного влияния внешних обстоятельств, в первую очередь, допущения инородцев (особенно евреев) к разным сферам рос. жизни. На противопоставлении сословно «своих» и сословно «чужих» обычно строилась интрига, к нему сводится писательский пафос М.; идея сохранения сословной чести постепенно перерождалась в идею сохранения наш. чистоты как единств. залога спасения «рус. начала».

На том же материале, что и проза, написаны пьесы «Кража» и «Вдова» (обе опубли.: «Артист», 1890, № 9, 10); последняя была поств. в Александрин. т-ре (1890). М. издал также сб-к пьес «Перепевы» (СПб., 1894). Свое «драм. писательство» он считал «полуписательством»: «Драма — это роман из разговоров, без описаний, с такни психич. анализом, какой дается среднему актеру. Одно тщеславие заставляет нас писать для сцены» (письмо И. Л. Леонтьеву-Щеглову — РНБ, ф. 124, № 1226).

В 90-е гг. М. трижды побывал на Балканах; итогом путешествий по Черногории и Далмации стали путевые очерки, печатавшиеся в 1898 сначала в газ. «Рус. вед.», а затем в том же году выпущенные отд. кн. «У синих моря. Путевые очерки Черногории и Далматинского побережья» (СПб.; поч. отзыв при присуждении Пушкинской пр., 1899). М. ставил своей целью, с одной стороны, открыть рус. человеку эти «неведомые для большинства страны братьев-славяна», красоту их природы, ист. памятников, обычаев, с другой — привлечь внимание к «вопросам славянства» (М., в частности, прогнозировал неизбежность распада Габсбургской монархии как искусств. образования и в связи с этим ставил вопрос о желательных для России перспективах самоопределения балканских славян). Одновременно проводилась идея защиты «родовых и наследств. идеалов русских от „инородцев“»: «Силою своей бытности средн нас они навязывают нам, так или иначе, идеалы ... чуждые нам» (с. 156).

В 1901 М. — один из учредителей, а затем пред. (1906) и первый поч. чл. лит.-полит. клуба Рус. собрание (позднее черносотенно-монархич. орг-ция). М. принадлежала формулировка гл. задачи собрания, записанная в Уставе как содействие «укреплению в обществ. сознании и проведению в жизнь исконной творч. начал и бытовых особенностей рус. народа» (РНБ, ф. 152, оп. 2, № 258). В нач. 1900-х гг. опубли. в «Рус. вест-

нике», редактировавшемся В. В. Комаровым и В. Л. Величко (к-рые также входили в число учредителей Рус. собрания), ряд романов, в к-рых идея наш. чистоты как спасения России стала определяющей в построении сюжета и обрисовке действующих лиц.

Фабула ром. «Вавилонские» (РВ, 1900, № 1—4; отд. изд. — СПб., 1901), в заглавии к-рого обыгрывалась мысль о потере рус. об-вом «пути» («Вавилонские мы.» — этим смесичным языком, забывшиме откуда и с кем мы пришли... куда нам следует идти» — № 1, с. 10), строится вокруг разоблачения «увозившего металоя-чиновника: выращста-вырожденца с одной стороны, комплексующего по поводу своего евр. происхождения, с другой — не брезгующего никакими предосудит. средствами в борьбе за существование. Одновременно в фабулу влетаются тема ашултера, идея славянофильства, экспансия алгеб. аге автора против немцев, поляков, финнов и особенно евреев, к-рые своими присутствием среди русских понижают их «уровень самосознания» и т. п., что заложено одному из критиков основание увязать в этом почти парализирующ. настроении сюжетных линий в «своем роде вавилонское столпотворение» (РМ, 1900, № 6, Библи. отд., с. 230). Авторемитизм отнесен также ром. «От смутных дней» (РВ, 1901, № 1—5; отд. изд. — СПб., 1902), «На Руси» (РВ, 1903, № 7—8); «На безыды» (СПб., 1902; 2-е изд. — П., 1910), «Савганы» (РВ, 1905, № 1—5).

Эти ром. вызвали несправд. критику: собрание «худож. несообразностей», с помощью к-рых автор лишь еще раз доказал свою «благонаторность» (РМ, 1902, № 8, Библи. отд., с. 247—248), «бред расстронного воображения», не имеющий «ничего общего с ист.-ром.» (В. Л.) Ляво (Розагчевский) — «Обр.», 1905, № 6, отд. II, с. 108), великий «грех», поставивший «прелюбое смятение», к-рос «выскакивает под треск и вопли кишиневских погромов» (А. А. Измайлов — «Нов. изд.», 1905, № 12, с. 96). После перераб. «Савганы» (П., 1913) этот ром. был назван «киной», написанной исключительно для того, чтобы лишний раз проповедовать идеи союза рус. народа», «полит. пасквилю», в тонах парижских бульварных романов» (А. Кратов (И. С. Кисичкин-Ветров) — «Завтра», 1913, № 7, отд. II, с. 184).

«Рус. идея» оставаясь в центре и драматургии, опытов М. 1900-х гг.: драма в стихах из жизни Моск. Руси «Македон Сумбулов» (СПб., 1900; первый прозаич. вариант — СПб., 1884; успешная поэт. Лит.-арт. кружка, 1899; отрыв А. Р. Куцеля: «замысловатая интрига, искусство влечения к ист. хронике» — Тий, 1899, № 51, с. 932, 933; др. рец. 1899: НВ, 14 дек.; СПбВест, 27 дек.; СО, 15 дек.; «Россия», 15 дек.); пьесы «Сон уездя» (СПб., 1902) и «Кашея» (СПб., 1903; Суворин, т-р, 1903; разноречивые отзывы 1903; поэт. имела успех — НВ, 6, 9, 10 окт.; шла в присутствии зале — «Всемирный вест.», № 10, с. 201—03), испытывавшие фольклорные образы и направленные против инородцев на Руси; три диалога-картины «Угличское действо» (СПб., 1912), где прослеживаются последствия для Руси убийства «невинного мздайсца» — царевича Дмитрия (в сюжете использована популярная в то время версия евр. происхождения Самозванца).

После 1905 выступал в периодике лишь эпизодически: сусальные рассказы о дет. психологии («Женя» — «Нева», 1903, № 12; «Свечи догорают» — «Родная речь», 1909, № 50; «Ляда Артур» — В его ки.; В толпе, СПб., 1894; и др.), мелодрам. стихи о детстве и старости («Детям» — «Вест. школы», 1914, № 1), стихи верноподданнич. настроений («Гимн Царствоземному дому Романовых» — «Вест. Союза рус. народа», 1913, 12 марта; «Немцам» — там же, 1914, 9 нояб.; «Два памятника» — НВ, илл. прил., 1915, 3 янв.).

В 1910, когда отмечалось 25-летие лит. деятельности М., и спустя пять лет, в 30-летний юбилей, гл. чертой его «писательства» были названы «служение славянству» (РИБ, ф. 152, оп. 1, № 188), «страстная нач. тенденция» и «аристократизм, как бережение кастового превосходства», пронизывающие все его творчество и обществ. деятельность («Всемирная новь», 1915, № 51, с. 10). «Во внимание к лит. трудам» М. в 1912 ему было «высочайше позволено» присвоить к наст. фам. псевдоним и «именоваться впредь, с нисходящим потомством, князьким Голицынским-Муравлиным» (РТИА, ф. с.).

После Окт. революции М. эмигрировал; о его жизни этого периода сведения не выявлены. В берлин. газ. «Руль» (1928, 19 дек.) сообщается о внезапной смерти известного монархич. деятеля, публициста и писателя кн. Дм. Голицына-Муравлинова.

Др. произв.: «Дон Жуан». Лирич. сцены (СПб., 1881), «Иоланда». Лирич. опера в 2 д. (СПб., 1893), «Серенада». Драматич. этюд в 1 д. (СПб., 1900).

Лит.: Чехов (ук.); Михайловский, VI (ук.); Скабичевский А. М., История русской рус. лит-ры (1848—1890), 7-е изд., СПб., 1909; Левничий В., Права парти. — В кн.: Обществ. движение в России в нач. XX в., т. 3, СПб., 1914, с. 358—59; Кугель А. Р., Листья с дерева, Л., 1926, с. 45, 76; Лит. процесс и журналистика (2); ук.; Богданович А. В., Три последние самодержца. Дисвник, М., 1990, с. 496. + Афанасьев; Владиславлев; Добры; Брокгауз; НЭС; Грант; Венгров (Список; Источ.); Мейер; ИРДТ; Масанов (несколько указаний ата и место смерти М.).

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; Р. I, оп. 5, № 72 (аттестат Александров. лица и духовное завещание М.); РТИА, ф. 1162, оп. 6, л. 128 (ф. с. 1912 г., с зап. до 1917 г.); ГАРФ, ф. 102, 3-я дод. л. 316, ч. 270. Н. Е. Гатюков.

МУРАВЬЁВ Александр Николаевич (10(21).10.1792, Петербург? — 18(30).12.1863, Москва; похоронен на кладб. Новодевичьего монастыря), декабрист; мемуарист, автор публич. произв. Из старинного дворян. рода.

Отцы: Ник. Мих. Муравьев (1768—1840), — гск.-майор, мать, Ал. Мих. Моравинова (1770—1809), — дворянка из гдм. царяца Н. С. Моравинова. Брат Анд. Н. Муравьев, Н. Н. Муравьев-Карского, Мих. Ник. Муравьев (Вилениский), более подробные сведения о нем и об отце — см. в ст. Н. Н. Муравьев-Карский; оставал в дальнем родстве с Никитой М. Муравьевым, бр. Муравьевыми-Апостолами (см. М. Н. Муравьев-Апостол), Ник. Наз. Муравьевым (вос Муравьевы происходят от общего предка Ива. Вас. Муравья, 2-я пол. 17 в.).

Детство провел в Петербурге, дер. Сырец Лужского у. Петерб. губ. (имение отца), с 1801 — в Москве. Получил хорошее дом. образование, слушал лекции в Моск. ун-те, знал франц., нем., англ. языки, после 1835 выучил др.-еврейский. С 1810 — в Петербурге, в марте зачислен колонновожатым в свиту е.и.в. по квартирмейстер. части, с августа — поручик. В 1811 вступил в ложу «Елизаветы к добродетели» (позднее входил в др. ложи, с нач. 1818 — чл. Капитула «Феникс»). Приверженность масонству сохранил до конца жизни. Под влиянием своего дяди Н. А. Саблукова, автора изв. мемуаров, усиленно занимался воен. науками. Член организованного отцом и бр. Михаилом Об-ва математиков. Входил в т. н. русскую партию в среде квартирмей-

стерских офицеров. Участник Отечественной войны 1812 и зарубежных походов 1813—14; неоднократно награжден, в т. ч. зол. шпагой с надписью «За храбрость», иностр. орденами. С 1814 — в Гв. Ген. штабе, самый молодой — 23 года — полковник в рус. армии, «во всей гвардии имел репутацию отличнейшую» (И. Н. Горсткий — Восстание декабристов. XVIII, 200), а среди друзей в честь выходящего полководца и воен. теоретика 18 в. Морница Саксонского получил прозвище «marchal de Sax» («саксонский маршал»).

Один из соавторов преддекабристской «Саксонской артили» (1814) и «Союза спасения» (1816; вместе с П. И. Пестелем М. намеревался придать ему характер полумасонской организации). «Военного общества» (1817) и «Союза благоденствия» (1818). В последнем был членом Коренной управы и главой одной из моск. управ. Принял им. новых членов, в т. ч. М. А. Фонвизина, М. Ф. Орлова, попался — нечаянно — во дворе в тайные об-ва В. А. Жуковского (Жуковский В. А., ПСС, т. 10, СПб., 1902, с. 22), А. И. Михайловского-Данилевского (РВ, 1890, № 9, с. 150—51), а также вместе с Фонвизиным поставить под контроль «Союза благоденствия» (в 1818) лит. «Обществ. промского дела», а к-рое влодили С. Е. Раец, М. А. Дилтрикс и др.

Сторонник конституц. монархии, в 1817 «причастен к умыслу на шверство» как участник смут. заговора. Принимал участие в составлении программных декабристских докт-ов и, вероятно, был автором одного из вариантов второй, «сокровенной» (не известной рыловым членам) части «Зеленой книги», что отрицал на следствии (Смирнов а Л. Б., Вторая часть «Зеленой книги» и ее авторы. — В кн.: Вопросы полит. истории СССР, М.—Л., 1977, с. 126—32, 135).

В янв. 1818 арестован за «неисправности» подчиненных на крещенском параде и в октябре вышел в отставку. После женитьбы (в сент. того же года) на княжне Праск. Мих. Шажовской (1788—1835; см. эпитафию М. на ее надгробии — МНекр., II, 293), горячо поддерживавшей мистич. настроения мужа, на какое-то время прервал связи с тайным об-вом, уехав в имение тещи Белая Колы, а весной 1819 в результате душевного перелома (признал частную жизнь основной, разочаровался в рев. способах социального переустройства) поврал с ним окончательно. Выходя из об-ва, написал письмо-об-

рашение к его членам, в к-ром призывал следовать своему примеру (текст неизв.); «отречение» М. «приятно было с большим негодованием и вообще произвело сильное впечатление» (П. А. Муханов — Восстание декабристов, III, 32).

Арестован 8 янв. 1826. В ходе следствия расканвался в своем участии в тайных об-вах (одновременно замалчивая нек-рые важные обстоятельства своей конспиративной деятельности), что в позднейшей лит-ре определило его репутацию «кающегося декабриста» (см.: Штрайх). Осужден на 6 лет каторжных работ, по конфирмации сослан в Сибирь без лишения чинов и дворянства (для отошедшего от об-ва до 1821 приговор был очень суров), сначала в Якутск (возвращен с дороги), а затем в Верхнеудинск (1827—29).

Не имея средств содержать семью, упорно добивался разрешения вступить в гражд. службу, неоднократно обращался к государю и др. лицам. Служил в Иркутске горюдничим и пред. губ. правления (1828—32), в Тобольске пред. губ. правления и и.д. гражд. губернатора (1832—33), в Вятке и Крыму (с 1835) пред. уголовной палаты (неск. раз исполнял должность гражд. губернатора) и архангельским гражд. губернатором (с 1838).

Повсюду боролся против адм. злоупотреблений, нарушения законности, преследовал влччичество, «глухое лионичество» (см. «О злоупотреблениях и злоупотребителях Тобольской губ.», 1833; опублик.: Соч. и письма), используя при этом и закулисные методы борьбы, в частности сличные родственника, управляющего III ст. А. Н. Моравинова. Помогал декабристам, опасаясь осуждения, при этом в польском вопросе (1830—31) разделил позицию офиц. правительства, крупное («Из эпистолярного наследия декабристов», с. 255—36, 319). В 1839 уволен от должности за противодействие использованию воен. силы против восст. польских. Проявил в наследств. имении (в Волгодонском уезде, в-рое в конце концов вынужден был продать за долги).

В 1843—51 состоял при Мин-ве внутр. дел (д. стат. сов. с 1848). С 1851, вследствие тяжелого материального положения, снова на воен. службе: полковник Ген. штаба, член Военно-ученого к-та. Участник (из-за болезни — недолгое время) Крым. войны, исполнял должность ваяч. штаба 2-го корпуса, с 1855 ген.-майор.

Первые дошедшие до нас лит. опыты — франц. стихи 1813 в письмах родственникам В. А. и А. М. Бакуниним (родителям М. А. Бакунина), стилизованные под «отрывки из трагедий» и шуточные песенки (Соч. и письма, с. 165—66, 171, 175).

В 1-й пол. 1816 стихи, с братом Михаилом, Вислой М. Муравьевым, И. Г. Бурцовым и Петром Калашниковым подготавливал об изд. а. «Воспоминания, записки» с широким тематич. охватом, т. 60, кн. 1, с. 555—58). Тогда же вместе с Бурцовым и братом Михаилом составил «Воск. наследств. дарчик из Петербурга... в Вильну, а из Динабурга и в Вилькомир», за к-рое получил благодарность имп. Ген. штаба кн. П. М. Волконского (Глиннопиская Н. П., История рус.

Ген. штаба, т. 1, 1698—1825. СПб., 1883, с. 358). летом 1816, во время пребывания в Крыму на лечении, — описание Елатории.

Среди декабристов был известен как автор «Ответа сочинителю речи о зашищении права дворян на владение крестьянами...» (апр. 1818, подпись: «от Россиянина», опублик.: ЧОИДР, 1859, кн. 3, без имени автора; распространен в списках), в к-ром страстно убеждал оппонента (предводителем калуж. дворянства Н. Г. Вяземского) в моральной и юридич. несостоятельности крепостного права, осн. на невежестве и презрении «прав человеческих», бедств. и бесправном положении крестьян — «сословия, дающего самое большое число защитников Отечества» (Соч. и письма, с. 129—30). Резкость обличения (существующее положение вещей М. называет «пошлым», «богопротивным») и рабским — там же, с. 131) сочетается у М. с характерным для декабристов императивом жертвенности и идеальными представлениями об «истинном дворянине».

К 1818 относится и (Залесье сна) (там же); любопытна причудливым сочетанием мистич. мотивов, социальной и личной тем. Усиление мистич. настроений в тот период нашло отражение в письмах («Из эпистолярного наследия декабристов», с. 142, 156—58: эпистолярное творчество М. в целом свидетельствует о своеобразной людям александров. времени потребности фиксировать ежедневный душевный опыт). Мистичизм М. возрастает, и после смерти первой жены (там же, с. 249...63) он перевозит (кон. 1830 — нач. 1840-х гг.) «Учение нового Иерусалима» (вскр. Э. Савелюкова (намеренно не печатать в «Современнике»). В 1841 вступает в брак, скорее всего в граждан., с сестрой первой жены Марфой.

М. — автор «Записок», написанных после 1861 (опубл. Ю. И. Герасимовой в кн.: Декабристы. Новые материалы, М., 1955); сохр. конец 2-й и 3-я (ис полностью) части, описывающие события кон. 1810 — осени 1812. «Записки» — ценный источник по истории Ген. штаба, масонства в России, обществ.-полит. настроений в офицерской среде в рус. армии 1811—12, а также боевых действий до Тарутин. сражения. М. дает высокую оценку рус. солдату, особо отмечая его «непоколебимую стойкость и упорство в обороне» («Россия двинулась сным», с. 279). Интересно характеристики высших офицеров первой армии (М. Б. Барклай-де-Толли, К. Ф. Толя, А. П. Ермолова, вел. кн. Константина Павловича и др.) и взаимоотношений между ними. Поставив перед собой задачу писать о том, что «знал, видел, чувствовал и слышал, что сделало мне известно из рассказов основательных людей» (с. 268). М. превращает мемуары в сложный конгломерат личных восп., моральных и исторософ. рассуждений, анализа хода воен. действий и даже анекдотов — с соответствующим столкновением стилей, характерных для каждого из этих жанров.

В сент. 1856, по протекции старшего друга, мин. внутр. дел С. С. Ланского, М. назначают нижегород. воен. губернатором; здесь он «с восторгом» встретил известие о предполагаемом освобождении крестьян — как осуществление мечты своей юности; принял чрезвычайно активное участие в подготовит. работах по отмене крепостного права, всячески инициировал и поддерживал «либеральное меньшинство». В февр. 1858 на открытии Нижегород. к-та произнес «Речь для составления проекта положения об улучшении быта помещичьих крестьян», в к-рой, сравнивая членов к-та с посланцами Бога, призывал их исполнить свой гражд. и моральный долг и обеспечить благосостояние миллионов соотечественников (опубл.: «Нижегород. губ. вед.», ч. неофиц., 1858, № 10; тепло встречена современниками: Шевченко К. Т. Г., Собр. соч., т. 5, М., 1965, с. 196—97; Анд. Н. Карамзин — РС, 1899, № 2, с. 270; Пушкин и И. И., Записки о Пушкине. Письма, М., 1989, с. 373, 375, 381; Декабристы, М., 1938, с. 221, 266, 477; распространялся в списках). М. разработал состав. проект отмены крепостного права, более радикальный: незамедлит. освобождение крестьян с землей без выкупа, и был разочарован Положениями 19 февр. 1861. В Н. Новгороде он оставил о себе память как о человеке сурового нрава, расчетливом, прищирчивом и деспотич. управителе (М. «принадлежал к старому типу самовластных, дореформенного чиновничества» — Короленко, 1911, отд. II, с. 140), «зорко» следившем за «соблюдением интересов крестьян» (А. Савельев — РС, 1898, № 7, с. 83). Его неустанная борьба со злоупотреблениями и крепостниками породила в консерват. дворян. кругах очень злоую саптуру на него (самый изв. памфлет «Муравинада», опублик.: РС, 1897, № 9, с. 539—559; см. также: РС, 1898, № 7, с. 87—88, 91). Памятью о его прошлом, в М. видели не проводника реформ Александра II (пользовавшегося в своей тактике поддержкой высокопостав. петерб. кругов), а самостоятельного «восстановителя волюнтаризма», «душителя» чиновничества и дворянства, якобинца и подстрекателя («Ты хитрейший санкилот/ Хуже всех французских/ Деяною третей гол/ Готовил для русских») (РС, 1898, № 7, с. 87). С выходом Положения 19 февр. 1861 М. отправлен в поч. отставку и переведен в Москву (с 1861 ген.-лейтенант, сенатор). Устроил «всесословный» прошальный обед (22 окт. 1861) с приглашением бывших крепостных крестьян (описание: МВед, 1862, 16 янв.; то же — РС, 1898, № 7, с. 85—87). После отставки писал «Записки»; вскоре умер «несостоятельным должником»

МУРАВЬЁВ

(Соч. и письма, с. 59). Существует гипотеза, что М. послужил прообразом П. А. Думского — в пьесе В. Г. Белинского «Пятидесятилетний дядька, или Странная болезнь» (1835).

Изд.: Соч. и письма, Иркутск, 1986 (комм. и вступ. ст. Ю. И. Герасимовой и С. В. Дюмина) (в оглавлении ошибочно указана О. С. Тальская; вкл. перечень публ. писем М. — с. 6); Из эпистолярного наследия декабристов. т. 1. М., 1975 (вступ. ст. и комм. И. С. Казантырской); «Россия двинутая сини». М., 1988, с. 268—99 (третья часть записок; сост. С. С. Волк и С. Б. Михайлова); Ответ сочинителю речи... — В кн.: «Их вечно с волеюю союзу», М., 1983 (вступ. ст. и комм. С. С. Волка). (Представляется ошибочной атрибуция М. (Волк С. С., Ист. взгляды декабристов. М.—Л., 1958, с. 317) послыям, ст. по поводу «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (СА. 1823, ч. 5); ни обнаруженный автором глубокий интерес к истории, ни способ рассуждения и стиль не характерны для М.)

Лит.: Восстание декабристов, III (следств. дело); I, II, XVI—XVIII (ук.); Фовизин М. А., Соч. и письма, т. 1, Иркутск, 1979 (ук.); Мемуары декабристов. Юж. об-во. М., 1982 (ук.); Трубецкой С. П., Мат-лы о жизни и рев. деятельности, т. 1—2, Иркутск, 1983—87 (ук.); В. Ф. Ржевский, Мат-лы о жизни и рев. деятельности, т. 2, Иркутск, 1983 (ук.); Герасимов (ук.); Кропотов Д. А., Жизнь гр. М. Н. Муравьева в связи с событиями его времени... СПб., 1874, с. 22... 212; Муравьев Н. Н., Записки. — РА. 1885, кн. 3; Муравьев (Рословская), Рассыл. 1893; Лобанов-Ростовский А. Б., Рус. рословская книга, 2-е изд., т. 1, СПб., 1895; Юанн П., Из Нижегород. старин. — РА. 1897, кн. 2, с. 131—35; Савельев А. А., Неск. слов об Нижегород. губернаторе М. — РС. 1898, № 6, 7; В (решающий) А., Революция на Волге тридцатых гг., Вятка, 1899; Менделеев Д. И., Поездка в Тольскую. — В кн.: Уральская железная промышленность в 1899 г., СПб., 1900, с. 426—27; Стрессовых П. Д., Нижегород. губернатор М. — РС. 1901, № 5; Королевский В. Г., Легенда о шаре и декабристе. — РБ. 1911, № 2 (перепеч.: «Континент», 1994, № 80); Штрайт С. Я., Каючийся декабрист. — «Красная новь», 1925, № 10, дек.; его же. Провокация среди декабристов. Самозванец Мелкое в Петров. заводе, М., 1925; Бахунин М. А., Собр. соч. и писем, 1828—1876, т. 2, М., 1934, с. 142, 151, 153, 162; Неякина М. В., Свадебная артель. Кружок М. и Ивана Бурилова, 1814—1817 гг. — В кн.: Декабристы и их время, М.—Л., 1951 (см. там же, с. 272); Декабристы в Москве, М., 1963, с. 14... 63, 143... 49, 270, 276; Зоркин В. И., Правда о «раскаившихся декабристе». — В кн.: Памяти декабристов. К 150-летию со дня востан. Иркутск, 1975; Рабкина Н. А., Первый декабрист. — В ее кн.: Отчужден высланным призывал..., М., 1976; Герасимова Ю. И., Декабрист М. в годы первой револ. ситуации. — «История СССР», 1979, № 4; Дюма А., Путевые впечатления в России, т. 3, М., 1993, с. 162, 167, 171—72, 354, 616. + Чешинкин (Ветринский) В. Е., Люди Нижегород. Поволжья, в. 1. Н. Новгород, 1915; Ченцов: Эфиопов (1, 2); Брокгауз (в ст. «Муравьев»); Гранат, СИЭ; Декабристы: Движение декабристов, 1977—92.

Архивы: РГБ, ф. 336 (вкл. письма Шаховских «Об обязанности родителей в воспитании детей», 1856); ГАРФ, ф. 109, 1 экзп., 1826 г., д. 61, ч. 119, СА. оп. 3, 1859, л. 1957 (проект освобождения крестьян); письма М.: ГАРФ, ф. 1736, д. 2, 21 (Шаховским); ГИМ, ф. 254 (брату Н. И. Муравьеву; частично опубл. И. С. Казантырской, 1975); ф. 276 (М. И. Муравьеву-Алостолу); ф. 469, № 36 (В. Н. Басинину); РГИА, ф. 982, оп. 1, л. 96 (памятка на М.); РИЛИ, Р. I, оп. 17, № 464 (ф. с. 1810—51 гг.). № 470, 471 («Восст. описание Галиции в кон. 1834 г.» и др. рукописи); Р. III, оп. 1, № 1520 (А. И. Пучковой); РНБ, ф. 124, № 2925 («Наставление сыну Михаилу», 1821 г.); Герасимова Ю. И., Мат-лы М. в фондах ОР ГБЛ. — В кн.: Зал. ГБЛ, в. 36, М., 1975.

К. Г. Голышев

МУРАВЬЁВ Андрей Николаевич [30.4(12.5).1806, Москва — 18(30).8.1874, Киев; похоронен в приделе Сергия Радонежского Андреевской церкви], поэт, драматург, духовный писатель, религ. деятель, мемуарист. Младший брат Ал-дра Н. Муравьева, Н. Н. Муравьева-Карского и М. Н. Муравьева (о нем см. в ст.: о брате

Николае). После смерти матери (1809) воспитывался у родственников; в 1815—23 жил в Москве, в доме родителей, где размещалась Школа колонновожатых; дружил с ее воспитанниками. Рано пробудившееся стремление к стихотворству (первые, несохранившиеся, опыты «Буря» и «Дружба» относятся к 1819), очевидно, пришлось отцу не по душе: [он] ненавидит поэзию... Он хотел сделать меня... математиком или военным человеком («Мои восп.» — РО, 1895, № 5, с. 57). Тем не менее в качестве лит. наставника был приглашен С. Е. Раич; под его руководством переводил Тита Ливия и «Энеиду» Вергилия (1820).

В 1823 вступил в воен. службу — по совету Н. В. Басаргина во 2-ю армию (г. Тульчин), где управляющим канцелярней нач. штаба был И. Г. Бурилов, близкий друг Н. Н. Муравьева. Судя по письму к брату от 9 нояб. 1823, М. рассматривал службу как возможность вступить в гвардейский полк и, находясь в Петербурге, совершенствовать свое образование (ГИМ, ф. 254, № 341, л. 174). В мае 1823 зачислен юнкером 34-го Егерского полка, а в декабре переведен в Харьков, драгунский полк прапорщиком. Оказавшись в сфере деятельности Южного об-ва, общался в каину восстания с видными его деятелями, однако сведений о причастности М. к движению декабристов нет. В сент. 1827 уволился из армии «с повышенным чина для определения к статским делам». Сдав в апр. 1828

экзамены при Моск. ун-те, в августе определен в ведомство Коллегии иностр. дел с причислением к дипл. канцелярии главнокомандующего 2-й армией П. Х. Виттенштейна, участвовавшей в рус.-тур. войне 1828—1829.

Несмотря на обременит. службу, лит. занятия М. в 1823—30 необычайно интенсивны. Он захвачен многочисл. замыслами. Культивируя в себе «поэтический огонь», в авг. 1825 отправился в Крым за новыми впечатлениями для поэмы «Потопа», к-рая мыслилась как логич. завершение «Потерянного рая» (1667) Дж. Мильтона и «Месснады» (1751—73) Ф. Клопштока (сохр. две «песни» — РГИА, ф. 1088, оп. 2, № 865). Одновременно работал над поэмой «Чатырдаг» (рукопись неизв.); к кон. 1825 завершил трагедию «Митридат» (опубл.: НЛО, 1996, № 17), а также ряд «описательных» стих. (позже вошедших в сб-к «Таврида»). В Симферополе, а затем в Бахчисарае М. встречался с А. С. Грибоедовым, к-рый одобрил замысел «Потопа» («хотя и грозил его огромностью») и рассказал ему о собственных замыслах ист. драм «Федор Рязанский» и «Владимир» («Мои восп.» — РО, 1895, № 5, с. 62—63, 74; см. также: Краснов П. С., О «Федоре Рязанском». — РЛ, 1973, № 3, с. 104—07). Возможно, беседы с Грибоедовым побудили М. написать трагедию «Владимир» (лето 1826, Тульчин), с к-рой он осенью приехал в Москву (отрывок «Рогнеда» — «Атеней», 1830, № 3, февр.; рукоп. неизв.).

Зима 1826—27 — наиб. яркий период в творч. судьбе М.: время активного вхождения в лит. жизнь Москвы и самоутверждения как поэта. Он тесно общался с любомудрами, и прежде всего с М. П. Погодиным (отношения с ним поддерживал всю жизнь); накануне чтения пушкинского «Бориса Годунова» Погодин с энтузиазмом принял ходившую в списках трагедию «Владимир» (дневниковые записки Погодина о М.: РГБ, ф. 231, раздел I, № 31, л. 161—63). П. А. Вяземский писал о «Владимире» В. А. Жуковскому и А. И. Тургеневу (20 нояб. 1826): «Молодо, зелено, но есть живость, огонь и признаки решительного дарования» (Архив Тургеневых, VI, 48). М. познакомился с Е. А. Баратынским и А. С. Пушкиным; стал пост. посетителем салона З. А. Волконской (урожд. Белосельской-Белозерской, дальней его родственницы). Ей посвятил стих. «Ольга», «Певец и Ольга» (1827), а позже «Молитву об Ольге Прекрасной» («Совр.», 1836, т. 4) — в ответ на ее поэму в прозе «Сказание об Ольге» (Св. княгиня, просветительница Руси, считавшейся «заступницей» рода Белосельских-Белозер-

ских; в стихах М. пост. ассоциация Ольги и Волконской). Находясь под покровительством Волконской, М. упрочил репутацию многообещающего поэта; его стихи стали предметом широкого обсуждения.

Первую публ. М. — стих. «Воззвание к Днепру», «Русалки», «Бакчисарай», «В Персию!», «Ермак» в альм. Ранча и Д. П. Ознобишина «Сев. лира на 1827 г.» (М., 1827; ц. р. 1.11.1826) — встретили весьма одобрительно: «с надеждой и радостно» обратил на нее внимание Пушкин (из неопубл. рец. на альм.; см.: XI, 48), а Вяземский нашел в ней «живую поэзию в вымысле и выражении» (МТ, 1827, № 3, с. 244).

Почти одновременно появился сб. «Таврида» (М., 1827; ц. р. 3 янв. 1827), оказавший единственным в поэтич. наследии М. Он состоял из двух частей: первая, открывающаяся стих. с тем же назв. «Таврида», — своеобразный лирич. цикл, посв. описанию разл. мест Южного берега Крыма на пути от Чатырдага до Кучук-Ламбата (12 стих., в т. ч. «Чатырдаг», «Бакчисарай», «Балаклава»); вторая — многоплановая: программные стих. «Поэзия», «Забвение», «Сон Певца», «Идеал» с мотивом пробуждения поэтич. вдохновения и образом страстного, но гонимого и непонятого поэта, над к-рым «уж веет... забвение грядущих лет!»; обостренный интерес к рус. истории («Днепр», «Ольга», «Святослав», «Ермак», «Основание Москвы»); тяга к философичности в стих. «Оссан», «Галла», «Стихи», «Прометей», проникнутых оссано-вскими мотивами невыразимого, мрачного и великого. Давая представление о начинающем поэте, «Таврида» вместе с тем стала заметным лит. явлением.

Поэзию М. высоко ценили в салоне З. Волконской, а также в кругу «Моск. вест.» (хотя гл. ред. ж-ла Погодин высказал ряд критич. замечаний — МВ, 1827, № 6). Пушкинское окружение находило в нем задатки даровитого, но весьма строптивого ученика, нуждающегося в сдержанно-наставит. оценках; в рец. на «Тавриду» Баратынский подробно разобрал ряд погрешностей М. в слоготворении, композиции и стихе, преваряя и заключая анализ двоякими суждениями: «он еще не написал ничего истинно хорошего, но подает прекрасные надежды» и: «богачу жаром и красками, ему недостает облуманности и слова, следственно — очень многого» (МТ, 1827, № 4, с. 326, 331). (Ср. схожие похвалы и упреки рецензента «Дамского журнала», 1827, № 7, апр., с. 47—50.)

Спустя 100 лет Ю. Н. Тынянов уловил в поэтич. «недостатках» (Баратынский) М. некий «найти выход из «безупречной бедности элиментальности», сложившейся в русск. «школа гармонич. точности»: «в его стихах нет... чопорности, сладости и безупречной бедности... онд. напро-

тив, выделялись зомею энергию, „мелостно“ и „мелостотою“, в-рые были так нужны в эпоху распятия и монотонизации ходовых элементов пушкинского стиха» (1929; см.: Тынянов, с. 172, 174). Тогда же Тыняновым отмечено «точечное направление» в русск. поэзии, впервые с «достаточной ясностью» зафиксированное именно в альм. «Сев. лира» (там же, с. 168); вслед Тынянову к этому причисляет М. и нег-рые отец, исследователь 70—80-х гг. (см. в разделе Изд.: «Сев. лира», с. 279—80; см. также предисл. Л. Я. Гинзбург в кн.: Поэты 1820—1830).

Есть основания полагать, что именно завышенная репутация М.-поэта, сложившаяся в салоне Волконской, подготовила почву для сдвой эпиграммы Пушкина «Из Антологин» («Лук звенит, стрела трепещет»), метившей в лице М. в салонную лит-ру (см.: В а ш у р о, Эпиграмма Пушкина...). Пушкин настоял на ее публикации в ж-ле Погодина, покровительствовавшего М. (МВ, 1827, № 6), что само по себе усиливало элемент лит. борьбы. С нею соотносится эпиграмма Баратынского «Убог умом, но не убог задором» того же времени, а также эпиграмма 40-х гг. С. А. Соболевского «Бельведерский Митрофан...» (в его кн.: Эпиграммы и экспромты, СПб., 1912, с. 82). По-видимому, к М. (а не к А. Мишквичу, как предполагали ранее; см. об этом ст.: Вацууро, Эпиграмма Пушкина...) обращено послание Баратынского «К***» (написано в 1827) с настойчивым призывом не доверяться модной усыпляющей «похвале» и не бояться «критич. хлыста». Устойчивая же офиц. версия объясняла появление эпиграммы суеверием Пушкина, будто бы боявшегося предсказанной ему гибели от «белого человека» (М. был белокур и устремившегося навстречу судьбе. Поводом для эпиграммы послужил театр. жест М.: шутя примериваясь в доме Волконской к статуе Аполлона, он нечаянно повредил ее и в знак раскаяния написал на пьедестале экспромт «О Аполлон! Поклонник твой» (опубл.: РА, 1885, кн. 1, с. 132). По свидетельству современников (см. там же), М. хотел вызвать Пушкина на дуэль, но, успокоенный Погодиным, ограничился язвнт. эпиграммой «Ответ Хлопушкину» (см. о ней в кн.: Поэты 1820—1830, II, с. 692). Позднее обиду постарались сгладить и сам Пушкин, что установило между ними внешне вполне дружеские отношения. Позже, в «Монх восп.» М. не без приукрашивания воспроизвел сцену их встречи в 1832: Пушкин, желая исправить впечатление от «своей глупой» эпиграммы, написал М. — «благодарчивому паломнику» — стихи, к-рые, однако, «потерялись» (РО, 1895, № 12, с. 600). В сер. 30-х гг. Пушкин прилек М. к участию в «Современнике».

Весной 1827 после «жесточкого удара» (собств. оценка рец. Баратынского), а также советов старших

братьев оставить поэзию, М., чувствуя себя непризнанным талантом, обращается к творчеству Данте и Т. Тассо (читая их в подлиннике). Задумал трагедию «Жизнь Тассо, или Судьба поэта», написал сцену «Смерть Данта» (МТ, 1827, № 11). Тогда же обратился к всегда привлекавшей его теме крестовых походов, христ. рыцарства, теократич. власти, начав драму «Битва при Твернаде, или Падение крестоносцев в Палестине» (окончена в нояб. 1827 — см. «Монх восп.»; посв. товарищу по воен. службе С. Н. Сулиме; опубл. с жанровой пометой «драм. сцены в 5 д.» и ист. комментариями автора — К., 1874). О страстной преданности поэзии и честолюбивых поэтич. стремлениях М. свидетельствует его переписка с В. А. Мухомовым (о нем см. в ст. Мухомов А. А.), где, в частности, он сообщает, что начал вести дневник (см. в разделе П и с ь м а: Шукшинский сб., в. 5, с. 249). Дневник под назв. «Моя воспоминания» опубл. посмертно (не полностью; РО, 1895, № 5, 12; 1896, № 2; в отд. изд. — М., 1913 — не вошел текст из № 5, но есть продолжение № 2; неопубл. часть хранится в Гос. музее А. С. Пушкина (М.): ф. 2, оп. 6, Р. 190, л. 1—160).

Во время рус.-тур. войны (1828—1829) в Шуле знакомится с А. С. Хомяковым. Зимой 1829, решив «начертать, по примеру Шекспира, одну огромную драму Россия» (см.: РО, 1895, № 5, с. 74), приступил к циклу ист. трагедий на сюжеты из русск. раннего Средневековья, представлявшегося ему особенно поэтическим, исполненным отчаянной распри, воинской доблести и христ. подвижничества: дилогии «Князь Тверские в Златой Орде» [= Михаил Ярославич Тверской], в 5 д., и «Георгий Московский», в 3 д.; по свидетельству комментатора «Монх воспоминаний» А. А. Третьякова, «сохранились в рукописи» (1895, № 5, с. 73); отрывки: «Совр.», 1837, т. 6, и МН, 1835, июнь, кн. 2] и драм — «Святополк», «Василько», «Андрей Боголюбский», «Сеча на Калке» (вероятно, оставшихся на стадии замысла).

После поражения Турции М. при содействии главнокомандующего русск. армии И. И. Дибича получил в нояб. 1829 высочайшее позволение и средства на путешествие к Св. местам. В 1829—30 побывал в Египте (в частности, в Александрии и Каире), Иерусалиме, на Кипре, в Смирне, Анатолии, Константинополе. После войны с Турцией путешествие приобрело оттенок полит. миссии: М. стал первым посланником мира в этих странах; самоотверженный поступок «молодого благодарчивого юноши» получил широкий резонанс в русск. обществе, к-рос истолковало паломничество как символич. намек

на религ. миссию России на Бл. Востоке. Вышедшее в свет в 1832 его «Путешествие ко Святым местам в 1830 г.» [ч. 1—2, СПб.; рукопись книги по просьбе автора просматривали В. А. Жуковский, принимавший в нем участие (познакомились в 1830), и митрополит Филарет (Дроздов), ставший впоследствии его духовным наставником и соратником] вскоре было дважды переиздано — 1833, 1835 (затем — 1840 и 1848) и принесло М. большую популярность (так что ряд последующих своих «путешествий» он подписывал перифразой: Сочинение автора Путешествия ко Святым местам). Оно вызвало множество положит. отзывов, в т. ч. Пушкина («с умилением и невольной завистью прочли мы книгу» — из предполагавшейся рецензии, см.: Х1, 217), обширную рец. ж. «Телескоп» (1832, № 18), позднее — Н. Г. Чернышевского (II, 520). За «Путешествие» и ценный дар — привезенные из Александрии статуи двух сфинксов — в окт. 1832 Акад. художеств присвоила ему звание Почетного вольного общинника академии; в нояб. 1833 без его ведома был избран д. чл. ОЛРС.

Вернувшись в сер. 1830, поселился в Петербурге, числясь по службе в МИДе; в мае 1831 по предложению дальнего родственника, Е. З. Канерной, назначен столоначальником Турецкого стола в Азиат. деп. (пробывал до 1833; с янв. 1833 коллеж. эк.). По-видимому, весной 1832 съездился к Над. Гринг. Чернышевой, но получил отказ (на ее руки претендовали также его брат Николай и Д. И. Гончаров — брат жены Пушкина; см.: Пушкин, XV, 74; Обозовская, с. 79—80). Остался холостком. В апр. 1833, по протекции «Путешествия» нип. Николаем I. определен «по духу своей книги» секретарем обер-прокурорского стола Святейшего Синода «с оставлением его численным чл. ведомству МИД»; в Синоде поддерживал духовных членов, в т. ч. Филарета Дроздова и Филарета Гумилевского. В 1836 подалован в камергеры.

Осенью 1832 при непосредств. участии поэта А. Г. Ротчева в Александрии т-ре с «царской роскошью» (из обзора «Сев. пчелы») была поставлена «Битва при Тивериаде»; пьеса выдержала лишь 5 представлений (1-е — 9 окт.; отзывы: СП, 1832, 20, 28 окт., и анонимная эпиграмма «Не всех беснующих людей» — опублик.: Рус. эпиграмма, 1975, с. 438). С горечью пережив неудачу на поэтич. стезе, М., несмотря на поощрения Жуковского («Требую от М., чтобы он не обращал внимания на неудачу ... он поэт в благородном смысле слова и писать должен» — из письма И. И. Козлову от 27 февр. 1833) и Пушкина (опубликовавшего в своем «Современнике» отрывки из 4-го и 5-го д. драмы с развернутым авт. предисловием — 1836, т. 2), оставляет ее и посвящает свои лит. способности и свою жизнь духовной лит-ре и церк. публицистике, в одном из жанров к-рых — «путешествия» — он уже стяжал всеобщее признание.

М. полагает начало новой разновидности духовной и церковной лит-ры, придав ей нек-рые свойства худож. повествования, так что «беллетризация» сделала ее более доступной и привлекательной для широкого читателя (условно ее можно назвать церковно-беллетристической — ср. аналогичное определение «учено-беллетристические», примененное Белинским к ист. работам — «описаниям» — А. И. Михайловского-Данилевского; VIII, 93). Сам М. на исходе творч. пути писал о своем нововедении: «Я, можно сказать, создал церк. лит-ру нашу, потому что первый облек в доступные для светских людей формы все самые шекотливые предметы богословские и полемические...» [«Мои восп.» (неопубл. часть), л. 158]. И это подтвердил строгий его критик Н. С. Лесков: «Он первый из светских людей начал вешать о таких вопросах, к-рыми до него „светские“ люди не интересовались и не умели за них тронуться» (Лесков Н. С., Синодальные персоны. — ИВ, 1882, № 11, с. 406; ср. также мнение А. С. Стурдзы 1851: «сблизил и сроднил на Руси изящную словесность с духовною» — см.: «Арзамас», I, 58).

В огромном «церковно-литературном» наследии М. прослеживаются три осн. жанрово-тематич. ряда: путешествия по Св. местам, история церкви, богословские вопросы; все они подчинены единой цели — «утверждению православия» во всей его полноте в совр. жизни. В роли защитника православия (по совет. определению) М. занимал совершенно исключит. положение: не имея никакой офиц. должности [после напряженной борьбы за место обер-прокурора Святейшего Синода уволился в июне 1842 (одновременно Синод оставили Филарет Дроздов и Филарет Гумилевский), а в 1866 «по случаю упразднения должности» уволен и из Азиат. деп. МИД], он тем не менее являлся одним из наиб. авторитетных и влият. деятелей Рус. правосл. церкви. В 1860 он уже более 20 лет считался «эпитропом (т. е. поверенным) в России трех патриарших престолов (Александрии, Антиохии, Иерусалима); алит. время свободно сносился со мног. обитателями Афона (свободно изъяснялся на греч. яз.), был ктитором двух афон. мон. — болг. и русского (см. письмо И. М. Толстому от 6 дек. 1860); состоял в многолетней переписке по догматич., церковно-полит., должностным вопросам с четырьмя патриархами и др. святителями Востока, а также с русскими.

Целенаправл. деятельность М. на новом поприще ознаменовалась рядом изданий:

«Письма о богослужении восточной католической церкви» (СПб., 1835; без слова «католической»).

Адресованы Гончарову — брату жене Путилина. Прилетел и сослужбу по миссии Осташев в Волоколамском у.; имел огромный успех, выдержал множество переводов: 1—11-е изд., 1835—1882; с доп. — 1—3-е изд., 1899—1904 («Дополнение к письмам...», соет. посмертно и первонач. вышло отдельно: СПб., 1883; 2-е изд., СПб., 1898); переведены почти на все европ. языки; полонит. отзыв: Белинский — III, 129—33; ЖМНП, 1838, № 2; БдЧ, 1838, т. 27. В изд. 1855 (СПб.) вошла ст. «О литургии», впервые опублик. М. в 1841 («Христ. чтение, ч. 1) и послужившая лит. источником для работы Н. В. Гоголя «Размышления о Божественной литургии» (см.: Гоголь Н. В., Собр. соч., т. 6, М., 1994, комм., с. 528, 530—31).

«Путешествие по Святым местам русским» (СПб., 1836; 4-е доп. изд., ч. 1—2, СПб., 1846; 8-е изд., ч. 1—2, СПб., 1905), куда вошли и ранее изданные описания.

В многочисл. полонит. рецензиях на «Путешествие», в т. ч. И. С. Тургенева (ЖМНП, 1836, № 8), отмечалось совершенное знание предмета (прим. — историко-культурная роль монастырей, их патриотич. борьба против иноземных захватчиков), красноречивость, благодушное настроение; в рецензии отрывков — упреки в вероисповедстве (см.: Грот и Плетнев, II, 770, 777; письма 1846).

«Изложение символа веры православной восточной католической церкви» (СПб., 1838; 4-е изд., СПб., 1844; принято в качестве учебника в духовных уч-щах). «Первые четыре века христианства» (СПб., 1840; 3-е изд., СПб., 1866).

Летописная манера М. напоминала современника Н. М. Карамзина (Третьяков А. А., Памяти М. — РО, 1895, № 1, с. 283), а сентиментальная настроенность — Ф. Р. Шатобриана (Святогорцы, что на Донце, Краткий обзор всех соч. М. — Второе прил. к «Церк. летоисчис.» за 1866, с. 2). Религ.-сентимент. летописный стиль М. — своеобразная поэтич. проза, наиб. естественная и выразительная в его «путешествиях». В февр. 1837 «за заслуги в области рос. словесности» М. избран в д. чл. Рос. академии.

К кон. 50-х гг. он постепенно меняет амплуа «сентимент. путешественника» на роль историка церкви и богословствующего публициста. Одним его сочинения — миссионер. характера, в т. ч. «Письма о спасении мира Сыном Божиим» (СПб., 1839, 1842, 1844), «Слово католического православия рим. католичеству» (М., 1852; 2-е доп. изд., М., 1853), другие — полемического, в т. ч. «Правда Вселенской церкви о Римской и прочих патриарших кафедрах» (СПб., 1841, 1849), «Раскол, облачаемый своею историею» (СПб., 1854). Большой интерес публики к избранной им теме побуждает М. писать быстро и много: «Мою книгу станут тотчас читать; знаю, что через десять лет ее забудут, но она сделала свое дело» (Казанский П. С., Восп. об М., М., 1877, с. 10). Однако при необычайно продолжит.

интенсивной работе, к тому же постоянно настроенной лишь на «высокий лад», беллетристич. приемы со временем нередко приобретали графариетность, а подчас и риторич. напыщенность.

Действую на новом, религ.-духовном, поприще, М. до нач. 40-х гг. сохранял прежние лит. связи и прежде всего — с кружком И. И. Козлова, где, появившись, очевидно, после путешествия 1830, нашел одобрение и поддержку своим религ.-публиц. замыслам. Здесь он встречался с П. А. Плетнёвым и Жуковским, по просьбе к-рого в 1840 занимался посмертным изданием соч. Козлова (см.: РГБ, ф. 188, к. 5, № 31). Видимо, к 1834 относится его знакомство с М. Ю. Лермонтовым, с к-рым затем нередко встречался в 1835—36. В собственных восп. М. предстает маститым писателем, покровительствующим начинающему поэту, восхитившему его поэмой «Демон» (одна из ранних ред. 1833—1834); в февр. 1837 он ходоатайствовал за автора стих. «Смерть поэта» через своего двоюродного брата А. Н. Мордвинова, служившего в III отделении. В доме М. Лермонтов написал свой шедевр — «Ветка Палестины» [в набранной копии имелась помета: «Посвящается А. М.»]; о подробностях и расхождении в дате написания стих. — 1836 или 1837 — см.: Баринов, а также ст. «Муравьев А. Н.» и «Ветка Палестины» в Лерм. энци.; о портрете М. (хранится в ИРЛИ), приписывавшемся Лермонтову, см. ст. К. Н. Григоряна в кн.: М. Ю. Лермонтов. Иссл. и мат.-лы, Л., 1979, с. 273—74].

В 1845—50 М. совершил три длительных путешествия: в Рим и Германию (1845), в Грузию и Армению (1846—47), на Восток [1849—1850; Константинополь, Афон, о. Родос, Афины, Сирия (в т. ч. Дамаск), Палестина]; в 1848 путешествовал по Волге. Итучив и описав прежде рус. черковь (и ее святыни) и сравнив ее теперь с другими, он находил, что Рус. правосл. церковь с наибольшей полнотой пребывает в духе и истине.

Впечатлениями о католич. культуре исполнены «Римские письма» (ч. 1—2, СПб., 1846; 2-е изд., СПб., 1847; положит. рец.: БлЧ, 1846, т. 76) и «Прибавления к Римским письмам» (СПб., 1847; положит. рец.: И. Г. — ЖМНП, 1848, № 9).

Славянофил Ф. В. Чижов находит «Римские письма» весьма содержательными, хотя и несовершенными по изложению (обостр. рец. в кн.: «Моск. лит. и уч. сб. на 1847 г.», М., 1847, с. 61—112). Гл. оппонентом ортодоксально-правосл. М. оказался сторонник создания церкви в Н. Б. Галиции, автор кн. «О возможном соединении Рус. церкви с Западной» (1856). Ответ на нее М. («Объяснение на книгу „О возможном соединении церкви Российской с Западной“», М., 1859) вызвал полемичку, в центре к-рой оказались «Римские письма» (Голубица Н.). Заключил на Римские письма... («Рус. зарубежн. сбл. ч. 2, стр. 3. Б. — Париж—Лондон,

1859), где Муравьеву высказан упрек за неплюту суждений о католицизме, и ответ М. — «Возражение против замечаний на „Римские письма“» (М., 1860).

М. впервые подробно описал состояние христ., преим. православной, церкви у славянских народов России и религ. культуры у рос. иновериев — их монастыри и обители, ход и значение богослужения, жития местно-чтимых святых (специально для него переведенные), а также историю и этнографию края: «Грузия и Армения» (ч. 1—3, СПб., 1848) и «Письма о магоманстве» (СПб., 1848; 3-е доп. изд., Каз., 1875). «Письма с Востока в 1849—1850 гг.» (ч. 1—2, СПб., 1851; адресованы митрополиту Филарету Дроздову) значительно дополнили его «Путешествие ко Святым местам в 1830 г.».

Итогом многочисл. путешествий (начиная с 1830) стала уникальная коллекция икон и др. реликвий, часть к-рой, видимо, была передана в Румянцев. музей; историю ее собирания, как и «судьбы» самих реликвий, М. описал в документально-мемуарном соч. «Описание предметов древности и святыни, собранных путешественником по Святым местам» (К., 1872).

Возвратившись в Россию, М. в 1-й пол. 50-х гг. по-прежнему много путешествовал и одновременно много сил отдал лит. труду (напряженный темп творч. жизни отчасти диктовался сужбо житейскими соображениями: М. нуждался в подспорье к жалованью, а впоследствии — к пенсии, составлявшей 1000 руб. в год; по наследству, после раздела имущества отца в 1841, ему досталось очень немного — см. РГИА, ф. 1343). Его лояльность к скитам, обителям и святыням Вологод. и Белозерского края (1854) запечатлелось в книге об уникальном средоточии рус. монашества: «Русская Финляндия на Севере» (СПб., 1855, 1894; пось. вел. кн. Елены Павловны, покровительствовавшей М.; рец. К. П(олевого) — СП, 1855, 21 апр.).

Последние, грандиозные по объему историко-религ. работы М. были по существу итоговыми. Это «Жития святых рос. церкви, также иверских и славянских» (т. 1—12, СПб., 1855—59), являющиеся не переводами Четьи-Миней, а ориг. жизнеописаниями, основанными на «древней рукописи», найденной М. в Софийском соборе, — «каталоге святым русским» (из неопубл. части «Монах восп.», л. 113) и «Сношения России с Востоком по делам церковным» (ч. 1—2, СПб., 1858—60) — результат изучения «греч. грамот о наших церковных сношениях с Востоком» (см. в том же архиве, л. 158 об.; ср. также: Письмо И. М. Толстому, с. 26), извлеченных им «из Моск.

архива» (очевидно, АВПр МИД), наряду с использованным уже опубл. документ. мат.-лов. В последнем обстоят. труде «История патриарха Никона», задуманном М. «во вкусе летописном, а не критическом», завершен лишь 1-й т. (до патриаршества Никона); остальные мат.-лы были сланы в 6-ку Троицкой духовной академии (см. в том же архиве, л. 159).

В последний, киевский, период жизни — начиная с 1858 — М. отошел от творчества, занимаясь преим. религ.-апп. деятельностью. Переезд в Киев — своего рода возвращение к истокам, в колыбель православия — шаг в биографии М. и символический, и сугубо практический: не имея собственного дома (жил обычно у родственников и знакомых, в 1854—55 — в имении Шереметьевых Остапкино), М. обзавелся им наконец в Киеве. Апп. деятельность его развернулась широко: он настоял на отмене проекта Э. И. Тольбухи о превращении Киева в город-крепость, содействовал восстановлению храма Св. Ирины, Софийского собора, Давыдовской церкви, Мезингорского монастыря. Возродил крестьян кол на крещение Святого Владимира (в 1861, после 25-летнего перерыва). В 1864 стал прес. учрежденного по его инициативе Свято-Владимирского братства, занимавшегося преим. миссионерской деятельностью (в частности, изданием сочинения М. «Наставление евреев, приходящих к святому крещению», К., 1872). Особо заботился об Андреевской церкви, поставленной во имя аностова Андрея Первоначального, несобого покровителя М. (ему он написал афислет, а позже стал ктитором церкви). Неподдаству от нее на крутом берегу Днепра находилась его «вилла» (по слову владельца), с прекрасным садом и замчат. видом, хорошо известным в городе (см. об этом в посвященном М. стих. А. Н. Апухтина 1873 «Усталши на пути тернистом и далеким»). Здесь летом 1869 его посетил Ф. И. Тютчев (находясь в ссылке ипп. Марии Александровны) и посвятил М. стих. «Там, где на пашете обраба...», почти своего давнего знакомца (в 1821 он посвятил ему стих. о губительной силе науч. расщепленности «Нет веры к вымыслам чудесным» за «единство жизни и стремления», «твердость стойкую в борьбе», «мысли неизменной строй» и «действительную веру»). Однако ряду современников М. представлялся властным, неуязвимым, престопающим. Будучи строгим ревнителем церковного благочиния, он вытравил цорой неспирит у церк. лиц, называвших его «Андреем Незвантым» (см. в кн.: Порфирий Успенский, Книга бытия моего, т. 8, СПб., 1902, с. 349—51).

Перевозив в Киев, зимой жил в Петербурге, занимая (с 1854) квартиру митрополита Филарета на Троицком повороте: здесь в течение ипп. лет собирался «ирисский кружок» (по выражению М.), членами к-рого были, очевидно, В. П. Ланге и Авраам С. Норев. С 1845 М. исполнял должность директора С.-Петербург. Попечительского комитета о тюрьмах.

Смерть Филарета (1867), ипп. годы поддерживавшего М. духовно и материально, стала для него «страшным переломом» и побудила к публикации «Писем митрополита Московского Филарета к А. Н. М., 1832—1867» (К., 1869). В 1871 избран чл. Московской а., а затем Киевской духовных академий. Несмотря на значит. поддержку от церкви, в конце жизни сильно бедствовал: известно о его намерении «бежать» в Святогорский мон. Харьков. губ. В последние годы обратился к худож. сочинениям своей молодости: издал «Битву при Тивериаде», собирався опубликовать драмы «Микаил Тверской» и «Георгий Московский»; в 1871 издал восп. «Знакомство с русскими поэтами» (К.), воспроизведя картину своих

многочисл. лит. знакомств от И. И. Дмитриева до А. К. Толстого, в чреде к-рых особенно интересны сведения о Грибоедове, З. Волконской, И. А. Крылове, Пушкине, Лермонтове, Тютчеве. «Знакомство» дополняет «Мои восп.», образуя с ними ценный историко-мемуарный комплекс, не всегда, однако, надежный как историко-лит. документ. По смерти М. значит. часть его архива и коллекции наследники передали в Церковно-Археологич. музей при Киев. духовной академии (см.: Петров). [Впоследствии архив (в составе фонда музея) перевел в Центр. науч. б-ку АН Украины, а коллекция хранилась в Киево-Печерской Лавре; погибла во время Отеч. войны при попытке эвакуации (см.: Вздорнов Г. И., История открытия и изучения рус. ср.-век. живописи. XIX в., М., 1986).] Во 2-й пол. 80-х гг. было учреждено Об-во памяти М., занимавшееся изданием его соч. (см.: МВед, 1883, 20 марта).

Др. произв.: «Паломник» (романс, 1829, опубли. в ст.: Сулига, 1876; муз. А. С. Алябьева (см. в его кн.: Романсы и песни, М., 1976, т. 3)), «Вечер в Петергофе» (лирич. очерк; МН, 1835, июнь, кн. 1), «История рос. церкви» (СПб., 1838; 3-е изд., СПб., 1845), «Священная история» (СПб., 1842), «История Св. града Иерусалима от времен апостольских и до наших» (ч. 1—2, СПб., 1844), «Православие — источник спасения Отечества» (СПб., 1849), «Мысли о православии при посещении Святыни Русской» (СПб., 1850), «Святые горы и Оптина пустынь» (СПб., 1852), «Подвиги Соловецкой обители» (СПб., 1855; 11-е изд., СПб., 1912), «Впечатления Украины и Севастополя» (СПб., 1859), «Описание монастырей и скитов, находящихся на Св. горе Афонской» (СПб., 1859), «Киев и его святыня» (К., 1861; 6-е изд., К., 1901), «Письмо о православии» (К., 1871; 2-е изд., [К.], 1873).

Изд.: [Стихи и драм. отрывки]. — В кн.: Поэты 1820—1830: Северная лира на 1827 г., М., 1984 (изд. подготовил Т. М. Толмач и А. Л. Грушинин; послесл. и биогр. заметки Толмач; о М. — с. 279, 282, 289, 291, 297 и 391—92). [Востп.] — В кн.: Грибоедов в восп. Лермонтов в восп., т. 2: Пушкин в восп.; Путешествие по Святым местам русским, М., 1990 (репринт изд. 1846; послесл. В. С. Корзин); Письма о богоугодии, т. 1—2, М., 1993 (репринт изд. 1882 и «дополненный» 1883); Жития святых Российской Церкви, Месяц Сентябрь, М., 1993; то же, Месяц Октябрь, М., 1994 (оба — репринтные изд.); Путешествие ко Святым местам в 1830 г. — В сб.: Святые места вблизи и издали... М., 1995.

Письма М.: Н. Н. Раевскому-сыну (1826) — Архив Раевских, т. 1, СПб., 1908, с. 296—97 (ред. и прим. В. Л. Модзалевского); В. А. Мухомову (7 — 1827 и 1830) — Шуткинский сб., в. 5, М., 1906; М. Н. Загоскину (1830) — РС, 1902, № 79; И. И. Козлову (1831) — РА, 1886, кн. 1; С. Д. Нечаеву (3 — 1833—36) — РА, 1893, кн. 2; Филарету Дроздову (1846—67) — в кн.: Львов А. Н., Письма духовных и светских лиц к митрополиту Моск. Филарету..., СПб., 1900, с. 18, 255—306; И. М. Толстому (6 дек. 1860) — в кн.: Из собр. автографов Е. Ковалевского...

СПб., 1888; Письмо к влиятельному лицу (1862) — РА, 1882, кн. 3; П. А. Валуеву (1865) — «Былое», 1922, № 20, с. 49; Письмо... А. Д. Блуазову. СПб., 1913; К. П. Победоносцеву (2 — 1869, 1873) — РА, 1905, кн. 2.

Лит.: Жуковский В. А., Дневник, СПб., 1903, с. 218; Пушкин в письмах Карамзинских 1836—1837 гг., М.—Л., 1960 (ук.); Чижов Ф. В., Воспоминания. — В кн.: Кулин П. А., Зап. о жизни Н. В. Гоголя..., т. 1, СПб., 1856, с. 326—27; Белинский (ук.); Смирнова-Россет (ук.); Никитский (ук.); сго же. Обзор деятельности второго отд. юнп. АН за 1874 г. — ЖМНП, 1875, № 4, с. 81—102; А. А. Григорьев. Мат-лы для биографии, П., 1917, с. 62, 159, 173, 202, 217, 226 (отрицат. отзывы); Добролюбов (ук.); С. Н., Очерк М. — СП, 1857, 5 апр.; Оглоблин Н., Восп. о М., К., 1875; Семенов М. О., Воспоминание о М., К., 1875; Барсуков (ук.); Сулига С. А., М. Муравьев — РА, 1876, кн. 2, с. 353—56; Пугачева Н., Заметка об А. Н. М. — Там же, с. 357—58; Семеновский А., Восп. о М. — «Древняя и новая Россия», 1876, № 4; Петров Н. И., Муравьевская коллекция в Церковно-археологич. музее при Киев. духовной акад. — «Гр. Киев. духовной акад.», 1878, № 79; Лесков Н. С., Азбуки духовности. — «Этноз», 1886, № 2; Висковский П. А., М. Ю. Лермонтов, М., 1987 (ук.); Мещеряков В. П., Мои восп., ч. 1, СПб., 1897, с. 321—23; Письма Нижегород. митрополита Моск. и Коломенского, кн. 1—2, СПб., 1897—98 (собраны И. Барсуковым; к М. — 31 письмо, 1841—1864); Толстой М. В., Хранилище моей памяти, М., 1995 (впервые — 1891—1893); Шереметев С. Д., Домашняя старина. [ч. 1], М., 1900 (ук.); Г. К. Биографии М. и письма его к П. Г. Лебезиницу, К., 1901 (в ч. о наследниках М.); Шуткинский сб., в. 4, М., 1905, с. 110 (словесный «портрет» М., напис. А. А. Мухомовым); Розанов В. В., О себе и жизни своей, М., 1990 (ук.); Чаговцев Вс., Переа «Веткой Палестины», — «Киев. мысль», 1914, 3 окт.; Вересаев В. В., Спутники Пушкина, т. 2, М., «Василта», 1993, с. 12—14; Флоровский (ук.); Голубов С., Житие следы. — ИМ, 1955, № 4; Баранов В. В., Достоверен ли замык в стих. М. Ю. Лермонтову «Ветка Палестины»? — «Уч. зап. Казанского ун-та», 1960, [в. 8]; Иоанни (Кологривов), Очерки по истории рус. Святости, Ярославль, 1961, с. 18; Исидурова Р. В., Пушкин и эволюция романтизм. лирики... — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 6 (ук.); Оболенская И., Деметриев М., Пушкин в Ярославле, М., 1982, с. 77—83; Фомкин В. Л., Греческие рукописи М. — «Археогр. сборник за 1984 г.», М., 1986; Муравьев Ал-ар Н., Соч. и письма, Иркутск, 1986 (ук.); Вацуру (У; ук.); Вацуру В. Э., Эпиграмма Пушкина на М. — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 13 и ук.; Муравьев М. Ф., Об одной пушкинской эпиграмме. — Изв. ИЛЛ, 1989, № 3; Лейбов Р., Стих. Тютчева и «Русская Вильяма» М. — В кн.: В честь 70-летия проф. Ю. М. Лотмана, Тарту, 1992; Марков А. Н., «Я, Матьер Бозия, ныне с молитвою...» — «Мира», 1994, № 3 (М. и Лермонтов); ЛН, т. 16/18, с. 696 + Сл. ОЛРС; Бродягу; Веллеров. Источ. (библиогр.) — более 100 номеров; ИРЛТ; ИДРЭВ (в ч. ч. т. 5, ч. 2); Лерн. зап.; Черединый; Муратова (1, ук.); Масанов (не учтен поев. «Олег»).

Архивы: Лебедев А., Рукописи Церковно-археологич. музея имп. Киев. духовной акад., т. 1, Саратов, 1916, с. 153—56, 171—74, 179, 322—329, 363, 370, 405—06 (о рукописях М., в т. ч. произведений и писем, ныне хранящихся в архиве ЦНБ АН Украины, л. ф. 301); Рухов, собрание, ГЕЛ..., Ук., т. 1, в. 2, М., 1986 (ук.); сведения о подстрочниках М. в Моск. духовную академию; История Рус. православной церкви в документах..., т. 2, М., 1995 (арх. мат-лы РГАДА); РГВ, ф. 188; ф. 231/1, к. 46, № 39 (1827); к. 49, № 54 (1830 и б. д.); к. 50, № 44 (1832); к. 51, № 54 (1834); к. 21, № 61 (1845—1859); ф. 231/V, к. 2, № 8 (1837) (в обоих ф. письма М. к М. П. Погодану); ф. 336/1 (Шахтеских), к. 19, № 1 (письмо Н. Н. Муравьеву); ф. 19, № 3 (письма А. Н. и М. М. Муравьевым, 1861, 1873); к. 19, № 4 (письма А. В. Шаховскому — 59, 1861—73); ф. 262, оп. 36, № 107, 108, 109 (Савле Тихоморову, 41 письма, 1852—1874); ф. 417, оп. 2, № 7 (письмо В. А. Мухомову); ГИМ, ф. 117, № 34, 206 (письма А. и В. А. Мухомовым, 1826—30, 1870); ф. 241 (пись-

ма Филарету Дроздову, 1857—67); ф. 254, № 326...401 (ок. 300 писем Н. Н. Муравьеву-Карскому, 1816—66); РНБ, ф. 498 (М. и М. О. Семеновы); ф. 52, № 175 (12 писем П. Н. Багшолову, 1866—72); ф. 581, № 459 (письма Ал-ару Норому, 1865—68); ф. 850, № 383 (письмо С. Л. Шеняеву, 1842); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2353 (письмо П. А. Вяземскому, б. д.); ф. 373, оп. 1, № 246 (10 писем М. П. Погодану [1859—1873]); ф. 402, оп. 1, № 204 (письма С. Н. Погодану, 1855—63); ф. 450, оп. 1, № 15 (письма С. А. Соболевскому, б. д.); ИРЛИ, ф. 288, оп. 1, № 205 (19 писем к А. С. Стуржа, 1848—1851); ф. 7, № 71 (письмо П. В. Анненкову, 1871); ф. 66, № 437 (письмо Г. Г. Гагарину, б. д.); 28.164 (письмо В. А. Жуковскому, 1833); ф. 93, оп. 4, № 87 (письмо О. И. Семеновскому, б. д.); ф. 123, оп. 1, № 648 (ст. о М. Н. Н. Оглоблина); РГИА: 1) акты служебной деятельности: ф. 469, оп. 1, л. 254 (ф. с. 1849 г.); ф. 472, оп. 2, л. 876; ф. 789, оп. 7, л. 104 (ф. с. 1871 г.); 2) лит. деятельности: ф. 1101, оп. 1, л. 619, 636 («Мои восп.», писарская копия); ф. 1088, оп. 2, л. 864 (ст. и рассказы), л. 865 (стих.), «Митридат», 1 и 2 «лесни» поэмы «Потоп»; 3) религ. деятельности: ф. 472, оп. 3, л. 178; ф. 1101, оп. 1, л. 463 (служба в Синоде); ф. 797, оп. 20, л. 45050, 45067; ф. 982, оп. 1, л. 11; ф. 807, оп. 1, л. 588...835 и оп. 2, л. 872...1454 (духовная структура о соч. М.); 4) переписка: ф. 958, оп. 1, л. 372 (с бр. М. Н. Муравьевым, 1829—1837); ф. 832, оп. 1, л. 4, 65, 80, 83, 86, 96, 116 (письма Филарету Дроздову, 1855—67); ф. 982, оп. 1, л. 11 (с Д. Н. Блюазовым, 1855); ф. 1088, оп. 1, л. 552 (с Л. Н. Шереметевым, 1855—71); ф. 958, оп. 1, в. 372 (письмо П. Д. Киселеву, 1829); 5) имущество, состояние: ф. 1088, оп. 3, л. 1156 (дело о приобретении дома в Киеве); ф. 1343, оп. 25, л. 6159, л. 5—10 (акт о разделе наследства отцов); АВРР, ДЛС и ХД. ф. с. 110, оп. 464, д. 2328, № 33 (п. с. 1845, 1849, 1858 гг.).

Н. А. Хохлова

МУРАВЬЁВ Никита Михайлович [9(20).9.1795*, Петербург — 28.4.(10.5).1843, с. Урик Иркутского окр. Иркутской губ.; похоронен там же], декабрист; публицист, автор декабристской конституции. Потомок старинного рода, род. в богатой дворян. семье.

Мать, Ек. Фед. Муравьева (1771—1848), — урожд. баронесса Коллольцова; отец, Мик. Никитич Муравьев (1757—1807), — поэт, прозаик, тов. министра нар. просвещения (с 1803), генерал-президент Александр I рус. словесности, историко и нравственности; воспитатель К. Н. Батюшкова. С 1803 попечитель Моск. ун-та; содействовал Н. М. Карамзину в подготовке «Истории государства Российского» [см.: Степанов Стенник; Муравьев М. Н., Стих., Л., 1967 (БЭИ, 2-е изд.; вступ. ст., подг. текста и прим. Л. И. Кулаковой)].

Брат Ал-ар Мих. Муравьев (1802—53), декабрист, чл. «Союза благоденствия» и Сп. об-ва, осужден по делу декабристов на 12 лет каторжных работ (сроки сокращен до 8 лет); в 1832 подлежал освобождению, но по просьбе остался в рудниках — до окончания срока бр. Никиты, с к-рым вышел на поселение в с. Урик. С 1844 в гражд. службе (по ходатайству матери). Умер в Тобольске. Автор зап. «Мой журнал» (составлены в 1852—53, на франц. яз.; на рус. яз. опубли. пов. зап. «Записки» — П., 1922; наст. полное изд. в кн.: «Мемуары декабристов. Свб. об-во») [см. о нем в укл. изд., а также: Декабристы; Якушкин (ук.); Лунин (ук.); Жордания О. К., Декабрист А. М. Муравьев и его записки..., Тб., 1990].

Получил превосходное дом. образование: математика, история, древние и новые языки. В 1810—12 изучал точные науки в Моск. ун-те (не окончил). Восторженный патрон, с детства впитавший культ антич. героики, М. в авг. 1812 бежал из дома в армию, но был возвращен и только через год (июль 1813), произведенный в прапорщики свиты по квар-

тирмейстерской части, смог принять участие в боях; участник граничных походов (1813—15; в 1815, во время 100 дней, был в Париже). В авг. 1814 переведен в Гв. Ген. штаб, где за вычетом отставки (поручиком) в 1820—21 прослужил вплоть до ареста в дек. 1825 (в июле получил капитанский чин). В 1816—25 в числе руководителей декабристских орг-ций: Союза спасения (один из основателей), чл. Коренного совета Союза благоденствия, чл. Верховной думы возглавляемого им Сев. об-ва; в 1817—18 — член масонской ложи «Трех добродетелей». Во время войны интересы М. переместились в область воен. и полит. наук, к-рым он, как и историей, усердно занимался всю последующую жизнь. Огромная начитанность (по характеристике М. С. Лунина, друга и двоюродного брата М., он «один стоял целой академии» — Лунин, с. 258), блестящие способности и безусловные нравств. качества рано доставили М. уважение всего круга литераторов — друзей и почитателей его отца (среди них Карамзин, Н. И. Гнедич, Батюшков, П. А. Вяземский, арзамасцы), в 1810—20-х гг. постоянно посещавших дом (лит. салон) Муравьевых — «один из роскошнейших и приятнейших в столице» (Вигель, II, 41); А. С. Пушкин, также бывавший у Муравьевых, назвал М. «умным и пылким молодым человеком» (XII, 306); М. упомянут в X гл. «Евгения Онегина».

К лит-ре М. подходил с общедекабристскими критериями «дельности» и гражданственности. С этих позиций он не устал настаивать своего старшего троюродного брата Батюшкова (пометы М. на полях «Опытов в стихах и прозе» см.: Батюшков, II, 443—44), горячо его любившего, посвящавшего ему стихи («К Никите», 1817) и парировавшего суровую критику «рмлянина душою» (слова Батюшкова о М.) полухитлыми советами «не все жить умом в лагере, танцевать более, выезжать, веселиться и писать по-русски» (Батюшков, III, 411); Батюшков видел в «молодом Муравьеве» будущее «украшение России»: «Жаль, если его страсть к науке погаснет в службе: мы еще потеряем человека!» (из писем к Гнедичу и В. А. Жуковскому, 1815 — там же, с. 319, 360). Не только полит., но и лит. симпатии сближали его с П. А. Катениным: в 1817 они «за чаем ... успели перебрать всю словесность от потopa до наших дней и истребили почти всех писателей» (ЛП, т. 16/18, с. 622). С глубокой привязанностью относился к Карамзину (в Петербурге Карамзин посылал жит. в доме М.), непрестанно спорил с ним (см.: Вережанин и Е. И., Маргиналин и др. пометы декабриста М. на «Письмах рус. путе-

шественника»... — В кн.: Из коллекций редких книг и рукописей Науч. б-ки Моск. ун-та. М., 1981). В первые послевоен. годы М. работает над биографией и историей походов А. В. Суворова. Фрагменты из этого незаверш. труда — «Рассуждение о жизнеописаниях Суворова», — проникнутого национально-патриотич. взглядами, были тогда же опубли. (СО, 1816, № 6, 16, 46; «Воен. журнал», 1817, № 6) и утвердили представление об авторе как об одаренном историке и публицисте. В авг. 1817 М. принят в «Арзамас» (прозвища Адельстан и Статный Лебедь), участвует в декабристской попытке его преобразования, собирается писать в намечавшемся журнале об-ва; в 1819 его приглашают в создаваемую обществ.-полит. ж. «Архив по-

лит. наук и рос. словесности» Н. И. Тургенев и А. П. Куншин; еще через год то же намеревались сделать М. Ф. Орлов и Вяземский. Ни одна из этих затей не осуществилась; все известные ныне образцы публицистики М., созданные после 1817, принадлежат к разряду неподцензурной агитационно-пропагандист. лит-ры. [Попытка приписать М. напечатанную в 1825 пов. «Превратность судьбы» (см.: А база Г. Б., К вопросу о методе ист. прозы декабристов. — В кн.: Романтизм в рус. и сов. лит-ре, в 6. Каз., 1973) выглядит несостоятельной.]

М. — автор ряда программных декабристских документов: в 1818 он участвует в создании «Зеленой книги» (устава Союза благоденствия), в 1821 составляет не дошедшее до нас проект учреждения нового об-ва, его присягу и, по предположению Ю. Г. Оксманца (в сб.: Очерки из истории движения декабристов, М., 1954, с. 451—79), «Воззвание к сынам Севера», формулирующее цели и задачи тайной орг-ции.

Широкое распространение в культурной среде получили его «Мысли

об „Истории государства Российского“ Н. М. Карамзина» (1818; опубли.: ЛН, т. 59, с. 582—95). Вместе с незаверш. «Любопытным разговором» (или «Катехизисом вольного человека»; 1820 или 1822; опубли.: Восток и декабристы, I) — первым декабристским агитационным сочинением для солдат — они дают цельную картину историко-полит. взглядов М.: задача ист. описания не в том, чтобы учить мудрому примирению с несовершенной действительностью (Карамзин), а в пробуждении гражд. добродетелей; история — это вечная борьба между «злом и благом», в к-рой «добродетельные граждане» должны быть обезданы против зла; цель ист. развития — в добывании «природных прав человеческих» (там же, с. 321), «похищенных» порабощенными (князьями, татаро-монголами, самодержавием); залог грядущего величия России — в свободах дорюриковской Руси и вечевом строе Новгорода и Пскова. (М. разошелся с Карамзиным в оценке целых периодов ист. развития России.) Эти построения, во многом опиравшиеся на рационалистич. концепции 18 в., обосновывали правомочность любых освободит. действий, в т. ч. таких, как индивидуальныи тираноборч. акт (в 1817 М. «вызывался на царевбийство», в 1820 голосовал за него) и воен. революция. М. известен как создатель «Конституции» — проекта будущего гос. устройства России, важнейшего, наряду с «Рус. правдой» П. И. Пестеля, памятника декабристской ист.-полит. мысли (в качестве программного докум. принята не была). Работа над «Конституцией» (ок. 1822—25, опубли. 1906, 1907; разл. редакции вошли в кн.: Дружинин, с прил. «Рассуждение К. П. Торсона»), потребовавшая усиленного изучения и освоения совр. зап. полит. теорий, в первую очередь Б. Константа, значительно усложнила воззрения М.

Разногласия М. с его гл. оппонентом Пестелем не сводились к избранной ими для будущей России форме правления (монархия у М., республика у Пестеля), суть их определялась принципиальными о цели гос-ва: для Пестеля она — в благоденствии общества в целом, для М. — в свободе индивидуума. В противовес пестелевскому унитар. республиканизму, где частные интересы могли быть принесены в жертву гос-ву, выражавшему коллективную волю организованного народа, М., обласканный «тиранин толпы» столько же, сколько и аскетизмом самодержия, делал в своем проекте упор на права личности и старался исключить к.-л. вмешательство гос-ва в частную жизнь граждан.

Крепостное право, старые сословные привилегии уничтожались, но неприкосновенность собственности и свобода частной ипшпантизм, экономич. конкуренция предполагали сохранение в принципе имуществ. неравенства; имущество шло для участия в выборах должен был преобразовать провинциализм в палаты депутатов. Лич. материалы записных или недостаточно заинтересованных в ходе обществ. дел; феодальные устройства (страна делилась на автономные «державы»), во мнении М., не только претергали непопулярному при централизации бюрократизму, но и важным сырыты от посягательств

центральной власти на индивидуальную свободу гражданства. Преобразования, свертываемые по сути, были окрашены у М., особенно в первой редакции конституции (всего их три), в наш тон: страдала полнота названия Славяно-Российской империи, столица переносилась в Н. Новгород, переименовывавшийся в Славянск, высшим органом являлось Нар. вече. Конституция М. широко обсуждалась в тайном об-ве, известны многочисленные, откликни и «поираши» на нее (С. П. Трубецкого, Тарсона и др.); разнородными членам об-ва представлялась слишком умеренной и «узаконивающей» аристократии.

В выступлении 14 декабря М., находившийся с сентября в отпуске в Орлов. губ. (с. Таино), не участвовал. В крепости написал представленное в Следств. к-т «Ист. обозрение хода общества» (1826) — развернутый мемуар о движении декабристов (опубл.: Восстание декабристов, I) — и воспроизвел по памяти свою конституцию (т. н. тюремный вариант, см.: Дружинин). Осужден по 1-му разряду и по конфирмации приговорен к каторжным работам сроком на 20 лет (дважды сокращался до 10 лет), отправлен в Сибирь (Читинский острог — 1827—1830; Петров. Завод — 1830—36). В Сибирь за М. последовала его жена Александра Григорьевна [1804—32; урожд. гр. Чернышёва; перед отъездом выдана с Пущинским и получила от него стихи, посв. декабристам, по одной из версий — «Во глубине сибирских руд...», оставила самую теплую память в среде декабристов, к-рым много и охотно помогала. После ее смерти осн. жизненная задача М. — воспитание родившейся в Петров. Заводе дочери Софии (1829—1892) (см. ее восп.: Бибикова С. Н., Восп. о моем отце. — В кн.: Декабристы в Сибири, т. 2, Иркутск, 1975)]. В Сибири усиливается, не поглощая его целиком, всегда свойственная М. религ. настроенность. В казематах («каторжной академии») М. читал лекции товарищам по истории и воен. иск-ву; благодаря матери (пославшей сыновьям значит. суммы денег и вещи; переписка с ней — важный источник сведений о пребывании декабристов в Сибири) получил часть своей огромной б-ки, продолжал занятия науками. Здесь же начал обучивать мемуары, записывая для конспирации отд. фрагменты на полях книг (восп. младшего бр. Александра частично основаны на этих несохранившихся заметках). В 1837 (указ от дек. 1835) выхажив на поселение в с. Урик близ Иркутска, много и успешно занимается агрономией, пытается создать образцовое хозяйство. Одновременно разрабатывает проект широкой сети волных сообщений в России, к-рый вместе с др. своими сочинениями сжег в 1840, опасаясь обыска.

И в ссылке М. остался среза декабристов центр. фигурой. По воспоминаниям Л. Ф. Львова, он «считался между ними как бы старшим, выдающимся: суровый, молчаливый, ло-

крайности раздражительный, все критиковавший, но здоровый старик» (РА. 1885. кн. 1, с. 359). Полит. оппозиционность его не угасла: так, он целиком оправдывал деятельность Лунина (по его словам, он «исполняет свой долг, доводя до сведения власть именуши слова истины» — Дружинин, с. 215), помогал ему материалами для его трактатов, сотрудничал в работе (в т. ч. составленные обширные прим.) над «Разбором донесения тайной следственной комиссии в 1826 г.» (1839; опубл.: ПЗ на 1859, кн. 5, Лондон, 1859; авторство приписано М.). Из собств. произведений М. последних лет до нас дошли лишь небольшие «Заметки о тайном об-ве» [опубл. в кн.: Восп. и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х гг., т. 1, М., 1931, с. 135—37 (там же письма М. к Е. Ф. Муравьевой)], где прояснялось влияние декабризма на развитие рус. гос. политики.

Др. произв.: «Рассуждения о неприменных гос. законах» Д. И. Фонвизина в переработке М. (приписывалась М. А. Фонвизину) (опубл.: ЛН, т. 60, кн. 1, с. 339—61).

Изд.: Ист. обозрение... — В кн.: Мемуары декабристов. Сев. об-во, М., 1981 (и ук.); Ист. и публицистич. ст. М.). — В кн.: Их время с полновольно созв., М., 1983 (изд. подготовлено С. С. Волком); История журналистики. Хронология (М., 1991, вост. Б. И. Есено).

Лит.: Восстание декабристов. I (следств. дело М.); IV, VII—VIII (ук.); Батюшков (ук.); ОА, I, 127, 150, и др.; Пушкин (ук.); Якушкин И. Д., Заметки, статьи, письма..., М., 1951 (ЛП; ук.); Пушкин в восп. (ук.); Декабристы в восп. (ук.); Вигель (ук.); Греч (ук.); Погодин М. П., Н. М. Карамзин по его соч., письма..., ч. 2, М., 1866, с. 198—203; Декабристы в восп. современников, М., 1988 (вкл. восп. правучки М. А. Бибиковой); Лунина М. С., Письма из Сибири, М., 1987 (ЛП; ук.); Пушкин И. И., Записки о Пушкине. Письма, М., 1988 (ук.); Толстой (ук.); Нечкина М. В., Деятели декабристов, т. 1—2, М., 1955; Волк С. С., Ист. взгляды декабристов, М.—Л., 1958; Батюшков В. (П.), Ф. Герман и муравьевский вариант «Рассуждения» Д. И. Фонвизина. — РЛ, 1964, № 1; Лесохина Э. И., В-ке декабриста М. — В сб.: Книга. Иссл. и мат-лы, сб. 18, М., 1969; Лит. наследие декабристов, Л., 1975 (ук.); Фонвизин М. А., Соч. и письма, т. 1, Иркутск, 1979 (ук.); В. Ф. Рязанский, Материалы к жизни и рев. деятельности, т. 2, Иркутск, 1983 (ук.); Орлик О. В., Декабристы и внеш. политика России, М., 1984, с. 251—74; Муравьев А. Н., Соч. и письма, Иркутск, 1986 (ук.); Дружинин Н. М., Декабрист М. [Монография]. — В его кн.: Избр. труды. Рев. движение в России в XIX в., М., 1985 (большая библ.; в прил. — варианты «Конституции»; 1-е изд. — М., 1933); Вануру В. Э., Гиллельсон М. И., Сквозь «эзотерические плотины», 2-е изд., М., 1986, с. 45—54; «Армагедон» (ук.); ЛН, т. 16/18, с. 405—08, 620—23, 631—33; т. 47/48, с. 23, 30, 94, 96, 104, 110, 127—32, 281; т. 58, 59, 60 (кн. 1—2) (вс. — ук.); † Брошюра (ст. Муравьев); Венцеров. Источ.: Гранат. Чаепитие; Эйнштейн (1, 2); СНЭ (см. также т. 5, стб. 51; т. 7, стб. 838); БСЭ; Чернышевский; Декабристы (ук.; с. 385*); Деятели декабристов, 1977—1992.

Архивы: ГАРФ, ф. 1153 (рукописи, письма, в т. ч. Ф. Ф. Муравьевой); ф. 48, оп. 1, а. 336 (следств. дело М.); ф. 109, 1 экзп., 1826 г., а. 61, ч. 54 (сб. дело III отл.); РГАЛИ, ф. 1765; Науч. б-ка МГУ (фонд мемориальной б-ки М.); в нилетических опубл.: Дружинин, с. 248—53; там же обзор арх. источ., с. 7—9).

А. Б. Рошский.

МУРАВЬЁВ Николай Назарьевич [14(25).10.1775 (по др. сведениям — 1771*), с. Малые Теребины Новгород. губ. — 23.11(4.2).1845, с. Покровское Петерб. губ.], литератор-любитель, археолог. Из древнего дворян. рода, самой младшей ветви Муравьевых. Сын архангельского губернатора (с 1798) Наз. Степ. Муравье-

ва (1733—1807); мать умерла, когда М. было ок. 4 лет. Отец гос. деятель Н. П. Муравьева-Амурского (1809—1881) (см. о нем: Брокгауз; Гранат; БСЭ). Нач. образование получил дома («учитель мой был молодой сын дьячка» — «Припоминания мои...», с. 4), в 1785 помещен в Горный корпус (по др. источникам — сержант Измайлов, или Преображен. полка), отказав в 1789 направлен в Нерчинский горный батальон. С 1788 фактически во флотской службе (документально с 1794), участвовал в войне со шведами 1788—90 «за мичмана и лейтенанта», в т. ч. в союзн. с сухопутными силами десантных операциях, отличился в Роченсальмском сражении (командовал галерой «Орел»), попал в плен (РГА ВМФ). С кон. 1791 — на Крошштадтском рейде, до 1797 плавал в Балтийском море. В сент. 1797 в числе 12 лучших офицеров командирован в Англию для совершенствования в мор. деле.

Быстро двинулся по служебной лестнице: в 1800 — капитан 2-го ранга. В конце пребывания за границей М. пришлось взять обязательства в связи с самовольной отлучкой и нежеланием ни продолжать службу на англ. кораблях (после временного разрыва отношений с Англией в 1801), ни возвращаться в Россию (РГИА, ф. 468); благодаря вмешательности С. Р. Воронцова (рус. посол в Англии) дело кончилось только «наказательным выговором» (Архив гр. Моравинских, т. 3, СПб., 1902, с. 344; то же — архив кн. Воронцова, кн. 10, М., 1876, с. 411—415; кн. 11, М., 1877, с. 367—71).

По возвращении (1802) служил при Петерб. порту, командовал фрегатом «Скорый»; с 1803 в отставке с чином капитана 1-го ранга. Вскоре был принят на службу в Мин-во нар. просвещения, к своему родственнику М. Н. Муравьеву (тогда попечителю

Моск. ун-та) правителем канцелярии (1806 — стат. сов.).

Знакомство с Англией, интерес к ее культуре и знанию языка определили характер первых публикаций: в ж. «Сев. вест.» (1805, ч. 5, № 2—3) появился без подписи «Опыт о Великобритании и последственные рассуждения». Размышляя об истоках патриотизма («пар. нравственности») вообще и англ. в частности, о гос. устройстве Англии, М. ставит те же проблемы по отношению к России, негодуя по поводу пренебрежения родным языком и торжества «испорченного, полуфранцузского разговора нынешних славяно-россиян» (№ 3, с. 254). Уже здесь обнаружилось тяготение М. к разного рода утопиям, проектам: перечислены меры по скорейшему искоренению «космополитства».

В след. части ж-ла (СВ, 1805, ч. 6, № 5) публикует фрагмент прозаич. пер. «Воспом. — из поэмы Дж. Томсона «Восмена тоа», в котором, любеза просторечных выражений оригинала, стараясь «соблюсти красоту изобретения Томсона живописания» (с. 157). В 1806 в переводе М. вышел историко-филос. труд Д. Юма «О просвещении древних народов...» (СПб.) с посвящением Александру I. К этому же времени относится еще два (протолч.) перевода М. с англ. стих. Томсона «Гимн к Богу» (1809) и «Восбой молитвы» А. Попа (1810; опубли. в ст. соч.: «Некоторые из забав...», ч. 2, с. 1—7; ч. 1, с. 340—342).

В 1807 М. напечатал роман в письмах «Всеволод и Ведеслава» (СПб.) — «явное подражание «Новой Элоизе» (Ж. Ж.) Руссо как по содержанию, так и по форме повествования» (МВ, 1828, № 19/20, с. 346 — ред. С. П. Шевырѣва). Др. рус. колорит «Проншествия» (авт. определенное жанра) плохо соотносится с чувств. сюжетом и эпистолярной формой; допущенные М. анахронизмы (не устраненные и при переиздании в 1813) создают «Некоторых из забав...», ч. 1—3) создавали неслучайно эффект.

После отставки (в 1810; с чином д. стат. сов.) М. в кон. 1812 или 1813 снова на службе — вице-губернатор Новгорода (по ходатайству губернатора П. И. Сумарокова — ЧОИДР, 1862, кн. 3, с. 148—49), а в 1815, в результате конфликта Сумарокова с А. А. Аракчеевым, занял место губернатора. Хотя взлет карьеры М. и был связан с подержкой фаворита (ср. обращения М. к Аракчеву как к «единственному покровителю и благодетелю» — Дубровин, с. 180, 232), честность М. современниками под сомнение не ставилась (о совм. службе с Аракчевым, правой рукой к-рого был М., и «вблизи» Александра I см. «Припоминания мои...»). В авг. 1818 вступил в должность статс-секретаря при императоре: с 1826 управляющий II ота. Собств. с.и.в. канцелярии (с 1822, а фактически, видимо, с 1818 управлял всеми делами канцелярии — РГИА, ф. 1409, оп. 1, д. 2527, л. 3703,

1822 г., л. 1—2 об.), оставаясь статс-секретарем; тайный сов., сенатор (1827). В 1823 отказался от предложенного Аракчевым места управляющего делами К-та министров (там же, л. 2527, 1818—1825 гг., л. 41).

Ок. 1830 М. едва не разорился, но один из его сыновей (от двух браков М. имел 15 детей: 1-я жена, Ек. Ник. Мордвинова, ум. в 1819, вторая, с 1823, — Елиз. Ант. Моллер — сестра худ. Ф. А. Моллера) «спас состоянием и честь отца своего» (Моллер, с. 341); о каких-то «безрассудных поступках», до к-рых довели М. его «честолюбие, чванство и чувственность» (об особом пристрастии к женщинам М. сам говорит в мемуарах), упоминает современник М. (Е. Ф. фон Браке — РА, 1875, кн. 1, с. 35). В кон. 1831 за грубое нарушение служебного этикета был отставлен (подробнее см.: Корф М. А., Жизнь графа Сперанского, т. 2, М., 1861, с. 93, 95, 100—101). Высочайшим повелением от нояб. 1831 (в ответ на его просьбу) «я награду за службу» М. было определено выплачивать прежде жалованье помимо пенсии (РГИА, ф. 1409, оп. 2, д. 5561, 1831 г.).

М. поселился в своем имении Покровском, где занимался масштабными сельскохозяйств. и экономич. экспериментами: выведением новых сортов злаков (рожь — «муравьевка»), изобретением улучшенного способа очистки сахара (построил сахарный завод), устройством текстильной мануфактуры и т. д. (описание их составило значит. часть выпуска «Некоторых из забав...»).

Эти пристрастия М. нашли также отражение в серии публикаций в «Сев. весте», «С.-Петерб. ведомостях», «Земледельч. газете» (1839—45), представляющих в осн. отчеты о распространении изобретений М., советы по земледельч. делу, рассказы о технич. новинках, кулинарные рецепты. И в отставке М. не переставал представлять (правда, безуспешно) свои проекты императору: в частности, в 1838—39 подав ряд заявок об орг-ции ж.-д. сообщения в России (РС, 1885, № 5, с. 311—12; см. также: Виргинский В. С., Возникновение железных дорог в России..., М., 1949, с. 195—98).

В новгород. период службы М. интересовался местными древностями, результатом чего стали собранные им колл.кци (частично переданы в Мини-кабинет Моск. ун-та — Шевырѣва В. С., История имп. Моск. ун-та, М., 1855, с. 541) и обстоят. археологич. труды: «Описание древней новгородской серебр. гривны и ее рублей» (М., 1826; «Дополнение...» к этому иссл. — «Труды и летописи ОИДР», 1826, ч. 3, кн. 1, с. 189—95; в форме двух изм.); в 1828 вышло расширенное изд. — «Историч. исследования о древностях Подгородо...» (СПб.) с планами и гравюрами. Взгляд М. на историю и значение Новгорода, не совпадающий с точкой зрения Н. М. Ка-

рамнина («мнимое могущество, мнимая независимость Новгорода» — с. 26), по существу был одобрен М. П. Погодиным (МВ, 1828, № 11, с. 297); критике подверглось лишь произвольное толкование топонимов.

В Карамзине М. являл «сны песни» и «распространял, но не «ума» («Некоторые из забав...», ч. 10; цит. по: Батюшк. с. л. III, 63), предпочитая в качестве историк Н. А. Погодино и М. Т. Каченовского; после смерти М. Н. Муравьева Карамзин обратился к М. как адмнт. сапожнику (письмо от 3 мая 1808 — РГАДИ, ф. 195, оп. 1, № 1194, л. 15—17); просьбу о прекращении содержания письма к нему П. И. Шаликова (РС, 1904, № 10).

Археологич. сочинения М. создали ему репутацию серьезного, хотя и непрофессионального ученого (Барсуков, IV, 419); в 1826 он был избран поч. чл. ОИДР, с 1828 чл. Рос. академии.

Принятая в лит-ре атрибуция «чужести в стихах» («Кирпичик пидник» (М., 1828, с. октавизма А. А. Писарев отнял. отклик, 1828: СО, № 12; МТ, № 12; СП, 7 изд.: Белое сарказмный; (М. П. Погодин) — МВ, 1828, № 14; см. также: Белынский И. 76, 133, 203) и стилистически одоровано с ней «Котильсона», слова из стилол. ром. «Тени, или Жизнь поэта» (М., 1829, ред.: МТ, 1829, № 19), очевидно, ошибочны; имеются сведения о принадлежности пов. (формальной подражания юж. поэмам А. С. Пушкина) студенту Моск. ун-та Николаю Муравьеву (см.: Клейменова Р. Н., Книжная Москва 1-й пол. XIX в., М., 1991, с. 160; ШАМ, ф. 31, оп. 5, л. 31, 52; о исключит. эпит. снижений и упрощенных мотивировк. пушкинско-го романа см.: Ротондо И. П., Ранние подражания «Евгению Онегину», — Пушкин. Временник, в. 2, М.—Д., 1936, с. 232—33; то же — в ст. кн.: Лит. репутация, М., 1990, с. 359—61).

Репутация М. — графомана, «Хвостова в прозе» (В. Бурнацкий) — РВ, 1871, № 11, с. 151, печатавшего свои опысы «с какою-то Вальтер-Скоттовского плодотворностью» (МТ, 1831, № 9, с. 117), сложилась с началом выхода в свет собр. его сочинений — «Некоторые из забав отдвоененна с 1805 г.» (ч. 1—13, СПб., 1828—39; ч. 14, 1851). Здесь М. пытался создать свой образ — вельмож на покое, высказывающегося по широчайшему кругу проблем: «Забавы» включают обрывочные заметки по истории, археологии, правовеждению, полит. экономии, естествознанию, астрономии, перемежаясь с описанием агрономич. опытов и афоризмами, а также предлагают разл. рода классификации в «науке о человеке». Как лит. курьез воспринимали «Забавы» В. А. Жуковский, П. А. Вяземский, Н. М. Языков, упоминавшие о них в своей переписке. У критиков пестрота соч. М., его болезненно завышенная самооценка и непомерные претензии вызывали лишь раздражение. Нападкам подвергались бесчисл. (впрочем, не лишены любовью) неологизмы М., его своеобразный до непонятности «несуклюжий» стиль: «Автор создал себе особенный род сочинений, слога, мыслей и — даже слов» (МТ, 1828, № 18, с. 227). Выход последующих

МУРАВЬЁВ

частей давал критичный повод «глухити... до неприличности» (РВ, 1871, № 11, с. 151). Одна из таких рец. (СП, 1828, 20—22 дек.; подп. Д. Б.) была приписана общим мнением Д. Н. Блудову, к-рому пришлось публично отказываться от авторства (там же, 1829, 3 янв.). Сам М. рассматривал «Забавы» как последнее потопкам: начиная с части 5-й появляется подзаголовок — «Беседы с современниками и потомством» (об этом, в частности, он говорил молодому М. А. Бакунину, часто посещавшему в сер. 1830-х гг. своих «кузин», дочерей М., — Корнилов, с. 62). Себя же называл «истинным россиянином», идушим «путем... не обыкновенным, никому не подражающим» (предусловие к 10-й ч. «Забав»).

Мемуары М. — «Припоминания мои с 1778 года», начаты в 1839 и незавершенные, кроме автобиографич. генеалогич. сведений и деталей быта содержат ряд интересных справок к юртам императоров и гос. лиц («Сб. Новгород. об-ва любителей древности», в. 2. Новгород, 1909; губл. из архива внука М. — Валерия Вазерионовича Муравьева-Амурского).

Изд.: Описание древней новгородской серебряной гривны и ее рублей. — В кн.: Буричев А., Описание редких рос. кнж. ч. 3. СПб., 1897; Письма: Александру I (1825 г.), — «Сб. Новгород. об-ва любителей древности», в. 3. Новгород, 1910; Дубровин Н. (Ф.), Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I. СПб., 1883 (ук.).

Лит.: Батушков, III (ук.); Белинский (ук.); Барсуков, II, 171—72; XVI, 151; Грот и Плетьев, I, 300—01; ОА, III, 44—45, 182, 534—36; Пущкин, Письма, II (ук.); Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 248; Строев В. И. (сост.), Столетие общества канцелярии. СПб., 1912, с. 196—201; Архив Тургеневых, VI (ук.); Мюллер Е. И., Памятные заметки. — РС, 1890, № 5 (восп. дочери М.); Васильчиков А. А., Семейство Разумовских, т. 2. СПб., 1880, с. 439; Материалы для истории рус. флота, ч. 14. СПб., 1893, с. 156, 159, 406; История рус. лит-ры XIX в., т. 1. М., 1908, с. 47—48; Бакунин М. А., Собр. соч. и писем, т. 1. М., 1934 (ук.); Корнилов А. А., Молодые годы М. Бакунина, М., 1915, с. 56—57, 61—62; Фетисов М. И., Лит. связи России и Казахстана, 30—50-е гг. XIX в., М., 1956, с. 46—49; Пущкин, Исск., т. 6, с. 250—51; т. 11, с. 277, 291; Жирмунский В. М., Байрон и Пушкин, Л., 1978, с. 230, 239—43; Дмитриев В. Г., По стране литературы, М., 1987, с. 126; Козлов В. П., «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценке современников, М., 1989 (ук.); Левин Ю. Д., Восприятие англ. лит-ры в России, Л., 1990 (ук.); ЛН, т. 16/18, с. 1030, 1041; т. 59, с. 292; Cross A. G., By the banks of the Thames, New-York (Mass.), 1980, p. 172—73, + ОМС, ч. 4; Пискарев Г.; Брокгауз; ЭЭС; Венгерок. Источ.; Муратов (1, ук.); Маслов.

Архивы: РГБ, М. 3617. А-5, ф. 401, карт. 1, № 13 (служебные письма); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 6091 (письмо А. С. Шишкину, от 1827); РНБ, ф. 29 (Аракчеева), № 9, 10; ф. 731, № 1916 (письмо М. М. Сперанскому от 1831); ИРЛИ, Р. 1, оп. 17, 1427 (письма Е. Н. Морозовичу, 1813—18); ф. 244, оп. 16, № 30 (письма к М. В. П. Кочубеву и Серафиму, митр. Новгород. и Санктпетерб.); РГА, ф. 468, оп. 43, д. 675 (письма барону Николаю, рос. поверенному в Лондоне с просьбой о денежной помощи, 1802); ф. 1409, оп. 1, д. 3703, д. 2133, д. 2527 (докум. о службе в собств. с. н. в канцелярии; последнее письмо М. об увольнении от службы [справки В. М. Лунянов]; РГА ВМФ, ф. 406, оп. 7, в. 42 (п.с. 1793 г.), ф. 212, оп. 11, д. 2079, л. 140* (ф.с. 1797 г.) [справки В. И. Лукина-Васильева].

Е. Э. Лавина

МУРАВЬЁВ, Муравьев-Карский и Николай Николаевич [14(25). 7.1794, Петербург — 23.10*(4.11), по другим сведениям, 18(30).10.1866, с. Архангельское (Скорьяково) Задонского у. Воронеж. губ.; похоронен там же], воен. и гос. деятель; мемуарист, автор путевых и воен.-ист. книг.

Отец М., Ник. Ник. Муравьев (1768—1840), — гл.-майор, учный-математик и воен. специалист, известен как один из образованнейших людей александров. эпохи. В 1810 основал, вместе с сыном Михаилом, Об-во математиков (избран его президентом), преобразованное в Моск., т. н. Муравьевское, уч-ще для военно-воздушных (1816—23), к-рое содержал на свои «издвинения», устраивая бесплатные публичные лекции у себя дома и практич. занятия в своем подмосков. имении; подготовил мн. образованных офицеров для Гв. Ген. штаба: в ср. уч-ще вышли мн. асакабристы (см. 20). В 1820—30-е гг., в отставке, увлекался сел. хозяйством, принимал участие в устройстве земледельч. школы, завет образованию ферму у гор. заставы в Бутырях. Издал фундаментальный тр. нем. ученого-агронома А. Тэора «Основания рационального сел. хозяйства» (ч. 1—5, М., 1830—35; отклики: МВ, 1830, № 9, 12; «Галатея», 1830, № 30) со своими обширными приращениями, содержащими тщательно разработанные практич. советы применительно к рус. хозяйству — с опорой на конкретные черты помещичьего и хрест. быта, а также нац. «трудолюбивой» психологии; пропагандируя новый образ «улучшенного владельца хозяйства», М., по существу, дает сравнит. анализ совр. состояния рус. и «иностр. хозяйств». (См. о нем: Пята Н. В., Ген.-майор М. СПб., 1852; Брокгауз: «Из энциклопедического наследия...», с. 291—292; Васаргин Н. В., Восп. — В кн.: Мемуары декабристов, М., 1982.)

Брат Ал-дра Н. Муравьева, Анд. Н. Муравьева, М. Н. Муравьева (Вилenskого) (см. о нем ниже). Получил хорошее образование, знал европ. языки, позднее изучил тат. и араб. яз.; играл на неск. муз. инструментах, рисовал. В нач. 1811 приехал в Петербург (с 1801 семья жила в Москве), вступил в воен. службу колонновожатым в свиту е.и.в. по квартирмейстерской части, в армие — прапорщик. К этому времени относится его увлечение Ж. Ж. Руссо. В юности нуждался (материальные дела отца находились в расстройстве). В «поход» 1812 отправился вместе с бр., Ал-дром и Михаилом, участвовал в сражениях при Бородине (награжден), под Тарутином и др., в действиях рус. армии за границей (1813—14). Часть «Записок» М., посв. Отеч. войне 1812 (РА, 1885, кн. 2; 1886, кн. 1), выделяется на фоне всей мемуарной лит-ры о 1812 (Тартаховский). М. был в числе основателей (вместе с братьями) преддекабристских об-в «Юношеское собрательство» («Чока», 1811) и «Священная артель» (1814—18) (восп. М. о «святом братстве» см.: «Записки. 1816» — РА, 1886, кн. 1, с. 448—49). Служил в Гв. Ген. штабе, в 1816 уезжает на Кавказ под начальство А. П. Ермолова (в 1827 женится на Соф. Фёд. Ахвердовой, 1810—30; 2-й брак, в 1834, — с Нат. Григ. Чернышевой, сестрой жены Н. М. Муравьева), дружил с семейством груз. поэта кн. А. Г. Чавчавадзе.

В состав посольства Ермолова в 1819—20 совершает поездку в Хиву и Бухару — для установления «приязненных сношений» с туркменами и изучения юго-вост. побережья Каспийского моря. Поездка, как и вскоре вышедшая книга «Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг.» (посв. отцу; ч. 1—2, М.,

1822; с прил. карт, рисунков, росписи «туркм. поколений»; пер. на англ., франц. и нем. яз.) — с описанием географии, истории, нравов и обычаев неизв. края, положения в нем рус. пленных, а также «злосклонный» автора (в т. ч. заточения у хивин. хана), — возбудила интерес в обществе.

В М. увидели (СА, 1822, № 11—13) «искусного воина, ученого, инженера и проницательно го политика» (№ 11, с. 367), с «благородным образом мыслей» (№ 13, с. 68); это «важное и любопытное из всех путешествий... не только у нас, но и во многих других странах просвещенной Европы», а дилита о нем — «отличнейшее произведение нынешнего времени» (СО, 1822, № 20, с. 277, 279).

Участвовал в рус.-перс. (1826—28; ген.-майор, 1828) и рус.-тур. (1828—1829) войнах; отличился при осаде и штурме Карса; из-за разногласий с И. Ф. Паскевичем покинул Кавказ (1830). За участие в подавлении Польского восстания произведен в ген.-лейтенанты (1831). В 1833 послан в Турцию и Египет со сложной военно-дипл. миссией: «вселять тур. султану доверенность, а египетскому паше страх» — из напутствия Муравьева Николая I (РА, 1868, кн. 1/2, стб. 748).

М. удалось оставить воен. действия паши против Турции, что содействовало заключению Утлар-Искендерийского договора (1833). Позднее он подробно отписал поездку в Константинополь, дилт. переговоры, нравы и порядки тур. армии, тур. и егип. двора, личности паши и султана, а также «стояние» рус. войск на Босфоре (кн. «Русские на Босфоре...»).

Получил звание ген.-адъютанта е.и.в. Вышел в отставку в 1837, после «строгого», для М. оскорбительного, выговора Николая I (во время воен. просмотра в Николаеве; Остен-Са-

кен, с. 538). В 1848 вернулся на службу (командующий корпусом, в 1850 командир Гренадер. корпуса); был послан в Венгрию в связи с рев. событиями 1848—49. Тяжелое положение России в Крым. войну заставило Николая I обратиться к М. («если не по совести, то по нужде предложить», шт. по кн.; Задонский, с. 362); в 1854 назначен командующим отд. Кавк. корпусом (в 1853 произведен в ген. от инфантерии) и наместником на Кавказе (с кон. 1854). Во время недолгого управления краем (с нач. 1855), к-рое современники называли «спартанским» в отличие от «афинского» — воронцовского (Д. Святополк-Мирский — РС, 1872, № 11, с. 545), прославился взятием тур. крепости Карс, давшей «прибавление» к его имени (после неудачного штурма М. принудил ее к полной сдаче, 1855); победа под Карсом, вызвавшая огромный энтузиазм во всех слоях общества, способствовала заключению мира с Турцией. Недовольный перемирием (М. собирался «идти на Царьград») и не соответствующей, как он полагал, его заслугам наградой (орден св. Георгия 2-й степени), в 1856 уходит в отставку; назначен чл. Гос. совета. Оставшиеся годы жил в своем имении, работая над «Записками».

И свидетельства современников, и сами «Записки» воссоздают образ М. как человека, отличавшегося твердостью характера [«умеет подчинить действия других своей воле» (А. Е. Попов — РС, 1881, № 6, с. 214)], чрезвычайной независимостью взглядов и суждений, строгого к себе и подчиненным, резкого и прямолинейного: «правда и прямота характерны чисто русские» [И. С. Крашенинников — РС, 1886, № 6, с. 571; см. также оценку его личности Игнатием (Брянчаниновым), с к-рым М. состоял в родстве и персепике, — Святитель Игнатий Брянчанинов, т. 7, М., 1993, с. 374—75]. Защитник гос. устоев, проводник и одновременно нелицеприятный критик внешней политики, особенно имп. двора. М. покровительствовал состоянным декабристам, высказывался за радикальные условия освобождения крестьян; принадлежал к его крепостных освободил задолго до реформы 1861 (Задонский, с. 423, 438). Знавший М. современник так характеризовал его в 1-й пол. 1820-х гг.: «По службе педант до мелочности, самозлюб до уродливости, неверчив до обиды; но, когда хотел, мог быть любезен, приятен и знакомым даже оборудив своей любезностью ... Человек был своеобразный иногда до смешного, и все из самолюбия» (Бриннер Э. В., Служба артиллерийского офицера ... — «Кавк. сб.», т. 15, Тиф-

лис, 1894, с. 133). Личность М., по мнению П. И. Бартечева, вполне сказалась в его мемуарах (РА, 1886, кн. 1, с. 225).

Обширные «Записки» (осн. корпус. с ценз. купюрами, опубли. в «Рус. архиве», 1885—95; публикация, осуществленная частично дочерью М. — А. Н. Соколовой, доведена до текстов 1837), в к-рых дневниковые записи перемежаются с мемуарными фрагментами, писались М. с 1815 до самой смерти.

На их основе подготовил неск. книг, изданных уже после его смерти, затем М. — Г. А. Чернышев: «Турция и Египет в 1832 и 1833 гг.» (т. 1—4, М., 1869; полное изд. — М., 1870—74), часть этого же соч. «Русские на Боефоре в 1833 г.» (М., 1868; одобрит. оттиски: ВЕ — 1868, № 11; «Восст. сб.», 1868, № 12; «Замечат. явление в рус. воен. литературе» — с. 78; Е. Феоктистов — РВ, 1868, № 10; сдержанная рец.: «Дело», 1869, № 1). «Война за Кавказ в 1855 г.» (т. 1—2, ч. 1—4, СПб., 1877; полнит. оттиск: «Воен. сб.», 1877, № 7, 8); при жизни напечатаны два фрагмента (РВ, 1862, № 1; 1863, № 1).

Историко-культурная ценность записок М. обусловливается широкой хронологич. охвата (1811—1865) и авт. впечатлений (включая встречи с Николаем I и Александром II). Здесь содержатся сведения по военной, диплом., общественно-полит. и социально-экономич. истории, историко-этногр. описания стран и народов Кавказа, Ср. Азии, Персии и др. Труд М. — осн. источник по истории преддекабрист. общества и настроений, дает фактич. материал и яркие портретные штрихи для биографий рус. воен. и гос. деятелей: Ермолова, А. Ф. Орлова, Паскевича (не прошедшего М. его преданности Ермолову; ср. нелицеприятное мнение М. о его «Записках» 1812 — РА, 1889, кн. 3, с. 68), И. И. Дибича, декабристов Ал-дара М. Муравьева, М. И. Муравьева-Апостола, М. С. Лунина, а также В. К. Кюхельбекера, А. И. Якубовича; критич. оценку дает М. личности Д. В. Давыдова (РА, 1889, кн. 1, с. 590—92, 602—604; см. комм. В. Э. Вацура в кн.: Давыдов Д., Стих., Л., 1984, с. 34; письмо поэта к М., 1834, см.: Задонский, с. 436—37). Особый интерес представляют записи, повс. А. С. Грибоедову: М. был знаком с ним 10 лет (1818—28), но в дружеских отношениях не состоял, будучи «мыслью весьма невыгодным насчет его нравственности и нрава» (Грибоедов в восп., с. 55). В поединке между Грибоедовым и Якубовичем М. был секундантом последнего. Его суждения о Грибоедове по б. ч. пристрастны, но о его познаниях и уме он неизменно высоко отзывался: зафиксированные М. сведения весьма полно освещают какя. период жизни писателя.

Записки М. не лишены изв. лит. достоинств (своеобразно-красноречивый язык, вкус к точной детали, выпуклость мн. описаний), однако

страдают «распространенностью», избыточностью повторов, стилистич. неотделанностью; более обработаны восп. о 1811—16. Тон изложения — эпический, обстоятельный, невозмутимый («само беспристрастное, спокойное изложение автора-очевидца» — ВЕ, 1868, № 11, стб. 476), порой отменнейший флегматичным юмором, что не смягчает крайний субъективизм мемуариста, для к-рого не существует ни готовых авторитетов, ни общепризнанных мнений. «Записками» М. пользовался Л. Н. Толстой при написании «Обличит. главы» «Хаджи-Мурата», но вошедшей в осн. текст (Толстой, ХХХV, 598—99).

Переписка М. (св. 8 тыс. писем к нему, письма самого М. не сохр.) представляет не меньший интерес, чем его записки, и уникальна как своей сохранностью, так и тем, что в ее составе находится редчайший комплект писем декабристов за период с 1810 по 1825 (частично опубли. в кн.: Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому, т. 1, М., 1975; там же статья И. С. Каландарской с описанием архива М.).

Брат М., Мих. Ник. Муравьев (Виленьский) (1796—1866), граф (с 1865); гос. деятель, сенатор (с 1842), чл. Гос. совета (с 1850). Ген. от инфантерии, мич. гос. индустрии (1857—62). Воспитатель Моск. ун-та (1809 или 1810—11), в 14 лет вместе с отцом основал Моск. об-во математиков, преподаватель и вице-президент Учен. общ. колонновожатых (составил «Программу для испытания...», М., 1817). Вступил в службу колонновожатым (1811); участвовал в Отеч. войне 1812 (прапорщик, 1813 — лейтенант; ранен при Березине) и заграничных походах. С 1814 в Гв. Ген. штабе. Чл. преддекабристской орг-ции «Священная артель», до 1822 чл. тайного декабрист. об-ва Союз спасения и Союз благоденствия (Чл. Коронного совета, один из авторов Устава). Прилежный по делу декабристов, оправдан. Вице-пред. РГО (1850—57), почт. чл. Петерб. АН (1857).

Был известен как проницательное и своеобразное крестьян. проведение русификационной политики в Сев.-Зап. крае. В 1863—65 виленский, эрлангский, ковский и мпский ген.-губернатор (с чрезвычайными полномочиями), командующий войсками Вилен. воен. округа, гл. нач. Виленской губ. За жестокость при усмирении Польского восстания 1863—64 в либерально-обществ. кругах прозван «вильгельмом». Пресса относилась к комиссии по делу Д. В. Каракозова. Автор «Записок», опубли. в «Рус. старине»: «Записки о мителе в зап. России», «Полемия польская сылта...» и др. (1882, № 11, 12; 1883, № 1—5; 1884, № 6; РА, 1885, кн. 2); представляют интерес как ист. и политолог. документ: откровенно, без стеснения высказывая, излагая свои действия и взгляды, автор передает «убиенительные» настроения и «калебидные» обществен. мнения по польскому вопросу (в т. ч. «перемету мысли самого государя»), обвиняя «рус. аристократию», министров, высших чиновников, лиц в улусисии «колониализма», социальн. мстжданкам, иррегулярности идеям сам. держав и забвения рус. интересам (см. напр. РС, 1883, № 1, с. 134—35, 143—44, 153, и др.) [см. о нем: Ивченко, ук.; Гершен, ХVII—XIX, и др. (ук.); Чуховский К. Поэт и палец. (Нижаров и М.), Л., 1922; Долгоруков П. В., Петерб. очерки. Писатели империи. 1860—1867, М., 1992 (ук.); Брокгауз; Гранат: СДЗ; Декабристы].

Изд.: Из «Записок». — В кн.: Грибоедов в восп. (сост. П. С. Краснова, С. А. Флунчева). Рус. мемуары. Избр. страницы. 1800—1825 гг., М., 1989 (биогр. очерк И. И. Позольской).

Письма М.: к А. П. Ермолору — РС, 1872, № 11 (письмо от февр. 1855, распространялось на Кавказе в списках); к кн. В. О. Бутурову, 1855 — там же, 1873, № 10.

Лит.: Муравьев А. Н., Соч. и письма, Иркутск, 1986 (ук.); Пушкин (ук.); Толстой (ук.); Берг А. П., М. во время его наместничества на Кавказе, 1854—1856. — РС, 1873, № 10; Лазбиель Кавказа и Закавказья, В. Н. Мурашев. — РС, 1874, № 5; Шербицкий М. П., Кн. М. С. Воронцов и М. — РС, 1874, № 9 (там же посл. И. И. Евреинова); Зиссерман А., По поводу полонки о кн. Воронцове и М. как наместника закавказья. — РВ, 1874, № 11; его же, По поводу «Поправки» А. П. Бранчанинова. — РА, 1886, № 2; Остен-Сакен Д. Е. М. в 1828—1856 гг. — РС, 1874, № 11 (о наместнике маршрут М. в «Рус. старине» см.: Западский, с. 439—440); Муравьев-Апостол М. И., Вост. и письма П., 1922, с. 41, 71; Якушкин И. Д., Записки, ст. письма, М., 1951 (ЛП; ук.); Несчастье М. В. Давиденко декабристов, т. 1, М., 1955 (ук.); Калалитерская И. С., Письма декабристов И. Н. Муравьева-Кареевца как источник по истории «Священной артилии». — «Архив. сведения за 1972 г.», М., 1974; Халфин Н. А., Россия и диктатура Ср. Азии (Первая пол. XIX в.), М., 1974 (ук.); Грачева А. Д., К вопросу о вост. интересах А. С. Пушкина. — «Изв. АН Туркм. ССР. Сер. обществ. наук», 1976, № 3; Завадовский В. К., Книга из библиотеки Пушкина. — «Молодость», в. 4, Таш., 1979 (о кн. М. «Путешествие в Туркмению и Хиву»; Тартаковский А. Г., 1812 г. и рус. империализм, М., 1980 (ук.); Бабаев Г. Б., Ум друзей, Бак., 1981, с. 28—40; Западский Н. А., Жизнь М. Документальная пет. хроника, М., 1985 (с прим. и библиографией); — В., 1987; множество изд. под этим и др. назв. начиная с 1964, в т. ч.: В., 1964, 1970; М., 1981). + Некрологи, 1866: «Вост. обз.», № 12, с. 116*—17; РИ, 8, 9 дек.; «Изд. газ.», № 43, Геннади; Брокгауз; Венков; Источ.: Эймонтова (2); СИЭ; БСЭ; Черейский; ИЭРДВ.

Архивы: ГИМ, ф. 254, РГВИА, ф. 169 (дипломатики и записки 1849—63 гг., в т. ч. «Возвращение с Кавказа» — оп. 1); ф. 481 (рукопись «Войны за Кавказом», т. 1—8); ф. 489, оп. 1, з. 7074, ч. 1 (фс. 1852 г.) (справка Н. Ю. Муравьиной).

В. М. Бокова, Л. М. Шемелева.

МУРАВЬЁВ-АПОСТОЛ (до 1801 Муравьев) Иван Матвеевич [1(12).10.1762* (по др. сведениям — 1767**, 1765 и 1768). Опеченская пристань близ Боровичей Новгород. губ. — 12(24).3.1851, Петербург; похоронен на Георгиев. кладб. на Б. Охте], прозаик, переводчик, поэт. Из старинного дворян. рода; по матери потомок укр. гетмана Даниила Апостола; сын воен. инж. М. А. Муравьева (его зап. «Журнал от начала рождения моего...» см. в кн.: Рос. архив, в. 5, М., 1994); отец трех декабристов: Матвея, Сергея и Николая Муравьевых-Апостолов (см. М. И. Муравьев-Апостол). Дворянский брат писателя М. Н. Муравьева (1757—1807).

С 1773 записан солдатом в л.-гв. Измайлов. полк. В 1776—77 обучался математике и языкам в пансионе акад. Л. Эйлера (Петербург); по закрытии пансиона «образовывался и обучался» дома. В 1778 дебютировал в печати переводом с француз. яз. статьи Тротти де Ла Шетаран «Наставление знатому молодому господину, или Воображение о светском человеке» (СПб.).

В окт. 1784 вступил в действит. службу обер-аудитором в штате петерб. ген.-губернатора Я. А. Брыля; с 1785 его филиал-аудитор (с

1788 в чине секунд-майора). Служил в Коллегии иностр. дел, в провинциальном штате; заведовал каналом в Шлиссельбурге (в чине премьер-майора). В 1792 по протекции М. Н. Муравьева приобщен ко двору имп. Екатерины II в качестве «кавалера» (воспитателя) при вел. кн. Александре Павловиче и Константине Павловиче; затем назначен обер-черемноймастером. При дворе сумел поправить не только имп. Екатерину, но и вел. кн. Павлу, будущему императору (см.: Муравьев-Апостол М. И., Вост. заметки. — В ст. кн. Вост. и письма, П., 1922), что обеспечило его дальнейшую карьеру.

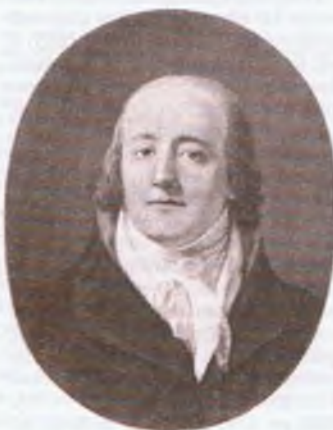
В февр. 1793 в Эрмитажном т-ре состоялась премьера сатирич. комедии Р. Б. Шерриана «Школа злословия» в переводе М.-А. (первый рус. пер. с англ. оригинала; облуб.: СПб., 1794). «Переложение» пьесы (согласно бытовавшей традиции) «на рус. нравы» оказалось внешним: русифицированы фамилии, слегка изменен порядок сцен, заменены имена, реалии, а в целом дух и смысл оригинала сохранились. Пьеса понравилась императрице и двору; ходили слухи, что в пер. принял участие во-

стал с аналогичным постом в Гамбурге, а в кон. 1799 — еще и в Копенгагене); между активизировал деятельность антифранц. коалиции. Дипл. службе способствовал исключит. лишь способностью М.-А.; жал не менее 8 аршин и новый штир. ямщик. В 1800 отозван в Россию; с июля привезен в тайные сов.; в 1801 — вице-президент Инстр. Коллегии.

Не принадлежа к сторонникам имп. Павла (несмотря на его благосклонность), принял участие в антипавлов. заговоре 1801, став автором одного из нереализов. проектов законод. ограничения верховной власти [ср.: А. С. Пушкин, «Table-talk» («Застольные беседы»), «беседа», начинающаяся словами «Дмитриев предлагал имп. Александру Муравьева в сенаторы»]. В 1802 занял должность полномочного мни. в Испании, но в 1805 по неясным причинам (согласно названной «беседе» Пушкина, впол в немилость императора за приглашение недостоверных сведений о подготовке антипавлов. заговора) был отставлен и вполтов до 1824 нигде не служил (сам М.-А. туманно объяснял опалу в письме Г. Р. Державину от 10 сент. 1814: «Я многим показался любимцем счастья, и гнусная клевета отравила поддень жизни моей» — Державин Г. Р., Соч., 2-е изд., т. 6, СПб., 1876, с. 333).

Однако «выключенный из службы», опальный М.-А. сохранил многие родственные, дружеские, светские и лит. связи. Живя в Москве, часто виделся с семьей М. Н. Муравьева, его и своим двоюродным племянником К. Н. Батушковым, В. Л. Пушкиным и др. [Сохранился дом, где в 1810-х гг. жил М.-А., ныне ул. Старая Басманная, 23 — Музей декабристов.] В Петербурге участвовал в заседаниях «Беседы любителей рус. слова» (чл. с 1811), где читал свои переводы с лат., общался с Державиным, И. А. Крыловым и др.; посещал салон гр. А. С. Строганова и дом Н. М. Карамзина (к-рого глубоко чтл, хотя «карамзинистов» порицал); был другом дома А. Н. Оленина, где встречался с Н. И. Гнедичем, В. А. Жуковским и др., познакомился с молодым А. С. Пушкиным. Состоял чл. ВОЛРС; с 1811 д. чл. Рос. академии (с 1841 поч. чл. Петерб. АН). Лето проводил в полтав. имении Хомутей Миргород. у., расположенном близ Обуховки — родового имения писателя В. В. Капниста (оба имениа слыли заметными культурными гнездами на Украине, а семьи их владельцев находились в тесном общении).

М.-А., по отзывам современников (в т. ч. Батюшкова, Н. И. Греча), — человек блестящего ума, необыкновенно и многих талантов, эстет. полиглот и библиофил (имел уникальную б-ку), объездил почти всю Европу, где встречался с И. Кантом, Ф. Г. Клопштоком, И. Миллером, В. Альфьери, Дж. Байроном, В. до-

питатник автора — вел. кн. Александр (см.: Грот и Плетнев, II, 635). Позднее перевод М.-А. послужил основой для пьесы А. И. Писарева «Лукавин» (см.: ИРДТ, т. 2, с. 314).

Более существенному «переложению» на рус. «нравы» подверглась 2-я вершинная комедия англ. просветит. драматургии — «Ночь ошибок» О. Голдсмита, ставшая под назв. «Ошибки, или Утро вечера мудренее» (СПб., 1794; премьера — дек. 1794 в Эрмитажном т-ре) довольно типичной сатирой на «петиметров» (претенциозных молодых франтов, вертопрахов) в духе «Бригадира» Д. И. Фонвизина. [В ряде источников «Ошибки» неверно названы ориг. пьесой М.-А.; см., напр.: Кубасов, 1904.] Обе пьесы шли в театрах Москвы, Петербурга и Полтавы до сер. 1820-х гг. (редкие пост. — до 40-х гг.).

После смерти Екатерины II, в дек. 1796 М.-А. отправлен в звании камергера вел. кн. Константина Павловича мни.-резидента в Эйтин ко двору герцога-администратора Ольденбургского и епископа Любекского (в 1798 еписко-

машнем быту проявлял и достоинства, и пороки просвещенного рус. барина: славился как любезный и хлебосольный хозяин и тонкий гас-троном, эликуреец и мот (прожил два миллионных состояния), но при этом эгоист и семейный деспот (см.: Каплунет-Скалон С. В., Из восп. о декабристах. — В кн.: Декабристы в восп. современников, М., 1988, с. 114—16; Библикова А., Из семейной хроники. — Там же, с. 143—44).

Лит. вынужденная отставка явилась наиб. продуктивным периодом в лит. творчестве М.-А. Широкою лит. и обществ. известность ему принесли написанные под впечатлением событий Отеч. войны и зарубежных походов рус. армии публиц. «Письма из Москвы в Нижний Новгород» (всего 15 писем: СО, 1813, № 35, 36, 39, 44—46, 48, 49; 1814, № 2, 3, 7, 34, 39, 40; 1815, № 6, 29, 36; перепечатка 1—7-го писем — РА, 1876, кн. 3). В «Письмах» также подводятся итог дискуссиям в Н. Новгороде (осень 1812 — зима 1813), к-рые велись во время личного общения М.-А. с многочисл. беженцами из Москвы (семьи Карамзиных и Муравьевых, Батюшкова, В. Л. Пушкин и др.). Примаыкая к совр. патриотич. публицистике (с ее антифранц. выпадами и сотованиями на нерусскость дворян. воспитания) лишь до изв. степени, «Письма» в осн. содержат зрелые размышления о просвещении, о европ. и рус. лит-ре, о состоянии общества, об историч. философии и политике, а также сатирич. новеллы, выменяющиеся совр. нравы.

М.-А. ратовал за гражданств., патриотич. и религ. направленность воспитания рос. юношества, настаивал на изучении им не только франц., но и родного, и др. европ. языков, в т. ч. обязательно др.-греч. и латинского, ибо лишь обращение к антич. лит. оригиналам (а не к их франц. переводам) может способствовать развитию рус. лит-ры. Становление подлинно нац. Отеч. словесности невозможно без сословия проф. литераторов и проф. же критики, «к-рая, по точному смыслу слова, значит суд, производимый над к.-л. предметом иск-ва, в к-ром рассматривается художество отвлеченно от художника, с тем намерением, чтобы сделать справедливую оценку дарованию, показав красоту, но вместе и недостатки»; настоящая критика предводима «беспристрастием, очищенным вкусом, умением не поперхиваться, но глубоком». Великим образцом такой критики является Ф. Э. Лессинг, предваривший своим творчеством само образование «истинной нем. лит-ры» (1814, 12-е «письмо»; см. в кн.: Лит. критика 1800—1820-х гг., М., 1980, с. 117—18). Вопреки теоретикам франц. классицизма, М.-А.

ценил в «изящном вкусе» нац. начало, ибо он составляет по характеру каждого народа в зависимости от его «нравств. свойств» и «образа правления».

По позит. взглядам автор «Писем» предстает сторонником умеренной монархии и «законной свободы» в духе Монтескье. Он отвергает как «тиранию», так и «экзотератию», неизбежно вырождающуюся в тиранию правление (вместо одного тирана являются сто: «Без веры, без чистоты в нравах никакая республика существовать не может» — 14-е «письмо»), и категорически не принимает «злодейств» Франц. революции.

Лит. мир довольно высоко оценил «Письма» [см. отзывы Евгения Болоховитинова (Сб. ОРЯС, т. 5, в. 1, СПб., 1868, с. 154), П. А. Вяземского (ОА, I, 72), Д. В. Дашкова (РА, 1866, кн. I, стб. 493), «Послание И. М. М.-А.» Батюшкова]. Державин писал автору, прочитав 6-е «письмо»: «Столько нашел я в нем благородных чувств, учености, познаний, способности, вкусу и, коротко сказать, совершенного мастерства и легкости называть пером душу, дабы трогать сердца» (Державин в Г. Р., Соч., т. 6, 1876, с. 332). В. К. Кюхельбекер, ознакомившись с ними в 1833, отметил в «Дневнике»: «они исполнены живости ума, таланта; слог не везде правильный, но лучше много правильного» (Кюхельбекер, с. 251). «Письма» многократно отразились в рус. лит-ре: reminiscenции и лит. аллюзии у Батюшкова (в послании «К Дашкову»), А. С. Грибоедова (см.: Фомичев С. А., Комедия ... «Горе от ума». Комментарий, М., 1983, с. 78—80), А. С. Пушкина (см.: Кошелев, «Ее сестра звалась Татьяна»). Ряд лит. идей М.-А. использовал Гнедич в своем «Рассуждении о причинах, замедляющих успехи нашей словесности» (речь произнесенная в янв. 1814); их особенно сблизжало тяготение к «неоклассицизму» — ориентация не на правила франц. классицизма, а непосредственно на образцы др.-греч. и рим. лит-ры. В письмах к др. единомышленнику — Капнисту — М.-А. выказывал себя противником как языкового реформаторства А. С. Шишкова, так и «новаторов», покинувших «классич.» и народную традицию, в частности Жуковского (см.: Громова). Лит. и языковые вкусы не мешали, однако, его одновременно пребывать как членом «Беседы любителей русского слова», так и почетным чл. «Арзамаса».

Признавая важность освоения антич. лит-ры для становления русской, М.-А. в 1800—10-х гг. много занимается ее изучением и переводами; несколько лет он посвящает произв. Горация, постоянно открывая в нем «не только поэтич. красоты, но и истины, глубокие и удивительные» (цит. по кн.: Батюшкова В. Н., Избр. соч., М., 1986, с. 299). В свет выходят работы, создавшие М.-А. ре-

путацию авторитетного знатока античности: стихотв. перевод 16-й оды Горация [ВЕ, 1809, № 20; рец.: похвальная — И. Т. Буле (там же), сдержанно одобрит. — (М. Т. Каченовского) (ВЕ, 1809, № 21)], испытавший стилистику и метрич. влияние Державина («Блажен, кто в тихой, низкой доле /Богат, умеет малым быть; /Стяжать себе не хочет болес. /Как чем лишь скромно век прожить. /Хлеб-соль простая угошенье, /Стола опрятна украшенье, /Соломка дедовска одна»; два прознич. пер. 1-й и 3-й сатир Горация (из 1-й кн.), снабженных пространством историко-бытовым комм.: «Краткое рассуждение о Горации» и «Рассуждение о причинах, побудивших Горация написать Сатиру третью...» («Чтение», 1811, кн. 2; 1812, кн. 6); комм. к письмам Цицерона и пер. одного из них («Взгляд на заговор Катилины» — СО, 1818, № 21—23, 6. п.; и «Письмо от Цицерона к Помпонию Атрику» — СО, 1819, № 8); ряд рецензий: «Письмо к редактору „Вест. Европы“» (ВЕ, 1815, № 5—6), «Письмо к издателю „СО“» (СО, 1817, № 22, позн. Вахт Страбоновский; о пер. А. Ф. Воейкова поэм Вергилия; ответ Воейкова — ВЕ, 1817, № 22); пер. комедии Аристофана «Облака» (СПб., 1821). (По мнению А. Ю. Кузьменко, М.-А. принадлежит также анонимная рец. «Поэзия эллинского языка ...» на одноименную книгу — СО, 1817, № 38.)

Самое значительное произв. М.-А. — книга в 25 «письмах» «Путешествие по Тавриде в 1820 г.» (СПб., 1823; отрывок «Ольвия» — СПб., 1821; рец.: СО, 1821, № 25) — написано в результате поездки М.-А. в Крым (11 сент. — 25 окт.) по маршруту: Одесса — Перекоп — Л. Саблы, откуда совершал поездки в Севастополь, Балаклаву, Бахчисарай, на Юж. берег (от Алушты до Кикленца), — Судак — Старый Крым — Феодосия — Керчь. Книга посвящена сопровождавшей его жене (во втором браке) Прасковье Васильевне (урожд. Грушецкая, внучка В. М. Долгорукого-Крымского); в поездке принимали участие двоюродные племянники М.-А. — И. М. Муравьев и М. С. Лузин.

М.-А. предпринял поездку, к к-рой готовился 2 года, намереваясь проверить сведения древних историков и географов (Геродота, Страбона, Плиния, Плутарха и др.) об известных антич. городах Приднепровья и Крыма. Но особенности жанра «путешествия» и эллистоларная форма позволили автору выйти за рамки первонач. замысла и дать параллельные — ретроспективные и совр. — описание одного и того же места: Херсонес — Севастополь, Каффа — Феодосия, Пантикапей — Керчь, а

также привести ценные сведения о флоре и фауне Крыма, характерные подробности гор., сел. и монастырской жизни, колоритные описания вост. быта. «Путешественник» разъясняет о причинах крушения многовековых устоев, о назначении истории в процессе познания мира, о роли Азии в развитии цивилизации; анализирует причины и следствия присоединения Крыма и выражает уверенность в высокой ист. миссии России; прибегая к эзопову языку, осуждает «посрамительный для человечества торг невольниками». Через всю книгу проходит мысль о необходимости сохранения «драгоценных остатков древности».

Первый стиль повествования отражает характер эстетики, эволюции М.-А.: многие ист. экскурсы — дань классицизму с его патетикой и риторикой, обилием эпит. реминисценций и аллюзий, воспеаниями гражд. добродетелей, одичавшей просвещенности; искривленные зрительские и романтические описания достопримечательностей написаны в духе сентимент. путешествия (предельно высокая чувствительность, необуд. восхищение, повышенный интерес к экзотике; немало страниц, однако (описание Бахчисарайского дворца, большой очерк о среднеазиатской Кафре и др.), свидетельствуют о зрелом лит. мастерстве.

Рецензенты отмечали европ. уровень книги, живой и ясный слог, исключит. эрудицию автора и в целом науч. убедительность (А. А. Бестужев — ПЗ на 1824 г., с. 4; N.N. (А. Ф. Воскожников) — СА, 1824, № 9, с. 151—60; В (его же) — НЛ, 1824, № 20—21). Вскоре «Путешествие по Тавриде» получило известность за рубежом — переводы на нем. (Б., 1825; Вена, 1826) и итальянский (Неаполь, 1833) языки.

У А. С. Пушкина, в-рый почти в то же время проделал тот же путь в Крым (но в обратном направлении) и встречался с теми же людьми, что и М.-А., книга вызвала много воспоминаний. В дек. 1824 он писал А. А. Дельвиу: «Путешествие по Тавриде прочел я с чрезвычайным удовольствием... Очень желаю, что мы не встретились». К 1-му изд. поэмы «Бахчисарайский фонтан» (1824) приложен большой фрагмент из книги М.-А. (письмо X — «Бахчисарай», с. 107—108, 110—16, 118—19). По просьбе Пушкина Вяземский написал к поэме предельное манифест рус. романтизма, направленный против классицизма, где допустит полемику, выдвигая против М.-А. отечественное право автора на поэтич. вымысел (хотя фактически М.-А. критиковал неподуственность вымысла лишь для историка). В 3-м изд. поэмы (1830) Пушкин открыл предисловие, а в фрагменты из «Путешествия по Тавриде» добавил отрывки из письма к Дельвиу.

В 1824 М.-А. решился возобновить цикл «Письма в Нижний Новгород» и опубли. одно письмо («Продолжение писем в Нижний Новгород» — ВЕ, 1824, № 2; сатира на суд с более резкой, чем прежде, социальной направленностью); но возвращение на действит. службу остановило лит. работу. В марте 1824 назначен присутствующим в Правительств. Сенат, а в авг. стал чл. Главного училищ. правления. Ряд его служебных «мнений» 1824—25, расходясь в рукоп. списках, получил широкий обществ. резонанс: в защиту директора Деп. нар. просвещения В. М. Погова, участвовавшего в переводе с нем. мистич. книги И. Госнера, запрещенной по выходе (см.: ЧОИИДР, 1859, кн. 4), о праве университетов и профессоров пользоваться книгами по-

мнению цензуры (см. в кн.: Сухомлинов М. И., Иссл. и статьи по рус. лит-ре и просвещению, т. 1, СПб., 1889, с. 484—87), «Мнение члена Главного училищ. правления о преподавании философии» (1825; опубли. в кн.: Лит-ра и история, СПб., 1992) в защиту преподавания философии в ун-тах, против чего ратовал М. Л. Магницкий (о 1-м и 3-м «мнениях» см. также: Никитенко, ук.).

Мнения, выраженные по конкретным «делам», аргументировали необходимость смягчения ценз. строгостей и умеренную свободу мысли; но в тогдашних условиях они демонстрировали изв. гражд. смелость и создали М.-А. репутацию либерала. Есть свидетельства, что участники тайных обществ намеревались сделать М.-А. чл. временного рев. правительства (см.: Муравьев М., Идея временного правительства у декабристов и их кандидаты. — В кн.: Тайные об-ва в России в нач. XIX столетия. Сб. мат-лов, ст. и восп., М., 1926). После разгрома восстания декабристов и трагедии, постигшей сыновей М.-А. (младший, не желая сдаваться, застрелился; средний повешен, старший осужден на 15 лет каторги, но вскоре отправлен на поселение в Сибирь; до суда, 11 мая 1826 состоялось свидание отца с Матвеем и Сергеем в Петропавлов. крепости), он оставил службу, а в мае 1826 был «уволен по болезни в чужие края» (до 1847 значился неприсутствующим сенатором).

Жил преим. в Австрии (Вена) и Италии (Флоренция), где встретился с А. Дюма-отцом и рассказал ему о своих сыновьях (см.: Дюма А., Путешествие впечатления в Россию, т. 1—3, М., 1993, ук.); в Россию вернулся в 1840-х гг.; в печати имя М.-А. не упоминалось с 1826 до кон. 1850-х гг. Его 6-ка и мемуары утрачены. «Путешествие в Тавриду» не переиздавалось, хотя его сведения и поныне используют археологи, историки, краеведы и особенно пушкинисты (см., в частности, сб.: Пушкин в Тавриде, Симферополь, 1995).

К лит-ре, наряду со старшим сыном Матвеем, были причастны также первая жена М.-А. Анна Семёновна, урожд. Черноусов [во втором браке — с П. В. Грушецкой — М.-А. состоял с 1812(13)], переводшая с франц. «Пример матерям, или Приключения маркизы де Безир» (Казинка, 1791), и сын Сергей, писавший стихи и переводивший на франц. язык кн. отца «Путешествие по Тавриде» (рукопись — ГАРФ, ф. 109, 1 эксл., 1843 г., д. 185).

Др. произв.: «Элегия на смерть Александра I» (на др.-греч. яз.; «Библиографич. листы», 1826, № 35), «Три юные лавра...» (элегия, соч. по поводу трагич. участи его сыно-

вей-декабристов в 1825] (оригинал на др.-греч. яз.; стихотв. переложение Ф. Н. Глинки опубли. РА, 1886, кн. 1), «Два письма... к гр. С. Р. Воронцову» (РА, 1876, кн. 1), «Письмо к Е. Ф. Муравьевой» от 26 марта 1847 (РА, 1887, кн. 1), «Как я делался „Апостолом“» (там же).

Биогр. мат-лы: И. М. Муравьев-Апостолу, 11 апр. 1811 г. — «Улей», 1811, № 6, с. 456—57 (стих.; б. п.); Жихарев; Вигель; Греч; Кюхельбекер; Никитенко (все 5 — ук.); Стурдза А. С., «Беседа любителей рус. слова» и «Арзамас»... (и мой восток). — «Москвитин», 1851, № 21; МВед. 1857, 29 окт. (бюбл. замечание М. Дмитриева); Шугуров М., Из восп. гр. Нельи. — В сб.: «Оснаждаемый век», кн. 3, М., 1869, с. 396—97; Шихов А. С., Записки, миссия и переписка, т. 2, Б., 1870 (ук.); Полторацкий С. Д., Рус. достопамятные люди. — РС, 1892, № 6, с. 459—462; Коцебу А., Записки. — В кн.: Царский уезд 11 марта 1801 г., СПб., 1907, с. 307 (принт — М., 1990); Калинин В. В., Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1960, с. 542 (письмо к М.-А.); Письма рус. приятелей XVIII в., Л., 1980 (ук.); Керн А. П., Восп. ..., М., 1989 (ук.); Багюшков К. П., Соч., т. 1—2, М., 1989 (ук.); Внешняя политика России XIX и нач. XX в., сер. 1, т. 1—2, М., 1960—61 (ук.); Медведская Л. А., С. И. Муравьев-Апостол, М., 1970, с. 7—12, 35, 38; Эйзельман Н. Я., Грань веков, М., 1982; его же; К биографии С. И. Муравьева-Апостола. — В его кн.: Из отечественной истории России XVIII—XIX вв., М., 1993; Маньяковский А., В переплете зеленого сафьяна. — НН, 1990, № 4; Муравьев М. А., [Записки]. — В кн.: Рос. архив, в. 5, М., 1994, с. 63*; Якушкин М. М., Якушкин Г. Р., Два декабриста Муравьевы-Апостола. — В сб.: Декабристы и их время, М., 1995, с. 48, 147.

Лит.: «Арзамас» (ук.); Греч И. И., Очерк краткой истории рус. лит-ры, СПб., 1822, с. 341; Пушкин, XIII, 242; Балас М., С. Муравьев-Апостол. — РС, 1873, № 5, с. 654—56 (см. возражение М. И. Муравьева-Апостола; РС, 1873, № 7, с. 107—108); Сухомлинов М. И., История Рос. Академии, в. 7, СПб., 1885 (ук.); Катков М. Н., Наша уч. реформа, М., 1890; Галахов А., История рус. словесности..., т. 2, М., 1894, с. 275—82; Веселовский А. Н., Зап. издание в новой рус. лит-ре, 2-е изд., М., 1896, с. 160 (н. ук.); Лыгина А., История рус. лит-ры, т. 4, СПб., 1899 (ук.); Польский П. Н., История рус. словесности с древнейших времен до наших дней, т. 2, СПб., 1900, с. 525—28; Кубасов И. А., М.-А., автор «Писем из Москвы в Нижний Новгород». — РС, 1902, № 10—11; его же, Драм. опыты М.-А., СПб., 1904; «Тр. Полтав. уездной арх. комиссии», в. 1, Полтава, 1905; Павловский И. Ф., Из прошлого Полтавщины. К истории декабристов, Полтава, 1918, с. 3—12; Рус. портреты XVIII и XIX столетий, т. 2, СПб., 1906 (№ 139); Памяти декабристов, [в.] 1, Л., 1926, с. 108—39; Декабристы на поселении. Из архива Якушкиных, [М.], 1926 (ук.); Азарнов С., Пушкин и Крым. — В кн.: Таврич. сб-ва истории, археологии и этнографии, т. 2 (59), Симферополь, 1928, с. 6—7; Базанов В., Очерки декабрист. лит-ры, М., 1953, с. 78, 91—101, 107—10; Тынянов (ук.); Громова Т. Н., Лит. взаимоотношения М.-А. и В. В. Капнина. — РЛ, 1974, № 1; Овсен О. Н., Неизв. письма Н. И. Глинды М.-А. — РЛ, 1978, № 2; Громбах С., О датировке стих. Пушкина «К Чаадыеву...». — ИзвОЛЯ, 1980, № 3; Формозов А. А., Страницы истории рус. археологии, М., 1986, с. 41—42; Коцебу В. А., [Заметка о М.-А.]. — В кн.: Памятные книжки даты, 1988, М., 1988, с. 78—80; его же, «Ее сестра звалась Татьяна...». — В кн.: Болдинские чтения, Г., 1988, с. 158—60; его же, М.-А. о философии истории и лит-ре. — В кн.: Лит-ра и история, СПб., 1992; Бедкин Д. И., Отзвуки «Писем из Москвы в Нижний Новгород» М.-А. в «Горы от ума» и «Евгений Онегин». — В кн.: Проблемы творчества А. С. Грибоедова, Смоленск, 1994; Кузьменко А. Ю., И. М. Муравьев-Апостол, Київ, 1964; ЛН, т. 59 (ук.); т. 60, кн. 1 (ук.). + Некрологи: СП, 1851, 15 марта; ЖМНП, 1852, с. 73; Отчеты вып. АН по ОРЯС за 1841—1851, СПб.,

МУРАВЬЁВ-АПОСТОЛ

1852, с. 345—47 (П. Пастух). «Совр.», 1853, № 2, с. 21. Рус. родословная книга, [т. 1], СПб., 1875; Гениалди; Брокгауз; Павловский; Венгеров. Источ.: ИРЛТ; ИРДВ; Черейский; Декабристы (о сыновьях); Маслов.

Архивы: ГАРФ, ф. 1002, оп. 1, д. 1, 2, 3 (ежегодная переписка); РГАЛИ, ф. 1599; ф. 450, оп. 1, № 2 (письма С. А. Соболевскому); ИРЛИ, ф. 339, № 1 (2 письма М.-А. к Д. Н. Бантыш-Каменискому, 1822); № 131, Р. 1, С. (письмо В. И. Гиданчу, 1 янв. 1826); 28, 165 (письмо В. А. Жуковскому, 17 нояб., 1832); ф. 320, № 1575* (ф. с., б. д.); РНБ, ф. 603, № 308 (письмо Д. М. Полторацкому, 6 сент. 1816); ф. 247 (переписка с Г. Р. Державными); ГПБ, Ул. (письма к А. Н. Оленину, имп. Александру I); РГБ, ф. 233 (С. Д. Полторацкому), к. 36, папка 46 (письмо к издателю СО); РГИА, ф. 737, оп. 1, 1827, д. 49951; ф. 1035, оп. 1, д. 506 (5 писем к П. М. Полторацкому о семейных делах); ф. 1101, оп. 1, д. 1010, 1910 с. и б. х. (Родословные таблицы Муравьевых, составленные С. А. Пачукидзе); ф. 1263, оп. 1, д. 326, 1822—23 (спор о наследстве именной Апостолов в Полтав., Киев. и Херсон. губ.); ф. 1409, оп. 2, д. 45802 (о свидании с сыновьями в Петропавлов. крепости) [справка А. М. Качанова]; РГВИА, ф. 35, оп. 5/246, св. 317, д. 2136; ф. 410, оп. 1, д. 296, 297 (письма сына Сергея); ф. 43, оп. 2, д. 200 (заявки А. В. Суворову); ЦМБ АН Украины, III, 23393—24276 (письма В. В. Калитку); АВРР, ф. ДЛС и ХД, оп. 3372, д. 98; оп. 464, д. 2331 (ф. с. 1818—1827 г.); ф. 45, оп. 45/1; ф. 44, оп. 444; ф. 58, оп. 1, 8 (мпл. переписка); РГАДА, ф. 188, оп. 1, д. 430 («записки» М. А. Муравьева).

В. М. Боква, при участии Э. В. Дашковой

МУРАВЬЁВ-АПОСТОЛ Матвей Иванович (18(29).4, по др. сведениям, 25.4(6.5).1793, Петербург — 21.2(5.3).1886, Москва; похоронен в Новодевичьем мон.), декабрист, мемуарист. Из старинного дворян. рода. Сын И. М. Муравьева-Апостола от его первого брака с А. С. Черновиц (ум. 1810), дочерью серб. генерала.

Брат Сергея Муравьева-Апостола (1795—1826), одного из пяти казненных декабристов. Двоюродный брат Н. М. Муравьева, троюродный брат М. С. Лунина; родственник Ал-дра Н. Муравьева, Андрея Н. Муравьева, Н. Н. Муравьева; состоял в дальнем родстве с М. А. Бакуниним. Детство провел гл. обр. в Германии (Гамбург), Испании и Франции. Получил блестящее образование — святила дома, в 1802—09 в париж. миссионе Хикса; среди соузников

М.-А. и его брата Сергея — А. де Виньи. Родителями братья воспитывались в либерально-патриотич. духе (в частности, до переезда в Россию в 1809 они не подозревали о существовании крепостного права). До 14 лет М.-А. не говорил по-русски, затем стал брать уроки и к 1809 хорошо освоил язык. В 1811 поступил в петерб. Корпус инженеров путей сообщения (проучился всего четыре месяца). В преддверии войны с Францией попросил перевода в л.-гв. Семеновский полк, куда вступил подпрапорщиком в ноябре. 1811. Познакомился с И. Д. Якушкиным, душевным другом к-рого оставался в течение всей его жизни. Общался с Ник. Ник. и Артамоном Зах. Муравьевыми, Л. А. и В. А. Перовскими, с к-рыми участвовал в юношеском об-ве «Чока», основанном на началах «Общественного договора» Ж. Ж. Руссо (см.: Муравьев-Карский, с. 78—79). В составе полка принял участие в Отеч. войне 1812 и загранич. походах, за храбрость при Бородине по решению солдат его роты награжден «солдатским Георгием».

Масон, чл. лож «Соединенных друзей» и «Трех добродетелей» (1816—20). В нач. 1818 в чине поручика назначен адъютантом к малорос. ген.-губ. кн. Н. Г. Репнину и переехал на Украину. В 1821, оставаясь адъютантом Репнина, переведен в л.-гв. Егерский полк (в связи с раскиснением Семеновского полка после «Семеновской истории» 1820). В 1822 демонстративно отказался на парадном обеде пить за здоровье императора и, поссорившись и разорвав отношения с Репниным, оставил адъютантство. Переведен в Полтавский нехотный полк, откуда в нач. 1823 вышел в отставку полполковником. В дальнейшем, до дек. 1825, жил в осн. в Петербурге и на Украине, в отцовском имении Хомулец Миргород. у. Полтав. губ.

По свидетельству хорошо знавшей его С. В. Скалон, М.-А. не имел тиратоидн. характера, отличавшей его брата Сергея, увлекался «мнением друзей и поэтому часто мнил себя собственным». В отставке б. ч. времени проводил «совершенно один в своей деревне, как отшельник ... довольствуясь малым ... сам копал землю для огорода и для участка ... не имел почти никаких пристрастий» (Скалон, с. 332, 334; одной из причин такого уединения было прикание отца, осознанного о пристрастиях, подозревая в отношении М.-А., — см.: Якушкин, с. 242).

С 1816 состоял в тайных обществах: один из основателей Союза спасения, чл. Союза благоденствия и Южного общества. Не отличался особой активностью, но тем не менее участвовал или был в курсе всех осн. событий истории обществ. Приложил немало усилий для слияния Южного и Северного об-в; учредил из офицеров Кавалергарда. полка управу Южного об-ва в Петербурге.

Примерно с 1823, как свидетельствует письмо брату Сергею от 3 нояб. 1824, разочаровался в деятельности тайных орг-ций; считал готовившиеся выступления несвоевременными и обреченными на поражение, сомневался в способности членов об-ва управлять ходом событий («допустим даже, что легко будет пустить в дело секиру революции; но поручитесь ли Вы в том, что сумеете ее остановить?» — Восстание декабристов, IX, 211; впоследствии письмо сыграло роль в смягчении приговора М.-А.). В рядах заговорщиков он оставался в осн. из-за брата, чтобы разделить его судьбу и по возможности удерживать от опрометчивых шагов.

Привязанность, связывавшая братьев с детскими лет, стала причиной и участия М.-А. в мятеже Черниговского полка. Арестованный вместе с братом 29 дек. 1825, он был освобожден офицерами Черниговского полка и присоединился к выступлению, после разгрома к-рого вновь арестован (3 янв. 1826) и отправлен в Петербург. Содержался в Петропавлов. крепости. Во время следствия пережил тяжелое психич. расстройство, сопровождавшееся галлюцинациями и мыслями о самоубийстве, от к-рого его сумел отговорить брат Сергей, перелав со священником П. Н. Мысловским увещательное письмо (РС, 1886, № 9, с. 521—23).

Осужден по I разряду, приговорен к 20 годам каторжных работ (срок сокращен до 15 лет), но каторги не отбыл: пробыл ок. двух лет в форте «Слава» близ Роченсальма, по личному повелению Николая I отправлен прямо на поселение в Сибирь. Ок. года прожил в Вилуйске Якутской обл., в 1829 по ходатайству сестры, Е. И. Бибиковой, переведен в Бухтарминск (Томская губ.), где в 1832 женился на М. К. Носовой (Константиновой), дочери священника; с 1836 — в Ялуторовске (ныне в доме М.-А. — Музей декабристов). Занимался метеорологич. наблюдениями и преподаванием франц. яз. в местной школе, открытой декабристами, составлявшими в Ялуторовске целую колонию (Е. П. Оболенский, И. И. Пушкин, В. К. Тизенгаузен, Якушкин и др.).

В 1856 после амнистии М.-А. с семьей (в т. ч. с двумя приемными дочерьми; единственный его сын умер в 1837) вернулся в Европ. Россию. В нач. 1857 провел неск. месяцев в окрестностях Москвы — сельце Петровском-Зыкове (за Петровским парком), затем переехал в Тверь (до 1868), изредка выезжал в Москву и Петербург. С 1868 жил в Москве.

Мемуары М.-А. писались преем. в конце 1860—70-х гг., хотя, по-видимому, лит. занятий он не чулся и раньше (сохранился текст сочинен-

ных им куплетов на франц. яз., к-рые пелись в Париже в 1814 рус. войсками. — ГАРФ. ф. 1002. оп. 2. д. 7). Воспоминания носят отрывочный характер: собраны в кн. «Воспоминания и письма» (П., 1922; вступ. ст. С. Я. Штрайха). Собственноручно М.-А. записаны очерки, в к-рых воскрещаются его детские впечатления (РА, 1888, № 11), рассказывается о брате («С. Н. Муравьев-Апостол», РС, 1873, № 7), восстании Черниговского полка (РА, 1871, № 6). Другие очерки известны в записи (под диктовку) друга М.-А. — декабриста А. П. Беляева (о пребывании М.-А. в Сибири — РС, 1886, № 9) и воспитанника А. П. Созанович («Убийство Павла I» — «Утро России», 1911, 21 дек.; «Из записок декабриста М. И. Муравьева-Апостола. Семёновская история» — ГМ, 1914, № 1; «По поводу „Записок“ Н. Н. Муравьева. Про Бородинское сражение» — РА, 1885, № 10), к-рая в последние годы жизни М.-А. выполняла обязанности его секретаря. М.-А. до глубокой старости отличался ясным умом и превосходной памятью, и его мемуары, довольно полно охватывающие биографию автора от рождения до нач. 1830-х гг. и освещающие некоторые важнейшие события первой четверти 19 в. (переворот 11 марта 1801, Отеч. война 1812, загранич. походы и т. д.), ценны прежде всего исключительной точностью — как в целом, так и в мелочах. Язык их — лаконичный, по-военному четкий. В целом не претендующие на «литературность», записки тем не менее демонстрируют умение автора отбирать емкие, значимые детали, скульпным штрихами рисовать яркие сцены (напр., в эпизоде пубели С. Н. Татищева и Н. А. Оленина — очерк «Бородинское сражение»).

Вероятно, после возвращения из ссылки М.-А. оказался связан с именем А. И. Герцена и Н. П. Огарева. Ему принадлежит «Примечания» к вост. Ф. Ф. Вацковского «Белая Церковь» («Зал. декабристов», в 2—3, Лондон, 1863, б. п.; предположит. атрибуция Ю. Г. Оксман — Вацковский, с. 189; ср. Эйсаельман, с. 241—42). Не исключено посредничество М.-А. в передаче в Лондон мат-лов М. С. Лунина и Н. М. Муравьева (см.: там же, с. 118—20, 261—62). По дружески выраженному предположению Н. Я. Эйсаельмана, М.-А. мог быть автором ст. «Семёновская история» (ПЗ, 1857; цитируя текст публ. по арх. источнику Н. К. Жоселин — «Труды и дни», 1920, кн. 1) — первую значительную статью, являвшуюся от остального декабриста (ар. ведомый автор — Якушкин; независимо от реальной авторства текст статьи представляет «общую» для М.-А. и Якушкина версию событий 1820 — см.: Эйсаельман, с. 48—73).

Немаловажным дополнением к вост. служит эпистолярное наследие М.-А. (б. ч. не опубликовано), в особенности письма к племяннику М. И. Бибикову (ГАРФ. ф. 1002; частично опублик. в 1991, см. в разделе Изд.) и воспитаннику Созанович (ГИМ, ф. 249).

В них содержится не полное отражение в «Записках» подробности биографии близких

знакомых и друзей М.-А. (Лунина, П. Я. Чаадаева, семьи Ржевских, А. П. Ерылова, Д. Н. Блудова и др.), эпизоды, относящиеся к В. А. Жуковскому, А. С. Пушкину, Н. М. Карамзину, Ф. Н. Глинке, а также к писателям, знакомство с к-рыми завязалось в поздне годы. — Ф. М. Достоевскому и Л. П. Толстому (с посещениями М.-А. встречался в 1878; один из рассказов М.-А. использован в статье Толстого «Сидим»; здесь варианты (расширились с общезвестными) эпиграмм на Карамзина и Жуковского, куплетов солдатских песен и т. п.

Значение писем не исчерпывается их фактологич. стороной. Если в «Записках» М.-А. намеренно избегал навязывать читателю свое мнение, сдерживался в суждениях и оценках, то в письмах и взглядах его, и своеобразная личность отражаются довольно полно. М.-А. предстает в них как человек, сохранивший ответственность свежести восприятия, т. е. вполне подтверждает характеристику хорошо знакомой его В. А. Олениной: в старости — «с той же пылкой душой, как ... в юности, снискавительной, приверженной к своим сослуживцам и друзьям, такой же игривый ум ... душа и сердце чистые, юные» (Декабристы. Летопись ГИМ, кн. 3, М., 1938, с. 486).

Переписка, создающая «образ эпохи», дает богатый мат-л для характеристики как личных воззрений М.-А. (в т. ч. юношеских, данные о к-рых практически не сохранились; разл. трактовки см.: Соколовский и Рабкина), так и взглядов определ. части декабристов. По свидетельству Е. И. Якушкина, М.-А. до последних дней оставался верен своему прошлому (Якушкин В. Е., с. 168), с преклонением относился к памяти друзей-«мучеников», гордился принадлежностью к «Тайному Союзу», неукоснительно отмечая при этом его нац. корни: декабристский союз «стоял на родной почве, он не мыслит о коммунизме или социализме и прочих заграничных бреднях» (цит. по публ. писем к Бибикову, 1991, с. 89). Он горячо приветствовал реформу 1861, с обожанием отзывался об Александре II, прощая ему за освобождение крестьян (к-рое «должно обессмертить нынешнее царствование» — там же, с. 90) все недостатки его политики. Гуманизм и демократизм М.-А. (он с бесконечной любовью и теплотой писал о солдатах, мужиках) сочетались с пылким патриотизмом. Резко негативно он относился к требованиям независимости Польши (считал их невозможными и оскорбительными), что в значит. степени определяло его характеристики Александра I — «отвратительной личности», питающей, по мнению М.-А., «ненависть» к России (там же, с. 88, 91). Сочувствие своим национально-патриотич. взглядам М.-А. находил, с одной стороны, у М. Н. Каткова, чьи «Моск. вед.» и «Рус. вестник» были его излюбленным чтением, а с др. — в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского. Когда Достоевский говорит «о нашей красавице России, мне кажется, что слышу брата [Сергея] и Павла Ивановича Пестеля ... „Русская правда“ когда-нибудь явится на Божий свет. Какой слабой озарится имя Пестеля!» — пишет М.-А. (письмо к Созанович,

1877, ГИМ, ф. 249, № 2), сближая т. о. позиции Достоевского и южных декабристов.

М.-А. не принимал рев. и даже либеральное движение 1860—70-х гг., реформу же 1861 считал прологом к будущему преуспеванию России: «Что ни будут делать законные плантаторы или нетерпеливые либералы, она, наша Матушка, пойдет своим путем». «Все преобразования, совершаемые нашим добрым Царем, для прочих народов были добыты путем революции. Революция искажает общественную нравственность до мозга костей ... Неностижима для меня дерзость безумцев, которые думают своею жалкой личностью заменить для нас Бога и Царя» (письма Бибикову, цит. по публ. 1991, с. 90).

Изд.: Вост. и письма. — В кн.: Мемуары декабристов. Юж. об-во, М., 1982 (биогр. очерк и прим. В. А. Федорова). [Письма] — в кн.: Из эпистоляр. наследия декабристов. Письма к Н. И. Муравьеву-Карскому, т. 1, М., 1975; Вост. и рассказы друзей тайных об-в 1820-х гг., т. 1, М., 1931; Якушкин И. Д., Зап., статьи, письма, М., 1951; Декабристы. Летопись ГИМ, кн. 3, М., 1938 (письма И. П. Пущину, 1857—58, Ф. С. Батюшкова, 1859); «Неностижима дерзость безумцев» (письма М. И. Бибикову, 1856—66); «Рождина», 1991, № 11—12 (публ. В. М. Бокковой).

Лит.: Восстание декабристов. IX (составитель М.-А.); Декабристы в вост. (ух.); Восток; Греч. Толстой (все — ух.); Якушкин В. Е., М. И. Муравьев-Апостол. — РС, 1886, № 7; Голоданов К. М., Гос. и полит. преступники в Ялтуралске и Кургане. — ИВ, 1888, № 12, с. 754—55, 757—58; Библиограф. А. Из семейной хроники. — ИВ, 1916, № 11, с. 408—412; Декабристы на изгнании. Из архива Якушкина, М., 1926; Вацковский Ф. Ф., Белая Церковь. — В кн.: Вост. и рассказы друзей тайных об-в 1820-х гг., т. 1, М., 1931; Воспоминания художника М. С. Зинковского. — «Сиб. огни», 1946, № 2, с. 103—07; Якушкин И. Д., Зап., статьи, письма, М., 1951 (ух.); Горбачевский И. И., Записки. Письма, М., 1963 (ух.); Соколовский Л. А., К Моск. периоду жизни М.-А. — В кн.: Декабристы в Москве, М., 1963; Чичерин А. В., Дневник, М., 1966 (ух.); Эйсаельман Н. Я., Тайные корр. «Поларный Звезда», М., 1966, с. 67—73, 115, 118—121, 156, 241—42, 261—62; «Поларный Звезда», Жл. А. И. Герцена и Н. П. Огарева, М., 1968 (см. кн. 9, ух.); Рабкина Н. А., Верна и докт. — В кн.: «Отчеты писем призывались...», М., 1976 (и ух.); Колесников А. Д., М.-А. в Бухарин. крепости. — В кн.: Декабристы и Сибирь. Новосибир., 1977; Гуртаковский; Цыбриков Н. Р., Вост. о Кривошеинской куртине. — В кн.: Мемуары декабристов. Северное об-во, М., 1981 (ух.); Декабристы в вост. современники, М., 1988 (ух.); Скалон С. В., Вост. — В кн.: Рус. мемуары, 1800—1825, М., 1989 (ух.); Муравьев-Карский Н. Н., Зап. — там же (ух.); Пущин И. И., Зап. о Пушкине. Письма, М., 1989 (ух.); письма к М.-А., 1849—59); Батюшков К. Н., Соч., т. 2, М., 1989 (ух.); Чаадаев П. Я., Полн. собр. соч. и избр. письма, т. 1—2, М., 1991 (ух.); ЛН, т. 86 (ух.). + Исследования, 1886; РА, № 5 (П. И. Бартелин); МВед, 5 марта; «Газета Гатсуха», 28 февр.; ИВ, 2-е изд., 25 февр.; «Нива», 1886, № 10. Брошюры: Яшков, в б; Мехоко; Венгеров. Источ.; БСЭ, СИЭ; Черышкин; Ченцов; Эйсаельман (1, 2); Декабристы; ИДРД; Дневники декабристов. Ук. лит.-ры, 1977—1992, М., 1994.

Архивы: ГАРФ. ф. 1002 (ф. Муравьев-Апостол); ф. 109, 1 экзп., 1826 г., д. 61, к. 51 (дело по обвинению за М.-А.); 1843 г., д. 185 (письма к отцу); ф. 279, оп. 1, д. 82, 21, 4, 603 (письма И. Д. и Е. И. Якушкиным, П. И. Мясловскому); ф. 1143, оп. 1, д. 62 (письма к С. П. Трубецкому); ф. 1153, оп. 1, д. 267—82 (письма к М. И. Бибикову); ф. 1712, оп. 1, д. 4

МУРАТОВ

(письма к П. Н. Свистунюву): ГИМ, ф. 249 (в т. ч. письма к А. П. Соловьеву); РГБ, ф. 513, к. 1, п. 28 (письма к П. Н. Свистунюву); ЦИНАМ, ф. 17, оп. 13, л. 274 (дело по наблюдению за М.-А.).
В. М. Попова

МУРАТОВ Павел Павлович [19.2(3.3).*1881, г. Бобров Воронеж. губ. — 5.10.1950, поместье Уайтчерч-Хаус, графство Уотерфорд, Ирландия; похоронен там же], эссеист, прозаик, переводчик, публицист, искусствовед. Из потомства дворян, род. в семье воен. врача. Дядя геолога Мих. Вл. Муратова (1908—82). Вос-

питывался в 1-м моск. кадет. корпу-се, учится в Ин-те путей сообщения (1900—04) в Петербурге, по окончании вернулся в Москву и поступил в воен. службу — канониром 3-й гренадер. арт. бригады (сент. 1904 — дек. 1905; уволен прапорщиком запаса).

Нек-рое время разделял «ингили-стич.» настроения рев. студенчества, от к-рых отошел в рус.-япон. войну 1904—05 (ст. М. в «Возрождении», Париж, 1931, 11 марта); вместе с братом Владимиром (1868—1932), офицером Ген. штаба (впоследствии генерал, воен. историк; М. всю жизнь сохранял с ним близкие отношения), выступал в моск. газетах с оптимистич. очерками о воен. событиях (Ваганова, с. 155). В 1906 М. издал брошюру «Борьба за избирательные права в Англии» (М.), в к-рой проследжена 700-летняя история становления англ. парламентаризма.

Во время своего первого загранич-ного путешествия в кон. 1905 — нач. 1906 (вместе с женой, актрисой Ев-генной Вл., урожд. Пагануши, ок. 1884—1982) усиливается увлечение М. совр. зап. иск-вом, особенно Э. Мане и П. Сезанном («Весы», 1906, № 12), посылал отчеты о заруб. худож. выставках: «Письмо из Лон-дона» (там же, 1906, № 7; см. также: 1907, № 1, 2), «Парижские весенние

выставки» («Зори», 1906, № 9/10, 11/14). По возвращении из-за грани-цы, в 1906, поступил на службу в Ру-мянцевский музей, с 1910 — пом. хранителя, позднее хранитель Отд. изящных искусств и классич. древно-стей (т. н. Худож. отдела) — до июля 1914; недолгое время, июль 1909 — окт. 1910, был и пом. библиотекаря Моск. ун-та.

М. приближается к лит.-худож. и театр. жизни Москвы, в круг его зна-комств входят Б. К. Зайцев, ближай-ший и пост. друг М. (познакомился в 1903), Б. А. Грифонов (с ним М. поддерживал близкие отношения вплоть до эмиграции), В. Ф. Ходасе-вич (с 1906), Мунн, А. А. Кофранский, В. И. Стражев; почти все со-трудничали в ж. «Перевал» (публ. в нем М.: 1907, № 6, 8/9, 10, и др.) и газ. «Лит.-худож. неслета» (1907; по-сле выхода 4 номеров «погибла от безденежья»), где М. — чл. редкол-легии и автор «диалогов» (№ 1, 2), содержавших в т. ч. отклик на «Бала-ганчик» А. А. Блока. Дружеские от-ношения устанавливаются с театр. художником и портретистом Н. П. Ульяновым (об истории их знаком-ства см.: РГБ, ф. 218, к. 1353, № 6, л. 19—23; в соавторстве с Грифи-овым М. написал кн. «Н. П. Улья-нов», М.—Л., 1925), общается также с режиссером и театр. критиком П. М. Яревым (см.: В. Э. Мейер-хольд. Переписка. 1896—1939, М., 1976, ук.).

Начиная с 1906 М. много печата-ется как худож. критик в разл. жур-налах (преим. московских): «Весы», «Золотое руно», «Аполлон», «Старые годы». Диапазон его интересов расширяется, он откликается на новые работы совр. рус. художников, в т. ч. В. Э. Борисова-Мусатова, М. В. Нестерова, В. М. Васнецова, М. А. Врубеля [РМ, 1907, № 4 (там же, 1909, № 6 — отклик на «Итал. впечатления» В. В. Розанова], «Моск. еженедельник», 1910, № 10, 15 (там же, 1909, № 47 — ст. об исст. «Леонардо да Винчи» А. Л. Вольинско-го)]; с ними, а также с творчеством В. А. Серова («София», 1914, № 3), К. А. Коровина, К. А. Сомова, Улья-нова, Н. П. Крымова, П. П. Конча-ловского связывает М. расцвет рус. иск-ва: «... недалеко то время, когда эти годы будут называться лучезар-ной эпохой русской живописи» («О нашей худож. культуре» — «Моск. еженедельник», 1906, № 38, с. 35). М. становится заметным худож. критиком, статьи к-рого объединяет его лафос антиинтуитивизма и антипро-вициализма, «Эстет», знаток и цен-итель иск-ва с привкусом иррацио-нального («душевному сдвигом»), М. вместе с тем выступает против апо-логич. «декоративного иск-ва», «тех-ничности» лабораторных поисков (в

т. ч. импрессионистов) и установки на переоценку традиц. иск-ва.

М., принадлежавшему к «третьей волне» символизма, после мирискусников не было нужды бороться с «каждодневием» или «идеальной живописью» (он признавал «важность» и «серьезность» в «трудолюбивой» живописи передвижников); к тому же для М. ставившей выдвинутым издержки «нового иск-ва» и нигилизм или совр. сознания, он констатирует «странную внутреннюю пустоту совр. художества» «в эпоху стертых и скупых ... лиц» — «О высоком художестве» (ЗР, 1907, № 11/12, с. 76, 77). В этой и др. обобщающих статьях, подв. осмыслению путей совр. иск-ва в России («О бережливом прошело» («Моск. еженедельник», 1906, № 31), «Шу-кинская галерея. Очерк из истории новейшей живописи» (РМ, 1908, № 8; см. также его ст.: РМ, 1910, № 1), «Пейзаж в рус. живописи 1900—1910 гг.» («Аполлон», 1910, № 4)), М. признает к «живому ощущению» мира, «дыша-щую белой классичностью» (ЗР, 1907, № 11/12, с. 78, 80), восставленную «связи с таласми ип-нувшего ... Илья должна замыкаться, и уютом со-бует Мане» (ИРЛН, № 254, л. 6, 1906 г.).

Одну из задач совр. иск-ва М. ви-дет в создании «нового пейзажа», к-рый невозможен без «мифа», без идущей от него «созерцательной глу-бины». Специфику совр. этапа рус. культуры он связывает со стремительным (1895—1905) усвоением ла-вины зап. влияния (от К. Коро до П. Гогена), породивших в России яв-ление нового культ. ренессанса: «И уже только одно то, что рус. искусство смогло ... пережить» их «так стройно и легко, по-своему, ... указы-вает, что держится оно на каком-то прочном основании» (ЗР, 1907, № 11/12, с. 83).

В 1908 М. впервые увидел Италию (где бывал еще 16 раз), ставшую его «духовной родиной». Восхищение живописью, зодчеством, итал. памят-никами старины явилось гл. стимулом для создания объемного соч., «Образы Италии» [с посвящением В. К. З. — Б. Зайцеву и предисл. — обзором итал. темы в рус. лит-ре: т. 1—2, М., 1911—12; 2-е изд., т. 1—2, М., 1912—13 — с илл. в «безуко-ризисном» полиграфич. исполне-нии; полное изд. в 3 тт. (т. 3 написан к 1917) — Бз., 1924]. «Образами Ита-лии» М. вошел в историю рус. куль-туры, они принесли ему прижизнен-ное признание. По жанру это — эссе (М. ориентируется на книги об Ита-лии Стендаля и И. В. Гёте, его спут-ников и собеседников, работы англ. знатоков итал. иск-ва У. Патера, Дж. Саймондса, Вернон Ли; эруди-ция, артистизм изложения, свобода оценки, движимая личным вкусом и пристрастиями, образцы «строгого» искусствоведч. анализа (микроссле-дования, очерки различных стилей и образ итал. Ренессанса в целом) переплавлены в ушкательное повест-вованье, воссоздающее «пейзаж» творч. и нар. жизни (Флоренция, Венеция 18 в., Неаполь и т. п.).

«Отдельные города и разные характеры жив-ут в его книге в подчеркнуто индивидуализм образц ... величественные оживленные картины дворцовой жизни флорентийского герцога...», венскийский мазарини... преступные страсти дома Медичи, восторг пышности римской Коппа-

нин» (Б. А. Грифцов — РМ, 1912, № 3, с. 98). В многочисл. хвалебных откликах подчеркивались (иногда с неодобрением: (А. Г. Горюхиной) — РБ, 1912, № 5; П. Шакольской — ВЕ, 1912, № 10) избранная автором позиция социал. эклектизма, к-рому доступно все — и Высокое Возрождение, и барокко, и начало конца Ренессанса», описанное М. с «чужестранной объективностью» (Я. Тугендхольд — СМ, 1911, № 4, с. 368, см. его же — СМ, 1912, № 9). М. действительно уделяет пристальное внимание «упадочным» и эпигон. стилям (см., напр., т. 1, 1993, с. 128—229), а также эстетич. факторам: творч. неудачам художников — как синхронизм. знакам их неустойчивости, их биографич. личностям, мотивам «замышленного» и нерешительного его воплощения. Для него все это полновесно-значимы наряду с эстетич. ценностью полотен или фресок факты, определившие движущие культуру смыслы и инстинкты. Др. отклики: П. П. Першов — НВ, 1911, 27 марта; А. Дерман — «Звезда», 1912, № 4; М. Осоргин — ПН, 1924, 4 нояб.; В. Зезинков — «Дин», Б., 1924, 23 нояб.; В. Каменицкий (Ю. И. Айхвальд) — «Рудь», Б., 1924, 19 нояб.; М. Э. — «Сегона», Рига, 1924, 8 нояб.; характерны «эффюльса» оценка Н. И. Асеева, для к-рого автор — «культурный ископатель», продолжатель традиции арабского поклонения святым веков» (Асеев в Н. Н. Разхристовойна красавица, М., 1928, с. 189; отцид. рец. на эту кн. М. Горького — «Искусств», 1928, 11 сент.).

Значит, пласт «Образов...» составили лит. впечатления, обращенные как к итал. (Боккаччо зель арте. Дж. Боккаччо. Динте. Дж. Кланова. К. Гоши), так и к др. европ. источникам: Шодерло де Лакло, Ф. Р. Шатобриан, О. де Бальзак и др.

«Образы Италии» вместе с др. лучшими кнгами «последневолич.» Периода способствовали воспитанию «хорошего вкуса» в рус. об-ве (Г. В. Иваницов — ПН, 1927, 15 дек.; то же — Иванов Г., Собр. соч., т. 3, М., 1994, с. 506), а также культурному сближению с Италией, паломничеству в нее не только ценителей, но и любителей из широких интеллигентских и разночинных кругов. В эмигрантском восприятии книга М. «явилась ... прощальным приветом той неповторимой нашей просвещенности и утонченности, по к-рой мы были настоящими европейцами» (архимандрит Киприан — «Возрождение», Париж, 1951, № 15, с. 152).

Осенью 1911 М. снова в Италию и Францию (по поручению Румянцев. музея) вместе со 2-й женой Ек. Серг. Урениус (ум. в 1965), переводчицей, б. женой Грифцова, в 1915 у них родился сын Гавриил. М. и Евг. Вл. Муратова расстались, видимо, вследствие ее романа с Ходасевичем (см.: Ходасевич; «Минувшее», в. 14, М.—СПб., 1993, с. 394; см. также ут.). За границей М. дружески общается с Зайцевым, Ульяновым, М. А. Осоргиным. Параллельно с работой над 3-м томом «Образов Италии» с увлечением готовит «Новеллы итал. Возрождения» (ч. 1—3, М., 1912—1913; два издания).

М. здесь — переводчик, соавтор и автор бивер. статей к каждому тому (вкл. «Источники св. Франциска Ассизского» — под назв. «Флорентина», новеллы Боккаччо, Ф. Салцетти. Джованни Флорентина и др.; одобрит. рец.: А. Левинсон — СМ, 1913, № 4; А. А. Измайлов — РСЛ, 1913, 5 янв.; его же — РСЛ, 1913, 13 мая: «Даже совершенного новичка книга вводит в густую и стильную атмосферу века»; др. отзывы — см.: Ваганова, с. 218).

Впервые как переводчик М. выступил в 1908, переведя (с англ.) кн. новелл «Воображаемые портреты...» Патера (М.; 2-е доп. изд., с переработ. вступ. ст.: М., 1916), подготовил издание новелл почти неизвестного в России Ж. де Нерваля («Сильвия.— Охтавия.—Изида.—Аврелия», М., 1912), «Избр. рассказов» П. Мериме (М., 1913; 2-е изд., М., 1914); обе кн. вышли в переводе Е. Урениус, под ред. М. и с его биогр. эссе. Рецензент писал: «В этой книге (новеллах Нерваля) есть один роман» — вступ. статья М., и отметил стремление автора усложнить «безумного» художника (Л. Кашман — НЖДВ, 1912, № 11, с. 126). Эссе «Бекфорд, автор Ватеква» (в кн.: Бекфорд У., Ватек. Араб. сказка, М., 1912; переизд. со ст. М., М., 1992) посв. описанию необыкновенной судьбы англ. автора 18 в. — его странностей, «жажды неведомого», «визионерских состояний» (цит. по изд. 1992, с. 8, 20; одобрит. рец.: С. (А.) Ауслендер — «Речь», 1912, 12 марта).

Интерес к экстравагантным биографиям писателей с болезненным изломом судьбы, видимо, по контрасту отзвучает собств. душевной потребности М. Человек небольшого роста «с суровым умным лицом» (В. П. Рабушинский — РМ, [Париж], 1950, 15 дек.), по внешности скромный, не выделяющийся по внешнему рисунку повседняя («тихий, почтеннейший и талантливый труженик по истории итал. ренессанса» — Белый Ю., П, 225), М. по своему внутр. облику представлял «смесь поэта, мечтателя и в фантазии — авантюриста»; его «внутр. романтизм» никак не соотносился с его «реальностью» и «практичностью» (Зайцев, с. 161). Др. современник считал, что слова героя из романа М. «Эгерия»: «Я всегда думал, что многие из нас живут не своей жизнью» могут стать эпитафией к восп. о нем (Бахрах, с. 38; цит. по изд. ром. 1922, с. 61).

В нач. 1910-х гг. М. получает признание как знаток рус. иконописи. Осенью 1911 И. Э. Грабарь предложил ему подготовить для «Истории рус. иск-ва» (серия под его ред.; 1909—16) том, посв. др.-рус. иконописи: «Рус. живопись до сер. XVII в.» (т. 6, М., 1914; в. 18—21, т. е. 4 из 5 вышедших выпусков написаны М.). В 1912 — нач. 1913 М. участвует в собирании, расчистке и оценке икон, вместе с изв. художником и коллекционером И. С. Остроуховым, искусствоведами Н. М. Щекотовым (в будущем дир. Ист. музея), А. И. Анисимовым и др., путешествует по России, посещает Кирилло-Белозерский и Ферапонтов монастыри. Видимо, этим новым увлечением и неприятием коллекциониро-

вания «копий» можно объяснить более чем сдержанное отношение М. к созданному И. В. Цветаевым Музеем изящных искусств («Музей изящных искусств в Москве» — «Аполлон», 1912, № 9). М. был чл. К-та выставки др.-рус. иск-ва в Москве, состоявшейся в февр. 1913 и ставшей для рос. образов. публики открытием рус. иконы как явления высокого иск-ва (до того по отношению к иконе бытовал ист.-археологич. подход). В ст. «Эпохи др.-рус. иконописи» («Старые годы», 1913, № 4) М. писал: «Внезапно перед нами открылась огромная новая область иск-ва ... Странно подумать, что еще никто на Западе не видел этих сильных и нежных красок, этих искусных линий и одухотворенных ликов. Россия вдруг оказалась обладательницей какого-то чудесного худож. клада» (с. 31).

Открытие рус. иконописи позволяет, по М., говорить о своего рода рус. Возрождении: «Возраст России» («София», 1914, № 1).

В 1913 М. начинает издание собств. журнала «София», посв. вопросам «иск-ва и лит-ры»; выходил в 1914 (№ 1—6; печатался в Ярославле, прекращен в связи с мобилизацией М. в нач. 1-й мировой войны). Издателем ж-ла был К. Ф. Некрасов (племянник Н. А. Некрасова), с к-рым М. сблизился в 1911, в его книгоиздательстве вышли почти все переводы М. (подробнее см.: Ваганова). Прекрасно иллюстрированный, журнал по замыслу должен был составить конкуренцию издаваемому С. К. Маковским в Петербурге (1914) ж. «Рус. икона», к к-рому М. и его моск. окружение относились с ревнивым вниманием (неприязнь. оценка М.: «внешняя пышность при внутр. бедности» — «София», № 4, с. 95), хотя изредка и печатался в нем: ст. М. «Ближайшие задачи в деле изучения иконописи» (№ 1).

«София» была первым дорев. изданием, пытающимся осмыслить истоки и «черты самобытности» рус. культуры «на фоне зап. творчества» и в контексте мирового иск-ва (отд. попытки предпринимались в ж-лах и соч. Маковского) — при особом внимании к древнерус. иконописи, лит-ре, архитектуре, «религ. истории»; устанавливались культурные аналогии: древнерус. повесть и средневек. иск-во и поэзия в дат. странах («Возраст России», с. 4), Новгород — «Равенна России» (№ 3, с. 14 — ст. Анисимова), «рыцарственная Русь XV—XVI в.» (ст. М. «Два открытия» — № 2, с. 13).

В каждом номере М. печатал редакционные (без подписи) статьи — небольшие, но концептуально-содержательные, в т. ч. «Иерошеми» (№ 5), а также статьи под своим именем или псевдонимом критиковыми П. М. И., Пт (от дет. прозвища Пата, как называли его в лит.-худож. среде). Среди участников «Софии» (в т. ч.

явостр.) — Шёкетов, Грифцов, Ходасевич, А. Ф. Дюслеров, Б. Берсон, а также привлеченные М. литераторы и философы М. О. Гершензон, Л. П. Гроссман, Н. А. Бердяев, Г. Зиммель и др. (описки значения ж-ла см.: «Речь», 1914, 26 нояб.; И. Н. Пушин — Сеп3, 1914, № 1, 12).

В июле 1914 как арт. офицер М. призван на фронт (в 5-ю тяжелую арт. бригаду), принимает участие в боях под Турбином, Ивангородом и др., на Кавк. фронте. Награжден орденами св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость» (январь 1915), св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (апрель 1915), произведен в подпоручики (с 1917 — поручик). Весной 1915 с австр. фронта переведен, после болезни, в Севастополь в артиллерийскую крепость, командантом к-рой был его брат; с апреля 1917 до февраля 1918 — пом. начальника воздушной борьбы (РГВИА). Воен. опыт дал М. темы очерков «Севастополь», «Простое чудо» («Наша родина», 1918, 16(3) мая; «Родина», 19(6) мая), «Странный случай» («Возрождение», 1931, 23 июля, 1 авг.; см. там же — 1929, 17, 18, 31 окт.), а действия рус. армии, в т. ч. успешные, стали в 1930-е гг. предметом его спец. исследования, прерванного 2-й мировой войной.

В марте 1918 М. возвратился в Москву. В порыве Москве выступил в еще одной, новой роли прозанка: издал первый опыт орг. прозы — рассказ «Корнуэл» («Сев. сияние», 1909, № 5), сб-ки рассказов «Герои и героини» (М., 1918; повс. жене — «To Sweet Katherine»; 2-е изд., М., 1922; перизд.: Б., 1922; с лоп. — Париж, 1929), «Магические рассказы» (М., 1922, перизд., доп. и исправл.: Париж, 1928).

Рассказы М. выполнены в открыто условной манере, с подчеркнуто ненастоящими героями, чуждыми и падающими именами реальных ист. персонажей (Казанова, Кекко Руска, Морати), лишены как реального, так и психологич. правдоподобия, — это «одушевленные синтетич. облики настроений определ. эпох» (А. Бахрах — «Дни», 1923, 17 июня). Действие отнесено в далекие экзотич. эпохи: античность, Рим, Венеция. Эльдorado и т. п. (рецензенты отмечали влияние А. де Ренья и Пастера, сопоставляли рассказы с малоуважачными стилизациями Ауслендера, В. Я. Ирешкога). Но проза М. — особая стилизованная проза, она принципиально безадресна, не обращена ни к какой эпохе и исключает любой конкретный ист. прототип (при том, что М. подробно выписывает разл. реалии и аксессуары: террасы, кофейни, карнавалы, изысканное убранство интерьера и женских одежд); миры, в к-рых действуют его герои — загадочные и таинств. фантомы, с никогда не бывшими картинками «иной жизни».

Отклики на обе книги были разноречивы и скорее неблагоприятны: «амеичность» рассказов М. отметил М. А. Кузин («Жизнь иск-ва», 1918, 6 нояб.), возложивший вину отчасти на «образчик», А. Ренья. Необычность прозы М. в спектре лит. стилей начала века отметили Бахрах (ук. рец.) и Ходасевич, связывая ее со стилистикой чуждой рус. лит-ре традиции новеллистов, прежде всего итальянской: у М. она вылилась в «чуждоватую сжатость ... новостования, почти без диалога, без психологизмов», где показаны «лишь события — узоры и сцепления драм. положений, порою довольно резких и сложных, порою едва намеченных» (рец. Ходасевича на «Магические рассказы» — «Возрождение», 1928, 15 марта). Ходасевич попытался объяснить и природу этой творч. неудачи: «И вот, на фоне несовершенного построения, на фоне не-русского стиля, не-русского пейзажа и не-русского города — из рассказов Муратова глядит на нас лицо автора, глубоко взлохотанного, прежде всего, европ. современностью и смотрящего на нее так, как может смотреть именно русский, в двойственном сознании глубокой сказы и глубокой отчужденности» (там же).

Претензии к М. др. критиков были более одиозными (см.: Н. О. Лернер — «Жизнь иск-ва», 1919, 8 мая; И. (А.) Ахесов — Пир, 1923, № 2); «Муратов жетит несправедливый, правдоверный... трагически старомодный, оანი из долеселенных моткал» (А. Н-ский — «Наказание», лит. прил., Б., 1923, 14 мая; там же (1924, 17 февр.) негативная рец. Г. Д. Вейнуха); см. также рец. Димина (Дм. Четвериков) — «Лит. еженедельник», 1923, № 1.

Написанный в той же манере ром. «Эгерия» (Б.—П.—М., 1922) внутренне более выстроен (хотя и сохраняется мозаичность повествования), философичен: герой романа, ученик художника Дж. Пиранези Орсоло Вендело (рассказ ведется от его имени; в ром. по б. ч. описывается жизнь нтал. аристократии последней трети 18 в.), не только рассказывает о леринетиях роковой любви, но размышляет о роли и власти художника, этого «зодчего мира» (как назовет его в др. месте М.), несовместимости любви и внутр. свободы, о магичности жизни и, наконец, о «недоступном человеку счастье — жить, произрастать и уничтожаться в безбрежной и безвестной метаморфозе вселенной» (изд. 1922, с. 98).

Критика приняла роман благосклонно: Осоргин признал в М. «крупного балетриста», а «не только неуслого стилизатора» («Дни», 1923, 21 мая); Зайцев, посетовав на эскизист. характеристик, отмечал: «... все же некая терпкая и пронзающая ностальгия дозится сонится из этой книги» (Зайцев, с. 162). По мнению М. А. Алданова (М. поражающий в «сухости» и пренебрежении психологизмом «Капитанской дочке» А. С. Пушкина (самостоятельного из рус. писаний М.), владеет своим истоком «чрезвычайно искусно... движением создает жизни» (СЗ, 1923, № 15, с. 405; см. также др. отзывы: М. Л. Слюмин — «Воя Россия», Прага, 1923, № 5, с. 60; В. М. Зензинов — «Дни», 1922, 31 авг.; др. отклики — см.: Алексеев).

Появление М. в «образе» прозанка побудило Алданова к размышлению об «ускользающем» «синтезе» его «тонкого лит.-филос. облика... Людям, занимавшимся математикой, известно, как раздражающе влекут к себе иррациональные функции, которые не удается интегрировать... Сходное чувство возбуждает во мне талантливо, не интегрируемое творчество» М. (СЗ, 1923, № 15, с. 403—404). Отсутствие единого «ключа» к разнородному наследию М. обуслов-

лено не столько разнообразием точек творч. приложения, сколько «отдельностью», изв. изолированностью решаемой в каждой избираемой им сфере задач, не преодолеваемых целостностью самовыражения.

Символист по общекульт. ориентации (свой символизм, «он декадентский, а вечный» «он носит как атмосферу, как ауру» — Берберова, с. 202), он не совпал с ним творчески. В отличие от символистов, действительность незыблемых высших ценностей для М.-прозанка сомнительна, жизнь хрупка, мпловенна и трагически фрагментарна, оттого у него — не находящаяся исхода фабула и «отравленный мечтой» герой, вместе с автором разделяющий «некую наследственность страдания, проходящую по всем эпохам христианства» (черта, справедливо отмеченная в ланегирич. ст. А. Ветлутиным, — «Новая рус. книга», Б., 1922, № 4, с. 11).

М., видимо, относил себя к романтикам: в ст. «Наше романтизм» («София», 1914, № 6) он обличает романтизм с совр. т. н. эстетизмом, поскольку тот «сохраняет уверенность в непреложных идеях» и непосредственно связывает иск-во с религией (с. 5). Принимая религ. позицию иск-ва, сам не отличавшийся особенной религиозностью, М. писал Грифцову в 1912: «Вы пишешь, например, об уклоке к христианству... Я сейчас могу сказать твердо, что такой уклок во мне есть... Мне кажется, есть какая-то естественная религия, без которой просто жалко и жить невозможно. И в христианстве ее очень много» (цит. по: Ришн, 1994, с. 102).

В Москве в 1918—22 М. занимает ряд «экспертных» постов при Наркомпросе: чл. президиума Коллетни (Отдела) по делам музеев и охране памятников иск-ва и старины (до нач. 1919; возглавлялась женой Л. Д. Троцкого), участвует в национализации частных коллекций (в т. ч. Остроухова), способствует выдаче владельцам охранных грамот, приобретает ценные экспонаты для моск. музеев. В нач. 1920 — пред. Моск. ин-та ист.-худож. изысканий и музееведения, в 1921 — один из руководителей Ин-та искусствознания и археологии. Вместе с Грабарем проводит реставрац. работы в храмах Москвы и Новгорода. Печатается в ж. «Москва», «Среди коллекционеров», «Народоправство», газ. «Наша родина» и др.

В 1918 М. — один из устроителей (с Ходасевичем, Осоргиным и др.) Книжной Лавки писателей, где писатели, чтобы выжить в пору разрухи, сами продавали книги. При ближайшем содействии М. в апр. 1918 создано об-во «Studio Italiano» (здесь читали лекции Зайцев, Грифцов, Осоргин, Хуссид, театровед А. К. Дживилегов; весной 1921 состоялось последнее публич. выступление А. А. Блока), бывшие «в самые тяжелые и страшные годы» вместе с Лавкой писателей последней из «вольностей российских» («Вспоминая о Блоке», «Возрождение», 1927, 8 сент.; пере-

печ., как и мемуарный очерк «Коллеция», в «Сов. Россия», 1990, 25 февр.). В 1921 вместе с Зайцевым М. находился несколько дней под арестом — как чл. К-та помощи голодающим.

Относясь к Окт. рев-ции как к «варварству», М., однако, долго колебался, прежде чем решиться на эмиграцию; остался в Берлине, куда приехал по командировке в 1922, до кон. 1924 возобновлял сов. паспорт, надеясь вернуться в Россию. В Берлине (1922 — осень 1923) увлекся Н. Н. Берберовой, посвятил ей рассказ «Шехерезада» (СЗ, 1924, № 20; Берберова посв. М. стих. «Перед разлукой горестной и трудной» — там же). По приглашению итал. слависта Э. Ло Гатто с кон. 1923 переселился в Рим (см. его благожелат. восп. о М.: «Мои встречи с Россией», М., 1992, с. 38—40).

В 1920-е гг. открывается еще одна грань дарования М.: в «Совр. записках» он публикует ряд культурно-ист. эссе: «Сенченко» (1923, № 15), «Анти-искусство» (1924, № 19), «Искусство и народ» (1924, № 22), «Кинематограф» (1925, № 26); к ним примыкает эссе «Предвидения» (сб. «Шиповник» под ред. Ф. А. Степуна, в. 1. М., 1922). В них М. формулирует содержание и причины кризиса совр. иск-ва — времени пост-Европы (определение М.), сменившего с нач. 20 в. эпоху «Европы», «европ. культуры», длившуюся с 17 в. по кон. 19 в., от Караваджо до Сезанна. М. рассматривает эту проблему в социокультурном и культурно-психол. контексте европ. мироощущения, следствиями изменения к-рого явились: «оскудение» средних и высших слоев об-ва, «поинижение в них общей жизненной энергии» («Иск-во и народ», с. 378; здесь и далее цит. по изд. 1990), отчуждающий человека «индустриализм», сопровождающийся динамизацией и технизацией ст-ва жизни, апология точных наук, наступление эпохи «анти-искусства».

По существу, М. определяет смену ценностных парадигм в иск-ве 20 в.: конец эллинистич. — в широком смысле — цикла истории, антропоморфизма как основы мировосприятия, изоляция иск-ва, изгнание из него предмета, «пейзажа» (естеств. «природности») и мифа — генерализирующего фактора «органич.» европ. культуры (о невозможности отслонить миф от реальности М. писал еще в ст. «Визант. мифотворчество» — «София», 1914, № 2, с. 4), перераспределение в др. сферы связанных с иск-вом «энергий». В своей «социально-эстетич. философии», дав «блестящий анализ нового иск-ва ... без шор формального метода на глазах» (М. О. Цетлин — «Дни», Париж, 1926, 24 янв.), он ус-

танавливает «несбываемое» в истории свойство совр. цивилизации («благоустроенных», «процветающих» стран): «возможность превосходно жить без своего иск-ва, без своей поэзии, без своего Бога, без своего ист. и нац. пафоса» («Предвидения», с. 103; см. также «Анти-искусство», с. 261, 276).

Замышляя у О. Шпенгера «исходную» идею «органич.» культуры, М. ее развили и иначе интерпретировал. «Органич.ское» он считает все, что произошло «натурально и необходимо» («Иск-во и народ», с. 384), поэтому органичны пейзаж гор, итал. Ренессанс и Париж, художник 19 в., рус. интеллигент и моряк, но не «загнил» и «человек толпы» или человек «культуры англо-амер. быта» (там же).

В отличие от апокалиптич. тонов исследователей кризиса иск-ва («пи-

П. П. Муратов. Рис. Н. П. Ульянова. 1922.

бедн иск-ва»), ставших общим местом после работ Бердяева 1918—1920-х гг. (с ним, а также с философом Б. П. Выщеславцевым и Степуном М. был знаком по эмиграции), М. рассматривает «анти-искусство», отгеснившее высокое иск-во на периферию, прежде всего кино («Кинематограф»), «роман на прилавке», отгеснившее высокое иск-во на периферию, прежде всего кино («Кинематограф»), «роман на прилавке» не как «плохое», испорченное иск-во, а как не-искусство, вид рекреации, досуга, не имеющее с иск-вом никаких «соответствий».

Черты «анти-искусства» явст в себе и совр. нар. творчество. В этом смысле М. с интересом и надеждой смотрит на культурный омут Сов. России, проведение там «народного человека» не через театр В. Э. Мейерхольда и А. Я. Таирова, а «как в средневековье», через дингу М. присутствует интенсивное и «без работор» приобщение к чтению. Италю. Лат. Америку и особенно Россию, в меньшей степени затронутых техницизмом, динамизмом (иск-ва статично, анти-искусство динамично), М. считает наиб. благоприятными для творчества «народного человека».

Культурологич. эссе М., не обладавшие четким понятийным аппара-

том, перекинулись с фундаментальными иссл. по культуре А. Ф. Лосева, Х. Ортеги-и-Гассета, В. В. Вейдле, Г. П. Федотова. Изучение иск-ва с т. зр. «света и тона» — «живопись вальера» в иск-ве Европы и отказ от тональной живописи в пост-Европе — типологически сходно с подходом, разработанным в 1950—60-е гг. в трудах изв. искусствоведа Г. Зельмайра (см. об этом: Р и ц и, 1994, с. 96—97, 100—101).

И тем не менее будущее иск-ва не представляется М. фатальным; в числе оптимистич. указаний он видел неистребимую «тоску по смыслу» и новому мифотворчеству, продолжение существования традиций иск-ва Европы: «Умирают не люди, но боги и герои старой Европы» («Предвидения», с. 107). Преодоление энтропийных процессов М. связывает и с «оздоравливающей мыслью» о вреде науки (пад к-рой человек утратил контроль), «самоограничением», а также с «острой человечностью», «эмоциональностью» иск-ва; их приугупление чревата возникновением «как бы новой эмоциональной расы» («Иск-во и народ», с. 390, 386). «Искусство прозы» (СЗ, 1926, № 29) — единств. собственно «литературное» (из культурологич.) эссе М., посв. преим. кризисному состоянию европ. прозы (в отличие от нее, по М., не «мысль» и «вымысел», а «жизненность», «быть может самый редкий и таинственный лит. дар» — с. 243 — типологич. свойство рус. классики и беллетристики), интересно ориг., хотя и беглыми характеристиками творчества писателей Сов. России.

В 1920-е гг. М. пробовал себя в драматургии: написал комедии «Кофейня» (М., 1922; пост. в 4-й студии МХТ; отрицат. рец.: А. Гвоздев — «Жизнь иск-ва», 1924, № 39), «Мавритания» (СЗ, 1927, № 33; действие происходит моск. летом 1914) и наиб. удавшуюся «Приключения Дафинса и Хлои» (там же, 1926, № 28) — на излюбленную тему М.: о «вечной» жизни и метаморфозах мирового сюжета (здесь — Др. Греция и Лондон 1926) (см. также рассказ «Питера» — там же, 1924, № 20).

С 1927 М. жил в Париже: круг общения — прежний: Зайцев, Хоазесен, Осорнин, а также Алданов, Н. С. Шмелев, М. был связан с ними и по сотрудничеству в газ. «Возрождение», где он интенсивно публиковался в 1927—34; с 1929 вел рубрику «Каждый день» (сначала анонимные, но узнаваемые по стилю статьи и заметки, затем под криптонимом П. М., а с сент. 1932 — под своей полной фам.). — см.: Зельченко В. С., с. 24). Выступал со статьями и заметками на самые разные темы — от оценок лит. и культ. фактов до полит. публицистики и вопросов геополитики (всего ок. 1500 публ. —

там же, с. 643). Был известен в эмигрантских кругах, хотя в леворадикальных имел одну только репутацию после публ. ст. «Бабушки и дедушки» («Возрождение», 1929, 19 февр.), в к-рой выступил с обвинениями всех рус. социалистов. Бахрах связывал «поправенные» М., «шельного, законченного западника» (Берберова, с. 202), и его «усилившуюся... замкнутость» с его мировоззренч. поворотом, обостр. чувством истории, предчувствием глобальных перемен. Мн. полит. события М. воспринимал в ист. масштабе, как бы включая в анализ совр. момента его ист. следствие.

В статье на свободные и ист.-полит. тему М. высказывал, в частности, необычные для эмигрантской среды взгляды на природу «имперской» гос-ва, под к-рым понимал равновзвешенный федеративизм (к этому типу гос. устройств относился к США); «отказывающееся» нап.-этнич. гос-во М. противопоставлял «имперской», видя за ним ист. будущее и, прежде всего, Россию; с «имперской» нацией М. связывал экон. и культурный расцвет России в нач. 20 в.; культура, по М., — объективная и очень важная «спасительная» нить любой империи (как ученика «роковой» имперской нации воспринимал эрзеприота Франца Фердинанда); «Запретные слова», «Импе-риализм и национализм» («Возрождение», 1927, 18, 30 сент.); обе ст. перевел: газ. «Север-Восток», 1992, № 1; последняя, вместе с «Письмом юбилярам» (т. с. большевикам, к 10-летию Окт. рев-ции — Л. Ш.) — в ж. «Лепта», 1996, № 32), «Нелегкая роковая проблема» («Возрождение», 1932, № 2766, 2768; перевел, в ж. «Человек», 1994, № 1). С тех же культурно-филос. и геополитич. позиций написаны ст. «Россия и Франция» (1927, 19 нояб.; 1929, 12 окт.), «Россия и Германия» (1929, 18 окт.), «Новая рус. идеология» (1930, 29 мая) и др. (все перел. в «Возрождении»).

Был чл. париж. об-ва «Икона» (ст. «Общество Икона» — «Звено», Париж, 1927, № 3), сотрудничал в Рус. науч. ин-те. В 1934 совершил «эксцентричную» поездку в Японию, где оказалась без средств, с трудом добрался до Америки (впечатления об этих странах изложил в циклах очерков «Навстреч солнцу» и «Дни в Америке», напечатанных в «Возрождении» в 1934; нек-рые очерки перел.: ж. «Комментарии», 1996, № 10); вскоре вернулся в Париж. Неожиданно для всех оставил журналистику, работал над фундам. иссл. по истории 1-й мир. войны (не оконч.). Перед нач. 2-й мир. войны перешел в Лондон, жил уединенно. В соавторстве с У. Алленом, другом М., выходцем из Ирландии, коллекционером (в т. ч. рус. икон) и воен. историком, подготовил к печати кн.: Muratoff P., Allen W., The Russian campaigns of 1941—[45], pt. 1—2; N. Y., 1944—46 («Рус. кампании 1941—1945 гг.» — анализ событий на рус.-герм. фронте. Незадолго до смерти переселился в Ирландию, где жил в старинной усадьбе своих друзей (по всей видимости, в семье Аллена), занимался садоводством. Исследовал рус.-англ. отношения в эпоху Ивана Грозного. Последняя кн. М. (также в соавторстве с Алленом) о кавк. кампаниях в России «Caucas-

sian battlefields. A history of wars on the Turco-Caucasian border. 1828—1921» (издана посмертно; Camb., 1953) вызвала признание специалистов. Умер от сердечного приступа.

В памяти современников М. остался «наст. европейцем», «представителем... блестяще-образованной плеяды русских людей» (В. Остоя; см. Некрологи), человеком, к-рый «любил в себе самом и в других только свободу» (Берберова, с. 202). В ром. Зайцева «Золотой узор» (1926; рец. М. — ПН, 1926, 13 мая; см. также его рец. на пов. Зайцева «Земная печаль» и «Анна»; СЗ, 1923, № 15; «Возрождение», 1929, 5 сент.) М. выведен в образе Г. А. Георгиевского, в повести Грифинова «Бесполезные воспоминания» (1915; изд.: — 1923) — прототип, наряду с самим автором, образа Алексея. Обращенный к своим «интеллектуальным увлечениям более, чем к людям», оригинальнейший и интереснейший собеседник, М. обладает даром видеть «вещи с особенной, своей точки» (Зайцев, в. с. 164—65). Этим в значит. степени порождены множественность творч. ипостасей М. и необычайная интенсивность его культурного продуцирования. Он пробовал себя в далеко отстоящих одна от другой сферах творчества, предпринимал усилия по выработке, скорее «для себя», универсально-цельного миропонимания (по восп. Л. Д. Любимова, для М. «полководческое иск-во и умение управлять людьми — такие же проявления космич. божеств. духа, как живопись или зодчество» — Любимов, с. 200), так вполне и не реализовавшегося.

Др. произв.: «Красота Москвы» («Моск. еженедельник», 1909, № 40), «Древнерус. иконопись в собрании И. С. Остроухова» (М., 1914; рец.: Н. Н. Пунин — СевЗ, 1914, № 10/11), «Новгородская икона св. Феодора Стратилата» (совм. с А. И. Анисимовым; М., 1916), «Сезанн» (Б., 1923). Переводы: «Италия. Genius Loci», «Италия. Театр и музыка» Вернон Ли (М., 1914—15; пер. Е. Урениус под ред. и с предисл. М.), «Флорентийские живописцы Возрождения» Б. Берсона (М., 1923; пер. и предисл. М.), «L'ancienne peinture Russe» (Praha, 1925), «Les Icones Russes» (P., [1927]), «Frate Angelico» (Rome, 1929), «La peinture byzantine» (P., 1928), «La sculpture gothique» (P., 1931; Rome, 1931). Рассказы: «Нимфенбург» («Возрождение», 1928, 12 окт.; повс. Н. К(осовской) — см.; И в а н о в а Л. В., Восп. Книга об отце, М., 1992, с. 153), «Проспериды» (альм. «Охно», в. 2, Париж, 1923), «Мери» («Эпопея», Б., 1923, № 4), «Амустеум» (ПН, 1925, 25 дек.), «Три рассказа» (СЗ, 1924, № 20), пов. «Посланный» («Беседа», Б., 1926, № 6/7).

Изд.: Образы Игалин, кн. 1—2, т. 1—3, М., 1993—94 (с прил. и ук.; ред., комм. и послесл. В. Н. Грановского); Образы Игалин, т. 1—3, М., 1994 (ред. и послесл. В. М. Толмачёва); Исх.-во и народ. — В кн.: Лит.-гра. рус. зарубежья. Антология, т. 1, М., 1990; Человек роковой проблемы. — «Человек», 1994, № 1 (публи. и вступ. ст. А. Н. Богословского); эссе: Кинематограф. — «Книговед. запiski», 1989, № 1 (публи. И. Хабарова, М. Янисольского); Анти-искусство. — «Волшебная гора. Философия. Эстетика. Культурология», М., 1996, в. 4 (публи. и ст. Ю. Соловьева П. П. Муратов; сств библи.); [Публицистич. статьи]; «Слеза», М., 1996, № 32 (публи. и предисл. Ю. Соловьева «Эстетик. импрессионизм» М.); [Очерки]; — «Комментарии», М.—СПб., 1996, № 10 (публи. и предисл. Ю. Соловьева «Будущее очерки» М.).

Лит.: Зайцев Б. П., Муратов. — В его кн.: Мои современники. Лондон, 1988; Бель и ПИ (ук.); Грабарь И. Э., Письма, [1891—1941], тт. 1—2, М., 1974—77 (ук.); Латковские чтения, М., 1979, с. 260—66 (укс. М. И. Грифиновой); Ходасевич В., Коллежский трюханчик, М., 1991 (ук.); Любимов Л., На чужбине. Таш., 1989, с. 199—201, 203, 218, 272—73 (1-е изд., М., 1963); Блок (ук.); Шекстов Г. М., Статьи. Выступлени..., М., 1963 (ук.); Бахрах А., «Европейск. сств библи.» — В его кн.: По памяти, по занятиям..., Париж, 1980, с. 38—41; Нестеров М. В., Письма. Избранные. 2-е изд., Л., 1988, с. 255; Фалерский П. А., Стоиш и утверждение истины, т. 2, М., 1990, с. 102; его же. Иконостаз. СПб., 1993, с. 289; Рус. лит-ра и журналистика (2; ук.); Стернин Г. Ю., Худож. жизнь России 1900—1910 гг., М., 1988 (ук.); Ново-Бухманов, 19, М., 1990, с. 85, 118—119, 394; Ваганова И. В., Из истории сотрудничества М. с издательством К. П. Некрасова. — «Литт. бюогр. альм.», в. 3, М., 1996, с. 571—74; Дронцевков И. А., В. Вейдле. Путь к книге. — В кн.: Вейдле В. В., Умирание исх.-во, СПб., 1996, с. 196, 224—28; Соловьёв Ю. П., Образы России М. — «Рус. провинция» [Искон-Новгород-Тверь], 1990, № 3 (там же — статья М. «Открытие древнего рус. иск-ва»); Зельдинско В., Альмагиз М. — В кн.: М., «Рассказы. Элегия» (в печати); там же его прим. о библи. источ.; Ходасевич Ив. (ук.); Allen W., P., Muraloff. (1881—1950). — «Byzantion Revue internationale des études byzantines», 1950, т. 20, p. 397—400; Lettres de P. Muratoff a V. A. Grifonoff (1912—17 гг.); из РГАЛИ; — «Europa Orientalis», 1994, т. 13, № 1 (публи. и ред. P. Desoiti); ЛН, т. 84, кн. 3—2 (ук.); т. 92, кн. 2—4 (ук. в кн. 5); + Некрологи; РМ, [Париж], 1950, 15 дек. (В. П. Рабунинский); «Возрождение», 1951, № 15, май—июнь (Архимандрит Киприан); «Нов. рус. слово», 1953, 28 дек. (В. Остоя); КЛЭ; Казах. Писатели рус. зарубежья. (1918—1940). Справочник, ч. 2, М., 1993; Рус. философия. Малый энци. сл. М., 1995; Писатели европ. эпохи (1); Рус. эмиграция; Алексеев; Мясной.

Архивы: ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 753—92 (переводы в т. ч. с С. К. Маковички); РГАЛИ, ф. 1623 (в. К. Зайцева, 1908—17); ф. 998 (Н. П. Ульянов), ф. 2171 (Б. А. Грифинов); ИМЛИ, ф. 419 (Б. А. Грифинов, 1920—31); ф. 245 (Зайцева, 1902—21); РГБ, ф. 218, кн. 1353 (восп. Е. В. Муратовой); ф. 671 (письма М. к Г. Штети); РНБ, ф. 124, № 2939 (письма С. К. Маковичкову 1909—12); ЦНАМ, ф. 418, оп. 87, в. 303* (ф. с. 1909 г.) [справка В. В. Александровой]; РИВИА, ф. 409, лтс 151—202 (п. с. 1918 г.) [справка Ю. А. Трабунинский]; Личный архив вучучной племянницы М. — Ксении Мих. Муратовой (Париж).

Л. М. Шелева

МУРАХИНА Любовь Алексеевна [урожд. фон Шепелов]; 25.12.1859 (6.1.1860)*, г.гергошту Мекленбург-Шверин, Германия — сер. окт. 1919,

Петербург], прозаик, переводчица. Дочь мекленбургского подданного. Воспитывалась в частном пансионе в Копенгагене.

Род ее отца, протестантский, по рассказам М., от чешки графов Шейншиль (письмо В. В. Розанова М. М. Спасскому от 30 дек. 1918 — в кн.: Спассовский М. В. В. Розанов в последние годы своей жизни. Среди испусл. писем и рукописей, Н.-Я., 1968, с. 79), был близок к великому герцогу Мекленбургскому (письмо Спассовского к Э. Ф. Галлербаху от 18 дек. 1919, в к-ром он пишет: «Памитию записку» М. — РНБ, ф. 207, № 90). В юности М. мечтала об университетском, ... но родители не пустили даже в гимназию, боясь места на месте по дороге Европе... Эти путешествия приносили мне громадную пользу, но, с другой стороны, не позволили мне учиться систематически, что лишало меня прочного фундамента» (письмо А. Н. Пышину от 5 мая 1897 — РНБ, ф. 621, № 573, л. 1 об.). Однако М. освоила, что ее утверждению, восемь языков, в т. ч. санскрит.

В кон. 1870-х гг. «потихоньку покинула родительский кров и бросилась в Петербург» (письмо Спассовского), «там жила два года, когда поступила в медико-хирургич. академико» (письмо М. в «Вешние воды», 1916, кн. 7/8, с. 222), попала в полкт. кружок, принуждена была бежать за границу, к старшей сестре, к-рая была замужем за баронским графом фон Уттергофтом Шарффенбергом. М. хотела ехать в Швейцарию, в университет, но сестра, увлеченная маэстро и напуганная эпид., отговаривала, и М. вернулась в Россию, в Москву. Зарабатывала уроками и переводами, т. е. отказалась от материального наследства в пользу сестры, а др. наследство уступила отцу, «очень любимому пожитку» (письмо Пышину).

С апр. 1881 по дек. 1902 служила телефонисткой на Моск. центр. станции (с 1889 — почтово-телеграф. чиновник 5-го разряда), в отпусках не была, увольнялась по причине о болезни. «Была верною помощницею двум мужьям, чиновникам; с первым поступила на коронную службу в единственное открытое нам, женщинам, в то время почтово-телеграфное ведомство. Сохранила имя первого мужа, Мурахина, потому что как пенсионерка записана под этим именем, да оно и мое литературное» (письмо М. в «Вешние воды», 1916, кн. 7/8, с. 220). Можайский помещик Мурахин оказался пьяницей, после семи лет совм. жизни М. «ценою страшных усилий и жертв, ценою унижений, лишения доброго имени и заклеянного по-пам документа добилась... свободы» (письмо Пышину) — решением моск. епархиального начальства, утвержденного Синодом, брак был расторгнут и М. навсегда оставлена в безбрачии. М. обращалась с просьбой подыскать ей лит. заработок и этим спасти от голода к Г. И. Успенскому (письмо от 24 дек. 1886 — ИРЛИ, ф. 313, № 195) и к Н. С. Тихонравову (письмо без даты — РГБ, ф. 298, Тих.ЛП, папка 5, № 71). Со вторым мужем, И. И. Аксёновым, также служащим почтово-телеграф. ведомства, состояла в граждан. браке.

Первая публ. М. состоялась, по ее свидетельству, когда ей было 17 лет. Но систематич. лит. работа началась в 1890-е гг. с ее приходом в издатель-

ство товарищества И. Д. Сытина, в частности в ж. «Вокруг света».

М. отмечала, что «сорок почти лет работала на литературной ниве в качестве переводчицы, компиляторши и самостоятельной писательницы... 23 с листком года в журн. «Вокруг света», для которого переклала, кроме статей переводных, компилятивных и своих собственных — по истории и оккультным вопросам — более 200 книг приложения со всех почти европейских языков: французского, немецкого, английского, датского, шведского и норвежского» (письмо Спассовского).

Среди переводов М., как правило, выходявших в качестве бесплатных приложений к ж. «Вокруг света», — «Дон-Кихот Ламанский» М. Сервантеса (1899), «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу (1901—15; шесть изд.; с кратким биограф. очерком М. об авторе и истории создания романа), «Квентин Дорвард» В. Скотта (1904), «Робинзон Крузо» Д. Дефо (1904—15; шесть изд.), «Во дни кометы», «Война в воздухе» и рассказы Г. Уэллса (1909), «Геста Берлинга» и «Иерусалим» С. Лагерлефа (1911), кн. 1—5, 7—9, 11—12 «Собрания сочинений» Дж. К. Джерома (1912). Переводы Сервантеса, Дефо и Бичер-Стоу, по словам самой М., «печатать отменила как классические, ... и ими ... я подняла подписку на журнал с 10000 подписчиков до 60000» (письмо Спассовского). Вероятно, мн. переводы публ. без указания фамилии переводчицы, во всяком случае, М. называет в числе переведенных ею сочинений также романы А. Дюма, Э. Золя, Ж. Верна, Ф. Купера, Майн Рида и В. Гюго.

В ж. «Вокруг света» М. публиковала сначала многочисл. компилятивные ист.-геогр. и краеведч. очерки: «Далмация, ее города и жители» (1895, № 22—23), «Тунис, его жители и окрестности» (1895, № 35—37), «Из мексиканских нравов» (1896, № 27), «Из африканских нравов» (1896, № 38), «Смирна и ее окрестности» (1896, № 38—41), «Феодосия» (1896, № 43), «Восстание на острове Кубе» (1897, № 9), «Остров Крит» (1897, № 10), «Марсель» (1897, № 16—17), «Генуя и ее окрестности» (1897, № 18—20), «Воспоминание о Марокко. (Из записной книжки франц. туристки, г-жи Бернар д'Аттану)» (1897, № 30—31), «Балеарские острова» (1897, № 42—46), «Барселона» (1897, № 47), «Остров Порто-Рико» (1898, № 45), «Столица Китая» (1898, № 47), «Озеро Чад» (1898, № 48), «Дочь красного вождя» (1898, № 49) и др.

После 1900 выступила с рассказами на ист. темы — «из первых времен христианства», «из древнеримской придворной жизни»: «Ex oriente lux» (1901, № 50), «Рассказываясь преступница» (1902, № 50), «Из мрака к свету» (1903, № 14), «Сила веры» (1904, № 13), «Марик» (1904, № 50), «Государств-

венный перстень» (1905, № 50) и мн. др.

К 1913 у М. формируются не без влияния книг по антич. истории преподавателя Харьков. муж. г-зии В. А. Мелихова и статей В. А. Грингуэта устойчивые антисемит. взгляды и убеждение, что «вся всемирная история фальсифицирована...» («Вешние воды», 1916, кн. 7/8, с. 223) историками-евреями (Иосифом Флавием и др.), скрывшими глобальный евраз. заговор против мира. В развернутом виде они проявились в 1913—14 в период работы в газ. «Харьков. вед.» и ж. «Мирный труд». В ее цикле очерков «Письма к русской женщине» («Мирный труд», X., 1913, № 3—11) определена роль женщины как помощницы мужчинам, обязанной исполнять предначертания его разума, и как «подруги», призванной нежностью облегчать тяготы борьбы со «Змием-Злом» (т. е. с иудеями и нудо-масонами).

Сквозной темой кн. «Из глубины веков» (часть тиража в виде прил. к ж. «Мирный труд», 1914, № 1—12; отд. изд. — X., 1915), состоящей из семи ист. беллетризов. очерков (впервые опубл. — «Харьков. вед.», апр. 1913 — дек. 1914), является борьба евреев с Римом и христианством как символами законной власти, мирской и духовной. Для соч. М. характерны колоритный этногр. фон и фальсификация изв. ист. сюжетов, в числе ее «прозрений» якобы имевшие место злодеяния евреев — убийство Цезаря и Каллигулы, изобретение кровавых древнеримских зрелищ и подложит. образ Нерона, занятого борьбой с иудеями.

Рецензент (М. А-в — МВед. 1915, 2 июля) писал, что проза М. «не отличалась выдающимися худож. достоинствами... все же умеет заинтересовать... увлекательной «фантазией», и выдвигал очерки «Вешние воды» («очень интересны») и «Сила веры» («в высшей степени трогательны»).

После раскрытия «Мирного труда» (1914) М. становится пост. автором и корреспонденткой ж. «Вешние воды». В 1916 публ. в ж-ле антисемитскую футуристич. фантазию «Грядущее человечества (Из области иллюзий)» (кн. 7/8, 9). В ром. «Пирамида Хеопса» (1917, т. 22—30) введена фигура рассказчика — нем. профессора, раскрывающего своей рус. племяннице «истинный» смысл ист. событий, к-рые тракуются как борьба арийского и еврейского духа в Др. Египте.

Роман представляет собой пригуливое соединение мистич. мотивов с приключен. сюжетом (в духе романов В. И. Крыжановской и «Сингапори Сатаны» С. Пшибилевского), замкнутое на яслях Х. С. Чемберлена. Ключевая сцена романа — «экстренное собрание еврейских раввинов» в пирамиде Хеопса 14 января (см.: «Вешние воды», 1917, т. 28/29, с. 29). Протекстом этой сцены является глава «На еврейском кладбище в Праге» из романа Г. Тейше «До Судан!» (СПб., 1871) — один из ранних вариантов «Протекстов еврейских мистиков».

На эпигр. материале М. построена повесть «Дух — каратель фараонов» и его продолжение — рассказ «Зеленая муха» («Вешние воды», 1918, т. 31/32).

Одно из немногих произв. М., не затронутых ее болезненными фантазиями. — «Быль из недавнего прошлого» «Золотая мечта» (1918, т. 33/34), в к-рой не без легкого юмористич. оттенка описана ловля богатой невесты промотавшим себя наследством холостяком.

Гл. редактор «Вешних вод» Спасовский нашел в М. единомышленника, охотно печатал не только ее беллетристич. сочинения, но и философствования в эпистолярном жанре, намереваясь пригласить ее в альм. или сб. «Светлые пути» (не состоялся), наряду с Голлербахом, Н. А. Бердяевым, Розановым, ее знакомство с к-рым содействовал. Он так характеризовал ее лит. и обществ. репутацию: «Конечно, труды Л. Мурахиной постоянно обречались замалчиванию — они были не в моде, — были не в почете у нашей либеральной интеллигенции и печати. Ее ждали и любили лишь те, кто не боялся „клейма патриота“ ...» (Спасовский М., В. В. Розанов в последние годы своей жизни, Б., [1939], с. 34—35).

В последние годы М. жила в Сергеевом Посаде, очень нуждалась. Розанов, восхищавшийся образованностью М., ее юной душой и трогательно-нежными отношениями с мужем. «в одном журнальце живописал их в статье „Идиллия на краю вулкана“ (т. е. революции)» (письмо Розанова в кн.: Спасовский, [1939], с. 36; статья опублик. по рукописи в ж. ВестРХД, 1995, № 3; первая публ. не выявлена). Психол. этюд М. «О В. В. Розанове. Из личных впечатлений» Голлербах включил в свою кн. «В. В. Розанов. Личность и творчество» (П., 1918); переизд. в кн.: «В. В. Розанов. Pro et contra. Личность и творчество В. В. Розанова в оценке мыслителей и исследователей. Антология» (кн. 2, СПб., 1995; сост. и прим. В. А. Фатеева).

Летом 1919, вскоре после смерти мужа, М. переехала к Спасовскому в Петербург, в сент. сильно простудилась, умерла в Евангелич. больнице, всеми забытая.

Др. произв.: «Из мрака веков. I. Очерки античной жизни» («Мирской телек», 1902, № 1), «Из мрака веков. II. Очерки древнего мира» (там же, 1902, № 12), «Из глубины веков. Пальмирская царица. Ист. очерк» (там же, 1903, № 13), «Кто виноват? Житийская драма» («Родная речь», 1910, № 27—29), «Из мрака к свету» («Вешние воды», 1917, т. 19).

Лит.: Спасовский М. М. Лит. заметки. Из глубины веков. — «Вешние воды», 1916,

кн. 7/8, с. 144—50, 220—24; «Минувшее», в. 14, М., 1993, с. 411, 412 (справка Г. А. Мореза).

Архивы: РГИА, ф. 1289, оп. 17, д. 334, л. 41—43* (ф. с. М., 1903 г.; справка Л. М. Сесеткиной); РНБ, ф. 207, № 89 (письмо М. М. Спасовского Э. Ф. Голлербаху); ф. 874, оп. 1, № 110 (письмо С. Н. Шубинскому с предложением сотрудничества); ГАРФ, ф. 116 (Союз рус. народа), оп. 1, д. 625 (письма М. в ред. «Рус. знамени» — справка Л. В. Крячковой); ИРЛИ, ф. 313, оп. 3, № 195 (справка Н. А. Прозоровой).

М. Н. Залотосов, Н. Ю. Котова.

МУРЗАКЕВИЧ Николай Никифорович [21.4(3.5).1806, Смоленск — 15(27).10.1883, Одесса; похоронен на Старом кладб.]. Историк, археолог, мемуарист. Сын Н. А. Мурзакевича (см. о нем ниже). По семейным преданиям, род М. происходил из Крым. Орды — от прадеда М., «юного Мурзы», попавшего в плен (1689)

после неудачного похода татар в Крым. Подготовленный старшими братьями по «латинской и греческой этимологии», начал обучение в Смоленской духовной сем. (с 1817), увлеклся чтением ист. соч. и источников (в т. ч. «Истории...» Н. М. Карамзина и др.-рус. летописей). В 1825 поступил на этико-полит. отделение филос. ф-та Моск. ун-та, учился вместе с А. А. Краевским, П. Г. Редкиным; окончил курс действит. студентом (1829). Недолго пробыл в Смоленске, где изучал «родную старину» (первые публ. — ист. заметка «Права Смоленска», ВЕ, 1828, № 10, и ст. «Достопамятности города Смоленска», ЖМНП, 1835, № 12; отд. изд. — Смоленск, 1844), затем возвратился в Москву. Жил частными уроками, слушал лекции А. Ф. Мерзлякова, М. Т. Каченовского, М. П. Погодина (с последним М. позже переписывался, принимал его в Одессе и информировал об одес. культурных новостях; считал себя его учеником — см. Барсуков, ук.). Не добрав баллов для получения степени кандидата, провел 1829 год дом. учителем в семье рязан. поме-

щика. В 1830 переехал в Одессу по приглашению ун-тского товарища М. М. Кирьякова (сына дир. Одес. таможи), в доме к-рого познакомился с А. И. Подолтинским, М. П. Розбергом, А. А. Скальковским, А. С. Стурдзой, а также с ген. И. Н. Низовым и др. Непрероджит. время служил в тамож. ведомстве (1830—31), затем перешел в Ришельев. лицей, в к-ром прошел путь от помощника учителя (с 1831) до дир. лицея (1852—57).

Авторитетом среди ученых М. не пользовался: «огромное ... роста, гучный, великий чревоугодник, Мурзакевич наводил ... страх» (Кармазин, с. 344; ср. портретно-шаржированную характеристику М. в возм. Э. С. Андрусского — в кн. Из архива К. Э. Андрусского...); вместе с тем современники отыскали его бескорыстие, правдолюбие в общении с начальством и принципиальность (Кармазин, с. 345; Чижевич, с. 5).

Педагогич. деятельность (преподавал историю, географию, статистику) М. сочетал с ист. и археологич. занятиями. В 1838 зачислит. в Моск. ун-те магистер. дис. «История генуэзских поселений в Крыму» (Од., 1837; положит. отзывы: ЛПРИ, 1837, № 43; ЖМНП, 1838, № 6, подп. В. Г.). В 1839 стал одним из основателей и секр. (с 1875 вице-президентом) Одес. об-ва истории и древностей, ред. (при нем вышли 12 томов) «Записок» об-ва, в к-рых поместил ок. 100 своих статей по археологии, истории, нумизматике, эпиграфике. Чл. ОИДР (с 1836), РГО (с 1846). Рус. (в Петербурге; с 1848) и Моск. (с 1865) археологич. об-в, нескольких заруб. спец. науч. об-в и академий, в т. ч. Тиберинской (с 1837) и Аркадской (с 1838) акад. в Риме. В 1839 совм. с офицерами Ген. штаба разбирал архив крепости св. Димитрия Ростовского (обнаружено свыше 700 док-тов, касающихся Азовского похода Петра I); в 1844 участвовал в раскопках о. Фидониса. Собрал ценную коллекцию греч. и рим. монет (ее описание — первая кн. на лат. яз., изданная в Одессе «*Descriptio nummorum veterum Graecorum atque Romanorum*», 1835). Занимался также редактированием «Листков об-ва сел. хоз-ва Юж. России» (1833—40), составлением «Новорос. календаря» (на 1839, 1840, 1841); заведовал Одес. публич. б-кой и гор. музеем (см. его описание: «*Descriptio musei publici Odessani*», Од., 1841), сотрудничал в «Одес. вест.». Пользуясь благосклонностью и покровительством М. С. Воронцова (см. письма Воронцова к М., 1842—1854 — РА, 1876, кн. 3; кн. М. «Очерк заслуг, сделанных наукам светлейшим кн. М. С. Воронцовым», Од., 1860), обледовал его б-ку и коллекцию ист. док-тов, результатом чего явились науч. публикации: «Псковская сулная грамота, составленная на вече в 1467 г.» (Од., 1847; 2-е изд. — Од., 1868; одобрит.

отклик В. Г. Белинского — X, 188) — изд. одного из источников по истории средневеков. рус. права, «Письма царевича Алексея Петровича к его родителю государю Петру Великому...» (Од., 1849; список реч. на эти публ. см.: Венгеров, Источ.; о поднесении «Писем царевича Алексея...» имп. Николаю I — ГАРФ, ф. 109, 2 экз., 1850, д. 46). Как знаток истории Юга России (см., напр., его популярные очерки и описания путешествий, отмеченные колоритными зарисовками природы, умением занимательно излагать ист. подробности: «Поездка в Крым в 1836 г.», ЖМНП, 1837, № 3; «Путеуказатель южного берега Крыма», 1866; «Одесская старина», 1869, обе — Од.) М. сопровождал вел. кн. Константина Николаевича в его путешествии по Крыму (1845). После отставки (1857; в чине тайн. сов.; оставил службу из-за разногласий с попечителем Одес. учебного округа Н. И. Пироговым, см.: Дабига, с. 13) М. много путешествовал по России и Европе, был в Константинополе, Иерусалиме, Александрии, Каире. До конца жизни не утратил интереса к ист. иссл.: его публикации ист. док-тов появлялись на страницах «Рус. архива» (1868—77) и «Рус. старины» (1873—82).

Науч. педантизм и неслепотное трудолюбие М. сочетались с умением разрабатываемых им тем, беспристрастностью в суждениях. Его изыскания в области рос. древностей («древности» к делам одобривши митр. Евгений (Богоявленский) и М. А. Максимович, припавшие М. в Киев для основания Рус. ист. об-ва, издания ж-ла и преподавания в ун-те (см. письмо митр. Евгения к М., 1834—37 — «Киев. слух», 1868, № 10; отд. оттиск — К., 1868); приглашение на ист. практич. последоват.) Поволяя причислить М. к «дальнейшим нашим ученым» («Москва», 1850, № 2, с. 57), М. И. Семеновский назвал его «полюбящим науку» (РС, 1888, № 12, с. 777). С др. стороны, его ист. публикации, к-рые не всегда отличались «новостью сообщаемых... сведений» (СО, 1850, № 8, отд. VI, с. 4), упрекали в «неполноте и слабости», «небрежности» объяснений, применяя (ОЗ, 1850, № 7, отд. VI, с. 3; 1847, № 9—10, отд. VI, с. 22), а самому М. нередко вообще отказывали в каком-нибудь значении (см. мнение Э. С. Андреевского — в кн.: Из архива К. Э. Андреевского...), Все это нашло отражение в резком рецензента «Рус. филол. вест.» А. А. Козубинского: «местный археолог весьма скромной деятельности» (1880, № 3, с. 151).

Мемуары М., опубликованные по-смертно под назв. «Автобиография» (РС, 1887, № 1—4 (об отце — № 1, с. 16—26), 6, 9, 12; 1888, № 9; 1889, № 2; отд. изд. — СПб., 1889; на т. л. — 1886), охватывают период с 1806 по 1852 и содержат увиденные глазами ребенка картины жизни Смоленска и поведения его жителей в 1812, ценные сведения о профессорах Моск. ун-та, быте и нравах студенчества сер. 20-х гг., детали жизни административных кругов и ученого мира Одессы 30—50-х гг. Записки интересны обилием упоминаемых лиц (их характеристики, обычно достаточно лаконичные, порой пристрастные): М. рассказывает о кратком

знакомстве с Н. В. Гоголем (ср.: Толченое), митр. Евгением, о пребывании в Одессе Н. И. Надеждина (и конфликте с ним) и М. Л. Магницкого; характеризует Воронцова, Д. М. Княжевича, упоминает о встречах с М. Д. Деларю, Стурдзой, А. С. Уваровым, А. А. и Л. А. Перовскими и др. Сообщаемое М. не всегда достоверно: иногда он пересказывает скандальные слухи (версия о публикации «Философич. письма» П. Я. Чаадаева), бывает несправедлив в оценках (что побудило изд. «Рус. старины» сопроводить нек-рые характеристики доп. док-тами — РС, 1887, № 9, с. 497).

Воспоминания М. выдают резко отрицательный, раздраженный по тону отклик его бывшего сослуживца И. У. Палемостова: «ничего так не обличает душной прусты в этом человеке, как оставшиеся им записки («Страники», 1889, № 8, с. 613). Рецензент приводит мнение антистипендиата Инокентия (Борисова) о М. — «известный дурак, к к-рому трудно приложить (слово) ученых» (там же, с. 611), упрекает М. в извращении, обожрстве, присвоении чужих науч. трудов. Пристрастность этих отзывов вызвана, по-видимому, какой-то личной враждой: неуклюжий по характеру, М. часто конфликтовал со своим сослуживцами и знакомыми (ср. данные из мемуаров отрицат. характеристику владыки Иннокентия).

Более объективно значимость записок оценил Семеновский: «Мурзакевич прост, незамысловат, характеристики его грубоваты..., но все искупается горячею преданностью его науке» (РС, 1888, № 12, с. 777; см. также реч. Е. (Ф.) Шмурло?) — «Библиограф», 1889, № 8—9).

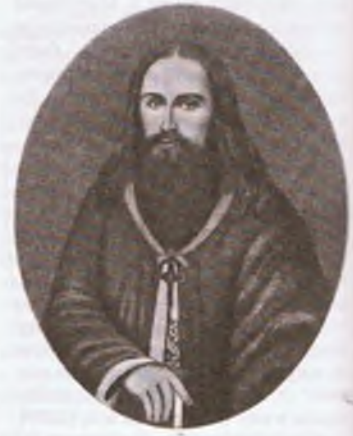
Изд.: Черновой проект завещания... — 42л. Одес. об-ва историк и древностей. т. 15. Од., 1889; В Московском ун-те. 1825 [отрывки из мемуаров]. — В кн.: Моск. ун-т в эпоху современников (1755—1917), М., 1889.

Лит.: Семеновский (ук.); Барсуков (ук.); Михневич И. (сост.). Ист. обзор 40-летия Рижского музея с 1817 по 1857 г. Од., 1857, с. 62—64 (биограф. справка и библи.); Дабига В. Д., Н. Н. Мурзакевич. — РС, 1887, № 1; Юргевич В. Н., Ист. очерк 50-летия имп. Одес. об-ва историк и древностей. Од., 1889 (в т. ч. роспись «Записок» об-ва); Чижевич О. О. Город Одессы и одес. об-во. — В кн.: Из прошлого Одессы. Сб. ст., Од., 1894, с. 2, 4—5; Толченое (А. П.), Гоголь в Одессе. (Из воспоминаний акт. актера). — «Муз. свет», 1876, № 29—33 (то же в кн.: Гоголь в восп., с. 422); Кармалитин Д. А., Из зап. — РС, 1900, № 8, с. 344—45; Веселовский Н. И., История имп. Рус. археологич. об-ва... 1846—1896. СПб., 1900, с. 445 (и ук.); Орловский И. И., В Смоленске из Симыны. — ИВ, 1903, № 6, с. 979, 984; Попруженко М. Г., Одесская гор. публ. б-ка. Од., 1911, с. 14, 17—19, 20—30, 38; Из архива К. Э. Андреевского. Зап. Э. С. Андреевского, Од., 1914, т. 2, с. 11—12; Имп. моск. археологич. об-во в первое пятидесятилетие его существования (1864—1914), т. 2, М., 1915 (биограф. справка и библи.); Варварцев Н. Н., Украина в рос.-итал. обществ. и культурных связей (перв. пол. XIX в.), К., 1986, с. 167; ЛН, т. 60(1) (ук.). + Некролог: «Одес. вест.», 1883, 16 окт. (В. Юргевич), 18 окт.: «Вестники одес. грядущности», 1883, 16 окт.; ЖМНП, 1883, № 12; ИВ, 1883, № 12. Ист. зап. о деятельности имп. Моск. археологич. об-ва за первые 25 лет существования, М., 1890, с. 158—63; Мезлов Березин (с ошибкой в отчестве М.); Брокгауз; Венгеров, Источ.; Грант; Язковец С. Д.Р.; ИДРДВ; [Библи. трудов] — Изв. АН ОРСЯС, 1861, т. 10; Н. Н. Мурзакевич, Библиограф. Од., 1869 (автобибли.); Попруженко М. Г. (сост.), Ук. статей, помещенных в I—XXIX томах «Записок имп. Одес. об-ва историк и древностей». Од., 1914 (ук.); Петров С. О.,

Книги гражданского друка, издавал в Украйн. XVIII — перша пол. XIX ст. Каталога Харків, 1971, с. 130—31; Голубович В., Перлов Г., Старое кладбище. Первый некрополь Одессы. Од., 1994.

Архивы: ГА Одес. обл., ф. 148; ШИАН, ф. 418, оп. 7, д. 153 (ф. с. 1838 г.); оп. 99, д. 311; ф. 454, оп. 2, д. 10, л. 165 (биограф. сведения); РГБ, ф. 4711, к. 4, № 32 (письмо А. Ф. Вельямиу, 1860); ф. 49/V, к. 149, № 5 (письмо Ю. И. Венедикту, 1837); ф. 51, к. 19, № 46 (письмо А. Е. Викторову, 1874—83); ф. 86, к. 4, № 84; к. 6, № 80 (письма В. И. Григоровичу, 1873, 1876); ф. 231/И, к. 21, № 66—69 (письма М. П. Погодину, 1837—73); ф. 262, к. 36, № 110; к. 24, № 78 (переписка М. и Саввы (Тихомирона), 1879—81); ИРЛИ, ф. 603, № 35 (записки об избрании М. членом зарубеж. акад.); РГАДА, ф. 1261, оп. 3, д. 1505 (письмо М. С. Воронцову от 30 дек. 1845) [справка С. Р. Долговой].

Отцу М., Никифору Ариазовичу Мурзакевичу (1769—1834), был изд. смелый, самостийный и автором ист. и духовных соч. В 1802 с ним как с местной «достопримечательностью» знакомилась П. С. Кайсаров, А. И. Турчанин, состоявшая в браке с И. А. Дьячковой. В 1803 вышла его «История губ. города Смоленска...» (кн. I—4, Смоленск; 2-е изд. изд., кн. I—5, Смоленск, 1804; перизд. — Смоленск, 1903), имевшая значение первоисточника; в Отеч. вой-

ну 1812 им. опублик. им док-ты, в т. ч. подлинник рус.-литов. польские грамоты, погибши. В 1812 Мурзакевич остался по существу единств. духовным лицом в покинутом жителями и войсками Смоленске: по свидетельству И. Ф. Ласквича, он находился «до конца сражения под пулями и картечью с малочисленными (один из 7 детей — Т. Н.) своими сыном» (РС, 1903, № 6, с. 578). Благодаря ему был оставлен грабеж французами Смоленск. церкви, при этом он был «бит, ран в волосы и бороде» (там же, с. 575). Случайная встреча с Наполеоном в окт. 1812 послужила поводом для доносов, в результате к-рых Мурзакевич предали гражд. и церк. суду и отлучили от священнослужения (отправлен в 1814; тогда же стал священником Олдинградской церкви). Эпизод с Наполеоном стал основой легенд 1812; еженед. «Искры» (1912, № 30), прил. к «Рус. слову» воспроизводит глаголу с текстом, в к-ром о. Никифор бесстрашно обвинил Наполеона в «гробовой церкви» и т. п. (в действительности, подобный разговор произошел с адъютантом Наполеона И. Мюратом). Тот же эпизод тенденциозно описан Л. Ф. Сеговори (Ségur Ph., Histoire de Napoléon et de la grande armée..., v. I, P., 1825, p. 299—301; его же. Покорение в Россию, М., [1913], с. 94—95).

Др. духовные соч. Мурзакевича остались неизд.: «История Божественного Откровения с разными замечаниями на места неузоборонимые в Са. Евангелии» (ч. I—2; 1810—14), орудия «архимандрита тлинского архимандрита Филарета» (РС, 1903, № 4, с. 105), — первый опыт перевода четырех евангелий на рус. язык «для чтения простым народу», пер. на рус. язык Псалтыри (1812), «Житие Первоверховного апостола Пет-

ра и Жизнь и деяния св. апостола Павла» (1815). «Жизнь Иисуса» (РГБ), также созданные для «простого народа», который, по мнению Мурашкинча, не может «почерпнуть себе издания ни в высоком слоге, ни в «слабодном и деревенном» (РС. 1903, № 4, с. 105) (о трудностях изд. перевода Библии на рус. яз. см. в ст. Г. П. Лавский).

Составл. М. (в ист. контексте) биография отца, переписка с Н. П. Румянцевым, А. Н. Голицыным, а также его «Дневник» опублик. в кн.: «Н. А. Мурашкинча, историк города Смоленска» (СПб., 1877).

Лит.: Орловский И. И., Сваннович М., обвиняемый в измене в 1812 г. — РС. 1903, № 4—6; Дело о священниках М. и Соколовых... — «Смолен. старина», 1912, в. 2, с. 227—230 (там же дизионисание М., составл. съемом пролетарием Иоанном Мурашкинчем. — с. 178—226); Аристов В. П. Дело инокшово-вска Энгельгарата. Повесть. Смоленск, 1937. + Гениани; Брокгауз; Венгров. Источ.; Мат-лы слова ламыинокшовой истории и культуры РСФСР. Смолен. обл., М., 1977, с. 59—61 (библ.); ИЛРДВ (ук.).

Архивы: РГБ, ф. 402, ф. 807, оп. 1, з. 561. Г. Ф. Неизидова.

МУРИНОВ Владимир Яковлевич [21.11(3.12).1863, Калуга — 16.4.1919, там же, похоронен на Пятницком кладб.], прозаик, публицист, издатель и книготорговец. Род. в семье смотрителя Калуж. тюрьмы, назв. советника — Як. Анд. Детские годы провел в с. Слядневе у деда по отцу, священника. По окончании Калуж. губ. г-зии в 1883 поступил на вест.-филол. ф-т Моск. ун-та (в 1888 получил аттестат и звание кандидата истории). В 1891—96 участвовал в работе Моск. к-та грамотности. До 1892 преподавал в моск. г-зиях, в 1891—92 — в муж. воскресной школе при Моск.-Казан. ж. д., среди учителей к-рой были сильны симпатии к социал-демокр. движению. Учительница этой школы Алевтина Мих. Блеклова (1866—1922) стала в 1891 женой М.

Вместе с женой в сент. 1892 — мае 1899 (с перерывами) М. занимался книготорг. и книгоизд. деятельностью. Издавали отеч. худож. лит-ру, в т. ч. В. Г. Короленко, Д. Н. Мамин-Сибиряка, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева. Уже в первые годы семейное предприятие приобрело репутацию одной из «наиб. симпатичных и деятельных издательских „интеллигентных“ фирм» (РМ, 1894, № 12, с. 605, б. п.). С 1897 начали серию «Научно-популярной б-ки», наиб. значит. изданием к-рой был «Краткий курс экономич. науки» А. А. Богданова (1897) (см. в кн.: Каталог книжного склада А. М. Муриновой. 1897 г., М., 1898). В мае 1895 М. подвергся аресту и предварит. заключению сроком в 1 месяц по делу «о преступном кружке... имевшем целью покушение на жизнь» императора. Причастность М. к кружку не подтвердилась, но за хранение рев. изданий в февр. 1896 за М. был установлен гласный надзор на 1 год и он выслан в Тулу (ГАРФ, ф. 102, з. д-во, 1894, л. 845). Через год за М. установлен негласный надзор с запрещени-

ем проживания в столицах. По распоряжению моск. обер-полицейстера 3 мая 1899 книжный склад М. был закрыт.

В кон. 1898 М. стал чл. редакции ж. «Жизнь», где заседал лит. отделом. Направление и состав авторов ж-ла определял В. А. Поссе совм. с М. Горьким. Для идейной платформы ж-ла были характерны противостояние народничеству и сотрудничество с легальными марксистами (о направлении ж-ла см. лит-ру по: Муратову (2), с. 42—43; а также: Келдыш В. А., «Жизнь». — В кн.: Лит. процесс и журналистика (1). Напечатал в «Сыне Отечества» в 1897 и 1899 неск. передовых статей по нар. образованию. М. был чл. Союза взаимопомощи рус. писателей (с 1899), ВДО (принадлежал к левому крылу), Об-ва помощи в чтении больным и детям и др. В нач. 1900

жил в Петербурге, в июне—сент. ездил за границу, где общался с эмигрантами, помогал деньгами изданию неск. брошюр, состоял чл. «Аграрной лиги», ведущей рев. агитацию среди крестьян. По данным Деп. полиции за 1900, М. был «одним из наиб. серьезных деятелей радикально-оппозиц. группы», примыкал к «Красному кресту», был косвенно связан с «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса» и т. д. (ГАРФ, там же). После ареста в апр.—мае 1901 и запрещения жить в столицах, столичных губерниях и университете, городах М. уехал с женой в Париж. За границей участвовал в возобновленной (с апр. 1902) «Жизни», в связи с этим по слуху, циркуляру Деп. полиции в 1905 при возвращении в Россию был на границе арестован и заключен в Ковен. тюрьму, откуда освобожден после манифеста 17 октября. В 1906 — чл. редакции «Журнала для всех», в 1910—11 — «Жизни для всех». С осени 1911 до весны 1914 жил в Ка-

луге, был товарищем председателя, а позже и председателем Калуж. худож. кружка, в программу к-рого входила организация выставок местных и столичных живописцев (1911 — «Моск. салон»; 1912 — «Мир иск-ва»), лекций (среди лекторов Ю. И. Айхенвальд, С. Глаголь), лит.-муз. вечеров, диспутов и т. п. По амнистии в связи с 300-летием дома Романовых с М. был снят запрет на проживание в столицах, университет. городах и он переехал в Москву. В нач. 1919 вернулся в Калугу, где возглавил «Калужский вест. кооперации и сел. хозяйства». Умер от воспаления легких.

Осн. жанром прозы М. был беллетризов. очерк, автор в сюжетах своих произв., как правило, не выходил за рамки им виденного и пережитого. Явно впечатлениями детства навеян первый большой рассказ «Сахар Степаньич» (РМ, 1896, № 4) — трагич. история старого тюремного надзирателя Захара Степановича, обманутого сбежавшим арестантом, самого арестованного за эту провинность и повесившегося в камере.

Рецензент Р. И. Сементковский, подробно проанализировав содержание рассказа («... рассказ очевидно, написанный с натуры. Он до того красноречив, что нам познать его источник»), использовал его для иллюстрации тезиса о взаимном непонимании интеллигенции и «нар. элементов» (ЛПН, 1896, № 8).

Деятельности воскресных школ, отношения преподавателей с взрослыми учениками и между собой посвящены пов. «Воскресники» («Жизнь», 1900, № 2—4; отриц. рец.: В. Гольцев — «Курьер», 1900, 22 мая), рассказы «Горе-просветитель» («Жизнь Юга», Од., 1897, № 19), «Скандаль» (в сб.: «Лит. дело», СПб., 1902), очерк «Ночь» («Правда», 1904, № 8). Глазами просветителя-культуртрегера видит М. деятельность революционеро-школьникшк., восхищаясь их самоотверженностью, — рассказы «Инкиндация» (РВел, 1910, 28 февр.) и «Ручеек» («Жизнь для всех», 1913, № 1). Парижскими впечатлениями навеяны «Одишчество» — описание кладбища Пер-Лашез (там же, 1909, № 12; очерк был вырезан по требованию цензуры из-за отриц. характеристик А. Тьера) и трогательный рассказ для детей «Пудель Жак» («Маяк», 1914, № 11). Многие из опублик. ранее прозв. составили сб. М. «В сумерках жизни. Рассказы и очерки» (СПб., 1910), гл. тема к-рого — «всякие незамысловатые герои, скромные предвестники будущего. — их судьба, поражение и торжество...» (из рассказа о беллетристе «из средних») — «Григорий Ефимович», с. 198; впервые — «Жизнь», 1901, № 2).

Критика была единодушна в низкой оценке худож. уровня книги. В. П. Крайндель писал, что в рассказах М. «за избытком мысли и повторяющихся деталей теряются и пропадают вы-

ления в худож. обобщенности» и что этот недостаток не искупают «честные и добрые устремления» автора (СМ. 1910, № 5, ст. II, с. 76, 80); иронично отзывается М. А. Купчина — «...суждение высоко знаменит либраллизма и суконный язык» («Аполлон», 1910, № 6, ст. III, с. 43).

В дальнейшем М. стремился к большей сжатости повествования. Тема войны отразилась в его рассказах «Мать» («Новый колос», 1915, № 7), «Отработали» («Рус. илл., 1915, № 15), «Рассказ отпускового» («Новый колос», 1917, № 7).

Как публицист М. выступал со статьями по вопросам нар. образования и культурно-просветит. деятельности (см. «Задачи и организация земских книжных складов» — РМ, 1896, № 10—11; оттиск — М., 1896), а также на обществ.-полит. темы (брошюра «Демократическая республика», М., 1917, с разьяснением принципов гос. демокр. устройства на примере Франции, США, Швейцарии).

Лит.: Поесс В. А., Мой юношеский путь, М.—Л., 1929 (ук.); Безъязычный В. В. Я. Муринос (1863—1919). — В кн.: Земляки. Калуга, 1963; его же. Издат. и редакторская деятельность М. (1890—1900-е гг.). — В сб.: Кюнга. Иссл. и мат.-лы. об. 10, М., 1965 (сест. отд. оттиск); Дневниковый М. М., Калуж. худож. кружок... — В сб.: Третья краевед. конференция Калуж. обл., Калуга — Обнинск, 1971; Страхов Н. А., Северово. Жизнь, личность, творчество, 2-е изд., М., 1972 (ук.); Некролог: «Калуж. вест. кооперации и сел. хоз-ва», 1919, № 5/7 (Д. Матвеев); Памятная книжка и адрес-календарь Калуж. губ. на 1912 г., Калуга, 1912, с. 53; Памятная книжка... на 1913 г., Калуга, 1912, с. 59; Венгеров. Источ.: Книговедение.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2122, ф. 337, оп. 1, № 220 (письма А. С. Северову); ИЯМ, ф. 418, оп. 297, л. 382 (л. а.) [справка В. В. Александровой]; ГА Калуж. обл., Р-26, оп. 1, л. 341; Р-324, оп. 1, л. 6 [справка Ю. В. Суходолого]; ГАРФ, ф. 102, 3 з-во, 1894, л. 845, ОО, 1906 (1), л. 792 [справка Л. И. Тютюнник]; ИРЛИ, ф. 289, оп. 4, № 72—2 (автобиография, 1908); ф. 377 (библ. листок, 1899); ф. 185, оп. 1, № 825, 146 (перепечатка с В. С. Мирозлобовым, янв. 1907, в связи с ред. работой М. в ж. «Трудовой путь» [справка Е. М. Аксентенко]).

МУРИНСКИЙ Пётр (наст. имя и фамилия Евстафьев. Евстафьев Пётр Михайлович, 1886, Петербург — 22.12.1909 (4.1.1910), Екатеринбург), поэт. Потомств. почетный гражданин. Доучился до 8-го кл. в третьей по счету г-зии (из предыдущих был отчислен с «вольным билетом») при поддержке В. Н. Мамонтова, пред. К-та грамотности ВЭО (из писем М. И. И. Ясинскому — РНБ, ф. 901). Во время рус.-япон. войны 1904—05 служил санитаром-добровольцем. После преследований за организацию забастовки и сатирич. произв. (не выявлены) в кон. 1906 с Д. Востока приехал в Петербург. Жил то в именин матери (с. Мурино под Петербургом), то в дворничихой, «где-то» на Васильевском острове. Отказавшись от родит. помощи, бедствовал, болел, пытался зарабатывать лит. трудом. После ряда неудач его поддержал И. И. Ясинский, опубликовал в своем ж-ле «Беседа» интересный по замыслу рассказ М. о революции «Отрывки

страшной были» (1906, дек.), неск. стих. (1907, сент., 1908, № 1, 8) и поэму «Песнь об утесе» (1907, март). Печатались также в изд. А. И. Юрисона («Столичный листок», «Зритель» — соред. Л. А. Никифорова), А. Д. Рысис («Дуэль», «Ночи безумные», «Юмористич. еженедельник»); по сведениям самого М. (ИРЛИ, ф. 155, 540), до сент. 1908 сотрудничал в ж-лах «Новатор», «Ист. еженедельник», «Жизнь», «Читатель», а также в газ. «Биржевые вед.», «Слово», «Василеостровская газ.». Участвовал в лит.-худ. «Кружке друзей театра». В 1908 при обыске в Мурине была конфискована в числе прочих рукописей М. пьеса из свр. жизни «Выкресты» («Слово», 1908, 14 авг.).

Сравнительно небольшой объем выявленных произведений М., утрата мн. рукописей (в т. ч. в Екатеринбургской библиотеке после смерти М.), а также не продолжит. творч. путь не позволяют судить об истинном масштабе таланта М. Он работал в разных жанрах и пробовал себя в разных стилях, однако в печати наиб. полно представлена политич. сатира на злобу дня: шкнды («Пель-мель», «День за днем», «За неделю») и отд. стихи в «Столичном листке» (1907, 7—13 нояб.), басня «Овцы и волки» («Юмористич. еженед.», 1906, № 13), содер. жашая «рев. мораль»: волкам, съевшим «овечью Думу», «не дурно б зубы обломать увесистой дубиной», прозаич. фельетоны «Митинг в селе Пустобрюхово (истинное происшествие)» (там же, № 12—13), «Учитель Шпик» (там же, № 21), «Переселенцы» (там же, № 24) и стихи. «перепевашие» осн. мотивы народнич. поэзии (призывы к борьбе, ожидание свободы, воспевание жертвы во имя нар. счастья: «Я приду», там же, 1906, № 18; «Признание бойца», там же, № 22; «Из песен о повешенных», «Пробуждение», 1909, № 13) и Н. А. Некрасова [см., например, у М. стих.-гимн «Рус. женщине» («Ореолом страдания увенчана...»), «Вихрь», СПб., 1909], стихи на традиц. тему «поэт и поэзия» («Мелодия», «Юмористич. еженед.», 1906, № 21; «Гибель певца», «Волны», 1907). В диссонанс настроением гражд. лирики звучат «надсоновские» мотивы усталости, тоски, отчаяния: «Сонет» («Мне лень открыть глаза...») («Баян», СПб., 1908, март/июнь), «Воспоминание» («Искания», СПб., 1910), «Пролетели мимовольно...» («Звук жизни», СПб., 1910).

М. неоднократно обращался к фольклорным жанрам (былина «О Басарге купце, его сыне Мудромысле и басурманском царе Несмеяне», «Ист. ж-л для всех», 1908, № 2; «Об Алешке, поповском сыне и Пиленице прекрасной», «Сцена и жизнь»,

1908, № 15), а также к легендам и мифам, «адаптируя» изв. сюжеты: поэмы «Из сказок Востока» («Юмористич. еженедельник», 1906, № 25), «Исцеление Давида...» («Пробуждение», 1907, № 51), «Любовь Клеопатры» (там же, 1909, № 12), баллада «Старая сказка» («Дуэль», СПб., 1907, № 1), в к-рой выражена мечта поэта о рев. пробуждении России: «Но близится, близится день торжества...». Готовил к печати сб-к былин и ист. хрестоматию (РНБ, ф. 901; изд. не состоялось). У К. С. Бараневича в ж. «Красные зори» М. опублик. несколько стих. для детей (1908, № 9, 22, 23, 24; 1909, № 4). В последние годы в творчестве М. преобладает жанр поэмы («Завет Разина», «Воля», СПб., 1908 [1909], «Городская поэма», «Пробуждение», 1909, № 1).

Осенью 1909 из-за обострившейся чахотки и после отказа Лит. фонда в пособии М. был вынужден переехать в Екатеринбург, где служил писком на 2-й Екатеринбургской ж. д. В кон. года чахотка осложнилась тифозной горячкой, и М. умер в больнице. После его смерти среди молодых литераторов — друзей М. [Б. Д. Богомолов, Новиков, К. Смирнов (Ковровский), М. Д. Перещ] возникла идея создать кружок его имени, выпустить сб-к произведений, в т. ч. неизданных; изд. не сост., но был ряд посм. журн. публикаций («Огонек», 1910, № 26, «На берегах Невы», 1910, № 6, 1911, № 16, «Родник», 1913, № 3, «Жаворонок», 1913, № 7, «Пробуждение», 1917, № 4, 1918, № 6). Почитатели и друзья давали восторженную, возможно преувеличенную, оценку его поэзии, свидетельствовали о признании таланта Ясинским, Н. В. Корецким, В. Я. Брюсовым, К. И. Чуковским (Богомолов, 1910). Отмечалась одна черта, вредившая его репутации, — антисемитизм (Богомолов, 1912; см. также сатирич. эскиз «Поклонница таланта», «Пробуждение», 1909, № 21). Возможно, молодость поэта, безупречное владение им версификацией, «поэтич. интуиция» давали повод для возглавлявшихся на него надежд.

Лит.: Н. Ухт-цев (Подпихов Н. Г.), Литература. — «Василеостровская газ.», 1909, 15 февр.; Богомолов Б., Поэт Петр Муриноский, его жизнь и сгибания, — «Тавричанка», Симферополь, 1912, 24 авг. + Некролог, 1910; Богомолов Б., Поэт Петр Муриноский, СПб. (с прил. стих. К. Смирнова «Памяти Муриноского»), «Памяти Муриноского» (В. А. Новиков) — «Речь», № 68, 11 марта (перепечатка: ИВ, № 4, с. 393—94), Вест. С.-Петербург. СПб., 1907; Алы и сб-ки (1); Рус. сатира, первоизд. 1905—1907. Сост. Э. А. Покровская, М., 1980; Масанов (ошибочно указано на участие М. в «Юмористич. альб.»).

Архивы: РГАЛИ, ф. 637, оп. 1, № 67, ф. 1346, оп. 1, № 127 (автограф М.); РНБ, ф. 124, № 2942 (рукопись «Городской поэмы»), ф. 901, оп. 3, № 563 (письма И. И. Ясинскому, предположительно, 1908 г.).

А. В. Астрогская

МУСКАБЛИТ, Мускатблит Фёдор Генрихович (1878, Киев — 15.10.1947, Москва), журналист. Из семьи врача. Окончил г-зию, в 1902 — естество. отд. физ.-мат. ф-та Новорос. ун-та (Одесса). Участвовал в студенч. движении. Первая публ. — пер. очерка М. Нордау «Магеха. Открытое письмо к г-же И. Г.» («Одес. листок», 1897, 22 июля). С этого времени пост. сотрудник разл. (в осн. оппозиционных) газет: «Одес. листок» (1897—1901), «Одес. новости» (1902; здесь, в частности, опубликован очерк «В Ясной Поляне» — 3 сент.; см. также в кн.: Интервью и беседы с Л. Толстым, М., 1986), «Киев. газ.», «Киев. отклики», «Киев. вестн.» (1902—06), «Юж. курьер» (Керчь, 1902—06) и др. Во время рус.-япон. войны 1904—05 — воен. обозреватель газ. «Юж. обозр.». В 1906 переехав в Херсон, сотрудничал в газ. «Юг» и «Херсон. курьер» (к-рые вскоре были закрыты за «вредное направление»; в 1907 М. был арестован и выслан из города). С 1907 М. — в Москве. Сотрудничал в газ. «Час», «Правда живая», «Столичное утро», «Столичная молва», «Вечерняя заря». Работал в газ. «Раннее утро» (1908—18). Его публикации появлялись в «Рус. слове» (1907—08), «Руль» (1908), «Искре» (1910), «Утре России» (1910), «Синем ж-ле» (1911), «Молу» (1912), «Будильник» (1912—13) и др.

Обширная газетно-журн. продукция М. (нередко по 2—3 мат-ла в номере) публиковалась как под его собств. именем, так и анонимно и под псевд. В передовицах, во внешне- и внутривполит. заметках и обзор-ах злободневных событий (напр.: «Шансы» — «Юг», 1906, 9 нояб.; «Опоздание или прогресс?» — «Руль», 1908, 1 сент.; «Пела, пела пташечка» — «Раннее утро», 1909, 1 марта; «На Балканах» — «Руль», 1908, 7 июля; «Гильотина» — там же, 14 июля, и др.) демонстрировал приверженность идее конституционализма, равноправия, гражд. и полит. свобод, но чаще всего не высказывал явных симпатий ни одной из партий, оставаясь деее кадетов, но правее меньшевиков и в пост. оппозиции к правительству. Фельетоны («Лоскутиная» — «Руль», 1908, 14 июля, «Когда волнуется...» — «Будильник», 1912, № 29), пародии («Схватка боевая» — «Руль», 1908, 22 сент.), юмористич. рассказы и сценки («Репортер Перебоев» — «Будильник», 1912, № 32) повторяли нек-рые внешне присмы В. М. Дорошевича: использование «короткой строки», ист.-культурные реминисценции, обыгрывание хрестоматийных мотивов и образов классики и др. Публиковал также компилятивные статьи на ист. темы («Москва в 1812 г.» — в сб.: Москва в ее про-

шлом и настоящим, в. 9, М., 1911, «Товариш гор. головы (Эпизод 1812 г.)» — «Нива», 1916, № 11), науч.-популярные очерки («„Наутилус“ в мировой войне» — «Нива», 1916, № 18—19) и др.

Выпустил ряд брошюр: «Россия и Япония на Дальнем Востоке» (Од., 1904), «Тихоокеанская трагедия» (Од., 1905), «Битва при Ляояне» (Од., 1905; опровержение приведенных в брошюре фактов см. в рец.: С. А.) Штакельберг — РИ, 1906, 15 февр.; ответ М. — «Юж. обозр.», 1906, 4 марта), «Бельгийская жертва» (М., 1914). Нек-рую обществ.-лит. известность принесла М. брошюра «Народное представительство» (Од., 1905) — перепечатка серии статей из «Юж. обозр.» об избират. праве, полит. партии и ее программе, об отличии парламент. строя от конституционного. Рецензенты отмечали полноту актуальности брошюры, а также «толковость, ясность и общедоступность» изложения («Веч. почта», 1905, 3 мая; «Киев. новости», 1905, 28 апр.; «Крым. курьер», 1905, 22 апр., и др.).

В 1909, включившись в полемику по поводу сб-ка «Вехи», М. опублик. в «Раннем утре» два фельетона — «Танцкласс» (25 апр.) и «Проникновенному» (2 июля), затем выпустил со своим предисл. два сб-ка откликов на «Вехи» — «В защиту интеллигенции» и «По вехам. Сб-к статей об интеллигенции и „деш. лице“» (оба — М., 1909). В «контрвеховских» сб-ках М. авторов «Вех» обвинял в нелюбви к интеллигенции, в измене ее интересам и повороте к реакции (подробнее в кн.: Вехи. Интеллигенция в России. Сб-к статей, М., 1991, с. 5; Вехи. Из глубины, М., 1991, с. 204; Калебич-Красса Дж., «Вехи» и проблема рус. интеллигенции, М., 1993, ук.).

В 1910 к 50-летию юбилею А. П. Чехова М. опублик. биогр. мат-лы о нем: «Без весны» («Раннее утро», 17 янв.), «Доктор Чехов» (там же; обе — в кн.: Чеховский юбилейный сб-к, М., 1910), «Левитан и Чехов» («Раннее утро», 22 июня), кн. «Биография А. П. Чехова» (М.).

После Революции 1917 М. участвовал в создании РОСТА, работал в ТАССе, одновременно сотрудничая в «Бедноте», «Гулке» (1920—28), «Комсомольской правде», «Веч. Москве» и «Учит. газ.».

Др. произв.: «Первый рус. парламент» (Од., 1906), «Думы в сумерках» (М., 1910; сб-к афоризмов и сказаний А. П. Чехова, сост. М.).

Лит.: Чеховына. Статьи, публикации, жес. М., 1990; Дон Аминадо. Поезд на третьем пути, М., 1991, с. 197. + Машков.

Архивы: РГАЛИ. Ф. 1108; РГБ. ф. 135/1, к. 30, № 30 (письма к В. Г. Коршенину); Чел., к. 52, № 47 (письмо А. П. Чехову); ИРЛИ. ф. 359, № 368 (письмо А. А. Арсеньеву); ф. 686, оп. 2, № 148 (письмо А. Р. Кутелю);

ГАРФ. ф. 102, оп. 1907 г., л. 5, ч. 68; 1916 г., л. 3, ч. 13.

В. М. Босова

МУХАНОВ Александр Алексеевич [2(14).10.1800, Москва — 20.8(1.9).1834, Москва(?); похоронен в с. Успенском (Мухомове) Александров. у. Владимир. губ.], литератор, автор дневника. Старший брат Н. А. Муханова и В. А. Муханова (см. ниже). Вместе с Николаем начал службу в 1819 подполпрапорщиком л.-гв. Измайлов. полка, а в 1820 оба переведены в Оренбург. уланский полк корнетами. С окт. 1823 служил адъютантом командира Отд. Финлянд. корпуса А. А. Закревского; в 1825 поручик 29-го егерского полка, с 1826 адъютант главнокомандующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна; участник рус.-турецкой войны 1828—29; в 1834 состоял в Мин-ве иностр. дел при Моск. гл. архиве в чине полковника (в звании камергера). Входил в ближайшее окружение А. С. Хомякова (к-рый, по свидетельству П. И. Бартенева, «вспоминал о нем как об одном из лучших товарищей своей молодости» — РА, 1895, кн. 3, с. 125), Е. А. Баратынского (с ним, как и с Н. В. Путьтой, познакомился в 1824 в Финляндии), П. А. Вяземского, Д. В. Давыдова, А. С. Грибоедова (письмо А. А. Жандра М. о Грибоедове от 10 июня 1826 — ПЛМ, ф. 117, № 34, л. 110—110 об.); тесно общался с двоюродными бр. Павлом А. Мухановым и Петром А. Мухановым.

Приятельским отношениям с А. С. Пушкиным, завязавшимся в янв. 1827 (записки Пушкина к М. в февр. этого года см.: Пушкин, XIII), не помешало рспит. несогласие во взглядах на кн. Ж. де Сталь «Десять лет изгнания» (о пребывании в России; выплпа на франц. яз. в 1821 и сразу же запрещена в России). В 1825 М. написал ст. «Отрывки г-жи Сталь о Финляндии, с замечаниями» (СО, 1825, № 10, с. 148—57; включала перевод самих отрывков; подпись: А. М-в), в к-рой возражал писательнице, высказавшей несправедливое, по его мнению, суждения о Финляндии, обличающие ее «ветреное легкомыслие, отсутствие наблюдательности и совершенное неведение местности» (с. 151); эта критика вызвала резкий ответ Пушкина («О г-же Сталь и о г. А. М-ве» — МТ, 1825, № 12), обвинившего М. в плохом переводе фрагментов и неуважении к автору, о к-ром «должно было говорить языком величия образованного человека» (с. 258). Не менее резко высказался в письме к М. от 24 авг. 1825 Путьта, назвав его статью «легкомысленной и оскорбительной» (РА, 1905, кн. 1, с. 529).

В 1825 при посредстве Петра Муханова участвует в «Моск. телеграф», к-рый публикует его пер. («Переход Наполеона через С.-Бер-

нард» — № 17; «Сумасшедшая» — № 21, приб.; авторы не указ.). В 1827 здесь же появляется его «Выдержки из писем путешественника по Южной России» (№ 15), живо написанный очерк о поездке в июне 1827 по терр. «Польской Украины», гл. обр. о посещении знаменитого сада в имении Потоцких, польско-укр. «Версаля» — Софиевки, и городка Умань. Документальность очерка усилена включением в него восп. местных жителей о страшных набегах ногайцев и запорожцев в 1760-х гг., к-рые приводят автора к заключению о благоприятности вхождения Украины в состав России.

В архиве М. сохранилось неск. рукописей ист. и критического характера, оставшихся неопубл. и б. ч. незавершенными: «План и мат-лы для составления ист. записок о России во время царствования царя Алексея Михайловича» (ГИМ, ф. 117, № 19, л. 9—13); «Замечания при чтении „Истории Государства Российского“» (л. 14—16 об.); заметка «Мои толки на толки к Ф. Булгарина» (л. 17—20 об.; ст. Булгарина — СП, 1825, 22 дек.); ответ на суждение Н. А. Полевого о характере царствования Бориса Годунова (из ст. Полевого — МТ, 1827, № 17); «Разбор книги под заглавием „Собрание разных сочинений Е. Фукса... 1827 г.“» (л. 21—25 об.). Не были также напечатаны др. переводы (ГИМ, ф. 117, № 20) и очерки М. (№ 19, л. 27—43 об.; нек-рые из них сохранились в обложке с надписью: «Для отсылки в „Телеграф“»), в т. ч. описание сельской ярмарки (без назв.), «Вечер на Переяславском озере» (датирован: «26-го июля 1824»), «Час, или Привидение» и др.

С 1820 М. вел дневник (первая из сохранившихся записей от 29 окт. — ГИМ, ф. 117, № 21, л. 1), принявший в 1825 форму писем братьям («Только прошу сохранить эти письма, — писал он 25 нояб. 1825 бр. Владимиру, — дабы они могли со временем составить, так сказать, для меня мой Дневник»; см.: «Дневники и письма А. А. Муханова» — Шукшинский сб., в. 3, М., 1904, с. 177; дневник опубл. частично, автограф см.: ГИМ, ф. 117, № 21). В дневнике и письмах М. предстает человеком самоглубленным, склонным к лаконичному выразит. портретированию своих знакомцев (напр., «свояка» Анд. Н. Муравьева: «Ему 21 год; учености, начитанности невероятной; прибавь к этому отличный см с пламенным воображением, с необычайной чувствительностью, и это все в оболочке ребяческой, или лучше сказать, женской; наружность прелестная!» — в письме к бр. Николаю от 22 авг. 1826; см.: Шукшинский сб., в. 4, М., 1905, с. 110).

Внезапно скончался незадолго до свадьбы с А. К. Шерваль (познакомились в Финляндии; в кон. 1824 — нач. 1825 в любви к ней он оказался счастливым соперником Баратынского, что окрасило нек-рой язвительностью стих. поэта «Запрос Муханову», 1825).

Муханов Владимир Алексеевич (1805—1876), автор дневника. С 1826 камер-юнкер, переводчик при Моск. архиеп. Мин-ва иностр. дел; а отличие от Николая, не достиг высших чинов: как человек болезненный рано оставил службу. Назеленный вкусом, живо интересовался лит-рой, чему способствовало и то, что среди его знакомых было немало писателей: А. С. Хомяков, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь и др. В 1820-е гг. вел интенсивную переписку с Анд. Н. Муравьевым, в т. ч. на лит. темы (письма Муравьева марта—мая 1827 см.: Шукшинский сб., в. 5, М., 1906, с. 249—57). Овладя в письме к брату Ал-дру от 10 ноября 1827 принаст. Муравьева весьма поспешным тоном: «Жаль этого человека — стихи его поубуд, а он мог бы под стать свою прислать местечко и быть по силам полезным» (там же, с. 294). М. постоянно вел дневник (опубл. частично: [Из дневника В. Муханова] — РА, 1896, кн. 3; 1897, кн. 1—2; 1900, кн. 1), в к-ром фиксировал полит. и придворные новости, суждения о современниках (напр., о В. А. Жуковском, Я. Н. Толстом, П. А. Вяземском, Ю. Ф. Самарине, Ф. И. Тютчеве, А. О. Смирновой-Россет, О. де Бальзаке), анекдоты из рус. истории, путевые наблюдения, нравственно-христ. максимы. В дневнике февр.—марта 1837 ряд записей пось. коичине Пушкина (опубл. В. Ф. Садовником под названием «Моск. отголоски дули и смерти Пушкина» — в кн.: Моск. пушкинст., в. 1, М., 1927).

Лит.: [Письмо Хомякова к М.]. — Хомяков, VIII, 1904, с. 19—20; Пушкин. Иссл., IX, 19—20; Пушкин. Письма, I, 315—16; Два письма Е. А. Баратынского к М. — РА, 1895, кн. 3, с. 125; [Письмо Баратынского к М.]. — В кн.: Баратынский Е. А., Стих. Письма. Восп. современников, М., 1897, с. 168—69; Баратынский Е. А., Стих. Поэмы, М., 1982, с. 329, 660; Хетегов Г. Е. Баратынский, Осло — [в др.], 1973 (ук.); Песков А. М., Баратынский, М., 1990 (ук., в т. ч. об А. Шерваль); Ginsburg M., From a family archive 1824—1834. A. Mukanov's tour of duty in Finland. — «Scando-Slavica», т. 7, 1961, p. 5—19. + Баратынский П., Некролог (Владимиру). — МВед. 1876, 1 дек.; Свиере А. А., Мат-лы к родословию Мухановых, СПб., [1909] (ук.); ИДРД (оба брата); Черейский. См. также Лит. при ст. Муханов Н. А.

Архивы: ГИМ, ф. 117; РГБ, ф. 178 и 417. Е. Е. Пастернак

МУХАНОВ Николай Алексеевич [23.6(5.7).1802, Москва — 20.4(2.5).1871, Петербург; похоронен в с. Успенском (Муханове) Александров. у. Владимир. губ.], мемуарист. Брат А. А. Муханова. Из дворян Рязан. губ. Отец, Ал. Ильич (ум. 1832), — человек «прозорливого ума и непоколебимой твердости» (РА, 1878, кн. 1, с. 210), поч. опекун при Моск. Воспитат. доме, управлявший Марининской больницей, с 1822 л. тайный сов., имел собственн. дом на Остоженке, во 2-м Ильинском переулке (№ 7, не сохр.). Мать — Варв. Ник. (урожд. кн. Трубецкая, 1766—1813).

Дети — бр. Ал-др. Николай. Владимир (о нем см. в ст. Ал-др Муханов) и четыре сестры (все дети жили в Москве) — воспитывались в традициях большого семейного клана и сохраняли родств. связи до кон. дней; часто возвращались в Москву к 1842 году, замкнувшись не только спешным оставлением Москвы, но и последними месяцами жизни матери (из дневника Н. и В. Мухановых: РА, 1911, кн. 3, 289; РА, 1897, кн. 1, с. 103). Братьев объединили ду-

шевная близость и тесная дружба, «напоминавшая собою примери классицизма древности» (П. И. Баратенев — МВед. 1876, 1 дек., с. 4). Они вели постоянную переписку (см.: Шукшинский сб., в. 3—5, 10). С нач. 20-х гг. стали заметными фигурами лит. жизни Москвы и Петербурга.

М. был крестником имп. Марии Федоровны. Д. Н. Свербеев запомнил его среди вольнослушателей Моск. ун-та (Свербеев Д. Н., Записки, т. 1, М., 1899, с. 109—10). Выдержав экзамен в Гл. штабе с.и.в., в сент. 1819 зачислен в л.-гв. Измайлов. полк подпрапорщиком; через год переведен в Оренбург. уланский полк корнетом. Как сообщил П. А. Вяземский в письме В. А. Жуковскому 27 авг. 1823, летом 1822 М. «был с Батюшковым [лечившимся] на Кавказ и видал его довольно часто» (сам Вяземский еще едва знаком с М.; см.: РА, 1900, кн. 1.

с. 190).

Через бр. Ал-дра и двоюродного — Петра А. Муханова — зазывавст лит. знакомства с А. С. Грибоедовым, А. С. Пушкиным, Д. В. Давыдовым, К. Ф. Рылцевым, Е. А. Баратынским, Н. В. Пютятой и др. (с двумя последними знакомится, вероятно, в янв. 1825, навешав бр. Ал-дра в Гельсингфорсе; см.: Шукшинский сб., в. 3, М., 1904, с. 176). «Всесторонне образованный», общит. и «разговорчивый», М. легко сходилась с людьми (восп. А. В. Мещерского — РА, 1900, кн. 3, с. 312; «Пушкин в письмах Карамзинных», с. 96; ср. также: Никитенко, II, 18). Производил впечатление веселого человека, хотя в дневнике и письмах к близким с юных лет жаловался на грусть: «верная спутница! повсюду и везде!» (ГИМ, ф. 117, № 87, л. 67, 1828; ср.: дневник 1835 — № 83, л. 51—52).

Вероятно, в февр. 1823 в Москве завязались его дружеские отношения с А. А. Бестужевым (М. был в отпуске — ГИМ, ф. 117, № 36, л. 19), к-рые были продолжены по возвращении в Петербург: в 1824—25 М. постоянно видится с ним и декабри-

стом Н. П. Окуловым. По словам Бестужева, они «вели жизнь довольно беспорядочную» («Памяти декабристов», с. 91). 23 июня 1824 в гостях у М. познакомились Бестужев и Грибоедов. В 1825 М. через Бестужева свел знакомство с Н. Н. Оржицким.

В том же 1824 познакомился в Петербурге с корнетом конной гвардии А. С. Хомяковым; с 1827 стали близкими друзьями, что не умерло их частых споров (ГИМ, ф. 117, № 87, л. 6). М. ценил в Хомякове «невинность точно детскую, а при том суждение трезвое и чисто глубокое» (Шульгинский сб., в. 10, М., 1912, с. 354). В нач. 1827 в их беседах участвовал Д. В. Веневитинов (бр. Хомяковы жили с ним на одной квартире). «Мы выжились ежедневно, и эта кратковременная эпоха [Веневитинов вскоре скончался на глазах у М.] никогда не выйдет из моей памяти: сколько в ней было игривости ума, пылкости и прелести!» (РА, 1887, кн. 1, с. 244); М. писал бр. Ал-дру в 1828 о своей дружбе с Хомяковым: «смерть [Веневитинова] и горесть нас сроднили» (ГИМ, ф. 117, № 87, л. 78 об.; ср.: л. 3 об.—4).

С апр. 1823 служил в Гусар. полку, но уже 12 авг. назначен адъютантом петерб. ген.-губ. П. В. Голенищев-Кутузова. В день мятежа, 14 дек. 1825, находился при Николае I, за «усердие и точность в исполнении Высочайших повелений» (Сиверс, с. 99) получил офиц. признательность; с янв. 1826 — поручик. Принимал участие в судьбе заключенных декабристов Муханова (Муханов в П., с. 206) и своего союзнника Ал-дра Н. Муравьева (ГМ, 1920—21, с. 107—08). Навещал находившегося под арестом Грибоедова и помогал ему (письма Грибоедова к М. см.: Грибоедов А. С., ПСС, т. 3, П., 1917, с. 152—53). После его освобождения писал бр. Владимиру: «Пока буду часто видеться с Грибоедовым да с Вяземским, а как они уедут, то хоть умирай с тоски!» (1826; ГИМ, ф. 117, № 88, л. 6). С Вяземским М. на мн. годы связала прочная дружба; он не раз исполнял его разл. просьбы и поручения, а в нач. 1861 занимался подготовкой к празднованию 50-летия его лит. деятельности. Вяземский посвятил бр. Ник. и Вл. Мухановым стих, «Баден-Баден» (1855?). (К услугам М., в т. ч. по издательским делам, прибегал также Д. В. Давыдов.)

Знакомство с Пушкиным состоялось в мае 1827: он привез М. из Москвы письмо от бр. Ал-дра, в к-ром тот писал: «Постарайся с ним сблизиться; нельзя довольно оценить наслаждение быть с ним часто вместе...» (РА, 1899, кн. 3, с. 295). М., как и его братья, давно любивший поэзию Пушкина, воспользовался советом. Весной 1828 писал Владимиру,

что его «никогда посещает... Пушкин и Вяземский» (ГИМ, ф. 117, № 87, л. 78 об.); М. был в гостях у Пушкина 30 апр. (одновременно с Жуковским, Вяземским, Хомяковым, А. Мишкевичем и др.); в сер. мая они вместе обедали в Екатерингофе; 25 мая ездили в Кронштадт; не раз встречались и в Английском клубе. В дневнике кон. июня — нач. июля 1832 М. записал содержание неск. разговоров с Пушкиным (опубл. под назв. «Из дневника Н. А. Муханова» — РА, 1897, кн. 1, с. 653—57; переизд. по автографу: Пушкин в восп., т. 2, с. 220—22); 29 июня — горячий спор с Вяземским (тогда благоговешным перед Францией), в к-ром Пушкин развивал мотивы стих. «Клеветникам России»; 5 июля — беседа М., Пушкина и А. П. Толстого (давнего друга М.; его письма к М. 1827—33 см.: Сб. старинных бумаг..., т. 9, М., 1901), в к-рой поэт обвинял Вяземского в ожесточении и нелюбви к России и соглашался с мнением Толстого «о несчастном унижении, с к-рым писатели наши говорят об отечестве». В авг. 1836 Пушкин показал М. только что написанное стих. «Памятник» («Пьеса прекрасна», — сказал М. А. Н. Карамзину, — «Пушкин в письмах Карамзинных», с. 96).

С кон. 1829 М. — штабс-ротмистр. В апр. 1830 по болезни уволен от воен. службы и определен к статским делам (в чине коллеж. асс.), тогда же пожалован в камереры, с мая — чиновник особых поручений в Мин-ву внутр. дел. В сент. находился в Москве, он следил по указанию А. А. Захарова в Моск. мед. конторе за исполнением его распоряжений по борьбе с холерой (донесения М. см.: Сб. старинных бумаг..., т. 6, М., 1900, с. 59—69; письма Захарова к М. — Шульгинский сб., в. 1, М., 1902, с. 373—376; в. 5, М., 1906, с. 260—70). Письма М. были для многих достоверным источником сведений об эпидемии и волнениях в Москве (у него спрашивал Вяземский, швед. эмигрант Ф. Кристиан в письме к кн. Туркестановой цитировал слова М.). В ноябре 1831 «за отличие усердной службы» он был пожалован в подполковник (Сиверс, с. 99—100). В 1832 сопровождал в заграничное путешествие «болезненного и изуродованного депривацией незумом» бр. Владимира, проявив «нежную заботливость и отеческую попечительность» (В. Муханов — РА, 1897, кн. 1, с. 75); по возвращении Владимир перешел к брату в Петербург, и они практически не расставались.

В июле 1832 М. был командирован в Астрахан. губ. Посадка отразилась в дневниковых записях «Служебная поездка в Астрахань. Из записной книжки...» (РА, 1911, кн. 3, с. 289—95), где этногр. зарисовки (напр., армянской свадьбы) сменяются описанием нравов и местных властей, подчас остро критическим. В марте 1842, будучи причислен к Мин-ву юстиции, ревизовал «судебные места» Волын. губ. В 1845 пожалован в д. стат. сов.; в том же году на него возложен обзор действий временного присутствия герольдии.

Весной 1846 с братом уехал в Париж. В авг. в Остенде (Бельгия) они познакомлись и часто виделись с И. В. Гоголем (А. О. Смирнова-Росет, добрая знакомая М., рекомендовала их Го-

году письмом от 29 июля): в на об-во входил также А. П. Толстой, заблужденно осуждая Гоголя в последние годы. Весной 1847 бр. Мухановы жили с Гоголем в Париже в одной гостиной. Летом, проведя один день у Жуковского во Франкфурте-на-Майне, выехали также с Гоголем; вместе с ним были в Остенде на морских купаниях; сюда же в авг. приехали Ф. И. Тютчев и Хомяков. В письмах братья жаловались, что им «путешествие довольно постыло» (РГБ, ф. 178, к. 9504, № 2, л. 4), в чем в первую очередь сказывалась ностальгия, характерная для русского за границей (ср. письмо М. из Рима к А. Я. Булгакову 1834: «Все 6 месяцев, что я путешествовал, я постоянно думаю о России и о счастье увидеть снова свой очаг, ибо, что касается мнения путешественников вообще, а считаю, тогда не лучше, чем у нас» — РГБ, ф. 41, к. 131, № 2, л. 1). Искренность этой неприязни к загранице в нач. 50-х гг. подтверждает сочинение Хомяков: «Кто такой враг чужим посидим землям, как Ник. Алексеевич? А уж куда нетерпелив он возвратом на хваленую родину!» (из письма к М. С. Мухановой, дворовой сестре М., — Хомяков, VIII, 400).

После перерыва в службе (с 1848) в янв. 1854 получил назначение в Моск. опекунский совет почетным опекуном (позднее был членом мн. опекунских советов, в т. ч. моск. Елизаветин. уч-ща, петерб. Патриотич. ин-та). С 1856 тайный сов., обер-форшнейдер двора с.и.в. (при Александре II — чин 2-го кл.), чл. комиссии по построению храма Христа Спасителя. Пользуясь высоким покровительством, всегда, по словам брата, «находит случай оказать добрым словом пользу ближнему» (РА, 1897, кн. 1, с. 84).

В 1858—61 товарищ мин. нар. просвещения, сенатор. Входил (совм. с А. В. Адлербергом и А. Е. Тиманевым) в Комитет по делам книгопечатания (1859), призванный неспасно возбудиться на печать и лит-ру, сообразуясь с «видами правительства». Введенный вскоре в к-т А. В. Никитенко, верный своим «либерально-консервативным» принципам (Никитенко к П., 79), стремился превратить его в примиряющий писателей и власть, а не запретительный орган. Никитенко оценивал М. в «надзирательской» роли по-разному; не ум, а «призрак ума»; вел себя «осторожно» или «умно и удачно»; «странный человек... Он вертится... по дуновению в данную минуту действующих на него мнений» (П., 99); но во время обсуждения «ретроградных» (П., 192) ценз. идей (1861) в Гл. управлении цензуры, членом к-рого М. назначили в нач. 1860, он, по слову Никитенко, «председательствовал и вел себя очень хорошо» (там же).

А. И. Герцен неоднократно высказался над должностными действиями М., называя его «нарочитым лич» в лит-ре (облизываясь перевод придворного званья обер-форшнейдера: «человек, к-рый разрезает мясо и винит за царский стол»); особенно язвительны его ком. к опубликованному в «Колокол» «серьезному письму М. к през. Моск. ценз. к-ты, к-рое отчасти послужило отставке сенатора А. Н. Дружесова, мужа Е. А. Дружесовой (см. об этом: Никитенко к П., 577—78). В 1861—66 М. был товарищем мин. иностр. дел. Герцен осмел и назначение М., и подпольничество ему самого мин. — А. И. Горчакова в ст. «Человек, рожденный быть товарищем» (1861). В 1866 М. проиграл в 3 тайные сов., назначив членом Гус. Совета.

М. оставил значительное рукоп. наследие (дневники, записные книжки, обширную переписку с писателями — см. раздел Архивы), достойное изучения биографами и историками лит.-ры. Свидетельство тому помимо приведенных дневниковых отрывков о Пушкине — «Воспоминание об А. С. Хомякове» (РА, 1887, кн. 1).

Подробно воспроизведя ранний, наиб. интересный период их общения (от знакомства до отъезда Хомякова в действующую армию в нач. русско-турецкой войны августа 1828), мемуары в осн. части посвящены впечатлениям и размышл. М. (более «поэтиче времени» — с. 243) о неярком особенностях психик, нравств. и умственного склада личности Хомякова: с молодых лет жизнь вел «строгую, держал все посты», «одрен силными характером», «образованен и добросердечен», «особенной живостью ума и глубокомыслием»; но странная ипновитая перемена стиля собеседования: один на один рассуждал о вопросах «высшей важности» последовательно и логично, а при полноте являлся слушателей тотчас прибегал к самым «парадоксальным толкованиям», защищая их «возвратами, неперенными несбыточеству живости и ирреальности» (с. 244). Весьма ценно свидетельство М., что «своим настоящим призываем будущий реалист, мыслитель считал «воинское поприще», несбыточность е-рого (очевидно, из-за физич. недостатка — сутулости), по мысли М., заронила в его сердце на всю жизнь чувство «скрытой горечи» (более осторожно — о «ожалении» Хомякова — вспоминала его дочь М. А. Хомякова — ГИМ, ф. 178, № 1, л. 60 об.; ср. категорично противоположное мнение: Смирнова-Россет, с. 501).

Вероятно, с нач. 1830 их отношения становились более прохладными, чему отчасти способствовал переезд Хомякова в Москву. Он лишь изредка передавал почтой бывшему другу, живущему и близкостоящему ему граде Ваваново (Хомяков, VIII, 182, 190), и поощрял над его служебными успехами. Осенью 1858 он писал Ю. Ф. Самарину: «М. был здесь и от меня прятался» (там же, прил., с. 51). К этому времени относится его стихотв. послание «Благочестивому именуемому», посвящ. М. (по упр. К. Н. А. Мухомову), написанное перед разлукой с другом в 1828, поэт романтизирует его личность (мотивировал ее невозможностью участвовать в «бурих сечаях»), то постоянно, начиная с заглавия, пропонуто иронией (хоть и незлобивой) по отношению к «мудрому другу», испившему «кубок роскоши ленивой» и поощряющему за такой крутой «наш строгий пост, наш труд бессонный» — I Песнейской веры был простой. Ирония, однако, не оспаривает благосклонного внимания месяца к деятельности кружка ставрополюсов.

Лит.: Пушкин. XIII—XIV (ук.); Восп. Бестужева, М.—Л., 1951 (ук.); Вяземский, IX (ук.); X, 188, 210, 254; [Письма П. А. Вяземского к М.]. — РА, 1905, кн. 1, с. 320—29; Декабристы в восп. современников, М., 1988 (ук.); Хомяков, VIII, 1904, с. 24—26, 400—01; Гоголь, XIII (ук.); Герцери, XIV—XV (ук.); Никитенко (ук.); Плетнев, III, 236, 471; Письма кн. П. А. Вяземского к А. Я. Булакову. — РА, 1879, кн. 2, с. 115; [Письма Ф. Кристины Туркестановой]. — РА, 1884, кн. 3, прил., с. 122, 150; Отчет Имп. публичной б-ки за 1887 г., СПб., 1890, прил., с. 46; Из зал. книжки дипломата, 1827—1859. [О выписке нетл. комитете]. — РА, 1895, кн. 1, с. 118; Шенрок В. И., Мат-лы для биографии Гоголя, т. 4, М., 1897, с. 390 (н ук.); Письмо Н. В. (Дупляк) к М., 1825. — РА, 1899, кн. 2, с. 357; Сб. старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина, т. 6, 8—10, М., 1900—02; Щуковский сб., в. 1, 4—5, 8—10, М., 1903—12; Милославский Н., К биографии Гоголя. (О знакомстве его с бр. Мухомовыми). М., 1902; Очерк истории Мин.-настр. дел, СПб., 1902, с. 161 и прил., с. 3—4; Барсуков П., Ки. Вяземский и Пушкин. — В сб.: «Старина и новизна», кн. 8, М., 1904, с. 28, 48; Рассказы о Пушкине, записанные... П. И. Бартевским, Л., 1925, с. 42, 110; Памяти дека-

ристов, в. 1, Л., 1926, с. 58—60, 63—67, 89, 91; Моск. пушкинист, в. 2, М., 1930, с. 257; «Звенья», т. 3/4, М.—Л., 1934, с. 217—20; т. 6, 1936, с. 291, 293; т. 9, 1951, с. 273—74, 298, 310, 395, 405, 418—19; Пушкин в письмах Карамзинных, 1836—1837 гг., М.—Л., 1960 (ук.); Алексеев М. П., Стих. Пушкина «Я памятник себе воздвиг...», Л., 1967, с. 112—15; Новонайденный автограф Пушкина, М.—Л., 1968, с. 97—98; Хомяков А. С., Стих. и драмы, Л., 1969, кн. 1, с. 551, 572 (БПбс, 2-е изд.); Тютчев Ф. И., Соч., т. 2, М., 1984 (ук.); Вяземский П. А., Стих., Л., 1986, прил., с. 516 (БПбс, 3-е изд.); Смирнова-Россет (ук.); Тютчева А. Ф., При дворе двух императоров, М., 1990, с. 80; Муханов П. А., Соч., письма, Иркутск, 1991 (ук.); Долгоруков П. В., Петерб. очерки, М., 1992 (ук.); ЛН, т. 58 (ук.); т. 60, кн. 1, с. 223; Kauchishishchwilli N., Italia nella vita e nell' opera di P. A. Vjazemskij, Мил., 1964, р. 164, 310, 4; Сиваев А. А., Мат-лы к родословию Мухомовых, СПб., [1909] (ук.); ИРЛДВ: Черский.

Архив: Ежегодн. ГИМ, 1959, М., 1961, с. 136—35 (обзор фонда Мухомовых); ГИМ, ф. 117, № 36—37 (листные документы М.); № 36, л. 19—28 — фс. 1870; № 81—85 (дневники и записные книжки); № 118 (письма А. С. и С. А. Хомяковых к М.); № 262 (письма П. А. Вяземского к М.); № 264 (письма Д. В. Давыдова к М.); РГБ, ф. 178, к. 9504, № 2 (письма М. сестрам); ф. 231ЛН, к. 21, № 71 (письма М. П. Погодину); ф. 327ЛН, к. 10, № 72 (письма М. П. Щербинину); ф. 218, к. 1068, № 22; РИБ, ф. 167, № 115, ф. 608, к. 1, № 452 (аккаредный пейзаж работы М., 1852); ИРЛИ, ф. 66, № 438 (письмо Г. Г. Гагарину 1861); РГАДА, ф. 30, № 74; РГАЛИ, ф. 195, кн. 1, № 3385, № 2364 (письма П. А. Вяземскому); ф. 450, к. 1, № 15, 21 (письма С. А. Соболевскому).

Е. Е. Постерняк

МУХАНОВ Павел Александрович [6(17).1.1798*, по др. сведениям — 4(15).12.1797**, Москва (?) — 16(28).12.1871, Вюрцбург, Бавария; похоронен в Москве, на кладб. Новодевичьего мон.], историк, археограф, публицист. Брат Петра А. Муханова, двоюродный брат А. А. Муханова, Н. А. Муханова и В. А. Муханова. Учился в Моск. ун-те на одном ф-те с братом; с ним же вместе окончил Уч-ще колонновожатых прапорщиком (1816; с 1819 — поручик); прекрасно знал франц. яз., говорил по-немецки, свободно читал англ. тексты, позже как родным владел польским. С 1821 адъютант коман-

дующего 5-го лех. корпуса гр. П. А. Толстого, штабс-капитан л.-гв. Драгунского полка.

С юности оба брата увлекались историей и лит.-рой; входили в лит. кружок «Общество громкого смеха»; с кон. 10-х гг. общались с моск. и петерб. литераторами, в частности М. был «коротким приятелем» А. С. Пушкина еще «по петерб. жизни» (до мая 1820). Позже неоднократно встречался с поэтом в 1827 в Москве, а в апреле, став его секундантом в предстоящей дуэли с В. Д. Соломирским, решительно содействовал их примирению (см. его воспоминания, записанные М. И. Семевским; РВ, 1869, № 11, с. 81—85); 15 мая 1827 присутствовал вместе с П. А. Вяземским, Е. А. Баратынским, И. М. Снегиревым у М. П. Погодина на прошальном завтраке по случаю отъезда Пушкина в Петербург, 29 апр. 1830, будучи на новоселье Погодина, сделал приписку к его письму С. П. Шевыреву в Италию наряду с Пушкиным и др. гостями (С. Т. Аксаков, Н. М. Языков, А. С. Хомяков — РА, 1882, кн. 3, с. 145). Общение с поэтом происходило и в Петербурге, преим. в доме Е. А. Карамзиной, где часто бывали также В. А. Жуковский, Хомяков, А. И. Тургенев, а также в доме А. О. Смирновой-Россет. В Москве ок. 1825 приводил А. Мицкевича в дом деда будущей поэтессы Е. П. Ростопчиной. Почти полвека М. пребывал в «постоянно-близких, дружеских отношениях» с Погодиным (в 1825 участвовал в его альб. «Уrania... на 1826 г.» как публикатор дерзкого письма М. В. Ломоносова к гр. И. И. Шувалову от 19 янв. 1761).

«Судьба любимого брата [декабриста] поразила его жестоко; он часто посылал «несчастному заточеннику» книги (Погодин, с. 336—337). Но судебное признание брата «гос. преступником» отнюдь не мешало служебным успехам М. Его участие в сражении русско-тур. войны 1828—29 отмечено орденами и золотым орденом (летом 1829 не раз встречался с Хомяковым [Щуковский сб., в. 1, М., 1902, с. 392, 394], зарекомендовав себя в его глазах человеком «деятельности ... весьма ... воинственного дуга» (Хомяков, VIII, 1904, с. 22); М., в свою очередь, с сочувствием относился к творчеству Хомякова: так, в 1832 он извещал А. Муханова: «Хомяков пишет трагедию Самозванец... кажется, трагедия бужет изрядная» (Щуковский сб., в. 3, М., 1904, с. 173—74)).

За отличие в Польской кампании 1830—31 М. награжден двумя орденами, произведен (до влчтия Варшавы) в полковника с назначением состоять при главнокомандующем И. Ф. Паскевиче по особым поручениям; в 1832 возглавлял Варшав. квартирную комиссию. Женится на влоной польке. В 1834 вышел в отставку и поселился в Москве.

Финансовые затруднения, вызванные отставкой, понуждали М. более интенсивно заняться своим небольшим имением на Тамбовщине. Опыт помещика-земледельца побудил к написанию новых работ о хозяйствовании на селе (первые его статьи — о самородности славянского, в т. ч. русского, земледелия — опубл. еще в

кон. 20-х гг. в «Земледельческом ж-ле»: «Портфель для хозяев» [т. 1—3, М., 1834; 2-е, «умноженное», изд. с пояснением в назв. («или Курс сел. архитектуры»), т. 1—2, М., 1840], «Памятная книга для хозяев» (М., 1838). В 1835 избран чл. ВЭО и Моск. об-ва сельского хозяйства.

Однако в основном годы отставки посвящены ист. работам и изданиям:

«Подлинныя свидетельства о взаимных отношениях России и Польши, примо, во время самозванцев [собр. документов (писма: Сигизмунда III к московским комиссарам, Марины Мишкис и др.) и обширная ст. М. «Полок Владислава в Россию в 1617 и 1618 годах: все на рус. и польском яз. параллельно; М., 1834]. Изд. высоко оценил О. И. Сенковский: «Отличает руки ующей и искусной... Вкус, точность, разборчивость и умение» (БаЧ, 1834, т. 4, ч. 2, с. 29).

«Рукописи Жолковского...» (М., 1835; тексты на польском и рус. яз.; клязьбинск. реч. — БаЧ, 1835, т. 11; польские историки знали о ней, но медлили с публикацией) и «Рукописи Филарета, патриарха Московского и всея России» (о Смутном времени; М., 1837; за нес. чудотвор. «монаршего благословения»; назв. условно; возможно, Филарет лишь читал и сделал поправки в рукописи, написанной неск. лицами; собраны подробные сведения о самом Филарете).

Ист. драм: взаимоотношений Польши и России посвящены также документ, издания «Штурм Праги 24 окт. 1794» (М., 1835; Прага — вост. часть Варшавы) и частично «Сборник Муханова» (М., 1836), где помещено ок. 200 документов по русской истории вообще.

Все изд. снабжены комм. и предисловиями, в к-рых автор, следуя ист. документам, склоняется к двум итоговым суждениям, весьма актуальным в течение ряда веков для политики России в отношении непосредств. зап. соседей: акты из т. и Литовской истории (от 1368 и до снятия Великого княжества Литовского с Королевской Польши — см. предисл. к «Об-ва») свидетельствуют, что рус. зап. провинции (ныне — «возвращенные губ.») «были населены русскими» («почти все жители говорили на рус. яз., на нем же велась судопроизводство и дипломатия, исповедовавшиеся гречко-рус. веру; «выгоды... соединения» Польши и России были несомненны, что еще 200 лет назад постигал Жолковский (см. предисл. к «Рукописи Жолковского...»). В 1836 М. издал чл. ОИДР.

С 1842 М. вновь служит в Польше. Будучи «солидной ученой силой» и человеком с «определенными взглядами и сильным характером» (Сидоров, с. 103, 124), успешно делает карьеру: с 1850 (1851?) полечитель Варшавского учебного округа, к 1856 — Гл. дир. Комиссии внутр. и духовных дел Царства Польского. Женится вторым браком на полячке (у них родится дочь и сын, умерший в 9 лет). В 1861 под давлением польских радикальных националистов отозван в Россию и по высочайшему повелению назначен чл. Гос. Совета (с 1867 д. тайный сов.); в 1871 награжден орд. св. Александра Невского.

В 60-е гг. ист. занятия вновь становятся для М. основными. Он выпускает второе, фундамент, издание «Сб. Муханова» (фундамент, издание «Сб. Муханова», новые арх. документы и значительно расширив комм.; СПб., 1866; реч.: ВЕ, 1866, № 4), сохранившего значение первоисточника и в 20 в. В 1871, за неск. мес. до смерти М., в Петербурге выходит 2-е изд.

«Рукописи Жолковского...» (под назв. — «Записки гетмана Жолковского о Моск. войне»), с 37 новыми документами в приложении (всего — 44) и сжатым биогр. очерком о самом С. Жолковском — «достойном гос. деятеле», «благородном и честном человеке и гражданине», «русском по происхождению» (из Червоной Руси, или Галиции). Издает отд. книгой научно-методич. работу для молодых историков «Что желательно для рус. истории» (СПб., 1870; ее первонач., более краткий вариант помещен в «Сб. Муханова» 1866 под авторским назв. «Desiderata»). Одновременно отдается библиофильству; сотрудничает в Археографич. комиссии (с 1869 — ее председатель); публикует в «Рус. старине» ценные мат-лы о последнем Польском восстании 1863—64. В марте 1871 избран чл. Рус. ист. об-ва. Его эпистолярное наследие (писма Погодину, Вяземскому, С. А. Соболевскому, Н. П. Барсукову и др. — см. раздел Архивы) интересно для историков, в т. ч. историков культуры.

Др. произв.: «Статистич. таблица европ. государств» (М., 1835), «Каталог ист. памятникам, собранным и изданным М.» (М., 1836), «Полный курс каллиграфии (для сел. нар. училищ)» (М., 1837), «Каталог актов XIV, XV, XVI и XVII вв., принесенных в дар Моск. публичному музею М.» (СПб., 1865), «Записка М. на „Записки“ гр. Е. Ф. Комаровского» (РА, 1892, кн. 3, с. 239).

Лит.: Жихарев (ук.); Греч (ук.); Герцен (ук.); Грот и Плестинск (ук.); Ивановский А. Д., П. А. Муханов. СПб., 1872; Погодин М. П. В память о М. — РС, 1872, № 2; Барсуков (ук.); Краткие сведения о рус. писателях, умерших в 1871 г. — РА, 1873, кн. 2; Изд. записок М. С. Мухановой (двоюродной сестры). — РА, 1878, кн. 1, с. 209—15, 209—325 (о роде Мухановых); Березин-Ширяев Я. М. Знакомство с М. — РА, 1879, кн. 1; Писма М. к А. С. Корюку (1857). — РА, 1888, кн. 1; Записка Н. Н. Муравьева-Карского. — Там же, с. 380; Валуев П. А., Дневник, т. 1—2, М., 1961 (ук.); Сидоров А. А., Русские и рус. жизнь в Варшаве (1815—1895), к. 2, Варшава, 1899, с. 103—04, 122, 124; Дневники и писма А. А. Муханова. — В кн.: Шухтинский об., в. 3, М., 1904; Пушкин. Временник, 1967—1968, 1970, с. 74—75. + Сиверс А. А., Мат-лы к родословию Мухановых. СПб., [1909?]; Брокгауз: Венгеров. Источ.* (библ.: 56 номеров); Черейский*: ИДРЛВ: Декабристы*: Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 46, оп. 1, № 589 (2 писма П. И. Бартевеву, 1869); ф. 87, оп. 1, № 64—66 (29 писем П. П. Барсукову); ф. 195, № 2365 (20 писем П. А. Вяземскому, 1813—60); ф. 373, оп. 1, № 248 (19 писем М. П. Погодину, 1865—71); ф. 450, оп. 1, № 11, 15, 21 (18 писем С. А. Соболевскому); ф. 1863, оп. 1, № 47 (ф. с. 1850, 1856, 1869 гг.); ф. 2591, оп. 1, № 447 (фото, 2-я посл. 19 а.); РНБ, ф. 664 (10 писем П. И. Савванткову, 1864—71); ГИМ, ф. 117, а. 97 (писма Н. А. Муханову, в т. ч. о судьбе брата-декабриста и о русско-тур. войне — 1826—32, в также из Варшавы — 1859—1865); РГМА, ф. 395, оп. 23, л. 297 (ф. с. 1834 г.) (схрана Н. Ю. Муравьевской).

Г. В. Чагин

МУХАНОВ Пётр Александрович [7(18).1.1799, Москва (?) — 12(24).2.1854, Иркутск; похоронен в Знаменском мон.], беллетрист, очеркист, во-

енный историк; декабрист. Брат Павла А. Муханова. Из родовитой дворян. семьи: отец, Ал-др Ильич, полк., губернатор в Казани (1799—1801), Полтаве, Рязани; мать, Нат. Ал-дровна, урожд. Саблукова, сестра ген.-лейтенанта Н. А. Саблукова, автора восп. о времени имп. Павла I (см. в кн.: Царевубийство 11 марта 1801 г. Записки участников и совр., 2-е изд., СПб., 1908). В юности «часто жил» в родовом имении Успенском (Муханове) Александров. у. Владимир. губ. Получив дом. образование, в 1813—15 вольнослушателем обучался в Моск. уни-те красноречию, истории, статистике. По окончании Уч-ща колонновожатых (1816) служил в свите по квартирмейстер. час-

ти; в марте 1819 переведен в Петербург в пионерный батальон, затем в л.-гв. Саперный; с 1821 в л.-гв. Измайлов. полку. С апр. 1823 по ноябрь 1824 адъютант ген. Н. Н. Раевского в Клеве (с янв. 1824 штабс-капитан). В 1818 вступил в предекабрист. Союз благоденствия. В 1824 принят (М. П. Бестужевым-Рюминым) в Южное об-во с поручением «узнавать о злоупотреблениях правительства... и причинах нар. негодования в губерниях» (Восстание декабристов, III, 143).

К лит. занятиям (наряду с самостоятельно продолжавшими научными) приступил еще в Москве, общаясь с другом по уч-щу А. О. Корниловым и С. Е. Рацем и посещая их лит. кружок «Об-во громкого смеха». Активизировал занятия со 2-й пол. 1821, когда задумал издавать в Петербурге ж-л «российской истории и статистич. описаний» (см.: Соч., с. 181). Такой ж-л — «Северный архив» — вышел в янв. 1822, но его издателем стал Ф. В. Булгарин, сам инициатор со временем обрел статус «одного из почтенных... корреспондентов» (СА, 1822, № 1, с. 3).

В 1-м же номере появились его первые ист. рассказы: «Подробное описание осады г. Нарвы и сражения полк. сизм. в 1700 г. (отрывок из истории Петра Великого, сочиненной

ген. Аллартом) — публикация из архивов с охотой. Примечания: в 1824 вышли статистич. сборы М. по Курской, Мендель и Тамбов. губ. с указанием лекс.-рид. (в т. ч. социально-лексикол.) причин жлоб. трудностей и неблагополучия народа.

В нач. 1822, будучи посетителем «Кружка любителей театра» и побуждаемый начинающим композитором А. А. Алябьевым, М. совместно с другом — кавалергардом П. Н. Араловым написали либретто комич. оперы «Лунная ночь, или Домовые» (поставлена в бенефис Е. С. Сандуновой — июнь 1822; рукоп. СПб ГТБ). К весне 1823 сблизился с ведущими авторами ж-ла «Сын отечества» (издатель-редактор Н. И. Греч): Ф. Н. Глинкой, П. А. Катениным, Н. А. Бестужевым и особенно — с К. Ф. Рылевым, ставшим его другом и лит. «соревнователем» (из их переписки сохранилось 4 письма М.; см.: Соч.). В «Сыне отечества» публикуются острополюмич. военно-ист. статьи М.: «Замечания на ст. „Бой под Смоленском“» и «Замечания на ответ г. К.» (1823, № 15, 18 — спор с Н. И. Кузузовым о важнейшем предбородинском эпизоде Отеч. войны), а также неск. переводных ст. на военные темы. Ход военных событий и исход сражений историк соотносит с нравств. установками народа, а доблесть армии опирает на крепость гражданских добродетелей, невозможную, однако, при господстве в гос-ве «безнравственности и безначалия» (Соч., с. 65). Увлеченность военной историей побудила М. в 1824 хлопотать (безуспешно) об изд. «Военного журнала» (см. развернутую программу ж-ла: там же, прил., с. 412—13).

В дек. 1823, сопровождая Расковского в Одессу, М. встретился там с А. С. Пушкиным; читал ему рукописи поэмы Рылеева «Войнаровский»; поэт прочитал ему 1-ю и 2-ю гл. «Евгения Онегина» и подарил рукопись начала поэмы «Братья-разбойники». Вернувшись в Киев в нач. 1824, М. распространял там альм. «Полярная звезда». В кон. 1824, пребывая в Москве, содействовал изданию «Дум» и поэмы «Войнаровский» Рылеева. Тогда же познакомился с издателями ж. «Моск. телеграф» и альманахов «Мнемозина» и «Уралия» — Н. А. Полевым, В. К. Кюхельбекером и М. П. Погодиным, подружился с редактором сатирич. прилож. к «Моск. телеграфу» и соиздателем «Мнемозины» — В. Ф. Оловским.

В «Моск. телеграфе» и «Прибавлениях» к нему произошло рождение М. как прозаика — в 1825 вышли ирвоописат. очерки и рассказы: «Сборы на бал» (приб. к № 2), «Разговор двух покойников» (№ 3; одна из любимых тем В. Одоевского), «Женские слезы» (приб. к № 3), «Невесты» (приб. к № 4), «Первый

выезд на бал» (приб. к № 6); позже их продолжили «Светлая неделя» (альм. «Уралия», М., 1826), «Дядюшка, или В наше время все было лучше» (МТ, 1827, № 9), «Визитные билеты» (альм. «Радуга», М., 1830) («Дядюшка» — б. п., остальные — под псевд.).

Нравы моск. чиновного дворянства (средней руки и части аристократического) осмеяны рассказником-моралистом с явным интересом к сословной характерности и психол. мотивации действующих лиц (ср. прямое обращение М. к традиции классич. франц. сатирико-моралистич. прозы в жанре миниатюр «Мысли и замечания в духе Лабрюйера» — МТ, 1825, № 6, март). Осмеивая мн. образы и «почитания» фамусовской Москвы (почти одновременно создаваемой А. С. Грибоедовым в «Горе от ума»), рассказчик находит в несословном лице, в «простом гражданине» «прекрасные порывы души, смесненные в образованных людях самолюбием, гордостью и всеми светскими чувствами» (см., напр., очерк «Светлая неделя»). Среди неоконч. произведений и набросков той поры примечательны гротесково-реалистич. начало рассказа «Три генеральши» (о знатной барыне, прикрывавшей «позорящие причуды» «личной благотворительности», — Соч., с. 129) и зачин «натурального» очерка о представителях гор. низов «Ходок по делам» (Соч.), предварявшего «физиологию» натуральной школы.

Пребывание на Кавказе летом 1825 (по делам службы) М. запечатлел в путевых записках — «Поездка в Грузию и Карабах» (очевидно, не окончена); в опubl. из нее под видом «писем из Грузии» отрывки — «Взятие Ганжи», «Красный мост». — Воспоминание о Гильденштедте» и «Елисаветпольская долина» (МТ, 1825, № 19, 21; 1826, № 5) — наиб. знаменательны военно-ист. сведения и размышления о недавнем прошлом и современности края (гл. обр. об успешной деятельности рос. ген. П. Д. Цицианова и А. П. Ермолова), увиденного глазами рус. патриота-гуманиста, а также подробности о подвижнической помощи горцам рос. проф., путешественника и врача И. А. Гильденштедта (1745—81).

Дни декабр. восстания, разгрома и арестов встретил в Москве; в частном разговоре выказал порыв к освобождению арестованных, не останавливаясь перед возможностью царевубийства. Арестован 9 янв. 1826; окончательно приговорен к 8 годам каторги (отбыл 6 лет). Места заключения: Петропавлов. крепость, Выборг, Шлиссельбург; затем каторжные работы в Читинском остроге и на Петровском Заводе. На каторге

вернулся к лит. занятиям, стал предлит. обществу «каторжной академии» декабристов; в нач. 1829 задумал выпустить альм. «Зарница», но удалось лишь переслать в Россию П. А. Вяземскому «тетрадочку» стихов А. И. Одоевского. О прозе тех лет самого М. вспоминал декабрист А. Ф. Фролов: «Повести его, с описанием рус. быта и нравов наших, представляли увлекательный рассказ ... Не знаю, в чьих руках остались произв. его легкого и даровитого пера, но они были бы ценной находкой для любого журнала» (РС, 1882, № 6, с. 713).

В янв. 1833 выдворен на поселение в Братский острог, где жил одиноко, в окружении дикой природы, а в 1841 — в с. Усть-Куду, где постоянно общался с бр. А. А. и И. А. Пажено, а также с проживавшими невдалеке супругами С. Г. и М. Н. Волконскими и Н. М. Муравьевым. В Братске продолжал переписку с опекавшим его долгие годы В. М. Шаховским, мужем сестры Елизаветы, самой Елизаветой и др. (Ранее переписывался с невестой, Варварой Шаховской — сестрой зятя; она приехала в Сибирь, в авг. 1833 М. просил разрешение на брак, но власти отказали по причине родства жениха и невесты.) В письме Шаховскому из Братска от 28 марта 1838 горько сетовал на свое положение гос. преступника: «Я бы подлюбил и Камчатку, если бы все прошлое смыть» (как это удалось его свояку и другу Ал-дру Н. Муравьеву).

На поселении М. удачно занимался огородничеством, а в конце 30-х гг. изъявил желание «возвести себя в чин крестьянина», что «дало бы возможность освободиться от ... вспомогательной домашних». Однако тогда было немало административных препон, о чем М. размышлял в ст. «Положение полит. сословных в Иркутской губернии» (ок. 1845—46; опubl., 1991).

С кон. 30-х гг. пишет публицизметки, продиктованные интересами и трудностями его практич. занятий: неспасных (участие в золотом прииске сестры матери — С. А. Малатовой) и гласных — земледельц. обучение детей крестьян и купцов (по словам М., «комерческое сословие, м.б., самое образованное и нравственное в России» — Соч., с. 168). Сохранились черновики ряда статей, из к-рых самая обстоятельная — «Провещение и образование» (о постановке народного образования в Восточной Сибири) (написана на рубеже 40—50-х гг.; опubl., 1991). Она выявляет низкий уровень образования всех сословий и предлагает ряд серьезных мер для его повышения, без чего, по убеждению М., невозможно совершенствование как хозяйств. дел сибиряков, так и их

нравств. и гражданского сознания. В подготовке статьи принимала участие начальница Иркутского женского ин-та М. А. Дорохова (вдова Р. И. Дорохова), ставшая верным другом М.; они решили пожениться, но после получения разрешения вернуться в имение матери М. Однако Николай I оттягивал разрешение, ибо сохранил прежнее мнение о декабристе: «скрытый характер, не заслуживающий никакого доверия» (Соч., с. 49). В состоянии длительного ожидания здоровье М. ухудшалось, и все же смерть его оказалась для близких друзей внезапной.

Изд.: Соч. Письма. Иркутск, 1991 (изд. подготовлено Г. В. Чапиным).

Биогр. мат-лы: Пушкин (ук.); Пушкин. Переписка (ук.); Кюхельбекер (ук.); Восстание декабристов. III; Из записок М. С. Мухомовой. — РА. 1878. кн. 1; Глиноцкий Н. П. История рус. Ген. штаба. т. 1. 1698—1825 г. СПб., 1883. с. 412; Головачев П. М. П. А. Мухомов. — В его кн.: Декабристы. 86 портретов... М., 1906; Сиверс А. А., Матлы к родословию Мухомовых. СПб., [1909]; Шавловский М. А., Дневник кн. Е. А. Шаховской. 1826—1827 гг. — ГМ. 1920—21 (отрывок 18 февр. — 25 ноября 1826) — НН. 1989. № 2; Попов П. (Н.), М. в Сибири. — В кн.: Декабристы на каторге и в ссылке. М., 1925; Чернов С. Н. Сладостное о моск. событиях в дек. 1825 г. — В кн.: Стард Москва. сб. 1. [М., 1929]; Герасимов В., Декабрист М. в Братском остроге. — «Сибирь». 1975. № 6; Мельсакова Т. Ф., Муравьев В. Б., Повесть о декабристе Петре Мухомове. 2-е изд., М., 1975; 3-е изд., Новосибир., 1981.

Лит.: Греч (ук.); Бессонов П. К. Ф. Калашников. [в.] 2. М., 1862. с. 180—81; Штейнпресс Б. С., Страницы из жизни А. А. Альбинова. М., 1936; Гирченко И. В., Неудавшаяся попытка издания «Военного журнала». — В кн.: Декабристы в Москве. М., 1963; Салинск В. А., К вопросу о лет. наследстве декабриста М. — РЛ. 1969. № 1; Павлюченко Э. А., Из истории лит. движения 1820-х гг. — РЛ. 1971. № 2 (письмо Ф. В. Булгарина к М.); Ковалова А. Н., М. А. Дорохова. — В кн.: Зап. красавцов. [в.] 2]. Г., 1975; Из эпистолярного наследия декабристов. Письма к Н. Н. Муравьеву-Карскому. т. 1. М., 1975 (ук.); Górnolicki L., Mickiewicz wśród powstań, Warsz., 1950; Gerber R., Rewolucyjny świat muzyki i walka wyzwoleńcza narodu polskiego. Warsz., 1955. к. 1, 2, 4, 8; ЛН. т. 16/18, с. 422, 696, 699, 745, 834, 885, 906; т. 59, 60, кн. 1—2 (всё — ук.); Чезлов; Эйхенгольц (1, 2); Декабристы: БСЭ, ИРЛТ; Чернышев; ИЛРД; Мизиков (не указ. ЗЗ, ЗЗУ, и З).

Архивы: РГБ, ф. 231/1 (3 записки М. П. Погодина); 243, 291, 336/П, 588; ГА Иркутской обл., ф. 24; ИРЛИ. № 26182—184; ф. 527 [А. И. Михайловского-Данилевского (письма М.)]; ГИМ, ф. 117; 254 (письма Н. Н. Муравьеву-Карскому); РГАЛИ, ф. 193; ГАРФ, ф. 1707 (лит. черновики М.); 109; 48; 1738 (письма В. М. Шавловскому); РВИА, ф. 911.

Г. В. Чапик

МУХИН Александр Ефремович (17(29).*10.1805***, Москва — 26.10 (7.11).1861, там же, похоронен на Ваганьков. кладб.), беллетрист. Из дворян; сын известного врача, проф. Моск. ун-та, автора многочисл. мел. книг, действит. стат. советника Ефрема Осиповича Мухина (1766—1850; о нем см.: Ст. профессоров Моск. ун-та; Венгеров. Источ.: Зме-ев) и Над. Осиповны Москвиной (см. в ст. М. О. Москвина). Учился в Моск. ун-тском благородном пансионе, в 13 лет подал прошение о за-

числении на словесное отд. Моск. ун-та, к-рое окончил в 1821 действит. студентом, с «весьма хорошими успехами»; слушал также лекции на нравств.-политич. и физ.-математич. отделениях (ЦИАМ, ф. 418). В янв. 1822 вступил в воен. службу: юнкер 26-го Егер. полка (с 1826 — поручик), с 1827 — альянтант начальника сводной дивизии 5-го пех. корпуса; участник рус.-тур. войны 1828—29, при осаде крепости Бранлов (1828) был контужен, награжден орденом св. Анны 3-й степени с бантом; в марте 1829 вышел в отставку штабс-капитаном «за раную». Женился на Ал-дре Ив., дочери героя Отеч. войны 1812 ген.-лейтенанта И. С. Дорохова, сестре Р. И. Дорохова, в браке имел 6 детей (3 сына и 3 дочери). В 1836 выпустил сб. повестей, объединивший три произв. — «Молитвенник», «Графиня Зиновия» (из светской жизни), «Танцовщица» («Повести. Молитвенник...», М.), расцененный рецензентом «Б-ки для чтения» как «что-то вроде полупереводов, полуперделок с французского»; критик упрекал также автора — без достаточных, впрочем, оснований — в «прибавке... сладострастных картин из Бальзака и ужасов из Мюссе, Суллие... и собратий» (1837. т. 20, с. 43). Мелодраматич. сюжеты (дуэльная история, несчастная любовь), развернутые в многословные, неслабо сменяющие друг друга сцены, «обрамлены» тривиальными романтизированными сентенциями: о загадочной жизни сердца, рыцарской жизни, жертвенности в любви. Взгляд автора порой не лишен наблюдательности — в эпизодах из жизни светского общества с его тщеславием, рассчитанностью поведения, гипертрофиров. самолюбием и боязью открытого чувства; в пов. «Графиня Зиновия» критика света затрагивает роль в нем «ученой женщины», претендующей на звание «здесьней Коринны» (с. 98, 106) (пережив глубокое любовное потрясение, она уходит в монастырь).

В. Г. Белинский намеревался посвящать книге М. рецензию, по-видимому, негатиивую, полемически сопоставлявшую повесть М. и П. Ф. Павлова (ЛН, т. 56, с. 225, 248); превельчиченно доброжелательно отзывался о ней П. В. Нащокин (знавший М. и, вероятно, общавшийся с ним семейно), препроводя книгу А. С. Пушкину с дарств. надписью М. (Пушкин и, XVI, 212). Пов. «Молитвенник» содержит автобиогр. мотивы: ее герой, молодой офицер, альянтант, как и М., отправляется на рус.-тур. войну; из эпизодов воен. быта выделяется сцена прошения с полком командира (с. 64—65).

[Не исключено, что М. принадлежит брошюра «Мысли о причинах упадка кредита в дворянском состо-

вини и о средствах к восстановлению оного», М., 1831; подписан Ал-др Мухин.]

С 1842 М. определяется в Моск. дирекцию имп. театров (чиновник особых поручений, с 1843 — секр. директора и пом. инспектора репертуарной части). Описывая успех пьесы Н. А. Полевого «Ломоносов», «взволновавшей весь Петербург», М. отмечал: «до этой пьесы я был о Полевым невысокого мнения и поехал предубежденный, но вышел в восторге» (письмо А. Н. Верстовскому 1843 г. — ЦГТМ). За «особенные труды» при перестройке Моск. Большого театра произведен в тит. сов. (1843); с 1848 исполнял дела инспектора (колеж. ас.), в янв. 1850 М. вышел в отставку «по домашним обстоятельствам» (РГИА). Дальнейшая его судьба неизв. (в 1875 калуж. имение М. было продано с аукциона).

Лит.: Белинский (ук.). — Чернышевский.

Архивы: РГИА, ф. 497, оп. 2, л. 12999** (ф. с. 1849 г.); (справка В. В. Берсенев); ЦИАМ, ф. 4, оп. 14, л. 1279* (дело о зловеществе); ф. 418, оп. 115, л. 298, оп. 118, л. 438 (статья); дела М. 1818 и 1821 гг.) (справка В. В. Александровой); ЦГТМ, ф. 53, № 254—255 (два письма А. Н. Верстовскому. 1840, 1843 гг.); ф. 291, № 224—225 (письма А. М. Гедонию, дек. 1848 г. — с изложением театр. новостей) (справка И. П. Гамулы). М. К. Есеева

МЫЗНИКОВ Василий Яковлевич (ок. 1804*, по др. сведениям, 1799 — не ранее 1861), литератор-дилетант. Из дворян. В бытность свою воспитанником 1-го кадет. корпуса начал сочинять стихи (не сохранились) и был удостоен, по собств. позднему признанию, «особенным вниманием» Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева. По окончании корпуса (1823) выпущен прапорщиком в 4-й Морской полк. Служил при штабе 1-го Пехотного корпуса, преподавал историю и рус. словесность в младших классах Юнкерской школы в Митаве. Изучил немецкий яз. Женился на дочери нем. бюргера. К 1827 относится самое раннее дошедшее до нас произв. М. — стихотв. послание «К Николаю Михайловичу Языкову» (ИРЛИ, № 1486; отрывок опубли.: «Языковский архив», я. 1, СПб., 1913, с. 484). Адресат называл его «гайматейей» человека, «не богатого дарами природы, отличающимся людей от скотов» (там же, с. 304). В 1828 получил назначение в Витебск альянтантом к ген.-губернатору кн. Н. Н. Хованскому; недолгое время состоял альянтантом при вел. кн. Константине Павловиче (1831). Печатался в «Сине отечества и Сев. архиве»: стих. «Глаголы неба» (1832. № 29; с пометой «Витебск»).

Видимо, желание приобрести имя в литературе М. искать знакомости с писателями. Он обращается с письмом к Ф. В. Булгарину (1831; опубли.: СП. 1831, 10 окт.), в к-ром просит хвалу его творчеству, а также сообщает о факте чтения вел. кн. Константином Павловичем во время его пребывания в Витебске ром. Булгарина «Петр Иванович Вылитин», М. пишет и А. С. Пушкину (1833; опубли.: Пушкин и, XV, 82), испроши-

МЫЛЬНИКОВ

вая разрешенная «украсить» его именем одно из своих стих. Однако попытка войти в лит. кружк не увенчалась успехом.

В 1833 М. перевел в л.-гв. Гренадерский полк. Семейная жизнь его сложилась трагично: скончалась горячо любимая жена (1834), а следом за ней двое младенцев-сымодей. В стихах М. этого времени (ЛПРИ, 1836) — отчаяние, горечь перенесенной утраты («К М. П. Вр(ончен)ке. В Турцию» (22 июля), «Чувство осиротелого сердца» (8 авг.), «Смягченные искренним религиозным чувством, смиренным перед волей Господней» («Волхв» (24 июня), «К ветхому дениму» (26 авг.), «Бесстрашие» (28 нояб.). Тяготевший к фил.-религ. проблемам, М. перевел трактат нем. философа 18 в. М. Мендельсона «Федон, или О бессмертии души» (СПб., 1837; 2-е изд. — Тифлис, 1854). Критика (ЛПРИ, 1837, 4 сент.; Н. Г. Чернышевский — ОЗ, 1854, № 5; Я. Григорьев — «Кавказ», 1854, 13 нояб.) приветствовала выход книги, отмечая, что перевод М. «очень добросовестен», «язык прост и ясен» (Чернышевский, II, 344).

В 1838 прикомандирован к Дворян. полку, назначен пом. инспектора классов гл. начальника воен.-уч. заведений. Переведенный из гвардии в Образцовый пехотный полк (1839), М. жил в Царском Селе, где на его долю выпали новые несчастья: во время пожара сгорели дом и все его имущество. С 1843 служил в чине майора в Тифлис. егер. полку, принимал участие в воен. действиях против горцев.

Религиозные М. принимала подчас неслепые формы — он «прославился» тем, что отдал по батальону приказ: во время згана вместо слова «зр», восходящего, по его мнению, к татар. «твр» («неверный»), а потому оскорбительного для христианина, кричать «Нисус!» (РС, 1886, № 5, с. 381—82).

В 1847 уволен с чином подполковника для определения к статским делам. С 1850 М. — старший комнатный надзиратель Благородного пансиона при Тифлис. г.-зии. В 1853 выходит в отставку и всецело предается занятиям лит.-рой. Позднее творчество М. свидетельствует более о его начтатности («знал и любил лит.-ру» — Фидипсон Г. И., Восп., М., 1885, с. 33), нежели о лит. даровании и вкусе. Во время Крымской войны он пишет патриотич. стих., исполненные религ. пафоса: «Молитва во время боя. Подражание Кёрнеру» («Кавказ», 1854, 11 авг.), «Эллада. Подражание Делавиню» («Кавказ», 1855, 2 марта). Можно предположить определенный успех религ. лирики М. у публики: в альбоме А. Небольсина (РГАЛИ, ф. 346, оп. 1, д. 10) в ряду стих. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, В. А. Жуковского, Е. А. Баратынского, Н. А. Некрасова помещено одно из лучших стих.

М. — «Молитва» (ЛПРИ, 1837, 2 окт.).

Перу М. принадлежат также драмы, написанные выспренным, архаич. слогом, ориентированные на классицист. образцы кон. 18 в. «Драм. картина в стихах» «Палермский узник» (Тифлис, 1855; негатив. отзывы: ОЗ, 1856, № 1; «Кавказ», 1855, 21 дек.), посв. событиям кон. 12 в. (убийство герм. королем Генрихом VI законного наследника неаполитан. престола Вильгельма), пронизана тираноборческими мотивами. В предисл. автор намекает на наличие в пьесе аллюзий: «Я писал Гиппократа [образ, рисуемый в монологе геронии. — *Ред.*] с натуры: перед очами души моей был великодушный друг страдальцев Николай Иванович Пирогов». В «патриотич. драме» «Последние дни осады Севастополя» (Тифлис, 1857), причудливо сочетающейся совр. тему с библейской символической и персонажами из древнерус. истории (гл. герои: Евпатий Коловрат, князь Серебряный, в их диалогах упоминаются подлинные севастьяпольские герои — адмирал П. С. Нахимов, вице-адмирал В. А. Корнилов), М. нарушает «каноны» офиц. патриотизма и выступает против войны, насилия, славит страдальца-солдата.

Сохраняя приверженность лит. тенденция и вкусам времени своей юности, М. в 1837 поинтересовался на борьбу с «призраками» классицизма. Посылая рукопись др. стих., также посв. осаде Севастополя (не сохранилась), П. А. Вяземскому и Ф. Н. Глинке, комментирует в письме допущенную в пьесе «ошибку»: «умирающий классицизм затрепетал бы от негодования, если бы воззрился в драму в шесть действий, а угодил ему и не хотел бы обкорнать колоссальную севастьяпольскую катастрофу по эпиграмме, ветхой его рамке в пять действий» (РГАЛИ, ф. 141, оп. 1, д. 334; см. также ф. 195, оп. 1, д. 2367).

В 1855 в газ. «Кавказ» (27 апр.) были напечатаны автобиогр. записки М. «Рассказ Закавказского ветерана», в к-рых он патетически излагает историю своей жизни, в пансгирич. тонах вспоминает покойного Николая I, явившегося для мемуариста «посредником небесного милосердия», — император дважды назначал М. денежное вспомоществование. В последние годы жизни М. обратился к истории. В газ. «Кавказ» (1859, 2 июля) опублик. его ст. «О некоторых событиях в Грузии и Армении, предшествовавших заложению Тифлиса...», свидетельствующая об основательном изучении М. источников.

Лит.: Белинский (ук.); «Кавказский календарь» на 1847, 1849—53 гг. + Венгеров. Источ.: Черейский; Муратов (1).

Архив: РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 8061 (ф. с. 1851 г.) [справка С. И. Вареховой]; ЦГА Грузии, ф. 4, оп. 3, д. 453.

Р. С. Азарович

МЫЛЬНИКОВ Александр Сергеевич* (сер. 1830-х гг. — не ранее 1885**), поэт-самоучка. Сын купца из г. Ржева, Биографич. данных о нем практически не сохранилось.

Происходил из семьи старообрядцев: по свидетельству Г. П. Данилевского, знакомившегося с М. в Ржеве в 1859, он «тем замечателен, что вышел из секты раскольников», за что «они его... предают анафеме» (письмо Данилевского к В. Я. Стоюнину от 18 дек. 1859 — РГБ, Дост.ЛН, оп. 3, № 8). Интересуясь пер. историей, М. собирал книги «первоначальных древних типографий», рукописи 15—16 вв., монеты древних удельных князей (письмо М. к М. П. Погодину — РГБ). В 1868 состоял членом ржевского уездного училищного совета. Лит. дебют относится к 1853: «Во широкой степи...», «Ах, не сон клонит/ Буйну голову...», «Ты прости, прощай/ Моя молодость...» («Ярослав. губ. вед.», 1853, № 43, 44, 46).

По поводу двух первых стих. в «Сев. пчеле» (1853, 18 аск.) получила замечта Н. С. Сославина, указывающего на то, что М. напечатал под своим именем купленные им у воронеж. помещицы Д. Яремолы стих. А. В. Кольцова: обывание «Сев. пчелы» Данилевский назвал «лучшей похвалой скромному Мыльникову», полагая, что последний «всегда даровитый купчик... не хуже Никитина» (укл. письмо Данилевского Стоюнину). М. ответил стихотворением «Никогда стихи Кольцова Я не думал покупать...» («Ярослав. губ. вед.», 1854, № 8).

В 1859 М. издал стихотв. сб. «Русские песни» (СПб.), появление к-рого вызвало едкую рецензию Н. А. Добролюбова, уличавшего М. во «внешнем» подражании песням Кольцова («Совр.», 1859, № 10; то же — Добролюбов, V, 418). Авт. установка на подражание Кольцову, вплоть до текстуальных и сюжетных заимствований, особенно очевидна в таких (помимо уже назв.) стихах, как «Други юных лет, спешите...», «Где то времячко...», «Для того ли, моя матушка...» и др. Осн. темы «русских песен» М., имитирующих строй нар. песни («Уж как пала грусть/ В сердце молодца...»; «Не губи ж меня ты, девица/ Полюби меня, красавица!»,) ес. образности, ритмич. организацию (отсутствие рифмы, дактилич. окончания), — сожаления о безвозвратной поре любви и молодости, тоска по загубленному счастью, сетования девушки на несчастливое «жизне» с богатым, но не любимым мужем, молодца — на свою горькую «долю». В сб. включены также немногочисл. стихи в традиц.-патриотич. духе (ср. письмо М. к М. П. Погодину от 18 нояб. 1875, где он говорил о необходимости «блести веру отцов наших», «чтить царя» и «любить Родину», — РГБ).

М. познакомился в 1865 с Погодиным, к-рый пригласил его прослушать курс лекций о Н. М. Карамзине в Моск. ун-те. Знакомство с Погодиным, видимо, оказало значит. влияние на складывающееся мировоззрение М., особенный интерес вызвала идея «всеславянской взаимности», «славянского братства». В газ. «Рус-

ский» (номере, посвящ. приезду представителей слав. государств в Моск. этнографич. выставку в мае 1867) Погодин поместил и стих. М. «Русская песня на прибытие славян в Москву» (1867, № 17/18). Публикация дала М. повод послать в письмах к Погодину (с к-рым он вступил в переписку еще в 1865) свои стих.: «К братьям славянам», «Впечатления к содержащимся под стражей при заселении Ржевского тюремного замка ноября 16 1868 г.» и др. (РГБ, Пол. III; оп. 8, № 48), демонстрирующие полное неведение автора относительно правил стихосложения. Др. публикации не выявлены.

Лит.: + Памятная книжка Тверской губ. на 1868 г. Тверь, 1868.

Архивы: РГБ, Пол. III, оп. 21, № 76^а (письма М. П. Погодину 1865, 1868—69, 1871, 1875 гг.; прощ. М.); ф. 342, оп. 30, № 1 (письма М. Шибанову, 1885 г. **). О. В. Голубева.

МЫСЛОВСКИЙ Пётр Николаевич [11(22).6.1778, г. Валдай Новгород. наместничества — 6(18).3.1846, Петербург; похоронен на православном кладб. на Малой Охте], протонерей; мемуарист, проповедник. Сын валдайского протонерей. Нач. образование получил дома; в 1789—96

учился в Александро-Невской сем.; по окончании ее — диакон Венденской церкви в Валдае. В 1802 определен вторым диаконом в петерб. Казан. собор, где служил до самой смерти (с 1810 — священник, с кон. 1826 — протонерей). С 1804 также приходный священнослужитель. В 1812 назначен депутатом от сельского духовенства «по всем присутственным губ. местам»; в 1818—22 законоучителем кантонистов при Военно-типиграф. депо Гл. штаба. Известно, что в 1805 он поднес имп. Александру I оду в годовщину воцарения (очевидно, неопубл.). Вероятно, помещал мелкие анонимные заметки в периодич. печати (в т. ч. в «Сев. пчел-се»).

В 1826, в ходе следствия и суда над декабристами, был «употреблен по делам Комиссии для изыскания о злоумышленных обществах» и представлен к декабристам в качестве духовника и «увещателя». С. П. Трубецкой вспоминал: «отси Петр был, видимо, неприязненно настроен против арестованных, но когда в течение Великого поста он от большей части из них принял исповедь, расположение его совершенно изменилось, он сделался их другом» и «вел себя в отношении всех, к-рые принимали его с благорасположением, как истинный служитель алтаря, исполненный христ. милосердия» (Трубецкой С. П., Мат-лы о жизни и рев. деятельности, т. 1, Иркутск, 1983, с. 304; ср. также восп. А. М. Муравьева и И. Д. Якушкина — см. в разделе *Лит.*). Не разделяя убеждений своих подопечных, но по-человечески и христиански привязавшись к ним, М. был потрясен суровостью приговора и смертной казнью, завершившей процесс; пытался воспрепятствовать вторичному повешению троих сорвавшихся с виселицы («Несчастные мои дети... — вспоминал он о казни. — Ах! ужасна и незабвенна для меня минута сия!» — Шукшинский сб., в. 4, М., 1905, с. 39).

15 июня 1826, на другой день после казни, когда на Петров. площади происходил благодарственный молебен «на испровержение крामолы», М. отказался в нем участвовать и отслужил в Казан. соборе панихиду по казненным. Во время следствия и позднее оказывал помощь и поддержку заключенным и их семьям и как духовник, и как доверенное лицо: тайно передавал письма, переносил устные известия, предупреждал родню об очередности отправления в Сибирь, лично провожал нек-рых в ссылку (в т. ч. Якушкина, М. И. Муравьева-Апостола), хлопотал о разрешении А. В. Якушкиной последовать к мужу, состоял в переписке с рядом сырьных, их женами и др. родными.

Большинство декабристов, в т. ч. К. Ф. Рылев, Е. П. Оболенский, А. Н. Муравьев, А. Е. Рязань, Н. И. Лорер, А. О. Корнилов, испытывая к М. теплые чувства, с благодарностью упоминали о нем в восп. и переписке: лишь в нек-рых (Д. И. Западлицын, Н. В. Басаргин) он оставил несоброе чувство и подозрение в шпionстве, это, по-видимому, можно объяснить тем, что М. предпринимал попытки общения с ними в самые первые дни, когда еще был предубежден против заключенных (см.: Корелин, с. 42). Впрочем, Басаргин сговорчиво: «Слыша впоследствии очень много в его пользу от нек-рых из моих товарищей, я болел был несправедливцем и оставалю вопрос, чисто ли, право ли действовал он в отношении нас или тайно» («неизвинимым» (Басаргин, с. 89).

Следств. комиссия признала, что М. «неустойчивыми трудами своими, терпением и отличными способностями действовал с успехом на сердца преступников, многих из них склонил к раскаянию и обратил к вере», и представила его к орд. св. Анны. Позднее

он вновь привлекался к «секретным делам», в частности к «увещанию» в 1831 трех священников, подозревавшихся в составлении прокламации (Гернет, с. 331—332).

Вскоре после 1826 М. написал восп. о декабристах (местонахождение неизвестно); затем начал записки (не завершены; опубл.: «Из записной книжки протонерей П. Н. Мысловского». — Шукшинский сб., в. 4; фрагмент — РА, 1905, кн. 3; в кн.: Декабристы в восп. современников, М., 1988, с. 308—10; полный текст — «Рос. архив», в. 9, М., 1996, подготовка В. М. Бокковой). Наряду с автобиографией и внутр. хроникой Казан. собора М. предполагал поместить в них лит. портреты «со стороны нравственной и физической» всех 126 осужденных по делу 14 дек., но успел описать только П. И. Пестеля, к-рому дал образную и сочувственную характеристику: «ничто не колебало твердости его. Казалось, он один готов был на рамена своих выдержать тяжесть двух Альпийских гор» (с. 38). Среди лит. суждений, включенных в записку, интересны мнения М. о совр. критике («страсть ругаться площадным образом» претит «тихому читателю» — с. 36) и цензуре («Царь и вельможи никогда не слушают и не читают ни проповедей, ни др. духовных сочинений. Следовательно, им и остается с жадностью внимать благородным светским сочинителям, к-рые ... могут быть для них и моральными, и наставниками... Налагаемый же арест на подобные авторитеты... возбуждает в авторах жажду и нетерпение писать то, что возбуждают» — с. 37; все три цитаты из Шукшинского сб.).

В 1828 по рекомендации А. С. Шишкова избран чл. Рос. акад. В 1829 назначен старшим законоучителем в Патриотич. ин-т; ржд проповедей, произнесенных по случаю иерусалимских торжеств, был опубликован: «Речь, произнесенная Ее Имп. Величеству в церкви Патриотич. ин-та...» (СПб., 1834); «Слова... по случаю выпуска... благородных воспитаннищ...» (СПб., 1837); «Речь, сказанная в церкви Патриотич. ин-та, накануне выпуска... воспитаннищ...» (СПб., 1840); «Речь, сказанная при выпуске благородных воспитаннищ...» (СПб., 1843). «Речи» и «слова» чисто религиозны по смыслу и выдержаны в традициях рус. церк. красноречия.

Сын М., Василий Петрович (1799—1839), поэт, сотрудник ж. «Благонамеренный» (стих. «Песнь благодарности», 1821, № 2, с. 175).

Лит.: Басаргин Н. В., Восп. рассказы, ст. Иркутск, 1988 (ук.); Восп. Батурицын, М.—Л., 1991 (ук.); Жихарев (ук.); Завалинин Д. И., Зап. декабрист, 2-е изд., СПб.—М., 1906; Батурицкий В. П., К истории 14 дек. 1825 г. — ИВ, 1904, № 1, с. 80; Камская М. Ф., Восп., М., 1991, с. 116 (в ук.); Корелин П. Н., Из архива К. Ф. Рылева. — «Бы-

лос», 1925, № 5; В. Ф. Раевский, *Мат-лы о жизни...*, т. 2, Иркутск, 1983, с. 358; Лорер Н. И., *Зал декабриста*, Иркутск, 1984 (ук.); Оболонский Е. П., *Восп. о К. Ф. Рылеве*. — В кн.: *Мемуары декабристов*, Сев. об-во, М., 1981; Розен А. Е., *Зал декабриста*, Иркутск, 1984 (ук.); Фанвизин М. А., *Соч. и письма*, т. 1, Иркутск, 1979 (ук.); Лушин М. С., *Письма из Сибири*, М., 1987, с. 466, 480; Целенков Н. Р., *Восп. о Кронверкской куртине*. — В кн.: *Рус. мемуары...*, 1800—1825, М., 1989, с. 432, 576; Якушкин И. Д., *Мемуары*, ст. док-ты, Иркутск, 1993; Жордания О. К., *Декабрист А. М. Муравьев в чужих острогах*. — В кн.: *Забайкалье*, кн. 5, Чита, 1952 (публ. письма А. О. Корнилова к М.); Дивеев кн. Е. А., *Шаховской*. — ГМ, 1920—21, с. 108; *Восстание декабристов*, IX, 273—74 (письмо М. к А. И. Чернышеву); Титов А. А., М. Булатов. — РС, 1887, № 1, с. 215; *Отчеты имп. Акад. наук по ОРЯС...*, СПб., 1852, с. 157; Чистович И., *История С.-Петерб. духовной акад.*, СПб., 1859; *Историко-статистич. сведения о С.-Петерб. епархии*, в. 1, СПб., 1869, с. 152—54; *Покровский В.*, *Жизнь декабристов*, М., 1906, с. 160—62; *Судомилинов М. И.*, *История Рос. Акадмии*, в. 7, СПб., 1885 (ук.); Герст М. Н., *История царской тюрьмы*, 3-е изд., т. 2, М., 1961 (ук.); Рабзина Н., «*Зеленое слово служителя церкви*». — «*Наука и религия*», 1975, № 12; Канин П. Я., *Казанская площадь*, Л., 1988, с. 98—99; Федоров В. А., «*Своей судьбой гордиться мне*», М., 1988, с. 161—67; Бокс-ов В. М., *Отец Петр*. — «*Общая газета*», 1995, № 15; ЛН, т. 2, 2724, с. 772; т. 60, кн. 1 (ук.); + Некролог: СП, 1846, 8 марта, Омльин; Мез-жок; Геннад: Венгеров. Источ.: ИДРДВ, Черныйский.

Архивы: РГБ, ф. 319, к. 2, № 63 (письма к Н. Д. Фоминской); РГАЛИ, ф. 423, оп. 1, № 64 (письма Н. М. Рылево); ГАРФ, ф. 279, оп. 1, д. 1282 (заметка Е. И. Якушкина о М.); д. 86 (письма И. Д. Якушкину); д. 126 (письма к А. В. Якушкиной); д. 128 (письма от Н. И. Шереметевой); д. 138 (письма Н. Н. Шереметевой); д. 214 (письмо от М. И. Муравьева-Апостала); ф. 48, оп. 1, д. 288 (документ об участии в Слудтэ комиссии); ф. 109, СА, оп. 3, д. 3171 (заявка на М.), ф. 1705, оп. 1, д. 14 (письмо М. И. Пушкину, 1827), В. М. Бокс-ова.

МЫСОВСКАЯ, Мысовская Анна Дмитриевна (урожд. Краснопольская; 5(17).3.1838*, г. Коломна Моск. губ. — 26.10(8.11). 1912, Н. Новгород), поэтесса, переводчица. Отец — воен. врач, сын священника, в 1851 получил потомств. дворянство по Нижегород. губ.; мать — из семьи мелкопоместных дворян. С 1842 М. жила вместе с родителями в Н. Новгороде и в Нижегород. именных в Семёнов. и Лукоянов. у.), принадлежавших семье. Образование получила домашнее, по ее собств. признанию, «самое плохое» (анкета М. — РГАЛИ). Будучи уже взрослой, занималась самообразованием, изучала франц., итал., нем. и польский языки; интересовалась историей, этнографией. В 1862 (или 1863) уехала вместе с мужем (по второму браку), судеб. следователем П. Г. Мысовским, в Зап. край, куда он получил назначение по службе. В 1872 (видимо, после смерти мужа) вернулась в Н. Новгород.

С сер. 60-х гг. писала стихи, но публиковать их не пыталась. В 1871 лирич. миниатюры М., посланные знакомым без ее ведома Н. А. Некрасову («*Женское воспитание*», «*Сказка*», «*Бука*» и др.), были напе-

чатаны в «*Отеч. зап.*» (№ 3). В 1885 М. обратилась к А. Н. Островскому, с именем к-рого во мн. связана ее дальнейшая лит. судьба, с просьбой разрешить переделку его «*Снегурочки*» в оперное либретто для нижегород. музыканта К. Д. Ключкова. Островский одобрил присланное либретто (Островский, XVI, 168), хотя и не считал целесообразным заниматься переделкой пьесы (в это время «*Снегурочка*» с успехом шла с музыкой П. И. Чайковского и по пьесе была поставлена опера Н. А. Римского-Корсакова).

Известно 10 писем Островского к М., впервые опубли. — РМ, 1890, № 12, и 24 письма М. к Островскому — ПИТМ, частично опубли. — ЛН, т. 88, кн. 1, с. 418—25; М. послала ему свои стихи, басни, пьесы и их фрагменты. Островский отмечал легкость и изящество стиха, умение строить диалог, однако находил пьесы недостаточно спелыми и советовал обратиться к переводам и переделкам «драматург. сказок» или фэрий, он ценит этот жанр и стремился с его помощью разнообразить репертуар нип. театров (см.: Островский, XVI, 186).

По предложению Островского переделала неск. пьес, в т. ч. одноактную комедию Т. де Банвиля «*Жена Сократа*» (Малый т-р, 1886, 1887, 1896; шла также на сценах частных театров, напр. в т-ре Корша, 1902). По его плану (составленному за день до смерти — см.: Ревякин А. И., А. Н. Островский в Шелликове, М., 1978, с. 224) осуществила переделку пьесы «*Белая роза*» (англ. вариант сказки «*Аленький цветочек*»), но поставить ее на сцене не удалось, несмотря на все предпринятые М. попытки (см. ее письмо к министру Имп. двора, 1888 г. — РГИА, ф. 472, оп. 44, д. 23, № 3, 4).

С кон. 1880-х гг. в ж-ле «*Пантеон лит-ры*» публиковала переводы из А. Мюссе: «*Октябрьская ночь*» (1888, № 8), «*Декабрьская ночь*» (1888, № 12), «*Майская ночь*» (1889, № 5), вост. сказка «*Намуна*» (песнь 1, 2, 3; 1889, № 10, 11), лирич. драма «*Уста и чаша*» (1891, № 3, 4; ота. изд. — СПб., 1891) и др. произв., вошедшие позднее в сб-ки избр. соч. Мюссе (СПб., 1906, 1952, 1957). Переводила также стихотв. Г. Гейне (напр., «*Он сердце, что скорбью болело!* Так сильно, жестоко терзал...» — «*Волгарь*», 1908, 16 марта). А. Мишкевича (напр., «*Это все, чего хочу я!*» — там же, 1909, 15 нояб.) и др.

В 1890—1900-е гг. находилась в тесном контакте с В. Г. Короленко. По восп. современника, «одно время у М. была как бы штаб-квартира по собиранию материалов для изобличит. корреспонденций [Короленко] в казан. газеты» (Золотницкий В.). Из обществ. деятельности В. Г. Короленко в Нижнем. — В кн.: Нижегород. сб-к памяти В. Г. Короленко, Н. Новгород, 1923, с. 121). В стихах этих лет преобладают гражд. мотивы (не опубли.; хранятся в ГА Нижего-

род. обл.): отклики на важнейшие события обществ.-полит. жизни (Революция 1905—07, деятельность 1-й Гос. думы и т. д.); инкл. стихов, разоблачающих мошенничество нижегород. банкиров (см.: Габелев и Чернов). Передала Короленко как члену Нижегород. архивной комиссии (сама М. чл. комиссии с 1911) материалы к биографии И. П. Кулибина (опубл. с комм. Короленко в кн.: Действия нижегород. ученой архивной комиссии, Сб. статей..., т. 2, в. 15, Н. Новгород, 1895, с. 71). Короленко нередко присутствовал на устраиваемых М. в Н. Новгороде лит. вечерах (здесь же бывали М. Горький, С. Я. Елпатьевский и др.). «*Фигура была характерная...*» — вспоминал позднее Короленко о М. (Нижегород. сб-к памяти В. Г. Короленко, Н. Новгород, 1923, с. 37).

Изучение фольклора, наблюдения над нар. жизнью, обычаями легли в основу стилизов. басен, преданий, сказок в стихах М., о к-рых современники отзывались как об этнографически точных, будто списанных с натуры сценках (см.: Парийский, с. 5). Публиковались они в осн. в газ. «*Волгарь*»: «*Туда же*» (1908, 21 февр.), «*Радя экономии*» (1908, 24 февр.), «*Убогая и нарядная*» (1909, 23 апр.), «*Бог простит*» (1909, 25 марта), «*Антихрист*» (1909, 11 янв.), «*Принцпи, Семеновна, последние денчики*» (1910, 31 янв.), «*Срам*» (1910, 2 мая) и др.

Лит.: Островский, XVI (ук.); Парийский С. М., *Памяти М. И. Новгорода*, 1913; Чернов А., *Нижегород. поэтесса М. — «Найтск»*, Горький, 1934, нояб.—дек.; Смирнов Д., *Картинки нижегород. быта XIX в.*, Горький, 1948, с. 192—95; Котан Л. Р., *Летопись жизни и творчества А. Н. Островского*, М., 1953 (ук.); Габелев М. А., *Д. Мысовская*. — В кн.: *Писатели нижегородия (забытые имена)*, Горький, 1960; Ляхини В. Я., А. Н. Островский, М., 1982, с. 493, 521, 527; Ариханов Ю. А., *Хожане за равнинные реки*, Горький, 1989, с. 59—60. + Некрологи: «*Волгарь*», 1912, 27 окт., 31 окт.; Голицын; Пономарев; Брокгауз; Чешихин-Ветринский В. Е., *Люди Нижегородского Поволжья*, Краткий словарь..., Н. Новгород, 1915; Венгеров. Источ.: Муратов К. Д. (сост.). Библиография лит-ры об А. Н. Островском, М., 1974 (ук.); Малый театр, 1824—1917, т. 1, М., 1919, с. 663; ИРДТ; Масанов.

Архивы: ГА Нижегород. обл., ф. 768; Гос. музей М. Горького (Н. Новгород), 17525/52 (рукопис. мат-лы к биографии М., собранные В. Н. Золотницким); РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, № 216 (анкета М., 1909 г.); ПИТМ, ф. 200, № 1279—1303, № 2827—2829 (письма и телеграммы А. Н. Островскому, 1885 г.); РГИА, ф. 1343, оп. 29, д. 8518* (заяв. о дворянстве) (справка О. И. Морозов); ф. 571, оп. 21, д. 1066, 1577; ф. 497, оп. 10, д. 387, л. 43; оп. 4, д. 3279, л. 87 об. (о пьесе «*Жена Сократа*»); Язьдов.

Е. Р. Котомцова

МЫСОВСКИЙ-СВЕТОГОРСКИЙ Сергей Дмитриевич (наст. фам. Мысовский; 1806*, более вероятно 1812**, г. Балашов Саратов. губ. (?) — не ранее октяб. 1863***), поэт-самоучка. Из мешан (отец — торговц свечачин). Чтобы получить образование, мальчиком поступил в услу-

С. Д. Мысовский-Светогорский.
Рис. на камне П. Смирнова.
Рис. с натуры Б. К. Шарлова.

женне к учителю Саратов. уездного уч-ща; под его руководством овладел основами грамматики, арифметики, истории и географии. После смерти отца (1828) был вынужден стать деревенским пастухом, позднее служил подносчиком в питейном доме. В 1832 пешком отправился в Воронеж, через к-рый должен был проезжать Николай I, чтобы обратиться с просьбой о помощи; намерение осуществиться не удалось. Вскоре М.-С. добрался до Москвы, жил в Чудовом монастыре.

В 1832 прислал в цензуру «папушескую поэму» «Мехрашпада» (не опубли.), просил о покровительстве и жаловался на «крайнюю безность», не «являющуюся» «усовершенствовать» свои способности и удовлетворить стремление к знанию — «факульту просвещения» (ШАМ, д. 77). В 1833 презирнул еще одну не удавшуюся (по-видимому, из-за отсутствия средств) попытку напечатать небольшой сб-к «Картины природного воображения» (рукопись с и. р. И. М. Снегирева — РГБ, ф. 37, № 797), включивший стихотв. сказку «Атриппа», «поэму в вольных стихах» «Эриксель» (историю безногого «последствия», одаренного талантом), мексик. лирич. прозов.: послания, оду, эпитахи, знаменитой сестре и др. Подборку открывало послание к членам Моск. ценз. к-ты, упоминавшее о соч., ранее поданных на рассмотрение: «О ангели Педов! оны! Я юный ослепши пред Вами! Осмелился как бы крылами! С поэзией святой предстать» (там же, л. 4). Подражательные и ученические, первые опыты М.-С. характеризуются тем же менее уверенностью в собственном поэтич. приращении, ощущаят рада автобиографич. мотива.

Первые опубли. (на средства некоего вельможи-мецената) произв. — «Элегия Элиза» (М., 1837; иронич. отзыв — БдЧ. 1837, т. 22) и «Поэма „Вселенная“ и „Послание о уме человеческого“» (М., 1837). В «Послании...», обращенном к А. Н. Соколовнину, М.-С., называя себя «читателем мудрости прямой» (с. 22), очерчивает круг своих научно-поэтич. пристрастий: размышления об устройстве мироздания, «познание Божества» через астрономич. наблюдения. Поэма содержит выразительные харак-

теристики небесных феноменов (Солнца, планет, Земли и Луны, звезд, туманностей, комет) и ссылки на авторитеты Т. Браге, И. Кеплера, Г. Галилея, Н. Коперника, И. Ньютона; в ней, как и в «Поэме о сотворении мира» (СПб., 1841; написана до 1839; критич. отзыв: ОЗ, 1841, № 3/4), причудливо совмещаются элементы науч. картины мира и описание его божеств. сотворения. «Поэма о сотворении...» не без затруднения прошла духовную цензуру (РГИА, ф. 777, оп. 1, 1840, д. 1542), что связано, по-видимому, с ее декламаторской интонацией. В этих и др. прозв. (с пост. образами «полета» и «парения») М.-С. обращался к космогонич. текстам М. В. Ломоносова, ощущал себя преемником Э. Юнга и Дж. Мильтона, в к-ром видел «родственную душу» («Поэма о сотворении...»).

Перебравшись (в кон. 1837 — нач. 1838) в Петербург, М.-С. пользовался покровительством сенатора И. С. Горголи (в доме к-рого некоторое время жил), гр. Н. С. Мордвинова, кн. М. А. Дондукова-Корсакова (вице-през. АН, попечитель Петерб. учеб. округа). Рассмотрев соч. М.-С., Рос. академия поощрила его неск. книгами и небольшим денежным пособием. Помещенная в «С.-Петерб. ведомостях» (1838, 17 февр.) статья В. В. Григорьева, в к-рой совместно излагалась биография М.-С. и подчеркивались его «благородная любовь к науке» и «превосходные способности», по всей видимости, привлекла к нему внимание публики и сыграла немаловажную роль в его последующей судьбе. Практически самостоятельно изучив нем., англ. и лат. языки, усовершенствовавшись в знании рус. языка и математики, М.-С. выдержал при Петерб. ун-те экзамен на право преподавания и получил место учителя рус. грамматики сначала в Опочке (май 1839), вскоре в Псков. уездном уч-ще (июнь 1839); в том же году исключен из податного сословия. С 1841 преподавал в Ростов., с 1850 — в Ярослав. уездном уч-ще, где ему покровительствовал М. В. Ляпунов (с 1856 дир. Демидовского лицея).

В 1839 выпустил стихотв. соч. «Мысль о бессмертии» (СПб.), посвя. не названному по имени «благодетелю» и содержащее полемику с «заветами безверия»; в нем М.-С. пытался обосновать священный постулат (и одновременно «закон») бессмертия, обосновательность страха смерти и напоминал о «величье» человека. Книга была встречена сочувственно: «самородный талант» увидел в авторе рецензент «Сев. пчель» (1839, 7 июня), Н. А. Полевой назвал его «нашим Джозесом» (имеется в виду сын «плотника и рыбака» из Уэльса англ. филолог-самоучка Р. Джонс;

см.: The Dictionary of National Biography..., v. 10, L., [1949—50]); стих. «показывает если не дарование поэтическое, то, по крайней мере, силу чувства...» (СО и СА, 1839, № 3/4, с. 149; др. отзывы: БдЧ. 1839, т. 34; ОЗ, 1839, № 5). Последним опубликованным соч. М.-С. было «Послание о созвездиях неба» (М., 1846; адресовано протонерюгу ростов. Успенского собора А. Т. Тихвинскому; не одобрит. отклик А. Д. Галахова: ОЗ, 1846, № 9), опиравшееся на исследование франц. астронома Ж. С. Байи. С точки зрения собственно поэтической соч. М.-С. современниками-литераторами воспринимались как глубоко архаичные: «Стихотворцы прошлого века, качавшие колыбель его юной музы, и ложные понятия старинных риторик... дали ей дурное направление: и форму и языкком произведения его отстали на полутоление от нашего времени» (Григорьев В., Мысовский-Светогорский. — СПбВед, 1838, 17 февр.). Для людей же его круга и сословия он был значит. крест. поэтом (к этому сословию, судя по настойчивым напоминаниям в стихах, относил себя и сам М.-С.): «Хвала тебе поэт Мысовский-Светогорский! Ты гением ума при мысли стихотворческой! Сам создал для себя и счастье и чины! Способностью твоей мы все удивлены! Читая твой язык, возникший из крестьянства! Поэзию мы зрим святого христианства» [читая запись на кн. «Поэма о сотворении...»] (РГБ, О 35/133); там же сообщением о принадлежности экз. кн. «Мысль о бессмертии» тверскому мещанину Вас. Мысовскому, к-рая была подарена ему «родным дядею». В кон. 1856 по болезни (М.-С. с трудом мог передвигаться и читать — вследствие «паралитического состояния нижних конечностей и ... в высочайшей степени близорукости»: РГИА, ф. 733) отставлен с пенсией (в чине тит. советника). Последующие годы жил в Курске.

Лит.: Венгеров Истори. Лип. т. 16/18, с. 1030, 1041; т. 59, с. 292.

Архивы: РГИА, ф. 733, оп. 37, № 128 (прощение об увольнении; ф. с. 1856 г.), ф. 608, оп. 1, № 2492 (благодарств. письмо к В. В. Григорьеву, 1838 г.); РНБ, ф. 451, оп. 1, № 1232 (письма к М. В. Ляпунову***, 1862—1863); ШАМ, ф. 31, оп. 5, д. 77, л. 214*, д. 81, 84 (письма в Моск. цензуру 1832 г.).

А. Н. Рейнвальд, при участии Е. Э. Ламиной

МЫШИЦКИЙ. Мышецкий Нил Алексеевич, князь [ок. 1800— не позднее кон. августа* 1854, Кронштадт (?)], прозаик. Из старинного, но уже в 18 в. задушевного княжеского рода; отец — коллеж. регистратор (из Петерб. губ. — РГИА, ф. 1343, оп. 46, д. 610, ч. 1). В июне 1809 поступил в Мор. корпус кадетом; гардемарин (1817), мичман (1820); лейтенант (1826). В продолжение флотской службы М. командовал различ-

ными судами в Финском заливе, Балт. и Белом морях (фрегат «Эммануил», 1826—27; транспортные суда «Кроткий», 1831—32, и «Галсаль», 1834—1836; фрегаты «Юнона», 1837—39 и 1841—42, «Мария», 1840—41). Капитан-лейтенант (1834); в 1843 назначен командиром 4-го рабочего экипажа (на транспортные суда); полковник (1848). С дек. 1852 состоял при Кронштадтском адмиралтействе.

В основе романа «Спички, капитан фрегата» (ч. 1—3, СПб., 1840; до появления отд. изд. отрывки печатались в «Маяке»: 1840, ч. 4 и 9; «Сев. пчела», 1840, № 77) — легко выделяемый автобиографич. материал, отразившийся как в ряде формальных черт (два осн. персонажа — Николай Алексеевич Спички, капитан фрегата, курсирующего между Кронштадтом и Ревелем, и его первый помощник Марьянов — носят измененные имена самого автора и А. М. Мартынова, в 1826 мичмана на «Эммануиле», — ОМС, ч. 7, с. 487), так и в сценах (наиб. удавшихся) мор. быта: маневры в заливе, шторма, похороны офицера, спуск фрегата; насыщенные спец. терминами, в т. ч. в воспроизведении речи матросов, маринистские этюды отличаются точностью и четкостью описаний (как, впрочем, и др. эпизоды, не связанные непосредственно с любовной фабулой), своеобразным «морским» лиризмом. (В ром. сказало влияние мор. прозы Н. А. Бестужева и мор. «путешествий» Г. А. Сарычева, Ю. Ф. Лисянского и др. рус. мореплавателей.) В критич. отзывах «морская составляющая» романа признавалась несомненным достижением М. (М. Сорокин — СПбВед, 1840, 28 нояб.; СО и СА, 1840, т. 2; см. также: СП, 1841, № 18). Однако в композиц. структуре «Спичкого...» эти мотивы не являются преобладающими; сюжет развивается по законам любовного мелодрам. романа с его неизменными атрибутами — скрываемой «вулканической» страстью, препятствиями к соединению любящих, дуэлью, ревностью, тайной происхождения одной из героинь. Именно эти черты сделали лит. дебют М. уязвимой мишенью для насмешек. Рецензенты практически единогласно отмечали немотивированность действия, холодность диалогов, бесцветность ведущих персонажей, но и «заманчивость» повествования (БяЧ, 1840, т. 42; ЛГ, 1840, 20 нояб.; П. А. Плетнев) — «Совр.», 1841, т. 21). В. Г. Белинский усматривал в «Спичком...» «новое произведение лит. школы, основанной Марлинским... действующие лица ничего не делают, а только говорят», монологи «слеплены из общих риторических мест плохих

романов» (ОЗ, 1840, № 11, отд. VI, с. 10).

Издатели «Маяка» П. А. Корсаков, цензуравший роман М. и С. А. Бурчок считали «Спичкого...» «отрадным явлением», «прекрасной вещью» («Маяк», 1840, ч. 3, отд. V, с. 41). Помимо комплиментарной рец. последнего (ч. 10, отд. IV), в к-рой «Спичкого...» отдавалось предпочтение и перед сочинениями А. А. Бестужева-Марлинского, и перед всем «безразличным» «легким чтением» вообще, в «Маяке» было помещено письмо М. Н. Загоскина Корсакову, глас. с похвалой отзывавшееся о фрагменте романа, он утверждал, что талант М. — «эт пробного золота» (ч. 7, отд. IV, с. 105). Вероятно, столь высокая оценка связана с последовательно воплощенной лит. позицией М., близкой этим литераторам: пафосность действия, страсти, редки; изобретательность героев, мотив очищения души; так, одна из героинь приходит к рассказанию, осуждая свои романт. увлечения (сцена объяснения трагич. Лелиной с мужем — ч. 3, с. 184—87 — обнаруживает нек-рое сходство с аналогичной сценой из будущего ром. Л. Н. Толстого «Анна Каренина»), другая уходит в монастырь и умирает.

В 1842 в «Маяке» (№ 10) была напечатана «быль» «Красавица». По-видимому, М. учел замечания критики и использовал преимущества малой формы: в истории гибели «героини», «возлюбленной» рассказчица (как выясняется, легкой вельсельной лодки, именно она и называлась «Красавицей»), тщательное воссоздание мор. колорита соединяется с вниманием автора к причудам, психологии и обычаям моряков.

Др. произведений М. не обнаружено: не исключено, что отсутствие их связано с негативным отношением нач. Гл. мор. штаба адмирала А. С. Мешникова к лит. творчеству своих подчиненных; по слухам, М. был переведен за свое авторство в ластовые (имеется в виду его служб. назначение 1843 г.) (см.: Грот и Плетнев, II, 943 — запись Грота 1846 г.).

Лит.: Плетнев П. А., Соч., СПб., 1885, с. 303—04; Белинский (ук.); Сакулин П. П., Рус. лит-ра после Пушкина, ч. 1, М., 1912, с. 155; его же, Рус. лит-ра, Социолог.-лит.-критич. обзор лит. стилей, ч. 2, М., 1929 (ук.); История рус. лит-ры, т. 2, Л., 1981, с. 516. + ОМС, ч. 7, с. 369; Брокгауз, т. 39, с. 272 (ст. Мышечкине — княжеский род); Венгров (См., Источ.): Борзак. ОЗ (1, ук.).

Архивы: РНБ, ф. 291, оп. 1, № 114 (письмо М. к М. Н. Загоскину с благодарностью за лестный отзыв, 1840 г.); ИРЛИ, ф. 411, № 61 (зарительная надпись ему же на тит. листе романа).

А. В. Жуковский, Е. Э. Дамкина.

МЯГКОВ Николай Иванович [7(19).11.1828 — после 1841], поэт-любитель. Из дворян; по матери, урожд. баронессе фон Фейлишер-Франк, племянник градоначальника Таганрога. Рано потеряв отца, воспитывался в провинции, а с 1839 — в частном петерб. пансионе жены тов. министра внутр. дел гр. С. В. Строгановой, учился в 1-й петерб. г-зии. Дальнейшая судьба неизвестна.

В сб. «Опыты в стихах» (СПб., 1839), представляющий «пробу пера» одиннадцатилетнего стихотворца (напечатан, видимо, не без содействия высоких покровителей; одна из вошедших в него сказок посв. вице-президенту АН, пред. ценз. к-та кн. М. А. Долдукову-Корсакову), вошли стихотв. послания — отклики на события семейной (неск. посланий к «мамчнькс», к-рой и посвящен сборник) и пансионерской жизни, а так-

же патриотич. стих. «На возобновление Зимнего дворца», «Любовь к родине» (памяти ген. К. И. Бистрома). Стихи М. рисуют образ разумно послушного и сострада. ребенка, готовящегося стать опорой семье и с высокой серьезностью размышляющего о человец. добродетелях. По мнению рецензента «Отч. зап.», «это не учебные упражнения, не рифмованные с голоса, а простое изложение» «самых детских, приличных его возрасту» чувств: в нем «может быть, также зародыш сильного таланта» (отд. 7, с. 15).

Сохранившиеся стихотв. рукописи «Сказки, переделанные из прозы» (1839—41 — РГАЛИ) составили переделки («Кот в сапогах», «Мальчик-с-пальчик», «Златокудрая царевна», «Любим-царевич и др.) и ориг. сказка «Ковер-самолет», в юмористич. тонах рассказывающая о путешествии во Францию на ковер-самолете любознат. рус. крестьянина. Здесь же — пер. баллады Ф. Шиллера «Поруха».

Лит.: + Венгров. Источ. [ошибочно указаны даты жизни поэта] биографическая стат. сочинения Ник. Ив. Мякова (1775—1848), к-рому ошибочно атрибутированы «Опыты...»; то же — в картотке Б. Л. Модзалевского (ИРЛИ); др. однофамильцу принадлежит стих. «В память великого рус. шара Петра I Алексеевича» (М., 1872); Пискарев, т. 3, с. 196.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 275 (рукопись «Сказок...» М.). М. А. Бобринь.

МЯКОТИН Венедикт Александрович [12(24).3.1867, Гатчина Царскоесельского у. Петерб. губ. — 5.10.1937, Прага; похоронен на Олманском кладб.], историк, публицист, обществ. деятель. Из семьи почтмейстера. В 1875—84 учится в Кронштадт. г-зии (законоучителем в к-рой был о. Иоанн Кронштадтский), затем — на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та (1884—88); был оставлен при ун-те для преподавания и подготовки к магистер. экзамену (см.: «Ист. обозр.», 1891, № 2; здесь же библиогр. работ М.). Первая публ. — рец. «К вопросу о падении Поль-

ши» (РМ, 1889, № 5). В том же году вышло первое ист. соч. М. — «Крест. вопрос в Польше в эпоху ее разделов» (СПб.; положит. отзыв: Н. Любович — КС, 1891, № 3). Удостоен зол. Уваровской медали (1895; ГАРФ, ф. 5917, оп. 1, д. 85). Печатались в ж-лах «Юридич. вест.», «Киев. старина», «Рус. богатство» и др. Сотрудничал в «Энци. словаре» Брокгауза и Ефрона (с т. 5), в словаре братьев Гранат. С 1891 по 1901 читал лекции по рус. истории в Александров. лицее и в Воен.-юридич. акад. На обеде в память А. Мишкевича (1898) М. произнес речь, в к-рой утверждал, что «вся рус. действительность — смрад и позор» (ГАРФ, ф. 102. ОО. 1898 г., л. 573, л. 14). Благополучная ученая карьера прервалась в 1901, когда М. был арестован в связи со студенч. волнениями и после тюремного заключения (2 мес.) выслан адм. порядком в г. Валдай на три года под надзор полиции.

В рец. на сб-к статей М. «Из истории рус. общества» (СПб., 1902; 2-е изд., СПб., 1906), сост. в осн. из публикаций в «Рус. богатстве», помимо «тонкого лит. пера», науч. эрудиции и «благородного тона изложения» в заслугу автору вменялась постановка комплекса вопросов, «полного науч. и обществ. интереса»; как и при каких условиях филос. мысль Запада произрастала на рус. почве, к каким результатам приводила? (В. Н. Стожков — «Науч. слово», 1903, № 1, с. 135—36). Зарождение критики реп. действительности под влиянием зап.-европ. мысли М. видел в расколе 17 в., к-рый возбудил «слабые зародки будущего сектантства — проповедника свободы человек. мысли в религ. и обществ. сфере» (очерк «Протопоп Авакум»; отд. изд., СПб., 1894; 4-е изд., П., 1917). «Благородного идеализма, далеко опередившего свой век» — А. Н. Радищева, по мнению М., зап.-европ. мысль захватила целиком. Среди его последователей М. называет декабристов и А. С. Пушкина, к-рый учился у Радищева «ненависти к крепостному праву», но «не сохранил в последний период жизни общества идеал» декабристов (ст. «А. С. Пушкин и декабристы»; отд. изд., Б.—Прага, 1923). Далее М. прослеживает влияние зап.-европ. философии и науки на деятельность Т. Н. Грановского. К. Д. Кавелина (см. также ст. «Публицистич. деятельность К. Д. Кавелина» — РБ, 1902, № 9) и др.

Особое место в ист. иссл. М. занимает малорос. тема. Ст. «Прикрепление крестьянства левобережной Малороссии в XVIII ст.» (РБ, 1894, № 2—4; отд. изд. — София, 1932), по мнению Н. Василенко, ставит автора «в ряд с лучшими знатоками малорос. арх. материала» и начинает «новую эпоху в разработке малорос.

истории» (КС, 1894, № 11, с. 269; продолжение рец.: там же, № 12). На арх. материале написаны «Очерки социальной истории Малороссии» (РБ, 1912—15; отд. изд. под назв. «Очерки социальной истории Украины в 17—18 вв.», т. I, в. 1—3, Прага, 1924—26; положит. рец.: С. П. Мельгунов — СЗ, 1924, № 18; А. А. Кизеветтер — «Крест. Россия», 1924, № 8—9) и др.

По возвращении из ссылки в 1904 М. вошел в ред. ж. «Рус. богатство» (где с 1891 по 1904 вел Хронику внутр. жизни), публикуя статьи по проблемам воспитания и образования, радуя за коренную реформу всего учебного дела, к-рая, по его мнению, «не может быть осуществлена вне связи с другими, более общими условиями обществ. жизни» (1904, № 10, с. 199). В 1906—11 печатает в

Шарж В. Каррика.

ж-ле и временно заменявших его «Совр. записках» и «Современности» ряд статей под общим загл. «Наброски современности». Из-за этой рубрики ж-л был дважды конфискован: за ст. М. «Перед третьей Думой» (1907, № 10), в к-рой цензор усмотрел «рассуждения о возможности исползовать Думу в целях рев. агитации и особенно о необходимости внепарламентской борьбы народа за свои интересы» (РБ, 1917, № 11/12, с. 82), и за ст. «Памяти С. А. Муромцева» (1910, № 10; см.: ЛН, т. 95, с. 671).

Либерально-социалистич. идеология со всей своей общечеловеческой «широтой» и одновременно — партийной узостью находила выражение и в лит.-критич. и в публицистич. статьях М. для «Рус. богатства». В идейном наследии ранних славянофилов ему особенно импонировала проповедь «полной бессословности» (1895, № 11, с. 75), однако их идеи возрождения соборности и крест. общины он считал «безнадёжно устаревшими», попытки же воскресить эти

формы — серьезной опасностью для России, единственный путь «правильного развития» к-рой М. видел в установлении конституционного порядка на основе «строго демокр. принципа» (реферат, прочитанный в ВЭО, — «Идея Земского собора в рус. прошлом и настоящем», [СПб., 1905], с. 88); к «давно отжившим свое время» М. относил И. В. Киреевского (РБ, 1912, № 2, с. 167). «Одним из самых крупных и благородных руководителей» рус. общества называл Н. К. Михайловского (1913, № 6, с. 350—51). В либерально-демокр. табели о рангах у М. наряду с идеологич. оценкой присутствует «чуть-чуть» политики. Не сочувствуя религ. устремлениям Н. В. Гоголя, М. вместе с тем порицает В. Богучарского за попытку доказать, будто знаменитая «Переписка» Гоголя «бессодержательна и реакционна» (1905, № 4, с. 66). По мнению М., несостоятельна и попытка В. Ф. Боляновского в кн. «Богоскательи» (1911) восстановить общую картину богоскательства, к-рое «проходит через всю культурную жизнь рус. народа» (1911, № 12, с. 147). Богоскательство для М., развивающего идеи очерка «Протопоп Авакум», — это поиски всцерковной «свободы» как пути к социальному освобождению. Не случайно М. не оставляет вниманием рассказ «начинающего талантливому» М. М. Прищина «Ау стен града Невидимого», в к-ром дается «яркое и живое представление о ... явлениях и людях раскольничьего и сектантского мира» (1910, № 1, с. 150). Критика существующего в России строя, в какой бы форме она ни проявлялась, была для М. одним из осн. критериев оценки явлений общественной жизни. Поэтому и П. Я. Чаадаев («блестящий представитель рус. интеллигенции в эпоху душевного перелома» — 1914, № 5, с. 337), и В. Н. Фигнер (оставившая «более или менее глубокий след» — 1915, № 4, с. 368) оказались в одном ценностном ряду.

М. входил в депутатскую представителей интеллигенции (Н. Ф. Анненский, К. К. Арсеньев, М. Горький, А. В. Пешехонов и др.), к-рые накануне 9 янв. 1905 обратились к правительству с просьбой предостеречь кровопролитие; вскоре был арестован и на непродолжительное время заключен в Петропавлов. крепость.

В 1905—06 М. — активный участник Союза Союзов. С 1906 — чл. партии нар. социалистов, к-рую затем возглавил. За ст. «Надо ли идти в Гос. Думу?» (РБ, 1906, № 1) в 1911 был приговорен к заключению в Двинскую крепости (где находился вместе с Пешехоновым); освобожден в 1912.

Февр. революцию 1917 М. считал ошибкой. т. к. страна оказалась не-

подготовленной к свободе. Виновицей происшедшего М. называл правящую клику, прикрывавшуюся «мнимым самодержцием» Николаем II, «жалким, безвольным и вместе с тем бесконечно упрямым» («На чужой стороне», 1923, № 1, с. 199). В лице большевиков видел «власть, утверждавшую себя исключительно насилием и обманом ... и собиравшую вокруг себя в качестве своих агентов и помощников по преимуществу худшие элементы населения» (там же, 1925, № 13, с. 211). Особенно резко М. отзывался о «красном терроре», обращавшем «великую страну в унылое и мрачное кладбище, многомиллионный народ — в стадо запуганных рабов» (там же, 1924, № 7, с. 261). Для борьбы с этой властью и воссоздания рус. государственности на подлинно демокр. основах М. участвовал в создании Союза возрождения России (чл. ЦК, затем пред.). Союз выступал против Брестского мира (1918) и за восстановление русско-германского фронта, рассчитывая на поддержку союзников.

В 1918 М. по делам Союза выехал из Москвы в Киев, Одессу, работал в екатеринодар. газ. «Утро Юга», затем перебрался в Ростов-на-Дону, где организовал газ. «Парус», призывавшую население поддержать Добровольческую армию. Осенью 1919 М. вместе с брит. миссией перешел в Новороссийск. В том же году он проходил по делу «Тактич. центра», разбиравшемуся в Москве рев. трибуналом, и был заочно приговорен как эмигрант к лишению права въезда в Россию, а в случае появления в ней — к высшей мере наказания. Из Новороссийска М. вернулся в Екатеринодар, где с приходом большевиков в 1920 был арестован и доставлен в Москву. Содержался во внутр. тюрьме ЧК на Лубянке, затем в Бутырской тюрьме, был приговорен к смертной казни, замененной сначала 15-, затем 5-летним тюремным заключением. В нач. 1921 был выпущен на свободу. Эмигрировал в Берлин (в СИЭ неверно указан год — 1918). Декретом 1921 был лишен сов. гражданства. С 1923 — в Праге: сотрудник Рус. загранич. архива; один из ред. ж. «На чужой стороне» (1923—28); проф. Рус. юридич. ф-та; чл. Рус. ист. об-ва. В 1930 М. получил кафедру рус. истории в Софийском ун-те. В 20—30-е гг. им опублик. ряд работ по slav. истории, в т. ч. кн. «Переяславский договор 1654 г.» (Прага, 1930), в к-рой соглашение между Моск. гос-вом и Украиной названо «мертвой буквой, не нашедшей себе воплощения в действительной жизни» (с. 28).

Из статей, помещенных в ж. «На чужой стороне», особый интерес представляют: «Дневник Пушкина 1833—1835 гг.» (1923, № 2), «Зап.

Россия и Польша в их ист. взаимоотношениях» (1924, № 7), «Очерк рус. права» (1924, № 6). Там же напечатаны восп. М. «Из недалекого прошлого» (1923, № 2, 3; 1924, № 5, 6; 1925, № 9, 11, 13); в ж. «Голос минувшего»: «О годах революции в Крыму» (1928, № 6) и др.

По словам современников, М. был человеком «редкого, исключительного благородства», «требовательного, непреклонного и непримиримого характера» в вопросах принципиальных, в деталях же материальных — «трогательно беспомощен». Его называли «полит. подвижником». Из многочисленных его талантов особенно выделялось красноречие: «Оратор он был поистине замечательный и очень своеобразный ...» (СЗ, 1937, № 65, с. 428). По собственному признанию в одном из писем к М. Н. Слепцовой (бурный роман с к-рой на рубеже веков перешел в многолетнюю дружбу), из-под его пера выходило «нечто мертворожденное, сухое и прилизанное», тогда как он «измучился душою — от ужаса расейской жизни ... и от чувства бессилия высказать то, что жжет душу, так, как нужно и можно» (16 нояб. 1903 — РГАЛИ. ф. 462, оп. 1, № 194, л. 95).

Др. произв.: «А. Мишкевич. Его жизнь и лит. деятельность» (СПб., 1891), «История на Руси от 9 до 18 в.» (София, 1937).

Лит.: Блок. Зап. кн. (ж.); Горький, XXVIII, 248; его же, Лит. портреты, М., 1959, с. 313, 315; Ленин (ж.); Короленко в восп. (ж.); Рус. лит-ра (2, 3; ж.); Розанов В. В., О себе и жизни своей, М., 1990 (ж.); Миллюков П. Н., Восп., М., 1991 (ж.); Пашуто В. Г., Рус. историки-эмигранты в Европе, М., 1992, с. 68, 94—95, 103; ЛН, т. 87, 90, 95 (ж.); Некрологи, 1937; «Сегоднш», 14 окт. (К. Бельгоский); СЗ, № 65 (М. Алданов); ИЭС; Грант; Фостер; Рус. эмиграция. Ж-лы и сб-ки на рус. яз. 1920—1980. Сводный ук. статей, Париж, 1980; Полит. деятели России. 1917. Биогр. словарь, М., 1993; Маслов.

Архивы: ГАРФ, ф. 5917; ИРЛИ, ф. 495; РГАЛИ, ф. 305, оп. 1, № 552 (письма С. П. Мельгунову); ф. 306, оп. 1, № 363 (письма А. И. Иванчину-Писареву); ф. 155, оп. 1, № 410 (письма А. Г. Горнфельду). Н. И. Галица.

МЯСНИЦКИЙ Иван Ильич (наст. фам. Барышев; 1852^а, с. Старое Акшино Инсар. у. Пензен. губ. — 2(15).6.1911, с. Пушкино Моск. губ.; похоронен в Алексеевском мон., Москва), прозаик, драматург. Из разночинцев (письмо М. «о самом себе», 1888 г. — в ст.: Чернышевская-Быстрова, с. 149). По семейному преданию, М. родился в имени Н. П. Огарёва; незаконнорожденный сын К. Т. Солдатёнова, крупного фабриканта, книгоиздателя (см.: Толстяков, с. 226). В годовалом возрасте переезден в Москву. В 10 лет поступил в Моск. коммерч. уч-ще, где, по собств. его словам, «выучился красиво и правильно писать, правильно вести бухгалтерию и счетоводство, почитать начальст-

во...»; после окончания уч-ща (1868) «как лучший ученик» принят на работу в контору изд-ва Солдатёнова, и жизнь потекла «между конторскими занятиями» и «глотанием книг записом» (цит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 149). С кон. 70-х гг. М. — гл. помощник Солдатёнова, пользовался его неогранич. доверием (заведовал денежными делами фирмы до конца своей жизни), был его душеприказчиком.

Интерес к лит-ре возник рано, но писать стал лишь в возрасте двадцати двух лет, никому не показывая своих опытов. Первая публ. — юмор. стих. «Знакомый» («Стрелкоза», 1876, № 30; подп. И. Бар—ш—в); в дальнейшем печатался в осн. под псевд. Мясницкий (по назв. ул., где он жил в доме Солдатёнова). С этого времени М. стал, по собств. словам, «маленьким журнальным тружеником» (цит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 151); его юмор. стихи, «картинки», «сценки», «реллики» помещали ж. «Свет и тени», «Развлеченные», «Будильник», «Зритель», газ. «Новости дня», «Рус. слово», «Моск. листок» (с сер. 80-х гг. вел воскресный фельетон, постепенно оставив др. издания).

М. быстро получил известность как «талантливый совр. бытописатель нравов моск. купечества» (восп. Н. А. Соловьёва-Несмелова — в кн.: Суриков И. З., Стихотворения, М., 1884, с. CLXXXV; был дружен с Суриковым в последние годы его жизни; см. стих. «И. И. Барышеву», 1878 г. — в кн.: И. З. Суриков и поэты-суриковцы, М.—Л., 1966, с. 213). Лучшие из публикаций М. объединил в первую кн. — «Нашего поля ягодки» (М., 1880). Сб-ки юмор. рассказов М. выходили чуть ли не ежегодно (нек-рые выдерживали по неск. изданий).

«Серьезная» критика отзывалась о новом стиле септически: «Господи М. талантлив и богат; рассказы его грубоваты, иногда сатиричны ... юмор в них очень дешёвый; они малосозерца-

телны, сюжеты на избиты» (ЖО, 1880, № 45, с. 379; см. также: ОЗ, 1880, № 11; «Дело», 1882, № 7). С «безраздельной и кощунств. характеристикой» автора были связаны и несл. претензии к М. (см. доклад цензора о кн. «Смешная публика» — ЦИОЛМ, ф. 31, оп. 3, л. 2189, л. 107 об. — 108).

Так как первым «средн-второстепенных и третьестепенных» юмористов к этому времени был признан Н. А. Лейкин (ОЗ, 1879, № 6), живший в Петербурге, тошедший по его стопам М. обрел репутацию «моск. Лейкина», сохранявшуюся до конца его жизни неизменной (Импрессионист (Б. И. Бентовин) — ТИИ, 1911, № 25, с. 489). Пост. темой М. на протяжении более 30 лет был образ жизни моск. купечества, известного ему в деталях и подробностях быта, психол. коллизий, гор. топографии и, главное, языка.

«Пресколько знает московский и в особенности купца... не только с внешней стороны, относительно лексики его смешных слов... изучил его "душу": его психологию» (Круглов, с. 793).

М. использовал уже сложившуюся — в частности, в книгах Лейкина — форму «сценки» («картинки с натурой»), к-рая была близка физиологич. очерку, адаптированному к потребностям нового массового читателя, прежде всего гор. приказчика, касира, буфетчика, дворника, лакея. Отработанные приемы — говорящие фамилии (Скандалов, Кривобоков, Хамов и т. п.), обыгрывание к.-я. непривычного для персонажей слов и др. — давали возможность бесконечного тиражирования подобных «сценок» (А. Гончаревский (А. В. Круглов) «Весь фокус — в шаржировании картины, в подборе словечек, к-рые... вызывают неусдержный хохот» — «Светоч и дневник писателя», 1911, № 7—8, с. 110; Импрессионист (Б. И. Бентовин): «Карикатура ради карикатуры, балаган ради балагана» — ТИИ, 1911, № 25, с. 489). Неслучаен подзаг. кн. «Приказники» (М., 1880): «Фотографич. снимки с натурой добродушного юмориста». Поздние «фотографич. снимки» М. фиксировали уже новые черты быта и психологии третьего сословия (сб. рассказов «Без претензий», М., 1904; «Господа коммерсанты», М., 1900; 2-е изд., М., 1908), но приемы худож. отбора остались прежними.

В 1888 сам М. писал о своих «сценках», «что они верны действительности жизни — об этом никто спорить не станет; что они легко прочтутся и так же легко забудутся — в этом я уже не сомневаюсь...» (цит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 148).

М. тяготился своим положением в лит-ре; упреки критики в отсутствии в его рассказах «свирости, позлащания» («Дело», 1882, № 7, с. 44) воспринимал болезненно. В 1888 он писал Н. Г. Чернышевскому (в 1885—89 переписывался с ним по поводу издания у Соколаткина пер. «Всеобщей истории для образов. младшей») Г. Вебера, т. к. был посредником между издателем и Чернышевским в денежном вопросе), что мечтает о «бытовом романе (все из той же эпохой... среди купечества), и, добавив, несл. претензией): «выдаст комедии, что сумеет осуществить свой замысел: «Мой товарищ по про-

фессии... напр., Алтон Чехов, преувеличив, а я снизу все на низких рассказах, а дунуться выскра... не хватает ни решимости, ни уверенности в своих силах. И оно понятно почему... у меня... кроме кое-какой наблюдательности — ровно ничего» (письмо от 25 июля 1888 — лит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 151). [Ср. оценку М. зануше Чеховым в «Лит. табели о рангах»: «коллективный регистратор» — Чехов, В. 143.] Отвечая М., Чернышевский, очевидно с целью похвалить, уверял его, что таланта у него «больше... чем у Чехова, и знаний, нужных беллетристу, не меньше... быть может даже больше» (Чернышевский, с. 724). В это же время, прочитав присланные М. сб-ки, он в письме к О. С. Чернышевской отозвался о его рассказах как о пустых, хотя об их авторе — как человеке бесспорно талантливом (см.: Чернышевская-Быстрова, с. 151).

Большая по объему пов. «Гости-нодворцы» (М., 1896), описывающая историю трех поколений двух купеч. родов (личные судьбы отцов, детей, внуков причудливо перекрещиваются, создавая сложные психол. коллизии), получила также отрицат. отзывы (РБ, 1896, № 10; МБ, 1896, № 11, Библ. отд., с. 3). Тем не менее М. написал еще неск. крупных вещей: пов. «Около миллионов» (М., 1897), «Судьба Фалалея» (М., 1908), ром. «Старобрядка» (1904), ром. «В царстве ситца» (М., 1905), темой к-рых стали смена поколений и изменения в жизни, укладе и самоощущении третьего сословия. Истории, разворачивающиеся в ром. и пов. М. (построенных, как цепочки, из самостоят. и композиционно завершен. сцен), — семейные драмы, брахи по любви или расчету, адюльтеры, разочарования, разводы, смерти, — хотя и «привязаны» к купеч. среде точными бытовыми реалиями, несут же внесловесный характер.

Свое «кредо» М. выразил в письме Чернышевскому (от 25 июля 1888): «... идеализировать купца как "дословие" — я не могу... но именно по моему мнению, также и то, что всякий уважающий себя бытописатель» должен «брать людей так, как они есть, со всеми хорошими и дурными сторонами» (лит. по: Чернышевская-Быстрова, с. 153).

Обособляком в «бытописательстве» М. стоит пов. «Отрезанный палец. По заметкам полнейшего чиновника» (М., 1907) — своего рода психол. детектив. Пьесы М. — от одноактных шуток до «серьезных» драм, к-рыс он называл «сценами», — б. ч. предназначались для театра Корша; они смотрелись «легко» и вызывали «несмолкаемый смех у зрителей» (Круглов, 794); комедии-шутки «Жена его степенства» (совм. с М. В. Карнеевым; 1884; М., 1884), «Дядюшкина квартира» (1887; М., 1890), «Маленькая война» (1888), «Ни минуты покоя» (1890), «Защит» (1891), «Не легки» (1891), «Домашний стол» (1891), «Сыщик» (1892), «Ловный момент» (1896), «Страшная месть (Тайна папеныки)» (1897), «Я умер» (1907), «провинци. сцены» «Письмо из столицы» (1900), драма-быль «Старческая любовь» (1911; по ром. М. «Старобрядка») и мн. др. Они шли также с неизм. успехом в театре М. М. Абрамовой (Москва),

в театре В. А. Неметти (СПб.) и в провинции. Тематически драматургия М. («Драматич. сочинения», т. 1—2, М., 1895—97; 2-е изд., т. 1—2, М., 1913), как правило, повторяла и варьиовала его беллетристику.

Почти для каждой пьесы М. есть прозаич. соответствие (фабула, герой). В драм. произв. он использовал те же говорящие фам. и речевые курсы. Его фарсы и комедии вылились как растоптанные прозаич. «сценки», где перед диалогами и монологами выделены шрифтом имена персонажей.

В драматургии М. также безуспешно пытался перейти к «серьезным вопросам» — «не свойственный замыслу и тональности водевильный эффект» («сводил на нет претензии автора...») (отзыв Театр.-лит. к-та о пьесе «Старческая любовь» — РГАЛИ, ф. 852, оп. 2, № 1490, л. 59). Хорошо зная жизнь и законы театра и психологию зрителей, он легко находил материал для драматургич. замыслов, но ему не удавалось избежать затянутости действия, многоречивости персонажей.

Чл. ОРДП, последние десять лет своей жизни — казначей об-ва.

Умер скоропостижно, сааясь в поезд в подмосков. с. Пушкине, где жил на даче, чтобы ехать в Москву на панихиду по случаю 25-летия смерти А. Н. Островского.

Изд.: Смешная публика. Юмор. рассказы, наброски и картинки, М., 1885, 4-е изд., М., 1903; Провинция в Москве. Юмор. рассказы, М., 1892, 2-е изд., М., 1903; Женитьба Крутозубова. Юмор. описание салатовца и женитбы заморского лавочника Архипа Семенинова Крутозубова, М., 1895, 3-е изд., М., 1907; Милые люди. Юмор. очерки и рассказы, М., 1895, 1900; Смеха ради. Юмор. рассказы, М., 1895, Б., 1921; Бел элька. Юмор. путешествие Петра Ивановича Тараканина и Ивана Петровича Бухакинина, М., 1898, 2-е изд., М., 1904; Дачные прелести. Юмор. рассказы, М., 1898, 1908; Господа коммерсанты. Юмор. рассказы, М., 1900; Приключения Жоржа Битюкова и Сергея Калтосова, М., 1900; Самой красивой женщине и др. рассказы, М., 1900; Стрипы смеха. Юмор. рассказы и картинки, М., 1900, 2-е изд., М., 1903; Блестки юмора. Рассказы и очерки, М., 1901, 2-е изд., М., 1908; Бел-дежка и др. рассказы, М., 1903; Наши близкие. Юмор. рассказы, очерки и картинки, М., 1903; Без претензий. Юмор. рассказы, М., 1904; Кому смех, кому елзы. Юмор. рассказы, М., 1905; Немного смеха. Юмор. рассказы, М., 1907.

Лит.: Чехов (ук.): Чернышевский (ук.); Круглов (А. В.). Пестрые странички. — ИВ, 1895, № 12, с. 793—94; Чернышевская-Быстрова П. М. Из лит. отношений Н. Г. Чернышевского к И. И. Барышау-Мещникову. — В сб.: Н. Г. Чернышевский. Неизданные тексты, статьи, восп., мат-лы. Саратов, 1926, с. 141—154; Белоусов (2); Н. Г. Чернышевский. Лит. наследие, т. 3, М.—Л., 1930, с. 581—92; [Письмо Чехову]. — В кн.: А. П. Чехов. Сб. документов к мат-лов. М., 1947, с. 131; Чернышевская Н. М. Летопись жизни и деятельности Н. Г. Чернышевского, М., 1953 (ук.); Гилляровский В. А., Избр., т. 2, М., 1960, с. 110; Лобанов В., Столешник дяди Пилипа, М., 1972, с. 27—34; История рус. лит-ры, т. 4, Л., 1983; Толстяков А. П. Люди мысли и добра, М., 1984 (ук.— см. на И. И. Барышау); Чулаков А. П., Мир Чехова. Возникновение и утверждение, М., 1986; сго же. Смысл — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. Очерки поэтики рус. классиков, М., 1994, с. 273; Петровская Н. Ф., Театр и артисты рос. столиц, Л., 1990 (ук.); Тимс Г. У истоков новой драматургии в России (1880-е — 1890-е гг.), Л., 1991 (ук.); Бурыйкин П. А., Москва купеческая, М., 1991, с. 155; Некро-

логи, 1911: НВ, 3 июня; «Утро России», 3 июня; МЛ, 3 июня; Илл. прил. к «Моск. листку», № 22; РСл, 3 июня; МВед, 5 июня; «Светоч и дневник писателя», № 7/8; «Рама и шиль», № 24; Бродягу: Грант; Венеров (Сп.; Истоп.; Рус. яз. — ошибочно приписан отзыв в «Отч. зап.», 1879, № 6); ЛЭ; КЛЭ; ТЭ; ИРЛТ: Мурзотова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 45; РГБ, ф. 295, к. 9801, л. 6 (письма И. Д. Родионову); ИРЛИ, ф. 377; ф. 357, оп. 5, № 76* (автобиогр. письмо А. Н. Салтыкову, 1901 г.); РГИА, ф. 776, оп. 20, л. 893; оп. 21, ч. 1, л. 283; оп. 26, л. 8, 9, 85 (пять дел).

И. Е. Гатович.

МЯТЛЕВ Иван Петрович [28.1(8.2).1796, Петербург — 13(25).2.1844, там же; похоронен в Сергиевской пустыни], поэт. Из богатой и старинной дворян. семьи. Отец — Пётр Вас., сенатор, тайный советник и камергер. По линии матери (урожд. гр. Салтыковой) М. приходился братом в 6-м колене А. С. Пушкину. (При

крещении М. воспитателями были имп. Екатерина II и гр. И. П. Салтыков — РГИА, ф. 805, оп. 2, л. 31.) Получил дом, образование, пяти лет записан в Коллегию иностр. дел. В марте 1813 вступил корнетом в Белозерский гусарский полк, в июле того же года переведен в л.-гв. Конный полк, принял участие в зарубежных походах 1813—14; в 1814 уволен из армии «по болезни». С 1821 на службе — в канц. министра финансов (при мин. Д. А. Гурьеве), в Деп. гос. имуществ и Деп. мануфактур и внутр. торговли, где в 1830-е гг. был главой Общества присутствия (см., напр., заметку П. И. Шаликова и стихи С. Н. Глинки о служб. командировке М. в Москву для устройства торгово-промышл. выставки 1833 — ДЖ, 1833, № 1). В 1825 женился на Прасковье (Марии) Петр., урожд. Балк-Полевой. В 1829 из камер-юнкеров произведен в камергеры; стат. сов. (1833). В 1836 уволен в отставку (1838 — действит. стат. советник).

Лит.-худож. интересы М. определились атмосферой семьи, где культивировались дом, спектакли, сочинялись шуточные «газеты» [франц.

«газета» «Le Barbet scrutateur» («Пудель-исследователь») — ИРЛИ]. Мать М. писала по-французски небольшие семейно-нравоучит. соч., вела дневники, носившие характер семейного альбома (включали стихи М., рисунки и записи сестер; там же, фрагменты см. в кн.: Владимиров). Симбирские имения Мятлевых Порешко и Беклемишево и их загородная дача Знаменское под Петербургом были своеобразными культурными центрами.

Первые сохранившиеся соч. М. — франц. (с отдельными страницами по-русски) темы для дом. спектаклей: «Camp des Femmes Soldats» (1819), «Suite du Fou raisonnable» (1820) и др., игравшиеся родственниками и знакомыми Мятлевым на семейных торжествах [об участиих постановках — в 8-й гл. «Journal des Théâtres Russes» М. — ИРЛИ: здесь же тексты шести пьес]. Описание именин отца в Знаменском в 1826 стало первой публ. М.: «Путешествие на праздно», «брошюра листа в три», изд. в 30 экз. «для любителей» (не выдана; ср. письмо А. Е. Измайлова к И. И. Дмитриеву — РА, 1871, № 7—8, стб. 991—92). К ссер. 1820-х гг. относятся и первые нив. его стихи: франц. элегия на смерть Александра I (в дневнике матери), «Послание к жене» (1826), обращенные к ней же стп. «Чины», «Призыв» (1824) и цикл франц. стп. (1827; в альбоме жены, ИРЛИ) — типичные образцы домашне-салонного творчества, построенного на хоровых штампах.

Баснословное розовое богатство (отец владел 12 тыс. душ), широкие родств. и эпитские связи давали М. полную возможность сделать очень хорошую военную, гос. или придворную карьеру, однако он реализует совсем иное социальное амплуа — просвещенного барина, светского человека, служащего лишь для приличия. Хозяин открытого дома, тонкий гасстроном и ценитель женской красоты, М. — заметная фигура в петерб. высшем свете, при дворе. Светскими связями в 1820—30-е гг. определялись и его лит. контакты; знакомство с М. зафиксировано в обращениях к нему стих. А. Е. Измайлова [«Не убьют здесь» (в Твери. — С. II.) литературы...», 1827], И. И. Козлова («Намишнем берегу морском...», 1834; письмо М. к нему — РА, 1886, № 2; ср. запись в дневнике Козлова — «Старина и новизна», 1906, кн. 11, с. 53). С нач. 1830-х гг. сближается с П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, Пушкиным, Н. В. Гоголем, А. О. Смирновой, ценившими в нем замательного собеседника и домашнег. поэта. Линия дилетантского камерного стихотворства отчетливо проступает в первых печатных опытах М.: два «Собрания стихотворений» (СПб., 1834, 1835), вышедших анонимно небольшими тиражами с характерным грифом «Уговорили выпустить», содержали весьма несовершенные элегии, «размыкдения», послания, стих. песенно-меланхолич. окраски (в т. ч. стих. «Розы», строка из к-рого, использованная И. С. Тургеневым в стих. в прозе «Как хороши, как свежи были розы», стала крылатой) и стихи «на

случай» (всего 28); в них М. выступает открытым эпигоном Жуковского и Козлова (впрочем, в сб. 1834 присутствуют и тексты, виртуозно пародирующие эту традицию: «Артамонач», «Фантастическая высказанка»). По позднейшему замечанию В. Г. Беллинского, сборники «не заметил никто, кроме друзей сочинителя» (IX, 262).

В дальнейшем отд. образцы «серьезной» лирики М. попадались в ж.-лах и альманахах 1840-х гг. (в осн. в «Современнике» П. А. Плетнёва, а также в «Мадже», «Рус. вестнике», «Москвитинине»); нет-рыс из них весьма удачны по простоте и искренности выражения испорченного чувства (напр., «Маске в черном домино...», 1843). Ряд его текстов («Птичка», «Бывало», «Сон» и др.) вошел на музыку А. Е. Варшавского, М. И. Глинки, М. Ю. Висельгорского, А. П. Бородина, В. А. Золотарёвым; отд. строфы «Фонариков» (1841) еще при жизни автора вошли в репертуар гор. романса, др. стп. воспринимались как фольклорные («Намочка тройная, или Восторг» и др.).

Значительно интереснее остролюбие и шуточное «стихоплетство» М. В дружеском кругу он славился искусством легко и затейливо подбирать рифмы, сочинять веселую стихотв. и прозаич. «галиматью», в к-рой прихотливо смешивал рус. и иностр. слова [сам он такие стихи называл «безделицами», «искорками» (burette)]. Его стихотв. экспромты и записочки, каламбуры, эпиграммы, так же как розыгрыши и комедийные сценки, пользовались неизменным успехом, постепенно закрепляя избранную им роль присяжного остроумца, светского забавника и буффона М. принимал участие и был «chef d'école» («наставником») Пушкина и Вяземского в сочинении шуточного стих. «Надо помянуть, непременно помянуть надо...» (1833; ср. стих. Пушкина «Свят Иван, как пить мы станем...», возможно, обращенное к М.). Собственные шуточные стихи. М. — как правило, небольшие тексты, ориентированные на конкретного слушателя или на замкнутый кружок (из более 50 дошедших стих. при жизни автора напечатано всего три; лучшие образцы шуточной поэзии обращены к Смирновой, автограф — РГБ, ф. 474, к. 4, № 69—71). Жанровое распределение юмористики М. весьма пестро: шутливые басни и послания, комич. диалоги, куплеты, пародийные баллады и песни (сильное влияние на версификацию М. оказывает совр. ему муз. фон — расхожие оперные, водевильные и таш. мелодии часто формируют метрику и строфику его произв.). Легкий налет нравств. сатиры не может замаскировать самоощельность мятлевского юмора: показательно, что комическое у М. обуславливается не столько темой и сюжетом, сколько формальными приемами, средн. к-рых доминируют каламбуры и гл. обр. макаронизмы.

Первоначально целиком вписываясь в традицию устной лит. игры, ха-

раκτηрной для светского салона и друж. кружка нач. 19 в., шуточное творчество М. в 40-х гг. выходит на более широкую лит. арену. В 1840 начата публикация осн. произв., с к-рым связана его лит. и жизненная репутация, — обширной описательно-юмористич. поэмы «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границу, дан д'этранже» (вышла отд. частями-томами — СПб., 1840, 1843, 1844; на т. л. — мистифицирующее обозначение «Тамбов»; не пропущенная цензурой строфа из ч. 1 — «Рус. библиофил», 1911, № 7; фрагменты неоконч. части о воляе героини по Франции — РВ, 1842, № 1).

В основе поэмы — заграничное путешествие самого М. (1836—39: Германия, Франция, Швейцария, Италия), к-рое он предпринял для лечения жены и мл. сына (ранее умерли шесть из восьми его детей). В арестратич. европ. кругах М. запомнился своим экстравагантным поведением (см.: Бутурлин; след лит. контактов М. — публ. его стих. «Плавящая ветка» в пер. на франц. яз. Э. Дешана: «La branche souvée» — париж. «Journal des jeunes personnes», 1836, дек., с. 353; здесь же краткая справка о М.). Сохранились упоминания о работе на поэмой — в письмах М. 1836—39 к Жуковскому (РНБ, ф. 286) и в письмах сына М. (ИРЛИ), а также свидетельство о чтении первых глав в Италии в 1839 (Бутурлин, № 9, с. 99).

«Сенсации...» представляют собой собрание путевых стихов, очерков, объединенных маской рассказчица — провинн. барыни, проезжающей маршрутом М. и обозревающей европ. достопримечательности (о прототипах Курдюковой или ее отд. черт существовали противоречивые свидетельства, см., напр.: Бутурлин, № 9, с. 102—04). Вместе с тем созданная маска достаточно условна, причем ее неоднородность, возможно, достигалась сознательно: точка зрения тамбов. помещицы постоянно смещается в сторону самого М., — просвещенного петерб. дворянина. «Автопроекция» как составляющая образа Курдюковой актуализировалась в дом. спектаклях, декламациях, в стих., написанных «от ее имени» («Мадам Курдюкова Лермонтову», «Графине М. Д. Гурьевой» — РГБ, ф. 438, к. 3, № 54; «M-me de Struve» — РНБ, ф. 601, № 2068, л. 24, копия; все стих. — 1839). Эта игра закрепилась в илл. В. Ф. Тимма к изд. 1840—44, где героине придано портретное сходство с М. (отмечено в рец.: БдЧ, 1844, т. 62, с. 65), а одна из картинок изображала перед зеркалом М., а в зеркале — Курдюкову. Наиб. ярким стилистич. приемом поэмы (перешедшим в нее из шуточной поэзии М.) стал «макаронич. язык» — смешное вкрапление в тскет искаженных иноязыч. фраз и слов (б. ч. французских, реже нем. и др.). В отличие от традиции, восходящей к 18 в., в макаронизмах Курдюковой, как и в поэме в целом, малошутима сатирич. установка: язык героини не используется как повод

для пуристич. критики галломании (ср. сатирич. функцию приема в комедиях 18 в.), скорее преследуется цель иронич. осмеяния плохого франц. яз. со стороны носителя, владеющего им в совершенстве.

Реальный фон мятлевского макаронизма — франко-рус. двуязычие высшего об-ва, порождающее (провоцирующее) языковую игру. Перемешивание рус. и иностр. слов — пост. прием в светских шутках (см., напр. письма А. К. Толстого к Адлербергу, 1837—38, — Толстой А. К. Собр. соч. т. 4, М., 1964, с. 455—519). Сходный по приему ритмизм А. Смирновой Николая I, по-видимому, поступал одним из источников истинного образа Курдюковой (см.: Смирнова-Россет, с. 281—83), что косвенно подтверждается свидетельством М. (выда в Смирновой «лажигательницу» своего веселого лара, называл ее «истинной матерью» Курдюковой).

Импровизационные по характеру (как и почти все творчество М.),

«Сенсации...» блестяще воспринимались со слуха — в чтении автора, Ф. А. Кони и др. Попытки исполнения со сцены, представления в виде водевиля (Александринский т-р, 1841) как бы возвращали поэму в породившую ее среду устного бытования. Др. важный элемент успеха «Сенсаций...» — иллюстрации Тимма, благодаря к-рым актуализировались очерковые и фельетонные черты поэмы, а кн. оказывалась «встроенной» в ряд модной нравоописат. лит-ры («физиологич.» произв. и т. п.; ср. ниже о др. иллустр. изданиях 40-х гг. соч. М.). Во многом, вероятно, из-за иллюстраций поэму переиздавали впоследствии («роскошные» изд. — СПб., 1904, 1907, и др.).

Критика затруднилась в однозначной оценке «Сенсаций...». Поэма трактовалась то как памфлет на макаронич. порчу языка, то как сатира на невежество провинн. дворянства, то как «легкая шутка», «фарса», лишённая серьезного значения. Ее пафос «безграничной веселости» расценивался нек-рыми критиками сочувственно (С. П. Шевырѳев — «Москв.», 1841, № 6; 1844, № 5;

Плетнев — «Совр.», 1841, т. 22; 1844, т. 33), другими — с раздражением (Белинский — ОЗ, 1844, № 5; 1845, № 9; поэму он называл «скучной и довольно плоской», видя в ее успехе свидетельство безвкусица значит. части читателей, — IX, 445, 450; VI, 392); позднее отсутствие проблемного и типического в «арлекинаде» М. ставило его в глазах критики за грань лит-ры (БдЧ, 1857, т. 143). Образ героини Плетнев трактовал как объект осмеяния («Вся мелочь избалованной барыни, все невежество ... вся спесь помещицы, грубый ее язык ... — все это схвачено мастерски ...» — «Совр.», т. 22, с. 25) и решительно противопоставлял ее позиции автора; Шевырѳев же писал о сочувств. изображении в лице Курдюковой «нашей провинции», сохраняющей «своей родовой, врожденный характер, свой совершенно особый взгляд на вещи и людей, часто верный...» («Москв.», 1844, № 5, с. 14). Ф. В. Булгарин видел в героине «неопределенность» и «раздвоенность» (СП, 1841, 11 янв.). Но практически всеми отмечались глубокая оригинальность поэмы и «неподражаемость» макаронич. стиля М.

Вернувшись в Россию, М. вел беззаботную светскую жизнь. Его петерб. дом, «самый аристократический» (Исаакиевская пл., 9), был «наполнен картинами, статуями и разными редкостями Италии» (Грот и Плетнев, I, 155). Здесь часто устраивались балы, вечера и спектакли, присутствовали как императорское семейство, члены Гос. совета, министры, дипломаты, так и литераторы (в т. ч. Жуковский, И. А. Крылов, Плетнев, Н. И. Греч), артисты, музыканты. Выступали рус. (Каратыгина, Глинка) и иностр. знаменитости (певцы Дж. Паста, Бишоп, музыканты Бокса, Блаз и др.). Сам М. был неизменным «коноводом» в танцах, всегда «смешил всех запасом своих фарсов» (Паткуль, № 2, с. 464, 468). В 1839—43 он частый гость салонов «лит. аристократии» (Карамзинных, В. Ф. Одоевского, Е. П. Ростолчинной, к-рой посвящал стих.), салона Паткулей, муз. вечеров А. Ф. Львова. «Его появление вводило радость в общество; его ум оживлял беседу; его разговор прогонял скуку. Поэзия была для него ароматом жизни» (Плетнев — «Совр.», 1844, т. 33, с. 340). Присажье специально стремились попасть «на Мятлева», послушать чтение им своих соч., всеми отмечался его необыкновенный театрально-декламат. талант. М. воспринимался как выдающийся жизнелюб, его внезапная смерть от удара (во время масляной шутки 1844) буквально «потрясла» «высшее общество» (Корф, с. 291).

В последние годы жизни за М. укрепилась репутация «модного по-

эта», автор стих., воспринимавшихся современниками как «легкая, забавная шутка остроумного, светского человека, который одарен комическим талантом» (СО, 1842, № 9, с. 42; показательно заглавие рукописного сб. стих. М. из собр. Вяземского — «Юмористика»). Его стих. появляются в периодике (характерно сотрудничество М. в илл. «Листке для светских людей» под ред. А. Н. Греча), сборниках; посмертно десять стих. опубликованы в сб. «Сто русских литераторов», т. 3, СПб., 1845 (неодобрит. или сдержанные рец. 1845: «Москв.», № 9; БдЧ, т. 71; ОЗ, № 9; последняя — Беллинского, выдвигавшего сатирич. «Разговор барина с Афонькой»). Отд. изд. выходит «Петергофский праздник» (СПб., 1842; с илл. Тимма; третий вып. в серии «Картинки русских нравов»), «Тарантелла» (СПб., 1844), «Коммеражки» (СПб., 1844). В трагедии для М. духе разговорная интонация и стилистич. игра соединены в этих соц. с обращением к комич. и прямо анекдотич. сюжетам и случаям.

В дружеском кругу имя М. теснее всего оказалось связанным с поэтикой макаронизмов и каламбуров, к-рая была подхвачена и употреблена как авторский-маркированная — в стихотв. обращениях к М., в ответах и «перепевах» его стих., при упоминании его имени в тексте: стих. Н. В. Кукольника (РА, 1891, № 8), пародия на «Петергофский праздник» (ЛГ, 1842, № 39), стих. неств. автора «Сочинятели от родственника» (РГБ, ф. 129, п. 21, № 56). В сатирико-юмористич. и «фельетонной» поэзии 2-й пол. 19 в., развивавшей схожие поэтич. приемы, прямое влияние М. практически не обнаруживается, более очевидна типологич., а не генетич. общность, имевшая разные традиции и функционирование. Требуется значит. корректив распространенный взгляд на М. как «предтечу» Козьмы Прутова, поэтов «Искры» и «Сатирикона» (А. Амфи-театров — в изд. 1894; Голицына; Степанов) (в частности, существенно, что, в отличие от Козьмы Прутова, Нового Поэта (И. И. Панаев) и т. п., направленные его «Сенсаций...» — всилитературная, хотя элементы пародии и встречаются в поэме).

Перенздания соч. М. в 19 в. не встречали «живого» отклика и не становились актуальным лит. событием. М. воспринимался как поэт прочно забытый и «экзотический». Рецензенты изд. 1857 единодушно отказали ему в праве на читательское внимание (БдЧ, 1857, т. 143; ОЗ, 1857, № 5; СО, 1857, № 26; автор последней рец. принял М. за здравствующего поэта-графомана, к-рое и не пробуждалось до кон. 19 в. (см. заметки о М. и рец. на изд. 1893—94;

«Нива», 1894, № 7; СВ, 1894, № 5; РЕ, 1894, № 3; МБ, 1895, № 4; «Нева», 1906, № 4). Как издательскую «ошибку» оценил рецензент «Нового мира» (1937, № 10, с. 272; подп.: С. Л.-н) издание 1937: «Были бы сохранены и средства, и время, и главное, бумага». Лишь с 1960-х гг. ист.-культурное значение поэзии и личности М. было восстановлено в должном объеме.

Изд.: ПСС, т. 1—2, СПб., 1857 (перезд. в 1 т. — К—Х, 1893); ПСС, т. 1—3, М., 1894; Стих. М.—Л., 1937 (БПис; вступ. ст. В. Голицыной); Стихотворения. «Сенсации и замечания...», Л., 1969 (БПис; вступ. ст. Н. А. Коварского, прим. Коварского и Н. А. Бахметьевой); Стих. «Киягини костылек» (1836). — «Ежегодник РО ПД на 1977», Л., 1979, с. 73—74 (публ. В. Э. Вацуро).

Лит.: Пушкин; Беллинский; Вяземский; Грот и Плетис; Никитенко; Смирнова-Россет (вс — ук.); Ф(еодоро)в Б. [стих.] «На комичину И. П. Матлевца». — «Маяк», 1845, т. 19, № 1, с. 26; Каратыгина А. М., Восп. — РВ, 1881, № 4, с. 601; Вяземский П. А., Письмо С. П. Шварцеву. — РА, 1885, № 6, с. 307; его же, [Заметка о М.]. — В кн.: Иванский Д. П., Кюль П. А., Вяземский А. С., Пушкин, М., 1994, с. 115; Корф М. А., Из зап. — РС, 1899, № 11, с. 291—93; Мещерский А. В., Из моей старин. — РА, 1901, № 3, с. 485—86; Бузурулин М. Д., Зап. — РА, 1901, № 9, с. 81—119; № 11, с. 384—421; Паткуль М. А., Восп. — ИВ, 1902, № 2—4; Бобров Е. М. и народное остроумие («Разговор барина с Афонькой»). — В его кн.: Лит-ра и просвещение в России XIX в., т. 1—3, Каз., 1901—02; Дризден Н. В., Драматич. лектура двух эпох 1825—1881 гг., П., 1917, с. 75—76 (о иск-в, затруднявших при постановке «Сенсаций...»); Голицына В., Шутливый поэт М. и стиховой фельетон. — В кн.: Рус. поэзия XIX в. Сб. ст., Л., 1929; Герштейн Э., «Мятлевские» стих. Лермонтова. — ВЛ, 1959, № 7; Владимирова Е. В., Рус. писатели в Чувашии, Чебоксары, 1959; Себелев К. А., Лит. моста Ульяновской обл., Саратов, 1969, с. 184—85; Степанов Н., Значитель рус. юмористич. поэзии. [Рец. на кн. М. 1969]. — ВЛ, 1970, № 10; Мануйлов В. А., Лермонтов и Каратыгина. — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Иссл. и мат-лы, Л., 1979, с. 334—37; Вацуро В. Э., Лит. альбомы в собрании ПД. — «Ежегодник РО ПД на 1977», Л., 1979 (ук.; тексты М. в альбомах); Кантор А. М., [150 лет книги М. «Сенсации и замечания...»]. — В кн.: Памятные книжки дати. 1990, М., 1990, с. 198—203; Пыхляев М. И., Забытое прошлое окрестностей Петербурга, СПб., 1994 (ук.; в т. ч. о судьбе худож. собрания Мятлевых); Шохина В., «И ха-ха-ха, и хихика...». К 200-летию И. П. Матлевца. — «Низкаясь газ», 1996, 9 февр. * Некрологич. 1844: «Совр.», т. 33 (П. А. Плетнёв); БдЧ, т. 62; «Маяк», т. 14, кн. 27; «Моя», № 5 (Тружеский); ЛГ, № 3, 19; СП, 5 янв., 15 февр. Брокгауз; Венгеров (Источ.: Рус. кн.); ЛЭ; БСЭ; КЛЭ; Лерн. энци.; Черский; Рус. писатели, 1990 (ст. В. И. Корovina); Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. Энци. справочник, М., 1992, с. 406; Смирнов-Сокольский; Муратов (1: 3, ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 196; РГАЛИ, ф. 333, ф. 195 (письма П. А. Вяземскому); РГИА, ф. 1343, оп. 25, д. 6541 (о дворянстве Мятлевых, в т. ч. ф. с. М. 1833 г.); ф. 18, оп. 9, д. 308; ф. 40, оп. 1, д. П (биограф. сведения); ф. 1018, оп. 8, д. 175 (письмо И. Ф. Пастухову-Эрицанскому, 1840; стих.) [справка С. И. Вареховой]; РГАДА, ф. 1271 (бумаги семьи М. — отца, матери, мужа); РНБ, ф. 601, № 2068 («Вам хочется, сомнительная нет», 1839, подпись: П. Курдюков); ф. 539, № 569, 793, 1515 (письма В. Одоевского, А. М. Каратыгина, 1840-е гг.; стих.); ф. 124, № 2585, 2957 (письма Л. Н. Вакоетов; стих.); ф. 545, № 23, 66 (письма Ф. П. Опошнину, 1830—35; стих., в т. ч. неопубл.); ф. 291, № 115 (письмо М. Н. Загоскину, 1831); РГБ, ф. 231ЛП, к. 8, № 50 (списки с неопубл. стих. 1842).

С. И. Панов.

НАВАШИН Дмитрий Сергеевич (1889. Киев — 25.1.1937, Париж), поэт, прозаик, переводчик. Из дворян. Отец — проф. ботаники Сер. Гавр. Навашин (1857—1930), после 1917 акад. АН СССР и АН УССР. По окончании гимназии Н. учился на юридич. ф-те Киев. ун-та. Из его лит. наследия сохранилось немного. Первые известные стих. датированы 1908. В кон. марта 1909 Н. обратился к В. Я. Брюсову с рекомендат. письмом от своего родственника Ф. Ф. Зелинского, что положило начало их регулярной переписке в 1909—10 (РГБ, ф. 386, к. 95, № 6, 47). 4 апр. 1909 Брюсов рекомендовал Н. запиской А. Белому, охарактеризовав его как «молодого поэта, который читал мне свои очень интересные стихи и сказки» (ЛН, 85, с. 418). Вскоре Н. вступил в переписку и с Белым (первое письмо помечено 6 апр. 1909).

Пл. содержание писем Н. — лит. жизнь Киева, сведения об издат. начинаниях (напр., о неосуществл. замысле ж-ла «Совр. некая») в письме к Брюсову от 1 дек. 1909; фрагмент опублик.: ЛН, 92, кн.3, с. 357), суждения о творчестве известных поэтов и писателей. В своих отзывах и прикрасах Н. ориентировался на символист. по ин. их темы были ему чужды — эротич., урбанистич. и историческая («в прирас-ском», эстетском понимании). В своих критич. оценках Н. отдавал предпочтения своеобразному «иноморитизму», включая в этот круг и особо выделял поэзию И. А. Бунина, и весьма редко высказывался об А. А. Блоке и Влч. Маяков. разделял позицию Брюсова в ходе известной дискуссии 1910 о символизме (ЛН, 92, кн. 3, с. 369, 371).

Письма Н. — ценный источник для истории лит-ры — показывают его как тонкого знатока иск-ва, обладавшего задатками одаренного лит. и худож. критика, однако не реализовавшегося в этой области.

Стихи и проза Н. не совсем типичны для окосимволист. молодежи кон. 1900-х гг. Как поэт он скорее ориентировался на традиции рус. романтизма в их символист. интерпретации, нежели собственно на символизм; несомненно влияние на него Э. По (сохранился выполненный Н. неопубл. пер. стих. «Аннабель Ли»), Ф. Сологуба и Блока, ранней поэзии к-рого близок образ «царской дочери», «грустной шарвынь» — один из наиболее важных и часто встречающихся у Н. Для него характерен вы-

сокий уровень техники стиха, он усвоил мн. формальные достижения символизма: «Мне было грустно... Книжки и мечты./ Как милый бред, развезлись далече.../ Я был один; и ангел пустоты/ Завоевше лег рукам мне на плечи» (РГБ, ф. 386, к. 58, № 5, л. 8). Стихи Н. публиковались в альм. «Сев. цветы на 1911 год» (М., 1911; перепечатка в публикации Р. Д. Тименика «Один из вышедших серебряного века» — «Даугава», 1996, № 1) — свидетельством того, что Брюсов, включая в альманах прозв. единственного неизвестного автора среди известных и даже маститых, связывает с его именем надежды и рассчитывает ввести в лит-ру еще одно яркое новое имя. Имеются косвенные данные о пока не выявленных публ. Н. в периодике 1912—1914; ряд неизд. стих. — в архиве Брюсова. В 1912—14 стихи Н. получили нек-рую известность в лит. кругах Москвы: он читал их в Лит.-худож. кружке.

Наиболее значительные из прозаич. произв. Н. — рассказ «Морской разбойник» («СЦ на 1911 г.») и «Сказка о расточительной девушке» (неопубл.; РГБ, ф. 386, к. 58, № 5); в них ошутима ориентация на сказки О. Уайльда и отчасти Сологуба, доходящая порой до прямого подражания.

Лит. дебют Н. был встречен отрицательно. А. Белый, говоря о стихах Н. в рец. на альм. «Сев. цветы на 1911 год», сдержанно отмечал: «... единственное их достоинство — та юная свежесть, которая присуща и многим другим начинающим, не повавшимся, однако, на страницах «Северных цветов»» (РМ. 1911, № 10, отд. III, с. 25). Уничтожающим был отзыв Н. С. Гумилёва: «Стихи Д. Навашина ... очень плохи и, что хуже всего, ничего не обещают. Его рассказ «Морской разбойник» написан слашаво и почти без всякой фабулы» («Аполлон», 1911, № 8, с. 68). Можно предполагать, что подобные отзывы побудили Н. прекратить печататься, а затем и вовсе отойти от лит. деятельности. Лит. архив Н. не обнаружен.

Вероятно, в середине 1910-х гг. Н. стал мажором; член ложи «Астрея» в 1916—17. Др. сведения о его жизни врем. 1-й мировой войны, Февр. рев-ции 1917 и Октябрьской рев-ции 1917 ист. С начала 1920-х гг. жил в Париже, занимая должность помощника директора, затем директора сов. банка; выступал со статьями по экономич. вопросам во франц. печати. Один из основателей возрожденной мажорской ложи «Астрея» в Париже (1922), в рунд позднее оставил, перейдя во франц. «Англо-саксонскую ложу». По сообщению Н. И. Берберовой, «среди его ближайших друзей были не только видные французские эсеры, банкиры, масоны Восточка, но и министры и сенаторы... Затем пришел слух, что его выгнали в Москву. Но он туда не поехал. В это время у него уже кризисные между-парламентские фонды трюков...». В 1931—32 гг. в Париже заговорили, что он ушел из банка и пытался съехать на родину» (Берберова Н., Люди и ложи. Рус. масоны XX столетия, Н.-Я., 1986, с. 208—09).

Н. был связан с руководителями троцкист. оппозиции в СССР, в частности с Г. Л. Пятаковым, Г. Я. Сокольниковым и Л. П. Серебряковым. Убит в Булонском лесу во время прогулки при загадочных обстоятельствах, к-рые остаются невыясненными до настоящего времени. Не исключается версия его убийства агентами НКВД (нек-рые сведения об этом есть в ст. «Агенты Ежова за границей» — ПН, 1938, 29 июля).

Лит.: Гумилев (ук.); Левик С. Ю. Четверть века в опере, М., 1970, с. 109; Анниферов Н. П. Из хум. о балом. Воен., М., 1992 (сост. и прим. А. И. Добкина); ЛН, т. 85 (ук.); г. 92, кн. 3 (ук.). + Альм. и сб-ки (2).

Архивы: РГБ, ф. 25 (А. Белый), к. 27, № 17 (письма Белому); ф. 386 (В. Брюсов), к. 58, № 5 (неопубл. проза и персозв. Н.); к. 95, № 46 и 47 (письма Брюсову).

Ю. И. Глебов.

НАВРОЦКИЙ Александр Александрович [псевд. Н. А. Вроцкий; 1(13).3.1839, Петербург — 28.5(10.6).1914, там же; похоронен на Новолесничьем кладб.], поэт, драматург, прозаик, издатель. Из дворян Моск. губ. В 1857 окончил 2-й пестерб. кадет. корпус и был выпущен в гвардию. Служил в д.-гв. Моск. пол-

ку. В 1867 из-за последствий ранения в голову (во время подавления польск. восстания в 1863) оставил строевую службу и поступил в Воен.-юридич. академию. После ее окончания (1868) служил помощником моск., затем пестерб. воен. прокурора, виден воен. прокурором, воен. судьей Петерб. воен. округа, пред. Виленского воен. окружного суда. В 1891 вышел в отставку в чине ген.-лейтенанта. Был членом Воен.-ист. об-ва.

Дебютировал в лит-ре светским ром. «Семейство Тирских» (М., 1869), обнаруживающим увлеченность нем. романтизмом (мотивы безумия, мистич. роли музыки, гибели в Рейне и т. д.), — мелодраматичным и риторичным («вариация, очень скучные, на темы несчастной любви» — «Илл.газ.», 1869, 11 дек.; ср.: иронич. рец. — ВЕ, 1869, № 5; отри-

цат. отклик: Z (В. П. Буренин) — СПбВед, 1869, 25 марта). Известность Н. принесли стих. «Утес Стеньки Разина» («Есть на Волге утес...»; написано в 1864; ВЕ, 1870, № 12) и драм. хроника «Стенька Разин» (ВЕ, 1871, № 5). Стих. было положено на музыку, «распевалось в семидесятых и восьмидесятых годах разидельной молодежью и имело значение рус. марсельезы» (Ясинский И. И., Лит. воспоминания. — ИВ, 1898, № 1, с. 159); в дальнейшем оно включалось в рев. песенники (сб.: Песни свободы, М., 1905; Песни борьбы, М., 1906; и др.).

В драм. хронике «Стенька Разин», посвя. Н. И. Костомарову и вдовольной его кн. «Бунт Стеньки Разина», Н. «вообразил, что Разин был непременно социалист и чуть ли даже не предтеча героев недавней Парижской коммуны» (ВН, 1871, № 135). Стороники правят, лагеря сошлись, что пьеса Н. «представляющая всеобщую решню и грабег как борьбу за свободу, есть продукт вышест. учения» (А. К. Толстой в письме М. М. Стасюлевичу от 1 окт. 1871. — Толстой А. К. Собр. соч., т. 4, М., 1969, с. 377). На революционеров же она оказала сильное мобилизующее воздействие (см., напр.: Момсенко П. А. Восп. М., 1924, с. 39—40). Попытки Н. переиздать пьесу и стих. о Разине (не только в 70-х гг., но и позднее) пресекала цензура (см.: РГИА, ф. 777, оп. 2, д. 22; оп. 3, л. 15). Пьеса была переработана членами народнич. кружка «чайковцев» (больш. стихи заменены прозой, переставлены акценты, сделаны вставки пропагандист. характера), отпечатана в Женеве (1872) под псевд. «Вольный атаман Степан Тимофеевич Разин» и использовалась в народном. пропаганде (см.: Процесс 193-х, М., 1906, с. 38, 70, 101, 153; в России акт. текст пьесы вышел отд. изд. лишь в 1907, СПб.).

В 1874 издан в Вильне пьесу «Царевна София» (в кн. включен и ряд стих.). В кон. 70-х гг., проживая в Петербурге, посещал салоны А. П. Философовой и гр. С. А. Толстой, общался с Н. С. Лесковым и Ф. М. Достоевским (Н. — человек «честный, но с великим самоунижением» — Достоевский И., ХХХ, кн. I, с. 58). Дважды посетил Л. Н. Толстого: в 1878 в Ясной Поляне (говорил с ним о ж-ле «Рус. речь», к-рый готовился издавать со следующего года. — см.: Л. Н. Толстой. Переписка, 2-е изд., т. 2, с. 31—32, 34, 36) и в нач. 80-х гг. в Москве. Толстой тогда отрицательно отнесся к рстигиозно-мистич. настроениям Н., выразившимся, в частности, в том, что в течение ряда лет Н. ездил в отпуск послушником на о. Валаам (об этом в дневнике А. В. Жиркевича — GMT).

С 1879 — изд. и рец. умеренно-прогрессистского ж-ла «Рус. речь», притягек к сотрудничеству таких писателей и публицистов, как А. Д. Градовский, И. А. Гончаров, Н. Я. Данилевский, А. В. Крутлов, Е. Л. Марков. Сам Н. выступал здесь с многочисл. статьями, стихотворениями и ист. драмами в стихах: «Последняя Русь» (1879, № 2), «Крещение Литвы» (1879, № 9; отд. изд. — СПб., 1902), «Незульты в Литве» (1880, № 9). В публци. статьях («Совр. этюды» — 1880, № 3—6;

«Внутр. обозрение» — 1881, № 4; «Самодержавие и конституционализм» — 1881, № 6) рассматривал острые вопросы текущей жизни. Утверждая, что рус. царь неразрывно связан с народом (связь эту пытается разорвать бюрократия) и что непременным элементом обществ. жизни является «предание» (вера и традиции предыдущих поколений), он подверг резкой критике обществ. увлечения эпохи реформ (атеизм, нигилизм, меркантилизм), в ходе к-рых «мы промотали ту нравств. энергию и силу, к-рые преемственно получили от предков» (1880, № 3, с. 290). Критикуя в то же время и ряд элементов совр. гос. устройства (всеобщая регистрация чиновничества, «классическая» реформа образования и т. д.), Н. призывал к «мелкой, постепенной работе», к «борьбе на нелегальном поле», считая, что в основу всех предстоящих реформ должна лечь реформа человека, а для этого необходимы «полная свобода совести, привлечение частной энергии к поднятн ю нравств. идеала, к идейной борьбе с развившимся злом, строгая экономия и возможно широкое участие представителей народа в разрешении разл. вопросов гос. и обществ. жизни» (1881, № 4, с. 40, 48, 2-я паг.). «Рус. речь» успеха не имела (см.: Злобин П. (П. В. Быков), Эпитафия. — «Стрекоза». 1882, № 20, с. 6); Н. разорвал на издании ж-ла (см. «От редакции» — 1882, № 5) и прекратил его выпуск в 1882 (на № 5).

Стихи Н. собраны в сб. «Картины минувшего» (СПб., 1881; на кн. был наложен арест, вышла после перепечатки ряда страниц — см.: РГИА, ф. 777, оп. 3, д. 37), «Светочи Русской земли» (СПб., 1896), «Сказания минувшего» (кн. 1—3, СПб., 1896—1902; 2-е дополненное изд. — СПб., 1906), «По Волге. Волжские былинны и сказки в стихах» (СПб., 1903); они печатались также в ж-лах «Рус. вест.» (1903—04), «Мирный труд» (1905, 1907), «Светоч» (1910). Способный версификатор, но в стихотв. технике и подходе к ист. материалу эпитон Л. А. Мез, А. Н. Майкова и А. К. Толстого, Н. задалься целью поэтически проиллюстрировать рус. историю, причем наиболее привлекали его остроконфликтные ситуации и персонажи, бунтующие против законной власти (стих. «Псков», «Новгород», «Патриарх Никон»).

Подражая рус. былинам и романтич. балладе, своего псевдору. стилизовал он, по словам современника, «находил тоску на читателях» (Дс-Волган Г. А., Очерки прошлого. — ГМ, 1914, № 8, с. 135); большинство рецензентов характеризовало их как «прозу, втроебленную на коротких строчках, по правилам стихосложения, иногда с рифмами, далеко не всегда удачными» (РМ, 1897, № 3, с. 108, 3-я паг.; ср.: Русь», 1881, № 5). Однако у менее выскат. критиков («Влени.вост.», 1881, 28 окт.; (Е. А. Соловь-

ев) — РБ, 1899, № 2; «Новости и бирж. газ.», 1897, 25 марта; и др.) и читателей они имели успех. Аналогичные образом сложилась ситуация и с его пьесами. По мнению ин. рецензентов, в его драмах «нет ни характеров, ни положений, ни задачи, ни начала, ни конца» (ОЗ, 1881, № 12, с. 183, 2-я паг.), а в речи персонажей «нет приправ, колорита и отбросов русской речи XVI, XVII веков и начала XVIII» (РС, 1882, № 6; оборот обложки, отзыв за подписью: К.).

Продолжал писать и прозу; сб. рассказов «Волны жизни» (СПб., 1894; цензура намеревалась запретить книгу за осуждение существующих законов — РГИА, ф. 777, оп. 4, д. 173; вышла с изъятием трех рассказов; сочувств. рец.: РМ, 1894, № 7; «Набл.», 1895, № 3) и мелодраматич. ром. «Под ударами судьбы» (СПб., 1898), «Каждому свое» (СПб., 1899).

К кон. 90-х гг. стал убежденным традиционалистом-консерватором (письмо А. С. Суворину от 7 окт. 1899: «Великие основы рус. государства: самодержавие, православие, народность — не суть пустые звуки. Они существуют. На них зиждется и стоит рус. государство» — РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2844, л. 34—35). В 1897 выступил организатором «Рус. бесед» — лит.-муз. вечеров о рус. старине — с чтением, пением, показом световых картин и т. п. (см.: Печерин С. (Сафонов С. А.), «Рус. беседа». — «Новости и бирж. газ.», 1897, 4 нояб.). Пытался организовать и театр ист. пьес, однако долгие хлопоты не завершились успехом. В 1903 стал одним из активных деятелей обществ.-полит. орг-ции «Рус. собрание» (в дальнейшем черносотенно-монархич. орг-ция).

С 1900 — чл. Лит.-худож. об-ва. Продолжал писать ист. драмы: «Дарья Осокина, купеческая дочь» (СПб., 1904), «Осада Ростова» (РВ, 1906, № 5, 6), «Лихолетье» (СПб., 1910), «Артемий Петрович Вольнский» (СПб., 1910) и др.; стремился поставить их в театре, однако после многолетних усилий смог пробиться лишь на сцену Нар. дома в Петербурге, где с 1900 в течение неск. лет шла «драматич. быль» «Иван Разбойник, или Грехам не съесть, пока совесть есть» («Свет. Сб. романов и повестей», 1901, № 2). Несмотря на иллюстративность, пьесы Н. «вполне отвечали психологии непосредственности — в них и сильные движения, и возвышенные чувства, и величаяя речь» («Лукоморье», 1914, № 9, с. 15). За трагедию в стихах «Государь-царь Иоанн III Васильевич» Н. был удостоен в 1901 поч. отзыва при присуждении АН Пушкинской пр. (опубликована «Свет. Сб. романов и повестей», 1903, № 6; рец.: В. И. Ламанский — Сб.ОРЯС, 1903, т. 75, № 4). Представление состоялось в 1903 в Нар. доме, но вскоре пьеса была запрещена для пост. в нар. театрах, т. к. она изображала «облик столь несимпатичного держа-

теля самодержавия» (из доверенния полицмейстера градоначальнику — цит. по кн.: Хайченко, с. 356). В 1912 за пьесу «Ермак» получил пр. И. Г. Вуичина, присуждавшую ист.-филол. ф-том Новорос. ун-та (Одесса) за лучшие пьесы для нар. сцены.

Сын Н. тоже Александр Александрович, актер, выступал и как автор пьес: «Антверпен пал, но Бельгия жива!» (П., 1914), «Колокол Рейнского собора» (П., 1914), «За идеал Руси свободной» (П., 1915) — вышли под псевд. А. А. Наровский (об авторстве см.: РГАЛИ, ф. 675, оп. 3, д. 49); позднее приписывались отцу.

Др. прозв.: ист. пьесы — «Марфа Борешка, или Падение Великого Новгорода» (СПб., 1900), «Полонянка» (СПб., 1904), «Коромысла башня» (СПб., 1909), «Великий день (19 февр. 1861 г.)» (СПб., 1911), «Князь Михаил Скопин-Шуйский» (СПб., 1913).

Изд.: Драм. произведения, т. 1—3, СПб., 1900; Драм. творчество, кн. 1—3, СПб., 1909—1913; Одноактные драмы, СПб., 1909; [Стих.], — В кн.: Вольныя рус. поэмы второй пол. XIX в., 2-е изд., Л., 1959 (БПБ); [Песни и романсы]. — В кн.: Поэты 1850-х гг., Л., 1968.

Лит.: Достоевский, ХХХ (ук.); Михеевич; Михайловский, V, 450; Друскин М., Рус. рев. пьесы, М., 1954, с. 9, 40, 48, 51—52, 58, 149; Житомирский Д., Из прошлого рус. ре. пьес., Л., 1963, с. 27—31; Яранцев Р. И., Первая «книга для народа» революционеро-пропагандистов нач. 70-х гг. XIX в. — Изв.ОЛЯ, 1966, т. 25, в. 1; Акимов Т. М., Архангельская В. К., Рева, пьесы в Саратовском Повольжье, Саратов, 1967, с. 96, 103, 113; Зубков М. И., Рус. поэма сер. XIX в., М., 1967, с. 44, 46—48; Захарина В. Ф., Голос рева России, М., 1971, с. 48—51; Хайченко Г. А., Рус. нар. театр кон. XIX — нач. XX в., М., 1975, с. 356; Вересаев В., Восп., М., 1982, с. 134; Днепрова Л., В них слыта наша слава — «Сп. молодости», 1982, № 11, с. 51—52; Гринкевич Н., Строки, имена, судьбы, А.-А., 1983, с. 41—49; Гофман Л., Олессея Александровна Ростова, М., 1984, с. 32—43, 136; Катанов В., Живые писымена, Тула, 1987, с. 125—28; Достоевский в восп. (ук.); Шлегель пошуйска, т. 2, Warsaw, 1971, с. 256, * Некролог, 1914; ИВ, № 7; «Рачна и жизнь», № 23. Ист. обозрение 2-го кадет. корпуса, СПб., 1862, с. LXXIV; Кузьмин-Караваев В. Д., Воен.-юрид. академия, СПб., 1891, с. 4 (2-я паг.); Бродгауз; Венгеров; Источ.; Мельер; Гранат; КЭЭ; Иванов; Масляев (исверну уг. год рожд.; ошибочно принисан Н. псевд. его сына — А. А. Наровский).

Архивы: ИРЛИ, ф. 377, № 2505 (автобиография 1913 г.); РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2844 (письма А. С. Суворину, 1894—1910); ф. 275, оп. 4, № 36 (письмо Н. С. Лескову); РГБ, ф. 931, к. 7, № 3 (письмо Ф. М. Достоевскому); ГМТ, ф. ААЖ (42 письма А. В. Жиркевичу, 1892—1910, и многочисл. записи в дневнике Жиркевича о Н.); [справка Н. Г. Жиркевич-Полесской]; ГАРФ, ф. 564, оп. 1, д. 2654 (письмо к А. Ф. Конон); СПб ГТБ (письма Ю. И. Беляеву, П. П. Гисцину, Н. Ф. Сазонову); РНБ, ф. 615, № 699 (письма Н. И. Привалову, 1897—1907); ф. 874, № 58, 78, 118, 122 (письма С. Н. Шубинскому, 1894—1910). А. И. Реабл-блат

НАВРОЦКИЙ Сергей Никанорович [30.1(11.2).1808* — 15(27).6.1865, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], драматург, прозаик, критик, публицист, переводчик. Из дворян (наследств. имения в Моск. и Вятской губ.); сын тит. советника; младший брат математика, чл.-корр. АН — Ник. Никан. Навроцкого (1800—59). Избрал воен. карьеру; не закончил физико-матем. ф-т Моск. ун-та (1821—24), поступил в Школу

гв. подпрапорщиков и кав. юнкеров (1824); одновременно зачислен в л.-гв. Измайлов. полк унтер-офицером; выпущен в янв. 1826 прапорщиком; в 1830—31 — в действующей армии; в окт. 1830, состоя прикоман-

дированным к Козлов. пех. полку, участвовал в сражениях против горцев (орд. св. Анны 4-й степени с надписью: «За храбрость»), а летом—осенью 1831, в составе Измайлов. полка, — в осн. операциях Польской кампании: переправе через Висту (позже названной им «блистательным») подвигом И. Ф. Паскевича, решившим без единого выстрела участь войны, — «Маяк», 1842, т. 6, гл. 1, с. 85), штурме Варшавы (польский орден за воен. достоинства и медаль за взятие Варшавы).

В янв. 1832 по неясн. причинам внезапно оставил армию (впоследствии признавался, что «под красными отворотами мундира ... не было даже и предчувствие гражд. службы» — «Маяк», 1840, ч. 10, гл. 5, с. 22) и определился к статским делам (в чине 9-го кл.).

В 1832—38 — пом. контролера, старший контролер в Комиссарнат. департаменте Военного мин-ва; с окт. 1838 — правитель дел в Кораблестроит. и учебном в-те Кораблестроит. департамента Мор. мин-ва; в 1842 временно зам. отделения в канцелярии К-та строит. комиссии С.-Петерб.—Московской ж.д.; в авг. 1842 — февр. 1843 — нач. отделения в Деп. жел. пути и деп. управления путей сообщения и публичных зданий.

По всей вероятности, был хорошо образован — в дек. 1832 о. Харшинф Бичурин рекомендовал ему М. П. Погодину как «человека военного и учебного» и просил «обласкать» (см.: РГБ). Первый из сохранившихся лит. опытов Н. — нач. повести «Исцеление» (1838 — см.: РГАЛИ), содержащее лишь завязку действия, но четко намекающее близкий Н. тип гл. героя: поборника рус. народности, твердого в нравств. вере.

Активная лит. деятельность Н. продолжалась всего 3 года (1840—1842) и неразрывно связана с близким ему по духу ж-лом — «Маяком

современного просвещения и образования...» С. А. Бурачка и П. А. Корсакова (не исключено и проф. сближение с Бурачком-кораблестроителем). Н. дебютировал в «Маяке» (1840, ч. 5) под псевд. С. Москворецкий — «Письмом к редакторам „Маяка“», в к-ром обстоятельно и аргументированно отрецензировал 15-е изд. «Краткой всеобщей географии» К. И. Арсеньева (1840), выявляя несоответствие книги ряду требований, предъявляемых к учебной лит-ре (ориентация на возраст ученика, совершенная ясность и точность определений, системность изложения, учет совр. сведений). Через месяц, под собств. именем, выступил с 1-м действием (художественно схематичным и подражат.) двухактной комедии «Новый недорост» (1840, ч. 6; пост. дважды осенью 1840 в Александринском т-ре; рукопись — в СПб ГТБ).

Н. по собственному разумению осовременил персонажей «Недороста» Д. И. Фонвизина: Простаева, страдающая «недостатком религ. и основательного образования» (с. 63); Митрофан — «представитель юного поколения, образованного легким чтением» (в т. ч. Поль де Кока — с. 64); Кутейкин (объект особой неприязни автора, явный намек на В. Г. Белинского), но окончивши ун-та, занялся совр. лит-рой и нем. философией, в к-рой «ничего не понял», бранит Бальзака, Ж. Санд, «критикует всех русских писателей», «издаст язык нововведений», в к-рых сам путается» (с. 64); Правдин (назвал Н.) — «самое отталкивающее явление между всеми лицами, человек религиозный, основательно образованный и до истеричности любящий отечество и все равное, русское» (с. 65); Софья — образцы добродетели и аскетичной нравственности (вызвать до резкого неприятия курящих женщин и жесткой верховой езды).

«Маяк» в примечании к собственн. публ., подписанном П. Корсаковым, назвал мысль пьесы «весьма удачной», а план — «очень хорошим» (с. 63). Комедия приобрела достаточно шумную известность благодаря язвит. оценке Белинского в ст. «Рус. театр в Петербурге», опубли. в «Отч. зап.» (1840, № 10); упрекая автора в шаблонности сюжета и характеристик, резонерстве, проповеди догмат. нравственности, он заключал: комедия Н. превосходит все нелепости, появляющиеся на рус. сцене, «целою головою» (см.: IV, 336).

На критику Белинского Н. откликнулся дважды: прямо — в «Лит. обозрении» (реакция Белинского лишь подтверждает владение автора и нелю — один из Кутейкинских отщепенцев; СПб, 1840, 29 окт.); косвенно — в «Письме деревенского читателя журналисту к издателю „Сев. пчелы“» (СПб, 1841, 10 февр.), где в драм. форме (хотю и использующей Н. и в рецензии) высказал направление и стиль «Отч. зап.» — путем диалогичного, исходящего суть дела соединения юнат (будути сильных и правых) полемизмом, Н. тем не менее нередко прибегал к утрированной характеристике оппонента). Популярно отозвался об «Евгении Онегине» А. С. Пушкина и «Ремпоре» Н. В. Гоголя, выказав отсутствие эстетиц. слуха. Белинский определил «Письма...» как «бравый разраженной лит. бедности» (V, 88) и еще не раз отмидался о Н. в крайне иронич. тонах («известный сорерник Фонвизина» — V, 189; «кампизат в генин» — VIII, 329).

Последующее участие Н. в «Маяке» — необычайно разностороннее: пер. биогр. статей из «Revue des deux Mondes» о противоборствующих военно-полит. исп. деятелях — «Кабрера» (абсолютист, клерикал) и «Эспартеро» (левый либерал; 1840, ч. 7, 9); чисто проф., весьма компетентные соч., связанные с проблемами кораблестроения и судоходства («Программа истории кораблестроения в России» — подробный план капитального, неосуществл. труда — 1840, ч. 6); рец. на правительств. отчет «Взды внутр. судоходства в России в 1839 г.» (1840) — аналитич. разбор, критич. замечания, высокая оценка стремления правительства знакомить соотечественников «с истинным положением России», способствуя тем самым развитию «просвещенного патриотизма» (1841, ч. 13, гл. 4, с. 28); составленные целых разделов («Неорамы», включающая внутр., внешне, ученые известия, новости промышленности, — 1841, ч. 13); выступления с программными для ж-ла статьями.

Будучи непримиримым противником западничества (рус. европеицы — «род печатки в книге рус. людей» — 1842, т. 6, № 12, гл. 1, с. 85; не знает, что хуже: «нашествие ли татар, к-рые оставяли неприкосновенною нашу святыню, или неумеренное пристрастие наше к чужеземным, принесшей учение Вольтера, Сен-Симона и другие и грозившей подавить нашу народность» — 1841, ч. 13, гл. 5, с. 2), облачая мнимую страсть русских походить на французов (ст. «Наполеонова шляпа с мясом, или Как надо покорять великую нацию!» — 1840, ч. 7). Н. с особенной неутомимостью защищал чистоту рус. языка (считая лит. нормой тексты Н. М. Карамзина и К. Н. Батюшкова и осуждая нововведения последователей «новой школы» и особенно насплинение рус. языка иностранной, в частности франц., лексикой и грамматич. формами — «Усовершенствование русской грамматики. По методе Жакото» — 1840, ч. 10). (В апр. 1852 на эту тему составил спец. записку вел. кн. Константину Николаевичу — РГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, № 380, лл. 17—20.) Идеям Н. о нац. своеобразии России зачастую сопутствует сознание ее неоспоримого нравств. приоритета среди европ. стран (так, напр., мысль Н. о том, что история России «начертана на челе ее громадными буквами, храмами Божиими», звучит в контексте религ. противопоставления: правост. Русь в честь великих событий воздвигала жертвенники Богу, а Зап. Европа увековечивала смертных; см. аноним. ст. «Храмы, в к-рых погребены тела Рос. Государей» — «Маяк», 1841, ч. 13, гл. 5, с. 1; атрибуция — аут. свидетельство — РГБ,

ф. 231/IV, л. 2 об.). Вместе с тем, осуждение совр. Запада и рус. западничества не помешало Н. в содержат. очерке «История Охты» признать Петера I «Великим» самодержцем, развернувшим «беспримерную, непостижимо-разнообразную» деятельность и завешавшим потомкам соединять послушание с «молитвой и трудом» (СО, 1842, № 9, отд. VII, с. 3, 10; с небольшими сокращениями — СП, 1846, 25 июля).

Одно из наиб. резких выступлений Н. на лит. темы — «Письма бронницкого помещика» («Маяк», 1840, ч. 7), в к-рых он защищает публикацию в ж-ле «статей дельных и ученых» для широкой публики от обвинений и претензий пародийно охарактеризованных им читателей; прозанка «новой школы», возможно Гоголя (сочинившего «повесть не повесть, а так нечто ... гумюристический рассказ», уводящий от сути дела «как раз... до сотворения мира» — с. 104—105); совр. поэта, комбинирующего штампы петерб. сочинителей по способу «стихотельного калейдоскопа»; «важного критика», очевидно Белинского («пламенного кописта всего нового, реформатурного в литературе», проявляющего «дух свой в бесконечном развитии Я», «для к-рого к.-н. Державин — шпичем», — с. 106).

В 1842 идеи, проповедуемые Н. в публицистике, обрели худож. воплощение в нравоучит. пов. «Испытание солдатскому сердцу» (о том, как истинное благочестие — религиозность и почитание родителей — уберечь храброго рус. солдата от соблазнов лит. искушения («Маяк», т. 6, № 12).

В дальнейшем Н. (к 1844 — отец сына и трех дочерей — от первого брака) почти оставляет лит. деятельность, отдавая все время службе: в том же Управлении (правитель канцелярии в Деп. ревизии отчетов, 1843—1847); в Мин-ве гос. имущества (счит. 1847—59 — нач. отделения II деп.); в 1854 назначен в комиссию при Деп. сел. хозяйства; с 1857 — чиновник особых поручений II деп.; в Военном мин-ве (1859—64 — член С.-Петерб. комиссии Комиссарият. деп.; с 1862 — а. стат. сов.).

В кон. 40-х гг. искал сотрудничества с ж-лом «Москв.», предложив Погодину опубликовать свою ст. «Вести о гор. Елабуге и находящейся там чудотворной иконе», воплотившую мысль Н. о первостепенности путешествий, описавших не мелкие детали частной жизни путешественника, а достойные внимания памятники старины, «заманат. подробности быта разноплеменных народов» и прежде всего — рус. «святыни и предметы благочестия» (см.: РГБ).

Не исключено участие Н. в составлении двух записок, касающихся гос. устройства России: в I-й (по-видимому, 1858) обосновывается польза идеи освобождения крестьян — как лучшей с Запада, заинтересованного в ослаблении России, и публичной для самих крестьян, к-рые останутся и без помещиц, и без гос. поддержки (см.: РГАЛИ, л. 21—39, б.н., даты и подписи; писарской рукой); 2-я (порезформенного време-

ны) — колл. обращение моск. дворянства к царю, содержат. перечень обстоятельно проуманных мер для пересоздания на прочных основаниях «потрясенного гос. здания», в т. ч. расширение выборного начала в гос. службе, больший простор местному самоуправлению, строгое исполнение закона и подчиненности и начальникам, немедленное расширение дворян и крест. угодий, обнаружение гос. долгов и сметы доходов и расходов, главное обсуждение в печати всех предстоящих преобразований (см.: там же, л. 15—16, б.н., даты и подписи; рукой Н. ?).

Лит.: Великий (ук.); Вольф, ч. 2, с. 71. — ПИСКР. (с датой рождения 1 февр.); РСБ; Венгеров. Источ.; ИРДТ; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 231/IV, к. 4, № 40 («Вестн. о г. Елабуге...» с сопроводит. письмом М. П. Погодину от 20 дек. 1849); ф. 231/II, к. 13, № 43, л. 2 (краткая характеристика Н. в письме Н. Я. Бирюрина Погодину от 23 дек. 1832); РГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, № 380 («Искрестие» и др. соч.); РГИА, ф. 207, оп. 10, д. 1881 (ф. с. 1846 г.); ф. 384, оп. 14, д. 518 (ф. с. 1855 г.) [справка С. И. Варсковой]; ЦИАМ, ф. 4, оп. 14, д. 1290 [«Доказательства о дворянстве г. Назаровского (1788)», м. с.—л. 32*]; п. с. 1866 г.); ф. 418, оп. 121, д. 189 (об увольнении из ун-та) [справка В. В. Александровой]; РГВИА, ф. 1, оп. 1, д. 9621.

О брате Н. см.: РСБ; Венгеров. Источ., РГИА, ф. 1343, оп. 39; ф. 472, оп. 35, л. 2, 12; оп. 9, д. 119. И. А. Зайцева.

НАГРОДСКАЯ Евдокия Аполлоновна (урожд. Головачева, в первом браке Тангьева, 1866, Петербург — 19. 5. 1930, Париж, похоронена на кладбище Тисе, близ Парижа), прозаик, поэтесса. Дочь А. Я. Панаевой и А. Ф. Головачева. Н. училась в школе Страннолюбских и частной г-зии (пансионе) М. П.

Спешневой и М. Д. Дурново в Петербурге (с нояб. 1876 — бесплатно), в к-рой был достаточно высокий, приближенный к курсу мужских г-зий уровень образования (среди преподавателей: В. И. Воловцов, А. Я. Герд, математик А. Н. Страннолюбский, Л. С. Таганцев и др.). Определяющее влияние на формирование характера и круг интересов Н. оказала лит. и жизненная позиция матери. В молодости Н., испытывая материальную нужду, пыталась стать актрисой, работала в Малом т-ре. В 1882 вышла замуж за кн. Бек-Мелик-Тангьева, прапорщика Кавк. милиции, воп-

следствии ранние свои произведения подписывала «Е. Тангьева», «Е. Т.», «Е. Т-а». Оставшись вдовой с двумя детьми (сын Александр, р. 7 авг. 1883, и дочь Валентина, р. 13 дек. 1885), в янв. 1888 возвратилась в Петербург, жила с матерью, бедствовала.

Именно в эти годы Н. предпринимает попытки заработать на жизнь лит. трудом: ее первое произв. «Рождественский подарок» («Звезда», 1889, янв.) написано в жанре «святочного» рассказа. Зависимость от лит. заработков предопределила выбор жанров и изданий, с к-рыми Н. сотрудничала. Интрига уголовных романов «Черное дело» («Свет», 1889, 21—30 июня) и его продолжения «Мертвая петля» (там же, 1889, 16 сент. — 7 окт.) связана с борьбой за княжеское наследство, на к-рое претендует католик, церковь, действуя через коварного иезуита и его любовницу. В 1890 в той же газете печаталась ее второй детектив «Петербургские тайны» (14 июня — 10 июля), сюжет к-рого, позволяющий показать все слои столичного общества — от нищих до аристократов, ассоциируется с романом В. В. Крестовского «Петербургские трущобы». Более традиционные для жен. лит-ры тех лет произв. — миниатюрные «поэмы в прозе» «Петербургское счастье» (ЖО, 1892, № 16), «Розы», «Под ивами» («Север», 1892, № 19, 32) — поднимали тему человеческого одиночества, но для Н. трагедия не в «непонимании» как таковом, а в разрушении иллюзорного мира, в к-ром только и может быть счастлива душа (в дальнейшем этот мотив станет одним из ключевых в новеллистике Н.). Мистификации и загадочные происшествия продолжают на всем протяжении ее ром. «Дочь дьявола» (СО, ежемес. прил., 1894, № 1—10) — размеренную жизнь рус. аристократа врывается загадочная женщина, к-рая кажется ему порой «дочерью дьявола», пока к концу не выясняется, что героиня — сама добродетель, всю жизнь посвятившая тайной благотворительности. Сходный мотив Н. разовьет в позднем произв. «Правда о семье моей жены», показав, как самые близкие люди могут принимать непохожесть другого за проявление чуть ли не «сатанизма». Противопоставление «отцов и детей» новейшего времени («народников» и «прагматиков») — тема ее рассказа 1899 «Два поколения» (ЖО, № 19).

22 янв. 1896 Н. венчалась вторым браком с Вл. Адольфовичем Нагродским (9.6.1872 — не ранее 1930). Сын поляка и итальянки, лютеранин, женившийся на православной, Нагродский был в то время еще студентом петерб. Ин-та инженеров путей сообщения, после окончания в 1897

служил на Владикавказ. ж. д., а с 1911 преподавал в этом ин-те. Не взялся теперь от гонораров, Н. не спешила печататься. Ее ром. «Гнев Диониса» (СПб., 1910; 10-е изд., П., 1916; общий тираж ок. 25 тыс. экз.), подписанный новым лит. именем — Е. Нагордская, — в сознании читателей никак не связывался с забытыми уже к тому времени гадетными детективами, и поэтому современникам оставалось только удивляться необычной яркости «дебюта». Книга имела исключительный успех у чита-

ческое начало, и любовник, женственный красавец, с к-рого художница пишет фигуру Диониса) связаны настолько запутанными нитями, что для их «распутывания» в роман введен герой-резонер, к-рый дает «анализ женской физики и психики» (Б. Глинский) — ИВ, 1911, № 9, с. 116), ориентируясь на популярную в те годы в России книгу О. Вейнингера «Пол и характер», — т. е., как писал критик, автор пытается «все сложные... переживания своих героев свести к страничке из учебни-

проповедь сексуального раскрепощения женщины», но импонировало «тонкое, почти нерусское искусство рисунка» (Кранихфельд, ук. рец., с. 163); см. также восторженную оценку В. Пяста: «Какое редкое чутье правды ... к-рую дает автор в ситуациях, в великолепно задуманной завязке, в непогрешимом развитии ее, в блестящих очерках всех без исключения действующих лиц. Каждая деталь на месте, ничего лишнего, ничего невыясненного, ничего неоконченного» («Счастливая женщина» — «Студенч. жизнь», 1910, № 33, с. 10).

Символич. план романа, заявленный уже в его заглавии, зависимость от мифологем Ницше и от их рус. адаптации Вяч. И. Ивановым критика не заметила, заведомо подходу к произв. как к «бульварному» и отказывая ему в каких-либо претензиях на философичность. Напряженная эмоц. исповедальность («повышенно истерический стиль» — В. Левинский — «Неделя „Вест. знания“», 1912, № 18, с. 276), безусловная психол. убедительность и достоверность характеров (при всей их необычности для рус. прозы) во многом объяснялись тем, что гл. герои имели конкретные прототипы. Если художница Тяня, без сомнения, — автопортрет, то подробно выписанная внешность Старха — один из лучших портретов в словесной иконографии Кузмина, отразивший, вероятно, впечатления Н. от мимолетных встреч с писателем в богемной среде и от его прозы (прежде всего образ Штрупа в пов. «Крылья»). Кузмин читал «Гнев Диониса» явно до знакомства с его автором (записи в дневнике от 9 июля 1910: «Чтение романа „Гнев Диониса“ и рассказы о сомовских последних картинах чем-то мне напомнили весну после „Крыльев“» — сообщено Н. А. Богомоловым). Поэтому историю страсти героев можно воспринимать лишь как утверждение гипотетической возможности любви между женственным мужчиной и одаренной необычным характером женщиной; в жизни же Н. с Кузминым связывали дружеские отношения. С июля 1913 по окт. 1914 Кузмин после ухода с «башни» Вяч. Иванова и перемены неск. адресов занял комнату в большой квартире Н. на Мойке (сама квартира описана в «Плавающих путешественниках», повести Кузмина, к-рая там и создавалась). Своеобразный лит. салон Н. посещали Ауслендер, Ю. И. Юркун, Г. В. Аламович, Г. В. Иванов, Т. Г. Шенфельд, Матвей Ив. Семёнов (издатель всех книг Н. в России, опекавший ее; в изд-ве Семёнова выходило также Собр. соч. Кузмина). Собрания эти пользовались в Петербурге дурной славой. О своем знакомстве с Кузминым в квартире Н. в 1914 вспоминал Р. Ив-

М. А. Кузмин и Е. А. Нагордская. Нач. 1910-х гг.

телей. Однако критика была большей частью недоброжелательной.

Иди Н. ставилось, с одной стороны, рядом с А. Вербицкой — хотя и с оговорками, что стиль Н. выгодно отличается от бульварных «женских романов» (см.: Левинский В., По стилям Вербицкой. — «Неделя „Вест. знания“», 1912, № 18; Доротин С., Роман, о к-ром говорят. — «Издкн. маг. ... М. Вольфа...», 1910, № 10; его же, Господа Н. и ее роман. — «Вест. лит-ры», 1911, № 11); с др. стороны, его ставили рядом с М. Кузминым, и тогда это сравнение было не в пользу Н.: «Те башни, которые „на крыльях“ („Крылья“ — название романа Кузмина) поднимают Кузмина, не подняли героя Н.» (В. П.) Кранихфельд) — СМ, 1910, № 11, с. 164). М. Морозов писал: «... бывают чудеса — поразительная книга выходит на рынок и сразу завоевывает его, никем не поддерживаемая, не рекламируемая», не отказывая Н. в «чувстве меры» и отмечая, что она «выше обычной бабальщины», он назвал роман в целом «блаторней о любви естественной, неестественной и противоестественной» («Вособщий ежемесячник», 1911, № 3, с. 116, 115).

Читателя привлекали не только рискованная интерпретация темы, но и острый сюжет с неожиданными ходами. Герои классиц. любовного треугольника (талантливая художница, от лица к-рой ведется исповедальный рассказ, преданный ей муж, олицетворяющий гармоничное аполлони-

ка частной патологии) (В. Кранихфельд) — СМ, 1910, № 11, с. 164). Эмансипированная героиня романа, чей характер необычен для женщины, но вполне обычен для мужчины (по определению героя-резонера), должна переступить последнюю грань: принять любовь к двоим как естеств. путь соединения «аполлоического» и «дионисийского» начал. Конец романа, как бы возвращающий героиню в рамки общепризнанной морали, вызвал возмущение А. М. Коллонтай: «... в покорившейся обстоятельствам Тяне... мы не узнаем бывлой смелой, цельной личности, Тяни — человека. Жалко, что автор так оклеветал свою Тяню» (СМ, 1913, № 9, с. 163). Положит. отклики на роман появились в среде эстетически близких Н. писателей: хвалебный отзыв С. А. Ауслендера («Речь», 1910, 26 июля); Кузмин отмечал родственную и ему самому «манеру французского романа» («Аполлон», 1910, № 9, с. 34); то же наблюдение в рецензиях непревзятых критиков, к-рым была чужда

нев (в его кн.: Избранное, М., 1988, с. 536). «Метафизическая квартира» была известна своими спиритич. сеансами. Кузмин в «Плывающих-путешествующих» придает облику хозяйки квартиры — Иранды Львовны (внешнее описание не оставляет сомнений в портретном сходстве с Н.) черты нарочито добродетельные («все пристают ко мне, что я Иранда, я этого не отрицаю...» — письмо Кузмину — РНБ, ф. 2571, оп. 1, д. 255). Кузмин посвятил Н. ром. «Тихий страж» (1916) и неск. стихотворений, в т. ч. посвященные к «Глянцям голубкам». Н. посвятила ему ключевой для ее творчества рассказ «Сны» («Весна», 1914, № 2), а рассказ «Похороны» (о похоронах собачки) — другу Кузмина Юркупу. Явно желая продлить дружбу, Н. приглашала Кузмина «заходить»: «Ведь сами знаете, что нам обоим беседовать полезно, но полезно исключительно о наших писаниях — так мы и сделаем» (письмо 1915 — РНБ, ф. 2571, оп. 1, № 255), в поздних записках в дневнике Кузмин отзывался о Н. насмешливо-неприятно. В 1911 в Петербурге вышел оставшийся незамеченным сб. «Стихи» — живые наблюдения совр. жизни, вкрапленные в достаточно банальную поэтич. ткань. Сб. рассказов «Аня. Чистая любовь. Он. За самоваром» (СПб., 1911; 5-е изд., П., 1915) продолжал тему поиска путей женского самопознания и самовыражения.

Отзывы были отрицательны: «Недавно вышедший сб. рассказов по достоинству ниже романа, зато в них нет философии... Что-то большое, патологическое приращение в этих рассказах. Порождает эта настоящность, с к-рой автор возвращается все к одному и тому же — к аномальным любви» (М. Морозов — «Всеобщий семействяк», 1911, № 5, с. 116). Анонимный автор ж. «Современник» (1912, № 1) находил содержание рассказов «испытан», писал о неспособности автора «изобразить трепетное, неуловимое, к-рое необходимо для сотворения рассказов... хоть пригварожившись, будто они — с «двой стороны»» (с. 371); иносказ. в виду, прежде всего, рассказ «Он», где героиня сходит с ума от любви к танцист. незнакомцу, обладателю сатанинской силы).

Ром. «Бронзовая дверь», задуманный как первая часть трилогии о сексуальных извращениях — «Усталый мир», в 1911 был запрещен цензурой, по приговору Петерб. окружного суда от 27 апр. 1912 был конфискован весь тираж в тип. «Общества польза» (матл. Петерб. к-та по делам печати — РГИА, ф. 777, оп. 17, д. 134, 1911 г.; справка В. М. Лупановой). Бурное возмущение Н., выражающееся как в личных письмах (см. РНБ, письма Кузмину), так и в публичных скандалах в кабинетах чиновников, только прибавило ей популярности и привлекло обществ. внимание. Под назв. «У бронзовой двери» (СПб.) в отрывках и со значит. купюрами это произв. о молодом музыканте, к-рый «греховной» любовью приводит своего единств. друга к самоубийству, увиде-

ло свет в 1913. В заключит. словах персонажа слышен голос самого автора: «Порок наказан, добродетель торжествует; история кончилась торжеством люаской морали. Все в своих стойках и люди должны быть довольны. Будь они прокляты!». В том же 1913 появился ром. «Борьба микробов» (СПб.; 5 переизданий; рец.: А. Ожигов (Н. П. Ашешов) — «Совр. слово», 1913, 17 июля), в основе сюжета — соперничество охотников за богатой вдовой; по мысли Н., вложенной в уста одного из персонажей, законы биологии распространяются и на социальную жизнь: побеждает самый жестокий и молодой, поскольку новое поколение шнищее и расчетливее прежнего. Наличие отточнй (пропусков текста) Н. объясняла в письме от 10 июня 1913 к О. Г. Базанкур-Штейнфельд: «Я этой книгой сама недовольна, потому что пришлось много выбросить из нее — для цензуры, не хотелось, чтобы опять конфисковали» (ИРЛИ, ф. 15, № 520). Герон сб-ка рассказов «День и ночь. Смешная история. Волшебный сад. Кошмар» (СПб., 1913) — старая дева, провинц. учитель словесности, юная девушка — живут в мире совств. през. не совпадающих с реальностью. В 1914 (П.) выходит мистич. роман «Белая колоннада». Видение красоты, иной реальности — белой колоннады, не существующей в действительности, — приводит к обновлению души героини и тех людей, которые повстрели в возможность чуда. Увлечение Н. спиритизмом, впервые сказавшееся в рассказе «Он», получило дальнейшее развитие в ром. «Злые души» (П., 1915).

Критика усмотрела в романе «мотивы эротич. и садизма, возмущающие войны зад ондающего начата» (ЖЖ, 1915, № 5; см. также рец.: А. Добрый — ИЖВ, 1915, № 7, с. 61). Выпала скептическую усмешку рецензентов и его герой — «сверхчеловек», неспособный к любви, от скуки манипулирующий людьми, «исотраженный красавец, с легкой улыбкой, с необыкновенными глазами»: «Танциста, танциста на сцене, странни скука, пошлость, убожество духовное...» (С. Ас(тр)ов — «Летопица», 1915, дек., с. 392; также рец.: Не-Букал (Н. М. Васильевский) — ЖЖ, 1915, № 10).

В 1912—16 в разных изданиях («Летучая мышь», 1912, № 2; «Синий журн.», 1914, № 1, 35, 40; «Журн. для женщин», 1915, № 24; БВед, 1916, 19—23 марта; альм. «Полон», П., 1916) печатаются рассказы Н., многие из к-рых составили впоследствии сб. «Сны. Сандрильона. Мальчик из цирка. Романтическое приключение. Невеста Анатоля. Клуб настоящих» (П., [1917]). Первый рассказ сб-ка выражает кредо самой писательницы. История нежной романтич. дружбы молодой женщины, томящейся в мешанской семье, и наивного подростка, рассказывающих друг другу придуманные «сны», чтобы избавиться от скуки существования, оканчивается трагиче-

ски, столкнувшись с грязью и людской пошлостью. Едва ли не единств. раз провалился глубоко личная боль и обиды писательницы, своими произв. призывавшей к терпимому отношению к чужой индивидуальности — в т. ч. и в сексуальном плане, отстаивавшей право женщины на духовное раскрепощение — через раскрепощение ее в любви и страсти, и встречавшей в ответ ханжескую отповедь критики. «Я проведу откровенность всегда и во всем», — писала она А. Л. Волюнскому (ГЛМ, ф. 1387).

Н. фактически была издателем ж. «Петербург. вечера» (с 1914 — «Петроградские вечера»), печатала в нем рассказы, выступала как рецензент. В 1914 в ж. «Петрогр. вечера», кн. 3, печатался роман Т. Краснопольской (Т. Г. Шенфельд) «Над любовью», где под именем «Несветской» изображена Н., заседгадая кафе «Заблудшая овца» (в реальности — «Бродячая собака»; см.: Парнис А. Е., Тименчик Р. Д., Программы «Бродячей собаки». — В кн.: Памятники культуры. 1983, Л., 1985, с. 225).

До революции популярность Н. удерживалась на высоком уровне (ее книги — одни из самых ходовых в библиотеках), но для читающей публики она была прежде всего «автором романа „Гнев Диониса“» (так называют ее, напр., предваряя публикацию в «Летучей мыши», 1912, № 2), а для критики — «бульварной беллетристкой». Острая любовная интрига, яркие типы талантливых, красивых и «роковых» любовников привлекали внимание первых рус. киноспешаристов, появились инициативки романа («„Гнев Диониса“ в семи картинах» — авторы Е. Ю. Геркен и А. С. Смирнов, СПб., 1911; Нагродская Е., Гнев Диониса. Пьеса в 5 д. и 6 картинах). Перелелка Ю. Грубина, Орел, 1913. Примечательн и интерес самой Н. к кино: см. заметку «Кинематографические горести и радости» («Кинематограф», 1915, № 1), стих. «Кинематограф» (в ее поэтич. сб-ке; перепечатка — «Кинематограф», 1915, № 2) — одно из немногих в рус. лит-ре нач. века на эту тему. Предпринимались попытки экранизировать также ром. «Белая колоннада» (см.: «Театр. газ.», 1915, № 48) и рассказ «Он» («Театр. газ.», 1915, № 49). Н. принадлежит также «худож. кинодрама в 5 частях» «Ведьма» (см.: Ук. заглавий произв. худож. лит-ры. 1801—1975, т. 1, М., 1985, № 9859).

Революция заставила Нагродских в окт. 1918 бежать из Петербурга, где у издателя остались первые три части начатого романа «Житие Олимпиады девы» (ч. 1, кн. 1, 2, [б. м., б. г.]; рукопись — ч. 2 (1914—1916) —

РГАЛИ. ф. 1118, оп. 1, № 2). Во время дальнейшего бегства из Киева в Одессу, ограбленная петлюровскими солдатами, Н. лишилась всех рукописей (две драмы, книга стихов, последняя часть романа). В эмиграции Н. поначалу «работает на ферме во Франции... Готовит труд по герметич. философии» («Рус. книга», Б., 1921, № 3, с. 32). Семья не бедствовала, т. к. муж служил инженером на восстановлении железных дорог на севере Франции. Это, как и их связь через масонские ложи, давало возможность Н. помогать нуждающимся эмигрантам. Н. была «мастером стула» в основанной в 1926 ложе «Аврора», а также активным членом француз. ложи «Le droit humain». В Париже, где они жили, Н. — хозяйка популярных «сред». В эмигрантской прессе Н. не участвовала, но ее новые произв. по-прежнему имели читательский успех. О ром. «Правда о семье моей жены» (Б., 1922) критик писал: «Н. из тех писательниц, к-рых не любят критики, но признает, стыдась, из-под паль, так называемая большая публика ... Для чтения в вагонах трамвая — это незаменимая книга» (И. (Ф. Иванов) — «Новая рус. книга», Б., 1922, № 3, с. 12—13). В эмиграции Н. оубл. ром. «Записки Романа Васильева» (ч. 1, Париж, [1922]), ист. роман-трил. «Река времен» (кн. 1—3, Б., 1924—26), герои к-рого связаны между собой не только сложными родств. узлами, но и принадлежностью к масонскому обществу, общей идеей совершенствования мира и человеческой природы, причастностью к тайне ухода и похорон Александра I, кн. «Тайна сонетов» (Париж, 1927; имеются в виду сонеты У. Шекспира). Беллетристику Н. считала отдыхом, а гл. делом — труд по герметич. философии (неизвестен). Посмертно была издана драма, написанная по-французски, «La dame et le Diable» (Р., 1932). Н. умерла от рака печени.

Др. произв.: «Как мы работаем? И мой ответ» (ЖЖ, 1915, № 2), «Клуб настоящих, Петрогр. рассказы» (ВВед, веч. в., 1916, 19—28 марта), «Воспоминания» («Огонек», 1917, № 32).

Изд.: Белая колоннада. Рига, 1930 (премь. В. А. Нарождского); Гнев Диониса. 2-е изд. Рига, 1930; М., 1994 (послесл. М. В. Михайловой); Гнев Диониса. Сб. СПб., 1994 (вступ. ст. С. Савидского; список романов «Гнев Диониса», «Белая колоннада», рассказы); (тип.) — В кн.: Сто поэтов (состав Т. Л. Никольской).

Лит.: Колтоновская Е. Голод читателя — «Речь», 1910, 6 дек.; Кто бы ни был. На красном личке. (Дружеские надписи). — ЖЖ, 1916, № 15; Грачева А. Рус. шпидлерство и жен. роман нач. XX в. — В: Slavica Tambovensia II — Тамбов, 1994, с. 77—87; Сивард Л. Апологон и Дионис (к вопросу о рус. гудибас одной мифологии). — «Umjetnost i um», Zagreb, God XXV, 1981, с. 155—72; Берберова Н. Люди и эпохи. Рус. масоны XX столетия. Н.-Я., 1986 (ук.); Письмо М. Горького Ф. И. Шальскому — ИМ, 1986, № 1, с. 192; Иванов Г.

Собр. соч., т. 3. М., 1994, с. 102—03, 660; Чуковский К. И., Диспуты, 1930—1969. М., 1994, с. 436—37; Ивьяс Р., Диспут [25 нояб. 1930]. — В кн.: Река времен. Книга истории и культуры, кн. 2. М., 1993, с. 208; Богомолов Н. А., Малыйстас Дж. Э., М. Курин: история, легенда, эпоха. М., 1996, с. 181—83; Dalton M. A Russian best-seller in the early twentieth century: E. A. Nagrodskaya's. The Wrath of Dionysus. — В кн.: Studies in Russian Literature. In honor of Vsevolod Setchekarev, Columbus (Ohio), 1986. + Некрологи, 1930: «Театр и жизнь». Б., № 28 (С. Рогов); ПН, 21 и 23 мая (П. Н. Миколов); «Речь», Б., 22 мая; «Возрождение», 21 мая (п. р.); «Сегодня», 21 мая (П. М. Пильский); «Нл. Россия», № 26 (Т. В. Адмирал). Брокгауз; ЛЭ; КЛЭ; Муратов (2); Абызов; Алексеев; Dictionary of Russian women writers.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1118, оп. 1, № 3 (статья М. И. Семёнова о Н., датиров. 10 авг. 1937); ф. 5, оп. 1, № 89 (письмо В. И. Анненскому-Кривому); ф. 95, оп. 1, № 658 (письмо А. Л. Волынского); ф. 232, оп. 1, № 304 (письмо М. А. Кузину); ф. 2567, оп. 2, № 263 (письмо Н. С. Гурьевой); ИРЛИ, ф. 155 (о назначении пенсии в 1876 А. Я. Пашевой на воспитание дочери), 1894, VI, 12, VII, 5 (прошение А. К. Михайлова-Шеллера и Н. в Лит. фонд об оказании помощи Н. с указанием периодич. изданий, в к-рых она сотрудничала до 1894), ф. 540, 1895, № 360 (прошение Н. 1895 в АН о помощи с указанием своих лит. публикаций в 1889—90) (справка А. Г. Носовой); ф. 15, № 88 (письмо К. Ф. Базарова); ф. 123, оп. 1, № 632 (письмо Кузину); № 747 (письмо Б. А. Савидского от 19 нояб. 1914 с рекомендацией для сб. «Петрогр. вечера» В. Ф. Ходасевича); ф. 123, оп. 1, № 898 (письмо А. А. Чеботаревской); РНБ, ф. 2970 (автограф стих. Н.; письма Ю. П. Анненкову, Кузину (5), Э. П. Юрзежскому (6)); ф. 774, № 31 (письма А. И. Тинякову); РГИА, ф. 229, оп. 19, д. 1187, 1897—1914 гг. (фс. В. А. Нарождского) (справка В. М. Лулковой).

О. Б. Кузмина при участии А. В. Колосовой.
НАДЕЖДИН Александр Евграфович [1815, Пензен. губ. — 5(17).12.1860, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], беллетрист, публицист. Из бедной мещанской семьи (отец был вольноотпущенным). В 1826 поступил в Пензен. г-зию, где в 1828—29 учился в одном классе с В. Г. Белинским. Окончив г-зию в 1830(?), зарабатывал на жизнь преподаванием (в т. ч. музыки) в помещичьих семьях Пензен. губ. Тяжелое материальное положение, очевидно, было одной из причин, побудивших Н. к лит. труду. С кон. 40-х гг. Н. предпринимает попытки пробиться в столичную печать. В 1848 предлагает М. П. Погодину для «Москв.» статьи по музыке, оставшиеся, видимо, неопубл. Одновременно сочиняет музыку на стихи С. П. Шевырева (см. письмо Н. к нему — РНБ). В 1854 предлагает «Записки учителя музыки» и ж. «Отеч. зап.», публикует от А. А. Краевского «самый ободрительный и одобрительный ответ» (ЛН, т. 51—52, с. 405), однако с публикацией редакции не спешит. Получив письмо от Н. А. Некрасова (его «восторженные отзывы» о Н. упоминаются в письме И. С. Тургенева к П. В. Анненкову — Тургенев Письма, IV, 199, 542) и П. Г. Чернышевского с «выгодными предложениями», а затем делами от Некрасова, Н. передает рукопись «Записок» в ж. «Совр.». В 1856, окрыленный поддержкой изв. писателя, Н. переезжает в Москву, предполагая всецело посвятить себя лит.-ре. В 1857—59 сотрудничает в

газ. «С.-Петербур. вед.» — под псевд. Дельта печатает в разделе «Моск. делопис» заметки о театр. бенефисах, модах и пр.

В «Записках учителя музыки» («Совр.», 1856, № 8, 1857, № 7) Н. описывает быт и нравы провинц. дворянства, используя личные наблюдения и автобиографич. реалии. В основу повести, написанной занимательно и живо, положен авантюрный сюжет (головкружительные любовные интриги и денежные махинации). Несмотря на декларлируемую автором, следующим традициям натуральной школы, позицию стороннего и беспристрастного наблюдателя, очевидны обличающая интонация, резкое осуждение безнравств. поведения героев. Хотя критика обошла молчанием лит. дебют Н., его «Записки» были замечены читающей публикой (Н. А. Добролюбов описывает в дневнике, как его просили почитать их в доме Галаховых. — Добролюбов, VIII, 516).

Возлагая надежды на дальнейшее сотрудничество в «Совр.», Н. в 1858—59 посылает в редакцию новые соч. («Рассказы Петра Петровича», «Новая повесть на старый лад»). Однако Чернышевский сообщает ему, что рукописи, видимо, затерялись во время переезда с квартиры на квартиру. Так и не получив назад своих произв. (на гонорары от них Н. предполагал содержать себя и оставшуюся в Пензе семью), Н. порывает с «Совр.» и помещает в «Сев. пчеле» (1859, 31 окт., 20 нояб.) гневную заметку «Образ действия редакции „Современника“».

В 1859 Н. переезжает в Петербург, чтобы «раздать по журналам» свои сочинения. Издает брошюру «Журналы, газеты и публикации» (СПб., 1859), принесшую автору скандальную известность. В ней Н. выступает с нападками на совр. лит-ру (даже Тургенев и Д. В. Григорович ищут, по его мнению, слабые вещи: «Дворянское гнездо» и «Переселенцы») и публицистику (в статье о крест. вопросе, напр., Н. не нашел «ни одной дельной мысли»); упрекает авторов в невежестве, злоупотреблениях преобладающей правительством гласностью, претрительно отзывается о публике, читающей совр. газеты и журналы, сетует на скважность и бездельность цензуры.

Произтованная обыденным самолюбием Н., его неудовлетворенным писательским амбициями, лишившая последовательности, брошюра была с писем встречена критикой, замечавшей, что «самое извратительное, самое евангельское явление» (А. Пыльавский — МВ, 1859, № 40, с. 302) — сочинение Н. носит характер «гласности» донес на журналы, литературу и публику» (С. Пиль — «Рус. вестн.», 1859, 30 сент.). Добролюбов («Совр.», 1859, № 9) писал, что Н. «делал начальническую интонацию всей лит.-ре., отсюда, что эта книжка — евангельское и даже евангельское явление» (Добролюбов, V, 298, 303).

После учиненного ему разноса Н. сотрудничал в основном в «Сев. пчеле», где были опублик. глава из ром. «Блудный сын» (1859, 28 нояб.) — о мошенничестве бедного дворянина, присвоившего себе чужое имя, пов. «Сердце матери» (1860, 4—7, 11, 12 янв.) — о жестокосердии отца, делающего орудием вымогательства собств. ребенка, а также очерк «Несколько слов о картинной галерее... Ф. Н. Прянишников» (1860, 28 февр.). В 1859 печатался в «Рус. газете», где поместил заметку «Отголоски из провинции» (18 марта; см. также 28 янв., 18 февр., 11 марта), «разоблачавшую» провинциальные нравы. В «С.-Петерб. вед.» (1859, 29 июля) Н. опублик. ст. «По поводу статьи Н. И. Лажечникова о Беллинском», в к-рой, опираясь на собств. восп., указывает на неточности Лажечникова (его ответ — там же). Полученные гонорары дали возможность Н. съездить в Пензу, где незадолго перед этим умерла его жена.

Последние месяцы жизни Н. провел в Петербурге, изнуренный нищетой и болезнями, усугубляемыми постоянными запоями. По словам коротко знавшего его в последние два года Л. П. Блюмера, история жизни Н. — яркий пример судьбы «человека с удивительно хорошою душою, но человека без образования, средств и крепких убеждений, человека характера слабого» (Книжник, с. 212). Последним напоминанием о Н. в печати явилась публикация рассказа «Городничий» (ОЗ, 1862, № 7), в к-ром обличается мздоимство и самолюбие чиновников. Из писем Н. явствует, что его перу принадлежит еще ряд произв. (в т. ч. ром. «Язва»), оставшихся, видимо, в рукописи.

Лит.: Чернышевский (ук.); Книжник Л. П. Блюмер). Заметки об А. Е. Надеждине. — КВ, 1861, № 14/15; Зеленецкий П. П. Ист. очерк Пензы. 1-й гл. с 1804 по 1871 г. Пенза, 1889, с. 210, 215; Лян, т. 51—52, с. 405—06 (письма Н. к Некрасову и Краевскому, 1856). Ф. Некрологи, 1860: «Вестн. СПб. гор. полиции», 7 дек.; СП, 7 дек. Венгеров. Источ.; Ботраа. «Совр.»: Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 231/1, к. 21, л. 92 (письмо М. П. Поговину, 1848); РНБ, ф. 391, л. 561 (письмо А. А. Краевскому, 1859); ф. 850, л. 389 (письма С. П. Шестакову, 1848).

Д. Б. Шабельников

НАДЕЖДИН Николай Иванович [псевд. Николай Надоумко и др.; (5(17).10.1804, с. Нижний Белоомут Зарайского у. Рязан. губ. — 11(23).1.1856, Петербург; похоронен на Смоленском кладб.], критик, эстетик, журналист; этиограф. Из духовной среды: дед, как и отец Н., был священником в белоомутской Преображен. церкви. Отец, передавший сыну «страсть к чтению», и С. Д. Нечаев (впоследствии обер-прокурор Св. Синода) — первые наставники Н. По совету отца отправился в Рязань (1815) и «смело ... явился к архие-

рею» с написанной специально для него речью в стихах, чем сильно его удивил («Автобиография» — РВ, 1856, № 3, с. 52; образцы ранних, в архаич. стиле, стихотв. опытов Н. см.: Козмин, с. 3—7). В том же году Н. зачислен в высший класс Рязан. уездного духовного уч-ща, а через год переведен в местную семинарию, где обнаружил выдающиеся способности и трудолюбие, к-рым, по преданию, был обязан своей фамилией (предки Н. именовались по месту жительства Белоомутскими или Беловодскими): Рязан. архиепископ Феофитач, возлагая на мальчика большие надежды, дал ему фам. Надеждин (как «перевод» с лат. яз. фамилии Сперанский). В 1820, еще до окончания сем., минув последний, богословский класс. Н. был рекомендован в Моск. духовную акад. «Направление, господствовавшее в ней, было ... по преимуществу философское» («Автобиография», с. 53); в акад. преподавали изв. профессора философии В. И. Кутневич и Ф. А. Голубинский; под влиянием первого в Н. развился вкус к строгому систематизму, второй же (см. письма Н. к нему: ЗапГБЛ, в. 34, М., 1973) стимулировал его стремление к синтезу филос. и богослов. знаний. Н.-студент пишет исследование о значении в православии символа св. Софии. Из сем. и академии он вынес отличное знание языков, как древних (еврейский, греч., лат.), так и новых (франц., нем., англ.; позднее изучил нек-рые слав. языки). Однако несмотря на заметч. успехи, из-за конфликта с преподавателем Моск. духовной акад. о Кириллом (Богословским-Платоновым) (см.: См и р. нов С.). История Моск. духовной акад. до ее преобразования ..., М., 1879, с. 18) Н. не был оставлен при акад. и в 1824 выпущен в звании магистра. Осенью того же года назначен профессором словесности и нем. (позже и лат.) языка в Рязан. семинарии, к-рую спустя два года — и вновь из-за конфликта с начальством — вынужден был оставить.

В окт. 1826 Н. уволился из духовного звания и к кон. года переселился в Москву, где получил место дом. учителя у Самариных (см.: РА, 1876, кн. 2, стб. 229 — Ю. Ф. Самарин о Н.). В это время, пополняя свое образование, усилленно изучает новейших европ. историков (Э. Гиббон, Ф. Гизо, Ж. Ш. Л. Сисмонди и др.), однако новые веяния, по словам Н., «накладываются на школьный фундамент старой классической науки» («Автобиография», с. 56). Аналогичным образом обстояло дело и с худож. впечатлениями: романтич. произведение Дж. Байрона или А. С. Пушкина воспринимались Н. сквозь призму франц. классицизма, русско-го просвещения 18 в. (М. В. Ломоносов, М. М. Херасков, Г. Р. Державин), что предопределило оригинальное сочетание архаичности и новизны в его первых критич. выступлениях.

Печататься начал на страницах журнала М. Т. Каченовского «Вестник Европы», причем его дебюты в качестве поэта и переводчика («Промысл человеку. Из Ламартина» — 1828, № 8, «К республике. Из Горация», «Награда поэта» — 1828, № 14, «Песнь красоте» — 1828, № 17, «Воспоминания» — 1829, № 1, и др.) и эстетика-философа («О высококом» и др. ст. — 1829, № 3—6; 1830, № 11, 13, 14) прошли почти незамеченными, как и переводы позднелатинч. филос. стихов: выполненный хорошим гекзаметром цикл из 10 «Гимнов Орфея» («Рус. зритель», 1829, ч. 5, № 17—20, с обстоятельными прим. Н.) и стих. «Золотые стихи Пифагора» (там же) (к-рые очевидно близки были Н. своим филос. систематизмом и морализмом: «Жизнь свою строго блюди, да не пожришь ее страсти!»). Зато первая же критич. ст. «Литературные опасения за будущий год» (ВЕ, 1828, № 21—22) стала сенсацией. Это выступление, как и последующие в том же журнале в 1829 («Сонмище нигилистов» — № 1—2; «Две повести в стихах: „Бал“ и „Граф Нулин“» — № 2—3; «„Полтава“. Поэма Александра Пушкина» — № 8—9; «„Иван Выжигин“, нравственно-сатирич. роман» — № 10—11, и др.), было снабжено псевдонимом: «Экстудент Николай Надоумко. Писано между студентства и вступления в службу ... На Патриарших прудах» (или одним из его компонентов, например «С Патриарших прудов»), создавшим образ критика — ехидного и брамливого забияки и одновременно книгочая и эрудита, не признающего авторитетов и готового сказать самую горькую правду. Главным объектом нападения Н. явился романтизм, трагический гл. образом как тяготение к экстравагантности и аффектаин во всем — и в выборе

худож. коллизий (кровавая месть, супружеские измены, убийства из ревности, словом, всяческая «романтическая ступотня и резня» — о поэме А. И. Подолнского «Борский» — Надеждин, с. 71) и в характере стиля (фрагментарность и разорванность сюжетной линии, сознательно демонстрируемая случайность и импровизационность повествования); при этом не делалось исключения ни для У. Шекспира и П. Кальдерона, ни для А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, В. Гюго и Байрона, «зловещего светила» европ. поэзии. Н. принципиально не был против преувеличений, включая уродливое или безобразное, но допускал их лишь на определенных условиях — «в идеальном свете сострадания о несообразности их с нашим достоинством и назначением!» («Лит. опасения...» — Надеждин, с. 57). В то же время для него неприемлемо и морализирование, особенно если оно впадало в наивно-верноподданнич. тон, как в романе Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин». Худож. запреты на приоритет безобразного, низкого, бесцельного, не признающей правил, игры романтич. фантазии и т. д. предопределялись, согласно Н., гармонизирующими все сущее «вечными законами мудрой природы» (там же, с. 63). Эпич. наполненность искусства он старается обосновать на фундаменте нем. классицизма, рационализируя и выпрямляя в этом направлении идеи И. Канта и Ф. Шеллинга (напр., в кантовском положении о «целесообразности без цели») акцент переносится на категорию худож. образа: у Канта гений, творящий как зиклительная сила, сам устанавливает себе правила, у Н. гений обязан считаться с предшествующими образцами). Порою же Н. придает антиромантизму явную политич. окраску, сближая романтич. эстетику, своеволие с либерализмом и буктарством и предлагает — послушати, полусерьезно — учредить уголовную поэтич. палату, чтобы карать авторов за прегрешения их героев.

Всё это вызвало в адрес Н. резкую критику с самых разных сторон: Н. А. Полевой вывел его под видом «Желтяка», то есть жителя «желтого дома», сумасшедшего (МТ, 1828, № 23, с. 358); О. М. Сомов обыгрывал его псевдоним — «Недоумок, по-видимому, должно быть настоящее его название» («СЦ на 1830 г.», с. 34); Пушкин откликнулся серией эпиграмм (одна из них, при жизни неопубликован): «В журнал совсем не европейский! Над коим чахнет старей журналист! Своею прозою ласкающей! Вздох болван семинарист» (1829; см. в кн.: Рус. эпиграмма, 1988, с. 253; см. также неопубликов. статьи поэта: «Опровержение на критику» и «Возражение критикам

„Полтавы“», 1830: Пушкин, XI, с. 143—65). Более шадящим и в то же время преследующим в отношении Н. определенную педагогику, целью был отзыв С. Т. Аксакова, отметившего, что мысли критика «по большей части свежи и глубоки», но при этом он впадал «в излишество» (МВ, 1830, № 6, с. 203). М. П. Погодин в письме к С. П. Шевыреву также отметил, что «Н. вооружился против Пушкина и говорил много дела между прочим, хотя в семинарском тоне» (Барсуков, II, 346; без даты).

Ширяющееся признание Н. выразилось в избрании его (март 1829) в члены-соперников Общества истории и древностей российских, в связи с чем он выступил с докладом «Предназначение исторически-критич. исследования др.-рус. системы уделов» («Тр. и летописи ОИДР...», 1830, ч. 5; см. также: ч. 8, с. 100, 132—33). Кроме «Вестника Европы» Н. печатается в это время в «Атенее», «Моск. вестнике», «Галатее», «Рус. зрителе».

В апр. 1830 с помощью Каченовского («старик допустил меня в весьма близкое с ним обращение» — «Автобиография», с. 59) Н. успешно защитил в Моск. ун-те диссертацию сразу на степень доктора (минуя магистерскую) словесных наук (утвержден 24 сент. 1830) «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтической» (опубл. отдельной книгой на лат. яз.: *N a d e ž d i n N., «De origine, natura et fatis poeseos, quae romantica audit»*, [M.], 1830; два отрывка на рус. языке: «О настоящем злоупотреблении и искажении романтич. поэзии» — ВЕ, 1830, № 1—2, и «Различие между классицизмом и романтич. поэзией, объясняемое из их происхождения» — «Атеней», 1830, № 1; полностью на рус. яз. в кн.: Надеждин).

Обратившись к одной из центральных проблем зап.-европ. эстетики кон. 18 — нач. 19 вв. — сопоставлению классицист. худож. формы и романтической, вызванной к жизни возникновением христианства, Н. развил своего рода феноменологию иск-ва. в к-рой историч. аспект сливался с логическим (критик осознанно придерживался такой установки, о чем свидетельствуют выбранные им филос. ориентир, от неразрешимых антиномий Канта через «идеалистич. неступление» И. Г. Фихте до «безуловного тождества», признание законов бытия и мышления у Шеллинга — ст. «„Всеобщее начертание теории изящных искусств“ (Ж. Ф.) Бахмана»: «Телескоп», 1832, № 5—8; цит. по: Надеждин, с. 313); при этом сама логика трактуется Н. в духе Г. Гегеля как наука, выходящая за рамки формальной логики и выра-

жающая диалектич. законы движения всего сущего.

Само содержание каждой из худож. форм Н. понимал достаточно традиционно: классицист. искусство — «средобожное», то есть объективное; романтизм — «средостремительное», субъективное (ближайшим истоком этой его концепции являлось учение Шеллинга в «Системе трансцендентального идеализма» о двух противоположных силах, действующих в «Я»). Рассматривая в широком историко-филос. контексте этапы развития иск-ва (см. в особенности призывающий к дисс. трактат «О совр. направлении изящных искусств», опубл. в 1833 дважды: «Уч. зап. имп. Моск. ун-та», ч. 1—3, и в кн.: Речи, произнесенные в торжестве, собрании имп. Моск. ун-та ..., М., 1833). Н. усматривает систему контрастных признаков классицист. и романтич. иск-ва: отупеванию «зримой красотой шестественного мира» в античности, его «поэтическому просветлению ... в изящных пропорциях и формах» (Рус. эстетич. трактаты..., с. 430) приходят на смену романтич. «идеальное самосозерцание», «пост. самоуглубление» и торжество «творящего духа», «обращение к незримому бестелесному миру, где почивает таинственный первообраз невестественной красоты» (там же, с. 441—442). В выводах, к к-рым пришел Н., он проявил смелость, граничащую с прямолинейностью: строго локализовал эту форму во времени — рубежом до 16 в. В эпоху нового расцвета романтизма и вспыхнувшей в связи с этим полемикой между «классиками» и «романтиками» Н. отказывает совр. лит-ре в праве на романтизм, объявив стремление к нему (и в т. ч. воспроизведение тех или иных его черт, напр. «идеальной фантастич. характер») лишь бессильной «подражательностью» — «под соблазнительным именем романтич. ского стиля» (там же, с. 445), что в значит. степени предопределило негативное отношение к Н. мн. лит. современников. Всю последующую худож. историю Н. считал закономерно областью и нового искусства в а, синтетического по отношению к двум предшествующим формам. Эта идея была хорошо знакома и рус. и особенно зап.-европ. эстетике, однако Н. в духе своей категоричности применил ее (в отличие от большинства теоретиков) не к будущему и не к отд. сегодняшним образцам, но ко всей совр. эпохе, наступившей вслед за средневековьем. Все, что не укладывалось в эти рамки, Н. рассматривал или как запоздалый классицизм (18 век — «век всеобщего гниения жизни», «век кошунства и нечестия»: имеется в виду в первую очередь «поддельный» классицизм франц. школы — там

же, с. 447, 450) или как лжеромантизм (пример последнего — «Песочный человек» Э. Т. А. Гофмана или произв. нестойкой франц. словесности, в частности Гюго). На практике антиромантизм Н. не был столь безоговорочен, целил главным образом в свойственные новому иск-ву «бурные порывы нестойства» (Надеждин, с. 58) и в то же время принимал элэгии, формы романтизма (пост. высокая оценка критиком творчества В. А. Жуковского). Однако благодаря радикализму теоретич. постановки проблемы за Н. в эстетич. сознании закрепился определенный приоритет: «Г-н Надеждин первый сказал и развил истину, что поэзия нашего времени не должна быть ни классической..., ни романтической..., ни романической..., но что в поэзии нашего времени должны примириться обе эти стороны и произвести новую поэзию» (Белинский, V, 213).

В кон. дек. 1831 Н. утвержден ординарным профессором теории изящных искусств и археологии Моск. ун-та (несколькими неделями раньше получил место преподавателя логики, рос. словесности и мифологии в Моск. театральной школе). С 1834 по собств. инициативе «безвозмездно» преподавал логику для студентов первых курсов: Н. читал «логику... параллельно с эстетикой», начиная с «психологического разбора» эстетич. чувства («Автобиография», с. 64; РГИА, ф. с.; там же, ф. 773, оп. 30, д. 130), был чл. Училищного к-та ун-та, участвовал в инспектировании низших и средних учеб. заведений Моск. округа.

Н. был восторженно встречен студенческой молодежью (слушателями Н. были В. Г. Белинский, Н. В. Станкевич, К. С. Аксаков и др., видевшие в нем провозвестника филос. эстетики). Его лекции «привлекли толпы слушателей из всех четырех факультетов» (Буслаев Ф., Мои восп., М., 1897, с. 123; см. также: Аксаков К., с. 319—21; Переписка Н. В. Станкевича, М., 1914, с. 449). Н., по словам И. А. Гончарова, был «дорогим своим вдохновенным, горячим словом, которым вводил нас в таинственную даль древнего мира, и один заменял десять профессоров» (Гончаров, VII, 211). По свидетельству М. А. Максимовича, друга Н. (познакомился в 1827, а с 1831 на вечере у С. Т. Аксакова «сошелся с Надеждиным в близкое дружеское братство»), лекции Н. были «живыми импровизациями» и сильно отличались от его «первопечатных статей», слог к-рых «вообще не нравился в литературном кругу... излишне витневат, недовольно художествен» («Москв.», 1856, № 3, с. 226; см. также: Полевой К., с. 256); характерна реакция С. С. Уварова, през. Петерб. АН:

«в первый раз вижу, чтобы человек, который так дурно пишет, мог говорить так прекрасно» («Москв.», 1856, № 3, с. 226; отзывы студентов см. в ст.: Полев, 1880, с. 17—21).

Одновременно с преподаванием в ун-те Н. с того же 1831 стал издавать журнал «Телескоп» с приложением газ. «Молва», в них сотрудничали К. Аксаков, М. Н. Загоскин, А. В. Кольцов, Ф. И. Тютчев, Н. Ф. Павлов, Н. М. Языков, И. В. Киреевский, Н. П. Огарев и др. В «Телескопе» Пушкин опубликовал памфлеты «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизантроп. Бугарина и о прочем» (1831, № 13 и 15), причем его псевдоним «Феофилакт

И. И. Надеждин.
Рис. вклей. худ. из альбома Ф. А. Кони.

Косичкин» и назв. второй статьи были подсказаны одной из заметок Н. (см.: «Молва», 1831, № 30, с. 59—60). В изданиях Н. публикацией «Литературных мечтаний» («Молва», 1834, № 38...52) началась систематич. критич. деятельность В. Г. Белинского, к-рый еще в гимназии «читал с жадностью тогдашние журналы и всасывал в себя дух Полевого и Надеждина» (Лажечников И. И., ПСС, т. 12, СПб., 1900, с. 246); в февр. 1833 они познакомились (Белинский, XI, 94) и тогда же Белинский получил приглашение Н. сотрудничать в «Молве» (некое время он жил на квартире Н.). По воспоминаниям студента П. И. Прохорова, все, посещавшие лекции Н., «не хотели верить, что эти „Мечтания“ писаны Белинским, а не Надеждиным. Так они были проникнуты духом редактора „Телескопа“ и „Молвы“» (Моск. ун-т в восп., с. 113; см. также ук.). «Телескоп» отвечал потребности совр. молодежи в «умозрительных знаниях»: «Все статьи перечитывали с первой строки до по-

следней и потом обсуживали, разбирали, спорили о тех или других идеях и даже иногда обращались за разрешением к Надеждиному» (М. Б. Чистяков — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1731).

В 30-е гг. Н. конкретизирует свое понятие новой, современной поэзии (подразумевая совр. иск-во вообще), один из признаков к-рой — автономность героя, высвобождение его из-под диктата авт. мысли. Отсюда резкое неприятие Чацкого в ст. «Горе от ума» («Телескоп», 1831, № 20: «Это не столько живой портрет, сколько идеальное создание Грибоедова, выпущенное им... чтобы быть органом его собственного образа мысли и истолкователем смысла комедии» — Надеждин, с. 287), а также критика драматургии, манеры раннего Ф. Шиллера: в его пьесах «выходили на позорные сцен самые идеи и чувства, воплощенные в поэтич. обликах, а не живые образы и действительные лица» («Избранный немецкий театр...» — «Телескоп», 1831, № 14, с. 241). От новой поэзии требуется соблюдение «всех вещественных условий действительности, с географической и хронологической истинною физиономии, костюмов, аксессуаров» («О совр. направлении изящных искусств» — Рус. эстетич. трактаты, с. 454). Наконец, противопоставлены совр. художнику экзальтация, нарочитость, эффекты, против чего Н. с особенной страстью и полемич. блеском выступил в цикле статей «Письма в Петербург» («Молва», 1833, № 44—50, 56), связанных с моск. гастрольями в апр. 1833 петербуржцев В. А. Каратыгина и его жены А. М. Каратыгиной.

Оба актера, считает критик, в большой мере следуют ложно-классич. стилю франц. театра 18 в. с его приверженностью к «ценнейшему этикету» и иррациональной персонажей в «отвлеченные понятия, украшенные собственными именами», а это резко противоречит произведению, «где жизнь представляется не в условном театральном этикете, а в чистой насальной сущности или положительной истине» (Назаклин, с. 349, 352). Позднее, в связи с новым приездом Каратыгина в Москву, Н. вторично выступил с циклом статей «Письма к издателю „Телескопа“» («Молва», 1835, № 16, 17, 19); оба цикла подписаны криптонимом П. Ш. с инициализированным намеком на сослуживца Н. проф. математики Моск. ун-та П. С. Шенкина. Статьи П. Ш. (критику раскрыл в 1953) обнаруживают, по более позднему замечанию П. В. Анисимова, европ. уровень понимания искусства (Анисимов П., Н. В. Станкевич, М., 1857, с. 72), проявили сильное возбуждение: с критикой Н. выступили, в частности, С. П. Шевырев и «...» (Н. Ф. Павлов); точку зрения Н. развил Белинский (ст. «И мое мнение об истре Каратыгина»).

В новой зап. лит-ре Н. в 30-е гг. разграничивает, с одной стороны, жизнеутверждающую, пронизанную христ. идеями поэзию (ее голос «слышим мы в сеговонных Ламартина, в гимнах Манцони, в дифирамбах Новалиса»), а с другой — поэзию отчаяния, «макабрской пляски мертвых костей на кладбище жизни»

(«поэзия Байронов и Сутеев (подразумевается Р. Саути — Ю. М.), Гюго и Зандт» — «Письма в Киев» — Надеждин, с. 390). В подобных критич. инвективах Н. сближался с О. И. Сенковским, к-рый в ст. «Брамбеус и юная словесность» выступил против целого направления во франц. лит.-ре. возглавляемого Гюго и представителем Жорж Санд, Ж. Жаненом, Э. Сю и т. д., — «это прямо вторая франц. революция в священной ограде нравственности...» (БлЧ, 1834, т. 3, с. 39). При этом Н. в ст. «Здравый смысл и Барон Брамбеус» («Телескоп», 1834, № 19—21) применил дерзкий прием, прием против своего лит. противника, объявив, что и сам Сенковский поддал под влияние «юной словесности». Современникам бросился в глаза моральная уязвимость этого поступка; так, Н. И. Греч писал Загоскину 7 июля 1834 из Петербурга в Москву: «Сделай одолжение, скажи, что делает ваш Надеждин, или он вовсе не дорожит репутацией честного человека и благородного литератора? Что значат его доносы на Брамбеуса» (РНБ, ф. 291, № 68, л. 1). Вместе с тем Белинский в «Литературных мечтаниях» (1834) и Н. В. Гоголь в статье «О движении журнальной литературы в 1834 и 1835 г.» (1836) присоединились к выводу Н. о том, что Сенковский подражает «юной словесности» (см. соответственно: Белинский, I, 100; Гоголь, VIII, 165).

В самом нач. 30-х гг. в статье, посв. пушкинской трагедии «Борис Годунов» («Телескоп», 1831, № 4), намечалась перемена отношения Н. к Пушкину, который «указал путь народной русской драме, указал точку, с которой должно ... смотреть на историю» («Молва», 1832, № 19, с. 73—74). Однако, требуя от совр. иск-ва буквального правдоподобия, критик находил в «Борисе Годунове» многогреш. случаи нарушения психол. и бытовой истины (напр., факт саморазоблачения Лжедмитрия перед Мариной). Общая оценка творчества Пушкина остается двойственной. «Вероятно, не я один слышал, как он (Н.) высоко ценил его талант, хотя всегда сожалел, что познания нашего поэта были очень бедны в сравнении с познаниями и многостороннею образованностью Шиллера и Гёте, особенно Гёте» (восп. Чистякова — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1731, л. 71). Отсюда, по мнению критика, протекст нарочитая легкость и фрагментарность: Пушкин — лишь мастер на «гротески» и «арабески», расматриваемые Н. как низшие формы искусства; «Русия и Людмила» — «прекрасная галерея физических арабесков», «Евгений Онегин» — «арабеск мира нравственного» («Евгений Онегин», ро-

ман в стихах, Глава VII.» — ВЕ, 1830, № 7, с. 202—03).

С завершением «Евгения Онегина» Н., как он полагал, получил окончат. подтверждение своей точки зр.: «Самое великое его, с неопределимо-периодическими выходящими, с беспрестанными пропусками и скачками, показывает, что поэт не имел при нем ни цели, ни плана и действовал по свободному идушению играющей фантазии. Смело можно угадывать, что при первой главе „Онегина“ Пушкин и не думал, как он кончится» («Последняя глава „Евгения Онегина“» — «Телескоп», 1832, № 9, с. 106). Таким образом, камнем преткновения для Н.-критика явились сама открытость поэтик. мира («даль свободного романа»), нарочитая импульсивность и импровизационность повествовательной манеры прозаика. Как бы создаваемого на глазах читателя и под влиянием мимолетных обстоятельств; все это не началось с риторики, понятиями Н. о худож. цели, выношенности замысла и лексикол. правдоподобии. К тому же критик не удержался от упреков морального свойства: мол, поэт, выдавая происхождение по словам, неброско-остен перед читателями. Пушкин, лично познакомившись с Н. 22 марта 1830 в Москве, на обеде у М. П. Погодина, просил последнего передать критику, «что опрострачивость его суждений испорчительна» (письмо от 11 июля 1832 — Пушкин, XV, 275).

Иначе развивались отношения Н. с Гоголем. Начиная с «Главы из исторического романа» и с первой и второй частей «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (отзывы об этих произв. помещены в «Телескопе»: 1831, № 2, 20; 1832, № 17), критик неизменно сочувственно и весьма высоко оценивал его творчество. В статье же, посв. моск. премьере «Ревизора» («Театральная хроника» — «Молва», 1836, № 9; подпись А. Б. В.), он одним из первых определил Гоголя как великого писателя («великий комик жизни действительной» — Надеждин, с. 472). На фоне придрочивого или в лучшем случае прохладного отношения к Пушкину это может показаться парадоксом, к-рый, однако, коренился в эстетич. системе и мироощущении критика: Гоголь обратился к отеч. материалу в обход неприемлемых для Н. сюжетов байроновского или даже элегич. толка, он присоединился к богатейшим ресурсам фольклора и обнаружил склонность к столь ценному критиком нанюванию, простодушному комизму.

Н., кстати, и сам был великий мастер идентификации и карнаваловывалка послепитомов-маск: помимо Николая Нащокина, П. Ш. и А. Б. В., еще Лямина-Зубов, Ордино-Котте, Иллитий Мезлаковский, Истома Романов и т. д. (ср. замечание современника о Н.: «в нем был своего рода юмор, не совсем гонимый, но иногда довольно злой» — Певчев, с. 146).

Н. в большой степени содействовал установлению того почитания Гоголя, к-рое наблюдалось среди москвичей, особенно у окружавшей критика молодежи — К. Аксакова, Станкевича, Белинского и др. (ср. свидетельство Пушкина в письме от 6 мая 1836: «в Москве... Гоголя болельщики, нежли в Петербурге» — Пушкин, XVI, 113). Н. и лично был знаком с Гоголем — они встречались в марте 1835 в Петербурге и в 1-й пол. 1841 в Риме (см.: Манин Ю., «Сквозь видный миру смех ...». Жизнь Н. В. Гоголя. 1809—

1835, М., 1994, с. 425—26; ЛН, т. 58, с. 606).

Из теоретич. проблем наибольшее внимание Н. в 30-е гг. привлекают иерархия жанров (место в ней романа), народность и, наконец, способы и методы эстетич. буждения. Все эти проблемы решаются в духе искомого синтеза, примиряющего средостремительное (классич., объективное) и средобежное направления (романтич., субъективное). Первенство романа в совр. лит.-ре обусловлено тем, что он наилучшим образом сочетает объективность классич. формы с субъективностью ср.-век. романтизма, выступая также восприимчивом сильнейших качеств трех родов поэзии: от эпоса он берет «историческую изобразительность», от лирики — внутреннее одушевление, авторскую способность к самораскрытию и лирич. излияниям, от драмы — наглядную событийность, при к-рой персонажи действуют «сами из себя», своими «внутренними силами». К тому же, большую романную лит.-ру отличает ист. репрезентативность содержания; таковы романы В. Скотта, представляющие «характеристическую историю человечества в известный момент бытия его» («...Рославлев, или Русские в 1812 году» — М. Н. Загоскина — «Телескоп», 1831, № 13—14; цит. по: Надеждин, с. 278). В России романтиста подобного ранга нет и, по мнению Н., не предвидится, что обусловлено особенностью ее ист. бытия и в связи с этим отсутствием (или недостатком) народности в искусстве.

Развитие Н. проблемы народности особенно явственно обнаруживает связь его эстетики с историсофией. В бытии народа столкновение противоположных начал равнозначно борьбе самобытности с подражательностью («чужаеядством»), к-рая должна увенчаться их примирением. Для России это есть примирение рус. народности и европеизма (ср. назв. одной из крупнейших работ Н. «Европеизм и народность в отношении к рус. словесности» — «Телескоп», 1836, № 1—2) — процесс, исполненный мучительных противоречий и драматизма. С одной стороны, он осложнен тем, что народность ошибочно отождествляется с внешними, преим. простонародными жизненными атрибутами («Многие под народностью разумеют одни наружные формы русского быта, сохраняющиеся теперь только ... в низших классах общества» — там же; лит. по: Надеждин, с. 440), в то время как она подразумевает «совокупность всех свойств, наружных и внутренних, физических и духовных, умственных и нравственных, из которых складывается физиономия русского человека ...» (там же; ср. столь же широкое понимание народности, высказанное

Гоголем годом раньше в статье «Несколько слов о Пушкине»: «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа» — Гоголь, VIII, 51). С др. стороны, обнаружению народности мешают раболопное преклонение перед всем заимствованным: «У нас стремление к европеизму подавляет всякое уважение, всякое даже внимание к тому, что именно русское, народное» (там же; Надеждин, с. 441). Однако, по Н., нуждается в развитии, в интенсификации и само нар. начало, без чего Россия не сможет выйти на авансцену истории. Историческая система Н. в своем последнем звене не совпадает с эстетической: у него есть четкий ответ, каким должно быть новое иск-во (синтетич., объединяющим сильные стороны «классич.» и «романтич.» поэзии), но он не столь категоричен в решении вопроса о народе, воплощающем в современности новую фазу человек. истории. Подобно ряду совр. ему рус. критиков (как то Шевырев или Полевой), Н. склоняется к идее рус. мессианизма, однако с колебаниями и принципиальными оговорками: России назначается «разыграть первую роль в новом действии судеб человеческих» и быть «для времен грядущих тем же, чем были некогда пелазги для классического и тевтоны для романтического мира» («О происхождении, природе и судьбах поэзии...»; цит. по: Надеждин, с. 252). Эта «роль», таким образом, отнесена Н. к далекому будущему, ко «временам грядущим», поскольку для ее выполнения мало одного самообнаружения нар. начала, необходимо, чтобы оно развилось и возвысилось до общевроп. уровня. Именно от Н. идет проявившаяся впоследствии сдержанность Белинского в описании «субстанционального начала» рус. жизни, доселе «еще таинственного» и не определенного (Белинский, VI, 431).

Отсюда высокая оценка Н. реформ Петра I (в этом критик также предвосхитил западников), подключившего Россию к магистральной, то есть зап.-европ., линии развития. «Следовательно, все наше прошедшее ограничивается одним веком» («Телескоп», 1832, № 14, с. 246).

В горниле шквализации, просвещения вырабатывается не только науч. познания, но и стиль отношений, богатство интимной жизни. «Я и не пишу в нашем обществе желания Бальзака, этой дилетантской поэмы, для создания коей потребно было двенадцать тысяч исперияло возрастающей индустриализации этого неветхошного мира поэзии, заключающего в себе все оттенки нравственного образования...» («Письма к Клею и М. А. М. (Александровичу)» — «Телескоп», 1835, № 1; цит. по: Надеждин, с. 392). «Двенадцать тысяч», а не один век! Но если в русском обществе нет личности, подобной „дошшим Бальзака“ (там же), то, по Н., нет любви, во всей глубине и uniqueness ее проявлений, нет не только почвы для романа (как лит. жанра) — нет и подлинной народности.

В 1836 в привычном для него духе филос. универсализма Н. развернул полемику относительно метода и способов эстетич. суждений, поводом для к-рой явилось издание «История поэзии» С. П. Шевырева (1835). В свободном хронологич. описании памятников искусства Н. видится «предубеждение» к логич. построению, т. к. необходимо строго рассмотрению этих памятников в аспекте последоват. смысла худож. форм: символич., классич., романтич. и нового, синтетич. иск-ва («История поэзии...» — «Телескоп», 1836, № 4). Статья Н., вызвавшая, в свою очередь, ответ Шевырева (МН, 1836, апр., кн. 2; июнь, кн. 1; июль, кн. 2) и повторные выступления Н. («Телескоп», 1836, № 8, 11), привлекла широкое внимание: Н. поддержали тяготевшие к нем. классич. философам Станкевич (Переписка Н. В. Станкевича, с. 321, 369), Белинский (II, 723); на стороне его оппонента выступили П. А. Плетнев (I, 264—72), Я. М. Неверов (ЖМНП, 1836, № 10, с. 372), а также Пушкин (XII, 65—66).

С нач. 30-х гг. развивается мучительный роман Н. с его юной ученицей Елиз. Вас. Сухово-Кобылиной, сестрой А. В. Сухово-Кобылина (подробнее см.: Козмин, гл. 7), впоследствии ставшей писательницей — печаталась под псевд. Евгения Тур. Н. был приглашен «довершить» образованье девушки, с к-рой они вместе читали Жуковского, Шиллера, А. Ламартина; нек-рое время Н. жил в подмоск. имении Сухово-Кобылиных, а с осени 1834 в их моск. доме. Девушка отвечала ему взаимностью, но ее родители-аристократы (отец был генералом) решительно восстали против брака с плебеєм и «поповичем». Решившись, по его словам, «выслужить Елисавету Васильевну, как Иаков Рахиль, египетскою работою» [Козмин, с. 468; см. письмо Н. к ней — «Журнал Рязан. губ. ученой архивной комиссии. Заседание 30 марта 1885 г.», Рязань, 1885, прил., с. 11—16 (Тр. Рязан. ученой архивной комиссии за 1884—1885, т. 1, в. 1); РА, 1885, кн. 2, с. 573—583], Н. еще до кон. учеб. года (февр. 1835) подает прошение об увольнении с должности профессора, с тем чтобы сделать чиновничью карьеру («Изумление было всеобщим... все терялись в догадках, искали объяснений» — РА, 1885, кн. 2, с. 582). Расставаясь с ун-тской кафедрой, Н. записывает в дневнике: «все, что было приобретено мной для будущности, в поте лица, ценою кровавых трудов, — все это уничтожилось в одно мгновение» (Козмин, с. 476). В мае он делает формальное предложение о женитбе и получает отказ. История получила огласку; слухи, подозрения (С. Т. Аксаков, поверенный Н.,

«одобрял (его) намерение» «ни чего не брать» за любимой девушкой, если брак состоится, и видел в этом «единственный способ спасти честь от нареkania» — там же, с. 467), перехваченные письма, несостоявшийся брак (не вполне достоверное описание его см. в гл. «Н. Х. Кетчер» «Былого и духа» Герцена; IX, 228—29), взаимные сомнения и переживания (Сухово-Кобылина «была на волос от сумасшествия» — Козмин, с. 491) привели к тому, что сложенный и опустошенный душевно Н. в июне того же года отправляется в долг. заграничное путешествие («окончательное» письмо Н. от 24 мая 1835 см.: там же, с. 503—505). (Позднее Сухово-Кобылина вышла замуж за графа Салиаса де Турнемира.) Имея в виду время любовного увлечения Н. (до конца жизни оставшегося неженатым), Максимович писал, что у критика тогда сложилась «живая эстетика, которая могла бы дать высокий строй... эстетике философской; но, к сожалению, они сошлись в его душе не под счастливою звездою» (Максимович, с. 227); выражение «живая эстетика» намекает и на начавшийся отход Н. от филос. систематизма [см.: Манин, Рус. филос. эстетика, с. 218—23; характерны более поздние упреки Н. в «гегелизме» («кольчуга гегелизма»), обращение к участникам кружка Станкевича, в свою очередь разочаровавшимся в Н.; см. письма Н. к С. Т. Аксакову 1839 и 1842 (там же, с. 220), а также рец. Н. на «Новый курс философии» Э. Жерюзе (ЛПРИ, 1837, № 1)].

Н. посещает Гамбург, Геттинген (где слушал лекцию археолога и филолога-классика К. О. Мюллера, беседовал с историком А. Гереном), Кёльн, Бонн, Франкфурт-на-Майне, Страсбург, Париж. Затем следуют Швейцария, Италия, Австрия. После путешествия по Черномору, побережью, от Одессы до Крыма, в дек. 1835 возвращается в Москву и излагает впечатления от заграничного вояжа в обширных «Видержках из дорожных воспоминаний» («Телескоп», 1836, № 1, 3, 8; см. также: «Очерки Швейцарии» — ЛПРИ, 1837, № 22—24). Вскоре в № 15 «Телескопа» (1836) появляется первое «Философическое письмо» П. Я. Чаадаева, имевшее роковые последствия для Н. (критик был знаком с Чаадаевым еще с 1832, опубликовав в своем журн. др. его работу «Нечто из переписки с NN»; с франц., 1832); слух о «непонятной, неизъяснимой статье» «разнесся с необыкновенной быстротой по Москве» (М. (И.) Жихарев — в кн.: Рус. общество 30-х гг. XIX в., М., 1989, с. 98).

Нек-рые современники (Мурзакевич) и позднейшие исследователи были склонны считать публика-

цию Н. Чаадаевского письма случайностью (Венгеров; Лемке; отчасти: Козмин). Но заинтересованность Н. в «Философическом письме» объясняется некоторым его соответствием настроениям самого критика, сближением их исторнософских позиций. Хотя, в отличие от Чаадаева, Н. не рассматривал Россию как бы выпавшей из мировой истории и хотя противоположность России и Запа. Европы не толковалась им в аспекте антитезы конфессий, т. е. превосходства католицизма над православием (высокие достоинства православия были для него вне сомнения), однако обличение им рос. отсталости и нецивилизированности достигло к сер. 30-х гг. почти чаадаевской степени горького отчаяния: «Что наша жизнь, что наша общественность? Либо глубокий неподвижный сон, либо жалкая игра китайских бездушных теней» («Письма в Киев» — Надеждин, с. 392). «Ни по какой отрасли наук мы не можем представить собственно нам добытой, собственно нам принадлежавшей лепты» (там же, с. 379; из «Обозрения рус. словесности за 1833 г.» — «Телескоп», 1834, № 1), т. е. получается, что подлинное историч. развитие России еще не началось (ср. у Чаадаева: «Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем, без прошлого и без будущего, средин плоского застоя» — Чаадаев П. Я., Избр. соч. и письма, М., 1991, с. 27). За печатание «Философического письма» журнал распоряжением царя (22 окт. 1836) был закрыт, Н. препровожден для допроса в Петербург в III отделение (см.: Лемке), а затем сослан в Усть-Сысольск. В янв. 1838 его перевели в Вологду, но уже в апр. он был прощен царем и, получив право жить «всюду, где пожелает», отбыл в Петербург.

После ухода с лит.-критич. журнального поприща Н. развернул науч. деятельность в самых различных областях: богословии, этнографии, лингвистике, географии, фольклористике, истории. С 1837 активно работает для «Энциклопедич. лексикона» А. Плюшара, поместив в нем статьи (ок. 100) по рос. истории, этнографии и культуре («Великая Россия» — т. 9), зап.-европ. истории и географии («Веймар», «Веймарское великое княжество», «Вестфальский мир» — т. 9, 10), эстетике («Возбуждение страстей» — т. 11) и т. д. В статьях «Об ист. трудах в России», «Об ист. истине и достоверности» (БлЧ, 1837, т. 20) Н. выступил против «мрачного скептицизма, нового раскола» (там же, ч. 1, отд. III, с. 130), т. е. против скептич. школы Каченовского.

Как автор статьи «Народная поэзия у зырян» (УЗ на 1839) Н. явился «одним из пионеров изучения

наш. фольклора народов России» (Азадовский М. К., История рус. фольклористики, т. 2, М., 1963, с. 16). Одно из первых мест в исследовании Н. заняла филология, задачи к-рой понимались им весьма широко. Еще в 1834 в речи на заседании ОЛРС Н. наметил программу исследования языка самых разных сфер умственной и духовной деятельности: помимо худож. словесности и богослов. лит-ры еще языка юриспруденции, естественных и матем. наук, техники, воен. дела и т. д. (сообщение об этой речи см.: БЗ, 1858, № 17, стб. 543—44). Со 2-й пол. 1830-х гг. он энергично отстаивает мысль о применении филологии в качестве вспомогат. дисциплины для частной и общей истории («С чего должно начинать историю?» — ЛПРИ, 1837, № 13, 14), выступает одним из зачинателей в России историч. географии — именно с «безмерностью» геогр. пространства Н. связывал исключительность рус. истории («Опыт историч. географии рус. мира» — БлЧ, 1837, т. 22; отзыв А. И. Гершена об этой работе: «славная статья» — XXI, 207), демонстрируя конкретные образцы подобных изысканий. Так, в кн. «Геродотова Скифия, объясненная чрез сравнение с местностями» (Од., 1842; отклик: А. П. — ЖМНП, 1845, № 11; А. Студитский — «Москва», 1846, № 1) им представлена тщательно собранная «географич. номенклатура» для пояснения фактов древней истории. Это направление было продолжено Н. в ст. «Skythien und die Skythen des Herodot...» («Зап. Одес. об-ва истории и древностей», т. 1, Од., 1844), «О местоположении древнего города Пересечена, принадлежавшего народу Усличам» (там же), «Слав. надпись в Килийской церкви Св. Николая» (там же). Собственно лингвистич. штудии Н. посвящены истории рус. лит. языка в его соотношении со старославянским («Mundarten der russischen Sprache» — «Jahrbücher der Literatur», 1841, Bd 95; см.: Манн Ю., Статья Н. на нем. яз. — ИзвОЛЯ, 1969, № 4; рус. пер. фрагмента статьи с комм. П. С. Савельева см.: Савельев П., Об отличит. признаках в наречиях рус. яз. по системе Н. — ЖМНП, 1857, № 2). В 1847 Н. по предложению О. М. Бодянского избран в действит. чл. ОИДР.

Н. продолжает занятия в области этнографич. интерес к к-рой наметился еще до ссылки: чл. совета Рус. географич. об-ва, он в 1848 избран пред. Отделения этнографии РГО; ему принадлежит заслуга составления конкретной инструкции этнографич. исследований (опубл. в «Своде инструкций для Камчатской экспедиции, предпринимаемой РГО», СПб., 1852), где, в частности, чуть ли

не впервые обращено внимание на важность изучения нар. эстетики: подразумевается «степень восприимчивости изящного; нар. тип красоты, в особенности женской; любимые формы, пропорции и цвета», а также «игры... музыка, напевы песен, вкус к зрелищам и т. д.» (там же, с. 26—27). Полученными Геогр. об-вом материалами пользовались фольклористы и собиратели (А. Н. Афанасьев, П. А. Бессонов, В. И. Даль и др.). В 1848—1851 Н. — редактор «Географич. известий», совместно с К. Д. Кавелиным — ред. 1-го тома «Этнографич. сб-ка» (1853). Он активно содействует и становлению славяноведения как науки; одна из его работ в этой области: «Письмо из Вены о сербских песнях» («Москва», 1841, № 6) — хвалебный разбор «Собр. сербских нар. песен» — Вука Караджича. Три новых продолжит. путешествия Н. в страны Зап. Европы (в 1840—41 — с Княжевичем, в 1845—1846 и 1847—48; последние две поездки «с возложением... особых секретных поручений» — РГИА, ф.с.) завязали и упрочили его связи со мн. деятелями слав. культур: Ф. Миклошичем, Я. Колларом, Караджичем, П. Шафариком, В. Ганчи и др. Пространные науч. отчеты о первом путешествии Н. поместил в «Журн. Мин-ва нар. проsv.» (1842, ч. 34, № 6) и «Зап. Одес. общества истории и древностей» (т. 1, Од., 1844); по материалам путешествий написаны статьи «Черногорцы. Из восп. путешественника» (УЗ на 1842; похвальный отзыв Гоголя: «... Черногорцы Надеждина выходят рельефнее других» — VIII, 211), «Гротта Феррата» (описание иноческой обители в окрестности Рима; в кн.: Картины рус. живописи, СПб., 1846), «Изображение Божией матери» (там же) и др.

Принципиальное значение для становления этнографич. науки в России имел его тр. «Об этнографич. изучении народности русской» («Зап. РГО», кн. 2, СПб., 1847; отклик: ОЗ, 1847, № 10; ФВ, 1847, № 8; часть статьи перепечатана в ж. «Этногр. обозрение», 1994, № 1), где энергично поставлен вопрос о том, что «народность должно наблюдать и изучать в действительном быту народа», т. е. прежде всего во взаимодействии с иноплеменными факторами, обуславливающими видовой разнообразие рус. нации. Так, в «огозападном облике народности русской, особенно в том оттенке его, который принадлежит казачеству, многое отзывается чистою Азией, изобличает в себе происхождение кавказское или — еще далее — подалтайское» («Этногр. обозр.», 1994, № 1, с. 116). К этому присоединяется влияние «цивилизаций» — «грековизантиской из-за Дуная, латино-

польской — из-за Вислы, немецко-варяжской — из-за моря»; «при всем этом, русский человек не перестал быть человеком русским...» (там же). Особая задача «этногр. критики», по Н., — изучение «русских вне России» (там же, с. 117), проблема, под- сказанная ему путешествиями по слав. странам.

В ст. «О рус. нар. мифах и сагах, в применении их к географии и особенно к этнографии русской» (РусБ. 1857, т. 3, 4) Н. указал на необходимость различения «мифов» и «саг»: если первые носят «бездременный» и «бездельный» характер, то последние восходят к конкр. событиям и воплощают определ. ист. переживания. Так, обращаясь к «Стиху о Голубиной книге», можно изучить «русского человека по самым верным данным, какие мы имеем в его давно минувшей старине» (там же, 4, с. 62). Интерес к рус. и слав. культуре, слав. «общности» сблизил Н. с формирующимся славянофильством в рус. науч. и обществ. мысли. «Оба направления [славянофильства и западничества — Ю. М.] как будто скрывались в нем в зародыше, и оба впоследствии могли бы найти в нем точку соприкосновения» (Пыпин, 1890, с. 263—64). Усиливается интерес Н. к рус. лит-ре и письменности древнего периода (в частности, к «Слову о полку Игореве» — «Записка о путешествии по южно-слав. странам» — ЖМНП, 1842, № 6, с. 87—106; отд. отт. — СПб., 1842), что объективно означало отход от прежнего его убеждения, будто бы Россия приобрела достоинство пол- лического историзма лишь с эпохи Петра. В публикациях же (довольно редких), посвященных совр. лит-ре, Н. корректирует свои прежние негативные суждения о «Евгении Онегине» и других произв. «нашего незабвенного Пушкина» («Русская Алмабра» — «Одес. альманах на 1839 г.», Од., 1839). Широко развернулась редакторская деятельность Н.: проживая в 1838—42 в Одессе, куда его пригласил Княжевич, он становится деятельным участником Одес. об-ва любителей истории и древностей, редактирует «Одес. альманах» (вып. 1839 и 1840, изд. Княжевич), а переселившись в 1842 в Петербург, становится редактором «Журнала Мин-ва внутр. дел» (с окт. 1842 до конца жизни; с 1845 пом. по изданию — историк В. В. Григорьев). С марта 1842 Н. на службе в Мин-ве внутр. дел (с нояб. 1843 определен чиновником особых поручений под начало Л. А. Перовского); дослужился до действит. стат. советника (1851; с 1845 — стат. сов.). По заданию Мин-ва занялся изучением раскола (пред. комиссии по делам раскольников и скопцов был И. П. Липранди); результат этой деятель-

ности — книга «Исследование о скопческой ереси» ([СПб.], 1845; изд. в количестве 25 экз.; перепечатано В. И. Кельсиевым в Сб-ке правительств. сведений о раскольниках, в. 3 — О скопцах, Лондон, 1862), в к-рой анализирует историю раскола (в частности, обосновывает происхождение скопч. ереси из хлыстовской) и совр. состояние скопч. секты в России. Правительство, по мнению Н., «в отношении к скопчеству действовало с излишней снисходительностью» (изд. 1845, с. 345), т. к. «скопчество ... есть язва, которую можно и скорее излечить, но излечить нельзя» (там же, с. 384). Как знаток раскола оказал влияние на П. И. Мельникова-Печерского. Вместе с тем в демократич. и либеральных кругах участие Н. в правительств. политике преследования религ. инакомыслия вызвало отрицат. реакцию: по мнению Кельсиева, Н. запугивает «правительство политич. направлением секты», провоцируя гонения скопцов, в то время как «гонение делает их живой верой» (Сб. ... о раскольниках, в. 3, с. III, IV, V). Н. Г. Чернышевский полагал, что окончание «его жизни запятано раскольничьими делами» (XIV, 319).

В 1846 Н. написал, также по заданию правительства, записку «О заграничных раскольниках» (впервые опублик.: Сб. правительств. сведений о раскольниках, в. 1 — О раскольниках, Лондон, 1860), в т. ч. по материалам личных наблюдений (Н. 6 мес. провел среди австр. «липован»). Описывая дом, быт, нравы, общий уклад различ. сект в Галиции, Молдавии, Валахии, Турции, Н. отмечал сохранение языка, особенностей «прародительской Велико-русской национальности» и «неприятных чувств» к рос. правительству (там же, с. 88, 135—136). В выводах Н. совпадал с официозной т. зр. на раскольников как «опасных» для государства.

Скончался Н. от апоплексич. удара (он был тяжело болен с 1853, когда его разбил паралич), работая чуть ли не до последнего дня — переводил на рус. яз. «Земледелние» К. Риттера. Н. «изумлял» современников «обширностью и разнообразием знаний», «громадной ученостью, по которой... очень немногие могли с ним сравниться» (Срезневский, с. 14), в то же время «как в человеке... в нем не было ни малейшей сухости и педантизма» (Панаев, с. 146). По утверждению первого биографа Н., П. С. Савельева, «одних напечатанных уже сочинений его достаточно было бы для известности нескольких ученых; по разнообразию они представляются как бы трудами целого факультета» (Савельев П., Доп. к автобиографии

Н. — РВ, 1856, № 3, с. 77). Однако же в сравнении со своими феноменальными способностями и затраченным огромным трудом Н. занимает довольно скромное место в новом и новейшем лит. сознании, что объясняется целым комплексом обстоятельств. Лит.-эстетич. мысль Н. развивалась в том направлении, к-рое вело к теории реализма классич. периода; поэтому он имел значение для Белинского, Чернышевского или, скажем, Гончарова и А. А. Григорьева (в определ. период биографии последнего), но не мог служить источником творч. импульсов для символизма и др. течений конца 19 — нач. 20 вв. В сфере философии Н. тяготел к универсально-логич. системе гегелевского типа; представлена им, правда, и противоположная, интуитивистская тенденция, усиленная после 1836. Однако поскольку эту тенденцию гораздо сильнее выразили И. В. Киреевский, А. С. Хомяков и др., к тому же соединившие ее с подробно развитой «русской идеей», то представители рус. религ. философии конца 19 — нач. 20 вв. (Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Н. О. Лосский и др.) опирались именно на эти имена, оставив Н. в тени. Двойственным оказалось положение Н. и в отношении академич. школы рус. литературоведения, возводившей свою генеалогию к Шевыреву, с к-рым Н. полемизировал именно по вопросам методологии, хотя нек-рые исследования самого Н. (особенно после 1836) в области отеч. истории и лит-ры древнего периода своим конкретным историзмом объективно были близки к указанной школе. Наконец, на репутации Н. сильно сказались его антипушкинские выступления 2-й пол. 1820-х гг., последующие же коррективы критика или не были услышаны, или не были приняты во внимание.

Др. произв.: «Светлейший князь Потемкин-Таврический, образователь Новорос. края» (Од., 1839), «Прогулка по Бессарабии» («Одес. альм. на 1840 г.», Од., 1839), «О важности ист. и археологич. исследований Новорос. края, преми. в отношении к истории и древностям русским» (в кн.: Торжество. собрание Одес. об-ва истории и древностей 4 февр. 1840 г., Од., 1840), рассказ «Сила воли. Восп. путешественника» (исповедь итал. католич. монаха, современника Н.; в кн.: Сто рус. литераторов, т. 2, СПб., 1841), «Род Княжевичей» (Од., 1842), «Гиржавский монастырь в Бессарабии» (СПб., 1843), «Рус. путешественники к Св. местам» (в кн.: Картины рус. живописи, СПб., 1846).

Письма: Муратова (1); Ф. А. Голубинскому — ЗапБЛ, в. 34, М., 1973; М. П. Погодину — там же, в. 39, 1978 (обе публ. и комм. Л. А.

НАДСОН

Ирсетской); М. А. Максимовичу — ПЗ, 1881, № 4 (ст. С. Пономарева); РФВ, 1911, № 2 (ст. В. Данилова); А. А. Красевскому (1840) — ИзвОРАС, 1905, т. 10, кн. 4 (ст. Н. Козмина).

Изд.: Автобиография. — РВ, 1856, № 3 (вступ. заметка, доп. и прим. П. С. Савельева); Лит. критика. Эстетика. М., 1972 (вступ. ст. и комм. Ю. Манна); О совр. направлении ишских искусства. — В кн.: Рус. эстетик. трактаты 1-й трети XIX в., т. 2, М., 1974; Промысл человеку. — В кн.: Франц. эстетик. XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры, М., 1989; Нар. поэзия у моря. — В кн.: В лебях Севера. Смыславар, 1983; Болтыни и вытиски рус. земл., М., 1990; М., 1992; Изображение Божьей Матери. — В кн.: Философия рус. религ. иск-ва XVI—XX вв. Антология, М., 1993; Об этнографич. изучении народности русской. — «Этногр. обзор», 1994, № 1—2 (публ. и вступ. ст. Т. Д. Саловой).

Биогр. мат-лы: Максимович М. А., Восп. о Н. — «Москв», 1856, № 3 (вкл. письма Н.); Срезневский И. И., Восп. о Н. — «Вест. РГО», 1856, ч. 16, кн. 1; Савельев П., Участие Н. в трудах Моск. ОЛРС. — ВЗ, 1858, № 17; Попов Н., Н. на службе в Моск. ун-те. — ЖМНП, 1880, № 1; Ростиславов Д. И., Записки о Н. (К биографии). — РС, 1894, № 6; Чистяков В., Новое иск-во о Н. (К биографии). — РС, 1908, № 2; Лемке (2; вкл. «Два ответа Надеждина Чаадаеву», с. 592—607); Никитенко (ук.); Барсуков (ук.); Панаев (ук.); Мурзакевич И. Н., Записки. — РС, 1887, № 6, с. 661—662; № 12, с. 650—664; Полевой К. А., Записки, СПб., 1888 (ук.); Бобров Е. А., И. А. Гонимов о Н. — ИзвОРАС, 1909, т. 14, кн. 1; Аксаков К., Восп. студента, 1832—1835. — В кн.: Рус. общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников, М., 1989 (ук.); Буселас Ф., Мои восп., М., 1897, с. 20—21, 123—24; Немчинова З. Я., Комм. народа у рус. лит-ры XVIII—XIX вв., Смыславар, 1968, с. 21—46.

Пушкин: Белинский; Гончаров; Грингорьев; Эстетика; Гершен; Достоевский (все — ук.); Чернышевский, III, 140—64, 177—79, 185—91, 195—96 (и ук.); Попов И., Письма к М. П. Погодину из слезельств, М., 1879; Пылин А. Н., И. И. Надеждин. — ВЕ, 1882, № 6; его же, История рус. этнографии, т. 1, СПб., 1890, с. 233—75; его же, Белинский. Его жизнь и переписка, СПб., [1908], с. 79—85; Трубаев С. С., Предшественник и учитель Белинского. — ИВ, 1889, № 8, 9; Волдынский А., Рус. критика, СПб., 1896, с. 70—80; Венгеров С. А., Прим. к «Лит. мечтаниям». — В кн.: Белинский В. Г., ПСС, т. 1, СПб., 1900, с. 398—411, и след.; Миловоков П., Из истории рус. интеллектуализма 20-х гг., СПб., 1903, с. 188—211; его же, Из теория рус. иск. мысли, СПб., 1913, с. 267—68; Филиппов М., Судьбы рус. философии, ч. 1, СПб., [1904]; Данилов В. И. в Оксесе в 1838—1842 гг. — РФВ, 1914, № 2; Козмин Н. К., Н. И. Надеждин. Жизнь и научно-лит. деятельность, 1804—1836, СПб., 1912; Трубицын (ук.); Сакулин П. Н., Рус. лит-ра, ч. 2, М., 1929 (ук.); Поляков М., Белинский в Москве, М., 1948; Оссовцов С. М., Рыгазка П. Ш. (По следам известного никонито). — «Театр», 1953, № 9; его же, К спорам о псевдониме «П. Ш.». — РЛ, 1959, № 4; его же, А. Б. В. и другие. — РЛ, 1962, № 3; его же, С. Т. Аксаков и Н. в театральн.-критич. отделе «Мониа». — РЛ, 1965, № 2; его же, Кто был автором «Лит. летописи Оксеса»? — РЛ, 1966, № 1 (см. также его статьи: РЛ, 1963, № 3; 1967, № 1; 1977, № 1); Мезенцев П. А., И. и В. Г. Белинский. — Уч. зап. Кипшев. гос. ун-та, т. 22, 1956; Кийко Е. И., Надеждин. — В кн.: История рус. критики, т. 1, М., —, 1958; Манн Ю. В., Н. — предшественник Белинского. — ВЛ, 1962, № 6; его же, Рус. филос. эстетик. (1820—1830 гг.), М., 1969, с. 43—75, 217—23; его же, Проблема историзма в филос. критике Н. — В кн.: Возникновение рус. науки о лит-ре, М., 1975; Виноградов В., Об одной мини-пушкинской мнимике на Москву. — РЛ, 1966, № 3; Черная Т. К., Лит. критич. взгляды Н. — предшественника Белинского, М.,

1971 (автор. реф. англ.); Телье и философия в России, М., 1974, с. 52—68; Прийма Ф. Я., И. и ставие. — В кн.: Слав. лит. свия, Л., 1968; Королева Н. В., Лавкина Г. А., История рус. театр. критики, в. 2, Л., 1976, с. 33—45 (ст. Н. В. Корольков); Ваганова Г. А., Филос. и эстетич. идеи в дисс. Н. «О происхождении, природе и судьбах поэзии, называемой романтизмом». — В сб.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР, в. 3, [М., 1977]; Морозов В. Д., Очерки по истории рус. критики 2-й пол. 20—30-х гг. XIX в., Томск, 1979 (гл. 3); Борзова Л. П., Чернышевский об «идеях искусства» в эстетике Н. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Ст., иск. и мат-лы, в. 9, Саратов, 1983; Каменский З. А., Н. И. Надеждин. Очерк филос. и эстетич. взглядов (1828—1836), М., 1984 (с перечнем тр. Н. и обширной лит-ры о нем); Кошелев В., «Вологодская история» Николая Надеждина. — В его кн.: Вологодские давности. Лит.-краевед. очерки, Архангельск, 1985; Махов А. Е., О языке и стиле лит.-критич. статей Н. — РР, 1985, № 2; Кириченко Е. И., Архитектурные теории XIX в. в России, М., 1986, с. 64—71; Дурново В. И., Россия и Запад в историко-филос. концепции Н. — В кн.: Историография проблем междунар. отношений и лит. движений в заруб. странах, М., 1987; Попов И. В., Чернышевский и Н. — В кн.: Трагизм и новаторство рус. прозы XIX в., Г., 1988; Миловалова О. О., Проблема лит. жанров в статьях Н. — В кн.: Рус. лит. критика. История и теория, Саратов, 1988; Аксаков И. С., Письма к родным 1844—1849, М., 1988 (ук.); его же, Письма к родным 1849—1856, М., 1994 (оба — ЛП); Сазанова О. В., Лит.-критич. деятельность Н. в оценке Н. Г. Чернышевского. — «Вест. Ленинград. ун-та. Сер. 2. История, языковед. лит.-ведение», 1990, в. 2; Салов В., Общак России. Дело о запрещении ж. «Телескоп». — ВЛ, 1995, № 1—2; Рус. фольклор. 1800—1855: Fasting S., N. I. Nadezhin and das Problem des künstlerischen Schaffens. — «Scando-Slavica», 1973, Bd 19; Idem. Between historical and normative aesthetics: N. I. Nadezhin — a comparative study. — «Canadian-American Slavic Studies», 1980, v. 14, № 2, p. 197—219; Wilczyńska-Fiksińska M., N. Nadezhin — krytyk A. S. Puszkina. — «Studia Rossica polonizantia», 1979, zesz. 9, s. 15—28; Mc Carthy S., The literary criticism of N. I. Nadezhin, [Shahe], 1980; Achinger G., «Teleskop» und «Motiv». — In: Idem, Victor Hugo in der Literatur der Puzkinzeit., Köln—W., 1991; Thieryer P., Jean Paul als Quelle des frühen russischen Nihilismus — Begriffs [cap IV], N. I. Nadezhin — «Oreus aestheticus». — «Res Slavica». Festschrift für Hans Rohde zum 65. Geburtstag, Paderborn—München—Wien—Zürich, 1994; ЛН, т. 45/46, 55, 56—58 (ук.). + Некрологи, 1856: «Вест. РГО», ч. 15, кн. 6; ЖМВЗ, ч. 16, фев.; МВЗ, лит. прим., 7 июля; ОЗ, № 2. Ст. профессоров Моск. ун-та: С. ОЛРС; Брокгауз; НЭС; Венгеров; Источ.; РБС; Мейер; Гранат; КЛЭ; ФЭ; СЛР; Чернышевский; Рус. писатели; Муратова (1); Новолоцкая И. Н. (еост.). Библиогр. описание журнала «Телескоп». (1831—1836), ч. 1—2, М., 1985; Машин.

Архивы: ИРЛИ, ф. 3, 199 (т. ч. записки лекции Н.), 265; РНБ, ф. 507; ф. 3, оп. 13, № 47 (письма С. Т. Аксакову) (справка Е. Б. Фоминой); РГАЛИ, ф. 1387; ф. 314 (письма Н. к И. И. Срезневскому, 1841); РГБ (ф. 76П — Ф. А. Голубинского); РГА, ф. 1349, оп. 5, д. 4885 (ф. с. яв 1855 г.); ф. 1661, оп. 1, д. 1297 (записки К. С. Срезневскому об изд. ЖМНП, 1834—49 гг.); ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 489 (о запрещении в «Телескопе» ст. «Рус. бороды» «любопытны. соображения», 1842 г.); ф. 1286, оп. 6, 1836 г., д. 403 (о высылке под надзор полковника б. издателя «Телескопа») (справка С. И. Варезюк). Ю. Р. Маш.

НАДСОН Семён Яковлевич [14(26). 12.1862, Петербург — 19(31).1.1887, Ялта; похоронен в Петербурге на Волковом кладб.], поэт, отец — надв. сов., из крещеной еврейской семьи, умер в 1864 в лечебнице для

душевнобольных. Чтобы прокормить двоих детей, мать (из дворян; урожд. Мамантова) работала экономкой и домашней учительницей в Киеве, в 1868 переехала к своему брату в Петербург, где Н. поступил в подготов-

тельный класс 1-й петерб. классич. г-зии. Мать Н., выйдя снова замуж (1872), вернулась с детьми в Киев. Н. перевели во 2-ю киев. классич. г-зию. После самоубийства (в припадке душевной болезни) отчима семье вновь попадает в Петербург, где по настоянию дяди — И. С. Мамантова, будущего опекуна Н., он был отдан пансионером во 2-ю воен. г-зию (окончил в 1879). В 1873 мать умерла от чахотки и Н. воспитывался в семье дяди.

Лит. склонности Н. проявились рано — с 9 лет «мечтал о писательстве», «проглотил почти всю детскую литературу — Майн Рида, Жюль Верна, Густава Эмара, знал наизусть почти всего Пушкина и сам писал прозой рассказы, героем к-рых был некий благородный Ваня... Во втором классе гимназии начал писать стихами» (Автобиография — ИРЛИ, ф. 377, 1 собр., № 1952, л. 3). С первых классов г-зии начинает играть на скрипке, мечтает о музыкальной профессии. В г-зии руководит изданием рукоп. ж. «Лит. винограет», участвует в лит. концертах, его склонности поощряются учителями и встречаются одобрение соучеников-кадетов. Во время каникул и отпускных дней вместе с двоюродными сестрой и братом и гимназич. друзьями ставит домашние спектакли. Многочисленные и часто сменяющиеся друг друга платонические увлечения Н. тщательнее фиксируются им в дневнике, к-рый он вел с 1875; напротив, не столь селомудренные похождения кадетов описываются им с крайним откровением. В дневнике подробно развиваются и характерные для его последующей поэзии формы само-

восприятия — одиночество, уныние, острая впечатлительность, в описании к-рых проступают также и следы самореклексии любимых лит. героев (молодого Адуева из «Обыкновенной истории» И. А. Гончарова, лермонтовских Демона и Печорина). В особенности темы «глубокого душевного страдания», одиночества в «развратной толпе товарищей и сверстников» обостряются после смерти в 1879 от чахотки Н. М. Дешевой, сестры одноклассника Н., в к-рую были влюблены Н. и его двоюродный брат — В. И. Мамантов (соперничество мальчишек способствовало и появлению записей Н. о том, что сам он «лишний в семье дяди», что «его держат» из невозможности «просто выбросить»). Памяти Дешевой посвящ. многочисленные стихи и все прижизненные издания Н. По рекомендации матери Дешевой, знакомой с редактором ж. «Свет» Н. П. Вагнером, в 1878 появилась первая публикация Н. — стих. «На заре» (№ 4). Вагнер и далее регулярно печатает Н. (поэма «Христианка» — 1878, № 10, и др.), затем его стихи появляются в ж. «Мысль», «Слово», «Устои», «Дело», «Рус. речь».

В 1879 — олять же по настоянию дяди — Н. поступил в юнкерское Павлов. воен. уч-ще. После тяжелого воспаления легких (результат сильной простуды на смотре) был отправлен лечиться на Кавказ; кавказ. стихи («Слово», 1881, № 1) отмечены в благожелат. отзыве журнального обозревателя «Будильника» (1881, № 10). После возвращения в Петербург в уч-ще (1880) Н. находит среди юнкеров товарищей, разделяющих его лит. склонности, затевает издание журнала. пишет многочисленные шуточные стихи, оды и поэмы из юнкерской жизни (см. восп.: А. Леман — ВИ, 1887, № 945; П. Иванов — «Сиб. наблюдатель», 1901, № 10, с. 104; ср.: Российская-Кожевникова М. А., Восп. о Н., М., 1912). Через соученика Н. по уч-щу Н. А. Плещеева знакомится с его отцом — А. Н. Плещеевым (1881), при содействии к-рого стихи Н. начинают публиковаться в «Отч. записках» (1882, № 1, и др.). Плещеев ходатайствует позже о ссулах, предоставлявшихся Н. Об-вом пособия нуждающимся литераторам и ученым (в к-ром Н. состоял с 1884), но важнее всего были для Н. поддержка его стихотв. занятий, благожелательные авторитетные слушатели в лице самого Плещеева и посетители его дома. Н. называл старшего поэта своим лит. крестным отцом. В эти годы завязываются и другие лит. связи Н. — с В. М. Гаршиним, И. И. Горбуновым-Посаловым (его восп. о дружбе с Н., к-рая «озарила своим светлым сиянием» начало молодости, см. в кн.: Сорок лет служения

людям. Сб. статей, посв. обществ.-лит. и издат. деятельности И. И. Горбунова-Посалова. М., 1925, с. 125—126), с Д. С. Мережковским, к-рый, будучи на три года моложе Н. и находясь под влиянием его поэзии, рассматривал его как лит. мэтра (см.: Мережковский Д. С., Письма к Н., НЛО, 1994, № 8 (предисл., публ. и прим. А. В. Лаврова)).

В 1882 по окончании Павлов. уч-ща Н. был произведен в поручики 148-го Каспийского пех. полка, расквартированного в Кронштадте, что давало возможность поддерживать постоянные контакты с петерб. друзьями и знакомыми (летом 1883 полк был расквартирован в Петербурге). В 1882 Н. избирают действительным чл. Пушкин. кружка. В Кронштадте он выступает на лит.-муз. вечерах, участвует в спектаклях офицерского Мор. клуба, интенсивно пишет стихи. В его критич. отзывах, опубли. в «Отч. записках», ясно проявилась лит. позиция Н.: резкой критике он подвергает поэтов «чистого иск-ва» А. А. Голенищева-Кутузова, К. К. Случевского и А. А. Фета (последние, по его словам, дописались «до геркулесовских столпов бессмыслицы» — «Лит. очерки», с. 233), напротив, комплименты получала у него поэзия И. В. Омелевского — как правдивая и жизненная. Перечисляя свои занятия этого времени, сообщая о благоприятных откликах в кронштадтской прессе на его публичные поэтич. выступления и о многочисленных поклонниках, Н. писал, что ему «живется очень весело» (письмо А. Я. Мокеевой от 20 янв. 1883 — Проза. Дневники. Письма, 2-е изд., СПб., 1913, с. 520).

Попытки Н. писать беллетристику значительно менее успешны, чем опыты лит. критики. В осн. это неоконченные наброски (собраны в его кн. «Проза. Дневники. Письма»); рассказ «К тихой пристани», пов. «Блуждающий огонек», фрагмент «В лучах света» (отрывок из ром. «Юность Сергея Полянского») и др. — не более чем пробы пера, преим. подражательные (в частности, И. С. Тургеневу).

Все нарастающее недовольство воен. карьерой, к-рая его и прежде не привлекала, и начавшийся туберкулез заставляют Н. добиваться отставки. Летом 1883 он пишет Мережковскому: «...я опять чувствую себя совершенно больным ... Милый Алекс. Ник. (Плещеев) возится со мною, как с сыном, часто заезжает, притащил своего доктора, носит мне книги, сидит со мною и мечтает о том, чтобы вырвать меня из Кронштадта. — но — увы! — Бог ведаст, когда осуществятся эти „дрезы“» (ПСС, т. 2, с. 486). В июле 1884 Н. был уволен в отставку и с авг. стал секретарем ре-

дакции газ. «Неделя». Обострение болезни вынуждает его обратиться в Лит. фонд за пособием для поездки на юг Европы. На средства, пожертвованные А. А. Давыдовой, С. П. Дервизом и выделенные фондом, в окт. 1884 Н. вместе с М. В. Ватсон (к-рая, оставив семью, с этого момента почти неотлучно находилась при Н. до самой его кончины) отправляется за границу для лечения. Н. побывал на юге Франции, в Швейцарии, Монако, Сев. Италии, Германии, перенес несколько операций фистулы на ноге. Из интересных знакомств той поры — доктор Н. А. Белоголовый и нем. литератор Ф. Боленштедт (см. подробнее: РС, 1887, № 5, с. 497—503).

Первая кн. Н. «Стихотворения» вышла в Петербурге в 1885 вопреки ожиданиям поэта («боюсь, чтобы моя книга не легла могольной плитой на всю мою лит. деятельность» — ПСС, т. 2, с. 524). Однако искренние опасения Н., до последних дней, несмотря на шумный успех, сохранявшего исключительную скромность, зафиксированную большинством мемуаристов, не оправдались: успех книги превзошел все возможные ожидания, уже в 1886 последовали два переиздания тысячным тиражом, подготовленные самим Н., четвертое и пятое изд. появились посмертно в 1887 (до 1917 сборник переиздавался в общей сложности 29 раз суммарным тиражом более 200 тыс. экз.). В 1886 Н. была присуждена за книгу половинная Пушкин. премия. Несмотря на многочисленные издания, поэзия Н. распространялась еще и в списках, строки «Не говорите мне: он умер, — он живет! Пусть жертвенный разбит, — огонь еще пылает! Пусть роза сорвана, — она еще цветет! Пусть арфа сломана, — аккорд еще рыдает!..» и «Как мало прожито — как много пережито!» знала вся читающая Россия и с ними связывала представление о личности поэта.

Феномен прижизненной и посмертной популярности Н. лучше всего сформулировал О. Э. Мандельштам, сам принадлежавший к тем поэтам «серебряного века» (от В. Я. Брюсова до футуристов), к-рые, пройдя через уличение Н. в детстве, в зрелые годы не прошли его поэзии ни формального несовершенства, ни грозной декларативности града, пафоса, переизбытка с бесконечными «поношью» (выражение Брюсова) жалобами на судьбу и жестокость окружающей жизни: «А не хотели ли ключ эпохи, книгу, расквашеную от прикосновения, книгу, к-рая ни за что не хотела умереть и в узком гробу 90-х годов лежала как живая, книгу, листья к-рой преждевременно пожелтели, от чьей ли, от сабля ли дачных скамеек, чья первая страница дышет черты юности с вольнолюбивым зачесом волос, черты, ставшие иконой? Всплывавшее в лит. вечного юности — Надсона, а излучилось одновременно настоящей огненностью этих черт и совершенство их неадекватности, почти деревенской простотой. Не такова ли вся книга? Не такова ли эпоха? ... Не смеются над надсоновщиной — это загадка рус. культуры и в сущности непонятый ее звук, потому что мы-то не понимаем и не слышим, как понимали и слышали они. Кто он такой — этот деревенский монах

с невыразительными чертами вечного юноши, этот дохлосный истукан утешается молодежь... этот пророк гимназических вечеров?» (Мандельштам О., Соч., т. 2. М., 1990. с. 15—16).

В авг. 1885 Н. вернулся в Петербург, но обострение болезни вынуждает его вновь переменить климат, и с окт. он поселяется в поместье друзей в с. Носковцы (станция Жыерлика) Подольской губ. Здесь завязывается его переписка с Л. В. Фадеевой (опубл. в кн.: С. Я. Надсон и графиня Лида, П., [1921]), на письма к-рой, в отличие от писем многих других восторженных поклонниц, Н. начал отвечать. В письмах Фадеева представлялась как графиня и описывала поэту свою жизнь изысканной петерб. красавицы в высшем придворном обществе (балы, рауты, обеды), своего красавца мужа и пр. Н. писал ей в ответ о своем окружении: «...бывает у меня один скрипач, один редактор местной газеты, к-рая, однако, не выдодит, и много барынь; но, увы, молодых и красивых между ними нет, за исключением княжны** и некоей***. Зато меня окружают старушки всех возрастов, с 30-ти до 60-ти лет включительно. Барыни меня очень балуют, приносят мне варенье, а я очень рад этому, ибо варенье люблю» (указ. соч., с. 107—08). Истинная личность Фадеевой раскрылась уже после смерти Н. (подробнее см.: Иванова, 1989).

В мае—сентябре 1886 Н. живет на даче под Клевым, работает журнальным обозревателем газ. «Заря» [посмертно его статьи из «Зари» и рецензии из «Отч. записок» были изданы в кн. «Лит. очерки. (1882—1886)» (СПб., 1887)]. В совр. прозе он выделяет Гаршина и В. Г. Короленко, отдает предпочтение рассказам и очеркам перед монументальной прозой («Минеральные воды» А. И. Эртеля и «На улице» Д. Н. Мамна-Сибиряка, по мнению Н., велики по объему), в трагедиях рус. демокр. критики Н. полемизирует с авторами журнальной прозы о реальности-нереальности тех или иных поступков или слов персонажей, с одобрением выделяет «мягкую, грустную, туманную, задумчивую поэзию» в прозе Н. Н. Златовратского, достаточно строго при этом разбирая неудачи стиля. Среди объектов язвительных колкостей Н. оказались критика, проза и поэзия В. П. Буренина («Заря», 1886, 24, 27 июня, 11 июля), на что тот ответил крайне резко в своих фельетонах (НВ, 1886, 7, 21 нояб.; 1887, 16 янв.), где Н. был назван «недугующим паразитом», живущим за счет частной благотворительности. Восприняв это как личное оскорбление, Н. намеревался вызвать Буренина на дуэль (см. письма Л. Н. Толстого Буренину — LXIV, 15—19, 23—24). Тогда же С. А. Бердяев (песец, Аспид) опубл. стихотв. памфлет

«Надсоннада» (К., 1886). Резкая критика воспринималась Н. и его друзьями и поклонниками как травля, при том что и доброжелательная критика неизменно отмечала формальные несовершенство его поэзии и «ходульность и самолюбие» автора (Созерцатель [Л. Е. Оболенский] — РБ, 1885, № 4, с. 191, 200; ср. также: Михайловский, с. 180). Обществ. мнение, и прежде всего круг «Отч. записок», опираясь на мнение лечащего врача Н., полагало, что «травля» ускорила кончину Н.

В сент. 1886 после двух триумфальных выступлений на лит. вечерах в Киеве Н. отправляют на лечение в Ялту, где болезнь уже только прогрессировала. Ранняя смерть дополнительно утвердила поклонников поэта в тождестве его реального облика с маской его лирич. героя: безрадостное детство, глубочайший пессимизм, мучительное одиночество непризнанного и отвергнутого человеколюбца, вечное оплакивание безвременно ушедшей из жизни единственной истинной возлюбленной, жизненный путь, состоящий из одних лишь страданий. Эти настроения соотносились с распространенным среди современников Н. восприятием 80-х гг. как эпохи обществ. апатии, разочарованности в революционно-народнических или реформаторских устремлениях предшествующих десятилетий.

В то же время поэзия Н. и его эстетич. позиция были во многом близки к установкам последующей лит. эпохи. Оспаривая расхожее мнение о падении интереса к поэзии, он полагал, что поэзия не может делиться на «иск-во для иск-ва» и поэзию «тенденционно-гражданскую» (см. «Заметки по теории поэзии» — в кн. «Лит. очерки»), в его собств. стихах традиционные романтич. антиномии (суровая действительность/чарующая греза), затертые красноречия и «поэтизмы» свободно соседствуют с гражд. пафосом. При этом он избирает для своих сочинений таких традиционных «антигеросов», как Иуда и Герострат, не выходя, впрочем, за рамки привычных представлений об этике и морали. Духовно чуждый евреюству, Н., превозмогая эту отчужденность, готов вернуться к своим соплеменникам («Я рос тебе чужим, отверженный народ...»).

Увыenne Н. — некий камертон, точка отсчета для его современников и последователей. В интерпретации Н. лозунг «хождение в народ» обретает своеобразную окраску: иду в «толпу», но не поднимать ее на борьбу (для чего не хватает сил и знания пути к светлой цели), а страдать вместе с ней и утешать страждущих. Причем самое утешение звучит у Н. как плач: в знаменитом «Друг мой, брат мой, усталый страдающий брат/

Кто ты ни был, не падай душой» отчетливо слышны «усталый, страдающий и приглушенно — «не падай». В интонационно-мелодич. строе поэзии Н. заунывность «налева» превалирует над «бодрой» подчас семантикой, как бы перебивая конкретное значение слова.

На общем достаточно традиционном стилистич. фоне при ошутимом однообразии поэтика языка ярко выделяются отд. нешаблонные решения, неожиданные образы, уникальная портретность: у Мефистофеля — «пятачки выпухлых бровей»; из городского пейзажа: «окованный луны холодным серебром» Петербург («Опять вокруг меня ночная тишина...»); ночной интерьер в обрамлении ночного пространства: «Дождь, непогода... В каморке темно.../ Черная ночь, словно черная птица./ Мокрыми крыльями бьется в окно./ Глухо гремят громовые раскаты...»); «Тшешно пытаюсь я сном позабыться...»). Чуждый, казалось бы, формальным ухищрениям, Н. порой показывает себя искусным мастером звукописи. Так, в «Христианке» содержательно значимы слоговые созвучия в одинаковых позициях соседних строк, выстраивается специфич. звуко-смысловой ряд «свят — смерть — страд — смех». Такая «велиринность» в стихах Н. — редкость. Метрико-строфич. репертуар его стихов в целом не оригинален, отступления от классич. силлаботоники (хотя бы в пользу дольника) единичны («Вольная птица — люди о нем говорили...»).

Ранняя кончина Н. вызвала волну безоговорочно-сочувственных отзывов, где его ставили исключительно высоко (большая часть откликов была собрана в кн. «С. Я. Надсон. Сб-к журнальных и газетных статей, посв. памяти поэта», СПб., 1887), в стихах откликнулись на его смерть Я. П. Полонский, К. М. Фофанов, Мережковский, Горбунов-Посадов и даже Бердяев (стих. «Mea culpa»). Раздавшиеся позже охлаждающие голоса: «незначительный по величине», «сымпатичен, но не более» (Менъшиков, с. 189, 191), а также попытки оправдать Буренина, принижая репутацию Н. (Б. Б. Глинский: Н. «не был поэтом того высокого ранга, куда его стараются втиснуть кумовья и кумушки литературы» — ИВ, 1912, № 1, с. 258), долгое время встречали лишь обществ. раздражение.

Восторженные почитатели были у Н. и среди литераторов, поэта высоко ценили А. П. Чехов и М. Е. Салтыков-Щедрин, продолжателями его поэтической традиции считали себя Мережковский и П. Ф. Якубович (Мельши), в качестве составителя антологии рус. поэзии писавший о Н.: «Самый талантливей и популярней из рус. поэтов, явившихся после

смерти Некрасова... Болезненная раздвоенность, рефлексия, «льпте» внесли, несомненно, известную долю в острую, почти лихорадочную популярность поэта в кон. 80-х гг.; но главная притягивающая сила и непреходящая прелесть его поэзии — в том, что в ней, как в зеркале, отразилась вековая красота молодости...» («Рус. Муза. Собр. лучших, оригинальных и переводных стих. рус. поэтов XIX в.», СПб., 1904, с. 327—28).

На стихи Н. написано множество романсов, в т. ч. А. С. Аренским, Р. М. Глиэром, Ц. А. Кюи, Э. Ф. Направником, С. В. Рахманиновым, А. Г. Рубинштейном, А. А. Спендиаровым.

Изд.: Проза. Дневник. Письма, СПб., 1912 (2-е изд., СПб., 1913); ПСС, т. 1—2, П., 1917 (под ред. М. В. Ватсон); Письм. собр. стих., М.—Л., 1962 (БПбс, 2-е изд.; вступ. ст. Г. А. Валого); Стихотворения, М., 1987 (сост., вступ. ст. и прим. Е. В. Иванюбой); Стихотворения, М., 1990 (репринт, СПб., 1898); Избранное, М., 1994 (сост., прим. Л. Пустыльников).

Лит.: Блок (ук.); Белый (3; ук.); Перцов (28 ук.); его же, О. Н. (1887—1912). — НВ, 1912, 28 янв.; Салтыков-Шодрин, XX, 90; Чехов. Письма (ук.); Введенский А., Поэт переходного времени. — «Дело», 1886, № 5; Михайловский Н. К., Дневник читателя. Поэты поэзия. — СВ, 1887, № 1; Чуйко В. В. П. и Гаршин. — «Набл.», 1888, № 11; Арсениз К. К., С. Я. Насонов. — В его кн.: Критич. этюды по рус. лит-ре, т. 2, СПб., 1888; Гороворов К., Совр. поэты. Критич. очерки, СПб., 1889; Котларевский Н. А., Очерки новейшей рус. лит-ры. Поэзия пела и скорби, М., 1890; Меньшиков М. О., Критич. очерки, т. 1, СПб., 1899; его же, Поэт неузнаваемой эпохи. — НВ, 1912, 22 янв.; Гриневич (Якубович) П. Ф., И. и его жена. Стихотворения. — РБ, 1900, № 9, 10; Жерва Н., Калеские, конзерские и офицерские поэмы Н., СПб., 1907; Львов-Рогачевский В. Л., Поэт маской культуры. — СМ, 1912, № 2 (полемич. с Б. Б. Глинским и Н. и Бурениным); Бернштейн И. Д. (сост.), Синоск. стих. Н., положенных на музыку. — В кн. Н.: Стихотворения, 26-е изд., СПб., 1912; Веселовский Ю. А., Этюды по рус. и иностр. лит-ре, т. 2, М., 1913; Неведомский М. (М. П. Миклашевский), Значителем и продолжателем, П., 1919; Шулятиков В. М., Избр. лит.-критич. статьи, М.—Л., 1929, с. 54—63, 98—110; Гаршин В. М., ПСС, т. 3, Письма, М.—Л., 1934 (ук.); М. Горький о лит-ре, М., 1953, с. 529; Назарова Н. Я., Насонов. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 9, М.—Л., 1956; Тиханцева Е. П., Брюсов о Н. — В кн.: Брюсовские чтения. Ерван, 1976; Лесневский С. С., Гул забвения и славы. — В кн.: Поэзия, альм., в. 22, М., 1978; Краснянский В. В., Поэзия, штампы в лирике Н. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1982, М., 1984; Ходасевич В., Насонов. — ВЛ, 1987, № 9; Иванова Е. В., История одной переписки (Н. и графиня Лиля). — АБ, в. 25, М., 1989; Муратов В. В., К проблеме поэзии, рецензия Мандельштама. — В кн.: Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама, Воронеж, 1990. — В Брокгауз; Венгеров, Источ.; Яковлев; Мезнер; КЛЭЗ; ИЛРДВ; Назовов; Муратова (1).

Архивы: ИРЛИ, ф. 138, ф. 70, оп. 1, № 77 (письма, стихи Н.); ф. 123, оп. 3, № 32 (отрывки стих. Н.); ф. 402, оп. 4, № 1—113 (автографы стих., отрывки из дневника, записная книжка Н.); ф. 648, оп. 1, № 11 (записка П. Ф. Якубовича и др. о Н.); РНБ, ф. 508; РГАЛИ, ф. 354; ф. 107, оп. 1, № 18.

А. А. Ивочкин, К. М. Поливанова

НАЖИВИН Иван Фёдорович [25.8(6.9).1874, Москва — 5.4.1940, Брюссель], прозаик. Сын богатого лесоторговца Ф. М. Наживина, куп-

ца 2-й гильдии, выхолпал из крестьян. Мать умерла, когда Н. было 4 года; в 1882 он поступил в ср. школу, но не окончил ее. «Протерпев почти семь лет сумасшедший, безумный режим школы, я забыл весь мертвый хлам, стал учиться сам, и все, что я теперь знаю, я уже приобрел не только без помощи школы, но даже вопреки ей» («Моя исповедь» — Собр. соч., т. 5, М., 1912, с. 13—14). Н. «занялся отцовским делом» — торговлей лесом, но «чуть не задохнулся в деловой атмосфере, заболел нервным расстройством и бросил все» (там же, с. 14). Склонность к писательству Н. почувствовал еще на школьной скамье. Благодаря пост. материальной поддержке отца с 1892 имел возможность подолгу жить за границей, б. ч. во Франции и Швейцарии; в России он бывал наездами.

В 1890 в ж. «Природа и охота» опубликовал первый рассказ Н. «Арапыч», затем в ж. «Образование», «Рус. мысль», «Рус. богатство», «Журн. для всех» периодические появляются короткие рассказы, в 1900 объединенные в сб. «Родные картинки» (М.; положит. отзыв: Н. К. Михайловский) — РБ, 1900, № 10, а также: РМ, 1900, № 11; Dixi — НВ, илл. прил., 1900, 4 окт.). В последующих сб-ках «Убогая Русь» (М., 1901), «Перед рассветом» (М., 1902), «Дешевые люди» (М., 1903; рец.: А. И. Гукерский) — РБ, 1903, № 1), «У дверей жизни» (М., 1904; рец.: РМ, 1904, № 10) Н., по мнению рецензента «Рус. мысли», предстает как «скромный и непритязательный автор, ограничивающийся небольшими темами», воплощенными «порою более („На паперти“), порою менее успешно („Из истории одной жизни“, „К счастью“ и др.)» (отд. III, с. 323). Мн. рассказы и очерки («Бабушка», «Золотой» и др.) выходили отд. книжечками «для народа» в сериях

«Б-ка для всех», «Посредник», «Донская речка».

В 1903 вынул сб. путевых впечатлений Н. о Турини, Греции и Италии «Среди людей» (М.), насыщенный ист. и мифологич. экскурсами и реминисценциями, многословными выспренними описаниями. В. Я. Брюсов сравнил метафоры Н. с «безобразными тряпичными цветами, приколотыми к простой шляпке» («Шляпка могла бы исправно защищать от солнца, но эти искусственные цветы делают ее нестерпимой»), а рассказы Н. считал «шаблонными и наивными, написанными ленивым и серым языком» («Весы», 1904, № 7, с. 61, подпись В. Б.).

Книги и отд. проза, Н. нач. 1900-х гг. неоднократно подвергались цензурным задержкам. Сб. «Дешевые люди» был запрещен к прозаке за критику отношения автора к рос. действительности («Все в России ему кажется уродливым, диким и сверлым, и само наше общество представляется ему грязным болотом» — Доклад цензора С. И. Соколова, см.: ЦНАМ, ф. 31, оп. 3, д. 2193, л. 206 об. — 269 об.); сб. «Среди людей» предлагалось издать из обращения из-за резко отрицат. отношения автора к политике и обществу, строго европ. стран (там же, д. 2194, л. 456—460). Подобные пост. принимались также по поводу сб. «У дверей жизни» и ряда др. проза. этого периода.

В ответе на анкету С. А. Венгерова Н. так объяснил причину того, что он стал редко печататься в периодике: «Приблизительно с 1905 г. деятельность моя в журналах и газетах почти сошла на нет: за мое резко отрицательное отношение к революции, — которая плохо потому ... что не дает да и нигде не давала никаких обязательных результатов, — меня отлучили от журнальной церкви и предали анафеме» (ИРЛИ, ф. 377, № 2512).

Определяющим для творчества Н. с нач. 900-х гг. оказалось влияние филос. воззрений Л. Н. Толстого. «Неудовольствованный сперва средой и деятельностью революционеров, а потом и самими целями их, неудовольствованный своей ролью революционера-протестанта с 5000 р. годового дохода, я очень задумался над Толстым... А личное общение еще более усилило огромное впечатление от его писаний, открывших... безбрежные горизонты» («Моя исповедь», с. 16). Первый визит Н. в Ясиюю Поляну состоялся 1 сент. 1901, особенно частые беседы с Толстым были в марте—апреле 1906, когда Н. с семьей жил 2 месяца в избушке ред. издава «Посредник» И. И. Горбунова-Посадова на хуторе Овсяники в 6 верстах от Ясиной Поляны, а последний раз Н. пробыл 2 дня у Толстого осенью 1910 за неделю до его ухода из дома. «Толстовские» идеи заняли гл. место во мн. произв. Н.

В сб. рассказов и очерков «В долине скорби» (М., 1907), в к-рый включена также и одноим. драма в «толстовском» духе, по мнению рецензента, «проповедник убивает ху-

дожника, рассказы читались бы с интересом, если бы не толстовские настроения автора... Нельзя простить... порчу художественных произведений тенденцией» (Е. Херсонская — «Обр.», 1908, № 3, отд. II, с. 101—102). Откровенно тенденциозен во многом автобиографичный роман «Меня... тэкел... фарес...» (М., 1907), герой которого, разочаровавшийся в жизни и политике, борьбе недоучившийся интеллигент, объездив Европу и вернувшись в Россию, утешается толстовскими идеями всепрощения и самосовершенствования (... «главной целью автора было напугать читателя „дровавым смрадом жизни“, привлечь его тем скорее на путь совершенствования и спасения, который он указывает вместе с Толстым»). — «Vidensk. Dønnik», W., 1908, № 16; б. п.).

Роман был переведен на болг., чеш. и нем. языки. В России появилось неск. изданий: ст. А. Измайлова «Толстой и его тель» (БВед. 1907, 9 окт.); рец. Х. — «О климате», 1907, № 1/2; Е. и И. Леонтьевы — «Книга», 1907, № 23; С. М. Алексеев — «Отмал христианства», 1912, № 10. Отзыв Толстого о романе записан Д. П. Маковского: «Л. Н. хвалит роман Наживина ... сказал, что Наживин пишет то, что сам пережил; что он знает его жизнь; он же отделил у Н. «погрешности против русского языка» (ЛН, т. 90, кн. 2, с. 381, 384, 385, и ук.). Толстому Н. «показался умным человеком, но улим по-сектантски, поразил слепой деианствью ко всему, что не сходится с его мировоззрением. О новейшей литературе слыдаст равнодушно не может: помидудит, книги каких-нибудь Андреевых, Архиповых расхвалит прекрасно, тогда как его. Наживина, произведения безнадочно задеваются на полках» (Булгаков в В. Л. Н. Толстой в последний год его жизни, М., 1989, с. 377).

В 1908 Н. составил и опубли. сб. «Голоса народов» (в. 1, М.), включавший собранные А. М. Бодянским материалы об истории дубоборов в Канаде, речь Свами Вивекананды «Бог и человек» и очерк о персидской секте бабидов: «сведения о трех разнородных вешах, только в общем смысле связанных идеализмом, наибольшую ценность представляют ... сведения о дубоборах» (М. Гершензон) — ВЕ, 1908, № 7, с. 334). О вышедшей в 1912 «Моей исповеди», к-рую Н. охарактеризовал как попытку «просто и откровенно рассказать о своей внутренней жизни» (с. 10), резко отозвался М. Горький: «В книге истерически криливо развивается автором оригинальная мысль: „реформе общественной должна предшествовать реформа личности“; оживляя эту покойнишу доказательствами от себя, Наживин с откровенностью сектанта говорит: „Долг гражданина не имеет для меня никакого значения, долг человека — задача жизни“» («Издаека» — «Совр.», 1912, № 11, с. 58). В 1913 Н. опубли. повесть «Белые голуби принцессы Риты» (М.), рец. Н. Н. Венгеля на к-рую прямо называлась «Проповедь толстовских идей» (ИВ, клд. прил., 1913, 22 июня).

В нач. 1-й мировой войны Н. жил за границей. В 1916 вернулся в Россию, недолго жил в Харькове, в окт. 1916 переехал с женой Анной Еф. (урожд. Зусман; в гражд. брак с ней вступил в 1902, обвенчался в 1908 после того, как она перешла в православие) и 4 детьми в Москву. Выпустил сб. подчеркнуто отвлеченных от реальной действительности эссе «Вечерние облака. Книга тихого раздумья» (М., 1916), предисл. к к-рой заключает словами: «Ты устала — вот тебе, милая, немножко простеньких цветов, что я набрал по краям дорожки». В 1918 Н. уехал на занятый белыми Юг, примкнул к войскам Н. Н. Врангеля, сотрудничал в газетах «Жизнь» (Р.И/Д.), «Великая Россия» (Екатеринодар), «Заря России» (Р.И/Д.), «Жизнь» (Х.), «Южное слово» (Од.) и др. Три очерка, первоначально напечатанные в газетах, с изложением своих взглядов в новых условиях гражд. войны Н. опубли. отд. брошюрами «Что нужно знать солдату», «Что же нам делать?» (1919), «Война деревни с городом» (1920; все три — Р.И/Д.).

В течение пяти недель на брошюру «Что же нам делать?» появилось неск. рецензий: Василевский (Не-Буква) И. Лыса душа. — «Совр. слово», 1919, 6 (19) нояб.; Тальников Д. На повороте. — «Одес. новости», 1919, 17(30) дек.; его же. Пересмотр идеологии. — Там же, 1919, 21 дек. (3 янв. 1920).

Революция видится Н. «как восстание масс, остро почувствовавших в борьбе за существование свое бессилие, восстание их против этого своего бессилия, и весь ход революции есть лишь яркое доказательство этого рокового бессилия и бешенства» («Записки о революции», Вейга, 1921, с. 224). Позднее он обвинял в революции лично Николая II, полагая, что он «ни как царь, ни как офицер не смел подписывать в минуту опасности отречения, как не может бросить свой пост в тяжелую минуту самый обыкновенный офицер» (брошюра «Национальная слава и национальный позор», Брюссель, 1933, с. 15).

С 1920 Н. жил в эмиграции; основал в Берлине изд-во «Детинши», к-рым владел до 1923. В 1922 опубли. ряд автобиографич. повестей, написанных с непримиримых по отношению к большевизму позиций: «Перед катастрофой» (2-е изд., Мюнхен, 1922), «Среди потухших маяков. Из записок беженца» (Б., 1922) и др. В эмигрантской печати откликни на публикации Н. были довольно многочисленны и б. ч. отрицательны.

Например, на повесть «Среди потухших маяков» появились критич. статьи с такими заглавиями: «Кажущийся булгагер» (И. Висслерская (Не-Буква) — «Накалуне», Б., 1922, 4 авг.), «Разочарованная близкая кровка» (В. Чернов — «Голос России», Б., 1923, 8 авг.), а из неск. газетных статей по поводу «Записок о революции» одна называлась «Белые линии» объявателя» (Б. Мирский — там же, 1921, 9 окт.).

Сов. критики высказывались крайне резко по поводу социально-политич. позиций Н.: «Причиной его недовольства революцией были не столько какие-нибудь важные принципиальные положения, сколько лишение его удобства, тепла, котлет — вообще свободного в самом широком смысле слова» (Полоцкий В., Указаша Русь, М., 1924, с. 64); «развивший в эмиграции большую писательскую деятельность Наживин целиком укладывается в формулу: народность и православие» (Горбов Д., У нас и за рубежом, М., 1928, с. 69).

Идеи «народности и православия» Н. развивал в ист. романах «Распутин» (ч. 1—3, Лейпциг, 1923—24), «Перун, Лесной роман» (Париж, 1927), «Глаголют стаги... Исторический роман из времен князя Володимира» (Новый Сад, 1929; перизд.: М., 1995), «Кремль. Хроника XV—XVII вв.» (Новый Сад, 1931), причем Н. не забывал в этих произв. от недостатка, свойственного ему и в ранние годы творчества: В. Г. Короленко писал в 1900 о неопубл. романе Н. «В царстве всемогущих», что «это материал для небольшого очерка, искусственно растянутый до размеров целого большого романа» (см.: Короленко В. Г., Избр. письма, т. 3, М., 1936, с. 137).

Кроме упомянутых Н. написал в эмиграции более 40 романов и повестей, к-рые публиковались в различных рус. эмиграции: «Бес, творящий мечту. Роман из времен Батая» (Париж, 1929), «Во дни Пушкина. Ист. роман» (кн. 1—3, Париж, 1930), «Провра. Беженский роман» (Рига, 1928), «Нудей. Ист. роман из жизни Рима в I веке» (кн. 1—2, Рига, 1933), «Лилия Антиноя. Ист. роман» (Брюссель, 1933), «Мыльные тени» и «Над Волгой» (оба — Харбин, 1938), «Неопалимая кутина. Душа Толстого» (Тяньзинь, 1936), «Расцветший в ночи лотос. Роман из времени Моисея» (Тяньзинь, 1935), «Софисты. Роман-хроника из жизни Греции V века до Рождества Христова» (Тяньзинь, 1935) и мн. др.

С 1934 Н. резко изменил отношение к СССР и даже ходатайствовал о возвращении на родину, обратившись в подпредство и консульство СССР в Париже с просьбой о принятии его в сов. гражданство и с предложением передать архив в АН СССР. Вернуться на родину Н. не довелось. Его неопубл. восп. «За святым Граалем. (Мои записки)», датир. 1918, хранятся в ИРЛИ (Р. III, оп. 1, № 1526—1528).

Сохранялся текст его письма И. В. Сталину от 27 апр. 1936, в к-ром он, сетуя на неадекватность эмигрантской печати к его произв., в частности, писал: «Если Вы будете продолжать с таким же зоркой своим делов. в отдам Советскому правительству все свои силы без отлагдки... У вас в печати рождаются жалобы на низкий уровень современной литературы в Союзе. Увы, эти справедливы. Дайте мне, старым спецам, возможность говорить дома. Мы достаточно стары и опыты, чтобы понять необходимость приращивания наших трудов к потребностям нового периода истории России» (РГАЛИ, ф. 1115, оп. 3, № 52).

Др. произв.: «В сумасшедшем доме» (СПб., 1905), «Из жизни Л. Н. Толстого» (М., 1911), «Крестьянские дети» (в. 1—3, М., 1911—15), «Кинимора. Рассказы» (М., 1917).

Изд.: Собр. соч., т. 1—8, М., 1911—17; Собр. соч., т. 4—6, Лейпциг, 1923—24; т. 8...27, (Новый Сад — Париж, 1927—33); т. 25, 27, 29, Брюссель, 1933; т. 11...49, Тбилиси—Харбин, 1935—38; Собр. соч., т. 1—3, М., 1995.

Лит.: Иванов К. Повесть опрощения. — «Голос жизни», 1905, № 5, с. 45—50; Васильевский И. М., Ушинский Толстым. — ЖЖ, 1915, № 21, с. 7—9; Штейн С. Один из влиятельнейших дум. — «Посл. известия», Т., 1926, № 178—79; Айхсвальд Ю. Фатум. — «Сетония», 1926, № 29; Кудасин В. Н. в Бельгии. — «Рос. лит.-вещ. журнал», 1994, № 4; Handbook of Russian Literature, New Haven—L., 1985. + КЛЭ: Муратова (2, ук.); Фостер: Писатели рус. зарубежья, ч. 2, М., 1994; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1115; ИРЛИ, ф. 377; ф. 123; ф. 181; ф. 185; ф. 264; ф. 266 (справа Е. Б. Фомин); ЦИАМ, ф. 31; ф. 46 (справа В. В. Александровой). С. Г. Палевова

НАЗАРОВ Егор Иванович [1848 или 1849, г. Елец Орлов. губ. — 20.10(2.11).1900, там же], поэт-самоучка. Из обедневшей ветви купеч. рода. Грамоте выучился самостоятельно в 8 лет. Жил в нужде и лишениях, сохранил при этом светлое воспоминание о детстве («Давно то время миновало, / Но детство милое живет /

творенный. (Помощь голодающим)» (Елец, 1892; сост. Н.; здесь опубл. 8 его стих. и рассказ «Вазай, или Шел в рай, а попал в пропасть»), «Рус. поэты о Пушкине» (М., 1899), «Сб. рус. поэтов и поэтесс» (СПб., 1901) и др. Входил в кружок поэтов-суриковцев.

В 1880-е гг. Н. познакомился «в базарном трактире» Ельца с И. А. Бунинным (послужил прототипом Кузьмы Красова в пов. «Деревня» и Балавина в «Жизни Арсеньева», где Бунин цитирует стихи Н.). Бунин откликнулся на сб. Н. «Собр. стих.» (М., 1888) ст. «Поэт-самоучка. По поводу стих. Е. И. Назарова» («Родина», 1888, № 24), в к-рой писал: «... несмотря на многие серьезные недостатки его произведений, в них встречаешь искренние чувства, довольно отделанную форму стиха и задатки таланта, к-рый, при иных обстоятельствах, мог бы вполне развиться...» (ЛН, т. 84, кн. 1, с. 291; в статье излагается биография Н., широко цитируются его стихи). Лучшим Бунин признал стихи «Памятни Назарона», «Встреча Нового года», «Море житейское». Поэзия Н. исполнена жалоб на тяжелую жизнь («Рад бы запеть я песню веселую, / Сердце потешить, грусть одолеть / Нет, все про горе и долю суровую / Как-то невольно приходится петь!»,) и вместе с тем нравств. достоинств. Рецензент газ. «День» К. Говоров (К. П. Медведский) высмеял сб-к Н. в ст. «Лялипуты поэзии» (1889, 20 сент.). Н. принадлежат также публикации документов и статьи по истории Ельца и Орлов. епархии в «Трудах Орлов. уч. арх. комиссии» (1893—99).

Изд.: Собр. стл., Елец, 1889; [Стихи]. — В кн.: И. Э. Суриков и поэты-суриковцы, М.—Л., 1966 (ВЛБс, 2-е изд.; есть биогр. справка).

Лит.: Белоусов (2; ук.); Назаров И. А., Встречи и письма, Владимир, 1957, с. 49—50; Шевелева Г. М., Назаров Е. И. — В кн.: Писатели Орлов. края.

Архивы: ИРЛИ, ф. 586, № 369 (автобиография Н.). А. К. Боборочко

НАЗАРОВ Иван Абрамович [26.1(7.2).1878, г. Суздаль Владимир. губ. — 25.1.1962, там же], поэт-самоучка, библиограф. Род. в мешанской семье; мать занималась поденной работой. В 1885 умер отец. Н. не получил даже начального образования (в 1887 поступил в Суздальское приходское уч-ще, но проучился там только 3 года). С 12 лет «пошел... мыкаться по городам... был переплетчиком, разносчиком книг, кровельщиком, дворником, землекопом, приказчиком в бакалейной лавке, писал вывески и декорации» (см. в кн.: «Встречи и письма», Владимир, 1957, с. 5). Был он и послушником в монастыре (сначала в суздальском Спасо-Евфимиевском, затем перешел в Васильевский. — См.: ИРЛИ, ф. 586, № 144, л. 7 об.). В 1895 по-

ступил на бумагопрядильную и ткацкую фабрику т-ва «А. Каретниковой с сыновьями» в с. Тейкове Шуйского у. Владимир. губ. Принимал участие в известной тейковской забастовке 1895 (во время к-рой рабочие убили директора фабрики), описал ее в поэме «Ткачи» (не опубл.). Упорно занимался самообразованием.

Стихи писал с 14 лет. Первое опубл. стих. — «Певцу», посв. М. Л. Леонову («Нар. благо», 1899, № 50). Позже стихи Н. печатались в ж-лах «Воскресенье», «Муравей», «Кормчий» и др., в газ. «Иваново-Вознесенская жизнь», «Ивановский листок», «Рус. листок» и др.; с 1902 корр. «Владимир. газеты», с 1903 (после увольнения с Тейковской фабрики за рев. агитацию) — пом. зав. отделенным конторы этой газ. в Иваново-Вознесенске. В том же году в связи с закрытием «Владимир. газеты» переселился на пост. жительство в Суздаль, где служил письмоводителем в духовном уч-ще, затем — писцом у судебного следователя по Суздальскому у. Находился под негласным наблюдением полиции*.

В 1908 вышел сб. стихов и рассказов Н. «Жизнь и песни» (Суздаль). Безыскусные, простые по форме, непосредственно обращенные к чувствам и заботам товарищей-рабочих, стихи Н. пользовались популярностью в их среде, нек-рые из них пелись как песни. В канун первой рус. революции Н. писал о рабочей доле: «От гнева сердце бьется / Туманятся глаза... / Когда, когда начнется / Рабочая гроза?».

В 1910 организовал в Суздале первый провинциальный кружок писателей из народа (ок. 100 членов) по типу Суриковского кружка в Москве. Кружковцы выпустили сб-ки «Родная лира» (Суздаль, 1910), «На пути к свету» (Суздаль, 1911) и четыре ежегодных альб. «Пробуждение» (кн. 1, Суздаль, 1912; кн. 2, В., 1913; кн. 3—4, Вязники, 1914—1915). Н..

Пора, где сердце не страдало / Во мне до гроба не умрет»). Рано был отдан в мучную лавку, потом работал подносчиком в кабаке, служил на табач. ф-ке, был приказчиком, служил в земстве и на бирже. В сер. 1870-х гг. занимался хлебной торговлей; разорившись, поступил писарем в Елец. гор. мешан. управу.

В 1872 опубл. в сб-ке писателей-самоучек «Рассвет» (в. 1, М.) первое стих. «Бедность, бедность, нищета...». Стихи и рассказы Н. появлялись с тех пор в «Орлов. вестнике», «Рус. курьер», «Сыне отечества», «Гражданин», «Новостях дня», «Родине», в сб-ках «Родные звуки» (в. 2, М., 1891), «Звезды» (М., 1891), «Сб. повестей, рассказов и стихо-

но существу, один занимался издат. делами: правил рукописи, держал корректуру, вел переписку с типографиями. В альб. участвовали С. Д. Дрожжин, Е. Е. Нечаев, П. С. Сафонов, сам Н. и др.

В 1916 Н. был призван в армию и выехал в Орёл. Лит. работа и переписка с писателями временно прекратились. Вернулся из армии в Суздаль в 1917. Окт. революцию встретил радостно. В 1918—19 был ред. местной газ. «Голос правды».

Деятельность ред.-издателя сб-ков произв. писателей из народа позволила Н. завязать связи с мн. талантливыми людьми во всех краях России. Более 35 лет он отдал начатой в кон. 90-х гг. 19 в. работе над библиографич. словарем писателей из народа; в 1929 послал первый вариант словаря на отзыв М. Горькому, к-рый ответил: «Словарь Ваш я считаю книгой полезной, но она нуждается в хорошем предисловии» (Горький, ХХХ, 155). В 1930 Н. заключил договор на изд. словаря с изд-вом «Федерация», но книга так и не вышла в свет. Н. продолжал пополнять словарь, в рукописи к-рого оказалось более 750 статей — библиограф. справок разл. степени подробности и объема. Эта работа была высоко оценена И. Н. Розановым, С. Д. Балухатым, И. Ф. Масановым; последний писал Н.: «Как был бы я рад, если бы Вам действительно удалось издать Ваш ценный словарь ... появление к-рого порадовало бы всех тех, кто любит рус. лит-ру и ценит рус. библиографию» (цит. по выш. указ. кн. Н. «Встречи и письма», с. 9—10). Машинописные копии так и не опубл. словаря находятся в фонде Н. в ИМЛИ, а также в б-ке РГАЛИ. В изданные в сов. время сб-ки Н. «Стихи и песни» (Владимир, 1951), «Избранное» (Владимир, 1953) вошли в осн. дорев. стихи.

Изд.: «За стихом. Стихи и песни», Иваново, 1939; (Стихи). — В еднгах: Заволокин В. Я., Совр. рабоче-крест. поэты в образах и автобиографиях, Иваново-Вознесенск, 1925; Дв. Семеновский и поэты его круга, Л., 1989 (ВПС, 3-е изд.).

Лит.: Тарасенков А., Судьба рабочего поэта. — ИМ, 1951, № 9; Осетров Е., Наш старейший современник. — В его кн.: Ветка Лауры, Владимир, 1960; Лизин В., Жесткий профиль. — ЛГ, 1956, 22 мая; Савинова Р. Ф., Автографы с архивной полки, Я., 1987, с. 73—80; Курьяновский П. В., Соприкосновения. Лит.-краевед. очерки и замески, Я., 1988, с. 15—16; Лит. архив, СПб., 1994, с. 77—78. + Некролог: «Призм», Владимир, 1962, 28 янв.; Альб. и сб-ки (1, 2); Тароенков Муратов (1, 2); Машур: Писатели земли Ивановской, Я., 1988; Масанов (не указан посал. Назарьев-Ленинский).

Архивы: ИРЛИ, ф. 586, ф. 377, ф. 193; ф. 385; ф. 101; Р. 1, оп. 19, № 74 (справка Н. А. Прохоровой); ИМЛИ, ф. 19; РГАЛИ, ф. 66, № 1782 (40 писем И. А. Белоусову, 1913—29); ф. 341, № 1153 (автобiogр. Н.); ф. 499, № 433 (письма Н. Д. Телешову и автобiogр.); ф. 1068, № 200 (письма П. Я. Заволокину и 9 рукописей стих.); ф. 1883, № 2056 (письма Г. Д. Деву-Хонинской); 1914—46; ф. 1624, № 346 (автобiogр., стихи и фото Н.); ГА Иванов. обл.,

ф. 405, оп. 1, № 6, л. 42; ф. 2875, оп. 1, № 281; оп. 3, № 416 (письма Д. М. Семёновскому и рукоп. стих.); ф. 287, оп. 1, № 491, 560 (письма А. Н. Благому) (справка Л. Н. Лисицкой); ГА Владимир. обл., ф. 410* (письма Л. С. Боголазову) (справка Г. Д. Овчинникова).

С. Г. Палимова

НАЗАРЬЕВ Валериан Никанорович [12(24).3.1829, дер. Анкиеевка Карсун. у. Симбирской губ. — 27.2(12.3).1902, Симбирск], прозаик-очеркист. Из древнего обедневшего дворян. рода, сын потомств. военного. Получил образование в частном казан. пансионе А. С. Топорина (1838—42), где общался с обучав-

шимся в это же время А. М. Бутлеровым. Окончив юридич. ф-т Казан. ун-та (1848), поступил в 1849 ултер-офицером в Драгун. е.и.в. наследника цесаревича полк; занимался живописью. Служил также в Рижском (с 1851), лейб-кирасир. Псковском (с 1853, поручик), 14-м гусарском Литовском (с 1854) полках. Участвовал в Венгерском походе (1849), Крымской войне 1853—56 (аттестат о службе — РГИА). После публикации в «Современнике» первого произв. — нравописат. повести обличит. характера «Бакенбарды. Очерки полковой жизни» (1858, № 10) — «уволен в бессрочный отпуск» (окт. 1858; формальная отставка — в 1863 в чине штаб-ротмистра). Как вспоминал Н., повесть была благосклонно отмечена Н. А. Некрасовым (РГАЛИ, ф. 353, оп. 1, № 2, л. 106). По его приглашению Н. приехал в Петербург, где познакомился с осн. сотрудниками «Современника» и «Рус. слова»; впоследствии поддерживал друж. отношения с П. В. Анненковым, а также с С. С. Дудышкиным, М. Н. Островским (гос. деятелем, братом А. Н. Островского) и др. В Петербурге готовился к поступлению в Акад. художеств, однако болезнь отца заставила его в нач. 1859 вернуться на родину. Жил в с. Михайловке Сеитилев. у., а с 1865 — на хуторе близ с. Ново-Никулино Симбирского у. В 1859 женился на

А. А. Патрикеевой, вскоре умершей. В 1868 женился второй раз (см. К. В. Назарьева). Увлеченно занимался пед. делом, для изучения к-рого ездил в Петербург, вступил в переписку с педагогом Н. А. Корфом. Основу на собств. средства школу в Ново-Никулине, к-рая со временем, по оценке И. Н. Ульянова (лично знавшего Н.), стала занимать «по справедливости ... первое место между школами Симбирского уезда» (см.: Махеев, с. 112). Поддерживал начинания педагога И. Я. Яковлева, принимал участие в судьбе местных лит. и обществ. деятелей, в частности В. И. Манёкова. Гласный уездного земства и член Симбирского уездного училищного совета (1869—83, 1890—1902), мировой судья (1865—1881), позднее — почетный мировой судья (с 1890), пред. основанного им в 1865 Новоникунинского ссудо-сберегат. т-ва (просуществовало до 1878). Участвовал в работе Симбирской губ. ученой комиссии, С.-Петерб. к-та грамотности и др. просветит. орг-ций.

Начиная с 60-х гг. статьи и очерки Н. печатались как в местных, в осн. поволжских («Симбир. губ. вед.», «Симбир. земская газ.», «Самар. газ.», «Волжский вест.», симбир. ж. «Гор. и сел. учитель» и др.), так и столич. изданиях. Гл. место в его творчестве занимают очерковые инкль., публиковавшиеся в «Отеч. зап.», — «Очерки с природы» (1862, № 10; 1863, № 1, 2, 5, 10, 11; 1864, № 2, 12), «Наша сельская жизнь» (1865, № 3, 4, 7; 1866, № 1, 2, 12; 1867, № 2), и «Вест. Европы»: «Современная глушь» (1872, № 2, 3; 1876, № 3, 5; 1879, № 5), «История одной волости» (1884, № 5, 6), «Новейшая история одной волости» (1886, № 1). В них, а также в очерках «На новую линию» (ИВ, 1900, № 1, 2) изображаются отмена крепостного права и реакция крестьян на Манифест 19 февр. 1861, открытие земских учреждений, деятельность мировых посредников и мировых судей, местной полиции, сел. духовенства, положение крестьян (в т. ч. в голодные 1882 и 1891—92 гг.), развитие нар. образования в Симбирской губ. Очерки, вобравшие разнообразный фактич. материал, этногр. наблюдения, отмечены тщательностью исследования (так, в «Истории одной волости» прослеживаются события, происходившие в волости в течение более чем 20 лет), выверенностью сведений, облеченных в беллетризованную форму. Отвечавшие задачам, к-рые ставились в пореформ. эпоху перед «местной» очерковой и публици. лит-рой, — пробуждения «умств. жизни» в провинции, скрупулезного ист. и статистич. изучения разных областей России с целью формирования основы для по-

НАЗАРЬЕВА

следующих социально-экономич. обобщений (ср. теоретич. выступления А. С. Гациского, К. В. Лаврско-го и др.) — работы Н. встречали заинтересованные отклики. По поводу «Совр. глуши», лучшего из циклов, с похвалой отзывались И. С. Тургенев (Письма, IX, с. 228; XII кн. 2, с. 196) и Анненков, отмечающий, в частности, что «живописная статистика и этнография» Н. «дает понятие об условиях провинци. образования более яркое, чем всевозможные трактаты» (см.: Стасюлевич, III, 316). Положительными были краткий отклик ж. «Дело» (1872, № 12, с. 94) и две заметки в газ. «Новое время» (1872, 7, 28 марта).

Второе по важности место в творчестве Н. занимают пиклы очерковосп. «Жизнь и люди былого времени» (ИВ, 1890, № 11, 12) — о преподавателях и студентах Казан. ун-та, в т. ч. студенте Л. Н. Толстом (см. в кн.: Толстой в восп.), Бутлерове и др., «Из симбирской старины» («Волж. вест.», 1891, 26, 30 окт., 2, 3 нояб.), «За Австрию и против нее» (РС, 1894, № 8). В очерках «Из весенних воспоминаний...» («Городской и сельский учитель», Симбирск, 1894, № 3—4; отклик А. И. Ульяновой — «Симб. губ. вест.», 1894, 15 окт.) и «Вешние всходы» (ВЕ, 1898, № 4; отзыв — РМ, 1898, № 5, с. 217—18) показано пробуждение интереса к нар. образованию в кон. 60-х — нач. 70-е гг. 19 в. («весна» в школьном деле), отношение земства к начинаниям в этой области, деятельность и черты характера Ульянова, писателя Н. А. Благовещенского, др. интеллигентно-просветителей.

Судьбам интеллигенции, ее борьбе за образование народа посв. повесть Н., также во многом близкие очеркам: «Мученик захолустья» (ВЕ, 1880, № 3; отзыв — «Мысль», СПб., 1880, № 5, с. 83—86), «Последние могикане» («Волж. вест.», 1890, 16...28 янв.), «В своем краю» (ИВ, 1902, № 11, 12). Н. выступал и как драматург. Пьеса «Метель» (ОЗ, 1867, № 1) обличала бесплодность прекраснородушия помещиков, толкающих о «нашем времени, когда...», о помощи «меньшой братии»; в 1894 запрещена к постановке как оскорбляющая дворянство. Осуждением либер. фразерства проникнута и комедия «Золотые сердца» (рукоп. — СПб ГТБ), постановка к-рой (Малый т-р, 1882) вызвала единодушно отрицат. отклики: отмечались композиц. несовершенство, слабость любовной интриги и т. п. (реш. 1882: «Совр. изв.», 13 нояб.; МВед, 15 нояб.; НВ, 13 и 20 нояб.; РВед, 16 нояб.; «Голос», 16 нояб.); более успешной стала постановка пьесы (в переработ. виде) на провинци. сцене — в симбир. частном т-ре Бульчева в 1883 (РГАЛИ, ф. 353, оп. 1, д. 2, л. 96).

Др. произв. Повести: «Инсепарабли» (БЧ, 1863, № 10); «У себя и на чужбине» (ОЗ, 1865, № 2, 11, 12); рассказ «Провинциальные типы нашего времени» (ОЗ, 1870, № 6); очерк «На Погибельном Кавказе» («Волж. вест.», Симб., 1879, № 2...17); брошюра «Очерк 33-х школ Симб. у. За 1876/77 уч. год» (Симбирск, 1877); стих. «Всегда» («Наблюдатель», 1898, № 6; посв. третьей жене Н. — Гертруде Карл. (1853—1933)).

Изд.: [Восп.] — В кн.: Толстой в восп.; И. Н. Ульянов в восп. современников, Саратов, 1968; А. М. Бутлеров, М., 1978, с. 22—24.

Лит.: Толстой (ук.); Пылки А. Н., История рус. этнографии, т. 1, СПб., 1890, с. 44; Максеев А., Очерк Н. об И. Н. Ульянове, — «Изд. науч. совета Ульяновского обл. архивного отдела», в. 2, Ульяновск, 1961; Селиванов К. А., Лит. места Ульяновской обл., Саратов, 1969, с. 143—47; Иванский А. И., Нет прекрасней назначена... Документ. повествование об И. Н. Ульянове, М., 1976, с. 14—15, 44, 51, 70—71, 80 и др.; Авдонин А. М., Встречи с Л. Н. Толстым. — «Ульяновский комсомолец», 1976, 5 нояб.; его же, Публицист нар. школы. — РИ, 1980, № 3; его же, В. Н. Назарьева. Странная жизнь, Ульяновск, 1993; Трофимов Ж. А., Ульянове, Саратов, 1978 (ук.; то же, Саратов, 1988, с. 4...189); Авдонин А. М., Красноз Н. Г., В. Н. Назарьева и просвещение чувашей. — «Дружба» (Чебоксары), 1983, № 2; Мостовская Н. Н., И. С. Тургенев и рус. журналистика 70-х гг. 19 в., Л., 1983, с. 170—174. + Некрологи, 1902: ИВ, № 4; НВ, 7 марта; «Новости», 5 марта. Южаков; Брокгауз; Венгеров. Источ.; Мезер; Муратова (1. ук.); ИРЯВ; Масанов (опубл. по указам гос. архивов).

Архивы: ИРЛИ, ф. 441; ф. 273, оп. 2, № 20 (автобиогр.); РГАЛИ, ф. 353 (в т. ч. мемуары «История моего несчастья»); РГИА, ф. 1341, оп. 129, д. 1234 (копия аттестата о службе, 1872 г.); ф. 1343; ф. 91, оп. 3, д. 838; ф. 577, оп. 36, д. 362, 668 (бюрог. сведения); ф. 497, оп. 4, д. 3300; ф. 776 (цел. мат-лы) (справка Л. М. Сестрицкой); РНБ, ф. 118, № 59 (словарь П. В. Быкова; библ. сведения).

А. М. Авдонин

НАЗАРЬЕВА Капитолина Валериановна [урожд. Манкошова; 6(18).10.1847, Петербург — 13(26).12.1900, там же; похоронена на Волковом кладб.], прозанк, драматург, публицистка. Из старинного дворян. рода. Отец — капитан, помещик Лужского у. Петерб. губ. Получила дом. образование. По др. сведениям, Н. — малообразованная дочь мелкого чиновника (см.: Авдонин А., Красноз Н. В. Н. Назарьева и просвещение чувашей. — «Дружба» (Чебоксары), 1983, № 2, с. 266). В 1867 держала экзамен на звание дом. учительницы в Петерб. ун-те. Давала частные уроки, открыла свою школу, преподавала в воскресных школах. В 1868 вышла замуж за В. Н. Назарьева, к-рому она во многом обязана своим образованием; в 1874 брак расторгнут из-за прелюбодеяния Н. В дальнейшем она вынуждена была содержать четырех (внебрачных) детей на лит. заработки: переводы и компиляции, ред. работа в петерб. изд-вах (И. М. Хана и др.).

Лит. дебют Н. — пов. «Специалист» (Страница из жен. жизни) (ВЕ, 1879, № 1, подпись К. Никулина), рисующая скандальные перипетии

бракоразводного процесса. Вспоминательный первый опыт Н., обнаруживший ее тяготение к злободневным проблемам семьи и брака, к протокольной очерковости стиля, П. В. Быков оценил его как «вещь художественную и

талантливую» (БВед, 1900, 15 дек.).

В 80-е гг. Н. сотрудничала как фельетонист в ж-лах «Осколки» (1881—83), «Отголоски» (1881), «Дело» (1883, 1886), «Наблюдатель» (1883—95), «Всемир. иллюстрация» (1883—85), «Илл. мир» (1884), «Модный свет» (1884—87) и др., подписываясь псевд. Л. Ошво, Вера Зан, К. Елизаров, Альберт, Н. Калина, Этель (см. также: Масанов). Подробнее о вступлении Н. в лит-ру см. «Первые шаги. Из восп. писательницы (1872—1892)» («Вестник всемирной истории», 1900, № 9; подпись К. В. Н.); эти восп. атрибутированы ей в некрологе: БВед, 1900, 15 дек.). Исключительно плодотв. с широким диапазоном тем, Н. пробует себя в самых разных жанрах — от подписи к рисункам и гор. хроники до фельетона и святочного рассказа.

Романы и повести Н. «Бривой дорогой» («Гражданин», 1883, лит. прил., № 7—10), «В когтях нищеты» (СПб., 1884), «Из огня, да в полымя» (СПб., 1884), «Тревожное счастье» («Набл.», 1884, № 2—4), «Скорбный путь» (СПб., 1885) отмечены типичными для «дамской» лит-ры шаблонностью описаний, отсутствием психологизма. Однако среди писательниц-современниц (М. В. Крестовская, О. А. Шапир) Н. выделялась ориг. темой, проблематикой, мастерством рассказчицы. Используя опыт своей пятнадцатилетней службы в «Судебном вестнике» (70-е гг.), она вслед за А. А. Шкляревским избирает материалом для романов сенсационные криминальные сюжеты, часто имевшие под собой реальные происшествия, легко угадываемые читателями (напр., про-

цесс Имшенецкого в ром. «Скорбный путь»; см. речь Н. П. Карабчевского на этом процессе в кн.: Судебные речи известных рус. юристов, М., 1958, с. 358—77). Преим. внимание Н. уделяет созданию увлекательной детективной фабулы, способной заинтересовать читателя «совершенно независимо от индивидуальных особенностей, к-рым обладают действующие лица» (Чуйко о В., Совр. женщины-писательницы. — «Набл.», 1889, № 4, с. 41). Критика, в осн. благосклонная к Н., находила в ее книгах «беллетристич. талант» («Новь», 1884, № 3, с. 187), «хороший лит. язык», «обществ. значение» (PM, 1886, № 2, с. 73, 76), «неожиданные перипетии и сильные ощущения» («Набл.», 1884, № 11, 2 паг., с. 59), умение «пользоваться всякой подробностью» (Чуйко, с. 44). Наиб. интерес среди первых романов вызвал «Скорбный путь», в к-ром Н. пытается раскрыть внутренние причины распада семьи, а также выводит новый (для себя) тип героини (отраженный шестидесятнические симпатии писательницы) — «передовую левушечку, предпочитающую долг чувству, чтению и труд — мелочным интересам окружающей ее обывательской среды. Роман получил разноречивые отклики: от саркастических (СВ, 1886, № 3, с. 178) до вполне положительных (PM, 1886, № 2; см. также: Ф. Змиев — «Новь», 1886, № 5, с. 105; там же, № 6, с. 335).

Став «нстинной беллетристической мастерицей» (НВ, 1894, 6 апр.), Н. использует традиционные худож. приемы в драматургии, перенося на сцену собств. романские сюжеты (напр., драма «Тревожное счастье», СПб., 1889; пост. т-р Е. Н. Горевой, 1889, — из одноименного романа) или создавая оригинальные (первая ее пьеса — «Два полюса», СПб., 1889; пост. т-р Горевой, 1889). Драматич. произв., унаследовавшие и достоинства, и худож. промахи ее прозы, были сценичны, остро сюжетны и успешно ставились в т-ре Корша, в частном петерб. т-ре, игравшем в зале А. И. Павловой, и др. В кн. избр. пьес Н. «Драмы и комедии» (СПб., 1895) анонимный рецензент выдел положит. момент в освещении «новых уголков жизни», отмечая вместе с тем присущие автору психологический схематизм и «элементарность красок» (НВ, 1894, 6 апр.; см. также: «Новости и бирж. газ.», 1895, 8 марта).

Постоянно материально стесненная, Н. неутомимо трудится, создавая себе лит. имя (более 50 романов за 20 лет — в прил. к «Свету», «Лучу», «Родине»). Сочетание острозащитности и мелодраматизма, неизменно повторившихся, но делая и коропо знакомых читателю совр. типов создавало популярность произв. Н., чутко откликавшейся на запросы публики. В кон. 80-х — нач. 90-х гг. она была на вершине своего успеха, ее драмы ставились на сцене, ее бульварные романы... расходились в тысячах экземпляров в

провинции. Это ее и погубило: умная, добрая и отзывчивая, она вдруг сделалась наемной, начала нестерпимо взыскать» (Дмитриева В. И. Так было, М.—Л., 1930, с. 274). Срзвн ее изломах — К. М. Фофанов, Д. Н. Мамон-Сибиряк, Н. А. Лейкин, А. П. Чехов. Однако признанные авторитеты свысока смотрели на популярную «многотематичность» (Дорошевич, с. 65): она не сглаживала с представлениями о коммерческой лит. подлинности (см.: Чехов, Письма, V, 32; ЛН, т. 68, с. 346). Н. — «писательница слабая, наполовину черпающая свои сюжеты не из жизни, а из иностр. романов и повестей» (Лейкин — см. в кн.: Чехов, Письма, VI, 525). Чехов, развешивая такое мнение, берет тем не менее пересылать книги Н. в Таганрог, публич. б-ку, чем приобретает высокую признательность писательницы.

Лучшее произв. Н. — ром. «Дорогой ценой» (СПб., 1898; был переведен на нем. яз.), в центре повествования к-рого душевная драма героини, женщины-врача, выбирающей между личным счастьем и независимостью, завоеванной ценой великих усилий и жертв. Поднимая вопрос о свободе и семейном долге женщины, автор сводит роман к радикально феминистским выводам. Однако для персонажей, внутренний мир к-рых изображен очень убедительно, проблема остается болезненной и открытой. Критика в целом сочувственно отнеслась к этому произв. (А. М. Скабичевский — СО, 1898, 24 апр.; «Новости и бирж. газ.», 1898, 5 мая; «Новь», 1898, № 9), находя в нем положит. влияние публицистики Н. (Б. Глинский — ИВ, 1898, № 9).

Газ. публицистика становится гл. делом Н. с сер. 90-х гг. С 1896 и до конца жизни под псевд. Н. Левина она практически ежедневно помещает в газ. «Сын отечества», «Бирж. вед.», «Сев. курьер» (а также периодически — в «Приднепров. крае», «Новостях дня» и др.) небольшие статьи, привлекавшие обществ. внимание к конкретным проблемам рос. действительности (социальная адаптация «людей дна», нужды провинции, потребности политграфистов и женщин-врачей).

Др. произв.: «Чужая вина» (СПб., 1888), «Развенчанная королева» (СПб., 1890), «Над пропастью» (СПб., 1889, 1890), «В тисках. Опасные люди. Две правды» (СПб., 1889), «Брак, каких мало» (СПб., 1890), «Чертовое гнездо» (СПб., 1890), «Порыв». Эскизы и очерки (СПб., 1891, 1898), «Со злости» (М., 1896), «Мелочи жизни» (сб-к рассказов) (СПб., 1898), «Личное счастье» («Родинка», 1901, № 1), «Потомки титанов» (СПб., 1902), «Наш салик». Рассказы для детей (СПб., 1906), критич. статьи («Лит. вечера „Нового мира“», 1899, № 1, 3, 12; 1900, № 1—5, 8, 11).

Лит.: Достоевский (ук.); Чехов, Письма (ук.); Мартыанов П. К., Цвет нашей интеллигенции, СПб., 1891, с. 189; «Театр. мирок», 1892, № 3, с. 1; А. Б. (огданович), Критич. заметки. — МБ, 1901, № 1, с. 12, 2-я паг.; Новослов В., Провинция в стеленной прессе. — НМ, 1902, № 79, с. 103; Скабичевский А. М., История новейшей рус. лит-ры, 5-е изд., СПб., 1903, с. 403; Амфите-

атов А. В., Женское настроение, СПб., 1904, с. 96—101; Дорошевич В. М., Собр. соч., т. 4, М., 1905, с. 65—75; Кауфман А. Е., За кулисами пьесы. — ИВ, 1913, № 7, с. 126; Чехов и его среда, Л., 1930 (ук.); Гитович Н. И., Литерис. жизни и творчества Чехова, М., 1955, с. 409; Журавловский В., Избр., т. 2, М., 1960, с. 188; Письма читателей к Ф. М. Достоевскому. — ВЛ, 1971, № 9, с. 174, 179—81 (письма Н.); Тиме Г. А., У истоков новой драматургии в России (1880—1890-е гг.), Л., 1991 (ук.); ИРДТ, т. 6 (ук.); ЛН, т. 87 (ук.). + Некрологи, 1900; ВВед, 14, 16 дек.; НВ, 15 дек.; «Сев. курьер», 15 дек.; «Приднепров. край», 16, 24 дек.; «Новости дня», 16 дек.; «Литвиский листок», 21 дек.; «Родинка», 24 дек.; 1901: «Лит. вестник», № 1; «Лит. вечер „Нового мира“», № 1 (И. Порошин). Пономарец; Брокгауз; Венгеров. Источ. (ошибочно указаны отчество и имя смерти Н.); Добрынь; ВПсир; Каталог ОРДП; Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: ИРДТ, ф. 441; ф. 337; письма — РГБ, ф. 157, к. 3, № 49 (Д. Н. Мамон-Сибиряка и Н.); ф. 331, к. 53, № 6 (А. П. Чехов); ф. 358, к. 257, № 2 (Н. А. Рубальнюк); РГАЛИ, ф. 459, оп. 2, № 853 (В. П. Буренину), оп. 1, № 2851 (А. С. Суворину); ф. 227, оп. 1, № 188 (А. А. Имянитов); ф. 245, оп. 1, № 268 (Н. С. Лескову); ф. 353, оп. 1, № 2 (восп. В. Н. Назарова «История моего несчастья» и письма Н.); РГИА, ф. 1343, оп. 25, л. 1358 (дело о дворянстве Манюшевых); ф. 796, оп. 155, л. 466 (бракоразводное дело); ф. 776, оп. 26, л. 15 (о заперении к пост. пьесы «Над пропастью» за «грозный калорит»); М. М. Козбек.

НАЗИМОВ Михаил Леонтевич [1806, г. Арзамас (?) Нижегород. губ. — 5(17), по др. сведениям, 15(27).1.1878, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], мемуарист. Из дворян. Сын солеяного пристава. Детство провел в Арзамасе и Н. Новгороде (с 1815), куда был переведен по службе его отец. Учился в Нижегород. уездном уч-ще, затем в местной г-зии (обладая превосходной памятью, был первым учеником). По окончании г-зии (1820), подчиняясь воле отца, не продолжил учебу, служил в канцелярии нижегород. уезд. суда (1820—24). После смерти отца поступил на нравств.-полит. отд. филос. ф-та Моск. ун-та, к-рое закончил со степенью кандидата в 1827.

Дальнейшая полувекковая служебная деятельность Н. связана с Моск. ун-том и Моск. уч. округом. В 1827—29 служил в правлении ун-та (столончатый, затем секретарь). Секретарь к-та, учрежденного при ун-те для испытания гражд. чиновников (1829—33); производил дел в к-те испытания дом. наставников и учителей (1834—36). Избранный в 1836 секретарем ун-тского совета, Н. сыграл позитивную роль при введении нового ун-тского устава: дал «законные и полные формы вновь учрежденному порядку», проявив «благодарность и трудолюбие» (Шевырев С. П., История имп. Моск. ун-та, написанная к столетию его юбилею, М., 1855, с. 570). В 1843—1846 правитель канцелярии полечителя Моск. уч. округа С. Г. Строганова. Советник правления ун-та, управляющий хоз. и полиц. частью ун-тских клиник (1846—77). Дослужился до чина стат. советника.

Служивший отчасти приусую Н. бесоглашного бесконечную готовность оказать услугу

каждому» и его «глубокую неспособность» (Л. Ю. Бимов, с. 798). Жизнь Н. «по правилам», его строгая приверженность в течение десятков лет заводскому распорядку для носителя легендарный характер (говорили, будто годовые смены шло часов, сообразясь с его режимом).

В последние годы жизни Н. записал свои мемуары «В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. Из воспоминаний старожила» (РВ, 1876, № 7), явившие взгляд на прошлое обыкновенного человека с заурядной судьбой и невысоким обществ. положением, сознающего свою незначительность, но в то же время понимающего ценность своих непритязательных свидетельств, позволяющих сохранить для истории черты ушедшего быта. Предмет восп. — жизненный уклад провинциального дворянства (дом, стол, гардероб, распорядок дня, этикет, развлечения — гуляния на Троицу и Семик, кулачные и гусиные бои и т. д.), а также система образования (от уезд. уч-ща до ун-та) во всей ее многогранности: программы обучения, порядок проведения уроков и занятий, экзаменов и торжеств. актов, штат и жалованье наставников, быт гимназистов и студентов. Встречаются примечательные характеристики преподавателей Моск. ун-та (в т. ч. Н. Н. Сандунова, А. Ф. Мерзлякова, М. Т. Каченовского), подробности о моск. актерах и нижегород. театре, руководимом А. А. Шаховским, об арзамас. семье Зевакиных (см. Жукова М. С.), свидетельства о нек-рых ист. событиях (проезд через Москву тела Александра I, коронация Николая I). Ценность (и своеобразие) мемуаров Н. определяется системностью изложения и педантизмом автора, опирающегося на свою удивительную память и не упускающего мелочей.

Лит.: Любимов Н. А., Воспоминание о М. Л. Назимове. — В его кн.: Мой вклад, т. 2, М., 1887. + Геннади; Венгеров. Источ. (Восп. Н. ошибочно приписаны декабристу М. А. Назимову); Милер. Азбучный ух. имен рус. деятелей для РСБ, ч. 2, СПб., 1888 (Сб. инт. Рус. инт. об-ва, т. 62); ИДРВ (в ряде справочников ошибочно назван доктором медицины).

В. М. Бокора.

НАЙДЁНОВ (наст. фам. Алексе-ев) Сергей Александрович [14(26).9.1868, Казань — 5.12.1922, Ялта; похоронен на Массандров. кладб.], драматург. Род. в богатой семье купца 1-й гильдии. Многолетняя семья (Н. — один из 9 детей) жила по старозаветным обычаям. Будучи учеником реального уч-ща, Н. увлекся театром, участвовал в домашних любит. спектаклях (выступая в ролях сценариста, суфлера или декоратора). В 1883 был исключен из училища за посещение вечерних спектаклей гор. театра; прожив 3 года без определ. занятий в Казани, в 1886 уехал в Москву и поступил в Муз.-драматич. уч-ще Моск. филармонич. об-ва в класс А. И. Сумбатово-Южина и О. А. Правдина; окончил его в 1889. В этом же году его отец

под влиянием панич. страха перед возможным банкротством застрелился. Н. под псевд. Рогожин начал выступать на провинц. сцене (в Вологде, Владимире, Твери), но вскоре оставил театр, не удовлетворенный его состоянием и, по-видимому, разувверившись в собств. актерских способностях. В 1893, прервав ангажемент в Уфе, поселился в одной из «толстовских» колоний Уфим. губ., но вскоре разочаровался в толстовстве. Попытка в 1894 заняться коммерцией завершилась полным крахом («Купеч. сын оказался совсем непрактичным фантазером... очень доверчивым», — вспоминал В. Н. Ладженский, хорошо знавший Н., в очерке о нем в своей кн. «За рубежом», Белград, 1930, с. 124); неудавшийся замысел разбогатеть на торговле рябчиками в Москве, в к-рую он вложил свою долю отцовского наследства, разорил его окончательно. В 1897—98 так же безуспешно служил в артил. объединявшей торговцев и страховых агентов.

Тяга к театру, интерес к проявившимся тенденциям его обновления привели Н. на драматургич. попрше. В 1900 он поселился в Москве; ожидая приглашения в какой-либо театр и испытывая суровую нужду, начал почти одновременно работать над тремя пьесами. Комедия «Дыхание Весны» (рукопись — СПб ГТБ), действие к-рой происходит в жен. монастыре, была запрещена как оскорбляющая нравственность. Пьесу «Культурный скит» (рукопись там же), навеянную названием увлечением толстовством, автор сам счел неудачной и «шаблонной» (дневниковая запись от 22 мая 1901 — РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, № 309, л. 6) и не стал

ее печатать. Тяготая к «новой драме», отказавшись от драматургич. интриги, стремясь углублять психологизм. В то же время писал стихи (ТИИ, 1901, № 45—48, 50) и прозу (рассказ «Письмо» — там же, № 45—46).

Третью пьесу — «Дети Ванюшина» (1901; опубл.: ТИИ, прил., 1902, № 1; Грибословская пр. 1902) Н. послал на конкурс в принадлежавший А. С. Суворину петерб. т-р Лит.-худож. об-ва (отмечена премией и в том же году поставлена). Одновременно спектакль вышел в моск. т-ре Корша при участии Н. В. Светлова, Л. М. Леонидова, А. А. Остужева, М. М. Блюменталь-Тамариной, а в следующем году — в Минске, Харькове, Ярославле, Омске, Астрахани, Красноярске, Тифлисе, Риге; в июле 1902 под Казанью был сыгран любит. спектакль, в к-ром старика Ванюшина исполнял автор, а в роли его детей выступили брат Николай и сестра Анна.

В основе сюжета пьесы (построенной как драма характеров и нравов) — подлинные события из жизни семьи Алексеевых: самоубийство отца, драматич. история любви брата Дмитрия к актрисе Е. Егоровой. Однако, стараясь подчеркнуть характерность образов и конфликтов, автор переосмыслил действит. причины трагич. решения героя — не страх разорения, а отчужденность в семье, ее неотвратимый распад, шиничность молодого поколения, развращенного атмосферой наживы. Воссоздавая картины купеч. жизни с ее домостроевским укладом, Н. следовал традициям А. Н. Островского.

Пьеса имела «успех исключительный» (Л. А. Яковлевский, «За рубежом», с. 126) и вызвала многочисл. отклики, б. ч. доброжелательные: С. Яковлевский (РСЛ, 1901, 16 дек.); А. Ростиславов (ТИИ, 1902, № 6, 7); И. Н. Игнатов считал, что пьеса доказала жизнеспособность старых форм реалистич. драмы в период, когда «после пьес «двусторонней», символических, философских, чисто бытовых драма, казалось, потеряла право на существование» (РВед, 1901, 16 дек.); тот же рецензент отметил сострадал. отношение Н. к своим героям (РВед, 1902, 9 апр.); критик и драматург П. М. Яковлев писал: «За последние годы я не могу припомнить ни одной рус. пьесы, в к-рой так ярко и неопровержимо сказалась бы талант» (ТИИ, 1901, № 52, с. 966).

Нек-рые критики (в т. ч. С. Сутутин (О. Г. Эттингер) — ТИИ, 1902, № 12, с. 248—50) рассматривали пьесу как семейную драму, не являющую обществ. звучания; Яковлевский трактовал ее как драму воспитания: «... действие может протекать решительно во всякой среде, богатой, средней и мелкой» (РСЛ, 1901, 16 дек.); рецензент «Моск. ведомостей» Ал. И. Введенский объяснял успех пьесы «модным настроением», характеризовавшимся тем, «что можно было бы назвать возмущением детей на отцов, учащихся на учителей и т. д.» (1902, 28 янв.; подпись Еглев). В рецензиях (Я. А. Фейнман — «Курьер», 1901, 18 дек.; и др.) также отмечалась неадекватная мотивированность самоубийства героя.

По-видимому, конец пьесы не удовлетворял и самого Н.: в 1907 он написал новый вариант 4-го акта, в к-ром гл. герой остается живым, а его старший сын, оказавшись полно-

властным хозяином в доме, переселяет родителей наверх, с глаз долой. А. Р. Кугель счел этот вариант неудачей («Получилось нечто ... неинтересное ... спутанное... очень старомодное, в смысле морали, скучно-безразличное, как припись. Это ... акт-опреснитель всего горького и соленого, что автор выхватил из жизни с таким, быть может, бессознат. талантом!») — Кугель, 1934, с. 140). В 1907 с новым 4-м актом пьеса была поставлена в Кисловодске (реж. — Н., при участии артистов т-ров Корша, Художественного и Малого), а в 1910 — Александрин. т-ром при участии М. Г. Савиной (и по ее инициативе — см. письмо Н. к ней от 10 нояб. 1910 — РГАЛИ, ф. 689, № 894).

После успеха «Детей Ванюшина» за Н. утвердился репутация одного из видных совр. рус. драматургов. Его дарование высоко ценил А. П. Чехов, ставивший его как драматурга «гораздо выше Горького» (письмо О. Л. Книппер-Чеховой от 22 авг. 1902 — Чехов. Письма, XI, 20); «прирожденный драматург, с самой что ни на есть драматич. пружиной внутри!» — вспоминал в 1914 его слова И. А. Бунин («Из записей» — Собр. соч., т. 9, М., 1967, с. 295). В 1902 с рекомендат. письмом от Ф. А. Корша Н. отправился в Ялту к Чехову (эта встреча описана им в незаверш. ст. «Чехов в моих восп.» — «Театр. жизнь», 1959, № 19); установившиеся друж. отношения между ними сохранялись до самой кончины Чехова. Познакомившись в 1901 и сблизившись с Буниным, Н. вместе с ним ездил на юг России, а в кон. 1903 — нач. 1904 — во Францию и Италию. В. Н. Муромцев-Бунину, часто встречавшемуся с Н. в 1907, порождали его «простота и скромность», «доброкачественность»; по ее восп. — Бунин любил Н. за то, что тот «мало был похож на своих „славных“ собратьев»: «Тяжелый человек, но до чего прекрасный, редкого благородства» (ЛН, т. 84, кн. 2, с. 178, 189). С 1902 Н. был связан с кружком Н. Д. Телешова «Московская литературная среда»; в 1904 по предложению М. Горького стал членом книгоиздат. товарищества «Знание». Внезапная известность, по восп. Ладьяженского, казалась, «стесняла его той требовательностью и теми ожиданиями, которые она налагает» («За рубежом», с. 126).

В 1903 Н. закончил пьесы «Блудный сын», «Богатый человек» и «№ 13», драм. коллизия к-рых связана с процессом внутр. распада костной и темной купеч. среды и стремлением лучших людей выйти из-под гнетущей власти социальных обстоятельств. Появляются герои, выламывающиеся из этой среды, однако

стремления их смутны и неопределенны, а потому несостоятельны.

Внутренне обреченным оказывается порыв к самоутверждению Максима Коптева, героя пьесы «Блудный сын» (под назв. «Кто он?» опубли. в сб. «Итоги», М., 1903; пост. МХТ, в гл. роли В. И. Качалов; рец. 1905: С. Яблоновский — РСЛ, 30 янв.; НВ, 21 апр.; М. (О.) Г(ершензон) — «Науч. слово», № 2; А. Редько — РБ, № 10); подобно мл. сыну Ванюшина, он оставил отчий дом в поисках смысла жизни, но оказался неудачником, не способным к полезной практич. деятельности, стал изгоем в род-

С. А. Найденнов и Н. А. Буляев. 1904.

ной семье. Автор предл. к пьесе, опубли. после 1917 под назв. «Кто он?» (б. м., [191—]), видел в Коптеве «беспочвенного интеллигента», витающего «среди голых, оталеченных идеалов без малейшего признания практичности».

В психол. драме «Богатый человек» (в черновом варианте назв. — «Деньги») (СПб., 1903; «Б-ка ТИИ», 1904, № 1; 1903, пост. т-ра Корша; 1904, т-р Комиссаржевской; рец.: К. О(рлов) — РСЛ, 1903, 9 нояб.; Ф. (Д.) Бат(юшков) — МБ, 1904, № 11) в колоритной противоречивой натуре миллионщика Купорова живут как бы «два человека: один более-менее культурный, с чутким сердцем, другой — тщеславный, сухой купец, самодурствующий и слерживающий себя» (так характеризует его автор в ремарке — Пьесы, т. 1, 1904, с. 182), причем победа остается за вторым. По собств. признанию Н., относящемуся, видимо, ко времени работы над пьесой, он хотел показать в ней силу и ничтожество денег, ибо они — «нечто, с к-рыми у всех сопряжено понятие о счастье ... на чем построена вся культура и наука Европы» (отрывок из дневниковых записей — РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, № 309, л. 16).

Критика к осн. благожелательно встретила пьесу; отмечалось стремление автора изобразить действительность «в ее близком наряде» (Ю. (И.) А(вгусталь) — РМ, 1903, № 12), «безнадежный мрак, который навис над серым человеческим» (П. (С.) К(лиментов) — «Курьер», 1903, 9 нояб.). Чехов в письме к Н. от 29 авг. 1903, предожив ряд изменений, в т. ч. название, в целом оценил пьесу как «пресловутую» (Чехов. Письма, XI, 244). Игнатов отметил пьесу как драматургич. иск-во Н. (РВед, 1903, 9 нояб.; подпись И.).

В трактовке героя пьесы и его поступков Н. всего ближе «змяньевцам», ценность личности у к-рых определялась мерой ее сопротивления устройству жизни.

В период работы над этими пьесами Н. утвердился в мысли, что именно психол. драма отвечает его задачам: «Жизнь страшно осложнилась. Внутр. мир людей полон противоречий... Показывать внутр. скрытые пружины действующих лиц, под мелочами жизни угадывать мировую сущность человеческой души — вот задачи театра и совр. драматурга» (недатированная дневниковая записка — РГАЛИ, там же, л. 15).

Иная среда изображена в двухактной пьесе «№ 13» («Б-ка ТИИ», 1903, № 21, нояб.; отд. оттиск — (СПб.), 1903; пост. 1903, т-р Корша; 1904, т-р Комиссаржевской и П. В. Самойловым в гл. ролях; сочувств. рец.: И. (Н. Игнатов) — РВед, 1903, 25 окт.; (В. М. Дорошевич) — РСЛ, 1903, 25 окт., подпись Рецензент; П. (С.) К(лиментов) — «Курьер», 1903, 26 окт.; Ехтер (Ал. И. Введенский) — МВед, 1903, 27 окт.). Ее тема — трагедия «маленьких», забытых и опустившихся людей, страдающих от безысходной нужды, серой жизни и одиночества.

Новый этап в творч. эволюции Н. наступил в годы Революции 1905—1907, когда он, по собств. позднейшему признанию, стал «социалистом» «под влиянием 1904—1905 г., Знания и Горького» (сент. запись в Дневнике 1921 г. — РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, № 1, л. 38 об.). В пьесе «Авдотьяна жизнь» («Знание», кн. 4, СПб., 1905; пост. 1904, т-р Комиссаржевской, Авдотья — Комиссаржевская; 1905, Малый т-р) Н. вернулся к социально-семейному конфликту. В письме к Вл. И. Немировичу-Данченко от 27 окт. 1904 он писал: «... героиня пьесы — пошлость, сильная настолько, что «губит слабые жизненные отростки большинства людей» (Архив МХТ, ф. Немировича-Данченко, № 5073). Кугель счел пьесу свидетельством неисчерпанности реализмом своих возможностей, отмечал натуралистич. характер «большого художественного дара» Н. и вместе с тем — «неопределенность его мировоззрения»: «... автора... дают безобразные... формы мешанской жизни», но отсутствует представление об «исходе» из

нее («Театр. заметки» — ТИИ, 1904, № 49, с. 876, 877, 878).

Др. отличия были в осн. положительными: рецензент «Нашей жизни» П. Е. Павлов приветствовал в пьесе «дух новой жизни, свободной и активной» (1904, 27 нояб.). Подрозражательной сочли ее рецензент СО Жураси (1904, 27 нояб.) и Н. М. Мыслицкий («Новости и бирж. газ.», 1904, 14 дек.; б. п.), к-рый писал о герое пьесы — революционере Терастинове, как об одном из «маршпетех Нового фанона, выструтанных по образу героя Максима Горького...»; Айхенвальд, отмечая «искусственность» пьесы, также усматривал близость этого персонажа образу Нила из «Мещан» Горького — а «его крикливой окраске» (РМ, 1906, № 4, с. 222). Суворову свое впечатление от пьес Н. 1903, С. Л. Рафаэлович заметил: они «написаны человеком, которому точно нечего сказать от себя и о себе, который только умеет связывать и сплечь черты и линии чужих людей. Он вынужден драму, провлекенную волею..., но ему нечего обличить этой внешней драмой, как безвременно нечего обличить в чужих» («Вестн.», 1905, № 1, с. 43—44).

В пьесе «Стены» (СПб., 1907; «Знание», кн. 15, СПб., 1907; пост. 1907, Александрин. т-р, 1908, МХТ; отрицат. реш.: Объективный (И. О. Абельсон) — «Обзор театров», 1907, 21 янв.; б. п. — там же, 1907, 23 янв.; «Рус. новости», 1907, 4 апр.; положит. рец.: Ното повис (А. Р. Кутель) — «Русь», 1907, 19 янв.; Вс. Чаговец — «Киев. мысль», 1907, 30 янв.; РВед, 1907, 4 апр.; С. Глаголь — «Моск. еженед.», 1907, № 15; (Р.) Янтарёва-Виленкина — «Вест. знания», 1907, № 3) обитатели доходного дома купца Суслова сродни персонажам «Петербургских углов» Н. А. Некрасова и др. физиологов, очерков; вместе с тем, один из гл. героев — купеч. сын Артамон Суслов (человек среды), натура мятуцающаяся и противоречивая, сближаясь с дочерью учителя гимназии, революционеркой Еленой Кастьяновой, и пытается обрести новый, возвышающийся, смысл жизни, «выламывается» из привычного быта. В период работы над пьесой Н. определял свой творч. метод как «крайний реализм, поведенный до импрессионизма» (полагая, что реализм мхатовского характера «сказал последнее слово»), и предсказал ей «почетный неуспех» (недатиров. дневниковая запись — РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, № 309, лл. 26, 27, 27а). Постигший пьесу неуспех был пережит «удивительно благородно» (слова Бунина, приведенные Муромцевой-Буниной: «К своей славе он относился трезво, понимая, что зенил ее уже прошел, и никогда не пытался подогреть ее»). Бунин предвидел неудачу, причина к-рой, по его мнению, заложена в теме драмы — «из мира интеллигентов, к-рого (Н.) изнутри не знает» (ЛН, т. 84, кн. 2, с. 182, 189).

В драматургии Н. этого этапа внутр. действие перестает быть ведущим, появляются публицистич. монологи. А. А. Блок в ст. «О драме» (ЗР, 1907, № 7/9) выделял Н. среди «знаньевцев» за «относит.» «культурность», но не находил в его пьесах «чехов. глубины», «пафоса ис-

кусства» и «пафоса жизни», отмечал слабохарактерность и заурядность героев, обилие «психол. ремарок» («совершенно не сценических»), язык, «несколько не отличающийся от языка остальных драматургов „Знания“» (Блок, V, 176—77).

После «Стен» Н. обратился к темам провинци. быта и частной жизни. Пьеса «Хорошенькая» (СПб., 1908; пост. 1907, Александрин. т-р; рец.: Импрессионист (Б. И. Бентовин) — ТИИ, 1907, № 47; отрицат. отзыв Н. И. Петровской: «нет ни типов, нет истинного драматического действия» — «Весы», 1907, № 12, с. 59) задумана как комедия нравов. В центре ее — психология молодой женщины, стремление к-рой вырваться из затхлоу мещан. мира, освободиться от постылого неравного брака

С. А. Найденков. Шарж В. Каррика. «Журнал журналов», 1916, № 2.

сводится к пошлым курортным похождениям; попытка показать положение совр. женщины, дать «поощению тому животному человеку, которого воспевают декадентская литература» (из беседы М. Раковского с Н. накануне премьеры — «Петербург. газ.», 1907, 15 нояб., с. 5), автору не удалась. Пьеса не понравилась Горькому («очень плохая вещь, слабое всего, что написал Н.» — из письма К. П. Пятницкому 6 или 7 дек. 1907 — ХХХ, 38); «Рус. артист» охарактеризовал ее как «пустую комедию без новизны, темы, без серьезных мыслей» (1907, № 8, с. 121; подпись П. Г.). Сам автор в дневниковой записи (авг. 1921) считал ее свидетельством «падения в рамки шаблона» (РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, ед. хр. 1, л. 6 об.).

В 1909 Н. заболел туберкулезом и поселился в Ялте (жил здесь почти безвыездно) вместе с женой, актрисой И. И. Мальской (с к-рой обвенчался в 1905), и единств. дочерью, вскоре умершей от туберкулеза. В основе сюжета первой «ялтинской» драмы — «Роман тети Анн» (пер-

делка его ранней пьесы «Дыхание Весны»; СПб., 1912; «Знание», кн. 40, СПб., 1913; 1912, Александрин. т-р; Малый т-р; рец.: Ю. Слонимской, Н. Эфрос — ЕИТ, 1913, в. 2; отрицат. рец.: Вас. Базилевский — «Рампа и жизнь», 1912, № 43; И. (Н. Игнатов) — РВед, 1912, 6 нояб.) — история безответной любви стареющей женщины к молодому поэту. Доброжелательно оценил пьесу Горький, прочитав ее в рукописи («хорошо написана интересна по теме, и, вероятно, весьма сценична» — письмо к Н. от сент. 1912 — Архив Горького, VII, 112). Савина, первая исполнительница гл. роли в пост. Александрин. т-ра, находила, что автор, «взяв старую тему, разработал ее... красиво, поэтично» (см. в кн.: Шнейдерман И., М. Г. Савина. 1854—1915, М.—Л., 1956, с. 292). Пьеса «Работница» (П., 1915; «Б-ка ТИИ», 1916, № 1; пост. 1915, петерб. т-р Лит.-худож. об-ва; 1916, Малый т-р; отзывы: РСЛ, 1915, 8 нояб.; Смоленский (А. А. Измайлов) — БВед, 1915, 8 нояб.; П. Конради — НВ, 1915, 9 нояб.) — о борьбе женщины-врача за признание в среде коллег-мужчин (прототипом ее стала ялтин. доктор Радель, у к-рой Н. жил и лечился) и драме отвергнутой любви смертельно больной героини, ее трагич. ожидании приближающегося конца и добровольном уходе из жизни (впрочем, получившемся у автора мелодраматическим). Б. И. Бентовин считал пьесу малоубедительной и нашел, что для изображения «бурной наступательной борьбы женщины-врача Ридаль у автора не хватает ярких, смелых и дерзких красок» (ТИИ, 1915, № 46, с. 852). «Совершенно неудачной пьесой» назвал ее Яблоновский (РСЛ, 1916, 5 февр., с. 6). Тем не менее обе ялтин. пьесы были удостоены Грибоедовской пр. «Работница» стала последней прижитенной постановкой Н. на сцене.

Летом 1917 Н. закончил пьесу «Жертвы нашего времени (Безытники)» (не опубли.; рукопись — СПб ГТБ, № 9859), в к-рой сказалось отрицат. отношение к декадентству, что и определило сатирич. характер большинства ее персонажей — неудачливых актеров, людей богемы, прожигающих жизнь вместе с декадентствующим волжским миллионером, очнувшимся от угара лишь перед лицом «безумной» (1-й мировой) войны и грядущих грандиозных событий. Блок как рецензент Лит.-театр. комиссии Гос. т-ров оценил ее отрицательно и считал «неприемлемой для постановки на сцене» (V, 664). В кон. 1918 — нач. 1919 Н. вернулся к пьесе, но ее новый вариант под назв. «Полотняное небо» также остался неопублик. (рукопись — РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, № 8).

После изгнания из Крыма Белой армией Н. в 1920 вернулся к лит. труду, от к-рого его отрывала длит. и тяжелая болезнь; вместе с женой выступал в концертах в пользу голодающих. Пьеса «Москва. Сцены из московской жизни» (не опубл.; рукопись — там же, № 9; отрывок с сокращениями — «Красная нива», 1928, № 49) — «хроника» рев. событий 1905, в к-рой он делает попытку вывести нар. массы как движущую силу истории, создать образ профсоюз. революционера (прототипом большевика Петра Шинина послужил Н. Э. Бауман, с к-рым Н. был дружен и в похоронах к-рого в 1905 участвовал). Не удовлетворенный пьесой («Чувствую, что не могу охватить драмой жизни моих современников... Бессилен осветить... драму крушения всего старого и необходимость строить новую жизнь России»), — записал он 25 авг. 1921 в дневнике — РГАЛИ, ф. 1117, оп. 1, № 1, л. 11), он отказался от ее постановки. В своей последней пьесе — «Неугасимый свет» (не опубл.; рукопись — там же, № 10), над к-рой работал незадолго до смерти, вновь обратился к рев. теме, стремясь осмыслить разные пути преобразования общества — через христиан. сострадат. любовь к людям (к к-рой пришел гл. герой — бывший революционер, прошедший через сиб. каторгу) или суровую борьбу с эксплуататорами (на к-рую обрек себя его сын).

Др. произв.: пьеса в одном действии «Скуки ради» по одному рассказу М. Горького ([М.—Л.], 1929; с предисл. Н.), «Свежим и живым мне кажется то недавнее время...» (восп. о восприятии современниками Л. Толстого; «Звезда», 1978, № 8; публ. Н. Казаковой).

Изд.: Пьесы, т. 1—2, СПб., 1904—11; 2-е изд., СПб., 1907—11; Дети Ванюшина, М., 1955 (послесл. В. Сергеева); Дети Ванюшина. — В кн.: Драматургия «Знамя», М., 1964.

Лит.: Блок (ук.); Горький (ук.); Чехов (ук.); Кугель А. Р., Листья с дерева. Восп., Л., 1926, с. 76—82; его же, Рус. драматургия, М., 1934, с. 139—47; Белоусов (1, 2, ук.); «Дети Ванюшина» на сцене. Статьи о драме Н. и ее оценки, истории, М., 1940; Данилов С. С., Очерки по истории рус. драматич. театра, М.—Л., 1948, с. 494—96; Воровский В. В., Раскол в «земном царстве». — В его кн.: Лит.-критич. ст., М., 1956; Горький М., [Письма к Н.], — В кн.: Архив Горького, VII (ук.); Маяцкий Ф., Чехов и Н. — А. М. Горький и Н. — «Крым. Лит.-худож. альм.» т. 18, Симферополь, 1958, с. 100—05; Телешов Н. Д. Избр. соч., т. 3 — Записки писателя. Восп. и рассказы о прошлом, М., 1956 (ук.); Юзовский Ю., М. Горький и его драматургия, М., 1959, с. 343—53; Скиталец С. А. Найденое, — В его кн.: Повести и рассказы. Восп., М., 1960; Рубцов А. Б., Из истории рус. драматургии кон. XIX — нач. XX в., ч. 2, Минск, 1962, с. 84—128; Бугров Б. С., Драматургия «Знамя», — В кн.: Горьков. чтения, 1961—1963 г., М., 1964; Рус. лит.-ра кон. XIX — нач. XX в. 1901—1907, М., 1971 (ук.); Келазы В. А., Рус. реализм нач. XX в., М., 1975, с. 47—53; Чернышев А. А., Путь драматурга. С. А. Найденое, М., 1977; Бабореко А., И. А. Бунин. Мат-лы для биографии, 2-е изд., М., 1983, с. 84, 87, 90, 92, 332—33; Казакова Н. А.,

Пьеса Н. «Культурный скит» и искания драматургии кон. XIX в. — В кн.: Проблемы реализма, в. 7, Вологда, 1980; ее же, Н. и натурализм в театре. — В кн.: Стиль писателя и культура эпохи, Сыктывкар, 1984; ее же, «Маянская пьеса» Н. («Блудный сын»). — В кн.: Жакры в историко-лит. процессе, Вологда, 1985; История рус. драматургии. Вторая пол. XIX — нач. XX в. до 1917 г., Л., 1987 (ук.); Петровская (2, ук.); Подлебкин В. В., Кунаш подано?, М., 1993, с. 337—44; ЛН, т. 68, 72; т. 84, кн. 1—2; т. 85; т. 88, кн. 2; т. 92, кн. 5 (все — ук.). + Некрологи: «Известия», 1922, 8 дек.; «Правда», 1922, 24 дек.; «Театр и музыка», 1922, № 12 (С. Разумовский); «Вест. работников иск-ва», 1923, № 5/6, с. 105—06; Гранат; ТЭ; КЛЭ; БСЭ; ИРЯТ; Рус. писатели; Муромов (2); Маслов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1117; ф. 860, оп. 1, № 309 (рукопись неопубл. критико-библ. очерка Ю. В. Соболева о Н., выходящая отрывки из швейцаров Н.); ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 338 (письма В. В. Муйжело, 1909—11); ф. 686, оп. 2, № 151 (письма А. Р. Кутелю, 1902—04); ЦТМ, ф. 183; ф. 84, № 296—97; ф. 117, № 263; ф. 123, № 133, 270; ф. 142, № 775; ф. 209, № 18; ф. 210, № 1049, 1050; ф. 260, № 3, 4; ф. 280, № 450 (везде — переписка с разными лицами); ГЛМ, ф. 133; РНБ, ф. 134, № 2979—2981 (письма А. С. Гриневскому (Гришу), В. В. Муйжело, Э. П. Юргенсону); РГИА, ф. 776, оп. 26, л. 20, л. 70—71 (письм. запрещение пьесы «Дыхание Весны»); л. 35, л. 22 об. (письм. запрещение пьесы А. Филзонта «Сэрлы Герцога» на сев. яз. по пьесе Н. «Дети Ванюшина»); Архив МХТ, ф. Ва. И. Немчиновича-Данченко, № 50723 и № 50733 (письма Немчиновичу-Данченко); ЦГА Татарстана, ф. 2, оп. 153, № 16, л. 490 (м. с.).

Н. А. Казакова, Л. С. Литвинова.

НАККО Ольга Егоровна (1840, Одесса — 1919, там же), прозаик. Воспитывалась в ин-те г-жи Фитингоф в Одессе (с 1854), затем — в г. Вознесенске (куда ее семья переселилась в связи с Крымской войной). После выпуска (1857) вскоре вышла замуж за бессараб. помещика Ал. Конст. Накко (1832—1915), ав-

Крылова. Н. занималась одно время изучением геллионниаторы и даже прошла курс в Варшав. жен. ремесл. школе; после поездки в Париж для усовершенствования в этой области выпустила «Руководство для изучения геллионниаторы, самое полное и подробное» (Од., 1882).

Лит. деятельность Н. началась довольно поздно. Первая публ. — рассказ из молд. жизни «Волк» («Бессараб. вест.», 1889, № 7, 8, 11, 19, 21). В 1890-е гг. печатает очерки, новеллы, критич. статьи в «Новорос. телеграфе», «Одес. вест.», «Одес. листке» и др., не прекращая сотрудничества в «Бессараб. вест.», где опубл. более двадцати ее лучших рассказов и очерков, в т. ч. «Сказка про Максима Платоновича», «Папаруда», «Кир Христо и Кир Янаки», «Проклятое место». Ее произв. появлялись и в коллективных изд.: «Мальвина (Из варшав. жизни)» («Юж. сб-ка», Од., 1892), «Дни молодости» — о пребывании А. С. Пушкина в Молдавии («Пушкин. сб-ка», СПб., 1899; положит. отзыв в рец.: В. (В. В. Каллаш), Итоги пушкин. юбил. лит.-ры. — РМ, 1900, № 9, с. 147; Басаргин А. (Ал. И. Введенский), Критич. заметки. Проза в «Пушкин. сб-ке». — МВед, 1899, 4 сент.).

В прозе Н., опубл. в сб-ках «Бессараб. очерки и рассказы» (Од., 1900), «Рассказы» (Од., 1912), «Бессараб. очерки и рассказы. Сцены из жизни голодавших поселян», «Бессараб. очерки и рассказы (Баймачаны)» (оба — Од., 1913), — неск. тематич. направлений: жизнь молд. деревни в ее прошлом и настоящем («Пасхальная ночь в Дануцайском бараке», «Норок», «В тисках нужды»), рассказы из совр. жизни («Кто он?», «Таясь», «Проект-мента», «Двойка»), ист. прошлое России и автобиогр. зарисовки. К последним относится и очерк «В Ясной Поляне» (сб-к 1912) — о встрече с Л. Н. Толстым (передача ему письма С. И. Плаксына, знакомство с В. Д. Ляпуновым). Вероятно, под влиянием не только личных впечатлений, но и «Севастопольских рассказов» Толстого возник ряд произв. Н. о Крымской войне: «Женитьба ген. Фредамана» (сб-к 1900—01), «Рассказ дедушки Максима о Севастопольской обороне во время Крымской войны» (Од., 1904), «Дни юности (Из дневника офицера)» (сб-к 1913).

Многолетняя работа нар. учительницей в разл. селах Бессарабии (к 1903 она преподавала уже 14-й год) обогатила Н. наблюдениями за бытом и традициями местного населения. Еще в молодости, оказавшись после замужества на юге Бессарабии, она выучила молд. яз., живо интересуясь обычаями молдаван и «бессараб. стариной». Многие ее повести и

тора «Истории Бессарабии с древнейших времен» (ч. 1—2, Од., 1873—76), «много потрудившегося над разработкой местных арх. материалов» («Труды Бессараб. губ. уч. арх. комиссии», т. 2, Кишинев, 1902, с. 429), с 1879 д. чл. Одес. об-ва истории и древностей; его перу принадлежат также неск. поэм и переводов на молд. яз. М. Ю. Лермонтова («Демон», «Бородино» и др.), басен И. А.

очерки насыщены бытовыми и этнографич. деталями, песнями, поговорками, пословицами. Большинству произв. Н. (не только «бессарабским») присуща остроконечность — смерть, убийства, самоубийства, ревность, измены, месть, сумасшествие, разл. стихийные бедствия преследуют ее героев, но склонность писательницы к мелодраматизму и сентиментальности не позволяет ей достигнуть подлинного трагизма и психологизма в изображении как жестоких нравов «бессараб. глуши», так и страданий совр. провинц. «маленького человека», оживляющего чудес от «волшебницы-Благотворительности».

Изд.: Из бессараб. старины. Очерки и рассказы. Кишинев, 1970 (соот. и предисл. — А. С. Кизель); Дни трехугол. Бессарабии, Кишинев, 1976; Кир Христо и Кир Янхи. Дочь колдуны. — «Кодры», 1991, № 7.

Лит.: Нет. очерк 50-летия юм. Озес. об-ва истории и археологии. 1839—1889. Оа., 1889, с. 73, 109; Драганов П. Д. Bessarabiana, Кишинев, 1911; Могилянский Н. К. Мат-лы для ук. лит-ры по Бессарабии, Кишинев, 1912, с. 9, 14; Кизель А. О. Накхо в Ясной Поляне. — «Сов. Молдавия», 1960, 20 нояб.; с его же. Скриптоара О. Накхо. — «Инистру», 1967, № 8; Трубецкой Б. А. Из истории периодич. печати Бессарабии (1854—1916), Кишинев, 1968, с. 110, 118—19, 140; Из культурного и лит. прошлого молд. народа, Кишинев, 1969, с. 93; Матковская А. Экзурэ дни еши Бессарабии де алтэ дагэ. — «Культура», 1971, 13 февр.; Савка П. Х. Молд.-рус.-укр. лит. свети. Кишинев, 1973 (укр.); Молд.-рус.-укр. лит. свети второй пол. XIX в., Кишинев, 1979 (укр.); Чокану В. Сатул Бессараии ши проза О. Накхо. — В кн.: Памяти дни истории литературной ши культурной молдовенешти, Кишинев, 1979, с. 148—59 (стенок рассказов Н., опубли. в «Бессараб. вест.», — с. 149—50); Коваль Д. В. «Бессараб. вост.» — первая частная газета край. Кишинев, 1983, с. 23—26. + Венгеров. Источ. (опишбано Накхо); Смирнов-Соколовский.

Архивы: Гос. ист. архив Республики Молдова, ф. 88, д. 30. Е. А. Тало-Годи

НАКРОХИН Прокофий (Прокопий) Егорович [27.2(11.3).1850, г. Великий Устюг Вологод. губ. — 14(27).10.1903, Петербург, похоронен на Волковом кладб.], прозаик, журналист. Из многодетной купеч. семьи. Учился в Архангельской г-зии (1858—64), вышел из нее до окончания курса; по желанию отца брал частные уроки коммерц. знаний, англ. и нем. языков. Благодаря богатой дом. б-ке и родительскому влиянию рано приобрел вкус к лит-ре и театру. После смерти матери (1864) и отца (1866) и ликвидация его дела («на долю семьи остался только небольшой дом» — автобиография, ИРЛИ) дети были записаны в мещане. На Н. легли заботы о младших братьях (сохранил контакты с ними до конца жизни; сам Н. был бездетным). Определившись на заработки, он служил в торговой конторе в Вятской губ., ездит на ярмарки, плавал на барках с рабочими в Архангельск, там же работал в льняной артели. По достижении совершеннолетия сдал экзамены на звание учителя. В 1871—76 преподавал ряд предметов в Архангель-

ском уездном (с 1876 — городское) уч-ще; в апр.—авг. 1876 работал в Холмогор. приходском уч-ще; одновременно печатался в газ. «С.-Петербург. вед.» (1872—73), «Нов. время», «Молва», «Неделя» и др. (заметки,

статья). В 1876 опубли. первый рассказ «На Груманте» («Друг народа», 4, 16 февр. — 5 марта), где описал реальный случай вынужденной зимовки купцов-поморов на Шницбергене. В это же время был задуман ром. «Злое очарование», оставшийся незаконченным (см.: В. В. Брусаянин — ЖдВ, 1903, № 11, стб. 1398). В 1877—78 счетный чиновник Архангельской контрольной палаты; коллеж. секретарь. В 1879 переехал в Петербург, где первое время жил частными уроками, затем служил в канцелярии Об-ва спасения на водах (1879—89); писал репортерские заметки в ж. «Спасение на водах»; по службе был знаком с В. М. Жемчужниковым.

Началом своей лит. деятельности Н. считал (автобиография — ИРЛИ) рассказ «Входящий и исходящий» (Кн. «Неделя», 1888, № 4), повс. судьбам «неопытных провинциалов», пополняющих ряды «третьестепенных чинов». Известность Н. принес рассказ «Вор» (там же, 1890, № 12), пл. герой к-рого — опустившийся до мелкой кражи актер-неудачник, по словам анонимного рецензента, «возбуждал сострадание к тем, кто не может после покаяния стать лучше» (СВ, 1892, № 8, с. 78). Рассказ привл. внимание Л. Н. Толстого («И художественно прекрасно, и трогательно» — LXXXVII, 68), при участии к-рого был опубли. в изд-ве «Посредник» под назв. «Часы» (М., 1892; 4-е изд., М., 1901). В 1891 при содействии М. О. Меньшикова Н. стал сотрудником газ. «Неделя» П. А. Гайдебурова: секр. редакции и ред. лит. прил. — «Книжки «Неде-

ли»», где печатался вплоть до закрытия изд. в 1901.

По воспом. современников, Н. был довольно замкнут, «к писательскому кругу не подходил, трудно сблизиться с людьми (М. О. Меньшиков — НВ, 1903, 19 окт., с. 3). Среди литератур-ро-гавестников выделялся деликатностью, «невероятной скромностью», «феноменальной застенчивостью» (Беллетрист, с. 173). Всегда горный долгу, благоговейно относящийся к печатному слову, он за юморное изображение выносил массу черновой реч. работы, а к-рою выдал «чуткую душу писателя, а не ремесленника» (И. Пасков — «Лит. вестник», 1903, т. VI, кн. 6, с. 172). Меньшиков писал А. П. Чехову (1899): «Меряет с женой в дух кошмата на Петербургской, без прислули, обладает по культурности; «у нас в редакции это единственный интеллигентный человек, с к-рым можно отвести душу.» (цит. по: Чехов. Письма, XVII, 421).

Опубли. в «Книжках «Неделя»» в 1890-е гг. рассказы («Сказка и правда» — 1895, № 11; «Чиновник» — 1896, № 7; «Талисман» — 1897, № 6; «Стихия» — 1898, № 11; «Странник» — 1898, № 4; и др.) составили сб. «Идиллия в прозе» (СПб., 1899, 1900). Рисует провинц. быт, нравы духовенства, рабочую среду, круг мелких чиновников, торговцев, ремесленников, Н. на первый план вывигал тему «маленького человека» — жертвы социального бесправия. Прям. внимание уделял раскрытию его внутр. мира, по словам рецензента, выступал прежде всего как «живописатель душевных движений личности» (В. М. Грибовский. — Кн. «Неделя», 1899, № 4, с. 195). Проблему добра и зла решал с религ. позиций, саму «идиллию» понимал как внутр. гармонию, в основе к-рой должно лежать чувство сострадания и «нежной жалости» к миру («Идиллия в прозе», с. 257). Отсюда характерный для Н. сюжет — история покаяния и нравств. эволюции «маленького человека», «грешного», оступившего в «горькой и бессмысленной сутолоке» своей «бедной жизни» (там же, с. 62), а также примирит. финалы и добродушный юмор. Рассказы отмечены нек-рым однообразием повествования, надуманностью отд. ситуаций и образов, а вместе с тем написаны, по словам В. Кигна (В. Л. Дедлова), с «большой... поэтичностью» (цит. по: Чехов. Письма, XI, с. 626).

Он в целом довольно высоко оценивался современниками: «Красивая легкая форма, стройность композиции, яркость... образов, психол. прозирчивость и тонкая наблюдательность» (Беллетрист, с. 173); «Все его рассказы по-прежнему дышат мечтательностью... и освещены внутр. огнем юмора, — особого, бесшумного, снисходительного, любящего юмора, к-рый в жизни чаще всего встречается у добрых и умных женщин и у умных» (В. Л. Дедлов) — цит. по: Гайдебуров В. П., «Бессарабцы» о рассказах Н. — Кн. «Неделя», 1899, № 4, с. 240); «нет и тени сарказма, злой насмешки» (М. О. Меньшиков — «Неделя», 1899, № 13, с. 347; др. положит. рец. 1899: РМ, № 9; МБ, № 5). Вместе с тем нек-рые рассказы расценивались лишь как «умело и складно» написанный «ложный анекдот, порою чисто водевильного свойства» (А. А. Нимайков — Введ. 1899, 9 июля, с. 2). Недостатки рассказов «выпилились» также и с характером писателя: «Это хорошее дарование, но робкое, слабо захватывающее... Назо бы

пободнее и посмелее, значительно расширил сферу наблюдений» (Чехов. Письма, VIII, 276).

Предметом оживленных дискуссий стали рассказы Н. о быте и нравах дворян («Талисман», «Странник» и др.), в к-рых он избегал как этнографизма, так и романтизации персонажей. Его имя часто использовалось в полемике против Горького: иск-рые критики приписывали отсутствие в прозе Н. «узкой тенденциозности и партийности» («Жизнь и иск-во», 1899, 24 апр., с. 3); Меньшиков считал его наиболее удачным «изобразителем быта народного», но обвинявшего, в отличие от Горького, «безудерж. надрал, шарал... героизмом» (ИВ, 1903, 19 окт., с. 3); В. П. Буренин даже утверждал, что Н. — «талант миксовский но менишник», чем Горький и В. В. Вересаев (ИВ, 1899, 2 апр., с. 2); о бесцельности подобных мнений писал А. В. Амфитеатов: «Это — конкуренция острейшей фантасовой фигурки... с надурующим над Волгугой угосом Степьян Раина» (см.: Old Gentleman, Лит. альбом, XVI — «Россия», 1900, 18 мая, с. 3).

После закрытия «Недели» (1901) и непродолжит. сотрудничества в газ. «Новое дело» (1902), оставшись без работы и средств к существованию, Н. тяжело заболел. Последние рассказы «Ветер с моря», «Отдых», 1901, № 5), «Форма» («Нов. дело», 1902, № 1), «Случай» (там же, 1902, № 7), «Контрасты» (ЖдВ, 1902, № 2), «В неурядице» («Звезда», 1903, 2 нояб.), написанные в духе «Идиллии в прозе», были несозвучны времени и вызвали суждение о творч. исчерпанности Н. (см.: Соломин С. (Стечкин С. Я.), Могила (Памяти Н.) — «Новости и бирж. газ.», 1903, 18 окт.).

Умер в крайней бедности, в психиатрич. больнице.

В некролог. статьях Н. приписалось то к «мастерам старой школы» (Н. А. Энгельгардт — ИВ, 1903, 18 окт.), то к продолжателю традиций народнич. лит-ры (см.: Войтоволский К. Петров; Красное). Было гибкую и точную оценку дал Н. К. Михайловский, критически откликнулся на попытку Меньшикова увидеть в Н. диккенсовское начало: его «таланти» нельзя назвать крупными, но, в противоположность большинству... авторов мелких рассказов, он имеет свою... филозофию... все рассказы Н.: какой-нибудь анекдот, случайное совпадение в основе и мягкий, ласкающий, привлекательный момент в хитрости... Слышно это всегда прилично...» (РБ, 1903, № 11, стл. II, с. 90—91).

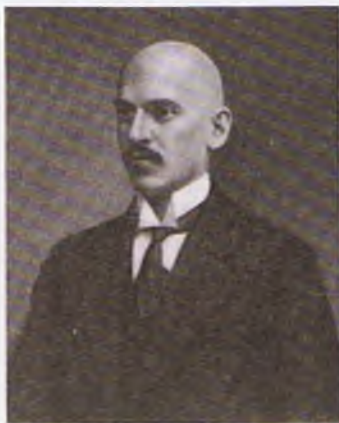
Лит.: Чехов (ук.); Толстой (ук.); Меньшиков М. О. Дворян юмор. — В кн.: Критич. очерки, т. 1, СПб., 1899, с. 400—404; Беллетристика (Бобарыкин П. Д.), Памяти Н. — «Лит. вестник», 1903, т. VI, кн. 6; Краснов П. (Н.), Памяти Н. — «Лит. вестник», 1903, № 11; Петров К. (Мясоедовский К. П.), П. Е. Накрошки. — ИВ, 1903, № 12; Северин Г. (Полнов Г. Т.), Памяти Н. — «Звезда», 1903, № 85; Любовин Н., Писатель старой традиции. — «Рус. летопись», прил., 1903, 9 нояб.; Войтоволский Л. П., П. Е. Накрошки. «Нашильи в прозе». — «Киевские отклики», 1904, 10 мая; Борозани А. К. Рус. лит-ра в XIX в., 2-е изд., СПб., [1911], с. 128; Куляжников Г. Н. восторгался Толстой. — «Лит. Россия», 1906, 3 окт. — Некролог, 1903; ИВ, 17 окт.: «Одес. новости», 26 окт. (Ал. Ожогов (М. П. Ашенико)); Врогауа; Венгерос. Источ.: Грант; ИРДВ.

Архивы: ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, № 77 (автобиография); ф. 155 (справка Н. А. Хохоловой); РНБ, ф. 118, № 59 (Сюсарь П. В. Быкова); ГА Архангельской обл., ф. 46, оп. 1, д. 69 (ф. с. 1876 г.); оп. 3, л. 173; ф. 49, оп. 4, л. 42—49; ф. 50, оп. 1, д. 42 (справка В. А. Волынского); РГА, ф. 109, оп. 1, л. 169.

М. А. Николаева

НАРБУТ Владимир Иванович [2(14).4.1888, хутор Нарбутовка Глу-

хов. у. Чернигов. губ. — 14.4.1938], поэт, прозаик, критик. Из старинного укр. дворян. рода, имевшего литов. корни. Отец — Иван Як. (1858—1919), прошедший чиновничий путь от коллеж. регл. до коллеж. секр. Мать — Неонила Никола., урожд. Махнович (1859—1936). В семье было девять детей. Н., окончив с зол. медалью Глухов. классич. г-зико, с 1906 вместе с братом — художником-графиком Георг. И. Нарбутом (1886—1920) — жил в Петербурге. Учился в Петерб. ун-те (не закончил), сначала на матем. ф-те, затем на ф-те вост. языков, а после на филол. (см. его студенч. соч. «Характер разных наших в постовицах и поговорках рус. народа» — ИРЛИ, ф. 341, оп. 1, № 519), проводя летние каникулы у родителей, помогаю

им по хозяйству и подрабатывая репетиторством. В 1905—06 перенес болезнь, следствием к-рой стала хромота; был освобожден от воинской повинности.

Большое влияние на Н. оказал художник И. Я. Билибин, у к-рого братья жили, — его увлеченность рус. фольклорной демонологией, его культ поэзии И. Конева, ряд немал. текстов к-рого Билибин передал Н. Этногр. интересы и внимание к истории быта, свойственные художникам «Мира иск-ва», передаются и Н., к-рый начал писать компилятивные нравоописательные очерки (первая публикация — «Соловецкий монастырь» — «Бог — помощик», 1908, № 8; затем в 1909—10 ряд очерков в «Сб-ках рус. чтения»).

В дек. 1908 Н. опубли. первые стихи. — «Осенний сад, осенний сад», «Светлый луч» («Светлый луч», № 2), в 1910 издал сб. «Стихи. (Год творчества первый)» (СПб.; оформление Г. Нарбута). Стихи оптимистичны, заметно влияние И. А. Бунина, встречаются метрич. погрешности, но именно это последнее качество неожиданно находит поддержку в среде младших символистов, к-рые

увидели в «корявости» Н. средство изобразительной экспрессии (В. (А.) Пяст — «Gaudeamus», 1911, № 5).

В неопубликованном рецензии С. М. Горюшкин в «неумелом, несомом, восторгом, спотыкающемся» стиле Н. увидел залог «застойной живой поэзии», а также пронаивно определил сильные и слабые стороны нарбутовской стилистики, сопоставив к-рые отдало всю поэтич. продукцию Н. впоследствии: «Он бытовик, но он не мертвенно бредет за своей натурой, а прообразует ее. Когда его образы поднимаются до метафоричности. Когда он срывается в бездну нервной метафоричности» («Против течения», 1910, № 8, с. 4). Умение и желание смотреть на мир свежими глазами, а не видеть чужую призму» (Брюсов В. Я., Собр. соч., т. 6, М., 1975, с. 363) позволили Н. дать россыпь метких наблюдений и точных свежих афоризмов: пейзажа и быта — мотивы его ранней лирики свела А. А. Ахматова в посвящен. ему стих. «Про стихи» (1940). Сб-к тематически обуян «картинными приразами», но это было «всеобразным прикосновением таланта, развивавшего свои способности подлинно» (Н. (С.) Гумилев — «Аполлон», 1911, № 6, с. 75; др. рец.: А. Южани (А. Иерусалимовский) — «Всеобщий журнал», 1911, № 2; Н. А. (Браунов) — «Студенч. жизнь», 1910, 7 нояб.; Г. Франк (П. Б. Фейнштейн) — «Весна», 1911, № 24; С. Роденфельд — «Gaudeamus», 1911, № 3; Н. Д. — «Светлый луч», 1911, № 1).

С нач. 1911 Н. активно сотрудничал в студенч. ж. «Gaudeamus» (вышло 11 номеров), где руководил отделом поэзии и выступал с краткими рецензиями. Через журнал познакомился с др. модернистами. Посещая собрания молодых поэтов у Городецкого, сблизился с кругом будущего Цеха поэтов, куда вошел с образованием Цеха в окт.—нояб. 1911. Участвовал в критич. атаке Цеха на Вяч. И. Иванова (рец. на «Cor ardens» — НЖВ, 1912, № 9, стб. 121) — ср. его шутовское стих. о «Вячеславе, Вячеславе Иванове» (см.: Пяст, с. 257) — и стал адептом зарождавшихся в недрах Цеха идей «адаминизма» и «акмеизма», пропагандируя необходимость для художника «корошего вкуса и знающего меру восприимчивости» («Голос земли», 1912, 13 февр.) — правило, к-рое Н., к счастью для своей творч. самореализации, постоянно нарушал. Акмеизм он считал «школой, выступившей в защиту всего конкретного, действительного и жизненного» (НЖВ, 1913, № 5, стб. 149). В своем сочинительстве следовал этим идеалам по двум разнокачественным направлениям: слагая множество выдержанных в нейтрально-традиц. стилиевой манере катендарно-пейзажных стихотворений, печатавшихся едва ли не во всех столичных изданиях (кроме того, поставляя большое количество мелкой прозы для Бюро рус. журналистов, распределявших ее по провинц. газетам), и создавая свою, крайне своеобразную и неожиданную поэтику, сочетающую угроющую зловещесть с «щемящей и невообразимой нежностью» (Паустовский К. Г., Собр. соч., т. 5, М., 1982, с. 150), не вовсе бесследно прошедшую для рус. поэзии (в первую очередь, для т. н.

южнорус. школы, включая, возможно, прозу ценного и И. Э. Бабеля, и для раннего Н. А. Заболоцкого). Произведения этого направления (в отличие от первого, к-рое не сводилось под обложкой поэзия, сборники) представлены в трех осн. книгах Н.: «Аллилуйя», «Плоть», «Александра Павловна».

В апр. 1912 вышел сб. «Аллилуйя» (СПб.; оформление Билибина и Г. Нарбута; набран церковнославян. шрифтом с кинovarными заглавными буквами из старопечатной псалтыри). В инскрипте Вас. В. Гиппиусу Н. назвал себя «земляком» (Отдел редких книг РНБ), т. е., по формулировке Городецкотого, «осмысленно и непреклонно возлюбившим землю» («Аполлон», 1913, № 1, с. 49), на что А. А. Блок заметил: «первое — едва ли» (Б-ка А. А. Блока. Описание, кн. 3, Л., 1986, с. 167). В. Ф. Ходасевич тоже считал книгу «более непристойной, чем унылой» (Ходасевич В., Колеблемый треножник, М., 1991, с. 483). Брюсов нашел ее менее удачной, чем первая книга, и свел к поискам «защитавского» «русского стиля» [Брюсов (2), с. 369], А. С. Рославлев аттестовал Н. «грубым, нечистоплотным и нарочитым» («Воскресная веч. газ.», 1912, 12 авг.), сходным было мнение И. Н. Игнатова (РВБ, 1913, 6 апр.); см. также отзыв С. А. Адрианова (ВБ, 1912, № 7).

Персонажи 12 стихотворений сб-ка — многообразная нежить, усадное духовенство, паны, божество и выходящее дворянство. Мир книги наполнен коптою, отрышкой утара, салынами обосками, гнидами, соньем в храниве, коростой, рогатым маслом, плодящимся мухам, воию омузей, сукровичей, случкой жеребюно, прелью, сладкой духотой, влаустрофобическим воом. Гротескная статика грубой гармонии облечена в тажловое развертывание синтаксиса переусложненного стиха. «Пленительность безобразия» и право «всего полюдно отверженного» на внимание отпалыв в своем отделе Гумилев («Аполлон», 1912, № 6, с. 54, 53). Городецкий провозгласил «акмистический реализм» озорностью миров вещей и людей в их совокупности прославлениям всех форм бытия («Гиперборей», 1912, № 2, с. 27; б. п.). Дед. полюбил извлекать книгу из прозаики (постановочное судя за портрaфию («Книжная летопись», 1912, № 21, с. 38; № 22, с. 43. Копия приговора Петерб. окружного суда от 18 сент. 1912 об ее уничтожении — РГА. ф. 777, оп. 18, з. 68, л. 7; справка Н. М. Корнеевой).

В 1912—13 Н., часто выступавший как обозреватель поэзии, ратует за обязательность для поэта «строгий программы» («Совр.», 1912, № 5, с. 363), за осознанный индивидуальный «взгляд на мир Божий» (там же, 1912, № 3, с. 337), «вечный, простой и ясно-понятный мир» («Новая жизнь», 1912, № 9, стб. 266), за «настоящую, не книжную жизнь». (ВБ, 1913, № 8, с. 356), за непременно «новые образы» («Новая жизнь», 1912, № 10, стб. 259). В своих решениях он борется с «риторичностью», выделяя, однако, у каждого поэта «напряженно-упорные, тугие строки», как правило, содержащие точ-

ное «прозаическое» наблюдение, и определяя достоинство поэзии свойством «в двух-трех сжатых строках выразить длинный прозаический отрывок» (НЖДВ, 1913, № 4, стб. 175).

В стихах, написанных в 1912—14, позднее составивших сб. «Плоть» (Од., 1920), Н. стремится облечь свой «быто-эпос» (подзаголовок сб-ка) в «метафизический сюрок» (слово в коллективном экспромте Цеха поэтов). В стих. «Столяр» («Гиперборей», 1912, № 1) с его «благой строгостью чинного и четкого стиха, твердостью и внушительностью старинной жизни и бытовой вещественностью образов» (А. Левинсон — «Театр», 1912, 25 нояб.) ветхозаветные знаки божьего благостовения осеняют будничней труд. Сквозь «кошмарные, как рисунки Гойи, картины» (М. Зенкевич —

(эпиграфом к сб. Н. взял стих В. Д. Гарднера: «Что подвиги? Подвижничество — мир»). Морализующие вкрапления в стиховые натюрморты и жанровые сценки (вызывающие ассоциации с голландской живописью — см.: В. С(оборной) — «Иск-во и театр», Таш., 1922, № 2, с. 9) связаны с обсуждением программных тезисов в кругу изобретателей акмизма: «Поприлежной шупай. Попристальной гляди. Живн...». В письме к М. А. Зенкевичу от 7 апр. 1913 Н. уточнял, объединяя себя и адресата: «А мы — и не акмисты, пожалуй, а натуралисты-реалисты. Бодлер и Гоголь. Гоголь и Бодлер» («Арион», 1995, № 3, с. 47). Внимание Н. привлекали и футуристы, логика стилевого поиска к-рых была параллельна и одновременно нарбутовской. Отмеченный Брюсовым как «смелый» [Брюсов (2), с. 400] образ — «Луна, как голова, с которой кровавый скальп содрал закат» («Ведьма» — «Гиперборей», 1912, № 3) — созвучен метафорике кубо-футуристов (ср. о «борьбе за новую тематику» и попытке «создать ошутимый мир»: «Здесь вел людей намагниченный футуристам Нарбут и Зенкевич, намагниченный Нарбутом» — Шкловский В., «Юго-Запад», — ЛГ, 1933, 5 янв.; о Н. как «акмистическом футуристе» см.: Markov V., Russian futurism. A history, L., 1968, p. 139). Пограничное положение уникального метода Н. при осознании его оригинальности и талантливости соединения «бесстрашного реализма» с самой причудливой фантастикой приводило к восприятию его как поэта «без признаков традиции и школы» (Гиппиус Вас. В., Цех поэтов. — В кн.: Ахматова А., Десятые годы, М., 1989, с. 85).

В окт. 1912 Н., чтобы избежать суда за издание сб. «Аллилуйя», при содействии Гумилева принял участие в этногр. экспедиции в Сомали и Абиссинию. Пятимесячное путешествие по Африке отразилось в его стихах («В пути» — «Сельск. вест.», 1913, 27 янв., «Пустыня Сомалийская» — там же, 1913, 28 апр.; «Джеда» — «Весь мир», 1913, № 17; «Прокаженные в Хараре» — НЖДВ, 1913, № 5; «Абиссиния» — «Гиперборей», 1913, № 9/10) и прозе («Город раса Маконена» — «Весь мир», 1913, № 20; «Рождественская ночь в Абиссинии» — «Варшав. дневник», 1913, 27 дек.). По возвращении в марте 1913 (после амнистии по случаю 300-летия дома Романовых) взял на себя издание и редактирование «Нового ж-ла для всех», печатал там подборки стихов членов Цеха поэтов, выступал с рецензиями (№ 4, 5). Запутавшись в финансовых делах (см. его письмо В. В. Брусняну от мая 1913: «обстоятельства сло-

В. Нарбут. «Аллилуйя». 1912. Обложка.
Худ. Г. И. Нарбут.

«Культура», Саратов, 1922, № 1, с. 6), сквозь экзотическую утробную эротичку, тлен и распад, изображенные «настолько реалистично, что граничит прямо с мистическим» (А. Лейтес — «Театр. Лит-ра. Музыка... Живопись. Кино», Х., 1922, № 7, с. 5), проступает «божественная физиология, бесконечная сложность нашего темного организма» (О. Э. Мандельштам — ст. «Утро акмизма», 1912—14; напечатана впервые Н. в ж. «Сирена», В., 1919, № 4/5). Крутооборот плоти, неистребимость живущего, создание земного, не небесного, раз «из навоза», метаморфозы провалившихся псов и распаренных задниц, убой скота и аутопсия преломлены через христианский мотив смерти, попирающей смерть (стих. «Предпасхальное», в поздней ред. — «Пасхальная жертва»). Духовные странствия Григория Сковороды (стих. «Одно влечение: слышать там...») неотделимы от конкретки вязкого усадного быта

жались так нехорошо для меня» — РГАЛИ, ф. 42, оп. 2, № 5). Н. прозал права на журнал изв. «ревнителю устоев» А. Л. Гарянику (см. изложение истории: ЖЖ, 1916, № 35, с. 8—9; ср. салонный пересказ ее: Иванов Г. В., Стихотворения. Третий Рим. Петерб. зимы..., М., 1989, с. 375—378; в изображении Н. у Иванова шари отсебятина — ср. с. 558—559). По-видимому, под впечатлением обществ. осуждения этого поступка Н. вскоре уехал на родину и, судя по его письмам Зенкевичу 1914—16, был достаточно оторван от столичной жизни, хотя у него и вышел в 1913 в Петербурге сб. «Любовь и любовь» (миниаюрное изд.; рец. А. Ч. (Саха Черный) — «Совр.», 1913, № 5; перепечатано с такой атрибуцией в альм. «Поэзия», в. 54, М., 1989, с. 198—99), а в 1914 оп печатался в петерб. ж-ле «Аргус». В 1914—18 был женат на дочери ветеринар. врача Нине Ив. Лесенко (1895—1966). В годы войны печатался в местной периодике.

К 1917 Н. примкнул к левым эсерам. После Февр. революции вошел в глуховский Совет, склоняясь к большевикам. Под новый 1918 год семья Н. подверглась нападению банды, брат был убит, а сам Н. ранен, вследствие чего пришлось ампутировать кисть левой руки. Весной 1918 Н. отправлен партией в Воронеж для организации большевистской печати, где помимо исполнения прямых обязанностей он издавал «беспартийный» (без обществ.-полит. отдела) ж. «Сирена» (1918—19, № 1—5 в трех вып.), объединивший на своих страницах значит. имена тогдашней рус. лит-ры (см. подробнее: Крюков А., Редактор Н. — «Подъем», 1987, № 11). За публикацию имажинистов журнал подвергся резкой критике местных коммунистов («Революция и просвещение», В., 1919, № 2; подпись Пролетарий). В Киеве в 1919 участвовал в издании ж. «Солнце труда» и «Красный офицер»; 8 окт., попав в занятый белыми Ростов-на-Дону. Н. как «коммунистич. редактор» и чл. Воронеж. губ. исполкома арестован контрразведкой (см. об этом — «Веч. время», Р. н/Д., 1919, 9 окт.). Освобожденный из тюрьмы при налете красной конницы, он официально вступил в РКП, снова командирован на Украину, в 1920 возглавил Одес. отделение РОСТА (см. подробнее: Берловская Л., Н. в Одессе. — РЛ, 1982, № 3), организовывал выпуск ж-лов «Лавра» и «Облава» (в к-рых печатался и сам, в т. ч. под псевдонимами), завел дружбу с молодыми поэтами — Э. Г. Батриком (впоследствии Н. был издателем мемуарного сб-ка о нем), Ю. К. Олешей (см.: Олеша Ю., Ни дня без строчки, М., 1965, с. 259), В. П. Катаевым (отплатившим Н. не-

доброжелательным шаржем в своем соч. «Алмазный мой венец», 1978: «колченогий»). С 1921 Н. завеловал Укроста в Харькове (преобразовал его в Радиотелеграфное агентство Украины), печатался в местных газетах и журналах, в т. ч. восп. о Блоке («Календарь иск-ва», Х., 1923, № 1), В. М. Дорошевиче («Худож. мысль», Х., 1922, № 3), некролог Городецкому (при ложном известии о смерти: «Коммунист», Х., 1921, 30 авг.). В последнем Н. говорит о себе и подобных пришедших к большевикам деятелях иск-ва как об «очерствелых в неустанной повседневной борьбе за раскрепощение человечества», обросших «плотной бегемотей шкурой». Свою бытовую «поэзию „домби“» (см.: Бетаки), образы карнавала плоти в новых стихах («Красноармейские стихи», Р. н/Д., 1920; «В ог-

В. Нарбут. «Аллилуйя», 1919. Фроттирисис. Худ. Г. И. Нарбут.

ненных столбах», Од., 1920; «Советская земля», Х., 1921) Н. относит теперь на счет уничтожаемого мира эксплуататоров. В статьях он борется за поэзию как «выразительницу чувств и идей Великого Октября» («Коммунист», Х., 1921, 14 мая), однако собств. стихи ему приходится растолковывать новому читателю («Белье» — «Календарь иск-ва», 1923, № 2; автокомментарий и осуждение «от редакции» — № 4). В 1922 в Одессе переиздается «Аллилуйя» (с кратким анонимным предисл. автора; в этом изд. Н. снял элиграфы, связывавшие его бурлескную топику с укр. лит. традицией — Г. Сковорода, И. П. Котляревского, В. Т. Наружного, Н. В. Гоголя, Е. П. Гребенки). В том же году издается написанный в 1910-е гг. сб. «Александра Павловна» (Х.) — последняя при жизни книга и, по-видимому, вершина лирики Н., сборник лирич. импровизаций, властных и предельно свободных («где точек больше, чем слов» — Катаев В., «Фантомы», —

«Накануне», Б., 1924, 1 янв.). Сб. «Казненный Серафим», подготовленный в 1920-е гг. (см.: «Корабль», Калуга, 1923, № 1/2, с. 48), до печати не дошел. Набор сб. «Спираль» был рассыпан в 1936. Указанные в библиографических справочниках (Тарасенков; Рус. сов. поэты) поэтик сб-ки Н. «Вий» (П., 1915), «Верстено» (К., 1919), «Стихи о войне» (Полтава, 1920) не обнаружены.

С 1922 Н. работал в Наркомпросе в Москве, с 1924 — зам. зав. отделом печати при ЦК РКП(б), с янв. 1927 — один из руководителей ВАПП. Был редактором ж-лов «30 дней» и «Вокруг света», основателем и пред. правления изд-ва «Земля и фабрика», «собирателем литературы Земли Союзной», по формуле А. С. Серафимовича (А. Крюков — «Подъем», 1987, № 11, с. 119). В качестве такового являлся конкурентом видного организатора лит. процесса А. К. Воронского — вероятно, это обстоятельство и породило слух, что именно по инициативе последнего партийные инстанции рассмотрели вопрос о скрытии Н. своих показаний белой контрразведке в Ростове (см. публ. письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве из архива Губервского ин-та — «Stanford University 1987. Stanford Slavic Studies», т. 1. [№ 3], Stanford, 1987, p. 29; ed. by L. Fleishman; Мандельштам Н., Вторая книга, М., 1990, с. 51, и по ук.); это стало причиной исключения его из партии («Правда», 1928, 3 окт.). После этого Н. жил лит. подешанной, однако в 1933—34 снова стал писать стихи, исповедуя лозунг «научной поэзии» (см. отчет о вечере «Красной нови» — ЛГ, 1934, 20 мая). Был изруган за «насищенное штурковство заблудившегося и в поэзии, и в нашей действительности интеллигента» (В. Я. Кирпотин — «Октябрь», 1936, № 6). 26 окт. 1936 арестован по доносу, осужден 23 июля 1937 на 5 лет, этапирован в пересыльный лагерь под Владивостоком и затем в ноябре — в Магадан, повторно судим тройкой НКВД 7 апр. 1938 и 14 апр. расстрелян (по нех-рым свидетельствам, утоплен на барже — эту версию принимал М. Зенкевич — см. его стих. «Памяти Владимира Нарбута», 1940) (подробности см.: Бирюков А. М., «Считать умершим от сердечной недостаточности...». — В его кн.: Последний Рюрикович, Магадан, 1991, с. 18—46).

Стихотворное, а особенно прозаич. наследие Н. в полном объеме пока не собрано и не выявлено.

Изд.: Избр. стихи. Париж, 1983 (пог. текста, вступ. ст., прим. Л. Чертова); Стих., М., 1990 (вступ. ст., сост. и прим. Н. Валосинской и Н. Пальчижо); Ново-Басманная, 19, М., 1990, с. 313—55 (вступ. ст. Т. Р. Нарбут и В. Н. Устилювского; 26 стих.); Рус. поэты «Серебряного века», т. 2 — Ахметы, Л., 1991, с. 228—62, 401—05 (вступ. ст. и колл. М. Ю. Грехаловой);

Рус. поэзия «Серебряного века». 1890—1917. М., 1993. с. 468—71 (заметка О. А. Клинига); Стих. и письма М. А. Зенкевичу — «Арион», 1995, № 3 (публ. и комм. Л. Пустильникова).

Лит.: Лукомский В. К., Молазавский В. Л., Малорос. гербовник. СПб., 1914 (с рисунками Егора Нарбута: репринт — К., 1993); Рус. лит-ра (3), с. 519; Кленовский Д., Казенные молчаливые. (О судьбе иск-ва рус. поэтов). — «Грани», 1954, № 23, с. 108—09; Гумилевские чтения. Вена, 1984, с. 148—49; Шниршев Б., Записки лодовского репортера. — «Новое рус. слово», Н.-Я., 1959, 19 июня; Райс Э., Сорокалетие рус. поэзии в СССР. — «Грани», 1961, № 49, с. 104—05; Тимсички Р. Д., В. И. Нарбут. [К 100-летию Н.Я. — В кн.: Памятные книжные даты, 1983. М., 1988; Бестаки В., Избр. стихи Н. — ГМ. Париж, 1983, 24 нояб.; Озеров Л. О., О В. Нарбуте. — «Простор», 1988, № 3; Мандельштам Н., Вост., М., 1989 (ук.); ее же, Вторая книга, М., 1990 (ук.); Топоров В. Н., Неомифология в рус. лит-ре нач. XX в., Третья книга, 1990, с. 32—34, 158—60; Thompson R. D. B., The vision of the Bog: the poetry of V. Narbut. — «Russian Literature», 1981, v. 10, № 4, p. 319—37; Rusinko E., Adamism and Aesmet primitivism. — «Slavonic and East European Journal», 1988, v. 32, № 1, p. 91—92; ЛН, т. 70, 74; т. 92, кн. 4, с. 173—74, 346—49; т. 93; + КЛЭ; ЛЭ; Казах; Рус. сов. поэты: Тимсички Р. К вопросу о библиограф. — «De visu», 1993, № 11; Масанов.

Архивы: МАЛИ, ф. 1687; ИМЛИ, ф. 57, Р. Д. Тимсички.

НАРЕЖНЫЙ Василий Трофимович [1780, по др. сведениям, 1781* или 1782**, м. Устинича Миргородского полка — 21.6(3.7).1825, Петербург; похоронен на Охтинском правосл. кладбище], прозаик, драматург, поэт. Отец, Троф. Ив., из польской шляхты, вахмистр Чернигов. карабинерного полка; по выходе в

1786 в отставку получил чин корнета и личное дворянство; имел земельную собственность в Устиниче, без крестьян. До 11 лет Н. жил при родителях и обучался под руководством дяди, Андриевского-Нарежного. В 1792 помещен им в дворян. г-зину при Моск. ун-те (предположение об учебе до г-зин в Чернигове сем. (впервые в кн.: Белозерская, ч. 2, с. 6—8) документально не подтверждено). В 1798 произведен в студенты, в 1799 переведен на филос. ф-т ун-та.

Печататься начал в «Приятном и полезном препровождении времени» (1798) и «Иппокрене» (1799—1800);

первая публ. — пер. с нем. поэтич. сказания «Сотворение розы» («Приятное и полезное...», 1798, ч. 18). Поэт увлечен нац.-ист. темой и тесно связан с классической традицией; наиб. крупные произв. раннего этапа — ист. поэмы «Брег Алты» (там же) и «Освобожденная Москва» (там же, 1798, ч. 19), написанная под непосредств. впечатлением от постановки одним трагедии М. М. Хераскова, но с перенесением сюжета ко времени нашествия Тамерлана при Василии I. В трагедии в 4 сценах «Кровавая ночь, или Конечное падение дому Кадмова» («Иппокрена», 1800, ч. 7; авт. дата: 12 окт. 1799) обработаны мотивы трагедий «Семеро против Фив» Эсхила и «Антигоны» Софокла; введены отчетливо звучащие тираноборческие мотивы. Партии хора и попытка последоват. деформации силлабо-тонич. стиха свидетельствуют о желании имитировать антич. поэтич. форму и метрич. систему (возможно «Кровавая ночь...» — пер. или подражание к.-н. немецкой трагедии; см.: Гаспаров М. Л., Очерк истории рус. стиха, М., 1984, с. 118). Поэтич. экспериментом предстает также стих. «Песнь Владимиру киевских Баянов» («Приятное и полезное...», 1798, ч. 20), состоящее из шести поэтич. фрагментов, написанных безрифменными стихами свободно чередующейся меры. Стихотв. опыты Н., отчасти близкие творчеству ряда поэтов ВОЛСНХ (А. Х. Востоков, Ал. Г. Волков, И. М. Борн), вызвали сочувств. отзывы Востокова (см.: Сб. ОРЯС, т. 5, в. 2, 1873, с. X), а позже В. К. Кюхельбекера (1817; см.: Кюхельбекер, ук.). Первая значит. публикация прозы Н. — ист. повесть «Рогвальд» из времен кн. Владимира («Приятное и полезное...», 1798, ч. 20) с тенденцией к ритмизации и чертами оссианической образности, позднее получившими развитие в школе «Славенских вечеров».

В 1799 увлекается творчеством Ф. Шиллера, что, вероятно, способствовало его знакомству с Анд. И. Тургеневым и А. Ф. Мерзляковым. Под влиянием Шиллера переходит прени, к драм. форме; особо ценит Н. эфатич. стиль шиллеров. драматургии — с обилием эмоц. монологов, восклицаний, проклятий. В драматизов. прозаич. сцене «Метящие евреи» («Иппокрена», 1799, ч. 2) и «драм. отрывке» «День злодейства и мщения» (там же, 1800, ч. 7) Шиллер воспринят сквозь призму иных влияний (в первую очередь, вероятно, нем. «черного» и разбойничьего романов) и в той мере, в какой его творчество отвечало стремлению Н. к изображению сильных страстей, жестоких и кровавых происшествий. Наиб. ошутимо его влияние в прозаич. трагедиях Н. «Димитрий Само-

званец» (М., 1804; на титуле творч. дата «1800 год»; на сцене дважды в 1809 в Москве; полуодобрит. реу. на постановку; МВ, 1809, ч. 1, № 7; в 1829 запрещена к постановке театр. цензурой) и «Мертвый замок» (1801; неопубл.; рукоп. с и. р. от 4 дек. 1801 в ПИМ).

Нар. московские сцены, широкий круг действующих лиц и др. особенности «Димитрия Самозванца» позволили уже первому рецензенту, критиковавшему драматурга за отсутствие от классич. правил, ухватить на связь трагедии Н. Кроме нем. драматургии с творчеством Шекспира (СВ, 1804, ч. 4, с. 129—39), «Мертвый замок» в свою очередь интересен как одна из первых рецензий тотчас же романа в России (герои и место действия соотносятся с персонажами и обстановкой «Уольфских тайн» Анны Рашлиц). Н. воспроизводит осн. мотивы «готической» прозы (зрелищный замок, над к-рым тяготеет проклятие, таинств. подземелье, заключенный в нем узник, готовящийся злодейство и др.), создавая своеобразный типизм из стилистики готич. романа, шиллеровской драмы и нем. разбойничьего и рыцарского романа.

В окт. 1801 Н., видимо, из-за материальных затруднений, оставил ун-т и определился чиновником с последним чином при вновь образованном Грузинском правительстве. Весной 1802 прибыл в Грузию; числился «у письменных дел» при правителе Грузии П. И. Коваленском, а с 18 мая 1802 секр. Лорийской управы земской полиции. Уволившись в мае 1803 от службы в Тифлисе, возвратился в Петербург. Служил мелким чиновником разных ведомств: с сент. 1803 по май 1807 в Отд. соляных дел Экспедиции гос. х-ва, затем в Горной экспедиции. В 1813 женился и в июле того же года уволился от службы в чине коллеж. ассессора.

В 1809, подвигнутый патриотич. антинаполеонов. настроениями, Н. выпустил сб. «Славенские вечера» (СПб.) — девять героич. поэм в прозе из древнейшей слав. истории, написанных в сказочно-рыцарской повествоват. традиции и под воздействием оссианич. стиля. Благожелат. критика увидела в них «весьма удачное подражание песням Оссиановым» и «образец чистоты языка и хорошего слога» («Цветник», 1809, ч. 3, № 8, с. 263—64, 274).

О петерб. лит. окружении Н. мало что известно. Возможна его близость с крутом ВОЛСНХ; в 1810 в ж-ле об-ва «Цветник» (ред. А. Е. Измайлов) опублик. его повести «Георгий и Елена» (ч. 5, № 2) и «Анастасия» (ч. 7, № 7), примыкающие к «Славенским вечерам», но имеющие более сентиментально-романтич. характер. Н. пользуется вниманием и покровительством И. И. Мартынова, директора деп. Мин-ва нар. просвещения, близкого к окружению Александра I до 1817 (Колбасин Е. Лит. деятельность прежнего времени. СПб., 1859, с. 66). Из посвящений к поэтическим произв. Н. известно его знакомство с П. А. Взвѣтчевым, В. М. Фёдоровым, Ф. П. Вронченко (бр. М. П. Вронченко), в юности ли-

тератором-переводчиком, товарищем Н. по уму.

К 1812 Н. завершил трагедии «Елена», «Светлосан» (обе «в обыкновенных шестистопных стихах») и «Святополк», «писанный в подражание Шиллеру, пятистопными белыми стихами» (Греч, Избр. места..., с. 447); трагедии не были изданы, а «Святополк» в 1806 запрещен театр. цензурой, посчитавшей «неприличным» выводить на сцену святого кн. Владимира (см.: Описание дел архива Мин-ва нар. просв., т. 2, П., 1921, с. 14).

К 1812 Н. завершил в целом (см.: Греч, Избр. места..., с. 447) произв., ставшее главным в его наследии, — роман в 6 ч. «Российский Жилблз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова» (ч. 1—3, СПб., 1814; ч. 4—6 изданы лишь в 1938). Он построен по модели плутовского романа: сюжет разворачивается как последоват. называние приключений героя, выужденного нести службу у разл. хозяев, с мн. вставными эпизодами и побочными сюжетными линиями, а преобладающий характер повествования — от первого лица (прим. гл. героя). В отличие от «классического» — односюжетного, со вставными новеллами, — плутовской роман Н. композиционно усложнен: в нем переплетены как минимум три осн. сюжетные линии (с соотв. сменой повествователя). Подчеркивая в предисл. связь романа с лит. образцом, одним из самых популярных в России кон. 18 — нач. 19 вв. европ. романов — «Похождениями Жиль Блаза из Сантьяны» А. Р. Лесажа (1715—35, рус. пер. 1754—55), Н. определял свою цель как «изображение нравов в разл. состояниях и отношениях», чтобы дать целостную картину всей русской жизни. Установка на эмпирич. бытописание, показ широкой галереи социальных типов связывают его роман также с моралистическо-сатирич. традицией рус. лит-ры (сатирич. журналистика 18 в., Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов), а в резко сатирич. освещении в первую очередь нравов дворян. среды проявился общий демократизм лит.-обществ. позиций Н.

Определяющие черты системы лит.-философии представителя Н., отраженной в романе, — следование идеям Просвещения и увлечение Ж. Ж. Руссо. В соответствии с этим авантюрно-плутов. сюжетная модель подвергается существенной деформации: отсутствует традиционный герой-плут; повествование лишено обычного для плутовского романа этич. объективизма. Кн. Чистяков иррационал процесс личностного становления, морального совершенствования и просвещения. В антипротест. нравственно инертную «философию слепого случая», основоположную изначально для плутовского романа, Н. приносит русоист. представления о доброй природе человека, исходящей противостоит. обществу и к нему. Руссоизм замещен и в обществе идеалом автора, отчасти воплощенном в картине усадьбы жизни Престолада, — в культурном и добропорядочном имени,

противостоившем как невежеству окружающего поместного дворянства, так и разрывности большого света (модель просвещенной аристократии перерастает в последующие ром. Н., а наиб. полное изображение получает в ром. «Аристон»). Положит. филос.-этич. программу, соответствующую руссоизму, элементы стоицизма, аскетизма и своеобраз. натурфилософии с провозглашением морального самосовершенствования, исходящего из дарованных «высоким Создателем» «бессмертной души и свободы воли» (Соч., т. 1, с. 536), Н. представил (см. ч. 5, гл. XI—XV) в образе и судьбе странствующего философа Ивана Особыха (один из возможных прототипов — укр. мыслитель Григорий Сковорода).

Сатира на дворянство и бюрократич. верхушку, порой резко обличительная («Плещавный и развратный свет», «князя и графы и великие мира сего, близкие к престолу», чинят прощол, «опустошают деревни», пускают «по миру целые тысячи»; см.: там же, с. 102), неизбежно вызвала бы цензурные препятствия. Еще до подачи в офиц. цензуру Н. сделал ряд купюр и внес «эзоповские» перемены (наиб. существенная — перенесение действия из Петербурга в Варшаву в 5-й ч.). И все же мин. нар. просвещения А. К. Разумовский нашел в выпущенных 3 т. «многие предосудительные и соблазнительные места» (см. в изд. романа 1938: т. 1, с. 472), и печатание романа было остановлено на 4-й ч. Изданные весной 1814 три части запрещены к прозаке Мин-вом полиции, что, видимо, побудило автора не писать заключит. главы 6-й ч. (Долгое время роман распространялся в списках с изд. 1814; попытки изд. романа в 1835, 1841 и 1863—1864 остались безрезультатными; впервые полный текст издан в 1938.)

«Российский Жилблз» — наиб. полный источник сведений о лит. взглядах Н. Автор, позиция в романе полемична: последовательно отрицаются «римский» и «волшебный» романы как бесполовые или даже вредные для нравств. воспитания, «восточные» повести, франц. классицизм и культ античности, «летские» комедии, лит. мавляи, и шивковетов и карагитиштов. Н. же обобщил критич. даже свои прежние лит. ориентиры, давая насыщенный характеристику всем им, и англ. образца; позже в «Аристоне», в противостоит. модным «готическим» романам, он выдвинул произведения К. М. Виланда, Г. Филдинга и Ж. Ж. Руссо. Для его сознания характерно эмпирич. отрицание как лит., так и любых иных теорий и программ (см.: Лотман, с. 18—19); ярким примером тому — пападки на «философов» и «метафизиков» в «Российском Жилблзе» или иронич. изображение ученых в «Аристоне».

Неудача с «Российским Жилблзом», вероятно, стала причиной возвращения Н. на службу; 11 марта 1815 определен столоначальником в Инспектор. деп. Воен. мин-ва (в 1816 пожалован орд. св. Анны 3 степени; с 1818 наив. сов.); уволен от службы «за болезнь» 10 сент. 1821. В эти годы, вероятно, при посредстве Н. И. Розенгейера сблизился с ВОЛРС, не вступая в его члены; в 1818 ему было выдано одно из первых денежных пособий об-ва (см.: «Соревнователь», 1818, № 5, с. 268—69); 20 мая 1818 Н. читает в ВОЛРС пов. «Игорь» (там же, с. 267), к-рую публикует в ж-ле об-ва («Соревнователь», 1818,

№ 9; с пометой «Пятый славенский вечер»). Там же печатаются его пов. «Любослав» (1818, № 11—12) и «Александр» (1819, № 7), продолжавшие «Славенские вечера»; выдержанный в общей для цикла манере геронч. сказания «Александр» являлся откликом на события 1812—1815, представляя императора под стенами Парижа. (Еще в апр. 1818 Н. передал отцензурованную рукопись 2-й ч. «Славенских вечеров» об-ву, но объявленное об-вом издание не осуществилось, поскольку права на 1-ю ч. книги принадлежали др. лицу.) В 1818 Н. предпринял попытку издать через ВОЛРС роман «Черный год, или Горские князья».

Время написания романа, выросшего из зав. высчитавшей Н., точно неизвестно. Не исключено, что он велся первым ром. Н., написанным еще на Кавказе или вскоре по возвращении (см.: Белозерская; Шадури). Вероятно, однако, что «Черный год» писался одновременно с «Российским Жилблзом» или даже после него (см.: Степанов; Назарова). В об-ве его оценки неоднозначны: «даже предмет в конце света удаляем» — правление и религия — его [автора] не останавливают, некроме места «могут послужить образом отвратительнейших изображений» и уже по одной сатирич. цели роман не принадлежит защитам об-ва — отзыв секретаря деп. в-та ВОЛРС М. М. Соинна (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 2, л. 236); др. рецензент, А. Е. Нимайлов, также отмечал «чиста противные благопристойности и держке, но весьма плоские шутки насчет религии и самодержавной власти», признавал тем не менее «Черный год» едва ли не лучшим рук. романом (там же, л. 321).

В основе «Черного года» лежит близкая к «Российскому Жилблзу» жанровая схема: авантюрно-плутовской сюжет со множеством приключений, интриг, вставных эпизодов. Герой, молодой осетин. князь, пережив все злоключения, возвращается в свое княжество мудрым и просвещенным государем, а его владение принимает вид, напоминающий о культурных поместьях др. романов Н. Вост. колорит, общая сатирич. манера повествования, сходство в отл. эпизодах сближают «Черный год» с филос.-сатирич. романами Вольтера. Восточная символика подчеркивает элементы полит. сатиры на действия высшей рус. администрации в Грузии или, по мнению др. исследователей, аллегорич. изображение беспорядка и беспорядка на Кавказе в нач. века. Вместе с тем, совр. груз. лит.-веды свидетельствуют, что роман дает довольно близкую этногр.-бытовую картину местности, нравов и обычаев, а описываемые события и лица, вполне вероятно, имели реальную основу. Сатирич. резкость удержала ВОЛРС от публикации романа. Он вышел в свет после смерти автора (т. 1—2, М., 1829) и не встретил одобрения ни у читателей, ни у критиков [рецензент «Атеней» (1829, № 21) назвал его худшим романом Н.]

В последние годы лит. деятельность Н. становится интенсивнее. В 1822 публикуется «справедливая по-

весть» «Аристон, или Перевоспитание» (СПб.), в 1824 три части «Новых повестей» (СПб.) и роман «Бурсак. Малорос. повесть» (ч. 1—4, М.: [7-е изд.], М., 1912), привлекавшие к Н. внимание критики; завершается пов. «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (М., 1825; выходит вскоре по смерти Н.), готовится к переизд. дополненные «Славенские вечера» (ч. 1—2, СПб., 1826) и «Дмитрий Самозванец» (список с изд. 1804, видимо, авторизован, подавался в 1829 в театр. цензуру; 2-е изд., М., 1830).

При общей близости биограф. сведений о Н. трудно точно судить о времени и последовательности написания большинства его произв., а дата выхода их в свет не является основанием. Это явствует, в частности, из состава весьма неоднородного в жанрово-стилистич. отношении сб-ка «Новые повести», включившего сентиментальную повесть «Мария», повесть типа «справедливых» с элементами бытописания «Богатый безлик», драм. фарсы «Новость под замком» и «Замокский принц», «восточную повесть» «Турецкий суд» и первый опыт Н. в ист. повествовании — «Запорожье». «Турецкий суд» еще в 1818 предполагался к напечатанию в «Современнике» вместе с истор. повестью «Адрес-календарь» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 34, л. 73). «Замокский принц» по времени близок к работе над «Российским Жилбазом». В 4-ю ч. к-рого включен (судя по рукописи, уже после ее завершения) как самостоят. вставной эпизод.

В «Аристоне» Н. избирает сюжетным образом «роман воспитания» и примыкает к традициям критики поверхностного дворян. воспитания, французомании, пороков светского об-ва, сложившимся в рус. нравописат. прозе (в первую очередь в «письмах» и рассказах Н. И. Новикова, в ром. «Евгений» А. Е. Измайлова). Прозак, однако, делает акцент не на нравоупитание: он рассказывает о перевоспитании в родительском поместье развращенного светом и модным образованием молодого человека; причем принципы воспитания «просвещенного человека» в значит. мере ориентированы на идеи Руссо — чистоте чувств и любви герой учится, читая «Новую Элоизу». В веренище эпизодов посещения Аристоном соседней-помещиков предстает ряд комич. типов, воплощающих человек. пороки (прием подобного «путешествия» героя позднее использован Н. В. Гоголем в «Мертвых душах»). В комич. сценах повести, как и в прежних романах, сказались склонность Н. к гротеску и карикатурности в бытовых описаниях.

Наиб. полно особенности комизма Н. проявились в повести «Два Ивана, или Страсть к тяжбам», целиком заключенной в сфере помещицко-простонар. быта. Ее сюжетная основа — ссора двух соседней-помещиков, перешедшая в непримиримую многолетнюю войну, и сатирически изображенное судопроизводство (также послужил одним из источников гоголевской «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном

Никифоровичем»). Гротескный реализм сочетается в «Двух Иванях» с травестийной мотивов «высокой» лит-ры, что связывает прозу Н. с пародийной (бурлескной) традицией укр. нар. театра и укр. письменной лит-ры («Энеида» И. П. Котляревского). В новейшей исследовательской лит-ре эти особенности прозы Н. связываются с эстетикой укр. барокко — см. работы П. В. Михеда в разделе Лит. Именно укр. ориентация такого сочетания предопределила натуралистичность описаний, выразит. выпуклость (порой даже грубоватость простонар. языка), в к-рых рус. критика усматривала недостаток образованного, изящного вкуса, несоответствие эстетич. требованиям иск-ва и к-рые созидал Н. (наряду с Измайловым) репутацию «российского Теньера».

В «Двух Иванях» и ром. «Бурсак» закрепился переход Н. к малорос. материалу, лишь намеченный в «Аристоне» и «Запорожье». В «Бурсаке» он возвращается к излюбл. авантюрист. сюжету, но разрабатывает его на укр. ист. фоне; действие романа разворачивается в эпоху соединения Украины с Россией. Не стремясь особо к ист. достоверности лиц и событий, романист соблюдает в то же время точность в «общезнательских» и этногр.-бытовых подробностях (описание укр. бурсы, гетман. двора, шляхетства, Запорожской Сечи); именно ист. бытописание в значит. мере определило читат. успех произв.

«Бурсак» и «Два Ивана» принесли Н. лит. известность. «Бурсаке» критика признала лучшие рус. орг. романом, образом изображения «местности» и народности, доказывающим талант, ум и наблюдательность автора (реш.: «Власт.», 1824, № 15, 16; СО, 1824, № 41; ДЖ, 1825, № 3). П. А. Вяземский в отзыве о «Двух Иванях» признавал Н. первым писателем, опровергнувшим мнение, что «наш нар. быт не имеет или имеет мало оконечности в живописных, кои мог бы описать наблюдатель для составления рус. романа» (Вяземский, I, 204).

Последний роман, над к-рым Н. работал перед смертью, «Гаркуша, малороссийский разбойник» — наиб. социально острое произв. писателя. В образе пл. героя, легендарного укр. разбойника Гаркуши, выразилась просветительские представления о врожденной доброте человека. Гаркушу, «снабженного от природы весьма достаточными дарованиями, а потому неоспорным правом на счастье» (Избр. соч., т. 2, с. 459), толкают к злодейству в первую очередь существующие общество. отношения, жертвой к-рых он становится. Бытовой фон романа — разоблачит. картины укр. помещичьих нравов, и на нем Гаркуша в определ. смысле выступает в роли нармстителя. Сюжетно-композиционно «Гаркуша» ориентирован на массовый нем. «разбойничий» роман (К. А. Вульпуна и его подражате-

лей) кон. 18 — нач. 19 вв., широко распространенный в европ., в т. ч. и в рус., переводах.

Традиционно считается, что работу над «Гаркушей» прервали болезнь и смерть писателя. Однако сохранившийся текст (ч. 1—3 и нач. 4-й) является блевоу рукописью, очевидно, предназначившейся для подачи в цензуру; возможно, что роман был завершен и смерть Н. прервала не работу над текстом, а уже его переделку. Попытки семьи опубликовать роман в 1835 оказались тщетными. Цепур А. Л. Крылов отметил, что тл. лицо располагает к нежелательному участию и сожалению, а «направление романа может само по себе иметь вредное влияние на умы того класса читателей, для к-рого он предположительно назначается» (см.: там же, с. 616; ср.: ИРЛИ, I, 6, 132). Впервые роман опубликован в сб. «Рус. повести XIX в. 20-х — 30-х гг.» (т. 1, М.—Л., 1950). (Существует свидетельство, что впервые вышел на укр. яз.: «Гаркуша, малороссийский разбойник», Львів, 1928, назв-во «Деко».)

Недооцененный при жизни современниками (практически не знавшими его лучшего произв. «Российский Жилбаз»), Н. уже в год смерти был по сути дела признан основателем рус. бытового романа. В отзывах В. Г. Белинского и И. А. Гончарова, назвавшего Н.-прозаика писателем «школы Фонвизина» и «предтечей Гоголя» (Гончаров, VIII, 474—475), закрепился взгляд на творчество Н. как на необходимое переходное звено между бытописат. просветительской традицией 18 в. и гоголевским периодом рус. прозы.

Др. прозв.: «К Аристону (Из Горация. Ода 22, кн. 1)» и «К другу моему» («Приятное и полезное...», 1798, ч. 18), «Римская ревность» и «Снежинка. Басня» («Иппокрена», 1799, ч. 1), «Розы» и «Дуб» (басни; там же, 1799, ч. 2), «Ольга на гробнице Игоровой. (По Татишеву летописцу)» — [прозаич. фрагмент; там же, 1800, ч. 6, с. 337—45, б. п.; с большой степенью вероятности атрибутируется Н. на основании текстовальной близости к пов. «Игорь» из 2-й ч. «Славенских вечеров» (см.: Резанов, с. 53)].

Изд.: Романы и повести, ч. 1—10, СПб., 1835—36 (реш.: Бач, 1836, т. 17); Избр. романы, [М.—Л.], 1933; Бурсак: Роман, Львів, 1928, ч. 1/2 и ч. 3/4; Гаркуша, український розбійник, Х., 1931; Российский Жилбаз... Роман в 6 ч., кн. 1—2, М., 1938 (ч. 4—6 по рукописи; под ред. и с комм. Н. Л. Степанова); Избр. соч., т. 1—2, М., 1956 (ступ. ст. И. Л. Степанова «Романы Н.»); Кровавая ночь, или Комеиче палеис дому Казмова. — В кн.: Стюарт, трагедия кон. XVIII — нач. XIX в., М.—Л., 1964; Соч., т. 1—2, М., 1983 (сост., предисл. и комм. Ю. В. Янина); Избранное, М., 1983 (сост. В. А. Грилянов, Ф. Калычюк); Бурсак... — Два Ивана... — Гаркуша... Романы, К., 1988 (предисл. П. В. Михеда).

Лит.: Вяземский, I, 203—05; Греч Н. И., Избр. места из рус. соч. и пер. в прозе, СПб., 1812, с. 447; Белинский (ук.); Галахов А., Ист. хрестоматия нового периода рус. словесности, т. 2, СПб., 1864, с. 535 (сведения сына писателя, В. Нарезного); Веселовский А. Н., Зап. внимание в новой рус. лит-ре, 5-е изд., М., 1916 (ук.); Белозерская Н. В., Т. Нарезный. Историко-лит. очерк, 2-е изд., ч. 1—2, СПб., 1896; Вейсбаум Е. Г., Н. и его драм. роман. — В его кн.: Кавк. этюды, в. 1, Тифлис, 1901; Энгельгардт Н. А., Гоголь и романы двадцатых годов. — ИВ, 1902, № 2; Данилов В. В., Земляк и преемник Гоголя. — КС, 1906, № 3—4; сго же. Мелочи лит. прошлого.

Тенер в рус. лит-ре. — РА, 1915, кн. 1: Бобров Е. А., «Черный год» Н. — «Варшавские университетские известия», 1908, № 5/6; Каллаш В. В. Т. Нарезный. — В кн.: Ист. рус. лит-ры XIX в., т. 1, М., 1908 (под ред. Д. Н. Овсянко-Курдюковского); Соколов Ю. В. Т. Нарезный. (Два очерка). — В кн.: Бессая, Сб. Общ. ист. лит-ры в Москве, [а] 1, М., 1915; Резанов В. И., Из рассказов о соч. В. А. Жуковского, в. 2, П., 1916; Введенский Д. Н., Н. и Осман. — В его кн.: Этюды о длинной османов поэзии в рус. лит-ре. Нежин, 1918; Свириин П., Первый рус. роман о Кавказе. — «Знамя», 1935, № 7; Степанов Н. Л., Нарезный. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 5, М.—Л., 1941; Перевезев В. Ф., У истоков рус. реального романа, [2-е изд.], М., 1965; Бузрин В. А., Последний роман Н. «Гаркуша, малороссийский разбойник». — «Уч. зап. Молотов. пед. ин-та», Молотов, 1946, в. 10; Елениский С. Ф., Поэтик образы «Слова о полку Игореве» в рус. лит-ре кон. XVIII — нач. XIX в. — В кн.: Слово о полку Игореве, М., 1947; Жуковский В. Э., Н. и пейзаж. — «Труды Азербайджанского ун-та», сер. филол., 1947, в. 2; Шадури В., Первый рус. роман о Кавказе, Тб., 1947; Солдатовский Е. Е., Роман Н. «Российский Жилбаз». (Из истории рус. критич. реализма). — «Уч. зап. Уральского пед. ин-та», Уральск, 1955, т. 2, в. 4; его же, Повесть Н. «Два Ивана». — «Уч. зап. Моск. обл. пед. ин-та. Тр. кафедр рус. лит-ры», 1956, т. 40, в. 2; Бочкарёв В. А., Рус. ист. драматургия нач. XIX в. (1800—1815), Куйбышев, 1959, с. 80—104; Лотман Ю. М., Пути развития рус. прозы 1800-х—1810-х гг. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1961, в. 104; [Назарова Л. Н., В. Т. Нарезный]. — В кн.: История рус. романа, т. 1, М.—Л., 1962, с. 85—99; Юсуфов Р. Ф., Роман Н. «Черный год, или Горские князья». — «Уч. зап. Ин-та истории, языка и лит-ры им. Г. Цацаки», сер. филол., Малаккала, 1968, т. 18; Комбай В. А., Н. в Грузии. — «Лит. Грузия», 1970, № 10; его же, Н. в рус. христианстве. — «Тр. Тбилисского ун-та», 1972, в. 5 — Гуманистические науки; его же, Первый рус. романтизм — «Геральдика», — В кн.: Лит. содружество народов СССР, [в.] 2, Тб., 1983; Данилевский Р. Ю., Шидлер и становление рус. романтизма. — В кн.: Развитие романтики, великая..., Л., 1972 (изд.); Лагутова В., Из наблюдений над поэтикой пов. Н. «Два Ивана, или Страсть у тыхбам». — В кн.: Проблемы поэтики. Самарканд, 1979; Михеев П. В., На путях к ист. роману. — В кн.: Жанровые формы в лит-ре и лит. критике, К., 1979; его же, Изображение личности Г. С. Сквороды в ром. Н. «Российский Жилбаз». — «Вопросы рус. лит-ры», Львов, 1979, в. 1 (33); его же, О природе и характере смысла в романах Н. — Там же, 1983, в. 2 (42); его же, Жанрово-стилевое своеобразие романа Н., К., 1981 (изд.); его же, Повествоват. структуры романа Н. «Российский Жилбаз». (Понятие жанра). — В кн.: Восприятие. Анализ. Интерпретация. (Мат-лы конференции), в. 2, Вильнюс, 1993; Левин Ю. Д., Осман в рус. лит-ре, Л., 1980 (изд.); Мани Ю. В., У истоков рус. романа. — В его кн.: Диалектика худож. образа, М., 1987; Пайков Н. Н., Н. и ранняя проза Некрасова. — В кн.: Межузов, сб. Костромского пед. ин-та, № 67 — Н. А. Некрасов и рус. лит-ра XIX — нач. XX в., Я., 1983; Грехин В. А., Проблематика и особенности поэтики «Славянских вечеров» Н. — ФН, 1986, № 1; Кирилук Э. В., Супрунчик О. К., Ром. Н. «Бурлак» в контексте лит. движения нач. XIX в. — «Вопросы рус. лит-ры», Львов, 1986, в. 1 (47); Гончаров С. А., Жанровая структура романа Н. «Российский Жилбаз». — В кн.: Лит. прозаислание и лит. процесс в аспекте ист. поэтики, Кемерово, 1988; Ларионова Е. О., К истории раннего рус. шпильеризма. — В кн.: Новые бездельки. Сб. ст. к 60-летию В. Э. Вацуро, М., 1995—96.

Крестова Л. В., Изображение Копилкилина в российской литературе. (Неизвестный драматич. уривок В. Нарезного «День злодейства и мщения»). — «Радянське літературознавство», 1957, № 19; Кузьмичко А. Ю., Про ранню творчість В. Нарезного. — «Радянське літературознавство», 1967, № 2; Михеев П. В., Нарезный и барокко. — «Радянське літературознавство», 1979, № 11; его же, Украинське літературне барокко і початки російського роману. (В. Нарезний, Ф. Гайка). — «Слов'янське літе-

ратурознавство і фольклористика», в. 14, К., 1984; Chopin J., Oeuvres de Basile Narezny. — «Revue Encyclopédique», P., 1829, t. 44, octobre; Lotman Ju. M., Neue Materialien über die Anfänge der Beschäftigung mit Schiller in der russischen Literatur. — «Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt-Universität Greifswald», Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, Jg. VIII, 1958/59, № 5/6; Strieder J., Der Schelmenroman in Russland, B., 1961, S. 181—211; Mazurck-Wita H., Powieści Wasylja Nareznego nałże prozy sauruczno-obyczajowej XVIII i poczasku XIX wieku, Wrocław — [i. i.], 1978. + Некролог: СП, 1825, 23 июня (новомесяц); РБС: Венгеров, Источ. (полный перечень рецензий); КЛЭ; ИРДТ: Рус. писатели, 1990; Муротова (I): Biographie Universelle (Michaud) Ancienne et Moderne, nouv. éd., t. 30, P.—Lpz., [185—].

Архивы: ИРЛИ, ф. 265 (ж. «Рус. старина»; копии чч. IV—VI «Российского Жилбаз»). в ч. IV — авторизован., биогр. сведения; ф. с. 1821; сведения о месте захоронения; ф. 58 (ВОЛРС), оп. 1, № 2, л. 163, 236, 321, 484; № 34, л. 73; № 3, л. 36, 73; РНБ, ф. Г XV, № 65 (беловый рукоп. «Гаркуша»); ГИМ, ф. 342 (кн. Барятинских), оп. 2, в. 1 (стрелана «Мертвый замок»); СПб ГТБ (сплюсок «Димитрий Самозванца», вероятно, авторизованный): РГВИА, ф. 489, оп. 1, т. 7059, 7061, 7063* (п. с. 1819 г.; указано, что Н. 38 лет) (справка Н. Свищовой); РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1820 г., л. 78 (ф. с. 1820 г.; указано, что Н. 38 лет) (справка С. И. Вареловой); ф. 772, оп. 1, т. 761 (неодобрение цензуры полного изд. «Жилбаз» в 1835).

Е. О. Ларионова

НАСИМОВИЧ Александр Фёдорович [25.12.1880(6.1.1881), Н. Новгород — 7.1.1947, Москва, урна с прахом в колумбарии на Новодевичьем кладб.], прозаик, поэт. Род. в семье скрипача-кантониста, мать работала прачкой. У Н. было еще три сестры и три брата, двое из них стали литераторами — Н. Ф. Насимович и Фёдор,

умерший в 1910 (журналист сиб. издания). Детство Н. прошло в нужде, отец умер, когда Н. было пять лет. Первое дет. впечатление — звуки скрипки в круту «нарядных девиц» (под конец жизни отец играл в домах терпимости); этими воспоминаниями, возможно, навеяно стих. «Скрипач» из сб. «Силуэты» (1909): «Душно. Пахнет водкой./ Пьян сидит скрипач./ За перегородкой горький детский плач». Неск. лет жил с семьей в Костроме. В детстве увлекался лубочной лит-рой, театриализованными представлениями для простонаро-

дья. После окончания гор. высшего нач. уч-ща в 1894 был отдан мальчи-ком-рабочим в ж.-д. скобяную лавку в Иваново-Вознесенске, где прослужил шесть лет. В эти годы читал статьи Н. В. Шелгунова, В. Г. Беллинского, А. М. Скабичевского, романы Ф. М. Достоевского. По собств. признанию, «дал себе обещание быть писателем» (автобиогр. 1928 — РГБ, ф. 416, к. 8, № 8). Тогда же начал писать басни и стихи. Игруше послал в Кострому старшему брату, нек-рые из них напечатаны, вероятно анонимно, в газ. «Сев. край», а корреспонденции тех лет — в «Костром. листке» (сведения об этом в автобиогр. Н.).

В 1900 Н. вернулся в Кострому, самостоятельно подготовился к экзамену и поступил в Моск. учительский ин-т, к-рый окончил в 1903; был оставлен в Москве старшим учителем нач. школы, составил учебник для нар. школы «Живой родник». В 1905 был членом забастовочного к-та учительской корпорации.

В 1905 напечатал первый рассказ — «Поспелов» (ж. «Правда», № 2) о сел. учителе, одиноком, смирившемся с одинообразием и пустотой жизни, но с надеждой слушающем «бодрые» разговоры молодежи. Первая книга Н. — «Силуэты. Сб. стихотворений за 1907—8 гг.» (М., 1909) — эклектична по стилю, избытует поэтич. штампами, сочетание к-рых при общей глубокомысленности тона и увлечении автора звукоподражаниями создает невольный комический эффект (характерны фразы — «близок творческий восторг», «случай прыгает и скачет», «люта ты, жизнь, люта», «твой объять/ Ко мне простри»). Встречаются у Н. и небанальные образы, пейзажные картинки; удачнее всего стихи в разделе «Погудки», созданные на фольклорной и мифологич. основе. В дальнейшем писал стихи в осн. для детей, печатался в детских периодич. изданиях — «Тропинка», «Родник», «Солнышко», «Семья и школа». В произв. для детей оказались уместны свойственные Н. наивная детскость видения внешнего мира, юмор, близкий народному, пристрастие к прибауткам, скороговоркам, бытовым сказкам, речитативность и ненавязчивая назидательность. Эти качества отличают поздние сб-ки «Заплетися, плетень! Сказки» (М.—П., 1923), «Одуванчик. Стихи для детей» (М.—Л., 1928) и др.

В 1910 В. Г. Короленко, характеризуя посланные ему Н. рассказы, отмечал в ответном письме, что они «написаны совершенно литературно», в них есть «черта, возбуждающая интерес», однако очерк «Черствые именины» к публикации в «Рус. богатстве» не был принят (РГАЛИ, ф. 2187, оп. 1, № 86), и только в 1912

в этом ж-ле были опублик. рассказы Н. — «Меланхолик» (№ 4) и «За кулисами» (№ 9). При содействии брата Николая печатался также в сибирских газетах «Восточная зоря» («Шейтаны. (Мусульманское поверье)» — 1910, 21 нояб.), «Голос Сибири» (реп. на постановки МХТ — 1911, 3 февр., 20 марта); «Иркутское слово» (1912; театр. реп. — № 6; рассказы «Город», «Собачья хитрость» — № 1, 11; ст. «Тургенев-драматург» — № 14; прозаич. фрагмент «Вечное в новом» — № 21). Произв. Н. появлялись и в столичных ж-лах — «Рус. записки» (рассказ «Грех» — 1915, № 2), «Рус. мысль» (рассказ «Под уклоном» — 1916, № 4), в «Вест. Европы», «Жизнь для всех». В 1915 в изд-ве Сытина вышел сб-к Н. «Вечерний путь» (М.), состоящий из трех рассказов, опублик. ранее в периодике. Грустные истории о нужде, людских горестях, тяжелых трудах и о целительной силе доброты, пробуждающей совесть и чувство сострадания даже в самых ожесточившихся и одиноких сердцах.

В 1915 Н. был мобилизован в армию, во время событий 1917 стал пред. полкового комитета. После Октября принимал активное участие в работе ряда лит. организаций — «Лит. звено», «Лит. особняк», «Союз поэтов», «Никитинские субботники», «Новая кузница» и др. Издал неск. сб-ков рассказов — «Бурелом» (М., 1923), «Топор» (М., 1927), «Грех» и «Около смерти» (оба — М., 1928). Большинство произв. этих лет посвящены ист.-рев. теме, наиб. значительное из них — документальный ром. «Талка» (М., 1930) о рев. событиях 1905 в Иваново-Вознесенске, где одним из героев является А. Е. Ноздрин, а его стихи служат эпиграфами к нек-рым главам романа. В 1920-е гг. много пишет о детях и для детей — пьесы для школьного театра, кн. «Конь-огонь» (М., 1922), «Первопутюк» (М., 1925), «Приключения маленького Пети» (М.—Л., 1928), «Вулканусова сила» (М.—Л., 1930) и др.

Лит.: + Владиславцев: ЛЭ; КЛЭ; Никитин: а Е. Ф., Рус. лит-ра от символизма до вальсы дней, М., 1926; Сов. детское писател. Библиогр. словарь. (1917—1957), М., 1961; Писатели совр. эпохи (2).

Архивы: РГАЛИ, ф. 2187; ИРЛИ, № 20013 (письма в редакцию «Рус. мысли» и Л. Я. Гуревич); РНБ, ф. 103, № 105 (автобиограф. Н. от 1 окт. 1928); РГБ, ф. 416, карт. 8, № 8 (автобиограф. от 26 янв. 1928).

Н. А. Грамова.

НАСИМОВИЧ Николай Фёдорович [псевд. Чужак; 20.7(1.8).1879, Н. Новгород — 3.9.1937, Ленинград], критик, публицист, журналист. Брат А. Ф. Насимовича. Юные годы Н. провел в Костроме, к-рую вспоминал как «паршивый городишко», где самыми светлыми личностями были «становой, аптекарь и ветеринарный врач» («Иркут. слово», 1912, № 12).

После окончания реального уч-ща в Н. Новгороде с 1897 учительствовал в течение 6 лет в земской школе Ветлуж. у. С 1896 приобщился к рев. деятельности и уже в 1900—01 занимал ведущее положение в нелег. костромской социал-демократич. орг-ции «Рабочий союз», неоднократно привлекался к дознанию и вскоре был опрелетен под особый надзор полиции (см.: ГАРФ, ДП ОО, 1902, 1761) как сторонник террора «по своим убеждениям» (ГАРФ, ДП ОО, 1905, 6 ч. 128). В эти годы Н. публиковал корреспонденции в «Костром. листке» (он входил в круг интеллигентов, близких к редакции газеты), газ. «Сев. край», «Нижегород. листок».

«За распространение нелегальной литературы и сбор средств на устроительство нелегальной кассы» (см.: ГАРФ, ДП ОО, 1916, 5—27—Б) в 1903 Н. был арестован и выслан на три года в Архангельскую губ. под гласный надзор полиции. В марте 1904 призван на воен. службу, однако отказался принести присягу, мотивируя это тем, что считает царя «злейшим врагом русского народа», а «самую службу ему — позором» (ГАРФ, ДП ОО, 1905, 6 ч. 128).

Об этом эпизоде писали в газ. «Казарма» (1906, 3 окт.), а впоследствии Н. подробно рассказал о нем в брошюре «Как и почему я отказался служить царю» (М., 1928). Сам автор в рукописи 1933 «Шесть месяцев жизни, или Как падает воля» (РГАЛИ, ф. 340, оп. 1, № 24) критиковал свои восп. за излишний психологизм, но объяснял его тем, что находился во время написания брошюры под влиянием худож. приемов Л. Н. Толстого.

Н. все же пришлось стать солдатом Архангелогород. резервного пехотного батальона, т. к. от солдата для прохождения службы не требовалось присяги. Вскоре он оттуда бежал по подложному паспорту и добрался до герм. границы, но был задержан. Позже бежал еще дважды, последний раз — с гауптвахты и под

видом торговца рыбой добрался морем до норв. границы. С кон. 1904 находился в Женеве, материально крайне бедствовал (ГАРФ, ДП 1905, 6 ч. 128, л. 16, письмо к матери); сблизился с большевиками, сотрудничал в газ. «Вперед» и «Пролетарий» — в последней в 1905 заведовал воен. отделом, вел рубрику «Что делается в войсках», публиковал корреспонденции, заметки и обзоры газет (1905, 9 и 22 авг., 14 сент., 10 окт.). О женевском периоде отзывался как о «бурных годах партизанства» («Ссылка и областничество», — В кн.: «Сибирская ссылка», сб. 1, М., 1927, с. 59).

В дек. 1905 нелегально переехал в Петербург. Во время Революции 1905—07 выступал как публицист в социал-демократич. прессе («Вестник жизни», «Новый луч», «Эхо»), стал членом парт. изд-ва «Вперед», вошел в редколлегия «Вестника жизни», редактировал газ. «Казарма», в ж-ле «Наша мысль» (членом редколлегии к-рого был) печатал очерки «Из провинциальной жизни» и «Из жизни страны» (1906, № 1—2, 3—4). Лит.-критич. заметки помещал редко: в газ. «Волна» (1906, 26 апр.) отзывался о рассказе А. П. Библика «Весенней чарующей ночью» как произведении «меньшевистской ориентации»; в «Образовании» (1906, № 8) поместил рецензию на «Систематический каталог книг».

В дек. 1906 после участия в Первой конференции военных и боевых организаций РСДРП в Таммерфорсе Н. арестовывают (под именем Вас. Гр. Гудина) и помещают в петерб. тюрьму «Кресты» на 2 года. Осенью 1908 суд приговорил его к пяти годам каторги, к-рая была заменена ссылкой в Иркутскую губ. С 1909 проживал в с. Братском, нелегально навещаясь в Иркутск, к-рый впоследствии назвал «душным городом» («Голос Сибири», 1911, 30 янв.), Усолье и др. Позже, в 1911, Н. получил разрешение проживать в пос. Иннокентьевском Иркутской губ.; средства к существованию зарабатывал уроками, служил корректором в иркутской типографии (на деле являясь ее управляющим). Продолжал рев. деятельность, организовал в Иркутске «Группу объединенных социалистов», занявшую в годы 1-й мировой войны пораженч. позицию; общался с И. Г. Церетели, С. Л. Вайнштейном-Звездиным, Н. А. Рожковым, вместе с к-рым планировал выпуск разл. социал-демократич. изданий, в т. ч. газ. «Наш день», в к-рой печатались бы только рабочие (см.: ГАРФ, ДП ОО, 1916, 5 ч. 27 л. Б). Его постоянно подвергали обыскам — как правило, безрезультатным.

С самого начала пребывания в Сибири Н. предпринимал попытки к

сознанию местной партийной печати (тогда же он стал исползовать многозначит. псевд. Чужак, объяснение к-рому дает в ст. «О моменте и настроениях. „Ни павы ни вороны“» («Иркут. слово», 1912, № 2). В эти же годы он начинает «специализироваться на эстетике и художественной критике» (РГАЛИ, ф. 2187, оп. 1, № 92, с. 1, письмо брату А. Ф. Насимовичу от 23 марта 1910), постоянно публикуя заметки о лит. событиях и театр. постановках в «Сиб. новин», «Сиб. заре», «Сиб. мысли», «Вост. Сибири», в состав редакции к-рой входит в 1910; сотрудничает в ж-лах «Сиб. архив», «Сиб. летопись», «Сиб. записки», «Забайкальское обозрение» и др. В «Молодой Сибири» и «Новой Сибири», к-рые он редактирует, печатает фельетоны и публицистич. обозрения. Старается привлечь на страницы сиб. прессы «лучшие силы рус. беллетристики» (см. письмо В. В. Муйжелью от 13 янв. 1911 — ИРЛИ, ф. 123, оп. 2, № 349). Участвует вместе с В. Н. Соколовым и Рожковым в редактировании газ. «Иркут. слово», о позиции к-рой (и о деятельности Н., в частности) резко отозвался В. И. Ленин (ПСС, 5-е изд., т. 48, с. 48). В «Вост. Сибири» в 1915 анализирует содержание петерб. ж-лов «Отчество» («Опыт критики без слов» — 22 апр.), «Рус. мысль» (28 марта), «Совр. мир» (15 апр.) и др., в к-рых в свою очередь публикует рецензии на книгу А. К. Закржевского «Карамазовщина» (РМ, 1912, № 7), сб. стихов совр. поэтов «Думы и песни», составленный А. Н. Чеботаревской (РМ, 1912, № 3), сб. рассказов И. Г. Гольдберга «Тунгусские рассказы» («Завесь», 1914, № 7). Одновременно печатается в «Звезде» и «Правде».

Отличавшийся скромностью и неприязнательностью в быту, Н. обладал тяжелым, неуживчивым характером. Его заносчивость, несамокритичность, потребность в лести неоднократно становились предметом разбора на страницах сиб. прессы (см.: «Голубушка-тетенька. Маленький фельетон. Письмо к племяннику» — «Иркут. слово», 1912, № 3; б. п.).

В 1911 ему предложили оставить работу в газ. «Голос Сибири», т. к. он «уничил культурную расправу над бывшим редактором-интересом газеты, к-рый что-то изменил в его материале» (Н. было разрешено не давать редактору читать свои рукописи перед публикацией) (см.: Тадала ст. В. О. поминании и других предметах. — «Голос Сибири», 1911, 24 марта). Нерадко Н. вступал в конфликты и во исцнейшем соображении. Многие его выступления воспринимались как сенсации и давали повод для осуждения и споров. Как он выразился в письме к Ф. Сологубу от 25 нояб. 1916, его «совсем задрожали» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 743) после объявления этого писателя выразителем рус. души и жегоно рус. нац. самосознания (см.: «На лекции Ф. Сологуба» — «Багульник», 1916, № 3). За беллетрист. ст. о Л. Н. Толстом «Великое лицемерие» («Вост. зоря», 1910, 19 сент.) Н. пришлось после смерти писателя извиниться в печати (там же,

1910, 14 нояб.). Но он и сам не оставил без внимания прам, парииши среди журналистов, и резко высказывался о них («Правда о депутатах. (О „Новом времени“)» — там же, 1909, 28 июля).

Неоднократно выступал Н. по вопросу о роли интеллигенции в обществе. жизни России (см.: «Открытое письмо А. С. Изгоеву» — там же, 1910, 10 июня; а также отзыв на книгу последнего «Русское общество и революция» (1910) — «Вост. зоря», 1910, 27 июня). Большой резонанс в сиб. прессе получила его статья «О сибирской и ино-сибирской интеллигенции» («Сиб. новь», 1913, 19 мая), в к-рой он выступил против идеи «обшесибирской демократии», утверждая, что она используется для отвлечения рабочих от классовой борьбы. В этом, считал он, и состоит сущность разногласий между «чужаками» (ссылными из метрополии) и местной интеллигенцией, отстаивающей общечеловеч. солидарность.

Однако осн. интересы Н. были связаны с лит.-рой. В 1910 он признавался в письме к брату Александру, что хочет написать книгу под назв. «Элементы творчества в современной литературе», одна из глав к-рой должна быть повс. «реабилитации» модернизма «как школы» (РГАЛИ, ф. 2187, оп. 1, № 92, л. 1). Именно в лит.-критич. статьях 1910-х гг. отрабатывалась и обростала аргументацией его концепция «искусства-жизнестроения»; в законч. виде она предстала в нач. 1920-х гг., в «лефовский» период деятельности Н., когда он пришел к убеждению, что футуризм является наиболее ценным, перспективным и рев. течением рус. лит-ры. Выдвигая на первый план «преображающий» (а не воспроизводящий, отражательный) характер творчества, Н. утверждал, что искусство имеет «собственные формальные законы», не связанные впрямую с социальной действительностью («В литературном тупике. По поводу „Сашки Жегулева“» — «Иркут. слово», 1912, № 5). Об этом он писал в статьях «Что же такое искусство?» («Вост. зоря», 1909, 24 июня) и «Искусство — зеркало ли жизни?» (там же, 1910, 13 июня). По мнению Н., помочь уловить и осознать эти законы призван всеобщий закон диалектики — краеугольный камень марксист. эстетики; использование этого закона в лит. критике должно раскрывать формально-содержат. единство творца, постижения жизни — способность писателя «пропустить ... каждый момент ее ... сквозь призму ясно осознанного будущего» («Без творчества» — там же, 1909, 18 июня), т. е. рассмотреть в перспективе развития. При этом «ясное осознание будущего» не ставилось Н. в непосредств. зависимость от про-

лет. мировоззрения, как это делалось др. критиками-марксистами.

Постижение новой жизни оказывалось доступным в первую очередь художникам-«ультрареалистам», т. е. тем, кто предпочитает импульсы «горячего сердца» рациональному уместованию, чье творчество, как напр., у Ф. М. Решетникова или В. Стефанника, носит «страстный, как натянутая тетива, как вызов, как пощечина кому-то, характер» («Литературный дневник» — там же, 1910, 7 нояб.). «Ультрареализм», или «идеалистический реализм», — это переплавка реалий окружающего мира в субъективном сознании писателя, произведенная не рассудочно, как это делали П. Д. Боборыкин и его последователи (результатом такой операции является «головной реализм»), и не восторженно-приукрашивающе, как это делает М. Горький, создающий «подслащенные романтизмом» произведения, а эмоционально. Но Н. не отвергал и романтич. направленности творчества, считая, напр., что «идеалистический романтизм» Сологуба как метод наиболее органичен в периоды обществ. реакции (см.: «От Передонова к творимой легенде» — в кн.: О Ф. Сологубе. Критика. Ст. и заметки. СПб., 1911). Вступив в спор с Г. В. Плехановым и Д. Л. Тальниковым по вопросу о худож. достоинствах поэзии Н. А. Некрасова («Эстетизм и эстетика» — «Багульник», 1916, № 3) и упрекая их в «формальном подходе», он отстаивал мысль, что «суровость» и «неуклюжесть» некрасовского стиха, о к-рых писали эти критики, были идеальным выражением жизненного содержания «выстраданных, новых, лишь Некрасовым внесенных в рус. поэзию образов» (с. 7). За два года до этого Н. опубли. в ж-ле Сологуба «Дневники писателей» (1914, № 3/4) ст. о Некрасове «Так ли это? К эстетике Н. А. Некрасова». Сологуб поэтико-милос с Н. в Иркутске 16 окт. 1916, а 20 окт. писал жене: «Познакомился с Чужаком. Молодой человек довольно жизнерадостного вида, по манерам нечто вроде смеси Минского и Луначарского ... Принят в „Летопись“, но в Горьком разочарован: посылал ему критическую статью о Горьком без похвал и не получил даже ответа» (ИРЛИ, ф. 289, оп. 5, № 266).

Н. работал над созданием методологии марксист. критики, в связи с чем подвергал тщательному разбору почти все работы, создаваемые критиками этого направления. Его статья «Критика „бури и натиска“» («Вост. зоря», 1910, 6 июня), «К методу лит.-художественной критики» («Голос Сибири», 1911, 13 февр.), отзывы о В. Л. Львове-Рогачевском и Л. Камеяеве («Вост. зоря», 1910, 25 июля), оценкой деятельно-

сти Г. А. Алексинского (там же, 1910, 7 нояб.) и Ю. М. Стеклова («Иркут. слово», 1912, № 4), характерной М. С. Ольминского («Сиб. мысль», 1911, 14 июня), работами, посв. Е. А. Соловьёву («Вост. заря», 1910, 3 окт.), П. М. Пидыскому, А. М. Скабичевскому, К. И. Чуковскому (там же, 1910, 28, 30 сент.) и др., воссоздана панорама развития не только марксист. критик. мысли этого времени, но и всей критики в целом. Н. оказался очень строгим судьей: практически ни у одного из критиков-марксистов он не обнаружил ничего «марксистского». Исключение он сделал только для А. В. Луначарского («Среди вопросов искусства. Луначарский и Лессинг...» — там же, 1910, 5 сент.). Однако собственные эстетич. «корни» Н. видел не в марксизме, а у Вл. С. Соловьёва и Ж. М. Гюйо, о чем писал в кн. «К эстетике марксизма» (Иркутск, 1916).

Необычным для критиков-марксистов был и интерес Н. к воплощению наш. специфики в иск-ве. Обращаясь к творчеству художников Сибири, анализируя наследие И. В. Оммулевского, поэзию П. Л. Драверта, Г. А. Вяткина, И. И. Тачалова, он пробовал выявить характерные особенности мирозерцания сиб. населения, выливающиеся в творчестве поэтов в «примитивизм» ошущений и «контурность» восприятия («Сибирские поэты и их творчество», Иркутск, [б.г.], с. 24), но в то же время стремился вписать их деятельность в мировую культуру. Интерес к культуре др. народов пронизывает и его ст. «Война и искусство» («Сиб. студент», 1914, № 3/4), в к-рой он выступил против великорус. шовинизма.

В 1917 Н. становится редактором ж. «Рабочая Сибирь» и газ. «Летучий листок „Рабочей Сибири“». В 1917—18 он — комиссар печати и типографий в Иркутском к-те РСДРП(б), редактирует газету «Власть труда», является сотрудником и соредактором газ. «Социал-демократ». При приближении армии А. В. Колчака к Иркутску уходит в подполье. 1918 застает его в Благовещенске. Перезахвачен в 1919 во Владивосток. Н. редактирует газ. «Красное знамя», а поселившись затем в Чите. — «Дальневост. путь» и «Дальневост. телеграф», заведует отделом печати Дальбюро. В нач. 1920-х гг. он возглавлял дальневост. группу футуристов «Творчество» (в нее входили С. М. Третьяков, С. Я. Альмов, П. В. Незнамов, Н. Н. Асеев и др.), выпускавшую одном. ж-л, редактором к-рого был Н. В эти годы он пишет статьи о пролет. культуре, пытается ответить на вопрос, какое иск-во нужно пролетариату. В 1921 публикуется в «Сиб. огнях».

В 1922 Н. переехал в Москву, где вошел в редколлегию «Лефа», представляя его т. н. «производственное крыло». В № 1 ж-ла за 1923 опубли. его ст. «Под знаком жизнестроения. (Опыт осознания искусства дня)» (перизд. в кн.: Из истории сов. эстетич. мысли 1917—1932. Сб. мат-лов, М., 1980, вступ. заметка Н. В. Гельфанда). Именно в это время происходит изменение его лит.-критич. позиции: он начинает отрицать лирику, психологич. прозу, приравнивает произведение иск-ва к продукту труда, к-рый должен иметь ценность, определяемую спросом. Однако вскоре Н. разорвал с этим ж-лом, хотя его кн. «Через головы критиков» (Чита, 1922) левовцами была названа «единственной ценнейшей работой русского марксизма и коммунизма» («Леф», 1923, № 3, с. 176). В 1923 его статьи появляются в «Правде», «Известиях ВЦИК». В 1920—30-е гг. он редактировал многочисл. сб-ки, в частности Всерос. об-ва политкаторжан, сб. «Литература факта» (М., 1929); входил в состав редколлегии ж-ла «Каторга и ссылка». В нач. 1920-х гг. Н. был политредактором рус. отдела Главлита (осиска его деятельности на этом посту дана в ст. И. Белобровцевой «Бунтарь и цензор» — «Грани», 1992, № 165), состоял в ред. ж-ла «Жизнь искусства». С 1931 поселился в Ленинграде, начал писать воспоминания. С 1933 получал персональную пенсию, назначенную Советом Об-ва старых большевиков. Умер от кардиосклероза.

Др. произв.: «К диалектике искусства» (Чита, 1921), «Сиб. мотив в поэзии» (Чита, 1922), «Литература. К худож. политике РКП(б)» (М., 1924), «Фетишизм культуры» (М., 1925), «Правда о Пугачеве» (М., 1926), «В царской казарме» (М., 1929), «Сев. Кавказ» (Ессентуки, 1930), «Культурход теперь и на каторге» (М., 1930), «Неравнодушные строчки» (Чита, 1921; 2-е изд., М., 1931).

Лит.: Ильинский М. В. Архангельская ссылка. 2-е изд., СПб., 1908; Соколов В. Н. Парт. бюлет. № 0046340. Записки старого большевика, ч. 3, М., 1935; Татуйко А. К истории становления сов. лит-ры на Д. Востоке. 1920—1929 гг. — «Д. Восток», 1962, № 1; Каган М. С. Лекции по марксизму-ленин. эстетике, ч. 3, [Л.], 1966 (ук.); Лит. Сибирь. Писатели Вост. Сибири. [Иркутск], 1971; Трушкин В. Пути и судьбы. Лит. жизнь Сибири 1900—1917 гг., [Иркутск], 1972 (ук.); Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982 (ук.); Черемин Г. С.; В. В. Маяковский и лит. критике, 1917—1925, Л., 1983 (ук.); Горюшина Л. М., Нозарин Г. А., Сагайзачий А. Н. Крест-движение в Сибири 1907—1914 гг. Хроника и историография, Новосибир., 1986 (ук.); Юсупова М. С. Сиб. период творчества Н. Ф. Чузака (Насимовича). — В кн.: Развитие лит.-критич. мысли в Сибири, Новосибир., 1986; Политич. смысл и реал. движение в России, Новосибир., 1988 (ук.); История рус. лит. критики Сибири. Проспект, Новосибир., 1989; Бедарев Ю. А., Малознавшие страдания жизни и деятельности Н. Ф. Насимовича-Чузака. Сиб. период. — В

кн.: IV Алексеевские чтения. Иркутск, 1987; Михайлова М. В., Н. Чузака о типах творчества и эволюции худож. форм в рус. литературе. — В кн.: Узаемаодносие сфралскии литератур: Проблема творчых методау XIX—XX ст. Грана, 1994, с. 91—96. + КЛЭ: Муратов (2. ук.); Масанов (не учт. псевд. Иностранца. Н. Федорович).

Архивы: ИГАЛИ, ф. 340; ГАРФ, ф. 339; РГБ, ф. 1156. М. В. Михайлова.

НАУМОВ Николай Иванович [16(28).5.1838, Тобольск — в ночь с 8(21) на 9(22).12.1901, Томск; похоронен на кладб. жен. мон.], прозаик. Отец — судебный чиновник, часто менял место службы. У Н. с детства сохранились тяжелые влечения о наказаниях солдат и их детей-кантонистов в Омской крепости. В 7 лет

остался без матери. «рос одноким заброшенным ребенком», что, по признанию Н., «имело влияние на всю... жизнь. Я боюсь людей и дичусь их» (ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 2535, л. 2 об.). В 1850 поступил в «плебейскую» Томскую г-зию, в к-рой гимназисты (преим. дети из бедных сословий) не слышали ни «человеч. слова, ни толкового объяснения» (письмо Н. — Григ. Н. Потанину 21 авг. 1894, Архив... ун-та, ф. Н., № 10693). По отзывам однокашников, Н. «в особенности отличался своим красноречием и остроумием...» (Поникаровский Д. А., Восп. о Н. М. Ядрищеве. — «Сиб. сб.», в. 2, Иркутск, 1896, с. 190). Среди педагогов, однако, он стал учеником «ленивым, малоспособным, злокозненным на всякие выдумки и шалости» (ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 2535, л. 5 об.). Столкновение с инспектором, бедств. положение вынудили Н. покинуть г-зию в 4-м классе.

В июне 1857 поступил юнкером в Омский пех. батальон, через год по ходатайству родных переведен в Томский батальон. Однако (находясь под влиянием офицера А. А. Зерянинова) больше интересовался обществ. событиями и лит-рой (читал В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского. Н. А. Добролюбова, М. Е. Салтыкова-Щедрина), посещал жур-

фиксы питомцев местной г-зии Ядринцева (с ним Н. связывал «лучшие годы» жизни, свою «свежесть и молодость» — см. у него письмо Потанину) и Поникаровского, что способствовало самообразованию Н., рождению первых лит. опытов, в к-рых «ядовитый» Н. «подражал то Брамбеусу, то Гоголю» (Ядринцев, с. 18). Рассказ «Случай из солдатской жизни», впервые прочитанный в кругу друзей, стал его дебютом в печати («Воен. сб.», 1859, № 7).

В 1860 Н. — волнослушатель ист.-филол. ф-та Петерб. ун-та; вошел (вместе с земляками Ядринцевым, Потаниным и др.) в научно-просветит. кружок (служение Сибири, анализ ее «полит. быта», создание Сиб. ун-та и т. п.). В окт. 1861 арестован за участие в студенч. волнениях, заключен в Петропавлов. крепость, затем переведен в Кронштадт, 6 дек. 1861 освобожден и исключен из ун-та. Активно сотрудничал в просветит. изд. «Светоч», «Нар. беседа», где печатал рассказы из цикла «Мирные сцены военного быта» («Ротный праздник», «Гулянье», «Кумушки-солдатки», «Письмо» и др.). После знакомства с Г. З. Елисеевым («он первый толкнул меня в 1862 году на лит. путь» — Н. в письме 1891 С. Н. Кривенко, цит. по: Попов И. Г., Жизнь и творчество Н., Л., 1967, с. 7) печатался в демокр. изданиях, в т. ч. в «Искре» («Горе обличитель», 1862, № 40; «Из писем моего приятеля», 1863, № 10; «Доброе дело», 1863, № 26), «Современник» («У перевоза», 1863, № 11), «Очерках» («Последнее прощанье», 1863, 18 марта), оставаясь при этом на перепутье лит.-обществ. интересов, под влиянием то радикальных, то умеренных идей.

В 1862 сблизился с будущими «карактозем»-этнографом И. А. Худяковым и его «колумбугой», был арестован по подозрению в связи с «Землей и войной» (см.: Потанин Г. Н., Юные годы Н. — «Сиб. жизнь», 1903, 6 дек.; Худяков И. А., Записки карактозема, М.—Л., 1930, с. 74—76); отпущен через 2 мес. В 1863 секр. ред. «Воен. сб.». В 1864 возвратился в Сибирь, слушая (по протекции С. В. Максимова) участковым заседателем Березовского, затем Тобольского земского суда, с 1866 — в Омске, в контрольной палате, с 1868 — в Кузнецком округе чиновником по крест. делам. На службу смотрел как на возможность «принести народу осязаемую пользу, изучить его нужды, записать его интересы...» (рассказ «Зажора», СПб., 1906, с. 28). В 1868 привлечен к дознанию по делу Об-ва независимости Сибири. За искренним серьезным упором в 1868 освобожден от суда.

Переезд в Петербург (1869) обозначил самый плодотворный период в жизни Н. Не пренебрегая служебной карьерой (1875 — типт. сов., 1878 — коллеж. ас.), сблизился с ред. «Дела» Г. Е. Благовестлова, где напечатал большинство рассказов и «очерков крест. жгтя», «Деревенский торгаш» (1871, № 4) и «Юровая» (1872, № 7, 11) — тип торговца-грабителя, «Крестьянские выборы» (1873, № 4—7) и «Мирской

учет» (ОЗ, 1873, № 6) — крестьянский сход, его сила и бессилие. «Еж» (ОЗ, 1873, № 7) — противостояние крестьянина-пролетария и привокской управы. Пронзв. Н., повс. проблемам сиб. деревни, осн. на богатстве личных, б. ч. служебных впечатлений, глубокою знанием практич. жизни, сразу же нашл отклик среди именитых «сибиряков». Ядринцев считал, что «Юровая» «припомажена, вычесана... либеральна...» (Ядринцев В. М., Письма к Г. Н. Потанину, в. 1, Красноярск, 1918, с. 87). Потанин, признавая «однообразие» нек-рых сцен, персонажей, выделял тип перекупщика. «маклака»: «Это тип национальный, это местная язва, и ряд таких очерков — клад для рецензента, обобщителя» (Потанин, т. 1, с. 81—82). Все рассказы (в повествование включаются этногр. описания, примечания ист. характера, цифровые данные) объединяются темой «мужичьей совести», с ней связаны назидат. концовки, навеянные иногда статьями Добролюбова или поэзий Н. А. Некрасова. В 1874 они составили самый изв. сб. Н. — «Смда солему домит» (СПб., отзыв: (Потанин) — «Сибирь», 1876, № 51, 52), изданный «чайковцами» и широко использованный в народнич. пропаганде (см.: Пищулин Ю., Книга, ходившая в народ, М., 1967; сб. Рев. народничество 70-х гг. XIX в., т. 1, М., 1964, с. 188, 303, 434, т. 2, М.—Л., 1965, с. 358). С ним были знакомы и сатирич. кружки России (см.: Ядринцев Н. М., Светлые минуты — «Вост. обозр.», 1888, 24 июня; его же, К моей автобиографии. — РМ, 1904, № 6, с. 168); сборник запрещен (1877) в ходе процесса «193-х».

После шумного успеха в творчестве Н. наступила пауза, вызванная (в значит. степени) семейными заботами (в 1874 он женился на Т. Х. Поповой, дочери изв. сиб. золоторышечника, в 1879 в семье было трое детей), необходимостью заработка. «...Может ли быть узачной беллетристич. работа, когда... поинутно должен измысливать, где бы захит... на обед, на покупку свечей и т. п.», — оправдывался Н. в письме Благовестлову (Наумов И. И., Собр. соч., т. 1, 1939, с. 354). В это время он еще надевался на старый конек «беллетрич. и страдания» народа, каждый раз назначая новым близким сроки («Скабиичевский А. М., И. И. Наумов. — «Новое слово», 1897, № 5, с. 139). Пытался создать артель для издания «Дешевой библиотеки» — «органа молодых писателей с радикальным оттенком» (Г. Н. Потанин — А. С. Гашинскому 6 янв. 1876. — Потанин, т. 3, с. 26); по-прежнему «удукался» рец. извлиян (свидетельствовала в 1878 племянница Н. — А. Д. Соловникова — см.: Попов И. И. и революционеры 60 — 70-х гг. XIX в. — «Сиб. огни», 1966, № 8, с. 167). «Видел близкие знакомства со студентами-пропаганстами» (там же).

В мае 1880 Ядринцев сообщил Поникаровскому: Н. «теперь в союзе с беллетристами, изучающими нар. быт, Глебом Успенским, Златовратским, Гарлиным и др.; создают новый журнальчик „Рус. богатство“» (см. в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 5. Но-

восиб., 1980, с. 249). Н. С. Русанову на встрече артельщиков «Рус. богатства» с И. С. Турганевым в февр. 1880 Н. запомнился «худощавым, с жидкой бородкой, с маленькими бесцветными; но зоркими глазами инородца», «порою проникавшим как никто в тайники кулашковой души или в мирские чувства крестьянина-ходока» (Русанов Н., Из лит. восп. — «Былое», 1906, № 12, с. 41—42). Вместе с С. Н. Кривенко Н. пытался возобновить запрет. в 1881 ж. «Слово» (РНБ, ф. 1029, № 83). В новых сб-ках рассказов — «В тихом омуте» (СПб., 1881; доброжелат. рец.: М. М. Стасюлевич — ВЕ, 1881, № 8, с. 385—87; «Голос», 1881, 19 мая) и «В забытом краю. Рассказы из быта сибирских крестьян» (СПб., 1882; рец.: Е. Н. (Красова) — РМ, 1882, № 11) — Н. продолжает, по его словам, «невинные экскурсии в область крест. жизни». Примикая к народнич. крылу рус. лит-ры, он вместе с тем не разделял мн. народнич. взгляды и сумел избежать идеализации крест. «мира»: «Ишу везде обшину, обшинные инстинкты, так звучно воспевают Златовратским и. о горе... не нахожу. Нахожу только одно, что все ташат друг у друга» (письмо А. М. Скабиичевскому от 4 сент. 1884 — цит. по кн.: «Очерки рус. лит-ры в Сибири», т. 1, с. 393). Деньги как символ нужды, как соблазн («покошь ты при деньгах, ну и князь, а без денег все та же грязь!») — один из гл. мотивов сб. «В тихом омуте», рассказы к-рого исполнены сострадания («к униженному и оскорбленному брату, гибнущему в паутине, крепко держащейся на неуражиче дощором. строя Сибири» (РМ, 1889, № 1, с. 2—3). В то же время в прозв. Н. выделяются «типы страстных энергичных людей, смело протестующих среди всеобщего беззволния и апатии против зол, разлагающих нар. жгзнь» («Зажора»), хотя их одиночный протест, как правило, бессилен перед лицом зла. Основу коллизии в рассказах Н., цель к-рого — показать задавленную нуждой деревню, бесправный люд, бьющийся в «чиновничьей-кулачковой паутине» (РМ, 1898, № 2), — составляет, как правило, столкновение «старой правды» (бгтугощого патриарх. уклада) и «нового зла» (проицикающего в деревню капитализма). Это пристрастие Н. к «драматич. форме повествования» отметил Скабиичевский («Новое слово», 1897, № 5, с. 156). В начале повествования — обычно затейливый разговор с полуслучайным встречным, затем — изложение сути конфликта в диалогах гл. действующих лиц и в завершение — рассказ об обманутых надеждах безвестных мужичков. Свойств. Н. однообразная композиция, монотонная очерковая манера, схематичность психологич. портре-

тов центр. героев привели его к повторениям, особенно осязаемым в последнем сб-ке, что было отмечено даже благожелательной по отношению к Н. критикой (см.: Михневич).

В нач. 1884, покинув Петербург, Н. служил чиновником по крест. делам Марининского округа, в 1887 переехал в Томск тем же «крестьянским чиновником» по Богород. округу, с прежним настроением — защищать крестьянство, но вскоре признавался в своем бессилии: «Это какая-то поголовная оргия хищничества. Хищничество, возведенное в закон» (письмо А. М. Скабичевскому от 28 марта 1885). Психол. облик Н. той поры запечатлел Яришцев: «Я видел у старого товарища ту же наблюдательность, тот же тонкий юмор, добролушие и изредка горький смех...» (Н. М. Яришцев в — РВед, 1892, 28 окт.). Печатались Н. реже, сетовал на невнимание к нему журналов, преувеличивая опасность ценз. ограничений (письмо В. Мерцалову от 23 дек. 1894 — Архив... ун-та, ф. Н., № 10669). В опубли. произв. — «Сцены из жизни темного люда» (1888), «Сарбыска» («Алтайский сб.», в. 1, 1894), «Тягуны» («Томский листок», 1895, № 205, 206, 208), «Ямшнк Вавило» (там же, 1896, № 1, 4, 16, 22, 24) и др. — возврат к прежним темам, типам. Служебная карьера вопреки ожиданиям продвигалась медленно, с конфликтами (Архив... ун-та, ф. Н., № 10622, 10652). С июня 1892 — чл. Томского губ. совета «от кабинета его величества» по делам Алтайского округа (с 1897 — стат. сов.).

Из забвения читающей публики Н. вывел Собр. соч. (т. 1—2, СПб., 1897, вошло 26 очерков-рассказов), подытожившее его творч. путь. Критики сошлись в признании «неподдельности», «жизненности и правдивости» произв. («Неделя», 1897, № 11; «Новости и бирж. газета», 1897, 17 февр.), отметили выбор «из темной, серой толпы» «простых героев» «с мужеств. решимостью на борьбу со злом» («Кавказ», 1897, 11 февр.), «художеств. определенность», «неподдельную поэзию» в повествованиях от автора (ВЕ, 1897, № 5). Скабичевский (один из первых биографов Н., самый близкий к нему из петерб. окружения), оценивший его среди беллетристов-народников (Скабичевский А. М., История новейшей рус. лит-ры, 1848—1890, СПб., 1891, с. 263—66), выделил в его рассказах типы «инородцев», рус. крестьян, промыслового люда («Новое слово», 1897, № 5, с. 156). Обширная ст. Г. В. Плеханова «Н. И. Наумов» («Новое слово», 1897, май) по существу полемизировала со Скабичевским. Подчеркивая иллюстративность произв. Н., господство

«публицистич. элемента» над «собственным художественным», Плеханов, однако, признавал «огромную популярность» и «практич. действие» (особенно в 70-е гг.) его соч., дававших реальную картину разложения «старого экономич. порядка» (по рассказам «Паутина», «Юровая», «Зажора»), перехода крест. «натурального» хозяйства в «товарное». Не столь социологизированные, более непосредств. положит. оценки зафиксированы в помощи Плеханова при чтении двухтомника Н. (Лит. наследие Г. В. Плеханова, Сб. 6, М., 1938, с. 246—49). Скептич. отзыв о Н. как писателе прошлого дал А. И. Богданович (МБ, 1897, № 2). Н. ожидал от критики большего признания. С обидой он писал Скабичевскому 7 мая 1897: «Я не принадлежу к числу тех деятелей, слово которых выносит новый свет в жизнь человечества, а потому... лучше молчать...» (цит. по кн.: Очерки рус. лит-ры в Сибири, т. 1, с. 399).

Др. произв. Рассказы: «Благодворитель» (сб. «Привет!», СПб., 1898), «Умалешенный» (СПб., 1898), «Фурлонщик» (СПб., 1898), «Каюшский» (М., 1898).

Изд.: Еж. М., 1926; Соч. М.—Л., 1933; Деревенский торгаш. — Повторилась. — Еж. — В кн.: Семисотлетие М., 1935; Рассказы о старой Сибири. Новосибир., 1937 (сб. библ. произв. Н., лит-ры о нем, описание архива); Дед Матвей. — «Сиб. огни», 1937, № 5—6; Избр. рассказы, Иркутск—М., 1937; Собр. соч., т. 1—3, Новосибир., 1939—40; Речь... в день 300-летия покорения Сибири. — «Томск», кн. 3, 1948; Избр. произв., Новосибир., 1951; Юровая. — Семто озоро. — В кн.: Рус. повести XIX в., 70—90-х гг., т. 1, М., 1957; Автобиография. — «Сиб. огни», 1963, № 9; Нищая братия. — Уч. зап. Енис. гос. пед. ин-та, в. 5, Красноярск, 1963; Паутина. Очерки. Рассказы, Кемерово, 1988.

Лит.: Яришцев Н. М., Восп. о Томской губ. — «Сиб. сб-ка», т. 1, Иркутск, 1888; А. Яришцев А. В., Томская старина. — «Город Томск», Томск, 1912; Вяткин Г. Н. И. Наумов. — «Сиб. жигна», 1913, 16 мая; Дубровинский К., Выпосител сиб. деревни. — В его кн.: Рожденные в стране илганья, П., 1916; Широких В. Н. И. Наумов. — «Сиб. огни», 1926, № 5—6; Кубиков И. И., Рабочий класс в рус. худож. лит-ре, 4-е изд., М.—Л., 1928; Бельчиков Н., Народничество в лит-ре и критике, М., 1934; Жербонов В., Лит. наследство Н. — «Кн. новости», 1938, № 11; Кожеников С. И. И. Наумов, Новосибир., 1952; Соколов Н. И., Наумов. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 9, ч. 1, М.—Л., 1956; его же, Извещ. мат-лов о Н. — РЛ, 1964, № 2; Беспаляева Л. Г., Н. о переселенчестве в Сибири. — Уч. зап. Томск. гос. пед. ин-та, в. 1, 1960; ее же, Томский край и писатели 19 в., Свердловск, 1970; Спасибенко А., Писатели-народники, М., 1968; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982, раздел III, гл. 1; Лит. наследство Сибири, т. 4—7, Новосибир., 1979—86 (ул.); Потанин Г. И., Письма, 2-е изд., т. 1—4, Иркутск, 1977—90 (ул.); ПН, т. 73, кн. 2, с. 7, 25; т. 87, с. 454, 619. + Исследования. 1901: «Россия», 11 дек. (П. В. Блюк); «Вост. обозр.», 13 дек. (И. И. Попов); Брокгауз; Венгеров. Источ.; КЛЭ; Рус. писатели, 1990; Лит. Сибиря. Критико-библиогр. словарь писателей Вост. Сибири, ч. 1, Иркутск, 1986; ДРДР; Мезер; Мурзлова (1); Масанов.

Архивы: Архив при 6-ке Томского гос. ун-та, ф. Н. (л. ф.); ИРЛИ, ф. 377, 155, ф. 283, оп. 1, № 27 (22 письма А. М. Скабичевскому 1881—1899 гг.); РГАЛИ, ф. 2173 (рукописи, письма к С. Н. Крамско), ф. 591; РНБ, ф. 438 (Лит. фонд), ф. 1029, № 82, 83 (прошение о

передаче прав на издание ж. «Слово»); РГА, ф. 468, оп. 29, л. 192, л. 2—9 (ф. с. 1892 г.; дата смерти — 10 дек.), ф. 776 (справка Л. М. Седейкиной); Ист. архив Ленингр. обл., ф. 14, оп. 25, л. 17—19 (студенч. дело). Г. В. Краснов.

НАУМОВА Анна Александровна (ок. 1787, село Наумовка (Зюзино) Лашев. у. Казан. наместничества — март 1862, там же), поэтесса. Род. в состоят. дворян. семье; получила дом. образование. Отец умер до рождения Н., мать — когда ей было 16 лет. С этого времени, вероятно, воспитывалась у родственников в Симбирске, где сблизилась с поэтом А. К. Маздорфом, масонские взгляды к-рого, возможно, оказали влияние на Н. В 1800-е гг. начала писать стихи, преим. песни и лирич. стихи, в 1810-е гг. — печататься. В годы Отеч. войны 1812, на к-рой погиб один из ее двоюродных братьев (см. стих. «Надгробная милому брату...» — РВ, 1814, № 14), Н. испытала сильный патриотич. подъем, что отразилось в цикле «рус. песен», помещенных в «Рус. вестнике», в т. ч. «Где ты, матушка, белокаменная» (1813, № 10, перепеч.: Собр. стих., относящихся к незабвенному 1812 г., ч. 1, М., 1814), «Рус. песня в честь Царя-Орла», «Песнь россиянки на взятие Парижа» (1814, № 1, 11). Стилизованные в «народном духе», эти песни отражают credo Н.: «По-русски росску Русь люблю» (Васильев, с. 151). Из-за тематич. ограниченности публикаций «Рус. вестника» в 1815 Н. посылает свои «камерные» стих. в «Амфион» (см. письмо к изд. ж-ла А. Ф. Мерзлякову — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5854а), где из них была напечатана «Песня» (№ 6).

После 1815 Н. переезжает в Казань, подолгу живет в своем имении Наумовке, по соседству с имением Панаевых, с семейством к-рых у нее завязывается многолетняя дружба: сестры Панаевы — ее близкие подруги, братья — лит. наставники; перипетии дружбы с ними (безоблачной, а потом омраченной «клеветами») составляют подоснову мн. стихов сб-ка Н. «Уединенная муза...». Н. вошла в домашний кружок казанских литераторов, объединявший Ал-дра Ив., Вл. Ив., Ив. Панаевых, Ф. М. Рындовского (зять Панаевых), В. Демидова, А. Степанова и др. Члены кружка обменивались стихотв. посланиями, порой в шутило-бытовом стиле, культивировали идиаллич. и песенные жанры. В это время Н. печатается в «Трудах Казан. об-ва любителей отечеств. словесности» (кн. 1, Каз., 1815) и в стилич. периодике; ж. «Благонамеренный» (1818, № 10) поместил лучшие стихи Н. «Не скажу: тебя люблю...» и «Ах, при тебе, мой друг...», пользовавшиеся нек-рой известностью среди современников, а также послание «Унылому поэту» (1819, № 5).

Падение с лошади в 1817 (Н. была страстной любительницей верховой езды) привело к потере глаза и сильной глухоте, что, очевидно, окончательно лишило Н. надежды обзавестись семьей, но не изменило ее живого, открытого и прямодушного нрава. Эти черты (отмеч. и в восп. Вал. Панаева) отразились в сб. «Уединенная муза Закамских берегов» (М., 1819).

Сб. издав. по всей вероятности, Мерзляковым: в заглавии ОЛРС Моск. ун-та 31 янв. 1820 он читал и разбирал стих. «К фантазии» из сб-ки Н., а в «Трудах ОЛРС» поместил благодарств. реп. на весь сб. (1820, ч. 20). Мерзляков же посвятил Н. мадринальное стих. (Васильев, с. 154).

Осн. место в сб-ке кроме стилизов. лессив и романсов занимают дружеские послания, рассуждения, в т. ч. на религ. темы, стихи «на случай», эпитафии; в сб. включены не только поэтич. обращения Н. к Маздорфу, но и его ответные послания к ней. Стихи «Уединенной музы...» объединяет проповедь «добродетели» и добродетельной жизни: Н. говорит о необходимости смирения (к-рое понимает как нравств. долг), веры в благое, хотя и суровое, провидение, прославляет «благодарное» и прямое «сердце», постоянное в дружбе и любви (см., напр., «Возражение судьбы»). Часто стихи Н. приобретают форму наставлений обобщенным адресатам: «Воззвание к друзьям», «Урок молодым девушкам», «Воззвание к женщинам» и даже — рос. «певцам»: «Быть добродетельным тщитесь / И бойтесь развращать людей!» (с. 28, «На смерть Державина»). Эту общую морализаторскую установку Н. с наивным дилетантизмом пытается совместить с опорой на биографич. конкретность, отсюда цикличность произв., сквозные «герои» (Темира, Саша). Однако ориентированная на поэтич. образцы 18 в. «робкая» и «скромная» (по самооценке) муза Н. не смогла придать книге лирич. или биографич. единства; слог Н. избивает клише эпигон. классицизма.

Ок. 1820 Н. вошла в казан. кружок либерально настроенного дворянства, познакомилась с будущими декабристами В. П. Измайловым и Д. И. Завалишным, наезжавшими в Казань, хотя декабристские идеи никогда не сочувствовала; ее скорее влекла полумасон. общность кружка (ср. признание Н.: «С самых юнейших лет моих дух чистого воздретелства знаменитого Рыланда одушевляет... меня» — Васильев, с. 151). Впоследствии Н. сожалея о своем участии в кружке: «Христ. антипн» оказался в ее глазах «весьма глупарским» (там же, с. 165).

После «Уединенной музы...» Н. почти не печаталась, хотя много писала. Со 2-й пол. 1820-х гг. в ее стих. сильные охранит. мотивы, безоглядное обличение «бунтовщиков», носителей либеральных и оплошн. идей (Н. называет их «безумшами», «лжецами», «изуверами», «карбонариями»), причину распространения к-рых она видит в отходе столичного дворянства от православной веры и рус. устоев. Н. выразила опасения

(совершенно необоснованные) в революционности программы ж. «Славянин» (Васильев, с. 167), а стих. А. С. Пушкина «Ворон к ворону летит» (1829) столь же безосновательно увидела намек на тайное брожение умов и отозвалась офин.-патриотич. стих. «Пародия на карканье ворон» (1830). Существует мало достоверный рассказ о знакомстве Пушкина с Н. в Казани в сент. 1833 (МВед. 1898, 28 февр.).

В дек. 1837 — нач. 1838 Н. перезала В. А. Жуковскому поэму «Все былое, или Милостивый манифест по додзайству по России путешествующего доброго Гения» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5460), посвя. декабристам, в к-рой, говоря о тяготах ссылки декабристов и привыкая их к раскаянию, просила Жуковского замолвить «зава слова» перед наследником об освобождении Ивашва. Е. П. Оболенского, С. Г. Волконского. Поэма Н. — одно из ранних обращений к декабрист. теме в рус. поэзии. В ней, как и в приложенной к поэме стих. «Перчатка...», содержится инвектива в адрес «франтиков» — волнолюбцев и дворян, выходящих в раннюю отставку и не желающих служить. По своим духом, достоинствам эти произв. стоят значительно ниже ранних стих. Н.

До конца жизни Н. жила в своем имении (в стихах 2-й пол. 20-х гг. называла себя «сел. затворницей», Васильев, с. 167). Полузрячая и полуглухая, она деятельно занималась благотворительностью: содержала девушек-сирот, обучая их грамоте, дом. хозяйству и рус. танцам. Истратив все свое состояние, умерла в крайней нужде (Панаев Вал., с. 468).

Осн. часть стихотв. наследия Н. осталась неизданной. В б-ке Казан. ун-та хранится 3 сб-ки ее стих. 1816—32 (выпозачт и стих. ее окружения, по мнению исследователей, близкие по духу и уровню отбл. сб-ку Н., а также две драмы в стихах: «Властолюб и Мстислав...», «Эпиготизм, или Любовь и шение» (1821). Подробнее см.: Описание рукописной Науч. б-ки им. Н. И. Лобачевского Казан. ун-та, в. 13, ч. 1, Каз., 1963, с. 17—27 (сост. Е. М. Ильинко; содержание, обширные цитаты). Местонахождение еще одного сб-ка Н. «Лирич. Тагариотская...» (1825), хранящегося в частном собр. в Саратове (РА, 1894, кн. 2, с. 160), обнаружить не удалось.

Лит.: Писарев А. А. 7. Имена почетных дам и девиц русских. — ДЖ. 1828. № 15, с. 88; Белинский, VII, 652; Голыцин Н., Библиографич. заметки... — «Молва», 1857, № 32, с. 374; Де-Пуле М. Ф. Отец и сын. — РА. 1875, № 7, с. 78; его же. Н. И. Второв. — РА. 1877, кн. 2, с. 156; Панаев Вал. А. Восп. — РС. 1893, № 9, с. 461—68; Титов А. Ответ... — РА. 1894, кн. 2, с. 603; Ист. любви в анждотах, СПб., 1900, с. 221 (пол. ред. М. В. Шелухова); Васильев М. А. Н. в обществ. мотивах ее творчества. — «Изд. Об-ва археологич. истории и этнографии при Казан. ун-те», т. 33, в. 23, Каз., 1926 (по архивным мат-лам, с перепечаткой нек-рых стихов); Егорович РО ПУ. 1977, Л., 1979, с. 54 (ст. В. Э. Вакуро; упоминается в альбоме Чичериных «История Анны Наумович», судя по содержанию прилож. стих. (ИРЯИ, Р. I, оп. 42, л. 53, л. 3), скорее всего, не относится к Н.); + (Руссов С. В.), Библиографич. рос. писательниц. СПб., 1826; Геннади: Голыцин; Венгеров. Источ.: Смирнов-Соколовский; Черейский; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 231, к. 21, № 115 (письмо к М. П. Погодину, 1844 г., с просьбой запечатать стих. «Неразгаданный»); РО Науч. б-ки Казан. ун-та, № 1100—1113 (рукописные сб-ки Н.).
Г. Д. Олчашникова, С. И. Панаев

НАУМОВИЧ Иван (Иоанн) Григорьевич [14.1.1826, м. Козлово близ Каменки-Струмиловой, Галиция, Австрийская империя — 4(16).8.1891,

Новоросийск; позднее перезахоронен в Киеве, на кладб. Пустынно-Николаев. мон. (на Аскольдовой могиле)], журналист. поэт. прозаик; галицко-рус. обществ. деятель; протоиерей. Писал на языке, близком нар.

разговорной речи вост.-слав. населения Галиции (см.: Драгоманов, 1873, № 10, с. 695; здесь же о нек-рых языковых аспектах т. и. галицко-рус. лит-ры — № 9, с. 245—247; № 10, с. 698), и рус. языке. Из уннатской семьи, отец — учитель начального уч-ща, русин (о русинах см. в ст. А. В. Духнович). Окончив Львовскую г-зию (1844), учился в Львовской духовной сем. (униатской), откуда в 1848 был исключен за «шалость» полнит. характера (в том же году в среде галиц. крестьян безуспешно агитировал в пользу оставших полей). Вновь поступил в сем., окончив ее, принял сан священника (1851). Через нек-рое время сделался «обрядовцем», т. е. сторонником очищения униатского обряда от лат. влияния, возвращая к слав. яз. в богослужении, к соблюдению постов Вост. церквн и т. д. В 1861 избран нар. представителем в Львовский сейм (повторное избрание в 1867 не было утверждено сеймом). Вскоре приобрел известность как деятель «москвофильской» («старорусской») партии, «поборник рус. народности» в речах и статьях, печатавшихся, в частности, в львовском ж. «Слово»; в программном манифесте («Слово», 1866, № 59) выступал против наименования вост.-слав. населения Галиции «рутенами» или «русинами», т. к. оно, по Н., составляет единое целое с рус. народом. Член Рейхсрата — державной думы (с 1873). В 1874 открыл в Коломые просветит. «Об-во в память М. Качковского» (о Качковском см.: Брокгауз), основанное на принципах «молись, учись, трудись, трезвьсь» и предназначавшееся для борьбы с польским засильем; избран през. Об-ва (до 1877). Убедившись в

бесплодности попыток реформирования униатской церкви, в 70-х гг. стал одним из инициаторов движения за возвращение в православие (осн. лозунг — «прочь от Рима»), за что обвинялся в гос. измене; в 1881 арестован, осужден на неск. месяцев тюрьмы, лишен прихода и сана.

Просьбу о пересмотре этого решения и развернутой анализ положения церкви содержит «исповедание» (изд. в переводе с лат. — «Апелляция к папе Лаву XIII рус. униатского священника Иосифа Наумовича против великого отлучения его от церкви по обвинению в ереси», СПб., 1883), написанная от лица Н. обличает деятелей и публицистов А. И. Добрянский-Сачурова (спришибно см.: Арестов. 1913). В ней обосновывается прavoта Н. (в т. ч. с опорой на положения Флорентийской унии 1439), объявляется, что стремление к воссоединению с Вост. церковью есть лишь раскаяние на религ. притеснении униатов, попытки ополчения и «улыбливания» населения Галиции, губительные для «галицко-рус.» народа.

Суд над Н. и «апелляция» имели широкий обществ. резонанс, однако положение Н. не изменилось, и в 1885 он, официально перейдя в православие, переехал с семьей в Киев, где получил сан и приход.

Первое лит. выступление Н. — «Стих во честь его превосходительству кнр Михаилу Левницкому, митрополиту Галицкому» (Львов, 1848). С 1848, став деятельным членом культурно-просветит. об-ва «Галицко-рус. матица», издавал на его средства кн. для нар. чтения (в осн. по сел. хозяйству), а также стих. (приветств. «песни» «на случай»), стих. дидактического характера, переводы, в т. ч. из В. Гюго) и повести из жизни сел. духовенства и крестьян Галиции. Выступал с опытами в драматич. жанрах (см.: Ваврик), ставившимися, как и его пер. «Жоржа Дандена» Мольера (под назв. «Гришь Мазнища, або мужь заманений», Львов, 1849), на любит. сценах. Выпустил неск. познавательн.-нравовучит. детских книг, в т. ч. «Золотую книжечку для детей» (Львов, 1874).

Сотрудничал в зап.-укр. изданиях: «Зоря галичка» (1849—50), «Отеч. сб-к» (1853, 1857—58), «Вестник» (1857), «Снон, Церковь и школа» (1858), «Слово» (1861—86), «Дом и школа» (1863), «Неделя» (1865) и мн. др. С 60-х гг. выступал также как публицист, а с нач. 1871 предпринял собственные изд.: газ. «Рус. рада» (совм. с М. И. Белоусом; 1871—85), ставшую первой в Галиции газ. для народа, и ж. «Наука» (1872—85). Публ. Н. появлялись и в рус. изданиях: ист.-этногр. ст. «О Галицкой Руси» («Славянский сб.», т. 1, СПб., 1875).

Ранние произв. Н. позднее переиздавались в рус. пер.: «Четыре путешественника доброй жизни: Страх Божий, Мудрость, Трезвость, Труд» (М., 1888; 2-е изд., М., 1896; рец.: МВед. 1889, 10 изд.); «Заветные тополи» (К., 1888; рец.: МВед. 1889, 10 изд.); «Псалтыринки. Повесть из галицко-рус. народной жизни» (М., 1888; 3-е изд., СПб., 1901; рец.: ЖенО. 1889, № 4), «Святыи» (М., 1894), «Горни Рассказы» (М., 1897), «Повести и рассказы из галицко-русской жизни» (СПб., 1901; перераб.: П., 1915, на обложке

1914). Проводил и статьи из ж. «Наука» составили сб. «Беседы пастыря» (т. 1—2, СПб., 1902; в т. 1 — Автобиография Н.). Нек-рые из его стих. в пер. Н. В. Гербеля включены в антологию «Поэзия славы» (СПб., 1871).

После переезда в Киев стал печататься по-русски (возможно, часть публ. — переработки произв., выходявших ранее в зап.-укр. периодике). Его беллетристич. соч. публиковались в петерб. ж. «Странник» («Роман Кузьмина» — 1888, № 10—12; 1889, № 1, 2, 4, 5, публ. не окончена; и др.), выходили отд. изд. («Как в простоте живут люди», СПб., 1891). Тематически и композиционно к ним близки кн. по сел. хозяйству: «Беседы Степана Стораузова о сельском хозяйстве» (в. 1, К., 1888), «О Федор. Повесть. (Сельскохоз. беседы)» (в. 1, К., 1888; о пчеловодстве). Эти соч. отчетливо дидактичны: Н. включает в повествование «заповеди» (религ. и «практич.» свойства), рисует, чаще в идеализир. виде, взаимоотношения сел. прихожан и их пастыря, ратующего за духовное просвещение народа, искоренение пороков (гл. обр. пьянства), в беседах с ним крестьянам раскрывается история Галицкой Руси, противоборство русинов и их притеснителей (неприязненно изображаются польские помещики, косяцки и т. д.).

Публиковал также религ.-нравств. и ист. произв.: «Христинские добродетели» (СПб., 1890), «Червоная Русь, ее прошлое и настоящее» (К., 1890). Раз статей той же тематики печатались в «Церк. вед.»: «Как избавится русскому народу от пьянства» (1888, № 36), «О современном положении Галицкой Руси» (1888, № 50), «Церковная проповедь и беседа» (1889, № 24) и др. В просветит. целях составлял «Правосл. нар. календари» (из 1890, 1891; изд. Св. Синодом).

В печати лит. и полит. деятельность Н. получила разноречивые оценки — от панегирик. (признавался «просветителем» Галиции) до критических. М. П. Драгоманов, называвший его одним из самых энергичных и талантливых галл. деятелей, отмечавший зрелость и живость его соч., вместе с тем отвергал языковые концепции Н., осуждал его за антисоциал. и антипольские высказывания, «религ. и зап. фантазм» (Драгоманов. 1873, № 10, с. 690—92). Критически относился к нему И. Я. Франко, изображавший Н. в «Думе про Науку Бетуновича» (1878).

В последние годы жизни, возведенный в сан протоиерея, Н. оставил приход и кроме литературной занимался финансово-экономич. деятельностью, стремясь помочь населению Галиции (делами ранее созданного Галицко-рус. нар. банка, пропагандой ссудо-сберегат. касс и т. д.; начинания Н. пользовались поддержкой мин. финансов И. А. Вышнеградского, с к-рым он был лично знаком). В кон. 1880, обеспокоенный усилившейся эмиграцией галичан в Юж. Америку, разрабатывал проект переселения русинов в Россию (см. публ. «Письмо отца Наумовича и червоноруссы» — РВ. 1889, № 4; здесь же отрицат. отклик редакциии на проект Н.). Летом 1891 отправился на Кавказ (где планировал основать будущие колонии галичан) и

скорострительно умер в гор. Больнице Новороссийска. Предположения в последних письмах Н. о том, что за ним установлен негласный полиц. надзор, а также нек-рые обстоятельства смерти позволили его друзьям выдвинуть версию об отравлении, официально не подтвержденную (ГАРФ).

Лит.: Драгоманов М. П., Русские в Галиции. Лит. и полит. заметки. — ВЕ. 1873, № 1, с. 130, 144—45; № 2, с. 771—72; его же, Лит. движение в Галиции. — Там же, № 9, с. 247; № 10, с. 687, 689—98, 711; его же, Литературно-публицистич. працї, т. 1—2, Киев, 1970 (ук.); Павлин А. Н., Спасович В. Д., История слав. литературы [2-е изд.], т. 1—2, СПб., 1879—81 (ук.); [О суд. над Н.]. — ВИ. 1882, № 702; [Мат-лы о пребывании Н. в России в 1884]. — «Илл. мир». 1884, № 42 (с биогр. очерком); Протоиерей И. Г. Наумович. — «Рус. папозник», 1886, № 28—29 (б. п.); Соловьев Н. Отец Иоанн Наумович. (Очерк его жизни и духовно-просветит. деятельности). — РО. 1893, № 7, 8 (ота. изд. — М., 1893); Мончаловский О. А., Памятная книжка в 25-летний юбилей Об-ва юж. М. Качковского, 1874—1899, Львов, 1899, с. 6—9, 14—16, 25, 49—52; Памяти протоиерея И. Г. Наумовича, 1891—1911, Од., 1912; Арестов Ф. Ф., А. И. Добрянский-Сачурова — РА. 1913, № 4—5, с. 669—71 (об авторстве «Апелляции...»); его же, И. Г. Наумович. — Там же, № 7; его же, Карпато-рус. библио. Львов, 1930, с. 17; Пливинчук Р. Я., Укр.-рус. Галиция и Свв. Буховичи (30—60-е гг. XIX в.). Автореф. дис. ... К., 1971, с. 10; Ваврик В. Р., И. Г. Наумович (1826—1891). — В его изд.: Краткий очерк галицко-рус. иеремистич. Луцки, 1973, с. 42—44 (и ук.); Франко І. Я., Збирани творів, т. 1—50, Київ, 1976—86 (см. зап. створений том — «Доброжелатель...», Київ, 1989); Немчилюк М. Ф., Орудие публициста. Вопросы истории, проблематики ... публицистики И. Франко, Львов, 1981, с. 24, 112—13. + Некрологи, 1891; ВИ. № 1178; ИВ. № 10; ИВ, 9 авг.; «Странник», № 8; Мезюк; Ламблин; Березин; РБС; Брокгауз; Венгеров; Рус. яз., № 2838, 6014; Грант; Леницкий И. Е., Галицко-рус. библио. за [1887—1889 гг.], Львов, 1888—90 (ук.); его же (сост.), Галицко-рус. библио. XIX столетия... т. 1—2, Львов, 1888—95 (ук.); его же, Украинська бібліографія Австро-Угорщини за роки 1887—1900, т. 1—3, Львов, 1909—11; УРЕ; Мяснов.

Архивы: РНБ, ф. 558, № 247 (письма К. П. Победоносцеву, 1885—91); РГБ, ф. 239, к. 14, л. 29 (письмо М. Н. Каткову); ф. 237П, к. 12, л. 5 (письма В. А. Черкасскому); ГАРФ, ф. 109, 3 экз., 1879, л. 14, ч. 1 (о переложении писем Н.); ф. 102, 3 экз., 1883, л. 843 (об обстоятельствах смерти); ф. 730, оп. 1, л. 5147 (письмо незнаком. лицу, 1888). В. И. Боква.

НАХИМОВ Аким Николаевич [8(19).9.1782, вероятно, д. Поповка Богодухов, у. Харьков, наместничества* — 18(30).7.1814, Харьков, у. Слободско-Украин. губ.], поэт-сатирик. Сын поручика в отставке, помещика Богодухов, у.; мать — серблянка из рода Райковичей. Учился в Моск. ун-тском благородном пансионе, где писал сатирич. стихи и статьи (учебные сочинения); тогда же впервые напечатался; в близкий к Моск. ун-ту ж-лах «Приятное и полезное препровождение времени» и «Иппокрена, или Утехы любовствия» вышли его пер. с нем. (1798, ч. 17, № 20, подпись Яким Нахимов; 1799, ч. 2, № 45) и французского. Окончив пансион, поступил юнкером в Мариупольский гусар. полк. Вышел из него для определения в статскую службу и отправился в Петербург.

По рассказу А. Г. Розальон-Сошальского (бр. В. Г. Розальон-Сошальского), чтобы не начинать службу с нижних чинов, «соблазненный каким-то пройдохой, купил подложный патент на чин капитана, за что был судим и по приговору исключен из службы, с лишением права вступать как в военную, так и статскую службу» (см.: Багалей, с. 828). Сам Н. в басне «Молодой орел» вспоминал о каких-то грехах неопытной молодости. Вернувшись в Малороссию, Н. поступил для продолжения образования и морального «отбавивания» (см.: Борзенков, с. 12—13) в только что открытый Харьков. ун-т (январь 1805) на «словесный ф-т». Будучи уже достаточно знаком с «теорией словесных наук», зная англ., франц. и нем. языки, Н. во время «трехгодичного с половиною курса» занимался в основном греч. и лат. классиками (причем брал частные уроки у профессоров) и «практич. словесностью» (Борзенков, с. 13). В 1808 закончил ун-т по словесному отделению со званием кандидата, чему посвятил иронич. стих: «На получение кандидатского достоинства» («...Десницей мощною ученого Сената/ Се из ничтожества внезапно извлечен! / Петлиц снятием серебряным озарен / Стою на степени высокой кандидата! / И Слава, осеняя меня своим крылом! / С улыбкой кажет всем печатный мой диплом!...»). В июне 1808 по желанию престарелого отца оформил права наследства, а в январь 1810 женился (имел сына и двух дочерей).

С кон. 1809 до сер. 1811 по приглашению Совета ун-та читал двухгодичный курс (не докончил) по грамматике и словесности для чиновников, готовившихся к сдаче экзаменов на чин коллеж. асессора или стат. советника (раз в неделю приезжая с куртора в Харьков). Его аудиторную составляли в осн. зрелые люди, побуждаемые к этому указом от 6 авг. 1809, к-рый вызвал в обществе недовольство и насмешки. Сам Н. откликнулся на указ пародийной «Элегией», самым популярным его стих., разошедшимся в анонимных списках по всей России; забавно описывая переполох, охвативший чиновников («Восплачь канцелярист, повытчик, секретарь! / Надсмотрщик возрыдай и вся приказна тварь! / ... О чин ассессорский, только вождетельный! / Ты убегаешь дысь, когда я восхищенный / Минц обнимать тебя, как друга, как алтын...»), он, однако, приветствовал указ, суливший нек-рое «просвещение» подьячич.

Надо думать, Н. относился к лекциям с известной иронией; по преданию, он задавал слушателям в качестве грамматич. примеров переписывать свои стихи «Похвала гусиному перу» («За драгоценное перо, Подьячич! главу перд гусем преклоните»), басню «Два и нищий» (опубл.: Чириков, с. 711) и «спрятать тлголы

«брат» и «арать», а курс начал стихотворным «Предисловием к Российской грамматике»: «Блажен, кто в дожди сей с уткой меж перстов! / Прошел сквозь лес и кси, достигнул до складов. И тамо в бра и бра прилежно углублялся».

Семейные заботы и несчастья (смерть любимой сестры, отца, малютки-сына, а также привычка заглушать душевную горечь вином) вынудили Н. отказаться от преподавания; последние годы провел на уединенном хуторе, располагая хорошей б-кой. Скончался от внезапно нававшейся чахоточной лихорадки.

«С возрастом и познанием света, — писал издатель и биограф поэта, соученик по Харьков. ун-ту и близкий друг Д. С. Борзенков, — усилится у него порыв к занятиям словесностью даже до страсти» (см.: Нахимов А., Соч. в стихах и прозе. Х., 1815, с. 3). Н. обладал натурой нервной и впечатлительной, а согласно его записке для доктора М. Я. Трофимовского, в юности богатое воображение доставляло ему даже страдания (см.: Борзенков, с. 10). По словам В. Г. Масловича, Н. был «роста среднего, сухошав, лицом некрасив, но физиономию имел многообещающую и сатирическую, больше задумчивую, нежели веселую, чело возвышенное» (Маслович, с. 52). В стих. «К самому себе» (опубл. 1822) поэт писал: «Не знаешь светская обращенья! / Задумчив, мелен, недолгим! / Не любишь шумного веселья! / Суровым кажешься и злым». Достаточно обеспеченный по провинци. представлениям (согласно Розальон-Сошальскому, «жил... в Харькове не по-студентски, а баринско» — см.: Багалей, с. 828), не связанный службой, Н. не слишком следовал принятым условностям (хотя Багалей, процитировав Розальон-Сошальского, сразу же оговоривал: «образ жизни... оригинальный и вместе с тем далекий от барства» — с. 829, а Борзенков опровергает утверждения Масловича о «странностях» поведения Н.).

Н. не поддерживал связей со столичными журналами и широкой публике оставался неизвестным. Лишь в «Вест. Европы» (1810, № 8) появилась шутившая статья «Историческое и философическое рассуждение о блохе» (отправлена друзьями без ведома автора), да две басни и пародийная «Песнь луже» были напечатаны в ведомственном изд. «Периодическое сочинение о успехах народного просвещения» (1810, № 24) (уже посм. в моск. «Амфионе» — № 1 за 1815 — опубл. два стих.). Отнюдь не лишенный стремления к личн. успеху («было честолюбие ... суровское» — Борзенков, с. 18), Н. в последний год жизни определил план и состав сб-ка своих сочинений, поручив издание Борзенкову: «Сочинения в стихах и прозе» вы-

шло к годовщине смерти автора (ц. р. 13 июня 1815; Х.). Во 2-м, испр. и доп. изд. (Х., 1816, ц. р. 24 ноября 1816) Борзенков совершенно изменил построение сб-ка, чтобы признать «характеру Нахимова как сатирика большую определенность» (см.: «От издателя» — там же, с. 3), и поместил «Мнение о соч. Н.» (отрывок из рец. Гонорского на 1-е изд. — см. ниже).

Вслед за 1-м изд. гл. обр. благодаря Масловичу изид. стихн Н. печатались в жур-ле «Харьковский Демокрит» (1816, январь—июнь; свыше 20); большинство из них включено во 2-е изд. Однако часть их, в т. ч. «Проповедь и басня» (№ 3), «Заглавие к моим сочинениям» (№ 5), не вошла и в 3-е, доп. издание Борзенкова 1822 (хак и два стих. из «Укр. вест.» 1819 в номерах 7 и 8), к-рый счит. что сочинения Н. «не все помещены быть могут» (Борзенков, с. 20). Существ. исправления и доп. по рукописям приведены в публикации Г. С. Чирикова (1880), в т. ч. начало комедии в стихах «Влюбленные педанты» (1-е д. целиком и краткое упоминание 2-го) и указание на «романтический отрывок» «Левант и Юлия, или Торжество любви над мнением» (1806; сохранены в рукоп.).

Оси. часть произв. Н. относится к 1805—10. Он был по преим. поэтом-сатириком («природа особенно, кажется, влила в душу его чувство отвращения ко всему несправедливому и смешному, впечатления коих действовали на него до иступления» — Борзенков, с. 10—11). Лирич. произведений в его наследии — считанные единицы: 4 в разделе «лирич. стихи» («Поэт», «Златос время», «Осень», «К России»), да 3 близких к ним стих. «священного содержания»: «Молитва», «Сонет» (пер. сонета «Раскаяние» франш. поэта 17 в. Ж. Дебарро) и «Песнь вере» (переложение 17-го псалма, одобренное проф. рос. словесности И. С. Рижским). Гл. жанр сатирика — басня; принцип иносказания присутствует и в жанрово менее определен. сатирич. стих. («Зверинец», «Письмо приятеля моего, странствующего в чудесном птичьем мире»); к басенному жанру примыкают эпиграммы, надписи и эпитафии.

Н. наследовал сатирич. традиции 18 в.: Борзенков видел в нем подражателя А. Д. Кантемира, А. П. Сумарокова, Д. И. Фонвизина; Маслович — Сумарокова, Фонвизина и нем. баснописца Г. К. Пфелфеля («Укр. вест.», 1817, № 10, с. 115). Хотя известно, что Н. часто отсылался на местные харьков. события, все его стих. имеют характер обшей «сатиры на пороки». Органич. связь с поэтикой 18 в. в сатире Н. уже нарушена. Его лучшие стих. написаны в духе пародийно-бурлескных переделок высоких жанров («Песнь луже».

НЕБОЛЬСИН

Архивы: Ин-т лит-ры АН Украины, ф. 71; РГАДА, ф. 1255, оп. 1, з. 1917, л. 3 (описание лесов Поголки) [спражка С. Р. Давыдовой].
В. П. Степанов.

ирон-комич. поэма «Пурсоннада...» (о французе-торгаше, «герое кабаков», отравившемся в Россию служить гувернером; не закончена), фарсовое начало комедии «Влюбленные педанты...», что придает им часто юмористич. оттенок. Осн. объекты обличения — чиновники-взяточники, подражатели всему иностранному («Мерзилкин, или Русский выродок, превратившийся в офранцузенную гадину»), дурные сочинители.

Первые посмертные изд. сочинений Н. встретили заинтересов. отклик только в харьков. журналистике. Кроме «Эпитафии» Масловца («Харьков. Демокрит», 1816, № 1), высоко оцененного снуд сатиры Н., появились рец. Р. Т. Гаварского («Укр. вестн», 1816, № 3—2), отозвавшая Н. место «между лучшими нашими сатирическими писателями» (№ 2, с. 269); петерб. «Сын отечества» оценил издаваемые довольно сдержанно: «примечны дарования, особенно в роде сатирическом» (1815, № 43, с. 181).

Перенд. 1840-х гг. критика встретила как страший лит. андроник: «У Н. не было ни сколько поэтик, дарования; он притом худо владел языком... писал... по фактуре сумаровской» (РВ, 1841, № 10, с. 236); «такого его, по преем. местный и односторонний» (М. Н. Лонгинов) — «Совр.», 1849, № 11, с. 1), а их появление объяснялось исключительно действиями «стеснительной промышленности»: «в столицах г-на Нахимова читать уже более не будут, так его пустят по провинциям» (ОЗ, 1841, № 11, с. 9). Лишь Ф. А. Кони отчасти оправдал поэтику Н.: «отсутствие эстетич. вкуса и неиможно дубоватый оборот мысли» объясняются стремлением говорить о недостатках жизни «счело, резко, даже дерзко» (Кони, с. 507—08). В эссе он с ним высказался и пенитель старей лит-ры М. П. Погодин: «никого до сего времени не наследовал его саркастической способности издеваться над пороками» («Москва», 1849, № 22, с. 50). 9 изданий сатирика в течение полувека свидетельствуют, что они находили своего читателя, особенно в застойные полусторонние 1840-е гг.

Изд.: Соч. в стихах и прозе... 3-е доп. изд. М., 1822 (с биографией, сост. Д. С. Борзетского, критически оцененным брошюрой Масловца); переиздания 3-го изд.: М., 1841 (главней Андрей Глазунов); М., 1841 (типография Н. Степанова); М., 1842: СПб., 1849 (издатель А. Ф. Сырдин, в серии «Поэты собр. соч. рус. авторов»; 2-е изд., СПб., 1852); М., 1852; Чирковский Г. С., А. Н. Нахимова. Писатель-сатирик. (Очерк лит. деятельности и нежелания его соч.). — РС, 1880, № 1, с. 709—36; № 12, с. 951—74; [Стеин], — В: Книга: Поэты-сатирики: Рус. пародия; Стихотв. сказка (повелка); Великая рус. поэзия, Л., 1970; Рус. басня: Рус. эпиграмма, 1975.

Лит.: Маслович В. Г. Память о харьков. стихотворце Н., СПб., 1818; Б(орзенков) Д. (С.). Описание жизни Н. — В кн.: Нахимова А. Соч. ... М., 1822; Пушкин (ук.); Белинский (ук.); Кони Ф. А., Соч. Н. в стихах и прозе, М., 1841. — ЛГ, 1841, 8 нояб.; Платкин В. Т. Руководство к изучению истории рус. лит-ры, СПб., 1846, с. 183; Лонгинов М. Н., Соч. Н. Масловца и Судовицкого. — «Совр.», 1849, № 11; Чирковский (см. в разделе Изд.); усматривает в «тапале» Н. «много общего с А. Е. Измайловым»; Багалей Д. И., Опыт истории Харькова, унта, т. 1, Х., 1893—98, с. 571, 828—29 (с отрывками из мемуаров А. Г. Розальон-Соньского); Багалей Д. И., Миллер Д. П., История города Харькова..., т. 2, Х., 1912, с. 796—98; Лещенко П. А., Несправедливо забытый поэтик-сатирик. (Заметки о творчестве Н.). — Укр. зап. Ровенского пед. ин-та, 1963, сер. филол., т. 8, с. 193—203; его же, Несправедливо забытый талант. — «Радуга», [К.], 1965, № 11, с. 145—148; Лосиевский И., Взаимоиспытание против критики. — «Лит. Россия», 1983, № 18; его же, Рус. лира с Украйны..., Х., 1993 (ук.); ЛП, т. 53—54, с. 442; т. 59 (ук.); Ф. Борзет, ОЗ (11); КТЭ, т. 9; Степанов. Стихник (ук.); Маслов.

НЕБОЛЬСИН Павел Иванович [1817, Петербург — ок. 20.8(1.9). 1893, Вильна], автор популярных ист.-этногр. исследований, публицист; цензор. Из нижегород. дворян. В 1838 окончил юридич. ф-т Петерб. ун-та. Направление творч. деятельности Н. определялось географией и результатами его многочисл. поездок по стране: «Я на своем веку довольно поездил по России. Ангара, Саянские горы, вершины и устья Тобола, почти весь Урал, вся Волга и Кама...» (ОЗ, 1861, № 9, с. 311). Дебютировал в «Отч. зап.» циклами «Рассказы о сиб. золотых приисках» (1847, № 6—12, 1848, № 1—2; отд. изд. — «Поездка в Сибирь на золотые прииски», ч. 1—2, СПб., 1848) и «Заметки на пути из Петербурга в Барнаула» (1849, № 4—6, 8—12, отд. изд. — СПб., 1850; благожелат. рец.: СО, 1852, № 8), написанными по мат-лам его инспекционной поездки по Вост. Сибири в 1845—46 в качестве представителя одной из золотопромышленных акционерных компаний. Тогда же опубли. научно-популярную книгу для юношества «Ермак» (ч. 1—2, СПб., 1849; благожелат. рец.: 1849; БЧ, т. 92; «Москв.», № 2; ОЗ, № 1; «Совр.», № 1) и ист. иссл. «Покорение Сибири» (ОЗ, 1848, № 10—12; отд. изд. — СПб., 1849), в к-ром, сопоставляя сведения из изв. исторических источников со своими наблюдениями, предпринял попытку пересмотра традиц. взглядов на ход рус. колонизации в Азии.

В отрыв. отзывах 1849 («Совр.», № 6; «Сев. обзор.», т. 1; СО, кн. 5) отмечались поверхностное знание материала, наличие фактич. ошибок и истинности, слабость приемов ист. анализа (ар. рец., 1849; ОЗ, № 7; СПб.-вед. 9 июля; СП, 31 авг.). Под предлогом спора о достоверности свидетельства Строгановской и Белиповской летписки С. М. Соловьева и М. П. Погодина критиковали Н. за идеализацию «сапальных устремлений», действит. Ермака, отрицание роли государства, культа Строгановых, патриарха Филарета в деле покорения Сибири (Соловьева С. М., История России с древнейших времен, кн. 3, М., 1949, с. 691—99; см. также: «Москва», ч. 3, № 12, с. 137—38; БЧ, т. 95, № 6, с. 35—36).

С 1848 Н. — чл. РГО, в 1850-е гг. активно участвовал в работе его этногр. и статистич. отделов, редактировал «Записки РГО» (т. 12, 1857). В 1850 на «пособие» Об-ва был направлен в Оренбург для сбора мат-лов об истории и перспективах торгово-промышл. связей России со Ср. Азией. Отчет о командировке (1851), опубли. позднее под назв. «Очерки торговли России со Ср. Азией» [«Зап. РГО», 1855, кн. 10; отд. изд.: «Очерки торговли России со странами Ср. Азии: Хивой, Бухарой и Кокандом (Со стороны Оренбурга, линии)», СПб., 1856; благожелат. рец.: «Совр.», 1855, № 6; ЖМНП,

1857, ч. 93, № 1; Григорьев В. В., Разбор сочинения Н. — В кн.: Двадцать пятое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград. 26 мая 1856 г., СПб., 1853, с. 115. 178—182], был удостоен премии РГО (1853) и премии АН (1854).

Записи, к-рые вел Н. во время путешествия в Оренбург. край, легли в основу его «Рассказов проезжего» (ОЗ, 1852, № 11—12; 1853, № 1—2, 4—6, 10—12; отд. изд. — СПб., 1854; благожелат. рец.: ОЗ, 1854, № 3). В них, как и в последующих работах этого жанра: «Очерки Волжского шифва» (СПб., 1852), «Очерки быта калмыков Хошоуттовского улуса» (СПб., 1852), «Несколько замечаний об уральских казачках» («Вест. РГО», 1854, ч. 12, кн. 6), «Ловецкие рассказы о казачьем рыболовстве» («Пантеон», 1854, № 3, 5, 7—8), «Уральцы» (БЧ, 1855, т. 130—131, № 4—5; отд. изд. — СПб., 1855), он поставил целью «присматриваться к торговому классу и знакомиться с торговыми обычаями», историей края, бытом коренного населения по пути следования. Очерки Н. — «пособия для путешественников» — воссоздают картину бурного, прежде всего торгово-промышл. подъема в России и содержат практич. рекомендации (состояние путей сообщения, цены, хозяйств. занятия и т. п.). Н. выступал за ограничение произвола администрации по отношению к малым народам, налаживание мирных, обоюдывгодных торгов. связей с ними, расширение сети нац. уч. заведений. Отрицат. отзывы были вызваны наличием большого количества фактич. неточностей в описании истории уральского казачества (И. И. Железнов — «Москв.», 1855, т. 2, № 7, т. 3, № 12, т. 4, № 15—16).

В 1853—63 преподавал коммерч. географию и статистику в Петерб. коммерч. уч.-ше. По предмету своих курсов опубликовал в «Ж-ле гл. управления путей сообщения и публичных зданий» (1857, кн. 1, 3—5), «Вестник промышленности» (1858, № 1—3, 5—6), газ. «Сев. пчела» (1861, 6 февр., 30 мая) цикл статей с анализом важных данных офиц. статистики и законодательства по истории развития и совр. состояния торгового пароходства в России, про-мыслах и путях сообщения в Моск. губ., итогах и перспективах развития ж.-д. транспорта. Последняя тема нашла продолжение в «Опыте изложения значения железной дороги Николаевской» (М., 1860).

В интеллектуальном развитии новых видов транспорта Н. видел неслепное условие экономич. процветания государства. Изложенная в «Служеб.», «Опыт.», «Служб.», «Служб.», «Служб.» полит. программа Н. включала в себя «провозглашение свободы труда, коренное преобразование экономики, быта миллионной семьи, правый суд, ускорение делопроизводства».

НЕВАХОВИЧ

ва, ослабление регламентации, упрощение администрации и начало и конец всего — ясность и уютность» (Указ. соч., с. 4).

В мае — июле 1861 в Подольском у. Моск. губ. Н. изучал отношение различных слоев общества к манифесту об отмене крепостного права. Его статьи с мест (в форме дневника) публиковались в «Отеч. зап.» (1861, № 9; 1862, № 4—5; отд. изд. — СПб., 1862) и «Сев. пчеле» (1861, 13, 20 июня, 6, 7 июля) под назв. «Подмосковные письма». В дальнейшем Н. отходит от активной лит. и журналистской деятельности. С 1863 чл. гроднен. губернского по крест. делам присутствия, с 1869 ст. чиновник для особых по крест. делам поручений при гроднен. ген.-губернаторе. С 1871 и до смерти — виленский отдельный цензор по внутр. цензуре. Результатом многолетних наблюдений за обрядовой стороной жизни евреев Сев.-Зап. края стал ист.-этнографич. этюд «Очерки частного быта евреев» (СПб., 1872; включающий пер. О. Н. Штейнберга и А. Л. Воля обрядам для евр. женщины «Установления о микве», с пояснениями Н.).

Др. произв.: «О рус. солдатах и др. воен. чинах до Петра Великого» («Совр.», 1849, № 2), «Рассказ троцкого 2-й пьядни купца Абду-Вали Абду-Вагапова Абу-Бакирова о путешествии его с товарищами из Троицка в Чулукач и о прочем; писан со слов его П. И. Небольским» («Геогр. изв.», 1850, в. 3, № 7/9), «Рассказ рус. приказчика о Ташкенте» (ОЗ, 1851, т. 74, № 1), «Заметки о волжских бурлаках» (ЖМВД, 1852, т. 37, кн. 2), «О прекращении невольничества у сиб. киргизов» (РВ, Совр. летопись, 1860, № 3), «Путешествующие киргизы» (там же, № 17; реп. — там же, № 21, 23—24), «Парголово. [Окрестность С.-Петербурга]» (СПб., 1867).

Лит.: Барсуков (ук.); Дружинин А. В. Собр. соч., т. 6. СПб., 1865; Павлин А. Н. История рус. этнографии, т. 4. СПб., 1892; Черныш Л. К вопросу об изучении М. И. Михайловым жизни народов Башкирии. — В сб.: Лит. Башкирия, в. 6. Уфа, 1956; Сатакбаев С. У. Н. и его связь с обществом-полит. мыслью Казахстана. — Изв. АН Казах. ССР, 1985, № 3; ЛН, т. 53—54, с. 400, 441; т. 79, с. 222. + Некрологи, 1893; ВИ, № 12, с. 203; НВ, 25 авг.; «Новости и бирж. газ.» 5 сент. Березин; Брокгауз; ИЭС; Венгеров. Источ.: Каратаев С. И., Библ. финансов, промышленности и торговли..., СПб., 1880; Ламбины: Масанов.

Архивы: РГБ (письма в разных фондах, в т. ч. М. П. Погодину, Ф. В. Чижову; Библ. заметки о нем С. Д. Полторацкого); ГА Оренбург. обл., ф. 168 (отчет Н. о пребывании в Оренбурге, Астрахан. краях в 1850—51). А. Н. Шашинов.

НЕВАХОВИЧ Александр Львович (1810, Варшава — 7.11. 1880, Париж?), переводчик, поэт-дилетант. Старший сын Л. Н. Неваховича; брат М. Л. Неваховича. Детство Н. прошло в Варшаве. По окончании петерб. Горного кадет. корпуса (1826—1829) выпущен в действит. службу с чином 12-го класса (январь 1830), определен в

соединенную лабораторию Деп. горных и соляных дел и Горного корпуса. Владевший мн. европ. языками, Н. дебютировал на лит. поприще переводом водевилей А. Дюлена и Э. Скриба «Гусман д'Альфараш, или Голь хитра на выдумки» (пост. в Петербурге. 1829; возобновлен — 1849; отрывки в кн.: Куллеты из новейших водевилей, 3-е изд., М., 1843), имевшим на сцене «значительный успех» (Зотов, с. 104). Позднее (1849) ставился еще один пер. Н. — комедия-водевиль Ф. А. Дювера и О. Т. Лозанна «Поэзия любви и...» (в рец. Ф. А. Кони отмечались «грамотный лит. язык» и остроумие нек-рых куплетов — «Пантеон», 1850, т. 1, кн. 1).

Уволившись из Деп. горных и соляных дел, Н. занимает место сначала секр. директора имп. театров (1836),

а затем нач. репертуарной части (1842). Назв. сов. (1845). По единодушным отзывам современников, Н. практически не входил в дела службы, «недолюбливал рус. драматич. театра и никогда почти в него не заглядывал», представляя собой «очень интересный тип начальника рус. драматич. сцены» (Алексеев, с. 146—47). Значение его в театр. дирекции определялось во многом обширными связями как в «высших сферах» (в частности, был близок к семейству графов Адлербергов), так и в кругу петерб. «капиталистов». Вместе с тем Н. весьма заметная фигура в театр. среде; его связи с кружком петерб. театралов и балетоманов, к к-рому принадлежал и его брат — М. Невахович, отразились в насыщенном кружковой семантикой произв. В. Р. Зотова «Петербургский театрал» (СПб., 1843), а также в перелицовке М. Н. Лонгинова, Э. А. Абазы и Д. В. Мещеринова «Еще Руслан и Людмила» («Литва», в. 2, М.—СПб., 1993; публ. А. М. Рачина).

В 1840-е гг. Н. стал мифологич. фигурой петерб. театр. и светской жизни, чему отчасти

способствовали многочисленные хариатуры на него, сделанные М. Неваховичем, Доброзуминой, поэтик. круглолицей, Н. представлял разнородный контраст брату, делчному и хулому, с ярко выраженным сарказм. типом лица (сер. изображение Н. в виде улыбающегося солнца на одной из обложек ж. «Ералаш»). Журн. и сибирит. всеобщий знаменитый (на хариатуре в «Ералаше» Н. едет в колеске по Невскому с вечно поднятой для приветствия шляпой или разбрасывает по всему срединному шару свои витиплае карточки) и картежник. Н., по преданию, растратил значит. состояние, оставившее отцом (будучи женихом, реал. сторульбуеве ассигнации на лапидотку невесте — Панзева, с. 32). Безотказность и расхлябанность Н. обыгрывались в анекдотах (см.: Алексеев, с. 147; Максимов, с. 127).

Сохраняя равнодушие к рус. театру, Н. уделял особое внимание петерб. итал. оперной труппе (по нек-рым свидетельствам, был увлечен певицей Ассандри). Оставив пост в театр. дирекции (1850), Н. организовал гастроль итал. «передвижной» труппы в Москву и провинц. города, а также, по-видимому, в Константинополь.

С нач. 1850-х гг. Н. служил фактотумом сначала у В. Ф. Адлерберга, мин. Имп. двора (1852—72), а затем у его сына — А. В. Адлерберга, с 1872 занимавшего то же кресло; по делам службы много ездил за границу.

Эпизодически Н. печатал свои стихи (в осн. сугубо официозного содержания), не выходявшие за рамки дилетантских опытов: «Весна (Экспромт)» (С П., 1849, 20 апр.), «Экспромт при чтении манифеста о войне с Турцией. 20-го октября 1853 г.» (там же, 1853, 23 нояб.), «Народная песнь» («Вед. С.-Петерб. гор. полиции», 1854, № 54; последние два стих. вошли в сб.: Голос за родное. СПб., 1854), «Черноморским морякам, идущим в С.-Петербург...» (СПб., 1856, 11 апр.; стих. Н. см. также: СП, 1849, 8 июня, 8 авг.; 1850, 27 январь). Восприятие Н. современниками как поэтик. натуры — один из мотивов воспоминаний о нем — позволяет предположить, что у него имелась и др. поэтик. произведения.

Лит.: Григорович (ук.); Лонгинов М. Ф. Н. Обер. — РС, 1874, № 11, с. 556; Максимов Г. М., Сест и театр Петерб. драм. труппы за прошедшие тридцать лет (1846—1876). СПб., 1878, с. 114, 126—27, 131—32; Кулников Н. И., Петерб. театр. ушис. — РС, 1886, № 12, с. 624—25; его же, Петерб. театры в 1820 и 1830-х гг. — РС, 1892, № 8, с. 456—57; Зотов В. Р., Петербург в сороковых годах. — ИВ, 1890, № 4, с. 103—45; № 5, с. 305; Алексеев А. А., Восп. актера М., 1894, с. 145—47; Кони А. Ф., Петербург. Восп. Старожилы, П., 1922, с. 78—80; Каратыгин П. А., Зал. т. 2, Л., 1930 (ук.); Голенин А., Рус. оперный театр XIX в. (1830—1856), Л., 1909, с. 241—42; Ковалевский П. М., Встречи на жизненном пути. — В кн.: Рус. мемуары. Избр. страници. 1826—1856, М., 1990, с. 370. + Некрологи, 1880; НВ, 14 нояб.; «Сибирь», 13 нояб. ГЭС; Венгеров. Источ.: Бальф; ИРДТ.

Архивы: СПб ГТБ (переводы пьес); ЦИМ, ф. 119, № 109 (письмо к Ф. А. Кони, 1848); РГБ, ф. 411, к. 2, № 1 (письмо А. И. Верстовскому, 1849); ГАЛП, ф. 2571, он. 1, № 256 (письмо О. Р. Алтун, 1866); ф. 994, оп. 4, № 151 (письмо А. Рубини к Н.); РГИА, ф. 497, оп. 1, д. 7166 (ф.с. 1849 г.) [Справка С. И. Вареховой]. К. Ю. Рогов.

НЕВАХОВИЧ Лев Николаевич (Иехуда Лейб бен Ноах) [26.6 (7.7).1776, по др. сведениям — 1778*, Летичев (Польша) — 1(13).8.1831, Петербург, похоронен на Волковом кладб. (лютеранская часть)], публицист, драматург, переводчик; коммерсант. Из мешан Волын. губ., «уволенных от Новгород-Волын. об-ва» (РГИА). Отец А. Л. Неваховича и М. Л. Неваховича. Дед И. И. Мечникова.

Род. в еврейской семье. Возможно, учился в Шклове, к-рый был в то время крупным еврейским образоват. центром. Помимо иврита овладел осн. европ. языками, хорошо ориентировался в европ., особенно нем., лит-ре и философии, что было редкостью для проживавших в России евреев. В кон. 1790-х гг. вместе с А. И. Перетцем, своим другом (впоследствии крупным петерб. коммерсантом), приезжает в Петербург, где входит в немногочисл. петерб. еврейскую общину, проживавшую в столице вопреки законам, запрещению, но с высочайшего вельможа. Среди знакомых Перетца были ближайшие ученики нем. философа-просветителя 18 в. М. Мендельсона — М. Левин и Д. Фридедшер, известные своей религ.-культ. деятельностью, что определяет приближение Н. к Гаскале (т. н. Еврейское Просвещение) — духовному движению в европ. еврействе, связанному с деятельностью Мендельсона и выступавшему за еврейскую эмансипацию и активное участие евреев в обществе и культ. жизни стран обитания при сохранении нац.-религ. идентичности. Именно Н. впервые распространяет идеи Гаскалы среди рос. евреев, становясь первым в России писателем еврейского происхождения и заложив традицию участия евреев в рус. лит-ре.

В 1798 и 1800 Н. исполняет роль переводчика с иврита в следствии по делу лидера любавицкого хасидизма З. Шнеура. (Указание Ю. И. Гессена (Гессен Ю., Евреи в масонстве, СПб., 1903, с. 47), повторенное Краткой еврейской энцикл. на то, что Н. был единств. евреем, принятым в 1797 в масон. ложу, невозможно документально подтвердить.) В 1801 представил в Кабинет е.и.в. оду на восшествие на престол Александра I. В оде, написанной на иврите и сопроваждавшейся прозаич. рус. переводом (публ. перевода — Роговичевский..., с. 129—30), в частности, приветствовал оправдание Шнеура и выступал в защиту веротерпимости. Принимал участие в деятельности К-та по благоустройству евреев, созданного в 1802, в качестве помощника консультировавших членов к-та Перетца и Н. Х. Ноткина. В связи с работой К-та публикует в 1803 (с посвящением министру внутренних дел В. П. Кочубею) публиц. кн. «Воиль-

дшерн иудейской» (СПб.) — аллегорич. изображение положения евреев в России нач. 19 в. В 1804 книга (в переработанном виде) выходит на иврите в Шклове «с посвящением Перетцу и Ноткину. «Воиль...» — первое произв. рос. еврея, написанное по-русски, — было и первым на рус. яз. выступлением против ограничения прав евреев, причем, в отличие от своих нем. единомышленников, Н. выступает не столько за гражд. свободы для евреев, сколько против распространенных в рус. обществе антиеврейских предрассудков и в том числе т. н. кровавого навета. При этом «соболезнование, снисходящее ... душу в рассуждении ... единоплемеников», сочеталось в «Воиль...» с «некоторым родом любочестия и горлыни» оттого, что автор может почитать «россиян соотчичами» (От сочинителя), и это сочетание обусловило двойственность культ. принадлежности Н. В книгу входят еще два небольших произв.: диалог «Собеседование между Синаат-Гадатом, Эметом и Шалумом» (т. е. между Истертностью, Истиной и Миролобием) — о драм. судьбе мирового еврейства и монолог «Чувствование верноподданного. На случай учреждения...» Александром I Комитета о устройстве евреев, знаменующего «дивную перемену жребия гоимного доселе народа иудейского» (с. 58).

В 1804 Н. публикует филос., в духе просветит. рационализма (с опорой на отд. положения философии Мендельсона) трактат в эпистолярной форме «Человек в природе. Переписка двух просвещенных друзей» (СПб.), написанный, как и «Воиль...», правильным, «чистым» слогом. Проследившая путь человечества от «дикого состояния» к «нравств. жизни», Н. (в традициях филос. социального оптимизма) видит его осн. вехи в победе разума над «предрассудками», веротерпимости, надежде на просвещенного монарха и возможности «братского» сосуществования народов — без войн, грабежей и взаимного «ожесточения» (с. 120). В 1805 в «Сев. вестнике» И. И. Мартынова появляется «Мнение о разборе 2-й песни „Тавриды“...» С. С. Боброва (СВ, 1805, № 8), в к-ром Н. защищает метафорич. усложненность стиля Боброва от осторожной критики И. Т. Александровского (СВ, 1805, № 3), ссылаясь, в частности, на примат «вдохновения» над «правилами» (об этой полемике см. также: Берков П. Н., Русско-польск. культ. отношения кон. XVIII и нач. XIX вв. — «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1934, № 9, с. 710—12). Прим. издавая к этой статье (с. 159), содержащее высокую оценку соч. Н. (в особенности трактата «Человек в при-

роде»), свидетельствует, что это была его первая публикация в журнале, и тем самым заставляет отвергнуть предположит. атрибуцию Н. нек-рых материалов в «Сев. вестнике» за 1804 (Топооров, с. 217). Другим полемич. соч. Н. были «Примечания на рецензию, напечатанную в ... „Allgemeine Literaturzeitung“ в февр. 1804 под № 56, на «Опыт повествования о России», соч. Елапина...», опубл. анонимно в др. журнале Мартынова — «Лицей» (1806, ч. 3, кн. 2; отд. изд. с предисл. автора — СПб., 1806) и направленные скорее не в защиту Елапина, а против нек-рых традиц. положений нем. историкографии России (в частности, недооценки древнейшего периода рус. истории) и одновременно «пристрастия» россиян «ко всему не своему», допускающих «доселе ... еще иноземцам думать о них превратно и преосудительно» (отд. изд., с. 5, 4).

В 1806 Н. крестился (перешел в лютеранство), после чего получил должность дворяства и чин коллеж. регистратора (с 1809 — губ. секретарь). В сент. того же года (или в 1803 — ИРЛИ; картотека Б. Л. Модзалевского) зачислен на службу подканцеляристом в Экспедицию о гос. доходах Мин-ва финансов. В Петербурге успешно развивается его коммерч. деятельность: в нач. 1800-х гг. Н. занят воен. поставками, к 1813 приобретает связи в бюрократич. (особенно с арист. сановником Н. Н. Новосильцевым) и деловых кругах; в кон. 1815 произведен в тит. советник. В эти же годы Н. продолжает участвовать в петерб. лит. и культурной жизни (его имя встречается среди многочисл. подписчиков ж. «Цветник» — 1809, № 7/9). Постановка его трагедии «Султеть, или Спартакось осымнадцатого столетия» (30 мая 1809; изд. с посв. М. А. Нарышкиной — СПб., 1809, 1810), приуроченная к приезду короля греко-алб. республики Сули, к-рый вместе с Александром I посетил премьеру, имела огромный успех. Н. получил от царя зол. табакерку с бриллиантами (Каратыгин; Носов); спартакоському патриотизму Сулетьов (в основе пьесы — эпизод освобожд. борьбы потомков древних греков против Осман. империи в 1790—92) противопоставлена «новейшая» мораль предателя Палавски, лощерпнутая им во время путешествия по Европе. Экзальтированный патриотизм «неустранимых греков», экзотичность аксессуаров, введение батальных сцен с хорами и особое внимание к жен. героинь, характеру, сближающие пьесу с др. произв. драматургии рус. ампира, обеспечили и высокую оценку критики (реци.: А. П. Бенитский) — «Цветник», 1809, № 6, с. 378—401). В том же году Н. привлечен А. А. Шаховским к работе над трагедией «Добора»

(пост. 1810; СПб., 1811; совр. пер. изд. — см. в кн.: Стихотв. трагедия кон. XVIII — нач. XIX вв., М.—Л., 1964), создававшейся в соответствии с драматургич. взглядами «державинского кружка» (отказ от любовной интриги и антич. сюжетов в пользу библейских); участие Н. должно было обеспечить достоверность колорита (по свидетельству Шаховского, Н. «вспомоществовал ... своими сведениями в еврейской словесности» и Священном писании и по сделанному ими плану «написал некоторые явления 1-го и 2-го действий»), переложенные Шаховским в стихи, а также полит. речь Деборы в судилище — см. предисл. к изд. 1811). Враждебная Шаховскому лит.-полемич. традиция склонна была приписывать Н. еще большее участие в создании пьесы (см., напр., сатиру Д. В. Дашкова 1815 «Вечнание Шутовского» — «Арзамас», I, 241, 530). Значительно меньший успех сопутствовал следующей пьесе «Оден. Царь Скифский» (пост. всего дважды в 1810; не изд.; рукопись — СПб ГТБ), имевшей подзаголовок «взята из Шведского театра» (ср. отзыв Измайлова: «От сотворения мира не было на театре такой глупой пьесы, но пьеса эта — трагедия, а трагедии очень любит наша глупая публика» (БЗ, 1859, № 13, стб. 413).

В 1813 переезжает в Польшу одновременно с Новосильцевым, ставшим могуществ. управителем края. С 1814 — гл. поставщик продовольствия и фуража рус. армии в Польше. В 1816, оттеснив конкурентов при поддержке Новосильцева, получает право на управление (откуп) табачной монополией в Царстве Польском, был ее «держателем» до 1830. Кроме того, в 1817 получил в аренду кошерный доход (в Мазовецком воеводстве), а в 1818—21 управлял т. н. потребит. монополией (продажа спиртных напитков и мяса в Варшаве). Н. покровительствовал министр финансов Царства Польского (с 1821) кн. Ф. Любешкий; с 1817 Н. служит при его мин-ве (Правительство. комиссия финансов в Варшаве), в «награду усердной службы» по этому ведомству награжден орденами Св. Станислава 4-й ст. (1823) и Владимира 4-й ст. (1828). Н. был одним из самых богатых людей Царства Польского (владел, в частности, несколькими домами, в 1822 приобрел в Варшаве роскошный 3-этажный особняк). Мелкие торговцы, шляхта и др. слои населения воспринимали его как плутократа, как символ всего «чуждого», «вредного» и разоряющего страну (K t a s i Ń s k i J., Pamiętniki od roku 1790—1831, Poznań, 1877, s. 141) (в правительств. и деловых кругах имел репутацию надежного партнера и умелого организатора). В день на-

чала Польского восстания (29 нояб. 1830) толпа разгромила дом Н., к-рый он покинул за 1,5 мес. до этого, захватив деньги и ценности. Ф. В. Булгарин в агентурной записке в III отд. писал, ссылаясь на мнение поляков, что Любешкий, Н. и Пуслевский (последние как авторы «проектов монополий и утешений») «суть главные виновники ненависти народа к России» (ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 2, д. 43, л. 36). Своим сыновьям оставил весьма крупное состояние, назначив своим душеприказчиком Перетца (Зотов) (имел также дочь Эмилию Невахович, см. о ней: Черейский).

Став крупным коммерсантом, Н. не отошел совсем от своих лит. и театр. интересов. В 1817 в «Сыне отечества» появился его пер. «Речи о просвещении» ген.-суперинтенданта лютеранских церквей Петербурга Т. Ф. Рейнбота (1817, № 30—31). В 1823 пьеса Н. «Абу Хассан, или Прожектер» шла в варшав. «Театре Народовом» (на польск. яз.) без успеха у зрителя; позднее др. пьесу — трагедию из перс. истории — Н. поставил на любительском дом. т-ре (D m o c h o w s k i F. S., Wspomnienia od 1806 do 1830 roku, Warsz., 1959, s. 190—91).

В 1829 Н. издает перевод первых пяти книг «Мыслей, относящихся к философической истории человечества» И. Г. Гердера (СПб.). Рецензент «Моск. телеграфа» (1829, № 17) подверг перевод сокрушительной критике, обвинив Н. в использовании не оригинала, но франц. перевода Э. Кинсе, дурном слоге и допущенных отступлениях от источника. Вернувшись в Россию в кон. 1830, Н. публикует «Разбор рецензии на книгу под заглавием „Мысли, относящиеся к философической истории...“» (СПб., 1830), где доказал, что, в отличие от рецензента, пользовался нем. текстом Гердера, а изменения, внесенные в текст, объяснял тем, что «без таких отступлений книга не могла бы явиться у нас в свет, не могла бы произвести у нас никакой пользы», он также объяснил (ссылаясь на призыв самого Гердера), что «не только переводил, но и обрабатывал Гердеровы мысли...» (с. 15).

В мае 1832, посмертно, в Имп. театре в Петербурге была поставлена последняя пьеса Н. — «ист. представление» «Меч провидения, или Надир Тахмас Кули-хан» (не опублик.; по мнению рецензента «Сев. пчелы» (1832, 4 июня), в пьесе, при множестве «светлых мыслей», отсутствует «драм. действие»; там же указывалось, что она была написана лет за 12—15 до постановки; м. б., именно она ранее и ставилась в Варшаве).

Изд.: Воля дилера... — В сб.: «Будущность», СПб., 1902.

Лит.: Носов И., Восп. старого актера. — «Муз. и театр. вестник», 1857, № 12, с. 201 (отд. изд.: СПб., 1857); Гордон Л. О., Из истории поселения евреев в Петербурге. — «Восход», 1881, № 2; Зотов В. Р., Петербург в 1840-х гг. — ИВ, 1890, № 4, с. 103—05; Гессен Ю. И., Евреи в России, СПб., 1906, с. 78, 98, 136—39; его же, История еврейского народа в России, т. 1—2, Л., 1925—27 (репринт: М.—Иерусалим, 1993, с. 141—43); Даво-Рогачевский В., Русско-еврейская лит-ра, М., 1922, с. 62—65; Шлибберг С., Шелов и его «просветители», т. XII, с. 41—43; Еврейская старина», 1928, т. 12, с. 41—43; Каратыгин П. А., Записки, т. I, Л., 1929, с. 15—16; Бочкарев В. А., Рус. ист. драматургия нач. XIX в., Куйбышев, 1959; Рогачевский А., «Верноподанный еврей: Новые данные о Лейбе Неваховице». — Вестник Евр. ун-та в Москве, 1992, № 1; Топопов В. И., Из рубрики двух эпох. К новой рус.-еврейской истории (Н. и его окружение). — «Славян и их соседи», в. 5, М., 1994; Маркшиц Ш., Русско-еврейская лит-ра. — ИЛГО, 1995, № 15, с. 220—21; Kołodziejczyk R., L. Newachowicz. — «Rocznik Warszawski», 1970, т. 8 (свидетельство о смерти — с. 144); M o c h o w s k i M., Powstanie narodu polskiego w roku 1830 i 1831, т. 1—2, Warsz., 1984 (Index); K l i e r J. D., Russia gathers her Jews: the origins of the «jewish question» in Russia, 1772—1825, Dekalb (Ill.), 1986 (Index); Некрологи, 1831: СП, 12 экз.; «Календарный», № 66, Архив, с. 193; РБС; Брокгауз; Венгеров; Источн.; Евр. энци. ИРПТ; КЕЭ; см. там же ст. Гаскала (Хаскала): Polski Słownik biograficzny, т. 22, 547, Wrocław — [i.], 1977.

Архивы: ИРЛИ (карточка Б. Л. Молчаливского) (ф. с. 1812 г.); РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 457, 1828 г. (о введении Н. в женоу в 1-ю ч. дворян. родословной книги, бюгр. сведения) [справка В. В. Боревская]; ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 2, д. 67, л. 25; СА, 3 экз., д. 3188, л. 36, 67, 70, 73 об. (агентурные записки (последняя — Е. А. Хотиминской), в т. ч. о коммерч. долгах Н.).

А. Л. Зорин, К. Ю. Рабин,

А. И. Peimāstam.

НЕВАХОВИЧ Михаил Львович [6.6.1817, Варшава — 23.8.(4.9). 1850, Одесса], аниматор-дилетант, карикатурист. Сын Л. Н. Неваховича, брат А. Л. Неваховича. В 1829 определен в Горный корпус, где пробыл два года. В 1833 зачислен юнкером в Курлянд. полк, но скоро вышел в отставку. Поступил в Сумской гусар. полк (1836), переведен в Клястицкий гусар. полк (1837). В 1841 вышел в отставку с чином штабс-ротмистра. С этого времени жил в Петербурге, принадлежал, как и А. Л. Невахович, к кругу петерб. театралов и балетоманов (выведен в куплетах В. Р. Зотова «Петерб. театрал», а также в перелицовке М. Н. Лонгинова, Э. А. Абазы и Д. В. Мещернинова «Еще Руслан и Людмила»). В 1844 сопровождал петерб. балетную труппу в европ. гастролях (Париж, Брюссель).

В нач. 1840-х гг. Н. становится известным карикатуристом на злобу дня в альбомах знакомых и на отд. листах, к-рые он «пускал по рукам» в театре (Лонгинов в М., Ф. Н. Обер. — РС, 1874, № 11, с. 555; Зотов, с. 105). На волне успеха Н. предпринял изд. альбома карикатур «Ералаш» (СПб., 1846—49), на первых порах — с помощью И. И. Пальма. Подписи к карикатурам составлялись Н., иногда при участии друзей — Э. И. Губера, М. Н. Лонгинова (см.: Лонгинов М., Восп. о Э. И. Губере. — МВед.

1857, 12 нояб.; объяснения и атрибуцию рисунков см.: Зотов, с. 108—110; Н. В. Берг указывал также на эпизодич. сотрудничество в «Ералаше» Н. Ф. Шербины. — РС, 1891, № 2, с. 260).

Карикатуры высмеивали петерб. светскую, театр. и лит. жизнь; в их числе шаржи лит.-полемич. характера (на Ф. В. Булгарина — 1846, л. 7, 1847, л. 15; на И. И. Панаева — 1847, л. 6; на Д. В. Григоровича — 1847, л. 10—11; серия рисунков «Натуральная школа» — 1847, л. 5, и др.). Несмотря на то что карикатуры «Ералаша» использовались Булгариним в полемике с натуральной школой (СП, 1847, 25 янв.), они были высоко оценены В. Г. Белинским (X, 80) и Н. А. Некрасовым, привлечшим Н. к участию в «Иллю-

рихи. Картина из „Ералаша“» (1849; рукоп. — СПб ГТБ; см. о нем: Зотов, с. 111).

«Ералаш», с первых же листов пользовавшийся единодушной поддержкой критики разл. направлений (1846: СП, 9, 30 марта; ОЗ, № 4; БлЧ, т. 76; ФВ, т. 10, июль, и др.), на протяжении 2-й пол. 40-х гг. оставался неизменным атрибутом петерб. обществ. жизни (см.: Имеретинский; Бутурлин; Соколова; Грот и Плетнев, III, 335). Сочетавшая «дагеротипическую» злободневность и пафос сатиры, характерности, карикатура находилась в центре эстетич. интересов эпохи, тесно соприкасаясь с жанрами лит. «физиологий». Сам Н. «обстоятельный» и «неожиданный» успех альбома объяснял тем, что «карикатура,

В. Р., Петербург в сороковых годах. — ИВ, 1890, № 1, с. 41—42, № 4, с. 103—103, № 5, с. 292, 305, № 6, с. 538; Имеретинский Н. К. Из зап. старого преобрядца. — РС, 1893, № 4, с. 42—43; Бутурлин М. Д. Зв. — РА, 1897, юл. 3, с. 569; Тевяшов Е. Н. Описание важн. гравюр и литографий. СПб., 1903, с. 146—53; сто же (докл.). Мат-лы для библиографии рус. изд. изданий, в. 3. СПб., 1910, с. 40—43 (росток озаглавлен «Ералаш» с указанием прототипов); Соколова А. И. Встречи и знакомства. — ИВ, 1911, № 1, с. 97—98; Голдербак Э. История рус. гравюры и литографии в России, М.—П., 1923 (ул.); Юваз в России, ч. 2, М., 1925, с. 498 (стихот. портрет Н.); Варшавский Л. Р., Рус. карикатура 40—50-х гг. XIX в., М.—Л., 1937, с. 55—62; Коростин А. Ф., Рус. литография XIX в., М., 1953, с. 39—40, 132; Жемчужников Л. М. Мои восп. из прошлого, Л., 1971, с. 246—48, 250; Пыляев М. И. Замысловатые чудеса и оригиналы, М., 1990, с. 725—30; Матушин М. От великого до смешного. — «Иск-во Ленинграда», 1991, № 8, с. 109—112. * Некрасов, 1850 «Стихи». № 10 (М. Н. Ломоносов); «Платеон». № 9: СПбБез, 12 сент. РСБ; ИРДТ, 4; Смирнов-Сокольский, К. Ю. Родов.

НЕВЕДОМСКИЙ М. (наст. имя и фам. Михаил Петрович Миклашевский; 8(20).10.1866*, Катав-Ивановский завод Уфим. губ. — 1943, Москва (?)), публицист, лит. критик. Потомств. дворянин. Отец Пётр Ив. — полковник Корпуса горных инженеров, тайный сов. (ум. в 1888, по др. сведениям — в 1886). Кроме Н. в семье было еще трое детей. По окончании в 1884 (или 1885) 6-й петерб. г-зии Н. поступил в Петерб. ун-т на физико-матем. ф-т, где прослушал полный курс и вышел без свидетельства об окончании в дек. 1892 в звании кандидата.

Активно участвовал в рев. движении. Первоначально был связан с народниками. Попав в поле зрения полпиви еще в 1887 — по его мнению, в связи с «чисто академическими» студент. волнениями, а по мнению охранки — за сношения с лицами неблагонадежными в полит. отношении» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1898, л. 167). Н. вплоть до 1917 пребывал под негласным, но под гласным надзором полиции. И несмотря на иронически-уничтожит. оценку его деятельности самой полицией («... бравурует своим участием в рев. движении, усматривая в себе ... слишком крупную фигуру радикального и лиг. мира»). — Там же, л. 41 об.), неоднократно привлекался по разл. делам, подвергался допросам, содержался под стражей: в 1894 — по делу партии «Народного права» (выпущен под залог); в 1901—02 — по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и связанной с ним группы «Злободневных листков», в издании, хранении и распространении к-рых Н. принимал участие; в 1903—04 — за хранение нелег. лит.-ры, в частности произв. П. А. Кропоткина. Н. также занимался пропагандист. и просветит. деятельностью среди рабочих и крестьян, писал прокламации, участвовал в митингах различных левых сил (имел связи с П. Б. Струве, В. Я. Богучарским, П. Н. Милюковым, В. А. Мякотиним, В. М. Черновым и др.). Принадлежал к меньшевист. фракции РСДРП (после революции

стрированном альманахе» (см. об этом: Невский альм., в. 2, П., 1917; ЛН, т. 57, с. 351—352; Некрасов, ук.), а также Ф. М. Достоевским (XVIII, 28—29).

В «Ералаше» появлялись также серии карикатур с развернутыми текстами, пародирующими совр. лит. и театр. жанры. Н. принадлежит пародийная «ист. трагедия» «Эдуард XII, король Англии» (не пропущена цензурой; опубл.: Ежегодник РО ПД, 1975, Л., 1977, комм. Ю. Д. Левина; см. также: Зотов, с. 111—113). Близки к ней и др. пародии, также, очевидно, сочиненные Н. (нек-рые, возможно, в соавторстве): «Донна Анна, или Остров людоедов. Большой балет в 3 д.» (1848, л. 20, 1849, л. 1—7), «Виконт де Плюмаж. Ист. роман в 24 частях» (1849, л. 9; пародия на романы А. Дюма). К карикатурам и пародиям Н. тематически примыкает его единств. драматургич. опыт — водевиль «Великан из Аме-

стиваясь с жизнью и передразнивая все ее пестрые явления, сделала современной потребностью публики» (проект объявления «Ералаша» на 1847 — РГИА, ф. 772, оп. 1, л. 1940).

Издание «Ералаша», периодически вызывавшее недовольство цензуры (в связи со злободневностью карикатур и нарушениями ценз. устава, запрещавшего «личности» в печати; см.: РГИА, указанное выше дело), в февр. 1850 было прекращено. Еще раньше, в кон. 1848, после неск. выпусков перестал выходить издававшийся Н. карикатурный листок «Волшебный фонарь» — приложение к «Лит. газ.» Зотова (см.: ЛГ, 1848, 2 док., с. 768; ИРЛИ, ф. 548, оп. 1, № 47, л. 19—20, 32, 78—79). Весной 1850 вместе с художником А. Е. Бойдманом Н. отправился для поправления здоровья через Харьков в Одессу, где внезапно скончался от аневризма сердца.

Лит.: Белинский, Григорович; Панаева Достоевский (все — ук.); Максимов Г. М. Сет и тайн петерб. драм. труппы за предшествовавший лет (1846—1876). СПб., 1878, с. 131—39; Зотов

1905—1907 — к ее ликвидаторскому течению. Чл. мн. обществ. орг-ций, в т. ч. «Большого Красного креста», «Об-ва помощи в чтении больным и бедным», К-та грамотности, кружка «Объединение рев. сил памяти Петра Лаврова» и др. В 1905 читал лекции в Рус. высшей школе обществ. наук в Париже, к-рую возглавляли проф. М. М. Ковалевский и И. И. Мечников.

С Кропоткиным Н. был связан не только идейно. Он был женат на его племяннице Вере Ал. Кропоткиной (1884—1961), с к-рой ознакомился по уступку сватовству Н. Г. Сенкевичу, в веники Кропоткиных и Павло-Шайковских Шербова Тверской губ., когда ей было 15 лет. Свадьба состоялась в 1902, после того, как невеста окончила г-зию и поступила на Высшие жен. курсы. В окт. 1903 жену Н. арестовали за провоз некалорийной лит-ры; г. с. состоялись ос. в связи с беременностью внушало опасение, она была вскоре освобождена под особый надзор полиции. Тем не менее розы прощли неустанно, детей в семье не было.

Свою лит. деятельность Н. начал в 1889. Сотрудничал во мн. периодич. изданиях, преим. социал-демократич., в т. ч. марксист. направления: «Рус. жизнь» (1892—1893), «Новое слово» (1896—97), «Начало» (1899), «Мир Божий» (с 1903; вел рубрику «О совр. искусстве»), «Наша жизнь» (с 1905; инсал театр. обзоры и руководил критич. отделом). В 1896 в Лондоне анонимно (авторство определено по ук. Меэьер) выплда кн. Н. «Первый год Николая II (Хроника)» с резкой критикой внутр. политики нового императора. В кннге много шифр, экономик. выкладок и как приложение — открытое письмо к Николаю II.

В 1899 в ж-ле «Начало» в статье «Художник-интеллигент» (№ 1—2) и «О современном искусстве» (№ 5, 6) Н. писал о творчестве художника Н. А. Ярошенко и в этой связи — о народничестве. Считая народничество и народнич. лит-ру в прошлом одной из лучших страниц обществ. жизни России, Н. пришел к его переоценке, отмечая, что теперь это движение выдохлось и утратило «и ист. почву, и надежды», и прежний дух, и прежний смысл» (№ 5, с. 189).

Статьи в «Начале» вызвали отповедь Н. К. Михайловского («О неск-рых мнениях г. Неведомского» — РБ, 1899, № 5, авг.; то же в т. 1: Михайловский и Н. К., Послание соч., т. 3, СПб., 1905, см. также с. 79—81), к-рый обвинил Н. в одностороннем отношении к народничеству, а «преступилом ... легкомысленно огульным отношением к истолку азаэлитизму, эстетическому ... всеми струнами мысли, страсти и жизни ...» (с. 102).

Несмотря на идейные разногласия, Н. поддерживал давние личные отношения с Михайловским, высоко ценил его [см. ст. «Н. К. Михайловский (Опыт психол. характеристики)» — МБ, 1904, № 4, отд. 2]. Был также дружен с Г. А. Лопатниным и В. И. Засулич.

В 1906 Н. — редактор сатирич. ж-ла «Леший» (вышло в апр.—мае всего 4 номера), в к-ром сотруднича-

ли М. П. Арцыбашев, В. В. Вересаев, А. Г. Горцифельд, А. И. Куприн, а также художники Е. Е. Лансере, И. И. Бродский, В. В. Каррик. В том же году Н. активно печатался в полит. еженед. «Без заглавия» (иногда под псевд. — Пессимист или М. Н.), к-рый издавали Е. Д. Кускова и С. Н. Прокопович: «Не оскорбляйте истории» — памяти 9 января 1905 (№ 1); «Блиндированная дума» — о нарушениях законопорядка и гласности и о разгуле реакции (№ 7); «Опять?..» — о еврейских погромах и благословении их реакци. полит. кругами России (№ 9); здесь же опубли. одна из ранних лит.-критич. работ Н. «Представительство духа народного» — к 25-летней годовщи-

не смерти Ф. М. Достоевского (№ 3, 4). Признавая гениальность Достоевского, Н. не принимает его мировоззрения и мироощущения, видя их истоки в «пагологии его истопанной каторгой души» (№ 3, с. 92). Характерно, что, разбирая творчество и философию Ф. Ницше (см. его преддл. к кн.: Лихтенберже А., Философия Ницше, СПб., 1901), Н. видит в нем в первую очередь художника, человека большой печали и одиночества.

С 1906 Н. сотрудничал в «Совр. мире», в духе идэйной ориентации к-рого и самого Н. называли «кадето-образным меньшевиком» (см. письмо В. А. Руднева (Базарова) к М. Горькому от 3 февр. 1909 — Архив А. М. Горького. КГ—П, 67, 1, 9). Н. иногда участвовал в собраниях кадет. партии, выступал с обзорами ее деятельности (напр., доклад в «Союзе союзов» 16 апр. 1906; см. также: «Без заглавия», 1906, № 11). Будучи политически достаточно сдержанным и далеким от признания террора, Н. на банкете представителей интеллигентных профессий и рабочих 14 дек. 1904 выступил с докладом об убийстве министра внутр. дел В. К. Плеве Е. С. Созонова, в х-ром не

только высказал свое негативное мнение о Плеве («... он был жандарм, шпиль и это слово для него слишком почетное имя ...»), но поднял проблему террора в целом, сказав, что бомба «была брошена не рукою Созонова, а рукою нашей истории и истории Европы» (ГАРФ, ф. 102, 7-е д-во, 1904 г., д. 3572). Н. нередко считали эклектиком в политике, упрекая в совмещении «интеллигентских» и «пролетарских» взглядов; В. М. Шулятиков назвал его «идеологом интеллигентного пролетариата» («О „новой“ теории иск-ва» — «Курьер», 1903, 16 авг.), расценивая это как воплощение двойственного мелкобурж. сознания. Работал Н. также в меньшевист. ж-ле «Наша зоря», в «Досуге рабочего», «Запросах жизни» и т. д. После ухода из «Совр. мира» в 1909 он безуспешно пытался создать внепарт. орган, «социалистический в широком смысле слова», далекий от полемики и фракционности (Архив А. М. Горького, ПГ—рл 25, 32, 2 [кон. окт. 1913]).

Как лит. критик Н. был убежден во взаимосвязи жизни, обществ. процессов и лит-ры, оценивая их в развитии и взаимодействиях. Целью иск-ва он считал «обобщающую и классифицирующую работу истолкования жизни» (МБ, 1904, № 10, с. 144). В кн. «Общественное движение в России в начале XX века» (т. 1, СПб., 1909) опубли. иссл. Н. «Наша художественная литература предреволюционной эпохи», где рассматриваются источники самобытности новейшей лит-ры России, влияние на нее соседних культур и ист. событий. Определив четыре этапа в развитии совр. лит-ры и связав их с четырьмя крупными писателями — А. П. Чеховым, Вересаевым, Горьким и Андреевым, Н. прослеживает эволюцию идей, смену героя, смену читателя, эмоциональные подъемы и спады, от «идэйного» народничества через «грустно-безыдейную фигуру Чехова» (с. 488) к декдансу и безвременью, к к-рым он в целом относился негативно (см. его ст. «Модернистское похмелье» в сб.: Вершины, I, СПб., 1909). Процессы распада и дифференциации в лит-ре идут параллельно этим процессам в среде интеллигенции.

Книга Н. «Зачинатели и продолжатели. Поминки, характеристики, очерки по русской литературе от дней Белинского до дней наших» (П., 1916; 2-е изд., 1919) — собрание почти всех ранее опубли. основных статей, посв. А. И. Гершену, Н. А. Добролюбову, Михайловскому, Л. Н. Толстому, М. Е. Салтыкову-Щедрину, И. С. Тургеневу, С. Я. Надсону, В. М. Гаршину, В. Г. Короленко, Н. Н. Златовратскому, К. Д. Бальмонту, В. Я. Брюсову, М. А. Кузмину, И. С. Шмелёву; в отд. гла-

вах дан разбор состояния общества и лит-ры на разл. нст. этапах; гл. «Зигзаги нашей критики» — теоретич. иссл. о методах лит. критики (на примере работ Ю. И. Айхенвальда, В. П. Краинфельда, Горифельда и М. О. Гершензона). В книге проявились лучшие черты Н. — критика и публициста: интеллигентность, высокая культура, изложение собств. идей без попыток навязать свое мнение читателю.

Особо пристально и в течение долгих лет Н. следил за творчеством Горького и Андреева. Подчеркивая, что Горький вошел в рус. лит-ру в период безвременья, «бескрылости», «безнародности», он считал его жизнеутраченным вестником зарождающейся новой жизни, новых отношений, новых героев. Горьковская трактовка свободной личности позволила Н. считать его «нишсанцем-самородком» (см. в кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. 5, М., 1917, с. 256). При этом «во всей романтической символике Горького ... всегда ощущалась бытовая, реалистический корень его творчества» («О „новом“ Максиме Горьком и новой рус. беллетристике» — «Запросы жизни», 1912, № 8, с. 490). Но все эти качества, по мнению Н., совершенно пропадали, когда Горький вторгался в несвойств. ему область публицистики и проповедничества; именно поэтому Н. не принял ром. «Мать», считая его падением таланта писателя, догмой и схемой (там же).

Андреева Н. называл «одним из самых ярких выразителей ... переворота» в лит-ре начала века («История рус. лит-ры ...», т. 5, с. 260). Появившись в прозв. Андреева после 1907 мрачно-профетическую символику Н. рассматривал как «новое слово, новый этап» (МБ, 1904, № 10, с. 152), но все же говорил о кризисе в его творчестве, порожденном безвременьем и утратой живой связи с читателем [см. также: МБ, 1903, № 4 (отклик: Н. Коробка — «Обр.», 1903, № 7; И. (И. Н. Игнатов) — РВед, 1903, 12 апр.]; «Об иск-ве наших дней и иск-ве будущего» — МБ, 1909, № 1, 3, 4 (отриц. отзыв в письме Горького к А. В. Луначарскому: Архив Горького, т. XIV, с. 45)].

Однако, почти безоговорочно принимая Андреева, о др. худож. исканиях в лит-ре Н. отзывался неоднозначно: со скепсисом и сарказмом о Ф. Сологубе, Д. С. Мережковском, Бальмонте, З. Н. Гиппиус, о разл. «любителях всяческой глубокомысленной неясности» (МБ, 1904, № 10, с. 144), а позднее с явным недоверием о кружке футуристов «с его вычурами и молодым школьничеством», противопоставляя им образовавшийся в Петербурге «Цех поэтов» как «возврат к действительности ... к

краскам и трепету жизни» («Еще год молчания. Наша художественная литература в 1912 г.» — ж. «За семь дней», 1912, № 1, с. 12).

Д. В. Философов ушел в этом «теоретич. и худож. беспомощность... „лобостенной“ критики», считая, что марксист Н. могло привлечь к экивидам лишь полное отсутствие «глубоко индивидуального» в их творчестве (см. его ст. «Административный и М. П. Неведомский» — «Речь», 1913, 17 февр., с. 3). Похоже, однако, что в статье Философова была искажена суть дела, о чем говорил А. М. Реако в письме в редакцию «По поводу заметки г. Философова об „экивизме“» (там же, 21 февр., с. 7).

Н. пропагандировал «свободное иск-во», отдавая предпочтение личности писателя, индивидуальному в иск-ве, художественности перед тенденциозностью [в ст. «Смерть Льва Толстого» («Наша заря», 1910, № 10) он утверждал, что главный двигатель творчества Толстого — совесть и что сам Толстой аполитичен]. Полагал, что на рубеже вехов в лит-ре осуществляется переход от прежней морально-обществ. концепции к концепции эстетико-философской. Новое эстетич. качество видел в сочетании реализма и символизма («символич. реализм», или «неореализм»), понимая символизм очень широко («символично... всякое иск-во»), не как течение, а как «способ писания» символами, объединявший всех — от декадентов до социалистов (ст. «Об иск-ве наших дней...»).

В 1913 в Петербурге вышла кн. Н. (совм. с И. Е. Репниным) «А. И. Куинджи» (положит. рец.: Н. Александрович — «День», 1913, 13 мая; [б. п.] — БВед, веч. в., 1913, 9 мая; в 1937 переизд. в Москве под назв. «Куинджи» и только под фам. Н.). В известной мере это была дань занятию живописью самого Н., к-рый в молодости зарабатывал на жизнь тем, что писал и продавал картины. Сохранились его рисунки с комм. (РИБ), сделанные в бытность Н. в 1917 чл. «Чрезвычайной Следственной комиссии ...» Врем. пр-ва, куда он был приглашен наряду с А. А. Блоком и Л. Я. Гуревич для редактирования показаний обвиняемых и свидетелей.

После 1917 Н. жил нек-рое время в Дмитрове (с Кропоткиным), в Твери (преподавал в Твер. пед. ин-те), в кон. 1920-х — нач. 1930-х гг. — в Москве, проф. Пед. ин-та и Гос. лит. курсов, чл. ЦЕКУБУ; в нач. 1940-х гг. исполнял обязанности проф. и читал курс древнерус. лит-ры в Ферган. пед. ин-те. Чл. Всерос. обществ. к-та по увековечению памяти Кропоткина (ВОК). Занимался переводами, изредка публицистикой.

Др. произв.: «Логичная жизнь. (Памяти А. И. Богдановича)» (СМ, 1907, № 4; то же в кн.: Богданович А. И., Годы перелома. 1895—1906, СПб., 1908; отриц. отзыв: П. Ф. Якубович) — РБ, 1908, № 8,

б. п.), «Песни безвременья» [в кн.: На рубеже. (К характеристике совр. исканий). Критич. сб-к, СПб., 1909], «Без крыльев (А. П. Чехов и его творчество)» (в кн.: Юбилейный чеховский сб-к, М., 1910), «80-е и 90-е годы в нашей литературе» (в кн.: История России в XIX в. Конец века. Отд. II, т. 9, СПб., 1910), «Цикл очевидно завершившийся ...» («Дело», 1916, № 2), «Его величество Ленин. (Личные впечатления)» («Амурское эхо», 1918, 5 янв.), «Г. А. Лопатин о своих встречах с Марксом» («Новый день», 1918, 4 мая), «Кто главный герой этой истории?» [в кн.: Корсунский П., Единение и труд — все перетрут. (История одной долины), Тверь, 1919, с. 51—55].

Лит.: Блок, VII (ук.); Горький (ук.); Ленин В. И., Заметки публициста, XVI, с. 54—66; его же, Герои «поговорки», XX, с. 338—43; «Биографии лит-ры и жизни», 1912, № 13, с. 511; Падение царского режима, т. 1, М.—Л., 1924 (ук.), т. 7, 1927 (ук.); Письма Леонида Андреева к Н. — «Иск-во», 1925, № 2, с. 265—71; Манаслышам Р. С., Худож. лит-ра в оценке рус. марксистской критики. Лит. ук., М.—Л., 1928, с. 96—98; История рус. лит-ры, т. 10, М.—Л., 1954, с. 96—97, 196—203; Рус. лит-ра и журналистика (1; ук.); Никитин А. Л., Заклочник этап развития анарх. мысли в России. — «Вопр. философии», 1991, № 8; «Звенья. Ист. альм.» в 2 т. М.—СПб., 1992 (ук.); ЛН, т. 72 (ук.). + Мельер: ЛЭ; КЛЭ; Муратов (2; ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 597, оп. 1, д. 390 (письма М. Я. Фиттерману); ф. 444, оп. 1, д. 568 (письма П. Н. Сакулину); Архив А. М. Горького, КГ—П, 1, 3, 31, 50 (письма Горькому, 1913); РБб, ф. 410, к. 11, д. 1 (свид. о рождении)*, д. 8 (свид. о рождении В. А. Кропоткина), к. 13, № 36 (письма В. А. Михайловской к Н.); ф. 369, оп. 301, № 41 (письма Н. к В. Д. Болч-Брусилу); ГАРФ, ф. 102, 3-е д-во, 1883 д., д. 1120 (о бывшем студенте Пестерб. ун-та М. П. Михайловском); 7-е з-во, 1894 г., д. 86, т. 1; 1901 г., д. 319, т. 1; д. 682; 1903 г., д. 331; 1904 г., д. 2440; ф. 1652, оп. 1, д. 388.

О. Е. Бланкина

НЕВЕДОМСКИЙ Николай Васильевич [14(25).3.1879 (по др. сведениям — 1796*), с. Зобинно Кашиин. у. Твер. наместничества — 8(20).10.1853, Москва; похоронен на Головоком погосте Бежецкого у. Твер. губ.], поэт, историк-дилетант. Один из «рожденных до брака» сыновей наив. сов. Зубова (вероятно — Василия Николаевича, дяди последнего из фаворитов Екатерины II П. А. Зубова). Юношей поступил на гражд. службу в Петербург (к 1812 коллеж. рег.). На объявление ополчения против французов Н. откликнулся стихами «К русским на всеобщее вооружение» (СПб., 1812) и зачислился корнетом во 2-й Волонтерный полк барона Боде (10 авг. 1812). В 1813 в составе смешанной команды из гусарских и казачьих полков попал в партизанский отряд А. С. Фигнера (1787—1813), составленный из оставшихся наполеоновскую армию испанцев и немцев. Здесь, в частности, познакомился с нем. поэтом-партизаном (как называл его Н.) Т. Кернером, вскоре погибшим на глазах Н. (см. стих. Н.

«Памяти Кернера», «Дружба» и ст. «Поэзия партизанской войны»). 1 окт. 1813 на Эльбе при разгроме отряда Фигнера под Дессау Н. был ранен и попал в плен (эпизод, отраженный в ст. «Последнее сражение Фигнера»). После освобождения из плена Н. был определен в Гусарский принца Оранского полк; с 1813 поручик; в 1818 штаб-ротмистр Стародубского кирасир. полка. Весной 1821 выходит в отставку «по домашним обстоятельствам»; живет в Москве и поместьях, посвящая себя сельскому хозяйству и лит. занятиям.

Лит. деятельность Н. началась в Петербурге. С. П. Жихарев в «Записках современника» с насмешкой рассказывает, как Н., «хромой пинта», благодаря протекции сенатора и «беседниста» И. С. Захарова получивший повышение по службе, написал по этому случаю басню «Калека и скороходы», напечатал ее в небольшом количестве экземпляров и разослал своим сослуживцам (запись 5 мая 1807). Летом 1812 вышел небольшой сб. Н. «Басни и сказки» (СПб.; с посв. А. Н. Зубову), включивший его первые поэтич. опыты. А. Е. Измайлов, найдя в сб-ке текстурные заимствования из образцовых баснописцев, отметил, что Н. и в них сделал «весьма дурные перемены», не знает правил стихосложения и что «г. Д.» (издатель басен Н.) оказал автору дурную услугу (СПбВест. 1812, № 7, с. 81, 83).

Военные походы внесли новые мотивы в стихи Н. В 1815 он печатает отд. издание стих. «Память Кернеру» (СПб.), с прибавлением автобиогр. заметки о знакомстве с ним, а в 1819 выпускает с посвящением ему же сб. «Воин-поэт» (М.). Сюда вошли сильно переработанные басни, новым был отдел «Песни и романсы»; к ним присоединены отрывки из «второй России» — видимо, задуманной Н. в подражание М. М. Хераскову поэмы о войне 1812. Прежний доброжелатель «г. Д.» предпринимает двухтомное издание «Стихотворений» Н.; из печати вышла только 1-я кн.: «Песни и романсы» (М., 1821; 2-я кн. должна была содержать басни); несмотря на заверение издателя, что «в сей книжке нет ничего общего с прежними сочинениями сего писателя, кроме нескольких» (с. 3), «Песни...» содержат мн. произв. из предыдущего сб-ка. Ранние стихи свидетельствуют об эклектизме и подражательности, в них соседствуют созданные под прямо противоположными влияниями сентиментальный романс и гусарская песня, дружеское послание и обращенные к дамам салонные стихи. Сб-ки вообще не были замечены критикой, если не считать эпиграммы П. И. Колошина: «Неведомский, поэт, не ведомый никем! Печатает стихи неведомо» (ЛН, т. 60, кн. 1, с. 551, 554).

Н. не был связан с журналами и журналистами (известны его единичные публ. в альм. «Утренняя... на 1826 г.» (М., 1825) и в газ. «Молва», 1831, № 21). Тем не менее в 1823 он удостоился избрания в чл.-сопр. ВОЛРС при Моск. ун-те, в «Труды» к-рого он представил две басни и стих. «Дружба» (1823, ч. 3, кн. 8).

После небольшого перерыва изданиями одна за другой появились сб. поэм Н. Среди них выделяется цикл, связанный с его воен. юностью: «Лирические поэмы», «Русский Орел», «Наполеон!» (СПб., 1828), «Партизаны. Описательная поэма» (СПб., 1829; посв. памяти Фигнера), «Бурка» (М., 1835). Общую тематику поэм составляет прославление силы рус. оружия в прошлом и настоящем и России как оплота порядка в Европе. В отличие от жанрового канона, поэмы Н. практически бессюжетны, растянуты, почти лишены конкретных автобиогр. деталей и строятся по принципу развернутой ольы: осуществить призыв Д. И. Хвостова «парить за Шиллером, Байроном» (Хвостов Д., Ответ Н. — «Славянин», 1828, № 42, с. 149) оказалось ему не по силам (в «Партизанах» декламации о лихих и жестоких партизанских рейдах, хитростях войны в тылу неприятеля, гусарской бивуачной жизни получили отстраненными и невыразительными). Более определенно лит. вкус Н., позволяющие думать, что он относил себя к поэтам романтич. школы, отразились в «Энеиде» (СПб., 1828). В предисловии он заявил, что не намерен держаться «правил» «За свято данных мастерами» и что ему «не страшно помело! Ня Шлегеля, ни Буало» (с. 5). С восторгом говоря о стихах Д. В. Давыдова (высокую оценку поэта-партизана см. также: «Совр.», 1838, т. 9, с. 30—31), он иронически упоминает «комедии Шутовского» (А. А. Шаховского), соч. А. Жюмнини, «Дамский журнал» П. И. Шаликова, стихи Свистова (Хвостова).

Сатирич. поэмы Н. — «Энеида. Колич. поэма» и «Деньги. Сатира» (СПб., 1833) — появились одновременно с «лирическими». «Энеида» продолжала традицию рус. переложения бурлескной поэмы А. Блумауэра. Однако если ранние рус. подражания (И. П. Котляревского, Н. П. Осипова, А. Котельницкого, И. М. Наумова) создавали бурлескный эффект за счет изображения простонар. быта, сатирически описанного, то Н. строит свой бурлеск на материале совр. быта дворянства, и в этом отношении его поэма объективно является промежуточным звеном между старой традицией и опытами Д. Д. Минина.

Во второй поэме-«сатире» Н. изложил уже укоренившуюся в лит-ре тему разлагающегося всевластия денег чисто классицистским способом, описав череду эпизодов и персонажей с характерными значащими именами — Вралькин, Пилюлькин, князь Пустов, граф Сподядралов и т. п.

Появление в печати поэм Н. было отмечено только в обзорах «Моск. телеграфа», где они получили весьма явные оценки: «Поэзия Неведомского отстает Наполеона!» (о «Лирич. вымыслах» — 1828, № 4, с. 556); «сочинитель испытывает все образы выражений: шуточные, умные, сатирические, патетические, но ничуть не владеет нечаянно» (о «Партизанах» — 1829, № 23, с. 366); «не стара ли штука?»... «изобретения тяжела, не остроумны, не забавны и смешны иногда только какою-то нелепою странностью» (об «Энеиде» — 1828, № 6, с. 245; см. также отклик: Золн 1-й (М. П. Погодин) — МВ, 1828, № 11, с. 307).

Общую непредвзятую оценку поэзии Н. вынужден был дать П. А. Плетнёв, несмотря на сочувств. поддержку Н., к-рого он привлекал к участию в «Современнике» (письмо к Я. К. Гроту 31 марта 1845): «Все стихи Неведомского дрянь. Но его отрывки о партизанах разных наций — чудно-хорошие статьи», в них — «оригинальность и сила при всей небрежности языка» (Грот и Плетнёв, II, 435, 576). Последнее относилось к большому циклу статей Н., появившихся в последующих номерах «Современника», — части его 7-томного (по свидетельству Плетнёва) труда о партизанских действиях в разные времена и в разных странах. Главы из него печатались под назв. «Последнее сражение Фигнера» (1838, т. 9), «Отрывок из истории Испанско-Американских партизанов» (1838, т. 11), «Отрывки из истории партизанов Пиренейского полуострова» (1839, т. 13, 15—16; 1840, т. 17), «Очерк Испании» (1841, т. 21, 23), «Нашествие Масены на Португалию. Из кн. «Нар. войны португальцев»» (1842, т. 27; 1844, т. 33), «Поэзия партизанской войны. Из приготовленной к печати рукописи кн. «Теория нар. войн»» (1845, т. 40). Последней публикацией из этого сочинения была статья Н. «Горцы Аbruццо и Калабрии 1799 г.» («Москв.», 1852, № 24).

У Н. сложились с Плетнёвым дружеские отношения, он бывал у Плетнёва в Петербурге, вошел в круг его знакомых (в частности, в салон А. О. Смирновой-Россет). «В нем редкие качества ума, сердца и неосужденности», — писал Плетнёв Д. И. Коптеву 4 нояб. 1845. — Его прямодушные, доброты, искренность и доверчивость так и горят в прекрасных глазах его» (РА, 1877, кн. 3, с. 368).

Он же оправдывал перед друзьями лит. недостатки статей Н.: «Что, если бы Неведомский прозел свой век как я, между Жуковским и Пушкиным! Какого писателя увидела бы в нем Европа! Теперь он самоучка, не более» (Грот и Плетнёв, II, 594). Однако «партизанские»

статьи Н. нравились читателям. Их весьма положительно оценивал в своих журн. обозрениях В. Г. Белинский. Отмечая их «оригинальность», он относил их к числу таких, «какими редко украшаются наши журналы» (МН, 1838, апр., т. 2; то же — II, 400). В частности, он защищал Н. от нападков в «Сыне отечества» (1839, 7, 7), считая статьи «привосходными и по содержанию и по изложению», отмечая «оригинальность» темы, «картинность слога» и «живую занимательность содержания» (МН, 1839, ч. 1, февр.; ч. 2, март; то же — III, 123; см. также с. 50, 601).

Из «партизанских» очерков Н. лишь «Последнее сражение Фнгнера» и «Поэзия партизанской войны» заключают свидетельства участника и очевидца; остальные носят компилятивный характер, содержат множество историч. и археологич. сведений — об арабах, маврах, исп. г(в)ерильях (партизанах) (в т. ч. в связи с крестовыми походами 11—13 вв.), исп. Реконкистой, наполеоновскими войнами и т. п. (об интересе к исп. теме в рус. периодике см. в ст. Н. М. Пятницкий).

В 1840-х гг. Н. жил в Кашине, Бежецке, Москве, Твери. В нач. 1843, после того как твер. ген.-губернатор Д. Н. Боголовский был смещен с должности Николаем I, Н. передал через Плетнёва в газ. «С.-Петерб. ведомости» (1843, 31 янв.) письмо об обедах, к-рым в Тверь провозжала нач. губернии. Публикация письма привлекла внимание III отделения, и по поводу бестактности автора возникла секретная переписка между А. Х. Бенкендорфом, Л. А. Перовским, П. А. Шпринским-Шихматовым и С. С. Уваровым (см.: Цензура в царствование имп. Николая I. — РС, 1903, № 4, с. 175). О последних 10 годах жизни Н. ничего неизвестно (в 1846 даже распространился слух о его смерти; Грот и Плетнев, II, 819; III, 775—76).

Два старших сына Н. были привлечены к лит-ре. Ал-кс-др Ник. Невеждинский (1830 — после 1869) известен как переводчик филос. соч. И. Бенгтама, Дж. С. Милля («Утилитаризм», СПб., 1866—69) и др. Вас. Ник. Невеждинский (1827—99), окончивший Моск. ун-т кандидатом ист.-филос. наук (служил чиновником особых поручений при моск. ген.-губернаторе, обер-секретарем в Сенате, Деп. гос. имущества; дослужился до тайного сов.), с 1872 стал активным сотр. «Рус. ведомостей» (см.: РВед. Сб., с. 122), а с 1878 занимался исключительно переводами. В его переводе вышло соч. англ. и нем. историков Э. Гиббона («История упадка и разрушения Рим. империи», ч. 1—7, М., 1883—86), Т. Мюллера («Рим. история», т. 1—2, 5, М., 1885—87), «Воспоминания» А. Токиада (М., 1893), кл. «Руссо», «Энциклопедисты» Дж. Морли (обс. — М., 1881, 1882), «Всеобщая история с IV столетия до нашего времени» (т. 1, 3—6, М., 1897—99) Э. Ламма и А. Раббо, а также пропов. историков лит-ры Р. Гайма («Романтизм, школа. Вклад в историю нем. ума», М., 1891; «Герзер, его жизнь и сочинения», т. 1—2, М., 1888) и Г. Брандеса («Гл. течения лит-ры 19 столетия», ч. 1—3, М., 1881—88; М., 1893) и др. (см. некрологи: РВед., 1899, 14 нояб.; НВ, 1899, 16 нояб.; НВ, 1900, № 1).

Др. произв.: «Отрывки из книги „Рус. военнопленный“» (ДЖ, 1824, № 2).

Изв.: [Бастин]. — В кн.: Соч. в прозе и стихах. М., 1823; Пантеон рус. баснописца, СПб.,

1845; Стихотв. сказка: Рус. басня: Рус. эпитамма.

Лит.: Плетнев, III; Грот и Плетнев (ус.); Белинский, VI, 544; IX, 421 (указ. выше стр. из т. 2 и 3 — не отмечены в ук.); Белинский В. Г., ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 510—12 (под ред. С. А. Венгера; с библиоц. Н.); Розанов И. Н., Рус. лирика, М., 1914, с. 286; Алексеев М. П., Рус. культура и романский мир, Л., 1985, с. 102—03, 184; Жигалова Л., 280—81, + Ст. ОЛРС; Генназ; Брокгауз; Венгеров. Источ.: Мельер; РПНБкр.*; Маюнов.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 26, № 700—701 (дела о дворянстве Н. и его брата Вас. Вас. Н.); ИРЛИ, ф. 234, оп. 3, № 454 (письма П. А. Плетнёву, 1840—43 гг.); ГА Твер. обл., ф. 645, оп. 1, л. 2753, л. 1, 2, 8 (являя рода, сыновей Н.).

В. П. Степанов.

НЕВЕЖИН Пётр Михайлович [27.6(9.7).1841, Смоленск* — 25.5.1919, Петроград; похоронен на Волковом кладб.], драматург, прозаик. Из обедневших дворян Смоленской губ.; отец — отставной военный; мать — лютеранка. По окончании Смоленской г-зии учился в 1-м моск. кадет. корпусе (1852—59). из

к-рого выпущен офицером в 17-й стрелковый батальон. Первые пробы Н. в драматургии — написанные в 1862 и в 1870 пьесы, — по его словам, были отклонены цензурой (письмо П. Н. Полевому — ИРЛИ, ф. 326, № 49). Участвовал в рус.-тур. войне 1877—78, был тяжело ранен (об этом в рассказе «Эвакуация» — ИВ, 1898, № 5), что в дальнейшем сказалось на его здоровье и характере: «достопадный нытик» (по словам М. П. Садовского — в кн.: А. Н. Островский. Дневники и письма. Театр Островского, М.—Л., 1937, с. 172), «самый тяжелый человек в свете» (Чехов в Письма, VI, 102).

Выйдя в отставку в 1881 в чине майора, Н. решает серьезно заняться лит-рой. Первая публ. — воен. очерк «В отделе» (РВ, 1881, № 1). Отклоненная ранее цензурой комедия Н. была по его просьбе переработана Островским (он обогатил язык персонажей и смягчил вызывающий сюжет; мать, пытающаяся вместе с любовником присвоить наследство сво-

их дочерей, была заменена на старшую сестру) и передана им М. Е. Салтыкову-Щедрину для публикации («Блажь» — ОЗ, 1881, № 3) и И. А. Всеволожскому для постановки в Малом т-ре (1880, с участием М. Н. Ермоловой). По просьбе нач. репертуарной части имп. т-ров А. А. Потемина Островский передал и пьесу Н. «Старое по-новому» (М., 1882; о редакторской работе Островского — см. в его ПСС, XVI, 39; см. также обе пьесы в ред. Островского — там же, X; пост. в Малом, 1882, и Александрин., 1883, т-рах). Островский видел в Н. одного из наиб. даровитых совр. писателей (XVI, 46), протектировал ему, хотя нек-рые его пьесы не принимал (XIII, 286; восп. Н. об Островском см.: ЕИТ, 1909, в. 4; 1910, в. 6; рец.: ТИИ, 1909, № 52).

Тематика, воспринятая от Островского (изображение купечества, мешан, чиновников, помещиков), получила у Н. лишь внешнее развитие (напр., комедия «Компаньоны» — «Артист», 1891, № 18; Малый т-р, 1891). Его пьесы оставались в русле бытовой мелодрамы 80 — 90-х гг.: в целом достаточно статич. действие перемежается «взрывными» сценич.-объяснениями и приводит к традиц. развязкам (в драмах — неизменно кровавым). Реалии времени и среда определяют поступки персонажей, кочующих из пьесы в пьесу: эмансипированная женщина, страдающий сверхчеловек, обаятельный негодяй. Их бунт, разрушение старых моральных устоев вызывают гуманно-оправдательную реакцию автора («жулик» у Н. — «герой»). — Чехов, III, 95, 96). Стремление к независимости и отказ идти по стопам отца-купца движут поступками молодого героя комедии «На зыбкой почве» (М., 1882), первого самостоятельного произв. Н. (т-р Корша, 1882; положит. рец.: НВ, 1882, 16 окт.). Изображаемые ситуации чаще всего экстремальны: месть за соvrашение девушки в «Друзьях детства» (М., 1885; Малый т-р, 1886), убийство и муки совести в драме «Выше судьбы» («Театрал», 1896, № 89; Малый т-р, 1896; под назв. «Неумолимый суд» — Александрин. т-р, 1898). Накалены до предела семейные отношения в пьесе «Непогрешимый» («Артист», 1894, № 42; Малый т-р, 1894; рец. 1894: А. А. Барсов — РМ, № 12; «Артист», № 42). «Вторая молодость» (М., 1887; Малый т-р, рец. 1887: С. В. Васильев (Флёров) — МВед. 19 окт.; М. Н. Ремезов — РМ, № 11; см. также положит. отклик: Немирович-Данченко о Вл. И., Избр. письма, т. 1, М., 1979, с. 119) оставалась одной из самых репертуарных пьес в России вплоть до 1920-х гг. В основе ее сюжета (герой страдает в молодую учи-

тегляницу, ради к-рой его отец бросил семью и истерзал жену униженным для нее требованием развода) лежала реальная, получившая огласку семейная драма, легко узнаваемая публикой (о скандальной ситуации, чуть было не увенчавшейся дуэлью между драматургом и одним из прототипов; см. восп. А. А. Бренко: «Театр», 1916, 1, 2 янв.).

Оценки драматургии Н. в театр. критике и писательской среде были различны. В «Литературной таблице о рангах» Чехова Н. имеет третий от конца чин — «губернского секретаря» (V, 143). Резко высказывался о его пьесах П. Д. Боборикин (см.: Островский. XII, 237). А. С. Суворин (НВ. 1887, 19 окт.). Многие рассматривали его в ряду В. А. Крылова и И. В. Швагннского как поставщика расхожей театр. продукции (см., напр.: Немирович-Данченко Вл. И., Театр. востанск. т. I, М., 1952, с. 89; Горький, XXIV, 452). А. А. Блок, выделявший «Вторую молодость» в 1919, отметил, что удачно исполнение актеров «придает новый смысл и значительность незначительному» (VI, 277). Положительно оценивались актуальность тем и типов, но подчеркивалась тенденция основательно сюжет на единичном факте, часто из улоповой хроники (PM, 1889, № 12), подчинять замысел отвлеченной идее (СВ, 1893, № 12). Отмечали неясность конфликта, неясность арт. полировки (С.В.Васильев — РО, 1892, № 11), заигрывание с публикой (М. Н. Реснев — PM, 1891, № 12, с. 295). Уничтожит. характеристику Н. дал А. Н. Сумбатов-Южин: «...ему здорово то, что другому смерть. Нет злая — на пользу; злая, мол, не князья; нет характер — на пользу; все, мол, у него удивительно жизненно — даже характеры ист... А главное, он совершенно по плечу массе...» (Восп. Записк. Стат. М.—Л., 1941, с. 59).

Н. «опытного драмателю» (А. Г. Горького), отличали знание законов трагедии и умелое владение техникой разработки конфликта: «самая плохая драма Н. лучше десяти, одобренных Петербургом» (Немирович-Данченко Вл. И., Театр. наследие, т. 2, М., 1954, с. 92). Многие роли сомнивались им в расчете на изв. актеров (об этом см.: А. Р. Кугель — ТИИ, 1898, № 47); в его пьесах играли Г. Н. Федотова, Е. К. Лещковская, Сумбатов-Южин, А. П. Ленский, П. А. Стрелетова, М. Г. Савина и др., придававшие своим образам психол. достоверность.

Н. был весьма плодовит (им написано более 20 драм, 8 романов, 12 повестей и ок. 100 рассказов) и настойчив, прокладывая своим пьесам путь на сцену любым способом (жалуясь на судьбу и завистников, на отчаянное материальное положение и даже угрожая самоубийством, — см. некролог: «Вест. театра», 1919, № 31—32).

В романах и повестях Н., рассчитанных на массового читателя, сюжетная коллизия создает внутр. напряжение в повествовании, ровном, неторопливом («джокенсовская манера»), по выражению Н. Н. Венгеля. — НВ, илл. прил., 1911, 5 нояб., подпись Ю-н), насыщенном бытовыми подробностями (порой излишними, создающими длинноты). В ром. «Знаменитость» (М., 1899) на детально проработанном фоне (среда молодых музыкантов) изображена

судьба талантливого виолончелиста, не сумевшего преодолеть душевный кризис и окончившего жизнь самоубийством (отрицат. рец.: НВ, 1899, 13 окт.). Театр. среда, хорошо знакома автору, стала искушением для героини пов. «Страховая премия» (М., 1899; рец.: РВед, 1899, 19 июля), приведя в конечном счете к гибели семью. Проблема отцов и детей приобретает трагич. звучание в ром. «Приманка» (М., 1898; рец.: МВед, 1898, 8 авг.) и пов. «Жестокая воля» (М., 1896; рец.: PM, 1897, № 8). В прозе Н. более обобщенно, чем в драматургии, подходит к обществ. вопросам, рассуждая, напр., о социальной репутации актерской профессии или продолжая тему взаимоотношения полов (проблема абортов в ром. «Озлобленные», М., 1902). Зарисовки жизни гор. низов и крестьянства (эмоц. восп. автора о «бесправни» народа в пореформенной деревне — «Последние счета», ИВ, 1899, № 12) — повод напомнить читателю о человеческой беспомощности в жестоком мире. В нек-рых рассказах акцентирована нравств. направленность (очищающий переворот в судьбе героя часто вызван благодатным воздействием церк. праздн. ника). Писал рассказы для детей (сб. «Мыльные шалуны», М., 1900; высоко оценен рассказ «Постреленок» в рец.: PM, 1898, № 12) и юмористич. (несколько мрачноватые) соч. («Из жизни мелких людей», М., 1892).

В нач. 20 в. произв. Н. выглядели анахронизмом. К тому же, с уходом Всеволожского репертуарную политику стали определять П. П. Гнедин, Сумбатов-Южин и В. А. Теляковский — противники пьес Н., все реже появлявшихся на сцене (неодуманное сторонников Н. по этому поводу см.: БВед, 1906, № 9160; Теляковский и др.). Шумный успех в Александр. т-ре (1915—16) имел пьеса «Поруганный» (П., 1915) благодаря выстрелу и панихиде с хором, вызвавшим истерики зала (отзывы, 1915; «Речь», 6 апр.; «День», 6 апр.; ТИИ, № 15; БВед, 4 нояб.). Последней опубли. драмой была ист.-бытовая хроника «Елизавета Шахова» (П., 1917; написана по заказу потомков Е. Н. Шаховой и изд. за их счет), героиня к-рой, юная поэтесса, в результате душевной борьбы решает уйти в монастырь. Среди действующих лиц — молодой И. С. Тургенев, архимандрит Игнатий (Брянчанинов) (резкая критика: А. Г. Горького — РБ, 1917, № 11—12).

В театр. публицистике Н. разрабатывает понятие «быт» как аналог реалистического и национального в иск-ве; с этой т. з. он критикует европ. символист. драму («„Символизм“ и „быт“ — «Слово», 1907, 24 марта) и приверженность рус. т-ра

антич. и романтич. репертуару, разрывающему рус. актерскую школу («Наши дни», 1904, № 8; ЕИТ, 1911, в. 4).

Помимо мн. журналов Н. сотрудничал в газ. «Курьер» (с 1898), «Петерб. дневник театралю», «Юж. обзор», «Одес. новости», «Новости дня» и др. В 1904—05 ред.-изд. либеральной газ. «Наши дни» (в ней сотрудничали А. А. Шахматов, В. И. Вернадский, П. Е. Щеголев, П. Н. Миллюков и др.). В разные годы руководил актерскими курсами и школой при Об-ве любителей ораторского иск-ва (1908). Удостоен Грибоедовской премии (в 1885/86 и в 1887/88) и премии АН (1915). В 1911 избран поч. чл. ордена рыцарей Филалет (см.: Авчинникова-Архангельская В. В., Вселенское масонство и обновленное розенкрейцеровство, СПб., 1911, с. 45—47).

В годы расцвета преисполненный сознания своей лит. значительности — его самознижение было источником пародий (РГАЛИ, ф. 853, оп. 2, № 898) и шаржей (напр.: Чехов Н. П., Гуляние первого мая в Сокольниках. — «Москва», 1882, № 16; см. также: «Свободный смех», 1906, № 6; «Рампа и жизнь», 1916, № 1), — Н. умирал в Клинич. госпитале Мед. акад. потерявшим веру в себя, одиноким, диктуя письма, в к-рых продолжал сводить счеты с недоброжелателями (РГАЛИ, ф. 770, оп. 1, № 231).

Изд.: Драм. соч., т. 1—2, М., 1898—1901; Собр. соч., т. 1—12, СПб., 1909—11; Клеймо природы. Повесть и др. рассказы, СПб., 1914; Понижий курьер. Повесть и др. повести и рассказы, СПб., 1914; Письма А. Н. Островскому. — В кн.: Никит. письма к А. Н. Островскому, М.—Л., 1932; Вторая молодость. — В кн.: Рус. драма эпохи Островского, М., 1984.

Лит.: Островский. XII, XIII, XVI, XVI (ук.); Салтыков-Штаерин, XIX (1), 137; Чехов (ук.); Пругавина А. С., Моск. иллюстрированный календарь-альманах на 1887 г., М., 1887; Труды I Всерос. съезда ученых деятелей, ч. 7, М., 1898; Захарьин (Якушин) И. Н., Встречи, восп. СПб., 1902, с. 327; Плещеев А. А. На первых представлениях. — «Петербург. газет», 1907, 26 сент.; Афанасьев: Ленский А. П. Статьи. Письма. Записки, М.—Л., 1935; Данилов С. С., Очерки по истории рус. драм. театра, М.—Л., 1948, с. 496—97; М. Н. Ермолова. Письма. Из лит. наследия. Восп. современников, М., 1955; Чехов М. П., Вокруг Чехова, М., 1960 (ук.); Зограф Н. Г., Малый т-р второй пол. 19 в. М., 1960; его же, Малый т-р в кон. 19 — нач. 20 в., М., 1966; Осипова Л. Ф., Чехов и драматургия 80-х гг. — Уч. зап. МПН им. Ленина, № 163, М., 1960, с. 159—160; Теляковский В. А., Воспоминания, Л.—М., 1965, с. 310; Трофимов Н., Писатели Сибири, М., 1973; Очерки истории рус. театр. критики, [кн. 2], Л., 1976—79; Петровская (1); Телешов Н. Д., Записки писателя, М., 1980, с. 14; Лит. процесс и журналистика (1, 2, ук.); ИРДТ, т. 3—7 (ук.); Витязев Р. А., Анна Бренко, [Л., 1985], с. 138—39; Тиме Г. А., У истоков новой драматургии в России (1880—1890-е гг.), Л., 1991; Суворина А. С., Дневник, М., 1992, с. 158, 167; ЛН, т. 68, 88 (ук.); Некролог: «Жизнь ист.-ва», 1919, 27 мая; Брокгауз: НЭС; Венгеров, Источ.: Гранат; БСЭ; КЛЭ; ИЛДЛВ; Муратов (1); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 200, ф. 377, ф. 3130 (автобиография); ф. 550, № 78 (письма Е. П. Карпову); РГБ, ф. 331, к. 53, № 7 (2 письма А. П. Чехову); РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, № 1530 (письма А. Н. Сумбатову-Южину); РНБ, ф. 340,

№ 10 (письма Е. П. Карпову): ф. 874, оп. 1, № 74, 78, 82, 86, 94, 110, 118 (письма С. Н. Шубинскому); ф. 124, № 3002 (письма Э. П. Юргенсону); РГА. ф. 1343, оп. 26, л. 703 (м. с.)*; РГВИА, ф. 400, оп. 12, л. 9113 (м. с. 1880 г.); ГАРФ, ф. 102, 1904 г., д. 1, ч. 1 (об изд. газ. «Паша дни»); М. В. Пащенко.

НЕВЕРОВ Александр Сергеевич [наст. фам. Скobelев; 12(24).12.1886, с. Новиковка Ставропольского у. Самар. губ. — 24.12.1923, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], прозаик, драматург. Отец, присланный к мешанам г. Симбирска, закончив воен. службу унтер-офицером л.-гв. Уланского полка в Петербурге,

крестился в Новиковке, позже в Сибирь; был швейцаром, городовым в Самаре; мать умерла, когда Н. было 12 лет. Н. вырос любимым в семье деда, Ник. Сем. Елисеева, бывшего крепостного, имевшего свой надел и бакалейную лавку, слышшего на селе «книжником». Рано выучился читать, первые книги — молитвенник, Библия, прил. для народа к ж. «Родина». Окончил церковно-приход. школу, дальше учиться не захотел, помогал деду. «Лет двенадцати ... поразила ... самого себя стихотворством» (СП. Автобиографии, т. 2, с. 116). С 15 лет работал в типографии, мальчиком в магазинах, пытаясь найти занятие по душе. В 1903 Н. показал свои стихотв. опыты поэту-суриковцу С. В. Денисову, по совету к-рого поступил в 1904 во второклассную школу в с. Озёрки Ставропольского у., много читал, писал лирич. стихи (не сохр.) и эпиграммы на директора, был одним из организаторов забастовки учащихся и автором петиции с критикой «ужасной школьной атмосферы» и требованием придать школе общеобразоват. характер (опубл. «Вест. учителей», 1906, № 2, с. 70—71).

В 1906 дебютировал рассказом «Горе залили» («Вест. трезвости», № 135—36, март—апр.). После окончания школы в 1906 и неудач-

ной попытки получить должность писаря в Самаре уехал к старшему брату в Оренбург (где неолго работал куллетистом в кафешантане). С 1906 по 1915 учительствовал в сельских школах Самар. губ. (в 1908 сдал экстерном испытание на звание учителя нач. училищ). Из мизерного жалования рассчитывался с долгом за проживание в интернате с. Озёрки и помогал сестре; позже писал об этом периоде: «Если бы не литература, я сошел бы с ума» (цит. по кн.: Страхов, с. 65). После публикации в газ. «Симб. вести» неск. очерков о произволе сел. богачей (в т. ч. «Право сильного» — 1907, 17 янв.; подпись Иван Червячок) по доносам дир. Озёрской школы за Н. был установлен негласный надзор, длившийся 8 лет (мат.-лы в Гос. архиве Самар. обл. — см. об этом: Страхов, с. 58—61). В 1910—12 увлеклся учением Л. Н. Толстого. В 1912 женился на сел. учительнице из крестьян Пелагее Анд. Зелешковой. Тогда же перешел в земскую школу, что улучшило его материальное положение.

С 1907 рассказы Н. относительно регулярно появляются в периодич. изданиях. В их сюжетной основе — бытовые истории, в осн. драматич. «случаи» из деревенской жизни: издевательство пропойцы-мужа над женой («Авдотьяна жизнь» — «Вест. трезвости», 1907, № 153, сент.), смерть доведенных до крайней нужды и отчаяния мужиков («Под песнь выюги» — «Трезвые всходы», 1908, № 677; «Последнее средство» — «Жизнь для всех», 1914, № 2) и смерть кормильца-лошадки («На земле» — там же, 1910, № 3), месть вдовы за самоубийство спившегося мужа — кабатчику («Баба Иван. Рассказ Николая Кириллыча» — там же, 1910, № 6), самоубийство молодой попадьи, не вынесшей стяжательства мужа («От неизвестных причин» — там же, 1915, № 4). Рутинное существование сельской интеллигенции, тоска по любви, выход из душевного потрясения в залой изображены в рассказах «Серые дни», «Учитель Стройкини» (РБ, 1910, № 3; 1911, № 3), «Без цветов» («Жизнь для всех», 1913, № 1; посвящен сыну Борису). Пластич. бытописание лучших рассказов Н., отмеченных острой наблюдательностью, передает угасающий ритм деревенской жизни, а вместе с тем и психологию неверовских персонажей: «глухую печаль», подспульное нарастание «зверинной злобы» (не обязательно социально мотивированной), недоумение перед высшими запросами жизни и смутную тоску по ним. Влиянием И. А. Бунина отмечен рассказ «Мутька» (СМ, 1909, № 8).

Немногочисл. отзывы были в осн. доброжелательными (В. Кривич — «Аполлон», 1909, № 1;

Гуаш (М. В. Мирзюев) — «Воссош. Петерб. газета», прил., 1910, авг.), В. Я. Муриню в письме к Н. хвалит рассказ «На земле» за интересную тему и «яркую образность» и советовал не увлекаться «внешней мажорностью модернистского письма» (см. в кн.: Неверов А., Собр. соч., т. 1, Куйбышев, 1957, с. 355). Сходную оценку дал рассказу «Серые дни» В. Г. Короленко в письме к А. Г. Горькому от 6 дек. 1909: «Стиль немного (умеренно) модернистский, но красивый. ... Общий тон — уныние и ... некая растерянность» (там же, с. 354), а автору советовал писать и дальше, не бросая учительство, и общал поддержку, однако не принял к публикации рассказы «Преступники» и «Прошлое» (возврате — «Без цветов») и др. Позже Н. с признательностью вспоминал о Короленко (см. очерк «Чуткое сердце. Восп. о В. Короленко» — «Комюнт», Самара, 1922, 14 янв.; перепечатано в кн.: Короленко в восп., М. Горький, к-рому понравился рассказ Н. «Страх» («Жизнь для всех», 1915, № 8/9), написавший о юноре А. П. Чехова (см.: Семеновский, с. 58—59), и рассказ «От неизвестных причин» (хотя в нем «недостаточно ярко показана убивавшая душу покаянная болью обставочка, да еще жестокое, темное рус. житьишко» — цит. по кн.: Неверов А., Собр. соч., т. 4, Куйбышев, 1958, с. 362), а в 1915 предлагал Н. напечататься в сб.-ке молодых авторов.

Сам Н., размышляя о своих творч. возможностях, признавался (в письме к самар. литератору П. Яровому от 27 февр. 1914), что не видит сильных характеров, а создать их у него «нет такой силы. Ставить же их на ходули — не позволяет то чувство, к-рое во мне есть ... Я пишу только о том, что переживаю, во что верю» (Неверов — там же, с. 230).

В янв. 1915 Н. был призван в армию и зачислен рядовым в 4-ю роту Самар. пехот. дружины. Вскоре назначен ротным писарем, а в сент. отправлен на курсы фельдшерских учеников при Самар. воен. лазарете. В рассказах этих лет в центре внимания Н. по-прежнему остается деревня — придавленная войной и трудящаяся из последних сил («В глухих местах» — «Жизнь для всех», 1916, № 7), в к-рой заметную роль играют активные и самостоятельные женщины («Бабыя газета» — там же, 1916, № 8), а вместо рус. мужиков, воюющих на фронте, в крест. хоз-вах работают австр. пленные («Среди ополченцев» — там же, 1915, № 1; «В плену», 1916; опубл. в газ. «Нар. жизнь», Самара, 1918, № 6—12; «Черное и белое» — «Жизнь для всех», 1917, № 4).

После Февр. революции Н. демобилизовался; через товарища по Озёрской школе Г. Н. Сарова, проф. революционера, сблизился с эсерами. В издававшихся Саровым газетах опубл. цикл из 4 очерков «В глухих местах», рисующих настроения в послерев. деревне — реакцию на сверженное самодержавие («Валя»), страх перед анархией («На новых правах»), попытку разобраться в полит. партиях («Темный лес»; все три — «Свободное слово», 1918, апр.) и неприятие большевистской идеи неслепленного мира с Германией («Солдатская горячка» — «Народ», 1918, 26 окт.). Оставил учительскую и зем-

скую деятельность ради лит. работы и один, без семьи, весной 1918 после тяжелого брюшного тифа переехал в Самару. Приветствовал декреты сов. власти о земле и мире. В Самаре встречался с редакторами большевистских газет, подружился с поэтом М. П. Герасимовым (прототип Гадалина в неоконч. пьесе Н. «Анна» — ПСС, т. 4) и прозаиком А. К. Голубевым (о нем рассказ Н. «Веселые ребята» — «Коммуна», 1922, 7 янв.). Очерки осени 1918, опублик. в газ. «Народ», объединяют чувство тревоги за судьбу России («Крест на горе» — 10 сент., «Что делает деревня, когда ей не спится» — 25 окт., подпись А. Новиковский; «О нар. армий» — 12 сент., подпись С. Еланский), Н. призывает к объединению всех сил для сохранения демократич. завоеваний Февр. революции («О гражд. войне» — 13 сент., подпись С. Еланский; «О рус. черепках» — 27 нояб.), осуждает бегство от большевиков из Самары купцов, фабрикантов, умных гос. людей («В землю Ханаянскую» — 18 окт.). Перед отступлением А. В. Колчака Н. остался в Уфе; после прихода большевиков работал в их газ. «Вперед» (очерк «В те дни» с эпиграфом «Горьким смехом моим посмеюся» — о конце К-та урядит. собрания в Самаре — 1919, 19 янв.; подпись С. Бояркин).

В кон. янв.—нач. февр. 1919 вернулся в Самару. Рассказы «Случай из жизни» («Рабочая газета», 1922, 26 нояб.; первонач. «Случай из жизни Саньки-малыра», 1919, стен. газета Агит-Роста; 3-я пр. на конкурсе стен. газет) и «Я хочу жить...» («Красная Армия», 1919, № 3) znamenуют переход на позиции активной поддержки рев. идеи — ради будущего детей надо или умереть или стать победителем. В Самаре Н. работал в пропагандистском ж. «Красная Армия», лит.-худож. ж. «Понизовье», редактировал сб. «Театр красноармейца», участвовал в лит. кружке «Звено», преподавал в школе ликвидации безграмотности. Сознал Самар. нар. т-р, в к-ром был драматургом и актером. Важное значение для Н. имели знакомство и беседы о технике драмы с театр. деятелем Н. Г. Виноградовым-Мамонтом, бывшим слушателем студии В. Э. Мейерхольда и организатором Драматургич. мастерской Красной Армии при политуправлении Петрогр. воен. округа. Н. в этот период сознал агит.-плакатные пьесы — «Корона» («Красная Армия», 1919, № 7/8), «Контрреволюция» (полный текст — «Т-р красноармейца», в. 1, Самара, 1919), «Гражданская война» (Самара, 1922), бытовые драмы — «Бабь» (М., 1920; 1-я пр. в 1921 на конкурсе Госиздата пьес из крест. жизни; пост. во мн. нар. т-рах

России), «Захарова смерть» (1921, пост. в 1921 в самар. т-ре «Красноармейца» с Н. К. Симоновым в гл. роли; 2-я пр. на конкурсе пьес в Самаре и Всерос. конкурсе рев. пьес ТЕО Наркомпроса в 1921; опублик. — Самара, 1922); комедии — «Смех и горе» (М., 1922), «Богомолы» («Понизовье», Самара, 1922, № 4).

«Подлинным лит. произведением» назвал А. А. Блок пьесу «Захарова смерть», написанную «прекрасным рус. языком, и отстал правдивость в изображении совр. деревенской жизни, охвативший ее душевной сущности и ритма; по его мнению, Н., отдавая предпочтение новым величиям, еще насыщает собою читателей: «худож. чуждость убергает его от лоз: старик выжил исправно, но они — мимы и живые. Носители нового — сбиваются с палыгаля бабы, девки, мужики и казаки — герои пьесы — светлые личности, шуршащие поклоном на словах, но только разрушающие старое из дела» (Блок, VI, 328—29; см. также: VII, 388).

В 1922—23 Н. пишет статьи, в к-рых стремится определить задачи лит. творчества, понять секреты худож. мастерства классиков и приглядеться к опыту своих современников; программная ст. «О чем и как писать» («Сов. деревня», прил., 1922, № 2), «Н. Лесков. Значимый ремиз» («Красная новь», 1923, № 1), «Мертвое тело» (Рассказ А. П. Чехова) («Понизовье», 1922, № 6; высоко оценен в чеховедении, см.: Семанова М., Чехов и сов. лит-ра, 1917—1935, М.—Л., 1966, с. 87—92), «Приемы худож. творчества И. А. Бунина» (читалась в виде докладов в Самаре в 1920—22; опублик. в кн.: А. Неверов. Из архива писателя, Куйбышев, 1972), рецензии: «Глазами Пильняка» («На посту», 1923, № 1), «В кругу заколдованном. В. Иванов» [альм. «Корабль», Калуга, 1923, № 1—2 (7/8)].

Гл. темой Н. по-прежнему остаются деревен. жизнь, те процессы, к-рые внесли в нее две войны и две революции: разрушение традиц. уклада, усвоение новой социальной идеологии при общем нелюбимании происходящего и растерянность перед ним (крестьяне то переходят на сторону большевиков, то сопротивляются им), «расслоение» в умах, рождающее бессмысленную жестокость (рассказы «Красноармеец Терехин» — «Красная Армия», 1919, № 1; «Марья-большевичка» — «Коммуна», 1921, 4 дек.; пов. «Андрион Непутевый» — сб. «Недра», кн. 2, М., 1923). Здесь ярко проявление свойственного прозе Н. обращение к стихии нар. речи и особенно — ориентации на стилистику сказа (в т. ч. лесковского), былинны; однако в повести, своеобразном эпосе совр. деревни, былинность — знак не собирающего, а разрушающего сознания (подробнее см.: Андришкова). Меняющейся жизни деревни посв. также рассказы «По-новому» («Красноармеец», 1919, № 10/15), «Головка» («Храстьянка», 1923, № 10), «Полька-мазурка» («Про-

жестор», 1923, № 8/9), комедии «Смех и горе», «Богомолы» о попытках с помощью разных машинных приспособлений к новым порядкам. Об ужасах голода в Поволжье в 1921—22 рассказывает составленная из очерков «Книга о голоде». В др. жанре — социально-панорамного романа (о борьбе идей в пореволюц. деревне) — последнее соч. Н. «Гуси-лебеди» (1918—23; частично опублик.: «Молодая гвардия», 1923, № 2, 4—5; отд. изд. вышло по-мертвому: М.—Л., 1924).

В 1921 собирал средства для голодающих Поволжья, ездил в Ташкент за хлебом для семьи (большую его часть раздал, в т. ч. отправил продуктовую посылку А. М. Ремизову). Материал и впечатления этой поездки легли в основу пов. «Ташкент — город хлебный» (М., 1923), герой к-рой, двенадцатилетний мальчик, ради спасения семьи и хозяйства преодолевает, не теряя достоинства, драматич. испытания (голод, болезнь, смерть друга) на пути в «хлебный город». Этим соч. Н. вошел в классику сов. лит-ры (в изд-ве «Земля и фабрика» к 1928 вышло 16 изд.). О необходимости народа, «у к-рого — такие мальчики», говорил Ф. Кафка (Из разговоров Г. Яноуха с Ф. Кафкой. — В кн.: Кафка Ф., Процесс [и др. Избранное], пер. с нем., М., 1989, с. 550).

Критика в осн. оценила правдивость и своеобразие писательского дарования Н. По мнению А. К. Воронского, не всегда справедливому, «лицо жизни в вещах Н. ... жестоко, безжалостное, грубое, часто пошлое, искаженное, немое к человеку, страданию и горю» (А. Неверов. [Сб. ст.], с. 154). Е. И. Замятин отнесил Н. к передвижникам, вспыхивающим «свои странности доброй старой сохой реализма» («Рус. иск-во», 1923, № 2/3, с. 58). В его творчестве выдвигались «худож. репортаж», не подвластный какой-либо «идеологии» мерке, отмечали самобытность, простоту, лаконичный и свежий язык (Н. Э. (Н. Р. Эрман?) — отзыв на сб. «Лицо жизни» (М., 1923) — «Накануне», 1923, 29 июля).

С 1922 Н. жил в Москве, участвовал в работе различных лит. объединений: «Кузница» (до нояб. 1923), «Никитинские субботники» и др., сотрудничал в многочисл. журналах. Летом 1923 побывал в родных местах, осенью обдумывал замысел «Повести о бабах». Умер во время приступа астмы.

Изд.: ПСС, т. 1—7, М.—Л., [1926]; Собр. соч., не вошедших в 7-томное изд., т. 1—2, М., 1926—27; Собр. соч., т. 1—4, Куйбышев, 1957—58 (сост., подг. текста и прим. В. П. Скобелева; вступ. ст. Н. И. Страхова); Избр. проза, М., 1958; О себе. — В кн.: Сп. Автобиографии, т. 2: Письма к Л. М. Клейнборгу. — РЛ, 1967, № 3 (изд. П. П. Ширмакова); Я хочу жить. Сб., М., 1984 (примеч. Н. И. Страхова); Ташкент — город хлебный. Рассказы. Очерки.

Повести, Куйбышев, 1986 (соет., предисл. и комм. В. П. Скобелева); *Мара-большевичка*. Рассказы, М., 1987; *Ташкент — город хлебный*. — *Суси-лебани*. Рассказы. повести, роман, М., 1989 (вступ. ст. В. А. Чалмаева).

Лит.: Блок (ук.); Горький (ук.); Аранв Горького, Х; Фатов Н. Н., А. С. Новоров. *Очерк жизни и творчества*, Л., 1926; А. Неверов. {Сб. ст.}, М., 1928; А. С. Неверов. 1886—1961. Неверовская науч. конференция. Тезисы докладов, Куйбышев, 1961; Скобелев В. П., А. Неверов. *Критико-биограф. очерк*, М., 1964; *История рус. сов. лит-ры*, т. 4, М., 1971 (ук.); Ванюков А. И., Прова Н. (1917—1923 гг.), Саратов, 1972; Страхов Н., А. Неверов. *Жизнь. Личность. Творчество*, 2-е изд., М., 1972; А. Неверов. Из архива писателя. *Исл. Востп.*, Куйбышев, 1972 (ред.-соет. В. П. Скобелев, Н. И. Страхов; библи. Н. М. Митраковой — содержит алфавитный перечень первых публ. произв. Н. и хронологич. перечень лит-ры о жизни и творчестве Н. 1910—1970); Мущенко Е. Г., Скобелев В. П., Кройчик Л. Е., *Поэтика сказа*, В., 1978 (ук.); Чалмаев В. А., Серафимович, Неверов, М., 1982 (ЖЗЛ); А. Неверов. К 100-летию со дня рождения. *Восп. Статьи. Библи.*, Куйбышев, 1986 (соет. В. П. Скобелев, В. А. Неверов-Скобелев; библи. Н. Ю. Акиншиной-Оберной, Э. Ю. Базилевской и Н. М. Митраковой — включает произв. Н., изд. с 1961 по 1983; лит-ра о жизни и творчестве Н. 1970—1984); Андрусшко Ч. (Andruszko Cz.), *Сказ в повести и романе двадцатилетия*, Г. Лоонен, А. Неверов, И. Бабель, *Поэтика*, 1987; Лазаров В. В., *Истоки нар. трагедии*. Роман Н. «Суси-лебани», Симферополь, 1991; Адамович Г., *Критич. проза*, М., 1996, с. 72—73, 345; ЛН. т. 70 (ук.); т. 90 (ук.) + ЛР: КЛЗ; ТЗ; БСЭ; Рус. писатели. 1990; *Писатели совр. эпохи* (1); Муратов (2); Рус. прозаики; *Сов. лит.-вещание и критика*. Библи. ук., М., 1966; Мяслов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 337; ИМЛИ, ф. 38; ИРЛИ, ф. 185; РГ. ф. 377; ф. 586; РНБ, ф. 474. *И. П. Олоевникова.*

НЕВЕРОВ Январий Михайлович [18(30).8. по др. сведениям — 2(14).2*.1810 (в ф. с. и др. источниках ошибочно — 1809**), г. Ардатов Нижегород. губ. — 24.5(5.6).1893, Петербург, похоронен на Смоленском кладб.), критик, переводчик, мемуарист, пед. деятель. Из обер-офицерских детей. Отец, сын местного протоиерея, занимался частной адвокатурой; мать — внебрачная дочь помещика П. А. Кошкарова. Сопутствовавшие браку родственные раздоры лагубно сказались на судьбе Н.: в результате травмы, полученной матерью во время беременности при одной из дом. ссор, он родился слепым на один глаз. Детство

Н. прошло в Арзамасе и в с. Верякуши Ардатов. у., в имени деда; спустя десятилетия он взволнованно описал двойственные дет. впечатления от жизни в господском доме: любовь к нему дворни (научившей мальчика грамоте) и грубый деспотизм, самодурство деда, совержавшего гарем; изуверское наказание конюшера и дворовой девушки потрясло шестилетнего Н.: «... с тех пор рука моя осталась чиста на всю жизнь» (РС, 1883, № 11, с. 441).

В 1825 Н. закончил Арзамас. уездное уч-ще, каникулы часто проводил в Дивееве, где под влиянием встреч со схимником Серафимом Саровским в нем пробудилось глубокое религ. чувство (о впечатлениях детства см.: РС, 1880, № 6, с. 233—44). В авг. 1825 по настоянию отца, препятствовавшего обучению сына, определен каш. чиновником в Нижегород. городской магистрат (уволен в мае 1826).

После смерти отца (1827) мать, уступив просьбе сына, решает отпустить его в Москву для поступления в ун-т — на деньги, вырученные от продажи последней оставшейся у нее драгоценности (память об этом неоднократно удерживала его от столичных развлечений). По прибытии в Москву (сент. 1827) провинн. юноша за один год подготовился к экзамену за гимназич. курс, успешно сдал его и поступил на словесный ф-т Моск. ун-та (1828—32; окончил со степенью кандидата). Неординарные усилия нашли сочувств. поддержку студентов и выпускников Моск. ун-та, в т. ч. из аристократич. домов: И. Н. *Среднего-Камашева*, М. Н. *Лихолина* (оба готовили Н. к вступит. экзаменам, первый — бесплатно, второй — за небольшую плату со столом и квартирой). В. К. Ржевского (впоследствии сенатора; в его семье Н., к тому времени лишившийся матери, жил в 1829—30), а также Н. А. Мельгунова (в его доме жил в 1831—33; здесь вошел в круг моск. литераторов). Впоследствии Н. возвратит этот «долг» — бедствующим литераторам, учащимся взверенных ему г-зий, взятым на воспитание деть.

Зимой 1829—30 на одном из вечеров у студента А. А. Беера познакомился с Н. В. *Станкевичем*, позднее стал одним из первых членов его кружка. Станкевич испытывал тяготение к противостоящей его собств. духовной смятенности внутр. определенности Н., в молодости «пылкого» и в «высшей степени общительного» (РС, 1880, № 4, с. 733; РусБ, 1856, кн. 3, с. 40, см. также: Бродский, с. 107—108), ценил его редкий дар «углубляться в чужое чувство и уславивать его» (Переписка Н. В. Станкевича. 1830—1840, М., 1914, с. 218; отсюда исповедальный характер их

переписки): «...я привык с позитивом дружбы. — писал Станкевич, — соединять мысль о тебе» (там же, с. 220). Будучи в числе многих подвержен мощному обаянию натуры Станкевича, волеющий в орбиту его филос. исканий, Н. остался чужд теоретич. складу мышления, но стремился претворять в действительности мн. гуманистич. идеи Станкевича, воплотив собой редкий тип идеалиста-практика. До конца жизни Станкевич оставался для него «предметом горячей любви, благоговейного уважения», а его смерть Н. пережил как потерю того, кто был для него «всего дороже на свете» (ГИМ, ф. 372, оп. 1, № 22, л. 43 об.; № 1, л. 232 об. — автобиография).

Еще студентом Н. увлекается переводами (франц. нем. итал. языкам «обучился самоучкой» — Бродский, с. 116), обращается к В. Меллеву, Т. Муру, позднее Э. Т. А. Гюбнаю, В. Ирвингу, Дж. Байрону (ГИМ, № 21) (все не сохр.); первый напечатанный пер. — ст. «Нибру путешественник» (с франц. яз.; «Тельсконт», 1832, № 22; 6. п.). В 1833—34 пробует силы в худож. прозе — пишет повести «Гулянье по Новинкам», по его собств. признанию, в прозе В. Льюи, «Мечтатели» (не получили одобрения друзей и остались неизданными; не сохр.), в 1839 — комедия, после чего оставляет попытки худож. творчества.

Не имея средств к существованию, весной 1833 переезжает в Петербург с намерением определиться на службу. Спустя месяц, в связи с моск. делом Н. П. Сунгурова 1831—32 (Н. участвовал в орг-ции подписки в пользу пострадавших студентов), докладывается для объяснений к ген.-губернатору, наказание ограничивается устным выговором и учреждением полиц. надзора (до 1845).

В авг. 1833 при помощи С. С. Уварова (к-рому был рекомендован еще студентом) определяется в Деп. нар. просвещения — пом. редактора «Журнала Мин-ва нар. просвещения» А. А. Краевского, по его приглашению сотрудничает в «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“», где в 1833 (25 окт. — 15 нояб.) появляется первая оригинальная работа Н. — «Краткий обзор нынешней выставки ... имп. Академии художеств». В Петербурге Н. сближается с будущим историком и востоковедом В. В. Григорьевым, а через него с Т. Н. Грановским (к-рого знакомит со Станкевичем), общается с В. Ф. Олоевским и др. литераторами.

В ЖМНП помещает множество переводов, 6. ч. не подписанных: «О нар. племенах монголов» и «О возрешен архивов на природу» Я. И. Шмита (1834, № 3, 11), «Б-ка вел. кн. Василия (IV)... и царя Иоанна (IV)...» Ф. Клодуса (1834, № 6), «О франц. ун-те» (1835, № 1—2, 4), «Об отыскании и напечатании неизд. памятников франц. истории» (1835, № 3), «Взгляд на петругу...» Бреккера (1835, № 9) и ин. зр. (см.: ГИМ, ф. 372, № 21).

Как переводы, так и собств. критич. статьи Н. касались разнообразных областей знания: истории, философии, этнографии, географии; с присущей ему основательностью написано «Обозрение трудов имп.

С.-Петербург. Акад. наук, с 1827 по 1833 г.» (ЖМНП, 1834, № 2—3). Владение европ. языками позволило ему участвовать в обзорах издаваемых в России иноязычных газет и журналов (ЖМНП, 1834, № 4; 1835, № 11) — с характеристикой типа изданий и обзором тематики.

Н. становится одним из ведущих авторов полугодовых «Обзоров рус. газет и журналов» (1834—35; опублик. в 1835—36), ведет в них разделы «Изыскания словесности», «Критика», «Теория и история словесности», «Художества», стремясь к формал. полноте и объективности. Обращаясь к изысканиям словесности и неоднократно говоря о господстве прозы над стихом (с сер. 1830-х гг.), Н. особо отмечает немногочисленность, с его т. з., поэтич. удач: «Песни западных славян» А. С. Пушкина, творения «глубокомысленной музыки» Е. А. Баратынского, достоинства которой аргументированно отстаивает в полемике с В. Г. Белинским (ЖМНП, 1836, № 6, с. 616; № 8, с. 428—30), «Удлинну» В. А. Жуковского, но наряду с ними — и сонеты Н. И. Бутырского, стихотв. соч. А. В. Тимофеева (ср.: «Переписка Н. В. Станкевича», с. 332—33). В прозе почти не находит произв. с поэтически верным изображением «внутренней жизни человека» или совр. общества, «с его мнениями и причудами» (ЖМНП, 1835, № 7, с. 187), делая единичные исключения — для «Княжны Мими» и «Себастьяна Баха» В. Ф. Одоевского, «Кавказских очерков» А. А. Бестужева-Марлинского, «Маскарада» Н. Ф. Павлова.

Отдавая должное Белинскому («искреннему участию» критика в каждом успехе рус. лит-ры — там же, 1835, № 9, с. 589), он вместе с тем отмечает его «резкие и даже несправедливые приговоры» (там же), увлечение «своим особенным вкусом» (там же, 1836, № 8, с. 428), пристрастие к определенным именам: Пушкину, к-рый привлек всю любовь Белинского, заслонив других авторов, и Н. В. Гоголю — как главу «реальной поэзии» (Н. считал преувеличением «ставить» его соч. наравне «с самыми драгоценнейшими, высочайшими творениями человеческого гения» — там же, с. 433).

Нек. позднее он скажет по поводу «Ревизора», что Гоголь, подобно А. С. Грибоедову и Л. И. Фелицино, будучи раздражен «черной и светлой стороной жизни», создал не комедию, а сатиру (ЛПРИ, 1837, 13 марта; о саркастич. отношении Н. к «Ревизору» см. также в его письмах: Станкевичу от 23 апр. 1836 — ГИМ, ф. 351, оп. 1, № 57, л. 19; М. А. Балушину от 9 мая 1836 — Мавл, с. 140).

Противник критики «мелкой, летучей» (рецензионной), Н. выступал за основание на глубоком изучении исследования «о духе, направлении писателей, о характере, идее литературы» (ЖМНП, 1836, № 11, с. 392). В

наибольшей степени этому лит. идеалу Н. отвечали критич. и науч. соч. С. П. Шевырева (в т. ч. его ст. «Словесность и торговля», «О критике вообще и у нас в России»), первому тому его «Истории поэзии» посвящ. статья Н. (там же, 1836, № 5). В то же время Н. опублик. неск. монографич. рецензий: апологетическую — на стихотворения В. Г. Бенедиктова 1835 («новые, звучные, прекрасные и глубокие» песнопения — там же, 1836, № 1, с. 192), одобрительную — на сб-к стихов А. В. Кольцова 1835 (откликаясь на просьбу Станкевича беспристрастно написать о книге: на стихи Кольцова «отзовется всякое сердце, способное сочувствовать простой и свободной поэзии, не закутанной в условные платья» — там же, 1836, № 3, с. 654—655; см. также высокую оценку стихов Кольцова в ст. Н. «Поэт-прасол, А. В. Кольцов» — СО и СА, 1836, № 12—13) и на оперу М. И. Глинки «Жизнь за царя» («звучи русские, высказывавшие русскую душу» — МН, 1836, окт., кн. 1, с. 375).

В 1836—37 Н. возглавил отдел критики и библиографии «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“», сменив терпимый, благодушный тон обзоров в ЖМНП (Шевырев отмечал тогда, что взгляд Н. «гуманный, кроткий,нисходящий, отовсюду изыскующий одно хорошее», — РА, 1909, кн. 2, с. 88) на строгий и требовательный (ЛПРИ, 1837, 6, 13 февр., 20 марта, 22 мая); при этом как примечательные выделил поэму «Граф Мец» Е. Бернета и повести М. Н. Загоскина (там же, 1837, 8 мая, 12 июня).

В мае 1837 на средства, заработанные репетиторством, преподаванием (истории, словесности, риторики) в частных пансионах и лит. трудом (в осн. в «Энци. лексиконе» А. А. Плюшара), уезжает в Германию, где его ждали друзья (от денег, предлагаемых на путешествие Станкевичем и Грановским, категорически отказывался); был определен корреспондентом Археографич. комиссии за границей. Время, проведенное в Берлине, в посещениях ун-тских лекций, театров, галерей, в пост. общении со Станкевичем и Грановским (по определению Н., «тройственный союз» — ГИМ, ф. 372, оп. 1, № 1, л. 196; с окт. 1837 до весны 1838 жили на одной квартире, затем по-разному). Н. считал лучшим в своей жизни. Впечатления от пребывания в Веймаре (во время летнего путешествия 1838) легли в основу увлекат. статьи «Дом Гете в Веймаре» (ЛПРИ, 1839, 1 янв.; отрывки — ЛН, т. 4/6, с. 476).

Летом 1839 Н. возвращается в Петербург и получает назначение в Ригу — инспектором местной Г-зии (обещание Н., данное им в Берлине

Станкевичу, вместе с Грановским, — посвятить всю жизнь распространению просвещения в России — с этого момента начинает выполняться самым непосредств. образом). С нач. 1840 Н. — цензор в Риге, с сохранением прежней должности.

В 1839—40 он активно сотрудничает в «Отч. записках», демонстрируя приверженность жанру проблемной критич. статьи (в осн. на мат-ле затронутых впечатлений); рецензии на книги по статистике, архитектуре [см.: Б о г р а д. ОЗ (1)], некролог «Эдуард Ганс» (ОЗ, 1839, № 6; о нем. профессоре, воплощаемом близкий Н. тип ученого-педагога, обладающего даром «возбуждать в слушателя живой интерес ко всему, что составляет достоинство человека», — отд. II, с. 41), ст. «Совр. берлинские скульпторы» (ОЗ, 1839, № 10), серия статей «Германская лит-ра» (ОЗ, 1839, № 11, 12; 1840, № 1, 2, 4, 5; в пятом номере — под назв. «Германская лит-ра в последние десятилетия, 1830—1840 гг.»). Помимо подробного обзора соч. нем. ученых и писателей («великая умственная лаборатория» — ОЗ, 1839, № 11, отд. VII, с. 207) Н. высказал в них ряд общих соображений: о характере совр. науки (при всей своей независимости должна отвечать потребностям времени), о важности сближения истории и философии в 19 в., о природе иск-ва: приняв в себя элементы совр. жизни, должно отражать их просветленными идеями общего, не служить «органом мнений и страстей индивидуальных» (ОЗ, 1840, № 5, отд. II, с. 61). Н. отмечал «критизирующее направление» и резонерство нем. лит-ры (ОЗ, 1840, № 2, отд. VI, с. 23; № 5, отд. II, с. 39, 43), не принимая творчество Г. Гейне («ренегат Германии», давший своему таланту «вредное направление», — ЖМНП, 1838, № 4, отд. V, с. 130), Гофмана и др. В целом впечатления Н. от Европы были двойственны: с одной стороны — «всеобщая образованность», благотворная и для «одушевления» иск-ва, внесение культуры в «нижние слои общества», развитие всех отраслей знания, а с другой — утверждение утилитарного подхода в иск-ве и науке, преобладание «промышл., коммерч.» направления в жизни (ОЗ, 1840, № 2, отд. VI, с. 22), уничтожение различия между ученым и деловым или светским человеком (ОЗ, 1839, № 11, с. 208), «необщежительность».

По поводу этих статей Белинский писал в письме В. П. Боткину: в первом номере статьи Н. «очень хороша, но во втором «он напрасно черт зыщет чего» (XI, 459); статья в пятом номере «мнеши понравилась в Москве» («Т. Н. Грановский и его переписка», с. 402). Н. опублик. также пер. статьи К. А. Фарнцелера фон Энке «Характеристика нек-рых замечательных гос. мужей Германии прошлого времени» со своим послесловием, в к-ром знакомит читателя с деятельностью ученого (сближаясь с Фарнцелера

ном в Берлине — познакомиться в сент. 1837. — Н. способствовал его знакомству с рус. лит-рой, занимаясь с ним рус. языком, содействовал его работе русско-нем. переводника и культурного посредника и вполноте высказывался о совр. рус. лит-ре (ОЗ, 1839, № 11).

В третьем номере «Отеч. зап.» 1840 Н. выступил с программной (и подводящей итоги его участия в лит. жизни) ст. «Взгляд на историю рус. лит-ры» (план неосуществл. замысла «История рус. лит-ры для иностранцев»), обозначившей отличную от сформировавшихся воззрений западничества и славянофильства позицию Н. в понимании характера рус. истории: не видя признаков духовного и умств. развития в допетровской Руси и отчасти совпадаая в этом пункте с П. Я. Чаадаевым, подчеркивает быстроту развития послепетровской России («Кто сделал более в полтора века?»), без колебаний отвергает упреки в неспособности России «к высшему умственному развитию» (с. 41) и выражает уверенность в ее будущем превращении в предзнаменитель, в большей мере как посредники между Европой и Азией, при сознании необходимости рус.-европ. связей: «Государство, отдаленное от всех прочих, ... никогда не сделает успехов на поприще просвещения и... стгнет от недостатка света и воздуха» (с. 37—38). Н. рассматривает историю рус. лит-ры в неразрывной связи с историей языка, попутно характеризуя творчество М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина, В. А. Жуковского (Жуковский научил Россию «понимать... возвышенные чувства...» — «достояние всего человечества» — с. 49) (в 1840 отдельно издана на нем. яз. в Риге, Лейпциге, Берлине).

В 1844, пережив личную драму (внезапное расторжение помолвки с Эмилией Голденер в связи с разностью вероисповеданий; впоследствии Н. так и не женился), тяжело заболел (почти лишился зрения), выехал на три месяца за границу для лечения, подав прошение о переводе из Риги. В янв. 1846 дир. уч-щ Чернигов. губ. и одновременно дир. Чернигов. г-зии. С этого момента Н. полностью посвятил себя пед. деятельности: с окт. 1850 дир. уч-щ Ставропольской губ. (и дир. Ставропольской г-зии), в 1861—64 дир. Лазарев. ин-та вост. языков в Москве, с мая 1864 гл. инспектор уч-щ Кавк. уч. округа с правами попечителя, с 1868 попечитель округа (жил в Тифлисе). Добросовестность, способность доводить начатое дело до конца, требовательность и умение дорожить личностью другого — независимо от возраста, национальности, вероисповедания (созданная «одной Высокою рукою» «личность каждого человека священна» — «Рус. пед. вест.», 1858, № 10, с. 158) — предопределили успехи Н. на избранном поприще.

Приверженность офиц. пед. линии сочеталась в нем с духовной самостоятельностью, позволявшей отстаивать себя, без убеждения; деятельно участвовал в организации и совершенствовании уч. процесса, добивался осмысл. творч. преподавания, сам создавал программы. Выступил против телесных наказаний, против запрета как осн. принципа воспитания («повиноваться без убеждения есть также ложь, только скрытая, и она-то влечет за собою обильнейшие характеры, уничтожение прямоты и достоинства» — там же, 1859, № 5, с. 20 — и) ст. Н. «Ответ опытного педагогу», содержащей полемику с Н. И. Пироговым, низкопоклонства; спустя десятилетия один из учеников писал Н. о «ср-никах благодати», которые он сумел заронить в детское сердце (Бродский, с. 92). За время попечительства Н. было открыто множество уч. заведений (в т. ч. местных) разных уровней, значительно увеличилась численность учителей, возрос уровень преподавания, особенно в Кавк. уч. округе, где он проводил обширную реформу уч. дела, ориентированную на идею русификации края.

Пед. взгляды Н. изложены в работах: «Просвещение Имп. Николая I в отношении к просвещению России вообще и Кавк. края в особенности» (ЖМНП, 1856, № 9); «Что нужно для нар. образования в России?» («Рус. пед. вест.», 1857, № 4); «Нравственный кодекс для учеников высших классов гимназий...» (там же, 1858, № 10—11) и др.; последняя статья — почти лишенное дидактики собрание «правил», написанных с учетом психологии и социального статуса ребенка.

В 1878 Н. оставил свой пост по состоянию здоровья (в чине тайного сов., награжден орденом Белого орла) и переехал в Петербург, получив (по ходатайству вел. кн. Михаила Николаевича, кавк. наместника) почетную должность — члена Совета Министра нар. просвещения. С этой поры Н. отдавал все свои силы работе над обширной «Автобиографией», при жизни опубли. два фрагмента: «Подвижник и подвижница» (РС, 1880, № 6); «Страница из истории крепостного права» (РС, 1883, № 11); в 1915 вышла глава о студенч. годах и пребывании в Петербурге в 1833—37: «Университетские годы и первые лит. шаги» (см.: Бродский, с. 94—136). В 1880 напечатал восп. о Грановском (написаны в 1856 под влечательным известием о его кончине): «Т. Н. Грановский, профессор Моск. ун-та» (РС, 1880, № 4), где рассказал, в частности, об их совместном со Станкевичем пребывании в Берлине, в 1883 — о И. С. Тургеневе («И. С. Тургенев...» — РС, 1883, № 11).

Н. принадлежит также две оставшиеся опубликованными решениями издательского характера: на соч. В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский о его профессорстве в Москве» (1856), пронахвотал изданием защиты обонх (Грановского — от предвзятости суждений Григорьева, самого автора — от обвинений в эгоизме), и на книгу П. В. Анненкова «Н. В. Станкевич. Переписка его и биография» (1857) (высокая оценка книги сущ. сущ. уточнениями; авторами обонх статей, первой — не полностью: ГИМ, ф. 372, оп. 1, № 22, л. 22—47).

Последние годы жизни Н. провел в одиночестве (лето — в Павловске). Почти все свое состояние завещал на открытие школы им. Н. В. Станкевича (на родине последнего), школы в с. Верякуши и на учреждении стипендии им. Т. Н. Грановского на филол. ф-те Моск. ун-та.

Др. произв. Переводы: «Прения во франц. палате депутатов относительно учения древних языков» (ЖМНП, 1835, № 6); «Об учреждении звания инспекторов первоначальных школ во Франции» (там же, 1835, № 10; обе — б. п.). Рец. на кн. «Panica, or traditions of the most ancient times, by W. Howitt», L., 1835 (МН, 1836, нояб., кн. 1). Статьи: «Вертер», «Альфред де Виньи», «Гамлет», «Гендель» и мн. др. (см. ГИМ, ф. 372, № 21; опубли.: «Энциклопедикон» А. А. Плюшара, 1835—1841); «Рахель Варнгаген фон Энке» (СО и СА, 1838, № 1/2); «О внутр. устройстве Ганзейских контор вообще и преем. Бергенской» (ЖМНП, 1838, № 1); «Спец. классы при Ставропольской губ. г-зии» («Рус. пед. вест.», 1857, № 8). Серия рец. на оперные спектакли с-петерб. Большого т-ра (ЛПР, 1839, 10, 17 июня, 1 июля; подпись Н...).

Изд.: Рус. общество 30-х гг. XIX в., [М.], 1989, с. 335—37, 422—27 (восп. Н. о Грановском).

Письма: Н. А. Корфу, 1869—72 — РС, 1894, № 9, с. 137—44; В. Ф. Одоевскому — РС, 1904, № 7, с. 157—59; В. В. Григорьеву — Шуйский об., в. б. М., 1907, с. 399—410; Письма к Н., в т. ч. И. М. Снегирева, П. С. Савельева, С. П. Шевырева — РА, 1909, кн. 2, с. 78—94; Письмо к Ф. А. Кони — РА, 1911, № 11, с. 382; Т. Н. Грановскому — Моск. пушкинст., т. 1, 1837—1927, М., 1927, с. 42—46 (фрагмент письма от 1837 с сообщением о дуэли и последн. днях Пушкина); ему же — ЛН, т. 73, кн. 1, с. 351—52; Бакунина М. А., Собр. соч. в писем. т. 1—2, М., 1924 (ух.); ЛН, т. 36 (переписка Н. с М. Ф. Де-Пуле, 1877); т. 58, с. 120, 136, 347 (отрывки из писем Шевырева); Ziegenggeist G., Varnagen von Ense als Vermittler russischer Literatur im Vormärz. — «Zeitschrift für Slawistik», 1984, Bd 29, № 6; 1985, Bd 30, № 1; 1987, Bd 32, № 2; 4, 1988, Bd 33, № 4 (вкл. публ. переписки Н. 1837—44, в осн. по мат-лам ПИМА).

Лит.: Анненков П. В., Н. В. Станкевич. Переписка его и биография. М., 1857, с. 56—57, 70; Перенска Н. В., Станкевича. 1830—1840. М., 1914, с. 208—397 (письма к Н.); Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, М., 1897, с. 322—61, 387—408 (письма к Н.); Белинский (ух.); Тургенев (ух.); в т. ч. повс. Н. стих. «Муза ине, муза, воспой...», 1838—39; Григорьев В. В., Т. Н. Грановский до его профессорства в Москве. — Рус. 1856, кн. 3, с. 40—41, 46; кн. 4, с. 1—57; Выдержки из дневников Варнгагена фон Энке. — РА, 1875, кн. 2, с. 347—52; Герцен: Добролюбов; Никитенко; Баруков (все — ух.); Семейский, с. 102, 128, 150; Семенов Д., Педагог-издатель сороковых годов. — «Рус. школа», 1894, № 2; Свербеев Д. Н., Записки. (1799—1826). т. 2, М., 1899, с. 397; Краснов М., Просветители Кавказа, Ставрополь, 1913, с. 61—80; Бродский Н. Н. и его автобиография. — «Вост. воспитание», 1915, № 6, с. 73—136 (с публ. главы из автобиографии Н.: «Уч-тские годы...»); Кудашов В. И., «Отеч. записки» и лит-ра 40-х гг. XIX в., М., 1959 (ух.); его же, Лит. связи России и Зап. Европы в XIX в. (первая пол.), 2-е изд., М., 1977 (ух.); Поэты кружка Н. В. Станкевича, М.—Л., 1964, с. 5—32 (вступ. ст. и прим. С. И. Машинского); Баляка Д. А., Шеллтинство в пед. науках в России 30—40-х гг. XIX в. — «Уч. зап. Горьков. гос. пед. ин-та», сер. пед. наук, в. 74, г. 1968, с. 140—70 (вкл. библиограф. Н.); Данилевский Р. Ю., «Молодая Германия» и рус. лит-ра, Л., 1969 (ух.); Митин А. И., Н. и его роль в общественной жизни Ставрополя. — В кн.: Мат-лы по изучению Ставропольского края, в. 14, Ставрополь, 1976, с. 313—21; Станкевич Н. В., Избранные, М., 1982 (изд. подг. Г. Г. Елизаветиной); вкл. стихи, повс. Н.); Манн Ю. В., В кружке

Станкевича. Ист.-лит. очерк. М., 1983, с. 13—17, 79—81, 103, 139—140, 149, 272—74, 303—307; Гатагова Л. С. Рус. администрация и нар. образование на Сев. Кавказе в 60—70-х гг. XIX в. — В кн.: Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 2. [М., 1993], с. 253—61; Brown E. J., Stankevich and his Moscow circle, 1830—1840, Stanford, 1966 (Index), ЛН, т. 56—58 (ук.). + Некрологи, 1893: НВ, 26 мая; МВед, 28 мая (Д. Языков); РВед, 28 мая; ВН, № 23; ЖО, № 23; ИВ, № 7. Брокгауз; Венгеров. Источ.; Языков, XIII; Мейер: Муратова (1); Ботград. ОЗ(1); Черевский.

Архивы: ГИМ, ф. 372 (вкл. «Автобиография», «Штемпль», автографы статей, рецензий, библиограф. «Мои лит. труды», письма и док-ты); ф. 345, оп. 1, № 1 (письма Грановского к Н.); № 4 (письма Н. к Грановскому: л. 3* — с указанием даты рожд. 2 февр.; см. также Бродский, с. 81); ф. 351, оп. 1, письма Н.: № 12 (А. И. Станкевичу), № 57 (Н. В. Станкевичу), № 68 (А. В. Станкевичу); РГБ, ф. 84, оп. 2, № 50, 51, 61, 62 (письма Грановского к Н.), № 60 (письмо Н. В. Станкевичу), оп. 3, № 24—30, 40 (письма Грановскому, Е. Б. Грановской, Н. В. Станкевичу); ф. 70, оп. 94, № 21 (письма А. В. Станкевичу); ИРЛИ, ф. 377, оп. 1, № 2542 (биограф. сведения и письмо С. А. Венгерову); РНБ, ф. 539, оп. 2, № 797 (письма В. Олоевскому 1839—40 гг.); ф. 850, № 394 (42 письма С. П. Шевыреву, 1833—54 гг.) [списка Т. В. Мисинкиной]; РГАЛИ, ф. 1863, оп. 1, № 49 (ф. с. 1852 г.); ф. 2, оп. 1, № 895 (письмо Н. А. Мельгунову); ф. 1339, оп. 1, № 674 (завещание Н., 1878); РГИА, ф. 733, оп. 2, л. 110 (об определении Н. в деп. нар. просвещения, 1833—37); оп. 121, л. 312, 1878—1893 гг. (о финансовом обеспечении Н. при назначении чл. Совета Министра нар. просвещения; ф. с. 1878 — л. 50—66**); ф. 1661, оп. 1, л. 1303 (3 письма К. С. Сербиновичу: 1833, 1840, 1848 гг.), л. 24—25. М. Лупановой). И. А. Зайцева.

НЕВЗОРОВ Максим Иванович [1763, Рязан. губ. — 8(20).9.1827, Москва, похоронен на кладб. Симонова монастыря], поэт, журналист-издатель, публицист, масон. Из духовного звания. Рано лишился отца и воспитывался матерью, о к-рой сохранил теплые воспоминания («Путешествие...», с. 10—11, 69—70). Учился в Рязан. семинарии (ок. 1770—79; см. «Образец смиренномудрия» — «Совр. набл.», 1815, № 17, с. 122—23). По окончании в числе лучших учеников рекомендован в Моск. ун-т, в к-ром обучался на средства масонского «Дружеского ученого общества» 9 лет (среди соучеников С. С. Бобров); с 1779 по 1788, на юридич. и мед. ф-тах, награжден двумя зол. медалями — обиход ф-тов. В ун-тские годы Н. сблизился с И. В. Лопухиным, Новиковым и др. видными рус. масонами, один из «самых усердных питомцев переводческой семинарии» изв. масона И. Г. Шварца (Колоспанов, т. 1, кн. 1, с. 185), состоял членом «университетской» ложи «Гермес», ок. 1788 — член ложи «Блестящая звезда», магистром к-рой был Лопухин.

К Лопухину, принимавшему живейшее участие в судьбе студента, поставившему Н. в неслыханное масонское учение, заботливый христ. друг и поддерживавшему его материально, Н. с благодарностью и любовью на протяжении всей жизни. В Лопухине он видел человека, отмеченного особым религ. призванием: «сам дух Христа и христианское откровение евангельское устам его изложил...» (из письма к сест. О. А. Понзееву — БЗ, 1858, № 21, стб. 646): «Вы мой Иосиф, воспитавший меня

нравственно и питавший физическим» (ДЮ, 1813, № 1, с. 31).

С масонскими идеями было связано большинство публикаций Н.: «Ода ... Симону епископу Рязанскому и Шацкому... на случай тезоименитства» (М., 1781), перевод «Истинные правила христ. воспитания детей» (М., 1785). В 1788 по инициативе и на средства Новикова и Лопухина Н. вместе с др. студентом В. Н. Колокольниковым был послан за границу для продолжения мед. обучения и совершенствования в др. науках; был в Голландии, Лейпциге, Страсбурге, от намерения посетить Париж в нояб. 1790 вместе с Колокольниковым отказался из-за рев. событий (см.: РС, 1896, № 11, с. 321—323); учился в Лейденском (в 1790 получил степень доктора медицины; практик. медиком Н., однако, никогда не был), Гёттингенском ун-тах (дек. 1790 — янв. 1792). Летом 1791 Н. тяжело заболел лихорадкой, вслед за этим впал в тяжелую психич. депрессию (боялся быть отравленным и т. д. — см.: там же, с. 336—37; «Сб. Рус. ист. об-ва», 1868, т. 2, с. 137—39). Выход из душевного кризиса он находит в чтении книг нравств.-богослов. характера, к-рые его «спасли»; увлекался соч. К. Экартсгаузена, И. Г. Юнга-Шпиллинга и особенно Фомы Кемпийского.

Вернувшись в Россию в февр. 1792, Н. и Колокольников были арестованы по делу мартинистов (в Риге, 6 марта помещены в Александров-Нев. монастырь, затем в Алексеевский рavelин Петропавл. крепости: П. Пекарский — Сб. ОРЯС, т. 7, № 4, СПб., 1869, с. 136, 208—209).

Екатерина II подозревала рус. масонов (кружок Новикова—Лопухина) в преступных контактах с Пруссией, с франц. революционерами, поэтому обрушившись на Н. и Колокольникова хари были первым звеном в репрессиях против масонства. На допросах Н. отказывался отвечать следователям и выражал сомнение в законности ареста. Как бывший студент он настаивал на своем праве давать показания только в присутствии депутата от ун-та и начал отвечать на вопросы следствия лишь 18 авг., в доме попечителя ун-та гр. И. И. Шувалова.

Н. категорически отрицал к.-л. вину со своей стороны, «предсудительность» в поведении и идеях своих покровителей. Пространные ответы Н. (напр., убеждение в том, что в Александров-Нев. монастыре его «душили магнизациею», — «Сб. Рус. ист. об-ва», т. 2, с. 142) привели следствие к выводу, что он «в уме помешан» (там же, с. 143); его перевели в петерб. психиатрич. лечебницу («секретное» отделение при Обуховской больнице).

По воцарении Павла I Н. был отпущен 16 апр. 1798 из больницы под опеку, «на отчет», Лопухина, жил, дереселившись в Москву, в его доме, общался помимо Новикова с изв. масонами: гр. Н. В. Репниным (позднее Н. написал его биографию «При-

меры истинного героизма...» — ДЮ, 1813, № 3, «Элегия на кончину...» — ДЮ, 1811, № 1, и опубли. в своем пер. с франц. «Разные рассуждения... кн. Репнина» — ДЮ, 1813, № 6, 7). И. П. Тургеневым (см. посв. ему стих. Н. — ДЮ, 1810, № 2), купцом Г. М. Походяшиным, масоном и филантропом, а также М. Н. Муравьевым.

В янв. 1801 по «именному» указу Павла I (РГАДА), нашедшего Н. в больнице (по восп. Н.: БЗ, 1858, № 21, стб. 653), определен в канцелярию Моск. ун-та с присвоением чина коллеж. ассесора; с июня 1801 назначен инспектором над репетиторами, весной 1802 — пом. инспектора кнг. печатных в ун-тской типографии, через год — членом училищного к-та при ун-те, а в ноябре 1803 — членом ун-тского Шенк к-та. Н. инспектировал ун-ца в Смоленской губ. (1803) и дважды — в Тверской.

В 1805 Н. стал начальником ун-тской типографии (умелое управление к-рой приносило ощутимый доход ун-ту), в 1806 получил звание надворного, а в 1812 — коллеж. советника. Всю жизнь занимавшийся филантропией, Н. в 1811 пожертвовал 4316 руб. в пользу ун-та «из любви к истинному просвещению и отечеству», за что был награжден бриллиантовым перстнем (РГИА, ф. 733, оп. 28, л. 50, л. 12—14 об., л. 18), а в 1812 издержал значит. сумму собств. денег на увеличение жалования типограф. служащим.

Н. отличал скромный и даже аскетич. образ жизни: отказывал себе во всем (пил квас и воду), раздавая деньги нуждающимся, и лишь в крайних обстоятельствах принимал помощь от знакомых (из письма В. А. Жуковскому от 9 авг. 1817: «Когда угодно будет Богу восстановить меня в состоянии возможности помогать ближним, то я буду стараться отыскивать подобных мне бедняков и, помогая им, вам отплачивать...» (РА, 1870, кн. 3, стб. 1952). С. П. Жихарев, в нравств. воспитании к-рого принимал участие Н., писал, будучи студентом, в 1805: «Каких гонений не потерпелся он за свою резкую правду и верность в дружбе! Как искренно прощает он врагам своим и как легко переносит свое положение! ... Ходит себе в холодной шинелишке по знакомым своим, большею частью из почетного духовенства, и не думает о будущем; говорит: «Довлеет днви злоба его!» (Жихарев, I, 53; см. также: II, 30).

Как поэт Н. — автор од и стих. одич. характера — выступает на рубеже веков: «Святейшего... Синодал. члену... Платону, митрополиту Московскому и Калужскому ... в день тезоименитства...» (М., [1799]), «Богу благодарственная песнь Рессни при наступлении нового столетия» (М., 1800; посв. Павлу I), «Его императорскому величеству Александру Первому...» (М., 1801; пожалован бриллиантовый перстень; две последние перспеч.: ДЮ, 1810, № 7, 9),

«Ода на всеродостнейший день коронации... государя императора Александра Павловича...» (М., 1802, перепеч.: ДЮ, 1811, № 9; 2-я ода Александру «очень хороша» — отклик Анд. И. Тургенева: Архив Тургеневых, II, 467), «Любовь. Лирич. соч.» (СПб., 1803). Др. период его поэтик творчества (1812—14) связан с Отеч. войной 1812 (в сент. 1812 Н. покинул уже занятую французами Москву и «нашел прибежище» в имении Лопухина в Савинском): «Ода на случай войны с французами 1812 г.» (М., 1812; перепеч.: ДЮ, 1812, № 7), «На новый 1814 г.» (МВед, 1814, 3 янв.), «Ода на чудесные российские победы» (ДЮ, 1814, № 4); все три соч. составили кн. Н. «Три оды» (2-е изд., М., 1814).

Несовершенные в отношении стиля и рифмы, исполненные «одической риторики», оды Н. совмещают черты торжеств. и духовной поэзии 18 в.: гимны-восхваления героя, события от «лица» народа или природы, развернутые персонализации («С растрепанными волосами / С полугасшими глазами / Одно отчаяние там / И слух и сердце поражают» — «Ода на всеродостнейший день...»), мистич. космизм (явная ориентация на поэтику Боброва), постоянное обращение к библейским образам.

Особая миссия России, «Израиля нового» («Три оды», с. 6) и рус. монарха, избранный Богом, — осн. мотив поэзии Н.; неизменно подчеркиваются сакральность, миролюбие (война оправдана лишь как ответ на вызов противника) и истинное величие рус. монарха (Н. называет его «Иосией» — по имени благочестивого израильского царя). Отсюда отличающиеся оды Н. монологи-молитвы героев Господу и России и монологи самого Бога, в уста к-рого Н. вкладывает напутствия и наставления россиянам по конкр. ист. поводам.

В поэзии Н. обязательны свойства «старым» масонам повзрослого круга воспевание миссии, противопоставление христ. любви к Богу и ближнему «вычуждой», обманчиво-обезличительной страсти, утверждение вши и веротерпимости («Да всех языки вер, и всех земель народы / Обрядят дом себе в империи моей» — «Его воп. величеству Александру Первому...», с. 7).

В 1803 Н. издал «Путешествие в Казань, Вятку и Оренбург в 1800 г.» (ч. 1, М.; продолжения не последовало), в к-ром описал впечатления от инспекторской поездки вместе с Лопухиным по провинц. городам России. «Путешествие...», написанное в форме путевых писем и полемически соотношенное в авт. предисл. с «Письмами русского путешественника» Н. М. Карамзина и «Путешествием в полуценную Россию» В. В. Измайлова, сочетает в себе особенности религ.-филос. трактата, очерка нравов (быта жителей увиденных городов и сел, в т. ч. казанских татар)

с экскурсами в историю Владимира. Мурома, Казани и др. городов, включающими статистич. и топографич. известия. Для стиля характерно чередование сухой информативности и трафаретности сентиментального слога.

Традиционная в сентименталистской словесности антитеза сестств. жизни (простых людей) и ложной цивилизации получает у Н. своеобразное выражение: он описывает доводство и пробы в крест. хозяйствах (крестьяне графа Шереметьева едят рабчиков и фазанов — с. 56—57, и т. п.); авторское упоминание выхватывает ложная сила и здоровье «всехбых» юных крестьян и крестьянок, обаявшихся друг другу в любви (с. 51—54). Осужденной нравственности цивилизованных современников Н. противопоставляет также моральную чистоту людей древних эпох [образит. отклик Ал-ара И. Тургунова на кн. Н. Арана Тургенева, II, 111; Н. был хорошо знаком (через их отца) с младшим бр. Тургеневым, Анд. С. Кайсаровым и пользовался их расположением].

С янв. 1807 по апр. 1815 Н. издавал журнал «Друг юношества» (с 1813 — «Друг юношества и всяких лет»); до 1809 создателями Н. были Багрянский и Д. И. Дмитриев. Издание было предпринято по предложению М. Н. Муравьева, покровителя Н., попечителя Моск. ун-та, и печаталось в ун-тской типографии; поддержку Н. оказывали также Лопухин и отставной бригадир В. В. Чулков. Журнал предназначался для религ.-духовного воспитания юношества. Н. не печатал в нем любовных и авантюрных романов, к.-л. развлекат. сочинений, комедий и сатир; в них, по мнению Н., как и в лит-ре 18 в., «рассеяны» «соблазны, развраты», «правила испорченности, безбожия, неверия» (см. предисл. — ДЮ, 1805, № 1, с. VIII—IX, и ДЮ, 1809, № 1); в «Разбойниках» Ф. Шиллера Н. находил идеализацию убийств и грабительств (ДЮ, 1809, № 5, с. 97—99; см. также его разбор «шиллеровой трагедии» — ДЮ, 1811, № 2). Журнал, заполнявшийся произв. нравств.-религ. содержания, оригинальными и переводными (в т. ч. выполненными самим Н. — с франц., нем. и лат.), ист. мемуарами, изречениями известных мыслителей, сентимент. письмами-«исповеданиями», назидат. пьесами, переложениями псалмов, духовными стих., торжеств. одами, полемич. сочинениями против вольнодумных просветителей, был скучен (особенно для юношества) и не имел успеха (тематич. перечень мат-лов — см.: Бессонов, с. 118—23).

Из известных тогда писателей (помимо регулярных преемчаток прозы Лопухина, публ. философич. бесед Шварца — ДЮ, 1812, № 5; 1813, № 1) в журнале миссионерски выступали (в 1812) литт. И. М. Долгоруков и П. И. Шадиков (повс. Н. стих. «К М. И. Невзорову с выской оценкой «его личности и полезности» издаваемого журнала — Шадиков П. И., Соч., ч. 2, М., 1819, с. 73—74); основной же круг авторов — преим. студенты и воспитанники Моск. ун-та: М. Г. Гаврилов, Н. В. Галляков, А. И. Ковалев, Назум, Попов, С. А. Ремезов, А. Ф. Протопопов, Е. Тартов и др. Издавать особенно заботился о поддержке одаренных детей, присылавших в «Друг юношества» свои сочинения (София Беневсарф, 9-летнего Никандра

Дувашкина). Сам Н. на страницах журнала выступал в разнообразных жанрах: с одами, духовными стихами, переводами (часто перепечатки ранее опубликованного), ист. и лит. заметками, статьями по разделу сестств. наук (т. и физич. известия — землетрясения, град, бури и т. д.), трактатные изложения в религ.-мистич. духе и собрание с наукою, и религ.-филос. рассуждения («Замечание на некр-ую ст. из публик-ции великопетерб. — 1808, № 11—12; 1809, № 1; «Нек-рые замечания мои о писателях» — 1812, № 6; «Мои мысли, извлеченные из соч. о танствах душ» — 1815, № 1; «Мои мысли, извлеченные из истории римской» — 1815, № 3; см. также др. публ. Н.: ДЮ, 1810, № 2; 1812, № 1, 3, 8; 1815, № 1, 4). Среди предметов нравочит. разборов Н. — шегальство, безудная мода на все зап. повешства, густые системы усвоения, воспитание — истинное и ложное. Н. был также автором обзоров литт. европ. политики.

Значит. часть его выступлений в журнале занимали примечания и развернутые комментарии к статьям др. авторов, часто корректирующие их взгляды и «взбуждения». Наиб. интересные публикации — биографич. заметки о деятелях прошлого: Салона, Марка Аврелия, Цицерона, Фемисона, Магомета Я. Гуса, М. Лютера (автором двух последних — 1811, № 7, 5 — и, видимо, их. другий был см. Н.) (см. Коллюпанов, т. 1, кн. 2, с. 246—47).

В духе ориентации журнала на «серьезные» жанры — помещенные религ.-эпич. поэм. «Избиение младенцев в Вифлееме» (1810, № 8, 10) Дж. Мартино, «Мессиады» Ф. Г. Клопштока (1812, № 5, 8) (в переводе И. Восленского и А. И. Урицаева), «Живописных и философских отрывков из соч. г. Боброва» (1810, № 6), бывшего для Н. образцом высокого «лирич. стихотворства» (в нем «кроме питического жару, видно искание истины» — там же, с. 68). Н. поместил некролог Боброву (1810, № 5) и обширный критич. разбор его соч. (1810, № 6), в к-ром выступил в полемич. с автором эпиграмм на Боброва П. А. Вяземским, обвиняя его и лит. нравы совр. стихотворцев вообще в безнравственности (с. 63—68, 159—60). Все это свидетельствует об известной близости Н. к лит. и языковой программе «арханстов» и безусловном неприятии лит. принципов «Арзамаса». Для арзамасцев же и их окружения Н. — писатель «вазоров», своеобразный символ бездарного литератора програтарных убеждений (см. Рус. энциклопедия; «Дом сумасшедших» А. Ф. Воейкова; ОА, I, 19; ОА, III, 75; «Арзамас», ук.). Все более очевидное несоответствие журнала совр. культуре и лит. ситуации, падение читательского интереса, отсутствие средств заставили Н. прекратить издание.

В 1813—14 одновременно с «Другом юношества» Н. издавал также «Историч. статистич. и географич. журнал» (был и его редактором — с сент. 1812 и в 1813), опубл. в нем пер. (с франц.) «Описание Норвегии», ист. обзор «Католики в Англии», ст. «Новая исп. конституция» (1813, № 5/6), с привлекчим обличением «ложных увлечений» Вольтера и Ж. Ж. Руссо, там же опубл. большую ст. «Наполеонова политика,

или Царство гибели народной» (1812, № 9—10) — выитное издание биографии Наполеона, с попыткой рассмотреть его систему правления, просвещения и т. д. (вкл. тексты речей франц. императора к солдатам); вышла отд. изданием (М., 1813) по «желанию» Лопухина (и на его счет), к-рый в предисл. назвал ее «прекрасным — образцовым в своем роде сочинением», а Н. «проницательным критиком» (с. V—VI; там же высокая оценка н. ж. «Друг юношества»); отд. изд. включало и ст. Н. «Состояние европ. государств до начала франц. войны 1812 г.» Н. был также автором анонимной почит. брошюры для нар. чтения «Трех не бездельца» (3-е изд., СПб., 1817; к 1912 выдержала 20 изданий; авторство раскрыто А. И. Тургеневым: «Совр.», 1836, т. 4, с. 238), в к-рой предостерегал от опасности смеяться над грехом, т. е. «шутить» страданиям и смертью.

Отличавшийся независимым поведением и не стеснявший себя в нелюбимых оценках ун-тского начальства, Н. вступил в конфликт с деканом мед. ф-та М. Я. Музоровым и ректором И. А. Геймом, обвинившим его в неудовлетворит. исполнении обязанностей нач. типографии, хотя Н. не раз предостерегал ее «расстройство» и спас «от расхищения... от неприятеля» (БЗ, 1858, № 21, стб. 657). Отставание Н. своей правоты было фанатичным; уверенный в божестве, участник в его судьбе (Бог, «жели нужно, в заступлении моей правоты испустит с Неба огонь, пожирающий всякую неправду», из письма Гейму — цит. по: Бессонов, с. 99), он представлял себя едва ли не гонимым пророком и мучеником (см.: РС, 1901, № 8, с. 431—34).

19 февр. 1815 Н., считавший себя жертвой несправ. был отозван от должности по распоряжению юн. нар. пров. гр. А. К. Разумовского, увидевшего в Н., на осн. «представлений» ректора ун-тского правления, полковника Моск. уезд. округа П. И. Галенишова-Кутузова, а также его собств. рапортов, «беспокойной нрав... исповновение его начальству, странные мысли и выражения» (ШИАМ, ф. 418, оп. 138, л. 130, л. 3); однако Н. долг. время отказывался сдаться типографию своему преемнику М. Т. Каченовскому (дело об увольнении Н. помечено пометой 1815 и 1816 — ШИАМ, указ. дело, и 1814—1822 — РГИА, ф. 733, оп. 28, л. 210, 265 листов).

После отставки Н. проповедал в кругу друзей (в 1810-е гг. и на моск. улицах) (см.: Васильчиков А. А., Семейство Разумовских, т. 2, СПб., 1880, с. 430), излагал свои взгляды в резких письмах сановникам, к-рые распространял среди знакомых. В письме митрополиту Новгород. и Пестерб. Серафиму (23 июня 1825) выступил в защиту Библиейского общества, против запрещения масонских (мистич.) книг (ВЕ, 1868, № 12, с. 758—68), по мнению Н., «истинно-христианских»; «камень, которого ищет истинно-свободный камен-

щик... есть Христос», а «мистика», подвергаемая несправедливым гонениям, состоит в переработывании, при содействии духа святого, «чувственного и плотского человека в духовного» (Пыпин А. Н., Иссл. и статьи по эпохе Александра I, т. 1, П., 1916, с. 287—88; см. также: е го же, Рус. масонство..., 1916, ук.). При этом Н. неканонически и произвольно толковал Евангелие (только внутреннее, а не «шерковное» поклонение Богу признавал «непременным»), нек-рые его мистич. мечтания и рассуждения свидетельствуют о расстроеном умств. воображении [напр., уподобление себя божеств. посланнику, а Лопухина — «апокалипсич. ангелу» или апостолу — в рапортах в высшие инстанции (1814), в неизд. соч. «Нек-рые сведения мои о характере... имеющего скоро открыться на земле явления Сына Божия»; выдержки см.: РБС, т. 11, с. 675—76], чего нельзя сказать о его странном, но понятном современникам поведении в быту. «Про этого друга человечества, про эту олицетворенную добродетель и худого сказать было нечего», — вспоминал мемуарист, наблюдавший Н. в последние годы (Кичеев, с. 107).

Иногда мистичизм Н. переплетается с социальным критическим: он всегда осуждал жестокость и «самовластное исправление» власть имущих — и даже радикализм; в письмах 1820-х гг. духовных дел и нар. пров. кн. А. Н. Голицыну (при содействии к-рого Н. в 1817 была назначена «половинная пенсия» — РГИА, отбл. в ж. «Голос минувшего» (1913, № 12, с. 270—76; 1922, № 2, с. 185—86), Н. одновременно предсказывает начало царства Антихриста и градуцию в России революцию, имея причины сыграть гл. роль в предд. ист. лич. «кровопийстич. притеснениях и злобах» (там же, 1913, № 12, с. 272).

Приверженность масонству Н. сохранял до конца жизни, но, будучи «питомцем» старой новиковской школы, он не принял новых масонов, занимавшихся «пустою суетностью» — кабалистикой, алхимией, магнетизмом (из письма Позднееву 1817 — БЗ, 1858, № 21, стб. 658).

Умер в бедности на руках Жихарева, «отказавшись в предсмертной своей болезни от всяких медицинских пособий» (Кичеев, с. 105); похоронен на средства друзей.

Др. прозв.: пер. с лат. «Притчи, или Изречения Секстия Пифагорейца» (с поев. С. И. Плещееву) (М., 1801), «Стих.» (2-е изд., М., 1804), «Исход мой из Москвы во время нашего французов» (ДЮ, 1812, № 10), «Н. к О. А. Поздееву. Отрывок из послания 23 июня 1817 г.» (БЗ, 1858, № 21).

Лит.: Бессонов П. М. И. Невзоров. — РусБ, 1856, т. 3; Третьяков М. М. И. Невзоров. (По поводу ст. г. Бессонова...). — МВед, 1857, 16 изд.; Кичеев П. Г., Вспл. о пребывании неприятеля в Москве в 1812 г., М., 1858, с. 99—108; Лопухин И. В., Записки. Лондон, 1860, с. 20, 62—63 (репринт — М., 1990); Жихарева, 1989 (ук.); Лонгинов М. Н., Новиков и моск. мартинисты, М., 1867, с. 243, 354—55;

Сб. рус. ист. об-ва, т. 2, СПб., 1868, с. 100—02, 137—45; Дружинин А. В., Собр. соч., т. 7, СПб., 1865, с. 608; Карауллов Г., Очерки истории рус. лит-ры, т. 1, Оа., 1870, с. 542—43; Коллопаков Н., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 1, М., 1889, с. 183—95; т. 1, кн. 2, с. 246—47; Дубинский А., И. В. Лопухин, Каз., 1889, с. 85—90; Тихонравов И. С., Соч., т. 3, ч. 2, М., 1898, с. 93; Барсуков (ук.): Архив Тургеневых, II (ук.); Тухалева-Скляй В. Л., Исследования рус. масонов, СПб., 1911, с. 68—70; Барсков Я., И. В. Лопухин, П., 1914, с. 25—28; е го же, Перестика мист. масонов XVIII в., П., 1915 (ук.); Кульман Н. К., М. И. Невзоров. — В кн.: Масонство в его прошлом и настоящем, т. 2, [М.], 1915; Пыпин А. Н., Рус. масонство, XVIII и 1-я четверть XIX в., П., 1916 (ук.); Лотман Ю. М., Краткие наставления рус. рапарам. — «Восток ЛГУ», 1949, № 7, с. 133, 144; Рус. энциклоп.: «Арамаас» (ук.); Письма Н. И. Новикова, М., 1995 (ук.); ЛН, т. 59 (ук.). + Некролог, 1827; СП, 13 окт. 03, № 91 (И. М. Савири); Брокгауз; МНскр.; Венгеров. Источ.: Геназа; Мельер; РБС; Свиридова З. И., Холмов М. И. (сост.). Рус. журналы для детей. (1785—1917 гг.). Библ. ук. и аннотаций, Л., 1982, с. 9—11.

Архивы: РГАДА, ф. 7, Тайная канцелярия, л. 3586 («Дело об определении Н. на службу в канцелярию Моск. ун-та до ходатайству сенатора Лопухина») (справка С. Р. Давтовой); ШИАМ, ф. 418, оп. 138, л. 130 (дело «Об увольнении от должности нач. ун-тской типографии...» 1815 и 1816 гг.) (справка В. В. Александровой); РГИА, 1349, оп. 4, 1813 г., л. 55, л. 245—46 (ф. с. 1813 г.); ф. 733, оп. 28, л. 50, л. 174 (о награждениях Н.), л. 210 (об увольнении) (справка В. М. Лупановой); РНБ (письма А. Н. Галенишва к Н.); РГБ, ф. 233, л. 37, № 11 (биограф. заметки С. Д. Полторацкого); ф. 237, № 68.22—23 (письмо Н. архимандриту Герасиму, 1817; переписка с О. А. Поздеевым, 1817).

А. М. Рачин, при участии Л. М. Шемелевой.

НЕДЕТОВСКИЙ Григорий Иванович [псевд. О. Забытый; 19(31).1. 1846, с. Бор Тарус, у. Калуж. губ. — 23.1.1922, Ставрополь, похоронен близ церкви св. Варвары], прозаик; педагог. Отец Н. — сел. дьякон (умер, когда Н. было 6 лет), бывший фам. от названия местечка Недетово, где он служил. Н. окончил Калуж. духовную уч-ще (1856—62), Калуж. духовную сем. (1867) и Киев. духовную акад. (1871), куда поступил, по собств. словам, «не ради Иисуса, а ради хлеба куса» (цит. по предисл. к изд. 1982, с. 8). Обратил на себя внимание проф. академии Ф. А. Терновского, содействовавшего первым публика. Н., в числе к-рых статьи и бро-

шоры на пед. и ист.-церк. темы: «Дети и их воспитание — по рус. нар. пословицам» («Воскресное чтение», К., 1870, № 49), «Варлаамитская ересь» («Труды Киев. духовной акад.», 1872, т. 1, № 2), «О значении сердца в духовной жизни и деятельности человека» (Воронеж, 1874), а также рассказы в газ. «Дон» (1871). Семья, «верующая до фанатизма», богослов. образование наложили отпечаток на мировоззрение Н.: нравств.-христ. пафос сложно переплетался в его творчестве с гуманистич. пафосом лучших образцов рус. лит-ры и идеями реф. демократии. Большую часть жизни прожил в Воронеже: преподавал в 1871—79 в духовной сем. (историю, греч., нем. яз. и др.), а также в епархиальном (с 1873) и реальном (с 1876, рус. язык и словесность) уч-щах. Выдержав в 1879 при Харьков. ун-те экзамен на звание учителя г-зии по рус. яз., стал инспектором в реальном уч-ще с 1885, а с 1900 в Воронежской гимназии; в 1903—16 дир. 2-й воронеж. муж. г-зии. Н. — «прирожденный педагог» (из неопубл. восп. И. В. Владиславлева; цит.: РЛ, 1971, № 1, с. 95) — умел находить и ценить в человеке «искорку» (ГА Воронеж. обл., л. 4); был знаком с Н. Ф. Бунаковым. Несмотря на служебные и семейные заботы (в 27 лет женился на вдове А. И. Левашовой, имевшей от первого брака пятерых детей), Н. энергично занимался культурно-просветит. работой (чл. губ. статистич. и ист.-археологич. к-тов, ученой архивной, фольклорной и др. комиссий).

Первое значит. выступление Н.-прозаика — цикл из девяти «деревенских рассказов» «По селам и закоулкам» (ВЕ, 1875, № 5, 6, 12; 1876, № 5). Знакомясь с циклом, редактор «Вест. Европы» М. М. Стасюлевич писал Н. в 1874: «Это — превосходные рассказы, но ... неудобные для печати ... Чрезвычайно талантливо, образно; читая Ваши рассказы, невольно вспоминаешь о гоголевском „смехе сквозь слезы“ ... но в наше „натянутое“ время в них усматривают одну карикатуру и кощунство, художественности не оценил!» (цит. по предисл. к изд. 1982, с. 10). Опубл. после «маскирования» нек-рых мест, они открыли особую разновидность «маленького человека» — сельского церк. пролетария («Христославия», «Чтец, певец и священосец» и др.). Идя на ценз. уступки, Н. вместе с тем отстаивал право писателя обращаться к жизни духовенства, «потому, что этой среды сравнительно еще мало касалась наша литература» (из письма Н. — ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, л. 966, л. 9). (Ср. автобиогр. свидетельство: по моим произв. «можно познакомиться со всевозможными представителями

духовенства — от пономаря до сапожного иерарха, в их дом. среде и в служебных отношениях, а также в их отношениях к прихожанам, к народу»; цит. по ст.: Азбукник, 1968, с. 81.) Позднее за Н. укрепилась репутация «бытописателя духовенства» (М. Горький). В примыкающей к «деревенским рассказам» пов. «Велено приписывать» (ВЕ, 1877, № 9—11), затрагивающей, в частности, «женский вопрос», Н. «представляет совершенно новый тип в нашей лит-ре» (РВ, 1877, № 11, с. 398) — бурж. священника.

О повести одобрил, отозвался И. С. Тургенев: «Это — несомненный талант» (Письма, XXII, тл. 3, с. 218); она получила сочувств. отзыв в критике («Голос», 1877, 6 окт., 19 нояб.; «Feuilleton Beiblatt des St. Peterburger Herald», 1877, № 49, 20 dec.), но в духовной печати, принадлежавшей в Н. «талантливому писателю, хорошо знающему духовную среду» («Правосл. собеседник», 1884, № 7, с. 309—10), преобладали резко отрицат. оценки: образы Н. «отстаиваются пренебрежением, ложью, карикатурой» (там же; см. также: «Церк.-обществ. вест.», 1877, 30 сент. и др.).

В произв. Н. этих лет сказалось его увлечение Э. Золя («Какой он аналитик, физиолог» — из письма Н. — ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, л. 966, л. 12), откуда известная фактографичность, излишняя предметно-бытовая описательность.

Наиб. яркий период творчества Н. связан с «Отеч. зап.», в к-рых он сотрудничал в 1880—84, встречая дружеское участие и поддержку М. Е. Салтыкова-Щедрина. Переписка писателей (не знакомых лично) свидетельствует о том, что Салтыков-Щедрин видел в Н. близкого по духу художника. В «Автобиографии» Н. подчеркивал: в лице великого сатирика «нашел лучшего учителя, который учил смотреть на лит. дело как великое служение своему народу» (ИРЛИ, ф. 377). В журнале опублик. рассказов, в т. ч. «Родня» (1880, № 3), «Федька» (1881, № 3), «Как Иван Проккопыч прославился» (1882, № 4), «Перемена» (1883, № 10), «Не угодили» (1883, № 5) и свое самое значит. произв. — пов. «Миражи» (1881, № 9—10), к-рая, по свидетельству А. А. Измайлова, «в читающем духовном мире ... произвела нечто, положее на переполох» (РСл, 1911, 6 окт.). Документальная основа (на автобиографич. мат-ле воссоздавалась внутр. драма выпускника духовной академии, покончившего самоубийством) повести при выходе ее отд. изданием (СПб., 1882) взбудоражила воронеж. общество, явилась причиной серьезных гонений на автора. В условиях изменившейся стратегии «Отеч. зап.» после 1 марта 1881 Н. в своих произв. обратился к понскам положит. нравств. идеала среди людей из провинц.-патриархальных слоев общества. Его герои-праведники изображены без романтич. ореола; скептически оценивая возможность просвети-

телей-одиночек, Н., как правило, показывает крах их упований. В ряде произв. Н. касался проблем капитализации и социального расслоения деревни, расшатывания ее патриарх. устоев («Устроились!» — ОЗ, 1880, № 11, «Кто кого» — ОЗ, 1882, № 9). Причисляемый совр. критикой к писателям-народникам, Н., несмотря на нек-рую идейно-тематич. близость к ним, не разделял вместе с тем иллюзий, по его словам, «любвеобильных народолюбцев», связанных с сел. общиной, больше интересовался думами и чувствами индивида, чем коллективным, «мирским» сознанием, показывал негативные стороны крест. психологии. Есть большие оснований говорить о Н. как о писателе общедемокр. ориентации.

После закрытия «Отеч. зап.» (1884), к-рое поддействовало на Н. угнетающе (см. восп. его сестры: ГА Воронеж. обл., ф. 189, л. 22, л. 2), он сотрудничал в «Рус. мысли» (пов. «Обремененный многочисленным семейством», 1885, № 4—5; рассказы «У источника исцелений», 1890, № 12; «Статистика в деревне», 1894, № 12), «Деле» (пов. «Плебейская матрона», 1886, № 5, 6), «Сев. вест.» (рассказ «Ходит!», 1895, № 10; рецензент «Нивы» отметил неспособность героя бороться с «застоем в жизни» — 1895, № 11, с. 557—561), «Страннике», «Пастырском собеседнике» и др., продолжая худож. исследование характеров из «второго сословия». Н. Г. Чернышевский в 1888 писал Н. И. Барышеву о необходимости такого же объективного изображения в лит-ре купечества, «как говорят теперь хорошие писатели (напр., О. Забытый ...) о духовенстве» (XV, 728). В эти годы в творчестве Н. усиливаются мотивы тоски, отказа от активного вмешательства в жизнь, склонность к теории «налых дел» в духе героя пов. «Недоразумения» (РМ, 1884, № 6—8), написанной им в период «полного затихания умственного» (Н. В. Шелгунов): «нужно трудолюбие, терпение, нужно умение смириться и не гнушаться мелкой работой». Близко к сердцу Н. принимает тему нар. образования и просвещения (рассказ «Ученичок», 1900), интересуется фольклором («Нар. свадебные обычаи, обряды и песни в деревнях Калуж. губ. Тарусского уезда», Воронеж, 1898), занимается ист.-краеведч. разысканиями («Памятная книжка Воронеж. губ. на 1899 г.», «Труды Воронеж. ученой архивной комиссии», 1902, в. 1, и др.). Обращается к жанру мемуарно-публиц. очерка («Вокзальный собеседник», «Школа-самородок», «Весельчак», «В былой бурсе»), в к-ром объектом сатиры становится хорошо знакомая ему духовная школа 50-х — нач. 60-х гг., пишет рассказы из бытовой провинци. жизни

НЕДОБРОВО

(«Именные», «Старовер», статьи и заметки по истории сектантства. По свидетельству Л. Новского, А. Н. Островский ценил способность Н. передавать будничные явления в первозданности их восприятия, восхищался его «беспременнозной простотой».

Н. приветствовал Февр. революцию, называя ее «новым гражд. праздником свободы» (из его письма 30 марта 1917 к ред. «Петербург. листка» А. Н. Сальникову — ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, д. 78). С событиями Октября 1917 связывал надежду, что «на Руси не будет более скорбей...» (там же, письмо Н. от 20 дек. 1917). Последние годы жизни в Ставрополе (1916—22) тяжело болел, испытывая крайнюю нужду. Роковым оказался псевд. Забытый, придуманный Стахилевичем: еще в 1911 газ. «Рус. слово» писала, что имя Н. «трагичностью судьбы своей» превосходит «все померкшие и забвенные имена» (6 окт.).

Изд.: [Расска] Провинциальный редактор у графа Лорис-Меликова (1917, опубли.: Воронеж, 1928, предисл. А. М. Путинцова); Рассказы. Очерки. Очерки из повести, Воронеж, 1982 (предисл. В. И. Кузнецова); Миражи, М., 1988 (вступ. статья В. И. Кузнецова).

Лит.: Салтыков-Щедрин (ук.): Семетковский Р. И. Что нового в лит-ре? — ЛПН, 1895, № 11; Памятная книжка Воронеж. губ. на 1909. Воронеж, 1909, с. 63—65; Кобылен Г. И. Недетовского. — «Воронеж. телеграф», 1911, 4 окт.; Путинцев А. М. Неизд. письма М. Е. Салтыкова-Щедрина к беллетристу Н. (О. Забытому). — Изв. ОРЯС, 1926, т. 31; Болдырев В. Н., Роман Н. (О. Забытому) «Миражи». — Изв. Воронеж. вед. ин-та, 1961, т. 33; его же, К изучению творчества Н. (О. Забытого). — РЯ, 1971, № 1; Азбукин В. Н. Архивные материалы как один из источников изучения творч. биографии Н. — В кн.: Науч. доклады литературоведов Поволжья, Астрахань, 1967, его же, Творчество Н. в период сотрудничества в «Отч. зап.». — Изв. Воронеж. вед. ин-та, 1968, т. 72, в. 1; Кузнецов В. И., Г. И. Недетовский (О. Забытый). — В кн.: Очерки лит. жизни Воронеж. края 19 — нач. 20 в., Воронеж, 1970; его же, Н. о Калысов. — ФЭ, Воронеж, 1971, в. 1; его же, «Литвич семнадцатираст» И. С. Никитина и пов. «Миражи» Г. И. Недетовского. — В кн.: Поэт-демократ И. С. Никитин. Воронеж, 1976; его же, М. Е. Салтыков и Н. — В кн.: Салтыков-Щедрин, 1826—1976, Л., 1976; Пехтерев А. С., Исследования к этим берегам..., Тула, 1983; Виноградова А. Г. Воспоминания. — ФЭ, 1994, в. 2; Ахмедишин А. П., Редкой души человек. — «Воронеж. вост.», 1996, 26 янв. ф. Салтаров Ф. К. Лит-ра истории и обличения Рус. школы. Систематич. ук., в. 2, № 1179. СПб., 1892; Мельер: Грамат; Венгерос (Сл. Источ.). Мелков: Писатели Воронежца. Библиогр. ук., Воронеж, 1969; Г. И. Недетовский. Памятка читателя, Воронеж, 1972; КЛЭ, т. 9; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377 (автобиография, 1913 г.); ф. 293, оп. 1, д. 966 (письма М. М. Стасюлевичу, 1874—77); ф. 115, оп. 3, д. 220 (письма А. А. Измайлову, 1913—17); ф. 357, оп. 5, д. 78 (письма А. Н. Сальникову, 1917, март—апрель); РИБ, ф. 874, оп. 1, д. 52 (письма С. Н. Шубинскому); ИИА, ф. 733, оп. 123, в. 141, л. 59—68 (ф.с., 1903 г.); ГА Воронеж. обл., ф. 189 (зак-ты и рукописи Н., в т. ч. Большого очерк Н. о А. В. Кольцове. Незаконч. и неопубл. произведения, воспоминания о нем и др.); Дом-музей И. С. Никитина (Воронеж), № 1663—84, 2133, 1868—1916; ГА Калуж. обл., ф. 33 (документально-биогр. мат-лы, 1846—1865 гг.).

В. И. Кузнецов.

НЕДОБРОВО Николай Владимирович [1(13).9.1882 — 3.12.1919, Ялта; похоронен на Аутском кладб.], поэт, критик, стиховед. Принадлежал к старинному дворян. роду, восходившему к тиуну (привилегиров. княжескому слуге) кн. Всеволода Олеговича — Ратше. Отец, Владимир, — из дворян Тамбов. губ., вы-

шел в отставку гвардии ротмистром. Детство Н. прошло в изменен матери в Курской губ. Во 2-й пол. 1890-х гг. семья переехала в Харьков, Н. учился в 3-й харьков. г-зии, здесь началась его дружба с Б. В. Анрепом (см. в посвященном ему стих. Н. — «Мы дружбу мерим уж годами...» — РМ, 1914, № 11) и будущим академиком, историком лит-ры А. И. Белецким. В 1902 поступил на ист.-филол. ф-т Харьков. ун-та, в 1903 перевелся в Петерб. ун-т на ист.-филол. ф-т, окончил его в 1906 — одновременно с А. А. Блоком (письма Н. к нему — ЛН, т. 92, кн. 2; вступ. ст., публ. М. М. Кралина). Еще в ун-те познакомился с Н. П. Ге, Евг. П. Ивановым, А. А. Смирновым и крутом художников и критиков «Мира иск-ва». В 1906 в газ. «Речь» появились его заметки о худож. выставках в Петербурге (за подписью Н. В. Недобров): «Первая осенняя выставка» (17 окт.), «Выставка товарищества художества» (10 дек.), но его надежды на ведение худож. отдела этой газеты не сбылись. 1905—1907 — период полит. и обществ. активности Н.: он вступил в кадет. партию Нар. свободы, возглавил правление об-ва по распространению в народе общедоступной лит-ры «Помощь». В 1908—16 служил в канцелярии Гос. думы, одним из его сослуживцев был А. А. Кондратьев. В 1908 женился на Л. А. Ольхиной, дочери А. А. Ольхина.

Современники вспоминали об одухотворенной и хрупкой красоте Н. (дружба в студенч. годы называли его «красавчиком мальчиком»). «Внешняя сдержанность, доходящая почти до холодности» (ср.: «он не любил излишней чувств.» — А и р. сп. с. 84) в сочетании с внут-

ренней способностью любви и дружбы, почти патетической» (Сазонова-Слонимская, 1923, с. 298) вызвала уважение и откровенную признательность, хотя были и те, кто видел в этом проявление эстетского снобизма (см.: Пя ст.).

Первые лит. опыты Н. относятся к сер. 1890-х гг., он редактирует гимназич. рукоп. журнал, в к-ром помещает свои стихи и рассказы (не сохр.). В 1902 безуспешно пытался опубликовать неск. стих. в «Вест. Европы». Критич. отношение к собств. творчеству — причина позднего поэтич. дебюта Н., состоявшегося лишь в 1913, — подборки «Шесть стихотворений» (СевЗ, № 3) и «Стихотворения» (РМ, № 4; опубли. 9 стих.; стих. «Люблю отделять стихи прошедших лет» фиксирует «ювелирное» отношение Н. к своему поэтич. труду). В 1914—16 стих. Н. печатаются, за редкими исключениями (напр., 5 стих. в «Альманахе муз», П., 1916), только на страницах указанных ж-лов. Поэтич. творчество Н., при ясности и четкости формы, содержало в себе то, что Н. называл «символически осознаваемым внутренним опытом». Подобный синтез обеспечивал ориентацию поэзии Н. как на классич. традицию (А. С. Пушкин, Е. А. Баратынский, Ф. И. Тютчев), так и на достижения современных поэту лит. течений (символизм, акмеизм). Творчество Н. заслужило высокую оценку А. Белого [см. его ст. «О ритмическом жесте» — «Тр. по знаковым системам», Тарту, 1981, № 12 (Уч. зап. ТГУ, в. 515)] и Вяч. И. Иванова, с к-рым Н. сблизился в 1911 через Об-во ревнителей худож. слова и при поддержке к-рого осенью 1913 был избран в совет об-ва — вместе с Н. С. Гумилевым и В. А. Чудовским. В 1910—16 Н. принимал активное участие в деятельности об-ва и как докладчик, и как оппонент (см. его ст. «Об-во ревнителей худож. слова в Петербурге» — ТИД, 1912, № 2), позднее вошел в президиум «и великолепно заменял Вячеслава Иванова в дни его отсутствия или его застыва» (Пя ст. с. 188; см. также заметку Н. (?) о заселениях 12 дек. 1915 под его председательством и 28 янв. 1916 с концептивным изложением его выступления в прениях — «Аполлон», 1916, № 2; подпись Litotes). Доклад «Ритм, метр и их взаимоотношение», прочитанный 26 марта 1911 (РГАЛИ, ф. 1811, оп. 1, № 14; с сокращениями — ТИД, 1912, № 2), содержал некоторые положения, ставшие впоследствии аксиомами науки о стихе (по словам А. А. Ахматовой, «все наши формалисты так или иначе учились у Недоброва» (Лухничский, с. 295); ср. с признанием В. М. Жирмунского, считавшего для себя общение с кругом Н. «особенно важным», — в его кн.: Вопросы теории лит-ры, Л., 1928, с. 8). Ритм и метр стихотв. текста, согласно Н., не дополняли друг друга

(как считал, напр., А. Белый), но диалектически взаимодействовали: «Метр в речи может быть отыскан формально, а ритм может быть признан лишь внутренне восприимчивостью человека» (Тид, 1912, № 2, с. 17). Обширная работа, посвященная феноменологии стихотв. речи, сохранилась в виде набросков и подготовит. мат-лов (РГАЛИ). Общественно-эстетич. взгляды Н., также не получившие законченного выражения, характеризовались, как и все его творчество, тягой к канону (ср. его рассуждение о необходимости «устойчивости языка» — РГАЛИ, ф. 1811, оп. 1, № 15, л. 13 — в докладе «О темах», прочитанном 12 мая 1912 в Об-ве ревнителей худож. слова).

Эстетические взгляды зрелого Н. корреспондировали с его полит. убеждениями — см., напр., рассказ Кондратьева в письме Б. В. Никольскому от 4 апр. 1914: Н. «очень интересно выступал по поводу доклада Иоселя Мандельштама „О гражданской поэзии“». Я давно не получал такого удовольствия. С помощью блистательных парадоксов и с большой эрудицией Н. доказывал, что гражданская поэзия лишь тогда хороша, если она — консервативного направления» (цит. по ст.: Тименчик Р. Д., Н. В. Недолино). — В кн.: Шестые Тьяньновские чтения, Рига, 1992, с. 84). Твердость убеждений, проявлявшаяся во всех сферах духовной жизни Н., казалась современникам едва ли не самой яркой его чертой: «как будто он стоял на неизбывном островке среди колебания стихий» (Сазонова-Слонимская, 1923, с. 290). Одновременно Н. — товарищ председателя и один из инициаторов создания в апр. 1913 Об-ва поэтов («Физа»), куда вошли Е. Г. Лисенков (пред.), Ю. Н. Верховский, А. Д. Скалдин, В. А. Пяст, Кондратьев, Андрей и др. и на собраниях к-рого читались рефераты «о поэзии всех направлений» (Пяст, с. 211; повестки о заседаниях с указанием тем докладов опублик. В. Н. Княжениным в кн.: Письма А. Блока, Л., 1925, с. 212).

Среди лит. опытов этих лет — небольшая пов. «Душа в маске» (РМ, 1914, № 1). Традиц. тема маскарада, игры масок дана в ней через рассуждения красавицы об обезличивающей функции маски, позволяющей раскрыть душу. Трагедия в стихах «Юдифь» (1909—12; опублик. РМ, 1923, № 6—8; рец.: Кондратьев — «Волынское слово», Ровно, 1923, 29 марта), задуманная, по свидетельству Ю. Л. Сазоновой-Слонимской, как 1-я часть трилогии, была опублик. посмертно и, за немногими исключениями (Ахматова, Андрей), не была известна современникам.

С публикации в 1910 ст. «Временорец» (Фет)» (ВЕ, № 4) разворачи-

вается деятельность Н.-критика и является исследоват. интерес к психологии творчества («внутреннему слову» поэта). Понимание художника как особой духовной величины запечатлено и в его рецензиях на сб. Вяч. Иванова «Нежная тайна» (в к-рый вошло повс. Н. стих. «Rozarijsh»; ответное послание Н. см.: РМ, 1913, № 4) и сб. «Стихотворения» Скалдина («Рус. молва», 1913, 31 янв.; в рец. Н. решился «признать поэта, выпускающего первую, небольшую и совсем нерекламную книгу» — его письмо Вяч. Иванову от 19 янв. 1913; РГБ, ф. 109, к. 31, № 55). К наиболее удачным результатам избранного им метода «чувствования» в поэзию отнеслось его ст. «Анна Ахматова» (РМ, 1915, № 7), провидч. характер к-рой подчеркивался Ахматовой неоднократно. Тонкий анализ стихотворений Ахматовой («внутреннего значения слова», «движения стихового строя и созвучия») позволил Н. отыскать перводвижущую силу ее поэзии в «новом умении видеть и любить человека», в ее способности соотносить индивидуальное бытие с историей, выявляя тем самым не оценочные, а ценностные его характеристики. Именно Н. признал за Ахматовой право говорить от лица целого поколения.

В лит. и личной судьбе Недолино Ахматовой принадлежат исключит. роль. С 1913 их связывали дружеские отношения (в 1915 они — соседи по Царскому Селу). Н. был увлечен Ахматовой, что «прочитавшись» в их поэтик. диалог, см., напр., стих. Н. «С тобой я различаю от твоих стихов...» («Альманах муз», Л., 1916): «И скольких житей полусом твоим! Искуплены ничтожеством и мука... / Ты, для меня не спешивая ни минутки. Н. посвятил неск. стихотворений и неск. строки «Поэмы без героя» Ахматовой. Последняя их встреча состоялась в 1916 в Багчиарсе.

В 1915 Н. заболел туберкулезом, осенью 1916 выехал с женой на юг для лечения. В нояб. 1918 в Ялте его посетил М. А. Волошин. Невозможность из-за ограниченности средств лечиться за границей и получать квалифицированную мед. помощь явились причиной ранней смерти Н.

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Серебряный век. Петерб. поэзия кон. XIX — нач. XX в., Л., 1991; Рус. поэзия «серебряного века», 1890—1917, М., 1993 (вступ. заметка О. А. Клима). Письма: Б. В. Андрей — «Slavica Historiolumitana», 1981, [т. 5—6]; А. А. Блоку — ЛН, т. 92, кн. 2; Л. Я. Гурвич, В. М. Жирмушскому, В. А. Пясту, Ф. Соловьеву, К. А. Слонинбергу (К. Эрбергу), А. Н. Чеботаровой — в кн.: Шестые Тьяньновские чтения. Тезисы докладов и мат-лов для обсуждения, Рига, 1992.

Лит.: Аничков Е. В., Новая рус. поэзия, Б., 1923, с. 44, 115; Сазонова-Слонимская Ю. Н. В. Недолино. Опыт портрета. — РМ, 1923, № 6—8; с е же. Н. В. Недолино. — «Новое рус. слово», Н.-Й., 1954, 26 мая; Жирмушский В. М., Творчество А. Ахматовой, Л., 1973, с. 14—16, 42—43, 179; с е же. Теория лит.-ры. Поэтика Стихистика, Л., 1977, с. 333; с е же. Теория слова, Л., 1975, с. 25, 49—50, 52, 55—59, 63, 85; Авиенштох И. Я., Из ранних лет науч.-лит. деятельности А. И. Беленького. — В кн.: Искусство слова, М., 1973, с. 395; Тименчик Р. Д., Ахматова и Пушкин. — Уч. зап. Латв. гос. ун-та», т. 215, в. 2 — Пушкинский сб., Рига, 1974, с. 38—39, 43—46, 51—

55; с е же. Четыре забытых поэта. — «Родник», Рига, 1988, № 3, с. 24; с е же. [Прим. и публ. документ. данных, мемуарных, критич. и худож. текстов, касающихся Н., в т. ч. полной текст его ст. «Анна Ахматова»]. — В кн.: Ахматова А., Поэма без героя, М., 1989, с. 227—273; Броний М. (Сунерфин Г. Г.), Об одном эпизоде биографии Блока. — В кн.: Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и рус. культура XX в.», Тарту, 1975, с. 177—78; Тименчик Р. Д., Лавров А. В., Мат-ли А. А. Ахматовой в РО ПД. — В кн.: Ежегодник РО ПД, 1974, Л., 1976, с. 62—64; Топоров В. Н., Две главы из истории рус. поэзии нач. века. — «Russian Literature», 1979, [v.], 7, [№] 3, p. 253, 285; Кралин М., Совет «незабвенного друга». — «Литингр. рабочий», 1979, 30 июня; с е же. «Поблизилась смерть слово». — «Нель», 1988, № 7, с. 198; с е же. «... А потом арка подал в Гусевский ин-т». — «Аничков мост», СПб., 1992, № 1 (53); Струве Г. П., Ахматова и Н. — В кн.: Ахматова А. А., Соч., т. 3, Париж, 1983; Основат А. Л., Тименчик Р. Д., «Печальную повесть сохранения...» 2-е изд., М., 1987, с. 175—77; Андрей Б. В., О черном кольце. — ЛО, 1989, № 5 (вступ. заметка, публ. прим. Р. Тименчика); то же. — В кн.: Восп. об Анне Ахматовой, М., 1991; Флехерман Л. И., Ахматовских мат-лов в архиве Гусевск. ин-та. — В кн.: Ахматовский сб., т. 1, Париж, 1989, с. 165—82, 187—93; Лукинчик П. Н., Асиатана. Встречи с А. Ахматовой, т. 1 — 1924—1925 гг., Париж, 1991 (ук.); Гаспаров М. Л., Ритм и метр Н. в инт. контексте. — В кн.: Шестые Тьяньновские чтения, Рига, 1992; Пяст, 1997 (ук).

Архивы: ИРЛИ, ф. 201 (описание И. Г. Кравицкой, Г. В. Обатнина — в сб.: Шестые Тьяньновские чтения..., Рига, 1992); РГАЛИ, ф. 1811 (описание С. В. Шумкина — там же); РНБ, ф. 248, л. 493 (письма В. А. Пясту); ф. 1088, л. 139 (письма к В. А. Знаменской) (описание Н. И. Кравицкой — там же); РГБ, ф. 109, к. 31, д. 55 (письма Вяч. И. Иванову) (описание К. Ю. Постуленко — там же); РГИА, ф. 1278, оп. 8, л. 11, 1141 (л. 2); ШИА СПб., ф. 14, оп. 3, л. 41674 (студенц. д.); ГАРФ, ф. 579, оп. 1, л. 1154 (упоминание Н. как члена адкат. партин Нар. свободы).

Н. Г. Кравицкая, К. Ю. Постуленко.

НЕДОЛИН Ал. [наст. имя и фам. Алексей Осипович Благоразумов; 12(24).10.1870, г. Городище Пензен. губ. — 14(27).9.1901, Ялта], журналист, прозаик.

Отец — Иосиф (Осип) Ив. Благоразумов, епископ и малор. богослов. Закончил Пензен. духовную сем. С 1866 — священник в Городище. После смерти жены Софьи Ив. в 1878 поступил в Казан. духовную акад. В 1888 принял монашество с именем Владимира и назначен преподавателем Волын. духовной сем. В 1891 состоял также преподавателем Кишинев. духовной сем. В 1897 переведен в сан архимандрита и назначен старшим censorом Петерб. духовно-учебного к-та. С 1901 — епископ Сарандинский, первый vicарий Вятской епархии. Осн. богослов. труды: «Св. Афанасий Александрийский, его жизнь, учебно-лит. и полемико-догматич. деятельность» (Кишинев, 1895); «Великое дело освобождения южных славян от турецкого ига (Слова, научение и речи по поводу событий 1876—1878 гг.)» (2-е изд., СПб., 1900). См. о нем: Полн. правосл. богословский энцикл. словарь, т. 2, М., 1992 (репринт).

Н. проучился три класса в 1-й казан. г-зии, затем в 1-й пензен. г-зии, к-рую окончил в 1888. В том же году поступил в Моск. ун-т, сначала на медицинский ф-т, вскоре переведен на физико-математический, через год — на юридич. ф-т. Состоял в ряде народолюбческих студент. орг-ций, в т. ч. в кружке А. И. Гукоского — В. К. Курнатовского, в Союзной кассе и др. В 1890 уволен из ун-та по собств. желанию, в том же году снова зачислен на 2-й курс юри-

НЕДОЛИН

ни», влияние М. Горького (Изгоев, с. 166—68).

Творчество Горького посл. критич. работа Н. «Психология бюсачества (По соч. М. Горького)» (Од., 1900), в к-рой он назвал писателя «ярким выразителем и летописцем... нового и крайне своеобразного течения в... народной жизни» (с. 3), попытавшись вскрыть социально-экономич. причины бюсачества и указать его глубокие национально-ист. корни.

Умер от чахотки.

Лит.: Изгоев А. С. Молодые одес. беллетристы. — В кн.: Южно-рус. альманах, год 7-й. Од., 1902. + Некрологи, 1901: «Одес. новости», 18 сент.; ИВ, № 11, с. 807; Венгеров. Источ.: Масанов.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 302, д. 68 (л. д.); ф. 131, оп. 49, д. 51, 52 [справка В. В. Александровой]; ГАРФ, ф. 102, 3 а-во, оп. 88, 1890 г., а. 70 (2); оп. 90, 1892 г., а. 395; ОО, оп. 229, 1901 г., а. 389. Г. Н. Воронова.

НЕДОЛИН Мартын Акимович [наст. фам. Сакс; 1842 — 3(15).11.1892*, Киев*], прозак. Из купеч. семьи, отец — немец. По окончании Нежин. лицея (1860) был учителем нем. яз. Волын., Полтав. г-зий. Служил мировым посредником в Ушицком у. Подольской губ. (с 1864), комиссаром Радомской комиссии по крест. делам (с 1866), в связи с чем участвовал в работе Учредительного к-та в Царстве Польском. С 1869 — пом. надзирателя акциз. сборов. В 1872 уходит в отставку и перебирается с семьей в Петербург, где пытается жить лит. трудом, печатает рассказы, основанные на мат-лах, собранных во время службы в Юго-Зап. крае («Контрабандист», «Семейные вечера», 1872, № 11; «Винокурные тайны. Букодолническое дело», «Нива», 1873, № 7—9; «Закон Линча. Параллель из нар. быта», там же, № 48—50). Рассказ Н. «Дьячок» («Гражданин», 1873, 16 апр.) вызвал резкий спор между Н. С. Лесковым и Ф. М. Достоевским (с к-рым Н. познакомился в нач. 1873).

Лесков в заметке «Хитрые понятия о женатом монахе» («Рус. мир», 1873, 23 апр., поименно: свещ. П. Касторский) отнес рассказ Н. к тому роду сочинений о «бытовой среде нашего клира», когда «по самонадеянности или по легкомыслию за это дело берутся люди, которые не имеют о нем никакого понятия». О худож. стороне рассказа Лесков отозвался преиспуганно: «крайне банная и искусно скопированная фабула». Впрочем, задачей Лескова было обвинить «нишевость» самого ред. «Гражданин»-Достоевского в версиполовщайных вопросах о ответ на схожие обвинения Достоевского в адрес Лескова (см.: Достоевский, XXI, 54—60, 412), а Н. был лишь поводом. В ответной ст. «Раженица» («Гражданин», 1873, 30 апр.) Достоевский, пригнав рассказ Н. «несколько сжался», объявил его собою. Комментарий: в этой психологич. интерпретации рассказ стал иллюстрацией к антилесковскому тезису: «Задана искусство — не случайности быта, а общая их лая... В рассказе г-на Недолина... общию аляске целое-целостного духа» (Достоевский, XXI, 82). Достоевский акцентировал относительно более «мастерское» (и близкое ему самому) изображение «слашком сильной душой и характером женщины» (там же, 85). Подобный характер оказывается в центре наиб. значит. произв. Н. (спр. рассказ «Закон Линча...», ром. «Не в ту силу»).

Дойдя до крайней бедности (см. письмо Н. от 30 окт. 1873 к Достоевскому, к-рый перестал его печатать, — «Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского», т. 2, СПб., 1994, с. 429), Н. вновь поступает на службу. С 1874 — мировой судья по Кунгур. у. Перм. губ. Впечатления этого периода отразились в этногр. и экономич. очерке «Год на Урале» («Кругозор», 1876, № 47—50), охотничьем рассказе «Медвежья берлога» (там же, 1877, № 26). В 1876, обвиненный в служебных преступлениях, уволен с должности. Судом был оправдан, но дальнейшая служба Н. (с 1880 до вынужденного увольнения в 1891 коллеж. сов.) по Мин-ву юстиции, в т. ч. мировым судьей в Волын. губ., не ладилась, судя по характеристикам, из-за недостатка юридич. образования и самостоятельности (в одном из служебных отзывов он сравнивается с бароном Мюнхгаузеном по склонности к хвастливым рассказам — РГАИ, ф. 1405, оп. 92, д. 512, л. 334).

Наиб. объемное произв. Н. — роман «Не в ту силу» (опубл.: Собр. соч., в. 1, К., 1879, вышел лишь один том). Его сюжет, как обычно у Н., отчасти автобиографичен — злключения честного мирового судьи, защитника крестьян, однако психологич. интерес сосредоточивается на противостоянии, довольно прямолинейном, двух соперниц: «одна была вся преданность и любовь, другая страсть и себялюбие» (с. 114). Схематизм сюжетных линий в романе подтвердил эстетич. оценку творчества писателя Лесковым, «глубинна» Н., открытая в нем Достоевским, осталась неразвернутой.

Лит.: Венгеров (Сп., Источ.); Мельер.

Архивы: РГАИ, ф. 1405, оп. 92, в. 512 (аттестат о службе, 1892 г.); д. 1555 (о пенсии), оп. 82, в. 7562 (о присоединении к фамилии... Сакса фамилии Недолин — подательство Н. отклонено) [справка Н. М. Корнилова].

В. А. Восторгович.

лич. ф-та, где проучился до 1892, когда был арестован, исключен из ун-та за участие в народовольческом кружке «Фракция полит. борьбы» и выслан под особый надзор полиции (под к-рым находился до конца жизни) в Кишинёв. В 1897 переехал в Одессу, сдал окончательный экзамен по юридич. наукам при Новорос. ун-те (Одесса), затем служил помощником присяж. поверенного. Печался в провинци. периодич. изданиях, в т. ч. в «Одес. новостях», «Юж. обзор», к-рые сам называл «бессиветно-фельетонными» [«На подножках и тормозах (Письмо из Одессы)» — СВ, 1898, № 2, с. 9]. Ряд публикаций Н. появился в столичных ж-лах «Жизнь» (очерки «Санитарные условия города Одессы» — 1899, авг.; «XI археологич. съезд в Киеве» — 1899, т. 10) и «Сев. вестник». Подход к теме — быту и нравам рос. провинции — обнаруживает критич. отношение автора к существующим порядкам. Материал для своих корреспондентий и беллетристических очерков Н. собирал во время многочисленных поездок по России — от Словяков до Кавказа, от Закавказья до Крыма и Волыни.

Лучшие рассказы и очерки Н., вошедшие в кн. «Искры» (М., 1899), проникнуты идеей гражд. и обществ. служения. Осн. персонажи — предстатели рос. студенчества, в к-рых автора привлекали беззаветная смелость, отвага молодости, неподкупная честность, чистота. Н. переживает за своих героев, выражающихся в «общательском болоте». По заключению Моск. цензурного к-та, рассказы Н. «проникнуты пессимистическим настроением, являющимся следствием неизвестного филос. воззрения или личной разочарованности автора и вытекающим из социалистических его взглядов» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 3, д. 2190, л. 84—85 об.). Критика находила в произв. Н., «не выносящего пошлости сытой жи-

НЕДОЛИН Сергей Александрович [наст. фам. Попперек (Попперек, Пошперек); 20.3(14).*1880. И. Новгород — 22.9.1954**, г. Тайшет Иркутской обл., Озерлаг**], поэт, прозаик, драматург, лит. и театр. критик, издатель. Род. в многодетной небогатой семье. Мать — Иракс. Ив. Отец — Алдр. Пакинович, «мяло-росс», уроженец Полтав. губ., 4 года служил в Упр. минеральных вод в Ессентуках (см. об этом в его письмах А. С. Суворину из Саратова б. д. и из Н. Новгорода 1880 — РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3428), во 2-й пол. 1870-х работал в Саратове в нем. аптеке Шмютиера ст. аптекарским учеником, позднее — инспектором по страхованию судов, умер в 1914 на Кавказе. Н., вероятно, жил со старшим братом Георгием.

Попперек Георгий Александрович (1867—?), в 1889 закончил матем. отг. физико-матем. ф-та

Моск. ун-та, в 1891—92 — и. д. начальница классных наставников Нижегород. г-зии, преподавал математику в Егорьевской г-зии, в 1895—1900 — в Ярослав. г-зии, в 1901—16 — в 4-й моск. г-зии (с 1907 стат. сов.) (РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 3620, ф. с. 1896 г. — справка С. И. Вавилова). Автор книг: «О пользе изучения логики в связи с геометрией» (1894), «О сравнительной ценности учебных предметов для формального образования» (М., 1896), «Воспитание, школа и малое поколение» (М., 1910), «Отмена или реформа выпускных испытаний» (М., 1916) (оттиск из ж. «Вест. воспитания»). После 1917 также преподавал в разл. уч. заведениях, выпустил неск. учебников, в 1934 под его ред. вышло две книги. Нек-рые пед. работы опубликованы Г. А. Рогов (в письме ред. «Рус. вед.» В. А. Розенбергу от 28 авг. 1913 просят не раскрывать его псевдонима, пишет ему: «...до особым причинам я также не мог дать сведения биографического характера» — РГБ, ф. 251, папка XXX, № 14). В 1881 сотрудничал в «Вест. воспитания» и «Зритель», в 1899 — в «Рус. вед.» (9. 11. 23 сент., 2 окт.). В 1881 опубликовал сказку «Султан и музрей» (Од.), в 1891 его пьеса «Ложный путь» выдвигалась на сонгемские премии Горевой (см. его письмо Н. С. Тихомирову от 8 февр. 1891 — РГБ, ф. 298/1, папка 6, № 65). Вероятно, оказал значит. влияние на судьбу Н. в годы его ученичества. Нек-рые пед. идеи отразились в рассказах Н., а в его пьесе «Зиночка» один из персонажей осыпается на мнение члва педагога Рохова (см. о нем: Мазалева; в ИРЛИ — рукоп. доп. Б. Л. Моззалевского в экз. книги «Опыт словаря псевдонимов рус. писателей» (СПб., 1891) В. С. Карцова и М. Н. Мазалева).

Гимназич. образование Н. получил в Егорьевской шестиклассной прогимназии (1892—95), Ярослав. (1895—97) и Коломен. (1897—99) г-зиях, выпускные экзамены сдавал в 1899 в Ярослав. г-зии. В том же году Н. поступил на естеств. отд. физ.-мат. ф-та Моск. ун-та, после первого семестра перевелся на юридич. ф-т. В нач. февр. 1902 за участие в студенч. волнениях был арестован, до 21 мая содержался в тюрьме, был исключен из ун-та, но в том же году восстановлен и в 1908 закончил его с дипломом первой степени.

Публиковаться Н. начал будучи студентом, в 1902 в моск. «Курьере» появляется его первая заметка — «По русским курортам» (1902, 1 июля, подпись С. Н.), с этого же времени он печатается в газ. «Крымский курьер» (впоследствии выходившей под назв. «Рус. Ривьера»), где до 1912 помещал ок. «30 стихотворений, десятка полтора рассказов, очень много рецензий, впечатления о заграничной... поездке (в 1906 г.)» (автобиогр. — ИРЛИ, ф. 377, № 2539; вероятно, большинство из этих публикаций анонимны или подписаны театрибутиров. псевдонимами). В 1905—06 Н. печатался также в газ. «Наша жизнь», «Рус. вед.», «Вперед», «Голос жизни», в 1907—08 в «Юной России», ж. «Юность». Избранный начинающим писателем псевдоним становится своего рода его ипостасью, семантика псевдонима обыгрывается в рассказах, имеющих автобиогр. тональность. В рассказе «Рыжик» («Юность», 1908, № 8/9) подчеркиваются тяготы, связанные с обучением, невезучесть гл. героя — студен-

та-юриста, «сына николаевского солдата», «грубоватого, маловоспитанного и недолжного», получившего от отца в наследство запойную болезнь, однако «пишущего недурные стихи и корреспондирующего в столичные газеты» (ср. в его автобиогр. в ИРЛИ: «сын... николаевского солдата ... воспитание получил самое безалаберное... Сначала учился в городском училище, в Киеве. Потом в частной школе, у какой-то дамы, в Сызрани»). Неудача героя рассказа «Две весны» («Свободным художествам», 1912, № 6/8, апр.—июнь — № 9/10, окт.), тоже студента-юриста, связаны с его престоном, происхождением и «революционным» прошлым (сидел в тюрьме, подобно Н., за участие в рев. сходке в февр. 1902).

Выбор псевдонима, тематика раннего творчества (в юности «увлекался... всего более Писаревым, а потом бодрым, размашистым творчеством Максима Горького» — ИРЛИ, ф. 377) — подчеркнуто демократические. В 1905 Н. напечатал в «Голосе жизни», арестованном цензурой, свой тюремный дневник под загл. «В дни юности». В 1911 переработал его в автобиогр. пов. «Молодые», о к-рой он писал 24 янв. 1911 В. Г. Короленко: «Моя цель дать переживания самого обыкновенного, среднего парня, который не столько бунтует, сколько страдает свойственными молодости болезнями — любовью и жадностью к жизни во всех ее проявлениях» (РГБ, ф. 135, р. 2, к. 43, № 24).

Рукопись повести была утеряна ред. ж-ла «Современник». Н. обращался в Лит. фонд за помощью (в ИРЛИ сведения о двух письмах-жалобах Н. — 29 окт. 1912 и 4 марта 1913, история конфликта также в его письме Б. А. Сазовскому, 1912 — ИРЛИ, ф. 464, оп. 1, № 106).

В 1908 по окончании ун-та Н. недолго состоял помощником присяжного поверенного Моск. судебной палаты, занимался адвокатской практикой и одновременно стал издате-

лем и редактором нового двухнедельного ж-ла лит-ры и иск-ва «Лебедь» (выходил с нояб. 1908 по апр. 1909, всего 12 номеров). В программе ж-ла (1908, № 1) провозглашались принципы беспартийности иск-ва, самоценность худож. произведений, доброжелательность критики, указующей путь, а не жалящей автора за ошибки. В ред. совет вошли С. Н. Сергеев-Ценский (печатавший в ж-ле также стихи и рассказы) и Д. Н. Крачковский (автор худож. обзоров), дали для публикации свои произв. А. А. Блок (4 стих.). Саша Черный (под наст. фам. А. Гликберг — 1 стих.), печатал стихи и статьи М. Л. Гофман, С. М. Городецкой, стихи — М. Папер, Б. А. Саловской, прозу — И. С. Шмелёв, Г. И. Чулков, Ю. Л. Слёзкин, В. В. Муйжель, Скиталец, О. Дымов. Сам Н. опубликовал два рассказа, неск. рец. В худож. практике ж-ла была заметна ориентация на модернистские илл. ж-лы («Мир иск-ва», «Иск-во» и др.); достаточно скромный по худож. оформлению, он в то же время отличался неплохим полиграфич. исполнением и вкусом в выборе иллюстраций — черно-белые репродукции картин Л. С. Бакста (его же обложка и графич. заставки), Л. О. Пастернака, В. А. Серова, В. В. Пересплетчикова (приложение к его путевым очеркам), снимки со скульптур А. С. Голубкиной, С. Т. Конёнкова.

Привлекательный по составу автор, ж-л был отмечен стилиевой разнородностью — произв. символистов и модернистов соседствовали с сугубо реалистическими; хроника худож. жизни (в т. ч. подробные корреспонденции о париж. вернисажах), критика и библиотеч. отделы, а также раздел театр. критики, в к-ром активно участвовал сам Н. (нек-рые заметки под псевд. Варварчук), были интересны, информативны, но не регулярны. Возможно, этим объясняется финансовый неуспех «Лебедя», значительно уступавшего по мн. параметрам таким ж-лам, как «Весы», «Золотое руно».

Примечательны «кустарный» отклик на выход ж-ла А. В. Амфитеatroва (его выражение в письме Горькому от 28 нояб. 1908 — ЛН, т. 95, с. 135) в ст. ст. «О Сергеев-Ценском» (Амфитеatroв А. В., Заметки сердца, М., 1909). 1-й раздел к-рой посвящен «Лебедю». Неудовольствие критика вызвали и противопоставленность «новорожденному собрату» «Весам», «старому журналу академического декаданства» (с. 33), и стихи Горьковского, обзоры Крачковского, рецензии Н.: «смешно все это... а как было и страшною многим, гримасы, гримасы, гримасы...», «устранил этокого «модернизма» — не виноваты рус. читатели жалкого хрибаго романичного Тюхина, героя Л. Н. Анзарова, боится умереть от смеха (с. 68).

Осенью 1909 Н. переехал в Петербург и в 1910 получил должность столоначальника в Деп. гос. земельным имуществ Мин-ва земледелия — писал В. И. Стражеву 15 авг. 1910: «... за слабостью литературных дел

пришлось поступить на службу в ... натошак не выговоришь» (РГАЛИ, ф. 1647, оп. 1, № 871). С этого времени Н. печатался помимо провинциальных изданий в столич. газ. «Вечерняя почта», «Утро России» (1909), в «Журнале для всех», ж. «Игрушечка», «Студия», «Наш журнал» (1911—12), «Новая Россия», «Юная Россия». Посещал лит. кружок «Богема», организованный Слѣзкинским (в альбоме кружка есть стихотв. автограф Н.; альбом в частном владении). В кон. 1912 был принят в «Бюро рус. журналистов».

Осн. прозаич. жанр Н. — рассказ. Ориентиром для него служит ранний А. П. Чехов, подобно к-рому Н. зачастую строит интригу своих произв. на бытовом анекдоте — рассказы «Чудак» («Лебедь», 1908, № 4), «Оракул» («НЖЛВ», 1910, № 26), «Митька» («Журн. для женщин», 1916, № 13; сюжетно близок чеховскому «Зтому мальчику»). И хотя, по мнению критика, Н. тяготеет к натурализму, изображению серенького, обыденного (УР, 1912, 15 дек.), общий тон рассказов — жизнеутверждающий, вероятно, не без влияния «бодрого» творчества М. Горького (в 1912 состоял с Горьким в переписке; см.: Горький и Н., ХХХ, 613). Внимание Н. привлекают психол. проблемы детей и молодежи. Он стремится развенчать мрачную «романтику» самоубийств, развевать пессимистич. настрои совр. молодых людей — рассказы «Прядь седых волос» («Лебедь», 1909, № 2), «Наш приятель Лягушкин» («Всходы», 1912, № 12), рассказ «Стыдно» («Юная Россия», 1912, № 5; рецензент «Вест. воспитания» Ю. А. Веселовский писал: «сложный и большой вопрос о самоубийствах учащихся освещен так одномерно и неглубоко, что лучше было бы его совсем не касаться на страницах детского журнала» — 1912, № 8, с. 7). Отсутствие отг. сб-ка рассказов объясняет, вероятно, невниманье к Н. критики, не заметившей ряд достоинств его стилистики: продуманной экономности худож. средств, четкости реликв и точности эпитетов, верности реалий.

Как поэт Н. остался и вовсе незамеченным. Его стихи, рассыпанные по периодике, — «Жизнь», «Стихотворение в прозе» («Рус. артист», 1908, № 16, 11), «Наступление дня», «Ураган», «Южная ночь», «Море», «Весеннее», «Вера» («Юная Россия», 1908, № 6, 7; 1913, № 3; 1916, № 3, 8), стих. в «Рус. Ривьере» — традиционная по форме и по содержанию лирика, в осн. пейзажная, с сильной романтич. гиперболизацией (если буря, то такая, что «столетние дубы гнутся»), психол. параллелизм и своеобразным олицетворением природы, преобладанием «весенних» жизнеливых мотивов, в отличие

от модных декадентских «осенних» тем. Выступал и как автор стихотв. фелетонов — напр., «Вздых чигателя» (ЖЖ, 1915, № 11).

Значит, место в лит. занятиях Н. занимает театр, к-рым он увлекался со студенч. лет («... отказывая себе со студенч. лет (к-ром я стремился попасть на галерку в Малый театр ... привык в ... театре лишь пламенно плакать от восторга» — письмо А. И. Сумбатову-Южину от 11 окт. 1924 — РГАЛИ, ф. 2579, оп. 1, № 1439). В 1904—05 работал над пьесой «Зиночка. Сцены из студенч. жизни» (пост. в 1906 в Малом (Лит.-худож. об-ва) т-ре, в гл. роли М. В. Ильинская; рец. — РВед, 1906, 24 янв.; опубли.: «Сцена», 1907, № 2). Проникнутая мягким юмором, динамичная, жизнеутверждающая, несмотря на трагич. развязку, пьеса пользовалась зрительским успехом.

По свидетельству Н., пьеса имела «в провинциальных газетах благосклонные отзывы» (ИРЛИ, ф. 377, № 2539). Однако, вероятно, из-за содержащейся в ней критики ун-тского образования и «эпох протеста» (письмо Н. от 19 сент. 1910 в Э. Мейерхольду — РГАЛИ, ф. 998, оп. 1, № 2083) не была пост. на имп. сцене, а неоднократные попытки определить ее на проф. сцену также кончались неудачей (см. его письма в РГАЛИ — Мейерхольду от 19 сент. 1910; Сумбатову-Южину от 22 марта 1910, ф. 878, оп. 1, № 1672; Е. П. Карпову от 30 янв. 1913 — ИРЛИ, ф. 550, № 80). Др. пьеса Н. — «Жить хочется», по словам М. Н. Ермоловой, «написана живо и интересно» (в передаче Н. — письмо Сумбатову-Южину от 31 окт. 1911, РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, № 35), однако вообще не ставилась в театре (см. письма Н. от 29 сент. 1913 Н. Н. Ходотову с просьбой вернуть текст — ИРЛИ, ф. 555, № 40).

Н. отстаивал идею элитарного и условного театра, «обслуживающего лишь избранных», писал о необходимости размежевания театров: «для реалистич. постановок нужны одни артисты, символических — другие» («О театре» — «Лебедь», 1908, № 1, с. 41); в рец. на сб. статей «Кризис театра» он негодовал на «развязную группу „товарищей“», сводящих задачу театра «к иллюстрации социально-экон. учений по общедоступным ценам» (там же, 1908, № 3, с. 46), связывал «небывалое оскудение репертуара» с рождением театра нового типа, в к-ром «восторжествовует жизненность и простота» («К театральным штогам» — там же, 1909, № 2, с. 45, 48). В 1911 обсуждался вопрос о сотрудничестве Н. в ж. «Студия» Ковальских (в отделе театр. критики или отделе фелетонов). Н. относился к этому проекту скептически («... журнал-то оказался прескучным и совершенно мне не по вкусу» — из письма Слѣзкинскому от 7 окт. 1911, РГАЛИ, ф. 1384, оп. 2, № 174), опубли. в нем одну статью — «Дворец искусства» (1911, № 6). Н. был членом ОРДП.

Оценивая свое участие в совр. лит. критике, Н. называл себя «скромным рецензентом» (цитируемое письмо Сумбатову-Южину, 1924), наиболее

активен в этом жанре был в сбств. ж-ле «Лебедь». Его эмкие характеристики отличались объективностью, не зависели от приятельских отношений или корпоративных пристрастий — так, о «Книге о рус. поэтах...» под ред. М. Гофмана Н. писал: «Выбор ... стих. не всегда удачен, критич. статьи не всегда ярки, а нек-рые из них не выявляют, а лишь затемняют творч. лики приводимых авторов (лучшие статьи о Блоке и Мережковском)» («Лебедь», 1909, № 4, с. 48); выделенная им статья о Блоке впервые опубли. именно в «Лебедь», ее он цитирует в своей восторж. рец. на сб. Блока «Ночные часы», опубли. в «Рус. Ривьере» (1911, 26 нояб.), к-рую он послал Блоку (его письмо от 28 нояб. 1911 — РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 368). В полжит. рец. на книгу прозы Шмелѣва отмечал способность автора проникнуться жизн. философией «человека из ресторана» — героя его повести («Путь», 1911, № 1, с. 65). Со многими рецензируемыми авторами Н. сохранял многолетние дружеские и творч. связи (Городецким, Садовским, Шмелѣвым). Позднее Н. публ. корреспонденции на темы лит.-худож. жизни столицы в «Варшавском дневнике» [напр., ст. «Бродячая собака» — 1913, 14 (27) марта].

В 1915 Н. опубли. воен. стих. «Песня русского вонна», «Весною 1915 г.» («Юная Россия», № 6, 4), «Русь победит!» («Кормчий», № 31) и рассказ «Медведь» («Лукоморье», № 11), проникнутые патриотич. пафосом. В это время он был призван на воен. службу, к-рую проходил в Гл. управлении Кр. Креста в должности заведующего санитарно-мобилизацион. делопроизводством. На Февр. революцию откликнулся стих. «Гимн Свободной России» («Журн. для женщин», 1917, № 7). В авг. 1917 отправился в проволоч. командировку в Сибирь, где был демобилизован и занял должность секр. Новониколаев. гор. совета. В 1918 стал секр. уполномоченного Сиб. правительства. В стих. «Порутанский храм» («Надежда России», Новониколаевск, 1919, № 48) отразилось его неприятие большевистского переворота.

В окт. 1918 Н. выехал в Харбин, к жене, с сер. 1919 по 1929 работал как служащим в Управлении КВЖД (Кит.-Вост. ж. д.). С 1920 сотрудничал в «Рус. голосе», в 1921—1922 вел отделе «Театр и музыка», «Библиография» (см. его ст. «Рус. лит-ра в 1921» — 1922, 5 янв.), чуть ли не ежедневно печатались его стихотв. фелетоны на полит. (многие — антисов. содержания) и бытовые темы и рец. под псевд. С. Маманди (от кит. «потихоньку», «полюди»), С. Мади в рубрике «Маленький фелетон», где публ. также эм-

грант. произв. Лоло (Мунштейна), Дона Аминнадо, Саши Чёрного. В 1921—22 под этим же псевд. издаёт сатирич. илл. ж. «Бамбук». В 1927 планировал издавать «совершенно аполитичный журнал „Зигаги“», в к-ром предполагалось сотрудничество Слэзкина, Сергеева-Цейского, П. С. Романова (письмо Ф. Сологубу 14 окт. 1927 — ИРЛИ, ф. 289, оп. 3, № 554). В 1926 — нач. 1927 находился в России, в Москве, получил предложение написать два сценария для кинообъединения «Русь», готовил издание своего Полного собр. соч., куда должны были войти только произв. для детей («оказывается, с 1923 я написал 75 листов» — письмо Слэзкину от 4 апр. 1927 из Москвы, РГАЛИ, ф. 1384, оп. 2, № 174), сотрудничал в Детском передвижном т-ре. В указ. письме Слэзкину сообщал о скором выходе в Госиздате своих «китайских» книг и одной книги в изд-ве «Пролетарий» (изд. не состоялся), а также о своем судебном процессе (вероятно, какая-то лит.-изд. тяжба), в к-ром его дела вел В. И. Мозалевский. Лето 1927 Н. предполагал провести в Ульяновске, где работал отчим, и в Крым.

В Харбине Н. печатался в газ. «Рупор» (1930—32), «Заря», «Харбинское время» (1931—42, работал в ред. в 1932—37), «Молва», «Вестник Маньчжурии».

В 1937—39 Н. был безработным, в 1938—43 состоял в Монархич. объединении, был редактором «Весеннего сб-ка» (1939) при Лит.-худож. кружке этого объединения. В 1939—1943 преподавал в Япон. воен. миссии в школе воен. переводчиков. С кон. 1943 работал ночным сторожем и в конторе по продаже лотерейных билетов. В 1939 написал автобиогр. пьесу «Мать», в 1943 — пьесу «Вешние сны» о победе держав Оси над Коминтерном, либретто оперы из эпохи Ивана Грозного «Обманутый маркиз» (вероятно, рукописи в архиве дочери, переехавшей позднее в Чили***).

25 авг. 1945 Н. был арестован Управлением Контрразведки «Смерш» 1-го Дальневост. фронта, 4 февр. 1946 приговорен воен. трибуналом Примор. воен. округа к 10 годам лишения свободы по ст. 58—4 и 58—11 («пособничество мировой буржуазии»). Во время следствия Н. умолчал о своих поездках в Россию в 1920-е гг. Сначала отбывал срок в Краслаге, откуда отправил в 1948 С. С. Прокофьеву либретто оперы «Бала» по М. Ю. Лермонтову, предлагал ему и либретто «кажется, первой русской оперетты „Лереворот“» (РГАЛИ, ф. 1929, оп. 1, № 784). «Невезучесть» лит. и житейской судьбы, предугаданная выбором псевдонима в начале творч. пути, подытожена в лагерном стихике: «Ну что ж

поделаешь, недаром я Недолин/ На жизненном пути мне сильно не везет!» (там же). 1 ноября 1995 реабилитирован (в связи с разсыканием в ЦА ФСБ в процессе репр. подготовки данной статьи).

Изд.: Милва. Рассказ в стихах для детей. Харбин. 1922; (Стих.) — В сб.: Стихота. сатира.

Лит.: А. Блок. Перепишка. Аннотир. каталог. в. 2 — Письма к А. Блоку. М., 1979, с. 243; Парнис А. Е., Тименчик Р. Д., Программы «Бродячей собаки». — Памятники культуры. 1983, Л., 1985, с. 209; Петровская (2), с. 34, 122; Антокольский П., Валхантов — «Театр», 1971, № 10; Смирнов-Несвицкий Ю. А., Валхантов, М., 1987, с. 31. + Каталог ОРДЛ. с. 99, 109, 349, 360; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377* (справка Н. Н. Колесовой), ЦИММ, ф. 418, оп. 313, л. 558* (статья, л. д.; копии свидетельства о рождении) (справка Г. Ю. Борисовой); РНБ, ф. 118, № 613 (письмо П. В. Быкову 1912 с просьбой вернуть рукопись пов. «Молодые»; ф. 124, № 3010 (письмо Э. П. Юргенсону, 1913); РГБ, ф. 344, к. 444, № 4 (писарская рукопись роли Зиночки); Музей Т-ра им. Евг. Валхантова, инв. № 87Р (страда с комы. Е. Б. Валхантова к «Зиночке»); Архив М. Горького, ИМЛИ, ФМ-кр., 5, 372 (письмо М. Ф. Алдурской от 9 янв. 1914 с просьбой вернуть рукопись пьесы); Балтийский архив б-ки Колумбийского ун-та, США (письма Н. Н. Евренкову 1938—39); ЦА ФСБ** (справка И. А. Порошиной); устные сообщения бывших унителей ГУЛАГ*** В. Н. Набарник, И. К. Пасилкова, Г. В. Мелихова.

А. Г. Пирогова.

НЕЁЛОВ Николай Дмитриевич [3(15).8.1809*, с. Мокрое** Гжатского у. Смоленской губ. — 25.2 (9.3). 1850, с. Пески того же у.], воен. историк, прозаик, драматург. Из семьи военного. Отец Н., Дм. Вас., майор в отставке, управлял имением кн. В. В. Долгорукова, высланного имп. Павлом I за границу; в 1810 возведен в дворян. достоинство (РГИА). Н. получил хорошее образование — в юнкерской школе Гренадерского корпуса; самостоятельно изучил франц., нем., англ., итал. языки. По окончании юнкерской школы поступил в Киевский гренадерский полк (1827). В 1829—30 служил в Новгороде при штабе Гренадерского корпуса, участвуя в т. ч. в образовании воен. поселений в Новгород. губ. («Воен. сб.», 1878, № 2, с. 248—49); подпоручик (1830). В 1831—32, отказавшись остаться при штабе воен. поселений, принял участие в подавлении польского восстания 1830—31 (квартирьер корпусного штаба, затем дивизионный квартирмейстер при штабе 2-й гренадерской дивизии), представлен в поручики с последующим переводом в Ген. штаб.

В 1835, окончив курс в Воен. академии, Н. получил назначение в 6-й пехотный корпус (Москва). Знакомится с Моск. литературой: сближается с кругом А. Ф. Вельмана (В. И. Даль, М. Н. Загоскин и др.), с зимы 1841 становится пост. посетителем «понеделничков» В. В. Пассека, где также бывали Ф. Н. Глинка, И. И. Лажечников, М. Н. Макаров.

Службу Н. совмещал с лит. занятиями: писал стихи, рассказы, повести, в т. ч. «из польской жизни» («Воен.

сб.», 1878, № 10, с. 27). Обратившись к творчеству Дж. Байрона, перевел его стих. «Сон» (1832) и драму «Канн» (1836; выполнен ритмизированной прозой); пер., оставшиеся неопубликованными (рукоп. — ГА Смоленской обл.), отмечены стремлением к точности в передаче идейных и худож. особенностей оригинала, экспрессивностью стиля (см.: Никольская).

В печати Н. дебютировал одновременно как воен. историк и как прозаик. К 25-летию Бородинской битвы выпустил кн. «Опыт описания Бородинского сражения» (М., 1839), вызвавшую в осн. благожелат. отклики (В. Г. Белинский? — ОЗ, 1839, № 8; ЛПРИ, 1839, 7 окт.; СО, 1839, т. 10; снисходительно-иронич. отзыв — БлЧ, т. 36, № 10). В это же время Н. (под псевд. Закамский) напечатал ром. «Женщина XIX столетия» (М., 1839), отмеченный чертами, характерными для массовой беллетристики эпохи: обращение к рос. историч. (определ. достоверность роману придает аллюзия к событиям недавнего прошлого — Польской кампании, описание к-рой во мн. основывалось на личных впечатлениях очевидца-автора); сюжет, построенный на замысловатой любовной интриге с участием «романтического» злодея, благородного «Дон Кихота московского» и прекрасных героинь. В авт. повествовании ощутима морально-дидактич. направленность (иллюстрируются тезисы о благотворном воздействии искренней веры и превосходстве православия, перед к-рым склоняется один из героев — сын «зачинщика мятежей» во Францию).

А. Д. Галахов, охарактеризовавший роман как собрание «образцовых несовершенств», упрекал Н. в превращении действ. лиц в галатею авт. представлений (об искусстве, счастье и несчастье, жизни и смерти... любви и ненависти), что лишило выразительности «стигмача довольно живые образы» (ОЗ, 1840, № 2, с. 64—65). Рецензент «б-ки для чтения» (1840, т. 38) иронизировал над «раздирательным» стилем романа. Отмеченная критиками склонность к мелодраматич. эффектам ощутима и в др. произв. Н., в т. ч. в рассказе «Семен Петрович» («Москва», 1842, № 4), в к-ром он с очевидным сочувствием рисует «маленького человека» из воен. среды в его столкновении с нравами столицы светского об-ва.

Попытки осмысления судьбы России в эпоху безвременья Н. предпринял в стихотв. ист. драме «Меньшиков» (в авт. написании — «Меньшиков»; М., 1841), осн. конфликт к-рой построен на столкновении «наследника» петровских «предначертаний» с адептами Моск. старины. Гл. герой, чей характер обрисован без элементов психологизма, терпит поражение как лукавый царедворец, но одерживает при этом более важную, по мысли автора, нравственную победу, укрепившись в своей вере в великое предназначение России («Не может пасть Россия.../ Ей суждено

расти... стоять высоко:/ Народный дух, обширные пределы/ И преданность царя, и сила веры./ Все это так могуче, полно жизни...», с. 213) и надежде на появление «достойного царя», к-рый продолжит дело Петра I (весьма вероятно авт. аллюзия на Николая I).

В многочисл. критич. отзывах обсуждалась ст. обр. композиционное построение пьесы и закономерность жанрового обозначения (драма). Рецензент «Лит. газет», сравнивавший драму с ист. хрониками У. Шекспира и «Борисом Годуновым» А. С. Пушкина, указывал и непосредственный источник пьесы: драм. представление П. П. Савицкого «Александр Данилович Меншиков», композиция и отдельные сюжетные ходы которого использовал Н. (ЛГ. 1842, 1 февр.; ср.: «Маяк», 1842, т. 2). П. Н. Кузнецов (?) откликнулся в драм. талант («огне Prometheus»), писал в виду в т. ч. слабую драматургич. связанность отдельных сюжетно завершенных картин, составляющих пьесу; при этом рецензент отмечал «всесовершенство приподнесения», изучение ист. материала и «очень удачный стих» (ОЗ, 1842, № 2, с. 43—45; б. п.). В отклике «Ближние чтения» «Меншиков» назван «роман стихотворной биографии в разговорач. — «скорое повествование, чем драмой» (1842, т. 51, с. 21—23; ср. рец. в «Рус. вест.», 1842, т. 5, № 2). Похвалительными были отзывы П. А. Плетнёва, пригласившего драму «к самым приятным произведениям современной литературы русской» («Совр.», 1842, т. 26, ота. VI, с. 53; то же — Плетнев, № 340), и С. П. Шевырёва («Москва», 1843, № 1, с. 281); последний, отводя драматургич. качества («все дружные действия спрятаны за кулисы...»), высказал ота. сценны и монологи, «одушевленные чувством любви к Отечеству и высоким жаром драматическим», находя, что они «предлагают высокое одобрение самой строгой критики».

В 1844 Н. (к этому времени — капитан) приглашен в Воен. академию в качестве адъюнкт-профессора по кафедре воен. истории и стратегии. Прочитанные им в академии лекции легли в основу «Очерка современного состояния стратегии» (ч. 1, СПб., 1847; полностью — СПб., 1849), воспринятого рецензентами (ОЗ, 1847, № 12; 1850, № 3, 4; «Совр.», 1848, № 3; 1850, № 3, две последние ред. — В. С. Семёва?; «Москва», 1849, № 3) как достаточно основательный, хотя и не отличающийся самостоятельностью труда.

Во время производства топографич. съемок Н. заболел ревматизмом (его здоровье было сильно подорвано еще во время Польской кампании), травмировал обе ноги. Получив отпуск (с 1847), перебрался в свое имение (с. Пески) — с помощью брата. Дм. Дм. Неёлова (1819—90; известен публици. выступлениями по вопросам усл. хозяйства в «Рус. вест.» 50-х гг., участник крест. реформы, дир. департамента Мин-ва гос. имущества, сенатор). В имении, лежа в постели, Н. работал над «Воспоминаниями о польской войне 1831 года» (опубл.: «Воен. сб.», 1878, № 2—10; ота. отт. — СПб., 1878; отзыв: Н. С. Голицын — «Воен. сб.», 1878, № 9). В мемуарах, написанных в осн. с т. з. профессионального военного (подробно рассказывается о передвижениях рус. и польской армий, описываются важнейшие сражения, дается

детальный анализ причин побед и поражений рус. войск), Н. предстает также наблюдательным свидетелем, рисующим не лишенные живости портреты рус. и польских военачальников, картины быта.

Лит.: Пассек (ук.); Вешняков В. И. Сенатор Д. Д. Неёлов. Биогр. очерк. — РС, 1891, № 2, с. 421 (ота. отт. — СПб., 1891); Ахачинский В. П., Писатель-смоленкин Н. Д. Неёлов (Закавказский). — В кн.: Смоленский гос. пед. ин-т. Рефераты и тезисы докладов XI науч. конференции, Смоленск, 1960, с. 225—27; Никольская Л. И., Невин. перевод из Байрона (стих. «Сон» в пер. Н.). — В кн.: Проблемы стилистики и перевода. Смоленск, 1976, с. 30—40; см. же, Первый рус. перевод драмы Д. Г. Байрона «Кант». — В кн.: Сравнит. изучение лит.-р. Сб. ст. к 80-летию акад. М. П. Алексеева, Я., 1976, с. 277—81. + РБС (в библиограф. ошибочное включение лит.-ра, относившаяся к С. А. Неёлову; Брокгауз; Мезьер; ИДРДВ; Белград [ОЗ1]; «Совр.»); Мезюро.

Архивы: ГА Смоленской обл., ф. 598 (в т. ч. рукописи искуств. мет. работ, прозаич. и драм. произв.); РГИА, ф. 1343, от. 26, л. 943, 1837 г. (дело о дворянстве Д. Д. Неёлова; в копии и с. — дата* и место** рождения Н.) [справка Л. М. Сеселиной]; РГВИА, ф. 544, оп. 1, л. 28, 98, 268, 281, 339 (биогр. сведения); РГБ, ф. 231/II, к. 22, № 2 (письма М. П. Погодиной, 1842); ГАРФ, ф. 109, СЛ, оп. 3, л. 100 (о первоустройстве письма Н., 1861 г.).

О. В. Галубева

НЕЁЛОВ Сергей Алексеевич [20.2(3.3).1781, по др. сведениям — 1778, Чернигов (?) — 30.4(12.5).1852, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], поэт. Из дворян Моск. губ. Отец, А. В. Неёлов, — в 1784 пред. Палаты уголовного суда Чернигов. наместничества. В 1785 Н. записан на службу в л.-гв. Измайлов. полк

сержантом, затем переведен в л.-гв. Конный полк вахмистром (1794); в 1798 вышел в отставку в чине корнета. Кутежи, дуэли, любовные интриги, к-рым прославился Н. в петерб. обществе (ср. упоминание его имени в соответствующем контексте в шланном романе А. С. Пушкина «Русский Пелам» — VIII, 974), характеризовали его поведение и в Москве, куда он переехал после отставки. Крупное состояние и поддержка влиятельной родни (среди близких родственников

ков — гр. Чернышёвы, гр. Салтыковы, князя Голицыны; по 1-й жене — князь Меншиковы) неоднократно спасали его от последний подчас неизбежных «шалостей» и укрепляли в прирожденном чувстве независимости («И до преклонных лет остался// Он барин сам себе — в никому слугой» — см. в кн.: Рус. Пропилеи, с. 19). Баловень прекрасного пола, завсегдатай светских гостиных, записной остроумец Англ. клуба, Н. был своим человеком и в моск. лит. кругу: приятельские отношения и переписка связывали его с И. И. Дмитриевым, И. М. Долгоруковым, В. Л. Пушкиным, А. М. Пушкиным, А. Ф. Мерляковым, П. А. Вяземским, А. А. Перовским (Погорельским), позднее с И. П. Мятлевым и др. Обстоятельства и повод создания стихов Н. (самые ранние датируются 1789) обуславливали не только тему, но и жанрово-стилистич. характеристики текста. Больные мадригалы, салонные эпиграммы, стихотв. записки к приятелям (напр., «Кн. П. А. Вяземскому, отсылая ему шаль» — пародия на стих. Пушкина «Черная шаль»), скабрзные куплеты для коллег-пиршечников — любимые формы из сравнительно небольшого жанрового набора, культивируемого Н., — порождались всегда конкретным импульсом. «В течение едва ли не полувека малейшее житейское событие в Москве имело в нем присяжного песноведа. Шуточные и сатирич. стихи его были почти всегда неправильными, но зато всегда забавными, острыми, меткими. В обществе, в Английском клубе, на балах, он по горячим следам импровизировал свои четверостишия» (Вяземский, VIII, 159). Н. «имел потребность перекладывать экспромтом на стихи все свои чувства, впечатления, заметки» (там же, с. 361), поэтому во многих его произв. сильны бытовые, биогр. (а в поздних стих. и прямо физиологич.) мотивы, сближающие поэта с сочинителями Н. с традицией «домашней поэзии» (напр., с И. М. Долгоруковым). Однако импровизационность и устная ориентация стихов Н. делают в целом справедливым указание Вяземского, что Н. — «основатель стихотворч. школы, последователи к-рой были Мятлев и (С. А.) Соболевский; только вообще он был ск(о)ромнее» (там же, с. 158). В непрстойких стих. Н., составляющих большую часть его наследия, эротич. мотивы и лексика используются в осн. как материал для языковой игры в рамках совершенно «цензурной» темы, реже — для шуточного или сатирич. обыгрывания интимных сторон быта и лишь в редчайших случаях — для создания прямого эротич. эффекта. Широкая эксплуатация Н. скатологич. тем позволила А. С. Пушкину, знавшему и ценившему об-

сценную лирику поэта, назвать его «Le chantre de la merde» («певец навоза» — XIII, 184). По своим стилистич. характеристикам «неудобные для печати» стихи Н. колеблются в широком диапазоне — от откровенной барковщины до лукавых иносказаний пушкинской пробы.

При жизни Н. его стихи почти не публиковались (среди немногочисл. исключений — стих. «Счастливые минуты» — «Журнал для милых», 1804, № 3, с. 147; «К Груше» — в кн.: Собр. рус. стихотворений, ч. 5, М., 1811; перепечатано: «Пантеон рус. поэзии», ч. 1, СПб., 1814; М. И. Невзоров назвал это стих. примером падения «модного» стихотворства — «Друг юношества», 1811, № 10, с. 120), но имели широкое устное распространение. Несколько (из сотен) его произв. и остро были приведены Вяземским в составе мемуарных заметок (отрывки из «Старой записной книжки» — РА, 1873, кн. 1; 1874, кн. 1; 1875, кн. 1, 3), в центре внимания к-рых был кружковый быт Москвы 1-й трети 19 в. с его высокой культурой устной речи и семиотизированным поведением.

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Рус. Пропиетик, т. 2, М., 1916 (32 стих., список предшвств. публикаций, стил., поэм. и биогр. очерк — М. О. Горшензон); Вяземский П. А., Старая записная книжка, Л., 1929; Рус. энциклопедия: Рус. даламбурм, М., 1988.

Лит.: Вяземский, VIII (ук.); его же. Записные книжки (1813—48), М., 1963 (ук.); ОА, II, 200, 478, 498—99; III, 110, 367, 479; V, 82, 145; Лернер Н. О., Труды и дни Пушкина, СПб., 1910, с. 329, 488—89; Пушкин А. С., Дневник, 1833—35, М.—П., 1923, с. 209; Берков П. Н., Козьма Прутков, директор пробирной палаты и поэт, Л., 1933, с. 24—27; Мятлев И. П., Стихотворения, Л., 1969, с. 32—33; Богородский А. (Перовский А. А.), Избранное, М., 1985, с. 6, 364, 397, 414—15, 423; Смирнова-Россет (ук.); Рус. лит. энцикл. кон. XVIII в., М., 1990, с. 124, + РБС: КЛЭ: МБскр.; Чернышкин; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 129 (Киселевы, родственники 2-й жены Н.), л. 20, № 1—6 (альбомы стих. Н. 1798—1851), л. 21, № 13—17 (стихотворения), л. 18, № 3—5 (письма Киселевым); РГАЛИ, ф. 195 (стихотворения, письма П. А. Вяземскому); ф. 1336, оп. 1, № 57; ф. 1346, оп. 1, № 283 (стихотворения) [сообщено С. Н. Пановым]; РГВИА, ф. 3543, оп. 1, л. 2918 (ф. с. 1798 г.). Н. Г. Охотин, М. Д. Зыков

НЕЗЕЛЁНОВ Александр Ильич [21.8(2.9).1845, Петербург — 31.1(12.2).1896, Гурзуф; похоронен на Смоленском кладб. в Петербурге], историк рус. лит-ры, критик, педагог. Род. в семье артиста имп. театров. Учился в частном пансионе сестер Ларрионовых, 3-й гимназии г-зии (1856—63). Окончил ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та (1869). В студенч. годы сблизился с О. Ф. Миллером, по представлению к-рого был оставлен в ун-те для подготовки к магистер. экзамену. В 1876 удостоен степени магистра. С 1877 приват-доцент, с 1888 исправляющий должность экстраординарного проф. Петерб. ун-та (первым ввел спецкурс по истории рус. лит-ры 18 в.); д. стат. сов. (с 1891). Читал также лекции в Павлов-

ском воен. уч-ще (преподавал ок. 20 лет). Уч-ще Св. Екатерины, Павловском и Патриотич. ин-тах, Уч-ще правоведения, на Жен. пед. курсах, в частных г-зиях К. И. Мая и Л. С. Таганцевой. Был женат на дочери священника, детей не имел. В последние годы жизни оставил пед. деятельность из-за болезни (умер в Крыму от туберкулеза).

Осн. сфера науч. интересов Н. — история рус. лит-ры 18 в.; в работе «Н. И. Новиков, издатель журналов 1769—1785 гг.» (СПб., 1875; магистер. дис.; отзыв: «Дело», 1875, № 11) ввел в науч. оборот ряд неизвестных и малоизвестных материалов и документов к биографии Новикова. В соч. «Лит. направления в Екатерининскую эпоху» (ИВ, 1884, № 5—6; 1886, № 9—10; отд. изд. — СПб., 1889) поставил задачу на основании широкого круга источников (старые журналы, в т. ч. «Российский вестник», масонские соч. и пр.) распределить ряд мало оцененных по ист. значению лит. фактов в систематич. порядке с целью «построить гипотезу о законах развития лит-ры Екатерининского времени» (отд. изд. — с. VII).

Критика, отмечая в соч. Н. «небывальтерское собрание фактов», оценила его систематизацию как «слишком отрывочную, эпизодическую, а иногда и неверную» (А. Пшенин) — ВЕ, 1889, № 5). Возражения вызвала общая концепция лит. процесса: предложение Н. три оси направления — скепсис-идеализм, истинно-нравствен. и неясности-народное — представлялись «каждо из резко определенных», не охватывающих реального лит. материала, напр. отсутствие сведений о Г. Р. Державин («Неделя», 1889, № 17); теоретич. выводы Н. (в частности, о влиянии франц. энциклопедистов на творчество В. И. Майкова и Н. Ф. Богдановича) не были приняты (СВ, 1889, № 4). Лишь рецензент газ. «Новое время» (1889, 31 марта) высоко оценил труд Н., поскольку в нем показало, что, несмотря на увеличение об-ва всем «интересным, рус. начала были в нем очень слабы».

Как критик дебютировал в ж. «Заря» (1870, № 5) рецензией на ром. И. А. Гончарова «Обрыв», в к-рой открыто заявил себя приверженцем традиций «органич. критики», пос-

ледователем А. А. Григорьева и Н. И. Страхова. В своих социально-полит. взглядах придерживался идеалов «почвенничества», считая, что в истории пронсходит органич. слияние общинных начал древней Руси с индивидуальным началом зап.-европ. образованности. Осуществление этого идеала Н. находил в поэзии зрелого Пушкина, когда в душе поэта осуществилось соединение «тревожных, энергических и страстных зап.-европ. начал с простыми, смиренными и добрыми началами рус. нар. жизни» («А. С. Пушкин в его поэзии. Первый и второй периоды жизни и деятельности (1799—1826)», СПб., 1882, с. IV; отзыв: ОЗ, 1882, № 12). В речи о Пушкине, произнесенной в годичном акте Петерб. ун-та 8 февр. 1887 (отд. изд.: СПб., 1887), рецензенты отметили прямые заимствования из «пушкинской речи» Ф. М. Достоевского (см.: РМ, 1887, № 4, с. 216; (А. Л. Волинский) — СВ, 1893, № 4, с. 44). В целом пушкиноведч. статьи Н., составившие сб. «Шесть статей о Пушкине» (СПб., 1892), носят преим. описат. характер (обширные цитаты, пространный изложение изв. фактов, повторение ранее высказанных идей и т. д.), на что неоднократно указывала критика: «Г. Н. не прибавляет в своей книге ничего нового к тому, что уже было до него сказано о значении Пушкина, и все его ист.-лит. размышления имеют такой поверхностный характер, выражены тускло, ординарно, отрывочно» (СВ, 1893, № 4, с. 42); частые повторения в статьях Н. о поэте отметили и обозреватели ж. «Рус. мысль» (1893, № 2, с. 60). Также указывалось на мешающее адекватному пониманию поэзии Пушкина «обилие этич. целемудрия» (П. Щёголев) — ИВ, 1902, № 12, с. 1161), являвшееся проявлением присущего лит. взглядам Н. нравств. ригоризма, что дало повод иронизировать над «патриотическим и добродетельным сердцем» Н. (В. Калаш — РМ, 1895, № 7, с. 69). Науч. значение имела проделанная Н. работа по публикации пушк. рукописей («Новые отрывки и варианты соч. Пушкина, из рукописей Румянцевского музея» — ИВ, 1889, № 3; вошла в сб. «Шесть статей о Пушкине»; положит. отзыв: «Библиограф», 1892, № 12); им впервые опублик. варианты стих. «Бова», «Из Пиндемонта» и др., внесены нек-рые текстологич. уточнения (предложил изменить назв. стих. «Чернь» на «Поэт и толпа», указал назв. стих. «Мирская власть», ранее публиковавшееся без назв.).

Концепция истории рус. лит-ры 19 в., изложенная в работах «Тургенев в его произведениях» (СПб., 1885) и «А. Н. Островский в его произведениях, первый период дея-

тельности» (СПб., 1888), неоригинальна. Здесь Н. вновь повторяет мысль об обществ. идеале как о слиянии «общинного и личного начал» («Тургенев...», с. 7; «Островский...», с. 8); в следовании этому идеалу Н. полагает народность писателя. Смысл искусства, согласно Н., заключается «в личности поэта, в его мирозерцании», а задача критика соответственно видится в том, чтобы «подметить личность поэта и ее идеал» («Островский...», с. 17). Декларируемая Н. ориентация на традиции критики 1830—50-х гг. (прежде всего на Ап. Григорьева, на работы к-рого он постоянно ссылался) — с подробным пересказом сюжетов разбираемых произв., пространными цитатами, многочисл. лит. параллелями — воспринималась как устаревшая; его метод анализа определялся современниками как «библиографо-биография, род критики» (ОЗ, 1882, № 12, с. 207), как «профессорская лит. критика» (СВ, 1888, № 6, с. 98).

С пед. деятельностью связан цикл статей «О преподавании рус. словесности» в средних учебных заведениях (отд. изд. — СПб., 1880; проп. изд.: ОЗ, 1880, № 12), в к-рых Н. критиковал исключительно эстетически-стилистич. подход к изучению лит-ры и предлагал ввести в преподавание ист. элемент. Итогом науч.-пед. деятельности Н. стало уч. пособие «История рус. словесности для средних уч. заведений» (СПб., 1893), в к-ром обобщены его частные наблюдения и отразились лит. и обществ.-полит. взгляды.

Пособие было удостоено малой пр. Петра Великого, быстро разошлось и многократно переиздавалось (ч. 1 — 25-е изд., СПб., 1918; ч. 1 — 2 — 19-е изд., СПб., 1910—14). Один из исследователей, посматривая на недостатки и низкий уровень существующих пособий подобного рода, сдержанно приветствовал факт появления нового, но одновременно не одобрял «ни плана этого труда, ни приемов автора» (СВ, 1894, № 6, отл. 2, с. 32). В. В. Каллаш отметил «свежесть материала», «ясность, даже увлекательность изложения», критиковал Н. за воспроизведение «всех ошибок славянофильской и мифологич. школы», за примитивную классификацию (разделение лит. произв. на «высших и низ инстинктивно» и «написанных в нар. духе») и в итоге указывал, что «недостаток ист. чутка» автора, его «предвзятые взгляды, приподнятый патриотизм» привели Н. к «утопическим от истины и здравой педагогики» («Новый труд по истории рус. лит-ры» — РМ, 1895, № 7, с. 64—71).

Др. произв.: «А. С. Грибоедов, лит. характеристика» (РР, 1879, № 3), «Н. И. Новиков в Шлиссельбургской крепости. По новым документам» (ИВ, 1882, № 12), «А. Н. Радищев. Лит. характеристика» (ИВ, 1883, № 4), «Евгений Онегин», роман Пушкина. Лит. разбор» (РО, 1890, № 6), «Лит. деятельность И. А. Гончарова» (РО, 1891, № 10).

Изд.: Собр. соч., т. 1—4. СПб., 1889—1903.

Лит.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966 (ут.). + Некрологи, 1896: ВП, № 1412; РФВ, т. 35; ЖМНП, № 5; ИВ, № 3; «Изда», № 8. Биогр. очерки профессоров СПб.

ун-та. т. 2. Бродягу; Венгеров. Источ.: КЛЭ; Маслов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1269; ИРЛИ, ф. 377; РМБ, ф. 608, оп. 1, № 1047 (51 письмо Н. В. Помяловскому, 1884—95 гг.); ф. 874, оп. 1, № 20...62 (23 письма С. Н. Шубинскому, 1881—1895 гг.); РГИА, ф. 733, оп. 135, л. 174 (ф. с. 1896 г.); оп. 150, л. 316. А. А. Носов.

НЕКРАСОВ Николай Алексеевич [28.11(10.12).1821, с. Синьки Балт. у. Подольской губ.* — 27.12.1877 (8.1.1878), Петербург; похоронен на кладб. Новодевичьего мон.]. Поколеная роспись (поданная дедом Н. Сер. Ал.), по к-рой их род восходит к орловской ветви нач. 17 в. (на ней основана версия Н. П. Чулкова

(ГМЛ), лежащая в основе биогр. работ о Н.), не подтверждается арх. данными, согласно к-рым род Н. восходит к дворянину Як. Матв. (ум. ок. 1740) (РГАДА, ф. 1209, оп. 3, д. 352, л. 488; см. также: Бессонов, 1984).

Отец, Ал. Серг. (1788—1862), — отставной (с 1823) майор, помещик среднего достатка, по характеристике Н. «челв грамотный» (Некрасов, XII, 15; здесь и далее ссылки на ПССНП, т. 1—12, 1948—52), человек крутого нрава, задлый охотник и игрок. Мать, Ел. Аня, урожд. Задревская (1801—41), — из семьи мелкого чиновника, малоросса, «красавица, образованная»; сам Н. считал ее полькой. Брак, заключенный в 1817 вопреки воле родителей невесты, не был счастливым. Кроме Н. от этого брака родились литеро. дети: Андрей (1820—38), Елизавета (в замужестве Завина: 1821—42), Анна (в замужестве Буткевич: 1823 или 1825—82), Константин (1824—84) и Федор (1827—1913).

Детство Н. прошло в родовом имении — с. Грешневе Ярослав. губ., близ Волги. «В доме — псаря, охотники, любовницы, попойки, трепещущая дворян... Н. дружит с крест. детьми. Одно время отец, служивший исправником, берет Н. в разъезды по делам службы: мальчик присутствует при уголовных следствиях...» (цит. по: Ашукун, 1935, с. 21). Начальной грамоте Н. учился у ярослав. семинаристов; в 6—7 лет уже сочинял стихи (см.: ЛН, т. 49/50, с. 147). Осенью 1832 поступил в 1-й класс Ярослав. г-зии, где вскоре, по собств. словам, «ударился в фразерство, на-

чал почитать журналы... писал сатиры на товарищей» (Некрасов, XII, 21) и предпочитал занятиям игру на биллиарде. Из-за хронич. неусвояемости, а также нежелания отца своевременно вносить плату за обучение вышел из г-зии в 1837, не окончив 5-го класса; более года прожил в Грешневе, где был, в частности, свидетелем потрясших его сцен отцовского глумления над матерью (Ф. М. Достоевский вспоминал, как в 1845 Н. говорил «со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме» — XXVI, 111; Е. Я. Колбасин, хорошо знавший Н., писал: «Не любовь к отцу, виновнику несчастий матери... он выкупал каким-то фанатическим боговорением матери» — Колбасин, с. 228). В Грешневе, став участником барских «потех», прежде всего охоты, Н. пристрастился к ней на всю жизнь.

В июле 1838, «науду отца приторным согласием поступил в Дворянский полк», с тетрадькой стихов («что ни прочту, тому и подражаю» — Некрасов, XII, 21) Н. отправился в Петербург, рассчитывая начать печататься и поступить в ун-т, что стало причиной его долговременной ссоры с отцом. Однако существ. пробелы в образовании помешали ему в июле 1839 успешно сдать экзамены на ф-т вост. языков, год спустя — на юрид. ф-т Петерб. ун-та, а необходимость борьбы за выживание (отцовская помощь прекратилась) не позволила сколько-нибудь систематически посещать ун-т в качестве вольнослушателя.

Скучные и разноречивые сведения, в т. ч. автобиографические, о пребывании Н. в Петербурге в 1838—40 (подробно разобраны в кн.: Евгеньев-Максимов, т. 1, с. 155—91) рисуют картины нищеты, порой до жизни на подаяние, на копеечки за написание писем для неграмотных и т. д., впроголодь, часто — в ночлежках и «петерб. утлах» (в числе изв. адресов — Свечной пер., 12/20; Разъезжая ул., 24). Иногда Н. зарабатывал репетиторством; порой, согласно его рассказу, записанному В. А. Панаевым, сочинял «стишонки забавные», к-рые сам печатал «на листочках» и сам же продавал «госп. дворянским молодцам» (ЛН, т. 49/50, с. 200). Среди его знакомых тех лет — Н. А. Полевой, офицеры Н. Ф. Фермор, Г. Ф. Бенешкий, будущий «бархатный диктатор» М. Т. Лорис-Меликов. Склонный к божемной жизни Н., по свидетельству одного из наиб. близких приятелей — художника и музыканта К. А. Даннеберга, еще в 1839 был вхож в лит. и журналист. круги, что не вполне соответствует облику одинокого и заброшенного провинц. поэта (подробнее см.: Вацуро В. Э., Некрасов и

К. А. Даннеберг. — РЛ, 1976, № 1). Именно в те годы Н. «дал себе слово не умереть на чердаке»: «идеализма было у меня пропасть... я стал убивать его в себе и старался развить практическую сметку» (запись А. С. Суворина — ЛН, т. 49/50, с. 202—203). Отмечаемый большинством мемуаристов сложный характер Н. — «этого загадочного человека» (Достоевский, XXVI, 111) с «резким, несколько ожесточенным умом» (Панаев, с. 285), чей житейский практицизм оттенялся взглядом «на себя и на жизнь как на истертое платье, о котором не стоит заботиться» (Дружинин А. В., Повести. Дневник, М., 1986, с. 223), складывался (помимо травмирующих лет. впечатлений) и в непосредств. соприкосновении на рубеже 40-х гг. с людьми и нравами петерб. «дна». В неоконч. автобиогр. ром. «Жизнь и похождения Тихона Тростникова» (1843; частично опубл.: ОЗ, 1843, № 12; под назв. «Петербургские углы» — в альм. «Физиология Петербурга», ч. 1, 1845; полностью — М.—Л., 1931) Н. описал обстановку собств. мытарств первых лет жизни в столице и, возможно, нек-рые лично им пережитые злключения.

Первый поэт. опыт Н., появившийся в печати, — подражательно-романтич. стих. «Мысль» (СО, 1838, № 10), за к-рым последовали еще до десяти стих. в «Б-ке для чтения» и «Лит. прибавлениях к „Рус. инвалиду“», в общем сочувственно встреченных критикой (см.: Аникина А., Бухштаб Б., Первые печатные отзывы о стих. Н. — ЛН, т. 53/54). С корректурными листами своего первого поэт. сб-ка «Мечты и звуки» (СПб., 1840) Н. явился к В. А. Жуковскому, к-рый предсказал ему, что вскоре он пожалеет о выпуске незрелой книги. Однако деньги за проданную вперед часть тиража Н. уже изстратил, что исключало останков сборника (по совету Жуковского вышел под криптонимом Н. Н.).

Сборник вызвал ряд поощр. откликов (1840: П. А. Пастель — «Совр», № 2; Ф. Н. Мещов — ЖМНП, № 3; Н. С. — СП, 14 марта; Н. А. Полевой — СО, 1840, т. 1). Тем не менее Н. прислушался больше к негативным оценкам. В. С. Межвин утверждал, что, «оставив перо стихотворца», Н. «посвятил себя занятиям делами... и будет гражданному полезнее» (ЛГ, 1840, 24 февр.; б. п.); В. Г. Белинский заметил, что хотя у автора «есть и душа, и чувство... в стихх перешли только отвлеченные мысли, общ. места, правильность, сладость — и скука» (IV, 118). Читательского успеха сборник не имел. Н., по его словам, уничтожил б. ч. тиража и «отказался писать лирические и вообще нежные произведения в стихах», «стал писать эгзистенцистские», т. е. рассчитанные из заработка (Некрасов, XII 12, 22). Сестре Елп. Ал. он писал 9 нояб. 1840: «Отчего с так холодно встречало и успел, и не успел того, что другого или задумано бы на седьмое небо, или бросило в омут злости и отчаяния?» (X, 17).

В «Мечтах и звуках» Н. еще всецело оставался в рамках усредненно-го поэт. канона эпохи, к-рый сло-

жился под влиянием Жуковского, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и был популяризован В. Г. Бенедиктовым (о чем влиянии на Н. см.: Шимкевич). Неуспех сборника ускориł крушение его юнош. доверчивости к поэтич. «общим местам», заставил обратиться к новым средствам поэтич. выразительности, прежде всего — к антиромантич. пародии (стх. «К ней!!!» — «Пантеон», 1840, № 10). Быстрота и легкость происшедшей метаморфозы объяснялись, видимо, невозможностью выразить средствами традиц. «поэтичности» качественно новый социальный и душевный опыт, накопленный им к тому времени. Стихотв. сатирич. обозрение «Провинциальный

номер» в номер Н. печатал огромное количество рецензий, юмористич. заметок, стихотв. пародий, сатирич. миниатур, фельетонов, в т. ч. циклы: «Хроника петерб. жителя», «Петербург. хроника», «Петербург. дачи и окрестности», «Дагерротип», Сотрудничал также в «Пантеоне», «Отеч. записках», «Рус. инвалиде». Кроме того, Н., по его словам, «писал отзывы... о книгах — ничего о них не зная», был «поставщиком» у издателя В. И. Полякова, «писал азбуки, сказки по его заказу» и всего «в несколько лет исполнил до двухсот печатных листов журнальной работы» (XII, 12, 23) анонимно или под разными псевдонимами, в т. ч. Н. А. Перепельский.

Кони ввел Н. в театр. круги; он познакомился с актерами А. Е. Мартыновым, В. В. Самойловым, А. И. Шуберт, В. Н. Асенковой (стих. «Памяти Александрин. т-ра с успехом шли его водевиль «Шляпа в мешке не удержишь» — «Репертуар рус. театра», 1841, № 4; комп. Ю. К. Арнольд вспоминал, что «фабулу и сценарий» придумал Кони, — см.: Иссерлини, Хмельницкая, с. 53), «Утро в редакциях» (ЛГ, 1841, 4, 6 февр.; изборождены Кони и сам Н.), «Актер» («Текущий репертуар рус. сцены», 1841, № 8; написан для бенефиса Самойлова; удержал на сцене до нач. 60-х гг.) и др. Значит. успех. успех выпал на долю мелодрамы «Материнское благословение, или Бедность и честь», продержавшейся в столич. и провинц. репертуаре ок. ста лет (пост. в 1842; опубл. полностью в 1930; переделка франш. пьесы А. Ф. Деннери и Г. Лемуана «Божья милость»).

Вспомнил впоследствии «мир гоголевского Петербурга... в эпоху его изразительной оригинальности... мир „Александрин“ в полном шесте ее развития», т. е. время 1-й пол. 40-х гг., Григорьев называл в числе его характерных представителей «еще считающегося Некрасова-Перепельского» (Григорьев, Восп., с. 6).

В это время Н. писал стихи исключительно в жанре фельетонов или «обзрений», снижавших ему нек-рую известность, напр. «Говорун» (1843—45). В них под видом «водевильной болтовни» (Белинский, VII, 8), в стилистике «чиновничьего сказа» [Бухштаб Б. Я., Нач. период сатирич. поэзии Н. (1840—1845). — В кн.: Некрасовский сб., в. 2, М.—Л., 1956, с. 119], включавшей иронич. цитаты, пародийный контекст, разнообразные «снижения», постепенно складывался новаторский стих Н. («За опыты в лирике! Я не пишу похвал! И пусть иные критики! Отхлещут напова...» — «Говорун»), формировался новый образ носителя поэт. речи, в чьем облике черты журирующего чиновника (отчасти пародирующие лирич. героя Бенедиктова) неуклон-

Н. А. Некрасов. «Мечты и звуки». СПб., 1840. Обложка.

подъячий в Петербурге» (там же, № 2, 3, 7) — первое произв., отмеченное одобрит. отзывом Белинского (IV, 169).

К 1840 Н. познакомился с И. И. Панаевым, Д. В. Григорьевичем, Ф. А. Кони. По совету последнего начал писать прозу, в т. ч. повесть о чиновнике-дельце «Макар Осипович Случайный» («Пантеон», 1840, № 5; отклики: Ф. В. Булгарин — СП, 1840, 24 дек.; Белинский, IV, 290; А. А. Григорьев видел в ней «развитие семени, заброшенного Гоголем», — тему «мелкого человека» в мелких же обстоятельствах — Григорьев, Критика, с. 267) на сюжет, заимствованный из «Маскарада» Н. Ф. Павлова.

В 1840 в связи с переходом «Лит. газ.» под редакцию Ф. А. Кони Н. становится его осн. помощником (до 1843), а с 1844 — негласным ред. газеты [«Краевский (владелец „Лит. газ.“. — Ред.) по контракту взял на себя всю работу за 18000 р. ассигнациями, а сдал мне всю ее за 6000 р. в год» — Некрасов, XII, 13]. Из

но вытеклися чертами разночинца, горожанина-бедняка, с болью и надрывом воспринимающего действительность. Между стих. «Чиновник» (1844) и «Пьяница» (1845) пролегла решающая граница.

Примерно к 1844 Н. выбился из бедности — гл. обр. благодаря начатой им издат. деятельностью («развлекат.» альм. «Статьеки в стихах. Без картинков», т. 1—2, СПб., 1843; с участием его самого. В. Р. Зогова и Н. И. Куликова). Практич. чутье помогло ему воспользоваться конъюнктурой лит. рынка с растущим числом читателей, «читающих для процесса чтения» (Майков В. Н., Лит. критика, Л., 1985, с. 200), что кроме ближайших выгод (барыш и высокий статус «издателя») открывало и дальние перспективы: «... от редакции альманаха можно незаметно перейти к действенной редакции какого-нибудь издания, напр., толстого и плодотворного журнала» (там же).

С осени 1845 Н. поселился в хорошей четырехкомнатной квартире в Поварском пер., 13, где прожил ок. года; затем снял совм. с И. И. Панаевым квартиру на наб. р. Фонтанки, 19; там до осени 1850 помещалась редакция «Современника». Посл. петерб. адрес Н. (с 1857) — Литейный просп., 36/2 (с 1945 — Мем. музей-квартира поэта).

Исключит. роль в личностном и творч. становлении Н. сыграло его знакомство с Белинским, состоявшееся, вероятно, в 1840—41 и вскоре перешедшее в дружбу с оттенком наставничества Белинского (к-рый к этому времени взглядел в нем талант журналиста). Много времени они проводили вместе, беседуя, играя в карты, летом 1844 соседствовали на даче в Лесном под Петербургом. По свидетельству П. В. Анненкова, Н. говорил: «Белинский производит меня из литературной бродяги в дворяне» (Стасюлевич, т. 3, с. 352). Гражд. темперамент и лит.-эстетич. установки Белинского сильно повлияли на замысел совместно изданных ими альманахов «Физиология Петербурга» (ч. 1—2, СПб., 1845) и «Петербургский сборник» (СПб., 1846), в к-рых участвовали Григорович, Панаев, А. И. Герцен, Е. П. Гребенка, В. И. Даль, И. С. Тургенев и др. Эти альманахи, составившие «эпоху» (особенно «Петербургский сборник», где дебютировал романом «Бедные люди» Достоевский, «открытый» Григоровичем и Н.), стали яркой манифестацией натуральной школы, привлекли внимание публики, а также властей — по нек-рым данным, Л. В. Дубельт вызвал Н. в III отд. и «много кричал, как (он) смеет нападать на чиновников и на дворян» (Шуберт А. И., Моя жизнь, Л., 1928, с. 86), а Ф. В. Булга-

рин с тех пор аттестовал его в доносах «самым отчаянным коммунистом» (см.: Евгеньев-Максимов, 1934, с. 240—41, и др.).

Начало своей подлинно орг. поэтич. работы Н. позднее датировал сер. 40-х гг. Летом 1846, гостя в усадьбе Соколово под Москвой у Герцена (где, будучи мало знаком большинству участников герценов. кружка, возбуждал «общий симпатический интерес своей судьбою и своей поэзией» — Анненков, с. 244), он написал стих. «Я за то глубоко презираю себя...», к-рое лишь в 1856 решился напечатать под назв. «Из Ларры» (в сб. «Стихотворения»), а в конце жизни снабдил примечанием: «... приписано Ларре по странности содержания. Искреннее» (I, 519). Это стих., явно несущее следы обвинения с «людьми сороковых годов», чья образованность и просвещенный радикализм сильно импонировали ему, что, впрочем, не исключало и раздражения их неделовойстью и «помещичьим» незнанием рус. жизни. — хронологически первый образчик рефлексировавшей лирики Н. Вообще, в стихах сер. 40-х гг., в т. ч. «Стишки! стишки! давно ль и я был гений?..» (ЛГ, 1845, 11 янв.), «Современная ода» (ОЗ, 1845, № 4), «Когда из мрака заблужденья...» (ОЗ, 1846, № 4), фактически снимающем социальную дистанцию между авторским «я» и «падшей женщиной», «Колыбельная песня» — сатирич. парафраз «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова, «В дороге» (оба — «Петербург. сб.», в к-ром, по словам Григорьева, «совместились все повести сороковых годов» на тему крепостного рабства — Григорьев. Критика, с. 458), являясь неловким «голос» Н. — сочетание «рыдающих» лирич. интонаций с жесткой зоркостью социально-психол. зрения, распространяемой и на самого себя, вплоть до самобичевания. В стих. 1846 «Родина» [опубл. в указ. сб.-ке «Стихотворения» под назв. «Старые хоромы. (Из Ларры)»], исходный мотив к-рого перекликался с пушкинским «Вновь я посетил...» и в к-ром nostalgia, воспоминания обернулись беспощадной картиной разорения родительского гнезда («Где было суждено мне Божий свет увидеть / Где научился я терпеть и ненавидеть / Но, ненависть в душе постыдно притая / Где иногда бывал помещком и я...»), Белинскому, по словам Н., «поправились зачатки отрицания и вообще зарождение слов и мыслей, которые получили свое развитие в дальнейших моих стихах» (XII, 13). Разительная тематическо-интонац. новизна первых шедевров Н., частично опубл. в «Петербургском сборнике» (единств. заметный поэтич. вклад в гл. обр. прозаическую лит-ру натуральной шко-

лы), получила полярную оценку у различно ориентированных критиков (Белинский: «... это не стишки к деве и луне; в них много умного, дельного и сурового» (IX, 573); С. П. Шевырев: «... где это сочиняют? В Пекине, на островах Сандвичевых?» («Москв.», 1846, № 2, с. 185)).

В нач. 1846 в результате переговоров Н., Белинского, Герцена и др. было решено издавать журнал, развивающий принципы натуральной школы. В поисках средств для осуществления этого плана летом того же года Н. с Белинским ездил в Москву, а затем с Панаевым и А. Я. Панаевой — в имение Новоспасское Казан. губ., к богатому либеральному помещику Г. М. Толстому, чье участие в предприятии не состоялось. В итоге в осн. на средства Панаева был взят в аренду ж. «Современник». Молва об этой сделке уверенно называла Белинского в числе арендаторов (см., напр.: Аскаков И. С., Письма к родным, М., 1988, с. 324). Однако Н., понимавший, что дин больного Белинского сочтены, не захотел связывать себя материальными обязательствами перед его будущими наследниками и, назначив ему высокий гонорар, в «пае» тем не менее отказал, несмотря даже на то, что в портфель нового журнала Белинский передавал все рукописи, к-рые собрал для замышлявшегося им собств. альм. «Леванафан». Глубоко задетый поступком Н., Белинский все же не отказался сотрудничать в «Современнике»; а в письме Тургеневу от 1 марта 1847 изложил собств. понимание инцидента, вообще проливавшее свет на отношение к Н. «людей сороковых годов», никогда вполне не ощутивших его человеком единого с ними духовного генезиса: «... он действовал честно и добросовестно, основываясь на объективном праве, а до понятия о другом, высшем, он еще не дорос ... никогда не был ни идеалистом, ни романтиком на наш манер... Главная ошибка Н(екрасова) состоит в том, что он не понял, что кружок людей, в который он вошел, имеет совсем иные понятия о праве, а между тем он, войдя в этот кружок, пришел от него в некоторую зависимость, особенно по изданию журнала» (XII, 343). Ср. позднее (1853) впечатление Т. Н. Грановского в Н. «много отталкивающего. Но раз стал он ... читать стихи свои, и я был поражен неприятным противоречием между мелким торгашом и глубоко и горько чувствующим поэтом» (Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, М., 1897, с. 431).

Первый номер обновл. «Современника» увидел свет 1 янв. 1847 (выходил в Петербурге до 1866); издателя — Панаева и Н. (при номинальном редакторстве А. В. Ники-

тенко, вскоре отказавшегося от своей фиктивной роли. — см.: Никитенко, I, 301). Вся тяжесть работы по журналу — правка рукописей, деловая переписка, изкурит. противоборство с цензурой и т. д. — фактически легла на плечи Н. Кроме того, Н., ощущая дефицит мат-дов для журнала (напр., в критико-публицист. отд. после смерти Белинского), в разные годы выступал в качестве автора и соавтора (свидетельство его уникальной творч. коммуникабельности) сочинений практически во всех лит.-журн. жанрах. Так, Н. совм. с Панаевой и И. А. Панаевым (гл. обр. для восполнения ценз. изъятов) написал для «Современника» иностранные романы с авантюрно-приключенч. сюжетом («Три страны света» — 1848, № 10—12; 1849, № 1—5; отд. изд. — т. 1—2, СПб., 1849; 3-е изд., СПб., 1872) и ирреалистич. повести из актерской жизни («Мертвое озеро» — 1851, № 1—10; отд. изд. — т. 1—3, СПб., 1852), «сам подменяясь над этой работой» [Колбасин, с. 232; вообще о своей худож. прозе Н. отзывался иронически; исключением стали очерк «Петербургские углы» («Физиология Петербурга», ч. 1) и главы из ром. «Тонкий человек» («Совр.», 1855, № 1; отд. изд. — М., 1928), где в юмористич. ключе намечалась тема крепостной России]. В числе соавторов Н. — И. И. Панаев (первые под маской Новый поэт они выступили в «Отч. зап.» в 1843), совм. с к-рым написаны «Заметки и размышления Нового поэта о рус. журналах» («Совр.», 1851, № 8; 1855, № 1, и др.), а также В. П. Боткин, Н. Г. Чернышевский, А. Н. Майков, участвовавшие с Н. в цикле фельетонов обозр. «Заметки о журналах» («Совр.», 1855—56). Как руководитель «Современника» Н. проявил незаурядную интуицию и выработал в собств. лице новый тип редактора-издателя; в отличие, напр., от О. И. Сенковского и А. А. Краевского, в той или иной степени следовавших за читат. спросом, Н., не жертвуя интересами «дела», прилагал большие усилия к просвещению читат. аудитории в антикрепостнич. и демокр. духе. Не избежав упреков в «прижимистости», Н. тем не менее широко поддерживал нуждающихся сотрудников, собрал вокруг журнала «лучшие силы» (в разные годы в нем печатались Белинский, Герцен, Тургенев, Григорович, И. А. Гончаров, А. В. Дружинин, А. Ф. Писемский, А. Н. Островский, Л. Н. Толстой, Ф. И. Тютчев, А. А. Фет, Чернышевский, Н. А. Добролюбов, сам Н. и др.) и создал, по признанию многих, наиб. значит. журнал своего времени (подробнее см.: Евгеньев-Максимов, 1934).

Занятый журналом, во 2-й пол. 40-х гг. Н. написал всего несколько стих., к-рые вместе с тем раскрывали настоящие возможности его таланта: по свидетельству Зотова, он уже «оставил себе громкое имя» (ЛГ, 1848, 5 февр.; б. п.). Стих. «Огородник» и «Тройка» (оба — 1846), впитавшие дух и образность нар. поэзии, впечатления от «песен» А. В. Кольцова, отличались «новым тоном стиха» (Розанов В. В., Соч., М., 1990, с. 34) и вскоре сами вошли в рус. песенный фольклор. Стих. «Еду ли ночью по улице темной...» (1847) — свидетельство зрелости Н. как поэта Петербурга, с его жестокими «мешан. драмами», — относится к числу стих., особенно глубоко потрясших современников (см., напр.: Тургенев. Письма, I, 264; Пантелеев,

Н. А. Некрасов. Рис. И. Петровского. 1852.

с. 223; ср.: «оно первое показало: Россия приобретает великого поэта» — Чернышевский, XV, 210). Стих. «Вчерашний день, часу в шестом...» (1848) соединило мрачный облик столицы с темой «страданий народных» в ставшем хрестоматийным уподоблении музы поэта — крестьянке, наказываемой на Сенной; этот образ не раз откликнется в поэзии Н. вплоть до последних, предсмертных строк: «Не русский — взглянет без любви / На эту бледную, в крови / Кнутом иссеченную Музу...».

К этому времени Н. пережил две или три любовные привязанности, о к-рых сохранились глухие и не вполне достоверные упоминания (напр., о романе с гувернанткой, превратившейся после разлуки с Н. в уличную женщину, — Колбасин, с. 228—30); в память об одной из них написано стих. «Я посетил твою кладбище...» (1856). Во 2-й пол. 40-х гг. гражд. женой Н. стала Панаева, совместная жизнь с к-рой со

множеством разрывов и расхождений, вызванных «трудностью» характеров обоих, ложностью положения Панаевой, смертью в младенчестве их детей и др. причинами, длилась до 1863 (см. биогр. очерк К. И. Чуковского «Н. и Авдотья Панаева» — в кн.: Чуковский, 1930). Обращенные к Панаевой стихи Н. (т. н. панаевский цикл) — «Если, мучимый страстью мятежной...» (1847), «Поражена потерей безвозвратной...» (1848?), «Я не люблю ирония твоей...», «Да, наша жизнь текла мятежно...» (оба — 1850), «Мы с тобой бестолковые люди...» (1851), «Зачем насмешливо ревнуешь...», «Давно — отвергнутый тобою...», «Тяжелый крест достался ей на долю...» (все — 1855), «Тяжелый год — сломил меня недуг...» (1855—1856), «Слезы и нервы» (1861) и др. — одна из лучших страниц рус. любовной лирики.

Н. первым из рус. поэтов создает развернутую хронику изначально обреченной страсти с тенью «развязки неизбежной», лишь отодвигаемой минутами счастья и согласия. Героиня — не «этико-эстетический идеал» и «норма», а «конкретный и типичный характер» (Гуковский Г. А., Некрасов и Тютчев. — Науч. бюллетень Ленингр. ун-та, 1947, № 16/17, с. 53); отношения лирич. героя и женщины раскрываются как «диалог» двух самостоят. существований, равных и как бы независимых друг от друга. Как закономерный фон такого диалога в стихи привносятся «проза любви» в ее разнообразных, в т. ч. и неврастенич. проявлениях, обыденные интонации, «случайные» детали, что придает панаевскому циклу романый характер. Не в последнюю очередь источником драм. интриги цикла служит меняющееся во времени (от преклонения до горечи и напыря) отношение героя к любимой (и как бы «обратный свет», отбрасываемый ее отношением к нему). Ср., напр., ракурсы и психол. стилистику трех поэтич. портретов одного лица: «Ты так встречаешь испьяненья / Так презираешь ты людей, / Как будто люди и страдания / Слабее гордости твоей» (1855); «Страдальца! стоишь ты предо мной / Прекрасным призраком с безумными глазами!» (1855); «...Боже мой! Зачем не мог я прежде видеть? / Ее не стоило любить / Ее не стоит ненавидеть... / О ней не стоит говорить...» (1861). (Напрашивается сопоставление панаевского цикла Н. с «денишевским циклом» Тютчева и явное сходство их обоих с «мучительной» окраской любовных сюжетов в романах Достоевского, тогда еще не написанных.)

На всех этапах поэтич. работы Н. ее качество, особенно сильно оставалась авторефлексия, своего рода неусып-

ный самоконтроль. Свой «суровый, неуклюжий стих» («Праздник жизни — молодости годы...», 1855) он выработывал совершенно целенаправленно. Сохранилось немало свидетельств о «строгом сознательном» характере поэтик. работы Н. Если вслед за др. критиками Б. Н. Алмазов в 1852 недоумевал, «каким образом (Н.) ухитрился вколотить в стихотворческую форму ultra-прозаич. содержание» (цит. по: Зелинский, ч. 1, с. 42), то объяснение этому содержится в ст. Н. «Рус. восторженные поэты» («Совр.», 1850, № 1), где, в частности, беспорное худож. чутье позволило ему, заново «открыв» полузабытые тогда стихи Тютчева, назвать его одним из крупнейших рус. лириков. Н. констатировал отсутствие стихов в текущей лит-ре, связывая это с тем, что «Пушкин и Лермонтов до такой степени усвоили нашему языку стихотворческую форму, что написать теперь гладенькое стихотворение сумеет всякий», и предпочтение литераторами в «эпоху положительную» прозаич. жанров, дающих больше возможностей для творч. самореализации и социального успеха, — для истинного поэта в данных условиях единств. путь выиграть состязание с совр. природой на ее собств. территории (IX, 191, 190, 192). Т. о., при всей дискусионности, заслуживает внимания мысль о том, что Белинский, расклевывая перед Н. горизонты социально ангажированной поэзии, тем самым спас в нем гл. обр. поэта, нуждавшегося в поэтически неосвоенном материале, чтобы попросту состоять как поэт (см.: Мочульский).

Волевой и рационалистич. «выбор» не меньше, чем темперамент или эмоц. впечатлительность, определял тематику и социально-дидактич. тональность таких стих. Н. 1-й пол. 50-х гг., как цикл «На улице» (1850) с его упором на дисгармоничность обществ. устройства и ключевым для некрасовской поэтики признанием «мерещится мне всюду драма», «За городом» (1852), «Филантроп» (Н. — Тургеневу, 17 нояб. 1853; «этой вещи я не почитаю хорошо, но дельною» — X, 198). «Отрывки из путевых заметок графа Гаранского» (оба — 1853). В стих. «Муза» (1852) Н. не только дистанцировался от недостижимой и неактуальной в 50-е гг. гармоничности поэзии пушкинской поры («Но рано надо мной отяготели узы/ Другой, недасковой и нелюбимой Музы./ Печальной спутницей печальных безделья./ Рожденных для труда, страданий и оков») — он заявил о своей приверженности иному, различному складу мышления, чем ведущие мотивы наличествуют «в смешении безумном», в принципе исключаящем иерархизированную устой-

чивую гармонию: «Расчеты мелочной и грязной суеты./ И юношеских лет прекрасные мечты./ Погибшая любовь, подавленные слезы./ Проклятия, жалобы, бессильные угрозы». В стих. «Блажен незлобивый поэт...» (1852; написано в день смерти Н. В. Гоголя, с к-рым Н. встречался лишь однажды в 1849) Н. солидаризировался с «отрицательным» направлением в лит-ре. В своей прозазированной лирике тех лет он, случалось, оказывался на рискованной грани морализаторства (стих. «Извозчик», 1855), но зато и добивался принципиально новой выразительности, как, напр., в стих. «В деревне» (1854) с душераздирающим рефреном в виде причитания крестьянки, оплакивающей сына («Умер, Касьяновна, умер, сердешная/ Умер и в землю зарыл!»), где сквозь ступение нарочито сниженной бытовой фактуры «быт становится ясновидчески прозрачным», по замечанию И. А. Ильина (в его кн.: Одинокий художник, М., 1993, с. 179).

Заметной чертой совр. откликов на эти стихи Н. помимо признания неординарности производимого ими впечатления было непонимание и неприятие некрасовского «утопатора», «устроителя», как бы высветил. лиризма. Так, напр., стих. «Ах, были счастливые годы!» (1852) Тургенев в письме Ашкенову назвал «лирическим восток поэзии», порождающим фигюролет, раздрасительностью, к-рая «не выкустает из складки желчи и неземских над самим собою — ни заде живое»-блестящий умом а la Heine» (Тургенев в Письма, II, 141). О стих. «В больнице» (1855) Боткин писал И., что его стихи «действуют на душу, как сухой колодий туман на тело — приносят исповедь и страшно холода!» («Перепирика Н.», т. 1, с. 204). Общая оценка поэзии Н. в письме Герцена Тургеневу: «... в нем сильный талант, хотя сопряженный с какой-то злой суровостью и угловатой обрывчатостью» (Герцен в XXVI, 69).

С нач. 50-х гг. быт Н., налаженный по-барски, приобрел устоявшиеся формы. Жизнь постоянно в Петербурге, часть весны и лета Н. проводил на даче в Парголово, в Ярославле, в имениях отца — с. Алешунине (Владимир. губ.) и Грешине, гостил у Тургенева в Спасском, вместе с ним посетил Дружинина в его имении Маринском (Глов. у. Петерб. губ.). Его любимым отдыхом оставалась охота. Продолжал много работать, временами Н. испытывал приступы депрессии и старался тогда избегать людей; временами, напротив, в компании литераторов (Дружинин, В. А. Милютин, Григорович, М. Н. Лонгинов, Боткин и др.) участвовал в лит. развлечениях, названных Дружининым «чернокнижием» и с массой умолчаний, описанных им в его «Дневнике» (подробнее см.: Дружинин А. В., Повести. Дневник, М., 1986; Феоктистов, с. 33—34; ср.: Никитенко, I, 355; см. также ст. М. Н. Лонгинов).

С юности большое место в жизни Н. занимали карты. Став в 1854 чл. Англ. клуба, где он накоротке общался со мн. сановниками, Н. не

только узнавал новости и в частном порядке улаживал неприятности, постоянно грозившие «Современнику», но и вел — как правило, удачную — крупную игру, к-рая способствовала упорению его благосостояния. Уже в 70-х гг., вспомянул А. Ф. Коня, Н. в устном рассказе «довольно беспощадно к самому себе... раскрыл предо мною болезненную психологию человека, одержимого страстью к игре... неодолимо влекущую его на эту рискованную борьбу между счастьем и опытом, утешением и выдержкой, запальчивостью и хладнокровием, где главную роль играет не выигрыш, не приобретение, а своеобразное сознание своего превосходства и упоение победы» (Некрасов в восп., с. 370).

Совокупность слухов и обстоятельств, связанных с именем Н., создала ему в нек-рых (гл. обр. моск.) либеральных кругах репутацию своеобразного и «безнравственного» человека (см., напр., замечания о «нравств. несостоятельности» Н. в кн.: Чичерин Б. Н., Восп., М., 1991, с. 104); психологически более объемным было суждение Анненкова: «...никто яснее Некрасова не видел собственных проступков и прегрешений и никто не стеснялся так постоянно по раз выбранному пути, хотя бы и осужденному его совестью» (Анненков, с. 414; ср. ответ А. А. Блока на вопрос о «безнравственности» Н. в изв. анкете Чуховского: «Он был страстный человек и „барин“, этим все сказано» — Чуховский, 1930, с. 313).

Никогда не отличавшийся крепким здоровьем, с весны 1853 Н. страдал болезнью горла и почти лишился голоса; болезнь тянулась три года.

К этому времени относится ник его друж. свидания с Тургеневым (отчасти на почве сходно «мучительных» отношений его с Панасовой и Тургенева с Полиной Виардо). В письмах 1853—1856 Н. делится с Тургеневым мыслями о близкой смерти (сравнившиеся в стих. «Несжатая полоса» (1854), «Последние элегии», «Замолкни, Муза чести и печали!» (оба — 1855) и др.), пишет о «сильном и страсном» желании ехать в Крым, на заштиту Севастополя, что лучше «медленного умирания» (IX, 222; стих. «Видная ужасная война...» (1855—56), название Крымской войны 1853—56). Постепенное охлаждение их друж. отношений изменилось окончит. разрывом, вызванным ст. Добролюбова «Когда же придет настоящий день?» («Совр.», 1860, № 3) о ром. Тургенева «Накануне» (опубл. у М. Н. Каткова в «Рус. вест.», 1860). Она была написана вопреки просьбе Тургенева, что еще глубже заело писателя, не сумевшего прозреть обиды, несмотря на попытки «по-прежнему любезно» ... благодарному Н. (см. его письма от 15 янв. и 5 апр. 1861) восстаивать отношения.

Болезнь, хронологически совпавшая с поражением в войне и сменой царствования (Н. говорил о «величии совершающихся... событий» — IX, 263), заметно изменила его уединенное строение (Тургенев — Анненкову, 9 дек. 1855: «он весь проветрел и умягчился под влиянием болезни») — Тургенев в Письма, II, 328); до сер. 50-х гг. Н. «часто под влиянием здо-

бы и негодования сам рассказывал мрачные эпизоды из своей жизни. Впоследствии... он этого избегал» (Колбасин, с. 227). Летом 1855 Н. сообщил Тургеневу о замысле «писать для печати, но не при жизни моей... нечто вроде признаний или записок о моей жизни» (X, 224), горячо одобренным Тургеневым: «твоя жизнь именно из тех, которые... должны быть рассказаны», в ней «много такого, чему не одна русская душа глубоко отзовется» (Тургенев в Письма, II, 295). Этот замысел, осуществившийся лишь частично и лишь в позднейших (1877) автобиограф. набросках, говорил о потребности Н. осмыслить и свою жизнь, и судьбу своего поколения в широком ист. контексте. Первые в разрешенно этой задаче Н. приступил в публици. поэме «В. Г. Белинский» (1855) — о «жизни» интеллигента, олицетворявшего поколение, сформировавшееся в условиях николаев. режима (по ценз. условиям она впервые появилась в вольной рус. печати за границей — ПЗ, 1859, кн. 5).

Приближаясь к сорокалетнему возрасту, Н. углубился в самоанализ, сделав свою судьбу со всеми ее индивидуальными и типич. чертами предметом худож. исследования. Видевший в детстве рабство и нищету крестьян, в юности деливший жизнь гор. деклассиров. люда, Н. страшился нищеты и сочувствовал страданиям обездоленных, мучительно переживая противоречие между своей жизнью на широкую ногу и положением народа. Как упрек себе он воспринимал цельные характеры и драм. судьбы Белинского, Т. Г. Шевченко, Добролюбова, Чернышевского, М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева (кончину К. рых осликавал в эпитих. стихах), всегда признавая их непрекрасную нравств. власть над собой: «Песни вешие их недопеты, / Пали жертвой насыля, / Измен! В цвете лет; на меня их портреты / Укоризненно смотрят со стен» (стих. «Скоро стану добычею тленья...», 1876). Здесь зерно социально-этич. мировоззрения Н. Настойчивость самообличений лирич. героя — лейтмотив мн. стих. Н. — обусловлена прежде всего высотой нравств. идеала поэта.

В поэме «Саша» («Совр.», 1856, № 1; с пов. Тургеневу) Н. отказывается от «музы места и печали», преобладавшей у него до сих пор «отрицат.» интонации («Злобно сердце питаться устало — / Много в ней правды, да радости мало...») и резко переакцентирует ряд мотивов своей поэзии (ср., напр., трактовку возвращения на родину повествователя в «Саше» с тем же мотивом в стих. «Родина», а также интерпретацию любовно-матримонильного сюжета в «Саше» и сатирич. стих. 1852 «Прекрасная партия»). В этой пер-

вой своей «большой» вещи, близкой по проблематике к ром. «Рудин» Тургенева, опубли. в той же книжке журнала (С. Дудышкин: «Саша» — «тот же Рудин, только переложенный на стихи» — ОЗ, 1861, № 12, с. 87; б. п.), Н. соединил трезво критич. взгляд на тип «лишнего человека» (героя поэмы — Агарина) с утверждением его обусловленности всем ходом рус. истории («Странное племя, мудреное племя! / В нашем отечестве создало время! (...) Нужны столетия, и кровь, и борьба! / Чтб человека создать из раба»). В отличие от Чернышевского и особенно Добролюбова, он вывел в общем положитель. баланс его «разговоров», подменяющих деятельность, и как бы благословил его уход с ист. сцены, подчеркив, что молодая Россия в образе Саши обязана ему признательной памятью. Занятая Н. отстраненная позиция «повествователя» обеспечила ему возможность объемного («исторического») зрения, х-рое отныне станет существ. свойством его поэтики. В «Саше» оно сказалось в монно и мажорно написанной картине крест. России, уже превосходящей в Н. поэта нац. значимости.

Этапное (или даже «поворотное») значение «Саши» в поэзии Н. было сразу же понято совр. критикой, увидевшей его движение «в ту сторону новой лит. действительности, где происходит еще аналитич. разработка содержания нар. жизни», более свойственная прозе и будто бы ослабившая «свободные лирич. стремления его муз» (О. Колбасин (А. И. Рыков) — БЧ, 1856, № 2, отд. VI, с. 74; хотя там же (№ 9, отд. VI, с. 22) отмечалась как раз «поэтич. зоркость» Н. в «Саше»; ср.: П. С.) Лебедев — РИ, 1856, 2 июня). С разных т. з. высоко оценили поэму Тургенев, Ап. Григорьев, Толстой и др. Согласно восп. В. Н. Фитнера, радикальная молодежь вычитывала в ней «осуждение слова, не переходящего в дело» (ПСС, т. 5, М., 1932, с. 91). Наб. символично, что смысловая неоднозначность «Саши» сделала ее первым проза. Н. признавшим также в славянофильской среде; см., напр., замечание С. Т. Аксакова в письме Тургеневу от 7 февр. 1856 (Барсуков в XIV, 353) и суждение К. С. Аксакова: после энергичных стихов, пропитанных «едким инстинктом картин и чувств», в «Саше» «является также сила выражения и сила чувства, но очиненная и движимая... лучшим стремлением» (цит. по: Аксаков К. С., Аксаков И. С., Лит. критика, М., 1982, с. 212).

Частичное, в большой степени вызванное ист. «моментом», пересечение поэзии Н. с кругом идей младших славянофилов привело к тому, что первые глубокие разборы его поэтич. деятельности появились именно в их среде (чему, впрочем, способствовал и тот факт, что критики «Современника» Чернышевский и Добролюбов не считали удобным писать о творчестве издателя журнала). Приоритет в концептуальном обсуждении народности поэзии Н. принадлежал Ап. Григорьеву (ст. «Стих Некрасова» — «Время», 1862, № 7). Признавая стихи Н. «событиями», а его самого «человеком заката Кольцова» в смысле органич. близости к народу, Григорьев тем не менее считал, что «миражная цивилизация» в

ее специфич. «петербургском» варианте повлиала на «страстную натуру» Н. своими «разражающими» и даже «фальшивыми» сторонами (Григорьев в Критика, с. 460, 479 и др.). Эту цивилизационную «порчу» Григорьев видел, напр., в стих. «Влас» (1855) — о раскаявшемся злодее и стяжателе, просящем Христа ради на строительство храмов («И дают, дают прохожие... / Так из лепты трудовой / Вырастают храмы Божии / По лицу земли родной...»); признав Власа «величавым образом», Григорьев отметил неумение Н. объяснить нар. праведность иначе как следствием раскаяния в злодействе и вывести ее «из источников, вечно бьющих живыми ключами в народную натуру» (там же, с. 268). Говоря о тяготении Н. к полюсу нар. святости наряду с нечувствием ее сущностных основ, Григорьев назвал его «большим поэтом», нуждающимся в преодолении своей двойственности (там же).

Впоследствии Достоевский в мемориальном очерке о Н. в «Дневнике писателя» расценил его «потребность слиться и очиститься в народе, очиститься лишь любовью к народу» как «исход его собственной скорби по себе самом», причем этот внутренне неразрешимый духовно-психол. комплекс Достоевский считал закономерным фазисом в духовном самоопределении рус. интеллигенции и поэтому видел в Н. не частный случай, а «исторический тип» (XXVI, 193, 125, 206).

В авг. 1856 Н. впервые выехал за границу, где встретился с Панаевой. Он намеревался поправить здоровье и объясниться в Лондоне с Гершеном (к-рый отказался принять его в июне 1857) по поводу «огаревского дела», ставшего причиной разрыва с ним кружка Герцена и Н. П. Огарёва (см.: Коротков Ю. Н., Господин, который был в субботу в Фулеме. — «Прометей», т. 8, 1971, с. 179).

Еще в 1851, после развода с женой, Огарёв передал в обеспечение ей через Панаеву ценные бумаги и орловское имение Уручье, а после смерти М. Л. Огарёвой в 1853 узнал, что она получила лишь малую долю этого имущества. Против Панаевой и ее доверенного лица Н. С. Шаншина было возбуждено уголовное дело. Огарёв, Герцен, Грановский и др. сочли Н. несласким соучастником аферы. Осн. документ, проливающий свет на роль Н. в «огаревском деле», — первоисточниковая копия его письма Панаевой (сент. 1857): «...я до сих пор прирываю тебя в ужасном деле по продаже имени Огарёва. Будь покойна: этот грех я навсегда принял на себя... Твоя честь была мне дороже своей и так будет, несмотря на настоящие» («Переписка Н.», т. 1, с. 339; Некрасов в ПССИП, т. 14, раздел «Dobias»). Нек-рые исследователи (см.: Чернык; Бессонов Б. Л., Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Н. — В кн.: Некрасов, сб. в 7 т., 1980) не уверены в подлинности документа; у других она не вызвала сомнений (Богенев-Максимов, т. 3, с. 226; составитель «Переписки Н.», 1987, включил это письмо в осн. корпус). К тому же выискивавшаяся из письма картина частичной осведомленности, но полной непричастности П. к «делу» возникает и в его письме Тургеневу от 26 мая 1857: «Если вина моя в том, что я не употребил моего влия-

ния, то прежде надо бы знать, имел ли я его — особенно тогда, когда это дело разрешалось» («Переписка Н.», т. 1, с. 472). В 1859 Моск. надзорный суд постановил отыскать деньги с Панасовой и Шанинского — в случае неуплаты им грозила тюрьма. Спасла Панасову Н. в 1861 добился «мировой» и вынес 50000 руб. серебром, т. о. расплатившись репутацией и деньгами за преступную неаборосовенность близкого человека.

За границей Н. прожил до июня 1857, посетил Германию, Австрию, Италию, Францию, Англию: здоровье его несколько окрепло. В Риме он узнал об исключит. успехе своего сб. «Стихотворения» (М., 1856; Тургеневу, 6 дек. 1856: «О книге моей пишут чудеса. — голова могла бы закружиться» — X, 304). По многочисл. свидетельствам современников, подобного успеха не знал ни один поэт со времен Пушкина. Книгу от-

ли перепечатаны Чернышевским («Совр.», 1856, № 11), что власти расценили как демонстрацию, запретили упоминать книгу в печати и задержали (до 1861) ее второе издание (пензоры находили, что стихи Н. «носят чересчур демократический характер». — Никитенко, Ш, 164).

В дек. 1856 из-за дошедших до него слухов об угрозе закрытия «Современника» Н. по его выражению, «скомкал» писавшуюся им поэму «Несчастные» («Совр.», 1858, № 2). В этой неосуществленной во всей полноте замысла поэме он сблизил амнистию декабристов 1856 и начинавшуюся подготовку к отмене крепостного права и представил сб. каторгу и «несчастных» (т. е. катор-

крест. детей), куда перевез осн. часть своей библиотеки. Остальное время жил в Петербурге. Летом 1858 на даче в Оранненбауме его посетил А. Дюма-отец (описавший свои впечатления в кн.: Dum a s. A., Impressions de voyage en Russie etc., t. 5, P., 1859, p. 142—53; ср.: Панаева, с. 233—41). В это время он задумывал издание сб-ка (не сост.) о Белинском в пользу его вдовы и дочери и осуществил неск. др. издат. проектов (в частности, совм. с Н. В. Гербелем издал Поли. собр. драматич. соч. У. Шекспира в рус. переводах — т. 1—4, СПб., 1865—68). В качестве бесплатного прил. к «Современнику» за 1858 Н. разослал подписчикам перевод ром. Г. Бичер-Стоу «Жизнь дяди Тома», звучавшего злободневно в эпоху дебатов об освобождении «наших домашних негров» (Н. — Тургеневу, письмо от 25 марта 1857). С 1859 начало выходить сатирич. прил. к «Современнику» — ж. «Свисток», активными сотрудниками к-рого были сам Н. и Добролюбов.

В 1858 написано стих. «В столицах шум, гремят витии...» («Стихотворения», СПб., 1861), в к-ром поэт увидел родину в трудную минуту ее истории после поражения в Крымской войне, на пороге реформ, — здесь впервые находит выражение зрелое некрасов. отношение к России, воспринимаемой в свете бедств. ист. опыта и неясного будущего. Это одно из самых задушевных произв. Н., стоящее в одном ряду с «Родилой» Лермонтова, «Россией» Блока. Стих. «Возвращение» (1864) оказало заметное влияние на трактовку темы «уныния» и «разувращения» в отношениях поэта к родине в последующей рус. поэзии: «И ветер мне гудел неутомимо! Зачем ты здесь, изнеженный поэт? Чего от нас ты хочешь? Мимо! мимо! Ты нам чужой, тебе здесь дела нет!». По поводу поэмы «Тишина» («Совр.», 1857, № 9), сотканной из тех же тем и образов («Спасибо, сторона родная! За твой врачующий простор!»), А. С. Суворин писал, что Н. любит «не потому только, что он является грозным сатириком... а потому особенно, что он чувствует жизнь, что он нашел в ней примиряющий элемент» (РР, 1861, 31 дек., с. 805). Образ «вековой тишины» в поэме — не синонимичность или примирения с рос. действительностью, но прежде всего бытийственно значимый источник, из к-рого узавлетанная горем душа поэта, как и душа народа, черпала силы, христ. мужество в годину испытаний. Однако «врачующему простору» России противостоят город, живущий по иным законам. В стих. «Размышления у парадного подъезда» (1858; анонимно опубли. под назв. «У парадного крыльца» в «Колоколе»,

Н. А. Некрасов в группе писателей «Современника». Литография В. Ф. Тима, 1857. Слева направо внизу: Н. А. Некрасов, Д. В. Григорович, И. И. Панаев; сверху: И. С. Тургенев, В. А. Соллогуб, Л. Н. Толстой.

крывало стих. «Поэт и гражданин» (1855—56), где яснее, чем когда-либо прежде у Н., в диалоге Поэта и Гражданина — двух ипостасей единого творч. «я» — выразилось его драматич. понимание участи совр. поэта, уставшего от борьбы, гонимого обществом и «толпой». Ему, в отличие от высокого («пушкинского») образца, остается — в силу призванности своим временем, социально-напряженным и неблагоприятным. — стинств. жизн. выбор: посвятить себя поэзии гражд. служения («пользе» в ущерб «красоте»), т. е. в изв. смысле пожертвовать собой ради будущего родины («...За убеждение, за любовь / Или и гибни безупречно — / Ущерь не даром: дело прочно. / Когда под ним струится кровь...»). Сам Н., опасаясь ценз. преследований, не хотел печатать это стих. в «Современнике». Однако в его отсутствие «Поэт и гражданин» и др. стихи сб-ка бы-

ли как своего рода развернутую метафору состояния народа в целом, к-рому еще только предстоит выйти из вековой тьмы к иному существованию. Героя поэмы Крота, социально-моралиста и «учителя», чьи прототипич. черты нек-рые исследователи видят в Белинском и Достоевском (см.: Некрасов, ПССИП, т. IV, Л., 1982, с. 540—41), Н. изобразил горячим приверженцем петровских реформ («Он видел след руки Петровой / В основе каждого добра»), в чем, т. о., выявилось одно из отличий некрасовского представления о векторе нар. развития от взглядов славянофилов с их преимуществ. апелляции к исконным «началам» допетровской Руси.

По возвращении из-за границы Н. по-прежнему проводил лето на даче или в деревне. В 1861 он купил усадьбу Карабиха (Ярослав. губ.; а с. Абакумицево Н. открыл школу для

1860, 15 янв.) вопрос «Ты проснешься ль, исполненный сил?», обращенный к народу, был центральным в обществ.-полит. ситуации, сложившейся в России к тому времени. Согласно сообщениям мемуаристов, в основе стих. лежат непосредств. впечатления Н. — на его глазах прогнали просителей-крестьян от дома министра М. Н. Муравьева. В «Размышлениях...» нет и следа «примиряющего элемента»: из страстной любви к угнетенному народу рождается гражд. негодование против власти прередающих, попирающих всех, кто от них зависит. Пронзит. личная нота звучит в горьких словах Н., вызванных беспрерывной цепью правительств. гонений на его творчество и журнал: «Шелкоперов забавою! Ты народное благо зовешь». До высот наш. символич. поднимается образ нар. песни. «подобной стону». В стих. «На Волге. (Детство Валехникова)» (1860) любовное описание с детства родной Волги, олицетворяющей мощь России, контрастирует с изображением тяжелого труда бурлаков и с размышлениями о безысходном их положении; в противоречии естеств. свободы и социального гнета состоит мрачный пафос фрагмента «На Волге».

Во 2-й пол. 50-х гг. Н.-редактору пришлось сделать мучительный выбор. Пытаясь сплотить редакцию в связи с возникшими трениями, нараставшими по мере укрепления позиций Чернышевского (начал печататься в 1854, сменил затем Дружинина и Анненкова во главе отд. критики и библиограф. вопреки советам Богкина, предлагавшего на это место Григорьева) и Добролюбова (с сер. 1856), Н. 14 февр. 1856 заключил с Тургеневым, Толстым, Островским и Григоровичем «обязательное соглашение» (впервые в издат. практике), по к-рому эти писатели должны были получать долю в доходах «Современника» при условии передачи всех своих произв. в 1857 только ему. Вызванное много толков, в т. ч. о «закабалении», соглашение выполнялось плохо; надежды Н., старавшегося сохранить круг прежних авторов и сделавшего при этом ставку на «новых людей», на примирение сторон, не оправдались. Неизбежность раскола «Современника» была вызвана не только эстетич. разногласиями, но и расхождением в оценке ситуации в России в период «оттепели» (по выражению Тютчева). Из позднейших (1883) мемуарных записей Чернышевского о конфликте в ред. «Современника» и о позиции Н. в этой связи видно, что на его выбор в пользу критиков рев.-демокр. ориентации повлияли и острое чутье журналиста, и в еще большей степени — неверие в духовный потенциал представителей своего поколения, и связанная с

ним надежда на «молодых». Чернышевский особо подчеркивал полную идейную самостоятельность Н. в ходе конфликта: «Я не имел равно никакого влияния на его образ мыслей» (I, 748). Несмотря на раскол, уста «Современника», сплотившего вокруг себя свежие демокр. силы (в числе его авторов — Н. Г. Помяловский, Н. В. Успенский, В. А. Слепцов, А. Н. Плещеев, М. Е. Салтыков-Щедрин, Г. З. Елисеев, Г. Н. Потанин, Михайлов, Н. В. Шелгунов), в 1856—61 нили удачно: тираж радикализированного журнала вырос в полтора раза. Однако в 1862 за «вредное направление» он был приостановлен на 8 мес. Это явилось новым ударом

Н. А. Некрасов. 1860-е гг.

для Н., тяжело переживавшего утрату ближайших соратников (смерть Добролюбова и Панаева, арест Михайлова, а затем и Чернышевского).

Душевное состояние поэта отразилось в стих. «Рыцарь на час» (1862), в к-ром лирич. рассказ достигает пределов трагизма: «песнь покаяния» поэта, обращенная к покойной матери, воспринимается одновременно как исповедь перед родиной: «От ликоющих, праздно болтающих! Обгаряющих руки в крови! Увели меня в стан погибавших! За великое дело любви!» Обществ. жизнь России и личная жизнь Н. не давали оснований для оптимизма, и его стихи нередко кончатся мучительным вопросом или скептич. замечанием. Трагич. звучание «Рыцаря на час» усиливает «насмешливый внутренний голос», обращенный поэтом к себе и своему поколению: «Вы еще не в могиле, вы живы! Но для дела

вы мертвы давно! Суждены вам благие порывы! Но свершить ничего не дано».

Точные социальные характеристики и оценки, глубокий психологизм поэзии Н. с ее бурными страстями, пафосом одинокой, страдающей, мятушейся личности вызвали восторг, оценки мн. современников (Григорьев, Чернышевский, Г. И. Успенский, Достоевский). Со стих. «Рыцарь на час», «Размышления у парадного подъезда», «Убогая и нарядная» (1857) был связан и самый заметный публичный успех Н. Последнее прогремело на всю Россию, облетело все сены и лит. вечера: «новые звуки, новые оригинальные формы», созданные Н., стали его поэтически точным ответом на запрос переходного времени — «времени „Искры“, Оффенбаха и великих реформ — глумления над старым и создания нового» (Андреевский, с. 154, 149).

Отношение Н. к отмене крепостного права в 1861 было неоднозначным: надежда на те возможности, к-рые открываются для свободных крестьян, но и скептич. предчувствие новых испытаний для них («Знаю, на месте сетей крепостных! Люди придумали много иных» — стих. «Свобода»). Мысли о народе вызвали к жизни новые поэмы Н., обширный цикл 60-х гг. о крестьянстве. Первое произв. этого цикла «Коробейники» («Совр.», 1861, № 10) — по теме, языку, стиху, образам, фабуле близкое крестьянам, посв. «другу-приятелю» крестьянину Г. Я. Захарову, открыло серию копеечных «красных книжек» для народа (запрещена цензурой после 2-го выпуска). Природу, любовные отношения между молодыми людьми и отхожий промысел, быт и преступление — самые разные стороны жизни вобрала и художественно преобразила поэма, насыщенная нар. речениями, поговорками, приметами. Фрагмент поэмы под назв. «Коробушка» стал любимейшей нар. песней, на музыку положены мн. др. отрывки из «Коробейников». В стихе «Коробейников» Н., иногда отступая от силлабо-тонич. регулярности, предвосхитил метрико-ритмич. открытие 20 в. Оценивая поэму, Григорьев сказал: одной ее «было бы достаточно для того, чтобы убедить каждого, насколько Н. поэт почвы, поэт народный, т. е. насколько поэзия его органически связана с жизнью» (Григорьев, Критика, с. 488).

Над поэмой «Мороз, Красный нос» Н. работал в 1862—64 (первонач. ред. под назв. «Смерть Прокла» опубли. «Время», 1863, № 1). В поэме, дающей романтически-балладный образ смерти-сна («Уснул, потрудившийся в цоге! Уснул, поработав земле!»), эстетизированы глубинные черты нар. мнропонимания, об-

язовые и фольклорные формы — причитания, обычаи, суверверия, заклиняния. Противопоставление бытового и сказочного миров лежит в основе гармоничной композиции, близкой к поэтике баллады; сложнейшая система стихотв. речи с использованием песенного начала принадлежит к высшим достижениям рус. поэзии. Худож. замысел порой приходит в противоречие с житейской достоверностью: нарушение временной последовательности событий, бытового правдоподобия (косба отнесена к ранней весне, ко времени пахоты и др.).

Отличалась на публицистич. «Мороза...». В. А. Зайцев назвал Н. поэтикой народного поэтом, ибо «серой его поэзией один — рус. крестьянин». «Насколько силен протест, настолько же высок и идеал, помещенный рядом с протестом или лучше, в нем же самом» (РСЛ, 1864, № 10, с. 80, 85, см. лекции ст. Н. Н. Страхова — «Эпоха», 1864, № 11). Вместе с тем, пародируя П. картину восторга «Мороза-востоя», и особенно заключит. эпизод замерзших Дары в зиним лесу, наизысканн. ч. неминуемой художественной силой», выдвигая у Н. М. Погова догадки о своеобразии мироощущения Н., давшего от общепринятых представлений о «народности», — а финале поэмы «какое-то владоустройство истолкование ужаса самой смерти... И какое же мало имеет глубоко-ирическое творчество, чтобы из самого этого ужаса создать себе примирение, и в нем счастья на нет весь смысл человеческих узыканий?» («День», 1864, № 43; поэзия Н. Б.).

С «Коробейниками» и «Морозом...» тематически, идейно, эстетически связаны опубл. в «Современнике» большие стихи, с повествоват. основой «Орина, мать солдатская» (1864, № 2) и «Железная дорога» (1865, № 10), а также стих. «Зеленый шум» (1863, № 3) с его пантеистич. восторгом и характерным для позднего Н. пафосом приятия жизни, сосуществующим неразрывно с ощущением ее трагизма: «Люби, пока душа любится./ Терпи, пока терпится./ Прошай, пока прощается./ И — Бог тебе судья!».

Еще в 1858 Н. начал работать над циклом т. н. номерных сатир, к-рые должны были показат рус. жизнь на переломе непосредственно перед реформой и после нее. По-видимому, намечалось три цикла: «О погоде», театральные сатиры, клубные сатиры. Наиб. полно осуществлен первый цикл: в 1858—59 написана часть 1-я (сатиры I—III), в 1863—64 — ч. 2-я (сатиры V, VI; сатира IV не известна). Из театр. сатир написан «Балет» (1866; сатира IX); из клубных — «Газетная» (1865; сатира XII) и «Недавнее время» (доработана и опубл. в 1871).

«О погоде» — крупнейшее явление в рус. урбанистич. поэзии между Пушкиным и символистами. Всегда воспринимаемый горю (отчасти по контрасту с деревней) как средоточие ирраци. в испрепид совр. жизни, Н. был исключительно чуток к сил. так сказать, «эстетической» стороне: «даже в самом складе речи, торопливой, острой» (Брюсов, 1975, с. 184) в сти. стихах скальмались ритмы города. Цикл «О погоде» (осн. тема — нищета простонародия, ирраци. запущенн. средневековость на страданиях, действител. жизни и т. д.) стилистич. образы Петербурга Достоевского. Это как бы иллюстрация к

записанным П. В. Бюбровыми словам Н.: «что ли человек, то мучник, что ли животное, то трагедия!» («Звенья», т. 3/4, М.—Л., 1934, с. 658; ср. единственно этот мотив в «образе урбанистич. лирики Н. — «Утре», 1872—73). В «Газетной» (сатира озаглавлена по назв. комитата в Англ. клубе), представител. типа чиновного негодая и пестора-ретрограда, звучал один из наиб. смелых формул поэзии Н.: «Примиритесь же с Музой моей! Я не чужо другого напева./ Кто живет без печали и пира!./ Тот не любит отчины своей». В «Балете» описано осуждение дворянства, изображены банкиры, их жены в бриллиантах, безуспешно поправавшие им жены чиновников. Из сцене — зрелище, отчужденно от насущных нужд. И все это противопоставлено нар. нищете, картинам тяжелого труда и быта.

В февр. 1863 был возобновлен «Современник» (с соизволением на обложке о предстоящей публ. ром. «Что делать?»). Соредакторами Н. стали Салтыков-Щедрин, А. Н. Писнин, Елисеев, М. А. Антонович. Однако вскоре после покушения на Александра II (4 апр. 1866) Н. стало известно, что в обстановке начинавшейся реакции пр-во решило закрыть «Современник». Гр. М. Н. Муравьев в докладе царю писал о распространении журналами «всевозможных разрушительных учений, стремящихся к ниспровержению порядка и гос. управления» (ЛН, т. 87, с. 451). Н. попытался отвести удар от журнала: подписал «адрес» литераторов царю, сочинил и публично прочел стих., поев. Осипу Ив. Комиссарову («Илл. газ.», 1866, 14 апр.), в последнюю минуту спашему царя, а при вступлении Муравьева в Англ. клуб обратился к нему на обеду со стихами, к-рые сам же назвал «мадригалом» [не сохр.; стих. «Бокал заздравный поднимая...», приписываемое Н., — кантаминация двух стих. И. А. Никитина (1824—1890), правителя канцелярии Муравьева, автора кн. «Из записок» (СПб., 1905); подробнее см.: Бухштаб, 1966]. После этих шагов Н. с обвинением его в сервиллизме выступили Герцен («Колокол», 1866, 15 мая), Фет (стих. «Лже-поэту» — РВ, 1867, № 2) и др. Усилия Н. оказались напрасными — 1 июня 1866 «Современник» был закрыт навсегда. Н. до последних дней жизни корил себя за «неверный звук», слабость и растерянность (подробнее см. в кн.: Шестидесятые годы, М.,—Л., 1933; Н. в восп. и док-тах). Душевная драма поэта, оцувтившегося в полном одиночестве, выразилась в произв. 1866—67: сатирич. стих. «Суд» (1867), вызванным заменой предварт. цензуры цензурой карательной и судебными расправами над журналистами, стих. «Ликует враг, молчит в недоумение...» (1866), «Уму я скоро. Жалкое наследство...» (1867) и сценах из лирич. комедии «Медвежья охота» (ОЗ, 1868, № 9), общий замысел к-рой остался далеким от полного воплощения.

В 1869 и 1873 Н. снова путешествовал за границей (где проводил так-

же лето 1864 и весну 1867 вместе с актрисой Михайлов. т-ра французской Селиной Лефрен, с к-рой сблизился в 1863, после разрыва с Панаевой). Почти каждое лето приезжал в Карабиху (или в с. Чудовская Лука Новгород. губ., когда дела и болезни вынуждали оставаться ближе к Петербургу). Осенью 1876 лечился в Ялте. В 1870 в жизнь Н. вошла Фекла Анисимовна Викторова (1846—1915) — последняя любовь поэта; престонар. ния и отчество были заменены более литературными, ее стали называть Зинаида Ник. (ей поев. Н. поэму «Дедушка» и неск. стих., написанных во время предсмертной болезни); 4 апр. 1877 Н. с нею обвенчался (подробнее о ней см.: Ломан О. В., З. Н. Некрасова — жена и друг поэта. — «Некрасовский сб.», в. 6, Л., 1978).

В 1868 Н. возобновил ред. деятельность в ж. «Отечественные записки», взяв его в аренду у Красковского (остававшегося номинальным редактором). Направление издания и даже оформление подчеркивали связь с закрытым «Современником». Здесь сотрудничали Салтыков-Щедрин, Елисеев, Писарев, Островский, Достоевский, П. Л. Лавров, А. М. Скабичевский, Успенский, А. И. Левитов, Ф. М. Решетников, С. Н. Терпигорев (Атава) и др. В этой связи Н. пришлось пережить новые нападки. Антонович и Ю. Г. Жуковский, бывшие сотрудники «Современника», к-рых Н. не пригласил в свой новый журнал, обрушились на него с памфлетом «Материалы для характеристики совр. рус. лит-ры» (СПб., 1869), содержащим намеки на «муравьевскую» историю и обвинения в измене принципам «Современника». К ним присоединился и Тургенев, в своих «Восп. о Белинском» пытавшийся доказать, будто Н. с начала издания «Современника» стремился устранить Белинского. Хотя Салтыков-Щедрин, Елисеев и др. заступились за Н., он тяжело воспринял происшедшее. «Он прямо-таки заболел, — вспоминал один из ведущих сотрудников журнала Н. К. Михайловский. — Но самое поразительное состояло в том, что он, как-то странно занекаясь и запинаясь, пробовал что-то объяснить... и не мог; не то признавал справедливость обвинений и каялся, не то имел много возразить, но, по законенной привычке гаять все в себе, не умет» (Некрасов в восп., с. 244).

В 70-е гг. журнал Н. становится одним из осн. проводников идей народничества, крупнейшим духовным и эстетич. источником к-рого для большинства его деятелей была поэзия Н. Народнические идеи нашли отражение в поэме Н. «Дедушка» (ОЗ, 1870, № 9), стимулами для написания к-рой, возможно, послужи-

ли книги С. В. Максимова «Ссылные и тюрьмы» (1862). А. Е. Розена «Записки декабриста» (1870), а также приезд в Петербург декабриста М. А. Бестужева и знакомство Н. с его «Записками». Через восприятие генерала-декабриста, старца с чертами апостольской доброты, смирения, любви к народу, веры в его силы и счастливого будущего, вник узнает о неведомых ему сторонах жизни России, ее народа — в бедности и богатстве, в ярме и на воле. Показаны плодотворный труд и свободная жизнь крестьян-раскольников, сосланных в Сибирь, в трудно доступный властям Тарбагатай, захиточный быт людей, к-рые «трезво и честно живут», — одна из немногих у Н. картин сбывшегося нар. счастья.

«Дедушка» открывает цикл декабристских поэм 1871—72 «Русские женщины». Н. был первым рус. писателем, обратившимся к политически острой теме декабризма, к-рая в скрытой форме затрагивалась им еще в «Несчастных». Публикуя поэму «Княгиня Трубецкая» (ОЗ, 1872, № 4), Н. писал: «Если на самое событие (т. е. восстание 14 дек.) можно смотреть с разных точек зрения, то нельзя не согласиться, что самоотвержение, выказанное (женами декабристов), останется навсегда свидетельством великих душевных сил, присущих русской женщине, и есть прямое достоинство поэзии» (там же, с. 577). В отличие от поэмы «Мороз, Красный Нос», где судьба рус. женщины художественно воссоздается «без тенденции и направления», поэмы декабристского цикла прямо связаны с исканиями передовой рус. интеллигенции накануне «хождения в народ». Н. не только указал на преемственную связь двух поколений деятелей освободит. движения, но дал новой генерации революционеров, нуждавшейся в новых святах и новых житиях, высокохудож. образы героев предыдущей эпохи. Работая над циклом (в планах Н. было создание и третьей поэмы с А. Г. Муравьевой в качестве центр. лица), он использовал соч. декабристов, печатавшиеся в «Рус. старине», «Записки» Н. В. Басаргина, зарубежные изд. мемуаров декабристов и др. источники. Исключит. значение имело знакомство Н. с «Записками» кн. М. Н. Волконской; поэма «Княгиня М. Н. Волконская» (ОЗ, 1873, № 1) частично является пересказом ее мемуаров. Эта поэма. писал он брату Федору, имела у читателей «такой успех, какого не имело ни одно из моих прежних писаний» (ХI, 240), однако критика не была единодушной: Достоевский говорил о «мушкетерности мысли, слога» («Гражданин», 1873, № 13, с. 425); в то же время Скабичевский охарактеризовал ее как одно из вершинных созданий Н. и всей

рус. лит-ры последнего времени (ОЗ, 1877, № 3; см. также положит. отзыв А. С. Суворина — НВ, 1873, 6 февр.).

Характерное для поэтики этих произв. контрастное противопоставление двух миров: сны, воспоминания о беспечном прошлом — и суровая бесконечность зимнего пути; живописные картины итал. юга («Страна античных, смуглых дев...») — и каторжная Сибирь («Зачем, проклятая страна, найдет тебя Ермак?») — формирует атмосферу нравств. выбора и жертвенного самоотречения. Исполняя прежде всего нравств. долг, декабристки не являются полн. единомышленницами своих мужей, но высотой своего служения придают их делу не только особую ист. значительность, но и символич. значимость (во имя к-рой Н. сознательно идет порой на нарушение фактич. достоверности). Так, целование оков (нек-рые критики видели в нем «фальшивый „гражданский“ эффект» — В. П. Буренин, СПбВед. 1873, 27 янв.) для Н. — кульминационный момент поэмы, когда наступает «святая тишина» (один из ключевых образов его поэзии в целом).

Поэмы 2-й пол. 60—70-х гг. создавались одновременно с гл. трудом — крест. эпопеей (как ее называл Н.) «Кому на Руси жить хорошо» (начала ок. 1863). Незадолго до кончины, сокращаясь о том, что оставляет свою поэму незавершенной, он говорил друзьям, что хотел вложить в нее весь свой опыт изучения народа, «все сведения о нем, накопленные... по словечку в течение 20-ти лет» (цит. по: Успенский, VI, 179). Вопрос о нар. счастье и несчастье, вынесенный в назв. поэмы, всегда волновал Н. и героев его произв.: «Народ освобожден, но счастлива ли народ?» («Элегия», 1874), «Где же ты, тайна довольства народного?» («Как празднуют трусу», 1876) и др. О счастье мечтают и герои стих. Н. «Дума» (1861), Катеринишка в «Коробейниках», Даря в «Морозе...», Вопросы «убогого странника»: «... мужик, ты тепло ли живешь?», «хорошо ли ешь, пьешь?», «что я кабак ты идешь?» — предвосхищают глобальный вопрос, поставленный в эпопее.

Незавершенность поэмы (и даже гипотетичность композиционной последовательности ее четырех частей) — не только данность, но и существенная особенность ее структуры как произв. открытого. Композиция поэмы-странствия, поэмы-путешествия, позволяющая создавать широкую пространственно-временную панораму действительности (ср. стихотв. обозначения нач. 40-х гг., «Ночерные сатиры» и поэму «Современники»), отвечала глубинным особенностям психологии творчества поэта, опиравшегося на традицию рус.

лит-ры («Мертвые души» Гоголя). Такая композиция предоставляла новые возможности для худож. осмысления осн. героя — рус. крестьянства в эпоху существенных преобразований в его жизни, эпоху надежд и разочарований, крушения векового уклада и становления нового порядка и самосознания: «Дорога стоголосая/ Гудит! Что море синее/ Смолкает, подымается/ Народная молва». Сказочный зачин — семеро крестьян отправляются на поиски счастливого (в какой-то степени замаскированный из нар. сказки о правде и кривде — см.: Миллер О., Публичные лекции, 2-е изд., СПб., 1878, с. 332) — создает худож. атмосферу, совмещающую эпич. начало и современность, с ее трагическ-серьезными и комич. сторонами. В спор о том, «кому живется весело, выгодно на Руси», по ходу сюжета вовлекаются не только все сословия и категории населения — крестьяне, помещики, служители церкви, купцы, мещане, но и природа с ее полусказочными персонажами (важный элемент сюжета — чудесная пеничка, говорящая человек. языком). Нар. миропонимание, концентрированно выраженное в фольклоре (в поэму органично впадены нар. песни, духовные стихи, причитания, поверья, предания), раскрывается и в судьбах героев поэмы, приобретающих в ее контексте эпич. масштабы: нар. трибуна и философ Якима Ногого, бесстрашного правдолюбца Ермаила Гирина, многострадальной и мудрой Матрены Тимофеевны (ей посв. самая большая часть произв. — апофеоз темы рус. женщины у Н.), могучего бунтаря Савелия. Вне фольклорной поэтики невозможно представить и Гришу Добролюбова, полигнетич. образ, вобравший и автобиогр., и социально значимый материал, и черты Добролюбова (свидетельство Буткевич). Размер поэмы, нерифмованный трехстопный ямб, с дактилич. и редкими муж. окончаниями, парадоксально скрещивает традиции народн.-песенного стиха (от Кольцова, через «Зеленый шум») и говорного куплетного. Худож. синтез эпопеей, раскрывшей все многообразие крест. жизни, глубже, содержательнее какого бы то ни было однозначного «ответа» (в России счастливых нет — плохо всем; счастлив только «спившийся с кругу человек», забывший все свои беды; счастлив нар. заступник), к-рый на разных этапах работы виделся самому Н.

Совр. критика встретила опублик. фрагменты поэмы сдержанно. В. Г. Ассолько пронизировал над талозадастью обличения крепост. права («ровно через 12 лет после его отмены»), усматривая в произв. Н. «волевые отношения к народу», «судреальные подлости», «плоский и грязный, минималистич. тон» (РВ, 1874, № 7, с. 441, 440, 443; см. также: «Рус. мир».

1874, 1 марта). Главой первой части Буренин считал «слабыми и прозрачными в целом, беспрепятственно отглаживаемую пошлостью и только местами представляющими нет-рвые достоинства», лучшей главой называл «Последний»: анекдот здесь «возведен художником на степень события, милого широкое и глубокое жизненное значение» (СПбВед. 1873, 10 марта). П. Н. Барсов обратил внимание на близость насмешливо-презрительных отысков о духовном соловии (гл. «Пон») ив. высказываниям Белинского в «Письме к Гоголю» («Христ. чтение», 1874, № 3, с. 494—98; подпись Н. Б.). Критики др. идейной ориентации увидели в прозе Н. «соответствие высших классов общества к простому ладу, его нуждам и потребностям» (М. Великий — «Киев. телеграф», 1869, 19 мая), высоко оценив его «худож. достоинств» («Journal de St-Petersbourg», 1874, 27 janv.).

В сб. «Стихотворения» (1856), неоднократно переизданном (6-е изд., т. 1—3, СПб., 1873—74) и каждый раз дополняемом, окончательно сложилась система новаторской поэтики Н., к-рая определяется двумя расходящимися тенденциями — к прозе и к песне (и то и другое ощущалось как предельная естественность речи). Первая тенденция преобладает в стихах на гор. тем. (цикл сатир: «Производитель работ/ Акционерной компании./ Славший недавно отчет/ В общем годовичном собрании...»), вторая — в стихах на крест. тем. При необходимости они контрастно перебивают друг друга (предсмертные видения Дарьи в контексте «Мороза, Красного носа»; вставные песни в последней части «Кому на Руси жить хорошо»; полиметрия «Современников»). В личной лирике, наоборот, они совмещаются чаще с преобладанием несинного начала («заунывные» интонации, по обычаю определению критики: «... одинокий, потерянный...» (1860), «Рыцарь на час», «Что ни год — уменьшаются силы...»). Чтобы отойти от традиц. поэтич. смысловых ассоциаций, Н. уделяет много внимания трехсложным стихотв. размерам, не имеющим далекой традиции, а более традиц. размеры применяет к самому непривычному материалу: традиц. элегич. размер в «Коробейниках», балладные — в «Русских женщинах», «Псовой охоте», «Саше», «Эй, Иван!» (1867), песенный — в стих. «В деревне», размер лермонтовских «Тучек небесных» — в «Литературе с грескучими фразами...» (1862). Сперва это звучало как пародия, потом как нейтральный общепригодный поэтич. язык. На этом фоне нетипичными кажутся обращения Н. к традиц. романтич. стилю и стилю («Тышина», «На Волге», «Уныние» (1874), «Мать» и др.).

Прибл. в апр. 1876 Н. почувствовал первые признаки болезни (рак прямой кишки), к-рая полтора года спустя, после тяжелых мучений (в марте 1877 ему была произведена операция, на короткое время отложившая неизбежный исход) свела его в могилу. Трагич. «песням» (ср. его «песню, подобную стогу»), со-

зданным в это время, присуща убедительность последнего слова, сказанного «у двери гроба», — «страстное, последнее в жизни желание раскрыть тайну этой жизни, может быть даже не нам, слушателям этой единственной в своем роде исповеди, а самому себе» (Михайловский Н. К., Лит. восп. и совр. смута, т. 1, СПб., 1900, с. 84). Творчество ощущается поэтом как единственная сила, способная заставить забыть о надвигающейся смерти и преодолеть страдания, и вместе с тем как источник новых страданий и тревог. Мир Н. и в этих лирич. стихах противоречив и драматичен: сознание ожидающей поэта славы — и чувство вины и грядущего бесславия; кровная связь его Музы с народом — и горечь «чуждости» между ними; казалось бы, не-

Н. А. Некрасов «Последние песни», СПб., 1877. Обложка.

уместный в такие минуты протест — и примирение: «Скоро покину обитель печали./ Вечные спутники русской души —/ Ненависть, страх — замолчали». Предсмертные лирич. стихи вошли в кн. «Последние песни» (СПб., 1877) наряду с сатирич. поэмой «Современники» (первоначально опубли.: ч. 1 — ОЗ, 1875, № 8; ч. 2 — 1876, № 1) и отрывками из поэмы «Мать». Соединение лирич. и сатирич. начал, характерное для поэзии Н. в целом, в последней книге приобретает особую значимость. Оба эти начала сосуществуют в книге не в «автономных» жанровых пределах, а в худож. взаимодействии: тема смерти в лирике и предчувствие крушения России в «Современниках». Сатирич. поэма, вобравшая в себя наиб. острые проблемы пореформенной России, представляет собой гротескную «фантазию совр. вальпур-

гивевои ночи» (Вс. Соловьев — «Рус. мир», 1876, 1 февр.). Композиция строится на подчеркнуто условном приеме: повествователь в изв. ресторане слышит речи, тосты, исповеди, споры «юбиляров и триумфаторов» (ч. 1) и «героев времени» (ч. 2) — плутократов, объедат. развратников, гастрономов-энликурейцев, — раскрывающие их полнокровную. При переходе от одного персонажа к другому меняются слог, стихотв. размер, строфика, организация текста. Своеобразный символ времени — гротескный проект «Центрального Дома Терпимости». Впечатление мучительной личной выстраданности проблематики поэмы позволило внимат. современнику назвать ее «междуарим необычайно умного человека» (Андреескии, с. 159). Скабичевский отмечал у Н. «краски мрачнее ювеналовских» (БВед. 1876, 30 янв.). Высоко оценил поэму Салтыков-Шедрин, к-рого она поразила «своею силою и правдою... Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне утрированность — все это отлично задумано и отлично выполнено» (XVIII, кн. 2, с. 255).

Заключают кн. «Последних песен» отрывки из романтич. поэмы «Мать» — одного из самых задушевных (и вместе с тем самых недосказанных) произв. Н., к работе над к-рым он приступал неск. раз, начиная с сер. 50-х гг. Желая исполнить последний сыновний долг и не надеясь вернуться к творчеству после операции («из страха и нерешительности» и за потерю памяти) (Некрасов, II, 26), Н. отдал поэму в печать незавершенной. В классич. рус. поэзии именно Н. принадлежит приоритет глубокой разработки этой тем.: «Внимая ужасам войны...», «Орина, мать солдатская», гл. «Крестьянка» из «Кому на Руси...». Восп. о своей рано умершей матери, судьба к-рой была для поэта источником самопознания, запечатлелись в стих. «Родина», «Рыцарь на час», «Баюшки-баю» (1877) и др.

Над могилой Н. речи говорили Достоевский, Г. В. Плеханов и мн. др. Достоевский сравнил Н. с Пушкиным — холодежь закричала: «Он был выше Пушкина!» Как бы предвидя острые споры о своем месте в рус. поэзии, Н. писал: «Много истраять задора горячего/ Все над могилой моей./ Родина милая, сына лежачего/ Благослови, а не бей!..» Но больше, чем «спор о первенстве, которого многие тогда и не замечали», вспоминал В. Г. Короленко, присутствовавший на похоронах, на слушателем произвело впечатление «то место, когда Достоевский своим проникновенно-пророческим, как мне казалось, голосом назвал Некрасова последним великим поэтом из „доспод“» (Короленко В. Г., История

моего современника, кн. 1—2. М., 1948. с. 434).

Изд.: Стихотворения. т. 1—4. СПб. 1879: ПССНП, т. 1—12. М., 1948—52; Полн. собр. стих., т. 1—3. Л., 1967 (БПБ); ПССНП (в 15 т.), т. 1—13 (кн. 2) — Л., СПб., 1981—98; Архив села Карабины: Письма М. и Н. М., 1916; Найд. произведения. СПб., 1918; Найд. стихотворения, варианты и письма. Л., 1922; ЗапБЛ, в. 9 — Н. А. Некрасов. Д. И. Писарев. М., 1940; Из деловых бумаг Н. — ЛА, т. 4. М.—Л., 1953; Последние песни. М., 1974 (ЛП); ст. и комм. Г. В. Краснова; Песни и романсы; Перепишка Н., т. 1—2. М., 1987 (вступ. ст. Г. В. Краснова, сост. и комм. его же. В. А. Викторевича, Н. М. Фортунатова); Стихотворения 1856. М., 1987 (ЛП); книга писем: под. и изд. Н. Подольской; «Да, только здесь могу я быть поэтом!». Избранное. Я., 1996.

Биогр. мат-лы: Белоголовый Н. А., Боленин Н. — В его кн.: Восп. и др. статьи. 2-е изд., М., 1897. с. 453—56; Брюсов В. Я., Н. и Тютчев. — РА. 1900. кн. 1: его же. По поводу 25-летия со дня смерти Н. — РА. 1903. кн. 1: Колпаковский Е. Тени старого «Современника». Из восп. о Н. — «Совр.», 1911. № 8; Чуковский К. И., Поэтури поэта. — «Минувшие дни», 1928. № 2. с. 10—29; его же. Рассказы о Н. М., 1930; Иессерлин Е. М., Хмельницкий Т. Ю. (сост.). Н. в восп. и док-тах. Л., 1930; Чернык Я. С., Огарев. Н., Герцен, Чернышевский в эпосе об огаревском счастье. По арх. мат-лам. М.—Л., 1933; А. Шухин Н. С. Как работал Н. М., 1933; его же. Летомские жизни и творчество Н. М., 1935; его же. Библиолика Н. — ЛН, т. 33/34; Евгенъев-Максимов В. Е. «Современник» в 40—50-х гг., Л., 1934; его же. Жизнь и деятельность Н. т. 1—3. М.—Л., 1947—52; его же (сост.). Н. в портретах и изд., 2-е изд., Л., 1950; Михайлова А. Н., Рукосниц Н. Каталог. Л., 1940; Любимова В. С., Некрасов Н. А. (1821—1878). Опыт документальных мат-лов личного фонда. М., 1949 (ИГАЛИ); Максимович А. Я., Рукосниц Н. в Ин-те рус. лит-ры (ИИЛ) АН СССР. — «Бюллетень РО ПД», в. 3. М.—Л., 1952; Григорьев К. Н., Ключкова Л. П., Мордовченко Е. Д., Деловые бумаги и переписка Н. — Там же, в. 4. М.—Л., 1953; Н. А. Некрасов. Жизнь и творчество. Албум. М., 1955 (сост. М. М. Каламузина); Гаркави А. М., Н. в борьбе с царской цензурой, Калининград, 1966; Попов А. В., Начало творч. роза Н. — В кн.: О Некрасове, в. 2. Я., 1968; Рейсер С. А., Н. в Петерб. уяз. — ЛН, т. 49/50; Некрасов в восп.; Некрасов Н. К., Некрасовские места России. Я., 1971; Жаданов В. В., Некрасов, М., 1971; его же. Жизнь Н., 1981; Гин М. М., Последняя страница «золотого» детства поэта. — В кн.: Н. и рус. лит-ра. Кострома, 1974; Демидов В. К., Огаревское дело. — РЛ, 1974. № 4; Емельянов Н. П., «Отечествен. зап.» Н. (1868—1877). Л., 1977; Смирнов В. А., Изучение биографии Н. (1950—1970-е гг.). РЛ, 1978. № 1; Бессонов Б. Л., Когда и где родился Н.? — РЛ, 1982. № 2; его же. По поводу одной публикации. — В кн.: Некрасовский сб., [в. 8]. Л., 1983; его же. [Из истории рода Некрасовых]. — РЛ, 1984. № 3. с. 254—55; В краю моего родного. Некрасовские места России. Фотоальбом. М., 1984 (сост. и зап. текста Н. К. Некрасов); Ломан О. В., Н. в Петербурге. Л., 1985; Тарасов А. Ф., Н. в Карахибе, 3-е изд., Я., 1989; Краснов Г. В., В последний путь... («Уход» Н. Достоевского. Тургенева). — «Литка», в. 4. М.—СПб., 1994; Скатов Н. Н., Некрасов, М., 1994 (ЖЗЛ); Яковлев В. И., Гусев отцов. Я., 1996; Мельгунов Б. В., «Всему начало здесь...» (Н. и Ярославль). Я., 1997.

Лит.: Беллинский; Чернышевский; Добролюбов; Герцен; Тургенев; Достоевский; Григорьев; Фоктистов (все — ук.); Голубев А. Н., Некрасов. СПб., 1878; Страхов Н. Н. и Полонский. — В его кн.: Заметки о Пушкине и др. поэтах. СПб., 1888; Брюсов В. Я., Н. как поэт города. — Собр. соч., т. 6. М., 1975; Пупин А. Н., Н. А. Некрасов. СПб., 1905; Покровский В. И. (сост.), Н. А. Некрасов. Его жизнь и соч. Сб. ист.-лит. ст. М., 1906; Зелинский В. (сост.), Сб. критич. статей о Н., 3-е изд., ч. 1—2. М., 1906—14; Андриевский С. А., Лит. очерки. 4-е изд., СПб., 1913; Ев-

генъев-Максимов В. Е. (сост.), Н. А. Некрасов. Сб. ст. и мат-лов. М., 1914; Мережковский Д. С., Два тайны рус. поэзии. Н. и Тютчев. П., 1915; Некрасовский сб., П., 1918; Некрасовский сб., П., 1922; Некрасовский сб., Я., 1922; Некрасовский сб., [в. 1]—10. Л.—М., 1951—88; Словинский А., Н. и Маяковский. — «Кн. и революция», 1921. № 2; Чуковский К. И., Н. как художник. П., 1922; его же, Некрасов. Ст. и мат-лы. Л., 1926; его же, Мастерство Н. М., 1971; его же. Несоборные статьи о Н., Калининград, 1974; Луначарский А. В., Пупкин и П. — В его кн.: Лит. силуэты. 2-е изд., М., 1925; его же. Н. и место поэта в жизни. — В его кн.: Рус. лит-ра. Избр. ст., М., 1947; Шимкевич К., Бенедиктов Н., Фет. — В кн.: Поэтика. Сб. ст., Л., 1929 (Временник отз. словесных иск-в Гос. ин-та истории иск-в, в. 5); Творчество Н. Сб. ст., М., 1938; Н. А. Некрасов. Сб. ст. и мат-лов. Л., 1938; Н. в рус. критике. М., 1944 (сост. А. Еюлин); Н. и театр. Л.—М., 1948; Фролова Т. Д., Незавершенный сатирик. цикл Н. — В кн.: Некрасовский сб., [в. 1]. М.—Л., 1951; Плекханов Г. В., Н. А. Некрасов. — В его кн.: Лит-ра и эстетика, т. 2. М., 1958; О Некрасове, в. 1—4. Я., 1958—75; Степанов Н. Л., Изучение поэтик. мастерства Н. — РЛ, 1958. № 3; его же. Н. и сов. поэзия. М., 1966; его же. Н. А. Некрасов. Жизнь и творчество. 2-е изд., М., 1971; Твардовский А. Т., Запятая книга. — В его кн.: Ст. и заметки о лит-ре. М., 1961; Червяковский С. А., Обзор иссл. поэм «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Некрасовский сб., [в. 3]. М.—Л., 1960; Гайдасюк Н. М., Поэтик. своеобразия лирика Н. 40-х и 50-х гг. — «Уч. зап. МПН», М., 1961. № 160; Корман Б. О., Лирика Н., Воронеж, 1964. 2-е изд., Ижевск, 1978; Бухштаб Б. Я., Библиография по рус. лит-ре XIX в., М., 1966. с. 109—16; его же. Н. А. Некрасов. Л., 1989; его же. Н. А. Некрасов. (Проблемы творчества). Л., 1989 (послед. Б. Ф. Егоров); Груздев А. И., Поэма Н. «Кому на Руси жить хорошо». М.—Л., 1966; его же. Декабристский цикл поэм Н., Л., 1976; Григорьев А. Л., Н. за рубежом. (Итоги и проблемы изучения Н. в совр. заруб. лит-ве). — РЛ, 1967. № 4; Коин А. Ф., Мотивы и приемы творчества Н. — Собр. соч., т. 6. М., 1968; Скатов Н. Н., Поэты некрасовской школы. Л., 1968; его же. «Я лиру посвятил народу своему». М., 1985; его же. Некрасов. Современник и продолжатель. М., 1986; Журко Ф. М., Поэма Н. «Кому на Руси жить хорошо». М., 1968; Эйденбаум Б. М., Некрасов. — В его кн.: О поэзии. Л., 1969; Рейсер С. А., Строфа в поэме Н. «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Рус. соч. поэзия и стихосложение. М., 1969; его же. Словарь трехстопного ямба поэм Н. «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Труды по языковому системат. [т. 4]. Тарту, 1969; его же. Трехстопный ямба поэм Н. «Кому на Руси жить хорошо». — В кн.: Н. и рус. лит-ра. Кострома, 1974; Розанов Л. А., Поэма Н. «Кому на Руси жить хорошо». Кемп., Л., 1970; ее же. Н. и рус. рабочая поэзия. Я., 1973; Власов М. Ф., О языке и стиле Н., Пермь, 1970; его же. Изучение языка и стиля Н. в сов. эпоху. — «Уч. зап. Перм. гос. ун-та», 1970. № 214; Лебедев Ю. В., Н. и рус. поэма 1840—1850 гг., Я., 1971; Чалый Д. В., Н. и укр. докт. поэтик. К., 1971; Гин М. М., От факта к образу и сюжету. О поэзии Н. М., 1971; его же. Достоевский и Н. Два мировосприятия. Петрозаводск, 1985; Турбин Н. М., Гражданин и поэт. — НМ, 1971. № 12; Н. и лит-ра народов Сов. Союза. Ер., 1972; Гинзбург Л. Я., О лирике. 2-е изд., Л., 1974; Гришунина А. Л., «Родина» Н. в ряду поэтич. произв. о «возвращении на родину». — В кн.: Н. и его время. [в. 1]. Калининград, 1975; Н. и его время, в. 1—7, Калининград, 1975—83; Чарькова Т. С., Фольклорный вариант ст. Н. «Размышления у парадного подъезда». — В кн.: Н. и рус. лит-ра. [в. 2]. Я., 1975; ее же. Кини о Н. пост. лет. — РЛ, 1982. № 1; Басевский В. С., К эволюции стиха некрасовской лирики. — В кн.: Н. и русская лит-ра, в. 40. Я., 1975; его же. Н. о семье. — Там же, в. 43. Я., 1976; Гаспаров М. Л., Н. в истории рус. рифм. — Там же; его же. Очерк истории рус. стиха. М., 1984; Рузнев П. А., Метрич. репертуар Н. — «Уч. зап. ТГУ», 1975. в. 358; его же. Поэтич. композиции Н. — В кн.: Н. и рус.

лит-ра, в. 40. Я., 1975; Н. и рус. лит-ра. Я., 1977; Туманов Ю. П., Стиховые формы П. — В его кн.: Поэтика. История лит-ры. Кемп., М., 1977; Бойко М., Лирика Н. М., 1977; Теплинский М. В., Из творч. лабораторий П. — В кн.: Н. и его время. [в. 2]. Калининград, 1977; Влияние творчества Н. на рус. поэзию. Я., 1978; Гаркави А. М., Лирика Н. и проблемы реализма в лирик. поэзии. Калининград, 1979; Н. и рус. лит-ра второй пол. XIX — нач. XX вв., Я., 1979; Некрасов Н. К., По их следам, по их дорогам. Н. и его герои. 2-е изд., М., 1979; его же. Сейте разумное... Очерки о жизни и творчестве Н. М., 1989; Прошкин В. Г., Н. А. Некрасов. Путь к эпохе. Уфа, 1979; Жаанов В. В., Проблемы решения и нерешенные. — ВЛ, 1980. № 3; Саногов В. А., Анализ худож. произведения. Поэма Н. «Мороз, Красный нос». Я., 1980; Григорьев А. Д., Иванова Н. Н., Язык лирики XIX в. Пушкин, Некрасов, М., 1981; Краснов Г. В., Последние песни. М., 1981; Некрасов Н. К., «Проблема лит. контекста и сб. Н. «Сатиры и песни». Калининград, 1981 (ж.); Редз Я., Лирика Н. в школьном изучении. М., 1982; Маллер Л. М., Метрика Н. и традиции рус. стиха. М., 1982 (ж.); Н. и современность. Я., 1984 (сост. Л. А. Розанов); Некрасовские традиции в истории рус. и сов. лит-ры. Я., 1985; Лит-ра некрасовских журналистов. Иваново, 1987; Лотман М. Ю., Рус. стили. Семантика стил. мэтра в рус. поэзии второй пол. XIX в. (А. А. Фет и П.). — В кн.: Słowianska metryka porównawcza. III. Semantyka form wierszowych, Wrocław [Lj.], 1988; Мельгунов Б. В., Журналист. Л., 1989; его же. Н. и Беллинский в «Лит. газет». Я., 1995; Мочульская К. Н., А. Некрасов. — «Независимая газета», 1993. 25 мая; Березина А. Н., Премьеры сечи в рус. поэзии: М. Ю. Лермонтов и Н. Серапов. 1994; Ивайда А., Рус. поэма: четыре сюжета [«Мороз, Красный нос» Н.]. — «Октябрь», 1996. № 8; Розанов В. В., Последние листы. 1916 год. — ИИ, № 45, 1998. с. 35; ЛН, т. 49/50, 51/52; Colbet Ch., Nekrasov, l'homme et le poète, P., 1948; Perrard M. V., N. Nekrasov, His life and poetic art. The Hague — P., 1968. + Дернова В., Библио и хронологич. соч. Н. — В кн.: Некрасовский сб., П., 1918 (зап. по 1828—77); Добролюбовский Л. М., Лавров В. М., Библио-библиография Н. — ЛН, т. 53/54; их же. Библио-лит-ры о Н. 1917—1952. М.—Л., 1953; Гин М. М., Евгеньев-Максимов В. Е., Семинарий по Н. Л., 1955; Рус. писатели второй пол. XIX — нач. XX вв. (до 1917 г.). Рекоменд. библиогр. ч. 2. М., 1958; Дуляева К. П., Рудаков Г. М., Новиков Л. П., Библио-лит-ры о Н. за 1953—58 гг. — В кн.: Некрасовский сб., в. 3. М.—Л., 1960; Петрова Г. А., Некрасов. Издание произв. и лит-ры о нем. 1960—1971. М., 1971; Дуляева К. П., Библио-лит-ры о Н. за 1959—1969 гг. — В кн.: Н. и рус. лит-ра. М., 1971; Мостовская Н. Н., Библио-лит-ры о Н. 1970—1974. — В кн.: Некрасовский сб., в. 6. Л., 1978; ее же. Библио-лит-ры о Н. 1975—1986. — В кн.: Некрасовский сб., [в. 9]. Л., 1986; Паршина В. А., Указатель слов в поэзии, произведениях Н., Я., 1983—86; Ивайда Г. К., Н. в музыке. М., 1972 (ж.); Ивайда; ИРДТ; Боград. ОЗ (1. 2); Боград. «Совр.», Муратов (1); Маслов.

Архивы: ИРГАЛИ, ф. 338; ИРЛИ, ф. 202; ИТБ, ф. 195; РНБ, ф. 814; ПИТМ, ф. 187; Ярослав. мемориальный музей Н. (с. Карабины). л. ф. Чернигов. ист. музей. № 547; Музей-квартира Н. А. Некрасова (СПб.), документ. фонд. л. 10. № 64 (в т. ч. мат-лы, собранные А. В. Поповым); ПЛМ, ф. 230, оп. 1. № 24 (работа Н. П. Чулкова «Предаки Н.»); ИРГАДА, ф. 388, л. 868, л. 18 об.—20 об. (прощение леза Н. в Разрядносенатский архив о подтверждении ему похороненной росписи и ответ на прошение) (справка С. Р. Дотловой). В. С. Лапушев

НЕКРАСОВА Екатерина Степановна [15(27).1.1847, Москва — 13(26).1.1905, там же; похоронена на Новодевичьем кладб.], журналист, историк лит-ры. Из семьи священника. После его смерти (1850) матери удалось, несмотря на тяжелую нужду, дать всем шестерым детям образование (сын Иван стал проф. Моск.

ун-та). Н., окончив частное уч. заведение Н. Т. Добринской, в 1865 выдержала в Моск. ун-те экзамен на звание дом. учительницы и зарабатывала на жизнь частными уроками. В 1868 сестры Некрасовы были одними из инициаторов создания в Москве Высших жен. курсов; в кн. «Из прошлого женских курсов» (М., 1886) Н. передает неповторимую атмосферу жизни первых студенток Москвы и Петербурга. Однако окончить полный курс самой Н. не удалось: пед. деятельность не оставляла времени для регулярных занятий. С тех пор Н. сохранила знакомство с моск. профессорским крутом: Ал. Н. и Ал.-дром Н. Веселовскими, Н. И. Костомаровым, В. И. Герье и др.

В 1877 после смерти любимой сестры Варвары (о ней — кн. «Жизнь студентки», М., 1903), одной из первых женщин-врачей (попытка от тифа на рус.-тур. войне; печалала свои корреспонденции в «Рус. газ.» под псевд. Студентка; некролог там же, 1878, 10 янв.; неверно указано имя), Н. переживает тяжелый душевный кризис. Возобладавшая в ней жажда жертвенного обществ. служения постепенно поглощает ее стремление к образованию, науч. деятельности. При этом она оставляет, как это ни парадоксально, «жертвенную» профессию учительницы и целиком отдается журналистике.

В 1873 Н. сотрудничала в «Рус. архиве». В 1877—78 заведует одним из отделов «Рус. газ.»; с 1883 — фельетонист в «Рус. вед.». В 1882—83 печатает критич. статьи под рубрикой «О новых книгах» в ж. «Рус. мысль». В ее разборах звучит глубокая убежденность в том, что «правильное» общество, устройство и технич. прогресс изменяет жизнь к лучшему и «общая сумма горя значительно уменьшится» (РМ, 1882, № 11, с. 63). Видя цель иск-ва в преображении общества, Н. требовала от лит. произв. прежде всего нравств. идеала, гуманных чувств, ради к-рых готова была простить автору отсутствие худож. достоинств. Ее прилезают проповедь «малых дел» В. Крестовского (псевд. Н. Д. Хвошинской; РМ, 1883, № 9), чуткость В. М. Гаршина, этого «лирика в прозе», ко всякой обществ. несправедливости (при этом Н. не принимает его аллегорич. рассказов, считая, что художник должен «говорить без обиняков», — РМ, 1882, № 11, с. 70). Выше всего она ценит произв. М. Е. Салтыкова-Щедрина и Г. И. Успенского за верность изображению и оценки действительности (в отличие, напр., от А. И. Эртеля, растрачивающего дар слова на «музыку пустых звуков», — РМ, 1883, № 9, с. 88). С 1883 Н. — чл. ОРРС.

С названными выше и мн. другими писателями Н. была близко знакома,

оставила о них восп., насыщенные конкретными жизненными подробностями [см.: Салтыков-Щедрин в восп.; «К. М. Станюкович» (РМ, 1903, № 10); «Г. И. Успенский. Его беседы и письма» (РМ, 1902, № 9); в л. ф. Н. (РГБ) сохр. заметки о мн. изв. современниках, дневниковые записи о прочитанных книгах, сб. «Анекдоты»]. Особенно нежная дружба, связывавшая Н. с Успенским, была прервана в 1885 после попытки Н. придать их отношениям интимный характер (дневник Н. — РГБ; см. также в кн.: Г. Успенский в жизни. М.—Л., 1935, с. 583; Г. Успенский, М., 1939, с. 412, 443); после этого Н. оставила мечты о лич-

ном счастье и полностью погрузилась в обществ. жизнь.

С 1884 Н. печатала рец. на нар. книги в «Рус. вед.» и «Новостях». Ее ст. «Книжки для народа» («Новости», 1885, 16 июля) об издат. деятельности «Посредника» вызвала одобрение Л. Н. Толстого и В. Г. Черткова (Толстой, LXXXVI, 254—55). Статьи Н. расценивались критикой как одни из первых «серьезных исследований» (РМ, 1889, № 8, с. 368) истории нар. печати в России: «Народные книги для чтения в их 25-летней борьбе с любочными изданиями» (СВ, 1889, № 5—7; 1902. изд. — Вятка, 1902; рец.: МБ, 1903, № 3), «Были ли у нас газеты для народа?» (РМ, 1889, № 12), «Журналы для народа» (РМ, 1891, № 2), «Писатели для народа из интеллигенции. В. Ф. Одоевский» (СВ, 1892, № 2). Н. призывает интеллигенцию взять инициативу издания и распространения нар. книги в свои руки, чтобы положить конец господству на книжном рынке коммерчески выгодной, но духовно недоброкачественной продукции (лубка и «поворотной» лит-ры). Разумно сформированный репертуар нар. чтения дол-

жен, по ее мнению, быть направлен на развитие вкуса и знаний «мужика», на преодоление пропасти, разделяющей образованный и трудящийся слои рус. общества. На протяжении мн. лет Н. составляла на свои средства библиотечки научно-практической, справочной, медицинской и доступной нар. пониманию худож. лит-ры (предпочитая неадаптированные произв. лучших рус. писателей) и пересылала их в провинцию.

Н. и сама пробует писать для народа: «Святая девица Евалалия», «Святой Иоанн с острова Патмоса» (обе кн. — М., 1889), «Иоанн Воин» (М., 1886; 10-е изд. — М., 1911), герои к-рых воплощают скорее народнич. идеал защитника униженных, борщаднички «за свои убеждения», «за правду и свободу совести» (Н. А. Рубакин — РБ, 1890, № 3, с. 173; 1889, № 9, с. 187), нежелли образ христ. мученика. Изменение пафоса житийного жанра потребовало от автора, по мнению критиков, благожелательно встретивших книги Н., изображения влияния мученических подвигов на обществ. сознание (Н. А. Рубакин — СВ, 1891, № 7, с. 101). Этой личной авт. позиции не разделял Толстой, дважды возвращавший рукопись кн. Н. «Юлиания Лазаревская», видя в ней лишь прямой перевод лживого, с его т. з., церк. жанра (Н. же считала, что его поправки лишают повесть индивидуальности). Благодаря Черткову повесть вышла почти неизменной, но в побочной серии «Посредника» (М., 1887), без фирмы и девиза (см.: Толстой, LXXXV, 328).

Наиб. успех снискала была Н. «Большее чем родная» (СПб., 1889; 3-е изд., Вятка, 1902) — рассказ о «Божьем человеке», крепостной кухарке, написанный под восп. детства (отклики: Н. А. Рубакин — РБ, 1889, № 9, с. 186; СВ, 1895, № 11, с. 60; РМ, 1895, № 7, с. 351; МБ, 1895, № 10, с. 34). Считая необходимым знакомить народ с биографиями отеч. деятелей, Н. создает ряд жизнеописаний, лучшее из к-рых — кн. «Первый рус. ученый — архангельский мужик М. В. Ломоносов» (М., 1887; 6-е изд., М., 1901).

Др. сторона деятельности Н. — исследования истории рус. лит-ры 1-й пол. 19 в. Пост. посетитель рукоп. отд. Румянцев. музея (занималась, в частности, историей моск. м-ства), она опубли. ряд ранее неизв. мат-лов: «Письма И. А. Поддеева» (РА, 1872, № 10), «Из восп. Вельтмана о времени пребывания Пушкина в Кишиневе» (ВЕ, 1881, № 3), неск. писем Н. В. Гоголя (ВЕ, 1883, № 12; РС, 1888, № 6), «Дом сумасшедших» Е. П. Ростопчиной (РС, 1885, № 3), т. н. среднюю чернуюую редакцию «Мертвых душ» (РС, 1885, № 10). В 1885—90 создает цикл биогр. очер-

ков о рус. писательных: «Е. П. Ростопчина» (ВЕ, 1885, № 3), «Е. А. Ган» (РС, 1886, № 8—9), «Елизавета Кульман» (ИВ, 1886, № 12), «А. Я. Марченко» (КС, 1889, № 11), «Н. А. Дурова» (ИВ, 1890, № 9). «Сюжет» цикла — путь рус. писательницы от первых, «внутренне бессодержательных» проб голоса (Ростопчина) через усвоение культурного наследия предшествующих эпох (Е. Б. Кульман) к интеллектуальному и духовному равноправно с писателем-мужчиной (Марченко, Дурова). В очерках (как и в мемуарах) Н. стремится донести до читателя живой облик своих героинь, атмосферу происходивших событий, причем документир. рассказ чередуется в ее статьях с беллетризов. фрагментами. Порой эта вольность уводила Н. от достоверности. Так, очерк «Е. П. Ростопчина» вызвал протест родственники поэтессы С. П. Сушкова (ВЕ, 1888, № 5), к-рый обвинил Н. в пристрастности, искажении фактов, использовании худож. произв. как биограф. мат-ла.

Гл. делом всей жизни Н. было изучение эпохи 1840-х гг., наследия А. И. Герцена и Н. П. Огарева. В 1872 Н. случайно стала обладательницей рукописи т. н. «Записной тетради 1836 г.» Герцена, но не смогла из-за цензуры выпустить ее в свет. В дальнейшем опубли. по частям: «Легенда о св. Феодоре» (РМ, 1881, № 12) и «Юношеские лит. труды Герцена» (СВ, 1895, № 9). Завязав за границей отношения с А. А. и Н. А. Герценами, Н. А. Тучковой-Огаревой и Т. П. Пассек, Н. положила начало сосредоточению рукоп. наследия Герцена в Москве, предприняла попытки комментирования его переписки (в сб.: Братская помощь пострадавшим в Турнии армянам, М., 1898). Н. любовно собирает все, относящееся к Герцену и его окружению, «как будто это были ее близкие люди» (Махшиеева Н., Памяти Н. — РМ, 1905, № 2, с. 190), устраивает в Румянцев. музее «комнату людей 1840-х гг.» для хранения и изучения мат-лов, относящихся к этой эпохе. Последняя публ. Н. — «А. И. Герцен, его хлопоты о заграничном паспорте и последняя поездка в Петербург» (РМ, 1904, № 9—10).

Др. произв.: «А. Е. Виктор» (РС, 1884, № 8), «Гоголь перед судом иностр. лит-ры» (РС, 1887, № 9), «Ф. Г. Волков, строитель первого нар. театра в России» (М., 1893), «Рус. актер-самоучка А. С. Яковлев» (М., 1895), «Н. П. Огарев. Значение его личности и поэзии» («Почин. Сб.-к. ОЛРС», М., 1895), «Няня Аксюша», бль (М., 1902).

Лит.: Герцен; Салтыков-Щедрин; Успенский (все — уз.); Пругавин А. С., Моск. ил. календарь-альманах на 1887, М., 1887; Ян. т. 61—63, + Некрасов, 1905; Рязань, 16 кн. (В. Гольман); «Наши дни», 23 кн.; ИВ.

№ 2. Пономарев; Брокгауз; Венгеров. Источ.: ИВРДВ; Муратова (1. уз.); Маганов.

Архивы: РГБ, ф. 196; РГАЛИ, ф. 2197, оп. 1, № 785 (переписка с М. П. Рейзель); ф. 359, оп. 1, № 249 (переписка с Н. А. Тучковой-Огаревой); ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 561 (письма Ал-дру И. Весселовскому); ф. 114, оп. 2, № 323 (письма А. И. Иванчину-Писареву); ф. 661, № 773 (письма к М. К. Лемке); ф. 183, оп. 1, № 253 (письма В. О. Миханьичу); № 20018 (письма к Л. Я. Гуревичу).

М. М. Кабэк

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Василий Иванович [24.12.1844* (5.1.1845), Тифлис — 18.9.1936, Прага, похоронен на Ольшанском кладб.], прозаик, поэт, журналист. Брат Вл. И. Немировича-Данченко.

Отц., Ив. Вас., — потомок казаков, небогатый помещик с. Кисичин Новозыбков. у. Чернигов. губ.; мать служил военным и штабс-капитаном на Кавказе; участник боевых действий, полк. офицер; вышел в отставку в чине подполковника, умер ок. 1863 (см.: Петров); мать, Ал-дра Каспаровна (ум. в 1914). — армянка, из семьи колл. ж. Якубова.

Дет. годы Н.-Д. прошли на Кавказе. После кратковременного пребы-

Г. И. Успенский, опубли. за подписью «Н. Д.» два стихотворения, исполненные гражд. скорби. Для заработка печатался в «малой прессе»: ж. «Заноза», «Развлеченни», «Грамотей» и др. В 1868 содержался в Петерб. тюрем. замке как обвиняемый «за разные мошенничества» (ГАРФ, ф. 109, 3 экзп., 1868 г., д. 39). В конце 1869 был судим «за растрату вверенного ему имущества», лишен дворян. прав и сослан в Архангельск (ГА Арханг. обл., ф. 39, оп. 1, д. 262, л. 109 об. — 110); в февр. 1874 ему было дозволено «повсеместное в империи жительство» (там же, д. 297, л. 30 об.). Непосредств. причины его ареста и ссылки не вполне ясны (см.: Лев М. Р.-о. Письмо редактору. — ПЛ, 1865, 28 авг., с. 5; Курочкин Г. Ф., Восп. старого букиниста. — РГБ, ф. 362, к. 7, № 6).

Служил в канцелярии арханг. губернатора; в губ. статистич. к-те собирал сведения о народах Севера. Впечатления о многочисл. путешествиях печатал в столичных газ. («Голос», «Бирж. вед.»). В 1871 обратился с письмом к Н. А. Некрасову за поддержкой (см.: Некрасов в восп., с. 297) и вскоре за подписью «Д.» опубли. неск. стихотворений под общим загл. «Песни о павших» (ОЗ, 1871, № 11; 1872, № 2). Посетил Соловецкие о-ва, Кемь, о. Вайгач, о. Валаам, Лапландию. Вернувшись в Петербург, напечатал «Соловки. Восп. и рассказы из поездки с богомольцами» (ВЕ, 1874, № 8—9; отд. изд. — СПб., 1875; высокая оценка И. С. Тургенева — Письма, X, 311), положившие начало обширному сер. циклу очерковых произв. в его творчестве; позднее включены в сб. «Наши монастыри. Очерки и рассказы» (5-е изд., СПб., 1904), в к-рый вошли также кн. «Святые горы. Очерки и впечатления» (СПб., 1880) и книга о Валаам, мон. «Крестыанское царство» (т. 1—2, СПб., 1882).

В последующие годы продолжает путешествовать. После уральской поездки (1875) пишет очерки в газ. «Рус. вед.», ж. «Дело», «Рус. речь» (отд. изд. — «Кама и Урал», СПб., 1890, 1904). Отд. «уральские» произв. печатались в «Ист. вест.»: «Река лесных пустынь» (1882, № 11—12), «Кольбель мнлдионов. Очерки из золотого царства» (1884, № 7—8). Путешествие по Волге и Каспийскому морю отражено в кн.: «По Волге» (СПб., 1877), «В море» (М., 1897), «Великая река» (СПб., 1902). Впечатления от поездок осенью 1876 и позднее на Кавказ легли в основу кн. «В гостях» (СПб., 1880), «Беспросветная глушь. Люди и природа южного Кавказа» (СПб., 1894), «Дагестанские захолустья» (СПб., 1894). Ряд очерковых книг написан на материале путешествий по Евро-

вазия в Тифлис. г-зии отдан в 1854 в Александров. кадет. корпус в Москве (позже переведенный в Вильну). Здесь увлекся лит-рой (поэзия Л. А. Мея, А. А. Фета, А. С. Пушкина), писал, по словам самого Н.-Д., «стихи, повести, начал какой-то ... роман»; соч. «были настолько удачны», что учителя не верили в его авторство (ИРЛИ, ф. 377). В 1863, по семейным обстоятельствам и «сознания свое нежелание оставаться в атмосфере воен.-уч. заведения», вышел из корпуса (там же).

В том же году, переехав в Петербург и испытав тяготы небезопасной и одинокой жизни, сблизился с кружком С. Г. Мей — жены поэта Мея (см.: «Моя первая неделя» — «Альм. Медный всадник», кн. 1, Б., [б. г.]). В ж. «Модный магазин» появились первые стихи Н.-Д. (1865, № 6). Сотрудничал в «Петерб. листке»; заметки на гор. темы (1865, 26, 30, 31 янв.; 23, 25 февр.). В сб. «Луч» (т. 1, СПб., 1866), в к-ром участвовали Н. В. Шелгунов, А. П. Шапов.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

пе, М. Азии, Африке, Юж. Америке (80-е гг.); «Очерки Испании» (М., 1888), «По Германии и Голландии» (СПб., 1893), «Под африканским небом» (СПб., 1896), роскошно изданные очерки Андалусии «Край Марии Пречистой» (СПб., 1902) и др. Н.-Д. называли «писателем-туристом» (ОЗ, 1877, № 3), «корреспондентом-этнографом» («Будильник», 1881, № 50).

Обширный культурно-ист., бытовой, этногр. материал и живая его подача вызвали пристальный и сочувств. интерес читателей: «подлинности и непосредственности Н.-Д. рус. лит-ра обязана ... целым рядом прелестных увлекательных путевых набросков, беллетристическо-этногр. очерков, романов и повестей, в к-рых даны блестящие описания природы, типы и обстоятельные описания нравов» (Кaufman, с. 3); отмечались «размах и сила лиризма» его путевых очерков (ЖО, 1899, № 12, с. 242—43).

Н.-Д. был одним из первых в России проф. воен. корреспондентов; со временем обрел репутацию их «короля» (Булгаков, с. 101). В 1876 получил легкое ранение на сербско-тур. фронте. Участвовал в рус.-тур. войне 1877—78 в качестве воен. корреспондента от газ. «Наш век», а после ее закрытия — от газ. «Нов. время». Принимал участие в сражениях под Плевней и Шейново, оборонял Шипку, брал Зелёные Горы (награжден двумя солдатскими Георгиевскими крестами и орденом св. Анны с мечами), с войсками дошел до Адрианополя. Газеты с заметками Н.-Д. раскупались нарасхват; кн. «Год войны. Дневник воен. корреспондента 1877—1878 гг.» (т. 1—3, СПб., 1878—79) — талантливо составленная хроника войны. Н.-Д. вспоминал: «Я рисовал ужасы войны, в к-рых отвратительное сплетается с вдохновенным, героизм с подлостью, гений с бездарностью, самоотверженность с показным расчетом» («Солнце России», 1914, № 17, с. 2). В 1879 по поручению редакции газ. «Рус. курьер» Н.-Д. снова в Болгарии; в серии очерков «После войны» (отд. изд. — СПб., 1880) он обсуждает полит., экономич., культурное состояние Болгарии, перспективы развития болг. гос-ва и народа.

В 1904—05 как корреспондент моск. газ. «Рус. слово» находился на фронтах рус.-япон. войны, участвовал в боях под Ляояном, Порт-Артуром, Мукленом («На войну. (От Петербурга до Порт-Артура). Из писем с дороги», М., 1904). Критика воен. руководства у Н.-Д. не была жесткой, однако после статей о поражении под Вафангоу он был удален из армии (РСЛ, 1905, 23 мая). Рукопись кн. «Слепая война», обесценившаяся корреспондентом Н.-Д. (только за первый год войны — 350), погибла при пожаре (1905) типографии И. Д. Сытина (см.: Динерштейн Е. А., И. Д. Сытин. М., 1983, с. 154—56). В 1905 принят в масон. ложу «Mont-Sinaï» («Гора Синай»); с 1906 —

секр. моск. ложи «Возрождение» (см.: Серков, с. 65, 92). В 1908—1909 жил в Италии (Кави, Капри); А. А. Золотарев, обшавшийся с Н.-Д. в эти годы, писал о его «неутомимости и жадности к жизни»: «... оставил после себя впечатление какого-то сверкающего метеора» (РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 11). В 1912—13 Н.-Д. находился в воен. соединениях славян на фронтах 1-й Балканской войны (кн. очерков «С вооруженным народом», т. 1—2, СПб., 1913). В нач. 1-й мировой войны находился на польском и галицийском фронтах, затем был по-

В. И. Немирович-Данченко.

Шарж В. Каррика.

слан в Англию и Францию (бои под Верденом, Рейсом, Ипром), побывал на итал. фронте. Вернувшись в Россию, участвовал в воен. операциях на Кавказе. Свои очерки о войне, частично печатавшиеся в газ. «Рус. слово», Н.-Д. собрал в кн.: «Мировая война» и «За огненными завесами», к-рые в связи с рев. событиями в свет не вышли, рукописи утрачены. Правдивое освещение войны у Н.-Д. и его критич. отношение к решению междунар. конфликтов воен. путем были замечены в России и на Западе: англ. Лига мира избрала его поч. членом. Н.-Д. противостоял как изоляционизму, так и космополитизму, призывал служить родине, «пока она несчастна и угнетена, и всему человечеству, когда она сильна и благополучна»; его кредо: «Свободное „я“ в свободном народе» (в кн.: «Венок ...», с. 5).

Н.-Д. отличался необычайной плодотворностью: начиная с сер. 70-х гг. — ок. 250 книг, многочисл. публик. в газетах и журналах (в т. ч. «Ист. вестн.»: «Рус. мысль», «Сев. вестн.», «Рус. речь», «Дело»), в одной только «Ниве» — 48 повестей и рассказов и 17 статей [см.: Топоров А. Д., Систематич. ук. лит. и худож. содержания ж-ла

«Нива» за XXX лет (с 1870—1899), СПб., 1902, с. 1903 чл. ОЛРС.

Проза Н.-Д. охватывает самые разные сферы отеч. и заруб. жизни. По следам виденного и слышанного в детстве написаны ром. «Горные орлы» (СПб., 1895), «Забывтая крепость» (т. 1—2, СПб., 1895) и ром. «Царица Тамара» (ч. 1—3, М., 1901) — о легендарном эпизоде груз. истории. Ряд произв. посв. войне Болгарии с Турцией: ром. «Гроза» (СПб., 1879, 8-е изд. — М., 1902; вариант для юношества — 1911), пользовавшийся, по свидетельству современника, большим читат. спросом, чем «Анна Каренина» Л. Н. Толстого (Амфитеатров), «Плевна и Шипка» (СПб., 1881; К.—Х., 1898) и др. В этом ряду — биогр. кн. «Скобелев. Личные восп. и впечатления» (СПб., 1882; высокая оценка. 1882: ОЗ, № 10; ГазГ, 11, 18, 25 сент.). По следам заруб. поездок написаны ром. «Контрабандисты» (К., 1892) — об Испании и «Великий старик» (СПб., 1898); — об итал. артисте. Борьба за жен. эмансипацию — в ром. «Исповедь женщины» (ч. 1—3, СПб., 1889), проблемы иск-ва и положения актера в обществе — в ром. «Кулисы» (СПб., 1886, 1899).

Н.-Д. неизменно привлекали люди одухотворенные, волевые, активные. Характеры твердые и непреклонные он находил в самых разных слоях рус. общества: в монастыре (на Соловках «повсюду вы видите могучую волю, богатырский размах», изобретательность и готовность срыть «целые горы себе в угоду» — «Святые горы», с. 43—44), среди военных (будь то генерал или солдат), заводчиков-предпринимателей (ром. «Семья богатырей», СПб., 1889; 5-е изд., СПб., 1910), в толще народа (пов. «Большое сердце» — о неграмотной сестре милосердия, исполненной сострадания и жалости не только к рус. солдатам и болгарам, но и туркам; опубл. в кн.: «Незаметные герои», СПб., 1889; отд. изд. — М., 1894). Исполненные патетич. рассказы, вошедшие в кн. «Вечная память» (М., 1907), посв. героям-свободолюбцам, подвижникам и мученикам разных стран Запада и Востока; «старая колониальная Европа», мешански благополучная, характеризуется как «вселенский вампир» (с. 137). «Пылкий народолюбец» (Амфитеатров), Н.-Д. был пристально внимателен к «хорошим, большим сердцам», к-рые «не разглядишь сразу»: «Все они где-то хоронятся под спудом, точно золотая жила в ... каменной породе» («Бодрые—смелые—сильные», М., 1907, с. 12; по словам А. А. Измайлова, в этой кн. запечатлена «бодрая гражд. дерзания», а не просто литейская стойкость) (Введ. 1907, 2 июня; 2-е изд. кн. — П., 1919). Мирское

жертвенное праведничество расценивается как важнейший фактор рус. жизни и стимул нац. развития; люди, к-рые действуют неприметно, «тишком», подобны ручейкам, поднимающим молодые деревья (пов. «Майор Бобков и его сироты»: одобрит. отзыв: РБ, 1894, № 10, с. 27—28; пов. перепечатана в сб. «Люди малого дела», М., 1907). Своих героев, сильных духом и исполненных деятельного стоицизма, Н.-Д. по его словам, находил в «самой протоплазме общности» (в кн.: «Венок...», с. 15). Гражд. позиция Н.-Д. ярко выражена в документальном соч. о деятельности предпринимателя и изобретателя С. И. Мальцова «Америка в России» (РМ, 1882, № 1 ... 12), где описывается возникшее без участия правительства в трех смежных уездах Орлов., Калуж. и Смоленской губерний фабрично-заводское «царство», в к-ром автор видит «пример того, как плодотворны могут быть даже и у нас неутомимая энергия, знания и ум, если они не растрачиваются вместе с наследием предков в столице» (№ 1, с. 319).

Дифирамбич. тона мн. произведений Н.-Д. не мешали выражению сурово-критич. отношения к современности: сомкнувшийся с бюрократией финансовый капитал сковывает творч. энергию народа, в результате чего «общее дело» становится невозможным; сильных и смелых «ныне совсем не надо» («Семья богатырей», с. 333, 376). Мир петерб. дельцов, обличавшийся ранее М. Е. Салтыковым-Щедриным и Н. А. Некрасовым, — в центре ром. «Цари биржи» (Каниво племя в наши дни) (СПб., 1886; 6-е изд., СПб., 1910) и «Волчья сыть» (ч. 1—3, СПб., 1897; положит. рец.: Скриба (Е. А. Соловьёв) — «Новости и бирж. газ.», 1897, 6 марта).

Худож. проза Н.-Д., содержащая ориг. и смелое обсуждение проблем современности, хотя и обладала несомненными худож. достоинствами, но не ознаменовалась собственно творч. открытиями. К тому же автор порой сбивался на лит. штампы (мелодрам. эффекты, нагнетание случайных стеченных обстоятельств, нарочитая поляризация персонажей). Сам Н.-Д. «считал себя посредственным романистом», цена более всего свои воен. корреспонденции (Мейснер, с. 213).

Рецензенты характеризовали Н.-Д. как «верного выразителя действительности, умеющего запечатлеть «все хорошее и доброе» и выхватить из толпы тех, кто идет «бесстрашно и самоотверженно на полвита» (РМ, 1890, № 1, с. 4); отмечали «трогательное сочувствие» Н.-Д. обездоленным и его «беспокойное отношение ко всем миршобам и срашмордам» (Кузнецов, с. 3). Изначально считал, что Н.-Д. (после С. В. Максимов) не имеет соперников как писатель-этнограф, а как художник возмущался «о рваных ступицах, хромом... в изображениях природы»; в его прозе привлекает «критич. экспрессивная и энергичная строка»; воссоздание «по-

ложит. тина» роднит его с Н. С. Лесковым (БВед, 1902, 19 марта). Было замечено, что «яркий, непосредственный и храсотный» талант Н.-Д. позволил ему, представителю «боковой ветви» в совр. беллетристике, избежать «пресмыслич. глубокомыслия»: писатель «способен своим востелми, иногда сильно реалистич. расказами до слез насильить вас, а иногда тронуть озабоченно», х-рац «так и брызжет из-под его пера» (Вольнский А., «Книга великого гнола», СПб., 1904, с. 193—94). Вместе с тем отношение к Н.-Д. в лит. среде было неоднородным. Так, Ф. М. Достоевский привлек Н.-Д. к участию в газ. «Гражданин» (стихи в 1872—74), но впоследствии, по свидетельству ишурариста, характеризовал его писательство неодобрительно (Ф. М. Достоевский. Мат-лы и посл., в б. Т., 1985, с. 248—50). Критич. отзывался о тоне и языке соч. Н.-Д. Толстой в то же время рекомендовал его изд-ву «Посредник» (здесь вышло ок. 30 протв. Н.-Д. для нар. чтения); высоко оценил рассказ «Мамушкины дети» (М., 1884) (Толстой, LXIV, 64, 65, 85; LXXXV, 171); отметил, что в корреспонденциях о Китае и Японии «много интересного» (ЛН, т. 90, кн. 3, с. 64). А. П. Чехов в «Лит. табели о раядах» поставил Н.-Д. на десятю из 14 мест («титутарный соствник». — Чехов, V, 143).

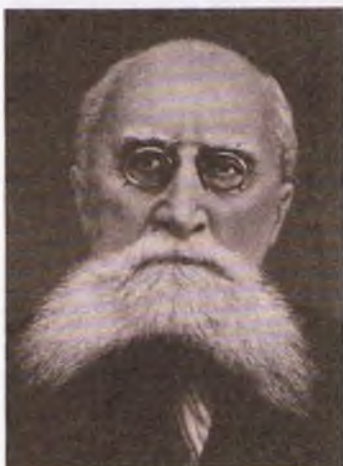
Зачинателем устойчивой недоброжелательности к Н.-Д. был Н. К. Михайловский в рецензии 1877—81. Признав, что писатель «очень талантлив», критик, однако, сосредоточился на том, что, по его мнению, детально искажу «нелегитимной толпы» и «достойно маскантичного багана», усматривая в его романах «барбашово-патриотический концерт» (Михайловский, IV, 666, 678), «тенациозную фальсификацию» войны (там же, X, 808—10), а в одной из повестей — порнографию (там же, V, 445—52). Иронически отзывался о Н.-Д. и Салтыков-Щедрин, утративший его в сентимент. патетизм (в частности, при освещении войны) и сблизивший писателя с красноречивым Балабайкиным (XII, 216—217; XV, 1, 67). «Безобразнейшему анамному тричювонши, хлесткоговонши, мотрешамши и напильшамши» усмотрел в корреспонденции Н.-Д. (как и В. П. Буренина) А. М. Скабичевский (БВед, 1877, 26 авг.). Прозвато отнесся к разработке Н.-Д. воен. темы М. Горький: «патриотически врет» (XXVIII, 316). «Моей общественной тронией», — отвечал Н.-Д. на похвальные обвинения, — всегда было братство народов, а мне приходилось считаться с кличками полимиста, порнографа» («Солнце России», 1914, № 17, с. 2). Недоброжелательность к Н.-Д. («направленческой» критики (ситуация, подобная левостовской) правомерно объяснять его объектив. позицией: «Ни к какому ж-лу не примыкал. Всегда нелли свободу «вепартийной работы» (Автобиография, 1932. — В кн.: «Венок...», с. 15).

В 1880—90-х гг. Н.-Д. часто писал для детей: «Гаврюшкин плен» (М., 1900; 14-е изд., М., 1917), «Заблудый рудник» (М., 1885), «Богдан Шипкин» (М., 1899) и др. Эти рассказы привлекают достоверностью описываемых событий, человеколюбием и искренностью.

Поэзия Н.-Д. часто связана с современностью (гражд. мотивы в стихах, посв. Некрасову, Н. А. Добролюбову, циклах «Воен. отголоски», «Север», «Монологи» и др.); сб. «Стихотворения» (СПб., 1882; вкл. публикации 70—80-х гг. в периодике), «Стихи. 1863—1901» (СПб., 1902).

Свержение самодержавия Н.-Д. расценил как раскрепощение и победу народа. Осуждал пораженьев как изменников: «тысячи шпионов среди нас сеют ... распри, усобицу»; криками «Долой войну!» «открываем двери врагу», «нельзя переходить к новым формам жизни с позором поражения» («Воззвание рус. писателя и

востн. корреспондента Н.-Д. к гражд. данам-солдатам» — «Рус. воля», 1917, 12 марта). События октября 1917 воспринял как «трагич. крушение отгнившей стари» («Письмо из Москвы» — «Вест. лит-ры», 1921, № 3, с. 10), а позднее утверждал, что ныне «морду опричника» сменил «волчий оскал комиссара» («Большевика» — «Воля России», 1923, № 3, с. 34), что до власти добрались уголовники («Молодой человек на хорошей дороге» — там же, № 11) и что «некогда великая Россия сплошь ушла в ужас небывалого горя, голода, бесправия» («Как мне жилось в работалося дома» — «Новая рус. книга», 1922, № 11—12, с. 42). Работал над романной трилогией, последнюю часть к-рой намеревался посвятить

Вас. И. Немирович-Данченко. Журнал «Иллюстрированная Россия», 1934, № 50.

социальной революции. Написал три пьесы: «Дж. Бруно», «Народный вождь» (тексты не известны) и одноактную «Тот, чья жизнь бесполезно разбилась» (П., 1920). Готовил к печати кн. «Облетевшие листья» (лирика в прозе, записывавшиеся много лет афоризмы и мысли). Сотрудничал в ж. «Красное знамя» и «Вест. лит-ры» (рассказы, стихи, рец.). В 1920, задумав ист. труд «Нар. трибуны, вожди и мученики», хлопотал о выезде за границу для работы в архивах; разрешение получил лишь в 1922. Около года жил в Берлине, затем переехал в Прагу, где и провел последние годы жизни. Поч. пред. Пражского и поч. чл. Белградского союза рус. писателей и журналистов, поч. чл. чеш. объединения «Худож. беседа», чл. рус. лит. кружка «Дальборка» (Прага, 1924—33); участвовал в работе Союза писателей в Германии. Вслед за И. С. Шмелёвым рус. писатели-эмигранты называли Н.-Д. «наш старшина». Сотруд-

начал в ж. «Воля России» (Прага), «Илл. Россия» (Париж), «Дни» (Париж), «Огни» (Прага), газ. «Последние новости» (Париж), «Сегодня» (Рига). Издал ряд книг (см.: Алексеев в А. Д., Лит-ра рус. зарубежья. Книги. 1917—1940. Мат-лы к библиографии. СПб., 1993), в осн. представляющих собою перепечатку произв., ранее опублик. в России; 12 томов повестей и рассказов и 3 романа остались в письм. столе: «Издателей нет» (Автобиография. 1932. — В кн.: «Венок ...», с. 16).

В 1921 рецензент отметил, что в б-ках России книги Н.-Д. занимают одно из первых мест по числу требований («Вест. лит-ры», № 6/7, с. 14). В 1924 из библиотек СССР были изъяты его произв., в первую очередь о рус.-тур. войне и (за немногими искл.) рассказы и повести для детей (см.: «Красный библиотечарь», 1924, № 1, с. 138—39).

Из задуманного Н.-Д. обширного мемуарного тр. «Ближние дали» увидет свет лишь один том — «На клецках» (Ревель, 1921), пов. впечатлениям от встреч с Чеховым, М. Т. Лорис-Меликовым, Д. А. Милютиным, Ф. Ф. Фидлером, О. К. Нотовичем, М. А. Лохвицкой.

Восп. Н.-Д., написанные в пражский период, хранятся в РГАЛИ. Среди них — фрагменты восп. о Н. С. Гумилёве (не вошедшие в опублик. восп. — «Воля России», 1924, № 8/9), а также отрывки из речи Н.-Д., произнесенной в 1928 на открытии общеземного съезда рус. писателей и журналистов в Белграде, где он председательствовал. — см.: Шугурин Ю. Чьими замкнулся роковой круг. — «Независимая газ.», 1994, 1 марта.

Н.-Д. был женат трижды: на дочери тип. сов. Федорова — Ектеринис, во время пребывания в ссылке (ГА Архив. обл. ф. 37, оп. 1, л. 2365, л. 4 об.—5; ф. 39, оп. 1, л. 292, л. 4 об.—5); затем на оперной певице З. Р. Кочетовой (1857—1892); в 1910 вступил в брак с графиней Тененгауэн (много моложе его); детей не имел.

Изд.: Собр. соч. т. 1—16, 18. П., 1910—15; Новое собр. соч., кн. 1—50. П., 1916 (студ. ст. П. В. Быхова); Собр. соч., т. 1—3. М., 1946; Из восп. Н.-Д. о Некрасове (избл. С. Макушиной). — ЛН, т. 49—50. М., 1946; Новые люди — аэзко! [Стнх.]. — В кн.: Сильные мат-лы к истории рус. лит-ры и журналистики второй пол. 19 в., т. 1. Тб., 1977; [Стнх.]. — В кн.: Поэты-демократы 1870—1880, с. 604—30; Рыцарь на час. (Из восп. о Гумилёве) (1924 г.). — В кн.: Н. Гумилёв в восп. современников, М., 1990; Святые горы. Доклск. 1990 (ностологиев Н. И. Зайцева); Трехфильм король. Святочная сказка. — В кн.: Святочные истории, М., 1992; Скобелев. Личные восп. и вымышленная. — В кн.: Белый генерал, М., 1992; Мушкетер обитель, М., 1993; Скобелев, М., 1993.

Лит.: Достоевский; Чехов; Толстой (всё — ух.); Михневич; Мордянов (Тихонов В. А.) Лит. бестем. — «Россия», 1900, 14 янв.; Кауфман А., Вас. И. Немирович-Данченко. — «Солиде Россия», 1914, № 17; Кручинин Н., Свидетель четырех войн (Беседа с Н.-Д.). — БВест. 1915, 8 февр.; Горный С., Вас. И. Н.-Д. — «Русь» (Б.), 1925, 9 янв. (печт.); б. и., Вас. И. Н.-Д. — там же, 6 янв. (библ.); б. п., 85-летие Вас. И. Н.-Д. — там же, 1930, 5 янв.; Амфитратов А., Вас. И. Н.-Д. — «Сегодня» (Рига), 1931, 28, 30 июня; Плещеев А. А., Вас. И. Н.-Д. (Ключи от писем). — «Возрождение» (Париж), 1936, 26 сент.; Немирович-Данченко Г. В., «Дядя Вася». — «Илл. Россия», 1936, № 43; Венок незабвенному старшему дорожку Вас. И. Н.-Д. Изл. Слова рус. писателей и жур-

налистов в Чехословакии. Прага, 1936; Мейер Д., Миражи и действительность. Залиски эмиграции. М., 1966, с. 212—14; Бограа В. Э., Вильчинский В. П., «Песни о папши» Н.-Д. (Эпиграф из рец. практик Некрасова). — В кн.: Некрасовский сб., в. 4, Л., 1967; Рабинович Я. Б., Семисов В. Л., Н.-Д. и его книга «Кавказ и Урал». — Уч. зап. Перм. гос. ун-та», 1976, № 348; Германов Г., Ожидание навстречу. Болгария и болгарство в рус.кля литературе. Варна, 1976, с. 214—87; Лит. процесс и журналистика (2; ух.); Берберова Н. Н., Люди и эпохи. Рус. масоны XX столетия, Н.-И., 1986, с. 144; Сапронова Н. Т., Освобождение Болгарии от тур. иа и Россия в освещении Н.-Д. — В кн.: Балканские исследования, в. 16, Рос. общество и заруб. славане, 18 — нач. 20 в., М., 1992; Петров Б. М., «Кавказцы». — «Пересвет» (Брянск), 1992, № 9/10; его же, Трагедия в баяс... — «Труда» (Клиппи), 1994, 5 марта; его же, Народный писатель — там же, 1995, 20 июня; Сапронова Н., Вас. И. Н.-Д. Голя эмиграции. — В сб.: Вопросы истории славан, в. 11, Воронеж, 1996; Серков А. И., История рус. масонства. 1845—1945. СПб., 1997 (ух.); ЛН, т. 92, кн. 5 (ух.). + Некролог. 1936: «Возрождение» (Париж), 26 сент.; «Дня нас» (Рига), № 41 (Белоголовский К.), Мейер; Брокгауз; Гранат; НЭС; Са. ОЛРС; РВест. Сб.; Владиславлев И. В., Лит-ра великого аскетства, М.—Л., 1928; ЛЭ; КЛЭ; Рус. писатели, 1940; СДР; Булгаков В., Словарь рус. заруб. писателей, Н.-И., 1993, с. 101, 209, 220; Писатели рус. зарубежья (1918—1940). Справочник, ч. 3, М., 1995, с. 284—87; Иванов: ИДРДВ; Альм. и сб-ки (1, 2); Смирнов-Соколовский; Муратова (1, ух.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 355; ИРЛИ, ф. 204; РНБ, ф. 516; ф. 874, оп. 1, № 34, 58, 62, 94 (письма С. Н. Шубинскому, 1886—1903); ф. 118, № 618 (письма П. В. Быхову, б. д.); РГИА, ф. 777, 776, 759 (целы. док-ты о произв. Н.-Д. за 1866—1912); РГВИА, ф. 400, оп. 14, л. 6007 (ф. с. отца*); ГА Архив. обл. ф. 39, оп. 1, л. 262, л. 28 об., л. 950, л. 175 об.—176, л. 285, л. 65; ф. 37, оп. 1, л. 2287, л. 68, 70 (справка В. А. Волынского).

В. И. Боскаков, В. Е. Хантеев.

НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО Владимир Иванович (11(23).12.1858, г. Озургеты, Грузия — 25.4.1943, Москва; похоронен на Новодевичьем кладб.), прозанк, драматург, театр. деятель и критик, режиссер. Брат Вас. И. Немировича-Данченко.

Первые годы жизни Н.-Д. прошли в именин отца — в с. Кискичи Новодевичьей у. Чернигов. губ. (см.: Петров). После его внезапной смерти (ок. 1863) семья переехала в Белый Ключ, близ Тифлиса, затем — в Тифлис. Здесь в 1874 впервые после раннего детства встретился с братом Василием, ставшим к этому времени уже популярным балетристом (в дальнейшем они практически не общались).

Окончив 1-ю тифлис. г-зию (1876; сребр. медаль), Н.-Д. поступил в Моск. ун-т на физ.-матем. ф-т (был принят на казен. счет как сын офицера-кавказца). Одновременно посещал занятия на юридич. ф-те (два года). В 1879 ушел с 4-го курса, отдавшись лит. и журналист. работе.

Писать начал рано («кажется, с первого класса гимназии» — автобиография, в его кн.: Театральное наследие, т. 2. Избр. письма, М., 1954, с. 467); еще в детстве испытал «опьянение театром» (см.: «Первые театр. воспоминания» — НМ, 1943, № 1, с. 91). В пимназнач. годы издавал рукоп. ж-л «Товарищи», в к-ром помещал и свои произв. (ис сохр.). Эстетич. взгляды Н.-Д. формировались под влиянием либеральных «беллетристов и особенно критиков

60-х гг.» (письмо А. И. Сумбатову-Южину от 27 авг. 1891 — Театральное наследие, т. 2, с. 61—62), а также творчества Н. В. Гоголя. В общении с реж. А. А. Яблочковым, в доме к-рого летом 1874 был репетитором, получил первый импульс к созданию самостоят. концешни театр. дела. В студенч. годы — завсегдатай галерки Малого т-ра. В Тифлисе во время каникул и в Москве в Артистич. кружке успешно играл в любительских спектаклях; присутствовал на лит. чтениях Артистич. кружка (слушал А. Н. Островского, А. Ф. Писемского и др.).

В 1877 опублик. в «Рус. газ.» (1 окт.) первую ст. — «Наши провинци. театры», в к-рой назвал текущий репертуар «дребеденью» и заявил о «яркие антрепренеров», губящих театр. дело. С этого же времени начал регулярно писать т. н. мелочлишки для ж. «Будильник», «Свет», «Стрекоза», «Жизнь», а в «Рус. газ.» печатать театр. рецензии. В сер. 1878 стал секр. газ. «Рус. курьер», здесь опубликовал первый рассказ «Драма на почтовой станции» (1881, 18, 19 июня). С янв. 1879 вместе с Н. П. Кичеевым (под псевд. Никс и Кикс) вел в «Будильнике» отдел «Сиена и кулисы». Заметки театральных прохождений. В 1882 опублик. первую пьесу «Шилловник» (№ 39—41; отд. изд. — М., 1888; имела успех — Малый т-р, 1882, с участием Г. Н. Федотовой, П. М. Садовского, Н. И. Музилы). В том же году в течение полугодия исполнял обязанности ред. «Рус. курьера», но вскоре ушел в связи с изменением полит. курса газеты на консервативный. Тогда же активно включился в лит.-худож. жизнь Москвы, став завсегдатаем кружка Кичеева. В 80 — 90-е гг. печатал театр. рец., очерки, статьи, рассказы в ж. «Артист», сжеснд. «Моск. неделя», «Радуга», «Свет и тени», газ.

«Нов. время», «Голос», «Рус. вед.», «Новости дня», «Рус. сатирич. листок», «Минута», «Сувлер», «Одес. новости», «Моск. илл. газ.», «С.-Петербург. новости» и др.

Как критик Н.-Д. выступал по вопросам театр. цензуры, театр. этики, специфики театр. дела, где главным считал единство: драматург — режиссер — актер — зритель. Чуть ли не ежедневно бывая в театре, отцензировал премьеры всех пьес Островского в эти годы. «Дело» и «Свадьбу Кречинского» А. В. Сухо-во-Кобылина, «Бориса Годунова» А. С. Пушкина, «Маскарад» М. Ю. Лермонтова, «Месяц в деревне» И. С. Тургенева, инсценировку «Господ Головалевых» М. Е. Салтыкова-Щедрина; писал о зап. классике (У. Шекспир, Г. Э. Лессинг) и драмах Г. Ибсена. Выступал против развешивающих иск-во узкогрупповых и узкоакадемических интересов («Худо-ж. правда одна... нет правды немецкой или... французской. Впрочем-но нашему может охватить вопрос о „реванше“ ... но иск-ву нет до него никакого дела» — «Новости дня», 1890, 23 апр.), против засилья пьес И. В. Шпажинского и В. А. Крылова, работающих «для дешевых апплодисментов» («Рус. курьер», 1880, 8 окт.). Анализировал игру М. Н. Ермоловой, Федотовой, А. П. Ленского, М. Г. Савиной, П. А. Стрепетовой, итал. трагиков Э. Росси, Т. Сальвини, Э. Дузе, франц. актеров Сары Бернар, Ф. А. Февре. В связи с гастролями мейнингенской труппы писал о принципах постановки ист. пьес («Открытое письмо по поводу „Юлия Цезаря“ у мейнингенцев» — «Театр и жизнь», 1885, 29 марта; и др.).

Обращался и к темам рос. повседневности: судебные репортажи, заметки о ремесл. училищах, создававшихся в деревнях, фельетоны, очерки, в т. ч. о социально-психол. процессах, идущих «на развалинах дворянства» (одном. очерк — «Рус. курьер», 1883, 7 авг.). В газ. «Новости дня» вел рубрику «За день», «Театр. альбом», «Фонограммы» (псевд. Инкогнито, Гобой).

В 80-х — нач. 90-х гг. Н.-Д. опубликовал в периодике, по его подсчетам (см.: Сл. ОЛРС, с. 204), ок. 50 рассказов, а также пов. «Бранкоброшница (Из жизни на фабрике)» («Радуга», 1884, № 5—7, 10—12), «Фарфоровая куколка» («Развлечение», 1884, № 26—38), «Карасюк» («Развлечение», 1886, № 3...24; посв. памяти Тургенева), «Мой маленький роман» («Россия», 1888, № 1—7). Ранние пьесы Н.-Д. мало выделялись из общего репертуарного потока, с к-рым он сам же боролся в качестве театр. критика («Наши американцы», Малый т-р, 1882; «Соколы и вороны», совм. с гимназич. другом

Сумбатовым-Южиным, т-р Корша, 1886; и др.). Внимание критиков привлекли состоявшиеся в 1887 в моск. Малом и Александрин. т-рах премьеры комедии «Счастливец» («Театр. б.-ка», 1892, № 10; с авт. описанием реквизита), в нек-рой степени предварившей чеховскую «Чайку» (отклики 1887; МВед. 2 нояб.; РВед. 31 окт.; «Неделя», № 52; РМ, № 11). Успех имела «Последняя воля» (Малый т-р, 1888) — «комедия характеров по преимуществу» (РВед. 1888, 10 дек.). С 1888 Н.-Д. — чл. комитета ОРДП.

Широкий резонанс получила пьеса «Новое дело» (Малый т-р, 1890; Александрин. т-р, 1891; Грибоедовская пр., 1891. — см.: Обзор деятельности Об-ва рус. драм. писателей, М., 1899, с. 98; опубли.: «Артист», 1890, № 10; «Реж. указания к „Нов. делу“» — там же, 1891, № 12; неолитературные отклики, 1890: «Артист», № 11; «Новости дня», 1 нояб.; РМ, № 11; РВед. 1 нояб.). Успех пьесы изменил писательское самоощущение Н.-Д.: «Это — первая пьеса, с к-рой я рассчитываю выйти на серьезный литературный путь» (Театральное наследие, т. 2, с. 56); «... я решил выступить в беллетристике, к-рой до сих пор отдавал только мелкие рассказы» (там же, с. 469). Изменился и его статус в лит.-театр. мире («... со временем из него вырабатывается настоящий драматург... с каждым годом он пишет все лучше и лучше» — Чехов. Письма, III, 293). Именно тогда П. И. Чайковский обратился к Н.-Д. с просьбой написать для него либретто — «глубоко психологическое» (не было осуществлено) (см. восп. Н.-Д. «Встреча с Чайковским» — Музей МХАТ, Архив Н.-Д., № 7240). Позднее, в 1892, он написал либретто по поэме «Цыганы» Пушкина для оперы «Алекси» С. В. Рахманинова (было «очень хорошо сделано» — Рахманинов С. В., Письма, М., 1955, с. 65).

В 1891 избран членом Театр.-лит. к-та. Тогда же начал преподавать в драм. классе Муз.-драм. уч-ща Моск. филармонич. об-ва; много времени отдавая занятиям в уч-ще, разрабатывал проекты переустройства театр. дела, в т. ч. Малого т-ра. С 1893 чл. ОЛРС и чл. Моск. психол. об-ва. В эти годы Н.-Д. знакомится с проф. Н. С. Тихонравовым, Н. И. Сторженко, Ал-дром Н. Веселовским, входившими в Театр.-лит. к-т, сближается с А. П. Чеховым (знакомство состоялось в 1888), сотрудничая с «Рус. мысль». Продолжает активно выступать в прозе и драматургии.

В одном из вариантов автобиографии Н.-Д. отмечено, что «всегда был только писателем» (РГАЛИ, ф. 341, оп. 1, № 280, л. 26). Дела своего творч. жизни на три четко обозначенных периода (первый наполнен работой театр. критика, репортера, фельетониста, а третий целиком отдал совершенно в жизнь театр. конфликты), он оо-

бо владел второй (1888—98), когда были написаны гл. пьесы и романы, пришедшие ему устойчивую известность именно как писателю.

Первое крупное прозаич. соч. — ром. «На литературных хлебах» (М., 1891, 1893), получивший разноречивые оценки (написан «хорошим языком, просто, спокойно» — РМ, 1891, № 11, с. 474; отрицат. отзыв: Скабичевский А. М., Отчего совр. молодые беллетристы так легковесны. — «Новости и бирж. газета», 1891, 14 марта). Затем опубликов. пов. «Вихрь» («Новости дня», 1891, 14 нояб. ... 1892, 13 янв.) и «С диллом» («Артист», № 23—24); начал печатать ром. «Мимо жизни» («Моск. илл. газета»; в кон. февр. 1893 публ. прекращена в связи с закрытием газ.; перераб. и законч. вариант ром. под назв. «Мгла» — «Артист», 1894, № 41—44; отд. изд. — М., 1896, 1897). Издал первый сб. «Слезы» (М., 1894), включивший 10 повестей и рассказов, ранее напечатанных в периодике. Пов. «Губернаторская ревизия» (РМ, 1895, № 8—9; отд. изд. — М., 1896, 1897) была названа «одним из лучших и наиболее удавшихся произв. Н.-Д. и по богатству красок провинц. жизни, и по отделке деталей, и по обрисовке характеров, и по психол. анализу» (А. М. Скабичевский — «Нов. слово», 1896, № 3, дек., с. 169), а после выхода в свет ром. «Старый дом (Мертвая ткань)» (М., 1895) критика признала Н.-Д. писателем «серьезным ... и правдивым» (РБ, 1895, № 12; др. рец.: РМ, 1895, № 4, отл. III). В 1896 появилась серия очерков «Москва в мае 1896 г. Письма о коронации» («Нива», № 19—23; особую известность получили очерк «Ходынка» и ром. «Драма за сценой» (РМ, № 3—6; отд. изд. — М.), где, по собств. словам Н.-Д., поставлены «все главнейшие вопросы духовной жизни» «своеобразного мира» провинц. актерской труппы (Театральное наследие, т. 2, с. 90). В 1897 — пов. «В степи» (М.; переизд. — М., 1900), в 1898 — пов. «Сны» (М.) и главы «романа из заводской жизни» «Пекло» («Одес. новости», 11 июля ... 1 дек.), ранее предназначавшегося для «Рус. мысли» (во избежание ценз. изъятий Н.-Д. вынужден был печатать его «тихонько по фельетонам» — Театральное наследие, т. 2, с. 126; роман остался незаключенным).

Пьесы Н.-Д. ставились на лучших сценах Москвы и Петербурга, многие выбирались для бенефисов великими актерами Малого и Александрин. т-ров (играли Ермолова, Федотова, Савина, К. А. Варламов, Ленский, Музиль, Садовский), становились «гвоздем сезона» и вслед за столичной сценой переходили в провинцию. Одноактная «Елка» («Артист», 1892, № 23; Малый т-р, 1896) обош-

ла всю Россию (в ней дебютировала на вилен. сцене В. Ф. Комиссаржевская). За пьесу «Золото» («Артист», 1895, № 45; Александрин. т-р, 1895) Н.-Д. был удостоен в 1894 пр. И. Г. Вучичи, присутствующей Новорос. ун-том (Одесса) за лучшие рукоп. пьесы для нар. сцены. Критики (при всех расхождениях) непременно считали его драматургом, ставящим перед зрителем серьезные и наиболее важные вопросы времени (см. библи. в кн.: Фрейдкина). В 1896 Н.-Д. закончил «Цену жизни» («Театрал», № 100, кн. 50; отд. изд., с изменениями и дополнениями. — М., 1923), создававшуюся с «невероятным напряжением, настолько сильным, что давал себе слово больше не писать пьес» («Ежегодник МХТ» за 1944, т. 1, с. 103). Несмотря на огромный успех пьесы (премьеры: Малый т-р, 1896; Александрин. т-р, 1897), был ею «неудовлетворен до последней степени» (Стенограмма беседы Н.-Д. с актерами МХАТ 2 апр. 1936 — Музей МХАТ). В 1897 отказался от Грибоедовской пр., присужденной «Цене жизни», в пользу еще не получившей признания чеховской «Чайки».

Творчество Н.-Д. органично вписывается в крут беллетристики и драматургии последнего десятилетия 19 в. в центре его провоз. — рус. реформ. деревня («Губернаторская ревизия», «Сны», «В степи»), судьбы оскудевающих и деградирующих дворян. гнезд («Мгла», «Старый дом»), выход на авансцену жизни купечества новейшей формации («Нов. дело», «Золото»), реальные проблемы земства («Губернаторская ревизия»), нравы коммерциализовавшейся газ.-журн. среды («На литературных хлебах»), борьба провинц. актеров за существование и общая неустроенность театр. дела («Драма за сценой», «Мгла»), быт фабричных рабочих («Бранкоброшница», «Пекло», «Отдых») и т. д. «Громоздкое знание жизни» (Чехов. Письма, VI, 84), к-рое отличает прозу и драматургию Н.-Д., реализовано в точных бытовых подробностях и реалиях (своеобразные жанровые картины рос. повседневности легко узнавались читателем), в характере конфликтов, положенных в основу сюжетов и дающих в своей типологич. совокупности худож.-социологич. срез эпохи, традиционно именуемой «сумерками», — под углом по-новому увиденной психол. проблемы этого времени: личной способности (или неспособности) человека к «делу своей жизни». Герои Н.-Д. не готовы к той ответственности, к-рой требует действит. оказание. Это, как правило, люди, оказавшиеся не на своей «ступеньке» жизни. «Дело жизни» часто оборачивается для них «делом смерти» — не только моральной, но и физической

(самоубийство — статистически наиболее вероятный конец жизни такого героя Н.-Д.).

Повторяемость этой коллизии дала критику повод поднять вопрос об «эстетической эпизодичности» безала, «алекующей за собой исмаево число неоправданных надежд, горьких разочарований, тяжких жертв и разбитых существований» (А. М. Скабичевский — «Нов. слово», 1896, № 3, отд. II, с. 148). Как отправная точка для злобозвонных публици. изгудий провоз. Н.-Д. использовались и позднее (Н. К. Михайловской — РБ, 1895, № 12). Справедливо считал, что талант Н.-Д. «не принадлежит к числу ... первостепенных, к-рым суждено открывать новые пути в лит-ре, создавать школы» (Скабичевский, цитируемый соч., с. 147), критики воспринимали его творчество исключительно через призму Чехова, а нередко видели знаки прямого следования ему и даже подражания (обращение к проблеме «болезни воды», иск-рвс совпадения стилистики, стремление «оставить», а не «решить» вопросы эпохи).

В прозе и драматургии Н.-Д. немало имитов, деталей и даже персонажей, к-рые либо предельно от их разработки в творчестве Чехова, либо совпадают с чеховскими по времени (см.: Марков П. А., Вл. И. Немирович-Данченко. — «Ежегодник МХТ, 1943». М., 1943; Хализев В. Е. Рус. драматургия накануне «Иванова» и «Чайки». — ФН, 1959, № 1). В основе этой общности — своеобразие целой лит. эпохи, для к-рой имя Чехова стало худож. кодом: «Мы ... встречали одинаковых людей, одинаково воспринимали окружающую жизнь ... пользовались одним и тем же жанровым материалом и для одних и тех же целей» (восп. «Из прошлого», с. 2).

Н.-Д. как прозаик порой «переликивается» также с Д. Н. Маминим-Сибиряком, И. Н. Подаренко, М. Н. Альбиным, а позднее М. Горьким. Заметно воздействие на Н.-Д. сначала П. Д. Боборыкина, у к-рого он учился композиции романа, ведению фабулы, затем — на уровне мироощущения — Л. Н. Толстого (напр., «В степи»), а в драматургии — Островского (см.: Хромов И., Траниан А. Н. Островского в прозе драматургии. — В кн.: Творчество писателя и лит. процесс. Иваново, 1979). Будучи его последователем и обладая при этом органичным чувством режиссера, Н.-Д. самостоятельно совершил «прорыв» в ту область, где предельно развилась театру Чехова, и в известной степени раздвинул поляризацию драматургии Горького.

Беллетристика и драматургия Н.-Д. подтвердили и провозглашенный им прежде тезис о необходимости «сближении театра и литературы» («Театр.-лит. комитет» — «Новости дня», 1891, 28 сент.), важности лит. первоосновы драматургии. Н.-Д. говорил, что в его творчестве «драматург очень помогал беллетристу» в разработке развития действия, а «беллетристика помогала драматургу» тем, что учила «схватывать жизненные черточки, психологию, к-рой тогда драматурги не привыкли» («Поправки к стенограмме беседы с В. Я. Виленкиным» — Музей МХАТ). Проза учила и «экономии», когда при помощи двух-трех реплик (взамен многостраничных условных монологов) удавалось мастерски осветить «почти каждое из действующих лиц ... их взаимные отношения и положения вещей» (В. Прский — ТИИ, 1897, № 2, с. 34). Жанровая расплывчатость прозы Н.-Д. в немалой степени связана со спецификой отбора и компоновки материала, при к-ром прозаич. вещи обнаруживают в себе скрытый каркас пьесы (отчетливо обозначенной экспозицией, су-

женным драматизмом положений, неуклонным развитием действия, особой ритмичностью. диалогами, построенными по принципу драматургическим). В то же время, говоря о пьесах Н.-Д., критика с самого начала отмечала их чисто «лит. достоинство» (напр.: Рвед, 1884, 24 нояб.; 1888, 10 дек.), в частности умение живописать жанровые картины.

В 1898 Н.-Д. и К. С. Станиславский создали Моск. Худож. театр (МХТ, впоследствии МХАТ; Н.-Д. — директор и реж. т-ра до конца жизни). Больше, чем кто-либо другой, Н.-Д. сделал для упрочения на драм. сцене повествоват. прозы: постановки ром. «Братья Карамазовы» (1913) и «Бесы» (под назв. «Николай Ставрогин», 1910), «Воскресение» (1930) и «Анна Каренина» (1937). Вершиной его реж. деятельности стала пост. в 1940 «Трех сестер» (см. подробно в кн.: Вл. И. Немирович-Данченко ведет репетицию. «Три сестры» в пост. 1940, М., 1965, с. 424). В 1919 Н.-Д. организовал при МХТ Муз. студию (с 1926 Муз. т-р им. Вл. И. Немировича-Данченко; с 1941 Муз. т-р им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко), во многом обновив оперное иск-во.

Сосредоточившись на работе в театре, в 1899 Н.-Д. вышел из состава Театр.-лит. к-та и почти прекратил писательскую деятельность. В 1901 закончил для МХТ последнюю пьесу — «В мечтах» (М., 1902; Грибоедовская пр., 1903), в к-рой замыслил показать, в совр. варианте, «конфликт между житейской прозой и оторванной от жизни лирикой» и к-рую, «несмотря на ... внешние признаки успеха» («История моей драмы „В мечтах“». — Музей МХАТ), считал неудачей. В дальнейшем лишь изредка публиковал статьи в «Рус. мысли», «Вест. Европы», «Лит. вест.», «Культуре театра» (1921), «Новом зрителе» (1928). Замыслы нескольких задуманных Н.-Д. в эти годы пьес остались несуществующими (см.: Фрейдкина).

В 1926—27, получив во время заграничных гастролей Муз. театра приглашение амер. кинофирмы «United artists», работал в Голливуде в качестве сценариста. Отобрал большое число лит. произв. для экранизации (среди авторов — Чехов, Мопассан, Достоевский, Островский), написал по мотивам своих пьес сценарии: «Миллионерша» («Золото»; для актрисы Греты Гарбо) и «Цена жизни», сделал наброски неск. сценариев для Ч. Чаплина, изучал специфику нового для него иск-ва кино и образ жизни амер. киноактеров; в интервью корреспондентам ряда амер. газет критически оценивал худож. сторону сценариев амер. фильмов, построенных на трюках и избыточной занимательности

[подробнее о пребывании Н.-Д. в Америке см.: Бертенсон С. Л., В Холливуде с В. И. Немировичем-Данченко (1926—1927). По материалам архива С. Л. Бертенсона. Сост. К. Аренский, Monterey, 1964; доклад Н.-Д. «15 месяцев около амер. кино» — Музей МХАТ. © работе Н.-Д. после возвращения в Москву см.: Аренский К., Письма в Холливуд. По материалам архива С. Л. Бертенсона, Monterey, 1968]. В 1936 опублик. восп. «Из прошлого» (2-е изд., М., 1938) — ценный источник истории театр. иск-ва. В 1940 начал работу над книгой об актерском мастерстве (продолжена в годы войны главами о «втором плане» спектакля, характере романтизма в драматургии — часть опублик. в изд.: Театральное наследие, т. I), в к-рой стремился обобщить свой личный опыт режиссера, актера, драматурга, прозаика.

Был женат на дочери изв. педагога и обществ. деятеля Н. А. Корфа — Ек. Ник. (1858—1938), брак с к-рой длился более полувека.

Изд.: Театральное наследие, т. 1—2, М., 1952—54; Повести и пьесы, М., 1958 (пог. текста, вступ. ст. и прим. Ф. И. Есенина), М., 1958; Пьесы, М., 1962 (вступ. ст. Т. В. Князевской, прим. В. А. Маслина), М., 1962; Избр. письма, т. 1—2, М., 1979 (сост., ред., вступ. ст. В. Я. Визюкина); Рецензии. Очерки. Статьи. Интервью. Заметки, 1877—1942, Л., 1980 (сост., ред., комм. и вступ. ст. Л. М. Фрейликовой); Рождение театра. Восп., статьи, заметки, письма, М., 1989 (сост., вступ. ст. и комм. М. Н. Любимурова).

Лит.: Чехов. Письма (ук.); Горький (ук.); Слабачевский А. М., Соч., т. 2, СПб., 1903, с. 557—80; Михайловский Н. К., Соч., т. 1, Отданы, СПб., 1904, с. 231—40; Соболев Ю. В., И. Немирович-Данченко, П., 1918; Кугель А. Р., Листы с дерева, Л., 1926, с. 128—38; Марков П. А., Н.-Д. и муз. театр его имени, М., 1936; Виленкин В. Я., Вл. И. Немирович-Данченко, М., 1941; его же, Н.-Д. о творчестве актера, М., 1984; Южин-Сумбаатов А. И., Заниси. Статьи. Письма, М., 1951, с. 27—30; Строева М. Н., Чехов и Худож. театр, М., 1955; Фрейликина Л. М., Дни и годы Н.-Д. Летопись жизни и творчества, М., 1962 (библ.); Корзов Ю. И., Драматургия Н.-Д., К., 1971; Шыбенко В. А., Из лит. наследия Н.-Д. — «Наука, тр. Новосибир. вед. ин-та», 1971, в. 65; Письма Л. И. Ангарова к Н.-Д. и К. С. Станиславскому (1913—1917). Публ. и комм. Н. Р. Балашовой и В. И. Бегубова. — «Уч. зап. Тартуского ун-та», 1971, в. 266; Соловьев Н. Н., Немирович-Данченко, М., 1979; Петровская (З.; ук.); Петров Б. М., «Кавалеры» — «Пересвет» (Брянск), 1992, № 9/10, 4; Брокгауз; ИЭС; Гранат; Ст. ОИРС; Галерея рус. писателей, М., 1901; Мельер; БСЭ; КЛЭ; ТЭ; ИРДТ; ИРДВ; Рус. писатели, 1990; Муратова (З.); Макаров.

Архивы: Музей МХАТ, л. ф.; РГАЛИ, ф. 814, ф. 2316, оп. 2, № 55—57 (Чехов М. А., Бюлет. повесть о Вл. И. Немировиче-Данченко); ЦГТМ, ф. 188. И. Е. Гитович

НЕСТЕРОВ Александр Кононович [псевд. Нестор Око; 14(26).8.1835, Петербург* — не ранее 1899**], автор произв. для протонародья. Из мешан. В кон. 1860-х гг. служил сидельцем в книжной лавке, корректором в типографии. Первая публикация — стихотв. книжка «Воздушное путешествие Непира на Кронштадт» (СПб., 1854).

Автор патриотич. брошюр на воен. темы: «Бомбардирование Колы, или Еще новый подвиг англичан на Белом море», «Морское сражение при Або...» (под псевд. А...), «Похождения французов и англичан в Крым, и удачная вылазка русских из Севастополя» (все — СПб., 1854; об авторстве этой и других анонимно вышедших книг Н. см.: РНБ, ф. 438, № 16, л. 670), «Штурм Севастополя» (М., 1855; под псевд. А. К. Н.), «Взятие Карса, или Да здравствует Муравьев» (под псевд. Павел Будин), «Крымские новости» (кн. 1—3; под псевд. А. Цыклоп; две последние — СПб., 1855), повс. событиям Крым. войны 1853—56 в и ура-патриотич. духе высмеивали неприятеля: «И домашним бы сказали! Как им русские давали! Крымский пир горрой! И что русские солдаты — Разудалые все хваты! / Всяк из них герой» («Штурм Севастополя»).

После войны Н. опубликовал юмористич. сказки в стихах «Бес в полуштофе, или Чудные похождения Ивана Трезвого в пьяном виде» (СПб., 1857; М., 1864) и «Похождения Ерша, или Чудеса подводного государства» (СПб., 1857; изд. анонимно). В прозаич. брошюрах, отличавшихся неподдельным, хотя и грубоватым комизмом («Кухарка в кринолин и ее похождения» (под псевд. А. Н.), «Похождения Акулины в кринолине на Крестовском» (обе — СПб., 1858), «Столичные очерки» (кн. I, СПб., 1859; под псевд. А. Н.), «Петербургские новинки» (СПб., 1860; издана анонимно)), предстают картины петерб. быта. Успех имела брошюра «Война кухарки с барыней, или Нашла кося на камень» (СПб., 1865; 2-е изд., М., 1866), к-рая «расходилась между простым народом в чрезвычайно большом количестве» (ПЛ, 1865, 15 мая; см. также — ПЛ, 1865, 11 апр.). В печати отмечалось, что в ней «заметен хотя площадный, но все-таки юмор» (Новое наводнение брошюрами. — ПЛ, 1865, 24 апр.). По поводу выпущенной Н. брошюры «Американцы в России и русские в Америке» (СПб., 1866; изд. анонимно) агент III отд. также свидетельствовал, что она «раскупается и читается с большим любопытством нашим протонародием» (ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 4, л. 120, л. 1). Популярен был выпускавшийся Н. в 1858—59 уличный листок «Смех», включавший его юмористич. стихи, очерки, сценки и рассказы и пользовавшийся началом «эпидемии» подобных изданий (см.: Добролюбов, III, 244; Н. С., Уличная журналистика. — СП, 1858, 9 мая; Антонов-Вич М. А., Воспоминания. — В кн.: Шестидесятые годы..., М.—Л., 1933, с. 135).

Сам Н. в письме в Лит. фонд утверждал, что его брошюры и сатиры «по дешевизне своей и парочкой балаганности названий имели целью отвлечь себе читателей в тех людях, которых, кроме потешного, ничего не хотят и в руки брать, и, кроме заочиняемых таких людей все больше к чтению, имеют в виду также и повлиять на них столь возможно более понутоно, а потому и кажутся иногда порочно грубо, насмешкою» (РНБ, ф. 438, № 16, л. 671).

Средн. др. изданий Н. — фантастико-юмористич. рассказы («Зефироты и зевороты», СПб., 1861; под псевд. А. Полоротов; «Петербургский домовый и мой с ним странствования», СПб., 1865; изд. анонимно; 2-е изд., СПб., 1871), популярные очерки («Комета 1858 года, и о явлениях комет вообще...», СПб., 1858; изд. анонимно; «Шамиль в Петербурге», СПб., 1859), юмористич. сб-ки («Колпак», «Нос»; оба — СПб., 1866), включавшие произв. как самого Н., так и др. авторов. Кн. «Живая покойница, или 15-ти дневный летаргический сон дочери капитана С. и ее пробуждение» (СПб., 1861; под псевд. А. Н-в) была конфискована и уничтожена полицией, но позднее автор был оправдан (см.: Добровольский Л. М., Запрещенная книга в России, М., 1962, с. 51—52; РГИА, ф. 772, оп. 1, л. 5781). В соавторстве с М. Е. Естигнеевым выступал в печати («Панорама Толкучего рынка», кн. 2, СПб., 1858; «Митька под мостом, или Ночь с лещими», СПб., 1859; под псевд. А. Н.; «Тайны и смешные колдуня», СПб., 1862; 2-е изд., СПб., 1869), оказал влияние на тематику и стилистику его произв. В нач. 1860-х гг. был близок с изв. низовым литератором В. Я. Шмытановским, а в кон. 1860-х гг. — с Д. П. Лимачевским, вместе с к-рым сочинил брошюру «Записки петербургской камезини» (СПб., 1867; подписе А. Н. и Д. Л.). В кон. 1860-х гг. неск. раз получал пособия от Лит. фонда. В 1872 по ходатайству преа. Лит. фонда А. А. Заблочного-Десятьковского Н. принят на службу в Петерб. гор. думу; в 1884—91 делопроизводитель канцелярии. Получил звание личного почт. гражданина. В 1888 пытался создать «Русский добровольный капитал для обеспечения мира или на случай войны», но не получил разрешения градоначальника. В том же году изобрел переносной балкон для мытья наружной стороны окон, введенный в 1895 приказом градоначальника к обязательному использованию (см.: «Вед. С.-Петерб. градоначальства и столичной полиции», 1894, 5 окт.). Н. был одним из первых авторов, писавших специально для гор. «низов». Его книги (часть из них, указанная Н. в списке своих соч. (ИРЛИ, ф. 570, № 11), не выявлена) сыграли важную роль в приобретении их к регулярному чтению.

Лит.: Летопись XIX века (Волокитин И. И.), Лит. архива, СПб., 1868, с. 9, 53—

55, 61; Свешников Н. И., Восп. пропавшего человека. М.—Л., 1930, с. 380; Листи до Марка Вовчка. т. 2. Київ, 1979, с. 140, 460. * Рус. анонимные и подписанные псевдонимами прозаич. сочтати. в. 1—3. Л., 1977—79; Масанов (не указав псевд. А., А. Н., А. К. Н., Павел Будин, Амур де Вилье, Зубрилка Залупырин, Кривулька Зубрилка, Юганко Питкане, А. Цыкло).

Архивы: ИРЛИ, ф. 580 (в т. ч. рукописи ряда произв.; № 11 — список соч., № 16 — копии метрич. записи*, № 12 — записи 1899**); ф. 661. № 777 (письмо к М. К. Лозке от 1892); ф. 265, оп. 2, № 1782, 1783 (исп. рукописи); ф. 155, приложения к ж-лу Лн. фонда за 1873 г., л. 12 об.; РНБ, ф. 438 (Лит. фонд), № 16, л. 669—753; № 17, л. 11 об., 666—722, № 18, л. 237; РГИА, ф. 777, оп. 25, л. 382 (о записании в 1863 г. рукописи Н. «Петербургский домовой и его приятье из провинции»).

А. И. Рейтблат.

НЕФЁДОВ Филипп Диомидович [6(18).10.1838, с. Иваново Шуйск. у. Владимир. губ. — 12(25).3.1902, д. Перебор той же губ.; похоронен в Москве на Ваганьков. кладб.], прозаик, журналист, этнограф, археолог. Детство прошло в с. Иваново. У отца Н., крепостного крестьянина гр. Шереметева, были небольшая ваточная

Нечаев в с. Иваново в 60-е гг. — КнСв. 1925, № 1; 14 писем Нечаева к Н.), близкое знакомство с к-рым впоследствии драматически отзовется на судьбе Н. Под влиянием Дементьева Н. начал посылать корреспонденции в моск. газеты (напр., «Некролог свящ. В. Г. Былинского» — МВед., 1861, 28 окт.). Осенью 1862 Н. уходит пешком в Москву и получает у гр. Шереметева «увольнительное свидетельство», чтобы сдать экзамен на звание домашнего учителя. Не слав экзамена, он записывается в мешанское сословие и поступает на службу к А. Ф. Черенину, владельцу частной б-ки и книжного магазина.

В 1863 в Москву переезжает Дементьев; Н. знакомится с его другом А. И. Левитовым, выпускником Харьков. ун-та Н. М. Богомоловым, позже — с Д. М. Торчило и др. Они образуют ядро кружка, собиравшегося на квартире Н.: студенты, молодые учителя, литераторы. «Отличительной чертой этого кружка было исследование высших целей жизни и своего рода «обет безбрачия» для достижения этих целей («А. И. Левитов». — В кн.: Левитов А. И., Собр. соч., т. 1. М., 1884, с. CVI; см. также: Письма Н. М. Богомолова к Н. — «Тр. Владимир. уч. арх. комиссии», кн. 17, 18, 1917—18).

По утверждению Н., с 1864 по 1868 он был вольнослушателем юридич. ф-та Моск. ун-та (выпускные экзамены не сдал). В эти годы Н. ради заработка активно сотрудничал в юмористич. и сатирич. журналах: «Развлечение» [напр., «Мой дневник» (Заметки общественные, литературные и иные)], 1866, № 16..43], «Будильник» [напр., «Дачные впечатления», 1869, № 22..40; «Москва и москвичи, или Русские на закате XIX в.», 1869—71], «Искра» [напр., «Похвальный лист. (Эпизод из крушиловских выборов)», 1867, № 28—30]. В 1865—66 зав. ред. основанного Черениным ж. «Книжник», в к-ром печатал обозрения и рецензии.

К сер. 60-х гг. относится первая попытка Н. подняться на новую ступень лит. иерархии: он предлагает свое сотрудничество И. С. Аксакову и публикует мат-лы в его газ. «День» («Село Павлово», 1865, 23 окт., 11 нояб.; см. письма Аксакова к Н.: «Тр. Владимир. уч. арх. комиссии», кн. 17). Постепенно Н. завоевывает репутацию знатока фабрич. жизни. Он неоднократно обращается к своим ивановским корреспондентам (Нечаеву, Богомолову) с настоятельными просьбами о присылке мат-лов и на их основе, а также на основе собств. наблюдений публикует ряд очерков: «Чертовое болото» («Развлечение», 1864, № 18..50), «Из с. Павлова. Корреспонденция» («Моск. газ.», 1866, № 27), о школе А. П.

Сусловой в с. Иваново (СПбВед., 1869, 29 марта, 10 апр.; о знакомстве Н. с Сусловой см.: Письма Н. М. Богомолова к Н.) и др.; продолжает печатать и этнографические мат-лы: «Дликие люди, вещи и фантазии на моск. этнографич. выставке и пр.» («Развлечение», 1867, № 24), «Фомин понедельник. (Этнографич. очерк Золотого Дна)» (там же, 1868, № 17). В 1869 Н. становится одной из жертв затейной Нечаевым широкосмасштабной провокации. Получив из-за границы письмо от Нечаева с вложенной в него листовкой издателя «Колокола», Н. впервые привлекает к себе внимание III отд. (о механизме этой провокации см.: Козьмин Б. П., Неудавшаяся провокация. Новое о С. Г. Нечаеве. — КА., 1926, т. 1).

Не обладая определенным мировоззрением, Н. на протяжении этих десятилетий ищет духовного наставника. Характерна его переписка нач. 70-х гг. с ред. «Вестника Европы» М. М. Стасюлевичем: Н. изъявляет готовность подчиниться принятому в журнале направлению мыслей; общается корреспонденту о замысле энцикл. полотна рус. жизни; настойчиво требует от него лит. советов. Как и в случае с Аксаковым, Н. пробует добиться места постоянного моск. корреспондента журнала (см.: Стасюлевич ч. 5; см. также письма М. к Н. А. Некрасову — ЛН, т. 51—52).

В конце 60-х — нач. 70-х гг. Н. удалось поместить несколько беллетристич. вещей на страницах «толстых» журналов: «Нечаянная беда» (очерк из крест. быта) («Совр. обозр.», 1868, № 2); «Девичник. Очерк фабричных нравов» (ОЗ, 1868, № 9); «Святки в с. Данилово. Очерки рус. фабрич. жизни» (ВЕ, 1871, № 3); «Леший обшел» (там же, № 9). Кроме того, были опублик. рассказы из народной жизни: «Иванович» («Неделя», 1868, № 42, 43) и «Безоброчный» («Грамотей», 1871, № 4; отд. изд. — СПб., 1873, с. илл. В. М. Васнецова). Большая часть этих произв. была собрана в кн. «На миру» (М., 1872; в том же году Н. был избран чл. ОЛРС; по мнению III отд., книга использовалась для «преступной пропаганды» — см.: Морачевский, с. XX). В 1878 с добавлением «Святок» и «Девичника» этот сб-к был переиздан, но в переработанном виде и с измененным назв. «Очерки и рассказы» (М.). Совр. критика воспринимала Н. как «представителя крайнего народничества», к-рый подчеркивает «розы фабричных и деревенских, тенденциозно выставляя первых в виде пропы и разбойников». Фабрика, по мнению Н., «только развращает» человека. Положительный идеал Н. — «изидия среднеобеспеченного, патриархального в семейном отношении

фабрика и торговое дело. Окончил Иванов. приход. уч-ще (1844—49) с похвальным листом. Работал в лавке отца, выезжал в др. города с торговыми поручениями. Первые рассказы «Вечер, или Девичник» и «Ночная прогулка» (написаны в 1854—55, опублик. газ. «Старый владимирец», 1913, 12 марта) — лирич. излияния влюбленного юноши. В 1856 знакомится с сотрудником «Костром. губ. вед.» Н. Т. Ашмариним, своим первым лит. наставником, опубликовавшим в газ. очерки «Галичская ярмарка» (1858, 19 дек.) и «Из путевых заметок по Нерехтскому уезду» (1859, 7 февр.) — первые этногр. записки. В 1859 Н. познакомился с В. А. Дементьевым, возглавившим кружок ивановской молодежи: Н., В. А. Рязанцев [ему повс. «Письмо к редактору (Некролог В. А. Рязанцева)» — «Развлечение», 1866, № 45] и воспитанник Дементьева С. Г. Нечаев (см.: Бельчиков Н. Ф., С. Г.

крестьянства» («Галерея рус. писателей», М., 1901, с. 551). Незвращность лит. манеры Н. делает его произв. поводом для журн. пикировок. Один из рецензентов (возможно, Н. К. Михайловский; см.: Смирнов В. Б.) придалает деревенским очеркам Н. «несравненно меньшее значение», чем фабричным: Н. — «хороший наблюдатель, но посредственный психолог» (ОЗ, 1879, № 4, отд. II, с. 198). Другой, напротив, утверждал, что Н. является «вполне художником, притом верным действительности» — именно в деревенских очерках и рассказах («Древняя и новая Россия», 1880, № 9, с. 187). Н. упрекали в «неумеренном употреблении» языка, к-рый изобретается автором по аналогии с народным и часто является «порченым» (ВЕ, 1879, № 3, обложка).

Предыдущая публц. деятельность и новые мат-лы [«Село Иваново-родок» — «Неделя», 1870, № 21, 23; «Новый выпуск. (Письмо из с. Иванова)» — «Беседа», 1872, № 1; корреспонденции Н. печатались также в газ. «Век», «Молва», «С.-Петерб. вед.»] принесли Н. нек-рую известность. В 1870—71, когда распался его брак с М. К. Затрапезной, учительницей моск. жен. г-зии (они обвенчались в 1868), Н. подолгу жил в Иванове. Редакция «Рус. ведомостей» поручила ему исследование положение на фабриках и заводах Владимир. губ. Серия статей Н. «Наши фабрики и заводы» (РВед, 1872, 16 марта ... 21 апр.) побудила жандармское ведомство провести собств. расследование положения дел в Иванове, подтвердившее выводы журналиста (Морачевский, с. XVIII—XIX).

Отличавшийся незаурядными организаторскими способностями, целеустремленностью и деловой сноровкой, Н. был в 1872 приглашен участвовать в организации и проведении Моск. политехнич. выставки. В 1872 он избирается чл. Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те (что избавило его от всех повинностей податного сословия) и с 1874 предпринимает неск. этногр. экспедиции в Поволжье, на Кавказ, в Крым, на Урал, в Оренбург, и Уфим. губ. Н. разрабатывает оригинальную программу исследований, в к-рой этногр. изучение совр. быта народа неотделимо от археологич. изучения прошлого. В 1887 был избран чл.-корр. Моск. археологич. об-ва, по его поручению проводил исследование в Рязан. губ., Юж. Приуралье, Прикамье, во Владимир. и Костром. губ., на юж. побережье Крыма; в 1891 избирается чл. этого Об-ва. В 1895 награжден премией по антропологии им. вел. кн. Сергея Александровича (оценку науч. трудов Н. см.: Ни-

кольский Д. П., Памяти Н. — «Живая старина», 1903, № 1/2; И. С. Шукшинцев — «Тр. Оренбург. уч. арх. комиссии», 1903, в. 11).

На протяжении 1872—82 Н. почти не публикует новых беллетристич. произв. В 1875—76 зав. ред. «Ремесленной газ.», печатал в ней «Ежедн. беседы с читателем». В письме В. А. Гольцеву от 18 марта 1888 он сетует: «... в жизни моей и лит. судьбе лежит что-то непостижимое, роковое ... я встречал озлобление, вражду и брань, а лит. мои работы никогда не оценивались» (ПМ, 1917, № 2, с. 258). В 1879 Н., казалось бы, находит себя, став ред. газ. «Рус. курьер» и заново собрав вокруг себя небольшой кружок единомышленников (Ф. Н. Митропольский, Н. А. Консиндентов и др.). Но в марте 1881 он был арестован: у С. Л. Перовской и А. И. Желябова нашли шифрованные записки, в к-рых рекомендовалось использовать Н. для добывания денег. В том же году он был выпущен под гласный полицейский надзор, но с «Рус. курьером» ему пришлось расстаться.

С 1882 Н. вновь пытается печатать свои произв. на страницах либеральных журналов: «Рус. мысль» (пов. «Не в обычае», 1883, № 1, 5; «В тумане», 1890, № 2), «Рус. богатство» («Движение среди башкир перед путачевским бунтом; Салават, башкирский батыр», 1890, № 10), «Сев. вестник» [автобиогр. пов. «Детство Протасова. (Из жизни и нравов фабричного мира)», 1893, № 1—4]; по старой памяти отдает нек-рые вещи в «Будильник» («Чудная ночь. Святочный рассказ», 1882, № 1, 2) и «Развлечение» («Сладкились. (Отрывок из пов. „Война“), 1886, № 10, 11); часто печатается в ж. «Наблюдатель» («На арестантском пароходе», 1883, № 1; «Клад», 1885, № 1), в разл. лит. сб-ках. Стремись помочь лит. молодежи, Н., в частности, безуспешно пытался опубликовать первую статью В. В. Розанова (тогда еще студента) в «Рус. мысли» (подробнее: Розанов В. В., Письмо к издателю. — РСЛ, 1896, 12, 15 янв.). В 1884 становится пост. сотрудником «Рус. ведомостей». В это десятилетие интенсивный лит. работы окончательно складывается писательский облик Н.

Он живет в мобилированных компаниях «живую богемю, все его имущество состоит в любимых книгах... Несмотря на сравнительно большой круг знакомых в мире ученых, артистическом и др., он держался тесного лит. кружка, чувствовал себя хорошо среди своих прежних сотрудников по «Рус. курьеру», простых, как и он, людей» (Васюков С., Восп. о Н. — ИВ, 1902, № 5, с. 589).

Расширяется географич. кругозор и социологич. охват произв. Н.: оценки изображаемых событий автор зачастую выносит с позиций убежденно верующего человека. Сюже-

ты, ситуации, темы новых произв. Н. черпает из своих странствий по России; его внимание по-прежнему привлекает жизнь рус. деревни; он открывает для себя культуру и историю башкирского народа [произв. этого цикла собраны в кн. «В горах и степях Башкирии» (Уфа, 1988; предисл. и комм. М. Г. Рахимкулова)]; описывает быт староверов («Ночныч» — СВ, 1888, № 7, 8) и интеллигенции (напр., «На берегу моря» — РВед, 1890, № 6). Секр. ОЛРС (с 1885), Н. активизировал его деятельность, устраивая публичные чтения произв. Л. Н. Толстого, Н. П. Глярова-Платонова и др., так что «заседания об-ва стали играть видную роль в моск. интеллигентском мире» (Васюков, там же).

С выходом в свет Соч. Н. (т. 1, 2, М., 1894—95, т. 3, 4, СПб., 1900; перерыв в выходе томов объяснялся тем, что изд. распространялось с большим трудом и Н. пришлось искать др. издателя) и двух изд. «Святых рассказов» (М., 1895; СПб., 1900) рецензенты попытались определить место Н. в рус. беллетристике. Если М. А. Протопопов ставил ему в упрек неумение «проникать в интимнейшую сущность предмета», противопоставляя «стилистическим грандасьянсам» декадентов и символистов его «правдивость» и «теплое человеческое чувство» (РБ, 1895, № 2, отд. II, с. 63), то рецензент ж. «Жизнь» снизводително порицал Н. за отсутствие лит. культуры, находя в его произв. «деланный пафос, паточное красноречие и слабость психологии» (1900, № 7, с. 322). Рецензентов по-прежнему приводит в недоумение сказовая манера повествования в произв. Н.: «Рассказ... ведется от имени фабричного конторщика, выражающегося, конечно, языком не литературным, а областным и просто деланным» («Набл.», 1894, № 4, отд. II, с. 25); «... слейный слог „старцев“ и калек переходящих слышится у него всюду...» («Жизнь», 1900, № 7, с. 322). Носителей новых лит.-худож. вкусов настоятельно «особая тяжеловатая тенденциозность, усердная... проповедь мягкосердечия и нек-рого мистицизма» (А. П. Налимов — «Обр.», 1901, № 4, с. 59). Лит. изложения Н., по мнению рецензента «Рус. богатства», объясняется тем, что «на лит. попроче он выступил несколько позже своих собратьев [Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова, Левитова, Г. И. Успенского, Н. Н. Златовратского. — Ред.], да и потом в своей лит. деятельности внешним образом стоял как-то в стороне от их шунного кружка»; при этом, «как и большинство беллетристов-народников, г. Нефедов никак не может быть назван романистом: сочиненных вещей, с определенной фабулой ... у

него почти нет... Это не повести, не рассказы, это просто ряд картинок народной жизни...» (1894, № 3, с. 40—41). Наиб. благожелательный к писателю Налимов почувствовал в его проиэз. «художественно-объективную иронию» и «осмысленный юмор». «...Читателю представляется, что автор, не мня себя вершителем огромных задач, не сворачивает, однако, с своего избранного пути» («Обр.», 1901, № 4, с. 60).

В 90-е гг. Н., болезненно переживая свою лит. незаметность, часто безденежье и поворот обществ. интереса от крестьянства к фабричному и «босьякам», переселился сначала в д. Плёс Костром. губ., а затем в д. Пересбор Владимир. губ., где пользовался большой популярностью среди крестьян, совершавших к нему паломничество «за бесплатными книгами и лекарствами» (Леонтьев П., Памяти Н. — РВед. 1902, 18 марта). Вместе с тем Н. продолжает издавать свои книги и регулярно появляется на страницах периодики («Чудесник Варнава» — РВед. 1898, 25 февр. ... 17 апр.; «Стеня Дубков» — РМ, 1898, № 4, 5 и др.); в Собр. соч. вошла лишь небольшая часть им написанного. Лубочная затейливость письма, искренняя, хотя и наивно-прямолинейная пропаганда христ. идеалов привлекали к проиэз. Н. определенные круги читателей, так же, как и он, равнодушных к межпартийным баталиям.

Изд.: Повести и рассказы, т. 1—3, М.—Иваново, 1937; Избр. проиэз., Иваново, 1959; пов. «На Новый год» — в сб.: Чудо Рождественской ночи. Святонные рассказы, СПб., 1993.

Лит.: Сильевский Д. П., Памяти Н. — «Новости», 1902, 17 марта; Памяти Н. — «Владимир. галл», 1903, 12 марта; «Старый владимирец», 1908, 7 окт.; 1909, 11 окт.; 1911, 13 нояб., ... 25 нояб.; 1913, 19 мая; 1914, 12 марта; 1916, 16 марта ... 14 июля; Смирнов А. В., Нефёдов. Его жизнь и деятельность. — «Тр. Владимир. ун. арх. комитет», 1917—18, кн. 18 (библ. проиэз. Н.); Резанов В., Архин П. — Там же; Богданов Л., Забытый писатель из народа. — Сб. «Начало», Иваново-Вознесенск, № 1, 1921; Морачевский Н., Нефёдов. Его жизнь и творчество. — В кн. Н.: Повести и рассказы, т. 1, М.—Иваново, 1937; Курдюков В., «Повести и рассказы» Н. — ЮО, 1938, № 18; Орлов А. Н., Из лит. жизни 70—80-х гг. XIX в. (по мат-лам архива Н.). — «Уч. зап. Шульского пед. ин-та», в. 7, 1958; Садовский А., Нефёдов в моих восп. — Сб. «Верхняя Волга», Ярославль, 1964; Соколов Н. И., Рус. лит-ра и народничество. Л., 1968; Горячий М. С., Худож. проза народничества, М., 1970; Смирнов В. В., Невзятная река. Н. К. Михайловского. — В кн.: Рус. журналистика в лит. процессе второй пол. XIX в., Пермь, 1980; Капустин Н. В., Творчество Н. в лит. процессе второй пол. XIX в., Л., 1983 (авторфототип); его же, Ильяновские впечатления, их отражение в раннем творчестве Н. — В кн.: Факт и худож. образ, Иваново, 1989; Храмов Н. И., Нефёдов и лавловские крестьяне. — Крестьянские чтения, Н. Новгород, 1991; Смирнов В. А., Капустин Н. В., Письма Д. Н. Мамонто-Сибиряка к Н. — В кн.: Фольклор и лит-ра Иванов. края, Л., Иваново, 1994; «Наркологи», 1902: БВед. 17 марта (П. В. Быков); ВЕ, № 4; «Владимир. губ. вед.», 15 марта (А. Смирнов); ИВ, № 4; ИВ, 17 и 18 марта; РМ, № 4; РВед. 14 марта (Д. Антонович); «Рус. археологич. ж-л», № 1 (Ивановский); РСЛ, 15 марта; Брокгауз: Гранат; БСЭ;

ЛЭ; КЛЭ; Мельер; Владиславлев; Муратова (1); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 208; ф. 181, оп. 1, № 483, оп. 3, № 35, 123 (письма Н. К. Михайловскому); ф. 283, оп. 2, № 146 (письма А. М. Славянского); ф. 286, № 348—355 (письма А. В. Смирнову); ф. 357, оп. 2, № 250 (мат-лы для биографии); ГА Ивановской обл., ф. 789; РГБ, ф. 239, к. 14, № 38 (письма Н. А. Полозу); А. Ю. Памфилов.

НЕЧАЕВ Анисим Фролович (ок. 1827, с. Пирочи Зарайской у. Рязан. губ. — после 1868, Архангельск), поэт-самоучка. Из крестьян. С 7-летнего возраста жил в осн. у родственников в Архангельске, занимался мелочной торговлей, бывал в Петербурге. В 12 лет выучился грамоте у деревенского священника, в 1849, по просьбе контр-адмирала П. Ф. Кузнецова (нач. Архангельского порта), известного собиранием местных слов Камчатки и Архангельской губ., М. П. Погодин напечатал в «Москвитяине» (1849, № 10) стих. Н. «Рассказ старушки» (с сопроводит. заметкой Кузнецова) — историю верной любви деревенской красавицы к солдату, отправленному «за границу басурманский бить народ». В нем автор пытался имитировать нар. разг. язык; стих. получило популярность и «распевалось как нар. песня» (Назаров). В 1866 в Москве вышла книжка «Стихотворения» Н. с посвящением Кузнецову, поддержавшему стремление автора к сочинительству. Наиб. заметное стих. «Юноша Ломоносов» написано размером, имитирующим гекзаметр; построено в форме вопросов сына к отцу о загадках природы, на к-рые тот не находит ответа; включает описание пророч. сна мальчика-Ломоносова. Патриотич. тема нашла выражение в стих. «Памятник» («Есть памятник в Москве, в столице нашей славной») о К. Минине и кн. Д. Пожарском.

Хранившиеся в архиве А. Ф. Вельтмана две тетради стихов Н. (в посвящении к нему автор, сокрушаясь по поводу «бездарности» своих соч., воспринимает собств. стихотворчество как «трех») частью состоят из стих. с религ.-патриотич. тематикой («Русь», «Наполеон в Кремле», «Пророк Иона»), частью же вводят новое для Н. лирич. начало: «Пляшущие тени», «Богиня волн», романсы, эпиграммы варьирующие и балладные темы В. А. Жуковского, и лермонтовские мотивы — мятежности, разочарования, «бесплодного сомнения». Справиться с этими влияниями Н. оказалось совершенно не под силу; последние стихи значительно уступают первым печатным публикациям. Дальнейшая судьба Н. неизвестна.

Лит.: Барсуков, кн. 10, с. 366—67; Вельтицкий В. Г., Рассказы о рус. самоучках, 2-е изд., М., 1879, с. 19—20.

Архивы: Назаров; РГБ, Вельтицкий/П. 20, 16 (стихи Н. 1866 и 1868 гг.). О. В. Голубева.

НЕЧАЕВ Егор Ефимович [13(25).4. 1859, с. Харитоново Корчев у. Твер. губ. — 23.11.1925, Павловский Посад, под Москвой], поэт, прозаик. Дед — крепостной крестьянин, отец — неграмотный рабочий-хрустальщик. Н. не получил образования, азам грамоты научила его соседка-немка. Девяти лет мальчишка отда-

ли на стекольный завод (гуту), где условия труда были чрезвычайно тяжелыми. В 1885 он перебрался в Москву и поступил на хрустальный завод Дюффруа, где проработал до 1916.

На писательство Н. вдохновил пример И. З. Сурикова. Вместе с М. И. Леоновым, Ф. С. Шкулёвым и др. он участвовал в нач. 1900-х гг. в создании Московского товарищеского кружка писателей из народа (с 1905 Суриковский лит.-муз. кружок). Первое опублик. стих. — «Зимняя картинка» (в сб.-ке проиэз. писателей из народа «Метеор», М., 1891); печатался также в сб. «Посильная помощь» (М., б. г.), «К завстной испли!» (М., 1904), «Луч», «Под красным знаменем» (в. 2) (оба — М., 1906; оба выпуска последнего арестованы и уничтожены по приговору Моск. судебн. палаты от 29 сент. 1907). Сотрудничал в ряде моск. газет и в ж-лах «Друг народа», «Журнал для всех», «Дет. чтение», «Юная Россия» и др. Первый сб. Н. «Трудовые песни» (М., 1911) включал всего 4 стих., автобиографию и портрет автора; более представительным стал сб. «Вечерние песни» (М., 1914; предисл. М. Чайковского). И. А. Бунин откликнулся на выход сб.-ка теплым письмом автору; в книжке, по его мнению, «очень много и прекрасного и трогательного» (РГАЛИ, ф. 348, оп. 1, № 20).

В ранних стихах Н. звучат мотивы тогдашнего рабочего фольклора: возмущение каторжными условиями труда, ненависть к жадным и жестоким хозяевам, осознание обществ.

значения своей работы, готовность постоять за себя и за товарищей, вера в конечное торжество справедливости, тоска по утраченному деревенскому детству. Писал он в разл. жанрах: стихотв. зарисовка, песня, баллада, лирич. пейзаж, дружеское послание, сатира.

С обществ. подъемом нач. 90-х гг. стихи Н. становятся смелее и острее. Поражение Революции 1905—07, как отмечал М. Горький, не привело Н. к отказу от прежних идеалов (см.: Горький, XXIV, 120—21). Октябрь 1917 он встретил как осуществление своих давних мечтаний. В духе пролет. поэзии первых послосл. лет воспевал свободную Россию, создавал труд, знание. В 20-е гг. в ж-лах и сб-ках Пролеткульта и «Кузница» печатались его повести и рассказы о бытом: «Мученики гуты», «Дядя Иван Мазиллин», «Глаза», «У заста-вы» и др.

Современная Н. критика отводила ему роль «защитки рабочей поэзии». Отказавшись от пролет. происхождения и т.п., что он одним из первых поднял тему завода, пролеткультизма, а за ним и разошелся все же не считая Н. поэтично пролет. писателем. Присутствием тому были его увлечение в суриковском движении, иррационализм (без восхищения индустриальной мощью) изображение запала, образы, характерные для крест. поэзии, и «абстрактный гуманизм», мешавший ему стать «по-настоящему» партийным поэтом, хотя издавало до смерти он вступил в ВКП(б). В 20-е гг. Н. переводил стихи Т. Г. Шевченко, Я. Райниса, М. Кононовича, Я. Коласа и др.

Изд.: ПСС в одном томе. М.—Л., 1928 (хригико-биогр. очерк И. Кубикова); Голубое песко. (Мученики гуты). Повесть. М.—Л., 1928 (послесл. Г. Якубовского); Голубое песко. [М.], 1934 (пересл. И. Лашко); Гутари. Избр. произв., М., 1947; Волянык песни. М., 1963 (вступ. ст. и прим. А. Силевова); [Стихи и переводы]. — В кн.: У истоков рус. пролет. поэзии. М.—Л., 1965 (вступ. ст. А. Бихтера, биогр. справка Р. Шафевой); Рус. поэзия детям.

Лит.: Хренов К., Скрытые таланты. М., 1910; Фриче В., Пролет. поэзия. М., 1919; Лашко И., Песни у котловодной гуты. — «Кузница», 1922, № 9; Плещинский В., Пути пролет. поэзии. — «Горняк», 1923, № 8; Дедович Г., Творч. пути пролет. лит-ры. Л., 1925; Глазголев А., Возст.-стеклянный. — ИМ, 1929, № 6; Левин Л., У истоков пролет. поэзии. — «Резина», 1931, № 9; Михайловский Б., Революц. поэзия. — В его кн.: Рус. лит-ра XX в., М., 1939; Пономарев Н., Страницы биогр. жизни Н. — В кн.: Писатели в Твер. губ., в 1, Калинин, 1941; Кулинич А., Е. Нецаев. — В его кн.: Очерки по истории рус. сов. поэзии 20-х гг., К., 1958; Осьмаков Н., Рус. пролет. поэзия 1890—1917. М., 1968. — Филология, 1925: «Известия», 25 нояб.; «Октябрь», № 11; «Беднота», 29 нояб.; Львов-Рогачевский В. Л., Манифесты Р. С., Рабоче-крестьян. писатели. Библиограф. указ., М.—Л., 1926; Эпох. карола. Поэзия творца России. Революц. библиограф. указ., М., 1985; Козымин ЛЭ; КЛЭ; Рус. писатели; Альм; и сб-ки (1); Тарасенко; Муратов (2); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 348; ИМЛИ, ф. 20; РГБ, ф. 81, в составе коллекции Гос. акад. искусствознания (п. IX, № 182—194); ЦГИА СПб., фонд Пл. управлений по делам печати.

И. З. Баскервич

НЕЧАЕВ Степан Дмитриевич [18(29).7.1792. Рязань, губ. (?) — 5(17).9.1860, селцо Сторожовая Слобода Данков, у. Рязань, губ.], поэт. Сын данков. уездного предводителя дворянства Дм. Степ. и Анны Ивановны, урожд. Сиверс (РА, 1893,

кн. 1, с. 42). Получил домашнее образование; выдержал экзамен на чин в Моск. ун-те, 16 янв. 1811 поступил актуариусом в Коллегию иностр. дел; с 1 апр. 1811 в канцелярии рижского воен. губернатора кн. Я. И. Лобанова-Ростовского; в 1812 (25 авг. — 12 дек.) переводчик Коллегии иностр. дел; принял участие в формировании ополчения во Владимире и Арзамасе. С 1814 поч. смотритель училищ Скопин. у. Рязань, губ. Пометы под стихами 1813—16 свидетельствуют о его частых переездах (1813, 1816 — Петербург, 1815 — Липецк, Углич, Сторожово). Наиб. ранние стихи датированы 1813; однако выступать в печати начал с 1816 в «Рус. вест.» (1816—17) и «Вест. Европы» (1816—26), где публикует многочисл. стихи на случай, мадригалы, романсы, песни анакреонтич. характера.

С 1816 чл.-соревнователь (с 1823 д. чл.) ОИДР (в 1838—39 вице-президент, с 1850 поч. чл.). В 1820 избран д. чл. ОЛРС; во вступ. речи «О выборе предметов в названных искусствах» отдал предпочтение «высокому» иск-ву перед «прелестным», видя в нравств. пользе осн. критерий ценности иск-ва и настаивая на выборе для поэзии преим. наш. или религ. тем («Тр. ОЛРС», 1822, ч. 1, кн. 1, с. 26, 28; ср.: ВЕ, 1825, № 2, с. 152—53). Эти идеи проецируются в его поэтик. творчество, весьма интенсивное в эти годы: Н. печатался почти во всех заметных моск. и петерб. ж-лах — «Благонамеренном» (1820, 1823), «Сыне отчества» (1821), но более всего в «Вест. Европы», «Тр. ОЛРС» (1818—24), «Дамском журнале» (1823—25). Его лит. среду составляли моск. каразинисты, историки-дилетанты с сильными архаич. симпатиями в лит-ре (М. Н. Макаров, Н. Д. Иванчин-Писарев, М. А. Дмитриев; перпенска с Макаровым и Дмитриевым — РГИА, личный фонд Н.); сам он тяготеет к поэзии кон. 18 в., где своеобразно переплелись черты позднеклассици-

стич. и сентиментальной поэтики. В ранних стихах Н. культ чувствительности, сентиментального «дружества», уединения соседствует с обращениями к гедонистич. лирике. Широко известность приобрел его переводной (с франц.) романс «На слово люблю» (Сочинено в Липецке в 1815 году) («Я не скажу тебе люблю / Всеобщей моде подражая» — ВЕ, 1816, № 9).

Романс принадлежит к числу наиб. популярных в альбомном обиходе 1810—20-х гг. стихов, потерявших детство и переиспользованных как анонимные (см., напр.: Ежегодник РО ЛД, 1977, Л., 1979, с. 41); так его записал в 1816 в альбом жене Ю. П. Яермонтов, отец поэта, и иногда в лит-ре оно и приписывалось ему; ранее, в 1814, М. М. Лермонтов выискала в альбом родственницы франц. оригинал (см.: Санзмирская В. Б., Альбом с рисунками Лермонтова. — В кн. М. Ю. Лермонтов. Иссл. и мат-лы. Л., 1979, с. 137—38). Возможно, с неважеского текста сделан перевод стих. на груз. язык А. Г. Чавчавадзе (см.: Богомолов И. С., Ал-ар Чавчавадзе и рус. культура. Тб., 1964). Вариации из этих стихов выявляются еще в 1820-е гг. (ср.: Федоров Б., Незакомый Романс. (На голос: «Я не скажу тебе: люблю! Всеобщей моде подражая»). — НЛ, 1824, кн. 10, док.).

С сент. 1817 по окт. 1823 Н. — директор училищ Тульской губ. (мн. стихи его подлинаны: С. Н. Тула), где открыл ланкастерскую школу для 125 детей, 2 мужских и 2 жен. пансиона («Благ.», 1823, № 2, с. 145—148; Гераков в Г., Продолжение путевых зап. по многим рос. губерниям. 1820-й и 1821 гг., СПб., 1830, с. 137, и след.); в 1819 награжден чином коллеж. асессора. Как воспитатель и педагог пользовался признанием (ср. арасероанные ему стихи Ф. А. Алексеева); еще в Рязани оказал помощь, влияние на мальчика Н. И. Надеждина, посвятившего Н. благодарственные стихи (см.: Козмин Н. К., Н. И. Надеждин... 1804—1836, СПб., 1912, с. 1, 3—4). Пед. и благотворительную деятельность Н. в этот период сочетал с исполнением обществ. программы: будучи членом «Союза благодеяния», он в 1819 принял в Союз старшего учителя Тульской г-зии Д. И. Альбицкого (см.: Декабристы, ук.), пытался привлечь и др. членов.

В мае 1823 выехал на Кавк. воды для лечения и с намерением «осмотреть весь плодородный восток России» (см.: Поэты 1820—1830, т. 1, с. 111); посетил Георгиевск, Моздок, Кизляр, Куманскую степь, Астрахань и Сарепту; плодом поездки явилась серия описат. ориентальных стихов, принадлежащих к лучшей части поэтик. наследия Н., в т. ч. «Ручей Улькун» (ВЕ, 1824, № 7, «Мнемозина», 1824, ч. 1) и «Воспоминания» (ПЗ на 1825). А. И. Тургуев писал П. А. Вяземскому, что «Воспоминания» полны «мысли и чувства» (ОА, III, 130); как «прекрасное описание» они воспринимались еще и в 1830-е гг. (см.: Поэты 1820—1830, т. 1, с. 705). На Кавказе Н. знакомится с будущим декабри-

стом А. И. Якубовичем и посвящает ему стих. («К Я(кубовичу)», 1823; опубли.: МТ, 1825, № 10).

По возвращении в Москву служил чиновником особых поручений при мек. ген.-губ. кн. Д. В. Голицыне, занимаясь, в частности, вопросами деятельности благотворит. учреждений (еще в 1817 избран чл.-корр. Имп. Человеколюбивого об.-ва). В числе его лит. знакомых — Вяземский, Тургенев, М. Н. Загоскин, М. Т. Каченовский, И. М. Снегирев, М. П. Погодин; с февр. 1823 сближается с А. А. Бестужевым (Памяти декабристов. в. 1, Л., 1926, с. 57). В сер. 1820-х гг. участвует в «Полярной звезде» как автор и как лит. эмиссар, собирая мат-лы у моск. литераторов (ЛН, т. 60, кн. 1, с. 207); Бестужев во время наездов в Москву обычно останавливается у Н. Его письма к Бестужеву полны лит. тем; в одном из них сообщалось о ценз. затруднениях поэмы «Войнаровский» К. Ф. Рыльева (ЛН, т. 59, с. 144). Тогда же печатается в «Мнемозине» В. К. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского и в «Моск. телеграфе» Н. А. Полевого (1825—26), где помимо стихов помещал статьи по истории и археологии [предмет спец. интереса Н. — топография и реликвии Куликов. битвы; о них же его публ. в «Вест. Европы»: «Описание вещей, найденных на Куликовом поле» (1821, № 24), «Некоторые замечания о месте Мамаева побоища» (там же, 1821, № 14)].

Общение с декабрист. крутами сказало в печатных выступлениях Н.: в них начинает отчетливо прославиваться тема «общественного блага» (см. некролог историку и экономисту, чл. Северного об.-ва П. Д. Черевину — ВЕ, 1824, № 14), «вольности» (в кавк. стихах), освобождит. борьбы («Застольная песнь греков», написана в 1824), неприятия сословных привилегий и крепостного права. В целом, однако, его полит. позиция весьма умеренна; в «мыслях» и «замечаниях» 1824—25 он осуждает стремление добиваться «полит. свободы» («...есть одна из тех идей, к-рые не удалось еще осуществить человеческому роду; вряд ли и удастся когда!») («Мнемозина», 1825, ч. 4, с. 53; ВЕ, 1824, № 6, с. 144).

По лит. ориентации Н. остается «классиком», хотя сотрудничает в изданиях романтик. направления, испытывает воздействие романтик. эстетики и признает за ней преимущество «прелесть и истины» (ВЕ, 1825, № 21, с. 15). Его поэтик. язык — нормализованный, рационалистич. язык «элегич. школы», характерные жанры в 1820-е гг. — аллегорич. дидактич. послание и медитативная элегия с сильным религ. началом: «Ростовский монастырь» (1823), «Умирающий певец» (1825), «По-

ствии на Леониду» (1826). В 1824 он вместе со Снегиревым, Каченовским, И. И. Давыдовым разбирает «Пушкина „Кинжал“ и романтиков и слепое им удивление, плод невежества» (Снегирев, 1904, с. 68) и упрекает новейших писателей в отходе от канонов классич. эстетики (см.: ВЕ, 1825, № 2, с. 150).

После подавления дек. восстания 1825 III отд. интересовалось деятельностью Н., но к следствию не привлекло. В окт. 1826 Н. командирован в Перм. губ. в помощь флигель-адъютанту гр. А. Строганову для расследования о раскольниковых сектах; 31 дек. 1826 в Екатеринбурге встретился с декабристом М. И. Пушкиным (РГИА, ф. 1005, оп. 1, д. 5), позднее переписывался с Ал.-дром Н. Муравьевым (РА, 1893, кн. 2); в 1832 был вынужден давать письменные показания по обвинению в «непередаче начальству известия о заговоре в Ирбите» в 1826 (РГИА, ф. 1005, оп. 1, д. 49). Из поездки привез обширный этногр. и фолькл. материал (см.: посв. изучению раскола ж-л «Братское слово», 1893, [№ 7—10]). В июне 1827 Н. причислен к собственной о. и. в. канцелярии, и он переезжает в Петербург. В июле 1828 женился на С. С. Мальцовой, свойственные Карамзиных и племяннице обер-прокурора Синода П. С. Мещерского (дети: Динтрий, Софья, Анна, Георгий); возобновил общение с петерб. литераторами, эпизодически встречался с А. С. Пушкиным (так, 11 мая 1828 он вместе с Пушкиным, Вяземским, И. А. Крыловым, А. Мицкевичем и др. на вечеру у А. А. Перовского; см.: ЛН, т. 58, с. 79); известно два письма к нему Пушкина (Пушкин. Письма. IV).

При поддержке кн. Мещерского и кн. А. Н. Голицына был определен в Синод за обер-прокурор. стол (дек. 1828), «где и вступил в частые сношения с митрополитом моск. Филаретом» (РА, 1893, кн. 1, с. 42); с 1829 чл. комиссии духовных уч.-ш. В 1833—36 обер-прокурор Синода; получила репутацию деспотичного и мелочно-придирчивого сановника, преследовавшего, однако (и небезуспешно), интересы гос. власти в церк. управлении. В февр. 1836, взяв четырехмесячный отпуск, уехал в Крым к смертельно больной жене, но в живых ее не застал; члены Синода для улаzenia Н. подали просьбу при помощи Анд. Н. Муравьева о перемещении его на более высокие гос. должности (см.: РС, 1885, № 10, с. 151—52; № 7, с. 12—18, 25—26; ср. в воспоминаниях Анд. Муравьева: РО, 1896, № 2, с. 506—21).

В июне 1836 получил чин тайного сов. и назначен сенатором (с 1847 — первоприсутствующий в I отд. 6-го деп.); с 1856 д. тайный сов.; в 1857 вышел по болезни в отставку; начи-

ная с 1819 удостоивался за отличную службу мп. наград (в т. ч. орденов Св. Анны, Св. Владимира и Белого Орла). Лит. деятельность Н. в петерб. период полностью прекратилась. Последние годы жизни он провел в Москве, изредка приветствуя своих друзей посланиями в духе «домашней литературы» (послания: С. А. Соболевскому, 1845 — РА, 1894, кн. 1; Соболевскому и И. С. Мальцову — РА, 1904, кн. 3).

Др. прозв.: «Пифагорейские жены. (Соч. Виланда. Пер. Н.)» (М., 1817).

Изд.: Застольная песнь греков. — В кн.: Декабристы. Поэзия. Драматургия. Проза. Публицистика. Лит. критика. М.—Л., 1931 (сост. В. Орлов); [Стихи из «Полярной звезды» на 1824—1825 и «Звездочке» на 1826]. — В кн.: «Полярная звезда», изд. А. Бестужевым и К. Рылевым. М.—Л., 1960 (изд. подготовил В. А. Аршинов. В. Г. Базанов и Я. Л. Левкович); Поэзия 1820—1830 (биогр. и прим. В. Э. Вауру); Афоризмы декабриста. — «Лит. Россия», 1982, № 1 (публ. афоризмов И.).

Письма и переписка: А. А. Бестужеву — РС, 1888, № 12; 1889, № 2; Игнатию (Брянчинову) — «Христ. чтение», 1895, в. 3, май—июнь; Инокентию армянскому Херсонскому и Таврическому — РА, 1911, кн. 3; с А. Н. Голицыным — РА, 1893, кн. 1; митрополитом Московским Филаретом — там же, кн. 1—3 (отз. изд. под нав. «Переписка Филарета ... с Н.» — СПб., 1895); Игнатию (Брянчинову) (РА, 1893, кн. 2); Фотия (РА, 1896, кн. 1); Псыма аскета. Из переписки армянца Фотия Брянчинова с Н.. СПб., 1893.

Лит.: ОА [ук.]; особ.: III, ч. 2 — Прим., с. 380—82 — биография; Кюхельбекер (ук.); Барсуков. VIII—X, XII, XIII (и ук.); Чистович И. А. Рукописные записки духовного просвещения в России. СПб., 1894; Благонравов Ф. Обер-прокурор Святейшего Синода в XVIII и в перв. пол. XIX столетия. 2-е изд. Кат., 1900; «Старина и новина», 1904, кн. 7, с. 187—91; 1907—99; 1905, кн. 9 (ук.); Снегирев И. М. Дневник, т. 1, М., 1904, с. 4, 56, 68, 111, 149; Выписки из Нецкая архива. СПб., 1905 (преисл. и прим. Н. П. Барсукова); Выписки из писем С. С. Мальцова к С. А. Соболевскому. СПб., 1904, с. 41—43 (преисл. и прим. Н. П. Барсукова); Мухина С. Л. Из истории литер. декабризма. (Деятельность чл. Соста благотворения II.). — «Рус. яз. в кирг. школе», 1971, № 1; см. же, Современник декабристов Н. — «Вопросы истории», 1983, № 10; см. же, Пушкин и забытый жанр рус. лит-ры. — В кн.: Проблемы метода и жанра, в. 9. Томск, 1983; Глаголева О. Е., Основатель нар. училищ. С. Д. Нецкая. — В кн.: Гордость земли Тульской. т. 2, Тула, 1991; см. же, Рус. провинциальная Тула, 1993, с. 66—69, 178—79; Вауру (2; ук.); ЛН, т. 59, 60, кн. 1—2; т. 87. + Добролюбов И. В., Яковлев С. Д. Библиограф. словарь писателей, ученых и художников, уроженцев (прим.) Рязан. губ., Рязань, 1910; Геница; Сл. О.РС; РС; Чудинов; Эймонтова (1, 2); Черезский; Декабристы.

Архивы: РГИА, ф. 1005; РНБ, Ук. (письма М. Н. Загоскину, С. П. Шумякову, В. Ф. Одоевскому и др.); ГА Рязан. обл., ф. 98, оп. 8, л. 35 (сжатая розоцветная Нецкая, сведения о многих наградах и высших должностях Н., а также о браке и детях; все — на 1846, в копии); ГА Тульской обл., ф. 7, оп. 2, л. 1-а (ф. с. 1818 г.). В. Э. Вауру.

НИКАНДР [в миру Николай Динтриевич Молчанов; 1(13).4.1852, Москва — 5(18).6.1910, Петербург; похоронен в склепе Свято-Духовского храма Свято-Духова мон. в Вильне], архиепископ Литовский и Виленский; религ. публицист. Из семьи диакона. Окончил Моск. духовную ссм. (1868—74), где издавал рукоп.

НИКАНДРОВ

журнал «Семинарский досуг», затем — академию (1878) со степенью кандидата богословия. Первая публ. — критико-биогр. заметки «Леонтий Карпович, перек. вития правосл. Юго-зап. Руси в XVII столетии, и два его слова» (М., 1878; то же: «Правосл. обозр.», 1880, № 11; подпись Н. Молчанов), в к-рых Н. рисует портрет «обличителя папистических заблуждений» времен унии (как бы предугадывая и свое назначение). По окончании Моск. духовной акад. преподавал в Тамбов. духовной сем. и был ред. «Тамбов. епарх. вед.». В 1884 защитил магистер. дис. «Подлинность четвертого Евангелия и отношение его к трем первым Евангелиям» (Тамбов, 1883; подготовительная публ.: «Пасхальные споры II в.» — «Правосл. обозр.», 1880, № 4), посв. детальному анализу и опровержению выводов новотюбингенской школы (преим. в лице Ф. К. Баура), искавшей противоречия между Евангелием от Иоанна и т. н. синодальскими Евангелиями. В кн. «Естественный гуманизм и христианство в их сходных, по-видимому, нравств. идеях» (Тамбов, 1884) гуманизм рассматривается как «основное, отличительное направление совр. науки и образования, проповедующее те же самые нравств. идеи, какие принесло в мир и яснейшим образом проповедало миру христианство» (с. 6), но пытающееся «устранить христианство и заменить его новой религиею разума» (с. 5). Сравнивая принципы гуманизма, основоположником к-рого Н. считал И. Г. Гердера, с христианством, он утверждает, что последнее не требует «самоумеряющего аскетизма» и не осуждает «земное счастье».

Одавев в 1885 и приняв монашеский постриг с именем Никандра и священный сан, был назначен ректором Тамбов. духовной сем. и возведен в сан архимандрита. С 1891 —

викарный епископ Петерб. епархии. В 1893—95 ректор Петерб. духовной акад. В 1895 назначен на кафедру епископа Симбирского, где прослужил ок. 9 лет (см.: «Симбирск. епарх. вед.», 1904, № 2, 10, 11). С 1904 — архиепископ Литовский и Виленский; с 1909 — чл. Синода.

В условиях латинско-польской пропаганды (центром к-рой издавна была Литовская епархия), особенно усилившейся после манифеста 17 апр. 1903 о свободе вероисповедания, Н. выступал как ревностный защитник православия на страницах «Литов. епарх. вед.» и «Вестника Вилен. правосл. Св.-Духовского братства». Отвечая реф. социалистич. идеи, Н. признает неизбежность и пользу неравенства и отищает, что «аук несправ.» захватывает все большие и большие круги общества («Послание... к пастырям Литов. епархии» — «Литов. епарх. вед.», 1906, № 21, с. 7, 23, 24), выступает «прям смуты умов и темноты душевной» («О свободе вероисповедания» — там же, 1905, № 32—33, с. 284), «ненравность» к православию доводит до злым делом же, № 25—26, с. 223). В публицистич. чтениях «Против совр. несправ.» («Вестник Вилен. правосл. Св.-Духовского братства», 1908, № 5...24; отд. изд. — Виленя, 1909), критически анализируя теорию материализма и совр. пагизма, Н. в подтверждение своих выводов приводит высказывания философов и ученых, подававших, что только получение знаний от религии (№ 8, с. 170).

Н. заботился об умножении и украшении храмов (ходатайствуя перед Синодом и находя частных благодетелей). Активный участник Предсоборного совещания (1906). В 1906 учредил братский паломнический к-т. Был пред. 2-го Виленского съезда представителей западно-рус. братств (1909). В речи перед Николаем II (будучи в 1909 чл. делегации от Зал. России) просил «о даровании рус. населению, в отдельности от поляков, права представительства в Гос. совете по выборам» («Вестник Вилен. правосл. Св.-Духовского братства», 1910, № 12, с. 248).

По словам архиепископа Никона (Рождественского), знавшего Н. со времен совм. учения в Моск. духовной сем., он «владел тихим, невозмутимым и как бы застенчивым, несколько замкнутым характером» и вместе с тем был человеком твердых убеждений как в церк. делех, так и в полит. воззрениях, доблестно отстаивая свое «патриотич. кредо» («Колокол», 1910, 6 июля).

Др. произв.: «Ист.-статистич. описание Тамбов. Вознесенского жен. монастыря» (Тамбов, 1883).

Лит.: Ханингемс Дж. В., С надеждой на собор. Лондон, 1990. + Некролог, 1910: «Вестник Вилен. правосл. Св.-Духовского братства», № 12, 14—15; НВ, 8 июня; НВ, июль; Приб. к «Церк. вед.», № 24. Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von Metropolit Manuil (Lemelevskij), Teil 5. Erlangen, 1987; Броулау: Венгров. Источ. (на фан. Молчанов); Полн. православ. бот.-словеский энцикл. словарь, т. 2. М., 1992 (репринт).
С. М. Гусков.

НИКАНДРОВ Николай Никандрович [наст. фам. Шевцов; 7(19).12.1878, с. Петровское-Разумовское под Москвой — 18.11.1964, Москва], прозаик. Род. в семье почтового служащего; из дворян. Детство прошло в

Севастополе, где Н. учился в церк.-приходской школе, а в 1896 окончил реальное уч-ще. Учился «скверно, с отвращением»: не мог понять, для чего «могут быть нужны те науки, которые с такой настойчивостью преподают» (письмо С. Н. Сергееву-Ценскому, 1957 — РГАЛИ, ф. 1161, оп. 1, № 525). В юности пережил увлечение религией, даже подумывал стать послушником, но вскоре убедился в «моральной грязи и паразитизме монашеского существования» (автобиография — РГАЛИ, ф. 1452, оп. 1, № 226). В 1897—98 учился в Моск. уч-ще путей сообщения. Тогда же встретился с Л. Н. Толстым, пытаясь найти у него ответ на вопрос о смысле жизни (см. письмо Н. Н. Шевцова от 19 янв. 1898 — ГМТ; описание встречи см. в цитируемом выше письме Сергееву-Ценскому). По совету Толстого решает идти в народ и после недолгого обучения в петерб. Лесном ин-те (1898—99), откуда был исключен за участие в студенч. волнениях и выслан под негласный надзор полиции, становится нар. учителем в школах Саратов. (с. Грязнуха Петровского у.) и Перм. губ. (Крестовоздвиженское уч-ще). Вел антиправительств. агитацию среди крестьян; в 1900 вошел в группировавшийся вокруг Е. К. Брешково-Брешковской кружок эсеров.

В газ. «Саратов. дневник» Н. опубли. цикл корреспонденций «Петровские письма» (1899, 11, 24 нояб.; 1900, 23 янв., 24 февр.); в газ. «Перм. край» — заметки о рутине провинциальной жизни. В кон. 1900 предпринял попытку пробиться в столичную печать: послал рукопись рассказа «Грубианы» в «Рус. богатство», но получил отказ. Во время пребывания в 1901 на курсах учителей в Перми привлекался к дознанию о принадлежности к реф. орг-ции (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1913 г., 9 чл. 74 — Б). Скрываясь от ареста, Н. в кон. февр. 1902 уехал в Севастополь, переби-

вался случайными заработками. Вскоре был заключен в Севастопольскую тюрьму. В камере развлекал арестантов своими рассказами, и один из слушателей — им оказался А. С. Грин — передал ему запись, в к-рой советовал написать рассказанное и послать в газету, 25 дек. 1902 в газ. «Крым. вест.» за подписью Никандрович опубликована его аллегорич. сказка «Рождественская ночь». Позже появились живые, отмеченные юмором, умение передать диалог «сенки» и «зарисовки с натуры», опублик. в 1903 в той же газ. под общим загл. «Севастопольские картинки»: «Дамы бесплатно» (15 янв.), «Айда за червем!» (29 янв.), «Как праздновать?» (14 февр.), «Крымские идиллии» (21 февр.), «„Ухажор“ из карантин» (22 марта), «На публичной лекции» (2 апр.). В том же году в «Журнале для всех» (№ 9) опублик. рассказ Н. «Черная кость... белая кость».

Летом 1903 Н. был приговорен к ссылке в Н. Новгород сроком на год под гласный надзор полиции; там продолжал пропаганду среди крестьян и сорвал рабочих, распространял нелегальные издания, устраивал сходки (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1905 г., д. 1800, ч. 6, л. 28—29) и установил связь с Я. М. Свердловым. Здесь же познакомился с М. Горьким, Л. Н. Андреевым, С. Г. Скитальцем, Е. Н. Чириковым, Г. И. Чулковым и др. Горький помог Н. поступить на фабрику «волшебных фонарей» раскрасчиком диалогитивов, убеждал его продолжать лит. деятельность. Об этом времени Н. писал в автобиограф. «По воленому билету» (фрагменты опублик.: «Радуга», 1989, № 9; гл. «У Горького», с сокр. — в ж. «Смена», 1948, № 12).

Вернувшись в Севастополь, Н. в нояб. 1904 получил место учителя зем. ремесла, уч-ща в с. Воникс Перекоп. уезда. За произнесение перед крестьянами речей, «возбуждающих к несправедливому существующему в государстве общественному строю» (ГАРФ, ОО, 1913 г., ч. 9, 74—Б), был арестован и выслан летом 1905 под гласный надзор полиции в с. Понгаму Кемского у. Архангельской губ. (восп. о пребывании там отражены в рассказе «Бывший студент» — СМ, 1909, № 3). Из ссылки он продолжал посылать в «Крым. вест.» рассказы, два из них — «На пути следования» (1905, 14 окт.) и «На базаре» (1905, 27 окт.) — привлекли внимание А. И. Куприна, к-рый решил пригласить автора сотрудничать в «Мире Божьем». Их встреча состоялась после возвращения Н. в Севастополь по амнистии 17 окт. 1905 (РГАЛИ, ф. 1714, оп. 1, № 15, письмо Н. к Е. Л. Янтарёву (Бернштейну) 11 янв. 1906). В «Мире Божьем» (1906, № 1) был опублик.

«социал-сатирический», по определению самого Н., рассказ «Бунт» — об условиях возникновения массового психоза, рождению мифов обыденного сознания. В это время Н. — инструктор «боевой дружины» эсеров, принимает участие в организации террористич. актов: подготовил побег Б. В. Савинкова с гауптвахты, разработал план убийства главнокомандующего Черномор. флотом адм. Г. П. Чухнина, утвердившего смертный приговор лейтенанту П. П. Шмидту и его товарищам-очаковым (Кис, 1929, № 12; подтверждение этого факта — в письме А. В. Перугудову от 2 янв. 1962 — РГАЛИ, ф. 2211, оп. 3, № 109, л. 8). Перейдя на нелегальное положение, жил по подложным паспортам (в 1907 в Гомеле — инспектор г-зии, позже — грузчик в Одессе).

В 1910 Н. снова вернулся в Севастополь, но был выслезен и 17 июля «представлен к адм. высылке» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1910 г., ч. 9, 74—В), после чего эмигрировал. Живя в Швейцарии, Италии, Франции, поддерживал дружбу с А. С. Новиковым-Прибоем, А. В. Луначарским, П. И. Лебедевым-Полначком. В письме к матери из Нишцы он жаловался на «тишину и машинность заграничной жизни» и говорил, что «рус. писатель должен жить только в России» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1913 г., ч. 9, 74—Б). Зарабатывая на жизнь физич. трудом, Н. продолжал писать, его произв. печатались в «Совр. мире», «Заветах», «Современнике» и др. ж-лах. В Россию он вернулся в 1914 уже признанным литератором. В 1915 ответил ред. моск. «Нар. газет», вскоре приостановленной за помещение открытого письма к рабочим «Что такое военно-промышленные комитеты». Его поддерживает Горький, публикуя в 1916 в «Летописи» рассказы «Лес» (№ 2), «На Часовой улице» (№ 12), однако сотрудничество в ж-ле прервалось в 1917 в связи с протестом Н. («Речь», 1917, 13 янв.) против публикации в нем автобиографии Ф. И. Шалапина, к-рый присоединился к коллегам-актерам, выразившим верноподданнич. чувства Николаю II. Протест вызвал недоумение Горького (Архив Горького, IX, 193) и осуждение Л. Андреева («Рус. воля», 1917, 16 янв.). Теплые отношения сложились у Н. с одним из руководителей «Книгоизд-ва писателей в Москве» Н. С. Клёстовым, с чьей помощью он издал сб-ки «Береговой ветер» (1915; реп.: М.З. — УР, 1915, 10 окт.; 2-е изд., М., 1917) и «Лес» (1917).

Рассказы Н. были встречены одобрительно: А. А. Измайлов считал, что по его произв. «видится будущее, поставившее в своем представлении актуальную задачу наших дней» (РСЛ, 1906, 15 марта). А. В. Амфитратов он «напоминает Шедрина первого периода» (ЛН, т. 93, с. 378;

см. также с. 438). Куприн выделяет в его творчестве «хороший, здоровый юмор» («Веч. истины», 1916, 3 мар.). Вяч. Полонский — «глубокую правдивость и истинность характеристик» («Летопись», 1916, № 3, с. 258).

Сфера интересов Н. — быт. Его герой — толпа, масса как некий особый организм, подчиняющийся исключительно биолитич. ритму, растворяющийся, инвализирующий все личностное, индивидуальное («Горячая» — СМ, 1911, № 10). Уже в рассказе «Больные» (СМ, 1906, № 1, окт.) Н. изобразил легкость, с к-рой опытный апитатор может манипулировать настроением масс, а в рассказе «Катаклизмы» («Все подробно», написанных после Февр. революции (опублик.: Собр. соч., т. 2, М., 1927), проанализировал поведение темной, дикой толпы, возжаждавшей полит. деятельности, сущности к-рой она не понимает, и готовой к кровопролитию. Сознание обывателя, опутанное слухами, пропитанное недоверием и подозрительностью, является, по Н., фундаментом тех гос. учреждений, цель к-рых — преследование иннакомыслящих, наказание сопротивляющихся. В сатирич. рассказе «Ротмистр Закасаев» («Совр.», 1912, № 1), «Во время затишья» («Заветы», 1914, № 7) характеры гиперболизируются, ситуация доводится до гротеска. В корчах нутужного смеха («Весельчак» — «Ежемес. журнал», 1915, № 4), во вселаянии эмоций («Лес») гибнет в его произв. Россия; он такой же «тоскующий весельчак», как Е. И. Зяматин, «и задыхается порою от мучительного, певного смеха, когда описывает мешанскую, дику, звериную жизнь, которой культура и не коснулась» (В. Львов-Рогачевский — «Ежемес. журнал», 1916, № 1, стб. 173). Сочетание экспрессионист. поэтики с чертами натурализма составляет своеобразие творч. манеры писателя, однако статичность, «неподвижная правда сегодняшнего дня», по выражению А. А. Гизетти («Ежемес. журнал», 1916, № 4, с. 310), описательность влекут за собой композиционную рыцкость, выдолбленность фабулы и сюжета.

Начало 1917 Н. встретил в действующей армии; он — нач. санитарной «летучки», руководимой А. Л. Толстой. В февр. дни 1917 возвратился в Москву, публиковал очерковые зарисовки «на злобу дня» в газ. «Власть народа» (18, 23 июня), «Киев, мысль» (25 апр., 10 июня). Годы революции и Гражд. войны он провел в Крыму, нек-рое время руководил лит. студией в Севастополе. В 1922 переехал в Москву, активно печатался. В его новых произв. «Рынок любви» (М., 1924), «Гурты» (ИМ, 1925, № 1; в собр. соч., т. 4 — под назв. «Скотина»), «Морские просторы» (М., 1935) критика усмотрела клевету на новый строй. Обвинение в

НИКАНОР

трохист. «контрабанде» идей (Кор И., Как не надо писать о большевист. штурме. — «Знамя Трехгорки». 1932, 1 янв.; Ал., Тайна рождения... хаттуры. — ЛГ, 1932, 28 янв.; Батасов А., Около и по поводу пугины. — Там же, 1932, 5 марта) заставляет Н. замолчать почти на 20 лет. Он испытывает острейшую материальную нужду. Опасаясь репрессий, то и дело переезжает с места на место, для пропитания торгует на рынках — кремьями для зажигалок, подержанными вещами. Во время Вел. Отечеств. войны в Крыму пропала часть архива Н., многое погибло и во время пожара в его комнате в Москве. В нач. 50-х гг. он жил в Крыму и начал работать над очерком о рыбаках, но «писать вполголоса и подхалмнмо» не мог по-прежнему (см. письмо Г. Ф. Сукованченко от 15 сент. 1959. — РГАЛИ, ф. 1396, оп. 2, № 11) и оставил работу незавершенной. Не осуществилось и намерение написать беллетризов. автобиографию («... наше начальство превратно смотрит на ... борьбу народовольцев» — РГАЛИ, ф. 2211, оп. 3, № 109; письмо Перегудову от 3 мая 1961). Возвращение Н. в лит-ру состоялось лишь в сер. 50-х годов, но это были в осн. перенздания его дорев. произведений. Умер Н. в нищете, в комнате, обстановка к-рой состояла из ящиков, заменявших стол, кровать и стулья.

Изд.: Собр. соч., т. 1—5. М., 1928—29; Морские просторы, М., 1935; Морс, М., 1952; Поестки и рассказы, М., 1958 (послел. и прим. А. Храбровицкого); Беретовой ветер, М., 1964 (послел. и прим. А. Храбровицкого); то же, М., 1978; то же, Симферополь, 1980 (вступ. ст. П. А. Дегтарев); Диктатор Петр. — В кн.: Рус. сов. сатирич. новост. 20-е годы, М., 1989 (вступ. ст. и прим. С. Г. Борозникова); Катаклизмы. — «Начало», 1992, № 21 (публ. М. Михайловой).

Письма: В. Г. Ливину. Отрывки — в кн.: Ливин В., Люди и встречи, М., 1965; А. В. Перегудову — НМ, 1980, № 1.

Лит.: Игнатов И., Лит. отголоски. — РВед, 1906, 8 нояб.; 1915, 17 окт.; Басаргин А., Критич. заметки. Приемы «освободительной» педагогики. — МВед, 1906, 4 февр.; Войтоловский Л., Летучие наброски. — «Киев. мысль», 1913, 15 мая; 1914, 16 марта; Не-Буква (Василевский И. М.), Новые влады. — ЖЖ, 1915, № 28; Чупосов М. (Ясинский И. И.), Левый каменного плена. — ЖЖ, 1915, № 31; Н. Никандров, «Беретовой ветер». (Рец.). — «Рус. зап.», 1915, № 11; В (альбс) Б., Вибнаотграфич. замски. — «Одес. листок», 1916, 18 янв.; Голдков В., Неаверенный художник. — «Вест. знания», 1916, № 89; Колтоновская Е., Сон яли умраине? — РМ, 1916, № 3; Ариэль, В толпе. — ЖЖ, 1916, № 4; Лернер Н., Средя журналов. — ЖЖ, 1917, № 9; Михайлова М., Проблема творч. метода Н. (Дорев. период). — В кн.: Проблемы взаимодствия метода, стили и жанра в лит-ре, ч. 2, Саратов, 1989; сс же. Об особенностях поэтики творчества Н. (Докт. период). — В кн.: Поэтика рус. сов. прозы, Уфа, 1991. + Некролог: ЛГ, 1964, 21 нояб.; Владиславлев; ЛЗ; КЛЗ; Рус. сов. прозаики, т. 7, ч. 1: Сов. дет. писатели, М., 1961; Масанов (не учтен посв. Иммигрант).

Архивы: ИМЛИ, ф. 269; РГБ, ф. 9, оп. 2, № 72 (письма Н. С. Клецово-Ангарскому); РГАЛИ, ф. 2159; ф. 24, оп. 1, № 30 (письма Клецово-Ангарскому); ф. 1292, оп. 1, № 87 (письмо Клецово-Ангарского Ю. А. Бунину);

ф. 1198, оп. 1, № 5 (письмо И. С. Шмылева); ф. 1052; оп. 5, № 410⁹ (письмо Н. Ф. Глазкова); М. В. Михайлова.

НИКАНОР [в миру Александр Иванович Бровкович; 20.11(2.12). 1827 (по др. сведениям — 1826), Могилев, губ. — 27.12.1890 (8.1.1891), Одесса], архиепископ Херсонский и Одесский, духовный писатель, философ, публицист. Сын священника, с детства пел в мошлеп. архиерейском хоре, в дальнейшем знаток церк.

пення, сочинял духовную музыку. Учился в Могилев. духовной сем., откуда как один из лучших учеников был направлен (1842) в Петерб. духовную сем. (учился в ней на десять лет раньше Н. Г. Помяловского, но лично знал ми. героев его «Очерков бурсы»). В 1847 поступил в Петерб. духовную акад., окончил (1851) курс первым магистром. Принял монашество в 1850 (после смерти отца, к-рый, зная впечатлительность и живость характера сына, не благословлял его на постриг). В академии занял кафедру общнич. богословия (по данному предмету «тогда не было ровно ничего» — «Биогр. мат-лы», с. 254). Итог его преподават. деятельности в этой области — два обширных труда: «Разбор рим. учения о видном (папском) главенстве в Церкви» (в. 1—2, СПб., 1856—58; 2-е изд., Каз., 1871) и «Описание нек-рых соч., написанных рус. раскольниками в пользу раскола» (ч. 1—2, СПб., 1861). Дух академич. преподавания в то время требовал «замалчивания» всех «шкотливных вопросов». Поэтому когда Н. подробно излагал на лекциях «отрицательные» теории (с целью их опровержения и обличения), это послужило поводом для обвинения его в неправомерном направлении мыслей и удалении из академии.

В 1856 он был возведен в сан архимандрита и началась его ректорская деятельность поочередно в Рижской, Саратов. (1858—64), Полоц-

кой (1865—68) духовных семинариях. Н. стремился возродить в них интерес к наукам, оживить учебную атмосферу; необычной для ректора простотой обращения с семинаристами (ежедневно вместе с ними совершал утр. и веч. молитвы, ежедневно посещал больницу, прислушивался к тяжелобольным) заслужил их уважение и любовь. В 1868—71 ректор Казан. духовной акад., где при его активном участии был введен новый устав, предоставлявший учащимся большую свободу. Придавая делу образования огромное значение, духовные академики он называл «цветом на древе Церкви», занимался об устройстве церк.-приход. школ, устраивал при «семинариях религ. чтения для простого народа. В Казан. акад. получил степень д-ра богословия (1869). В 1871 рукоположен в епископы (Аксайской епархии, викарий Донской епархии, с 1876 епископ Уфимский, с 1883 Херсонский и Одесский), в 1886 возведен в сан архиепископа.

Н. прославился как проповедник. Природная живость во многом определила словесный и эмоц. облик его проповедей — выразительных по языку, насыщенных образами (часто Н. иллюстрировал евангельские сюжеты красочными описаниями). Обращаясь не к абстрактному слушателю, а к современнику и подтверждавая свои положения конкретными примерами из политики, науки, судебной практики, иск-ва, он касался разнообразных тем и вопросов: идеал женщины-христианки, оценка прогресса, духовное значение церк. свечки, недостатки пастырей, заблуждения совр. философов.

Внимательно следя за новыми явлениями в лит-ре, неоднократно выступал с опровержением взглядов Л. Н. Толстого на гос-во, церковь, брак. В своем разборе «Крейцеровой сонаты» подчеркивал антихристианскую направленность толстовского отношения к супружеству как «пакости и свинству», его отрицания возможности духовной любви в браке («Беседа ... о христ. супружестве, против гр. Л. Толстого», Од., 1890). Центральная проблема речи Н. об А. С. Пушкине — человек, «духовное чадо», а не поэт. Глядя на судьбу Пушкина сквозь призму его предсмертных дней и часов, исполненных не только невыносимой физич. муки, но и глубокого покаяния, Н. видит в нем блудного сына, всю жизнь прошедшего «на стороне даче», но перед смертью возвратившегося к своему Небесному Отцу. Характерно, что Н. через своих саратов. знакомых собирает свидетельства о кончине Н. Г. Чернышевского, интересуясь прежде всего вопросом о его покаянии и причастии (см.: Поучения, беседы, речи..., т. 5, с. 301—02).

Ориг. труд «Позитивная философия и сверхчувственное бытие» (т. 1—3. СПб., 1875—88) свидетельствует о незаурядном филос. даровании Н. Иссл. включает критич. обзор трудов рус. и заруб. мыслителей и изложение собств. воззрений. Н. убежден, что «позитивным филос. методом можно доказать бытие как бессмертного человеческого духа, так и всеосущественного Духа Божественного», т. к. знание о Боге и бессмертии мы приобретаем посредством «внутреннего душевного чувства». На ценность книги указывал Вл. С. Соловьев, видя в ней актуальный «опыт синтетической философии», к-рая «для осуществления полной, цельной истины стремится к внутреннему соединению с двумя другими областями знания — теологией и положительной наукой» («Правосл. обзор», 1877, № 5). Соловьев не раз использовал близкие ему по духу идеи Н. в своих трудах (см., напр., «Еврейство и христ. вопрос»). В ст. «Очерки из истории рус. сознания» (ВЕ, 1889, № 5) Соловьев развивает мысль Н. относительно сущности церк.-гос. отношений в России: идею гос-ва перенесла на Русь Церковь («святая правосл. вера связала русских в народное единство, подчиненное единой воле Поместника Божия», — «Церковь и гос-во. Против гр. Л. Толстого», СПб., 1888, с. 55).

К. Н. Леонтьев указывал на Н. спутника «филаретовского» православия, памятуя о том, что «начало предрасности (т. е. настоящей веры) есть страх, а любовь — только плод» («Наши новые христиане», М., 1882). С восторгом воспринял Леонтьев речь Н. о вратах железных дорог (опубл. в «Правосл. обзор», 1884, № 10), в к-рой тот утверждал, что технич. прогресс таит не только эволюционную, но и духовную опасность, т. к. убыстряющийся ритм жизни, чувствуя не усиленную миссию благосостояния людей, лишь напрасно расширяет их нравств. силу (см.: Леонтьев К., Собр. соч., т. 7, СПб., 1913).

Особый интерес представляет «Памятная записка» (РО. 1896, № 1—3; опубл. посмертно по воле автора), в к-рой, опираясь на собств. опыт, приводит хорошо известные ему факты, Н. дал детальный анализ образа жизни, взглядов, психологии ученого монашества (т. е. немонашеского, живущего при духовных академиях, семинариях, в крупных городах) 1860—70-х гг. Н. свидетельствует о «слезах и крови иноков», среди к-рых не только столпы православия, но и забытые, затоптанные обществом люди. В мемуарно-публицистич. кн. «Наша светская и духовная печать о духовенстве. Восп. бывшего алыт-солиста А. Б.-а» (РС. 1883, кн. 8; отд. изд. — СПб., 1884) Н. стремится оградить «стародавнее рус. священство» от критики, прозвучавшей в таких произв., как «Очерки бурсь» Помяловского («ребяческие, грубоватые дурочества он превратил в гнусные пороки» — с. 9), «Зап. сельского священника»

(СПб., 1882) А. И. Розанова, и др. («... старая рус. жизнь ... не только охаяна такими марателями, не только опозорена, она оклеветана перед детьми, перед потомством» — с. 14), выступая как свидетель описываемых ими событий, видящий и осмысляющий их по-иному.

Умер от рака.

Изд.: Поучения, беседы, речи, воззвания и послания, т. 3—5. Ол., 1890—91; Царствская церковь св. Софии — свидетельства зрелости-православного перестроения — «Правосл. собеседник», 1870, № 4—12; Направление и значение философии Н. Грога — «Правосл. обзор», 1886, № 10 (отчет Н. Я. Грога; там же, № 12); Братья-славянам, СПб., 1889; Против гр. Л. Толстого. Восемь бесед, Ол., 1891.

Лит.: Толстой (ук.). «Рус. патроник», 1887, № 6 (биография Н., б. п.); Корсульский И., Высокопросвещенный Пискарь, архиепископ Херсонский. — «Духовное чтение», 1891, № 3; Приб. к «Херсон. епарх. вестн.», 1891, № 1—2 (биограф. сведения); Красносельцев Н. Ф., Пискарь, архиепископ Херсонский и Одесский и его ученики, действительность, Ол., 1893; Архиепископ Пискарь. Биограф.-лит. т. 1. Ол., 1900; Н. Я. Грот в очерках, восп. и письмах..., СПб., 1911, с. 317—30; Флоровский Г., Пути рус. богословия, 4-е изд., Париж, 1988 (ук.); Зеньковский В. В., История рус. философии, т. 2, ч. 1, Л., 1991, с. 88—101; Рус. философия. Малый энцикл. словарь, М., 1995. + Брокгауз: Библ. словарь студентов..., СПб. Духовная акад., 1814—1869, СПб., 1907 (есть. Ал. Розановский; здесь и некролог).

Архивы: ГА Олесс. обл., ф. 196; РГБ, ф. 380, к. 10, № 6 (записка «О именном пении»).

М. А. Кучерская.

НИКИТЕНКО Александр Васильевич (12(24).3.1804, селцо Узеревак Бирючин. у. Воронеж. (ранее Слободско-Укр.) губ. — 21.7(2.8).1877, Павловск; похоронен там же, на гор. кладб.), мемуарист, историк литературы, журналист; цензор.

Сам Н. называл местом своего рождения в Узеревак «Моя повесть о самом себе...», с. 16; утверждал во всех работах о нем), к-рос, однако, отсутствует в «Списках населенных мест Воронеж. губ.»; согласно этим «Спискам...», на р. Тихой Сосне (упомянуемой Н. в его соч.) в Бирючин. у. находилось селцо Узеревак. Указ. выпис. точная дата рожд. арх. докт-тами не подтверждена (см. раздел Архивы); о годе своего рождения Н. писал: «вывился я на свет ... в 1804 или 1805 году» (там же).

Из малорос. крепостных. Отец, Вас. Мих., крепостной человек гр. Н. П. Шереметева, знавший грамоту и франц. яз., служил в его имениях, в т. ч. ст. писарем; заботился об образовании сына и держал его в строгости. «Отец ни в чем не поублажал мне, — вспоминал Н. — У него всегда были наготове для меня розги и лишь в весьма редких случаях ласки» (там же, с. 25). Детские годы Н. прошли в Гжатском уезде Смоленской губ. и на родине отца, в слободе Алексеевке. Рано выучился чтению и письму, охотно читал сказки и повести. Одновременно проявлялась и «склонность к авторству» — в форме неоправданных «писем к приятелям».

В 1811 семья Н. переезжает в слободу Писаревку Богучар. уезда, где отец становится управляющим имением помещицы И. Ф. Бедряги. Малорос. окружение делает Н., по его

же словам, «истым хохлом». В 1818 Н. первым учеником оканчивает трехклассное Воронеж. уездное уч-ще, круг его чтения обновляется: романы А. Радклиф, жизнеописания Плутарха, ист. сочинения (позднее

переключился на чтение трудов франц. энциклопедистов, нем. философов — К. Баумейстер, Ш. Бонне, И. Юсти); в уч-ще, участвуя в излюбленной игре «в героев и ораторов», часто «воображал себя оратором на римском форуме или на афинской агоре» (там же, с. 53).

Не имея (как крепостной) доступа в гимназию, Н. добивается возможности учительствовать в семьях купцов, чиновников в уездном Острогожске. Был самолюбив, не скрывал юношеского «стремления руководить другими» (там же, с. 72). В 16 лет дошел «до мысли о самоубийстве», написал и впоследствии сжег соч. «Голос самоубийцы в день Страшного Суда»; краткое увлечение мистиками (И. Г. Юнг-Шталлинг, К. Эккартсгаузен) сменилось приятием евангельских истин (там же, с. 107—109). При поддержке предводителя острогож. дворянства В. И. Астафьева, избранного в кон. 1822 пред. острогож. Библейского сотоварищества, Н. становится его секретарем, видя гл. цель об-ва в «поднятии нравственного уровня народа», в распространении грамотности (там же, с. 114). «Речь...» Н. на первом общем собрании сотоварищества (январь 1824; опубл.: Сб. ОРЯС, т. 18, СПб., 1878) в защиту «политической мудрости», против «дерзких систем» и «мирного ума софистов XVIII века» (с. LVIII, LX) была замечена пред. Библейского об-ва министром нар. просв. и духовных дел кн. А. Н. Голицыным. При поддержке Голицына, а также К. Ф. Рылеева (родственника Астафьева) и близких к нему офицеров — А. М. Муравьева и Е. П. Оболенского («Моя повесть о самом се-

бе...», с. 169—71, 178) Н. 11 окт. 1824 получает от наследника графа Шереметева «вольную».

По протекции того же Голицына принят вольнослушателем, а через год (1825), после экзаменов, зачислен студентом на филос.-юридич. ф-т Петерб. ун-та. Проживает на Квартире у Оболенского (обучая его брата), где встречается с Рылевым, Ф. Н. Глинкой, Я. И. Ростовцевым (с последним сближается после декабрьского восстания 1825). Сочувствуя «отважным умам» (декабристам), считая крепостное право безусловным злом, Н. не одобрил их попытки «одним махом решать вековые злобы» (Никитенко, I, 14).

Первое печатное соч. «О преодолении несчастий» (СО. 1826, № 12; подпись Александр Никитников) принесло Н. нек-рую известность в лит. кругах, он знакомится с Ф. В. Булгаркиным и О. И. Сенковским. В ун-тские годы (1825—27) проявил успехи в изучении словесности, истории, богословия, полит. экономии (среди ун-тских друзей — М. М. Михайлов, сын М. К. Михайлова и И. К. Гебгардт, — см. о нем: Штакеншнейдер, ух.), написал нравств. рассуждение «О полит. экономии вообще и в особенности о производительности как главном предмете оной» (частично опублик.: СА. 1827, № 23—24; отд. изд. — СПб., 1828). В мае 1827 познакомился с А. П. Керн (у к-рой встречался с А. С. Пушкиным), был его увлечен, но намечающемуся роману с Н. она предпочла старую дружбу с поэтом (Никитенко, I, 46—49). По желанию Керн, к-рая прислала Н. часть «своих записок» — как сюжетную основу для его будущего ром. (Керн А. П., Восп. Дневники. Переписка, М., 1989, с. 298—302; там же «исповедь» Н.), предпринял беллетристич. пробы, в духе сентимент. традиции: «Леон, или Идеализм» (отрывки: альб. «Полевые цветы», СПб., 1828, СЦ на 1832 г., СПб., 1831; НА на 1832; рецензент «Телескопа» отметил «новое», «неиспытанное еще нашим романом направление философское» — 1832, № 2, с. 299) [см. Берко в П. Н., Из истории рус. вертеризма (Беллетристич. опыты Н.). — «Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук», 1932, № 9]. Еще раз в собственно лит. (полухудож.) жанре Н. выступил в 1839: «Аполони» («Одес. альб. на 1839 г.»).

С 1827 Н. служит секретарем в канцелярии покровительствующего ему попечителя Петерб. учеб. округа К. М. Бороздина. По окончании ун-та кандидатом (февр. 1828) официально утвержден в этой должности, занимал ее до июня 1835 (надв. сов.). Собираясь посвятить себя лит.-ученым занятиям, Н. тем не менее отказывается от поездки за гра-

ницу для совершенствования в науках (в числе «20 лучших студентов»), обещавшей профессорское будущее («высокие» мотивировки этого отказа см.: Никитенко, I, 61—62). Раздвоение между романтич. устремлениями, особенно в молодости, и честолюбивыми желаниями (занять свое место в чиновничьей иерархии) — одна из гл. биографич. коллизий Н.

В дальнейшей карьере Н. пед. деятельность сочеталась с цензурской службой. В 1828 он пишет «Примечания» к утвержденному ценз. уставу 1828 — разъяснения отд. постановлений, направл. против «гасителей света»; это его первая «законодательная» работа, к-рую он создал как защиту «прав русских граждан на самостоятельную духовную жизнь» (Никитенко, I, 82). В 1833 становится цензором Петерб. ценз. к-та (см. ниже).

Тогда же определяется его семейное положение: в 1833 он женится на Казимире Казимировне Любошинской, датолчке (ум. в 1893). Она из дочерей Н. — Софья (1840—1901; всего было трое детей) впоследствии участвовала в публ. жизни, адресованных Н. (см., напр.: РС. 1891, № 1, 1892, № 12), и «Диссонанс» отца. Ее связывала доверительная дружба с И. А. Гончаровым (познакомился с Н. в 1850-е гг.); письма писателя к С. А. Никитенко — см.: ЛА, т. 4, М.—Л., 1953 (здесь же опубликовано 43 письма Гончарова к Н.).

Пед. деятельность Н. началась в 1830 с чтения курса полит. экономии в Петерб. ун-те и одновременно рус. словесности в Екатерининском ин-те, в Смольном монастыре (ин-те, или Воспитат. об-ве благородных девиц). В янв. 1832 получает звание альянкт-профессора Петерб. ун-та по кафедре полит. экономии (после удачных лекций по курсу «Народное богатство по А. Смитю» и диссертации на эту тему), однако в авг. того же года переходит на кафедру рус. словесности. В программной вступит. лекции «О происхождении и духе литературы» (СПб., 1833) Н. стремился доказать равноправность, взаимодополняемость общечеловеч. и нар. содержания лит-ры (мысль, проводимая едва ли не во всех его речах): «общие потребности человеческого духа» неизбежно получают в лит-ре нац. воплощение — через ист. быт, «местные ... и временные» «чувствования», характеры, предания (с. 27, 25); Н. говорит также о взаимопроникновении «стихий языка» и «духа народа», именно феноменом языка он объяснял здесь общие законы и «формы» лит-ры (см. также: Никитенко, I, 92). Уже в этой лекции сказались мировоззренч. подходы Н. и к самой лит-ре, и к задачам ее преподавания. Высокое значение лит-ры, по Н., неотъемлемо от возвышенных, благородных идей: «без идеалов нет изящных искусств» (там же, с. 103). Внушить благородный образ мыслей юношеству

(стремление «к высокому и гуманному», дать «нравств. точку опоры» — там же, с. 235) он считал своей гл. задачей и свою преподават. деятельность рассматривал как посреднич. культ. миссию.

Общее положение о том, что «словесное произведение» есть «проявление духа человеческого» (там же, с. 103), и др. аналогичные утверждения Н. не сопровождались конкр. науч. анализом, в тр. о рус. словесности он пытался скорее воспроизвести свой пед. подход, чем выработать науч. формы иссл.: «Элементами моей силы я считаю мысль и слово, а не эрудицию. Мое естественное влечение — обратиться кафедру в трибуну. Я желаю больше действовать на чувство и волю людей, чем развивать перед ними теорию науки» (там же, с. 235).

В нач. 1834 Н. получил звание экстраординарного профессора. В новой «Речи о необходимости теоретического или философского исследования литературы» (1836; ЖМНП, 1837, № 3; отд. оттиск — СПб., 1837) развивает (не без влияния Ф. Шлегеля, его «Разговора о поэзии») идею «философии искусства». В докт. диссертации по философии «О творящей силе в поэзии, или О поэтическом гении» утверждал единство «идеи чистой красоты» и «идеи жизни» (СПб., 1836, зашищена в февр. 1837; краткий олобрит. оттиск: БдЧ, 1837, т. 22, ч. 1).

Не прерывая службы в попечительстве, преподает рус. словесность в ряде (кроме упомянутых) учебных заведений: в верхних классах Аудиторской школы (1833—39; с апр. 1839 выполнял обязанности инспектора по части рус. словесности во всех классах) и Артиллерийского уч-ща (1835—38), в Римско-католич. духовной акад. (с 1843 до кон. жизни), Александров. уч-ще (1848—57); неоднократно награждался бриллиантовым перстнем, орденами (в 1843 — стат. сов.). Годы преподавания (1838—43) в Смольном мон., возглавлявшемся статс-дамой Ю. Ф. Адлерберг, а после ее смерти в 1839 М. П. Леонтьевой, в кругу «развитых, милых, неспорченных женских существ», относившихся к своему начальнику с почитательностью и любовью, Н. назвал «лирической эпохой» в своей жизни (Никитенко, II, 327). Новыми поколениями он воспринимался как отстаивавший запросов времени декламатор «эстетич. красоты» (Скабичевский А. М., Восп. о пережитом. — РБ, 1907, № 7, с. 26). Н. Г. Чернышевский, студенч. занятия к-рого направлял Н. (см.: Прокопенко З. Т., Н. и Н. Г. Чернышевский. — РЛ, 1978, № 2), вполне признанно отзывавшийся о Н., вместе с тем отмечал его склонность к изложению

общепринятого и скорее «семинарский» характер преподавания (Чернышевский, I, 119, 241—42, 797 и по ук.). По восп. М. И. Венюкова, в Н. студенты «чтили бывшего крестьянина, вышедшего в любви собственными усилиями» (РС, 1891, № 1, с. 135). В февр. 1850 ему присваивается звание ординарного профессора (тогда же становится чл. РГО, чл. правления Об-ва посещения бедных). Обращение Н. в лекциях и соч. по теории словесности к философии, истории, психологии, «рус. народности» отмечали П. А. Плетнёв, не принимавший манеру чтения Н. (Грот и Плетнев, I, 509, 529), востоковед В. В. Григорьев (Григорьев В. В., с. 90), Плетнёв, с кон. 1820-х гг. сослуживец Н. по Петерб. ун-ту, др. учеб. заведениям, был его личным и лит. другом, однако к кон. 1850-х гг. отношения между ними осложнились (Никитенко, II, 58—59, 214 и др.; см. также упоминания Плетнёва о Н. в 1840-е гг.: Грот и Плетнев, I, II, ук.); у Плетнёва в 1831—37 Н. неск. раз встречался с Пушкиным, к-рому упрекал в «двойном аристократизме»; оставил достоверные восп. о последних днях жизни поэта, его гибель воспринял как нац. утрату (Никитенко, I, 178, 194—97).

Человек трезвого практич. склада, Н. всегда утверждал приоритет полезной, «реальной» деятельности, не принимая отвлеченно-идеальной, пассивного или фатального восприятия жизни; а вместе с тем эта реальная деятельность, по Н., должна руководствоваться высшими понятиями и убеждениями.

Разработав по поручению Мин-ва нар. просвещения проект «Постановления о публичных лекциях», Н. в 1841 задумал прочесть курс публич. лекций о «ходе нашей литературы в главных ее деятелях» (Никитенко, I, 236). Замысел не был осуществлен, но отчасти отразился в ряде публикаций: «Батюшков. Из характеристики рус. поэтов» («Одес. альв. на 1840 г.», Од., 1839). «Речь о совр. направлении отеч. литературы» (СПб., 1841; отклик: Белинский, V, 480—81; Грот и Плетнев, I, 302, 350, 355—56). Н. ратовал за самостоятельность лит-ры, за сближение критики и поэзии (приветствовал «рефлексивное» начало в поэзии и «социально-аналитич.» направление в прозе), за расцвет лит-ры под «сению науки». «Речь о критике» (СПб., 1842) завершает цикл соч. по теории словесности (см. также его «Лит. заметки...» — СФ, 1840, т. 2, № 5). В. Г. Белинский отмечал умение Н. «соединить интерес предмета с основательностью... взглядом с живым красноречивым изложением» (Белинский, VI, 272).

В «Опыте истории рус. литературы. Кн. I. Введение» (СПб., 1845), оставшемся не продолженным, — сочетание широко понятого эстетич. подхода с попыткой конкретизации историко-лит. метода: фактологический, критико-эстетич. и наиб. совершенный, с т. з. Н., — философско-прагматический уровень (понимание формы произв., «слога писателя» в зависимости от «времени и общественного или национального вкуса» — с. 56).

В первоначальной лит-ре ведущую роль отводил «состоянию общества» в его взаимобратной связи с важнейшими ист. событиями (образование рус. государства, формирование народности, петровские реформы. Отсюда война 1812 г.), акцентировал необходимость для историка лит-ры не только знания «практич. сторон нар. быта», но и выявления «идей и верований» народа (с. 5). В целом с одобрит. разборки «Опыта...» выступили Плетнёв («Совр.», 1845, т. 38; то же — Плетнев, II, 155—77) и Белинский (ОЗ, 1845, № 8; то же — Белинский, I, X, 144—69), к-рому, несмотря на неприятие им. положений посл., именировали черты социально-ист. подхода Н. к лит-ре; хвалебный отклик на кн. помещала «Б-ка для чтения» (1845, т. 71). К. С. Аксаков (топ. послед. Нырк) резко критиковал Н. за ненаучный способ изложения, отсутствие «твердой постановки» «основной мысли» («Моск. лит. и учебный сб. на 1847 г.», М., 1847, с. 15—16; неск. ранее Н. выступил с рец. на «Моск. лит. и учебный сб. на 1846 г.» (БЗЧ, 1846, т. 78), посетив его в значит. части статье А. С. Хомякова «Мнение русская об иностранцах», приникнутой, по Н., «духом исключительности, сектаторства» (с. 5)).

Н. не удалось создать авторитетную историю рус. лит-ры, тем не менее его труды во многом предвдарили принципы культ.-историч. школы (А. Н. Пылин и др.), содействовали науч. осмыслению прошлого и современного в рус. лит-ре.

На протяжении 1830-х гг. у Н. нарастает неудовлетворенность системой образования, правительств. политикой в области просвещения и культуры [в 1844 после 14 лет службы он прекращает пед. работу в Екатеринбургском ин-те, пытается преобразовать учебные программы Аудиторской школы — чтобы она «стала рассадником новых начал судопроизводства в армии» (Никитенко, I, 277), Ин-та корпуса путей сообщения (где служил в 1844—49)], чувство разочарования в деятельности попечителей Петерб. учебного округа, многих изв. гос. чиновников и в особенности ценз. к-та.

Деятельность Н.-цензора — яркая и драм. страница его биографии. Н. стал цензором Петерб. ценз. к-та (в апр. 1833; назначен на эту должность С. С. Уваровым, в то время управляющим Мин-вом нар. просвещения, к-рый при знакомстве в мае 1832 произвел на Н. весьма благоприятное впечатление) в надежде ограничить права писателей от ценз. притеснений, способствовать либерализации лит. процесса в России, тем более что ценз. устав 1828 вполне, по его мнению, отвечал этой задаче. Однако очень скоро он убедился, что

ценз. практика постоянно нарушает дух и букву устава: «ценз. устав совсем испорчен» (Никитенко, I, 95). (Недовольство политикой Уварова впервые зафиксировано Н. в февр. 1837 — «Дневник...») Роль посредника между властями и литераторами — Н. признавал их обоюдные обязательства друг перед другом — он исполнял 15 лет, ушел из ценз. к-та в июле 1848 в связи с ужесточением ценз. режима (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 2130). Н. был осторожным и осмотрительным цензором (ценз. вмешательство при публ. поэмы «Анджело» Пушкина вызвало резкую реакцию поэта — Пушкин, XII, с. 337, XVI, с. 55, 271), что не гарантировало от применения к нему санкций (см. в ст. М. Д. Деларю), его либеральные интуиции нередко приходили в противоречие с цензурской практикой (подробнее см. В. Э. Вацуру — в кн.: Вацуру, Гиллельсон). Надежда издателей, в частности и пушкин. круга, на ценз. покровительство Н. не всегда оправдывалась и вызывала взаимное недоверие (см., напр., Никитенко, I, 141—142, 180). Вместе с тем просвещенность и личная, хотя и относит. самостоятельность Н.-цензора во мн. случаях облегчали ценз. прохожде-ние текстов.

В 1842 Н. одобрил к печатанию «Мертвые души» Н. В. Гоголя (решение, требовавшее от него мужества), изменив назв. рукописи — на «Положения Чичикова, или Мертвые души» — и оставив «Повесть о калитке Конякине» (см.: Манн Ю., В поисках живой души, М., 1984, с. 119—21). В инвент. Гоголю (от 1 апр. 1842) выразил свое восхищение его «глубокие взгляды в самые недра нашей жизни» и «неподдельно» гоголевским юмором (там же, с. 120). В 1847 помог Д. В. Григоровичу в продвижении в печать «погибшего» «Алгона-Горемыки», «сочинен», «не сказав никому ни слова», сданный конем повести (Григорович, с. 100). Н. настаивал на том, чтобы подстрочные цит. Пушкина не подвергались вторичной цензуре. Слособствовал изд. «Стихотворений» Н. А. Некрасова (1860) при том, что одновременно издавал «неудобными к печатанию» стихи с анакростическими мотивами (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 4852, л. 30—31).

По свидетельству И. И. Лажечникова, исполнение цензурских обязанностей Н. сравнил с «лезвием бритвы» (РС, 1896, № 12, с. 596). Его назначали также цензуровать журналы: «Б-ка для чтения» (1834—1848), «Отеч. зап.» (1839, 1841—44).

На 40-е гг. приходится наиб. число лит.-критич. выступлений Н., в целом немногочисленных и не вызывавших значит. резонанса (из более ранних публ. этого рода — обширный очерк о Е. В. Кузьмане — БЗЧ, 1835, т. 8). В 1840 в «Сыне отечества» он анонимно публикует ряд рецензий: хвалебные — на «Соч. в стихах и прозе» Д. В. Давыдова» (№ 13) и «Провинциальные сцены» Д. Н. Бегичева (№ 6), негативные — на романы А. Ф. Вельтмана «Генерал Каломерос» (№ 14) и Н. А. Мышницкого «Сникий» (№ 18) (установлены

по: Григорьев В. В., с. 239; см. также: Бычков, с. XLVIII, XLV); по утверждению Григорьева, Н., начиная с т. 3-го (№ 12), написаны в этом ж-ле и все мелкие рецензии и разборы за 1840. В 1841 в том же «Сыне отечества», уже за своей подписью, он помещает сочувств. обзоры рецензии на стих. Е. П. Ростопчиной (№ 18: «звучи идеально настроенной души», хотя и без «творч. могущества», — отд. I, с. 101) и сб. стих. Лермонтова (№ 1), а в «Б-ке для чтения» (1846, т. 74, кн. 1—2) — одобрит. разбор кн. Ф. П. Лубяновского) «Заметки за границу в 1840 и 1843 гг.», вызвавший polemич. отклик в «Москвитянине» (А. С. Студитский, 1846, ч. 2, № 3, «Лит. журналы», с. 199—203); сам Н. совершал поездки в Европу в 1857, 1860 и 1876 (рассуждения о «судьбах Европы» — в письмах И. П. Коринкову 1870—76: ИРЛИ, ф. 377, № 933). Там же (БаЧ, 1846, т. 76) Н. опубли. очерк о лит. деятельности, жизни и личности Н. А. Полевого, приурочив ст. к выходу его кн. «Столетие России, с 1745 до 1845 г. ...» (1845—46) (в этом же номере — обширная рец. Н. на ром. М. Н. Загоскина «Брянский лес»: ст. о Полевом как удачная была отмечена в «Совр.»: 1846, № 6, с. 332—36). В «Совр.», как указывает Плещнев, Н. намеревался дать статью против Булгарина и Греча (Грот и Плещнев, II, 805...812), оставшуюся неопубл. антибулгаринскую статью, с описанием лит. тактики издателя, природы успеха «Сев. пчелы» (с ее «духом вражды, мелкого соперничества самолюбий», с. 192) Н. напечатал в «С.-Петерб. ведомостях»: «Объяснение, однажды навсегда» (1848, 27—29 февр.; сообщено А. И. Рейтблатом).

Позиция Н.-критика была электической, «уравновешивающей», в его критич. разборах, содержащих верные наблюдения, б. ч. фиксировался набор отрицат. и положит. свойств писателя, без попытки раскрыть единство его творч. мира. Так, высоко оценен «истинно» худож. лиризм Лермонтова, звуки «скорби» и «карающей истины», он не принял стих. «Благодарность», «И скучно, и грустно», увидев в них лишь «траурные узоры» и «эгоистич.» самозащиты. С большей определенностью Н. высказался в обширной рец. на изд. Некрасовым в 1846 «Петербургский сборник» (БаЧ, 1846, т. 75, кн. 1—2), в к-ром выделял «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, отметив вместе с тем «односторонность» авт. «анализа» (отд. V, с. 21), поэму «Машенька» А. Н. Майкова, статьи А. И. Герцена и Белинского, и сам поместил здесь ст. «О характере народности в древнем и новейшем искусстве», в к-рой отстаивал ист. зна-

чение каждой нации: «... все человеческое для нас священно, где бы и у кого бы оно ни встретилось. Мы готовы уважать всякую народность» (там же, с. 495). Эта идея горячо приветствуется Белинским (Белинский, IX, 580—81), а в ее конкр. истолкованиях вызывает возмущения С. П. Шевырѳева, зачислявшего Н. в последователи натуралистич. школы («Москв.», 1846, ч. 2, № 3) (позднейший ответ Шевырѳеву по поводу Н., стоящего «всегда... вне всяких партий и школ», — см.: Чернышевский, III, 102).

В ст. «О совр. направлении русской литературы» («Совр.», 1847, № 1), не отрицая критич. начал натуралистич. школы, защищая просветит. идеалы лит-ры и ос. нати. традиции («объяснить Россию Россией», отд. II, с. 73). В письме М. П. Погодину от 22 нояб. 1846 Н. писал: «грустно видеть, как вся образованная часть публики опять принимается исключительно за французскую литературу» (РГБ, Подл. ф. 231, к. 22, № 28). Статья Н. наряду с прогностич. статьями К. Д. Кавеллина и Белинского, помещенными в том же номере, вызвала polemичку: М... З... К... (Ю. Ф. Самарин) — «О мнении „Современника“, исторических и литературных» («Москв.», 1847, ч. 2; то же в кн.: Рус. эстетика и критика 40—50-х гг. XIX в., М., 1982; там же обобщ. оценка лит. личности Н., с. 153). Белинский — «Ответ „Москвитянину“» («Совр.», 1847, № 11).

По инициативе И. И. Панаева Н. становится «представительским» ответств. редактором (1847 — апр. 1848) обновленного «Современника»: «человек честный, хороший и питающий ко всем нашим большое уважение. По всему видно, что ему даже лестно называться редактором журнала, в котором участвуют такие знаменитости». «Без Никитенко ничего бы не состояло...» (из письма Панаева Н. Х. Кетчеру, 26 сент. и 1 окт. 1846, см.: Белинский В. Г., Письма, т. 3, СПб., 1914, с. 361, 363). Н. был также ответств. редактором ж. «Сын отечества» (1840—1841, при фактич. редакторстве Н. А. Полевого, а позднее Сенковского, см.: Никитенко, I, 215—237). Участвовал (как автор и редактор) в «Энциклопедич. лексиконе» А. А. Плюшара, был и его цензором. Н. состоял членом бесчисленных к-тов, комиссий (РГИА, ф. с.), принимал участие в самых разнообразных начинаниях.

На рубеже 40—50-х гг. определилась науч. и мировоззренч. позиция Н. Он стремился объединить веру в «дух народный» «партии славянофилов» и «опору на общечеловеч. идеи» (идеи науки и иск-ва) «партии европ. людей» (Никитенко, I, 329); в глазах Н., если исключить «крайности», их расхождение лишь «наружная оппозиция» (там же). Рецензент «Б-ки для чтения» противопоставлял его «остервенелым, наглым и наезническим нападкам отчаянных писак» (1851, т. 107, отд. V, с. 23).

Натакнувшись на сопротивление консерваторов и не принимая пози-

ции «ультралибералов», «тиранин мысли» (Никитенко, II, 95), Н. разочаровывается уже в возможности и результатах собств. деятельности. Былая вера, самоуверенность («Великий характер тот, который умеет наполнять собою всякую сферу» — там же, I, 347) сменяются признанием «беспомощности мысли» (там же, 350). Либерал и прогрессист, политич. верованиями к-рого были, по собств. определению, «гласность, законность и развитие способов народного воспитания и образования» (там же, II, 64), Н. избегал и страшился крайности, являясь поборником «постепенного» прогресса. Стремление в кризисном состоянии общества быть над схваткой порождает его склонность к компромиссу, к принципиально суженому пониманию демократич. прогресса: «Народ должен быть управляем, а не управлять» (там же, 119; ср. его ст. «Прогресс» — «Сев. почта», 1862, 24 февр.).

С кон. 1853 состоит при Мин-ве нар. просвещения для исполнения особых поручений; по просьбе министра А. С. Норова, не занимая офиц. поста в мин-ве, «с примерным самоотвержением» (РМ, 1891, № 1, с. 62) участвует в работе по обновлению ценз. устава, делая за министра «самую трудную и ответств. часть работы» (там же). Вскоре сознает тщетность своих усилий, но не оставляет службы, пишет многочисл. записки, проекты (в т. ч. устава Лит. фонда, 1858), отчеты. В 1859 назначен дир. делопроизводства К-та по делам книгопечатания (РГИА, ф. с.), в 1859—65 входит в совет К-та (подробнее см. в кн.: Никитенко, I, XXV—XXX), в 1860—62 — член Гл. управления цензуры, в 1863 — чл. Комиссии о рассмотрении проекта устава о книгопечатании (с 1854 — д. стат. сов., в 1865 произведен в тайные сов.).

В период подготовки реформ Н. явно эволюционирует к консерватизму (оценка студенч. волнений 1861 в Петербурге — студенты, по мнению Н., были увлечены и направляемы радикальными социалистами; Польского восстания 1863 — «... Россия нужнее для человечества, чем Польша» — Никитенко, II, 324), говорит об обществ. опасности «ультра-прогрессивистов», «нашего поклонения беглому апостолу революции Герцену» (там же, 175, 268, 279). Противостояние всякой власти, принцип «безусловной свободы», отсутствие каких бы то ни было «жиздательных» начал — все эти, по Н., черты нового поколения приводят его к признанию «охранительной силы власти» как своего рода принципу дополнителности — способу реального воплощения в России

«свободы и закона» (там же, 264, 269). Позиция Н. вызывает недоверие в оппозиц. кругах, на что он реагирует с неприязненным недоумением и обидой. Так, по поводу полемики «Дня» со своей «Сев. почтой» (по польскому вопросу) он пишет в письме Погодину от 24 апр. 1862: «Что подумалось „Дню“ колоты нас официально? ... На человека, честно более 25 лет послужившего делу науки и литературы, могут нападать недоучившиеся мальчишки...» (РГБ, ф. 231/1, к. 22, № 28). Н. все более сознавал и болезненно переживал свое скромное обществ. значение (Тургенев еще в сер. 50-х гг. в эпиграмме на Н. писал о его «мыслях, ставших общим местом»: Тургенев в XV, 221). В 1860-е гг. сближается с Гончаровым (благодаря усилиям Н. он стал цензором в 1855), был одним из конфидентов лит. тайбы Гончарова с Тургеневым (Никитенко, II, 114—16); позднее Гончаров при подготовке к публ. «Дневника» оставил посв. Н. набросок («целая художественная картина», по восп. М. И. Семевского. — РС, 1888, № 12, с. 775), до сих пор не обнаруженный. В 1856—60 Н. — редактор «Журнала мин-ва нар. просвещения», в 1862 — офиц. газеты «Сев. почта», предзнававшаяся мин. внутр. дел П. А. Валуевым «служить руководителю рус. общества мнения» (Чичерин Б. Н., Восп. Моск. ун-т [1861—1868], М., 1929, с. 49, 51).

Не надеясь на переизбрание, Н. в 1864 вынужден был оставить службу в ун-те. Переключается преим. на академич. занятия. Работает над проектом нового устава АН (с 1853 ч.-к. по Отд. рус. языка и словесности, с 1855 — ординарный академ.; с 1865 до конца жизни избирался в К-т правления Академии), отстаивает интересы Отд. рус. языка и словесности, составляет годичные отчеты Отделения (начиная с 1861), выступает с юбилейными, памятным речами: о М. В. Ломоносове (СПб., 1865), И. А. Крылове (СПб., 1868). В «Трех лит.-критич. очерках» (СПб., 1866) — о комедии А. А. Потехина «Отрезанный ломоть», трагедиях А. Ф. Писемского «Самоуправды» и А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного» — Н. противопоставляет иск-во «низшей сферы», «копий» и иск-во идей, высоко оценивает «капитальное» произв. Толстого.

В 1872 издал «Мысли о реализме в лит-ре» (СПб.), где, отмежевываясь от «реальной критики» Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева (в них Н. видел людей, желавших «сделаться популярными» и по «примеру зап. корифеев-публицистов» быть полит., а не «только обществом деятелями», — Никитенко, II, 165—66) и теории «чистого искусства», отдавал пред-

почтение лит-ре «идеальной», отличной от лит-ры публицистич., «утилитарной». Не принял злобу дня в «Воине и мире» Л. Н. Толстого (ист.-филос. рассуждения), «Обрыве» Гончарова, а позже осуждал изображение «житской пошлости» в «Анне Карениной» (письмо П. А. Вяземскому от 9 мая 1875 — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2402). В 1860-е гг. издал ряд биограф. очерков: «М. П. Вронченко» (СПб., 1867), «А. Н. Галич» (СПб., 1869), «А. С. Норов» (СПб., 1870); к ним примыкает некролог «Ф. П. Тютчев» (РС, 1873, № 8), воссоздающий облик близкого Н. поэта и мыслителя.

В нач. 70-х гг., несмотря на долг. болезнь (умер от грудной жабы) и изменившуюся обстановку, Н. продолжал работу в АН, состоял членом Слав. к-та, Об-ва любителей хрест. просвещения и ряда др. об-в (в т. ч. «Сельских хозяев», Об-ва для пособия бедным женщинам), является присяжным заседателем Петерб. окружного суда, продолжает преподавание в Риско-кадетск. акад. В августе 1874 награжден орденом Белого орла. Как член издат. к-та способствовал выхождению «Складчина» (СПб., 1874) в помощь голодающим (см. письма Н. А. Краевскому — РНБ, ф. 257, оп. 3, № 98, П. А. Вяземскому — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5084, л. 139 об. — 140). В об. опубликовал свой этюд «Об истории драме Г. Отростовского „Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский“».

С 13 лет Н. вел «Дневник». В 1851 попытался обработать более ранние записи в соч. «Моя повесть о самом себе и о том, „чему свидетель в жизни был“» (печатались, как и «Дневник», в «Рус. старине», 1888—1892; еще в 1873 Н. читал отрывки из своих «Записок» ред. ж-ла Семевского; впервые отд. изданы вместе с «Дневником» в 1893 — см. Изд.) — поэтич. рассказ о детстве, первых школьных успехах и тогда же пробудившемся понимании своего «гражданского ничтожества» (с. 98), о жизни провинц. интеллигенции.

По мнению рецензента «Рус. мысли», это картина «доброто старого времени», эмпирич. объективная и тем более ужасная...» [1901, № 6, с. 188; др. рец. на пов. и «Дневник»: РМ, 1891, № 1, с. 61—66 (об обзор. ж. «Рус. старина»); там же, 1893, № 3 (все б. н.); Н. Ш. — РС, 1893, № 3; рецензент отмечает не только верность повествования, но «художественность» и «прекрасный слог»; см. также: Протопопов В. М. Из истории нашей общественности (Записки и дневник Н.) — РМ, 1893, № 67; по мнению В. Р. Зотова, «отрывочные заметки» Н. «интереснее всякого романа», т. е. «присутствуют вседневную жизнь со всеми ее волнениями, обществ. заботами, промахами власти» (Зотов, № 10, с. 196); К. П. Мелеский («Повседневного гражданина» — «Набл.», 1894, № 3, 4) указывал, в частности, на своеобразие дневничной философии Н. (№ 4, с. 219); М. О. Гершензон — «Науч. слово», 1905, в. 3).

Работа была прервана в 1854, возобновлялась в 1866, др. годы и не была завершена (об истории издания «Дневника», его «редакторской ретуши», осуществлял. С. Никитенко, раскрытии зашифрованных криптонимов и устраненный пропусков во втором изд. М. К. Лемке — см. во вступ. ст. И. Я. Айзенштока — в изд. 1955). «Дневник» Н. — уникальный документ, представляющий исклю-

чит. ист. и историко-культ. ценность; в нем воссоздана объемная панорама противоречивой эпохи (включая пороформ. пору) с ее героем-очевидцем. Это не исповедь — хотя Н. много внимания уделяет мыслям о возделывании «самого себя», «беседе по совести с самим собою» (II, 303, 507) — и не «повествование» о жизни. Автор, озабоченный судьбой России, ее культуры и истории (Н. описывает механизмы функционирования бюрократич. власти, формирования обществ. мнения, состояние отеч. журналистики и динамику лит. борьбы), пытается вместе с тем уяснить значение в ист. процессе отд. личности, не скрывая своего любопытства к закулисной стороне событий, их тайным пружинам и интригам. «Дневник» дает портреты мн. известных лиц — влият. сановников и министров (напр., Уварова, Бороздина, Л. А. Перовского, А. Х. Бенкендорфа, Норова, Ростовцева, А. В. Головинина, Валуева), членов имп. фамилии и приближенных ко двору, деятелей различных рангов и интересов, в т. ч. из ун-тской и академич. среды. Знакомый так или иначе едва ли не с каждым петерб. литератором, Н. оставил в дневнике характеристики множества писателей и журналистов, представителей разных «партий» и направлений: пушкинского круга, Булгарина, Н. И. Греча и Сенковского, Погодина и М. Н. Каткова, В. С. Печерина и Герцена, популярных в лит. салонах Н. В. Кухольника, Н. Ф. и К. К. Павловичей, Ростоичной. «Дневник» содержит также портреты литераторов — сослуживцев Н. по гос. и цензурской службе: Д. М. Блудова, Вяземского, Гончарова, Тютчева. Из летописи поступков этого огромного множества лиц вырастает живая история настроений рус. об-ва за полвека — 20—70-е гг. 19-го столетия.

Н. воплотил собой тип особенный тип идеалиста-прагматика (к нему принадлежал, напр., и Я. М. Неверов), для которого «польза», независимо от избираемого попрша, была гл. критерием обществ. жизни и оценки деятельности др. людей. Своей отраженной в «Дневнике» эволюцией (при том, что он, по собств. признанию, оставался «доктринером» — Никитенко, II, 58), воспринятой полит. и лит. рос. жизни, цензурской деятельностью Н. фактически показал, что обществ. мнение в России (вопреки мнению нек-рых современников Н. и позднейших историков) было действительной, хотя и постоянно урезаемой властью силой.

Др. произв.: «Похалявное слово Петру Великому» (СПб., 1838; хвалебная рец.: Ф. Булгарин) — СПб, 1838, 1 апр.), «Очерки совр. нравов и характеров. Маленькие великие люди» (альм. УЗ, СПб., 1839), «Восп.

о К. Ф. Германе» (СПбВед. 1839, 22, 23 сент.; отд. оттиск: СПб., 1839), рец. на «Курс теории словесности» М. Б. Чистякова («Совр.», 1847, № 8), «В. А. Жуковский со стороны его поэтик, характера и деятельности» (СПб., 1853), «О начале изящного в науке» (СПб., 1854) «Рафаэлева Сикстинская мадонна» (М., 1857), «Восп. о бывшем президенте Имп. АН гр. Д. Н. Блудове» («Зап. Имп. АН», 1864, т. 5, кн. 1), «Восп. о М. М. Сперанском» (там же, 1872, т. 20, кн. 2), «Молодое поколение» (ДБ, 1867, № 38), «Два мира. Лирич. драма А. Н. Майкова» (ЖМНП, 1874, № 4); «Зап. о направлении ж. „Рус. слово“» (1861; опубл.: РА, 1895, кн. 1).

Ита.: Мое повество о самом себе и о том, «чему свидетель в жизни был». Записки и дневники (1826—1877), т. 1—3. СПб., 1893; 2-е изд. (1804—1877 гг.), т. 1—2. СПб., 1904—05 (изд. правд. и доп. по рукописи, под ред. и с прил. М. К. Лемке; Дневник, т. 1—3, М., 1955—56 (вступ. ст. «Дневник Н.» и прим. И. Я. Айзенштадт); Декларисты в вост. современном, М., 1988 (вост. Н. о В. С. Норове, Рязеве).

Письма Н.: к Н. В. Гоголю, 1842 — РС, 1889, № 8; к В. Ф. Одолевскому, 1851 — РС, 1904, № 8; к П. А. Плетневу (перепiska 1856—1857) — РС, 1891, № 2; к М. Н. Каткову, Н. П. Гишарову-Платонову, 1863 — РА, 1895, кн. 2; к И. И. Сретенскому — «Звенья», сб. 5, М., 1935; к И. С. Аксакову, Е. К. Богдановой, 1873 — ЛН, т. 97, кн. 2; к Н. А. Некрасову, 1874 — в кн.: Перписка Н. А. Некрасова, т. 1, М., 1987. Письма к Н.: П. А. Вяземского, 1869—76 — РС, 1892, № 12; Гончаров — Гончаров, VIII; письма разных лиц, опубл. в «Рус. старине», 1896, № 12; 1897, № 11, 12; 1898, № 3; 1899, № 11; 1900, № 1; 1903, № 11; 1904, № 8, 9.

Лит.: Белянский; Гоголь, т. 10—13; Гончаров; Некрасов; Гершен; Григорьевич; Турбин; Достоевский; Чернышевский; Барсуков; Гершен (вс — ук.); Григорьев В. В., Имп. С.-Петерб., укт в течение первых пятидесяти лет его существования, СПб., 1870 (ук.); Бычков А. Ф., Отчет ОРЯС за 1877. — Сб. ОРЯС, т. 18, СПб., 1878, с. XXVII—LVII; Глинский Б. Б., В. Я. Ступнин — ИВ, 1899, № 2, с. 420; А. В. Никитенко — «Ивива», 1890, № 1 (б. п.); Зотов Вл., Либеральный цензор и профессор-пессимист. — ИВ, 1893, № 10—12; Встретский К., Два рус. обществ. типа. [И. и Н. С. Аксаков]. — «Нов. слово», 1894, № 78; Острогорский В. (П.), Из истории моего учителя, СПб., 1895, с. 62, 64—72; Памати Н. — «Правительств. вестн.», 1902, 20 июля; Штейн С. А., В. Никитенко, СПб., 1902; Булгарин Ф., Зап. о цензуре и коммунизме в России (прил. к письму Л. В. Дубельта от 6 марта 1848 г.). — ГМ, 1913, № 3, с. 223—24; 227; Сазулин П. Н., Из истории рус. идеализма. Кн. В. Ф. Одолевский, т. 1, ч. 1—2, М., 1913 (ук.); Молдавский Б. Л., Обяснительные прим. — В кн.: Пушкин А. С., Дневник, М.—П., 1923 (ук.); Евдокимов-Максимов В., «Современник» в 40—50-х гг., Л., 1934; Штакетинская (ук.); Шевченко Т. Г., Дневник, М., 1954, с. 284; Кулешов В. И., «Отч. записки» и лит-ра 40-х гг. XIX в., М., 1958 (ук.); История рус. критики, т. 1, М.—Л., 1958 (ук.); Валуев П. А., Дневник, т. 1—2, М., 1961 (ук.); Пушкин А. В., Повести, Дневник, М., 1986 (ук.); Вацуро В. Э., Гляделсьем М. И., Сквозь «умственные плотни», [2-е изд.], М., 1986, с. 210—218, 230—40; Разуменко И. В., Лит.-критич. деятельность Н. К., 1988 (авторф. дис.); с. же. Проблемы реализма в эстетике Н. — В кн.: Проблема автора и авт. позиции в лит-ре, Х., 1990; Колосова Г. И., Собр. кн. Н. в фондах науч. б-ки Томского ун-та. — В кн.: Книга в России XVII — нач. XIX в., Л., 1989; Рус. об-во 40—50-х гг. XIX в., ч. 2; Чичерин Б. Н.,

Восп. Москва сороковых годов, М., 1991, с. 89, 104—05; Березина В. Г., Целурю о цензуре (Н. и его «Дневник»). — РЛ, 1996, № 1; Герасимов Е. Н., Строчки и странички... — ВТ, 1997, № 4, с. 223, 225; Перхаль М. К., Проект изменения ценз. устава 1838 г. — В кн.: Свободит. движение в России. Мехузов, сб-ка науч. трудов, в. 16, Саратов, 1997, с. 95—104; ЛН, т. 43/44, с. 781—82; т. 51/52—58, 67, т. 73, кн. 1—2 (ук.). + Некролог, 1877; НВ, 27 июля (О. Мидлер); «Газета Гагуджа», 10 авг. (Д. Языков); Бернин; Систематич. алфавитный указатель статей, помещенный в периодич. изд. и сб-ках изд. АН, ч. II, СПб., 1875 (ук.); Межов; Ст. ОЛРС; РБС; Брокгауз; Мельер; КЛЭ; Лерм; энци. ПНЭкр; Черейский; Боград, О3 (13); Боград. «Совр.», Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 205, № 18094—18387; рукописи науч. и иск. статей, курсы по рус. словесности (1835, 1839), ст. «Н. И. Греча», «Сенковский», соч. «План теории деловой словесности» (1845), «Мысли о нрз. образовании и воспитании в России» (1857), личн. отрывки: письма Н. и к Н. множества адресатов (частично опубл., см.: Муратова, 1 — ук.), в т. ч. В. Г. Бессенкотова (1835—67), Ф. В. Булгарина (1834—56), Н. И. Греча (1834—63), А. Д. Галахова (1843—1868), А. А. Краевского (1836—72), Я. К. Грота (1841—77), Н. В. Кудольника (1845—55), П. А. Валуева (1858—69), ф. 320, № 1675 (ф. с. за 1859, 1860, 1862 и 1868 гг.) [справка Н. А. Холловой]; РНБ, ф. 539, оп. 2, № 1630 (письма В. Ф. Одолевскому, 1843—55), ф. 120, оп. 1, № 996 (письма А. Ф. Бычкову, 1869—76), единичные письма к др. лицам: ф. 531, № 874 — «Зап. о востании» (б. з.) [справка Т. В. Мисникевич]; РГАЛИ, ф. 387; ф. 193 (письма), ф. 357 (пись. дела); РГИА, ф. 733, оп. 225, д. 341 (ф. с. 1877 г., год рождения, — 1804), ф. 1088, оп. 6, д. 824 (1821—24 гг. — «о даровании свободы А. Никитенкову»; вст. переписку гр. Д. Н. Шереметева и кн. А. Н. Голицына), ф. 777, 772 [справки С. Н. Вархаровой], ф. 1661, оп. 1 [письма К. С. Сербиновичу, митрополиту Макарию]. Г. В. Краснов, при участии Л. М. Шемеловой.

НИКИТИН Александр Александрович [псевд. Однокопий; 20.7(1.8). 1874, Владимир, губ. * — не ранее янв. 1918], поэт, прозаик. Сын подполковника. В 1895 окончил Шуйскую классич. г-зию и сразу же вступил вольноопределяющимся рядового звания во 2-й гренадерский Ростов. полк. В 1895—97 Н. учился в Киев. воен. уч-ще, а затем, получив чин подпоручика, был переведен в четвертый гренадерский Несвиж. полк. Выбор воен. службы, возможно, определился семейной традицией, по собств. признанию Н., он с удовольствием уехал бы «исследовать отдаленные уголки Сибири, если бы ... носил не военное, а студенческое платье» (письмо А. П. Чехову от 1 янв. 1903 — РГБ, ф. 331, № 53).

Попытки напечатать свои стихотворения в моск. ж-лах Н. предпринимал, по-видимому, с нач. 1900-х гг., однако к публикации был принят только «Часовой», отосланный в «Инвалид» и «специально написанный на воен. тематику» (цитируемое письмо). Свой первый поэтик, сб-к «„Прошлый Демон“» (Поэма) и другие стихотворения (М., 1903) Н. просил разрешения у Чехова, к-рому любил «до боли, до самозабвения» (цитируемое письмо), посвятить ему. Получив его согласие в янв. 1903, Н. послал в Ялту книгу, вышедшую с таким посвящением и эпиграфом из «Чайки»: «Маленький писатель, особенно, когда ему не ве-

дет, кажется себе неуклюжим, неловким, лишим (...). Какое это мучение!..», к к-рому приписал «от себя»: «И все же это мне приятно... Вы меня поймете, Антон Павлович! А. Никитин. 25.XII.1902 г. Москва» (этот экземпляр хранится в Лит. музее Чехова в Таганроге). Скромной самоощенке, заявленной в эпиграфе, соответствуют непритязательные стихи сб-ка, посвященные гл. обр. описанию эстетич. настроений («Бессонница», «Отчаяние», «Истратался, измучился я») и имеющие отчетливую песенно-романсовую интонацию («Ностигтом», «Песни без слов», «Майская песня», «Под звуки Баркарролы»). Стих. «Фельдфебель» («Смирно! смотри веселее, ребята!») ориентировано ритмико-стилистич. строем на известное в пер. В. С. Курочкина стих. П. Ж. Беранже «Старый капрал». Открывающая сб-к поэма — о судьбе лермонтовского Демона, к-рому у Н. Бог прощает и избавляет от душевных мук, даруя смерть.

По-видимому, б. ч. времени Н. вместе с женой и детьми (вторым браком Н. был женат на дочери подполковника, воспитателя Моск. кадет. корпуса, К. Р. Фриччинской, имел трех детей; первая его жена рано умерла) проводит в Москве, где служил адъютантом штаба гренадерской дивизии, а затем гренадерского корпуса. В 1907 вышел в свет его «Рассказы из жизни маленьких людей» (М.), большинство из к-рых — историч. провинц. обывателей, вдруг осознающих, что жизнь их тосклива и безысходна. Написанные под сильным влиянием Чехова и отличающиеся нарочитой общностью языка и сюжетов, рассказы рисуют не столько «жизнь маленьких людей», сколько их размышления и переживания в момент нравств. пробуждения. См., напр., ряд рассказов из армейского быта («Проснулся», «Мундир» и др.), где бытовые реалии — лишь фон, определяющий психол. состояние героев. В 1909 Н. выпустил еще один поэтик, сб. «Нескры. — Грустные песни» (М.). «Мучительные» и «сумрачные» настроения любовной и пейзажной лирики, так же как и обилие посвящений, отличают стихотворения этой и следующей его книги «Рассказы (и стихи)» (М., 1912), где собраны не публиковавшиеся ранее поэтик. и прозаик. произведения. Мотивы разочарования, скуки и неясного томления сб-ка 1907 сменяются здесь описанием ситуаций, трагически заостренных, выходящих за рамки повседневности: казнь студента-революционера («В глуши»), разочарование «шпики» («Случай»), самоубийство гимназиста («Конец Иванова Петра») и т. п. Н. — чл. ОРДП. Возможно, в 1900—10-е гг. был связан с членами

лит. кружка «Среда»; в 1903 он упоминался в письме к Чехову о своем знакомстве с С. Г. Петровым (Скитальцем), а в 1910 перепечатал в сб. «Дружарь» (М.) под ред. Н. Д. Телешова стих. «Пожелтели листы моего дневника» (из первого сб-ка Н.).

Телешов в связи с этой публикацией писал Н., что произв., прочитанное ок. четырех лет назад (в сб-ке), хорошо ему запомнилось и, «стало быть, пропало впечатленье», однако соавтор автору изменить нек-рые не совсем удачные образы (письмо от 15 нояб. 1909 — РГАЛИ, ф. 499, оп. 1, № 36).

В стихотв. дарств. надписи на первом сб-ке, датированной 26 дек. 1917, Н. пишет: «...Но грустно мне и больно, / Что Муза бедная моя так рано умерла...» (экз. в ГЛМ).

В авг. 1917 Н. был произведен в подполковники. Накануне окт. событий — 20 окт. 1917 — отчислен в резерв чинов при штабе Минского воев. округа. Последние сведения о нем датируются 27 апр. 1918 — в краткой записке о службе сообщается, что Н. 10 янв. 1918 отправлен в Особую оценочную комиссию Вилен. губ. Троцкого у. в г. Ельню.

Лит.: Чехов. Письма, X, XI; Чехов и его среда. Л., 1930, с. 270; А. П. Чехов. Сб. док-тов, М., 1947 (Лит. архив, т. 1), с. 207—08.

Архивы: РГБ, ф. 331, № 53 (письма А. П. Чехову); РГИА, ф. 409, п. с. 376—242 и 1954 (1914 г.); Исправка Ю. А. Трубецкого.

А. И. Левинзон

НИКИТИН Александр Павлович* (9(21).8.1808**, г. Владимир — после 1846), поэт, прозаик. Сын Владимир. уездного стряпчего, к 1822 выслужившего дворянство (ГА Владимир. обл., ф. 243, оп. 1, д. 2, л. 115). Первоначально получил дом. образование. В 1823 поступил на нравственно-полит. отд. Моск. ун-та, к-рое закончил со званием действит. студента в 1826; во время учебы посещал также лекции словесного и физико-матем. отделений. В нач. 1827 выступает в стат. службу: губ. секрет. Владимир. губ. правления с оставлением при делах канцелярии гражд. губернатора, через два года, «согласно желанию его», перемещен в Моск. губ. правление, также с оставлением при делах моск. гражд. губернатора. В начале 1830 произведен в коллеж. секретари, в конце 1832 — в лит. советники. С окт. 1833 по июль 1835 находился в отставке, затем поступил на службу в Межевую канцелярию Мин-ва юстиции. Какое-то время служил в канцелярии Екатеринбург. межевой конторы (виднко, до 1838), потом — в Моск. сенатской типографии; в 1842 и 1846 числился в отставке. Далее следы Н. теряются. Возможно, в 1850-е гг. служил в Москве квартальным поручиком.

В печати впервые выступил в 1830 со стих. «Послание к Н...у» (ДЖ, № 27). В течение 1830—32 в «Дам. журнале» опубликовал свыше 40 стих. за подписью А. Никитин.

Их принадлежность Н. устанавливается на основании обшности посвящения к стихам и прозаич. кнгам: даже Власову) Н(икити)ну) (о к-ром известно, что он служил во Владимире), кузине М. И. Х(аризи)новой) (фраг. расшифровывается во дарств. акт, включена двух журнальн. стихов в ром. Н. «Жертва случая»). Эти же сведения, теогр. перемещения, др. косв. подтверждения биографии Н. в стго прлзе, а также зафиксированное в книге подати рукописей Моск. ценз. к-та от 4 февр. 1838 «просение лит. советника Александра Павлова сына Никитина» об изменении заглавия уже одобренной рукописи («Дивная Варсыка» на «Месть или Забавные сны провин. дитяти» — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, л. 136, л. 16*; РГИА, ф. 702, оп. 1, д. 1066, л. 26; публ. не обнаружена) позволяют идентифицировать Н. и автора опубликов. в 1830-е гг. романов. «Белый» и т. д.

Помещенные Н. в «Дам. журнале» стихи — по б. ч. дружеские («К Н. В. Н(икити)ну» — 1830, № 33; «К В. Н. Н(икити)ну» — 1831, № 13; «К А. В. Н(икити)ну» — 1831, № 37, и др.) и любовные послания («К М. И. Х(аризи)новой» — 1830, № 25; «К И. Б. К.» — 1831, № 15; «К похитительнице писанных ею ко мне посланий» — 1832, № 16, с датой рожд., и др.), а также романсы («Я не любил, волшебница младая!» — 1830, № 35; «Очи» — 1831, № 43; «Романс» — 1832, № 2, и др.) и лирич. стихи смешанного жанра; единичны обращения к жанрам басни и эпиграммы. Преобладающие мотивы поэзии Н. — радость встреч с друзьями, любимой («Увидел вас — и мир в прекрасный / Облеся образ для меня» — 1831, № 15, с. 26); «тайные муки»; недостижимость «земного счастья»; нередки размышления типа: «Утром мы чего-то ждем, / Чем-то сердце обольщаме, / Быстро к полною перейдем, / В полдень вечера желаем...» (1831, № 6, с. 90).

Вероятно, что Н. принадлежит также (напечатанные в «Дам. журнале» за подписью Алексея Никитина) стих. «Очи. (Алине)» — популярный романс А. А. Алябьева, «В альбом к...» (1827, № 18; 1829, № 39).

В дружеских посланиях прослеживается ориентация на пушкинскую традицию, вплоть до прямых лексич. заимствований. В целом стихотв. техника Н. не опускается ниже среднепоэтч. уровня тех лет.

В середине 1830-х гг. Н. обращается к прозе («Позни мечты» / «Парнаса гордые цветы... / Я променял, преступный, их впервые! На прозу вялую мою» — «Повести», ч. 1, с. 9) и в течение четырех лет регулярно выпускает книги «во всяком роде» (видимо, в поисках заработка: бедность, безденежье — один из пост. сюжетов соч. Н.; к лирич. поэзии Н. больше так и не вернулся). Первый сборник «Повести» (ч. 1—2, М., 1835; включал пов. «Жена-незнакомка», «Живописец», «Жена-иностранка» и т. п.) вызвал отрицат. отклики (Белинский, I, 331; П. П. — СП, 1836, 4 апр.). А. Ф. Воейков сразу же причислил Н. «к цеху Сиговых, Гурияновых, Фоминых, Александра Потапова... Александра

Анфимыча Орлова» (ЛПРИ, 1835, 4 дек.), а О. И. Семковский проинизировал по поводу встречающихся в повестях «трактира и народности» (БлЧ, 1835, т. 10, отд. 6, с. 15—16). Не менее предубрежит. отклики получили и последующие книги Н.: романы «Игра любви, или Русский помещик в конце XVIII столетия» (ч. 1—2, М., 1836; рец.: БлЧ, 1836, т. 17: «плохой роман о любви... своего домашнего издателя» — отд. 6, с. 27); «Жертва случая» (ч. 1—2, М., 1837; рец.: БлЧ, 1837, т. 25) и сб. повестей «Были» (ч. 1—2, М., 1837; рец.: БлЧ, 1837, т. 22). Вышедший затем роман «Теодор Станиславский» (ч. 1—2, М., 1838; с посвящением «Новорос. и Бессараб. ген.-губернатору» М. С. Воронцову) вызвал также исключительно негативные рецензии.

«Большой свет, описанный в кухне», произв. написанное «самым неслепым складом», — утверждал рецензент «Сина отчества» (1838, № 9, с. 64), ставя роман, как и Воейков (в указ. выше рец.: аналогичный отзыв Воейкова (?) на «Теодора...» — ЛПРИ, 1838, № 42), в один ряд с сочинениями Толстого рыцка. Более взыскательный отзыв о ром. дал П. А. Плетнев: он нашел в нем «улекательную жизнь» для «неутомимых читателей... всех новостей литературы» и попытался объяснить успех ром. социологически: «трудно решить, авторы ли врод сочинителя этого романа образовали для своих соотанн. читателей такое поколение, или сам век до себя их потянул» («Совр.», 1838, т. 12, шт. по: Плетнев, II, 248; др. рец.: БлЧ, 1838, т. 31).

Несмотря на оценки проф. критиков (порой излишне полемически остроенные), прозу Н. нельзя однозначно причислить к «фризурной» словесности, т. к. она изначально ориентирована на образованного читателя; в том же «Теодоре Станиславском» ему предлагается не лишняя диалектич. философия жизни «истинно-просвещенного» человека ген. Россиянова (ч. 1, с. 23—27, 82—88): «Разум, чувство и воля — вот дары, которыми мы пренебрегаем, не развивая их вполне, гармонически, во благо. Если воля перевешивает разум и чувства, мы животные, враги и себе и людям...» (с. 88). В соч. Н. можно проследить тяготение, с одной стороны, к жанру «светской» повести, с другой — к «нестовой» словесности, с нередкими уклонами в «марлиннизм». В качестве элементов сюжета используются широко распространенные мотивы: тайна рождения («Теодор Станиславский»), брак брата и сестры, не знающих о своем родстве («Провидение» — из кн. «Были»), измена ближайшего друга («Жертва случая»), а также вмешательство рока и таинственных сил («Жена смерти» — из «Повестей»; «Теодор Станиславский»). Наиболее же частый композиц. мотив — соединение влюбленных после долгих перипетий. Облада определнным динамизмом, повести и романы Н. схематичны, психологически малодостоверны, гре-

шат многочисл. *deus ex machina*. Для стиля характерны методраматич. фразеология (особенно при описании «восторженных чувствований», жем. «идеала» и т. п.), неудачные попытки индивидуальной речевой характеристики, обязательные дидактич. рассуждения персонажей. Книги Н., как правило, открываются стихотв. посвящениями, нередки и стихотв. вставки в текст (в т. ч. из ранее опубл. стихов); повестям и главам романов предпосланы многочисленные эпиграфы — из А. И. Полежаева, С. Е. Райча, В. И. Соколова и др.

Вероятно, отзывы критики привели к отказу Н. от творчества: сведений о его выступлениях в печати после 1838 не имеется; одно из последних (среди выявленных произв.) изд. анонимно «Сказка в стихах о Ладоне, или О том, как дурак сделался умным» (М., 1838; 2-е изд., 1843; 1849): нечто промежуточное между фолькл. и лит. сказкой (авторство установлено по кн. подачи рукописей в цензuru 1837 — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, л. 720, л. 74) (отклики: Белинский, II, 459—60; БзЧ, 1838, т. 28; (П. Н. Кудрявцев) — ОЗ, 1843, № 8).

Возможно, Н. принадлежат поэма «Ангел и Демон» и стих. «Купанье красавицы» (ИРЛИ. № 19466), а также стих. «Сладость молитвы» в альбоме Шеншиных (ИРЛИ. № 4934, л. 31—31 об.), подписанные А. Никитин.

Лит.: Лупанова И. П. Рус. нар. сказка в творчестве писателей 1-й пол. XIX в., Петрозаводск, 1959, с. 430. + Метелеркаил В. Д., Никитин К. М., Книга адресов столицы Москвы... М., 1839, с. 22; Никитин К. М., Моск. адрес-календарь для жителей Москвы, т. 3, М., 1842, с. 65; его же, Адрес-календарь жителей Москвы... М., 1846; Иванова Т. Г. (сост.) Рус. фольклор. Библиот. уз. 1800—1855, СПб., 1996; Смирнов: Соколовский, Иванов.

Архивы: РГА, ф. 1343, оп. 54, л. 1119, л. 38 (ун-тский аттестат); ф. 1343, оп. 23, л. 1695, оп. 4 (1838), л. 55, л. 410—413 (ф. с. 1838 т.); ЦИАМ, ф. 418, оп. 120, л. 389, оп. 96, л. 109 (дело о приеме Н. в ун-т, 1823 г. и увольнении 1826 г.) (справка В. В. Александровой); ГА Владимир. обл., ф. 556, оп. 2, л. 80 (и. с. *) (справка Г. Д. Овчинникова). А. Ю. Балаган.

НИКИТИН Андрей Афанасьевич (1790*, по др. сведениям — 1789**, Калуга — 12(24).2.1859, Петербург; похоронен на Смоленском кладб.), лит. деятель; поэт, прозаик, переводчик. Из приказнослужительских детей. Первонач. образование получил в Калуге: уездное уч-ще, губ. г-зия, Дворян. корпус. В 1804 дебютировал в местном ж. «Уралия» переводом с франц. дидактич. соч. «Закон для малых детей. Первое беседование о Боге, Творце мира» (ч. 3, с. 41—58). Замеченный (еще в провинции) и опекаемый А. А. Прокоповичем-Антонским («Вы вызвали меня из среды неизвестности, к-рой обречен я был и происхождением и бедностью моих родителей... и указали мне пря-

мую стезю на служебном поприще» — из письма Н. от 7 февр. 1841. — РНБ, ф. 616, № 10, л. 1—1 об.), в июле 1807 принят студентом в Моск. ун-т. В ун-те подружился с А. Д. Боровковым; в 1809 награжден мезалью «за сочиненное на лат. языке рассуждение».

По окончании курса кандидатом (1809) поступил в Межевую деп. Сената, а в 1811—18 исполнял должность экзекутора в канцелярии петерб. военного губернатора, числясь по Мин-ву полниши. Важной вехой в его жизни стало знакомство в эти годы с Ф. Н. Глинкой, не прервавшееся и после ссылки Глинки в 1826 (Глинка изобразил Н. в повс. ему стих. «Чиновник», 1826). С нояб. 1817 совмещал чиновничью службу с пед. деятельностью в Горном калет. корпусе, где преподавал риторику, поэзию и мифологию, направлял лит. занятия своих воспитанников — бр. А. И. Бальзауфа и Ф. И. Бальзауфа, И. Н. Ковритина, А. И. Кулибина, Н. М. Языкова. Помимо того, состоял чл. Ученого к-та, учрежденного для изд. «Горного журнала». С июля 1818 определен столоначальником петерб. Казенной палаты по отделу питейного сбора; новая должность сулила обремененному семье Н. достаток.

Наибольшую лит. и обществ. активность Н. проявил в преддекабристское 10-летие, пребывая непосредственно в околodeкабрист. кругах и организациях. Он деятельно участвует в масон. ложе «Избранного Михаила» (в 1821—22 обрядоначальник), в «Вольном об-ве учреждения училищ взаимного обучения» (в 1822 входит в руководящий к-т); но особенно продуктивна его деятельность в Вольном об-ве любителей рос. словесности (ВОЛРС), одним из организаторов к-рого он стал в 1816 (1-е заседание — 17 янв. 1816). По свидетельству Боровкова, именно Н. высказал в кон. 1815 идею создания об-ва (предполагая т. о. завязать отношения с изв. литераторами и получить их поддержку своим лит. опытом — см.: РС, 1898, № 10, с. 53—56). Вскоре став секретарем об-ва (в разные годы исполнял также обязанности цензора стихотворений, чл. ценз. комитета и др.), Н. остается им беспрерывно до конца существования ВОЛРС (в заметке о годичном собрании ВОЛРС 1824 он охарактеризован как человек, к-рому об-во «обязано... прочным своим существованием и большею частью своих успехов на поприще просвещения и благотворения», — СП, 1825, 3 янв.).

Н. составил ряд правил для регламента ВОЛРС, вел документацию об-ва, а после закрытия сохранил его архив. Уже в 1817 предает проект издания ж-ла об-ва и составляет «Рос. энциклопедии», «Словарь великих мужей России» и «Иконологический словарь»; однако то-

гда эти инициативы не получили поддержки в организации.

Вместе с Глинкой Н. стремился придать деятельности ВОЛРС гражд. характер; предложенная им в 1818 форма «ученой республики» «инсценировала республиканско-конституц. образ правления. Это был более полит. проект, созданный не без влияния «Духа законов» Монтескье, нежели платформа лит. общества» (Базанов, с. 116—17). К сер. 1820-х гг. Н. сблизился с наиб. разн. каковой частью об-ва; незадолго до 14 дек. на квартире у него состоялся вечер, на к-ром присутствовали бр. Бестужевы и звучали либеральные выступления, а накануне восстания в его доме побывал В. К. Кюхельбекер.

В первые годы существования ВОЛРС Н. — заметная фигура в его лит. жизни. Так, в 1816 на заседаниях об-ва обсуждались 25 орг. и перс. произв. Н., а в 1817 — ок. 30 (записаны, вероятно, в предшествующие годы, частично опубл. в «Соревнователе» за 1818). Творчество Н. этой поры жанрово разнообразно: шутовские стих. «Черный день» («Соревнователь», 1818, ч. 1), дидактич. нравоописат. очерки в духе просветительской сатиры («Побродягу», или Прогукни по Петербургу — там же, 1818, ч. 2—3; публ. не завершена), элегии («К Родине» — там же, ч. 2), стилизации нар. песни («Разлука. Козачий романс», там же, 1818, ч. 4; положена на музыку И. фон Гельмана) и др. Однако в целом оно тяготеет к идеям и жанрам раннедекабрист. лит-ры: ода «Отсутствие северной богини» (там же, 1818, ч. 2) включается в ряд произв., воспевающих имп. Елизавету Алексеевну (что отражало конституционалист. убеждения авторов); «Песнь на могиле надших за Отечество» (там же, 1818, ч. 1) — образец рус. оссанизма, патриотически интерпретирующий перенесенный на наш почву образ барда; к декабрист. выступлениям близка речь «О необходимости любви к Отечеству в обществе рус. братьев масонов» (1822), произнесенная на собрании ложи «Избранного Михаила» (см.: Базанов, с. 69—70; арх. шифр в кн. Базанова не точен).

Н.-переводчик выступает как пропагандист поэзии Оссиана. Опираясь на ее нем. и франц. переложения, он пишет стих. «Ларнуль, или Отчаяние. (Из Оссиана)» («Соревнователь», 1818, ч. 4), «Смерть Азаты. (Из Оссиана)» (там же, с. 353—59), «Песнь Уллина. (Из Оссиана)» (там же, 1819, ч. 5), «Отрывок из Оссиановой поэмы „Картон“» («Благ.» 1820, ч. 11, № 16) и др. Столь же активно обращается Н. к творчеству Горация: «Ода Горация к Августу» («Соревнователь», 1819, ч. 6), «К

В. А. Озеров.
Худ. Ромбауэр(?). Нач. 19 в.

А. И. Одоевский.
Худ. М. И. Тербенев.
1823–24.

Н. И. Надеждин.
Худ. П. З. Захаров(?). 1830-е гг.

П. А. Плетнев.
Худ. А. В. Тыранов. 1836.

Н. В. Гоголь, В. Ф. Одоевский, Панин.
Рис. П. А. Федотова. 1838.

В. Ф. Одоевский.
Худ. А. Покровский. 1844.

И. С. Никитин. 1854.
Литография
с портрета работы С. П. Павлова. 1861.

Н. Ф. Павлов.
Литография Брандта. 1840-е гг.

К. К. Павлова.
Худ. В. Ф. Бинеман. 1830-40-е гг.

Шествие в храм Славы. Худ. М. Л. Невахович. Журнал «Ералаш», 1846.

Шлагбаум поднимает А. Н. Очкин; у шлагбаума Е. П. Гребенка, Н. И. Греч, Н. В. Кукольник; Муза метлой расчищает дорогу В. А. Жуковскому и П. А. Вяземскому; другая Муза тащит В. Г. Бенедиктова;

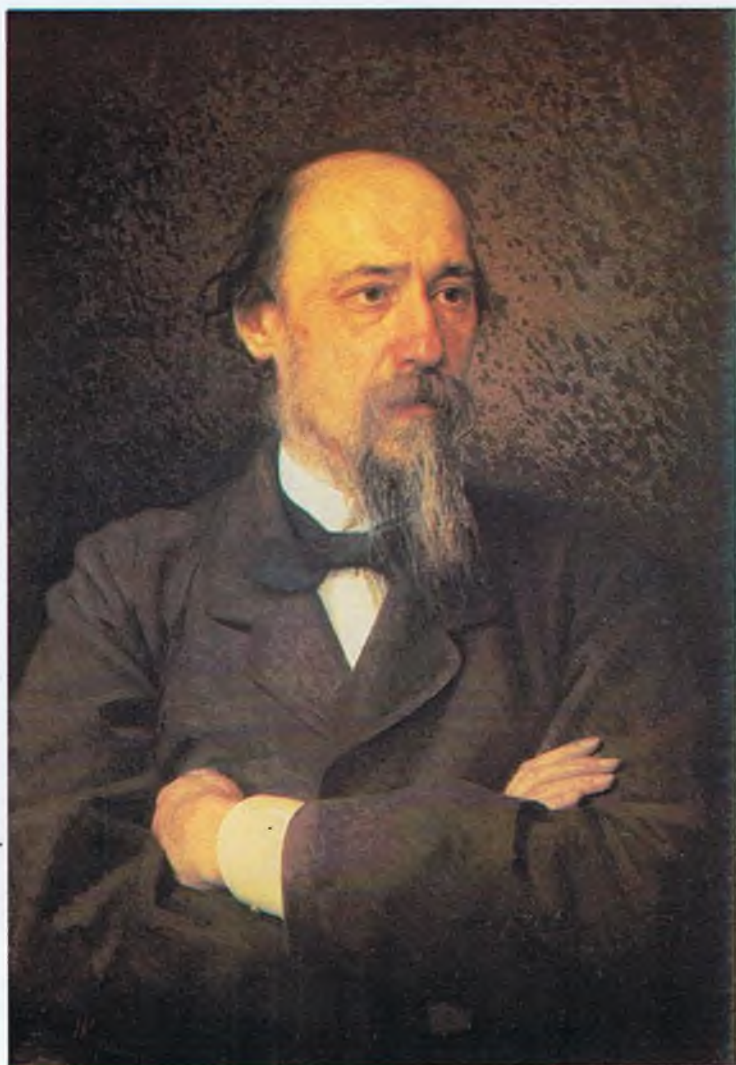

в тарантасе едет В. А. Соллогуб, подле него бежит И. И. Панаев, за ним следует В. Ф. Одосвский; скелеты несут Э. И. Губера; в облаках — Н. В. Гоголь, за ним на пчеле — Ф. В. Булгарин; шествие завершают В. Р. Зотов и Н. А. Некрасов.

Н. П. Огарёв.
Рис. Х. Рейхеля. 1842.
Из альбома, подаренного
А. Н. Герценом Н. П. Огарёву.

Н. А. Некрасов.
Худ. И. Н. Крамской. 1878.

Н. А. Некрасов.
Акварель М. Захарова. 1843.

Н. А. Некрасов
в период «Последних песен».
Худ. И. Н. Крамской. 1877-78.

М. П. Погодин.
Худ. В. Г. Перов. 1872.

А. Н. Плещеев.
Худ. Н. А. Ярошенко. 1887.

И. И. Панаев.
Худ. К. А. Горбунов. 1850-е гг.

Лицинию. Подражание Горацию» (там же, с. 302—03), «Ода Горация к Юлию Антонию» (там же, с. 1819, ч. 7) (атрибутируются на основании: ИРЛИ, ф. 58, № 100). Помимо того, он переводит И. В. Гёте («Романс. К другу»). — «Соревнователь». 1818, ч. 1; положен на музыку Гельдом). Ф. Шиллера. П. Метастазо и др. авторов.

В 1818 выходит в свет отд. издание произв. Н. — «Сочинения и переводы в стихах и прозе» (СПб.). Однако в дальнейшем его писательская активность заметно снижается, он посвящает себя гл. обр. организац. работе в ВОЛРС (очевидно, именно Н. вел постоянный информ. раздел «Соревнователя» — «Зап. общества»). В окт. 1819 становится чл. ВОЛСНХ, эпизодически участвует в его заседаниях 1820—22. После закрытия ВОЛРС (1825) практически отошел от лит. деятельности (возможно, ему принадлежат подписанные буквами А. Н. «Замечания на книгу „Военное красноречие“» — СО, 1828, № 21/22, и ст. «Удовольствие. Извлечение из рукописи под назв. „Идеи о человеке и обществе“». — Карманная книжка, 1830, № 3), однако сохранил как дружеские отношения с рядом писателей [Ф. Н. Глинка, к-рому помогал в изд. отрывка из поэмы «Дева Карельских лесов» (1832), при публ. посвященного Н., а также П. А. Плетнёв, Н. М. Коншин, Авр. С. Норов и др.], так и репутацию литератора (о чем свидетельствует его участие в 1832 в обеле, устроенном А. Ф. Смирным по случаю переезда книжного магазина на Невский проспекте).

Перейдя в 1828 на службу в Гос. канцелярию, Н. успешно делает карьеру: в янв. 1830 — помощник статс-секр. Гос. совета, в янв. 1835 назначен исправляющим должность статс-секр. Гос. совета по деп. гос. экономии; в 1834 статский, в 1835 в. стат., а в 1843 тайный с.с. Награжден рядом орденов. С 1849 поэт чл. Моск. ун-та. Осн. деятельность в разные годы совмещал с обязанностями вице-през. Межевой комиссии, чл. Совета Мин-ва гос. имущества (1837—56) и др.; не раз временно исправлял должность гос. секретаря. В 1853 по увольнению от должности статс-секр. назначен членом Комиссии прошений.

Др. произв.: «Мечтания» (стих.; НА на 1825); статьи: «О страсти к стихотворству» («Соревнователь», 1819, ч. 5), «Письмо о счастье, напечатанное в окт. книжке „Новостей лит-ры“, раздаваемых при „Рус. инвалиде“» (СО, 1824, № 50; подпись А. Н.), «На возражение сочинителя „Письма о счастье“, напечатанное во 2-м номере „Дамского журнала“» (Письмо к издателям С.О.) (СО, 1825, № 3; подпись А. Н.); переводы: «Смерть Карла I, короля английского. (Из соч. г. Арнода)» (с франц.; «Улей», 1812, ч. 4), «Гассан. (Восточная эклога)» (с англ.; там же), «Об Омере как о трагике. (Извлечено из франц. журнала)» («Со-

ревнователь», 1822, ч. 20), «Ода Горация. К Секстию» (НА на 1825). *Du b'ia*: «Рус. песня во время занятия Москвы неприятелями, посвященная любезным соотечественникам» («Собр. стих., относящихся к незабвенному 1812 г.», ч. 1, М., 1814; подпись А.... Н....), «Песнь соотечественникам по прогнаньи злодеев из земли Русской» (там же; подпись А.... Н....), «Сирота» (НА на 1825; подпись Н.).

Изд.: Отрывок из Осенней поэмы «Картон». — В кн.: Макферсон Д.ж., Поэмы Осеняна, Л., 1983, с. 347—50.

Лит.: Шевырев С. П., История имп. Моск. ун-та, М., 1855, с. 399; Грот и Плетнёв (ук.); Грот Я. К., Перспекта митрополита Евгения с графом Д. И. Хвостовым... — Сб. ОРЯС, т. 5, в. 1, СПб., 1868, с. 184; Лоранский А., Изв. очерк Горного шита. — В кн.: Научно-ист. сб., изданный Горным шитом ко дню его столетнего юбилея. СПб., 1873, с. 78; Ист. обозрение пятидесятилетней деятельности Мин-ва Гос. имущества, 1817—1887, ч. 1, СПб., 1888 (Список высланных чинам..., с. 14); Глинка С. Н., Записки. СПб., 1895, с. 342; Боровков А. Д., Автобиограф. зап. — РС, 1898, № 9, с. 560—61; № 10, с. 50—53; № 12, с. 594, 615; [Письмо гр. Хвостова к Н.]. — РС, 1908, № 11, с. 445; Брайловский С. Н., К вопросу о Пушкинском гласде. — РОВБ, 1909, № 1, отл. I, с. 81—82 (письмо О. М. Сомова к Н. от 2 февр. 1824); Туманский В. И., Стих. и письма. СПб., 1912, с. 11 (письмо к Н. от 11 сент. 1821); Никитенко (ук.); Чернышевский (ук.); Пискарев Н., Рус. писатели в немц. восп. В. Н. Григорьева. — «Совр.», 1925, кн. 1; Восстание декабристов, II, 168; Нечкина М. В., Декабрист декабристов, т. 1—2, М., 1955 (ук.); Брескиан М. А., В. Г. Анастасевич. (1775—1845), М., 1958 (ук.); Пушкин и его время, в. 1, Л., 1962 (письмо Е. А. Баратынского к Н. от 18 апр. 1821); Базанов (ук.); Гуховский Г. А., Пушкин и рус. романтики, М., 1965, с. 212; Левин Ю. Д., Осенян в рус. лит-ре..., Л., 1980 (ук.); его же, Осенян в России. — В кн.: Макферсон Д.ж., Поэмы Осеняна, Л., 1983, с. 525, 565—66; Вакуро (2), с. 78—79 (в списке: о ст. Н. под анграммой А. Н.); ЛН, т. 59, 60, кн. 1—2; у Смирнов-Сохольский; Черейский; Макалов (не учтены посл.: А. Н., П., Н....).

Архивы: ИРЛИ, ф. 58 (архив ВОЛРС); ф. 234, отл. 3, № 470 (письма П. А. Плетнёву); ф. 604, № 3, л. 21—21 об., 23; ф. 120, № 87; Р. И. отл. 3, № 133; № 10102, л. 69* (альбом); РИБ, ф. 328, № 411 (письма К. Ф. Калайдовичу); ф. 369, отл. 1, № 37 (письма Н. М. Коншину); ф. 531, № 469 (письмо Авр. С. Норову); ф. 531, № 875 (стихотворение, поса. В. Е. Нордов); ф. 569, № 580; ф. 616, № 10 (письма А. А. Прокоповичу-Антоновскому); ф. 637, № 678; ф. 707, № 15 (письмо И. М. Снегиреву); РГАИ, ф. 1162, отл. 7, д. 761** (дело о службе); РГАЛИ, ф. 141, № 343 (письма Ф. Н. Глинке); ИБ СПбГУ (мат-лы ВОЛСНХ). А. А. Карпов.

НИКИТИН Виктор Никитич [1839 — 9(21).3.1908, Петербург], публицист, прозаик, мемуарист. Сын солдат-еврея. В 9 лет принят кантонистом в 4-й учебный карабинерный полк, располагавшийся в Н. Новгороде. После окончания кантонистской школы зачислен в полк рядовым, с 1852 писарь в полковой канцелярии. Этот период своей жизни Н. описал в книге беллетризов, очерков «Многострадальные» (ОЗ, 1871, № 8—10; отд. изд. — СПб., 1872; 2-е доп. изд., ч. 1—2, СПб., 1895; отд. изд. 1-й ч., под назв. «На дельской каторге». — Л., 1926). В 1856 направлен в Петербург, в Дел.

военных поселений (с 1857 унтер-офицер), с 1858 — в законодат. отделение канцелярии Воен. мин-ва, с 1861 домашний секр. директора канцелярии К. П. Кауфмана.

В 1862 впервые выступил в печати с публич. статьей в газ. «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“» (1862, 10 янв.; поса. Один из военных писарей). В 1863—64 напечатал неск. рассказов в ж. «Сб-к солдатских соч.» и в газ. «Сев. пчела», «Нар. газета». С 1863 служил в канцелярии обер-полицеймейстера Петербурга, с 1864 — в канцелярии Мин-ва земледелия и гос. имущества (под началом А. У. Порецкого), в 1865 сдал экзамен за курс уездного уч-ща и вскоре получил чин коллеж. регистратора (в отставку вышел д. стат. советником в 1904). Под поса. Правдин (указание на авторство см. в автобиографии — ИРЛИ) опубликовал «сцены из быта гражд. писов» «Женитьба по расчету» (СПб., 1865). В 1866, когда был введен гласный суд, «судебные сцены» Н., печатавшиеся в газ. «С.-Петерб. вед.» и «Гласный суд», имели шумный успех и положили начало этому ставшему популярным в те годы жанру (частично собраны в кн.: «Мировой суд в Петербурге», СПб., 1867; «Обломки разбитого корабля. Сцены у мировых судей шестидесяти годов», СПб., 1891). В конце 1860-х гг., изучая положение тюрем, опубликовал в «Судебном вест.» цикл статей, составивших кн. «Жизнь заключенных» (СПб., 1871; получила широкий обществ. резонанс: см. положит. рец. (Н. С. Курочкина) — ОЗ, 1871, № 6). С 1871 более 30 лет был одним из директоров Комитета Об-ва попечительства о тюрьмах. Служил также чиновником особых поручений при мин. гос. имущества. Как общественный, так и лит. деятельностью Н. стремился облегчить положение представителей неполноправных, униженных слоев и групп населения — заключенных и их детей, солдат, евреев и т. д. Обследования, проводимые Н. по поручению правительства и обществ. организаций, легли в основу его многочисл. очерков и статей в газ. «Голос», «Новости и биржевая газ.», «Нов. время», «Отголоски», ж. «Вест. Европы», «Лит. б-ка», «Гражданин», «Ист. б-ка», «Судебный журнал», «Наблюдатель», «Восход», «Дет. помощь», «Тюремный вест.», «Век», С 1871 сотрудничал в ж. «Отч. зап.» (и посещал редакц. вечера): рассказ («С одного вола семейку» (Из записок бывшего арестанта») (1871, № 3; Н. А. Некрасов: «описываемый... мир мрачен, очень мрачен, потому осмешать его полезно» — лит. по: «Восп. о Некрасове» — «Всемирный вест.», 1903, № 1, с. 130); очерки «Петербургский суд присяжных» (1871, № 5, б. п.)

и «Суд присяжных в Петербурге» (1876, № 8). Написал также ряд монографий: «Быт воен. арестантов в крепостях» (СПб., 1873), «Тюрьма и ссылка» (СПб., 1880; А. П. Пятковский: «Лит. бойкость изложения» — ИВ, 1880, № 6, с. 374; др. положит. рец.: Д. Дриль — РМ, 1880, № 7; отрицат. отзыв — ОЗ, 1880, № 7), «Еврей-земледельцы» (СПб., 1887; зол. медаль ВЭО; рец.: РВед, 1887, 4 дек.; НВ, 1887, 17 сент.; «Экономич. журнал», 1889, № 4), «Покровительство малолетним детям заключенных» (СПб., 1894) и др.

Повести и рассказы Н., вошедшие в сб. «Жажда богатства» (СПб., 1875), «Век пережить — не поле перейти (из рассказов отставного солдата)» (СПб., 1875, на обложке — 1876; Ол., 1910, 1912), «Разнообразие» (СПб., 1895), пов. «Пройдоха. Воспоминания купца старого времени» («Вест. всемирной истории», 1900, № 2—6; отд. изд. — СПб., 1900), либо представляют собой запись восп. лиц, с к-рыми Н. встречался, либо имеют форму беллетризов. очерка, написанного «по фактам, данным, почерпнутым из жизни и переданным с фотографич. точностью» («Разнообразие», с. 3); в них прослеживается сочувств. отношение автора к «страждущим» героям.

В конце жизни опубликованы «Воспоминания» (РС, 1906, № 7—11; 1907, № 1—2), содержащие наблюдения о порядках и злоупотреблениях чиновников в разл. гос. ведомствах, а также информацию о своем сотрудничестве в периодических изданиях и о встречах с Т. Г. Шевченко, Н. И. Костомаровым, Н. А. Добролюбовым, Н. А. Некрасовым и др.

Др. прозв.: «Обществ. и законодат. погрешности» (СПб., 1871; рец.: ОЗ, 1871, № 12; 2-е изд., СПб., 1872; рец.: 1872; «Неделя», № 8; «Гражданин», № 5); [Восп. о П. И. Якушкине] — в кн.: Якушкин П., Соч., СПб., 1884; «Благотворит. подвиги» (СПб., 1886), «Несчастные (по поводу большого тюремного конгресса)» (СПб., 1890), «Еврейские поселения Северо- и Юго-Зап. губерний» (СПб., 1894), «Один из рус. историков» («Вест. всемирной истории», 1900, № 7).

Изд.: [Восп.] — в кн.: Некрасов в восп.: Добролюбов в восп.; Н. Г. Чернышевский в восп. современников, т. 2, Саратов, 1959.

Лит.: Семевский; Михневич; Рукавов В., Памяти защитника страждущих и несчастных. — ИВ, 1908, № 5; Немирович-Далченко Вас. И., На кладбищах. Ревель, 1921, с. 114, 116; Семанова М. Л., В. А. Слепцов в 1870-е гг. — В кн.: Из истории рус. лит-ры, Л., 1963, с. 57, 59—61; Гаршин А. М., Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой, Калининград, 1966, с. 7, 80, 241—42; Бушкаев Е. Г., Мемуарные источники. Каз., 1975, с. 18—19, 43—44; Маренин Ш., Рус.-сарб.-сдз лит-ра: предвкт, подходы, оценки. — НПО, 1995, № 15, с. 229—30. + Некрологи, 1908: СПбВед, 12 марта; ИВ, 12 марта; Брокгауз, 1908;

Венгеров. Список; Евр. энц.; ИДРДВ; Масанов (не учт. псевд.); Правдин; Бывший сотрудник «Отч. закл.».

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; РГБ, ф. 169, с. 71, л. 35 (письмо Д. А. Миклошу, 1872 г.); ГЛМ (письма А. С. Галицкому). А. И. Рейнголт.

НИКИТИН Иван Саввич [21.9.1824, Воронеж — 16(28).10.1861, там же; похоронен на Новомирофаньевском кладб.], поэт, прозаик. Из мещан.

Отец, Сава Евдокимов (Евдоким) (1793—1864?), владеет свечным заводом и лавкой под Смоленским собором. По восп. современников, это был человек крутого нрава, знаменитый кулачный боец, весьма умный и сравнительно образованный (имел небольшую б-ку). Мать, в противоположность мужу кроткая и безответная, страдала от его дом. тиранства (Де-Пуле, с. 6). К 1830-м гг. коммерц. дела отца, во тогу процветания, стали приходить в упадок, что в сочетании с его лязвством и вспышками необузданного гнева определяло пеструю дом. атмосферу; по полнейшему признанию П., «дикой образ» воспитания и «отрагическая обстановка» детских лет наложили восточный отпечаток на его характер (письмо Н. И. Второву, июнь 1859 — т. 4, с. 272, здесь и далее письма цит. по: Соч., т. 1—4, М., 1960—61; ср. стпс. «С суровой долею равно поаружился», 1853; «За казну ж вину и бед», 1855; «С младенчества дикарь печальный...», 1858).

Шести лет Н. начал учиться грамоте у сапожника. В 1833 поступил

во 2-й класс Воронеж. приходского духовного уч-ща. в 1834—39 обучался в уездном духовном уч-ще, проявив хорошие способности (аттестат — Фоми н, И. С. Никитин, с. 30). Здесь он увлекся книгами (в круге чтения — соч. А. Коцебу и А. Радклиф). В 1839 переведен в духовную сем., общий уровень обучения в к-рой, к тому времени весьма невысокий, еще более снизился в ходе проведения т. н. протасовской реформы духовной школы (1841). Картины «мертвой школы», отупляющего семинар. уклада предстают в пов. «Дневник семинариста» (1861), стпс. «Ах, прости, святой угодник!» (1858; «Ученик всегда послушен.../ Бьет наставнику челом/ И дурсет с каждым днем») и др. Однако в нач. 40-х гг. в семинарии еще сохранялась память об А. П. Серебрянском и недавно

умершем А. В. Кольцове, до учащихся доходили столичные веяния («Огненные статьи Белинского... читались с жаром и чуть не заучивались наизусть» — Де-Пуле, с. 10). К семинар. периоду относятся первые стпсхтв. опыты Н. (не сохр.), заслужившие одобрение его учителя словесности.

В 1843 Н., совсем забросивший занятия, был отчислен из семинарии и т. о. лишился возможности реализовать мечту о поступлении в ун-т. Полгода торговал свечами в лавке отца, страсть к-рого к вину после смерти жены (1843) приняла болезненный характер, привела к окончательному разорению. Семья купила постоянного двор, но ничтожность дохода от сдачи его в аренду заставила самого Н. взяться за хозяйство, выполня в т. ч. обязанности «аворника». Перемены отразились на его внешнем облике: «запамятник», поклонник В. Г. Белинского теперь «волосы подрезал в кружок, сапоги надел с голенищами до колен, летом носил простую чуйку, а зимою нагольный тулуп» (Де-Пуле, с. 18). Непростые отношения с отцом («оба друг друга любили... и, каждый по-своему, мучали» — там же, с. 19), неспособность и в дальнейшем ни ужиться, ни расстаться с ним стали определяющими в череде драматич. обстоятельств жизни Н.

В 1849 Н. предпринял попытку публикации своих стпсхтв.: два из них, одобренные редакцией «Воронез. губ. вед.», не были, однако, напечатаны, т. к. Н. не решился раскрыть свое имя. Дебют состоялся лишь в 1853 — стпсхтв. «Русь» («Под большим шатром/ Голубых небес...»; «Воронез. губ. вед.», 21 нояб.; перепечатано: СПбВед, 1853, 11 дек.). После публикации, осуществл. при содействии Н. И. Второва, жизнь Н. круто изменилась, он оказался причастным к «второвскому кружку» — об-ву по изучению истории, этнографии, фольклора Воронеж. края. Второв оставался советчиком и лит. наставником Н. и в последующие годы; сам Н. подчеркивал его исключит. роль в своей судьбе («... лицо для меня самое дорогое» — письмо от 15 июля 1857; т. 4, с. 180), посвятил ему стпсхтв. «Как другу милому, единственному другу», «Ты первый взор участья обратил» (оба — 1856), «Могила дятлы» (1859). Членов кружка (А. П. Нордштейн; знакомый Кольцова И. А. Придорогин; К. О. Александров-Дольник; М. Ф. Де-Пуле, впоследствии душеприказчик, биограф и редактор Н.; А. Р. Михайлов, позднее издатель его соч., и др.) объединяло восприятие Н. как «самоходка», пресмника Кольцова; Н. со своей стороны наиб. важным считал нравств. воздействие новых друзей

(письмо Второву, 6 июля 1859; т. 4, с. 271).

Стих. Н. 1849—53 носят подражательный характер, свидетельствуя об овладении начинающим поэтом версификац. техникой и хорошем знании рус. поэзии, в т. ч. последних лет, а также о чутком поэтич. слухе, умении воспроизвести характерные черты выбранного образа. В стих., запоздало варьирующих традиц. мотивы романтич. лирики 30-х гг., наиб. ощутимо влияние М. Ю. Лермонтова («Клеветникам», 1849, «Когда один, в минуты размышления», 1851), ложащееся порой до прямых заимствований («Ключ», «Когда закат прощальным лучам», оба — 1850). В стих. «из народной жизни» Н. следует за Кольцовым — в отборе тем («Грусть старика», 1849), в характерной ритмикосинтаксич. организации стиха, использовании фольклорной лексики и т. д. («Песня», «Мшенице», оба — 1853). В русле кольцовских «дум» — стих. «Дума» (1849), «Вечность» (опубл. 1912) и др., дающие «нестройные, но искренние ответы на первейшие вопросы бытия» (Городицкий — в кн.: ПСС, 1912—13, т. 1, с. 49). Однако уже с кон. 1853 в сферу поэзии Н. начинает настойчиво входить новый материал — «жизнь обыденная»: «Старик друженец», «Зимняя почва в деревне». Под влиянием «второвского кружка» в стихах появляются местный колорит, этногр. детали (стих. 1854 «Купец на пчельнике», текст к-рого дополнен обстоятельными прим. этногр. характера), усиливаются религ. мотивы.

Дебют в печати (стих. «Русь») сделал Н. знаменитым не только в Воронеже, но и за его пределами (ср. свидетельство о восторженном восприятии его стих. И. И. Введенским — Де-Пуле, с. 40). Зимой 1853—54 он знакомится в Воронеже с Н. В. Кукольниковым, к-рый публикует в «Б-ке для чтения» (1854, № 7, 8) две подборки его стих. (в т. ч. «Ночлег извозчиков») со своей рекоменд. заметкой. Через Нордштэйна Н. завязывает отношения с А. У. Порецким, ставшим посредником в сотрудничестве поэта с петерб. журналами и познакомившим с его стихами А. Н. Майкова, а через Второва — с историком, пред. ОИДР Д. Н. Толстым, к-рый опубликовал в «Москвитяине» (1854, № 8) несколько стих. Н. в сопровождении письма Второва об обнаруженном в Воронеже «еще одном [после Кольцова — *Ред.*] весьма замечательном даровании».

По утверждению биографа, «едва ли был так счастлив Никитин, как в эту первую пору своей новой жизни» (Де-Пуле, с. 47). Он начал упорно заниматься самообразованием, обратился к произведениям У. Шекспи-

ра, В. Гюго, А. Шенье, Ф. Шиллера и Г. Гейне, для чтения их в подлиннике стал изучать франц. и нем. языки; Шиллера и Гейне пытался переводить. Оставив длиннополюй сюртук и шив в платье по моде, он, по словам Второва, «сделался уже светским человеком» (там же). Но в дек. 1854 у него появились первые признаки ухудшения здоровья (по собственным словам Н., он надорвался, поднимая непосильную тяжесть); в дальнейшем Н. мучил хронич. недуг, «беспрерывный ряд физических страданий, продолжавшихся по полугоду» (там же, с. 55—56). В апр. 1855 он перенес простуду, сменявшуюся цингой, на пять месяцев лишился возможности ходить. Эти и др. жизненные испытания во мн. обусловили общую «скорбную» интонацию цинкитинской лирики, не нарушаемую описаниями немногих счастливых мгновений: мотивы мимолетности, обреченности «минутного счастья» звучат, напр., в стихах 1856, написанных в изменении знакомого помещика Н. (д. Дмитриевка Землянского у. Воронеж. губ.) и посв. дочери хозяйина («В альбоме А. В. Плотниковой») и ее гувернантке швейцарке М. И. Жоно («Чуть сошлись мы — друг друга узнали», «День и ночь с тобой жду встречи» и др.).

В февр. 1856 Д. Толстой опубликовал сб. Н. «Стихотворения» (В.; с предисл. издателя), к-рый Н. послал с сопроводит. письмом членом имп. семьи (в сб. вошли в т. ч. патриотич. стих. о событиях Крымской войны 1853—56).

Одобрительно отозвались о сб-ке П. А. Плетнев (см. в кн.: Поэт-демократ Н., с. 7), А. В. Дружинин, увидевший «начатки таланта настоящего» в «образцах из простонародного быта» (БаЧ, 1856, т. 137, кн. 5), и рецензент «Отч. зап.» (1856, № 4). В отклике «Сына отечества» (1856, № 2, с. 30) Н. утвердил в неослабевающей озабоченности («невыстраиванности стиха») при всяком овладении приемами Лермонтова, Ф. И. Тютчева, Кольцова и Майкова (ср. сдержанные отзывы: «Москва», 1856, № 3; РВ, 1856, т. 2, кн. 1). Н. Г. Чернышевский в искл. клин. по жесткости рец. («Совр.», 1856, № 4, б. п.), не найдя в книге ни одного самостоятельного прозаич. разговора: поэт «не замечает в природе или жизни ничего, не чувствует ничего» (ПЗ, 498). Н. воспринял рец. как «публичную пощечину» поэту-мещанину, но позднее, говоря об эволюции своих взглядов на поэзию, провозгласившей за время подготовки кн. к печати, косвенно согласился с суровым приговором критика (письмо Майкову, март 1858; т. 4, с. 206).

Характерное для ранней лирики восприятие окружающей действительности («зловонного омута», по словам Н. в письме А. А. Краевскому, авг. 1856; т. 4, с. 169), обыденные проявления к-рой — бедность, нужда, горести — как бы «изжииваются», вытесняются авторским обращением к «высокой» поэзии предшественников, религии, «вечной» красоте природы, после 1854 радикально меняются. «Низкая природа», «грязная действительность» начинают осознаваться им как эстетически значимые, представляющие «общечеловеческий

интерес» (письмо Майкову, 17 янв. 1855; т. 4, с. 152—53). Далекий от непосредственного, стихийного (в «кольцовском» духе) восприятия и отражения нар. жизни, склонный к рефлексии, Н. пытается теоретически обосновать свои предположения, убеждает Майкова в возможности включения в сферу поэзии повседневного быта и нравов народа («не-поэтичность» этого материала — проблема, особенно остро встававшая перед писателями-самоучками, выходцами из низших и средних социальных слоев), рассуждает о языковых особенностях и форме «простонародных» стих. Важным для Н. было обращение к опыту Н. А. Некрасова.

Лично знакомы Н. и Некрасов не были, сведения об их взаимно-отношении скудны. Некрасов оценил раннюю лирику певельско (при иск-ром даровании поэт «лишен чувства меры, не богат вкусом и не выдерживает народного тона своих стихотворений»), отметил в т. ч. подражания собственным стихам («Совр.», 1855, № 8, отд. 5, с. 265; там же, № 11, отд. 5, с. 86), и эпиграматически сформулировал гла. претензию критика: «Никитин, мещанин-поэт, / Различный пробует пейзаж» (Некрасов, IX, 291). В дальнейшем Н. никогда не печатался в «Современнике», хотя Некрасов через посредников предлагал ему сотрудничество, заранее соглашаясь на любые условия (см.: Лебедев В., Неназмат-лы, принадлежность Н. — В кн.: И. С. Никитин, 1952, с. 223). Восторженное отношение Н. («Некрасов у меня есть, не утерпел — добыл. Да уж как же я его люблю!» — письмо Второву, 20 сент. 1857; т. 4, с. 194) в нач. 60-х гг. смирилось, по свидетельству Де-Пуле, из испорченного после того, как Н. узнал о некоем неблагоприятном инциденте своего кумира; с этой перископической биограф. связывает резкое стих. «Обличитель чужого разрата» (прочитано Н. 9 апр. 1860 в Воронеже на публ. чтении в пользу Лит. фонда), якобы направленного против Некрасова (см. комм. Де-Пуле к публ. стих. — РА, 1865, кн. 3; версия не полна, см. др. источники).

Первоначально реализуясь в форме подражания отд. темам, характерам, сюжетным ситуациям, в последующем творчестве Н. некрасовское влияние проявляется более опосредованно, через включение в процесс прозаич. поэзии (усиление повествоват. начала, изменение фактуры стиха за счет использования лексики, и фразеологич. просторечия, разговорно-бытовой интонация). В его стих. 50-х гг. появляются многочисл. персонажи — мужики-крестьяне, социально-униженные, отмеченные «перстом неудачливости» люди: «бесталанный» пахарь, бобыль, ямщик, портной, кулак, обездоленные женщины. Излюбленный круг его тем связан с драмой повседневности (насилие, брак, дележ имущества, измена жены, потеря кормильца или детей и т. п.). Новый материал наиб. адекватно воплощается в форме стихотв. рассказа («Рассказ крестьянки», 1854; «Рассказ моего знакомого», 1856). «Чужая» речь широко включается и в рассказ-монолог, драматизируя его. Н. не отказывается совсем от жанра песни, разрабатывая, напр., сюжет убийства из ревности в «некрасовском» («Ссора», 1854; «...Эх, была не была! Ну, дер-

жися, дружок!» — И мужик во всю мочь развернулся...») или «кольцовском» («Измена», 1854: «Я схватил тот нож/ К гостю бросился/ Не успел он встать/ Слова вымолвить...») вариантах. Однако жанр песни также подвергается серьезной трансформации (см.: Скотов, с. 34—38). Песенный персонаж наделяется индивидуальными чертами, делается выразителем разных, порой противоречивых чувств (ср. вариации на тему «Бобыля», где совмещаются и взаимодействуют мотивы бесшабашной удалы, стихийного разгула и скрытой тоски. — «Бобыль», 1854; «Отважился, тоска...», 1855; «Отважился, тоска./ Пылью поразвейся!/ Что за грусть, коли жив, — И сквозь слезы смейся!»; «Песня бобыля», 1858); показательно, что лишь немногие тексты Н. фольклоризировались, при этом обычно упрощаясь (среды изв. — «Ехал из ярмарки ухарь-купец...», 1858; неск. стих. пелись в рев. среде). В песне появляется самостоят. «авторский» лирич. голос, что позволяет, не отказываясь от передачи мироощущения человека из народа, взглянуть на героя и его судьбу «со стороны»: «На труды твои да на горе/ Вдоволь вчуже я наплакался» («Пахарь», 1856); ср.: «... Песни печальные, песни постылые/ Рад бы не петь их, да грудь разрывается/ Слышу я, слышу, чей плач разливается» (стих. «Портной», 1860).

В поэзии Н. зрелого периода, при всей ее «объективности» (тяготение к сюжетности, повествоват., эпич. элементы), осязными глубоко личностная интонация, сильное собственное лирич. начало (ср. суждение Ю. И. Айхенвальда о «срединном месте» Н., в творчестве к-рого перемежаются, не сливаясь в единство, «простонародное ... с интеллигентным ... Он не стихия и не личность» — ПССНП, 1918, т. 1, с. 10). Обостренно воспринимаемое чужое несчастье («И больше мне и страшно за людей./ В ночной тиши мне чужды их стоны» — «Не спится мне. Окно отворено...», 1855) во мн. осмысливается через призму личного опыта. Универсальной автобиогр. основой стихов Н. становятся «вечный российский сюжет семейной самоурядства» (А. М. Скабичевский), переживание повседневной «мелочной, но тем не менее страшной драмы» (письмо Н. к неизв. — Соч., т. 4, с. 372) под крышей родного дома (А. С. Суворин, дружески сошедший с Н. в последние годы его жизни, вспоминал о нем как о «человеке, погибшем в бою... страшной Бородинского сражения», т. к. бой «тянулся долгие годы», — цит. по: Ласунский О. Г., Из рассказаний о Н. — В кн.: «Я Русь сын!», с. 59). Лирич. герой Н. — простоянин, приближившийся к книжной культу-

ре, страдающий под бременем изнурительного труда и страшного быта, большой телом и душой, робкий и застенчивый с женщинами, несчастливый в любви, одинокий в родном углу, горько сознающий свою социальную обездоленность и неспособность изменить положение.

Утверждение Н. в собств. круге тем, обретение нового власта действительности в качестве поэтич. мат-ла сказались и на его пейзажной лирике, образцы к-рой относятся к высшим достижениям его творчества. Отвлеченные и нередко статичные образы природы сменяются пейзажными картинами, отмеченными живописной выразительностью, пластичностью деталей (по мнению С. М. Городецкого, Н. «непревосходим в свободе и властности обращения с вешами» — ПСС, 1912—13, т. 2, с. 12), насыщенными звуком, движением, приметами, позволяющими опознать пейзаж как конкретный, определенный, в его связи с нар. жизнью: «Зимняя ночь в деревне» («Весело сияет/ Месяц над селом», 1853). «Утро» («Звезды меркнут и гаснут. В огне облака...», 1854—55), «Встреча зимы» (1854), «Ярко звезд мерцанье» (1858). И. А. Бушин находил в пейзажных стих. Н. (в т. ч. в фрагменте стих. «Мертвое тело», 1858: «Ковыль сухой и стар и сед./ Блестят на нем мороза след») «ту неуловимую худож. точность ... расстановку слов, тот выбор их, которыми руководствуется невольно только художник, знающий природу всем существом своим» (Бунин, с. 504).

Тяготение Н. к развернутому сюжетному стихотв. повествованию в полной мере реализовалось в его поэмах. Картины быта провинц. города, типы его обитателей представлены в поэме «Кулак» (М., 1858). Вывела в качестве гл. героя мелкого базарного перекупщика, мошенника и дом. тирана, Н. стремился показать его как незаурядную натуру, фигуру трагическую, порожденную и погубленную социальной средой. Современники отмечали отражение в поэме воронеж. действительности и, отчасти, семейной ситуации Н., в характере персонажа находили параллели с отцом Н. и нек-рые автобиогр. черты (Де-Пуле, с. 73, 101). Попытка создания др. типа героя — сильного человека, бросающего вызов враждебным обстоятельствам, осуществлена Н. в поэме «Тарас» («Воронеж. беседа на 1861 г.», СПб., 1861; отклик М. А. Антоновича, назвавшего поэму украшением сб-ка, — «Совр.», 1861, № 12; неолитр. реш.: СПбВед, 1861, 1 дек., СП, 1862, 30 янв.), по тематике и обрисовке центр. характера превосходившей «крестьянские» поэмы Некрасова 60-х гг. Суворин сообщал об

эпичности первонач. авт. замысла: отправляющийся на поиски лучшей доли крестьянин Тарас «должен был пробиться сквозь тьму арпятвинств, побывать во всех углах Руси, падать и подниматься и выйти все-таки из борьбы победителем. Никитин хотел сделать его олицетворением энергии» (рец. на изд. Н. 1869: ВЕ, 1869, № 8, с. 897). Незавершенной осталась поэма «Городская голова» (сохранившийся отрывок с описанием дневной и ночной степи — «Поездка на хутор», РСЛ, 1859, № 5).

Летом 1857 после отъезда из Воронежа Второва Н. поразил тяжелый духовный кризис, выразившийся в депрессии, разочаровании в своем поэтич. даре. Поэт с тревогой ждал отзывов о «Кулаке», опасаясь преубежденности критики и публики.

Критич. отзывы оказались единодушно сдержанными. Н. А. Добролюбов писал об «обстоят. жизни быта», «сном познания характера героя», особо подчеркивал «гуманность идей», неуклюжую недостаток худож. таланта («Совр.», 1858, № 6, с. 188, 194). Я. К. Грот, увидев в поэме проявление глубокого и разностороннего дарования, отмечал в т. ч. живость раскраски и диалогов, к-рый «удивительно ловко воспроизводит эпоху пушкинские приемы» («Изд. АН по ОРЯС», 1858, т. 7, стб. 313; ср. суждения об ориентации повествоват. материалы «Кулака» на «Евгения Онегина» А. С. Пушкина — Покровский К., с. 146). К лучшим прозаич. совр. лит-ры отнесена поэма в рец. «Атеней» (1858, № 48, подпись: А. М.-в).

После успеха «Кулака» Н. захватила идея оставить постоянный двор и открыть в Воронеже книжный магазин, преследуя не только коммерч., но и просветит. цели (основал при магазине дешевой б-ку). Недостаточные средства он получил по колатайству друзей от петерб. промышленника В. А. Кокорева, к-рый предложил Н. свои услуги по изд. его нового поэтич. сб-ка. Н. подал прошение об увольнении из мешан. сословия и стал хлопотать о приписке к купечеству. Заботы об устройстве магазина вновь обострили его болезнь, к которой прибавилась чахотка, что не охладило увлеченности новым делом: с ним Н. связывал надежды обрести покой и независимость, вырваться из опостылевшего круга обязанностей (ср. идентичные внутр. мотивировки у Кольцова, вынашивавшего в посл. годы жизни схожие с Н. проекты). Друзья Н. с тревогой наблюдали за прогрессирующей болезнью и завидом скептически оценивали перспективы его деятельности: физич. истощение способствовало развернувшемуся в нем «мелочному и раздражительному духу спекуляции ... Не могут ужиться вместе в одном человеке торгаш и поэт; одно что-нибудь непременно убьет другое, или разладит жизненных занятий с природою убьет и самую жизнь» (письмо Придорогина Второву — цит. по: Фомин, И. С. Никитин, с. 125).

Успешным Н. магазин, об открытии к-рого сообщал столиц., и магазин печат. («Воронеж. губ. вед.», № 10; МВед, 24 янв.; «Рус. днев-

ник», 24 янв.), стал одним из культурных центров Воронежа. Среди комиссионеров по снабжению Н. книги были П. И. Бартеев, Ф. И. Берг, Суворин и др. (см.: Ласуцкий О. Г., Из размышлений Н. — В кн.: «Я Рук сын!», с. 22—24, 47—49, 71—75).

В период обществ. подъема 2-й пол. 50-х гг. в поэзии Н. усиливается публицистика: начало; надежда на обновление, выраженная с помощью «образов-сигналов», характерных для демох. лирики эпохи («Рыхлая почва готова! Сейте, куда весна...» — «Медленно движется время...», 1857), соседствует с настроением гражд. скорби, негодования, самоосуждения («Лампадка», 1857, «Тяжкий крест несем мы, братья...», 1857—61). В стих. «крестьянской» тематики укрупняются, персонажи упрощаются в фольклорно-песенном духе, ключевые для Н. понятия и детали: «Соха» («Ты соха ль наша, матушка...»), «Ах ты, бедность горемычная...», «Бесталанная доля» (все — 1857). Готовя обещанную Корекову книгу («Стихотворения», СПб., 1859), Н. исключает большую часть стих. первого сб-ка, оставшиеся подвергает значит. переработке.

В отделе Добродюбова сб-ка оценки сдержаннее «Кулака»: отныне силу воображения и теплое чувство автора, критик призыв Н. полнее воплотить в стихах накопившиеся жизненные впечатления («Совр.», 1860, № 4; др. отзывы 1860: Л. П. Блюмер — «Светоч», кн. 2; Де-Пуле — РСЛ, № 4).

Начиная с 1858 Н. работал над пов. «Дневник семинариста» («Воронеж. беседа на 1861 г.», СПб., 1861; одобрит. отзывы: М. Антонович — «Совр.», 1861, № 12; МВед, 1861, 30 нояб.; СП, 1862, 30 янв.), оставшейся его единств. прозаич. произведением. Построенная на автобиограф. основе, повесть вводила в лит-ру новый, мало освоенный мат-л (семинарские нравы, быт, характер преподавания), тематически превосходящая «Очерки бурсы» Н. Г. Помяловского. Вдохновенный слухами о грядущих обществ. преобразованиях, в т. ч. в сфере духовных учеб. заведений, Н. подчеркивал публицистичность и обществ. значимость «Дневника...»: «Лишь бы позволили говорить о нашем духовенстве, — тогда литература сделает свое дело, точно так, как она сделала его в вопросе об освобождении крестьян» (письмо Н. А. Матвеевой, март 1861; т. 4, с. 344).

Летом 1860 Н. впервые в жизни покинул Воронеж, посетил Москву и Петербург, где занимался исключительно коммерч. делами, избегал встреч с литераторами, не желая, по словам его биографа, разбираться в «крайностях» лит. направлений («он ищет лит. товара и знает не хочет его производителей» — Де-Пуле, с. 131). Вернувшись в Воронеж, в 1861 выступил одним из учредителей воскресной школы, участвовал в ор-

ганизации Об-ва распространения грамотности.

К 1860—61 относится переписка Н. с Нат. Ант. Матвеевой, дочерью отставного генерала, друг. отношения с к-рой (познакомились в 1856) перерастают во взаимную любовь (сохранились 14 писем Н. к Матвеевой, ей посв. два стих.). Возникающие в письмах к ней мотивы расчета с прошлым, надежды на счастье, попытки жить мгновением, не впадая в мучит. рефлексии, сталкиваются с осознанием неизбежности трагич. финала. В мае 1861 после очередной простуды течение болезни Н. приня-

Н. С. Никитин. Портрет работы нест. художника. Около 1860.

ло необратимый характер. Преклоняясь перед самоотверженностью Матвеевой, готовый пренебречь светскими приличиями и приехать ухаживать за ним, Н. отказывается от ее помощи. Последние месяцы его жизни окрашены мучительным чувством одиночества в «душиных стенах», где «зарыдай — не услышишь ответа...» (стих. «На лицо твое солнечный свет упал...», апр. 1861), и предельно драматич. взаимоотношения с оптом (Де-Пуле, с. 197). В числе последних прочитанных им книг и мемуарных свидетельств — записки В. И. Чеботарёва, келейника святителя Тихона Задонского, открытые монеей к-рого состоялось в авг. 1861 в Задонске Воронеж. губ.

Изд.: Соч., В., 1869 (сост. и биогр. очерк М. Ф. Де-Пуле); 4-е изд., В., 1886; 10-е изд., М., 1904; ПСС, М., 1912 (ред. и биогр. очерк М. О. Гершензона); 3-е изд., М., 1913; ПСС, т. 1—2, П., 1912—13 (ред. и вступ. ст. С. М. Горюшко); ПСССП, т. 1—3, П., 1912—15 (пол. ред., с биогр. очерком, ст. и прим. А. Г. Фомина; вступ. ст. Ю. И. Айхсвайц); то же, П., 1918; Избр. произв., Воронеж, 1934 (вступ. ст. Л. А. Плеткина; прим. Л. А. Плеткина и А. Г. Фомина); Стих., М.—Л., 1936 (вступ. ст. И. И. Розанова); Соч., т. 1—4, М., 1960—61 (сост. О. В. Бубно-

ва, Л. А. Машнев; вступ. ст. Г. Костина); Полн. собр. стих., М.—Л., 1963 (БГБ); предисл. Н. И. Рыленкова; вступ. ст. и прим. Л. А. Плеткина); Соч., М., 1980 (вступ. ст. О. Г. Ласуцкого; прим. Л. А. Плеткина).

Биогр. мат-лы: Де-Пуле М. Ф., Биограф. И. в кн.: Соч. Н. с его биограф., т. 1, В., 1869; Сивичев Ф. Е., И. С. Никитин. Его жизнь и лит. деятельность. Биогр. очерк. СПб., 1893; Поликарпов Н. И., Н. как воспитанник Воронеж. дух. семинарии. — «Воронеж. газетраф», 1896, № 49; Былов М. Н., К биографии поэта Н. — ИВ, 1901, № 11; Кавелина С., Новые данные к характеристике Н. по негид. мат-лам, М., 1912; Фомина А., Болель и последние минуты жизни Н. (По исх. изд. мат-ла). — «Совр.», 1912, № 5; его же, И. С. Никитин. Жизнь и деятельность. — В изд.: Никитин И. С., ПСССП, т. 1, П., 1912; Малахов В. П., Правда о Н. — ИВ, 1913, № 3; Казымин В. М., К биографии Н. — В кн.: Воронеж. старина, кн. 13, В., 1914 (отд. оттиск: В., 1915); Фомина Г., Восп. о Н. его родственниках и современниках. — В кн.: Проложные зорни. Лит. сб. провинц. писателей, в. 1, В., 1914; Чернышев В., Никитин. Мат-лы для биографии и характеристики. — В кн.: Раута. Алмазах ПД, П., 1922.

Лит.: Михайловский: Толстой; Чернышевский; Герцен; Некрасов; Добролюбов; Достоевский (все — уз.); Стручин С. [Шыков С. С.], Котыков Н., — «Дело», 1874, № 3; Райковская Н. И., Народный поэт Н., М., 1888; Иванов И., Полн. горады правды. — РМ, 1896, № 1; Зубков В., Памяти Н. — «Жизнь», 1899, № 10; Каюв И. Ф., Содержание и характер поэзии Н. — «Рус. физик. вост.», 1899, № 1—2; 1900, № 1—4; 1901, № 1—2 (отд. оттиск: Варшава, 1901); Рождествен А., Жизнь и поэзия Н. — «Чтения в Об-ве любителей рус. словесности в память А. С. Пушкина при Казан. уни-те», 1902, кн. 14 (отд. оттиск: Каз., 1902); Путинцев А. М., И. С. Никитин (Историко-лит. мат-л). — «Тр. Воронеж. ун. арх. коллегия», 1908, в. 4; его же. Эпоха о жизни и творчестве Н., В., 1912; его же, И. С. Никитин (Жизнь и творчество). В., 1922; Покровский В. И. (сост.), И. С. Никитин. Его жизнь и соч. Сб. ист.-лит. ст., М., 1911; Покровский К., Лит. вливания и отзывы в поэзии Н., М., 1911; Поликарпов Ф., Нар. жизнь в изображении Н. (Эпиграф. очерк). — «Памятник стиха Воронеж. губ. на 1911 г.» (отд. оттиск: В., 1911); Прыжкин С. Н., Жизнь и творчество Н., В., 1911; Говорова [Ж.], Н. как человек и как поэт, П., 1912; Нейман Б. В., Отзывы поэзии Пушкина и Лермонтова в творчестве Н. — ФЗ, 1912, в. 3—4 (отд. оттиск: В., 1912); Крашенин Д., Основы и настроения поэзии Н. — В кн.: Проложные зорни. Лит. сб. провинц. писателей, в. 1, В., 1914; Соловов Л., Диссонансы жизни в поэзии Н., К., 1914; Шеглов Б., О нар.-полит. элементе в прозе Н. в связи с вопросом о влиянии Колдыва на Н. — ФЗ, 1914, в. 2—3; Айхсвайц Ю., Никитин. — В его кн.: Силуэты рус. писателей, т. 2, 4-е изд., М., 1917; А. В. Кольцов и И. С. Никитин, М., 1929; Гиппиус В., Некрасов в истории рус. поэзии XIX в. — ЛН, 1949, т. 49—50; И. С. Никитин. Ст. и мат-лы о жизни и творчестве Н., 1952; Асафьев Б. В., Кольцов и Н. в юзвасе. — В ст. кн.: Избр. труды, т. 4, М., 1955; И. С. Никитин. Ст. и мат-лы. К 100-летию со дня смерти, В., 1962 (с юбилейной библио.); Бунина И. А., Памяти сильного человека. — Собр. соч., т. 9, М., 1967; Тонков В. А., И. С. Никитин. Очерк жизни и творчества. [1824—1861]. М., 1968; Ласуцкий О. Г., Вокруг Н. — В его кн.: Лит. раскопки, В., 1972; «Я Рук сын!», Сб. ст. к 150-летию со дня рождения Н., В., 1974; Полит.-демокр. Н. Мат-лы конференции, посвящ. 150-летию со дня рождения Н., В., 1976; Ермилин В. И., И. С. Никитин. — В кн.: Рус. лит-ра и фольклор. (Вторая пол. XIX в.), Л., 1982; Кузнецов В. И., Нетленные строки, В., 1984; Скотов Н. Н., Некрасов и поэты некрасовского направления. — В его кн.: Некрасов. Современники и продолжатели, М., 1986, с. 23—39. + Некролог. 1861; МВед, 3 нояб., М., Ф. Де-Пуле; КВ, № 30; РКЛ, № 11; РР, 26 окт. (А. С. Суворин); «Воронеж. губ. вест.», № 42; Путинцев А. М., Мат-лы для библио. об Н. и его соч. — «34. зап. Юрьевского уни-та», 1906, № 2 (отд. оттиск: Юрьев, 1906); Калашов Б. Н., Рукописи и переплетка Н. — «Библиотека РО ПД», 1953.

№ 4; Библиограф. указ. влжидных собр. соч. Н. и мат-лов о Н. — В кн.: И. С. Никифорова. Ст. и мат-лы о жизни и творчестве. В., 1952 (св. 150 назв.); И. С. Никифорова. Указ. лит-ры (1918—1973). Сост. Е. Д. Мельниченко, под ред. О. Г. Лаушкиной, В. 1974 (824 назв.); Брокгауз; Венергер. Источ.; КИЗ; Рус. писатели, 1990; Лерн. энци.; Муратова (1, 3, укл.).

Архивы: РГАЛИ, ф. 347; ИРЛИ, ф. 569; РГБ, ф. 178; Дом-музей И. С. Никифорова (Воронеж).
Е. Г. Чихолова

НИКИФОРОВА Людмила Алексеевна [урожд. Грехнева; 14(26). 1871, Петербург* — не ранее 1939], поэт, прозаик.

Отец. Ал. Анд. Грехнев (1840—1913). — инженер-самоустроитель, поручик Корпуса корабельных инженеров, окончил штурманское уч-ще и Николаев. мор. акад. Автор проекта, строителя и первый заведующий Опытным Судо-строит. бассейном (Новая Гелландия, Петербург). стат. сов.; мать. Елик. Петр. в земстве Озерова (ум. после 1917), дочь доктора медицины, издатель. сов.; младшие сестра Елена и брат Глеб.

В 1901 за пьесу «Теснота» (не полн., не опублик.) Н. получила премию в 300 р. от Лит.-худож. об-ва (ИРЛИ, ф. 155, 1908, журн. № 15, 85). Вероятно, ее лит. дебют — рассказ «Ветка герани» («Нива», 1903, № 35, подпись Л. Грехнева); приблизительно в то же время Н. публикуется в нек-рых провинц. изданиях. В 1904 (или 1905) Н. вышла замуж за студента Ник. Вас. Никифорова. Семья жила бедно: «Наша жизнь представляет самую заурядную борьбу за существование» (письмо Н. [1910] М. Горькому — Архив М. Горького, ИМЛИ, КГ—П, 53—18—5). С 1905 Н. работала в ж. «Зритель», где тогда же под псевд. П-эро появилась ее первая стихотв. публикация; в 1906 Н. становится соредактором ж-ла (к-рый в это время называется «Маски»), в 1908 значится одним из трех его издателей. Была также пост. сотрудником в ж. «Серый волк» (1907—08), печаталась в ж. «Чучело» (1912).

Осн. жанр Н. в это время — стихотв. полит. сатира на «злобу дня»: это насмешки над депутатами с их почтенным к собств. мандатам, неприязнь к прессе: «Корреспондентов — прочь их с хор!» Лишь из избы выносятся сор («Думы про Думу» — «Серый волк», 1907, № 18), сходством с марionетками: «немыми берите в депутаты» («В XXIII Думе. Из предсказаний ясновидящей» — «Зритель», 1908, № 7), выпады против полит. партий и конкретных полит. деятелей («Октябристам», «Голос Москвы. К А. И. Гучкову» — «Серый волк», 1907, № 1, 19), против судебных порядков («О ты, порядка страж полтавский» — «Маски», 1906, № 1, 3) и цензуры («Редактор-считатель» — «Серый волк», 1907, № 7), отклик на аграрную реформу («К аграрной реформе» («Хрестьянам мало мол земли») — там же, 1907, № 22). Написанные в частушечно-лубочной форме, стихотв. шаржи Н. динамичны,

образны и прямолинейны. В 1908 после закрытия «Серого волка» и «Зрителя» материальное положение Н. ухудшилось. В 1908—10 она работала «корректоршей в типографии». В 1908 получила помощь от Лит. фонда. Отказ на два других ее обращения в Лит. фонд (в сент. 1908 и в февр. 1912) задел самолюбие Н., написавшей в адрес фонда оскорбленное письмо (ИРЛИ, ф. 155, № 7).

В 1908 Н. познакомилась с М. Горьким. В 1909—10 переписывалась, а в июле—сент. 1910 вместе с группой писателей посетила на Капри (см. письмо Горького А. В. Амфитеатрову от авг. 1910 — ЛН, т. 95, с. 211; Архив Горького, IX, 325, прим.). Вероятно, именно под его влиянием Н. снова обратилась к прозе (в 1908—09 написала рассказы «Любовь», «Чухонские рассказы», «Право на смерть», о к-рых известно лишь из их переписки, пов. «Человеческие узы» также оставшаяся неопубл.). Горький относился к Н. благожелательно и стал для нее пл. авторитетом в лит. мире. Считая, что она «человек достаточно дерзкий», Горький соотвественно настаивал: «У Вас в сердце хороший, крепкий, злой кусочек, кристалл горечи, порою он превосходно сверкает, и Вы его цените» (письмо от 20 мая 1910 — Горький, XXIX, 117). Ознакомившись с рукописью пов. «Две лестницы» («Знание», кн. 30, СПб., 1910; рец.: В. Г. Малахеева-Мирович — РМ, 1910, № 10), он «нашел ее содержание значительным, важным и во многом испорченным исполнением: «Ваша повесть значительно выиграла бы в красоте, силе убедительности, если бы Вы постарались изменить ее тон, слюшкит дидактический и слюшкит поучительный» (письмо от марта—апр. 1909 — Горький, XXIX, 90). Опубл. в переработанном виде («сообразно Вашим указаниям — насколько удовлетворительно, я не знаю» — письмо Н. к Горькому, [1910], ИМЛИ, КГ—П, 53—18—2), повесть явилась наиб. значительным произв. Н. О др. повести — «Артель» («Знание», кн. 33, СПб., 1910) Горький отзывался неодобрительно: «А Никифорова написала сентиментально, грубо и нелепо» (письмо М. К. Куприной-Иорданской — ЛН, т. 95, с. 673; сходный отзыв: «... рассказ невыразимо скучен, грубо тенденциозен и неискренен» — НЖЛВ, 1911, № 27, стб. 122, б. п.; др. рец.: В. Тихонович — «Русь», 1910, 6 дек.). Для прозы Н. характерны схематизм и экспрессионистская символизация, реализуемая через натурализм и гротеск.

Обе повести состоят из отд. очерков, объединенных местом действия (в «Духах лестниц») и родом занятий гл. персонажей, рабочих-электриков, а также образом далекой «чуждой человека», к к-рому все ходят исповедаться (в «Артели»). Прием композиции кинематогра-

фичес — монтаж быстро сменяющихся сцен, эпизодов. В повестях отсутствуют индивидуальность-личностные характеристики; в «Духах лестниц» нет (гров-человека, а противопоставление «черной» и «господской» лестниц — минимос, т. е. сдуха жизни везде одинакова, а человек — раб своих и чужих страстей. В «Артели» герой — обобщенный человек труда, показанный через тяжкий и страшный быт, через его темную нелюбовлю и любовь, тоже темную и страшную. Однако опреде. худож. своеобразие Н. не было замечено современниками, в т. ч. Горьким (см. его письмо к Н. с разбором ее рассказов — XXIX, 103), упрекали ее за натурализм, схематичность, неумение типировать, постигнуть, раскрыть.

В 1911 Н. планировала издавать дет. журнал (письмо Горькому, [1911], ИМЛИ, КГ—П, 53—18—11), издание не состоялось. В 1912—13 опублик. в дет. ж-лах неск. стих. («Любовь светлая» — «Светлячок», 1912, № 10; «Царевна-Зима» — «Путеводный огонек», 1913, № 1).

В 1912 Н. уехала из Петербурга, сначала в Коломну, а после того как в 1913 муж получил место мл. архитектора строит. отд. Забайкальского обл. правления, они переехали в Читту. В 1919 регулярно печатала в читин. газ. «Рус. Восток» и «Вост. курьер» рассказы, стихи, статьи, полит. фельетоны (многие с выраженной антибольшевист. направленностью), театр. рецензии. Общалась с приехавшим в Читту Н. Ф. Олигером. В читин. ж. «Театр и иск-во» публ. в 1919 в осн. беллетристич. произв. (рассказы «Улыбка Сфинкса», № 12, «Тысячелетнее», № 14—15, подписи Л. Ни-ва).

В этом ж-те помещал небольшие эссе об архитектурных памятниках (в осн. московских) ее муж (в 1919 избран гласным гор. Думы), здесь же, вероятно, состоялся лит. дебют ее дочери Елены (1908—7; прозаич. эссе «Смешные люди», 1919, № 19, 22, подписи: Леля Н.; Леля — ее домашнее имя).

С 1920 Н. с дочерью живут в Харбине. В 1920—22 она печатается в газ. «Рус. голос»; эссе «Праздник природы» (1921, 19 июня), рассказы «Как мы провели рождественский сочельник. Записки эмигранта» (1922, 7 янв.), «Святая ложь» (1922, 22 апр.), очерк «Грядущее» (1922, 1 янв.); в ж. «Рус. обозрение»: рассказ «Китайский бог» (1920, дек.) и роман «из земской жизни» — «Сила земли» (рец.: АЗ — «Рус. голос», 1922, 14 янв.).

Роман не был опубл. до конца: «Журнал испустил дух на 8 книжке, оборвался и моя «Сила земли» (письмо Горькому, [1925] — ИМЛИ, КГ—П, 53—18—12). Н. пишет Горькому об этом периоде: «много работала в газетах. Приходилось браться за все ради заработка» (там же). В 1922 она — активный чл. «Об-ва (союза) писателей (литераторов) и журналистов», выступала с докладами «О творчестве» (январь 1922), «О творчестве Веры Рунин» (февр. 1922), прочитала на публич. чтениях многих тонами, глубинной и продуманностью исключительно благоприятное впечатление» («Рус. голос», 1922, № 471; см. также разбор ее доклада в ст. «В обществе писателей и журналистов» — там же, 1922, 3 янв.), активно участвовала в праздн. о творчестве Б. Пильняка (об этом — там же, 1922, 5 марта).

В 1924 писала пьесы для Т-ра миниатюр в Харбине: «Эта работа окончательно привозила меня к те-

атру...» (письмо Горькому, [1925]. Архив М. Горького, ИМЛИ, КГ—П, 53—18—13). Однако театр закрылся, а Н. с дочерью, несмотря на многочисл. предложения от «театральных деятелей харбинской халтуры», была вынуждена перебраться на станцию Чжаланьтунь, где жила до 1935. Дочь Н. преподавала рус. язык в кит. школе. В 1925 возобновилась переписка Н. с Горьким, большое место в к-рой занимает тема «отчужденной жизни», разобщенности с родиной, с привычным кругом людей; о себе Н. пишет: «живу... графоманством! Весь свой досуг употребляю на писание. Но совершенно отказалась от повествовательной формы. Теперешняя нервно-истерическая эпоха требует диалога. Театр — мой единственный, и властный, и вечный бог» (ИМЛИ, КГ—П, 53—18—12). Сообщает, что работает над пов. «Горький дым». В нач. 1935 переехала в Харбин. В газ. «Рупор» опублик. рассказы: «Золотой утар» (1 янв.), «В белой чаше» (7 янв.), «Сильные ощущения» (27 янв.), «В кружеве дней» (24 февр.), «Две жизни» (24 марта), «Пасхальный обман» (28 апр.), «Хутти-хрям» (19 мая), «Шум миллионов» (16 июня), «А что же дальше?» (14 июля), «Старая любовь не ржавеет» (18 авг.). Харбинские публ. Н. выходили под псевд. Л. Никитин. Через сов. консульство послала Горькому ром. «Эмигранты», написанный ее дочерью Е. Н. Никифоровой. Консул, ознакомившись с романом, отозвал Н. с дочерью вернуться в СССР. Кулаки и выехали с эшелоном служащих КВЖД; с 1936 жили в Ленинграде у родственников, нуждались.

Роман «Эмигранты» (рукоп. не обнаружена) был послан на рецензию в редакцию альм. «Годы XVI—XXХVII», созданного и курируемого Горьким. Рецензент Э. П. Кузьмина отметила, что «автор превосходно знает быт эмиграции, очевидно, наблюдал его в течение продолжительного времени», указала, что «политический уровень романа невелик — это самый серьезный его недостаток» (РГАЛИ, ф. 622, оп. 1, № 273). При такой характеристике роман не мог быть опубликован. Нек-рые детали в романе в изложении рецензента позволяют предположить, что настоящим автором «Эмигрантов» была сестра Н.

В 1939 Н. по невыясненным причинам оказалась в г. Байрам-Али (Туркмения); послышала оттуда на конкурс в изд-во «Иск-во» одноактные пьесы «Только ... час!» и «Три момента» (РГАЛИ, ф. 657, № 3613, 2138). Пьесы сценичны, однако опублик. и пост. не были из-за несоответствия мн. канонам того времени — как стилистическим, так и идеологическим параметрам, несмотря на всю приверженность автора идее коллективизма и новой жизни.

По замыслу пьесы «Три момента» должна была показать крах старого общества, его, на эгоцентризм и индивидуализм: «эгоист, зажатый самим собой, подлинный асо слово своей выде, не понимает ни и революции. Он не способен познаться коллективу и коллектив выбрасывает его за борт» (рец.: А. Сарпаян —

РГАЛИ, ф. 652, оп. 7, № 2138). Однако светское коллективное «Мы» в пьесе выглядит пересальным, сказочно-любовным, в то время как герой, символизирующий «Я» и нависший отрицат. чертами, обладает яркой индивидуальностью и завидной крепостью духа. Пьеса тем «пересковки» пьесы «Только ... час!» (вероятно, в названии заключена отсылка к мрачному рассказу о шахтерском труде А. Р. Крайневской «Только час», 1901), в к-рой начальник колдобного рудника санилично, без суда, выносит расстрельный приговор двум заключенным за то, что, вылазая резко отрицат. реакцию режиссента (там же, № 3613).

Попытка Н. вписаться в мир сов. лит-ры не удалась: ее приверженность правде жизни, граничащая с натурализмом, оказалась ненужной и даже опасной. Нек-рые автобиогр. штрихи в пьесе «Только ... час!» позволяют предположить, что автор знаком с реальными, изображенными в ней, не понаслышке. После 1939 сведения о Н. (в т. ч. и в ЦА ФСБ) отсутствуют.

Изд.: [Стан]. — В об-кат Стихотв. сатира, 1969; Рус. стихотв. сатира 1908 — 1917-г. г., Л., 1974 (БФБС, 2-е изд., вступ. ст. и сост. И. С. Зенцова).

Лит.: Рус. лит-ра и журналистика (П. 2). + Адрес-календарь Рос. империи на 1916, ч. П, с. 569; Масанов (исч. учт. лесса, Л. Г.-ва, Гуслир, Гаманов).

Архивы: Архив М. Горького, ИМЛИ, КГ—П, 53—18 — (1—17), переписка с М. Горьким (1909—36); РГА ВМФ, ф. 417, оп. 5, л. 680; оп. 4, л. 2792* (п. ст. А. А. Гресьнев) (справка В. Н. Гудкина-Васильева); ИРПИ, ф. 155, ф. 540 (Пост. комиссия ... 1912, № 16; биогр. и библиография) (справка Н. А. Прозоровой); РНБ, ф. 709, ж. «Звезда», № 13 (письмо М. Горького Н. (1910) по поводу ее прозы); РГИА, ф. 777, оп. 13, 1908 г.; ф. 1293, оп. 145, 1913 г., л. 54.

А. Г. Пирогова

НИКОДИМ [в миру Казанцев Никита Иванович; 5(17).9.1803, с. Комлево Рузского у. Моск. губ. — 11(23).6.1874, г. Дмитров Моск. губ., похоронен в Успенском соборе], духовный писатель; педагог, религиозно-обществ. публицист, мемуарист, переводчик Священного Писания. Сын сельского дячка. Окончил Звенигород. духовное уч-ще (1818). Вифанскую сем. (1826), где впервые общался — как испытуемый — с Филаретом (Дроздовым), Моск. духовную акад. (1830); в 1829 принял монашество; был товарищем по академии Филарета Гумилевского (ДЧ, 1911, № 9, с. 70). Проф. богословия и преподаватель др.-евр. яз. Тульской духовной сем. (1830—32); вторично: 1833—35), инспектор и проф. философий Новгородской сем. (1832—1833). В 1835 посвящен в архимандриты, определен ректором Вятской сем. В 1838—39 находился при обер-прокуроре Синода Н. А. Протасове (Протасове), участвуя в комиссии по реформе духовных уч. заведений; но оказался его противником — отстаивал сохранение в уч. заведениях общеобразоват. дисциплины (Титлин о в Б. В., Духовная школа в России в XIX столетии, в. 2, Вильна, 1909, с. 7—10; ср. также: Флоринский, с. 205—06).

О своем пребывании в Петербурге и о работе в комиссии (1838—41), в

т. ч. о встречах с митрополитом Филаретом (Дроздовым), размышлениях и прениях вокруг школьной реформы живо и подробно рассказал в восп. «О Филарете, митрополите Московском, моя память» (1868; опублик.: ЧОИДР, 1877, кн. 2, апр.—июль; отзыв: Григорий, архимандрит, Предисловие — там же; отд. оттиск — М., 1877); его же облик как человека и иерарха колоритно запечатлен и в отрывке, опублик. под назв. «Мысли епископа Никодима... о событиях в Вифанской семинарии...» («Чтения в ОЛДП», 1882, № 5) (в целом их встречи случались с 1821 по 1854 и Филарет долгие годы проявлял благосклонность к Н.). После пребывания в Петербурге назначался ректором духовных семинарий в Одессе (с 1841), Белгороде (с 1845); там же размещался Курская сем.). Ярославле (с 1850) и одновременно — настоятелем ряда монастырей. В автобиогр. записках частые переводы из семинарии в семинарию представил как многолетние мытарства («Записки преосвященного Никодима...» — ДЧ, 1911, № 7—10; отд. изд. — М., 1912; написаны в 1843—44).

В 1854 посвящен в епископы и назначен викарием в Казань, с 1861 первый епископ Енисейский и Красноярский. В 1869, посетив только что сгоревший дола после третьего пожара Енисейск, опублик. очерк «Город Енисейск» («Иркутские епарх. вед.», приб., 1869, № 48) — впечатляющее свидетельство о пожарах как стихийном бедствии рус. городов. В 1870 ушел на покой, поселился в Перервинском мон. под Москвой. Путешествие из Красноярска в Москву описано в «Путевых

записках» (РА, 1903, кн. 1—2; представляют собою отрывок из автобиограф. записок).

Автобиограф. записки и дневники вел с 1829 по 1874; в рукописи 23 тома in folio. Кроме трех названных отрывков также посмертно опубликованы: «Жизнь архимандрита Николаиды Казанцева» (БВ, 1910, № 1—3, 11, 12; отд. оттиск — Сергиев Посад, 1910), «Мое первое житие и инспекторство в Тульской семинарии» («Тульские епарх. вед.», 1911, № 7—12; предваряющий отзыв: А. Титов — там же, 1911, № 6), «Путешествие преосвящен. Н... из Казани в Красноярск...» («Енисейские епарх. вед.», 1911, № 22—24; 1912, № 1—2), «Первые дни служения в Красноярске...» [автобиограф. заметки] (там же, 1912, № 7—15, 23—24; 1913, № 2—4, 6—8) и др. В записках (публиковавшихся преим. посмертно) запечатлелись быт крестьян и сел. духовенства, жизнь и нравы духовных уч. заведений (от училищ до академий), быстрые дорожные впечатления и этнограф. наблюдения; немало редких или уникальных свидетельств очевидцев: о поведении французов в рус. деревне 1812 и отношении к ним крестьян, о таинств. старце Федоре Кузьмиче (о к-ром позже не раз писали как об Александре I, скрывшемся в Сибири). Слог «записок» живой, нередко изустный, порой язвительный («у меня язык — бритва» — признание 1843; ДЧ, 1911, № 9, с. 70); Н. не шадит ни себя, ни других духовных наставников и церк. деятелей, ни светских сановников, когда в их служебных занятиях благочиние и благочестие вытеснены от угождения «страстям, личности» или от «беспечности общей» («О Филарете... моя память», с. 88).

Резкая по тону ст. «О Святейшем Синоде» (июль 1873, опублик.: БВ, 1905, № 10; отд. оттиск — Сергиев Посад, 1905; перепечатана — «Символ», 1983, № 9) направлена на восстановление самостоятельности и независимости Церкви от гос. власти, утраченных ею при Петре I. Нравственно-психол. мат-л для характеристики Н. содержит его 12 молитв («Енисейские епарх. вед.», 1902, № 9).

Уйдя на покой, Н. продолжал публицист. и лит. деятельность, уделяя особое внимание переводу Священного Писания. Еще в студенческом дневнике он записал: «Был разговор о нужде знать евр. язык ученому монаху. Точно нужно, особенно потому, что ныне знают его очень враги Христа и Церкви Его, с к-рыми должно сражаться и поражать ими же избранным оружием» (ГА Красноярского края, ф. 561, оп. I, д. 148, л. 3). В бытность ректором Курской сем. ознакомился с переводом библи-

текстов Г. П. Павского и занялся собственным переводом (с 1848 по 1855; см. ф. 561).

Осн. установка Н. как переводчика священных книг: присраживаться синтаксису оригинала (в отношении перевода греч. текстов Нового завета), иглишине не пренебрегать слов. м. («вслать речь вульгарною, мелочною, обидною»; причиной неудачных переводов бывают: «а) гордость, хвастовство, желание казаться как можно русским, насквозь понижаясь всякую вещь; б) желание нравиться тому классу людей, кои терзают и осмеяют Россию в легкомысленных статейках светских журналов; в) несостояхт благосеиинства к слову Божию, коего и йота едина не прейдет» (там же, л. 125, л. 13).

Др. произв.: Предисл. к «Повести о блаженном Василии Мангазейском...» («Иркутские епарх. вед.», 1864, № 7; рукописи повести обретен. на Н. во время миссионерской поездки в Туруханский край), «Письма епископа Красноярского Николаиды к родственнику...» («Чтения в ОЛДП», 1882, № 6/7), «Письма преосвящен. Н... к проф. И. В. Платонову» (БВ, 1896, № 2), «Неизд. статья епископа Николаиды Казанцева о митрополите моск. Филарете» (РС, 1915, № 1; опублик. И. К. Маркова).

Лит.: Н. Д. Преосвящен. свиской Никоиды Казанцев. — «Церковная летопись», прил. к «Духовной беседе», 1874, № 34; (Александров М.), Преосвящен. Никоиды... — «Енисейские епарх. вед.», 1888, № 20; 1889, № 5—8, 11—12, 16; 1890, № 1, 4, 7/8, 11, 13/14, 21; 1891, № 3—4, 8/9, 13/14, 18/19; Флоровский (И.), † Некрологи: «Моск. епарх. вед.», 1874, № 32 (М. Добролюбов); «Гражданин», 1875, № 8/9. Генинад: РБС; Брокгауз; Валлеров. Синод.; Южаков; Полный правосл. богослов. энциклопед. т. 2. СПб., [1913] (репринт — М., 1992); Малуя (Лемезевский), митрополит, Рус. правосл. иерархия периода с 992 по 1892 годы, ч. 5. Куйбышев, 1971 (машинопись; сть в С.-Петербур. и Моск. духовных акад.); ИДРВ.

Архивы: РГБ, ф. 78, к. 29, № 7 (письма А. В. Горюхому); ф. 262, к. 55, № 7-а (письма С. М. Покровскому); ГА Красноярского края, ф. 561, оп. 1, д. 63 («Мое путешествие из Переринского мон. в Лавру преподобного Сергия»; «Патриарх Никон»); д. 64 (список рукописей Н.); 68—95 (проповеди); 97—99, 101—04 (ответы на статьи; религиозн.); 110, 136, 137 (ст. на церк.-обществ. темы; ист. и богослов. соч.); 117 (ст. и мат-лы по истории церк. певца в России); 121 («О господстве и рабстве»); 122 («Гласность»); 127 («Рус. православный христианство»); 128 («О перетерпимости»); 129 («О диаволе»); 131 («О прощании»); 135 («О падении лавра в Сибири»); 139 («Иконописание»); 148—171 (воспоминания, дневники, 1829—74); пер. Священного Писания и жгететич. работы, в т. ч.: л. 47 (пер. ряда псалмов и списочные текстов: евр., греч., лат. и русского); 175 (пер. Притчи Соломоновых, Екклесиаста, Псалмы Псалм.; мысли о писателе Соломона; пер. ряда пророческих книг с евр. и копч. к ним); 177 (пер. апокалипсиса посланий — с греч.); 179 (пер. Четвероевангелия с греч.).
Сельвиния Афанасий Гуаеро.
М. А. Антипов.

НИКОЛАДЗЕ Нико (Николай) Яковлевич [14(26).9.1843, Кутанс — 1.4.1928, Тифлис], публицист, обществ. деятель, лит. критик, мемуарист. Дед — бывший крепостной крестьянин имеретинской д. Сканды (отсюда у Н. псевд. Н. Скандели), откупившийся и промышлявший коммерцией; отец держал крупные подряды на казенные стройки; мать из мелкопоместной дворян. семьи Лордкипанидзе. Для подготовки в Кутанс. г-зию Н., старшего сына, в к-ром

отец видел наследника своего дела, отдал пансионера в рус. семью. В г-зию Н. очень много читал, а в окт. 1860 дебютировал в печати, в груз. ж. «Цискари» («Утр. звезда»). В 1860—61 печатался в нем под псевд. «Кутаисе мачоре» («Кутаисский сплетник»). Мироззрение Н. сложилось под влиянием ж. «Совр.» (выписываемого отцом) и учителей — ссыльных поляков (математика и законоведа), пропагандировавших на уроках рев. идеи.

По окончании г-зии в 1861 Н. поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та, вскоре за участие в демонстрации был отчислен из ун-та и заключен сначала в Петропавлов., затем в Kronstadt. крепость. По освобождении в дек. 1861 подлежал высылке на родину под гласный надзор полиции, но нелегально остался в Петербурге, жил под видом слуги у своего друга-студента груз. поэта А. Церетели. Для конспирации носил черкесский костюм, одоженный им О. С. Чернышевской для маскировки. Благодаря этому состоялось его знакомство с Н. Г. Чернышевским, Н. стал бывать у Чернышевских дома, летом 1862 жил у них на даче в Павловске. Познакомился и с нек-рыми сотрудниками «Совр.» — М. А. Антоновичем, Вл. С. Курочкиным, корректор редакци Е. С. Стопачевич лагал ему читать статьи в графиках до цензуры. С этих пор Н. неизменно считал себя «чернышевцем». Участвовал в конспиративных рус., польских и кавк. кружках (в частности, «Земля и вода»).

Нек-рые наблюдения над жизнью студенчества запечатлены Н. в двух сюжетно связанных рассказах «На Петербургской стороне» (под псевд. Г. С-ва) и «На Петербургской стороне... (Оборот медали)» (под псевд. М. Гуляев) («Искра», 1862, № 11—12, 28—29), построенных на контрасте образов бесшабашного студента

из зажиточной семьи и выходящая «из низов» и содержавших отзвуки идейной борьбы груз. рев.-демокр. движения «Тергдалеулеби», в к-ром Н. участвовал. После ареста Чернышевского, приостановки «Совр.» и «Рус. слова», когда надежды Н. на близкие рев. события не оправдались, он покинул в окт. 1862 Петербург, на родине включился в полемику И. Чавчавадзе и др. «тергдалеульцев» с «отцами» в ж. «Цискарн» — гл. обр. по вопросам реформы языка и стиля груз. лит.-ры.

В нач. 1863 вернулся в Петербург. После публикации в газ. «Нар. богатство» статьи Н. (по поводу рескриптов 19 февр. 1864 о наделении польских крестьян землей) был, по его словам, «поперечно и сотрудничником, и корректором, и наборщиком, и экспедитором газет», и даже — «фактич. редактором, вероятно за недосугом и безденежьем ее издателя», оставаясь автором передовиц, критич. статей и фельетонов (инт. по: Шадури В., Н. и его рус. связи. — В кн.: Письма рус. лит.-обществ. деятелей к Н., Тб., 1949, с. 18). Среди этой «пробной публицистики» (выражение Н.) статьи: «Обозрение рус. журналистики» (1864, 24, 28 янв.) о роли прессы в повышении обществ. сознания, «Неск. слов по поводу одного очень старого вопроса» (1864, 3, 6 февр.) — на тему Великой франц. рев.-ции, «Бохль. — Влияние женщин на успехи знания» (1864, 14 марта) — полемика с Г. Боклем и большинством совр. передовых писателей по вопросу жен. воспитания, «Юлия Шмидт. Обзор англ. лит.-ры XIX в.» (1864, 22 марта) с оценками творчества В. Скотта, У. Теккерея, Дж. Байрона и Ч. Дикенса, «Сведения о Кавк. и Закавказ. областях» (1864, 22 апр. — 12 мая), ст. «Экономич. вопросы», запрещенная цензурой (подробней см.: Джавахишвили Г. Д., Н. и рус. журналистика. Тб., 1978, с. 21—22), повс. разбору ром. Чернышевского «Что делать?», В 1864 в «Совр.» он опубликовал очерк «Провинциальные картины» (№ 8), сюжет к-рого подсказан ситуацией из личной жизни близкого Н. поэта Курочкина (в 1875 в «Тифлис. вест.», № 75, Н. опубликовал некролог), а в картинах нравов провинции, города Фит угадывается Тифлис.

После ареста товарищей и безуспешных попыток продолжить учебу в др. вузах Н. все лето морил себя голодом и пешей ходьбой из Колпина в Петербург, чтобы получить от Петерб. врачебной управы документ о необходимости долгосроч. лечения за границей. В авг. 1864 уехал в Париж, здесь пришел к выводу, что Чернышевский превосходит всех франц. социалистов, его ст. «П.-Ж.

Прудон» (СПбВед. 1865, 21 янв.; астроним «***») П. Л. Лавров назвал «великолепной» и обильно цитировал в «Загранич. вест.» (1865, т. 5, в. 2). Н. сблизился с радикальным студенчеством Сорбонны, участвовал в диспутах бланкистов и прудонистов, осенью 1864 познакомился с П. Лафаргом, а через него — с К. Марксом. В Париже его неск. раз до весны 1865 посетил А. И. Герцен, после чего наладилось его сотрудничество в жевском «Колоколе» (возможно, Н. корреспондировал в «Колокол» еще в 1862 и был автором ст. «Из Грузии», от 15 сент., см.: М. М. Клевенский — ЛН, т. 41/42, с. 601—02). В 1865 он опубликовал ряд т. н. груз. статей и связанных с ними полемич. статей против М. Н. Каткова: «Освобождение крестьян в Грузии» (15 июня и 1 июля; отзыв Каткова — МВед. 1865, 15 июля), «Наши будущие адвокаты перед „Моск. ведомостями“» (1 авг.; отзыв Каткова — МВед. 5 сент.), «Потоки крови в Тифлисе» (1 сент.), «Из Тифлиса» и «Июньские дни в Тифлисе» (15 сент.) и др. Несмотря на переезд в Женеву осенью 1865, сотрудничество Н. в «Колоколе» прекратилось из-за накаляющихся разногласий «молодой эмиграции» с Герценом.

Считая, что несправедливо Герцена еречат демокр. движению, Н. тем не менее отказался перенести возмущку на страницы «Колокола», чтобы не давать повод для травли рев. молодежи, и не стал отвечать на обращенную к нему публ. Н. П. Огарева «По поводу письма Неккера к государю. Письма к NN» («Колокол», 1865). Позднее Н. писал, что его намерение «определенно под влиянием событий 1862—1863 гг. ... и было в осн. чертах совершенно противоположно ужению Герцена, о чем в „Колоколе“ сделаны формальные заявления именно в моих статьях» [Прим. Н. к доклад. записке К. А. Бородинна «Смешанные дружина» и „Народная воля“ — «Былое», 1907, № 10(22), с. 163]. Свое расхождение с Герценом Н. связывал с противоставлением ему Чернышевского. Окончат. разрыв наступил весной 1866, когда Герцен отказался напечатать в «Колоколе» статью Н. по поводу покушения Д. В. Каракозова на Александра II.

Свою работу «Правительство и молодое поколение» (Женева, 1866; под псевд. Никифор Г.***) Н. тайно набрал ночами в «Вольной рус. типографии» Гершена — это была фактич. программа демокр. преобразований в России и своеобразная апология учения Чернышевского. Н. выступал против «романтич. революционерства» с его террористич. методами борьбы, к-рые лишь дают повод правительству расправляться с рев. организациями. В эти же годы в Женеве Н. сотрудничал в газ. «La Nation Suisse» («Швейцарский народ»), «Le Temps» («Время») и телегр. агентстве «Табас».

Стараниями Н. (совм. с М. К. Эллипидым и при первонач. содействии А. А. Серно-Соловьевича) был создан «Фонд Н. Г. Чернышевского», переросший в дальнейшем в изд-во

«Эллипидин и К^о», и осуществлено издание соч. Чернышевского.

Первым был выпущен ром. «Что делать?» (Ж., 1867). А. С. Суворин объявил это издание «контрафакцией» (СПбВед. 1867, 30 июля, подпись Великий), хотя Н. в предисл. писал о slight. нарушении юрисп. норм, т. е. для насильников им право «скорее мертвая буква, чем действительность собственности» (с. V), в то время как молодежь в образе жизни и характерах «новых людей» (Лопухова и Кирсанова, к-рых Н. соотносывает с др. лит. героями — Бельтовыми, Рудинны, Инсаровым, Базаровым) находит для себя программу действия. В предисл. к т. I соч. Чернышевского (Ж., 1868; отклик Герцена в письме к Огареву от 15 мая 1868 — Герцен, XXIX, 339—40) Н. продолжил рассмотрение «уроков гражданского развития», содержащихся у Чернышевского часто между строк даже в рамках научной и лит. критич. статьи 1853—55, сравнивал его с Г. Э. Лессингом.

Н. предпринял две попытки выпуска эмигрантских ж-лов, органов «чернышевцев». В первом из них — «Подпольное слово» (Ж., 1866, вышел два номера, в осн. со статьями Эллипидина) Н. был преим. издателем и редактором; «Современность» (Ж., 1868, вышел 7 номеров, отклик на № 1 см.: Герцен, XX, кн. 1, с. 313; XXIX, кн. 1, с. 319, 321) гл. обр. готовил Н.; до № 3 соредактором был Л. И. Мечников, а издателем — Эллипидин, к-рый в письме (СПбВед. 1868, 25 авг.) категорически отвергал свою причастность к ж-лу, кроме факта выпуска его в своей типографии; после раскола «молодой эмиграции» Н. выпускал ж-л в др. изд. фирме. В связи со статьями в «Современности» «Рус. эмиграция» (№ 3, отзыв: Герцен, XXIX, кн. 2, с. 401—02, 404—05) и «Два поколения» (№ 6), в к-рых Н., разбирая восп. В. И. Кельсиева, утверждал, что рев.-демокр. движение регрессирует, и обвинял Герцена и Огарева в отходе от их первонач. идеалов, а «молодую эмиграцию» — в искажении идей Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Серно-Соловьевичу выпустил у Эллипидина инспирированную М. А. Бакунинным (также способствовавшим расколу «молодой эмиграции») пасквильную брошюру против Н. «Миколка-публицист» (ответ Н. в рубрике «Объяснение» — там же, № 6). В ст. «Нар. дело» («Современность», № 7) Н. критиковал анархист. программу «государства и государственности» Бакунина и Н. И. Жуковского (черты полит. портрета Бакунина см. в ст.-некрологе, написанном Н., — «Тифлис. вест.», 1876, № 143). В статьях «рос. цикла» в ж. «Современность» «По поводу голода» (№ 1), «Высочайшее разъяснение земской компетенности», «По поводу нашей податной системы» (обе — № 2), «О сборе податей» (№ 4) и «Первые шаги нашего земства» (№ 5) Н. развил теорию «беспроигрышной борьбы на арене земства и самоуправления» (Из переписки Н. — «Тр. Тб. гос. ун-та», т. 145, сер. журналистики, т. 2, 1971, с. 354). По теме к этому

циклу примыкает единств. стихотворение Н. (совм. с Мечниковым) «В Австрии. (Дорожные заметки беспаспортного поэта)» (№ 4). Большинство очерков цикла «Жизнь Европы» (№ 1, 2 и 4—7; Гершен высоко оценил первый очерк, полагая, что его автор Бакунин, — XXIX, 323—24) посвящ. проблеме разоружения, в них дан фактически обзор док. дис. Н. «Разоружение и его социально-экономич. последствия» (отд. изд. на франц. яз. — Ж., 1868), публ. журналом защищенной Н. по окончании Цюрихского ун-та.

В сент. 1869 Н. возвратился в Россию, разрешение получил с трудом и сразу был подчинен строгому полиц. надзору. С весны 1870 выпускал в Тифлисе на груз. яз. вместе с С. С. Месхи (офиц. ред.) еженед. газ. «Дробеа» («Время»; ввиду пост. разногласий они выпускали ее поочередно), а с кон. 1870 вместе с Г. Е. Черетели (офиц. ред.) — ж. «Кребули» («Сборник»), к-рые стали фактич. органами и центрами (еще одним центром была организация Н. «Библиотека Иванова» — тайный лит.-полит. салон) группы радикально настроенной груз. молодежи, впоследствии орг-ции «Меоре даси» («Вторая группа»).

После смерти отца в 1871 Н. неск. раз по коммерч. делам выезжал в Швейцарию и Францию, одновременно устранивал выезд на обучение в Швейцарию груз. молодежи, в осн. девушек. Из их числа была первая жена Н. — Богумила Геллиодорова Землянская (брак длился недолго) и вторая жена — княжна Ольга Ал-дровна Гурамишвили (Гурамова; 1855—1940), студентка Женев. ун-та, в нач. 80-х гг. — чл. кружка писателей при «Отеч. зап.»; их сын, изв. сов. инженер, математик — см. о нем в кн.: Боголюбов А. Н., Георгий Ник. Николадзе (1888—1931), М., 1973. Способствовал созданию груз. студенч. организации за границей («Угели» («Ярмо») и издал (вместе с П. А. Измайловым и Д. Микеладзе) в Париже в 1873 «груз. социалистич. газету» «Дроша» («Знания», вышло 10 номеров), пропагандировавшую федерацию кавк. народов на основе экономич. равенства граждан. По печатному доносу (Член-соревнователь (Гижикский Е. К.), Рус. эмигранты. — МВед. 1873, 16—18 янв.) в мае 1873 при очередном возвращении в Россию на рус.-австр. границе у Н. отобрали гектографич. станок, протоколы «Угели» и большое кол-во запрещенной лит-ры.

Н. посещал парламент. прения в Париже, поддерживал знакомства в радикальных кругах Европы, постоянно освещал жизнь Запада в груз. прессе, сотрудничал во франц. ж. «L'Illustration» (псевд. Baron L. de

N.), пытаясь влиять на обществ.-полит. и лит. ситуацию, в брошюре «La presse de la décadence» («Пресса упадка»; Р., 1875) ставил неутешительный диагноз франц. прессе после Парижской Коммуны и писал о путях ее коренной реорганизации (отзывы Л. Блана, И. Гио и Э. Бош в письмах к Н. см. в кн.: Из переписки Н. с рус. и заруб. лит.-обществ. деятелями, Тб., 1980, с. 277—82; Э. Жирарден перепечатал большие выдержки в своей газ. «La France»).

В груз. печати впервые систематически выразил свое мировоззрение: «О назначении „Кребули“» («Кребули», 1871, № 3). «О моей личности» (там же, 1873, № 7; заветы статей А. Н. Пурцеладзе пытаясь заставить Н.), статьи-исповедь «Привет» («Дробеа», 1876, № 25). В ст. «Критика и ее назначение в лит-ре» («Кребули», 1871, № 3), цикле «Наша лит-ра» (там же, 1872, № 10—12; 1873, № 5—6), ст. «Джамек и Теккерей» («Дробеа», 1870, № 25) и др. анализировал совр. лит. течения, считал что назначение письменности вообще состоит в зерном отражении быта, характера, обычаев и духовной жизни народа, «реалистич. лит-ра» (или лит-ра «неприкрашенного реализма») должна решать социальные и нравств. задачи («знать причины, порождающие добро и зло»).

С 1875 Н. избран гласным гор. думы Кутаиса. В 1873 во многом по инициативе Н. была создана первая в Грузии частная газета на рус. яз. — «Тифлис. вестн.»: в 1873 выпустил единолично № 80 и 81, в 1874 присылал «Письма с того света» (с «Адской заставы» в Париже, под псевд. Павел Ботин), с осени 1875 привлек к сотрудничеству Антоновича, Г. И. Успенского, содействовал организации акционерного об-ва, получению преим. права на публикацию сообщений междунар. телегр. агентства «Гавас», в результате чего газета, став еженедельной и увеличив тираж, поднялась до общерос. уровня. Н. вел пост. рубрики фельетонов «Капризы пера» (во мн. из них наиб. ярко выразились его социально-политич. взгляды), передовиц «Тифлис (такого-то числа)», «Обзор печати», «Письма в Петербург» (ответы на «Письма из Петербурга» Антоновича), опубл. серию статей о провинци. печати (две из них — «К вопросу о провинци. печати» (1876, № 18), «Новые силы. К вопросу о роли провинци. печати» (1876, № 133, 134, 135) — связаны с полемикой вокруг ст. Д. Л. Мордовцева «Печать в провинции»). В «Критич. очерках» (1875, № 91) Н. выразил взгляд на лит-ру как на человековедение, писал о ее нравств. значении, о связи рус. классич. лит-ры с освободит. движением, в «Письме к лит. ребенку» (т. е. к П. Д. Боборыкину, 1876, № 14) рассуждал о роли писателя в органах печати, разъяснял свое отношение к «Отеч. зап.» и позицию в споре А. Н. Пыпина, Ю. Г. Жукковского и Антоновича с Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным и Г. З. Елисеевым. Программный характер имели и ст. «Старая полудка

на новый лад» (1876, № 64), «Открытое письмо к А. С. Суворину» (1876, № 165).

В апр. 1877 Н. выехал на театр воен. действий с Турцией на Кавказе в корпус гр. М. Т. Лорис-Меликова в качестве воен. корреспондента от «Тифл. вестн.» и агентства «Гавас». Его циклы «Походные письма» и «Походный дневник» в «Тифлис. вестн.» необычайно подняли тираж газеты, однако, разойдясь в неле с редакцией по нац. вопросу, Н. стал печатать корреспонденции в газ. «Голос» (в рубрике «Военная хроника»).

В 1878, освободившись от полиц. надзора благодаря хлопотам Лорис-Меликова, Н. переехал в Тифлис, был избран гласным в гор. думу. Выпускал еженедельную газ. на рус. яз. «Обзор» (1878—83); публ. воен. корреспонденции, статьи о кавк. прессе, его пост. «Воскресные беседы» захватывали широкий круг тем, многие были пост. рус. писателями — Некрасов (ст.-некролог, 1878, 3 янв., перепеч. в сб. «На память о Н. А. Некрасове», СПб., 1878; отзыв Г. И. Успенского — «Обзор», 1878, № 27), М. Ю. Лермонтову (1878, № 160), Н. В. Гоголю (1880, № 381), А. С. Пушкину (1880, № 520; см. также: Буачидзе Т., А. С. Пушкин в оценке Н. — «Тр. Тб. гос. ун-та», т. 71, 1959), Чернышевскому и Добролюбову (1880, № 534). Изд.-ред. самой популярной провинци. газеты (см.: Мат-лы для характеристики положения рус. печати. в 2. Женева, 1898, с. 17), Н. так формулировал свою программу: «Мы имеем честь принадлежать к тому направлению рус. печати, к-рое не удовлетворяется либеральными этикетками, а добивается существ. прогресса в экон. и нравств. положении народа» («Кесарево кесарево» — «Обзор», 1878, № 173), возможность реформирования социальных отношений в России он видел в решении конкретн. проблем местного самоуправления, в развитии промышленности на Кавказе и т. п.

В попытках противостоять цензуре Н. печатал статьи без купюр («Местный обзор» и «Воскресные беседы» — 1878, № 134, в к-рых разоблачал выточенных из окружения министика Кавказа Михаила Романова), однажды борвался ночью в дом цензора и силой заставил его подписать запрещенный номер в печать, а председателя Кавк. цензур. к-та Д. П. Пурцеладзе вывал на дуэль за то, что тот назначил несуществующего в рус. лит-ре человека цензором над всеми рус. изданиями, и только поуту Н. В. Симборскому, секунданту Н., удалось уладить дело без кровопролития. Цензор подал в суд, но две судобные инстанции оправдали Н., к-рый опубликовал судеб. разбирательств. в газ. и затем отп. кл. «Первый процесс „Обзора“» (Тифлис, 1879). Когда в редакции частных газет по приложению наместника в 1879 была введена полиция, к-рая также должна была разрешать выпуск номеров, издание «Обзор» в знак протеста было прервано на 11 месяцев, пока полицию не вывели из редакции.

Летом 1880 «Обзор» был запрещен цензурой, а Н. выслан в Ставрополь под надзор полиции, где полу-

чил извещение об избрании его чл. Лит. фонда в Петербурге. 1 марта 1881 вернулся в Тифлис, а осенью переехал в Петербург и до 1886 служил в Упр. сначала Либаво-Роменской, а затем Закавказской ж. д. До 1883 выпускал в Тифлисе по одному номеру «Обзора» в год (чтобы не потерять право на издание), не оставляя попыток его возобновления уже в столице или издания (совм. с Успенским) др. ежедневной газеты. В 1881—82 участвовал в изд. артельного ж. «Устои», однако опубли. в нем только ст. «По поводу одной смерти» («Отеч. зап.»); «Роман государственного человека» (№ 4) о романе П. А. Валуева «Лорин»; «Борьбы поневоле» (№ 11) о «Рассказах» В. М. Гаршина. Его ст. «Луи Блан и Гамбетта» (1883, № 1) послужила основанием для второго предупреждения ж-ду (см.: 1883, № 2); после высылки Н. К. Михайловского Н. вел в «Отеч. зап.» рубрику «Новые книги», а после высылки С. Н. Кривенко (январь 1884) — весь критич. отдел.

В кон. 1882 тайная монархич. орг-ция «Священная дружина», искавшая возможность для переговоров с «Нар. волей» о прекращении террора, предложила Н. быть в них посредником ввиду близости его как к высшим чиновным кругам (Лорис-Меликову, С. Ю. Витте), так и к деятелям подполья (по справке III ота., Н., хотя непосредственно не участвовал в «центральной группе», тем не менее взаимнообразно снабжал партию деньгами — ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1884 г., л. 208, 1136 [справка А. Н. Аталинной]; кроме того, он еще в 1881 вел переговоры с народоольцем Ю. Н. Богдановичем об издании печатного органа «Нар. воли» за границей). Не одобрявший террористич. методов борьбы, Н. согласился — в надежде добиться от властей освобождения Чернышевского, ездил в Париж для переговоров с Л. А. Тихомировым и др. народоольцами, вследствие чего в 1884 был подчинен стражашему полици. надзору, снятому лишь спустя десять лет. Позднее написал восп. «Освобождение Н. Г. Чернышевского» («Былое», 1906, № 9; отд. изд. под назв. «Переговоры Священной дружины с партией „Народной воли“ в 1882 г.», П., 1917).

После закрытия «Отеч. зап.» Н. сотрудничал с 1884 в тифлис. газ. на рус. яз. «Новое обозрение», изд.-редактор к-рой с июля 1887 негласно передал ее вернувшемуся в Грузию Н., а с апр. 1888 по сер. 1891 ее офиц. издателем была жена Н. Воскр. обозрения Н. «На праздники» охватывают широкий круг про-

блем политики, экономики, лит.-ры. иск-ва, включают портреты писателей, публицистов и обществ. деятелей, статьи, фельетоны и даже «отрывки из неид. ром.» «Ткибульское дело» (1887, 29 нояб.) (второй отрывок не пропущен цензурой — ЦГА Грузии, ф. 480, оп. 1, № 865), представляющие собой восп. о поездке во Францию в 1875, о встречах с франц. обществ. деятелями, в частности с Тьером и Жирарденом (последний сам описал свои дискуссии с Н. в газ. «La France» в 1878). Ряд статей Н. посв. Каткову — ст.-некролог (1887, 24—25 июля) и ст. «Про изучение прошлого» (1887, 31 июля), Салтыкову-Щедрину (1889, 29 янв. и 30 апр.), к-рый, по мнению Н., сумел преодолеть ошибки Гоголя, а «кисть художника» «умело и расчетливо употреблял всегда на дело, требовавшее интересам полнит. роста своего отечества». Статья о Чернышевском была запрещена цензурой (рукопись — ЦГА Грузии, ф. 480, оп. 1, № 932; позднее Н. помогал в издании сочинений Чернышевского его сыну Михаилу: в 1892—94 в анонимном издании 4 т. его лит.-критич. статей и в 1907—08 в издании Полн. собр. соч. в 10 т.). Темой его публикаций становились биограф. факт, отд. лит. события или лит. процесс, худож. произв. — ст. «Самобытие Н. Успенского» (1889, 27 окт.), «Обзор печати за 1887 год» (1888, 3 янв.), о пьесе А. П. Чехова «Иванов» (1889, 14 апр.), лит.-критич. разборы творчества В. Г. Белинского (1890, 24 нояб.), серия статей о «Крейцеровой сонате» Л. Н. Толстого (1890, 3, 10, 30 июня), разбор «Лит. чтений» С. А. Андреевского (1891, 17, 21 нояб.).

Обществ.-полит. воззрения Н. этого времени выразились в полемике с И. Джабазари по поводу его «Писем о Грузии» и «Сва. вост.» — «Византийские споры» («Нов. обозр.», 1889, 2, 12, 26, 28 нояб.), с Н. В. Шелгуновым по вопросу о «светлых» и «мрачных» явлениях рос. действительности («На праздники», там же, 1 янв., 30 апр.; ответ Шелгунова на 1-ю ст. Н. см. в кн.: Шелгунов Н. В., Соч., т. 2. СПб., 1891, стб. 558—72) и в рец. Н. (там же, 1888, 2 сент.) на книгу Тихомирова «Почему я перестал быть революционером?», в к-рой Н. обобщил неминуемый перелом в мышлении и деятельности рос. молодежи («фантасмичность», «несмысленность их перловач. стремлений», «мощной, даже богам, задачей» перестроить жизнь по личному велению своих субъект. мечтаний) и утверждал целесообразность ар. пути, пути постепенных шагов в деле наст. прогресса родине.

Все большее место в публицистике Н. стали занимать экономич. вопросы — его статьи на темы освоения нефтяных месторождений в Закавказье (борьба Н. с коншерном «Бранобель» в 80-е гг.), строительства нефтепровода, железных дорог, Сурамского тоннеля и т. п. появлялись в изданиях любой ориентации. С 1891 Н. эпизодически сотрудничал в груз. ж. «Моамбе» («Вестник», в 1894 заводвал полнит. отделом), газ. «Кавказ», «Россия» (1900), «Рус. во-

ля» (1917) и др., выступал с резкими полемич. брошюрами, в т. ч. «Горе именем сердца» [Тифлис, 1906, против груз. меньшевика П. Голейшвили; ответ последнего под псевд. Карриби «Оглашение назад! (Ответ Н.)», Тифлис, 1906]. С 1894 Н. избирают гласным гор. думы и гор. головой г. Потн, на этой должности работал до 1912 (построил морской порт). Февр. революция застала его в Петербурге, по возвращении на Кавказ Н. избран в учредит. собрание как лидер груз. национал-демократов, входил в меньшевист. правительство Грузии, в 1921 эмигрировал, вернулся на родину в 1924, признав сов. власть, участвовал в работе 1-го съезда груз. писателей (1926). В 1927 опубли. «Восп. о шестидесяти годах» (КнС. 1927, № 4/33—5/34).

В связи с вероятностью публикации восп. в «Летописи революции» М. Горький писал в марте 1923 Б. И. Николаевскому: «... очень хорошо написано, да и по содержанию интересно», ср. с отзывом Ю. О. Мартова о Н. — «по старости и по природе журналиста, вряд ли будет написано достоверно. И во всяком случае наст. немур аромат архивной пыли» (письмо от 19 сент. 1922; оба письма шл. по кн.: Флейшман Л., Хьюз О., Рус. Берлин. Париз, 1983, с. 392).

Соч. Н. неоднократно издавались на груз. яз., его творчеству и деятельности посв. множество исследований на груз. яз.

Биограф. мат.-лы: «Автобиограф. записки». — КнС. 1927, № 5/34; Автобиография. [Воспоминания о 60-х годах. Лясына Н. П., Озареву и А. И. Герасу] — 61. Письмо к В. А. Бахрадзе. Освобожденные крестьяне в Грузии. Правительство и мелкое население. — «Тр. Груз. сел.-хоз. ин-та (ГОТХЗСИ)», т. 56. Тб., 1961; Деят. писем Н. к С. А. Венгрову. — «Тр. Тб. гос. ун-та», т. 131, серия журналистики, т. 1, Тб., 1968; Из переписки Н. — «Тр. Тб. гос. ун-та», т. 145, сер. журналистики, т. 2, 1971; Письма Н. — «Иза. Ин-та рукописей АН Груз. ССР», т. 3, Тб., 1961, с. 165—88; Груз. лит.-ра. Тб., 1972; [Переписка с О. А. Гурамишвили]. — В кн.: Месхи И. С., Письма тебе... Докум. повесть. Тб., 1980.

Лит.: Герасис Чернышевский; Успенский (всё — ук.); Дело о редакторе газ. «Обзор» Н. — «Голос», 1879, б. 7 июня; История социально-рев. движения в России, (1861—1881), СПб., 1887, т. 10 (сост. Н. Н. Голланд); Г. Успенский в его переписке. — ГМ, 1915, № 7—8; Восп. Л. Тихомирова. М.—Л., 1927 (ук.); Неизв. зап. Л. Тихомирова. — КА, 1928, т. 4 (29), с. 139—74; Фигнер В. Н., Из полит. жизни 80-х гг. — ПСС, т. 5, М., 1932, с. 331—350; Глинка-Волжский А. С., Г. Успенский в жизни. М.—Л., 1935 (ук.); Г. Успенский, М., 1939 (Летописи ГИМ, кн. 4; ук.); Церетели А. Р., Пережитое, М., 1940 (ук.); 2-е изд., М., 1950, с. 123—24; Каталог Архива Н. Тб., 1954; Закардизе Г. И., Социально-полит. взгляды Н. Тб., 1955; Мегрелишвили Г. И., Социально-экономич. взгляды Н. — «Тр. Груз. сел.-хоз. ин-та», т. 45, Тб., 1957; Туманов Г. М., Чернышевский и кавказцы. — В кн.: Н. Г. Чернышевский в восп. современников, т. 1, Саратов, 1958; Плеханов Г. В., Избр. филос. произв., т. 5, М., 1958, с. 594—95; Пантелеев (ук.); Бахтадзе В. С., Н. Николадзе. — В его кн.: Очерки по истории груз. общества-экономики мысли (60—90-е гг. XIX ст.), Тб., 1960; Забахидзе В. И., Николадзе. — В кн.: Грузинские сказы. М., 1961; Козыбин Б. П., Из истории рев. мысли в России. Изб. труды. М., 1961 (ук.); Гугушвили П., Эволюция общества-полит. взглядов Н. — «Лит. Грузия», 1963, № 10; Вилснетская Э. С., Рев. посылки в России, (60-е гг. XIX в.), М., 1965 (ук.); Николадзе А. (К.), Рус.-груз. лит. связи. Тб., 1965; Пасеек (ук.); Волк С. С., Нар. воли. 1879—1882. М.—Л., 1966 (ук.); Шелгунов и др. (ук.);

Чарьявани Е. Жизнь письма Н. Николаева С. Венгрову. [По мат-лам личного архива С. Венгрова в Ин-те рус. лит. АН СССР. Ленинград]. — «Заря Востока», 1967, 7 дек.; Рагони П. К. Груз. шестидесятилетия в рус. освободит. движении. Тб., 1968; Абрамидзе Л. А. З. Груз. периодика. Тб., 1968; Гамсарияшвили Д. М., Становление критич. реализма в груз. лит-ре. Тб., 1970; его же, Н. Николаев. Тб., 1983 (на груз. яз.); Траушени Н. С., Чернышевский в годы каторги? см. ссылки. М., 1978 (ук.); Рузницкая Е. Л., Рус. рсв. мысль. Демокр. печать 1864—1873, М., 1984 (ук.); Н. Г. Чернышевский в области мысли народов СССР, М., 1984, с. 245—62; Толстиков А. П., Люди мысли и добра. Рус. издатель К. Т. Солдатов и Н. П. Лозиков, М., 1984 (ук.); Чиковани Л. Ф., Н. и демокр. печать Грузии 70—80-х гг. XIX в., Тб., 1989; Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1868—1870. Доп. и поправки к книге [—4]. Сводные ук., М., 1990 (ук.); ЛН, т. 53—54, 61, 63, 64, 67, 90. + Некролог «Ковчуги», 1928, № 3 (Ф. Махарадзе). (Туманов Г. М., Туманов К. М.), Словарь кавк. деятелей, Тифлис, 1890; Брокгауз; НЭС; Венгров. Список; Южаков; ДРДР; ЛЭ; СИЭ; КЛЭ; ФЭ; БСЭ; Зерцалов Г. В., Библиограф. перлюстрированный каталог (1702—1894), Справочник, М., 1959 (ук.); История ист. науки в СССР. Докл. перлюстрированный каталог. ИДРДВ; СКРНИП; Бюрогаз. «Совр.», Бюрогаз. ОЗ(2); Муратов (1); Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 776, оп. 2, л. 23 (о ст. «Луи Блан и Гамбетта», 1883); оп. 1, л. 19 (об этой же статье в докладе мысли, внутр. дел, 1883 г.), оп. 12 — 1883 г., л. 54 (записка Л. с программой изд. новой газеты или ж-ла, 1883); ф. 777, оп. 2 — 1867 г., л. 21 (справка Л. М. Седейкиной); ЦГА Грузии, ф. 480; Грузии. гос. б-ка (Тб.), л. ф. ГРГ Грузии, л. ф. ГИМ Грузии, л. ф.

В. М. Шаломов.

НИКОЛАЕВ Николай Николаевич (1866, Москва — не ранее 1912), поэт-самочука, автор рассказов и очерков. Из мешанской семьи. По автобиогр. сведениям (письма А. И. Якимирскому — ИРЛИ), мать Н. — «англичанка по происхождению». Семь лет потерял отца, расстался с матерью, поступившей в гувернантки, и более года жил у чужих людей, затем определен в Набильковское уч-ще Человечколюбивою об-ва (позднее признавался, что не может вспомнить «без раздражения... проклятого детства» — там же). По окончании уч-ща (1883) слал экзамен на звание учителя в Моск. округе, зачислен кандидатом в Богородский уезд. В

ожидании места был вынужден работать в сельской школе бесплатно, через неск. месяцев из-за безденежья вернулся в Москву и попытался жить лит. трудом, хотя, по совбст. признанию, ни тогда, ни позднее не имел почти никаких лит. связей (Хренов, 1910, с. 15). Дебютировал в печати в 1885 стих. «Вдова» («Волна», № 12; б. п.); первая подписанная публ. — стих. «Сапожник» («Тихо на улице! Грязь невозможная...»; там же, № 17). В том же году публиковал стих. в газ. «Новости дня», однако надежды на лит. заработок не оправдались, и он переехал в Смоленскую губ., где сменил неск. занятий: берегового рабочего, табельщика, приказчика, конторщика. В 1894 женился на крестьянке (имел пятерых детей). Переехав в Калугу, познакомился с редактором газ. «Калуж. вест.» Ф. Ф. Лашмановым, сотрудничал в его изд. (опубл. в т. ч. в 1897 повесть из нар. жизни «Бабыя доля»). В 1901 служил в конторе зеркального з-да Моск. стеклопромышл. об-ва (ст. Средняя Сызранско-Вязем. ж. д., находившаяся в Тарусском у. Калуж. губ.). Позднее жил в Петербурге.

В 1890—1900-х гг. произв. Н. появлялись в столичной периодике — «Рус. листок», «Рус. мысли» (стих. «Еще грохочет гром» — 1896, № 5), «Севере», изд. И. И. Ясинского «Ежемес. соч.», «Почтаillon» и «Беседа» (в т. ч. юмористич. рассказы под псевд. Макар Шишкин), лит. отделе «Бирж. ведомостей» и др. Ему принадлежат сб-ки «Из жизни. Стихотворения, рассказы и очерки» (М., 1890), «Стихотворения» (М., 1894), «Стихотворения. 1892—1897 гг.» (Калуга, 1897). Очерки и рассказы Н., в осн. «из сельского быта» («Ермолай Простаков» — в сб. «Из жизни»; «Загубленные души» — «Беседа», 1905, № 10, и др.), отмечены подчас примечательной дидактичностью. В стихах, в т. ч. автобиографических («В сельской школе» — «Ежемес. соч.», 1901, № 11; «Разговор в дороге» — там же, № 10; «Встреча» — в сб. «Стихотворения», 1894; перенд.: «Беседа», 1903, № 6, и др.), — разнородные влияния: образная, стилистич. и ритмич. ориентация на А. В. Кольцова, Н. А. Некрасова и И. З. Сурикова, характерные для поэзии 80-х гг. мотивы беспомощности, тщетности жизненных усилий («Без борьбы слагаю руки/ Без желания живу» — «Дума») и — одновременно — вера в созидат. силы «поборников» нар. просвещения, в стремление народа к знаниям («В разных утлах необятной России/ Новая жизнь поднялась, замуела...» — «Народным учителям»), традиц. по стилю пейзажные зарисовки («Как тихо все вокруг! Как асен неба свод! В полях блестит роса, как яхонты, как слезы...» — «Ночь в де-

ревне»). Среди лучших своих произв. сам Н. числит поэму «Шахтеры» («Ежемес. соч.», 1902, № 7; первонач. публ. в «Калуж. вест.», построенную, как и большинство его стих. о тяжелой доле людей труда, на противопоставлении неизменно красивой, но безучастной природы и изнурительной подневольной работы.

«Мерцание как будто бы таланта и искреннего ошуслеления» увиден в стихах Н. В. А. Гольцев; страстное желание «задавать вопросы», «чужая совесть», провинившиеся в них, смидельствуют, но мысли критика, о нарастающем в молодом поколении «стремлении вырваться из безветной среды, поднять себя и других на высший уровень... действительности» (РМ, 1894, № 12, отл. 2, с. 200—01).

После 1905 публ. Н. стали эпизодическими (еще в 1901 он сообщал Якимирскому, просившему прислать автобиографию, что пишет мало: «конторская служба и заботы о большой семье... отнимают все время» — ИРЛИ). Кн. стихов «На старый лад» (СПб., 1907) в осн. повторяет предыдущие сб-ки.

Скудость биогр. данных (в частности, отсутствие сведений о последних годах жизни и точной дате смерти) не позволяет с достаточной степенью достоверности определить, какие из публ. в периодике 2-й пол. 1900—1910-х гг., появившиеся под фам. Николаев, могли принадлежать Н. (указанные выше публ. атрибутированы по упоминаниям в письмах Н., участие в нек-рых ж-лах подтверждается републикациями в них стихов, равно помещенных в его сб-ках). При использовании ГИЛБ, источников (в т. ч. архивных, напр. картотеки А. Д. Алексеева — ИРЛИ) следует принимать во внимание возможность упрощения этой фам. как покаяющего; так, ст. «О нар. писателях и писателях и дисцелих» («Отны», 1913, № 3, 4, подписан: И. Николаев) принадлежит Н. Н. Ляшенко (см. Масанов), посвященному, по-видимому, является публ. в ж. «Лукоморье» (1916; под той же подписью) и др.

Лит.: Хренов К. А. (сост.). Поэты из народа. М., 1901, с. 133—35 (в т. ч. стих. «Нар. учителям», «Сельской учительнице»); его же, Скоромные таланты. М., 1910, с. 12—16; Качалкин А. П., Пехтерев А. С., Пухов В. А., Зыбькие писатели земли калужской, Калуга, 1984 (очерк А. С. Пехтерева; включены стих. Н.). + ИДРДВ; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 193, № 271 (письма А. И. Якимирскому, 1901 г.); ф. 556, оп. 1, № 27 (письмо к ред. ж-ла «Наблюдатель», 1903 г.) [справка Л. К. Хитрово]; РГЛИИ, Назаров: ф. 66, оп. 1, № 1301; ф. 44, № 359; ф. 326, оп. 1, № 70 (статья); ф. 581, оп. 2, № 113 (письма И. И. Ясинскому, 1903, 1912 гг.); ф. 584, оп. 1, № 170 (письма А. И. Якимирскому).

В. М. Бокоев

НИКОЛАЕВ Пётр Фёдорович (14(26).9*.1844, Владимир — 18, по др. сведениям — 19** .11(12).1910, Чернигов, похоронен на общем гер.-кладб.), публицист, социолог, критик, мемуарист, переводчик. Сын наив. сов.

Отец, Ф. Д. Николаев, и мать (урока. Тюриня) — из чиновной среды, «люди необразованные, но бесспорно обладавшие и неслыханным умом, и разнообразными талантами; это были, прежде всего, задаленные жизнью худож. натур...» — у обоих была страстная любовь к чтению» (Автобиография Н., РГБ, ф. 520, карт. 12, № 2, л. 8—9; далее цитируется этот автобиографич. источник). В детстве Н. «был предостален сам себе», но пяти лет помнил себя не только «грамматиком, но и читавшим запасы» «разные старые романы, преим. исторические...» (там же, л. 11).

В 1854 Н. принял во 2-й кл. Владимир. г-зии. Первым своим лит. произв., заслуживающим внимания, Н. считал написанную в 7-м кл. историю княжества Владимирского и г. Владимира (по Н. М. Карамзину и Н. А. Полевому).

«Все время начинал писать разные рассказы и даже романы, не покладая, однако, дамы 2—3 стр». Проявлявшийся в них «инстинкт различия старого барского культуры» (там же, л. 15) оборачивался у Н. «всплывшим» против «ликования» «привычной и властной... провинции аристократии, купеческого «ценового рабства мещанов отдельных людей» (там же, л. 8). Неудивительно, что Н. «вынес из г-зии только злобу и крайнюю... жажду самостоятельности... и недовольство ко всякой школьной науке» (там же, л. 12).

Окончив г-зию (с сереб. медалью), поступил (Н. было ок. 16 лет) на физ.-мат. ф-т Моск. ун-та. Следовавший своему принципу («всегда полагаться только на себя»), Н. хронически недоделал, но зато «был свободен, как божок или как ветер. Это великое благо для человека» (там же, л. 16). Деятельно участвовал в студенч. волнениях 1861 (в частности, писал прокламации; перепечатаны в сб.: Рев. движение 1860-х гг., М., 1932, с. 36—37; ср.: Козьмин Б. П., Из истории студенч. движения в Москве в 1861 г., там же, с. 41—42, предполагавший, что прокламации написаны кружком студентов В. Н. Линда, Н. Н. Освальда, М. Н. Гумиллина и др. См. также: Сводный каталог рус. нелегальной и запрещ. печати 19 в., Листовки, ч. 1—3, М., 1977, с. 13—14, № 18—20). С возобновлением занятий в ун-те Н. вольнослушателем посещал лекции на разных ф-тах по совств. плану самообразования, усердно занимаясь математикой. «Пл. столбам образованного мировоззрения» Н. в это время становятся П. Ж. Прудон, Ш. Фурье, Л. Фейербах и в особенности Н. Г. Чернышевский. «Я уже тогда... писал Н., — твердо и бесповоротно решил, что по обычной дороге я не пойду и на службу гос-ву никогда и ни при каких обстоятельствах не поступлю... великий и неопределенный призрак, к-рый именуется наукой, неудержимо увлекал меня за собой» (Автобиогр., л. 17). Интересы Н. сместились в сферу гуманитарных наук, особенно философии (знакомится с трудами Г. Т. Боляка, Ч. Дарвина, О. Кюпфа, Г. Гегеля, И. Г. Фихте, а также К. Маркса). В особенности привлекали Н. «своими аналогиями с желат. судьбой России, ее пащ. социализма, ее общины — работы Прудона» и развитый в них вопрос о федерализме и анархизме. С этим связан и дебют Н. в легальной печати: «горячая статья о федеративном принципе» по поводу борьбы за освобождение негров в США (не выявлена) в гз. «Наше время» в Ф. Павлова, куда его пригласили как пе-

реводчика из франш. газет для иностр. отд.

Н. работал 3 недели, но «газета была антипатична... антипатичен и Павлов и его жена, юв. поэтесса Каролина...» и он «не вынес обстановки и убежал». Отказался от сотрудничества с «Рус. словом» Г. Е. Благовестова, не поместившим статьи, в к-рой Н. «различно Писарева за сию «Целты лесвицкого юмора», за увеличение естественным и мысленным реализмом и указывал на политическо-обществ. значение сатиры Шеварина». «В течение всей моей жизни, — писал Н., — мне борьба мешала быть поэтом, хотя меня всегда тянуло к лит-ре и я всегда считал звание литератора высшим после званья борца за свободу» (Автобиогр., л. 18—19).

В 1865 Н., сдав экзамены, получил степень канд. права и стал готовиться к магистер. испытаниям по кафедре полит. экономии. Как активный деятель моск. подполья [в 1864 по доносу привлекался по обвинению в литографировании прокламации в

честь тысячелетия России, но «дело кончилось измором» (там же, л. 16); после покушения Д. В. Каракозова 4 апр. 1866 Н. пытался спасти инстинктивную «Организацию», где состоял с 1863 и где считался крупной лит. силой, способной, по их мнению, занять место Чернышевского] был арестован (20 апр. 1866), перевезен в Петербург и заключен в Петропавлов. крепость. Суд по обвинению Н. в принадлежности к тайному обществу «Ад», имевшему целью царевичество (на к-ром он открыто развивал социалистич. и крайние полит. взгляды — см.: Покушение Каракозова, т. 2, М.—Л., 1930, с. 333—37), приговорил его к лишению всех прав состояния и 12 годам каторги, сокращ. по высочайшему повелению до 8 лет. С февр. 1867 отбывал каторгу в Александровском заводе (Нерчинский округ) вместе с Чернышевским. С мая 1871 на поселении.

После ряда переездов (Верхотурье и Киренск Иркутской губ., Якут. село Усть-Мей и др.), дослужившись, в частности, до чина доносчика (1876, 1880), Н. в 1883 как «неприветливый» был исключен из действия коронационного манифеста Александра III, по пути в Тобольскую губ. задержан и оставлен в Томске.

Заявившись на поселении «неуклюжей лит. деятельностью» (Автобиогр., л. 24), начал печататься с 1876 (ст. «Романтизм или реализм?» о значении Ж. Санд как предтечи совр. дем. движения — «Неделя», № 44—45), особенно активно в гз. «Сибирь»: ст. «Накануне или на завтра? (Открытое письмо г. Шалову...)» (№ 14) и «Pro domo sua. По поводу статей г. Мордовцева о провинц. печати» (№ 16—18), развивавшие излюбленные темы Н. (о социализме и полит. реформах, о централизации и децентрализации и т. д.) и напис. в духе идей оформлявшегося в то время течения областничества, и в частности сибирского, в к-ром Н. принадлежит заметная роль.

Почти в каждом номере «Сибири» появлялись статьи Н. в т. ч. посвященные по широкому кругу тем (1876: «Патриотическая реформа в Сибири», № 29—32, 39; «Кабачный вопрос...», № 45, 50; «Артебельное рыболовство в Ольхонском ведомстве», № 51—52; 1877: «Мировой обмен и сибирские дороги», № 3; «Несколько слов о значении золотопромышленности в экономике жизни Сибири», № 15—16; «Немецкая Маччалли в Сибири», 1879, № 18, и др.), фельетоны (за псевдонимом «Сиб. философ»), корреспонденции из Верхотурска (в т. ч. «Очерк полудеревни, полуторгаша», 1876, № 25—26; «Верхотурье за последние годы», 1876, № 27, и др.), очерки и рассказы из нар. быта («Осип Назынич», 1876, № 30; «Из быта степных людей», 1876, № 41; «Бегляк», 1876, № 46—47; «Из Якутской жизни», 1877, № 14; «С Ангары на Лену (волок ильмский)», 1879, № 20, и др.).

С пристановкой «Сибири» в 1880, переездом Н. в Томск и его сотрудничеством в «Сиб. газете», где он вместе с кн. А. А. Кропоткиным и К. М. Станюковичем состоял почетным чл. редакции, а затем и в гз. «Вост. обзор» Н. М. Яришцева (издававшейся в то время в Петербурге) характер и направление творч. интересов Н. не изменились («Сиб. газ.», 1885: «Сельтка как фактор экономич. жизни Сибири», № 39—40; «Валостные бюджеты и будущее Сиб. земство», № 47; «Забывтый тип кабака», № 49—50; «Вост. обзор»: «Сельтка и поземельный вопрос в Якут. области», 1886, № 46—47; «Ожидания и надежды сиб. печати», 1887, № 2, и др.).

Политка Яришцева в 1880-х гг. имела сб. этих статей не увенчалась успехом из-за ценз. условий и невозможности восстановить написанное в условиях ссылки (не выявлены эти статьи и сейчас). Еще печальнее судьба лит. работ Н. периода ссылки: «...я писал много не для печати, а именно написал множество полостей, очерков и рассказов, даже начал писать большой роман-трилогию... Все это, конечно, бесплодно пропало. Жанры не переменились и при обмислах аккуратно отбирал все» (Автобиогр., л. 30).

В 1885 Н. получил разрешение вернуться в Европ. Россию с причислением к мещанскому сословию (в 1887 возвращены все права); жил сначала во Владимире у матери, а потом в Москве.

По словам самого Н., это была не жажда, «а какая-то ненервная мартирология... Аресты, обиды, высылки из Москвы, причисление к разным милет. делам, удам поддеста. пазора с окончат. оставлением дел без последствий...» (там же, л. 30). По свидетельству К. Д. Барышкова, в 1887 Н. играл роль «совестника» по время

студент, волонтер, связанных с новым университетом (см.: ЛН, т. 87, с. 401), в 1888 его привлекают по делу об укрывательстве некоего Золотова и по делу газ. «Самозащиты». Орган социалистов-революционеров», издававшийся в 1887—89 поа рез. Н., А. С. Бельского, О. Н. Флоровской и Н. К. Михайловского в Женеве. В 1893 Н. выступил одним из основателей и участников партии «Нар. права», был ред. (по др. сведениям, соавтором) соам. с М. А. Плутинковым и А. И. Богдановичем манифеста социальнораев. партии «Нар. права» («В жизни государства бывают моменты...» (Смоленск, 1894, перизд.: «Летучие листки ФВРП», 1894, л. 9; «Былое», 1907, № 5). По делу этой партии Н. привлёкся к дознанию в 1894 и был выслан в Рулу (Моск. губ.), а затем в Одессу с последующим запрещением выезда в столицы и нек-рые губернии, с изъятием полиц. наглядор.

Наиб. значит. публикация этого периода — «Очерк развития социального-революционного движения в России» (изд. в 1888 нелегально в сб. «Социальный вопрос». Сб. № 1; периздан Э. С. Виленской — ЛН, т. 87, с. 405—28, с е вступ. ст.) и программная ст. «Чего нам ждать и что нам делать» (изд. на гектографе народолюб. кружком «Союз» — Сб. № 3, Тверь, 1892).

В 1888 Н. стал чл. редакции (совм. с В. П. Воронцовым и Н. Н. Златовратским) ж. «Эпоха» (куплен другом Н. бывшим каракозовцем А. Н. Колачевским; вышел один номер), где поместил разбор соч. В. М. Гаршина «Художник переходного времени» и разбор трудов зап. социологов «Критика научного пессимизма». Социологич. статьи были продолжены Н. в ж. «Рус. мысль» (1888, № 5, 7; 1889, № 4, 11, 12; 1890, № 4; 1891, № 5, 6; 1892, № 3, 4, 12) и вышли затем отд. кн. «Активный прогресс и экономич. материализм. Социологический этюд» (М., 1892). Она сыграла заметную роль в бурно развивавшейся в то время социологич. мысли (отзывы на кн. дали П. Н. Миллюков, Н. И. Кареев, П. Б. Струве, Л. Уорд и др.), особенно в спорах между народниками и марксистами, в ходе к-рых обе стороны склонны были видеть в Н. своего противника. Еще большее значение имела переводч. работа Н. (у К. Т. Солдатёнова, с к-рым они вскоре стали друзьями): «Динамич. социология...» Л. Уорда (1891, перевод ее был запрещен на 1-м томе), кн. «Будда, его жизнь, учение и община» Г. Ольденберга (1890, обложка 1891, вышла с ценз. изъятиями), «История англ. народа» Дж. Р. Грина (в 4 тт., 1891—1892, с ценз. изъятиями), «История герм. народа» К. Лампрехта (1894—1896, в 3 тт.), «Открытие Америки...» Дж. Фиска (1892—93, в 2 тт.), «История философии» А. Фулье (1894) и др. После смерти Солдатёнова мн. книги перензавались у книгозателя Д. П. Ефимова, для к-рого Н. перевел «Философ. и социологич. обоснования марксизма» Т. Масарика (1900), «Социальный вопрос» Л. Штейна и др.

Нек-рые кн. перензавались и позже, часто без имени переводчика, как это произошло, напр., с кн. М. Мюллера «Шесть систем индийской философии» (М., 1995; сказано только, что она была переведена в 1901).

В 1889 Н. написал «Личные воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге (в Александровском заводе) 1867—1872 гг.» (впервые напеч. — М., 1906, перизд. — П., 1917), а в 1900 готовил сб-к, посвященный памяти (судьба сб. неизвестна; см. письма Н. к А. П. Чехову с просьбой дать какой-либо рассказ для этого изд.: РГБ, ф. 198, к. 53, № 21). Воспоминания ценны как биографич. подробностями жизни Чернышевского, так и во многом единств. свидетельством о содержании произв., написанных им на каторге. В 1889 Н. предполагал дать серию рассказов под общим загл. «Деревенские люди», поместив их в редактируемой его другом Г. А. Мачтетом «Газете А. Гатцука», однако после ценз. мук с первым рассказом «Дедко Иван Драный» (1890, № 3, 4) продолжения не последовало. Сотрудничал Н. также в «Мире божием» (не выявлено, см.: Скворцова Л. А., «Мир божий» — «Лит. процесс и рус. журналистика конца XIX — нач. XX в. 1890—1904. Социал-демократич. и общедемократич. издания», М., 1981, с. 160) и «Рус. вед.». В 1893—98 Н. ежемесячно (за исключением неск. месяцев в 1894) вел в «Рус. мысли» В. А. Гольцева пост. отд. «Периодич. изд.», своего рода хронику лит. жизни, содержащую оценки творчества мн. совр. писателей, а также отклики на все злободневные темы периода «безвременья» (о наследстве, народничестве, марксизме, об интеллигенции, славянофильстве и т. п.) через оценку трудов Кареева, Струве, Н. Ф. Даниельсона, С. Н. Южакова, А. А. Исаева, С. Н. Трубецкого и др. Переиздавая свои журн. заметки, по жанру и манере походившие на аналогич. циклы Михайловского, отд. книгой «Вопросы жизни в совр. литературе» (М., 1902, рец.: РБ, 1903, № 1; А. Б. (Богданович А. И.) — МБ, 1902, VIII), Н. в послесловии к ней причислял себя к фаланге «стариков», к-рые перестрадали краткую, но тяжелую эпоху «смуты» умов, пережитую нашей интеллигенцией и печатая в 80-х и в 90-х годах, и вождями к-рой были Михайловский и Н. В. Шелгунов.

Как «радовой этой маленькой фаланги» Н. несомненно на отсутствие «яркого лит. таланта» или «яркой писат. индивидуальности», «пытался возразить... что для нашей общественности существует только один кардинальный и основной вопрос: вопрос о необходимости всестороннего развития личности, о необходимости гарантий ее несотрудимых и неотчуждаемых прав, о необходимости активности общества для достижения этой цели» («Вопросы жизни...», с. 1—II).

В 1897—98 в Одессе Н. издавал (совладелец вместе с Н. — Я. Л. Сакер) еженед. ж. «Жизнь Юга», где публиковал «Заметки журналиста» (1897, № 1, 2, 11, 12, 14, 15). Н. удалось собрать в этом журнале и в книжках приложений к нему под назв. «Журнал „Жизнь Юга“» (1897) довольно крупные лит. силы (прислали свои произведения М. Горький, Мачтет, Южаков, Е. Н. Чериков и др., обещали сотрудничество Чехов. В. Г. Короленко, Станюкович, Д. Н. Мазин-Сибиряк и др.), однако он просуществовал всего неск. мес. по ценз. и матер. обстоятельствам (а Н. как поднадзорный не мог действовать официально). В прил. к журналу (1897, № 2) Н. напечатал и рассказ «Изломанные люди. (Из зап. книжки скитальца). Психологич. этюд».

В 1899 из-за болезни жены Н. переехал в Чернигов, где был выдвинут в гор. гласные, что послужило причиной (формально его выставили за адрес В. В. Лесевичу, написанный им от имени правления обществ. библиотекы, в к-рой Лесевич читал лекции) для очередной высылки в Полтаву, а по возвращении в Чернигов, где его избрали гласным, его снова отдали под надзор, с воспрещением выезда на очередные три года. Ветеран револ. подполья, Н. участвовал в выработке программы партии социалистов-революционеров, членом к-рой он был с основания. Именно в парт. изд. в период революции 1905—07 появились нек-рые произв. Н. Своё состояние он завешал лит. уречениями.

Изд.: Воспоминания о пребывании Н. Г. Чернышевского в каторге. — Н. Г. Чернышевский в восп. современников, т. 2. Саратов, 1959, с. 152—85.

Лит.: Герцен: Толстой: Короленко (все — уз.); Короленко в восп. (уз.); Златовратский Н. Н., Восп., [М.], 1936 (уз.); Арсеньев К., Полит. процесс 1869—71 гг. — ВЕ, 1871, № 11, с. 308; Из Иркутска — «Вперед», 1874, т. 2, с. 113—14; Гос. преступления в России в XIX в. Сб. извлечений из офиц. изданий правительств. сообщений (под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского)), т. 1 (1825—1876). СПб., 1906, с. 114—51; Алтсман О. В. Партия «Народного права». (По личным воспом.). — «Былое», 1907, № 7/19, с. 196—99, 205; Глиньский В. Б., Рева. период рус. истории, ч. 1. СПб., 1913, с. 315, 352—53; Шаганов В., Н. Г. Чернышевский на каторге и в ссылке. СПб., 1907; Слетов С. Н., К истории возникновения партии социалистов-революционеров, П., 1917; Спиридович А. И., Партия социалистов-революционеров и ее предшественники, 1886—1916, 2-е изд., П., 1918 (уз.); Лопатин Г. А., Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. П., 1922, с. 98—100; Видящие глаза. Памяти В. Г. Короленко, Н. и проф. Н. И. Струженко. Страницы восп. К. Д. Балмонта. — Газ. «Утр. Нью-Йорк, 1922, 25 и 26 февр.; Минкевич С., О П. Г. Зарничевском. — Ист.-рев. бюллетень, т. 1, М., 1922, с. 19; его же. Рева. Москва, 1888—1905, М., 1940, с. 79; Чешкилин-Ветринский В. Е., Н. Г. Чернышевский, 1828—1889, П., 1923; Кротов М. А., Якутская ссылка 70—80-х гг. Историч. очерк по неизд. архивным материалам, М., 1925 (уз.); Котынин Б. П., Современники о карагозовском процессе. — «Былое», 1925, № 6, с. 45—48; Меньшиков Л. П., Окрада и революция. К ист. тайных лит. организаций, существовавших во

время самодержавия, ч. 1, М., 1925, с. 43—47, 197—99, 386, 408; Школьник М. Жизнь бывшего террориста, М., 1927, с. 60, 62; Покушение Карагозова. Стеногр. отчет по делу Д. Карагозова, И. Худякова, Н. Шутина и др. т. 1—2, М.—Л., 1928—30 (ук.); Бонч-Бруевич В. Д. Избр. соч. т. 2. Статьи, восп., письма, 1825—1914 гг., М., 1961, с. 154; Филдпов Р. В. Революц. орг-ция Н. А. Шутина — И. А. Худякова (1863—1866), Петрозаводск, 1964; Виленская Э. С., Революция в России (60-е гг. XIX в.), М., 1965 (ук.); Широкова В. В., Партия «Нар. права», Саратов, 1972; Таратута Е. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель, М., 1973, с. 480—81; Левин Ш. М. Очерки по ист. рус. обществ. мысли. Вторая пол. XIX — нач. XX в., Л., 1974 (ук.); Троицкий Н. А. Бескуство храбрых. Рус. революционеры и карательная политика царизма, 1866—1882 гг., М., 1978 (ук.); Трофимов И. Т. Поиски и находки в мост. архивах. 2-е изд., М., 1982, с. 185, 188; От Шуна до Оксфорда (Восп. Е. А. Бальмонт), — Белл, а. 5, М., 1984, с. 96. — Некрологи, 1910: «Киса. восток», № 315; «Реча», 24 нояб.; 1911: РМ, № 1; ИВ, № 1; «Знамя труда», № 33; Южакон; НЭС; РБед. Сб.; Венгеров. Список; ДРДР; ИДРДВ; БСЭ (ук.); Муратов (1, 2); СКРПЗП; Восп. и дневники ХVII—XX вв. Указатель рукописей [РГБ. Отдел рукописей], М., 1976 (ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; ГАРФ, ф. 1167, оп. 1, ч. 1, № 2417 (ст. Н. «Карагозовское дело (эпизод из истории развития социально-революции в России)»; РГАЛИ, ф. гал. «Рус. вел.» (Восп. о Н. Г. Чернышевском); РГБ, ф. 125, разд. П, к. 30, № 74 (письма к В. Г. Короленко); ф. 520, к. 12, № 2 (Автобиограф. и предисл. Б. П. Кольчана); ф. 611, к. 1, № 59 (письма Д. П. Ефимова); ф. 119, к. 10, № 77—79 (письма Н. И. Кареву); РГИА, ф. 1343, оп. 26, в. 1923, л. 13 (копия м. с. И.); ф. 4 об. 5—5 (ф. с. отца Н. 1835 г.); ф. 776 (справка С. И. Варсковой); ГА Черниг. обл., ф. 679, оп. 10, л. 1425, л. 33 (вещь смерти Н.)*.

Б. М. Шахматов.

НИКОЛАЕВИЧ Н. (наст. имя и фам. Илья Николаевич* Меч; 1809*, Казань? — ок. 1869?), автор ист. сочинений для низового читателя. Уроженец Казан. губ., из обер-офицера детей. В 1827 окончил старший юнкерский класс арт. уч-ща и начал службу в 4-й арт. бригаде. Принимал участие в рус.-тур. войне 1828—29, в подавлении Польского восстания 1830—31, о чем оставил восп. «Дело под Шавлями, 21-го, 25-го и 26-го июня 1831 г.» (РВ, 1860, № 3). В 1834 переведен во 2-ю арт. бригаду (поручик), позднее служил в 19-й (1836—38) и 10-й арт. бригадах, участвовал в воен. действиях на Кавказе. Дослужившись до чина подполковника (1854), командовал 1-й запасной батареей 3-го арт. дивизиона 7-й арт. бригады, затем Шостенским отд. складом готовых арт. орудий. Полковник (1867).

С 1-й пол. 50-х гг. Н. начал выступать в печати с многочисл. тематически разнородными ист. романами. Наиб. ранние из вывешенных публ. — «Битва русских с турками, или Ужасы балканских пещер, и таинственная мусульманка, или Красный мальчик. Роман ... с хорам и маршами» (ч. 1—2, М., 1852, анонимно), отсылающий своим назв. к кн. Н. И. Зрякова «Битва русских с кабардцами, или Прекрасная магаметанка, умирающая на гробе своего супруга», и ром. «Приворотное зелье» (М., 1852, анонимно; отрицат. рец.: ОЗ, 1852, № 12; «Совр.», 1853,

№ 1). В дальнейшем опублик. сентимент. бытоописат. ром. «Черный ворон» (М., 1853; в изд. включен список соч. Н., позволяющий атрибутировать ему предыдущие публикации; см. также: ЦИАМ), «Чигиринский лес, или Вера сильнее любви. Нравственно-ист. роман» (ч. 1—2, М., 1853; о царствовании Федора Алексеевича; отрицат. рец.: ОЗ, 1853, № 4; «Совр.», 1853, № 5), «Нишней, или Избавленная жертва, из времен князя Пожарского» (ч. 1—2, М., 1853; отрицат. рец.: ОЗ, 1853, № 7), «Бриллиантовая луна, или Инкерманское подземелье. Из последних времен владения генуэзцев в Таврии. Рассказ балаклавского отставного школьного сторожа» (ч. 1—2, М., 1854; о Крыме в сер. 15 в.; отрицат. рец.: «Совр.», 1854, № 10) и др. Сочувств. отклик («неудру для моск. романа» — «Совр.», 1853, № 7, с. 23) вызвала кн. «Жид-островитянин, или Похищенный клад» (М., 1853; др. рец. — ОЗ, 1853, № 6). Романы Н., в к-рых в рамках авантюрного сюжета сочетаются батальная (патриотич.) и любовная (мелодраматич.) линии, отмечены тягой к эффектным ситуациям, наплетанию страстей (глубь пл. героев в финале и т. п.). В русле характерных для низовой лит-ры тенденций Н. стремится продемонстрировать превосходство православия над др. религиями, а России — над другими странами. Действие его соч. нередко разворачивается на Кавказе и в других хорошо знакомых ему местах. При всей их схематичности и наивности, романы свидетельствуют об умении автора «рассказать историю», а иногда и выплыть быт.

Религиозные чаще всего отсылались произв. Н. к «мисковетской» («сербобудной») лит-ре, хотя и отмечали, что он пишет лучше гр. представителей эпической словесности и «по своему таланту занимает один из пунктов того ряда писателей, на двух концах которого, как алфа и омега, стоят гг. Зряков и Марлинский» (ОЗ, 1854, № 4, с. 84). Указывая, что Н. подражает М. Н. Загоскину и А. А. Бестужев-Марлинскому, нек-рые из критиков вместе с тем признавали, что в его вкладах «созерцание очень занимательно и рассказ показывает дар повествовательного слова, не разный упреждением и ослеплением, но тем не менее заслуживающий отличия» (БЗч, 1853, № 6, с. 44; ср.: «Совр.», 1853, № 7, с. 23).

Среди соч. Н. в др. жанрах — популярная биография «Жизнь и военные действия Александра Великого, царя Македонского» (М., 1853) и очерк отеч. истории «Праздники» (М., 1853), написанный в официозном ключе псевдоним. языком и проникнутый неприязненным отношением к «басурманам» — иноземцам. Его стихотв. продукция представлена двумя «ура-патриотическими» брошюрами «Синопское сражение...» и «Бой под Ахалцыхом и поражение турок...» (обе — М., 1854), в к-рых батальные описания приобретают порой комич. оттенок («А милиция,

казаки/Заскакали в буераки/И между дыма и огня/Началась тогда резня./Кровь лилась, трещали кости.../Улеглись от хмело гости!/И на месте боевом —/Груды тел и разный лом!» — «Бой под Ахалцыхом...», с. 7), а также стихотв. сказками «Бубны» и «Царь-девица» (обе — М., 1861), подражающими опытам в этом роде В. Ф. Потапова.

У низовых читателей соч. Н. имели успех. В конце кн. «Бриллиантовая луна...» он не без гордости сообщал, что «более 3000 экземпляров» ранее вышедших его соч. разошлись в неск. месяцев; «по крайней мере вижу, что люди, читающие русские книги, читают и мои сказки» (с. 132). Романы его вошли в репертуар любочной лит-ры и по неск. раз переиздавались. В. Д. Бонч-Бруевич, в юности (в 1891) по заказу книгооторговца сделавший переделку ром. Н. «Черный ворон», вспоминал, что Н. стал к тому времени мифич. фигурой: ходили слухи, что он, будучи княжеского рода, жил на Хитровке и что ему «свыше указали забыть фамилию» (РГБ, ф. 369, к. 3, № 10).

Др. произв.: «Простонародные рассказы, или Осенний вечер в деревне» (М., 1850; анонимно, об авторстве — ЦИАМ; рец.: «Совр.», 1853, № 5), «Битва русских с черкесами, или Пастух Черной долины. Ист. роман» (ч. 1—2, М., 1853; отрицат. рец.: ОЗ, 1853, № 7).

Лит.: Сушков Н., Библ. указчик. — РВ, 1859, № 6. Совр. летопись, с. 32; Список полковникам по старшинству, СПб., 1866, с. 32; Список подполковникам по старшинству, СПб., 1868, с. 611; [Лятов А., Кирпичев Л.], Ист. очерк образования и развития арт. уч-ща, СПб., 1870, прил. 2, с. 9. — Мезьер; Масанов (Н. ошибочно назван Ивановом).

Архивы: РГВИА, ф. 409, оп. 1, л. 40455, ф. с. 1847—590 (ф. с. 1842 г.); ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, л. 19 (сведения об авторстве кн. «Приворотное зелье», «Битва русских с турками...», «Простонародные рассказы...»); оп. 4, л. 525 (рукопись сказки «Царь-девица»).

А. И. Рейтбулат.

НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ (Романов; 14(26).4.1859, Царское Село — 28.1.1919, Петроград), вел. кн., историк, военный и обществ. деятель, мемуарист. Внук имп. Николая I; старший сын вел. кн. Мих. Ник. и вел. кн. Ольги Фёд. (урожд. принцессы Баденской). Получив домашнее образование, в 1875 поступил на воен. службу, участвовал в русско-турецкой войне 1877—78 (награжден орденом св. Георгия 4-й степени за мужество и храбрость). В 1885 закончил Николаевскую акад. Ген. штаба по 1-му разряду. В дальнейшем командовал разл. частями и соединениями рус. армии, был шефом Лейб-гвардии 3-й арт. бригады и 82-го Дагестан. пех. им. вел. кн. Ник. Мнх. полка. Гсн. от инфантерии (1913).

Первоначальную известность получил своим ленинтерологическими исследованиями и изданием

труда «Mémoires sur les lépidoptères» (т. 1—9, СПб., 1884—1901), в основу к-рого были положены коллекции бабочек, собранные им и его сотрудниками (Г. Х. Христофором, С. Н. Алфераки и др.). В 1898 Н. М. пожертвовал свою коллекцию Зоол. музею АН и приступил к систематич. ист. исследованиям эпохи Александра I. Благодаря своему высокому положению при дворе и в обществе он получил доступ к арх. материалам (не введенным до того в науч. оборот). Внимание специалистов и общественности привлекли монографии Н. М. и подготовленные им публикации ист. документов и текстов: «Князь Долгорукий, сподвижник имп. Александра I в первые годы его царствования. Биограф. очерки» (СПб., 1901); «Гр. П. А. Строганов (1774—1817)» (т. 1—3, СПб., 1903); «Дипломатич. сношения России и Франции по донесениям послов императоров Александра и Наполеона. 1808—1812 гг.» (т. 1—7, СПб., 1905—14); «Генерал-адъютанты имп. Александра I» (СПб., 1908; 2-е изд., СПб., 1913); «Императрица Елисавета Алексеевна, супруга имп. Александра I» (т. 1—3, СПб., 1908—1909); «Переписка имп. Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной» (СПб., 1910; рец.: К. А. Военский — ЖМНП, 1911, № 2, с. 410—19); «Имп. Александр I» (т. 1—2, СПб., 1912; 2-е изд., П., 1914; рец.: С. Мельгунов — ГМ, 1913, № 1; И. Игнатович — Сев. зап., 1913, № 1, и др.); «Нек-рые науч. материалы о кончине имп. Александра I» (СПб., 1914).

По мнению ряда исследователей, ист. работы Н. М. отличаются своеобразием авт. стиля: «... язык вел. кн. всегда энергичен, определения прямые и ясные... На всей книге [Имп. Александр I] — *Red.* ... лежит явный отпечаток порывистого творчества, чуждого стилистич. вышес-

ности и погони за шепетильностью обдуманной фразы» (В. М. Андерсон — «Рус. библиофил», 1912, № 6, с. 57; по мнению Л. В. Черепнина, в работах Н. М. «стиль изложения часто приближается к ист. роману» — «Очерки истории ист. науки в СССР», т. 3, М., 1963, с. 323). Другая отличит. особенность ист. иссл. Н. М.: несмотря на свою принадлежность к правившей в России династии, он не только не задушевничал, а, наоборот, всячески выделял и подчеркивал темные стороны личности и деяний Александра I. Характеристику, данную им этому монарху, П. Б. Струве в своем некрологе, посв. памяти Н. М., не случайно назвал «суровой, даже беспощадной».

Приверженность Н. М. либерально-демокр. воззрениям (при дворе получил прозвище Филиппа Эгалите) способствовала его знакомству с Л. Н. Толстым (1901), переписка с к-рым продолжалась (с перерывами) ок. 8 лет (частично опубли. ЛН, т. 37/38; см. также: «Мои свидания с гр. Л. Н. Толстым» — «Родина», 1993, № 4). Осн. тема переписки — проект реформирования России, опирающийся на экономич. идеи Г. Джорджа, к к-рым Толстой хотел привлечь внимание Николая II через посредничество Н. М. В письмах Н. М. есть и характеристика совр. лит. жизни (напр., одобрит. отзыв о пьесе М. Горького «На дне», с характерным упреком: «жалко, что кругозор Горького только вращается между пьяницами, забулдыгами и пропавшими людьми» — ЛН, т. 37/38, с. 315). Разрыв между ними произошел в обстановке бурной рев. полем. 1905, когда Толстой счел нужным дистанцироваться от Н. М.: «Вы великий князь, богат, близкий родственник государя; я человек, отрицающий и осуждающий весь существующий порядок и власть и прямо заявляющий об этом» (LXXVI, 32). Переписка возобновилась по инициативе Толстого, к-рый хотел получить от Н. М. сведения о распорядке дня рос. императоров. Поблагодарив за высланные ему материалы, Толстой признается, что ему «совестно вспоминать» о своем письме 1905: «Теперь же мне дороже всего любовное общение со всеми людьми, безразлично кто они: цари или нищие» (LXXVI, 72). По просьбе писателя вел. кн. помогал ему в подборе материалов (в т. ч. архивных) к нек-рым его произв. («Хаджи Мурат», «Посмертные записки старца Федора Кузьмича»).

Поч. чл. Петерб. АН (1898). С 1900 — чл. имп. Рус. ист. об-ва, в 1909—17 — пред.; возглавлял также издат. деятельность об-ва: под его руководством выпускались очередные тома РБС и «Записок имп. Рус. ист. об-ва». Он был издателем работ:

«Рус. портреты XVIII и XIX ст.» (т. 1—5, СПб., 1905—08); МНекр.; ПНекр.; Шереметевский В. В., Рус. провинциальный некрополь (т. 1, М., 1914); Андерсон В. М., Рус. некрополь в чужих краях (в. 1, СПб., 1915). В 1909 Н. М. назначен почетителем Моск. публич. и Румянцевского музеев; в 1913 избран чл. Франц. акад. В том же году под поч. председательством Н. М. прошел съезд представителей губ. ученых арх. комиссий, посв. 300-летию Дома Романовых. В 1915 Моск. ун-т избрал Н. М. поч. доктором рус. истории.

Поглощенный науч. занятиями, Н. М. оставался в стороне от полит. деятельности. По признанию хорошо знавшего его А. П. Извольского, он был протестом наблюдателем событий, происходивших в то время. Известно лишь несколько эпизодов, в к-рых вел. кн. сыграл заметную роль. В 1887, будучи ротмистром Кавалергард. полка, Н. М., находясь в Париже, оказался в центре большого скандала: газ. «Фигаро» сделала достоянием гласности содержание его частных бесед, в к-рых он заверял своих слушателей в том, что «при дворе Александра III нем. влиянию пришел конец», и даже, якобы, выразил желание в случае возникновения между Германией и Францией новой войны поступить на франц. службу. Сообщение «Фигаро» вызвало резко негативную реакцию в Берлине и офици. Петербурге. Произошедший с Н. М. инцидент описан был им в неопубл. мемуарах «Моя служба в кавалергардах» (ГАРФ). Спустя почти 30 лет Н. М. оказался причастным к расследованию дела об убийстве Г. Распутина, выступив инициатором обращения группы вел. князей к императору с требованием о смягчении участи исполнителям этой акции. В результате наказания оказался и сам Н. М.: в 1916 он был сослан в его имение Грушевка на Украине.

О событиях тех лет [участие Н. М. в 1-й мировой войне, убийство Распутина (со слов Ф. Ф. Юсупова, женатого на сестре Н. М.)], поведение ближайшего окружения царя во время восстания в Петрограде] рассказывается в дневниковых записях Н. М., опубли. посмертно (КА, 1931, т. 4/5, 6).

После Окт. рев-ции Н. М. арестован, с 1918 — в Петропавлов. крепости, в 1919 вместе с др. вел. князьями расстрелян во дворе крепости.

Др. произв.: «Легенда о кончине имп. Александра I в Сибири в образе старца Федора Козьмича» (СПб., 1907); «Из беседы Пошю до Барго с бароном Мейендорфом в Вене в 1832 г.» (СПб., 1910); «Донесения австр. посланника при рус. дворе Лебцельтерна за 1816—1826 гг.» (СПб., 1913); «Письма высочайших

НИКОЛЬСКИЙ

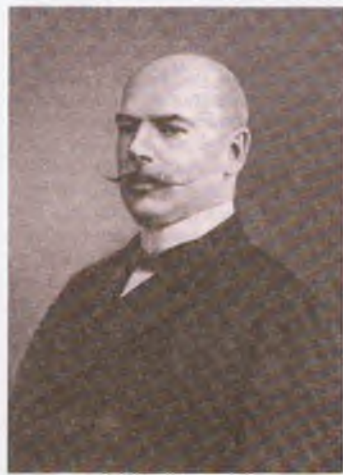
особ к графине А. С. Протасовой» (СПб., 1913), «Казнь пяти декабристов 13 июля 1826 г. и имп. Николай I» (П., 1916), «Наблюдения по охоте на диких гусей» (П., 1917).

Лит.: Толстой (Л.); Гизетти А. Л. Об-к сведений о георгиевских кавалерах и боевых знаках отличия кавказ. войск. Тифлис, 1901, с. 197; Алфераки С. Н. Автобиография натуралиста-охотника. М., 1909, с. 99, 101—02, 137—38; Санок ген. штаба, СПб., 1913, с. 49; Чулошников А. Л. Н. Толстой и Н. М. Романов. — КА, 1927, № 2, с. 231—32; Извольский А. П. Восп. 2-е изд. М., 1889, с. 179—80; Струвс П. Б. Великий кн. Николай Михайлович. In memoriam. — НМ, 1991, № 4; Дорна де Дуллиани М. Царская семья. Последний акт трагедии. М., 1991, с. 173; Берберова Н. Люди и эпохи. Х., М., 1997 (ук.): ЛН, т. 90 (ук.). + БСЭ; СИЭ.

Архивы: ГАРФ, ф. 670; РГИА, ф. 549, оп. 1, д. 1142 (т. с. 1912 г.). а. 71.

В. А. Волков.

НИКОЛЬСКИЙ Борис Владимирович [3(15).10.1870, Петербург — 11.6.1919, Петроград], публицист, филолог, поэт, полит. и обществ. деятель. Отец — Вл. Вас. Никольский (1837—83) — проф. рус. словесности, автор кн. «Идеалы Пушкина» (СПб., 1887), преподавал в Петерб. духовной акад. и Александров.

лшнее; после его смерти вдова и семеро детей испытывали серьезные материальные трудности, что не помешало Н. получить прекрасное образование: поступил осенью 1881 в классич. г-зию при Ист.-филол. ин-те, в 1884 перешел в Уч-ще правоведения, затем закончил юридич. ф-т Петерб. ун-та (1889—93).

Младший товарищ по Уч-щу вспоминал, что Н. «уже в 16 лет поражал своим начитанностью, знанием нем., франц., итал., греч. языков. «Он в подлиннике еще прочел всех латинских классиков-поэтов...» и Шекспира (Самойлович А. В., Пушкинист Н. — «Парфенон», сб. 1, СПб., 1922, с. 43). Первым выступлением Н. в печати, по его словам («Сотисциум vitae», 1914—18 — РГИА, ф. 1006, № 4а), был пер. с латини в 1885 (не вышедш.); образам юношеских стихов, в т. ч. балладу «Он и она», по памяти привел в своих восп. Самойлович.

В 1893—96 служил в Хоз. деп. Мин-ва внутр. дел, составлял историю страхового дела в России. В

письмах к А. С. Суворину еще в 1887 предлагал писать по этой тематике для «Нового времени» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 2963); впоследствии печатался в суворинской газете и изд-ве, оказывал ему разл. юридич. услуги.

В 1896 женился на Ек. Сер. Шубинской, дочери редактора «Ист. вест.» (покончила жизнь самоубийством в Ленинграде в 1935), имел сыновей Владислава и Романа (вероятно, погибнул во время революции) и дочь Ашву (1899—1976), ставшую переводчицей и писательницей, работавшую также археографом Пушкинского Дома; неоднократно подвергалась репрессиям (см. с. лачерские восп. — «Простор», 1986, № 10; архив — ШГА Казахстана, ф. 1803, 1908—1966, 120 ед.).

Оставив службу в МВД для подготовки к науч. деятельности, в 1899 сдал магистерский экзамен при Петерб. ун-те, защитив дис. по рим. праву «Система и текст XII таблиц» (отд. изд. — СПб., 1897), стал приват-доцентом и начал чтение лекций по рим. праву и нек-рым отделам гражд. права на юридич. ф-те, одновременно — курсов по лирике А. С. Пушкина, А. А. Фета, совр. поэтов на ист.-филол. ф-те. Преподавал в Александров. воен.-юридич. акад. (1899—1903). С 1904 — в списке присяжных стряпчих при Петерб. коммерч. суде, выступал и как частный поверенный.

В 1903 Н. избран чл. Гл. совета Рус. собрания — монархич. обществ. орг-ции, созданной стараниями В. Л. Величко «для выявления исконных русских начал» (из устава), заведовал отделом персипски (ишсьма его корреспондентов, среди к-рых Д. Н. Мамин-Сибиряк, Е. В. Тарле, А. Г. Достоевская и др., — ГАРФ, ф. 588). В 1903 выпустил 1-й том иссл. по рим. праву «Дарения между супругами» (СПб.), к-рое безуспешно пытался зачитать как докт. дис., — ультраконсервативные убеждения Н. остановили против него обществ. мнение, что отчасти затрудняло его академич. карьеру. Н. стремился сблизиться со студент. молодежью, чтобы оказать влияние на ее идейное и эстетич. формирование. Позже В. Н. Княжичин назвал Н. «илейным вдохновителем академизма, т. е. той студент. оппозиции, к-рая создавалась в ходе левого студент. движения и в противовес этому последнему» (Княжичин, с. 62). В прессе появлялись публикации, обвиняющие Н. в покровительстве студент. орг-ции «Денница», ставившей своей целью противодействие (даже вооруженное) рев. деятельности (см.: Яблоновский А., Родные картины. Студент. корпорация «свобододействующих» и приват-доцент Н. — «Обр.», 1904, № 11). Н., однако, отрицал свою причастность к «Деннице» [см. его письма — НВ, 1905, 23 сент. (6 окт.)]. На рев. волнения кон. 1905 откликнулся «Всеподданнейшей речью 31 декабря 1905 г.», в к-рой

призывал царя от имени «рус. людей»: «... мощно военною властью да будет сокрушена, истреблена и сметена безумная крамола» (3-е изд., СПб., 1914, с. 8, 9).

Однако, похоже, на твердость самодержавия Н. не рассчитывал, показавшим его высказывания в связи с неудачами рус.-япон. войны в письме от 22 июля 1905 В. Л. Палакюле: «События ведут нас к дилемме: Россия или династия. Россия — значит: православная, самодержавная, русская Россия, единая внутри, единая внешне. Словом, на династию нет надежды. «Московские ведомости» требуют диктатуры. Полагаю, — но кто будет диктатором? Где этот человек?» (ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 6116).

Уже в 1893—94 Н. собирает своего рода лит. салон по средам, постоянными посетителями к-рых были Г. В. Чичерин (однокурсник по ун-ту), барон А. Ф. Мейендорф и Н. В. Дризен. Чичерин признавался, что в те годы в Н. «нашел отзвуки своим философски-пессимистич. настроением» (Граца т. 1989, с. 755; письма Чичерина 1863—1900 к Н. — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 861). Позднее Б. А. Салозовский вспоминал о нем как об «интуитивном собеседнике, обладавшем способностью в совершенстве подражать голосу и манерам кого угодно»: «Изображая в лицах людей умерших, он словно воскрешал их... Майкова, Полонского, Страхова, Победоносцева и Владимира Соловьева» («Рос. архив», т. 1, М., 1991, с. 174).

Н. привлекала роль наставника поэтов из ун-та, свою гл. задачу он видел в том, чтобы предоостеречь их от увлечения не только рев. идеями, но и декадентством, прежде всего символизмом (в неопубл. статье 1896 он подверг критике брюсовские выписки «Рус. символисты» и сб. стихов А. М. Добролюбова «*Natura naturans. Natura naturata*» — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 1346, л. 46), прививая им любовь к классич. лит-ре. Поэтому при составлении в 1901—03 студенч. «Лит.-худож. сб-ка» (СПб., 1903) Н.-редактор вытравлял в стихах молодых поэтов следы влияния нового иск-ва (подробнее см.: Бсззубов, Исмаков, с. 329—30, и др.). Среди этих поэтов был А. А. Блок, стихи к-рого в сб-ке могли стать его поэтич. дебютом (из-за задержек с печатанием сб-ка вышел в свет только в дек. 1903 — позже его публикации в № 3 «Нового пути»). В 1903 участники сб-ка (А. А. Кондратьев, Поляков, Л. Д. Семёнов, С. В. Штейн) составили Кружок изысканной словесности, собрания проходили на квартире Н. Среди советателей были Блок, братья Семёнова — Михаил и Рафаил, Л. П. Карсавин, Р. Орбели. Яркое впечатление от личности и лекций Н., когда во времена «ожесточенных споров... и непримиримой вражды партий» «в стенах IX аудитория... раздавались бодрые, спокойные и светлые, словно сама великая природа, стихи „одного из величай-

ших лириков на земле» (письмо Штейна к Н. от 17 апр. 1901 — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 889, л. 1 об.— 2), постепенно сменилось разочарованием. Блок писал отцу 30 дек. 1903 о предстоящем в январе реферате Н. «против декадентства», рассчитанном, кажется, на меня и еще одного молодого «новопутейца» — Л. Д. Семенова. Предполагаю услышать там свое имя с самыми невежливыми эпитетами» (Блок А., Письма к родным, [т. 1], Л., 1927, с. 98). Доклад не состоялся, а заседания кружка прекратились с началом в 1905 революции — во многом из-за активного «полевешения» ряда посетителей (подробнее см.: Иванов а).

Как автор «Всеподданнейшей речи», неоднократно переизданной, Н. надеялся на продвижение по службе, даже ждал министерских назначений. Благодаря этой речи был определен воспитателем к детям вел. кн. Константина Константиновича (поэта К. Р.) — Гавриилу и Олегу; на гибель последнего на фронте 1-й мировой войны откликнулся некрологом (ИВ, 1914, № 11). Свой уход из ун-та в янв. 1907 Н. объяснял расхождением с коллегами «в деле полит. влияния на молодежь» (запись Н. — РГИА, ф. 922, оп. 1, д. 228, л. 4). В 1910 стал профессором в Уч-ще правоведения.

Крайне правые националистич. убеждения привели Н. в 1905 в руководство Союза рус. народа (см. его переписку с митрополитом Антонием — «Былое», 1923, № 21). После оправдания в 1913 М. Бейлиса устроил демонстративный обед в честь его обвинителей на процессе. В Рус. собрании и др. публичных аудиториях прочитал ряд лекций, в т. ч. «Самодержавие как правовой процесс», «О Земском собрании», православии и др. Ораторские и лекторские данные Н. способствовали его полнит. карьере, но неуживчивый характер существенно ее осложнял. Н. постоянно становился героем различных скандалов, один из них в Рус. собрании в нояб. 1912 закончился публичной дракой с Н. Е. Марковым (Марковым 2-м) и вызовом его на дуэль, от к-рой Марков отказался (см. протокол, составленный секундантами, — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 1923). В период раскола в Союзе рус. народа между В. М. Пуришкевичем, Марковым 2-м и А. И. Дубровиным примкнул к последнему. Н. отрицательно относился к Г. Е. Распутину, видел в нем огромную опасность для императорской власти, считал недопустимым для государя принимать «пьяного, распутного хлыста», к-рый хватается перед «юношками общества» оказанными ему знаками монаршего внимания (наброски письма 1912 к царю — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 1297). Лично встречался с Распу-

тиным, пытаясь разгадать его феномен («Б. Никольский и Г. Распутин. [Из дневника Н. за 23 нояб. 1912]» — КА, 1935, № 1).

Лит. деятельность Н. началась с сер. 90-х гг. активным сотрудничеством в «Ист. вест.». Писал статьи на разные темы: «Украинский Сократ» (1895, № 4) о Г. Сковороде, «Н. Н. Страхов. Критико-биограф. очерк» (1896, № 4; ота. изд. — СПб., 1896), «Лит. деятельность К. П. Победоносцева. (По поводу пятидесятилетнего юбилея)» (1896, № 9; Чичерин, читавший статью в рукописи, писал Н. 5 дек. 1896, что из нее «необыкновенно ярко встает глубокий и смиренный тип — идеальный облик традиц. труженика, к-рым жито рус. государство и многозвучная рус. бюрократия», — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 861). Его рец. «„Вечные спутники“ г. Мережковского» (1897, № 11) — один из первых сочувств. откликов на эту книгу, «первая ласточка, прибывшая под окно Мережковского», к-рый был им «более нежел доведен» [П. П. Першов, письмо к Н. от 3 дек. (21 нояб.) 1897 — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 582]. В рецензиях Н. откликнулся преим. на издания по юриспруденции и античной культуре, но попутно сочувственно отмечал выход новых изданий рус. консерваторов — М. Н. Каткова (1897, № 10), Н. П. Гилярова-Платонова (1900, № 7), интересовался ими и позднее: «К характеристике К. Н. Леонтьева» («Памяти К. Н. Леонтьева. Лит. сб.», СПб., 1911), полемизировал с Вл. С. Соловьёвым — в рец. «„Оправдание добра“», Нравств. философия Вл. Соловьёва» (ИВ, 1897, № 5, с. 603) назвал его работу «сборником бледных фельетонов», указав ряд фактич. ошибок. Лит. конвенции, к-рую собирались заключить Россия и Франция, посв. публикация в «Ист. вест.» (1897, № 12).

В 1897 Н. дебютировал как пушкинист: ст. «Суд над Пушкиным» (СПб.; тираж 25 экз.), написанная в форме письма к В. П. Буренину, была полемич. откликом на статью Вл. Соловьёва «Судьба Пушкина» (ВЕ, 1897, № 9). В ней Н. доказывал моральную цельность Пушкина и оспаривал мнение, что поэт сам был виновником дуэли, однако в ст. «Последняя дуэль Пушкина» (ИВ, 1899, № 11—12, отл. изд. — СПб., 1901), написанной на основе опубл. «Ист. вест.» военно-судебного дела о дуэли Пушкина и Ж. Дантеса, отрицал версию умышленного заговора против Пушкина. Критика отметила «обильное собранное ... материала» [С. Ашевский — МБ, 1902, № 1, с. 84; А-ч — МВед, 1901, 22 апр. (5 мая)]. Большинство пушкинистских статей Н. было опубл. в «Ист. вест.»: иссл. «Поэт и читатель в лирике Пушкина» (1899, № 5; отд.

изд. — СПб., 1899); в ст. «Академический Пушкин» (1899, № 7) одним из первых обратился к текстологич. проблемам научного (в терминологии Н. — критического) изд. сочинений Пушкина; его идея сводных редакций является спорной, но представляют интерес тонкие филол. наблюдения над орфографией и пунктуацией поэта (на статью ссылался С. М. Бонди — см.: Пушкинский сб. памяти проф. С. А. Венгерова, М.—П., 1922, с. 43—44).

В письме Б. Б. Глинскому от 1 окт. 1915 Н. упоминал о готовившемся в Юрьевском уезде трехтомном издании своих соч., в 1-й т. к-рого он включил свои работы о Пушкине (ИРЛИ, ф. 72, № 233), одну из новых статей предлагал опубл. в «Ист. вест.» (там же, письмо 17 янв. 1916); их местонахождение неизвестно.

Др. точкой приложения текстологич. и ист.-лит. интересов Н. была поэзия А. А. Фета; с ним Н. незадолго до его смерти познакомился через Н. Н. Страхова, получив для разборки и издания часть архива. Первую статью о Фете «Поэт философ» (РО, 1894, № 12), к-рого Н. называл «золотым звеном, связующим красоту с истиной, золотым мостом из философии в эстетику» (с. 1100), Першов включил в составленный им сб. «Филос. течения рус. поэзии» (СПб., 1896). В 1901 под ред. и с предисл. Н. было осуществлено (при поддержке К. Р.) первое «Полное собр. стихотворений» Фета (т. 1—3, СПб.; [3-е изд.] с нек-рыми доп. — СПб., 1912). В нем «...первые был привлечен к делу весь печатный и весь доступный в настоящее время рукописный материал» (т. 1, 1901, с. III). Н. проделал огромную работу по выявлению текстов стих. Фета (после пропажи его рукописей из архива Н. это издание в ряде случаев оказалось единств. источником текста).

Композитионное собр. стих., открывающегося сб. «Вечерние огни», а также субъективным иск-рым текстологич. рецензиям Н. критиковал издание Б. Я. Бухштаба (см. его прим. в кн.: Фет А. А., Стих. и поэмы, Л., 1986, с. 63); см. также рец. В. Я. Брюсова (РА, 1901, кн. 2), к-рый в своей рец. 1903 о Фете упрекал Н. в «абселин» обязанность «противоречия» поэта, — Брюсов В., Собр. соч., т. 6, М., 1975, с. 210).

В 1899 Н. выпустил «с видом на Пушкинскую премию» (письмо П. П. Першову от 11 нояб. 1897 — ИРЛИ, р. III, оп. 2, № 1395, л. 2 об.) «Сборник стихотворений» (СПб.).

Получить премию пожелал отказать, отныне А. А. Гозенинда-Кутузова, обдаввшего стих. Н. «сплошным, неуклюжим бредом» и принятого Н. за представителя новых поэтов течения, отличит. чертой к-рых являются «исполнительность содержания и несправедливость внутренней формы... крайнее самолюбие, полное отрицание каких бы то ни было авторитетов...» (Шело Отд. рус. языка и словности АН о 14-м приежающем премиях им. А. С. Пушкина в 1901 — РАИ РФ, СПб., ф. 9, оп. 3, л. 33—34). Буренин в ответ на поздравный Н. сб-к писал: «хотел Вам писать стихи, когда можете писать серьезную и толковую прозу» (письмо к Н. — ГАРФ, ф. 588, оп. 1, № 104). Критика единодушно отметила, что Н. — «чужака ... глубоко антидогматическая», над его стихами опускается «деловые веяние стихотв. прозы» ((А. Г. Горюхов) — РБ, 1900, № 7, с. 25, 26), многие из них можно

НИКОЛЬСКИЙ

многозначительны [Стар (Н. П. Вишняков?) — «Россия», 1900, 8(21) апр.], что Н. «сверхчисто чуждый поэзии, темперамента и созерцания... расходуется в стихах» (В. — МИ, 1900, № 5/6, с. 108) и «настойло же поэт в лучших своих прозаич. статьях (хотя бы в том же этюде о Фете), насколько прозаич. в стихах» (Л. Шестаков — «Торгово-промышленная газ.», лит. прил., 1900, № 4, с. 4). О самомнении Н. поэта с прозой отзывался Перлов: «Курьезно, что при своем типично-юрилическом складе уже Н. воспринимал, что он обладает крупным поэтич. дарованием» (Перлов, с. 196).

Более поздние стихи Н. сохранились в его архиве (РГИА, ф. 1006, стих. 1894—1917; РНБ, ф. 520, № 342—347). В «Сборник стих.» были включены его переводы из Катулла (Горифельд) и Шестаков латиницей (уникальную оценку). Перевод «Свадьбы Пелея и Фетиды» (из Катулла) был опублик. в 1901 (ЖМНП, № 12). Стремление воспроизвести на рус. яз. античную метрику делало переводы не всегда понятными и весьма архаичными по языку.

Многочисленными Катулла Н. работал в течение всей жизни (см. письмо об этом Савоскому от 24 февр. 1918 — «Звенья», в. 2, М.—СПб., 1922, с. 357). М. В. Сабашникову 24 июня 1918 Н. сообщил, что лат. текст Катулла, написанное по-латыни введение и прозаич. Н. перемотанный рус. перевод должен был составить том «Уч. зап. Юрьевского ун-та» в 1917 или нач. 1918, не издан в связи с сер. оккупацией. Н. предлагал издать перевод в сер. «Памятники мировой лит-ры», не рассчитывая на доход: «Триязычный труд не издается с черкатыми измерениями» (РГБ, ф. 261, карт. 5, № 65, л. 2).

Н. был страстным библиофилом; колоссальная библиотека объединяла книги его отца, его самого и отошедшие к нему по завещанию книги С. Н. Шубинского. Среди «книг-уников» в ней были также издания Катулла, «к-рых нельзя достать не только в библиотеках, но к-рые даже не помечены в библиографич. указателях, самых подробных. Велик также отдел библиографии рус. лит-ры... Библиотека помещается в двух больших квартирах, в огромных шкафах и снабжена великолепным каталогом» («Ба-ка Н.» — «Вест. лит-ры», 1919, № 7, с. 11). Впоследствии она была передана центр. коллектору библиотек и расплывлена между РГБ (осн. часть). Книжной палатой (отдел библиографии) и гос. книжным фондом, к-рый распределил остаток между разными вузами и науч. учреждениями.

Несмотря на разностороннюю творч. и обществ. деятельность — Н. был филологом с разнообразными интересами, ученым-текстологом академич. склада, талантливым ученым-юристом, библиофилом, публицистом, оратором, автором сб-ка дидактических стихов, неудавшимся переводчиком, — судьбу Н. и отношение к нему современников во многом определяла его полит. репутация. В 1913—17 Н. читал лекции на юридич. и ист.-филол. ф-тах Юрьевского ун-та, приезжая туда из Петербурга; в марте 1917 его правые обвинения были признаны несомнительными с преподават. деятельностью и он не

был переизбран в профессоры. Парадоксальным образом Окт. переворот нашел сочувств. отклик у Н., к-рый писал Савоскому: «Страшно то, что происходит, но реставрация была бы еще страшнее. Царствовавшая династия кончена, и на меня ее представителям рассчитывать не приходится» (21 апр. 1918; «Звенья», в. 2, с. 359). «... с сов. режимом я мирюсь откровенней, искренней и полнее, чем с каким бы то ни было другим» — говорил уже о Распутинско-Штурмово-Протопоповском» (26 окт.—8 нояб. 1918; там же, с. 371). С марта 1918 Н. — консультант по гражд. делам в Управлении Гл. руководства инженерной обороны Петрограда, после его реорганизации — корреспондент 2-го Воен. строительства Сев. участка и Петроградского р-на. Получив в авг. 1918 сообщение из Воронежа, куда был эвакуирован Юрьевский ун-т, о принятии в состав профессоров, намереваясь выехать туда. В 1919 преподавал в военно-науч. секции Всевобу-ча. Был расстрелян по постановлению Чрезвычайной Комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией (в сообщении в «Петрогр. правде» от 22 июня 1919 назван «видным деятелем монархич. организации» — несправимым черносотенцем»; см. также: «Вест. лит-ры», 1919, № 6, с. 12—13). З. Н. Гиллиус в дневнике записала, что сыну Н. на просьбу выдать тело отца для захоронения сообщили, что оно скормлено зверям зоологич. сада (Гиллиус З. Н., Петерб. дневники 1914—19, Н.-Я., 1982, с. 37).

Лит.: Брюсов В. Я. Далекое и близкое. М., 1912, с. 19; Княжичин В. Н., А. А. Блок, П., 1922, с. 61—62; Беззубов В. И., Исakov С. Г., Блок — учитель студия, сб-ка. — Блоковский сб., в. 2, Тарту, 1972, с. 325—32; Бронникова Е. Еще раз о лит. дебюте А. Блока. — ВЛ, 1990, № 1; Иванова Е. В., Блок в Кружке изящной словесности Н. — В кн.: А. Блок. Иссл. и мат-лы. Л., 1991; Монархист и Советск. Письма Н. к Б. А. Савоскому, 1913—1918. — «Звенья», в. 2, М.—СПб., 1992 (публ. С. В. Шумкина); Кожин В. Загадочные страницы истории XX в. [Черносотенцы и революция]. М., 1995, с. 14—16; Богомолов Н. А., Мамышев Д. Э., М. Кузин. Ис-во, жизнь, эпоха, М., 1996, с. 61. + Некрол. — «Вест. лит-ры», 1919, № 6; Полит. партии России. Кон. XIX — первая треть XX в., Энциклопедия, М., 1996.

Архивы: ГАРФ, ф. 588; РНБ, ф. 520 (л. ф. В. В. и Б. В. Никольских), ф. 874, оп. 1, № 62, 66, 74, 78, 82, 86, 94, 98, 102, 105, 122 (35 писем С. Н. Шубинскому, 1895—1910), ф. 263, № 222 (13 писем Н. В. Дроску, 1893—1899) [справка Т. В. Мисникевич]; РГИА, ф. 1006, 1343, оп. 26, д. 2058 (об утверждении М. И. Никольской с детьми в поместье дворянств, 1855), ф. 796, оп. 158, д. 548 (копия на 1878 г. ф. с. В. В. Никольского, свидетельств о рождении детей); ф. 740, оп. в. д. 443 (фс. Н. на 1 янв. 1907 г.) [справка Л. М. Соколовой]; ИРЛИ, ф. 72, № 233; ф. 123, оп. 2, № 357 (письмо Нелюбину от 1916) [справка Т. А. Кукушкиной]. Е. В. Иштова, С. В. Шумкина

НИКОЛЬСКИЙ Павел Александрович [9(20).1.1791. Петербург — 29.9(11.10).1816, там же; похоронен на Смоленском кладб.], критик.

переводчик, журналист. Сын писателя и педагога А. С. Никольского (1754—1834), д. стат. советника, члена Рос. акад., выходца из духовного звания. Воспитывался до пятинадцати лет в Горном корпусе в Петербурге. В 1807 в чине шихтмейстера (14-й класс) перешел в гражд. службу — в Экспедицию о гос. доходах; в 1808 определен в Гл. правление училищ на должность пом. столоначальника. Коллеж. секретарь (1814). Обладая «удивительною памятью», Н., по свидетельству Н. И. Греча, «обучился почти сам собою» франц., нем., англ. и итал. языкам (СО, 1816, № 40, с. 68); за неск. лет до смерти с успехом изучал греческий и латынь. Скончался в возрасте двадцати пяти лет от «сильной простуды ... превратившейся ... в ужаснейшую, изурительную чахотку» (там же, с. 70).

Входил в дружеский круг А. Е. Измайлова (см. шутиловое стих. Н. в альбоме Е. И. Измайловой — Ежегодник РО ПД на 1977, Л., 1979, с. 65) и младших членов ВОЛСНХ: Греча, Д. В. Дашкова, Д. М. Кляжевнича, И. М. Фовилского, М. В. Милонова (стих. последнего «К П. А. И-му. В день имени его» — «Цветник», 1810, № 12). Вступив в ВОЛСНХ в июне 1810, Н. посещает большинство заседаний, становится чл. комитета (нояб. 1811) и одной из ключевых фигур в об-ве. Наиб. ранняя выявленная публикация — «Стихи на вопрос: кто точно жил на свете?» («Лицей», 1806, ч. 1, кн. 2). В ж-ле А. В. Лукинского «Сев. Меркурий» (1809, № 2) поместил «Четыре письма китайского мандарина к своему другу» (пер. с франц.). С сер. 1809 в ж. «Цветник» появляются прозаич. переводы Н. с франц. («Отрывки из путешествия маркиза де-Лангла по Испании» — № 5—6, «О чувствительности и добродушии» — № 6, «Граф Ленокс, историческая повесть», «Путешествие в Луну» — № 7, «Нечто о страстях» — № 9, «О вере (из Рейналя)» — 1810, № 10, и др.); атрибутировано по протоколам заседаний ВОЛСНХ — архив Об-ва в НБ СПбГУ, ф. 199, № 204, л. 35—35 об., 54; указано О. А. Проскуриным), а также рецензии (б. п.; по лишенному аргументации утверждению И. А. Кубасова, в 1809 в ж-ле напечатано 11 рецензий Н. — Кубасов, 1901, с. 134). После смерти А. П. Бениццкого (нояб. 1809) «Цветник» стал выходить под ред. Измайлова и Н. Общая направленность ж-ла, в к-ром «объявлена была война законным славянофилам» (Греч Н. И., Чтения о рус. языке, ч. 2, СПб., 1840, с. 391), сохранилась. В своем плане историч. рус. словесности К. Н. Батошков, по-видимому, лично знавший Н., называл его вместе с П. И. Макарковым и

Дашковым среди противников А. С. Шишкова (Батишков в II. 338).

В 1812 Н. активно сотрудничает в ж-ле ВОЛСНХ «С.-Петерб. вест.» — помещая рецензии и переводы, собств. прозаич. опыты, а также два стиха. — «Выздоравлиние. Ода, почерпнутая из молитвы Езекии» (№ 5) и «Эпиграмма» (№ 8).

Д. И. Хвостов упоминал Н. как одного из «главных издателей» ж-ла (Лит. т. 1, М.—Л., 1938, с. 383). Крут публиковал Н. в «С.-Петерб. вест.» уточняется датой Гречем расфидировкой криптоцинов («Лит. вест.», 1902, № 8, с. 315; атрибуция всех статей Н. его брату Аполлону (переводчик, скар. ученого к-та Морского мин-ва, ум. не ранее 1835; о нем см.: Вост. Вестн. вых. М.—Л., 1951, ук.) и Н. А. Радкливу, предположения А. Г. Максимова («Лит. вост.», 1904, т. 8, с. 181—86), остается неаргументированной).

Рецензии Н., критич. манере к-рого присущи энергичность мысли, четкость эстетич. критериев и лаконизм, продолжают линию Бенитцко-го. Большое значение он придает простоте и изяществу слога, неизменно порицает обилие галлицизмов, «низкие слова и выражения», «темные места, надутые и высокопарные словоукрашения» («Цветник», 1810, № 4, с. 122—23). Разбирая переводы, Н. уделяет внимание стилю переводимых писателей (в т. ч. А. Лафонтена — СПбВест. 1812, № 3, с. 353, А. Радклиф — там же, № 6, с. 310—11). Выступая с требованиями естественности и правдоподобия сюжета, Н. подвергает остроумной, а порой и язвительной критике низкопробные романы («Геройские подвиги храброго армейского генерала Альберта... Пер. с франц. ...» — СПбВест. 1812, № 6) и полные несуровности пьесы («Мощенники, комедия...» — там же, № 2; «Русская Лукреция, драма...» — там же, № 5). Среди современников явное предпочтение Н. отдает Н. М. Карамзину, В. А. Жуковскому, Бенитцкому (реп. на «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе Н. П. Греча...» — там же, № 7); с неодобрением отзываясь о слоге М. В. Ломоносова, В. К. Тредиаковского, А. П. Сумарокова, презрительно упоминает о «толпе безграмотных славянофилов» (с. 72). Позднее, вспоминая о «смелых, здравых и свободных от всякого предрассудка мыслях» Н., Греч отмечал, что «рус. литература имела бы ... в нем своего Джонсона. Лессинга, Шлегеля» (Греч, с. 288—289); ср. также замечание Милонова о занятиях членов ВОЛСНХ после 1816: «Никольского уж нет, и критика забвенна» (Поэты-сатирики, с. 510).

Н. принадлежит неск. театр. рецензий, в частности обширная статья о трагедии А. Н. Грузинцова «Электра и Орест» («Цветник», 1810, № 8). Он принял участие в развернувшейся в «Сыне отечества» (1814) споре о рус. театре: в ст. «Замечания на письмо отставного актера»

(№ 11) он выступает поклонником таланта Е. С. Семёновой; возможно, ему же принадлежит анонимное «Письмо в Лондон об игре Семенов и о русском театре» (№ 5; указание на «пер. с англ.», скорее всего, мистификация, т. к. в «Замечаниях...» Н. называет себя переводчиком и страстно отстаивает положения и слог «Письма...» от нападков «отставного актера» в № 6).

Интерес Н. к теории словесности (изучал труды Квинтилиана, Ж. Ф. Лагарпа, Ш. Баттэ, Р. Блэра; статья последнего «О поэзии вообще» в пер. Н. опубли. СО, 1817, № 26—27) нашел практич. применение в его работе по составлению «Пантеона рус. поэзии» (кн. 1—12, СПб., 1814—15; кн. 11 и 12, реально вышедшие в 1817, были подготовлены Измайловым по рукописи Н.; одобрит. реп. на кн. 4—5 — «Рос. музеум», 1815, ч. 1, № 1). Стихотворения в каждой книжке расположены в соответствии с иерархией жанров классицизма: поэтики — от высоких к низким, т. е. 12 раз повторяется вся «лестница» от оды до эпиграммы. Осознавая необычность такого плана, Н. писал, что он «соединяет порядок с разнообразием и составляет из каждого отделения [т. е. книжки. — Ред.] нечто целое» («От издателя» — «Пантеон...», кн. 1). Крут авторов сб-ка широко: от Ломоносова и Д. И. Фонвизина до Милонова и Жуковского; очевидно ориентация Н. на произв., уже ставшие классическими (предпочтение отдается эпохе Державина — Карамзина), и в частности на тексты в «Собр. рус. стихотворений», изд. Жуковским (ч. 1—6, М., 1810—15); слабо представлена поэзия членов «Беседы любителей рус. слова». По свидетельству Измайлова (СО, 1817, № 22, с. 104), Н. намеревался выпустить 2-е изд. «Пантеона...», сделанное по образцу франц. поэтик. антологий Ш. Мильвуа и Л. Ф. де ла Маллена «Petite encyclopédie poétique» (v. 1—7, P., 1804), где собранные вместе произведения одного жанра предварялись бы теоретич. заметками (одна из таких статей: «Об оде» — СО, 1815, № 23, подпись: Я.; на авторство Н. указывал Измайлов, см. также: Кюхельбекер, с. 262, 701; статья ошибочно приписывалась Н. И. Язвицкому — Масанов).

Появление «Пантеона...» актуализировало проблему лит. собственности: перепечатка чужих произв. без ведома авторов представлялась ряду современников Н. неэтичной (о скандале, возникшем в связи с публикацией стих. Жуковского в антологии Н., см.: Греч, с. 493; Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 121—22, 130; ср. также две эпиграммы Милонова — Поэты 1790—1810, с. 544).

В прозаич. опытах Н., подобно Бенитцкому и Измайлову, обращался к жанру нравочит. восточной повести, используя приемы, сюжетные ходы и образы, традиционные как для франц., так и для рус. разновидности жанра: «Слепая с собакою» (СПбВест, № 1), «Абу-Гиафар-Алманзор, или Как должно судить о людях» (там же, № 5; несмотря на указание «с франц.», обе повести, по-видимому, написаны самим Н.), «Планета мудреца Зеба» (там же, № 7), Карамзинской традиции близки философич. очерки «Педантизм» (там же), «О задумчивости и уединении» (там же, № 8; созвучен известной статье Карамзина «Мысли об уединении», 1802), «О любви к жизни», «О ссорах писателей» (оба — СПбВест, № 9).

Среди переводов Н., отличающихся «чистотой, правильностью и приятностью слога» (Греч — СО, 1816, № 40, с. 69), — фрагмент ром. О. Голдсмита «Векфильдский священник» («Благ.», 1818, № 1), ром. А. Лесажа «Жильблэз де Сантллана» (ч. 1—8, СПб., 1819—21; отрывки: «Благ.», 1818, № 2; 1819, № 20, 22; пер. был завершен и издан братом Н. Аполлоном).

Др. произв.: пер. «Путешествие капитана Малесспина в Южное море» («Зап., издаваемые гос. адмиралтейским департаментом...», ч. 6—13, СПб., 1824—27).

Лит.: Белинский; Греч; Батишков (все — ук.); Ярославский В. И., Зап. — КС, 1887, № 10, с. 294, 297; Колопанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 1, М., 1889, с. 299—300, 303—07; Кубасов И. А., А. П. Бенитцкий, СПб., 1900, с. 5—7; сго же А. Е. Измайлов, — РС, 1901, № 13, с. 38—40, 144—45; Заметки Востокова о его жизни, СПб., 1901 (ук.); Орлов В. Н., Рус. просвещение 1790—1800-х гг., 2-е изд., М., 1953, с. 276; Десницкий В. А., Избр. статьи по рус. лит-ре 18—19 вв., М.—Л., 1958 (ук.); Мордовченко Н. И., Рус. критика первой четв. XIX в., М.—Л., 1959 (ук.); Шарыгин Л. М., Скандинавская тема в рус. романтике, лит-ре. — В сб.: Ранние романы, войны, Л., 1972, с. 154; Левин Ю. Д., К истории восприятия в России Оливера Голдсмита. — РЛ, 1994, № 2, с. 273, 277; Некролог: СО, 1816, № 40 (Н. И. Греч; там же — эпитафия А. Е. Измайлова). ПНкэр; Гепланд; Брокгауз; Вептер; Стисок; Мельер; Смирнов-Соколовский; Черский; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 4, л. 23, 26 (ф. с. 1810, 1814 гг.).

Е. Э. Лямин

НИКОЛЬСКИЙ Юрий Александрович [20.3(1.4).1893, Елизаветград — янв. 1922, Харьков?], лит. критик, историк лит-ры. Сын врача, публициста, деп. 3-й Гос. думы от г. Одессы (партия кадетов) А. И. Никольского. Мать жила в эмиграции в Швейцарии. Окончил Выборгское коммерч. уч-ще, в 1911 поступил в Политехнич. ин-т, а в 1912 — на ист.-филол. отд. Петерб. ун-та, к-рое окончил в 1916. Среди студентов, сочинивших стихи в нач. 1910-х гг., современница вспоминает и «начинающего критика» Н.: «нескладный, сутулый, некрасивый, как гадкий ут-

нок. И глаза у него загорались голубым огнем, когда он читал: „Всё полно тихими снами...“ (Тагер Е. М., О Мандельштаме, [Н.-Й., 1965], публ. и комм. Г. П. Струве, с. 6; справка об Н. — с. 26). В ун-те «вокруг него образовался кружок близкой ему молодежи из среды „кадетских детей“» (Морозова О., Озна судьба, Л., 1976, с. 94—95). На последних курсах ун-та занимался в Пушкинском семинарии С. А. Венгерова, сблизился здесь с В. Я. Проппом (краткую биограф. справку и темы докладов в семинарии см.: Пушкинист, в. 2, П., 1916, с. 291; в. 3, П., 1918, с. IX). По предложению Венгерова и А. К. Бородинна был оставлен при ун-те для подготовки к профессорскому званию.

В печати выступил впервые в 1914 со ст. «Тургенев и писатели Украины» (РМ, № 7), в к-рой, опираясь на малодоступные читателю источники — воспоминания И. С. Тургенева о Т. Г. Шевченко и письма к М. А. Маркович (Марко Вовчок), стремился, по собств. признанию, приблизиться к пониманию Тургенева «со стороны эстетической и религиозной» (с. 99). Для изложения принципов Н. как лит. критика имела важное значение ст. «Мережковский-критик» (СевЗ, 1915, № 4), в к-рой ч. 1 принадлежит Б. М. Эйхенбауму, ч. 2 — Н. Соавторов объединяет общая цель ниспровержения Д. С. Мережковского как исследователя и «тайновидца» рус. лит-ры, к-рый в своей рассудочно импрессионистич., интуитивной критике использует «приемы ... совершенно недопустимые» (Никольский, с. 138) — «насилует» смысл стихов Ф. И. Тютчева в стремлении его «умалить». Не объективно обращается с фактами (об отношении Тургенева к Н. А. Некрасову) и т. п. и, следовательно, не способен справиться со стоящей перед каждым критиком задачей «вечно живой мир образов ... обфилософствовать... вскрыть их метафизическую сущность» (Эйхенбаум, с. 130—31). Пример целостного и объективного анализа худож. произв. Н. демонстрирует в рец. на сб-к А. А. Блока «Стихи о России» «Александр Блок о России» (РМ, 1915, № 11).

Стандарт. датирование стих. «На поле Куликовом» Н. отмечает фонетик. повтор ч-сти в начале стиха, «общий ритм с укороченным стихом», «стиль „двухстиший“» (с. 17), заданные «а» в конце и т. д., имитирующие мелодич. рисунок стиха — от застывшего к боковой скалке стеной кобылицы и печалью конюха» и др. и т. п. Н. делает ряд трюков. Наблюдений о поэзии Блока: Русь у него не первоначально-византийская, а близкая к сказочно-пушкинскому ее использованию, две серьезные темы — «борьба» и «тщина», в чувстве к России «много душевных сил и любви, действительно иррациональной, т. е. самой истинной» (с. 18, о стих. «Решить бесстыдно, беспорядочно»). В. Я. Брюсов после чтения этой статьи пригласил Венгерова в своей незавершенной книге Блока (ЛН, т. 85, с. 685).

Творч. личность Блока всегда находилась в сфере духовного притяжения Н.: в кон. 1914 предполагал пригласить его в сб. «Пир», в к-ром должны были участвовать Л. Я. Гуревич и Эйхенбаум, проект не был осуществлен и близкое знакомство не состоялось. Позднее Н. посвятил Блоку ст. «„Скифы“ Блока» («Жизнь», Од., 1918, № 25), лирич. герой — он же Блок — в этом стих. ему выделял не как «сильный... человек, как хотя бы Маяковский, идущий на нормы быта, а человек слабый, нежный, застигнутый темной ночью и не перенесший ее, как бы захмелевший в горе». Ему принадлежит и некролог Блоку — «Пророк» («Общее дело», Париж, 1921, 19 сент.). Для Н. важным стилеобра-

зующим моментом является понятие «истина слова». Применимое для Блока, оно, по мнению Н., непременно к стихам Вл. С. Соловьёва, у к-рого «нет стиля», зато много осознанных и неосознанных заимствований, общих выражений и отрицат. эпитетов («нездешний», «незримый», «невидимый», «неведомый»: за этим проступает религ. «отрицание видимого мира»), и даже оригинальность рифм только подчеркивает бедность внутр. формы (рец. на книгу стихов Вл. Соловьёва — «Аполлон», 1916, № 1, с. 58—59).

В посл. «История одной дружбы. Фет и Полонский» (РМ, 1917, № 5—6) и «Тургенев и Достоевский. (История одной вражды)» (София, 1921; написана в 1913—17) на основе всех доступных ему печатных и арх. источников Н. выстраивает свою концепцию «онтологических биографий» (выражение Эйхенбаума) названных писателей, сходством или различиями в к-рых объясняет сложную историю их взаимоотношений. Метафизическая, по определению Н., поэтика А. А. Фета, для к-рого, по его собств. словам, «предмет по-

этич. творчества безразличен, зато другой, внутренний: степень поэтической зоркости, ясности видения — всё», Н. ближе, чем «тупик психологизма», из к-рого так и не смог выйти Я. П. Полонский (РМ, 1917, № 5—6, с. 93—94, 105). При таком понимании цели ист.-лит. исследования объясним его прохладный отзыв о книге В. С. Федины «А. А. Фет (Шеншин)» (П., 1915); в ней «нет души, а есть только „материалы“» (РМ, 1916, № 3, ота. III, с. 2). Позднее Н. опубли. ст. «Фет» («Речь», 1921, 8 сент.), написанную в нояб. 1920 в Константинополе.

Исследуя отношения И. С. Тургенева и Ф. М. Достоевского — от дружеского знакомства, через конфликт и многолетнюю ссору до примирения на Пушкинских торжествах в 1880, Н. предполагал «построить филос. схему этих отношений, исходя из различного мировоззрения обоих писателей» (письмо к А. Ф. Коню от 6 февр. 1916 — ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 1193), при этом счел «необходимым смотреть на ссору, становясь на сторону Достоевского» (с. 45). Отношение писателей к проблемам детерминированности, «свободы воли» и «своеволия», идеальной гармонической личности — та призма, сквозь к-рую Н. увидел в Тургеневе язычника, а в Достоевском — ортодоксального христианина, ставшего человека в центре, но показывающего пагубность для этого человека своеволия. Разгадка преступника и атеиста Ставрогина в его «ничтожном характере» — мнение Н., высказанное им в ст. «Ставрогин как идея прекрасного человека» (БВед, 1917, 20 янв., написана на основе изучения рукописи и черновиков «Бесов»), т. к. «„другое решение“ — Ставрогин, будь он достаточно сильным», в том, что он, по замыслу Достоевского, «успокаивается на Христе». Важность для Н. затронутой темы видна и по его письму Гуревич от 27 янв. 1917 (РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 163, л. 8 об.).

А. Г. Горюхица в рец. на книгу оспаривал мысль Н. о том, что главной причиной вражды было расхождение в убеждениях, считая, что в этом есть доля истины, «но только доля и не самая важная» («Летопись Дома литераторов», 1921, № 2, с. 2). В. А. Десницкий назвал альманах Н. «несозданным и неуловимым выражением», а схему «непримиримой» («Книга и революция», 1922, № 3(15), с. 50; др. рец.: Е. Алапш — там же, 1921, № 1(13); Аур. — «Речь», 1921, 10 апр.; С. Карнович — СЗ, 1921, № 5; Г. В. Филоретский — РМ, 1921, № 8—9).

Литературоведч. приемы Н. в какой-то степени предвосхищали методико представителей формальной школы (напр., морфологич. анализ), и хотя Н. не входил в ОПОЯЗ, много его сближало его с «формалистами» Эйхенбаумом и В. М. Жирмунским. Среди его друзей — еще один участник венгерского семинария В. Л. Комарович, литераторы старшего

поколения — Гуревич. М. О. Гершензон, позднее, после революции, он сблизился с Б. А. Садовским, обратившись к нему в письме от 30 апр. 1918 с просьбой о консультации и помощи в изучении биографии Фета: «Я специалист-тургеневист (и обижен на Вас за Тургенева), но сейчас многое меня толкает к Фету» («Минувшее», в. 19, М., 1996, с. 160).

Н. восторженно встретил Февр. революцию. В нач. июня 1917 по приглашению П. Е. Щёголева вместе с Бороздинным стал сотрудником «Былого», где ему была поручена «лит. обработка различных „дел“ из охраны, судов и пр. 350 р. в месяц. Дела интереснейшие» (письмо от 2 июня 1917 к Гуревич — РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 163, л. 24); напр., им опублик. «Дело о похоронах Н. С. Тургенева» («Былое», 1917, № 4(26)). Однако пораженч. настроения в обществе, разложение в армии привели его к глубокому пессимизму: «Каждый Божий день встаешь утром и спрашиваешь себя, цела ли еще Россия, а она гибнет и гибнет как-то фатально... Я давно думал об этом, что не нравственно так говорить о войне, будучи в тылу. Посмест кто-нибудь остановить меня, когда я буду в солдатской форме» (письмо к Гуревич от 3 авг. 1917 — «Минувшее», в. 19, с. 144). В окт., незадолго до Окт. революции, Н. и его младший брат Сергей добровольно идут на фронт вольноопределяющимися. Н. служил в арт. бригаде в Бессарабии до нач. ноября разведчиком-наблюдателем, принимал участие в боях, писал, что «армия заражена социальным стрептококком ... везде видит буржуазные козлы» (письмо к Гуревич от 20 окт. — там же), сочувствовал партии нар. социалистов как «наименьшему злу».

После Окт. революции жил в Москве, в 1918 писал Е. Р. Малкиной: «Москва — нелепа, старообразна; литераторы в ней все больше провинциальные (интересуются Бальмонтом и Брюсовым, не ведают о Гумилеве и еле нисходят к Ахматовой!), да и ученые тоже (не исключая Сакулина) ... не моего романа ...» (РНБ, ф. 1160). Лето 1918 провел в оккупированном герм. войсками Крыму в имении крым. зем. деятеля и члена 4-й Гос. думы В. К. Винберга (его некролог опублик. вместе с некрологом Н.: оба написаны П. Б. Струве — РМ, 1922, № 6—7), опублик. ст. «Искусство в Крыму» («Обр.», Од., 1918, № 5). В 1918 сотрудничал в моск. газ. «Понедельник Власть народа» (предназначенную для нее ст. «Будущая поэзия» см. — РГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, № 394). В 1919 условился с изд-вом «Огни» о написании работы «Таинственные рассказы Тургенева и их происхождение» и подготовке к изданию переписки Фе-

та с Полонским со своими комм. (не осуществлено). Нек-рое время преподавал в Нижегородском ун-те.

Мученич. смертью летом 1918 19-летнего брата, служившего в Добровольч. армии и расстрелянного ВЧК на Юге, где-то в районе Донецкого бассейна (см.: РМ, 1921, № 3—4, прим. к стих. Г. Струве «Петроград», поств. памяти С. Никольского), стала страшным ударом для Н. и обусловила его резко антибольшевист. позицию.

Некролог С. Никольскому, написанный Эйхенбаумом, — «Наш век», 1918, 28 июля; о смерти С. Никольского см. также в дневнике Эйхенбаума: «De vitz», 1993, № 1, с. 17, 25, Гектографиров. сб. «Золотые точки», включивший стихи С. Никольского и Г. Струве 1915—1916 и ст. С. Никольского «Гавриил Державин», хранится в РГАЛИ (ф. 1527, оп. 1, № 1016).

С окт. 1919 Н. — преподаватель Петрогр. ун-та, где намеревался сдать магистерские экзамены. Из-за слабого здоровья и неприятия новых порядков он отклонил предложение Вл. В. Гиппиуса о преподавании в Тенишевском уч-ще и г-зии Таганцевой. Попытка бежать за границу через Финляндию, о к-рой он намекал в одном из писем Садовскому, не удалась.

См. его письмо от 17 февр. 1920: «Я не оставил мысли эмигрировать при первой возможности, напр., летом (стигте блазна!). Я еду к моей Сербии, где я — (зайду) кафедрой рус. литературы, и (буду) изучать лирику Дубровника, влиаюк Петрафры и — на берег Адриатического моря, где есть солнце» («Минувшее», в. 19, с. 188—89). Утверждение В. Ф. Ходасевича со ссылкой на Гершензона, что Н. служил в Добровольч. армии (письмо от 3 апр. 1919. — Вязь: Письма В. Ф. Ходасевича Б. А. Садовскому, Алп Арбор, 1983, с. 40), вероятно, относится к его младшему брату.

Получив от Академии наук в июле 1920 командировку в Одессу, а оттуда в Тирасполь для изучения архивов и музеев, Н. сумел пересечь линию фронта и пробраться в занятый Н. Н. Врангелем Крым. О встрече с Н. в 1920 в Одессе Ю. Г. Оксман писал: «Помните, я ему дал некоторые нужные ему бумаги и адреса в Днестровские города. Он же был для меня и моих одес. друзей первым человеком, информировавшим нас о Петроградском быте 1918—20 года» (Письма Ю. Г. Оксмана к Г. П. Струве. Из архива Гурверовского ин-та. Публ. Л. Флейшмана. — «Stanford Slavic Studies», v. 1, Stanford, 1987, p. 26). В некрологе «Памяти Д. Н. Овсяннико-Куликовского» («Общее дело», 1921, 9 янв.) Н. вспоминал последнюю встречу со старым учителем «в большевистской, задушенной террором и облавами, и обысками Одессе».

14 нояб. 1920 на франц. броненосце «Вальдек Руссо» Н. вместе с семьей пред. Таврич. зем. управы кн. В. А. Оболенского, в числе 500 рус. беженцев, покинул Крым. Из Константинополя через Болгарию попал в Белград, где стал приват-доцентом ун-та и преподавателем в рус.-серб.

г-зии (П. Б., Крымская эвакуация. — «На чужой стороне», т. 11, Прага, 1925, с. 180; т. 12, с. 134, 140). Занимался изучением лит-ры юж. славян, печатался в серб. академич. изданиях («Прилози за књижевност, језик, историју и фолклор», кн. 1, ч. 1, Београд, 1921, с. 114; «Тургеневский перевод „Мишери“ на франц. яз.» — «Зборник филолошких и лингвистичких студија», Београд, 1921; датировано: П., 1916), в ж-ле П. Б. Струве «Рус. мысль» (в т. ч. ст. «Последняя поэма Андрея Белого» — 1921, № 3/4), в парижских «Последних новостях», «Общем деле», берлинском «Руле». На основе изучения языков южных славян опублик. ст. «Об „ѣ“ и об „ѣ“» («Общее дело», 1921, 12 сент.), направленную против реформы рус. правописания.

Стихотв. опыты Н., несобранные и в осн. неопубликованные, находятся в его письмах. Четыре стих. опублик. в статье Н. А. Богомолова «К изучению поэзии второй половины 1910-х гг.» (Тыняновский сб. Третьи Тыняновские чтения, Рига, 1988, с. 181—82), стих. «Ахматовой» опублик. им же (ЛЮ, 1989, № 5, с. 42).

По восп. Г. Струве, Н. «вернулся в Россию, чтобы вызвать оттуда кого-то близкого ему...» (РМ, Париж, 1978, 4 мая). Встретившись в Белграде с В. В. Шульгиным, Н. уехал с ним в Варну, откуда на шхуне 30 авг. 1921 отплыл с др. участниками экспедиции в Крым, чтобы вывести из сов. России оставшихся там членов семьи Оболенского, свою невесту Ирину Оболенскую (позднее, в замужестве, Зандрон; 1898—1987). На сов. территории он и Винберг (родственник Оболенского) были арестованы как шпионы, отправлены в тюрьму (предположительно, в Харькове), где оба умерли от тифа — Н. в янв., а Винберг весной (Оболенский и В. А., Моя жизнь. Мои современники. Всерос. междуарная б-ка. Париж, 1988, с. 654; с нек-рыми различиями — см. «Кончина В. К. Винберга» — ПН, 1922, 1 апр.).

Сузба Н., его образ благородного юноши, способного начинающего ученого, обстоятельства его трагич. гибели приобрели в глазах современников почти легендарный характер. «Надо сохранить память о нем. Надо собрать его статьи и напечатать некоторые его письма, в к-рых сказано больше, чем в статьях. Он был человеком выдающимся и характерным — действительной индивидуальностью. Самая отчужденность от века была в нем явлением органическим, заслуживающим внимания» (Эйхенбаум Б. Ю. А. Никольский. [Некролог]. — «Лит. записки», 1922, № 1, с. 14).

Др. произв.: «Творчество Игнатия Зулоаги. (Исп. художник)» (РМ,

1914, № 4), «Тургенев и черт» («Жизнь иск-ва», 1919, № 305—09, 29 нояб.—4 дек.), «Поэт-рыцарь» (О Ник. Степ. Гумилеве) («Общее дело», 1921, 26 сент.), «Мат-лы по Фету. I. Исправления Тургеневым фетовских „Стихотворений“ 1850 г.» (РМ, 1921, № 8—12), «„Русь“ М. Волошина» (подп. криптонимом Н.; там же, 1922, № 1—2), «Признания Фета» (там же, 1922, № 6—7), «Неизд. стихи Я. П. Полонского» (там же, 1923, № 3—5).

Изд.: Суалеб Н. (Из писем Н. к семье Гуревич и Б. А. Садовскому, 1917—1921), «Мишурское», в. 19, М.—СПб., 1996 (публ. С. В. Шумихина).

Лит.: Тыняновский об. Первые Тыняновские чтения, Рига, 1984, с. 98; Тыняновский сб. Вторые Тыняновские чтения, Рига, 1986, с. 60—61 (письма Н. — любз. Р. Д. Тименчик); Фрагменты из писем Н. к Л. Я. Гуревич и Б. М. Эйхенбауму — ЛН, т. 92, кн. 3, с. 443, 461—62, 467, и др.; Шумихин и С. В. Отгулашвили о ст. «Жизнь и смерть Н. — «Незданная гал.»», 1995, 25 нояб. (с республикшей написанного Н. лектора Блоку «Пророк»); Лесман.

Архивы: РГАЛИ, ф. 131, оп. 1, № 161—63 (письма к семье Гуревич); ф. 464, оп. 2, № 147, оп. 4, № 9 (письма Б. А. Садовскому); ИРЛИ, ф. 264, № 208 (письмо к А. П. Татаринцевой, 1916); ф. 212, № 127 (переписка с изд-вом «Огни») [справка О. Е. Ближниковой]; Бахметевский архив, Колумбийский ун-т, Н.-Й. (черновики полстена статей и ст. «Пророк») [справка А. Б. Устинова].

С. В. Шумихин, при участии Р. Д. Тименчика

НИКОН [в миру Николай Иванович Рождественский; 4(16).4.1851, с. Чашниково Моск. у. Моск. губ. — 12.1.1919, Троице-Сергиева лавра; похоронен у вост. стены Свято-Духовской церкви, архиепископ; церк. публицист, издатель. Из многодетной (22 ребенка) семьи сел. дьячка Ив. Анд. Мать свою, Ольгу Ив. (урожд. Грузову), он называл Христовой крестоносницей («Чем жива наша рус. православ. душа», 1995, с. 20—21). После продолжит. болезни в возрасте 5—6 лет и «мнимой смерти» ослеп на один глаз. Под руководством отца выучился читать и к 8 годам прочитал (на церк.-слав. яз.) «Четы Минени», «Пролог», «Поучения Иоанна Златоуста», «Лествицу» преп. Иоанна, «Библию» (3 раза) и мн. богослужебные книги (РГБ, ф. 765, к. 1, № 14). Учился в моск. Заиконоспасском, затем в Перервинском духовных уч-щах (1859—68) на казенном содержании. Первым учеником окончил Моск. духовную сем. (1868—74). Испытывая особый интерес к иконописанию, одновременно посещал живописные классы Строганов. уч-ща. В семинарии издалав рукой. «Памятные зап. ученика сем.» (50 номеров в год; РГБ), оформленные в виде «взрослого» журнала и содержащие еженед. хронику семинар. событий, восп. о детстве, стихи (нек-рые из них — напр. «Тихая обитель», «Плач Адама» — опубл.: «Странник», 1880, № 2, 3; подпись Г. Н.), рассказы, публицистич. статьи о духовстве и др. Первая публ. — «Письмо к редактору»

(«Моск. епарх. вед.», 1870, 15 февр.; подпись Воспитанник моск. духовной сем. Н-ай Р-ий) — о необходимости найти средства и открыть в семинарии классы живописи; там же опубли. его ст. «Храм в селе Чашниково» (5 апр.). Вольный дух семинарии (хотя Н. и замечал, что «времена Помяловского еще не миновали», — РГБ, ф. 765, к. 1, № 14, л. 100), а также совр. лит-ра настраивали молодого автора в духе «отрицательного направления». В заметке «Из-под Москвы. Село Чашниково» («Рус. мир», 1872, 31 июля; подпись Н. Р.), как и в ряде последующих (там же, 18 авг., 8 сент.), — иронич. зарисовки быта односельчан, поданных под «соблазнительное обаяние рус. нектара». В «Заметках о нашем сел. ду-

ховенстве» (там же, 1, 29 сент.; подпись Подмосковный наблюдатель) автор скорбит об унижительной бедности сел. духовенства, вынужденного побираться у крестьян, и о пагубных нравств. последствиях этого. Н. печатался также и в газ. «Совр. известия» (1872—73). На страницах «Дом. беседы» опубл. записанный, видимо, со слов отца рассказ «Тихон Иванович» (1874, № 34) — о судьбе боголюбивого сел. простеца. В 1874 Н. стал послушником Ново-Иерусалимского мон.; жил в келье своего духовного отца, настоятеля мон. архимандрита *Леониды* (Кавелина) — «незабвенного моего благодетеля» («Чем жива...», с. 83). Ред. «Дом. беседы» В. И. Аскоцкий писал Н. 3 апр. 1874: «Вполне разделяю мысль уважаемого Вами духовного лица [видимо, архимандрита Леониды. — Ред.], посоветовавшего Вам не впасть в обвинительную литературу...» (РГБ, ф. 765, к. 7, № 30). С 1877 — послушник Троице-Сергиевой лавры (куда последовал за о. Ле-

онидом, назначенным ее настоятелем). О беседе Н. с Л. Н. Толстым, посетившим лавру в 1879, см.: Мон диевник, в. 1, с. 151—52; позже Н. опубл. два письма Толстого к о. Леониду, 1874 (там же, в. 6). Находясь на излечении в лаврской б-це, принял монашеский постриг (1880). В 1882 рукоположен в иеромонаха, Кн. Н. «Житие и подвиги преподобного и богоносного отца нашего Сергия, игумена Радонежского и всея России чудотворца» (М., 1885; 5-е изд. — М., 1989), дающая наиболее полное жизнеописание святого, ценная и в науч. отношении, была удостоена Синодом премии митр. Макария в 1885. И. С. Аксаков отметил, что книга Н. «исполнена благотворной красоты, к-рой ли выучиться, ни подражать нельзя» (письмо к Н. от 15 дек. 1885 — РГБ, ф. 765, к. 6, № 21). В 1892 Н. был возведен в сан архимандрита, через год назначен казначеем лавры (до 1904); в 1901 — пред. епарх. уч-ща иконописания.

Многогранная издат. деятельность Н. началась в 1879 с выпуска «Троицких листков» (за 30 лет напечатано более 136 мст. экз.) — общедоступного периодич. изд., ставившего целью духовное просвещение и нравств. воспитание народа. По свидетельству современника, это издание — «оригинальное и новое» — шло «в разрез с монастырскою рутинною» и тормозилось «мелкою завистью и недоброжелательством окружающей его среды» (письмо С. А. Рачинского К. П. Побсаоносцеву от 30 дек. 1888 — РГБ, ф. 230, к. 4413, № 3, л. 71). В «Троицких листках» в тесные неск. лет печаталось составленное Н. на материале святоотеческой лит-ры «Толкование на Евангелие от Матфея. Духовно-нравств. чтение для народа» (отд. изд. — Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1899; репринт — М., 1994), проект к-рого одобрил и благословил еп. Феофан Затворник (дав Н. необходимые советы по его воплощению); рукопись первых глав получила положит. отзыв Рачинского (см. предисл. Н.). Неуклонно следуя правосл. традиции, «Толкование» вместе с тем обнаруживает индивидуальный стиль его составителя и редактора: простоту, ясность, полемичность — чаще всего скрытую — по отношению к совр. «лжеучениям» («штушке, пашковщине, толстовщине и подобному», с. XI). В 1900 Н. за изд. «Троицких листков» была присуждена премия митр. Макария.

С нач. 90-х гг. Н. сближается с моск. правосл. кругами: А. А. Александров, Ю. Н. Говоруха-Отрок, Л. А. Тихомиров, прот. Иосиф (Фудель) и др. Сотрудничая в ж. «Рус. обозрение» (1893—95; псевд. Православный; письма ред. журнала к Н. — РГБ, ф. 765, к. 6, № 30), Н. вы-

стывает со статьями, в осн. посв. назначенно и стилю духовной литературы народа, к-рая должна избавляться от «общих мест, стереотипных фраз, книжных оборотов речи», от «семинарского языка» («К вопросу о духовной лит-ре для народа» — 1895, № 6, с. 907; см. также его статьи: «Не пора ли подумать?» — 1894, № 11; «К вопросу о „пересказах“ житий святых» — 1895, № 7, и др.). В «Рус. слове» Н. печатает цикл публицист. статей «Из дневника „православного“» (1895, 21 авг. — 1897, 16 нояб.; 41-я статья помещена в «Рус. обзор», 1898, № 1), с удовлетворением отмечая, что «светская газета не боится прослыть отсталой, „ретроградной“ и охотно дает место нашим мыслям...» (РСЛ, 1895, 3 сент.).

В 1904 Н. назначен епископом Муромским, в том же году перемещен на кафедру епископа Серпуховского, утвержден викарием Моск. епархии и настоятелем Данилова мон. в Москве. Его неприятие рев. смуты 1905 неоднократно высказано в проповедях, особенно резко в одной из них — «Что нам делать в эти тревожные наши дни?» (МВед, 1905, 16 окт.), в к-рой Н. обличает «подпольных крамольников», мечтающих «весь мир поработить себе».

Разражены революционно настроенной части общества (в либеральной печати проповедь Н. получила название «погромной») и приносящая ему смуту и в дальнейшем: см. выпуст. УР, 1913, 18 июля; полемик. Бакалаври отчасти повели на решение Синода — уволить Н. из Москвы; в 1906 он был назначен на кафедру епископа Вологодского и Тотемского (беседа Н. с истрб. митрополитом Антоном (Валдовским), завожд. жемчужин «свободы» Москву от Н. за то, что он возмст «и в проповедь, и в печатные статьи политик»). — «Записки спархизального архиеп.» РГБ, ф. 765, к. 2, № 261.

В 1908 Синод предоставил Н. право самому быть цензором своих изданий (РГБ, ф. 765, к. 1, № 6). Поч. чл. Моск. духовной акад., он был организатором и пред. Съезда монастырских в Троице-Сергиевой лавре (1909; протоколы съезда — РГБ, ф. 765). Уволенный, согласно совств. прошению, от управления Вологодской епархией, Н. был в 1912 назначен членом Синода, через год возведен в сан архиепископа и назначен пред. издат. совета при Синоде (см. его доклад «Служение церкви печатным делом» — «Прибавление к „Церк. вел.“», 1914, № 5). Чл. Гос. совета (1906—15; см.: Выборы архиеп. Никона — УР, 1915, 7 авг.).

Наиб. интенсивная публицистич. и издат. деятельность Н. связана с ж-лами «Божия нива» (1902—17; здесь он вел рубрику «Наш дневник», печатал проповеди, обращения к детям, статьи о Н. В. Гоголе, В. А. Жуковском и др., некрологич. статьи о священнослужителях) и «Троицкое слово» (1910—16). В каждом номере последнего публиковались статьи Н.

под рубрикой «Мой дневник» (их набиралось за год 50); «Мои дневники» были изданы в дальнейшем в Сергиевом Посаде отд. выпусками (в. 1 за 1910, 1915; в. 2 за 1911, 1915; в. 3 за 1912, 1915; в. 4 за 1913, 1914; в. 5 за 1914, 1915; в. 6 за 1915, 1915; в. 7 за 1916, 1916). В статьях Н. воссоздается картина церковно-обществ. жизни России первых десятилетий 20 в. Черная материя из газетных заметок, писем читателей, опираясь на совств. наблюдения, Н. освещает явления жизни с т. з. архипастыря правосл. церкви. Истоки совр. «смуты», к-рая «как ядовитый туман окутала нас со всех сторон» («Самоубийства молодежи», 1910, с. 23; цит. по кн.: Православие и грядущие судьбы России), Н. видит как в «пронсках мирового иудео-масонства» («Христиане ли мы?», 1910, с. 50 и др.), так и в отступлении рус. народа от веры отцов — православия. Вина за это отступление лежит, по мнению Н., прежде всего на внесловной интеллигенции, преклонившей себе и авантюризм Ваалом безбожия и безначалия (там же, с. 51), перед идолом «прогресса» («Наше духовное сиротство и бездержавные веры», 1911, с. 119), усвоившей себе и внедряющей в народные массы «правовой взгляд» на церковь, заражающей их «ядом самоубийства» [самомнения — *Ред.*] взамен свойственного православному мирозерению смирения («Отрава „правовым“ началом», 1910). При участии интеллигентов, этих, по определению Н., «духовных кастратов», исконное народное мировоззрение постепенно вытесняется «либеральными бреднями» («Подмена мирозерения», 1910); провозглашенный же либералами принцип «свободы совести» на деле оборачивается свободой распространения лжеучений и, в конечном счете, свободой зла («Свобода совести имеет свои границы», 1910; «Торжество царского самодержавия и истинная свобода», 1911; «Почему же не навсегда?»; «Удушительные газы», обе 1915). В неск. статьях, написанных в связи со смертью Толстого, Н., ценивший худож. творчество этого «типичнейшего рус. человека» («Мои дневники», в. 6, с. 53), объяснял невозможность церк. поминовения его как еретика, не примирившегося с Церковью, и резко полемизировал по этому поводу с Е. Поселянином (Е. Н. Погосевым) («Паки и лаки о Толстом», «Пolemика продолжается» — «Мои дневники», в. 2), М. О. Меньшиковым (см. в кн.: Духовная трагедия Л. Толстого, М., 1995, с. 160; полемика с Меньшиковым по др. вопросам — в статьях Н. «Язычествующий националист о святителе Николае Японском» («Мои дневники», в. 3), «О религ. мудр-

ствованиях г. Меньшикова» (там же, в. 4)]. С В. В. Розановым, с к-рым Н. переписывался на протяжении неск. лет и к-рого звал «домой, к родной матери-Церкви» (РГБ, ф. 429, к. М4214, № 14), часто полемизировал на страницах «Троицкого слова» по церк. вопросам (см., напр., ст. «О монастыре епископов» — «Мои дневники», в. 5, с. 110 и др.).

Секуляризация обществ. и частной жизни, когда даже члены церкви пытаются служить одновременно и Богу, и миру («Пасхальная радость и пастырская скорбь», 1910; «С чего начать?», 1911), способствует, по мнению Н., общему падению нравов, при к-ром «порок становится обычным явлением жизни» («Христиане ли мы?»; «Строгость закона во имя любви», 1914; «Порок языка», 1915), распространяются безнравств. явления, «популяризирующие порнографич. и ... уголовщину» («Слово правды о кинематографах», 1916, с. 445), эпидемия самоубийств среди молодежи и суеверия («Тонкая отвара язычества», 1911; «Суевренные письма и молитвы», 1915).

Пл. средством распространения чуждых народу идей Н. считает либеральную печать, к-рая навязывает обществу свою систему ценностей («Кошунственные похороны лицейки», 1910; отриц. отношение автора к театру сказалось и в этой статье, посв. В. Ф. Комиссаржевской), отравляет читателя духом скептицизма. Пользуясь лукавым «условным языком», вводящим в заблуждение цензуру, и читателя («Об условном языке», 1915), «прелюбоден печатного слова» («Соблазн идет от интеллигенции», 1910, с. 76) сыграл, считает Н., не последнюю роль в «крушении духовных основ нашего исторического бытия» («Дети и церковь», 1910, с. 34). Архиепископ Николай Японский, уподобляя обличительные статьи Н. ветхозаветным пророкам Иеремии, называл их неремнадами.

В 1-й мировой войне, ставшей осн. темой «Мои дневники» последних лет, Н. видит «суд Божий над народами земли» («Утоюми себя к подвигу!», 1914, с. 321), называя рус. народ за грехи и в то же время очищение его великой скорбью («Православие — могучий утешительный государственный», 1915). В это время изнуренный, считает Н., не только «проснувшаяся пародная душа, заговорила совесть христианская» («Русь под крестом», 1915, с. 404), проявившись лучшие душевные свойства правосл. воина и труженика («Каким есть у нас воины Христовы», 1916), но и выявилось нравств. превосходство правосл. России над «исмениким племением», являющим миру «масло», всенародное отступление от Христа («О великом „отступлении“», 1915, с. 405; «Смертный грех саронской истории», 1915; «Митрополит Филарет о войне и воинском звании», 1915).

В «Мои дневники» наряду с публицистич. статьями вошли проповеди и пастырские беседы, посв. вопросам христ. милосердия («Сердце очерствело», 1910; «Свет и тепло истинного добродетельности», 1915) и

правосл. аскетике («Покаемся!», 1911; «Умеем ли мы молиться Богу?», 1914; «О честолюбии и властолюбии», 1915).

В 1913 Н. был командирован Синодом на Афон для расследования возникшей среди рус. монахов смуты по вопросу о имени Божием (см. «Моя поездка на Старый Афон и плоды „ветикого искушения“» и др. статьи об имеславии в кн.: Меч обоюдоострый). Миссия Н. закончилась принудительным высыланием иякобожников с Афона, после чего либеральная печать, припомнив Н. его «черносотенное» прошлое (сам Н. резко выступал против националистов, трактовки Ветхого Завета; «Слово правды нашим патриотам-антисемитам», 1915), назвала его инквизитором, а изгнанных монахов — мучениками (Лопатин Н., Ватерлоу архиепископа. — УР, 1913, 9 июля; РВед. 1913, 5. 6. 16, 23, 24 июля, 2, 25, 28 авг.; Мельгунов в С., Собр. еретики и Синод. — РВед. 1913, 4 сент.).

В 1916 Н. был уволен по болезни, согласно прошению, от должности преа. Издат. совета при Синоде. Одну из своих посл. «исремиад» (в письме к патриарху Тихону) Н. обратил на «глушное» время после революции 1917, когда «из глубин сатанинских вылетают все новые и новые „декреты“, ... пропитанные ненавистью к невесте Христовой, враг сбрасывает с себя личину народного благодетеля и открытым лицом выступает гонителем Христовых последователей...». В такие дни верные чада правосл. церкви призываются не только к подвигу исповедничества, но и «к несению крестных страданий подобно мученикам первых веков христианства» (РГБ, ф. 765, к. 5, № 40). В своем послании от 15 авг. 1917 Всероссий. церк. собору святителей Н. утверждал, что если не спасет Россию «особенное чудо Божия Милосердия, то она в качестве великой державы должна сойти в могилу всеобщей истории опозоренная клеймом измены Божию призванию...» (там же, № 36).

Н. «коллекционировал» и публиковал в «Моих дневниках» слава ли не все заметные отрицательные отзывы о себе в либеральной печати (Баккалавр: «... человек крайне узкий, односторонний, неуживчивый, придричивый, капризный» — «Православие и грядущие судьбы России», с. 286; В. П. Мещерский: «всю жизнь посвятил ненависти ко всему, что не он» — «Отповедь князю, глаголющему суетная», «Мои дневники», в. 1, с. 170; полемичку Н. с Мещерским см. также: РСл. 1897, 9 февр., 2, 23 марта). Розанов, побывавший на службе Н. в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры (январь 1918), вспоминая старика, «несвысокого

роста, рыжего, незрачного, подслеповатого, с незвучным, шедластым голосом», («Я его не любил... Синод. Прямолинейный правовеер. Дуролом»), не мог не признать: «вот он сделал свое дело... Ему не в чем упрекнуть себя перед своей родиной и верой» (цит. по кн.: Дурылин С. Н., В своем углу, М., 1991, с. 298).

Илл.: Правосл. идеал монашества, М., 1902; Два Божьих иерея, М., 1902; Чем жива наша рус. правосл. душа, 2-е изд., Сергиев посад, 1909; репринт — СПб., 1995; Где же наше христианство? Скорбные думы пастыря, [Сергиев посад], 1910; О всеобщем обучении, СПб., [1912]; Один из великих страделъ души народной, СПб., 1913; О честолюбии и властолюбии (Доброе слово искр-ным инокам и пастырям Церкви), Сергиев посад, 1915; Меч обоюдоострый, 1913, СПб., 1995; Православие и грядущие судьбы России, М., 1995 (сост. и предисл. свщ. Ярослава Шилова).

Лит.: Белый, кн. 2, с. 162; Барсуков (ук.), Русск. Н. Н., Летопись жизни и творчества Л. П. Толстого, 1828—1890, М., 1958, с. 515; Флоровский Г., Пути рус. богословия, Париж, 1988, с. 417; «Данцигский благовестник», 1992, № 1(2), 2—3 (ч. II), № 4 (выпр. изд-м) о Н. и в рубл. его статей подгот. А. Г. М. Зелинской). + Die Russischen Orthodoxen Bischöfe von 1893 bis 1965. Bio-Bibliographie von Metropoliten Maluil (Lemeševskij), Teil 5, Erlangen, 1987; Мясоев (указаны места), М. только в «Рус. обзор».

Архивы: РГБ, ф. 765, ф. 249, к. М4214, № 14 (письма В. В. Розанову); РГАЛИ, ф. 87, оп. 1, № 77—83 (переписка с Н. П. Барсуковым); ф. 2, оп. 1, № 690 (письма А. А. Александрову); ф. 46, оп. 1, № 598 (письма П. И. Бартевцу); РГИА, ф. 1579, оп. 1, л. 82 (доклад Н. об афонской смуте).

С. М. Гучков, Н. В. Никитина.

НИКОНОВ Борис Павлович [14(26).12.1873, г. Орлов Вятской губ.* — 2.6.1950, Ленинград; похоронен на Серафимов. кладб.], поэт, прозаик, драматург. Отец, Пав. Петр., — чиновник, в 1890 утвержден в дворянстве; мать, Ольга Мих., — дочь учителя. Н. закончил два класса реального уч-ща в Елабуге, затем прошел гимназич. курс в 1-й казан. г-зии и в 1894 поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та. С 1898, после окончания ун-та, работал в Петерб. окружном суде, в 1901 пом. присяжного поверенного округа Петерб. судебной палаты, в 1910 присяжный поверенный. Н. принадлежит неск. юридич. соч., в т. ч. «Об-

виняемый до суда» (СПб., 1903) и «Спор о ребенке» (СПб., 1911).

В 1891, будучи учеником 6-го класса, напечатал свое первое лит. произв. — стих. «Христос воскрес!» («Казан. бирж. листок», 21 апр.), начал печататься в «Казан. вестях», «Волж. вест.» В студенч. годы стал сотрудничать в «Живописном обозр.» (с 1894), в 1896 поместил в «Лит. сб-ке произв. студентов имп. С.-Петербург. ун-та» под ред. А. Н. Майкова, Д. В. Григоровича, Я. П. Полонского стихи, два очерка и рассказы. В 1897 напечатал в «Ниве» рассказы «В положении невидимки» (№ 41), «Конец Трезора» (№ 49).

В 1901 опубли. цикл очерков из гимназич. жизни (РБ, № 7—9; «Россиа», 21 нояб.). Позднее эти и др. очерки вошли в сб. Н. «В стенах гимназии» (СПб., 1907).

В них рассказана «история „дервного ученика“, к-рому можно назвать историей гибели личности», обычной для нашей „средней школы“ (реп.: А. Б. (А. И. Богданович) — МБ, 1901, № 9, отз. П. с. 1—2); искр-ное изображение и растянутость, по мнению критики, испульались искренности тона, правдоподобно в изобличении сарказма, шаршей в классиц. уч. заведениях (Неизвестный — «Россиа», 1901, 3 нояб.; Ан. Незнава — ИВ, 1908, № 3; Л. Клейнборг — «Обр.», 1908, № 4).

В 1904 вышла книга лирич. стихов «Голос сердца» (СПб.), об авторе к-рой было справедливо замечено критиком «Рус. мысли», что он — «не выдающейся величины поэт, и дарование его — не из крупных. Но оно свежо, непринужденно и искренне» (1904, № 8, с. 242—43). Стихи, рассказы и очерки Н. регулярно появляются в 1900-е гг. в столичных журналах и газетах, в т. ч. в «Ниве» (где одно время он работал редактором отдела поэзии), «Крутозоре», «Огоньке», «Моменте», «Светоче», «Родной стране», «Роднине», «Бирж. вед.» (1912—13), в популярных сериальных изд. «Читальня нар. школы» («Семеново горе», СПб., 1904) и «Б-ке трезвой жизни» («Пьяный пароход», СПб., 1913). По-видимому, с 1905 Н. сотрудничал в «Ист. вест.». По рекомендации его ред. С. Н. Шубинского получил заказ на бюгр. очерк к «Прозанч. соч. в 2-х тт.» В. А. Крылова (см.: т. 1, СПб., 1908), в к-ром Н. счел пьесы бытописателя прошлого столетия заслуживающими не меньшего внимания, чем драмы А. Н. Островского.

Первые драм. опыты самого Н. относятся к 1905 — в феврале в т-ре Корина шла его «шутка в одном действии» «Ненстребимые» (каталог Б-ки ВТО). В 1910 Н. работал над либретто для «музыкальной легенды» П. П. Шенка «Чудо роз» [БВед. веч. в., 1913, 9 янв., интервью; текст «Чудо роз. (Дочь иных веков)», СПб., 1913], поэт. в Марининском т-ре в сент. 1913; выскржала П представлений.

Критика отмечала сходство содержания оперы, действие к-рой разворачивается в ср.-век. Германии (благородная графиня гибнет, чудесным образом спасая жизнь нищим), с сюжетом популярной в то время вокально-инструментальной опереттой Ф. Листа о св. Елизавете Венгерской (М. Иванов — НВ, 1913, 23 сент.). Ожидания критики, что постановка новой рус. оперы на главной петерб. сцене станет знаменитым событием (И. Кнорозовский — ТИИ, 1913, № 39), не сбылись. В откликах на премьеру слышны лишь за то, что «слова о братстве и святом труде прозвучали с надрыв оперных подмостков едва ли не впервые» (НВ, 1913, 23 сент.), а удержали в неспешности сюжета, валости действия и слишком наивной и правдоподобной обрисовке персонажей (И. — НВ, 1913, 26 сент.).

15 нояб. 1914 в Марининском т-ре состоялась премьера еще одной оперы Шенка — «Победа» — на либретто Н. бывшее переложением поэмы Ф. Коппе о событиях франко-прусской войны. Театр. критика ограничилась пересказом содержания оперы и замечаниями о современности ее тематики (БВед, 1914, 30 сент., б. п.; там же, 16 нояб., подпись А.). В 1910-е гг. Н. неоднократно выступал как автор муз.-театр. рец. («Нива», 1914, № 7, — на пост. «Царя Иудейского» А. К. Глазунова; БВед, веч. в., 1914, 23 окт., — на пост. «Фауста» Ш. Гуно; ТИИ, 1915, № 6, — статья о вопросах организации театра в деревне). Лит.-муз. интересы Н. не были случайны, любимым его занятием было домашнее музицирование на рояле.

Мн. темы своих произв., в т. ч. статей и очерков, Н. брал из рус. и европ. истории: ст. «Из нравов Павловского времени» (ИВ, 1905, № 6) о процедуре подачи прошений в эпоху Павла I; очерк «Картофельный бунт» (ИВ, 1907, № 10) — изображение крест. быта и характеров в России 18 в.; в очерке «Турецкие картинки» (альб. «Отражения», М., 1915) размышления о прошлой и будущей судьбе Востока навеяны путешествием Н. в Турцию и Алжир на борту теплохода «Экватор». Характерно пристрастие Н. к франц. тематике: героями его романов и пьес нередко становятся нарицане (пов. «ПогИБающие», СПб., 1911; «Контрибуция» — в альб. «В год войны», П., 1915). Сохранился его договор (1911) с изд-вом А. Ф. Маркса на пер. с нем. романа Г. Эберса «Ужас» (РГАЛИ, ф. 335, изд-во Маркса, оп. I, № 12), но неизвестно, был ли перевод осуществлен.

В 1915 Н. опубликовал ром. «Золотой зверь» (П., в серии «Илл. собрание рус. романов», кн. 8—9). Некоторые детали в портрете гл. героя — «представителя интеллигентной богемы, адвоката без практики и поэта без имени» (стб. 6), не вписавшегося в «новую эру ... хулигански-рекламную-наживательскую» (стб. 191), выдают его автобиограф. характер (знаменатель и выбор имени — Георгий Ардатов, используемый Н. в качестве собств. псевд.). Сюжет о внезапном обогащении, неудачной женитбе и

нек-рых др. драм. и романтич. поворотах судьбы героя не совпадает с реальными событиями жизни автора и служит задачам развлечения, беллетристики. В архиве семьи сохранилась рукопись автобиограф. ром. «Школьные годы Архатова».

С 1916, вместе с женой, Ольгой Вл. Никониной-Бехтеревой, жил в доме ее отца, психиатра и рефлеколога В. М. Бехтерева. Их сын, Вл. Б. Никонов (1905—87), — сов. астроном (см.: Колчинский И. Г., Корсунь А. А., Родригес М. Г., Астрономы. Биограф. справочник, 2-е изд., К., 1986). После 1917 Н. нек-рое время работал в финотделе Совкомхоза. Его ист. романы и повести 1920-х гг. в осн. предназначены для юношества и описывают события из времен Великой франц. революции и Париж. коммуны («Мундир короля», М.—Л., 1926; «Последний выстрел», «Маленький герой» — в его сб. рассказов «В огне», М.—Л., 1927, ист. ром. «Поэт-булочник», Л., 1927).

Ром. «Глухая стена» (М.—Л., 1928), повествующий о сложных взаимоотношениях аристократки-жены с мужем-коммунистом в суровом 1919, Н. вместе с В. Наумовым переделал в 1929 в пьесу (текст: РГАЛИ, ф. 2626, оп. 1, № 21), к-рая в постановке реж. Н. Б. Лойтера шла в т-ре Пролеткульта и была невысоко оценена театр. критикой, несмотря на ее идеологическую выдержанность» (Уриель — «Веч. Москва», 1929, 15 февр.; А. Февральский — «Правда», 1929, 22 февр.). Др. попытки Н. издать свои произв. оказались неудачными.

Характерны «служебные» отзывы на его неопубл. книги. Так, А. Г. Горинельва, находя «лит. достоинства» ист. романа «48-й год» «почтительными», рекомендует ее лишь в качестве полезной книги для детского чтения (РНБ, ф. 211, № 84). В. А. Каверин предлагает изменить старомоношность Н. — автора сб. рассказов «То, что было» — за «эпичность, простоту слога и приятное спокойствие» (РНБ, ф. 709, оп. 1, № 17; 1929 г.).

В дни блокады Н. оставался в Ленинграде. В 1945 был принят в Союз писателей.

Лит.: Покионов Д. Н. Из прошлого рус. оперы. Л., 1949, с. 81—83; Пяст, 1997. * Каталог ОРДЛ: Писатели Ленинграда: Алфавитный список райончальникам потомств. дворян, числивших в дворян. родословную книгу Кзля. губ. с 1787 по 1895 г., Кзль, 1896; Абызов, Масанов (не учтен псевд. Сергей Заваляшкин).

Архивы: РГБ, ф. 81; ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 227 (письма А. А. Измайлову, 1906, 1915); ф. 123, оп. 1, № 626, 627 (письма Н. Н. Сергеевскому, 1912—13); ф. 357, оп. 3, № 81 (письма А. Н. Сальникову от 2 апр. 1902 с автобиограф. сведениями) [справка Л. Н. Климовой]; РНБ, ф. 211, № 84; ф. 709, оп. 1, № 17; ф. 118, № 630; ф. 124, оп. 1, № 3076 (письмо С. Н. Шубинскому, 1904); ф. 103, № 108 (автобиограф. анкета для «Словаря современников», 17 сент. 1928*) [справка Л. Н. Климовой]; по сведениям прадедушки А. С. Андреева, род. 27 дек. н. с.; РГАЛИ, ф. 335, оп. 1, № 242; ф. 1666, оп. 1, № 1977 (рукописи); ф. 2819, оп. 1, № 45; ф. 493, оп. 1, № 43; ф. 124, № 3076; архив С. Н. Шубинского, оп. 1, № 98 (письма).

А. И. Леонов.

НИКОНОВ Валериян Яковлевич [13(25).4.1802*, г. Архангельск — не ранее 1834, Петербург?], журналист, очеркист, автор путевых записок, поэт. Из купеч. семьи: отец, Яков Петр., «из священнических детей», был состоят., изв. своей благотворительностью купцом, трижды избирался городским головою Архангельска (ГА Арханг. обл.; ОЗ, 1823, № 43, с. 278). Н. окончил Арханг. евангелич. уч-ще (СА, 1826, № 2, с. 139), в дальнейшем, по-видимому, занимался самообразованием. В 1818 Н. (к тому времени переехавший в Петербург) волился из купеч. звания, получил чин коллеж. регистратора, в том же году поступил писцом (без жалования) в Деп. гос. хозяйства и публич. зданий Мин-ва внутр. дел, где прослужил до нояб. 1824. В нач. 1825 определен сверх штата в канцелярию Мин-ва нар. просвещения, в нояб. вышел в отставку по причине «расстроенного здоровья».

Первые выявл. публикации — стих. «К Мелние» (ВЕ, 1819, № 23; перепеч.: «Колокольчик», 1831, 2 июня), «Пробуждение», «Романс», «Элегия» (ВЕ, 1820, № 8, 14, 21). «Пробуждение» было перепечатано в «Благонамеренном» (1820, № 11) с поправками: в новом варианте Н. усложняет внутр. конфликт трагич. героя с «увядшей душой», развивая мотивы «пробуждения к страданиям», «счастья-усыпления». В 1822 в ж. «Сын отечества» опублик. «Отрывок из проекта путешествия... по Северу России» (№ 51—52; отд. оттиск — СПб., 1822) — попытка науч. этнограф. описания Рус. Севера, обнаруживающая разностороннее и вместе с тем отрывочное знакомство Н. с историей, ист. географией, природной краей, его монастырскими книгохранилищами и т. п. (Н. ссылается на труды Нестора, Н. М. Карамзина, А. Л. Шлёцера, П. (М.) Строева и др.).

Нужная наименования осенний и рек. Двинской земли. Н. делает осторожный вывод об их восхождении к чудскому, т. е. близкому финскому наречию, а не «славяно-русскому» языку, предполагает, что норвежцы еще в 9 столетии «узнали путь к устью Двины» (№ 51, с. 215—16); в прил. сообщает о своих консультациях с гр. Н. П. Румянцевым — № 52, с. 259.

*Отрывок... в нач. 1823 Н. подолс инквизиции Елизавете Алексеевне (с пространством предательством, сообщая об постижении его «сербии» и «мрачных горстия»), получив «высочайшее благоволение» (РГАИ, ф. 535, оп. 1, л. 24, л. 171—73); позднее откликнулся на ее смерть стих. «Голос русского при известии о кончине» (СП, 1826, 15 июня).

В 1823 (январь—апр.) Н. предпринимает за свой счет путешествие в Арханг. губ. (по поручению през. Рос. академии А. С. Шишкова). «Отчет» о нем публиковал в «Отч. записках» — «Извещения из дневника путешествия по Северу Европ. России» (1823, № 37, 42, 44; 1824, № 50) и «Сев. архиве» — «Извлече-

ние из „Сев. дневника“ (1825, № 13, 16; 1826, № 2, 13). «Извлечение...», как и «Отрывок...», представляют собой экскурсы в историю Архангельска и Арханг. губ. (возникновение биржи, гостиного двора и т. д.), с премы. вниманием к памятникам старины (описание храмов, монастырей, крепостей; попутно, для «сличения», Н. обращается к летописям и др. рукописям); лишь изредка встречаются отсылки к совр. быту («дружелюбие обитателей» арханг. «селений» — ОЗ, 1823, № 42, с. 122) и пром. занятиям. «Сев. дневник» проникнут ностальгией, воспоминаниями об Архангельске, включает элегии, автобиогр. стихи о разлуке с «милым краем»: «И я забуду ли места бесценных лет, —/ Приют моей родимой колыбели» (СА, 1825, № 13, с. 38); мн. из этих публ. подписаны: архангелогородец В. Н. или Н.

Некд. остались кн. «История города Архангельска» (в 1824 Н. безуспешно просил Александра I дать 1000 руб. на ее издание (РГА, ф. 733), но в Рос. акад. не сочла возможным «принять (в ней) участие» (там же, ф. 735, оп. 1, т. 8, л. 15)). «История г. Холмогор» и «Сюварь ямца самолов» (см. «Отрывок...» и ОЗ, 1824, № 50, с. 348). В прощании к императору, свидетелем которого, как и его записка императрице, об «участии» и лит. амбициях Н., он также упоминает о посещении Александром Архангельска в 1819, когда сто встретал отец Н. Полное Н. рассказал об этом в стих. «Чувствования Давнинина» (СПб., 1826), написанном по кончину Александра I и воцарение Николая I. «Чувствования...» — смешанное поэдражис архаичной оде и адепсг. стилю В. А. Жуковского — было напечатано «по желанию друзей автора, любящих Отчизну, верных Алтарю и Трону» (с. 6).

Как «усердного любителя наук» и отец, словесности представили Н. издатели «Сев. пчелы» — в прим., сопровождающем его публикацию («Озеро Сувайдо», 1825, 5. 8 дек.). В 1827 Н. выступил в роли прозанка: «Рассказы Давнинина...» (СПб.; одобрит. реш.: МТ, 1828, № 3) — сб. «ужасных» и таинств. случаев из жизни (в духе А. Радклиф) с сентиментально-дидактич. окраской.

К осени 1829 Н. женится (стих. «Жене моей М. Л. Н-вой» — «Бабочка», 1829, 28 авг.), имеет в Петербурге «собственный 3-этажный дом» и «независимое состояние» («Сев. Меркурий», 1830, 10 дек., с. 280), право распоряжаться к-рым получает в 1830 (до того находился под опекой). С этого времени Н. обращается к журналистике.

В 1829—30 он активный сотрудник моск. газеты «Бабочка» (изд. К. Зейдедем), в к-рой вначале выступает как театр. критик (серия статей «Русский театр» в разделе «Зрелища») — об обзором репертуара петерб. театров (в рец. требует в осн. занимательности сюжета и «натуральности» характеров и их исполнения).

Отнесся комедия М. Н. Загоскина «Благородный театр» к «одной из лучших пьес нашего репертуара», Н. отстал на то, что «характер сей-

ствующих лиц не всегда выдержан, в завязке содержания есть что-то натянутое, и многие сцены бесцельны, скучны для зрителя» (там же, 1829, 25 сент., с. 307).

Н. пробует себя в жанре сатирич. очерка: в «Оригиналах» (там же, 1829, 13 нояб.) показывает различные типы из «дегенов» представительей этого рода: г. Высокопаров — «домашний друг богомолка, педанток и светских благоворительниц», приятель-философ, полагающий себя «равным Лафатеру» и собиравший издать свой труд «под фирмой лицегадания» (с. 364), и т. п.

В 1830 Н. ведет в «Бабочке» отдел «Петерб. записок», сообщая новости о праздниках, балах, гуляниях и пром. увеселениях петерб. публики (полуронич. отклик О. М. Сомова: «новостью» в газете «были только статьи г. Никонова, который восторженным слогом возвешал нам о гуляньях в саду Б. Ралли и на Малой Охте» — «СЦ на 1831 г.», СПб., 1830, с. 17). С подобного рода заметками Н. выступал в разделе «Смесь» «Сев. пчелы» в 1826 (июль—окт., 5 публ.). Тогда же печатает в «Сев. Меркурии» рассказ «Несчастная Лиза» (с подзаг. «Из рассказов Давнинина» — 1830, 20—22 авг.), за что издатель газеты М. А. Бестужев-Рюмин взял с него, «пользуясь его непроницаемостью, 500 р. ассигнациями» (РВ, 1871, № 10, с. 620). Рассказ написан в духе сентиментальной карамзинской повести, но с примесью байронизма.

Н. посещал лит. вечера А. Ф. Воейкова в качестве соговариша В. Н. Олина. Один из их посетителей, В. П. Бурнашев, описывает его так: «...бледный, белокрылый как маймист [эстонец. — Ред.] и отличавшийся необыкновенно некловостью. Впрочем, человек добрый и честный» (РВ, 1871, № 10, с. 620).

К осени 1830 Н. прекращает сотрудничество в «Бабочке» (последняя публикация — 20 авг.) в связи с замыслом совместного с Олиным издания — газеты «Колокольчик» (1831), печатавшейся фактически на средства Н., в доме к-рого и располагалась редакция («Сев. Меркурий», 1830, 10 дек., с. 280). Вначале, при активном участии Олина, газета заполняется в осн. переводами из иностр. журналов (напр., в его пер. печатаются фрагменты «Дон Карлоса» Ф. Шиллера, № 18—21, 30—31); затем участие Олина сходит на нет, и последние номера почти целиком составляют Н. Он переносит в «Колокольчик» рубрики «Русский театр» и «Петербург. записки», ведет разделы «Волшебный фонарь», «Смесь», но особенно сосредоточивается на сатирич. разделе — «Из записок лутского пустынноика» — серия нравоописат. очерков (20 февр., ... 28 июля). В центре «Записок» —

«старинный обыватель столицы» (27 февр., с. 67), охотник, «несмотря на старье... годы», «шатается, бродит по большому многолюдному улицам, заглядывая в места собраний публичных», черпая там «пищу для замечаний наблюдательного путешественника» (20 февр., с. 60).

Прогулки заводят сто на Невский проспект («Путешествие по Невскому проспекту» — 20, 24 февр.), то по биржу («Заморские и домашние пчелы, или Прогулка на биржу» — 12 мая), то во фруктовую лавку («Устрицы» — 3 апр.), то в кондитерскую («Выставка нового поколения, или Подача в кондитерской» — 14 июля), он становится свидетелем обывачей жизни горожан и их праздности («Светлая неделя» — 24 апр., «Первое мая» — 1, 5 мая).

Н. описывает причуды и слабости преим. средних слоев — купечества, чиновничества и др.: спесь, глупость, жадность, мотовство, праздность и особенно пристрастие к иностранному. Иногда он касается общественно-опасных пороков — взяточничество, бесчестье: «Письмо из губ. города... в уездный... от Конона Архипова к Матвею Прямыкову» (27 янв., 13 марта), «Талисман, или Волчий рот и лесной хвост» (16 июня), «Ходатай, или Стрелчий на все руки» (7 июля), лицемерие филантропич. жестов дворянской знати — «Из записной книжки старожилы» (13 февр.; неск. публ. из этого цикла помещено также в июле). Хотя в сатирич. очерке Н. видна прямая ориентация на просветит. сатиру (говорящие фам.), в нем обнаруживаются и новые битописательские тенденции рус. лит-ры, ведущие к натуральной школе и отчасти преувеличивающие ее программные выступления. В отд. сценах рельефные жизненные реалии доминируют над нравообличительством. Среди персонажей «Записок» Н. помещает и автопортрет в образе «бледного сухого журналиста», сидящего у окна и «за стаканом портера, с пером в руке» наблюдающего гуляющую публику (1 мая, с. 140).

В лит. разделе «Колокольчика» Н. публикует неск. шутивных стихов («Похвала настойке» — 19 июня; «К друзьям» — 24 апр.), а также коротких рассказов о «суевериях» («Мертвец» — 2 июня; «Шутки воображения...» — 10, 14 июля; не оконч.), о светских дамах («Приключение от палли» — 7 июля).

Заставший насмешливый памфлет Н. Н. Наздрина на кучев. происхождение Н. А. Полевого (Станько, с. 74) и спотыривая из на себе, Н. несколько отпиачается в лит. полемике вокруг «Моск. телеграф» Н. Полевого, обвиняя «эстетскую» редакцию «Мишля» в том, что она пилит «без ведома музыки-грамматики и светского смысла» (8 мая, с. 148). Н. иронически отдалается на выход сч. А. А. Орлова, в т. ч. «Смерть Ивана Вышинкина: «Когда убится пропала глупыш!» (15 мая, с. 156), на что ополчается Бестужев-Рюмин («Сев. Меркурий», 1831, 20 мая). Переписка между «Сев. Меркурием» и «Колокольчиком» по поводу ж. «Гирлянда» (наз. см. ж. Бестужевым-Рюминым) и сч. Орлова тянется до конца существования «Колокольчика». Называя романы Орлова бреднями, «исчидивни»

(10 апр., с. 116), «клятво», «степнем для обжорного рынка» (17 июля, с. 228), Н. подозревает в авторстве самого Надсждина.

В целом «Колокольчик» не смог выйти за рамки скучного, «бесцветного» издания и закончился на № 69 за немением подписчиков. В нем печатались в осн. малозвестные литераторы — А. И. Булгаков, Л. В. Брант, Бурнашев, А. Е. Грен, И. И. Подшивалов. В кон. 1831 Н., уже стесненный в средствах, переезжает на квартиру «на Васильевском острове» (объявление о перемещении туда редакции «Колокольчика» — 31 июля, с. 244).

В единичных письмах Шишкову нач. 1830-х гг. (РГАИ, ф. 1673, оп. 1, д. 202), Д. А. Державиной, 1834 г. (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, № 242) Н., называя себя «отцом семейства», просил о материальной помощи. Дальнейшая его судьба неизвестна.

Др. произв.: стих. «К ночной филалке» (СО. 1822, № 49). «Императору России, или Чувство русского при известии о взятии Варшавы» (СПб., 1831), «Песнь русского. В 17-й день апреля МДССС XXXIV года» (СПб., 1834).

Лит.: Петербургский старожд Л. В. Б. (Бурнашев). Мос. знакомство с Восковым в 1830 г. — РВ. 1871, № 10, с. 619—20 (здесь Н. ошибочно назван Вас. Прохоровичем); Станько А. И., Рус. газеты первой пол. XIX в., [РязД.], 1969, с. 44—45, 57, 74, [51—52, 155, * Брокгауз, т. 130] (ст. о «Колокольчике»).

Архивы: ГА Арханг. обл., ф. 29, оп. 11, д. 271, л. 385 об. (настрич. запись о рожд. Н.); оп. 29, д. 272; ф. 49, оп. 4, д. 8 л.—97, д. 23 (бюж. сведения об отце и семье) (старож Т. А. Санакиной); ИРЛИ, ф. 322, оп. 70, л. 78 и след. (письма Д. И. Хвостову); РГАИ, ф. 735, оп. 1, д. 2, 8 (ф. с. 1824 г. и аттестат о службе 1826 г.); ф. 733, оп. 87, д. 223 (пронимие Александру I об изд. кн., одобрит. отзыв А. С. Шишкова о Н. в письме А. Н. Голицыну от 22 марта 1824); д. 305, л. 8 (уничтожающий отзыв Рос. акад. о рукописи Н. «История и описание Турция», представл. Николаю I в 1829); ф. 994, оп. 2, д. 961 (два письма Н. 1833 гр. Н. С. Мордвинову — о дом. затруднениях и намерении издать пов. «Красный всадник»; указана дата рожд. 23 марта) (справки по РГАИ и ИРЛИ А. Ю. Батакина).

С. В. Уварова, Л. М. Шемелга.

НИЛЕНДЕР Владимир Оттонович [22.11(4.12).1883, Смоленск* — 3.6.1965, Москва], переводчик, литературовед, библиограф, поэт. Из потомств. дворян Смолен. губ. Отец — Оттон Август., лютеран. вероисповедания, преподаватель древних и совр. иностр. языков. Мать, Нат. Вас., скончалась в 1887. В 1893—98 учился в Рославльской прогимн., директором к-рой с 1894 был его отец. Не окончив 4-го кл., поступил в Морской кадет. корпус в Петербурге. В 1902, получив аттестат об окончании общих (младших) классов, ушел из корпуса: «заинтересовался литературой и искусством. Встреча у Случевского с Валерием Брюсовым решила мою судьбу: корпус стал невыносим» (автобиография — Архив РГБ, оп. 39, № 351, л. 107—107 об.).

В 1903 Н. поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та; спустя год перевел-

ся на ист.-филол. ф-т (классич. отд.), где стал сокурсником А. Белого (к-рому читал свои стихи — РГАИ, ф. 53, оп. 2, № 3, л. 49 об.) и сблизился с его аргонавтич. окружением. «В Москве встречаюсь опять с Брюсовым, сотрудничаю в редактируемом им ж. „Весы“, ... в „Золотом руно“» (автобиография). В этих ж-лах Н. в 1905—08 изредка публиковал небольшие рецензии на переводы с нем., др.-греч. и лат. языков. Приняв участие в возникшей в нач. 20 в. острой дискуссии о принципах перевода, опубли. в ж. «Золотое руно» (1906, № 11—12) рец. на выполненных неизвестным (подпись Я. Б.) пер. «Песен любви» Овидия (М., 1906) и в «Весех» (1908, № 4) на выполненные И. Ф. Анненским переводы пьес Еврипида (т. 1, СПб., 1906); если в первой рец. Н. говорит о непрофессиональности переводчика, то во второй вступает в спор с мастером и высказывает соображения о недопустимости употребления латинизмов, галлицизмов, замены ямбич. триметра пятистопным ямбом, внесения в перевод рифм и т. д., выявляя т. о. собств. переводч. принципы — близость к подлиннику и эквиритмию. Сотрудничал также в ж. «Перевал» (1907).

В 1907 в сб. «Хризопрас» (М.; на т. л. — 1906—07) были напечатаны 4 стих. Н., единств. публикация его ориг. стихов — эпитогское подражание символистам: «На бледно-иризорные лица/ Из стройной люстры плещет свет./ Но сердцу шепчет дикий бред:/ То вьется огненная птица». А. Белый писал: «... сперва он принес мне свои „бреды“ стихов; потом — перлы еще не доросшей до ясности мысли, меня поражавшей порой прыгучею и жизнелюбивой силой» (см.: Белый, II, 388). В 1906 Н. венчался с Соф. Мих. Ставской.

В том же 1907 Н. уволен из ун-та за невнесение платы. На почве интереса к др.-греч. лит-ре и к мистери-

альной и культово-сакральной тематике Н. сближается с Вяч. И. Ивано-вым, посещает «башню» («неделями... вечно жил здесь» — Белый А., О Блоке, М., 1997, с. 350). В 1907—1908 участник Моск. кружка оккультистов (см.: «Теософ. жизнь», Смоленск, 1908, № 8, с. 11), сотрудничавшего со Смоленск. теософ. об-вом; в 1910—11 входит в Моск. теософ. кружок, ориентированный на изучение работ Р. Штейнера (Fedjuschin, S. 100).

В 1909 Н. сделал предложение М. И. Цветаевой. История их отношений подробно описана в «Воспоминаниях» А. И. Цветаевой, но ни она сама, ни ее сестра не знали, что Н. не имел права венчаться, т. е. в 1908 после развода с женой на него была наложена 7-летняя епитимья (ЦНАМ). Н. скорее всего предвидел отказ, и «предложение» было формой признания в любви, но 17-летняя Цветаева приняла его всерьез — подвергнув «исключую тайну» чувства такому испытанию, как брак, она не решилась. Сколько-нибудь значим. роли в биографии Н. этот эпизод не сыграл, но в творчестве Цветаевой образ Н. возникает не только в юношеских стихах, но и в прозе 30-х лт.

С 1910 Н. активно сотрудничает с изд-вом «Мусагет», участвует в работе «ритмич. кружка», сближается с группой «Молодого Мусагета», разделяя идейные и культурологич. установки Э. К. Метнера в его противостоянии Белому и ряду сотрудников изд-ва, приверженных антропософии («они идут к Штейнеру, не зная сами убить себя!» — письмо Н. к Метнеру от 7 янв. 1914, РГБ, ф. 167, к. 14, № 32, л. 3). В 1910—11 перевел Парменида и Фалеса Милетского (РГБ, ф. 25, к. 21, № 16, л. 55). В «Мусагете» выходят отд. издания «Фрагменты» Гераклита Эфесского в пер., с комм., библи. и вступ. статьей Н. (1910). Если перевод был лексически и ритмически предельно близок к подлиннику (местами даже во вред смыслу текста), то вступ. статья «грешила» излишней модернистской, «помятая антич. мыслителя как-то утонченным символизмом» (С. (Л.) Франк — РМ, 1911, № 2, с. 54). И все же книга была характерным образцом реализации культурнич. программы «Мусагета», а сам Н. к этому времени — «и настоящим научным работником и деятелем литературы» (см.: Восп. А. Ф. Лосева — РГБ, ф. 583, к. 11, № 19; в 1916 знакомит Лосева с Вяч. Ивано-вым). В 1911 он восстановился на ист.-филол. ф-те. Работал над исследованием орфических гимнов (см. письмо Белого к Метнеру — РГБ, ф. 167, к. 2, № 18); намереваясь издать их, он опубли. в ж. «Труды и дни» (1912, № 1) развернутую аннотацию будущей книги (см. анонс в каталоге «Мусагета» на 1912); перевел из Ксенофана Колофонского.

С 1911 Н. в качестве секретаря изд-ва Сабашниковых участвовал в подготовке серии «Памятники мировой лит-ры», в к-рой планировалась и его собств. работа — «Собр. греч.

лириков в пер. рус. писателей» (Сабашников М. В., Воспоминания, М., 1988, с. 324); Н. старался дополнить собрание работами совр. авторов (см. его переписку с Вяч. Ивановым, Г. Ф. Церетели, Ф. Ф. Зелинским — РГБ, ф. 104, к. 31, № 74; ф. 261, к. 6, № 101, к. 4, № 18).

За невнесенные платы в 1912 Н. снова был уволен из ун-та и отбывал воинскую повинность в качестве преподавателя Рославльской г-зии (1913—14). Благотворность вынужденного пребывания в Рославле сам Н. видел в «исцелении от проказы декаданства, от внутр. расхлябанности, от этих колебаний между науч. мистикой и безмистичной наукой» (письмо Метнеру, осень 1913 — РГБ, ф. 167, к. 14, № 32, л. 2 об.). Этот период исключителен по творч. продуктивности. Зимой 1913—14 работал над «Гимнами» — «что ни день, то новый перевод» (письмо Метнеру — РГБ, ф. 167, к. 16, № 23) — и комментариями к ним, начал и монографию о «Гимнах» — эта работа тоже «быстро идет вперед» (письмо к В. К. Шварцману — РГБ, ф. 109, к. 31, № 75). По устному свидетельству вдовы Н., Над. Ал. (урожд. Шиманович, в первом браке Леонтьевой), «Гимны» сгорели во время пожара в доме отца Н. в Рославле [сообщено Н. В. Котрелёвым]. Фрагменты «Гимна к Океану» (в указ. письме к Метнеру, осень 1913) позволяют судить о худож. достоинствах перевода Н. В эти же годы он перевел астрологич.-мистич. трактат Аполлония Тианского, неск. астрономич. трактатов Гермеса Тризмастича «О 12 зодиаках» и др. (письмо Метнеру от 14 янв. 1914 — РГБ, ф. 167, к. 14, № 32, л. 11).

Осенью 1914 он снова в ун-те (без зачета прослушанных курсов), намереваясь к тому же закончить работу над «Греч. лириками». Но работа затянулась, гонораров не было, из-за сложностей с платой за учебу «вечный» студент стал науч. сотрудником б-ки ун-та. Весной 1916 Н. направил ректору прошение об увольнении из ун-та.

В окт. 1916 Н. призван в армию — ратником запасного пех. полка; после Февр. революции его перевели в Фундаментальную б-ку Управления воен.-уч. заведений. К кон. 1917 были готовы «Греч. лирики», и Н. держал корректуру (РГБ, ф. 583, к. 10, № 1). В свет книга не вышла, и только через 20 лет, составляя сб. «Греч. лит.-ра. В изобр. переводах» (М., 1939), Н. включил туда кое-что из «Греч. лириков» (в т. ч. и собств. переводы из Архилоха).

Роль Н. в лит. жизни начала 20 в. не сводима к его публикациям. Белый называл Н. своим учителем, говорил о значении его науч. деятельности для будущего, о его необычно-

венной отзывчивости: «... сколько он наполнил, накормил, материально, духовно ... этого кишкой снабжая из великодушливой, единственной по сочетанию книг библиотеки, того — одеждой, деньгами последней, последним куском заработанного часто в трудных условиях хлеба» (см.: Белый, II, 125, 387). В РГАЛИ (ф. 998, оп. 1, л. 210б) хранится письмо Н. к В. Э. Мейерхольду, дающее основание утверждать, что и режиссер также имел в лице Н. «советчика», у к-рого скрупулезное знание греч. театра сочеталось с реформаторскими идеями по поводу совр. театра, близкими к исканиям самого Мейерхольда (их знакомство, согласно автобиографии Н., состоялось в 1905, письмо написано не ранее кон. 1908). В дальнейшем Н. консультировал творч. коллективы МХАТа (пост. «Прометей» Эсхила, 1925—26), МХАТа-2 («Орестея» Эсхила, 1925) и режиссеров (Ю. А. Завадского, А. Я. Таирова — письмо к нему о спектакле «Электра» — РГАЛИ, ф. 2328, оп. 1, № 1451), писал исследования об антич. театре; наиболее интересные из его работ остались неопубликованными (мат-лы к незащищенной докт. дис. «Электра Софокла. Введение в сценич. поэтику древнеаттич. трагедии»; анализ метра, ритма и мелодич. фрагментов Нового Завета — РГБ, ф. 583). В 1919 Н. — участник Вольной акад. духовной культуры, объявляет о своем курсе лекций «Окультизм науки у древних греков» (письмо Белого к Иванову-Разумнику от 14 нояб. 1919 — РГАЛИ, ф. 1782, оп. 1, № 10, л. 26 об.). Один из организаторов моск. отл. Вольной филос. ассоциации (1921); А. Белый, «Ракурс к дневнику» — РГАЛИ, ф. 53, оп. 1, № 100, л. 110—110 об.). Сотрудник ГБЛ (1919—31). В качестве «эмиссара» организует «разыскание, приобретение и вывоз» для фондов ГБЛ книг, собранных и худож. коллекций (из имений Архангельское, Ильинское; личных библиотек С. Н. Трубецкого, В. О. Ключевского и др.). Вышли в свет две книги его переводов: «Прометей Прикованный» Эсхила (М.—Л., 1927; совм. с С. М. Соловьёвым; со ст. Н. «О методе перевода хоров „Прометеса Прикованного“»), «О хорах „Прометей Прикованного“»; 3-е изд. — М., 1948), «Трагедии» Софокла (М.—Л., 1936; совм. с С. В. Шеринским; со ст. Н. «Жизнь и лит. деятельность Софокла», «Построение трагедии у Софокла») и неск. статей.

Н. работал ред. и референтом антич. отдела изд-ва «Academia» (1931—36), зав. антич. кабинетом ИМЛИ (1936—41); участвовал в подготовке Юбилейного ПСС Л. Н. Толстого; в 1943—47 доцент кафедры антич. лит.-ры Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина, в 1947—48 читал курс

антич. лит.-ры в ВИТИСе. Образ Н. увековечен Цветаевой в сб. «Вечерний альбом» (М., 1910; перенд. — М., 1988), где «мудрец-филолог с грудой книг» навсегда занял свое место в ряду «поэтов, рыцарей, аскетов».

Лит.: Мочульский К., Андрей Белый, Париж, 1955, с. 70, 278; Стегун Ф., Былое и несбытое, т. 1, Н.-И., 1956, с. 270; Цветаева М., Соч., т. 2, М., 1980, с. 232, 268—70; Бугасва К., Восп. о Белом, Беркли, 1981; Цветаева А., Восп., М., 1983, с. 306, 313—319, 329, 358, 424—25, 614—15; Болч-Бруевич В., Архив Андрея Белого. — В кн.: Архив, ежегодник за 1984 г., М., 1986, с. 273—274; Кэган Ю. И. В. Цветаев, М., 1987, с. 153, 155—56; Швейцер В., Быт и бытие Марины Цветаевой, Париж, 1988 (ук.); Стрельникова Н. Д., М. Цветаева и Н. переводчик Герасим Ефремов, — РЛ, 1992, № 1; Полюкская Л. В., «Мудрец-филолог». Кто он? К биогр. одного лирич. героя М. Цветаевой. — «Звезда», 1992, № 10; Лавров А. В., Белый в 1900-е гг., М., 1995 (ук.); Иванова Е. В., Вольная филос. ассоциация. Труды и дни. — Ежегодник РО ПД СПб, 1996, с. 16; Тах-Годи А. А., А. Ф. Лооса, М., 1997 (ЖЗЛ), с. 49; Взмукуюне Граза, М., 1997 (ук.); Fejduschin Victor B., Russland schenkt nach Spiritualität, Schaffhausen, 1988.

Архивы: ИМЛИ, ф. 482; РГБ, ф. 583; ф. 167, к. 14, № 32 (письма Э. К. Метнеру); ф. 25, к. 21, № 4 (письма А. Белому); ф. 190, п. 47, № 26 (письма на кн. «Гимны Орфея»); РГАЛИ, ф. 675, оп. 2, № 450 (август 1929 г.); ф. 2954, оп. 1, № 998 (письмо М. С. Плеснину); архив СП (август 1943 г.); ИАМ, ф. 418, оп. 325, л. 1180-а* (стучен. дело); РГА ВМФ, ф. 432, оп. 5, а. 8841, л. 1; оп. 1, л. 6800, л. 62, номера Л. В. Павловская, Людмила А. Ночкович.

НИЛУС Пётр Александрович [29.6 (11.7).1869, с. Бушны Балтского у. Подольской губ. — 23.5.1943, Париж], прозаик, художник. Из дворян. Отец — юрист, дед — генерал, участник Отеч. войны 1812. До 7 лет жил в имении отца, затем семья переехала в Одессу, где в 1877 Н. поступил в Одес. реальное уч-ще Петра и Павла. После 6-го класса, в 1883, переехал в Одес. рисовальную школу (преподаватели — Г. А. Лодыженский, К. К. Костанди), закончив ее в 1889; в том же году поступил в петерб. Акад. художеств.

Преподававший там И. Е. Репин пригласил его поработать в своем ателье, что способствовало быстрому превращению Н. из «ученика-недоучки» в «молодого художника, к-рого стали приглашать на журфисские корфисы тогдашнего петерб. передвижничества» («Автобиограф. заметка» — «Одес. листок», 1915, 13 июня). Служба закон. месяцев Н. посылал совету Репина, откликнувшегося его к «уже оираствившимся и очень интересным русским художникам» («Дальнее близкое», 9-е изд., Л., 1986, с. 400), оставить академию и работать самостоятельно. В последние годы Репин интересовался работами Н., способствовал укреплению его авторства художника (см. отзыв 1892 о картине Н. «По знакомству»: «Как все это тонко, перно и сильно — замечательная вещь!» — «Письма И. Е. Репина. Переписка с П. М. Третьяковым», М.—Л., 1946, с. 157; см. также: «Одес. листок», 1898, 18 июня; Куприя).

Вернувшись в Одессу, Н. активно включился в культурную жизнь города: участвовал в создании Т-ва южно-рус. художников в Одессе (1890); автор его устава) и Одес. лит.-артистич. об-ва (1898). Об эмоц. атмосфере собраний Товарищества, проводивших в осн. на квартире худ. Е. И. Буковецкого, Н. вспоминал в

очерке «Краткая повесть о жизни С. Юшкевича»: «... часто „четверговые“ беседы заканчивались только на заре, где-нибудь в ночном ресторане или в бесконечных прогулках в нежных предутренних сумерках, среди пыльных дорог, среди уснувших садов и дач» (Юшкевич С., Посмертные произв., Париж, 1927, с. 25). Н. — участник всех 29 выставок Товарищества (1890—1919). Передвижных худож. выставок (с 1891) и др. Сюжеты его ранних картин — незамысловатые уличные сценки, бытовые зарисовки («На бульваре», «У кассы театра», «Друзья. Встреча»). По собств. признанию, он в эти годы «был отчаянным реалистом ... если пуговица на сортуке была сделана плохо — ... приходил в отчаяние» (Седых А., В мастерской Н. — «Сегодня», 1927, 6 февр.).

Первые выступления в печати посв. вопросам иск-ва. В ст. «Несколько замечаний о франц. живописи в связи с обзором Саломов 1894 г.» («Артист», 1894, № 41, кн. 9), из к-рой следует, что Н. провел значит. часть 1894 в Париже, он критически отзывался о «раскрашенных ребусах» «декадентов», отлающих все внимание, по его мнению, только технике, предпочитал им «на первый взгляд смешные» картины примитивистов, превращающих «бред... в чудесную сказку» (с. 84). В ст. «О ненормальности устройства совр. худож. выставок» (там же, 1895, № 45, кн. 1) — тонкое понимание «деликатной» природы камерного иск-ва, теряющего «свою силу и настроение» (с. 2) в коллективных выставках. В 1900-е гг. печатал «Заметки художника» в «Одес. новостях». Л. О. Пастернак в автобиогр. письме в ж. «Лебедь» (1909, № 7, с. 41—43) цитировал Н., считая, что тот в своем обзоре в № 7686 за 1908 «довольно верно и главное беспристрастно» взглянул «на весь... (его) пройденный путь».

К занятиям литературой Н. пришел по совету И. А. Бунина, с к-рым познакомился в Одессе в 1898. В круг его лит. общения входили также А. И. Куприн, А. М. Фёдоров и др. Через Бунина он познакомился с А. П. Чеховым, в 1902 в Ялте работал над его портретом (восп. Н. «О Чехове» — «Речь», 1914, 2 июля). Бунин ценит Н. «не только как поэта красок в живописи, но и как знатока природы, людей, особенно женщин, — и все уговаривал его начать писать худож. прозу» (Муромцев-А. Бунина и А. В. Н., Жизнь Бунина, М., 1909, с. 177). Первый произв. опыт Н. — лирич. рассказ «Соловьи» («Правда», 1905, № 7) о внезапном любовном увлечении, пережитом героем в поэзии. В кон. 1905 он организовал совм. с Фёдоровым еженед. худож.-сатирич. ж. «Звон», по-

мешал в нем свои рисунки (некоторые под псевд. Пан); вышло всего 2 номера, т. к. ж-л был закрыт по распоряжению ген.-губернатора Одессы «за карикатуры... против высших лиц в государстве» (цит. по кн.: Демченко Е. П., Сатирич. пресса Украины 1905—1907 гг., К., 1980, с. 44). В 1906—17 печатал рассказы и небольшие повести в ж. «Светлячок», «Перевал», «Вест. Европы», «Сев. зап.», в «Лит.-худож. сб-ке» (Од., 1906), альм. «Слово» (кн. 1, М., 1908), газ. «Одес. листок», «Одес. новости», «Речь», «Совр. слово», впоследствии они были собраны в кн. «Рассказы» (М., 1910) и «На берегу моря» (М.,

П. А. Нилус. Автопортрет. 1935.

1918; наполовину повторяет 1-ю кн.). Две гл. темы прозы Н. — любовь и искусство. Среди действующих лиц художники, писатели, артисты — рассказ «На берегу моря» («Шиповник», кн. 7, СПб., 1908), рассказ «Осенней ночью» (сб. «Рассказы»). Столкновение идей «новой» живописи с устоями классич. реализма отражено в пространных диалогах пов. «Госпожа Милованова» («Нов. слово», кн. 2, М., 1907), причем неопределенность предпочтений автора, вероятно, передает колебания, понски ориентиров. переживаемые Н.-художником в 1900-е гг. (в 1909 выезжал в Вену для знакомства с рисунками Рембрандта в музее графич. собр. Альбертина). В выборе лит. сюжетов, в тенденции к описательности, вниманию к деталям пейзажа или интерьера преобладает образное видение Н.-художника, к-рый прежде всего стремится придать общее настроение рассказу, залечатль мимолетность жизни.

Эту особенность писал Бунин, видевший «очень много вполне прелестного — свежего, тонкого, красивого, главное же — своего» в

прозе Н. (письмо от 19 июня 1909 Н. Д. Телешову о рассказе «Старый сад» («Дружарь», М., 1910) — ЛН, т. 84, кн. 1, с. 579). Личность «матского, но несомненного беллетриста, дарования» Н., стремившегося «к новым, более утонченным формам», отмечала в рец. на первый сб-к Н. И. Петрова, одновременно критикуя Н. за отсутствие в рассказах внутренней динамики, сюжетной завершенности, воздушности, из-за чего, по ее мнению, содержание не поднимается над уровнем бытового происшествия: «Маленькая, осторожная любовь... ленивые и пассивные обхождения с людьми, усердные куски... однообразие дней, вечеров и ночей» (РМ, 1910, № 11, с. 360—61, подпись Н. Оттанин). Ю. И. Айзенвальд, напротив, находил «его фабулах и в его материале... что-то острое, пикантное — искусство не специфически русское, хотя и русские учителя — Чехов, Бунин — ... формировали его дарования» («Юж. слово», 1919, 13 нояб.; др. рец. — «Объединение», Од., 1918, № 374, подпись В. К.).

Практически все произв. Н. до выхода в свет редактировал Бунин (см. рукописи Н. в бунинском фонде Гос. лит. музея И. С. Тургенева в Орле). В свою очередь дававший на суд Н. собств. произв. до их публикации. В лит.-критич. ст. «Новая повесть Н. А. Бунина» («Одес. новости», 1910, 13(26) марта) и «Ив. Бунин и его творчество» (прочитана на лит. вечере в Одес. лит.-артистич. об-ве, опубли. ЛН, т. 84, кн. 2), «Впечатления. Н. А. Бунина» («Жизнь», Од., 1918, № 7) Н. восхищался талантом Бунина-колориста, в этой связи он высказал примечательное суждение о том, что «не так давно лит. тенденции проветали в рус. живописном иск-ве», но теперь «настала пора реванша и живописная тенденция займет в близком будущем свое место в лит-ре» (ЛН, т. 84, кн. 2, с. 432). Очевидно, что себя Н. также относил к представителям и проводникам этой тенденции в лит. творчестве, превратив свой недостаток сюжетной изобретательности в худож. принцип, за что его укорял Куприн, восклицавший по поводу одного «просто очаровательного» рассказа: «Ну что это у вас ... за мода ... оборвать его этиким „demi-tout“? Страшат вас сюжеты? Грозит пальцем тень Чехова?» (письмо к Н. от 7 окт. 1923 — «Нева», 1984, № 8, с. 188; известно, что Куприн в апр. 1910 написал ст. «О Нилусе», не опубли. рукопись не обнаружена).

В годы Гражд. войны печатался в ж. «Объединение» (1918), в газ. «Юж. слово» (1919), участвовал в собраниях моск. лит. кружка «Среда», возобновившихся в Одессе [о чтении Н. рассказов «Яблочко» и «Подвиг» см. «Одес. листок», 1919, 10(23) окт.], работал в Комиссии по иск-ву при управлении попечителя Одес. уч. округа («Юж. слово», 1919, 27 авг. (9 сент.)). В 1920 эмигрировал в Болгарию. В 1924 переехал в Париж, поселившись в том же доме, где жили Бунин и Куприн.

Дружба Н. и Бунина продолжалась почти полвека. Бунин называл его «самым близким, вроде брата» (письмо к Н. от 5 авг. 1927 — «Атланта», 1973, № 1, с. 67), это проявлялось в многочисл. взаимных посвятительных своих про-

НОВИКОВ

изв. [стх. «Одностовство» (1903), сб. «Судово» (1912) Бунина и один из ранних рассказов Н. «Утро» («Новое слово», 1906, № 9), рассказ «На берегу моря» (1908), первый его сб-к (1910)], в использовании индивидуальных черт друг друга при создании образов своих героев (капитан в «Снах Чаша», художник в «Гале Ганской» Бунина, писатель в «На берегу моря» Н.).

В эмиграции Н. приобрел большую известность как художник — автор стилизованных поэтик, картин и акварелей, воссоздающих атмосферу «дворян. гнезд», живописной серии видов Парижа, натюрмортов, он участвовал во мн. худож. выставках (см.: Charmet R., Piéte Nilouss. 1869—1943, P., 1973). По восп. его приемной дочери В. Л. Голубовской, «днем он работал как художник, а по вечерам — писал» («Нева», 1984, № 8, с. 187), из написанного опубликовано, в т. ч. рассказы «Счастливый день» («Общее дело», 1920, 26, 27 окт.), «Курник» («Спалохи», 1922, № 6) о судьбе рус. эмигранта, уверенного, что «никто не вернется на родину — (х) разоренному пастушескому царству» (с. 24), «Особняк у парка де Монсо» («Илл. Россия», 1931, № 337), часть не опубликована в РГАЛИ.

Др. произв.: «Заметки художника» («Одес. новости», 1907, 30 сент.), «В дороге. Из рассказов красивых женщин» (там же, 1908, 13 апр.), «Впечатления» («Одес. листок», 1913, 9 янв.), «Антиварное поветрие» (там же, 1913, 10 марта), «Сашенька» (Од., 1918), «Луна [и др. рассказы]» (Од., 1919), «Пробуждение. (Рассказ)» («Объединение», Од., 1918, № 1), «Благый май» [«Юж. слово», 1919, 5(18) окт.], «Нужно шадить память отошедшим» [там же, 1919, 9(22) окт.], «Ложь» [там же, 1919, 16(29) окт.], «Кое-что о скаутизме» [там же, 1919, 27 окт. (9 нояб.)], «Интеллигенция будущего» [там же, 1919, 6(19) нояб.], «Листопад» [там же, 1919, 13(26) нояб.], «Тяжелые времена» [там же, 1919, 5(18) дек.].

Лит.: Чехов (ук.); Федоров А. М., П. А. Нилус. — «Наша речь», Букарст, 1923, 19 сент.; Яблоновский С. У рус. художника. — «Наш мир», илл. воскресное прил. к газ. «Речь», Б., 1924, № 5; Рин Н. Силуэты художников. П. А. Нилус. — «Дин», Париж, 1928, 29 янв.; Н. Н. П. А. Нилус. — «Сов. патриот», Париж, 1948, 4 июля; Афанасьев В. А. Творч. путь Н. — «Иск-во», 1960, № 10; Афанасьев В. А., П. О. Нилус. Кипа. 1963 (библ. лит-ры о Н.-художнике); Федерер Г., Незабываемое, Рига, 1963, с. 269—304; Рошин Н. Курникские «самолеты». — «Лит. Россия», 1964, № 15; Бунин И. А., Памяти Н. — Собр. соч., т. 9, М., 1967; его же, Океаны или. Вост. Статьи, М., 1990, с. 27, 100; Из переводов И. А. Бунина. (1897—1917). — «Подъем», 1976, № 3; Бажинов И. Д., Бушин И. — ЛН, т. 84, кн. 2; Баборохов А. К., Письма Бунина И. — РЛ, 1979, № 2; его же, И. А. Бунин. Мат-лы для биографии с 1870 по 1917, 2-е изд., М., 1983; Устами Буниных, т. 1—3, Франкфурт-на-Майне, 1977—1982 (ук.); Письма из провинции. А. И. Курник — П. А. Нилусу. — «Иск-во», № 8 (июнь), И. Шуваловой); Зингер Л., Признание изображения И. А. Чехова. — «Иск-во», 1985, № 6; Лит. процесс в журналистике (2); Берберова П., Люди и эпохи. Н.-И., 1986, с. 145. + Кондаков С. Н., Юбилейный спра-

вочник имп. Акад. художеств. (1764—1914). Список рус. художников, ч. 2 — Биографический, СПб., 1915, с. 141; Северюхин Д. Я., Лейкина О. Л., Художники рус. эмиграции. (1917—1941). Биогр. словаря, СПб., 1994; Алым и сб-ки (1, 2); Фостер, Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2790, ф. Фемелина; ф. 44, оп. 2, № 168, 169 (письма И. А. Бунину); ИРЛИ, ф. 145, № 4 (дневник Б. А. Лазаревского).

НОВИКОВ Александр Иванович [22.4(4.5).1861, Петербург* — 24.1(6.2).1913, там же; похоронен в родовом имении в с. Новоалександровском Тамбов. губ.], публицист, беллетрист. Из древнего дворян. рода. Отец, Ив. Петр. Новиков, — капитан гв. Ген. штаба; мать — О. А. Новикова. Племянник А. А. Куреева. В

1873—78 учился в Петербурге, в Лицее в память цесаревича Николая (поступил в 4-й кл.), завершил гимназич. курс с отличием; после окончания физ.-матем. ф-та Моск. ун-та (1882) был оставлен для приготовления к проф. званию, но прекратил преподават. деятельность по болезни. С 1883 поч. чл. Моск. об-ва попечения о бедных; с 1885 служил в канцелярии К-та министров; в 1889 избран поч. мировым судьей Козлов. уездного округа. В 1891 назначен зем. начальником в Козлов. у. Тамбов. губ. Здесь сблизился с местным уездным предводителем дворянства Ю. А. Ознобишиным, общение с к-рым привело Н. к «идейному перерождению» («Записки гор. головы», с. 9); после его смерти Н. занял место уездного предводителя. Разочарование в исполнении поставленных перед новым ин-том зем. начальников задач побудило Н. оставить через семь лет должность и перейти на службу по Мин-ву земледелия (на Кавказе, в Крыму и Астрахани).

Со службой зем. начальником связан лит. дебют Н. — цикл очерков «Записки земского начальника» (СПбВед., 1898—99; отд. изд. — СПб., 1899). Практич. деятельность, близкое знакомство с крест. жизнью привели Н. к пересмотру совств. полит. взглядов: «Приехав в деревню с презытой мыслью „подтянуть“ мужика, я вышел из зем. начальников с глубоким убеждением, что подтягив-

ванием ничего не добьешься и что народ нуждается не в подтягивании, а в воспитании» (с. 2). Резкая критика ин-та зем. начальников прилекла к Н. заинтересов. внимание либеральных кругов: ж. «Вест. Европы» сочувственно откликнулась на первый же очерк цикла (1898, № 9) и вскоре с удовлетворением отметила, что до сих пор «ничего более сильного не было написано систематическими противниками» этого полит. ин-та (№ 10, с. 803).

Либеральная общественность нашла в «Записках» практич. подтверждение своим обществ.-полит. теориям; консерват. исцать, подерживавшая начала сословного управления крестьянством, обрушилась на Н. с резкой критикой. Особенно лит. полемику повел «Гражданин», обвинивший Н. в «пропаганде тенденциозных выводов», политиканстве и неясности фактов деревни жизни (Шм. Бодиско — «Гражданин», 1899, 6 июня); в полемике включился и рев. газеты кн. В. П. Мещерский (12 авг., 9 сент.). В ответ Н. вызвал Бодиско на «лит. дуэль», предлагая просрить факты и истинности сведений, а проигравшему — «умереть навсегда в качестве публициста о деревне» (Вызов Г. Дм. Бодиско. — СПбВед., 1899, 28 июля; также: НВ, 29 июля; ответ Д. Бодиско: «Гражданин», 21 окт., 4 нояб.). Публикация прилегла Н. широкую известность; последующие его книги выходили с пометкой на титуле: «Автор „Записок зем. начальника“».

Практич. программу нар. воспитания изложил в «Записках о сел. школе» (СПб., 1902), в к-рых призывал направлять все усилия общества и гос-ва на нар. школу; при этом Н. оказывается в числе критиков системы церковно-приходских школ и сторонником школы земской.

В апр. 1902 избран гор. головой в Баку (его речь в Гор. думе при вступлении в должность см.: «Каспий», 1902, 29 мая). Сразу же заявил себя сторонником либерального направления (расширение местных прав, гласности и пр.), он регулярно выступал на страницах прессы по вопросам гор. самоуправления. Деятельность Н. на посту гор. головы имела широкий резонанс в провинции, печати («Астрахан. вест.», 1902, 9 июня; «Сев. Кавказ», 1902, 13 июня; «Нижегород. листок», 1902, сент.; и др.). Во время службы в Баку, к-рую подробно описал в «Записках гор. головы» («Обр.», 1904, № 9—12; отд. изд. — СПб., 1905), он проявил себя убежденным антинационалистом, в т. ч. в отношении деятельности В. Л. Телички, имя к-рого на Кавказе стало «синонимом злобной политики сеяния раздора между армянами и грузинами» (с. 172). В 1904 из-за конфликта с Гор. думой ушел с занимаемого поста и покинул Баку (см.: РСЛ, 1904, 28 июня).

Получив возможность практически оценить действительность новых уставов по гор. самоуправлению (т. н. контрреформа гор. управления 1892), Н. в «Записках о гор. самоуправлении» (СПб., 1904) высказывался в пользу пересмотра существующего избират. закона с целью

расширения социального представительства, критиковал чрезмерную подчиненность Гор. думы исполнит. власти. Вплоть до Революции 1905 активно сотрудничал в прессе, выступал с публицист. статьями в газ. «С.-Петерб. вед.», «Нов. время», «Россия», «Сын отечества», «Наша жизнь», «Неделя» и др. (б деревенск, земстве, нар. образовании и быте, по вопросам внутр. политики); эти публ. составили «Сб-к статей. 1889—1900» (СПб., 1901; отзыв: (А. В. Пешехонов) — РБ, 1901, № 7), «Сб-к статей. 1901—1902» (СПб., 1902).

В 1900 опубли. «роман из деревен. жизни» «По закону» (ВЕ, 1900, № 7—9; отд. изд. — СПб., 1901), в к-ром показал несостоятельность существующих законов положению дел в деревне.

Критика отнеслась к проилл. Н. сочувственно, отметила у автора «благие намерения и искреннее стремление к правде», однако отказалась приписать роман к категории «худож. произведений», особо похвалив «расудочность комбинации»; автор «не беллетрист и не талант в художники» (РБ, 1901, № 4, с. 52—56; см. также: МВ, 1900, № 10; РМ, 1900, № 11; НВ, изд. прил., 1901, 21 марта); консерват. критика призывала в Н. талант, испорченный тенденциозностью (МВед. 1901, 5 апр.). Н. продолжал писать прозу, печатаясь на страницах ж. «Рус. богатство» и ж. «Вест. Европы».

Напечатанные в периодике рассказы Н. собраны в кн.: «Сб-к рассказов» (СПб., 1904). Пробовал силы и в драм. жанре («Пьесы», СПб., 1904). Свою деятельность в качестве прозаика Н. считал неудачной, соглашаясь с критикой, что его «беллетристичка часто публицистическая» (Автобиография — ИРЛИ, ф. 377).

В 1905 «вихрь рев. взрыва» захватывает Н.: неизменный оратор на митингах в Петербурге, он подвергается арестам и высылкам (ВЕ, 1913, № 3, с. 415); по полит. взглядам примыкал к социалистам-революционерам. Выпускал полит. брошюры «для народа» (многие из них арестовывались по судебному постановлению). В области гос. устройства выступал за двухпалатный парламент, гражд. свободы, поддерживал идею созыва Учредит. собрания. Однако постепенно все больше переходил к критике традиц. демократии за ее неспособность осуществить экон. равенство и склонялся к идеям нар. социализма: отмена частной собственности, изъятие земли у помещиков с передачей крестьянам и ее обработка только личным трудом («В чьих руках должна быть власть над народом», СПб., [1906]), равноправие мужчины и женщины («Женщина — товарищ мужчины», Р.и/Д., 1907). Брошюра «Враги народа» (Р.и/Д., [1902]), в к-рой в качестве «врагов» выступали «дворяне, духовенство, полиция, богачи» и т. д., подверглась уничтожению; тираж переиздания (СПб., 1906) был конфискован К-том по делам печати, а Н. привлечен к суду и

приговорен к годичному заключению в крепости («Книжный вест.», 1906, № 28—29, стб. 663; № 32—33, стб. 741); исполнение приговора было отложено из-за болезни автора (НВ, 1913, 26 янв.).

В кон. 1900 — нач. 1910-х гг. переключился на составление уч. пособий: выпускал избр. соч. лат. авторов (Овидий, Вергилий, Гораций, Цезарь и др.) по «французской» системе (т. е. снабжал тексты подстрочным и лит. переводами), а также «руководства к составлению сочинений» по произв. рус. классиков от М. В. Ломоносова до Л. Н. Толстого (более 30 авторов).

Будучи человеком состоятельным, Н. много занимался благотворительностью: в Тамбов. губ. им построено 60 школ и 2 учительские семинарии. Последние годы жизни тяжело болел.

Др. произв. Рассказы: «Наши дети» («Нов. дело», 1902, № 1), «Святство» (РМ, 1902, № 5), «Единственная повесть Кашнеборгена» (Баку, 1903); статьи: «Как должны писаться законы» (Р.и/Д., [1907]), «Наши братья. Положение евреев в России» (Р.и/Д., [1906]), «Социализм и синдикализм» (в кн.: Социализм и синдикализм, под ред. В. В. Битнера, СПб., 1907).

Лит.: Спикер бывших и настоящих воспитанников имп. Липса в память императрицы Александ. М., 1905, с. 17. 4 Некрологи, 1913: ВЕ, № 3; РМ, № 3; ИВ, № 3; «Вест. знания», № 3—4; «Тамбов. старш. вед.», № 7/8; МВед. 30 янв. Брокгауз; Гранат.

Архивы: РГАЛИ, ф. 205; ф. 345, оп. 1, № 544 (письма к О. А. Новиковой), № 377 (письмо Е. Новиковой в ред. газ. «Речь»); РНБ, ф. 349 (в т. ч. Дневник, 1876—83 гг.); ЦИАМ, ф. 418, оп. 292, д. 217 (спеценз. дело: м. с. *); ф. 31, оп. 3, д. 2199, 2200, 2201; ф. 46, оп. 4, д. 16, 35; оп. 9, д. 2; РГАЯ, ф. 1291, оп. 30, 1892 г., д. 59 (ф. с. 1894 г.). А. А. Носов.

НОВИКОВ Дмитрий Ипполитович [ок. 1799 — 11(23).8.1831. Москва; похоронен на Дорогомилев. кладб.], поэт, прозаик, издатель. Из дворян. Вступил в службу в окт. 1816 подпрапорщиком в л.-гв. Измайлов. полк. Переведен в дек. 1817 в л.-гв. Моск. полк, служил в Лифляндии. Штабс-капитан (янв. 1825); в марте уволен по дом. обстоятельствам. С июля 1827 (ф. с., РГАЯ; в реальности, возможно, уже в 1826 — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 16) и в 1828 секр. Моск. ценз. к-та (сослуживец С. Н. Глинки). Дослужился до чина коллеж. ас.

Первые нзв. выступления в печати относятся к 1828 (подпись Золотой рожок): послание «О-му» («Я не любилец Муз и Граций...») («Рус. зритель», № 3—4), элегич. стих. «Осень в Лифляндии (Д...И... Б-ну)» (там же, № 7—8) с явными чертами поэтич. стилистики К. Н. Батюшкова, стих. «Вдохновенное» («Славянин», № 10) — вольный пер. из А. Ламартина. Заглавными буквами того же псевд. подписано стих. «Дудергов-

ское озеро» («Венок граций. Альманах на 1829 г.», М., 1828). Частично эти стих. вошли в сб. «Песни Золотого рожка» (М., 1828; отклик (С. П. Шевырева) — МВ, 1828, № 16), объявление о подготовке к-рого с текстом элегичи «Байрон» напечатано в «Моск. вест.» (1828, № 4). Изданный анонимно сб-к имел подзаголовок «Отысканная рукопись неизв. сочинителя», в предисл. «издателя» — Н. — сообщалось о находке тетради стихотворений в бумагах уехавшего за границу друга. Сб-к традиционен для массовой поэзии 1820-х гг. в жанрово-стилевом отношении: в нем представлены в осн. элегичи, дружеские послания, «альбомные» стихи; поэтич. клише школы В. А. Жуковского (его строки взяты эпиграфом к книге) и Батюшкова соседствуют с парафразами из стих. Е. А. Баратынского и А. С. Пушкина. Большинство текстов (даже поэтически-условных) имеют конкретные адресатов (в их числе товарищи Н. по Моск. полку — привлекший к следствию по делу декабристов А. Ф. Моллер, М. Ф. Адлерберг и др., а также моск. знакомые); в стихах встречаются имя автора и многочисл. автобиогр. реалии, что придает («Песням...») черты поэтич. дневника. В сб-ке помещены также переводы из Горация, Э. Парни, Ш. О. Лафара, стих. «На смерть Н. М. Карамзина»; в незавершенном замысле романтич. поэмы «Отрывки из повести „Анарей, или Забавы россиянин“» романтический разочарованный герой перенесен в условную допостровскую Русь.

Автобиографизм в сочетании с жанровой условностью характерен и для прозы Н. Продолжая мистификац. игру, он выпустил кн. «Дилжанс, или Наблюдатель отеч. правов» (М., 1829; отд. главы: МВ, 1828, № 23—24, «Рус. зритель», 1829, № 15—16) — «путевые записки» отставного офицера, автора «Песен Золотого рожка», «составленные им в начале 1825 г.» (в предисл. Н. ожесточенно полемизирует с вышеуказ. рец. Шевырева). Повторяющий маршрут «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева, «Дилжанс...» восходит к традиции «сентиментальных путешествий» школы Карамзина.

С кон. 1820-х гг. Н. замышляет издание альманаха. Планируя выпустить его вместе с А. А. Башиловым к сент. 1829, он обращается к ряду «отличных литераторов» и получает произв. Пушкина, П. А. Вяземского, Баратынского и др. Замысел реализовался в издании, предпринятом совм. с П. Н. Араповым, — «Радуга, литературный и музыкальный альманах на 1830 г.» (М., 1829). В разделе прозы помещены произв. И. И. Лажечникова, Н. А. Полевого, Ф. Н. Глинки, Н. Д. Иванчина-Писарева.

Петра А. Муханова (под криптонимом Z), сцены из комедии А. А. Шаховского, очерки «О народных рус. пословицах» И. М. Снегирёва и «Фомин понедельник» М. П. Погодина; свои стихи дали А. С. и В. Л. Пушкины, А. С. Грибоедов, А. А. Жандр, И. И. Козлов, Д. В. Давыдов, Шевырёв, М. А. Дмитриев и др. Самому Н. принадлежат два стих. (в т. ч. «Отрывок из древнего предания Семик») и прозаич. миниатюры «Звезда» и «Судак». Н. уже не скрывает своего авторства, как и в последней прижизненной публ. — «Песня» («Небо чисто, небо ясно...») (альб. «Сиротка на 1831 г.», М., 1831).

Несмотря на блистательный набор имен, «Радуга» не имела особого успеха, затерявшись в потоке альманахов прозукии. Нейтрально-соучастие отклик напечатала «Сев. пчела» (1830, 4 янв.); А. А. Дельвиг отозвался неодобрит. рецензией (ЛГ, 1830, 6 янв.; ср. автограф рец. с поправками А. С. Пушкина и О. М. Сомова — ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, № 812). Как «потопивших стихи и скрепящую прозу» определил атымахан Н. И. Наземкин (?) — ВЕ, 1830, № 1, с. 82.

Холодный прием не остановил Н., желавшего сделать «Радугу» ежегодным изд. и собиравшего мат-лы для нового выпуска, несмотря на стесненные материальные обстоятельства, вынуждавшие его брать в долг у знакомых (см. письмо Погодину — РГБ, ф. 231/1, к. 48, № 68). Не обладая достаточными талантами и четкой лит. позицией, Н. вряд ли мог рассчитывать на успех дела.

Изд. Франц. эпитаф. XVIII—XIX вв. в пер. поэта пушкинской поры. М., 1989 (два стих.; биогр. заметка). Письмо Н. К. Ф. Калыдайчу (1829) — Шухтинский сб-к, в. 9, М., 1910.

Лит.: Барсуков (ук.); Галжиев А. Дж. Поэт и издатель Н., знакомый А. С. Пушкина. — В сб.: Проблемы совр. пушкиноведения. Псков, 1991; ЛН, т. 91 (ук.); Н. ошибочно назван П. А. Новиковым). * МНзр.: Смирнов-Соколинский; Черейский; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 772, оп. 1, ч. 1, л. 31 (ф. с. 1826 г.) [справка К. Ю. Рогоза]; РГАЛИ, ф. 141, оп. 1, № 246 (письма Ф. Н. Глинке, 1829—30). С. И. Павлов.

НОВИКОВ Евгений Петрович (псевд. Е. Данковский; 15(27).8.1826 — 21.9(4.10).1903, с. Непешино Коломен. у. Моск. губ.), историк, филолог, прозаик, дипломат. Из дворян. Учился в Моск. ун-те (на кафедре славистики под рук. О. М. Боярского); выпущен в 1846. В 1849 защитил здесь магистер. дис. «О важнейших особенностях лужичских наречий» (М., 1849; положит. отзыв: «Совр.», 1850, № 3) — первое рус. иссл. о серболужичском яз. Впоследствии составил «Словарь серболужичского наречия» (не издан). В работах «Православие у чехов» (ЧОИДР, 1848, № 9) и особенно «Гус и Лютер» (ч. 1 — РусБ, 1857—58; ч. 2 — ЧОИДР, 1858—59; отз. изд. — ч. 1—2, М., 1859) сформулировал славянофильскую концепцию истории гуситства и славянства вообще, причем рассматривал Чехию как место столкновения двух «стихий» — западной (германо-роман-

ской, латинской) и восточной (греко-славянской).

Н. доказывал, что исконным для чехов было православие; католичество же принесено извне, а Я. Гус и М. Лютер являлись носителями принципиальных различий между двумя мирами: «В вероисповедальной жизни не нам, славянам, принимать наставления от немцев илье, когда мы, в лице Гуса, авали из уст Лютера за три столетия» («Гус и Лютер», ч. 2, М., 1859, с. 468). В искр. крутах книга Н. была встречена с одобрением. По счастливому Ю. С. Карлова, она «так поразила митрополиту Филарету, что владыка сказал: „Если бы были духовным, я бы вас селал епископом“» (см.: Карлов, с. 6). В рец. Г. П. Смирнова-Платонова («Правосл. обзор», 1860, № 3) высказывался соображение, что книга Н. является пособием «при суждении о взаимных отношениях церквей» (с. 396) и что вопрос о Гусе разрешен им полностью (с. 368); наряду с этим отмечалась выразительность композиции книги и недостаточная обработанность источников. Констидин Н., поздравлявший науч. критике в 1860—70-х гг. (Васильев П. П., Причины и характер чеш. репт. движения. — ЖМНП, 1876, № 7), имел влияние на историков гусит. движения вплоть до 1917 (в т. ч. на В. А. Бильбасова и А. Ф. Вертеловского).

В 1855 Н. выступил в «Отч. зап.» с повестью «Горбун» (№ 3) — мелодрам. историей крестьянина; в ней он начал разрабатывать «простонар. тему». Повесть отличается композиц. рыльностью, многостовием, перегруженностью деталями, замысловатым стилем.

Рецензент «Москвитинна» Е. Н. Эзельсон (1855, № 5; подпись Е. Э-н) встретил повесть сдержанно; в след. рец. этого ж-ла (1855, № 6) рецензент (б. п.), отмечая эти очевидные недостатки, полагал, однако, что Н. удалось передать особенности рус. нац. характера «в отношении своих к высшим и глубочайшей покорности судьбе, и живую верую и милосердие к беднейшим своим собратьям» и изложить это «живым русским языком, видимо, естественным и подслуханным на месте» (с. 148, 150); рецензент «Отч. зап.» (1855, № 7; б. п.) в целом соглашался с «Москвитинином», выразил сомнение, «насколько полюбившая оригинальность языка может быть допущена в повести» (с. 62). И. И. Панаев в «Современнике» (1855, № 4), отмечая у автора «способность наблюдательности», «теплое чувство», все же считал «Горбуна» неудачей, привлекая к-рой в отсутствие «правильного развития, худож. последовательности», в власти рассказа, обилия мелочных картин, «риторич. отступлений» и неуклюжих «высказок» (с. 216).

Следующая пов. Н. — «Поездка в деревню» (ОЗ, 1855, № 6) — история молодого помещика, получившего фальшивое воспитание, бесхарактерного и не приспособленного к практич. деятельности; его неумелое вмешательство в хоз. дела с целью грабидозных улучшений в унаследованном от родственников поместье

приводит к постоянным промахам, демонстрирующим его полную несостоятельность. Повесть произвела более цельное впечатление, но была ошечена критикой в осн. негативно, особенно из-за неестественного и вычурного стиля. В этом соч. (как и в первой повести) сказались пристрастие автора к воспроизведению необработанной нар. речи в многочисл. аналогах, имеющих чаще всего косвенное отношение к сюжету, что еще более утяжеляло повествование («Уж какая это девка! Хуть бы собой, хуть для мене, утолою-то для мене, что обалол себе, что обалол семейского, все уж, такая приборщица», — так хвалит бабушка внучку, героиню повести. — с. 225).

«И мысль, и филологич. сведения г. Данковского решительно послужили в ущерб его повести...», — писал рецензент «Б-ки для чтения» (1855, т. 132, с. 13; б. п.). Панаев обвинял повесть в «важкой лит-рой», отмечал в стиле Н. «что-то изнерное, кокетливое, отвлеченное раздушенной риторикой», а крест. язык оценил как «подделку», «требую работу, а не живой народной язык»; неудачным в исполнении оказался по его мнению, и хорошо задуманные лица («Совр.», 1855, № 9, с. 64).

Последнее из отпубл. произв. Н. — «Портретная галерея» (ОЗ, 1856, № 9; 1857, № 1—2). Тема разорения дворянства и перехода помещичьих имений в руки новых хозяев, безнравств. дельцов, — решалась им в жанре любовно-авантюрного романа (приезд в родовое имение инкогнито наследника древнего рода для места негодяю-вольнотопущенику, вероломно захватившему усадьбу). А. А. Григорьев, упомянувший роман Н. в ст. «Критич. взгляд на основы, значение и приемы современной критики иск-ва» (БлЧ, 1858, т. 147; переизд.: Соч., т. 1, СПб., 1876), отмечал, что «несмотря на фальшивую грандиозность основной темы, на поддельность главного героя, на несообразность ни с чем и достойную Поля Февалеа нитригу, роман имел в публике некоторый успех» (Соч., с. 215), и считал это реакцией читателей на умирание натуральной школы.

И научные, и лит. занятия были оставлены Н. вскоре после начала его дипл. службы. В 1850 он поступил в Азиат. деп. Мин-ва иностр. дел, вскоре был сделан секр. посольства, затем короткое время исполняющим обязанности посла в Турнии и Сирии; в 1865 посланник в Греции; будучи в 1870 послом в Вене, сыграл немалую роль в сохранении Австрией нейтралитета во время рус.-тур. войны 1877—78; в 1879—82 посол в Константинополе, где встречался с К. Н. Леонтьевым (ЛН, т. 22/24, с. 467, 496). В 1882 Н. был отозван с дипл. службы и назначен чл. Гос. совета, но реального участия в его деятельности почти не принимал, проводя зимнее время гл. обр. за границей, а лето в своем имении.

Лит.: Карпов Ю. С. За кулисами англо-латин. СПб., 1908, с. 6—7, 22—23, 26; Митусов С. Н. Из моих восп. о поселе Н. — РС, 1911, № 4; Арбузов Н. К. Из восп. о Цареграде. Н. — наш посол в Константинополе. (1880—1882 гг.). — ИВ, 1914, № 12; Пыпин А. Н. История рус. этнографии. т. 2. СПб., 1891, с. 357—58; Бузэску В. П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и нач. XX в., ч. 1. Л., 1929; Бернштейн С. В. Рус. славяноведение о сербобульжизм. — В кн.: Сербобульжизм. сб. М., 1963; ЛН, т. 35/36, с. 225, г. 49/50, с. 488; Chikas G., Botschafter von Nowikow über den Panславизм und die Orientalische Frage. W.—Lpz., 1907. + Брокгауз; ИДРДВ; Мейер; Бограз. «Совр.»; Венгеров. Истоц.; СДР; Маслова.

Архивы: РГАЛИ, ф. 34, оп. 1, № 986 (письма И. П. Игнатъева к Н.); РГБ, М3611а, к. 72 (письма к О. А. Новиковой); ПогП, к. 22, № 44 (письма М. П. Погодину). В. М. Бокоро.

НОВИКОВ Иван Алексеевич [1(13) по др. сведениям — 4(16). *1. 1877, селцо Ильково Миенского у. Орлов. губ. — 10.1.1959, Москва; похоронен на Новодевичьем кладб., поэт, прозаик, драматург, эссеист. Сын А. П. Новикова — вольноотпущенного крестьянина, приписанного к миенскому мешанству, и А. В. Но-

виковой (урожд. Поляковой) — однопорки. В «Автобиографии» Н. писал: «Твердо знаю, что писательство мое идет от матери... Детство мое доселе светлое и радостное, завершилось ничем не вознаградиomo потерей: смертью моей матери» (СП. Автобиографии, т. 2, с. 131). В семье Н. существовал культ шестидесятичеловек, прививавший любовь к книге. В 12 лет Н. прочел большинство рус. классиков, писал стихи, пьесы, фантастич. роман, издавал дом. ж. «Семьячко» (не сохр.). После дом. подготовки Н. в Миенске окончил последний класс нач. уч-ща, затем — гор. уч-ще и Моск. среднюю земледельч. школу, куда поступил в 1892 во 2-й класс, т. к., по словам Н., «не было средств поступать в г-зию или реальное уч-ще» [Гос. музей И. С. Тургнева (Орёл), № Н 1889 ОФ, л. 1]. В 1896—97 был в Вятке на сел.-хоз. практике, печатался в «Вятской сел.-хоз. газ.» (первая публ. — заметка «О сел.-хоз. артелях Левницкого»,

1896). Тогда же Н. начал писать рассказы, опублик. позже. В 1897—1901 учился в Моск. сел.-хоз. ин-те (так называлась в те годы Петровская сел.-хоз. акад.). С 1-го курса подрабатывал уроками, помогая мл. сестре Ольге, поступившей в Москву, по его инициативе, на учительские курсы. В студенч. годы участвовал в любительских спектаклях, учился пению. В 1899 в Ялте встречался с А. П. Чеховым. Летом 1898 Н. «ездил на голод» в Казан. губ., летом 1899 — в Бессарабию. Впечатления этих поездок отразились в первых опублик. худож. произведениях: рассказе «Сон Сергея Ивановича» («Нар. благо», 1901, № 14; под псевд.: М. 3-й) и драме «В пути» (М., 1901).

В кон. 1890-х гг. мировоззрение Н. определили его увлечения др.-греч. философией (особенно Платоном) и идеями позднего народничества. Еще учеником земледельч. школы Н. «оходил в народ», разъясняя крестьянам основы агрономич. знаний. Послал Н. К. Михайловскому рассказ «Ночь» («Сон Сергея Ивановича»), объяснив, что он написан после прочтения его статей «Вперемежку» (ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 488, л. 1). В 1899 Н. познакомился с поэзией старших символистов и в стихах начал формально подражать лирике К. Д. Бальмонта и В. Я. Брюсова (тетрадь стихов 1899—1900 «Опыты неокадентской поэзии» — РГАЛИ, ф. 343), тематически оставаясь верным поздненароднич. лит.-ре.

В 1902—03 Н. оказался под сильнейшим воздействием филос. работ Вл. С. Соловьёва (особенно «Красота в природе», «Смысл любви», «Оправдание добра»). В поэзии Н. начал подражать младшим символистам, гл. обр. А. А. Блоку. В ст. «Критич. заметки» Н. еще отделял себя от «большого, упадочного иск-ва», но признавал, что «и оно имеет свое оправдание» («Юго-Зап. неделя», 1904, 11 янв.).

После смерти отца в 1901 Н. и его брат Андрей отказались от наследства в пользу сестры. В 1901—07 Н. жил в Киеве, работал в агрономич. лаборатории ученым агрономом 1-го разряда. В 1906—07 был ред. ж. «Земледелие» и секретарем Киев. об-ва сел. хозяйства. Написал науч. работу «Метод лимоннокислых вытяжек как прием определения плодородия почвы» (К., 1906).

Постоянная лит. деятельность Н. началась с публикаций рассказов, статей и стих. в газ. «Киев. газета», «Юго-Зап. неделя», «Голос Юга», «Киев. отклики», «Киев. новости», ж. «Рус. мысль», «Золотое руно» и др. Публик. статьи на лит. и полит. темы Н. публиковал под псевдонимами.

Осн. темой первой книги Н. — сб. «Искания» (К., 1904) стали нравств.

поиски молодых интеллигентов. Рецензенты отметили абстрактность в постановке и разрешении проблем.

«Идеей почти всех рассказов и драм. проведений ... служит недовольство чем-то, отречение от чего-то, стремление к чему-то. ... Чего ищут эти люди — даже сказать трудно» (В. Карякин) — РБ, 1904, № 7, 2-я паг., с. 123; («Философия г. Новикова гомеопатична и скудна, оттого, вероятно, что сам автор уже перестал искать, зато его послушные герои прокладывают вобростность метасты в поисках за смыслом жизни» (О. Миртов — «Обр.», 1904, № 6, отг. III, с. 91).

Та же тема звучала в ром. «Из жизни духа» (СПб., 1906). Герои-студенты томилась в поисках Вечноженственного, находя и утрачивая его в обиходах земных девушек. Критики также обратили внимание на худож. несовершенство романа.

«Нет своего слова, своей краски и формы» (В. Григорьев — «Восп.», 1906, № 12, с. 63). «Это история жизни немощных и хрупких аристократов духа, у к-рых слишком слабые силы для того, чтобы построить се по своему идеалу ... слов — очень искусственный, неровный» (А. К. Закревский — «В мире иск-ва», К., 1907, № 4, с. 28).

В годы Революции 1905 Н. выступал в киев. печати с резко критич. полит. статьями, такими, как «Священники и черная сотня» [1905, 11(24) нояб.; подпись Вечерний], в газ. «Киев. новости», впоследствии закрытой за его статью о почтово-телеграфной забастовке, а сам автор «судился в Киев. судебной палате при закрытых дверях» (СП. Автобиографии, т. 2, с. 134). Политически-заостренные худож. произв. Н. объединены в сб. «К возрождению» (М., 1907). Центр. место в сб-ке занял «Эпизод. Отверток из ненанисанного романа», являвшийся тематич. и сюжетной параллелью к роману М. Горького «Мать». Цензор в этом и др. очерке «На площади» усмотрел преступные намерения «выставить революционером ... за героев» (ЦИАМ, ф. 46; ф. 31, оп. 3, л. 775); по постановлению суда тираж книги был приговорен к уничтожению.

В реч. Закревский указал на искривленный характер книги, замечательнейшим образом, истава Н. от реализма к символизму: «рассказы ... одни написаны до начала периода смелый его на сторону новой школы, другие ... под влиянием ее». По мнению критика, за «искривленной восторженностью», с к-рой Н. восхваляет «светлые идеалы», скрывается «пессимизм самого острого свойства» («В мире иск-ва», 1907, № 7/8, с. 33).

Н. через А. М. Ремизова и С. Н. Булгакова сблизился с петерб. символист. кругами (его имя заявлено в числе авторов ж. «Новый путь», «Вопросы жизни»). В 1905 в Петербурге он познакомился с Мережковскими, но остался духовно чуждым им. Д. С. Мережковскому он посвятил стих. «Страдающему Злу» (1905) и был автором положит. реч. на его перевод «Дафниса и Хлоя» Лонга («Голос Юга», 1905, 8 янв.). В сер. 1900-х гг. Н. сотрудничал в ж-лах «В мире искусств», «Золотое руно», «Перевал», 4 окт. 1907 Н. — участник киев. «Вечера нового иск-ва», где познакомился с А. А. Блоком и А. Белым (см.

восп. о Блоке «Образ поэта» — в его кн.: Повести и рассказы, М., 1958).

Стихи Н. 1903—07 собраны в кн. «Духу святому» (М., 1908), в тематике, стилистике и метрике к-рой ощутимо подражание лирике младших символистов, особенно Блоку. Худож. концепция книги обусловлена «прочитанной» через Вл. Соловьёва философией Платона. Рецензенты единодушно отметили вторичность лирики Н., к-рая «не более не менее, как произведение самодовлеющей середины, хорошо уловившей сущность последней моды» (Б. (А.) Садовской — «Весь», 1908, № 2, с. 83).

В 1907—10 Н., оставив службу, жил в Москве, Миенске, Туле, ездил по провинции с чтением лекций. В 1908 совершил поездку по Югу России (Киев, Харьков, Екатеринослав) с лекцией «Кнут Гамсуна и вопросы любви», в к-рой рассматривал произв. Гамсуна через призму Вл. Соловьёва и Платона, утверждая высшую ценность аскетически-платонической любви «как стремления к сверхземному» (РГАЛИ, ф. 343).

Отзывы в газетах были противоречивы: лектор «с гордым видом посядал на трон мироздания ... публика еще не успела приспособиться к требованиям новой философии и морали» («Киев. вестн.», 1908, 10 февр.; подпись Нопольцелус), и лекция «оставила большое удовольствие публике ... неоплатонизм ... нашел в лице Ив. Новикова популяризатора и проповедника» («Юж. край», 1908, 18 дек.; подпись Ю. В.).

Предельным выражением пессимизма Н. стал ром. «Золотые кресты» (М., 1908). Самоубийство его юных героев предстало как торжество высшей мистич. Любви, отказавшейся от своей земной оболочки. В отриц. свете были изображены представители «нового религ. сознания», в докторе Палтицыне угадывался Мережковский, Закржевский называл произв. Н. «полуроманом — полуфотографией», где типы «неохристиан» «по-видимому „писаны“ автором с натуры» (Закржевский и А. Религия. Психол. параллели, К., 1913, с. 382—83).

Кризисные настроения 1908—09 не отразились в лирике Н. Осн. тема второго сб-ка стихов — «Дыхание земли» (К., 1910) — пантеистич. приятие мира, хотя в нем есть и «по несбыточным грезам печаль» и ощущение своей обособленности («Мы люди не иной ли расы? Не воды ли иной реки?»). Природа — наиболее полное воплощение Красоты. На смену эпитон. повторению штампов лирики младших символистов пришла следование традиции Ф. И. Тютчева. Критики сочли сб-к началом отхода Н. от символизма: писатель «еще не разорвал с той „новой“ школой поэзии, с к-рой в прошлом у него так много связей, но чувствуется, что он уходит от нее все дальше и дальше» (Ив. Ч. — «Одес. листок», 1910, 21 марта).

Пересмотр Н. своей эстетич. платформы совпал по времени с кризисом рус. символизма. Его позиция четко определена в неопубл. статьях нач. 1910-х гг., особенно в ст. «Предисловие к воображаемому изданию своих стиховоржений в 2-х томах: I. Духу святому; Дыхание земли. II. Черный град; Veronica» (Записная книжка 1913 — РГАЛИ, ф. 343). «Болезни» совр. поэзии Н. видел в доминировании эстетич. критерия над этическим, самостилизации и культивировании групповщины, когда индивидуальность поэта скрывается «за круговой порукой». Новая эстетич. платформа Н. — реалистич. метод, но обогащенный худож. средствами модернизма.

В сб. «Рассказы. (1905—1912)» (М., 1912) Н. соединил как произв. периода увлечения символистской худож. системой («Зеленая», «Путух»), так и рассказы, характерные для его реалистич. манеры 1910-х гг. («Варенька из Прилеп», «Нажда в пруду», «Жанна д'Арк»). Сб-к вызвал многочисл. рецензии. Большинство приветствовало новую книгу, отмечая лиризм повествования и пантеизм как основу мироощущения автора.

«Во все свои проза, он не столько рассказчик, бытописатель, сколько лирик, поэт» (Г. Ваткин — «Сибирская жизнь», 1912, 14 дек.). «У автора есть свои, оригинальные черты... есть у него излюбленные, неизменяемые озвучивания, благодаря к-рому рассказы его имеют между собой внутр. связь — связь разных образов одной души» (Б. Э. (Б. М. Эйхенбаум) — «Запросы жизни», 1912, № 52, с. 3013). Новый реализм Н. не принял М. Горький, отметивший, что в книге Н. «есть все, что требовалось от молодого писателя строгими и капризными, но несомненно основательными критериями модернизма, нет только Новикова — нет человека, входящего в храм литературы со своим лицом» («Совр.», 1912, № 12, с. 398; подпись А. П.).

В 1909 Н. совершил пешее паломничество из Тулы в Ясную Поляну к Л. Н. Толстому (см. запись в дневнике Толстого от 12 июля 1909: «сочинитель умный Новиков» — LVII, 94). Встреча с ним совпала с началом работы Н. над центр. произв. его творчества — ром. «Между двух зорь» (М., 1915; др. назв. — «Дом Оремовских»). В психол. повествовании о молодом поколении Н. пытался представить перспективы ист. пути России. На концепцию произв. оказало влияние учение Толстого о непротивлении злу насилем: именно оно способствовало нравств. возрождению героев романа. Современность в трактовке Н. — это период «между двух зорь» — прошедшей революции и нового изменения рус. общества — нравств. «воскресения» России. Образ одного из героев, предчувствующих грядущее, — писателя Кристолюбова — был автобиографичен. Критики отметили обобщающий характер романа Н.

«Ив. Новиков является представителем прошлого на психическую жизнь целого поколения» (А. Грознев — СбЗ, 1915, № 11/12, с. 229); к

роману надо относиться «как к серьезной попытке осветить нек-рые условия жизни и дать ей свое худож. истолкование» (А. Озюгов (Н. П. Алешин) — «Совр. слово», 1915, 13 дек.), З. Н. Гиппиус сочла осн. достоинством романа его проблемность: «Новиков ставит вопросы. Вот его главное. И единственная точка его силы» (УР, 1916, 17 сент.). По мнению Е. А. Колотовской, все творчество Н. 1910-х гг. и особенно ром. «Между двух зорь» является наиб. ярким проявлением нового реализмич. течения — т. п. неореализма, соединившего в себе как достоинства классич. рус. реализма, так и новации, его образом в области худож. средств, заимствованные у модернизма. Н. успешно начал решать задачу «неореализма» — воскрешение и обновление большого прозаич. жанра. «Возрождение романа» — так назвала Колотовская статью о прозе Н. (РМ, 1916, № 5).

С 1910 Н. жил в Орле. В 1913—16 был секр. Орлов. об-ва сел. хозяйства и ред. ж. «Вест. Орлов. об-ва сел. хозяйства». В 1916 женился на О. М. Принц, усыновив двоих ее детей. С 1916 начал проф. лит. деятельность, оставив службу. В 1917 переехал в Москву, сблизился с моск. писателями-реалистами, особенно с Б. К. Зайцевым. Н. — прямой прототип Христофорова — гл. героя повестей Зайцева «Голубая звезда» (1918) и «Странное путешествие» (1927).

В 1920-е гг. Н. тесно связан с изд-вом «Никитинские субботники» (здесь опубли. его книги «Товарищ из Тулы», М., 1925, «Между двух зорь», ч. 1—2, [4-е изд.], М., 1927). Настроения Н. этого периода наиболее четко выражены в кн. «Современные повести» (кн. 1—2, М., изд. автора, 1926), сочетающей в себе лирику и мистику, а также пессимистич. взгляд на современность. В нач. 30-х гг. Н. отдает дань «производственной прозе» («Диспут о кролике», «Грамотные цыплята», «Овощи» и др. рассказы). Ром. «Страна Лекхорн» (М., 1934) — о проблемах совр. молодежи, с сатирой на «начальников» подвергается конкурентной идеологич. критике ж. «На лит. посту». В 1936 вышел в его переводе бурят. эпос «Аламжи Мерген» (М.—Л.). Ром. «Пушкин в Михайловском» (М., 1936) был встречен критикой сдержанно, но после его устной высокой оценки И. В. Сталиным получил широкое одобрение. Это произв. и ром. «Пушкин на юге» (М., 1944) были объединены Н. в ром. «Пушкин в изгнании» (М.—Л., 1947), к-рый пользовался большим читательским спросом.

Критика 1960-х гг. отмечала не только документальную основу романа, ряд неточных наблюдений и догадок автора, но и упрощенность образа поэта, декларативность, излишнюю «красивость» слога (см.: Белянков А., Юрий Тышнев, М., 1960, с. 333—37, 339; Левкович Я. Л., Пушкин в сов. худож. прозе и драматургии — В кн.: Пушкин Иссл., т. 5).

С 1930-х гг. Н. занимался изучением «Слова о полку Игореве», опубли. неск. статей, ему принадлежит поэтич. перевод «Слова» (1-е изд., М., 1938; впоследствии неоднократно переизд. с доп. и уточнениями автора). В Союзе писателей Н. возглавлял комиссии по иссл. «Слова о полку

Игорева», тургеневскую и пушкинскую. В годы войны совершил поездку по горам Урала и Сибири с чтением отрывков из романа о Пушкине и собранные средства передал на строительство самолета. Написал воспоминания о своих встречах с Толстым («Огонек», 1928; № 37), А. П. Чеховым (ЛГ, 1940, 30 янв.) и др., кн. «Писатель и его творчество» (1956) о стиле рус. писателей.

Др. произв.: «Около жизни. Драма» (СПб., 1903), «Любовь на земле. Пьеса» (СПб., 1911), «Стихи деткам» (М., 1913), «Горсть пелла. Пьеса» (М., 1916), «Варенька из Прилеп и др. рассказы» (М., 1917), «Во имя господне» (М., 1917), «Калина в палисаднике. Рассказы» (М., 1917; 2-е изд. с подзаголовком: «Повести» — М., 1922).

Изд.: Собр. соч., т. I—4, М., 1966—67 (выступ. ст. Я. Волкова; соет., полз. текста и прим. М. Новиковой; ость автобиографии); «Стихи». — Семейная пать. [Стих.]. — ЛН, т. 92, кн. 3, с. 582, 584; Паникина. [Спа.]. — В кн.: Совет Серебряного века. М., 1990, с. 241, 689; Между двух зорь — Страна Лексори. [Романы]. М., 1991 (выступ. ст. Я. Волкова).

Письма: Перетиска Н. с А. С. Грином. — В кн.: Восп. об А. Грисе. Л., 1972, с. 413, 554—555, 557—559, 563, 565; «В пути к вым... письма от 23 янв., 4 марта, 23 апр., 25 мая 1943 г.». Письма к В. В. Вересаеву из Каменска-Уральского. — ЛГ, 1977, 12 янв. (публ. М. Н. Новиковой-Прино).

Лит.: Соболев Ю., Три очерка. [Б. Зайцев. — И. Букин. — И. Новиков]. — «Слово», кн. 11, М., 1917; Львов-Рогачевский В., И. А. Новиков. В его кн.: Новейшая рус. лит-ра. 7-е изд., М., 1927; Волков А. Творч. путь Н. — На родной земле. Орел, 1959; его же. Счастлив талант. Орел, 1961; Воронцова О., И. А. Новиков. — «Поземь», 1957, № 1; Чернов Н. М., Лит. места Орлов. края. Орел, 1961, с. 88—89; Муратова К. Д., Роман 1910-х гг. Семейные хроники. [О романе «Между двух зорь»]. — В кн.: Судьбы рус. реальная нач. XX в., Л., 1972, с. 119—23; Козыро Л. А., К проблеме характера в «культурных» повестях Н. — В кн.: Вопросы дух. метода, жанра и характера в рус. лит-ре XVIII—XIX вв., М., 1975; Козловский Ю., О творчестве Н. — В кн.: Новиков И. А., Повести и рассказы. М., 1981; Новикова-Прино М., «Свою мечту трудом своим творю». Из документов, повествований о жизни и творчестве писателя-петровца Н. — «Тимирязев», 1987, 4 сент.; Грачев А. М., К вопросу о типологии романа М. Горького «Мать». («Энцикл. Н.»). — В кн.: Горьковский чтения '88, Г., 1988; ее же, Традиции Л. Толстого в творчестве Н. (Роман «Между двух зорь»). — РЛ, 1988, № 2; ее же, Блок и Н. (Лит. контакты). — А. Блок. Иссл. и мат-лы, Л., 1991. + БСЭ; ЛЭ; КЛЭ; Энци. «Слова...»; Писатели совр. эпохи (1); Писатели Орл. края; Муратова (2); Альм. и сб-ки (1, 2); И. А. Новиков. Библи. прозв. 1901—1977. Орел, 1977; Масанов (не учтен посв. И. П.).

Архивы: РГАЛИ, ф. 343; ИМЛИ, ф. 116; ГЛМ, ф. 137; Гос. музей И. С. Тургенева (Орел), ф. 16; Гос. музей А. С. Пушкина (Москва), ф. 3; ЦИАМ, ф. 472, оп. 1, в. 572* (списки учеников Моск. земледельч. школы), ф. 31, оп. 3, в. 775, 2200; ф. 46, оп. 9, д. 2 (фонд Моск. инст. к-та) [Новикова Г. Ю. Борновская]. А. М. Грачев.

НОВИКОВ Михаил Петрович [23.5 (4.6).1870, с. Боровково Тульского у. Тульской губ. — 1939(?)], прозаик, публицист. Из многодетной семьи малоименных крестьян. Окончил сел. школу. С 10 до 17 лет ходил на «поденку» к помещику, затем работал на подмокс. фабриках. С 1892 на

воен. службе, 2 года учился в писарском классе и распределен в Моск. окружной штаб. Там впервые услышал о Л. Н. Толстом; личное знакомство с ним в 1893, перешедшее в многолетнюю дружбу (не лишнюю противоречий и разногласий, но настолько близкую, что Толстой, решив в 1910 покинуть Ясную Поляну, именно к Н. обратился с просьбой о приюте), изменило всю жизнь Н.: «... пробужденное им во мне сознание так много дало моему уму работы, что я прямо горел и день и ночь в своих новых мыслях» («Из прошлого. Мои восп. 1896—1917» — ГМТ). За «свои новые мысли» Н. пострадал в 1896: при обыске у его брата было обнаружено письмо Н. со словами о «глупохитрой» коронации Николая II, с ее «чудовишным» расходом в десятки миллионов. После ареста Н. был обвинен в хранении запрещенных произв. Толстого и Т. М. Бондарева и сослан в Варшаву, а затем в форт Карабулак Туркестан. края, откуда возвратился через год, полностью утратив веру в царя и церковь. О причинах своего отхода от православия Н. рассказал в очерке «Старая вера» (частично опубл. в кн.: Материалы к истории и изучению рус. сектанства и старообрядчества, в. 3, СПб., 1910; рукоп. — РГБ, ф. 398, № 8). В очерке обосновывается необходимость для рус. народа рациональной «веры в действительно существе — в самого себя, свои силы и разум» (с. 157). Толчком к новому духовному подъему рус. народа, с т. з. Н., «будет апостольство не Марков и Ангелов, не Кропоткинских и других подобных им ценителей всеобщего социализма и анархизма», а «очищение истинны» христ. учения (с. 156). В прим. ред. говорится об «особо важном значении» этой рукописи, в к-рой показано, как «перелом души православного человека ... приводит к сектанству вообще и к „свободному христианству“ в частности» (с. 155).

Стремясь к осуществлению принципа деятельного добра, Н. посылает в 1900 письмо редактору «Журнала для всех» (опубл. В. Г. Чертовым под назв. «Народный суд» — «Свободное слово»), Крайстчёрч, Англия, 1904, № 10; ота. изд. под назв. «Голос крестьянина» — Крайстчёрч, 1904), в к-ром переход от обществ. «беспорядка» к такому порядку, когда прибыль останется у ее создателя, считает возможным через воздействие на сознание и совесть «господ», хотя год (1899—1900), проведенный им в одной из «колоний-коммун», созданной «какими-то помещиками», продемонстрировал практич. неисполнимость толстовской идеи самоусовершенствования через опрощение. Публицистика Н. насыщена живописными сценами и картинами.

На просьбу Толстого, восхитившегося «метким, неподражаемым языком» Н. и его «удивительным чувством меры» («Я всю жизнь старался так писать и не умел» — Толстой в восп., I, 463—64), напечатать это письмо в «Рус. богатстве» В. Г. Короленько ответил категорич. отказом — не только из-за цензуры, но и по причине предполагаемого неуспеха у читателя (Короленько, X, 433—34). Сходные проблемы Н. ставит и в докладной записке (ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1896 г., д. 1404, ч. 2, л. 44—48), поданной в 1902 в к-т по выявлению нужд сел.-хоз. промышленности и заканчивавшейся требованием свободы в делах веры, отмены телесных наказаний, выкупных платежей за крест. наделы, круговой поруки в деревен. общине. За эту записку Н. тогда же был заключен на 2 месяца в одиночку Петропавлов. крепости.

Первая публ. Н. в России — «Письма крестьянина» («О Толстом. Межуарн. толстовский альм.»), М., 1909; о положит. отзывах см.: ЛН, т. 90, кн. 3, с. 317). Сост. альманаха П. А. Сергеевич находил их превосходными. Д. П. Мавоинский свидетельствовал, что слова Толстого «словно отпечатались» в памяти Н., «будто слышны самого Л. Н.» (ЛН, там же, с. 317). Документальность характерна и для написанных вскоре после смерти Толстого восп. Н. «Мое последнее свидание со Львом Николаевичем» (опубл.: «Соединенный вып. ж-лов „Голос Толстого и Единение“ и „Истинная свобода“», М., 1920), выражающих крестьянскую т. з. на уход Толстого из семьи и осуждение либеральной интеллигенции, толкавшей его на этот поступок, усматривая в нем эффектное завершение подвига самопожертвования. Часть восп. Н. опубл.: «Восп. о Толстом» («Крест. дело», 1912, № 6); «Наш долг перед Толстым» («Единение», 1917, № 2); «Путь к свету», 1919, № 1), часть — в рукописи («Л. Н. Толстой в оценке народа» и др. — ГМТ). По словам Н., его восп. «Последняя ночь в Ясной Поляне» были переведены на франц. яз. Ш. Саломоном и опубл. в Париже (их переписка — в ПГУ, в деле Н. от 4 янв. 1928; см. об этом в его заявлении в тульское ОГПУ от 17 февр. 1930 — ГМТ).

Мысли Н. о России, далеко не полно выраженные в его публн. выступлениях, сформировались в первое десятилетие после отмены (1908) выкупных платежей, к-рое он назвал золотым веком рус. крестьянства. Вначале Н. требовал от помещиков снизить до доступной хлебопашам цену на землю, а в противном случае призывал мужиков, не считаясь с частной собственностью, выехать по весне пахать кто сколько сможет (ст.

«Земельный вопрос в крест. разумении», известная по пересказу Толстого, к-рый считал, что она «пахнет кровью» и что Н. «захватило социалистич. движение», — ЛН, т. 90, кн. 2, с. 25). В дальнейшем Н. в очерках, статьях и рассказах, опублик. в «Утре Росснии», «Ежемес. журнале» и др. изд., предлагал другие меры для подъема жизненного уровня «корыльцев» страны.

Н. агитировал крестьян за трезвый образ жизни («О вреде пьянства» — «Крест. дело», 1911, № 10; рассказ «Не поверю!» — там же, № 19) и широкое выкармливание на селе общества торговли («Во что обходится крестьянам лапшоник» — там же, № 13), давал практич. советы по борьбе с искусст. влечением к сел. («Где покупать швейные машины» — там же, 1912, № 23—24), предлагал создать «яркие нужные науки» о разумном и выгодном расходовании заработка («Бережливость» — там же, № 5), работал за повышение культуры земледельца и избалованного народа от искусства и предрассудков («Почему бедному крестьянину» — «Деревн. галл», 1912, № 8; «Язык крест. земледельца» — там же, № 9), находил выход из казалась бы неразрешимой проблемы, «как отличить нищего от вымогателя» («Что делать с нищими» — там же, 1911, № 11) и др.

В кн. «Братьям крестьянам» (М., 1912) Н. проповедует свободную от суеверий, трезвую семейную жизнь (одобрит. отзыв Толстого, читавшего книгу в рукописи, — ЛН, т. 90, кн. 4, с. 154). Толстой направил две статьи Н. в «Рус. вед.», рекомендуя его как «самообытно мыслящего писателя» (упоминание о них см.: «К отъезду Толстого» — РВед, 1910, 2 нояб.).

В 1915 Н. был арестован за подписание антивоен. воззвания «Опомнитесь, люди-братья!» и, просидев 11 месяцев в Тульской тюрьме, освобожден в зале суда (см. подробнее в кн.: Булгаков В., Опомнитесь, люди-братья! История воззвания единомышленников Л. Н. Толстого против мировой войны 1914—1918 гг., М., 1922, с. 36—37, 79—86). Вернувшись домой, продолжал вести агитацию против войны (см. в кн.: Королев, с. 61). Из его антивоен. соч. разных лет опублик.: «На войну! Записки призывного летом 1904» («Свободное слово», 1905, № 15—17/18; о высокой оценке Толстого в кн.: Гусев Н. Н., Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1891—1910, М., 1960, с. 542), ст. «Война и крест. богатство» («Ежемес. журнал», 1916), «Разговор с Л. Н. Толстым о япон. войне» («Толстой. Памятники творчества и жизни», т. 2, М., 1920) и 2 письма Толстому от 24 и 27 сент. 1904, к-рые тот почти полностью использовал в ст. «Одумайтесь!» (XXXVI, 144—45; см. также его отзыв: ЛН, т. 90, кн. 2, с. 498).

Н. надеялся, что Февр. рев-ция 1917 «будет способствовать ускоренному миру» и отмене смертной казни. После Окт. рев-ции в письме к В. Д. Бонч-Бруевичу выразил «крестьянскую» т. з. на социализм, названный рус. народом «грубым насильем» (опубл.: «Слово», 1991, № 7), в

письме И. В. Сталину (1929) предлагал программу вывода страны из тупицкого на магистральный путь развития человечества через свободу рыночных отношений (опубл.: «Горизонт», 1989, № 1, с. 22—27). Неоднократно избирался в волнисполком, премириван на сел.-хоз. выставке. Бессменный корр. газ. «Беднота»; его ст. «Нужен ли приказ?» (1927, 11 янв.) вызвала острую дискуссию, в результате к-рой появился закон о расширении прав сельсоветов.

Начиная с 1923 Н. был арестован 8 раз. В перерывах между тюремным заключением и ссылками (во время одной из них составил сб-к нар. песен) совм. с сыном написал кн. «Дедовские порядки на пересмотр» (два изд. — М., 1929), получившую восторженный отзыв М. Горького: авторы этого произв. нужны стране «как солнце и хлеб» (XXX, 131—32; положит. рец.: «Сел.-хоз. газ.», 1929, 30 мая; «Деревн. коммунист», 1929, № 20, с. 47—48); в кн. «Научитесь работать!» (М., 1930; совм. с сыном) изложил, по совету Горького, свой «житийский опыт». В 1924 закончил 1-ю часть мемуаров «Из прошлого. Мои восп.», доведя их до 1917.

В 1937 просил Бонч-Бруевича хлопотать о пенсии, о работе в музее и получить обнадешивающий ответ. В том же году арестован и осужден на 10 лет без права переписки. Реабилитирован посмертно 8 марта 1960.

Брат Н. — Афанань Петр. (1863—1930), автор «Записок лакея, или Правдивой истории рабочей жизни» (рукоп. с пометками Толстого — ГМТ), частично опубл. под назв. «Народ и господа» («Свободное слово», 1905, № 17—18; отзыв Толстого — LXXV, 85).

Др. произв.: «Как я выучился переплетать книги» (в кн.: Архангельский А., Как переплетать книги без переплетного инструмента, М., 1915, с. 19—31), «Черная жизнь» («Москва», 1960, № 12; восп. Н. в записке его сына).

Лит.: Л. Толстой и В. В. Стасов. Переписка 1878—1906. М., 1929 (ук.); Булгаков В. Ф., Л. Толстой, его друзья и близкие. Восп. и рассказы, Тула, 1970 (ук.); его же, Л. Н. Толстой. Последняя год его жизни, М., 1978, с. 331—37; Толстой С. Л., Очерки былого, 4-е изд., Тула, 1975 (ук.); Л. Н. Толстой, Переписка с рус. писателями, 2-е изд., т. 2, М., 1978, с. 418—19; Королев А. А., Времени светлая нить (Л. Н. Толстой и Н.), Тула, 1978; Мейлах Б., Уход и смерть Л. Толстого, 2-е изд., М., 1979 (ук.); Досев Хр., Вблизи Ясной Поляны, М., [6. г.], с. 13—14, ф. Библи. уч. лит-ры о Л. Н. Толстом, 1974—1978; Назаров.

Архивы: ГМТ, д. ф.; Музей истории религии и атеизма, ф. 15; РГБ, ф. 369, к. 398, № 8, к. 185, № 23 (переписка с В. Д. Бонч-Бруевичем), к. 309, № 9 (письмо А. В. Луначарскому), к. 398, № 20 (заметка «О гражданских браках»); РГАЛИ, ф. 122, оп. 1, № 980 (письма И. И. Горбунову-Посадову), оп. 2, № 96 (рассказ Н. «Должалте!»), № 234 (ст. «Молодым крестьянам...», путевой набросок «Бабы долга»); ф. 352, оп. 1, № 2248 (письма В. Г. Черткову), № 3743 («Милости из-за решетчат»); ГАРФ, ф. 102, 3-е я-п, 1902 г., оп. 203, в. 1421. И. Н. Глашата.

НОВИКОВ Петр Александрович (1930).6.1797. Москва — 1(13).10. 1876. Москва), поэт, эстетик. Из се-

мян «довольно богатого» моск. дворянина, колл. сов. А. Б. Новикова. «человека доброго, но холодного, урюкого, неповижного» (М. А. Дмитриев — РГБ, ф. 178, л. 101 об.). Воспитывался дома [«рос., франц., нем. и лат. языки, история, география, арифметика и начала геометрии» — ЦИАМ, д. 265, л. 1; в стих. «Воспоминание» (1819) рассказывает о «любви родителей, их первых советах», о пробуждении поэтич. способности — «Старина и повизна», 1905, кн. 10, с. 499—500]. В 1815 поступил в Моск. ун-т на этико-полит. отделение; позднее вспоминал о «благосклонном к нему расположении тогдашних ун-тских профессоров ([А. Ф.] Мерзлякова, [А. В.] Болдырева, [И. А.] Двиугского)» (письмо С. П. Шевыреву — РГБ, № 17, л. 5). В ж-ле Мерзлякова «Амфион» (1815) состоялся лит. дебют Н. — одич. стих. «Явления ночи» (№ 9), в к-ром «лирич. восторг» перед красотой и могуществом сотворенной Богом природы сочетается с интимностью в обращении к Богу («как нежный сын нежнейшему отцу»). Возможно, стих. не избежал редакторского вмешательства Мерзлякова (ср. у Дмитриева: Н. «пользовался поправками Мерзлякова» — л. 102 об.). В «Амфионе» же напечатан перевод Н. фрагмента эстетич. труда Ж. Ф. Мармонтеля «Основы литературы» под назв. «Нечто о чудесном» (1815, № 12).

В 1816 стал сотрудником ОЛРС (в 1821 — д. чл.) в один день с М. А. Дмитриевым, что послужило поводом к их знакомству, переросшему в долготлетнюю дружбу. Во время обучения в ун-те (1815—18) Н. познакомился с племянником Н. М. Карамзина М. Н. Философовым и сыном поэта И. М. Долгорукова Р. И. Долгоруковым; подружился с Д. Н. Свербеевым и А. Д. Курбатовым (х ним и Н. обращено послание «К московским друзьям из N*...N*...») [Симбирский Дмитриев — ВЕ, 1820, № 19]; был членом (вместе с М. А. Волковым, С. Е. Раичем, А. О. Корниловым, Курбатовым) организованного Дмитриевым в подражание «Арзамасу» «Общества громкого смеха». Дмитриев отмечает «важность» и «чувствительность» Н., «ограничавшуюся вздохами к луне, чтением Руссо и вместе Сенанкура» (л. 100 об.), рассказывает о его платонич. увлечении крепостной певичей А. И. Бахметева; Свербеев пишет о «нежном Н.» («Записки», т. 1, с. 298).

Развитый под влиянием лекций Мерзлякова интерес к эстетич. и филос. вопросам и одновременно стремление к самостоят., порою отталкиваемому от теории учителя, мышлению, близкому к принципам романтич. эстетики, проявились в ря-

де соч. Н.; в речи при избрании его в чл.-сотрудники ОЛРС «О гении, о главных его свойствах, о средствах, им употребляемых, и о влиянии его на современников и потомство» («Тр. ОЛРС», 1818, кн. 15), рисуемой романтик. облик поэта-гения, в к-ром соединяются «чувствительность необыкновенная, воображение пламенное, смелость благородная, добродетель высокая, презрение всего обольстительного, терпение непреоборимое и особенно какая-то врожденная свобода и гордость, начало величия нравственного» (с. 71) (ср. ст. Мерзлякова «О гении, об изучении поэта, о высоком и прекрасном», 1812); в ст. «Об идеале в изящных искусствах и в особенности в поэзии» (сб. «Соч. в прозе и стихах», М., 1824, кн. 10), направленной против последователей аристотелевского принципа «поэзия есть подражание природе» (в т. ч. — Мерзлякова: ср. его ст. «Об изящном, или О выборе в подражании», 1813), к-рый «стесняет» труд поэтического гения и приводит его «в состояние механизма» (с. 13—14), и представляющей поэзию как «способность ... выражать бесконечное или идеал» (с. 12). Вместе с тем, для Н. остается важным классицистич. разделение предметов поэзии на «низкие и недостоинные» и «прекрасные и высокие» («О гении ...», с. 69).

Соответственно эстетич. суждениям (их можно назвать и предромантическими) Н. пишет в разных традиц. и новых жанрах, не пытаясь их смешивать: стих.-аллегория «Истина и Мудрец» («Тр. ОЛРС», 1818, кн. 17), оригинальные («Спесивый лошак», «Ваятель и резец» — «Соч. в прозе и стихах», 1822, кн. 5; 1828, кн. 20) и переводная («Пастух и соловей» Флоризана — «Тр. ОЛРС», 1820, кн. 28) басни соседствуют с «кладбищенскими» стих. «Весна, сетование над гробом друга» (там же, 1819, кн. 20) и «Элегия» («Куда стремимся мы в полете?» — «Соч. в прозе и стихах», 1822, кн. 5), использующими традиционную для романтич. поэзии оппозицию «здесь» и «там», и пер. стих. А. Ламартина «Мой призрак» и Дж. Байрона «Стансы» (там же, 1822, кн. 2; 1828, кн. 20).

Книжность и чувствительность Н. сказались в истории его женитьбы (1820) на дочери И. М. Долгорукова — Антонине (Варваре) (крещеное имя Антонина, но закрепилось имя Варвара), к-рой он увлекся во время обсуждения его перевода трактата мадам де Сталь «О влиянии страстей на счастье людей и народов» (перевод не сохр.). Она проявляла интерес к лит-ре и, возможно, перевела роман А. Коцебу «Филибер, или Отношения общественные» (М., 1815), вышедший за подписью ее отца. Се-

мейная жизнь их была счастлива; они вырастили двух сыновей. После свадьбы Н. поселился в доме тестя, одним из известных лит. и театр. центров Москвы 1820-х гг.; участвовал в домашних спектаклях и собраниях составленного тестем в 1821 приятельского, или шуточного, лит. об-ва, в состав к-рого входили Дмитриев, С. Т. Аксаков, М. Н. Загоскин, А. И. Писарев, моск. воен. ген.-губ. Д. В. Голыцин.

Еще не будучи студентом (1806), Н. записан губ. регистратором в экзекуцию винокуренных заводов. По окончании ун-та определен в Моск. архив иностр. дел (1819—26); в 1822 откомандирован от архива к Голыцину, покровительствуемому сму; в 1823 возведен в звание камерюнкера. В 1826—33 служил советником Моск. губернского правления (Дмитриев, рассматривавший ота, уголовные дела совм. с Н., отмечая его осторожность и педантичность как чиновника); в 1833—35 — чиновник особых поручений при Моск. учебном округе. В 1833—50 — попечитель Преображенской больницы в Москве; в 1838 — дир. моск. ссудной кассы. Камергер (с 1835).

После 1828 Н. не печатался. Позже в письме Шевыреву он признавался: «Заботы службы отвлекли меня рано от литературной деятельности» (РГБ, № 17, л. 6). Однако поддерживал связи в лит. (Н. Ф. Павлов, М. П. Погодин, Е. М. Ломакина, сотрудник «Москв.», жившая в его доме), а также в церковных (отец Ипполит Платонов, митрополит Филарет Дроздов) кругах.

Во второй пол. жизни Н., не теряя интереса к лит-ре, посещает возобновившиеся заседания ОЛРС (Барсуков, XVII, 437); но лит. нравы и принципы последующих поколений не причисляет: «она [совр. лит-ра] монополизировала гласность в пользу одних крайних мнений, отчего мало выработана полезного, истинного и практического» [письмо Погодину 1859(?) — РГБ, № 14, л. 6]. Развернувшаяся в публицистике кон. 1850-х гг. полемика о крестьянском вопросе, в частности между его давними знакомыми Н. А. Безобразовым и Погодиным, не оставила Н. равнодушным: в пространном письме к историку он оспаривал его позицию, оставаясь на стороне «охранителей»: «Я страшусь, но страшусь не вспышек народного гнева, а той опасной толпы мечтателей, которые порываются сделаться водителями и нашими и народными» (РГБ — письмо к Погодину, оп. 3, к. 26, № 14, л. 3 об.). Погодин показывал письмо близким друзьям и подробно на него отвечал (Барсуков, XIX, 14—22). С 1852 Н. в чине д. стат. сов. состоял почетным опекуном при Моск. воспитательном доме, уч-ще ордена Св. Екатерины и Александровском ин-те, управлял Марининской больницей. С 1854 — тайный сов.; в 1862 вышел в отставку; жил в собственном доме на Поварской улице.

Изд.: О гении... — В кн.: Рус. эстетич. трактаты первой трети XIX в., т. 1, М., 1974 (укр. прим. З. А. Каменского).

Лит.: Мерзляков А. Ф., Письмо Н. от 13 июля 1817. — Рус. 1879, № 10; Шевырев С. П., История имп. Моск. ун-та, М., 1855, с. 460; Дмитриев М. А., Кн. И. М. Долгорукой и его соч., 2-е изд., М., 1863; Сербеев Д. Н., Записки, М., 1899, т. 1, с. 110, 168, 308—309; т. 2, с. 77—78, 102—103; Барсуков, I, 213; Аксаков, III, 52 (про об-во у И. М. Долгорукова); Снегирев И. М., Дневник, т. 1, М., 1904, с. 137; Грум-Гржимайло А. Г., Соколин В. В., «Общество громкого смеха». — В кн.: Декларисты в Москве, М., 1963, с. 147; Соболев П. В., Очерки рус. эстетики I-й пол. XIX в., ч. 1, Л., 1972, с. 120—21, 4 МНХр; Адрес-календар на 1823—27, 1830, 1844] г., СПб.; Венгеров. Синоск; Моск. уч-ще ордена Св. Екатерины, 1803—1903 гг., М., 1903, с. 461; Словарь членов ОЛРС, М., 1911; Протоколы ОЛРС, М., 1911; Клейменова.

Архивы: ЦИАМ, ф. 4, оп. 14, л. 1390 (ф. с. 1840 г.); ф. 418, оп. 112, л. 265 и оп. 115, л. 397 (о поступлении в ун-т и его окончании); РГБ, ф. 178, 8184, г. л. 99—104 об. и др. («Главы из воспоминаний моей жизни» М. А. Дмитриева); ф. 231, оп. 2, к. 22, № 47; оп. 3, к. 26, № 14 (письма М. П. Погодину); ф. 232 (книга с трагедиями В. Озерова, в к-рой написано шуточное стих. М. Дмитриева, обращенное к Н.: «Се имя твоё Новикова! Эши в ней и Фингал...»); ф. 126, оп. 2, к. 3608, № 12 (письма к Н. от Ф. И. Гильфердинга); № 17 (Шевырева с просьбой написать автобиографию для предполагаемого изд. «Словарь воспитанников Моск. ун-та» и черновик ответа Н.); № 13 (М. Максимовича, приглашение на заседание ОЛРС в 1858); № 14 (Н. Ф. Павлова); № 15 (Ипполита Платонова); № 16 (Филарета) и др.; РГА. ф. 759, оп. 39, д. 322 (ф. с. 1862 г.) [справка С. И. Вареховой].

Т. Ф. Неумилова

НОВИКОВА Ольга Алексеевна [урожд. Киреева; псевд. Русская, О. К. и др.; 29.4 (11.5).1840, Москва — 21.4.1925, Лондон], публицист. Сестра А. А. Киреева. Мать А. И. Новикова. Крестным отцом Н. (как и ее братьев) был Николай I (Депутат от России, т. 1, 1912, с. 5). Получила блестящее домашнее образование, в совершенстве владела англ., франц. и нем. языками. В 19 лет вышла замуж за Инв. Петр. Новикова, чиновника Мин-ва нар. просв. (в кон. жизни ген.-лейт., попечитель Петерб. уч. округа; ум. в 1890), брата дипломата и слависта Е. П. Новикова, однако брак их скоро распался. С юности интересовалась литературой, историей, изобразительными искусствами, Н. вращалась в кругу писате-

лей, политиков, ученых: в разные годы она поддерживала друж. отношения и переписку с И. С. Тургеневым, К. К. Павловой, А. Н. Серовым, А. К. Толстым, Н. Д. Хвощинской, А. Ф. Писемским, Ф. И. Тютчевым, Ф. М. Достоевским, М. Н. Катковым, К. Н. Леонтьевым, К. П. Победоносцевым, С. А. Рачинским, М. Д. Скобелевым, В. В. Верещагиным, А. Ф. Кони, В. С. Соловьёвым, М. Нордау и др.

С 1868 Н. ежегодно проводила зимы в Лондоне, где составила широкий круг знакомств (историки Т. Карлейль, А. У. Кинглейк, Дж. А. Фруд, Э. О. Фримен, У. Лекки, физик Дж. Тиндаль) и приобрела репутацию «русского агента» (см. предисл. В. Стэла в кн.: Депутат от России), «негласной представительницы России не перед англ. правительством, а перед англ. публикой» (Головин, с. 9). Друж. связи с деятелями либеральной партии (прежде всего с У. Гладстоном) сделали в 1870-е гг. лондонский салон Н. сильным центром оппозиции политике консервативного кабинета, глава к-рого Б. Дизраэли назвал Н. «депутатом парламента от России» (о салоне Н. см. восп. М. М. Ковалевского — Лукьянов, т. 2, с. 140—41). В период Вост. кризиса 1875—78, в особенности после трагич. гибели брата Николая (июль 1876), добровольца серб. армии, Н. примкнула к «партии войны». Считая освобождение славян долгом России и залогом могущества правосл. мира, она пыталась воздействовать на британское общество, раскрывая выгодные перспективы союза с Россией и непродуктивность ставки на Турцию (см. об этом многочисл. записи в дневнике А. Киреева — РГБ, ф. 126, к. 7, л. 4, 10 об., 25). О характере деятельности Н. в Англии свидетельствует ее письмо к Кирееву от 1 нояб. 1876: «Вот рукова(д)шая» статья „Times“. Не было бы ее без меня, грешной, как не было бы ... статьи Гладстона, которая страшно здесь всех разозлит ... Я мщу за смерть брата — иначе за него мстить нельзя» (там же, к. 21, № 14).

Получившие международный резонанс статьи Н. составили кн. (все — Л.): «Is Russia wrong?» («Ошибается ли Россия?», 1877; рус. пер. в газ. «Совр. известия», 1878). «Friends or Foes?» («Друзья или враги?», 1878), «Russia and England from 1876 to 1880» («Россия и Англия в 1876—1880»; с предисл. Дж. Фруда, 1-е и 2-е изд., 1880). Н. постоянно печатались также в моск. и петерб. изданиях: цикл «Вести из Англии» (МВед, 1870—80), статьи и заметки в газ. «Русь», «Новое время», «Свет», в ж. «Рус. обозрение» принесли и в России известность «писательнице, скрывающей свое ... имя под началь-

ными буквами О.К.» ((И. Н. Павлов). — «Кружозор», 1880, № 5, с. 15).

Стремление Н. всегда быть в центре событий и играть политическую роль вызывало ироническое отношение современников. И. А. Гончаров, поддерживавший с ней знакомство и переписку в 1864—67, замечал в письме Тургеневу (15 сент. 1866): Н. сдается «суета — ... со всеми и обо всем поговорить, со всеми переписываться — без внутреннего живого интереса — это своего рода моральное блудоество...» (VIII, 368; см. также язвительные отзывы Тургенева о ней — Тургенев. Письма, ук.). Между тем «искренности и горячность» ее убеждений признавал даже Кони, не принимавший ей «розового» патриотизма (Кони, с. 74). Достоевский одобрително отзывался о ее статье из цикла «Вести из Англии» (МВед, 1879, 24 марта), где предрекалось скорое уничтожение Берлинского трактата — «этого смертного приговора» освобожденной Болгарии (см.: Достоевский, XXX, кн. 1, с. 59). Победоносцев, у к-рого манера поведения Н. вызывала стойкое раздражение (в 1876 он писал Е. Ф. Тютчевой о встречах с Н.: «... избежать ее невозможно, и всегда у нее под рукою какой-нибудь иноземец, которого она в ту же минуту знакомит с вами ...» — РГБ, ф. 230, к. 4408, № 11, л. 15 об.), тем не менее признавал значение ее лондонского салона, отмечая, что «ее агитация в Лондоне и ее сношение с представителями тамошней интеллигенции были не без пользы» (там же, № 12, л. 12). На рубеже 1870—80-х гг. И. С. Аксаков отправлял Н. подробные письма (РГБ, ф. 126) с анализом внешнеполитич. ситуации, стремясь корректировать ее позицию, с к-рой в целом, однако, был солидарен. В свою очередь Н., регулярно выступавшая в англ. печати (гл. обр. в газ. либеральной партии «The Northern Echo»), служила проводником взглядов Аксакова, Победоносцева и Каткова (в ее выступлениях сглаживались разногласия между разл. представителями рус. «патриотич. консерватизма»). В 1883 она с полным основанием писала Каткову: «Ваш авторитет направляет мою деятельность и дает силу моим доводам» (РГБ, ф. 120, к. 23, л. 17; копия).

После рус.-турецкой войны 1877—78 Н. продолжила в Европе «рус. агитацию», а в России проповедовала доверие к политике англ. либералов (помимо выступлений в печати на эти темы она способствовала завязавшейся переписке между Победоносцевым и Гладстоном). Разочарованная внешнеполитич. курсом России, Н. постоянно критиковала рус. дипломатию, удивлявшую, по ее

словам, «безыдейностью» (письмо Киреева С. А. Петровскому, 1889 — там же, ф. 224, оп. 1, № 64). О полн. взглядах Н. 1880-х гг. дает представление ее письмо к Каткову из Лондона (27 сент. 1886): «Я такую затеяла здесь агитацию в пользу присоединения России Константинополя — что вы все должны мне сказать спасибо! ... Царь наш поставил себя так высоко во мнении Европы, что его положительно боятся, как боялись императора Николая Павловича!» (там же, ф. 120, к. 23, л. 17 об.; копия). В 1883 выпустила кн. «Skobelev and Slavonic Cause» («Скобелев и слав. вопрос»; Л.) и периодически, особенно активно в 1884—85, 1889—91, 1895—96, 1916—17, выступала с полемическими статьями и письмами в англ. («Pall Mall Gazette»), «Daily Chronicle», «Times», «XIX Century», «Contemporary Review», «Frazier's Magazine», «Fortnightly Review», «Asiatic Review») и франц. («Nouvelle Revue») печати. В 1898 при содействии Н. (и с ее предисл.) на англ. яз. вышла кн. Победоносцева «Reflections of a Russian Statesman» («Размышления русского гос. деятеля»; Л.); ранее (в 1889) Победоносцев писал ей: «... вы делаете доброе и патриотическое дело, употребляя ваш талант на защиту русской правды в Англии» (РГБ, ф. 126, к. 8479, № 9, л. 1).

В 1891 Н. развернула в Англии кампанию по сбору средств для борьбы с голодом в России (см. письмо Г. Джеймса к Н., 7 февр. 1892 — «Ежегодник РО ПД на 1976 г.», Л., 1978, с. 276—78), содействовала англ. квакерам в организации помощи голодающим, добивалась для них аудиенции у императора: «поезака в Россию таких людей произведет переворот во всей английской прессе», считавшей, что слухи о голоде служат лишь «маской для военных махинаций» (письмо Кирееву — РГБ, ф. 126, к. 22, № 13, л. 26—26 об.). В ответ на возмущенную редакцию Европы, вызванную еврейскими погромами в России 1890-х гг., Н. выступила в англ. печати с серией статей, оправдывающих действия рус. правительства (см.: Белов, с. 567—68).

Н. играла и роль культурного посредника между Англией и Россией: по совету Победоносцева в разгар рус.-турецкой войны она познакомила англичан с «Дневником писателя» Достоевского, переводила произв. рус. литераторов на англ. и франц. яз. (в частности, рассказы Б. М. Маркевича — РГАЛИ, ф. 485, оп. 1, № 419, л. 24 об.), ее салон в Англии посещали мн. русские (В. С. Соловьёв, Е. П. Блаватская и др.).

Экстравагантное поведение и необычная для женщины биография провоцирующе действовали на лит.

окружение Н. Н. С. Лесков нарисовал ее крайне язвительный — на грани карикатуры — портрет в рассказах «Зимний день» (1894, выведена под именем Олимпии) и «Неоцененные услуги. (Отрывки из воспоминаний)» (опубл.: «Знамя», 1992, № 1; под именем Цибеллы — «дипломатической дамы, живущей за границей»), сделал в обоих произведениях пока не подтвержденные намеки на ее небескорыстную службу правительству. Нем. писатель Б. Ауэрбах вложил нек-рые ее высказывания в уста гл. героини ром. «На высоте» («Auf der Höhe», 1865; рус. пер. 1867). Н. была членом Англо-рус. лит. об-ва (осн. в 1893). Состояла в Союзе рус. народа и Рус. монархич. партии.

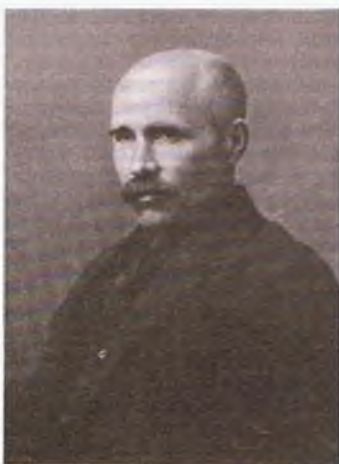
Изд.: [Отд. изд. газетных статей] — Восток из Англии. Полит. маревы; Восток из Англии. Томас Карлейль (гобе — [М., 1881]); Кризис в Сербии. [М., 1882]. Из записной книжки Н. 29-го июля 1878 г. — РА, 1902, кн. 3 (записи Боевды с канцлером А. М. Горчаковым); Несколько слов, в [1]—3, [П.], 1914—15; Russian Memories. With an introd. by S. Graham. L., 1917; Voice from Russia: Selections from various papers... Transl. by R. G. Plumpton, L., [1918].

Лит.: Стасюлевич; Никитенко; Гончаров; Тургенев. Письма (все — ук.); Письма рус. писателей. Из архива Н. — РВ, 1901, № 12, с. 469—75 (письма Н. А. Серова, В. С. Соловьева, Н. П. Гилярова-Платоновой); Белов А. М., Заруб. публицистика. — ИВ, 1909, № 5, с. 546—68; The M. P. for Russia: Reminiscences and Correspondence of Madam Olga Novikoff. Ed. by W. T. Stead, v. 1—2, L., 1909 (в рус. пер. Е. С. Мосоловой); Деputат от России. (Восп. и переписка Н.) — РС, 1909, № 3—10, 12; 1910, № 2—5, 10—12; 1911, № 2—5, 11, 12; 1912, № 10, 11; 1913, № 2—5, 11; 1914, № 6—12; 1915, № 2—6; отл. изд., т. 1—2, П., 1912—15, на т. л. т. 1 — СПб., 1909; Головин К., Мои восп., т. 2. СПб., 1910, с. 9—10; Соловьев В. П., Письма, т. 4, П., 1923 (ук.); Из переписки В. П. Боткина с Н. — «Звенья», [т.] 8, М., 1950 (письма Боткина, 1865—67); Переписка В. В. Верещагина и В. В. Стасова, т. 2, М., 1951, с. 297; Ненад. письма иностр. писателей XVIII—XIX в. в. М.—Л., 1960 (ук.); Коки А. Ф., Собр. соч., т. 7, М., 1969 (ук.); Лукьянов С. М., О Вл. С. Соловьеве в его молодые годы. Мат-лы к биографии, т. 1—3, М., 1990 (ук.); Гончаров Н. А., Никифорова Иванова. Избр. письма, Псков, 1992 (письма к Н., 1864—67); Донтасев К., Избр. письма, 1854—1891, СПб., 1993 (ук.); письма к Н., 1882—90); Записки А. Н., «Глава из Лондона». Россия в обществ. мысли Британии. Вторая пол. XIX — нач. XX в. Очерки, Архангельск, 1994 (ук.); Вэйлсеп Joseph O., Madame Olga Novikoff: Defender of Imperial Russia, 1880—1900. — «Historia», 1951, № 1; Вэйлсеп Joseph O., Madame Olga Novikoff, Propagandist. — «American Slavic and East European Review», 1951, № 10; ЛН, т. 91, 97 (ук.); + Голыгин; Брокгауз; ИЭС: Муртова (1, ук.); ИБРДВ: Масанов; Encyclopaedia Americana (1953), v. 20, p. 473; Enciclopedia Universal Hispanica, t. 38, p. 1355; Otáziv Slovník Naučny, d. 18, s. 469.

Архивы: РГАЛИ, ф. 345; ИРЛИ, ф. 137; РНБ, ф. 349; РГБ, ф. 126.

В. Д. Дмитриев, О. Е. Майорова

НОВИКОВ-ПРИБОЙ Алексей Сильвич (Силантьевич) [наст. фам. Новиков; 12(24).3.1877, с. Матвеевское Спасского у. Тамбов. губ. — 29.4.1944, Москва; похоронен на Новодевичьем кладб.], прозаик. Отец. Сила (Силантий) Фил. (1810—1899), — крестьянин из кантонистов, участвовал в обороне Севастополя, с воен. службы в Варшаве привез жену-польку, Марию Ив. (ум. в 1906).

Н.-П. окончил церковноприходскую школу в соседнем с. Анаеве первым учеником и «запряга в земледельч. работу» (Собр. соч., т. 5, 1963, с. 300), но и тогда вместе со старшим братом много читал — «все, что попадалось под руку... но больше всего — религиозные книги» (там же). Мать хотела, чтобы сын стал монахом, брала его с собой на богомолье. Однако случайная встреча с матросом заронила в него мечту о море (см. рассказ «Судьба» — «Творчество», 1920, № 5/6).

Призванный на воен. службу осенью 1898, Н.-П. вызвался добровольцем во флот. Служил на Балт. флоте, с 1899 на крейсере «Минин», побывал в европ. портах. Занимался самообразованием, в 1900—03 посещал в Кронштадте воскресную школу, где впервые познакомился с рев. идеями, стал распространять нелегальную лит-ру среди матросов. Весной 1903 за рев. пропаганду был арестован и содержался ок. 2 месяцев в Кронштадтской мор. следств. тюрьме и Доме предварит. заключения в Петербурге, после освобождения (за недостаточностью улик) был отдан «под ближайший надзор» начальства на броненосец береговой обороны «Адмирал Грейг» (РГА ВМФ, ф. 480, оп. 1, д. 582, л. 18). В донесении Мин-ва юстиции Николаю II сообщалось: «В артиллерийском отряде выдающееся значение приобрел баталер 1-й статьи Ал. Новиков ... Означенный Н. представляется заметно развитым человеком среди своих товарищей и настолько начитанным, что в беседах толково рассуждал о философии Канта» (ЦИАМ, ф. МЮ 1905, д. 3190, л. 9—16). Во время рус.-япон. войны 1904—05 на броненосце «Орел» участвовал в походе 2-й Тихоокеанской эскадры и Цусимском сражении, попал в плен. На корабле вел рев. пропаганду под руководством В. П. Костенко — члена боевой организации эсеров, к-ро-

му понравился «политическим» прошлым, дисциплинированностью, умным и проницательным взглядом, авторитетом среди матросов, умением «вызвать на откровенность, заинтересовать и заставить задуматься над вопросами, выходящими из узких рамок личного существования» (Костенко В., Матрос царского флота А. С. Новиков. — В кн.: Восп. об Н.-П., с. 92, 96; Костенко выведен в «Цусиме» под фам. Васильев).

В первом рассказе «Живой мертвец» (рукопись — ИРЛИ, ф. 500, оп. 1, № 1), написанном в 12-летнем возрасте, сильны ноты социальной критики, а в авторе угадывается усердный читатель Библии и Л. Н. Толстого. Первая публ. — заметка «Начало занятия в воскресной школе» («Кронштадт. вест.», 1901, 3 окт.; б. п.) — по свидетельству Н.-П., «окрылила» его, и он «стал мечтать о лит. деятельности» (Собр. соч., т. 5, с. 302), а знакомство с биографиями писателей из народа — М. Горького, А. В. Колыцова, И. З. Сурикова и др. — вселило надежду на успех. На «Орле» Н.-П. вел дневник, к-рый, по словам младшего штурмана Л. В. Ларионова, «поражал литературностью изложения» (РГА ВМФ, ф. 763, оп. 1, д. 321, л. 87); писал для матросов письма (в стиле лубка с атрибутами морской экзотики — см. в кн.: «Цусима», т. 1, с. 108; А. Магдалинский — в кн.: Восп. об Н.-П., с. 191, 197—98), сочинил пьесу для масленичного представления на корабле (Перегулов, с. 199—201). В япон. плену в г. Кумамато, понимая «всю важность события, происшедшего при Цусиме», начал записывать не только свои личные впечатления, но и рассказы матросов с др. кораблей (см.: «Цусима», т. 1, с. 6). Одновременно с этим распространял рев. пропагандистскую лит-ру, поступавшую от Н. Русселя (Н. К. Судзюньского) — издателя ж-ла для военнопленных «Япония и Россия», в к-ром Н.-П. печатал свои заметки. После того как все его записки по наущению провокатора были сожжены рус. военнопленными, он частично восстановил их и вывез в Россию, где они были утеряны и найдены только в 1928 (подробнее см. в кн.: «Цусима», т. 1, с. 7—12, 18—20).

После возвращения из плена Н.-П. уволен в запас. В февр. 1906 в Петербурге дал письмен. показания на суде о слухе в плен корабель 2-й Тихоокеанской эскадры. С марта 1906 жил в родном селе, работал над пов. «Материнская любовь» (не завершена), сюда к нему приезжал Костенко. Вскоре Н.-П. бежал от преследования местных властей в Петербург, где нек-рое время служил письмоводителем у присяжного поверенного. Начаты им произв. — «Рассказ сто-

рожа» и «Беседа с чертом», задуманная как диалог начинающего писателя-кокагара с чертом, — не были завершены и не сохранились. Прирожденный дар рассказчика проявился уже в ранних прозах. Н.-П. Тогда же определилась и гл. тема его творчества — рус. человек на морской службе, — в раскрытии к-рой он опирался на опыт К. М. Станюковича. В очерках «Гибель эскадренного броненосца „Бородино“ 14 мая 1905 г.» (рассказ матроса) (НВ, 1906, 1 апр.) и «О гибели эскадренного броненосца „Ослябя“ и его экипажа 14 мая 1905 года» («Мысль», 1906, 25 июня; подпись Матрос А. Н.-ов) воссозданы трагич. эпизоды проигранного рус. флотом Цусимского боя. В очерках «Безумцы и бесплодные жертвы» (СПб., 1907) и «За чужие грехи. (Два очерка из Цусимского боя)» (М., 1907; обе брошюры напечатаны в подпольной типографии под псевд. А. Затертый (Бывший матрос); в переработ. виде вошли в ром. «Цусима»), проникнутых обличит. пафосом и звучащих как прокламация, Н.-П. в разгроме рус. эскадры обвинил высшие флотские чины (в т. ч. и царственных особ), считая их корыстолюбивыми, слабыми военачальниками (распоряжения по мор. ведомству «скорее были похожи на плод идиллической фантазии» — «Безумцы и бесплодные жертвы», с. 3), неспособными воодушевить и вести за собой людей. Цусимскому сражению и рус.-япон. войне Н.-П. посвятил мн. произв., написанные позднее: «Ветрена Пасхи» («За народ», 1909, № 20; подпись — Матрос Кожуколка), «В объятиях смерти» («Жизнь для всех», 1910, № 5); в ст. «Печальная годовщина» («Речь», 1910, 16 мая) он снова возлагал вину за цусимское поражение на командование (это расходилось с версией др. участника событий и автора книг на ту же тему — В. И. Семёнова, упомянутого в «Цусиме»).

В связи с тем что брошюра «Безумцы и бесплодные жертвы» была признана антиправительственной и «Гл. морской штаб. прокурор и все ответств. учреждения начали искать автора» (см. в кн.: «Становление», с. 53), Н.-П. перешел на нелегальное положение. Приговором Петерб. судебной палаты от 28 апр. 1908 было решено брошюру уничтожить, а дело прескратить, т. к. «обнаружить личность автора, заказчика или издателя» не удалось (см.: Виноградов, с. 174). Прожив нек-рое время в Курокстале, Н.-П., вызванный письмом Костенко, тайно переехал в Англию, впечатленная от этого путешествия легли в основу рассказа «По-темному» («Совр.», 1912, № 2; напечатан при поддержке М. Горького). Вел рев. пропаганду среди матросов строящегося крейсера «Рюрик» и в

гардемаринской эскадре, следуя за ней по европ. портам. Жил трудной эмигрантской жизнью — работал молотобойцем, конторщиком, матросом на коммерч. судне. В 1910 женился на Марии Львовне Нагель (1890—1979), дочери народника, высланного за границу. В мае 1912 по приглашению Горького приехал на Капрн. Жил там по май 1913, сблизился с И. Е. Вольновым, Б. А. Тимофеевым, А. А. Золотарёвым, познакомился с И. А. Бунным, к-рый своим ироничным отношением задел самолюбие Н.-П. (см. письма Бунина и Золотарёва к Н.-П. — РГАЛИ, ф. 356, оп. 1, № 98, 103; см. также в кн.: Иванов в Св., Собр. соч., т. 8, М., 1960, с. 526).

По описанию Золотарёва, «крепкого телосложения, с обветренными всеми ветрами земли открытым матросским лицом, зоркоглазый, ловкий и стремительный в движениях Силыч был удивительно силен... для этого международного средиземноморского остряка... настойчиво и упорно, час за часом, день за днем, с великорусскою упрямкой, работал Силыч над оформлением своих мыслей, над приданием удобоочитаемой, быстро усвояемой формы своим тогда еще неясным чувствам и фантастическим грезам своего пылкого, романтичного... темперамента» (Золотарёв А. А., А. С. Новиков-Прибой (1877—1944) — РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 15, рукопись подготовлена к печати В. Е. Халперным).

Мн. рассказы Н.-П. описывают тяжелые стороны службы на флоте, унижающие человеческое достоинство, — «Пошутили» («Жизнь для всех», 1913, № 12), «Словесность» (1912; опубл. 1917), уродующие личность, — «Порченый» (1912, опубл.: СМ, 1917, № 4/6).

На просьбу Горького напечатать в «Современнике» последний рассказ, хотя он «не боится что, но — берет за душу своей суровой правдой», Е. А. Ляцкий ответил: «Есть страшные силы, мастерски сделанные, но в общем он малоинтересен, малоинтересен душой, проповедник... Печалит его в неизменном виде — сейчас же увидит оскорбление армии и адмиралов» (ЛН, т. 95, с. 531, 550).

С нек-рой долей юмора изображены флотские будни и нравы моряков в рассказе «Подарок» (СевЗ, 1914, № 3), «В запас» («Живое слово», 1914, № 24); о доброте и человечности матросов — рассказ «Попаляса» («Смелая мысль», 1914, 18 мая), о их тяге к знаниям — «Рассказ боцманмат» (СевЗ, 1914, № 1); эта же тема в ст. «Что и как читали матросы», написанной в 1908 по просьбе Н. А. Рубакина, с к-рым Н.-П. встречался и переписывался (опубл. в кн.: «Становление»), о трагич. судьбах людей, искалеченных войной, — «Лишний» («Совр.», 1913, № 12), «Живая история» («Живое слово», 1914, № 11—12).

Большинство произв., опубл. в периодич. печати, вошли в книгу Н.-П. «Морские рассказы» (М., 1917), подготовленную еще в 1914 для «Книгоизд-ва писателей в Москве» и изданную в наборе.

В рецензии на сб-к Ю. И. Алжбенцова писал: «...наверно с этих, в самой иррациональности своей чужд странной идет нам и душу безумное и кошмар „Бойни“ (рассказ о расстреле рев. матро-

сов)... До революции немалым было бы, интересно было бы появление этого рассказа, как и тех, где изображается гибель наших судов и наших моряков в япон. войну... читая Новикова, младшего очень сильные мысли, давшего ислабившемуся картин человеческого лютой смерти в волнах моря, в уютной яме парохода, где ищут спасения террористы (рассказ „По-темному“). — Является явным, как от наших черных дней таится кровавый след к недавнему прошлому России» (газ. вырезка — РГАЛИ, ф. 1175, оп. 1, № 11). По мнению Л. М. Клейнборга, «... в первой своей книге Н. скорее рассказчик, чем художник. Он умеет быть интересным, рассказывая самый незамысловатый сюжет» (см. в кн.: А. С. Новиков-Прибой, 1928, с. 41). Е. Ф. Никитина назвала Н.-П. «чистотой моря, бытописателем матросов», «возбуждающим силу жизни, энергию борьбы, уверенность в победу коллектива» (там же, с. 119).

В 1913 по чужому паспорту вернулся в Россию и, выправив за взятку свой паспорт в с. Матвеевском, поселился с женой в Москве. Работал зав. хозяйством в «Книгоизд-ве писателей в Москве», возглавлявшемся Н. С. Ангарским (Клейновым), дружил с писателями П. Г. Низовым, М. Г. Сивачёвым, Тимофеевым. В 1915—18 служил вместе с женой на санитарных поездах Земского союза, куда их устроила Е. П. Пешкова. В годы 1-й мировой войны Н.-П. написал рассказы и очерки: «На вахте» («Млечный Путь», 1914, № 6/7) и «Погрузка раненых» («Новый колос», 1916, № 1), «Шальи» (1917; опубл. в сб. рассказов Н.-П. «Две души», Барнаул, 1919).

В 1918 Н.-П. командирован в Барнаул для обмена мануфактуры на хлеб. Доставив поезд с хлебом в Москву, вернулся в Барнаул, где оставались его жена и четырехлетний сын. Задержанный белыми, симулировал сумасшествие и был отпущен (Васильев, 1960, с. 44). После занятия города Красной Армией организовал изд-во «Сибирский рассвет» и журнал под тем же названием. Напечатал пов. «Море зовет» (Барнаул, 1919), к-рую рецензент назвал «приятной неожиданностью» среди «антлантских» этюдов его одноим. сб-ка (кн. 2. Чита, 1922), считая, что ее гл. интерес в деталях — «в описании морской бури, в мелких подробностях своеобразного быта, в оригинальных рассказах выдвинувших виды морских волков у чужинной печки старого кубрика» [Ф. И. (Ф. Ф. Ильин (Раскольников)?) — «Новое рус. слово», 1923, № 3—4, с. 21]. В 1921 ездил в Кроштадт, собирав материал для новой повести. Осенью 1923 побывал в Англии и Германии (результат поездки — очерк «„Коммунист“ в походе» — «Рабочий журнал», 1924, № 2). Входил в творч. объединение писателей «Кузница», дружил с А. С. Неверовым, Н. Н. Ялшко, Е. Е. Нецасым и др. В 20-е гг. расширился тематич. и жанровый диапазон произв. Н.-П., но в центре по-прежнему морская тема — пов. «Подводники» (М.—Л., 1923), приключенч. пов. «Ералашный рейс»

(сб. «Половодье», М.—Л., 1926), пов. «Женщина в море» (М., 1928), ром. «Соленая кушель» (М., 1929), сб-ки рассказов («Победитель бурь», М., 1924, и др.). В сер. 20-х гг. издали первые сбор. соч. Н.-П.

В критич. статьях о его творчестве, собранных в об. «А. С. Новиков-Прибой» (М., 1928), отмечались социально-воспитат. значение его творчества (А. К. Воронский), владение языком моряка (Клейнборты), разнообразность сюжета и недостаточность поэтик. анализа (С. А. Обручев), «склонность автора к необычайным, резким, трагическим поворотам» (А. Лежнев — с. 175), словесные штампы (И. Н. Кубиков) и уклон в натурализм (Г. Якубовский).

С 1928 Н.-П. работал над своей гл. книгой «Цусима» (кн. 1 — «Поход», кн. 2 — «Бой», М., 1932—35; Сталинская пр., 1941), внося в каждое новое изд. исправления и дополнения, основанные на новых свидетельствах очевидцев и документах, в т. ч. архивных мат-лах (подробнее см.: Собр. соч., т. 4, 1963, с. 378—86).

«Цусима» изучила в осн. положит. отзывам сов. критики и широко читательское признание, а Н.-П. вошел в круг читательского злата. Парижские «Последние новости» (1937, 25 марта) цитировали моск. печать, сообщавшую по случаю шестидесятилетия Н.-П., что «Цусима» «вошла в железный фонд сов. лит-ры и является одной из «ретордацио-читаемых книг». Авторы резко критич. отзывы в военно-эмигрантских изданиях обвиняли Н.-П. в отсутствии патриотизма, поражествении, рва. тенденциозности (Я. Туманов) — «Мор. журнал», Прага, 1933, № 66(6); С. Т. — «Часовой», Париж, 1935, № 145; Александровский Г. Цусимский бой, М.-И., 1956, с. 10]. В 1989 капитан III ранга В. Поздарилов писал об односторонне негативной оценке в романе вице-адмирала З. П. Рожественского («Достаточно ли для Цусимы „Цусима“?» — «Мор. сб.», № 4).

Остался незаконченным роман о матросе — талантливом самоучке «Капитан 1-го ранга» (ч. 1, М., 1943; ч. 1—2, Хабаровск, 1945).

Был чл. редколлегий ж. «Знамя»; по его инициативе создан Дом творчества писателей в Малеевке под Москвой. Умер в Кремлевской больнице от рака печени.

Изд.: Собр. соч., т. 1—5, Х., 1926—27 (автобюог.; вступ. ст. А. К. Воронского); Собр. соч., т. 1—5, М.—Л., 1927—28; Собр. соч., т. 1—6, М.—Л., 1929; Собр. соч., т. 1—6, М.—Л., 1929—31 (три последние изд. — автобюог.; вступ. очерк И. Н. Кубиков); Соч., т. 1—5, М., 1949—50; Собр. соч., т. 1—5, М., 1963 (предисл. В. Лизина; впа. введение — прим. В. Крайникова); Поезд № 204. [Восп. о М. Пешкове]. — В кн.: Архив Горького. XIII. 303—14; В бухле «Отрада», М., 1977 (сост. И. А. Новиков); Становление. Лит. опыт писателя, М., 1978 (сост., комм. и прим. И. А. Новикова); Цусима, т. 1—2, М., 1993—94 (сост. Н. А. Черкашин; мат-лы о судьбах героя романа, восп. участников похода и боя, судебные дела о славе ищущих «Безовый» и скандры контр-ам. Небогачева; фотоматериалы).

Лит.: А. С. Новиков-Прибой, М., 1928; 2-е изд., М., 1930; Тоом Л., Лит. портреты, М., 1930; Шербина В., А. С. Новиков-Прибой. Критико-бюог. очерк, М., 1951; Письма Н.-П. к И. Е. Вольнову. — «Уч. зап. Орлов. гос. пед. ин-та», т. 6, Кафедра лит-ры, в. 1, 1952 (предисл. М. В. Минюкина); Перегузов А., Новиков-Прибой. Повесть о писателе и друге, М., 1953; Сазонова О. Т. Дорос. творчество Н.-П. — «Уч. зап. Сталинбад. гос. пед. ин-та», т. 14, филол. сер., в. 6, 1956; с. 6. Н.-П. и революция 1905—1907 гг. — Там же; Васильев Л. Г., Раннее творчество Н.-П. — «Уч. зап. Мордов. гос. пед. ин-та», в. 6, сер. филол. наук, Саранск, 1957; его же, А. С. Новиков-Прибой. (Очерк творчества), Саранск, 1960; Из переписки Н.-П.

с Н. А. Рубакиным. — НМ, 1959, № 8 (публ. В. Крайникова); Виноградов С., Неопубл. док-ты о Н.-П. [По мат-лам Центр. гос. архива СССР в Ленинграде]. — РЛ, 1961, № 4; Степанов Г., Певец моря. — В его кн.: А. С. Новиков-Прибой, С. С. Сергеев-Цесский. (Письма и астрели), Краснояр., 1963; Из переписки Н. А. Рубакина с Н.-П. и А. В. Перегузовым. — «Уч. зап. Орлово-Зуев. пед. ин-та», т. 21, Кафедра рус. и заруб. лит-ры, в. 4, 1964 (ст. и публ. И. А. Переврзова); Из переписки Н.-П. — РЛ, 1965, № 2 (публ. и предисл. П. Зайцева); Крайникова В., А. С. Новиков-Прибой. Жизнь и творчество, М., 1966; Золотарев А. А., Горький-капитан. — В сб.: Пыльные сердца, Я., 1969; Восп. об Н.-П., М., 1969; Н.-П. в восп. современников, М., 1980; Сергеев-Цесский С. Н., Письма к Н.-П. — РЛ, 1980, № 1 (публ. и предисл. Ф. В. Пугнина); О Н.-П. (Выступление Н. В. Виноградского по радио). — ВСП, в. 1, М., 1983 (публ. Н. М. Горюховой); Минюкин М. В., Горюховский кружок молодых писателей на Кавказе. — ФН, 1989, № 1, с. 72—75; Гранат, т. 40(4) — Прил. М., 1989, с. 232 (автобиография В. И. Сухомякина); Лезина Г-ка А. М., Горюхового в Москве. Описание, кн. 1, М., 1981, с. 88 («Цусима», кн. 1, с. поместил Горюхов); Савиных В. В., Избранные Л., 1990, с. 254; Анисковская А. И., Халилов В. Е., О лит. жизни в России 1930-х — нач. 1940-х гг. (по страницам архива А. А. Золотарева). — ФН, 1992, № 2; Иванов-Разумник, Сов. лит-ра — ЛО, 1996, № 5(6), с. 11 (публ. Я. В. Леонтьева); ЛН, т. 95 (ук.), ф. Некрологи, 1944; «Знамя», № 5(6); НМ, № 6(7) (В. Калевской); «Краснофлот», № 10(11) (К. Федина); ЛЭ; КЛЭ; Писатели. Автобюог. и портреты совр. рус. прозаиков, 2-е изд., М., 1928 (изд. реж. В. Г. Лизина); СП. Автобиографии: Писатели совр. эпохи (1); Муратов (2); Рус. прозаик. т. 3; Мазюков.

Архивы: РГАЛИ, ф. 356; ф. 24 (письма Н. С. Ангарскому); ф. 218; ИРЛИ, ф. 500; ф. 586 (письма М. Л. Клейнборты); РНБ, ф. 524; РГБ, ф. 81; ГЛМ, ф. 138; РГА ВМФ, ф. 998, оп. 1, в. 957, ф. 930, оп. 4, в. 169; ф. 480, оп. 1, в. 582; ф. 407, оп. 1, в. 2931; ф. 763, оп. 1, д. 321; картонка военнослужащего — Fiche individuelle № 760 (составлена в Японии) [архив В. Н. Гудкина-Васильева].

Н. П. Оловьянникова.

НОВИЦКИЙ Григорий Петрович (10(22).1.*1885 — не ранее 1950), поэт, критик. Сын капитана, дворянин. В 1903 окончил Гатчин. сиротский ин-т. В 1903—1910 с перерывами, врем. отчислением в 1908 (по болезни — невращения и др.), сдачей в 1909 экзаменов экстерном учился в Лесном ин-те (с 1905 — на казенной стипендии). Получил диплом, звание ученого лесовода 2-го разряда и назначение лесником в Перм. губ. (вероятно, не поехал). Годы студенчества были и годами литературной активности.

В марте 1908 дебютировал кн. стихов «Зажженные бездны» (СПб.). В сб-ке, значит. часть к-рого занимают стих. по версификации и тематически вполне традиционные [пейзажные зарисовки, любовные посвящения, перепевы рев. поэзии («Как и вы — под знамена свободы! Я в рядах пролетарские встал») и социальных мотивов в духе Н. А. Некрасова], выделяются стих., звучащие как брошюрная декларация «детей эпохи упадка» (характерны многочисл. энграмфы из О. Уайльда и Ф. Ницше). В разделе, давшем название сб-ку, Н. поэтизирует идею сверхчеловека и воспевает «царственный Разврат», «несказанные мужик» и «дальти для безжалостных ласк и грехов» (стих. «Черные диллии»; ср. «Цветы зла»

Ш. Бодлера), представляя себя новым Христом («И учу ненавидеть врагов! И страдаям страдание даю...») и призывая: «Идите за мной... Я люблю». Стих. «Я люблю кристаллы...» и «Январь» были перепечатаны в дек. номерах еженед. «Женщина» (1908, № 3, 4). Романс на стих. Н. «Мне кажется, что я тебя люблю» (комп. В. С. Муромцевский) дважды выходил отг. изд. (М., 1909; с франц. пер. — М., 1916).

Об к-е иронически отозвался В. Я. Брюсов, отметивший плохое владение стихом, отсутствие вкуса и необязательность поэтик. претензий: Н. «склонен считать самые банальные вещи необыкновенными»; сочинения Н. названы «чужим подражанием Рильсену и Роллану, а местами ... пародией на них» («Весы», 1908, № 3, с. 80—81; то же — Брюсов (2), с. 264—65). С. М. Городецкий упрекал Н. в «карьеризме, в том, что он только гонит искомую важную илне барину — эскадентшину», там же, где еще ставится на ходули, он просто добрый малый — самая рядовая ступает, душа в нем вина» («Утро», 1908, 29 сент.). Др. реш.: Б. Меа. — СМ, 1908, № 5, отг. II, с. 104—05; «Русь», 1908, 21 апр.; БВед, 1909, 18 марта. Эхз. с инициалом А. В. Тарковой от 23 нояб. 1908 (см.: Зинный аукцион кннг. 20 февр. 1998. Каталог, М., 1998, с. 29).

Наиб. ранние лит. знакомства Н. относятся к 1906, когда он, по свидетельству А. М. Ремизова (см. его реком. лат. письмо, 1921 — РГАЛИ, ф. 1570, № 14, 13, 37), пришел к нему с Н. С. Гумилевым, стал посетителем его квартиры в М. Казачьем пер. (см. в кн.: Ремизов А. М., Кужа. Розановы письма, Б., 1923, с. 58). 19 апр. 1907 Н. читал стихи на вечеру у Ф. Сологуба наряду с А. А. Блоком, М. А. Волошиным, Ю. Н. Верховским (ИРЛИ, ф. 289, оп. 6, № 81). В 1907 Н. пытался организовать «1-й вечер искусств» в Лесном ин-те: в письме-приглашении Д. М. Цензору от 24 апр. 1907 (РГАЛИ, ф. 543, оп. 1, № 163) спрашивал адреса А. С. Рославлева, О. Дымова, Блока, П. Ф. Якубовича и др.; подобное приглашение было послано им 12 мая и М. А. Кузмину (РГАЛИ, ф. 232, оп. 1, № 312; см. также Дневник Кузмина, записи от 1 и 12 мая 1907 — подготовлен к печати Н. А. Богомоловым и С. В. Шумихиным). Вероятно, такой вечер в пользу нуждающихся студентов Лесного ин-та, окончивших Гатчинский сиротский ин-т, состоялся не 12 мая 1907, как предполагалось, а через год — 30 марта 1908 в Петерб. гор. думе (объявление в газ. «Русь», 1908, 27 и 30 марта). Среди участников — А. И. Куприн, Волошин, Кузмин (запись в его дневнике от 30 марта 1908). Имя Н. значится среди участников «Северной студии» (см.: «Свободные мысли», 1908, 28 апр.; также: ЛН, т. 92, кн. 3, с. 330). На вечер «Северной свирели» 11 окт. 1908 в зале В. Н. фон Дервиз (сообщение о нем, 1908: «Речь», 10, 11 окт.; БВед, вч. в. 11, окт., с. 1, 5; «Слово», 11 окт.; программа — Гос. музей театр. и муз. иск-ва, СПб.) Н. читал

стих. «Ночной город» и представил сценный вариант вольного переложения «Песни Песней», сделанного «не столько по Соломону, сколько по Куприну» (В. Боляновский — «Жизнь», 1909, 23 февр.).

Об этой инсценировке как о гл. неудаче вечера Боляновский под псевд. Ашур писал в газ. «Нов. Русь» (1908, 13 окт.): «Песнь» Н., неоднократно прерываемая смехом слушателей — так же, как и сто стихотворения, — нечто совершенно невозможное. Это — искренняя пошлость» (А. Михайлов — «Слово», 1908, 13 окт.; см. также: «Речь», 1908, 15 окт.; «Вест. вост. в.», 1908, 13 окт.). Ее пост., по словам самого Н., «была более чем скандальной» (письмо В. Э. Мейерхольду, ком. 1908 — РГАЛИ, ф. 998, оп. 1, № 2109; см. также: письмо В. И. Страску с автографом фрагмента «Песни Песней» для ж-ла, 1908—09 — РГАЛИ, ф. 1647, оп. 1, № 364). Вечер стал поводом для статьи Блока «Вчера „искусства“», в к-рой благоговит. вечера такого рода названы делом, «разлагающим общество» (здесь же Блок упомянул пьесу Н. и опереточного актера М. Ваюна — «Речь», 1908, 27 окт.; то же — Блок, V, 304—08, прим. — с. 740); характерен также отзыв Ренюва в письме от 26 окт. 1908 Иванову-Разумину: «Выступал всего один раз на глумливой „Северной Сиверли“, которая после вечера упразднилась» (ИРЛИ, ф. 562, оп. 3, № 1020, л. 17); см. также: Парнас А. Е. Хлобкович в дневнике М. А. Кузмина. — В сб.: Михаил Кузмин и рус. культура XX в., Л., 1990, с. 157.

В 1909 Н. выпустил вторую кн. стихов «Необузданные сверсны» (СПб.; на обложке репродукция картины Э. Мунка «Ревность») — ср. многочисл. библейские и церковные контексты, напр.: «очистим себя от всякой сверсны плоти и духа» (2 Кор., 7, 1) — см. также один из разделов сб-ка — «Из раннехристианских мотивов» (посв. П. В. Щусеву), «Больной и жестокий», поэт проповедует грехопадение, усматривая в блаженной гибели плоти рождение новой беспредельной любви. В сб-к вошли также «Песнь Песней» и «Лирич. мелодраматизация в 3-х вы явлениях» — «Поэт в слезах» — вероятно, именно ее Н. предлагал в письме к Мейерхольду (см. выше) для постановки в Театр. клубе. Включенные в сб-к стих. «Город» и «Алчность свершенья» первоначально были напечатаны в илл. еженед. «Весна» (1908, № 2, 6). Сохранился экз. сб-ка, подаренный Брюсову 22 янв. 1909 с надписью: «Великому Учителю и Поэту» (РГБ, ф. 386. Книги, № 1229).

Как «эротическую неврастонию», к-рая «отела бы ... стать религией», определил его поэзию И. Ф. Анненский («Аполлон», 1909, № 2, нояб.; то же — Анненский И. Ф., Книжки отражений, М., 1979, с. 373). Неприязненно отзывался о сб-ке, присланном ему автором, Иванов-Разумин: «Ни капли таланта, масса претензии; высчитанные почти юмористическое» (письмо Ренюву от 4 февр. 1909 — РНБ, ф. 634, оп. 1, № 115, л. 8; см. также стих. «Поэт», посв. Ренюву и охарактеризованное в том же письме как «блудливое»). Две темы книги — «отбрось столпы» и женские «пыльные ноги» — стали мишенью для насмешек и недоумания критики (Ажес (Измайлов А. А.), Апофеоз лакированной ботинки. — «Вест. вост. в.», 1909, 10 февр.; (В. Гофман) — «Слово», 1909, 2 марта; см. также эпиграмму за подписью Борис Дельта — «Новая Русь», 1909, 11 марта). «Эта блудница не была бы так чудотворца, если бы у автора не встречались отл. серьезные и четверостишия, очень удачно, но все-таки овеянные ды-

ханьем поэзии. И не была бы так безнадёжна, если бы не было явных свидетельств о кровном ее родстве с глупостью» (Ю. — ЗР, 1909, № 1, с. 110).

На «Необузданные сверсны» был наложен арест за «проповедь сласто-страстия и культивирование уточен-ческого разврата» (РГАЛИ, ф. 777, оп. 15, 1909 г., № 27, л. 5; см. сообщение об этом: «Вест. вост. в.», 1909, 30 нояб.). Сам Н., с его слов, «отсидел месяц в „Крестах“ при приговору суда» (РГАЛИ, ф. 1570, оп. 1, № 37, л. 208 об.); см. примеч. написан. Н. от 21 марта 1910 на книге: «Тонкому мастеру и чудесному моему избавителю от козней СПб. Окружного суда — Александру Иосифовичу (Гудонн) с горячим чувством незабываемой признательности уважающий автор сей преступной книги...» (ГЛМ).

Стих. Н. были напечатаны в «программ-журнале», подготовленном к вечеру в Лесном ин-те 24 окт. 1909 (в приглашении Цензору Н. указал авторов: «Городецкий, В. Иванов, Блок и я»). — Письма от 17 и 22 окт. — РГАЛИ, ф. 543, оп. 1, № 163).

Н. постепенно становится фигурой нарицательной. В иронич. эпосе Саша Черного «Смена» 1908 год, уступая место 1909, оцелует: «Великий левый за весь год ни одного. Григорий Новицкий не в счет — черт его знает, может быть, он только притворяется великим» («Утро», 1909, 2 янв.; то же — Черный С., Собр. соч., т. 3, М., 1996, с. 79, см. также с. 418; сост. и комм. А. С. Иванова). Боиновский писал: Н. — «весь земствозанк», «Новичине и ему подобнее» — это «шаклы декадента», тем более неприятны «искренним декадентам», что это «карлика-тура, подчеркивающая самые уродливые, мучительные черты и малопомышляющая о них постоянно», это таких, по словам критика, Великий назвал «обозной сволочью» декадентства («Жизнь», 1909, 23 февр.). В 1917 Н. С. Рунанов использовал название сб-ка в качестве заголовка статьи, направленной против большевистских ораторов («Дело народа», 1917, 22 дек.). Воспоминания Г. В. Иванова заличили образ поэта, читавшего свои стихи «маниризм, скрещенно» голозом в окружении узников, таких же «изумренных и бледных», как и сам «ногр» (Иванов Г. В., Собр. соч., т. 3, М., 1994, с. 277).

В 1910 Н. издает «Манифест Сэнсэризма (золотарфизма)» (СПб.), в к-ром провозглашает рождение нового направления в иск-ве (от франш. sincère — искренний) с опорой «на интуицию как на единств. критерий прекрасного и единств. путь для достижения абсолютной свободы худож. творчества». По Н., «творец-сэнсэри-ст является одновременно и реалистом, и фантастом, и импрессионистом, и символистом, и иллюзионистом и т. д.». Теоретич. часть иллюстрировалась собств. «образчиками сэнсэризма».

Впоследствии Н. С. Гумилев писал, что Н. и «за ним вслед эгофитически вытеснили манифесты, высокопарной безграмотностью превосходящие даже афиши провинц. кинематографа» («Аполлон», 1912, № 10, с. 75; то же — Гумилев, III, 119). См. также отзыв Городецкого, в к-ром «Манифест» отнесен как «ничтожество», выходящее тем не менее «в дилетт. момент символизма, значимое», и высказано предположение, что именно для издания брошюры и было, «очевидно, основано изд-во „Жертвенник“» («Против течения», 1910, 29 окт.). Экз. «Манифеста» Н. послал М. Горькому 26 окт. 1910 (см.: Литплат б-ка А. М. Горького в Москве. Описание, кн. 1, М., 1982, с. 158, № 262).

«Манифест», дополненный новыми поэтич. опытами Н., составил программную часть еженед. ж. «Сэнсэризм», «универсального органа совр. иск-ва», первый (пробный) номер к-рого поступил в цензуру в нач. нояб. 1910. Н. значился его редактором и, видимо, был единств. автором. В ж-ле опубли. «расказ-мозаика» «Гулянье-гуляньице славного, раздоброго, завдалого молодчика Ванюшеньки с Аношенькой, душенькой, любушкой-сударышкой» и «Открытое письмо гг. Ю. Айхенвальду, В. Болянскому, В. Буренину, А. Измайлову и К. Чуковскому», содержащее призыв ко всем критикам выступить против «ожидания» и «охлаждения» совр. лит-ры. Лит. критику представляли «худож. характеристики» Блока («великий и гениальный сигнальщик Вечности»), Сологуба («в существе своем изначально»), Городецкого («наше счастье, наша радость»), Брюсова («поэт слишком слабый и ничтожный»). Поэтам и писателям из числа подписчиков ж-ла были обещаны Олимпийские премии (34 в год) Лит. академии «Сэнсэризма». Однако издание цензура запретила, усмотрев в одном из стих. («Опрозраченные Ипостаси») кощунственное изображение Христа (РГИА, ф. 776, оп. 9, 1910 г., д. 21113; ф. 777, оп. 16, 1910 г., д. 155).

Анонсирование Н. поэтик и протест. книги — «Книга мучений и безжалостных ласк», «Слова пророка», «Ослепительное самосожжение», «Книга мучений, безжалостная ласк и любви исчерпанной», «Исповедь», «Пляч Византизма Лоды» — издали, по всей вероятности, не были.

Опасаясь преследований со стороны властей за запрещенный цензурой журнал, Н. срочно покинул Петербург, «жил у себя в имении, в Витебском уезде и, официально, литературой не занимался», «получил опять свободу» в 1913 в связи с всеобщей амнистией (см. прошение Н. 1921 — РГАЛИ, ф. 1570, оп. 1, № 37, л. 203, 208 об.). Во время войны был мобилизован и служил на ж. д. и в Польском строит. упр. при Упр. путей сообщения Гл. упр. воен. сообщений при штабе верховного главнокомандующего; уволен от службы зав. механической частью 20 янв. 1917 (РГВИА, ф. 9152, оп. 1, д. 9 — справка Н. Н. Свинцовой).

С 1918 с женой и трехлетним сыном жил в Польше, с июля по сент. 1919 издавал в Варшаве еженед. рус. националистич. газ. «Эхо», затем «Рус. эхо» (в последней, в частности, допустил антисемитские выпады против ред. газ. «Свободное слово» В. Самойлова (Горвица) — 1919, авг., № 14). В обеих газетах помещались объявления о «1-м почтовом бюро инженера Новицкого», доставляющем письма в Москву и Киев. В янв. 1921 под ред. Н. вышло два

НОВОДВОРСКИЙ

номера лит.-полит. альм. «Русь» (см. об этом «Письмо в редакцию» — «Голос России», Б., 1921, 3 июня). Обе газеты были закрыты «в административном порядке польским правительством», альманах конфискован, Н. арестован и выслан за пределы Польши («Рус. книга», Б., 1921, № 5, с. 23).

С марта 1921 Н. жил в Германии, в авг.—дек. 1921, находясь в Берлине и испытывая нужду, неоднократно обращался в К-т Германского отд. Амер. фонда помощи рус. литераторам и ученым, в прошеньях ссылался на «колоссальный успех» своих книг в России (РГАЛИ, ф. 1570, оп. 1, № 13, 14, 37). За него в рекомендательных письмах ходатайствовали А. М. Ремизов («поэт стремительный и путанный... добрый человек») и Н. А. Лаппо-Данилевская (там же, л. 209). В Берлине с окт. 1921 выпускал еженед. воскресную газ. «Что делать?!». В № 1 опублик. ст. «Что делать?», в к-рой призывал к «крестовому походу всего культурного человечества» против большевизма, стихотв. этюд «Пророк», ст. «Памяти А. Блока. Загадка поэта» с определением Блока как «поэта-интуита», объявление о «Лит. бюро» писателя инженера» Н. с предложением разнообразных услуг; в № 2 — ст. «А. Блок. А. Рославлев. Н. Гумилев». В качестве бесплатной премии годовым подписчикам была обещана «Песнь Песней» царя Соломона (по сообщению «Рус. книги», Н. организовал в Берлине изд-во «Библия для всех», в к-ром «пока вышел номер первый „Песнь Песней царя Соломона“» — 1921, № 5, с. 23). Изданный в 1923 в Берлине отд. брошюрой лит.-критич. очерк Григория Новицкого-Строкова «Иван Родинонов», апология антибольшевистского, антисемитского ром. «Зори вечерние» И. А. Родинонова, вероятно, принадлежит Н., но, хотя он стилистически близок Н., его атрибуция требует доп. разысканий.

Позднее переехал во Францию. В Париже в 1937 издавал еженедельную газ. «Русь», «орган нац. объединения». О дальнейшей судьбе Н. известно по записи в рабочей тетради Ремизова 1950-х гг.: «Способный, но дурковатый (?). В Париже был шофером. Занимался медовым делом „мед новицкий“. Теперь, как сам говорит, пишет музыку» (А. Ремизов. Иссл. и мат-лы, СПб., 1994, с. 223; публ. А. М. Грачевой).

Лит.: Павлов Н. Е. Сталетие существования Гаччинского сиротского ин-та. (1803—1903). СПб., 1903, с. 53 (№ 12); Список студентов Имп. Лесного ин-та в 1903—1904 акад. году. [б. м., б. г.] (№ 347); Список студентов Имп. Лесного ин-та в 1904—1905 акад. году. СПб., 1905 (№ 347); А. Блок. Переписка. Автопортрет, в. 2 — Письма к А. Блоку, М., 1979, с. 345; Ремизов А. М., Царевна Мишра, Тула, 1992, с. 254 («Кукла»); Рус. зарубежье. Хроника науч., культурной и общественной жизни. 1920—

1940. Франция. т. 3, М., 1996, с. 315 (под общей ред. Л. А. Мухомова). + Рус. эмиграция в Европе. Сводный каталог периодич. изданий. 1855—1940. Париж. 1976.

Архивы: РГАЛИ, ф. 59, оп. 2, № 52, б. г. (письмо А. А. Блоку с предложением списать для серии открытых писем); ШИА СПб., ф. 994, оп. 4, д. 2958* (студенч. дело) (справка Н. М. Алпихиной). Т. М. Домашкина.

НОВОДВОРСКИЙ Андрей Осипович (псевд. А. Осипович; 4(16).7*. 1853, г. Острог Волын. губ.* — 24. 1882, Ниша, похоронен там же), прозник. Сын мелкого польск. шляхтича, смотрителя гор. больницы, затем провантского магазина. Семья жестоко нуждалась, особенно после смерти отца (1866). Н. с 13 лет стал

единств. кормильцем матери и сестер, зарабатывая уроками. В годы учения в Немиров. г-зии (окончил в 1870) много читал, занимался самообразованием, интересовался политикой (прежде всего «рабочим вопросом»), организовал кружок одноклассников, на к-рых демократизм убежденный и «горячность» Н. оказывали сильное влияние. По свидетельству близко знавшего Н. в последние годы его жизни И. И. Ясинского (см. письма Н. к И. И. Ясинскому 1881—1882 — «Ист. ж-л для всех», 1908, № 4, с. 303—06), тот «с горечью» вспоминал о гимназич. порядках, заведенных «в видах обрусения края, и неохотно говорил об учителях, коверкавших молодое поколение, поощрявших шпионство и этим путем насаждавших патриотизм» (ОЗ, 1882, № 4, с. 292). В 1872 Н. «слушал лекции» (т. е., возможно, был вольнослушателем) на физико-матем. ф-те Киев. ун-та, но вскоре бросил учебу и переехал в Петербург. Период его жизни до 1877 во многом неясен. По рассказу Ясинского, Н. ок. года «опрошанся», надеясь сделать с народом: «Я похерил всех и вся, все, что носило на себе хоть какие-нибудь признаки буржуазно-дво-

рянства» (из дневника Н., там же, с. 293). Вскоре, однако, по-видимому, в связи с необходимостью содержать семью Н. вновь служил гувернером и дом. учителем то в Петербурге, то «в отъезде», нигде долго не уживаясь и часто меняя места, как потому, что тяготился этим делом, так и потому, что повсюду видел «мелкие оскорбления, облеченные в вежливую форму» (судя по автографу Н. в альбоме М. И. Семевского «Знакомые» от 18 дек. 1881, он поселился в Петербурге с 1879 — ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, № 396, л. 109).

В вост. Ясинского и дневнике самого Н. он предстает человеком малоэмоционально настроенным, болезненно самолюбивым и постоянно рефлексирующим, застенчивым, что прикрывалось нарочитой бравадой, развязностью и эпатирующей резкостью суждений, несколько в базарском духе. «Воское внешнее проявление сентиментальности, восторг перед картиной... грубо обрывал... Ему казалось уродливым вальсерам расхоронить нравств. эмоцию на то, что можно назвать низким роном нравств. наслаждения» (там же, с. 298—99). По-настоящему Н. раскрывался лишь с немногими друзьями, с к-рыми бывал нежен и деликатен.

Пов. «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны. Дневник домашнего учителя», к-рой Н. дебютировал в «Отеч. зап.» (1877, № 6), вызвала большой интерес читателей и критики (все отзывы — 1877: «Неделя», № 42; БВед. 1 июля; «Одес. вест.», 24 авг.) и принесла Н. лит. известность. [Мнение Е. А. Шлаковской, что он мог быть автором рассказа «На полденной работе» («Неделя», 1876, № 27), не разделяется др. исследователями.] Задуманный как отклик на «Новь» И. С. Тургенева, «Эпизод...» содержит немало сюжетных, часто пародийных, реминисценций не только этого, но и др. тургеневских романов (вплоть до введенья самого Тургенева и его персонажей в числе действующих лиц: Базаров и Рулин — родные братья гл. героя повести). Полагая, что «посвятить себя одному-двум лицам в ущерб всему человечеству нечестно», герой «Эпизода...» бросает старуху-воспитательницу и идет «сливаться с народом», для чего занимается на пристани грузить бревна; терпит жесточайшее разочарование, обнаружив свою неспособность к тяжелой физич. работе. Знакомый самому Н. конфликт между высокими идеями и «житейской прозой», завешенной самоощущением и скудными возможностями приводит его героя к фактич. бегству от всего, «что призывало его: от родных, к-рые звали к нему о помощи, от женщины, к-рая полюбила его, от ученья и от дела, к-рое оказалось ему не по силам» (С к а б и ч е в с к и й А. М., Соч., 3-е изд., т. 2, СПб., 1903, с. 111), а в результате — к тяжелейшему и мучит. духовному кризису, обусловленному сознанием своей никчемности.

Начиная с первой повести сквозной темой творчества Н. стано-

вится «лишний человек» образца 1870-х гг. (наиб. полно — в рассказе «Карьера» — ОЗ, 1880, № 5), «отставший от вороньего стада нежежд и пошляков и не могший или не умевший пристать к своим бойдрм, восторженно верующим сверстникам — „лавам“» (РБ, 1897, № 11, с. 21). Как правило, этот герой (генеалогия к-рого Н. ведет от лермонтовских Демона и Печорина) — выходец из обедневшего дворянства (наделен мн. автобиогр. чертами), идеалист и мечтатель в народнич. духе, жаждущий подвига и высокого служения обществу. Черты этого типа, окрещенного Н. «ни павы, ни вороны», разбросанные по мн. произв. лит.-ры 70—80-х гг., обрели в его творчестве наиб. концентриров. выражение. С легкой руки Н. выражение «ни павы, ни вороны» вошло в журналистику 80-х гг. на правах социальн.-психол. термина (ЛЭ, VIII, 342). М. Горький, считающий повесть «очень правдивым, сильным произв.» (XXIV, 54), включил ее в изв. серию «История молодого человека 19 в.».

Антиподом «ни павы, ни вороны» у Н. обычно выступает «сильный герой», «чуждый бесплодного нытья и убивающего рефлексии» (РБ, 1897, № 11, с. 22), тип к-рого (Печерница — «Эпизод...», Страшилин — «Карьера», Алесика — «Роман», ОЗ, 1881, № 4; Абрамов — «История», ОЗ, 1882, № 2, и др.) лишь обозначен и тонет в естеств. по ценз. условиям недоговоренностях и намеках на реалии (крах «хождения в народ», полит. процессы, кризис народнич. идеологии и т. д.), понятные только посвященному современнику. Его черты едва намечены («неуживчивость», резкость, убежденность, «озлобление», вызванное социальной несправедливостью), а деятельность окутана туманом. Читателю известны только ее результаты: поднят бунт на заводе и сбежал, арестован, осужден, сослан. В нек-рых рассказах («Тетушка» — ОЗ, 1880, № 12; рец.: «Дело», 1881, № 1; «Мечтатели» — ОЗ, 1881, № 8) герой-революционер совсем не появляется на сцене. Рев. тема порой обретает у Н. подлинно трагич. звучание, особенно в серии лучших его рассказов (перекликающихся с рассказом М. Е. Салтыкова-Щедрина «Чужой толк»), трактующих в том или ином аспекте тему «отцы и дети» (тесно сопрягающаяся у Н. с темой «лети и власти»: «Тетушка», «Мечтатели», «История», «Сувенир» — «Новое обозр.», 1881, № 1).

О полит. взглядах самого Н. известно немног. «Нигилист, а пылкин «общество-темперментом» (по свидетельству Яянского), Н. вряд ли был убежденным народником: его творчеству не свойственна идеализация крест. общины или приверженность к «рус. социализму»; условием обществ. развития он считал равноправие и масс., и героя (личности), к-рый не выдвигается

«столой», а является со стороны — с момента их встречи. собственно, и начинается развитие («Роман»). К концу жизни Н. разочаровался в «ходящих в народ», не разделял мн. народнич. иллюзий, в т. ч. относительно действительности террора.

Писательская манера Н. (со следами нек-рых его лит. пристрастий: в ранних произв., особенно в «Эпизод...», ощутимо стилистич. и композиц. влияние Салтыкова-Щедрина, впоследствии почти преодоленное, в бытовых эпизодах — гоголевские интонации, напр. описание укр. провинции в «Мечтателях») была довольно индивидуальна. Характерна свободная, порой рыхловатая композиция (отягощенная публицист. отступлениями, рассуждениями по ассоциациям, цитатами из классиков, сюжетными пробелами и т. п.), нервный и стремительный до неряшливости слог, склонность к эзопову языку и иронии, приглушающая подчас в писателе чувство худож. соразмерности. В числе достоинств Н.-рассказчика — развитое чувство юмора и блестящая наблюдательность в бытовой сфере.

Произв. Н. печатался в «Новом обозр.», «Слове» (рассказ «Накануне ликвидации», 1880, № 9) и гл. обр. в «Отч. зап.», сотрудничеству в к-рых он высоко ценил (в свою очередь Салтыков-Щедрина считал Н. «очень хорошим писателем» и «одним из ближайших своих сотрудников» — XIX, ч. II, 55, 183). За пять лет лит. работы им было создано 7 рассказов и 2 повести (последняя пов. — «Тень друга», 1881 или нач. 1882, по ценз. причинам не прошла в «Отч. зап.» и «Устоях»; рукопись затерялась). К нач. 1880-х гг. Н. сделался одним из высокооплачиваемых авторов «толстых журналов» (см.: Рейтблат А. И., От «Бовы» к Бальмонту, М., 1991, с. 88), получавшим по 100 руб. за печатный лист, но все лит. гонорары пересылал матери и сестрам, а сам продолжал подрабатывать учительством. В поисках места Н. бедствовал, терпел голод, ходил в обносках, что основательно подорвало его изначально крепкое здоровье. Дважды перенес тиф (1878, 1880), переболевшийся бронхитами, что спровоцировало чахотку. С помощью Салтыкова-Щедрина, выхлопотавшего пособие Лит. фонда, Н. отправился на лечение за границу (в числе его врачей — Н. А. Белоголовый), где вскоре умер.

Творчество Н. на неск. лет было забыто, и лишь в 1897 усилиями М. Гродецкого вышло собрание его сочинений (СПб.). Это возбудило к Н. новый интерес (все отклики — 1897: РМ, № 11; А. Б. Богданович А. И.) — МБ, № 10; ВЕ, № 12; СО, 31 окт., и др.) и дало импульс к осмыслению его роли и места в лит.-ре. Для большинства критиков [Скабичевский, Ф. К. Арнольд, Е. А. Со-

ловьев (Андреевич), В. В. Воронский, В. Л. Львов-Рогачевский, М. Горький, А. К. Виноградов и др.] Н. оказался выразителем того настроения, к-рое охватило общество после краха социальных иллюзий «шестидесятников», вызвавшего начало духовного кризиса интеллигенции, и в этом качестве — прямым предшественником А. П. Чехова. «Рассказы его дают полную, блестящую картину того умственного движения, к-рое Н. К. Михайловский окрестил названием „люкьяние дворянства“» (Бессонов М., «Письмо в редакцию» — «Воляны», 1896, № 172). Иной взгляд содержал отзыв Е. Жданского («Правда», 1905, № 6), находившего у Н. «почти нишеанское» «воззвание к силе и презрение ко всякому сожалению» (с. 131), что, по его мнению, сблизало писателя с литераторами нач. 20 в.

Изд.: «Семьдесятники». [Сб.], М., 1935; Рассказы, М., 1956; Сувенир и др. рассказы, М., 1960; Рус. повести XIX в. 70—90-е гг., т. 1, М., 1957 (сост. и вступ. ст. Б. С. Мейлаха).

Лит.: Горький, XXIV, 54 (ук.), Семевский, Яянский, И. И., Лит. восп. — ИВ, 1898, № 1—2; Арнольд Ф. К. История «лишних людей». — РМ, 1902, № 9; Жителю И. Герои были в повестях А. О. Новодворского-Осиповича. — «Совр. мир», 1907, № 6; Соловьев Е. (Андреевич), Очерки из истории рус. лит.-ры XIX века, 3-е изд., СПб., 1907, с. 428—35; Нарбут В. Л. Забытый писатель. — «Родная страна», 1913, № 6; Воронский В., Лишние люди. — В ст. М.: Лит.-критич. статьи, М., 1956; Виноградов А., Реснет и ликвидации «лишнего героя». — В кн.: Повести о «лишнем человеке», М., 1952; Львов-Рогачевский В. Л., А. О. Осипович-Новодворский и эпоха перелома, М., 1929; Писма Г. З. Еленева к М. Е. Салтыкову-Щедрину, М., 1935, с. 67; Гузич М. П., Из истории «ни павы, ни вороны» (К вопросу о типе «лишнего человека» в рус. лит.-ре эпохи народнич. тупика). — «Наука» зап. Харк. лед. инст.-тузу», 1941, т. VII; М. Горький. Материалы и исследования, т. 3, М.—Л., 1941, с. 146; Шлаковская Е. А., А. О. Осипович-Новодворский как предшественник Щедриной школы в рус. лит.-ре 1870-х гг. — «Уч. зап. Ленингр. ун-та. Сер. филол. науки», 1954, № 171, в. 19; История рус. лит.-ры, т. 9, ч. 2, М.—Л., 1956; Зенякович Л. И., «Эпизоды из жизни ни павы, ни вороны» Осиповича (А. О. Новодворского). — «Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та», 1965, т. 273; Попова М. Г., А. О. Осипович-Новодворский. Кат., 1970; ЛН, т. 13—14, с. 361 (письмо Н. к Салтыкову-Щедрину); + Некрологи, 1882: ОЗ, № 4 (И. И. Яянский); «Совр. изв.», 13 апр. Брогауз; Южак-ков; Гранат, т. 11; Владиславлев; КЛЭ; Рус. писатели, 1990; ИРДВ; Мезьер; Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 227, оп. 1, № 188, л. 2 (письмо М. Е. Салтыкова-Щедрина к Н.); ф. 4, оп. 1, № 23, л. 75 (Альбицкий. Список писателей); РНБ, ф. 901, оп. 3, № 602 (письма Н. О. Новодворской И. И. Яянского); ИРЛИ, ф. 540, л. 155; РГИА, ф. 777, ф. 1343, оп. 26, л. 2479, л. 25 (копия м.с.), л. 13—20 (копия ф. с. 1860 г. отца Н., в т. ч. дата рожд. Н.) [справка Е. И. Соколовой]. В. М. Богданов.

НОВОРУССКИЙ Михаил Васильевич (28.9(10.10).1861, с. Новая Русса Демянского у. Новгород. губ. — 21.9.1925, Ленинград; похоронен на Литератор. мостках Волкова кладб.), мемуарист, публицист, популяризатор естественных наук, автор книг для детей; народолюбив. Род в бедной многодетной (13 детей) семье сел. псаломщика. Окончил Старорус. ду-

ховное уч-ще (1872—76), затем Новгород. духовную сем. (1876—82). В 1882 принят в Петерб. духовную акад., на казенный счет, окончил в 1886 в звании кандидата, тема дис. «Основы нравственности в эмпирич. философии», оставлен при акад. профессорским стипендиантом и готовил дис. на степень магистра богословия, посв. нем. психологу и философу Ф. Э. Бенке. «Червь сомнения и критики» прочно внедрился в Н. с первого года учебы (биография Н. — Фигнер В., ПСС, 2-е изд., т. 4, с. 179). Это привело его в студенч. кружки саморазвития и к участию в новгород. землячестве (был его кассиром), а в 1886 в Петерб. союзе землячества, где он познакомился с А. И. Ульяновым и нек-рыми др. членами народофильч. кружка, в нач. февр. 1887 примкнул к ним, причастен к подготовке покушения на Александра III (преоставил квартиру для изготовления динамита). Арестован 3 марта 1887. Судился Особым присутствием Сената по делу о покушении 1 марта 1887. Приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой, 5 мая 1887 заключен в одиночку Шлиссельбург. крепости, где провел 18 с половиной лет. Активным сознательным революционером себя никогда не считал, в автобиографии позднее писал: «... всегда конфужусь, когда вижу свое имя наряду с настоящими борцами» (цит. по кн.: Галерея Шлиссельбургских узников, ч. 1, СПб., 1907, с. 145). Царским указом вместе с др. узниками был освобожден 28 окт. 1905 из Шлиссельбурга, помещен в Петропавлов. крепость; ввиду временного расстройствая этапных путей в Сибирь ссылка на 4 года была заменена передачей родственникам на поруки. По просьбе митрополита петерб. Антония и архиепископа финляндского Сергея с кон. нояб. 1905 Н. был отпущен к митрополиту, а потом в Выборг к архиепископу, у к-рого прожил на даче 5 месяцев, а затем в городе до апр. 1907.

В 1906 начал писать восп. о пребывании в крепости, о причине его осуждения, к-рые публ. по главам в ж. «Былое» (1906, № 4, 6—12), «Совр. мир» (1906, № 10), «Минувшие годы» (1908, № 12), отд. изд. вышли в сокр. виде на швед. (Гельсингфорс, 1907) и нем. яз. (Б., 1908), на рус. яз. с доп., под назв. «Записки шлиссельбургца. 1887—1905» (П., 1920; перизд. с новыми доп. — М., 1933).

Воспоминания приоткрывали завесу тайны, окружавшей в течение двух десятилетий государствену тюрьму и ее узников: условия содержания, запреты, наказания, пост. борьбу заключенных за свои права, отношения к узникам надзирателей, охранников, посетивших крепость сановников и священников, характеристики товарищей по несчастью. Особое место было уделено рассказу о занятиях ремеслами, науками и т. п., разрешаемых после неск. лет пребывания в

тюрьме. Н. А. Морозов даже упрямил Н. в том, что, судясь снисходительнее своих защит, рисовал и коллекций, тот «и сам не заметил, что Шлиссельбург предстал в его воображении не островом мертвых, а некой производительной общиной. Если им жили так, как может показаться по книге Новорусского, то почему уехали лишь единицы?» (блуждение упрета см. в кн.: Смирнов В. Г., Шлиссельбургский Робинзон, Л., 1990, с. 126). «Записки...» рисуют, дак у Н. «из несправедливого распятого морозострания» складывается «истинная прокуратурная система»; по мнению В. Фигнер, он — «убежденный экономич. материалист, часто западающий в крайности» (цит. по кн.: Галерея Шлиссельбургских узников, ч. 1, с. 146).

Автор предстает человеком пытливому науч. ума, наблюдательным и ироничным, к-рого не сломила морально и психически длительная изоляция в тюремной одиночке. Успеху воспоминаний способствовали также хороший лит. язык, доверительная интонация. Н. принадлежит публ. «В Шлиссельбурге. Картины и настроения» («Знание», кн. 12, СПб.,

1906). «Из размышлений в Шлиссельбурге» (МГ, 1908, № 3). «В абсолютном одиночестве. Отрывок из дневника 1887 г.» (сб. «Под сводами», М., 1909; здесь же напечатаны его стих. «Осенью 1893 г.», «В. Н. Фигнер»), «Дневник 1893 г.» («Мир», 1909, № 15—16, 21—24). Рецензент писал: «С мучительным интересом читается дневник Н. „В абсолютном одиночестве“, поражающий острым, безнадёжным самоанализом» (В. В-н — СМ, 1909, № 6, с. 158). Написанные им биографии казенных товарищей «П. Я. Шевырев», «В. Д. Генсралов», «П. Н. Андрюшкин», «В. С. Осипанов» вошли в сб. «Галерея Шлиссельбургских узников» (ч. 1).

В дек. 1905 Н. совершил поездку в Валаам. монастырь с желанием провернуть, действительно ли, как утверждали нек-рые «идеализаторы этого хозяйства», в нем осуществлен «социалистич. строй на христианских началах». В очерке «Душепасительное хозяйство. (Валаам. трудовая община)» (СМ, 1907, № 9) выразил свое глубокое разочарование

увиденными архаичными формами натурального домашнего хозяйства. В очерке «На воле. После шлиссельбургского заточения» (СМ, 1908, № 1) — впечатления и гл. наблюдения его поездки на юг Новгород. губ. в разные места: «... процесс капитализации нашей деревни далеко продвинулся. Торговый капитал орудует ходко» (с. 142).

В апр. 1907 благодаря ходатайству архиепископа Сергея Н. разрешено жить в Петербурге. Здесь через Морозова он познакомился с изв. ученым и педагогом П. Ф. Лесгафтом, в его Высшей Вольной школе сначала завеловал хоз. частью, затем хим. лабораторией, позже — ассистент на кафедре химии. В 1909 женился на П. М. Рыжковой, студентке школы (в 1918 у них родился сын Михаил). С кон. мая 1909 зав. Политехнич. музеем Рус. технич. об-ва, сотрудничал в Лиговском Нар. доме гр. С. В. Паниной, где можно было без спец. разрешения «читать бесплатные лекции по разным вопросам естествознания в нар. аудиториях» (ГАРФ, ф. 1733, оп. 2, д. 2, л. 4 — автобиография).

С янв. 1907 печатал мелкие заметки в науч. отделе ж. «Совр. мир», опубли. статью по делу прокуратора Е. Ф. Азефа (1909, № 2—3), с осени 1908 чл. редакции ж. «Образование», до июня 1909 вел в нем отдел внутр. обозрения, посв. социально-полит. вопросам, публиковал науч.-популярные статьи по естествознанию (1909, № 1, 5) и рец. (1909, № 3, 4а). В 1909 поместил еще несколько популярных науч. статей в ж. «Мир» (№ 11—14). В 1907 вышла его кн. «Земля и ее жизнь. Всем доступное изложение науки о земле» (СПб.; 4-е изд., П., 1922).

Стремлением сделать рассказ о природе занимательным и полезным отмечены книги для детей «Большая книга картин из мира животных для наглядного обучения в семье и школе Е. Лейтмана», «Под ясным небом. Уголки живой природы в очерках и картинах для детей» (обе — СПб.—М., 1908). «Грибное царство. Всем доступный рассказ о грибах и их жизни» (СПб., 1909; [3-е изд.], П., 1919). в к-рую Н., по мнению рецензента, сумел включить «все то „философское“, что есть в науке о грибах» (И. Олыгин — «Обр.», 1909, № 5, с. 137). «История снежинки» (М.—П., 1923). В форме фантастич. сказки о крошечном мальчике, совершающем увлекательное и опасное путешествие на шмеле, написана кн. «Приключения мальчика меньше пальчика. Из жизни насекомых» (СПб., 1911). Н. издал также сказку «Замок неволн» (б. м., б. г.), практич. пособия для школы, сотрудничал в 1914—15 в дет. ж. «Родник», «Солнышко»,

«Тропинка», в «Дет. энциклопедии» (т. 1—10, М., 1913—14, изд. т-ва Сытина).

Н. — автор множества популяризаторских статей, рец., заметок по вопросам науки, техники, культуры, педагогики — в 1910—15 в газ. «Речь», «Совр. слово», «День»; ж. «Жизнь для всех» (1911—15), «Заветы» (1913—14), «Рус. школа» (1912—16) и мн. др. В «Полной энциклопедии рус. сел. хозяйства и соприкасающихся с ним наук» (т. 1—12, СПб., 1900—12) напечатал более 25 статей. В кн. «Основы совр. мировоззрения» (СПб., 1910), нарисовав картину мира, опирающуюся на совр. науч. представления, «примиряя» науч. знание с религией — «... те, кто считает атеизм выводом совр. науки, еще не дошли до широкого филос. понятия о Боге», а «торжества „чистого атеизма“ в совр. условиях были бы „невознаградимой утратой“», «было бы пусто в той душе, к-рая совершенно утратила в ся-ко о е верование» (с. 228—29).

Член многочисл. об-в. В июне 1917 подписал воззвание «старых революционеров» о безусловной поддержке Врем. правительства, был персонально приглашен принять участие в Гос. совещании в авг. 1917. С июля 1917 дир. Сел.-хоз. музея, где работал до конца жизни. При сов. власти продолжал публиковать науч.-популярные брошюры, мемуарные очерки, в т. ч. «Короленко в Шлиссельбурге» (в кн.: Короленко, Петерб. сб., П., 1922), «А. И. Ульянов» («Правда», 1922, 21 мая), выпустил «Путеводитель по Шлиссельбургу» (М.—П., 1923). Посмертно вышла ориентированная на читателя-подростка автобиогр. кн. «Тюремные Робинзоны» с очерком В. Фигиера и прим. Н. А. Морозова (М.—Л., 1926; 2-е изд., М.—Л., 1928) — увлекательное и динамичное повествование о победе человеческого духа над обстоятельствами, о пользе науч. знаний в экстремальных ситуациях [рец.: Е. Н. — КИС, 1927, № 1 (30)].

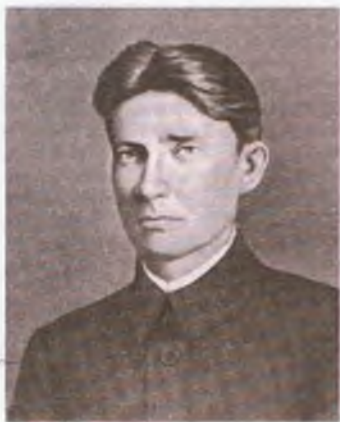
В судьбе Н. тюрьма парадоксальным образом выявила его истинное призвание — стремление к пост. самообразованию и к многогранной просветит. деятельности, к-рой он посвящал оставшиеся ему 20 лет жизни на свободе.

Лит.: Бурцев В. Л., За сто лет. (1800—1896). Сб. по истории полит. и общества движений в России, ч. 1—2, Лондон, 1897; Казендар рус. революции, П., 1917 (под ред. В. Л. Бурцева; ук.); Панкратов В., Жизнь в Шлиссельбурге, крепости. 1884—1898, П., 1922 (ук.); Волкенштейн Л. А., Из тюремных восп., Л., 1924 (ук.); Колосов Е., Государева тюрьма — Шлиссельбург, П., 1924 (ук.); 1 марта 1887 г. Дело П. Шеварева, А. Ульянова и др., М.—Л., 1927 (ук.); Лукашевич И., 1 марта 1887, М., 1927, с. 17—44; Фигиер В., ПСС, 2-е изд., т. 1—4, 6—7, М., 1932 (ук.); Фроленко М., Собр. соч., т. 2, М., 1932 (ук.); Павлюк Н., Сплетворение Шеварева в пер. Шлиссельбург.

уэнка. — РЛ, 1964, № 1. + Некрологи, 1925: «Былое», № 5 (33) (А. Прибылева-Корба); КИС, № 7 (20) (М. Фроленко); «Пути революции», № 2 (К-ф); «Суд навет», № 20 (В. Фигиер); «Красная юва», № 41; «Вест. знамя», № 19/20 (Н. А. Морозов); Печ. энц., т. 3, М., 1966; Восток. Спикер; Южакон; БСЭ; СИЭ; ИДРДВ; Масапак.

Архивы: ГАРФ, ф. 1733, оп. 1, д. 6, 9, 12, 19 (письма к Н. — Н. Ф. Анисимова, А. А. Давидовского, П. Ф. Лостафта, В. И. Семеновского); д. 2 (дневник 1887—1892 гг.); оп. 2, д. 2 (автобиография); ф. 533, оп. 1, д. 1364 (статья о Н. для словаря «Лестели рск. движения в России», 1880-е гг.); АРАН, ф. 543, оп. 4, д. 1325 (письма Н. А. Морозову и В. Д. Лебедской); ф. 489, оп. 1, д. 11 (письма В. И. Семеновскому).
О. А. Сайкин

НОВОСЁЛОВ Александр Ефремович [псевд. А. Невесов; 5(17).11.1884, пос. Железнодорожный Павлодар, у. Семипалатинской обл. — 23*9.1918, Омск, похоронен на Казачьем кладб.*], прозаик, публицист, этнограф. Сын польсаула Сиб. казачьего войска станицы Урлютюпской 3-го воен. отдела. Воспитывался в Сиб.

подготовит. пансионе казачьего войска и с 1896 в Сиб. кадет. корпусе (зачислен «приходящим»), к-рый оставил в мае 1903, не пожелав сдавать экзамены за 7-й кл. (получил свидетельство об окончании шести классов). Вернулся из Омска в родной поселок, где готовился к сдаче экстерном экзаменов за курс учительской семинарии. В 1905, успешно выдержав их, преподавал в нач. уч-щах в пос. Надеждинском станицы Вознесенской (1905—06) и пос. Большеарымском (1906—07). С 1907 — учитель по вольному найму в пригтовит. пансионе Сиб. казачьего войска, одновременно назначен зав. Войсковой публичной б-кой. В 1912 «в связи с попыткой прочесть доклад о голоде» был отстранен от должности библиотекаря и едва не уволен из пансиона (письмо редактору ж. «Сиб. вопросы» А. И. Иванчину-Писареву от 23 янв. 1912 — ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, № 329, л. 2).

Первое выступление в печати — рассказ «Катяка» («Степной край», 1903, 29 авг.) о грустной судьбе 16-летней деревенской девушки,

приехавшей в город на заработки. За десять лет в Омске Н. сформировался и как писатель, и как ученый-этнограф, проявлявший особый интерес к истории сиб. старообрядчества. Действит. член РГО, Н., по поручению Зап.-Сиб. отд. РГО, совершил неск. науч. экспедиций на Алтай и в Казахстан в район старообрядц. селений, изучал архивы раскольников, записывал рус. и казах. фольклор. Оpubл. этногр. статью «Иртышский казак» («Сиб. вопросы», 1912, № 18) и очерки «У старообрядцев Алтая» («Изв. Зап.-Сиб. отд. РГО», 1913, т. 1, в. 2), «Умиравшая старина (К мат-лу по этнографии алт. старообрядцев)» («Зап. Семипалатин. подотд. РГО», 1915, в. 10), пафос к-рых выражен в заключит. словах первого очерка: «Жизнь вырвала кусок старой Руси и забросила его за каменную стену ... Но волны новейшей культуры побороли преграду. Алтайская Русь умирает, вырождается и нужно спешить с всесторонним изучением ее» (с. 18). К этим произв. примыкает обширная серия очерков «Степные картинки» («Омский вест.», 1909, 18, 29 марта), «Алтайские этюды» (там же, 1909, 13 дек.; 1910, 4, 11 апр., 3, 17, 21 окт.; 1913, 13 окт., 8 дек.), «Дорожный кино» (там же, 1913, 8, 13 дек.; 1914, 6 апр.; 1915, 26 июня, 6, 24 июля). В сент. 1915, в дни юбилея Г. Н. Потанина, Н. выступил с докладом «Задачи сиб. этнографии» (опубл. в «Изв. Зап.-Сиб. отд. РГО», 1916, т. 38), статью о нем предлагал для публикации в «Вест. Европы» (письмо в редакцию от 3 июля 1915 — ИРЛИ, № 21.553).

Своеобразным итогом этногр. исследований Н. явилась кн. очерков «Лицо моей родины» (первоначальное назв. «Иртыш—Алтай»; разрозненные фрагменты — «Сиб. опин», 1923, № 5/6; 1924, № 2; полностью — в сб-ке Н. 1981).

Возможно, Н. пытался ее опубл. в 1911 под назв. «Край покорителей и покоренных». В 1915 рукопись книги была отправлена М. Горькому, к-рый, по восп. Г. А. Веткина, лично отозвался о ней («Сиб. опин», 1928, № 2), однако издавать в то время считал несвоевременным: «книга не найдет читателя. Не те зашли люди, не этого хотят» (письмо к Н. от 28 окт. 1915 — в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 1, Новосибир., 1969, с. 17), позднее он намеревался опубл. ее в изд-ве «Парус» (не было осуществлено).

Мозаичная композиция книги обратила в себя колоритные сиб. пейзажи и этногр. наблюдения, сцены из казах. быта или из жизни раскольников и ист. экскурсы. Обличая фанатич. стоицизм алтайских старообрядцев, Н. в то же время обращал внимание на здоровые черты их образа жизни, сформировавшиеся в ходе напряженнейшей борьбы за существование.

В кон. 1909 Н. сблизился с группой омских писателей-областников — Е. И. Ершовым, А. С. Соро-

киным, Н. В. Феоктистовым, Ф. А. Березовским, организовавших лит. кружок, к-рый просуществовал до 1916. В этот период Н. активно выступал в сиб. и столичных изданиях. Рассказы «Легкая жизнь» («Омский вест.», 1909, 12, 14, 15 апр.), «Экзамен» (там же, 1910, 2 мая, 27 июня), «Подсидел» («Думы», 1911, № 1), «Смерть Агбая» («Сиб. вопросы», 1911, № 42/44) и др. — своеобразные эпюды, «картинки», в к-рых угадываются «чеховские» настроения и худож. приемы.

В 1913 Горький, затевавший издание «Сиб. сб-ка», высказал ряд критич. замечаний об одном рассказе Н., справедливых и для всего его раннего творчества: «... необходимо обратить серьезное внимание на язык, на стиль, — это у вас совершенно не выработано. Приемы письма староваты, теперь уж так не пишут. Пишите проще, точнее» (письмо от 8/21 авг. 1913 — в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 1, с. 16). Позднее Н. переработал и опубл. этот рассказ о рев. настроениях в среде сиб. казачества в годы первой рус. революции — «Сто рублей» — в ж. «Сиб. неделя» (1914, № 5/8).

В эти годы Н. активно выступал в газ. «Омский вест.» как публицист и лит. критик, сторонник реалистич. иск-ва, откликаясь на события общества, экон. и культурной жизни не только сиб. края: «Наши кинематографы» (1909, 1 авг.), «Цифры и факты о состоянии Сиб. казачьего войска» (1909, 12, 21 нояб.), «Судьба первой Зап.-Сиб. выставки» (1910, 20 июня), «Гастроли Варламова» (1910, 23 апр.). В статье о кончине Л. Н. Толстого «Над могилой» (1910, 9 нояб.) он писал о значении писателя для мировой и отеч. культуры. В рец. на альб. «Шиповник» (кн. 22) Н., весьма серьезно отнесшийся к символистским драмам Л. Н. Андреева и отчасти Ф. Сологуба, в то же время многого не принял в них, отметив кризис совр. театра: «Долой театр масок, игры и притворства, театр внешней бутафории, театр-зрелище! Дорогу театру правды, дорогу психологически обоснованной драме!» («Омский вест.», 1914, 9 февр.). Он положительно оценил «Алтайский альб.» — первое коллективное выступление сиб. писателей, отнеся его к таким «событиям, на к-рых будущей историк духовных течений Сибири, и в частности сиб. лит-ры, неизбежно остановит свой взор», и особо выделив произведение, подкупающее «простотой стиля, выдержанностью и ... ароматом самобытности» (там же).

Известность Н. принесли произв. об алтайских крестьянах-старобрядцах — рассказ «Жабья жизнь» («Летопись», 1916, № 2) и особенно пов. «Беловодье» (там же, 1917,

№ 7—12; отрывок из нее: «Конец Панкрата» — «Сиб. студент», 1915, № 7—8; первонач. назв. повести «Панкрат-беловодец»). Сюжетную основу повести составляют поиски героями земли обетованной, приобретенные в среде старообрядцев религ. форму, что было связано прежде всего с протестом против офиц. церкви; между тем именно это обстоятельство придало поиску таинственной земли Вессонской особый колорит. Н. погрузил своих героев в мир необыкновенной по краскам природы Алтай, дикой и непокорной, напоенной соками плодородной земли.

Известна оценка повести Горьким: «Может быть, те заметки, к-рые я успел сделать, помогут Вам приять ей (повести. — Ред.) большую стройность, строгость, образность, а главное изменить ее общий тон, лишенный планности спокойного рассказа. Ведь Вы изображаете людей, мыслящих медленно, чувствующих тяжело, з не городских неврастеников, людей с душой, издроганной в ключья, чьи мысли скользят по поверхности явлений. Ваша повесть о суровых людях требует эпич. спокойствия, внутр. сжатости» (письмо к Н. от 8 мая 1917 — в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 1, с. 17).

Тематически и проблемно с «Беловодьем» связаны рассказы «В обители» («Сиб. жизнь», 1916, 25 дек.) и пов. «Мирская» («Сиб. рассвет», 1919, № 11/12), в к-рой автор исследует внутр. мир 17-летней девушки-сироты, попавшей в монастырь, пережившей любовь; «бунт» ее сильной и страстной души оказывается безмолвным.

Худож. удачей Н. была и более ранняя пов. «Исишкина мечта» (сб. «Жертвам войны», Омск, 1915) — незатейливый рассказ о честном и трудолюбивом батраке-казахе, делющемся мечту о своем хозяйстве и экономич. самостоятельности. Как символ свободолюбия и независимости воспринимается история гордого и непокорного животного в рассказе «Санькин марал» (там же; отзыв Потанина — «Сиб. зап.», 1918, № 4, с. 107).

Творчество Н., наиб. значительно и яркого из сиб. прозаиков предрев. периода, всецело развивалось в русле демокр. традиций реалистич. лит-ры; на специфич. местном материале ставил серьезные проблемы, свойственные большой лит-ре.

В последние годы жизни Н. вынашивал множество замыслов: намеревался издавать в Новониколаевске лит. журнал. В создании в 1917 на свои сбережения изд-ве «Мой край» (просуществовало три месяца) он опубл. книгу стихов Г. Вяткина «Алтай» (Омск, 1917), планировал выпуск брошюр по истории, географии и этнографии Сибири. Задумал «написать роман о трагич. беспочвенности рус. интеллигенции» — «Китеж — град невидимый» (см.: Вяткин Г., Памяти Н. — «Сиб. огни», 1928, № 6, с. 239).

В апр. 1917 Н. избран на 1-м Сиб. войсковом казначеем съезде товарищ. пред. войсковой управы Сиб. казачьего войска. В июне 1917 вступил в партию эсеров, считая (по свидетельству современника), что сейчас «это единств. партия, умеющая понять интересы рев. России и отвечающая требованиям переживаемого момента ... Кроме того, это партия, к-рая не замыкает человека в узкие догматич. рамки и дает каждому человеку возможность выявления всех своих интеллектуальных способностей... Дает человеку возможность всесторонне проявить свое многогранное „я“... Я и прежде был индивидуалистом и вашей программы (т. е. программы большевиков. — Ред.) не разделял» (цит. по ст.: Березовский Ф., А. Е. Новоселов. — «Сиб. огни», 1922, № 1, март, с. 156). В сент. 1917 назначен акмолинским обл. комиссаром Врем. Сиб. пр-ва. В дек. Н. издал приказ о врем. передаче должности в связи с отъездом в Томск для организации Сиб. обл. думы. После роспуска Думы большевиками уехал в Харбин, снова вернулся в Омск, 20 сент. 1918, незадолго до занятия Омска армией А. В. Колчака, был арестован по распоряжению нач. Омского гарнизона В. И. Волкова. Ему были предъявлены противоречивые обвинения в «бездействии власти», когда он был комиссаром Акмолинской обл., и в прямом «соучастии в ноябрьском большевистском перевороте». По сообщениям газет («Заря», «Дело Сибири»), тело убитого Н. было найдено 23 сент. В одной из газет сообщалось: «Человек, по душевному складу далекий от требований, к-рые предъявляют к полит. деятелю... он пал жертвою скорее своего слабоволия, нежели определенности и яркости его полит. выступлений ... он был нужен как средство для полит. игры» (см. в кн.: Яновский И., Голоса времени, Новосибир., 1971, с. 82; см. также Яновский И., А. Новоселов. — «Сиб. огни», 1968, № 12; Алов Н. И., Об убийстве Н. — В его кн.: Интервенция в Омске, А.-А., 1978; стх. В. Стасьевой «Памяти Новоселова». — В ее кн.: Стихи, т. 1, Шанхай, 1920, с. 42). Архив Н., хранящийся у вдовы писателя, Г. Н. Новоселовой, погиб в годы ленингр. блокады.

Др. произв.: рассказы «К архиерею» («Сиб. зап.», 1917, № 2), «Из дневника» (там же, 1918, № 4), «Стелново» («Заря», Омск, 1919, 20—24 апр.).

Изд.: Беловодец. Барнаул, 1919; Беловодец. Барнаул, 1957 (предисл. Г. Раппопорта); Беловодец. Повести, рассказы, очерки, А.-А., 1960 (сост. и авт. предисл. А. Изотов); Беловодец. Повести, рассказы, очерки, Иркутск, 1981 (сост. и автор предисл. Н. Н. Яновский).

Лит.: Крутовский В. Тяжелые утра- ты. — «Сиб. зап.», 1918, № 4; Вяткин Г., Творчество Н. — «Нар. Сибирь», Новоиколаевск, 1918, 24 нояб.; Постнов Ю. С., Из истории лит. жизни Сибири в период Окт. револю- ции и гражд. войны. — «Культурное строитель- ство Сибири», к. 2, Новосибир., 1965, с. 5—37; М. Горький — А. Е. Новоселову, [Письма 1913—1917]. — В кн.: Лит. наследство Сибири, т. 1, Новоси., 1969; Сагалович С. М., Н. и его пов. «Исшикина мечта». — «Филол. сб.», в. XIII—XIV, А.-А., 1974; его же. Творч. ис- канка Н. — В сб.: Худож. образ и взаимодейст- вие лит-р, А.-А., 1989; Беленький Е. И., Из сб. тетрадн, Новоси., 1978, с. 16—33, 34—65; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1—2, Новоси., 1982 (ух.); Сибирь в рус. сов. лит-ре, Новоси., 1982, с. 82—95; Якимов В. П., Многоголос. Сибирь в рус. сов. лит-ре, Новоси., 1982, с. 82—84; Трушин В., Пути и судьбы, Лит. жизнь Сибири 1900—1920 гг., 2-е изд., Ир- кутск, 1985 (ух.); Иоффе Г., Колчаковский авантюра и ее крах, М., 1983, с. 83—93; Ан- ципферов Н. П., Из дум о былом, М., 1992, с. 214, 492. + Некрологи: «Сибирь», Иркутск, 1918, 4 окт. (А. Коряков); «Русь», Омск, 1919, 28 сент. (Ю. Романов). За обн. в Н. В., Мат-лы для сб. писател. М., 1927 (КЛЗ); Писатели земли Омской, 1917—1945 гг., Омск, 1984; Петряев Е. Д., Поведами литерато- ров-сибиряков, Новоси., 1973.

Архивы: ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, № 2, 329, 21, 353; ГАРФ, ф. Р—9431, оп. 1, л. 168; ГА Омской обл., ф. 67, оп. 2, л. 2465 (январь 1915 г.) и 1917 г.); ф. 19, л. 755 (этюдист. тетрадь каде- та Н. 1896 г.); ф. 1028, оп. 1, л. 357а (приказ Н. о врем. передаче должности, дек. 1917); ф. 16* (записк. в метрич. книге Никольской казачьей церкви) (справка Н. Лыньчестовой).

В. Н. Завезаев.

НОВОСЁЛОВ Михаил Александрович [1(13).7.1864, с. Бабье Твер. губ. — после 1938], духовный писа- тель, публицист, издатель. Оба деда Н. были священниками. Отец, Ал-др Григ. (1834—87), — изв. педагог, дир. Тульской, затем 4-й моск. г-зии, знакомый Л. Н. Толстого (см. о нем: Брокгауз; Языков). Окончил с зол. медалью 4-ю моск. г-зию (1874—81) и ист.-филол. ф-т Моск. ун-та (1881—87). С сер. 80-х гг. Н. становится активным последовате- лем Толстого, работает в его изд-ве «Посредник», осуществляет провер- ку толстовского перевода Евангелия. В кон. 1887 за найденные при обы- ске на моск. квартире Н. ст. Толсто- го «Николай Палкин» (распростра- нением к-рой Н. занимался) и стих. из «Вест. Нар. воли» он был аресто- ван. Лишь вмешательство писателя

избавило Н. от ссылки в Сибирь: Толстой лично явился к жандарм. ген. Слѣзкину и заявил, что наказыва- ть следует автора статьи (на что ген. ответил: «Граф! Слава Ваша слишком велика, чтобы наши тюрь- мы могли ее вместить»); в нач. 1888 Н. освободили под гласный надзор полиции с запрещением проживать в столицах (подробнее см.: «Былое», 1918, № 9, с. 210—12; Гусев в Н. Н., Летопись жизни и творчества Л. Н. Толстого, 1828—1890, М., 1958, с. 683, 684). В том же году Н. покупает землю в с. Дугине Твер. губ. и создает там одну из первых толстов. земледельч. общин. В 1891—92 ра- ботает вместе с Толстым «на голоде» в Рязан. губ. С этого времени начина- ется его отход от учения Толстого и возвращение к православию (запись в дневнике Толстого от 26 мая 1892; см. также: Величкина В., В голо- лодный год с Л. Толстым, М.—Л., 1928, с. 93). Сохранив до конца жиз- ни уважение к бывшему духовному наставнику, Н. постоянно выступает в печати против Толстого: «Мы должны, отвергнув все неправое в его писаниях, принять к сведению и, главное, к исполнению то доброе, что он выдвигал в Евангелии в укор нам, а вместе с тем должны показать, что истинное разумение, а тем более достижение нравств. идеала Еванге- лия возможно только при условии правой веры, т. е. в Церкви» [«Забы- тый путь опытного Богопознания (в связи с вопросом о характере право- сл. миссии)», Вышний Волочек, 1902, с. 59; см. также: «Открытое письмо гр. Л. Н. Толстому по поводу его ответа на постановление Святейшего Синода», Вышний Воло- чек, 1902]. После разрыва с Толстым Н. сблизился с о. Иоанном Крон- штадтским, оптинскими старцами, одновременно общаясь и с изв. пред- ставителями моск. и петерб. интел- лигенции (знакомство с Вл. С. Соловьевым в 1899, с А. Белым в 1901). Принимал участие в Религ.-филос. собраниях: так, в 1902 выступил с докладом о христ. браке, где изло- жил вопрос со строго церк. т. з., по- лемизируя с философией семьи и по- ла В. В. Розанова. Показательна ре- акция Д. С. Мережковского: «Мы сейчас услышали проповедь, обра- щенную к неверующим, от человека, к-рый убежден в том, что он облада- ет абсолютной истиной... Скучно слушать проповеди» [«Зап. Петерб. Религ.-филос. собраний. (1902—1903 гг.)», СПб., 1906, с. 278—79]. В интеллигентских кругах сложился образ Н. как поборника «консерват. православия». По словам Н. А. Бер- дяева, Н. «производил впечатление монаха в тайном постриге. Культура его была узкая, у него не было широ- ких умственных интересов... По-свое- му Н. был замечательный человек,

очень верующий, безгранично предан- ный своей идее, очень активный. Он всех хотел обращать» («Самопо- знание», М., 1990, с. 173).

Лучше всего желание «всех обра- щать», жажда церк. просветительст- ва отразились в издат. деятельности Н. Книги его «Религ.-филос. б-ки» (1902—17) ставили целью воцерков- ление рус. общества, прежде всего интеллигентной молодежи, пытались дать ответ на духовные запросы со- временников с позиций православия. В Вышнем Волочке, Москве и Сер- гиевом Посаде вышло 39 книг, неск-рые выдержали по неск. издан- ний. Помимо этого Н. печатал «Изда- ния „Религ.-филос. б-ки“» и 2 серии «Листков „Религ.-филос. б-ки“»: «Семена царства Божия» (выдерж- ки из творений отцов Церкви) и «Рус. религ. мысль» (подбор фраг- ментов из произв. отеч. писателей, поэтов, философов). Н. — сост. большинства изданных им брошюр, автор многих из них; ему же принадле- жит ряд предисл. Издания Н. были широко известны по всей России, получили теплые отзывы прессы (подробнее см.: «Религ.-филос. б-ка». Список изд. и отзывы печати, М., 1911; 2-е изд., М., 1914). Всю но- воселовскую «Б-ку» просил Д. П. Маковников прислать Толстой за неделю до смерти (ЛН, т. 90, кн. 4, М., 1979, с. 407).

Осн. идея Н., выраженная в его гл. оригинальных соч.: «Забывтый путь опытного Богопознания» (3-е изд.), «Догмат, этика и мистика в составе христ. вероучения», «Психол. оправдан- ние христианства. Противоречия в природе человека по свидетельст- ву древнего и нового мира и разре- шение их в христианстве» (все — М., 1912) и др., — утверждение «жи- вой веры», покоящейся на непосред- ственном религ. опыте, и богословия, связанного «с религ.-нравств. подви- гом». Отсюда постоянная полемика Н. с т. н. школьным богословием, осн. на холодном рационализме и го- ловном знании. Естественное, от- крытое религ. чувство является, по- гласно Н., единств. ориентиром и в Богопознании, и в житейской прак- тике. Целый ряд своих брошюр Н. посвятил раскрытию социальных, гражданских, вообще повседневных проблем с т. з. христ. этики: «Из разговоров о войне» (Вышний Воло- чек, 1904; 2-е изд., М., 1911), «По- лицейско-врачебный протокол и христ. добродетели» (СПб., 1904), «Суды чести в среде учителей» (Вышний Волочек, 1904), «Вселен- ская Христова церковь и „Всемир- ная христ. студенч. союз“» (М., 1909). Неоднократно по разл. вопро- сам церк. жизни Н. в качестве религ. публициста выступал и в моск. газет- ных лапр. в «Моск. голосе» (1906): «Открытое письмо к братьям пра-

вославному» (№ 1), «Отклики» (№ 3, 5, 7, 12), «Где же истина?» (№ 16).

Осн. темы «Религ.-филос. б-ки» оказались в центре обсуждений и на заседаниях постепенно сложившегося вокруг Н. «Кружка ищущих христ. просвещения». Сама идея орг-ции периодич. собраний православно ориентированных интеллигентов-единомышленников появилась у Н. в 1905 (его письмо Ф. Д. Самарину от 17 янв. 1905 — РГБ, ф. 265, к. 195, № 26; устав кружка 1907 — там же, к. 118, № 24). Учредителями кроме Н. явились Самарин, В. А. Кожевников, Н. Н. Мамонов, П. Б. Мансуров, к к-рым в дальнейшем присоединились архимандрит Феодор (Поздеевский), А. А. Корнилов, А. И. Новгородцев. Вокруг Новоселовского кружка объединились изв. рус. философы, богословы, обществ. деятели того времени, сохранившие правосл. ориентацию: кн. Е. Н. Трубецкой, священники Иосиф (Фудель), Павел (Флоренский), С. Н. Булгаков, В. Ф. Эрн, Л. А. Тихомиров, В. П. Свенцицкий, А. С. Глинка-Волжский, С. Н. Дурылин, Н. С. Арсеньев и др. Центром кружка всегда оставался Н. — «авва Михаил»: «...хотя нек-рые из них неизмеримо превосходят почтенного и многого Н. ученостью и вообще „умными качествами“, но, тем не менее, чтут его „яко отца“ за ясный, добрый характер, за чистоту души и намерений и не только выслушивают его, но и почти слушаются его» (Розанов В. В., Бердяев о молодом моск. славянофильстве. — МВед, 1916, 17 авг.). В деятельности кружка, организовавшего собрания по обсуждению вопросов церк. истории, восприятия Свящ. Писания, христ. философии и этики, также отразился скепсис Н. по отношению к голому рационализму: отвечая на присланный Самарным программу бесед кружка, Н. подчеркивал «существенное значение молитвы и чтения Писания» как средств, ведущих к «выяснению христ. веросознания» (РГБ, ф. 265, к. 195, № 25). Новоселовский кружок явился последним опытом соборного единения на основе не только «единомыслия», но и «единочувствия» накануне революции 1917.

Зимой 1912 Н., Самарин и Кожевников Советом Моск. духовной акад. и Святейшим Синодом утверждаются в звании поч. чл. академии («Богослов. вестн.», 1912, дек., с. 863—72). Однако кружок оказался как бы в оппозиции к синодальной власти. Начиная с 1910-х гг. в «Моск. вед.» и «Голосе Москвы» появляются выступления Н. и др. чл. кружка с критикой в адрес Синода как бюрократич. силы, враждебной живой Церкви, вызванные гл. обр. возвышением Г. Е. Распутина, «эротомана и хлыста», по оценке Н. (см. его статьи:

МВед, 1910, № 49, 72), его возможным возведением в сан священника по воле «синодальных иерархов» и делом епископа Гермогена. Компрометирующие Распутина факты, а также свои поств. ему статьи Н. собрал в кн. «Григорий Распутин и мистич. распутство» (М., 1912). Позиция Н. была осуждена офш. властями; газ. «Голос Москвы» со ст. Н. «Голос православного мирянина» (1912, 24 янв.) конфискована, книга приостановлена в печати, а всем «зарвавшимся москвичам», устроившим «сул над церк. властью», Синод ответил в «Приб. к „Церк. вед.“» (1912, 25 февр.). Но Н. не сдавался. Не менее резкой и непримиримой была его позиция в спорах о почитании Имени Божия, где он безоговорочно принял сторону инославцев. Сам он не выступал в печати по догматике вопроса, но организовал выступления других и напечатал в «Изд. „Религ.-филос. б-ки“» «Мат-лы к спору о почитании Имени Божия», «Апологию» о. Антония (Булатовича) (обе — М., 1913), «Разбор Послания Святейшего Синода об Имени Божиим» В. Ф. Эрн.

Авторитет Н. в церк. кругах был очень высок. В 1918 он приглашался Соборным отд. к участию в разработке типа пастырских уч-щ (взаим. семинарий). В том же году Н. был избран чл. Врем. совета объединенных приходов Москвы, вскоре разогнанного новыми властями. На квартире Н. с благословения патриарха Тихона действовали Богослов. курсы, на к-рых преподавали гл. обр. члены кружка. Но в изменившихся условиях прежняя деятельность Н. оказалась невозможной, сам он вынужден был перейти на нелегальное положение и скрываться у друзей.

По сведениям епископа Амвросия (гр. фон Сивера), Н., ярый противник большевизма и обновленчества, не желавший подчиниться сов. властям, ок. 1921 принял тайный постриг под именем Марка внутри Катакомбной церкви истинноправосл. христианин, в 1923 хиротонисан в епископа Сергиевского. Н. не считал себя гражданином СССР, не имел сов. документов, игнорировал все сов. нововведения. Был участником т. н. «кочующего» Собора Катакомбной церкви 1928, на к-ром было принято решение об анафематствовании «сергианцев». В 1922—27 Н. пишет «Письма к друзьям» (опубл.: М., 1994; вступ. ст., подг. текстов и комм. Е. С. Полищука) — сррию выступлений без конкретных адресатов по самым разным текущим вопросам — от исключительно богословских до остро политических. Здесь Н. проецирует опыт первых веков христианства и средневековья, а также святоотеческое наследие на современность, осуждая свершившуюся

революцию, «сергианство», коллективизацию. В 1928 он был арестован и провел 10 лет в Ярослав. политизоляторе. В 1938 Особое совещание вновь приговорило его за контррев. деятельность к 3 годам политизолятора. Дальнейших сведений (кроме отд. апокрифов) о Н. не обнаружено.

Др. прозв.: «Соборное подготавли. совещание» (в сб. «О возрождении Рус. Церкви», Вышний Волочек, 1905), «В тихой пристани (Посв. братии Зосимовой пустыни)» (Вышний Волочек, 1908; 3-е изд., Сергиев Посад, 1911), «За кого почитал Л. Толстого Вл. Соловьев?» (М., 1913), «Светочи правосл. Христовой церкви» («Голос Церкви», 1912, № 7, 11, 12; 1913, № 4), «Пализм в правосл. церкви» (М., 1913), «Беседы о жизни» (М., 1913).

Изд.: Забытый путь опытного Богоиспытания. М., 1991; Письма к Л. И. Толстому. — «Мишурин» (ист. альм.), в. 15, М.—СПб., 1994.

Лит.: Толстой (ук.): Н. М. С. Честовицкий Н. — МВед, 1912, 9 нояб.; Розанов В. В., Моск. христословие. — НВ, 1912, 9 мая; с его же. Около грешных религ. тем. — НВ, 1916, 12 янв.; Флоровский (ук.); Польский М. Новые мученики российской т. 2. Дворянство. 1957, с. 272—73; Арсеньев Н. С., Дары и встречи жизни пути. Франкфурт-на-Майне, 1974; Увелев Ф. И. (С. И. Фудель), Об о. Павле Флоренском. Париж, 1972; Кожевников В. А., Письмо к В. В. Розанову. — ВестРХД, 1984, № 143, с. 94; Шагинян М. С., Человек и время. — Собр. соч., т. 1, М., 1986; Игумен Андриан (Грубачев), Моск. кружок. — «Лит. Иркутск», 1988, дек.; Розанов М. В., Крушение империи. Х., 1990, с. 35—38; Белый, кн. 2, с. 161—62; Зернов Н., Рус. религ. возрождение XX в., пер. с англ., Париж, 1991 (ук.); Дурылин С. Н. В своем углу. Из старых тетрадей, М., 1991; Булгаков С. Н., У стен Херсонеса. — «Символ» (Париж), 1991, июль, № 25; Поляшук Е. С., Церковь и интеллигенция. К истории диалога. — «Журнал Моск. Патриархии», 1991, № 11; его же. И. и его «Письма к друзьям». — Там же; Андриферов Н. П., Из дум о бытии, М., 1992 (ук.); Половинкин С. М., Моск. Духовная акад. от Февр. к Окт. 1917 г. — «Начала», 1993, № 4; Перепица свщ. П. А. Флоренского и Н. Тоиска, 1998 (вступ. ст., подготовка текста и прим. И. В. Неклюдовой, С. М. Половинкина). † Рус. философия. Малый энци. словарь, М., 1995; Рус. философия. Словарь, М., 1995 (под общ. ред. М. А. Маслина).

Архивы: РГАЛИ, ф. 2176, оп. 1, № 4 (стенограмма заседания петерб. Религ.-филос. общества по обсуждению доклада Н.); ф. 419, оп. 1, № 544 (письма В. В. Розанову); архив семьи Флоренских (письма Н., бюгр. мат-лы).

А. В. Павлов, С. М. Половинкин

НОВОСЕЛЬСКИЙ Григорий Наумович [23.1(4.2).1815, Москва — 27.3(8.4).1879, там же; похоронен на кладб. Новодевичьего монастыря], автор пьес и драм, переводов. Сын штабс-капитана Наума Як. Новоселовского, происходившего из «дворянских людей» и выслужившего потомств. дворянство в армии в связи с производством в обер-офицер чин. Обучался в 1-й моск. г-зии, затем (в 1832—37) в Моск. отд. Медико-хирургич. академии, из к-рой выпущен глазным лекарем. Почти 20 лет занимался частной врачебной практикой в Москве. Со 2-й пол. 1850-х до кон. 1860-х гг. жил в имении, приобретенном в Алексин. у. Тульской губ.,

где в разные годы избирался попечителем сел. запасных магазинов, поч. смотрителем училищ, мировым посредником; на гос. службе получил чины коллеж. рег., губ. коллеж. секр., тит. сов.

Участвуя в губ. ред. комиссии по составлению проекта положения об освобождении крестьян, изучал юриспруденцию. Занимался драматическим искусством, в короткое время «такие успехи, что мог состязаться даже с хорошими художниками» (см.: Шаповалов, с. 4); сочинил также муз. композиции, поощряемый гостившими у него левым Фачиотти и солистом театр. оркестра А. М. Шенюков.

После 1867 поселился в Москве, где пробовал свои силы в лит.-ре. музыке и театр. деятельности. На собств. либретто написал оперу «Женитьба поневоле» (М., 1872; пост. в Моск. Общедоступном частном т-ре, 1875) — «из русского народного быта», в мрачном колорите рисующую судьбу насильно разлученной молодой крест. пары; она не имела успеха: «Вся опера ... проникнута наивнейшим дилетантским, как со стороны текста, так и музыки» (РВед, 1875, 1 июня).

Написал комедии «из современной жизни»: «Две матери» (1875, не опубли.; рукоп. в СПб ГТБ), где молодая девушка оказалась в ситуации выбора между женщиной, ее воспитавшей, и родной матерью; «Сколько веревки не вить, а концу быть» (1877, не опубли.; рукоп. в СПб ГТБ) — о нравах купеч. среды. Расстянутость и рыхлость их композиции, пространство диалогов, нагромождение мелодрам. эффектов также демонстрируют любительский подход автора к драм. форме.

Неудачным для Н. был и опыт обращения к ист. теме: написанная в 1877 драма «из времен 1345—1353 гг.» «Симеон Иоаннович Гордый, Великий Князь Московский» («Театр. б-ка», 1879, № 1), в к-рой ист. приметы служат лишь фоном для любовной коллизии героев, не была (как и его комедии) востребована театром (Н. Шаповалов упоминает еще о его ист. драме «Ирина, боярская дочь» (Шаповалов, с. 6), к-рая, вероятно, не сохранилась).

Перевел трагедии Софокла «Эдип царь» (1877) и «Эдип в Колоне» (1878; обе не опубли.; рукоп. — в СПб ГТБ), замечая в предисл. к первой из них: «Я не держался дословной передачи трагедии Софокла ... Но я нигде не уклонялся ни от мысли автора, ни от ... драматических красот... Я позволил себе при переводе только дать речи Софокла движение русского языка и разнообразие метра в стихах во избежание монотонности; и старался сделать ее более приспособленной к представлению ... на сцене».

В кон. 1870-х гг. преподавал ряд дисциплин в Моск. артистич. кружке, принимал деят. участие в основа-

нии и выработке программы ж. «Театр. б-ка».

Лит.: Шаповалов Н. Г. Н. Новосильский. (Биографич. очерк). — «Театр. б-ка», 1879, № 1; Россиев П. А. Артистич. кружок в Москве. (1865—1883 гг.). — ИВ. 1912, № 7, с. 132; Бернанат Г. Словарь опер... М., 1962, с. 103. ♣ МНекр; Бродгауз; Венгров. Спикер.

Архивы: РГА, ф. 1343, оп. 26, д. 2538 (биограф. мат-лы); ф. 733, оп. 38, л. 4—7 (ф. с. 1859 г.).

А. П. Кулиш

НОВОСИЛЬЦЕВА, Новосильцова Екатерина Владимировна [1820 — 7(19).7.1885, Москва], прозв. Из старинного, в 18 в. еще богатого дворян. рода норманнского происхождения; прежде Н. «служили почти исключительно на воен. поприще: со дня Куликов. битвы до польской кампании 1830» («Семейные записки», М., 1865, с. 3). Отец, Влад. Григ., — участник Отеч. войны 1812, полковник и кавалер 16-го гусар. Иркутского полка; мать — Авдотья Ал-др. (урожд. Новикова). Сестра С. В. *Энгельгардт*. Детство Н. прошло в родовом имении Кольчово (отсюда псевд. Т. Толычева) Серпухов. у., где она получила дом. образование, в частности познакомилась с соч. И. И. Голикова («Деяния Петра Великого», ч. 1—12, М., 1788—89; «Дополнения», т. 1—18, М., 1790—1797), Эжена Ла-Бона («История о низвержении Наполеона Бонапарта...», ч. 1—6, М., 1821—23), А. Беркена и др., повлиявшими на ее развитие. Рано лишившись отца (ум. ок. 1830) и матери (ум. ок. 1836), в течение 4 лет воспитывалась у богатой родственницы в «раззолоченных палатах» (где было «продито много слез»), затем у бабушки, от к-рой почерпнула семейные предания и рассказы из жизни 18 в.

Молодость Н., взявшей на себя обязанности главы семьи, прошла в заботах о сестрах. В 1852—55 («эпоха разгара страстей и поклонения идеалу») в их моск. доме собирався дружеский кружок, в к-рый входила «молодая редакция» «Москвитянина»: А. Н. Островский (говоривший друзьям об уме Н. и упрекавший ее в «недостатке простоты»), А. А. Григорьев (товарищ брата Н. — Александра по Моск. уни-ту; о его сотрудничестве в «Атенее» см. в восп. кн. Д. Д. Оболенского: РА, 1895, № 4, с. 508), Т. И. Филиппов, Б. Н. Алмазов, Н. В. Берг, а также Н. Ф. Павлов, Н. Ф. Шербина, зоолог и будущий путешественник Н. А. Северцов, прославивший чудаком (сватавшийся к Н., но получивший от нее «изысканный» отказ; подробнее см.: Энгельгардт С. В., Из воспоминаний. — РО. 1890, № 11, с. 83—85, 105).

Первая публ. Н. — ст. «Шеридан и его время» (РР. 1861, 29 июня — 9 июля), в дальнейшем изредка обращалась к лит.-критич. жанру; см., напр., ее ст. «Поэзия Некрасова»

(РВ, 1878, № 5) с резко отрицат. характеристикой творчества поэта (критич. отклик: М. А. Загуляев — «Journal de St-Petersbourg», 1878, № 167, 25 juin). Через год она начала печатать «Семейные записки» (РВ, 1862, № 10, 11; 1864, № 12; отд. изд. — М., 1865), продолжающие жанровую традицию «Семейной хроники» С. Т. Аксакова [ср. также близкую Н. по духу «семейную хронику» Е. Тур «Семейство Шалонских» (1879), о к-рой см. положит. отзыв Н.: МВед, 1880, 20 янв.] и адресованные совр. рус. обществу, не зараженному — «и слава Богу!» — «родословным духом», в к-ром все же следует, по мнению автора, уважать «нравственную мысль», его породившую. В повествовании Н. (испытывавшей «законную гордость, с к-рой мы сознаем, что нам была передана честная и неспорченная кровь») о драм. перипетиях в жизни своего рода в 18 и 19 вв. звучит скорбный лейтмотив: «Горе образует самую прочную связь между людьми» (с. 65). Хотя Н. стремится к открытости и точности изображения (особенно улазил характеры и судьбы), о мн. существ. обстоятельствах семейной жизни, «закулисных тайнах» умалчивается, имена ближайших родственников и назв. насел. пунктов изменены.

В одном из немногих чисто беллетристич. произв. Н. — рассказе «Холостая жизнь» (РВ. 1863, № 1; повс. «благосклонному моему читателю и старому другу» Г. Ф. Головачеву, ред. ж-ла «Дет. чтение») о судьбе одинокого человека, пережившего смерть близких и безответную любовь к княжне, а в преклонном возрасте полюбившего горничную (она умерла при родах вместе с ребенком), перелетены характерные для автора моменты: трагич. окраска повествования, поиски межсловной гармонии и нравств. оправдания.

В своих произв., повс. отеч. истории, гл. обр. событиям 1812 («Рассказ старушки о двенадцатом годе», М., 1878; 3-е изд., М., 1894; «Смоленск и его предания о двенадцатом годе», РВ. 1880, № 11; пов. «Премышь», М., 1870; 5-е изд., М., 1907, и др.) и Крым. войны («Рассказы о домашнем быте севастопольских жителей во время осады 1854—55 гг.», РВ. 1880, № 9; «Рассказы старушки об осаде Севастополя», «Дет. отд.», 1881, кн. 1 — 3; отд. изд. — М., 1881, 1887), Н. стремилась на документ. материале передать дух времени, акцентируя внимание на нравств. смысле событий, — в назидание потомкам, но без напускного пафоса или квазного патриотизма. На ее кн. «Рассказы очевидцев о двенадцатом годе» (М., 1872; 4-е изд., М., 1880), в к-рой она «с умом и лит. тактом» записала собранные

ею в монастырях и богатейших «самые интересные случаи» («Нар. и дет. б-ка», 1879, № 1, с. 3), многократно ссылается историк А. Н. Попов в своем иссл. «Французы в Москве в 1812 г.» (М., 1876).

Ми. произв. Н., рассчитанные на широкого читателя, повс. более отдаленным по времени событиям рус. (в т. ч. церковной) истории: «Начало и крещение Руси» (М., 1876), «Сказание о том, как была основана Троицко-Сергиева Лавра» (М., 1868; 6-е изд., М., 1892), «Избрание в цари Михаила Федоровича Романова» (М., 1880), «Минин и Пожарский» (4-е изд., СПб., 1900), «Св. Стефан Пермский» (СПб., 1884) и др. В предисл. к кн. «Нат. Бор. Долгорукова и березовские сыльные» (М., 1874) Н., размышляя о жеи. подвижничестве, противопоставляет совр. «цеховым героиням» подлинных («Не зная, а закал всей личности образует героя. Тот, кому природа вложила в сердце запятки доблести и мужества, не придает цены своему подвигу и смотрит на него с простотой ребенка...», с. 4), к числу к-рых Н. относит и М. М. Тучкову. Ее трагически-светлой судьбе и личности Н. посв. кн. «Спасо-Бородинский монастырь и его основательница» (М., 1874).

Подлинность, «непридуманность» ми. историй Н. (характерно авт. прим. в пов. «Бабушкино благословение»: основана «на истинном происшествии», 3-е изд., М., 1905, с. 88) создают особую «атмосферу доверия» и причастности к миру ее героев во всей уникальности их судьбы (напр., пов. «Киргизка», М., 1880). Воспитат., а иногда и прямо назидат. характер беллетристич. произв. Н., рассчитанных на дет. или нар. восприятие (хотя произв. Н. читались «во всех слоях общества — и в гостиниц. и в избах, и в госпиталях во время войны» — МВед, 1885, 11 сент.), продиктован просветит. целями. прежде всего в отставании традиц. ценностей рус. правосл. культуры (см. положит. рец. на соч. Н. в изд. Об-ва распространения полезных книг: МВед, 1873, 29 дек.). В этногр. очерках, опубли. в «Дет. чтении» (1878—79) и построенных по месяцам года. Н. знакомила юного читателя с особенностями крест. быт. сезонными заботами земледельца. христ. праздниками и обычаями, старинными нар. приметами и поверьями. Ряд сказок Н. (под псевд. Колдун-говоруи) адресован самым маленьким.

Особый интерес представляют «Ист. рассказы и анекдоты» (РА, 1877, кн. 1 — 2), «Дела давно минувших дней» (там же, 1871, кн. 2; один из рассказов со слов М. С. Шепкина), «Рассказ о Н. С. Свечине» (там же), передающие стиль вре-

мени в его трагич. и комич. проявлениях.

Единств. попыткой Н. непосредственно включиться в совр. лит. борьбу была ее антиингилистика. комедия «Демократический подвиг» (литографиров. изд. — РГБИ; Александрин. и Маринин. т-ры, 1867; Малый т-р в Москве, 1868; псевд. Т. Себинова — от назв. имения Н. — Себино), герой к-рой, молодой дворянин «базаровского типа», опьяненный «новыми идеями», задумал жениться на горничной своей сестры, жить совместно, трудом и порвать с «развращенным обществом».

Пьеса вызвала разноречивые отзывы. А. С. Суворин предлагал назвать этот «фарс» из «жизни людей, лишенных рассудка». «Аристократич. душно», отметил «балаганность и возмездность многих сцен» (Суворин А. С., Театр. очерки, СПб., 1914, с. 111). М. Е. Сатыхов-Шедрин назвал пьесу «театрационно-науртательным подвигом» (ОЗ, 1868, № 11, 2-я пол., с. 108; см. также юмористич. рец.: «Будильник», 1867, № 39). К. М. Станюкович «выделял» ее из общего уровня по «чистоте мысли и содержанию» («Нол. рус. базар», 1867, № 31, с. 298). Критик иной идейной ориентации, не закрывая глаза на некие худож. просчеты, отмечал «оживленные толки в публике» («Голос», 1867, 1 окт.), расценивал ее как «остроумную сатиру на кваздемократов: «ислыва было здесь подмечать на все, что есть робкого, мальчишеского в этом направлении» (там же, 6 окт.; см. также рец.: «Совр. летопись», 1868, № 33, с. 16).

Автор некролога в «Моск. вед.» (где Н. сотрудничала в 1872—84) назвал жизнь Н. «подвигом самоотвержения» («ей не было суждено выйти замуж и стать матерью семейства»); заработанное она отдавала сестрам и бедным (на ее «капитале» жило неск. семей), воспитывала (сдерживая свой вспыльчивый характер) племянника. (Ему посв. «Семейные записки», его внучка — та Л. Ю. Новосильцева, трагич. лагерная судьба к-рой в 1930-е гг. описана О. В. Волковым в автобиогр. кн. «Погружение во тьму», М., 1989.) Скончалась после «тяжелых страданий» (МВед, 1885, 11 сент.).

Др. произв. Повести: «Материнский грех» (М., 1874), «Предания Золотого клада» (РВ, 1880, № 3, 4, 6), «Предсмертная исповедь» (РВ, 1882, № 4). Биогр. очерки: «Митрополит Филипп» (М., 1875, 1888), «Н. В. Рухавишников» (М., 1876, 1878), «О славной Белозерской обители и ее основателе преп. Кирилле» (СПб., 1885). «Предания о Демидовых и о демидов. заводах» (РА, 1878, кн. 2). Очерк «Село Косино» (М., 1874, 1888), «Рассказ двух болг. монахинь» (М., 1878), пов. «Князь Иван Калита — Солнечный луч» (М., 1884, 1907).

Лит.: Зограф И. Г., Малый т-р. М., 1960 (ук.); Гриц Т. С., М. С. Шепкина. Летопись жизни и творчества, М., 1966 (ук.; ошибочно указано отчество Н.); Петрушков В. С., К. М. Станюкович и т-р. Театр. критика. Эпохи об артистах. Драмагургия. Душанбе, 1968, с. 23—25; Петровская (1; ук.); ИРЛТ, т. 5 (ук.); Летопись Ист.-родословного об-ва в Москве, в. 1, М., 1993, с. 32—39; ЛН, т. 47—48, с. 140. + Толкина; Язиков; Муратова (1; см. ук. на Толщину);

Масанов (ошибочно указано, что Н. — урожа. Энгельгардт; не учтен псевд. Т. Себинова).

Архивы: РГАЛИ, ф. 1731; ИРЛИ, 24.942 (письма К. Н. Вестужеву-Рюмину); 20.287 (письма А. А. Фету с пер. на франц. яз. его поэмы «Сабина»); 7093 (письма Н. Ф. Шербин); РГАДА, ф. 1264, оп. 1, № 28 (письма раздв. лиц Х. В. Г. и А. А. Новосильцовым). № 319 (сведения о родственн. в копии брачного свидетельства Д. П. Голохвастова и сестры Н. — Назамы). С. М. Гусков.

НОЗДРИН Авенир Евстигнеевич (29.10(10.11).1862, с. Иваново Шуйского у. Владимир. губ. — 23.9.1938, г. Иваново; похоронен на кладб. Балино), поэт, публицист. Сын ярмарочного приказчика и крестьянки из старообрядцев (в семье было шесть детей; сестры Елизавета Татаринова и Анна Озерова стали

актрисами); отца лишили в четырехлетнем возрасте. Окончил в 1872 трехлетнюю зем. нач. школу. По профессии гравер-текстильщик, ок. 30 лет проработал на текстильных фабриках Иваново-Вознесенска и Петербурга.

Начало лит. деятельности — рубеж 80—90-х гг. 19 в., когда Н. увлекался «теорией малых дел» в нелегальном просветительски-народнич. «кружке саморазвития». Темы стихов того времени, как определял Н., «были связаны с трудовыми процессами» («Как мы начинали. Из житейских и лит. воспоминаний рабочего поэта Н.» — ЛН, т. 15, с. 174; предисл. и прим. М. Сокольников). После разгрома кружка в июле 1891, пробыв до 30 марта 1892 под гласным надзором полиции и сменив из-за «неуживчивого характера» («О себе», автобиография — РГАЛИ, ф. 352, оп. 2, № 1, л. 3) ряд иваново-вознесен. фабрик, Н. с семьей в том же году переехал в Петербург, где работал на фабрике и продолжал

писать стихи, по-прежнему не публикуя их.

В 1895 Н. вступил в переписку с В. Я. Брюсовым, послав ему свои стихи; тогда же состоялся и их встречи. Брюсов подготовил к изданию сб-к стихов Н. «Поэма природы» (32 стих.; впервые — «Краеведч. записки», Иваново, 1990; публ. С. Н. Тяткова). Он заметил в стихах Н. характерные «упаднические» мотивы и «символистские» метафоры («вьюгой злобы», «мост ... терпения», «свет беспоконный больной» и др.), но более всего его привлекла натурфилософская тематика стихов Н., «только еще приближающихся к символизму» (ЛН, т. 98, кн. 1, с. 242).

Сохранившиеся письма к Брюсову свидетельствуют, что Н. охотно принял предложение об издании своего сб-ка с брюсовскими предисловиями, но «люди фабричных корпусов и ремесленных мастерских» (как именовал себя Н.) опасались при этом, что предисловие поэта-символиста, возможно, «вотом будет истолковано в известном направлении... господами... х-рым так дорогим архаическим мотивом...» (там же, с. 240, 256). Брюсов, очевидно, приняв во внимание эти колебания, сопроводил подготовленный им сб-к лишь кратким введением «от издателя», в к-ром писал: «В авторе легко усмотреть... „самозучку“, но произведения его поражают стихийною силою таланта. ... Ноэрина можно назвать Кальциопом, пишущим в духе Тютчева». Брюсов в «очень оригинальной» поэзии Н. ощутил тотчас же космическое мироощущение в сочетании с изуродованностью стихий кельтского стиля; стилистическая с «природно-космической» тематикой и «кельтско-эпическими» мотивами он, как это видно из помет в рукописи Н., выделял весьма последовательно: «Отчего у ночи вешней Мало звездочек горит? — Или ночь на нас с лазурью Неожиданно глядит?»; «Влево, вправо, как пошла? Выоте тропки вьюгие... / Но не вьюте, как бывало / Мои кувры золотисты...»; «Все бы шел я да расказывал / О любви, о неге сна / И рассказ с рассказом связывал / В книгу радужных цветов...» и т. п. (там же, с. 244).

В сохранившихся черновиках брюсовского письма к Н. очевидна его стилистическая слезжане: они производят впечатление «чл. обр. в целом, а не в выборках», нек-рые — «выяты отдельно, сланком, сланком изначительны. Такого, напр., „Над поверхностью морской“. Это мимолетная картинка, и значение она может иметь только в целом ряде таких картинок, только как эпизод той поэмы природы, к-рую представляют эти Ваши стихи» (там же, с. 244). Брюсов увидел в Н. поэта немалых возможностей, а не готовых свершений: «Ни в одном стихотворении нет истинности ... и в этом особое очарование. Неожиданные сближения. Оригинальная игра словами. Своеобразный взгляд на многое» (запись на полях рукописи Н.; там же).

Издание сб-ка не состоялось, несмотря на то, что Брюсов 27 сент. 1896 получил необходимое разрешение цензуры. Сам Н. считал, что это произошло «по той простой причине, что мы оба потом с В(алерием) Я(ковлевичем) пришли к заключению, что выпуск его все-таки не оправдывал бы его содержания» («О себе» — РГАЛИ, л. 5). По восп. Н., «то «еще раз ударило по крыльям моей поэтической мечты, но совсем их не отбило, и я вскоре после этого в Ярослав. газ. „Сев. край“ впервые напечатал несколько своих стихотворений, а потом и совсем замолк, не писал целых семь лет» (там же). В состав назв. публикаций Н. входили

стих. «В дороге» (1900, 29 окт.), «Ночные тревоги» (1901, 18 февр.) и «В разлуке» (1901, 9 окт.). Следующие стих. «За книгой» («Сев. край», 1904, 6 янв.) Н. опубли. через два года.

После возвращения в 1896 в Иваново-Вознесенск Н. деятельно участвует в создании Об-ва взаимопомощи фабричных граверов и Об-ва потребителей. В 1905 избран пред. первого в России Совета рабочих депутатов. Кроме того, он общался с местными литераторами, писал рев. стихи, начал поэму «Ткачи» (позже утраченную). Во время избиения бастовавших рабочих на р. Талке Н. 3 июня 1905 был арестован, но через 9 суток освобожден по требованию рабочих. Н. — одно из гл. действующих лиц в документально-ист. ром. «Талка» (1930) А. Ф. Насиновича и пьесе «Бунтари» (1925) И. А. Волкова, посв. этим событиям.

В кон. 1905, спасаясь от самосуда черной сотни и преследования полиции, переехал в Москву, затем в Рыбинск. Во время черносотенного прогона и переездов погиб весь архив Н. (рукописи, дневники, письма). В Рыбинске участвовал вместе с С. М. Проскурниным в редактировании, сост. и издании сатирико-юмористич. ж. «Дубинюшка» (вышло всего 7 номеров в 1906, с 30 авг. по 8 окт.), печатал в ж-ле под псевд. Кудрявый и К-вый репортерские записки, местную хронику, сатирич. стихи, напр. «На бирже» (№ 3), «Прогрессивное „Я“» (№ 4), в газ. «Вест. рыбинской биржи» и «Рыбинский листок» публиковал стих. и репортерские миниатюры. Из Рыбинска переехал в Ярославль, где зарабатывал на жизнь, торгуя газетами, печатался в ж. «Ярослав. колодушка», газ. «Сев. край» и др. местных изданиях. Весной 1907 вернулся в Иваново-Вознесенск, 4 июня 1907 был арестован и 13 сент. выслан на 2 года в Олонечскую губ., в с. Коткозеро. С сент. 1909, после ссылки, Н. жил в Иваново-Вознесенске, практически отойдя от рев. деятельности. Работал контрощиком частной комиссионной конторы и страховым агентом до 1917. Одновременно сотрудничал в ж. «Иваново-Вознесенская жизнь» (1911—12; вел разделы гор. жизни под псевд. А. Борисовский), «Театр» — под псевд. Сергей Полозов, публ. сатирич. стихи, эпиграммы под псевд. Кудрявый и «Дым» (1913—1914), в царских газ. «Волго-Донской край» (1914) и «Рыбинском листке» (1914—18). В 1911—17 — фактич. секр. Лит.-муз.-драм. об-ва, писал — по должности — театр. рецензии в «Иванов. листок». Февр. революцию Н., по его восп., «благодаря незажившим ранам от первой революции... встретил с нек-рой настроенностью» («О себе» — РГАЛИ,

л. 4). С нач. 1917 и почти до кон. 1918 входил в партию эсеров.

После окт. 1917 работал выпускающим в обл. газете «Рабочий край», входил в кружок пролет. поэтов, участвовал в местных газетах, журналах, альм. и в колл. сб-ках ивановских поэтов. Сб. «Красная улица» (Иваново-Вознесенск, 1920), в к-ром были напечатаны 6 стих. Н., в т. ч. 2 из ранее посланных Брюсову («На славном посту» и «Молодежь»), послал с дарств. надписью Брюсову. В изд-ве «Молодая провинция» предполагал издать свой поэтич. сб. «Псалтырь без застежек», но уязвленный критик. замечаниями молодых поэтов, отказался (запись в Дневнике от 5 нояб. 1923 — см. архив: Иваново. Гос. объединение...; сообщено О. К. Переверзевым). Был чл. губкома и ЦК Междунар. орг-ции помощи борцам революции (МОПР), сотрудничал в обл. науч. об-ве краеведения; позже стал чл. Союза писателей СССР.

В 1927 в Москве опубли. первый сб-к стих. Н. «Старый парус», в к-рый вошли и стихи дорев. периода и к-рый 65-летний поэт рассматривал как своеобразный творч. итог. В поздних стих. Н. сохранилась прежняя стихийная верность основе нар. простодушно-мудрого мироощущения. В 1935 вышел последний прижизненный сб-к — «Избр. стих.» (Иваново), во многом повторивший «Старый парус». В том же году Н. завершил работу над пов. «Сын народа» о С. Г. Нечаеве (изв. террористе, родившемся и выросшем в Иваново-Вознесенске). Рукопись, посланная в изд-во Союзкиз, откуда пришел ответ, что она «может быть издана при соответствующей доработке», считается утерянной, как и ее черновик.

В 1938 Н. был арестован и, не выдержав допросов, умер в тюрьме. Могилы Н. сохранилась благодаря тому, что жена умолила тюремщиков указать место его тайного захоронения.

Изд.: Неумелые ткачи. Стачка 1885 г. — В кн.: XXV лет РКП (большевиков). Восп. иваново-вознесен. подпольщиков, Иваново-Вознесенск, 1923; Из истории лит.-ры ткачей. — В кн.: Рабочий край. Лит. альм. иваново-вознесенских писателей, (Иваново-Вознесенск), 1929; Старый парус. Стихи. Иваново, 1962; [Стихи]. — В кн.: Д. Семеницкий и поэты его круга, Л., 1989 (БГК); Стих. бюгр. справк.; Строфы века: Откровения. Лит.-худож. альм., № 4, Иваново, 1997 (прислал Е. Плетова); Дневники. Двадцатые годы. Иваново, 1997 (сост., подготовка текста, вступ. ст. Л. Н. Таганова, З. Я. Холодовой, комм. О. К. Переверзев); Письма Н. к Брюсову, 1895—1898. — ЛН, т. 98, кн. 1 (вступ. ст., публ. и комм. С. Н. Тяткова).

Лит.: Малицкий Н. В., «Тайное общество» в г. Иваново-Вознесенск в 90-л. XIX столетия. — «Тр. Иваново-Вознесенского губ. науч. об-ва краеведения», в. 3, Иваново-Вознесенск, 1925; Сокольников М. П., Лит.-ра Иваново-Вознесенского края. (Введение в изучение местной лит.-ры), Иваново-Вознесенск, 1925; Курьяновский П., Ветеран рев. поэзии. (А. Ноэрин). — В его кн.: В широком потоке, Иваново, 1963; Нейкен Л. Л., Ссылный поэт из Коткозера. — «Ленинская правда», 1976, 15 авг.; Армеев Р., Рыцарь рабоче-крест. сто-

ропы. По страницам исповед. дневников пред. первого Совета Н. — «Известия», 1928, 1 мая; Смирнов Н. А., Рабочий пролет. строк. (А. Е. Ноздрин). — В его кн.: Дорогие имена. Очерки, Я., 1988; Гафнер И., Скопалса под слепавицею. — «Совершенно секретно», 1990, № 3; Франковский А., Тайна серой папки. Как расправился с председателем первого в России Совета. — «Совет», 1990, № 46; Дешукова К., Таганов Л., Дело Н. Докл. пов. — «Рабочий край», Иваново, 1990, 4—6, 8, 9 сент.; Таганов Л., В тревоге за будущее. Н. и лит. архив 20-я ст. — «Отаровенне. Лит.-худож. альм.» № 1, Иваново, 1993; Емельянов Ю. П., Человек из легенды. (Ист.-вокум. повесте), 2-е изд., Кольчугино (Влашино, обл.), 1995; Перевертев О., Из жизни Н. — «Отаровенне. Лит.-худож. альм.», № 4, Иваново, 1997. + КЛЭ; Корчагина З. Н., Писатели земли Ивановской, Я., 1988; Масанов.

Архивы: ГАРФ, ф. 102, 5-до, л. 1340, ч. 1, 5; 7-до, 1891 г., л. 190 (справка З. И. Перезуевой); РГАЛИ, ф. 94, оп. 1, № 189 (письма Е. Выхреву); ф. 317, оп. 1, № 268 (письма И. Масанову); ф. 469, оп. 3, № 87 (письма В. Смирнову); ф. 1122, оп. 1, № 4 (стих. «Смотр рабочей силы»); ф. 1884, оп. 1, № 18, 80, 81, 238 (статья, статьи Н.); РГБ, ф. 386, к. 3, № 4, л. 28 (запись Брюсова «От издателя»); к. 58, № 8, 9; к. 96, № 28; к. 129, № 14 (письма и стихи Н.); ф. 683, к. 9, № 9; ГА Иваново, обл., ф. 1319, оп. 1, л. 443, л. 61 (анкета по учету лит. сдл Иваново-Вознесенской губ.); Иваново. Гос. объединение ист.-краевед. музея области, ф. 14; № 755805 (дневники, 1910-е гг. — 1923); Лит. музей Иваново. Гос. ун-та, № 2182 (дневники 1922—24, 1926—28, 1930); № 124 (автобиография 1935 г.), № 129 (письма к сыну — Н. А. Ноздрину); ГА Республики Карелия, ф. 1, оп. 5, л. 2654 (письма Н.). С. Н. Талков.

НОРДМАН, Нордман-Северова (псевд. Северова), Наталья Борисовна [2(14).12.1863, Гельсингфорс — 30.6.1914, Локарно (похоронена на кладб. в Орселино), Швейцария], прозаик, драматург, публицист. Отец, Б. Д. Нордман, — адмирал, по происхождению швед; мать, урожд. Арбузова, из дворян Смоленской губ. (автобиография — Архив Рос. АХ, ф. 25). По вероисповеданию лютеранка. Получила хорошее дом. образование, владела тремя иностр. языками, занималась музыкой, лепкой, рисованием, фотографией. В юности играла на любительской сцене в Москве. Стремясь к самостоятельной, полезной для общества деятельности, уехала в 1884 в Америку, нек-рое время работала на

ферме, но вскоре вернулась на родину (Чуховский К., Памяти Нордман-Северовой. — «Вегетарианское обозр.», 1914, № 6/7, с. 214). В 1896 в доме своей близкой подруги кн. М. К. Тенишевой познакомилась с И. Е. Репиным, с к-рым они вскоре связали судьбы, вступив в гражд. брак; в 1898, после смерти матери, Н. переехала в Куоккалу, где построила себе однокомнатный домик, через неск. лет домик начал разрастаться и получил название «Пенаты». Репин пристроил к нему мастерскую — вначале внизу, а потом над всем домом (на постоянном жительство в «Пенаты» он переехал в 1903 — ИРЛИ, ф. 377, оп. 6, № 2633). В 1900 Н. и Репин посетили Всемирную выставку в Париже, путешествовали по Италии. Репин создал ряд изображений Н., в т. ч. ее скульптурный портрет (1902), иллюстрировал все ее книги. В заметке памяти Н. («Вегетарианское обозр.», 1914, № 6/7, с. 204) он, отмечая ее энергичную жизнелюбность, писал, что она «книела всегда новыми и самыми разнообразными серьезными идеями». Н. постоянно обращалась к к.-л. «новшеству» (идея «самопомощи» ради «раскрепощения прислуги», вегетарианство как единств. способ вести здоровую жизнь и т. п.), шумно его проповедовала, вызывая у одних ироническое, а у других резко отрицат. отношение и к очередной панацее, и к ней самой. К. И. Чуховский, посвятивший Н. особую главу в своих восп. о Репине, отмечая такие ее черты, как фанатичность, неумение «стушеваться» возле великого человека, с к-рым ее свела судьба, ее напыщенный и вычурный вкус, считает своим долгом «защитить ее память» от нападок мемуаристов, говорить об искренности ее увлечений, о ее человеческой и лит. одаренности, высоко оценивает ее дневники 1903—09: «... я был удивлен ее талантливостью: столько здесь было зоркого и меткого юмора, столько свежей женской наблюдательности. Да и в прочих ее писаниях чувствуется что-то не совсем безнадежное» («Из воспоминаний», М., 1959, с. 146, 150).

В обращении Н. к писательству скорее всего лежало стремление найти еще одну «кафедру для проповеди». В 1900 ж. «Нива» (№ 20—31) опубликовал ее пов. «Беглянка» (отд. изд. под назв. «Эта» — СПб., 1901; 2-е изд., перераб., под назв. «К идеалам» — СПб., 1912), где рассказывалось о стремлении героини к самостоятельности и свободе личности (положит. рец.: «Вест. знания», 1912, № 5, с. 454). О судьбе совр. женщины повествует и ее ром. «Крест материнства. Тайный дневник» (СПб., 1904), вышедший с посвящением В. В. Розанову и отразив-

ший его идеи о предназначении женщины. Залогом подлинного высвобождения личности, по мнению автора, является обретение истинной веры в Бога с его заветами любви к ближнему и самоотречения; предназначение женщины — семья, семейное счастье.

С 1906 Н. обратилась к драматургии и до 1912 написала десять пьес, в осн. комедий. Водевиль «Возмутительно!!!» (СПб., 1906) предлагала к постановке на проф. сцене (см. ее письмо к А. В. Сташенко от 21 нояб. 1906 — РГАЛИ, ф. 842, оп. 1, № 35), но получила отказ (см. отзыв Театрально-лит. комитета — там же, ф. 853, оп. 2, № 1493, л. 6—9). В дальнейшем пьесы Н. ставились в приобретенном для этого Репиным на ст. Оллила дачном театре, получившем назв. «Прометей». Осенью 1907 Н. и Репин посетили Ясную Поляну; в сб. Н. «Игитимные страницы» (СПб., 1910) вошли «Письма из Ясной Поляны», в к-рых она рассказывает о быте Л. Н. Толстого, его семье и окружении, излагает его взгляды на предназначение женщины в обществе, воззрения на иск-во, пытаясь передать противоречивость духовного облика писателя. Разглядела она и новую социальную ситуацию в деревне: «Прежде, слияясь с народом, усадьба не была одинока. Теперь чувствуется то, что никогда прежде и во сне не снилось в русской деревне ... грезится зарево пожаров ... И чувствуется, что та несметная сила рано или поздно возьмет верх, сметет всю старую культуру и устроит все по-своему, по-новому» (с. 87). В сб-к вошли также мемуарно-публицистич. очерки «Письма к друзьям» и комедия нравов «Деточки». С 1911 Н. активно печаталась в ж. «Вегетарианское обозр.». В 1914 тяжело больная, не желая обременять близких, Н. уехала в Швейцарию, где, отказавшись от всех своих имуществ, прав и не приняв помощи Репина, умерла в одиночестве в больнице для бедных. По инициативе барона Э. фон Фальд-Фейна 26 мая 1989 на кладбище установлен мемориальный знак в память о Н. — «гражданке мира» (газ. «Regione», 1989, 27 mai).

Др. произв. Пьесы: «Новая жизнь» (СПб., 1906), «Ласточка права». Комедия-водевиль в 1 д. (М., 1910); рассказы: «Матап» («Искорки», 1910, № 7), «Побег Лулу» («Нева», 1911, № 1), «В Америке» (там же, 1911, № 9), «День свадьбы», «Занозы счастья», «Сознательные» (все — СПб., 1912), «Пионерка» (М., 1912); статья «Следует раскрепостить прислугу» (СПб., 1908).

Изд.: Райские заветы. Ст. и заметки. (СПб.) 1913.

Лит.: Перпер И., Наталья Борисовна. — «Вегетарианское обозр.», 1914, № 6/7; Мир К., «Жизниа будущего». Восп. о сестрице Н. Б. Нордман-Северовой. — Там же, 1914,

№ 89; Знаяберштейн И. С., Репин и Горский, М.—Л., 1944, с. 61 (н. ук.); его же. Новые страницы творч. биографии Репина. — В кн.: Худож. наследство. Репин, т. 1, М.—Л., 1948, с. 239—45; Репин И. Е. Письма к писателям и лит. деятелям, М., 1950, с. 157, 177 (н. ук.); Шепелин-Куперник Т. Л. Из воспоминаний, М., 1959, с. 371—72; Чуковский К. Н. В. Нордман. — Собр. соч., т. 2, М., 1965; «Пенаты». Музей-усадьба И. Е. Репина, Л., 1987; Некролог: «Жемчужина», 1914, № 2, с. 7; Муратова (2. ук.): Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 620; РГАЛИ, ф. 842, оп. 3, № 15 (рукоп. брошюры «Дорогим сестрицам и товарищам. Заместо гусмантки»); ИРЛИ, ф. 485, № 27 (письмо Л. И. Анacreву); ф. 661, № 798 (письма М. К. Лемке); ф. 352, оп. 2, № 4837 (письма Т. Л. Шепелиной-Куперник) (справка Н. А. Хохловой).

Т. Т. Давыдова

НОРОВ Авраам Сергеевич [22.10 (2.11), по др. сведениям — 1(12).11.1795, с. Ключи Балашов, у Саратов. губ. — 23.1(4.2).1869, Петербург; похоронен в Сергиевском мон.], поэт, переводчик, автор путевых записок. Брат Ал-дра С. Норова и В. С. Норова. Из старинного дворян. рода. Отец, Сер. Ал-др. (ум. 1849), — от-

ставной майор, саратов. губ. предводитель дворянства; мать, Тат. Мих. (ум. 1838), — из изв. моск. семьи Кошелевых (см. А. Н. Кошелев). Воспитывался дома, затем в Моск. университетском пансионе. Не окончив курса, в 1810 поступил юнкером в гв. артиллерию (в 1811 — прапорщик); участвовал в воен. действиях, в Бородинском сражении командовал двумя пушками и был тяжело ранен (потерял ногу); оперирован полевым хирургом и вторично — в госпитале в Москве лейб-медиком Наполеона; после ухода французов вывезен в свое имение, где провел 1813—1814.

Лит-ра и история, к-рым Н. чувствовал влечение с детства, стали его осн. занятием; он изучает языки (к концу жизни знал франц., англ., нем., итал., исп., лат., греч., др.-евр.), а приехав в Петербург, с 1816 начинает выступать в печати, прем. с пер. из Вергилия и Горация: «Похвала сельской жизни. (Из второй кн. Вергилиевых „Георгик“», «К Де-

лию. (Из Горация)», «Романс» и др. («Дух журналов», 1816, № 21, 32, 36). Геронч. биография, любовь к лит-ре, открытый и доброжелат. характер привлекают к Н. петерб. литераторов. О. М. Сомов писал в 1821: «Я все больше очаровываюсь этим любезным полковником: ни тени военного чванства, много предупредительности и вежливости; разговор разнообразный и поучительный; он не выглядит столь ученым, каков он есть на самом деле» (см. в кн.: Вацууро В. Э., С.Д.П., М., 1989, с. 120; ср. также: с. 124—25, 133—134; близкие отзывы 1820 — см.: Корф).

25 июля 1818 по предложению М. В. Милонова принят в д. чл. ВОЛСНХ; на заседании с участием А. С. Пушкина читает свой пер. «Послания Лагарпа к гр. А. П. Шувалову о действиях сельской природы и о поэзии описательной» (опубл.: «Благ.», 1818, № 8, 10). Активный участник Об-ва в 1818 (из 11 заседаний был на 7) и его ж-ла «Благонамеренный» в 1818—21, где помимо пер. с франц. и итал. публикует отзывы из обширной дидактич. поэмы «Об астрономии» (1818, № 11; 1820, № 15; продолжение — ВЕ, 1819, № 23/24; СО, 1821, № 11, 30; 1823, № 9); в «Благонамеренном» она рассматривалась как образец жанра (см.: 1823, № 5).

В июне 1821 принят в д. чл. ВОЛРС после прочтения его «Послания к [В. И.] Панаеву» (опубл.: «Соревнователь», 1821, кн. 1; Поэты 1820—1830, см. комм.: I, 724). Темы послания характерны для последующего творчества Н.: поиски в античности утраченных человечеством гармонии и свободы; эллинофильство с гражд. оттенком — протест против нац. и религ. угнетения. По лит. симпатиям Н. — «классик» (ср.: «франц. театр» предпочитает «высоким драм. созаманиям Шиллера, Гёте, Лессинга, Грильпарцера и др.» — Корф, с. 346), хотя никакого участия в лит. борьбе не принимает. Стихи его публикуются в журналах и альманахах разл., в т. ч. противоположных направлений (ВЕ, 1819—1821; «Соревнователь», 1821; СО, 1820—23, 1828; НЛ, 1823—25; ПЗ на 1824; «Сев. лира» на 1827, и др.).

В 1821—22 совершает путешествие по Европе; посещает Германию, Францию, Италию, Сицилию (об Н. и обстоятельствах поездки см.: Свербеев Д. Н., Записки, т. 1, М., 1899, с. 206 и след., 313, 340, 359—363, 369); 6 мес. проводит в Париже, откуда едет в «строгую и почти дикую» Овернь, по путям Юлия Цезаря («Поездка в Овернь» — ФВ, 1847, № 3). В Риме встречался с дальними родственниками Бутурлиными, переселившимися в Италию в 1817. М. Д. Бутурлин вспоминал, что отсутствие

ноги не мешало верховым прогулкам Н. по окрестностям Рима (он «был тогда очень красив собою, экзальтированного поэтич. настроения от своего путешествия по Италии и часто повторял вслух стихи из какой-то совр. оды» — РА, 1897, кн. 1, с. 642; ср. также очерк Н. «Литературный вечер в Риме» — БлЧ, 1834, т. 3. Мн. мемуаристы вспоминают и о женолюбии Н., сохраняющемся до поздних лет). Впечатления путешествия отразились в стихах «Остров Нордерней. (Послание к [Д. П.] Глебову)» (СО, 1822, № 2) и в особенности в путевых очерках, изд. затем отд. книгой — «Путешествие по Сицилии в 1822-м году» (ч. 1—2, СПб., 1828).

В Сицилии изучал ист. памятники и осуществил давнюю мечту — восхождение на Этну, едва не стоившее ему жизни. Очерки его хранят следы смел. интереса к л. антич., так и классич. итал. поэзии — Ф. Петрарке (его сонеты переводил еще до путешествия — СО, 1821, № 8), Л. Ариосто, Данте, Т. Тассо. Вернувшись, начал переводить с сицилийского диалекта («Пастушка» — НЛ, 1824, № 10) и усиленно занимался Данте (пер. отрывков из «Ада», в т. ч. эпизод с Уголино; «Франческа Ринини» — СО, 1823, № 30; «Сев. лира на 1827 г.»; «Предказание Данте» — пер. из XVII песни «Рая», обрамленный терцинами Н. — «Лит. листки», 1824, № 5). Попытки перевода Данте «средним слогом» отбросил, и диалект. поэзии задала неодобрение Пушкина (чт-ну Абр. Норovu не должно было бы переводить Данте» — ХЛ, 48).

Др. излюбленным поэтом становится А. Шенье; Н. одним из первых стал систематически переводить его уже в 1821 (ВЕ, 1821, № 2; НЛ, 1824, № 4, 6; пер. «Малая узница» — НЛ, 1823, № 38 — высоко оценивался современниками). Н., однако, воспринимал Шенье сквозь призму «салонч. школы», не пытаясь передать авторич. форму его поэзии, подобно тому как в пер. из Анакреона (с поэтич. итал.; впервые опубл. — Поэты 1820—1830) он пользуется уже сложившимся модалным рус. анакреонтич. лирич. (прежде всего верджинским).

С сер. 1820-х гг. жил в Петербурге, часто наезжая в Москву. В столице радушно принят в доме М. А. и С. М. Салтыковых (будущего тестя и жены А. А. Дельвига; см.: Молзалева в с кий Б. Л., Пушкин, Л., 1929, с. 135—37, 161—62), в 1826—27 близок с Кошелевым (с к-рым одно время живут вместе — Колупанов, с. 198). В Москве к нему расположены И. И. Дмитриев, П. А. Вяземский (еще в 1855 писавший о своей любви и уважении к Н. как к честному человеку, отличающемуся благородством и душевной теплотой; см.: Вяземский, Х, с. 145, 160), А. Я. Булгаков, систематически сообщавший брату известия о «добром, милом Н.» (ср. письмо от 7 апр. 1826 с упоминанием об обеде у Вяземского, где были Н., Дмитриев, Д. В. Давыдов, В. Л. Пушкин и др., — РА, 1901, кн. 2, с. 371; др. сведения: РА, 1901, кн. 3, с. 399, 511—12 и др.; 1903, кн. 2, с. 562; кн. 3, с. 111, 115, 124, 137, 149, 322, 327 и др.). В 1823 Н. оставил воен. службу; переименован из полковника в стат. сов., но нек-рое время находился не у дел.

Восстание 14 дек. 1825 ковенно затронуло Н.: любимый брат Василий был осужден по 2-му разряду — по убеждению Н., в результате личной неприязни Николая I. О судьбе брата Н. не мог вспоминать без глубокой скорби (Никитенко, III, 158—59), сохранял с ним связь и принимал ближайшее участие в издании его записок (см.: Тартаковск и Я. А. Г., 1812 год и рус. мемуаристика, М., 1980, ук.). В 1827 Н. — чиновник особых поручений при Мин-ве внутр. дел; прикомандированный к адм. Д. Н. Сенявину, совершил в 1827—28 два заграничных плавания, посетив, в частности, Англию (см. его «Прогулка в окрестностях Лондона», с пометой «Виндзор, августа 20 1827» — ЛГ, 1830, 6 мая). Выполняя служебное задание, составил обширную записку «Ист. сведения о Мин-ве внутр. дел. Об образовании до 1830 г.», доведенную до 1820, с 1832 д. стат. сов. Увлечение Н. стихотворством в это время слабее: его занимают проблемы истории, археологии, религии; он собирает огромную б-ку — одно из лучших в России книжных и рукоп. собраний, с редчайшими изд. Дж. Бруно и Т. Кампанеллы. Б-кой Н. пользовался А. С. Пушкин для ист. работ; известны 2 письма Пушкина к Н., дружеские по тону и с обращением на «ты». Усиливаются свойства. Н. с юности религ. настроения.

В 1834—35 он предпринимает по следам Анд. Н. Муравьева поездку на Восток и в Иерусалим: Вена — Триест (где знакомится с Е. П. Зайцевским и местными коллекционерами древностей и библиофилами); с 24 ноября 1834 — плавание в Александрию; месяц по служебным делам живет в Каире, где получает аудиенцию у паши Египта Мухаммеда Али, одного из наиб. значительных гос. деятелей тогдашнего Востока (выражит. портрет оставил в «Путешествии по Египту и Нубии...»; оценка деятельности паши вызвала, впрочем, возражения О. И. Сенковского — БЧ, 1840, т. 43, с. 1—32); из Каира совершает поездку к пирамидам, поднимается на вершину одной из них; осматривает изваяние сфинкса; далее по Нилу отправляется в Нубию, по пути посещает Фивы (описание Фив посвящено неск. глав), видит развалины Мемфиса, Файюм; из-за эпидемии чумы направляется в Палестину, минуя Синай.

Целью путешествия по Палестине было, в частности, объяснение географии и топографии Библии, к-рая, согласно Н., «есть вернейший путеводитель по Святой Земле» («Путешествие по Св. Земле...», ч. 1, с. IV) и достоверный ист. источник, с к-рым он соотносит свое повествование. Прибыв в Иерусалим 31 марта 1835 (там же, с. 82—85), Н., подобно

А. Муравьеву, посещает богослужения на Страстной неделе в Пасхе; совершает паломничество к Иордану, внимательно изучает христ. святые в самом городе, посещает Мертвое море, Вифлеем, Назарет, гору Фавор, Тивериадское озеро, Тир, Сидон; в Россию возвращается (с заездом на Кипр) через Смирну, Константинополь, Адрианополь, Софию, Славонию, Венгрию и Галицию, движимый желанием «видеть отрасли родных славянских народов» (там же, ч. 1, с. III).

Описание путешествия — центр. часть лит. наследия Н. Осн. особенности их определены уже в дебютной книге 1828: личные впечатления и непосредств. наблюдения погружены в плотную сферу ист. и лит. ассоциаций; совр. быт рассматривается в связи (иногда в контрасте) с ист. бытом, мифологией, поэзией. Свободно владеет греч. источниками. Н. описывает реликвию (напр., в Сиракузе), привлекает свидетелем Фуканца, Тита Ливия; пейзажи накладываются на иллюстр. картины Феокрита, Мосла, Бюона, совр. география — на мифол. и естественно-науч. описания у Страбона, Плиния, Овидия, Вергилия, Гомера и др.; нередко эти источники преопределяют самый маршрут. Одновременно «путешествия» сильно скатываются к худож. элементу: в энцикл.-литер. прозе описаний (в особенности пейзажных) и в прямом введении новеллы с типичн.-романсич. колоритом и авторитет. содержанием — алогичной утрат. свободой греч. Сиракуз («Ночь на развалинах замка Лабдала»). В рассказе о восхождении на Этну захватывающий драматизм достигается, однако, только на материале непосредств. впечатлений; эти странички принадлежат к лучшим в рус. лит-ре путешествий 1-й пол. XIX в.

В «Путешествии по Святой Земле в 1835 г.» (ч. 1—2, СПб., 1838; 2-е доп. изд., СПб., 1844; 3-е доп. изд., СПб., 1854) и «Путешествии по Египту и Нубии в 1834—1835 гг.» (ч. 1—2, СПб., 1840; 2-е изд., СПб., 1853), служащем дополнением к первому, повествоват. стиль эволюционирует: рассказ в них более динамичен и лаконичен, живописность картин достигается точнее отбор. деталями, ист. ассоциациями и ссылки не перегружают изложения, а органически встраиваются в него. В «Путешествии по Святой Земле» Н. широко цитирует библ. тексты, к-рые иногда становятся стилевой доминантой повествования; совств. рассказ Н. о святых приобретает черты «высокого», слегка торжеств. и архаизирующего стиля, в-рый в сочетании с истоводелательн. началом передает религ. одухотворение паломника-автора. Между тем информат. сфера этих книг даже шире, чем в очерках о Смирне: помимо ист. и мифол. сведений Н. дает широкую панораму полит., хозяйств., быт. и религ. жизни Палестины и в особенности Египта, посвящая целые главы вопросам экономики, географии, статистики и др.

Опираясь на уже существовавшие в лит-ре данные, Н. предпринимал и совств. изыскания: так, он выдвинул ориг. гипотезу о местоположении древней Атлантиды, с его т. зр., занимавшей обширное пространство в вост. части Средиземного моря, — догадка, поддержанная рядом авторитетных позднейших исследователей («Исследования об Атлантиде» — Уч. зап. восточ. отд. имп. АН, 1854, кн. 1; Данинг, с. 195). Путь выс. зап. Н. предп. высоко оценивались критикой как слит. так и с науч. стороны (ср.: Чернышевский, П (ук.); О. И. Сенковский) — БЧ, 1838, т. 39, отд. V; 1855, т. 129, отд. V; т. 131, отд. V; ОЗ, 1840, № 10, отд. VI; 1847, № 12, отд. VI; 1855, № 1, отд. III; «Совр.», 1854, № 12, отд. IV, и др.; полное — см.: Соколов).

Вернувшись в Россию, Н. продолжил службу по Мин-ву внутр. дел. В окт.—нояб. 1835 возглавлял комиссию по расследованию правонарушений раскольников в г. Ржеве (с молодым В. А. Соллогубом), 22 мая 1836 женился в Москве на Варв. Ер.

Панной (1814—60). На весть о гибели Пушкина, заставшую его в Петербурге, откликается скорбным стих. «Погае луч неба, светлый гений» (не напечатано из-за ценз. препятствий; см. письмо Н. к В. Ф. Одоевскому 1837 — РС, 1904, № 5; публ. — см.: Кал. лаш). В 1839—40 правитель Канцелярии комиссии по принятию прошений на высочайшее имя; в 1841—49 неоднократно «исправлял должность статс-секр. е.и.в. и принятия прошений»; с 1849 — сенатор; с 1850 — пом. Гл. попечителя имп. Человеческого об-ва. С 1840 — чл. Рос. академии, с 1851 — д. чл. АН по отд. рус. яз. и словесности, пред. Археогр. комиссии, чл. РГО и др. ученых об-в. Вел. обширную переписку по вопросам религии, славяноведения, рус. истории, востоковедения; среди его корреспондентов — протонерей рус. посольской церкви в Вене М. Ф. Раевский, В. Ганка, архиепископ *Иннокентий* Борисов, А. П. Ермолов, О. М. Бодянский, А. О. Смирнова-Россет, жившая в 1848 по соседству в Павловске и впоследствии сохранявшая дружеские связи, вспоминала о его усиленных занятиях греч. языком (Смирнова-Россет, ук.).

В февр. 1850 назначен товарищем министра нар. просвещения; с апр. 1854 до марта 1858 — мин. просвещения (с 1856 — д. тайный сов.); ряд принятых им мер (увеличение комплекта студентов, облегчение стажировок их за границей, укреплению преподавания древних языков) содействовал развитию высшего образования, как и ряд его поездок с ревизиями по уч. округам [1851 — Одесса (см.: Мурзакевич Н. Н., Записки. — РС, 1889, № 2, с. 257—260); 1855 — Казань (см.: Мат-лы для биографии Н. И. Лобачевского, М.—Л., 1948, ук. Л. Б. Модзалевского)]. Субъективно честный, доброжелательный и не чуждый либеральных веяний (сам избрал ближайшим помощником в 1850—56 либерально настроенного А. В. Никитенко), Н., однако, не мог (да и не всегда хотел) противостоять все более ужесточающейся после 1848 (и особенно в период Крымской войны) политике правительства, в частности цензурной (см., напр., его переписку об «Одес. вест.» с гр. А. Г. Строгановым со слабой попыткой смягчить правительств. давление: РС, 1898, № 1, с. 62—72). Полверженность внеш. влияниям, недостаточная компетентность в адм. делах, слабохарактерность Н. (о переменичивости и рассеянности его ходили анекдоты) нередко приводили лишь к доп. стеснениям свободы печати; так, по его инициативе последовало запрещение перепечаток из уже изд. сб-ка Н. А. Некрасова 1856; усилены репрессии против славянофильских изд.). О не-

способности Н. как министра говорили даже расположенные к нему люди: Никитенко (см.: I, ук.), Вяземский, бывший при нем товарищем министра (см.: X, 145). В марте 1858 Н. подал в отставку, приняту с удовлетворением обществ. кругами и даже Александром II («Всеобщее мнение: хуже того, что было, быть не может» — Никитенко, II, 15); одновременно, однако, назначен чл. Гос. Совета. Неприятие совр. демокр. лит-ры в дальнейшем у Н. усиливается; в 60-е гг. он резко восстает против «нигилизма» как общественно опасного явления (см. записку, поданную им Александру II в 1866, — PA, 1895, кн. 3).

После смерти жены в 1860 (еще во младенчестве умерли дети) Н. остался совершенно одиноким; он полностью ушел в науку, занялся по Археогр. комиссии, готовил к изд. памятники (наиб. значительный — «Путешествие немца Давида по Св. Земле в начале XII-го в.», СПб., 1864, с. комм. Н.) и в спец. большой мере, чем ранее, искал утешения в религии. В нач. окт. 1861 предпринял второе путешествие в Иерусалим — пародомом, носком и караваном через пустыню (Александр — Яффа — Иерусалим — Александрия — Каир — Суэз — Синайский мон. — Каир — Александрия — Турция). Над его описанием работал в 1861—67, окончательно не отделав; вышло уже посмертно: «Иерусалим и Синай. Зап. второго путешествия на Восток» (СПб., 1878; под ред. В. Н. Жигроно). В предисл. Н. подчеркивал отличие его от прежних книг: оно фактографично и почти исключает худож. элемент («читатель не узнает уже во мне того самого путешественника, который передавал ему все впечатления пути своего, связанные им с памятью былого. Все изменилось в словах моих. Прелесть одну целую, а почти ничего не вышло происшедшего вокруг меня на моем долгом пути до Иерусалима...» — с. XII). Значит, часть книги занял рассказ о Синайском мон., впервые упомянутом Н.

Последнее выступление Н. в печати — критич. и мемуарный очерк «Война и мир (1805—1812)». С ист. точкой зрения и по восп. современника. (По поводу соч. гр. Л. Н. Толстого «Война и мир»)» («Воен. сб.», 1868, № 11); высоко оценивая талант Толстого и его роман в целом, решительно не соглашался с его ист. концепцией, доказывая продуманность и целесообразность стратегий и тактики рус. армии; особую ценность очерка представляют картина Бородин. боя, воссозданная его непосредств. участником, и автобиогр. сведения.

Др. произв.: «Путешествие к семи церквам, упоминаемым в Апокалипсисе» (СПб., 1847; 2-е изд., СПб., 1854), «Неск. мыслей старого патомника» («Морской сб.», 1858, № 4), «Защита Синайской рукописи Библии от нападения о. архимандрита Порфирия Успенского» (СПб., 1863).

Изд.: Путешествия Н., т. 1—5, СПб., 1853—1854; [Стрия и пер.]. — В кнгах: Калаша В. В., Рус. поэты о Пушкине, М., 1899, с. 88; Поэты 1820—1830, т. 1 (подробно включено стих. «Очарованный узник» Ал-дра Норова; вступ. заметка В. Э. Вацууро); Франц, элегия XVIII—XIX вв. в пер. поэтов пушкинской поры, М., 1969 (пер. из А. Шенье); «Сев. лиры на 1827 г.», М., 1964 (пер. из Данте; отрывок из поэмы «Эмея»); Ариосто Л., Никитовый Ро-

ланд. (т. 2), М., 1993 (пер. «Ангелика и Сакрипанто»; Путешествие по Египту и Нубии... в сб.: Святые места вблизи и издали... М., 1993).

Лит.: Портретная галерея рус. деятелей, т. 1, СПб., 1865 (изд. А. Мошера); Залиска об ученич. трудах... — В кн.: Ответы имп. АН по отд. рус. яз. и словесности за 1852—1865 гг., СПб., 1866, с. 89—94; Востоков А. Х., Описание Норовских рукописей. — В его кн.: Филол. наблюдения, СПб., 1865; Б-ка И. [Каталог], ч. 1, СПб., 1868; Соболевский С. А., Б-ка Н. — PA, 1869, кн. 1; Остен-Сакен Ф. Ф., Отчет имп. РГО за 1869 г., СПб., 1870; Никитенко (ук.); его же С. А. С. Норов, СПб., 1870 (отд. оттиск из СПБвса, 1870, 22 янв.); его же С. А. С. Норов, СПб., 1870 (отд. оттиск из «Отчета по отд. рус. яз. и словесности имп. АН за 1869 г.»); Разумовский Ф., Последние дни жизни и кончина Н., [СПб., 1870]; Дылевский Е. Авр. Серг. Норов. — «Странник», 1871, № 4; Бычков А. Ф., Воспоминание о деятельности Н. — В кн.: Летписи заятий Археогр. комис. за четыре года (1867—1870), в 5. СПб., 1871; Муравьев А. Н., Знакомство с рус. поэтами, кн. 1871; Устрялов Н. Г., Отрывки из «Восп. о моей жизни». — ИВ, 1872, 9 марта; Пыпин А. Н., Мат-лы для истории масонских лож. — ВЕ, 1872, № 2, с. 602; Кулжинский Г., Восп. об Н. — «Странник», 1878, № 4; Колопанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 2, с. 197—99, 327, 372 (с библи. стлх.); Барсуков XI—XIV (ук.); Корф М. А., С. Норов. Из дневника (1820). Письма протоиерея М. Ф. Раевского к Н. Восподаннейшее письмо Н. (1866) [о нигилизме]. — PA, 1895, кн. 3; Чехов Ал-др П., Авр. Серг. Норов. — ИВ, 1895, № 8 (с портр.); Михайлов М. И., Мои восп. об Н. — РС, 1898, № 5 (ср.: РС, 1898, № 11, с. 476); Шереметев С. Д., Домашняя старина [Восп. в 11. М., 1900; Мурашкинцев А., Памяти И. Ф. фон-Круж. — «Лит. вест.», 1901, т. 2, кн. 7; Данилевский Г. П., Посадка в Ясную Поляну. — Соч., 9-е изд., т. 14, СПб., 1902; Рождественский С. В., Ист. обзор деятельности Мин-ва нар. просвещения, 1802—1902, СПб., 1902, гл. V; Лемке М., Очерк по истории рус. цензуры и журналистики XIX столетия, СПб., 1904; Хомяков VIII, том 2, с. 147, 151—52, 472—74; Ковалевский П. М., Стихи и восп., СПб., 1912; Из переписки А. П. Ермолова и Н. в 1854—1855 гг. — ГМ, 1915, № 9; Соколов С. Д., Саратовские писатели и ученые. Норов А. С. — «Тр. Саратов. ученой арх. комис.», в 33. Саратов, 1916 (обширная библи.); Евгеньев В., Цензурная практика в годы Крымской войны. — ГМ, 1917, № 11/12; Пушкин А. С., Дневник, 1833—1835, М.—Л., 1923 (под ред. и с прим. Л. И. Мошалева); Пушкин. Письма, III (ср.: Фомичев С. А., «Письма о Степане Разине» Пушкина. — Пушкин. Моск., т. 13); Алексеев М. П., Из истории рус. рукоп. собраний. — В кн.: Ненд. письма иностр. писателей XVIII—XIX вв. из ленингр. рукоп. собрания, М.—Л., 1960 (ук.); Данинг Б. М., Бл. Восток в рус. науке и лит-ре. [Докл. перюд. М., 1973 (ук.); Соллогуб В. А., Повести. Восп., Л., 1988 (ук.); Автографы современников Пушкина, М., 1988; Левсен С., Описания и заметки величайших событий. — В кн.: Годы и люди, в 3. Саратов, 1990; Гульчинский В. И., Архивы датской библи. — «Библиография», 1992, № 5/6; ЛН, т. 57, 58, т. 60, кн. 1, т. 62, 67, т. 73, кн. 2. — Некроlogy, 1869: «Совр. летоисп.», 29 янв. (А. В. Никитенко); «Голос», 26 янв. (А. В. Никитенко); ВП, № 6; «Изд. газ.», № 6; «Правительств. вест.», 28 янв.; PA, 1869, кн. 1 (М. Н. Лонгинов), Геннади; Бронзук; Смирнов-Содерлунд; Муратова (1; ук.); Черейский; ИОРДВ; Данчешко В. Т., Дайте Альбиер. Библи. ук. рус. переводов и критич. лит-ры на рус. яз., 1762—1972, М., 1973; Масалов.

Архивы: Кузьячев И. М., Рукоп. собр. Н. — Зап. РО ГБЛ, в 18, М., 1966; РГАЛИ, ф. 349; РНБ, ф. 531; РГБ, ф. 201 (Авр. С. и В. С. Норовы); РГБИА, ф. 489, оп. 1, в. 7057, ч. 2, л. 138 (ф. с. 1821 г.); РГИА, ф. 1162, оп. 6, л. 372 (1804—69 г.); (ф. с. на 1869 г.); ф. 753, оп. 142, в. 2 (отдел личной б-ки Н.) [справка С. И. Вареховой]. В Э. Вацура.

НОРОВ Александр Сергеевич [8(19).4.1798*, по др. сведениям — 1797, с. Ключи Балашов. у. Саратов.

губ. — не позже дек. 1864**, там же), поэт, переводчик. Брат Авраама С. Норова и В. С. Норова. В 1803 семья переехала на постоянное жительство в купленное близ Дмитрова имение — с. Надеждино. В 1818 поэтому экзаменовался по яз. и наукам в К-те испытания при Моск. уни-те, получив аттестат без посредственных оценок. На рубеже 10—20-х гг. опубликовал первые поэтич. опыты, в осн. волные пер. и подражания франц. поэтам: «Лира, принесенная в жертву. Из Мильвуа» (лит. дебют Н.), «Остров» (подражание Э. Парни), «Моя кончина. Элегия. (Подражание Парни)» («Благ.», 1819, № 22; 1820, № 10; 1821, № 2), «Превращение» (ВЕ, 1821, № 17) и др. С ноября 1819 чл. ВОЛСНХ.

Поступив на службу в Моск. архив коллегии иностр. дел, оказался в центре лит. жизни. В 1822, по предположению А. И. Кошелева (родственника по матери, урожд. Кошелевой, и близкого друга с детства, привязанность к к-рому сохранил на всю жизнь), вошел в кружок С. Е. Раича, а затем и в Общество любителей (В. Ф. Одоевский, Д. В. Веневитин, И. В. Киреевский, Кошелев, С. П. Шевырев и др.); «беседам» и «жаркими диссертациями» любозуму «приобрел более нежели книгами и собственным размышлением» (Колюпанов, кн. 2, с. 55, 74). Слабое здоровье (был горбат от «жесточкого ушиба» в детстве) мешало службе в архиве; Н. «постоянно числился в отпуску» (там же, с. 53) и подолгу жил в имении отца Надеждино.

Изагая в письме Кошелеву «историю своих склонностей», призванным своим называл поэзию (как человека, «рожденного с пламенным сердцем, с воображением и глубоким чувствительностью», — там же, с. 439—40) и высказывал желание навсегда «поселиться в деревне», чтобы в «тишине и уединении» «считать, думать, одушевляться и писать» (см.: РГАЛИ, л. 53об., 50об. — письмо от 30 янв. 1830). Получив в янв. 1830 чин коллеж. ас., Н. смог осуществить свою мечту: почти всю жизнь он проводил в деревне в непрерывном лит. труде, утверждая в поэзии свой жизненный идеал. Мирное уединение поэта нарушалось лишь однажды: его привлекло по делу о публ. в «Телескопе» (1836, № 15) «Философического письма» П. Я. Чаадаева, близкого к семье Норовых (Надеждино располагалось недалеко от с. Алексеевского, где проживал Чаадаев). Благодаря заступничеству брата Авраама перед А. Х. Бенкендорфом Н. оставили в покое. (Хотя Н. переводил письмо Чаадаева с франц., но мнение, что именно его перевод опубликовал в «Телескопе», остается лишь гипотезой — см. о

ней: Эльзон; о ее отклонении см. в ст. Кетчер Н. Х.; ср. также: Тарасов, с. 315.)

Отшельнич. образ жизни наложил отпечаток на творчество Н.; при широком жанровом диапазоне — элегии, оды, идиллии, духовные стихи, поэмы — его поэзия отличается тематич. единством; уже в первых стих., написанных в пансион. годы, очевиден целенаправленный выбор произведений для подражания, переводов, а также тем для орг. сочинений. Осмысливаемые в них условно-поэтич. ключи (позднее септицизмализма с преромантич. веяниями) традиц. элегич. мотивы — о жизни (порой с возлюбленной) на «острове», в «хижине» вдаль от света и людей («Остров», «Моя кончина»), о циклич. возрождении природы и быстротечности земной жизни человека, к-рому даровано «бессмертье за гробом» («Возрождение. Подражание Киабрере» — ВЕ, 1821, № 18), — наполняются со временем автобиогр. содержанием: «К Глебову» (послание родственнику, сослуживцу и поэту Д. П. Глебову — НЛ, 1823, № 42), «Утро девятого мая. К другу [Кошелеву] в день его рождения» («Сев. лира на 1827 г.», М., 1827).

С сер. 1820-х гг. определяющими в творчестве Н. становятся религ. мотивы. Он переработал филос. медитации А. Ламартина «Бессмертие» (НЛ, 1824, 9 окт.), «Храм» (альм. «Уrania», М., 1826), отвечающие сути его христ. мировосприятия: смиренню в несчастии, всепоглощающей любви к Богу (ср. его письмо к Кошелеву в окт. 1826 — Коллюпанов, с. 441), вере в бессмертие человец. души. Духовным опытом Н. определяется трактовка акта худож. творчества в отрывке из его поэмы («фантазии») «Очарованный утник» [о ней поэт писал М. П. Погодину 14 мая 1827 (см.: РГБ, ф. 231, № 46, 41) и Кошелеву в 1828—1830-х гг. (см.: РГАЛИ, № 108)]; для поэта духовная свобода достижима даже в темнице; подлинная жизнь художника в его фантазиях; творя, он перестает существовать в обыденной жизни («... человек живет вдвоем: / Жизнь наяву — и жизнь во сне»), и душа художника, покидая свое «земное тело», получает возможность «жить» и «созерцать» с особенной полнотой (МВ, 1828, № 23/24, с. 199—200; ср. стих. Дж. Байрона «Сон» 1816). Особняком в поэзии Н. сер. 20-х гг. стоит идиллия «Гроза», помещенная в сб-ке «Соч. в прозе и стихах. Тр. ОЛРС» (1826, ч. 6, кн. 17); она являла собою закономерное разрушение жанрового канона благодаря взаимопроникновению элементов разл. жанровых начал: идиллического — картины мирного быта земледельцев, и элегическо-

го — традиционной для преромантич. элегии символики (гроза, бурное море, гибель в его волнах отвергнутого влюбленного). За идиллию в ноябре 1833 поэта избрали д. чл. ОЛРС.

Естественным следствием внутр. развития Н. стало его обращение к духовным сочинениям: стих. «Преложение Апокалипсиса» (рукопись: РГБ, ф. 201, папка № 53) и «Израиль. На псалом 73 и 74» («Рус. беседа», т. 3, СПб., 1842); их отличит. особенность — отсутствие традиц. архаизированной лексики. Петерб. духовный ценз. к-т запретил к публикации «Апокалипсис», поскольку «на употребительном [обычном литературном] языке ... невозможно сохранить ни силы, ни выразительности славянского текста» (РГАИ, ф. 807, оп. 1, д. 665, л. 3—3 об.).

В тревожное для Европы и грозное для России время — 1848—1854 — написал ряд стих. — «Могучая», «Суворов», «Крестonosец», «Заговор нечестивых против иереев. На псалом 82», «Изба», «К детям века сего» и др., — составивших сборник «Строфы», посв. Государю Николаю I (рукопись: РГБ, ф. 201, папка № 54). В стих. «Могучая» и «К детям века сего» Россия во главе с ее христолобивым монархом предстает спасительницей православия, призванной «обновить жизнью новой / Грозой волнувшийся мир» (там же, л. 11). Ми. мотивы, ставшие общим местом в творчестве Н., в «Строфах» приобрели обществ. звучание; в стих. «Изба» возникает сомнение в возможности смертного достичь в эпоху смут и рев. потрясений награды вечным блаженством (однако в конечном итоге оно решительно преодолевается).

В отд. стих. сборника заметно необычное для Н. стремление к стилистич. окраске в зависимости от избранной темы (использование архаизированной лексики в стих. «Могучая», по форме напоминающем оду, прославляющую Россию; введение фолькл. элемента и просторечий, подчеркивающих «бытность» и «русскость» Суворова, — стих. «Суворов»).

Н. высоко оценивал свой поэтич. талант и мечтал о «дебюте особняком»; в письме к брату в янв.—февр. 1855 он просил «защитить его неукоризненные пьесы от суевенных строгостей цензуры» и «быть его издателем» (РНБ, ф. 531, № 476, л. 77 об.—78 об.). Существует предположение, что именно «Строфы» были подготовлены Н. для печати, «уже была и вньетка, но не нашлось издателя» (Коллюпанов, с. 55). Неизданными остались также перевод «Пира» Н. Буало, поэма «Мор» (1830), с посв. П. Я. Чаадаеву, «Преложение Апокалипсиса», «стихо-

творные послания к разным лицам» (Коллюпанов, с. 55).

Не баловала поэта и личная судьба; он имел двоих детей (сына и дочь) от крепостной отца, к-рый, будучи «строгим крепостником» («Декабристы Дмитров. узла», с. 43), не позволил сыну жениться на ней и не признал своих внуков. И все же Н. дал хорошее образование сыну (окончил Академию художеств) и оставил дочери свое саратов. имение, с. Ключи, где постоянно проживал с нач. 1850-х гг. до своей кончины.

Др. произв.: «Мясачное сняние» («Благ», 1819, № 22), «IV сатира Буало» («Благ», 1821, № 4), «Братское счастье» (БаЧ, 1834, т. 7), «Греческая лира. Подражание Пиндару» («Рус. беседа», т. 3, СПб., 1842), «Фарисеев, или Лицемер» (пер. комедии «Тартюф» Ж.-Б. Мольера, пост. 1831; шла с успехом в Петербурге; список в музее Малого театра).

Изд.: [Стихи и пер.]. — В книгах: Франц лирика XVIII в., М., 1914; Поэты 1820—1830, с. 233—34 (отрывок из «Очарованного утника», ошибочно приписан Бр. Аврааму); Сев. лира на 1827 г., М., 1984; Франц. элегия XVIII—XIX вв. в пер. поэтов пушкинской поры, М., 1989, с. 109, 281, 329, 443 (бюгр. заметка).

Лит.: Венсвинтов Д. В. Стих. Проза, М., 1980, с. 356—58, 550—53 (письма к Н.); Киреевский Н. В., Собр. соч., т. 1, М., 1861, с. 17; Кошелев А. И., Мон. записки. — В кн.: Рус. об-во 40—50-х гг. XIX в., ч. 1, [М.], 1991 (ук.); Коллюпанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 1, с. 494, кн. 2, с. 51—56, 59—60, 66, 72, 316—17, М., 1889; Венсвинтов М. А., О чтении Пушкиным «Бориса Годунова» в 1826 г. в Москве, 1899, с. 25; Подлюпанов Н. В. С. Норв. Декабрист... — РА, 1900, кн. 1, с. 273, 284, 287, 302, 304; Лемке М., Чаадаев и Надеждин. — В кн.: Лемке М. (2) (окументы следств. дела, впоследствии утраченные); Декабристы Дмитров. уезд. уезд., 1925 (Музей Дмитров. края, л. 3); Эльзон М. Д., Кси переводом «Философическое письмо» — РЛ, 1982, № 1 (содержит список стих. и пер. Н.); Пушкин. Временник, в. 19, л., 1985 (публ. М. Д. Эльзона о встрече Н. с А. С. Пушкинскими); Тарасов Б. Н., Чаадаев, М., 1990, с. 186—87, 315. + Ст. ОЛРС; ИРДТ; Черышкин; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 390, оп. 1, № 24 (письмо к Е. С. Норовой); № 108, л. 25, 49, 53 об. (письма А. И. Кошелеву, 1828*—30 гг.; содержит сведения об авторстве поэмы «Очарованный утник»); № 109 (Дневник Н.); РГБ, ф. 201, л. № 53 и 54 (рукописи); ф. 233, оп. 38, № 18 (библиогр. заметка о Н.); ф. 231/1, л. 46, № 41; к. 22, № 62 (письма М. П. Погодину, Погодину, к. 28, № 2) (письма Д. В. Венсвинтову); РНБ, Ук. (письмо брату Аврааму, рукопись, в т. ч. поэмы «Земля»); ЦИНАМ, ф. 418, оп. 115, д. 233 (о выдаче аттестата и сам аттестат); РГАИ, ф. 577, оп. 34, л. 1063 (копированное сведение о смерти Н. не полне дек. 1864**; дважды назван назв. сов.) (справка С. Н. Вареховой).

О. В. Голубева

НОРОВ Василий Сергеевич [5(16). 4.1793, с. Ключи Балахов. у. Саратов. губ. — 10(22).12.1853, Ревель; похоронен на Русском (Александра Невского) кладб.], автор записок о войне 1812, декабрист. Брат Авраама С. Норова и Ал-дра С. Норова. Воспитывался в Пажеском корпусе (с 1801), откуда был выпущен прапорщиком в л.-гв. Егер. полк (авг. 1812). Участник Отеч. войны 1812 и зарубежных походов 1813. Получил тя-

желое ранение при Кульме (авг. 1813). Подпоручик (1813); капитан (1821). Член Союза благоденствия (с 1818); масон (лога «Трех добродетелей»). В полку имел репутацию образованного и сведущего в воен. деле офицера; собирал б-ку по воен. истории (о маргиналиях Н. см.: Хохлов).

С именем Н. связана т. н. «вильнская» (или «норвская») история, нашедшая широкое отражение в периодике современников и издательской литературе (см.: Языков Н. М., Письма к родителям..., СПб., 1913, с. 7; Заваляшкин, с. 241; Никитенко, III, 158; Розен А. Е., Зап. декабриста, Иркутск, 1984, с. 92 и др.). В кон. февр. 1822 в Вильне вел. кн. Николай Павлович при разводе роты капитана Н. сасал ему выговор в оскорбительной форме, после чего офицеры полка пытались потребовать, чтобы вел. князь дал «стипендию» Н., а затем принесли решение поочередно подавать прошение о переводе из гвардии в армию (из шестерых, уверенных в выполнении намерения, — в их числе Н. — трое состояли в Союзе благоденствия). Александр I счел Н. «человеком виноватым»: он был переведен тем же чином в 18-й Егерский полк с содержанием под арестом в течение 6 месяцев.

Летом 1823 в Бобруйске Н. вместе с С. И. Муравьевым-Апостолом, М. П. Бестужевым-Рюминым, И. С. Поваловым-Швейковским (по некоторым сведениям, Н. был членом Юж.-об-ва) участвовал в т. н. Бобруйском заговоре — плане арестовать во время смотра Александра I, вел. кн. Николая Павловича и нач. Ген. штаба И. И. Дибича, однако вскоре отошел от заговорщиков. В окт. 1823 получил «всемирноспасительное» прошение за «вильнскую» историю; произведен в подполковники и переведен в лейхотный принца Вильгельма Прусского полк. В марте 1825 уволен со службы «за раню», полученную при Кульме.

Н. был арестован в кон. янв. 1826 в Москве (сцена ночного ареста Н. описана его троюродным братом А. И. Кошелевым — см.: Русское общество 40—50-х гг. XIX в., ч. 1. Зап. А. И. Кошелева, М., 1991, с. 53). Подвергшийся грубым обвинениям Николай I, Н. был доставлен в Петропавлов. крепость с высочайшим повелением, «заковав, содержать

настрожайше». Осужден по 2-му разряду, по конфирмации приговорен к каторжным работам на 15 лет (в авг. 1826 срок сокращен до 10 лет).

Несообразность сурового наказания провинности Н. отсечалась ин. современниками, в декабристской среде объяснялась личной любовью Николая I (Заваляшкин, с. 241; Лорер Н. И., Зап. декабриста, Иркутск, 1984, с. 170; Огарев-ва-Тучкова Н. А., Записки. — РС, 1890, № 10, с. 25), в семейном кругу связывалась с неприязнью императора, восходящей еще к дет. score (папа Н. приглашал во дворец играть в солдатики с вел. князем) и юнкерской близости на драм. судьбу декабриста в дальнейшем (см.: Поливанов, с. 273—74; Смирнов, с. 52; Никитенко, III, 159).

В окт. 1826 Н. отправлен в Свеаборг; переведен в Выборг. (февр. 1827), а затем в Шлиссельбург. крепость (окт. 1827), откуда через несколько дней по особому высочайшему повелению определен был в Бобруйск в крепостные арестанты без означения срока, с июля 1829 — в роте срочных арестантов (о тяжелых условиях содержания в Бобруйской крепости см. в восп. К. К. Жерве — ИВ, 1898, № 6, с. 759—761).

«Для избежания праздности и рассеяния несносной грусти» (письмо Аврааму Норову, 22 окт. 1832, — цит. по кн.: Тартаковский, с. 46) Н. принял за записки, к-рые при посредничестве брата были напечатаны анонимно: «Записка о походах 1812 и 1813 годов от Тарутинского сражения до Кульмского боя» (ч. 1—2, СПб., 1834). Значит, место в записках помимо описания воен. действий занимает изложение автором собств. взгляда на происходящее (подчас полемического по отношению к офиц. историографии). Н. формулирует осн. принципы составления воен. истории: стремление к ист. правде, опора на свидетельства очевидцев (а не на «лживые или прикрашенные релижи») и беспристрастность, объективизм, требующий «вникать в положение обеих противных армий, сообразить все обстоятельства, поставить себя на место полководца ... и, так сказать, забыть, к которой стороне мы принадлежим» (ч. 1, с. 8).

Следя поставленной задаче, Н. отдает должное таланту Наполеона, «блестательной храбрости» французов и одновременно утверждает нравств. превосходство русских («огонь воинский, воспламеняя сердца, заглушает в них всякое другое чувство ... когда дело идет о независимости народной» — с. 14). Записки Н. имеют большое значение как единств. крупное мемуарно-ист. сочинение об эпохе 1812, вышедшее из среды декабристов (Тартаковский, с. 46).

Известны др. варианты «Записок» Н. (рукоп. — РНБ, ф. 531, № 756; печатный экз. с разрезанными страницами и рукоп. вставками — там же, ф. IV, № 321; печатный экз. с язв. маргиналиями хранится в РГБ), текстальные различия к-рых определяются вынужденными уступка-

ми цензурой (в т. ч. А. И. Михайловскому-Данилевскому), а также постоянным стремлением Н. (вплоть до 1839) совершенствовать текст, добиваясь максимальной точности, а надежды на 2-е изд. с обозначением авторства.

«Запискам» Н. предшествовали несохранившиеся мемуарные свидетельства Н. об Отеч. войне 1812: на франц. яз. (1813—15), основанные на дневнике, и на рус. яз. (нач. 1820-х гг.; см.: Тартаковский, с. 118—119).

В 1835 Н. был определен рядовым в 6-й линейный Черноморский батальон. Унтер-офицер (1837). Н. признавался, что ему приходилось воевать за чуждое дело («Я был тем более далек от того, чтобы считать черкесов своими врагами, что я всегда восторгался их героическим сопротивлением» — РГБ, ф. 201, № 56, л. 2 об.—3). По семейным преданиям, на Кавказе высоко ценились образованность и опытность Н. — его приглашали на воен. советы (Полливанова, с. 34). В янв. 1838 Н. уволен от службы (из-за болезни ног) с дозволением жить в имении отца в с. Надеждино Дмитров. у. Моск. губ. под секретным надзором. В 1841 переехав в Ревель, предварительно получив отказ на его просьбу последовать за Поливановыми, семьей сестры Екатерины, в Одессу. Умер от рождистого воспаления ноги.

Лит.: Восстание декабристов. IV, XII (следств. дело Н.); XVII; Щербатов А. П., Ген.-фельдмаршал кн. Паскевич. Его жизнь и деятельность, в. 1, СПб., 1888 (ук.); История л.-гв. Егерского полка за сто лет. 1796—1896. СПб., 1896. 2-я паг., с. 23, 3-я паг., с. 74—79; Свербеев Д. Н., Записки, т. 2, М., 1899, с. 17; Заваляшкин Д. И., Зап. декабриста, СПб., 1906, с. 207, 239—41; Поливанов Н. П., В. С. Норов (декабрист). По его письмам. — РА, 1900, кн. 1; Поливанова Т. Н., Н. по восп. современников и неск. письмам. — В сб.: Декабристы Дмитров. у. Дмитров, 1923; Смирнов И. А., Декабрист Н. — Там же; Смирнов И. А., Декабрист Н. — «Былое», 1925, № 2(30); Нечкина М. В., Движение декабристов, т. 1—2, М., 1955 (ук.); Дзидзария Г. А., Декабристы в Абхазии. Сухуми, 1970 (ук.); Хохлов Р. Ф., Книжные фонды личного происхождения как ист. источник (по мат-лам собр. Дмитров. краевед. музея). — В сб.: Проблемы отеч. истории, ч. 1, М., 1973, с. 309—114; Тартаковский (ук.); Захаров В., Судьба декабриста. — В сб.: Годы и люди, Саратов, 1983, (в. 1); Вахрушев В. С., Захаров В. М., Прикосновение к бытию (Очерки по ист.-лит. краеведению Прикоперья), Балашов, 1992, с. 4—24. + ИДРДВ; Декабристы; Чепнов; Энциклопедия (1, 2).

Архивы: РГБНА, ф. 395, оп. 268/856, ед. 1087, д. 17/66, 1835 г., ф. 7, оп. 3, д. 212, 1838 г. (мат-лы о службе); ГАРФ, ф. 48, № 417, ф. 109, 1-я экзп., 1826 г., д. 61, ч. 72 (следств. мат-лы); РНБ, ф. 531, д. 477 (письма Аврааму Норову); РГАН, ф. 390, оп. 1, № 110, 111 (письма к родным из Ревеля); РГБ, ф. 201, № 55, 56 (замечания Н. на книгу Д. С. Бедля о Черкесии); РГИА, ф. 777, оп. 2, в. 196, л. 59 об. — 60а, ф. 772, оп. 1, ч. 1, д. 735 (непеч. мат-лы); Дмитров. краевед. музей, ф. 80 (письма к родным из Бобруйска), ф. 125, № 1 (описание книги В. Скотта с маргиналиями Н.).

М. Ф. Максимова

НОСИЛОВ Константин Дмитриевич (17(29).10.1858, с. Маслянка Шадринского у. Перм. губ. — 3.2.1923, с. Пиленково (совр. Гангитали) ГАРского р-на, Абхазия; похоронен на кладб. у древнего храма Цандрипиш), путешественник, этнограф, дет. писатель, журналист. Из семьи

священника. С 1868 учился в Далматов. духовном уч-ще, затем в Перм. духовной сем. (одновременно с изобретателем радио А. С. Поповым), из к-рой вышел в 1877, не окончив курса (по некоторым сведениям, был исключен за выступление против строгости семинар. режима). В последующие годы путешествовал по Египту, Палестине и Средиземноморью, где поклонялся святым местам, а также встречался со своим земляком о. Антонином (в миру А. И. Калустиним), возглавлявшим рус. правосл. миссию в Иерусалиме. Вернувшись в Россию, исследовал Сев. (приполярный) Урал, путешествовал по Оби и Печору (см. его очерк «С Оби на Печору», — «Изв. РГО», 1884, т. 20, в. 2). С 1884 чл.-сотр. РГО. В 1887 принял экспедицию на Новую Землю (при поддержке Об-ва спасения на водах, осн. адмиралом К. Н. Посётовым), и религ. деятелей Архангельска).

Стараниями Н. в его трюмстве здесь пребывание было основано две самодельные (используя колонии в устье пролива Маточкин Шар и в заливе М. Кармакулы, построенные исследоват. станция. Н. организовал в М. Кармакулах школу, где сам преподавал (в числе его знакомых — сына скалителя, будущего изв. художника и первого соц. «президента» Новой Земли Тыхо Вычки, упомянутого в рассказе Н. «Голод»).

В 1891 Н. отправился за границу, слушал лекции по географии и естеств. наукам в Сорбонне (Париж), а также, возможно, в Брюсселе, у франц. географа и социолога Э. Реклю. В 1894, вернувшись на родину, путешествовал по р. Конде (см. описание: Инфантъев П. П., По реке Конде. — «Вокруг света», 1895, № 1—10); наблюдался над бытом и нравами вогулов (манси) впоследствии дали материал для науч.-худож. кн. «У вогулов» (СПб., 1904). Совершал экспедиции по Юж. Сибири («По Юго-Западной Сибири», — «Естественное и география», 1896, т. 1—2); на п-ов Ямал («Из последней моей поездки на Ямал», — «Правосл. Благовестник», 1898, № 1,

4, 5, 8), в Туркестан, на Алтай, в Китай, Монголию и др. Бывал в Австралии, Швеции, Норвегии (в Бергене встречался с Ф. Норсенем, спорил с ним по проблеме Сев. морского пути). Мечтал о путешествии на Тибет.

В своих странствиях Н. занимался метеорологич., геологич., минералогич., зоологич. и этногр. исследованиями, много фотографировал. В востр. приходах Сев. Сосьем им были обнаружены залежи золота, составлена детальная карта бассейна Сев. Сосьем и Сыгым. Н. первым организовал стационарные метеонаблюдения в Арктике, создал первую метеостанцию на Сев. Урале.

Первая лит. работа Н. — очерк «От Екатеринбургa до Соликамска. (Путевые заметки туриста)» («Екатеринбург. неделя», 1879, № 6). В 80—90-х гг. его произв. печатались как в спец. науч. ж-лах, так и в популярных изд.: «Город Березов» («Нива», 1895, № 34), «История одного самодяда» (РМ, 1895, № 4, 5), «Как люди женятся» (там же, 1896, № 7). Активно сотрудничал в «Новом времени», где вплоть до сер. 1900-х гг. помещал ст. и заметки: «Западно-Сибирское пароходство» (1905, 5 февр.), «С Ирбитской ярмарки» (1905, 13 февр.) и др.; в 1906 выступал с корреспонденциями о рева, событиях на Кавказе (о восприятии его статей Л. Н. Толстым см. в «Яснополянских зап.» Д. П. Маковицкого. — ЛН, т. 90, ук.).

С нач. 1900-х гг. Н. писал преим. для детей, сотрудничая в ж. «Дет. чтение», «Родник», «Юная Россия» и др., а также выпускная отд. издания. Обращение к собств. жизни и путешествиям определило осн. тематику этих произв.

Они посвящены пл. собр. описанию экзотич. быта и нравов народовости Севера и Сибири: рассказы «В снегах» (М., 1900; 9-е изд., М., 1916), «Таня Логан» (М., 1901; 9-е изд., М., 1918; М.—Л., 1928; переизд. в сб. «Храбрый Тая» и «Северные рассказы», см. Изд.), «Юдик» (М., 1903; 3-е изд., М., 1915), «В горах Хингаи» (М., 1904; 3-е изд., М., 1916). Н. описывает сов. природу и животных («Ветрца содних на Новой Земле» — в сб.: Рассказы для детей, т. 2, М., 1914; «Якурты» и «Наши «олженеры»» — в сб.: На зиме север, т. 1—2, М., 1908, 1913); мифов («История одной полярной змеовки», М., 1913). В нек-рых рассказах — восп. о детстве, первых религ. переживаниях, возникновении сознательной мысли к путешествиям: «За саранками» и «Мои первые путешествия» (в сб.: Золотое время, М., 1908, 1913), «Отца Августина» и «Маленький Христос» (в сб.: Божьи люди, М., 1915).

В жанровом отношении произв. Н. сочетали черты рассказа и очерка. Написанные просто, без претензий на художественность, строго документальные (нередко снабжались фотопортретами и рисунками автора), они почти не имели сюжета. Гл. их ценность — познавательная (многообразие мира, аромат экзотики), что не исключало и др. достоинств: заразительно действующий на юного читателя живой авт. интерес к окружающему миру, страсть к путешествиям (хотя бы даже в соседний лес), гуманность и человечность. Отношение Н. к его героям «инород-

цам», лишенное как колонизаторского высокомерия или снисходительности, так и зансквания, сближает его рассказы с произв. Н. Н. Миклухо-Маклая.

Н. был знаком с Д. Н. Маминым-Сибиряком (см.: Янко М. Д., Лит. Зауралье. Курган, 1960), с А. П. Чеховым (сохранилось неск. писем из их переписки и упоминание в дневнике Чехова за 1897), к-рый обратил внимание Л. Толстого на творчество Н. (скрытая цитата из очерка Н. «Театр у вогулов» включена в ст. Толстого «Что такое искусство»).

В послерев. годы Н. жил в Усть-Каменогорске, Шадринске (работал лектором в Шадринском уезданом наробразе), Москве; принимал участие в организации (по декрету Совнаркома) экспедиции на п-ов Ямал (1921), писал обобщающую книгу о природе, климате и населении Крайнего Севера, оставшуюся неопубликованной (см.: Курочкин Ю., Рукопись, молчаливая полвека. — «Уральский следопыт», 1968, № 6; там же публикация из кн. — отрывок «Бобры»).

Др. произв.: очерки «На Новой Земле» (СПб., 1903), «Среди наших инородцев» (СПб., 1903), «У рыбаков и звероловов Севера» (М., 1912), «У дикарей» (М., 1915), рассказы «Тимка-переселенец» (в сб.: Рассказы для детей, т. 1, М., 1914), «Рассказ богомолыца», «Письмо», «Пожар» (все — там же, т. 2).

Изд.: Северные рассказы, Свердловск, 1937, 1938, Л., 1959; Храбрый Тая, Свердловск, 1942; Клар и везарый промисет. — В кн.: Рифей, Челябинск, 1983; Делуша-вогул и его вытки. — В кн.: За горы, Свердловск, 1990; У вогулов. Ючирял. Шадринск, 1993 (вступ. ст. Л. Осипова).

Лит.: Чехов (ук); Толстой (ук); К. Д. Носилов. — «Новосты дня», 1893, 23 мая (Л. Носилов. В. Ш.); Семесов П. П., История полувековой деятельности РГО, СПб., 1896, ч. 2, с. 972; Матусевич Н. Н., Соколов А. В., Новая Земля, Вологда, 1927, с. 66; Донских К., К. Д. Носилов. — В сб.: Исстелый край, Шадринск, 1931; Ладейшников А. С., Писатели Урала, Свердловск, 1949, с. 22—23; Беспалова Л. Г., Тюменский край и писатели XIX в., Свердловск, 1970, с. 74—78; Осипов Л. П., Писатель и географ Н. Челябинск, 1974; его же. Последнее путешествие Н. — В кн.: Рифей, Челябинск, 1983; его же. Имел славующая нить, Челябинск, 1988, с. 49—75; его же. Носиловские дачи. [Очерки]. Курган, 1993; Омельчук А., Севером плененный. — «Урал», 1985, № 11; его же, К. Носилов, Свердловск, 1989; Шамахов А. А., Шамакова Т. А., Урал литературный, Челябинск, 1988, с. 195. + Мельер; ИДРДВ.

Архивы: Екатеринбург. Лит. музей, л. ф.: ГА Свердлов. обл. (биогр. и библиогр. мат-лы, неопубликованная рукопись 1891 г. — в фондах «Коллекция В. П. Бирюкова» и «Уральское общество любителей естествознания»); РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3009 (письма А. С. Суворину); ф. 584, оп. 1, № 173, 319 (письма А. И. Якимовскому); Фемелам; РНБ, ф. 974, оп. 1, № 90 (письма С. Н. Шубинскому); РГБ, ф. 331, к. 53, № 33 (письма А. П. Чехову); ф. 790, к. 3, № 10 (рукописи рассказов); ГА Пермской обл., ф. 65, оп. 1, в. 181 (биогр. сведения). В. М. Болова.

НОТОВИЧ Осип (Иосиф) Константинович [15(27).3.1847*, Керчь — 28.11.1914, Париж], публи-

газеты писчебумажные фабрики, литографию, словолитно и книжные магазины («Устав товарищества» — ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 249, л. 14—17), позже превращенного в Акции-нерное об-во печатного дела в Петербурге «Гутенберг». Завоевав репутацию наиб. либеральной (в т. ч. за поддержку частного предпринимательства и защиту иден конституц. России), «Новости и бирж. газ.» приобрела много подписчиков и широко продавалась в розницу (общий тираж — ок. 22 тыс. экз.).

Репутация самого Н. в лит. среде была двойственной. С одной стороны, его ценили как жричного, всецело преданного делу организатора, к-рый сумел привлечь к участию в своей газете «лучшие силы» — А. А. Головачева, Г. К. Градовского, К. Д. Кавелина, В. О. Михлеина, П. И. Вейнберга, П. Д. Боборыкина, Вас. И. Немировича-Данченко и им. др., а также Н. С. Лескова, тем самым «совместно» приобщив к литературе «Леску» с прогресс. частью рус. общества» (А. Е. Кауфман — ИВ, 1912, № 10, с. 136); с др. стороны, Н. постоянно оказывался объектом серьезной критики и именовался для откровенных писателей. Работавший одно время в «Новостях и бирж. газ.» корректором В. Г. Корольский считал, что Н. отличается «каким-то особым чутьем той среде-обыват. пошлости, к-рая может создать своеобразный уступ среде уличной публики, ноадерживающей розницу» (Корольский, VI. — «История моего современника», глава, повс. Н., с. 203). Чтобы сохранить газету как коммерц. дело, Н. нередко приходилось вступать в разл. сделки, черпавшие сужденными профессорами и общества скамьями (см. напр., «Вост. вост.», 1899, 7 марта; «Общ. новости», 1889, 19 марта; письмо В. А. Библа-нова от 24 окт. 1880 — ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 36). Н. упрекали в том, что в его либерализме «не было решительной последовательности, правда, объясняемой это страхом перед запрещением газеты после двух предупреждений, полученных в первые же годы («Север», 1914, № 7, с. 16). «Благонамерен, либерален, но с оладкой, верит в правовой порядок, но верит также и в главное управление по делам печати» (Мунд и с. в. с. 159). Изволава мнж. внутр. дел И. Н. Дуринова марку в 1891 г. «Новости» «особенно отличает своею зрелым направлением. Если оно настолько острожно, что нельзя встретить в ней мало серьезных статей, то тем не менее оно это для в день распространяемый ею, приносит немало зла» (гл. пов. Левитина, с. 63). Остготочивая полемика между «Новостями» и консерват. «Новым временем» А. С. Суворина определялась не только принадлежностью этих изд. к разл. направлениям, но и негиринирыными личными отношениями между издателями [см.: Суворин А. С., Дьяченко, М.—П., 1923 (уч.). Письма А. П. Чехова его брата Ал-ра Чехова, М., 1939 (уч.); Кауфман А. Е., Из журн. восп., ИВ, 1912, № 10], к-рые расценивались нек-рыми современниками как проявление зависти со стороны Н., желавшего мечту «побороться с Сувориным за читателя и даже победить великого соперника» (Русанов Н. С., На родине, М., 1931, с. 177).

В 1873 — в преддверии реформы цензуры — Н. издал монографию «Ист. очерк нашего законодательства о печати» (СПб.), рассмотрев в ней законодательство петровского времени и «историю предупредительной цензуры до действующего ныне законодательства». В 1882 выпустил под своим именем книгу статей «Основа реформ местного и центр. управления» (СПб.; часть статей написана по схеме Н. сотрудником «Новостей» М. Л. Песковским), к-рая должна была представить читателю «полную и цельную картину переживаемой... неуря-

дицы... и установить общие начала, из к-рых... должна истекать всякая преобразоват. деятельность, рассчитанная на создание внутреннего и внешнего — действительного, а не казового могущества народа» (с. 1). Анализируя рос. обществ. жизнь, идущую, по убеждению Н., между двумя идеологиями, полюсами — либерализмом зап. образца и славянофильством, — одним из главнейших условий поступат. развития России в сфере законодательства и управления считал «полит. зрелость» населения. Сама обществ. жизнь должна представлять собой «полит. школу, в к-рой из разл. полит. течений и направлений естественно вырабатывалась бы общее направление политически развитого большинства населения, на к-рое правительство могло бы опираться в своей деятельности» (с. 3).

Книга вызвала полемику, в частности, по вопросам выборов и необходимости образоват. ценза (отклик К. Д. Кавелина — ВЕ, 1882, № 12); осн. упрек автору: «много касающихся и ни на чем не останавливающихся подробностей», гл. заслуга: «защита всеословности и самоуправления в мелкжх адм. единицах» (там же, с. 918).

С популяризатор. целью издал в своем изложении кн. Г. Т. Бокля «История цивилизации в Англии» (СПб., 1876; 14-е изд. — СПб., 1896), к-рая получила противоречивую оценку («жалкое издание» — «Дело», 1876, № 8, с. 77; П. Злобин: «неумелая компиляция» — ЖО, 1876, № 5, с. 796; ср.: СВ, 1895, № 12, с. 87, где книга признана «безукоризненной и в смысле стиля, и в смысле ясности передачки гл. мыслей Бокля»).

В кн. «Немного философии. Софизмы и парадоксы. По поводу релект.-филос. произв. гр. Л. Н. Толстого» (СПб., 1886) и «Еще немного философии. (К вопросу о свободе воли). Софизмы и парадоксы» (СПб., 1887), выдержавших 6 изд., Н. пытался «привязать» вечные вопросы философии о смысле и цели жизни, счастье, любви, свободе воли к конкретному ист. пути России, к истории цивилизации и с этих позиций полемизировал с Л. Н. Толстым, И. Кантом, А. Шопенгауэром. Так, самой большой ошибкой учения Толстого он считал игнорирование «полит. развития» как важнейшего фактора конкретной истории любого народа и в первую очередь — пути его «умств. развития». Оценивая с этих позиций путь России и особую роль в нем «вождей мысли», к к-рым Н. относил и Толстого, он видел их ист. миссию в том, чтобы «постоянно нивелировать и охранять великий мировой путь прогресса общими действиями, согласованными с не-

цист, издатель, драматург. Из мецан; отец — раввин. В 1868 окончил с се-ребр. медалью Таганрог. г-зию, поступил на ф-т вост. языков Петерб. ун-та (вост. языками начал заниматься в гимназии, годы); затем перешел на юридич. ф-т, к-рый окончил в 1874 со степенью канд. права. Действит. чл. Демидов. дома призрения в ведомстве имп. Марии (1887—1907); навл. сов. (с 1898). Имел награды: российские — за выслугу лет (орден св. Станислава 3-й степени, св. Анны 3-й степени для нехристиан) и зарубежные — за журн.-публик. деятельность (см.: ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 248).

Писать (публик. статьи) пробовал еще в г-зии. В студенч. годы начал сотрудничать в петерб. газетах («Дейтельность», 1870; «Нов. время», 1871). С 1873 фактич. ред. «Нов. времени». В 1874 получил права собственности на газету, но вскоре в результате неск. сделок перепродал ее, оговорив себе право на сотрудничестве в течение 5 лет (ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 250); писал передовые статьи и вел провинци. отдел. еженедельно выступая с фельетонами о жизни рос. провинции. В нояб. 1876 приобрел в собственность газ. «Новости», для к-рой сам писал передовые статьи, гл. обр. по вопросам внутр. политики. В 1877 добился освобождения газеты от цензуры. В 1880 купил «с торгов» право на изд. близкой «Новостям» по программе «Биржевой газ.». Слив обе газеты в одно изд. «Новости и бирж. газ.» (с 1 июля 1880), Н. объединил под его «знаменем ... прогрес. часть западнич. фракции столичной пишущей братии» и превратил газету в «оплот скрытой... оппозиции консерват. веяниям» 80—90-х гг. (ИВ, 1914, № 4, с. 216); с кон. 1892 газ. выходила с прил. изд. ж. «Петербург. жизнь». В 1881 Н. стал одним из учредителей «Товарищества газ. „Новости“ и печатного дела», объединившего кроме

предложными естеств. и экономич. законами; удерживать направление умов на уровне всегда устойчивого и естественно направленного течения филос. мысли; приучать интеллигенцию к дисциплине мысли, к подлинно неизбежному и борьбе со всем, что вносят в жизнь посторонние, негодные для прогресса элементы» (с. 165—66). Говоря о «минимости свободы воли», Н. сформулировал единый, по его мнению, для всех явлений во всеобщий закон всеобщей необходимости и центр тяжести доказательства перенес из сферы абстракций «на почву чисто житейских отношений» (Д. Л. Мордовцев — РГАЛИ, ф. 320, оп. 1, № 2). С этих позиций он рассмотрел судьбы совр. цивилизации и выдвинул гипотезу о существовании в прошлом др. цивилизаций, достигших гармонии. В кн. «Любовь» (СПб., 1888; с 5-го изд., 1895, с предисл. Ч. Ломброзо и Ферреро, что вызвало иронич. реплику о «панбрагстве» Н. с зап. авторитетами, — НСл, 1896, № 7, с. 125; 9-е изд. — 1906), представляющей собой «филос. и психол. анализ чувства любви» как краеугольной «основы всей ... духовной жизни» человека (с. 3), писал, что только она и является «тем волшебным цементом, посредством к-рого природа объединяет, связывает и скрепляет все сущее» (с. 20).

Вышедшие затем на франц. и нем. языках книги Н., по словам современника, имели за границей успех, значительно больший, чем в России (Д. Л. Мордовцев — РГАЛИ, ф. 320, оп. 1, № 2), где они чаще оказывались предметом пародирования и критич. издевок («Немножко глупости», «Еще немножко глупости» — Дризен Н. В., Лит. восп., «Весь мир», 1918, № 30, с. 9; «Философия ... мыльного жеребчика», «ничем не возмутимый... апломб» — СВ, 1888, № 4, 2-й отд., с. 116—17).

Н. написал ряд пьес (все — СПб.): «Брак и развод» [1870; отрицат. рец. — «День» (Од.), 1871, № 9], «Темное дело» (1875), «Переходное время» (1876), «Дочь» (1894), «Сюрприз» (1895; Александрин. т-р, 1896), «Без выхода» (СПб., 1895; Александрин. т-р, 1896; о пост. в Кононовском т-ре см. рец.: Нике (Н. П. Кичеев) — «Новости и бирж. газ.», 1895, 21 янв.; Д. Л. Мордовцев — там же, 24 янв.; пародия С. И. Эрбера — «Шут», 1896, № 1, с. 7). «Ноктюрн» (1898; Александрин. и моск. Малый т-ры, 1899), иллюстрирующие осн. положения его публицистики (оценивались в артистически-писат. среде как «нотовическая галматия» — ЛН, т. 87, с. 309). Герои Н. оказываются втянутыми в типичные для времени конфликты, являющиеся следствием социальных перемен в рос. жизни. Хотя отд. пьесы Н. и шли

на сцене, прохождение их через Театр.-лит. к-т не всегда оказывалось легким в силу их очевидной худож. слабости. Пространные монологи, стилистика к-рых напоминала газетные передовицы, нагромождение «ужасов», якобы обеспечивающих сценичность, мелодрам. наивные финалы с обязат. торжеством добродетели, книжный язык персонажей постоянно были мишенью для критики (см.: Д. В. Григорович — РГАЛИ, ф. 138, оп. 1, № 11, л. 65; П. П. Гнедих — РНБ, ф. 613, № 109). В ниссенниковках («Отверженный», СПб., 1896, — по ром. В. Гюго «Отверженные»; «Похождения мистера Пиквика и его товарищей», СПб., 1899, — по ром. Ч. Диккенса «Записки Пиквикского клуба») и перделках (напр., драма Г. Гауптмана — «Больные люди», СПб., 1899) отмечалась добросовестность сценич. изложения оригинала («Одес. новости», 1897, 29 апр.; «Новости и бирж. газ.», 1897, 24 апр., 4 мая, 12 мая; 1899, 29 нояб.; ТИИ, 1898, № 48; ср.: упрек Н. в амбициозности в связи с обращением к соч. великих писателей — НВ, 1897, 25 апр.; «Волж. вест.», 1899, 23 янв.).

В 1906 Особое присутствие Петерб. судебной палаты двумя постановлениями приговорило Н. «за распространение соч., возбуждающих к неповиновению и противодействию закону ... учинению бунтовщич. деяния ...» к заключению в Петропавлов. крепость сроком на один год, «с прекращением навсегда» газ. «Новости» (см.: РГИА, ф. 1405, оп. 521, л. 460; оп. 530, л. 430, 419). Н. вменялось в вину напечатание в «Новостях и бирж. газ.» резолюции Совета рабочих депутатов от 17 дек. 1905 (1905, 20 дек.), отчета о съезде литовцев в Вильне 21 и 22 нояб. 1905 (1905, 13 дек.), «Заявления казаков» 2-го Урюпин. казачьего полка (1906, 6 янв.). Не добившись через своего адвоката отмены приговора (РГАЛИ, ф. 460, оп. 1, № 37), а затем помилования (РГИА, ф. 1405, оп. 530, л. 419), Н. сумел уехать за границу. С просьбой о помиловании и разрешении на изд. «Новостей» обращался и в 1907 (телеграмма из Берлина), но также получил отказ (РГИА, ф. 1276, оп. 3, д. 772). Поселившись во Франции, сотрудничал в париж. газетах, одно время был ред. рус. отдела агентства Табаса. Испытал «все мытарства полит. эмигранта» — материальную нужду, оторванность от родных и друзей, что переживал особенно тяжело (РСл, 1914, 15 марта).

В 1912 был объявлен сыск Н., «в случае явки или задержания» — немедленный арест (ИРЛИ, ф. 207, оп. 1, № 254). После Указа об амнистии (1913) тюремное заключение Н. было заменено полн. надзором. За

неск. месяцев до смерти Н. его дочь обращалась в Мни-во юстиции с просьбой разрешить отцу вернуться в Россию, но прошение было оставлено без последствий (там же).

Лит.: Чехов (ук.); [Биография]. — «Нов.», 1887, т. XIX, № 4, с. 30; б. л. Как возникла газ. «Новое время». — «Вест. всемирной истории», 1899, № 1; Алферихи С. Н., Автобиография натуралиста-охотника, М., 1909, с. 56—57; Кауфман А. Е., За много лет. — «Еврейская старина», 1913, т. 6, в. 3, с. 343—45; его же, Редактор-трудящий и ученик О. К. Нотович (Из восп.), — «Солнце России», 1914, № 10; б. л. Из жизни газ. «Новости» (К кончине Н.). — «Солнце России», 1914, № 11; Семсбургский Р. И., Средн. отощапка. — НВ, 1917, № 4, с. 133; Немирович-Данченко Вас. И., На кладбищах. Ревель, 1921, с. 111—32; Яблоновский И. А., На заре туманной юности. — «Рубль» (Б.), 1923, 24 июня; Елисеберг Г. В., Дела минувших дней. Париж, 1933, т. 2, с. 221—222; Дубнов С. М., Книга жизни, т. 1. Рига, 1934 (ук.); Свирицкий А., История моей жизни, М., 1947, с. 519—28; История рус. журналистики XVIII—XIX вв. 2-е изд., М., 1966, с. 515—16; Бейзер М., Евреи в Петербурге, (Иерусалим), 1989, с. 20—24; Петровская (2), с. 75; Левитина В., ... и евреи — моя кровь, М., 1991, с. 60—63, 286; Суворин А., Дневник, М., 1992 (ук.). + Некрологи, 1914: РМ, № 3; НВ, № 4 (Б. Г. (Б. Б. Глинский)); «Север», № 7; НВ, 14 марта; РСл, 2 марта; «Моск. газ.», 3 марта. Портретная галерея преест. рус. писат. — «Пом», 1887, т. XIX, № 1, с. 30 (Мозика); Систематич. указатель лит.-ры евреев на русском ... СПб., 1892; Труды О. К. Нотовича — «Новый восток», 1914, № 9, с. 16; Бродягуз; Гранит; ИРЛТ; ИДРДВ; Мяснов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 339; ИРЛИ, ф. 207; ЦПА (биография, прошения) [справка Н. А. Хохловой]; СПб ГТБ (рукописи пьес); РНБ, ф. 73, № 1200 (письмо А. А. Краевскому, 1877); ф. 426, № 3 (письмо М. М. Лесерле, 1891); ф. 601, оп. 1, № 2506 (о запрещении розничной продажи «Новостей» в 1877); ЦГНА СПб, ф. 14, оп. 5, д. 4445 (студенч. дело)*; ф. 358, оп. 1, д. 1005 (дело о службе) [справка А. Г. Рузницкая]; РГИА, ф. 1349, оп. 1, д. 1369 (ф. с. 1897 г.); ф. 1405, оп. 521, л. 460; оп. 530, л. 430; ф. 1363, оп. 5, д. 518 (мат.-лы судебных дел) [справка О. Морозан]; ГАРФ, ф. 102, 7-я во, 1905 г., д. 2030.
Н. Е. Гитович

ОБЛЕУХОВ Антон Дмитриевич (не раньше 1862 — после 1916), поэт. Внук Д. А. *Облеухова* (в статье о нем сведения об отце О.). Мать — Ек. Григ. Белафина.

Первая выявленная публ. — пер. стих. А. Мюссе «Октябрьская ночь» (РО, 1894, № 11), посв. редактору «Рус. обозр.» А. А. *Александрову*. В 1895 опубли. волыный пер. цикла стихов Мюссе «Ночи» (М.) — по мнению большинства рецензентов, «ряд скучных декламаций, пересыпанных самыми банальными оборотами» (МБ, 1896, № 1, с. 7; см. также: (А. Г. Горнфельд) — РБ, 1896, № 1; положит. рец.: ЛПН, 1896, № 10; «Север», 1895, № 44). Ориг. произв. О. появлялись в периодике очень редко: «Грѣза волшебная, грѣза неясная...» (РО, 1895, № 11), «Свет и тьма» (РБ, 1896, № 10).

В рец. сер. 1890-х гг. О. проявил нек-рый интерес к новым веяниям в рус. лит-ре: высоко оценив поэзию К. Д. Бальмонта, он пытается доказать неограниченность «декадентских» мотивов в его творчестве (РО, 1894, № 12, с. 1139—40; см. также его рец. на «Стихотворения» А. А. Голенищева-Кутузова — РО, 1895, № 2, подпись А. Д.). В 1895 О. познакомился с В. Я. Брюсовым, стал восторженным почитателем его произв. (письма О. к Брюсову 1895—1916 — РГБ, ф. 386, к. 96, № 31), привлек его к сотрудничеству в илл. прил. к газ. «Рус. листок»; Брюсов же отнесся к О. пренебрежительно [см.: Брюсов (1), с. 22, 38, 51; ЛН, т. 98, кн. 1, с. 314]. По свидетельству Брюсова, О. в 1896 находился на излечении в психиатрич. больнице в Одессе [см.: Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову (1894—1896 гг.), М., 1927, с. 63].

Единств. поэтич. сб-к О. — «Отражения. Оды. Поэмы. Лирника» [М., 1898; назв. объясняется отчасти тем, что в книгу вошли пер. произв. А. Ренана, П. Бурже, А. Мишквича, Ж. Нервала и др., подражания Данте, стих. переложения «Русалочки» Х. К. Андерсена (поэма «Маленькая русалочка») и «Призраков» И. С. Тургенева (поэма «Звездное сия-

ние»); ср. подобные опыты, напр., С. А. Андреевского]. В сб-ке нетривиально соединились тенденциозная полит. поэзия [«Оды» — поэмы «Александр Великий (посв. бес- смертной памяти имп. Александра Александровича)», «Огонь Прометей (посв. памяти М. Н. Каткова)», стих. «Древний Вавилон»] и типично «декадентские» сюжеты и образы (рецензент высмеял успевший стать штампом «серебристый покой» — СО, 1897, 29 дек., с. 221). Финал поэмы «Александр Великий» — «И, как шум от движения гигантской пчелы/ Приближается смерть» — лейтмотив всей книги (стих. «Знамя смерти», «Щепь бытия», «Альпугара» и др.). Нарочитая эксцентрич. мрачность поэзии О. (напр., описание бреда в поэме «Вечное зло») шокировала критиков: по мнению П. Ф. Якубовича, «дикие... видения» О. — отражение «душевного склада и строя» сотрудников «известных [подразумевается «консервативных». — Ред.] моск. изданий» (РБ, 1898, № 3, с. 19—22). Рецензент «Нов. времени» отмечал влияние Ш. Бодлера и А. Шопенгауэра, находя при этом, что «вопниющие бессмыслия» О. — вопреки замыслу автора — похожи на «злую мистификацию» (1897, 10 дек.). В не замеченных критиками двух автопародиях — поэме «Паук и Комар (правдоподобная история)» и стих. «Тля» — О., вероятно, стремился нейтрализовать возможный комич. эффект восприятия его татетич. произв.; герои, темы и интонации автопародий предвосхищают нек-рые позднейшие явления рус. лит-ры (обзрнуты, К. И. Чуковский): «Паук, весь охваченный пламенем страсти/ Пылает, как бурный пожар...», «Ах, никогда не знает тля./ Как все изменчиво и ложно./ Как необъятна вся земля/ И как на свете тля ничтожна».

Подавленный неуспехом «Отражений», О. практически не выступал более в печати (обнаружены только 3 стих. в ж. «Знамя» за 1899: «Как волны несутся мечты преходящие...» — № 8; «С. Н. Т-ой», «Упрекам совести, холодной укоризне...» — № 11). В письме Брюсову от 30 нояб. 1900 О. с горечью признавался: «У меня если и было поэтич. дарование, то оно давно зарыто даже не в землю, а в навоз жизненной прозы» (РГБ, ф. 386, к. 96, № 31). В 1900-х гг. бывал в столицах, очевидно, наездами, жил в Малоярославле (1900), в имении матери Костове Костром. губ. (1902), в сельств. имении Княжеве той же губ. (1910 — нояб. 1916). С 1917 следы О. теряются.

Его брат Николай — ред. ж. «Знамя», сотр. газ. «Моск. вед.» и «Рус. листок», сестра Анна (в замужестве — Пустошкина) — близкая знакомая Бальмонта.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2, оп. 1, № 695 (письма А. А. Александрову); РГБ, ф. 342, к. 30, № 125 (письма П. П. Шибанову), ф. 385, к. 1, № 63 (письма С. В. Флерову). Г. В. Лисова

ОБЛЕУХОВ Дмитрий Александрович [19(30).9*.1790 — 13(25).12.1827, Москва; похоронен на кладб. Данилова мон.], литератор, ученый. Дед А. Д. *Облеухова*. Из дворянского рода, известного с кон. 16 в. Сын ген.-майора Ал-дра Дм. Облеухова (ум. в 1814), в 1794—96 правителя Калуж. наместничества, пользовавшегося расположением П. А. Зубова (а через посредство последнего — Екатерины II); об издат. деятельности отца — см.: Винпер Ю. Б., Первое рус. издание «Мемуаров» кардинала де Ретца (ИзвОЛЯ, 1991, № 6, с. 518).

О. получил блестящее дом. образование (владел классич. и европ. языками) и после краткого пребывания (1805) в Моск. ун-тском благородном пансионе по личному распоряжению попечителя Моск. ун-та М. Н. Муравьева был произведен в студенты (о необычных обстоятельствах принятия 15-летнего О. в ун-т см.: Андреев, с. 16). Тогда же, видимо, по совету Муравьева О. перевел (с франц.) популярную поэтику Ш. Баттё «Начальные правила словесности» (т. 1—4, М., 1806—07), дополнив разделы, посв. отд. жанрам, собств. краткими характеристиками отеч. писателей: «О рос. эпосах г-на Хераскова», «О сатирах кн. Кантемира» и др.; при переводе цитируемых Баттё текстов — греч., лат., франц., нем. авторов — О. обращался к оригиналам. Ознакомившись с изданием, Муравьев написал «длинное, прекрасное письмо к переводчику», в к-ром выражал ему «свою благодарность, свое сочувствие» (прим. М. П. Погодина к письму Н. М. Карамзина Муравьеву — «Москв.», 1845, № 1, с. 4).

Первая из выявленных публикаций О. — стих. «Ночь» («Моск. курьер», 1805, ч. 1) с характерными для преромантич. поэзии мотивами. В ж. «Друг просвещения» появилась переведенная им 1-я эклога Вергилия «Титир и Меллией» (1805, № 8); популярной (не вполне успешной) воссоздать средствами рус. языка горацианскую строфу отмечен «Перевод 2-й Горациевой оды к Августу Цесарю» (2-я ода 1-й книги; там же, 1806, № 9).

Покровительство попечителя помогло О. быстро получить ученые степени кандидата древней и новейшей литературы (1806) и магистра словесных наук (1807), а также награду за перевод Баттё, посв. императору, — бриллиантовый перстень. В 1811 О. первым из выпускников Моск. ун-та был удостоен ученой степени доктора физ.-матем. наук (защитил дис. «О главных основани-

ях равновесия и движения» и прочел неск. пробных публичных лекций; в том же году был приглашен ген.-майором Н. Н. Муравьевым в действит. члены Об-ва математиков (впоследствии преобразован в Моск. уч-ще колонновожатых) (ИВ, 1899, № 12, с. 1147—48).

В уни-те сложился круг знакомств О. и завязались те дружеские отношения, к-рые он поддерживал на протяжении всей жизни, — «своего рода братство» (Шаховской Д., Письма о братстве. — «Звенья», в. 2, М., СПб., 1992, с. 242); с М. Я. и П. Я. Чаадаевыми (записка Погодина М. И. Жихареву — РГБ, ф. 103, к. 1032, № 30; там же письмо О. к П. Чаадаеву — № 37; частично опубли.: Чаадаев, 1991, т. 2, с. 434—36), кн. И. Д. Щербатовым, М. А. Фонвизиным и И. Д. Якушкиным (О. был посвящен в его душевную драму). Друзья О., судя по всему, испытали влияние его личности и интересов; главными в их общении были постоянный духовный контакт и сходные устремления, прежде всего к философствованию (в терминологии самого О. — «наша метафизика»; цит. по кн.: Чернов, с. 4—5).

С 1810 О. исполнял обязанности младшего, а с 1811 — старшего письмоводителя в канцелярии П. И. Голеннишева-Кутузова, сменившего Муравьева на посту попечителя Моск. уни-та.

Всегда готовый услужить влиятельным моск. семействам, Голеннишев-Кутузов не обременил О. делом (ср. иронич. замечание М. П. Третьякова, сослуживца О., о номинальном характере его обязанностей — РС, 1892, № 7, с. 128) и хлопотал о его карьере, характеризует О. как человека хотя и молодого, но преисполненного редких сведений и отличнейших способностей... могущий быть со временем человеком государственным (письмо к А. К. Рауковскому — в кн.: Васильчиков А. А. Семейство Рауковских, т. 2, СПб., 1880, с. 377—78). В 1811 Голеннишев-Кутузов велел О. как займать, члена в состав реорганизованного Об-ва истории и древности российских (в 1817 отказался от участия в Об-ве).

После увольнения Голеннишева-Кутузова от должности попечителя (1816) О. оставляет службу (с чином коллеж. ассессора). С этого времени до кончины жил преим. в Москве, в собств. доме на Тверской (РА, 1878, кн. 1, с. 290) (друзья в шутку называли его «святой отец Дмитрий Тверской»). По впечатлениям современников, в его облике сочетались черты философа-затворника (энциклопедич. познания, оригинальность умств. склада) и апатия, едва ли не болезненная неуверенность — до неспособности принять определ. решение (ср. автохарактеристику О. в письме к Якушкину от 24 авг. 1825: «обыкновенная моя неподвижность, которая приводит меня в невозможность переменить место, на коем однажды нахожусь»; цит. по кн.: Чернов, с. 3—4) — свойства личности и характера, по-видимому, объяс-

няющие немногочисленность его прижизненных публикаций.

В 1823 О. предпринял попытку изд. ж. «Магазин. Журнал религии, лит-ры и философии на 1823 г.» (не разрешен цензурой — ГА Тверской обл., ф. 103, № 2348 — (сообщено С. И. Пановым)). К 1824—25 относится его «Заметки о духоведении», к-рые он отослал Чаадаеву.

М. О. Гершензон ошибочно атрибутировал текст П. Чаадаеву и опубли. его в кн.: Чаадаев П. Я. Соч. и письма, т. 1, М., 1913, с. 39—52, т. 2, М., 1914, с. 83—96 — в пер. с англ., нем., франц., лат. языков (об авторстве О. и истории документа см.: Шаховской Д. И., Якушкин И. Д., Чаадаев. — В кн.: Декабристы и их время, т. 2, М., 1932, с. 176—81).

Этот «мистич. дневник» (определение Гершензона) содержал преим. выписки из соч. И. Г. Юнга-Штуплинга (о сообщении творч. силы души с духами, участии в этом человеческой воли и свободы, возможности прижизненного освобождения от мирских привязанностей и т. п.), перемежающиеся подробными описаниями своего душевного состояния и тщательной фиксацией стихов, попавшихся в раскрытом наукачу Евангелии; между собств. опытом и евангельскими истинами О. пытался установить мистич. соответствия, хотя и отдавал себе отчет в опасности («сблудные») такого рода упражне-ния. «Повсюду мое стремление, — записывает О., — направлено на то, чтобы согласовать разум с откровенными истинами» (Чаадаев П. Я., Соч. и письма, т. 2, с. 87).

Весной 1821 О. женился на Ек. Ивановне Черкасовой (1803 или 1805 — не ранее 1808) — дочери барона И. П. Черкасова, входившего в 1814—15 в ближайшее окружение В. А. Жуковского (см.: Пушкин. Иссл., т. 10, Л., 1982, с. 28, 30). Черкасовы по своему имени Володаровы в Белье, у Тульской губ. приходились соседями Жуковскому, Протасовым, Плещеевым и Елагиним. Е. И. Облеухова была поодрутой А. П. Елагинной, к-рая жила в 1810-е гг. в Долбине со своими сивильными — бр. Киреевскими (письма Облеуховой к Елагинной, 1842—68, — РГБ, ф. 99, к. 9, № 14). В 1860-е гг. приняла монашество с именем Феофания.

Причиной ранней смерти О. кроме недугов можно считать его склонность к депрессии, усугубленную распадом дружеского круга после дек. 1825. И. В. Киреевский вскоре после смерти О. напечатал неск. его соч. в «Моск. вест.» (без подписи: в оглавлении ч. 8 «Моск. вестника» помета «О.»), переданных в журнал Чаадаевым; вольный пср. мистерики Дж. Байрона «Манфред» (1828, № 7) — с кратким послесловием, рассказывающим о личности и трудах О. (там же, с. 352—54; отрицат. отзыв Н. М. Языкова: «Облеухов... не умел писать стихов; растягивал, влиял и переначивал подлинник» — в кн.: Языковский архив, в. 1, СПб., 1913, с. 357), а также «Отрывки из письма к Н. о гниероглифическом языке» (1829, ч. 4) — рассуждения о первоначальном общем языке (протоязыке), его постепенном разруше-

нии и связи между «гниероглифами» (начертаниями букв) в совр. языках, их названиями и частями человеческого тела: О. полагал, что телом — мера, идеал и выражение гармонии «видимого чувственного мира».

Начертания букв он отсылал к «естественному, а не условному» знакам и видел в них не только отражения «всеобщего языка», но «чувственные образы коренных понятий, категорий» (с. 107). При этом О. интересовал не запечатленные в нерослифах свойства предметов, а познание их пропорций и отношений, «законов аналогии натуре» (с. 107, 112—13, 118—19). Не приведенные в стройную и проработанную теорию, рассуждения О. обнаруживают элементы «чужой, остроумной, глубокомысленной и самокритич. системы, которая в Германии имела бы влияние заметное во многих отношениях», — замечал Чаадаев в письме к издателю, предавая в печать статьи. По словам самого О., такого рода «тонкий отвлеченный исследованиями» «заключался бесстрастно и никогда не достигал истины, которая была единственная цель сих часто ... стухлых размышлений» (цит. по кн.: Чернов, с. 2).

Сын О., Дм. Дм. (1822—89), на протяжении всей жизни был близок к семье своего крестного отца И. Киреевского, разделял его взгляды, посещал собрания в его моск. доме (РГБ, ф. 99, к. 9, л. 4 об.). Интересно юные младшего О., о гомосексуальн. «выбранных местах из переписки с друзьями»: их автор «умер уже навсегда как писатель для России» (Барсуков, VII, 525). Он написал небольшое вост. об мероманхе Феофиле, в стихе — Фоме (1865 — РНБ, ф. 550, Fxvii.82, л. 24—29), ошибочно приписанное его отцу (см. в кн.: История СССР в восп. и дневниках, в. 1, Л., 1975, с. 175).

Лит.: Якушкин И. Д., Записки, статьи, письма, М., 1951 (ук.); Фонвизин М. А., Соч. и письма, т. 1, Иркутск, 1979, с. 106; Чаадаев П. Я., ПСМ и избр. письма, т. 2, М., 1991 (ук.); Колопанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 2, М., 1889, с. 292; Грот и Плетнев, II, 446, 449; Сб. Рус. ист. об-ва, СПб., 1891, т. 78, с. 444; Попова Е. И., Дневник, СПб., 1911 (ук.); Декабристы. Сб. мат-лов, Л., 1926 (Всесоюзная б-ка им. В. И. Ленина), с. 157—58, 162, 191; Чернов С. Н., Четыре письма неизвестного к декабристу И. Д. Якушкину, Саратов, 1927; Шаховской Д. И., Из бумаг Н. Д. Шаховской (рожда. Щербатовой). — В кн.: Декабристы и их время, в. 1, М., 1928 (ук.); ИМ, 1964, № 12, с. 142 (дневник А. В. Якушкиной); Каталог б-ки П. Я. Чаадаева, М., 1980, с. 137; АБ, в. 18, М., 1985, с. 180; Гершензон М. О., Грибоевская Москва, П. Я. Чаадаев. Очерк прошлого, М., 1989, с. 129—37, 372; Костилова Е. Д. Облеухов. — «Литва. Бюлет. альм.», [в.] 2, М., СПб., 1993; McNeally R. T., Chaadaev and his friends, Tallahassee (Florida), [1971], p. 10, 17, 234—35, 238; Tchaadaev P., Œuvres inédites ou rares, Meudon, 1990 (инд.); ЛН, т. 22/24, с. 12—13, 76; Письма А. В. Якушкиной и Н. Н. Шереметевой к И. Д. Якушкину (1826—1832) — Паметники культуры, 1996 (публ. В. И. Осиповской) — в печати; Андреев А. Ю., «Мистический» врт Чаадаева (Жизни и творч. судьба О.) — РЛ, 1997, № 2; Ljamina C., Tchaadaev: Cami de jeunesse ou les origines d'une geration. — Romantisme, v. 92, + МНкр.; Гетнади: РЭС (О. ошибочно назван врачом); Бросгаут; Декабристы; Маслов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 236, оп. 1, № 102, 292 (письма Д. Д. Облеухова к И. В. и И. П. Киреевским); РГБ, ф. 103, к. 1032, № 37а (по-слешнее «Манфреда» Ек. Ивановны Черкасовой — сестре жены); ИРЛИ, Р. III, оп. 1, № 1556 (договор о найме дома для И. П. Черкасова, 1822 г.); РГА, ф. 1343, оп. 26, л. 2867 (о двоюродн. родственн. род-и, 81—81 об. (ответот о службе), л. 104 об. 81* (и. с.), ф. 1349, оп. 4, л. 16 (ф. с. 1814 г.) (справка С. И. Вареховой).

Е. Э. Лелина

ОБНИНСКИЙ Виктор Петрович (2(14).4.1867, с. Белкино Боровского у. Калуж. губ. — 20.3(24).1916, Москва; похоронен в Донском мон.).

публицист, журналист, обществ. деятель. Из дворян Калуж. губ.; сын юриста, деятеля судебной реформы П. Н. Обнинского (см. о нем: Брокгауз, Гранат). О. учился во 2-м Моск. кадет. корпусе, в 1884 поступил в 3-е воен. Александров. уч-ще, по окончании к-рого (1887) произведен в подпоручики с прикомандированием к л.-гв. 4-му стрелковому нип. фамилии батальону (с 1891 — поручик); уволен от службы по болезни в авг. 1892. В своих мемуарах он объясняет отставку неудачным экзаменом в Воен.-юридич. акад.; участие в помощи голодающим (Пензен. губ.) повлияло на обществ.-полит. взгляды О. в либер.-демокр. направлении: «я прошел на голоде курс, далеко превосходящий то, что, в смысле выработки мирозерцания, могла мне дать военная академия» («Девяносто дней...», с. 24). Затем служил в Моск. казен. палате, в 1894—95 — по Мин-ву путей сообщения. В янв. 1902 избран гласным Боровского у. Калуж. губ. В сент. 1902 один месяц был зем. начальником 1-го участка Боровского у., в 1903—04 — предводитель дворянства Малоярославец. у., с сент. 1903 — поч. мировой судья того же уезда (владел имением Турлики, ныне на терр. Обнинска, к-рое в 1909 продал М. К. Морозовой, вдове М. А. Морозова). Выступал за уравнение крестьян в правах с др. сословиями, участвовал в составлении адреса от калуж. дворянства императору вместе с Е. Н. Грубецким («Девяносто дней...», с. 39). В дек. 1904 избран пред. Калуж. зем. управы на 3 года. Весной 1906 уволен со службы в связи с избранием депутатом 1-й Гос. думы, где входил во фракцию «автономистов»: выступал за централизацию на началах автономии отд. народов и областей. Участвовал в подписании Выборгского воззвания против роспуска Думы, был приговорен к тюрем. заключению [в тюрьме написал кн. «Девяносто дней тюремного заключения» (М., 1917), в к-рой дневниковые записи о происшедших событиях перемежаются пространными фрагментами личных восп.]

В 1905 О. готовил хроникку революции, на ее основе опубл. сб-ки документов и материалов «Полгода рус. революции» (М., 1906), «Летопись рус. революции» (М., 1907); «Дума и революция» (в. 1) и «Вне закона» (в. 2), представлявшие собой тематически организованные (цензура, судебные процессы, ссылки, смертные казни и пр.) подборки текстов (газетная хроника, правительств. документы, воззвания и резолюции полит. партий и др.), воссоздающие картину событий в Петербурге, Москве и провинции с окт. 1905 по июль 1906; тексты снабжены

многочисл. картами, статистич. таблицами. Сб-ки О. подвергались аресту, автор привлекался к судебной ответственности (см.: «Кн. вестник», 1906, № 32—33, стб. 742). В кн. «Новый строй» (ч. 1—2, М., 1909; 2-е изд., М., 1911) события 1905—1909 изложены в форме ист. повествования.

С кон. 1909 О. сосредоточился на наст. проблемах, пользовался репутацией «искреннего друга негосударственных народностей», снискал уважение укр. автономистов, для контактов с к-рыми посещал Киев; единомышленниками характеризовался как «благороднейший рыцарь, настоящий романтик наст. вопроса среди рус. об-ва» (Ефремов С., Против течения. — ГМ, 1916, № 5—6, с. 147, 151). Участвовал в редактиро-

вании ж-ла «Народы и области» (1914, № 1—8) — органа Об-ва единения народностей в России, пред. к-рого состоял. В февр. 1916 присутствовал на совещании представителей разл. национальностей в Петрограде.

В первом обнаруженном выступлении в печати — ст. «Достоевский и Толстой о Пушкине» («Рус. труд», 1899, № 19) полемизировал с содержащимся в трактате Л. Н. Толстого «Что такое искусство?» утверждением о «неузости» поэзии Пушкина для народа, противопоставляя т. з. Толстого пушкинскую речь Ф. М. Достоевского. Выпустил неприязнат. книжечку для детей «Сказки старого гнома» (Калуга, 1903, 1904). Состоял сотрудником ж-ла «Вест. Европы» и газ. «Рус. вед.», эпизодически печатал в газ. «Бирж. вед.» и «Утро России» хроникку и статьи на обществ.-полит. темы; сотрудник редакции т-ва «Бр. А. и И. Гранат и К°»; являлся учредителем «Книгоизд-ва и кн. склада В. П. Обнинского».

Во 2-й пол. 1900-х гг. О. обзвизлся с семьей кн. С. Д. Урусова, подолгу жил в его имении Росва Калуж. губ. Летом 1911 выпускал здесь руко-

писный ж-л «Подвинок» («Еженед. беспартийный ж-л росвянской лит-ры, политики и науки, выходит по вторникам в одном экз., сразу становясь библиографич. редкостью»); ж-л подписывал «Подласок О.», ему же принадлежит большинство текстов: шуточные корреспонденции, фельетоны, стихотворения и пр.; материалы содержат небезынтересные подробности усадебного времяпрепровождения интеллигенции нач. 20 в. Вышло 8 номеров, четвертый — «юбилейный», посв. 5-летию знакомства О. с семьей Урусовых (ксерокопия ж-ла хранится в Музее истории города Обнинска; оригинал — в частн. руках). С начала 1-й мировой войны О. — корр. «Рус. слова» на Юж. фронте; с сент. по ноябрь напечатал более десятка воен. очерков и репортажей (сотрудничество с газ. прекратил из-за финанс. разногласий — см. письмо издателю И. Д. Сытину — РГБ, ф. 259, к. 18, № 3). Вернувшись с фронта, заведовал отд. помощи военнопленным при Гл. к-те Всерос. зем. союза; опубликовал кн. «В плену. О помощи находящимся в плену рус. солдатам» (М., 1916). Фронтные впечатления изложил в кн. «Австро-венгерская армия в Галиции», оставшейся в рукописи (РГАЛИ, ф. 1345, оп. 1, № 399).

Наибольшую известность получила кн. «Последний Самодержец. Очерк жизни и царствования императора России Николая II» (Б., [1912]; вышла без указания авторств, раскрыто в НЭС; переизд. в России после Февр. революции — «Николай II последний самодержец. Очерк жизни и царствования», 2-е изд., в. 1—5, П.—М., 1917, совр. изд. — М., 1992), представляющая широко панораму полит. жизни России с момента рождения Николая II и до убийства П. А. Столыпина (картины придворной жизни, характеристики членов царствующего дома, министров, обществ. деятелей); она написана в жанре разоблачит. памфлета, включает многочисл. фотолл. и снабжена приложениями, содержащими документы освободит. движения.

О. редактировал сб. «Война и мир» — памяти Л. Н. Толстого (М., 1912; книга 3 мес. находилась под арестом, см. об этом в отзыве П. Н. Сакулина — ГМ, 1913, № 5), в к-ром поместил ст. «Война сто лет назад и теперь», посв. теме совр. милитаризма; сб. «Венок на могилу С. А. Муромцева» (М., 1912), а также выпущенные к юбилею судебной реформы сб-ки статей Г. А. Джаншиева (М., 1914) и П. Н. Обнинского (М., 1914), своего отца.

Покончил с собой, застрелившись в помещении сестры, книжного склада, предварительно оставив многочисл. письма друзьям и написав

собств. некрологи для ряда газет (причин самоубийства не указал, в об-ве оно расценивалось как резуль-тат тяжелого психич. расстройства).

Лит.: Шаховской Дм. И., В. П. Обинов-ский. — В кн.: К 10-летию 1-й Гос. Думы. П., 1916; Морозова М. Г. Прогулки по старой Калуге, Калуга, 1993; Васильева Э., Одино-кий романтик смутного времени. Письма В. Обиновского. — «Веч. Обинска», 1995, 13, 18, 19, 20, 25, 26 июля (фрагменты письма О. к Р. М. Хин-Гольцовской и фрагменты ее дневников. посл. О.); ее же. Неизвестные страницы жизни Поленива. — Там же, 1997, 6 февр. (фрагменты переписки О. с В. Д. Поленивыми); Берберо-ва Н., Люди и ложи, Х.—М., 1997 (ук.); Сер-жов А. И., История рус. масонства. 1845—1945. СПб., 1997 (ук.). + Некрологи, 1916: «Речь», 23 марта (М. Визнер); РСЛ, 22 марта (Б. Сыро-мытников); УР, 22 марта; РВед, 24 марта («По-лорова О.»); РВед, Об.: Грант: ИДРДВ: Мура-това (2. ук.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 128, оп. 1, № 96 (пись-ма Р. М. Хин-Гольцовской); РГВИА, ф. 400, оп. 17, л. 7016 (пс. 1892 г.); ГА Калуж обл., ф. 38, оп. 3, № 74 (ф. с.); РГИА, ф. 229, оп. 10, № 2120 (цело о службе, 1898 г.).

А. А. Новос, при участии Э. В. Васильевой.

ОБОДОВСКИЙ Платон Григорьевич [27.11(9.12).1803, г. Галич Костром. губ. — 10(22).2.1864, Петербург, похоронен на Смоленском кладб.], драматург, поэт, переводчик; педагог. Брат известного географа и автора пед. работ — А. Г. Ободовского. Отец, Григ. Онисимович, из старинного знатного шляхетст-

ва польского (к рус., костромскому дворянству причислен в 1814), извест-ный губ. врач. Окончив 2-ю петерб. г-зию (где его товарищем был В. Н. Григорьев, проходивший курс в 1814—20) и петерб. Высшее училище (1822, с чном 14-го кл.), О. «вступил в службу» в янв. 1823 в 3-ю петерб. г-зию «комнатным над-зирателем» (до 1827), а через месяц — и учителем рос. и лат. грамматики (во 2-й приготвнт. класс; до 1828); в 1824 определен учителем рус. яз. в 1-й и 2-й кл. при Воспита-тельном доме [отставлен по проше-нию (с наградой) в 1830] и одновременно учителем переводов в высший класс Воспитат. об-ва благородных девиц (учител в 1825 или 1826). В

мае 1827 «утвержден Петерб. ун-том в звании учителя». В 1827—30 слу-жил также в Коллегии иностр. дел.

Стихи писал с гимназич. лет; де-бютировал в 1822 в ж. «Благонаме-ренный» (№ 33) — органе ВОЛСНХ, чл. к-рого его избрали 13 сент. 1823. В 20—30-е гг. печатается во мн. журналах — «Благонамеренном» (1822—23), «Сыне отечества» (1823—38), «Новостях лит-ры» (1825), «Галатее» (1829—30); в газ. «Лит. прибавления к РИ» (1832—35) и альманахах — «Полярной звезде» (1823—25), «Северных цветах» (1825—30), «Невском альм.» (1826—46), а также эпизодически в «Подснежнике» (1829), «Северной звезде» (1829), «Календаре муз» (1827), «Эвтерпе» (1831, 1836); «Одес. альм.» (1839—40).

В творчестве О. проявились поэ-тич. тенденции времени: воздейст-вие нем. лит-ры через посредств В. А. Жуковского; влияние Дж. Бай-рона; разрушение строгой жанровой системы. В первом же стих. «К дру-гу. На просьбу, чтоб я перевел нечто из Байрона» («Благ.», 1822, № 33), поэт прямо указал своего учителя — Жуковского; среди его первых, не попавших в печать опытов баллада «Эдвин и Клара» (1820) — подража-ние «Людмиле», а «описательная» элегия с символич. пейзажем «Кар-повка» (1821) — «Славянке». Поэзия Жуковского, очевидно, стимули-ровала тяготение О. к религ. симво-лич. и аллегоризму нем. сентимен-тальных и предромантических поэ-тов; ей же он обязан особым внима-нием к творчеству Ф. Шиллера. Такая ориентация сохранялась и в даль-нейшем вместе с устойчивым интере-сом к нем. лит-ре вообще: «Гроб. (Из Салиса)» («Благ.», 1822, № 38), «Же-лание. (Из Маттиссона)» («Подснеж-ник» на 1829), «Детство. (Из Мат-тиссона)» (СО и СА, 1829, № 19), «Геро и Леандр (Вольный пер. из Шиллера)» (НА на 1827, СПб., 1826), «Близость милой (Подража-ние Гёте)» (СО и СА, 1829, № 6), от-рывки из «Песни о колоколе» Шил-лера (ЛГ, 1830, 11 мая; ЛПРИ, 1835, 15 июня), «Песня Миньоны. (Из Гё-те)» (УЗ на 1841). Однако по пути религ. аллегоризма О. идет дальше Жуковского. В его творчестве весьма продуктивна традиция «переложения псалмов», к к-рой примыкает серия «кантат» на евангельские сюжеты, соединявших в себе лиро-эпич. и драм. начала: «Торжество испугите-ля» (читано на публичном экзамене Высшего училища 22 дек. 1822; «Благ.», 1823, № 5), «Искупитель во гробе» (ПЗ на 1823), «Песнь пле-ненных израильянок» (СО, 1823, № 45); близки к ним стих. «Падение Иерусалима» (ПЗ на 1824; «Сорев-нователь...», 1824, кн. 1).

Стихи О. заметно отклоняются от сложившейся к 20-м гг. жанровой системы: одни повторяют продуктив-ные жанры 1800-х гг.; другие свиде-тельствуют о ее деформации. Он пишет прямые аллегории «Утро» («Благ.», 1823, № 16), «Отважный пловец на чужбине» (СО, 1827, № 4) и моралистич. послания «К другу (во время грозы)» — «Благ.», 1823, № 3), в к-рых утверждается присутствие Божества в обычных явлениях природы (вероятно, не без воздействия стих. Жуковского «Не-выразимое»). Однако наряду с вполне традиц. «элегическими» сетова-ниями на «потерю юных дней» и «измену вдохновения» («Вдохнове-ние» — ИЛ, 1825, № 5) О. осваивает в элегич. ключе и библи. сюжеты («Плач Давида о смерти Саула и Ионафана». Элегия — «Благ.», 1822, № 38), а также сочиняет элечи, к-рые значительно утрачивают внешние признаки жанра, сближа-ясь с «романсами» и «мелодиями» 1830-х гг.: «Лиля» (НА на 1828), «Мария» (СО и СА, 1830, № 23).

О. писал и «песни», в т. ч. «русские песни», подобные по форме романсу, а иногда имеющие балладный сюжет [«Русская песня» («Ты не плачь, не тоскуй») — «Памятник отеч. муз» на 1827; «Не плачь, не плачь, красавица...» — НА на 1830]; нек-рые из них предназначались для собственных драм (возможно, для драм. опыта «Александр Михайло-вич Тверской» написана «Тверская песня» — Карманная книжка на 1829). «Песни» и «романсы» стали неизменным компонентом поэм и драм О. «Песенность» его стихов по-будила ряд композиторов положить их на музыку (А. А. Алябьев («Гроб»), А. Е. Варламов («Русская песня»), позднее — М. И. Глинка («Финский залив» — «Люблю я в раздумье», 1850) и др.).

Еще в нач. 1820-х гг. обратился к «ори-гинальному романсу» (балладе) («Неуспешный араб», 1821; опубл. под назв. «Неуспешный араб» — «Календарь муз» на 1826), а затем и к «байронической» поэме на восточные темы: в 1825 работал над «персидской повестью» «Ор-сан и Ленла», где ощутимо влияние «Балчи-сарайского фонтана» А. С. Пушкина; «тоскую-щий» павшах Махзор (см. альм. «Звездочка» на 1826, опубликованная в кн.: «Поларная звезда», изд. А. Бестужевым и К. Рыльским, М.—Л., 1960) напоминает хана Герес, а страстная вост. красавица Зора, совершившая во имя любви злодеяние. — Заряду («Зора. Индийский романс» — НА на 1826); в этих и др. отрывках «повести», отобранных О. для печати («романсы» — СИ на 1826, «описания» — «Календарь муз» на 1826), заметно стремление к детальному воссозданию «восточного колорита».

В 1828 вышла поэма О. «Хиосский сирота» (СПб.), своеобразно преложенная телу грес.-лат.-ослободит. движения: в ней доминирует «трагическая повесть» сироты Костак, бежав-шего из тур. плена в Россию. Поэма обрела по-пулярность во многом из-за своей благотвори-тельной цели (как воспронизведение реального события, она распространялась по подлинке в пользу брата хиосского сироты, находящегося в плену). В письмах сочувственных журн. отличал отменились «мастерские» видение взглядом (МТ,

1828, № 17). «простосердечность» и искренность «повествования» (СО, 1828, № 17), к-рое С. П. Шевырёву (МВ, 1828, № 19/20, с. 358) даже «живо изобразило... звуки известного слепца-поэта» (Н. И. Козлова), очевидно, благодаря особой эстетик. гипотезе, пронизывавшей поэму.

В нач. 1830 О. вышел в отставку и в февр. уехал за границу (Германия, Швейцария), о чем давно мечтал («Письма русского путешественника» Н. М. Карамзина еще в детстве величили «желанье странствовать»; см. письмо родителям от 29 нояб. 1831 — РС, 1903, № 11, с. 355), намереваясь заодно углубить свое образование и побывать на родине любимых поэтов. Во время путешествия слушал лекции в ун-тах Мюнхена, Гейдельберга, Берлина, а в Женеве получил диплом доктора философии; из Германии «привез» и «читал» своему другу В. А. Каратыгину «стихотворения лучших нем. авторов, им самим переведенных» (РВ, 1881, № 4, с. 586). От намерения посетить Францию отказался — после июльской революции 1830 «всякий русский мог подвергнуться в Париже оскорблениям» (РС, 1903, № 11, с. 355).

По возвращении в Петербург (в 1835) женился на дочери стат. сов. Дарье Ал-дровне Остермейер (у них родились 2 дочери и 3 сына) и определился в мае 1835 в Деп. внутр. сношений МИД (с декабря — переводчик; в 1838 произведен в коллеж. ас.). С 1839 продолжил пед. карьеру: стал инспектором классов в уч-ще ордена св. Екатерины (а с 1844 и преподавателем рос. словесности, сохранив обе должности до конца жизни); в 1840 избран на должность профессора рос. словесности Гл. пед. ин-та, сменив на этом посту П. А. Плеткёва (в 1843 утвержден ординарным проф.; в 1848 уволен из ин-та по прошению); преподавал в арестократич. семьях.

По воспоминаниям ученика А. В. Стерлягова, лекции О. «были интересны, особенно, когда он читал сочинения поэтов и писателей, читал блестяще-увлекательно...»; «к ответам своего предмета относился строго, требовал, чтобы его лучше потопили, и задавал большие уроки»; уделял «тщательное внимание на темы довольно трудные и делил разбор» (РА, 1898, № 4, с. 595). А. В. Никитенко, к-рому О. сделал ряд замечаний об его уроках, упрекал О. за «ничтожность» обучения, приводящую к тому, что «важные мысли эсю с страдания» и «бойко умели отвечать на все вопросы целого речью» (РС, 1903, № 11, с. 361—62). О. пролет в уч-ще ряд преобразований; детально усвоив в его виле-дской школе, писал кантаты и песни (в т. ч. «Прощальная повесть девицы ученицы ордена св. Екатерины, петья по случаю выпуска 1850», СПб., 1877), к-рые «в музее Глинки распева-лись институтками на торжественных актах» (см. ст. об О. в РБС).

По возвращении из-за границы гл. лит. занятием стала драматургия. Всего из-под его пера вышло 26 пьес, но известность ему принесли переделки и переводы (ок. 20); знание языков позволяло ему использовать нем., франц., англ., итал. источники. Как драматург О. дебютировал еще в 1829; в самый разгар споров о «ро-

мантич. драме», всегда верный вкусу времени, он перевел трагедию Шиллера «Дон Карлос» (1-е д. — СП на 1829; целиком не опубли.), а знаменитый трагик Каратыгин, поставил ее в своей бенефисе (1829).

По восп. А. М. Каратыгина, именно Каратыгин, зная об увлечении О. нем. лит-рой, «заставил» его обратиться к «Дон Карлосу»: долго не решаясь приступить к переводу, О. «находясь, единственно в утуду своему зрелу, принужден за этот труд» (Каратыгина, № 4, с. 587). Впоследствии практически все его творчество предназначалось для Каратыгина и его жены.

«Первый опыт» О. был принят «с великим участием»; успех трагедии объяснялся прежде всего интересом рус. публики к сочинениям Шиллера, а также игрой актеров (СО и СА, 1829, № 6, с. 359—60, 363; похвальная рец. на спектакль М. А. Яковлева — СП, 1829, 9 февр.; ср. отрицат. отзыв С. Т. Аксакова на спектакль в Москве: изуродован купюрами перевод, но главное — неожиданно плохая игра П. С. Мочалова — III, 508—09).

Для второго сценич. перевода (для Каратыгина) О. выбрал романтич. пьесу еще неизвестного в России австр. драматурга Ф. Грильпарцера — «Прародительницу» (1817; в пер. А. А. Блока — «Праматерь»), вышедшую из среды нем. «трагедий рока» и переросшую в высокую драму «героич. романтизма» (см.: ЛН, т. 92, кн. 5, с. 105): «с чрезвычайным» действием (подчас мелодраматическим), сильными страстями (бросящими героев навстречу роковой судьбе, наперекор гражд. закону или небесной заповеди) и обилием извечных мотивов и идей (в т. ч. преступление, месть и возмездие, властвование надличных сил — непредотвратимой судьбы или воли Всевышнего — и личная свобода выбора). Но О. воспроизвел «Прародительницу» (1829; литография, издание писарской копии — СПб., 1893) как романтич. «трагедию рока», особо подчеркнул религ. мотивы драмы Грильпарцера. По О., «тяжелый грех» жены (предлюбование и сокрытие подлинного отца сына) влечет неотвратимое отмщение душе самой грешницы и наказание всему ее потомству. Благочестиво-мистич. «протчие» О. упрощало нравственную диалектику оригинала и уменьяло его героич. начало — страстность протеста гл. героя против «приговора судьбы» (чему частично способствовала замена переводчиком стремительного и напряженного 4-стопного хоря на размеренно-неспешиный 6-стопный александрийский стих и плавный 5-стопный белый ямб). Акцентирование всевластия карающего рока стало гл. упреком в негативных рецензиях на первые спектакли «Прародительницы» в Петербурге («несообразность и мрачность сюжета» — СП, 1829, 7 и 9 ноября) и Мо-

скве («Бойня Судьбы, в к-рую вводят людей, как овец, определенных на убой» — МТ, 1831, № 4). Однако, укоряя О. за выбор оригинала, критики отдавали должное «прекрасным», «звучным, чистым стихам» его перевода (СП, 7 ноября; МТ, с. 573). Неудач в целом «Прародительницы» на сцене (хотя и в Петербурге и Москве она изредка ставилась вплоть до 1842 ради блистательного исполнения отд. сцен Каратыгиным и Мочаловым) не отняла у О. несомненную заслугу — знакомство рус. театра с принципами и приемами нем. высокой романтич. драмы. (О живучести мотивов и действительности поэтики трагедии австр. классицизма свидетельствовал двукратный перевод ее Блоком в 1908 и 1918.)

Возобновив занятия драматургией во 2-й пол. 1830-х гг., О. выбирал для переводов весьма различные образцы, в т. ч. трагедию англ. автора «готич. романов» Ч. Р. Мэтьюрина «Черный корсар» (пост. 1838), вслед за Жуковским — «драматическую фантазию» австрийца Ф. Гальма «Камозэн, или Слава и нищета» (пост. май 1839), но предпочитал пьесы с мелодраматич. сюжетами: трагедия «Заколдованный дом» немца И. Ауффенберга (переделка пов. О. Бальзака «Господин Корнелиус»; пост. 1836; опубли. — «Репертуар рус. театра», 1839, кн. 1; рец. на спектакль: СП, 1836, 10 нояб.; ЛПРИ, 1837, № 24; В. Г. Белинский (1839) — III, 374—78); драма «Отец и дочь» итальянца Ф. Казари (переделка: пост. 1841, опубли. — «Лантеон», 1842, кн. 1; рец.: СП, 1841, 2 дек., с. 1077; 23 дек., с. 1149; «Маяк», 1842, т. 1. Замечатель, кн. 1, с. 52—53 (на спектакль); Белинский (на публикации) — ОЗ, 1842, № 3: «крайне растянута, вяло, приторно, пошло, вздорно, фразисто»); драма «Гризельда» Гальма (переделка: пост. 1840; publ. — «Пантеон», 1840, № 7; отд. изд. — СПб., 1840). Наибольшим театр. успехом пользовались «Отец и дочь» и «Заколдованный дом» (обе в репертуаре до нач. 70-х гг.); но громкая слава увенчала только спектакль «Велизарий» [пер. с нем. трагедии Э. Шенка; пост. 1839; «Пантеон», 1840, № 1; рец.: Белинский (1839) — III, 315—24; Ф. А. Кони — СП, 1839, 10 нояб., 1017—19; Некрасов (1843) — IX, 523—31], сделавшийся «одной из капитальных пьес русского репертуара» (Вольф, ч. 1, с. 79).

Популярность переводных пьес О. обрел в первую очередь великолепной игре Каратыгина (и Белинский, и Некрасов, и Кони особо восхвалялись сценич. образом Велизария как «превосходнейшим созданием» артиста — см. в частности: СП, с. 1019). Но равным образом Каратыгин своим «сильным первым [лучшим] ролением» обрел О. (см., напр.: СП, 1841, 23 дек., с. 1149). Зрительно-сопоставления отмечали в драм. переводах О. «основат. познание» в языке и сценич. иск-ве (несомысливающей «интересе дей-

ствия», избили эффектных сцен). Выскальничий театр Беллинский не раз находил удачные ямы и стили переводов драматурга («Скороход» [«Велизария»] хороши... О. владеет стихом — III, 320). Но куда чаще он упрекал его за безразличие к б-стоиюму ямбу (напоминающему за бытые трагедии рус. «даскисова» — там же), за робость в передаче «эмоциональных» пьес (в т. ч. и «Веллария» — IV, 57), а за выбор «оригиналов» — премь, «мелодрам в чувствительно-искомом роде» (III, 320) — резко осуждал: хотя на сцене они смотрятся, но читать их «нет возможности» (там же).

В 1840 Рос. АН наградила О. малю зол. медалью с надписью «За успехи в Недельной словесности», т. к. его «драматические опыты заслуживают особенное внимание и по предмету, и по языку, и по нравственному направлению...» (Сухомлинов, с. 244, 422).

В 1841 О. приглашен учителем рус. языка к вел. князю Константину Николаю, Михаилу и вел. княжне Александаре, в нек-ром смысле став преемником Жуковского при дворе (поэт просил О. прочитать вел. кн. Константину перевод «Надя и Дамаянти»; во время 2-й поездки за границу летом—осенью 1845 О. встречался с Жуковским и передал ему письмо от Константина; см.: РА, 1867, стб. 1410—11). Мл. дочь О., Анна, стала крестницей вел. кн. Николая и вел. княжны Ольги. О. был искренне предан царской семье (при известии о кончине Николая I он «рыдал» в объятиях П. А. Каратыгина — РВ, 1880, № 9, с. 146).

Верноподданнич. чувства О. выразились в поэтич. форме: в стихотв. сказк «Царский цветок» (СПб., 1840), в традиционн. «последнем» «Белому царю от русского народа на Новый год» (РВ, 1841, № 3), в «ист. оратории» «Петр Великий» (о державном «величии» Руси, созданным Потрём I и поддерижимом его роман. «твердыя, неизменяемыя и несомнныя» переписка с нем., СПб., 1842; музыка Л. И. Фукса).

Официально-патриотич. по духу идеи О. воплотились в ориг. драм. произведениях, основанных на рус. ист. мат-ле (всего 5): «драм. опыт» «Великий князь Александр Михайлович Тверской» (пост. 1836; отрывки: альм. «Памятник Отеч. муз на 1828», Сухомлинов; рец.: СП, 1837, 2 янв.); драм. представление в одном действии «Боярское слово, или Ярославская кружевница» [пост. 1841; опубли.: «Репертуар рус. театра», 1841, кн. 5; рец.: СП, 1841, 25 апр.; Некрасов (1841) — IX, 465]; драм. представление в одном действии «Русская боярыня XVII столетия» [пост. 1842; «Пантеон», 1843, кн. 1; рец.: СП, 1842, 19 дек., с. 1137; Беллинский (1843) — VI, 536, 576—77; Некрасов (1843) — IX, 517—18]; драм. представление «Царь Василий Иоаннович Шуйский, или Семейная ненависть» (полный текст — «драм. поэма» «Князь Шуйский») [пост. 1842; отрывок: «Совр.», 1837, т. 7; полн. — в сб. «Сто русских литераторов», т. 3, 1845; рец.: Беллинский (1842) — VI, 202—04; «Москв.», 1845, № 9; СП, 1842, 3 июня].

Ориг. пьесы О. одобрила консервативная полудриг. критика, признав их народо с. нщ.-ст. пьесами Н. В. Кукольника и Полетова «клязными и ищными произведениями» (СП, 1842, 19 дек., с. 1137), а «Русскую боярыню» назвал подлинно «русским произведением» (Р. (М.) 3(тов) — СП, 1842, 23 дек., с. 1146); но и доброжелатели отмечали вполне очевидное познание Полетову и Кукольнику (там же; см. также: СП, 1842, 3 июня, с. 485—86). Не осталось незамеченным, хотя уже нной, оппозиционной критикой, познание на пьесы О. образцов переводимой драматургии: «Москвитин» указал на сходство «Князь Шуйский» с «Дон Карлосом» и «Мессинской невестой» Шиллера, а Беллинский — на познание ист. пьес О. переводимым им мезодрамам.

В пьесах О. Россия назначена «для цели вышней»; она опора Европы — «стола», невидимый питающий «древе величесте [Европу]... Лишь подсеки ты ствол, и древо упадет» («Князь Шуйский» — «Сто рус. литераторов», с. 229). Загол могущества самой С. Руси в искренней признательности русских к первоному «властитель» как средоточию и соборному выразителю их правед. веры и любви к Отечеству (там же, с. 187). И не только к первоному правителю, но и — к боярам-«корыстлякам» («Русская боярыня»). (Специальность единичия народа и «властителей» особенно зрима во времени разора Отечества: иже или нах. смуты — иже, побудившая драматурга обратиться к временам монголо-тат. ига и эпохе «Смуты») Оглядя всеродиний властители должен быть «законныи» «шарем-тмуцарем» («Боярское слово», с. 7) или мужем, «способным положить конец Отечества бедле» («Князь Шуйский», с. 188), и, очевидно, избран или одобрен народом — ижемя такого «властителя» народ считает «последним смыслом» (там же) и платит ему «беспредельной» любовью. Далг «Отечества и Веры» (там же, с. 182) свершают у О. и люди безвластные и совсем простые: жена истового вождя, «русская боярыня» Морозова и скромная аристокл. кружевница Вара, обратившая сторонника польского королевича «в верного слуш царского» («Боярское слово», с. 12).

Стремясь (в соответствии с требованиями романтики эстетикки) выразить нащ. «дух народа» (особенности «места и времени») через быт и нравы, О. имитировал нар. речь (герои часто изъясняются пословицами), описывал рус. обычаи (в т. ч. свадебный обряд), многожды вводил в пьесы «русские песни» (собственного сочинения) и ремарки о нар. плясках. (Специально для исполнительницы роли «Боярыни» — Каратыгиной — эскиз костюма «того времени» нарисовал К. П. Брюллов — см.: РВ, 1881, № 5, с. 122.)

При всей слабости ориг. «русские» одноактные пьесы О., «опубликованные» в талантливым исполнении стальных актеров, способствовали худож. освоению нащ. исторического быта и бытового языка.

По «учебной части» О. дослужился до чина д. стат. сов. (1856) и награжден орденами св. Станислава 1-й (1859), св. Анны 2-й и св. Владимира 3-й степени. Современники особо ценили в его характере честность и доброту и не раз отмечали искренность в убеждениях и редкое трудолюбие. Он постоянно занимался благотворительностью: с 1852 состоял в Об-ве посещения бедных под председательством В. Ф. Олоевского (РА; 1869, стб. 1043). Умер после «продолжительной болезни» (РГИА, ф. с.).

Др. произв.: «Весенний гимн Веселдери» (СЦ на 1825), «Величие мира» (Подражание Шклеру). Отрывок из Мюльнеровой трагедии «Die Schuld» (СЦ на 1827), «Кончина благотворителя», «Пророчество о Мессии» (СЦ на 1828, СПб., 1827; пер. с нем.), «Эрминия» (СЦ на 1830, СПб., 1829), «Е.и.в. Николаю Николаевичу по поводу объявления о помолвке его» (СПб., 1855), «Боярин Матвеев» (ист. драма; пост. 1862).

Иза: Прародительница Романтик. трагедия. СПб., 1893 (автография рукописи; в ком. — список 21 пьесы О.). [Стих]. — В кн.: Поэты 1820—1830; Песни рус. поэтов.

Лит.: Беллинский; Некрасов; Греч (всё 3 — ук.); Каратыгина А. М. Вост. — РВ, 1881, № 4—5; Глянка М. И., Заньковский, 1918, предисл.; ст. 1908; ук.); его же. Зап. кн. (ук.); Александр Блок. Новые мат-лы и ист. — ЛН, т. 92, кн. 1—3 (ук.); Нечеспорок Е. И. Блок в работе над переводом драмы Гримальдисра «Патерьяр» — там же, кн. 3; Азавовский К. М. Блок и Гримальдиср. — В кн.: Россия и Запад. Л., 1973; История рус. драматургии XVII — 1-й пол. XIX в., Л., 1982 (ст. В. Э. Вауру; Вауру (ук.); ИРЛТ, т. 3—7 (ук.); ЛН, т. 4—6, с. 546—47, 978, 999; т. 5354, 55 (ук.); Fischer R. Schillers Widerhall in der russischen Literatur, В., 1958; Kostka E. K. Schiller in Russian Literature, N.Y., 1961; Некрологи. 1864: см. Городецкий (В), РВ (И. А. Кубасов; в т. ч. 7 некрологов); Брокгауз; Гендаль; ИДРД; ТЭ; Песни рус. поэтик; Мавлов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 210; РГАЛИ, ф. 1863, оп. 1, № 50; ф. 195, оп. 1, № 726; РГБ, ф. Палторацкого, 38.23; ф. 32.11 (автография); РГАН, ф. 1343, оп. 26, д. 2887 (албо о дворянстве Оболенских Костром, губ.); ф. 759, оп. 39, д. 259 (фс. 1863 г.); ЛН, т. 4—6, с. 546—47, 978, 999; ф. 5354, 55 (ук.); ф. 780, оп. 1, д. 27, 1849 (о зашении пьесы «Три Владимирца, или Возвращение из венгерского похода» к постановке); д. 20, 1843 (о зашении пьесы «Веселый вечер на имени великого Государя» к постановке); Музей Малого т-ра и СПб ГТБ (в обоих — списки неизд. пьес).

О. В. Голубева

ОБОЛЕНСКИЙ Василий Иванович (ок. 1793*, Орлов, губ. — май 1847, Москва), литератор, переводчик. Из духовного звания. Первоначальное образование получил в доме отца, сел. священника. Затем поступил в Севскую семинарию (по-видимому, именно здесь завязалась дружба О. с С. Е. Рачем), по окончании к-рой в 1809 поступил канцеляристом в Моск. губ. правление. Начав посещать ун-тские лекции для чиновников, решил вступить в ун-т студентом, в чем сначала ему было отказано из-за бедности, но при содействии М. П. Третьякова и ректора И. А. Гейма в 1810 зачислен на словесное отделение (окончил в 1814 кандидатом словесных наук). В ун-те О. усильно занимался древними языками. (Во время франц. нашествия был в Ярославле.) В нач. 1816 определен в Твер. муж. г-зию старшим преподавателем лат. языка (в 1819—20 обучал учеников греч. язы-

ку без жалования). Кроме того, выделял деньги на содержание одного из гимназистов: мемуаристы не раз отмечали его неприязнительность в быту и готовность делать добро, «даже не в соразмерности со своими средствами» (Сл. профессоров Моск. ун-та, с. 159). В нач. 1820 оставил г-зию и вернулся в Москву. В 1821—1823 О. — преподаватель латыни (а также назиратель) в Моск. ун-тском благородном пансионе; параллельно готовит дисс. на тему «De discrimine et ingenio litterarum graecorum et romanorum, nec non utilitate ac praestantia studiorum humanitatis» («О различии и характере литературы греч. и римской, а также о пользе и превосходстве занятий гуманитарными дисциплинами»), защитил в 1824 и произведен в магистры по отд. словесных наук.

Многолетняя дружба с Ранчем в значит. мере определила круг общения и лит. интересов О.

Между ним и Ранчем установились настолько тесные друж. отношения, что они даже купили на общие деньги небольшой домик на р. Юзичке (р-н Лефортова): «Уединенная сторона совершенно соответствовала тайным наклонностям обоих друзей, живших более мысленною жизнью, нежели внешнею, более в обществе древних писателей» (Дмитриев М. А., Восп. о С. Е. Ранче, М., 1855, с. 5—6).

О. входит в неформальный ранний кружок, складывающийся вокруг Ранча (А. Н. Муравьев, Ф. И. Тютчев; летом 1821 гостит в подмосковной Тютчевых — ЛН, т. 97, кн. 2, с. 12, 18), а осенью 1822 не только стал активным членом образовавшегося под председательством Ранча лит. общества, но, по всей видимости, еще и привлек сюда выпускника Благородного пансиона — Д. П. Ознобнишина, В. П. Титова, С. П. Шевырева (О. снабжал членов пансион. лит. кружка книгами и привил им любовь к др.-греч. языку — см.: Шевырев С. П., [Автобиография]. — В кн.: Сл. профессоров Моск. ун-та, с. 605), а также А. И. Кошелева, к-рому давал уроки др.-греч. яз. в 1821 [Кошелев А. И., Записки. (Рус. общество 1840—50-х гг. XIX в., ч. 1), М., 1991, с. 47]. В значит. мере благодаря О. переводы антич. прозы становятся важным элементом занятий общества Ранча, с др. стороны, подобно ему, в своих взглядах на античность О. испытывает влияние нем. романтич. лит. критики (бр. Шлегели, Ф. Аст, Ф. Шюллер). На заседаниях ранчевского общества в 1823—25 он читал как свои ориг. «статьи», так и переводы из Шиллера и Платона (в 1825 подавал в цензуру перевод «Писем об эстетич. воспитании» Шиллера — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, № 9; см. также Снегирев И. М., Дневник — РА, 1902, кн. 2, с. 565), разделяя увлеченные кружка нем. филос. эстетикой, в 1824, видимо, начал переводить

Ф. В. Шеллинга (подробнее см.: Рого в К. Ю., К истории «моск. романтизма»: кружок и общество С. Е. Ранча. — В кн.: Лотмановский сб., [в.] 2, М., 1997). Принадлежность наряду с Ранчем к старшему поколению обеспечивает ему в обществе определен. авторитет. Особенно сближается О. с М. П. Погодиным, сослуживцем по Благородному пансиону (в 1823—24 даже жил в его доме).

Вторая пол. 1820-х гг. — время наиб. активной лит. деятельности О. С 1827 — действит. чл. ОЛРС (с 1821 — сотр.). Осн. жанр его ориг. произв. — аполог или маленькая пов. (см. ниже), тяготеющая к апологу. Свойств. этому жанру морализм, вывинутый у О. на первый план, тесно связан с философско-эстетич. идеями, характерными для Ранча и его окружения: «прекрасное» «связует мир видимый с невидимым» («Сравнительный взгляд на прекрасное и высокое» — «Атеней», 1828, № 20, с. 307), объединяет в себе нравств. и эстетич. идеал (см. декларирующие те же установки эстетич. отрывки: «Об отличительном качестве Поэзии и Красноречия» — «Атеней», 1828, № 12; «О высоком и смешном» — там же, 1828, № 23). О. принял участие в альм. ранчевского общества «Северная лира на 1827 г.» (М.), поместив в нем апологи «Клио» и «Первая Суббота творения»: здесь познание тайн природы и поиски «добродетели» открываются человеку как путь постижения самого Бога.

О. присутствовал на обеде по случаю учреждения «Моск. вестника» (24 окт. 1826), где познакомился с А. С. Пушкиным (упомянут и в т. и. «списке сотрудников» журнала — ЛН, т. 16/18, с. 680; Пушкин в восп., т. 2, с. 22—23, 38), однако, подобно Ранчу, в дальнейшем практически не участвует в нем, изредка печатаясь в др. оппозиц. «Моск. телеграфу» моск. изд.: «Атенее» (пов. «Талант и случай» — 1828, № 5; «Арбак. Вост. пов.» — 1830, № 14), «Рус. зрители» (пов. «Темир» — 1828, № 13/14; номер составлен Ранчем) и «Галатее» («Вызывательница духов» — 1829, № 16 — опыт «светской» пов. из совр. жизни). (В 1829 подавал в цензуру лирич. трагедию «Рогнеда» — ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, № 52, справка А. И. Рейтבלата.) В прозе О. развивает свои излюбленные идеи о преобразующем, очищающем (и одновременно возрождающем из «бедствий») воздействии красоты и «чувства изышного» на душу человека: «Тот не может быть зол, кто чувствителен к красотах природы, постигает гармонию ее и содействует общему порядку» («Атеней», 1830, № 14, с. 111—12). Восходящее к романтикам понимание «красоты» как духовной субстанции (а не «формы») сочеталось у О. с просветит. идеалистич. морализмом, получившим отражение в нравоучит. аллегорич. жанре его повестей.

С установками ранчевского общества тесно связана и переводч. деятельность О.: обращение к «подлинной» античности, в противовес франц. классицизму, мыслится как непременное условие становления нац. просвещения и лит.-ры. Предисл. О. к его пер. с др.-греч. «Истории Геродота... о Рим. империи по кончине Марка Аврелия до избрания младшего Гордиана (Геродота)» (М., 1829; с поств. кн. С. М. Голицыну, през. Моск. Человеколюбивого общества) содержит программное заявление о том, что «Ломоносов, давая направление нашей словесности, желал основать ее на изучении древних (с. IX—X). Для задуманного Погодиным и Д. В. Веневитиновым в 1826 сб. «Гермес», состоящего преим. из пер. антич. авторов, О. должен был представить пер. из Полибия (Барсуков, кн. 2, с. 38—39). Однако главным и наиб. значит. его лит. трудом был перевод «Платоновых разговоров О законах» — единственный в 19 в. (М., 1827; ценз. разр. — 11 марта 1826); посвящен Варв. Ив. Ланской, в ее доме собиралось одно время общество Ранча; среди подписчиков кн. — как сами члены ранчевского кружка, так и моск. «баре», в домах к-рых они учительствовали: Ланские, Тютчевы, Рахмановы, Трубушки; отрывок опубл. в «Моск. вест.» под рубрикой «нравоучение»: «Правила жизни добродетельной (Из Платона)» (1827, № 8).

«О законах» и «История...» получили сочувств. отклик в «Моск. вест.» (Шевырев С. П.). Обзор. рус. словесности за 1827 г. — 1828, № 1, с. 79; В. Т. (Титов В. П.), Платоновы разговоры О законах — 1827, № 13 и «Галатее» (А. М. (Мартос А. И.?), «История Геродота...» — 1829, № 25); здесь появление рус. пер. Платона соотносилось с его пер. на франц. В. Кузнецом. Недостатком признала широкость слога — упрек, ставший общим местом в отзывах на пер. О. (см. также отрицат. рещ.: МТ, 1829, № 12, в к-рой О. критиковался за случайный выбор текста, т. к. именно соч. «О законах» им. исследователи «почитают не-Платоновым» — с. 504).

Результатом занятий др.-греч. словесностью, с одной стороны, и глубокой религиозности О., с другой (О. «был набожен, особенно впоследствии... Дома читал всякий день молитвы и некоторые главы из Библии на греческом языке» — Сл. профессоров Моск. ун-та, ч. 2, с. 159), стало обращение к раннехрист. лит.-ре, в к-рой он видит возрождение подлинного духа античности (ср. мысли, высказанные в предисл. к «Историн...», о «разном направлении» духа римлян (подверженных «нравств. порче», утративших «прежнюю доблесть свою» — с. II, IV) и греков). В 1830-е гг. О. работает над пер. «Избр. мест из Св. Иоанна Златоуста», намереваясь издать его «в пользу

злов и сирот духовного звания» (в качестве предисл. к нему переводит посвящ. раннехрист. писателям «Лит. и ист. мелочи» совр. франц. историка А. Ф. Вильмена, отрывок из этого соч. — «Христ. красноречие в IV в.» — опубл.: «Телескоп», 1831, № 13). В 1832 или 1833 перевел для детей (с франц. яз.) «Историю Иосифа» (не выявлена).

Еще в прим. к указанной рец. в «Галатее» Раич отмечал, что О. теперь почти исключительно и «неутомимо занимается педагогикой» (с. 195). Помимо частных уроков (в частности, готовил в 1828 А. И. Герцена к ун-тскому экзамену по латыни; Герцен, I, 38; XXI, 411; едкий отзыв Герцена об О. см. в восп. Т. П. Пассек — РС, 1873, № 3, с. 332) О. с 1827 по 1836 преподавал в 1-й моск. губ. г-зии, сначала русский, потом латынь и не продолжит. время греческий. В 1828 был отправлен в С.-Петерб. батальон воен. кантонистов для ознакомления с ланкастерской системой взаимного обучения («Речь... в торжеств. собр. имп. Моск. ун-та», М., 1829, с. 65). Вернувшись в Москву, О. распространил новую методу в Моск. ун-те и в янв. 1829 открыл Школу взаимного обучения при Никитском уч-ще. Фактически с 1833 преподавал др.-греческий в ун-те, на 1-м и 2-м курсах 1-го отд. филос. ф-та. В кон. 1835 утвержден альюнком, произведен в коллеж. ассессоры. В 1839—1842 — секретарь по 1-му отд. филос. ф-та (О. на этом посту сменил Т. Н. Грановский). В 1828—39 преподавал лат. словесность при Ин-те обер-офицеров сирот Моск. воспитат. дома (ЦИАМ, ф. с.). Слыша «чужаком», О. вместе с тем был любим учениками, постоянно заставлял гимназистов декламировать на занятиях стихи, причем «терпел» чтение «запрещенных» стихов (К. Ф. Рыльева и А. И. Полежаева), восторженно воспринял отрывок из неопубликов. еще пушкинского «Медного всадника» (Милюков А. П., Доброе старое время..., СПб., 1872, с. 206—08, 213—15, 224; гораздо более сдержанный отзыв — в кн.: Соловьев С. М., Избр. труды. Записки, М., 1983, с. 262). На рубеже 1820—1830-х гг. О. пользовался в ун-те определ. уважением как неплохой эллинист, не чуждый новых веяний (см. дарств. надпись ему на лат. яз. на экз. дис. Н. И. Надеждина, сохранившейся в б-ке В. Г. Белинского: «Оболенскому — другу поэтов классических и не врагу романтических стихов [поэтов]» — ЛН, т. 55, с. 560), но уже к сер. 1830-х гг. воспринимался как комич. фигура, воплощение ун-тской рутины (см.: Аксаков К. С.; др. отзывы: Моск. ун-т в восп., ук.).

Деятельность О. на поприще образования не ограничилась чтением лекций. В 1837—38 он вместе с альюнком А. М. Кубаревым занимается изданием «значительных для руководства учащихся древних классиков» (Речи, произнесенные в торжеств. собр. имп. Моск. ун-та [1836—1840], М., [2-я пар.], с. 17). В 1839 издал в оригинале «Илиаду» (Москва; отрыв: Корольков Н. Рус. издания греч. классиков. — «Тр. Киев. духовной акад.», 1876, № 4, с. 213). О. участвовал в изд. «Греческо-русского словаря» С. М. Ивашковского.

По-видимому, в нач. 1840-х здоровье О. начало ухудшаться. В июне 1843 из-за слабости зрения вышел в отставку (в чине надв. сов.), но продолжал заниматься переводами. В апр. 1846 прислал в Общество истории и древностей российских перевод с др.-греч. «Летописи византийца Феофана от Диоклетiana до царей Михаила и сына его Феофилакта». На заседании Общество постановило напечатать его в «Чтениях...», однако О. М. Бодянский обнаружил в переводе значит. расхождения с подлинником. Здоровье не позволило О. самому доработать перевод. Издание «Летописи» затянулось, и она вышла в свет в Москве лишь в 1858 и в 1884 при участии Ф. А. Терновского. Ознобишин за год до смерти О. писал ему: «Ужели и немцы, и греки, и римляне, все это забыто? Ужели обещанные некогда проповеди Златоустого не будут изданы? Наконец, ужели наша литература потеряла в Вас одного из неутомимых своих сподвижников?» (цит. по: «Сев. лира», 1984, с. 395).

Др. произв.: пер. с лат. введения Ф. Эрдмана к его пер. соч. Низамы «О походе Руссов против Берды», Каз., 1826 (СА, 1828, № 9; отрицат. отклик: Д. П. Ознобишин, «Телескоп», 1831, № 24, с. 521—22); пер. с франц.: А. Балби, «Обществ. состояние жителей Океании»; очерк «Гений Павловска» («Атеней», 1828, № 24); «О добром направлении сердца» (в кн.: «Речи и стихи, произнесенные в торжеств. собрании в Моск. губ. г-зии...», М., 1829).

Лит.: Сушков Н. В. Восп. о Моск. ун-тском благотворном пансионе, М., 1848, с. 21—22; Сп. профессоров Моск. ун-та (ук.); Колшанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, М., т. I, кн. 2, 1889, с. 13, 63; Барсуков (ук.); Третьяков М. П., Имп. Моск. ун-т в восп. — РС, 1892, № 7, с. 130—31; Раич С. Е., Автобиография — «Рус. библиофил», 1913, № 8, с. б, 28; Пассек (ук.); Сопруганин «Сев. лира на 1827 г.» В. И. Оболенский. — В кн.: «Сев. лира на 1827 г.», М., 1984 (ЛП), прил., с. 394—395; Ахсаков К. С., Восп. студента 1832—1835 гг. — В кн.: Рус. об-во 30-х гг. XIX в., М., 1989, с. 314—17. + Речи и отчет... в собрании имп. Моск. ун-та, М., 1833, с. 74, М., 1841, с. 77; Статист. Моск. I-й г-зии, М., 1903 (сост. И. Гобза), с. 333, 337, 340, 395; Статист. Тавр. мужской г-зии, Тавр., 1904 (сост. Д. Крылов), с. 77, 88; Геннад.; Сл. ОПСР; РБС; Черейский.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 11, д. 203* (ф. с. 1837 г.), оп. 6, д. 152, л. 17 об.* (ф. с. 1842 г.), оп. 121, а. 21, оп. 1, д. 283, 352, оп. 3, д. 206, оп. 11, а. 91, 152 (дела об ун-тской службе О.) [справка В. А. Александровой].

А. И. Зайцева, К. Ю. Рогов.

ОБОЛЕНСКИЙ Евгений Петрович, князь [6(17).10*. 1796, г. Новомиргород Елизаветград. у. Новорос-

сийской губ. — 26.2(10.3).1865, Калуга; похоронен на Пятницком кладб.), мемуарист; декабрист. Из древнего аристократич. рода; сын бригадира конной гв. Детство и юность провел в Москве. Получил дом. образование. Готовясь к службе в артиллерии, прошел курс точных наук в Моск. Матем. об-ве и Уч-ще колонновожатых; впоследствии посещал лекции петерб. профессоров по полит. экономии и правоведению, занимался ист. и филос. самообразованием. С 1814 юнкер л.-гв. Арт. бригады в Петербурге; в 1817 переведен в л.-гв. Павловский полк; в 1825 в чине поручика л.-гв. Финлянд. полка состоит ст. азытантом в дежурстве пехоты гв. корпуса.

Знакомство с К. Ф. Рылевым в 1823. перешедшее в горячую дружбу (три последних стих. Рыльева, написанные в Петропавлов. крепости, адресованы О.), несомненно, имело влияние на рев. активность О., хотя его полит. самоопределение произошло ранее: с 1817 чл. Союза спасения, с 1818 Союза благоденствия; один из основателей Северного об-ва, с кон. 1823 один из 3 директоров его Думы (совм. с С. П. Трубецким и Н. М. Муравьевым).

14 дек. за час до разгрома восстания на Сенатской площади был избран диктатором взамен неявившегося Трубецкого; по собств. признанию на следствии, соглашаясь на эту роль, он «повиновался несчастным обстоятельствам» (Восстание декабристов, I, 243).

По мнению декабристов, сложившихся в Сибири, О. почти насильно «назвали несправно его характеру роль начальника восставших, руководясь единственно тем, что он известный в любительской солдацкой офицер» (см.: Декабристы. Мат-лы для характеристики, М., 1907, с. 168). Историки расходятся в оценке его действий как диктатора: немало с обвинением О. прикладывая восставшим прекратить беспорядочный обстрел по войскам, подхваченным в площадях для подавления мятежа, в паспозности и бесчеловечности существует г. з., что 14 декабря «у О. была жесткая и последовательная линия поведения»

(Исечкина М. В., *Движение декабристов*, т. 2, М., 1955, с. 339).

В 1826 приговорен к смертной казни, замененной пожизненной каторгой, к-рую отбывал в Усольском солеваренном заводе, Нерчин. рудниках, Читин. остроге и Петровском Заводе (срок трижды сокращали — до 13 лет). С 1839 на поселении в Сибири, в т. ч. в г. Ялуторовске, где прожил вместе с ближайшим другом И. И. Пушкиным. В 1846 женился на бывшей крепостной, жившей в няньках у Пушкина (имел 9 детей). В 1856 после амнистии поселился в Калуге, где вместе с декабристами Г. С. Батеньковым и П. Н. Свистуновым деятельно участвовал в подготовке крест. реформы, поддерживая либеральное меньшинство среди дворян Калуж. губ., имевших репутацию крепостников.

Судьба и личность О. — «главного, после Рыльева, виновника мятежа в С.-Петербурге» (см.: А. Д. Боровков и его автобиограф. записки, СПб., 1899, с. 63) — трудно постигаемы в их полноте. Одна из причин тому — исчезновение его «додекабрьских» док-тов, в т. ч. юношеских лит. опытов (в частности, повести из др.-евр. жизни, авторизов. перевода с немецкого свободолюбивой драмы Э. Б. Раупаха «Князя Хованские»). Предполагается, что его личные бумаги в ожидании обыска сжег А. В. Никитенко, живший в квартире О. в качестве учителя его мл. брата (О. содействовал освобождению крепостного Никитенко).

Видно, существенным для понимания личности О. является факт из его молодости — «убийство противника на дуэли», на к-рую О. вышел вместо порученного его опеченному мл. двоюродного брата (будущего декабриста С. Н. Капшкина); «утраченная совесть терзала его» всю жизнь, пробудив тягу к «нравственным веригам» и «жажду крестов, чтобы омьить себя от греха человекоубийцы» (Сабанеева Е. А., *Восп.* о бывлом, СПб., 1914, с. 105; *Декабристы*. Мат-лы для характеристики, с. 165; *Декабристы*. Летописи ГЛМ, кн. 3, М., 1938, с. 488, 491). Кровавый исход дуэли в соединении с религ. верой О., углубившейся за годы каторги и ссылки и окрасившей его восп. и письма, лежат в основе интерпретации Д. С. Мережковским (ром. «14 декабря») личности О. и его участия в восстании как сознат. принесящего себя в жертву для будущего преобразования России.

«Воспоминания» О. написаны в ссылке в 1856.

Впервые опублик. за границей в 1861 ж. «Будущность». Лейпциг, № 9—12, и ота. изд. — Лейпциг, 1861 (Рус. заграничный сб-к, ч. 4, тетр. 3); в сокр. под назв. «Воспоминания о Рыльеве» — в кн.: Рыдлев К. Ф., *ПСС*, Лейпциг, 1861; в России впервые (в сокр. выд.) — в сб. «Десятилетний век» (кн. 1, М., 1872; полно-

стью опублик. в кн. «Общность движения в России...»).

Открываясь лит. портретом Рыльева, память о к-ром священна для О., они наполняются ценными свидетельствами о подготовке восстания, о др. декабристах, их пребывании в Петропавлов. крепости и в Сибири. Характерно, что, постоянно возвращаясь мыслью к событиям 14 дек., О. опускает подробности самого восстания и своего в нем участия (собственно, они изложены в очерке «14 декабря», написанном не бывшим на Сенатской площади И. Д. Якушкиным со слов О. и Пушкина). Считаю, что истинный суд над декабристами должен исходить не из одних только фактов, но «вникать в нравств. состояние каждого» («Воспоминания», 1905, с. 249). О. выдвигает на первый план свои и прежде бывшие сомнения относительно ист. правомерности дела декабристов: имеют ли право «частные люди, составляющие едва заметную единицу в огромном большинстве населения нашего отечества, предпринимать гос. переворот и свой образ воззрения на гос. устройство налагать почти насильно на тех, к-рым, м. б., довольствуясь настоящим, не ищут лучшего; если же ищут и стремятся к лучшему, то ищут и стремятся к нему путем ист. развития?» (с. 243). Мятеж, по О., был предпринят с сознанием ограниченности, «всей невероятности успеха», под влиянием чувства чести и некой «неотразимой необходимости действовать» (с. 250), к-рая была сильнее индивид. воли и нравств. сомнений. В казенных пятерых товарищах О. видит «жертвы искупительные за грех общий» (с. 256).

«Воспоминания о И. Д. Якушкине» (см. в кн.: *Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина*, М., 1951; впервые опублик. в 1928) обрисовывают личность Якушкина и круг его подвигич. просветит. деятельности в Сибири. Написанные уже после возвращения из ссылки, они приглушают прежние интонации виновности, «общего греха» восставших: О. считает необходимым отличать нравственный характер об-ва, ставшего выразителем «нравств. требований народа... оплотом в защиту истины и правды» (с. 492), от поставленного декабристами «в укоризну и осуждение» политическо-го характера об-ва, вызванного «духом времени» и необходимостью «тайного» осуществления его целей.

Восп. и переплска декабристов рисуют О. как человека высокой нравств. чистоты, даже нравств. целомудрия и безграничной доброты, проявлявшейся в живом и самоотверженном действии, пользовавшегося неизменным доверием и привязанностью всех без исключения декабристов. Вместе с тем его неловкость в

практич. делах и предприятиях, полит. мечтательность, его горячая готовность к всеоправданно и всепрощению (в т. ч. оправдание идеи самодержавия и Николая I как ее носителя) были предметом добродушных пошушечиваний в среде декабристов.

В эпистолярном наследии О. примечательна его переписка с Я. И. Ростовцевым (РА, 1873, кн. 1; РС, 1889, № 9; РА, 1873), где высказан ряд принципиальных суждений о публицистике рубежа 50—60-х гг. в, в частности, о «вольном рус. слове» А. И. Герцена: «Я читал „Колокол“... и нашел много желчи, а мало любви. Но пусть пишет и он: наши обществ. язвы глубоки, пусть раскрывают их, они скорее залечатся» (РА, 1873, кн. 1, стб. 510—11; из частного письма О., преданного Ростовцевым публичной огласке и очищающего его от герценовских определений как «доносчика» и «Иуды»).

Др. прозв.: «Неск. слов в память... М. М. Нарышкина» («День», 1863, № 3).

Изд.: *Восп.* — В кн.: *Мемуары декабристов*, М., 1981.

Письма О.: С. П. Трубежому (Дмитрийев-Мамонов А. И., *Декабристы в Зап. Сибири*, СПб., 1905, с. 210—11), М. И. Муравьеву-Апостолу (Декабристы. Мат-лы для характеристики, М., 1907), Е. Н. Хвостовой (альб., «Сын», кн. 1, П., 1916), И. И. Пушину, П. Н. Свистунову, Г. С. Батенькову (Декабристы. Летописи ГЛМ, кн. 3, М., 1938), С. Н. Капшкину (Избр. социальн.-полит. и филос. проза. декабриста т. 1, М., 1951), И. И. Пушину (Декабристы о Бурляе, Улан-Удэ, 1975). Письма к О.: Батенькову (РС, 1901, № 10), В. К. и М. К. Коллежников, Ф. Ф. Валковского (Декабристы. Неизд. мат-лы и статьи, М., 1925), Д. И. Завалишкин (Памяти декабристов, в. 3, Л., 1926), И. И. Горбачевского (в его кн.: *Зап., письма*, М., 1963), И. И. Пушину (в его кн.: *Зап. о Пушкине*, Письма, М., 1989), М. А. Фоминичев (Соч. и письма т. 1—2, Иркутск, 1979—82).

Лит.: Никитенко (ук.); Никитенко А. В., *Моя повесть о самом себе...*, т. 1, СПб., 1904, с. 126; Апушкин В., *Декабрист О.* и стб. нескл. письма к нему. — *Вест. посмертной истории*, 1900, № 4; Богучарский В., *Кляня О.* — В кн.: *Общность движения в России в первую пол. XIX в.*, т. 1, СПб., 1905; [Письмо П. И. Оболенского-Огюста Николаю I]. — РА, 1905, кн. 2; Корнилов А. А., *Общность движения при Александре II.* — МГ, 1908, № 3; Тр. Воронеж. ученой арх. комиссии, т. 4, 1908, с. 70—71; *Подробности смерти декабриста кн. О.* — ГМ 1915, № 12; *Декабристы на поселении*, М., 1926 (ук.); *Восп.* Бостужевича, М.—Л., 1951 (ук.); Пассек (ук.); Добрянская Л. Б. (сост.), *Декабрист О.*, Л., 1971; Нечкина М. В., А. С. Грибодов и декабристы, 3-е изд., М., 1977 (ук.); Эйделман Н. Я., *Пушкин и декабристы*, М., 1979 (ук.); Кальмирух Г. Д., *Варяг Р. С.*, декабрист Е. Оболенский. Жизнеописание, К., 1990; Осымакова Н. И., *Виноград мятежа. Повесть в документах...*, Тула, 1991; ЛН т. 39—60. + Некролог, 1865; «День», № 18 (А. Е. Розн); «Лил. газ., № 17; РБС; Селяванов В., *Декабристы*. Систематич. ук. рус. лит.-ры, М., 1925; Цицнов Н. М., *Юбилейная лит.-ра о декабристах*. Библ. ук., М., 1927; Энциклопедия (1); БСЭ; Урубокова Л., *Декабристы и Москва*, Ук. лит.-ры, М., 1978; ИДРДВ; *Декабристы*, с. 385*; Мурагова (1, ук.).

Архивы: ИРЛИ, ф. 606; *Движение декабристов*, ЦГИА; РГБ, ф. 20 (Г. С. Батенькова); ф. 133 (Коноваловых и Нарышкиных); ф. 315 (Фоминичев); ф. 243 (И. И. Пушину) (вс — письма О.); ГАРФ, ф. 48 и 109.

И. И. Осымакова

ОБОЛЕНСКИЙ Леонид Егорович [9(21).3.1845, г. Малоархангельск Орлов. губ. — 23.9(6.10).1906, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], публицист, лит. критик, беллетрист, философ. Из дворян. Отец — землевладелец, коллеж. ас., уездный казначей. О. учился в Орлов. г-зии (1854—60) и в частном пансионе для приготовления в уни-т» И. Ф. Рашевского (1860—61).

Дет. и юношеские годы О. отражены в восп. «Темы недавнего прошлого. Домашний учитель и помещик-реалист» (ИВ. 1906, № 4), «Картины прошлого» (ИВ. 1906, № 9—10) и в автобюр. пов. «Тени и призраки» (РМ, 1903, № 4).

С осени 1861 в течение года посещал занятия в Мед. Хирургич. акад. (Петербург), затем два с половиной года слушал лекции на юридич. ф-те Моск. уни-та. В Москве сблизился с народнич. кружком Н. А. Ишутина, поддерживал планы освобождения Н. Г. Чернышевского из заключения. Осенью 1865 поступил на службу секр. Козельской зем. управы Калуж. губ. В апр. 1866 арестован по делу Д. В. Каракозова и заключен в Петропавлов. крепость. При дознании и на суде дал откровенные показания о том, что был осведомлен о готовящемся «страшном покушении на освобождение Чернышевского» (см.: Покушение Каракозова. Стенографич. отчет.... т. 2, М.—Л., 1930, с. 131, 374). В окт. 1866 выслан под надзор полиции в г. Буй Костром. губ., в янв. 1867 переведен в г. Варшавин той же губернии. В 1870 в связи со смертью отца получил разрешение на переезд в Орёл, где прожил под надзором полиции до 1878, занимаясь адвокатской практикой при Орлов. окружном суде, активно участвуя в работе Орлов. братолюбивого об-ва и Орлов. отделения Рус. муз. об-ва.

В годы ссылки усиленно занимался изучением полит. экономии, психологии, социологии, этики, логики, особенно увлекался идеями фил. философии. Выступал с анонимными заметками в «Орлов. старочном листке», с 1876 сотрудничал в «Орлов. вест.», где печатал стихи и прозу. наброски, навеянные лит. воспоминаниями, а также статьи по экономии, вопросам и критич. заметки («под псевд. М. К.» или вовсе без подписки) по свидетельству самого О. — ИРЛИ, ф. 13, № 171, л. 1).

В печати дебютировал в гимназич. годы — сатирич. стих. «Портрет многого» («Искра», 1861, № 36). Но началом своей лит. деятельности О. считал 1868, когда, находясь в ссылке, стал активно предлагать стихи в столичные ж-лы; напечатался лишь в 1870 — «Пленный Кандиот» («Дело», № 4). Свои журнальные публ. (в «Деле», «Орлов. вест.») объединил в кн.: «Стихотворения (1868—1878)» (СПб., 1878).

Критика отмечала «искреннее и честное отношение автора» к обществ. интересам, подчеркивала, что он «полн бодрости, надежды, борьбы, а не уныния и вялой апатии» (ОЗ, 1878, № 11, 2-й отд., с. 111), «небольшой, но все-таки талант» («Дело», 1878, № 12, 2-й отд., с. 60), и вместе с тем указывала на неясность и шаб-

лонность гражд. мотивов поэзии О., сентимент. фразерство. Резко отрицательно отозвался о книге С. А. Венгера «Незвезда», 1878, № 43; по словам П. Н. Ткачёва, до 1878 О. подвизался «исключительно на весьма неблагоприятном поприще т. н. запятанного стихослагательства» («Клады мудрости рос. философов», М., 1990, с. 531), х-рым заполнены пустоты при наборе книжес ж-ла. Второй сб. «Последние поэмы. Стихотворения 1879—1884» (СПб., 1887) внимания не привлек. Впоследствии отя. стихотворения О. появлялись в разд. ж-ла и газ.; вкл. в кн.: Сальников А. Н. Рус. поэты за сто лет (СПб., 1901).

В 1878 О. добился разрешения на проживание в Петербурге. Сотрудничал в науч.-популярном ж. «Свет» Н. П. Вагнера; с 1880 фактич. руководитель ж. «Мысль» (выходил вместо «Света»), в 1882 его издатель. В 1883—91 изд. и фактич. ред. «Рус. богатства» (гл. внимание уделялось науч. и филос. отделам), на страницах к-рого выступал как один из осн. теоретиков (наряду с И. И. Кабли-

цем) правого крыла либерального народничества.

В 1891 из-за болезни и финансовых трудностей вынужден был оставить «Рус. богатство» и уехал на лечение во Францию; вернулся в Россию в 1892, попутно жил в Бессарабии, Одессе, Крыму; активно печатался в местной («Одес. листок», «Одес. новости», «Бессараб. востник») и столичной периодике («Рус. мысль», «Нов. слово», «Сын отечества», «Рус. вед.», «Независ.» и др.).

О. выступал против «бурж. направления нашей либеральной мысли» и превращения «былого народолюбивого либерализма» в «народопрезирающий» (РБ, 1884, № 4, с. 172), против насильств. насаждения интеллигентских представлений в народе. Считал необходимым «объединение» интеллигенции на основе развития нащ. сознания, любви к России и народу, во многом опираясь на трактовку этой проблемы Ф. М. Достоевским («А. С. Пушкин и Ф. М. Достоевский как объединители нашей интеллигенции» — «Мысль», 1880, № 7; «Народники и г. Достоевский, бичующие либералов» — там же, № 9; «Оценка идей Достоевского» — там же, № 4).

О. волновала наименее острая для Достоевского тема «скупщины в родной земле», о чем свидетельствует пов. «Спаситель человечества»

(«Мысль», 1880, № 8—12; вошла в сб. «Жажущие света»; рец.: «Иск-во», 1883, № 49, с. 619), ставшая беллетристич. откликом на реву Достоевского о Пушкине. Относ. действие повести к нач. 1860-х гг. О. настойчиво подчеркивал, не преходящее значение старых проблем, указывая, что гл. миссия рус. интеллигентного человека состоит в «осуществлении всего человечества» («Мысль», 1880, № 8, с. 105).

Не относя себя ни к какой партии или движению, О. стремился найти рациональное зерно в разл., зачастую противостоявших друг другу течениях рус. и заруб. обществ. и филос. мысли, но случайно характеризую своих. метод как «синтетический», а в качестве неизменного нравств. ориентира избрав альтруистич. идеи. Большинство работ О. по философии, социологии, этике, эстетике, созданных во 2-й пол. 1870-х — 1880-е гг. и опубли. на страницах ж. «Свет», «Мысль» и «Рус. богатство», носило программный характер и вызвало живой интерес у современников.

В трактате «Физиологич. объяснение нек-рых элементов чувства красоты» («Свет», 1878, № 3—6; отд. изд. — СПб., 1878; рец. 1878: сочувственная — «Слово», № 9/10; резко отрицательная П. Н. Ткачёва — «Дело», № 12) О. отмечал, что новое позитивное направление в совр. науке способно изменить жизнь, если в человеке осязается «таинский, дискурсивный идеал лучшего и чувство красоты лучшего общества, быта и форм» (отд. изд. — с. 84). Работы О. по эстетике («Науч. основания иск-ва. Игра цветов в живописи» — РБ, 1887, № 9—10; «Основы науч. теории иск-ва и критики» — РМ, 1895, № 3—4; и др.) оказались в центре ожесточенной полемики о природе красоты и прекрасного (кон. 1880-х — 90-е гг.). Как социолог он отстаивал эволюц. формы обществ. развития (Б. Б. Гликевич: «Провозвещан... культурных начал на основе мирной социальной эволюции» — ИВ. 1906, № 11, с. 627), утверждал «любовь» и «жалость» как гл. социально-психол. стимулы человеческой деятельности («Осн. начала нащ. воззрений» — РБ, 1883, № 1; «Основы морали любви (Субъективные условия блаженства» — РБ, 1885, № 3; «Науч. основания учения любви» — РБ, 1886, № 1; «Опыт приращивания науки и метафизики (Осн. начала панфилогосифии», СПб., 1890; «Зависимость общества, профессора от чувствования» — РМ, 1894, № 3; и др.).

С сер. 1880-х гг. на почве сходных этич. принципов О. сближается со сторонниками учения Л. Н. Толстого и с самим писателем. Впоследствии отношение О. к худож. творчеству и идеям Толстого было неровным: восхищение, переходившее порой в апологетику, сменялось резким неприятием. Так, он считал, что критика у Толстого ведет лишь к «бесплодному радикализму», и на этой основе не принял «Крейцеровой сонаты» («Открытое письмо Л. Н. Толстому» — «Новости и бирж. газ.», 1890, 27 марта). Статьи, посв. толстовскому учению (публиковал в «Рус. богатстве» в 1885—87), О. собрал в кн. «Л. Н. Толстой. Его филос. и нравств. идеи» (СПб., 1886; 2-е изд. — 1887). Рассматривая проблему соотношения Толстого-художника и Толстого-мыслителя, он первым попытается подвести итоги полемики вокруг соч. писателя, развернувшейся в 80-е гг.

Свою прозу О. считал лишь «формой», в к-рой он проводит «известную идею» (А. В. Крутов — «Светоч и Дневник писателя», 1913, № 3, с. 50), особенно настойчиво — идею самосовершенствования («воспитания личности») как «единств. истинника обществ. развития» («Прошедшее и будущее философии» — «Мысль», 1881, № 9, с. 264). В ром. «Близке к природе» (СПб., 1879) рецензент отметил «идею благотворности и необходимости той всепрощающей любви, к-рая взывает к смирению, самоотвержению и самоотречению», одновременно указав на отсутствие «художественности, ярких типов и психол. анализа», затянутасть и схематизм повествования (ОЗ, 1880, № 1, 2-й отд., с. 83—87).

Заметное воздействие на О. оказала проповедь «богочеловечества» А. К. Маликова (был с ним близок в 60—70-е гг.; его сестра Е. К. Маликова была первой женой О.), что, в частности, сказалось в ром. «Два полюса» («Мысль», 1882, № 1...11; отд. изд. — СПб., 1885) — о помешке, «согрешившем» с крестьянкой, переживающем внутр. перелом. Ром. «Запросы жизни» (СПб., 1881), рисующий обществ.-нравств. искания интеллигенции 70-х гг., и сб-к повестей и рассказов «Жаждающие света. Первая серия» (СПб., 1884) были расценены критикой как «плохие перемены» того, что уже достигнуто выдающимися художниками слова (ОЗ, 1881, № 11; 1883, № 12), хотя о последней книге говорилось, что она представляет собой, «в большинстве случаев, психол. этюды, скомпонованные с очевидным пониманием дела, умно, а по местам даже талантливо» («Иск-во», 1883, № 49, с. 618). Последующая проза О., за исключением ром. «На развалинах» (ВЕ, 1903, № 2—6; отклик А. А. Измайлова — «Ежемесячник „Звезды“», 1903, № 5), прошла почти незамеченной.

На протяжении почти трех десятилетий О. регулярно выступал в печати по вопросам развития рус. лит.-ры.

Ряд работ посвящен творчеству заруб. писателей (Э. Золя, Г. Флобера, П. Бурже, Ф. Штатгальсена, Г. Ибсена, Б. М. Бьерксона, Г. Селвенгеца, Г. Гауптмана и др.); О. был также худож. критиком (статьи и рец., посвященные передвижникам, И. Е. Репину, И. К. Айвазовскому и др. рус. живописцам). В «Лит. воспоминаниях и характеристиках» (1854—1892) (ИВ, 1902, № 1—4) рассказано о лит. жизни кон. 19 в., о своем знакомстве со мног. выдающимися рус. культуры и лит.-ры.

Всестороннюю оценку худож. произведения, считал О., может дать только «социологич.» критика, программу и метод к-рой он раскрыл в ст. «Поэзия Некрасова» («Свет», 1879, № 3—5, 10) и др. критич. выступлениях 70—90-х гг. По его мнению, «социологич.» критика, стремящаяся к объективности суждений, как и всякая другая, сама не освобождается от влияния словесно-худож.

творения, а потому одновременно передает и субъективное воздействие произв. на читательскую среду. «Но шаряду с этим, — указывал О., — она пытается определить... реальные причины такого влияния, чего не делала прежняя критика, верившая в метафизич. силу абсолютной худож. красоты» («Свет», 1879, № 3, с. 127). Рассматривая социологич. метод в качестве органич. синтеза приемов «реальной», эстетич. и культурноист. критики, О. считал, что применение этого метода даст возможность достойно противостоять «сапожных дел критикам», чья бесцеремонная манера выворачивания «чужих душ» и «чужих карманов» вызвала его резкою неприязнь. От писателя О. требовал «только одного — правды, любви к человеку и жизни» («Мысль», 1882, № 1, с. 132).

Наиболее отчетливо эти позиции обозначились в ставших для О. эталонными «критич. этюдах» о творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина («Свет», 1879, № 11; РБ, 1889, № 5—6), Достоевского («Мысль», 1881, № 2, 4; Кн. «Недели», 1896, № 4—5), И. С. Тургенева («Мысль», 1882, № 1; РБ, 1883, № 1; 1884, № 9), И. А. Гончарова (РБ, 1891, № 9), Я. П. Полонского (РБ, 1887, № 4) и др. Полемицируя с Н. К. Михайловским, О. пытался «примирить субъективный и объективный методы» анализа лит.-ры и действительности («Иск-во и тенденциозность. Опыт науч. постановки вопроса на иск-во» — РБ, 1883, № 5/6; сочувств. отклик на ст. — «Иск-во», 1883, № 45—46). Высоко ценил творчество Г. И. Успенского, однако резко осудил писателя за мрачное изображение нар. жизни в очерках «Из путевого дневника» и «Власть земли» («До чего договорился Гл. Успенский» — РБ, 1883, № 7); этот выпад приобрел скандальную известность и вызвал разрыв ряда литераторов с «Рус. богатством»; впоследствии О. публично раскаявался, признавая ошибочность своего выступления (РБ, 1887, № 12; 1889, № 4; ИВ, 1902, № 3). Значит. место в лит. критике О. занимало освещение лит. процесса 1880-х гг.: журн. обозрения, отклики на произв. А. И. Эртеля, С. Н. Терпигорева, П. Д. Боборыкина, Н. Е. Каронины (Петропавловского), А. К. Шеллера-Михайлова, Н. П. Вагнера, И. И. Ясинского и др. Особенно много писал об А. П. Чехове, талант к-рого ценил высоко (РБ, 1886, № 12; 1889, № 3; 1890, № 1; «Одес. листок», 1897, 1 марта; 1899, 21 янв.; 1900, 6 июля; и др.).

Ставя Чехова в заслугу жизненности и реальности сюжетов, противопоставлял их искусственным сюжетам В. Г. Короленко, на что последний заметил в письме к Михайловскому: «... для меня творима, осязана и якутская юрта так же реальны, как для Г. Оболенского перелет летом на дачу на иволчине, и не для меня одно-

го, а для целой части рус. общества...» (Короленко, Х, 81).

Исследовал причины популярности В. М. Гаршина (РБ, 1886, № 3—4) и С. Я. Надсона (РБ, 1885, № 4; 1887, № 2). Как отражение эпохи назревающих перемен в обществе, жизни воспринял творчество М. Горького, безоговорочно признавая своеобразие его таланта [«Максим Горький и причины его успеха. (Опыт параллели с А. Чеховым и Глебом Успенским)»], СПб., 1903; рец. 1903: ВЕ, № 8; БВед. 14 авг.).

В 90-е гг. выступил с рядом публич. работ. Критике «легализма марксистов» посвящ. ст. «Новый раскол в нашей интеллигенции» (РМ, 1895, № 3—9; ответная реакция — РМ, 1896, № 2) и кн. «Изолированное и критика идей неомарксизма» (СПб., 1899). О. писал: «Глубоко расхожась с марксистами в их теоретич. основах, я одобряю их практич. деятельность, а в этой последней не согласен только с ее односторонностью, т. е. с игнорированием эстетич. клас.са» (письмо к С. Н. Криенко, 23 февр. 1897. — РГАЛИ, ф. 2173, оп. 1, № 163, л. 8). Однако приверженность позиции О. в отношении легального марксизма не исключала таких его лидеров, как П. Б. Струве, с-рый притерпелно отозвался о нем (в присут. кн. Н. А. Бердяева «Субъективизм и индивидуализм в обществе философии. Критич. этюд о Н. К. Михайловском», СПб., 1901) как о «второстепенном представителе отживающего народничества», «иснаиана» к-рого (в отличие от трудов Михайловского) не заслуживают никакого внимания. В ист. материализме О. видел «успех» подхода к реальности («Грунтовая борьба и моральные идеалы. (Опыт синтеза двух враждебных социологич. теорий)» — РМ, 1900, № 8—9).

В 1901 зав. отделом обзора печати в газ. «Россия», в кон. 1904 нек-рое время неофициально редактировал газ. «Бессараб. жизнь». С 1905, поселившись в Екатериннославе, сотрудничал в газ. «Приднепров. край», весной 1906 — ее фактич. редактор. Вскоре сложил с себя редакторские полномочия и возвратился в Петербург (автором газеты оставался до последних дней жизни).

Др. произв. М. е м у а р ы: «Были и типы прошлого» (ИВ, 1899, № 12), «Из поездки в Саров. Путевые впечатления и заметки» (ВЕ, 1905, № 10—11; перепечатано — «Саратов. епарх. вед.», 1992, № 3/4; 1993, № 1—2, 4; 1994, № 1; 1995, № 1), «Что я пережил в провинции в дни смуты» (ИВ, 1906, № 5). Статьи: «Осно. начала худож. и лит. критики» («Свет», 1878, № 11/12), «Умств. шатания. По поводу полемики между Вл. Соловьевым и Львом Тихомировым» (Кн. «Недели», 1893, № 9), «Декаденты-символисты в поэзии» («Самобразование», 1901, № 4—5), «Социологич. идеи Н. К. Михайловского» («Вест. и б-ка самообразования», 1904, № 34).

И з а.: Югравки из восп.; — В кн.: Салтыков-Щедрин в восп.; Толстой в восп.; А. П. Бородин в восп. совр. М., 1985, с. 181—82.

Л и т.: Толстой (ух); Чехов (ух); Крутов А. В. О живых и мертвых. (Из восп.) — ИВ, 1894, № 12; Скабичевский А. Соч., т. 2. СПб., 1895 (ух); Фаресов А. Семидесятилетие. Очерки жизни и почит. движений в России. СПб., 1905; Глинский Б. Б., Средн. литераторов и ученых. СПб., 1914, с. 268—78; Тихомиров Л. Воспоминания. М.—Л., 1927

(ук.); Лстов В. Д. «Рус. богатство». — В кн.: Очерки по истории рус. журналистики и критики. Т. 2. Л., 1965, с. 415—18; Гусев Н. Н., Л. Н. Толстой. Мат-лы к биографии с 1881 по 1885 г., М., 1970 (ук.); Онулевская Л. Д., Л. Н. Толстой. Мат-лы к биографии с 1886 по 1892 г., М., 1979 (ук.); Раковская И. М., Народно-критика о повести Л. Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». — В кн.: Рус. критика и ист.-лит. процесс. Куйбышев, 1983, т. 120—26; Очерки этнич. мысли в России кон. 19 — нач. 20 вв., М., 1985 (ук.); Волгин И., Последний год Достоевского. Ист. заметки. М., 1986, с. 399—400, 509; Гиголов Г. М., О как критик М. Горького. — В кн.: Наследие М. Горького и современность. М., 1986, с. 58—64; Харламов В. И., Публицисты «Неседли» и формирование либерально-народной идеологии в 70 — 80-х гг. 19 в. — В сб.: Революционеры и либералы России, М., 1990 (ук.); Кингин И. А., Лит. критика, история и теория лит-ры в ж. «Рус. богатство» 1883—1891 гг. Указатель статей, рецензий и аннотаций. — В кн.: Рус. лит. критика. Ист. и теорет. подходы. Саратов, 1991; его же, О. — лит. критик, Саратов, 1992; его же, Проблема читателя в ред. статье и заметках ж. «Рус. богатство» 1883—1891 гг. — В кн.: О лит.-р. писателях и читателе. Сб. ст. памяти Г. Н. Ишука. Тверь, 1994, с. 32—37. + Неарологи. 1906; ВЕ, № 10; «Воспитание и обучение», № 11; «Пед. листок», № 7; «Нива», № 41; РВед. 27 сент.; «Дес. новости», 26 сент.; «Одес. листок», 28 сент.; «Приднепров. край», 26 сент. Микшану; Брокгауз; НЭС; Южков; Мезлер; Грант; РВед. Сб.; ДРП; ИДРДВ; ФЭ; Писатели Орлов, края; Смирнов-Соколовский; Мяснов (не указаны слева. Z. M. K. О. Деревенский, Е. Эйндхалер, Коносоватор, Странный, Ламгарис Ностлула).

Архивы: ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, № 22; ф. 377; ф. 181, оп. 1, № 493 (11 писем Н. К. Михайловскому, 1885—1901); ф. 293, оп. 1, № 1032 (10 писем М. М. Стасюлевичу, 1875—1902); РГАЛИ, ф. 552, оп. 1, № 2267 (47 писем В. Г. Черткову, 1883—1888); ф. 2173, оп. 1, № 163 (27 писем к С. Н. Кривенко, 1896—1899); ф. 1348, оп. 2, № 135 (автобиографии); ГИТ (33 письма Л. Н. Толстому, 1885—1903); РГИА, ф. 777, оп. 3, л. 356 (об изд. ж. «Рус. богатство»); ф. 776, оп. 8, л. 1910, 1904 г. (биогр. мат-лы); ГАРФ, ф. 109, л. 1 экзп., 1866, л. 217; 3-я экзп., л. 253; СА, оп. 1, л. 533; ф. 102, 3-я а-во, 1891 г., л. 859; 1904 г., л. 316; ф. 63, 1896 г., л. 323.

И. А. Кингин, при участии П. И. Овчаровой

ОБРЕЗКОВ, Обрезков Александр Васильевич* (1772**), Тульская губ.? — после 1802), литературолог-любитель. Из дворян (видимо, Тульской губ.), сын отставного лейб.-гв. Семёнова полка капитан-поручика Вас. Ив. Обрезкова (1731—87). Получил дом. образование (сведения о дальнейшей учебе неизв.). Состоял в воен. службе (в 1798 капитан лейб.-гв. Измайлов. полка, к 1802, по всей вероятности, отставной подполковник, однако к.-л. упоминаний о воен. биографии в соч. О. не содержится), жил в своих имениях в Тульской губ.

Первые печатные выступления — в «Иппокрене» П. А. Сохацкого: сентиментальные этюды «Журнал уединенного» (1799, ч. 1), «Мавзоль сердца» (1801, ч. 9) и письмо «О теплицах константинопольских и о кислых водах кавказских» (1801, ч. 11). Первые два произв. вошли в его кн. «Утехи меланхолич. Росийского соч.» (М., 1802; подпись А. О.) — заметное произв. рус. сентиментально-меланхолич. школы кон. 18 — нач. 19 вв. (заглавие книги совпадает с назв. образцового для англ. меланхолич. школы 18 в. соч.

Т. Уортона «The pleasures of melancholy»).

Опечатка на обложке: А. В. (вместо А. О.) — передела во им. библиограф. росписи: А. Ф. Смирлина. В. А. Плавильникова, А. К. Шторжак в «Алфавитном указателе...» П. А. Морозова автором кн. указан А. Орлов. Книга аннотировалась как соч., отличающееся «тонкостью мысли и трогательностью изъяснения» (МВд, 1803, 31 янв.). Рекламные извещения о ней печатались в течение трех лет. По тексту «Утех...» устанавливается год рождения автора (с. 79**).

Создатель «Утех меланхолич.» — задумчивый помещик, проводящий свои дни в тихой провинции на лоне природы, в семейном кругу, в «сфере любезнейших друзей» (средн. к.-рых — тульский ученый и литератор, «философ горы Алаунской» Ф. Г. Покровский), в чтении книг и лит. упражнениях, а также в серьезных размышлениях (в т. ч. религ.-философских — о Природе, «развивающейся Nature») и чувствит. переписке: адресат О. — «неоцененный поэт чувствительности» Е. И. Станевич, «одинаковый по ощущениям, меланхолизму и симпатии к ужасам красот созерцаемых» (с. 43).

«Скромный круг обществу, верная сотрудица, откровенный друг, умеренное состояние, кнги, перо, размышления — вот блага, какие можно избрать во всем хаосе многозаботливой жизни» (с. 42) — таково кредо автора. Крут чтения и лит. почтения О. — Э. Юнг, Дж. Томсон, Дж. Харви, Оссиан, Н. М. Карамзин, В. В. Измайлов; прочувствованный панегирик О. посвящает П. И. Шаликов (с. 23—24).

В книге воспроизводится модный сентиментально-меланхолич. набор тем, мотивов и образов, включая рассуждения о пользе уединения и противопоставление сел. жизни «несносной принужденности города» (с. 64), описания красот кладбища и т. п. Несмотря на типичность такого рода сочинений для рус. лит-ры рубежа веков, «Утехи меланхолич.» выделяются своей исключительно простодушной, до курьезности, манерой изложения, ярко выраженной стилистик. какофонией; причудливым смешением «модных» варваризмов [«траур периодический», «феномен Европы» (об Александре I), «нагой элемент» (по к.-рому «ходит» автор, имеющий в виду осеннюю землю), «ветхих» славянизмов — дондеже, сый (суший), воним] и составных слов-неологизмов (почтенноужасная, унылозадумчивая, юнобратнооблеченная). Подобное смешение, встречающееся даже в пределах одного сложного слова (ср. «тленноорганизованный состав мой»), является не столько следствием «стилистич. глухоты» автора «Утех...», сколько отвечает его эстетич. установке на «сентиментальное витийство»: влияние восторженных чувств, вызываемых самыми обыкновенными явлениями (прогулка, ужение рыбы, игры маленького сына, закат солнца), требует особых, необычно звучащих слов, максимально отстоящих от обиходной речи. Такая установка (более характерная для автора кон.

18 в. — Ф. Покровский, П. Ю. Львов) в нач. 19 в. казалась анахроничной.

Ультрасентиментальные «Утехи меланхолич.» попали в самый водоворот начинавшейся «войны на Парнасе» и стали желанной добычей для обеих враждовавших группировок. Первым обратил на книгу внимание А. С. Шишков: именно из «Утех...» взяты примеры сентимент. «элеганса» в «Рассуждении о старом и новом слоге рос. языка» (1803), напр. «трогательный предмет сострадания» вместо: жалкая старушка. Ни разу не назвав источник «шита», Шишков стремился показать их типичность для нового, карамзинистского, слога. Подобный выпад вызвал немедленную реакцию со стороны молодых сторонников Карамзина: Шишкова «Утехи меланхолич.» возмущали — младших карамзинистов они веселят. О., искренний почитатель Карамзина, стал едва ли не первой «очистительной жертвой карамзинистов» (Тынянов Ю. Н., Поэтика. История лит.-ры. Кино, М., 1977, с. 307).

П. И. Мухомов в критике на «Рассуждение...» Шишкова отмечает, что «всего неприятнее» ему видели цитаты из Карамзина в одном ряду с «умническими фразами и оборотами». В. А. Жуковский сопоставил такого рода слог с не менее курьезной ультракарамзинской манерой оловиста Ивана Токторского — другой полус «ненеполости» — и отказывается соотносить «сумбу» О. со стилем Карамзина (см. в кн.: БРЭ, В. А. Жуковский в Томске, ч. 1, Томск, 1978, с. 114—15).

К. Н. Батопков в сатире, «Послание к стихам моим» (1804) вывел чувствит. поэта Безрифина, указав в списке: «Безрифин точно написал отрывок «Мавзоль моего сердца» (Батопков, I, 304, 306). Возможно, под именем Безрифина подразумевался О. (ср. эпиграмм Батюшкова 1805 «Безрифина совет...»). Образ «малого сердца», характерный для писателей-меланхолических кон. 18 — нач. 19 вв. (ср. «кляксис моего сердца» И. М. Долгорукого, «кляксис сердца» П. Львова, «сердце — вечный мавзоль» некая автора стихов на смерть юнгополка Платона), использован Батюшковым в описании моет. позов в «Визити на берегах Леты» (1809).

«Утехи меланхолич.» нашли своих «читателей» и в «Арзамасе»: книга О. представляла для арзамасцев «отжившую» и уже смешную сентимент. традицию. По свидетельству П. А. Вяземского, ввел «Утехи...» в арзамасский обиход Жуковский, умевший «отыскивать кнги подобного рода и наслаждаться ими. Они служили ему для возбуждения здорового смеха, для благорастворения селезенки... как говорят французы» (см. в кн.: Выдержки из старых бумаг Остафьева архива, М., 1866, с. 72; см. также: ОА, I, 306). Примечательно, что соч. никому не известного автора Вяземский помнит спустя шестьдесят с лишним лет после его появления. А еще через полвека Д. С. Мережковский, обратившись к эпохе Александра I, напишет В. Я. Брюсову, что «Утехи меланхолич.» ему «любительные всех Чеховых» (РГБ, ф. 386, к. 94, № 45, л. 3; указанно А. Л. Гришунинным).

В справочных источ. (Румель, Голубцов; Чернолятов) О. ошибочно отождествлен со своим полным тезкой генералом от кавалерии Алдром Вас. Обручевым, воен. губернатором Финляндии (1757—1811); мать О., Анна Фел., урожд. Ермолова, и его сын Александр также приписаны генералу Обручеву.

Лит.: Галахов А. Д. История рус. словесности, древней и новой, 2-е изд., т. 2. СПб., 1880, с. 69—70; Проскурин О. (А.), «Победитель всех Гекторов Халдейских...» (К. Н. Батюшков в лит. борьбе начала XIX в.). — ВЛ, 1987, № 6, с. 62—63; Вницкий И. Ю. «Невинное творенье». — РР, 1994, № 2. + Морозов П. О., Алфавитный указатель имен авторов, переводчиков, издателей и др. лиц, упоминаемых в «Опыте рос. библиографии» В. Сопикова, СПб., 1876, с. 29; Чернолятов В. И. Дворянское сословие Тульской губ., т. 3(12), ч. 6 — Родословие тульского дворянства. [М., 1909], с. 426—27; Румель, Голубцов, т. 2, с. 190—91; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 329 (В. И. Чернолятов), р. 3, п. 14, № 3 (родословная Обручевых); р. 2, к. 10, № 32, л. 2 (сведения об Обручевых, жене О. — дочери коллеж. сов.); РГИА, ф. 1343, оп. 26, в. 2963 (о дворянстве Обручевых, вкл. сведения о воен. службе). И. Ю. Вницкий

ОБРУЧЕВ Владимир Александрович [10(22).11*, по др. сведениям — 6(18).10**.*.1836 — 30.1(12.2). 1912, Петербург; похоронен на Новодевичьем кладбище, переводчик. Из семьи потомств. военных. Сын ген.-лейтенанта А. А. Обручева, одного из основателей саперных войск в России;

мать — полька, урожд. Тимовская. Обучался в 1-м петерб. кадет. корпусе (1846—53), служил в Дворянском (1853—54), гв. Измайловском (1854—55) полках, Пермской дружине гос. ополчения (с окт. 1855). Окончил Николаев. акад. Ген. штаба (1856—58), поручик. В авг. 1859 вышел в отставку, оскорбленный решением командования о причислении его к армейскому, а не к гвард. Ген. штабу.

Отставка вынудила О. обратиться к журналист. работе как источнику средств существования. Первые публнц. статьи выходят при содействии, иногда в соавторстве с Н. Г. Чернышевским, в к-ром О. видел своего жизненного наставника. (Их знаком-

ство произошло по инициативе О. в кон. 1858 — нач. 1859; в это время Чернышевский редактировал «Воен. сб-к» вместе с двоюродным братом О. — Н. Н. Обручевым.) О. — «любимец Чернышевского» (Пантелеев, с. 278—79), прототип гл. героя его неоконч. ром. «Алферьев. Из восп. о новых людях» (1863). По заданию ред. «Современника» О. готовил обзоры европ. печати по вопросам междунар. жизни: «Возвращение кн. Милоша Обреновича в Сербию» (1859, № 3, совм. с Чернышевским), «Леность грубого простонародья» (1860, № 2, совм. с Чернышевским), «Китай и Европа» (1861, № 1), «Невольничество в Сев. Америке» (1861, № 3) и др. Их тематика перекликается с событиями совр. рос. действительности и отражает позицию О. и редакции по отношению к вопросу о нац.-освободит. движениях как предпосылке эконо. и полит. прогресса. «В обстоятельствах, в к-рых теперь находится Россия, конечно, едва ли какой-нибудь разряд сочинений может быть для нее интереснее, чем книги, определяющие относительное достоинство принужденного и свободного труда», — писал он («Совр.», 1861, № 3, с. 279).

Полит. программа О. основана на убеждении в необходимости «крутых реформ» гос. устройства для облегчения «тяжкой участи простого народа» — так, выражая сочувствие конституц. формам, он допускал применение репр. насилия. 4 окт. 1861 арестован и заключен в Петропавлов. крепость за участие в распространении подпольного нелегального листка «Великорусс» (№ 2). В ходе следствия О. осудил «свой образ действий и мыслей», однако даже взамен освобождения отказался дать показания об авторе воззваний и лице, доверившем ему их распространение. Осужден на 3 года каторжных работ с лишением всех прав состояния. При обыске у О. найдены мат-лы к статьям по крест., женскому вопросу, путевые заметки, зап. об офицерской жизни, рукопись пов. «Наташа» (не обнаружена). После гражд. казни 31 мая 1862 на Мытной площади в Петербурге этапирован в Сибирь.

В 1862—65 работал в канцелярии Александров. винокуренного (под Иркутском) и Петровского железодол. з-дов. На поселении в Иркутске (1865—72), Верхнеуральске Оренбург. губ. и Уфе (до 1874). В 1871 получил послабление в режиме, в 1874 ему возвращены права состояния. С 1874 жил в Одессе. В 1877—80 на службе в Рус. об-ве пароходства и торговли. В качестве волонтера участвовал в воен. действиях на Дунае в период рус.-тур. войны 1877—78. В 1879, 1883 путешествовал по Зап.

Европе, где интересовался постановкой нар. образования. В 1880—84 жил в осн. в Петербурге и занимался лит. деятельностью.

В 1872 и 1873 обращался к Н. А. Некрасову (ЛН, т. 51—52, с. 421—424) с просьбой предоставить переводч. работу в «Отеч. зап.» (хорошо владел франц. и англ. языками; в 1860—61 подрабатывал частными уроками). В 1881—83 вел переговоры с М. Е. Салтыковым-Шедриным о публикации своих произв. (ЛН, т. 13—14, с. 377—79).

Состояние душевного кризиса, депрессии вследствие неустойчивости личной жизни, неудовлетворенности своими «литературными попутствованими» нашло отражение в автобиогр. рассказе «Расчет» (ОЗ, 1880, № 4, с. большими пенз. искажениями), текстуально близком к написанным позднее мемуарам. Под именем гл. героя рассказа «Приказчища выучка» (ОЗ, 1882, № 6—7) выведен реальный сиб. купец И. С. Хаминнов, в конторе к-рого О. довелось работать приказчиком в период иркутской ссылки. Большую работу над текстом этого рассказа, судя по всему, продел Салтыков-Шедрин (XIX, кн. 2, с. 9—10). В 1883 О. направил в редакцию «Отеч. зап.» пов. «Прощание», к-рая не опубли. вследствие закрытия ж-ла (текст не обнаружен, ЛН, т. 13—14, с. 378—79).

Отойдя от лит. деятельности, О. в 1884 вернулся на воен. службу (с 1885 — майор, с 1890 — полковник, с 1896 — ген.-майор). Состоял чиновником особых поручений при управляющем Морским мин-вом Н. М. Чихачёве (в т. ч. в поездках в Германию, Францию и Англию в 1891 и для обзора портов Чёрного моря в 1893). Одновременно с исполнением должностных обязанностей участвовал в разработке мн. законоположений по мор. ведомству. С 1906 в отставке в звании ген.-лейтенанта.

Мемуары О. «Из пережитого» (ВЕ, 1907, № 5—6; фрагменты — в кн.: Салтыков-Шедрин в восп.; Чернышевский в восп.), «После ссылки» (ВЕ, 1908, № 10) представляют собой краткий очерк его жизни, рев. лит. и служ. деятельности. Особый акцент в них сделан на оценке собств. поведения в ходе суда и следствия по делу «Великорусса» (ограниченный в искренности условиями 1906—08, О. преуменьшил обществ. значение дела и свою роль в нем: «ничтожное мое имя и листок... школьнический» — ВЕ, 1907, № 5, с. 123, № 6, с. 565—95), истории взаимоотношений с Чернышевским, Салтыковым-Шедриным.

Др. произв.: «Жизнь поэта и ее отношение к действительности. Фердинанд Фрейлиграт, его поэзия и переписка» (ВЕ, 1882, № 12), «Новей-

шне иссл. африканского материка» (ВЕ, 1882, № 8—9), «Принципы негултизма» [Рец. на кн.: «La Morale des Jésuites, par Paul Bert», Paris, 1880] (ОЗ, 1881, № 8), «Французское приходское духовенство в конце прошлого века» [Рец. на кн.: «Les cahiers des curés étude historique d'après les brochures, les cahiers imprimés et les procès-verbaux manuscrits de 1789, par Ch. L. Chassin», Paris, 1882] (ОЗ, 1883, № 7). Пер. «Истории 18 и 19 столетий» Ф. Шлоссера (СПб., 1860); пер. ист. ром. «Дочь египетского царя» Э. Эберса (совм. с Л. Михаловской; предисл. ее и О.; ч. 1—3, ОЗ, 1873, № 6—9).

Лит.: Барсуков; Герцен; Платтесск; Салтыков-Щедрин; Чернышевский; Никитенко; Шелгунов и др.; Лежин (все — ук.); Катков М. Н., Заметка для издания «Колокола», — РВ, 1862, № 6; Лемке М. К. (1); его же. Происхождение «Великорусские» 1861 г. (По неизд. источникам), — «Бюллетень», 1906, № 7; Звеник, в. 2, М.—Л., 1933 (ук.); Козьмин Б. П., Н. Г. Чернышевский в редакции «Современника», — «Лит-ра в школе», 1947, № 3; Морозов Б. С., Роман Н. Г. Чернышевского «Алферьев» в связи с др. беллетристикой, против писателя, М., 1949; Николаев М. П., Роман Н. Г. Чернышевского «Алферьев», — Уч. зап. Тульского гос. пед. ин-та, в. 3, Туль, 1952; Лежин Ш. М., Общественное движение в России в 60—70-е гг. XIX в., М., 1958; Новикова Н. И., Владимир Обручев — герой романа Н. Г. Чернышевского «Алферьев», — В кн.: Рев. ситуация в России в 1850—61 гг., М., 1962; ее же, Владимир Обручев, — В кн.: Словакия Чернышевского, М., 1961; ее же, Революционеры 1861 года: «Великорусские» и его Комитет в рев. борьбе 1861 г., М., 1968 (ук. ювен); Новикова Н. И., Клоос Б. М., Н. Г. Чернышевский во главе революционеров 1861 года. Нек-рые итоги и перспективы исследования, М., 1981; ЛН, т. 25—26, 51—52, 53—54, 61, 67, + Некролог: «Речь», 1912, № 34. Бюграф. «Совр.», Бюграф. ОЗ (2); Боршевская С. С., «Отч. зап.» 1868—84: Хронология, ук. анонимных и псевдонимных текстов, М., 1966; ДРДР: Масалов (опишочно указано отчество — Александр).

Архивы: ИРЛИ, ф. 202 (письма М. А. Некрасову); РНБ, ф. 621 (письма М. Е. Салтыкову-Щедрину), № 610 (письма А. Н. Пытину 1882—1883 гг.); ф. 727, № 6, 21 (Бюграф. сведения); ГА Иркутской обл., ф. 24, 1-е отд. (мот-лы суда, следствия, полиц. надзора); РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 3975 (л. з. воспитанника 1-го петерб. корпуса) [справка Н. Ю. Муравьиной]; РГА ВМФ, ф. 417, оп. 5, л. 1654 (сведения о смерти и захоронении), в. 1653 (ф. с. 1906 г.)** [справка В. Н. Гудина-Васильева]; РГИА, ф. 1280, оп. 5, л. 98, 100 (сведения о содержании О. в Алексеевском равнине); ГАРФ, ф. 109, 1 экзп. 1861 г., л. 196, ч. 2 (св-ств. дело); ф. 95; ф. 112. А. Н. Шахнов.

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ Дмитрий Николаевич [23.1(4.2). 1853, местечко Каховка Днепров. у. Таврич. губ. — 9.10.1920, Одесса], литературовед, лингвист, критик, публицист. Из дворян. Окончил Симферопольскую г-зию (1867—71). С 1871 по 1873 учился на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та, окончил Новорос. (Одесса) ун-т (1873—76). Для продолжения образования командирован за границу (Прага, Париж), где занимался сравнит. языковедением и изучением Вед и Зенд-Авесты. Первый науч. труд — «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития

общественности» (Од., 1883). С 1882 приват-доцент Моск. ун-та. В 1883—1887 читал лекции по сравнит. языковедению в Новорос. ун-те. В 1887 защитил докт. дис. «К истории культуры огня у индусов в эпоху Вед» (Од., 1887; популярное изложение под назв. «Религия индусов в эпоху Вед» — ВЕ, 1892, № 4, 5), подводящую итог его занятиям мифологией. В 1887—88 преподавал в Казан. ун-те. С 1888 по 1905 проф. Харьков. ун-та; здесь сближается с А. А. Потебней, входит в т. н. харьковскую группу (известную в дальнейшем как Харьковская школа), участвует в сб-ках «Вопросы теории и психологии творчества» (т. 1, 2, в. 2; см. письма О.-К. к Б. А. Лезину — РГАЛИ, ф. 283, оп. 2, № 21). С 1905 проф. Петерб. ун-та. С 1907 поч. чл. АН, с 1909 чл. ОЛРС. С 1911 зав.

беллетристик. отд. «Вест. Европы», с 1913 соредактор ж-ла.

В юности испытывал склонность к общему прогрессивному направлению и в дальнейшем стал «горячим приверженцем позитивной философии», о чем с нек-рой иронией упоминал в предсмертных «Воспоминаниях» (опубл.: П., 1923, с. 22, 23). Во время заграничной командировки общался с П. Л. Лавровым, Н. И. Зибаром, Г. А. Лопатиным, Н. В. Чайковским и др., увлекался социалистич. идеями (в варианте М. П. Драгоманова, выступавшего против полит. централизации и культурной унификации народов Рос. империи), в годы учения в Новорос. ун-те был чл. украинифильского об-ва «Громада»; в «Записках южнорус. социалиста» (Женева, 1877) О.-К. утверждал, что народничество не менее космополитично, чем петерб. бюрократия (с. 23; см. возражение: «Набат», Женева, 1878, с. 59—88).

В 1883—88 опубл. в газ. «Одес. новости» ряд очерков, повс. историч. культуры неизбежно прогрессивному,

с его т. з., переходу человечества от аморализма к морали, от психоза к здоровью (причем, по восп. О.-К., древности — и Ригведа, и Зенд-Авеста, и Библия — вызывали у него «тошноту»), от мифологич. метафизич. мышления к мышлению научному, высоко моральному. Публицистика постоянно вторгалась в науч. труды О.-К. (в 1910-е гг. почти вытеснила их); по словам современника, О.-К. «променял кафедру на журнальные страницы» (Горнфельд, 1920, с. 19).

Начав как лингвист, О.-К. в ряде популярных работ пытался интерпретировать в духе философии «критицизма» наблюдения Потебни над эволюцией форм предложения: «А. А. Потебня как языковед-мыслитель» (КС, 1893, № 7—9), «Эволюция синтаксиса форм» (РМ, 1896, № 12), «Синтаксис рус. языка» (СПб., 1902) и др.; по мнению В. В. Зеньковского, это «вышло философии очень скудно» (см. в его кн.: История рус. философии, т. 2, ч. 2, Л., 1991, с. 25). Близкие филос. принципы О.-К. усматривал у В. Гумбольдта, используя его мысль о языке как деятельности («Наука о языке, ее задачи и ее будущее» — РМ, 1888, № 1); В. В. Виноградов находил, что О.-К. «лингвиста с его логичным, стремлением к «точному анализу языковых форм анализом психол. процессов» отделила «глубокая пропашь» от Потебни, к-рый «ставил целью изучение самого языка» (Виноградов, с. 105, 110).

Поставив категорию деятельности в центр своих построений, О.-К. в области изучения лит-ры сосредоточил внимание на генезисе произв., на психологии творчества (заменяв «старую статическую т. з. динамической» — Горнфельд, 1897, с. 16). Исходя из врожденных психич. особенностей личности, О.-К. предлагал различать след. виды творчества: объективный, когда художник может сделать положит. героем своего психол. и идейного антипода (напр., Базаров у Тургенева; см.: «Тургенев и Толстой» — СВ, 1894, № 5; 1897, № 6; отд. изд. «Этюды о творчестве Тургенева» — Х., 1896; 2-е доп. изд., СПб., 1904), и субъективный, когда художник изображает прежде всего себя самого и свою среду («Л. Н. Толстой как художник», СПб., 1899; 2-е доп. изд., СПб., 1905; «Толстой», СПб., 1899).

Понимая под образным иск-вом преим. словесность (причем, именно прозу), О.-К., как и Потебня, считал его способом познания («Психология худож. процесса» — СВ, 1893, № 11; доп. изд. — «Язык и иск-во», СПб., 1895; «Из психологии мысли и творчества» — «Жизнь», 1901, № 1), но, в отличие от Потебни, не признавал, в сущности, специфичности этого способа: иск-во и наука, по его мнению, различаются лишь предметом познания (художник изучает человека, ученый — космос). По аналогии с наукой и вслед за Э. Золя О.-К. ввел понятия «наблюдательного» и «экспериментального» методов в иск-ве (см.: «Вест. воспитания», 1903, № 2, 4, 5; о неправомочности такой аналогии см.: А. Г. Горн-

фельд — РБ, 1904, № 7). Популяризируя потребнианство, О.-К. сделал его откровенно интеллектуалистским (см. об этом: Пресняков). Недаром оппоненты Потехни предпочитали использовать для критики прямолинейный и более уязвимый вариант О.-К. (В. Б. Шкловский, Л. С. Выготский).

В духе ист.-культурной школы была задумана «История рус. лит-ры XIX в.» (М., 1908—09) под ред. О.-К., где лит-ра рассматривалась как одна из форм обществ. мысли (положит. отзыв: А. Г. Фомин — ИВ, 1909, № 6, с. 1058—59; резко отрицательный: А. С. Долинин — РМ, 1912, № 4; см. также: В. Львов-Рогачевский — СМ, 1912, № 3). По замыслу О.-К., «История...» должна была быть еще более социологичной, однако сопоставление сореддактора П. Н. Сакулина и участия Ю. И. Айхенвальда, В. Я. Брюсова и др. придало труду несколько эклектичный характер. В самой известной своей работе «История рус. интеллигенции. Итоги рус. худож. лит-ры XIX в.» («Вест. воспитания», 1903—1914; отд. изд. — ч. 1—2, М., 1906—1907; 2-е изд., М., 1907) О.-К. предполагал воссоздать обществ. жизнь эпохи, сознательно ограничиваясь в осн. худож. лит-рой (Е. А. Ляцкий считал это ограничение непропорциональным — ВЕ, 1906, № 8), используя публицистику, письма и дневники лишь в незначительной степени и в одном ряду с худож. произв. В отличие от последователей ист.-культурной школы, О.-К. интересуют не только развитие идей, но и формы мышления, позволяющие находить нечто общее у идейных противников.

В истории интеллигенции О.-К. не видит «последовательной преемственности»: каждое поколение как особый общественно-психол. тип не приемлет «чужого», но положе на «завое» (о новизне этой концепции см.: В. М. Истрин — ЖМНП, 1907, № 8; Е. А. Ляцкий — ВЕ, 1906, № 8, с. 799). Показания 1810—20-х, 50—60-х, 90-х гг. отличались расуачностью, уравновешенностью и неск. упрощенным мировоззрением. Поколения же 30—40-х и 70-х гг. — «эксцентрицизм, сентиментализм и романтизм», религиозность и позач. «душевной дезорганизацией». «Социальным и умственным одиночеством» интеллигенция была порождена, с т. з. О.-К., «направленность» — во многом базисное мировоззрение, в особенности свойственное народничеству; попытку избавиться от этого мировоззрения он видел у А. П. Чехова, у марксистов (марксизм казался О.-К. науч. методом, свободным от догм, — см.: «Вест. воспитания», 1913, № 6, 7; в 1911 он участвовал в ж.-лжл. дебатах марксистов «Жизнь» и «Нов. слово»).

В неприятии утилитаризма рев.-демокр. интеллигенции О.-К. соотносился с мыслителями, чье мировоззрение в целом было ему чуждо: с А. Л. Волынским (в 1893—97 О.-К. печатался в «Сев. вест.»), что вызывало недоумение многих; с авторами «Вех». Однако в остальном «Вехи» представлялись ему неудачной попыткой обосновать вопросы жизни «на идеологич. почве», так же, как «ферулой», как и социально-полит.

теория народничества (о «Проблемах идеализма» см.: «Вест. воспитания», 1913, № 1; 1914, № 6). Позиция О.-К. вызвала нападки со всех сторон: левые радикалы обвинили его в интеллектуальном гедонизме (М. Протопопов — РМ, 1903, № 5, отд. 2, с. 170—74) и бурж. бездельности (А. Потресов — «Наша заря», 1911, № 9—10), авторы поздней «Рус. мысли» — в «инглизме» (И. Книжник (И. С. Ветров) — РМ, 1912, № 6, отд. II, с. 216).

Рассматривая словесное иск-во как одну из форм обществ. мысли, О.-К. достаточно рано заметил, что такой подход не годится для анализа музыки, архитектуры, лирики; пробел в своей эстетике он попытался заполнить теорией ритмических — безобразных — иск-в («Поэзия Г. Гейне в последние 9 лет его жизни» — «Жизнь», 1899, № 2, 4, 10; отд. изд. — СПб., 1909; «А. С. Пушкин как худож. гений» — «Жизнь», 1899, № 5; обе статьи вошли в сб. «Вопросы психологии творчества», СПб., 1902). Продолжая размышления об общей — ритмической — природе языка и иск-ва, начатые еще в «допотопианских» работах, О.-К. утверждает, что цель лирики — «создание не идей, а высшей гармонии духа» («Лирика как особый вид творчества» — «Вопросы теории и психологии творчества», т. 2, в. 2, СПб., 1910, с. 209), вводит понятие лирич. эмоции, порождаемой чередованием контрастирующих эмоций (напр., антитезы иронии и скорби у Гейне, современности и прошлого у «позитив ист. воспоминаний» Пушкина). Эмоции в иск-ве — лишь «фикции чувств» («А. С. Пушкин» — Собр. соч., т. 4, с. 48); иная ими, лирик освобождает и себя самого, и читателя от гнета чувств подлинных, т. е. экономит внутренние силы, необходимые для душевного здоровья человечества. Не будучи иск-вом познавательным, лирика может обходиться без образов; понятие «образ» соотносено у О.-К. с понятием «содержание», в лирике же «вся суть дела в форме» («Лирика», с. 183). К особенностям лирики О.-К. относит, в частности, оправданность в ней банального: «лирика... звучит шаблонно, однообразно и пошло. Именно поэтому она так могущественно действует» («Заметки о творчестве Л. Андреева» — «Зарницы», 1909, № 2, с. 207).

Теория лирики О.-К., очевидно, настолько не соответствовала сложившейся репутации ученого, что была истолкована весьма противоречиво: И. Ф. Анненский воспринял идею О.-К. о единич. ритмич. природе лирики и музыки как попытку приписать музыке рациональность словесного иск-ва (ЖМНП, 1908, № 11).

Откровенно полемич. смысл имеют многие теоретич. построения О.-К., и прежде всего противопоставление иск-ва познавательного, «реалистического» (в лит. борьбе он защищал традиционное иск-во; см., напр., статью о Г. И. Чулкове: «Речь», 1910, 21 марта, 1 апр.) и «нереалистического», вторящего, по его мнению, особым фантастический и мертвенный мир. Явно имея в виду модернист. культ мастераства, О.-К. разделял лирику на «натуральную» и «искусственную» по «степени участия техники» («А. С. Пушкин»).

Находя «технич. мастерство языка» в «Анчере» и «Пророке», О.-К. полагал, что в письме Татианы Пушкин отбросил «буфарию лирич. воопитания» («А. С. Пушкин», с. 92). Предпочтение отдавал лирике «натуральной»: «Литературность вообще, стилитворность мастераства в частности, нередко вредит творчеству поэта» («Жизнь», 1899, № 10, с. 25). Не одобряя принятую символистам позу пророка, утверждал: «Поэт, как и философ или ученый, вовсе не „пророк“ и отнюдь не „пророк“, а только — работник» (там же, с. 31). Неоднократно выступал против Д. С. Мерзковского (напр., по поводу ст. «Градущий кам», записка «среднего человека» и его «плана на пошлость», — «Полярная звезда», 1905, 30 дек.), не согласился на его участие в «Истории рус. лит-ры», предостерег «трусского» Ф. Д. Батюшкова (письмо Сакулину от 16 авг. 1910 — РГАЛИ, ф. 444, оп. 1, № 632; см. также отриц. рец. О.-К. на «Вечных спутниках» Мерзковского — «Жизнь», 1899, № 8).

В 1919—20 жил в Одессе, работая над «Воспоминаниями», в к-рых, подводя итоги, с предельной откровенностью и эпатирующей резкостью выразил свои эстетич. взгляды: красота «следует совсем изгнать из круга изучений, предметом к-рых служит человек. ... Объективной „Красоты“ нет (это миф), есть только субъективная категория „красивого“, и к ней я стал чувствовать род интеллектуального презрения и морального отвращения...» (с. 43).

Др. произв.: «Л. Н. Толстой. К 80-летию великого писателя. Очерк его деятельности, характеристика его гения и призвания» (СПб., 1908; 2-е доп. изд. — СПб., 1911), «Гоголь в его произв. К столетию рождения великого писателя» (М., 1909; рец.: Н. О. Лернер — «Обр.», 1909, № 5), «М. Ю. Лермонтов. К столетию со дня рождения великого поэта» (СПб., 1914).

Изд.: Собр. соч., т. 1—9. СПб., 1909—11; т. 1—3 (3-е изд.), т. 4—5 (3-е изд.), т. 7—9 (6-е изд.). М.—П., 1923—24; Лит.-критич. работы, т. 1—2, М., 1989.

Лит.: Блок (ж.); Горький (ж.); Горький А., Критика и лирика, — РБ, 1897, № 3; его же, Ключи восп. о О.-К. — «Вест. лит-ры», 1920, № 11; его же, О.-К. и совр. лит. критика — «Начала», 1922, № 2; Райнов Т., «Психология творчества» О.-К. — В кн.: Вопросы теории и психологии творчества, т. 5, Х., 1914; Венгеров Лит-ра 20 в.; Ефимов Н., Своеобразие рус. лит-ры, Од., 1918; Ольсенбург С., О.-К., сакриптолог и лингвист. — «Начала», 1922, № 3; М. Горький, Мат-лы и иссл., т. 3, М.—Л., 1941; История рус. лит-ры, т. 10, М.—Л., 1954, с. 190—92; История рус. критики, т. 2, М.—Л., 1958 (ж.); Илюхин И. Г., О.-К. — историк и критик рус. лит-ры. — В кн.: Труды филос. ф-ту Харьк. ун-та, кн. 3, Х., 1956; Воробей В. В., Лит.-критич. статьи, М., 1956, с. 68, 77, 90; Мазуркевич

А. Р. Очерки по истории эстетики укр. лит-ры. М.—К., 1962; Архив Горького, IX, 28, 84; Выготский Л. С. Психология искусства. М., 1968 (укр.); Успенский Л. Записки старого петербуржца. Л., 1970, с. 323—24; Овсянков И. А., О.-К. — В кн.: Акта школы в рус. лит-оведении. М., 1975; его же. Письмо, направленное в рус. лит-оведению. О.-К., М., 1981; Пожилова Л. В. Романтизм М. Горького в оценке О.-К. — В кн.: Проблемы романтизма в худож. лит-ре и критике. Каз., 1976; Виноградов В. В. История рус. литературы. учений. М., 1978; Пресняков О. П., А. А. Потебня и рус. лит-оведение кон. XIX — нач. XX в. Саратов, 1978 (укр.); Николаев П. А., Курилов А. С., Гришунов И. Л. История рус. лит-оведения. М., 1980 (укр.); Жирмуцкий В. М., Гете в рус. лит-ре. Л., 1982 (укр.); Малышева Н. М., О.-К. о Тургеневе. — «Вост. ЛГУ», 1982, № 14; Рус. наука о лит-ре в кон. XIX — нач. XX в. М., 1982 (укр.); Лит. процесс и журналистика (2); Бойко М. Н. Письмо, направленное в рус. академич. науку XIX в. (А. А. Потебня, О.-К.). — В кн.: Проблемы методологии совр. искусствознания. М., 1989. + Некролог: «Вост. лит-ры», 1920, № 11 (М. Королунский). Сл. ОЛРС; Брокгауз; Грант; Владиславлев; ЛЭ; КЛЭ; БСЭ; Муратова (1, 2); Масанов.

Архивы ИРЛИ, ф. 211; РГАЛИ, ф. 1120, ф. 341, оп. 1, № 789 (П. Н. Сакулин?), ст. «О.-К., его науч. горизонты и методы»; ф. 1898, оп. 1, № 38 (ст. Л. С. Яковсона об О.-К.); письма: ф. 67, оп. 1, № 61 (Л. Д. Боборыкин); ф. 44, оп. 1, № 173 (И. А. Бунину); ф. 1041, оп. 4, № 327 (В. В. Вересаеву); ф. 300, оп. 1, № 259, 261 (Н. О. Лernerу); ф. 444, оп. 1, № 632 (Сакулину); РГБ, ф. 427, к. 2, № 87 (С. Я. Штрауху); РГИА, ф. 1343, оп. 26, л. 3056 (м. с.).

Г. В. Завола

ОГАРЁВ Николай Платонович [24.11(6.12).1813, Петербург — 12.6.1877, Гринвич, близ Лондона; 24.2.1966 прах перевезен в Россию и 2.3.1966 захоронен на Новодевичьем кладб. в Москве], поэт, публицист, рев. деятель.

Отец, Платон Бога. (1769—1838). — офицер, затем чиновник, крупный помещик; вышел в отставку д. стат. сов. Принадлежал к старинному богатому дворян. роду. Согласно семейным преданиям, потомок выходца из Золотой Орды мурзы Кутлуп-Мамста, прозванного Огарь (Родословная Огарёвых — РГАЛИ, ф. 359, оп. 1, № 8); достоверными документами история семьи подтверждается начиная с 16 в. Мать, Елиза. Ива. урожд. Баскахова (1784—1815), также из старинного богатого дворян. рода; проводила раннюю лит. одаренность: уже в 12 лет она опубликовала перевод комедии С. Ф. Жюльен «Добрая мать» (1796); в 1796—99 выступала как переводчица с немецкого и французского в моск. журн. «Приятное и полезное препровождение времени» и «Инокрена».

Контрастно оттенявшие друг друга образы родителей сопутствовали всей жизни О. Не помнивший матери, он воспитал в себе ее культ (см., напр., стих «Большой отец», 1838. («А. А.» Тучкову), 1839; письмо Т. Н. Грановскому от апр. 1841 — «Звезда», в. 1, М.—Л., 1932, с. 101). Отношения с отцом, «вместоим в семье», были далекими и трудными («Висшая поворность, ступенчатый бут и утайка мысли, чувства, поступка — вот путь, по которому прошло детство, отрочество, даже юность», — писал он в своем соч. «Моя исповедь» — Избр. проза, т. 2, с. 394).

Раннее детство О. прошло в родовом имении Старое Акинши Инсар. у Пензен. губ., оставшемся навсегда «местом романтич. привязанности». Болезненный ребенок (до 4 лет не ходил, всю жизнь страдал энцефалией) рос преим. среди женщин, к-рые лечили его «домашним заключением... и развили нервность» (там же, с. 396). Он воспитывался бабушкой Анной Серг. Огарёвой, крепостными няньками, дядькой И. М. Булатовым,

к-рый выучил его читать, писать и «фантазировать» («Кроме сказок, он настраивал мою фантазию религиозно...», — вспоминал О. — там же, с. 398), позднее — гувернанткой французской Нозль и англичанкой А. Е. Горсеттер.

В 1820 семья переехала в Москву. О. получил домашнее образование; учителя И. Ф. Волков и В. П. Запольский приобщили его к либеральным взглядам. В круг его чтения входили А. С. Пушкин, К. Ф. Рылеев (списки их запрещенных стихов привозил сын приятеля отца Ф. Левин), Ф. Шиллер, Ж. Ж. Руссо, Дж. Байрон. В 1821 по заданию гувернантки он сочинил письмо (не сохранившееся) к «мечтаемому другу», уговаривал его «жертвовать собою отечеству, подобно Фемистоклу и Аристиду»

(там же, с. 399). В 1823 начал писать элегии, стихи (пробуждение поэтич. вдохновения запечатлено позднее в стих. 1859 «Новый год» из цикла «Воспоминания детства» — ПЗ, 1861, кн. 6, с. 336, и незаконч. поэме «Юмор»).

К февр. 1826 относится начало дружбы О. с А. И. Герценом, дальним родственником. На формирование их мировоззрения решающее влияние оказало восстание декабристов: «Мы перестали молиться на образа и молились только на людей, которые были казнены или сосланы...» (ЛН, т. 61, ч. 1, с. 700; см. также стих. 1859 «Памяти Рылеева»). Они читали Ш. Монтесккё, Дж. Локка; летом 1826 (или 1827) на Воробьевых горах поклялись посвятить себя борьбе за свободу народа. В кон. 1820-х гг. О. пережил первую (взаимную) любовь к М. Наумовой, бедной родственнице, жившей в их доме; девушка была выдана замуж и рано умерла от туберкулеза (см. его стих. «К подвезду! — Сильно за звонок рванул я...» (1842)).

В 1829 О. и Герцен поступили в Моск. ун-т; О. — вольнослушателем

физико-матем. отд.; он посещал лекции на словесном и нравственно-полит. (юрид.) отд., куда перешел в 1832, одновременно (по настоянию отца) поступил в Моск. архив коллегии иностр. дел. О сложившемся вокруг них студенч. кружке см. в ст. А. И. Герцен. В 1831 в ж. «Телескоп» (ч. 4, № 15, с. 281—89) О. дебютировал переводом фрагмента из «Философии истории» Ф. Шлегеля — под назв. «Сравнительное представление всеобщей пирамиды языков». С 1832 возрастает влечение О. к поэтич. творчеству: «... поэзия возвысила меня до великих истин. Она — моя философия, моя политика» (письмо Герцену от 29 июля 1833 — «Избр. социально-полит. и филос. произв.», т. 2, 1956, с. 264; далее письма О. цит. по этому изд.); отвлеченно-романтич. стихи этого времени известны лишь в составе писем, с к-рыми связаны тематически и композиционно. В 1833 за сбор денег в пользу арестованных членов кружка Н. П. Сунгурова над О. был учрежден негласный полицейский надзор; в июле 1834 он вместе с друзьями был арестован по обвинению в распеивании «пасквильных» стихов, порочащих царскую фамилию, но спустя 3 дня освобожден, затем арестован вновь; пробыл в одиночном заключении с 9 июля 1834 по 9 апр. 1835 (см. поэму «Тюрьма», 1856—1858; опубли. в сб. «Стихотворения», Лондон, 1858), а затем по приговору следств. комиссии был сослан под надзор местных властей в Пензен. губ., где жил его больной отец.

О. был определен в канцелярию гражд. губернатора А. А. Панчулидзева; в 1838 получил чин коллеж. рег. Лето 1835 провел в с. Чертовке, в имении отца, отношения с к-рым складывались по-прежнему тяжело. Переживая острое чувство одиночества, он прошел через глубокие религ. искания (стих. «Христос», 1836. «Христианин», «Моя молитва», оба — 1838), попытавшись в трактате «Profession de foi» (опубл. в кн.: «Рус. пропилен», т. 2, М., 1916) определить новое мировоззрение. Пл. источником для поддержания душевного сил служило поэтич. творчество, хотя завершёнными оказались лишь ок. 20 произв., в т. ч. цикл посланий, обращенных к моск. друзьям («К друзьям», 1837; «К ней», 1838, и др.), и медитативные элегии («Все кончено! тяжело сомненье...», 1835; «Проходит день, и ночь проходит», 1836; «Моя лампада», «Ночь», оба — 1838). В апр. 1836 О. обвенчался с Марией Львовной Рославлевой, дочерью обедневшего помещика и племянницей Панчулидзева. В авг. 1837 побывал в имении Верхний Белоомут Рязан. губ. В мае 1838 вместе с женой выехал для лечения в Пятногорск, где встретился с Н. М. Сати-

ным, познакомился с смышлыми декабристами Н. И. Лорером, В. Н. Лихаревым, М. М. Нарышкиным, А. Е. Розеном, М. А. Назимовым и А. И. Одоевским, с к-рым особенно сблизился. Под его влиянием усиллись религ. и мистич. черты в поэзии О.; стих. «Я видел вас, пришельцы дальних стран...», «И если б мне пришлось прожить еще года...» (оба — 1838), очерк «Кавказские воды» (1861), мн. автобиогр. мат-лы отразили впечатления от этих встреч. В окт. 1838 он вернулся в Старое Акшино к умирающему отцу. Унаследовав значит. состояние (земельные угодья в Пензен., Рязан. и Орлов. губ. — св. 4 тыс. крепостных), полгода спустя он начал дело по освобождению крестьян в одном из своих имений в с. Верхний Белоомут Рязан. губ. (26 июня 1842 договор с крестьянами был утвержден Николаем I). В марте 1839 он вместе с женой навещал во Владимире Герцена, отбывавшего там ссылку, однако между Марией Львовной и Герценом вспыхнула неприязнь, к-рая поставила О. в мучит. положение между чуждой по духу женой, стремившейся к богатой и независимой жизни, ревновавшей его к старым моск. друзьям, и непреклонно требовавшимся другом. Это в значит. мере предопределило крушение его семейной жизни. Благодаря хлопотам Марии Львовны и влиян. родственников полицейский надзор был снят, в мае 1839 О. был разрешен проезд в Москву с зачислением на службу в 8-й департамент Сената. По возвращении Герцена в Москву вокруг них образовался кружок — П. Н. Кудрявцев, П. Г. Редкин, Д. Л. Крюков, М. С. Шепкин, И. П. Галахов, Е. Ф. Корш, — участников к-рого занимали обществ. и филос. вопросы. В спорах с В. Г. Белинским, Т. Н. Грановским, М. А. Бакунинным осваивалась философия Г. В. Фегеля, не вызывавшая, однако, энтузиазма О.: «... холоден казался он мне. В его мире нет любви. А без любви что же за мир?» (письмо М. Л. Огарёвой от 23 марта 1839 — ЛН, т. 61, ч. 1, с. 849).

Остро переживая открытую взаимную неприязнь жены и друзей и борьбу за влияние на него, О. на лето 1840 уехал в с. Чертково. Жизнь в деревне благоприятно сказалась на его душевном состоянии; возобновились и занятия поэзией. Лирика О. 2-й пол. 1830-х — нач. 1840-х гг. развивалась в двух руслах. Менее оригинальны те его опыты, к-рые в лермонтов. духе соединяли эмоциональную напряженность и потребность в авторефлексии («Среди могил я в час ночной...», 1838; «О, возвратись, любви прекрасное мгновенье...», 1839) или в условно романтич. ключе поднимали тему предназначения великой творч. лич-

ности (стих. «На смерть поэта», 1837, посв. Пушкину, — вариация ключевой лексики известного лермонтов. стих.; «Шекспир», 1838, «На смерть Л(ермонтова)», 1841; «Характер», «Поэзия», «Прометей» — все предположительно написаны в 1841). Творч. самостоятельность О. выявляют стихи, в к-рых преобладает настроение, преим. меланхолическое или мечтательное: «это не анализ сердечных движений», а б. ч. «вопросы сердца, неразрешимые и тем более грустные» ((В. П. Боткин) — «Совр.», 1850, № 2; см.: Боткин, с. 159); см. стих. «Старый дом», «Ностальгия» («Как густ мой деревенский дом...», 1841), где поэзия воспоминания и запустения побеждается трагич. нотой необратимости прошлого, «Дорога»,

Н. П. Огарёв. Рис. Н. В. Майера. 1838.

«Полдень» (оба — 1841), «Длинный день проходит вяло...» (1843) и др. Появившиеся в поэзии О. бытовые картины, путевые зарисовки, картины природы ср. полосы России и гор. пейзажи («Утро», «Осеннее чувство», оба — 1839; «Там на улице холодом веет...», 1840) «постоянно сливаются у него с душевными ощущениями» (Боткин, с. 160), простота, «задушевность» и искренность выражения к-рых достигаются благодаря неуловимой музыкальности стиха: «Лишь звучит докучно/ Болтовня одна/ Прялки однозвучной/ Да вертена» («Изба»; ср. «Дилжанс», оба — 1842). Именно муз. мелодичность, а не «образ» или «мысль» определила отличит. свойство поэтик. выразительности О. (впервые отмечено Белинским в 1842 — V, 579—580), едва ли не наглядно воплотившееся в стих. «Звук» (1841): «Как дорожку я прекрасным мгновеньем!/ Музыкой вдруг наполняется слух./ Звук несется с какин-то стремленьем!/ Звук откуда-то льется во-

круг...». Порой такой муз., нередко ностальгич. мотив может служить основой для целой лирич. ситуации, причем ее общий характер легко видоизменяется, накладываясь на настроение читателя («Встреча», 1841; «Она никогда его не любила...», 1842), что между прочим объясняет стимулирующее воздействие поэзии О. на позднейших литераторов: напр., замысел книги И. А. Бунина «Темные аллеи» навеян стих. 1842 «Обыкновенная повесть»: «Вблизи шиповник алый цвет./ Стола темных лип аллея» (Бунин И. А., Собр. соч., т. 9, М., 1967, с. 371).

С 1840 О. — пост. автор «Отеч. записок» (дебютировал в № 5 стих. «Старый дом» и «Кремль», в № 9 — стих. «Деревенский сторож»); в «Лит. газ.» напечатал переводы из Г. Гейне («Рыбачка», «Ее портрет», «У моря» — 7 авг.). Свое кредо этого периода он сформулировал в письме Герцену от 8 ноября 1840: «Мир с жизнью посредством науки и любви к жизни посредством поэзии...» (указ. изд., т. 2, с. 313). Его имя становится известным и уважаемым в лит. кругах; привлекала его поэзия, отражающая общее движение от романтизма к теоретич. декларациям и практике «натуральной школы». В то же время социальные и филос. искания, стоявшие вопросы, но не дающие ответов, отличаются незавершенностью.

В мае 1841 О. с женой выехал в первое заграничное путешествие (Германия, Швейцария, Италия). В письме от 7 июля 1841 писал Герцену: «Из мира ошущенный, мечтаний, смутных идей, из области мысли даже я пришел к положительному, ишу die Tat (действие, практики — нем.) и полон надежды» (там же, с. 315). В дек. 1841 из-за семейного разлада О. оставил жену в Неаполе и через Рим, Вену, Прагу, Берлин в янв. 1842 вернулся в Россию, ездил в Петербург (жил у Белинского, с к-рым сблизился), Москву, Старое Акшино. Всегда навещал находившегося в ссылке в Новгороде Герцена, хлопотал вместе с В. А. Соллогубом и М. Ю. Вильгорским о его возвращении.

Вторая заграничная поездка продолжилась ок. 4 лет (с июня 1842). Он объездил — Германию (Травенде, Любек, Гамбург, Магдебург, Дрезден, прирейнские города), посетил Брюссель, затем отправился в Италию — сначала во Флоренцию, а зиму 1842—43 провел в Риме, где жила его жена, отношения с к-рой еще более усложнились из-за ее романа с художником С. М. Воробьевым. Стремясь отвлечься, слушал лекции в европ. ун-тах; «духовное сиротство» пытался заглушить «в бесконечном шуме пиров и праздников, к которым с тех пор он сделал привычку, длившуюся очень долго» (Анненков

П. В., Идеалисты 30-х гг. — В кн.: О. в восп. современников, с. 164). Душевный разброд сказался на его лит. деятельности: из задуманной прозаич. пов. «Гулевой» в стиле «натуральной школы» было написано только неск. фрагментов, лишь частично осуществлен (завершенный позже) цикл «Buch der Liebe. (Отрывки из автобиографии)», (1841—1844; полностью опубл. 1956), повс. Евл. Вас. Сухова-Кобылиной, сестре драматурга, — зарождавшееся чувство к этой девушке он сумел заглушить, понимая его бесперспективность.

Весной и летом 1843 О. путешествовал по Италии, Франции, Германии. Жил уединенно из-за нездоровья, занимался переводами, слав. филологией. В мае 1844 приехал в Берлин, где в авг. встретил Марию Львовну, ожидавшую ребенка от Воробьева (О. согласился признать будущего ребенка своим, но он родился мертвым). В сер. дек. супруги навсегда расстались; Мария Львовна получила от мужа через свою подругу А. Я. Панаву ценные бумаги и орлов. имение Уручье общей стоимостью в 200 тыс. рублей ассигнациями (85 тыс. руб. серебром).

О. мечтал «показать на родине преобразованную и определяющуюся личность» (А и е н к о в, Идеалисты..., с. 166). Серьезное знакомство с европ. филос. мыслью, особенно с трудами Л. Фейербаха и О. Конта, занятия естеств. науками способствовали в 1844—45 его движению к материализму. Возникшее убеждение в неотделимости любого знания от практич. деятельности породило многочисл. планы преобразования имений. Перелом в мировоззрении отразился и на эстетич. взглядах, к-рые излагаются в письмах к друзьям. В иск-ве самым важным теперь представляется создающее, преобразующее начало. Реализм признается необходимым направлением развития иск-ва, однако выработка новых форм видится как результат длит. эволюции — решительно отвергается слепое подражание природе, копирование действительности: иск-во — «вернейший, полнейший и очищенный голос» происходящего в жизни, «а не уголок, куда можно от жизни спрятаться» (письмо Герцену от 27 янв. 1846 — указ. изд., т. 2, с. 380). На первый план выдвигается требование народности. По-новому определял О. соотношение субъективного и объективного начала в творчестве, отдавая предпочтение объективному взгляду. С т. з. реализма О. пересмотрел собств. творчество. Стих. «Дорога», «Кабак» (оба — 1841), «Изба» тематикой, демократичностью, образами, языком, осн. на народно-разговорной речи, предвосхищали поэзию Н. А. Некрасова

кон. 40-х — нач. 50-х гг. Перенесенные страдания отразились в темах, эмоциональной тональности, в самих заглавиях прозаич. — «Тоска», «Много грусти!», «Хандра», «Разорванность»; мн. тексты посвящены коллизиям семейной драмы: «Тебе я счастья не давал довольно...», «Gasthaus zur Stadt Rom» (оба — 1841). «Еще любви безумно сердце просит...» (1844?) и др. Лирич. герой О. 40-х гг. близок лирич. герою Лермонтова: борьба с неблагоприятными обстоятельствами, осуждение «толпы» сочетается с сомнениями в себе, с преодолением романтич. мировоззрения. Усиливается фабульность стих., зависимость героя от внешних обстоятельств. Вместе с лирич. монологами они подготовили переход О. к социально-психологич. поэме. Над первой из них — самой любимой своей поэмой — «Юмор» (ч. 1—2, 1840—41; опубл.: Лондон, 1857; ч. 3, 1867—68; опубл.: ПЗ на 1869, кн. 8, Ж., 1868) он работал в 1840—41 без оглядки на цензуру и возвращался к ней до конца жизни (не завершена); эта незавершенность стала конструктивным элементом произведения, повествующего о России в мрачную пору ее истории и о незадавшейся жизни «лишнего человека». Излюбленной О. форма сцепления мыслей и картин как бы воле случайных ассоциаций позволила непринужденно, лирически-задушевно говорить одновременно о лит., худож., филос., обществ. вопросах, об особенностях рус. характера, выразить мировосприятие думающего, чувствующего, ниющего осмысленной деятельности человека 40-х гг. Герцен, высоко оценив поэму, счел, что автор создал достаточно оптимистическую картину российского будущего: «Вот наша Русь — родная, юная и сломанная, спуща рукава и подгулявши. — но не понуря» (XXV, 117).

Весной 1846 О. вернулся в Москву. Его появление оживило филос. искания кружка, группировавшегося около него и Герцена. При обсуждении социальных, полит., религ. и этич. вопросов наметились непримиримые разногласия между Герценом, О., отстаивавшим атеистич. мировоззрение и рев. меры преобразования России, и Грановским и его сторонниками, к-рые придерживались религ. и либер. взглядов. Ожесточ. споры Герцена и О. с Грановским летом во время их пребывания на даче в Соколове привели к расколу, болезненно переживавшемуся всеми участниками кружка.

Осенью 1846 О. прибыл в Старое Акшино, намереваясь осуществить в своем имении социальные и хоз. преобразования. По пути навещал Верхний Белоомут, чтобы увидеть, как живут отупевшие им на волю кре-

стьяне: оказалось, что маломужские закабалены богатыми. Действительность его разочаровала, тем не менее задуманные еще за границей реформы были продолжены. Рассматривая волнонаемный труд как средство изменения крест. психологии, он стремился заменить им барщину: в Старом Акшино была построена суконная фабрика, в Рус. Баймакове — сахарный завод, в Каменке — винокуренный; в 1848 он купил Тальскую писчебумажную фабрику, взяв в компаньоны своего побочного брата И. И. Маршева (к-рый его обманывал). О. отчасти планировал, отчасти начал осуществлять и др. проекты: лесные промысл. разработки, построку речных судов, открытие школ и больниц, школ-ферм. Занятия медициной, фармакологией, педагогикой, экономикой (интерес к к-рым возник у О. еще в молодые годы) носили в этот период исключительно прикладной характер. Эти предприятия с кон. 40-х гг. побуждали его к деятельности в качестве публициста антикрепостнич. направленности: ст. «Замечания на статью... „Опыт статистического распределения Российской империи“» (МВед. 1847, 27 сент.), «Замечание на замечание г. Чихачева...» (СПбВед. 1847, 5 окт.); перепечатана: МВед. 1847, 11 окт.).

В 1844—47 О. создал цикл из 4 элегий «Монологи», в к-ром отразился опыт рефлектирующей поэзии Е. А. Баратынского; в 1-й из них, отмеченной влиянием лермонтов. стих. «И скучно, и грустно» с его Welt-schmerz (мировой скорбью), презанно безысходное разочарование; герой последующих элегий пытается утопить отчаяние в разврате, испытывает тщетные порывы к освобождению от изнуряющей внутр. тревоги, и лишь в заключит. части его провозглашает предчувствие нравств. воскресения. Цикл (без 2-го монолога) был напечатан Некрасовым в «Совр.» (1847, № 6) вопреки Белинскому, к-рый противился этому, т. к. психологизм стихов и весь облик их лирич. героя находились в противоречии с эстетикой «натуральной школы». П. В. Анненков назвал эти элегии «поэтически-философскими и социально-скорбными» (А и е н к о в, с. 244); высоко оценил элегии Н. Г. Чернышевский, в своей рец. на первый сб. О., проинтерпретировавший их полностью (III, 565—67); о популярности «Монологов» в письме к О. от 8 окт. 1863 писал Н. И. Утин (ЛН, т. 62, с. 625). Значительно ближе к поэтике физиологич. очерка стоят написанные во 2-й пол. 40-х гг. стихотв. повести «Господин» (опубл. 1857) и «Деревня» (не завершена; опубл. в кн.: Гершензон М. О., История Молодой России, М., 1908, с. 291—94).

Реформаторская хоз. деятельность О. не принесла ожидаемых результатов; в «Деревне» он с иррациональной самоиронией рассказал о своих бесплодных усилиях. Засуха 1847, неуражай, холера, несоответствие намерений О. условиям России полностью погубили все его начинания. В 1848 он почти совсем разорился; положение усугубилось тем, что О. пришлось оплатить предъявленные бывшей женой выданные ей ранее заемные письма. О. предполагал уехать за границу, куда его настойчиво звал Герцен, однако помимо денежных и хоз. проблем его удерживала любовная связь с Н. А. Тучковой (см. Н. А. Тучкова-Огарёва), дочерью уездного предводителя дворянства (А. А. Тучков в юности был членом Союза благоденствия). Мария Львовна наотрез отказалась дать развод О., что осложнило положение, и летом 1849 они предприняли неудачную попытку нелегально покинуть Россию через Одессу и Крым, после чего осенью вернулись в Яхонтново. Отец Марии Львовны, Л. Я. Рославлев, подал донос, в к-ром обвинил О., Тучкова, Н. М. Сатина (мужа старшей дочери Тучкова Елены) в «безнравственности» и создании «коммунистич. секты»; о «вольномудрии» и «безнравственности» говорили и в др. доносах. В результате клеветы все трое были арестованы в февр. 1850 (О. — в Симбирске, где находился по делам; был освобожден ок. 20 марта); в заключении (или сразу по выходе на волю) О. написал о пережитом стих. «Арестант» («Ночь темна. Лови минуты!...»; ПЗ, 1857, кн. 3, с. 154), распространившееся как нар. солдат. песня.

Решив уехать за границу, О. захватил хоз. дела, чтобы расплатиться с долгами. В 1849 фактивно продал Сатину Старое Ахшино и 4 ближайшие деревни. Подробности сделки недостаточно известны. Часть денег О. получал — другая, по-видимому большая, должна была быть выплачена в течение 10 лет. После эмиграции О. выплачивал долги исключительно от доброй воли Сатина, к-рый, однако, уклонялся от выплаты денег. О., тяготившийся своей материальной зависимостью от детей Герцена, в к-рую попал в старости, тешно пытался к порочности Сатина; не помогло и вмешательство Герцена, возмущавшегося неравнодушием Сатина в денежных делах и его склонностью к жизни на широкой ноге (см. письмо А. А. Герцена к Н. Н. Сатиной — ЛН, т. 63, с. 713—22).

В кон. 1850 О. вместе с Тучковой переехал на Тальскую фабрику. В стих. «На наш союз святой и вольный...» (1850—52), отразившем настроения этих дней, — чувство опасности («Грозой нам веет с небосклона») и вера в будущее («отстоишь свою судьбу»; «И мы умчимся волей полны./ Тула — к свободным берегам»). Заключенный брак стал возможным только после смерти Марии Львовны в 1853. В июне 1853 Тальская фабрика стореда, что вызвало огромные убытки и превратило начатые преобразования О. стойко пере-

нес крушение планов и бесплодное завершение целой полосы жизни; через неск. дней после пожара написал полное силы и достоинства стих. «Тот жалок, кто под молотом судьбы...» (1855; опубли.: РС, 1890, № 7, с. 224).

Свидетельством возраставшего признания О. стал отзыв А. А. Григорьева (1852) о его стихах, разбросанных по разным журналам и еще не собранных воедино. — он характеризовал О. как поэта «сердечной тоски», чье сердце, «бесконечно нежное, бесконечно способное любить и верить», разбито противоречиями действительности; в стихах О., несмотря на «пренебрежение к форме», критик находил неотразимое обаяние и считал их «самыми искренними песнями эпохи ...» (Григорьев. Критика, с. 82—83).

В 1854—55 О. создал поэму «Зимний путь» (РВ, 1856, № 3), пов. Анненкову, — своеобразное поведение итогов его творч. пути, пройденного в России. В форме дорожных впечатлений и воспоминаний в ней представлена панорама совр. рус. жизни; в изображении крестьян О. предвосхищает поэмы Некрасова; героиня поэмы О. — дворянская девушка — повторяет судьбу Татьяны Лариной, а герой, провинци. учитель, напоминает Круциферского из ром. Герцена «Кто виноват?». Поэму отличают лиризм, душевная теплота, с к-рой изображена природа и к-рой окрашены персонажи и сама личность повествователя.

Восторженно отзывался И. С. Тургенев (в письме к Анненкову от 9 дек. 1855 он писал: О. в поэме «совместил всю свою поэзию, всего себя со всей своей задушевностью и задушевной прелестью»), и сообщал, что опис с Л. Н. Толстым трижды «упивались этим нектаром» — Собр. соч., т. 11, М., 1949, с. 135). Двойственным было суждение А. В. Дружинина (БлЧ, 1856, т. 137): отчасти ухаживая поэму у читателей, критик не придал новаторства безупречной лирик. поэме, а сам ее тон, «русский», т. е. иронически-печальный, по выражению О. (его письмо Анненкову 1854 — в кн.: П. В. Анненков и его друзья, СПб., 1892, с. 646), расценивал как недостаток и свидетельство «поэтич. безности» автора.

В это же время была подготовлена первая книга О. — «Стихотворения» (М., 1856; 3-е изд., М., 1863). В к-рой хронологически расположенные орг. стихотворения и поэмы представляли динамику развития взглядов и дарования автора. Герцен в письме к М. К. Рейхель от 17 апр. 1856 назвал стихи «действительно гениальными» и определил место поэта «между Пушкиным и Лермонтовым» (ПСС и П, под ред. М. К. Лемке, т. 8, П., 1917, с. 277).

Чернышевский в «Собр.» (1856, № 9) оценил книгу как выходящее явление: «...с любовью ... и часто будет произноситься имя г. Огарева, и поэзия его будет разле тогда, когда забудется наш язык» (III, 362). И. И. Панаев и В. П. Боткин сочли похвалы преувеличенными (Тургенев и круг «Собр.», Неизд. мат.: 1847—1861, М.—Л., 1930); С. С. Дурашчин (ОЗ, 1856, № 11; 6, 12) и Н. Ф. Щербина (БлЧ, 1857, т. 142) увидели в стихах прозу. «газетовский элемент»,

называя «лишнего человека», посмеялись, дружинин назвал стих. «Друзья» из этого сборника «печальной, но бесплодной жалобой», а О. — поэтом, мастерски выразившим «страдания и горькие слезы на всех лиричных людях своего времени» (БлЧ, 1857, т. 142).

В окт. 1856 О. отправился в Петербург хлопотать о заграничных паспортах; здесь познакомился с Толстым, встречался с Тургеневым, А. Н. Островским, Боткиным. 16 янв. 1856 он получил разрешение на выезд, а 19 марта навсегда оставил Россию. Поселился в Лондоне и постоянно жил либо в доме Герцена, либо по соседству с ним; занялся интенсивной полит. деятельностью проф. революционера. Начиная с 3-го номера Герцен и О. издавали совместно альм. «Полярная звезда». Здесь О. печатал свои статьи о жгучих проблемах жизни России и стихи. Его публицистика в значит. мере была посвящена борьбе за отмену крепостного права; надежды на крест. и др. реформы связывались с законодат. деятельностью пр-ва и поддержкой ее либеральными обществ. группами — особое внимание уделялось крест. общине. В ст. «Русские вопросы» (1856—58), «Правительственные распоряжения» (1858), «Московский комитет» (1858—59), «Под суд!» (1859, совм. с Герценом) и др. он резко критиковал все проекты, ущемлявшие интересы крестьян и ограничивавшие демокр. преобразование. 22 июня 1857 вышел первый номер основанной по инициативе О. газ. «Колокол» с его стихотв. «Предисловием» — издавалась до 1867 (от 1 до 4 раз в месяц; всего вышло 245 номеров). Почувствовав необходимость более тесной, повседневной связи с читателями в России в условиях резкого обострения там социальной борьбы, О. вместе с Герценом организовали разветвленную сеть тайных корреспондентов, перерабатывали огромный объем информации из поврем. печати, книг и многочисл. писем читателей. По впечатлениям Н. В. Шелгунова, побывавшего в Лондоне в 1859, у О. «было больше работы, по крайней мере, по „Колоколу“» («Восп.», М.—П., 1923, с. 109). Здесь печатались рус. (Герцен, Анненков, М. А. Бакунин, Тургенев и др.), а также зап.-европ. авторы, в т. ч. Дж. Гарibaldi, В. Гюго, Ж. Мишле. В первый же год «Колокол» вместе с прил. «Общее вече», серией сб-ков «Голоса из России» стали влият. полит. силой. Утратив в кон. 60-х гг. связь с молодыми рев. силами в России, О. и Герцен в расчете на зап.-европ. революционеров попытались в 1868 выпустить «Колокол» на франц. яз., но издание успеха не имело.

В то же время продолжалась и поэтич. творчество О., в т. ч. работа над поэмой «Матвей Радаев», начатой еще в 1856 (не завершена;

гл. 1 — ПЗ, 1859, кн. 5; остальной (с купюрами) текст под назв. «Радаев» — РС, 1886, № 2]. Здесь дан психол. портрет человека 40-х гг., сформировавшегося на идеях декабристов и оказавшегося в условиях николаевской России «лшним». Формально не законченная, эта поэма (как и другие у О.) художественно завершена: характер убедителен, а сюжету как таковому О. не придавал значения. В 1858 в Вольной рус. типографии вышло 2-е изд. «Стихотворений», дополненное новыми произв., а также соч., ранее запрещенными цензурой (всего 23 новых текста). Среди них бессюжетные лирич. поэмы: «Ночь» (1857), полная скорби об утнетенной России и судьбе ее лучших людей; «Сны» (1857?), содержащая контрастные картины российского патриарх. помещичьего быта и париж. полит. борьбы; «Nocturno» (1857) — цель психол. очерков; «Тюрьма. (Отрывок из моих воспоминаний)» (1857—58), воскрешающая обстоятельства ареста и заключения О. в 1834—35. Небольшая поэма «С того берега» (загл. повторяют название книги Герцена) оплакивает республиканцев Ф. Орсини и Д. А. Пиери, казненных за покушение на жизнь Наполеона III; мысль автора обращена к России, стоящей на пороге отмены крепостного права. О. использовал для поэмы склад рус. былинно-го стиха, нар. плачей и др. фольклорные приемы. Стих. «Свобода» («Когда я был отроком тихим и нежным...») — ПЗ, 1858, кн. 4) стало популярной реф. песней. Стих. «Разлука» (там же) представляет собой трогат. непосредств. выражение жен. любви. В 1859 О. опублик. ст. «Памяти Художника» (ПЗ, кн. 5), поев. судьбе А. А. Иванова, посетившего Герцена и О. в Лондоне в пору глубокого творч. кризиса; в ней он выступил с критикой теории «искусства для искусства», порожденной, по его мнению, «эпохой общественного падения», и обратился к молодежи с призывом отразить в иск-ве «общественные страдания и все элементы живой общественной жизни» («Избр. произв.», т. 2, с. 439, 443—44).

В 1857 Тучкова-Огарёва после тяжких сомнений стала гражд. женой Герцена. В своем дневнике она писала о благородстве и с к-рым О. принял очередной удар судьбы: «... он это сделал с каким-то простодушием, свойственным одной его нежной и широкой натуре» («Из „Дневника“ и записных книжек» — в кн.: О. в восп. современников, с. 329). Семейная драма изнурила всех ее участников. Она усугублялась тем, что дети Герцена и Тучковой-Огарёвой — дочь Елизавета и рано умершие близнецы Елена и Алексей — носили фамилию О., к-рый был к ним глубоко привязан. О. испытывал крайнее бес-

покойство за детей Герцена от первого брака, к-рым Тучкова-Огарёва не сумела заменить мать. Переживания, связанные со всем этим, отчасти выражены в стих. «Лизе» (1860), «Тате Герцен» (1862), «Настоящее и думы» (1863). В кон. 1858 или в 1859 О. сблизился с Мэри Сатерленд, к-рую встретил на лондон. «дне». Он поддерживал ее деньгами, заботился о ее образовании и воспитании ее сына. Почти 20 лет О. прожил вместе с ней, обретя в ее лице преданного и бескорыстного друга.

В апр. 1859 российские власти, осведомленные о связи О. с Герценом, потребовали немедленного его возвращения на родину; вслед за его отказом 27 дек. 1860 последовали заочный суд над ним как над гос. преступником и решение о лишении его всех прав и вечном изгнании.

В 1859 закончился длившийся несколько лет судебный процесс наследников М. Я. Огарёвой о присвоении ее доверенными лицами Панасовой и Н. С. Шанишевым имущества О., находившегося в России и переданного им при разводе в обеспечение бывшей жене. После смерти Марии Львовны выяснилось, что выделенные средства почти не были получены, а дела, порученные ею Панасовой, остались в чрезвычайном запущенном состоянии. По решению Моск. надворного суда с Панасовой и Шанишева была выскана значит. сумма — спасая Панасову, 50000 рублей серебром за нее влек Некрасов (об «Огаревском деле» см. также в ст. *Панасова А. Я. и Некрасов Н. А.*). Герцен и О. сочли Некрасова причастным к этой истории и прекратили с ним отношения. Оценка О. сочинений Некрасова, однако, оставалась высокой; по воспоминаниям Т. П. Пассек, подарившей в 70-е гг. О. томик стихов Некрасова, он, прочитав «Русских женщин», сказал: «Хотя у меня на душе много против автора; но это прекрасно» (ПЗ, 1881, кн. 4, с. 130).

На рубеже 50—60-х гг. между Герценом, с одной стороны, Чернышевским и Добролюбовым — с другой, возникла печатная полемика, отразившая сложность и противоречивость путей рус. демокр. движения. О. решительно солидаризировался с Герценом (письмо к Н. В. Шелгунову от 27 июля — 3 авг. 1861 — «Избр. социально-полит. и филос. произв.», т. 2). Деятельность Вольной рус. типографии привлекала в Лондон на протяжении 2-й пол. 50—60-х гг. мн. революционеров и деятелей культуры из России и Зап. Европы, в т. ч. Аменкова, Боткина, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского (его знакомство с О. возобновилось в 1867—68 в Женеве), Тургенева, Чернышевского, Бакунина, А. Н. Пыпина, Дж. Маззини, Гарibaldi. Современники, говоря об общности взглядов и вкусов О. и Герцена, отмечали «совершенный контраст» их натур (Юнге Е. Ф., Из «Восп.». — В кн.: О. в восп. современников, с. 363): «... один кипучий, живой как ртуть, другой спокойный и сдержанный», «в одном сказывался публицист и революционер, в другом поэт и мечтатель» (Милюков А. П., Лит. встречи и знакомства — там же, с. 351). Встречавшийся с О. в 1858 Пыпин писал, что тогда О. занимал

более всего «крестьянский вопрос» («Мои заметки» — там же, с. 361). «Положение» 19 февр. 1861 было оценено им как предательство нар. надежд. Рефреном ст. «Разбор нового крепостного права...» («Колокол», 1861, 15 июня ... 1 сент.) стали слова «Народ царем обманут». Статья «Что нужно народу?» («Колокол», 1861, 1 июля) завершается призывом создавать тайную реф. организацию. Развивая концепцию общинного социализма, О. целенаправленно работал над ее созданием («Записка о тайном обществе», 1857, опубл. 1941; «Идеалы», 1859, опубл. 1953). Прокламация «Что нужно народу?» (отд. оттиск статьи из «Колокола») стала одним из первых программных док-тов об-ва «Земля и воля» (в Лондоне О. сблизился с его создателями Н. А. Серно-Соловьевичем, А. А. Степновым и др.).

В 1860 Вольной рус. типографией были переизданы «Думы» К. Ф. Рыльева с «Посвящением» и предисловием О., в к-ром он рассматривал книгу как «исторический памятник... героического времени русской жизни», «юное выражение благородной личности поэта», превыше всего ставящее долг патриота и гражданина («Избранное», М., 1977, с. 335, 338). В 1860—61 двумя сб-ками статей «За пять лет. (1855—1860)» (Лондон) О. и Герцен подвели итоги своей публицистич. деятельности. Одновременно в обширной статье, предпосланной сб-ку «Русская потаенная литература XIX столетия» (Лондон, 1861), составл. из вывезенных О. из России произв. Пушкина, Лермонтова, Рыльева, В. Г. Бенедиктова, Н. А. Добролюбова и др., О. характеризовал особенности рус. реф. движения и участие в нем поэтов. В 1862 вышел сб. «Солдатские песни» (Лондон) со вступ. статьей, предположительно принадлежавшей О.

Не веря в успех назревшего польск. восстания 1863—64, О., однако, поддерживал его в статьях и прокламациях «Братья-солдаты! Ведут вас битъ поляков», «Офицерам всех войск от общества „Земля и воля“», «Слово правды» (все — 1863). Шовинистич. настроения, распространившиеся в рус. обществе после поражения восстания, наступление реакции усилили отчуждение лондон. эмигрантов от России.

Лирика О. в 1-й пол. 60-х гг. обрела новые черты. Наряду с воспоминаниями о прошлом («Бал», начало 1860-х гг.?) и впечатлениями настоящего («Картины из странствий по Англии», 1863) все большее место занимает в ней тема подведения итогов: стих. «Мой русский стих. живое слово...» (1862—64). Если в молодости О. предрекал пути нар. поэзии Некрасова, то теперь он порою сблизился с Ф. И. Тютчевым.

глубоко проникая в природу чело-
веч. страданий («О, *l'asymétrie*
font; ...», 1861—1862 (?). «При-
зрак», 1863). В лирич. поэме «Забы-
ть» (ПЗ, 1862, кн. 7, в. 2) изгнанник
воображением уносится в Россию.
Поэма «Странник» («Общее вече»,
1862, 20 дек.) содержит реминисцен-
ции из стих. «Пророк» Пушкина и
одном. стих. Лермонтова. Незавер-
шенные драм. сцены «Исповедь
лишнего человека» [1864 (?); опу-
бл.: РМ, 1904, № 8] представляют
психол. автобиографию поколения
40-х гг. в ориг. лит. форме: бытовые
картины написаны прозаич. диалога-
ми, а мысли и переживания героя пе-
реданы стих. монологами.

В 1865 О. и Герцен перенесли
свою деятельность в Женеву в наде-
жде восстановить и укрепить ослабев-
шие связи с деятелями рус. и зап.-ев-
роп. рев. движения. В нач. апр. (по
н. ст.) О. через Францию приехал в
Женеву. Отношения с Герценом,
по-прежнему осознававшими обоим
как неразрывная духовно-биогра-
фическая связь, теперь осложняются как
ввиду личных обстоятельств [Герцен
считал, что решение О. окончательно
связать судьбу с Сатерленд «равняет-
ся перевороту»: «его бесконечно
жаль — он сам не знает, что дела-
ет», — (Письмо сыну от 12/24 апр.
1866 — XXVIII, 173), открыто не-
приятн. отношения сложились также
между Тучковой-Огарёвой и новой
спутницей жизни О. (см.: ЛН, т. 96,
с. 434, прим. 8)], так и ввиду ряда
идеологич. разногласий. Например, в
1869, полемизируя с итоговим цик-
лом статей-писем Герцена «К старому
товарищу» (первонач. — «Между
старичками»), в к-ром проведена
мысль об ист. закономерности совр.
бурж. об-ва, О. написал «Первый от-
вет» и «Второй ответ старому дру-
гу», где отстаивал — в духе бакунин.
анархизма — необходимость тоталь-
ного разрушения существующего гос-
-ва и всех его ин-тов как предпо-
сылку будущей революции («Избр.
социально-полит. и филос. произв.»,
т. 2, с. 211—12, 214—19). 14(26)
марта 1869, в связи с открытым пись-
мом Герцена «Au rédacteur», О. пи-
сал другу: «К чему выставлять ... же-
лание возвратиться на родину? ...
Не верю я в возможность и нужду
возвращения...» (ЛН, т. 39/40,
с. 540—41). Существование расхождений
намечались и в оценке т. н. молодой
эмиграции (А. А. Серно-Соловьевич,
Н. Я. Николаев и др.), к-рую О. был
склонен поддерживать — в т. ч. ор-
ганизационно и финансово, не желая
замечать черты, раздражавшие Гер-
цена: этич. неразборчивость (интри-
ганство, паразитизм), а также эстетич.
глухоту. Логич. завершение этого
дружеского конфликта — эпизод с
появлением в 1869—70 в Женеве
С. Г. Нечаева, к-рый, сумев привлечь

на свою сторону О. и Бакунина, по-
требовал разделить т. н. Бахметев-
ский фонд (капитал, в 1857 передан-
ный П. А. Бахметевым Герцену и О.
для нужд рев. пропаганды) с тем, что-
бы половина суммы пошла на изда-
ние нового «Колокола» и проклама-
ций рев.-заговорщической организа-
ции в России («Народная расправа».
Упорно игнорируя резко негативное
отношение Герцена к личности и
авантюрам Нечаева, О. и в последнем
письме к другу (от 5/17 янв. 1870), не
зная о его смертельной болезни, умо-
лял «без рассуждений» выслать век-
сель на 5000 франков (ИзвОЛЯ,
1967, т. 26, в. 2, с. 162; публ. С. Д.
Гурвич-Линшнер). После смерти

Н. П. Огарёв, 1870-е гг.

Герцена — и до июля 1870, когда
Нечаев был окончательно уличен во
лжи, вымогательстве и воровстве, —
последний имел сильное влияние на
О., к-рый участвовал в нечаевских
изданиях и как автор (в т. ч. ст.
«Главные основы будущего общест-
венного строя», изд. об-ва Нар. рас-
правы, [1870], № 2), и как редактор
(см. ст. С. В. Житомирской, Н. М.
Пирумовой. — ЛН, т. 96, с. 413—
440).

О. тяжело пережил смерть Герце-
на (стих. «Памяти Герцена», 1870),
обозначавшую конец и его собств.
активной полит. деятельности. Он
продолжал писать стихи, часто от-
кликаясь на полит. и бытовые собы-
тия («Осужденному», 1866; посв.
Д. В. Каракозову); однако большей
частью сочинения этих лет остались
незаконченными. В 1869 в Женеве
отд. брошюрой вышла сатирич. по-
эма О. «Восточный вопрос в панор-
раме», в к-рой он в форме нар. рас-
пинки размышлял на темы междунар.

политики. В 1873 по совету Пассек
О. сочинил автобиогр. «Записки рус-
ского помещика» (не завершены;
опубл. посмертно).

В мае 1873 швейцар. власти реши-
ли выслать О. из страны, т. к. рус.
пр-во потребовало возвращения в
Россию его и 18 др. эмигрантов, жив-
ших в Женеве. В сент. 1874 он уехал
в Англию, поселившись сначала в
Ньюкасте, а в дек. — в Гринвиче. В
1875 он познакомился и сблизился с
П. Л. Лавровым, с к-рым ранее пер-
писывался. В периодич. двухнедель-
ном обозрении Лаврова «Вперед!» О.
сотрудничал в 1875—76, подбирая
мат-лы о России в заграничной пре-
ссе, публикуя и собств. статьи. Его все
более угнетали старч. немощи и де-
нежные заботы. Средства, привезен-
ные из России, истощились: в Швей-
царии, затем в Англия он жил на
деньги Герцена, а затем его детей. В
кон. мая 1877 О. во время приступа
эпилепсии повредил позвоночник;
скончался на руках дочери Герцена
Наталии и его зятя Габриеля Моно.

Изд.: Стихотворения, т. 1—2, М., 1904; Ар-
кин Н. А. и Н. П. Огарёвы, М.—Л., 1930 (со-
брал и подготовил к печати М. О. Гершензон);
Избр. социально-полит. и филос. произв., т. 1—
2, М., 1952—56 (в т. 2 — 134 письма); Стих.
и поэмы, Л., 1956 (БПбс, 2-е изд.; пог. текста и
прим. С. А. Рейсера); Избр. произв., т. 1—2, М.,
1956 (пог. текста и прим. Н. М. Галаванова);
Избранное, М., 1977; Рус. энциклопедия; ЛН,
т. 39/40, 41/42, 61—64, 67, 96 (ук.); О. о лит-ре
и иск-ве, М., 1988.

Письма: см. Муратова (1); Mervaud M.,
Lettres d'Ogarev à Natalie Herzen. — «Cahiers du
monde russe et soviétique», 1969, t. 10, N 3—4
(15 писем О.); Herzen, Ogarev, Bakounine. Lettres
inédites, intr., trad. et notes par M. Mervaud,
1975 (19 писем О. к М. фон Мейнбух, Н. и О.
Герцен); Lettres inédites à A. Herzen fils, intr.,
trad. et notes par M. Mervaud, Mont-Saunt-Aignan
— P., 1978 (111 писем О. к А. А. Герцену,
6 — к Н. Герцен, 6 — к О. Герцен и Г. Моно
и др. мат-лы); Une lettre d'Ogarev à Bakounine,
publiée par M. Mervaud. — «Revue des études
slaves», 1987, t. 59, fasc. 4; Ogarev et N. Tuckova-
Ogareva. Lettres et poèmes inédites, publ., intr.
et notes de M. Mervaud. — Ibidem, 1990, t. 62,
fasc. 3.

Биогр. мат-лы: Некрасова Е., Н. П.
Огарев. — В кн.: Почин, М., 1895; см. же, Н. П.
Огарев. Раннее детство. — «Под знаменем науки»,
М., 1902; Гершензон М. О., О. и его
кредности. — «Науч. слово», 1903, № 4; см. же,
История одной дружбы. — Там же, 1903,
№ 8—9; см. же, О. и его любовь. — ВЕ, 1907,
№ 10—12; Лемке М. К., Очерки жизни и дея-
тельности Герцена, О. и их друзей. — МБ, 1906,
№ 1, 2, 4, 7; Клявский В. М., К биографии
Герцена и О. — ГМ, 1919, № 1—4; Черняк
Я. З., О., Некрасов, Герцен. Чернышевский в
споре об огаревском наследстве, М.—Л., 1933;
Перссельков С. А., Черняк Я. З., О. в
последний период жизни. — «Звезда», сб. 6,
М.—Л., 1936; Путинцев В. А., О встречах
Белинского и О. с Герценом в Новгороде в
1841—1842 гг. — ИзвОЛЯ, 1958, т. 17, в. 5;
см. же, Н. П. Огарев, М., 1963; А. М., Пере-
несение праха О. на родину. — ВЛ, 1966, № 6;
Дементьев А. Г., Огаревское дело. — РЛ,
1974, № 1; Конкин С. С., Н. П. Огарев, Саранск,
1975; Бессонов Б. Л., К истории «огаревско-
го дела» (по неопубликованным мат-лам). — РЛ,
1978, № 3; Либманская Л., С того берега.
Пов. о Н. П. Огареве, 2-е изд., М., 1985; Елиза-
ветина Г. Г., Н. П. Огарев, М., 1988; О. в
вост. соопремеников, М., 1989.

Лит.: Белинский: Герцен; Черны-
шевский; Григорьев; Критика; Боткин
В. П., Лит. критика. Публицистика, Писка, М.,
1984 (см. — ук.). Костельский Я. И., Восп.

ОДИНЦОВ

из моей студенческой жизни. — РА, 1887, кн. 2, с. 238; Перлов П. П., Филос. течения рус. поэзии. СПб., 1896; Волынский А., Борьба за идеалы. СПб., 1903; Гершензон М., Лично-О. — ВЕ, 1903, № 9; Айхенвальд Ю., Садурты рус. писателей, в. 1, М., 1906; Андронов Н. Н., П. Огарев, П., 1922; Гроссман Л. П., Н. П. Огарев. — «Красная нива», 1927, № 24; Переселенков С. А., Из лит. наследия О. — «Тр. ин-та новой рус. лит-ры АН СССР», т. 1, Л., 1931; Черняк Я. Э., Фонд О. — Черняк Я. Э., Аскаръяни А. В., Из записных книжек О. — Зап. ГБЛ, в. 12, М., 1951; Бочкарев В. А., Поэзия О. и его социально-филос. искания 40—50-х гг. — «Волжская нива», 1939, № 8; его же. О. и его предшественники. — «Уч. зап. Куйбышев. гос. пед. и учительского ин-та», в. 6, 1942; его же, Тема Запада в творчестве О. — Там же, в. 9, 1948; Аснус В., Борьба филос. течений в Моск. ун-те в 70-х гг. XIX в. — «Вопросы истории», 1946, № 1; Храбровицкий А. В., Рус. писатели в Пензен. обл., Пенза, 1946; Нехудина М. В., О в годы репр. ситуации. — Изв. АН СССР. Сер. истории и философия, 1947, т. 4, № 2; Воронин И. Д., Лит. деспотизм и лит. мста в Мордовии, Саранск, 1951; Черняк Я. Э., Аскаръяни А. В., К вопросу об отношении Герцена и О. к польскому восстанию 1863 г. — Зап. ГБЛ, в. 13, М., 1952; Филатова Е. М., Экономич. взгляды Герцена и О., М., 1953; Линков Я. И., Роль А. И. Герцена и О. в создании деятельности об-ва «Земля и воля». — «Вопросы истории», 1954, № 3; Махашин С. А., Об армие Герцена и О. — ИМ, 1955, № 8; Киселев В. А., О-мюзикант. — В сб.: Вопросы музыкального, т. 2, М., 1956; Иовчук М. Т., Мирозрешение О. и его место в истории русской реал. мысли. — «Вопросы философии», 1964, № 4; Яковлева М. В., Мирозрешение О., М., 1957; Эстрина М. И., Из истории рус. бюстатурной поэзии 1840-х гг. (Спец. О., 1848—1849 гг.). — «Уч. зап. Рыбин. гос. пед. ин-та», в. 2, 1958; ее же. Из истории творчества О. 1840-х гг. — «Уч. зап. ЛПИ», т. 196, Л., 1959; Егоров Б. Ф., О. и Н. Новгород. — «Уч. зап. Горьков. гос. ун-та», в. 58, 1963; Зубков М. М., Эпич. поэзия О. — РЛ, 1963, № 4; Ленин Л. И., О. и Лермонтов. — РЛ, 1968, № 2; Лебедева Ю. В., О худож. структуре поэм О. — «Уч. зап. Костром. гос. пед. ин-та», в. 14, 1969; Селиванов К. А., Лит. мста Ульянов. обл., Саратов, 1969; Рудинская Е. Л., О. в рус. реал. движении, М., 1969; ее же. Движение декабристов в ист. концепции О. — В кн.: История и историки, 1975, М., 1978; Абрамов А. И., О. и гегельская философия. — В кн.: Гегель и философия в России, М., 1974; Тараханов Н. Г., Н. П. Огарев, Эволюция филос. взглядов, М., 1974 (ост. библиогр.); Первые Огаревы, Саранск, 1974; Сысоева Н. П., Тема «Медного всадника» и Петербурга в поэме О. «Юмор». — В кн.: Страницы рус. лит-ры сер. XIX в., Сб. науч. тр., Л., 1974; ее же. О нехер. реч. устных кн изданий О. — РЛ, 1974, № 1; ее же. О. и рус. критика. — В кн.: Проблемы рус. поэзии, критики и драматургии XIX в., Куйбышев, 1978; Лышнер С., Об эстетич. исканиях О. — ВЛ, 1980, № 2; Дмитрук Е. Я., О. о Пушкине. — «Вопросы рус. лит-ры», в. 2 (36), Львов, 1980; его же. О. и Пензенский край, Саратов—Пенза, 1981; Проблемы творчества О., [в. 1—2]. Саранск, 1980—85; Воронина Н. И., О. и музыка, Саранск, 1981; Андрионов Л., Фришман Л., «...Ничто не погубило» (Лит. наследие О. в работах последних лет). — ВЛ, 1982, № 11; Коркилов С. Н., П. Огарев. — «Сов. изданий», 1989, № 3. — Тихомиров Д. П., Мат-лы для библи. укр. прощ. О. и лит-ры о нем. — Изв. ОРЯС, 1907, т. 12, кн. 4; Спатов В. В., О. в музыке (фотография), Л., 1939; Дилевская Н., Фонд О. Мат-лы по О. из разных поступлений. — Курский архив. Фонд О. Обзор огарев. мат-лов из собр. М. О. Гершензона. — «Земля», в. 8, М., 1950; Выдающийся рус. пост-революционер О. Краткий реком. укр. лит-ры, Саранск, 1952; Мандельштам Л. С., Мандельштам Р. С., Мат-лы для библи. оубл. тмем О. библи. укр. — ЛН, т. 61; Махашин С. А., Софийская коллекция рукописей ин архива Герцена и О. — Изв. ОЛЯ, 1954, т. 13, в. 5; Ланский Л. Р., Аннотации тмем к Герцену и О. из «Праж. коллекции». — Мандельштам Л. С., Мандельштам Р. С., Сабосович Е. М., Библио-

лином к Герцену и О., оубл., до 1955 г. — ЛН, т. 62; Анциферов Н. П., Иконографич. и мемориальные мат-лы «Пражской коллекции». — ЛН, т. 63; Мат-лы к библи. проза. О. и лит-ры о нем. (1950—1959 гг.). Библи. укр. Саранск, 1986 (соств. О. Ф. Гришановой); Мат-лы к библи. проза. О. и лит-ры о нем. (1970—1985 гг.). Библи. укр. Саранск, 1989 (соств. О. Ф. Гришановой и др.); Мат-лы к библи. проза. О. и лит-ры о нем. (1917—1949 гг.). Библи. укр., Саранск, 1991 (соств. Л. И. Яншин и др.); Брокгауз; РСБ; ИБРДВ; Рус. писатели: КЛЭ; СИЭ; БСЭ; Исаев; Муратова (1, 2; укр.); Масалов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 359 (см. Сербова Н. А., Болотина Э. М., Огарев. Опись докум. мат-лов фонда М., 1950); ф. 2197 (Заграничный архив А. И. Герцена и О. («Пражская коллекция»)); РГВ, ф. 69 (см. Черняк Л. Я., Фонд О. — Зап. ота. рукописей ГБЛ, в. 12, 1951; Аскаръяни А. В., Описание рукописей О., М., 1952); ИРЛИ (см.: Капелешов Б. Н., Рукописи и перепечатки О. — Библиотека рукописного ота. Пушкин. Дома, т. 5, 1955); ЦГА Мордовии в г. Саранске (гла. обр. докт-ты биогр. характера: см.: Путеводитель по ЦГА Мордов. АССР, Саранск, 1960); ГА Пензен. обл. (см.: Путеводитель по ГА Пензен. обл., 1962); ГА Рязан. обл. (см.: Путеводитель по ГА Рязан. обл., 1959); ГА Ульянов. обл. (см. Путеводитель по ГА Ульянов. обл., 1966).

См. также лит. при ст. Герцен А. И.

В. С. Лазурин, Л. В. Павлова

ОГИНСКИЙ Алексей Григорьевич [1780 — 14(26). 7. 1848*], Петербург; похоронен на Митрофаньев. кладб., переводчик. Из духовного сословия. По окончании Екатеринбург. духовной сем. преподавал там греч. яз. (с 1800), рос. и лат. красноречие (с 1803). В 1808 переехал в Петербург (где жил безвыездно, женившись на дочери придворного протопресвитера и приобретя со временем собствен. дом на Сергиевской ул., имел сына и дочь). По увольнении из духовного звания был принят в Деп. нар. просвещения (1808, с 1811 коллеж. секр.). В 1813 переведен в канцелярию статс-секретаря П. С. Мозачанова (с дек. 1813 тнт. сов., с 1815 коллеж. ас.).

В 1812 вступил на лит. поприще, опубликовав перевод др.-греч. комич. эпоса (пародировавшего «Илиаду» Гомера) «Батрахомомахия» — «Омирова брань лягушек и мышей» (СПб.), в 1814 перевел с франц. шумевший памфлет Ф. Р. Шатобрна (изданный в том же году, еще до отречения Наполеона) «О Бонапарте, Бурбонах и о необходимости обратиться к нашим законным государям, для счастья Франции и Европы» и работу «Дополнения к соч. г. Шатобрна о Бонапарте и Бурбонах» (оба пер. изданы в один год с публикацией оригиналов; СПб.).

В 1817—30 служил в ценз. к-те Мин-ва полиции, вскоре — в Деп. полиции исполнител. воедшем потом в МВД (с 1820 в должности столоначальника; с 1829 коллеж. сов.). В нач. 1820-х гг. недолго преподавал классич. языки и историю в Благородном пансионе при Петерб. ун-те (среди учившихся у него — поэт А. Я. Римский-Корсаков и М. И. Глинка).

Лит. известность О. приобрел в первую очередь как переводчик

«Первая Олинфийская речь Демосфена» («Дух журналов», 1817, ч. 19), «Четвертая книга Иродотовой Истории [Истории Геродота], названная Мельпоменою» (гл. 1—10; «Журнал древней и новой словесности», 1819, № 8), «Творения Гезиода Аскрейского» (СПб., 1830). Занятие этим побудило его к переводу ист. работ об античном мире (с англ.); компилятивных соч. англ. писателя О. Голдсмита «История римская...» (ч. 1—2, СПб., 1819—20), «Сокращенная история Греции» (ч. 1—2, СПб., 1814—15; 2-е испр. изд., ч. 1—2, СПб., 1815—23; за оба перевода имп. Елизавета Алексеевна пожаловала в 1821 О. зол. часы) и исследования Дж. Гиллиса «История древней Греции...» (т. 1—8, СПб., 1830—31; сохранен весь науч. аппарат; отрывки в журналах 1824; в 1832 вместе с «Творениями Гезиода...» отмечены наградой царской четь — драгоценными перстнями). Переводы «классиков» явились весомым вкладом в знакомство рус. читателя с антич. лит-рой.

Самым устойчивым для О.-переводчика оказался интерес к творчеству Голдсмита, начиная со ст. «О Гольдсмите и его сочинениях» («Журнал древней и новой словесности», 1818, ч. 2, кн. 7) и кончая ром. «Векфильдский священник» (СПб., 1847; «с присовокуплением сведений о жизни и творчестве автора»). Учебно-просветительскими устремлениями О. продиктованы переводы кн. «Гимны в пользу обучающихся детей» г-жи Э. Гилберт (СПб., 1830; рец.: «Галатея», 1830, № 29; 3-е изд., СПб., 1835) и сб-ка религ.-нравств. соч. А. Уоттса «Благоговейные чувствования ... добрых детей» (СПб., 1831, 1835). Всем переводам О. свойственна прелестная тщательность в передаче авт. текста. Будучи достоинством в переводе англ. ист. сочинений, это качество оборачивается нередко тяжеловесным буквализмом в передаче худож. текста, а также публицистич. Шатобрна.

В 1832 определен библиотекарем в Гидрографич. депо (с 1837 Гидрографич. департамента Морского мин-ва); упорядочил б-ку, составив полный каталог и систематизировав его вместе с В. Н. Бергом; служил в ней до конца жизни (с 1838 в чине стат. советника).

Лит. знакомства О., очевидно, редки и непродолжительны; в частности, согласно мемуарам современников, посещал лит. вечера Д. И. Хвостова, был знаком с Н. И. Гречем. Курьезным исключением явились многожды повторявшиеся со 2-й пол. 20-х гг. до нач. 40-х гг. лит.-застольные встречи О. и его коллеги, преподавателя логики И. Я. Колмакова, со своими пансионскими учениками, в т. ч. Римским-Корсаковым и Глин-

кой, к-рые потешали преподавателями-«оригиналами» знакомых литераторов. По восп. Глинки, О. «муж ученый и трудолюбивый», говорит на вечеринках «важно» и «протяжно», «воздвигая торжественно правую руку для большего убеждения слушателей. Наши дружеские лит. беседы, при содействии пунша, оканчивались почти всегда филос. прениями» («Записки...», с. 30; ср.: Панаев, с. 43—45).

Др. произв. Переводы: «Сокращенная история Англии. От нашествия Юлия Цезаря до смерти Георга III...» О. Голлсмита (ч. 1—2, СПб., 1820—21), «О состоянии изыскан. иск-в во времена Александра Великого» Дж. Гиллиса («Сев. Минерва», 1832, ч. 1, № 2). «Собрание коренных слов греч. яз., расположенных по азбучному порядку...» (СПб., 1823; оргн. справочное пособие).

Лит.: Панаев; Греч; Глинка М. И., Записки... М., 1988 (все — ук.); Ростиславов Д. И., Записки... — РС, 1895, № 3, с. 103—05; Соловьев Д. И., Патристические С.-Петербурга. Первой г-нии. 1830—1880, СПб., 1880, с. 42—43; Топоров В. Н., Пушкин и Гольдсмит в контексте русской Goldsmith'а... Вена, 1992; Левин Ю. Д., К истории восприятия в России О. Гольдсмита. [Ред. на книгу Топорова]. — РЛ, 1994, № 2 (прил.: Библиограф. указ. пер. произв. О. Гольдсмита, 1763—1830). + ПНескр.; Прозоров П., Систематич. ук. лит. и ст. по греч. филологии. СПб., 1898; РБС.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 4, 1846 г., л. 313 (ф. с. 1846 г.); ф. 535, оп. 1, д. 18 (о награждении О.) (справка С. Н. Вареховой); РГА ВМФ, ф. 402, оп. 1, л. 785 (ф. с. 1836 г.); оп. 2, л. 142, л. 342* (справка В. Н. Тушкина-Васильева). С. Н. Истоин.

ОГОРОДНИКОВ Павел Иванович [24.9(6.10)*, по др. сведениям 17(29).9**1837 — 20.12.1884(1.1.1885), Москва], очеркист, географ, участник рев. движения. Из помещичьих дворян Полтав. губ. С 1848 воспитывался в Новгородском, с 1855 в Константиновском кадет. корпусах. В последнем одновременно с ним учились будущие участники рев. движения — К. И. Крупский, З. Палевский, Анд. А. Потебня и др., а в числе преподавателей — Г. Е. Благовостов и В. Ф. Калининский. В февр. 1858 выгнаны прaporщиком в 6-й стрелковый батальон, находившийся в Варшаве. В 1860—61 слушатель Акад. Ген. штаба в Петербурге, оставил ее «по болезни». По возвращении в Варшаву вошел в рев. офицерскую орг-цию (одним из руководителей с февр. 1862 был Я. Домбровский). 24 июня 1862 О. организовал в воен. лагере в Повонзках панихиду по офицерам — «гос. преступникам», расстрелянным за рев. пропаганду. В тот же день был арестован, заключен в крепость Модлин (об этом см.: «Колокол», 1862, 15 сент., 15 окт.). В заключении тайно вел (с июня 1862 по окт. 1863) дневник (воспроизводящий подробности тюремного быта, беседы с ча-

совыми, письма др. узников) — ценный ист. источник и обличит. документ (опubl. с искажениями и огромными купюрами — ИВ, 1882, № 2, 6, 7, 8, 9, подпись О-в; полностью на польском яз.; рукоп. «Дневник заключенного» — РНБ, ф. 1000). В окт. 1863 О. был отправлен в Петербург, после рязя перемешений освобожден 8 дек. 1863 «за недоказуемостью дела». Местом поселения выбрал Огесу.

С дек. 1864 по апр. 1865 вновь в заключении по делу той же офицерской орг-ции. Историю своего заключения О. подробно изложил в 1882 в ст. «По мытарствам, или Невольное путешествие» (не опubl.; хранится в архиве «Рус. старины» — ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1865), к-рая как бы продолжает его «Дневник...». По возвращении в Одессу служил техником на разных железных дорогах. Путешествовал по России; в 1869, совершив поездку, о к-рой давно мечтал (Франция, Германия, Англия, Сев. Америка), поселился в Петербурге. Путешествие в Америку, где «существует страшное зло: рабство труда и женщин», происходит «странне краснокожих с континента», а выборы «сопровождаются жульничеством и насилием», послужило материалом для его путевых заметок «От Нью-Йорка до Сан-Франциско и обратно в Россию», опubl. при содействии Н. Н. Страхова в ж. «Заря» (1870, № 4—6, 8, 9, 11—12; отд. изд. под тем же названием — СПб., 1872; благожелат. отзыв — ВЕ, 1872, № 3). Нск-рые их эпизоды использовал Ф. М. Достоевский в ром. «Бесы» (поездка Шатова и Кириллова в Америку — X, 111—12; XII, 293—94). 2-е изд. книги, значительно дополненное и переработанное (под псев. «В стране свободы», т. 1—2, СПб., 1882; отд. глава в ней посв. встрече с А. Гачаренко), к-рое О. завершил замечанием о том, что и в Америке он не нашел свободы, вызвало отрицат. рец.: книга «характеризует гораздо более самого ее автора, нежели американцев и американскую жизнь» (ОЗ, 1881, № 12, с. 190—92). В 1874 по поручению РГО участвовал в торг.-пром. экспедиции в Сев. Персию для «естеств.-ист. и этногр. исследований» (Архив РГО, ф. 1, 1874, оп. 1, д. 18, л. 3). О. «собрал весьма интересные сведения о производительных силах страны и по торг. статистике» (Семенов П. П., История полудековой деятельности имп. РГО 1845—1895, ч. 2, СПб., 1896, с. 824—25). Описание путешествия посв. публ. (с ценз. купюрами) в Известиях РГО (1875, в. 1), «Деле» (1875, № 7, 9, 11, 12; 1876, № 6, 7, 8), «Вест. Европы» (1876, № 11, 12), «Всемирном путешествнике» (1877, окт.—дек.), «Мысли» (1880, кн. 2), составившие к. «На

пути в Персию и Прикаспийские провинции ее», «Очерки Персии» (обе — СПб., 1878), а также кн. «Страна солнца» (СПб., 1881). В сдержанно-благожелат. отзывах на «очень любопытные ... по теме» труды О. отмечалась недостаточная «лит. отделка ... Стиль его отрывочный, описания мест, обстановки, людей ... очень неопределенны и некартинны» (ВЕ, 1881, № 12, см. также: ВЕ, 1878, № 2 — оба отзыва в отд. «Библиолисток»). Последние годы О. писал воспоминания (не сохранились), занимался архивами заводчиков Демидовых.

Лит.: Семевский; Ашценбреннер М., Восп. — «Выпос», 1907, № 416, с. 20; Дьяков В. А., Штакельберг Ю. И., Революционно-перестройщик Л. Н. Огородников и его творческий дискурс. В кн.: «Эпоха Чернышевского». Рев. ситуация в России в 1859—1861 гг., М., 1978; ЛН, т. 15, с. 276, т. 61, с. 512, 517, т. 77, с. 453. + Некрологи, 1885 («Новости», 1 янв.; «Библиограф», № 2; «Новь», № 6; «Сестр», 3 янв. РБС; Брокгауз; Языков; ДРДВ; ИДРДВ; Дьяков В. А., Девяти рус. и польского освободит. движения в царской армии 1856—1865 гг., М., 1967; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 155; ф. 274, оп. 1, № 396, л. 80 (автобиограф. заметка О.) (справка Т. В. Мисникевич); РНБ, ф. 1000*; РГВИА, ф. 320, оп. 2, л. 355 (биограф. мат-лы); РГИА, ф. 720, оп. 1, д. 8 (копия следств. дела)*; ф. 776 и 777 (справка Н. М. Корнилова).

Ю. И. Штакельберг.

ОДИНЦОВ Дмитрий Яковлевич [21.10(2.11).1887, с. Богданово Каргопольского у. Олонецкой губ. — 1975], поэт. Из крестьян. С 13 лет начал работать в Петербурге, поступив учеником золотосеребряника на фабрику золотых и бриллиантовых изделий; в 1907 получил диплом подмастерья серебряно-позументного цеха Петерб. ремесл. управы. В 1907—10 учился в воскресной школе П. Ф. Лесгафта для рабочих, затем на вечерних курсах новых языков в Нар. доме; слушал общедоступные лекции в об-ве «Просвещение» и Тенишев. уч-ше. В 1911 включился в профсоюзное движение, с 1912 пред. правления Союза золотосеребряников и бронзовщиков; с 1912 чл. РСДРП(б).

ОДОЕВСКИЙ

Дебютировал в печати в 1911 в большевист. газ. «Звезда» (стих. «Там, где все проблески жизни...» — № 11); до 1914 был активным сотр. газ. «Звезда», «Правда» и др. большевист. изданий, в к-рых помещал корреспонденции, заметки, б. ч. анонимные (о забастовке профсоюза золотосеребрянников; «Рабочий театр» — «Путь правды», 1914, 20 апр.) и стихи. В 1913 совм. с А. И. Машировым (Самобытником) О. возглавил кружок поэтов-«правдистов», вскоре переросший в кружок пролет. писателей. В изданном по инициативе М. Горького «Первом сб-ке пролет. писателей» (СПб., 1914) появилось стих. «Вперед» (использовано Горьким в предисл. к сб-ку), в к-ром О. призывал пролетариат к освоению «культуры мировой». Стихи О. (писал до 1920) были ориентированы на общедоступные лит. образцы (в т. ч. А. В. Кольцова: «Первые ласточки». — «Правда», 1913, 29 мая) и отличались несложными (б. ч. глагольными) рифмами. В них варьировалась тема грядущего рев. обновления («Там, где все проблески жизни...», «Вперед»; «С новыми песнями...» — «Пролет. правда», 1913, 12 дек.), порой решаемая аллегорически («Первые ласточки»; «Весна» — в сб. «Поэты „Правды“»: «Не вечен мрак... Страна родная/ Ты пробуждаешься от сна! / Твой горький труд благословляя / Ищет желанная весна!»), отразилась непосредств. личные впечатления («Бутырская тюрьма», «В тюрьме»).

28 апр. 1914 был арестован за агитацию в пользу «устройства 1-го мая всеобщей забастовки рабочих... столицы и в разных городах» (отпущен из-под стражи 15 мая — ГАРФ, ф. 102, 5 д-во. 1914 г., д. 301, ч. 7, л. 53 об.); в нач. 1-й мировой войны О. вместе с др. сотр. «Правды» был арестован «за вредное направление» и сослан вплоть до снятия воен. положения в Петрограде. Пройдя этапные (моск. Бутырскую, затем челябинскую) тюрьмы, был доставлен в Троицкий у. Оренбург. губ., где находился до июля 1917. В годы ссылки с 1915 сотрудничал в троицкой газ. «Степь». После Окт. революции возглавил отд. драгоценных металлов в Уральском обл. комиссариате финансов в Екатеринбурге. Позднее был гл. инженером треста «Главзолото», работал в Артторге, в 1928—34 чл. правления объединения Союззолото, Цветметзолото. Окончил Ин-т цветных металлов и золота, с 1937 его директор. В 1960-х гг. опубликов. — «Дорога радостного дня» («Октябрь», 1962, № 5), «Славное поколение рабочих-правдистов» (в кн.: Страницы славы истории. Восп. о «Правде», М., 1962), «Поэты „Правды“» (в кн.: Ленинской «Правде» — 50 лет, М., 1962),

«Большевики-правдисты в подполье» (в кн.: В годы подполья. Сб. восп., М., 1964), «Друг пролет. поэтов» (в кн.: Большевик правдист. Восп. о К. С. Еремееве, М., 1965), «В „Звезде“ и „Правде“» (в кн.: Восп. о Демьяне Бедном, М., 1966), «Искра, которая зажгла пожар...» (в кн.: Великие незабываемые дни, М., 1970), «Путь к „Правде“» (в кн.: По Ленинскому пути. Восп. старых большевиков, М., 1972).

Изд.: [Стихи]. — В сб-ках: Пролет. поэты. т. 2—3, Л., 1936—39 (БПБс); Рев. поэзия. (1890—1917). 2-е изд., Л., 1954 (БПБс); Рев. поэзия. 1895—1917. Л., 1957; Рев. поэзия. (1890—1917). Л., 1959 (БПБс, 3-е изд.); Поэзия в большевист. изданиях 1901—1917. Л., 1967 (БПБс, 2-е изд.); Поэты «Правды». Стих. 1912—1922. М., 1967.

Лит.: Летопись жизни и творчества М. Горького, т. 2, М., 1958, с. 420, 422; Пряжков А. В., Поэты и писатели эпохи «Звезды» и «Правды». — В кн.: Искусство и образы худож. лит-ры, М., 1958; Волков А. А., Д. Я. Одишцов. — В его кн.: Рус. лит-ра XX в. Докторминский период, М., 1964; Трофимов И. Т., Д. Я. Одишцов. — В кн.: Поликанов А. А., Удольнова З. В., Трофимов И. Т., Рус. лит-ра кон. XIX — нач. XX вв., М., 1965; Осмаков Н. В., Рус. пролет. поэзия. 1890—1917, М., 1968. + КЛЭ: ИЛРДВ; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2504, оп. 2, № 65; ф. 2843, оп. 1, № 2581 (стихотворения), № 2626 (автобиография), оп. 1, № 2737.

В. М. Боклова.

ОДОЕВСКИЙ Александр Иванович, князь [26.11(8.12).1802, Петербург — 15(27).8.1839, форт Лазаревский; похоронен там же (в 1840 клдб. уничтожено горцами); возможно, перезахоронен в Карахаге, Кахетия], поэт, декабрист. Отец — ген.-майор кн. Ив. Серг. (1769—1839); мать — княжна Пракс. Ал.-др., урожд. Одоевская (двоюродная сестра отца; ум. в 1820). Двоюродный брат В. Ф. Одоевского. Воспитывался дома (среди учителей — проф. истории К. И. Арсеньев, секр. Рос. акад. П. И. Соколов). Зачислен на службу в Кабинет е.и.в. канцеляристом в 1815, губ. секр. с 1818, уволен в 1820, с 1821 — унтер-офицер л.-гв. Конного полка, в том же году — юнкер, с 1823 — корнет; в полку подружился с А. Донауровым, с поэтами-дилетантами Е. Е. Комаровским, А. Е. Рынкевичем (письмо В. Ф. Одоевскому от 15 окт. 1821; нек-рые сведения о юности О. в дневнике К. С. Сербиновича — см.: Ларионова, 1976).

В нач. 1820-х гг. пробовал силы в поэзии, но ничего не печатал, считая свои опыты незрелыми (письмо В. Ф. Одоевскому от 19 марта 1824 — ПССиП, с. 273); сохранилось лишь неск. произв. О. этого периода. Большая их часть обнаруживает влияние К. Н. Батюшкова [оно сказывается и в нек-рых стих. после 1825, напр. в «Амуре-Анакроне»; см. об этом: Сердюкова О. И., Декабрист, элегия после 1825 г. (О. и В. А. Жуковский)]. — В кн.: Развитие жанров рус. лирики кон. XVIII—XIX вв., Куйбышев, 1990]. О. проявлял сти-

лизаторские способности, отмеченные современниками (см. письмо Ап. Сотникова А. А. Краевскому от 1844 — Ларионова, дис., с. 206; см. также: Чумаков Ю. — ВЛ, 1959, № 7, с. 206).

Наиб. близким О. в нач. 1820-х гг. был В. Ф. Одоевский, к-рый считал его «эпохой» в своей жизни (Сахулин, 1913, с. 95). Одним из результатов их общения были, по-видимому, стих. О. «Был» (1825) и позднейшая одноименная новелла В. Ф. Одоевского о «плеске мертвецов». Однако уже весной 1823 расхождения между философом-любомудром В. Ф. Одоевским и энтузиастом О., стремившимся к немедленной практической деятельности и предчувствовавшим «испытания» (письмо от 2 окт. 1821), становятся очевидными и приводят к разрыву: О., в частности, обвиняет В. Ф. Одоевского в холодности и умственной несамостоятельности (письмо от 10 окт. 1824 — ПССиП, с. 277—78). В 1836 О. с раздражением писал отцу (21 июня) о каких-то «нелепых записках» В. Ф. Одоевского, адресованных О.

В 1824—25 О. присутствовал на петерб. лит. собраниях; близко сошелся с А. А. Бестужевым, К. Ф. Рылеевым и А. С. Грибоедовым (к-рый одно время даже жил у него на квартире — см.: Завалишин Д. И., Восп. о Грибоедове. — В кн.: Грибоедов в восп., с. 130; см. также письмо Грибоедова С. Н. Бегичеву от 9 сент. 1825); во время наводнения в Петербурге 1824 О., рискуя жизнью, бросился спасать Грибоедова (см. письмо Грибоедова к О. от апр.—мая 1828), организовал переписку «Горя от ума» (Грибоедов в восп., с. 132). В 1829 Грибоедов ходатайствовал за осужденного О. перед их общим родственником И. Ф. Паскевичем. Элегия О., написанная на смерть Грибоедова, содержит реми-

нисценции из стих. последнего «Я дружбу педа... когда струнам касался...» (1828), посв. О. [подробнее в кн.: Мещеряков В. П., А. С. Грибоедов. Лит. окружение и восприятие (XIX — нач. XX в.), Л., 1983, с. 136].

В 1825 О. опубли. в «Сыне отечества» ст. «О трагедии „Венцеслав“, соч. Ротру, переданной г. Жандром» (№ 1; подпись А. О.; традиционно атрибутируется по упоминанию в дневнике В. К. Кюхельбекера от 27 нояб. 1833), в к-рой отставал романтич. представления о нравственности в лит-ре и одобрял попытки реформы рус. стихосложения, предпринятые А. А. Жандром (подробнее см.: Эйхенбаум Б. М., Лермонтов. Опыт ист.-лит. оценки. — В его кн.: О лит-ре, М., 1987).

С 1825 О. — член Сев. об-ва (принял в об-во Рынкевича). Присутствовал на собрании у Рыльева 12 дек. и, по свидетельству В. И. Штейнгейля, восклицал: «Умрем! Ах, как славно мы умрем!» (см. в кн.: Штейнгейль В. И., Соч. и письма, Иркутск, 1985, ук.). На Сенатской площади командовал взводом в стрелковой цепи л.-гв. Моск. полка; был послан А. А. Бестужевым в казармы л.-гв. гренадер. полка и обратился к солдатам, после чего рота декабриста А. Н. Сутгофа присоединилась к восставшим (о поведении О. на Сенатской площади см., напр.: Якушкин И. Д., Четырнадцатое декабря. — В кн.: Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М., 1951, ук.; Декабристы в восп. современников, М., 1988, ук.). После поражения восстания укрывался у Жандра и у своего дяди В. С. Ланского; помещен в Алексеев. рavelин Петропавлов. крепости. Заключение О. переносил тяжело (см. восп. М. А. Бестужева); его сбивчивые показания произвели впечатление временного помешательства и не вызвали доверия у следственной комиссии (Восстание декабристов, ук.). Оужден по IV разряду и приговорен к каторжным работам на 8 лет.

После 1825 изменяется творч. самооценка О.; его стихи получили известность в его окружении; в 30-х гг. нек-рые стих. О. опубли. в изданиях пушкин. круга («Лит. газ.», «Сев. цветы»).

Вслед за Д. В. Веневитиновым и до М. Ю. Лермонтова О. разрабатывал жанр филос. элегии медитатив. характера (ср. «Что вы печальны, дети снов...» с «Душой» Лермонтова); обычная для элегии гамма меланхолич. эмоций освещена у него стремлением проникнуть в общий смысл своей индивидуальной судьбы (см. ст. А. И. Журавлёвой — Лерм. энц., с. 483). На свою близость к Веневитинову О. прямо указывал в письме к В. И. Ланской от 17 июля

1836: у Веневитинова «замечались не только поэтич. мысли в соединении с порывами юной впечатлительности, как у Бенедиктова, но и глубокое чувство, к-рое столь редко встречается в рус. стихотворениях» (ПССиП, с. 461; см. также стих. о Веневитинове «Умирающий художник», к-рое, по словам А. Е. Розена, О. «как будто написал для себя», — Розен А. Е., Записки декабриста. Иркутск, 1984, с. 367).

Поэзия О., в т. ч. и ист. поэмы и баллады, исповедальна. Стилистич. манеры воплощения этой исповедальности различны. О. пользовался языком «школы гармонич. точности», «словами-сигналами» из лексикона гражд. лирики 1810—20-х гг. (напр., изв. поэтич. формула «Из искры возгорится пламя» в стих.

А. И. Одоевский. Рис. А. С. Пушкина.

«Струны веших пламенные звуки...» (1828 или 1829) — полемич. ответе А. С. Пушкину). Традиционная этого поэтич. языка часто превращала подлинные цели каторжанина в условные символы. О. много экспериментирует: в «Утре» (1826) передана живая речь в своей подчеркнутой косноязычности («Кто ж всего меня зарыл? Выду ли на воздух чистый — / Я, как дышат им, забыт») — худож. достижение О., добытое ценой пережитой драмы. Стихи О. 1829—30 избытуют неологизмами («друг... неотлетный», «раззвучия», «звучнеть»), необычными образами («струны» океана, «океан... спросонья», «сухие облака», «очами осязать», «бесконечность летящая», «эной пылающей могилы», «пыль и проза мостовой»); слова вступают в иррациональные сочетания: «душиные стены», «безотчетная стола», «луч... промолчит», «груды бездны» (М.б., именно эту сторону стиля О. имел в виду Лермонтов, когда писал о его «темных вдохновениях», — «Памяти А. И. О-го».)

Семантич. усложненность сочетается в поэзии О. с необычностью стиховой формы (см., напр., лозагад

«Что за кочевья чернеются...» или «Брак Грузии с Русским царством», где смена метра выглядит не мотивированной содержанием). Как и у многих предшественников О., это иногда объясняется фольклорными стилизациями.

Поиски нового «высокого стиля» часто связаны с попытками создания больших форм нового типа. Сербинич свидетельствовал об увлечении О. в нач. 20-х гг. Г. Р. Державинич (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5582, л. 89). Многие стихи О., напр. «Дифирамб», восходят к жанру филос. оды; многие имеют тенденцию к цикличности; известно о существовании планов трагедий и поэм, сохранились отрывок трагедии «Осада Смоленска» (с хором) и 2 части поэмы «Василько» (об идеологич. особенностях поэмы см.: Базанов В., Очерки декабрист. лит-ры. Поэзия, М.—Л., 1961).

Формы творчества и идеи О. 30-х гг. во многом сближало его со славянофилами. С. А. С. Хомяковым, сослуживцем О. по л.-гв. конному полку, он был знаком с нач. 20-х гг.; по словам П. И. Бартечева, они много спорили, причем Хомяков уверял, что О. «не либерал и только хочет заменить единодержавие тиранством меньшинства» (Бартечев П., Биографические восп. об А. С. Хомякове. — РусБ, 1860, кн. 2, прил., с. 33). Однако поэзия О. вызвала сочувствие славянофилов; так, стих. «Ты знаешь их...» (опубл.: Вчера и сегодня, кн. 1, СПб., 1845) «поразило» И. С. Аксакова «мужественностью», непохожей на «явность» и «эгоизм» поэтов «лермонтовской школы» (Аксаков К. С., Аксаков И. С., Лит. критика, М., 1982, с. 174). В журнале славянофилов «Рус. беседа» были опубли. (1857—59) нек-рые стихи О.; в стих. «Славянские девы» 1830 (1859, № 16) выразились панславистские надежды О. («В голос единый что не сольете / Всех голосов славянских племен?») и его сожаления о совр. состоянии России («Старшая дочь в семействе Славяна ... Славой гремит, но грустно поет»). Н. П. Огарев, познакомившийся с О. в 1838 в Ставрополе и смотревший на него как на учителя, запомнил его глубоко религ. человеком, поэтом «христ. мысли, вне всякой церкви»; по мнению Огарева, «общество 14 декабря ... представляло коренное зерно всего рус. движения» и было предтечей славянофильства; в О. также «отразилось направление славянства» (Огарев Н. П., Избр. произв., т. 2, М., 1956, с. 383, 386).

Усилиями самого О. и его друзей было создано представление о нем как о поэте-импровизаторе, почти никогда не записывавшем своих стихов и не целившем их, поэте, чьи лучшие стихи не известны, «с ним

ние «Золовой арфы» В. А. Жуковского; в 1849 О. писал: «стихами Жуковского обозначены все происшествия моей внутренней жизни» — Сакулин, ч. 1, с. 90—91), «Пылающая хижина», «Песня» (№ 19), «Эпитафия» (№ 22). Лирич. героя О. «бедность от милой ... отлучила»; в суежном свете он «среди людей кичливых ... последний, ниже всех» (атрибуция и анализ: Турьян, 1991, с. 49—51; сам О. в ответе на пастырь П. В. Долгорукого отрицал, что в молодости писал стихи. — ЛН, т. 22—24, с. 117); позже О. писал стихи (см.: Сакулин, ч. 1, с. 97, ч. 2, с. 100), но напечатал только не имевший успеха «Сб-к детских песен дедушки Иринея» (СПб., 1847). Возможно, ранняя лирика О. связана с его юношеским увлечением Н. Шербатовой, описанным в «Дневнике студента» и выразительно обнаружившим максималист. строгость и вместе с тем ранимость О. В моск. барышне он искал «души мужчины, с умом светлым, с мыслями обширными», искал сходства со своим лучшим другом и родственником А. И. Одоевским, но, найдя суетную «вертушку», решил «оставить женщин в покое» (Турьян, 1991, с. 45—47).

Первые прозаич. сочинения О. — в характерных для Пансиона жанрах дидактич. разговора, речи, «письма» [напр., «Разговор о том, как опасно быть тщеславным» (речь на акте) — ВЕ, 1821, № 7—8]. Печатает ряд переводов, свидетельствующих о широком интересе — к нравописат. прозе, к романтизму, к святоотеч. лит-ре (обзор ученич. трудов О. см.: Замотин, с. 377—78; Сакулин, ч. 1, с. 73—98 — здесь О. предположительно атрибутируется также рассказ «Химикант Вильгельм», «Благ», 1820, № 20). Нек-рая архаичность лит. воспитания не помешала О. проявить интерес к «новой школе словесности»; в 1821 он защищает «Руслана и Людмилу» Пушкина от Н. И. Кутузова, с декабристских ригористич. позиций обвинявшего поэму в безнравственности («Письмо к редактору» — ВЕ, 1821, № 3; подпись И. К.; атрибуция: Турьян, 1991, с. 53).

Известность О. приносит публикация в «Вестнике Европы» прозаич. цикла: «Письма к Лужницкому старцу» (1822, № 4, 7, 9—10; подпись Фалалей Повинухин), «Странный человек» (№ 13—14), «Похвальное слово невежеству» (№ 20), «Дни досад» (1823, № 9, 11, 15—18). «Письма» вырастают из формы нравописат. очерка (сатир. изображение провинции и моск. «света»), но одновременно это первый (из завершённых и опубли.) опыт изображения в рус. повествоват. прозе мыслящего «героя времени». Носитель авт. позиции — пл. герой «Писем» Арист,

человек с умом и сердцем, философ-идеалист, бросающий вызов законамнейшей в праздности, тщеславии и невежестве толпе. Впервые звучит важная впоследствии для О. тема о стремлении к самосовершенствованию как цели человек. существованию.

«Письма», по свидетельству М. П. Погодина, произведшие «движение между сверстниками» («В память о кн. О.», с. 48), привлекли внимание А. С. Грибоедова. Их дружеские отношения с О. устанавливаются весной 1823. С комедией «Горе от ума» (создававшейся в то же время) «Письма» сближает не только сатир. изображение моск. общества, но и сам тип конфликта. Позднейшие прозов. О. насыщены реминисценциями из «Горя». В 1825 О. выступил со статьей в защиту Грибоедова («Замечания на суждения Мих. Дмитриева о комедии „Горе от ума“» — МТ, № 10). Помню лит-ры О. и Грибоедова сближал интерес к музыке, оба занимались ее теорией, что тогда было редкостью (восп. О. о Грибоедове — «Муз.-лит. наследие», с. 373—74).

В 1823 входит в кружок С. Е. Раича; в том же году вместе с Д. В. Веневитиновым организует Об-во любомудрия, членами к-рого были И. В. Киреевский, А. И. Кошелев, Н. М. Рожалин, В. П. Титов, Ф. С. Хомяков, брат А. С. Хомякова (к ним примыкали также М. П. Погодин и Н. А. Мельгунов). На заседаниях Об-ва участники беседовали о соврем. философии, читали собственные филос. сочинения. О., еще в Пансионе познакомившийся с новейшими филос. идеями в изложении Д. В. Велланского, М. Г. Павлова, И. И. Давидова, начинает непосредств. изучение нем. мыслителей. В кружке Раича читает свой перевод из «Учебной книги по натурфилософии» Л. Окена — «О значении нуля, в к-ром успокоиваются плюс и минус». Попытки философствования О. в первой пол. 20-х гг. опираются пл. обр. на философию тождества Ф. В. Шеллинга (см. незавершенные соч. О. «Сущее, или Существоющее», «Гномы XIX столетия» в кн.: Рус. эстетич. трактаты, т. 2). Шеллингианство О. проникнуто пафосом систематизма: «Мы верили в возможность такой абсолютной теории, посредством к-рой возможно было бы строить (мы говорили — конструировать) все явления природы» («Предисл. к „Русским ночам“», 1975, с. 187). Вслед за Шеллингом оценивает иск-во как высшую форму духовной деятельности человека; при этом эстетическое неотделимо от нравственного [об «эстетич. гуманизме» О. см.: Зеньковский, с. 155 (в т. ч. о связи с идеями Ф. Шиллера); Кюхельбекер, с. 219 (о «не-

делимости души» у О.)]. Первая серьезная попытка систематизировать накопленные эстетич. представления — «Опыт теории изящных искусств с особенным применением оной к музыке» (1823—25; Рус. эстетич. трактаты, т. 2). Влияние бесед в Об-ве проявлялось в филос. творчестве О. всю жизнь: см., напр., «Науку инстинкта. Ответ Рожалину» (1843) («Рус. ночи», 1975); историософия О. 30—40-х гг. родственна идеям Веневитинова и И. Киреевского (Сакулин, ч. 1, с. 482, 614—616); к идеям последнего также близки гносеологич. представления О.

Собрания любомудров проходили в кабинете О., председателя Об-ва (в доме П. И. Одоевского в Газетном пер.). Быт О. воспринимался современниками как театризованный, «фаустовский»: «Две тесные каморки молодого Фауста под подъездом были завалены книгами — фоллиантами, квартантами и всякими октавами, — на столах, под столами, на стульях, под стульями, во всех углах... На окошках, на полках, на скамейках — стакянки, бутылки, банки, ступы, реторты и всякие орудия. В переднем углу красовался человеческий костяк с голым черепом на своем месте и надписью: sapere aude [решишь быть мудрым (лат.)]. К каким ухищрениям должно было прибегнуть, чтобы поместить в этой тесноте еще фортепьяно...» (восп. Погодина — в кн.: В память о кн. О., с. 52—53). Об-во любомудрия просуществовало до восстания декабристов, после чего О. «с особенною торжественностью предал огню в своем камине и устав, и протоколы» (Кошелев, с. 51).

В 1823, видимо, при посредстве Грибоедова О. сближается с В. К. Кюхельбекером; в 1824—25 издаёт соав. с ним альм. «Мнемозина» (вышло 4 ч.: 1—3-я в 1824; 4-я часть издавалась подписчиком с опозданием в окт. 1825). О. отвечал за философию, публицистику и беллетристику, отбирал б. ч. мат-лов, в его руках сосредоточилась административная и редакционная деятельность, был одним из осн. авторов. Целью изд. О. считал распространение идей соврем. философии, в т. ч. романтич. эстетики: «Афоризмы из различных писателей по части соврем. германского любомудрия» [в осн. из Шеллинга] (ч. 2); «Несколько слов о „Мнемозине“ самих издателей» (ч. 4). Там же опубли. первый набросок замысла «Словаря истории философии» — «Секта идеалистико-эстетическая», в к-ром О. хотел представить историю европ. мысли в виде диалога филос. систем. По утверждению О., он «первый наложил руку на схоластицизм и классицизм» [дневниковая запись опубли. в кн.: Романтич. повести, Л., 1929 (вступ. ст.

О. Цехновицера); здесь и в дальнейшем: Цехновицер, с. 67), рискуя публично критиковать авторитетного А. Ф. Мерзлякова, к-рый апеллирует к понятию «вкуса», отрицал возможность построения единой теории изящного (прим. О. к ст. Кюхельбекера «Письмо IX. Дрезден. 14/2 ноября 1820» — ч. 1; см. также: «От читателя журналов» — ВЕ, 1823, № 7). С т. з. О., именно обращение к совр. филос. эстетике, сменившей теорию подражания образцам, поможет решить общеромантич. задачу создания ориг. рус. лит-ры: «Есть одна теория изящного, но формы ее бесчисленны... В философии нельзя быть оригинальным, в поэзии — должно. ... Отсюда невозможность подражателей и всегашние их неудачи» («Опыт теории изящных искусств...» — В кн.: Рус. эстетич. трактаты, т. 2, с. 160—61; см. также с. 188).

В своих лит. взглядах О. в этот период испытывает влияние Грнбоедова и Кюхельбекера. В критич. пафлете «Листики, вырванные из Парнасских ведомостей» («Мнемозина», ч. 1) О. обрушился на «геннальное новое скопище» — карамзинистов и «новую школу» поэтов. В отрывке из романа «Следствия сатирической статьи» (ч. 3) поддержал ряд положений ст. Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (ч. 2). Не случайно у О. сер. 20-х гг. положит. отзывы о литераторах антикарамзинского лагеря: А. С. Шишкове с его «Рассуждением о старом и новом слоге» («Разговор двух приятелей» — МТ, 1825, № 5, приб., с. 75—82), М. Н. Загоскине («Письмо к Лужницкому старцу» о комедии «Урок холостым, или Последники» — ВЕ, 1822, № 11—12), А. А. Шаховском. На страницах «Мнемозины» О. продолжил критику светского общества в сатирич. аллегории «Старики, или Остров Панхан (Дневник Ариста)» (ч. 1), призывающей к «Письмам к Лужницкому старцу», и в пов. «Елладий (Картина из светской жизни)» (ч. 2). «Елладий» был признан В. Г. Белинским «дивным явлением в лит. смысле», «первой попыткой изобразить общество не идеальное и нигде не существующее, но такое, каким автор видел его в действительности» (I, 275; VIII, 300). В апологах «Новый демон» (написан под влиянием стих. Пушкина «Демон») и «Моя утренняя женщина» (ч. 4) О. в аллегорич. фигурах Демона, светского «незнакомца», и Лени изображает искшения, встречающие молодого любовника в обществе. Попытка очертить в духе Ж. де Лабрюйера «общий характер нравов нашего времени» дана в этюде «Характер» (ч. 3).

Выход первых частей «Мнемозины» стал ярким лит. событием. В полемике с альманахом вступила большая часть рус. журналов. Наиб. ожесточенной была журн. война О. с Ф. В. Булгариным («Прибавление к предыдущему разговору...», ч. 3; «Короткий ответ кн. Одоевского г-ну Булгарину», ч. 4; см. также: Сакуллин, ч. 1, с. 249—95). Постепенно читат. интерес к изд. угасает. Кюхельбекер, не разделивший филос. увлечений О. (см., напр., его ст. «Минувшего 1824 года военные, учебные и полит. достопримечательные события в области рос. словесности») и недовольный резкостью его журн. полемики, отходит от изд. Первонач. планы продолжения сотрудничества («Мнемозина» на 1825 и лит.-критич. ж. «Комета»; см.: Глассе А., Критич. ж. «Комета» В. К. Кюхельбекера и О. — В кн.: Лит. наследие декабристов, Л., 1975) не были реализованы, но друж. отношения О. с Кюхельбекером сохранились до конца жизни (письма Кюхельбекера к О. — «Отчет имп. Публич. б-ки за 1893», СПб., 1896, прил.; см. также: РС, 1904, № 2).

После прекращения «Мнемозины» О. в 1825—26 печатается в «Моск. телеграфе» (сатирич. и ирреалист. очерки, музыкальные статьи), альм. «Ураания», «Сев. лира»; посещает салон Зинаиды Волконской.

В 1826 О. поступил в Моск. дворян. деп. собр.; в том же году переехал в Петербург; женился на Ольге Степ. Ланской (1797—1872), фрейлине, дочери гофмаршала, чл. Гос. Совета, сестре изв. мазона, близкого к розенкрейцерам. Бездетная семейная жизнь О., представлявшаяся современникам благополучной, была осложнена драматич. любовью О. к дальней родственнице жены Над. Ник. Ланской (подробнее см.: Турьян, 1991, с. 266—79, 322—48, 372).

С 1826 О. зачислен в Ценз. к-т Мин-ва внутр. дел (секр. общего собр.); разработывал либеральный ценз. устав 1828, к-рый называл «своим» (запись опубл. в кн.: Цехновицер, с. 67; «К истории рус. цензуры» и «Еще о цензуре» — РА, 1874, № 7, стб. 11—30). С июля 1828 также стоял у истоков в Деп. духовных дел иностр. исповеданий.

После переезда в Петербург сохраняет тесные связи с моск. лит. средой. В 1827 участвует в создании ж. «Моск. вестник», взявшись (вместе с Веневитиновым) за отд. критики. Самое значит. выступление О. здесь — рец. на кн. Ф. Милицина «Об иск-ве смотреть на художества по правилам Зюльера и Менгса» (МВ, 1827, № 16), в к-рой он впервые в России критикует принцип подражания природе в его класси-

цистич. истолковании, защищая право иск-ва на нарушение внешнего правдоподобия. Вольное отношение О. к авторитетам, проявившееся в его рец. на альм. «Памятник отеч. муз» (МВ, 1827, № 5), вызвало споры в редакции: Пушкин потребовал убрать отзывы о Г. Р. Державине и Карамзине как о писателях, будто бы имеющих для современности только ист. значение (см. письмо Погодина к О.: РС, 1904, № 3). После этого О. печатает в «Моск. вестнике» в осн. апологи — маленькие рассказы-притчи, построенные чаще всего на вост. мат-ле, излюбленная прозаич. форма О. 20-х гг. [Первые опыты были опубл. еще в «Мнемозине»: «Четыре аполога» и «Радуга—цветы—иносказания», ч. 3; отд. изд. под загл. «Четыре аполога» — М., 1824]. Иногда это переложения из «Панчтантры» (напр.: «Царь Девиндра и Голубь» — МВ, 1827, № 5; подпись N; «Переход через реку, приключение брамина Парамарты» — там же, № 15; подпись в оглавлении К.). Герои апологов — брамины, деревни, мудрецы-созерцатели. Добродетели обиденной жизни не составляют их цели, но достигаются сами собой. В 1827 О. пытается активно влиять на политику журнала (в окт. вместе с Титовым заставляет Погодина принять в соред. С. П. Шевырёва). В 1829 после скандальной публ. в «Моск. вестнике» статьи Н. С. Арцыбашева об «Истории...» Карамзина (1828, № 19/20, 21/22, 23/24) оставляет журнал (см. письмо О. к Погодину от 12 янв. 1829; Барсуков, кн. 2, с. 260—63).

Философия тождества привела О. к увлечению естеств. науками (причем он настаивает на превосходстве интеллектуальной интуиции над опытным знанием; см. критику эмпиризма в «Стариках на острове Панхан»). Самый значит. замысел 20-х гг. — ист. роман о мученике науки «Юрдан Бруно и Петр Аретино» — остался незавершенным (1825 — нач. 30-х гг.; анализ рукоп. см.: Сакуллин, ч. 2, с. 6—12; см. также: Прийма Ф. Я., о незаконченном романе О. «Юрдан Бруно и Петр Аретино». — «Доклады и сообщения филос. ф-та ЛГУ им. А. А. Жданова», в. 1, Л., 1949).

С сер. 20-х гг. О. сближается с Пушкиным. Лит. кругом (еще в 1824 А. А. Дельвиг просил Кюхельбекера познакомить его с О., произв. к-рого намеревался печатать в «Сев. цветах» — РС, 1825, т. 13, с. 377); в 1830 принимает активное участие в «Лит. газете» (см.: Турьян, 1991, с. 163).

В 1830 О. публикует «Последний квартет Беттговена» («СЦ на 1831»), год спустя «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi» («СЦ на 1832») — первые появившиеся в

печати новеллы из задуманной кн. «Дом сумасшедших». По свидетельству Гоголя, книга должна была включать «около десятка» повестей, рисующих «ряд психол. явлений, непостижимых в человеке» (письмо И. И. Дмитриеву от 30 нояб. 1832 — Гоголь, X, 248). В общих чертах цикла, вероятно, сложился к сер. 30-х гг. Смысл назв. раскрыт О. в предполагавшемся введении к книге: «нет ни одного великого человека, к-рый бы в час зарождения в нем нового открытия ... не казался сумасшедшим», бездна разделяет мысль от выражения, в глазах «простодушных» идеи высоких умов подвергаются «тому ж оптическому обману, к-рый безобразит для нас отдаленные предметы» («Кто сумасшедшие?» — БЧ, 1836, т. 14). Центр. часть цикла, по-видимому, составляли повести о «художниках», «геннальных безумцах», нашедших «такое соотношение между предметами, к-рые нам кажутся невозможными». Наряду с трагич. фигурами Бетховена, великого музыканта, уходящего из жизни непонятым на вершине своих открытий, и Пиранези, грандиозные архитектурные фантазии к-рого не могут быть воплощены и становятся вечным мучением для своего творца, О. вводит в книгу фантастич. образ импровизатора Киприяно («Импровизатор» — «Альциона на 1833-й год», СПб., 1833), поэта, с помощью враждебных человеку «чудесных» сил избавляющегося от мук творчества и получающего дар «производить без труда», но при этом утрачивающего целостное восприятие мира и способность непосредственного чувственного переживания. Для «Дома сумасшедших» предназначалась также новелла о любимом композиторе О. — «Себастьян Бах» (1834) (МН, 1835, ч. 2, май, кн. 1), одно из самых значит. произв. О. 30-х гг., романтич. биография великого музыканта, свободно сочетающая вымысел с подлинными фактами. Бах для О. — образец того, каким «должен быть художник», осененный «религ. вдохновением», познавший «ныне потерянное таинство» высшей гармонии и недостатую простому человеку сферы духовной жизни. Но и его жизнь приходит к трагич. концу: испытан непонимание и отчужденность самых близких людей, покинутый вдохновением, Бах умирает ослепшим стариком. Вместе с тем представления О. о художнике уже здесь отличаются от банального романтич. представления о «высоком безумии художника» (ср. «Блаженство безумия» Н. А. Полевого). В позднейшей авт. интерпретации герои новеллы «Дома сумасшедших» предстают как люди усербные — каждый по-своему («Рус. ночи», 1975, с. 139—40). В нач. 30-х гг. О., пред-

варя А. С. Хомякова и Киреевского, высказывает мысль о «целостности» как «идеальной задаче внутр. работы человека» (Зеньковский, с. 152).

Новеллы о художниках окончательно упрочили лит. известность О. Пушкин назвал «Последний квартет Бетговена» статьей, «замечательной и по мыслям и по слогу», доказывающей, «что возникают у нас писатели, к-рые обещают стать наряду с прочими европейцами, выражающими мысли нашего века» (из письма А. И. Кошелева к О. от 21 февр. 1831 — РС, 1904, № 4, с. 206). В связи с «Импровизатором» в критике заговорили о появлении в рус. словесности нового жанра — «философической повести» («Молва», 1833, № 5, с. 18—19; об О. как родоначальнике филос. повести в рус. лит-ре см. также: Давыдов И. И., Чтения о словесности, т. 3, М., 1838, с. 346). В целом виде «Дом сумасшедших» в печати не появился, предназначенный для него лит. материал впоследствии вошел в ром. «Рус. ночи».

1830 — нач. 1840-х гг. — время расцвета лит. творчества О. Он пишет много и в разных жанрах, работая параллельно над несколькими замыслами; произв. О. этого времени обнаруживают явное стремление к циклизации. В 1833 печатает «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Принцем Модестовичем Гомозейкою, магистром филологии и членом разных ученых обществ, изданные В. Безгласным» (СПб.; начало работы можно отнести к 1830; см.: Турьян, 1991, с. 215; «Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту» опубли. ранее в альм. «Комета Бель», СПб., 1833). В сб-к вошли фантастич. сказки, разные по типу повествования и сатирич. направленности: рядом с образцами социальной сатиры и бытовой фантастики («Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем», «Сказка о том, по какому поводу коллежскому советнику Ивану Богдановичу Отношенью не удалось в Светлое воскресенье поздравить своих начальников с праздником»), дидактико-аллегорич. рассказа («Сказка о том, как опасно девушкам...» — критика «басурманского» воспитания, превращающего светских красавиц в бездушных и бессмысленных кукол; «Деревянный гость, или Сказка об очнувшейся кукле и господине Капакеле») представлены тексты более сложной лит. природы. В «Жизни и похождениях одного из здешних обывателей в стеклянной банке, или Новом Жюко» сюжет франц. сентиментальной прозы, спародированный О. в манере новой «нестовой словесности», оборачивается филос. гротеском (трансформация темы со-

тественного человека в картину пожирающих друг друга пауков в банке). «Игоша», обработанная фольклорной быличкой, стал первым в его творчестве опытом «психологической» фантастики, в к-ром он обращается к проблеме существования и взаимодействия разных уровней сознания: детского (и близкого к нему народного), открытого мифу, и сознания совр. взрослого человека [анализ сказки см.: Турьян М. А., «Игоша» В. Ф. Одоевского (К проблеме фольклоризма). — РЛ, 1977, № 1].

Объединяющим началом цикла является фигура «сочинителя» или «собрателя» сказок Ирины Модестовича Гомозейки, ученого чудака, ломающего голову «над началом вещей и прочими тому подобными нелепыми предметами». Гомозейка выступает своего рода alter ego автора (см., напр., письмо матери О. ушедшей в Гомозейке портрет сына: Сакулин, ч. 2, с. 36, прим. 3); от его лица О. выступает с проповедью целостного познания мира, стремясь к к-рому лежало в основе многих важнейших естественно-научных открытий; в этой связи О.сылается на средневековых ученых, незаслуженно забытых рассудочным девятнадцатым веком, «обрезавшим крылья у воображения».

В композиц. решении «Пестрых сказок» определяющую роль, по-видимому, сыграли вышедшие в окт. 1831 пушкин. «Повести покойного Ивана Петровича Белкина, изданные А. П.». В намеренно сниженном образе рассказчика «Пестрых сказок» можно видеть «как бы „городской“, „столичный“ вариант Ивана Петровича Белкина» («Пестрые сказки», 1996, с. 134 и далее). На О. могли повлиять и «Вечера на хуторе близ Диканьки» Гоголя. С Гоголем О. сближает также интонация иронич. сказа, смягчающая общий дидактизм книги. В совр. критике чаще рассуждали о глубоком различии (при внешнем сходстве) между художником Гоголем с его пафосом «любви к жизни» и дидактиком О. с его только «отриц. пафосом» (Григорьев, Критика, с. 195; см. также: Беллинский, I — «О рус. повести и повестях Г. Гоголя»).

Ощущение творч. связи «Пестрых сказок» с повестями Пушкина и Гоголя проявилось в проекте задуманного О. и Гоголем альм. «Тройчатка», куда должны были войти повести трех рассказчиков — Белкина, Гомозейки и Рудого Пяльца. Проект не осуществился из-за отъезда Пушкина (см. его письмо к О. от 30 окт. 1833 — Переписка А. С. Пушкина, т. 2, М., 1982, с. 426—27). После этого О. и Гоголь общались в своем ичталь альм. «Двойчатка», к-рый тоже не состоялся из-за неясн. причин (см. письмо О. к М. А. Маджаровичу конца 1833 — КС, 1883, № 4, с. 846). Об устойчивом интересе О. к фигуре Белкина свидетельствуют и его заметки: «Домашние заметки, собранные старожилыми» (50-е гг.), записанные как прямое подражание «Истории села Горюхина».

«Пестрые сказки» печатались под псевдонимом Гоголя (см. письмо Гоголя к А. С. Давыдовскому от 8 февр. 1833 — Гоголь, X, с. 260; «Пестрые сказки», 1996, с. 151—52). Изд. носило экспериментальный характер: необычная полиграфия, авт. инициалы, намеренная архаизация орфографии. О. определял свои «Сказки» как лит. шутку, «которой главной целью была доказать возможность россошских изданий в России и пустить в ход резьбу на дереве...» (Соч., 1844, ч. 3, с. 169).

Критич. отзывы на книгу были противоречивы (на подборку см.: «Пестрые сказки», 1996, с. 111—28). Смысл ее не был вполне ясен современникам (см. письмо Кошкина к О. от 1 мая 1833: «Мы с удовольствием их читали, но вообще они не произвели сильного действия; весьма немногие понимают их, а еще менее людей, к-рые ищли бы по настоящему их достоинству» — Сакуляни, ч. 2, с. 36; ср. воспом. Попова — «В память о ен. О.», с. 55). Скрябинский отказался от сбор. Пулюкин (на замечание О., что писать фантастич. сказки чрезвычайно трудно): «да если оно так трудно, зачем же он не пишет? Кто его принуждает? Фантастич. сказки только тогда и хороши, когда писать их нетрудно» (цит. по: Соллогуб В. А., Повести. Восп., Я., 1928, с. 578). С резкой рец. выступил Н. А. Полевой, ставший в упрех О. халодный нравочит, аллегоризм, неудачное подражание Гофману и слешком аристократич. тон (МТ, 1833, № 8, с. 372—82). Многие отмечали аналогия О., отличавший его «Сказки» от «простоудной» фантастики Гофмана (см., напр., письмо П. А. Вяземского Жуковскому от 14 апр. 1833 — РА, 1900, кн. 1, № 3, с. 333). Белинский, выйдя в «Сказках» пример изощрен. «рефлексивности» творчества, утверждал, что повесть для О. была «не целью, но так сказать средством, ее существовавшая форма, а удобною рамкою» («О рус. повести и повестях Гоголя»). Реагируя на критику, О. с грустью признавал: «повесть не по моей части» (Сакуляни, ч. 2, с. 301) и выражал готовность изменить свою манеру (см. письмо Шевырева о цикле «Записки гробовщика» как о попытке писать в «пластич. роде» — Сакуляни, ч. 2, с. 298). При жизни О. «Пестрые сказки» как целостный цикл не переиздавались. Шесть сказок из девяти были включены в ч. 3 Соч., 1844: пять составили раздел «Отрывки из „Пестрых сказок“»; шестая, «Июноша», в существ. переработанном виде вошла в «Опыты рассказа о явлении и новых преданиях».

«Пестрые сказки» должны были входить в более широкий цикл, объединенный личностью Гомозейки. Центр. место в цикле занимала автобиогр. «хроника» — «Жизнь и похождения Ириния Модестовича Гомозейки, или Описание его семейственных обстоятельств, сделавших из него то, что он есть и чем бы он быть не должен», где О. переселяет своего героя в провинцию; в сохранившихся отрывках намечена широкая панорама провинц. быта. К хронике примыкает «История о петухе, кошке и лягушке. Рассказ провинциала» (первые под загл. «Отрывок из записок Ириния Модестовича Гомозейки» — БзЧ, 1834, т. 2); Гомозейко появляется также в более позднем, служащем переходом к фантастич. повестям рассказе «Пришествие (Из путевых заметок)» (ЛПРИ, 1838, № 40; весь рукоп. мат-л, относящийся к циклу, опублик. в кн.: Пестрые сказки, 1996). Псевд. Ириний перешел впоследствии в соч. О. для детей («дедушка Ириний») и просветительские книги для народа («дядя Ириний»).

В 1834 О. печатает опыт прозы для детей — «Городок в табакерке» (СПб.). Сюжет «Городка...» основан

на парадоксе, имевшем для О. принципиальное значение: рождение музыки подчинено столь строгим и определенным закономерностям, что может быть формализовано и автоматизировано. Герой-ребенок, а вместе с ним и автор рассматривают с живым любопытством странный и путающий механич. мир музыкальной шкатулки. Современники увидели в повести только удачное решение пед. задачи (см., напр.: Белинский и Я., IV, 108); особое обаяние придуманного О. мира с «черепаховым небом» оказалось замеченным лишь в 20 в. В 1834 и 1835 О. сойм. с Б. А. Врасским издаст «Дет. книжки для воскресных дней», где публикует сказки и др. произв. для дет. чтения (см. также отд. изд.: «Сказки и повести для детей дедушки Ириния», «Мороз Иванович» — обе: СПб., 1841). Наряду со сказками для детей, несшими отчетливые просветит. функции, О. — автор ряда соч. по теории, и практич. вопросам педагогики (краткий обзор см.: Избр. пед. соч., с. 337—60).

Утверждение высоких идеалистич. начал в жизни человека, звучащее в «Пестрых сказках», становится одной из центр. тем прозы О. 30-х гг., посв. светскому обществу. Здесь нашла продолжение линия творч. развития О., намеченная его ранними сатирич. произв.: определенн. худож. схематизм, обличит. пафос, широкие филос.-дидактич. обобщения. В ряде произв. О. показывает, как мельчает и гибнет человеческая душа в столкновении с обществом, средой, отгораживающей всякие порывы ума и сердца. Юношу-идеалиста, героя новеллы «Новый год. (Из записок ленивца)» (ЛПРИ, 1837, № 1; подпись Безгласный; в Соч. 1844 вошло с датой 1831), светская жизнь превращает в пустого заурядного человека. (Тема превращения совр. идеалиста, молодого восторженного поэта, мечтающего бескорыстно служить и быть полезным отечеству, в практичного честолюбивого чиновника-бюрократа должна была быть развита во второй части трилогии «4338-й год» — опублик. отрывок «Петербургские письма» (МН, 1835, ч. 1; подпись: В. Безгласный.) Трагедия человек. жизни, лишенной духовных стремлений и нравственного смысла, посвящена новелла «Бригадир» (альм. «Новоселье», 1833, ч. 1; первоначально предназначалась для цикла «Дом сумасшедших»); рядом с ней возникают резко обличит. картины петерб. света в «Бале» (там же) и «Насмешке мертвого» (альм. «Денница на 1834 г.», М., 1834; впоследствии под загл. «Рус. ночи», в «Ночь четвертую», куда вошли также «Бал» и «Бригадир»). Противопоставляя себя

совр. нравоописателям, рисующим жизнь гостиних «из слухового окна, а иногда ... и из передней» («Пестрые сказки», 1996, с. 52), О. стремился не к поверхностной критике пороков высшего общества, а к проникновению в его глубинные механизмы. В наиб. ориг. светской пов. «Княжна Мими» (БзЧ, 1834, т. 7) впервые в истории жапра гл. персонажем становится не романтич. героиня, а старая дева-сплетница, чью душу потугнула бессмысленность светской жизни. Во внешней прозрачности типа проглядывает демонизм (по первонач. замыслу в княжну Мими вселяются бесы), но гл. предметом авт. анализа становится не психология героини, а изучение общества, условий, порождающих лица такого рода. Механизм зарождения и движения в обществе слухов и сплетен. Уже первые критики отметили в повести умение «анатомировать» свет, живость рассказа, оригинальность характеров (Я. М. Неверов — ЖМНП, 1835, № 7, с. 187—88; ЛПРИ, 1835, № 74, с. 590). «Одною из лучших рус. повестей» назвал «Княжну Мими» Белинский (VIII, 313). Гл. героиня пов. «Княжна Зизи» (ОЗ, 1839, т. 1), напротив, необыкновенная женщина, к-рая в малом семейном круге умела показать более благородства и твердости души, нежели многие мужчины на попроще более возвышенных; в творчестве О. это один из немногих опытов создания целостного характера.

К светским повестям примыкают произв., посв. жизни др. слоев общества. Наиб. значит. замысел — цикл «Записки гробовщика». О. залунал ряд картин, дающих широкую панораму совр. рус. жизни, увиденной глазами гробовщика — человека, «присутствующего решительным минутам нашего существования». [Здесь развита идея более раннего замысла — «Отрывок из журнала доктора» (ЛГ, 1830, № 17; подпись Гр.; продолжение не появилось).] Замысел «Записок гробовщика» был реализован; опублик. только три повести: «Сирота» («Альманах на 1838 г.»), «Живопищев» (ОЗ, 1839, т. 6) и «Мартингал» («Петербург. сб-к», СПб., 1846). (Обзор светских повестей и бытовой беллетристики О., в т. ч. рукоп. мат-лов, см.: Сакуляни, ч. 2, с. 101—68.)

В своем петерб. (а затем и моск.) салоне (начало особенной популярности — 1830—31) О. предпринял уникальную попытку сблизить ученых, музыкантов, литераторов, чиновников, светских людей и разночинцев. Здесь бывали И. П. Сахаров, Н. Я. Бичурин, Глинка, А. С. Даргомыжский, Пушкин, Жуковский, Вяземский, Е. П. Ростопчина, Лермонтов, Шаховская, И. А. Крылов, И. И. Панаев, Белинский, Д. Д. Блудов,

ОДОВЕВСКИЙ

Е. И. Голицина («Princesse Nocturne») и др. (свод мат-лов см.: Аронсон М., Рейсер С., Лит. кружки и салоны, Л., 1929, с. 171—182; см. также: Лит. салоны). «Пятницы» в его моск. салоне посещали А. Н. Островский, А. Н. Майков, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. А. Фет (см. восп. Г. А. Лароша в кн.: Чайковский М. И., Жизнь П. И. Чайковского, т. 1, М.—Лейпциг, 1903, с. 256—57). Салон был своеобразным муз. центром сев. столицы, где играли почти все приезжие знаменитости, в т. ч. Ф. Лист (1842) (см.: Глинка М. И., Лит. наследие,

«Сегельфельд, или Дон Кихот XIX столетия. Сказка для старых детей. (Отрывок из 1-й части)» («Сб-к на 1838 г.», СПб., 1838); «Сильфида. Из записок благоразумного человека» («Совр.», 1837, ч. 5); «Косморама» (ОЗ, 1840, т. 8). «Саламандра» (ОЗ, 1841, т. 14, № 1). «Южный берег Финляндии в нач. XVIII столетия» (УЗ, 1841); две посл. повести в изд. 1844 составили дилогию под общим назв. «Саламандра». Эти повести принадлежат к лучшей, наиб. орг. и вместе с тем наименее изученной части наследия О. и отражают эволюцию его филос. взглядов

цельса и др.), масонскую лит-ру, с др. стороны, — новейшие труды по химии, физике, естество. наукам, медицине, полит. экономии, статистике, этнографии и пр.; следы этих занятий обнаруживаются уже в «Пестрых сказках». О. пытается найти некую метасистему, примиряющую внешне полярные противоположности (установка, аналогичная исканиям Шеллинга; ср. запись беседы с Шеллингом в путевом дневнике О. 1842 — в его кн.: О лит-ре и иск-ве, с. 138—141). В этой метасистеме особое место отводится гносеологии; отсюда — обостренный интерес О. к проблемам психич. жизни и в особенности к явлениям на грани бессознательного (сон, «животный магнетизм», месмеризм), а также к физич. феноменам, не получившим рационального объяснения (электричество). Уже в 30-е гг. «мистич. идеализм» О. пронизан элементами позитивного знания (см.: Согнвелл, р. 75—90, с указ. на лит-ру). Он пишет ряд статей и заметок по вопросам психологии, сопутствующих его повестям «и иногда содержащих истолкование их худож. мотивов» («Наука инстинкта. Ответ Рожалику»; «Пенхол. заметки» — «Совр.», 1843, т. 32; «Письма к графине Е. П. Р(остопчинной) о привидениях, суеверных страхах, обманах чувств, магии, кабалистике, алхимии и других таинственных науках» — ОЗ, 1839, т. 1, № 1—2). Согласно О., высшей формой познания мира является интуитивное («инстинктуальное») знание, возникшее как результат непосредственной связи человека с природными началами, утраченное с развитием цивилизации и замененное рационалистическим и утилитарным знанием, имеющим свой ограниченный круг применения; «инстинктуальное» знание сохранялось в магич. обрядах, теориях мистиков и алхимич. опыта; новая наука должна по возможности объединять обе эти сферы. Эта проблема является одной из центральных в фантастич. повестях О. («Косморама», «Саламандра», «Итоша»).

По-видимому, наиб. ранним филос.-фантастич. замыслом О. был «Сегельфельд» (ряд набросков к неосуществл. обширному замыслу восходит к нач. 30-х гг. — см.: Сакулин и ч. 2, с. 51—68), где разработка темы носила характер мистерии. Сегельфельд — падший дух, преданный Люциферу, но одержимый любовью к людям; он принял человек. облик и введен в бытовую (в т. ч. чиновничью) среду, где играет роль «рус. Дон Кихота» и отчасти «рус. Фауста». О. ставит здесь и занимавшую мистиков проблему дуализма человек. природы. Тема «двоемирия» становится конституирующей в «Космораме» и в задуманном цикле повес-

Встреча Нового 1835 года у Одоевского. Рис. В. Ф. Одоевского. Слева направо сидят: Н. А. Любимов, М. И. Глинка, И. В. Киреевский, С. А. Соболевский, А. С. Пушкин, Н. И. Крылов, В. А. Жуковский.

т. 1, Л.—М., 1952, с. 219; Иванов-Корсунский Вл., Муз. деятельность кн. О. — В кн.: Муз. летопись. Статьи и мат-лы под ред. А. Н. Римского-Корсакова, сб. 1, П., 1922, с. 111).

Разночинцы, несмотря на усердие гостеприимного хозяина, чувствовали себя неуютно; по мнению людей «сороковых годов», привыкших к атмосфере кружка, у О. собирались люди, «ничего не имевшие общего, кроме нек-рого страха и отвращения друг от друга» (Герцен, IX, 30). Социальная поза О., чиновника, писателя и придворного, подчас вызвала раздражение; по словам Герцена, О. «много лет прискивает средства быть разом человеком Петербурга и человеком человечества, а удается плохо, он играет роль какой-то Zwittergestalt и несмотря на всю прелесть души — виден и камергерский ключ на задку» (XXII, 99).

В кон. 30-х — нач. 40-х гг. О. публикует неск. повестей мистериального, мистич. и фантастич. содержания:

30-х гг. (характер этой эволюции определяется по-разному: П. Н. Сакулин определял ее как движение от раннего шеллингианства к «мистич. идеализму» и позднее к «реализму» позитивист. толка; Ю. В. Манн вслед за О. отмечал близость «мистич. идеализма» к «философии откровения» позднего Шеллинга). Отношение О. к учению Шеллинга на разных этапах развития писателя вызывает разногласия (обзор лит-ры: Каменский и ч. 5, с. 57—63); неизменным остается романтич. универсализм О., получивший обоснование в его статьях и в «Рус. ночах»: он стремится интегрировать в единой системе худож., филос.-религ. (вплоть до мистич. и теософских) представления и достижения совр. опытного знания. Отсюда и принципиальный энциклопедизм О. — мыслителя и художника, в 30-е гг. углубленно изучающего труды средневековых и новых мистиков (Я. Беме, Л. К. Сем-Мартена, Э. Сведенборга, позднее Дж. Порлейджа), алхимиков (Пара-

тей об общении человека со стихийными духами («Сильфида», «Саламандра», «Ундина»). Сохраняя свою мистич. основу (в особенности в «Космораме»), эта тема приобретает натурфилос. характер. В «Сильфиде» герой-интеллектуал с чертами «любомудра» уходит от пошлой провинц. среды в чтенье алхимич. лит-ры и физич. опыты, результатом к-рых становится появление стихийного духа воздуха — Сильфиды; излечение («бульонными ваннами») от мнимого сумасшествия оборачивается для него духовной деградацией. По проблематике (противопоставление поэзии творчества и пошлой обыденности, где духовное начало воспринимается как сумасшествие) «Сильфида» еще связана с общим замыслом «Дома сумасшедших», однако намеченные в ней темы получают автономное развитие в «Космораме» и «Саламандре». В первой повести идея «двоемирия» на уровне «микрокосма» и «макркосма» (человека и мира) реализуется в символич. образе косморамы, в к-рой герой (в начале повести — ребенок) видит грядущие события своей жизни и жизни окружающих его людей, при этом инобытие их неотчужденно их реальному бытию. Сам герой в ином мире выполняет роль «орудия казни»; это раздвигает его жизнь и отчуждает его от общества. Ряд мотивов повести восходит к антропософ. и теософ. доктринам (образ графа-мертвеца, возвращающегося в земном облике и концентрирующего в себе зло и преступление нескольких поколений, — идея «кармы»). Особое место в повести принадлежит образу Софьи («мудрость») — наивной и необразованной девушки, инстинктивно постигающей таинство смерти и божественной любви-самопожертвования (одна из распространеннейших идей в масонских учениях). Комплекс идей, связанных с этим образом, получает развернутое воплощение в «Саламандре».

Сюжет повести, первоначально относимый к средневековой Италии, локализован в Финляндии и России периода Сев. войны 1700—1721 и реформ Петра I. Герои — Элиза и Яко — финны, представители народа, но мысль О. сохраняющего зрелище связи с природными началами и «инстинктуальное» постижение мира, что дает им способность к магии и ясновидению. Элиза — бессонная обладательница такого знания; ее инобытие — «саламандра», стихийный дух огня; в реальной жизни она ничего не знает о своей второй личности и в ней говорит тихим не осознаваемым ей внутр. голос (ср. Софья в «Космораме»). Натурфилос. субстрат этого образа выражен яснее, чем в «Космораме»; вслед за второй частью спесей диалоги О. пишет «Ордактуку крестьянку» (ОЗ, 1842, т. 20, № 2), в основе к-рой — позитивный же случай «развоения личности», описанный клинич. медициной. Распадение стесняющей, ставшей трагич. последствием инвазии, символизируемого образом Яко, друга детства и предполагаемого жениха Элизы; оторванный войной от родной почвы, получив европ. образование и став участником реформ Петра I, он по-

степенно отравляется злом утилитаризма, меркантилизма и рационализма, царящих в столице. Фокусом идейной проблематики повести является сныи алхимич. опыты, путем к-рых Яко пытается добыть «философский камень» — эликсир жизни, превращающий неблагородные металлы в золото. Ключом к тайному знанию оказывается не изучение алхимич. книг, а любовь Элизы-Саламандры, иррациональное приобщение к началу вещей (ср. исоплатонич. понимание любви как всеобщего связующего начала); предзагу любви, Яко довершает свое падение и гибнет в пламени жертвой мести Саламандры (сюжет повести см.: Турьян М. А., Эпопея романтизм. мотивов в пов. О. «Саламандра». — В кн.: Рус. романтизм, Л., 1978).

В 1835 О. — один из организаторов ж. «Моск. наблюдателя»; к тому же времени относятся неосуществленные проекты соств. изд. — ж-лы энциклопедич. характера с обширной программой: «Совр. летописец политики, наук и лит-ры» (совм. с Пушкиным) и «Св. зритель» (совм. с А. А. Краевским). С момента основания ж. «Современник» О. — ближайший сотрудник Пушкина по изданию. В отсутствие Пушкина вместе с П. А. Плетнёвым редактирует и издает т. 2, где, в частности, напечатана ст. О. «О вражде к просвещению, замечаемой в новейшей лит-ре» — резкое выступление против «торговой словесности», в первую очередь О. И. Сенковского и Булгарина (заглавие предложено Пушкиным, называвшим статью «дельной, умной и сильной»; по первонач. плану она в качестве программной должна была открывать том). [Враждебное отношение Сенковского к О. видно из язвительной реп. на Соч. 1844: БаЧ. 1844, № 9; см. рукоп. ответ О.: «Рус. ночи», 1975, с. 231—34. Осенью 1836 вместе с Краевским предлагает Пушкину план преобразования «Современника» в ежемес. журнал с доп. ежеквартальным альм. «Рус. сборник» (подробнее см.: Турьян, 1991, с. 282—92).

Высокая оценка «Современника» и всей журн. деятельности Пушкина дана в ст. О. «О нападениях петербургских журналов на русского поэта Пушкина» («Пушкин, эта радость России, наша народная слава», — писал О. в ответ на заявления «Б-ки для чтения», «Сына отечества» и в первую очередь «Св. пчелы» о падении таланта поэта; статья предназначалась для «Моск. наблюдателя», но не была опублик., впервые: РА, 1864, № 7). О. был автором известного некролога «Солнце нашей Поэзии закатилось!» (ЛПРИ, 1837, № 5) и ряда статей, посв. памяти Пушкина (см.: Заборова Р. Б., Неизданные статьи О. о Пушкине. — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 1). В числе ближайших друзей участвовал в изд. посмертного «Современника» и Собр. соч. поэта.

В 1837 О. — фактик. ред. «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“», выкупленных у А. Ф. Воейкова (соредакт. — Краевский и В. А. Владиславлев).

Замысел энциклопедич. журнала, способного объединить лучшие лит. силы и противостоять «торговому направлению», в особенности журнальному диктату Сенковского, был осуществлен в обновленных «Отч. записках», к-рые О. купил в 1839 на палях с Краевским и Врасским (см.: Могилянский А. П., А. С. Пушкин и О. как создатели обновленных «Отч. записок». — «Изв. АН СССР. Сер. истории и философии», 1949, т. 6, № 3). Первые годы печатает в журнале худож. и филос.-публицистич. статьи и реп. по вопросам науки, промышленности и пр. После 1842 перестает играть в редакции важную роль. Свое понимание просветит. задач «толстого» рус. журнала, призванного удовлетворить интересы каждого из его читателей, О. дал в очерке «Утро журналиста» (ОЗ, 1839, т. 7; подпись С. Размоткин); практич. цели журнала — «мирить и соединять науку с жизнью». К рассуждениям о существующей в современной России бездне «между наукою и жизнью, между литературой и жизнью, между поэзией и жизнью» О. вернулся в ст. «Записки для моего праправнука о русской литературе» (ОЗ, 1840, т. 13), содержащей пессимистич. оценку состояния совр. рус. словесности и резкие обвинения в адрес «литературных поставщиков», сделавших из лит-ры лишь «промысел». С пригласением в «Отч. записки» Белинским отношения складывались сложно: по восп. О. «всякий раз, когда мы встречались с Белинским (это было редко) мы спорили жестоко», но О. называл его «одним из высших философских организаций», какие он когда-либо встречал (РА, 1874, кн. 1, стб. 339). Итогом разногласий стала статья Белинского о «Рус. ночах» (Белинский, VIII), воспринятых им в осн. в свете идей, близких к славянофильским; О. возразил на нее в письме Краевскому (Сахулин, ч. 2, с. 450—53). (Блок воспринимал О. и Белинского как «полюсы нашей мысли», «братьев-врагов» — Блок, VI, 139).

В 1844 О. издает Соч. (ч. 1—3), ставшие для большинства читателей итогом его лит. деятельности. Печатавшиеся ранее произв. объединены здесь в тематич. разделы и циклы; ч. 1 занята ром. «Рус. ночи», куда вошли новеллы, предназначавшиеся ранее для «Дома сумасшедших» (ср. подобное же собрание романа из уже опублик. новелл в «Герое нашего времени» Лермонтова).

Значительность издания, и прежде всего «Рус. ночей», признавалась всеми (см.: П. А. Плетнев) — «Совр.», 1844, № 11; Кюхельбекер, с. 423). Однако для В. Н. Майкова, как и для Белинского, соч. О. были памятником ушедшей эпохи. С

уважением отозвавшись о моральности. пафосе О., Майков не принял ни его творч. манеры (отрицая у него худож. оправданность фантастического), ни «лирич. науки»: несостоятельны, по мнению критика, попытки науч. решения «вопросов жизни человеческой», к-рые не могут быть разрешены наукой, неплотномерно смешение рассужда и «настроения» там, где подход должен быть строго рациональным (Майков, с. 199—200).

«Рус. ночи» воспроизводят распространённую в европ., в т. ч. рус., прозе перв. трети 19 в. композиц. структуру — цепь рассказов, объединённых рассуждениями действующих лиц. Новеллы «Дома сумасшедших» (и иск-рые др.) поданы как рукописи, остающаяся от двух шеллингианцев 20-х гг.; ее обсуждают четыре приятеля — люди следующего поколения. В контексте романа прежде самостоятельные новеллы, авторство к-рых теперь приписано разным персонажам, несколько изменяют свой смысл, становясь иллюстрацией к.-л. определенной точки зрения. Сам О. определял «Рус. ночи» как «драму», где «целая жизнь одного лица служила бы вопросом или ответом на жизнь другого» («Рус. ночи», 1975, с. 8).

Филос. ром. «Рус. ночи», построенный как беседа о смысле жизни, — явление уникальное в рус. лит-ре и одновременно соответствующее представлениям европ. романтиков о романе как наиб. совершенном жанре (см.: Гиппиус, с. 16). Хотя О. часто упрекали в рационализме, поиски истины в «Рус. ночах» органически связаны именно с формой худож. произв., а не филос. трактата. По убеждению О., истина не передается на неточном человеческом языке (или на неточном языке совр. науки), на нее можно лишь указать символами. О. полагает, что язык, прежде всего из-за исторически сложившейся произвольной ассоциативности, бессилён передать мысль: «Когда мы говорим, мы каждым словом вздымаем прах тысячи смыслов, присвоенных этому слову и веками, и различными странами, и даже отдельными людьми» («Рус. ночи», 1975, с. 142). Обыкновенный язык не только лишен логич. точности, но и слишком связан с материальной стороной жизни, потому не может отразить мистич. суть событий; отсюда необходимость творч. отношения к языку. Наиб. адекватен мысли в ее живой целостности, не отделенной от «внутр. чувства», язык иск-ва, из иск-ва же наиб. совершенным языком владеет музыка (о поисках совершенного языка: вошедшая в «Рус. ночи» новелла «Последний квартет Бетховена»; «Вопрос о сущности музыки...» — Рус. эстетич. трактаты.

т. 2; письмо Краевскому от 1844 — «Рус. ночи», 1975, с. 235).

Персонажи романа, по словам О., «историко-символические лица»; крайняя степень обобщения часто проявляется и в подчеркнuto неопределённом характере изображаемого пространства («в том городе», «из страны в страну» и проч.). По глобальности и широте поставленных проблем (что такое прогресс, в каком направлении совершается развитие человечества, какой момент всемирной истории воплощает совр. общество) «Рус. ночи» явились одним из самых ярких произв. романтич. универсализма (см. подробнее: Манн, 1969, с. 113—19). В то же время роман стал своего рода итогом филос. движения О. 20—30-х гг. — отказом от систематич. решения «вопроса о значении жизни». Из четырех приятелей, героев романа, представляющих совр. утилитаризм, прагматизм, преклонение перед опытным знанием (Виктор и Вячеслав) и шеллингианство (Ростислав), авт. мнения наиб. полно выражает Фауст, к-рый определен О. как «мистик», не высказывающий своего решения, но удивляющийся символизмом (см. «Примечание к „Рус. ночам“») нач. 60-х гг. для предполагавшегося переизд. — «Рус. ночи», 1975, с. 191—92). Удаляющийся, подобно самому О., опытной наукой, свободно ориентирующийся в сфере последних науч. открытий и теорий, Фауст отвергает возможность представить все многообразие мира как единство — для новой филос. системы еще не настало время.

Осн. тон романа — разочарование в плодах тысячелетней истории цивилизации, неудовлетворенность состоянием совр. человечества в целом. Одна из главных бед сегодняшнего дня, по мнению О., — жесткий систематизм. В науке, отказавшейся от интуитивного проникновения в сущность вещей и якобы достигшей высшей степени совершенства на пути эмпирии, опыта и абстрагирующего мышления, «нет явления, для к-рого бы не существовало тысячи противоположных объяснений», не познана «внутр. связь между веществами», законы природы остаются загадкой. В сфере обществ. отношений систематизм, по мнению О., ярче всего проявляется в совр. формах западной цивилизации, утратившей представление о поэтич. началах, стремящейся к благу всего общества в целом и игнорирующей счастье каждого отдельного человека. В «Рус. ночи» включены два резко полемич. отклика на новейшие европ. обществ.-экономич. теории: «Последнее самоубийство» — картина развития человечества в соответствии с теорией народонаселения Т. Мальтуса, и «Город без имени» (впервые как самостоят. про-

изв.: «Совр.», 1839, кн. 1) — рассказ о вырождении общества, в основу к-рого положен бентамовский закон пользы как определяющего двигателя всех действий человека.

В эпилоге «большой», дошедшей до последней степени своего развития, прагматич. зап. цивилизации О. противопоставляет Россию, в жизни к-рой видит стремление к целостности и полноте знания. Заключит. фраза романа: «Деятельный век принадлежит России!». О. заявлял, что первым «выговорил значение России в мире, чем теперь преобладают многие» (Цехновицер, с. 67; с этим соглашается, напр., Зеньковский). Эпилог был написан до публикации «Философич. письма» П. Я. Чаадаева, хотя явно соотносится с идеями последнего: «... я написал эпилог ... как будто нарочно совершенно противоположной статье Чаадаева»; то, что он говорит об России, я говорю об Европе, и наоборот» (письмо О. к Шевыреву от 17 нояб. 1836 — РА, 1878, № 5, с. 57). Убеждение, что России предназначено выполнить великую общечеловеч. миссию и стать во главе всемирного просвещения, сближающее взгляды О. с воззрениями славянофилов, должно было полностью быть развито в незавершенном романе-утопии «4338 год» (опубл. отрывок: «4338-й год. Петербургские письма. От Ипполита Цуннева, студента Главной Пекинской школы, к Лингви, студенту той же школы» — УЗ, 1840; реконструированный текст с включением рукоп. см. Цехновицер). Утопия первонач. задумана как последняя часть трилогии; первые две части должны были быть посв. времени Петра I, началу рус. просвещения, и совр. О. эпохе 30-х гг. (обзор мат-лов см.: Сакулин, ч. 2, с. 170—78). Будущая Россия изображена как идеальное гос-во, самое сильное в мире; успехи его не столько в реформировании обществ. отношений (отсюда неодобрит. отзывы читателей след. поколения; см., напр.: Панаев, с. 120—121), сколько в достигнутом синтезе наук и технич. прогрессе, в высокой роли, отведенной в обществе иск-ву.

Переизд. «Рус. ночей», задуманное О. в нач. 60-х гг., не состоялось. С учетом внесенных исправлений и доп. издано С. А. Цветковым (М., 1913).

После 1844 О. опубл. только одно худож. произв. — новеллу «Мартингал», если не считать многочисл. фельетонов (напр., фельетон в драматич. форме «Как бы пообедать? Дорожное происшествие» о рус. туристах в Финляндии — СПбВед., 1857, 3 янв.). Пытался работать в новых лит. жанрах, но оставил только наброски, напр. ром. «Самарянин» (50—60-е гг.; действие происходит в 1842—61), где был, в частности, но-

вый для рус. лит-ры герой — разночинец (описание его естественно-научных экспериментов явно автобиографично; см.: Медовой М. И., Неосуществленный замысел О. — В кн.: Рус. лит-ра и обществ.-полит. борьба XVIII—XIX вв., Л., 1971); отрывок «Школьный учитель» (опубл. М. Д. Филиным; РР, 1994, № 5, с. 32—36). В эпоху расцвета публицистики О. сводит к ней практически всю свою лит. деятельность, печатая статьи, очерки, восп., фельетоны в разл. изданиях: «Санкт-петерб. вед.» (1857—61); «Искра» (1859, № 23; 1860, № 33); «Рус. архив» (1863, 1864, 1869); «Наше время» (1863); «Моск. вед.» (1865); «Русский» (1867); «Беседы ОЛРС» (1867) и др.

Статьи О. посв. подчеркнута частным вопросом: напр., «Езда по моск. улицам» («Голос», 1866, № 101; отд. изд. — СПб., 1866). Впрочем, внимание к «мелочам» было свойственно О. всегда и дало повод Л. Н. Толстому говорить о нем: «самые неожиданные выводы из простейших вещей и не задумываемые перед приложением их к жизни» (Толстой, XLVIII, 74).

В лит-ре об О. часто отмечался новаторский характер и одновременно худож. несовершенство его произв.: интересным был замысел, не всегда удачно воплощенный автором и позднее использованный другими [ср., напр., «Бригадира» и «Смерть Ивана Ильича» Толстого; «Хорошее жалование, приличная квартира, стол, освещение и отопление. (Домашняя драма)» (впервые в Соч. 1844, ч. 3, с датой 1838) и «Доходное место» Островского; «Отрывки из журнала доктора» и «Доктора Крупова» Герцена; «Живого мертвеца» (ОЗ, 1844, т. 32; с датой 1838) и «Бедных людей» Достоевского. У О. было чувство первенства и обделенности: «не одно мое сочинение бродит под именем других, и смешнее всего то, что они иногда мне же глаза колотят, как бы говоря: „вот бы де тебе что сделать!“» (Сехновицер, с. 67).

В отличие от многих ровесников, ушедший из лит-ры О. высоко ценил представителей нового поколения, считая его «деятельнее прежнего — и талантливей» (дневниковая запись от 4 апр. 1861 — ЛН, т. 22/24, с. 132).

Лит. деятельность О. на протяжении мн. лет тесно переплеталась с его многогранной деятельностью в сфере музыки. Первый выдающийся рус. музыковед, О. мог говорить о музыке языком «исследователя-аналитика и художественно-образным языком писателя-романтика» (Асафьев в Б. В., Рус. музыка XIX и нач. XX в., 2-е изд., Л., 1979, с. 265—66). Высказанному в «Гномах XIX столе-

тия» романтич. взгляду на природу музыки, представленно о музыке как синтезе науки и иск-ва О. остался верен до конца жизни. Наиб. близкой музыке наукой считал математику (см., напр., «Муз. грамота, или Основания музыки для немусыкантов», М., 1868, с. 3). Вместе с тем О. подчеркивает, что «музыка в большей связи с нравств. поступками человека, нежели как обыкновенно думают». Характер исполняемой музыки — «один из обществ. термометров» («Дилетанты. — Вечера г-жи Плейель» (1839, «Муз.-лит. наследие», с. 178).

Муз. летопись, созданная О.-критиком, охватывает с перерывами ок. 40 лет и содержит имена всех выдающихся совр. европ. исполнителей, приезжавших в Петербург, к-рый стал в 30—40-е гг. одним из центров муз. жизни (пианисты С. Тальберг, К. Шуман, А. Дрейшок, Л. Мейер, А. Гензельт, А. Герке, скрипачи Уле Бульв, Ф. Лауб, А. Арто, А. Вьетан, виолончелисты Б. Ромберг, А. Серве, певцы Д. Паста, Д. Рубини). В статьях О. стремится утвердить значение серьезной музыки, остроумно критикуя «звукоблестательность» салонного репертуара, итальяноманию столичной аристократии (см., напр., «Русская или итальянская опера?», М., 1867, — «Муз.-лит. наследие», с. 311—15). Замечания О. обнаруживают знатока-профессионала. Он ставит перед художником-исполнителем прежде всего эстетич. задачу — «угадать» художника-сочинителя («Лауб в моцартовском гемальном квинтете», 1865, — там же, с. 303). О. дает не только сценич. образ исполнителя, но сравнивает стили, исполнительские школы, обсуждает проблему новаторства, соответствия технич. отделки и содержания произв. Исполнителя, по словам О., не должен выходить «из пределов инструмента», блестящие пассажи и «механизм пальцев» должны быть подобны «прекрасной раме вокруг Рафаэлевой картины» («Смесь. Гензельт», 1838, — там же, с. 171).

Проблемы исполнительства О. решает не только как музыкант-теоретик, но и как исполнитель-практик (из восп. современника: «Князь сел за орган и с полчаса предавался самым пышным и изысканным фугам. Мало-помалу он перешел к русским, национальным напевам» — Фет, с. 429; об О.-пианисте и импровизаторе см. также: Арнольд Ю. К., Восп., в. 3, М., 1893, с. 61).

По многим свидетельствам, любимейшим композитором О. был И. С. Бах. Большинство муз. соч. О. написано в излюбленной Бахом форме фуги. С именем Баха связана работа О. по конструированию особого органа, имеющего ряд уникальных свойств и названного Себастьяно-

ном, к-рый, по оценкам современников, был «полнее, совершеннее и эффективнее всех клавиатурных инструментов, доселе известных» (ОЗ, 1849, № 10, с. 342; этот инструмент, на к-ром импровизировал Глинка и к-рому Жуковский придал домашнее имя Савоська, в 1922 еще находился в Петерб. консерватории; дальнейшая его судьба неизвестна; О. изобрел также энгармонический клавиш для акустич. опытов, «звукособиратель» и «акустич. микроскоп»). Считая Л. Бетховена гениальным последователем Й. Гайдна и В. А. Моцарта, О. был знатоком, тонким ценителем и пропагандистом его творчества еще тогда, когда нек-рые рус. меломаны называли его сумасшедшим (см. ст. «Еще об Уле Бульве», 1838, — «Муз.-лит. наследие», с. 158). В ст. о 9-й симфонии Бетховена (1836) О. утверждает, что с нее начинается «новый музыкальный мир... здесь все ново: новое соединение инструментов, новое сопряжение мелодий, здесь оркестр не сбор инструментов, где каждый играет соло, а потом все вместе; здесь один инструмент — сам оркестр» — «Муз.-лит. наследие», с. 115).

В ст. «Берлиоз в Петербурге» (СПбВед, 1847, 2 марта) О. дал свое понимание новаторской сущности симфонизма франц. романтика и подготовил рус. публику к восприятию его музыки; см. также ст. «Концерт Берлиоза в Петербурге» (1847), написанную в форме письма к Глинке, что придало характеристике творчества композитора эмоциональный и непосредственный тон («Муз.-лит. наследие», с. 222). После дружеской встречи О. и Берлиоза в 1867 между ними завязалась переписка (см.: «Сов. иск-во», 1937, 29 сент.; «Муз.-лит. наследие», с. 629).

С произв. Р. Вагнера О. познакомился в 1857 в Берлин. т-ре. Первое впечатление было двойственным: «Таланта и драматизма много... Мелодичности более, нежели ожидал, но система нелепая» (цит. по: Бернандт Гр., Вагнер и О. — «Сов. музыка», 1953, № 6, с. 70—71). После концерта Вагнера в Москве (1863) восторженная запись в дневнике О.: «Приехав, не мог удержаться, чтобы не написать о нем статьи» (ЛН, т. 22—24, с. 165). О. опубл. статьи «Вагнер в Москве» и «Первый концерт Вагнера в Москве» (обе — 1863; «Муз.-лит. наследие»). На обезде, устроенном в честь Вагнера, О. произнес приветственную речь, назвав Вагнера «великим художником, смело раздвинувшим ее (музыки) область»; речь вошла в ст. О. «Рихард Вагнер и его музыка» (1863), написанную на отъезд композитора («Муз.-лит. наследие»). Позднейшие высказывания О. о Вагнере неоднозначны: «Как ни уважаю его, но зло-

А. Ф. Писемский.
Худ. И. Е. Репин. 1880.

А. Н. Островский.
Худ. В. Г. Перов. 1871.

Д. С. Мережковский.
Рис. И. Е. Репина. 1894.

Д. С. Мережковский.
Рис. Т. Н. Гиппиус. 1910.

Д. Л. Мордовцев.
Худ. Б. М. Кустодиев. 1901.

С. А. Найшёнов.
Худ. И. К. Пархоменко. 1909.

В. И. Нарбут.
Рис. М. Я. Чемберс-Билибиной.
Фронтиспис к кн. В. И. Нарбута
«Алтилуй». М., 1912.

Н. И. Петровская.
Худ. Л. Н. Голубев-Багрянородный.
1917.

Б. Пастернак.
Рис. Л. О. Пастернака. 1924.

Б. Пастернак.
Рис. Н. Н. Вышеславцева.
1930.

Б. Пастернак.
Рис. В. П. Беляева. 1926.

употребление диссонансов ведет его к монотонии» (ЛН, т. 22—24, с. 221; о «беспременном употреблении тритона» — там же, с. 116; об отрицательном отношении к опере «Тристан и Изольда» — см. в кн.: Кремер в Ю. А., Рус. мысль о музыке, т. 2, Л., 1958, с. 45).

О. полагал, что в истории музыки существуют три примера «дивной организации» — Моцарт, Лист и Глинка. О. познакомился с Глинкой в 1826 (из письма О. к С. А. Соболевскому: «... чудо малый. Музыкант каких мало» — Барсуков, кн. 2, с. 67). Их тесное сближение относится к периоду создания «Ивана Сушанина», в работе над к-рым О., по признанию самого Глинки, помогал ему советами (Глинка М. И., Лит. наследие, т. 1, с. 163; о советах О. с. 164, 168). Статья О., посвященная творчеству Глинки, — лучшие страницы отеч. муз. критики («Статья о Глинке», М., 1953). «С оперою Глинка является то, чего давно ищут и не находят в Европе — новая стихия в иск-ве, и начинается в его истории новый период: период рус. музыки» («Письма к любителю музыки об опере г. Глинки „Жизнь за царя“» — СП, 1836, 7, 15, 16 дек.). Ст. «Новая рус. опера „Жизнь за царя“» (ЛПРИ, 1837, № 5) направлена против «чада суждений и злых усмешек во фраках» великосветской публики, не принявшей оперы Глинки. Анализируя творчество композитора, О. ставит проблему народности в музыке как эстетич. понятия: «...глубоко изучив произв. зап. музыки, он (Глинка) прислушался к напевам родной земли и постарался открыть тайну их зарождения, их первоначальной стихии, и на них основать новый характер мелодии, гармонии и оперной музыки, характер дотоле небывалый» («„Руслан и Людмила“, опера рус. музыканта Глинки», 1843, — «Муз.-лит. наследие», с. 209). Однако создать рус. музыку, по мысли О., не значит использовать тот или иной напев, необходимо «воспроизвести в себе тот процесс, посредством к-рого, с незапамятных времен, творилось рус. и ар. пение — сочинителями безымянными» («Русская и так называемая общая музыка», 1867, — «Муз.-лит. наследие», с. 319). О. высоко ценил занятия Глинки церк. музыкой, полагая, что с его смертью «погиб, может быть, целый новый период нашей церк. музыки» (РА, 1869, № 2, стб. 348).

Внимание О. привлекали также имена Чайковского, Н. А. Римского-Корсакова (ЛН, т. 22—24, с. 250). О. отмечал «даровитость» молодого Чайковского, видя в его опере «Воевода» «здаток огромной будущности» для композитора, хотя и отме-

чал, что при господстве рус. тональности Чайковский «не устоял против желания угодить публике различными италиянизмами» (там же, с. 251; об отношениях О. и Чайковского см. в кн.: Чайковский М., цит. соч., с. 254—56). Чайковский оценивал б. ч. муз. соч. О. как «учено-музыкальные», представляющие интерес для специалистов, а не для широкой публики (Гос. центр. музей муз. культуры, ф. 73, № 448; в дальнейшем — ПЦММК). М. А. Балакирев считал, что О. обладал «крупным композиторским талантом» (М. А. Балакирев. Летопись жизни и творчества, Л., 1967, с. 524). Друж. отношения связывали О. с А. Н. Верстовским, А. А. Алябьевым, А. Н. Серовым, Н. Г. Рубинштейном.

Вершина муз. эстетики О. — его иссл. др.-рус. богослужебного пения, области, практически забытой к нач. 19 в. Он первым заговорил об эстетич. достоинствах церк. музыки (ВЕ, 1823, № 16) и посв. ей последние семь лет своей жизни по возвращении из Петербурга в Москву, когда в его доме, в отличие от прошлых лет, звучала преим. духовная музыка. Осн. черты др.-рус. унисонного пения — диатонический строй, ясность, строгость, словесный «несимметричный» ритм — соответствовали представлениям О. об идеальной природе музыки. Наиб. важные работы О. в этой области: «Ж. вопросу о др.-рус. песнопении» (М., 1864), «Краткие заметки о характеристике рус. церк. правосл. пения», «Мирская песня, написанная на 8 гласов крюками с киноварьями пометами», «Различие между ладами... и гласами...» (все три в кн.: Труды I археол. съезда в Москве, 1869, т. 2, М., 1871). Опровергая взгляд на др.-рус. знаменное пение как на дикое и варварское («Мнение кн. О. по вопросам, возбужденным мн. нар. просвещения по делу о церк. пении», б. м., 1866, с. 15), О. стремится ввести в арсенал музыковедения древнюю певческую терминологию: «погласница», «осьмогласие», «знаменные ноты», «нетактовый ритм», «глас» («Муз. грамота, или Основания музыки для немусыкантов», с. 19—27). Задачи Об-ва др.-рус. иск-ва, чл.-основателем к-рого О. был с 1865, он видит в восстановлении синтеза иконописи, архитектуры, церк. пения на древней нац. основе («Записка секр. Об-ва Ф. И. Буслаява о цели и значении Об-ва др.-рус. иск-ва с дополнениями чл.-осн. кн. О.» — «Вестник Об-ва др.-рус. иск-ва», 1874, № 4—5, с. 39). Авторитет О. в области церк. пения был признан современниками (см., напр.: Ларош Г. А., Рус. муз. лит-ра. — РВ, 1869, т. 83, с. 776; о сотрудничестве О. с создателем науки о рус. церк. пении прот. и проф.

Моск. консерватории Д. В. Разумовским см.: ЛН, т. 22—24, с. 182, 192, 253; см. также: Соловьев Н., Кн. О. и его заслуги в области церк. пения, Од., 1903; Янчук Н. А., Кн. О. и его значение в истории рус. церк. и нар. музыки, М., 1906; Геррманн Е. В., В поисках песнопений греч. церкви, СПб., 1996, с. 56—61; здесь же о науч. контактах О. с епископом Порфирием Успенским). Теоретич. и практич. опыты в области древнего церк. пения составляют значит. часть архива О. (ПЦММК). По инициативе О. была создана единств. в России кафедра истории церк. пения при Моск. консерватории («Речь на открытии Моск. консерватории», 1866, — «Муз.-лит. наследие»). Ок. 20 лет О. собирал мат-лы по рус. пению («Письмо кн. О. к издателю об исконной великорус. музыке» — в кн.: Калкин переходные. Сб-к стихов и иссл. П. Бессонова, т. 2, в. 5, М., 1863), изучая рукописи в архивах Москвы и Троице-Сергиевой Лавры, посещая монастыри, беседуя со старообрядцами.

«Всеобщая» музыка будущего, к-рой, по мысли О., доступны оттенки, «существующие в дрожании света», должна опираться на др.-рус. гласы, расширяющие пределы «скудной» мажорно-минорной ладовой системы («Опыт музыкальной ереси», 1850—56. — «Муз.-лит. наследие», с. 448).

С 1860 О. принимал участие в работе Рус. муз. об-ва (петерб. и моск. отд.), в открытии Моск. консерватории в 1866 (см.: Москва в ее прошлом и настоящем, в. 11, М., 1912, с. 67—68). Муз.-пед. деятельность О. включала наряду с чтением лекций у себя на дому написание статей для Энци. лексикона Плюшара (1837—1838). Карманного муз. словаря А. Гарраса (М., 1866; выдержал более 20 изд.). О. — один из организаторов Артистич. кружка (с 1865), в к-рый входили Кротовский, Н. Рубинштейн, П. М. Садовский и др.

Как чиновник Мин-ва внутр. дел О. выполнял разнообразные поручения: входил в комиссию для составления правил о производстве следствий для усовершенствования пожарной части Петербурга, о приведении в единообразие рос. мер и весов и пр.; рассматривал разл. изобретения. С 1834 — ред. «Ж-ла Мин-ва внутр. дел», с 1837 — ред. «Сельского обозр.». С 1836 — камергер. С 1840 — старший чиновник 2 отд. с.и.в. канцелярии, где унифицирует законы Грузии на основе тщательного изучения законодат. традиции, доказав неорганичность для нее крепостного права (см.: Турьян М. А., Законы для Грузии. — В кн.: Россия и Кавказ, СПб., 1995). С 1845 — д. стат. сов. В 1846—61 — пом. директора Публич. б-ки (см. «Восп. по-

мошника директора Имп. Публич. б-ки», СПб., 1867); зав. Румянцевским музеем в Петербурге (в 1856 передал Публич. б-ке коллекцию книг и док-тов о России, собранную во время путешествия по Франции, Германии и Швейцарии в том же году; в знак признания этих трудов в 1859 удостоен чина гофмейстера). С 1859 — гласный Петерб. думы. Вернулся в Москву после перевода туда Румянцевского музея в 1861. С 1861 — сенатор, с 1864 — первоприсутствующий сенатор (восп. К. П. Победоносцева: «Каждое утро, в 10 часов, раньше всех являлся он в Сенат, и вслед за ним являлся огромный портфель его, вроде ларца или чемодана, с делами и с записными книгами, к-рый вел он с беспримерной аккуратностью и терпением, отмечая в них ход каждого производства и все его особенности» («В память о кн. О.», с. 80—81).

Романтич. идеал универсальной личности О. стремился реализовать в своей жизни дилетанта-энциклопедиста — не только литератора, философа, чиновника, музыканта, но и ученого (кроме естеств. наук занимался, напр., этнографией, лингвистикой, историей — по долгу службы работал над «Мат-лами к биографии имп. Николая I»; судя по неотправленному письму Александру II, в последние годы жизни О. собирался писать историю России второй пол. 19 в.), изобретателя (не ограничиваясь общими рассуждениями, О. предлагал конкретные способы объединения наук, напр. использование методов химии в историографии).

Профессионализация лит. дела представлялась О. одним из видов ненавистной ему специализации: «Специальность возможная, и даже до поры до времени необходимая в остальной Европе, — у нас была бы гибельно нежелательна... Такое положение не есть произвольное, оно выросло из земли — и оно не укор, но честь нашим литераторам. В одной руке шпала, под другой — соха, за плечами портфель с гербовою бумагою, под мышкою книга — вот вам рус. литератор» (цит. по кн.: Сакулин, ч. 2, с. 408).

Со второй пол. 40-х гг., по словам О., все его время и силы «поглотила» самоотверженная обществ. деятельность (РА, 1874, кн. 1). Гр. В. А. Соллогуб заметил, что О. «сделался черноработчим во имя своих братьев, он был камешком при сооружении нашего обществ. здания» («В память о кн. О.», с. 100). В 1846—55 О. — пред. Об-ва посещения бедных в Петербурге (см.: В. Боцяновский — «Трудовая помощь», 1899, № 4—5, с. 317—51). Об-во было упразднено в 1855 вследствие полит. доноса, в к-ром его члены подозревались в пропаганде коммунизма, невзирая на

явную и неоднократно высказанную неприязнь О. к рус. социалистам (см., напр., его отзыв о «метафизическом и потому мертвом и отсталом социализме» Герцена — Цехиовишер, с. 40). Организатор первых в России дет. приютов; участвовал в работе и управлении пед. заведений (прежде всего — Марининского ин-та), больницы (Максимиліановской, Елизаветинской), Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. О. писал В. Н. Кашперову: «В России еще нет ни отд. пространства, ни отд. времени для иск-ва. Мы находимся еще почти в положении первых плантаторов в Америке, где каждый должен был быть и хлебником, и сапожником, и дровосеком; в такие эпохи отказываться от скучного сухого дела для труда более привлекательного было бы ... эгоизмом ... безлюдье большое!» (РО, 1894, № 3, с. 431—32).

По словам гр. Соллогуба, О. «модился просвещению». Он одним из первых начал издавать книги «для народа» (популярнейшей занимался с 1833, когда напечатал «Краткое понятие о химии, необходимое для свечных мастеров» — «Ж-л общепольных сведений», кн. 2). С 1838 как чл. Уч. к-та Мин-ва гос. имуществ занимался учреждением деревенских школ; готовил учебники (см.: Некрасова Е., Нар. книги для чтения... — СВ, 1889, № 5; ее же, Писатели для народа из интеллигенции. — Там же, 1892, № 2). В 1844—47 вместе с А. П. Заблужским Десятковским выпускал сб. «Сел. чтение» (вышло 4 кн.; изд. имело огромный успех, на протяжении 50-х гг. неоднократно переизд.). К народу О. относился как к «меньшому брату», нуждающемуся в просвещении, недостаточно развитому и в нравств. отношении. Отсюда неизбежность конфликта О. со славянофилами, несмотря на старые друж. связи и общие представления о всемирно-ист. роли России (см.: РА, 1874, кн. 1, стб. 279—87; Аксаков К. С., Аксаков И. С., Лит. критика, М., 1982 (ук.); Егоров Б. Ф., Медовой М. И., Переписка кн. О. с А. С. Хомяковым. — В кн.: Труды по рус. и став. филологии. XV. Лит.-ведение. Тарту, 1970, с. 335—49). Окончательно расходится с «моск. школой» в нач. 40-х гг. (что, видимо, связано с участием О. в «Отеч. записках»): Погдин в письме от 27 окт. 1843 называет О. «отщепенцем» (РС, 1904, № 3, с. 714).

На благотворит. и просветит. деятельность О. Н. А. Некрасов написал стихотв. панфлет «Филантроп», герой к-рого обвинялся в лицемерии, барской избалованности, черствости и пр.; О. в исполненной достоинства письме возражал и требовал объяснений; Некрасов же, несмотря на совершенную прозрачность смысла «Филантропа», отрицал, что имел в виду О. (см.: Архив села Карабихи, М., 1916, с. 132—35).

После отмены крепост. права О. выступал против феод. сословных привилегий (неопубл. ответ О. на статью в газ. «Вести» и его письмо к бар. Радеи см. в кн.: Пятковский, 1901, с. 71—75; см. также фельетон «Перехваченные письма» — «Совр. изв.», 1868, 13 апр.). О. утверждал, что всегда был сторонником «безусловного равенства перед судом и законом, без различия званий и состояний» (Пятковский, 1901, с. 75; мат-лы, собранные Сакулиным, показывают, что в 40-е гг. О. не считал необходимым освобождение крестьян: ч. 1, с. 586—87). Среди рукоп. мат-лов 50—60-х гг.: статьи в защиту гласности, суда присяжных (и о др. вопросах судопроизводства), «Предложения в правительство об изменениях в гос. правлении» (о неэффективности совр. административн. злоупотреблениях и пр.); обзор мат-лов см.: Михайловская Н. М., К истории одной записки О. (Из арх. мат-лов). — РЛ, 1976, № 4, с. 150—154. Среди своих нововведений О. называет «права авт. собственности, о к-рой до меня никто и не думал; Положение о дворян. выборах; Положение о компаниях на акциях; Об-во застрахования жизни, над к-рым все смеялись...» (Цехиовишер, с. 67). Подводя итоги, О. с гордостью писал: «моя долгая, честная черноработчая жизнь» (Пятковский, 1901, с. 74). С этих позиций обществ. активности О. возражал И. С. Тургенев (как автору пессимистич. этюда «Довольно!» — «Недовольно!» («Беседы в ОЛРС», в. 1, М., 1867); статья распространялась также в виде отдельных оттисков-брошюр (см.: Турьян М. А., В. Ф. Одоевский в полемике с И. С. Тургеневым. — РЛ, 1972, № 1).

Сам О., возможно, видел внутр. логику в своей эволюции: для него, всегда сравнивавшего себя с Фаустом, практич. деятельность представлялась закономерным итогом, как бы продолжением философствования в формах самой жизни (вспомним Фауста второй части поэмы Гёте). О. умер внезапно, после непродолжительной болезни (о его смерти см. восп. Соболевского; РА, 1878, кн. 3, с. 387).

Др. произв.: «Лекции г-на Пуфа, доктора энциклопедии и др. наук, о кухонном иск-ве» («Зап. для хозяев», прил. к ЛГ, 1844—45).

Изд.: Соч., ч. 1—3, СПб., 1844; *Lehre-plaudois*, Nice, 1857; Отрывок из записок Ирины Модестовны Гомозейки, СПб., 1855; Сказки (и соч.) для детей, М., 1871, 1879, 1885, 1894; СПб., 1889, 1891, 1895; [Из бумаг О.] — РА, 1874, № 2, стб. 278—360; № 7, стб. 11—54; 1881, № 4, с. 477—93; РС, 1892, № 4, с. 136—40; Рунчи, М., 1913 (под ред. С. А. Цветкова); Рунчи, М., 1913 (вступ. ст. С. А. Цветков); Рунчи, М., 1913 (вступ. ст. С. А. Цветков); «Сказки (В. Ф. Одоевский)» О. Цехиовишера; Телушка хроника и особые происшествия. Дневник. 1859—69. — ЛН, т. 22—24 (вступ. ст. В. Козымова, ред. и предисл. М. Бриксмана, комм. Бриксмана и М. Аронсона); Избр. пед. соч., М.

1955; Муз.-лит. наследие. М., 1956 (вступ. ст. и прим. Г. В. Бернштадта); Рус. эстетич. трактаты первой трети XIX в. т. 2. М., 1974; Рус. ночи. Л., 1975 (поэт. изд. Б. Ф. Егорова, Е. А. Маймина, М. И. Мезолюго; вступ. ст. Маймина); Сова, т. 1—2, М., 1981 (вступ. ст. сост. и комм. В. И. Сахарова); О лит-ре и иск-ве. М., 1982; Поэтические сказки. М., 1996 (ст., комм. М. А. Турьян).

Письма: П. И. Баргеселу — РА, 1912, № 9, с. 85—86; М. С. Волкову — РС, 1880, № 8, с. 802—04; А. Х. Востокову — Сб-к статей, читанных в ОРЯС АН, 1868, т. 5, в. 2, с. 397—98; П. А. Вяземскому — ЛН, т. 58, с. 150; Б. Г. Глинке-Мадригу — РС, 1880, № 8, с. 802—05; вел. кн. Елене Павловне — «Вест. благотворительности», 1898, № 1—3; В. А. Жуковскому — РА, 1906, № 3, с. 368; М. И. Засекину — РС, 1902, № 9, с. 631—32; В. А. Инсарскому — РС, 1895, № 2, с. 64—65; № 3, с. 62, 68; В. И. Кашперову, Я. О. Орлу-Ошанинцеву, Н. А. Палееву, А. П. Пятковскому — РО, 1894, № 3, с. 423—435; вел. кн. Константину — РА, 1870, № 4—5, с. 929—31; А. И. Ковшелеву — «Тр. Львовского ун-та, каф. рус. лит-ры филал. ф-та», 1958, в. 2, с. 71—72; А. А. Красковскому — РС, 1904, № 6, с. 572, 588—89; В. К. Кюхельбекеру — РС, 1875, № 7, с. 369; 1888, № 12, с. 594—95; С. И. Дашину — РС, 1892, № 4, с. 136—37; М. А. Максимоваму — КС, 1883, № 4, с. 841—846; А. Н. Островскому — в кн.: Островский. 1823—1923. К столетию со дня рождения. М., 1923, с. 15; Неизд. письма к Островскому, М.—Л., 1932, с. 317—20; Э. Пеку — «Уч. зап. Вильновского ун-та», 1954, т. 1, сер. обществ. наук, с. 168—70; М. П. Погдину — ЛН, т. 16—18, с. 691—92; М. И. Палееву — РС, 1901, № 5, с. 405—06; А. С. Пушкину — в кн.: Переписка А. С. Пушкина. т. 2. М., 1982, с. 422—51; М. Ф. Раевскому — в кн.: Шукшинский сб-к, в. 6, М., 1907, с. 328; С. А. Раминскому — в кн.: Е. А. Барятинский. Мат-лы для его биографии. Из Таватского архива. П., 1916, с. 123; И. П. Сахарову — в кн.: Вопросы изучения рус. лит-ры XIX—XX вв., М.—Л., 1958, с. 144; С. А. Соболевскому — «Уч. зап. Ленингр. НИИ театра, музыки и кинематографии», 1958, т. 2, сектор музыки, с. 211—72; ЛН, т. 16—18, с. 752; А. Г. Тройницкому — РС, 1898, № 4, с. 206; С. С. Уварову — Отчет мин. Публ. б-ки за 1892 г. СПб., 1895; Изв. АН СССР, сер. истории и философии, 1949, т. 6, № 3, с. 217—18; М. А. Урхову — РА, 1907, № 5, с. 139—40.

Лит.: Барсуков: Белинский: Герлиц: Гоголь: Грот и Пастиски: Кюхельбекер: Панаев: Панаева: Полевой: Мат-лы: Пушкин: Смирнова-Россет (все — ук.); В память о кн. О. М., 1869; Сумцов Н. Ф., Кн. В. Ф. Одоеский А. И., 1884; Майков В. И., Соч., т. 1, К., 1901; Скабинский А. М., Соч., т. 1, СПб., 1903, стб. 240—49; Веселовский А. Н., Зап. ин-ции за новую рус. лит-ру, 2-е изд., М., 1896; Пятковский А. П., Кн. О. и д. В. Веневитин, 2-е изд., СПб., 1901; Кубасов И. А., Песни, выходы и труды О., СПб., 1904; Кокин А. Ф., Очерки и восп. СПб., 1906, с. 47—72; Котляревский Н. А., Старинные портреты, СПб., 1907; Лезин Б. А., Очерки из жизни и лит. деятельности кн. В. Ф. Одоеского. Ю., 1907; Замотин И. И., Романтизм, идеализм в рус. об-ве и лит-ре 20—30-х гг. XIX в., СПб., 1907; Сакулин П. Н., Из истории рус. идеализма. Книга В. Ф. Одоеский. Мыслитель. Писатель. Т. 1, ч. 1—2, М., 1913; Розанов В. В., Чужаков и кн. Одоеский. — ИВ, 1913, 10 апр.; Гипп-Пув В. В., Узкий путь. — РМ, 1914, кн. 12; Айденвальд Ю., Слова о словах. Критич. статьи, СПб., 1916; Одоеский А. И., Полн. собр. стихотворений и песни. М.—Л., 1934; Бернштадт Г., Изв. народности в работах О. — «Сов. музика», 1948, № 3; его же. Статьи и очерки. М., 1978, с. 11—107; Грановский Б. Б., Одоеский — муз. критик. М., 1952 (анс.); Заборова Р. Б., Мат-лы к М. Ю. Лермонтову в фонде О. — «Труды ГИИ», V (8), Л., 1958, с. 185—99; Ушаков Ю. Г., Сатирическо-обличительные проза. О. М., 1960 (квнз. анс.); Чхаташвили Е. Д., «Рус. ночи» О., Тб., 1966 (анс.); Михайловская Н. М., «Джордано Бруно» — роман О. (К вопросу о эстетических взглядах писателя). — В кн.: Вопросы истории и теории лит-ры. в. 4. Чебоксары, 1968; ее же. Нравоописат. повести О. — Там же, в. 6, 1970; Манн Ю. В., Рус. физич. эстетика. М., 1969; Проскурнина Ю. М., Э. Т. А.

Гофман и О. (К вопросу о нац. специфике фантастики). — Уч. зап. Тюменского вест. ин-та, сб. 118, в. 2, 1970; Виргинский В. С., В. Ф. Одоеский как социолог и утончен. — «Вопросы истории», 1970, № 2; его же, В. Ф. Одоеский. Естественные научные взгляды. М., 1975; Меаовой М. И., Пути развития филос. прозы в сер. 1820—1840-х гг., М., 1971 (анс.); его же. Княжнинские мотивы в неинт. лиесе О. — В кн.: Проблемы изучения рус. лит-ры XVIII в., в. 2. Л., 1976; Турьян М. А., Нозологический труд Л. Н. Сакулина О. (по мат-лам РО ИРЛИ АН СССР). — РЛ, 1974, № 2; ее же. Из истории взаимоотношений Пушкина и О. — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 11; ее же. Президиума О. — РР, 1988, № 3; ее же. Странная моя судьба. О кн. Л. О. М., 1991; Назаров Р. Г., О. и Достоевский. — РЛ, 1974, № 3; Измайлов Н. В., Пушкин и О. — В его кн.: Очерки творчества Пушкина. Л., 1976; Штерн М. С., «Дневник студента» О. — В кн.: Худож. метод и творч. индивидуальность автора. Томск, 1978; ее же. Трансформации диалекто-аллюгорич. жанров в прозе О. («Рус. ночи»). — В кн.: Проблемы лит. жанров, Томск, 1979; Хожане Л. А., Поэтика времени в рус. филос. романе кон. 30-х — нач. 40-х гг. XIX в. («Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Рус. ночи» О.). М., 1978 (анс.); Сахаров В. И., Лев Толстой и О. — В кн.: Толстой и лит-ра народов Советского Союза. Ер., 1978; его же, Елене О Пушкине и О. — В кн.: Пушкин. Иссл., т. 9; его же, Эволюция творч. облика О. — В кн.: Время и судьба рус. писателей. М., 1981; его же. Динамизация эстетика (Лит.-эстетич. зрелище О.). — В кн.: Контекст-1981. М., 1982; Каменский З. А., Моск. кружок любителей. М., 1980; Проблема худож. творчества в истории рус. эстетич. мысли XIX — нач. XX вв., М., 1983; Ступель А. М., В. Ф. Одоеский. Л., 1985; Каталог б-ки О. М., 1988; Грибоедов А. С., Соч., М., 1988; Подольский Я. П., Проза. М., 1988, с. 428—29; Егорова В. И., В. Ф. Одоеский в обществ. жизни 20—40-х гг. XIX в., М., 1989 (анс.); Зенковский В. В., История рус. философии, т. 1, ч. 1. Л., 1991, с. 147—61; Кошелев А. И., Записки. М., 1991 (ук.); Фет А. А., Вост., т. 1, М., 1992; Голубева О. Д., В. Ф. Одоеский. СПб., 1995; Рабичкина Н. Г., О нех-рых общих чертах в творчестве О. и А. С. Хомякова. — В кн.: Слово и образ. К 75-летию Е. А. Маймина. Псков, 1996; Семьбратова Н. В., Князь О. Новые штрихи к портрету писателя и человека пушкин. эпохи. — «Рус. словесность», 1996, № 1; Passage Guard. The Russian Hofmannism. The Hague. Mouton, 1963; Ing-ham N. W., E. T. A. Hoffman's Reception in Russia. Würzburg, 1974; Phillips D. D., Spook or Spook? The structure of the supernatural in Russian romantic tales. Wash., 1982; Cornwell N., The life, times and milieu of V. F. Odoevsky. L., 1986. + Некрологи. 1869: МВед. 6 марта; ВЛ, № 12. Бичков И., Булгаки кн. В. Ф. Одоеского. — В кн.: Отчет мин. публ. б-ки за 1884, СПб., 1887, прил. с. 1—65; Гейнши; РС (ст. И. А. Кубасова); Брокгауз (ст. А. Ф. Кокин); ЛЭ; КЛЭ; Лерн. инст. БСЭ; Словарики Рос. нац. б-ки — заглав. статьи и кат-туры. Виногр. словарь, т. 1, СПб., 1995; Муратова (1); Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 539; РГБ, ф. 210; ИРЛИ, ф. 392; ЦИММК, ф. 73; РГАЛИ, ф. 365; ЦИАМ, ф. 454, оп. 2, д. 438 (автобиография О. 1869).
Г. В. Зыкова, Е. Г. Мещерякова (О. и музыка), при участии В. Э. Ваурина

ОЖЕГОВ Матвей Иванович [6(18). 8.1860, д. Михнино Нолнинского у. Вятской губ. — 19.2.1934, по др. сведениям — 1933, пос. Перово Моск. обл.], поэт-самоучка. Из крестьян; сын плотника. Лет. годы провел в родной деревне. Грамоте выучился сам в 9 лет. Около двух лет (с перебивками) учился в зем. школе в с. Колобовском; в 18 лет слал экзамен и получил свидетельство об образовании. Еще мальчиком начал сочинять стихи и складывать песни, к-рые распространялись и пелись в округе. В 1873 стогрел дом родителей, семья стала бедствовать, и О. пошел на за-

работки. За 12 лет сменил множество занятий: был в работниках у дьячка, работал на строительстве Уральской ж.д., бурлачил на р. Чусовой, был половым, грузчиком, кабатчиком, разносчиком, дворником, швейцаром, посыльным, служил на Тагильском литейном заводе и пр. В 1884 отправился в Екатеринбург на зол. прииски, принадлежавшие Ф. П. Демидову, к-рый вскоре по-приятельски сошелся с О. и в дальнейшем не раз оказывал ему протекцию, помогал советом и деньгами (Демидову поше неск. стихотворений О.).

Не удовлетворенный той жизнью, к-рую вел, в 1885 решил ее изменить и тайком от семьи уехал в Москву. После долгих мытарств, перебивавших случайными заработками, завязал нех-рые знакомства в лит. мире, в т. ч. благодаря службе в т-ре Корша и работе сторожем в ред. «Нал. газеты». В 1890 в «Моск. илл. газетке» появилась первая публ. О. — стих. «Пале» (1890, 10 мая). В 1891 изд. П. В. Каменев выпустил в свет две книги О. (обе — М.): сб. «Песни и стихотворения» (положит. рец. Н. А. Рубакина: СВ, 1892, № 5) и поэму о деревне, жизни «Пля и деревня». Он же поместил неск. песен О. в издаваемых им песенниках для народа.

Песни О. часто распевались еще до их опубликования, они охотно исполнялись хоромы сельских школ в трактирах, на их сюжеты выпускались любочные картинки. Особой, долго не проходящей популярностью пользовались песни «Ключик» («Потеряла я ключик...»), «Зачем ты, безумная, губишь...», «Меж крутых берегов...», «Чудный месяц льнется над рекою...» и др. «Появились подражатели своим стихотворениям, — вспоминал О., — враги и горичие поклонники, и в то время, когда я с семейством, с большими детьми недостатком и немодел, мои песни пелись в Москве без умолку» («Моя жизнь и песни для народа», кн. 1, с. 22).

Начав печататься, О. вошел в состав лит. объединения писателей из народа — Суриковского лит.-муз. кружка; участвовал в сб. «Метсюр» (М., 1891) и «Наша хата» (М., 1891).

С 1893 служил на Моск.-Курской ж.д., занимая хорошо оплачиваемое место кассира и обрета. наконец, относит. достаток. С 1893 издателем О. стал Е. А. Губанов, печатавший как авт. сб-ки О. («Моя жизнь и песни для народа», кн. 1—3, М., 1901; помимо стихотворений поместил автобиографию), так и составленные им песенники («Пастушок», М., 1893; «Новый песенник», К., 1894; «Молодецкая кручина», М., 1896; «Маргарита», К., 1903), куда кроме собств. соч. О. включил (частью в своей редакции) нар. песни и произв. А. Ф. Мерзлякова, А. В. Кольцова, И. З. Сурикова и др. авторов, а также стихи К. Р., проявившего интерес к поэтам-самоучкам (сохр. письмо О. к К. Р. 1896 г. — ИРЛИ, ф. 137, № 88).

О. работал преим. в трагич. поэтич. формах лит. нар. песни и романа. Осн. тематика — любовная лирика, крест. труд («Плач и деревня», отходничество (гл. обр. тема расставания с деревней) и рассуждения о пользе просвещения на селе («Светлая заря», «Фашей» и др.). Часть песен написана в духе гор. «жестокотого» романа («Прощай, моя забноба», «Дворянская дочь» и др.) или под влиянием «фабричного» песенного фольклора («Тары-бары», «Загумело в голове»).

О. интересовался писателями-самоучками и лит-рой для народа (неопубл. статьи — РГБ, ф. 358, к. 21, № 19; РГАЛИ, ф. 1641, оп. 1, № 26). Наиболее полно взгляды О. отразились в ст. «Характеристика своего народа» (напечатана с оскр. в кн.: Чтение в доме, Россия. Сб. науч. трудов ГЭИ, М., 1992 (публ. Т. П. Воловельской и А. И. Рейтблат); рукопись — РГБ, ф. 358, к. 5, л. 13). Задача лит-ры, по мнению О., состоит в том, чтобы дать народу совр. практич. нравств. примеры и набор необходимых знаний. Выступая как рационалист, он относил к адептам, отбрасывая «своей суверенной иск», не только фантастич. прозов. фольклора, но и «Жития святых». Считал, что в нар. книжках должны излагаться «правдоподобные» примеры братских отношений между людьми, основанных «на учении Христа» («Евангелие заключает в себе не только... священный, но и гражданский закон...»).

В 1905 был чл. забастовочного к-та железнодорожников, после ареста 2 месяца провел в тюрьме. В 1906—07 в ж. «Ярослав. колотушка», а позднее в тверском ж. «Колотушка» (1911) появлялись сатирич. стихи О., в т. ч. посв. бедств. положению крестьянства, гл. причины к-рого, по мнению О., — социальное расслоение деревни (поваление качества) и пьянство («Песни с бала-лайкой», «Сел. жизнь» — «Колотушка», 1911, № 2, 4 и др.). О. подготовил сб. «Песни первой революции», оставшийся в рукописи (РГАЛИ, ф. 1641, оп. 1, № 27). В послерев. время продолжал работать ж.-д. кассиром и заниматься лит-рой. Последние годы жизни провел на покое в пос. Перво, где приобрел собств. дом.

В рукописи остались восп. О. (ИРЛИ, ф. 193, № 280) о встречах с

Л. Н. Толстым, к-рого неск. раз поещал в Хамовниках, Вс. С. Соловьевым, Н. Я. Гротом, а также о знакомстве (по переписке) с Н. А. Рубакиным.

Изд.: [Спир]. — В кн.: Песни рус. постов.

Лит.: Селихов Н. Душа живая. — «Средний путь», 1920, № 6; Белоусов (2); [Юбилей О.]. — ЛГ, 1930, 20 авг., с. 4; Умиллова Т., Письма начинающих писателей М. Горькому. — В кн.: М. Горький. Мат-лы и исслед., т. 1. 1934, с. 356; Дьяконов Л. Где же родился Матвей Ожегов? — «Киров. правда», 1951, 26 мая; Назаров И. А., Встречи и письма. Владимир, 1957, с. 24—28; Плесков В. Г., Поэты-самоучки... — В кн.: Вятка. Киров, 1963, с. 83—84; его же, Новое об М. И. Ожегове. — «Вест. труда», 1976, 27 авг.; Изергина Н. П., Писатели в Вятке, Киров, 1979, с. 159—64; Гофман Л. Х., Ожесток Александр Рославлев, М., 1984, с. 98—106, 139; Иван И. С., Автобиография. — В кн.: Любачская книга, М., 1990, с. 384—85. + КЛЭ; ИРДВ: Ежегодник. Обзор книг для нар. чтения и нар. картин, 1893, М., 1895, с. 25. 134—55; Смирнов-Соколовский; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 358, к. 21, № 17 (автобиогр.); к. 260, № 20 (письма Н. А. Рубакину); РГАЛИ, ф. 1068, оп. 1, № 11, 111; ф. 1641, оп. 1, № 25, 26 (автобиогр. и рукописи); ИРЛИ, ф. 101, № 224 (письма С. Д. Дроздину); ф. 193, № 281 (письма А. И. Яшиночку); РНБ, ф. 290, № 174 (письма П. Я. Заволокину и стих.); ГАРФ, ф. 124, 1906 г., оп. 44, л. 1739.

В. М. Боклова

ОЖИГИНА Людмила Александровна [1837, Харьков — 10(22).12.1899, там же], прозв. Из дворян. семьи. После окончания частного пансиона в Харькове (1854 — кон. 50-х гг.) под влиянием идей жен. эмансипации стремится жить своим трудом. Три года (с 1861) «домашняя учительница» О. слушала «мед. лекции» при Харьков. ун-те для получения «лекарского звания». В 1863 двери ун-та оказались для женщины закрытыми, и О. начала пед. деятельность в харьков. Маринин. жен. уч-ще (проработала учительницей в жен. г-зиях более 20 лет). В 1869 переезжает в Петербург. Ее ром. «Своим путем» (ОЗ, 1869, № 3, 5—7; реш. 1869: С. С. Окрейц — «Дело», № 9; НВ, 2 июля; (В. П. Буренин) — СПбВед. 20 мая) органично включался в лит. контекст демокр. ж-ла. Ведя повествование от лица девушки из дворян. семьи, осиротевшей и обездоленной, но жаждущей просвещения и независимости (автобиогр. мотивы), О. утверждала мысль о «распрямлении» человеческой личности, о честно заработанном куске хлеба, к-рый дает возможность идти в жизни своим путем. Сведения об изменении М. Е. Салтыковым-Шедриным при редактировании романа в ж-ле финальной сцены (см.: Схабичевский А. М., Лит. восп., М.—Л., 1928, с. 289) сомнительны; измененная концовка появилась лишь в отд. издании романа (СПб., 1870).

Роман О. обратил на себя внимание цензуры, отыскавшей, что в нем «с ирачком выде представляло положением бедной девушки, приспаванной себе противные трудные рус. свои» (РГАЛИ, ф. 777, оп. 2, 1865, № 60, л. 97). Положит. рец. отубл. Салтыков-Шедрин (IX, 373—377, 383—84). Напротн, Н. В. Шелгунов в ст. «Творческое целомудрие» («Дело», 1871, № 1)

дал роману отрицат. оценку. Анонимный критик в «Заре» (1870, № 11), полемизируя с Салтыковым-Шедриным, обращался к О. с призывом слушаться своего «худож. ума» и отречься от «служебн. теорин».

Судя по письму О. 1873 к А. С. Суворину, она встретилась с большими затруднениями в последующей лит. работе: ей мешали, по ее словам, ценз. опасения, а также материальная несобеспеченность (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3052). О. в 1874 обращается в Лит. фонд (см.: Некрасов, XI, 327). С крутом демокр. писателями она не сошла. Разочарованная в сотрудниках «Отч. записок» приводит ее к разочарованию в демокр. идеях в целом. После возвращения в Харьков О. продолжает заниматься лит. трудом, пишет роман из эпохи крест. реформы под назв. «Царство Христа», отвергнутой редакцией «Отч. зап.» (об этом в ее письме-исповеди И. С. Аксакову от 10 июня 1885 — ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 445).

Сохранилась переписка О. с Ф. М. Достоевским (1877—78; ее письма: РГАЛИ, ф. 212, оп. 1, № 83; ИРЛИ, 29797, ССХІ б. 8; два ответных письма Достоевского: ХХІХ, кн. 2, с. 177—78; ХХХ, кн. 1, с. 9—10). Заинтересованный личностью О., Достоевский просил Н. Н. Бекетова написать что-либо о ней. Бекетов, отвечая Достоевскому, сообщил нек-рые биогр. данные и писал, что, по его мнению, «эта женщина очень развитая, много лет над собою трудившаяся» (РГБ, ф. 93, II, к. 1, № 75).

Плохое состояние здоровья вынуждает О. переехать в Крым, где она работала в Севастоп. г-зии. Дослужившись до пенсии, в 1892 возвратилась в Харьков. Нужда заставляла ее до последних дней давать частные уроки.

Лит.: Достоевская А. Г., Воспоминания, М., 1981, с. 332—34, 472 (по мнению А. С. Дольника, речь идет об О.); Теллинерский М. В., Л. А. Ожигина (автор романа «Отч. зап.» и корреспондентка Достоевского). — ПЛ, 1988, № 4; Павлюченко Э. А., Женщины в рус. освободит. движении, М., 1988 (ук.). + Некролог, 1899: СПбВед, 18 дек.; СО, 20 дек.; «Россия», 19 дек.

Архивы: РГАЛИ, ф. 733, оп. 50, д. 1251 (о «возвращении» О. слушать лекции в Харьков. ун-те); ИРЛИ, ф. 155, 1894, ХХІІІ, 15.

М. В. Теллинерский

ОЗЕРЕЦКОВСКИЙ Яков Николаевич [10(22).6.1804, Петербург — 14(26).10.1864, Евпатория; перезахоронен в Перекопе, 1865], прозв. Сын акад. (естествоиспытателя, этнографа, путешественника) Н. Я. Озерецкого (1750—1827). Получил дом. воспитание. В 1817 вступил в л.-гв. Моск. полк подпрапорщиком; в 1824 поручик. Как не причастный к восстанию на Сенатской площади был введен в спец., полков. Следств. комиссию, образованную по приказу шефа полка вел. кн. Михаила Павловича «для приведения

в ясность всех обстоятельств, сопровождавших происшествие в полку 14 дек. 1825 г. и открытия всех причастных в приурочивании оного лиц» (Декабристы, с. 374).

Весной 1826 добровольно отправился на Кавказ в составе Сводного гв. полка (см.: Залиски А. Ф. Багговута. — РС, 1883, № 10, с. 116) и до 1828 участвовал в Кавк. войне (против горцев) и русско-персидской под командованием А. П. Ермолова. Был в сражениях у Тифлиса, Эчмиадзина, при Джеван-Булаке, Эривани и др.; награжден зол. оружием «За храбрость». В 1828, сопровождая трофеи, вернулся в Петербург; в 1830 по болезни оставил воен. службу и вступил в число гражд. чиновников Инспекторского деп. Гл. штаба. В 1832 переведен в корпус жандармов с переименованием в подполковника; пользовался личным расположением гр. А. Х. Бенкендорфа, состоя при нем по особым поручениям. В 1835 ревизовал Соловецкий острог и выявил ряд злоупотреблений, исправленных затем по повелению Николая I. В 1836 «с особым поручением» послан в Вену, оттуда в Черногорию, а по возвращении (произведен в полковники) — опять в Вену; ему поручались «занятия по предметам воен. наблюдения»: он собирал сведения о польских эмигрантах и их тайных об-вах; встречался с К. Меттернихом, военным писателем Ф. В. Бисмарком, В. С. Караджичем, Алеку Руссо, правителем Черногории — поэтом П. Негошем, к-рому передал от Николая I деньги «на пользу черногорского народа» (до 1846 состоял с Негошем в переписке); составил ряд служебных записок о Черногории. Вернувшись в 1839 в Россию, вскоре отправился для лечения за границу.

На 1830-е гг. приходятся все изв. публикации О.: рассказы «Пешера за кладбищем. Дагестанское событие» (БлЧ, 1834, т. 5) и «Нукер» (БлЧ, 1835, т. 11), путевые заметки «Плавание по Белому морю и Соловецкий монастырь» (СПб., 1836) и «Крепость Баку и вечные огни» («Невский альбом» Н. И. Бобылева, СПб., 1840), рассказы «Однокашник» и «Физиогномика» (СО, 1838, № 11) и небольшая книжка «Повесть и быль», состоявшая из двух произведений: «Беата. (Финляндская повесть)» и «Лотерейный билет. Венская быль» (СПб., 1840; по словам рецензента «Совр.», «истины и жизни художнически схвачено довольно» — 1840, № 3, с. 140). За исключением «Плавания», почти лишенная стилизованной окраски, все произведения вписываются в традицию романт. новеллы. Их отличают замысловатая аванп. фабула, кавказская («Пешера за кладбищем», «Нукер») либо фин. экзотика («Беа-

та», сам О. указывал на влияние «Эды» Е. А. Баратынского, что, впрочем, касается лишь изобразимого фона), внимание к необыкновенному и неожиданному («игра случая» в «Лотерейном билете»). вообще к теме «человек и судьба», нек-рые элементы сатиры на нравы.

Публиковался ли после 1840 — неизвестно, хотя лит-рой продолжал заниматься: сохранилась рукопись стих. 1857 (РГАЛИ, ф. 819, оп. 1, № 604), остались, согласно статье в РБС, обширные воспоминания.

По возвращении в 1841 из-за границы занимал должность управляющего Крым. солдат. правлением (1841—63); жил преим. в Перекопе: много сделал для организации местного курорта; по его предложению выстроен Чонгарский мост через Сиваш. Как вспоминал б. подчиненный О., В. Н. Смирнов, «привыкший к столичной и заграничной жизни, в кругу высшего общества и будучи сам человеком светски-образованным, большим любителем иск-ва, остроумным и такж. поэтом», О. не мог «утоловствоваться легкой жизнью с содержанием в три тыс. руб. в год» и устроил в Перекопе «уголок Парижа», с бесконечными балами, любительскими и проф. спектаклями, для к-рых выписывались столичные артисты, с пикниками, вероятия поварками гостям, карточной игрой и т. п., что сопровождалось злоупотреблениями с казенными деньгами (ИВ, 1905, № 9, с. 818, 820—21). В 1862 О. было предложено позвать в отставку; вскрылась запущенность дел. С его увольнением уехали в Крым. солдат. правление. О. изредка в Египет, где жил в нужде, с маленькой пенсией, и даже его похороны совершались по польск.

Лит.: Беллинский (ук.); Никитинко (ук.); Лавров М. А., Петр II Петрович. Непохожий... М., 1887, с. 96, 98; Колчич М. А., Сельские и заочные в остроге Соловецкого м. в XVI—XIX вв. — РС, 1888, № 1, с. 56—57; Пестриков Н. С., История л.-гв. Моск. полка, т. 2. (СПб., 1904), с. 45—46; Смирнов В. Н., Солдат. царство (Восп. чиновника). — ИВ, 1905, № 9; Орлова-Савина П. И., Автобиографич. М., 1994, с. 340, 343; Салыхов М., Писатели-декабристы и Азербайджан. Баку, 1967, с. 24, 30—33, 106; Вуксан Д., Писма Озерцковского, Ковальского и Чекина Владими Раду. — «Споменик СКА», (изв.) 81, Београд, 1935; Павлович В. Б., Негош и Ж. Н. Озерцковский, Титова, 1967, + Искаропич: «Одз. вост.», 1864, 5 нояб., 10 дек.; БВест, 1864, № 294; Илл. гл., 1864, № 45; КВ, 1865, № 1. Геннаи: Березин; РБС; Брокгауз; Метзер; ИДРДВ; Масанов.

Архивы: РГАЛИ: ф. 2117; ф. 819, оп. 1, № 350 (письмо к П. И. Орловой-Савиной), ф. 4, оп. 1, № 21, 24 (исчерпано); РНБ: ф. 212 (письмо А. М. Горчакову); ГАРФ: ф. 109, СА, оп. 2, д. 132; оп. 3, д. 1381; ф. 109, 1 жеп., 1835, д. 246; 1 жеп., 1845, д. 203; ф. 828, оп. 1, д. 621; АВПР, П.О. — 1836, 1, 60; АВПР, Г.А. — 695; РГВИА, ф. 395, оп. 84, 2 отз. 1829 г., д. 146 (п. с. 1829 г.); оп. 31, 1840 г., 1 отд., 4 ст., д. 777 (п. с. 1840 г.) [Справка Е. В. Каровой].

В. М. Босова

ОЗЕРОВ Владислав Александрович [30.09(11.10).1769, с. Борки (Казанское) Зубцов. у. Тверской губ. — 5(17).9.1816, похоронен там же], драматург. Пронходил из древнего, но захудалого дворянского рода, по легенде, отраженной в обшм гербовнике, имевшего польские корни. Имя, полученное О. при крещении, — Василий, т. к. имя Владислав отсутствует в рус. святцах. Рано потерял мать. В 1776 при помощи Блудовых, с к-рыми мать О. была в родстве, зачислен в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, в к-ром про-

вел ок. 12 лет (среди соучеников С. Н. Глинки, А. А. Писарева). Атмосфера Сухопутного корпуса с царившим там культом лит.-театр. интересов и героич. самопожертвования и, в особенности, влияние драматурга

Я. Б. Княжнина, преподававшего словесность, сказались и на личности, и на творчестве О. В целом он был воспитан на франц. лит-ре, в годы учебы и позднее, во время преподавания в корпусе, играл в кадетских спектаклях, преим. франц. трагедий, и писал франц. стихи. В 1787 окончил корпус со «средней» зол. медалью, был в числе выпускников, удостоенных права произнести речь на торжеств. акте (изданы отд. брошюрой: Озеров В. А., Гине Я. Е., Салтыков М. А., Три речи, читанные в Сухопутном кадетском корпусе при раздаче медалей 1787 г., СПб., 1788; не сохр.).

Выпущенный поручиком «к статским делам в армии», О. поступает в канцелярию бывшего дир. корпуса и ген.-губернатора Орлов, и Курского наместничества ген. А. Б. де Бальмена, с к-рым в рус.-тур. войну 1787—1791 служил в Юж. армии (1789). Находился при Бендерах перед их штурмом. После смерти Бальмена в 1790, вероятно, был уволен с воен. службы и в 1791 числился чиновником Казенной палаты Курского наместничества («Месяцеслов ... на ... 1791», с. 139). В сент. 1792 вернулся в кадетский корпус наставником и адъютантом нач. корпуса графа Ф. Ангальта, популярного в кадетской среде и, видимо, благоволившего О. В том же году выходит «Собрание стихотворений» О. (СПб.; не сохр.). Судя по тому, что изданную в 1794 «Элоизу к Абеяру» О. в предисловии называет своим «первым опытом ... в стихах» («Трагедии. Стих.», с. 361), можно предположить, что тираж «Собрания стихотворений...» был намеренно уничтожен автором.

После смерти Ангальта в 1794 (см. франц. стихи О. на его смерть «Стихи... на кончину... гл. начальника... кадет. корпуса» — «Маяк», 1840, ч. 1) и изменения обстановки в корпусе, связанного с назначением нового нач. корпуса М. И. Голенищева-Кутузова, О. снова выходит в стат. службу в чине капитана: с нач. 1794 в канцелярии ген.-прокурора Сената (с 1795 делопроизводитель), где служит одновременно с М. М. Сперанским; возникшая между ними враждебность сохраняется на долгие годы. В марте 1797 коллеж. ассессор О. переводится правителем канцелярии в Экспедицию гос. хозяйства под начало А. В. Храповицкого, к-рый, по словам И. И. Дмитриева, «любит и уважал его» (Дмитриев И. И., Соч., М., 1986, с. 373). Летом 1798 становится советником Экспедиции (с чином коллеж. сов.), а в 1799 переводится в Лесной департамент. В 1800. продолжая состоять при департаменте, вновь переводится в воен. службу и получает чин ген.-майора. По службе О. совершал многочисл. командировки для осмотра лесных угодий.

В 1790-е гг. разворачивается любовная драма О. По словам Д. Н. Блудова, О. «искал наслаждений и счастья... в одной женщине. Для нее он жил несколько лет, почти все лета своей молодости; с нею питался восторгами платонической страсти; был часто возле счастья и не был счастливым, ибо любезная ему женщина была замужняя и добродетельная» («Арзамас», II, 412). Мужки неутолимой страсти становятся темой первого получившего известность печатного произв. О. — вольного перевода героини Ш. Колардо «Элоиза к Абельяру» (СПб., 1794), к-рая была, в свою очередь, переводом поэмы А. Попа. На основе зап.-европ. образцов и ср.-век. сюжета О. создает преромантич. любовную элегию, во многом являющуюся прообразом монологов героев его будущих трагедий. В эти же годы пишет ряд произв., оставшихся при его жизни ненапечатанными: «Оду... на кончину Екатерины II» (1796) и «Оду Г. Р. Державину на случай получения им ордена Святой Анны...» (1798) (обе опubl. в кн.: Соч., ч. 1, 1817; вкл. в изд. «Трагедии. Стих.»). Последнее соч. и, в особенности, свидетельство С. Глинки (см. его «Записки», с. 120) говорят о достаточно близком знакомстве О. с Г. Р. Державиным. К тому же 1798 относится поэтик. содействие О. с Храповицким в переводе од Либрена и их обмен поэтик. посланиями, а также первое обращение О. к драматич. жанру — трагедия «Ярополк и Олег». Впервые опубликованная только в 1828 (Соч., ч. 3), она была несколько раз представлена на сцене петерб. Большого театра

(1798) с «успехом... замечательным» (Арапов, с. 137).

В основе трагедии — вдиализменный эпизод из Лаврентьевской летописи, известный О. в изложении В. Н. Татищева. Конфликт трагедии разрешается раскаянием Ярополка и, вопреки показаниям летописцев, примирением антагонистов. В центре действия — душевные терзания слабовольного и движимого страстями, но, в конечном счете, становящегося на путь добродетели героя. Изображение душевных движений, разложение страстей, тщательная нюансировка чувств становятся характерными чертами трагедий О., интрига в к-рых ослаблена и порой находится на грани исчезновения.

В мае 1801 после служб. конфликта в департаменте, связанного с переменами, вызванными началом нового царствования, а также после «смерти своей милой Л...ой» («Арзамас», II, 412), возможно, В. М. Литвиновой, жены сослуживца О. по корпусу Н. Б. Литвинова (см.: Гордлин, с. 70—74), О. выходит в отставку «за болезнями» (Гиллельсон, с. 376) и поселяется в отцовском имении Борки. В февр. 1803, вероятно, по совету Блудова, О. возвращается на службу в Лесной департамент Мин-ва финансов (к 1804 — д. стат. сов.).

В Петербурге О. была закончена начатая в деревне трагедия (в 5 д.) «Эдип в Афинах» (СПб., 1804, 1805, 1816), в к-рой он ориентировался на переделку «Царя Эдипа» и «Эдипа в Колоне» Софокла, сделанную франц. драматургом Ж. Ф. Дюси. В нек-рых случаях О. возвращался от франц. переработки к оригиналу, однако по совету актера И. А. Дмитриевского заменил первоначально сохранившийся им трагич. финал на благополучный. Пьеса О. не только соответствовала эстетич. программе кружка А. Н. Оленина, (с к-рым он, возможно, сблизился еще в 1790-е гг.), но и во многом способствовала ее оформлению. Настороженно встреченная театральной дирекцией трагедия была поставлена А. А. Шаховским на собств. средства с декорациями по рисункам Оленина и музыкой О. А. Козловского. Спектакль, впервые поставленный на сцене петерб. Большого театра (1804), сочетал стремление к воссозданию антич. колорита (лоходившего в оленнинских декорациях до археологич. подробностей) с совр. чувствительностью (для О. выбор трагедии, рассказывающей об одиночестве личности, ее отчаянии и покинутости в мире, имел несомненный автобиографич. контекст, всегда ощущавшийся современниками). Беспрецедентный в истории рус. театра успех пьесы был в значит. степени обеспечен пространными монологами Антиго-

ны и Эдипа (представлявшими собой по существу вставные элегии) в исполнении Е. С. Семёновой и Я. Е. Шушерина. «Я ... плакал, как и другие, и это случилось со мною первый раз в жизни, потому что русская трагедия доселе к слезам не причула», — записал в дневнике С. П. Жихарев (I, 124), видевший моск. постановку пьесы с П. А. Плавильщикова в роли Эдипа.

«Одною из лучших, какие до сих пор на российском языке писаны были» назвал трагедию О. рецензент «Сев. вестника» (1804, ч. 4, с. 322). За постановку пьесы О. и нек-рым актерам был пожалован гербены от государя. По воспоминаниям Ф. В. Булгарина, «все молодое поколение затвердило наизусть не только лучшие стихи, но целые тирады» из трагедии (Булгарин, ч. 2, с. 284). Обширный разбор «Эдипа...», принадлежавший Н. И. Бутырскому, был напечатан в «Сев. вестнике» (1805, ч. 7, № 7). В журналах также появились стихотв. послания О., наиболее значит. из к-рых принадлежали В. В. Калнину (там же, 1805, ч. 6, № 5; см. также «Журнал рос. словесности», 1805, ч. 1, № 3, с. 180—81; подпись В. Ст-в).

Вместе с тем, при безусловном преобладании читат. и зрительских восторгов «Эдип в Афинах» вызвал и скептич. отзывы, на что намекает в своем послании и Капнист, упомянув «зоилизм злоязычных» и «зависть — спутницу одних даров отличных» (Капнист В. В., Собр. соч., т. 1, М.—Л., 1960, с. 182). Широко хождение приобрела эпиграмма на О.: «Наш Озеров во храм бессмертия идет! Но скоро ли дойдет?! Степю его ведет!», приписывавшаяся С. Н. Марину (см.: Булгарин, ч. 2, с. 301), но, возможно, также исходившая из державинского окружения (Гордлин, с. 122—23). Об обостренности отношений между Державиным и О. свидетельствует и прекрасный текст посвящения Державину 1-го издания «Эдипа в Афинах», обнаруживающий вместе с «удалением и восторгом» перед «стихотворческим гением» Державина (сумевшим соединить «с выпрепением парением Пиндара» «философию Горация и прелесть ириность Анакреона») глубокую обиду автора на своего старшего друга. Таким образом, уже после первого триумфа О.-трагика начала складываться его впоследствии канонизированная арзамасцами репутация гения, окруженного завистниками. Становлению этой репутации способствовал и облик О., к-рый был, по словам Блудова, «довольно мрачен» («Арзамас», II, 414), а по свидетельству Булгарина, «раздражителен в высшей степени»; «в обществах В. А. Озеров был ... осторожен, непредуридетелен, холоден» (Булгарин, ч. 2, с. 290—91, 315).

Намеченная в «Эдипе в Афинах» тенденция к лиризации драматич. действия была резко усилена в трагедии (в 3 д.) «Фингал» (пост. 1805, опubl.: СПб., 1807; [2-е изд.], СПб., 1808; с посвящением Оленину;

«...Твоею дружбою глас слабый оживился...»), написанной по мотивам третьей песни одноименной поэмы Третьякова — стилизации под др.-шотландскую поэзию, созданной Дж. Макферсоном и приписанной легендарному барду. Мрачный, северный колорит, с помпезной декоративностью воссозданный в худож. оформлении Д. Корсини, костюмах и «аксессуарных вещах» по эскизам Оленина и И. А. Иванова, пантомимных балетах И. И. Вальберха, хорошо соответствовал меланхолич. настрою трагедии: героич. патетика, традиционнo сопутствовавшая классицизму, во многом подменена сентиментальным унынием, осложненным превосходящим баллады В. А. Жуковского мотивами рока и мистики. Любовь, продолжающейся за гробом. Господствующие в пьесе элегич. мотивы были подчеркнуты игрой А. С. Яковлева и, прежде всего, Семёновой.

Грандиозный успех «Фингала» вновь обнаружил несоответствие зрительских восторгов установившимся критич. представлениям. Постоянная трагедия вызвала жалобные, хотя и не лишённые очень серьёзных замечаний отзывы. Рецензент «Любителя словесности», отметив «чистоту слога и изысканность мысли», а то же время указав на несоответствие «предмета ... сей трагедии» природе жанра и композиции, высочайше (1806, ч. 1, № 1, с. 84, 88). В «Разборе трагедии „Фингала“ ... читанном на открытом испытании студентов Пед. ин-та...» Бутырский, назвав О. «гением» («Литер», 1806, ч. 2, кн. I, с. 49), также упрекает его за несоответствие пьесы традиц. жанровым канонам. Продолжалась и личная нападка на О. Державин выступил с двусмысленной эпиграммой на поклонников «Фингала», зашедшей и самого О. «На испорченную хвалу рецензентом некоторых мест в трагедии „Бардак“» (Державин, III, 386—87), а также с похвально-колым стихотв. посланием «Г. Озерову на приписанное Эдипа», где наделил своего адресата ис. традиц. жанрами, а «из слова великого» (III, 390), намекая на эфемерность славы О. По свидетельству Державина, по получении послания О. «перестал быть автору знаком» (III, 698).

Слава О. достигает своей кульминации после появления трагедии в 5 д. «Дмитрий Донской» (1806, пост. и облуж.: СПб., 1807). Написанная в период воен. конфликта с Наполеоном, пьеса воодушевляла публику патриотич. тирадами главного героя, блистательно сыгранного Яковлевым, и его сподвижников. Прозрачные аллюзии на совр. обстоятельства в сочетании с традиц. для О. психологич. разработкой любовной коллизии и уже закрепившейся за ним репутацией ведущего рус. драматурга обеспечили спектаклю невиданный даже для пьес О. зрительский интерес, превратив премьеру «Дмитрия Донского» 14 янв. 1807 в общенационал. событие. «Я чувствовал стеснение в груди, меня душили спазмы, была лихорадка, бросало то в озноб, то в жар, то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу — словом, безумствовала, как безумствовала, впрочем, и вся публика до такой степени многочисленная, что бук-

вально некуда было уронить яблока», — записывал на следующий день Жихарев (II, 92; см. также отклик А. С. Стурдзы — «Москв.», 1851, № 21, с. 6—7). Именно с «Дмитрия Донского» рус. театр становится ареной обществ. манифестаций, а театральная публика начинает осознавать себя носителем обществ. мнения, к-рому подчинились даже Александр I, неоднократно посещавший спектакль, давший О. аудиенцию и наградивший его перстнем с вензелем, а также разрешением посвятить ему издание трагедии.

Однако именно обращение к рус. истории, придавшее трагедии О. политич. звучание, обусловило нарастающую критику в его адрес. Источником для «Дмитрия Донского» послужила «История рос. государства» И. Штриттера (пер. с нем.; СПб., 1800—02), однако он, как всегда,вольно обошелся с материалом, сохранив имена действующих лиц и придав трагедии самый общий условно-древнерусский колорит. Многочисл. анахронизмы, допущенные в пьесе, и особенно вымышленный О. романич. треугольник Дмитрий — Ксения — Тверской (по историч. источникам. Дмитрий Донской ко времени Куликовской битвы был женат) вызвали недовольство многих авторитетных литераторов, обвинивших О. не только в нарушении историч. достоверности, но и в клевете на рус. князей, думающих в его пьесе больше о своих любовных переживаниях, чем о защите отечества. «Мне хочется знать, на чем основаны Озеров, выведя Дмитрия влюбленным в небывалую княжну, которая одна-одинехонька прибыла в стан и, вопреки всех обычаев тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским да рассказывает о любви своей к Дмитрию», — возмущался в беседе с Дмтреевским Державин (см.: Жихарев, II, 99); помимо прочего, пьеса, на взгляд Державина, «не имела порядочного плана и характеры великих князей весьма были подлы» (Державин, III, 698).

В противовес О. Державин начинает сам работать в жанре ист. драматургии (в т. ч. над пьесами из рус. истории). Своего рода ответом «Дмитрия Донскому» стала и пьеса М. В. Крюковского «Пожарский» (1807). А. С. Шишковым был написан построичный разбор озеровской трагедии, содержащий исключительно резкую, порой почти неприличную критику как характеров героев (особенно Дмитрия, к-рый, по его словам, «не герой, собирающий князей для защиты отечества, но Селадон или Дон-Кихот» — лит. по: Сидорова, с. 175), так и ее слога и композиции. Шишковский разбор приобрел широкую популярность и разошелся в списках.

Трагедия О. вызвала также остроумную пародию П. Н. Семёнова «Митюха Валдайский» (опubl.: БЗ, 1861, № 5—6; об авторстве см.: БЗ, 1861, № 15; Рус. пародия, с. 709) и недошедший до нас трагестийный перифраз А. С. Грибоедова «Дмитрий Дрянской» (см.: Грибоедов в

восп., с. 24). Лит. столкновения вокруг «Дмитрия Донского» вызвали к жизни басню К. Н. Батюшкова «Пастух и соловей» (1808), отражавшую позицию оленинского кружка и создавшую легенду о гениальном поэте, преследуемом клеветниками.

В июле 1808 после неприятностей с новым министром финансов Ф. А. Голубцовым, «может быть, легким для другого, но для него несносных» («Арзамас», II, 414), О. выходит в отставку и уезжает сначала в имение отца в с. Казанское Твер. губ., а в декабре того же года в с. Красный Яр Казан. губ. В кон. 1808 он категорически отказывается от предложенного ему через Оленина предложения вернуться на службу, а весной 1809 последовал отказ Александра I в присвоении ему пенсiona — как не выслужившему положенного тридцатипятилетнего срока. (Возможно, что неблагодарность императора была связана с возвышением Сперанского, неизменно неприязненно относившегося к О. — см.: РА, 1868, кн. 3, стб. 1730.) О. был публично уязвлен ситуацией со своей отставкой: помимо того, что непредоставление пенсiona делало невозможным его жизнь в столице, он рассматривал этот факт как «оказанное» ему «неправосудие». Еще в 1807 получал распространение слухи об отставке О. (доходившие и до интересовавшейся ими императрицы Марии Фёдоровны), лишавшей его «единственного средства к существованию» (письмо О. к лейб-медику Реолю; копия письма Вилламова к ген. Волану, оба от апр. 1807 — РГА, ф. 759, об. 1, л. 172, № 14, 15 — справка П. М. Селькиной).

В письме Голубцову от 8 апр. 1809 он писал: «Я считал, что по рассмотрении моих трудов по Лесному департаменту может быть принято бюджетное взыскание, что я достал как бы одного миллиона трехсот тысяч рублей сбора через мою и мною обработанную статью ежегодных доходов и что потому при увеличении от дел я не буду срывать с такими чиновниками, которые, хотя и более меня служили, но отравляли должности обидливостью... наконец, я узнаю на правосудие: не то, которое основывается на указах, но то, на котором основываются и самые законы, когда они мудры» (РА, 1869, кн. 1, стб. 152).

В провинциальной глуши, на тяготы к-рой он жалуется в письмах к Оленину (там же, стб. 126—52), О. завершает свою последнюю пьесу «Поликсена» (пост. 1809, опubl.: Соч., ч. 2, СПб., 1816), в к-рой характерные для его трагедий мотивы трагич. безысходности земного бытия, тяги к смерти и жертвенной покорности неумолимому року достигают небывалой интенсивности.

Превосходя предшествующие трагедии по выстроенности драматич. интриги и обрисовке характеров действующих лиц, «Поликсена», однако, не имела успеха и выдержала всего два представления. О. даже не было выплачено обещанное

ему вознаграждение. Новая трагедия на антич. тему не могла иметь для публики интереса, подобного «Дмитрию Донскому», к тому же мода на трагедии О. прошла, а неизменный их постановщик Шаховской охладел к его творчеству, сблизившись после 1807 с кругом Державина—Шишкова. Сочувств. рецензия в «Цветнике» (1809, № 5) осталась по существу единств. откликом на постановку.

Неудача с «Поликсеной» побудила О. отказаться от замысла трагедии об А. П. Волинском, в к-рой он собирался показать «правду русского боярина ... злоупотребления временщика-иностранца ... несчастное положение народа под слабым и недочерчивым правлением!» (РА, 1869, кн. 1, стб. 143). О. сознавал, что такая пьеса, для к-рой он хотел «заместить кое-что из наших времен», «никогда не может быть играна на нашем театре» (там же), и намеревался писать ее для приятелей. По-видимому, в это же время О. прекращает работу и над др. замыслами трагедий, среди к-рых Блудов называет «Медео», «Вельгарда» (пьесу из времен князя Владимира) и «Осаду Дамаса» («Арзамас», II, 414), и отказывается, несмотря на весьма недостаточные средства, от новых изданий своих трагедий, сообщая книгоиздателю И. И. Занкину, что ранее соглашался на них «по одним убеждениям ... приятелей, никогда не быв любопытен видеть в печати то, что я писал единственно по склонности моей к театральным зрелищам и без всякого искания звания автора и стихотворца» (РА, 1877, кн. 3, с. 279).

Переписка О. с Олениным (в 1809) показывает, что он внимательно следил за лит. и театральной жизнью Петербурга: высказывал иронич. отношение к патриотич. журналу своего бывшего друга С. Глинки «Рус. вестник», с сочувствием отзывался о даровании Батюшкова, оставался поклонником франц. театра, не принимая «Шиллеров и Коцебуев, у которых все красоты появляются прыжками» (РА, 1869, кн. 1, стб. 149—50). В нач. 1812 он посылает Капнисту подробный разбор его трагедии «Антигона» (ответное письмо см.: Капнист В. В., Собр. соч., т. 2, М.—Л., 1960, с. 469). Однако уже в первые месяцы Отеч. войны 1812 он производит на видевшего его в дворянском собрании Казан. губ. В. М. Перовишкова впечатление тяжело больного человека (РС, 1896, № 3, с. 544—45). Вскоре после этого болезнь О. обостряется и отец перевозит его в свое имение Борки, где он проводит последние годы жизни, работая в саду, лишившись вследствие болезни «не только рассудка, но даже и способности говорить» (РА, 1869, кн. 1, стб. 125).

Катастрофич. обстоятельства ухода О. с лит. арены сделали его фигуру своего рода символом. С нач. 1810-х гг. драматург превращается в знамя будущих арзамасцев, обвинявших в его гибели завистника Шаховского, ставшего одним из ведущих авторов «Беседы» (см.: Гиллельсон, 1974, с. 34, 202—03; Гордин, с. 203—05).

Несомненно, очень незначительная вина Шаховского в неудачах О. была в этой полемич. традиции решающим образом преувеличена. Впрочем, если молодые карамзинисты (Батюшков, Жуковский, П. А. Вяземский, А. С. Пушкин, Блудов) относились к творчеству О. восторженно, то Н. М. Карамзин и Дмитриев в устных беседах отзывались о нем гораздо более сдержанно («Арзамас», II, 413). По словам Жуковского, «Озеров с великим талантом и чувством. Я беспрестанно спорю с ним с Карамзиным, который называет «Фингала» дрянью» (Жуковский В. А., Письма к А. И. Тургеневу, М., 1895, с. 52); см. также его послание «К князю Вяземскому и В. Л. Пушкину», 1815).

Смерть О. на время делает его центральной фигурой лит. процесса, вызывая лавину выступлений арзамасцев (см.: Муратова, 1). венчавшихся написанной при участии Блудова вступ. статьей Вяземского «О жизни и соч. Озерова» к изданию «Сочинений» О. (1816—17), ставшей арзамасским каноном восприятия его творчества. Одновременно трагедии О. становятся гл. темой публичных лекций А. Ф. Мерзлякова (ВЕ, 1817, № 4—5, 8—9). В 1820 вокруг наследия О. разворачивается ожесточенная полемика на страницах «Сына отечества» (обзор см.: Мордочанов, с. 153), где с критикой О. выступают А. А. Жандр и П. А. Катенин, а в защиту — В. И. Соц и Я. Н. Толстой. К сер. 1820-х гг. интерес к О. начинает угасать, однако и в 1830-е гг. для «старого поколения, научившегося уже понимать Жуковского и Пушкина», «дороже всего ... был Озеров», — вспоминает Н. П. Колюпанов о своем отце, читавшем ему в детстве П. Корнелия, Ж. Расина и Озерова (Колюпанов Н. П., Из прошлого. — РО, 1895, № 1, с. 246). Свое отношение к нему пересматривает Пушкин, дающий на полях статьи Вяземского уничтожающую критику трагедий О. (Пушкин, XII, 213—242); в отличие от Вяземского, он отказывал О. в звании преобразователя рус. трагедии и отрицал за ней нац. значение. Худож. достижения О. были широко использованы рус. поэзией 1-й трети 19 в. и прежде всего романтич. элегией. Поиски же О. в собственно трагич. жанре, по существу, не нашли продолжения: в лит. зво-

лущии он остается завершителем традиции рус. классич. трагедии: «И для меня явление Озерова/ Последний луч трагической зари» (О. Э. Мандельштам — «Есть ценностей незбылемая скала»).

Письма: А. Н. Оленину — РА, 1869, кн. 1; Муратова (1).

Изд.: Соч., ч. 1—2, СПб., 1816—17, 1816—1819, 1823—24, 1827 (под ред. А. Е. Измайлова); Соч., ч. 1—3, 5-е изд., СПб., 1828 (дополненное, сверенное по рукописи; послесл. П. А. Вяземского); Соч., СПб., 1846, 1847, 1856; Трагедии, Ств., Л., 1960 (БПб; 2-е изд.; вступ. ст. и прил. И. Н. Мезьверой); Рус. басня.

Лит.: Державин; Булгарин Ф. В., Востп., ч. 2, СПб., 1846, с. 287—319; ПЗ, изд. А. Бестужевым и К. Рыделовым, М.—Л., 1960 (ЛП; ук.); Селин А. И., Знакомство О. в истории рус. лит-ры, К., 1870; ОА. I (ук.); Беланский (ук.); Чернышевский (ук.); Батюшков (ук.); в т. ч. ст. Л. Н. Майкова «О жизни и соч. К. Н. Батюшкова» — т. 1, кн. 1, с. 32—37, 72—74; Жихарев, 1989 (ук.); Вигель (ук.); Каратыгин П. А., Записки, Л., 1970 (ук.); Греч Н. И., Соч., т. 5, СПб., 1838, с. 190—93; Галахов А. Д., ПСС рус. авторов, Соч. О. — ОЗ, 1847, № 5; Плетнев ИВ, 386—89; Глинковский С. Н., Записки, СПб., 1895; Полов М. М., В. А. Озеров. — РС, 1896, № 3; Истомина В. Глазничие особенности языка и слога прозаич. И. В. Гоголя, Д. И. Фонвизина и О. ..., Варшава, 1897, с. 77—117; Майков Л. Н., Пушкин, СПб., 1899, с. 266—83; Грот Я. К., Заметка о моделе О. — В его кн.: Труды, т. 3, СПб., 1901; Булкин Н. Н., Очерки по истории рус. лит-ры в ее развитии с нач. XIX в., т. 1, СПб., 1902, с. 242—71; Потапов П. О., Из истории рус. театра. Жизнь и деятельность О., Ож., 1915; Максимович А. Я., Озеров. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 5, М.—Л., 1941; Сидорова Л. П., Рукописные замечания современника на первом издании трагедии О. «Дмитрий Донской» — Зап.ГБЛ, 1956, в. 18; Аскаков П. 303—04; Мордочанов Н. И., Рус. критика первой четверти XIX в., М.—Л., 1959 (ук.); Бочкарев В. А., Рус. история, драматургия, нач. XIX в. (1800—1815 гг.), Куйбышев, 1959; Гиллельсон М. И., П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, Л., 1969, с. 365—378; его же, Молодой Пушкин и арзамасское братство, Л., 1974; Завадов А. В., Истинная школа реакторского опыта. (Заметки А. С. Пушкина на ст. П. А. Вяземского «О жизни О.»). — «Книжки», сб. 28, М., 1974; Левин Ю. Д., Остан в рус. лит-ре, Л., 1980 (ук.); Рус. энциклопедия; Горкин М. А., В. Озеров, Л., 1991; «Арзамас», кн. 1—2 (ук.); Жуковский Г. А., Пушкин и рус. романтизм, М., 1993, с. 161—65. + Геннади; РБС; Брокгауз; Аралов; КЛЭ; БСЭ; ИРДТ, т. 1—2; Муратова (1); Масанюв.

А. Л. Зорин
ОЗЕРОВ Иван Христофорович [псевд. З. Ихоров; 28.4(10.5).1869^{*}, усадьба Занино Чухлово, у. Костром. губ. — 10.5.1942, Ленинград], публицист, прозаик, ученый-экономист. Род. в семье неграмотного крестьянина; отец рано умер, оставив мать и детей без средств к существованию. Детские и юношеские годы О. прошли в нужде и лишениях. Первонач. образование получил в нар. школе г. Чухлово, затем в гор. уч-ще Чухлово и с 1881 в Костром. г-зии. к-рую окончил в 1889 с зол. медалью. В том же году поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та, где стал заниматься (под руководством проф. И. И. Янжула) полит. экономией, финансовым правом, статистикой (в т. ч. уголовной — ст. «Сравнительная преступность народов в зависимости от нек-рых факторов» — «Ж-л Петерб. юрид. об-ва при имп. С.-Петербур.

ун-те», 1896, кн. 4). По окончании ун-та в 1893 с дипломом 1-й степени был оставлен при ун-те для приготовления к профессорскому званию по кафедре финансового права; тогда же выпустил свою первую кн. «Об-

щества потребителей. Ист. очерк их развития в Зап. Европе, Америке и России...» (СПб., 1894; 2-е доп. изд. — СПб., 1900; медаль на Всемирной выставке в Париже, 1900). С марта 1895 приват-доцент Моск. ун-та, с кон. 1895 до нач. 1898 командирован за границу для науч. работы (Германия, Англия, Франция, Швейцария, Италия, Австрия). В 1898 защитил магистер. дис., в 1900 — докт. дис. о налоговой системе в Англии и Германии (обе опублик.). С осени 1898 преподавал финансовое право в Моск. ун-те (с 1902 ординарный проф., в 1906 стат. сов.). 14 мая 1900 женился на Ел. Анд. Гандурной.

В 1900-е гг. О. — один из наиб. деятельных и авторитетных ученых-экономистов России, лектор, пользовавшийся, благодаря широте общекультурных интересов и неформальному отношению к своему предмету, известностью и уважением среди студентов [в числе учеников О., завязавших с ним дружеские отношения, — начинающие поэты Л. Л. Кобылинский (Эллис) и М. А. Волошин; см.: Беляй, II, 40—42, 53—54, 254, 297].

В 1901 участвовал в разработке устава Моск. об-ва взаимопомощи рабочих в металл. производстве, учрежденного по инициативе инж. Моск. охранного отд. С. В. Зубатова, в рамках деятельности этого об-ва читал лекции рабочим (см.: Корелин А. П., Рус. «полицейский социализм» (Зубатовщина). — «Вопросы истории», 1958, № 10, с. 47—49); преданность О. к этому предприятию сказывается, как он сам признавал, на его обществ. решениях: «...мне причинили большую боль, оставляя меня за чужие лекции рабочим, а я честно нес в их среду знания» («Мои страдания» — РНБ, ф. 541, № 11, л. 4).

В 1907—08 преподавал в Петерб. ун-те, с 1908 вновь перешел в Моск. ун-т, преподавал также в Моск. коммерч. ин-те и на курсах Н. Ф. Езер-

ского в Москве. С окт. 1909 чл. Гос. совета от рос. ун-тов и Имп. Акад. наук. Науч.-исследоват. и пед. работа дополнялась практич. деятельностью: О. — чл. Совета Рус.-Азиат. банка, пред. правления Центр. банка Об-в взаимного кредита, участник промышл. предприятий. С кон. 1899 неск. лет вел внутр. обозрения по экономич. и финансовым вопросам в ж. «Рус. мысль», постоянно публиковал статьи в «Рус. вед.», «Рус. слово», «Бирж. вед.», «Речи», «Одес. листке», «Юж. крае» (Харьков), «Экономисте России», «Коммерсанте», «Вест. знания» и др. изданиях. О. — автор множества (более 30) книг и брошюр на экономич. темы.

В их числе: «Америка идет на Европу» (СПб., 1903; 2-е доп. изд. — «Чему учит нас Америка?», М., 1908), «Из жизни труда» (Сб. ст., в. 1, М., 1904), «Очерк экономич. и финансовой жизни России и Запада» (Сб. ст., в. 2, М., 1904), «Политика по рабочему вопросу в России за последние годы» (М., 1906; в марте 1906 на книгу был наложен арест, т. к. в ней утверждалось право рабочих на всеобщую забастовку (ШАМ, ф. 131, оп. 92, л. 252); в апреле арест был снят), «Как расходуются в России нар. деньги?» (М., 1907), «Основы финансовой науки» (в. 1, М., 1908; 3-е изд., М., 1917; в. 2, М., 1908; 4-е изд., М., 1914), «Что такое общество потребителей, как его основать и вести» (СПб., 1896; 2-е изд., М., 1908), «Куда мы идем? (Итоги экономич. развития XIX в.)» (2-е изд., СПб., 1911), «На темы дня. К экономич. положению России» (М., 1912), «За что мы боремся?» (М., 1915).

Экономич. исследования О. пропитаны публицистич. пафосом борьбы за иптенное развитие огромной производств. сил России, за создание «сильного промышленного класса», способного самостоятельно «освободить себя от тех розночек, к-рые стоят ему на пути» («Индустриализация России» — «Коммерсант», 1912, 20 сент.); О. оговаривал, что повзвению нового человека, положно энергии и индигитивам, прегатствуют условия и традиции рос. жизни: «...делается все, чтобы ... энергия задрать, чтобы рус. человек ничего не делал без указки сверху, без разрешения оттуды... Мы культивировали у себя не людей, а зайцев... вежно трепещущих за собаю». «У нас культ не работы, а леготы...» («Что делать?», М., 1913, с. 32, 33, 370). Спонтельно для России О. считал «американскую прививку» — формирование нового типа предпринимателя, предполагающее «гармоническое использование всех сил человека: энергии, воли, решимости, знания» (там же, с. 373); умение «ставить достижимые цели» с учетом реальных обстоятельств («Чему учит нас Америка?», с. 201).

Не только в публицист. выступлениях, но и в книгах и статьях на финансово-экономич. темы О. постоянно использует худож. образы и параллели: напр., в систему своих аргументов вводит пересказ староперсидской сказки («Что делать?», с. 320—23). Отмечено, что О. — «художник в области финансового права и своих экономич. познаний»: «Отсюда его горячность и убедительность, необычайная ясность всех выкладок и положений, его увлекающая вера, упорная и последовательная проповедь жизни, яркий и бодрый призыв к творч. работе» (А. Станкевич — «Юж. край», 1913, 9 авг.).

Опыты О. в области собственно худож. творчества логически тесно связаны с осн. направлением его научно-публицист. деятельности. Под

псевд. З. Ихоров (анаграмма из инициалов и фамилии О.) он издал кн. «Исповедь человека на рубеже XX века» (М., 1904), «Записки самоубийцы» (М., 1911), «Песни бездомного» (Фантазии в прозе)» (М., 1912) — близкие между собой по идейно-психол. содержанию и стилистич. приемам. Лишенные событийного сюжета, конкретно обрисованных персонажей и жизненных обстоятельств, все три книги представляют собой лирич. монолог, складывающийся из цепочки фрагментов, близких по жанру к стихотворениям в прозе, с многочисл. рядами метафорич. образов и аллюгорич. уподоблений, б. ч. заимствованных из арсенала традиц. поэтич. клише: «вечная ночь окутывает вершины моих дум», «в душе у меня целые сады свежих цветов фантазии» («Исповедь человека на рубеже XX века», с. 72, 75), «я — оторвавшаяся ветка от векового дерева» («Записки самоубийцы», с. 90). Монологич. характер и тональность книг четко обозначены в заглавиях их разделов («Мечты улетели, вера умерла... Мне душно... тесно», «Мысль грызет ствол жизни», «На мой гроб не кладите венка...»). Характерны словесная переизбыточность, бесконечные повторения одних и тех же образно-эмоц. мотивов и открыто заявленная дидактич. установка. Картина духовного недуха доведенного до последнего тупика «лишнего человека», к-рый стал жертвой самоанализа, потерял веру и способность непосредств. переживания бытия, призвана служить извещением о скептицизме, указать путь спасения в социал. деятельности. Осуществляя над собой рационалистич. эксперимент, «опыт прививки ядовитых продуктов мысли», герой О. показывает и «противоядие» — это «сильная, яркая, творческая работа» («Записки самоубийцы», с. 145, 146).

О. наделяет героя нек-рыми собств. чертами: впечатления от горной Швейцарии — отправная точка для лирич. медитаций «Песен бездомного» — непосредственно автобиографичны, согласно позднейшему свидетельству автора (РНБ, ф. 541, № 3, л. 6). Характер обрисовки лирич. героини той же книги, предвещающей то воплощением души мироздания, то под разл. личинами (Кармен, русалка, египет. царица и др.), свидетельствует об усвоении О. специфич. черт поэтики символизма; пророчества о «новом человеке» («Записки самоубийцы», с. 186—187), идущие на смену терпящему фiasco совр. человеку с «мятущейся душой», вызывают ассоциации с проповедью Ф. Ницше, послужившего для О. и одним из стилистич. образцов; в ритмич. прозе О. постоянно переходящей в правильный трех-

сложный метр («Крутом островов хороводы густые на северном море лежат...» — «Песни бездомного», с. 55), сказываются и др. лит. параллели — от И. С. Тургенева («Стихотворения в прозе») и В. М. Гаршина («Красный цветок») до М. Горького («Человек»).

Прозв. О. осталась почти не замеченной в критике. Лишь в провинц. печати «Записки самоубийцы» были выделены как книга «большого лит.-общества значения» — «почти молитва, то лирически, то страстно звучащая» (С. Ипполитов — «Одес. листок», 1912, 8 июля). Др. обозреватель особую заслугу автора трех книг находил в том, что в них «нет ни выдумки, ни литературщины, а все от сердца и ширшей беспокойной мысли: их «интерес и значение» — в «худож. рельефности и поиске правды; «перед нами искреннее чувство, правдивая мысль и неперекрашенное страдание» (Станкевич А., Записки самоубийцы. — «Юж. край», 1912, 29 мая). На «Исповедь человека на рубеже XX века» обратил внимание Горький: «Книга — хорошая по своим мотивам, но интересная для нашего времени. Она стоит и волею человека, испуганного жизнью, человека, к-рый хотел бы найти средину между путем направо и влево, найти и успокоиться» (письмо к Е. П. Пешковой от 24—26 янв. 1904 — Архив Горького, V, 91).

При сов. власти О. работала в Ин-те экологич. исследований (1919), в Наркомате финансов, преподавала в Моск. гос. ун-те и в Индустриальном ин-те. 28 янв. 1930 был арестован, провел год в Бутырской тюрьме. 1 февр. 1931 отправлен на Север (Соловецкие лагеря, Попов Остров, Вонга, Кемь и др.). в 1933 амнистирован, поселился в Воронеж (по месту ссылки жены), в 1936 был помещен в Дом престарелых ученых в Ленинграде. В последние годы жизни работала над воспоминаниями, охватывавшими весь жизненный путь (детство, гимназич. и студенч. годы, науч. и пед. работа, пребывание в заключении). Рукописи воспоминаний, а также статей и рассказов 1920—40-х гг. сохранились в архиве О. (РНБ).

Др. произв.: «Бездна и дерзость» («Вест. знания», 1909, № 1), «За творчество! [Миниатюра]» («Нев. альм. жертвам войны», в. I, П., 1915).

Лит.: Афанасьев; [Автобиография]. — «Ист. вест. культуры, научно-воспитат., технич. и торгово-пром. прогресса России», в. 3, СПб., 1914, разд. «Биографии», с. 20—21; Архангельская И. Д., Бухшпан П. Я., Ист. музей — люди и судьбы. Профессора-экономисты О. и Я. М. Бухшпан. — В кн.: Ист. музей — энциклопедия отечеств. истории и культуры, М., 1993. + Грант; Альм. и сб-ки (1, 2); Масалов.

Архивы: РНБ, ф. 541*; ЦИАМ, ф. 459, оп. 2, л. 5329 (автобиография 1901); ф. 417, оп. 4, л. 138 (л. д. и ф. с. 1914 в ф. Моск. коммерц. ин-та); ф. 418, оп. 303, л. 540* (студенч. л. и копии метрич. свидетельства) [справка В. В. Александровой].

ОЗМИДОВА Зинаида Константиновна [урожд. Неволлина; псевд. Зео; 26.2(10.3).1851, Петербург (?) — 19(31).10.1899, Петербург; похоронена на Никольском кладб. Александр.-Нев. лавры], журналистка, прозаик, драматург. Отец — юрист, проф. Петерб. ун-та К. А. Неволлин (1806—55); мать — Люб. Богд. Нилус, дочь ген.-майора. О. воспитыва-

лась в Смольном ин-те, закончила его в 1868. Вскоре вышла замуж за архитектора М. П. Озмидова (1836—1897), гор. техника Одессы в 1870—1875 (о нем см.: Барановский Г. В., Юбилейный сб-к сведений о деятельности бывших воспитанников Ин-та гражд. инженеров, СПб., 1893, с. 253—54), ставшего в 1875 издателем (с 1879 также ред.) одес. газ. «Новорос. телеграф» (О. — соред. с 1889).

Направление газеты при Озмидове «сводилось к систематич. преследованию инородцев, живущих в южной и юго-зап. России» (некролог Озмидова — «Русь», 1897, 27 янв.). Он имел все условия «оборотливого» изд.-рес., к-рый «на все согласен ... лишь бы сто газетка шла долой» (Михневич, с. 280; см. также: Кауфман А. Е., Из журнальных вост. — ИВ, 1912, № 10, с. 125; № 11, с. 620, 622—24). Привлек к сотрудничеству ряд видных литераторов (И. Ф. Васильевский, П. А. Сергеев, И. Н. Потанин, Н. О. Рахманин, П. П. Гисдан, А. Н. Матчанов и др.) и превратил «Новорос. телеграф» в одну из популярных провинц. газет.

О. дебютировала в 1885 в изд. «Даровая премия к «Новорос. телеграфу»: стих. «Среди навешных грозных туч» (31 янв.) и ром. «Свыше сил» (31 янв. ... 31 дек.; отд. изд. — Од., 1885). В дальнейшем активно сотрудничала в «Новорос. телеграфе», печатая романы, рассказы, обзор ж-лов, переводы (знала неск. европ. языков), переводчики и другие соч. (худож. произв. — за подписью Зео, прочие материалы — без подписи или под псевд., к-рые не выявлены; возможно, О. принадлежит псевд. Н. Струйский, стоявший под рубрикой «Журн. обозрение»).

О., писательница озабочена и чувством изящного, и худож. инстинктом, и способностью наблюдательности (хотя и исчерпывающейся в нешироком круге светского мира) (Барон Исх (С. Т. Герно-Виноградский) — «Одес. листок», 1895, 2 апр.), стала «лучшей местного образованного и светского общества» («Новорос. телеграф», 1899, 23 окт.). Она «жила вся средн. поэтич. образом и была доверчива и добра, как ребенок» («Одес. листок», 1899, 24 окт.), много времени посвящала благотворит. деятельности.

Писала, как правило, о женщинах из дворян. образов. круга, чаще всего — о конфликте любви и долга. В ром. «Первая жена» («Новорос. теле-

граф», 1888, 6 июня ... 1889, 24 марта; отд. изд. — Од., 1889), «Три соперницы» (там же, 1889, 23 июня... 1890, 14 мая; отд. изд. — Од., 1890) и др. — умело разработанный сюжет, мелодраматич. условности, но осн. акцент делается на подробном психол. анализе любовного чувства и взаимоотношений в браке, что выделяет их среди подобных «газетных» романов того времени. О. четко разводит положит. и отрицат. персонажей, при этом наделяет их индивид. чертами. В ее книгах — точное описание быта, выразит. пейзажи (О. неплохо рисовала). Испытывая влияние франц. лит-ры, О. заметно отходит от сложившихся в рус. беллетристике традиций и канонов, в частности создает (одна из первых в отеч. лит-ре) новый тип женщины, способной на безудержную страсть (Ольга в «Первой жене», Вера в «Трех соперницах»), для к-рой «честь, совесть — все это вздор, пустые слова перед силою любви, перед жаждой счастья» («Первая жена», ч. I, с. 57); при этом О. осуждает ее, противопоставляя поодиному эгоизму служение другим.

О. была среди первых рус. авторов, в чьем творчестве наблюдались черты импрессионистич. поэтики, — см., напр., рассказы «Мимолетное счастье» (в сб. «Новые рассказы», Од., 1893) и «Ветка черемухи» («Новорос. телеграф», 1895, 2 апр.). Рассказы О., как правило, связаны с темой несчастной, разбитой любви: «Ветка черемухи»; «Momento doloroso» (в сб. «Рассказы», Од., 1888), «Нина», «Диссонанс» (в сб. «Новые рассказы»).

В пов. «Чары» («Новорос. телеграф», 1894, янв. — апр.), рассказе «Женщина (Из мира нералгаданных явлений)» (там же, 1893, 28 дек. — 1894, 3 янв.) ошутим интерес О. к потустороннему, оккультизму (хирургантия, астрология, спиритизм, каббала и т. д.), в значит. степени вызванный чтением книг Е. П. Блаватской (сестра к-рой В. П. Желтиховская сотрудничала в «Новорос. телеграфе»).

Писала также едкие сатирич. новеллы — «Из жизни благотворительной дамы» (в сб. «Рассказы»), «Бал в пользу голодающих» (в сб. «Новые рассказы»), «По мытарствам» (в сб. «Из жизни», Од., 1891); мемуарно-бытовые зарисовки — «Репетитор», «Тети Рая», «Отрывки из дневника институтки» (все — в сб. «Рассказы»), святочные рассказы — «Рождественская сказка» (в сб. «Рассказы для досуга», Од., 1889), «Сюрприз» (в сб. «Новые рассказы»), дет. книги — «Сказки» (Од., 1891). Пьеса «Свыше сил» («Новорос. телеграф», 1895, 10 апр. ... 4 мая; отд. изд. — Од., 1895), написанная на основе одним.

романа, с успехом шла в одес. театре Н. Н. Соловцова.

После смерти мужа (1897), продав «Новорос. телеграф», О. «вынуждена была перебраться в Петербург и существовала впроголодь, в меблиров. комнатах, ничтожным лит. заработком» (Простосердов Ефим (А. П. Пятковский) — «Набл.», 1901, № 1, с. 66, 2-я паг.). Печатались в «Одес. новостях» и «Одес. листке»; неск. рассказов поместила во «Всемирной илл.» и «Живописном обозр.».

Умерла от паралича сердца.

В некрологе отмечалось, что «одн. издание произведений Зео пользовалось на юге России большим успехом» («Россия», 1899, 22 окт.).

Др. произв.: пов. «Тайна графини» («Новорос. телеграф», 1895, 9 нояб.... 1896, 6 апр.); пьеса «Три брака» (Од., 1895).

Лит.: Предстоящий юбилей (З. К. Озмидова — Зео). — «Одес. листок», 1895, 21 марта; К юбилею Зео (З. К. Озмидовой). — «Новорос. телеграф», 1895, 5 апр.; Черепнина Н. П., Имп. воспитат. об-во благородных девиц, т. 3, П., 1915, с. 582; Неволлин К. А., Энциклопедия законовещения, СПб., 1997, с. 19 (биогр. сведения). + Некрологи, 1899: НВ, 22 окт.; СО, 22 окт.; «Одес. листок», 21 окт.; ЖО, № 45. ПНскр.: Брокгауз; Масанов (не указал поема. З. О.); Мейер (см. на Зео); Помояров; Dictionary of russian women writers. Westport—L., 1994. А. И. Рейнблат.

ОЗНОБИШИН Дмитрий Петрович [1804, крещен 21.9(3.10), с. Троицкое Карсун, у. Симбирской губ. — 2(14).8.1877, Кисловооск; похоронен там же; по др. сведениям, перезахоронен в с. Китовке Карсун, у.], поэт, переводчик. Из дворян, фамилии, известной с 14 в.

Президи О. отличился при осаде Смоленска, одна из башен названа Ознобишинской (Горизонтов, с. 3—4). Отец, Петр Николаевич, был в Астрахани. Дед по матери (Ал-зары Нев.) — И. А. Варваши (Иоаннине Варвахи; 1750—1825), богатый греч.-благотворитель; участвовал в Чесмен. сражении на стороне рус. флота, за что произведен в поручики. Получил рус. подданство (1789) и потопил дворянство. Помогал греч. повстанцам, был близок к гр. И. Калодистрию. Много сделал для благоустройства Астрахани и Таганрога (НВ, 1910, № 3, с. 1078—83), заслужил за свой счет строительство Астрали. канала, переименованного в Варвахи (см. о нем: Арш Г. Л., Этерикское движение в России, М., 1970, ук.: Марков А. [С.]. Были астрахан. края, Волгоград, 1976, с. 147—63). Родственные отношения связывали О. с И. И. Козловым.

Получил хорошее дом. образование, первоначально — под руководством барона А. К. Бодэ, а после смерти обоих родителей, когда Варваши привез внука в Петербург, — в семье родственника, сенатора А. В. Казадаева; здесь О. провел пять лет, в числе его учителей были ученый-географ К. И. Арсеньев и актер И. И. Соснинский. В 1819—23 О. обучался в Моск. ун-тском благородном пансионе вместе с В. П. Титовым, С. П. Шевыревым, Э. П. Перцовым. Уже в младших классах вместе с двумя последними составил «литературное общество», участвовал в лит. собраниях пансионата (Сушков Н. В., Моск. ун-тский благородный пансион..., М., 1858, прил., с. 76—77). На его лит. способности обратили вни-

манье М. Т. Каченовский. И. И. Давыдов, А. Ф. Мерзляков. Впервые выступил в печати в 1820 в пансионском альм. «Каллиопа» с переводом франц. стих. «Трубадур» (ч. 4), а в 1821 — в «Вест. Европы» с ориг. стих. «Старец», «Послание к Т(итову)» (№ 4, 10), «Утренний гимн» (№ 7/8; отд. изд.: [М.], 1821); к последнему тематически примыкает «Всемогущество Божие в природе и человеке» (отд. изд. — [М.], 1822); оба стих. были чтаны на пансионских актах. В ранних стихах О. подражает В. А. Жуковскому и К. Н. Батюшкову, осваивает стиль «легкой поэзии», эротич. лирики, переводит Э. Д. Парни и стих. из др.-греч. антологий. Переводы из Парни, распространенные в рукописи, привлекли внимание А. А. Бестужева (см. его письмо 1823 П. А. Вяземскому —

ЛН, т. 60, кн. 1, с. 202), нек-рые напечатаны в изд. М. П. Погодиным альм. «Уралия... на 1826 г.» ([М.], [1825]; см. также: «Франц. элегия...»). Эротич. стих. —вольный перевод др.-греч. лириков — О. поэме издал (без подлинн.) отд. брошюрой: «Гинекион» (СПб., 1830), с параллельным греч. текстом, прим. автора.

По-видимому, уже в 1822 О. стал членом Общества друзей (1822—25) С. Е. Раича, где исполнял обязанности секретаря (с 1828 — чл. ОЛРС при Моск. ун-те). Еще учась в пансионе (по окончании к-рого служил в моск. почтамте цензором франц. повременных изданий, с авг. 1824 по окт. 1828), установил дружеские отношения с Раичем, Погодиным, Титовым, В. Ф. Одоевским, Д. В. и А. В. Веневитиновыми, А. И. Кошелевым, Анд. Н. Муравьевым, Шевыревым, В. И. Оболенским, сохранившиеся до конца жизни. В 1823—24 знакомится с В. К. Кюхельбекером и, видимо, неск. позднее с Ф. Н. Глинкой. Близость к Раичу определила не только направление интересов О., но, в изв. смысле, и его лит.

судьбу. Раич поддержал его увлечение вост. языками, он стал серьезно заниматься ими в сер. 1820-х гг.; О. владел франц., англ., нем., итал., исп., швед., греч., лат. языками, а также тат. и чуваш. Араб. яз. и фарс. из изучал под руководством ученого мурлы и слушал лекции араб. яз. у проф. А. В. Болдырева в Моск. ун-те (Стариков А. А., Из истории вост. филологии в Моск. гос. ун-те — «Сов. востоковедение», 1955, № 6, с. 82—85), штудировал труды зап.-европ. ориенталистов (письма О. к В. Одоевскому и Перцову, нояб., дек. 1824 — ИРЛИ, ф. 213, оп. 100, л. 2; Васильев, с. 178). Раич внимательно следил за успехами О. в ориенталистике, надеясь, что вост. переводы обогатят рус. поэзию и довершат «опознание» рус. языка (в вост. лит-рах он видел «неисчерпаемый запас новых питич. выражений, оборотов, слов, картин» — там же, с. 175). Именно на О. Раич возлагал этот «благороднейший, прекраснейший труд»: «Что Ваш Восток? Дышите, дышите им — он ваша слава, ваша жизнь в полном значении этого слова» (из писем Раича к О. 1825—1826 — там же, с. 176). С этого времени Восток на длит. время занимает первенствующее место в творчестве О.: поэзии, переводах, подражаниях. «вост. повестях» («Спор» — «Уралия», «Посещение», «Идеал» — «Сев. лира») и обширных статья-экскурсах в поэзию народов Востока. В ст. «О духе поэзии вост. народов и рассмотренные статьи „Моск. телеграфа“ под загл.: „Новейшие иссл. и соч. касательно вост. лит-ры“» (СО, 1826, № 4—8) дает общий обзор истории изучения Востока в Европе и России, говорит об особенностях фарсязычной лит-ры, творчества Фирдоуси, Низами, Саади, Хусейна Ваиза Кашефи, Джами и его «Хамсе» и поддекает резкой критикой ст. «Моск. телеграф» за различные неточности, упущения и ошибки. Статья О., подписанная псевд. Делибюрадер (видоизменение двух перс. слов — Дел-е берадар, серахе брата; объяснение самого О. — СО, 1827, № 7, с. 278—79), к-рым он отныне подписывает свои тр. по вост. лит-рам, вызвала, в свою очередь, антикритику Н. А. Полевого (МТ, 1826, № 24), в частности высмеявшего «неблагозвучный» псевдоним О.

И Раич, и О. мечтали об изд. своего журнала, но получить на него разрешение Раичу не удалось (Васильев, с. 176), и тогда вместе с О. они издали «моск.» альм. «Северная лира» ([М.], 1827), в к-ром помимо бывших членов Общества друзей и Общества любомудрия (осн. состав) приняли участие Вяземский, Е. А. Баратынский, В. И. Туманский и др. изв. литераторы. Больше всего произв. принадлежало самим издателям.

Кроме указ. пер. из Парни и «вост. повестей» О. поместил (под своим именем, псевд. Делибюрадер и криптонимами) переводы с араб. — «Нама» (неизв. автора) и «Весна» (Полражение Суйюти), с перс. — «Ода Гафиша (Из книги: „Даль“ его Дивана)», с франц. (А. Шенсе), с англ. (Дж. Байрон), два ориг. стих. «К Фанни» и «Дремлющая дряжда», а также большую и в известной мере программную ст. «Отрывок из сочинения об искусствах», в к-рой, опираясь на памятники не только европ., но и вост. лит-ры («Шахнаме» Фирдоуси, «Гулистан» Саади и «Тутинаме» Нахшаби, образцы араб. классич. поэзии), говорит о связи поэзии и музыки в иск-ве разных народов. О. утверждает романтич. концепцию иск-ва, возражая против рационалистич. «систем», а отчасти полемизируя и с филос.-аналитич. лафосом Любомудров, с совр. веком «скептицизма» вообще. (Вслед за Ранчем О. помещает идеал иск-ва и жизни во времена «юности человеческой природы».)

Ранчо не может «в точности узнать истинные границы, где оканчивается мифология и начинается история...» (цит. по: «Сев. лира», изд. 1984, с. 184—85). В подтверждение этой мысли О. цитирует неопубл. стл. Ф. И. Тютчева «А. Н. Муравьеву» — «Нет веры и вымысла чудесных...». Тот же комплекс проблем — в редком для О. жанре филос. монолога: стлх. «Тайна пророка» (НА на 1828 г., СПб., [1827]).

Несмотря на состав имен и общий уровень издания, выделяющих его из множества альманахов 1820—1830-х гг., «Сев. лира» не получила достойной оценки в критике. Альм. Ранча и О. не отвечал филос.-теоретич. поискам литераторов, группировавшихся вокруг «Моск. вестника» (И. В. Киреевский в «Обозр. рус. словесности 1829 г.» отнес О. вместе с Ранчем и Туманским к «итальянской» школе — «нежность чувства и музыкальность стихов», в отличие от «немецкой», т. е. филос., представленной именами Шевырева, А. С. Хомякова, Тютчева и Веневитинова (Киреевский, с. 72, 66).

Насыщенность преим. ориентальными темами («переводы с языков восточных»: здесь были напечатаны и прозаич. пер. с фарси моск. ориенталистов, ученых Болдырева — Н. Г. Коноплева и А. И. Бюргера) вызвала раздражение критики. Отрицательно оценил альманах Н. М. Розалин (МВ, 1827, № 5); сдержанным был отзыв Вяземского (МТ, 1827, № 3) и сохранившийся в рукописи отзыв А. С. Пушкина (Пушкин, XI, 48). Переводы О. в частности, «Ода Гафиша» отличались, однако, степенью достоверности: они сохраняли образы оригинала (ср. полражение той же газет. Хафиза Ю. И. Познанского: МТ, 1826, № 10); поэтов получило высокую оценку востоковедов (Березин, с. 192; Крачковский, с. 84).

Неуспех у критики (Горизонтов, с. 12), возможно, послужил одной из причин наряду с внешними обстоятельствами (какие-то трагич. события в семье О., предположительно, душевное расстройство младшей сестры Александры (кроме нее у О. были еще 3 сестры и брат), неуспе-

шившееся намерение определиться в состав посольства А. С. Грибоедова в Персию — при содействии дяди, сенатора А. Г. Хомутова) выхода О. в отставку в 1828 (в чине тит. сов.) и переезда в симбирское имение Троицкое, где он и жил до конца жизни. Большую часть времени проводил в лит. занятиях («Я прозябаю в деревне, где для меня одно наслаждение — литература», — писал О. в 1846 — РГБ, ф. 298/IV (Н. С. Тихоноврова), № 28). В Троицком тесно общался со своим лучшим другом, соседом по имению, Ник. Тим. Аксаковым (братом С. Т. Аксакова), не чуждым лит. интересов. В друж. отношениях О. был и с Н. М. Языковым, соседом по имению с 1833—34 (см. ответное послание О. «Н. М. Языкову», 1834; опубл. 1934). В 1835 вступил в брак с Елиз. Алдр. Рогановской, обладавшей муз. и лит. наклонностями (ее беллетристич. опыты сохр. в архиве О.; ИРЛИ, № 154; частично опубл.: Заславский и И. Я., Три сюжета из ознобишинского архива. — В кн.: Лермонтовский сб., Л., 1985), в 1837 у них родился сын Иван (впоследствии коннозаводчик). Жене О. посвятил «Рождение арфы» (переложение из Т. Мура — «Галатей», 1839, № 2) и стлх. «Письмо» с автобиогр. мотивами («Москв.», 1846, № 3); вероятно, с памятью о ней связано проникнутое религ. настроениями стлх. 1847 «Упованье» (изд. 1992). О. вел «непоследовательный» образ жизни: постоянно наезжал в Симбирск, Москву, Петербург (в 1860-х гг. имел там квартиру — см.: Адрес-календарь... на 1868 г., ч. 1—2, СПб., [1867]), Пензу, Казань, Чебоксары, на Кавк. минеральные воды, путешествовал за границей (1-я поездка, возможно, в кон. 1820-х — нач. 1830-х гг. — Хохлова, с. 9). В 1830-х гг. встречался с Пушкиным в петерб. салоне Мих. Ю. Виельгорского (см.: Черейский и др., в Казани посетил лит. салон поэтессы А. А. Фукс. С июля 1833 О. — поч. попечитель Карсун. уездного уч-ща, а в 1838—41 и в 1844 — поч. попечитель Симбирской гимназии).

В 1820—30-е гг. О. создает образцы своей любовной лирики: «Миг восторга» («Ураания»), «К Н.» («Страдалец произвольной муки...») — СО, 1827, № 9; приписывалась Пушкину: РусБ, 1859, т. 3, с. 1), «Меня обманула улыбка одна...» («Галатей», 1829, № 15), «Рассвет» («Телескоп», 1831, № 8), «Воспоминание» («Молва», 1833, 27 мая). В них, но особенно в стлх., насыщенных ориентальными мотивами и образами, воспевающих «пылкие восторги наслаждения», «роскошь» и пластику жен. красоты, в вост. стилизациях О. удается выразить остроту чувства и собств. понимание жизн.

полноты: «Гангес» (МВ, 1827, № 9), «Могаммед» («Галатей», 1830, № 14), «Рождение перла» (МВ, 1829, ч. I), «Баядеры» («Молва», 1832, 27 дек.), «Продавец невольниц» («Телескоп», 1831, № 2), «Ванзагазена» (ОЗ, 1839, № 7) — важный пер. эпизода из др.-инд. драмы Шудраки «Глиняная повозка» (перепеч. в сб.: Эротич. стлх. рус. поэтов, СПб., 1860). В стлх. «Смутлянка» О. вслед за Батшюковым (см. стлх. «Вахханка») развивает анакреонтич. мотивы, соединяя их с поэтич. Востока: «... Уста — где зноем распалены Пурпурный виноград горит! ...» «Кто, кто счастливцев, в мраке ночи Сорвет сей спелый виноград? ...» («Молва», 1832, 19 февр.). Иногда культ любви интерпретировался О. в духе романтич. восприятия, когда возлюбленная заменяла герою весь мир («Рождение перла» — о любви духа степей к молодой девице; сходные мотивы — в лермонт. «Демоне»).

К кон. 1820-х гг. в творчестве О. начинают звучать вольнолюбивые глас. мотивы. В стлх. «Пловца» (1830; опубл.: «Галатей», 1839, № 5) прочтываются и граници поэзии декабриства, но, в отличие от них, метафорич. образы плоски и бурного моря у О. лишены скорби и стогимности обреченности, ему ближе жизнеутверждающей настрой стлх. на ту же тему Языкова. В 1828 О. анонимно издал в Москве 1-ю гл. пов. в стихах Ботушев-Маринского «Аларей, князь Персепольский» (см. письмо О. к П. М. Языкову, 1848 — «Пролет. путь», 1940, 6 янв.). Пфросов гражданственности проникнуто и стлхотв. переложение из Т. Мура «Ошоша-песни» («Иранская мелодия» («Атеней», 1828, № 12), вышло в ораторском стили: «Твой муз (арфы песня — Т. Г.) был для чистых, свободных сердец! Рабам не внятай песнопение!»).

Внепрямственность восприятия, искренность чувства, интимно-доверит. интонация, изящество отделки и мелодичность стиха (на стлх. О. писали музыку А. А. Алябьев, Н. А. Титов, П. П. Булахов, Н. А. Римский-Корсаков) в сочетании со светлым, гармонич. мироощущением («И ты, идиллия живая! Не мидиллического края» — по слову Ранча об О. из поэмы «Арета») определили настрой лучших стлх. и переводов О. в 1820—30-е гг. В целом же его лирика разнообразна в жанровом отношении: не стремясь к созданию крупных форм, О. хорошо владел различ. лирич. жанрами: романс и стлх. романсного типа [«Cattivi occhi» («Ясны очья...») — «Галатей», 1829, № 44], песня, баллада, мадригал, послание, элегия, эпитафия. У О. немало метрич. экспериментов (белый стлх., аплане ритмов нар. стиха, разноstopные стлх.).

В 1830 О. издает небольшую книжечку «Селама, или Язык цветов» (СПб.; в ее осн. — пер. с нем. анонимного произв. «Die Blumensprache...», В., 1823), состоящую из своеобразного поэтич. словаря цветов («Коротенькая дамская ботаника в прелестной стихотворной форме» — (Ранч) — «Галатей», 1830, № 30, с. 375), толкование к-рых автор, в

частности, извлекает из нар. поверий, обрядов и сказок, и вост. поэмы-легенды (без загл.) (одобр. отклик: А. А. Дельвиг) — ЛГ, 1830, 10 июля). Ориентальная окраска приобретает здесь характер мягкой иронии — реакция на засилье вост. тем и образов в рус. поэзии этого времени. В кон. 1820-х — нач. 1830-х гг. продолжают появляться журн. публ. вост. подражаний О.: «Вольная птичка» (из «Гюлистана» Саади, кн. 2 — «Галатей», 1829, № 46), пер. с араб. макама (новеллы) аль-Харири (11—12 вв.) «Караван» и «Золотая монета» (СО, 1826, № 11; СО и СА, 1830, № 26), с фарси — фрагментов из поэмы Низами «Искандер-наме» «Прибытие Александра Великого в степь Кефчака» («Телескоп», 1831, № 24) и «Семь красавиш». Последний пер. включен в обширную ст. О. («Телескоп», 1833, № 21; без назв.), написанную по поводу вышедшего в Казани в 1832 перевода на нем. яз. (с персид.) соч. Низами «Красавица замка, или Повесть о Русской царевне», выполн. казан. проф.-ориенталистом Ф. Эрманом.

Появление этой своей статьи (О. считал себя дилетантом в ориенталистике) он объясняет упорным молчанием о переводе критики (с. 92). Вместе с высокой оценкой издания О. высказывает замечания и говорит о трудностях дуэля, перевода вост. лит-ры на европ. языки: «Дил. ориентализма, эрзии и фантастический... савя ли даже может быть перенесен в телуоу рауоу европ. поангий. Самобичность его исчислет под нашоу образованноу, вышешенноу полнугроуоу вусу...» (с. 92—93).

В кон. 1830-х — 40-е гг. общий тон поэзии О. становится эмоционально сдержаннее, мотивы одиночества, смерти, рока, эпизодически встречавшиеся и в ранних стих. («Стень» — «Телескоп», 1831, № 5), звучат в ориг. стих. «Письмо», «К***» — «Друг милый! над моей могилкой не рыдай» (1841; опубл. 1992), «Две могилы» (1841; опубл. 1972; посьв. памяти Пушкина и Лермонтова), в т. ч. пейзажных (наиб. удачны «Волга в ноябре» — «Телескоп», 1834, № 40, «Весенняя грусть» — МН, 1835, апр., кн. 2, «Ковыль» — «Москв.», 1845, № 12), и в переложениях, напр., «Умирающий клефт. Песня новогреч.» (ОЗ, 1842, № 3). Особый пласт в поэзии О. составляют стих., героин к-рых — ист. персонажи с исключит. или греч. судьбой, ранние образцы такого рода — стих. «Аттила» («Молва», 1833, 20 июля) и «Альгам» (из сб-ка «Romanceo general») («Телескоп», 1834, № 29), в 1840-е гг. — «Мурильо» («Москв.», 1845, № 11), «Кювь» (ОЗ, 1842, № 2); последнее, вошедшее в ряд хрестоматий, — гимн творч. разуму ученого, вместе с тем в себя целые века.

Ориентальная тема не уходит из творчества О., но существенно модифицируется. Это уже не причудли-

вый, с калейдоскопичностью красок, экспрессивный мир экзотич. Востока [в архиве сохр. «Арабески, или Собр. вост. повестей» — ИРЛИ, № 46; «Желание» («Галатей», 1829, № 52) и «Соперничество шести невольниц» («Москв.», 1841, № 2); перенд. в кн.: Гольц, Сердце брата]], а величества картины природы Кавказа, для О. неотделимого от презанний и донст. прошлого Востока («Здесь каждый шаг — живые письмена!» — «Пятигорск» — ОЗ, 1840, № 6), встреча с к-рым оживляет «думы» и поэтик. мечты сына «северных снегов». Стих. о Кавказе образуют своего рода «кавказский цикл»: «Прости, Пятигорск» («Галатей», 1839, № 51), «Кисловодск», «Кавказское утро» (ОЗ, 1840, № 3, 4), «Тоска по отчизне» («Галатей», 1840, № 1), «Нардзан» (кавк. легенда — «Москв.», 1841, № 9), «Машука и Казбек» (1839; «Москв.», 1841, № 8), «Кавказский полдень и буря» (1839, 2-я ред. 1842 — «Москв.», 1846, № 1).

Органически сочетая в лучших своих стих. зап.-европ. и вост. элементы поэтики, О. приходит к зап.-вост. синтезу. В частности, он использует тайнопись («сокровенный язык» — «Лисан-ул-гайб») персид.-тадж. и араб. поэтики. Стих. «Турецкий кинжал» (1841, 2-я ред. 1842; опубл.: «Сев. лира», изд. 1984, с. 265—66) является «ответом» («назира») на стих. М. Ю. Лермонтова «Кинжал» и «Поэт», в форме «спора» («муназара») написано стих. «Машука и Казбек» (облегченная вариация лермонот. проблематики «Спора»); в нем недоступная для смертного древняя и дикая природа Кавказа противопоставлена природе, родственной человеку. Чеканностью стиха, выразительностью пейзажа отличается стих. «Оксайская станция» (ОЗ, 1841, № 7), посьв. истории «воинственного Дона».

О. не издал при жизни ни одного стихотв. сб-ка (впервые его стихи в отд. кн. собраны в 1992: «Стихотворения», М.), видимо, страшась неблагоприятной критики и не будучи уверен в значительности своего поэтик. дарования. Позднее в письме Вяземскому (20 янв. 1867) он называет себя «не признанным, а простым дилетантом в поэзии... боюсь быть отсталым рыцарем на литературном турнире» (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2456, л. 4). Значит, часть написанного О. осталась неопубликованной (стихи, переводы, «Персид. грамматика» и мат-лы к составлению персид.-рус. и рус.-персид. словаря — ИРЛИ, № 47—50; см. также: Х о х л о в а). Современникам трудно было составить цельное впечатление о его поэтик. облик, тем не менее некие его черты отразились в дружеском послании Н. Языкова (1834):

«Где ты странствуешь? Где ныне/ Мой поэт и полиптиот...» и А. П. Баласоголо в стих. «А. Н. В(ульф)» (1840): «Где Ознобишин, мой восточник/ Игривый, страстный, полный сил...». В. Г. Белинский упоминал О. в ряду известных рус. поэтов (Баратынский, Козлов, Языков, Хомяков, Глинка).

Хорошее знание иностр. языков, способность откликаться на «чужое», открытость по отношению к образам иноязычных литератур определили особенности О.-переводчика — склонность к вольному переводу, переложению, пересеканию с его интересом к фольклору — рус. и европейскому. Помимо указанных О. перевел «Письмо Юлии к Дон Жуану» Байрона («Молва», 1833, 15 июля), стих. «Дервиш» и «Покров» из сб. «Вост. мотивы» В. Пого («Молва», 1833, 13 июля; «Галатей», 1839, № 37), «Воспоминания народа» П. Ж. Беранже (ОЗ, 1841, № 3); на протяжении всей жизни обращался к Т. Муру (его «Ирландским мелодиям»; в рукописи остались «Песня Земли» и 4-я часть его поэмы «Лалла-Рук» «Светило гарема» — ИРЛИ, № 21, 31; о переводах из Мура см.: А л е к с е в). Высокий уровень проникновения в фольк. мир разных народов отличает переложения О. нар. песен: цикл «Шведские песни» (МН, 1835, май, кн. 2; 1836, сент., кн. 2; одобрит. отклик Я. М. Неверова: «простота и прелесть содержания» — ЖМНП, 1836, № 6, с. 616), новогреч. песни («Вороной конь» — ОЗ, 1839, № 9; «Умирающий клефт»), цикл серб. песен из сб-ка В. С. Караджича (неизд.: ИРЛИ, № 24; см. П е т у х о в, с. 50—55; наряду с А. Х. Востоковым О. обратился к ним одним из первых), шотланд. («Жена Вильяма» — УЗ на 1843 г.), а также эст. («Старый холостяк» — изд. 1992) и литов. песни («Пруд замерз», «Сирота» — ИРЛИ, № 29). Большинство песен имело балладную основу, острый или «страшный» сюжет и отвечало внутр. установк. О. на стилизацию, косвенную авторч. речь, не прямое самовыражение.

Интерес к фольклору возник у О. еще в пору участия в Обществе друзей Рача, с сер. 20-х гг., когда он записал малорос. песню (см.: «Ураиня...», с. 148—50; «Сев. лира», изд. 1984, с. 85—87, 332); в 1828 он, вместо заблужшего К. Ф. Калайловича, издал № 7—8 его «ж-ла истории, археологии, словесности и сравнит. костюмов» «Рус. зритель», где поместил свой пер. о булгарах Поволжья араб. путешественника Ибн Фадлана (10 в.). Знакомство с П. В. Киреевским еще в Москве, а в Троицком дружб. с бр. Языковыми побудили О. самому заняться собирательством рус. нар. песен, систематически — с сер. 1830-х — и в

1840-е гг.: его корреспондентами были И. Ф. Базилевский (муж сестры Варвары, золотопромышленник и откупщик, с к-рым О. поддерживал дружеские отношения) и Н. Аксаков; незаверш. сб. О. «Рус. песни» (РГАЛИ, ф. 13, № 23; там же и мат-лы собр. рус. нар. сказок) представляет науч. ценность (ЛН, т. 79, с. 513—21). Из собств. песен известность получила «Чудная бандура» — «Гуляет по Дону казак молодой» (переработка швед. источника — см.: Копанева), ставшая народной (одобрит. отзыв: Кюхельбекер, с. 378—79). О. записывал также чувашские («Заволжский муравей», 1833, № 21) и мордов. нар. песни. В восприятии Фукс, вспоминавшей о встречах с О., живущим «в уездном городе, окруженном чувашами», и его «приветливой любезности», он «не только поэт, но и ученый» (Фукс А. А., Поездка из Казани в Чебоксары, Каз., 1834, с. 15—16; см. также с. 69—75).

После смерти жены в 1847 О. вместе с сыном Иваном совершает путешествие по Европе (1847—48): Германия, Франция, Англия, Швейцария, Италия; в Нишу они прибыли в разгар рев. событий 1848. В «Записную книжку, содержащую дневник путешествия» (частично опубл. в кн.: Памятники культуры...), помимо различ. рода наблюдений вписаны стих. «Луна», «Я был в Шильоне...», «К Марии», «Звездь» и др., пер. стих. Г. Гейне «Сосна» («На севере хладном, на голом утесе...») (см.: Заславский).

С конца 40-х гг. стих. О. реже появляются в печати. В 50-е гг. он жил в Смоленске, занимаясь финансовыми операциями по откупам (письмо О. к Н. В. Путяте от 26 апр. 1854 — РГАЛИ, ф. 394, оп. 7, № 119), в 1853—54 — поч. член Смоленского губ. попечительства и дет. приютов; в это время пишет стих. «Есть икона чудотворная...» и ист.-этногр. ст. «Смоленская святыня. Листок из Смоленского дневника, восп. туриста 1854 г.» (в кн.: Памятная книжка Смоленской губ. на 1856 г., ч. 2). Подобно Вяземскому, Тютчеву, Шевыреву и др. поэтам, на события Крым. войны 1853—56 О. откликнулся стихами, написанными с православно-монархич. позицией; напечатаны в «Москвитинине» (ж-л, к-рый оказался ему наиб. близким в эти годы: письма О. к Погодину, 1851—55 — РГБ, ф. 231/11, № 27, 25): «Быд век!» (1854, № 5), «Сподвижникам Луны» (1855, № 6) и «К ружью!» (Высочайший Манифест 14-го дек. 1854 г.) (СП, 1855, 9 мая). Православию России О. противопоставляет меркантильному Западу, горько сетует на «продажный век», особое возмущение поэта вызывает внешняя политика Англии.

Несколько особняком стоит эпитафия «Граф М. М. Внелгорский-Матюшкин» (СП, 1855, 24 дек.). О. сочувствует любви Погодина к славянству (стих. «Славянам» — «Русский», 1867, 22 мая), но не разделяет его панславистской идеи (письмо О. к Вяземскому от 11 апр. 1876 — РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2456).

В авг. 1863 личная жизнь поэта снова омрачилась утратой: умерла от родов его вторая жена (с кон. 1850-х гг.), «молодая красавица» Таисия (Тереза — как называли ее в семье) Конст., урожд. Сенявина (внучка адмирала Д. Н. Сенявина), оставив ему маленькую дочь. Поэт искал утешения в религии и лит. занятиях, переводил псалмы — четыре из них были опубл. («Лит. б-ка», 1867, март, кн. 2), но так и не смог закончить этот свой «задушевнейший труд», как и поэму «Мария Египетская» с посв. кн. Марье Арх. Вяземской (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 5488). Свои переводы О. читал моск. митрополиту Филарету (Дроздову) — «Когда псалмы мои, смущенный, / Пред Филаретом я читал...» (РС, 1887, № 7).

В творчестве О. 60—70-х гг. преобладают стих. «на случай»: к столетнему юбилею Н. М. Карамзина (1867), «Князю П. А. Вяземскому по прочтении его стих.»: «Тому сто лет!» (1867), «Н. А. Дубельт, урожд. Пушкиной» (1867), на смерть вел. кн. Николая Александровича «Роковая весть» (1865). На смерть и юбилейные даты близких ему с юности литераторов и старых друзей О. пишет лирич. эпитафии: «Северный соловей» (1864, на смерть Шевырева), «На память Д. В. Веневитинова» (1867), «Князь В. Ф. Одоевский» (СПб., 1870) (все вошли в узк. сб. «Стихотворения»). По просьбе Вяземского участвует в ж. «Лит. б-ка» (1867, май, кн. 1), где наряду с др. прозв. публикует посв. Симбирску сказку «Городок», с элементами сатиры в адрес «отцов города». Живописным окрестностям Симбирска О. посвятил очерк «Полувна» («Москва», 1845, № 12). О. продолжает заниматься переводами: в 1861 напечатан пер. со швед. лиро-эпич. поэмы Э. Тегнера «Аксель» (СПб.; о любви швед. солдата к рус. девушке), на к-рую появились две рец.: одобрит. — М. Н. Лонгинова (РВ, 1861, № 7), противоположавшего творчество О. совр. обличит. лит-ре, и резко негативная М. Л. Михайлова («Совр.», 1861, № 8), рассматривавшего поэму как устаревшую; в 1871 опубл. большой пер. (с англ.) «Милетской сказки» Э. Дж. Булвер-Литтона «Сизиф и Смерть» (СПб.). О. переводил также Гейне («Богомолье в Квларе» — «Молва», 1857, 1 июня; там же, 2 нояб. — стих. О. «Memento mori»), «Лоре-

лея» (Сб. лит. статей... памяти А. Ф. Смирдина, т. 3, СПб., 1858), «Король Гаральд Гарфагар» (в кн. «Аксель», с. 55—57), Г. У. Лонгфелло («Стенные часы»; опубл. 1992), пьесы П. Кальдерона, Э. Скриба и Мельвилля, И. Лука, оставшиеся в рукописи (ИРЛИ, № 39—40, 42); премьера комедии Кальдерона «Домовой» (в переложении О. с франц.) состоялась в Александрин. т-ре (1857) (см. ИРДТ, т. 4, с. 317).

О. принимал активное участие в проведении крест. реформы 1861 в Симбирской губ., принадлежал к небольшой группе либер. дворянства (бр. Татаринцев, А. И. Ермолов, Н. Д. Давыдов, А. М. Языков и некрые др.). Странник постепенного освобождения крестьян (нужно пригласить крестьян «к этой свободе... чтобы они видели необходимость труда, в котором единственно будет заключаться источник их благоденствия» — цит. по: Хохлова, с. 15), О. издал «Руководство к изучению Высочайше утвержденных... 19 февр. 1861 г. „Положений о крестьянах“, вышедших из крепостной зависимости» (ч. 1—2, СПб., 1861) — толкование всех статей «Положения», благоустраивал быт своих крестьян (Селиванов К., Лит. места Ульянов. обл., Саратов, 1969, с. 58), называвших О. «добрым барином» («Новое об О.» — «Вперед», Инзен. р-н (Ульянов. обл.), 1993, 16 янв.); выступал со статьями по вопросам землепользования, кустарной промышленности, этнографии, нар. образования в «Симб. губ. ведомостях» (подпись: Борисов; 1862—63). В 1867 О. обратился к местному дворянству с призывом безотлагательно заняться постройкой школ, чтобы «вывести детей из безобразных, холодных и смрадных караулок, составляющих почти третью долю школьных помещений» (доклад «Нар. училища (и церковно-приход. школы) в Симбирской губ.» — ЖМНП, 1868, № 10, с. 154). В 60-х гг. О. был чл. Симбирского губ. статистич. к-та, чл. «особого» присутствия по крест. делам (4 года), членом Симбирского губ. училищно-го совета, поч. мировым судьей по Карсу. у. и гласным Симбирского губ. собрания от того же уезда (в 1864 — стат. сов., в 1875 — д. стат. сов.).

Умер О. в результате падения из опрокинувшейся коляски — перед отъездом домой из Кисловодска, куда выехал на лечение. Набальзамированное тело было захоронено, позже перевезено с Кавказа и перезахоронено в фамильном склепе под церковью с. Китовки (приход с. Троицкое) [см.: «Прошлое с. Китовки» — «Вперед», Инзен. р-н (Ульянов. обл.), 1965, 24 сент.].

В 1926—27 церковь была разрушена, а гроб вскрыт; нестелсяшее тело О. похоронили устрицами, чтобы продемонстрировать образ побережья богатого помещика. Поэта похоронили вторично близ церкви (в наст. время сад дома Столбова, с. Китовка, ул. Энгельса, д. 54).

Внух О., Дм. Ив. (1870—1962), коллекционер, владелец книжного собрания (с 1905 в эмиграции во Франции), передал архив О. в ИРЛИ. Б. Л. Модзалевскому.

Др. произв.: «Неск. замечаний на ст. Геерена о Рамаяне и пер. оном...» (СО, 1827, № 7), «Шуточные реляции в стихах о франш.-прусс. войне 1870 и 1871 гг. Лит. импровизация» (СПб., 1875).

Изд.: Стих. и переводы: Гербель; Аксель. — В кн.: Образцовые проза. сканд. поэзия в переводах рус. писателей. ч. 1. В., 1875; Пустынный Канду [пер. с санскрита фрагмента поэмы Вилы «Брама-Пурана»]. — В кн.: ПЗ, изд. А. Бостужевым и К. Рыжовым, М., 1960 (ЛП); Поэты 1820—1830, т. 2; Песни и романсы; «Сев. лира на 1827 г.», М., 1984 (ЛП); изд. поэт. Т. М. Гольц и А. Л. Гришунин; вкл. реч. на альб. и сопроводит. ст. Т. М. Гольц «Сев. лира», ее издатели и авторы; Исп. поэзия в рус. переводах, 2-е изд., М., 1984; Мур Т., Избранное, М., 1986; Путевой дневник О. — В кн.: Памятники культуры. 1987, М., 1988 (публик. И. Я. Заславского); Франц. элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры, М., 1989; Стихотворения, М., 1992 (сост., вступ. ст. и прим. Т. М. Гольц); Венюк рус. каменна, СПб., 1993.

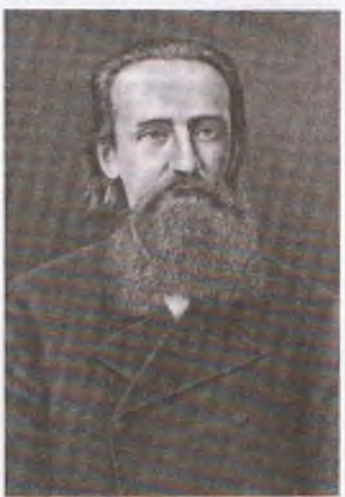
Лит.: Пушкин (ук.); Белинский (ук.); Горизонтов А. П., Биография О., СПб., 1878; Колупанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, М., 1889, т. 1, кн. 1, с. 573; т. 1, кн. 2, с. 61—65; Барсуков (ук.); Державин Н., Забытые поэты. Тургенева, О. и Тимофеева, (Из симбир. хроники). — ИВ, 1910, № 9; Васильев М., Из переписки литераторов 20—30-х гг. XIX в. — «Изд. общ. археологов, истории и этнографии при Казан. гос. ун-те им. В. И. Ульянова-Ленина», т. 34, в. 3—4, 1929; Крачковский И. Ю., Очерки по истории рус. арабистики, М.—Л., 1950, с. 84; Владимирова Е. В., Рус. писатели в Чувашии, Чебоксары, 1959; Динесман Т. Г., Песни, собр. писателями, Д. П. Ознобищиным. — ЛН, т. 79; Тиманов Ю. Н., Пушкин и Тютчев. — В его кн.: Пушкин и его современники, М., 1968 (ук.); Стариника З. А., Беранже в России, М., 1969, с. 30—31, 197; Гольц Т. М., Д. П. Ознобишин—Деятели (К истории рус. иранистики 20—30-х гг. XIX в.). — «Народы Азии и Африки», 1976, № 3; сс же, Сербия брата Душанбе, 1991 (1-е изд.: Душанбе, 1964; в прил. — стихи и вост. поэ. О.); Жирмунский В. М., Байрон и Пушкин. Пушкин и зап. лит-ры, Л., 1978, с. 257; Кожинов В. В., После Пушкина. Тютчев и его школа. — В его кн.: Книга о рус. лирич. поэзии XIX в., М., 1978; Петухов В. К., О. как переводчик серб. нар. песни. — В кн.: Заруб. славы и рус. культура, Л., 1978, с. 50—55; Финляндский И. Рус. переводы гомак аль-Харири в XIX в. — В кн.: Осень в горах. Вост. азия, в. 7, М., 1979; Алексеева М. П., Рус.-англ. лит. связи. (XVIII в.— первая пол. XIX в.). — ЛН, т. 91; Коланова Н. П., Две швед. баллады в рус. фольклоре. — РЛ, 1984, № 3; Дельвинг А. А., Сопл., Л., 1986 (ук.); Гиравенко А. Н., Рус. манускрипты. — В кн.: Вопросы рус. лит-ры, в. 1(51), Львов, 1988; Кибальнича С. А., Рус. антология поэзии первой трети XIX в., Л., 1990, с. 92—96; Холлова Н. А., Обзор архива О. — В кн.: Ежегодник РО ПД, 1991, СПб., 1994; ЛН, т. 446, с. 421, 524; т. 55—56, 60, кн. 1; 79, 91 (ук.); — Некрасов, 1877; «Совр. искр.», 12 сент.; ИВ, 25 авг.; «Голос», 14 сент.; Березин; Гемзая; Сл. ОЛРС; РБС; Брокгауз; ЭЭС; Гранат; КЛЭ; Смирнов-Солдатовский; Иванов; Лерн. зап.; Черныш; Маслов (не учт. псевдонимы: Эмиль, Р. Ч. и Ченг-Фолло); Худож. лит.-ра. сканд. стран в рус. печати. Библиогр. ук., в. 1, М., 1986.

Архивы: ИРЛИ, ф. 213; РГАЛИ, ф. 1121, оп. 1, № 4 (ф. с.), ф. 195 (П. А. Вяземского);

РГБ, ф. 231Л (М. П. Погодина); РНБ, ф. 539 (В. Ф. Озюевского), ф. 179 (Н. В. Гербель).

Т. М. Гольц

ОКРЕЙЦ Станислав Станиславович [псевд. Орликий; 13(25).8. 1836*, по др. сведениям — 10(22).8. 1834**, г. Повенец Олонецкой губ. — после 1921], публицист, прозаик, мемуарист, издатель. Из семьи обедневшего дворянина, близкого в молодости к декабрист. кругам, католика (сам О. также был католиком),

окружного нач. гос. имуществ. Детские годы прошли в Петербурге, где О. готовился к поступлению в Мор. корпус. После смерти отца во время холерной эпидемии 1848—49 воспитывался в именинни тетке, помещице Витебской губ. В 1856 окончил Витебскую г-зию, затем учился в Горы-Горешком земледельч. ин-те. В 1859—62 служил в Могилев. палате гос. имуществ. По словам О., к Могилев. периоду восходят его первые лит. опыты: «Из Могилева я послал статейки в „Искру“ и в „Экономич. указатель“ Вернадского» («Лит. встречи и знакомства» — ИВ, 1916, № 6, с. 620; продолжение: № 7). В 1863—68 служил вторым библиотекарем Вилен. публичной б-ки, занимаясь историей и археологией края. В это время он закончил свой первый ром. «Последние язычники. (Роман из прерасветской эпохи 1840—1850 гг.)» (СПб., 1871—72; 3-е изд., СПб., 1885) о жизни Зап. края накануне Польского восстания 1863, написанный в осн. на автобиогр. материале. По словам О., роман был принят А. А. Краевским в «Отч. зап.» в 1867, но Н. А. Некрасов от публикации отказался.

Восстание 1863 было важным событием в судьбе О., к-рый по своему воспитанию, по связям в среде оппозиционно настроенной шляхты не мог остаться в стороне от движения, хотя с самого начала достаточно

скептически относился к его целям. Позже в своих восп. («Уголок восстания 1863 г.» — ИВ, 1902, № 10, 11; «Восп. инсургента» — ИВ, 1912, № 9, 10), а также в романах (напр., «Как я избежал виселицы» — «Речь», 1903, № 4—23) О. дает резкую оценку лицам и событиям восстания, подчас в гротескных тонах рисуя либеральные и своекорыстные одних, легкомысленный авантюризм других и общую неспособность сделать что-либо для блага родного края, «нашего заманного, запуганного, но по сердцу мне близкого народа».

В 1868 О. переехал в Петербург с намерением целиком посвятить себя лит. деятельности. Работал секретарем редакции в газете знакомого ему по Вильне А. К. Киркора «Нов. время» (назв., если верить О., придумал он сам), сотрудничая в газ. «Петербург. листок», где помещал еженед. обзор ж-лов, публиковал статьи в ж. «Дело». Направленные эти статьи — в русле разнальной публицистики ж-ла, с неприменными идеалами «свобод женщины, коммуны, нового устройства мира без собственности и семьи» («Из лит. восп.» — ИВ, 1907, № 4, с. 74). С этой т. з. автор оценивает, напр., «людей 40-х годов» в изображении И. А. Гончарова, И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского — как «бессознательных копировщиков жизни, блуждающих в потемках, рисовальщиков-портретистов, а не мыслителей-творцов» [«Журналистика 1869 г. Статья 1. (Новые романы старых романистов)» — «Дело», 1869, № 9]. Ряд статей посв. ист. сочинениям Н. И. Костомарова (с ним О. познакомился вскоре по приезде в Петербург) и Д. Л. Мордовцева («Журналистика 1869 г. Статья 2. Наши историко-беллетристские» — «Дело», 1869, № 10; «Отживающие русские Вальтер-Скотты» — там же, 1870, № 6, 7; «Попытка освободиться от ист. эстетик» — там же, № 12).

Первые шаги О. в журн. мире Петербурга, его «лит. мыкание» (среди к-рых было даже заключение на неск. месяцев в долговое отд. по делам разорившегося Киркора) отразились в одной из сюжетных линий ром. «Во мраке», где даны желчная характеристика радикальной прессы, гротескно-сатирич. портреты Г. Е. Благосветлова, Киркора, А. А. Соколова и др. легко узнаваемых под прозрачными псевд.

В 1870 О. приобрел ж. «Дешевая б-ка», причем вначале вынужден был владеть им на паях ввиду своей «совершенной неизвестности» в лит-ре (Барабохин, с. 22). О. стремился превратить изд., задуманное как альманах переводной беллетристики, в «толстый» лит. ж-л; привлек к сотрудничеству изв. литераторов демокр. лагеря: Г. И. Успенского, А. И.

Левитова, Д. Д. Минаева, Ф. М. Решетникова, А. К. Шеллера-Михайлова. В ж-ле опублик. 3-я ч. ром. О. «Последние язычники» — «При старых порядках» (1871, № 6, 7, 9), его критич. статьи и рец., посв. произв. И. В. Омулевского (1871, № 1), В. А. Слепцова (1871, № 6), Успенского (1872, № 1), П. Д. Боборыкина (1872, № 10; 1873, № 6), Шеллера-Михайлова (1873, № 7, 8), Соколова (1873, № 9) и др.

О. одним из первых пытался применить в ж-ле новый в то время принцип артельной организации труда, с провозглашением коллективной собственности, распределением доходов по труду и т. п. (программа изложена им в № 4—5 за 1871). Ценз. затруднения, возникшие сразу же, видимо, были осн. причиной, заставившей О. в 1874 отказаться от издания. То же произошло и с ж. «Всемирный труд», приостановленным после третьего номера в 1872. В 1873—74 О. предпринял изд. ж-лов для женщин «Взаим. Жен. работы», к-рые успеха не имели. В это же время подвергся ценз. запрещению и по постановлению К-та министров был уничтожен изданный О. «Об-к на 1871 г.» (СПб., 1871; см. подробнее: Добровольская, с. 82), осн. часть к-рого составила ст. О. «Поздние и Приднепровье», написанная в жанре путевых заметок «в подражание Радзивилу» («Моя скитания по белу свету» — ИВ, 1908, № 12, с. 908) с критикой политики правительства в Зап. крае.

На неск. лет уехав из Петербурга, О. жил в своих имениях сначала в Витебской, затем в Волынь. губ., часть времени провел в разъездах по стране (впоследствии он назвал это время «годами тяжелых скитаний»; его восп. о пребывании в Осташков. у. — «Из скитаний по белу свету», ИВ, 1910, № 7).

С наступлением «диктатуры сердца» М. Т. Лорис-Меликова О. вернулся в столицу и с 1880 начал издавать ж. «Луч», затем одноименную газ. (1890—96) — едва ли не главный эпизод его лит. деятельности. Дешевое и общедоступное изд. для широкой публики, «Луч» должен был, по замыслу издателя, наряду с образцами добротной беллетристики давать обзор текущих событий в духе строго выдержанного «направления», к-рое О. определял как «благоразумно-либеральное» и «патриотическое» («мы не аристократы и не демократы; мы только народники и националисты-государственники»). Государственность О. — ярко выраженная петерб. складки: он — западник в смысле безусловной приверженности реформам Петра I и Александра II, с верой в «прогресс» и принципы либерализма («истинного, искреннего, житейского»); О. негодовал, когда его причисляли к консерваторам, полемизировал с М. Н. Катковым, не раз возражал Ф. М. Достоевскому и И. С. Аксакову. Вместе с тем начала традиционные, связанные с почвой, историей, нац. преданием, О. считал основополагающими в жизни сильного, процветающего гос-ва. В нивелировке, насильственном усреднении, подражании замечным образцам (примеры этого в

гос. политике он не устал обличать — он видел угрозу «нигилизма» и «революции», понимаемых очень широко (борьбу с ними О. считал своей осн. задачей). В противоположность «живо-широким мировым идеям» (социалисты-космополиты) и «всерос. проектам» («моск. консерваторы») О. настаивал на программе конкретных дел по устройству «тех маленьких уголков „земли государство“, из к-рых складается самое государство».

Среди тем, к-рым постоянно обращается ж. «Луч», — вопросы местного самоуправления («сословная волесть»), нач. нар. образования (церковного и монархического по духу), свободы печати, укрепления крест. хозяйства (как средства против пролетариата общины), проследованием истинности и др. служебных злоупотреблений (пост. призыва к ужесточению юридич. ответственности за них, вплоть до применения смертной казни, создали О. скандальную репутацию у части журналистов — см., напр. Дорошевич В., Жив. журн. — В кн.: Собр. соч., т. 4, М., 1905, с. 133—38). Считаю, что имп. Петербург призывал быть гарантом сохранения нац. самобытности всех народов и народностей России (и угрожал «московский патриотизм» в уюсти и пристрастности: «Москва не годилась для империи»), что насильственная ломка и нивелировка на один образец — «абсурд дикой и варварский». О. выступал, в частности, против крайностей русификаторской политики в губерниях Царства Польского; за одну из статей в «Луче» он был даже подвергнут аресту («Семь дней в комендантском управлении» — ИВ, 1905, № 3). Одноимую статью приобрити высказывания О. по евр. вопросу, к-рому он уделял чрезвычайно много места, противопоставляя «русских монстров закона» — «жидовство» (относя к последнему не только евреев). С этим затенен («судьям волею западному, европейскому укладу») О. связывал опасность расброжения, смуты, хаоса, чему привели все новые и новые доказательства; со временем это приобрело черты болезненной навязчивости, даже мани. ставшей «притчей во языцех» (А. П. Чехов называл его «Юдофоб Юдофобии Ок. Пр. XXIII, 47»). «Луч» выходил с приложениями: ж. «Польза» (1890), «Илл. мир» (1890—94), еженед. «Романы оригинальные и переведенные», где увидело свет большинство романов О. В 1887 в качестве бесплатного приложения к «Лучу» О. издал Полн. собр. соч. А. С. Пушкина. Полнота на «Луч», к-рый в 1890 был для своего времени внушительной (24 тыс.), с евр. 90-х гг. начала падать, что наряду с ценз. препятствиями заставило О. прекратить издание.

В 80—90-х гг. О. сотрудничал с А. П. Пятковским, помещая в его ж. «Наблюдатель» обозрения внутр. и внеш. политики, рецензии, ром. «Во что бы то ни стало» (1901), № 8—11) и др., в 1897—98 редактировал его газ. «Гласность». Тогда же он получил предложение А. С. Суворина сотрудничать в «Нов. временах», но это сотрудничество по неизвест. причинам не состоялось (ИВ, 1916, № 7, с. 48). В последующие годы О. неоднократно переезжает с места на место, видимо, почти бедствуя. В нач. 1900-х гг. жил в Москве, редактируя «Журнал об-ва счетоводов» и пытаясь сотрудничать в газ. «Рус. листок» и «Рус. слово», затем год был сидельцем винной лавки в Хамовниках (очерк «Винная лавка № 228» — «Речь», 1903, № 1, 2). В это время неск. раз встречается с Л. Н. Толстым («У графа Л. Н. Тол-

стого» — «Речь», 1903, № 5, 6; с сокр. — «Звезда», 1978, № 8, с. 62—64; Интервью и беседы с Львом Толстым, М., 1986). После возвращения в Петербург («где дышит много легче, чем в Москве») О. сотрудничал в «Петерб. газ.», газ. «Свет», в 1903—04 издавал ж. «Речь» (зачуманный как продолжение «Луча»), опублик. там ряд стихотворений, фельетонов, заметок, в т. ч. о совр. лит-ре: «Лже-великий писатель» (1903, № 39) о М. Горьком, в к-ром он видит смесь «марлицины» с «люмосовщиной»; «Декаденты» (№ 43). В 1905 неск. месяцев жил в приюте для немущих литераторов им. Пушкина в Одессе. Эпизодическим было его сотрудничество в газ. «Рус. гос-во», вскоре приостановленной, и «Россия». С 1911 по 1915 О. редактировал газ. «Орлов. жизнь», получив это место, видимо, по рекомендации П. А. Столыпина, к-рого ему удалось заинтересовать идеей «независимого правого органа» для рус. провинции («Аудитория у П. А. Столыпина и катастрофа 12 авг.» — ИВ, 1913, № 3).

О. — автор более 10 романов. Исключая образцы откровенно слабой, «бульварной» беллетристики (трилогия «Преступник» — «Луч», 1887, № 1—52; отд. изд. — СПб., 1888; «В Сибирь», СПб., 1889; «Крах», СПб., 1890; а также романы: «Кто виноват?», СПб., 1891; «Мыканье», СПб., 1893; «Сквозь огонь и воду» — «Набл.», 1897, № 7—10), многие его произв. имеют публицистич. остроту, сближаясь по своим идеям с традицией антиклассич. лит-ры. В основу наиб. значительных произв. («Последние язычники»; «Во мраке», СПб., 1881; рец.: Н. К. Михайловский — ОЗ, 1882, № 11; «Староветские помещики. Очерки Зап. края», СПб., 1885) легли наблюдения автора над жизнью Зап. края, картины «мрачного сонмища» сепаратист. движения (восп. под этим назв. не сохр. — см.: ИВ, 1907, № 5, с. 410), типы польск. рев. подполья в Петербурге, в к-ром О. видел кровавую, уголовную подоплеку нигилизма. Наряду с пристрастием к внешним эффектам, психол. неправдоподобностью, произвольностью нек-рых сюжетных поворотов стилю романов О. присуща какой-то особый мрачный колорит, едкая, обличительная интонация, о чем писал, в частности, Михайловский, не без иронии отмечая, что, не будучи причастным к «отрицательной литературе», автор, тем не менее, не дает ни одного светлого образа (X, 81—82, 962—65).

Кроме указанных выше О. принадлежит многочисленные восп.: «Далекие годы. Автобиогр. хроника» («Набл.», 1898, № 9—11; отд. изд. — СПб., 1899; с посв. Суворину; рец. 1899; (А. И. Потапов) — РБ, № 5(8);

ИВ, № 9; МВед. 17 янв.; РМ, № 1), «Убежище им. Пушкина для литераторов в Одессе» (ИВ, 1905, № 2), «Цацки Мендель из Любавич» (ИВ, 1905, № 12), «Интересный сектант» (ИВ, 1907, № 12), «Листики из записной тетради» (ИВ, 1911, № 5; о коронационных торжествах и ходынской катастрофе).

После Февр. революции 1917 О. переехал из Петербурга в Витебск, жил в нищете, относился к тем «неразумным несчастливцам, к-рые так усердно добивались переворота» (ИРЛИ, ф. 540, 1896, № 14). В 1919 переселился на хутор Касьяново под г. Борзной Чернигов. губ. В письмах из богадельни Борзны обеспокоен судьбой написанной им кн. «История революции в очерках и рассказах» (в 3 томах): «если умру в богадельне, бумаги мои погибнут» (там же).

Др. произв.: «На войне и дома» (СПб., 1880; рец.: ОЗ, 1880, № 3; под назв. «Из последнего времени», СПб., 1881; «Герои новейшего времени», 2-е изд., СПб., 1882; «На Балканах», П., 1916), пов. «Дело Анелли Добжанской» («Набл.», 1903, № 2, 3), ром. «Чья вина?» («Речь», 1903, № 25—46), «Япония и японцы» (СПб., 1904), «Драма 11 марта 1801 г. Ист. роман в 3-х ч.» (СПб., 1910), «Воскрешая Россия» (ист. роман из эпохи Смутного времени) («Светлый луч», 1911, № 1—6, 10, 11), пов. «Господа Прасуховы» (ИВ, 1912, № 3), «Страшное время. (Ист. роман из эпохи 1812 г.)» (Орел, 1913).

Лит.: Фаресов А. И., А. К. Шеллер. СПб., 1901, с. 162; Тибровяч С. Ф., Нерус, хрест. рус. писателей, СПб., 1906, с. 55; Скроботов Н. А., «Петербург. листок» за тридцать пять лет, 1864—1899, СПб., 1914, с. 28, 30; Добровольский Л. М., Запрещенная книга в России, 1825—1904, М., 1962, с. 81—82; Ежовский РО ПШ, 1978, Л., 1980, с. 85 (письмо С. А. Венерову 1921); Варабохин Д. А., Г. Успенский и рус. журналистика (1862—1892), Л., 1983 (ук.); Кузнецова С. А., Имя, деятельность О. и «Белорус. вестн.». — В кн.: История книги, книг. дела и библиот. в Белорусии, Минск, 1986, с. 85—97; Шабтай бен-Иегуда (Дудаков С.), Цацки и антисемит. Предисл. к публикации. — «Возрождение», Иерусалим, 1989, № 11, с. 198—211. + Мехов; Мидленг; Мейер; Муратов (1; ук.); Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 178, к. 5337, № 20 (письма И. З. Сурикову); ф. 259, к. 18, № 17, 18 (письма Ф. И. Благоев и И. Д. Салтыку); РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3063 (письма А. С. Суворову); ф. 163, оп. 1, № 174 (письма Б. Б. Глинскому); ф. 1440, оп. 1, № 167 (письма И. А. Данилину); ф. 878, № 1571 (письма А. И. Сумбатову-Юдану); ф. 2, оп. 1, № 455 (авторграф неопубл. статьи О. ло польск. вопросу); РГИА, ф. 777, оп. 3, л. 98, оп. 2, л. 63; РНБ, ф. 874, оп. 1, № 106 (письма С. Н. Шубинскому); ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, № 82 (письмо А. Н. Салтыкову с биогр. справкой); ф. 540, 1896 г., л. 521 (прошения О. в Пост. комиссию); ф. 72, № 241 (письма Глинскому); ф. 181, оп. 1, № 498, 124 (письма Н. К. Михайловскому). М. В. Подмаркова.

ОКУЛОВ Алексей Иванович [22.9 (4.10).1880, с. Каратуз Минусинского окр. Енисейской губ. — 1939], прозаик, драматург; деятель рев. движения. Из семьи золотопромышленника. О детстве вспоминал как о сча-

стливой поре, обласканной «дыханьем могучей и прекрасной природы» в предгорье Саян. С 1891 учился в Красноярской г-зии. В 1895, заблудив туберкулезом, переехал в Киев, где окончил г-зию (1899). К этому времени относится увлечение рев. борьбой. Пред. I Всерос. съезда рев. гимназич. молодежи (Киев, 1898). В 1899 уехал в Женеву, где познакомился с Г. В. Плехановым; основал вместе с ним клуб рус. молодежи. В 1901 вернулся в Россию, работал ред. отд. местной корреспонденции газ. «Уральская жизнь» (Екатеринбург). В 1902 отправился в Москву, поступил в реж. класс К. С. Станиславского (Школа драм. иск-ва при МХТ). С 1903 — чл. РСДРП(б). По окончании Школы (1904) уехал в

Волгуду реж. Нар. дома; во время Революции 1905 — командир боевой дружины. Затем — в Петербурге на нелегальной работе (подробнее см. Автобиографию в кн.: Писатели. Автобиографии и портреты совр. рус. прозаиков, М., 1926). С 1908 по 1913 жил гл. обр. в Париже.

В первом рассказе «Товарищ Тихонов» (ЖдВ, 1906, № 8), содержащем, как и многие др. произв. О., автобиогр. мотивы, гл. герой — молодой реж. Нар. дома, мечтающий об иск-ве и революции, постепенно приходит к тому, что вся жизнь, в т. ч. и иск-во и любовь, в условиях рев. борьбы (символ зла для него — «черная сотня») должна быть полностью утверждению прав рабочего человека. Лит. почерк О. складывается под влиянием не только социалистич. идеологии (от нее — нек-рый схематизм и «направленческая» установка первого рассказа), но и романтич. настроений, навеянных совр. скандинав. лит-рой, в частности К. Гамсуном (позитивизация природного начала, трактовка любви как стихии, подчиняющей себе все, и др.);

очерки «Саяны» (РМ, 1908, № 4), «Лесная новелла» (ЛПН, 1908, № 11). Губительная сила страсти становится одной из осн. тем О.: новеллы «Милые жизни» (ЛПН, 1909, № 4) из жизни присковок, «Батраки» (там же, № 12), «Девушка Гуятун» (там же, 1910, № 1), очерк «Кузькина беда» (там же, № 7), рассказ «На Амьле-реке» (СМ, 1910, № 7) и др. В последнем произв., неоднократно перензл., критик М. В. Морозов, оценивший «подинно прекрасные строки», «изобразительность» и талант начинающего автора, отметил вместе с тем «слащавый сентиментализм»: в нем «больше городской вытн, чем таежной суровой тоски» («Всеобщий ежемесичник», 1910, № 8, с. 123—27). М. Горький, познакомившийся с неск. сочинениями О. в рукописи (письмо О. к Горькому от 26 мая 1910 — Архив А. М. Горького, КГ-П, 55.21.1, № 22737), находил в них «все чужое» — влияние А. М. Ремизова и М. М. Пришвина (письмо В. С. Миролубову — Горький, ХХХ, 181). Несмотря на малочисленные и в осн. отриц. отзывы критики, произв. О. все же имели нек-рый успех: рассказ «Алые зори — дни весенние» («Новое слово», 1911, № 10) был удостоен премии на II Всерос. лит. конкурсе редакци «Бирж. вед.».

Одна из сквозных тем произв. О., основанная на личном опыте, — драм. положение рус. эмигрантов, истосковавшихся за границей без рев. дела и без надежды быть когда-либо востребованными на родине. В рассказе «С той стороны» («Совр.», 1911, № 8) — трагич. портрет эмигранта, безуспешно пытающейся утопить в водке «неясное томление, беспредельную, ноющую тоску». 28 июля 1909 О. писал из Парижа родным: «Работа — это единственное, что наполняет мою жизнь здесь, что дает жить и дышать. Без этого я не выдержал бы этой тяжелой оторванности от всего, этих приступов тоски по России, к-рые иногда находят на меня и треплют, как лихорадка, неделями» (цит. по кн.: В рев. семье. Документальная хроника, Красноярск, 1971, с. 141; сост. И. Окулова). В 1911 О. был корр. газ. «Юж. мысль» (Одесса), освещающая события итало-турецкой войны (псевд. А. Тамирин). С 1912 его произв. вновь появлялись в столичных журналах. Под псевд. Александр Тамирин публиковал исключительно жанровые, приключенч., детектив. истории для «легкого» чтения: «Шпийон» («Солнце России», 1912, № 17; то же: «Волны», 1912, № 6), «Фабрика евнухов» («Синий журнал», 1912, № 17), «Бонза» («Солнце России», 1913, № 17), «Эльси» («Жизнь», 1913, № 37), «Рысьи марш» (там же, 1913, № 40), «Мышка» (там же,

1914, № 5), «Холостая фортушка» (там же, 1914, № 9), «Там мой Аллах» («Аргус», 1914, № 18), «Не надо» («Лукоморье», 1915, № 29), «Шаррица Игамет» («Жен. жизнь», 1915, № 10), «Аю» («Свободный журнал», 1915, № 15), «Походные песни» (ЖЖ, 1915, № 8), «Юнка» («Рус. илл.», 1915, № 14), «Хромой чёрт» (там же, № 17), «Семь покрывал» («Жизнь и суд», 1916, № 15), «Переоценка» (ЖЖ, 1916, № 20), «Пресса и власть» (там же, 1916, № 7) и др. Под тем же псевд. печатался единств. роман-хроника О. из совр. турец. жизни «Селимэ» («Всемир. новь», 1913, № 30—38) — о судьбе евр. девочки, ставшей поэтессой Селимэ и лидером жен. движения в Турции (добившейся роспуска гарема).

В 1913 О. по паспорту брата (впоследствии расстрелянного белогаardeйцами) вернулся в Россию. В сложных обстоятельствах оказался и герой его рассказа «Возвращение» (ВЕ, 1915, кн. 5), почувствовавший себя на родине настолько счастливым человеком, что решил добровольно сдать полиции; отныне и тюрьма не может ему помешать быть свободным. Критика скептически отнеслась к такому сюжетному ходу: «... герой — сложная слав. душа и, стало быть, поклоняется страданию и скрытой в нем силе искупления. ... Что же, *тамоу*, эмигранту», пожалуй, там и место; древние иудеи приговорадали к дверному косяку рабов, добровольно предпочитавших рабство свободе» (ЖЖ, 1915, № 6, с. 21). В отличие от своего героя, автор по возвращении в Россию был арестован полицией и 3 года провел в тюрьмах Вологды и Москвы. В результате переосмысления своего эмигрант. опыта О. создает психол. портрет соотечественника, оказавшегося за границей чужим; рассказы «Среди виноградинок» («Нива», 1914, № 23—25), «Над Луарой» (ВЕ, 1914, кн. 9). Герои О. — «странные русские», скитающиеся без денег, без крыши над головой и надежды когда-нибудь обрести родину, дом и любовь.

Первая кн. О. «...На Амыле-реке» и др. рассказы» (М., 1916) была встречена критикой как проявление «безвольной, бессильной романтики» (О. М. Брик — «Летопись», 1917, № 1, с. 325). Др. рецензент отметил влияние Гамсуна на стиль О.: «С каждой странички, из диалога, даже в манере подойти к теме, — выглядывает Гамсун, шуршит странички его „Голода“ и втакает мечта об „Иллаяли“» (СМ, 1917, № 1, с. 311; сочувств. отзыв: «Рус. воля», 1917, 16 янв.).

В 1916 освободившись из тюрьмы, О. пошел на фронт, но вскоре по болезни получил отпуск, к-рый провел с женой в Сибири, где и застала его

Февр. революция. Его отношение к Первой мировой войне отличалось от позиции большевиков: герои пьесы «Добровольцы» (ЕЖЛ, 1916, № 3) считают необходимым исполнение воинского долга.

После революции О. был пред. Губисполкома Енисейской губ., пред. съезда рев. советов средней Сибири, пред. I Общесиб. съезда советов, чл. Учредит. собрания от Енисейской губ., чл. Президиума ВЦИК I созыва, чл. реввоенсовета Юж. Зап. фронтов, чл. реввоенсовета Республики, командующим войсками Вост. Сибири и др. Убежденный сторонник Учредит. собрания (брошюра «Задачи революции и Учредит. собрание», Красноярск, 1917), О. тем не менее принял большевист. вариант развития событий.

Впечатлений Гражд. войны О. хватало на многие годы. Авт. позиция О. противоречива. Партийная принадлежность не помешала ему увидеть ее повсеместную жестокость и опустошительные последствия. В скупой манере дана картина изнуряющего голода и массового переселения полумертвых крестьян из сиб. села в рассказе «Хлебушка» («Моск. альм.», № 1, М.—Л., 1926; рец.: С. Пакентрейгер — «Красная новь», 1926, кн. 4, с. 233—34). В одноакт. драме «Возмездие» («На Амыле-реке. Сб. рассказов», М.—Л., 1925) показан трагич. исход Белой армии в безмерной снежной пустыне Сибири. А. Лежнев полагал, что О. возвращается к старой, водянисто-закругленной манере письма («Печать и революция», 1925, № 5/6, с. 526—27; см. также рец.: «Сиб. огни», 1925, № 4/5, с. 242).

В ряде случаев, однако, О. стремился оправдать необходимость многочисленных жертв во имя утверждения светлого будущего, как в рассказе «Крестьянская война» («Прибой», альм. 1, Л., 1925; сочувств. отзыв: А. Зорич — «Правда», 1925, 9 окт.). Положительно была встречена кн. О. «Нежданная встреча» (М., 1928; рец.: С. Вржосек — «Звезда», 1928, № 11, с. 159—60). В дальнейшем в отзывах на соч. О. преобладал критический подход. Кн. рассказов «Побег» (М., 1930) Т. Перимова назвала безликим изданием («Книга и революция», 1930, № 7, с. 38—39). Ю. Красовский считал, что в ней «... нет внутр. единства, общей тематич. направленности, нет того, что позволило бы определить авт. лицо» («На лит. посту», 1930, № 7, с. 70). Негативно оценивал многие произв. Горький. Показательна его реакция на пьесу О. «Возворот» (судьба рукописи неизвестна), напечатанную картины сатизма, убийств (письмо к О. от 3 авг. 1921 — Горький, ХХIX, 403). Кн. «Камо, Вологодская республика» (М.—Л., 1931),

включающая очерк и восп. О. о Революции 1905—07, получила уничижит. оценку Горького в ст. «О работе неумелой, небрежной, недобросовестной и т. д.» (Горький, ХХV, 474—75; см. также рец.: Г. Александров — «Книга молодежи», 1932, № 1/2, с. 44—46). После критики Горького О. почти не издавали (отриц. отзывы В. А. Гольцева на рукопись О. в изд-во «Федерация» от 24 нояб. 1931 — РГАЛИ, ф. 625, оп. 1, № 121, л. 16—19; отриц. отзыв Астафьева от 12 июня 1931 — там же, л. 20—21 об.).

В 1937 О. был арестован. Умер в заключении («Театр. жизнь», 1989, № 13, с. 28).

Др. произв.: «Старый одноглазый» («Нива», 1911, № 1), «Разлука» (ЛПН, 1911, № 6), «Небогатова замка» («Совр.», 1911, № 7), «В осенние дни» («Завесты», 1912, № 5—6), «Случай одной жизни» («Совр.», 1912, № 11), «По теплым местам» («Новое слово», 1913, № 7), «Сонин день» («Альм. Севера», кн. 1, СПб., 1914), «Апаш» («Новая жизнь», 1917, № 1).

Изд.: Заметки об ораторском иск-ве. Пособие для агитаторов. М., 1922; Заметки Исаюва. Рассказы. М.—Л., 1926 (М., 1935); В снгпд. Рассказы. М., 1928; Юность. Повести и рассказы. М., 1958 (предисл. Вл. Лидина).

Лит.: Белоусов (1); Араим Горького, т. X, кн. 2, с. 16; Эренбург И. Г., Собр. соч., т. 8, М., 1966, с. 80; Боиш революция, Красноярск, 1982, с. 159—62; Шмаков А. А., Шмакова Т. А., Урал литературы, Челябинск, 1988, с. 197. + Властилавлев: ЛЭ: КЛЭ; ИСРДВ; Маланов.

Архивы: ИМЛИ, ф. 366; РГБ, М 9585-а, № 31 (автобиография 1926); РГАЛИ, ф. 388, оп. 1, № 84 (письма Ф. Е. Поступалу); Архив А. М. Горького, КГ-рл, 28.57.2, № 14577 (письмо сестры Камо — Дж. Хутулашвили к М. Горькому от 3 мая 1931 с благодарностью за выступление против кн. О. «Камо»).

В. Н. Абросимова.

ОКУЛОВ Григорий Андреевич (по др. сведениям — Афанасьевич?) (1794 — 1837?, Петербург; похоронен на Смоленском кладб.), поэт. Из духовного звания. Воспитанник Александров-Нев. духовной акад. В юности, видимо, пользовался поддержкой аристократ. и состоят. людей (в т. ч. Д. И. Хвостова), о чем свидетельствуют первые поэтич. публикации О. — дифирамбическое «Послание к его сиятельству графу Д. И. Хвостову» и стих. «На брак моего благотворителя С. И. Г. К. (Поленищева-Кузовова? — *Ред.*)» (оба — СПб., 1812).

Участвовал в Отеч. войне 1812 волонтером (так обозначен социальный статус О. в книге подачи рукописей — РГА, д. 183), вероятнее всего — в составе петерб. ополчения. В патриотич. одах О. — «Героическая песня на победы, одержанные над французами при Двине, под предводительством гр. Витгенштейна», «Стихи на победы, одержанные над французами гр. Витгенштейном при Полоцке» (обе — СПб., 1812),

на взятие Парижа» (М., 1814) — звучат обычные для лит-ры тех лет темы: слава рус. оружия, величие самодержавия, злодеяния французов, ужасы войны; рисуются яркие, порой несколько натуралистические картины сражений («Там шлем в крови плывет с главою! Здесь, мстящей поражен рукою! Злодей персть собствену грызет» — «Герончская песнь...», с. 10). Наиб. успех имело стих. О. «Встреча Суворова с Кутузовым, или Вести, принесенные в царство мертвых князем Смоленским» (СПб., 1813, 1814; вошло также в сб.: «Собр. стих., относящихся к незабвенному 1812 г.», ч. 2, М., 1814).

В дальнейшем О. продолжал сочинять парадные оды. В стих. «Чувства русского в день священной коронации государя имп. Николая Павловича» (СПб., 1826) содержится отклик на восстание декабристов, осуждаемых автором за распространение в России, хранящей «благочестие отцов», «заразы» Французской революции. «Ода на победу в Персии» в 1828 не была пропущена цензурой как «загромождающая полит. вопросы» (РГИА, д. 786).

В 1817 О. выступил с критич. ст. «Рассмотрение Рассуждения, изданного г. Измайловым в журнале С. О. (Сын отечества), о Басне, и самих его Басен» (СПб.). Упреки А. Е. Измайлова в недостаточности вкуса, смысловых несообразностях и стилистич. нелепостях (приводил в пример «простонародные» басни Измайлова, в т. ч. «Пяницу»), О. ослабляет авторитетность его теоретич. рассуждений. На брошюру откликнулся Измайлов (СО. 1817, № 9; подпись Е.), в свою очередь и не без оснований упрекавший О. в нарушениях логики и погрешностях языка.

Возможно, «Рассмотрение...» О. имело целью заставить от нападк Измайлова Хвостова, к которому О. был близок (ср. указание И. П. Быстрова о том, что О. «выразил» стихи Хвостова. — РГБ). Митрополит Евгений (Болховитинов), получивший экз. «Рассмотрения...» от Хвостова, писал последнему, что О. «довольно задалтал» Измайлову за выпады против Хвостова, сделал «много весьма справедливых упреков... сему неосмысленному критику, хотя... и не и прилично», а досада Измайлова «есть очевиднейшее доказательство» его неправоты (Грот Я. К. Переписка Евгения с гр. Д. И. Хвостовым. — В кн.: Сб-е ОРЯС, т. 5, в. 1. СПб., 1868, с. 164—65).

Резкий тон полемки не помешал Измайлову позднее поместить в ж. «Благонамеренный» отрывок из «Федры» Ж. Расина в пер. О. (1823, ч. 24, № 22; полное изд. — СПб., 1824).

В 1828 О., служивший до этого в чине губ. секр. в петерб. Палате граж. суда, поступил в С.-Петербург. правосл. духовную сем. учителем фин. языка, представив свидетельство о знании языка от Коллегии иностр. дел (приняв решение о введении преподавания фин. языка,

правление семинарии в течение двух лет до этого не могло найти учителя). Несмотря на отсутствие учебников, О. успешно справлялся с преподаванием (за 9 лет его учительства число учащихся финскому выросло втрое). Одновременно по поручению Комиссии духовных уч-щ занимался корректурой религ. изданий на фин. яз., переводил с рус. на финский (в т. ч. краткий катехизис). В 1833 ездил в Гельсингфорский ун-т для усовершенствования в фин. филологии. Составил «Российско-финскую азбуку» (СПб., 1833) и «Граматику финского языка» (СПб., 1836), получившую одобрит. отзыв из Гельсингфорского ун-та. Однако представление грамматики к награде и посвящение ее наследнику престола были отклонены правлением семинарии из-за неблагопристойного поведения О. (в 1835 в семинарию дважды поступали полиш. сообщения о том, что О. был выгашен пьяным из Обводного канала, в нетрезвом виде попал в часть и буйствовал). В ф. с. 1836 отмечено, что О. «поведения порядочного, но по болезненным припадкам не всегда исправен и не совсем надежен» (Надеждин, с. 46). Уволенный из семинарии в 1837 (в чине тит. сов.), О. умер в Мариинской больнице для бедных.

Лит.: Надеждин А., История С.-Петерб. правосл. духовной сем., СПб., 1885, с. 37, 46, 83, 86. + Адрес-календарь на 1837 г. (СПб.); РБС; Геннадий; Венгров. Список.

Архивы: РГИА, ф. 777, оп. 27, л. 183, л. 77 об., оп. 1, 1828 г., л. 786 (ценз. мат-лы) [справка А. И. Рейтблата]; РГБ, ф. 233, к. 38, № 40* (биограф. сведения, записанные И. П. Быстровым).

М. М. Гоцкал

ОЛЕНИН Алексей Николаевич [21.11(2.12).1763, по др. сведениям — 1764*, Москва — 17(29).4.1843, Петербург; похоронен на Тихвин. кладб. Александро-Невской лавры], археолог, филолог, палеограф, график; держатель изв. лит.-худож. салона; автор многочисл. статей и брошюр разнообразной тематики. Из старинного дворян. рода, внесенного в «Бархатную книгу» (изв. с 16 в.); сын стат. сов. Ник. Як. Оленина и Анны Сем. урожд. кн. Волконской. Двоюродный брат С. Г. Волконского, прадед П. А. Оленина. Детство в оса. провел в родовом имении Салаур Касимов. у Рязан. губ., получил прекрасное дом. образование. В 1774 был привезен в Петербург к родственнице — кн. Е. Р. Дашковой (в будущем президент Рос. академии), в доме к-рой, по семейному преданию, его заметила Екатерина II, определившая его в Пажеский корпус (о серьезности интересов и начитанности юного О. свидетельствует составленный им в 12-летнем возрасте каталог личных книг; опубли. в ст.: Мартынов И. Ф., О библиотеке екатерининского пажа... — «Памятники культуры. 1977», М., 1977).

Бытовала легенда о том, что до 18 лет О. был «величайшим невеждою» и послужил Д. И. Фонвину протипом для его Недорога («Бурища В. П.). Предание о том, кто был оригиналом «Митрофанушки» Фон-Визина. — «Илл.», 1861, № 158). Не имевшая под собой оснований, она, однако, широко распространилась, добавляя краску парадоксальности к канонич. портрету О. — человека широко образованного, покровителя наук и иск-в.

Пять лет (1780—85) обучался «воинским и словесным наукам» в Арт.

школе в Дрездене, откуда вернулся знатоком древности, любителем пластич. иск-ва, рисовальщиком, страстным почитателем античности (в значит. степени под влиянием трудов И. И. Винкельмана). В совершенстве овладел нем. и франц. языками, в разной степени знал итал., исп., еврейск., араб. языки, латынь, нек-рые из слав. языков, в 1800-е гг. выучил др.-греческий. В службу вступил в авг. 1783, находился в гл. артиллерии (с 1786 капитан). В нач. 1789 после непродолжит. отставки по болезни определен в Псковский драгун. полк подполковником для устройства конной артиллерии (первой в России). Участвовал в Швед. кампании 1789—90, в Польском походе (1792).

Воен. карьера не препятствовала филол. занятиям О. За составленные им «Толкование многих рус. старинных речений» (не изд.) он в 1786 избирается, по предложению Дашковой, в члены Рос. академии. К нач. 1790-х гг. имел обширные лит. знакомства, был близок к кружкам архитектора, а также и музыканта Н. А. Львова и Г. Р. Державина, где сблизился с В. В. Капнистом (всех четверых связывали родств. отношения), М. Н. Муравьевым; был дружен с И. И. Хемницером.

Выполненные О. «визьеты» (стилизованы под антич. классику) для поднесенного Екатерине II тома стихотворений Державина (1795) принесли ему славу искусного и тонкого «изографа» — иллюстратора, стремившегося, как и Львов, «домолвить то карандашом, что словами стихо-

творец не мог или не хотел сказать» (цит. по: Тимофеев, 1983, с. 27) (ср. в письме К. Н. Батюшкова к А. И. Тургеневу, 1814: «Если вы хотите сделать великолепное издание [В. А. Жуковского. — *Ред.*], то ... просите А(лексея) Н(иколаевича) нарисовать какую-нибудь мысль» — Батюшков, III, 302).

Антич. вазонист, медали и камни использовался О. при иллюстрировании «Басен и сказок» Хемницера (1799) — одного из лучших изд. «классич. стиля» (см.: Сидоров А. А., История оформления рус. книги, М., 1964, с. 172). В числе первых в России О. освоил новые способы гравирования (лапис и акавтинита). Мн. книги первой трети 19 в., выделющиеся изяществом оформления (в т. ч. проза И. А. Крылова, В. А. Озерова, Жуковского, «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина), отмечены монографией и, соответствующей о том или ином участии О. (составлял «программы» иллюстраций, делал черновые наброски, под его присмотром работали граверы).

Уволившись из воен. службы с чином полковника, О. в апр. 1795 поступил в Экспедицию Гос. ассигнац. банка (1797 — управляющий; стат. сов.), в 1798 произведен в д. стат. сов.). С окт. 1797 управляющий Монетным двором; изучал технологию изготовления монет, позднее составил «Опыт о правилах медальерного искусства» (СПб., 1817). С 1799 обер-прокурор 3-го деп. Сената. В звании статс-секретаря (апр. 1801) приглашен вместе с М. М. Сперанским для образования Канцелярии при Мин-ве внутр. дел. С 1803 товарищ министра уделов (с оставлением в прежних должностях).

В антинаполеоновскую кампанию 1806—07 участвовал в земском ополчении (милиции), пожертвовал 2000 руб. и две пушки; награжден зол. медалью и правом на ношение милиционного мундира, к-рый впоследствии охотно надевал в торжеств. дни, предпочитая другим, более соответствовавшим его высокому положению. Ненависть к Наполеону, антифранц. настроения О. (ср.: Батюшков, III, 210—11), обострились в 1812, нашли отражение в «Письме к архимандриту Филарету» («Чтение», 1813, кн. 13), а также в составл. им «Собрания разных происшествий, бывших в нынешней войне с французами...» (опубл. под назв. «Рассказы из истории 1812 года» — РА, 1868, № 12); сквозь конкретное изложение более 30 случаев, преим. со ссылкой на очевидцев, просвечивает авт. антигеза нравств.-патриотич. поступков рус. солдат и крестьян, являвшихся закономерными плодами «родительского семейного правления» в России, и зверств, дикости, богохульства французов — «детей неистовой Французской революции» (там же, стб. 1993, 1995).

В первые годы 19 в. вокруг О. складывается дружеств. лит. кружок (Озеров, Капнист, Н. И. Педяч, Крылов, А. А. Шаховской, С. Н. Марин, Батюшков, С. С. Уваров и др.),

в к-ром исповедовался культ античности, связанный не только с воскрешением антич. форм, но сопрягаемый, впервые в России, с эстетич. идеалом — вслед за теоретиком «веймарского классицизма» Винкельманом и И. Г. Гердером, О. и члены его кружка стремились постигнуть «подлинную» античность, мир «благородной простоты», в ее ист., нац. и ценностной определенности, самобытности в противовес идеальному образу античности в «абстрактном» или салонно-подражат. франц. классицизме. Именно на почве такого осмысления антич. культуры в кружке О. (нек-рые исследова-

рус. лит.-обществ. жизни начала века, искания кружка определяли «умственную атмосферу» и позднее, в 1810-е гг. Члены раннего кружка О. — «зародыша» будущих лит. обществ, размежевавшись, стали активными участниками «Беседы любителей рус. слова», с одной стороны, и «Арзамаса» — с другой (Гиллельсон, с. 4, 19—20, 34).

В недрах кружка родился «Драм. вестник» (Петербург, 1808) — первый в России театральный ж-л. Достаточно пестрый по составу (наряду с членами кружка, Крыловым, Шаховским, Маринным, печатались А. С. Шишков, Д. И. Хвостов и др.),

Салон Олениных в Петербурге. Рис. немц. художника. 1810-е гг.

тели определяли его эстетику как «неоклассицизм») складывался стиль рус. ампира 1-й четв. 19 в. с его интересом к нац. культурным традициям, ист. «древности» и разложением рационалистич. эстетики классицизма под влиянием сентиментальных и преромантич. веяний (см.: вступ. ст. Б. В. Томашевского к «Стихотворениям» Батюшкова, 2-е изд., М., 1948, с. VIII, XXV—XXVI; История рус. лит-ры в 10 тт., т. 5, М.—Л., 1941, с. 421—23). Не случайно кумиром кружка сделался В. А. Озеров: у Олениных вынашивались первые постановки его трагедий, проходили репетиции, О. делал замечания по тексту, готовил эскизы костюмов (ему посв. «Фингал»: «С совета твоего, Оленин, я решился! Народов северных Ахилла описать»).

«Промежуточность» позиции раннего оленинского кружка (о деятельности к-рого сохранилось мало свидетельств), объединявшего, как и поздний кружок и салон О. (см. ниже), старое и молодое поколение литераторов, была плодотворна для

ж-л отражал взгляды «драматургич. ядра» оленинского кружка (прежде всего, Шаховского и самого О.; отношения между ними осложнились, и ок. 1810 Шаховской перестал посещать кружок. — ИВ, 1896, № 7, с. 28). О. опубл. здесь статьи с характерной для него «узкой» конкретностью и фрагментарностью «О части доспеха древних греков и римлян, называемой кнемида», «О новозобретенных земледельских орудиях», «О боевом или солдатском ружье», все — ч. 5).

Назначенный в 1808 пом. гл. директора имп. библиотек, О. стал первым директором имп. Публичной б-ки (1811), занимал этот пост более 30 лет, именно при нем сформировалась 1-я в России нац. публичная б-ка. Стремясь к универсальности и многоязычности фондов (О. приобрел и частные собрания и коллекции, рус. и иностранные, в т. ч. восточные), он отдавал предпочтение комплектованию книг по ист. дисциплинам, классич. филологии, изобразит. иск-ву и др. близким ему предме-

там, а также рукописей и старопечатных изданий. По предложению О. в утвержденном Александром I Положении о Публичной б-ке был заложен «закон» об обязат. экземпляре, позволявший значительно расширить рус. фонд (с 4 экз. в 1808 до 26 тыс. книг, не считая дублетов, в 1836). Уже к 1820 по количеству фондов б-ка занимала 4-е место среди европ. библиотек (подробнее см.: Голубева, 1988).

Перу О. принадлежат документы, регламентирующие фактически все библиотечные процессы: его библиотечарский опыт нашел отражение в ст.: «Опыт нового библиотечного устава для С.-Петерб. имп. библиотеки» (СПб., 1809), «Правила, высочайше утвержденные, для посетителей имп. Публичной библиотеки...» (СПб., 1814), «Публичные библиотеки в Париже и Публичная библиотека в Санкт-Петербурге» (СПб., 1832, 15, 16, 18 апр.; отз. изд. — СПб., 1832) и др. Особое значение О. придавал набору кадров, считая, что библиотечар должен в совершенстве знать свой фонд, быть «живым каталогом» (уменьшение роли собственно каталогов, не очень грамотно осуществлявшаяся каталогизация собрания составляли слабую сторону деятельности О.); среди первых сотрудников были многие литераторы и ученые, в т. ч. Гнедич, Крылов, Батюшков, Уваров, А. Х. Востоков, М. Н. Захаров, А. А. Дельвиг. О. поощрял их занятия на лит. и учебном поприще; он вел институт почт. библиотечарей, в их числе был, в частности, В. Г. Анастасевич.

Вслед за «Беседой...» и Рос. академией б-ка — место службы нек-рых «беседчиков» — сделалась мишенью для «арзамасцев», однако сам О., хотя и представлял в своем лице все три учреждения, в осн. был обойден вниманием молодых остроловов: номинальное участие О. в «Беседе...» во многом было обусловлено дружескими и семейными связями (в 1818 избран поч. чл. ВОЛРС — Базазов).

Значит. авторитет приобрел О. как собиратель рус. и слав. древностей, знаток материнской культуры античности и средневековья; к его помощи прибегали А. И. Мусин-Пушкин, гр. Н. П. Румянцева, митрополит Евгений (Болховитинов), Г. И. Спасский (письмо О. к нему о портрете Ермака — «Соревнователь», 1821, № 9) и др. Велика роль О. (во многом и оленинского кружка, обсуждавшего каждую пьесу «Ильицы») в создании Гнедичем перевода гомеровского эпоса: в 1811—29 О. написал более 30 писем («диссертаций») Гнедичу — по существу, археологич. и лингв. исследований (опубл. в изд.: «Изв. имп. Рус. археологич. об-ва», т. 8, в. 1, СПб., 1877; Оленин А. Н., Археологич. труды, т. 1, в. 1; Сб. ОРЯС, 1914, т. 91, № 1) — с разъяснениями ок. 200 др.-греч. слов и рисунками; на протяжении многолетней работы О. с воодушевлением поддерживал Гнедича, одобрял его в выборе гекзаметра, в использовании диалектизмов и старославянизмов. Взгляды О. на иск-во получили отражение в очерке Батюшкова «Прогулка в Академию художеств» (1814). О. принадлежит ряд работ по ар-

хеологии, истории, палеографии [в нек-рых принимал участие археолог и палеограф А. И. Ермолаев (1779—1828), сослуживец и домочадец О.]: «Письмо к графу А. И. Мусину-Пушкину. О камне Тмутараканском...» (СПб., 1806; положительно начало рус. эпиграфике), «Опыт о приделках к древней статуе Купидона, натягивающего тетиву на лук» (СПб., 1815), «Письмо к Е. Ф. Тимковскому о беспрепятственной молитве ламантов...» (СПб., 1824), «Рязанские русские древности...» (СПб., 1831), «Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян...» (СПб., 1832), «Опыт о костюме и оружии гладиаторов...» (СПб., 1835) и др. При содействии О. была организована первая археол. экспедиция Академии наук (1809—11).

Совм. с Ермолаевым О. предложил принципы издания рус. летописей, позволяющие «скорее исхитить из рук тлетворного времени малые остатки деписаний» («Краткое рассуждение о издании полного собрания русских деписателей» — СО, 1814, № 7, с. 10): отказ от сведения всех списков, максимально точное воспроизведение оригинала; сам О. так и не успел подготовить издание рус. летописей, оно начало выходить после его смерти.

Разносторонняя образованность (хотя в большинстве случаев и не выходящая за дилетантский уровень), широкий круг знакомств, а также нек-рые личностные качества — доброжелательность, уравновешенность и исключительная энергичность — позволили О. стать хозяином едва ли не самого знаменитого салона 1-й трети 19 в., объединявшего вокруг себя литераторов нескольких поколений, разл. эстетич. пристрастий. У О. бывали Державин, Н. М. Карамзин, Крылов, Гнедич, И. М. Муравьев-Апостол, В. А. Жуковский, Батюшков, Пушкин, П. А. Вяземский, А. С. Грибоедов, И. И. Козлов, М. Е. Лобанов, В. А. Соллогуб, художники К. П. и А. П. Брюлловы, О. А. Кипренский, А. Г. Венецианов, скульптор И. П. Мартос, архитектор В. П. Стасов, М. И. Глинка и мн. др. — «все без исключения русские таланты того времени собирались около него» (Аксаков в С. Т., ПСС, т. 3, СПб., 1886, с. 262; ср., однако, мнение Жуковского: дом О. «есть место собрания авторов, которых он хочет быть диктатором» — письмо поэта к А. П. Киреевской, 1815, Уткинский сб. 1, М., 1904, с. 13). Место карт и затяжных застолий (непрерывная черта др. дом. собраний) занимали чтение и обсуждения новых соч., лит. новостей, науч. споры, в т. ч. о выработке новых худож. форм, ист. и науч. содержании иск-ва, повлиявшие на молодого Пушкина — «своего че-

ловека» в салоне О., музицирование, шараша, «живые картины» и пр. Эстетич. неформальность, принципиальная «наппартийность» (расцвет салона пришелся на время войны «Арзамаса» и «Беседы...»), члены к-рых встречались у О.), установка на самоценность таланта, открытость дома, простота и свобода общения («ужинали ... без церемоний и ... без чино» — Керн А. П., Восп. Дневники. Переписка, М., 1989, с. 28) создавали особую ауру салона, «атмосферу света, знания, талантливости, терпимости и добра» (Стасов В., Восп. о моей сестре. — «Кн. „Недели“, 1896, № 1, с. 205).

Популярности салона немало способствовала жена О. — Елизавета Марковна, урожд. Потторашка (1768—1838; сестра А. М. Потторашского и Варв. Марковны, жены Д. Б. Мертвого, тетка С. Д. Потторашского и А. П. Керн); «одаренная умом женщиной и яркими нравами, она оживляла и одушевляла общество в своем доме» (Уваров, с. 39).

В летние месяцы оленинское общество было в значит. своей части перемещалось на их дачу в Приютинно под Петербургом (построена, видимо, по проектам Львова; ныне мемориальный музей-усадьба) — салонная традиция обогатилась чертами усадьбного быта: прогулки верхом, стрельба из лука (О. показывал, как надо натягивать тетиву), горелки, лапта, игра в волан, дом, праздники с театрализованными представлениями (б. ч. ставились произв. «приютинцев»; среди актеров Гнедич, Крылов — пост. обитатели Приютинно, Лобанов, Пушкин), фейерверками, иллюминациями (хлопача по устройству праздников, О., по собств. признанию, «бежал, как угорелая кошка» — цит. по: Тимофеев, 1983, с. 50); жизнь дома представляла «искусное сочетание всех приятностей европейской жизни с простотой, с обычаями русской старины» (Вигель, II, 47).

Ценнейшими памятниками салонной культуры остались альбомы (хранятся в РНБ, ГРМ, РГАЛИ), шаржи и карикатуры, дружеские послания, эпиграммы (известна эпиграмма на Крылова, предположительно атрибутированная О. — см.: Голубева, 1988, с. 73), стилоды, «анализы» и т. п., тексты, отмеченные чертами круговой семантики (подробнее: Устиновы ч. с. 402—04); О. и членам его семьи — жене и детям, вместе с их друзьями особенно оживлялись приютинские собрания в 1810—1820-х гг., — поэт. и лит. произведения: стих. Державина, Крылова, Марина, М. В. Милонова, Батюшкова («Послание к А. И. Тургеневу», 1817—1818), Гнедича («Приютинно», 1820) и др.

Дослужившись до чина тайного советника и должности статс-секретаря по деп. гражд. и духовных дел (1810), О. с 1812 исправлял обязанности Гос. секретаря (утвержден в должности в 1826). Чл. Гос. совета (с 1827); в этом качестве участвует в следств. комиссии по учреждению секретного надзора над Пушкиным (1828), связанного с разбором дела о распространении элегий поэта «Андрей Шенье» (см.: Черейский). Чл. Гл. управления цензуры (1828).

Блестящие администраторские дарования О. в сочетании с проф. знаниями проявились и на др. его многолетнем поприще — президента Академии художеств (с 1817; поч. чл. с 1804). Приняв Академию в состоянии «растерянности во всех частях», О. осуществил серьезные хоз. и финансовые реорганизации, наладил быт воспитанников, составил программы учебных курсов (см. об этом: «Краткое ист. сведение о состоянии имп. Акад. художеств, с 1764-го по 1829-й г.», СПб., 1829; «Отчет президента имп. Акад. художеств с 1817 по 1834 г.», СПб., 1834). «Строгости нового президента», по словам современника, «сделали сильный переворот в занятиях и поведении учеников», Академию при О. «преобразовалась в благоустроенное заведение» (Иордан Ф. И., Зап. ректора и профессора Акад. художеств, М., 1918, с. 15).

О. добивался соблюдения устава, запрещавшего принимать в Академию крепостных; обосновывая необходимость этой меры в письмах к А. А. Аракчееву (1817), в числе рг. доводов он указывал на арам. участь людей «колоссального значения», к-рые, «воздымаясь» в Академии художеств «дулом и умом», «заслужают не голым ни Богу, ни государю, ни помещику, ни самому себе» (РС, 1875, № 10, с. 285, 287). Особое внимание О. уделял обнинанию музея при Академии художеств, куда, в частности, пересели свои коллекции старинного оружия и ордены; затеялся о приобретении для Академии предметов антик. и ср.-век. культуры.

Как Гос. секретарю О. пришлось хранить «секретный пакет», читать на заседании Гос. совета манифест Александра I и акт отречения вел. кн. Константина Павловича.

Скруплезное описание событий дворцовой жизни периода междуцарствия (25 нояб. — 13 дек. 1825) О. оставил в «Записке Гос. секретаря А. Н. Оленина о заседании Гос. совета по полному известию о кончине императора Александра I» (опубл.: Сб-к имп. Рус. ист. об-ва. т. 20, СПб., 1877). Не лишая ота. противоречий в факт. изложении, «Записка...» живо передает общую атмосферу, сообщает любопытные детали, рисует колоритный образ автора, ошущающего себя, несмотря на неопределенность ситуации и неразбериху, действующим лицом «знаменитого события».

События 14 декабря отражены в письме О. к дочери и зятю — Варваре Ал. и Григ. Никан. Олениным от 24 дек. 1825 (опубл. под назв. «Частное письмо о происшествии 14 дек. 1825 г.» — РА, 1869, кн. I, № 4), хотя и под несколько своеобразным «углом зрения»: не выходявший на протяжении всего дня из Зимнего, — «ибо в этом положении дел всякий должен был и умирать на своем месте» (стб. 734), — О. в осн. описывает лишь происходящее во дворе, слухи и увиденное им из окон. Комментарий О. («Оболенский, бешеный убища ... Вильгельм Кюхельбекер, безумный злодей...») органичны для его мировоззрения, как и помещенный в конце письма вывод: «если б этим ... разбойникам удалось сделать переворот, то они бы погрузили Россию в потоки крови на 50 лет» (стб. 052, 053). Однако О., связанный

со мн. декабристами узам родства и дружбы (младший сын О. — чл. «Союза благоденствия»; в доме Олениных бывали С. И. и М. И. Муравьевы-Апостолы, Никита М. и Ал-др М. Муравьевы, Е. П. Оболенский и др.), отказался участвовать в работе Следств. к-та и Верховного уголовного суда, мотивируя отказ родством с Волконским.

Разительный контраст с образом О. — гос. мужа, мнения к-рого «пользовались неоспоримым авторитетом» (Толстой — Ф. П., с. 133), — составляла его внешность. «Маленький и очень проворный» (Жихарев, 1989, II, 178), «человек в миниатюре» (Милонов М. В., Надпись к портрету Оленина. — в кн.: Рус. эпитагма. 1988, с. 183), «лиллипут», у стула к-рого в Гос. совете ставился табурет для ног (Корф, с. 269), О. имел «довольно оригинальные» (там же) черты: «умное, выразительное, приветливое» лицо его дополнял «огромный орлиный нос» (Каменская, с. 134). Свообразные облика довершала «странность в одежде» — ополченский мундир: белые панталоны, сапоги с кисточками и шпорами, «на маленькую сеую голову надевалась шляпа с громадным зеленым султаном ... с боку прицеплялся тяжелый лалаш, больше самого генерала»; О. «больше походил на детскую игрушку „casse-noisette“ [франц. «шелкунчик». — Ped.] чем на президента...» (Стояновский, 1875, с. 280; Каменская, с. 135). Современники каламбурно обыгрывали и фам. О. («Oh, le pain» — франц. «О, карлик») (см.: Лит. салоны, с. 249—50; Смирнова-Россет, с. 356; РА, 1877, кн. 2, № 5, с. 34).

Судьба О. являет редкий пример успешного сопряжения блестящей карьеры сановника, прочно усвоившего этич. нормы екатерининской эпохи [искателен в сильных при дворе и чрезвычайно уступчив в сношениях с ними], хотя и «никогда не изменял чести» (Вигель, II, 46); подтверждением может служить история с опалой А. Ф. Лабзина: обвинения в адрес О. как не вступившего за него (Герцсен, I, 435) убедительно опровергаются в ст.: Стояновский, 1875, с. 291—96; см. также: Дмитриев М. А., Главы из восп. моей жизни, М., 1997, ук.; подг. текста и комм. К. Г. Боленко, Е. Э. Ляжиной, Т. Ф. Нешумовой], с искренней, пронесенной через всю жизнь преданностью иск-ву и науке и деятельным служением им. Многие современники подчас не без иронии отмечали разнообразие занимаемых постов и широту интересов О., присущее ему свойство «всегда и везде находить себе место» (речь Н. И. Тургенева в «Арзамас», I, 416); Александр I, по словам Ф. Ф. Виге-

ля, «шутя прозвал его Tausendkünstler, тысяченкусником» (Вигель, II, 47).

Крайне разнообразие и «точность» тематики демонстрируют и многочисл. тексты О., сохранившиеся к-рых обнаруживается, однако, иск-вые характеристики, черты личности автора: и в статьях [яркий пример — «О возникше креста и ангела (без лесов) на шпиле Петропавловского собора в С.-Петербурге» — СО, 1831, № 14, в к-рой личные наблюдения подкреплены высланными инженерными расчетами и чертежами], и в дневниках [напр., «Дневная записка славног. путешественника двух странствующих (О. и Крылова. — Ped.) по сичему морю до немецкого города Репеля...», 1824, — опубл. в ст.: Бабинцев С. М., И. А. Крылов. Новые мат-лы. Сб. ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в. 3, Л., 1935, с. 55—58], и в письмах (в большинстве случаев науч. и делового характера) О. предстает человеком рационального, практич. склада, склонным к лаконичному, тезисному стилю изложения.

Др. предст. мотив отзывов об О. — его «пламенная любовь ... ко всему, что клонилось к развитию отечественных талантов» (Уваров, с. 39; ср. совет Батушкова Гнедичу в письме 1809: «придерживайся» О., ибо «он прясшее и лучше, и добрее всех князей» — Батушков, III, 90), умение, употребив свое влияние, склонять на них «щедрот монарших луч» (Крылов — А. Н. Оленину при доставлении последнего издания «басен») и, не чуждаясь «даже начинающих юношей», помогать «каждому словом и делом» (Зотов Р., Театральные восп. Автобиограф. зап., СПб., 1859, с. 56).

Последние годы жизни овдовевшего (1838) О. были безрадостными: продолжая сохранять за собой все многочисл. посты, он постепенно отходил от дел, тяжело переживая свою немощность и одиночество («Надоело мне все с боя получать и вечно бороться с судьбою» — письмо к А. А. Олениной, 1839, см.: Ус-тимович, с. 410).

Дети О., причисленные к лит-ре и лит. быту, играли немаловажную роль в салоне Олениных: Пётр (1794—1868), участник Отеч. войны 1812, впоследствии ген.-майор, художник-любитель (известны его портреты Крылова и Гнедича), автор несконч. автобиограф. набросков — «Тринадцатый час, или Приютин» (1809 — РНБ, ф. 542, № 627; включенный в кн.: Тимирфеев, с. 42—43); Алексей (1798—1854), воспитание Пажеского корпуса, впоследствии действит. тайный советник, автор юношеского омыта в гос.-патриотич. духе «Ист. воспоминания о нашествиях на Россию» (СПб., 1816, подпись А. О.); Масановым ошибочно атрибутируется О.), в 1828 тесно общавшийся с Пушкиным, Вяземским, Грибоедовым, Н. Д. Киселевым, А. Мишкеевичем; Варвара (1802—77; замужем за ономфастцем), любимица Крылова, записавшая свои восп. и анекдоты о нем (частично опубл. в изд.: И. А. Крылов в восп. современников, М., 1982), а также мемуары о декабристах в письмах к П. А. Барятиневу (Летопись ГИМ, кн. 3, М., 1938); Анна (1808—38; в замужестве Анжиро), предмет серьезного увлечения Пушкина (с ее именем связан лирик. цикл 1828, в т. ч. стих. «О ей все любил...»; после несудавшегося сватовства Пушкин перестал бывать у Олениных, в черновице «Евгений Онегин» оставил о них сатирич. строки, в частности: «Тут был ее отец / О двух ногах иудск. горбаты» (VI, 514)), арест. стик. Козлова, С. Г. Голицына, Гнедича, М. Ю. Лермонтова и др., автор «Дневника (1828—1829)» (Париж, 1936; переизд.: М., 1994) и незавершенного «Романа нашего времени»

ОЛЕНИН

(РНБ, ф. 542, № 935, 936), содержащих фрагменты о Пушкине.

Др. привез: «Краткое рассуждение о бухгалтерии и в особенности о бухгалтерии казенных мест» (СПб., 1810), «Облик или портрет Великого князя Святослава Игоревича, писанный ... Львом Дьяконом...» (СО, 1814, № 2), «Краткое описание египетской купчей крепостной...» (СО, 1822, № 22), некролог А. И. Ермолаеву (СПбВед., 1828, 24 июля).

Изд: Археологич. труды, т. 1, в. 1—2, СПб., 1881 (со вступ. ст. Н. И. Стояновский), т. 2, СПб., 1882; Латышев В. В. К истории археологич. исследования в юж. России (Из археологич. Оз., 1888).

Лит: Державин: Пушкин; Пушкин в восп.: Батюшков; Вигель; Греч; Жихарев; Барсуков (все — ук.); Вяземский, т. 8, 9 (ук.); А. В. (Уваров С. С.), Лит. восп. — «Совр.», 1851, № 6, ота. 2, с. 39—40; Толстой Ф. П., Заметки. — РС, 1873, № 2, с. 124, 133—35; Стояновский Н. И., А. Н. Оленин, 1763—1843. — РС, 1875, № 10; Солисов Ф. Г., Моя жизнь и худож.-археологич. труды, СПб., 1876; Майков Л. Н., О жизни и соч. К. Н. Батюшкова. — В кн.: Батюшков, I, 48—59, 71, 166—68, 190; Устинович П. М., А. А. Андр. рожд. Оленина. — РС, 1890, № 3; Иконников В. С., Опыт рус. историографии, т. 1, кн. 1—2, К., 1891—92 (ук.); Оом Ф. А., Воспоминания, М., 1896, с. 6—9, 18—19; Корф М. А., Из записок. — РС, 1899, № 11, с. 269—272; Георгиевский Г. П., О. и Н. И. Глиевич. Новые материалы из Оленинского архива. — Сб. ОРЯС, 1914, т. 91, № 1; Изв. Публичная б-ка за сто лет. 1814—1914, СПб., 1914, с. 23—157; Пышин А. И., Иссл. и статьи по эпохе Александра I, т. 2, П., 1917 (ук.); Аронсон М., Рейсер С., Лит. кружки и салоны, Л., 1929 (ук.); Шяловская Т. Г., Дневник А. Олениной. — В сб.: Пушкин. Иссл. и мат-лы, т. 2, М.—Л., 1958; Приймак Ф. Я., Пушкин и кружок О. — там же; его же, «Слово о полку Игореве» в рус. ист.-лит. процессе первой трети XIX в. Л., 1980 (ук.); Бабкин В. С., «Драм. восток». — В изд.: Кинга. Иссл. и мат-лы, сб. 1, М., 1959; Гиллельзон М. И., Молодой Пушкин и арзамасское братство, Л., 1974, с. 4—37; Левин Ю. Д., Оосан в рус. лит-ре, Л., 1980 (ук.); Козлов В. П., Колумба рос. древностей, М., 1981 (ук.); И. А. Крылов в восп. современников, М., 1982 (ук.); Шубин В. Ф., Файбисович В. М., К лит. жизни пушкинского Петербурга. — РЛ, 1982, № 3, с. 155—58; Тимофеев Л. В., В кругу друзей и муз: Дом О., Л., 1983 (с использованием арх. мат-лов о дате рожд. — с. 254*); его же, Кружок О. и книжная графика первой трети XIX в. — В сб.: Рус. лит-ра и изобразит. иск-во XVIII — нач. XX в., Л., 1988; Петрова Е. Н., Иллюстрации к анжаронике Г. Р. Державина. Замысел и история создания. — В кн.: Державин Г. Р., Анакреонтические песни, М., 1986; Проксурин О., «Победитель всех Гесторов халдейских» (К. Н. Батюшков в лит. борьбе нач. XIX в.). — ВЛ, 1987, № 6, с. 65; Голубева О. Д., Хранители мудрости, М., 1988 (гл. об О. и по ук.; обширная лит. и арх. мат-лы); ее же, Что рассказало автографы, СПб., 1991, с. 5—16, 27; Каменская М. Ф., Восп., М., 1991 (ук.); Гордин М., Владимир Озеров, М., 1991, с. 95—99; «Арзамас» (ук.); Зорин А. Л., Батюшков и Германия. «Arbor Mudi», 1997, № 5; Stuart M., Aristocrat-Libarian in Service to the Tsar: A. N. Olenin and the Imperial Public Library, N.Y., 1996, ЛН, т. 58 (ук.), 60, кн. 1, с. 587—88, * Некролог, 1843: СПбВед., 21 апр.; МВед., 24 апр.; РС; Брокгауз; Геннад; Пнскр.; ИВРДВ (т. 2, 3); СДР; БСЭ; СИЭ; Лерн. изд.; Кириельдин; Муратова (1, ук.); Черский; Масанов; Кондаков С. Н., Юбилейный справочник изд. Акад. художеств, 1764—1914, т. 1—2, СПб., 1914; История ист. науки в СССР, Двосторонний период. Библиограф. М., 1965; Булахов М. Г., «Слово о полку Игореве» в лит-ре, иск-ве, науке. Краткий лит. словарь. Минск, 1989; Словарики РНБ — десятилетия науки и культуры. Биогр. словарь, т. 1, СПб., 1995 (ст. О. Д. Голубевой).

Архив: РНБ, ф. 542; РГБ, ф. 211; РГАЛИ, ф. 1124; ГРМ, ф. 138; ИРЛИ, ф. 644; Краснел. музей г. Касимова (л. ф. П. А. Оленина); АРАН СПб, ф. 768; Петерб. ота. Инта археологич. РАН, ф. 7; РГИА, ф. 7; РГВИА, ф. 489, от. 1, л. 2518 (ф. с. 1795 г.).

М. К. Есеева

ОЛЕНИН Пётр Алексеевич (псевд. Волгарь и др.; 10(22).3.1864, Москва — 13.4.1926, там же; похоронен на Дорогомилов. кладб.), драматург, прозаик. Из обедневшего старинного дворян. рода; правнук А. Н. Оленина; отец — офицер в отставке, скульптор; мать — урожд. Бакунина; брат Ал-др (1865—1944) — компо-

зитор, автор восп. о М. А. Балакиреве (в кн.: М. А. Балакирев. Восп. и письма, Л., 1962; об О. с. 319); сестра Мария — изв. певица Оленина-д'Альгейм (1869—1970). Детство и юность О. прошли в имении Истомино Касимов. у. Рязан. губ., на Оке. Получил дом. образование; знал неск. иностр. языков. С назначением отца дир. Строганов. уч-ща в 1880 О. переехал в Москву. Окончив (1883) реальное уч-ще Филлера (параллельно посещал Уч-ще живописи, ваяния и зодчества), в 1884 поступил военноопределяющимся в 3-й драгун. Сумской полк в Москве, в 1886 — в 44-й Нижегород. драгун. полк (в 1887 уволен в запас).

Первая публ. — стих. «На смерти кн. Сергея Максимилиановича» (сб. «Памяти е.и.в. кн. Сергея Максимилиановича, героя Лейхтенбергского», Карлсруэ, [1878]). Кн. стихов «Песни скорби» (М., 1884), в к-рой использованы нек-рые мотивы, интонации и жанры (баллада и фелетон) Н. А. Некрасова («посвятит себя благо народному...»), но преобладают риторич. lamentации о бренности жизни («И лучше, и теплой мольный хлад! Чем хлад сердец, тебя сгубивший в мире»), передает романтич. настроения автора.

В 1885 подат в отставку и уехал в Астрахань к отцу, получившему место главноуправляющим Синемерскими рыбными промыслами (в устьях Волги). Был рулевым, механиком, капитаном на рыболовных судах, ходил по Волге. С концом навигации отправлялся в Москву или за границу. По словам К. Г. Паустовского, познакомившегося с О. в 1924, тот

учился пению в Италии (1910) и обошел эту страну, а также Испанию и Францию «как уличный певец» (Собр. соч. в 6 тт., т. 2, М., 1957, с. 650—52). Женившись на В. Г. Тимофеевой в 1889, поселился в Истомино, увлекся земской деятельностью (был пред. касимов. уездной управы). Тяжело пережив смерть жены, в 1901 переезжает в Чернигов, через год возвращается на Волгу (с 1904 служит капитаном пассажирских пароходов). В 1906, командуя пароходом «Рыбинск», спас и укрыл бежавшего матроса-очаковца, приговоренного к смертной казни (по этому делу О. давал показания моск. прокуратуре). Увлечшись идеей соединения бассейнов Волги и Сев. Двины для прокладки кратчайшего пути из Белого в Каспийское море, разработал проект (не осуществленный из-за нехватки средств ни до, ни после 1917, несмотря на поддержку Ф. Э. Дзержинского в 1921).

Рассказы О. из кн. «На вахте» (СПб., 1904), рисующие типы волгарей, с их тяжелым трудом и мятежным духом. Л. Н. Толстой оценил как «прекрасно написанные и большей частью содержательные» (письмо к О. от 26 авг. 1905 — LXXVI, 20). В 1906 организовал в Н. Новгороде Книгоизд-во П. Оленина, выпускавшее брошюры под общим назв. «К свободе!» (№ 1—4) с рассказами О. (псевд. П. Волыный) о сентиментально-назидат. содержания, повс. в осн. русско-еврейским отношениям («Воскресни!», «Люди-братья») и обличению совр. нравов. Рассказы из цикла «Выюжные люди» (Н. Новгород, 1906) продолжают тему босяков М. Горького (с к-рым О. познакомился на Капрн в 1911). В психол. ром. о становлении подрастающего «Как он жил» (Н. Новгород, 1906) разрашающему влиянию совр. семейного воспитания и казенной атмосфере г-зии противопоставлена «очищающая и спасающая любовь к ближнему» в духе толстовства. Печатался в ж. «Дело» (1886), «Т-р и иск-во» (1903—11), «Рампа и жизнь» (1912—17), «Театр. новинки» (1912), «Журнал для женщин» (1915), эпизодически в ж. «Вокруг света», «Ист. вест.», «Нар. учитель», «Всемирный следопыт», «Хочу все знать», а также в газ. «Рус. слово» (1906—09), «Новости дня» (1905), «Новости сезона» (1909), эпизодически в газ. «Самар. курьер», «Сухододец», «Волгарь», «Нижегород. листок», «Волж. вест.», «Бирж. ведомости».

Осн. увлечением О. был театр. Его пьеса-хроника «Севастополь» (Матсыра-земля» (М., 1901), повс. героин. обороне города в Крымской войне, более 100 раз в петерб. Народном доме (1902—04) и принесла автору известность. Вл. Линский

(В. А. Вакулин), отмечая удачную постановку, утверждал, что как драм. произв. пьеса «не выдерживает критики»: это «ряд картин, еле-еле связанных между собой» (ТНЦ, 1903, № 43, с. 787). Популярностью пользовалась мелодрама «Душа, тело и платье (История изящной женщины)» (М., 1910, СПб., 1912; пост.: Петербург, 1911, т-р Сабурова, 1916, Литейный т-р, а также в Ейске, Н. Новгороде, Кнвев; рец.: ТНЦ, 1911, № 16, 23; 1915, № 4; БВед, 1915, 22 янв.; 1916, 20 авг.; «Театр», 1910, 25 нояб., 26 нояб.) из жизни женщины, в погоне за любовными приключениями брошившей преданного ей мужа (выдержала более 1000 спектаклей, была переведена на 4 яз.). Критики объясняли успех пьесы ее «воспитательным значением» и приравнивали к «Детям Ванюшина» С. А. Найдёнова (Антип Снегов (М. Н. Никольский) — «Рампа и жизнь», 1911, № 10, с. 4—6), Мелодрама «Вакханка („Вампука“ любов)» (СПб., 1912) — пародия на совр. свет и полусвет, декадентину и архыбашевщину. Пьеса «Соль добродетели. (Шнто-крыто)» (СПб., 1912) — сатира на быт и нравы провинц. чиновничества. О. также делал инсценировки произв. Г. де Мопассана, Э. Золя, пов. Толстого «Казак» (прототипом гл. героя к-рой считал своего отца), переводил пьесы и либретто опер на рус. яз., заведовал лит. частью в Оперном театре Зимина.

После Февр. революции 1917 издавал в Касимове газ. «Домострой», в к-рой приветствовал «зарю свободы, братства и просвещения», критиковал большевиков за разрушение демократии (вскоре прекратила существование). Ходил капитаном по Оке. С 1924 жил в Москве, служил инспектором-ревизором Московско-Окского пароходства. Печатался в газ. «Свободный труд», «Бурлак-коммунист», «На вахте».

По словам Паустовского, О. писал «сжато, образно и точно», «тем сочным языком, каким владели „бывалые люди“ ... проездившие свою страну вдоль и поперек» («Осуществленная мечта» — «Известия», 1952, 22 июля).

Др. произв.: «Сб-к рассказов и стих. П. и А. Оленников» (Касимов, 1892), проза — «В чужой шкуре. (Почти сказка)» (Н. Новгород, 1906), «Тайна смутного времени. (Ист. этюд...)» (М., 1908), пьесы — «Альпийские орлы (Суворов)», ист. хроника (М., 1904; 2-е изд., М., 1904), «Под игом (Рабы)» (Н. Новгород, 1905), «Как она любила» (СПб., 1911), «Евдокия Сатаматина и сын» (П., 1914), «Пруссаки» (СПб., 1914), «Безумный друг Шекспира (Трагедия жизни трагика П. С. Мочалова)» (М., 1916), стихи — «Сон и умираю-

щая мать» (М., б. г.), путеводитель — «Юный путешественник» (М., 1907), «Туристский путеводитель по всем рус. водным путям» (М., 1908).

Лит.: Толстой (ук.); Паустовский К. Г. Золотая роза, М., 1956, с. 177—78; Гусев Н. Н. Детские жизни и творчество Л. Н. Толстого (1828—1890), М., 1958, с. 709—10; то же (1891—1910), М., 1960, с. 517—18, 840; Полторацкий В., Воляга. — «Москва», 1968, № 9; Сов. театр. Док-ты и мат-лы. Рус. сов. театр 1917—1921, Л., 1968, с. 453, 460; то же, 1921—1926, Л., 1975, с. 264; Терсков Б., Один из семьи Оленников. — «Лит. Россия», 1986, 21 нояб.: ИРДТ, т. 7 (ук.); ЛН, т. 90 (ук.). + Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 818; Краснеч. музей г. Касимова, л. ф.; ИРЛИ, ф. 377; РГИА, ф. 776, оп. 21, 1904 г., л. 5.

Б. Н. Лондон, при участии В. И. Лоцмановой.

ОЛИГЕР Николай Фридрихович (Фёдорович) [2(14).12.1882, Омск — 27.11.1919, Чита; похоронен на кладбище жен. монастыря], прозаик, драматург.

Сын воен. аптекаря (прозвора), надел. (полднее — колдеж.) сов., немца Фридриха Рейнгольда (Фридриха Карловича; ? — 1901) и Натальи Августы, урожд. Шенберг, после ее смерти отец женился на русской — Феофанте Матвеевне. По словам О., он «происходит по прямой линии от одного из тех золотых мастеров, к-рые были выписаны в г. Златоуст на Урале в 1816 году для выделки известных златоустовских клипков» (письмо Николаю Архиповичу (Архипову?) от 27 окт. 1910 — ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1099, л. 2); «по паспорту лютеранин» (ИРЛИ, ф. 377, анкета), при рождении получил имя Николай Юлий*. Имел двух старших сестер.

Окончил 6 классов Омской г-зии (1891—99); после того, как органи-

зовал в г-зию рев. кружок, занимавшийся изготовлением (на гектографе) и распространением прокламаций, по предложению пед. совета оставил г-зию и поступил в Механико-хим.-техническое уч-ще в Саратове, откуда исключен решением пед. совета от 14 апр. 1900, а затем Мин-ва нар. просвещения от 29 июля «без права поступления в какое-либо уч. заведение и с воспрещением ... пед. деятельности» (ГАРФ, ф. 102, 3 л-во, 1900 г., д. 189), т. к. был чл. РСДРП и занимался агитацией среди рабочих и молодежи. При обыске, произ-

веденном в то время, как он в кон. марта для знакомства с социалистич. учением отправился в Краков, у него нашли нелегальную лит-ру и рукопись его «стендашной» пов. «Горемычные». Когда, оказавшись без средств, О. приехал в Омск, то его отец, заранее предупрежденный полицией, 5 мая сам привел сына к нач. жандармского управления. До окончания следствия О. был отпущен под залог (500 р.), внесенный родителями, жил в Омске под надзором полиции. Женился на Люд. Ник. Третьяковой (1880 — не ранее 1956), в браке имел дочь Татьяну (1902—16). С дек. 1901 по июнь 1902 заключен в Омский тюремный замок. После освобождения 2 года находился под негласным надзором, до сент. 1904 жил в осн. в Томске, выезжая в Омск. Был секретарем редакции томской газ. «Сиб. вестник», подрабатывал журналистикой и репетиторством. В 1903 нек-рое время служил конторщиком пароходного об-ва в Порт-Артуре.

Осенью 1904 вместе с Н. С. Клёстовым занимался парт. работой на Кубани. В нач. дек. 1904 арестован в Екатеринодаре за участие в антиправительств. демонстрации, при обыске обнаружены прокламации Кубан. и Донского к-тов, рукопись его пьесы «В борьбе»; освобожден по общей амнистии 1905. В связи с резко обострившимся после тюремной голодовки туберкулезом лечился в Крыму.

По полиц. отчетам, О. — способный оратор. «вообще представлял из себя личность несомненно талантливую с сильным решительным характером, хорошо владеющую собой и вполне автономич. направлением» (ГАРФ, ф. 102, 3 л-во, 1902 г., л. 2033). Принимая жену терпеть материальные и бытовые невгоды, О. подчеркивал, что в реал. «работе нашел не радость, не счастье ... Сознание исполненного долга — вот все, что я могу иметь. Если это счастье, то во всяком случае не личное счастье» (из нецелостривов. письма — там же, ОО, 1904 г., л. 2103).

Первая выявленная публикация — «Ведь это же просто невероятно. (Из усть-каменогорских мотивов)» («Сиб. вестн.», 1897, 28 марта). До 1904 помешал свои произв. под псевд. Степняк, Н. Степняк в осн. в газетах: «Сиб. жизнь» (1901) — этюд «Двуривенный» (10 апр.), рассказ «На помни души» (17 июня), «За решеткой железной. Очерки заложной тюрьмы» (21, 28 окт., 2 нояб.); «За железной решеткой» — 2, 16, 23 дек.), «Вост. обозрение» — «В новом краю. Рассказ из переселенческого быта» (1902, 20, 24 июля), «В степном крае».

Отойдя по состоянию здоровья от реал. деятельности, осенью 1906 переехал в Петербург и полностью посвятил себя лит-ре. Печата л рассказы и повести во мн. петерб. ж-лах, в газетах «Тульская молва», «Нижегор. листок», «Одес. листок», «Одес. новости», «Бирж. вед.», в альманахах и

сб-ках. В 1907—10 вышло 3 тома «Рассказов» (СПб.—М.; 2-е изд., т. 1, СПб., 1909). Многие из них отразили личный рев. опыт О. Подробно, со знанием дела, но романтизируя рев. подполья, описывал он тяготы конспиративного существования, тюремные истории («Один» — т. 2, М., 1908; пов. «Судный день», СПб., 1908), однообразно томительное течение жизни ссыльнопоселенцев («За штатом» — т. 2; «Пустыня» — т. 3, СПб., 1910); «политические» в его рассказах молодыми умирают от чехотки («Обреченные» — т. 2), кончают жизнь самоубийством, страдают от безотрадности неустроенного быта. Однако О., по совбств. признанию, «специально о революции никогда не писал» и в его произв. она «только фон, очень часто не имеющий даже особого значения» (письмо В. С. Миролубову от 26 июля 1907 — ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 875, л. 5, 5 об.). В запечатленных им многообразных картинках совр. действительности представлены разные социальные слои общества: среди персонажей — городской, врач, хористки, бедняк-киргиз и спасенный им рев. телеграфист («На краю степи» — т. 1, СПб., 1907), певчички из кафешантана, ставшие во время рус.-япон. войны сестрами милосердия («Сестры», там же), интеллигентная женщина, тревожащаяся о судьбе революционно настроенного сына-студента («Разлом» — СМ, 1908, № 1; рсш.: Пав. Леонтьев — «Сев.-кавк. газ.», 1908, 13 февр.), больные, возвращающиеся с кумысного курорта («Вишню» — т. 2), при этом революционеры часто выступают в роли второстепенных действующих лиц.

Первые отклики были в осн. из демокр. лагеря. В. М. Величкина: «каждый его рассказ — это кровавая драма», «все лица вышли у него живые, одухотворенные» («Обр.», 1907, № 7, с. 129, 130). Критик «Совр. мира» оценил «простоту, искренность и живое чувство правды» (Ф. А. (нольман) — 1907, № 9, с. 169). Е. А. Копытовская увидела оригинальность О. в сочетании угнетенной чуждоты и близости нового европейца с истинностью «знания», умение «легко и искусно овладеть сюжетом и увлекательно его развешивать», хотя и излишне часто заскучивая смертельным исходом («Художник-сборщик» — в сб. кн.: Новая жизнь. Критик. статьи, СПб., 1910, с. 145, 157; др. ее статья с таким же назв. — «Сиб. вопросы», 1908, № 3940; см. также ее отзывы — СМ, 1907, № 12, с. 133—35; ВЕ, 1912, № 1, с. 382). В. Л. Львов-Рогачевский, писавший о «спецнальном героизме печальных зрелищ», О., хвалил рассказ «Гости» (т. 1); опубли. также в кн.: Альманах (7. Лит.-худож. сб. с портретами авторов, СПб., 1909), к-рый «красив и полон настроением» (СМ, 1910, № 3, с. 137, 138). К недостаткам относился растительность и уныние: автор, забывший А. П. Чехова, «исчерпал натуралистич. с гроизмодий, архаичной, устарелой» манерой письма, «с точностью и терпением медленного журнала... изображает... медленное умирание колдов-то пестель, болотик и смелых, назвавшихся людей» (В. П. Почотинский о рассказе «Обреченные» — «Всеобщий светос», 1910, № 3, с. 99, 102). Г. Ташин (Г. В. Рочко — атрибуция Р. Д. Тименчука) назвал О. «писателем, обладающим техникой, умением, небольшим диапазоном добродетельных чувств и мало изощренным вкусом»

(СевЗ, 1914, № 6, с. 194). М. Горький сожалел, что О. «способности ... топить в адвентизме» (письмо Миролубову (после 15 нояб. 1911)). — В кн.: М. Горький. Мат-лы и испл., т. 3, М.—Л., с. 73, там же, с. 74).

Для О. характерен натурализм не только в описании физич. недугов или предсмертной агонии своих героев, но и в изображении чувственного, эротического — будь то возвышенность первой влюбленности («Гость»), желание в преддверии близкой смерти познать таинство любви («Обреченные») или разврат от житейской скуки («Человеческое» — «Солнце России», 1911, № 47), животная грубость сексуального насилия («Заповедное» — «Рассказы», т. 2). Нек-рые сюжеты воспринимались современниками как порнография.

За рассказ «В часы отъезда» («Обр.», 1907, № 12) — о инициации надругательстве над проституткой «образованного» клиента — мост, окружной суд приговорил О. к штрафу (см. сообщение: ВБса, 1909, № 11092); «... прелострой, так много обруганный» (Амфицатов А., Заметки сердца, М., 1909, с. 56) рассказ «Вечер» («Обр.», 1908, № 2: оба запрещены цензурой) — о пробуждении сексуального чувства у девятилетнего мальчика — пропал на одну из читальниц «впечатление чего-то страшно телесного, ненормального» (Р. Лавина — дльм. «Спешоки», кн. 4, М., 1908, с. 193), а критика Г. С. Новополина (Нейфельда) возмутила «вразом страниц, забрызганных мутной жидкой порнографией» (его кн.: Порнография, элемент в рус. лит-ре. М., 1909, с. 210). Сосланиение «рев.» и «половой» проблематики в одной книге (Собр. соч., т. 3, СПб., 1913) явил повод критике для откровенной иронии: об «эпохе» «Человеческое» он писал — «справдание автора за выбор ... «бокачического» сюжета» в том, что третий любовник замученной дамы «не просто Николай», а «теарик Николай»; а в свете детского рассказа «Дамка» («Искорек», 1911, № 20) «о подвиге одной коварной собачонки, ховини к-рой занимала лодки бродячих поев», усмотрел верифицирующую аллегоричность на «особ. жен. пада», заставляющих «посредством чар любви искупить революционером», чтобы затем вернуться из полиции (В. Ю. Б. (Ветлицкий Н. Н.), Политическо-порнографическая беллетристика — НВ, илл. прил., 1913, 24 авг.).

Контрастно оптимистичен в сравнении с др. произв. О. ром. «Праздник Весны» (Собр. соч., т. 4, СПб., 1910), соединивший жанровые признаки социальной утопии и женского любовного романа и обращенный к «высокоуважаемым современным» (см. «Посвящение»): мужчинам и женщины «в веселых одеждах с веселыми лицами» (с. 49), носящие псевдоантичные имена (Коро, Кредо, Лия, Формика, Акро, Вылан и т. п.), наделенные невиданным долголетием, беседующие об иск-ве, возводящие словно по волшебству дворцы (подобные Парфенону) и гигантский маяк (сравнимый с Александрийским), кажутся модернизированными представителями антич. мира и одновременно ассоциируются с идеалом «естественного человека» Ж. Ж. Руссо.

По мнению критиков, картина, рисующая «блудность человечества в образе какого-то «Дуракова царства», где не едят, не думут, не собирают в житницы» («Совр.», 1911, № 4, с. 382; б. л.), лишена «уделительности и убедительности»; «безоблачное существование людей, строящих храмы, любующихся захватами и освещаю-

щих по утрам лицо холодной влагой ключей, кажется сухим и бледным» (ИЖав. 1911, № 28, февр., стб. 132—33; б. л.).

В 1908—09 О. был близок «Книгоизд-ву писателей в Москве», к-рым заведовал Клестов, издал в нем «Рассказы» (т. 2, 1908) и сб. «Рассказы» (1909), в 1909 участвовал в сб. «Земля» (сб. 2 — рассказ «Белые лепестки»; сб. 3 — пов. «Осенняя песня»). Осенью 1911 Клестов заручился поддержкой О. в реализации своего проекта по созданию «Издательского т-ва писателей» в Петербурге, позднее вспоминал, что «надеялся на его помощь в задуманном деле. И не ошибся...» (Клестов-Ангарский Н. С., Лит. восп. [Фрагменты]. — ВЛ, 1992, в. 2, с. 342; вступ. ст., публ. и комм. М. Ангарской). О., живший в то время в петерб. «писательском гнезде», гостинице «Пале-Рояль» (см. его письмо М. Н. Бялковскому от 27 окт. 1911 — РНБ, ф. 124, № 3151), привлек в Т-во А. И. Косоротова, В. В. Муйжеля, Г. А. Яблочкова, познакомил Клестова с С. Н. Сергеевым-Ценским, А. М. Фёдоровым и др. Однако отказ ред. коллегии печатать его упадочные рассказы в первом сб-ке («Лит. восп.» Клестова — РГБ, ф. 9, к. 1, № 2/1; письмо Муйжеля Горькому от 13 июня 1912 — Архив Горького, ИМЛИ, КГ-п-52-15-2) стал причиной ухода О. из Т-ва.

В 1911 в «Рус. богатстве» была опубли., после изменений, внесенных О. по замечаниям редакции, пов. «Смертники» (№ 9—11), в целом одобренная В. Г. Короленко («Очень хорошо написанная история заключения в тюрьме и самоубийства или казни двенадцати смертников», хотя она «слишком длинна» — цит. по кн.: Летов, с. 112; по словам одного из критиков, автор воссоздал «с ужасающей яркостью тот мир, где смертная казнь стала ... „бытовым явлением“» — РВед, 1913, 20 февр.). В 1913 О. писал А. Г. Горьфельду: «Вся душа моя тяготеет к «Русскому Богатству» и обидно было бы печатать вещь, которой я придаю известное значение, где-нибудь в другом месте, хотя бы и почетном» (РНБ, ф. 211, № 840, л. 3). Среди опубли. в «Рус. богатстве» произв. О. — рассказы «По амнистии» (1912, № 8), «На перекрестке» (1914, № 2; отзыв Короленко: «Бойко, но без живых лиц» — цит. по кн.: Летов, с. 117).

В 1906—14 О. неоднократно обращался за помощью в Лит. фонд и четырежды получал ссуду. После того как в 1910 сгорела со всем имуществом семьи дача в Райволе (Финляндия), на к-рой он прожил ок. трех лет, и О. получил субсидию от Пост. Комиссии по оказанию помощи нуждающимся литераторам, он не имел пост. местожительства. В кон. 1911

в связи с обострившимся туберкулезом уехал в Одессу, в 1912 — за границу, жил во Франции, на юге Италии. С февр. 1913 поселился на Капри, в марте читал у М. Горького (к-рый упомянул его в очерке «Ленин») свою драму, встречается с А. А. Золотарёвым, И. Д. Сургучёвым, И. А. Бунными, Е. А. Ляшким, Ф. И. Шалапыным и др. В письме Мироллюбову от 28 февр. 1913 сообщал: «Атмосфера здесь работающая... Вообще народу порядочно... Впрочем живем мы с женой довольно уединенно» (ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 874, л. 11, 11 об.). В лиричной, пронзительной светом итал. пейзажей повести о превращениях судьбы бродячего пса «Собачья жизнь» («Рус. зап.», 1916, № 1—3) в образах рус. литератора «Бритого», его жены и дочери и описании их жизни на Капри угадываются автобиогр. мотивы. О. опубли. «каприские рассказы» «Дрок» («Пробуждение», 1914, № 12), «Смерть прощает» («Родня», 1915, № 13—15), «Великий Митра» (ВЕ, 1916, № 2; с редким для него комич. сюжетом). В 1912—13 его дочь училась в Швейцарии. Осенью 1913 О. вернулся в Петербург, но какое-то «большое, непоправимое несчастье» в семье вынудило его срочно выехать в Одессу (из письма от 14 нояб. 1913 Горнфельду — РНБ, ф. 211, № 840). В биогр. анкете О. писал: «Жизнь прошла очень пестро: бродяжничал, много раз бывал в тюрьме, жил на Дальнем Востоке и за границей» (ИРЛИ, ф. 377, оп. 7, № 2672, б. д. [1914—15?]).

Исповедальная пов. «Скитания» («Новая жизнь», 1912, № 1—2), написанная от лица во всем разочарованного литератора с рев. прошлым («эстет-архиста», по определению рецензента), отразила и собств. идейные «скитания» автора, его недовольство собой и поиск после отказа от рев. деятельности нового смысла жизни. Интересна она и фабулой, разворачивающейся на фоне похожего на Одессу приморского города, и образами лит.-худож. богемы, возможно, имеющими реальных прототипов.

Однако повесть была воспринята лишь как злобавшая дань декадентству [реальное, совершенно ... обаяние смешивается здесь с чем-то ... фантастическим, вычурным, символическим, а что начало обобщений, синтеза, какое необходимо символическому писателю, не свойственно О.] (Из письма А. А. Декадентствующий сверхчеловек в «Скитаниях» О. — «Новое слово», 1912, № 4, с. 124, 127) и даже как «спсирирический документ», хотя она «читается с интересом» (письмо К. П. Пятницкому Мироллюбову от 27 нояб. 1911 — Архив Горького. ИМЛИ. Па-ка «Зн»-37-34-4). Колтоновская, называвшая О. «талантливым, титаноюшим к новым настроениям и приемам творчества», тоже считала повесть «надуванной» («Библиотекарь», 1914, в. 1, с. 42; др. рец.: Д. Братуль — «Совр. печать», 1912, № 1—2).

Аллегорич., мистич., символы, фиксирование интуитивных ощущений, зыбких, неопределенно томи-

тельных переживаний, откровенно эротич. сюжеты, балансирование на стыке социальной и индивидуально-психол. проблематики и «блестящие блебетристич. таланты» (Амфи-тратров, шт. кн., с. 56) придавали реализму О. определ. своеобразие, хотя демокр. критика ценила его прежде всего за верность жизни, правде, а эстетическая — просто не замечала.

Б. А. Савоской писал о рассказе «Белые листики» как о нарядности бездарном, а пов. «Осенние песни» характеризовал как сто скучнейших страниц, к-рые во летнюю времена могут с успехом заменить листья для отравы мух» («Вестн», 1909, № 3, с. 99, с. 86, подпись Рух). Ср. с отзывом в «Совр.» о рассказе «Слово» (альб. «Наши дни», СПб., 1911): «Тускло и скучно, зато коротко» (1911, № 12, с. 302, б. л.). «Символизм не даётся таланту О., тресцедущим типичными переживаниями», — писала Т. Я. Гашкулевич в ст. «Герои и образы О.», имея в виду прежде всего рассказ «Ангел смерти» (Собр. соч., т. 3, СПб., 1912) и ром. «Праздник Весны», но она же особо выделила рассказы о детях («Подарок», «Летний папа» — там же), их теплоту и психол. достоверность: «Мягкие и нежные тона творчества помогают писателю проникнуть в детский мир» («Свадебный журн.», 1914, № 5, стб. 84, 92). В этих «бесцарственных» рассказах, «лучших в 3-м т.», по мнению А. Б. Дермана, проявились «неуравновешенная наблюдательность, знание дет. психологии и дет. языка», а рассказ «Дар Мессии», персонажий «болезненное идурачество» кит. мальчика, «над к-рым экспериментировал офиц. служители Христа...», «оригинален и увлекателен по замыслу (и исполнению)» (РБ, 1913, № 9, с. 362).

О. имел свой особый угол худож. зрения, видел жизнь парадоксы, скрытые, пл. обр. трагические, стороны явлений: в революции — ее издержки, в любви — разрушит. силу, в благородных поступках — смертельную опасность для тех, кто их совершает, в благих намерениях — плачевные результаты, в детских судьбах — «взрослые» беды. При этом неизменной «гл. линией его писательского интереса» оставалась «любовь к людям» (Дерман, шт. рец., с. 361), к натурам искренним, цельным, страдающим физически или нравственно, — вне зависимости от их социального статуса. Хотя его произв. не отличала яркая образность или утонченная стилистика и он «никогда не приковывал к себе внимание читателей и критики, но рассказы его никогда не оставались непрочитанными» (Новополнн, шт. кн., с. 209), и его охотно печатали столичные журналы, что имело важное значение для О., существовавшего исключительно на лит. гонорары. Отклоненные «Рус. богатством» три пов. О. были опубли. в др. изданиях. Пов. «Кожаный чехол» («Заветы», 1913, № 8—10) повс. злоключения студента, согласившегося из любви к девушке перевести «экспроприированные» у банка деньги; Короленко критиковал автора за то, что вместо «освещения явления скорбного и значительного» он «празничает нервы читателя всякими внешними опасностями» («Письма В. Г. Короленко к А. Г. Горнфель-

ду», Л., 1924, с. 74; окт. 1912), однако в повести есть др. важный акцент — моральное падение случайного «революционера», ставшего растратчиком и убийцей. В пов. «Принцесса» (ВЕ, 1914, № 1—4; рец.: Измайлов А., В зареве 1905. — БВед, 1914, 20 марта) история любви юной аристократки и талантливому художнику вписана в жутковатую панораму рос. действительности на исходе рев. боев 1905 и звучит мысль о трагич. несовместимости личного счастья и творчества со служением революции. Пов. «Банкрот» (СМ, 1915, № 2) — о фабриканте, его крахе, душевном прозрении, отношениях с дочерью, ищущей новых путей в жизни.

О. выступал и как драматург. В рукописи осталась ранняя пьеса «Пансион» (1896, РГАЛИ, ф. 360). Весной 1913 в Суворинском т-ре и в т-ре Корша была поставлена пьеса в 4 д. «Победители» [издана под назв. «Плюнеры» («Победители»), СПб., б. г.], вероятно, заинтересовавшая постановщиков, несмотря на невыразительность ее общей идеи, своеобразным дальневост. колоритом, пестрым социальным (торговцы, управляющий конторой, кокотка, баронесса, полиц. пристав и т. п.) и интересн. (русские, немцы, китайцы) составом действующих лиц.

В связи с неудачной премьерой в Суворинском т-ре рецензент сожалел, что «автор весь отдался пустой нитриге об откровенном возрасте неотреагированного молодого хитрика Юрьеве и совершенно уклонился от описания рос. дальности, культуртрегерства» (Имп. (Б. И. Бенюнов) — ТИИ, 1913, № 14, с. 315; др. рец.: Л. М. Васильевский — «Речь», 1913, 6 апр.; В. Базилевский — «Новости сезона», 1913, 14 апр.; ИВ, 1913, 4 апр.; П. (П.) Конрад — ИВ, 1913, 5 апр.).

В нач. 1916 в «Бирж. вед.» появилась заметка о «новой пьесе» О. «Главный инженер» (ее текст не обнаружен, а пост., вероятно, не состоялась), к-рая, как обременена серьезным психол. переживаниями героев, а в основе мелодраматич. сюжета, как выстает из преисказа, — нитрига с акальтером, шантэжом и шпионажем (шпюн, разумеется, немецкий) (2 марта, вч. в.: подпись С. Френц).

В кон. февр. 1914 О. снова выехал за границу (в Женеву, жил в Нише и ее окрестностях), вел переписку с В. Д. Боич-Бруевичем по поводу нового «Собр. соч.» в изд-ве «Знание и жизнь», с к-рым заключил договор: «Для меня очень важно также, чтобы книги выходили из печати именно по порядку томов (6-й, 7-й, 8-й). И особенно, пожалуйста, оставьте на самый конец т. 12» (письмо из Одессы от 25 февр. 1914 — РГБ, ф. 369, к. 312, № 1).

Рецензия 9-го т. — «Ночные тени» (П., 1917), состоящая из ранее опубликованных рассказов и пов. «Кожаный чехол», писал: «В этих рассказах, полных драматизма, сквозит тоска, вост сунраж буен, среди к-рых текла река рус. жизни» (М. Короленин — ВЕ, 1917, № 466, с. 729). В рассказе «Ночные тени» о малолетних воре и проститутке др. критик высказ «потрапавшую картинку раздвоенных детских душ», рисунок — «жесткий, путающийся, но целодушный» в своих трагич. контурах» (Гле-

Бов Н., Зворыский ужас. — ЖЖ. 1917. № 13. с. 12, 11).

С началом войны сотрудничал в еженед. «Лукоморье» М. А. Суворина, наряду с А. С. Рославлевым, С. М. Городецким, С. А. Ауслендером, Ф. Сологубом, А. М. Ремизовым, М. А. Кузминым, за что в «Журн. журналов» этих писателей резко осуждали, называли «отступниками», «лукоморствующими» (1915, № 9, с. 24; № 13, с. 14; № 22, с. 10; № 29, с. 15; № 33, с. 15, и т. д.). В 1914 в «Лукоморье» напечатал «Дорожные наброски» («Начало», «По спокойному морю», «По кровавой земле», «Друзья или недруги» — № 23—26) о впечатлениях первых дней войны при его возвращении в Россию (Одессу) через Балканы, рассказы о событиях на фронте («Горячее» — № 28) и в прифронтовой полосе, в Польше («Испытанные огнем», № 32), в 1915—17 участвовал в альм. «Лукоморье» [П., сб. 1 — «Фалкон», назван рецензентом «лучшим» в книге (НВ, 1915, 8 июня, подпись Скарабэ), в то время как Измайлов причислил О. к «кабинетным баталистам» (БВед. 1915, 2 июля), сб. 2 — рассказ «Немцева рыжая»], в изд-ве «Лукоморье» вышел сб. его рассказов «Валки» (П., 1916).

В нач. 1915 «Журн. журналов» (№ 9, с. 24) сообщил об издании «Новым временем» нового «толстого» ж. «Урели», «первое место в к-ром принадлежит «лукоморцам», а редакторами названы О. и «одесский г. Балковский», в следующем номере «Журн. журналов» Н. Константинов в ст. «Завоевания «Нового времени»» обвинил «созданных крупными гонимыми участками ж. «Урели» в полит. ренегатстве. Журнал так и не появился на свет, хотя состав редакта был впечатляющим — Городецкий, Рославлев, Ю. Л. Себякин, Кузмин, Ремизов.

Несмотря на слабое здоровье, О. в нач. 1915 добровольно отправился на фронт, был уполномоченным второго сиб. передового врачебно-питательного отряда Всерос. гор. союза и Сиб. об-ва помощи раненым воинам. Весной 1916 контужен, летом приехал домой; в июле Л. Н. Олигер сообщила Бонч-Бруевичу, что О. «уезжает скоро на войну, хотя здоровье его не очень-то хорошее» (РГБ, ф. 369, к. 311, № 68). В воен. очерках в «Лукоморье» («С красным крестом» — 1915, № 20, 45, «Рыболов» — 1915, № 47, «Германская тага» — 1915, № 5, «Зерна жизни» — 1916, № 11), в ж. «Родина» («Отец Петр» — 1916, № 1—4) О. рассказывал о фронтовых буднях лазарета в Карпатах, об отступлении и атаках, беженцах, русинах, о настроении в армии. В очерке «На войне» (Картинки и мысли) (ВЕ, 1916, № 6) писал о том, что душевный подъем, чувство «праздника» первых месяцев войны сменялись долгой и трудной работой для победы.

В февр. 1917 О. еще находился на фронте, в том же году выехал из Коломбо (удостоверение Рос. вице-кон-

сульства — ГА Читин. обл., ф. 332, л. 2), осенью 1918 «приехал в Харбин с острова Борнео после своего годового путешествия по Индии» («С. Г. Гортинский» — «Рус. книга», Б., 1921, № 6). Стал начальником осведомит. отдела при штабе атамана Г. М. Семёнова. С сент. 1918 офиц. редактор еженед. харбин. газ. «Призыв», в к-рой публиковались матлы антибольшевист. направленности и в поддержку воен. союза рус. армии с японцами (возможно, некие из них — без подписи или под псевд. — принадлежат самому О.). В кон. 1918 переехал в Читу. Был избран чл. краевого бюро Конституционно-демок. партин. В «органе старорус. мысли» — читин. газ. «Рус. Восток» регулярно публиковал сводки созданного им Бюро печати. В «Письме в редакцию» (29 мая) уведомил сиб. и уральские газеты, получившие от него в конце марта и нач. апреля «циркуляр об учреждении Бюро печати при штабе Отдельной Вост.-Сиб. Армии», что с 15 мая он никакого отношения к этому Бюро не имеет. Под собств. именем, кроме «Письма...» и очерка «За далекими морями» (Из набросков туриста) (1919, 16 марта), передающего ностальгию О. по России во время недавнего путешествия, в газ. «Рус. Восток» была опубл. основанная на имид. предании символич. сказка «Почелуй» (20 апр.) — о влещущей тайне и красоте смерти.

В многочисл. полит. статьях (с подписью Н. О. и Н. Оля) он давал негативные оценки большевикам, их вождям (В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому, А. В. Луначарскому) и политике («Стартажи» — 23 марта, «Пролеткульт» — 12 апр., «Гости» — 1 мая, «Чертошки» — 6 мая), а также той интеллигенции, к-рая перешла к ним на службу («Прозажженные души» — 9 мая). В ст. «Проповедники» (5 апр.) выразил свое понимание высокой обществ. роли рус. писателя, к-рый «за свой полугол служения народу натерпелся много бед». Ему принадлежат обзор «Третий войсковой круг» (22, 25, 27, 29. с. 1, 2, 3, 4 июня) и хроникальные заметки: в ст. «Палестовский» («Вост. курьер», 6 авг.) он писал: «От революции мы ожидали много хорошего, а получили много худого», а в ст. «Карантин» («Рус. Восток», 30 апр.): «...большевизм хуже чумы». Последняя публикация — ст. «Политика и политика» («Вост. курьер», 10 авг.), в к-рой О. критиковал психиатрику похищено Р. Тагора.

С апр. 1919 вошел в число сотрудников читин. еженед. «Театр и иск-во», однако публ. за его подписью в нем нет. С авг. из-за обострения туберкулеза не работал; вероятно, последние месяцы жизни провел в семье Л. А. Никифоровой. Современник, знавший его еще в 1904, в пору рев. юности, и встретивший снова в Чите, писал, что О. всегда характеризовали «честность в мышлении, чуткость в худож. творчестве и необыкновенная мягкость в отношениях к людям» (Г. Кубанский — «Забайкальская новь», 1919, 29 ноября). «Сенсационное» сообщение («по слухам») о сотрудничестве О. в газете ген. Семёнова, перешедшей

затем к японцам, появилось в петрогр. «Вест. лит-ры» (1919, № 7, с. 7). В сов. время произв. О. практически не издавались (на попытку Горького издать в Госиздате в 1934 его «Избр.» ссылался в депутатском запросе К. А. Федин — РГАЛИ).

Изд.: Собр. соч., т. 1—5. СПб., 1910—14; Собр. соч., т. 2, 6—10, 14. М.—П., [1914—18]; Дядькин (Из рассказа «На краю степи»). — В кн.: 1905 год в рус. худож. лит-ре. Сб. поэзии и прозы, ч. 2 — Деревя, М., 1926 (сост. А. Богданов); На краю степи. Рассказ, М.—Л., 1928.

Лит.: Овсяк (Г. В. Рончар). Олигер. — «Эхо», Владивосток, 1919, 23 марта; [Сообщение об О.]. — Там же, 27 апр.; Письма В. Г. Короленько к А. Г. Горькому. Л., 1924 (ж.); М. Горький и В. Короленько. Сб. мат-лов, М., 1957, с. 71—251; Лето в Д. В. Г. Короленько-рассказ. Л., 1961 (ж.); Архив Горького, IX, 449; Голубева О. Д., Киприца-во «Жизнь и знание». (1909—1918). — В сб.: Книга. Иссл. и мат-лы, в. 13. М., 1966, с. 144; сж. же. В. Д. Бонч-Бруевич — издатель, М., 1972, с. 56, 132; Бритиков А. Ф., Рус. сов. науч.-фантастич. роман, Л., 1970 (ж.); Ревин В. А., Не было, но и не издавало (Фантастика в рус. дореф. лит-ре), М., 1979, с. 58—59; Рус. лит-ра и журналистика (I); Геллер Л., Вселенная за пределом дома. Лондон, 1985, с. 42—43; ЛН, т. 72, с. 128; т. 84, кн. 2, с. 462; т. 92, кн. 2, с. 98; т. 95, с. 311. + Сообщения о похоронах и некрологи. 1919 — «Вост. курьер», Чита, 29 нояб. (Вас. Степанов); Ляпунов-Алтаев С., Составитель памятк. Николая Федоровича Олигера [Стяж.]. — Там же, 1919, 30 нояб.; Стож М. Е., Словарь сиб. писателей, поэтов и ученых, Иркутск, 9-е изд., ч. 1, Иркутск, [1916]; Гранат, т. 11: Заоб-нов Н. В., Мат-лы для сиб. словаря писателей, М., 1927, с. 40; Сиб. сов. энциклопедия, Н.-Я., [1922]; КЛЭ; Владиславлев И. В., Лит-ра великого десятилетия (1917—1927), т. 1, М.—Л., 1928; Алы и «б-ки» (2); Муратова (2); Рус. лит-ра Сибири XVII в. — 1970 г. Библиограф. ч. 1, Новосибир., 1976; ИРЛИ; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 360, ф. 24, оп. 1, № 52 (письма Н. С. Клейтону), ф. 1817, оп. 2, № 109 (апутатский запрос от 22 марта 1956 К. А. Федина к Е. Е. Ворошилову с просьбой назначить Л. Н. Олигер персональным пенсионер гос. службы, значима; приложена характеристика О., подписанная А. И. Сергеевым и С. С. Серафимовичем в 1941) [справка А. Г. Прохоровой]; РГБ, ф. 369, к. 311, № 68 (письма Л. Н. Олигер к В. Д. Бонч-Бруевичу, 1916—19); оп. 187, № 27 (письмо В. Д. Бонч-Бруевича к Л. Н. Олигер); ф. 133, р. II, с. 3, № 103 (письмо В. Г. Короленько, 1911); ф. 9, к. 1, № 2(1) (Н. С. Клейтон, «Лит. вост. 1937—1939»); РНБ, ф. 124, № 3151 (письма к М. Н. Блуконскому, 1911—13); № 3162 (письмо А. С. Грину, 1910); № 3154 (письмо В. В. Муйжельу, 1912); ф. 211, № 840 (письма А. Г. Горькому) [справка Т. М. Диванятиной]; ИРЛИ, ф. 114, оп. 2, № 337 (7 письма Л. И. Иванчину-Писареву, 1910—14); ф. 185, оп. 1, № 875 (в письме В. С. Миролюбову, 1907—1913); ф. 115, ф. 145, № 6 (Диванев Б. А. Лазаревского с вост. об О.) [справка Н. А. Прозоровой]; ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1900 г., а. 1674; ОО, 1904 г., а. 2103, 7 д-во, 1904 г., а. 3255, т. 3 [справка З. И. Перегудовой]; ГА Омск. обл. ф. 270, оп. 1, а. 203 (из мат-лов Омск. канцария, управления — сведения о рождении, единственности о рождении О., выдано омским движением проповедником пастором И. Тронз) [справка Л. И. Огородниковой]; ГА Читин. обл., ф. 332 [справка В. В. Бардаковой].

Л. Н. Киселева
ОЛИМПОВ Константин (наст. имя и фам. Константин Константинович Фофанов; 19.9.1910), 1889, Петербург — 17.1.1940, Омск), поэт. Сын К. М. Фофанова. Детство провел в Гатчине. Окончил в Петербурге реальное уч-ще принца П. Г. Ольденбургского (1898—1907, пансионер). В 1908—10 фольклорист П. Петерб. археологич. ин-та. В 1910 переселился с отцом в Сергееву пустынь.

По свидетельству Грааль-Арьельского. О. «родился и рос в то время, когда материальное и семейное благополучие К. М. Фофанова стало клониться к упадку. В последние годы жизни поэта в его семье была ужасная атмосфера вечного бедствия, плаксивости, взаимных осор и неурядиц. В такой обстановке К. К. Фофанов, конечно, не мог получить ни правильного образования, ни должного к себе внимания. Это был юноша скромный, застенчивый, честный до шепотливости, гордый, отец узнал о том, что О. пишет стихи, запретил ему писать, считая это профанацией искусства» (запись А. Г. Островского 3 мая 1929 — архив А. Е. Парниса). Однако сам О. писал: «Отношение отца... к моему творчеству было позитивным» (Автобиограф., 20 авг. 1923 — ИРЛИ, Р. I, оп. 31, № 47, справа А. Л. Дмитренко).

В окт. 1911 совм. с И. Северянином образовал кружок и изд-во «Эго», выпустившее в ноябре «Пролог эгофутуризма» Северянина (к-рый в июле впервые ввел термин «эгофутуризм»). По предложению О. была принята марка изд-ва — лат. слово *Ego* (я) внутри треугольника (О. носил и значок соответствующего вида). Им же было придумано слово «поэза» (впервые написано на траурной ленте надгробного венка отцу 19 мая 1911: «Великому психологу лирич. поэзы»), заменившее у эгофутуристов слово «стихотворение». Первая публ. О. (посв. отцу) — ст. «Царственный Соловей» (ж. «Отмена визитов», 1912, 1 янв.; переписка — альм. «Оранжевая урна», СПб., 1912), в к-рой рецензент заметил «тиховеиную женственную грусть» [Б. (Д.) Богомолов — «Нижегородец», 1912, 11 (24) авг.]. В нач. 1912 О. и Северянин объявили о создании Академии эгопоззии, выпустив листовку — манифест т. н. Вселенского эгофутуризма «Скрижали» (см. также: «Веч. время», 1912, 20 янв.), подписанный также Грааль-Арьельским и Г. В. Ивановым.

В сер. 1920-х гг. О. рассказывал о создании Академии и теории «эгопоззии» — «Писали в нервном экстазе Игорь Северянин и Константин Олимпов». Вернувшись в Грааль-Арьельское, в к-ром чувствовалось «скептическое недоверие», «принадлежало снова за тщательный просмотр Скрижалей Вселенского футуризма: перебирали все вопросы мира, на которые наша теория блестяще отвечала. Переписали, а на другом утро нового дня повторили то же, — теория выдержала экзамен». «16 января выработан устав Академии Эгопоззии», в разработке принял участие и Г. Иванов. «Альманахи, сборники в издании Академии Эгопоззии приняли название нервными...». «Скрижали» были расплачены «по ностальгическим и провинциальным идеалам. Решение теории и устав перевести и издать на итальянском и французском языках» («Ист. день русской поэзии» — запись А. Г. Островского, 1927? — архив А. Е. Парниса).

Предшественниками «эгопоззии» авторы провозглашали К. М. Фофанова и М. А. Лохвицкую. Осн. положения манифеста сводились к прославлению эгоизма, интуиции и безумия, наиб. полно выражающего индивидуальное «Я». Написанный в афористичной форме, содержащий трудно поддающиеся расшифровке положения (напр., «IV. Призма стили, реставрация спектра мысли»), манифест вызвал много откликов, в осн. негативных. В связи с этим О.

писал худ. И. К. Пархоменко 9 марта 1912: «Эскадренным миноносцем наша Академия Эгопоззии Вселенского Футуризма грозно надвигается... взымаются, гудают... газеты, журналы» (РГБ, ф. 414, № 44, л. 1).

В марте 1912 изд-во «Эго» выпустило в виде листовки первый сб-к стихов О. «Аэропланские поэты. Нервник I. Кровь первая» ([СПб.], «Окно Европы», 1912. Весна), к-рый включал посв. О. стих. К. М. Фофанова «Блажен, кто понял сласть науки» и четыре стих. О.: «Интерлюдия» (названная О. в автобиографии «марсельской для новой поэзии»), «Эван, Эвоэ!», «Шмели» и «Амурет Игорю Северянину». Три первых наряду со стихами «Тройка в тройке» («Петер-б. глашатай», 1912, № 1) и «Абан» (там же, 1912, № 2) О. считал «осн. поэмами Вселенского эгофутуризма» [см. «Хартию» К. Олим-

пова, П. М. Фофанова (Теоса) «Интуитивная шкала „Вселенский эгофутуризм“», изд. в виде листовки в окт. 1912].

В инскрипте О. на своей кн. «Качалка Грезэрки» (СПб., 1912) Северянин писал: «Безумно-смелому Константину Олимову, моему дорогому — Игорю Северянину, упоенно следящий его осолнеченный взлет! 27/II — 1912» (РГАЛИ, ф. 1152, оп. 1, № 43; сообщено О. Е. Блинкиной).

Критика писала об «электрич. токах той ослепленной устремленности высь, в-рая у И. Северянина слышном падает лит-рой, а у Олимова приобретает металл. жук реальности» [Захарьевский А., Рышарь бетуши. (Футуристы), К., 1914, с. 112]. К. И. Чуковский стих. «Шмели» привел в подборке футуристич. проза. в альм. «Шиповник» (кн. 22, СПб., 1914, с. 154).

О. наиб. последовательно из всех эгофутуристов придерживался теоретич. положений «вселенского эгофутуризма»: широко использовал неологизмы и иностр. слова, в «Амурете» имитировал салонную манеру Северянина, в стих. «Тройка в тройке» приближался к семантич. экспериментам В. Блинкинова, в «Интерлю-

дии» демонстрировал алогичный набор оккультных терминов.

Ряд бесед о «Вселенском эгофутуризме» был напечатан под псевд. Теос в 1912 в петерб. газ. «Дачница» Петром Мих. Фофановым, ст. братом К. М. Фофанова, журналистом и поэтом, к-рый выступил как единомышленник О. В программной ст. «Футуризм» перспективность футуризма постулировалась проводн. ролью лит-ры; словообразование объявлялось важнейшим средством для передачи новых идей, впечатлений и понятий, при этом подчеркивалось, что футуристом может быть только постигший законы развития языка: «... чтобы успешно вести язык вперед — нужно быть крупным талантом» подобно Пушкину, Тургеневу, Толстому, Фофанову (1 июля). В ст. «Треугольник „Ego“» (8 июля), стих. «Я — Бог. Во мне тантся сила» (15 июля) и манифесте «Превращение Его» (22 июля) предпринята попытка обоснования эгофутуризма.

Публикация в сент. 1912 «Доктрина интуитивной школы Эгофутуризма» Северянина положила начало ожесточенной полемике. О. раскрыл в октябре по редакциям газет листовку, в к-рой обвинил Северянина в плагиате. Северянин в «Открытом письме» от 23 окт. 1912 назвал это клеветой, однако даровал О. прощение, заявив, что эгофутуризм, школа — это лишь путь к самоопределению и пройденный для него этап. В распечатанной по редакциям 27 окт. 1912 «Декларации Константина Олимова» повторялись прежние обвинения, О. усмотрел в северянинском толковании эгофутуризма «софизм, позволяющий выйти ему из крайне нежелательного положения и Венулю Перчатку Бессмертия — Эгофутуризм — омегаформонте в Галатерийку». Северянин в стихотв. листовке «Этиолог Эгофутуризма» (ноябрь; авт. дата — 24 окт. 1912), назвал О. — Иудой, заливил о своем ослепч. разрыве с движением, И. В. Игнатиев считал, что «все пункты „доктрины“ [Северянина], кроме обыденных контрастов („признание эго-бога“), являются популяризации, разжижением хлестка сценарий „срижалей“» (см. в его кн.: Эгофутуризм, СПб., 1913, с. 5; см. также его ст. «Эгофутуризм» — в сб.: «Заслуги кр. Эгофутуристы», У., СПб., 1913).

После распада Академии эгопоззии О., не входя в созданную Игнатиевым «Интуитивную ассоциацию эгофутуризма», печатался в 1913 в его альм. «Всепдай» и «Развороченные черепа» (на обложке — портрет О., читающего свои стихи в Пенатах в авг. 1913, работы И. Е. Репина, крестного отца О.). Отношения О. с Игнатиевым не были ровными. В июне 1913 О. заключил с ним договор на издание сб-ка стихов «Исповедь футуриста», объявленного годом ранее в изд-ве «Эго». Сб-к не был издан, а на экземпляре договора О. написал: «Так меня хотел закабалить Игнатиев, чтобы извратить мой футуризм» (ИРЛИ, ф. ГИИС, № 305).

В 1913 вышла книга стихов О. «Жонглеры-нервы» (изд-во «Петерб. глашатай»). В программном стих. «Я хочу быть душевнобольным» О. призывает к пророческому безумию. По свидетельству Грааль-Арьельского (цит. выше), он ходил «с ложкой в петлице, носил с собой

кошку из папье-маше, скандалил на выступлениях... постепенно поза стала жизнью». Критика видела в подобных заявлениях О. не только эпатаж и имитацию болезни, но действит. психич. аномалию: «Его [О.] алогичность и уединенность иногда приобретает лихорадочный оттенок, и тогда он не скрывает своей влюбленности в то, что нормальные люди зовут болезнью» (Захржевский А., Рыцари безумия..., с. 112—113). В. А. Пяст, описавший одну из эпатажных выходов О. в Тенишев. уч-ще, за к-рую он был привлечен к суду, дал такой его портрет: «страшный, с белокурыми волосами, творец неба, земли, бога, всей вселенной... В нем была квинтэссенция „эгофутуризма“» (Пяст, 1997, с. 176 и по ук.). Роль О. в основании эгофутуризма современники оценивали неоднозначно. Чуковский и Захржевский считали его «первым учеником Северянина» (см.: «Шиповник», кн. 22, с. 154; см. также: Тастевен Г., Футуризм, М., 1914, с. 31). Д. Д. Бурлюк писал, что Северянин многое позаимствовал у О., «усилив и по-северянински подчеркнув» (в его кн.: Фрагменты из восп. футуриста. Письма. Стих., СПб., 1994, с. 71).

После 1913 О. выпустил серию листовок со стихотворениями и декларациями: «Глагол Родителя Мироздания. Негодяям и мерзавцам» (П., 1916), «Прозный Родителя Мироздания. Идиотам и кретинам» (П., 1916), «Исход Родителя Мироздания» (П., 1917), «Паррезия Родителя Мироздания» (П., 1917). Доводя до крайнего предела эгофутуристский культ личности, О. отождествляет себя с творцом Вселенной, считая своей задачей «писать о величии Космоса, как о самом себе» (Анкета для «Словаря современников», 1928 — РНБ, ф. 103, № 153). Христианству О. противопоставляет новую религию — «Олимпиаство», ведущее человечество к науке. Гипертрофированное самосознание контрастирует с обращением О. в ряде листовок к читателям с просьбой о денежной и иной помощи (см. иронич. реакцию критики: Арк. Бухов), Цируляк поэта. — БВед. 1916, 19 апр.). Интерес к космич. проблемам и внедрение языка науки в поэзию сближают О. со синетизмом. Торжество пророч. интонация ряда стихов напоминает оды 18 в.; ключевые слова выделены заглавными буквами. «Глагол Родителя Мироздания» — инвектива, обращенная к «негодьям и мерзавцам», в к-рой патетич. интонация перемежается с разговорной, отвлеченные понятия («бытие», «эфир») с бытовыми конкретными деталями: «Одолжить семь копеек — попросишь и поджаришь конинный биток». В космого-

нич. поэме О. «Феноменальная гениальная поэма. Теоман великого мирового поэта. Контур поэмы» ((П.), «Окно Европы», 1915; конфискована цензурой, возможно, за кощунственность и фамильярное обращение к царским особам) нарисована эволюция жизни во Вселенной, гибель Земли, возрожденной «смертофобом», «идеалом человечества» — самим О.

О. принадлежит также листовки «Отдых 1», «Эпоха Олимпова», кн. «Академия эгопоэзии Вселенского футуризма» (Рига, 1914). В 1916 во «Втором сб-ке Центрифуту» (М.) напечатано стих. О. «Буква Маринет-

К. Олимпов. Рис. И. Е. Репина на обложке альманаха «Разворотные черепа». СПб., 1913.

ти» (помеченное 1 февр. 1914 и, возможно, посыл. приезд Ф. Т. Маринетты в Россию), в к-ром посредством наизывания метафор автор создает урбанистич. пейзаж в стиле манифестов входя итал. футуризма. В 10-е гг. О. был знаком с В. В. Маяковским, к-рый «вечно с ним спорил... утверждая, что стихи надо писать о земле, а не о небе» (см.: В. В. Смирнский — РНБ, ф. 1049, № 2, л. 5).

Восторженно встретив окт. события 1917, добровольцем служил в Красной Армии. Позже был корабельником, работал на войне, в сер. 20-х гг. — управдомом, в 1930 — чернорабочим на Кишзаводе в Ленинграде. В кон. 1920 вновь объявил о создании Академии эгопоэзии, куда вошли молодые поэты В. В. и В. В. Смирнские и Н. И. Позняков. О. был почетным чл. «Кольца поэтов им. К. М. Фофанова» (1921—22; см. мат-лы — РГАЛИ, ф. 1825, оп. 1, № 2). В 1922 в Петрограде опубли. в виде листовок его произв. «Анафема Родителя Мироздания» (издат. мар-

ка — «Аббатство героев»), кн. «Третье Рождество великого мирового поэта Титанизма Великого Социальной Революции Константина Олимпова, Родителя Мироздания» (дарств. надпись 1927 А. Г. Островскому; см.: Лесмаи; отрицат. рец.: С. М. Городецкий — ПнР, 1922, № 8). Сб-к стихов 10-х гг. «14 Ты» и цикл стихов 20-х гг. «Моя мудрость» (РНБ, ф. 150, № 408; ф. 423, № 1261) не были изданы.

18 сент. 1930 арестован по делу об «антисов. группировке среди части богемствующих писателей г. Ленинграда», 2 янв. 1931 осужден на 3 года. В февр. 1931 повторно осужден «тройкой» по делу «антисов. нелегальной группы литераторов „Север“» на 10 лет, 17 авг. 1938 освобожден. В 1989 реабилитирован (дело № 36830 в УФСБ по г. С.-Петербургу и Ленингр. обл. (справка из ЦА ФСБ И. А. Порошина). По словам В. В. Смирнского, «в 1931 Олимпов сошел с ума» (краткая биограф. справка об О., 1947 — ИРЛИ, Р. I, оп. 31, № 132, л. 4 об.).

Изд.: Возникновение эгопоэзии Вселенского. — «Минувшее», в. 22, СПб., 1997 (публ. А. В. Крусанова и А. М. Мирзаева).

Лит.: Казанский [Игнатъев И. В.]. Первый год эгофутуризма. — «Орлы над пропастью». СПб., 1912 (перепечатано в кн.: Манифесты и программы рус. футуристов. Мюнхен, 1967); его же. [Пародия на стих. О. «Тройка». — «Нижгородец», 1913, 22 авг./4 сент.; Яблоновский А., Лит. заметки. С поэтами многополучно. — «Киев. мысль», 1913, 21 нояб.; Маяковский В. В., ПСС, т. 13, М., 1961, с. 182, 392, 418; Восп. о К. М. Фофанове. (Письмо И. Е. Репина к О.), — «Образование интеллект», К., 1940, № 10, с. 10; Гинзбург Л. О старом и новом, Л., 1982, с. 367; Восп. о Н. Заболоцком. 2-е изд., Л., 1984, с. 81; Кузьминский К., Янечек Дж., Ордерманский А., Забытый авангард. Россия. Первые тридцать лет, Вена, 1988 (рец.: Н. А. Богомолов — ВЛ, 1990, № 3); Марков А., «Хроника у себя эту кинематку...», М., 1989, с. 251—255; Крусанов А. В., Дорога и тропы рус. лит. авангара. Эгофутуризм. — «Рус. речь», 1993, № 1; Иванов Г., Мемуары и рассказы. М.—Париж—Н.-Й., 1992, с. 83, 227—31; Из истории эгофутуризма: Мат-лы к лит. биографии О. — «Минувшее», в. 22, СПб., 1997 (сбл. А. Л. Дмитрико); Markov V., Russian futurism, Berkeley — Los Angeles, 1968, p. 75—77; de Michelis S. G., Note su K. Olymпов. — «Rassegna Sovietica», Roma, 1972, № 4; Niko-ljka T., K. Olymпов. — In: Fojoimnik ruske avangarde. 7. Zagreb, 1990; ЛН, т. 85, с. 535, 536. + КЛЭ: Тарасенков, Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; ф. 282 (Мат-лы кружка «Кольцо поэтов им. К. М. Фофанова»); Р. III, оп. 1, № 1781 (И. Е. Репина. Восп. о К. М. Фофанове, посланные О. 1912, май); ф. 540 и ф. 150 (многократ. прошения Фофановых о материальной помощи); ф. 382 (автографы и многочисленные списки произв. О., восп. В. В. Смирнского об О.), Р. I, оп. 31, № 132 (списки произв. О., высланные В. В. Смирнским) (сведения о четырех последних фондах — А. Л. Дмитрико); РНБ, ф. 552, № 97 (письма А. Г. Островскому), ф. 1000, собр. ста. пост., оп. 2, № 1230 (два письма И. Северянина к Б. Д. Богомолову, 1911); ф. 1049, № 44 (письма Е. К. Фофановой-Устиновой к В. В. Смирнскому, 1955—64); РГАЛИ, ф. 1718; ф. 2591, оп. 1, № 216 (автобиография 1927 г.); ф. 525, оп. 1, № 652; ф. 125, оп. 1, № 461 (письма О. с дек-рами биогр. сведения); ф. 1068, оп. 1, № 148 (биограф. и библиографич.) (справка О. Е. Ближниковой); ф. 386, с. 106, л. 40 (письмо В. Я. Брюсову).

Т. Л. Никольская

ОЛИН Валериан Николаевич (ок. 1790*, острог Кольвань Томской губ. или г. Иркутск — 1841, Петербург), поэт, переводчик, прозаик, журналист, издатель. Отец О., «из штаб-офицерских детей», выслужил личное дворянство (к 1800 стат. сов.), в 1799—1803 вице-губернатор г. Тобольска; возможно, Ник. Мих.

Олин в 1813—14 управляющий оренбург. деревнями Г. Р. Державина (ИРЛИ, ф. 96, оп. 11, № 67). Первоначальное образование О. получил, вероятно, у учителей Тобольского нар. уч-ща или семинарии. Впоследствии овладел латынью, англ., франц. и итал. языками. В 1803 зачислен канцеляристом в Канцелярию гос. казначейств. Жил в Петербурге (уволен в 1809 в чине губ. секр.); в 1810—11 на службе в правлении Гос. заемного банка. Часто менял место службы: в 1811 переводчик в конторе Театр. дирекции, в 1812 переведен в Деп-т нар. просвещения, в том же году определен в Особую канцелярию мин. полиции (в 1817 — там же, тит. сов.). С 1819 чиновник Гос. комиссии по погашению долгов; не позже 1825 — секр. Деп-та мануфактур и внутр. торговли мин. финансов. В 1837 служащий Статистич. отд. Совета МВД; к 1838 надв. сов. (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 1428, л. 18). В чиновничьей карьере О. так и не преуспел, службу постоянно совмещал с лит. занятиями, в нек-рые периоды лит. труд был единств. источником существования (РГИА, ф. 733, оп. 118, д. 356).

Первые неудачные опыты О.: «Панегирик Державину» (СПб., 1809), трагедия в стихах «Изяслав и Владимир» (пост. в 1811 при поддержке актера И. А. Дмитриевского; не изд.), написанная «варварским» языком, способствовала, тем не менее, его вхождению в лит.-театральные круги Петербурга. В 1813 становится чл.-сотрудником «Беседы любителей

рус. слова», в 1813—14 выступает на ее заседаниях с чтением своих стихов, опубли. в «Чтениях в „Беседе“» (1813, № 12 — романс «Могила Юлии»; 1815, № 18 — кантата «Лемносские кузницы», подражание Ж. Б. Руссо). В это же время поддерживает достаточно короткие отношения с Г. Р. Державиным (сохр. 4 записки поэта к О. 1812—1814 — в сб.: XVIII век, в. 17, СПб., 1991; ст. Е. Д. Кукушкиной), сближается с теми из литераторов, кто вдохновлялся антич. лит-рой, особенно с В. В. Капнистом и Н. И. Гнедичем. О. обращается к Горацию: «Горацианские оды» в его пер. опубли. в «Сыне отечества» (1817, № 47; 1818, № 3, 12; 1819, № 46; 1820, № 43; 1821, № 52; оценены как «удачные» А. А. Бестужевым-Марлинским — в кн.: Декабристы. Эстетика и критика, с. 96). Эти оды, как и др. свои стих. и переводы, О. нередко перепечатывал в других изд. В 1818—19 издает «Журнал древней и новой словесности» (СПб.; далее ЖДНСл), печатавший множество переводов антич., преим. рим., классиков, выполненных бр. Капнистами, Я. В. Толмачёвым и самим О.: Тибулл, Тацит, Вергилий (прозой), Овидий, Саллюстий, Юстин (см. также: СО, 1816, № 49; 1817, № 8; 1824, № 17). Из антич. переводов О., в целом не представляющих интереса, выделяется «вольный перевод» «Тибулловой элегии»: «...Нет, Делия, клянусь, прелестьница друзей! Объявляю любовь меня не обоймет» (ЖДНСл, 1818, № 1).

В журнале печатались также проза Ф. Н. Глинки, Гнедича, Д. И. Языкова, Д. И. Хвостова, В. Б. Броневского, К. И. Арсеньева, Я. Н. Талстога, П. И. Колодина, П. Н. Лобойко, М. Трохиюковского. Издание не имело успеха и вскоре было прекращено. Кроме того, в обнаруженном О. письме М. В. Ломоносова к И. И. Шувалову «О разномыслии и солданинских речах» (кроме его поместии в журнале (1819, № 6), А. Н. Голыцин нашел мысли, «оскорбляющие честь нашего духовенства» (Сухомятинов М. И. Иссл. и статьи по рус. лит-ре и просвещению, т. 1, СПб., 1889, с. 449, 459—60), а испугавшись ж-ла распорядился перевезти др. цензурой; отсюда «Письма...» был изъят из прозаки).

К кон. 1810-х гг. меняются лит. притяжения О., он высоко оценивает творчество К. Н. Батюшкова, М. Н. Муравьева, В. А. Жуковского, пишет антологич. стих. («Ночь в Аркадии» — СО, 1817, № 51; описание водопада отмечено В. К. Кюхельбекером, в целом не воспринимавшим О. всерьез, — Кюхельбекер, с. 265—66) и стих. с эротич. мотивами («Шевница Эрот», «К Филону» — СО, 1816, № 49; 1817, № 10). О. окончательно порывает с «Беседой...», осенью 1820 (по предложению Н. А. Цертлева) вступает в ВОЛСНХ; в речи, читанной при вступлении, призывает «к практическому очищению языка в новых переводах классич. авторов» (СО, 1820, № 50, с. 181).

В 1821 О. издает лит.-критич. газету «Решитель» (вышло 20 номеров: № 1—10 и 17—26; № 11—16 не вышло; краткое описание содержания, выготы. С. Д. Поттошкин, см.: «Речевые Египетские», 1823, № 52), не сыгравшую сколько-нибудь заметной роли в лит.-журн. борьбе; мат-лы критич. раздела (направл. против «Вестника Европы» М. Т. Каченовского и «Отч. записок» П. П. Савиных в защиту изд. Н. И. Греча и А. Ф. Воейкова) были случайны. В № 5 помещен благодарств. отклик О. на «Рудана и Людмилу» А. С. Пушкина (поэтисе, видимо до 1829, О. лично познакомился с поэтом) за подписание NN (этой критиконом он пользовался и в др. своих изданиях — «Карманной хитрости» и «Колокольчике»). В разделе прозы — переводы из иностр. журналов, в т. ч. Ш. Л. Монтескье, Дж. Алдисон, Х. Блэр — «Критич. сравнение Оссiana с Гомером» в пер. О.; наиб. интересна поэтич. рубрика, где печатались Жуковский, Д. В. Давыдов, Е. А. Баратынский, Ф. Глинка, Воейков, а также М. А. Дмитриев и С. И. Висковский.

Добросовестное усвоение О. лит. норм «движущейся эстетики» эпохи наиб. наглядно проявилось при переводе поэмы — популярного в России в 1810-е гг. Оссiana (о том, что его поэмы — подделка Дж. Макферсона, О. узнал к 1823). Если первый опыт — «Сражение при Лоре» (песня 1-я; СПб., 1813; поев. гр. Н. П. Румянцеву) был задуман как классич. эпоса (написан александрийским стихом, насыщенным славянскими и архаизмами), а следующий перевод отрывка из «Теморы» («Чтения в „Беседе“...», 1815, № 14) был выполнен под влиянием гомеровских переводов Гнедича гекзаметром, то вновь переработанное в 1817 «Сражение при Лоре» (СО, № 18), как и обработка другого оссиановского сюжета «Кантату и Морна» (из 1-й песни «Фингала»; СО, 1817, № 23), по существу представляли собой поэмы в преромантич. духе: они освобождены от архаич. лексики, содержат лирич. авт. отступления, чувств. описания природы, переживаний героя и действия «свирепого рока». Здесь О. также экспериментировал с формой, сложно сочетая разл. стихотв. размеры: «желая мерную поэзию сделать разнообразнее», он ввел «стопу дактилическую, трохенческую» и смешанную, «пеоническую» — из прим. автора к «Кантату и Морне».

Арзамасцы, относившиеся к О. как к бесталанному мелкому литератору, наделяя его иронич. прозвищами («Анакреон», «Бессмертный Олин Квинтильянович» — Батюшков, III, 346, 422; «наш Катюлл» — Вячеславский — ОА, I, 56; «недозрелый труд незрелого чл.-сотрудника Олина» — Д. В. Дашков, о первом «Сражении при Лоре» — «Арзамас», I, 212), в лице того же Батюшкова не оставили без внимания формальные поиски О.; узнав о его намерении (не осуществилось) перевести Т. Тассо, Батюшков пишет Гнедичу в 1817: «Я рад, что он попался в руки Олину... Как он Оссiana переводит! И так, и сяк ломает, только дребезги летят» (Батюшков, III, 457).

По мотивам Оссиана О. создает первую ориг. романтич. поэму «Оскар и Альтос» (СПб., 1823; поств. другу О., изв. короточком игроку С. М. Мартынову), принесшую ему почти безусловное признание.

«Олин удачно изобразил героев шотландского барда: стихи его чисты, изысканы, и многие истинно живописны» (Греч — СО, 1823, № 43, с. 131; др. благожелат. рецензии: (Ф. В. Булгарин) — «Лит. листки», 1823, № 5; (В. Н. Козлов) — РИ, 1823, 27 окт.; МВед, 1823, 14 нояб.).

А. Е. Измайлов даже поставил поэму в один ряд с «Кавказским пленником» Пушкина и «Шильонским узником» Жуковского («Благ», 1823, №23/24). Именно восприятие «Оскара...» как модной романтич. байронич. поэмы во многом определяло ее успех.

О. использовал в «Оскаре...» иск-ные «байронич.» приемы — автометр, подгетст, лирич. мелистич., строфич. членение, однако цельность героев поэмы контрастировала с разрозненными героями байронических поэм. Обещания О. поэма «Манфред» (фрагмент «Романс Лорен» — «Лит. листки», 1824, № 6) полностью в печать не попала.

В 1824 О. принял участие в полемике о «Вихренарской фонтане» Пушкина («Лит. листки», 1824, № 7). В статье, содержащей эссе о «недостатках» композиции, единства, «чужды» в пушкинской поэме, О. дал неопределенно-общее — поэзия страстей и характеров — и заключительное определение романтизма (подробнее см.: Морозовенко, с. 208, 211—13).

Несмотря на неудачи в худож. и «критич.» усвоении романтизма, О. имел нек-рые внутр. точки соприкосновения с ним: это культ художника и творч. «мечты», с акцентом на субъективно-идеальном изображении человека. В ст. «Взгляд на историю поэзии» (ЖДНСП, 1818, № 1) он говорит как о должном о «великом уважении» к бардам царей и героев: «особа их была священна и неирриковенна» (с. 44), а в ст. «Письмо о счастье» (НЛ, 1824, № 10) с неожиданной для него настойчивостью дружбе, любви, славе и даже «самой добродетели» противопоставляет единств. надежную и высшую реальность — «мечту и воображение» художника (с. 152) (возражение на «Письмо...» поместил «Сын отечества» — 1824, № 50; 1825, № 44 — подписи А. Н.; ответ О. — ДЖ, 1825, № 2).

В 1822 О. создает первый в рус. лит-ре и лучший перевод элегии А. Ламартина «Умирающий христианин» (РИ, 1822, 23 янв.) [см.: Вацуро (2), с. 73, с. 215], в к-ром ему удалось передать освобождающую силу смерти от «сурового плена» земного бытия: «Пари, душа моя! И сбрось с себя оковы!» (медитации Ламартина были близки самому О. 1820-х гг.: «...тайная тоска, неизвестные желанья, вечная нравственная деятельность — все это разительно убеждает меня в бессмертии душ моей» — из «Разных мыслей», запись 1825 — «Карманная книжка... на 1829 г.», с. 276). Этот же мотив О. развил в стих. «Душа» (НЛ, 1825,

№ 5) — о посмертном пребывании души («Она помчится в Эмпирей/ Моя душа, в лучах свободы/ И тайны древняя природы/ Разоблачается перед ней» — с. 130). одним из немногих стихов, где О. достигает подлинной лирич. патетики.

На нач. 1820-х гг. приходится пик лит. известности О., совпавшей с трагич. обстоятельствами его личной жизни (в кон. 1821 умирает жена, через 5 мес. — их маленький ребенок), он пишет элегии «Упование», «Весна» и «Стансы» (СО, 1822, № 18, 19, 38; первые изд. под назв. «Две элегии, поств. памяти незабвенной супруги», СПб., 1822), в к-рых «унылая элегия» приобретает индивид. черты и автобиографизм к-рых не равен трагич.-эпическому. «Горькие» воспоминания, укор провидению, готовность к испытанию — все эти общепозитч. мотивы едва ли не сознательно переводятся О. в план личной, жизненно-переживаемой ситуации: он хочет выразить свой плач и именно по его «сопутнице прекрасной», к к-рой «привыкла» его «жизнь». В элегиях О. осуществлялась романтич. переориентация ценностей (подчеркнутая значимость своей и чужой личности, страданий «осиротевшей души» и шире — всякой отрешенной эмоции), не получившая развития в его дальнейшем творчестве. К стих. на смерть жены примыкают «Стансы к Элизе» (1822—23; автограф — ИРЛИ, 9885 ЛХ645; опубл. 1972) — поэтич. ретроспекция идеальных и земных радостей с любовной после вечной разлуки с ней.

«Стансы к Элизе» были запрещены цензором А. И. Красовским (см. о нем в ст. В. И. Красовский) за безразличность и как «противные духу христианства». в ответ на это О. в мае 1823 подал на Петерб. ценз. к-т жалобу, однако в ответе к-та указывалось, что «стише «Стансов...» должно было произойти большой соблазн и возбудит «чуждые чувствования» (изложение ценз. дела см.: Босован в ОЛРС, в. 3, М., 1871, с. 42—45, лубл. П. К. Щербальского; Поэты 1820—30, т. 1, с. 707; Паняева, 1986, с. 90—91, 429; дело о «Стансах...» — РГА, ф. 777, оп. 1, л. 408 (сообщение о цензуровании «Стансов...» А. С. Вирховым — там же, л. 19—19 об., ф. 777, оп. 27, № 17, 18, апр.—авг. 1823). Стих. широко распространялись в стихах с пометами цензора, в т. ч. самим автором, о чем стало известно ценз. к-ту.

О. не удалось удержаться на взятой им ноте, в 1823—25 снова появляются послания к «преlestнинам живым» («К 19-летней Альбионянке»; возможно, его будущей жене англичанке — НЛ, 1823, № 44); в них популярный в поэзии 1820-х гг. образ «живого мертвеца» становится ходоной элегиич. маской («К Эльвиере» — «Лит. листки», 1824, № 13/14), в последнем стих. и стих. «Кубок» (МТ, 1825, № 20) содержится прозрачные намеки на призрачные к вину. О. так и не сумел издать стихи отд. книгой, попытки к этому предпринимал еще в 1817 и в 1820.

Ободренный успехом «Оскара и Альтоса», О. опубл. последнюю поэму на оссиановский сюжет «Кальфон» (СПб., 1824; издана его другом А. А. Ивановским; в заметке от издателя назвал О. «одним из первоклассных поэтов наших» и поместил его портрет в романтич. розе; ему же посвящена поэма) и потерпел поражение сразу по неск. причинам: Оссиан вышел из моды; поэма (хотя и написанная звучным стихом) не отвечала формирующемуся критерию «серьезности» содержания; обострились внутрилит. журнальные отношения О.

Издательской рецензией откликнулся Греч (СП, 1825, 27 янв.; см. там же, 3 февр., 17 марта; а также: РИ, 1825, 31 янв.), напечатал в «Сыне отечества» утешающую рец. О. М. Сомова («Письмо приятелю...» — 1825, № 6); Сомов отгласил «бесцветность» характеров, валость, отсутствие «новой» мысли и «благородных страстей». За О. вступился Воскож (озобрит, отклик: В. Раий из Смоленска (Ивановский?) — РИ, 1825, 9 марта; подал в «Славянин» был перепечатан хвалебный отзыв о поэмат О. из «Revue encyclopedique», 1828, № 45).

Неудачным был признан (в т. ч. самим О.) и перевод «трагедии в стихах» «Багзет Ж. Расин» (СПб., 1827), вышала монотонным стихом с однообразной рифмой; поств. министру финансов гр. Е. Ф. Канкрину (рец.: СП, 1827, 1 марта; СО, 1827, № 10; об обсуждении перевода О. и предпочтении ему катенинского — см. Катенин П. А., Размышления и драборм. М., 1961, с. 270).

Явным провалом стала переработка О. байроновской поэмы «Корсар» в «романтич. трагедию в трех д.» «Корсер» (СПб., 1827) — «с хором, романсом и двумя песнями, турецкою и аравийскою»: «проза надутая и уродливая» (Пушкин, набросок рец. — ХІ, 65), вот что «является под именем ... романтизма» — возмущался Н. А. Полевой (МТ, 1828, № 6; отрицат. рец.: СП, 1828, 3, 6, 8 марта; стихотв. ответ О. в «Славянин»: 1827, № 37); резкость откликов (см. также: «Славянин», 1827, № 14, 45) привела к разрыву лит. отношений О. с Булгаринным и Тречем.

О. был плодовитым литератором, «испытывавшим себя почти во всех родах письменности» (Плетнев, Р., 244), печатавшимся в газетах, журналах и альманахах различных направлений и разнокачеств. уровня; он был знаком едва ли не со всем кругом петерб. литераторов (сохр. лишь восп. о поессении О., «маленького сублим(н)енского человека», «пятниц» Воейкова — В. Б(урнашев) — РВ, 1871, № 10, с. 619; см. также с. 618, 620, 630), чему способствовала его деятельность издателя-журналиста.

В 1829—30 он издает полупериодич. альм. «Карманная книжка для любителей рус. старины и словесности» (СПб., 1829, одной книгой, — период.: СПб., 1832; в 1830 вышло 4 книжки; рец.: СП, 1829, 27 июля; МВед, 1829, 2 февр.; МТ, 1829, № 15; сдержанно-одобрит. отклик Сомова — СЦ на 1831 г., СПб.,

1830, с. 18—20), а в 1831 газ. «Колокольчик», вместе с В. Я. Никоновым, ее субсидировавшим [О. постоянно искал денег на свои проекты; среди несущественных — изд. ж. «Сев. вестник», 1829; полит. и лит. газ. «С.-Петербург. курьер», 1830 (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 941, 1032)]. Оба издания вскоре прекратили существование за недостатком подписчиков. К этому времени О. приобрел репутацию литератора, избравшего, по характеристике Греча в записке А. Х. Бенкендорфу (сент. 1832), «ремеслом лит. промышленности»: собирает деньги «по всей России» на очередное издание и вскоре прекращает его; т. о. типографии, бумаго- и книгопродавцы оказываются «обманутыми им наравне с подписчиками»; «и все это делает он гласно, без малейшего стыда» (ГАРФ, ф. 109, 1 экз., 1832, л. 211; там же упоминание о 2-й жене О., «бедной англичанке», сбегавшей от него «с голоду», и рассказ П. П. Свинына о «разговорах с (К. Ф.) Рылевым и Олиным» на вечеринке у Е. В. Аладына — справка А. И. Рейтблата).

В своих изд. О. нередко выступал с критич. рец. и заметками. В «Карманной книжке» (далее — «Карм. кн.») вел библиогр. отдел. Как критик он никогда не был самостоятельным (см. указ. выше разбор «Бахчисарайского фонтана»), его рец. — обычно аморфный набор цитат, шпленных незначимыми репликами («Рецензент», 1821; отклики о соч. М. Н. Муравьева — № 2—4; «Ваханке» Батюшкова — № 10).

Как бы понимал это, О. часто отсылает читателей к критике др. периодич. изданий. Из его откликов в «Карм. кн.» (в т. ч. на соч. Булгарина, Глинка, Ф. Глинки) выделяется рец. на «Юрия Милославского» М. Н. Загоскина (1830, кн. 2): историко-эпические сцены: ЛН, т. 38, с. 93). В той же 2-й книжке почти восторж. отзыв о стих. Вяземского «К юнги»: «современная оригинальность и какое-то уныло-неопределенное, мезаморфное чувство» (с. 275). В «Карм. кн.» 1829 О. напечатал разбор «Цыган» Пушкина (с. 257—269), в к-ром назвал поэта «многочленным талантом», «блестящим феноменом» (с. 259). А через год в «Колокольчике» в резонанс с обширн. лит. экон. свидетельствовал: после «Полтавы», где «частые уже... изменили Пушкину... поэтическая звезда его закатилась совершенно и позолотил на литературном горизонте „Бориса Годунова“» (1831, 20 янв., с. 24).

О. много публиковал опального Ф. Глинку, напечатал стих. Пушкина «Кн. Голицыной» («Давно об ней воспоминали» — «Карм. кн.», 1830, кн. 1). Сам О. печатает мелкие стих., преим. на случай (относительно более удачно «Смерть лебедя» — там же, 1830, кн. 3), ист. и прозаич. отрывки, в т. ч. из биографии И. В. Гёте и Ж. Ж. Руссо, переводы (напр., «Новейшая поэзия скандинавская» — там же, 1830, кн. 2), под псевд. Пустыльник Правильной улыбки заполнит нравственно ст. рубрику «Валшебной фонарь» (наиб. выразителен очерк о «типе театр. зитуацона» — там же, 1830, кн. 4). В «Осенде» «О рождении Петра Великого...» (там же, 1830, кн. 1; с подзаг. «предание» — отл. кн., СПб., 1835), также в соотвествии с великим временем, говорит о важности чудесных «поверий народных, касающихся до старинных вещей, кои... не могут для нас не быть любопытны и замечательны» (лит. по отл. изд., с. 25—26). Здесь же опублик. перевод худож. прозаич. соч. «Кумовь повесть, повесть, замечательная из суверенных

нар. рассказов» (1829; отл. изд. — СПб., 1829; рец.: МТ, 1830, № 9). «Колокольчик» свидетельствовал об измещении лит. связей О. (подробнее см. в ст. В. Я. Никонов).

Крайняя нужда, в к-рой протекала вторая половина жизни О. (известен эпизод с закладываемой им фамильной табакеркой, периодически выкупаемой Жуковским, — РС, 1880, № 2, с. 255—56; ср. также афоризмы из «Разных мыслей» о бедности, к-рая «не порок», но «часто ведет к пороку», об «отрадной возможности» отблагодарить человека, «который оказал нам в нужде пособие», — НЛ, 1825, № 8, с. 98; «Карм. кн.», 1829, с. 277), вынуждала его обращаться с униженными просьбами о помощи к известным литераторам (письмо к А. И. Михайловскому-Данилевскому, 1835: ИРЛИ, ф. 527, № 31, л. 60 — справка Н. А. Прооровой), а иногда пренебрегать требованиями нравственности и лит. этикой.

Среди соч., откровенно рассчитанных на вознаграждение, — «Картина возмездия России с 1825-го по 1834-й гг.» (СПб., 1833). «Неумеренные похвалы» Николаю I и гек. И. Ф. Паскевичу вывали неудовольствие государя; пересказывающий этот эпизод А. В. Никитенко сам (как цензор) был в затруднении: «по духу — таких цензур запрещать нельзя, а пропустить их как-то нелепо» (Никитенко, I, 131—32).

В 1830-е гг. О. переводит (с англ.) ист. соч. Вильямса «Записки о России» (СПб., 1832; с поств. А. А. Арачееву), «Записки о Петре Великом» (ч. 1, СПб., 1835; отрыват. рец. В. Г. Белинского — «Молва», 1835, № 45). Интерес О. к рус. истории носил хотя и дилетантский, но устойчивый и не исключительно конъюнктурный характер. В 1832 он представил в цензуру ром. «Эшафот, или Утро вечера мудренее!» (1-я ч. публиковалась в «Колокольчике»: 1831, 17 марта — 10 апр.) — из времен царствования Анны Иоанновны. Показанные в романе деятельность тайной канцелярии, сцены пыток способствовали не только запрещению романа, в к-ром «действия власти и правительств выставляются в смешном или гнусном виде», но и побудили цензуру сообщить в III отд. е.и.в. об «особенном вредном направлении и недовольном духе» соч. и его автора (РС, 1903, № 2, с. 316, 317; ценз. дела о ром.: РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 411; ГАРФ, ф. 109, 1 экз., 1832, д. 211).

Последняя ипостась, в к-рой проявил себя О., — жанр фантастич. повестей: «Рассказы на станции» (ч. 1—2, СПб., 1839); 1-ю часть составили рассказы «Странный бал» и «Череп могильщика», 2-ю — пов. «Пан Копытинский». Любовно-авантюрный сюжет повести развертывается на фоне «бирионовщины»; Бирон, одно из гл. мрачных действующих лиц, противопоставлен простым и бедным героям, искушаемым дьяволом в лице пана Копытинского.

Изданию 1839 предшествовала отл. публ. «Странного бала» с прил. восьми стих. (СПб., 1838), а также напечатанные в 1833 фантастич. рассказы «Вампир» и «Ужасный сон» (ЛПРИ, 5 апр., 3 мая). В «Рассказах...» О. проявил, можно сказать, самоотверженные усилия быть на уровне лит. вкусов и стиливых поисков своего времени (хотя, как он признается в посвящении к изданию, «условия, которые требуют публика от писателя, слишком тяжелы»); соединил фантастич.-романтич. сюжета и реалистич. описания, использование обрамляющей (в форме станционной беседы) рамки повествования, простота в обрисовке нек-рых образов (напр., солдата-преображенца в «Пане Копытинском») и простота слога. Однако все это не освободило прозу его от мезоэрацизма, сближающего ее с массовой повестью 1830-х гг.

Публикация прозы О. послужила предлогом для уничтожающей критикой новым поколением не только последних книг, но и всего его творчества. Критик «Отч. записок» в обширной рецензии (1839, № 6) с убийственной иронией воссоздает перипетию его лит. жизни и беславно-журналистской борьбы. «Особенную ожесточенность» лит. нападок на О. журналисты предшествовавшего периода отмечал и В. Г. Белинский (IX, 623), называвший О. «отставным романтиком» (V, 189); романтизм «Странного бала» он определил как каподонопный — «поэзия кладбищ, чертей» (III, 74; см. также издеват. рец. в «Б-ке для чтения», 1838, т. 28, и сочувств. в «Сев. пчеле» — 1839, 5 июля); Белинский, однако, выделил («теплота», «чувство») стих. «Монха»: «Покрывало я венчалное! На святом огне сожгла» — О. успел испробовать себя и в фольк. стилизации.

О., на протяжении 30 лет зеркально отражавший эволюцию лит. вкусов и предпочтений эпохи (смена тем, жанров, стиливых ориентаций — от классицистских и преромантич. до романтич. с элементами реалистич. правдоподобия; но не избежал влияния едва ли не каждого из «любимцев» своего времени, от Горация и Ламартина, Оссана и Дж. Байрона до В. Скотта и В. Ирвинга), представлял феномен второстепенного разночинного профессионального литератора — тип, только начинающий формироваться в 1-ю треть 19 в. В отличие от множества элитонов, он вдохновлялся не тем или иным автором или образцом (и, как правило, непродолжительно), но пытался подражать и соответствовать «высокой лит-ре» вообще, с готовностью принимая предостановленные и нарождающиеся в ней авторитеты. Именно это давало ему силы, несмотря на все неудачи, оставаться

в лит.-ре. Обладая специфич. романтич. мироощущением разночинца (см. его афоризмы «Разные мысли» — «Рецензент», 1821, № 2, 9; перепеч. с доп. — НЛД, 1825, № 8; «Карм. кн. 1829»), О. сознавал ограниченность своего дарования, что, в частности, явствует из его реакции на стих. «Собрание насекомых» Пушкина, где под «мелкой букашкой» подразумевался О. (др. варианты: Пушкин, III, ч. 2, с. 800; Грот и Плетнев, II, 887; Тынянов, с. 182—83). Конкретно или типологически, но О., по всей вероятности, узнал себя в эпиграмме и призвал обладателей «больших дарований» быть «скромнее», «ибо скромность, некоторым образом, придает им более блеску» («Карм. кн.», 1830, кн. 4, с. 541). Однако скромность совет. творч. потенциала не умаляла в понимании О. важности, обипелит. значительности решаемых им задач, о чем свидетельствуют программы его изданий, настойчивое, в течение 10 лет, обращение к Осиану (исключение, а не правило в лит.-ре 1810-х гг. — Левин, с. 55), признание во вступлении к «Кальфону»: он, О., сделал все «возможное для разнообразия русской литературы» (с. XV).

Знаменательно, что и более, и менее известные литераторы, среди к-рых Батюшков, Вяземский, Кюхельбекер, Сомов, несмотря на резкую или иронич. оценку его соч. (м. б. и потому, как говорит П. А. Плетнев, что «каждая книга его возбуждает ожидание, которое оказывается тщетным» — Плетнев, II, 244), воспринимали О. как необходимый компонент лит. процесса, как в изв. смысле полноправного участника «общего» лит. дела.

Др. произв.: комедия «Урок в ботанике, или Наказанная недоверчивость», в 1 д., с ариями (подражания Э. Дюпати) (СПб., 1822; реш. — СО, 1822, № 40), «Обманутый алхимик» (1827 — СПб ГТБ); переводы: с франц. яз. — Милот, «Рим. история» (СПб., 1821; реш.: СО, 1821, № 52), с нем. — Ф. Шиллер, трагедия «Дон Карлос» (1-е д. прозой — «Колокольчик», 1831, 6 марта, 14, 17 апр.).

Изд.: Новое собр. образцовых рус. соч. и переводов в стихах, СПб., 1821; Полная звезда, изд. А. Бестужевым и К. Рыжовым, М.—Л., 1960 (СПб.; ук.); Поэты 1820—1830, т. 1 [биогр. справка и прим. В. П. Степанова, ук. в кн.: Муратова (3)]; Рус. поэзия 1813—1825, М., 1990; Странный бал. — В кн.: Рус. романтизм, повелла, М., 1989; то же. — В кн.: Рус. романтизм, повесть писателей 20—40-х гг. XIX в., М., 1992; Стихотв. сватка; Франц. элегия XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры, М., 1989; Пушкин в критической критике (1820—1827), СПб., 1996 (ст. О. о Пушкине и по ук.).

Лит.: Батюшков; Пушкин; ОА, т. 1—2; Кюхельбекер; Белинский; Никитенко; Барсуков, т. 1, 3 (зес — ук.); Державин, VI, с. 334 (и ук.); Плетнев, П, с. 243—244; Отто Н. Черты из жизни Аракчеева. — «Древняя и новая Россия», 1875, № 10, с. 180;

Греч Н. И., Зап. о моей жизни, СПб., 1886, с. 495; Подвой. Мат-лы (ук.); Белинский В. Г., ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 513—19 (биогр. справка С. А. Венгерово с библиогр. источ., с отсылками); Розанов И. Н., Рус. лирика..., М., 1914, с. 354—61; Пушкин и его современники, в 29/30, П., 1918, с. 112, 123; Гяллийус В., Гоголь, Л., 1924, с. 27, 29, 32, 35 (Из архива Д. И. Хвостова) — ЛА, М.—Л., 1938, с. 371; Томяшевский В. В., Пушкин, кн. 1, М.—Л., 1956, с. 523—25; Мордовченко Н. И., Рус. критика первой четв. XIX в., М.—Л., 1959 (ук.); Камениский З. А., Филос. идеи рус. Просвещения, М., 1971 (ук.); Левин Ю. Д., Осеня в рус. лит.-ре, Л., 1980 (ук.); Истутнова Р. В., Из поля. переписки В. А. Жуковского... — Ежегодник РО ПД (и ук.), 1980, Л., 1984, с. 104—105; Рус. энциклоп.: Ксерн А. П., Вост. Дневники..., М., 1989, с. 80; Гирисенко А. Н., Перевод в лит. процессе. — В кн.: Тетради переводчика, М., 1989, в. 23, с. 118—21; Декабристы. Эстетика и критика, М., 1991 (ук.); Арамаис (ук.); Вазуро (2), ук.; Кормановские чтения, в. 2, Ижевск, 1995, с. 134. + СП, 1842, 30 янв. (сообщение о смерти без точной даты и некролога); РБС: КЛЭ, т. 9; Черейский; ИРДТ, т. 2 и 3 (ук.); Смирнов-Сокольский; Муратова (1, ук.); Масанов (не учт. астроном *****, критиком Н. Н. поэт. Пустынихи Прудильной улицы).

Архивы: РГБ, Подл., оп. 46, № 44, оп. 48, № 78 (два письма М. П. Погодину), М., 8567, оп. 9 (два письма Н. А. Полюбову, 1828); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2462 (письмо П. А. Вяземскому, 1829); РГИА, ф. 1349, оп. 3, л. 1613 (ф. с. опта О. 1802 г.; см. также Список состоящим в гражд. службе чинам первых 5 классов на 1803 г., СПб., с. 92); ф. 1343, оп. 51, л. 607, л. 73 (об утверждении роза О. в «ворониз. достояние» в 1800 г.); ф. 733, оп. 118, л. 356, 478 (биогр. мат-лы, прошения О. в т. ч. о поощр., изв. сб. стих., ф. с. 1817 г.); ф. 535, оп. 1, в. 16, 20, 26, 29 — о наградах от императрицы Елизаветы Алексеевны за поднесенные О. книги и жемч. за 1820—21 (бюджетный перстень, зол. часы); ф. 1101, оп. 2, л. 343 (сведения о службе, прошение О. о возвратении его стих. и повестей, поэт. О. И. Сенковского) [справки С. С. Атапина]. Т. Ф. Невримова, Л. М. Шемелёва.

ОЛЬМИНСКИЙ Михаил Степанович [наст. фам. Александров; 2(14).10.1863, Воронеж — 8.5.1933, Москва; похоронен на Красной пл. у Кремльв. стены], публицист, лит. критик, лит.-вед., парт. и гос. деятель. Отец — мелкий чиновник, из дворян; мать — дочь проф. Воронеж. семинарии. В 1883 окончил Воронеж. г-зию и был принят на юрид. ф-т Петерб. ун-та. Вступил в народольч. «Союз молодежи»; в дек. 1884 познакомился с марксистом Д. Благовым и возглавил один из рабочих

кружков благоевской группы, не оставляя преподават. работы в кружках для рабочих при «Союзе молодежи». В дек. 1885 был арестован и выслан, повторно арестован в 1886, до кон. мая 1887 находился в Воронеж. тюремном замке, затем выслан в г. Короча Воронеж. губ. и 12 авг. 1887 принят на воен. службу (служил рядовым в 154-м пехотном Дербент. полку Кавк. воен. округа). В авг. 1889, сдав экзамен на чин прапорщика запаса, уехал в Воронеж. Еще в дек. 1886 познакомился в Воронеже с высланной туда народольч. Ек. Мих. Долговой, на к-рой женился летом 1888 (они расстались в 1904, когда Ек. Мих. оказалась в лагере меньшевиков). С осени 1890 в Петербурге, служит в статистич. отделе Зем. управы. В 1891 один из организаторов рабочей демонстрации на похоронах Н. В. Шелгунова (15 апр.). Осенью 1891 при активном участии О. был организован народольч. кружок (Александров М. С. Ольминский), «Группа народольч. кружков» (1891—1894 гг.) — «Бюле», 1906, № 11), с к-рым связано первое выступление О. в печати — вступ. статья к нелегально изд. «Рабочему сб-ку» (СПб., 1894).

В апр. 1894 О. был арестован и до осени 1898 пробыв в одиночном заключении, в т. ч. 9 мес. в Петропавлов. крепости и 3 года в «Крестах». В тюрьме писал стихи, проникнутые гл. обр. тоской по воле [см.: «О своих стихах» — «Старый большевик», 1934, № 2 (10); два стих. «Старая история» и «Спор» опубли. за подписью «Ст.» в «Вост. обзор», 1900, 6 и 9 мая]. В «Крестах» О. написал цикл статей о творч. труде рус. писателей под общим назв. «Как они работали» (опубл. «Пушкин о себе» — «На лит. посту», 1927, № 5/6) и осуществил в 1897 осн. часть работы над «Шедринским словарем» (окончен в Жене в 1904; М., 1937). «С первых же дней после приговора, как только узнал о трехлетнем сроке, не покидал меня мысль о необходимости... придумать себе большую умственную работу...», — писал О. в кн. восп. «В тюрьме», — понемногу стал назревать план составления словаря к сочинениям Шедрина» (цит. по изд.: М., 1956, с. 40).

9 окт. 1898 досрочно освобожден из тюрьмы и выслан на 5 лет в Сибирь. В дек. 1898 в Омске, на пути в ссылку, О. прочел манифест 1-го съезда РСДРП, и это окончательно определило решение перейти в ряды социал-демократов [вступил в РСДРП(б) в 1903]. С 1899 по окт. 1903 он отбывал ссылку в г. Олёмнинске Якутской губ. (с назв. города связан его осн. псевдоним — см. в кн.: Дмитриев В. Г., Скрывшие свое имя, 2-е изд., М., 1977, с. 45; первая публ. за подписью Ольмин-

ский — очерк «Юбиляр» — «Вост. обзор», 1903, 22 янв.). В Иркутске он познакомился с И. И. Поповым, изд.-ред. «Вост. обзор», и стал сотрудничать (гл. обр. анонимно) в этой газ. (см. восп. О. «Как я стал литератором» — в кн. «По вопросам лит.-ры. Статьи 1900—1914 гг.», Л., 1926, с. 13—14). Первая большая ст. О. в «Вост. обзор.» (1899, 25 дек.) — «Мотивы текущей лирики» — посв. журн. публикациям П. Я. (П. Ф. Якубовича), Тана (В. Г. Богоразы) и др. поэтов. 5 февр. 1900 там же появилась ст. «О полном собр. соч. Щедрина» — первая опублик. работа О. об идейно-худож. значении щедринского наследия, изучением к-рого он занимался до конца жизни: ст. «Социалист-утопист в оценке современников» («Обр.», 1906, № 12), «Культурные люди и нечистая совесть» («Правда», 1912, 23 авг.; подпись А. Витимский), «Салтыков-Щедрин» («Путь правды», 1914, 13 апр.). В работах о писателе О. акцентировал сатирич. направленность его произв., соотнося демокр. основы мировоззрения Щедрина с идеологией рев. пролетариата, обрисовывая его как предшественника совр. социал-демократии.

В статьях «Об Овсяннико-Куликовском и А. Чехове» («Вост. обзор», 1900, 29 сент., 1, 3 окт.) и «Лит. противоречия. (О „Трех сестрах“ А. Чехова)» (там же, 1901, 29 июля) О. отказывал творчеству Чехова в наличии идеалов «определ. содержания», не признавал его писателем-реалистом, особенно как автора «Трех сестер», считая, что леса получает «серьезное значение» лишь в том случае, если заключит. сцену трактовать как мечту сестер Прозоровых о служении светлomu, хоть и неизвестному будущему, — «только при таком взгляде Чехов не будет заслуживать упрека ни в бесплодной игре на нервах, ни в проведении реакционных тенденций» (см. также: Чехов В. Х, 351; XIII, 456—57).

По окончании ссылки О. приехал в Воронеж, затем, побывав в Н. Новгороде, Феодосии, Симферополе, Харькове, Твери, выехал за границу. С марта 1904 по нояб. 1905 жил в Женеве. Летом 1904 познакомился с В. И. Лениным. В эмиграции принимал участие в изд. газ. «Вперед» и «Пролетарий», писал полнит. брошюры (в осн. под псевд. Галерка). В нояб. 1905 вернулся в Петербург, активно сотрудничал в большевист. печати, работал в изд.-ве «Вперед», брошюрном отделе горьков. «Знания», в легальных большевист. ж. «Вест. жизни», «Наша мысль» и газ. «Новая жизнь». Весной 1906 он стал одним из основателей и редакторов газ. «Волна», где печатал свои корреспонденции из Гос. думы. Во время Революции 1905—07, а также в

1908, когда О., опасаясь ареста, уехал в Баку, где прожил до осени 1909, он печатался в «Образовании», «Былом», «Совр. мире» и др.

В авг. 1908 он выступил одним из организаторов выхода литераторов-марксистов из состава авторов «Образования» (см.: СМ. 1908, № 9); вскоре у литераторов большевист. направления возникли несогласия с идейной платформой ж. «Совр. мир», к-рый начал придерживаться меньшевист. позиций, и они стали значительно реже там публиковаться. Осенью 1909 О. — чл. ред. газ. «Нов. день», к-рая была закрыта в дек. 1909 за ст. О. «Крутой поворот». В 1910—15 служил в статистич. отд. Петерб. гор. управы. В 1910—14 принимал активное участие в работе газ. «Звезда» (дек. 1910 — апр. 1912) и «Правда», регулярно печатая в них парт.-публиц. статьи (б. ч. опублик. в сб. «Из эпохи „Звезды“ и „Правды“», М., 1956), а также разл. статьи о лит.-ре: одновременно печатался в моск. газ. «Наш путь», в газ. «Сиб. огни», «Сиб. мысль» (под своей фам.) и др. Лит.-критич. выступления О. этого времени носят резко обличит. характер по отношению к произв. с антирев. или упадочнич. тенденциями. Прямолинейный максимализм, а также догматич. парт. установки, сказывавшиеся в оценках худож. произв., заставляли О. усматривать антиреволюционность и у писателей, изображавших революционеров без должного пиетета (см.: «Беллетрист“ В. Винниченко» — «Звезда», 1911, № 25), и в произв., скептически оценивавших перспективы обществ. развития после рев. переворота (см.: «Арцыбашев и Куприн» — «Правда», 1912, 1 сент.; «По поводу А. Куприна [и юбилея И. Ясинского]» — «Сиб. речь», 1911, 20 июня). Всю эту лит.-ру он окрестил «иудинной беллетристкой» («Правда труда», 1913, 17 сент.). Односторонним было отношение О. к Ф. Сологубу, к-рого он назвал «гадюшким писателем» («Мелкого беса» О. «не заметил») (ст. «Поход против М. Горького» — «За правду», 1913, 4 окт., подпись А. Витимский; в ней критик взял под защиту горьковский выпад против инсценировки «Бесов» Ф. М. Достоевского). Весной 1915 О. переехал в Саратов, где состоял в редколлегии «Нашей газеты». В нач. мая 1916, после разрома местной орг-нии РСДРП, уехал в Москву, организовал и редактировал легальный большевист. ж. «Голос печатного труда», сотрудничал в екатеринодар. ж. «Прикубанские степи», выпустил сб-к статей большевистов «Прилив». С нач. марта 1917 О. — в ред. «Правды», в конце марта вернулся в Москву, вошел в ред. газ. «Социал-демократ».

После Окт. революции О. работал в Наркомфине (чл. коллегии с дек. 1917). В 1920—28 возглавлял Ист.-парт. Бюл. деятелем РАПП, с 1923 сотрудничал в ж. «На посту», с апр. 1926 до окт. 1928 чл. ред. ж. «На лит. посту». Участвовал в подготовке Собр. соч. Салтыкова-Щедрина (т. 1—20, М., 1933—41); при жизни О. вышел т. 2). Осн. темой лит. выступления О. после 1917 было отношение к классич. наследию; в них в полной мере сказались его прямолинейно-социологич. взгляды. Призывая «учиться у Пушкина», О., однако, отрицательно относился к Л. Н. Толстому; свое неприятие религ.-филос. исканий писателя он перенесил и на его худож. творчество: ст. «Наше отношение к Л. Н. Толстому» («Огонек», 1928, № 4), «О Л. Н. Толстом» («Правда», 1928, 31 янв.) и др.

Изд.: О печати, Л., 1926; По лит. вопросам, Л., 1932; Статьи о Салтыкове-Щедрине, М., 1939; М. С. Ольминский. — В кн.: История эстетики. Памятники мировой эстетич. мысли, т. 5, М., 1970 (вступ. ст. и сост. П. Д. Волкова и Л. М. Котова); Письма к М. К. Лемке и М. В. Пирожкову — в кн.: Лит. архив. СПб., 1994 (публик. М. Д. Эльзона).

Лит.: Луначарский А. В., О. как лит. критик. — В его кн.: Критика и критики, М., 1938; Лежава О., Нелядов Н., М. С. Ольминский, 2-е изд., М., 1973 (библ.); Кузаришова Е. И., О. о тесис А. Неврова «Багря» (Забвтая редакция). — «Уч. зап. Орлов. пед. ин-та», 1966, т. 30; Мосенцев В. А., О. и М. Горький. — «Вост. Харьков. ун-т», 1968, № 36, сер. филологическая, в. 4; его же. Из истории ранней марксист. критики. («Щедринский словарь» О.). — В кн.: Проблемы развития сов. лит.-ры. Междуров. науч. сб., в. 2, Саратов, 1973; Волков П. Д., Ермишкин И. И., Эстетич. взгляды М. М., 1975; Таурин Ф., Каменистый революционер, М., 1981. + Писатели совр. эпохи (1): ЛЭ; КЛЭ; Рус. писатели, т. 2, 1990; Муратов А. (2); Масанов (атрибуция) О. псевд. Марк Павлович — соимпозитма).

Архивы: РШХИДНИ, ф. 91: ИРЛИ (автобиограф. в собр. Венгеров, письма к М. К. Лемке и М. В. Пирожкову); ГАРФ, ф. 102, 3 а-во, 1890 г., л. 762; ф. 63, 1898 г., л. 484 (справка Л. Н. Тютюнника). М. Д. Эльзон.

ОЛЬНЕМ О. Н. [наст. имя и фам. Варвара Николаевна Цеховская, урожд. Меньшикова; 9(21).11.1872, г. Бобров Воронежской губ.* — 1941], прозаик. Родилась в среднего достатка помещичьей семье. Отец — Ник. Конст. Мать — Мария Ильинична, урожд. Ясеновская, дочь священника, «отличалась мечтательностью, сердечной добротой и большой любовью ко всему низшему, особенно к литературе и театру» (Автобиография — ИРЛИ, ф. 377, № 3788, л. 1). Училась в Кременчугской г-зии. В 1889 в «поисках самостоятельного заработка отправилась (там же) в Киев, архитектор В. Н. Николаев рекомендовал ее редактору газ. «Киевское слово» А. Я. Антоновичу, где 26 сент. 1889 и была опублик. первая заметка О. — «Нарушение санитарных правил» (б. п.), с этого времени она становится пост. автором газеты. Ее рассказы печатались и в киевском ж. «Мир иск-ва», в ж. «Стрекоза». С кон.

1890-х гг. переписывалась с В. Г. Короленко (его письмо 1899 с отзывом о рассказах О. — ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 434), к-рог считала своим учителем в беллетристике, тогда же завязываются отношения О. с М. В. Ватсон и Е. Н. Водовозовой.

В 1899 переехала в Петербург, в ноябре вступила в Союз взаимопомощи рус. писателей. Ее рассказы и повести публ. в ж-лах «Рус. богатство» (1900—14), «Рус. мысль» (1900—1904), «Вест. Европы» (1900, 1902), «Сиб. вопросы», «Сев. зори», «Вселенная» (все три — 1910), в газ. «Петербург. жизнь» (1900—01), однако, несмотря на многочисленность публикаций, у О. было достаточно трудное материальное существование, она работала в библиотеке, в 1909 перенесла крупное воспаление легких, в 1901, 1909 (дважды) и 1916 пользовалась финансовой поддержкой Лит. фонда (три прошения из четырех писали Водовозова в 1909 и Ватсон в 1916 — ИРЛИ, ф. 155). В 1904—13 О. подолгу жила в Полтав. и Харьков. губерниях, в Киеве, с 1913 (и до 1930) — постоянно в Петербурге. В 1905 участвовала в сб. «В защиту слова» (СПб.), о к-ром Б. А. Садовской писал, что он «носит печать злободневности и минутного интереса. Шершавым газетным языком повествуют о произволе провинци. целозоров гг. Дионео, Ольнем, Иванччи-Писарев...» («Весь», 1905, № 8, с. 63). В 1911 подвергалась обыску после того, как была задержана у Н. С. Русанова вместе с др. гостями (см. сообщение — «Изв. книжных магазинов т-ва М. О. Вольф», 1911, № 4, с. 51).

Рассказы О. из совр. жизни были пов. жизни дворян, семей и чиновничества, художников и владельцев меблированных комнат в провинци. городах, театральны. актрис и журналистов, сюжеты их строились вокруг проблем жизни одиноких женщин, нюансов семейных взаимоотношений и традиц. любовных треугольников. Уже ее журн. публикации — «Осенью» («Обр.», 1903, № 9), «Без иллюзий» (РБ, 1903, № 11—12),

«Радость. (Из дамского дневника)» (РБ, 1904, № 3) — получили благоприятные оценки в журн. обозрениях Ю. И. Айхенвальда в «Рус. мысли» (1903, № 10; 1904, № 2, 4, 5; 1905, № 9), к-рый отмечал уверенность писательской манеры в сочетании с элегич. мягкостью и психол. достоверностью. Дважды отд. изд. печатался рассказ «Обида» (СПб.—М., 1909, 1912) о следств. ошибке, едва не разрушившей жизнь гл. героя. В 1903 в Петербурге вышел первый сб-к О. — «Очерки и рассказы» (2-е изд. — 1912), в 1911 — сб-ки «Без иллюзий. Рассказы», «Цени. — Перед рассветом», в осн. доброжелательно встреченные критикой.

А. С. Глинка-Волжский выдвинул в 1-м сб-ке рассказ «Вашле», эмод. пестрой к-рому дает тема шумяновского этюда; другие проза. «много беднее... но все же написаны умело, ярко, колоритно», однако рассказ «Иван Фезорович» критично назвал «одной из бесконечных отраженных тений «Смерти Ивана Ильича»» (6. п. — РБ, 1904, № 3, отг. 2, с. 21, 22). В рецензии на 2-й сб. Е. А. Колтоновская ставит в заслугу О. мягкость и эстетичность манеры при строгом субъективн. позици. стороннего наблюдателя, родственные А. П. Чехову, но упрекает за зависимость от него в содержании (ВЕ, 1911, № 6; ее отзывы о др. сб-ках О. — «Вест. и б-ка самообразования», 1903, № 48; ВЕ, 1912, № 1; «Речь», 1911, 4 апр.). Среди недостатков, отмеченных большинством критиков, в т. ч. Айхенвальдом, — длиннота, перегруженность второстепенными эпизодами и персонажами. Н. П. Ащешов, кроме того, усматривал в рассказах О. идеализацию жизни («Обр.», 1903, № 10), а В. П. Половский писал, что в героях О. «мало жизненности. Они вялы, бесцветны, не ориентированы и непростительно словохотливы» («Новая жизнь», 1911, № 8, стб. 271). Др. отзывы: В. Ю. Б. (Н. И. Вентиль) — НВ, квл. прил., 1903, 29 окт.; Ю. А. Веселовский — «Вест. знание», 1903, № 12; Н. Коробка — «Обр.», 1903, № 4; Пя. Краснов — НМ, 1903, № 120; А. В. Луначарский — «Обр.», 1904, № 3; Ю. В. — РВед, 1911, 30 авг.; А. Басгарин — МВед, 1900, 1 июля; 1911, 30 апр.

В 1912 пьеса О. «Династия» (СПб., 1913) о разложении «дворянских гнезд» (муж из прагматич. соображений принуждает жену к аборт. там, жена гибнет под ножом хирурга, влюбленный в нее деверь принимает смертельную дозу морфия и т. п.), написанная по мотивам одноименного рассказа, была одобрена для постановки дирекцией имп. т-ров (реч. на одну из пост.: Лоренцо — «Одес. новости», 1913, 25 сент.). Писала также детские пьесы — «Фиделька» (СПб. — М., 1913) и «Шалость. Монолог В. Цеховской» (СПб., 1912). Ее ки. «Зверюшкины радости и невзгоды. Рассказы-сказки из жизни животных для маленьких детей» (П.—М., 1914) представляет собой переложения ритмич. прозой рус. сказок и басен И. А. Крылова в т. н. жанре семейного чтения. Печаталась в дет. ж. «Задуманное слово» (1900—16). Выступала также с фельетонами в газ. «Новости» за подписью «В. Н. Цех...» (была замужем за Вацлавом Феликсовичем Цеховским. юрнстом и литератором, детей не имела).

В 1918—27 служила в Наркомпрод-е-хлебопродукте, получила персональную пенсию. Издала единств. сб. «Рассказы» (М., 1918), сост. из довр. произв. Последняя ее публ. была в 1923 в «Голосе минувшего» (№ 3) — восп. о Водовозовой в связи с ее кончиной.

Изд.: Династия. — В кн.: Только час. Проза рус. писательниц кон. XIX — нач. XX в., М., 1988 (вступ. ст. и прим. В. Ученцова).

Лит.: ЛН, т. 87, с. 673. + Dictionary of Russian women writers; Муратова (2); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377*; ф. 357, оп. 2, № 406 (автобиография с датой рождения — 9 окт.) [справка Н. А. Прозоровой]; ф. 123, оп. 1, № 184 (письма к Е. Н. Водовозовой-Семевской, 1911—12); ф. 402, оп. 2, № 588 (письма к М. В. Ватсон, 1903—30); Р. 1, оп. 2, № 223 (письма Ф. Д. Крюкова, 1914); ф. 114, оп. 2, № 465 (письмо А. И. Неаполь-Писареву, 1904); РНБ, ф. 103, № 155 (биогр. анкета, 1928); ф. 118, № 904 (письмо П. В. Быкову, 1910); ф. 211, № 1979 (2 письма А. Г. Горнфельду, 1915—16); ф. 124, № 3167 (2 письма Э. П. Юргенсоны, 1912—13).

К. М. Паливко.

ОЛЬХИН Александр Александрович [13(25).10.1839, Петербург — 22.11(4.12).1897, там же; похоронен близ Троишк. церкви имения Кайдалово, ст. Белоостров Фин. ж. д.], стихотворец, журналист; адвокат. Из дворян; отец — ген.-лейтенант (см.: РВед), мать — нач. Марининского ин-та. По окончании Александров.

лицея (1859) служил в Мин-ве иностр. дел [в 1861—62 секр. консульства в Виддине (совр. Видин). в 1862—64 консул в Варне]. В 1865 вышел в отставку с чином коллеж. ас., вернулся в Петербург и был избран участковым мировым судьей, через 4 года не переизбранный в судьи, записался присяжным поверенным. Выступления О. в качестве адвоката по полит. делам «нечаевцев» и народников (о демонстрации на Казан. площади в Петербурге в 1876, на процессах «50-ти», «193-х» и др.) сблизили его с революционно настроенными студентами, к-рые устраивали «рыжеволосому великану» овации в зале суда (см.: «Вперед», 1876, № 5; «Былое», 1903, № 3; В. Н.

Фигнер характеризует его как «преданного сторонника революции» — ПСС, т. 5, М., 1929, с. 195). С 1870, после женитьбы на В. А. Беклемишевой (о ней: ДРДР, II, в. 3; см. также: Феоктистов, ук.), О. предоставляет свою квартиру под собрания «об-ва трезвых философов» — «неск. десятков, если не всей сотни человек», примыкавших к кружку «Отч. записок» (Скабичевский, с. 328). Здесь бывали помимо сотрудников ж-ла (А. Н. Плещеева, Г. И. Успенского, С. Н. Кривенко и др.) также Г. В. Плеханов, А. Д. Михайлов, Л. А. Тихомиров, жали революционеры, находившиеся на нелегальном положении (О. щедро снабжал их деньгами); за укрывательство одного из них (Л. Ф. Мирского) О. был судим в 1879 и оправдан за отсутствием улик. В том же году был выслан в Вологод. губ. под надзор полиции, в 1880 перемещен в Шадринск Перм. губ., неоднократно привлекался к дознанию по обвинению в гос. преступлениях.

В стихах (в осн. «на случай») О. стремится следовать традицим гражд. поэзии (Н. А. Некрасов, Плещеев). Первая публ. — стих. «Юноше» («Дело», 1867, № 12), в к-ром сентиментальность сочетается с «высоким» архаич. слогом: «И вашим молодым мечтаньем! Слезу исторгнули из глаз». Характерны для О. и его круга мотивы нравств. оправдания участников кровавой битвы с сильными мира сего («Ребенок», «Ночная тишина» — «Б-ка дешевая и общедоступная», 1875, № 5) и презрения к «позорным белшам, изменникам борьбе», к к-рым причислены и поэты «ничтожного иск-ва» («Безжал в страхе вы», «Нашим поэтам» — «Слово», 1878, № 2, 5). Принесшее ему славу стих. «У гроба» («Земля и воля», 1878, № 1), повс. С. М. Стелянку-Кравчинскому, убившему шефа жандармов ген.-адъютанта Н. В. Мезенцова, стронит как обращение к царю, перед к-рым автор доказывает справедливость рев. террора, называя его «всенародной казнью», а ее исполнителя «смирненш посланником» «святой Немезиды». По мнению современника, знаменательно, что это произв. написано «либералом, человеком, никогда не принимавшим активного участия в ... народнической деятельности», и свидетельствует о понимании ее целей «в высокоинтеллектуальной среде» (Морозов Н. А., Повести моей жизни, т. 2, М., 1965, с. 349—50). П. Ф. Якубович, к-рый из-за ценз. запрета не мог опубл. это стих. (неоднократно изданное за границей и нелегально, гектографич. способом, в Петербурге), упомянул о нем в своей антологии: «при всех недостатках формы» оно «отличается большой внутренней силой и в свое время пользо-

валось широкой популярностью» («Рус. муз. Стих. и характеристики 132 поэтов», СПб., 1907, с. 323). Среди стихов О. есть и романтит. опыты («Изабелка», «Мечта», «Жизнь» — сб. «Памяти В. М. Гаршина», СПб., 1889). Возможно, ему принадлежит переделка «Общее дело», 1885, № 80, дек., б. п.) в рев. духе стих. В. И. Богданова «Дуби-нушка»; существует мнение, что О. принадлежит лишь часть новых четверостиший текста 1885 (Гиппиус, с. 20—21). Нелегальные стихи О. не могли получить отклик в критике, но современники понимали, что секрет их популярности — не в лит. достоинствах: «все стихи его, появившиеся в нелегальных изданиях, были очень плохи, несмотря на весь свой революционный пафос» (Скабичевский, с. 329). Переводил Дж. Мильтона, «Думы» Т. Г. Шевченко (РБ, 1892, № 6).

По окончании гласного надзора в 1887 переехал в Н. Новгород, где, находясь под негласным надзором, продолжал, по свидетельству Стелянка-Кравчинского, защищать привлекаемых к суду и печатал в приволях, газетах корреспонденции (не обнаружены). В 1889 переселился в свое имение под Петербургом. В нач. 90-х гг. жил в Пскове, состоя при окружном суде присяжным поверенным. Публиковал в «Рус. жизни» обстоят. критич. статьи о переводах У. Шекспира, театр. постановках, интересных актерских работах, новых худож. выставках (см., напр.: 1893, 25 янв., 10, 24 февр., 14 марта). В кон. 1895 получил разрешение вернуться в Петербург. Служил юрисконсультантом в правлении об-ва Рязанско-Уральской ж. д. Сотрудничал в «Нов. слово» (стих. «Памяти М. Е. Салтыкова» — 1896, № 6) и «Нашем времени».

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Под гнетом самодержавия. Сб-х рус. рев. студентской поэзии, 1904; Волыная рус. поэзия второй пол. XIX в., Л., 1959 (БПБ, вступ. ст. С. А. Рейсера); Поэзия-демократы 1870—1880-х гг.; Волыная рус. поэзия XVIII—XIX в., т. 2, Л., 1968.

Лит.: Календарь рус. революции, П., 1917; Кравчинский С. М., Смерть за смерть, П., 1920, с. 9—10; Скабичевский А. М., Лит. восп., М.—Л., 1929; Вереякин Б. П., Рус. нелегальная рев. печать 70-х и 80-х гг. XIX в., М., 1960; Гиппиус Е. В., «Эй, удаль!»; «Дуби-нушка». История песни, М., 1962; Шестые тыщности чтения. Тезисы докладов и мат-лы для обсуждения, Рига, М., 1992, с. 99. + Историки, 1897: СО, 25 нояб.; РБЗ, 28 нояб.; ИВ, 1898, № 1; Южаков: ДРДР, т. 2, в. 3; ЛЭ; КЛЭ; Смирнов-Сохольский (ук.); Маслов.

Архивы: РГБ, 218, № 64, 40в (стих. О. «Христианин»); в к-зме: ф. 359, к. 8226, № 23, 24 (А. Н. Плещееву); ф. 157, п. 3, № 36 (Л. Н. Мамину-Сибиряку); к. 2, № 1 (письма Маменина-Сибиряка к жене); РГАЛИ, ф. 7, оп. 2, № 92 (П. В. Аленикову); ф. 2173, оп. 1, № 164 (С. Н. Кривенко); ГАРФ, ф. 102, 3-д-во, 1887 г., л. 827; РГИА, ф. 1405, оп. 85, д. 10780.

И. И. Гамма

ОЛЬХИН Павел Матвеевич [19(31). 1.1830, д. Пейпий Ямбург. у, Петерб. губ. — 1(14).8.1915, Петербург; по-

хоронен на правост. кладб. в Стрельне], популяризатор науки и техники. редактор, переводчик.

Его отец, Матв. Дм. (1806—53), книжторговец, издатель. Из семьи торговца-арест Олшанга. С 1824 — в Петербурге. Приняв православие, взял фамилию Ольхин. Учился на сажошника, затем стал береговым охранником таможенной службы Пейпийской пристани Ямбург. у. Жениться (ок. 1829) на Агнес-Катарине Паль (из швед. дворян. семьи), он работал курьером в Гос. контроле и в Особой канцелярии Мин-ва финансов (1833—42) и одновременно вместе с женой занимался торговлей и ростовщичеством. Воспользовавшись несыкупленным залогом книг А. Ф. Смирнина, Матв. Дм. открыл книжные магазины в Петербурге (1842—43) и в Москве (1845). С 1842 по 1847 издал ок. 90 томов (53 назв.) худож., науч., науч.-попул. лит-ры, уч. пособий. В 1843 открыл при своем магазине б-ку для чтения и выпустил каталог «Систематич. реестр рус. книгам с 1831 по 1846 г.» (СПб., 1846; сост. И. П. Бистров). Издавал ж. «Б-ка для чтения» (1842—42) и одновременно вместе с женой гектографич. «С.-Петерб. вед.» (с 1846 соав. с А. Н. Охтинным), ж. «Сын отечества» (1843—47; соав. с К. И. Жарниковым) и др. Убытки от издат. деятельности, готовность и раяла в семье (в 1851 ушел от жены) привели к тому, что против него (с выхола жены) было возбуждено Ф. В. Булгариним и Н. И. Гречем судебное дело и он попал в долговую тюрьму. После возвращения в семью и лечения в Финляндии был помещен в Обуховскую больницу, где и скончался. Он послужил прототипом Кириллова в ром. Н. А. Некрасова и А. Я. Пановой «Три страны света». См. о нем также: РБС.

Окончив Гл. нем. уч-ще св. Петра (а также в результате самообразования), О. владел нем., франц. и англ. языками. Первая публ. — «Частная жизнь древних греков и римлян» (БЛЧ, 1847, т. 84). Вскоре появился его пер. ром. В. Скотта «Перфекция красной-девица, или День святого Валентина» (там же, 1848, т. 90). Прочувившись год в Акад. художеств, О. в 1853 поступил в Медико-хирургич. акад., к-рую окончил со званием лекаря в 1858. Переводил мед. лит-ру, занимался химич. иссл. под руководством Н. Н. Зинина; в 50-е гг. был дружен с А. П. Борозиним. Опубл. кн. «О самоубийстве в мед. отношении» (СПб., 1859; 2-е изд. под назв. «Последние дни самоубийца», СПб., 1863). Преподавал на курсах стенографии (1865—77); направил свою лучшую ученицу А. Г. Сниткину к Ф. М. Достоевскому для записи романа, познакомив таким образом писателя с его будущей женой (см. Достоевская А. Г.). Редактировал журналы: «Вокруг света» (1861—65, 1867—68; первый год соав. с А. Е. Разиним), прил. к нему «Природа и земледелие» (1862—68; почти все мат-лы написаны или переведены О., в т. ч. ром. Ж. Верна «От Земли до Луны», 1868; отд. изд. — СПб., 1870); «Новый мир» (1899—1905; с прил. «Мозаика», 1901—04); «Лит. вечера» (1899—1903); «Культура и наука» (1905); «Фотографич. вест.» (1894—1911); «Залушное слово» (1901—15) и др., помещая в них свои очерки, статьи, рассказы (в т. ч. для детей); неофициально — «Воен.-мед. журнал» (1889—95) и «Модный свет» (1882—98). Совм. с П. П. Се-

ОЛЬХОВСКИЙ

мёновым-Тян-Шанским редактировал «Живописную Россию» (т. 1—12. СПб.—М., 1881—1901) и одноим. илл. вестник (т. 1—3. СПб., 1901—03). Чл. Фребелевского об-ва (с 1871), с 1901 — чл. РГО; с 1909 — поч. чл. Рус. технич. об-ва.

Др. произв.: «Руководство к рус. стенографии по началам Габельсбергера» (СПб., 1866, 3-е изд. — СПб., 1874), переводы: «Всеобщее землеописание» (т. 2, 3. СПб., 1864—66), «Подвиги человеческого ума» (СПб., 1870).

Лит.: Достоевский (ст.); Либрович С. Ф. На книжном посту. М., 1916; Достоевская А. Г. Восп., М., 1971 (ст.); Мюллер В. П. Мюллер И. Л. Как родилась «Вокруг света». — «Вокруг света», 1990, № 1; Абрамов В., Популяризатор науки О. — «Наука и жизнь», 1993, № 8. + Некралов, 1915: «Задушевное слово», № 42, 43. Брокгауз; Зиева.

Архивы: Ивановск. ист.-архитектур. и худож. музей, личный архив Ольховск.

В. В. Абрамов

ОЛЬХИН Сергей Александрович [4(16).7.1807, Петербург (?) — 13(25).11.1828, там же (?); похоронен на Лазаревском кладб. Александр.-Нев. лавры], поэт, драматург. Биогр. сведения скудны. Вероятно, дядя А. А. Ольхина. Из богатой купеч. семьи; дед — уральский заводчик, отец — президент Коммерц-коллегии, член правления Александровской мануфактуры; братья О. Николай и Александр (см. о них: РБС; Герцен, XV, 352 и ук.) позднее получили дворянство. Учился в Петерб. губ. г-зии (в третьем классе был первым учеником — «Приб. к СПбВед», 1820, № 105), к-рую окончил ок. 1825. Затем, судя по стих. его соученика Н. Бушакина «Послание к С. А. Ольхину». (На отъезд его в Финляндию) («Бабочка», 1830, № 10) и подписям под стихами О., вероятно, жил в Финляндии (в т. ч. на мызе Юкса), периодически приезжая в Петербург.

Первоначально сотрудничал в изданиях А. Е. Измайлова: в кон. 1825 дебютировал басней «Паук и муравей» и эпиграммой «Зачем, скажи, Клим, сочиняешь...?» («Календарь муз на 1826 г.», СПб., 1826). В следующем году выступал в ж. «Благонамеренный» (1826, № 8—12), преим. как сатирик и эпиграмматист: «Хоть не расти трава», «Франт и парикмахер» и др. После прекращения «Благонамеренного» публиковался в «Славянине» А. Ф. Воейкова (1827, ч. 1, 2, 4; 1828, ч. 5) где помещал в осн. стихотв. предания на сюжеты из рус. истории («Эвпраксия», «Герой Василько» и др.) и стих. балладного типа («Старуха-Колдунья»), вероятно, ориентируясь на общее направление журнала. Сотрудничество превратилось после неожиданного резкого отзыва об О. Воейкова, к-рый поставил его в ряд с поэтами да «господниоворцев, подьячих, фендриков, дворянчиков, недокончивших курса

наук в губернской гимназии» («Славянин», 1828, ч. 7, с. 226). Был связан также с Б. М. Фёдоровым, выступал на страницах его ж. «Новая детская библиотека» как поэт («Богач (Из Священного Писания)» — 1827, кн. 12), прозаик [пов. «Старушка» — 1827, кн. 6; «Сострадание. (Притча)» — 1827, кн. 12] и переводчик с нем. яз. («Голубое поле. (Загадка)» — 1828, кн. 8).

Поэт. творчество О., осознававшего себя прежде всего юмористом («Остричь моя (что ж делать?) страсть...» — «Благ.», 1826, № 8, с. 108), в целом отмечено чертами дилетантизма и тяготеет к кружковой поэзии в духе позднего сентиментализма. Эпиграммы его имеют отвлеченный характер и, по-видимому, конкретно ни на кого не направлены, в др. стихах иногда встречаются намеки на бытовые и биогр. обстоятельства.

О. пробовал свои силы и как драматург. Его одноактная сатирич. стихотворная комедия «Сборы на Невский проспект» (пост. в Петербурге в 1827; отрывок опубли. в альм. Фёдорова «Памятник отечественных муз... на 1828 г.», СПб., 1828; отд. изд. — СПб., 1828), написанная под влиянием Н. И. Хмельницкого, высмеивала нравы провинциалов, впервые приехавших в столицу. В это же время О. закончил комедию «Валентин» (не сохр.).

«Сборы на Невский проспект» вызвали в осн. отрыват. отклик. Иронически упомянул о комедии Н. А. Писевой (см. в его рсц. на альм. Фёдорова — МТ, 1828, № 2). «Несообразности, минимум остроумия» отмечал в вест. рецензии «Сев. пчелы» (1828, 12 мая; подпись О. Б-фа). О. М. Соменов поддал, что ее «стыдить ни прочесть, ни видеть на сцене больше одного раза» («СЦ на 1829 г.», СПб., 1828, с. 75; др. рсц.: МТ, 1828, № 5; МВ, 1828, № 9, обе б. н.; ср. также позднейший отклик Воейкова: ЛПРИ, 1832, 13 авг.).

После смерти О. одно его стих. появилось в «Славянине» (1829, ч. 11), а в 1830 М. А. Бестужев-Рюмин в своей газ. «Сев. Меркурий» в течение года опубликовал не менее 15 его эпиграмм и мелких сатирич. стих. (с неполной подписью; атрибутивная заметка — «Сев. Меркурий», 9 июня); два из них позднее были перепечатаны Воейковым (ЛПРИ, 1834, 17 марта, 1 авг.).

Возможно, О. принадлежат также пов. «Домовой» («Новая дет. б-ка», 1829, кн. 2; подпись С. О.), стих. «К Корине» («Славянин», 1829, ч. 9; подпись О.), «Храм славы» («Бабочка», 1829, 2 февр.; подпись О.) и две анонимные эпиграммы в «Сев. Меркурии» (1830, 26, 28 февр.).

Изд.: [Стих.]. — В кн.: Рус. эпиграмма. Лит.: Александр С. И. Указатель жизни и зданий в С.-Петербурге... на 1823 г., СПб., 1822, с. 501; Ист. записка 75-летию С.-Петерб. второй г-зии, ч. 1, СПб., 1880, с. 144; Бекетова Н. А. Очерк рус. детской журналистики (1785—1855). — В кн.: Мат-лы по истории рус. детской лит-ры (1750—1855), в. 1, М., 1927, с. 109; Длугач Р. В. Источники для словаря рус. дет-

ских писателей (1760—1854). — Там же, в. 2, М., 1929, с. 168. + ПНекр; Венгер. Список; Синилов-Соловьевский (протокола публикации в «Памятнике отечественных муз...»); ИРЛТ, т. 3, с. 62, 309; Масанов (не отмечен пословицей С. О.); Ист. кладбища Петербурга. Справочник-путеводитель, СПб., 1993, с. 82, 151 (сведения об отце и дзее).

Архивы: ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 923 (письмо И. И. Соколову); СПб ГТБ (шесть копии комедии «Сборы...» с авторской и цензурской правкой).

А. Ю. Балакин

ОЛЬХОВСКИЙ Николай Иванович [псевд. Оникс; 29.4(11.5).1819 (по др. сведениям — 1821), Петерб. губ. — 30.10(11.11).1868, Петербург], водевильст. Сын нач. 2-го отд. Деп. внеш. торговли, д. стат. сов. Изв. Самосвонотца Ольховского. Завершив в мае 1835 обычный курс Горно-ин-та и получив чин прапорщика

Корпуса горных инженеров, прошел офицер. классы, откуда выпущен в июне 1838 подпоручиком. Оставлен в Горном ин-те, где исполнял должности преподавателя черчения, смотрителя магнитной обсерватории, казначея, секр. уч. к-та. Кроме того, «обожая театр», был на корпусном театре режиссером [Скальковский К. А., Восп. молодости. (По морю житейскому). 1843—1869. СПб., 1906, с. 101]. В нач. 1855 переведен нач. Монетного отд. Деп. горных и соляных дел; с апр. 1863 и до конца жизни — в должности нач. С.-Петерб. Монетного двора; дослужился до чина ген.-майора. Автор ряда спец. трудов, опубли. в «Горном журнале».

В 1848—60 во время моды на водевилей написал более десятка водевилей (преим. одноактных), в осн. на орг. сюжеты [за исключением пьесы «Жид за печатью» (не опубли.; пост. 1853), «заимствованной с польско-го», поставленных гл. обр. в Александрин. и Малом т-рах. Водевилей О., или, как сам автор определял

их, — «шутки», «шутки-водевилли», сохраняя приметы жанра (куплет, любовную интригу и его традиц. приемы), не отличались особыми лит. достоинствами, но пользовались успехом на столичных и провинц. сценах: «Настроил, расстроил и устроил» (М., 1887; пост.: СПб., 1848; М., 1853; иронич. рец.: СПбВед, 1848, 21 дек.), «Первое декабря, или Яменинник» [М., 1887; в кн.: Общедоступный театр. Худож. сб. избр. пьес для нар. театров, СПб., 1903 (сост. Н. Корещий); рец. — там же; пост.: СПб., 1848; в репертуаре до нач. 20 в.], «Аллегри, или Взвзявшись за гуж, не говори, что не дож» (М., 1887; пост.: СПб., М., 1849; в рец. Р. М. Зотова отисчаются «очень забавные подробности, которые поневоле заставляют смеяться», но и «бедность сюжета» — СП, 1849, 10 февр.).

Герои водевилей — мелкие чиновники, лавочники, полковые музыканты, курьеры, мастеровые, дворники, кухарки и т. п. — погружены в быт Петербурга (колорит подчеркнут в обстоят. ремарках) и кажутся сошедшими со страниц физиологич. очерков. Одним из персонажей шутки-водевила «Лоскутица с толкучего» (М., 1889; пост. 1849; иронич. рец.: Р. З(отов) — СП, 1849, 3 нояб.; пологит. отзыв, возможно, принадлежавший Н. А. Некрасову, — «Совр.», 1850, № 1, с. 104) является писатель натуральной школы, с симпатичной обрисованный автором. Большинство водевилей написано О. специально для актера Александрин. т-ра А. Е. Мартынова. «грустный характер комизма» к-рого менял тональность жанра, заставляя сострадать «маленькому человеку»: отставному инвалиду («Ай да французский язык!», М., 1887; пост.: СПб., М., 1848); чиновнику, выгнанному за пьянство со службы («Незнакомые знакомцы», М., 1887; пост.: СПб., М., 1855; в рец. Зотова, критиковавшего пьесу за «несообразность и ничтожество сюжета», этот персонаж характеризуется как «превосходный тип оборванных лиц неопределенного звания» — СП, 1855, 24 янв.), потерявшемуся «в омуте жизни от неестественности общественного своего положения» (В. Чибисов — «Одес. вест.», 1860, 25 июня) и др.

Преимущество внимание О. к бытовым деталям, игра на фарсовых ситуациях порой разрушали сюжет водевила. Его нет в «Курьерской свадьбе» (М., 1887; пост.: СПб., 1851), где О. «вглядется довольно пристально в жизнь сторожей, курьеров и их общества, старается списывать свои лица с натуры, что и удается ему в некоторой степени» (Василько Петров — СПбВед, 1851, 11 февр.). Фарсы О. иногда доходили до безвкусицы, как писали современ-

ники о пост. шутки-водевила «Любовь и кошка» (М., 1887; пост.: СПб., 1850; М., 1853), напоминающего калейдоскоп, «в котором вместо цветных камешков двигаются люди, кошки, дрожки, лошади» и где герой «является то замаранным сажей, то облитым водой, то обсыпанным мукой» («Совр.», 1850, № 2, отд. VI, с. 69); «Грустно играть, жалко глядеть и стыдно пересказывать» (Ф. А. Конн — «Пантеон», 1850, кн. 2, отд. V, с. 27).

В кон. 1850-х гг. пьесы О. все более утрачивают признаки водевильного жанра. В «Тане-цыганке» (не опубли.; пост.: СПб., М., 1857) рецензент отмечал «вялость» сюжетного действия, заимствованного из изв. анекдота о том, как волокита похищает любовницу, а «между тем увозит свою собственную жену» (СПБВед, 1857, 24 февр.). В последней пьесе «Дурная примета» с характерным подзаг. «сцены из петерб. жизни» (не опубли.; в 1860 к. представленно на сцене признана «неудобной») о быте чиновников О. отказывается даже от куплета.

Др. произв.: «Описание железных балок и стропил, устроенных в Зимнем дворце при возобновлении его» (СПб., 1839).

Лит.: Лоранский А. М. Ист. очерк Горного ин-та. СПб., 1873, с. 132; Альшудлер А. Я., А. Е. Мартынов. 1816—1860. Л.—М., 1959, с. 74—75; его же. Театр прозаич. мастеров. [Л., 1968] (ук.); Петровская (1, ук.); История рус. драматургии. XVII — первая пол. XIX в., Л., 1982 (ук.). + Вольф: РБС, НЭС (1916); Венгероп. Спассок; ИРДТ, т. 4—7 (ук.); Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 44, оп. 1, з. 986, л. 45—51 (ф. с. 1856 г.); СПб ГТБ (неопубл. рукописи арам. соч.); ЦГТМ, ф. 303, № 16; ф. 569, № 59, № 174 (рукописи пьес и драмат. л.).

А. П. Кузнец

ОМУЛЕВСКИЙ (наст. фам. Фёдоров) Иннокентий Васильевич [26.11(8.12).1836, по др. сведениям — 21.10 (2.11).1837, Петропавловск, порт — 26.12.1883 (7.1.1884), Петербург; похоронен на Волковом кладб.], прозаик, поэт, переводчик. Сведения о том, что отец О. был исправником, с 1842 полицмейстером в Иркутске, арх. докт-тами не подтверждаются. Мать — из моск. купеч. семьи. Оставив (1848) после 6-го класса Иркутскую г-зию, служил мелким чиновником (в ГА Иркутской обл. докт-тов об О. не выявлено; ф. с. О. в нарядах ф. с. чиновников Иркутской губ. за 1848—56 в РГИА нет — справка С. И. Вареховой). По настоянию отца стал в 1856 вольнослушателем юрид. ф-та Петерб. ун-та, «со всем пылом молодости и жажды просвещения бросился в эту атмосферу горячих увлечений тогдашней рус. молодежи» (из восп. Н. М. Ядринцева, инт. по кн.: Петухов, с. 3). В 1857 издал (СПб.) первый сб-к переводов (б. ч. к-рых была сделана еще в Иркутске) —

«Советы» А. Мишкевича (отрицат. отзыв Н. А. Добролюбова — «Совр.», 1858, № 3) с собств. предисловием, в к-ром писал о своем раннем «сознании красот великого польского поэта» (с. 5), Юношеское ув-

лечение польской лит-рой, возникшее у О. не без влияния сосланных в Сибирь польских революционеров, сохранилось на всю жизнь. Он перевел драму К. Залевского «Марко Фоскарини» (СПб., 1877), стихи Л. Кондратовича, повесть Ю. И. Крашевского «Пан Твардовский» (не опубли.; рукопись — РГАЛИ, ф. 371, № 4, л. 54). В нач. 1858, не дослушав курса, уехал в Витебск, непродолжит. время служил чиновником особых поручений при губернаторе, после чего вновь возвратился в Петербург, где проживал до конца дней (за исключением проведенных в Иркутске 1862—65 и неск. месяцев в 1879). Интерес к лит-ре укрепился в петерб. кружке литераторов-сибиряков, группировавшихся вокруг Н. С. Щукина и Ядринцева. О. «в тогдашнюю время был очень молод, талант его развертывался исключительно под влиянием обличит. направления. Он писал массу сатирич., юмористич. стихов, эпиграмм и т. д... Мы застали его в блестящую пору его планов, надежд; он был неистово весел и постоянно в припадках влюбленности» (из восп. Ядринцева, инт. по кн.: Петухов, с. 5). Как ориг. поэт О. дебютировал в 1861 — поэма «Три промаха. Татарская легенда» («Век», прил. к № 17, приб.). В числе первых прозаич. произв. — «рассказы из путевых впечатлений» — «Сибирячка» (сб. «Сиб. рассказы», Иркутск, 1862) и «Медные образки» (газ. «Амур», 1862, № 26). Известность О. принес ром. «Шаг за шагом» («Дело», 1870, № 1—4, 6, 12; отд. изданием роман вышел в 1871 под назв. «Светлов. Его взгляды, характер и деятельность», изд. 1874 и

1896 были запрещены; рец.: НВ, 1870, 24 февр., 21 марта, 5 мая; ВЕ, 1871, № 5 — «Беллетристика добрых намерений»; «Дешевая б-ка для легкого чтения», 1871, № 1), от к-рого «веяло молодой верой и какой-то особенной бодростью», слово «революция» не просто прочитывалось в подтексте, но «стояло впереди как туча, издали поблескивая своими молниями, на горизонте общества, вышедшего из крепостного строя и остановленного на пути к всестороннему раскрепощению» (Корольков, V, 316, 317). Действие романа (содержащего автобиограф. материал, в т. ч. знакомство с декабристами, петрашевцами, сочувствие их идеям) происходит в сиб. губ. городе и отражает разл. настроения разночинной интеллигенции в это «трудное время». Революционно-демокр. просветительство, постепенные преобразования, «шаг за шагом» приближающиеся революции, — вот путь, к-рый выбран гл. героем («новым человеком» в духе Н. Г. Чернышевского) для того, чтобы «отстоять свою свободу, свое человеческое достоинство». В заключит. главе О., вероятно, предвидя упреки критики в адрес гл. героя как «человека фразы» ([Григ. Ник. Потанин]. «Сибирь», 1876, № 44, с. 2), пишет о том, что «ничтожные средства» к практич. деятельности в настоящем не исключают «более широкой арены деятельности» в будущем.

Роман вызвал оживленную дискуссию: «Молодежь зачитывалась им, сделала овалки автору, сибиряки присылали ему поздравит., сочувственные письма. Романом интересовались читатели и среднего круга, и в высшем свете» (Быков, с. 77). Приветствуя появление романа, М. Е. Салтыков-Щедрин (ОЗ, 1871, № 4) поставил его в ряд «новых» произведений, с полною достоверностью относящихся к насущным вопросам современности, проникнутых «серьезными устремлениями... освободиться от глуповатых разглагольствований и стать на дорогу образного воспроизведения жизни». Отмечая «целую книжечку», он вместе с тем еще возможности сказать, что О. «в худож. отношении стоит далеко впереди тех более опытных беллетристов, к-рые идут с иной рукою об руку в оловом и том же честном лит. направлении» (ЛХ, 417, 418).

Второй ром. О. — «Попытка — не шутка» о роли женщин в «60-х годах и далее» — начал печататься в «Деле» (1873, № 1), но был запрещен. Впервые полностью (включая 3 главы по журн. публикации и 6 глав, восстановленных по черновому автографу, найденному в РГАЛИ) издан в 1983. Первоначальная публ. романа возбудила не только ценз. гонения, но повлекла арест О. и заключение по обвинению в «антиправительстве, высказываниях» сначала в Петропавлов, крепость, а затем в Литов. замок.

Архивными документами подтверждено только факт заключения О. в тюрьму на 2 месяца в 1872 «за дерзкие слова против особ императорской фамилии», к-рые он «бузучи в пьяном виде позволил себе в разговор» в трактире «Яхши» (на Казанской площади). — ГАРФ, ф. 109, оп. 230,

я. 8770. В этой же справке сказано, что О. — дворянин. (Сообщено Е. А. Даниловой.)

Новые замыслы — пов. «Софья Бессонова» и ром. «Новый губернатор» — остались неосуществленными (РГАЛИ, ф. 371, оп. 1, № 2, 5). В 1874 О. тяжело заболел (на короткое время потерял зрение). Женитьба (ок. 1877) и «появившиеся на свет дети увеличили нужду и лишения», к-рые прежде О. переносил сравнительно легко. «Чтобы есть и не остаться на улице, мне пришлось... заложить все мое платье, продать книги... словом, нужда окулила меня своим мертвым словянным глазом с головы до ног. Теперь не могу даже искать занятий, ибо не в чем выйти на улицу, и вот уже два месяца, как я не дышу свежим воздухом. Положенное мое ужасно, безвыходно», — писал он А. К. Щеллеру-Михайлову 21 марта 1877, признаваясь, что хватается за дружбу с ним «как утопающий за соломинку» (РГАЛИ, ф. 558, оп. 1, № 27, л. 1—2; цит. по ст.: Якушин, с. 161). Ситуация постоянно усугублялась тем, что долгие годы О. был «во власти того „российского недуга“, к-рый забудил... немало других наших писателей и художников» (Быков, с. 77).

В 1883 был издан единств. прижизненный сб-к стихов О. — «Песни жизни» (СПб.), в к-рый вошли переводы и б. ч. наиб. известных ориг. произв. поэта, опублик. ранее в журн. периодике (в т. ч. в ж. «Будильник», «Искра», «Жен. вест.», «Живольное обозр.», «Наблюдатель»). Критика почти единодушно отмечала неоригинальность поэзии О., рассматривая ее как результат «переложения» им некрасовских мотивов и образов (ср., напр., стих. О. «Признание» и «Колыбельную песню» Н. А. Некрасова). Загрывая в стихах («На городском мосту», «Картинка», «Невеселая ночь», «Задуманная беседа» и др.) «чисто публ. темы» (К. Арсеньев — ВЕ, 1884, № 5, с. 267), ставшие традиционными для гражд. лирики (С. Я. Надсон: «те же советы молодому поколению бодро идти вперед, те же скорбные думы вступ „у гроба почившего труженника“, горькие сетования на жизнь, стремления и призывы к свободе, к труду и знанию», — ПСС, т. 2, П., 1917, с. 320), О. «не дает в своих произв. ни закоренных, строго выдержанных типов, ни ярких образов и картин... Поэзии в строгом смысле этого слова в стихах О. немного, но зато в них есть та теплота, правда и жизненность, к-рые, как некогда выразился Тургенев, говоря о стихах Добролюбова, не хуже поэзии» (там же, с. 319). Стих. О., содержащие призывы к борьбе «за дело роины святое» («Светает, товарищи!», «К молодому поколению», «О, юноши! Не тот герой...»), стали

поэтич. рев. прокламациями молодежи, к-рую привлекал не только их «бодрый», агитат. характер, но прежде всего образ «мученика идеи», борца за свободу, способного к самопожертвованию. К числу поэтич. удач О. критика (К. Арсеньев — ВЕ, 1884, № 5) отнесла стихи из цикла «Деревенские песни» (отд. изд. — СПб., 1884), отмеченные чисто нар. юмором, и сатирич. стихи, «полные свежести» («Моя примета», «Богачам», «Свобода»). Значит. место в сб-ке занимают «сиб. мотивы» — стихи (в осн. с подзаголовком «дорожные наброски»), посв. «далекой, суровой стране» («Монолог», «На берегах Енисея», «Ангарская греза», «На дальней родине моей» и др.). В ряде стих. этого цикла («Камчатал») содержится требование демокр. решения нас. проблем (напр., просвещения) малых народов — «детей природы», что тематически сближает их с публци. статьями О. в «Вост. обозр.» (ст. «Искусство у камчаталов» и др.). Восхищаясь величественной природой Сибири, ее «запасами несметными», вольнолюбивым характером своих земляков (к-рых он несколько идеализировал), их обычаями и традициями, О. с волнением думает о настоящем «страны изгнания и мук» и о ее будущем. Его представления о завтешней Сибири и Д. Востоке пронизаны пафосом социального оптимизма, характерного для творчества О. в целом: «Пройдут года — и ты, страна родная! Во всей красе могучей расцветешь» («Счастливы сон»).

Др. произв.: Рассказы и очерки: «Осторожный художник» («Худож. журнал», 1882, № 4, 5), «Наброски сиб. поэта» («Вост. обозр.», 1882, № 24, 26), «Без крова, хлеба и красок» («Худож. журнал», 1883, № 3), «Сутки на станции» (прил. к газ. «Сиб. жизнь», 1904, 7 нояб., 31 дек.).

Изд.: Земной рай и тайна карьеры. [Юмористич. стих.]. СПб., 1884; Полное собр. соч., т. 1—2, СПб., 1906 (в т. 2 — биогр. очерк и былл., сост. П. В. Быковым); Собр. соч., т. 2 (т. 1 не вышел). Иркутск, 1936; Избр. стихотворения. Хабаровск, 1961; [Стихи]. — В кн.: Поэты-демократы 1870—80-х гг., М.—Л., 1962; Шаг за шагом, М., 1923; Иркутск, 1950; Хабаровск, 1952; М., 1957; Иркутск, 1983; [Стихи]. — В кн.: Иоффе С. А., Стихов мелодия жанра. Иркутск, 1983, с. 208—20; Проза и публицистика [вступ. ст. В. Д. Осипконой], М., 1986.

Лит.: Яаринцев Н. М., Сиб. лит. восп. — «Вост. обозр.», 1884, № 6, 26, 33, 34 (то же в кн.: «Лит. наследство Сибири», т. 4. Новосибир., 1979); Сто же, Н. В. Федоров-Омулевский, там же, т. 5. Новосибир., 1980; Засодимский П. В., Из восп., М., 1986; Пестулов Е. В., И. В. Федоров-Омулевский. Очерк его жизни и лит. деятельности, Томск, 1900; Колтоновская Е. Певец Сибири. — «Сиб. вопросы», 1908, № 49—52; Быков П. В., Последняя встреча — «Нива», 1909, № 4; Чужак Н., Сиб. мотивы у И. В. Федорова-Омулевского. — «Сиб. архив», 1913, № 2; Евгеньев В. О. О двух забытых романах. — «Жизнь для всех», 1915, № 8—9; Ю. Васильев И. Г., Материалы к биографии И. В. Федорова-Омулевского. — «4ч. зап. ЛППИ

им. А. И. Герцена», 1959, т. 198; его же. Основные мотивы лирики О., там же, 1959, т. 210; его же. Роман О. «Шаг за шагом». — Там же, 1963, т. 245; Добропольский Л. М., Запрет. клипа в России, М., 1962, с. 115—16, 207; Гершков Б. Ф., Роман 1860-х — нач. 1870-х гг. о «чужих людях», Тарту, 1963; Пруцков Н. И., Роман о «любых людях». — В кн.: История рус. романа, т. 2, М.—Л., 1964; Якушкин Н., Новые факты жизни и творчества О., — «Сиб. огни», 1966, № 11; Михайлова М. Г., Сибирью плененные, Якутск, 1969; Петряев Е., Где архив О.? — В кн.: Лит. наследие Сибири, т. 3, Новосибир., 1974; Зиновьева М. Д., Стилевые особенности романа О. «Шаг за шагом». — В кн.: «Очерки лит-ры и критики Сибири XVIII—XX вв.», Новосибир., 1976; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосибир., 1982; Писатели Вост. Сибири, в. 2, ч. 1, Иркутск, 1983, с. 11—12; Васильев В., Под псевдонимом Качаткин. — «Дальний Восток», 1984, № 3; Абельтнн Э. А., Песни — свобода мол., Очерк жизни и творчества И. В. Федорова-Омулевского, Красноярск, 1987; ЛН, т. 11—12, 51—52, 53—54. + Некрологи: НВ, 1883, 28 дек.; «Эхо», 1884, 2 янв. Рус. писатели: КИЭ; Муртова (П); Мельср; Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 371; РГИА, ф. 776.
И. П. Мичкова, В. Д. Осипович

ОПОЧИННИН Владимир Петрович [4(16).9*.1878. Тифлис — не ранее 1939], поэт, прозаик, журналист, драматург. Сын П. А. Опочиннина. Мать — Мария Евг., из семьи петерб. ген.-майора Людвиггаузен-Вольфа. Окончил 1-ю тифлис. г-зию и юридич. ф-т Петерб. ун-та. Неск. лет работал в тифлис. адвокатуре. Печа-

таться начал в 1900-х гг. (ряд стихотворений опубликованы в кавк. газетах). В 1906 был фактич. редактором газ. «Кавказ» (офиц. редактором был его отец). С 1908 в «Бирж. вед.» опубликовал серию «кавказских очерков», в к-рых выступил как защитник интересов кавк. народностей от политики нац. гнета, в «Речи» также было напечатано неск. его статей в защиту «иностранцев» во время обсуждения в 3-й Гос. Думе запроса правых по поводу Кавказа. В этот же период предпринимает попытки опубликовать свои стих. в «Речи» (см. рукопись стих. «Истекший год» и сопроводит. письмо в редакцию «Речи», 29 дек. 1909 — РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1,

№ 3061). Переехав в 1910 в Петербург, в 1910—16 сотрудничал в газ. «Новое время», где публ. статьи по мн. вопросам экон. жизни, нек-рые из них выходили впоследствии отд. брошюрами (см., напр., «Итоги торгов 17 мая 1913 г. на нефтеносные участки Бакинского района», СПб., 1913); беллетристич. очерки («Г. К. Маковский» — илл. прил., 1910, 27 нояб.), рассказы («Мирное житье» — илл. прил., 1915, 26 сент.), «Старческая романтика», 1916, 21 мая). В илл. прил. к «Новому времени» появляются поэтич. произв. О. — стих. «Князь Михаил Скопин-Шуйский» (1910, 23 апр.), близкое по жанру к пет. балладе; лирич. стихи «На Востоке» (1915, 14 февр.), «Безумец» (1915, 21 февр.), «Вчера сбылись твои мечты...» (1915, 9 мая), «Италия» (1915, 23 мая), «На рассвете» (1915, 11 июля), «Летом» (1915, 25 июля), «Пожар зари» (1915, 22 авг.), «Осенняя любовь» (1915, 10 окт.), «В церкви» (1916, 9 апр.), «Чужая» (1916, 7 мая).

В рец. на сб. стихов О. «Грэм и живая» (П., 1915) критик писал о восприятии автором жизни как праздника, в программу к-рого входят женщины и вино, о том, что в стихах О. «мы встретились не столько с любовно-страстным, как с любовно-наслажденным», что поэт тяготеет к эллинистич. любви без «рефлексии» и к восточным мотивам, и справедливо отметил близость к поэтке А. Н. Майкова (Ю-и (Вентцель Н. Н.)). Песни о празднике жизни. — НВ, илл. прил., 1915, 2 мая, с. 8), сходство с к-рой, однако, не идет дальше отсылки стилистических элементов. Др. критик иронизировал не только над стихами О., но и над издателем, ил. печатающим: «особенно сильное влияние на мироустройство О. оказал... отдел объявлений, помещаемых в „Новом времени“ массажистками и тому подобными... труженицами» (Чернохлебов Ив. (Тиняков А. И.), Фрукт из сирийской апельсины. — ЖЖ, 1915, № 12, с. 18).

В годы войны регулярно печатал в сатирич. еженед. «Лукоморье» очерки («Новые понятия», «У колыбели человечества», 1914, № 20, 27; «На рубежах девяносто пятинадцатого», 1915, № 1), рассказы («Смелый замысел», «Неосужденная», 1915, № 9, 49; «Близкие, дорогие...», 1916, № 3), стихи (сатирич., военно-патриотич., лирич., пейзажные); в альм. «Лукоморье» (сб. 2, 1917) опубликован рассказ «Право слабого».

В 1909—10, заручившись поддержкой актрисы М. Г. Савиной, предлагает в Александрин. т-р драму «Другая жизнь» («Театр и иск-во», 1916; первонач. название «Мать»).

Была допущена к постановке в 1913, несмотря на ряд недостатков, отмеченных в отзыве театр.-крит. к-та дирекции имп. театров и, по мнению автора отъезда, обусловленных незнанием О. театр. специфики и эстетич. канонов драм. жанра: «нет резких промахов, за к-рые следовало бы отвергнуть пьесу, но нет в ней каких-либо выдающихся достоинств. Все в ней гладко, ровно, обдуманно» (РГАЛИ, ф. 853, оп. 2, № 1492), но назначена к представлению только 18—22 сент. 1915 (РГИА, оп. 18, а. 646 — справка В. М. Лупановой). Со смертью Савиной, к-рая должна была игратьгл. роль, постановка была приостановлена (подробнее см. письмо О. к В. А. Мещуринной-Самойловой, 1915. — РГАЛИ, ф. 2044, оп. 1, № 345); поставленная в 1916,

она выдержала 18 представлений (см.: ИРДТ, т. 7, с. 462; т. 9, получила под назв. «Понять — простота» — СПб ГТБ, справка П. В. Дюпраса).

В ней затронута тема, впоследствии развитая и в рассказах О., — женское соперничество матери и дочери, в к-ром побеждает дочь, а мать вынуждена уступить ей своего возлюбленного, причем для обеих характерно стремление к «красивой жизни». В 1912 О. создал либретто муз. драмы «Ночь на Монмартре» (из быта апашей) (автограф — РНБ).

В 1916 вышел сб. рассказов «Век нынешнего» (П.), представляющий собой попытку дать «картину совр. нравов». Отсылка уже в названии к А. С. Грибоедову имела, очевидно, особое значение для О., дед к-рого А. П. Опочиннин знал Грибоедова (см. подробнее в ст. Опочиннин П. А.). Сравнение веков, однако, «в противоположность параллели, проводимой автором грибоедовской комедии», оказывается не в пользу нынешнего (Ю-и (Вентцель Н. Н.)), Люди нынешнего века. — НВ, илл. прил., 1916, 30 июля). В рассказах О., посвященных «женскому вопросу», перед нами предстают множество женских типов и семейные взаимоотношения, далекие от патриархальности. О. показывает положение женщины в обществе, не соответствующее ее самосознанию: героини О., сильные самодостаточные натуры, вступают в конфликт с традиционно уготованным им жизн. уделом и рассматривают мужчину всего лишь как средство для реализации собств. планов. Верный гедонистич. мироощущению автор, по мнению того же рецензента, относится к своим героям «не с сатирической злостью, а скорее с любовью, видя в этой среде своеобразную жизнь, — пусть порочную, лишнюю глубокого содержания, но разнообразную, полную сильных ощущений» (там же).

Последнее достоверное свидетельство пребывания О. в России относится к 1917 — это его письмо В. А. Теляковскому из Петрограда от 13 янв. (РГАЛИ, ф. 770, оп. 1, 455). В Париже в 1939 сб. О. «Обманы прошлого» издан маленьким тиражом и только для узкого круга друзей и близких лиц. В предисл. О. писал: «Я уже давно отошел от всяких лит. кругов — у меня свои вкусы и оценки». Сб-к составлен из старых и новых стихов О., по содержанию нек-рых из них можно предположить, что автор эмигрировал из России через Германию.

Лит.: «Илл. вест. культуры...», в. 3, СПб., 1914 (биография); Рус. писатели в Грузии, Тб., 1983, с. 66—67; + Масанов.

Архивы: ЦГА Грузии, ф. 115, оп. 1, а. 29, л. 8^в (дело о службе отца) [справка Р. С. Александрян]; РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, № 1577 (письма А. И. Юденичу 1911—15), ф. 1348, оп. 1, № 616 (письмо неустановленному лицу, 1915); ЦГТМ.

ОПОЧИННИН

ф. 176, № 55 (восп. О. «Последняя роль» — о М. Г. Савиной). А. Г. Пирогова

ОПОЧИННИН Евгений Николаевич [23.5(4.6).1858, Рыбинский у. Ярослав. губ. — 28.9.1928, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], прозаик, журналист, фольклорист, историк театра; коллекционер. Из древнего обедневшего дворян. рода. Отец — служивший правления 5-го округа путей сообщения (губ. секр.),

лешие остатки старинны» (опубл.: ИИ, 1990, № 4; вступ. ст. и публ. М. М. Одесской), в к-ром, обеспокоенный многочисл. утратами худож. ценностей, высказал мысль о необходимости «спасать от всеуничтожающего невежества и роковых случайностей все, что может послужить для науки и иск-ва» (с. 115), и предложил, в частности, основать Об-во охраны памятников старины. В 1887 и 1889 по заданию Об-ва поощрения художников изучал памятники и предметы др.-рус. иск-ва.

В дек. 1879 О. — навсегда «пятниц» Полонского и «вторников» А. П. Милюкова, у к-рого познакомился с Достоевским, и стал часто бывать в доме писателя. В воспоминаниях о Достоевском (опубл. частично, с предисл. и комм. Ю. Н. Верховского — «Звенья», т. 6, М.—Л., 1936, см. также в кн.: Достоевский в восп., II, 381—90; записанный О. устный рассказ Достоевского о чиновнике-некромане опубл. в «Нов. мире», 1992, № 8, вступ. ст. и публ. М. М. Одесской) О. старается с максимальной точностью передать высказывания писателя о лит. творчестве, рус. нап. характере, его взаимоотношениях с И. С. Тургеневым, В. П. Авенариусом и др. литераторами. О. оставил восп. о П. П. Вяземском, С. Н. Терпигореве, Д. В. Григорьевиче, В. В. Крестовском, Г. П. Данилевском, А. Н. Майкове, Полонском, М. И. Семеновском и др., к-рые он надиктовал перед смертью, будучи слепым. Воспроизводит эпизоды из частной жизни литераторов, детали их взаимоотношений, О. создает нехрестоматийные портреты современников, сохраняя при этом тактичность, «хороший тон». Документальная точность записей («правдивость памяти»), чистота языка, записываемость изложения сообщают мемуарам О. историко-культурную и лит. ценность. (См. отзыв В. Д. Бонч-Бруевича об О.: «... один из редких людей своей эпохи по точным записям своих бесед с совр. ему писателями» — РГАЛИ, ф. 629, оп. 1, № 265, л. 32.)

В 1883—92 О. — исполняющий дела редактора внутр. отдела газ. «Правительство. вест.». Долгое время (кон. 1880-х — нач. 1900-х гг.) активно сотрудничал в «Ист. вест.», где помещал очерки, рассказы («К истории чумы» — 1888, № 7; «Отщепенец» — 1898, № 8; «Извест. Эпизод из последних лет старорусских порядков» — 1898, № 10; «Очерки старорусского быта» — 1902, № 3), в к-рых пытается через бытовые детали воспроизвести атмосферу прошлых веков, показать «домашнюю» сторону жизни эпохи. В основе большинства произв. О. лежат арх. мат-лы, к-рые он беллетризовал («Страницы из старого дневника

Протасьева. Анекдоты об Екатерине II, Павле I, Потёмкине, Баркладе-Толли, Аракчееве и др.» — ИВ, 1887, № 11). Показательно его письмо С. Н. Шубинскому: «имеется у меня весьма курьезный документ... Если обработать, будет очень интересно. Тут есть все: и раскольничий бег, и анекдоты об ист. лицах, популярны в то время у старообрядцев» (7 февр. 1892 — РНБ, ф. 874, № 52). Ориентируясь на массового читателя, О. писал рассказы, в к-рых сентиментальные перипетии частной жизни героев разворачиваются на фоне реальных ист. событий («Густава Кастанни» — ИВ, 1891, № 9). В этом же О. помещал также статьи по истории театра («За кулисами старого театра. Мат-лы по истории рус. т-ра, извлеченные автором из архива театр. дирекции» — 1889, № 2—3, 12). Сохранился отзыв А. А. Бахрушина «Об историко-лит. трудах Е. Н. Опочиннина», в к-ром рассматриваются три работы О. — «Рус. театр, его начало и развитие». Ист. очерк (в. 1—5, СПб., 1887—88), «Изображение смерти в ср.-век. процессах Зап. Европы» (ИВ, 1890, № 2), «Театральная старина. Ист. статьи. Очерки по документам. Мелочи и курьезы. С портретами и рисунками» (М., 1902). Бахрушин, ставя в заслугу О. использование неопубл. арх. мат-лов, отмечает: «очерки содержательны и написаны живым лит. языком, рассчитаны не только на специалистов, но и на широкие читат. круги» (ГИИМ, ф. 196, № 4).

После смерти Данилевского (гл. ред. «Правительство. вест.») в 1892 О. уехал в родовое имение Милюшино, в 1893—98 служил зем. начальником в Рыбинске (с 1895 губ. секр.), «вершил мелкие крестьянские дела», что давало ему материал для очерков: «Иван Васильевич» (об. «На трудовом пути», М., 1901) — о крестьянине-просветителе, занимающемся благотворительностью в духе теории «малых дел». В поездках по селам и деревням Рыбинского у. собирает песни, сказки, легенды, записывает нар. обычай. Результатом этой работы стали издания: «Русские нар. сказки» (М., 1913), «Сб-к детских нар. песенок, стихотворений, прибауток и пр.» (М., 1913). В 1902—05 О. редактировал газ. «Вест. Рыбинской биржи». В нач. 1900-х гг., переехав в Москву, начал активно сотрудничать в «Моск. листке», где «каждый романчик имеет свои два дня в неделю. Понедельник и среда — ист. роман Опочиннина» (Гиллярский В. А., Избр. произв., т. 2, М., 1960, с. 110). «Подзальные фельетоны-романы» О. — «На пути к королю» (1906, 4 янв. ... 8 нояб.), «В новой столице» (10 нояб. ... 29 дек.), «Кротовое наследство» (1911, 4 янв. ... 17 мая) — из эпохи Алек-

писал стихи; посмертно О. издал две книги его стих. — «Для немногих» (СПб., 1882) и «Забутые песни» (СПб., 1883), а позднее опубл. ст. «Рыдающие души» (ГМ, 1916, № 2) об альбомах и альбомной лирике «позтов-помещиков 40-х гг.», к к-рым принадлежал и его отец. Окончил Киев. ун-т, «для заработка», по его словам, писал в газетах (Лобанов, с. 36). В кон. 1879 переехал в Петербург. В качестве хранителя б-ки Об-ва любителей древней письменности (с 1879 член, с 1884 чл.-корр. об-ва) и Музея древностей (в 1879—83) стал ближайшим помощником президента об-ва и организатора музея П. П. Вяземского, занимался разбором Остафьев. архива, позднее архивами Шереметевых, С. А. Соболевского. Работа с раритетами (личные бумаги А. С. Пушкина, семьи Карамзиных, В. А. Жуковского и ин. др.) сформировала интерес О. к коллекционированию автографов. В собрании О. (хранится в РГАЛИ и ИРЛИ) — визитные карточки, письма, написаны на фотографиях, приглашения и записки, адресованные О., рукописи (в т. ч. В. Г. Бенедиктова, А. Н. Майкова, Ф. И. Тютчева, А. П. Чехова, Вл. С. Соловьёва), рисунки, выполненные, в частности, Ф. М. Достоевским, Н. С. Лесковым, Я. П. Полонским и др. Позднее О. написал очерки о частных б-ках в России — «Одна из домашних библиотек конца XVIII столетия» (СПб., 1884), о собирателях — «Рус. коллекционеры и уле-

ОПОЧИННИ

сандра I, «Временщики и самозванцы» (1911, 19 мая ... 31 дек.), «Тень императора» (1913, 1 янв. ... 18 июля), «Лесная царевна» (1913, 20 июля ... 31 дек.), «Слово и дело» (1915, 1 янв. ... 30 июня) и др. — «нельзя отнести к серьезной лит-ре» (см. отзыв В. М. Лобанова, больше ценявшего «зоркость, остроумие и чисто моск. колорит» в сценках и репортажах О.; см. также восп. об О. как о «выдающемся моск. репортере» в кн.: Дмитриев Н., Тени прошлого, М., 1985, с. 12). Грозозкая композиция, обилие сюжетных линий с чрезмерно детализированными описаниями событий и лиц превращали романы О. в затянутое повествование со слабоубойным общим замыслом. Не соглашаясь с ролью «поставщика чтива», О. вместе с тем критически оценивал свое творчество: «Разве мы настоящие писатели... Мы только удобрительный материал для будущих щедрых урожаев» (цит. по кн.: Лобанов, с. 38). О. печатался также в ж. «Юная Россия» (1907, № 5, 8—12), «Жизнь и люди» (1909, № 2), «Доброе утро» (1914, № 1), «Всемирная нлт.» (1914, № 11), где помещал в осн. рассказы и очерки ист. содержания. Издал три сб-ка охотничьих рассказов: «На родной земле» (М., 1900), «В деревне и на охоте» (М., 1902, 1910, 1915), «Из рассказов охотника» (в. 1—2, М., 1907, 1911).

Др. произв. Рассказы: «Зимн. Из быта глголемых старообрядцев» (СПб., 1898), «Братья» (СПб., 1898), «Зимний барин и др. рассказы» (М., 1907), «Из тьмы веков. Ист. рассказы» (М., 1910), «Старое и новое» (М., 1912). Очерки: «Несколько ист. сведений о франк-масонах» (СПб., 1883), «Древний Египет» (СПб., 1886), «Из жизни протоиерея Самборского» (СПб., 1888), «Дом боярина XVII столетия» (СПб., 1889), «Старообрядцы как хранители памятников старины» (МЛП, Изд. приб., 1905, 25 мая), «Любительское коллекционерство в России в XVII и XVIII столетиях» (там же, 29 мая), «Моск. частные музеи и собрания в первой пол. XIX столетия» (там же, 10 июля). Кн. «К истории рус. театра» (СПб., 1890); брошюра «Заседания Имп. об-ва ЛДП в 1883—84 гг.» (СПб., 1884).

Изд.: Сказ про лтцого лова Никитку (М.,—Л., 1930); [Фрагменты восп.]. — В кн.: Всп., в. 7, М., 1990 (вступ. ст. и публ. Е. В. Бронникова); ВЛ, 1992, в. 3 (вступ. ст. и публ. М. М. Одесской); [Рассказы]. — В сб.: «Рус. охотничьи рассказы», М., 1991 (вступ. ст. и прим. М. М. Одесской).

Лит.: Анофриев Н. Ю., Рус. охотничья библиотека. Брест-Литовск. 1905, с. 118; Ельчанинов Н. Н., Мат-лы для генеалогии Ярослав. дворянства, в. 1, Я., 1910; Лобанов В. М., Столешники дома Гляма, М., 1912, с. 35—36; Лизин В., Люди и встречи, М., 1965, с. 201—203; его же, Зыцкии маршера. Собр. соч., т. 3, М., 1974; Астафьев А. В., Астафьева Н. А., Писатели Ярослав. края,

Я., 1974; Опочиннинские чтения, в. 1, Мышкин, 1991; Одесская М. М., У истоков желтой прессы. — «Родина», 1992, № 10; Бахрушин Ю. А., Воспоминания, М., 1994 (ж.); Гулячинский В. И., Архивы деятелей библиографии. — «Библиограф», 1995, № 5/6, с. 198. + Мешер, Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 361; ИРЛИ, Р. III (л. ф.); ЦТМ, ф. 196 (в т. ч. рукопись «Отчет словаря деятелей рус. сценики»); РНБ, ф. 874, № 52 (письма О. разным лицам); РГБ, ф. 178, № 32 (доставка лит. фонда РСФСР); РГИА, ф. 1443, опл. 26, ч. 2, л. 3793 (авто о двоюродстве). М. М. Одесская.

ОПОЧИННИ Петр Алексеевич [псевд. Горесмехов и др.; 4(16).5.1853, Тифлис — 25.1(7.2).1907, там же], автор юмористич. и сатирич. стихов, прозаик, драматург, театр. деятель, журналист. Отец В. П. Опочиннина. Из ярослав. ветви древнего дворян. рода (известного с 15 в.).

Отец, Алексей Петр, (1807—85), участник мн. кавказских кампаний, с сеп. 50-л. гт. — тифлис. воен. комендант, х кон. жизни — ген. от артиллерии (см. о нем: РБС). Поместитель А. С. Грибоедова, А. Опочиннин владел сибирском «Горю от ума», содержащим, по его слов., авторскую правку; рукопись, утраченная в 40-е гг., была восстановлена им по памяти (т. н. «допочиннинский список», см. публ. и анализ В. С. Шагурина — «Лит. Грузин», 1960, № 10; восп. А. Опочиннина об истории рукописи — там же, 1957, № 1, публ. Ш. Гозалишвили; аутентичность воспроизведенного Опочинниным текста и достоверность версии об авт. правке подтверждается омонимией, см.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции, Л., 1977, с. 9, ст. С. А. Фомичева; Грибоедов А. С., Горю от ума, М., 1987, с. 395—97, ст. Н. К. Писемова). В друж. кругах отец О. был известен как литератор-любитель, автор шуточных посланий в стихах (тексты их составили его рукописный сб. — Ин-т рукописей АН Грузии, ф. Э. Г. Вейденбаума, № 366; частично опубли. Шагурина В. С., Грузия в творчестве забытых писателей И. П. Луккина и А. П. Опочиннина — «Труды Тбилис. гос. ун-та», т. 83, ч. 2, 1959). Мать О., урож. кн. Орбелиани, в родстве с груз. поэтом Г. Орбелиани.

О. получил дом. образование, в 1867—70 обучался в Тифлисе, г-знии. В 1870 поступил на матем. ф-т Петерб. ун-та, позднее перевелся на юрид. ф-т (окончил в 1876). Определен на судебную должность в Тифлис. окружной суд (1875—79), назначен товарищем прокурора суда (1879). В 1883 вышел в отставку (коллеж. ас. — 1884). В дальнейшем, занимаясь в осн. театр. и лит. деятельностью, исполнял также обязанности присяжного поверенного. С

1893 гласный 1-го разряда Тифлис. думы; в 1896 выдвигался на должность тифлис. гор. головы («Новое обозр.», Тифлис, 1896, 17 янв.), в 1897 избран членом Тифлис. губернского по гор. делам присутствия (РГИА).

Лит. публикации О., многочисл. и пестрые по жанровому составу (более 200 стих. разной тематики, очерки, рассказы, пьесы, театр. рец., критич. статьи и др.), появились в осн. в кавказ. периодич. изд. — в 1870—1900-е гг. он сотрудничал почти во всех ж-лах и газ. (на рус. яз.), выходивших в Тифлисе. Дебютировал в печати как воскресный фельетонист (с 1873) газ. «Тифлис. вест.», где помещал также стих., в т. ч. «Над могилкой Н. А. Некрасова» («Муза скорби, любви и печали...»); 1878, 15 янв., здесь же некрологич. заметка о поэте). В 1885—1905 сотрудничал в газ. «Новое обозр.». Из публ. в периодике, по б. ч. мало отличавшихся от массовой журнально-газ. продукции эпохи, неск. выделяются его сатирич. и юмористич. выступления. В нач. 1880-х гг. О. — один из организаторов (наряду с И. Ф. Тхоржевским, Н. В. Симборским и писателем Д. Эристави) и деят. участник тифлис. сатирич. ж-лов «Фаланга» (1880—81) и «Гусли» (1881—1882); Г. Туманишвили называл О. фактич. ред. «Фаланги», что, однако, не подтверждается др. источниками (см.: Кипнис, с. 236). Как юморист и сатирик печатался и в столичной прессе (ж. «Наблюдатель», 1882—1883). Мн. из фельетонов, стихов, «легенд» и «сказок» О., в русле демокр. направленности этих изд., были ориентированы на традиции сатирич. журналистики 1860-х гг., варьировали ее темы (осмеяние бюрократии, реакц. изданий, протест против засилья цензуры) и формы («перепевы» изв. стих. и т. п.); стих. «Гимн свободе» («В свободе совести и слова...») в «Пресса-узинца» («Отвори мне темницу! Прикажете цепи снять...»); оба — «Наблюдатель», 1882, № 9), зарисовки «Из дневника среднего человека» («Фаланга», 1881, № 10, 17, 26, 37, 40), «Столпы и патриоты своего Отечества» (там же, № 32) и др. Нек-рые из его произв., а также опыт перевода (стих. И. Чавчавадзе «Арагва») задерживались цензурой (СПИА Грузии); публ. в «Фаланге» памфлета «Невинные рассказы» (1881, № 44; предыдущий отрывок под тем же назв. — № 36) с прозрачными выпадами против К. П. Победоносцева («бичевался его оппозиция введению в России конституции и вообще все его поведение при дворе» — Туманов, с. 77) послужила причиной закрытия ж-ла и ухода О. со службы (там же, с. 77—78).

ОРАНСКИЙ

В 1883 О. выпустил ист. поэму из времен принятия Грузией христианства (4 в.) «Святая Нина» (Тифлис); 2-е изд. — Тифлис, 1884; переведлась на груз. яз. И. Кереселидзе) — переложение житийного сюжета (разрабатывавшегося и ранее рус. литераторами-тифлисцами, см., напр., поэму А. В. Марсова), с заметной ориентацией на образцы «кавказской» романтической поэмы. Позднее отд. изд. выходили рассказы, в к-рых О. затрагивал нек-рые социальные проблемы: «Светлое воскресение (три рассказа)» (Тифлис, 1892), «Из записок медного пятак. Прохождение Венеры через диск Солнца» (Тифлис, 1893; «Из записок...» — зарисовки из жизни разл. слоев общества, «увиденной» переходящей из рук в руки медной монетой).

В Тифлисе О. был широко известен как театр. деятель. В нач. 70-х гг. роженировал в созданном им кружке любителей сцены, впоследствии участвовал в любительских спектаклях, сыграл ок. 160 ролей (подсчитано по мат-лам фонда М. С. Маркса — Музей т-ра, музыки и кино Грузии, ф. 1, д. 2668, № 20825/111). среди к-рых — Фадеев и Репетилов в «Горе от ума» Грибоедова, Геродимич и Подколосин («Ревизор» и «Женитьба» Н. В. Гоголя), исполнил оперные партии (в т. ч. в «Севильском цирюльнике» Дж. Россини); заслужил благосклонные отзывы прессы. Агент ОРДЛ на Кавказе (с 1876). В 1887 — один из организаторов Тифлис. артистич. общ-ва, избирался его старшиной (1888) и пред. правления (1904—07); под руководством и с участием О. проходили благотворит. лит.-муз. вечера и спектакли в нар. т-рат. Проявил себя умелым и знающим администратором на посту дир. Тифлис. казенного т-ра (1894—1903), привлекал на гастроли мн. зап. драм. и оперных артистов — М. Г. Самой (близкий друг семьи О.), М. И. Ермолову, А. И. Сулбатову-Южину, Ф. И. Шалапина и др.

Еще студентом О. опубликовал комедию «Гордый узел» (СПб., 1875), литогр. изд.), поставленную в 1875 на столич. сценах (Александрин. т-р, в бенефис Савинной; Малый т-р, с участием Ермоловой). Обличит. пафос и «крайне цинические приемы автора» в изображении представителей инж. ведомства были усмотрены цензурой в драме О. «Гром грянет — перекрестятся» (1878; рукоп. в СПб ГТБ), один из персонажей к-рой — инженер, полковник, наживший значит. состояние нечестным путем (ценз. запрещение — РГИА, ф. 776, оп. 2, д. 18). Эти и последующие драматургич. опыты — комедия «Колыбельная песня, или Радли ребенка» («Театрал», 1896, кн. 29, № 79), пьесы «К делу» (Тифлис, 1900), «В лучах любви» («Кавказ. вест.», 1900, № 11, 12) и др. — отмечены шаблонностью сюжета, рутинностью характеров при умелости в построении и нек-ром динамизме интриги, к-рые обличают в О. знание жанровых законов. Сочинял либретто и музыку к опереттам («Автомат», 1891, рукоп. в СПб ГТБ), выпустил муз. «волшебную сказку-феерию» «Правда» (Тифлис, 1892).

Последней крупной публ. О. стал роман «Водопад» («Кавказ. вест.»,

1900, № 1—4, 6, 7, 9, 10; 1901, № 1; неоконч.), композиц. рыхлость, мелодраматичность сюжетных ходов к-рого во мн. искупаются увлеченностью автора в описании нар. колорита, быта и нравов тифлис. высшего об-ва (простота, раскованность, «природность» тифлисцев противопоставляются холодной чопорности петерб. аристократии), заинтересованным повествованием об идеальных исканиях молодежи (споры о поэзии С. Я. Надсона и т. п.), искренним одушевлением в изображении картин уличной жизни, кавказ. природы.

С 1905 О. — редактор газ. «Кавказ», неоднозначно, порой резко отрицательно оценивавшейся разл. течениями тифлис. общества, мнения (Туманов, с. 65, 81—82). Выступал с публич. статьями, в к-рых говорил о «единой нации кавказцев», включающей и русских, ратовал за обществ.-культурную самобытность Кавказа в противовес «нац. автономии», протестовал против политики разжигания нар. распрей (речь 1906 г. — «Кавказ», 1906, 13 апр.; «поэма в прозе» «Башня Вавилонская» — там же, 5 марта).

Др. произв.: стихотв. «восточ. сказка» «Орел и ворон» и «средневеков. легенда» «Гордый купец» (обе — «Фаланга», 1881, № 12), стих. «Вечер» и «Осенняя ночь» (сб. «Кавказ. жизнь», кн. 1—2, Тифлис, 1896—97), «Алдаверды» (сб. «Весь Кавказ», № 1, Тифлис, 1903), «Снегурочка. Весенняя сказка. Волшебное подражание Островскому» («Кавказ», 1906, 12, 14, 19 марта), ст. «Памяти А. Н. Островского» (там же, 1886, 8 июня).

Лит.: Тихонов В. А. Театр. восп. — ИВ. 1898, № 6, с. 820; № 7, с. 155; Туманов Г. М., П. А. Опочинин. — В его кн.: Характеристики и восп. кн. 3, Тифлис, 1908, с. 65—83; Терещанин С. Очерк из прошлого тифлис. т-ра. Тифлис, 1911; Шаффер В. П., Сорок лет на сцене рус. оперы. Восп. 1890—1930 гг., Л., 1936 (изд.); Лочошвили В., Идейно-лит. борьба вокруг творчества А. Н. Островского в рус. критике и ее отражение в Грузии. — «Труды Тбилис. гос. ин-та», т. 20, Тб., 1967 (о ст. О. «Памяти А. Н. Островского»); Кипиани М. А. Первые сагирини, ж-ты на Кавказе. — «Труды Тбилис. гос. ин-та», т. 131, [в.] 1, Тб., 1968, с. 234, 236, 249, 256; Хоперия И. Об одном забытом стих. — ВП, 1972, № 2; Рус. писатели в Грузии, Тб., 1983, с. 61—67 (автор раздела — Б. Пирадов). + Некрологи, 1907: «Кавказ. речья», 26 янв.; «Тифлис. листок», 26 янв.; 27 янв. (Л. Кипиани); «Закавказье», 26 янв. «Кавказ. календарь» на 1886—1903 гг. (Тифлис); ИРДТ; Груз. сов. энц., т. 7, Тб., 1987 (на груз. яз.); Масанов (из ученич. посед. Петербургский любителей П.-г.-н. Ов. Э.-н. Черный скрипкин. Невольтин юморист).

Архивы: ЦПА СПб, ф. 14, оп. 3, д. 16662 (ун.-тское дело, в т. ч. м. с.); ЦПА Грузии, ф. 115, оп. 1, д. 29 (сведения о службе); ф. 17, оп. 1, д. 4524; ф. 480, оп. 1, д. 594, 1048 (целые сведения, в т. ч. о запрете публ. перевода из И. Чавчавадзе — «выду тождественности»); ЦПАЛИ Грузии, ф. 55, оп. 1, д. 97 (сведения о службе); РГИА, ф. 1287, оп. 38, д. 3178, 3475 (биограф. сведения) [сравн. С. И. Вареховой]; ЦПАИ, ф. 176, № 55 (биограф. сведения в восп. В. П. Опочинина); ф. 217, № 2681—82 (служебные док-ты Тифлис. казенного т-ра, 1899, 1901 гг.) [справка И. П. Галуца]; Музей т-ра, му-

зейки и кино Грузии, ф. 1, д. 2668, № 20825/30 (Маркс М. С., Мое восп. о П. Опочинине); ф. 117, р. 1404 (анекдот О., 1894—96 гг.); СПб ГТБ (либретто оперетт «Два слепца», 1895; «Гомеопат», 1903; «Война и мир, или Обманутые дипломаты», 1906). Р. С. Авербах

ОРАНСКИЙ Николай Диомидович [6(17).12.1786, погост Богоявленский Вязников. у. Владимир. губ. — 14(26).1.1847, Москва; похоронен на кладб. Данилова мон.), поэт. Из духовного звания (сын диакона). Учился в Вязников. духовном уч-ще (1797—1800), во Владимир. духовной семинарии, откуда в 1803 направлен

как лучший ученик в Троицкую лаврскую (Троице-Сергиеву) сем. По окончании (1807) определен учителем естеств. истории, др.-еврейского и нем. яз. во Владимир. духовную сем. В 1810 вышел из духовного звания (без чина, т. к. не представил необходимых док-тов в Моск. губ. правление) и служил секретарем в разл. канцеляриях: Моск. палаты уголовного суда (1810—12), Моск. совестного суда (1812—14; губ. секр.), Моск. обер-полицейстера (1814—16), твэр. гражд. губернатора (1816—18) и Моск. губ. правления. В 1820 вернулся во Владимир. губ., где исправлял обязанности александра волостного смотрителя при дворцовых конных заводах. После краткой отставки в 1824, с 1826 по 1836 обер-аудитор секретного отд. Канцелярии Моск. воен. генерал-губернатора, участник неск. комиссий, в т. ч. «сверх должности», о «злонамеренных обществах» (1828, 1831, июнь 1834 — РГИА, ф. с.), дослужился до коллеж. асессора; в 1828 получил личное дворянство. В 1834—35 секретарь обеих следств. комиссий по делу А. И. Герцена, Н. П. Огарёва. В «Былом и думах» О. охарактеризован как верноподданный служака, «педаант, плетист, сыщик, похудевший, поседевший в завысти, стязанный и ябедах» (Герцен и др., VIII, 210). С 1836 (получив чин коллеж. сов.) до самой смерти смот-

ритель Павлов, больницы в Москве; в 1837 отмечен «высочайшим благоволением» «за отменный порядок» (РГИА); в 1843 в «Маяке» (т. 11) О. напечатал стих, на смерть П. И. Озерова — чл. Гос. совета, «начальствовавшего» над Павлов. больницей. В 1838 определен чиновником особых поручений в Комиссию по постройке храма Христа Спасителя в Москве.

Почти всю жизнь исполнявший обязанности секретаря и смотрителя самых разл. ведомств и учреждений, О., видимо, не переставал питать склонность к лит-ре и лит. занятиям: в нач. 1840-х гг. он вернулся к увлечению своей семинарской юности (из написанной в 1805 «тетради стихов» сохр. стих. «Изображение»; опубли. в кн.: (Смирнов А. В.), Лит. опыты воспитанников Владимир. духовной сем. в нач. XIX столетия, Владимир, 1901) и начал печататься, «тщательно скрывая свое авторство» — анонимно или под псевд. Старожил (Смирнов, 1910, с. 102). О. выпустил отд. изданиями «Песнь рус. барда» (поэма из эпохи Смутного времени; М., 1840), «Подарок детям в день Светлого Христова Воскресения» (М., 1840; акл. две поэмы на евангельские сюжеты — «Голгофа» и «Воскресение Христово»; отклик. отклик: (М. Н. Катков) — ОЗ, 1840, № 5), «Путешествие в Троицкую Сергиеву Лавру» (М., 1840) — о подвигах «лаврских отшельников» (иронич. рец.: ОЗ, 1840, № 7). В 1842 опубли. кн. «Стихотворения Старожила» (М.), в к-рую вошли поэмы «Ян Усмович, рус. богатырь времен Святого Владимира» (о нашествии печенегов на Киев), «Пересвет», «Потоп»; в это же время печатается в «Москвитянине» (ода «Северное сияние» — 1841, № 5 — с аллегорич. картинками Страшного суда) и в «Маяке»: «Единоборство Нестора Солуянина» (1843, т. 9), «Никомидийская дева», «Елеонская песнь» (1844, т. 14, 17), ист. поэма «Князь Феодор Юрьевич Рязанский» (1845, т. 19) (все под псевд. Старожил; см. также: «Маяк», 1843, т. 12; 1844, т. 15).

Поэмы и стихи О. на библич., христ. и ист. сюжеты (в последних доминирует тема ист. торжества христианства, «Святой Руси»), составляющие осн. содержание его творчества, описательны, растянуты, дидактичны (сюжет и конфликт ослаблены, характеры лишь намечены), неумелы с т. з. версификации («допотопные» стихи, «проза в стихах» — (П. Н. Кудряшев), рец. на «Стихотворения...» — ОЗ, 1843, № 2, с. 57). Сравнительно более удачны — вошедшие в кн. «Стихотворения...» (наряду с написанными в молодости баснями) опыты религ.-филос. медитаций и стихи на случай: «Прощание», «Жизнь» («Кто я? Не сон ли я

природы? Но с ней борюсь бессильный я»), «Воспоминание...», «В альбом дочери...». Единств. ценителем поэзии О. оказался, в силу единомыслия, анонимный рецензент «Маска» (С. А. Бурачок?), увидевший в «Стихотворениях...» стих «сильный и звучный», мысль «зредую» и «глубокую», чувство «чистое, пламенное, живое» (1843, т. 9, с. 109).

Воспитанный на образах поэзии М. В. Ломоносова и М. М. Хераскова, О. не скрывает своей приверженности к поэтам 18 в., а настойчиво ее декларирует: в предуведомлении к кн. «Стихотворения...» («От издателя» (несомненно, принадлежащем ему самому), как и в открывающем книгу стих. «К моим друзьям», обосновывается право поэта на «любовь к старине», на выключенность из временного контекста (поэзия не «раба современного вкуса» — с. II). Издатель упрекает также совр. поэзию в неспособности из «мрака современности» подняться на «высшую сферу» — упрек, связанный с самыми основами религ. мышления О.; в нем ошутима скрытая полемика с лермонтовским «И скучно, и грустно».

Лит.: Гершен (ук.); Смирнов А. В. Н. Д. Оранский. — Владимир. губ. вед., 1906, № 39, 43; его же, Н. Д. Оранский. — «Старый владимирец», 1908, 6 дек.; его же, Н. Д. Оранский. — В его кн.: Урожай и злати Владимир. губ., в. 4, Владимир, 1910 (по мат-лам, сообщенным глумом О. А. Г. Оранский); Валаковская М. Г. Допросы А. И. Герцена в следств. комиссиях 1834 г. как ист. источник. — В кн.: Архив. ежегодник за 1961 г., М., 1962, с. 106; Летопис. жизни и творчества А. И. Герцена. 1812—1850, М., 1974 (ук.). + Указатель ст. помещ. в «Маяке» за пять лет. 1840—1844. СПб., 1844; Маджидский Н. В. История Владимир. духовной сем., в. 1, М., 1900, с. 208, 218, 237; в. 3, М., 1902, с. 183; Добролюбов В. Г. Владимирское духовное училище. Владимир, 1905, с. 12; Богдан. ОЗ (1); Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 5, в. 1276, 1246 г. (п. с. 1246 г.); ф. 1343, оп. 26, в. 3831 (о дворянстве Оранский, 1846 г.) [справка В. М. Лупановой]; ГА Владимир. обл., ф. 789, оп. 1, т. 90 (асло «По представлению гр. (Ф. В.) Ростопчина о награждении классиком чинов окр. Моск. совестного суда О.»), 1813 г.

Г. Д. Овчинников.

ОРДЫНЦЕВ М. Д., см. Кострицкий М. Д.

ОРЕШИН Пётр Васильевич [16(28).7.1887, Саратов — 15.3.1938, Москва], поэт, прозаик. Сын приказчика мануфактурной лавки и швеи. Из-за бедности не смог окончить даже гор. 4-классную школу (см.: автобиография — в кн.: Книга для чтения по истории новейшей рус. лит-ры, 3-е изд., Л., 1926). О. противился намерению отца сделать его подручным в лавке, часто уезжал в с. Галахово Аткарского у. Саратов. губ. к деду. Здесь О. близко знакомится с деревен. жизнью, бытом и духовным миром крестьян; на формирование внутр. облика будущего поэта значит. влияние оказал дед, Ег. Ал. Орешин, — хранитель патриарх. взглядов, знакомивший внука

с нар. поверьями, апокрифич. образами, воспитывавший в нем привязанность к земле, крест, труду и христ. веру в нравств. значение добра.

В 1903 О. попал в школу бухгалтеров, но, не имея тяги к конторской работе, оставил ее и уехал в Сибирь; вскоре вернулся в Саратов. Увлеченно читал Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, А. В. Кольцова, Ф. И. Тютчева, совр. писателей. 11 авг. 1911 впервые опубли. в газ. «Саратов. листок» свое стих. «На гумне» (подпись П. О.); с 1913 регулярно печатался в газ. «Саратов. вест.». В ранних стихах опозитивировано село с его «избами-невидимками в покрывале кружевном» (стих. «Рассвет»); двойственное отношение к городу — одновременно и влекущему к себе, и растлевающему, «проклятому» — один из пост. мотивов лирики О. того времени («Утешение», «Думка», «Вечер» и др.). В 1913 переехал в Петербург, работал на жел. дороге; искал возможности печататься в столичных изданиях.

Важную роль в лит. судьбе О., как и в судьбе других т. н. новокрестьянских поэтов, сыграл Р. В. Иванов-Разумник, к-рый руководил лит.-критич. отделом ж. «Заветы»; в 1913 в ж-ле (№ 12) опубли. стих. О. «Деревня» («Я знаю шорохи и звоны/ Колосов, зреющих во сне...»), а в 1914 (№ 4) — цикл из 8 стих. «Деревенские песни» (в ред. примечании автор охарактеризован как «крестьянин, впервые выступивший в печати»). После закрытия «Заветов» стихи О. с 1915 печатаются в «Ежемес. журнале». В ранней лирике О. деревня неотделима от образов возлюбившей крестьян «Скорбящей Матери», взирающего на них с креста Иисуса, «Николы-батюшки» в мужицкой

сермяге («Переселенцы», «Кто любит Родину», «Вспыхнул в синих полях...» и др.); чувство гармонии, шири, красоты несет с собой природа. Заявляет о себе народно-песенное начало; возникает образ вольного казака Стеньки («Волга», «Идут», оба — 1914). Особую роль начинает играть эпитет «красный», чаще всего связанный с мотивом нарастающего социального протеста.

Характерное для др. новокрест. поэтов стремление передать в стихах «неизреченную тайну бытия» О. не свойственно; однако ему не чужды мечты о единстве мистически-патриархальной и крестьянски-бухарской России, утверждение веры в светлое будущее: «Будут нищие боярами/ Медный грош — червонным золотом» («Золотая соха», 1914). Одновременно О. пробует свои силы и в прозе (рассказ «Башмаки», 1914, и др.).

Отрицат. отношение к начавшейся войне высказано уже в первых стихах О. на эту тему, опубл. в «Саратов. вест.» 21 и 28 сент. 1914. В 1916—17 О., будучи призван в армию, участвовал в боях как рядовой солдат, награжден двумя Георгиев. крестами; антивоен. настроения в его стихах усиливаются (война — это Конь-Смертонос, под копытами к-рого «стонет родная Земля окровавленным ртом»); с особой непримиримостью они выражены в написанном верлибром стих. «Отчего не рдадут камни...».

Февральскую, а затем Окт. революцию О. встретил восторженно: он, как и др. поэты «крестьянской купнищи», связывал с ревл. преобразованием России осуществление мечты о праздничном обновлении деревен. жизни. В коллективном сб. «Скифы» (сб. 2, П., 1918) опубл. два программных стих. О. «Дулейка» и «Дед-Краснобай» (оба — 1917), в к-рых одновременно прославляются и древний земледельч. труд, одухотворенные силы природы и рос. бунтарство, покрывшие Русь «зори-стиги». В обзорной вступ. ст. «Поэты и революция» Иванов-Разумник отмечал, что О. по сравнению с Н. А. Клюевым и С. А. Есениным — поэт «безмерно менее сложный по формам поэтик, творчества», в ревл. событиях он «захвачен лишь одной стороной этого вихря — революцией социальной» (с. 2—3).

О первой книге стихов О. «Зарево» (П., 1918; с посвящением Е. А. Орешину), включавшей произв. 1913—17, сочувственно отозвался Есенин: «Даже и боль ее, шемпящая, как долгая, заунывная русская песня, приятна сердцу...» («Наш путь», 1918, № 2, с. 256). В состав сб. «Красная Русь» (М., 1918) вошли также и новые стихи, осн. пафос к-рых — разрушение старого мира;

этот пафос звучит и в поэмах «Я, Господи!» («Голос трудового крестьянства», 1918, 26 мая), «Народный сказ» (там же, 1918, 30 июня), «Крестьянский путь» (там же, 1918, 16 июля). Поэт разделяет свойственный крест. массе утопич. идеал свободы. Однако образ России в сб. «Красная Русь» не однозначен. Благословляя революцию, О. видит и великие испытания на трудном пути. Не случайно к «Руси-страстотерке» поэт обращается со словами: «У ног твоих белых в смертный рыдаю часа».

В 1919—21 О. жил в Саратове, печатался в газ. «Саратов. известия». В 1-й пол. 20-х гг. выходят сб-ки его стихов и прозы: «Дулейка» (Саратов, 1919), «Мы» (Саратов, 1921), «Голод» (М., 1921), «Алый храм» (М., 1922), «Радуга» (М., 1922), «Человек на льдине и др. рассказы» (М., 1922), «Ржанос солнце. Стихи. Том первый» (М.—П., 1923) и др.

В критике его творчество вызвало споры. Если В. Л. Львов-Рогачевский говорил, что социалиты О. «не из мести о граде Китеже, ... а из мечты о корке хлеба, но при этом отыскал трагич. ноты в стх стихах («Новейшая рус. лит-ра», М., 1919, с. 109), то И. С. Ангарский впрямо сблизил позицию О. с «осознанным идеолом» прот. поэтов («Новая поэзия и старые приемы критики» — «Творчество», 1919, № 12, с. 29).

Поэт реалистич. мироощущения, О. порой писал о событиях с обнаженной достоверностью; протест против уничтожения культуры и безысходность звучат в монологах лирич. героя написанной в 1919 поэмы «Метель» («Кричать бы — дрыхнуть не смею/ Ни силы, ни воли нет!»), однако во вступлении к ее первой публикации (сб. «Недра», кн. 1, М., 1923) О. отмежевывается от своего героя. Особой противоречивостью и внутр. драматизмом отмечена кн. «Соломенная плаха. Стихи. Том второй» (М.—Л., 1925). Поиски «полювой красоты» в деревне оборачивались разочарованием и отчаянием, «синия птица» из одном. стих. (1924) в конце концов оказывалась чуждом.

Проза в творчестве О. занимает меньшее место по сравнению с поэзией и уступает ей в худож. плане. Наиб. интерес представляют пов. «Под старой крышей» (опубл. в его кн.: «Корявый. Рассказы», М.—П., 1922) и «Злая жизнь» ([М.], 1931) — восп. о детстве и юности поэта.

В 1925 О. был избран чл. правления Всерос. союза поэтов; в борьбе творч. «я» с классовой догмой он сдает позиции и расходится с бывшими друзьями из новокрест. «купнищи», о чем прямо говорит в поэме «Моя библиотека» (Э. Б. Мекш датирует ее написание 1926), пишет агитат. стихи и поэмы («Матрос Иван», «Васька», «Деревенская ячейка» и др.), в к-рых Гражд. война и события в деревне оцениваются в

духе времени — с непримиримых классовых позиций. Худож. уровень этих произведений значительно ниже более ранних.

В 30-е гг. О. печатается все реже. В сб. «Вторая трава» (М., 1933) он славит тракторы, бригады, соревнование. Но О. не был принят рапповской критикой, причислившей его к «певцам кулацкой деревни». В последние годы О. работал над поэмой «Чалаев», к-рую послал на отзыв М. Горькому. В 1937 вышел сб-к стихов, декларативно названный «Под счастливым небом» (М.). В 1938 О. был репрессирован, приговорен Воен. коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу 15 марта 1938 и расстрелян в тот же день. Реабилитирован 18 окт. 1956.

Др. произв.: «Родник. Стихи. Том третий» (М.—Л., 1927), «Откровенная лира. Стихи. Том четвертый» (М., 1928), «Стихотворения» (М.—Л., 1929; послесл. Д. Киреева); по вестн и рассказы: «Бабий бунт» (М., 1922), «Деревен. свет» (М., 1922), «Мужики» (М., 1923), «Ничего не было» (М.—Л., 1926), «Палисадник» (М.—Л., 1927), «Красный бор» (М.—Л., 1927), «Людшики» (М.—Л., 1927) и др.

Изд.: Стих. и поэмы, М., 1958 (вступ. ст. В. Сидорина); Повести и рассказы, М., 1960 (сост. К. П. Орешин); Стихи, Саратов, 1964 (послосл. К. П. Орешина); Избранное. Стихи, М., 1968 (прим. К. П. Орешина); Чалаев. Поэма, М., 1968; [Стихи]. — В кн.: Серебряный век рус. поэзии, М., 1993.

Лит.: Львов-Рогачевский В., Поэзия новой России. Поэты поэзии и тор. окраин, М., [1919]; Лаврова К., Поэтик. речь П. Орешина. — «Горн», 1920, кн. 5, с. 37—39; Князев В., Ржанос алоствы, П., 1924, с. 21, 22, 140; Евгеньев-Максимов В., Очерк истории новейшей рус. лит-ры, М.—М., 1925, с. 219—24; Никитина Е. Ф., Рус. лит-ра от символизма до наших дней, М., 1926 (библ. справка — с. [371]); Селивановский А., Жизнь мир и буфалия, — «Молодая гвардия», 1928, № 9; Бескин О., Кулацкая худож. лит-ра и одиортуности, критика, [М.], 1930; Трифонов Н., Кулацкая методолог на страницах «лит. галет», — «На лит. посту», 1930, № 17; Самосюк Г. Ф., П. В. Орешин. — В кн.: Рус. писатели в Саратовском Поволжье, Саратов, 1964, с. 222—33; Никитина Е. П., «Крестьянские поэты» начала XX в. — В кн.: История рус. поэзии, т. 2, Л., 1969, с. 361—62; Мекш Э., Поэма О. 20-х гг. — В кн.: Вопросы социологического, сб. 2, Рига, 1972, с. 81—99; Михайлов А. И., О крест. поэты нач. XX в. — РЛ, 1973, № 1, с. 126—39; его же, Пути развития новокрестьянской поэзии, Л., 1990 (ст.); Макина М. А., Из истории месст. взаимоотношений 1920—1930-х гг. — РЛ, 1979, № 4, с. 142; Збыровский З., Поэма О. — «Болг. ренессанс», София, 1985, № 3, с. 36—44; Азавовский К., Николай Клюев. Путь поэта, Л., 1990, с. 209, 211, 293; его же, Новокрест. поэты, Ставрополь, 1992, с. 15, 18, 47; Петросов К. Г., Пути О. — В кн.: Рус. лит-ра XX в.: направления и течения. Сб. науч. тр., в. 1, Екатеринбург, 1992; его же, Соломенная плаха поэта (О «крестьянской купнищи» в судьбе О.), — ФЛ, 1992, № 4, с. 3—13. — Гусман; Владиславлев; Тарасецков; Муратов (1. 2. ук.); Мауш; ЛЭ; КЛЭ.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1123; ИМЛИ, ф. 174; Центр. архив ФСБ РФ (сведения о расстреле).

К. Г. Петросов.

ОРЖИЦКИЙ, Оржитский Николай Николаевич [11(22).7.1796 —

1(13). 1. 1861; похоронен в Сергиевой пустыни близ Петербурга), поэт. Из дворян Петерб. губ. Незаконный сын сенатора гр. П. К. Разумовского (1751—1823), мать из нетитулов. встав Разумовских — Ал-дра Вас.

Деденёва (1761—1816). Фамилия О. образована от назв. мызы Оржицы Петергоф. уезда. «Сын счастливой любви, дитя — бадовень нежной матери, воспитанный в роскоши и изобилии» («Восп. Бестужевых», с. 370), он получил хорошее образование в разл. пансионах Петербурга и в Петерб. губ. г-зии, где его соучеником был А. Д. Илличевский. В июле 1813 выступил юнкером в Ахтыр. гусар. полк; участвовал в зарубежных походах 1813—15; с окт. 1813 корнет «за отличие», с 1817 поручик; в 1819 уволен от службы «за болезнью» с чином штабс-ротмистра.

Знакомства О. в лит. кругах, вероятно, завязываются в нач. 20-х гг. через однополчан — композитора А. А. Алябьева и друга К. Ф. Рыльева Н. Г. Бедрягу. В 1824 регулярно виделся с Рылеевым и А. А. Бестужевым (Памяти декабристов, в. 1, Л., 1926, с. 60—62). Видно, летом того же года сблизился с А. С. Грибоедовым; по восп. Д. И. Завалишина, Грибоедов читал «Горе от ума» в гостях у О., «у к-рого он обедает иногда» (Грибоедов в восп., с. 133). Осень 1824 — зиму 1825 провел в Москве, бывал у П. А. Вяземского, к-рому А. Бестужев рекомендовал его как своего «доброе приятеля» (ЛН, т. 60, кн. 1, с. 226). Летом 1825 с намерением устроиться на службу предпринял поездку в Одессу, доверив Рылееву ведение дел по своему наследству. В Крыму виделся с Грибоедовым (из письма Грибоедова А. Бестужеву 22 нояб.: «Вспомнили о тебе и о Рылееве» — ПСС, т. 3, СПб., 1917, с. 182). В ноябре, возвращаясь через Москву, встречался с А. И. Одоевским и Завалишиным.

Накануне и в день восстания декабристов был у Рыльева. По собст-

венным показаниям, к Рылееву его «привели дела», связанные с доверенностью; тот просил О. «не оставить его семейства» (Восстание декабристов, XV, 121). 23 дек. арестован и помещен в Петропавлов. крепость. Следствие установило: не будучи членом тайного об-ва, знал о существовании Северного об-ва. На допросе назвал известных ему членов об-ва, причислив к ним Грибоедова, Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина. Приговорен к лишению чинов, дворянства и ссылке рядовым в Кизляр. гарнизонный батальон.

Впоследствии Греч описал отношения О. и декабристов: «О. ...веселых и большой хлебосол, кормил и поил друзей своих, не обращая внимания на их пустые речи, и полагался за то разжалованием в солдаты, с лишением дворян. достоинства» (Греч, с. 518—19). М. А. Бестужев свидетельствовал, что на приглашение участвовать в об-ве О. отвечал: «пожалейте меня, я хочу поужинать, пожить. Если будет удача, я вояс ваш» («Восп. Бестужевых», с. 389).

В 1827 переведен «впредь до отличной выслуги» в действующую армию, в Нижегород. драгун. полк. Участвовал (1827—29) в рус.-перс. и рус.-тур. войнах; отличился храбростью при Джеван-Булаке (5 июля 1827), в янв. 1828 произведен в унтер-офицеры, в марте, возможно, без помощи Грибоедова, получил чин прапорщика (РИ, 1828, 22 марта, с. 307). Видно, летом 1829 встречался с А. С. Пушкиным во время его поездки по Кавказу («приятель мой О***» — сказано в 1-й гл. «Путешествия в Арзрум»; в черновике было Ор...).

В 1832 по ходатайству друга ген.-адъютанта М. Е. Храповицкого уволен от службы, однако въезд в столицу был по-прежнему запрещен. В 1834 О. женился на воспитаннице отца Софье Кроковской (ранее, до 1825, браку препятствовало светское общество) и поселился в своем имении в Петергоф. уезде. С 1837 успешно занимался устройством крепостных. Своему опыту, как «из довольно бедных и неисправных людей» — сделать зажиточных и исправных крестьян, О. посвятил ст. «Об устройстве оброчного имения» (Письмо к издателям) («Журнал земледельцев», 1858, № 2). В 1856 по мажоритарной амнистии освобожден от всех ограничений, ему и детям (3 сына и 4 дочери) зарезаны права потомства, дворянства. Последние годы жизни был тяжело болен.

Стихотворения О. печатались в кон. 10-х — нач. 20-х гг., однако до сих пор «не установлены его псевдонимы и буквенные подписи» (Аздовский М. К., Затерянные и утраченные прозв. декабристов. — В его кн.: Страницы истории декабризма, т. 2, Иркутск, 1992, с. 221). Под своим именем напечатал в «Сыне отечества» в 1819 стих. «Прощание гусара» (№ 51), получившее хождение в списках как типичный образец альбомной поэзии (см.: «Собр. разных стих. в 6-ти частях» — ИРЛИ, Р. II, оп. 1, д. 598, л. 10—10 об и альбом С. Д. Полторацкого — ИРЛИ, ф. 265, оп. 1, д. 36, л. 374). Стихотворение имело биогр. подтекст (в 1819 О. оставил воен. службу), но в то же время стало выражением разочарования в жизни и томления по

деятельности, характерных для поколения 1812 («Я броню скинул, меч мой ржавит, / В бездействии душа моя»). Прощаясь с гусар. молодостью, поэт обращался к однополчанам, в т. ч. к другу Алябьеву, к-рый вскоре положил стихи на музыку. В романсе (опубл. в февр. 1823) композитор подчеркнул интонации «гусар. лирики» (Штейнпресс Б. С., Страницы из жизни А. А. Алябьева, М., 1956, с. 52, 79—80, 91; с. 387—389 — ноты и слова романса).

Изд.: Прощание гусара. — В кн.: Поэзия и письма декабристов, Г., 1984.

Лит.: Васильчиков А. А., Семейство Разумовских, т. 1, СПб., 1880, с. 192; Восп. Бестужевых, М.—Л., 1951, с. 370—71 (и ук.); Архив Рязанских, т. 1, СПб., 1908, с. 347—48, 355, 393—94; Восстание декабристов, III, 268, 329—330 (и ук.); XV (ук.); Пушкин. Временник, в. 2, М.—Л., 1936, с. 245—46; в. 6, М.—Л., 1941, с. 259; Греч К. Я., Пушкинский листок, СПб., 1911, с. 40; Декабристы и тайные об-ва в России, М., 1906, с. 94, 114; Восп. и рассказы деятелей тайных об-в 1820-х гг., т. 1, М., 1931, с. 262, 270, 272—73, 276; Грибоедов в восп. (ук.); ЛН, т. 59 (ук., в т. ч. с. 224—25 — из показаний О. о Рылеев); Исканова М. В., Грибоедов и декабристы, М., 1977 (ук.); стик. — с. 301—02; Шеголов П. Е., Декабристы, М.—Л., 1926, с. 269; Шухминский сб., т. Ю, М., 1912, с. 427; Писатели-декабристы в восп. современников, т. 1—2, М., 1980 (ук.); Потто В., История 44-го Драгун. Нижегородского полка, т. 3, СПб., 1894, с. 36, 41, 45; РС, 1882, № 8, с. 446; РС, 1892, № 11, с. 446—47; Всеволодская Л. В., Из глубины веков... Рассказ правнучки декабриста. — «Сов. культура», 1982, 7 дек.; Молва Н. М., Земля и годы. Из истории хроники Москвы и Подмосковья, М., 1990, с. 96—100; Эйдельман Н. Я., Быть может, за хребтом Кавказа, М., 1990 (ук.); ЛН, т. 4748, с. 94, 144—46, 278, 283; т. 60, кн. 1—2 (ук.). + Эминова (1, 2); Декабристы: Дневники декабристов. Ук. лит.-гр., 1977—92. М., 1994; Черейский.

Архивы: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, д. 1918 (дело о наблюдении за О. 1847—54); д. 1919 (всего о состоянии под надзором полиция 1838); ШНАМ, ф. 1280, оп. 8, д. 664, л. 117; оп. 1, т. 6, л. 374, 403, 422. Е. Е. Пастернак.

ОРЛОВ Александр Анфимович [1790 или 1791 по др. сведениям — ок. 1787), с. Махра Александров. у. Владимир. наместничества — март 1840, Москва], автор соч. для читателей из полуобразов. и простонар. среды. Сын помещика, не имевшего фамилии, впоследствии ставшего священником. Воспитывался в семье деда (по матери), Н. А. Орлова, сел. священника, окончившего семинарию, к-рый был первым его учите-

лем. В 1801—13 учился в сем. Троице-Сергиевой лавры (при определеннии взял фамилию деда); после окончания сдал экзамен на звание учителя франц. языка. Позднее с самоиронией вспоминал о юношеских честолюбивых мечтах, заставивших его отказаться от духовного звания («Моя жизнь...», ч. I, с. 112—13). В 1814 О. поступил на словесное отд. Моск. ун-та. Крайняя бедность заставила его (видимо, в 1816) почти на год прервать занятия и уехать из Москвы дом. учителем в имение состоят. помещика. Окончил ун-т по этико-полит. отд. в 1821 со званием кандидата (ЦИАМ, ф. 418, оп. 118, д. 287). Нек-рое время служил мелким канц. служащим: с авг. 1820 — во 2-м деп. Моск. магистрата, в 1822 — в Моск. казенной и (с нач. 1823) уголовной палате 2-го деп. (губ. секр.). Уволен по прошению в 1826 (позднее получил чин коллеж. секр.). Давал частные уроки, жил лит. трудом.

Писать начал еще студентом: в 1819 подавал в цензуру рукопись «Смерть купца, или Нынешний свет в собств. его виде» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 11, л. 70 об.), возвращенную «для исправления», в 1820 — «Смерть отца, или Наставник сыну, Соч. в стихах» (там же, оп. 1, д. 7 — сообщено А. И. Рейтблатом).

Первая публ. О. — «Лат. азбука» (М., 1824) — не выявлена (см.: Смирнов, 1910, с. 84). В 1827 выпустил эпич. поэму «Дмитрий Донской, или Начало рос. величия», в 1828 — поэму «Александр Первый, или Поражение двадцати язык» (обе — М.), написанные тяжелым, архаич. языком. С 1830 печатает ориентированные преим. на традиции бытовой прозы 18 в. нравоописат. и сатирич. повести, снабжая их распространяемыми в нач. 1830-х гг. подзаголовками: «нравственно-сатирич. роман», «нравственно-повествоват. роман», «критич. роман», «нравоучит. роман», «аллегорич. повесть» — «Неколебимая дружба чухломских жителей Кручинина и Скудоумова...» (ч. 1—3, М., 1830), «Верхоглядя, приезжие за газетами, или Махнули рукой, да и поехали домой», «Воронья перья, или Моск. самодурка», «Карты, разговаривающие с девицами, вдовцами, молодыми молодницами и со всеми лицами...» (все — М., 1831), «Чертовы ночи, или Новое не люблю не слухай, а лгать не мешай» (М., 1833), «Василий Косые, или Оптическое путешествие по столам приказных» (М., 1834).

В общей сложности О. написал более 60 книг (перечень см.: Геннади). В сущности брошюр в 1—3 печатных листа, что породило не вполне оправданное мнение о его необычайной плодовитости (ОЗ, 1846,

№ 5, с. 94; Белинский, I, 82; РВ, 1871, № 11, с. 154).

О. изображает жизнь средних (купцы, мещане, мелкопоместные дворяне) и низших слоев общества, к-рым и было адресовано его творчество; среди читателей О. также образов. разночинцы, мастеровые, приказные, дворовые, грамотные оброчные крестьяне. В их среде его книги пользовались большой популярностью благодаря доступности, занимательности содержания, хорошему знанию быта моск. окраин и предместий, широко введенною в речь персонажей просторечия, рус. словиц и поговорок. Кроме того, назидат., схематически выстроенные, варьирующие один и те же темы и положения книжки О. были обращены к правос. верованиям и обычаям, открыто осуждали пороки: невежество, пренебрежение к труду, тщеславие, страсть к наживе, взяточничество и др., что отвечало традиц. нар. представлениям и ценностям. Пренебрежение к роскоши и тунеядству звучит также в обиходн. сб-ках стихотв. «Сатир» (М., 1832, 1834), написанных в духе архаич. классицистской бытовой сатиры: «Не ставьте, богачи, своєю чеством злато/ Коль в голове у вас рассудка маловато/ И не гордитесь именем большим/ Нажитым не умом, а случаем слепым» («К богатому невежде»). Плебейской гордостью в значит. степени проникнута автобиогр. кн. «Моя жизнь, или Исповедь» (ч. 1—2, М., 1832) — рассказ о горькой судьбе разночинца, с трудом преодолевающего лестницу социальной иерархии.

Значит. резонанс, в т. ч. в известных лит. кругах, получил цикл повестей О., в к-рых пародийно использованы сюжетные линии романов Ф. В. Булгарина «Иван Выжигин» и «Петр Иванович Выжигин» («Смерть Ивана Выжигина», «Родословная Ивана Выжигина, сына Ваньки Каина!...» (ч. 1—4), «Крестный отец Петра Выжигина...» (все — М., 1831), «Бегство Петра Ивановича Выжигина в Польшу» (М., 1832), «Федор Кривой, или Елисавета Михайловна, супруга Петра Ивановича Выжигина» (ч. 1—3, М., 1832) и др. [одновременно с выходом булгаринских романов «Моск. вед.» (1831, 15 апр.) поместили объявление о подписке на пародийные повести О., перепечатанное «Лит. газ.» (1831, 11 мая)]. В них О. настойчиво развенчивал идею жизненной карьеры, разоблачая Ивана и Петра Выжигиных как авантюристов, способных для ее осуществления пренебречь любыми правилами чести и морали; сама фамилия «Выжигин» стала в соч. О. нарицательной.

Отцом «изаконнорожденного» Ивана Выжигина О. (намекая на факты биографии Булгарина)

на) объявил Ваньку Каина — грабителя, презаблуд и полн. шпикона. Своим «Родословному Ивану Выжигину...» он завершил саркастич. фразой: «Лазарный веник бессмертия да волшебный на главе онисителя лэний бессмертия Выжигина отца и сына» (ч. 4, с. 44). Рискованность выступления О. против всемогущего журналиста усугублялась тем, что булгаринский «Выжигин» был полнокр. автором Николаю I — по ходатайству А. Х. Бенкендорфа (факт этот Булгарин не преминул осветить в «Св. писем», 1831, 3 янв.).

В защиту Булгарина выступил Н. И. Греч (СО и СА, 1831, № 27). А. С. Пушкин опубл. памфлеты «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» («Телескоп», 1831, № 13), «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (там же, 1831, № 15), написанные от имени Феофилакта Косичкина, якобы друга О., и с использованием лит. манеры последнего. Успех булгаринских романов объяснялся в них «оборотливостью» беспринципного автора, противопоставленного простодушному О.

В письме Пушкину (не сохр.) О. благодарит его за поддержку. Распространено мнение, что О. не понял иронически-издевательского смысла пушкинских памфлетов, задержанных в томе безцензурной светской почтительности: по иронии Пушкина и не была рассчитана на восприимчивость О. его человеческое достоинство и даже лит. самолюбие он не задался. В ответном письме от кон. 1831 — нач. 1832 (ХУ, 2) Пушкин рекомендовал О. прекратить полемику с Булгариним (предвидя, вероятно, возможность мести последнего), выразил намерение встретиться с ним в Москве (встреча не состоялась). Однако, судя по благодарств. письму О. к И. И. Диндиреву (1831), он ранее уже встречался с Пушкиным и П. А. Вяземским («имел счастье быть от имени Вашего у «достопочтеннейших особ», а также с М. А. Диндиревым (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 58777)).

Имя О. широко использовалось в сниженно-полемич. целях, прежде всего противниками Булгарина. Он сделался своего рода лит. персонажем, к-рому приписывали разл. абсурдные или претенциозные намерения: завершить «Историю рус. народа» Н. А. Полевого, поместить свой портрет в сб. «Сто рус. литераторов», издать собр. соч. (заметка в «Приб. к Вед. С.-Петерб. гор. полиц.», 1839, 13 сент.) и пр. Отрицат. отношение к нему распространялось и в части среднего чиновничества и офицерства, что нашло отражение в повести Н. В. Гоголя «Невский проспект»: как и др. представители «среднего класса» петерб. общества, поручик Пирогов «хвалит Булгарина, Пушкина и Греча и говорит с презрением и остроумными колкостями об А. А. Орлове» (Гоголь, III, 35; см. также: Х, 203—05 — об умении О. «изъясняться» с «черныш»).
Критика отзывалась о произв. О. неизменно иронически-пренебрежительно [СП, 1831, 8 сент. (здесь Булгарин объявил О. «блаженным»), 1834, 15 янв.; (Вяземский) — ЛГ, 1830, 11 апр., 23 окт.; (Н. И. Надеждин) — «Молва», 1832, 11 марта; П. Станисл. — ЛПРИ, 1832, 2 марта (с библиогр. списком соч. О.); 1834, 26 дек.], отождествляя его с такими

«сочинителями Толкучего рынка», как И. Н. Гухарёв, И. Г. Гурьянов, Н. И. Зрахов, Ф. С. Кузмищев, В. Ф. Потапов, Д. И. Ситов и др., причем имя О. неизменно возглавляло этот ряд. У В. Г. Белинского, напр., оно стало нарицательным для определения «неистощимой» Моск. «школы» низовых литераторов. Надежды в обширной статье иронически уравнивал «достоинства» соч. Булгарина и антибулгаринских произв. О., хотя и находил в них элементы народности («Телескоп», 1831, № 9; 1836, № 2, с. 255). (Отнюдь не чуждый лит. амбиций, О. нередко включал в свои произв. полемич. выпады против своих оппонентов.) Насмешливая «защита» О. «Моск. телеграфом» тем не менее объясняла (от имени книгопродавца) реальные причины его успеха: соч. О., пишущего «по-янтю» для тех, кто «учился на медные деньги», имеют «большое преимущество перед „Милордом Георгом“ и „Совестралком...“, т. к. в них описывается «близкое, знакомое читателям, свое... сверх того, всегда осмеивается в них пороки, добродетель хвалится, добрые награждены» (МТ, 1831, № 5, с. 106—07). К 1838 Белинский нашел для О. место в лит. иерархии: «Как не правы люди, которые некогда истощали свое остроумие над романами А. А. Орлова; у него с в о я публика, которая находила в его произведениях то, чего искала и требовала для себя, и в известной литературной сфере он один, между множеством, пользовался истинною славою, заслуженным авторитетом» (II, 552; см. также отзыв проф. философии В. С. Порошина: СПбВед, 1848, 20 марта). По свидетельству книгопродавца И. Т. Лисенкова, И. А. Крылов отыскивал в произв. О. меткие слова и выражения (из разг. речи простого люда), прибаутки, используя их затем при написании басен (см. в кн.: Мат-лы для истории рус. книжной торговли, СПб., 1879, с. 66—67).

Легенда об О. как неутомимом осминаристе, создателе россинистов («Сев. пчела» и прежде всего его лит. врагом Булгарина (см. напр.: СП, 1831, 26 февр., 11 сент.; 1840, 5 июня), нашасшая отражение в статьях др. критиков 1830-х гг. и укрепившаяся в истории литературы, не подтверждается фактами: окопные полные курсы в Моск. ун-те. О. слушал лекции не словесном, литко-полит. и физико-матем. отделениях (Корнеев, с. 245—46); следы политехнического образования (эпиграфы, цитаты из древних авторов) можно видеть и в творчестве О.; в «Сатирах», напр., он прибегал к форме сонета.

Всю жизнь О. чрезвычайно блесковал, хотя на издании его произв. наживались книгопродавцы. Не имея возможности издать написанное за свой счет, вынужден был искать меценатов или продавать рукописи книгопродавцам в полную их собственность. «Не на что купить пера, чернил и бумаги», — писал он в 1831, видимо, И. И. Дмитриеву, пред-

сказывая свою судьбу: «Орлов умер в нищете! и как — Олишветворенная Нищета!» — сказал он о себе в 3-м листе (цит. по кн.: Шляпкии, с. 154, 155). Не последнюю роль в этом сыграл распространённый порок — О. пил «горькую».

Стремление правдою, хотя и безостаточно изобразить жизнь «нищих сословий», сопряженное с прозой, О. картины социальной несправедливости привлекли к нему внимание Гл. упр. делами цензуры: мис. нар. просьб. К. А. Лисина, а затем и лично С. Уварова, запретившего к изд. в 1834—35 рукопись О. «Союз трех братьев: голода, холода и во всем недостатка». Уваров, по представлению М. Т. Каченовского (указывавшего, в частности, на «дуриной способ изложения мыслей» автора — РГАИ, ф. 772, оп. 1, д. 726), предстал перед тем позволить к печатанию соч. О., которые по содержанию и направлению своему могут иметь вредное влияние на низший класс читателей» (ШИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 97, 101), после чего Моск. ценз. к-том были запрещены «Сказка о бесном купце», «Большой купец на одре смерти», или Старообразные описки. Изд. рос. сатирик. писем (с измененным имен. рукописи 1829), «Два Власа на песчишках своего последнего двора», «Нечем недовольные», а также «Два дивное, чудно чудное» (подпись А. Орл., «Сказка о чудесном царевиче Карусаме» (подпись А. О.) (там же и РГАИ). В пространным письме-прошении Уварову (май, 1835) О. отозвал обвинение в неадекватности «большого купца...», разъясняет микстуру, что он, О., в отличие от большинства «строгий мер» правительства, «преследовал» раскольников «сатирико», а это скорее «доведет законных до Истины» (РГАИ, ф. 772, оп. 1, д. 794, л. 3).

С 1835 интенсивная творч. деятельность О. почти полностью прекращается. Меняется и характер изредка издаваемых его произведений.

В осн. это описат. соч. или «стихи на случаи»: «Панорама Москвы и ее окрестности» (М., 1836), «терич. песни» «Помежная земля или Покорение Брайлова» (М., 1837; ир. 1830), стих. «Развлекание встречи Нового 1839 г., благодетельствующим Россиянам» (М., 1839), «С родственным чувством благоговения, являющим 1840 г.» (М., 1840), «Торжественное заступление Св. храма во имя Христа Спасителя...» (М., 1840).

Уничтожающие отзывы критики, маргинальное место в «большой» лит-ре, вынужденный спад лит. активности во многом определили трагизм личной и лит. судьбы О., умершего в «нищете и болезни» в Мариинской больнице для бедных (ЛГ, 1840, 15 мая).

«Удаление от порока» своего проstonар, читателя, доставление ему «развлечения», распространение в этой среде охоты к чтению (О. неоднократно наблюдает, как лавочник или сапожник «любуется сам собою, что он чтец, видя пред собою слушателей» и т. о. «вперяет им охоту учиться грамоте» — РГАИ, л. 1, из указ. выше письма-прошения Уварову) — так осознавал свою лит. миссию О., один из главных поставщиков лит. продукции для народа.

Др. произв.: «Зеваки на Макарёвской ярмарке...» (М., 1831), «Тафтное платье, или Измятая кофточка, Преображенские лентошницы» (М., 1831), «Дунычка, московская междуумочка» (М., 1831), «Четыре сестры невесты, или Крестьянки в господах» (М., 1832), «Серебряный рубль.

или Трое моск. купцов...» (М., 1833), «Тяжба кушум. Продуваны и Облизалы, или Стряпчий Труболет...» (М., 1834), «Новейшая лат. азбука...» (М., 1833), «Искатель невест по сершу, или Свахины предложения» (М., 1839).

Лит.: Пушкин; Белинский; Чернышевский (все — ут.); Слово В. О. и его соч. — «Петерб. вестн.», 1862, № 4; Бестужев-Марлинский А. А., ПСС, ч. 11, СПб., 1838, с. 320—21; Петерб. старожил В. Б. (Бурнашев В. П.), Моск. знакомство с Восковой в 1830 г. ... — РВ, 1871, № 11, с. 154; Подвойной, Мат-лы (ук.); «Старина и новина», кн. 2, СПб., 1898, с. 167, 179, 244; Венгеров С. А., К характеристике О. — «Лит. вестн.», 1901, т. 1, кн. 3, с. 284—90; его же, Прим. — В кн.: Белинский В. Г., ПСС, т. 4, СПб., 1901, с. 494—99; Смирнов А. В., А. А. Орлов. (Мат-лы для его биографии). — «Лит. вестн.», 1901, т. 1, кн. 3, с. 291—94; его же, А. А. Орлов. — В ст. кн.: Уроженцы и гости Владимир. губ., в 4. Владимир, 1910, с. 70—92; Шляпкии И. А., Извещ. бумаг А. С. Пушкина, СПб., 1903, с. 154—58; Сакулин П. Н., Рус. лит-ра, т. 2, М., 1929, с. 184—87; Цейцкая А. Г., Рус. лит-ра первой пол. XIX в., М., 1940, с. 296—97; Пушкин. Временник, т. 6, М.—Л., 1941 (ст. В. В. Гиппиус); Азодский М. К., История рус. фольклористики, [т. 1], М., 1958, с. 241—42; Смирнов-Сокольский И. П., Моз 6-ка, т. 1, М., 1969, с. 372—73; Пушкин. Иссл., III, 433—35 (ст. В. В. Сахаровской); Языков Н. М., Соч., Л., 1982, с. 347—48; Корнеев А. В., Оправданный Александр Орлов. — В кн.: Встречи с книгой, в 2. М., 1994, с. 241—70; его же, Библиограф Москвитин 1830-х гг. А. А. Орлов. — В кн.: Краеведы Москвы, [в. 2], М., 1995; Березкина С. В., О. и антибулгарин. борьба 1830—1833 гг. — Пушкин. Временник, т. 21, Л., 1987; Колганова А. А., Всплеск чуждого гения, М., 1989, с. 20—21; Державина О. А., Древняя Русь в рус. лит-ре XIX в., М., 1990, с. 84—87; Рэйтблат А. И., А. А. Орлов. Нравств.-сатирич. повести. — НЛТО, 1996, № 22; ЛН, т. 19/21, с. 47—48, 78; т. 55, с. 303—04. + (Булгарин) — СП, 1840, 5 июня; Геннаин; РБС; Брокгауз ЛЭ; Чернышевский; Языков Н. М., Соч., 4 (Булгарин); Рус. энциклопедия и поизв. издания Песчановым прозв. печати, (1801—1926 гг.). Библи. ут., в 2—3. Л., 1976—79; Рус. фольклор. 1800—1855.

Архивы: ШИАМ, ф. 418 (Моск. ун-т), оп. 110, д. 167, оп. 118, д. 287; ф. 31 (Моск. ценз. к-т), оп. 5, д. 97 и 101 (вкл. неопубл. проза О., поданные в цензуру); РГАИ, ф. 1349, оп. 4, 1826 г., д. 142 (ф. с. 1826 г.); ф. 772, оп. 1, д. 669 (стеногр. соч. О., преставил к цензуре, в т. ч. отб.) (статья С. И. Варелюхова); ИРЛИ, ф. 3, оп. 13, № 49 (письмо О. к С. Т. Аксакову от 1831); РНБ, ф. 291, оп. 1, № 124, л. 1—2 (письма М. И. Загоскину); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, д. 11874 (из вост. И. И. Дмитриева? об О. — сообщено С. И. Пановым); РГБ, ф. 178, к. 4, № 41 (два письма И. И. Дмитриеву от 1836 со стихотв. подражаниями).

А. В. Корнеев.

ОРЛОВ Василий Иванович [26.12.1791 (6.1.1792) в др. источниках ошибочно — 1797], Москва — 23.2 (6.3).1866. Петербург, похоронен на Митрофаньевском кладб., переводчик, поэт, драматург, прозаик. Из бедной семьи, отец — дьячок Покровского (Василия Блаженного) собора. С 1801 по 1814 обучался в семинарии при Моск. духовной акад., потом в самой акад., после ее преобразования — в Перервинской сем. В 1814 состоялся лит. дебют О.: стих. «Гимн Всемогущему, Всеблаговому», «К юности», помещенные в «Друге юношества» (1814, № 2, 4; ср. текстальные совпадения с более поздними произв.: стих. «Жизнь» —

«СО и СА», 1829, № 1; ода «Чувство бессмертия» — ВЕ, 1825, № 1). В нояб. 1815 из высшего, богослов. класса О. поступает на моск. отд. Медико-хирургич. акад. (зачислен на казенный кош. летом 1816). В числе лучших выпускников в 1819 определен на службу в л.-гв. Конно-Егерский полк (с 1822 мл. лекарь, с переводом в л.-гв. Гусарский полк — штаб-лекарь), участвует в «итальянском походе» (1821).

С удачным началом карьеры возобновляются лит. опыты О.: первые пер. из Горация: «К корыстолюбцу» (кн. 3, ода 24 — ВЕ, 1824, № 20) и «К Септимию» (кн. 2, ода 6 — там же), регулярные выступления в петерб. и моск. ж.-лах («Новости лит.-ры» (1824, № 11, 12; 1825, № 3, 9, 12), «Вест. Европы» (1824—25), «Моск. телеграф» (1826—29), «Моск. вост.» (1828, № 23/24), эпизодически — в «Славянине» (1827, № 44; 1828, № 10), «Сыне отечества и Сев. Архиве» (1829, № 1; 1830, № 15)) и альманахах («Нв. альм. на 1829 г.» (СПб., 1828), «Нв. альм. на 1833 г.», «Царское село... на 1830 г.» (СПб., 1829)). Ок. трети этих публикаций составляют переводы из Горация, остальные — ориг. стих. разных жанров: дружеское послание («К друзьям (В. Л. и М. Л. К. (ожевниковым)») — ВЕ, 1825, № 4) соседствует с одой, унылая элегия («Осень» — НЛ, 1825, № 3) — с басней («Ворона и овца» — ВЕ, 1825, № 4) и т. д. Значит. пласт стихов — в духе легкой горацианской поэзии с ее культом умеренности («Пей жизни веселье не полною чашей! Оставь и желаньи и силы на старость» — «К Лелию» — ВЕ, 1824, № 21), спокойных трудов («Злато» — МТ, 1828, № 16) и земных радостей («К Ваху» — МТ, 1826, № 15). В числе лит. авторитетов помимо Горация — Дж. Байрон («В альбом В. И. Ор(мановой)» — «Гирлянда», 1831, № 9; «К ней» — МТ, 1829, № 19) и Г. Р. Державин («Весна, К***» — ВЕ, 1825, № 7; «Чувство бессмертия»). О пестроте лит. ориентаций О. свидетельствует и стих. «К Валерию» (МТ, 1826, № 13) — характерный образец романтизм. понимания иск-ва. Нек-рые стих. О. несут печать дилактизма и отвлеч. гражданственности: аполог «Воляга» (МТ, 1826, № 8), «К римлянам», «К Эрмию. Гимн грека» (МТ, 1826, № 5, 11), «К России» (ВЕ, 1825, № 23/24).

О. много практикует: сверх осн. должности состоит лекарем при штабе Отдельного корпуса внутр. стражи (1826—32 — РГИА) и считается модным доктором. В нач. 1828 полковой штаб-лекарь (с 1826 коллеж. ас.), но уже месяц спустя, при начале подготовки к рус.-тур. войне 1828—29, переводится в С.-Петербург. арт. госпиталь, командирован в Со-

фийский лазарет (там же, 1828—29; с 1830 ст. лекарь). Нек-рое время был сослуживцем С. А. Раевского, друга М. Ю. Лермонтова (интересовался распространявшимся в рукописи стих. «Смерть поэта»), в кон. 1830-х гг. был знаком с Н. А. Полевым.

В 1830 выходит кн. О. «Опыт перевода горациевых од» (СПб.) — с параллельным текстом на латыни и обширными прим. Из 90 од и эподов Горация О. перевел 37, частью — размером подлинника (наименее удачные переводы), частью — 4-стопным ямбом, хорошо передающим горацианскую легкость и лаконичность. К недостаткам перевода можно отнести замену рим. богов персонажами греч. пантеона («Я праздную день Афродиты» — кн. 4, ода 11) и употребление явных русизмов («В брачном скроюсь ль тереме?» — кн. 1, ода 15).

«...Я старался всегда постигнуть дух писем и передать ее, сколько можно, ближе к внутреннему смыслу подлинника» (из авт. предисловия, с. 1). «Опыт... заслужил одобрит. отличн. критик. «Г-ну Орлову принадлежит та честь, что он первый понял, как должно переложить Горация» (МТ, 1830, № 15, с. 382; б. п.) Н. И. Надеждин (посвятивший О. большую ст. — МВ, 1830, № 14/16, с. 254—94) отметил, что переводы, хотя и уступают переводам И. И. Дюгрина и А. Ф. Мерлякова, но все же «многие оды переложены... верно, благородно и стилично» (с. 293). А. А. Дельвиг, признав в О. «талант поэтический», относ. его к ряду рус. переводчиков Горация, не забываясь «об узурпации образа» источника своего одушевления (ЛТ, 1830, 6 мая; аналогичная описка О. М. Сомова — «СЦ на 1831 г.», СПб., 1830, с. 49).

Тогда же О. пробует себя в прозе: «Кошмар, или Домовой давит» («НА на 1831 г.») — шутившая зарисовка совр. нравов с описанием психич. расстройств. Стихотворения же его появляются в печати все реже.

В нач. 1833 О. выходит в отставку (с чином надв. сов.) и со своим пациентом камер-юнкером В. Д. Соломинским отправляется в Казань в качестве дом. врача, а с сент. 1834 ок. двух лет управляет заводами и велет дела Соломинских. В 1836, прожив нек-рое время в Москве, возвращается в Петербург. В течение пяти лет нигде не служит, занят огромным — ок. 1000 рукоп. листов — исследованием по сифилису (подг. к печати в 1842, но не издано). В это время создает б. ч. своих пьес — О. был увлечен театром с нач. 30-х гг.

В 1833 поставлен его первый водевиль «Подмосковные проказы, или Худой мир лучше доброй ссоры» (Музей Малого т-ра; СПб ГТБ), шранный с неизменным успехом в обеих столицах и в провинции (см.: Вольф; ИРДТ). Еще большую известность принесла комедия-водевиль «Гусарская стоянка, или Платоно же монетой» (написана специально под В. Н. Асенковой; пост. 1835 под назв. «Гусарская стоянка, или Еще подмосковные проказы»; опублик.: СПб., 1836), составляющая

продолжение «Подмосковных проказ...» с привнесением сцен из гусарского быта (вероятно, отразились впечатления О. от «итальянского похода»). Водевилу О., как переводные, так и оригинальные, построены либо на комизме ситуаций, либо на многочисл. каламбурах («А во-вторых, совсем без дела/ Мы разделили жен чужих./ А мастер дела без раздела/ Разделался за нас двоих!» — «Гусарская стоянка», д. 1, явл. 21) (последнейшие разноречивые оценки см.: А. И. Храповицкий — РС, 1879, № 2, с. 346; Максимов Г. М., Свет и тени Петерб. драм. труппы..., СПб., 1878, с. 45, прим.).

Новые комедии О. для Александрин. и Малого т-ров шли с меньшим успехом: «Разночинцы» (пост. 1838), «Роговая почта, или Конец подмосковным проказам» — с элементами нравств. дидактики (пост. 1839; опублик.: «Репертуар рус. театра», 1839, кн. 9) и др. Из переводных пьес выделяется пер. «Скупого» Мольера, сделанный О. в 1842 для актера Александрин. т-ра А. Е. Мартьянова (пост. 1 янв. 1843; в некрологе в «Мед. вест.» неверно указано, что этот пер. выполнен для бенефиса М. С. Щепкина 31 марта 1843; Щепкин играл Гарпагона в пьесе, переведенной К. С. Аксаковым).

Популярность первых воззвений О., а равно и несудно его последующих соч. и переводок с фронт. (перевел см.: ИРДТ) в значит. степени можно объяснить переменами во вкусах театральной публики. На смену воззвению интриги, зарившему на помостках 30-х гг., явился более лиричный воззвение характеров и О., с его лиризм., «перевертанными на рус. нравы» (Ф. А. Колин — «Пантеон», 1850, кн. 1, отд. VII, с. 34; см. также: Вл. Чухло) — ОЗ, 1850, № 1), незатейливым культами или внешне запутанными «неправдоподобными» положениями (напр., «Антикварий, или Живая музика», пост. 1849), стал скучен.

С нач. 40-х гг. О. перестает печататься; последнее опублик. соч. — пов. «Неровня. Из зап. рус. врача» (СО, 1839, т. 10), занимает любовное повествование из купеч. быта. Театральные пьесы пост. почти не приносят дохода, он снова вступает в службу во 2-й военно-сухопутный госпиталь (1843), прослужив перед тем ок. двух лет — с сент. 1842 по окт. 1844 — безвозмездно в дирекции имп. С.-Петербург. театров врачом при рус. драм. труппе. С нач. 1844 О. — ст. организатор госпиталя (числился до конца жизни) и зав. сифилитич. отд., затем — отд. душевных болезней; част. разъезжает по России (по заданию Деп. воен. поселений). В 1848 находится в распоряжении пл. управляющего путями сообщений — для лечения холеры в Тихвине (год спустя готовит к печати пер. с франц. трактата Ж. К. А. Рекамье «Наставление, как поступать при лечении азиатской холеры», не издано). В чине коллеж. сов. (1849) и в должности инспектора фельдшерской школы при госпитале (с кон. 1850) О. завершает свою

служебную карьеру. Пытается сочинять новую комедию «Чинобесие», но не оканчивает, а в 1855, уже тяжело больной, переводит с франц. водевиле «Благодетельная фея, или Маленький волшебник» (не сохр.).

Др. произв. Пер. с франц. трактата О. П. И. Польниера «О кровопусканиях» (СПб., 1833).

Опубликованные в ж. «Благонамеренный» стихи за подписью В. Орлов. Новгород (последни «К С...»), «П. И. И.», с упоминанием Э. Юнга и С. Геснера. — стилизация рус. нар. стиха, алегия «К надежде», басня «Жаворонок и Ястреб» — 1820, № 3, 19, 7, 11) принадлежит анонимному О.

Изд.: [Стих.]. — В сб.: «Собрание новых рус. стих., вышедших в свет с 1823 по 1825 г.», ч. 2, СПб., 1826.

Лит.: Белинский (ж.); Вольф, ч. 1, с. 35, 101, 127; ч. 2, с. 29, 68, 89, 97, 99, 108, 118, 134—35, 151, 153, 162—63, 173; Полевой Кс., Записки..., СПб., 1888, с. 390—91; Зотов В. (Р.), Петербург в сороковых гг. ... — ИВ, 1890, № 1, с. 43; Куликов Н. И., Театральные восп. — РС, 1892, № 8, с. 474; его же, Дневник режиссера. — «Б-ка Тифи», 1913, кн. 6, с. 9; Бертенсон С., Страницка театрального прошлого. — «Рус. библиофил», 1916, № 7, с. 16, 17 (фрагменты из дневника В. Д. Филоосова); Шуберт А. И., Моя жизнь, Л., 1929, с. 122; Дельвинг А. А., Соч., Л., 1986, с. 233—34. — Некрологи: «Мед. вост.», 1861, № 17/19 (М. Д. Михайлов?; подпись Х.). Месяцеслов на 1861 г., СПб., [1860], прил., с. 109; Эмсева (рца источиностей); История имп. Военно-мед. акад. за сто лет, СПб., 1898, с. 229, прил., с. 221; Смирнов-Сокольский (опыточно атрибутировано стих. «Работа работ...», опубл. в сб. «Сказачина», СПб., 1874, принадлежавшее Вл. Ив. Орлову, поэту и театральному критику 1870—80-х гг.); ПНХр.: РБС; ИРДТ, т. 3, 4; Лерн. жнл.; Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 233 (С. Д. Патрощако), л. 60, к. 7, л. 8; ЦИАМ, ф. 433, оп. 39, л. 44, 196; оп. 40, л. 73, 58; оп. 38, л. 158 (студенч. док-ты); РГИА, ф. 497, оп. 1, д. 8931 (зело о службе до 1849 г., с указанием 1797 года рожд., л. 3) [справка С. И. Варсковой]; Музей Малого т-ра, ф. 727, оп. 11, № 2345; СПб ГТБ (рукописн. твс., в т. ч. неизданным).

А. Ю. Ендриши.

ОРЛОВ Михаил Фёдорович [25.3 (5.4).1788, Москва — 19(31).3.1842, там же; похоронен на Новодевичьем кладб.], полит. и воен. писатель, мемуарист, экономист; видный деятель тайных обществ 1810—20-х гг. Внебрачный сын гр. Ф. Г. Орлова (1741—96), сумевшего передать герб, фамилию (без графского титула) и состояние своим семерым детям, узаконенным Указом Екатерины II от 27 апр. 1796. Был первым учеником в привилегир. петерб. неутитском пансионе аббата Николая, где учился в 1796—1805 [?]; по документам, лишь до весны 1801; ср.: Кочубеи] вместе с А. Х. и К. Х. Бенкендорфами, С. Г. Волконским, кн. П. С. Голицыным, Д. В. Кочубеем, гр. П. Потёмкиным (все предметы преподавались на франц. яз.). В 1801 записан юнкером в Коллегию иностр. дел, в 1805 вступил в службу эстандарт-юнкером в л.-гв. Кавалергард. полк (участвовал в русско-франц. войнах 1805 и 1806—07; сражениях при Аустерлице, Фриланде; в 1806 — «за отличие» — корнет; в 1808 поручик). Интересовался вопросами гос. устройства

(возможно, ему принадлежит «Проект представления» — записка о необходимости реформ в России от 25 авг. 1808; фрагменты см.: Дружинин, с. 257—59). В 1810 назначен адъютантом к кн. П. М. Волконскому. О. «уже тогда стал во главе и мыслящей и светской молодежи» (Волконский, с. 362). Во время Отеч. войны 1812 и заграничных походов рус. армии 1813—14 выполнил немало ответств. военно-дипл. и разведыват. поручений высшего командования; по итогам первого из них (см. отчет О. о посещении гл. квартир франц. армии в июне 1812 — Тартаковский, 1962; там же франц. подлинник) стал штабс-ротмистром с определением флигель-адъютантом к Александру I (2 июля); участвовал в сражениях

(Смоленск, Бородино, Верея, Малоярославец, Красное, Дрезден, Мерзебург, Лейпциг, Труа), был награжден; воевал во главе отд. партизан. отряда на территории Германии. По поручению императора 18 марта 1814 заключил договор о сдаче франц. столицы (описано в единств. дошедшем до нас отрывке из его воен. мемуаров, опубл. посм.: «Капитуляция Парижа», УЗ, СПб., 1843; датировку и историю текста см.: Тартаковский), окончив войну одним из самых молодых в рус. армии генерал-майоров (с назначением в свиту императора). Современникам запомнилась самостоятельность мыслей и поведения (даже в отступление от высочайших инструкций), проявленная О. в 1814 во время дипл. миссии в Швеции, Дании и Норвегии (Тургенев Н. И., Россия и русские, т. 1, М., 1915, с. 38; донесения О. см. в рус. пер.: Семевский, с. 660—62).

Незадолго вернувшись в Россию (осень 1814 — июнь 1815), О., совм. с М. А. Дмитриевым-Мамоновым, занялся созданием конспиративной ти-

раноборч. орг-ции «Орден Рус. Рыцарей» [о программе, требующей ограничения самовластья и отмены рабства, можно отчасти судить по «Пунктам преподаваемого во Внутреннем Орденом учения», написанным, по-видимому, обоими основателями, — см.: Из писем и показаний декабристов, СПб., 1906 (под ред. А. К. Бородинна), с. 145—48; ср.: Семевский, с. 386—87, 392—95; Павлова, с. 30—33; «книга жизни Ордена», как Дмитриев-Мамонов называл обширный ист. очерк мировых полит. систем, над к-рым работал О., не сохранилась — см.: Азатовский, 1992, с. 17]. Одновременно О. предпринимал и легальные попытки изменить ситуацию в стране — составил адрес к Александру I (подпис., в частности, И. В. Васильчиковым, гр. М. С. Воронцовым и Д. Н. Блудовым) о необходимости уничтожить крепостное право (текст пока не обнаружен). С февр. 1817 в Петербурге. Ознакомил Н. И. Тургенева (с к-рым очень тесно сблизился во Франции, где находился на должности нач. штаба 7-го пех. корпуса в 1815—16) со своим проектом политизации масонства (не сохранился, см.: Семевский, с. 407—08), договорившись с Ал-др. Н. Муравьевым о взаимодействии «Ордена...» с «Союзом Спасения», стремился радикализировать «Арзамас», на заседаниях к-рого разел о расширении и обществ.-полит. переориентации лит. об-ва, учреждении его журнала (темы, избранные О. для своих статей, см.: Азатовский, 1992, с. 47—48; перу О. не принадлежит ранее приписывавшиеся ему «Законы Арзамас. Об-ва Безвестных Людей»; их автор — Блудов, см.: «Арзамас», кн. 1, с. 593; там же на с. 405—408 — текст вступит. речи О., произнесенной 22 апр.).

Переведенный вследствие охлаждения к нему Александра I в авг. 1817 нач. штаба 4-го пех. корпуса (под командованием Н. Н. Раевского) в Киев, О., в соответствии с программными установками «Союза Благоденствия» (официально вступил в 1818 сразу чл. Коренного совета), занялся местной школой по системе взаимного обучения Дж. Ланкастера. Благодаря его усилиям (в т. ч. денежным) число обучающихся выросло с 40 до 1800; О. писал учебник грамматики (не сохранился), составил (см.: Базанов, с. 22—25) для обучения чтению литограф. таблицы с политически заостр. текстами (в 1820 уничтожены правительством), надеялся, что «ланкастерская метод» «в отечестве нашем будет называться некогда орловской методой» (письмо П. Д. Киселеву от 23 июля 1819 — в кн.: Заблоцкий-Десятовский А. П., Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1, СПб., 1882,

с. 224). В авг. 1819 выступил в местном отд. Библейского об-ва с лучшей известностью речью, обличавшей мракосебие и крепостничество (О. издана 1891). В письмах друзьям О. излагал свои ист. взгляды: П. А. Вяземскому (май, июль 1818; опублик. 1954) — с жесткой (несмотря на свою прочную друж. укорененность в карамзинском лит. кругу) критикой «Истории Государства Российского» Н. М. Карамзина (не соглашаясь с норманнской концепцией, утверждал высокую ист. роль славянства); воен. историку Д. П. Бутурлину (1819, 1820; широко распространялись в списках; полн. опублик. в 1928) — с осуждением крепостного рабства и утверждением, что «историк не может быть историком, ежели он не имеет хороших сведений о полит. экономии» («Капитуляция Паризжа...», 1963, с. 61; далее при ссылках на эту книгу — Изд. 1963).

В 1820 хлопотами своего друга Киселева О. был назначен командиром 16-й пех. дивизии, перешед в Кишинев, став, наконец, «настоящим начальником»: «У меня 16 тысяч под ружьем, 36 орудий и 6 полков казахов. С этим можно пошутить» (письма А. Н. Раевскому — Изд. 1963, с. 223, 225). Приступив к налаживанию обучения солдат (сохранившиеся материалы см.: Иовава, 1975, с. 82—94), завоевал их безграничное доверие ограждающими от офицерской жестокости красноречивыми приказами по дивизии (некр-ые тексты см. в Изд. 1963). Пост. участниками полит. споров в доме О. наряду с деятелями возмущенной им кишинев. управы Тайного об-ва (В. Ф. Раевский, К. А. Охотников, П. С. Пушкин) были И. П. Липранди и знакомый О. еще по Петербургу А. С. Пушкин.

На моск. съезд «Союза Благодетствия» в янв. 1821 О. привез яркую программу («писанные условия») дальнейших действий (не сохранилась), где предполагалось, в частности, завести тайную типографию для агитационно-пропагандист. лит.-ры. Тогда же он, как видно из доноса М. К. Грибовского, «ручаясь за свою дивизию, требовал полномочия действовать по своему усмотрению» [Декабристы. Сб. отрывков из источников (сост. Ю. Г. Оксман), М.—Л., 1926, с. 114]. Но уже в февр. 1822 был, после ареста В. Раевского, фактически (офиц. — с апр. 1823) отстранен от командования с назначением состоять по армии.

Находясь в отставке, жил в наследном с. Милитине с крепостным хрустальным заводом (Мосальского у. Калуж. губ.); в с. Болышке Чигирин. у. Киев. губ. [имение тестя; с 15 мая 1821 женат на дочери Н. Н. Раевского Екатерине (1797—1885); дети: Анна; Николай (1822—86), ав-

тор мемуарных заметок об отце в «Рус. старине» (1872, № 5), соученик Я. П. Половского по Моск. ун-ту; в Крыму, в имении А. Л. и В. Л. Давыдовых Каменка; в Москве; в Одессе; занимался «все время химией и сочинением новой системы финансов» (Восстание декабристов, т. 3, с. 141; из показаний П. А. Мухомова); опублик. впевающую храбрость покорителя Бендер в 1770 ст. «Подвиг полковника Миллера» (ОЗ, 1823, ч. 14, № 38, б. п.) и исполненные тонкого филол. сарказма «Замечания на перевод статьи „Краткое Обзорение Военной Истории со времен Людовика XIV до наших времен и разбор нек-рых новейших сочинений, в особенности Описание похода 1809 года гг. Александра, Де ла-Борда и Пелета и Истории войны 1812 года генерала Бутурлина“» («Благ.»., 1825, ч. 29, № 10, подп. М. О.), наконец печатно продемонстрировавшие и рус. читателю энергию и силу орлов. слога.

Печатным дебютом О. очевидно, являлась расширенная в янв. 1813 листовка с опровержением мифа о ренегатской роли «генерала-мороза» в поражении французов «*Refléxions sur le 29-me Bulletin par un militaire Russe*» («Размышления рус. воюющего о 29-м бюллетене»; рус. пер.: ВЕ, 1813, № 7; испр. пер. см.: Тартаковский, 1958), затем следовали не рязанский пока антиполемический памфлет, напечат. на франц. яз. в 1814 во Франкфурте-на-Майне (см.: Изд. 1963, с. 273), и письмо кон. 1814 к Жозефу де Местру о кн. «*Rassualement en France*» (опубл. в кн.: Joseph de Maistre. *Considérations sur la France*, P., 1821; рус. пер.: Изд. 1963).

Прекрасно зная и тонко оценивая произв. изящной словесности, собств. лит. усилия О. старался ограничивать рамками своей служ., поллит. и научной деятельности. Главное для него — «дельность», практическая применимость текста. В 1-й четв. века О. тесно контактировал с людьми, принимающими решения; государь («ни с кем ему не случалось так либерализировать, как с императором Александром Павловичем» — РА, 1910, № 12, с. 685), М. Б. Барклай-де-Толли, М. И. Кутузов, Киселев, создатели и руководители тайных об-в. законодатели лит. моды, входившие в «Арзамас». Это определяло отсутствие интереса к тиражированию своих суждений — записка, поданная царю, сулила большой практич. эффект, чем напечатанная объемистая книга, увещевание в частном письме к П. Вяземскому («Займися прозою, вот чего не достает у нас. Стихов уже довольно... Прова предпринимать образование словесности нашей в большом виде, в философич. смысле, строгими соч. или полезными переводами», Изд. 1963, с. 234; ср. сведения о недошедшем до нас проекте об-ва для перевода книг полезных иностранных на рус. яз. — в кн.: Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, М.—Л., 1936, с. 301) могло,

по мнению О., сильнее повлиять на пути развития отеч. лит.-ры, чем опублик. эстетич. трактат. И высокое служебное положение, и ощущение в себе потенций крупного гос. деятеля препятствовали проставлению полной подписи даже в тех несчастных (несмотря на постоянно декларируемое желание издавать обществ.-нолит. журнал) случаях, когда О. решался выступить в «открытой» печати; после 14 дек. 1825 это стало уже невозможно. Все это весьма осложнило работу исследователей творчества О., занятых не столько пополнением корпуса его соч., сколько уточнением списка утраченного.

21 дек. 1825 О., на к-рого заговорщики возлагали большие надежды по части воен. руководства, был арестован в Москве (первым из моск. декабристов), находился в Петропавлов. крепости до 16 июня 1826, после чего отправлен с фельдгерем в Милитино под «бдительный тайный надзор». Незаслуженной мягкостью наказания О. был всецело обязан брату Алексею, отличившемуся при подавлении восстания (впоследствии графу, шефу жандармов), выпросившему эту милость у Николая I (разделявшего мнение вел. кн. Константина Павловича о том, что О. следовало бы предать повешению). Деревен. одинообразие — чтение, работа над кредитно-финанс. сочинениями, занятия по бытовой фабрике цветного стекла (восхищ. отзывы о продукциях и химич. открытиях О. см.: ОЗ, 1829, № 112, с. 297; СПбВед., 1833, 27—29 июня; МТ, 1834, № 3, с. 516—522) — было прервано в сент. 1829 поездкой в Болышко, к умирающему тестю (см. анонимно напечатанную О. при «Рус. инвалиде» брошюру «Некрология генерала от кавалерии Н. Н. Раевского», СПб., 1829; перепечатана в СПбВед., 1829, и, с согласия автора, в дополняющем его книгу соч. Д. В. Давыдова «Замечания на некрологию Н. Н. Раевского», М., 1822; краткий отзыв Пушкина — ЛГ, 1830, т. 1, № 1, с. 8, б. п.; рец.: МТ, 1829, № 24), и в окт. того же года — в Полтаву, к сосланному туда А. Н. Раевскому (до лета 1830).

В сер. 1831 О. было разрешено поселиться в Москве, где он прожил до самой смерти (с марта 1839 — в собств. доме: Пречистенка, д. 10). Здесь О. сразу же становится (подобно А. П. Ермолову и П. Я. Чадаеву) неким символом обществ. протеста. «Большая часть молодого поколения того времени поклонялась ему...» (Пасек Т. П., Из дальних лет, т. 2, М., 1963, с. 292), видя в нем «ветерана наших мнений, друга наших героев, благородное явление в нашей жизни» (Герцен, VIII, 176). Правительством обнаружено недовольство непрерывным филос.-полит. витийством О. в Англ. клубе, у Свербее-

вых, Павловых, А. П. Елагиной, Е. Г. Левашовой, у ближайшего друга и покровителя, у ближайшего друга и покровителя — Чаадаева и в своем доме (где бывали А. Ф. Вельтман, А. И. Гершен, Т. Н. Грановский, Ю. Ф. Самарин, И. С. Тургенев, А. С. Хомяков), инспирировав драм. карикатуру М. Н. Загоскина, осмеявшего в 1835 О. под именем князя Радутина в пьесе «Недовольные».

Возможно, намерение возмутить гоморуту с принципиально иных позиций содержалось в стих. «Туча» (1835), посланном Пушкиным в «Моск. наблюдатель» — журнал, к редакции которого О. был чрезвычайно близок.

Сам же О. предпринимал попытки к социальной реабилитации — безуспешно просился рядовым усмирять польское восстание 1831, вступал во все возможные орг-ции, чтобы напомнить о себе и хоть чем-то себя занять (см. его публикации: «Публичный художества класс», (М., 1833), б. п., совм. с А. Г. Чертовым и Ф. Я. Скарятным; «Отчет Московского художества класса за 1834/1 год...», МН, 1835, май, кн. 2; «Мнение действ. чл. Моск. скакового об-ва Михайлы Орлова. 10 июля 1833 года». — В кн.: Изложения мнений господ членов Моск. об-ва скаковой охоты, М., 1833; рец.: МТ, 1833, № 15, с. 429—34; ср. также не разысканный еще доклад «Нек-рые филос. мысли о природе», прочитанный в ноябре 1836 на заседании Моск. об-ва испытателей природы), пока не убедился: «там никогда не простят, что ни делаи» — «горе и плуше безадейств. косность подбедает геркулесовские силы, он, верно, прожил бы еще лет 25 при других обстоятельствах» (Гершен. II, 203, 201).

На неск. десятилетний обогнала европ. полит. экономию анонимно изд. книга О. «О государственном кредите» (М., 1833; обширные ценз. изъятия восстановлены в также выпущенном анонимно в Лейпциге в 1840 нем. пер., на рус. яз. в 1955, полный текст — Изд. 1963; рец.: МТ, 1833, № 20; БдЧ, 1834, т. 1, отд. VI; «Коммерч. газ.», 1834, 26 мая, приб.; множество откликов современников — см., напр.: Бестужев Н. А., Статьи и письма, М., 1933, с. 258), где на примере Англии доказывалось благотворное, как ни парадоксально, влияние гос. долга на нац. благосостояние (новаторская концепция О. легла в основу вышедшего в 1855 трактата К. Дитцеля, «отца» совр. теории гос. кредита). Эти идеи применительно к России были изложены в обширной работе на франц. яз., известной ныне только по жандармскому реферату (Изд. 1963, с. 262—65; попытка реконструкции: там же, с. 306—08; ср.: Павлова, с. 135—38), но отразившейся в пушкинском «Пушествин из Москвы в Петербург» и его заметках «О дворянстве» (см. статью

С. Я. Бороваго в кн.: Пушкин и его время, в. 1, Л., 1962).

Др. прозв.: Письмо членам Об-ва по ланкастерскому воспитанию в Париже от 11 марта 1818 г. (Отчет ИПБ за 1896 г., СПб., 1900), «Об учреждении вольного банка в Москве» (РА, 1874, № 6; фрагменты).

Иза.: Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма (подг. изд. С. Я. Бороваго и М. И. Гиллельсона), М., 1963 (здесь же обстот. библи.), Записки об Отеч. войне 1812 г. — В кн.: «Россия двинулась сыма», М., 1988.

Лит.: Гершен (ук.); Пушкин, XII, 304, 310; Вяземский, т. 8, 9; Кочубей А. В., Семейная хроника. Записки, 1790—1873, СПб., 1890, с. 17—23; (Быстров Н. П.), Рус. стоплаточные люди. — РС, 1892, № 5, с. 223—24; ОА, т. 1—3, в. 1—2 (ук.), т. 4, с. 80, 197, 225, 226, 229, 232, 234, 235, 251; РС, 1904, № 3, с. 491—493 (записка Н. А. Старикевича); Довнар-Запольский М. В., Мемуары декабристов. (К., 1906); Семеновский В. И., Полит. и обществ. насд декабристов. СПб., 1909 (ук.); РА, 1911, № 5, с. 131 (письмо И. В. Сабанея к О.); Архив Тургеневых, в. 5, 6 (ук.); Гольденвейзер Л. В., Первый рус. генерал-восстание М. Ф. Орлова, М., 1917; Гершензон М. О., История Молодой России, М.—П., 1923; Полов П. С., О. и 14 дек. — КА, 1925, № 6(13); Дельзон А. И., Полвека рус. жизни, М.—Л., 1930, т. 1 (по ук. в т. 2); Лит. салоны; Декабрист Н. И. Тургенев. Письма к брату С. И. Тургеневу, М.—Л., 1936 (с. 20—23, 42—55, 66—70 и по ук.); Дурьян А., О искривлении в России накануне реформ 1839—1843 гг. — Уч. зап. Ростов. на Дону финансово-экон. ин-та, т. 1, 1941; Дружинин Н. М., Гос. крестьян. и реформа П. Д. Киселева, т. 1, М.—Л., 1946 (ук.); Базанов В. Г., Декабристы в Кишиневе, Кишинев, 1951; Бороваго С. Я., Декабрист О. и его книга «О гос. кредите». — Изв. АН СССР. Серия истории и философии, 1951, т. 8, № 1; Дмитриева Н. А., Моск. уч.-изд. вопросы, значения и значения, М., 1951; Звезда, т. 9, М., 1951 (ук.); Прокофьев Е. А., Борьба декабристов за передовое рус. воен. иск-во, М., 1953 (ук.); Ожман Ю. Г., Из истории антипарламентаризма. Лит-ры 20-х гг. XIX в. — В кн.: Очерки из истории движения декабристов, М., 1954; Зап. Отд. рукописей ГБЛ, в. 17, М., 1955 (лит-лы, опубл. С. Я. Бороваго, А. В. Аскариани, Л. Я. Вильде); Нечкина М. В., Движение декабристов, т. 1—2, М., 1955 (ук.); Волк С. С., Ист. взгляды декабристов, М., 1958 (ук.); Пугачев В. В., Декабрист О. и Моск. съезд Союза Благочестивых. — Уч. зап. Саратов. ун-та, т. 66, 1958; Тартаковский А. Г., Литовская эпоха Отеч. войны 1812 г. — Зап. Отд. рукописей ГБЛ, в. 20, М., 1958; его же. Новые данные... — Там же, в. 23, М., 1960; его же. «Библиотечка» О. о поэзии во франц. армии в нач. войны 1812 г. — В кн.: Архив, еженедельник за 1961, М., 1962; Трубицкой Б. А., Кишиневские знакомые Пушкина (Новые арх. мат-лы). — В кн.: Пушкин на Юге, Кишинев, 1958, с. 61—63; Лотман Ю. М., П. А. Вяземский и движение декабристов. — Уч. зап. ТГУ, в. 98, 1960; его же. Избр. статьи, т. 2, Тарту, 1992, с. 282—349; Чернов С. Н., У истоков рус. освободит. движения, Саратов, 1960, с. 46—95, 182—83; Могилянский А. М., О. и драматург Н. И. Сергеев. — РЛ, 1962, № 2; Пушкин и его время, в. 1, Л., 1962 (ук.); Декабристы в Москве, М., 1963, с. 31—33, 51—52, 162—184 и др.; Базанов (ук.); Павлова Л. Я., Декабрист О. М., 1964; Гиллельсон М. И., П. А. Вяземский. Жизнь и творчество, Л., 1969 (ук.); его же. Молодой Пушкин и арзамасское братство, Л., 1974, с. 124—34, 192—208; Арх. Г. Л., Этернетское движение в России, М., 1970 (ук.); Орлов М. Ф. — «Вост. кавалергард. семья» (Париж), 1972 (№ 1); Новва И. Ф., Декабристы в Молдавии, Кишинев, 1975; его же. Передовая Россия и общественно-полит. движение в Молдавии, Кишинев, 1986 (ук.); Ланда С. С., Дух реформ, преобразований... М., 1975 (ук.); Орлик О. В., Декабристы и европ. освободит. движение, М., 1975 (ук.); Тартаковский; Дост-кин И. С., Рус. обществ. мысль и багдал. народы: От Радннша до декабристов, М., 1980,

с. 253—68 и др.; Раевский В. Ф., Мат-лы о жизни и рев. деятельности, т. 1—2, Иркутск, 1980—83 (ук.); Рабкина Н., Из круга Пушкина. — ВЛ, 1981, № 2; Розен А. Е., Записки декабриста. Иркутск, 1984 (ук.); Алпатов А. М., Рус. ист. мысль и Зап. Европа (1-я пол. XIX в.), М., 1985 (ук.); Пушкин в восп.; Муравьев А. Н., Сочинения и письма, Иркутск, 1986 (ук.); Романюк С., «Его личность к себе прилагала...» — «Моск. правда», 1986, 17 авг.; Половский Я. П., Проза, М., 1988, с. 363; Эйдельман Н. Я., Первый декабрист, М., 1990, с. 70—73, 82—131, 195—206, 354—55 и др.; Азадовский М. К., Страницы истории декабризма, т. 1—2, Иркутск, 1991—92 (ук.); Волковский С. Г., Записки, Иркутск, 1991 (ук.); Чаадаев П. Я., Полн. собр. соч. и избр. письма, т. 1—2, М., 1991 (ук.); Якушкин И. Д., Мемуары. Статьи. Документы, Иркутск, 1993 (ук.); ЛН, т. 59, 60, кн. 1 (ук.); Некролог, 1842; РВ, № 4, отд. IV, с. 43; Bulletin de la Société imp. des naturalistes de Moscou, v. 15, p. 499; РБС; Венгеров. Список; ДРПР; Ченцов; Эймонтова (1, 2); СНЗ; Терм. энци; Черышкин; Декабристы; Чавальский М. А., Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина, 1799—1826, Л., 1991 (ук.); Движение декабристов: Указ. лит-ры 1977—1992, М., 1994.

Архивы: ИРЛИ, ф. 258; ГИМ, ф. 1; ГАРФ, ф. 171; ф. 109, 1 экз., 1826 г., т. 61, ч. 1 (авто по названию); ЛОИИ (письма П. Д. Киселева).

А. А. Ильин-Томск

ОРФАНОВ Михаил Иванович (псевд. Мишла и др.; 11(23).1.1848, крепость Темнолеская Ставропольской губ. — 4(16).9.1884, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.), прозаик, публицист. Из семьи дворянина, нач. отд. Воен.-мед. департамента, стат. сов. и брат второй жены А. С. Суворина. Получил дом обра-

зование. В 1865 вместе с родителями переехал в Петербург, где вскоре сблизился с рев. молодежью. Готовился к поступлению в Моск. ун-т. В апр. 1866 арестован в Москве по подозрению в причастности к харакозовскому делу и выслан под надзор полиции по месту жительства родителей. Будучи вольнослушателем юрид. ф-та Петерб. ун-та, участвовал в деятельности тайного рев. об-ва «Сморгонская академия». В нач. 1869, не закончив курса, отправился в Вост. Сибирь, служил пом. столоначальника Забайкальского обл.

правления, стряпчим, секретарем полиц. управления, ред. газ. «Забайкальские обл. вед.», чиновником по особым поручениям при управлении нерчин. категор и др., жил в Чите, Иркутске, Верхнеудинске, Баргузине и др. городах. Полагают (В. М. Фиников), что пребывание О. в Сибири было связано с планами «сморгонцев» освободить Н. Г. Чернышевского.

Выйдя в отставку (1876), О. жил в Москве и Петербурге, посвятив себя лит. труду и вращаясь в народнических кругах. В 1880 был лишен права жительства в Петербурге (его адрес был обнаружен в записной книжке арестованного Г. А. Лопатина). Выступил с протестом против закрытия «Отч. записок» на собрании литераторов и видных деятелей «Общественч. союза» (Анатолий П., К истории закрытия ж. «Отч. записки». — КИС. 1929, № 8/9, с. 181).

Сотрудничал в «Рус. мысли», «Отч. зап.», «Рус. курьер» и «Рус. ведомостях». Его очерки, имеющие, как правило, автобиогр. характер, рисующие пестрый мир «кандалной» Сибири, ее социальные контрасты, типы чиновников, арестантов, тюремные нравы и порядки, вышли незадолго до смерти О. отд. изд. «Вдали (из прошлого). Рассказы из вольной и невольной жизни» (М., 1883; предисл. С. В. Максимова). Книга привлекала к себе сочувств. внимание критики, отмечавшей правдивость очерков О., богатство фактов и наблюдений, безыскусную манеру повествования (рец. 1883: ВЕ. № 9; «Дело», № 4; РМ. № 5; «Вост. обзор», № 37; А. Круглов — «Мирской толк», № 20). Публикация книги, как и отд. очерков О., сопровождалась ценз. осложнениями; позднее она была внесена в «Список изд., запрещенных для публ. б-к и обществ. читален» (см.: СКРНЗП). Продолжением этой книги явился цикл очерков «Сиб. колонизаторы» (РМ, 1883, № 9—11).

С молодости О. страстился к алкоголю, отчего страдал всю жизнь. Умер в Марининской больнице для бедных (РГАЛИ. ф. 459, оп. 1, № 3487).

Др. произв.: «Нечто о тюрьмах Сибири» («Рус. курьер», 1882, 13—14 мая), очерк «Вояж сиб. купца» («Вост. обзор», 1883, № 33).

Лит.: Чехов. Письма (ук.): Сибиряк (Н. М. Язынск), О. и его пребывание в Сибири. — «Вост. обзор», 1884, № 38 (перепечатано в кн.: Лит. наследство Сибири, т. 5, Новосибир., 1980); Пылин А. Н., История рус. этнографии, ч. 4, СПб., 1892 (ук.); Козьмина Б. П., Рец. поповые в эпоху «белого террора», М., 1929, с. 125—26; Сведишников Н. И., Восп. пропавшего человека, М.—Л., 1930, с. 159, 169; Ткаченко П. С., Моск. студенчество в общественно-полит. жизни России второй пол. XIX в., М., 1958, с. 150; Гилдровский В., Соч., т. 3, М., 1967, с. 315—19; «Прометей», в. 3, М., 1967, с. 259; Петрасев Е., Вспран — огонь. Очерк культурного прошлого Забайкалья, Иркутск,

1968 (ук.); его же, Краевед и литература Забайкалья. Биобибли. укр., Чита, 1981, с. 75; Троицкий Н. А., Восемь попыток освобождения Н. Г. Чернышевского. — «Вопросы истории», 1978, № 7, с. 129; Фиников В. М., Мат-лы к литч. биографии О. — В кн.: Фольклор и лит-ра Сибири, Омск, 1980; его же, Сиб. очерки О., там же, 1981; Меламед Е. Рус. язык. Др. Кемяна, Иркутск, 1988 (ук.). + Некролог: «Совр. изв.», 1884, 8 сент.; Злобинов И. В., Мат-лы для сиб. словаря писателей, М., 1927; Писатели Вост. Сибири. Биобибли. укр., Иркутск, 1973; Лит. Сибири, Критико-биобибли. словарь писателей Вост. Сибири, в. 1, Иркутск, 1986 (ук.); Бограл. ОЗ (2); РБел.Сб.: РБС; Брокгауз; Венгеров. Рус. кн.; Языков; ДРДР, т. 1, ч. 2; Манюев.

Архивы: ИРЛИ. ф. 559, № 208 (письма В. П. Остроговскому); ф. 183, оп. 1, № 265 (письма В. О. Михлинскому); ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1883 г., л. 111; 7 д-во, 1888 г., л. 178, т. 1; ф. 95, оп. 1, л. 276; ф. 109, оп. 230, л. 4677.

Е. И. Меламед

ОРШАНСКИЙ Илья Григорьевич [1846, Екатеринбург — 5(17).9.1875, там же; похоронен на евр. кладбище], публицист, правовец. Из зажиточной евр. семьи. Отец занимался торговлей, был знатоком Талмуда и др. евр. филос. лит-ры. С 4 лет О. учился в хедере. Читать по-русски научился в 10 лет. В 1863 поступил в Харьков. ун-т вольнослушателем на юридич. ф-т, в следующем году сдал экзамены за гимназич. курс при 1-й харьков. г-зии и был принят в ун-т.

С 1865 печатал в периодич. изданиях на др.-евр. яз. («Гакармель», «Гамелин») публицист. статьи, научно-популярные очерки по естеств. наукам и переводы. В студенч. годы начал печататься на рус. яз. — сотрудничал в газ. «Одес. вест.» (1866—68) и «Новорос. телеграф» (1869—70), помещая публицист. статьи и очерки (напр., «Заметки провинциала» — «Новорос. телеграф», 1869, 3, 5, 7 сент.), содержащие тонкие наблюдения над переменами в «обыденном строе жизни» и экономич. быте разных слоев общества; «Судебные заметки» — там же, 7 нояб.), корреспонденции из Екатеринослава, куда он ездил летом на каникулы. Очерк «Быль, рассказанная моим приятелем», написанный в 1863—64, о злоупотреблениях при призыве евреев в армию, был опублик. лишь посмертно под назв. «История выключки» (в его сб.: «Евреи в России», 2-е доп. изд., СПб., 1877). Исл. «Талмудич. сказания об Александре Македонском» вышли из печати в 1866 в «Сб. статей по евр. истории и лит-ре» (кн. 1, СПб.).

С 1867 О. — член одес. отд. Об-ва для распространения просвещения между евреями в России. В последние студенч. годы служил делопроизводителем в уездном суде. По окончании ун-та (1868), со степенью кандидата прав, получил предложение остаться при ун-те для приготовления к профессорскому званию (при условии крещения), но отказался и занялся адвокатурой в Одессе. Одновременно (с 1869) он интенсивно со-

трудничал (и выполнял обязанности сехр. редакции) в одес. русскоязычной евр. газ. «Дени», где поместил большое число передовых статей, заметок, рецензий по разл. экономич., юридич., социальным и религ. аспектам евр. жизни в прошлом и настоящем («Очерк законодательных мер относительно евреев в последние годы» — 1869, № 1—4; «Очерки экономич. положения евреев в России» — 1869, № 21...1870, № 12; «К вопросу о русском переводе Ветхого Завета для евреев» — 1870, № 32—33; «Рус. журналистика и евреи» — 1871, № 21, и др.).

Сторонник идей евр. просвещения (Гаскалы), он считал одинаково неприемлемыми как аспимилизм евреев, так и ортодоксальные неприятия светского, общегуманитарного воспитания и образования; отстаивал необходимость освоен. достижений не только национальной, но и мировой, в т. ч. русской, науки и лит-ры. О. полагал, что «только свобода и равенство граждан, невзирая на различие происхождения и вероисповедания, не имеющие для гос-ва никакого значения, создают единство обществ. интересов, а следовательно, полит. единство населения» («К вопросу об образовании евреев» — 1870, № 13, с. 218). Исходя из того, что гражд. подпопранка евреев можно добиться только на основе «общего прогресса рус. нар. жизни» (1869, № 4, с. 53), О. проанализировал и отстаивал реформы 1860-х гг. — судебную, крестьянскую и др. Уже в эти годы наметились два направления (тесно связанные в его трактовке) публицистики О.: обсуждение разл. правовых и бытовых вопросов рус. жизни, с одной стороны, и освещение положения евреев в рус. обществе — с другой.

Наиболее важные статьи из «Дня» были собраны в кн. «Евреи в России. Очерки и несл.» (в. 1, СПб., 1872; сочувств. отклики — ВЕ, 1872, № 8; «Сияние», 1872, № 36). После одесского евр. погрома 1871, потрясшего О. и закрытия в июне того же года «Дня» за публикацию статьи О. о погроме «По поводу одес. событий» (№ 15; в кн. «Евреи в России») вошла обширная ст. «К характеристике одес. погрома», содержащая воспоминания о погроме и подробный анализ его причин, — один из ранних опытов изучения массовой психологии О. в октябре переехал в Петербург (редактор «Дня» С. С. Орнштейн приобрел вместе с Ф. Н. Устряловым газ. «Нов. время» и пригласил О. в качестве ведущего публициста).

В «Нов. времени» в 1872 О. поместил (без подписи) ряд передовых статей, широкий резонанс имели статьи о раскольниках (25 февр., 7 марта) и о стачке таганрогских извозчиков (22 февр.). В «Судебных заметках» (15, 18 янв.) он защищал гласность и судебную реформу, писал о семейном деспотизме, «горькой доле рус. женщины», выделяя «уголовно-психол. сторону судебных дел». В том же году О. начал печататься в газ. «Неделя» и в только что созданной газете В. П. Мешерского «Гражданин» («Юриич. хроника» — 1872, № 1), с к-рой прекратил сотрудничество из-за ее охранит. монархич. характера. С марта 1872 в

связи с обострением туберкулеза О. жил за границей (в Юж. Германии, Швейцарии и Италии), продолжая интенсивно работать: печатал в «Неделе» публик. (напр., «Общественное движение в Швейцарии» — 1872, № 21 и 22) и юридич. статьи, корреспонденции, поместил в изданном «Неделе» сб. «Рус. обществ. вопросы» (СПб., 1872) ст. «Кассационный суд и наше законодательство».

О. сотрудничал и в юридич. печати, опубликовал более двух десятков статей в «Судебном вестн.», «Судебном журнале» и кл. сб. в «Журнале гражд. и уголовного права» («Духовный суд и семейное право» — 1872, кн. 3—4; «О значении и пределах свободы воли в праве» — 1873, кн. 5—6; «Нар. суд и нар. право» — 1875, кн. 3—5, и др.), где одной из основных его тем было нар. право [собранный в посмертных сб.-ках: «Исследования по рус. праву семейному и наследственному» (СПб., 1877), «Исследования по рус. праву обычному и брачному» (СПб., 1879), «Исследования по рус. праву» (СПб., 1892; с биогр. очерком О.)].

Рецензенты отмечали, что «автор наблюдает совр. гражд. жизнь и описывает ее вкратце по их действит. значению», и относили его работы «к числу лучших произведений рус. юридич. лит-ры» (С. (А.) Муромцев — «Критич. обзор», 1879, № 1, с. 24, 27; ср. с мнением Н. К. Михайловского, что О. пишет «торж. талантливо и с большим знанием дела» — ОЗ, 1879, № 4, с. 208, б. п.; см. также положит. рец.: «Юридич. вестн.», 1879, № 10; «Журнал гражд. и уголовного права», 1879, кн. 4, и др.).

Не отошел О. и от евр. тематики, подготовив обширную работу «Рус. законодательство о евреях» (в кн.: Евр. б-ка, т. 3—5, СПб., 1873—75; отд. изд. с доп. — СПб., 1877; положит. рец.: Л. А. (Полонский) — ВЕ, 1878, № 3). В некрологах отмечалось, что О. «занял видное место в нашей юридич. лит-ре» (МВед, 1875, 14 сент.), хотя «он чувствовал почти отвращение к юридич. схоластике, живущей и питающейся лишь статьями законов да арх. пылью; он был, если так можно выразиться, юрист-публицист» («Неделя», 1875, № 38, стб. 1251).

Брат О. — Исаак Григ. (1851 — не ранее 1925) — окончил Мед. академию в Петербурге, проф. психиатрии Харьков. ун-та, позднее и Петерб. ун-та, автор публик. статей по евр. вопросу (ж. «Рассвет», 1879, 1882; кн. «Первый шаг», М., 1907), психологии («Темперамент и характер» — «Жизнь», 1899, № 7; «Совр. психол. движение» — РМ, 1899, № 1—2; «Положение психологии в ряду наук» — МБ, 1905, № 5, 7; кн. «Худож. творчество», М., 1907), обширной работы о ром. «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского — «История одного идейного преступления» (СВ, 1896, № 10—11) и статьи об организации высшего образования («Университетский вопрос и „проект“ университетского устава» — ВЕ, 1906, № 1). См. его автобиографич. содержательное введение и об О. в кн.: Мещинский ф-т Харьков. ун-та за первые сто лет его существования. (1805—1905). Х., 1905—1906, отд. II, с. 218—24.

Др. младший брат О., Моисей Григ., выпускник Харьков. ун-та, юрист, печатал публик. статьи в «Рассвете» и «Восходе» в 1880-х гг.

Лит.: А. Л. И. Г. Орханский. — В кн.: Евр. б-ка, т. 6, СПб., 1878; Стасов В., Памятник О. — Там же; Гессен Ю. И., Газетер евр. деятелей, в. 1, СПб., 1898, с. 73—163; Моргулик М. Г., О и его лит. деятельность. — «Книжки „Восхода“», 1901, № 1; Ямпольский П. А., Восп. об О. — «Евр. старина», 1911, в. 1; Шпигберг С. Л., История евр. печати в России в связи с обществ. течениями, П., 1915, с. 181—83,

185. + Некрологи, 1875; «Журнал гражд. и уголовного права», кн. 6; БВед, 12 окт.; «Голос», 16 сент.; «Одес. вестн.», 12 окт. (Барон Икс (С. Т. Гершо-Виноградский); «Илл. неделя», № 38, РБС; Брокгауз; КЕЭ, т. 6. Иерусалим, 1992; Систематич. указатель лит-ры о евреях на рус. языке..., СПб., 1892 (библ. работ О. на евр. яз. — по ук.); Поворинский А., Систематич. указатель рус. лит-ры по устройству и судопроизводству гражд. и уголовного. СПб., 1896 (библ. работ О. по праву — по ук.).

Архивы: РНБ, ф. 118, № 99, л. 32 (список публикаций О. в периодике), 100, 118; РГАЛИ, ф. 636, оп. 1, л. 590 (письмо С. А. Юрьеву, 1872).

А. И. Рейтман, при участии В. Е. Келнера
ОСИПОВИЧ Наум Маркович [12(24).1.1870, г. Очаков Одес. у. Херсон. губ. — 7.10.1937, Одесса], прозаик, лит. деятель. Род. в семье рыбака. Окончил евр. богослов. школу и втайне от родителей, горб.-классное уч-ще в 1885. По собств. признанию, в это время «... весь был под влиянием... великих учителей

рус. слова: Белинского, Добролюбова, Салтыкова и Успенского» («Тяжелое иск-во» — СМ, 1911, № 12, с. 227). О. мечтал о писательстве, но «евр. деятельность направила энергию в другую сторону» (Гранат, т. 11, стб. 681). В 1885 ушел из дому, перебрался в Одессу и в 1886 вступил в народолюбив. кружок, по заданию к-рого вел рев. пропаганду. Арестован в Одессе в 1887 по обвинению в принадлежности к рев. кружку (РГИА, ф. 1405, оп. 88, л. 10102, л. 345), провел два года в заключении (сначала в Одес. тюрьме, позднее — в Моск. пересыльной), в 1890—93 отбывал ссылку в Якутии под гласным надзором полиции, входил в Ср.-колым. коммуну В. Г. Богораза (Тапа), Дионсо, И. В. Иохельсона и др. После ссылки до осени 1894 жил в Очакове, затем в Николаеве, с авг. 1901 — в Одессе. Учительствовал, участвовал в культурнич. движении, ездил «на голод», обследовал грамотность евр. населения «черты оседлости», пытался (безуспешно) заняться издат. деятельностью. С сер. 90-х гг. был связан с

кружком разнокалальной интеллигенции в Николаеве, с одес. группой старых народолюбцев, вместе с к-рой в 1901 вошел в партию эсеров. Во время Революции 1905—07 входил в Одес. к-т этой партии, организовал неофиц. телеграфное агентство, снабжавшее левые газеты материалами о рев. событиях; неоднократно подвергался аресту. С 1906 находится в эмиграции — сначала в Финляндии, откуда наезжал в Петербург по лит. делам, затем в Германии, Франции и с 1910 в Швейцарии, где окончил в 1912 Высшую школу социальных наук. В 1912 вернулся в Одессу, от активной рев. деятельности отошел, до 1917 — изд. и ред. «худож.-лит. илл. ж-ла для евр. детей» («Колосья»); был составителем ряда прил. к ж-лу, в т. ч. сб. «Образцы библиейской поэзии. Стихи и поэмы на сюжеты из Библии» (тт. 1—5). Од., 1915—16).

Первые полубеллетристич. очерки «В черте оседлости» опублик. в ж. «Книжки „Восхода“» (1903, № 1); рассказы и «эскизы» О. печатались в ж. «Юж. записки», «Мир божий», «Совр. мир», «Вест. Европы», «Образование», «Евр. мир» и др., коллективных сб.-ках «Лит.-науч. сб.» (СПб., 1906), «Новые веяния» (сб. 1, М., 1907) и составили позже его сб. «Рассказы» (т. 1, СПб., 1910; рец.: Е. Колтоновская) — ВЕ, 1911, № 1), («В забитом краю» (СПб.—М., 1911) и Собр. соч. (2-е изд., т. 1—4, СПб., изд-во «Просвещение», 1911—12); в т. 3 опублик. ром. «Натан Маймон» (др. назв. — «Логика») о жизни евр. интеллигентов и их духовных исканиях (рец.: Н. Н. Венгелъ), повесть о евр. проповеднике. — НВ, илл. прил., 1913, 17 авг., с. 11—12).

«Все время пражался в своих рассказах в среде вынужденных обитателей тюрьмы, ссылки и черты оседлости, где унижением и оскорблением несть числа. О. нередко возбуждал и ставил вопрос о протесте и борьбе», — писал В. П. Краинфельд, но при этом отмечал «слабость», «истеричность» произв. О. (СМ, 1910, № 5, с. 82). Схожую оценку творчества О. дал В. Л. Львов-Рогачевский: «Его герои — протестанты, идеалисты, мечтатели — обрисованы бледно, эскизно, портретно и несколько шумно, но все они будят человека в человеке» (Львов-Рогачевский В., Рус.-евр. лит-ра, М., 1922, с. 159). Рецензенты единодушно отмечали присутствие О. «папистич.» чувство любви к природе.

После Февр. революции О. возглавлял разбор архивов Одес. охранного отделения и жандарм. управления; в 1922—27 работал в местном Истпарте. Одновременно вел большую лит. работу, был пред. правления Юж. т-ва писателей, редактировал ж. «Объединение» (1918—20), сб.-ки «Канцальный звон» (1925—27) одес. отд. Всесоюз. об-ва политкатержан и сельхозпоселенцев и др., печатался в ж. «Былое», «Каторга и ссылка». Осн. тема документ.-худож. и мемуарных произв. О. этого периода — провокация в рев. движении.

В 1928 основат и возглавил одес. кооперативное изд-во «Культура и труд», к-рое выпустило новое собр. соч. О. (т. 1—4, 1931—33).

Др. произв.: [Рассказы]: «По чужой дороге» (П., 1917), «Похищение Зоси» (М.—Л., 1926), «Провокатор» (М.—Л., 1926), «Шпильны» (Од., 1932), «Пахарн» (М., 1934).

Лит.: Дерман А. Б., Н. М. Осипович. Собр. соч., т. 2 и 3. Изд. 1-ва «Провеснение». СПб. [Ред.]. — «Заветы», 1912, № 8; Измайлов А., Лит. гримасники. (О стиле старом и новом). — БВед. 1909, 15 авг. + Полит. каторга и ссылка. Биогр. справочник членов Об-ва податкордов и ссыльнопоселенцев. М., 1934; Венгеров. Источ.: Гранат; ЛЭ; КЛЭ; КЕЭ; Адым. и сб-ки (1, 2); Муратова (2, ук.).

Архивы: ГАРФ, ф. 533, оп. 1, л. 143, л. 31; ф. 102, ОО, 3-е д-во, 7-е д-во (справка З. И. Перегуловой); РГИА, ф. 1405, оп. 530, л. 8; ф. 777, оп. 4, 1891 г., л. 84 (справка Н. М. Корнеевой); ИРЛИ: ф. 155 (справка М. А. Прозоровой). А. В. Роттер.

ОСНОВСКИЙ Нил Андреевич (по документам — Нилванцев*) (7(19).2.1816**, Москва** — 2(14).6.1871, там же), прозник, издатель. Внебрачный сын дворян П. П. Протасевой, был приписан к моск. мешан. обществу (копия м. с. — ЦИАМ). В доме родственников обучался «разным языкам и наукам» (ун-тское дело — там же). В 1835 принят вольнослушателем на физ.-матем. ф-т Моск. ун-та, однако учиться начал на филос. ф-те; в 1836 исключен за непособление лекций (там же, л. 18). Дебютировал в печати в 1852, выступив (в соавторстве с К. Ф. Руде) кн. «Замечания московского охотника на ружейную охоту с легавою собакой» (М., 1852; 2-е изд., М., 1856); рецензенты, отмечавшие гл. образом практич. полезность книги как чисто специального «трактата для одних охотников», отказали ей в «общед-льн. значимости» (Н. Н. Воронцов-Вельяминов — «Москв.», 1853, № 5, ч. 2, отд. 5, с. 16; ср.: Н. Г. Чернышевский — «Совр.», 1857, № 2). В 1850-х гг. О. опубликовал в «Современнике» рассказы «Федулыч. Физиологич. очерк» (1854, № 7), «Петров день. Из воспоминаний охотника» (1854, № 12; содержанный отклик: Некрасов, X, 211), «Неистовый Орланд» (1855, № 3), а в «Рус. вест.» — принесшую ему известность пов. «Порода хищников» (1857, № 1, 11), варьирующую популярную тему карт и азартной игры (о нареках цензуры, связанных с узнаваемостью описанных в повести карточных шулеров, см. в письме Н. А. Мельгунова А. И. Гершену, март 1857 — ЛН, т. 62, с. 353). Позднее эти произв. О. объединил в сб. «Рассказы» (М., 1857). Сочетавшие изображение сцен охоты, впечатления от встреч во время охотничьих путешествий, наблюдения над природой и поведением животных с автобиогр. эпизодами, анекдотами, поверьями, этногр. описаниями, бытовыми и сентимент. зарисовками, рас-

сказы О. являлись достаточно типичными образцами пласта «охотничьей» лит-ры, сюжетно и отчасти стилистически ориентированной на «Записки охотника» И. С. Тургенева и соч. С. Т. Аксакова. Подхватывая традиции натуральной школы, физиологич. очерка, авторы таких произв. (как правило — литераторы-дилетанты) поддерживали жизнь жанра, доводя его в своих лит. контаминациях до массового читателя.

Основу рассказа «Неистовый Орланд», а также очерка «Сад в селе Шаблыкине» («Журнал садоводства», 1857, т. IV, № 7; отд. оттиск — М., 1857) составили картины жизни своеобразной «охотничьей столицы» — имения известного на всю Россию богача и хлебосола Н. В. Киреевского (с. Шаблыкино Карачев. у. Орлов. губ.), у к-рого часто гостили И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, худ. Р. К. Жуковский, охотник и литератор Е. Прокудин-Горский, сам О. и др. Киреевский стал прообразом героев Тургенева («Гамлет Штировского уезда»). Толстого (лялушка в сцене охоты в «Воине и мире»); О., выведя его в своем рассказе, даже не изменил имени героя, обозначив его инициалами Киреевского (см.: Громов В. А., Н. В. Киреевский — знакомый Тургенева и Л. Н. Толстого. — В кн.: Тургеневский сб., т. 1, М.—Л., 1964).

В откликах на произв. О. отмечались слабая проработанность, эклектичность, стремление использовать уже апробированные худож. приемы и сюжеты. По отзыву «Отеч. зап.», рассказ «Петров день» — инвентарное до «золотой середины» сочинение аксаковских «описаний природы и мест, удобных для охоты», и тургеневского «желания изображать типичные лица из деревенского быта» (ОЗ, 1855, № 1, отл. IV, с. 63). Героя «Неистового Орланда» рецензент «Б-ки для чтения» (6. л. — 1858, т. 147; отклик на сб. «Рассказы») считал вариацией «Гамлета Штировского уезда» Тургенева, а обнаруженные в рассказе попытки заниматься «сближением», изображать «враг жизни» («завашились» по мнению критика, лишь Н. В. Гоголю) охарактеризовал как неумение О. соизмерить «свои силы с теми предметами, к-рые берет описывать» (с. 47). Д. И. Писарев в обзоре «Скопастика XIX века» привнесил О. к ряду писателей, к-рым недостойна «красота формы» и к-рым нельзя назвать «жрецами искусства» (Писарев, I, 117).

По-видимому, к 1850-м гг. относится личное знакомство О. с Тургеневым (возможно, через публициста и критика И. В. Павлова, близкого друга О.). В 1858 Тургенев ходатайствовал перед мин. нар. просвещения Е. П. Ковалевским о разрешении издания газ. «Моск. вест.» (выходила в 1859—61), издателем к-рой стал В. Рудаков, а фактик. руководителями и совладельцами — Н. Н. Воронцов-Вельяминов и О. (см. письменно-рекомендацию министру — Тургенев в Письма, III, 237). Сам Тургенев сотрудничал в этом издании — помещая отрывок из незавершенного ром. «Два похода» (1859, № 1) и очерк о В. Г. Белинском («Встреча моя с Белинским (Письма к Н. А.

Основскому)» — 1860. 23 янв.; издано только первое письмо из задуманного цикла; то же — в кн.: Белинский в восп. современников, М., 1977, с. 477—82). Сохранилось три письма Тургенева к О. (1858—59) и пять писем О. (ИРЛИ); последние позволили частично восстановить содержание утраченных писем Тургенева из-за границы 1860 (см. работу Е. М. Хмелевской — в кн.: Тургеневский сб., т. 2, с. 350—53).

В нач. 1860-х гг. О. предпринимает попытки заняться книгоиздат. деятельностью. Он выпускает собр. соч. Ф. М. Достоевского (т. 1—2, М., 1860) — первый двухтомник писателя, куда вошли его ранние повести (исключая «Двойника»). В это же время О. получает право на изд. соч. Тургенева, к-рое было осуществлено в 1860—61 (т. 1—4, М.) и встречено благожелат. откликом М. Н. Лонгинова (РВ, 1861, № 2), отметившего его общедоступность и исправность текста; от последующих изд. Тургенева оно отличалось составом («Записок охотника» (лишь в этом изд. включавшихся рассказы «Поездка в Польшу» и ст. «О соловьях»).

Издание четырехтомника Тургенева сопровождалось шумным скандалом, в к-рый оказались втянуты А. А. Фет, А. Н. Плещеев, Н. Х. Кетчер, П. В. Анненков, Павлов; осн. причинами его стали, по-видимому, неудачливость и дилетантизм О., страстно желавшего быстрого финансового успеха (наиб. подробно: Гутьяр Н., К биографии И. С. Тургенева. — РС, 1908, № 8). О. не только превысил тираж (вместо обговоренных 4800 экз. выпустил 6000), но и недоплатил Тургеневу часть условленного гонорара; пытаясь выполнить обязательство перед подписчиками, он занимал значит. суммы денег, что в конце концов послужило причиной его разорения и объявления банкротом. Одновременно он вынужден был закрыть и «Моск. вест.». История обсуждалась в эмигрант. периодике: в ж. «Правильный», издававшемся в Лейпциге кн. П. В. Долгоруковым, появилась заметка, обличающая О. как вора (1862, № 2), а Тургенев ответил на нее опровержением в герценовском «Колоколе» (1862, 22 мая, с. 1115).

Суждения современников о степени виновности О. различны. Публицист Плещеев и Павлов, уверившись в его нечестности, определили негативную для О. трактовку скандала в последующей биогр. лит-ре о Тургеневе (см. замечания Анненкова — в кн.: Тургенев в восп., I, 325—29, а также мн-тия, собранные в работах: Викторов; Фрилендер; Мостковский). Между тем конфликт в «Моск. вест.», в ходе к-рого Плещеев и Павлов обвинили издателя в жульничестве и махинациях, завершился третейским судом (посредником выступил Н. П. Гилдров-Платонов, Ф. В. Чижов и А. Н. Островский), на к-ром О. был оправдан. Знакомый Тургенева И. П. Борнов, сообщая о судебном решении (и об издании Плещеева перед издателем), рекомендовал О. «человеческим честнейшим, благодарным, слишком добрым (к) врагам его»

ОСОКИН

(письмо от 19 дек. 1860 — Тургенский сб., т. 3, Л., 1967, с. 343). Тургенев, поначалу добравший негативным отзывом своих корреспондентов (в числе прочих такие оценки инициировалось Н. М. Шенкин и Кетчеров — кооперантами О.), изжил чиниле после ознакомления с письмами Фета, выступавшего его доверенным лицом в издат. делах, и самого О. (ИРЛИ, ф. 7, № 153 и 149, оба письма — янв. 1861). Из писем, в частности, он узнал о косвенной вине в банкротстве О., лежавшей на Плещееве и Павлове, х-рыс не выжидали в срок финансовых обязательств по прескриптивному изданию. Отказавшись от преследования издателя, Тургенев мотивировал это тем, что О., к-рый «в одно и то же время разорен и опозорен», «действительно был оглушен — и достоин сожаления» (письмо Анненкову, янв. 1861 — Тургенев. Письма, IV, с. 187—88).

В последующие годы произведения О. появлялись в печати лишь эпизодически: заметки и фельетоны в газ. «Рус. вед.» («Моск. заметки» — 1865, 12, 17 авг. ... 30 дек.; «По поводу весенней охоты» — 1865, 20 марта; и др.). О. сотрудничал также в ж. «Домашнее хозяйство» (1870). Выпустил кн. «Эпизоды из охотничьей жизни» (М., 1867).

Др. произв.: «Подарок молодым хозяйкам» (М., 1872, 3-е изд., М., 1881), «Записки охотника» (М., 1879), «Собака охотничья, сторожевая» (ч. 1—3, М., 1896).

Лит.: Чернышевский: Тургенев; Анненков (вос — ук.); Фет А. А., Мои восп., ч. 1, М., 1890, с. 355—57 (репринтное изд., М., 1992); Викторов Н., Мат-лы для биографии И. С. Тургенева. — ИВ, 1897, № 7, с. 99—103; Анофриев Н. Ю., Рус. охотничья библиотекка. Брест-Литовск, 1905, с. 44—45, 118; Фрилендер Г. М., Письма Плещеева. — ЛА, т. 6, с. 306—20; Мостовская Н. Н., И. В. Павлов — корреспондент Тургенева. — В кн.: И. С. Тургенев. Вопросы биографии и творчества, Л., 1982, с. 143—58; Аксаков И. С., Письма к родным, 1849—1856, М., 1994 (ук.); ЛН, т. 67, с. 461 (отрывок из письма И. В. Павлова к О., окт. 1859); т. 73, II; т. 83, 86 [ук.; О. ошибочно назван Нилом Ал-др.]; + Некрологи 1871: «Илл. гал.» 17 июня; СПбВед., 8 июня; РВед., 4 июня; Илл. календарь на 1872 г., с. 67. РБС; Гемма; Броугар; Мельер; Мсанов.

Архивы: ЦНАМ, ф. 418, оп. 105, д. 163 (унтоско исто «О принятии вольного слушателя О. 1835 г., в т. ч. увольнит. свидетелство от Моск. мешан. об-ва» (указано, что по крестному отцу Нилу Азидр. Новикову О. получил отчество Цыловин) и копия м. с.); оп. 106, з. 18 (дело «Об увольнении из ун-та...» 1836 г.); ф. 31, оп. 5, д. 368, л. 42; д. 379, л. 17 об. (сена. мат-лы) (справка В. В. Александровой); РНБ, ф. 874, № 451, 452 (письма П. П. Гирилова-Платонова к О.); ИРЛИ, ф. 7, № 149 (письма О. к И. С. Тургеневу), № 151 (письма А. И. Плещеева к О.); ГАРФ, ф. 109, СА, оп. 3, д. 2833, л. 2 (выписка из перестроированного письма к О. священника и публициста Е. А. Остроумовского о грабежах в Орле).

В. М. Бокорова, при участии М. М. Одесской.

ОСОКИН Михаил Иванович (между 1819 и 1822, с. Сада Глазовского у. Вятской губ. — 16(28).10.1876, Вятка), этнограф, прозаик, протоиерей (с 1873). Из семьи дякона. Окончил Вятскую духовную сем. в 1842. Служил в сел. приходах Орлов. и Яранского уездов, в Николаевском соборе г. Нолинска Вятской губ. (1845—48), затем в с. Полянском Малмыжского у. (1848—59) и в с. Рождественском Нолинского у. (1860—76). Считается одним из лучших знатоков духовного судопроизводства в епархии, назначался на расследование особо слож-

ных дел. Исполнял обязанности благочинного. Не имея своих детей, воспитал с женой 7 девочек-сирот. С введением земства деятельно включился в обществ. жизнь; собирал и изучал новые законоположения о земстве, был добровольным юристом, консультантом по этим вопросам. Был избран губернским зем. гласным от духовенства. Д. чл. губернского статистич. к-та (1863—73). Благодаря стараниям О. была открыта Нолинская жен. прог-зия. Напряженная обществ. деятельность расстроила его и без того слабое здоровье. Умер от чахотки.

В этногр. статья «Нар. быт в Северо-Вост. России» («Совр.», 1856, № 9, 11, 12; первая публ.; полнпись С. М. Осокин; выдержки с доп.: «Вятские губ. вед.», 1857, № 8, 9, 11; положит. отзыв Н. Г. Чернышевского в письмах Н. А. Некрасову; Чернышевский, XIV, 313, 326) и «Сельская свадьба в Малмыжском у.» («Совр.», 1857, № 1) — О. внимателен не только к обрядам крестьян, но и к их материальному положению, уровню образованности, степени религиозности. Как священник он обличал суеверия, в чем нек-рые читатели усматривали антинар. позицию автора. Н. А. Добролюбов в своих дневниковых записях приводит мнения С. И. Лебедева, к-рый считал, что у О. «нет творчества, а просто ученое изложение», и И. И. Срезневского, упрекавшего О. в тенденциозном подборе песен, наговоров и преданий: «Что из того, что мужик поет северную песню — нужно ли хвататься за нее, чтобы доказать, что народ наш никуда не годится?» (Добролюбов, VIII, 542—43, 584).

В автобиогр. ром. «Ливанов» (РСП, 1866, № 4—6), критически описывающем семинарский быт (взяточничество при наборе, надзор старших учеников над младшими и т. д.), судьба юного героя «сломана» из-за бычья закреплять место умершего сл. священника за младшей дочерью (т. е. за ее будущим мужем) как своего рода приданое.

Др. произв.: рассказ «Ключница» (СО, 1859, № 35).

Лит.: Изергина Н. П., Писатели в Вятск. Лит.-краснел. очерки, Киров, 1979, с. 79; Тезисы докладов и сообщений II науч. конференции «Вятская земля в прошлом и настоящем», т. 1, Киров, 1992, с. 265—67; Энциклопедия земли Вятской, т. 2, Киров, 1995, + Некролог «Вятские епарх. вел.», 1876, № 23. Вятскер. Сл. (ошибочно указаны инициалы С. М.).

Архивы: ГА Киров. обл., ф. 237, оп. 7, д. 886, 887, 903—17, 1004, 1005, 1577; ф. 886, оп. 2, д. 2; ф. 616, оп. 1, д. 1, 11, 26, 13; ф. 390, оп. 2, з. 5 (справка Г. А. Зелицкой).

А. Н. Кузнецов.

ОСОРИН Михаил Андреевич [наст. фам. Ильин; 7(19).9.1878, Пермь — 27.11.1942, г. Шабри, Франция; похоронен там же], прозаик, публицист.

Согласно «Рос. родовословной книге» П. В. Долгорукова (ч. 4, СПб., 1857), Ильины — первые потомки Рюрика; в родстве с Аксаковыми; в роду — придворные, военачальники, ученые, драматург 18 в. Н. И. Ильин. Отец О., Анд. Фёд. Ильин — обедневший помещик, юрист, участник разработки и проведения реформа Александра II, с 1874 чл. Перм. окружного суда (ЦНАМ, ф. 418, оп. 311, № 380). Мать, Ел. Ал-др. (урожд. Савина), владела нотск. языками, в кон. 1890-х — нач. 1900-х гг. перевела на рус. язык и рассказы публиковались в «Перм. губ. ведомостях». Старший брат, Сер. Анд. Ильин, обществ. деятель, журналист и поэт, регулярно печатал стихотв. фельетоны и рецензии в той же газ. и др. уральских изд. (часто под псевд. Little tall); автор кн. «Лирика и на злобы дня. Стихотворения» (Пермь, 1905). К светлым восп. о дет. годах О. обращался в своих прозах (см. мемуарные очерки «Портрет матери», «Дневник отца» — ПИ, 1927, 12 сент., 16 окт.); сестра О., Ольга Ильина-Развинг, — прототип героини «Повести о сестре» (Париж, 1931).

О. начал печататься в гимназич. годы: «На могиле воспитателя. Неск. слов по поводу смерти Ю. Х. Линке» («Перм. губ. вед.», 1895,

28 мая; указываемая в библиогр. источниках дата 19 марта 1896 ошибочна), заметки к перм. опере в газ. «Камско-Волж. край» (1896, 24 янв., подписан Ми; 28 авг., подписан Ми), рассказ «Отец» в петерб. «Журнале для всех» (1896, № 5; подписан М. Пермяк), к-рый сам О. впоследствии называл «чудовищным по наивности».

Окончив в 1897 Перм. г-зию, О. поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та, откуда в 1899 за участие в студенч. волнениях был выслан на год в Пермь под негласный надзор полиции (ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1899 г., д. 2178); восстановлен в ун-те в 1900 с потерей года. Вплоть до окончания ун-та в 1902 О. вел в «Перм. губ. вед.» свободную в жанровом отношении (его корреспонденция тяготеет к репортажу, то к очерку, то к рассказу) пост. рубрику «Московские письма» («Дневник москвичка», где уже начинало проступать своеобразие его манеры письма — доверительность, интимность интонации, мудрая, незлобивая ирония; именно

от живых и непосредств. корреспонденций ведут начало наиболее характерные черты его зрелого творчества, а не от опубликованных время от времени в том же изд. собственно рассказов, одни из к-рых написаны были в духе «физиологич. очерка» («По наклонной плоскости. Из студенческой жизни» — 1898, 12 авг., подпись М. И-и; «Арестантский вагон» — 1899, 11 апр., подпись И.), другие — в духе модных тогда «фантазий» («Два мгновения. Новогодняя фантазия» — 1898, 1 янв., подпись М-и-и), третьи копировали стиль юмористич. ж.-л. («Письмо сынка к мамаше» — 1901, 14 янв.; подпись Нескромно сообщил — Я; атрибуцию этих рассказов, кроме последнего, атрибуцию ранних псевд. О., а также полную библиографию О. в «Перм. губ. вед.» см.: Подликовская, но все несамостоятельны и почти столь же наивны, как опубли. в гимназич. годы рассказ «Отец».

После 1902 О. занимается адвокатской практикой; одновременно писал анонимные заметки для газ. «Курьер» и библи. отд. «Рус. мысли» (см. его автобиогр. в кн.: РВед. Сб., отд. II, с. 129). Вместе с К. А. Ковальским, А. С. Буткевичем и др. основал в Москве изд-во «Жизнь и правда», выпускавшее «лубочные книжки»; подготовил к печати со своим предисл. книги В. А. Моиника «Сиб. мотивы и др. стих.» (1903) и «Стихотворения и рассказы» М. Л. Леонова (1905). В 1904 в изд-ве выходят 3 брошюры О.: «Япония» (б. п., с рис. автора на обложке), знакомящая читателей со страной, к-рая с недавнего времени сделалась нашим открытым врагом» (с. 4), «Русские военачальники на Дальнем Востоке» (б. п.) — биографии Е. И. Алексеева, А. Н. Куропаткина, С. О. Макарова и др., «Вознаграждение рабочих за несчастные случаи. Закон 2 июня 1903 года» (подпись М. А. Ильин; положит. отзыв: РМ, 1904, № 9).

В 1903 О. женился на Ек. Ал-др. Маликовой, эсерке, дочери народо-вольца А. К. Маликова (о нем — мемуарный очерк О. «Встречи. А. К. Маликов и В. Г. Кораленко» — ПН, 1933, 5 марта). В 1904 вступил в партию эсеров. В 1905 опубли. в подпольной эсеров. газ. «Рев. Россия» ст. «За что?» (1 авг.; подпись Москвич), в к-рой оправдывал «борьбой за благо народа» убийство эсерами гр. Шува-лова.

О. был противником социал-демократов; широко распространение получило написанное им в 1905 стих. «Молитва социал-демократа» с обращением к К. Марксу: «...О, великий учитель, — воскликнул С.-Д./ — Ты, чья догма всегда непреложна./ Ты, чья схема навек прило-

жима везде./ Чьи слова изменять невозможно...» [стих. распространялось в списках; впервые за подписью М. А. Ильин (Осоргин) опубли.: ГМ, 1918, № 4/6; релубл.: КО, 1991, № 23].

В террористич. акциях О. участия не принимал, но во время моск. вооруж. восстания у него на квартире хранились оружие и нелегальная лит-ра. скрывались террористы (П. А. Куликовский и др.). Из-за совпадения фамилии О. с фамилией руководителя одной из боевых дружин ему после ареста 19 дек. 1905 нек-рое время угрожала смертная казнь (эта ошибка стоила жизни матери О., к-рая, узнав об этом, умерла от разрыва сердца). Давать показания он отказался; был приговорен к ссылке в Нарым, край Томской губ. на 3 года, 8 мая 1906 временно освобожден под залог (ЦИАМ, ф. 16, оп. 96, д. 6, т. 18). В Таган. тюрьме О. перевел с франц. яз. книгу Э. Доллеанса «Роберт Оуэн» (М., 1906), вел дневник, позже опубликованный («Картины тюремной жизни. Из дневника 1906 г.» — РБ, 1907, № 11—12).

Впоследствии, отойдя от полит. деятельности, О. не отрекался от своего эсеровского прошлого и не раз обращался в своих прозв. к судьбам и характерам эсеров, показывая сложность, неоднозначность, ист. обусловленность их мировоззрения, действий: мемуарные очерки «Венок памяти мальца» (сб. «На чужой стороне», [в.] 6, Б.—Прага, 1924), «Девятое пятый год. К юбилею» (СЗ, 1930, № 44), рассказ «Террорист» (ПН, 1929, 10 марта) и др. Документальную основу имеет диалог «Свидетель истории» (Париж, 1932) и «Книга о кошках» (Б., 1935). Прототип гл. героини Наташи Калымовой — участница неудавшегося покушения на П. А. Столыпина Наталья Клымова, прототип о. Якова — Яков Шестаков, помощник О. в изд-ве «Жизнь и правда». Автор выступает летописцем «светлейшей дерзости» своих героев.

Лето 1906, проведенное в деревне под Москвой, — время первых разочарований О. в реал. идеалах: «не столько плохи дела, как плохи люди... Дошло до того, что трудно отличить революционера от хулигана» (письмо Буткевичу от 1 авг. — РГБ, ф. 599, к. 2, № 22). В конце августа О. уехал в Гельсингфорс, в ноябре нелегально эмигрировал в Италию, где поселился в местечке Сори, близ Генуи, в эмигрантской коммуне на вилле «Мария».

В печатных выступлениях («Письма эмигранта» — «Камский край», 1907, 17, 23 мая) и личных письмах [см. письма к Т. А. Буткевич (Сидоровой) — РГБ, ф. 599, к. 2, № 25] звучат мотивы, определившие твор-

чество О. на десятилетие. — любовь к Италии и тоска по России.

Опубли. в рус. прессе рассказ «Мать» («Трудовой путь», 1907, № 6) и стих. «Н...» (там же, 1907, № 11) были попыткой соединить реал. содержание с эстетикой символизма; О. обратился к новому для себя жанру дет. сказки. «Хочется приобщить к делу переоценки ценностей детей. — пишет он Буткевич, — ... возбудить презрение ко всякому рода догмам и категорическим императивам». О. поместил неск. сказок в ж. «Дет. мир» — «Цветы и травка» (1907, № 19), «Сказка про море» (1909, № 1), «Тучи» (1909, № 5), «Людильино» (1909, № 12) и в ж. «Мирок» — «Царица жемчужин» (1908, № 6), «Король утесов» (1908, № 8), однако в худож. отношении они оказались слабыми: неувлекат. сюжет, сентиментальность, назидательность. Нек-рые из них впоследствии вошли в кн. «Сказки и несказки» (М., 1918).

В нач. 1908 О. вместе с Буткевичем уехал на неск. месяцев в Париж, где общался с В. В. Леbedинцевым и др. членами «левой группы» партии эсеров, участвовал в конференции этой группы (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1908 г., д. 9, т. 1). Посылал репортерские материалы о Париж. жизни в моск. газ. «Роль».

Возвратившись (май 1908) на виллу «Мария», О. втягивается в лит. работу. С авг. 1908 сотрудничает в «Рус. вед.» сначала как автор, затем — штатный корр. по Италии, а с янв. 1909 — и в «Вест. Европы». Он все менее расположен к барактанью в «тине эмигрантской жизни»; отношения с эмигрант. средой становятся тяжелыми. В нач. 1909 О. покинул Сори и поселился в Риме.

Осенью 1911 эмиграция устраивает суд над О. за якобы нетоварищеское поведение, присвоившее также ни на чем не основанное обвинение в плагиате и в покровительстве растраченной казенных средств. «Мое инстинктивное и мое интеллигентное сделалось... именно для мелочных и нелепых обвинений и двухмислительных улыбок», — писал О. в сент. 1911 А. В. Амфи-театрову (РГАЛИ, ф. 34, оп. 1, № 203; см. также: УР, 1911, 8, 30 июля, 18 авг.). В эсеровской газ. «Известия Заграничного комитета рус. социал-революционеров» (Париж, 1911, янв., № 13) О. опубли. ст. «Личное мнение», в к-рой выражает симпатии тем, кто заумывается над этич. обоснованностью террора и сомневается в необходимости всякой реал. и парт. деятельности, особенно если она не соответствует нравств. принципам человека.

Духовные поиски О. приводят его к масонству. Он вступает в Venti Settembre союза Великой ложи Италии (согласно Н. Н. Берберовой, до 1914; см. в ее кн.: Люди и ложи. Рус. масоны XX столетия, Н.-И., 1986, с. 146; по утверждению О. Ю. Авдеевой и А. И. Серкова, в 1914; см. их предисл. к кн. О. «Вольный каменщик», М., 1992).

10 лет жизни О. в Италии были чрезвычайно насыщены; хорошо овладев итал. языком (в т. ч. его диа-

лектами), он обзавелся друзьями в разл. слоях итал. общества, много ездил по стране. Учился живописи; руководил экскурсиями рус. учителей по Италии и опубл. об этом в 1911—1912 цикла статей в «Рус. ведомостях». Однако наиб. плодотворно работал как журналист.

Только в «Рус. вед.» было опубл. более 400 его мат-лов — репортажи, статьи, очерки о самых разных сторонах жизни Италии. Пристально следил О. за новостями итал. культуры: статьи о творчестве Г. Д'Аннуцио, А. Фогашаро, Дж. Пасколи, Ч. Паскарелли и др., об итал. футуризме в лит-ре и живописи — «Люди будущего» (1910, 12 февр.), «Футуристы и их поэзия» (1910, 27 авг.). «О „девичках, поноженных на балком“» (1913, 2 марта), «Центроблажные занятишки» (1913, 6 дек.), «Заказ футуризма» (1913, 18 дек.), «Патент на вздорительство» (1913, 31 дек.). По его мнению, произв. итал. футуристов — «разрушителей культуры» — представляют собой не направление, а «отклонение» в иск-ве, возникшее, однако, на определен. культурно-ист. почве как протест против засилья академизма.

После возвращения из Парижа О. уезжал из Италии только дважды — по затанию «Рус. ведомостей»: в 1911 побывал в Черногории, на границе к-рой шла война между албанцами и турками, и в др. балкан. странах (на материале репортажей впоследствии написал очерк «В некотором царстве» — ПН, 1926, 2 мая), в 1912 — на фронтах 1-й балкан. войны (более 20 корреспонденций в течение сент. — дек. 1912, лучших в основу очерка «Встречи. Начало „великих дней“» — ПН, 1933, 10 апр.).

За годы эмиграции О. стал одним из самых серьезных рус. журналистов, крупнейшим специалистом по Италии. В 1913 вышла его кн. «Очерки современной Италии» (М.), по просьбе бр. Гранат он написал главу об Италии в кн. «История нашего времени. (Совр. культура и ее проблемы)» (т. 1, [в. 1—4], СПб., [1910—11]). В «Вест. Европы» опубл. рассказы «Эмигрант» (1910, № 6), «Моя дочь» (1911, № 10), «Призраки» (1913, № 11—12), позже составившие кн. «Призраки. Три повести» (М., 1917), а также тематически примыкающий к ним рассказ «Старая вилла» (1909, № 6), место действия к-рого напоминает о вилле «Мария»; гл. герой рассказов — эмигрант, усомнившийся в том деле, к-рое искатечило его судьбу во имя призрачного счастья будущих поколений. Эти первые худож. произв. О., вобравшие личный опыт автора, по уровню уступая его зрелой прозе времен «второй эмиграции», во многом уже сродни ей по содержанию и выстраданностью содержания, тематич. и идейным родством с документ. жанрами. Нек-рые написанные в Италии рассказы в переработ. виде вошли в книги кон. 20-х гг. [«Пиппо» — РВед, 1913, 14 апр. (др. назв. — «Певец кабачков»), «Годовщина землетрясения» — там же, 1909, 22 дек. (рассказ «Мессина»), а

также первый мемуарный очерк О. «Елки. То, что помнится» (там же, 1911, 25 дек.; отд. эпизоды вошли в кн. «Времена»)]. Итал. впечатления навеяны ми. страницы сб-ка рассказов «Там, где был счастлив» (Париж, 1928). Однако мысль О. постоянно «зустремлена на северо-восток», и это нашло отражение в полемике с М. Горьким по поводу отношения рус. эмигрантов к амнистии 1913; если Горький считал, что тоска по родине не свойственна рус. человеку, то О. убежден: «Наш космополитизм есть лишь красивая форма нашей страдающей гордости и нашей неоткровенности даже с самим собой» (ИМЛИ, Архив Горького, КГ—П 55—12—3).

На О. «как обманувшего правосудие» амнистия не распространялась. С нач. 1-й мировой войны он начал добиваться разрешения на въезд в Россию. Но ни хлопоты его второй жены Р. Гиниберг, выехавшей в мае 1915 на родину (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1915 г., д. 9, т. 1), ни «благоприятное» для О. донесение полиц. агента не помогли; офиц. ответ был: «...в случае прибытия в Россию подлежат водворению в Сибирь» (ГАРФ, ф. 102, ОО, 1914 г., д. 9, ч. 1 лит. А). Он вернулся полулегально — через Францию, Англию, Норвегию, Швецию, отправляя с дороги в «Рус. вед.» путевые очерки (в 1933 переработал в очерк «Встречи. На пути в отечество» — ПН, 27 авг.).

В июле 1916 О. приехал в Петроград, присутствовал на заседаниях Гос. думы (РГАЛИ, ф. 1464, оп. 2, № 37), в августе переехал в Москву; 24 авг. 1916 в «Рус. вед.» опубл. его ст. «Дым отечества», резко критическая по отношению к рос. бытию и заканчивающаяся словами: «...очень хочется взять российский человека за плечи... потрянуть и прибавить: „А и горазд же ты спать даже и под пушки!“». Статья вызвала поток возмущенных писем от «истинных патриотов»; 30 авг. О. опубл. «Ответ читателю», в к-ром отстаивал свое право «„трогать“ общество».

В сент. 1916 О. по заданию «Рус. вед.» отправился в 2-месячную поездку по России, побывал в Ярославле, Вологде, Перми, проплыл по Каме и Белой, высылая корреспонденции, составившие цикл очерков «По Родине». В ноябре вернулся в Москву, продолжал работать в газете; в янв. 1917 выехал в качестве корреспондента на Зап. фронт; в цикле статей «По тихому фронту» (28 янв., 1, 9, 12, 21 февр.) значит. внимание уделил условиям повседневной жизни солдат на фронте.

Февр. революцию 1917 О. принял вначале как свершение идеалов своей молодости, однако вскоре убедился, что борьбу за подлинную свободу необходимо продолжать; он выступа-

ет против ряда декретов Врем. правительства, а также против большевистской опасности: уже весной 1917 в ст. «Старая прокламация» (24 мая (6 июня)) говорит о «правительстве Владимира» и призывает «дать решит. отпор новому самодержию». В мае 1917 О. переходит из «Рус. вед.» в только что основанную более «левою» газ. «Власть народа», печатается также в «Нар. социалисте», защищая идею свободы личности в рамках предел. нравств. принципов, пропагандируя просвещение и борьбу с невежеством, толкающим массы к бессмысленному насилию. «Простой человек» и «свобода» — осн. тема цикла беллетризов. очерков «об Аннушке» («Власть народа», июнь — ноябрь).

В изд-ве «Задруга» О. редактирует серию брошюр «Свободный народ» и выпускает свои брошюры: «Борцы за свободу» (М., 1917) — о народо-вольцах А. И. Желябове, С. Л. Перовской, Н. И. Кибальчиче, Г. М. Гельфман, И. И. Гриневском, «Про нынешнюю войну и про вечный мир» (2-е изд., М., 1917), в к-рой выступает за войну до победы и против сепаратного мира, и «Охранное отделение и его секреты» (М., 1917), материал для к-рой дано ему участие в разборе документов охранки.

После Окт. революции О. печатался в газ. «Власть народа», в редактируемом им прил. к этой газете — «Понедельник», затем в газ. «Родина», «Наша Родина» и др., а после закрытия в мае 1918 оппозиц. газет — в «Киев. мысли» (в последней кроме обычных подписей под псевд. М—Ъ, не зафиксированным в библиографич. кн. как противник большевиков. В выпущенной 17 дек. 1917 Клубом моск. писателей газ. «Слово — свободу» подписал в числе других протест против наступления на свободу печати; 23 дек. 1917 в газ. «Шар-голод» (изд. Центр. стачечного к-та гор. служащих) призывал ко всеобщей полит. забастовке; 5 янв. 1918, в день заседания Учредит. собрания, в газ. «Щит» предсказывал в ст. «День скорби», что большевики задушат Учредит. собрание. О. считал, что корни трагич. событий в России — в созданной веками рабства психологии народа, в грубых полит. ошибках, ответственность за к-рые лежит на всех социалистич. партиях. Когда стало ясно, что свергнуть большевиков не удастся, О. отказался от призывов к тотальному бойкоту власти и убеждал интеллигенцию заняться созданием трудом («Жизнь продолжается», «Что жизнь указывает» — «Понедельник „Власти народа“», 1918, 11 марта, 15 апр., «Что делать? Делать и верить» — «Родина», 1918, 28 апр.). Излюбленный жанр О.-журналиста — беллетризов. очерк-эссе, где

конкретные социально-полит. события рассматриваются в контексте не только человеческой истории, но и вселенского бытия. Свойственная зрелой прозе О. лирич. ирония над антропоцентризмом, амбициями впервые начинает звучать в газетных выступлениях 1917—18.

О. стал одним из организаторов и первым пред. Союза журналистов и вице-пред. Моск. отделения Всерос. союза писателей (совм. с М. О. Гершензоном он написал устав Союза). В сент. 1918 О. вместе с Б. К. Зайцевым, В. Ф. Ходасевичем, Н. Н. Минаевым и др. сделался лавкишкой созданной ими Книжной Лавки писателей, к-рая стала не просто букинистич. магазином, но центром непосредст. общения читателей и писателей (в качестве продавцов работали изв. писатели и философы России), а также и своеобразным рукописно-автографич. изд-вом (о деятельности Лавки, а также полный список выпущенных рукописных книг см.: Богомолов Н. А., Шумихин С. В., Книжная Лавка писателей и автографич. издания 1919—1922 гг. — В кн.: Ново-Басманная, 19, М., 1990). О. принимал активное участие в работе кружка «Студия Италия».

В 1919 О. арестован, провел 5 дней в подземелье на Лубянке; освобожден по ходатайству Союза писателей и Ю. К. Балтрушайтиса. В 1921 участвовал в работе Комиссии помощи голодающим при ВЦИК (Помгол), был ред. бюлл. «Помощь»; в авг. 1921 арестован вместе с нек-рыми др. членами комиссии, от смертной казни их спасло вмешательство Ф. Нансена. О. был выслан в Краснококшайск, но из-за болезни добраться туда не смог и зимой 1921/22 провел в Казани, где был анонимным ред. и автором «Лит. газ.»; весной 1922 ему разрешили вернуться в Москву.

В течение «межэмигрантских» лет О. продолжал публиковать сказки для детей и рассказы, по просьбе Е. Б. Вахтангова перевел с итал. яз. «Принцессу Тураллот» К. Гоши (начиная с 1922 пьеса более 10 лет не сходила со сцены, опубл.: М.—П., 1923; переводил также пьесы К. Гольдони, Л. Кьярелли и др.); из рассказов, написанных в 1917—19 (частично опубл. в 1917 в «Рус. вед.»), составила кн. «Из маленького домика. Москва 1917—1919» (Рига, 1921). В книге, как и в публицистич. статьях, О. размышляет над соотношением личного и общественного: «Дописав эту книжку, автор понял, что уйти из мира не трудно, но и в себе самом никак не занавесишь окошечка, в которое смотришь мир», — говорит он в предисловии. Жанр книги трудно определить: «Сам не знаю, к какому роду литературы она

относится... Ведь и жизнь наша... не то страшная сказка, не то оскорбительная хроника, не то великий пролог новой божественной комедии». В рассказе «Са-га — симфония» (окт. 1917) возникают образы солдата и девушки, как бы предвосхищающие образы «Двенадцати» А. А. Блока, но О. смотрит на них иначе: «Мне они страшны, солдат с девушкой».

В 1918 О. задумывает большой роман о революции и трагич. судьбе рус. интеллигенции, делает первые наброски к нему (гл. «Обезьяний городок» опубл.: «Вечерняя жизнь», 1918, 4 апр.). Далеко не все написанное О. в эти годы было опубл., в архивах сохранилось и того меньше:

М. А. Осоргин на борту теплохода, плывущего в Германию. Зарисовка И. А. Матушевича. 1922. Из кн.: М. Осоргин, «Сивцев Вражек», М., 1990.

либретто для оперетты «Чайный шесток» (РГАЛИ, ф. 1464, оп. 2, № 12), наброски к пьесе «Шарики» (там же, ф. 2118, оп. 1, № 105) и др.

Осенью 1922 О. вместе с группой писателей, философов, ученых был выслан из СССР (очерк «Как нас уехали. Юбилейное» — ПН, 1932, 28 авг.), до конца жизни он утверждал, что добровольно никогда бы не покинул Россию (до 1937 сохранял сов. паспорт). Вначале жил в Берлине, был чл. редколлегий и пост. автором газ. «Дни», ездил в Италию с чтением лекций, однако поселиться в стране, где у власти Муссолини, не захотел (см.: «Итальянское письмо» — «Воля России», Прага, 1923, № 15). Осенью 1923 переехал во Францию. В 1926, после женитьбы на Тат. Ал. Бакуниной (1904—95), дальней родственнице М. А. Бакунина, жизнь О. вошла в спокойную,

благодатную для творчества колею. Писательский талант О. раскрылся на чужбине. «Почти все мои книги написаны в эмиграции, — писал он в кн. «Времена». — ...но жизненный материал для этих книг давала только русская жизнь» (шгт. по изд.: «Времена», Екатеринбург, 1992, с. 598). Возникший на родине замысел романа «Сивцев Вражек», принесшего ему мировую известность, был осуществлен во Франции. Роман выдержал подряд два изд. на рус. языке (Париж, 1928, 1929), был переведен на иностр. языки, в США получил премию Книжного клуба. О нем много писала рус. эмиграция, печатая; однако рецензенты, единодушно признавая худож. достоинства романа, разделяя обществ.-полит. позицию автора, не всегда одобряли его филос. взгляды. Б. К. Зайцев писал: «...он хочет равнять человека не по высшему (по „четвертому измерению“), а по низшему (по „второму“), упорно навязывая мне родство с муравьями, ... мышьями, в лучшем случае — ласточками, и забывая, что у нас с автором сеть не только подальные родственники. Отсюда же идут и его стремления при каждом удобном случае наперзнуть Богу» (СЗ, 1928, № 36, с. 532).

Зрелая проза О. («Там, где был счастлив», «Чудо на озере» и др.) часто напоминает его газетные очерки и кн. «Из маленького домика». «Простота и обычная форма — характерное для О. стремление быть вне „литературы...“ Читателю кажется, что люди и предметы, о которых говорит О., существуют сами по себе, независимо от писателя... а тот стоит в стороне, в скромной роли гйда» (К. Мочульский — СЗ, 1931, № 46, с. 494—95).

В Париже О. становится пост. автором «Последних новостей» и «Совр. записок», печатается в рус. прессе Латвии, Чехословакии и др. стран. «М. Осоргиным написаны сотни фельетонов... приходилось жалеть об однодневном существовании газетного листа: столько в этих, наспех написанных газетных строках, бывало подлинной литературы, примечательных мыслей, любви к русскому прошлому и русскому языку» (С. Савельев — «Рус. записки», Париж, 1938, № 12, с. 193).

В «Последних новостях» О. вел 17 тематич. рубрик; серия статей на библиофильские темы — «Заметки старого книговеда» стали первой книгой О., вернувшейся к рос. читателю (М., 1989).

О. много размышлял о судьбах России и Европы, кризисе гуманизма и культуры, о фашизме и коммунизме, находил в них глубинное родство и считал, что его собств. место там, «где личность и свободная общественность борются против наси-

лия над ним, чем бы это насиле ни прикрывалось» (письмо О. к Буткевичу; см.: «Разговор „через решетку“» — альб. «Звенья», в. 2, М.—СПб., 1992, с. 500; публ. А. И. Серкова). Неприятие большевизма не мешало О. откликаться на заметные лит. явления в СССР, что осложняло его отношения с рус. эмиграцией [см. высказывания о нем А. Ф. Керенского, М. В. Визляка, И. И. Фондаминского (Бунакова), приведенные в ст. О. «Самоубийственная страничка из ...» — ПН, 1925, 24 нояб.]. Од-

забывая при этом о масонских принципах, должен уметь видеть в противнике человека и защищать человечность даже в разгар борьбы. В пов. «Вольный каменщик» (Париж, 1937) на примере ее гл. героя, рус. эмигранта, О. показывает, как масонство духовно обогащает «маленького человека», делает его счастливым при самых неблагоприятных жизненных обстоятельствах.

Теплую часть года О. проводит в своем доме под Парижем, его «огородные записки» составили кн. «Про-

М., 1989 (сост., вступ. ст. и прим. О. Г. Ласунского); Синев Вралек. Роман. Повесть. Рассказы. (М.), 1990 (сост., предисл. и комм. О. Ю. Аласетой); Литература рус. зарубежья. Антология, т. 1, кн. 2, М., 1990, с. 394; Восп. Повесть о сестре, В., 1992 (сост., вступ. ст. и прим. О. Г. Ласунского); Мемуарная проза. Пермь, 1992 (сост., вступ. ст. и прим. О. Г. Ласунского).

Лит.: Егух. Носк. слов г-ну О. — «Футуристы». Первый журнал рус. футуристов, 1914, № 1/2, с. 96; Слоним М. Л., О. писатель, — «Нов. рус. слово», Н.-Я., 1942, № 10824; Слоним М., Modern Russian literature, from Chekhov to the present, N.Y., 1953 (Index); Забужинский Г., Жизнь и творчество О. К. достаточно по дня его смерти, «Нов. рус. слово», 1952, 5 окт.; Кускова Е. (Д.), Законный наследник. (К 10-летию смерти О.). — Там же, 1952, 30 нояб.; Зайцев Б. К., Италия. — В его кн.: Далекое, Вашингтон, 1965; Струве Г. П., Осоргин. — В его кн.: Рус. лит-ра в изгнании, 2-е изд., Париж, 1984, с. 272—74 (и ук.); Fiene D. M., M. A. Osorgin: The last Bohemian of the Russian intelligentsia — «Russian Literature Triquarterly», 1979, № 16; Vecca Pasquincelli A., La vita e le opinioni di M. A. Osorgin. (1878—1942), Firenze, 1986; Гейлер М., О. — писатель на все времена. — «Нов. журнал», 1988, кн. 171, с. 127—43; Эфрон А., О Марине Цветаевой. Восп. дочери, М., 1989, с. 99, 100, 102, 104; М. Осоргин: «Хотел бы печататься только в России...», [Беседа писателя Б. Носика с вдовой писателя Т. А. Осоргиной-Бакуниной]. — КО, 1990, № 19; Осоргин Т., [По поводу публ. писем В. Ф. Хованска и Н. Н. Берберовой, III]. — «Минувшее», [в.] б. М., 1992, с. 472; Подлюковская Л. В., М. Осоргин. Начало пути. — «Библиография», 1993, № 2; с. 2; О. в собств. рассказах и док-тах ПТУ. — «Минувшее», в. 19, М.—СПб., 1996; Елина Н., Роза Гинцберг-Осоргина — дочь Ахад-Ама. — «Барен в культуре рус. зарубежья», в. 2, Иерусалим, 1993, с. 54—65; Павловский А., К характеристике автобиограф. прозы рус. зарубежья. (И. Бунин, М. Осоргин, В. Набоков). — РЛ, 1994, № 3; М. Осоргин. Страницы жизни и творчества. — Мат-лы науч. конференции «Осоргинские чтения» (23—24 нояб. 1993 г.), Пермь, 1994; Пасквинелли А., О. и итал. футуризм. — ФЛ, в. 3, В., 1994; «Л. Розина» закрыть навсегда», — «Розина», 1994, № 5 (публ., предисл. и прим. Я. Леонтьева); Серков А. И., История рус. искусства, 1845—1945, СПб., 1997 (ук.). + Розенберг В. А., Из истории рус. печати. Организация общественного мнения в России и истовническая беспарт. газ. «Рус. ведомости». (1863—1918 гг.), Прага, 1924, с. 248—49; Vargiache N., Fiene D. M., Osorguine T., Bibliographie des oeuvres de Michel Osorguine, P., 1973; Рус. эмиграция, с. 367—68 (и ук.); Абызов, ч. 3, с. 190—95; КЛЗ: Грант, т. 11, стб. 681; Казак: Масалов.

Л. В. Пашковская

ОССЕНДОВСКИЙ Антон Мартынович [наст. имя — Фердинанд-Антоний; 27.5(8.6).1876*, под Витебском (по др. сведениям — г. Олочка Псков. губ.) — 3.1.1945, Гродзиск, Мазовия, Польша], прозаик, журналист. Писал на рус. и польск. языках. Из дворян. Сын поляка-врача. С 1885 учился в Каменец-Подольской г-зии, завершил курс в Петербурге. В гимназич. годы редактировал ученич. ж-л; впервые выступил с путевыми очерками в одной из одес. газет. По-

Проводы Андрея Белого в Берлине, 1923. Сидят направо стоят: А. М. Ремизов, В. Ф. Хованска, П. П. Муратов, Н. Н. Берберова; стоят: А. Белый, М. А. Осоргин, А. В. Бахрах, Б. К. Зайцев.

нако к нему тянулась эмигрантская лит. молодежь (В. Л. Андреев, Г. Газданов, В. Б. Сосинский, Ю. П. Анненков); Г. Д. Гурвич (в некрологе) даже назвал О. ее «вождем». О. в Париже не входил ни в какие кружки и группировки, но много времени и душевных сил уделял деятельности в масон. ложах. Активный чл. ложи «Сев. звезда» («оратор» в 1931—33 и 1937—38; «досточтимый мастер» в 1938—39). В 1934 по его инициативе создается «правильная и совершенная ложа «Сев. братья», руководителем («первым мастером») к-рой он был до осени 1938. В предствлении О. Братство Вольных Каменщиков не что иное, как союз людей, общими силами ищущих истину — в познании природы, причин и задач бытия, смысла жизни. Истина же, уверен О., может постигаться (но не быть постигнутой) только людьми абсолютно свободными от всяких догм, в т. ч. и религиозных (Бог для него — понятие примитивное, а церковь — великое зло). О. был против обсуждения в ложах к.-л. полит. проблем, но не считал, что масон не должен активно и заинтересованно участвовать в жизни «профанской», не-

исшествия зеленого мира» (София, 1938; рец.: В. С. Яновский — «Рус. записки», 1939, № 15; П. Пильский — «Сегодня», Рига, 1939, № 8) — пантенстич. гимн земле и ее бессловесным обитателям.

В июне 1940, за два дня до захвата немцами Парижа, О. с женой уехал в свободную зону, в Шабри. Оттуда он высылал в газ. «Нов. рус. слово» (изд. в США) корреспонденции, сложившиеся в циклы: «В тихом местечке Франции (июнь—декабрь 1940)» (отд. изд. — Париж, 1946, рец.: М. К. — «Нов. журнал», Н.-Я., 1947, № 15) и «[Письмо о незначительном. 1940—1942]» (Н.-Я., 1952). Последним стало 52-е письмо.

«Осоргин был не только крупнейшим писателем, — писал в некрологе Гурвич. — Он был замечательным человеком... последним рыцарем духовного ордена рус. интеллигенции. Служение этому ордену было его призванием, не менее важным и нужным, чем его писательская деятельность» («Нов. журнал», 1943, № 4, с. 357).

Изд.: Письма — «Cahiers du Monde Russe et Soviétiques», 1984, в. 25 (2—3), avril — septembre, p. 295—332; Времена, М., 1989 (предисл. А. Л. Афанасьева); Заметки старого книгола-

ступил на физ.-матем. ф-т Петерб. ун-та, где специализировался по химии. За участие в студенч. волнениях 1899 на 5 месяцев подвергся тюремному заключению, после чего уехал за границу. Изучал в Сорбонне хи-

В 1909 О. предложил ж. «Рус. богатство» написанную на основе тюремных наблюдений пов. «Людская пыль».

В. Г. Короленко, признавая у автора «истинные признаки лит. дарования», тем не менее отклонил рукопись, т. к. в ней на «344 изыскательные все пороки бытового материала» (РГБ, ф. 135, к. 22, № 1332, л. 114; см. также письмо Короленко к О. в кн.: Летов Б., В. Г. Короленко — редактор, Л., 1961, с. 98—99). О. напечатал повесть отд. изданием в том же году (СПб.), однако после поста запрещения тираж был уничтожен (РГИА, ф. 777, оп. 15, 1909 г., л. 58); один экз. дошел до Л. Н. Толстого, к-рый отнесся к повести с интересом [см.: Толстой в воен., т. 2, М., 1978 (ук.); ЛН, т. 90, кн. 4, с. 18]; в 1911 переизд. под назв. «В людской пыли» (СПб.).

Эта повесть и лучшая книга О. подробно описывала (в традиции «Занесок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского) быт и нравы тюрьмы (М. Чуковский (И. И. Ясинский): «...правдиво и страшно... есть картины невообразимой грязи, насилие, озлобленность, эскадрилья кистей». — «Нов. слово», 1911, № 11, с. 156); автор «слишком сконцентрировал в небольшой пов. безграничный ужас тюремной жизни». — «Новый журнал для всех», 1911, № 33, с. 123). Сочувствие к заключенным, неприятие жестокой гос. машины и людей, служивших ей, сочетается у О. с настроением фатализма и страха перед жизнью (выражены, прежде всего, в лирико-метафорич. отступлениях и комментариях), сближающими его с А. М. Ремизовым, а также польск. писателем С. Пшибышевским.

С успехом шла в 1909 в Литейном театре В. А. Казанского (СПб.) одноактная пьеса О. «Жертва тайги» («производит очень сильное впечатление постепенным нарастанием драматизма» — БВед, 1909, 23 окт.).

После неудачных попыток сотрудничества в толстых ж-лах О. в нач. 1910-х гг. прискакивал читательский адрес и соответственно жанры и тематику своих произв., став типичным представителем «массовой лит-ры». Печатался в тонких, как правило — илл. ж-лах: бытовые рассказы о жизни на зол. приисках («В гиблых местах» — НЖЗВ, 1910, № 25; «Бык» — «Весь мир», 1912, № 37; «Перед лицом Бога» — «Нов. слово», 1912, № 12), несприят.-юмористич. «зарисовки» («Степаньч подвел» — «Новая Заноза», 1912, № 2; «Будущий столп» — там же, № 7; «Черная маска» — «Геркулес», 1913, № 3), оккультные, наполненные мистич. ужасом новеллы («Бег конца» — «Огонек», 1913, № 11; «Тайна трех смертей» — там же, № 41; «Ложа священного алмаза» — «Аргус», 1913, № 7). В науч.-фантастич. повестях проявились обширная науч. эрудиция и богатое воображение О. («Бриг „Ужас“» (ЛПН, 1913, № 11—12), «Грядущая борьба» (ЛПН, 1914, № 10), «Женщины, восставшие и побежденные» («Свободный журнал», 1914, № 5, 6; отд. изд. — М., 1915; резкая критика с позиций эстетики бытового правдоподобия: Ож. Ал. (Н. П. Ашешов) — СМ, 1915, № 3, с. 175—176, 2-я паг.).

Многие почитавшие у Г. Уэллса О. в своем очерке, оказал, по-видимому, влияние на сов. научную фантастику 1920-х — нач. 30-х гг.:

осн. его темы (социальные последствия науки, к-рая может обогатить или погубить мир; машинизация и технократизация общества; стремление трестов и монополий к власти над миром и т. д.) и сюжетные мотивы (борьба за последние воен. изобретения; быстрая смена событий; пристрастие к изолиров. местам действия: остров, корабль; катастрофа с благополучной развязкой в финале и т. п.) фигурировали в произведениях А. Н. Толстого, А. Р. Беляева и др.; в «Грядущей борьбе» О. предостережения нек-рых мотивов ром. Е. И. Замятина «Мы». Это дает основание считать его произведение одним из первых в рус. лит-ре агитупоний.

Печатался в газ. «Бирж. вед.» (1910—13), «Веч. время» (1914—17; секр. редакции), «Слово», «Петербург. листок», «Торгово-пром. газ.» и др. В публиц. статьях рассматривал состояние промышленности и торговли (гл. обр. Сибири и Д. Востока), нередко писал о положении рабочих. Анализировал социальные причины роста числа самоубийств («Не спасайте...» — БВед, 1911, 3 дек.), описывал голод в Сибири («Темный ужас» — БВед, 1912, 2 марта), доказывая необходимость создания дет. домов для петерб. бедноты («О детях Петербурга» — БВед, 1911, 7 июля) и т. п. В ж. «Аполлон» печатал статьи о кит. лит-ре («Совр. творчество китайцев» — 1911, № 7; рец. на переводы стихов Ли Бо — 1911, № 8).

В годы 1-й мировой войны О. с шовинистич. позиций писал о нем. народе (брошюра «Великое преступление Германии и Австрии, их императоров, правительства и народа культурным человечеством в нарушении междунар. права и законов и обычаев войны», П., 1915; по отзыву А. Рупорова: «немнедействие» и «бутербродная стряпня» — ЖЖ, 1915, № 27), сеял подозрительность, рассматривая рос. немцев как шпионов Германии (см. многочисл. статьи в газетах, напр.: «Закон предательства» — «Веч. время», 1915, 4 окт.; «Еще о рус. немцах» — там же, 27 окт.; а также пов. «Мирные завосватели», П., 1915). Принимал участие (совм. с И. Ф. Манассеичем-Мануйловым) в шантаже проживавших в Петербурге нем. и австр. подданных, публикуя сведения о них (если они не откупались) в «Веч. времени» (ГАРФ, ф. 1467, оп. 1, д. 99, л. 575). Из-за шантажа им одной дальневост. нем. фирмой было заведено судебное дело (см.: РГИА, ф. 857, оп. 1, д. 1490—1498; Мельгунов С., О совр. лит. нравах, М., 1916, с. 36).

В 1918—20 О. жил в Омске, преподавал в Политех. ин-те и Сел.-хоз. академии. В 1919—20 чл. Совета Мин-ва финансов и чл. Ученого совета Мин-ва сел. хозяйства пр-ва А. В. Колчака. Печатался в газ. «Рус. армия» (Омск) (см., напр., ст. «Пуганники человечества», 1919, 1 авг.). После разгрома колчаковской армии бежал через монг. степи и Ти-

мию и физику. После возвращения в Россию получил диплом Петерб. ун-та со степенью кандидата естеств. и матем. наук (1900) и был зачислен в Томский технологич. ин-т старшим лаборантом. С 1902 зав. лабораторией управления Уссурийской ж. д. (Владивосток); с 1904 зав. Испытат. химико-механич. лабораторией Управления Кит.-вост. ж. д. (в Харбине), по поручению армейских властей изучал возможности использования в воен. целях местных минералов и растений. Печатался в сиб. газетах; в 1901—09 публиковал статьи по химии и минералогии в отеч. и заруб. науч. ж-лах.

В окт. 1905 — янв. 1906 возглавлял стачечный к-т Кит.-вост. ж. д., в связи с чем был осужден на полтора года тюрем. заключения [ГАРФ, ф. 102, 7 д-во, 1906 г., д. 2441; РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 300; восп. на польск. яз. — «Od szczytu do otchłani» («С вершины в бездну»), Warsz., 1925]. После освобождения уехал с Д. Востока, в 1908 в течение неск. месяцев был технич. директором асфальтовой фабрики в Киеве. В 1909 вернулся в Петербург. В 1910—1911 ред. газеты на польск. яз. «Dziennik Petersburski» (РГИА, ф. 777, оп. 9, д. 1965; оп. 14, 1909 г., д. 414; оп. 16, 1910 г., д. 257). В 1911—17 секр. Постоянной совещат. конторы золото- и платинопромышленников, ред. ж. «Золото и платина» (РГИА, ф. 49, оп. 1, д. 253; ф. 776, оп. 12, 1891 г., д. 69, л. 127); одновременно в 1913—14 дир.-распорядитель Рус. товарищества тильгельных заводов.

бет в Китай, затем через Японию переехал в США. Написанная с помощью амер. журналиста Л. С. Палена книга о приключениях во время бегства из России «Beasts, Men and Gods» (N. Y., 1922) стала бестселлером, была переведена на мн. языки (в т. ч. на рус. яз. — «Звери, люди и боги», Рига, 1925; «И звери, и люди, и боги», М., 1994) и породила сравнения О. с Дж. Конрадом, Р. Киплингем и Дж. Лондоном (правила, некие исследователи и путешественники утверждали, что мн. геогр. и этногр. описания О. не соответствуют действительности, см., напр.: Heidin S., Ossendowski und die Wahrheit, Lpz., 1925).

В 1922 переехал в Польшу, преподавал в Высшем воен. уч-ще, в Высшем коммерч. уч-ще, Уч-ще полит. наук в Варшаве.

Выпустил: неск. десятков книг на польск. яз., в т. ч. путевые зап. о путешествиях по Африке («Północna północ» («Оттенная полнота»), Lwów, 1926; «Pod szmaragdową ziemią» («Под изумрудным сапфиром»), Poznań, 1926) и Палестине («Gaszące ognie» («Гаснущие огни»), Poznań, 1931); повести, действие к-рых происходит на экзотич. Востоке («Cud bogów Kwan-Nom» («Чудо богов Кван-Ном»), Poznań, 1924; «Czao-Ra» («Чэо-Ра»), Warsz., 1931); повести о польск. истории («Wąskie Łąki» («Вальмо из Лисова»), Lwów, 1928; «Pod sztandarami Sobieskiego» («Под знаменами Собеского»), Warsz., 1938) и мн. др. Романсиров. биография «Lening» («Ленинг»; Poznań, 1930), гл. герой к-рой изображен как неискренний политик и жестокий антагонист, была переведена на мн. языки.

Лит.: Акционерно-лазарь предприятия России, М., 1914, с. 365—66; Глинский Б. Новое время. (1876—1916 гг.), П., 1916, с. 115; Томский технологич. ин-т за 25 лет своего существования. 1900—1925, Томск, 1928, с. 170 (2-я pag.); Обручев В. А., История геологии, исследования Сибири. Первая четверть (1889—1917), М.—Л., 1937, с. 410, 425, 427—429, 433 (1-я pag.), 159—160 (2-я pag.); Бугров В. И., В поисках затерянного мира, Свердловск, 1961, с. 125—130; Понк-83, Свердловск, 1983, с. 347; Геллер Л., Вселенная за пределом логики, Лондон, 1985, с. 40—41, 45—46; его же, Об утопии, антитотении, герметизме и Б. Запачине. — В кн.: Филол. записки, в. 3, Воронеж, 1994, с. 51—61; Ланян Б. Л., Борщизинская М. М., Рус. антитотения XX в., М., 1994, с. 10—11; Стефанов Ю. О. и его кн. «И звери, и люди, и боги». — «Книжное обозр.», 1995, № 21; Um Ferdinand Ossendowski, Fr.A.M., 1925; Hirszowicz L., Jak F. Ossendowski wprowadził «porowanki» do historii, «Swiate», 1956, № 36; Getman J., Od Zarpolskiej do Solskiej, Warsz., 1958, s. 201—37; Białokozowicz B., Lwa Tołstoj z wiązki z Połską, Warsz., 1966; Mitosek Z., Literatura i stereotypy, Wrocław, 1974 (ук.); Vazyłow L., Polacy w Petersburgu, Wrocław—Warsz., 1984 (ук.). → Венгерск. Спичок; КЛЭ; Масапос; The encyclopedia Americana, v. 21, N. Y., 1972; Polski słownik biograficzny, t. 24, Warsz., 1979; Literatura polska: Przewodnik encyklopedyczny, t. 2, Warsz., 1985.

Архивы: ИРЛИ, ф. 72, № 247 (письмо Б. Б. Глинскому); РНБ, ф. 124, № 3260 (письма в рез. ж. «Аполлон»); № 3199 (письмо В. В. Мухомелю), № 3198 (письмо С. К. Максковскому); ф. 150, № 131 (письмо К. К. Владимирову); РГБ, ф. 18, № 31 (письмо Ф. И. Благую); ф. 135/Л, к. 31, № 9 (письмо В. Г. Короленико, 1909); РГИА, ф. 229, оп. 19, д. 1581 (ф. с. 1902*—1904 гг.) (справка Н. М. Корнеевой).

А. А. Калашова, А. И. Реймская.

ОСТЕН-САКЕН Екатерина Кирилловна [урожд. Зыбина; 9(21).12.1846* — 1923(?)], поэтесса. Из состоят. дворян. семьи. Отца, Кирилла Аф., ген.-майор, ст. пом. нач.

1-й кав. дивизии; мать, Софья Ал-др. (урожд. Алсидинская) — изв. сочинительница романсов. О.-С. получила дом. образование. С детства делала кочевую воен. жизнь с отцом («мы жили бедно — жизнью батареи»), к-рая чередовалась с посещением «родной глуши» псковского имения Иваново (близ Локни), со светской жизнью в Петербурге («родил, приемы, оперы, балеты...» — «Поэма детства») и Вильне. В молодости была дружна с Ф. И. Тютчевым, к-рый написал в ее альбом стих. «Тут целый мир, живой, разнообразный...» (мотивы этого стих. варьируются и в письме поэта к ней от 28 апр. 1869 — Соч., т. 2, М., 1984, с. 333). Среди знакомых О.-С. — Я. П. Полонский, А. Г. Рубинштейн, Ц. А. Кюн, К. Р. и др. А. Н. Апухтин (восп.

о нем в ряде писем О.-С. к А. В. Жиркевичу — ГМТ) посвятил О.-С. и ее матери стих. «Два голоса» (70-е гг.). В пов. Д. М. Поняка «Под облаками» (1882) обе выведены в шаржированном виде (там же приводятся франц. стихи О.-С. и некр-ые подробности ее биографии). Замужем (с сер. 70-х гг.) за пом. воен. прокурора Вилен. воен.-окружного суда, с 1908 гл. воен. прокурором России бар. Э. Р. Остен-Сакеном. С 1892 жила в Петербурге; после смерти мужа (1911) почти безвыездно — в Ивановке.

Стихи О.-С., опубл. в ж. «Задуманное слово» (1885, № 1, 15), «Рус. вест.» (1893, № 12), «Вест. Европы» (1899, № 6; 1900, № 2), «Нива» (1899, № 11, 14) и др., собраны в кн. «Напевы и настроения» (СПб., 1902), в к-рой нашли выражение ее религ. и лирич. порывы, любовь к природе (излюбленная строфа — октава).

В газетно-политич. рец. В. П. Буренин без иронии отметил, что сб-к О.-С. «отличается большим разнообразием, чем сб-к г. Ратгауза» — «не только по своему содержанию, но даже и по языку: почти треть сб-ка написана франц. стихами»; «в лирич. пьесах примечается

иногда искреннее чувство, а сатирические возбуждают улыбку» (НВ, 1902, 22 марта).

В автобиогр. «Поэме детства» (П., 1915) сознание анахроничности своих восп. («хоть шепотом поманем о былом») связано с эсхатол. предчувствиями («В преддверьи века, с ужасом встречаем! Исчалье ада — Зверя!»).

О.-С. участвовала в жен. благотворит. сб. «Между нами» (Вильна, 1876; изд. Philomèle), в к-ром помещено 9 ее произв., в т. ч. и стихи (по мнению современника, вклад О.-С. в сб-к и по объему, и по значению был первостепенным — письмо П. И. Небольсина от 8 февр. 1876, ИРЛИ, Р. 1, оп. 42, № 20). Перевела с франц. яз. драму А. Тёрье «Жан-Мари» под назв. «Пришел желанный» (пост. 1899 в Александрин. т-ре с В. Ф. Комиссаржевской в гл. роли; муз. Кюн). В организованном ею домашнем дет. т-ре оперные спектакли («Фауст», «Руслан и Людмила») были приспособлены к возрастным возможностям исполнитель. Незаурядную, разносторонне одаренную личность О.-С. отличали артистичность, энергия, музыкальность (с 1875 чл. Вилен. отд. Рус. муз. сб-ва).

Др. произв.: романс «Я люблю тебя» (Вильна, 1887).

Лит.: Каратыгин В. Г., Избр. ст., М.—Л., 1965, с. 136, 183—90; Жиркевич-Подлесская Н. Г., Усадьба Иваново: архивы и жизнь. — В кн.: Лукморье, Рига, 1993; Дворян. сословие Тульской губ., ч. 6, М., [1909] (сост. и изд. В. И. Чернышова), с. 226; Туренева. Письма, V, 207, 216; НВТГ, т. 7, с. 486; ДН, т. 33—34, с. 710, 717; т. 97, кн. 1, 2 (ук.). → Голыгин; Мельер; Неапов; Масалов (неверно указано имя).

Архивы: РНБ, ф. 124, № 3203 (стихи); ГМТ, ф. ААЖ (93 письма А. В. Жиркевичу; в «Дневник» Жиркевича мн. страстных поск. О.-С.); РГИА, ф. 400, оп. 9, д. 3370 (п. с. К. А. Зыбина)*; ИРЛИ, ф. Р. 1, оп. 42, № 20 (5 писем Ф. И. Тютчева к О.-С.).

Н. Г. Жиркевич-Подлеская.

ОСТОЛÓПОВ Николай Фёдорович [3(14).11.1782*, г. Сольвычегодск Вологод. наместничества — 6(18), по др. сведениям — 3(15).3.1833, Астрахань], поэт, переводчик, теоретик стиха. Из семьи небогатого вологод. помещика, уездного судьи по дворян. выборам, обремененного большой семьей (ум. 1805). Окончил полувойенный Горный корпус в Петербурге; служить начал «студентом» в Коллегии иностр. дел (1801), и всю остальную жизнь служебное жалование было для О. практически единств. источником существования (к 1832 имел вместе с женой 30 душ в Вологод. губ.; в семье было шестеро детей). Будучи в 1802 произведен в актуариусы, О. сразу же перешел в Деп. Мин-ва юстиции. В 1806 участвовал в Комиссии по сбору пожертвованной на ополчение в южных губ. — Киевской, Подольской и Волынской.

В нач. 1800-х гг. обратился к лит. занятиям. Первые стих. опубл. в

моск. ж. «Иппокрена, или Утехн любословия» («Пастушок» и «Соловей» — 1801, ч. 8) и «Моск. Меркурий» («К моей хижинке» — 1803, № 1). В эти годы началась последовательная лит. деятельность О., в

осн. в рамках ВОЛСНХ. При вступлении О. представил на рассмотрение об-ва ориг. «роман» «Амалия» (на деле небольшую пов., опубли. под загл. «Евгения, или Нынешнее воспитание», СПб., 1803, посв. Г. Р. Державину); был принят в чл. в мае 1802, в один день с А. Е. Измайловым, соучеником по Горному корпусу, с к-рым был в близком дружеском и лит. общении всю дальнейшую жизнь.

В окт. 1802 избран цензором об-ва, в 1802—05 часто выступал на заседаниях с чтением своих стих. и переводов, а также разных мелких соч. Несмотря на лит. активность, в дек. 1802 исключен из об-ва (вместе с Измайловым) за попытку печататься ж-л, вопреки уставу, в моск. ж-лах. В апр. 1803 после письм. извинений восстановлен в членстве и после этого сотрудничал гл. обр. в изданиях, близких ВОЛСНХ: «Свиток муз» (1803), «Сев. вест.» (1804), «Периодич. издание...» (1804), «Журнал для пользы и удовольствия» (1805), «Журнал рос. словесности» (1805), «Цветник» (1809—10), «С.-Петерб. вест.» (1812), эпизодически в ж. «Друг просвещения» (1804) и «Драм. вест.» (1803).

В 1806 издавал ж. «Любитель словесности» (вышло четыре части), выступал в нем анонимно (как и большинство авторов) или за подписью О.; чл. ВОЛСНХ (И. П. Пнин, Г. П. Каменев, Измайлов, Ф. И. Ленкевич и др.) стали осн. сотрудниками ж-ла (расшифровки имен сотрудников по экз. В. М. Юзефовича рукой О. — см.: Батюшков, III, 683); печатались также соч. Державина, М. М. Хераскова, Д. И. Языкова. К этому времени относится знакомство О. с К. Н. Батюшковым, опублико-

вавшим в ж-ле свое первое стих. «Мечта».

В 1808—12 служил прокурором в Вологде, затем вернулся в Петербург в Мин-во юстиции, откуда в апр. 1813 перешел в Деп. разных податей и сборов Мин-ва финансов; вместе с сенатором А. З. Хитрово участвовал в ревизии Вологда и Вятской губерний. По результатам успешной ревизии вернулся в Вологду на должность гл. правителя казен. надзоров над питейными сборами (январь 1814), а уже в марте ему поручили исполнять должность вице-губернатора (указ об утверждении в должности — авг. 1814).

В Вологде интенсивно вел и работу по подготовке осн. своего труда — «Словаря древней и новой поэзии». Здесь близко общался с *Евгением* (Болховитиновым). В 1812 познакомился с П. А. Вяземским, беженцем из занятой французами Москвы; Вяземский обратился к О. с дом. посланием (пастиш послания О. к Измайлову), где назвал его «офицером» в поэзии, награжденным Аполлоном «за вкус разборчивый в стихах» (Вяземский, III, 33—34; ответ О. о том, что служба отнимает время у его поэтич. занятий. — РА, 1866, кн. 1, стб. 243—45); покидая Вологду, Вяземский оставил у О. свои лит. рукописи, однако тесных отношений между ними не установилось.

По возвращении в столицу (1820) получил по ведомству имп. Марии место инспектора классов в уч-ще Св. Екатерины (отказался от него в 1821) и одновременно по представлению министра нар. просвещения и духовных дел А. Н. Голицына стат. ред. создававшегося «Журнала Деп-та нар. просвещения». После назначения министром А. С. Шишкова и резкого изменения программы ж-ла перешел в ведомство путей сообщения, был пред. Шоссейного экон. к-та (1824). В 1825—27 занимал место дир. петерб. театров; после реорганизации дирекции имп. театров остался за штатом. В 1829, наконец, получил место управляющего Астрахан. конторой Коммерч. банка и навсегда уехал из Петербурга.

О. был масоном, вероятно, состоял в петерб. лож «Астрея», где 30 авг. 1821 (незадолго до запрещения лож) читался его «Ода на асераднейший день рождения Государя императора Александра I-го» (текст — РА, 1908, кн. I, с. 103—04; перевод, с др. масонскими стилями — 1997).

Служб. деятельность О. была сопряжена с неудачами: «... отрешен от места» прокурора (Батюшков, III, 176); с должности вологод. вице-губернатора ушел под угрозой судеб. преследования в связи со «служебными злоупотреблениями» (РА, 1889, кн. 2, с. 385); до нач. 1830-х гг. за ним числился начет из-за неправильного расходования средств Шоссейного экон. к-та. Ничем существенным не отмечено и его директорство над петерб. театрами.

Как и многие начинающие литераторы, О. в ожесточенной лит. борьбе

пытался искать средний путь. Сохраняя представление о лит-ре как о неизменной жанровой системе, традиции к-рой восходят к античности, он стремился воспользоваться достижениями новой стилистики, присоединяясь к сторонникам «легкой поэзии».

Это противоречие отразилось в программных «эпистолах» О. — «Признание» («Журнал рос. словесности», 1805, № 2), «Послание к Правослову» («Любитель словесности», 1806, № 7) и более позднем «Послании к рус. Бавию об истинном поэте» (ВЕ, 1815, № 16). В первой содержится отказ выдвигать, или по словам Хераскова и писать «слогом Библии»; одновременно О. смеется над поэтами, проливавшими в стихах «чувствительные слезы», и призывает (впервые в печати) список исповестей из «Притчей» Д. И. Хвостова. Во второй, написанной в духе «Сатиры 1-й» В. В. Капниста, безымянно задает будущим чл. «бесам любителей рус. слова» — Хвостову, П. И. Голенищеву-Кутузову (исрвоэчка Пинара), Шишкова как выдумщика «исраэулит-ствых новых слов» и называет с иронией «слезливото» Сергеевского. В «Послании к Бавию», входящем в обширную «хвостовиану» 1810-х гг., О. объявляет ость качеством истинного поэта кроме необъяснимого «небесного дара» — «приятный лязвий слог».

О. выбирает не поиски новых путей, а усовершенствование формы малых поэтич. жанров. Среди его стих., печатавшихся в ж-лах (помимо вышеуказ., в «Вест. Европы», с 1802; «Сыне отечества», с 1812; и др.), представлены идиллии, кантаты, романсы и «русские песни» (в т. ч. «Не бушуйте, ветры буйные...»), небольшие басни (приближающиеся к аполлогу), стихотворные сказки, мадригалы, эпиграфы, логогрифы (последние О. впервые вводит в рус. традицию) и пр.

Хотя имя О. постоянно присутствовало в периодике (нек-рые стих. печатались дважды в разных ж-лах), практически все его соч. (кроме мелких прозаич. заметок и переводов) вошли в сб. «Прежние досуги, или Опыт в некоторых родах стихотворства» (М., 1816). Отд. раздел в нем занимали сравнительно новые «стихи, писанные во время бывшей с французами войны» (1812; сам О. в день Бородинского сражения, 26 авг., по пути в Петербург близ Череповца был ранен и ограблен разбойниками), в т. ч. стих. «На кончину Багратиона» и «Победителю Наполеона», посв. М. И. Кутузову, строка «Нам зарево Москвы осветит путь к Парижу» заимствована из письма А. И. Тургенева к Вяземскому (ОА, I, 390). В рец. на сб. наиболее удачными были названы лит.-полемич. послания О. (СО, 1816, № 44, с. 219—21).

Изначальное внимание О. к образцовым лит. произв. выразилось в выборе переводов. В 1802 он напечатал в своем пер. «Опыт Вольтера на поэзию эпическую...» (СПб.), интересный не только как рассуждение о гл. классич. жанре, но также очерками о гл. его представителях — Гомере, Вергилии, Лукане, Дж. Триссино, Л. Камозисе, Т. Тассо, А. де Эрсин-

лье и Дж. Мильтоне. Чуть позже О. обратился к переводу т. н. «Тассовых вечеров» (опубл. под назв. «Тассовые ночи», СПб., 1809), подделке Дж. Компаньони (1800).

Ламентация поэта, умирающего в больнице для умалишенных, о своей неразделенной любви получила широкую известность (подделка окончательно разоблачена лишь в 1830-е гг.) и сыграла большую роль в формировании романтического образа итал. поэта («Жалобы Тассо» Дж. Байрона, 1817; «Умирающий Тассо» Баттшкова, 1817). Источником текста для О. послужило «изученное» парижское издание Б. Баррера (1804), из к-рого О. также извлек сведения для ст. «О Тассо». Первые восемь «вечеров» прологи, перевода появились в «Любителе словесности» (№ 6, 9); отсюда сохранился стилистич. полемич. с одноклассником пер. Щишкова «Тассова бжениа». Во 2-м изд. СПб., 1819 г. параллельным итал. текстом О. именовал зап. на «Тассовы мечтания», дав этому весьма рациональное объяснение («Тасс писал или мечтал не только ночью, но и днем, и по утрам»). Оба издания пер. получили благосклон. отзывы в дружественных О. изданиях за «чистоту» и «чистоту» («Центина», 1809, № 1, с. 139—46). «презрительное, благодарное и приятное» слога (СО, 1819, № 36, с. 138—39).

Позднее, став дир. петерб. театров и имея обязанности спонсировать лучшее шоу театра, преставлений. О. решил испробовать составленную (театрами) за объективно-слога трагедию «Магомт» Вольтера в пер. П. С. Петерб. 1770-х гг. (отрывки перевел О. — в т. н.: Драматич. дльм. на 1828 г., СПб., 1828; отсюда — СПб., 1828). Служ О. переводчика критика оценила как архаичный для эпохи В. А. Жуковского и А. С. Пушкина (СП, 1828, 13 нояб.); уничтожающим был отзыв «Моск. телеграфа» («Никогда и нигде не видано такого странного явления!» — 1828, № 17, с. 116); «Сын отеч.» сравнил его с «эпиграфом» стихами Суворкова» (1828, № 18, с. 189). Тем не менее пьеса была назначена к постановке, распределение роли, но увеличение О. отменило все. На сцену в переводе О. пошла лишь водевиль Э. Скриба и Медьяна (А. О. Ж. Дюверье) «Минета, или Превращение кошки в женщину» (пост. 1829; изд. — СПб., 1828).

В Вологде, общаясь с Евгением (Болховитиновым), О. познакомился с 1-й ред. (1805) «объяснений» Державина на его собств. стихотворения и его краткой автобиографии, написанной по просьбе Евгения (см. науч. изд. — «Вопросы рус. лит-ры», Львов, 1973, в. 2; 1974, в. 1). После смерти Державина (1816) О. приспосаблил рукопись для издания, расположив пояснения применительно к структуре изд. его «Сочинений» (СПб., 1808, ч. 1—2), сделав ряд изменений и изъятий в тексте, в частности, по требованию Голыгина при журнальной публикации рукописи («Журнал Деп-та нар. просвещения», 1821, № 6, 9, 10, 12; СО, 1821, № 36). В отд. изд. «Ключ к сочинениям Державина. С кратким описанием жизни сего знаменитого поэта» (СПб., 1822) О. не указал точного источника своей публ.; напротив, приписал себе инициативу собирания материала: «имев счастье пользоваться благосклонностью Г. Р., успел под его руководством собрать самые достоверные объяснения на большую и лучшую часть его соч.» (рекомендат. рец.: «Благ.», 1822, № 32, с. 234—36). До изд. «Объяснений» (СПб., 1834) в более поздней и подробной редакции (1809) книга

О. оставалась для современников единственным комментарием к соч. Державина.

Самым значит. и изв. трудом О. явился «Словарь древней и новой поэзии» (ч. 1—3, СПб., 1821; 6 ч. статей по мере подготовки появлялась в ж-лах; ВЕ, 1815, 1817; «Труды ОЛРС», 1817, № 9; «Благ.», 1819—1820; СО, 1820, № 37). Замысел о его составлении родился в 1806 и был одобрен ВОЛСНХ, систематич. работа велась полтора десятка лет. О. поставил задачу представить свод лит. правил (поэзию в духе 18 в. считал превосходшей др. виды иск-ва), сопроводив их по преим. рус. примерами.

Основа «Словаря» была компилятивной: труды теоретиков полемич. классицизма — Ж. Ф. Лагаря, Ф. Буфрека, Ш. Батте и др., европ. энциклопедии и соч. авторов (прежде всего В. К. Тредиаковского, М. В. Ломоносова); текст статей свидетельствует о внимании к текущей лит-ре (споры о гекзаметре — статья о нем в «Словаре» принадлежит А. Ф. Воейкову, труды А. Х. Востокова и др.; см. также «писем» О., возражения на критику — ВЕ, 1818, № 8, с. 299—302; «Благ.», 1822, № 18, с. 190—94); помимо того, как скромно замечал О. в предисл., он «прибавлял к тому собств. замечания». По мере приближения к 20-м гг. «Словарь» утрачивал всякую теоретич. злободневность и рекомендовался автором как уч. пособие.

О. добивался издания «Словаря» на казен. счет по ведомству Мин-ва нар. просвещения (ОА, I, 377—78); однако весьма созвучный ученым интересам Рос. академии он вышел с ее «пособием». Три тома «Словаря», включавшие ок. 400 статей, были одновременно и компиляцией по рус. поэзии благодаря множеству примеров из орг. соч. и европ. классики в рус. переводах. Особо насыщены текстами статьи о гекзаметре, эпистоле, эпич. поэме, комедии, оде, песне. Для последующих поколений «Словарь» стал хрестоматией по лит-ре до нач. 19 в.

Участие О. в лит. жизни активизируется после переезда в Петербург (1819). Еще в нач. 1816 он был принят в д. чл. ОЛРС; в 1820 становится поч. чл. ВОЛРС. Более всего О. сходится с членами возрожденного в 1816 Измайловым ВОЛСНХ (т. н. Михайловского) и на правах старейшего члена становится его зам. и пост. сотрудник ж. «Благонамеренный» (1818—26). Измайлов вводит О. в кружок С. Д. Пономаревой; О. выступает в этом салоне одним из организаторов «Сословия друзей просвещения» и автором «предложения» о правилах приема в это «Общество любителей Премудрости и Словесности» (12 авг. 1821, за подписью: Словарев). В «Благонамеренном» О. выступает не только как поэт, но и полемич. в осн. велел за Измайловым, не афишируя своего авторства и скрываясь за псевдонимами.

Хвостову он подставляет рец. на новое изд. его «Басен» (СПб., 1820), в к-рой комически демонстрирует все, что «показалось особенно заслуживающим

важным похвалы и уважения» («Благ.», 1820, № 9, с. 176—82; Хвостов принял иронично за чистую монету и отвечал О. «посланием» — «Благ.», 1821, № 11/12, с. 188—91, ответ О. — «Благ.», 1821, № 14, с. 84—85; др. стих. Хвостова, обращенные к О., — Хвостов Д. И., Полн. собр. стихотворений, т. 3, СПб., 1829, с. 76—82; т. 4, СПб., 1829, с. 307).

Статью о драме Е. Ф. Гамана «Валерия» О., создавая вначале серьезной полемич. сопроводил собств. же «рецензией на рецензию» («Благ.», 1820, № 7; 1821, № 6) о правых замечаниях автора из романа Б. Эмбера «Заблуждения любви, или Письма Фавели и Милфорда» (М., 1788). В ст. «О сочинениях Милонова» (прочитана в ВОЛСНХ; «Благ.», 1821, № 23/4, с. 272—83) О. поставил М. В. Милонову в особую заслугу отсутствие «запутанности» и «приторной чувствительности». В полемич. «классика» и «романтиков» он также выступает на стороне первой в баснях «Нерешимость» (1821), «Мелководие Лель» (1823), «Декорации» (1823), в пародии «К баловню поэту» (1822). Более резкие черты, с переходом на «личность», полемича приняла в рукописной форме. А. А. Дельвин и Е. А. Баратынский осмеяли О. в сатире «Пеплы 15-го класса» («Я перевел по-русски Тасса! Хотя его не понимаю!»). О. ответил грубой эпиграммой на Баратынского «Надпись к портрету» («Он щедро награжден судьбой...»; ответ Баратынского — «Я уттер, други!»); в 1825 он дополняет продолжение к пародии Дельвина «Сидальмовский барон», адресованной Измайлову, обращая ее против автора и Ф. В. Булгакова.

Выступление О. против романтизма вышло в перебранку с Н. А. Полевым и ж. «Моск. телеграф». В 1825 он начал в «Благонамеренном» журнальное обозрение «Дело от безделья, или Краткие заметки на совр. журналы» (№ 7, 12—13, 19), в к-ром неоднократно адресовал Полевому упреки в незнании рус. языка и драматич. правил стихосложения (в т. ч. и «„Ключа“ Г. Остолопова») и проч., напал на послание В. К. Кюхельбекера к А. С. Грибоедову. По выходе сб. «Апологические стихотворения с присовокуплением его же сочинения поэмы „Привидения“» (СПб., 1827; вобрал стих. после 1816, нек-рые из них появлялись в альм.: ПЗ, 1823, 1825; СЦ, 1825) Полевой поместил о нем пренебрежит. отзыв (МТ, 1827, № 24), предложив О. в эпиграф стих. «Он баснями обязан службе» («название благонамеренного ... оправдывается многими из апологич. его стихотворений»); лит.-полемич. стих. О., в т. ч. и поэму «Привидения» — пародию на балладно-романтич. стиль, Полевой приравнял ко «вздорным» одам А. П. Сумарокова — «что-то... странное и несмешное». Раздражением отвечая на рец. Полевого, О. презрительно писал о его купеч. происхождении, называя «продавцом напичков, промотавшимся и убежавшим от известной ямы к подошве Парнаса», гением, «вылетевшим из мрачной глубины погребя и паршизм к высотам Парнаса» (ДЖ, 1829, № 2, с. 27—28; № 12, с. 186—88; подп. «Николай Несфедьев, отставной чиновник»). Ответ Полевого был последним прижизн. отзывом о творчестве О.: «В России есть некто, плохой стихотворец, Николай (по ба-

т्यूшке не знаем как) Остолопов» (ИТ, 1829, № 1, с. 134).

Тип творчества сближал его с карамзинистами, он был хорошо известен в этом кругу, но остался на обочине движения, впрочем никогда не примыкая и к шиниковцам.

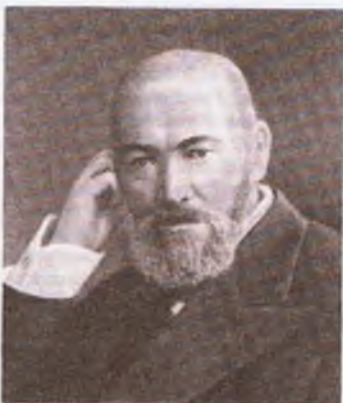
Изд.: Поэты-разильевы. 1935. 1979; Рус. народная поэзия и романсы; Стихотв. сказка; Поэзия 1790—1810; Рус. басни; Рус. эпитафии; Мозаика одам П. И. Голенициной-Кутузова и Н. Ф. Остолопова. — РЛ. 1997, № 1 (публ. В. И. Сахарова).

Лит.: Даргомыжская М., И. Ф. Остолопову. — «Вестн.», 1826, ч. 33, № 4; Батушкова III (ук.); ОА. I (ук.); Долгоруков И. М., Кашинское собрание, М., 1874, с. 266; Батушов В. Г., Ученая республика. М.—Л., 1964 (ук.); Каменский З. А., Филол. идеи рус. Просвещения, М., 1971 (ук.); Горохова Р. М., Образ Тасо в рус. романтизм. лит-ре. — В кн.: От романтизма к реализму. Л., 1978 (ук.); Заборов П. Р., Рус. лит-ра и Вольтер. Л., 1978 (ук.); Вацууро В. Э., С. Д. П. Из истории лит. быта дворянской поры. М., 1989, с. 163, 164, 206—207, 212, 244, 255, 259, 271. — Некролог: СП. 1833, 17 апр. Геннад: Св. ОЛРС; Брокгауз: РБС; ИРДТ. т. 2—3 (ук.); КЭЗ; Муравьева (I. ук.); Мещеряков.

Архивы: ИРЛИ, ф. 263, оп. 2, № 312; ф. 265, оп. 3, № 14; РГИА, ф. 1263, оп. 1, № 68, л. 465; № 224, л. 153; ф. 1374, оп. 3, № 1890; ф. 586, оп. 15, № 8564 (п. с. 1832 г.); ф. 733, оп. 95, № 1088, л. 244 (п. с. 1823 г.).

В. Л. Степанов.

ОСТРОВСКИЙ Александр Николаевич [31.3(12.4).1823, Москва — 2(14).6.1886, с. Шельково Кинешем. у. Костром. губ.; с 1948 Гос. музей-усадьба О.; похоронен там же]. Дед, Фёдор Ив. [1770(?) — 1843], — костром. протоиерей; в 1810, овдовев, построил в Москве в Донском мон., был почитаем братией как ас-

кет и подвижник; О. бывал у него. Отец, Ник. Фёдор. (1796—1853), по окончании Костром. сем. и Моск. духовной акад. избрал гражданского карьеру (Общее собр. моск. департаментов Сената, Моск. гор. суд); в 1820 по любви женился на Люб. Ив. Савиной, дочери просвирни, вдовы пономаря. Семья поселилась в Замоскворечье, в доме дьякона Покров. церкви между М. Ордынкой и Голицынский пер. (ныне М. Ордынка, д. 9). Двое старших детей (Матвей, Фёдор) умерли в младенчестве. По семейному преданию, мать «сотова-

ла, что у нее дети не живут»; ее брат, о. Михаил, посоветовал назвать третьего сына Александром, что и было исполнено (Островский, XIV, 234).

Затем родилась Наталья (в замужестве Давыдова: 1824—52), Михаил (1827—1901; сенатор, чл. Гос. совета, в 1881—93 мин. гос. имущества, с 1893 през. Дел. гос. законов, первым в России разработал закон об охране леса), Сергей (1829—68; служивший Контрольной палаты на Украине).

Сведения о раннем детстве О. скудны. Его первонач. воспитание носило «замоскворецкий» характер (см. его очерки); дом. учителями были семинаристы С. П. Гиляров (брат Н. П. Гилярова-Платонова), Н. Н. Скворцов, преподаватель Твер. духовного уч-ща И. А. Смирнов. В дек. 1831 мать О. умерла; в 1835 он поступил в 3-й кл. 1-й моск. г-зии, к-рую в письме 1877 назвал «треклятой» (XV, 99). В 1836 отец О. женился на баронессе Эм. Анд. фон Тессин (1812—98), лютеранке, дочери обрусевшего швед. дворянина.

Дети от этого брака: Пётр (1836—1906; воен. инженер, лит. критик, в 1877 ред. «Тел. гз.»), Надежда (1842—1918; педагог, д-р. писательница), Анарей (1845—1906; служивший банкир, юрист), Мария (1846 — после 1922; пианистка, инспектриса Моск. консерватории). Со всеми родными и сводными братьями и сестрами О. сохранил теплые отношения; особенно тесные — с Михаилом, к-рый помогал ему своими связями.

Мачеха стремилась перестроить быт семьи на дворян. лад; в обучении детей стали преобладать иностр. языки, музыка, светское воспитание, к-рое О. позднее называл «наглупейшим» (Островский в восп., с. 129). О. был в оск. презоставлен самому себе (мачеха сосредоточилась на младших пасынках и собствен. делах). В 1839 вместе с чином коллеж. ас. отец О. получил потомств. дворянство; в 1841 вышел в отставку, считая для себя более выгодными частные дела. К этому времени он владел в Москве значит. участками и неск. домами, в т. ч. в Воробинском пер. близ Яуз, куда семья переехала в 1841 (ныне Б. Николоворобинский пер., д. 9/11; не сохр.).

В 1842знач. годы О. пристрастился к чтению ж-лов (отец выписывал мн. периодич. издания и составил большую б-ку), отдавая предпочтение «Отеч. запискам», к занятиям словесностью — охоту к ним возбуждал учитель П. М. Попов (см.: Соколов в С. М., Записки, П., 1915, с. 32) — и к театру: друзья по г-зии слушали «его мастерские рассказы» об игре актеров (Островский в восп., с. 328). В 1840, как успешно окончивший г-зию, без экзаменов зачислен на юридич. ф-т Моск. ун-та (выбор отца). В 1843 при переходе на 3-й курс получил «неуд» по рим. праву, не захотев пересдавать экзамен, покинул ун-т и служил в канцеляриях моск. Совестного (1843—45), потом Коммерч. (1845—51) суда, где получал мизерное жалованье. Прак-

тика отца, занятия в ун-те и служба в судах дали О. мат-лы для ряда его пьес («Не будь я в такой передряге, не написал бы „Дохлого места“», ЕИТ, 1910, № 6, с. 2), где имущество, конфликты переплетаются с нравственными. 40-е гг. прошли у него в борьбе между влечением к лит. творчеству и сыновним послушанием. Первый лит. опыт — «Сказание о том, как кварталный надзиратель пускался в пляс, или От великого до смешного только один шаг» (окончил 15 дек. 1843, опубл. 1924), рассказ в духе натуральной школы. К той же традиции примыкают «Записки замоскворецкого жителя» («Моск. гор. листок», 1847, 3—5 июня, б. п.), объединяющие три самостоят. очерка о нравах с детства известной автору среды. Залумав свою первую пьесу, О. сомневался в знании законов сцены и осенью 1846 привлек к работе актера, автора драмы «Государь-Изавитель, или Бедный сирота» («Пантеон», 1843, № 12) Д. А. Горева (Тарасенкова), к-рый писал под его диктовку «три или четыре вечера» (Островский, XIV, 50), а затем уехал из Москвы. О. опубл. написанные с Горевым «Сцены из комедии „Несостоятельный должник“» («Ожидание жениха») за подписью А. О. и Д. Г. («Моск. гор. листок», 1847, 9 янв.). Впоследствии это соавторство принесло ему большое огорчение: Горев стал приписывать себе участие и в др. пьесах О. В 1856 заметки, обвиняющие О. в плагиате, появились в «Вед. моск. гор. полиции» (№ 97, 135) и «С.-Петерб. вед.» (2 мая, 24 июля), а Александрин. театр поставил пьесу С. Брянцева (театр. псевд. С. Р. Леонова) «Заблуждение, или Свой своему поневоле друг», где О. был выведен под именем плагиатора Васильевского. О. оправдывался в «Лит. объяснении» (МВед, 1856, 5 июля) и «Письме в редакцию» («Совр.», 1856, № 8; о подробностях тяжбы см.: Ревякина А. И., О. и Д. А. Горев. — РЛ, 1963, № 4, с. 180—96).

Продолжая работать над комедией о банкроте, О. отказался от замысла пьесы «Исковое прошение», переделав ее в «Картину семейного счастья» («Моск. гор. листок», 1847, 14—15 марта, б. п.; перепечатана под назв. «Семейная картина» — «Совр.», 1856, № 4). Закончив пьесу утром 14 дек. 1847, О. вечером прочел ее в доме С. П. Шевырёва. Одобренное слушателей (ЕИТ. Сезон 1902—03, в. XIII, СПб., б. д., с. 198) утверждало его в своем признании: «С этого дня я стал считать себя рус. писателем» (Островский, XIII, 302). Осенью 1849 О. закончил комедию «Свои люди — сочтемся!» («Банкрот», первонач. назв. — «Несостоятельный должник».

«Москв.», 1850, № 6; многочисл. отзывы, в т. ч. И. С. Тургенева — «Совр.», 1852, № 3; Н. А. Добролюбова — «Совр.», 1859, № 7, 9; А. В. Дружинина — БзЧ, 1859, № 8; подробное см.: Ревякин, 1949, с. 149—52). Интрига (старый жулик-купец засажен в долговую яму подхалимом-зятем, к-рому доверится) не исчерпывает драм. действия пьесы, а растворяется в плотной ткани нравопонимания. В комедии ярко сказались отличительные черты театра О. в целом: четкая фиксация социального статуса героев и его определяющая роль в их характеристике; сосредоточенность на семейно-бытовых конфликтах, через к-рые раскрывается нравств. состояние общества; особое внимание к речи персонажей (у О. она — почти самоценный предмет изображения); слияние комического и драматического. Л. Н. Толстому выделился в этой пьесе «миражная глубина», «протест против совр. быта» (Толстой, LX, 156), а В. Ф. Одоевскому — «трагедия» (РА, 1879, № 4, с. 525); А. Ф. Писемский определил комедию как «купеческое „Горе от ума“ или ... купеческие „Мертвые души“» (Неизд. письма к О., с. 336). О. явился в ней «Колумбом Замоскворечья»: открыл читателю неведомый прежде купеч. мир с его собств. понятиями и подчас уродливыми, но всегда колоритными персонажами. В дек. 1849 ред. «Москвитянина» М. П. Погодин пригласил О. читать комедию у него; присутствовавший Н. В. Гоголь нашел в авторе «решительный талант» и недостаток техники (Островский в восп., с. 40). При участии актера Малого театра, друга О. — П. М. Садовского, комедия была прочитана в неск. домах, и «вся интеллигенция Москвы заговорила об этой пьесе как о чем-то ...небывалом»; «поражал в ней язык моск. купцов, впервые выступивший в нашей лит-ре с такой живостью, яркостью и силою... Слава О. как драматич. писателя родилась и выросла в один день» (там же, с. 38). Популярности комедии не помешали резолюция Николая I («Напрасно печатано, играть же запретить») и полиц. надзор за автором (снят в сент. 1856). В ответе на «виушение» В. И. Назимова (попечителя Моск. уч. округа) О. объяснял, что главным его побуждением были «добросовестное обличение порока» и надежда, «что слово горькой правды, обличенное в форму иск-ва, услышится многими и произведет... плодотворное впечатление...» (Островский, XIV, 15). В дальнейшем О. постоянно подвергался притеснениям со стороны цензуры; в 1861 из-за бесконечных запретов на постановку пьес хотел даже «отказаться совершенно от сцены» во избежание новых оскорблений (там же, с. 92). Однако, осознавая се-

бя писателем театральным и желая видеть свои пьесы прежде всего на сцене (а не в ж-лах), он много раз смирялся перед требованиями цензуры: смягчал отдельные реплики и подчас создавал новую редакцию пьесы. Однако о пропуске «Банкрота» на сцену О. хлопотать не захотел, не желая «нажить себе не только врагов, но даже и неудовольствия»: впервые комедия была поставлена в Иркутске (1857); в янв. 1861 в смягченном варианте — в Александрин. и Малом театрах и лишь в 1881 в первонач. виде в Пушкинском т-ре А. Бренко. К тому же взгляд на жизнь, выраженный в этой комедии, где нет ни одного положительн. лица, вскоре стал казаться ему «молодым и слишком жестким» (видимо, под влиянием москвитянинского кружка, в частности «теории народности» А. А. Григорьева): «пусть лучше рус. человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее...» (письмо Погодину от 30 окт. 1853 — Островский, XIV, 39). Понски в том же купеч. быту начал, способных противостоять грубой корысти и жестокости, породили пьесы «москвитянинского» (1852—54) периода.

В марте 1850 О., не без колебаний приняв предложение Погодина, становится «на пробу» пом. редактора «Москвитянина» и вместе с Б. Н. Алмазовым, Н. В. Бергом, Ап. Григорьевым (познакомился с О. в 1847 в ред. «Моск. гор. листка»), Т. И. Филипповым, Е. Н. Эдельсоном входит в т. н. молодую редакцию, стремившуюся оживить ж-л и придать ему новое направление (в ее распоряжение был отдан критико-библ. отдел). Не отождествляя себя со славянофилами, «молодая редакция» разделяла их сосредоточенность на идее нац. своеобразия, внимания к фольклору и допетровским формам быта. Но если «старшие» славянофилы видели носителя рус. самобытности в крестьянстве, то москвитянинцы — в патриарх. купечестве; его противопоставляли дворянству, проникнутому европ. индивидуализмом. Внимание кружка было сосредоточено на теории иск-ва, к-рой более всех занимался Григорьев. «Молодая редакция» была не столько группой единомышленников («условиться в принципам» не удалось; подробнее см.: Ап. Григорьев. Мат-лы для биографии. П., 1917, с. 184), сколько центром дружеского кружка, куда входили также актеры П. М. Садовский и И. Ф. Горбунов, композитор А. И. Дюбок, худ. П. М. Боклевский и скульптор Н. А. Рамазанов. Москвитянинцы собирались в «артистич. кофейне Печкина» в погребке Зайце-

ва и в замоскворешских трактирах слушать устные рассказы и нар. песни, к-рые О. горячо любил (Островский в восп., с. 431). Вольная обстановка этих заведений породила слухи, будто члены кружка — «беспобудные кутилы» и неряшливые «брюхи», у к-рых даже «платье... зачастую общее» (Островский в восп., с. 38). Такое общение дало О. глубокое знание фольклора и нар. быта, а вместе с тем рассорило его с отцом, не принимавшим богоемный жизни сына. Конфликт усугубил невенчаный брак О. с девицей Агафьей Ив. (из мешан; фам. неизв.; ок. 1821 — нач. марта 1867): в 1849 ему пришлось отселиться от отца во флигель.

Не имея образования, Агафья Ив. пользовалась уважением друзей О. за ум и серьезность; при скудных средствах сумела создать ему условия для творчества, превосходно зела нар. песни и тем поддерживала «блуждающее и неносающее всеобщее» москвитянинского кружка (Островский в восп., с. 88). По мнению друзей О. драматург был обязан ей знанием оттенков моск. быта. К 1858 у Агафьи Ив. от О. было четверо детей: старший, Алексей (1848—69), носил фам. Александров; остальные умерли в младенчестве.

Оставив службу в Коммерч. суде (1851) и лишившись поддержки отца, О. стал остро нуждаться в деньгах. Работа в «Москвитянинне» (статья, корректура, переписка) не давала средств, дохода: известной своей «адаской скупостью» Погодин имел привычку удерживать жалование, и О. прибегал даже к розыгрышу, чтобы его получить (Островский в восп., с. 306). О. намеревался возглавить критич. отдел ж-ла (опубл. в нем статья «„Ошнбка“, пов. г-жи Тур» (1850, № 7) и «„Тюфяк“, пов. А. Ф. Писемского» (1851, № 7)), однако его отгоспнил Григорьев. Полтора года О. работал над пьесой «Бедная невеста» («Москв.», 1852, № 4; отд. изд. — М., 1852; Малый т-р, 20 авг. 1853, Александрин. т-р, 12 окт. 1853), к-рая в целом была принята как неудача по сравнению с «Банкротом» (сдержанные отзывы: Тургенев — «Совр.», 1852, № 3; Григорьев — «Москв.», 1853, № 1; И. И. Панаев — «Совр.», 1853, № 4; Н. Г. Чернышевский — «Совр.», 1854, № 5; С. С. Дульшский) — ОЗ, 1852, № 4). С «Бедной невесты» в творчестве О. начинается ряд лирич. пьес о положении женщины в семье и обществе, с центр. образом героини, пытающейся утвердить свой идеал в любви, свободной от расчета и корысти.

В «москвитянинский» период в драматургии О. преобладает жанр нар. комедии. Действие в ней строится на столкновении трогательной любви молодых людей с эгоизмом и корыстью. Комедия «Не в свои сани не садись» («Москв.», 1853, № 5; отд. изд. — М., 1853; Большой т-р, 14 янв. 1853, Александрин. т-р, 19 февр. 1853), где семейная драма

порождена вторжением в купеч. быт дворянина — прожигателя жизни и разрешается нравств. победой нар. начала, стала первой пьесой О., увидевшей сцену. Искренность, лиризм и сила чувств гл. героев обеспечили пьесе огромный успех: «Весь театр плакал, и лучшей рецензии мы не знаем» (Р. М. Зотов — СП, 1853, 9 марта). Восторженно писавший о пьесе В. П. Боткин видел в ней «высокий человеческий смысл: она облагораживает сердце» (Неизд. переписка В. П. Боткина и И. С. Тургенева, М.—Л., 1930, с. 35). Театр. дебют О. был воспринят современниками как «новый эра» в истории рус. театра: «...со сцены послышались новые слова... появились живые люди из замкнутого купеч. мира» (Островский в восп., с. 49; др. свидетельства: РО, 1894, № 9; Боборыкин, I, с. 71, 78, 79—80; «Совр.», 1853, № 4; А. Ф. Конн — «Пантеон», 1853, № 4). Счастье драматурга омрачилось тем, что в разгар триумфа он был вызван к умирающему отцу.

В пьесе «Бедность не порок» (первонач. назв. — «Гордым Бог противится»; отд. изд. — М., 1854; Малый т-р, 25 янв. 1854, Александрин. т-р, 9 сент. 1854) конфликт разворачивается внутри купеч. семьи. Самодурство предстает здесь как искажение патриархальных отношений, теплых и сердечных по природе, но подвергающихся опасности под воздействием тщеславной погоны за «модой», властолюбия и корысти; в мотиве нар. праздника воплощен поэтич. мир человеческого единения. Пьеса вызвала полемику в критике: Григорьев («Москв.», 1854, № 4) провозгласил ее словом «новой правды» в иск-ве (в противовес «старой правде» У. Шекспира); Чернышевский увидел в ней ошибку О. — поэтизацию темных явлений («Совр.», 1854, № 5); Добролюбов — разоблачение самодурства, основанного на «отношениях по имуществу». Этот мотив, по мнению Добролюбова, является коренным в творчестве О. и носит не декларативный, а объективный характер.

Вскоре скупость Погодина, постоянные конфликты с ним и «разные слетни» (Островский, XIV, 25) подтолкнули О. к уходу из «Москвитянина», положение в к-ром никогда не было для него устойчивым. [С самого начала О. пытался придать своим отношениям с Погодиным характер конкретного соглашения; написал с этой целью «Условие» (XIV, 13—15), на к-рое тот не согласился; в 1851 хотел стать полноправным издателем и редактором ж-ла, но безрезультатно.] Лишь по уговорам «молодой редакции» (к тому времени уже распадающейся) он опублик. в ж-ле драму «Не так живи, как хочется» (1855, № 17/18; первонач. назв. —

«Божье крепко, а вражье легко. Масленица»; Малый т-р, 3 дек. 1854, Александрин. т-р, 12 янв. 1855), к-рую Л. Н. Толстой считал «зенитом» творчества О. за силу звучащих в ней мотивов греха и покаяния (ЛН, т. 90, кн. 2, с. 388; см. также высокую оценку Ф. М. Достоевского — Достоевский, XXI, 41).

В предреформенный период (1855—61) произошло сближение О. с редакцией «Современника» (почва для этого была подготовлена Тургеневым, Дружининым и Д. В. Григоровичем, навещавшими О. в Москве). Драматург нуждался в материальной и моральной поддержке, особенно в связи с обвинениями Горева, и получил ее именно от «Современника», к-рый неизменно высоко оце-

А. Н. Островский. 1850-е гг.

нивал пьесы О., считая вместе с тем, что «русифильские» рамки «Москвитянина» мешают свободному развитию его таланта. Н. А. Некрасов, говоря о нем как о «беспспорно первом драм. писателе», просил О. «не сужать себя преднамеренно», не подчиняться никакой системе: автор «сам, быть может, удивится, что произведет его силы, когда он им даст полный простор и свободу» («Совр.», 1856, № 2, с. 211—13); это пожелание также не могло не расположить О. к журналу. Приехав в февр. 1856 в Петербург, О. был встречен сотрудниками ж-ла как желанный гость; тогда же Дружинин, И. А. Гончаров, Григорович, Толстой, Тургенев и О. вместе сфотографировались (см.: РП, т. 1, с. 627) и оставили на снимке свои автографы; он висел в кабинете О. до конца его жизни. Большой радостью стало для О. его первое собр. соч. (т. 1—2, СПб., 1859; цензор — Гончаров), роскошно изданное меценатом Г. А. Кушелевым-Безбородко. Откликом на издание стала знаменитая статья Добролюбова «Темное царство»

(«Совр.», 1859, № 7, 9), окончательно снявшая с О. обвинения в плагиате и давшая интерпретацию его творчества как картины социальных конфликтов. О. «приятно было видеть, что после статей Добролюбова к нему уже не относятся с вечным вопросом: славянофил он или западник» (Островский в восп., с. 184).

Социальная острота творчества О., его внимание к актуальным обществ. явлениям определили тему комедии «Доходное место» (РБ, 1857, № 5; запрещена к постановке; Александрин. т-р, 27 сент. 1863, Малый т-р, 14 окт. 1863), где молодой чиновник вопреки норме своей среды пытается служить честно, воплощая идеи, привитые в у-те. По контрасту с комедией В. А. Соллогуба на сходную тему («Чиновник», 1856) пьеса О. закономерно приводит героя к душевному кризису, осознанию своего поражения и к стремлению извлечь из него уроки. В его обрисовке оказалась характерная для О. трезвость: это «обмелевшее отражение» Чацкого (Григорьев — «Время», 1862, № 8, с. 50). Если Толстой оценил комедию как «чудо» (Толстой, LX, 156), то Тургенев как «тупую», где все «нестерпимо грубо и мертво» (Тургенев. Письма, III, 117). В контексте «обличительной» лит-ры прозвучала драма «Воспитанница» (БлЧ, 1859, № 1; рабочее назв.: «Кошке игрушки, мышке слезки»; запрещена к постановке; Малый т-р, 21 окт. 1863, Александрин. т-р, 22 нояб. 1863), где деспотичная помещица губит судьбу зависимой от нее девушки. Добролюбов отметил, что в этой пьесе О. ушел от «москвитянского» направления. Высоко оценили пьесу Дружинин (БлЧ, 1859, № 8), Григорьев (РСЛ, 1859, № 6), Д. И. Писарев (РСЛ, 1861, № 5). Напротив, трилогия «Праздничный сон — до обеда» («Совр.», 1857, № 2; Александрин. т-р, 28 окт. 1857, Малый т-р, 2 дек. 1857), «Свои собаки грызутся — чужая не приставай» (БлЧ, 1861, № 3; Малый т-р, 27 окт. 1861, Александрин. т-р, 3 нояб. 1861) и «За чем пойдешь, то и найдешь» («Женитьба Бальзаминова» — «Время», 1861, № 9; запрещена к постановке; Александрин. т-р, 1 янв. 1863, Малый т-р, 14 янв. 1863) отличается легким, игривым тоном, хотя стоит в ряду традиционно серьезных произв. о «маленьком человеке»; в комич. форме О. дает здесь сниженный вариант героя-мечтателя и его взаимоотношений с действительностью.

Особенно важной для творчества О. была его поэзка по верхней Волге (апр. — авг. 1856) с др. литературными (С. В. Максимов, М. Л. Михайлов, Писемский, А. А. Потехин) для изучения края по поручению Мор. мин-ва (по собств. инициативе

О. проехал тем же маршрутом год спустя). Плодами этой командировки стали мат-лы для Словаря рус. нар. яз., очерк «Путешествие по Волге от истоков до Н. Новгорода» («Мор. сб.-к», 1859, т. 39, кн. 2), замыслы цикла «Ночи на Волге» (не осуществлен), пьес «Воевода», «На бойком месте» («Совр.», 1865, № 9; Малый т-р, 29 сент. 1865, Александрин. т-р, 25 окт. 1865) и одного из главных произв. О. — драмы «Гроза» (БзЧ, 1860, № 1; Малый т-р, 16 нояб. 1859, Александрин. т-р, 2 дек. 1859, Уваровская пр., 1860), в к-рой семейный конфликт достигает трагич. накала, а символич. образ грозы придает композиции особую стройность. Вечное противоборство долга и страсти накладывается здесь на непримиримое противостояние вольнолюбивой души и жестокого, косного уклада жизни. Роль Катерины О. писал специально для Л. П. Косицкой-Никулиной, переживая глубокое неразделенное чувство к ней.

«Гроза», показавшая широкую картину нац. быта и нравов, породила в критике полемику, как никакая др. пьеса О. В ст. «Луч света в темном царстве» («Совр.», 1860, № 10) Добролюбов связал сюжет «Грозы» с совр. социально-ист. обстоятельствами, образ гл. героини истолковал как воплощение стихийно пробуждающегося народа, а ее самоубийство — как протест против деспотизма. Эта статья, повлиявшая на восприятие пьесы читателями, вызвала в критике возражения: Писарев в героине «Грозы», у к-рой, по его мнению, не могло быть «ни твердого характера, ни развитого ума», видел не «луч света», а жертву «темного царства» («Мотивы рус. драмы» — РСЛ, 1864, № 3); ему возражал М. А. Антонович («Совр.», 1865, № 4). Григорьев откликнулся статьей «После „Грозы“ Островского. Письма к Ив. Сер. Тургеневу» («Рус. мир», 1860, 16 янв. — 6 февр.), где особо выделил «великолепный по своей смелой поэзии момент» — сцену в овраге, «всю полную обаяния страсти веселой и разгульной и не меньшего обаяния страсти глубокой и трагически-роковой. Это ведь создано так, как будто не художник, а целый народ создавал тут!» (там же, 16 янв., с. 20). Критик рассмотрел в «Грозе» подтверждение своей теории непосредств., органич. иск-ва; по его мнению, в пьесе нет сатиры, обличения и жизнь рисуется с нанвно-эпич. объективностью (см. также: «Светоч», 1860, № 1).

Послемиролады по поводу «Грозы» и в частных письмах и беседах: М. С. Щенгин в споре с А. Д. Галаховым дал понять, что пьеса О. безнравственна (ГМ, 1914, № 9); Толстой разделил с А. А. Фетом его отрицат. мнение (Толстой, ЛХ, 325); Тургенев, возражая Фету, выдвинул в драме «удивительнейшее, великозамысловатое произв. русского, монуемого, вполне овладевшего собою таланта» (Тургенев. Письма, III, 375); А. И. Герцен сравнивал «Грозу» с «Записками из

Мертвого дома» Достоевского (Герцен, XVIII, 219).

В 60-е гг. О. обращается к ист. драме. Расцвевшая театр как учреждение прежде всего просветительское, он считал ист. пьесы необходимыми в репертуаре, т. к. они «развивают нац. самопознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству» (Островский, XII, 122). Стремясь к максимальной достоверности, О. изучал своды ист. мат-лов, консультировался со знакомыми историками (И. Е. Забелин, Н. С. Тихомиров, Н. И. Костомаров). В интерпретации нек-рых ист. загадок предвосхитил гипотезы историков, в

19 янв. 1886), психол. драма «Василиса Мелентьева» (совм. с С. А. Геденовым; ВЕ, 1868, № 2; Малый т-р, 3 янв. 1868, Маринин. т-р, 10 янв. 1868). Драматург «как будто послушался своих всегзащих корителей»: «бросил презренную прозу и... своих купцов и выводит нам на сцену дворян, бояр, воевод, царей» (Страхов Н. Н., Лит. критика, М., 1984, с. 53), создавая в театр. форме широкое эпич. полотно самобытной рус. жизни кон. 16—17 вв. Героиня «Минина», полусказочный мир «Воевода», трагедия братоубийственной войны в «Тушино» представлены как разные грани целостного нар. бытия.

А. Н. Островский среди актеров Малого и Александринского театров. 1863. Слева направо: Ф. А. Бураин, А. Н. Островский, А. А. Ульянский, И. Ф. Горбунов, Л. П. Косицкая-Никулина, К. Н. Потапов.

т. ч. С. Ф. Платонова, С. М. Соловьева, А. П. Шапова (см.: «Голос», 1867, 30 марта; Григорьев А. А., Мат-лы для биографии, П., 1917, с. 289; Островский в восп., с. 122—123; Лотман. Стих. драмы, с. 31). Для О. история — сфера высокого в нац. бытии; это отчасти определило обращение к стихотв. форме. По жанру его ист. пьесы неоднородны: драм. хроники «Козьма Захарыч Минин-Сухорук» («Совр.», 1862, № 1; к постановке запрещена; 2-я ред. 1866 при жизни О. не публиковалась; Александрин. т-р, 9 дек. 1866, Малый т-р, 20 янв. 1867; полученный в награду от царя бриллиантовый перстень О. назвал «пошлым концом» истории этой пьесы), «Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский» (ВЕ, 1867, № 1; Малый т-р, 30 янв. 1867, Маринин. т-р, 17 февр. 1872), «Тушино» (ВТ, 1867, № 1; Александрин. т-р, 23 нояб. 1867), комедия «Воевода» («Сон на Волге»; «Совр.», 1865, № 1; Маринин. т-р, 23 апр. 1865, Большой т-р, 9 сент. 1865; 2-я ред. 1885 при жизни О. не публиковалась; Малый т-р,

Критика приняла ист. драмы холодно («Это... окольная дорога, на к-рую сбился этот замечат. талант» — Суворин А. С., Театр. очерки. 1866—1878, СПб., 1914, с. 196), найдя, что они «безжизненны и вялы» (там же, с. 412). Почти в тех же словах о них отозвался разочарованный «Мининым» Тургенев (Тургенев. Письма, IV, 345, 347; VIII, 125; резко отрицат. отзыв дал и Писарев — РСЛ, 1865, № 3), к-рого, впрочем, язык «Минина» и «Воеводы» «привел в удивление. Эдаким славным, вкусным, чистым рус. языком никто не писал до него!.. Какая местами паучья, как наша русская ропя летом, поэзия!.. Ах, мастер, мастер этот бородач!..» (Тургенев. Письма, V, 365). Комедия «Комик XVII столетия» (ОЗ, 1873, № 2; Малый т-р, 26 окт. 1872), в к-рую драматург вложил важные для него мысли о театре, критика сочла очень слабой (СВ, 1894, № 10). В дек. 1863 О. избран чл.-корр. АН.

В февр. 1864 О. сближается с артисткой Малого т-ра Марией Вас. Бахметьевой, по сцене Васильевой

2-й (1845—1906), к-рая «была очень красива своеобразной красотой южного типа» (Островский в восп., с. 322). В то же время О., по его словам, не мог «оставить даже на один день» (Островский, XIV, 138) Агафью Ив. с 1866 безнадежно болящую туберкулезом. Через два года после ее смерти О. обвенчался с Марией Вас. (февр. 1869).

Вскоре высочайший указ узаконил их дочерних детей: Александра (1864—1928?), Михаила (1866—88) и Марию (1867—1913); вышла замуж за М. А. Шателена, училась в Сорбонне, стала бакалавром; ее дочь Мария Мих. много сделала для сохранения усадьбы О.). Затем родился Сергей (1869—1929); стал камергером, красноармейцем, после демобилизации — сотр. Пушкинского Дома; перевал туза док-ты, рукописи, личные вещи О.), Любова (1874—1900) и Николай (1877—1913).

Заботы о новой семье изменили быт О.: если раньше он жил, мало думая «о комфорте и порядочном убранстве комнат» (Островский в восп., с. 133), то в 1877 переехал в благоустроенный дом кн. Голицына напротив храма Христа Спасителя (ныне Волхонка, д. 14) — ради детей, поближе к гимназиям; это последний моск. адрес О. Оседлым его быт делал «привычка к покою и скуке», к постоянному «кабинетному» труду (Островский, XVI, 84) и страстная привязанность к семье: «Я очень чадолюбив, уехать далеко не могу; тоска по детям отравит мне всякое удовольствие» (Островский, XV, 99). Путешествия О. сравнительно немногочисленны: кроме упомянутых в Н. Новгород (1845), по Югу России (в 1860 вместе с гастролировавшим А. Е. Мартыновым, к-рый в этой поездке умер на руках О.); по Германии, Австрии, Италии с посещением Парижа и Лондона (где встретился с А. И. Герценом) вместе с актером И. Ф. Горбуновым (см.: Горбунов И. Ф., Соч., т. 3, СПб., 1907, с. 345, а также дневник О. «Поездка за границу в апр. 1862»), с ним же — по Волге (1865) и с братом Михаилом — в Закавказье (1883).

Огромную роль в жизни О. сыграло костром. имение Щельково (1175 десятин земли), к-рое его отец купил в 1847. Первая же поездка туда (1848; по пути осмотры Ростов, Переяславль-Залесский, Ярославль, Кострома) привела О. в восторг: «сильное чувство, к-рое производят на меня эти красоты природы, для меня болезненно, мне... надобно поделиться с кем-нибудь этими неотступными впечатлениями» (Островский, XIII, 187). После смерти отца О. с братом Михаилом выкупил имение у мачехи (1867) и ежегодно с мая по сентябрь жил там с семьей, широко принимая гостей (братья и сестры; артисты М. П. и О. О. Садовские, В. П. Музиль, Н. А. Никулина, Ф. А. Бурдин; литераторы Максимов, П. М. Невский, Н. Я. Со-

ловьев). В 1872—84 О. был поч. мировым судьей Кинешем. округа; на досуге разводил цветы и птиц, выплевывал затеняемые рамки и ящички, к-рые дарил знакомым, продолжал с увлечением составлять словарь нар. яз. По словам Максимова, «родную речь он любил до обожания, и ничем нельзя было больше порадовать его, как сообщением нового слова или... выражения, в к-рых рисовался целый рядок живых образов» (Островский, XIII, 385); язык он изучал как исследователь; после смерти драматурга М. Н. Островский передал в АН картотеку из ста тыс. слов. Но, главное, летние месяцы были для О. временем систематич. труда: сидя с удочкой или раскладывая сложные пасьянсы, он обдумывал новую пьесу; записывал ее осенью, зимой руководил ее постановкой в Мадом и Александрин. т-рах, в начале след. года печатал в ж-ле (чаще всего в первом номере). «В постоянном страхе остаться к сезону без новых пьес, т. е. без хлеба, с огромной семьей» (Островский, XV, 148), О. не доверял вдохновению и был «образцовый труженик и неутомимый работник» (Островский в восп., с. 290). Методичность, редкая в творч. мире и уподоблявшая искусство ремеслу, обращала на О. внимание и вызвала иронию: об очередном номере «Отеч. записок» писалось, что он открывается «неизбежной комедией О.» («Сияние», 1872, № 7, с. 115). «Каждый год по одной комедии г. Островского — это так же точно и верно исполняется, как и каждый год по одному тому „Историк“ г. Соловьева» (СО, 1877, 25 февр.). Но именно этот налаженный ритм обеспечил драматургу продуктивность, а его семье — пост. источник дохода, чему способствовал и переход О. в «Отч. записки», где он, всегда получавший хороший гонорар, сотрудничал в 1868—84 по приглашению Некрасова, к-рого воспринимал как союзника: «Как Вам умирать! С кем же мне тогда идти в литературе? Ведь мы с Вами только двое настоящие нар. поэты» (Островский, XIV, 181).

В пореформ. годы с характерным для них сближением и смешением сословий О. уловил веяние времени и создал ряд сатирич. комедий из дворян. быта: «На всякого мудреца довольно простоты» (ОЗ, 1868, № 11; Александрин. т-р, 1 нояб. 1868, Малый т-р, 6 нояб. 1868), «Бешеные деньги» (ОЗ, 1870, № 2; Александрин. т-р, 16 апр. 1870, Малый т-р, 9 окт. 1870), «Лес» (ОЗ, 1871, № 1; Александрин. т-р, 1 нояб. 1871, Малый т-р, 26 нояб. 1871), «Волки и овцы» (ОЗ, 1875, № 11; Александрин. т-р, 8 дек. 1875, Малый т-р, 26 дек. 1875). Из них «Лес» — единств. пьеса, где сюжетно торжествуящим са-

тирич. персонажам (усадебное об-во) противостоят герои, сохранившие моральную чистоту (бескорыстный бедный артист и девушка-бесприданница). В остальных комедиях конфликт сталкивает людей, равных друг другу в социальном и нравств. отношении, обнаруживая их эгоизм и холодный расчет — независимо от социального положения. Это комедии гоголевского типа, без положит. героя: борьба здесь идет не за счастье с любимым человеком (как в нар. комедии), а за деньги, власть, удобное место в обществе. «Волки» и «овцы» (их неизбежные жертвы) различаются в конечном счете лишь способностью ориентироваться в совр. условиях и использовать их в собств. интересах. Правда, в «Бешеных деньгах» деловой человек, противостоящий дворянам — прожителям жизни, показан любящим и страдающим, но финал пьесы рисует всеобщее корыстолюбие. В комедии «На всякого мудреца довольно простоты» сатира приобретает остро актуальный, полит. характер: О. показывает засилье в об-ве либеральной демагогии и прочность его консерват. основ. Изображая умного рефлектирующего дворянина, к-рый оценивает своих современников с чувством превосходства, О. тем самым подключился к традиции отечеств. романа о «лишнем человеке» (дневник Глумова — реминисценция дневника Печорина), однако впервые наделил такого героя инничной жаждой пружения и раскрыл его нравств. падение средствами комедии. Способ изображения персонажей здесь не психологически-бытовой (как в предыдущих пьесах), а гротескный, что сближает О. с М. Е. Салтыковым-Щедриным: не случайно тот вел гл. героя пьесы в свои сатирич. шпалы «Недоконченные беседы», «В среде умеренности и аккуратности», «Круглый год», «Письма к тетеньке», в ром. «Современная идиалгия».

В сатирич. комедиях О. впервые широко использует веками отработанную (особенно во франц. пьесах) технику ведения интриги, традиционный для европ. драматургии способ характеристики — ампула (инженю, резонер, grande dame, grande coquette и т. д.), к-рые порой сочетаются в одной и той же роли, а также лит. реминисценции и цитаты из пьес А. С. Грибоедова и Гоголя. Критики, не сумевшие оценить новую манеру О., обвинили его в неправдоподобии и водевильности [Боборыкин П. Д. — «Дело», 1871, № 11; Соколов А. А. — ПЛ, 1871, 6, 11 нояб.; Суворин А. С. — СПбВед. 1868, 3 нояб.; Н. Языков (Шелгунов в Н. В.) — «Дело», 1875, № 2]; пьесе «Лес» было отказано в Уваровской пр., зато Тургуев писал о ней: «прелестно» (Ненца. письма

к О., с. 592; положит. реш. также: Плещеев А. Н. — «Молва», 1880, 2 марта).

Опыт сатирич. комедии О. использовал и в дальнейшем. В «Горячем сердце» (ОЗ, 1869, № 1; Малый т-р, 15 янв. 1869, Александрин. т-р, 29 янв. 1869) он соединил гротескно-условный стиль с чертами нар. комедии (опора на фольклор, противостояние честных и любящих молодых людей самодурам-старшиям). Фольклорные мотивы О. использует по-своему: напр., падчерница не терпит притеснений мачехи, а вступает с ней в борьбу. Источник амплуа здесь не франц. драма (как в сатирич. комедиях), а нар. театр («Лодка»).

Возвращение О. к жанру нар. комедии («Не все коту масленица» — ОЗ, 1871, № 9; Малый т-р, 7 окт. 1871, Александрин. т-р, 13 янв. 1872; «Правда — хорошо, а счастье лучше» — ОЗ, 1877, № 1; Малый т-р, 18 нояб. 1876, Александрин. т-р, 22 нояб. 1876) навлекло на драматурга упреки в «повторениях одного и того же» (Аверкиев Д. В. — МВед, 1876, 1 дек.; см. также: «Когда же настанет г-ну Островскому великий пост?» — ПЛ, 1871, 9 окт.). Критика рассматривала поздние комедии О. в контексте совр. лит-ры, тогда как они отвечают скорее поэтике фольклора: персонажи наделены устойчивой и легко узнаваемой сюжетной функцией (старый богатый обидчик, притесняемый им молодой человек, зависимая любящая девушка и т. д.), но фабула каждый раз несколько иная. Вместе с тем поздние нар. комедии О. отличаются от «москвитянинских»: в них появляются легкая ирония и откровенная условность; главное же, молодые герои проявляют не покорность старшим, а волю и самостоятельность.

В репертуарной драматургии этого периода становились «модными» острые, мелодраматич. сюжеты: финансовые аферы, громкие судебные процессы, интриги и скандалы. О. оставался верен своим принципам: он рисовал рус. жизнь, в к-рой на фоне исторически сложившихся форм быта резко обнаруживаются все более мощные признаки ускоренного развития. В ряде пьес О. выводит новые типы (адвокаты, бюрократы-администраторы), «погружая» их в поток ежесекундного быта, «сталивая» с зависимыми от них бедными чиновниками, обывателями, купцами: «Шутники» («Совр.», 1864, № 9; Александрин. т-р, 9 окт. 1864, Малый т-р, 12 окт. 1864), «Пучина» (СПбВед, 1866, 1—8 янв.; Малый т-р, 8 апр. 1866, Александрин. т-р, 6 мая 1866), «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (ОЗ, 1872, № 1; Александрин. т-р, 20 сент. 1872, Малый т-р, 10 дек. 1872), «Поздняя любовь» (ОЗ, 1874, № 1; Малый т-р,

22 нояб. 1873, Александрин. т-р, 28 нояб. 1873). Их жанр, определяемый драматургом то как «комедия», то как «сцены», ближе всего к трагикомедии. Отзывы критики были, как правило, отрицательными: «...драм. попрше О. кончено» («Голос», 1864, 18 окт.); «О, г. Островский! отчего вы не умерли до написания „Поздней любви“?!» («Гражданин», 1873, № 49; ср. с отзывом А. П. Чехова в письме А. С. Суворину от 3 марта 1892: «Пучина» — «пьеса удивительная. Последний акт — это нечто такое, чего бы я и за миллион не написал» — Чехов. Письма, I, 11). Вместе с тем, если нек-рые поздние пьесы О. «страдают бедностью фабулы, то все же они продолжают быть самыми тончайшими и художественными психическими исследованиями» («Саратов. листок», 1880, 25 янв.). На первом плане — не плотная бытовая среда (как в раннем творчестве драматурга), а интерес к отд. личности, что сближает творчество О. этого периода с общелит. тенденцией 19 в. к исследованию сложного внутр. мира современника. Однако по контрасту с психологизмом М. Ю. Лермонтова, Толстого, Достоевского чувства героев у О. не анатомируются, а даются в их цельности и пластич. завершенности. Сила переживаний, воплощаемая драматургом в его поздних пьесах, не позволяет провести четкую линию между комедией и драмой: «Последняя жертва» (первонач. назв. — «Жертва века»; ОЗ, 1878, № 1; Малый т-р, 8 нояб. 1877, Александрин. т-р, 2 дек. 1877) была задумана как драма и лишь впоследствии приняла облик комедии. Во время работы над ней О. писал: «Трогательно драм. сюжет... в к-рый я погружаюсь всей душой... расстраивает меня» (Островский, XV, 93—94). Пьеса встретила резко отрицат. отзывы (НВ, 1878, 3 февр.; МВед, 1877, 12 нояб.), однако с похвалой был отмечен выраженный в ней «дух времени» (СПбВед, 1877, 16 нояб.). Чернышевский сочувственно отметил, что купцы в ней изображены по-новому, без утрирования сословной особенности их речи (XV, 727—28).

В центре комедии «Таланты и поклонники» (первонач. назв. — «Мечтатели»; ОЗ, 1882, № 1; Малый т-р, 20 дек. 1881, Александрин. т-р, 18 янв. 1882) и мелодрамы «Без вины виноватые» (ОЗ, 1884, № 1; Малый т-р, 15 янв. 1884, Александрин. т-р, 20 янв. 1884) — образ актрисы, преданной своему искусству, утверждающей свое право на независимость через творчество, и в то же время беззащитной женщины с неуваженной личной судьбой. Героини поздних пьес О. проявляют редкую искренность, жертвенную любовь, способность к всепрощению, но это не при-

носит им счастья, а обрекает на мучит. страдания, нередко на гибель: «Сердце не камень» (ОЗ, 1880, № 1; Александрин. т-р, 21 нояб. 1879, Малый т-р, 30 нояб. 1879); «Светит, да не греет» (совм. с Н. Я. Соловьевым; «Огонек», 1881, № 6—10; Малый т-р, 6 нояб. 1880, Александрин. т-р, 14 нояб. 1880). «Не от мира сего» (РМ, 1885, № 2; Александрин. т-р, 9 янв. 1885, Малый т-р, 16 янв. 1885). Особенно ярко и страстно психол. коллизии представлены в драме «Бесприданница» (ОЗ, 1879, № 1; Малый т-р, 10 нояб. 1878, Александрин. т-р, 22 нояб. 1878) — сороковой пьесе О., к-рую он тщательно отделявал четыре года. В процессе работы драматург обострал одиночество гл. героини, усиливал искренность и глубину ее переживаний. Здесь нет абсолютного противостояния героини среде: линия борьбы проходит через сложную, лишенную цельности душу; нет и характерной для О. монотонности стиля. Мятущаяся жен. душа, к-рая «любви искала и не нашла», становится жертвой не только черствости и тщеславия окружающих, но и собств. доверия к лирич. демагогии. Удел красоты в драме безысходен — быть «очень дорогой вещью» в руках сильных мира сего. Катарсическое воздействие производит финал пьесы — смерть Ларисы, прошающей своих губителей, под праздничные песни цыган. Как и все произв. О. последнего периода, «Бесприданница» — один из шедевров рус. драматургии — получила резко отрицат. отзывы (см.: С. Васильев (С. В. Флёров) — МВед, 1878, 19 нояб.; П. Д. Боборыкин — РВед, 1879, 23 марта).

Совр. жизнь выступает в поздних комедиях и драмах О. в новом облаче. В ней подчеркнуты внеш. лоск цивилизации и внутр. жестокость, тенденция к обезличиванию человека и стиранию нац. форм быта: «Невольничью» (ОЗ, 1881, № 1; Малый т-р, 14 нояб. 1880, Александрин. т-р, 28 апр. 1883), «Красавец-мужчина» (ОЗ, 1883, № 1; Малый т-р, 26 дек. 1882, Александрин. т-р, 6 янв. 1883). Нивелированный уклад жизни изменяет форму общения персонажей: непосредственность, грубоватая искренность героев ранних пьес уступают место намекам или штампам бытовой речи, призванным не столько обнаружить, сколько скрыть чувства; эти черты поздней драматургии О. предвещают Чехова.

Особое место в драматургии О. занимает пьеса «Снегурочка» (В, 1873, № 9; Большой т-р, 11 мая 1873, с участием драм., оперной и балетной трупп, муз. П. И. Чайковского). Задуманная в жанре феерии для праздничных спектаклей, она превратилась в лирич. драму, отчасти

подобную мистерию; вечный сказочный сюжет, в к-ром гибель героини предрешена, реализуется на фоне этногр. картины др.-слав. быта. О. выступил в ней в русле поисков европ. драматургии, пытаясь выразить проблемы совр. философии на языке фольклора и мифа; ср.: «Пер Гюнт» Г. Ибсена (1866), «Потонувший колокол» Г. Гауптмана (1896), «Синяя птица» М. Метерлинка (1908). Стараюсь реконструировать мифологию древних славян, О. использовал не только фольк.-сб.-ки и ученые труды, но и собств. впечатления от природы и крест. быта Шельхова. Заказав музыку для пьесы Чайковского, О. высылал ему по ходу работы отд. «номер» — тексты, требующие муз. сопровождения или пения. Т. о., стиль «Снегурочки» был изначально ориентирован на слияние с музыкой. «Можно подумать, что зтог... т. н. реалист и бытовик... ничем другим не интересовался, кроме чистой поэзии и романтики» (Станиславский К. С., Собр. соч. в 8 т., т. I, М., 1954, с. 213). Критика не оценила этой поэзии и восприняла «Снегурочку» как несовр., далекое от насущных интересов произв. (З. Буренин В. П.) — СПбВед. 1873, 11 сент.; А. М. Скабичевский — ОЗ, 1874, № 8; положит. отзыв — «Гражданин», 1873, 28 мая); Некрасов не выразил желания печатать ее в «Отеч. записках», что особенно обидело О.

С целью доставить ... артистам полезное упражнение» (Островский, XII, 91), а также ради дохода О. много занимался переводами: с 1850 по 1886 перевел 22 пьесы, еще 16 переводов остались незавершенными. Нек-рые из переведенных пьес О. опубл.: «Умирание своенравной» Шекспира («Совр.», 1865, № 11), «Великий банкир» И. Франки (ОЗ, 1871, № 7), интермедии М. Сервантеса (все в ж. «Изысканная лит-ра»); «Судья по бракоразводным делам» (1883, № 12), «Едильный страж» (1884, № 1), «Театр чудес» (1884, № 7), «Саламанская пещера» (1885, № 4) и т. д. Не все переводы О. изначально предназначались для сцены (напр., «Кофейная» К. Гольдони, см.: Островский, XII, 91); из поставленных наиб. успехом пользовалась драма П. Джакометти «Семья преступника» (2200 представлений с 1875 по 1917). О. создал также (как правило, по просьбам знакомых) оперные либретто: «Воевода» Чайковского, «Вражья сила» А. Н. Серова, «Гроза» В. Н. Кашперова; консультировал Н. А. Римского-Корсакова, составившего либретто для своей «Снегурочки».

«От интересов обществ. характера он стоял в стороне, если они не касались театра или корпорации сценич. писателей» (Островский в восп.,

с. 188), по взглядам считался «умеренным прогрессистом» (там же, с. 291). В письме к Н. Я. Соловьёву К. Н. Леонтьев (лично знавший О.) определял его как либерала «по строю мысли». Констатируя свои расхождения с драматургом, упрекает его в нигилизме, хотя, впрочем, признает, что О. и сам «лично, и как художник очень ценит цвет» (ЛН, т. 88, кн. I, с. 568). Мирлюбие, общепризнанная деликатность и талант собеседника дали ему «массу обожавших его друзей, в особенности в театр. мире» (Островский в восп., с. 353). Любя артистов, О. был всеглашним ходатаем за них перед дирекцией (просил о прибавке им жалованья, о пенсиях, бенефисах); строил пьесы так, чтобы в них было легко играть, и «давал им исключит. случай блеснуть на сцене» (там же, с. 410); так, о «Талантах и поклонниках» писал: «У меня пьеса выходит очень эффектная, с богатой ролью для Савинной» (Островский, XVI, 23). Ближайшим из друзей-артистов для О. был Бурдин; благодаря большому связям он помогал проводить пьесы через цензуру и старался расположить к О. петерб. труппу, у к-рой с драматургом сложились довольно холодные отношения. Высоко ценивший эту помощь О. также всячески способствовал успехам Бурдина; несмотря на его средние способности, предоставил для его бенефисов 13 пьес (за что, в частности, О. упрекал Григорьев — «Эпоха», 1864, № 7). Имел О. друзей и среди купечества (Островский в восп., с. 311); он и сам «с виду... более походил на настоящего рус. хозяина — купца или промышленника, чем на знаменитого писателя» (там же, с. 393). Среди литераторов был дружен с А. Н. Плещеевым, а особенно с Е. Э. Дряинским и, несмотря на разногласия, с Писемским; Тургенев усмотрел их единство в том, что оба «не брали себя в руки, не ломали себя» (Тургенев. Письма, III, 165). При еще большем несходстве мировоззрений сохранял с 1856 дружбу с Л. Н. Толстым, к-рому «нравится своей простотой, рус. складом жизни, серьезностью и большим дарованием. Он был самостоятельный, оригинальный человек, ни у кого не заискивал, даже и в лит. мире» (Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, М., 1973, с. 178); однако близких отношений у них не возникло. В 1864 О. задел самолюбие Толстого критич. отзывом о его пьесе «Зараженное семейство», к-рую прочел ему автор. Толстой до старости помнил слова О. (Гольдвейзер А. Б., Вблизи Толстого, М., 1959, с. 204), однако продолжал высоко ценить его творчество. Добрые отношения связывали О. с Тургеневым, на квартире к-рого он неоднократно читал свои

произв.; благодаря содействию Тургенева появились пер. «Грозы» на франц. яз. и первая статья об О. на англ. яз. (1868). Достоевский, восторженно отзывавшийся о пьесах О. 50—60-х гг. и с радостью напечатанный две из них в своем ж. «Время», позднее стал оценивать творчество О. более сдержанно: находил, что О. неохотно выставляет купца «в человеческом виде», что «Добролюбов правее Григорьева в своем взгляде на Островского» (Достоевский, XXIX, кн. I, 36), а в «Дневнике писателя» за 1876 утверждал, что О. «холоден, растянут... и недостаточно весел» (Достоевский, XXIV, 305).

О. был очень чувствителен к тому, как ставятся и воспринимаются его пьесы; считал, что «между зрителем и драматургом устанавливаются особые душевные отношения» (Островский, XII, 229). В Москве такие отношения действительно были: после первого представления комедии «Свои люди — сочтемся» «молодежь вынесла О. на руках без шуму, в двадцать граблей мороза, на улицу, намереваясь т. о. доставить его до квартиры» (Островский в восп., с. 182). Столичная публика была в немом восторге, пьеса О. полагалась на давшие сборы и спектакли с репутацией, хотя нередко это отражало отношение не публики, а театр. администрации к О.: «В Петербурге на Сапках не шло ни одной моей пьесы... Это уж не только материальный ущерб, но и оскорбление. Я тридцатисемилетним трудом заработал для своей семьи постоянный доход, а того у меня отнимают» (Островский, XVI, 96).

Сам долгие годы не имевший достатка, О. стал одним из основателей и участников Об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Лит. фонд, 1859) и ОРДП (1874), ведавшего охраной авт. прав. Доброжелательный, ровный характер и горячая заинтересованность в судьбе рус. театра предопределили участие О. в подготовке театр. молодежи. В 1865 вместе с Н. Г. Рубинштейном и В. Ф. Оловеским он создал Моск. артистич. кружок — клуб и своеобразную актерскую школу; вел обширную, часто неблагодарную работу с начинающими актерами и драматургами: «Другие искусства имеют школы, академики ... меценатов... у рус. драм. иск-ва один только я. Я — все: и академия, и меценат, и защита» (Островский, XII, 246). Со всех концов России присылались пьесы, к-рые О. разбирал и давал авторам советы. Наиб. результатов он добился в совм. работе с Н. Я. Соловьёвым: «Счастливые день» (ОЗ, 1877, № 7; Малый т-р, 28 окт. 1877, Александрин. т-р, 14 нояб. 1877), «Женитьба Белугина» (ОЗ, 1878, № 5; Малый т-р, 26 дек. 1877, Александрин. т-р, 11 янв. 1878), «Дикарка» (ВЕ, 1880, № 1; Малый т-р, 2 нояб. 1879, Александрин. т-р, 12 нояб. 1879), «Светит, да не гресет», и с П. М. Невежиным: «Блажь» (ОЗ, 1881, № 3; Малый т-р, 26 дек. 1880, Александрин. т-р, 16 янв. 1881) и «Старое по-новому» (отд. изд. под именем одного Невежина — М.,

1882; Малый т-р, 21 нояб. 1882, Александрин. т-р, 11 нояб. 1883).

Не вступая в идейные споры, О. участвовал в лит.-обществ. жизни чисто практически — как драматург и организатор театр. дела. Его кропотливая повседневная работа отличалась редкой в истории лит-ры сосредоточенностью на одной цели — создании рус. нац. театра. Мысли о назначении драм. иск-ва, о желательном составе репертуара, об актерской игре и потребностях зрителя О. высказывал не в публицистике и критич. статьях, способных стать достоянием обществ. жизни (известно лишь одно подобное выступление О. в печати — ст. «Обстоятельства, препятствующие развитию драм. иск-ва в России», опубли. частично б. п. — СП, 1863, 1 февр., написана после конфликта драматурга с Лит-театр. к-том), а в деловых письмах и подробных записках общ. лицам, от к-рых зависела реорганизация театр. дела в России («Записка о неотложной потребности устройства Рус. театра в Москве», «Правительств. вест.», 1882, № 51 — см.: Островский II, 357). В 1881 О. был приглашен в Комиссию для пересмотра законоположений по всем частям театр. ведомства, для к-рой составил «Записку о положении драм. иск-ва в России в наст. время» и «Записку о театр. школах» (обе — 1882), где рассмотрел вопросы репертуара, особенности публики и т. д. Полгода О. работал для Комиссии... «со страстным увлечением», считая это «неописанным счастьем», но та стала «обманом надежд и ожиданий» (Островский II, XII, 249—50): его предложения были встречены вежливым равнодушием и положены под сукно. В 1884 по хлопотам брата Михаила О. получил пожизненную пенсию (3 тыс. руб.), а с 1 янв. 1886 — должность зав. репертуарной частью моск. театров (Малого и Большого) и руководителя театр. школы. Об этом О. мечтал всю жизнь (еще в 1853 просил Погодина найти ему службу при театре). «Он сделался наконец хозяином рус. театра; он мог осуществить все свои заветные мечты... Сколько светлых надежд, какое ликование между артистами!» (Островский в восп., с. 339). О. с энтузиазмом взялся за дело, но дни его были уже сочтены, физич. силы исчерпаны: «Дали белке за ее верную службу целый воз орехов, да только тогда, когда у нее уж зубов не стало... Это положение глубоко трагическое» (Островский II, XVI, 226—227). К этому времени О. был болен грудной жабой (стенокардией) и страдал от сильных приступов. От такого приступа он и умер за письм. столом в Шелькове над переводом «Антония и Клеопатры» Шекспира. Болезнь была в семье наследствен-

ной: от нее умерли отец О. и дочь О. — Мария.

Дело своей жизни О. видел в том, что создал «целый нар. театр» (Островский II, 151); он достроил «здание, в основание к-рого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь» (Гончаров, VIII, 491). На все творчество О. наложила отпечаток его кровная связь с текущей театр. жизнью. «Ни до, ни после него ни один драматург России не входил в такие тесные контакты со специфич. миром сцены» (ЛН, т. 88, кн. 1, с. 275—76). Иногда это влекло за собой изменение замысла пьесы — напр., если ее срочно «нужно было окончить к бенефису» (Ост-

А. Н. Островский.
Иллюстрация из кн. В. О. Михайлова
«Наши зилгомы», СПб., 1884.

ровский в восп., с. 60). Работая с сознанием своей миссии, О. не просто сочинял пьесы, а целенаправленно создавал нац. репертуар и потому использовал разные жанры, однако, «считая комедию лучшей формой к достижению нравств. целей и признавая в себе способность воспроизводить жизнь преим. в этой форме» (Островский II, XIV, 16), создал театр гл. обр. комедийный. В сознание современников он вошел как бытовой драматург, но был в его пьесах раскрыт как отношения людей, как арена борьбы вечных страстей. Своим худож. соображениями О. основывал на знании сценич. приемов и потребностей публики. Зритель, на к-рого он сознательно ориентировался, — и искушенная публика, и человек, недавно сбросивший «лапти и зипун», «дикарь по энергии и по своим хищническим стремлениям, но вместе с тем и свежая натура, богатая хорошими задатками, готовая на благородный подвиг» (Островский II, XII, 121); жизнь укрепляет в нем дурные инстинкты, дело иск-ва — про-

будить хорошие (О. считал, что театр призван быть «школой нравов» — там же, с. 255). Такой зритель «почти по-детски переживает все, что происходит на сцене, сочувствует добру и уязвет зло, ясно представленное» (там же, с. 112). О. неизменно включал в свои пьесы «сильный драматизм, крупный комизм, вызывающий откровенный, громкий смех, горячие, искренние чувства, живые и сильные характеры» (Островский II, XII, 123). Редкое разнообразие этих характеров создает многоликий, богатый человеческий мир. В 47 орг. пьесах О. более 600 персонажей — людей разных эпох и социальных слоев. При этом в центре, как правило, страдающее лицо, с доверчивой непосредственностью ищущее осуществления чистых чувств в обстановке господствующей корысти. Жизнь в изображении О. проста, подчиняется нехитрым закономерностям и представлена перипетиями общечеловеческих переживаний и чаяний (свидетельство интереса к всеобщим закономерностям — преобладание пословичных названий). Широкое бытование его пьес на сценах самодеят. нар. театров 2-й пол. 19 в. (см.: Хайченко Г. А., Рус. нар. театр конца XIX — нач. XX в., М., 1975) убеждает в том, что драматург действительно угадал потребности массовой простонародной публики: оставаясь на высоте подлинного иск-ва, он вместе с тем нашел доступную для нее форму воплощения ее нравств. и эстетич. идеалов. Не меньший успех имел О. у образованного зрителя: по количеству представлений его пьесы прочно заняли первое место в столичных и провинц. театрах.

В контексте рус. лит-ры 19 в. драматургия О. дополняет ее ведущие жанры (роман, повесть). Такие приемы, как развернутая экспозиция, введение не участвующих в интриге персонажей, элементы описания (пейзаж в «Грозе»), вытопись в нар. комедии, размывали границу между драмой и эпосом. П. Д. Боборыкин рассматривал пьесы О. как «ряд эпич. картин» в форме диалогов (Денисюк, в. 4, с. 389), а Достоевский прямо называл их «повести в ролях» (Достоевский, XXIV, 305). Однако даже в этих эпич. полотнах О. сумел остаться театральным, т. к. опирался на многовековую традицию. Иск-во он уподоблял науке, где «игнорировать основы и всю сумму приобретенной, добытых исследований и опытом, и доходить до всего собств. умом — есть самодурство» (Островский II, XVI, 166).

Интрига у О. преим. очень проста: «Драматург не изобретает сюжетов... Их дает жизнь, история, рассказ знакомого, порою газ. заметка. У меня... все сюжеты заимствованы» (Остров-

ОСТРОГОРСКИЙ

ский в восп., с. 489—90). Так, в основе сюжета комедии «Волки и овцы» — обстоятельства уголовного процесса над изумленной Митрофанчей, обвиненной в подлогах (окт. 1874, Москва). Огромную роль в большинстве пьес О. играет мотив власти десен над душой и судьбой человека, созвучный одной из болезненных проблем пореформ. России. Однако нередко О. включает в сюжет условно благополучный финал, напоминающий о древнем *deus ex machina*. Здесь сказались любовь драматурга к «вековому классич. приему», х-рый «найдешь и у испанцев, и у Шекспира» (Островский, XV, 24). Театр О. в основе своей каноничен. Он неразрывно связан с фольклором. Это драматургия самозабвенного любования ярким и образным словом. Говорить для персонажей О. — ритуал, доставляющий им наслаждение. О. не стремится придать речи героев бытовое правдоподобие: она прежде всего сценична. Речевой мир О. исключительно богат и красочен; он включает едва ли не все пласты совр. ему разговорного и старинного книжного языков, сохраняя при этом стилистическое единство на протяжении творчества драматурга. Это памятник нар. речи, запечатлевший ее свободную стихию.

Помимо традиций отеч. фольклора и лит-ры О. ориентировался на классику, традиции европ. театров. Он создал для России нац. классику, театр, укорененный в глубинах нар. миропонимания и многовековой нар. жизни, — как Шекспир в Англии или Мольер во Франции.

Др. произв. Пьесы: «Утро молодого человека» («Москва», 1850, № 22; Александрин. т-р. 19 февр. 1853, Малый т-р. 11 мая 1853), «В чужом пиру похмелье» (РВ, 1856, № 2; Малый т-р. 9 янв. 1856, Александрин. т-р. 18 янв. 1856), «Не сошлись характерами!» («Совр.», 1858, № 1; Александрин. т-р. 1 сент. 1858, Малый т-р. 23 окт. 1858), «Старый друг лучше новых двух» («Совр.», 1860, № 9; Марини. т-р. 10 окт. 1860, Малый т-р. 14 окт. 1860), «Грех да беда на кого не живет» («Время», 1863, № 1; Малый т-р. 21 янв. 1863, Александрин. т-р. 24 янв. 1863), «Тяжелые дни» («Совр.», 1863, № 9; Малый т-р. 20 окт. 1863, Александрин. т-р. 22 нояб. 1863), «Трудовой хлеб» (ОЗ, 1874, № 11; отрывок в сб. «Складчина», СПб., 1874; Малый т-р. 28 нояб. 1874, Александрин. т-р. 19 дек. 1874), «Богатые невесты» (ОЗ, 1876, № 2; Александрин. т-р. 28 нояб. 1875, Малый т-р. 30 нояб. 1875).

Изл.: Собр. соч., т. 1—9, СПб., 1874; Собр. соч., т. 1—10, СПб., 1874—84; Драм. переводы, т. 1—2, СПб., 1886; ПСС, т. 1—12, СПб., 1904—1909; Соч. (по ред. Н. Н. Долгова), т. 1—11, П., 1919—26; О театре. Заметки, речи и письма, Л.—М., 1941 (прим. К. Д. Муратовой); ПСС,

т. 1—16, М., 1949—53; Стихота. драмы, 2-е изд., Л., 1961 (вступ. ст. и прим. Л. М. Лотман); ПСС, т. 1—12, Л.—М., 1973—80; О литературе и театре, М., 1986 (вступ. ст. и прим. М. П. Лобанова).

Биогр. мат-лы: Кропачев Н. А., А. Н. Островский, СПб., 1889; его же, О. на службе при имп. т-рах, М., 1901; Иванов И. И., А. Н. Островский, СПб., 1900; Нелизов Ф. А., О. в кружке «Молодого Маскитана», — РМ, 1901, № 3; Россисов П. А., Артистич. кружок в Москве, — ИВ, 1912, № 5—7; Купчинский И. А., Из восп. об О., Курск, 1913; О. и Ф. А. Бурдин. Кратк. письма, М.—П., 1923; Островский. Новые мат-лы, Л., 1924; Непча, письма к О. М.—Л., 1932; Кашин Н. П., О разрыве артыо О. — ЛН, т. 78, М., 1933; Писемский А. Ф., Письма, М.—Л., 1936; О. и рус. композиторы. Письма, М.—Л., 1937; Шамбинаго С. К., А. Н. Островский, М., 1937 (ЖЗЛ); А. Н. Островский, Н. С. Лесков. Рукописи, переписки, док-ты, М., 1938 (под ред. Н. П. Кашина); Семья Саловских, М.—Л., 1939; Гольдман А. А., А. Н. Островский — пред. Об-ва драм. писателей, М., 1948; Ревакин А. И., А. Н. Островский. Жизнь и творчество, М., 1949; Дурмлин С. Н., Островский. Очерк жизни и творчества, М.—Л., 1949; П. А. Стрепетова. Жизнь и творчество трагич. актрисы, М.—Л., 1959; О. в восп.; Миранова А. В., Великий чародей в стране берендас. Очерк жизни и творчества О. в Шелькове, Я., 1973; Гапкин Ю. А., Неултыма халда. Повесть об А. Н. Островском, М., 1975; Лакшин В. Я., Островский, М., 1976; Иванов Г. К., О. в музике, М., 1976; Лобанов М. П., Островский, М., 1989 (ЖЗЛ); ЛН, т. 88, кн. 1—11.

Лит.: Анисков; Барсуков; Боборыкин; Григорьев, восп.; Григорьев, Критика; Герцен; Добролюбов; Достоевский; Некрасов; Лесков; Михайловский; Панаев; Писарев; Салтыков-Щедрин; Толстой; Тургенев; Чернышевский; Чехов (все — укр.); Отчет о четвертом присуждении награды Уварова, СПб., 1860; Боборыкин П. Д., Рус. театр. — Дело», 1871, № 11; Накитенко А. В., Об ист. драм. О. «Дн. Сомовлеви и Вас. Шуйский», — В сб. Складчина, СПб., 1874; Скабичевский А. М., Особенности рус. комедии, — ОЗ, 1875, № 1; его же, Женщины в пьесах О. — СВ, 1887, № 8; Критич. комм. к соч. О., ч. 1—5, М., 1894—97 (сост. В. Зелинский); Островский. Его жизнь и соч., 3-е изд., М., 1912 (сост. В. Покровский); Кашин Н. П., Этюды об О., т. 1—2, М., 1912; Варнеке Б. В., Заметки об О., Одесса, 1912; Сахаровский В. Г., Театр О. М., 1918; Долгов Н. Н., Островский. Жизнь и творчество, М.—П., 1923; Островский. 1823 — 31 марта — 13 апреля 1923. К столетию со дня рождения, М., 1923 (под ред. А. А. Бахрушина, Н. Л. Бродского и В. А. Попова); А. И. Островский. 1823—1923. Оц., 1923 (под ред. Б. В. Варнеке); Белачиков Н. Ф., Островский, М., 1923; Творчество О. Юбилейный сб-ик, М.—П., 1923 (под ред. С. К. Шамбинаго); Островский. Новые мат-лы... Труды Пушкинского Дома, Л., 1924; Васильев А. В., Об ист. драм. О., РИД, 1925; Линин А., Творчество О., РИД, 1937; «Без вины виноватые», Мат-лы и ноты, М., 1947; «Бесприданница», Мат-лы и ноты, М., 1947; «Правда — хорошо, а счастье лучше», Мат-лы и ноты, М., 1947; «Таланты и поклонники», Мат-лы и ноты, М., 1947; Ревакин А. И., «Гроза» Островского, М., 1948; его же, Москва в жизни и творчестве О. М.—Л., 1962; его же, Исх-во драматургии О., 2-е изд., М., 1974; О. в рус. критике, [Сб. статей под ред. Г. И. Владыкина], М., 1953; Лотман Л. М., О. и рус. драматургия его времени, М.—Л., 1961; ее же, Драматургия О. — В кн.: История рус. драматургии. Вторая пол. XIX — нач. XX вв. До 1917, Л., 1987; Холодов Е. Г., Мастерство О., 2-е изд., М., 1967; его же, Драматург на все времена, М., 1975; его же, Язык драмы, М., 1978; Штейн А. Л., Мастер рус. драмы, М., 1973; Шельковский сб-ик. Мат-лы и соболезния по фонду Гос. музея-заповедника О., Я., 1973; Костелъниц В., «Бесприданница» О., Л., 1973; Язык и слог О.-драматурга, Я., 1974; О. и рус. лит-ра. Кострома, 1974; Лебедев А. А., Драматург перед лицом критики..., М., 1974; А. Н. Островский. Новые мат-лы и ноты, кн. 1—2, М., 1974; О. на сцене. [Сб.], М., 1974; О. и лит.-театр. дни

жизни XIX—XX вв., М., 1974; Брандс Л. В., О. о зрителе, — В кн.: Худож. творчество и проблемы воспитания, Калинин, 1978; Петровская (1); Петровская (2); Журавлева А. И., О.-комедиограф, М., 1981; Данилова С. К., Актерское исх-во в театре О., Л., 1981; Черных Л. В., Островский, — В кн.: Рус. лит-ра и фольклор. Вторая пол. XIX в., М., 1982; Лакшин В. Я., Театр О. М., 1985; Журавлева А. И., Некрасов В. Н., Театр Островского, М., 1986; Драма А. Н. Островского «Гроза» в рус. критике, Л., 1990; Теплинский М. В., Пьесы жизни. Изучение творчества О. в школе, К., 1991; Ашукин Н. С., Ожогов С. И., Филиппов В. А., Словарь к пьесам А. Н. Островского, М., 1993; Patouillet J., Ostrovski et son théâtre de mœurs russes, P., 1912; Wheeler M., Popular Speech in the Play of A. N. Ostrovski «Svoi ljudi — sočiem-sja», — Anali dell'Istituto Orientale. Sezione slava 259, Napoli, 1958; Eisold W., Die Namen in Werk des Dramatikers Ostrovski, B., 1960; Sliwowski E., Od Turgeniewa do Cechowa (Z dziejów rosyjskiej dramaturgii drugiej połowy XIX wieku), Warsz., 1970; Stelcher U., Die künstlerischen Funktionen der Sprache in der Dramen von A. N. Ostrovski, Ostschwest. Studien der Hochschulen des Landes Hessen, Reihe III. — Frankfurter Abhandlungen zur Slavistik, Bd 26, Giessen, 1978. * Критич. лит-ра о произв. О. Сост. Н. Дешевко, в. 1—4, М., 1906—07; Островский. Лит.-театр. семинарий. Иваново-Вознесенск, 1923; Кашин И. П., Рукописи О. Каталог, М., 1939; Пыпин Н. А., О. в собр. Ленингр. театр. 6-ки. — Театр. наследие, т. 1, Л., 1934; О. в портретах и илюстрациях (сост. Н. А. Голубев), Л., 1949; Корган Л. Р., Летопись жизни и творчества О. М., 1953; Описание иллюстр. мат-лов Пушкинского Дома. VI. Островский, М.—Л., 1960; Библиотека О., описание, Л., 1963 (под ред. А. Н. Степанова); Муратов К. Д., Библиография А. Н. О. 1847—1917, Л., 1974.

Архивы: РГАЛИ, ф. 362; ИРЛИ, ф. 218; РГБ, ф. 216; ГЛМ, ф. 140; ЦГМТ, ф. 200.

Л. М. Лотман

ОСТРОГОРСКИЙ Виктор Петрович [16(28).2.1840, Петербург — 31.3(13.4).1902, г. Валдай Новгород. губ.; похоронен на Смоленском кладб. в Петербурге], педагог, литератор. Из дворян. Трех лет лишавшись матери, воспитывался отцом, отставным чиновником, благоговевшим перед рус. лит-рой и т-ром, и «редкой нянюшкой» — немкой, страстной поклонницей поэзии Ф. Шиллера; от нее научился нем. яз.; в детстве был очень религиозен (подробнее в его кн. «Из истории моего учительства», СПб., 1914, с. 132). В 1851 был зачислен пансио-

нером в 1-ю петерб. г-зию; в 1853, оставшись круглым сиротой, помещен своим попечителем на казенный счет в интернат при 3-й пед. г-зии (под влиянием В. Я. Стоюнина, преподававшего там лит-ру, О. выбрал в дальнейшем пед. поприще). С 1858 учился на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та. К 1859 относится первая публ. О. — стих. «Путеводный свет» («Ласточка», № 5), с юношескими упованиями на всемогущество науч. знания, возвышающего и облагораживающего человека. Вместе с др. членами ун-тского кружка под руководством П. В. Макалинского (ученика Т. Н. Грановского) О. участвовал в организации Василеостровского бесплатного уч-ща, где начал преподавать лит-ру (1860—66). Здесь он сблизился с петрашевцем Ф. Г. Толлем (в его «Настольном словаре...») О. поместил неск. бюгр. статей о рус. писателях, повлиявших на его филос. и лит. образование. Как участник студенч. волнений 1861 О. попал под надзор полиции, но год спустя был допущен к выпускному экзамену и получил диплом кандидата. С 1863 преподавал словесность в частном жен. пансионе В. В. Швидковской; одновременно, по рекомендации П. Л. Лаврова, заведовал отд. критики и библиографии для чтения» (первая критич. публ. — «Помысловский, его типы и очерки», 1863, № 4). Разногласия О. с рослацкой изд-ва прочитанных им тезисов статьи о Н. А. Добролюбове, к-рого он «более Белинского считал своим руководителем» («Из истории моего учителя», с. 157), привели к его уходу из ж-ла. С 1864 О. преподавал словесность в частн. яз. в 1-й воен. г-зии, где прослужил 16 лет, а также в Елизаветинском ин-те (1869—76), на Жен. пед. курсах (1869—91), в 4-й петерб. (Ларинской) г-зии (1871—90) и др. уч. заведениях (полный их список см. в некрологе: МБ, 1902, № 5, с. 1—2).

Пед. деятельность О. была не безоблачной, порой наталкиваясь на сопротивление начальства, недовольного «тезисно-цитированным» или «не мотушиным» бытием суждений, как это было в Ларинской г-зии, к-рую О. вынужден был покинуть (подробнее см.: Роткович, с. 198—99). Для пед. влгоздов О., сформировавшихся под влиянием идей Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского (см. в кн.: Рус. пед. лекции. М., 1887; соав. с Д. Д. Семеновым), характерна ориентация на общесоциальные ценности, всестороннее воспитание мыслящих и активных граждан, широкое просвещение нар. масс, единую всеобщую школу, самоуправление г-зий и ун-тов. Пользуясь большой популярностью, О. формировал в среде либеральной интеллигенции убежденность в том, что ее просветит. деятельность способна усовершенствовать обществ. строй в России по образцу европ. стран. Однако путем формального обогащения ума знаниями, как считал О., невозможно достичь результатов в нравств. совершенствовании личности — необходимо развитие чувства и вообразования, всех ее творч. сил.

Гл. средство нравств. воспитания и всестороннего развития личности О. видел в худож. лит-ре, прежде всего в

рус. классике. Просветит. принципы положены в основу мн. его уч. пособий (всего им опублик. ок. 250 работ; неполный их перечень — в ст. Д. П. Сильчевского «Лит. деятельность О.», МБ, 1902, № 5); «Рус. писатели как воспитатель-образовательный материал для занятий с детьми и для чтения народу» (СПб., 1874; 7-е изд., СПб., 1913) — первое методич. руководство О., ставшее настольной книгой для неск. поколений учителей и учащихся; «Выразительное чтение» (М., 1885; 8-е изд., М., 1916); «Беседы о преподавании словесности» (М., 1885; 3-е изд., М., 1904); «Письма об эстетич. воспитании» (М., 1894; 3-е изд., М., 1908; назв. дословно повторяет изв. соч. Шиллера; рец.: А. М. Скабичевский — «Новости», 1894, 10 февр.; РСЛ, 1908, 21 авг.); на основе пер. с нем. (совм. с Н. Я. Максимовым) «Руководства к чтению поэтич. соч.» Л. Эккарта (СПб., 1875) О. составил «Краткий учебник теории поэзии» (М., 1904; 6-е изд., СПб., 1911). Те же культурно-просветит. и нравственно-эстетич. цели поставлены О. в «Этюдах о рус. писателях» (т. 1—5, М., 1888—97), куда вошли популярные очерки творчества А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. В. Кольцова, И. А. Гончарова, Н. Г. Помяловского (совр. критик назвал один из очерков О. «поверхностным составленным конспектом» — Истомина В., Критич. разбор этюда О. «Мотивы лермонтовской поэзии», Варшава, 1891, с. 24), в «Двадцати биографиях образованных рус. писателей. Для чтения юношества» (3-е изд., СПб., 1891; 18-е изд., М., 1916). Большим успехом пользовались составленные О. для юношества и для нар. чтения сб-ки пословиц, поговорок, примет и песен «Из народного быта» (СПб., 1883), «Из мира великих преданий» (СПб., 1883; 12-е изд., СПб., 1911), сб-к рассказов-переложений из У. Шекспира и Т. Кернера «Хорошие люди» (СПб., 1883; 6-е изд., М., 1913) и др. изд., в к-рых О. стремился адаптировать классику для читателя определенного (часто невысокого) образовательного уровня. По мнению рецензента, перечитывать отрывки из произведений, «переработанных с таким умением и тактом в стройные и законченные рассказы для детей, доставляет... истинное наслаждение» («Что читать народу?», т. 2, СПб., 1889, с. 323).

О. пропагандировал свои пед. и эстетич. идеи в ж. «Учитель» (1862—1864; 6 п.), «Вест. воспитания» (1891—1900), «Рус. мысль» (1884, 1891, 1897), в газ. «Голос» (1882), «С.-Петербург. вед.» (1896—97) и др. Одна из ведущих в его публицистике — проблема жен. образования, понимаемого как исходный момент преобразования не только семейной,

но и обществ. жизни в целом; «Женны и мужья (Неск. мыслей о семейной жизни)» (ЖенО, 1878, № 1), «Этюды о рус. женщинах. Старые девы» (там же, 1880, № 6, 7) и др. Под ред. О. выходили ж. «Дет. чтение» (1877—84; соав. с А. Н. Острогорским — двоюродным братом О.) и прил. к нему «Пед. листок» (1877—1883), «Дело» (1883—84). В «Дет. чтении» О., статьи к-рого, по словам рецензента, «замечательны по честному и направленному, по изложению и по разнообразию», «можно найти все, что требуется от дет. лит-ры... в нем не найдут ни сухой морали, ни картин вымышленной добродетели» (Т. Толычева (Е. В. Новосильцева) — «Нар. и дет. б-ка», 1879, № 1, с. 13, 14). С 1892 по 1902 О. — ред. ж. «Мир Божий» (назв. придумано О. — см.: Пименова, с. 157), в к-рый ему удалось собрать «людей таланта, знания и честных убеждений» (из письма О. к В. Г. Короленко от 30 сент. 1891 — РГБ, ф. 135, Р. II, оп. 31, № 14): И. А. Бунина, А. И. Куприна, Д. Н. Мамина-Сибиряка, историков Р. Ю. Виппера, Е. В. Тарле и др. (см. восп. соред. О. — А. И. Богдановича, МБ, 1902, № 5, с. 24—26, 2-я паг.; отзыв А. М. Скабичевского о ж-ле: «Новости», 1893, 18 февр.).

Драматургия, опыты О., начатые в студенч. пору трагикомедией «Дюймовка» («Время», 1861, № 8; пост. в Малом т-ре с Н. А. Нислукиной в гл. роли, П. М. Сазовским и др., в 1864 — в Александрин. т-ре; положит. отзыв А. Иванова (А. И. Урусова) — БЧХ, 1864, № 2, с. 53—61; отзывы и хроник. пост. см. в кн.: Зограф Н. Г., Малый т-р второй пол. XIX в. М., 1960, ук.), повс. публичности драматургич. жел. воспитания, были в дальнейшем собраны в кн. «Из далекого прошлого. Драм. эскизы» (СПб., 1891). Пьесы О., проповедующие общепризнанные истины (общества, служение и труж. как основы полноценной жизни), не оставили заметного следа в рус. драматургии, несмотря на ирту. назв. эротики: напр., драма «Миза» (СПб., 1883; пост. в 1868 в Малом т-ре, в 1887 — т-ре Корша в Сенной; В. Н. Давыдова, при участии А. А. Яблочковой), в к-рой «хождение в народ» представлено как нравств. поэзия.

Определенный интерес для истории педагогики и обществ. мысли в России 19 в. представляют мемуары О. «Восп., мысли и заметки старого учителя словесности» («Обр.», 1892, № 9, 10; 1893, № 2, 10; 1894, № 1, 3, 11; отд. изд. под назв. «Из истории моего учителя», СПб., 1895; 2-е изд., СПб., 1914). В. В. Розанов назвал эту книгу «наивной» и «чванливой» за то, что О., по его мнению, «закрывает от нас «истинные нужды дня», не видит, как сухость и формализм совр. пед. системы вытесняют из школы учителя-подвижника (см. в его кн. «Сумерки просвещения», М., 1990, с. 252—53).

Именно учителем-подвижником (плюс «идеалистом-шестидесятником», по словам Богдановича) был О. в своей практич. пед. деятельности. В посмертно опублик. письме, полученном широким обществ. резонанс, О.,

обращаясь прежде всего к своим ученикам, завещал им поддерживать свое детище — основанную им в родном Владлае на личные средства бесплатную школу («Нов. дело», 1902, № 4, с. 235—36). В одном из поздравительных (в связи с юбилеем О.) писем Гончаров назвал его «образовым критиком и лучшим нашим серьезным педагогом, у которого есть чему поучиться на одному юношеству» («Юбилейный сб-к Лит. фонда», СПб., 1909, с. 364).

Др. произв.: «Необыкновенный ребенок (детство Гете по Льюису)» (СПб., 1869). «С. Т. Аксаков. Критико-биограф. очерк» (СПб., 1891; 2-е изд., 1901; рец.: «Живописная Россия», 1901, № 24), «Дедушка Крылов и его памятник» (СПб., 1894; 2-е изд., 1911), «В. А. Жуковский. О жизни и соч. Чтение для школ и народа» (М., 1901), «Н. В. Гоголь. Лит.-биограф. очерк» (Вятка, 1902).

Лит.: Блок, VII, 14; Горький, XXIV, 326; Острогорские В. П. и А. Н. Десятские ж. «Дет. чтение», — «Пед. листок», 1878, № 3—4; Милосвиц; Юшков Н. Ф. Душа человека, Каз., 1889; Гревс И. М. О. как учитель, СПб., 1902; Пимснова Э. К., Дни минувшие, М.—Л., 1929, с. 156—59; Гречинкина А. Д., В. И. Волозово и О. М., 1941; Парфолов И. Г., Методич. наследие О. — «Уч. зап. Новосиб. пед. ин-та», в. 1, 1945; его же, Жизнь и пед. деятельность О. — Там же, в. 2, 1946; Свиридова З., Журнал «Дет. чтение», Петерб. период. (1869—93), Л., 1935; Роткович Я. А., Вопросы преподавания лит.-ры. Исследоват. очерк, М., 1959, с. 190—218 и далее; Салатикова М. Н., В. П. Острогорский. — В кн.: Рус. учитель, М., 1959; Лит. процесс и журналистика (1); ук.; Антология пед. мысли 2-й пол. XIX — нач. XX вв., М., 1990 (ук.); Некролог. 1902; МБ, № 5; «Лит. наст.», т. 3, кн. 4; «Рус. школы», № 4 (Н. Поздняков), Брокгауз; ЭЭС; Грант; ИДРДВ; ИРДТ; БСЭ; ПЭ; Муратова (1); ук.; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 599; ф. 273, оп. 1, № 446 (письма П. В. Быховца); ф. 45, оп. 3, № 584 (письма А. Л.-ру И. Востокскому); ф. 283, оп. 2, № 149; ф. 659, № 145 (письма И. Ф. Горбунова); ф. 183, оп. 1, № 267 (письма В. О. Микисвицу); ф. 599, № 1 (автобиограф. записка); РГБ; ф. Дост.Л., оп. 7, № 61 (письма Ф. М. Достоевскому); РГИА, ф. 777; ф. 776, оп. 8, л. 691; РНБ, ф. 427, оп. 1, № 45 (письма Н. А. Лейкину); ф. 621, № 628 (письма А. Н. Пшенину).

И. И. Голыгина

ОФРОСИМОВ Михаил Александрович [6(17).8.1797, Москва — 13(25).2.1868, Петербург, похоронен в Троицко-Сергиевой пустыни], поэт-дилетант, переводчик-драматург. Из древнего рода тульских дворян. Воспитанник Моск. ун-тского благородного пансиона. В 1814 вступил в воен. службу — в л.-гв. Измайлов. полк, подпрапорщик. Был женат на купеч. вдове. В 1825 переведен (в чине полковника) в л.-гв. Егерский полк. В составе л.-гв. Финлянд. полка (с 1826) участвовал в рус.-тур. войне 1828—29, в сражении под Варной. В 1833 произведен в ген.-майоры и назначен командиром Финлянд. полка. Находясь в этой должности, О. «снискал общую любовь всех своих подчиненных» и «привел полк в образцовый порядок», за что был отмечен государем.

ставившим Финлянд. полк «в образец всем прочим полкам гвар. пехоты» (МВед, 1868, 15 февр.). С 1842 по 1845 О. командовал 1-й гвард. пехотной дивизией (с 1844 ген.-лейтенант). В 1846 состоял при вел. кн.

Михаиле Павловиче, гл. нач. воен.-уч. заведений, а в 1847 нач. 2-й гвард. пех. дивизии, участвовал в Венг. походе. Неоднократно награждался, в т. ч. орденами: Анны 1-й степени с короной (1828), Белого Орла (1847), св. Александра Невского (1859). Во время Крым. войны (1853—56) командующий 2-м гвард. пех. корпусом (1855). С 1856 ген. от инфантерии; с 1859 нач. резервной армейской пехоты. Недолгое время (1864—66) занимал пост моск. воен. ген.-губернатора. В 1866 переехал в Петербург, назначен состоять при особе императора. Чл. Гос. совета (с 1865 — РГИА, ф. с. 1868 г.).

Увлечение О. сочинительством относится к молодым годам его жизни. В осн. он был известен как автор текстов для романсов своего приятеля Н. А. Титова (сослуживца по л.-гв. Измайлов. полку), талантливого композитора, к-рого А. С. Даргомыжский и М. И. Глинка называли «дедушкой русского романса». Титову принадлежит музыка пяти из шести романсов на слова О.: «Уединенная сосна» (или «Сосна») [СПб., 1820; перепечатана в альб. «Памятник отеч. муз.», СПб., 1828 (там же опубли. и стих. «К ней» и др.)] — первый печатный дебют и композитора, и поэта («Сосну» можно считать началом распространения в рус. обществе в 1820-х гг. романса, пришедшего на смену модному французскому); «Коварный друг, но сердцу милый...» (СПб., б. г.); до 1830 — на эти слова также написал романс А. А. Алябьев (М., 1860); «Меня забудь» («Прости, я еду в дальний путь...»), «Признание» («Скажи мне, отчего с тех пор...») (оба — «Муз. альбом Н. Титова», СПб., 1831); «Мечта» («Тебя урел в душе моей...»; СПб., б. г.); «Не хо-

чешь ты меня понять...» (СПб., 1829; муз. Н. С. Титова, двоюродного брата Н. А. Титова). Романсы, наполненные общепозитив. мотивами (одиночества, отвергнутого чувства, обманутых надежд, верности, любви, восп. о прошлом), использующие типичные формулы любовной элгии, приобрели широкую популярность у публики — во многом благодаря безыскусной искренности и теплоте тона. Наиб. успехом пользовался романс «Коварный друг...»: еще «в соколовых годах не было музицирующей барышни, которая не пела бы» его («Рус. муз. газета», 1900, № 17, стб. 463; в той же газете отмечается его сходство с романсом Глинки «Не искушай меня без нужды», 1825, на слова Е. А. Баратынского — 1900, № 18, стб. 495).

Для театра О. перевел или переделал с франц. 8 комедий и водевилей, выдержавших в осн. несколько представлений на моск. и петерб. сценах в 1820—30-х гг., в т. ч. «Вертер, или Заблуждение чувствительного сердца» (1824) Ж. Дювала и Э. Рошфора, «Плащ, или Муж, как и всякий» (1827) — переделка пьесы Ф. Г. Ж. С. Андриё (перечень других — см. ИРДТ). С характерными приемами комедии положений (отрывки опубли. в «Славянин», 1830, № 19—22, 24). Известность О. принесла комедия в стихах «Мальтийский кавалер» (переделка пьесы Э. Скриба и Ф. де Курси «Simple histoire»).

Постановлен в 1830 в Петербурге (с участием В. А. Каратыпина и И. И. Соснищого); опубли. в 1850 («Драм. альбом...», М.). «Мальтийский кавалер» — комедия с улетев. любовной интригой, не лишена психол. изыскания, в к-рой дана англ. лорда (благородный Елмуд и легкомысл. дат. Фредрик) ведут борьбу за сердце очаровательной мисс Милнер. Многочисл. славянские переиздания комедии приводят ее к традиц. счастливному концу: Фредрик, исполненный благодарности к Елмуду, благословляет своего счастливого соперника.

Изд.: Любимые романсы и песни Н. Титова, М., 1893; Титов Н. А., Титов Н. С., Титов М. А., Избр. вокальные соч. Для голоса в сопропровождении фортепьяно, М., 1961; Песни рус. поэтов, т. 1.

Лит.: Старый егерь (Степанов А. Н.). Двадцать пять лет л.-гвардии в Егерском полку. — «Воен. сб.», 1878, № 2, с. 337, 341; № 3, с. 143; Титов Н. А., Восп. — «Дремина и мода Россия», 1878, № 3, с. 274; № 12, с. 265, 269; История л.-гв. Финлянд. полка 1831—1881, СПб., 1881 (сост. Ф. Ростовский; тл. 3 и ук.); Буянич С., «Дедушка рус. романса», Н. А. Титов. — «Рус. муз. газета», 1900, № 19/20, стб. 522—24; Пушкин и его современники, в. 29/30, П., 1918, с. 113. + Некролог. 1868; «Воен. сб.», № 3; «Антракт», № 7; «Илл. галл.», № 9; МВед, 15 февр. Сушков Н. В., Моск. ун-тский благородный пансион... М., 1858, с. 31, 33, 71; МВед, 1865, 26 июня; 1866, 11 окт. (упоминание о юбилее О.); Гениадис; РБС; Брокгауз; ИРДТ, т. 2, 3; Муз. зап., т. 3, стб. 534; Смирнов-Соколовский; Иванов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 995, оп. 2, № 97, 100; ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, № 32, 33 (списки романсов в альбомах 1-й пол. 19 в.); ф. 501, оп. 2, № 167 (письма О. А. Л.-ру И. Туркеничу); СПб ГТБ; Музей Малого т-ра (рукописи испод. пьес); РГБИА, ф. 395, оп. 36, 1845 г., л. 693 (ф. с. 1845 г.) оп. 56, 1864 г., л. 656; оп. 164, 1858 г., л. 471

(далье о награждении, служебном продвижении): РГИА, ф. 1162, оп. 6, л. 391 (ф. с. 1868 г.).

О. В. Галуева

ОХЛЕБНИН Николай (? — после 1844), баснописец-дилетант. Биогр. сведения крайне скудны.

По всей вероятности, — Николай Сергеевич О.; родился 9 сент. 1812 (РГИА, ф. 1343, оп. 26, ч. 2, № 4758, л. 9) и принадлежал к Тамбов. роду Охлебинных (изв. с 1785); состоял в воен. службе: рукопись «Басни» в Моск. испр. к-т была подана (март 1844) «поручиком Ник. О.» (ШИАМ, ф. 31, оп. 1, л. 15, л. 108 об.—109). Дед О. — Ник. Анд. Охлебинин, стат. сов., владевший землями в Тамбов. и Пензен. губ., жил в Тамбове; служил пред. в Вернен. земском суде; имел сына Сергея и дочь Елску. 12 и 10 лет (ГА Тамбов. обл., ф. с., без даты [до 1786 — Ред.]); был связан с Г. Р. Державиным во время его губернаторства в Тамбове (1786—88), местным рьянистом П. М. Захарыным, выполнял княжеские комиссии Н. И. Новикова (РА, 1864, № 78, с. 737; Лонгинов М. Н., Новиков в Моск. мартинисты, М., 1867, с. 122; Державин Г. Р., Полн. собр. соч., т. 5, СПб., 1876, ук. — под именем Аллебинин).

О. — автор единств. кн. «Басни», вышедшей в Москве (кн. 1—3, 1844; напечатана при Медико-хирургич. академии), отражающей усвоение им — в выборе сюжетов, а иногда и в формулировках «морали» — басенной поэтики И. А. Крылова; он открыто ему подражал. О. затрагивает традиц. для этого жанра темы: осуждение невежества и самодовольства глушцов, безнаказанность сильного и бессилие слабого, продажность судей («Неожиданная гостя»), женские пристрастия к нарядам, преклонение перед иностранцами и пренебрежение к отеч. талантам («Сорока и чиж»). Более интересны живописат. басни с оргн. сюжетами («Две старухи», «Купец», «Управитель»), по характеру близкие бытовой сатире. Мораль басен О. консервативна (ср., напр., басню «Совет зверей», осуждающую оппозицию николаевскому деспотизму: «О вы, которые в подобном заблужденье! Так на правительстве весь ропщете свой век! / Поверьте мне, что честный человек! / В каком бы ни был он правлен, / На строгость никогда не станет и смотреть»). Моралистич. сентенции и дидактизм басенного жанра воспринимаются как ист. анахронизм, что и отметил рецензент книги в «Отч. записках» (П. Н. Курашцев), 1844, № 7). Почти одновременный выход предсмертного массового издания басен Крылова и басен О. показал бесплодность попыток продолжать разработку жанра в 1840-е гг.

Изм.: Стихов. сказка: Рус. басня.

Лит.: Боград. ОЗ (1).

Архивы: ГА Тамбов. обл., ф. 161, оп. 1, л. 440, л. 382 об.—385, л. 1103, л. 6—7, л. 1159, л. 1—2, л. 3526, л. 2, 5 об., 8, 11, 19, л. 5065, л. 112, 230, 256 (биогр. сведения о дедс О.); ф. 168, оп. 1, л. 36, 37, 2548 (о потомках О.) (справка Л. В. Фоминой).

В. П. Степанов, Т. Н.

ОЧКИН Амвлий Николаевич [24.10 (4.11).1791 — 12(24).3.1865, Петербург, похоронен на Смоленском кладб.], журналист, дилетант, цензор. Сын пенз. купца и откупщи-

ка (впоследствии разорившегося) Н. Ф. Очкина (мать О. — из дворян, урожд. Баташева). Вместе с братом Петром воспитывался гувернером-французом, а затем с помощью владельца железных заводов, у которого отец О. служил управляющим, был помещен в Горный кадет. корпус «волонтером» (окончил, по-видимому, ок. 1819; ср. его корр. «Об экзамене, бывшем в Горном Кадетском корпусе, 27 мая» — «Благ.», 1822, ч. 18, № 22, с. 356). Здесь О. привлек внимание едва ли не всех лит. сил заведения — см. послания А. И. Кулибина («Соревнователь», 1819, ч. 5, № 1) и Н. М. Языкова (НП, 1822, ч. 2, № 15; О. именуется «Друг сердца моего и друг стихов моих!»), альбомные обращения В. Томила («Благ.», 1822, ч. 18, № 14, с пометой: 1819), того же Языкова («В альбом А.Н.О.» («Было время, мой приятель...») — там же, № 15, подпись -вь), Ф. И. Бальзауфа (опубл. Петряев). Несмотря на уверенность определить, всегда ли служба О. (с кон. 1806 — канцелярист в Петерб. казначействе; в нояб. 1811 переведен в Экспедицию о гос. доходах; в дек. 1821 — в Деп. гос. казначейства) была фиктивной (а он продолжал на ней числиться) и во время пребывания в корпусе), но совершенно точно, что она всегда была необременительной (Ф. В. Чижов, подводя итоги деятельности О., был даже уверен, что его друг нише, кроме цензуры, никогда не служил). Возможно, что в 1-ю пол. жизни О. этот благоприятный режим поддерживался стараниями А. Е. Измайлова (ср. постоянное пересечение их п. с.), у которого в «Благонамеренном» О. начал печататься — «Друзья» (вольный пер. с франц., 1821, ч. 15, № 14), пер. из Жуи «Охота» (№ 16), маловыразит. оргн. рассказ «Счастливая хитрость. Билья» (№ 17—18), пер. из Флориа-на «Софроним. Повесть греческая» (ч. 16, № 21, 22) и др. Именно благодаря Измайлову О. был принят в чл. ВОЛСНХ (не позднее 1823) и в дек.

1821 — в члены-сотрудники ВОЛРС (см. также пер. О. в офиц. органе «Об-ва: «Все невпопад» — «Соревнователь», 1821, ч. 16, № 10; «Об исправлении нравств. недостатков (Отрывок из записок Франклина)» — 1824, ч. 26, № 4; «О влиянии женщины на литературу и художества», ч. 27, № 7, с пометой: «Из книги: De la Femme, par Virey»). Вскоре О. уже не только усердно заполнял страницы «Благ.» своими трудами (гл. обр. переводами чрезвычайно модных живописат. соч. Жуи и его последователей — в этой лит. нише О. несколько потеснил С. С. де Шаллета), но и пытался посоветовать издателю привлечением др. авторов (ср., напр., попытку залучить в журнал произведения очкинское закадычного приятеля Н. М. Языкова — Языковский архив, с. 32). К этому же времени относятся и пробы пера О.-критика (в т. ч. театрального): «Опыт о чтении басен» («Благ.», 1822, ч. 17, № 1; подробнее см.: Попов), «Письмо к Н. М. Я-ву» (1823, ч. 24, № 19) и «Ответ на замечания на письмо к Н. М. Я-ву» (№ 22, подпись -инь; ср.: Фёдоров Б. М.?), Замечания на письмо к Н. М. Я-ву — № 21, подпись П., об авторстве см.: Языковский архив, с. 111).

Во 2-й пол. 1820-х гг. О. уже был признан профессиональным переводчиком высокого класса, чьи работы — «Пустынный Сен-Жерменского предместия, или Замечания о нравах и обычаях французов в начале XIX столетия. Соч. г-на Колье» (ч. 1—2, СПб., 1826); «Два года в Константинополе и Морее (1825—1826), или Исторические очерки Махмуда, янычар. новых войск, Ибрагима-Паши, Солimana Бея, и проч. Соч. К. Д. (Шарля Деваля)» (СПб., 1826; 2-е изд. — СПб., 1829; отрывки этого перевода печатались и за подписью С-вь, возможно, указывающую на причастность к тексту О. М. Сомова, — СО, 1828, ч. 118—119, № 2—5); «Сен-Марс, или Заговор при Людовике XIII. Соч. графа Альфреда де Виньи» (ч. 1—4, СПб., 1829—30; 2-е изд. — СПб., 1835) — неизменно привлекали внимание критики (см., напр.: МТ, 1826, ч. 10, № 16; 1827, ч. 15, № 12; 1828, ч. 24, № 23; 1829, ч. 27, № 9; СП, 1826, 18 сент.; 1827, 22 марта; ДЖ, 1827, ч. 18, № 7; МВ, 1827, ч. 2, № 7; 1828, ч. 12, № 23, 24; ЛГ, 1830, ч. 1, № 7, с. 53; «Сев. Меркурий», 1830, 28 февр., с. 101—102).

В 1825—35 О. интенсивно сотрудничал в изданиях Ф. В. Булгарина и Н. И. Греча «Сев. пчела», «Сев. архив» (впоследствии «Сын отечества» и «Сев. архив»; «целые книжки одного журнала ... наполняются трудами пера его», — преемственно восхитился в 1827 Языков; см.: Языковский архив, с. 316); без устали пере-

водил (от О. де Бальзака до текущих газетных новостей), если требовалось, держал корректуру, общался с авторами, печатал театр. рецензии (гл. обр. о спектаклях франц. труппы Петербурга), разбирал книги (особенно громкий резонанс вызвала написанная по просьбе Булгарина разгромная статья о ром. М. Н. Загоскина «Юрий Милоставский, или Русские в 1612 году» с укоризнами, как «историч. стороне произведения», так и «странной орфографии», неправильному «слогу и языку» — СП, 1830, 16, 18, 21 янв.; подп. «—»; ср.: РС, 1871, № 11, с. 502—06; в свою очередь, по просьбе О., Булгарин дал его брату рекоменд. письмо на Кавказ, к А. С. Грибоедову, благодаря чему П. Н. Очкин получил место при И. Ф. Паскевиче и стал впоследствии одним из гл. лиц варшав. администрации последнего). С 1834 (с 1836 — анонимно) до, по крайней мере, 1841 (см.: Кулешов) очень много переводил и реферировал для «Библиотеки для чтения». При этом О. постоянно мечтал о собств. журнальном предприятии (см. письмо В. Д. Комовского к Языкову от 6 мая 1833 — ЛН, т. 19—21, с. 103) и с 1835 начал издавать в Петербурге ж-л «Детская б-ка» (с посвящением вел. кн. Марии Михайловне) (при автоцитации и на т. л. ряда частей: «Детский журнал»; другое самоназвание: «Всеобщая библиотека полезных для юношества сведений»; в 1837 — совм. с кн. В. В. Львовым; в 1-й пол. 1838 — совм. с А. П. Башукиным), получив права издания у Ф. И. Беллизара и сумев, благодаря привлечению к сотрудничеству ряда талантливых литераторов (в т. ч. В. П. Бурнашева, кн. В. Ф. Одоевского) и даже юного Б. М. Маркеевича, создать весьма заметное явление в дет. журналистике (см.: МН, 1835, июнь, кн. 1, с. 511—15; БЗЧ, 1835, т. 9, отд. 6, с. 55—56; т. 13, отд. 6, с. 52; 1836, т. 19, отд. 6, с. 73—74; СО, 1837, (№ 18), с. 229). Башуцкий заканчивал издание в одиночку — м. б., потому что все большее внимания О. требовали «С.-Петерб. вед.», поступавшие под его редакцию 1 янв. 1836.

По сведениям Булгарина, этого места О. с окт. 1826 служивший естр. правления Петерб. ун-та и смотрителем университет. дома, зостил благодаря своей исповеданной романт. подробной жеманке (ок. 1828?) на Наталье Христиановне фон Зон, мать к-рой, содержавшая жен. пансион, пользовалась покровительством одного арист. вельможи, а сестра изволялась при вел. кн. Елене Павловне. Кроме этих протекций, реализовавшихся через попечителя учебного округа кн. М. А. Долгорукова-Корсакова, восточно, сыграло свою роль и тайное желание создать орган, способный конкурировать с «Св. пчелой», свойственным, по-видимому, литераторам-инициалам Мин-ва нар. просвещения (В. Д. Комовский, Ф. И. Мешков, А. А. Краевский), имевшим возможность через Комовского ратифицировать ведомств. амбиции гр. С. С. Уварова (издание «С.-Петерб. вед.» являлось привилегией АИ). Антибулгаринские настроения сквозят так-

же и в послесловии, поддержке газетного начинания О. со стороны О. И. Сенковского, считавшего, что быстрое улучшение «содержания, слога и наружности» «С.-Петерб. вед.» «обещает скоро сделать их газетой, к-рой предпочтительно будет читана даже в отдаленных частях России» (БЗЧ, 1836, т. 14, с. 66; ср.: 1839, т. 37, с. 36—37), и в подпольном же отзыве, данной В. Т. Великим («Совр.», 1847, № 2).

Публично обещанные в 1839 (впервые в истории рос. газетного дела) высокие гонорары в сочетании с обширными связями редактора привлекли в «С.-Петерб. вед.» мн. изв. литераторов (так, в 1839—51 здесь можно было встретить имена Бурнашева, кн. П. А. Вяземского, Я. К. Грота, эк. И. Губера, Е. П. Гребенки, В. И. Дала, М. Ф. Де-Пуле, С. Ф. Дурова, В. А. Жуковского, П. И. Келлена, Н. В. Кукольника, Ег. П. Ковалевского, Ф. А. Кони, барона Ф. Ф. Корфа, Н. А. Милюткина, А. В. Никитенко, Одесского, А. И. Пальма, В. П. Петрова, К. А. Полевого, В. С. Порошина, А. И. Рафаиловича, А. Г. Ротчева, Н. В. Савельева, гр. В. А. Столгоуба, М. П. Сорокина, В. М. Строева, С. М. Строева, П. Р. Фурмана, А. С. Хомякова, Вас. Тумсева (псевд. В. В. Чачкова), Чижова, А. Л. Эльхана и мн. др.), и «Св. пчела» была чувствительно потеснена (подробнее см.: Венгеров, 1903), что, в частности, видно по крайней озлобленности Булгарина на О. в 1840-е гг. (именно после булгаринского доноса 1 апр. 1840 О. был отставлен от службы в С.-Петерб. ценз. к-те, на к-рой, проявляя изв. мягкость, находился с апр. 1841, и назначен чиновником особых поручений VI кл. при Мин-ве нар. просвещения). Умеренно-либеральное направление газеты, демонстрировавшей во многих вопросах завидную терпимость (до 1848 издавалась без предварт. цензуры), не давало достаточного материала, чтобы точно выявить взгляды ее редактора (а с 1847 и издателя — О. начал арендовать «С.-Петерб. вед.» у АИ); «Очкин человек без убеждений и двуличный». — утверждал без достаточных, как представляется, оснований П. А. Плетнев (Грот и Плетнев, т. 3, с. 254). Скорее следовало бы сказать о его закрытости (довольно естеств. для человека, побывавшего после 14 дек. 1825, пусть по ошибке, под полит. арестом), делавшей его воззрения известными лишь самому узкому кругу ближайших друзей, по сообщению одного из к-рых, «отдавшись искренно идее космополитизма», О. «основал свое ей служение на такой безвраждебности, на такой безусловной терпимости всех мнений и таком глубоком уважении ко всем искренним убеждениям, что для него восставать не только словом, а даже и мыслно на свободу человека, в какой бы то ни было области чело-веч. деятельности, было величайшим нравств. преступлением» (Чи-

жов Ф.). Дополняет это описание изображение внешности и привычек О., оставленное Л. П. Шелтуновой: «маленький рабоватый господин в золотых очках, хотя с нами, детьми, и не играл, но мы его несколько не боялись. Он выходил из кабинета очень редко, и только по субботам, когда у них собирались гости, дверь в его кабинет не была закрыта. Разговор он вел по преимуществу на франц. языке» (Шелтунов и др., т. 2, с. 17—18).

С кон. 1840-х гг. О. начинают оледеть тяжкие болезни, в 1849 он поручает редакторствовать в газете во время своего отсутствия Ф. Ф. Корфу, а в кон. 1851 приглашает Краевского стать фактически полным хозяином «С.-Петерб. вед.». Сам О. остается издателем только де-юре, сохраняя в своем ведении лишь полит. обзоры и статьи о музыке, к-рой был страстно увлечен (письмо Чижову 30 марта 1862 — РГБ, ф. 332, к. 43, № 24, л. 2). В дек. 1862 истек срок последнего контракта О. с АИ, и с 1 янв. 1863 он начал издавать газ. «Очерки» (негласный редактор — Г. З. Елисеев), к-рую вскоре (8 апр.) счел за благо прекратить.

Лит.: Г., Письма из Кнзда, К. А. Н. Очкину. — СО и СА, 1834, № 13, с. 315—22; МН, 1835, июнь, кн. 1, с. 465; Отчет Об-ва посещения белянз за второе полугодие от 9 нояб. 1846 по 9 мая 1847 года... СПб., 1847, с. 8; Бурнашев В. П.). Из вост. петерб. старожил. И. Четвертин у Н. И. Греча. — «Заря», 1871, № 4, с. 14, 22; Стасов В. В., Румянцевский Музей. История его перевода из Петербурга в Москву в 1860—1861 гг. — РС, 1883, № 1, с. 92; его же. Цитируемые в нарративе мп. Николая Г. — РС, 1903, № 7, с. 154—55; Веселовский К., Эпизод из истории «С.-Петерб. вед.». — РА, 1893, № 7; его же. Восп. К. С. Веселовского. — РС, 1901, № 12, с. 519—21; Восп. Ф. А. Сома. — РА, 1896, № 6, с. 252; Венгеров С. А., Ежедневная печать конца XIX в. — В кн.: Сб. статей по истории и статистике рус. периодич. печати 1703—1903, СПб., 1903, с. 119—23; Лемке М., Эпоха цензурной реформы 1859—65 гг., СПб., 1904, с. 245; Строевский Ф., Фамильный архив, т. 3, К., 1907, с. 24, 32, 38; Языковский архив, в. 1. Письмо Н. М. Языкова к родителям за детский период его жизни (1822—29), СПб., 1913 (ук.); Записка Ф. Булгарина о цензуре и коммунизме в России. — ГМ, 1913, № 3, с. 223, 227, 229; Мат-лы по истории рус. дет. лит-ры (1750—1855), т. 1, в. 1, М., 1927, с. 114—16; Брейтбург С. К. История газеты «Очерки» (1863). — В кн.: Рус. журналистика, (т.) 1. Шестидесять годов. М.—Л., 1930; Летопись ГМ, кн. 9 (ук.); Никитенко; Кузнецов В. И., «Отечеств. записки» и лит-ра 40-х гг. 19 в. (М.), 1958, с. 359; Базанов (по ук.); Петраев Е. Д. Вспреши — опис. Очерк культурного прошлого Забайкалья, (Иркутск), 1968, с. 77, 83, 91—92; «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», в. 139, Тарту, 1963, с. 402 (опубл. С. Г. Исаковым); письмо Н. М. Языкова об О.); Станков А. И., Рус. газеты первой пол. XIX в. (Рязань), 1969, с. 105—107; Якушкин Н. И., Газета «Очерки» — орган реп. демократии. — РЛ, 1969, № 1; Герасимов Ю. И., Из истории рус. печати в период реп. ситуации кон. 1850-х — нач. 1860-х гг., М., 1974, с. 151—52; Очерки истории рус. театр. критики, Кон. XVIII — 1-я пол. XIX в., Л., 1975, с. 156—57; Попов И. В., Публицистика, критика декабрист. времени, Куйбышев, 1979, с. 86; Ореховский И. В., Самоцензурное против реп. России, М., 1982, с. 65; Языков Н. М., Соч., Л., 1982 (ук.); Дружинин А. В., Повести. Дневник, М., 1989 (ук.); Есенин В. И., История рус. журналистики XIX в., М., 1989, с. 117—18; ЛН, т. 19—

21, с. 49, 96, 98, 101—103, 131. + Некрологи, 1865: «День», № 12, с. 287 (Ф. Ч(ижо)); РИ, 13 марта, с. 4; СПбВед, 14 марта, с. 2; Илл. газ., 18 марта, с. 175. Генналы: Брокгауз: РБС: Венгеров. Список: Мат-лы по истории рус. лит-ры (1750—1855), т. 1, в. 2, М., 1929, с. 99, 132, 168; Паевская А. В., Данчуско В. Т., Очюре де Бальма. Библиография рус. переводов и критик. лит-ры на рус. языке 1830—1964, М., 1965 (ук.); Черейский; Декабристы; Мясной.

Архивы: ИРЛИ, № 4902 (альбом О.); РНБ, ф. 236 (письма Г. П. Данилевскому 1840—65), ф. 539 (письма В. Ф. Одоевскому 1839—59), ф. 831 (письм. мат-лы), ф. 833 (В. А. Цес) (конца прошения о пенсии); РГА, ф. 777, оп. 1, л. 1293 (об изд. «Дет. журнала», 1835); в. 1649 (ф. с. 1847 г., дело о ценз.) и др. [справа Н. Г. Охлопкин и В. В. Березина].

А. А. Ивань-Тамич.

ПАВЛИЩЕВ Николай Иванович [6(18).5.1802, с. Спичинцы Литвин. у. Подольской губ. — 8(20).12.1879, Петербург; похоронен в Новодевичьем мон.], литератор, автор книг по истории. Из небогатой дворян. семьи. Сын полковника Мариупольского гусар. полка; мать — урожд. фон Зейдфельд. Воспитывался в Бла-

городном пансионе при Царскосельском лицее (1814—19; до 1817 с Л. С. Пушкиным), к-рый окончил с серебрян. медалью. Простужив неск. месяцев пом. столоначальника в Деп. нар. просвещения, в 1820 определен в канцелярию 2-й армии в Тульчин (при покровительстве крестного — главнокомандующего 2-й армии ген. П. Х. Виттенштейна); в 1822—

1825 командирован в Петербург и Москву для архивных разсылок о рус.-тур. войнах. Не выказав должного усердия, был вынужден в сент. 1825 выйти в отставку. В июне 1827 определен в Коллегию иностр. дел переводчиком с франш., итал. и польского языков; столоначальник, а затем явч. 6-ки Азиатского деп. (1830).

В янв. 1828 П. женился на Ольге Сер. Пушкиной, сестре поэта (о причинах и обстоятельствах тайного венчания см.: Лернер, с. 15—17). «Человек ... очень малопривлекательный и совершенно прозаический» (М. А. Корф — в кн.: Грот Я. К., Пушкин, его личные товарищи и наставники, 2-е изд., СПб., 1899, с. 249). П. остался чужд семье Пушкиных. Его письма к А. С. Пушкину о финансово-хоз. делах (1834—1836) обнаруживают в нем сухую, меркантильную натуру (о прагматизме П. свидетельствует его собств. признание, что чины и награды он всегда предпочитал деньгам. — см.: Павлищев, с. 351). Позднее П. со слов жены написал для П. В. Анненкова ее «Восп. о детстве А. С. Пушкина» и составил его родословную (1851). Брак П. был не слишком удачным: супруги неоднократно развелись, последние годы жизни Ольги Сер. жила врознь.

В молодости П. вращался в среде литераторов и музыкантов, составлявших пушкинское окружение. В сент. 1823 вместе с А. А. Дельвигом и В. А. Эртелем предпринял поездку в Роченсальм к Е. А. Баратынскому (см.: Песков А. М., Баратынский, М., 1990, ук.). В доме Павлищевых бывали Дельвиг, Баратынский, П. А. Плетнев, С. А. Соболевский и др. Вместе с М. И. Глинкой П. издал «Литрич. альбом на 1829 г.» (СПб., 1829; одобрит. реш. — СП, 1829, 12 февр.), в к-рый вошли песни и романсы на стихи А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова, С. Г. Голицына, А. Мишкевича, муз. соч. Глинки и самого П., известного также мастерской игрой на гитаре. П. обращался и к лит. деятельности — переводил романы «немецкого Вальтера Скотта» — К. Ф. Фан-дер-Фельде (см. очерк П. о нем — ЛГ, 1830, 21 апр.); «Богемская девичья война» (М., 1830; отрывок опубли.: ЛГ, 1830, 17 марта; одобрит. реш. (О. М. Сомова) — там же, 1831, 26 янв.), «Патриини» (СПб., 1831; реш. (О. М. Сомова) — ЛГ, 1831, 26 апр.); перевел также ром. А. Манцони «Обрученные» (отрывок: ЛГ, 1831, 12 февр.). Однако особого успеха переводы не имели и ожидаемого дохода не принесли (см.: Фамильные бумаги..., т. 2, с. 15—16, 18, 59—60).

В февр. 1831 откомандирован в состав Врем. Правления Царства Польского. В течение 40-летней службы в Варшаве выступал ревностным проводником имперской политики России. С янв. 1832 управляющий канцелярией ген.-интенданта действующей армии. В 1833—42 пом. статс-секр. Гос. совета Царства Польского. П. проектировал законы о дворянстве (1836) и о почт. достоинствах (1840), впоследствии вменял себе в заслугу, что по этим законам «более ста тысяч шляхты попали в

крестьяне» и «более десятка панов лишились графских титулов» («Записка о службе тайного советника Павлищева», СПб., 1869; изд. анонимно, авторство П. установлено по мат-лам его архива в ИРЛИ). Позднее издал «Гербовник дворянских родов Царства Польского» (ч. 1—2, Варшава, 1853). По упразднении Гос. совета (1842) П. переименован в помощника обер-прокурора Общего собрания варшавских деп. Сената, в 1851 утвержден обер-прокурором.

Находясь в Варшаве, П. эпизодически печатался в рус. периодике. В 1835 выступил с большой критик. ст. «Брамбеус и юная словесность» (МН, ч. 2, июль, кн. 7—8), в к-рой обвинил О. И. Сенковского в использовании сюжетов и мотивов из франш. лит-ры. В. Г. Белинский без оснований отмечал остроу и увлекательность статьи, страдающей вместе с тем нек-рой затянутостью текстуальных сопоставлений (П, 163). Однако «статья против Сенковского», по словам Ольги Сер., «запоздала» и прошла незамеченной (письмо к П., 9 нояб. 1835 — Фамильные бумаги..., т. 2, с. 124). В дальнейшем П. публиковался в «Сев. пчеле»: «Посадка в Червонную Русь» (1844, 18—20 дек.) — об археологии, находках, открытии в Люблин. губ. следов древнего г. Червения, «Варшавские письма к Ф. В. Булгарину» (1847, 10 янв., 10 июля; 1849, 3 марта), в к-рых П., в частности, предлагает исключить из рус. языка зап.-европ. заимствования, заменив их по мере надобности эквивалентами.

Параллельно с общ. службой П. состоял чл. Совета нар. просвещения Царства Польского (1838—52), редактировал историю, географию и статистику в Варшав. губ. г-зии и др. уч. заведениях (1838—49), С 1849 чл. Экзаменационного к-та. Гл. цель своей исп. деятельности П. видел во введении преподавания на рус. языке по всей Польше, для чего прежде всего требовались рус. учебники. В 1838 П. издал сокращенные из «Рус. истории» Н. Г. Устрялова, а 1843 — «Польскую историю в виде учебника» (Варшава; полжикт. отклик: ОЗ, 1844, № 4, «Севр.»; 1844, т. 34, БзЧ, 1844, т. 63; 2-е изд. на польск. яз. — 1844; реш.: «Tygodnik Petersburski», 1844, № 64—65); опубликовал уч. пособие по рус. истории, содержащее хронологию, таблицы, родословные росписи и пр. — «Ист. атлас России» (Варшава, 1845; 2-е изд., доп., ч. 1—2, Вильно — СПб., 1873; реш.: ОЗ, 1846, № 1). П. принадлежат также два руководства по географии: «География. 1. Европа» (Варшава, 1847); «Gеография» (Warsz., 1850; 2-е изд., 1853).

В февр. 1861 вышел в отставку, однако волнения в Польше 1861, создававшие угрозу имперскому правлению, побудили П. уже в мае (после трехмесячной отставки) просить разрешения вернуться на службу — без жалования, с сохранением пенсии; П. объяснял, что предлагает правительству свои услуги «не в видах личного интереса, а в высшем побуждении» (ИРЛИ, л. ф., № 31186); «доказать полит. независимость Польши» (письмо Д. А. Милютину, 1878 — РГБ).

В июле 1861 П. утвержден состоящим при главнокомандующем 1-й армией; готовил для наместника полит. обзоры. С окт. 1861 и до кон. 1868 составлял еженед. «Полит. обзоры Царства Польского» для Александра II (под назв. «Седмицы Польского мятежа 1861—1864 г.», ч. 1—2, опубл. в соч. П. — т. 4—5; изд. «Седмицы» подготовлено самим П., незначит. дополнения и прим. сделаны после его смерти К. Ф. Феттерлейном и Е. М. Гаршиным; «Седмицы» типографски отпечатанные для Александра II б. ч. утрачены), в работе над к-рыми использовал сведения из польских и иностр. газет, специально предоставлявшиеся ему справки из разл. гос. учреждений, а также мат-лы из среды повстанцев (нек-рые из них с пометами П. сохранились: ГАРФ, ф. 109, С/А, оп. 2, л. 391; РНБ, Польшк., CIV, д. 280, л. 10, 12), снабжая их собств. комм.

В сент. 1863 П. назначен редактором офиц. газ. «Dziennik powszechny» («Всеобщий дневник»), вскоре изменившей назв. на «Dziennik Warszawski», и одновременно возглавил ценз. ведомство в Польше (сообщая об этом назначении Александру II, наместник Ф. Ф. Берг подчеркивал трудолюбие и преданность П.). Дослужился до тайного сов. (1864). По инициативе П. с окт. 1864 «Варшавский дневник» начал выходить параллельно на рус. яз.; П. стал директором обонх изд. На страницах газеты он занимался разоблачением деятельности руководителей восстания и поддерживавшей его польской эмиграции, организовывал для этого сеть тайных корреспондентов.

В 1865—70 место редактора рус. «Дневника» занимал сын П. — Лев Ник. Павлович (1834—1915; см. о нем: Черейский), окончивший в 1856 со степенью кандидата юрист. ф-т Петерб. ун-та, слушавший чиновником в разл. ведомств., вышедший в отставку в 1864 (1865). Однако Павлович-издатель оставался лишь номинальным редактором газеты.

Позднее Лев Павлович выступил с рядом текстов междурядного характера, в т. ч. «Вопль об А. С. Пушкине. Из семейной хроники»; «воспоминания» Павловича представляют собой сочетание семейных легенд с компиляцией из печатных источников и отрывков из семейной переписки. В пушкиннике отмечался тенденциозность Павловича, искажение документ. мат-лов (см., напр.: Лернер, с. 15).

Несмотря на усилия П. и материальную поддержку правительства, «Варшавский дневник», б. ч. состоявшийся из перепечаток и пересказов из др. газет, а также публикаций офиц. распоряжений, не имел успеха: его отличали «односторонность направления» (Любарский, с. 152), «бесцветность и неумелость в защите русских интересов» (Анучин, с. 341). Редакционные промахи, низкий уровень издания отмечались в центр. газетах (МВед. 1864, 6 дек.; «Голос», 1864, 25 нояб.). Сам П. связывал неудачи «Дневника» с жестким контролем Берга, препятст-

вовавшего. по его мнению, продвижению «русского дела» в Польше («К характеристике графа Берга» — ИВ, 1887, № 5). После доклада цензора Фукса о «Варшавском дневнике» (июнь 1870), в к-ром утверждалось, что эти издания «своею бестактностью и малолитературностью лишь компрометируют в крае рус. правительство и национальные интересы» (РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 61), должность директора была утрачена (см.е раньше — в марте — П. был выведен из цензуры).

Оказавшись не у дел, П. переехал в Вильну (1872) и был причислен к воен. мин-ву. Получив долгосрочный отпуск, последние годы жизни занимался изданием своих трудов, в числе к-рых обширная монография по истории Польши 2-й пол. 16—17 вв. «Польская анархия при Яне-Казимире и война за Украину» (составившая т. 1—3 его соч.; в рец. отмечалось основат. знание источников и ист. трудов — ВЕ, 1879, кн. 6); из готовившегося 8-томного собрания было выпущено 5 томов.

Др. произв.: очерк «Данил, король русский» (Холмский греко-униатский месяцеслов на 1869—71 гг., Варшава, 1869—71).

Изд.: Соч., т. 1—5, СПб., 1878—87.

Лит.: Пушкин (ук.); Грот и Платнев (ук.); Феоктистов (ук.); Павлович Л. Н., Восп. об А. С. Пушкине. Из семейной хроники, М., 1890 (ук.); Анучин Д. Г., Граф Ф. Ф. Берг, наместник в Царстве Польском (1863—1874), — РС, 1893, № 2; Любарский И. В., «Варшавский дневник» и первый его редактор. — ИВ, 1893, № 10; Сизоров А. А., Русские и рус. жизнь в Варшаве, в 2. Варшава, 1899, с. 103—106; Докучаевский В. А., Дневник ген.-майора, Рязань, 1903, с. 122, 128, 141, 148, 166, 198—99, 295, 390, 406 и др.; Письма О. С. Павловичей к мужу и опцу, 1831—1837. — «Пушкин и его современники», в. 15, СПб., 1911; перел. в кн.: Фамильные бумаги Пушкиных — Ганибалов, т. 2, СПб., 1994; Лернер Н. О., Рассказы о Пушкине, Л., 1929, с. 15—25, 27—28; Летописи ГИМ, кн. 5, Архив Опки Пушкина, М., 1939, с. 282—87; Орлова А. А., М. И. Глинка. Летопись жизни и творчества, М., 1952 (ук.); Глинка в восп. современников, М., 1955 (ук.); Korespondencja oalmicznikow Krolestwa Polskiego z 1861 roku — maj 1864. (Переписка наместников Королевства Польского 1861—1864 гг.), т. 1—4, Варшава, 1964—78 (ук.); ЛН, т. 16—18, с. 771—80, 790—801. † Некролог: ИВ, 1879, 11 дек. (Л. Н. Павлович?). Брошюры: РБС; Муратова (1, ук.); Черейский; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 221; РГБ, ф. 169, т. 72, № 61 (письма Д. А. Милотину); АРАН, ф. 100, оп. 1, № 34 (письмо Н. О. Сулозину); РГИА, ф. 958, оп. 1, д. 411 (письмо П. Д. Кюгельбу, 1825); ф. 385, оп. 4, д. 3201, ф. 776, оп. 4, д. 61 (биогр. мат-лы); РНБ, ф. 1020, тетр. XVIII (опечатанные и рукоп. изд. «Седмицы» за 1861, 1863).

Ю. И. Штакельберг.

ПАВЛОВ Алексей Андреевич [псевд. Алек. Москвичин; 1(13).2.1815, Москва — не ранее 1849], прозван. Отец — из семьи священника, выпускник Моск. ун-та, надзиратель в Моск. воспитат. доме; в год рождения сына — тит. сов. Обучался II в классах воспитат. дома.

В кон. 1831 подавал в цензуру рукопись альм. «Мента» (см. запись: ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 13, л. 113 об.),

в кон. 1832 — альм. «Отблеск» (там же, оп. 5, д. 79, л. 38), но они из печати не вышли. В нач. 1833 выпустил небольшой сб-к батальной поэзии «Стихотворения на Новый 1833 г.» (М.), где заявлял: «Петь славу, почести России —/ Родной, любезной стороны./ Как гордые ее сыны/ Хранят законы им святые./ Свершая дивные дела, —/ Вот Муза мне за что мила!» («Муза», с. 36). Газ. «Молва» Н. И. Надеждина откликнулась на сб.: «Стихи так плохи, так дурны, что не стоят критики» (1832, 30 дек.).

Летом 1833 впервые выехал за пределы Москвы — в приобремененном отцом поместье в д. Ужичево, недалеко от Касимова (Рязан. губ.), некогда принадлежавшего тат. князьям. Впечатления, полученные во время этой и последующих поездок, и предания, услышанные там, дали материал для мн. повестей и романов П.

В том же году поступил на словесное отделение Моск. ун-та, в 1834 перешел на нравственно-политическое, к-рое, по-видимому, не окончил. В годы учебы выпустил под псевд. Алек. Москвичин ист. ром. «Япанч. Татарский наездник, или Завоевание Казани царем Иоанном Грозным» (ч. 1—3, М., 1834; ч. р. 1-й ч. — сент. 1833) и сб. «Сцены современной жизни» (ч. 1—3, М., 1835; 2-е изд., М., 1865; иронич. отзыв — БЧ, 1835, т. 13; насмешливая реплика В. Г. Белинского — «Молва», 1835, № 46/47).

Гл. доводы для атрибуции книг П.: все рукописи позаны в цензуру как соч. А. Москвичина, а получили обратн. П. (ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, д. 88, л. 69, 124, 147); книги Москвичина и почти все книги П. печатались в одной и той же типографии; в «Япанче» (ч. 3, с. 139—142) и в кн. П. «Повести из событий рус. старин» (ч. 4, с. 73—78) помещена ода и та же востаня стикота, сказка про Сивку-Бурку; «оба» писали ист. романы на тат. материалах.

Если вторая книга, содержавшая бесцветные светские, неистово-романтич. и сатирич. повести и рассказы, прошла малозамеченной, то роман о Япанче имел большой успех у читателей. В нем повествовалось о судьбе тат. князя, полюбоившего рус. девушку, признавшего после ряда злоключений правоту православия, сменившего свою веру и даже перешедшего на службу рус. царю. Насыщенный действием и мелодраматичный по построению (наделенные всякими достоинствами возлюбленные неоднократно разлучаются происками злодеев вплоть до финала, где по их наветам Грозный предаст своего любимца Япанчу позорной смерти), роман вместе с тем проникнут идейно-эмоц. тенденцией, привлекавшей низового читателя, — сюжетный конфликт разрешают истинность православия и возможность смены вероисповедания. Положив в основу романа любовь представителей разных народов и религий (православия и мусульманства) и тесно увязав

взаимоотношения влюбленных с интересами гос. уровня (при несомненном приоритете над частными); П. превзошел классич. дубочный роман этого типа «Битва русских с кабардинцами» Н. И. Зрякова.

Книга многократно переиздавалась до кон. 19 в., причем нередко в сокращенном и без указания автора (см., напр.: «Япанча, татарский названник, или Страшная смерть без вины», М., 1875; С... в Япанча, татарский названник, или Покорение Казани, М., 1875). Позже выхледили подражания, использующие сюжет П.: Касиоров (Мани) И. Япанча, татарский названник, М., 1892. Голодостов К. Кизь Япанча, ликов татарский названник, СПб., 1905.

Идейный конфликт и мн. сюжетные ходы, заявленные в «Япанче...», П. использовал в др. своих произв.: «Брат Вячеслав, или Подземелье близ Касимова. Повесть XVI столетия» (ч. 1—3, М., 1836, подп. А. Павлов; отрицат. рец. — БлЧ, 1836, т. 19), «Рыцарь креста. Нек-рые черты из достопамятного года. Ист. роман» (ч. 1—2, М., 1840, подп. А. Павлов; о 1812, среди действующих лиц — Наполеон и Александр I, иронич. отзыв — БлЧ, 1840, т. 42), «Мстительница. Касимовская повесть» (М., 1837, подп. А. А. П.; атрибутируется, как и другие книги П., вышедшие под криптонимом А. А. П. или без подп., по архиву: ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, л. 720; отрицат. рец. — ЛПРИ, 1837, № 45).

Во 2-й пол. 30-х гг. выпустил еще неск. сборников рассказов, повестей и очерков: «Касимовские повести и предания» (ч. 1—4, М., 1836), «Вечер у моего соседа. Рассказы приятелей» (М., 1836; отрицат. рец. — ЛПРИ, 1837, № 21), а также ист. повести «Елена Волхова» (ч. 1—2, М., 1836), «Повести из событий рус. старины» (ч. 1—4, М., 1839, б. п.; отрицат. отзыв Белинского — III, 165—66) и ист. романы «Крамольники» (ч. 1—4, М., 1838, б. п.; «из времен Петра I»; отрицат. рец. — ЛПРИ, 1838, № 13; СП, 1838, 25 июня; Белинский, II, 391) и «Рус. богатырь» (М., 1837, подп. А. А. П.; отрицат. рец. — ЛПРИ, 1837, № 22).

Белинский относил книги П. к «произведениям „фризурной“ лит-ры толкачего рынка» (II, 391; фрнз — грубая, дешевая материя, шинели и капоты из нее носили сочинители книг для «низовой аудитории») и утверждал, что он «очень удачно идет по следам гг. Орловых, Кузьмичевых, Сивговых и прочей лит. братии этого разряда» (I, 375; ср.: III, 165—166; ср. также статьи А. А. Орлов, Ф. С. Кузичёв, Д. И. Сивгов). Др. рецензенты, отзываясь о книгах П., полагают, что в них «нет ни идеи, ни характера, ни описаний» (СП, 1838, 25 июня), и называли их «раздирательными» (БлЧ, 1840, т. 42, отд. VI, с. 2), находя в них черты подражания «пенстовой словесности» (прежде всего раннему О. де Бальзаку и

Ж. Жанену, роман к-рого «Мертвый осел и обезглавленная женщина», переведенный в 1831, стал очень популярным в России); «его повести страшны, его рассказы кровавы, в его преданиях бродят сумасшедшие» (БлЧ, 1836, т. 19, отд. VI, с. 6).

Однако влияние «пенстового романтизма» оставалось лишь внешним (да и то сказалось лишь в части произведений). Повести П. вполне благонамеренны, его идеал — преданность государю и верность в любви и супружестве, причем личное счастье он трактует как воздаяние за службу царю и отстаивание истинной веры. Как отмечал П. Н. Кудрявцев, «действующие лица [П.]... разделяются на два класса: одни — добродетельнейшие люди, с красотою душевною и телесною; другие — отчаянные злодеи, не знающие ни страха, ни совести; первые постоянно стремятся к добру, а последние — к злу и полагают первым беспрерывные препятствия... В конце же романа... добрые награждаются, а злые наказываются» (ОЗ, 1840, № 8, отд. VI, с. 36; б. п.).

В 1843 цензура запретила рукопись его ром. «Евдокия Лукьяновна Стрелищева, супруга царя Михаила Федоровича» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 1, д. 15, л. 78; рукопись: оп. 5, а. 304). Возможно, что П. принадлежат светские повести «А ведь жаль sei!» (БлЧ, 1849, т. 96; подп. Ал. Павлов) и «Безижка» (БлЧ, 1849, т. 97; подп. А. Павлов).

В 1842 в чине коллеж. рег. служил канц. чиновником в Моск. коммерч. суде, в 1848 в чине губ. секр. в канцелярии моск. гражд. губернатора (в 1850 там уже не числился). Имел собств. дом. Дальнейшая судьба неизвестна.

Изд.: Рыцарь креста. Романы. М., 1996 (3 романа).

Лит.: Нистрем К., Моск. адрес-календарь..., т. 2, М., 1842, с. 50; его же, Адрес-календарь жителей Москвы, 1848, ч. 1, М., 1848, с. 18; Рейтблат А. И., Библиограф и архивар агрибуция книг первой пол. XIX в. — «Сов. библиография», 1987, № 2, с. 45—46 (п. ошибочно назван Алзаром). А. И. Рейтблат.

ПАВЛОВ Андрей Павлович* (1795* — не ранее 1854**), автор драм, и этногр. сочинений. Из малорос. казаков («О ногайцах...», с. 3); выдавал себя за сына коллеж. секретаря. Служил канцеляристом. В 1819 сдал экзамен в Моск. губ. г-зии на право обучения рус. языку. Наб. раннее соч. — «Театральные правила» (1819), запрещено цензурой за отсутствие «смысла» и «выражения, оскорбляющие личность» (РГИА, ф. 777, оп. 1, д. 285). С 1820 учился в Моск. ун-те на словесном отд., в 1822 на службе в Межевой канцелярии, где получил разрешение слушать лекции в ун-те (окончил в 1823 действит. студентом). Печататься начал еще в студенч. годы: «Краткое обозрение Кавк. губ. уездного города Кизляра...» (М., 1822), одноактная пьеса «Отставка» (пер. с франц.: М., 1823). Пользовался покровительством изв. владельца крепостного те-

атра в Орле гр. С. М. Каменского. К-рого, в частности, ценил за «приверженность ко всему отечественному» — см. посвящение к одноактной комедии «Ложный мизантроп, или Нашла коса на камень» (М., 1824; Н. А. Полевой назвал ее «литературной диковинкой», а П. сравнил с Е. Ф. Ганиным — МТ, 1825, № 2, с. 150); сюжет пьесы составил спор на заклад — сумеет ли один из персонажей обмануть другого и тем самым доказать свое умственное превосходство. П. напечатал комедию, не исключив мест, выброшенных цензурой; когда это было замечено, часть тиража конфисковали. В том же году пытался поехать за границу «совершенствоваться в науках», не получив разрешения, обратился с прошением к Александру I.

В нем П. фактически требовал выпустить его: «я никому не должен, на меня никто не просит и я в судах дел не имею, да ежели бы и дозволили мне до того, то иметь не желаю, имея только в предмете, что в худшем для меня отечестве не буду оказывать мне притязания за похвалы, оказываемые правителям народов, героям, ослепавшим себя похвалами и приобретшим бесцельную славу в потемстве» (П. скорее всего имеет в виду гр. Каменского) — ГАРФ, ф. 109, оп. 229, д. 39, л. 210б. — 22).

За содержащиеся в прошении «дерзкие выражения» и нарушение ценз. порядков император приказал после двухмесячного ареста на гауптвахте выставить П. из Москвы под надзор полиции. В обшестве ходили слухи, что он сумасшедший (см. переписку А. И. Тургенева и П. А. Вяземского — ОА, III, 33, 36 и ОА, Прим. к т. 3, с. 414). Пробыв год в назначенном месте ссылки (Воронеж), скрылся, похитив паспорт у отставного поручика. В нач. 1827 пойман в Кизляре, где именовал себя подпоручиком Иваном Поповым, но был опознан как бегавший мешанин Анд. Пав. Косенко (видимо, подлинная фам. П.) и возвращен в Воронеж; «помидован за побег» на основании коронар. манифеста 1826.

В 1829, в ответ на очередное прошение, император разрешил ему поступить на службу, но только канцеляристом и «под строгим присмотром» (ГАРФ, ф. 109, оп. 229, д. 39, л. 19); П. определился в Воронежский советский суд, откуда вскоре уволился под предлогом поиска места. След. резолюция императора («Видно, что человек бесположный, велеть определить рядовым» — там же, л. 27) была наложена после доклада о намерении П. поступить на воен. службу в артиллерию (на что он прот. не имел). Однако в 1830 он поступил каноником в 21-ю арт. бригаду в Симлах, у. Тифлис, губ. Когда в 1831 в бригаду пришло распоряжение об отпуске его в Одессу, П. уже там не было, он находился в Минске, а потом в Кременчуге, что следует из его прошения 1831 в коллегию петерб. театров о доставке пьесы «Зима» (РГИА, ф. 497, оп. 1, д. 5477).

В 1832 П. вновь объявился в Москве, однако неск. лет, по-видимому, скрывался и печатался под криптонимом А. П.

Во время своих скитаний выпустил в Харьков написанную в студенч. времена комедию (с куплетами) в 1 д. «Два арестанта» (1829), в ос-

нове к-рой — сюжет с переодеванием (отрицат. рец. — СП, 1829, 26 окт.). В 1831 вышла драма в 1 д. «Зёма» (Минск, 1831), перенд. она под назв. «Американка» (М., 1832; прочит. отклик — «Молва», 1832, № 23) снова с посвящением Каменскому, где он благодарил его за финансовую и моральную поддержку во время ссылки и писал о себе, как о человеке, уже «отраженном от ядовитых стрел клеветы беспристрастным суждением внимательного к невинности Начальства, уверившегося в благородных мнх упражнениях, служащих к исправлению нравов людских...». В несусальной и архаичной, классицистской по характеру пьесе с чувствит., благородными или порочными героями (гл. из них — англичанин и индианка; действие разыгрывается на «малозвестном острове амер. архипелага») затрагивались вопросы равенства людей разных культур, верности, чести, осуждалось рабство. В дальнейшем выпускал короткие «нравственно-сатирич.» повести «для народа» («Жизнь и деяния Везнаева, со всеми достопамятными его происшествиями, или Горе без ума», М., 1834; 2-е изд. под назв. «Жизнь и деяния Вездесуева...», М., 1835; рец. — СП, 1835, 5 авг.; «Тяжка двух косых, или Не хвались шедши в суд, а хвались вышедши из суда», СПб., 1836; 2-е изд., Дертп, 1842) и для детей — «Подарок благодарным ученикам и ученицам... или Нравоучит. детские повести, служащие к образованию ума и сердца» (Минск, 1833; 2-е изд., М., 1834, — ряд эпизодов из дет. жизни, обыгрывающих негативные свойства ребенка: своенравие, трусость, лживость, насмешливость). «Назидат. правила для обучающегося юношества» (Вильно, 1847).

С 1837 П. служил домашним наставником в разл. городах остзейских (прибалтийских) губерний (к 1850 состоял в 12-м кл.; письмо Д. Н. Шереметову — РГИА, ф. 1088, оп. 1, д. 628). В 1841—45 выпустил 6 брошюр, написанных на основе своих поездок из Кизляра в Астрахань и объединенных подзаг. «Сочинение путешествовавшего по России с 1824 по 1835 год». Оно содержало подробное и весьма ценное этногр. описание образа жизни разл. народов юж. региона, демонстрирующее наблюдательность, осведомленность, а также неподдельную заинтересованность и простодушие автора, открытого в своих симпатиях «разноплеменным народам»: «нет ничего занимательнее», как узнать их «характер, привычки, склонности, вероисповедание» — «О азиатских народах, обитающих в юж. России» (СПб., 1841, предисл.), «О ногайцах, кочующих по Кизляр. степи» (СПб., 1842), «О калмыках, кочующих по

Астрахан. степи» (СПб., 1845). «Разговор с пустынноиком в хижине и о персиянах, водворившихся в Астрахани» (СПб., 1845), «О индийцах, водворившихся в Астрахани» (СПб., 1842), «О татарах, водворившихся в Астрахани» (СПб., 1845). Критикой они были оценены как «интересные по содержанию», но литературно неумелые (ОЗ, 1842, № 4, с. 46; см. также: ОЗ, 1842, № 2, 3). В 1845 собирався издать в Нарве «Геогр., статистич., ист. журнал Остзейских провинций», но не получил ценз. разрешения (РГИА, ф. 772, оп. 1, д. 1836).

Центурой были также запрещены в Москве в 1834 — нравственно-сатирич. повести «Каким образом черт на Нижегород. ярмарке напелал старообразну в бороду» и «О приказном Шечале, декаре Потрошил и о страстном Плутыиале» (ЦИАМ, ф. 31, оп. 4, л. 102; в Петербурге в 1850 — «Сб. нравственно полезных суждений и мыслей благочестивых мужей, для назидания юношества» (там же, л. 282); в Риге в 1831 — пов. «Деловой человек» (см.: Шухманский сб., в. 1, М., 1902, с. 325).

Др. произв.: «Выигрыш без расчета» (комедия; М., 1823), «Валерия, или Слепая» (М., 1835; пер. с франц. комедии Э. Скринба), «Извлечение из путевых записок» (СПб., 1838), «Нем. азбука, или Руководство научиться скоро складывать и читать по-немецки» (М., 1841), «Азбука для малолетних детей» (Дертп, 1842); сказки: «Спящая красавица», «Карлик-горбунок, учитель своего господина» (обе — СПб., 1842; отрицат. отклик: ОЗ, 1842, № 11); пов. «Коварство влюбленной женщины» (Митава, 1850; подпись А. П.; с пространным посвящением журналисту и правителю канцелярии курлянд. губернатора И. И. Делакура).

В ряде справочных изд. (РБС, Гениалн, Мяснов, Боград. ОЗ) прозв. П. приписаны чиншенику мор. или-ва Анд. Мих. Павлову (1794—1848), к-рому принадлежат, по-видимому, ил. «Описание Свято-Троицкой Александро-Нев. лавры...» (СПб., 1842) и «Ист. описание славяни Новгородской...» (СПб., 1848), подписанные: «5-го класса Андрей Павлов».

Лит.: Белинский, I, 208, 373; Пастернак, II, 244; Луначово И. П., Рус. нар. сказки в творчестве писателей 1-й пол. XIX в., Петроградск. 1959, с. 305; Рус. анонимные и полуполитич. псевдонимы прозв. печати, в. 1—3, Л., 1977—79.

Архивы: ЦИАМ, ф. 418, оп. 117, л. 364^а; оп. 119, д. 7; оп. 123, л. 105 (стужев. дела П.); ф. 31, оп. 4, л. 81 (рукописи, запрещенные цензурой); РГИА, ф. 777, оп. 5, д. 34^а (рукопись П. «О азиянках...», поступившая в цензуру в 1854); оп. 1, д. 909, 1133 (об изданиях соч. П.); ф. 1286, оп. 4, л. 421 («...дозволение вступить в стат. службу», 1828); ф. 1075, оп. 1, л. 662 (письмо А. И. Философову 1845 г.); [справка В. М. Лутановой]; РГБ, ф. 41, к. 116, л. 48 (письмо К. Я. Булгакову). А. И. Федоткин

ПАВЛОВ Ипполит Николаевич [28.1(9.2).1839, Москва — 23.8(4.9).1882, там же], критик, переводчик. Единств. сын К. К. Павловой и Н. Ф. Павлова, он вспоминал в конце жизни, что в детстве «шагу не мог... ступить без присмотра», но «на деле... был предоставлен самому себе» (по-разному сложены сложные отношения между родителями), только бабушка.

мать К. К. Павловой, уделяла ему много внимания («Из моих восп.» — РО, 1896, № 4, с. 888). Первонач. образование П. получил дома, сначала в Москве, потом в Дерпте, куда перешел с матерью в 1853. Неудовольный воспитанием сына, Н. Ф. Павлов писал С. П. Шевыреву в 1853: «Надеюсь, что его счастливая организация выйдет невредима из крута нелепостей, в к-рых он вращается и к-рые понимает... Надеюсь, что он своими усилиями и настояниями успеет водворить здравый смысл в свое воспитание» (там же). Как сообщал Т. Н. Грановский, П. усиленно занимается в это время, собираясь поступать в Моск. ун-т: «Жаль было бы уступить его Дерпту» (из письма Н. Ф. Павлова, там же, с. 215). В февр. 1854 П. вернулся в Москву, в авг. 1855 поступил на ист.-филол. ф-т Моск. ун-та. Уже на первом курсе его «письм. упражнением» были отмечены среди лучших (Отчет о состоянии и действиях имп. Моск. ун-та за 1855—1856 академ. годы, М., 1857, с. 10). Судя по восп. П. (др. свидетельства не обнаружены), в 1857, будучи студентом, он ездил в Америку: «Я думал здесь остаться, найти средства существования. Детская попытка и детские мысли!» (РО, 1896, № 4, с. 892). По окончании ун-та (1859, со степенной кандидатом) поступил помощником столоначальника в Моск. Гл. архив Мин-ва иностр. дел (с 1860 коллеж. секр.), в 1861 (после отпуска) по «представлению мел. свидетельства на службу не явился» (РГАДА, ф. 180; оп. 9, д. 72).

После смерти отца П. намеревался взять на себя издание начатой Н. Ф. Павловым газеты «Рус. ведомости», пытаясь поправить ее финансовое положение. Н. А. Мельгунов сообщал М. П. Погодину в 1863: «...он хлопотет добыть денег всячески... Искал занять в Петербурге... но не удалось. Теперь... он едет опять в Рязань(скую) деревню собирать оброк, к-рый без него не собирается как следует» (РГБ, ф. 231/II, к. 20, № 89, л. 14—14 об.). Хотя в течение полутора лет П. подписывал газету как издатель, делами он не распоряжался и газету в итоге пришлось продать (РВБТ. Сб., с. 6, 16, 17).

Начало 1860-х гг. — перемесный период в жизни П.: он то жил в Москве, то надолго уезжал в деревню, пытаясь найти дело, к-рое могло бы его обеспечить. В 1860 он послал не дошедший до нас очерк К. Н. Бестужеву-Рюмину, бывшему учителю и другу, с просьбой напечатать в Петербурге без указания имени автора. В это время П. не раз обращался к нему в поисках переводов и любой другой лит. работы: «...есть у меня потребность побеседовать хоть изредка о чем-нибудь другом, кроме прощентов, порубок и выкупа; писать

хоть от времени до времени что-нибудь кроме официальных отношений, условий и контрактов» (неапатрированное письмо нач. 1860-х гг. — ИРЛИ, 24954, CZXXX 6 45, л. 4). Однако П. недаром славился в кругу друзей ленью, и лит. труд не мог его прокормить. В 1864 Мельгунов писал Погодину: «Ипполит — матый, очевидно, честный и смелый, но лень писать непроходимо» (РГБ, ф. 231/11, к. 20, № 89, л. 14 об.). В 1866 П., судя по его переписке, пережил кризис: «я ... убедился ... что жить, как я жил, нельзя и делать, что я делал, не следует» (письмо К. Н. Бестужеву-Рюмину от 2 апр. 1867 — ИРЛИ, 24954, CZXXX 6 45, л. 8 об.). Тогда же, решив заняться преподаванием, служил учителем рус. языка и словесности в моск. г-зиях (с 1867 — в 4-й, с 1870 — во 2-й), в 1869—72 и в 1876—77 — в Лицее цесаревича Николая (основанном М. Н. Катковым), в 1874—75 учитель франц. и рус. языков в имп. Николаевском сиротском ин-те и на Публичных жен. курсах.

Уроки «рус. языка» П. посвящал изучению поэтики и риторики, анализу классич. произведений, чтению летописей, обучению декламации, а также «письм. переводам древних поэтов ... требуя возможно тщательной лит. отделки рус. языка» (см.: Календарь Лицея цесаревича Николая на 1871—1872 уч. год. М., 1871, с. 102—12; Календарь Лицея цесаревича Николая на 1872—1873 уч. год. М., с. 103—20, 186, 191). Обучающий эффект лит. перевода П. обосновал в своих пед. статьях, в к-рых доказывал, что «обязанность школы» — сделать учеников, «способными воспринимать впечатления иск-ва» («О преподавании рус. языка и словесности» — РВ, 1877, № 1; 1879, № 10), а задача школы — «учить учиться»: школа «не берется излагать науку, а указывает и открывает к ней путь» («Новости лит-ры» — РВ, 1882, № 7, с. 412). О П. сохранились воспоминания как об «исключит. преподавателе словесности, умевшем воодушевить своих учеников ... Его уроков воспитанники ждали как праздника ... Благодаря колоссальной своей памяти он знал всех наших поэтов наизусть» [Ист. записка имп. Лицея в память цесаревича Николая ... за 30 лет. (1868—1898). М., 1899, с. 567].

В 1870-е гг. входил в редакцию «Рус. вестника» и регулярно выступал на его страницах (под псевдонимом И. П.) с рецензиями, обзорами, лит.-критич. очерками, среди к-рых выделяется статья о А. К. Толстом «Забываемый поэт-современник» (1878, № 12); вошла в изд.: А. К. Толстой. Его жизнь и соч. Сб. ист.-лит. статей. М., 1904 (3-е изд. — 1912; сост. В. Покровский). Утвер-

ждая, что «стремление к цели недостижимой» вполне составляет сущность иск-ва и что «красота» должна быть «неразлучна с правдой и добром» (с. 613, 640), П. вступал в несколько запоздалый, но горячий спор с утилитарной критикой. Задачу критики — ст. «Литература и критика» — он видел лишь в высшем эстетич. суде, свободном от «вкуса времени» и «господствующих предрассудков» (РВ, 1876, № 2, с. 882). Однако в редакции «Рус. вестника» П. чувствовал себя крайне стесненным: «Ничего не допросишься, ничего не добьешься, ничего никому не втолкуешь. Единственно, что можно тут делать с нек-рым, и то лишь нек-рым успехом, это выписки из газет для почты ... я твердо решил, не отказываясь совсем от лит. работы, заняться сидельцем в какую-нибудь лавку» (неапатрированное письмо к О. А. Новиковой — РГБ, ф. 126, к. 3323, № 26, л. 6 об. — 7).

В 1878—79 П. заведовал ред. «Известий Моск. гор. думы». В 1879 он получил разрешение на издание «литературного, критического, научного еженедельного журнала» «Крутозор», программа к-рого предполагала противодействие «искусству, развращающему нервы, развращающему воображение»: «... разъяснить ошибки, выдвинуть вперед хорошее, случайно или намеренно отодвинутое назад ... — вот наша задача» («От редакции» — 1880, № 1). Туманная программа и отсутствие денежных средств привели к скорому краху издания (вышло всего 20 номеров). П. много писал сам, заполняя журнал анонимными рецензиями на учебники, хрестоматии, новинки пед. лит-ры, а также лит.-критич. статьи.

С 1880 П. стал работать «по отделу критики» в редакции газеты И. С. Аксакова «Русь» (письмо И. С. Аксакова к О. А. Новиковой от 22 ноября (1880) — РГБ, ф. 126, к. 8337-а, № 5, л. 31 об.). Его наиб. заметное выступление в газете — развернутая рец. на роман «Братья Карамазовы», где он упрекал Ф. М. Достоевского в любовании пороком: «Мы видим только патологич. явления ... Мы не видим здоровья в романе Ф. М. Достоевского» (1880, 29 нояб.).

Как переводчик П. несколько лет работал над «Фаустом» И. В. Гёте: он напечатал ряд разрозненных фрагментов в периодике (РВ, 1867, № 3; 1873, № 3; 1874, № 2), а затем собрал их, так и не подготовив полного перевода, в отд. изд. (М., 1875). В 1880 в «Крутозоре» (№ 14) напечатал фрагмент «Посвящение Фауста».

Др. произв.: «Русская хрестоматия для переводов на франц. и нем. языки в высших классах средне-учебных заведений» (М., 1873, в соавторстве с В. Я. Стоюниным), «Судьи поэта»

(РВ, 1876, № 8), «Лорд Бэконсфильд как литератор» (там же, 1878, № 9).

Лит.: Барсуков; Верховский Ю., Борятский. П., 1916; Гулевич С. В. Ист. зап. о 50-лети Моск. 2-й г-зии. 1835—85. М., 1885, с. 222—23; Соколов Д. А., 30-летие Моск. 4-й г-зии (1849—1899). М., 1899; Давыдов Н. В., Из прошлого. М., 1914, с. 69. + Некрологи. 1882: МВед., 24 авг., «Русь», № 35 (ошибочно утверждается, что П. выступал под псевд. Н. Бинши. Директор Лицея Н. М. Павлову РБС: Брокгауз: Языков; Муратов (1; ук.); Маслова.

Архивы: ШИМ, ф. 418, оп. 24, л. 186 (студент. дело, в т. ч. м. с.), оп. 28, л. 568, л. 118 (дело о выдаче аттестатов) (справка В. В. Александровой); РГАДА, ф. 180, оп. 9, л. 57 и 72 (ф. с. 1859 и 1861) (справка С. Р. Долговой).
О. Е. Майорова

ПАВЛОВ Михаил Григорьевич [1(12).11.1792, г. Елец Орлов. наместничества? — 9(21)***.4.1840, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], литератор; философ; физик, агробиолог. Отец Н. М. Павлова и Ф. М. Павлова (см. ниже). Из духовного звания (сын священника); в 1830 внесен (с семейством) в дворян.

родословную книгу. В 1811 окончил Воронеж. духовную семинарию, где обучался богослов. и филос. наукам, красноречию, греч., лат., франц. («весьма хорошо») и нем. языкам. Уволился из духовного звания и поступил в Харьков. ун-т (по ф. с. в 1812; в то время там преподавал Йенский проф. философии И. Б. Шал); через год «по собств. прошению» переведен в моск. Медико-хирургич. акад., а в 1814 на мед. отд. Моск. ун-та. Одновременно учился на физико-матем. отд., окончил кандидатом в 1815; награжден сереб. и зол. медалью соответственно по мед. и матем. отделениям, оставлен при ун-те. В марте 1816 «определен к ун-тскому музею» — кабинету естество. истории; в 1818 защитил дис. «О питании человек. плода» (опубл. на лат. яз.; М., 1818), получил степень д-ра медицины (май 1818). Тогда же был отправлен в Германию «для усовершенствования себя по части натуральной истории и сел. домоводства» (по предложению кн.

Д. В. Голицына, моск. ген.-губернатора и основателя Моск. об-ва сел. хоз-ва, и в дальнейшем покровительствовавшего П.), где слушал лекции знаменитого агронома А. Д. Тэера. Ревностным последователем к-рого П. оставался всю жизнь, «затем путешествовал по Европе» (Маслов, с. 36), увлекся философией Ф. Шеллинга, прослушал курс его лекций и, по всей вероятности, Л. Окена.

По возвращении в Москву в 1820 (ф. с. — июнь 1821) был утвержден экстраординарным проф. кафедры минералогии и сел. домоводства Моск. ун-та, с 1824 ординарным проф. Оставался в ун-те до кон. жизни, читал лекции по сел. хоз-ву, физике (в 1827—36), технологии, лесоводству. Состоял чл. ун-тского Училищного к-та, К-та для испытания гражд. чиновников и мн. комиссий, чл.-к. Ученого к-та Мин-ва гос. имущества. Был визитатором училищ в Тамбов, и Воронеж. губ., Новгород, и Твер. г-зии, Петерб. ун-та и др. уч. заведений, а также вместе со своим другом и сослуживцем Н. И. Надеждиным инспектировал моск. гимназии, уездные и приходские уч-ща. «подробно вникая в преподавание всех предметов» и матер. положение учителей (Полов Н. А., Н. И. Надеждина на службе в Моск. ун-те. — ЖМНП, 1880, № 1, с. 37—40). П. был также учителем, наставником и инспектором (1826—30) Благородного пансиона при Моск. ун-те. В 1820-е гг. П. преподавал и был первым назывателем в Моск. Воспитат. доме (МВед. 1829, 13 февр., с. 61); в 1824 надворный, в 1831 коллеж. сов.; неоднократно награждался орденами, дослужился до стат. сов. (1835).

В историю рус. культуры П. вошел как проводник учения Шеллинга, прежде всего его (и Окена) натурфилософии и философии тождества. Его лекции по сел. хоз-ву и физике, в к-рых он преим. говорил о методах познания и «силах» природы, по существу заменяли философию (се преподавание в Моск. ун-те в то время было фактически запрещено; печатно П., «страха ради иудейска», на Шеллинга почти не ссылался — М. А. Дмитриев: НЛО, 1992, № 1, с. 216). Лекции П., излагающие творчески переработанное учение Шеллинга (об этом, в частности, см.: Каменский; 1980, с. 274, 283, 287), были с энтузиазмом восприняты моск. студенчеством, не приготовленным к отвлеч. мышлению.

Влияние П. испытали мн. известные в будущем студенты-словесники (один из курсов П. был для них обязательным) и питомцы Благ. пансиона, позднее сказавшиеся в их эстетич. и критич. работах: Д. В. Веневитинов, В. Ф. Одоевский (влияние на него П., в отличие от др. моск. «шел-

лингиста» И. И. Давидова, не поддается биогр. реконструкции и потому не вполне определено), С. П. Шевырев, М. П. Погодин, В. П. Титов и др. члены Общества любознания, Надеждин, В. П. Андреев, через него — Н. А. Полевой (см.: Полевой, Мат-лы, с. 146—47) — поколение 1820-х гг. и «молодое» поколение 1830-х: А. Д. Галахов, А. И. Гершен, Н. В. Станкевич и члены их кружков, в т. ч. М. Н. Катков, опосредованно — В. Г. Белинский. [Станкевич жил в «семействе» П., а Катков окончил его пансион, основ. после закрытия в 1830 Ун-тского благородного пансиона, см. его брошюру: «Благородный пансион проф. Павлова». (М., 1831); о характере преподавания в пансионе (среди учителей — Погодин) с одобрением отзывался С. Т. Аксаков («Молва», 1832, 14 июня, 1 июля; выдержки — Машинский, с. 189—90).]

«Шеллингова философия была привезена в Моск. университет знаменитым проф. М. Г. Павловым и очаровала тогда всю утешуюсь молодежь», «архивные юноши... цвет моск. общества» (помимо упомянутых выше любознателей — бр. Киреевские, А. С. Хомяков, Н. А. Мельгунов, А. И. Кошелев, И. С. Мальцов и др.) — все «находились под сильным впечатлением лекций проф. Павлова» (Погодин, I, 203, 302); он первым привлек интерес к «философии германской» (глубокой, «темнословной» и идеалистической) на фоне традиционно-авторитетной в России франц. философии и теории словесности.

Более ранним проповедником идей Шеллинга был петерб. проф. физиологии Д. М. Велланский, в течение 30 лет оставивший, однако, «члассом вопиющего в утешью» (из его письма к П., 1834 — в кн.: Бобрлов, Философия, в. 2, с. 225—28). По восп. Шевырева, П. внес «музические философии Шеллинговой» в область естествознания и «озарил (с) новыми блестящими (Шевырев Ст., История инт. Моск. ун-та, М., 1855, с. 451—52). Не всегда «уместный» в наст. конкр. областях науки умерит. подход возбуждал серьезные увлеч. интерес, формировал способность к самостоят. науч. и филос. мышлению («... логические стремления профессора действовали сильно на умы юношества и приносили пользу в систематич. построении наук», там же, с. 452). Гершен так вспоминал о П. в «Былом и духах»: «Павлов стоял в верях финико-матем. отделения и останавливал студентов вопросом: „Ты хочешь знать природу? Но что такое природа? что такое знать?“» (Гершен, IX, 16—17).

Лекции и филос.-эстетич. статьи П. (см. ниже), в особенности «О способах исследования природы», повлияли не только на духовно-интеллектуальные искания рус. шеллингианцев-гуманитариев, но и на естествоно-науч. труды будущих ун-тских профессоров: М. А. Максимовича, биолога К. Ф. Рулье, геолога Г. Е. Щуровского. В 1822 П. избран действит. членом ОЛРС при Моск. ун-те. Необыкновен. ясность, личность, «вразумительность», а вместе с тем увлекательность, без патетич. крас-

норечия, и «пластичность» изложения отмечали мн. слушатели, «стеклавшиеся» на его лекции со всех ф-тов.

См. об этом: Максимович («Москва», 1856, № 3, с. 226; там же письмо Надеждина от 16 июня 1840, адресов. Максимовичу, о смерти П., с. 232). Гершен (IX, 37), Я. И. Костяцкий («Передо мною открылся новый мир идей», «новый взгляд на науки» — РА, 1887, кн. I, с. 229), А. Д. Галахов («Пальма первенства по интересу преподавания бесспорно принадлежала Павлову», «самому талантливому истолкователю натурфилософии Шеллинга и Окена», с. 195, 191—92), А. Е. Студитский («Москва», 1845, № 3), В. И. Оболенский (Изд. об-ва археологич. истории и этнографич. т. 24, в. 34, Каз., 1929, с. 183) и др. (подробнее см.: Бобрлов, Философия..., в. 4).

Уже в своей 1-й «доэатранничной» публ. «О пустоте в Природе» (ВЕ, 1817, № 5) П. выступал, как и во всех своих естествоно-науч. работах, против «атомистич.», в защиту динамич. системы, первоосновности «сил», а не «вещи» и даже утверждал, что материя делима до бесконечности (с. 9) (см. также ст. «О поллярно-атомич. теории химии» — ж. «Новый магазин естеств. истории, физики, химии...», 1821, ч. 2, № 3—4); против эмпиризма были направлены и позднейшие статьи П. (во 2-м томе «Оснований физики» он говорил об «усилии отвлечься от вещества» как своего рода тенденции бытия и познания природы, с. 357). Но, пожалуй, гл. приложением его жизни было сел. хоз-во.

Вступившись из-за границ, он прозел первую публ. лекцию, имевшую огромный успех, «О главных естествах сел. хоз-ва с приращением к России...» (М., 1821), в 1823 — «Речь о побудит. причинах совершенствовать сел. хоз-во в России преим. пера др. отраслей нар. промышленности...» (М.). В них и в своих фундаментальных трудах в этой области — «Земледельческая химия» (М., 1825), «Курс сельского хоз-ва» (т. 1—2, М., 1827; не окончен; предположительно 5 тт.; отрицат. рец.: СП, 1838, 5 февр.; рец. негативная — Бах, 1838, т. 26, кн. 1, О. И. Сидневский: «традициональное, умерит. земледелие», с. 26; в целом одобрит. — ЛПРИ, 1838, 5 марта), в издаваемых П. «Записках для сел. хоз-ва, заводчиков и фабрикантов» (М., 1829—30; прил. к ж. «Атеист»), ж. «Рус. земледелие» (М., 1838—39), где П. много печатался, он призывал внести науку в сел. хоз-во и само земледелие рассматривать как науку, как прокладные общих законов и мировых идей, постижение к-рых и прислужат к наст. «опытному» знанию.

Ссылаясь на опыт заруб. ученых, приводя сравнит. данные о конкретных применениях в разл. областях сел. хоз-ва в России и за границей, П. особо подчеркивал необходимость учитывать «печать местности», выступал, напр., против господства одной трехпольной системы, истощающей «плодоносие земли», за «плодопеременную».

«Основателем науки земледелия в нашем отечестве» назвал П., представляя его в 1838 к зол. медали от Об-ва сел. хоз-ва (П. был одним из учредителей об-ва, 1820), Д. Голицын; наука в его трудах «изложена... с такой ясностью, что самые маловерные не могут не покориться истине, здесь предложенным» (Мас-

лов, с. 130, 129). По мнению же Сенковского, «и самый опытный хозяин согласится бы [по прочтении соч. П. — *Ред.*], что сел. хозяйство несравненно мудренее египетских иероглифов» (БЗЧ, 1838, т. 26, кн. 2, с. 84). П. был и неутомимым хвостом его лени ходило «множество анекдотов») практиком сел. хоз-ва, и педагогом, подготавливавшим преподавателей агрономии для провинции России; дир. моск. Земледельч. школы с года ее основания (1823—38; в ней преподавали Андросов и Максимович, 1824—28). П. заведовал также Опытным хутором, где с учениками испытывал новые методы ведения хоз-ва (об отвлеч. характере его преподавания вспоминает Я. А. Линовский — «Москв.», 1845, ч. 2, № 3, с. 18—21, 31—32). В 1830 П. опубликовал (анонимно) негативную рец. на пер. соч. Тэера («Разговор о новом переводе Тэера» — «Газетая», № 30), во многом проинктованную, как и др. полемички П. с оппонентами, личной заветностью.

Совмещая науч., преподават. и учено-практич. деятельность (по многосторонности интересов, а отчасти и по обстоятельствам: П. был дважды женат и имел многочисл. семейство: трое детей от 1-го брака и семь от 2-го), П. оставался предан Моск. ун-ту: «Берегите пуше всего идею университета», — гласит Павлов (Погодин, II, 153). Ближе др. профессоров ему были Надеждин, Максимович (хранивший портрет П. в своем доме на Украине; см. также: Соколова, с. 53—54). Погодин (в разное время), он общался также с Мельгуновым, С. Т. Аксаковым (сблизился в кон. 1820-х — нач. 1830-х гг., посещал его субботы) и литераторами его круга. В 1832 в числе др. профессоров был приглашен на обед к С. С. Уварову, где присутствовал А. С. Пушкин (см.: Курранты. Ист.-краеведч. альм., в. 1, М., 1983, с. 159—160, ст. С. Романюка). С ун-тским преподаванием связана история с анонимной сатирой на моск. профессоров (в числе других пародировался и П.) «О царе Горохе...» (М., 1834) (подробнее см. в ст. *Лебедев К. Н.*).

Из лит.-филос. и филос.-эстетич. соч. П. выделяется обширная ст. «О способах исследования природы», опублик. в альм. В. Одоевского и В. К. Кухельбекера «Мнемозина» (М., 1825, ч. 4; подпис П. П.). П. излагает здесь основы «общей теории природы», исследует филос. категории вещества, формы, идеального, идеи, к-рая есть форма в возможности, внутр. модель развития явления. Познание природы означает познание истины, заключающейся, по П., в «сходстве понятий с познаваемым предметом»; овладение истиной неотделимо от «стремления духа» к

«высокому назначению» (с. 9, 8). К работам этого рода примыкают статьи (опубл. в издаваемом им ж. «Атеней») «О взаимном отношении сведений умозрительных и опытных» — в форме диалог. «разговора» (1828, № 1—2; П. рассматривает словесность как «проявление бесконечного в конечном» и традиционно выделяет три гл. идеи: «идея истины, идея блага и идея лепоты», с. 7—9), «Различие между изящными иск-вами и науками» (1828, № 5) определяющая изящные иск-ва как «особый мир», «новую природу»: «В науках предметы обращаются в мысли, в иск-вах мысли делаются предметами», иск-вами идеальное «вводятся в сферу действительную» (с. 8, 11); те же идеи развиты в напечатанных в «Телескопе» статьях «Философический взгляд на холеру» (1831, № 11; П. был чл. Комиссии для охранения ун-та от холеры, сент. 1830—1831), «Достоинство идеализма в нравств. образовании человека» (1832, № 1) и «Общий чертез наук» (ОЗ, 1839, № 11, включающей словесные) — первый в рус. лит-ре опыт классификации наук по двум основаниям: предмет и способ познания.

Ст. «О взаимном отношении...» и «Различие...» вызвали резкую критику «Моск. телеграфа» (подпись Ф. Ф. Ф. (Н. Полевой), *Разговор о философии «Афеней», 1828, № 6*), упрекающую П. в своего рода отступничестве — признании значимости «опытного» знания: «философия без наук невозможна» («Атеней», 1828, № 2, с. 18), противоречиях и заимствовании мыслей «у неоплатоника Алкиноя». В действительности резкость полемики объяснялась тем, что П. задел любителей, а значит шеллингианцев, к которым относил себя и Полевою. П., уязвленный тем, что шеллингианство («новое любомудрие») стало модой, полемически обвинил «лит. юношей» в неосновательности знаний и самонадеянности. Еще резче он сказал об этом в «Ответе... Моск. телеграфу» («Атеней», 1828, № 11): «пшеставие шеголять философич. терминами» (с. 335; подробнее см.: Сакулдин; ср. более справедливое заключение об эволюции П. в кн.: Каменский, 1980, с. 258, 262).

Нападкам со стороны «Моск. телеграфа» подверглись и статьи П. в «Атенее» о физике (1828, № 6, 7; др. его статьи на эту тему — там же, 1830, № 9, 10): «О физике Афеней» (МТ, 1828, № 7 — подпись М. М.; см. также: МТ, 1828, № 10: «Комментарии на возражения Афеней» — подпись М. М.); рец. эти бесперспективные по форме (обширные П. едва ли не в платяте натурфилософии Шеллинга), но содержат. по части упреков в игнорировании в физике П. «прикладной математики и др. точных наук (приписываемых Максимовичу — Шпегел, с. 301: в «Ибр. произв. рус. естествоиспытателей» перепеч. под его именем), принадлежали самому Н. Полевому (см. «К истории телеграфа...» — РС, 1867, № 11, отзывы Полевого моск. ценз. к-ту по поводу «насклиных суждений о трудах ун-тских профессоров», с. 483—84). П., в свою

очередь, говорил о «телеграфном любомудрии», отсылая на личные выпады против него уже ж-ла «Сми отечества и Сев. архив» (1829, № 17): «Атеней» (1828, № 9. «Разговор», б. п.).

П. был издателем ж. «Атеней» (М., 1828 — сент. 1830; последний год выходил нерегулярно; цензор С. Аксаков, «Атеней», журнал учено-лит. направления, помешал статьи и разыскания по истории, др. рус. поэзии и фольклору, вост. лит-ре (обозр. «вост.» тр. — 1828, № 10—12), математике, астрономии, географии, статистике, экономике, сел. хоз-ву и др. наукам. Состав авторов преим. профессорский (Надеждин, Д. М. и В. М. Перевощиковы, И. М. Снегирев, А. М. Кубарев, Д. Н. Дубенский, А. З. Зиновьев), Андросов (в т. ч. полемич. критика речи Н. Полевого «О невеществе капитала» — 1828, № 14/15), И. И. Сретенский. Лит-ру и критику представляли в осн. литераторы из окружения С. Аксакова: А. А. Шаховской, М. Н. Загоскин, А. И. Писарев и М. А. Дмитриев (зав. критич. отделом), полемич. статьи к-рого вместе с нападками (в 1-м номере) на романтиков («О направлении поэзии в наше время» и «Письмо к издателю от незнакомого», подписи Х и Новизнин, вероятно авторство Надеждина, опубликованного в ж-ле фрагмент своей диссертации) создали поначалу «Атенее» репутацию в пзв. смысле консервативного ж-ла (О. М. Сомов — СЦ на 1829 г., 1828, с. 26; СЦ на 1830 г., 1829, с. 32, оба — СПб; СО и СА, 1829, № 17, 22, 25), скорректированную после появления ст. Максимовича в защиту пушкинской «Полтавы» (1829, № 11).

Разлет оригин. прозы не был сильной стороной ж-ла (описанье добрых провинц. нравов у А. М. Полторацкого, нравоучит.-эстетич. пов. В. Оболенского. Из поэтов печатался Шварц, С. Е. Рач, А. Г. Ротчев, Тришунин (см.: Колупанов, с. 476—80).

Наиб. интересными в журнале (не имевшем «твердого символа критич. веры»: редактор, по-видимому, считал его «лишним для своей учености и филос. мысли» — И в а н о в И. И., История рус. критики — МБ, 1897, № 9, с. 157; подробнее о позиции «Атеней» см.: З а м о т н и н) были науч. и популярные статьи по различным областям знаний, ориентиров., в частности, на совр. достижения Европы: о дом. и учебном воспитании (в т. ч. из книг А. Г. Нимайера, 1828, № 5; его некролог — 1829, № 16), дет. колонии в Германии, «финансах» в Великобритании, страховых об-вах во Франции, учебных об-вах в Нидерландах и т. п. Среди переводов — писатели «романтич. школы» В. Ирвинг, Ф. Купер, Л. Тих (1830, № 19/20; о нем — 1828, № 7); журнал публиковал также «сообщения» о трудах И. Г. Гердера (1828, № 6), Ф. Гизо, А. Гумбольдта, пост. трагедии Ф. Грильпарьера (1829,

№ 14/15), «извлечения из путешествий» по странам Востока.

При том, что П. не был «сообщителем» и «делится» со студентами «своею мыслию... только в ученой форме лекции» (Анненков, с. 37), он «замчал» своих учеников (напр., М. Ю. Лермонтова в Училище благородного пансиона) и способствовал их вхождению в лит-ру: первые опыты Лермонтова, Станкевича, Герцена появились в «Атенее».

Не отличавшийся занимательностью и не открывший новых имен, «Атеней» занял свою нишу «профессорского» журнала в рус. журналистике. Выразившаяся в послании «А. Н. Вульффу» (1828) Н. М. Языкова едкая характеристика ж-ла («Журнал казенно-философский... Благонамеренный московский») [намеки на петерб. ж. «Благонамеренный» — *Ред.*] (см.: Пушкин. Письма, II, 376; ср. окончат. вариант Языкова в Н. М., Стих. и поэмы, Л., 1988, БПбс, с. 223, 538—39) не отменяла в глазах современников его лит.-ученой серьезности и «чистоты». По свидетельству Надеждина, только «при чтении его одного позволялось обходиться без перчаток» (цит. по: Иванов, ук. соч., с. 133; см. также с. 157—58); «погибавшие в борьбе с равнодушными публицистами профессорские журналы — „Вест. Европы“, „Атеней“, „Моск. вест.“ всегда гордились тем, что они не унижаются до угождения женам подписчиков» (С. А. Венгерова — в кн. под его ред. и с прим.: Беллинский В. Г., ПСС, т. 1, СПб., 1900, с. 403).

В 1830-е гг. П. — активный сотрудник надеждинского ж. «Телескоп», помимо указанных он публикует в нем статьи по сел. хоз-ву (1836, № 1, 16) и фрагменты из своей «Физики» («Свет и тяжесть как осн. силы физич. мира», «Теория вещества, света и тяжести» — 1831, № 3; 1832, № 11; см. также: 1833, № 8; 1836, № 6, 9). В 1833 вышли «Основания физики» (т. 1, М., 1833; т. 2, М., 1836), вызвавшие жесткую критику приверженцев механистич. теории (Э. Х. Ленца в «Дерптских уч. зап.», 1834, неизв. автора из Ярославля — МН, 1836, ч. 9, окт., кн. I, подпись См.), на к-рую П. поместил антикритику («Телескоп», 1834, № 9; ЛПРИ, 1837, 17 апр. — «О неуместности математич. в физике... Письмо к Д. М. Княжевичу»). Высокую оценку физике П. дал Максимович (СП, 1833, 14 сент.) (подробнее о полемике см.: Камарский, 1980, с. 246—52).

В высшей степени хвалебными статьями откликнулся на выход обоих томов «Оснований физики» Надеждин, видевший заслугу П. в «архитектонич. целостности» его труда, принципе «системного единства» (вместо «хаотич. крохоборства»), намерении «внести живое органич. единство» в хаос «эмпирич. сведений»; «система

Павлова отличается самым стройным порядком, самой строгой последовательностью», это «блистательный образец логической художественности» («Телескоп», 1833, № 9, с. 104, 107, 111; там же, 1836, № 12, с. 555, 576).

«Самостоятельность во мнениях и поступках, смелость в предприятях», «раздражительный» от природы ум составляли «отличит. черты личности П. (Сл. профессоров Моск. ун-та, с. 185). «Зная себе цену и обладая значит. самолюбием, он... не скрывал своего пренебрежения ни к обветшавшим ученым, ни еще более к тем, которые и никогда не были учеными» (Галахов, с. 192). О «недружелюбии» к нему мн. профессоров и «старых ученых» упоминал тот же Галахов и Кс. Полевой (Полевой, Мат-лы, с. 146; о следах этих разногласий см. также: Погодин, IV, 144, 210).

Отказавшись в последние годы жизни от заведения Олытинского ун-та, П. собирался устроить «на собств. иждивении» Земледельч. уч-ще (см. его одноим. брошюру; М., 1838), куда намеревался принимать и крепостных (не моложе 16 лет). Он не успел создать (по предложению правительства) и Агрономич. ин-т при Моск. ун-те (на отд. филос. ф-та), П. внезапно умер от кровоизлияния.

П. не только обновил умств. интересы в Моск. ун-те, научил молодые поколения мыслить философски, диалектически, повысил образованность в целом «слое» рус. публики, но образовал руководителей и членов моск. кружков (в т. ч. будущих западников и славянофилов) разных поколений — 1820-х, 1830-х и отчасти 1840-х гг. («воспитатель и умственный отец этих моск. деятелей»: Бобров, Заметки..., с. 135), обеспечив тем самым интеллектуальную культурную преемственность.

Павлов Фёдор Мих. [29.5(10.6).1825 — окт. 1872, Москва] (ЦИАМ, ф. 4, оп. 10, д. 1564, л. 1 — ф. с.; ф. 203, оп. 745, д. 252, л. 431 — м. с.), писатель-эмигрант; сын П. от первого брака. Бюрогр. и лит. сведения о нем скудны. Воспитывался в Моск. ун-те (курса не окончил), после чего избрал воен. полирши (интер-офицер Драгун. полка, 1844, в 1846 — Оренбург. уланский; уволен «за болезнью» в 1848). Жил в разных городах, последние годы — в Петербурге и Москве. Служил в канцелярнях харьков. Дворян. собрания (1852—55), чернигов. града, губернатора (1858—60), Комисариат. деп. (Петербург, 1860—64), в Гл. интендантском управлении (с 1867 в отставке) (РГВИА, ф. 409, оп. 2, д. 41501 — ф. с. 1867 г. — справка Н. Ю. Муравейниковой). Сотрудничал в сатирико-юмористич. ж-лах, никогда не подписывая свои публикации (см.: РБС). В «Моск. фельетонах», помещенных в «Вестнике моск. податнич. выставок» (1872; посвд. Философ с Самотечки: «Пальма» (1 мая), «Повествование о моем путешествии нервого мая из Москвы в Красное село, отъезд в Сокольники и обратно» (4 мая), «Восп. о боярине Кучке и об Артистич. кружке» (11 мая), «Уж совершенно ни о чем!» (22 мая), «Никогоним» (26 мая), «Кое-что о выставке, кое-что о лягушках „хотеть“, „дочь“ и „дуть“» (3 июня), «Нар. праздник» (13 июня), «Я путешествовал

по Москве» (20 июня) и др., — высмеивал гор. пороки и нравы, завал отсыта о политичеж. мыслях. В фельетонах часто встречается шуточные стихотв. атаки, нзд. вытаты (иногда пародифразированные). После смерти Федора Павлова осталось нзд. рукопись, но всей вероятности, не увидевшей света.

Изд.: Статьи: О взаимном отношении средней уморителных и опытных — Избр. проиств. рус. естественннствателей 1-й пол. XIX в., М., 1939 (там же публ. двух ст. П. о сел. хоз-ве, бюрогр. справка С. Р. Миклушинского и по ук.); Различие между извннннми наук-вами и науками. — Рус. эстетич. трактаты 1-й трети XIX в., т. 2, М., 1974.

Лит.: Маслов С. [А.]. Изв. обзор. действ. и трудов ннн. Моск. об-ва сел. хоз-ва, М., 1846, с. 36—37, 43, 47, 69—70, 126—31, 245, 248, 266; (Шуровский Г. Е., Руляк К. Ф., Калининский Я. Н.), М. Г. Павлов. Сл. профессор Моск. ун-та, ч. II, с. 183—99; там же, с. 3—6, 649; Барсуков; Белинский; Герцен; Кюхельбекер; Дмитриев; Чернышевский; Пушкин в восп., т. 2 (все — ук.); Анненков П. В., Н. В. Станкевич..., М., 1857, с. 23—24, 35—37; Галахов А. Д. (посвд. Сто—один). Из записок человека — РВ, 1876, № 11, с. 191—96; Колупянов Н. П. Биография А. И. Кошелева, М., 1889, т. 1, кн. 1, с. 372—80, кн. 2, с. 299—300; Бобров Е. [А.]. Философия в России..., в 2 Каз., 1899, с. 106—219 (вкл. Rawlowian, с. 219); его же, то же, в 4 Каз., 1901, с. 20—35, 53—54, 228—233; его же, Лит-ра и просвещение в России XIX в., т. 4, Каз., 1902, с. 311—12; его же, Заметки по истории рус. лит-ры и просвещения XIX в. — Сбик учено-лит. об-ва при Имд. Юрьевском ун-те, в 13. Юрьев, 20-х гг. XIX столетия в рус. лит-ре, т. 1, СПб.—М., 1911, с. 164—69, 286—93; Сахулин П. Н., Из истории рус. идеализма. Кн. В. Ф. Оаосвский, М., 1913, с. 115—27 и ук.; Н. В. Станкевич, Переписка, М., 1914 (ук.); Полевой, Мат-лы; Шеллинг Ф. В. И., Система трансцендентального идеализма, Л., 1936, с. 430—32 (комм. И. Я. Колубовского); История Моск. ун-та, М., 1955, т. 1, с. 105; Миклушинский С. Р., Развитие общих проблем биологии в России, 1-я пол. XIX в., М., 1961, с. 124—30, 296—97; Пасеев Ю.; Камарский З. А., О развитии диалектич. идей в рус. философич. нач. XIX в., «Вопросы философич.», 1964, № 3; его же, Рус. философия нач. XIX в. и Шеллинг, М., 1960, с. 158—244 (вкл.); Шеллинг и рус. культура, М.—Л., 1965, с. 232—33; Машинский С. И., С. Т. Аксаков, М., 1973 (ук.); Соколова Т. В., Идринца Павловых. — В кн.: Новые мат-лы по истории и сов. лит-ры..., М., 1984; Манн Ю., В кружке Станкевича, М., 1983, с. 66—70; Григорьев Ал. Восп., М., 1988, с. 40; Шпелг Г. Г., Соч., М., 1989 (ук.); Зенковский В. В., История рус. философич. т. 1, ч. 1, с. 128, 130, 134—35; Героров Б. Ф., Очерки по истории рус. культуры, — В кн.: Из истории рус. культуры, т. 5 (XIX в.), ч. 1, М., 1996, с. 173—179; ЛН, т. 56, 57, 60, кн. 1 (ук.). + Некролог: К. Ф. Руляк — Ответ о состоянии ипл. Моск. ун-та за 1839—40 г. Сушков Н. В., Восп. о Моск. ун-тском Благородном пансионе, М., 1848, с. 21; «Воронеч. сарматичные вед.», 1882, № 6, с. 84* (сплсок воспитанников); Брокгауз; Гейнади; РБС (проф. В. В. Бобынин); СЛ ОЛРС; МНкрп; ФЭ; ЛЭ; Самарнов-Соколовский; Чернышев; Маслов.

Архивы: РГБ, Подлп, к. 47, № 75, к. 50, № 53 (письма Павлова 1829 и 1832 г.); ф. 233, к. 39, № 34 (белл. заметки С. Д. Палтратого); ф. 269, № 511 (Курса императорни и сел. хоз-ва); ЦИАМ, ф. 4, оп. 10, д. 1564 (о внесении в дворян. родословную кн., ч. III); ф. с. 1839 г., л. 19—26); ф. 418, оп. 9, д. 69 (о назначении пенсии вдове*); та же дата в МНкрп; ф. 459, оп. 3, ч. 450, 472 (программа лекций П. по сел. хоз-ву и прошение об открытии Земледельч. школы) [справка В. В. Александровой].

Л. М. Шемелова о Ф. М. Павлове —

И. Б. Павлова —

ПАВЛОВ Николай Данилович [28.12.1855 (9.1.1856)* — 13(26).8.1908, Одесса], драматург, прозаик. В 1868—74 учился во 2-й петерб. г-зии; не закончив 6-го класса, по-

ступил в драм. класс Н. И. Сведениова и С. М. Сосновского в Петерб. театр. школе, но через год оставил и ее. После безуспешных поисков актерской работы занялся антрепризой. В 1875 снял помещение 2-го общедоступного собрания на Петерб. стороне; для постановки выбирал пьесы с небольшим числом исполнителей, привлекал любителей (работа к-рых не оплачивалась), проф. актеров (за небольшую плату); нек-рые роли исполнял сам. В сер. сезона сцена была передана М. А. Стрекалову, а П. по его иску выплачена неустойка. В 1876 опублик. брошюру «Артистка С.-Петербургских императорских театров Марья Гавриловна Савина» (СПб.) — одну из первых биографий актрисы. В 1878 сблизился с А. И. Сумбатовым (Южиним), снимавшим у матери П. квартиру; Сумбатов вспоминал, что П. тогда написал «неделейшую» пьесу «Последний кумир», героя к-рой «грызлы мыши», — вместе с тем он считал П. человеком «оригинальнейшим и не бездарным» (Южин-Сумбатов в А. И. Занькин. Статьи. Письма. 2-е изд., М., 1951, с. 46; П. назван здесь Севершовым-П.); весной след. года они с труппой любителей ездили в Гельсингфорс. С Сумбатовым П. связывала многолетняя дружба (12 июня 1884 она писала актеру: «... в твоей любви ко мне ... я никогда не сомневался ... дело в том, что такая прочная и горячая «стихийная»... привязанность к тебе не может остаться без ответа ... доброе чувство, которое мы питаем один к другому, смею думать, — совершенно бесрасчетно и бескорыстно» — РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, № 1592, л. 6).

Летом 1879 делил с С. К. Ленини антрепризу, но затем оставил ее. Будучи человеком деятельным, пробовал разные способы добывания средств для существования: содержал меблиров. комнаты и прачечную, издавал рекламу, а в 1880 — ж. «Бесплатная библиотека» (вышло 2 номера). В 1880-е гг. — рецензент петерб. газ. «Новости» (с янв. 1884 зав. театр. отд.); с июня 1884 сотрудничал в ж. «Стрекоза», с дек. — в газ. «Новое время». О его журналистских публикациях Вл. И. Немирович-Данченко в письме к Сумбатову от 31 июля 1887 отзывался пренебрежительно: «Он мало подвинулся как рецензент ... в трех больших его рецензиях не наберется и 20 строк настоящего критика...» («Избр. письма», М., 1954, с. 48—49). Благодаря знакомству с А. Н. Островским через его брата Мих. Ник. (в 1881—92 министр Гос. имущества) П. в 1883 занял место в библиотеке Ученого к-та этого мин-ва; успешно продвигался по службе, в 1885 стал штатным переводчиком Ученого совета (в письме Сумбатову от 13 мая 1891 сооб-

шал: «На службе преуспеваю. В 8 лет получил три последовательных повышения по должности, три чина и орден» — РГАЛИ, там же, л. 32 об.); в 1901 в чине надв. сов., перенес паралич, службу оставил (по сведениям РГИА, дело о службе не сохранилось — ф. 381, оп. 21, л. 13190).

Одна из его первых пьес — «драм. сцены в 5 действиях» «Помешанная» (М., 1882), сюжет к-рой заимствован из рассказа В. П. Буренина; поставлена на сцене Малого т-ра 27 дек. 1881 в бенефис Н. А. Никулиной (передана ей А. Н. Островским с довольно лестным отзывом в письме от 18 ноября 1881: «... между разной дрянью, которую ко мне носят молодые и старые писатели, попалась очень хорошая вещь» — ПСС, т. 12, М., 1980, с. 52), а также на сцене Александрин. т-ра 5 февр. 1882 в бенефис М. И. Петина, но успеха не имела. Следующая пьеса — одноактная «шутка» «Поветрие» (М., [1883]; совм. с Ф. А. Бурдиним), все герои к-рой, включая 6-летнего мальчика, оказываются жуликами (представление пьесы в Москве, по мнению Островского, «прошло хорошо и понравилось публике» — ПСС, т. 12, с. 185; в Петербурге она шла в следующем году).

Комедия нравов в 4 действиях «Мечтатели» (М., 1884), написанная, по словам автора, «не по шаблону и получившая от Театр.-лит. к-та «хучу комплиментов» (РГАЛИ, там же, л. 2), была им переделана из ранней пьесы «Мытари и фарисей» (сочиненной, видимо, при участии Сумбатова). 5 февр. 1884 она шла в Малом т-ре с М. Н. Ермоловой в гл. жен. роли, но успеха не имела. Постановка 18 дек. 1884 в Александрин. т-ре обернулась провалом.

Рецензент «Судиска» назвал комедию «срундой», указав, что Театр.-лит. к-т «пропускает такие не только бессодержательные, но и прямо гнусные вещи» (1884, 20 дек., с. 4). Автор ж. «Дневник рус. актера» (1886, № 34, с. 56—62; № 57, с. 51—59; подпись Старый актер) в ст. «Письма к английскому актеру Ирвину. По поводу совр. положения рус. театра», напротив, хотя и оценивал критически уровень пьесы, отмечал в ней свежест замысла, «истинно художественные места» и образы гл. героев — нищего старика-чиновника и молодой барышни, дочери крупного чиновника («История любви этих двух существ, любви идеальной, странной, если хотите, смешной, полна чистоты и свежей поэзии, глубокого драматизма» — № 57, с. 54). В письме к Сумбатову от 14 февр. 1884, написанном вскоре после премьеры, П. упомянул и др. отрицат. отзывы (в газ. «Новости» и «Совр. новости»), «совершенно безубудно» пародию в «Будильнике» и похвалы — в газ. «Новое время» (РГАЛИ, ф. 878, оп. 1, а. 1592, л. 5).

Комедия в 3 действиях «В плену у женщин» (СПб., 1901; М., 1914; переделка из А. Фредро) представляла старых холостяков, случайно избежавших брачных сетей; по словам автора, она «произвела сенсацию» (из письма к Сумбатову от 17 окт. 1884 — РГАЛИ, там же, л. 9 об.), но

Театр.-лит. к-том не была одобрена из-за условности и шаблонности образов гл. героев (РГИА, ф. 497, оп. 4, д. 3277, л. 100—01).

Следующие пьесы П. также не имели успеха: «Москвичи и петербуржцы» (М., 1892; после рапорта от 19 сент. 1891 цензора драм. соч. С. Донаурова, увидевшего в пьесе «грязноватый колорит», «пошлые шулки» и «сальные намеки», она была запрещена Гл. управлением по делам печати — РГИА, ф. 776, оп. 26, д. 10, л. 144 и об.) — ж. «Артист» охарактеризовал ее как «ряд совершенно бессвязных сцен ... ворох фельетонной болтовни в лицах ...» (рецензент скептически отнесся к интриге комедии, сводившейся к тому, что «прогоревшая семья петербургских чиновников ищет путем выгодного брака «обновления» в московских капиталах», нашел малолитературным ее язык и считал непригодной для постановки из-за отсутствия в ней «сценического движения» — 1893, № 30, с. 173); «Прочь с дороги!» (СПб., 1901; совм. с Ф. Н. Латернером; о неудавшейся попытке старшего «влиятельного лица», не слишком чистоплотного в делах, спастись от одиночества в любви и браке с юной девушкой); комедия-шутка в 2 акт. «Jouir-fixe, или У нас в кухне гости» (М., 1893), отвергнутая Театр.-лит. к-том, причислившим пьесу к такому роду «шутков, в которых автор для забавы публики прибегает к приемам грубым и совершенно нелитературным» (ПТМ, ф. 541, № 325).

В 1892 П. опублик. два прозаич. сб. «Необыкновенные рассказы» и «Рассказы, очерки и наброски» (оба — СПб.).

Первый из них содержит проза, о мистическ. таинств., «сверхъестественном» — П. разрабатывал романств. темы и сюжеты, распространяемые в 1880—90-х гг. в зап. лит.-ре. Герой рассказа «Теория доктора Коулдженко» (автор назвал рассказ «городской легендой») исполнит «свою» своей нравственной силой» и «отрицания всего, что не может быть объяснено естественным и научным путем» (с. 38); его попытка познать непознаваемое, найти причину явления привидений в деятельности «психорационально-галлюцинационных микробов» принесла самою ст. в несоблавному мечтательному. В рассказе «Воспоминания покойника» (о человеке, установленном летаргии, сон), «Обезьяна и женщина» (о писателе, к-рому ввиду преследовал образ обезьяны — сначала как кошмар, а затем как спасение от постигшего его разочарования в любви), «Вечеринка у сумасшедших» (о спланир. «любителей драм. искусства» в доме двух умалишенных) П. выразил мысль, что, только преодолев нечто необычайное, причудливое, человек обретает способность увидеть истинную действительность таковой, какова она есть. Герой рассказа «Тринадцать семцов эфиризации» — наркоман, «продавший душу дьяволу» ради эфирного «счастья», к-рое для него олицетворялось в деньгах (с. 70—71). В психологически окрашенном рассказе «Лучше никогда, чем поздно» мелкий чиновник, «обыкновеннейший» человек из всех обыкновенных людей» с «стихийным обыденным» планом и надеждой (с. 75), лишь однажды, по ст.е, спохватываясь, впервые сполну мету-фантазия (путешествие в Европу, Египет и встречу с любовью); возможно, в этом рассказе отразились какие-то личные впечатления П. — недаром он посвятил своего героя

собств. квартире, адрес к-рой в письме к Никитиной (см. выше) упоминал Островский (Петербург, Фонарный переулок, д. № 9, кв. № 64).

В произведениях второго сб-ка, рисуя (гл. обр. быт, П. вывел типы мелких чиновников, шенных и беспринципных («Новые птицы», «Сезели»). Большинство зр. его героев — «маленькие» люди, мелкие чиновники и служащие, не способные противостоять срезе и становящиеся ее жертвами: герой рассказа «Не судьба» отказывается от семейного счастья ради удачной карьеры; хитрым оказывается семейное счастье героев рассказов «В эфире» и «У домашнего очага» (в первом из них героиня не выдерживает искусства богатством, а во втором — соблазна пошлых любовных приключений), безропотно героиня рассказа «Тайна Аграфены Ильиничны» разорет муж-проходимца. Один из рассказов этого сб-ка — «Родные тени» — иронич. повествование о рус. колонии последователей позитивистской теории О. Конта за границей.

В ж. «Вестник Европы» П. опубликовал ряд очерков и рассказов на «заграничные» темы: «Фабричные правила в Швейцарии» (1898, № 10), «Старый капитан» (1902, № 6; об участнике Париж. Коммуны 1871), «Недли» (1902, № 9; о курортном романе, закончившемся трагически), «Шербекские выборы. Рассказ из фламандских нравов» (1903, № 8—10; посв. социалистич. движению), а также пов. «Перепутье» (1904, № 8; о драм. переживаниях молодого человека, влюбившегося в жену своего дяди).

Хотя сюжеты мн. рассказов П. занимательны (правда, не всегда оригинальны), поступки героев, как правило, недостаточно психологически мотивированы. Его прозаич. произведения в целом свойственны мелодраматизм, отчасти сглаживающийся благодаря искреннему вниманию автора к совр. нравств. проблемам, и сочувствие незадачливому герою.

Лит.: Айхенвальд Ю. А. И. Сумбатов-Юшкин, М., 1987, с. 40—41. + Некролог, 1908; ТИИ, № 36, с. 616; № 37, с. 636; МВЛ 18 сент. ИРДТ: Мадрид.

Архивы: РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3130; ГПМ, ф. 222, № 1812—1813 (письма к П. М. Песлянкову); ф. 98, № 735; РГИА, ф. 497, оп. 4, д. 3277 (цел. дело о писье «На пороге великих событий»); ф. 778, оп. 6, д. 491, л. 3 (учебное дело) [справка С. И. Васильковой], л. 1 и об., л. 12 и об., л. 20 и об. (дело об изд. «Бесплатной б-ки»). И. П. Галуза.

ПАВЛОВ Николай Михайлович [30.10(11.11).1835*, Москва — 7(20).3.1906, там же; похоронен в с. Жерновке Кашир. у. Тульской губ.], публицист, лит. критик, беллетрист, автор ист. трудов. Из дворян Моск. губ. Сын М. Г. Павлова. Окончил 4-ю моск. г-зию (1852), юридич. ф-т Моск. ун-та (1856).

Впервые выступил в ж. «Рус. вест.», опубликовав 7 стих. (1856, т. II, № 3), не свободных от романтич. клише («мучительные сны», «тайные мечты», «молчанье гордое»). Одно из них — «Север» («Люблю тебя, страны моей родной/ Широкий свод туманно-голубой...») помещено в хрестоматии Н. В. Гербея (СПб., 1880) ошибочно как стих. Н. Ф. Павлова (хотя в оглавлении ж-ла было указано отчество П.),

к-рый печатался в «Рус. вест.» в те же годы (ошибка повторяется вплоть до изд.: Соч. Н. Ф. Павлова, М., 1985). По словам Ю. П. Бартенева, существовало отд. издание стих. П. «в кол-ве 66 экз.» (не обнаружено); «большинство его поэтич. произв. (их целый ворох) не напечатано» (РА. 1906, кн. I, в. 4, с. 644).

Первая публ. в прозе — автобиогр. пов. «Годы в школе» (РусБ, 1859, № 2—6), отличающаяся документальностью и одновременно вниманием к психологии ребенка и становлению его характера. Личный опыт, осмысленный в духе славянофильства, — в основе замысла пов. «Конец впереди» (РВ, 1860, № 11—12), посв. первым шагам молодого помещика в своем хозяйстве, постепенно приходящего к взаимопониманию с крест. миром. В рассказе «Ум ли это?» (РВ, 1861, № 10) с романтич. заостренностью противопоставлены характеры сохранившего верность идеалам юности «неудачника» и хищного и ловкого карьериста-«ушника».

Среда, воспитание, родств. и дружеские отношения (П. был крестником С. Т. Аксакова) с первых шагов лит. деятельности определили тесную связь П. с кругом славянофилов. В письмах к И. С. Аксакову кон. 1850-х гг. (ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 455) он предлагает свою помощь и сотрудничество, в частности в газ. «Парус», для к-рой пишет 4 статьи и пов. «Становой» (не опублик.). П. — один из пост. и ближайших сотрудников Аксакова в газ. «День» (1861—65), «Москва» (1867—68), «Русь» (1880—85). Возможно, ряд статей из «Москвы», вошедших в собр. соч. Аксакова, написан П. и отредактирован Аксаковым (Ш и м б а е в, с. 138—139). Для областного отд. «Дня», к-рый Аксаков стремился сделать главным в газете, был предназначен ряд статей П. под общей рубрикой «Каширские письма», посв. прежде всего ходу крест. реформы в его уезде (одно из писем вызвало резкий от-

клик Ф. М. Достоевского, увидевшего в высказываниях автора пренебрежит. отношение к крестьянам. — Достоевский, XIX, 65—66), а также истории и археологии края. В полемике «Дня» с «Моск. вед.» М. Н. Каткова П. развивал основополагающие для славянофильства идеи: единство и целостность нар. духа, противопоставляемые безнациональной государственности; община — в противоположность «экономич. свободе»; равенство сословий, исключаящее особые привилегии дворянства.

Публик. выступления П. в «Руси» посв. гл. обр. вопросу о местном самоуправлении (и критике «важного либерализма», упоминавшего, по его мнению, планы реформы 1861), о возрождении зем. начала как подлинной основы рус. государственности. Отвергая в целом петровские преобразования и их продукт — крепостное право («специфич. эд. испещренное из страшной лаборатории нашего XVIII в.»), П. вместе с тем отмечал, что последнее произвело значительную общину — возможную мельчайшую единицу «общества, земского дела»; Петру же Россия обязана и подлинным истинным «плодом образованности» — «общества, деятелей», способных служить «обществу, делу». Достоевский, к-рый оценивал «фальшность» П., наряду с переводчиком И. Аксакова, как наиб. значительное в «Руси» (Достоевский, XXX, кн. I, 233—235), оспаривал последнее утверждение (XXVII, 62).

Критич. и публицист. статьи П. 60—80-х гг., собранные из разл. изд. (в т. ч. из «Моск. вед.», где в 1873—74 П. печатал «Письма к публике» — серию статей с критикой зем. реформы), составили кн. «Наше переходное время» (М., 1888), вышедшую в качестве прил. к «Рус. архиву» (П. был пост. сотр. ж-ла более 20 лет), издатели к-рого отмечали близость позиции автора к своей собственной. Неизменность осн. положений и оценок в статьях разного времени придавала книге единство. В ее назв. отразилась излюбленная мысль П.-публициста, усматривавшего в современной ему России первые признаки преодоления отрицат. сторон петровского периода как имперского и возвращения к нац. и гос. самобытности.

В лит.-критич. статьях П. наиб. развернуто изложил свой взгляд на рус. историю и культуру нового времени: в результате реформ Петра I рус. лит-ра, как и культура вообще («плод мнимого просвещения»), «полурусского, оторванного от почвы образования», несет в себе начало трагич. разлада, ушербиости и не способна к целостному взгляду на действительность и воплощению положит. идеала. Преобладающий дух времени противодействует появлению глубоких, всеобъемлющих по мысли произв. и вызывает к жизни публицист. однодневки. Так П. оценивал романы В. П. Ключникова, А. Ф. Писемского, «Отцы и дети» И. С. Тургенева (делая исключение для фигуры Базарова), отмечал отрицат. влияние «ложного пафоса протеста» на сильный поэт. талант

Н. А. Некрасова. Совр. художник, по мысли П., как бы заранее обречен на неудачу вследствие «афермерности» совр. типа, отсутствия к.-л. положит. сторон в наших нынешних мимолетах, наконец общей вынужденной шаткости и переходчивости» («Наше переходное время», с. 121). Даже великие художники Пушкин и Гоголь остаются, по его мнению, на рубеже «отрицательного» периода рус. лит-ры, бессильные воплотить тот искомым идеал («рус. мир и быт как положительный в Божьем мире явлений» — там же, с. 87), к-рый П. ставит в основание оценки явлений лит-ры и к-рый, в его понимании, имманентен живой действительности. «Семейной хронике» С. Аксакова П. отводил особое место, считая ее началом нового периода рус. лит-ры. Как и многие славянофилы, П. высоко оценивал творчество Н. С. Кохановской, проникновенно писавшей о крест. мире; отмечал близость ее стиля к «безличному эпич. творчеству нашей былины или сказания» (там же, с. 109).

История, понимаемая как область идеального бытия народа, была для П. (любившего слова К. С. Аксакова — «история рус. народа есть его житие») предметом вдохновения и занятый на протяжении всей жизни: «От горькой действительности, от нашей отвратительной современности ухожу в глубь веков, хороноусь в летописи» («Из переписки Н. С. Аксакова с П. о древней рус. истории» — РА, 1887, № 8, с. 471). Ст. «Правда о Лжедмитрии» («День», 1864, № 51, 52; отд. изд. — М., 1864) вызвала бурный обмен мнениями с Н. И. Костомаровым (см.: РА, 1886, № 8), к-рый, высоко отзываясь об авторе («талант ... так и светится от первой строчки до последней»), считал произвольными нек-рые его выводы. Так, по Костомарову, Борис Годунов — хитрый, беспринципный властолюбец, а у П. он — «умный, блестящий деятель», охранитель моск. престола, жертва «грубого невежества века», невиновный в смерти царевича.

Почерк ученого ошутим в лит. произв. П. на ист. тем. где им предпринят поиск новых форм изображения. Сюжет драмы «Смута» (РВ, 1867, № 2; отд. изд. — М., 1867; рец.: «Голос», 1867, 13 апр.; «Антракт», 1867, № 32), посв. событиям нач. 17 в., соответствовал его намерению создать «дагеротипный снимок» с действительности, не допускающая худож. вымысла. Попытка нарисовать гармонию картину быта и характеров допетровской Руси предпринята в пов. «Царский сокольник» (РВ, 1870, № 1—3; отд. изд. — М., 1870, 1904), написанной как возвращение на рассказ Костомарова «Сын», в к-ром П. видел лишь смако-

вание мрачных сторон рус. истории. По словам Бартенева, «Царский сокольник» заполнил пропасть между имперским периодом рус. жизни и допетровской Русью (РА, 1906, кн. 1, в. 4, с. 645).

В своих фундаментальных соч. «Рус. история от древнейших времен. Первые пять веков родной старины (862—1362)» (т. 1—3, М., 1896—1900), «Рус. история до новейших времен. Вторые пять веков первого тысячелетия (1362—1862)» (т. 1—2, М., 1902—04; доведено до 1-й пол. 15 в.) П., по его словам, был не «исследователем» — науч. истина всегда относительна, а «историком», чья задача — «услышать те самые запросы народной совести», к-рые и поныне волнуют рус. людей (РА, 1897, № 1, с. 174).

Уже порекой том был оценен как «наиболее удачный опыт создания популярной рус. истории» (К. Н. Бестужев-Рюмин — ИзвОРАС, 1896, т. 1, кн. 1; др. отзывы: РА, 1899, № 2; 1900, № 3; 1904, № 2), отмечалось живое, образное изложение. По повелению Николая II было назначено П. ежегодное пособие от Мин-ва финансов на продолжение изд. (письмо К. П. Победоносцева к С. Ю. Витте от 24 февр. 1901 — РГА, ф. 565, оп. 7, л. 29177). П. опублик. ряд статей о «Слове о полку Игореве» и предложил свой вариант перевода памятника на рус. яз. (РВ, 1874, № 2; итоговый сб-к: «Слово о полку Игореве...», М., 1902), к-рый Е. В. Барсов назвал «самым оригинальным и лучшим из популярных изданий» («Слово о полку Игореве», т. 1, М., 1887, с. 190). В полемич. выступлениях против намечавшейся реформы алфавита («Русь», 1904, № 113; МВед. 1904, 28 апр.) П. назвал ее произволом по отношению к истории языка («Ученый труд проф. Грушецкого „Очерки истории укр. народа“», Х., 1905).

В 1905 П., представляя вместе с В. О. Ключевским наст. науку, участвует в совещаниях по проекту созыва Гос. думы, отстаивая строго монархич. позиции (Нечкина М. В., В. О. Ключевский, М., 1974, с. 462, 465). С 1874 чл. ОЛРС, с 1902 чл. Рус. ист. об-ва.

В «Рус. архиве» П. опубликовал ряд восп. и принадлежащих ему мат-лов по истории славянофильства («золотого периода в истории рус. общества»), в первую очередь о семье Аксаковых: «Восп. о К. С. Аксакове» (1885, № 3) — живые и яркие, блестящие по форме (высоко оценены С. А. Венгеровым как «наиболее цельное собрание отд. сведений») о «характере и нравств. личности» Аксакова — Собр. соч., т. 3, СПб., 1912, с. 80); «Из семейной переписки стариков Аксаковых. Письма Т. С. и М. Н. Аксаковых (1818—1835)» (1894, № 9); «Из переписки С. Т. Аксакова с П. А. Плетневым», «Застольное слово К. С. Аксакова на обеде, данном в Москве гр. Д. Е. (Остен-)Сакену» (1895, № 3); «Из переписки А. О. Смирновой с Аксаковым» (1896, № 1); «С. Т. Аксаков как цензор» (1898, № 5); «Отзывы о славянофилах» (РО, 1895, № 6).

П. впервые полностью издал «Историю моего знакомства с Гоголем» С. Аксакова (РА, 1890,

№ 8), завершив подготовку текста ч. 2 на основе подбранной Аксаковым мат-лов. Докты в ряде случаев подвержены редактуре: так, исключены озаглавленные о В. Г. Белинском, опущены критич. отзывы об отношениях Гоголя к царю и др. (см.: Аксаков С. Т., История моего знакомства с Гоголем, М., 1960, с. 5). Публицистич. огры статьи П. посв. разл. эпизодам из истории лит. полемики: «Гоголь и славянофилы» (РА, 1890, № 1), «Палеоника Каткова с Гершеном» (РО, 1895, № 5). Последняя, в к-рой излагалось обстоятельство появления знаменитой катковской «Заметки для издателя „Колокола“», вызвала ряд полемич. откликов и отклик П. (Фудель И. И., Одна из наших статей. (По поводу полемики Каткова с Гершеном). — РО, 1895, № 6; «Вынужденное объяснение» — там же, № 8; Цвектов К. Н., Еще о Гершене и Каткове, М., 1895; его же, Добровольный ответ на «Вынужденное объяснение» — РО, 1895, № 10; «В заключение нашей полемики с г. Цвектовым» — там же); Опонисты, не расходясь в существе с осп-к П., заставляли вспомнить белой антагонизм «Моск. вед.» и «Дня».

В 1905 П. — один из инициаторов создания Союза рус. людей, публикует ряд статей и брошюр («Да или нет?» — МВед. 1905, 19 нояб.; «По поводу воззвания Союза 17 октября» — там же, 22 дек.; «Правда о совр. неправде» — там же, 28 окт., 29 окт.; отд. изд. — М., 1905; «Ломка крест. быта», Х., 1905; «В начале XX в.», М., 1905; «О нашем совр. положении», М., 1906), в к-рых своеобразный утопизм сочетается со злободневной остротой; революция — закономерное следствие имперского периода рус. истории; идеал наш.-гос. бытия возможен лишь как союз неогранич. самоуправления и подлинно самоуправляющегося земства; «заговоры» петерб. бюрократии и «космополитич. интеллигенции» враждебны интересам народа; необходимо сохранение традиц. поэземельных отношений, в первую очередь общины как средства против протектаризации общества.

Др. произв.: «25 лет на сцене (1862—1887). К юбилею Г. Н. Федотовой» (М., 1887; изд. анонимно; мн. годы П. был с ней близок).

Лит.: Достоевский (ук.); Имп. Рус. ист. об-во, 1865—1916, П., 1916, с. 124, 153; Голан Г., Глазерица Федотова. Жизнь и творчество великой рус. артистки, М.—Л., 1940, с. 316—17, 332; Машиновский С. И., С. Т. Аксаков, М., 1973 (ук.); Симонова Н. И., Н. С. Аксаков в обществ. жизни пореформенной России, М., 1978 (ук.); Соколова Т. В., Из архива Павлова. — В кн.: Новые мат-лы по истории рус. и сов. лит-ры. Сб. науч. трудов, М., 1983, с. 51—67; Страхов Н. Н., Лит. критика, М., 1984 (ук.). + Некрологи: 1906; МВед., 10, 11, 17, 18 марта. Брошюры: Гранат; Сп. ОЛРС; Муратов (1; ук.); Масанов.

Архивы: ГЛМ, ф. 244 (разл. мат-лы в фонд. отд.); ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 455 (42 письма Н. С. Аксакову), оп. 17, № 112 (13 писем О. Г. Аксаковой); ф. 598, № 510 (2 письма А. Д. Свирбесову); РГА, ф. 1343, оп. 27, л. 257 (м. с.); ф. 565, оп. 14, л. 113, 114, 116, 117; ШИАМ, ф. 418, оп. 21, л. 140 (статует. дело); РГБ, ф. 239, к. 15, № 31 (письма Н. А. Попову); ф. 126, к. 8479, № 20 (письмо К. П. Победоносцева О. А. Новиковой о намерении П. издать «Смута», газ. в нач. 1900-х гг.); РГАЛИ, ф. 2, оп. 1, № 701 (письма А. А. Александрову); ф. 46, оп. 1, № 561—598 (письма П. И. Бартенева); ф. 459, оп. 1, № 3131 (письма А. С. Суворина); ф. 298, оп. 1, № 6, л. 73 (восп. В. И. Лисковского).

М. В. Подмарникова
при участии С. М. Александрова

ПАВЛОВ Николай Филиппович (7(19).9.1803, Москва — 29.3(10.4).1864, там же; похоронен на Пятницком кладб.), прозаик, критик, публицист, поэт, переводчик. Отец — дворянин ген.-аншефа В. В. Грушецкого (по не подтвержденной версии, П. — незаконнорожденный сын Грушецкого), мать вывезена гр. В. А. Зу-

бовым из Перс. похода 1796, грузинка (по др. сведениям — армянка). Получил хорошее дом. образование, свидетельствующее о господском внимании к ребенку. В 1811 отпущен на волю (с братом и сестрой; впоследствии получил вольную и отец П., вступивший затем в купеч. сословие), определен в Имп. моск. театральную школу.

Лишившись в 1815 отца, год спустя был вынужден перейти на казенное содержание, а в 1817 — переселиться в школу. Тяжести и лишения скрашивались благожелательным участием дир. школы Ф. Ф. Кокошкина, к-рый обратил на П. особенное внимание и ввел в свой дом, где П., хотя и стоял иногда, по свидетельству очевидцев, за стулом с салфеткой, но все же обрел доступ к общению с образованными людьми, «получил внешнюю полировку» и превратился в «совершенного московского джентльмена» (Па на в е, с. 213; Кокошкин продолжал покровительствовать П. и впоследствии). Будучи учеником, П. дебютировал в Имп. моск. т-ре как артист (в 1819 в «Меропе» Вольтера) и как переводчик с франц. (опера «Простенькая Роза, или Кто знает женщин», 1820, в соавторстве с Н. И. Малышевым; ист. драма «Ночь в замке Палюции, или Изгнанник Флорентинский», 1820). Летом 1821 окончил школу и был зачислен в рос. труппу актером. Не чувствуя призвания к артистич. карьере, в марте 1822 покинул театр, получив увольнение по болезни.

В окт. 1822 П. поступил на отд. словесных наук Моск. ун-та. В янв. 1824, желая поступить на службу (вероятно, в связи с предполагаемой женитьбой), подал прошение об увольнении из ун-та, но уже в марте по его просьбе был вторично принят в число студентов. В нояб. 1824 женился на мещанке А. Н. Харлачовой, воспитаннице родовой дворянки, действ. стат. советницы Н. П. Квашининой-Самариной (РГБ, ф. 710, оп. 1, № 3, л. 31—38). Окутанный тайной, вызвавшей много противоречивых толков брак оказался несчастливым. В 1825 окончил курс словесного отд. действит. студентом (прослушал также ряд лекций на физико-матем. отд.).

В ун-тские годы П. дебютировал как поэт — басней «Блестки» (Тр. ОЛРС, 1823, ч. 3; в 1822 прочитана в заседании Об-ва Кокошкиным), перделкой с франц. (в оригинале — «Пятна и блестки» А. В. Арно), а затем ориг. элегич. стихами (помещеными в «Мнемозине», 1824, и «Моск. телеграфе», 1825), в к-рых мотив поклонения жертвенной любви (ср. постальтич. воспоминание о ней в пов. «Именины») сменяется чувством глубокого разочарования: «К***, при посвящении ей переводка трагедии „Мария Стюарт“», «Элегия» («Мой друг, я истощил бесплодное старанье...»), «Песнь магомеванина». Будучи студентом, П. перевел франц. перделку «Марин Стюарт» Ф. Шиллера [М., 1825; Малый т-р, 1825; в рец. Н. А. Полевого (?) отмечался «блестящий талант» П. (МТ, 1826, ч. 7, № 2, с. 166)].

Переводч. деятельность П. не оставляет и впоследствии. В 20—30-е гг. осуществил ряд драм, пер.: из трагедии Ж. Расина «Андромаха» (сб. «Драм. альбом для любителей театра и музыки на 1826 г.», М., 1826); франц. водевилей — «Дипломат» (Э. Скриба и Ж. Делавин; в созд. с С. П. Шешурьевым; Большой т-р, 1829; рец. С. Т. Аксакова, 1829, с озорными искр. и ориг. куплетами — «прекрасные „острцы“, отличающиеся „мысливыми новизнами: см. Аксаков о в. III, 493—95), «Молода и стар. женат и нет» [Э. Скриба и Мельяка (А. О. Ж. Доверье); Большой т-р, 1829; обзорчат. отзыв Аксакова (1829; см.: там же, с. 491)], «Астрономические бредни, или Комаста в 1832 году» (Ш. Огюре и Дюверсана; Большой т-р, 1833); комедии У. Шекспира «Венецианский купец» (по просьбе М. С. Шепкина; сыграна в его пользу в февр. 1835 — см.: М. С. Шепкин. Жизнь и творчество, М., 1984, т. 1, с. 404, т. 2, с. 392; в доработанном виде опублик.: ОЗ, 1839, № 9; обзорчат. отзыв Шешурьева — «Молва», 1835, № 4). В «Телескопе» (1831—34) печатались прозаич. переводы П. с франц., в т. ч. первая рус. пер. О. де Бальзака: пов. «Мещерле» (в оригинале «Вендетта» — «Телескоп», 1831, ч. 2, № 5—8; В. Г. Белинский назвал пер. превосходным — П. 122), «Невеста-аристократка» (в оригинале «Бал в Со» — «Телескоп», 1831, ч. 5, № 17—19).

В 1826 П. поступил на службу: с июля по октябрь состоял при канцелярии К-та прошений, учрежденного в Москве по случаю коронации Николая I. Служил заседателем 1-го деп. Моск. надворного суда (1827—1828), целиком отдаваясь делу и про-

являя большую самостоятельность («часто спорю и забываю отношения» — письмо В. Ф. Одоевскому, 2 сент. 1827 — РС, 1904, № 4, с. 193). В 1829 — янв. 1831 чиновник при моск. ген.-губернаторе Д. В. Голицыне; принял участие в расследовании злоупотреблений на одной из бумажных фабрик, раскрыл факт незаконного использования труда крепостных и участия в этом ряда вышестоящих лиц, чем навлек на себя неприязни (РГБ, ф. 710, оп. 1, № 3, л. 78—88).

В 1829 П. избирается чл. ОЛРС. В кон. 20-х — нач. 30-х гг. няя П. часто появляется на страницах периодики: «Моск. телеграфа», «Атеней», «Галатен», «Моск. вест.», «Телескоп», «Молвы» (хотя современники неоднократно с сожалением отмечали отсутствие в П. склонности к систематич. творч. работе; он и сам называл впоследствии свои лит. занятия «ленными, но сладкими» — письмо П. А. Вяземскому, 31 марта 1843, РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2497, л. 2 об.). П. продолжает выступать как поэт, пробуя силы в разл. жанрах: куплеты, эпиграммы, элегии, дружеском послании и др. Наиб. удавшиеся поэтик. произв. этих и последующих лет — сатирич. стих. («Черводец», 1829; «Ecce homo!», 1856) и романсы («Не говори ни да, ни нет...», 1830; положено на муз. А. Н. Верстовского; «Она безгрешных сновидений...», 1834, положено на муз. М. И. Глинкой, а также А. С. Даргомыжским), отражавшие две противоположные грани характера П.: рассудочность, саркастичность и эмоц. раскованность, способность отдаваться чувству. А. С. Пушкин отзывался о поэтик. дарованиях П. с нек-рой иронией (в письме И. В. Киреевскому, 1832 — XV, 9). Стихотворч. деятельность П. стала предметом эпиграмм юного М. Ю. Лермонтова («Г-ну Павлову») («Как вас зовут? ужель поэтом?...», 1831). К этому времени П. уже известная фигура в светских кругах, сближение с к-рыми было истолковано одними не без иронии — «хотел утвердиться на паркете» (Н. И. Надеждин — РА, 1835, кн. 2, № 8, с. 578), другими — с уважением достоинств П., дающих «полное право быть в хорошем и даже высшем московском обществе» (Дмитрисев, 1992, с. 212—13).

В 1831 П. дебютирует как прозаик — очерком «Кто вы? Что вы?» («Телескоп», 1831, ч. 4, № 13), своего рода иронич. обзором совр. нравов. В «отрывке из ром.» «Московский бал» («Телескоп», 1832, ч. 7, № 1), где строгое, порой язвительное осуждение праздн. веселящейся публики сочетается с восхищением завораживающей балной атмосферой, позволяющей «вырваться из сущест. веного мира» (с. 37), впервые про-

является характерное для всего последующего творчества П. совмещение резкой критики этич. основ светской жизни с нескрываемым влечением к светскости и аристократизму (по определению А. А. Григорьева, большой свет у П. — «всепоглощающая и вместе обаятельно-алекушая бездна» — Григорьев в Ап., Соч., т. 1, СПб., 1876, с. 39).

В 1833 П. впервые выступает как критик, участвуя в развернувшейся в апр. — мае на страницах «Молвы» полемике о моск. гастролях А. М. и В. А. Каратыгиных. В споре с Надеждиным (отмечавшим принужденность и неестественность игры Каратыгиной и холодность Каратыгина) П. отстаивает высокую проф. репутацию этих актеров, видя в них «представителей образованности» на рус. сцене («Молва», 1833, 9 и 23 мая, подписы «Л...»; атрибуция Н. Н. Ильина — РГБ, ф. 710, оп. 1, № 4, л. 15). Уже в первом критич. опыте П. демонстрирует осн. качества своего полемич. дара — приверженность логике и страстную увлеченность избранной темой.

Наиб. успех выпал на долю П. в 1835 — в связи с выходом в свет первого сб. «Три повести» (М.; «Аукцион» и «Именины» отданы в цензуру еще в февр. 1833, но возвращены автору для доработки; см.: ЦИАМ, ф. 31, оп. 5, л. 88). Изложил в программном вступлении к пов. «Именины» свое писательское кредо (каждый человек отмечен «особенными чертами» и потому «равно достоин внимания»), П. выходит за рамки доминирующей психол. тематики (в основе всех повестей — любовная коллизия, достаточно детально разработанная, связывая драматизм человеческих судеб с острыми социальными проблемами: крепостничеством («Именины»), произволом и деспотизмом высших чинов в воен. среде («Ятагана»), духовной несостоятельностью светского человека («Аукцион»), впервые — «Телескоп», 1834, № 1). Темы «Трех повестей» (из к-рых особо выделялась запретная тема «Ятагана») были раскрыты с откровенностью и прямотой, превосходящими традиционную для той поры меру худож. свободы («Свободная мысль сравняла с ровными обществ. вопросами...») — письмом Ф. И. Тютчева И. С. Гагарину, 7 июля 1836, в кн.: Тютчев Ф. И., Соч., т. 2, М., 1984, с. 18). Вопрос о степени детерминированности человеческой жизни решается П. в духе формирующихся традиций рус. классич. прозы: сознавая унизит. зависимость человека от обстоятельств, он тем не менее видит возможность достойного, храброго до безоглядности и порой трагич. противостояния им (неск. диссонирующе звучит важный для творчества П. мотив жен. преза-

тельства, пробуждающего в герою чувство всепоглощающей безысходности). По свидетельству современников, повести П., в частности «Именины», отмечены чертами автобиографизма (происхождение П., обстоятельства его семейной жизни; Надеждин уверял, что П. «делает из своей жизни роман» — РА, 1885, кн. 2, с. 578—79).

Сборник П. вызвал многокисл. преим. высокие оценки: «Молва», 1835, № 3; (Н. И. Надеждин?) — там же, № 4 (см.: Белинский В. Г., Собр. соч., т. 1, М., 1976, с. 652—53 — комм.); ВВВ. (В. М. Строев?) (СО, 1836, ч. 175) и др. Современники отмечали неумеренность повестей («это произведение предстает событие» — П. Я. Чаадаев А. И. Тургеневу об «Именинах», 1835; см. в кн.: Чаадаев П. Я., ИСС и избр. письма, т. 2, М., 1991, с. 91), вар. наблюдениями души человеческой (в позорном одобрит. отзыве Шевырева — МН, 1835, ч. 1, март, кн. 1). Пушкин в краткой черновой рецензии трижды обратил внимание на удальчивость повестей (П. «первый у нас написал неточно замечательные рассказы»), с похвалой отозвался о слоге («чистый и свободный», «предка отыскивает манерность») (Пушкин, XII, 9). Белинский сдержанно отметил прооблаzenie наблюдательности, ума и высокой образованности над талантом, также выделив язык повестей (I, 280—83). В негативной рец. «Б-ки для чтения» утверждалось, что в повестях «нет никакой цели», что все рассказанное — частности, исключение из повестивости жизни (1835, т. 9, ч. 1, отд. VI, с. 5—8). Замечка С. Ф. Уварова Николаю I по поводу за собой написание цензора (за протекс «Ятагана») и зарисовки перепечатывать книгу дальневосточные хлопоты П. о переиздании сб-ка (в 1839, 1858, 1863) к успеху не привели.

В 1835 П. активно сотрудничает в новом ж-ле — «Моск. набл.», выступая как поэт, прозаик [остросюжетный рассказ о неудачнике — «Черный человек» (ч. I, апр., кн. I), худож. зарисовка о карточных шулерах — «Чубук и пальцы» (ч. I, март, кн. I), эссе «Воспоминание о моск. балах» (там же)] и театр. критик. В рецензиях П. на оперу «Аскольдова могила» (1835, ч. III, июль, кн. 2; муз. А. Н. Верстовского, либретто по роману М. Н. Загоскина) и комедию Загоскина «Недовольные» (1835, ч. IV, окт., кн. 1) отмечается, что действие пьес не вызывает зрительского участия, персонажи безжизненны и бесхарактерны; осуждаются черты псевдонормности, игнорирование благотворных преобразований России в Петровскую эпоху (первая рецензия вызвала бурную полемику — см.: Белинский, II, 163—165, 711—12; Надеждин, с. 423, 542).

В 1837 П. (давно овдовевший) женился на поэтессе К. К. Яниш (см. Павлова К. К.), единств. дочери стат. советника, имевшей богатое приданое. Мотивы брака широко обсуждались: отмечалось, что Каролина Яниш была сражена выпавшей на долю П. славой; П. подозревали в корыстных расчетах; сам он признавался впоследствии, что «в жизни сделал одну гадость: женился на деньгах» (Чичерин, Восп. Москва сороковых годов, с. 4). Благодаря женитьбе П. впервые после долгих скитаний

по казенным и чужим домам (жил в театр. школе, у Квашниной-Самариной, Кокоскина, Н. А. Мельгунова) обрел свой дом (на Рождественском бульваре), к-рый в кон. 30-х — 1-й пол. 40-х гг. стал одним из гостеприимных моск. салонов, собиравших именитых и начинающих литераторов и ученых. Присущая П. терпимость к чужому мнению определяла атмосферу вечеров, где дружески встречались люди разных убеждений, в т. ч. славянофилы и западники. Восторженность талантливой хозяйки вечеров уравновешивалась здравым смыслом и трезвостью П. — среди современников он снискал репутацию образованного, мыслящего человека («острый и легкопостигаемый ум» — Вяземский, Эстетика..., с. 346), интересного собеседника («в беседе был очарователен» — Чичерин, Восп. Москва сороковых годов, с. 203). Б. Н. Чичерин свидетельствовал также, что при всех слабостях и увлечениях П. был истинно порядочным человеком и это «одно давало ему возможность тесного сближения с высококравственными людьми» (там же).

При разнообразии лит. связей и дружеских контактов П. всегда оставался человеком, живущим обособленно внутри, жизнью, скрытой даже от тех, к кому благоволил (яко не любил переписки с людьми, которые имеют место в сердце моем» — письмо Олешевокому, 2 сент. 1827 — РС, 1904, № 4, с. 193; «Ты окружал себя тайнственностью, никогда не выказывая себя прямо» — письмо Мельгунова к П. — РО, 1895, № 3, с. 402). На протяжении всей жизни П. остро переживал ущербность своего социального положения (обстоятельства рождения, отсутствие дворян. звания для себя и для детей) — и недаром в минуты раздражения или негодования на П. современники в частной переписке неоднократно допускали характерные обмолвки: «любопытно происхождение» (Надеждин — РО, 1885, кн. 2, с. 578), «хлопоты свои» (В. П. Боткин — в кн.: Отчет имп. публ. б-ки за 1889 г., СПб., 1893, прил., с. 44), «слабейшая натура» (А. О. Смирнова-Россет — РС, 1890, т. 68, № 11, с. 353).

Материальный недостаток губительно сказался на страсти П. к картам — он приобрел известность азартного человека, проматывающего значит. суммы (упомянут Пушкиным как игрок в одном из планов «Русского Пелама»); даже друзья отмечали, что, когда была задета эта слабая сторона его характера, он «ничего и ничего не шадил» (Ольга Н. С. В. Энгельгардт), Из восп. — РО, 1890, № 11, с. 99), что за зеленым столом «он прокутил все свои таланты, проиграл свое и своего семейства счастье...» (Берг, с. 262).

В 1839 вышел в свет второй сб-к П. — «Новые повести. Маскарад. Демон. Миллион» (СПб.; «Маскарад» впервые опублик.: МН, 1835 ч. I, март, кн. 2; 1836, ч. VI, март, кн. 1), обнаруживший достаточно резкое перемещение худож. интересов автора из сферы социальных конфликтов (при сохранении критич. отношения ко мн. сторонам обществ. жизни и, в

частности, жизни света) в сферу психологии, «вечных требований духа» (по более позднему определению П. — «Наше время», 1860, 27 марта, с. 171). Это «перемещение» повлекло за собой появление нового для жанра светской повести героя, «вовлеченного» автором в поиски жизненной истины, смысла бытия. Генетически восходящий к романтизму, традиции, герой повестей («Маскарад», «Миллион») действует в рамках вполне реалистич. и очень характерного для П. событийного ряда: пройдя через мн. испытания (богатством, знатностью, светскими соблазнами) и не утратив достоинства и благородства, он сталкивается с корыстью и прозаич. расчетом любимой женщины, что бесповоротно сокрушает его, приводя к нетипичному для рус. классич. прозы обрыву линии духовного развития.

Психол. усложнение худож. типов отличает и третью повесть сб-ка — «Демон»: герой, бедный чиновник, не только несет бремя убогого существования и иерархич. зависимости, но и оказывается способным на сознательное, по расчету, постыдное самоубийство. Истоки такого подхода, разрушающего единство характера и его восприятия, обнаруживаются уже в «Трех повестях»: крепостной в «Именинах» — не только страдающий, бесправный, но и душевно ожесточенный, озлобленный беспрестанной борьбой с судьбой. Тема всевластия денег помимо «Демона» (очень раннего предвосхищения чеховской «Анны на шею») находит необычный поворот в пов. «Миллион»: ее герой — удачливый коммерсант (а в душе мечтатель) — в стремлении ограбить свою жизнь от всеяния денег незаметно для себя приходит к абсолютизации этой силы, пытается использовать деньги как меру человеческой искренности: предлагает героине миллион в обмен на открытость.

Восприятие едва ли не каждой человеческой души как бездны, способной ужаснуть [ср.: эпитафия к сб-ку: «Не испытай сердца человеческого (Из законов Ману)»], приводило самого П. к отчужденности от героев, парадоксально сочетающейся со страстностью авт. голоса, «Новые повести» (с их сюжетным драматизмом, нервною повествованием, загадочною характеров, особой ролью ситуации психол. испытания) до нек-рой степени предвосхитили поэтику романов Лермонтова и Ф. М. Достоевского.

Отзывы о «Новых новостях» были разноречивы. А. А. Краевский утверждал, что сб-ка П. — «одно из лучших украшений» рус. лит-ры (ОЗ, 1839, № 11, б. п.). Белинский же писал, что Краевский «изарал» о повестях П., что на его реч. «попал весь Питер» (ИЗ, 494, 305), хотя треша замечаний ранее сам относил «Мастара» к числу замечательных произведений (П. 49). В

рец. «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“» (1839, т. 2, № 24, 16 дек.) подчеркивалась самоубийство П. («в содержании, в духе, в характерах, в манере рассказа — с. 468) и отмечался ряд существенных особенностей его поэтики, в т. ч. негативная: преобладание описания над изображением, избыточность авт. комментария, мелочность и неясность развязок. В рец. «Современника» (1840, № 1, с. 63) говорилось о том, что повести П. не портят души, т. е. в них «она себя не утратит» (о том, что проза П. не трогает, впоследствии писал А. А. Григорьев, сопоставляя «Шкель» Гоголя и «Демона» Павлова, — в кн.: Григорьев. Критика, с. 195—96). Наиб. резкие отзывы появились в «Сыне отечества» — П. был отнесен к числу писателей, «проставленных друзьями» (1839, № 9, отд. IV, с. 45; юности В. О.) и «Сев. вчеле», где говорилось, что «Три повести» были подражанием неистовой словесности Франции и Германии (этот упрек особенно задел П.), а «Новые повести» воплотят «исбытки на род человеческий, и особенно на женщин» (В. Ф. Булгаков) — 1839, 16 дек., с. 1138). Н. В. Гоголь защищал «Новые повести» от нападок, доказывая, что они имеют неотъемлемое достоинство: «наблюдательный ум сочинителя и прекрасней язык» (см.: Аксаков, III, 175—76; в 1846 отношении Гоголя к «Новым повестям» стало более скептическим — Гоголь, VIII, 425; XIII, 315).

В 1839 П. поддержал «Отч. записки» Краевского (в то время их связывали дружеские отношения), забывая о доставлении мат-лов, радуясь публикации талантливых произведений («Как хорошо рассказана Бела...»; «Какая превосходная повесть бузает у вас! Лермонтова „Терек“» — «Отчет имп. публ. б-ки за 1892 г.», СПб., 1895, прил., с. 95, 110), делаясь мнением о ж-де и его сотрудниках (в частности, о Белинском, к-рого называет «пишущей машинкой» и упрекает в том, что он не знает философии Гегеля, о к-рой толкует, — письмо Одоевскому, 29 янв. 1840 — РС, 1904, № 4, с. 198—200).

В 1842—46 П. снова на службе: в канцелярии моск. ген.-губернатора Голицына ему поручен надзор за ходом арестантских дел (с 1843 член моск. тюремного к-та). П. как всегда ревностно выполняет свои обязанности: объезжает тюрьмы, хлопочет об освобождении безвинно пострадавших. В эту пору он оставляет лит. занятия («литературу отложил, на время, к стороне» — письмо Вяземскому, 31 марта 1843, РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 2497, л. 2 об.); в письме Е. А. Баратынского матери (осень 1842) упоминается только что законченная повесть П. (очевидно, неопубликованная), свидетельствующая о «замечательном таланте» (Баратынский Е. А., Стихотворения. Письма. Восп. современников, М., 1987, с. 302).

Многолетнее творч. молчание П. было прервано в 1847 — он в числе многих откликнулся на кн. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». В «Письмах к Н. В. Гоголю по поводу его книги...» (первое, второе и четвертое: МВед, 1847, 6, 29 марта, 17 апр.; перепечатаны в «Совр.», 1847, № 5, 8; третье письмо, по-видимому, написано не было) П., как обычно, последователен, логичен, откровенен, но более сдержан и

деликатен, чем в др. критич. сочинениях. Отмечая, что истинное в книге не ново, а новое не истинно (Гоголь был сильно задет этим упреком — см.: Гоголь, VIII, 437), П. утверждает, что задачу воспитания, душевного очищения Гоголь намного успешнее выполняет в худож. прозе, а поучения в «Выбранных местах» могут только «лишить ум ясности и простоты воззрения на Божий мир» (6 марта, с. 218).

Считая П. человеком «здрым, и притом не раздраженным» (VIII, 437), Гоголь, однако, полагал, что «Письма» П. продиктованы не душевной потребностью писателя, а желанием «несколько порисоваться самому перед публикой» (XIII, 334), что П. юное «принял не в том виде», многому приписал «такую грубую ошибку, что поныне строит... исеры и сарказм современств» (XIV, 82). Отклик на «Письма» был аниметриально противоположен. Критики, далекие от П., — Белинский (X, 358), В. П. Боткин (Боткин, с. 265), впоследствии Н. Г. Чернышевский (IV, 659) — оценили их очень высоко. Люди, близкие П., отозвались о письмах сдержанно-негативно: Шеварь, признав, что статьи П. — «самое замечательное и самое сильное» из всего написанного против Гоголя, отметил, что П. «пристрастен — и потому суждение его не может быть полно» (Грот и Плетнева, III, 722); Вяземский считал, что первое письмо «очень умно, но слишком сухо и жестоко, а следовательно, несколько и несправедливо» (РА, 1885, кн. 2, с. 311). В целом негативно суждение И. Аксакова о 2-м письме: «умно, прекрасно, но, воля ваша, так холодно, так все неискреннуто, интеллюто убеждений» (Аксаков И. С. Письма в родные, 1844—1849, М., 1988, с. 366). С иронией и осуждением отзывались о письмах Чаадаев, П. А. Плетнева, Смирнова-Россет (см.: Чаадаев П. Я., ПСС и избр. письма, т. 2, М., 1991, с. 201—02; Грот и Плетнева, III, 32; Н. В. Гоголь. Мат-лы и исследования, т. 1, М.—Л., 1936, с. 181; РС, 1890, № 11, с. 353—54).

Оставив службу в 1846 (в чине титул. сов.), П. много времени уделяет управлению именными теста, К. И. Яниша (по его доверенности). С 1849 к этим хлопотам прибавились заботы об имени Н. П. Огарева, к-рое, по желанию последнего, было продано Н. М. Сатину и Янишу (см. об этом: Черняк, 1933, ук.). Не слишком успешная хоз. деятельность П. и его неудержимая страсть к карточной игре послужили поводом для обращения Яниша в янв. 1853 к моск. ген.-губернатору А. А. Захаревскому с жалобой на П., содержащей обвинение в разорении семьи и просьбу удалить П. из дома и отстранить от управленческих делами. В связи с тем что при обысках у П. были обнаружены книги и бумаги «вольного содержания» — франц. издания, два стих. И. Аксакова, письма Мельгунова, копия письма Белинского Гоголю о «Выбранных местах из переписки с друзьями» (у П. хранились и подлинник ответа Гоголя), дело было передано в III отд. 12 марта; по окончании чрезвычайно строгого расследования (с неоднократными допросами арестованного П. и привлеченных свидетелей) последовало высочайшее повеление: за картужную игру и хранение запрещенных бумаг и книг уволить П. от службы (с сент. 1852

он был поч. смотрителем 3-го моск. уездного уч-ща) и выслать на жительство в Пермь под строжайший надзор полиции (ЦИАМ, ф. 16, оп. 43, № 75; об аресте П. см. также: РА, 1886, № 3, с. 354—55; КА, т. 3, М.—П., 1923, с. 310—11, и др.).

Подлинные мотивы поступка тестя, а также обстоятельства ареста и расследования не вполне ясны: сам П. и его знакомые связывали жалобу Яниша с тайными семейными обстоятельствами (осложнение отношений с женой; с одной стороны, из-за сердечных увлечений Каролины Карловны, с другой — из-за связи П. с ее родственницей Е. А. Танненберг. — см.: Берг, с. 265; Чичерин, Восп. Москва ороковцев, с. 117); не исключалось и особое усердие в этом деле Закревского — незадолго до ареста П. написал на ген.-губернатора справку («Не молва ты, не глуп, не вовсе без души...»), к-рая распространилась по Москве в смысле и приобрела широкую известность.

1 апр. 1853, в день отъезда к месту ссылки (в сопровождении жандармского унтер-офицера), П. посетили Чаадаев, Чичерин, Шевырёв, А. И. Кошелев, А. С. Хомяков и др. П. тяжело переносил изгнание, досадуя на друзей за их бездействие и душевнеспасительные советы (искать успокоения в религии или в службе). Внезапная кончина Яниша от холеры позволила П. просить высочайшего прощения. Вследствие заступничества перм. ген.-губернатора И. И. Огарёва и хлопот друзей П. в дек. 1853 был прощен и возвратился в Москву, по свидетельству Чичерина, — «наломленным и одиноким» (там же, с. 119). В июле 1854 полиц. надзор за П. был заменен секретным наблюдением.

Имя П. снова появляется в печати в 1856 — на страницах ж. «Рус. вест.» М. Н. Каткова.

Ст. «Чиновник», комедия графа В. А. Соллогуба (№ 11, 14; отд. изд. — М., 1857), в к-рой П. подвергается тесной всесторонней критике и, в частности, вопреки автору подчеркивает, что пробная взяточничества может быть решена не стараниями честных чиновников, а только совершенствованием всего жизненного устройства, имела большой успех (положит. отзывы: А. И. Герцена — ХХVI, 43; Чернышевского — III, 661—68, 678—84; Н. А. Добролюбова — I, 523; рецензента «Отч. зап.» — 1856, № 10, отд. IV, с. 72—75; И. С. Тургенева — РО, 1895, № 3, с. 397). В ст. «Биограф-ориенталист» (1857, № 6; отд. изд. — М., 1857) П. остроумно опровергает ст. В. В. Григорьева «Т. Н. Грановский до его профессора в Москве» («Рус. беседа», 1856, кн. 3—4), содержавшую ряд пристрастных оценок личности и деятельности Грановского. В статье 1858—59 («Вопрос о евреех и „Иллюстрации“ — 1858, № 21, «Итальянский вопрос» — 1859, № 13, «Речь императора француз» — там же) П. с позиций сложившегося, уравновешенного, но всегда неравнодушного человека (придавая большое значение «душевым статьям», подразумевая под этим лит. чувства, — Иобр. соч., М., 1989, с. 439) высказывался по ряду филос., ист., полит., нравств. проблем, ратуя за достойное поведение нации, веротерпимость и наш согласие, выступая против рев. переустройства общества (осуждал Франц. революцию с ее «дееспотизмом действий и с знаменем свободы» — 1859, № 13, с. 71), но будучи убежденным сторонником назревших преобразований. Постепенных реформ («Новое должно быть продолжением, отнюдь не началом» — там же, с. 82), утверждая, что в России источником прогресса является власть. В ст. «Вояжи и г. Дюма» (1858, № 16), в осн. посвященной лит. теме, П. отыскивает о романах франц. писателя как о «любимом чтении полубразованной и не-

образованной публики» (с. 716) и попутно излагает свои требования к худож. тексту: связь событий с внут. миром героя, самобытность характеров, верность ист., худож. и психол. истине.

Полемич. дар П. наиб. ярко проявился в ст. «Статский — армейцу» (кон. 1858 — нач. 1859; не пропущена цензурой; изд.: Б., 1860; в России — РО, 1898, № 3). Отвечая на статью ген.-адъютанта А. А. Ржевусского (РИ, 1858, 24 дек.), направленную против «Воен. сб-ка», стремившегося правдиво осветить армейскую жизнь, П. доказывал, что армия так же подлежит благожелательной критике, как и все др. гос. институты.

Достоинства статей П., высоко ценяемых современниками, как правдивые, связаны не столько с тщательным

Н. Ф. Павлов.
Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонтова. 1848.

(порой излишне детализированным) рассмотрением предмета, сколько со способностью раскрыть связь избранной темы с другими — смежными или более общими. Широка творч. возможностей П. предопределила взаимопроникновение худож. и публицист. начал в его сочинениях: элементы науч. анализа в повестях и яркость изобразит. ряда в статьях.

В 1860 П., обремененный заботами о семье (вернувшись из ссылки, он соединил свою судьбу с Танненберг (гражд. брак), остался с ним и сын от К. Павловой — И. Н. Павлов), начал издавать ежедн. газ. «Наше время» (деньги на издание, по свидетельству Мельгунова, были найдены Вяземским, см.: Кирпичников А. И., Очерки по истории новой рус. лит-ры, т. 2, М., 1903, с. 216). Ведущими авторами газеты помимо самого П. стали составлявшие его

ближайшее окружение Мельгунов, Чичерин, Н. В. Берг (в 1860). «Наше время» с первых номеров горячо поддерживало офиц. линию. Сам П., с момента вступления Александра II на престол, связывал с ним надежды на духовное и экономич. возрождение России (см. речи П. на обедах моск. литераторов — МВед, 1856, 29 сент.; то же — РВ, 1856, № 18; РВ, 1857, № 23—24; вторая речь названа Л. Н. Толстым замечательной — Толстой, LX, 249), а в нач. 1862 объявил Александра II вторым после Петра I преобразователем России, но «более целесообразным» («Наше время», 1862, 3 янв.). Гл. темы статей и обзоров — подготовка крест. реформы и освободит. движение в Италии. В анализе совр. полит. ситуации П. постоянно обращается к ист. опыту — подчеркивает, в частности, что Франц. революция, «страшное, исключительное и знаменательное событие», явилась итогом непродуманной, игнорирующей интересы народа политики, отмечает, что отрицание закономерно только «в приложении к временным, случайным явлениям» (ст. «Кардинал Антонелли и литература» — 1860, 27 марта). Особое внимание П. уделяет проблеме образования; считает, что истинно образованного человека можно найти только между дворянами — по рождению или по воспитанию («1860 год» — 1861, 15 янв.), выступает с беспощадной критикой некомпетентности, невежества, претензий на единоличное владение истинной (все эти недостатки П. видел в Чернышевском как характерном представителе эпохи — ст. «Г. Чернышевский и его время», 1861, 22 авг.). Среди немногочисл. статей П. на лит. темы наиб. внимание обратили на себя резко отрицат. рец. на «Грозу» А. Н. Островского (1860, 17 янв., 7 февр.), в к-рой исключалась сама возможность написания драмы из купеч. жизни. — П. считал, что в ней нет источника для конфликта («Тут царство безразличия, физич. боли, материальных побуждений и ничего иного» — с. 16; доброджелат.-полюемич. отклик П. В. Анненкова на рец. П. см.: БЧ, 1860, № 3), а также негативный отзыв о ром. Тургенева «Накануне» (1860, 8 мая).

В результате доверительных переговоров П. с мни. внутр. дел П. А. Валуевым (окт. 1861) была достигнута договоренность о переводе газеты в разряд ежедневных, о расширении ее программы (помещение полит. известий, частных объявлений), о предоставлении субсидирования. Сохраняя верность прежнему, «консервативно-либеральному», направлению (1862, 4 окт., с. 845), «Наше время» поддерживало политику правительства, с одобрением отзываясь о Ма-

ПАВЛОВА

нифесте 1861, осуждая любые действия, дестабилизирующие ситуацию в России и препятствующие развитию реформ: освободит движение в Польшу (1862, 27 февр.), студенч. волнения (1862, 22 мая), тайное распространение рев. воззваний («отголосок ... опозоренных и вышедших из употребления теорий») — 1862, 30 мая), деятельность эмигрантской печати (серия анонимных статей под назв. «Г. Герцен и г. Огарев (Рус. лит-ра за границей)» — 1862, 2, 5 авг., 2, 12 сент., 16 нояб., 1863, 13 янв.).

Курс газеты и в особенности статьи самого П. были подвергнуты резкой критике в публицистике и памфлетах Герцена, с иронией замечавшего, что в прошлом П. играл «на карты, а не в убеждения» (XVIII, 31). «Наше время» превратилось в объект насмешек и пародий сатирич. изданий (см. об.: Поэты «Искры», Л., 1933, «Свисток», М., 1981; оба — по ук.). Покровительство, оказываемое газете Мин-вом внутр. дел, нанесло большой ущерб репутации П. и поставило под сомнение искренность газет и ее редактора, хотя позиция «Нашего времени» в целом соответствовала убеждениям П., сложившимся к кон. 1850-х гг.

В сер. 1863 материальное положение «Нашего времени» безнадежно ухудшилось, и в конце июня П. прекратил выпуск газеты, начав с сентября издавать новую — «Рус. вед.», целью к-рой являлась информация широких слоев населения о внутр. жизни и внеш. политике. На посту редактора П. оставался до конца своих дней.

Разносторонняя одаренность П., многократно отмеченная современниками (Вяземский писал, что в П. «таилось и глухо кипело» много «дарований и значительных сил», — Вяземский, Эстетика..., с. 346), по-видимому, не была в полной мере реализована — предвидческим оказалось суждение Пушкина (1835): «Талант г-на П(авлова) выше его произведений» (XII, 9).

Др. произв.: [Отрывок из восп.] («Рус. библиофил», 1916, № 5).

Изд.: Именины. Аукцион. Ятаган, Л., 1931 (выступ. ст. Н. Степанова); Повести и стихи, М., 1957 (выступ. ст. и прии. Н. А. Трифонова); Подготовка текста Б. В. Смирнского при участии Н. А. Трифонова; Избранное. Повести. Стихотворения. Статьи, М., 1988 (соств. выступ. ст. и комм. Н. А. Трифонова); Избр. сочинения, М., 1989 (соств., выступ. ст. и прии. Л. М. Крутицкая); Russlands Novellendichter, Bd 2, Lpz., 1848 (4 повести, предисл. W. Wolfsohn). Письма П.: А. А. Красавскому — «Отчет инст. публ. б-ки за 1892 г.», СПб., 1895, прил., с. 84—116; С. П. Шеварьев — там же, с. 117—58; В. Ф. Оксовскому — РС, 1904, № 4, с. 193—202.

Лит.: Пушкин; Гоголь; Белинский; Герцен; Панаев; Никитенко; Грот и Плетнев; Аксаков С. Т., История моего знакомства с Гоголем, М., 1960; Вяземский П. А., Эстетика и лит. критика, М., 1984; Боткин В. П., Лит. критика. Публицистика. Письма, М., 1984; Григорьев А. А., Искусство и нравственность, М., 1986; Писарев; Добролюбов; Чернышевский; Достоевский (все — ук.); Арсенев И. А., Н. Ф. Павлов, М., 1864; его же, Из мойшей напечатанной книжки (Н. Ф. Павлов). — «Колоса», 1885, № 6, с. 253—58; [Ростопчина Е. П.], Дом сумасшедших в Москве... — РС, 1885, № 3, с. 691—692, 702; Пономарев С. И., Мат-лы из истории рус. лит-ры (Н. Ф. Павлов). — Сб. ОРЯС, 1889, т. 46, в. 3 (библ.; отд. оттиск: СПб., 1889);

Сухомлинов М. И., Иссл. и статьи по рус. лит-ре и просвещению, т. 2, СПб., 1889, с. 433—55; Берг Н. В., Посмертные зап., — РС, 1891, № 2, с. 242, 262—70; [Письма к П. от А. В. Веневитинова, Т. Н. Грановского, А. С. Хомякова, С. П. Шеварьева, А. И. Кошелева] — РА, 1894, № 2; Д. П. (Павлов Д. И.), Н. Ф. Павлов. — РО, 1895, № 3; Павлов И. Н., Из моих восп. Из записной книжки. — РО, 1896, № 4, с. 887—95; Попов М. М., Мелкие рассказы. — РС, 1896, № 3, с. 562—64; Брюсов В., Каролина Павлова. — «Еженед. соч.», 1903, № 11—12, с. 273—90; Лемке М., Очерки по истории рус. цензуры и журналистики XIX столетия, СПб., 1904, с. 107—09; Стенинград И. М., Дневник, М., 1904, с. 182—86, 231, 274—75, 279, 286 и др.; Розенберг В., Из истории рус. печати, Прага, 1924, с. 17—23, 33; Чичерин Б. И., Восп. Моск. ун-та, М., 1929, с. 68—69, 118—19; его же, Восп. Москва сороковых годов, М., 1929, с. 3—5, 79, 116—19, 202—03, 267—69; Черныш Я. З., Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об аграрном наследстве. (Дело Огарева — Панаевой). По арх. мат-лам, М.—Л., 1933 (ук.); его же, Письмо Беллинского к Гоголю. — «Красная нива», 1936, кн. 7, с. 232—34 (мат-лы об аресте П.); Мордовченко Н. И., Гоголь и журналистика 1835—1836 гг. — В кн.: Н. В. Гоголь. Мат-лы и иссл., т. 2, М.—Л., 1936, с. 133—36; Гранин Ю. Н., Ф. Павлов (1805—1864). — В кн.: Очерки по истории рус. лит-ры первой пол. XIX в. в. 1, Валуев П. А., Дневник, т. 1, М., 1961, с. 118, 122—23, 157; Трифонова Н. А., Повести П. — Уч. зап. кафедры рус. лит-ры Моск. гос. пед. ин-та, 1939, в. 2; его же, Первый переводчик Баззака в России. — Науч. доклады высшей школы. Филол. науки, 1960, № 2; его же, Когда же и где родился П.? — РЛ, 1973, № 3; Вильчинский В. П., Н. Ф. Павлов. Жизнь и творчество, Л., 1970 (библ. соч., переводов, текстов, в т. ч. неопубл.); Рус. повесть XIX в. История и проблематика жанра, Л., 1973, с. 172—73, 189—90; Зулдина Н. М., Повесть о белом чиновнике П. и «Бедные люди» Ф. М. Достоевского. — В сб.: Традиции и новаторство в рус. лит-ре XIX в., Горький, 1983; ее же, Особенности лирико-аналит. в светских повестях П. — В сб.: Извост-эстетик. функция иобразит. средств в рус. лит-ре XIX в., М., 1985; Проскурина В. Ю., [«Новые повести» П.] — В кн.: Памятные книжкиных даты, 1989, М., 1989, с. 94—96; Чернуха В. Г., Правительств. политика в отношении печати: 60—70-е годы XIX в., Л., 1989, с. 101—06 и по ук.; Максимова М. Ф., М. Ю. Лермонтов и П.: Из комм. к циклу новеллистик мариин-ов и эмигрант Лермонтова. — Вест. МГУ, сер. 9, Филология, 1991, № 6; ее же, Поэтика Батогово повествования П. — Там же, 1993, № 1; Дмитриев М. А., Главы из восп. моей жизни (выступ. ст. О. А. Проскурина). — «Новое лит. обозр.», 1992, № 1, с. 201, 211—13; Зайцева И. А., К истории ареста и ссылки П., [По арх. источникам]. — «Новое лит. обозр.», 1994, № 8; Kocelnig H., Pawlow, Literarische Bilder aus Russland, Stuttgart und Tübingen, 1837. Gieszen, 1979, S. 223—27; Wolfsohn W., Zu dem Bilde Pawlow's, — «Jahrbücher für slawische Literatur, Kunst und Wissenschaft», 1847, Lpz., [1974], S. 34—40; Svatlov V., Paradox konvence a videni, — В кн.: Pavlov N. F. Jatagan, Praha, 1977; ЛН, т. 56, 58, 62, 91 (ук.). + Некрополит, 1864; РВед, 31 марта; «Нива газ.», 9 апр.; СП, 5 мая (Н. Арсенев); «Книжный вест.», № 7; РБС; Брокгауз; Сл. ОРЯС; Геманы; Мезнер; КЛЗ; ИРЛТ; Рус. писатели, 1990; Лерн. энци.; Муратов (1); Иванов; Чернейский; Масалов;

И. Н. Засыпкиной); РГМА, ф. 472, оп. 13, д. 1098; ф. 735, оп. 1, д. 578; ф. 772, оп. 1, д. 4390, 4605; ф. 774, оп. 1, д. 33 (шаг-мат-лы); ф. 777, оп. 2, д. 77; СПб ГТБ (степки восп.); Б-ка Малого т-ра (списки восп.); Н. А. Зайцева.

ПАВЛОВА Каролина Карловна (урожд. Яниши; 10(22).7.1807, Ярославль — 2(14).12.1893, Клоостервиц, близ Дрездена), поэтесса, переводчица, прозаик. Род. в семье медика, образованного немца (дед получил рус. дворянство в 1805), через год переехавшего с семьей в Москву, где он, избегая врачебной практики, стал

преподавателем физики и химии в Медико-хирургич. академии. П., «славная дочь Москвы» (Н. М. Языков), считала ее своей родиной; старая столица как духовное сердце России — одна из постоянных тем ее стихов. Ярчайшее впечатление детства — авг. 1812, бегство семьи в Ярославль от нашествия Наполеона; во время франц. оккупации у Янишиной сгорел моск. дом и разорено имение в Смоленской губ.; семья обеднела. Возвратясь в Москву весной 1813, Яниши живут в домах и подмоск. имениях аристократич. знакомцев — гр. Строгановой, кн. П. П. Одоевского и др., в наемных жилищах. Наблюдения за вечерней жизнью Тверского бульвара, общение со сверстницами из юного окружения кн. Одоевского (ср. стих. «Да, много было нас, младенческих подруг», 1839) стали первыми «светскими» опытами подрастающей девочки, а подмоск. природа (Братцево, Петровское-Ра祖новское) пробудила в ней «понятие прекрасного». В 1816 — «неупорное горе девятилетнего ребенка»: смерть младшей сестры (событие будет вложено автобиогр. мотивом в ром. «Двойная жизнь»: у героини, Цецилии фон Линденборн, слаб здоровьем младший брат, и она должна стать единств. наследницей, что влияет на ее судьбу). П. получила отличное дом. воспитание (отец даже привлек ее к занятиям астрономией), ра-

но обнаружил блестящие способности к языкам, овладев практически всеми европейскими, недурно рисовала, увлекалась чтением европ. поэтич. классики, грезил шиллеровским маркизом Позой.

Согласно большинству мемуаристов, 19-летняя Каролина приобщилась к лит. жизни в салоне Елагиных (см. Елагина А. П.), выступив там и как поэтесса; первое известное нам стих. — «Es wurden in dem düstem Egerleben» (на нем. яз., июнь 1827; при жизни не печаталось; впервые ориг. и пер. Вс. Рождественского — «Нам посланы в глухой земной доли...»: Павлова, 1964). Знакомство с сыновьями Елагиной бр. И. В. Киреевским и П. В. Киреевским перерастает в прочную дружбу со старшим, Иваном, к-рый стал ценителем ее дара и, по слухам, был к ней неравнодушен. Благодаря им и близким к ним «любомудрам» осенью 1826 введена в салон кн. З. А. Волконской, гости к-рого Е. А. Баратынский, П. А. Вяземский вписали в кон. 20-х гг. посвящения в альбом К. Яниш. Особенно глубокий след в творч. биографии П. оставил Баратынский, к-рого она считала своим учителем («Меня вы назвали поэтом! ...! И я, согрета вашим светом! Тогда поверила в себя», 1842), посвятив поэму «Кадриль» его памяти, перед к-рой благоговела (см. свидетельство его племянника С. А. Рачинского, пересказанное составителем кн.: Е. А. Баратынский..., 1916, с. 118).

Вскоре у Волконской Каролина знакомится с А. Мицкевичем, высланным из Польши за участие в тайном патриотич. об-ве и окруженным ореолом изгнанничества. История их любви и несостоявшегося брака просматривается в письмах Мицкевича к ее отцу (23 дек. 1828), к своему другу К. Дашкевичу (23 апр. 1828), тоже влюбленному в нее и вскоре наложившему на себя руки и без внимания безответного чувства, сыльному товарищу Ю. Ежовскому (кон. февр. 1830) (см.: Мицкевич, с. 412, 402, 437—38), а также в письмах Каролины к поэту от 19 февр. и 17 апр. 1829 (см.: Храневич; Мицкевич, с. 630).

Предложение Мицкевича (или, по др. версии, намеки на его возможность — см.: Романовский) последовало 10 нояб. 1827, вскоре после того, как поэт по желанию ассушки, решивший привлечь его внимание, был приглашен в дом в качестве учителя польского яз. («ее необычайные способности ко всем наукам», «торжась, что нашел такую ученицу» — из письма к ее отцу). Одним из предпосылок к браку, по-видимому, стала угроза богатою дади лишиться наследства в случае брака с сознательно не устроенным чужеземцем. Однако и чувство Мицкевича было не настолько глубоким, чтобы не отступить перед, возможно, циничной протрадой (см. его письма к Дашкевичу, цитиров. в ст.: Романовский). Уехав в Петербург и будучи вызван оттуда тревожным письмом Каролины («Надеюсь, что ты так или иначе решишь мою судьбу»), Мицкевич при свидании сообщает о намерении оставить Россию, и они обмолвываются

прощальными строками: она — письмом, полным грустного достоинства («... я убеждена, что все к лучшему для нас обоих, ибо такова Божья воля»), он — стих. в ее альбом (в пер. В. Я. Брюсова «Перелетные птицы»).

Десятилетия спустя П. утверждала, что рассталась с Мицкевичем из чувства долга, чтобы не обременять его и без того тяжкую скитальческую участь своим положением бесприданницы; но, судя по признанию в стих. «Среди событий ежечасных» (март 1848, когда няня поэта всплыло в связи с известиями из рев. Франции), разрыв с ним «в тот весенний грустный день» запомнился ей как страшный удар («Божьлась, словно вещи чуждой! Я этой горести безумной! Коснуться сердцем хоть на миг»), что почувствовал и сам Мицкевич (см. письмо 1830 к Ежовскому — с. 437—38). Память о встрече

К. К. Яниш. Худ. В. Ф. Бинжман. Кон. 1820-х гг.

с Мицкевичем была пронесена П. сквозь всю жизнь: стих. «10 ноября 1840», «На 10 ноября» (1841), где поминается «день заветный» их любовного объяснения, «К тебе теперь я думу обращаю» (1842) и др. Весь эпизод сыграл огромную роль в жизненной установке лит. дебиантки, углубив ее личность и повернув в сторону творч. самоосуществления.

К этому же побуждала и встреча летом 1829 с нем. натуралистом А. Гумбольдтом, к-рый посоветовал способной девушке посредством переводов познакомиться нем. читателей с образцами рус. поэзии. Гумбольдт также передал ее пер. на немецкий (рукоп. отрывки — см. ИРЛИ, Р.1) поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод» и В. Гёте, к-рый, видимо, одобрил его (см. письмо П. к Вл. Мицкевичу — Мицкевич, с. 695).

Портрет П. нач. 30-х гг., ведущей светскую и лит. жизнь, оставил Н. М. Языков (повстречавшийся с ней в 1829 у Елагиных и ставший ее близким знакомым и поклонником таланта) в письме братьям от 20 янв. 1832: «Вышепоименованная дева — есть

явление редкое, не только в Москве и России, но и под луною вообще. Она знает чрезвычайно много языков ... и все эти языки она беспрестанно высовывает, хвалясь ими. Любит промолвить стихи свои, владеть разговором. Довольно недурна лицом; черноокая, пышноволосая, но тоща...» (Языков Н. М., Полн. собр. стих., М.—Л., 1934, с. 791—792). Такая полувосхищенная, полуиронич. аттестация будет с нарастающими тонами недоброжелательства варьироваться современниками поэтессы (Д. В. Григоровичем, И. И. Панаевым, Б. Н. Чичерным, А. В. Никитенко и др.). Подобные отзывы отражают не только психол. облик П., но и отношение рус. общества 30—40-х гг. к феномену женщины-поэта, вольно или невольно претендующей на профессионализм. — изумление (преувелич. похвалы, избаловавшие П. и иссякшие к 50-м гг.), смешанное с раздражением («постоянно думала, что она пишет как рус. поэт-мужчина» — Берг, с. 264). П., как мн. поэты, работала «с голоса» (процесс сочинения ее стихов описан в восп. ее сына И. Н. Павлова — РО, 1896, № 4, с. 889), откуда потребность декламировать свежесочиненное с выраженной акцентуацией («завываниями» и «выкриками»), выверяя звучание на слушателях; лит-ра — впечатления от нее, разговоры о ней — была захватывающей атмосферой ее существования; ни светские развлечения (она отлично танцевала), ни позднеjšíе семейные обязанности, ни общение с природой (подмоск. прогулки, верховая езда) не могли соперничать с этой страстью, — но то, что в поэте-мужчине воспринималось бы как норма (по крайней мере, романтич. норма), в женщине представлялось навязчивостью, отсутствием такта, непомерным честолюбием (хотя П. не торпичилась с публикациями даже значит. произведений, а многое вообще оставляла «в столе»).

В 1833 в Германии издается ее 1-й сб. «Das Nordlicht. Proben der neueren russischen Literatur» («Северное сияние. Образцы новой рус. лит-ры», [Dresd.—Lpz.]), куда вошли переводы стих. А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, Баратынского, Языкова, Д. В. Веневитинова, рус. и малорос. нар. песен, образцы новой рус. прозы, а также 10 ориг. стих. на нем. яз., в т. ч. сонет «А. Гумбольдту». В предисловии П. сформулировала свои переводч. принципы («Я убеждена, что в метрич. переводе нельзя изменять стихотв. размеры подлинника без разрушения характера и физиономии стихотворения», и др.), остающиеся «уроком переводчикам любых эпох» (Гинзбург, с. 55).

Книжка была замечена и в Германии (реп.: «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik», В., 1834, S. 115; «Blätter für literarische Unterhaltung», Bd 1, Lpz., 1834), и в России («Молва», 1834, № 15). Ее приветствовал И. Киреевский в ст. «О рус. писателемидом» (альм. «Поларок бзданы», Ол., 1834; то же — в кн.: Киреевский, ук.), похвалив не только переводы, но и «силу фантазии» ориг. стихов, процитировав поэтик. комплект Янковва сочинительнице («... два венца... / Зеленый лавр поэзии чуждой / И бриллианты музы вапней») и пригласив автора, «рус. девушку», начать писать на «отечественном языке».

С этого времени и вплоть до замужества жизнь и занятия П. мало изучены; известно, что в 1835 она опубликовала в № 12 парижского ж. «Revue Germanique» пер. на франц. отрывка из «Орлеанской девы» Ф. Шиллера (см.: «Письма Н. Ф. Павлова...»); полный пер. вышел отд. изд. в Париже в 1839. Любимой героине П. посвятила также франц. стих. «Jeanne d'Arc» («Жанна д'Арк»; 1839; перепечатка и перевод: Павлова, 1964).

В 1836 смерть дяди приносит семье Янншей значит. состояние и Каролина становится богатой невестой. Осенью моск. свет узнает о ее помолвке с даровитым и модным литератором Н. Ф. Павловым, о чем в ноябре А. И. Тургенев пишет Вяземскому (ОА, III, 351—52), а в дек. П. В. Нащокин — Пушкину (Пушкин, XVI, 212). В янв. 1837 сыграли свадьбу, и молодые поселились в отличном особняке на Рождественском (тогда звавшемся и Сретенским) бульваре (ныне д. 14) вместе с четой стариков Яннш; в 1839 родился сын Ипполит.

Года спустя, после скандального разрыва с женой, Павлов признавался, что «он в жизни сделал одну гадость: женился на деньгах» (Чернин, с. 4); но при заключении брака его чувства, видимо, были не так однозначны: «... он желает, как пишет (по его словам), не из денег, но и не без денег» (Хомяков, VIII, 1904, с. 37). П. же, выйдя по склонности, вернулась мужу и признавала его авторитет, в т. ч. в оценках своей поэзии — см. 1-й вариант стих. «Была ты с нами неразлучна» (написано 1842), стих. «Мы современницы, графиня» (написано 1847), особенно же отторгающее новизну и радость брачной жизни письмо А. И. Тургеневу в связи с изданием ее книги во Франции: «я поняла, что на земле существует дружба поэзии и счастье более великое и более истинное, чем счастье писать стихи» (Павлова, 1939, с. 443). Павлов в ту пору тоже был высокого мнения о дарованиях жены (см. письма А. А. Краскову от 19 июня 1837 и С. П. Шевырёву от 22 марта 1840: «Как жена моя стала по-русски писать?» — «Письма Н. Ф. Павлова...», с. 130). Е. А. Драгунцова, познакомившись с четой этой в 1843, находила ее на высоте семейного счастья (см. ее восм.: ПТМ, ф. 65, оп. 1, № 10, л. 11—12).

В 1839 в Париже при содействии Тургенева и привлеченных им франц. литераторов выходит сб-к франц. стихов П. «Les préludes» («Прелюдии»), куда вошли пер. «Моря» В. А. Жуковского, «Полководца» Пушкина и др. рус. стихов, переводы с англ. и нем., а среди шести ориг. стихов — любовное послание к мужу «А toi» («Тебе», апр. 1837; на рус. яз. впервые, в пер. В. Рождественского, опублик. в 1964). Одно из ориг. франц. стих. П. «Женские слезы» («Les pleurs des femmes»), в сб-к

не входило) пожелал на музыку Ф. Лист после вечера у Павловых во время моск. гастролей в 1844 и издал в том же году как «роман», повс. поэтессе (см.: Смиренский); знакомство с Листом возобновилось в кон. 50-х гг. в Германии (см.: Сабинина).

По сообщению Шевырёва («Москва», 1841, № 1, с. 380), переводы привлекали внимание О. Балзака. В России же их хвалили В. Г. Белинский (1839; III, 191; позднее, размышлявший со славянофилами критик отозвал (1843), что выбор рус. стихов (Янков, Хомяков) не на уровне таланта переводчицы; непреодоленным же он считал пер. «Полководца» (см.: VII, 655—656), а также К. С. Аксаков (реп.: ОЗ, 1839, № 7), навсегда признавший ее «истинный поэтик. талант» (1857; см.: Аксаков К. С., Эстетика и лит. критика, М., 1995, с. 335).

Первое в печати рус. стих. П. — «Неизвестному поэту» (ОЗ, 1839,

К. К. Павлова.
Рис. Э. А. Дмитриева-Мамонтова. 1848.

№ 5; впоследствии под назв. «Е. Милыеву» — см.: Милыева Е. Л.); Белинский в том же отклике 1839 поставил его в ряд со стих. М. Ю. Лермонтова, не покупившись на похвалы и весьма посредств. переводу П. баллады «Гленара» из Т. Кэмпбелла (о чем сожалеет в письме В. П. Боткину от 16 апр. 1840; XI, 508). С этого времени П. выступает как рус. поэт в ведущих ж-лах, альм. и сб-ках («Отч. зап.», «Москвитини», «Современник» П. А. Плетнёва, «Бака для чтения», «Моск. ученый и лит. сб-к» на 1846 и на 1847, «Одес. альм.», «Утренняя звезда», «Раут», «Моск. гор. листок» и др.).

9-летний период ее творчества на рус. яз., завершившийся ром. «Двойная жизнь» и историческим стих. «Разговор в Трианоне» (оба — 1848), отмечен высокой продуктивностью, ростом лит. известности и деятельным участием в худож. и интеллекту-

альной жизни Москвы. На званых обедах по четвергам, на вечерах по вторникам, приемах на даче в Гирсее Павловы объединили свои лит. и обществ. знакомства (муж — преим. в среде западников, жена — среди славянофилов); их салон, где главенствовала хозяйка, а хозяйни, слегка убаюкиваясь с авансцену, заботился об изысканном столе, посещали Баратынский, Вяземский, Янков, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен (отметивший в дневнике 1843 «ум и таланты» П. — при неблагоприятном внеш. впечатлении; II, с. 265), Н. П. Огарёв, Т. Н. Грановский, Шевырёв, Хомяков, бр. Аксаковы, бр. Киреевские, Ю. Ф. Самарин, М. П. Погодин (с главой ред. «Москвитинна» у П. тесные деловые связи), молодые Ап. Григорьев, Я. П. Полонский, А. А. Фет (приехавший заранее прочитать хозяйке свои стихи и получить одобрение); в мае 1841 здесь провел последний моск. вечер Лермонтов. К тем же годам относится знакомство П. (через семейство Аксаковых) с Н. В. Гоголем, «к-рый всегда с ней бываёт очень любезен» (В. С. Аксакова — ЛН, т. 58, с. 615).

Межуаристы с разной долей внимательности вспоминают неск. театральную и экзальтированную атмосферу собраний у Павловых, привнесшую «пыль» хозяйки салона, избыток стыдот. аккламации; однако высочайший умств. уровень бесед и споров, возможность скрестить шпаги вне сцен, условий делати встреч блистат. «сборных пунктом выдающихся людей Москвы» 40-х гг. (Рапоф, с. 17). Их характер воссоздан в форме беллетризов. диалога на строго документ. основе Л. Гроссманом — «вокруг грустного образа одной несчастливо осмеянной при жизни и недостаточно оценённой по смерти русской поэтессы» (см.: Гроссман, с. 3).

Творчество П. в 40-е гг. отличается тематич. экстенсивностью, жанровой пестротой (думы, элегии, «рассказы в стихах», близкие к балладе, послания, наконец, роман-«очерк» в прозе и стихах), разнообразием метрико-ритмич. репертуара (о нем см. напр.: Белья А., Символизм, М., 1910, с. 358—60). За таким разнообразием стоит не только богатство возможностей, но и некий кризис самоопределения. П. чувствует себя принадлежащей сразу нескольким человеческим и духовно-эстетич. общностям, и ни одной из них вполне. С одной стороны, она видит свою лит. родину в золотом веке рус. поэзии («Нас Байрона живила слава / И Пушкина изустный стих»), но, с другой — ощущает, что пушкинская эпоха сменилась «веком сознаний», «холодных умов» и «пламенных невед» (послание «Н. С. Аксакову», 1847), в к-ром она чем дальше, тем больше будет неуместна. С одной стороны, обмениваясь посланиями с Языковым (он ей — 8, назвав ее музу своей «начальницей», она ему — 4), обращаясь к др. представителям «московской» поэзии, она афористически формулирует идею причастности к поэтич. братству: «Да помнит же

поэт поэта... Да соединит их песнь живая! Как электрическая цепь!» («Н. М. Языкову», написано 1842). Но, с другой, — скорее отождествляет себя с теми «немыми» поэтич. натурами, к-рые не реализуются общепризнанным творчеством и остаются «людьми без ремесла», подобно нетронутым «рекам без пароходов» (как бы логич. предел антиутилитарного настроения, оглашенного Баратынским в «Последнем поэте»); отсюда же рождается сострадание сиб. поэту-самоучке Милькееву, тоже в каком-то смысле «немому» и «сокровенному» душой перед лицом столичного круга, и сходные строки о себе: «Безглагольна перед светом ... Гость неуязвимый в мире этом! Неизвестный соловей» («Нет, не им твой дар священный», 1840). С одной стороны — выражение славянофильских идей и настроений («И. С. Аксакову», «Москва», полемич. стихи против «антимосковских» строк Е. П. Ростопчиной), искренняя, но подчеркнутая патриотич. «русскость»; с другой — определ. инородность этой среде, чего П. не могла не чувствовать: «Ее деятельность радует нас, и только то досадно, что, как ни верти, а все-таки она выходит немка» (Хомяков в письме Языкову весной 1842 — VIII, 1904, с. 108—109); на таком фоне даже стихотв. комплименты Языкова насчет того, что поэтессе «дался» наш «самогудный» рус. язык, звучат неск. двусмысленно (ср. язвнт. замечание бар. Е. Ф. Розена: «Язык принимает в круг настоящих Славян — немку» — СО, 1847, № 10, отд. 6, с. 9).

Наконец, быть может, главная, человеческая коллизия — одновременная принадлежность к мужскому творч. «союзу» (неустановленному адресату одного из посланий П. — «К С. К. Н.» — предлагает «сойтись дружбою мужской») и к женскому «сестричеству» в двух его версиях: «пеней, лишинных крыльях», «с-мы сестер моей души» (посвящение к «Двойной жизни»), чью душевную невисказанность поэтесса берет за образец словом, — и таких же, как она, носительниц «вдохновения святого» («Три души», 1845, опубл. 1850). (С этой т. з., стих. «Графине Ростопчиной», написано 1841, и «Мы современницы, графиня», написано 1847, можно рассматривать и как сопоставление жизненных дорог двух женщин-поэтов, как слово женщины к женщине.) Экзистенциальный выбор между «желшиной» и «поэтом» не на шутку тревожит П., и она порой пыталась разрешить его в пользу первого («что ни говори, женщина-поэт всегда остается более женщиной, нежели поэтом» — из письма в ред. «Совр.»: 1854, № 11, отд. V, с. 134), будучи поддержана наставлениями И. Аксакова (в ответ

на ее сомнения в оправданности «недельного» занятия поэзией он передавал ей, что дело ее жизни — «воспитание сына и звание матери»), а на досуге можно предаваться и поэтич. опытам, к-рые он столь ценит; он же ранее с огорчением сообщал, что «Каролина Карловна пустилась в свет и танцы! Ох уж эти мне женщины!» — «И. С. Аксаков в его письмах», т. 2, с. 359; т. 1, с. 73). Но со временем жизнь побудила ее остановиться на втором.

Поэтесса П. в 40-е гг., на переломе лит. эпох, эклектична: тут и стилистич. связь с «пушкинским плеядой», и отзвуки баллад-повествований позднего Лермонтова, и черты риторичной «ветичавости» в духе Н. В. Кукольника, и ораторский тон поэтов-славянофилов, и отголоски усвоенных ею нем. и франц. романтиков. Но есть и самобытные достижения. Это, во-первых, умный и точный анализ нек-рых дум и посланий, где П. проявляет себя мастером самонаблюдения и меткой психол. формулы («И помнит о себе, как будто о чужой»; «и более, чем годы! События переменили нас»; «И горестней милого горя! Мне равнодушнее мое» — характерный мотив власти времени над памятью и чувством); здесь наиб. очевидна творч. перекличка с Баратынским (ср. особенно стих. «Зовет нас жизнь: идем, мужаясь, все мы», 1846, опубл. 1901). Во-вторых, это своеобразный мистич. психологизм ее стихотв. полубаллад-полурассказов («Старуха», «Огонь», «Рудокон»), где роковая монаманя, овладевающая человеком и его судьбой, воплощается в нашептываниях стороннего гипнотич. голоса — в тайне психич. раздвоения (поражает предвосхищение ритмикоминтонац. ходов М. И. Цветаевой в написанной переосмысленным «кольцовским» размером песне Огня из одноим. баллады).

Пучок этих мотивов и тем сходит в ром. «Двойная жизнь» (отрывки: «Москва», 1845, № 3; «Москва, лит. и ученый сб. на 1847 г.»; отд. изд. — М., 1848). Наблюдают ум автора проявляет себя в прозаич. частях «очерка» (так П. обозначила жанр), сюжет к-рого имеет сходство со «светскими повестями» А. А. Бестужева, В. Ф. Одоевского, Н. Павлова; а тема ночного таинств. собеседника (не без влияния «Демона» Лермонтова; исследователь отсылает и к «Генриху фон Офтердингену» Новалиса), тема поэтич. натур, не ведающих о своих возможностях («Что наяву узнает гений! Узнаешь ты, дитя, во сне»), тема женской духовной немоты и темной грезы сосредоточены в поэтич. конюшках глав; причем между прозой и стихами перекинуты искусные ритмизов. «мостики» (см.: Briggs, p. 15).

«Очерк» вызвал множество печатных откликов, преим. положительных, но уже свидетельствуя о том, что творчество П. становится осколком изданной полемик. Разные направления истолковывали «Двойную жизнь» по-своему: от обнаружения в нем рус. идеи (предела к отрывку в «Моск. лит. и ученый сб.» на 1847 г.), принадлежавшей редактору-славянофилу В. А. Павлову и деустикам. подал Шевырева, примитивного «германские» настроения «новости» («Москва», 1848, № 3), до аполитич. отзывов в «Отч. зап.» (А. Д. Галахов) — 1848, № 5) и «Совр.» (1848, № 3), выявлявших сатирич. начало в описании (говорит словами П.) «условного, богатого, счастливой быта» и призывавших автора (ее же строками: «Жизнь лучше слов! И правда выше лжи») расстаться с идеализмом и обратиться к действительности; от почти галантерейных комплиментов «Б-ки для чтения» (1848, № 3) до укоров барона Розена по поводу влияния «юск. схоластики» (т. е. славянофилов) и инимого «хоружаизма» героини (СО, 1848, № 5, с. 7). Проведение было воспринято и в контексте зарождавшегося в России «женского вопроса», проблем женского воспитания (ср. рецензионал «Полемик. Сакс» А. В. Дружинина, 1847). Между тем П. в финале фактически выбирает для героини третью — все сомнамбулич. грезы и светской пустоты — дорогу: стонч. терпения и зрелость, самодисциплины («Так ищи же по приговору! Только верю силе»; ср. со строками, относящимися к мужу: «Кто в покорности и смиренности к мужу: Кто в покорности и смиренности! Обратил мой праздный жар» — стих. «Была ты с имени неразлучна», 1843); со временем стоимым в сознании П. устанавливается.

Стих. «Разговор в Трианоне», к-рое П. считала своим лучшим произв. (1848; запрещено цензурой, ходило в списках, впервые опубл. с многочисл. неточностями Н. П. Огаревым под назв. «Вечер в Трианоне» в кн.: Рус. поэтическая лит-ра XIX столетия, Лондон, 1861; в России впервые в сб-ке П. 1863), вместе с предшествующим по времени откликом на рев. события 1848 в стих. «К С. К. Н.» (авг. 1848; опубл. 1863) и своего рода эпитаглом к ним — стих. 1849 «К ужасоюшей пустыне» (ОЗ, 1855, № 8; автокомм. к нему см.: Раичинский, с. 106—07) — квинтэссенция историко-филос. взглядов П., сложившихся в умств. среде ее салона. Одновременно «Разговором...» означен переход к ряду позднейших произв. П., где злободневные вопросы осмысливаются по аналогии с отдаленными ист. событиями: «Праздник Рима» (1854; ОЗ, 1855, № 11), «Ужин Поллиона» (1857; РВ, 1858, № 15; близость к лирич. драме А. Н. Майкова «Три смерти», несаяющие рим. языческие гражданственность и доблесть в раннем соприкосновении с новым, христ. верованием и подвигничеством), «На освобождение крестьян» (1862; опубл. 1911). В уроках истории, к-рые свидетель тысячелетий бессмертный Калностро преподает др. участнику «разговора», графу Мирабо, в канун революции 1789, звучит убеждение в претее мятежных порывов масс и просветительских иллюзий их идеологов — неприятие П. зап. рев. перспективы (не не европеизма как такового, доказательство чему — редкая поэтич. оповедь Языкову в 1846 после его стих. «Не нашим» и др. выпадов против западников, а также ее эпиграм-

ма сер. 40-х гг. на Шевырёва, ходившая в Моск. ун-те: «Преподаватель христианский...»). Расхождение П. с прогрессивстами 50-х и рев. демократами 60-х гг. становится необратимым.

Нач. 50-х гг. для П. — пора жизненного слома. Рушится семейное благополучие: Павлов, пристрастившийся к карточной игре по-крупному, расточает состояние (жесткое и пронизат. стих. «Портрет», 1851; опубл. 1863, — разит. контраст стихам, обращенным к мужу на заре их брака); открывается его связь с молодой компаньонкой-родственницей П. (переросшая потом в гражд. брак).

Под влиянием ревности и страха за будущее сына П. обращается через своего отца (ср. в ст.: П. Ф. Павлов) за защитой к непопулярному у моск. обществности ген.-губ. гр. А. А. Закревскому, дающему изобретателю Павлова, и даже, по слухам, дает согласие на обмыт в кабинете мужа под предлогом вышестения, чести для он как инок. Найденная при обыске 10 янв. 1853 записка, изданная задолго вперед властью высылать Павлова после отъезда в дальнюю тюрьму в Пермь, откуда его через 9 месяцев выволакивали друзья. С женой же его случается то, что И. Аксаков позже назовет «второй немисс»: Т. Н. Грановская в одном из писем именует ее «чуждишкой», от нее отворачивается ее моск. круг, и в мае 1853 П., вместе с семьей вынуждена буквально бежать от позора в Петербург, с тем чтобы уже никогда не обосноваться в родной Москве, безысходную жизнью в к-рой она переживает так горькую перед вечной путешествийской Ростокиной. Однако в Петербурге К. И. Янин внезапно умирает от холеры, и П., в страхе перед зарзой, срочно в июне отъезжает с матерью и сыном в Дерпт, оставив хоронить отца случайными людям и тем окончательно утвердив в прежнем окружении образ бесцеремонной и эгоистичной особы.

Между тем в Дерпте ее ожидают глубокие личные переживания и творч. подъем («Пронеси же, смолкнувшее слово!»); знакомство с 25-летним студентом Дерптского ун-та (впоследствии видным юристом) Бор. Исааковичем Утиным перерастает в любовь и дает жизнь группе лирич. стих. (написаны 1854—55), условно называемых «утиным циклом» (как принято — счетом 11, публикация В. К. Зонтикова добавляет к ним 12-е; см. разд.: Изд.).

Лирика дум и посланий П. отличалась (опять-таки в противоположность поэзии Ростокиной) не интимно-дневничковым, а обобщенно-аналитич. характером. В какой-то мере он свойствен и новым лирич. стихам; недаром ранними биографами П. не был замечен стоящий за ними жизненный сюжет. Это по-прежнему лирика сдержанно-закрытая, в отличие, напр., от «денисьевских» стихов Ф. И. Тютчева или «панавских» Н. А. Некрасова; психологические взаимоотношений, их мучит. драматизм часто передаются через уподобление («жуткий/ Ребенка спартанского смех») — как образ тайных страданий каждого, породивших при встрече эти сердца, — стих. «Мы странно сошлись. Средь салон-

ного круга»), через аллегорич. стих. «Когда один, среди степи Сирийской», «Две кометы»), интимные переживания включены в более общий круг жизненных ценностей (стих. о поэтич. призвании, «святом ремесле», прославившее П. в 20 в., «Ты, уцелевший в сердце нищем» — камертон всего цикла: РВ, 1856, № 6). Тем не менее в этих и последующих стихах П. нет черт былой выпренности и декларативности, а искривленные выдуманные подробности («... когда я ожидала/ И слышался звонок») делают их особенно человечными.

«Последний взрыв сердечных сил» длился, видимо, вплоть до конца 1854, причем весной П. следует в Петербург за окончившим курс Утиным. Ко времени пребывания в Дерпте относится работа над «Разговором в Кремле» (СПб., 1854; с посвящением сыну). Пространное стих. трактует накануне Крымской войны особо актуализирующуюся тему России и Запада (в подборе ист. материала участвовал Утин). «Прошедшее весною, когда мы ожидали событий неслыханных, бомбардирование Кронштадта и войны около Петербурга... с русским чувством псадала я в полудиностранном городе... это стихотворение. Окончила я его в Страстную субботу...» (из письма П. в ред. «Совр.»: 1854, № 11, отд. V, с. 134). В диалоге между Англичанином, Французом и Русским жертвенно-героич. моменты рус. истории сопоставляются с блестящими историко-культурными достижениями Запада как равнодосягаемые, а в единении сословий под сенью Православия видится преимущество внутр. устройства России (сочетание мыслей, идущих от Пушкина, с центральной славянофильской концепцией).

Среди отливок печати — и озорных (ОЗ, 1854, № 9; «Пантеон», 1855, № 1), и сочувственно-критич. (рсс. Б. А. Павлова) — «Москва», 1854, № 17) — этапной хит лит. репутации П. стала острая «Современника», опубликованная старым лит. издателем П. — Панавевым (1854, № 9). Поместив сведения об издании в один ряд с казенной макулатурой, но многозначительно уклонившись от содержания, Панавев высмеял призрачные поэтические и небалансированные и «экзотич.» рифмы (на иллюстрированный стих скорее уличные находки), лукаво использовал как доподлин. «ушную» ее старое шуточное стих. «Вездя и всегда» (1846; опубл.: «Совр.», 1850, № 8), где этот прием сознательно обыгрывался. Если в 40-е гг. насмешки над П. и ее поэзией не выходили за пределы домашних толчков западников (В. П. Боткина, Грановского, Н. С. Тургенева, Григорьевича, того же Панавева), то радикальная журналистика еще в 1851 (рсс. и пародия Некрасова — «Совр.», № 5 — на главу из поэмы «Кадриль» в об-ке «Раут», 1851) объявила ее настоящей войной, в к-рой выпал против «Разговора в Кремле» был особенно болезненным. Письмо, с к-рым П. не выдержав насмешки, обратилась в «Современник», пытаясь объяснить свои намерения, намерения и эстетич. принципы рифмовки, ж-л напечатало в сопровождении откровенно издеват. отзыва Панавева, и эта попытка затопить дала новый повод для осмеяния в обществе: пушкина по рукам через Дружинина юмористка Ростокиной «Густоистественный диалог здесь» (1854) на «высокопарные и превысшие письма новой Коринны» («Письма к А. В. Дружинину», с. 278—80); ускорив-

нос замечание другой его корреспондентки: «отсутствие свойственного женщине чувства такта» (там же, с. 369).

В Петербурге на фоне угасающих отношений с Утиным П. ищет опоры в новой для нее лит. среде, в умеренно-либеральных ж-лах [напр.: в «Отч. зап.» публикует в 1855 стих (№ 8—11) и пер. «Слеплого» А. Шенье (№ 4) — шедевр рус. переводч. иск-ва, в 1856 — пер. из комедии Мольера «Амфитрион» (№ 10)]. Испытывая крайнюю нужду (по свидетельству Г. И. Геннадия, ей не на что было похоронить умершую в нояб. 1855 мать — см.: РНБ, ф. 178; о ее долгах см. письмо Огарева от 21 янв. 1854 — в кн.: П. В. Анненков и его друзья, т. 1, СПб., 1892), она находит утешение в напряж. труде (работа над пер. поэмы А. Шамиссо «Salut y Gótez», в к-рый вложено личное чувство; интересные метрич. эксперименты, напр. в стих. «Пловец»), в общении с поэтами В. Г. Бенедиктовым, Н. Ф. Щербиной (тогда «от нее в восторге» — Шт а к е н ш е й д е р), Ю. В. Жадоской, А. М. Жемчужниковым. По, вероятно, преувелич. свидетельству Грановского (в письме от 24 авг. 1854), в Петербурге «ее стихи производят фурор» («Т. Н. Грановский и его переписка», с. 433); тогда же Тютчев высоко оценивает какое-то ее еще не напечат. произв., возможно «Разговор в Кремле» (письмо к Э. Ф. Тютчеву от 17 июля 1854 — «Старина и новизна», кн. 19, М., 1915, с. 212). Тем не менее, избегая «горестную блажь» последней любви и спасая от долгов, П. весной 1856 уезжает в заграничное путешествие (Константинополь, Венеция, Рим, Швейцария, Германия), а после краткого посещения России в 1858 (июнь — август — Москва, сентябрь — Петербург) покидает родину и, повидая в Берлине А. Гумбольдта, поселяется в Дрездене и под Дрезденом.

Плодом скитаний явился поэтич. цикл путевых зарисовок и размышлений «Фантазмагорни» (1856—61; опубл. 1858—62, полностью — 1863), а также очерк в прозе и стихах того же назв. (опубл.: РО, 1894, № 12). В кон. 50-х — нач. 60-х гг. лит. связи с родной еще теплятся: в «Рус. вест.» в 1859 (№ 1—2, кн. 1—4) опубл. поэма «Кадриль», над к-рой П. работала с 1842, и пов. «За чайным столом» с остроумным «светским» сюжетом (возможно, осмеянный критикой стихотв. диалог «Сцена» — набросок к повести); в газ. И. С. Аксакова «День» — стихи (нач. 60-х гг.). В 1859 по представлению Хомякова П. избирают в поч. чл. ОЛРС за переводч. деятельность.

Однако П. все более переходит в разряд забытых андронидов. «Кадриль» (т. с. «четверка» — 4 рассказа светских женщин, рисующие искусство, отношения и психологию этого круга), одна из утрат П. («В этих, при истинной

поэзии, сохранены легкость и непринужденность светского женского разговора, и это сделано с таким искусством, от которого часто не отказался бы Пушкин». — *Хомяков*, VIII, 1904, с. 109; письмо к Н. Языкову, 1842), была замолчала критикой, за исключением пародийных откликов в «Искре» (1859, № 24; 1860, № 29).

В 1863 в Москве усилиями друзей выходит скромная книжка отобранных ею «Стихотворений» и встречается резко отрицат. реакцию в рус. ж-лах. М. Е. Салтыков-Щедрин в «Современнике» (1863, № 6; то же — V, ук.) иронически объявляет П. видной представительницей «мольбертовой» поэзии (аллегорич. образ поэтик. призвания как небесного «второго рождения» в раннем стих. П. («Мотылек») и клеймит за «равнодушие» к участи «пахаря, к-рый всю грядку налетает на соху» («Совр.», с. 311, 312). Откровенно глумится в «Рус. слове» В. А. Зайцев (1863, № 6), и даже аморфная «Б-ка для чтения» (1863, № 8) не находит ни одной одобрит. фразы.

Жизнь П. в Германии идет под знаком сурового самоограничения и рабочих будней (стих. «Труд ежедневный, труд упорный» — «День», 1862, 20 янв.). Ее психол. портрет и образ жизни тогда ярко, хотя и односторонне запечатлел И. Аксаков в письме к родным от 23 янв./4 февр. 1860 из Лейпцига («И. С. Аксаков в его письмах», т. 3, с. 353—55); старый знакомый неприятно удивлен, обнаружив ее после всех бедствий якобы счастливой, довольной, вписавшейся в «пошлую» нем. жизнь и лит.-журн. среду (в частности, на нем. сцене с успехом шла ее комедия) и по-прежнему занятой только творчеством; она «отравилась художеством» (ср. со словами самой П. о том же в очерке «Фантазмагорини»: «Художник — ведь это чудовище!»). Между тем истинное настроение П., в тот момент радостно возбужденной возможностью погрузиться в мир искусства в обществе достойного собеседника, было совсем иное. 22 апр. 1860 она пишет Н. А. Мельгунову (с к-рым ее связывали денежные дела): «Мое положение ужасно и с каждым днем ужаснее», а в июле — молодой приятельнице О. А. Киреевой (*Новиковой*): «Спасения нет, и надежда была бы безумием; я себе ее и не позволяю ... я отчаиваюсь, потому что я не чаю, но это отчаяние очень спокойное. Я занята продолжением интересного для меня опыта; хочу посмотреть, переселит ли меня все, что на меня нападает, устою ли я или нет? Покуда еще стою» (Рапгоф, с. 71, 73).

Тема мужеств. преодоления внешних обстоятельств: жизнь нас «вечною тревогой! На бой тяжелей звать должна» — строки из «Думы» («Когда в раздор с самим собою», написана в 1843), отозвавшаяся в изв. стихах А. А. Блока, — давняя внутр. те-

ма П. (ср. ее патетич. очерк «Сильсфильд» — о подвиге освоения диких североамер. земель; «Москва», 1849, № 4), развита в «Воспоминании об [А. А.] Иванове» (написано в 1858), с к-рым П. сдружилась в 1857 в Интерлакене (Швейцария) незадолго до его кончины: близкий ей по духу художник «боролся до конца, стоял до смерти»; «нет ничего выше сопротивления духа всякому житейскому бедствию и горю; нет ничего величественнее человека, к-рый вступает в бой с грозным ангелом страдания»; «смотря на таких духовных Лаокоонов ... чувствуешь не жалость, а какую-то необъятную священную радость» (Собр. соч., т. 2, с. 316, 318).

Др. единомышленник, разделявший взгляд П. на иск-во как на высшее служение и противившийся «утилитаризму» века, — А. К. Толстой, с к-рым П. познакомилась в конце 1860 или в нач. 1861 во время одного из его приездов в Германию. Вскоре она становится своим человеком в его дрезденском жилище. «Каролина П. была маленькая, шустрая... Придет, бывало, а графа дома нет. Так сама велит подать себе завтрак» (из рассказов камердинера А. Толстого — Толстой А. К., Против течения, М., 1997, с. 173). П. переводит на немецкий и популяризирует на Западе его прозв. («Дон Жуан», «Смерть Иоанна Грозного», шедшая с бурным успехом в Веймарском т-ре (где в янв. 1868 она присутствовала на ген. репетиции), «Царь Федор Иоаннович», лирич. стихи, включая, казалось бы, неподъемную «Спесь» и «Против течения» как общий манифест, и мн. др.).

Толстой в свою очередь относился к П., «художник с головы до пят», как к равной в их совместной работе: «Вы дрожали мной поэзия; а я опара ее» («К. П. Павловой», на исм. яз.: см. в кн.: Толстой А. К., Полн. собр. стих., т. 1, М., 1984, с. 439); он восхищался ее даром переводчицы, обсуждал с ней свои замыслы и детали исполнения (их переписка, т. 4, в исм. стилист. содержит важные эстетич. суждения, напр. о природе трагич. героя), проводила рмшарскую предупредительность и заботу о ее житейских нуждах, устраивал ее стихи в рус. печати; в 1864 после долгих хлопот при дворе добился для нее позволенной гос. пенсии, а в 1866 принимал ее в своем имении в Путятинске, где П. написала предисл. к пер. «Смерти Иоанна Грозного»; в этот же период в Россию П. выступила с чтением рус. пер. «Смерти Валентинины» Шиллера в ОЛРС (опубл.: ВЕ, 1868, № 7—8).

Смерть Толстого в 1875 оборвала гл. связь П. с рус. лит. жизнью. Последние прижизненные публ. в России — «Мои воспоминания» (РА, 1875, кн. 3), к-рые еще в 1869 были настойчиво рекомендованы Толстым редактору «Вест. Европы» М. М. Стасюлевичу (см.: Стасюлевич, П., 336, и ук.); мемуары охватывают детство и отрочество (1812 год; превосходный типаж старой рус. аристократии); есть сведения о продолжении, видимо, утерянном с др. бумагами П. Последний известный нам

текст П. — письмо сыну Мишкевичу Владиславу 20 апр. 1880: «Я люблю его сегодня, как любила в течение стольких лет разлуку». По сообщению внука поэтессы Д. И. Павлова, она передала архив близким, завещав «во имя поэзии» опубликовать собрание ее стихов, но судьба архива, состоявшего, по словам А. Ф. Кони, из двух больших сундуков, неизвестна (Кони, 1918, стб. 25). Скончалась П. в нищете, и ее похоронили за счет прихода.

Лит. воскрешение П. совершилось усилиями Кони, в янв. 1903 прочитавшего в Лит.-худож. кружке им. Я. П. Полонского в Петербурге доклад к 10-летию ее кончины (опубл. в 1918) и в особенности — В. Я. Бросова, поместившего свой очерк о ней в ж. «Ежемес. сочинения» (1903, № 11/12), а затем подготовившего издание 2-томника ее прозы. Волна интереса к П. ее худож. позиции и формальным поискам в области рифмы и ритмики сошла с пересмотром поэтик. карты 19 в. к инстинктивным символистам, и с расцветом поэтик «серебряного века». В связи с изданиями 1915 развернулось оживленное обсуждение ее творчества, отчасти повторявшее прижизненную наивно-эстетич. полемику. Стихи П. беспорядочно запаши в память рус. поэта 1-й пол. 20 в.: аллюзии на П. — у Бросова, давшего изд. «Святое ремесло» разделу кн. «Зеркала теней», у Цветаевой (наименование книги стихов «Ремесло» и др.), даже у не любящего ее поэзию В. Ф. Ходасевича его образ «тажелой лиры» скорее всего восходит к строке П. «Но тяжесть свята лира».

Изд.: Собр. соч., т. 1—2, М., 1915 (ред. и мат-лы для биографии П. Валерия Бросова); Полн. собр. стих., Л., 1939 (БПбс; вступ. ст. Н. Коварского, ред. текста и прим. Е. Казанович); Полн. собр. стих., М.—Л., 1964 (БПбс; вступ. ст. И. П. Громова; подг. текста и прим. Н. М. Гайденкова); [Стихотв. пер.] — в кн.: Мастера рус. стихотв. перевода, Л., 1968 (БПбс, 2-е изд.); Стих., М., 1985 (сост., вступ. ст. и прим. Е. Н. Лобасова); «Писну не смело я, не часто», Стих. П. — в кн.: ВСП, в. 4, М., 1987 (упбл. В. К. Зонтикова); За чайным столом. [Поэзия]. — в кн.: Серапа чуткого прозреваем..., М., 1991; *A double life*. [Двойная жизнь], Ann Arbor (Mich.), 1978 (пер. на англ. яз. и вступ. ст. В. Heidi Mooter); *Das deutsche Werk* K. K. Pavlovas, Bd 1—3, Rosenweg, 1994 (Hrsg. F. Gorbunov).

Письма П.: А. Мишкевичу (19 февр., 5 апр. 1829; на франц. и нем. яз.) — в кн.: Mickiewicz W., Życiok A. Mickiewicza..., t. 1, Poznań, 1890 (отрывок из письма от 5 апр. на рус. яз. — в кн.: Логозин); В. Мишкевичу — там же; Отклик фон Гете (15/27 окт. 1829; на нем. яз.) — в кн.: *Fahren nach Weimar, Slavische Gänge bei Goethe, Weimar, 1958, S. 79*; А. Иванову (25 сент. 1857) — Собр. соч., т. 2; С. А. Рачинскому (30 янв. и 16 апр. 1859; на франц. яз.) — в кн.: Е. А. Боратынский, Мат-лы к его биографии, П., 1916, с. 117—18; С. П. Шевыреву и О. А. Киреевой — в кн.: Рапгоф, с. 68—70, 73—75; Twelve unpublished letters of K. Pavlova to A. Tolstoy, [1867—1875]. — «Russian Literature Triquarterly», Ann Arbor, 1974, № 9 (на франц. и нем. яз.); публ. M. Sendich; Б. Аурбару (франц. ит. март 1863; на нем. яз.) — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1963, Bd 33, H. 1, S. 135—36; М. М. Стасюлевичу (11 июня 1868) — в кн.: Стасюлевич, П., 455.

Мемуары и письма о П.: Мишкевич А., Собр. соч., т. 5, М., 1954 (ук.); Берг Н. В., Посмертные зап., — РС, 1891, № 2, с. 262—64; И. С. Аксаков в его письмах, т. 1—3, М., 1888—92 (ук.); Письма Н. Ф. Павлова к А. А. Кравскому [и к С. П. Шевыреву], — в кн.: Отчет Имп. публ. б-ки за 1892 г., СПб., 1895, прил.; Барсуков (ук.); Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, М., 1897 (ук.); Рачинский С. А., Стих. П. и вступ. о ней. — В его кн.: Татевский сб., СПб., 1899; Фитингоф-Шель В. А., Пр. А. К. Толстой, — К. К. Павлова, — в его кн.: Мировые знаменитости, СПб., 1899; Сабанина М. С., Из записок 1857 г. — РА, 1901, кн. 2, с. 580—81; Чинис-

рнн Б. Н., Восп., ч. 2, М., 1929 (ук.); Штакеншнейдер (ук.); Письма к А. В. Дружинину, (1850—1863), М., 1948 (ук.); Панасев, 1930 (ук.); Никитенко (ук.); Толстой А. К. Собр. соч., т. 4, М., 1964 (письма к П.; ук.); Панасева (ук.); Григорьевич (ук.).

Лит.: Велицкий (ук.); Некрасов, XI, кн. 2, с. 68—77, 326—27, XII (ук.); В. (Артемьев) П., К. К. Павлова. — Ра., 1894, кн. 1; Храневич К. Е., Миничев и К. Янин. — ИВ, 1897, № 3; Айхенвальд Ю., К. Павлова [1915]. — В его кн.: Сказки рус. писателей. М., 1994; Погодин А. Л., А. Миничев. Его жизнь и творчество, т. 2, М., 1912, с. 29—33; Ашукин Н. К., Павлова. (К 20-летию со дня смерти). — «Путь», 1914, № 1; Грифиов Б., К. Павлова. — РМ, 1915, № 11; Казмин Н. (Абрамович Н. Я.), П. и Росточина. — В его кн.: История рус. поэзии, т. 2, М., 1914 (на обложке — 1915); Пересергеев В. Ф. Славянская поэтика... — СМ, 1915, № 12; Раугоф Б., К. Павлова. Мат-лы для изучения жизни и творчества. П., 1916 (хронологич. канва; библио.; Ходасевич В., Ода из забытых. — «Нов. жизнь», 1916, № 3; Эрнст С., П. и тр. Е. Росточина. — «Рус. библиофил», 1916, № 6; Заречная С., Забытая поэтика. — «Мир женщины», 1916, № 4; Коки А. Ф., К. Павлова. — «Европа», 1918, № 4/5; его же, Восп. о шестидесяти. М., 1989, с. 560—63; Велицкий А., Нов. издание соч. П. — ИзВЮРЭС, 1917, т. 22, кн. 2, 1918; Гроссман Л., Вороник у П. Снежи в жизни моск. лит. салонов 40-х годов. Од., 1919; Кажин Н., К «Соч.», П. — «Книга и революция», 1921, № 34; его же, Ени о «Соч.», П. — Там же, 1921, № 8/9; Смирновский Б., Забытый роман Листа. — «Смена», 1937, № 13; Измайлова Н. В., Невз, перевод из Мишкевича П. (Янин). — В кн.: А. Миничев в рус. печати... М.—Л., 1937; Сапогов В. А. К проблеме типологии пастирских композиций. (Н. А. Некрасов и П.). — В кн.: Н. А. Некрасов и рус. лит-ра. Кострома, 1971; Данилевский Р. Ю., Нем. стиц. рус. поэтов. — В кн.: Многоязычие и лит. творчество, Л., 1981 (ук.); Золотарева О. Г., К вопросу о «исособранных стихотворных циклах» 40—60-х гг. XIX в. («Утинский цикл»). — В кн.: Проблемы метода и жанра, в. 9, Томск, 1983; Романовский З., История неостоявшейся помолвки. Адам и Каролина. — «Полынь», 1987, № 5; Фридкин В. (М.), Альбом П. — «Наука и жизнь», 1987, № 12; Файнштейн М. Ш., К. К. Павлова. — В его кн.: Писательницы русской поэзии, Л., 1989; Решетлякова И., Катяня рус. слова. — В альм.: «Четкие звуки», М., 1989; Чертежвер Н. Г., «Утинский» цикл П. — В кн.: Проблемы рус. лит-ры. Ст. молодых исследователей, в. 2. Мантигорск, 1992; Гинзбург Л., Старые рус. переводники. — В его кн.: Папа строкой перевода, М., 1981, с. 55—58; Kulakowski J., A. Mickiewicz i K. Jancisch-Pawlowa. — «Wiadomości literackie. Tygodnik», Warsz., 1929, № 36 (297); Gerhardt D., Zu den russischen Übersetzungen der K. Pavlova. — «Zeitschrift für slavische Philologie», 1939, Bd 16; Vasmer M., Russische und polnische Gedichte im Nachlaß von K. Pavlova. — Ibidem, 1938, Bd 27; Senflich M., K. Jancisch (Pawlova) and A. Mickiewicz. — «Polish Review», 1969, v. 14, № 3; Idem, Moscow literary salons: Thursday's at K. Pavlova's. — «Die Welt der Slaven», Wiesbaden, 1972, Jg. 17, H. 2; Idem, K. Pavlova and V. Ulin. — «Russian Language Journal», 1974, spring; Briggs A. D., Twofold life: a mirror of K. Pavlova's shortcomings and achievements. — «Slavonic and East European Review», 1971, v. 49, № 114; Lettman-Sadony B., K. K. Pavlova. Eine Dichterin russisch-deutscher Wechselseitigkeit. Münch., 1971 (S. 165—81) — Bibl.; Kjetsaa Geir, K. Pavlova — eine russische Bewunderin von Oehlenschläger. — «Scando-Slavica», 1975, v. 21; Greene D., Karolina Pavlova's «Tri dusini»: The transformation of biography in: Proceedings of the Kentucky foreign language conference, 1984; Idem, Pavlova K. K. — in: Dictionary of Russian women writers (Bibl.). + Некролог: МВБ, 1893, 5 дек.; ИВ, 1893, 7 дек.; ПБСА, 1893, 9 дек.; РО, 1894, № 12 (Д. Павлов); ИВ, 1894, № 2; Брокгауз: РБС: Галицкий; Янычгов; Ст. ОЛРС; Лерн. энц.: Рус. писатели; Муратова(1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 82 (15 томс В. И. Утину); ГИМ, ф. 142 (6 томс В. И. Утину, в. 6. 1.; 5 на франц.); РНБ, ф. 178, № 9

(«Дневник» Г. И. Геннади); ф. 178 (Белешкий А. И., Эпизод из истории рус. романтизма. Рус. писательницы 1840—60-х. (Машинистка)); РГА, ф. 1343, оп. 34, а. 2144 (дело о дворянстве Янишей (Москва, 1906), в т. ч.: грамота на дворянство деда, Ивану Янишу, 2 окт. 1805; свидетельство о конфирмации П. в 16 лет пастором литван. церкви); ф. 776, оп. 26, а. 3 (о запрещении письма И. С. Дементьева по повести П. «Женства Мисюткина» [справка В. М. Лутановой]); ИРЛИ, ф. 187, № 21 (12 писем А. К. Толстому, 1867—75); ф. 497, № 50 (13 писем к Г. Н. Гегнади, 1855—56); Р. III, оп. 1, № 1593 (От Моексы до Дрездена. Воспоминания. Март 1859; Скок); Р. I, оп. 22, № 326 (отрывки пер. «Комрада Валленрода» на нем. яз.).

И. В. Родичевская

ПАВЛОВА О. П., см. *Мартыновка* О. П.

ПАВЛОВСКИЙ Иван Данилович [30.3(11.4).1854, Полтав. губ. — 26.4(8.5).1881, там же, возможно, Локошский погост под Полтавой], публицист, очеркист. Сын священника. Учился в Полтав. сем. (1861—1862 — ШГА Украины в Киевс, ф. 711, оп. 2, д. 5917), не закончил по болезни (к-рая впоследствии привела к чахотке). Стал нар учителем в сел. школе Полтав. уезда (м. б., в с. Диглеровке; об его истории освещался у П. в 1873 М. П. Погодин). В семинарии приобрел страсть к чтению периодики: «Знать что где пишущ для него составляло потребность» (некролог — «Церковно-обществ. вест.»). Не имея денег на подписку, пользовался б-кой богатого помещика, а также рассылал заметки и сообщения (мат-лы для к-рых брал из местных архивов) в разл. издания — «Древняя и Новая Россия», «Сибирь», «Оренбург. листок», «Полтав. епарх. вед.», «Волинские спарх. вед.» и др. — чтобы получить их бесплатно. Публикации П. привлекали внимание к культурно-ист. достоинству Полтав. края — будь то неэнз. коллекция старинных актов (РС, 1874, т. 10, с. 206), перечень родившихся здесь архиереев (РС, 1876, № 8, с. 712) или замечательно украшенная рукопись («Святые Евангелия на малорус. языке» — РА, 1878, кн. 2).

Однако гл. темой П.-журналиста стала повседневная жизнь провинци. духовенства: его нужды и чаяния, к-рым П. горячо сочувствовал, права и обязанности, положение в рамках епарх. управления и проблемы подготовки к пастырскому служению. С первого года издания газ. «Церковно-обществ. вест.» (СПб., 1874—76) П. оказалась ее пост. корреспондентом, а в 1877 по приглашению редакции переехал в Петербург. Работая быстро и легко, П. опубликовал в «Церковно-обществ. вестнике» множество статей, но преем. без подписи (что затрудняет установление его авторства); ряд статей поместил в ж. «Рус. старина» и «Ист. вест.». На основании арх. док-тов 1-й пол. 19 в. П. ставит те же проблемы, что и Н. С. Лесков в «Соборях» и «Мелочах

архиерейской жизни»: засилье бюрократизма в церк. быту («Переписывание душ» — «Церковно-обществ. вест.», 1879, 11 марта); порочная нишество неизбежность «ожесточенных сделок между клириками из-за кусок хлеба» («С Приднестровья. К разделу „братских“ доходов» — там же, 1879, 29 апр.), произвол архиереев и угодливость их подчиненных («По делам попечительства о бедных духовного звания» — там же, 1879, 23 дек.), пьянство и маловерие пастырей («Неприличное сану и званию составление с евреями» — ИВ, 1881, № 12).

В эссе, очерке «Из Полтавы. Заблужденная жизнь» (Некролог В. А. Орлова) рассказано, как талантливый проповедник, образованный иронично сложил сам, сплел и умер под забором; его жизнь, «приблизительно-пылая, более чем нищенски-прижиленная», стала «кровным последствием... печальной системы вероучения в монахи», принятой в духовных академиях («Церковно-обществ. вест.», 1880, 13 янв.). Согласно П., студент дает монашеские обеты нередко под давлением начальства, и герой очерка, себе на погибель связавши сам, постился жесточе, чем его собрат по неостаятостью естиком, к-рый, оставаясь монахом, «менялся в душе все его окружающим» (там же). (Очевидно на некролог П. опирался Лесков в ст. «Мирское докторство на монашеский негуд» — см.: «Нов. Европа», М., 1994, в. 4, с. 97.)

Независимость суждений, явленная в очерке, еще очевиднее в предсмертной ст. П. «Конистерско-сухие мытарства» (К биографии профессора Андрея Прокоповича) (ИВ, 1881, № 7), где старой слепицист терпит «моральные испытания» от «интересного кроков»: «истинно, нарушенные им... церковные правила... повсюду в вальня приинала» (с. 574). И хотя иерей защитил свою честь, автор делает «неутешит. вывод о состоянии у нас церк. пруда в начале нынешнего столетия» (с. 575).

По мнению П., хотя «религ. положение страны» стало меняться к лучшему при Николае I («какой «обратил внимание на нравств. распушенность духовенства» — ИВ, 1881, № 12, с. 860), оно все же остается тревожащим. Миллионы правосл. «престололюбив», имея «природные светлые стороны», лишены, однако, «твердых религ. позиций» и «чувства законности», а число пастырей, забываящихся о евангелизации населения, слишком мало по сравнению с теми, кто формально исполняет требы (см. ст. П. в газ. «Полтав. епарх. вед.», ч. неофиц., 1876, № 10; 1877, № 6, 20).

В наиб. крупной и проблемной ст. «О церковно-славянском языке. Настоящее его положение; потребности, вызываемые этим положением» («Церковно-обществ. вест.», 1879, 1, 4, 6, 8, 11 июля) П. на мат-ле «Епарх. вед.» мн. губерний делает вывод о неудовлетворит. преподавании церк.-слав. языка в духовных и светских заведениях. Как следствие, мн. места богослужения не понимают в большинстве своем ни миряне, ни «дьячки, эти всероссийские петрушки» (там же, 4 июля), ни даже монахи. Оспаривая мнение, что такое непонимание — удел лишь невиннмат. слушателей, автор по собств. опыту заключает, что несвязные выражений в богослужебных книгах — «море пространное и великое», «и тяжело, очень тяжело бывает читать их в церкви, если хочется читать не машинально и не для одного процесса чтения» (там же,

8 июля). И слабое знание языка, и неясность в самих текстах затрудняют работу православ. миссионеров и открывают дорогу сектант. проповедникам, а в народе приводят к искажению, подчас кощунственному, самых простых молитв — «в связи с общию религ. косностью, к-рая является уделом... неграмотного люда» (там же, 6 июля). Выход П. видит не в отказе от слав. яз., получившего в России «значение ... священного» (там же, 11 июля), а в исправлении богослужебных книг по образцу реформ 17 в. [ср. также его критич. «Поправку к „Рассказам из недавней старины“», уточняющую мнение Филарета (Дроздова) о переводе Библии Г. П. Павским и об издании «славянской Библии» для прихожан, — РА, 1879, кн. 2]. Отклоняя мнение, что это породит новый раскол, П., напротив, находит опасность для православия в сохранении status quo.

Предлагая свои поправки к первому изданию трагедий, П. вместе с тем указывает на печальную судьбу протодиакона А. И. Невострова, поставившего исправлению богослужебных книг всю жизнь: тот вызвал лишь нападки со стороны др. духовных лиц, а горя его рукописей осталась неостробованной. Статья П. получила отклик в виде «вразумления» негов. смотрителя духовного уч-ща, на к-рое автор дал аргументир. и исск. зыательный ответ: «К положению слав. яз. в духовных уч-щах» («Церковно-обществ. вестник», 1879, 25 июля).

В начале каждого лета чахотка вынуждала П. уезжать для лечения на родину (на полгода и более). Несмотря на денежную помощь с разных сторон, в т. ч. от Лит. фонда, П. продолжал сильно нуждаться: все средства поглощало лечение, особенно дорогое на селе. В 1880 к чахотке присоединилась простуда, и П. уже не смог вернуться в Петербург. В последние недели жизни, продолжая думать о защите интересов духовенства, начал большую статью о необходимости выборов благочинных. Завещал написать на своей могиле: «Маты и злы быша дние мои».

Др. соч.: «Н. А. Маркевич. [Биогр. заметка]» (РС, 1874, т. 10), «Кирилл Флоринский, епископ Севский» (РС, 1876, № 8), «„Кичение“ при богослужении. (Из прошлого)» («Полтав. епарх. вед.», ч. неофиц., 1876, № 11), «Лжеименный пастырь» (там же, 1876, № 15), «К истории внебогослужебных собеседований священников с прихожанами» (там же, 1877, № 20), «Из старых епарх. нравов» (там же, 1879, № 11), «Крамольная присяга. К биографии архиепископа Варлаама Шиншацкого» («Церковно-обществ. вест.», 1879, 23 мая), «О необходимости для грузинского епарх. органа духовно-повременной печати» (там же, 1879, 11 нояб.), «Архиепископ Ириней. — Архимандрит Гавриил» (РС, 1879, № 12), «Архиепископ Ириней Нестерович в 1831 г.» (РС, 1880, № 7), «Симония

в укр. духовенстве первой четв. XVIII в.» (ИВ, 1881, № 3).

↑ Некрологи, 1881: «Рос. библиография», № 92(16): «Церковно-обществ. вест.», 12 июня (перепечатка: ИВ, 1881, № 8). Ук. статей, помещенных в неофиц. части «Полтав. епарх. вед.» с 1863 по 1888 г., Полтава, 1888 (сост. П. Мазанов); Ротач П., Материалы до українського біографічного словника. Література Полтавщини. — «Архів України», 1967, № 6; РБС; Брокгауз; Павловский; Яхьяков; Масанов.

С. В. Шешунова.

ПАВЛОВСКИЙ Иван (Исаак) Яковлевич [1852, Таганрог — 27 (по др. сведениям — 25).3.1924, Париж; похоронен на кладб. Пер-Лашез], беллетрист, журналист. Из семьи лавочника-еврея. После учебы в хедере отец («внушил мне благородные идеалы» — «Восп. о дет. годах в Ростове-на-Дону и Таганроге», РГАЛИ,

ф. 2520, оп. 1, № 25) отдал П. «в науку к таганрог. равнину», затем к местному учителю для занятий рус. и нем. языками. После переезда семьи в Ростов П. учился в уездном уч-ще, по окончании к-рого вернулся в Таганрог, где поступил во 2-й кл. г-зии; в старших классах снимал комнату в доме Чеховых (Чехов М. П., Вокруг Чехова. Встречи и впечатления, М., 1981, с. 29; см. также ук.). По окончании г-зии в 1871 поступил в Медико-хирургич. акад. в Петербурге, но вскоре улетел идеей «хождения в народ», весной 1874 вместе с братом Ароном, гимназистом, и студентами Харьков. ун-та организовал в Таганроге кружок самообразования, к-рый занимался транспортной из-за границы нелегальной лит-ры и ее распространением; на квартире П. в Таганроге была б-ка рева. лит-ры. В том же году П. был арестован и в 1875 заключен в Петропавлов. крепость (в 1876 переведен в Дом предварит. заключения). Проходил по «процессу 193-х». Судьба молодого человека взволновала многих: С. В. Ковалевская про-

сила Ф. М. Достоевского похлопотать, чтобы П. разрешили переписку и свидание с невестой (Ковалевская С. В., Восп. и письма, М., 1961, с. 193—94, 196, 198—200, 244, 399, 481—82, 495; см. также: Короленько, VI, 195). В 1877 по освобождению П. вошел в петерб. кружок молодежи, где не раз бывал В. М. Гаршин («Дебюты В. М. Гаршина» — в кн.: Красный цветок. Лит. сб-к в память В. М. Гаршина, СПб., 1889; см. также: Современники о Гаршине, Саратов, 1977). После участия в демонстрации молодежи (1878) был выслан в Архангельскую губ. (в Пинегу). В том же году ему удалось бежать в Америку, откуда перебрался в Париж, где хотел вернуться к занятиям медициной. Там П. женился на В. С. Гончаровой, племяннице Н. Н. Пушкиной (история их отношений легла в основу повести Ковалевской «Нигилистка», 1892, и романа Э. Л. Войнич «Оливия Латэм», 1904). Брак оказался непрочным. В конце 80-х гг. П. женился на Ф. В. Ванцоуровой (1869—1932). В Париже П. встречается с М. М. Антокольским, И. Н. Крамским, И. И. Шишкиным и др.

Особая роль в лит. судьбе П. принадлежит И. С. Тургеневу, написавшему предисл. к автобиогр. очерку П. «En cellule. Impressions d'un nihiliste» [«В одиночном заключении. Впечатления нигилиста»] («Le Temps», 1879, 12 нояб.; Тургенев, XV, 116—18, 184—85; выпад против Тургенева, сочувствующего «разрушителям»-нигилистам, см.: МВед, 1879, 9 дек.). По рекомендации Тургенева (см.: Письма, XIII, кн. 2, 156—57, 363) прозв. П. начали печататься и в России, напр. «Примыши. Очерк из жизни брошенных детей» (ВЕ, 1881, кн. 2; псевд. И. Я. Полоцкий). Однако «Восп. об И. С. Тургеневе. (Из зап. литератора)» («Рус. курьер», 1884, 20 мая, 2, 15, 16 июня, 18, 21 июля, 15 авг.; отд. изд. «Souvenirs sur Tourguèneff» — Р., 1887; положит. отклик: Ф. Булгаков — ИВ, 1887, 10 нояб.) переводчик И. Д. Гальперин-Каминский назвал воспоминаниями лжесвидетеля (см.: Письма И. С. Тургенева к его франц. друзьям — РМ, 1896, № 6, с. 181). Рус. эмигрант С. М. Коган (псевд. Е. П. Семёнов) посвятил П. и Тургеневу гл. «Карьера Подхалимова» в кн. «В стране изгнания. (Из записной книжки корреспондента). Из восп.» (2-е изд., СПб., 1912, с. 88—110): хотя имена опущены, легко узнать доверчивого старого писателя и несостоявшегося революционера.

Лучшим своим беллетристич. произв. П. считал пов. «Красная звезда» (СВ, 1893, № 3—5); авт. инсценировка повести была поставлена в 1913 Александрин. т-ром (с М. Г. Савиной в роли незнакомой дамы), в

1914 — моск. Малым т-ром (отрицат. отзывы: Як. Львов (Я. Л. Розенштейн) — «Разма и жизнь», 1914, № 44, с. 12; Н. Е. Эфрос — ТИИ, 1914, № 44, с. 853—54). В ром. «История одного убийства» (ИВ, 1912, № 1—6; отд. изд. — П., 1915) любовные и полит. мотивы переплелись в уголовном сюжете: бывший член партии «чайковцев», а ныне осведомитель, женится на дочери квартального надзирателя; чтобы предотвратить выдачу всех тайной полиции, товарищи приговаривают его к смерти.

С 1884 П. стал пост. корр. «Нов. времени». Его заметки, регулярно появлявшиеся в 80-е гг. за подписью И. Яковлев, составили кн. «Парижские очерки и этюды» (сер. 1, СПб., 1894), в к-рой автор показал Париж страдающий и плачущий.

«Я не знаю в Париже места, более интересного для наблюдения париж. жизни и волнующего ее больших и малых драм, трагикомедий и фарсов, чем бюро полицейского комиссара. Это настоящий кафе-бюро, где иногда, разглагольствуя сны, полные ужаса, обнаруживается такая масса людского горя и такие безумные положения, от к-рых волосы становятся дыбом» (очерк «Политические сны», с. 39). Отд. главы повес. положению русских во Франции, живописи на Всемирной выставке, а также проституции, домам для детей-сирот и др. Аналогичная книга П. — «Очерки совр. Испании. 1884—1885» (СПб., 1889), написанная при участии исп. литераторов (Багно В. Е., Эмилия Пардо Басан и рус. лит-ра в Испании, Л. 1892, с. 41). А. С. Суворин считал П. как журналиста, умеющего добывать неординарный материал, но оппонировавший из-за скандальной несправедливости по отношению к Д. В. Григоровичу от 14 окт. 1886 — ИРЛИ, ф. 82, № 121). Из-за разногласий с Сувориным по делу А. Дрейфуса П. не работал в газете с 1899 по 1904.

В 1888 «ввиду строго правительственного направления» (РГИА, ф. 472, оп. 66, д. 507, л. 2об.) помещаемых П. в «Нов. времени» статей ему было разрешено вернуться в Россию («где много так некрасиво, так первобытно, но где все родное и милое» — из письма П. к А. П. Чехову, РНБ, ф. 331, к. 55, № 6; сохранились 24 письма П. к Чехову и 32 ответных письма Чехова, опублик. дочерью П. в кн.: Oxford Slavonic papers. v. IX, 1960; перепечатка: ВЛ, 1960, № 8; вступ. заметка и комм. Л. Евстигнеевой), побывал в Петербурге, в Мелихове.

Кром. «Нов. времени» П. печатался в «Новорос. телеграфе» (1887; цикл статей «Париж. письма»), «Рус. обозр.» (1892—96; «Письма из Парижа»), с 1899 — в «России», «Юж. крае» (Х.) и др. В годы мировой войны 1914—18 (в нач. 1917 был на англ. фронте — РГАЛИ, ф. 2520, оп. 1, № 51, л. 1—40) посылал очерки с поля боя в «Нов. время».

Печатался также в Германии и во Франции (напр., «Stadtspiegel», Р., 1895), где как журналист был награжден орд. Почетного Легиона в 1896 (ИВ, 1896, 24 марта).

П. занимался также переводами: повесть исп. писателя В. Переса Гальдоса «Друг Мансо» (ВЕ, 1883, кн. 10—12), сцены из исп. нар. жиз-

ни «Набор» Х. М. де Переды (РО, 1895, № 2), ром. М. Сервантеса «Дон Кихот» (пер. незавершенный; рукоп. — РГАЛИ; см. о нем: Багно В., Дорогами «Дон Кихота», М., 1988, с. 316, 440). После знакомства с Э. Золя перевел его ром. «Дамское счастье» (рассылался как бесплатная премия подписчикам ж. «Будильник» в 1883, без имени переводчика — Тургенев. Письма, XIII, кн. 2, с. 316, 339). Перевел на франц. яз. «Грозу» А. Н. Островского (совм. с О. Метень; пост.: 1889, т-р Бомарше в Париже; см.: Тургенев. Письма, X, 616), «Власть тьмы» (совм. с Метень; Р., 1888) и «Крейсеру сонату» (Р., 1890) Л. Н. Толстого.

Окт. рев-ция 1917 застала П. во Францию, откуда он не вернулся. Нек-рое время работал в Лат. Америке. В 1920 принял предложение М. А. Суворина вновь писать для возрождавшегося в Белграде «Нов. времени» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 3, № 190, л. 1). Писал также киносценарии.

Др. произв.: сб-к рассказов «Маленькие люди с большим горем» (СПб., 1890; рец.: «Саратов. листок», 1891, 7 марта); драма «Зимний вечер» (ТИИ, 1901, № 3; Александрия, т-р, 1900).

Лит.: Салтыков-Шчарин, XIX, кн. 2, с. 119, 239—41; Процесс 193-х, М., 1906, с. 80—82, 84—88, 289; Процесс В. Засулич. (Суд и после суда), СПб., 1906, с. 109—11; Тихомиров Л., Воспоминания, М.—Л., 1927 (ук.); Rev. нидерландцев 70-х гг. XIX в., т. 1, М., 1964, с. 333—34, 454, 510; Крымов В. П., Портреты необычных людей, Париж, 1971, с. 56; Цивьян Ю. Г., Ист. режиссуры кино, Рига, 1991, с. 15, 195—97; ИРДТ, т. 7, с. 470; ЛН, т. 73 (ук.); Некрологи, 1924: ПН, 28 марта; ИВ, Белград, 4 апр. Мясоев (не указан псевд. Н. К-ко).

Архивы: РГАЛИ, ф. 2520; ф. 459, оп. 1, № 314 (письма А. С. Суворину); РНБ, ф. 861, № 108 (письма И. И. Шиблюку); ф. 874, № 129 (письмо С. Н. Шубинскому); ГАРФ, ф. 112, оп. 1, д. 308; РГИА, ф. 1405, оп. 72, д. 7180, 7184; ф. 1280, оп. 1, д. 399, 436.

В. Н. Абрисимова

ПАВСКИЙ Герасим Петрович [4(15).3.1787, с. Павы Лужского у. Петерб. губ. — 7(19).4.1863, Петербург; похоронен на кладб. при мп. фарфоровом заводе], протонерей; переводчик Библии, филолог, гебраист, духовный писатель. Сын дьякона. В 1797 определен в Александроневскую духовную сем. («был очень беден и прислуживал своим товарищам, которые побогаче» — «Странник», 1863, № 5, с. 64); в 1809 поступил в Петерб. духовную акад., по окончании к-рой первым магистром в 1814 (тогда же напечатана магистер. работа «Обозрение книги Псалмов, опыт археологич., филол. и герменевтический...», СПб.; одобрит. отклик Н. И. Греча — СО, 1815, № 3) оставлен в степени бакалавра преподавать др.-свр. яз. (владел также франц., нем. и др.-греческим), в 1818—36 профессор богословия. В академии слушал лекции *Филарета*

(Дроздова; с 1826 митрополита Московского) и нем. масона И. А. Фесслера, в кружок к-рого входил студент («Странник», 1863, № 5, с. 65).

В 1815, после женитьбы, рукоположен в священники к Казан. собору в Петербурге. В 1816—17 законоучитель в Царскосел. лицее, где снимал расположение воспитанников («был очень любим и уважаем [А. А.] Дельвигом», выдавшимся с ним и после 1817: Дельвиг А. И., Полвека рус. жизни, т. 1, М.—Л., 1930, с. 108; «умным, ученым и добрым священником» назван в дневнике А. С. Пушкина 1835; Пушкин, XII, 337). В 1817—27 чл. ценз. к-та при Петерб. духовной акад. (отзывы его отличались уравновешенностью и «спокойствием» — см.: Котович, с. 374), одновременно, в 1819—27, проф. богословия в Петерб. ун-те (читал догматич. и нравств. богословие). В 1825 произведен в протонереи собора Андрея Первозванного.

Карьера П. увенчалась, при посредничестве В. А. Жуковского, назначением 30 нояб. 1826 законоучителем вел. кн. Ал-дра Николаевича (с 1827 его духовник), а затем и вел. княжон; составленная П. записка (опубл. под назв. «Мысли законоучителя протонерея Г. П. Павского о религ. учении и воспитании с.и.в. Государя Вел. Кн. Наследника Цесаревича Александра Николаевича...» — «Сб. имп. Рус. ист. об-ва», т. 30, СПб., 1880) считается «первым серьезным, научно-обоснов. трудом по методике Закона Божия в России» («Полный православ. богослов. энци. словарь», стб. 1736).

П., благодаря Жуковского (с к-рым не был знаком лично) за участие в спос. судьбе, писал по повзду его соч.: за них «вливается глубокое религиозное чувство и встала душа Вааша» (ИРЛИ, 28.192, л. 1, письмо 2) февр. 1827; там же признавался: «Учился еврейскому языку именно для того, чтобы читать слово Божие в самом его подлиннике». В 1829 получил за службу в качестве законоучителя царской семьи бриллиантовый крест и назначен штатным протонереем Большого собора Зимнего дворца; неоднократно награждался. По случаю торжества

совершеннолетия великого князя и принесения присяги (япр. 1834) вышло в свет слово П. — «Беседа законоучителя с еп. Государем Цесаревичем...» (6. м., [1834]), связывающее о том, как готовил он будущего Александра II «к великому делу владычества над людьми», стала на первое место необходимость «самоопознания» и «власти над самим собою»: «Владычество над собою есть наилучшее введение в науку правления» (с. 9—10).

Первое выступление в печати — перевод с франц. соч. Ф. Ансильона (совм. с др. студентами духовной акад.) «Эстетические рассуждения...» (СПб., 1813). В 1816 Петерб. духовная акад. по заданию Рос. библейского об-ва (в 1817—19 П. был его директором, перевод и редактировал издания об-ва) поручила ему перевод с др.-греч. Евангелия от Матфея, в 1821 с др.-евр. — Псалтыри, вышедшей отд. изд.: «Книга Хвалений, или Псалтырь на рос. языке» (М., 1822; 3-е изд., СПб., 1822). П. создал поэтич. и ясный по слогу рус. перевод Псалтыри «вместо невразумительного прежнего», славянского (Предисл. к 1-му изд., с. X; подписано митрополитом Новгород. и Петербургским Серафимом, Филаретом и Симеоном, архимандритом Ярославским). П. подготовил неск. учеб. пособий: «Краткое наставление законоучителю кантонистов высшего разряда...» (СПб., б. г.), для кантонистов же — рус. грамматику совм. с Ф. И. Мидельтром, х-рая, хоть и была опечатана, но по решению А. А. Аракчеева в употреблении не пушена. В др. учеб. книгах П. отразился опыт преподавания др.-евр. яз.; наиб. известная «Краткая еврейская грамматика для обучающихся Священному языку...» (СПб., 1818; М., 1822), весьма оживившая «занятие еврейским языком в петерб. акад.» (Протопопов, с. 21). В 1821—45 П. — пост. сотр. ж. «Христ. чтение».

Атрибуция множества анонимных, напечатанных в журнале работ естествознания; ему принадлежат переводы святоотеческих творений: посылки Игнатия Богоносца (1821, ч. 1; 1828, ч. 31—32; 1829, ч. 36; 1830, ч. 37—38), Климентия Римского (1824, ч. 14), Поликарпа Самарского, Макария Великого, Григория Богослова, слов Иоанна Златоуста, бсод. Василия Великого и мн. др.; тут же помещались соств. соч. П.: жизнеописание Арсения Великого и Антония Великого, ст. «О формейской и христ. праведности», «Размышление о молитве Господней», «О приглас. Иисуса Христа» (1822, ч. 5, б. 7), «Когда и как совершил таинственную вечерю Иисус Христос» (1830, ч. 38), «Нечто о книге Иова», «Цель творений» (1833, ч. 3, 4), «Жизнь Иисуса Христа должна быть правилом всей нашей жизни» (1838, ч. 1) и др. (общиприор. переписки издл. см.: Барсов Н., Протопопов Г. П. Павский — там же, 1880, ч. 1, с. 684; то же — РС, 1880, № 3, с. 503). Заметки П. в «Христ. чтение» составлены на основании как лекций в Петерб. ун-те, так и заметки с написанием.

Отпечатанные (в кон. 1833 или нач. 1834) небольшим тиражом учебники для уроков с наставником «Начертание церк. истории» и «Христ. учение в краткой системе...» (оба — б. м., б. г.) вызвали недовольство духовенства (в них были усмотрены

«признаки неправоверия» — «Полный правосл. ... словарь», стб. 1736). Им воспользовались недоброжелательно относившиеся к П. круги, куда входили архимандрит Юрьевский Фотий (РС, 1896, № 8, с. 440; см. также: Родосский, с. 349) и, по видимому, А. А. Орлова-Чесменская.

По настоянию митрополита Серафима Филарет составил критич. замечания на к-рые П. дал свои объяснения (опубл. под назв. «Объяснение на примечания, сделанные против книжек: «Христ. учение в краткой системе» и «Начертание церк. истории» — ЧОИДР, 1870, кн. 2; ота. изд. — М., 1870), смысл к-рых сводился к указанию на «домашнее употребление» написанного: считать эти пособия катехизисом — что же, как если бы кто нашел на дороге лоскуток от пизаня прекраснейшего здания и по сему лоскутку судил бы о целом здании» (цит. по ота. изд., с. 4). «Объяснение...» привело в «журнале ожесточенно» Серафима (РС, 1880, № 4, с. 714), к-рый не ожидал, что П. «может защитить себя от насмешки езу... жестоких ударов» («Письма митрополита Московского в кон. 1834 у императора, а в нач. след. года П. получил место настоятеля церкви Таврич. двораца (был им до 1854), с освобождением «от заятий с Высочайшими воспитанниками»; тогда же уволен из духовной акад. («Церк. вост.», 1887, № 10, с. 200).

С концом службы при дворе не прервались теплые отношения П. и Жуковского (Жуковский В. А., Соч., 7-е изд., т. 6, СПб., 1878, с. 282—83); благодаря его заботам П. получил хороший пенсioen, ему доверил Жуковский ценз. хлопоты в связи с изд. «Священной истории для детей...» А. П. Зонntag («Уткинский сб.», [в. 1], М., 1904, с. 110) (письма Жуковского к П.: ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1041; письма П.: там же, № 1940, 28.192; их переписка 1826—35 частично опубл.: РА, 1887, кн. 2, с. 311—23; РС, 1880, № 2, с. 283—84; № 4, с. 706—07, 710—12, 714—19; Жуковский В. А., Соч., 7-е изд., т. 6, с. 535—37).

Сам П. причину нападок на свои учебные книги видел в неприязни черного духовенства к белому. Дважды, в 1814 и в 1824, после смерти жены (на руках остались 3 дочери), П. отказался принять монашество, что способствовало охлаждению отношений с Филаретом. По восп. Д. И. Ростиславова, П. не скрывал своей нелюбви к монашеству, «высказывая ее иногда резкими остротами» (Ростиславова, 1872, с. 165). В 1820-е гг. ему покровительствовали лица из партии, враждебной Филарету: его «обласкали» Д. П. Рунич, С. С. Уваров, Аракчеев. Предпочтительно, П. принадлежат критич. замечания на филаретовы «Записки на книгу Бытия» (1816) (опубл.: «Христ. чтение», 1881, № 11/12, с. 763—91). В свою очередь статья П. «Св. Отца нашего Григория Богослова догматич. учение» («Христ. чтение», 1828, ч. 32) вызвала резкий протест Филарета (1828), усмотревшего в ней влияние протестантизма: «Мне кажется, что издатели немецкое кушанье, не разжевав, глотают» («Приб. к изд. Творений Св. Отцев в

рус. пер. за 1872 г.», ч. 25, М., 1872, с. 52). «Слишком протестантским» назвал П. в 1840 и английский дьякон У. Пальмер, подумывавший перейти в православие (Palmer W., Notes of a visit to the Russian Church... L., 1882, p. 241—46; см. также: РА, 1894, кн. 3, с. 88; о влиянии нем. библеистов на П. см. в его кн. «Христ. учение в краткой системе», 1909, с. 145—46). Если Филарет был сторонником систематич. богословия, то П. не признавал схоластики и делал «из уроков религии предмет исторический» (в кн.: Загари и П. (Полыванов Л. И.), В. А. Жуковский и его произв., 2-е изд., М., 1883, с. 452); кроме того, он считал религию «святым чувством»: «учение религии состоит только в том, чтобы чаще пробуждать, оживлять и питать сие ... чувство...» («Мысли законоучителя...», с. 61; ср. также ст.: «Религия» — «Христ. чтение», 1821, ч. 1, с. 46).

После закрытия Рос. библейского об-ва (1826) «ревностный приверженец» перевода Библии на рус. язык [как и архимандрит Макарий (Глухарев)], П. продолжал из года в год на занятиях в духовной акад. переводить книги Ветхого Завета, он «будто рожден был для того, чтобы темные предметы делать ясными и наглядными» (Ростиславова, 1872, с. 164; см. также: Протопопов, с. 20—21). Перевод П. был сделан по др.-евр. (масоретскому) тексту, в то время как правосл. христ. традиция каноничность Ветхого Завета признавала за др.-греч. переводом «смирделии толковников», выполненными самими иудеями в 3 в. до н. э. П. же, увлеченный идеей «верного толкования и понимания Священного Писания» «посредством» евр. языка (РС, 1880, № 1, с. 128), допустил в своем переводе догматич. отступления: отсутствуют пророчества об Иисусе Христe, в ряде случаев теряется сакральность библ. текста. «С филол. точки зрения» его перевод «очень ценен. Он умеет передавать и самый стиль, лит. манеру священных писателей, и просодический строй библейской речи» (Флоровский, 1937, с. 196). Издание рус. перевода Библии, необходимость к-рого остро обсуждалась в церк. кругах с 1820-х гг., было задержано еще на много лет: он был напечатан в 1861—64 в ж. «Дух христианина».

Пер. Ветхого Завета П. имел громаду историю. В 1838—41, уже после увольнения П. из академии, студенты, без его согласия, выбрали лучшие записи лекций и размножили их литографич. способом; часть экземпляров была пушена в продажу студентам и преподавателям академии (о том, как хорошо они расхотились, см.: РС, 1881, № 7, с. 485). В кон. 1841 бакалавр Моск. духовной акад. Агафангел Соловьев разослал письма митрополиту Киевскому Филарету (Амфиотелову) и др., выражая протест по поводу догматич. отступлений в труде П. (см.: Чистович, 1899, с. 136—40). Филарет (Долгов) пытался предотвратить последствия дозв-

ПАЕВСКАЯ

Агафангел (см.: Протопопов, с. 70), но в дело вмешался Синод. П. был повергнут следствию и информальному суду. Дело тянулось до 1844, в марте Синод признал П. «не подлежащим ответственности» в «противозаконном надзорствовании неправедного персонала» книг Священного Писания, а подчас епископу Гедееву было поручено «испытать келейно искренность раскаяния» П. в покаянии. «Противных учению православной церкви», и получив от него «собственноручное исповедание» (Чистович, 1899, с. 203—05; ответ П. 1842 спец. комиссии. Филарету (Дроздову) — там же, с. 154—74).

Наиб. плодотворный период деятельности П.-филолога начался после 1835, когда были созданы «Филол. наблюдения над составом рус. языка. Рассуждение 1—3» (СПб., 1841—42; полн. Демидовская пр.; 2-е изд., [т. 1—4]. СПб., 1850), ставшие «целой эпохой в истории рус. грамматики. исследований» (Виноградов, с. 298). Сравнительно-ист. изучение языка, описание его морфологии, системы вызвали восхищение В. Г. Белинского: «знаменитый филолог» «один стоит целой академией» (Белинский, IX, 231; см. также — ук.; обширную хвалебную статью Н. И. Надеждина — ОЗ, 1844, № 6, 8). Однако этимологич. анализ П., обличавшего подчас рус. слова со словами др. индоевроп. языков на осн. внешнего сходства, был встречен критически Ф. И. Буславым (ОЗ, 1852, № 4—5; библи. рец. на «Филол. наблюдения...» см. в кн.: Авилова Н. С., Черкасова Е. Т., Шведова Н. Ю., Библи. указатель лит-ры по рус. языкознанию. 1825—1880, в. 1, М., 1954, с. 62—63). П. также принадлежит близкий к оригиналу стихотв. перевод «Слова о полку Игореве» (ок. 1819—26; опубли. в выюмк П.: РС, 1880, № 7; см. также: РС, 1880, № 5, с. 108—12).

Высоко ценили П. как ученого лично знавшие его Уваров, П. А. Плетнев, М. П. Погодин, не раз предлагавший его в члены Акад. наук («Старина и новизна», кн. 4, СПб., 1901, с. 56); избран д. членом в 1859; во 2-й пол. 1840-х гг. он бывал на вечерах В. И. Дала. Однако и противниками П. были не только высшие духовные авторитеты; показательно «восприятие» Н. Д. Фонвизиной (о ней см. в ст. С. Ф. Дуров), к-рая не могла выносить его «рационалистич. толкований» (РБ, 1894, № 12, с. 60), и более позднее — П. И. Бартенева, назвавшего П. «представителем... обделченного, уклончивого и зыбкого благочестия» (РА, 1887, кн. 2, с. 310).

По восп. учеников П., это был «добрейший человек, довольно веселый, общительный и простосердечный до наивности» (И. А.) Самчевский — КС, 1893, № 11, с. 203—04; ср. сходное суждение И. А. Чистовича: «детски-простая, доверчивая и любящая душа...» — «Странник», 1863, № 5, с. 63); «честный, благородный... с стоничным характером, без

надменности и высокомерия, но беспособный к лести и низкопоклонству, враг ханжества и лицемерия, человек, так сказать, античный, с возвышенною душою» (Ростиславов, 1872, с. 164). Среди его воспитанников были впоследствии талантливые филологи: архимандрит Макарий (Глухарев), протоиерей С. К. Сабинин (о его отношениях с П.: Протопопов, с. 23—25), преосвященный Софрония Сокольский и др.

Изд.: Записка протоиерея П. [о новом изд. рус. акад. словаря]. — ИзвОРЯС, СПб., 1852, т. 1, лист 25; Из бесед протоиерея П. — «Св. нив. Рус. ист. об-ва», т. 30, СПб., 1880; Письма к сест. или Преподобная сестра. Пер. с сев. яз.]. 1825. — РС, 1881, № 3; К истории рус. грамматики. Критич. грамматич. заметки на 1-е изд. рус. грамматики Греча, В., 1887; Из уроков по Закону Божию Наследнику Цесаревну (Императору Александру II). СПб., 1897; Христ. учение в краткой системе, СПб., 1909.

Лит.: Барсуков (ук.); Никитенко, I, 45—46; Чистович И. А., История С.-Петерб. духовной акад., СПб., 1857, с. 139—40, 260, 271, 319, 354, 372—75, 392, 396, 410, 418, 420, 441; его же. Руководящие записки духовного просвещения в России..., СПб., 1894 (ук.); его же, История перевода Библии на рус. язык, 2-е изд., СПб., 1899, с. 20, 28, 38—41, 73, 129, 133—208, 227, 255, 326—32, 338; Ростиславов Д., Об устройстве духовных училищ в России, т. 1, Лейпциг, 1863, с. 182; Р. С. (его же), Петерб. духовная Акад. до гр. Протопопова, Восп. — ВЕ, 1872, № 9; Погодин М. П., Напоминание о П. [о безст. положении И. Г. Мальцова, дочери П.] — РА, 1870, кн. 3, стб. 1948—51; Протопопов С. В., Протоиерей П., СПб., 1876; Казанский П., Мысли и чувствования митрополита Филарета по делу отобрания автографов пер. кн. Ветхого Завета. — «Правосл. обзор», 1878, № 1; РА, 1879, кн. 2, с. 11—44 [И. Павловский о запрещении пер. П.]; Барсов Н. И., Протоиерей Г. П. Павский, (Очерк его жизни по новым материалам). — РС, 1880, № 1—6; Мераер К. К., Записки. — РС, 1885, № 2, с. 357, 359, 361; № 3, с. 529, 535, 541—53; № 5, с. 276—77; № 6, с. 484, 486, 493—98, 503, 509; Р. (Бологов В.), Торжество по случаю 100-летия годовщины рождения прот. П. — «Черк. вест.», 1887, № 10, с. 199—200 (важ. ф. п.); Памяти протоиерея П. Столетие со дня его рождения, СПб., 1887; Муравьев А. И., Мои восп. — РО, 1896, № 2; Базаров И. И., протоиерей, Восп. — РС, 1901, № 5; Письма духовных и светских лиц к митрополиту мск. Филарету..., СПб., 1900, с. 670—73 (сост. А. Н. Львов); Родосский А., Визир. словарь студентов... С.-Петербург. духовной акад. ..., СПб., 1907, с. 243—49; Котович А., Духовная цензура в России, (1799—1855 гг.), СПб., 1909, с. 163, 177, 329, 374; Полный правосл. богословский энциклопедич. словарь, т. 2, СПб., 1913, стб. 1735—36; Филарет, кн. 2, с. 494—95; Флоровский (ук.); Диванчик Пушкина, 1833—1835, М.—П., 1923 (под ред. Б. Л. Модзалевского), с. 240—41; Муравьев М. Ф., Пушкин и Песнь песней. — Пушкин. Времисник, 1972, Л., 1974, с. 54, 56—57; Рижский М. И., Переводы П. и Макария (Глухарева). — В его кн.: История переводов Библии в России, Новосибир., 1978; Виноградов В. В., История рус. лингвистич. учений, М., 1978, с. 297—300 (и ук.); Переписка Н. В. Гоголя, т. 2, М., 1988, с. 219, 225; Беллестин И., Русь православная. — «Континент», (1992), № 74, с. 147—48 (публи. Е. Буртиной); Из истории рус. культуры, т. 5 — (XIX в.), М., 1996, с. 124—26 (ст. Б. Ф. Егорова), + Некролог, 1863; «Духовный вост.», № 4; Мессинелов на 1864 г., СПб., [1863], с. 79—80; Мвед, 17 июля (М. Потанин); «Правосл. обзор», № 4; «Странник», № 5 (И. А. Чистович); Генизайл; РБС; Брокгауз; ПНЭР; Христианство. Энциклопедия, т. 2, М., 1995; Черейский.

Архивы: ИРЛИ, 18.625 (письмо к А. В. Никитенко, 1842 г.), ф. 265, оп. 2, № 1938—1943 (важ. автобиография П., черновые письма Филарету 1842 г., мат-лы пед. деятельности),

ф. 583, № 548 (письмо П. к А. В. Старчевскому, 1853 г.); РНБ, ф. 557 (важ. письма Ф. Н. Глинки от 1825, Н. А. Саблукова, 1829—37, А. И. Шишовой, 1846 г.); РГБ, ф. 297, к. 3, № 9 (Сулков Н. В., «Напоминание о П.»); США, Harvard University (на англ. яз.); Россия, СПб. (письма П. к З. А. Волковой). Е. Е. Постернак.

ПАЕВСКАЯ Аделанда Николаевна [урожд. Рык а ч ё в а, в 1-м браке Луканина; псевд. А. Луканин и др.; 28.4(10.5). *1843, Новгород, губ. — 25.12.1908 (7.1.1909), Петербург; похоронена на Терсбург. погосте Новоладож. у. Петерб. губ.], прозванк. Из дворян. семьи. Отец — офицер, участник Крым. войны, с 1858 в отставке в чине полковника. В раннем возрасте, после смерти матери, П. осталась на попечении родственников. Воспитывалась в Смольном ин-те, по окончании к-рого намеревалась стать нар. учительницей, но этому воспрепятствовала родня. Чтобы не зависеть от нее, П. вступила в фиктивный брак со студентом Мед.-хирургич. акад. Ю. А. Луканиным. В 1869—72 занималась в Петербурге химией под руководством А. П. Бородина (ученого-химика и композитора) и одновременно слушала лекции в Мед.-хирургич. акад. (хотя женским этого не позволялось); сотрудничала в мед. и химич. ж-лах. В 1870 в связи с арестом (по делу С. Г. Нечаева) приятельницы П. она сама была заключена на 10 дней в Петропавлов. крепость (РГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 330, л. 143, 218) и в дальнейшем находилась под полиц. надзором. В 1872 уехала в Швейцарию. В Цюрихе общалась с М. А. Бакуниным (см.: Стасюков Ю., М. А. Бакунин. Его жизнь и деятельность, т. 4, М.—Л., 1927, с. 224, 235, 288). Училась на мед. ф-те Цюрих. ун-та, но сдать выпускные экзамены помешало распоряжение рос. пр-ва, отозвавшее в 1874 на родину всех рус. студентов. Однако П. не смогла вернуться в Россию в указанный срок «за неимением средств» (РГИА, ф. 1286, оп. 39, д. 320, л. 10). Продолжила обучение в Америке и в 1876 получила диплом Филателистич. жен. мед. коллегии (см. восп. П.: «Год в Америке» — ВЕ, 1881, № 8—9; 1882, № 4, 6; отд. изд. — СПб., 1892). С 1877 жила в Париже; въезд в Россию для нее был закрыт: не выполнила обязательств, распоряжения и контактировала с рев. кругами. Имя П. фигурировало в донесениях полиц. агента из Парижа (см.: КИС, 1927, № 33, с. 100—101).

В Париже познакомилась с И. С. Тургеневым (рекомендат. письмо дал Бородин); при его содействии напечатала первую пов. — «Любушка». Общение с Тургеневым, к-рый покровительствовал П. и в дальнейшем (рекомендовал в качестве лит. переводчицы и рецензителя, хлопотал о возвращении на родину) и о к-ром она оставила восп. («Мое знакомств-

во с Тургеневым» — СВ, 1887, № 2—3), продолжалось шесть лет, вплоть до смерти писателя (сохранилось 54 его письма к П. за 1878—82); в последние годы жизни Тургенева П. была его личным секретарем. Через посредство Тургенева стала учительницей рус. языка у детей из скульптура М. М. Антокольского (см. «Кое-что из моих восп. о М. М. Антокольском» — «Книжки „Восхода“», 1905, № 5).

В нач. 80-х гг., видимо после смерти Луханнина, П. вышла замуж за врача-психиатра Н. И. Паевского (1849—1916), находившегося в эмиграции (о нем см.: ДРДР, и в 1885 вернулась с ним в Россию. Жила в Казани, затем в Петербурге. В 1892 выезжала на борьбу с эпидемией холеры в Самар. губ. (см. восп. «Командировка на холеру» — РБ, 1903, № 7—8); в 1894 работала врачом-ординатором в психиатрич. больнице вместе с мужем на ст. Удельной (близ Петербурга); в 1895, после развода с ним, нек-рое время занималась частной практикой, затем служила в Ново-знаменской психиатрич. больнице. В нач. 1900-х гг. открыла в Петербурге красильную, чистильную и прачечную мастерскую с общежитием и ремесл. школой для девушек.

В рассказах и повестях, печатавшихся в осн. в ж. «Вест. Европы» и «Сев. вест.», варьировались, как правило, две темы: судьба деревни и жен. вопрос. Героиня пов. «Любушка (...Из ночных дум старой няни)» (ВЕ, 1878, № 3), во многом автобиографичной, открывает в имени школу, затем порывает с семьей, вступает в фиктивный брак, опрошачается, живет своим трудом, наконец, «уходит в народ» и вскоре оказывается на каторге в Сибири.

«Любушка» весьма хвалит Тургенева в рекоменд. письме к реж. «Вест. Европы» (см. в кн.: М. М. Стасюлевич и его современники, т. 3, СПб., 1912, с. 132); сдержанно отзывался П. В. Анненков: «очень выдал и трогательная повесть по существу, но мотивированы они робко и слабо» (там же, с. 354), а в письме к Тургеневу он описал мастерство дестали, но отрицал худож. цельность повести (ИРЛИ, ф. 7, № 12, л. 57—58).

В пов. «Амьосиха» (СВ, 1888, № 9) описала положение женщины из помещичьей семьи, подчиняющее ее всецело власти отца и мужа. В произв. о пореформ. деревне — цикл пов. «Старинные дела» («Птичница», «Бережай», «Дядя Ваня», «Яков Хохол» — ВЕ, 1878, № 6, 7; 1880, № 7; 1886, № 7), осн. на впечатлениях детства, пов. «Лешхин бор» (СВ, 1890, № 3), «Семья Зверевых» (ВЕ, 1884, № 5), рассказ «Клад» (СПб., 1894), — сострадала тяжелой жизни крестьянства, в отличие от большинства писателей-народников, далека от его идеализации. Гл. причину «зла» в деревне видела в «темноте и отсталости» крестьянства и призывала интеллигенцию способствовать

его просвещению. Большую роль в этом отводила «господам»-благотворителям, открывающим в деревнях школы и больницы и стремящимся согласовать собств. интересы с интересами крестьян (примером для подражания считала англ. филантропич. учреждения).

В худож. отношении произв. П. неровны: умелые описания, особенно портреты-характеристики и пейзажи, но рыхлая композиция, многословие и растянутость. Наиболее удачной оказалась автобиогр. пов. «Из детства и школьных лет» (СВ, 1886, № 2—4), названная С. Я. Надсоном «одним из самых вызволяющихся беллетристич. произв. текущего лит. года» (Надсон С., Лит. очерки, СПб., 1887, с. 33).

В 1890-х гг. писала для детей: биографии (в серии ЖЗЛ издава Ф. Ф. Павленкова) «Виктор Гюго» (СПб., 1890, 1893), «Вальтер Скотт» (СПб., 1891), рассказы «Книочка» (в кн.: Мунт А. (Валуева), Павевская А. Н., В неволе и на воле, СПб., 1895), «Темные люди» (СПб., 1893; отрицат. рец.: «Рус. школа», 1895, № 4). В дальнейшем занималась переводами. В 1904—05 и в 1908 ездила на борьбу с эпидемией холеры на Каспийское море в качестве судового врача, после чего тяжело заболела плевропитом (РГИА, ф. 101, оп. 1, д. 147, л. 170; письмо П. в Лит. фонд с просьбой об оказании денежной помощи — ИРЛИ, ф. 155, 1908 г., № 24; письмо к Е. П. Свешниковой — там же, № 13886).

Лит.: Тургенев (ук.): История социал-революции в России. СПб., 1887, с. 119—20; Шуклинский с., в. 8, М., 1909; Винницкая А. Восп. об И. С. Тургеневе. — НВ, 1895, 24 янв.; Гессен С. Я., Полина Вязрао и посмертный расказ Тургенева. — «Печать и революция», 1928, № 7, с. 60—74; Писма А. П. Бородин, в. 1—2, М., 1927—36 (ук.); Фигуровский И. А., Соловьев Ю. И., А. П. Бородин, М.—Л., 1950, с. 93, 104; Писма И. С. Тургенева А. Н. Луканиной. — ЛА, в. 4, М.—Л., 1953 (публ. Е. М. Хмельской); Павловско Э. А., Женщины в рус. освободит. движении, М., 1988 (ук.); + Отчет АН за 1872 г.: Рус. проиит. некрополь, М., 1914, с. 635; Полюмарев: ДРДР; ИДРЛВ; Венгеров. Источ.: Мейер; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 7, № 63 (письмо П. В. Анненкову); ф. 293, оп. 1, № 830 (письмо М. М. Стасюлевичу); РНБ, ф. 621, № 507 (письмо А. Н. Пытину); РГИА, ф. 1343, оп. 28, в. 3743* (дело о звористстве) [справа Л. М. Себедкиной]. В. М. Бонина

ПАЗУХИН Алексей Михайлович [11(23).2.1851, Ярославль — 27.3.1919, Москва], прозаик, драматург. Брат Н. М. Пазухина. Отец — из старинного дворян. рода, поручик в отставке, служивший дворян. заседателем; мать — из купеч. семьи. Нач. образование получил дома, в 1861 поступил в Ярослав. г-зию. В кон. 60-х гг. увлекся народнич. идеями; оставив г-зию, сдал экзамен на звание нар. учителя и 8 лет учительствовал в с. Давыдовке и с. Великом Ярослав. губ., в последнем создал об-

ществ. б-ку и нар. театр. В 1872 опублик. повесть из нар. жизни «Тяжелая доля» («Воскресный досуг» № 22, 23). С 1876 служил при Ярослав. губернаторе, составил «Календарь Ярослав. губернии на 1879 г.» (Я., 1879). Остро нуждался, стремился улучшить свое положение за счет лит. гонораров (в 1878 писал в дневнике: «Литература — вот мой меч, с к-рым я должен биться с чудовищем — нуждой!» — РГАЛИ, ф. 248, оп. 1, № 93, л. 45). Посылала корреспонденции в петерб. и моск. газеты, юмористич. рассказы в ж. «Будильник» (1878—81), «Очерки нар. жизни» («Неделя», 1877, № 38) и единств. рассказ П. (написан в 1881), попавший на страницы толстого ж-ла, — «Пустынное дело» (РБ, 1884, № 4), свидетельствовал о хорошем знании крест. быта; однако в дальнейшей, печатаеся в малой прессе, П. отошел от этой тематики.

В 1881 переехал в Москву; стал пост. сотр. газ. «Моск. листок» (см. его восп.: «Первое произведение» — МЛ, 1896, приб. к № 216), где вплоть до 1917 из номера в номер появлялись его рассказы, сценки, повести и романы. Сотрудничал также в «Рус. газ.», «Моск. газ.» (зав. ред. в 1882), «Новостях дня», «Рус. листке», «Голосе Москвы», «Петерб. листке», в ж. «Стрекоза», «Осколки», «Развлекатель» (в 1887 реж.), «Всемирная илл.», «Жаворонок» и др.

Романы П. (более 50), печатавшиеся в «Моск. листке» и выходившие впоследствии ота. изданиями, посвящены в осн. купечеству («После грозы», М., 1898; «Драма на Волге», М., 1898; «Вторая весна», М., 1900; «Тайна Воробьевых гор», М., 1903; «Лузные ночи», М., 1906; «Заря новой жизни», М., 1911; «Ордынская красавица», СПб., 1913; и др.). Досконально зная купеч. быт, П., однако, не выступает в роли бытописателя; развитие действия в его романах, имеющих жесткую (как правило, мелодрам.) сюжетную конструкцию, определяется любовной страстью или жаждой обогащения. В качестве высшей ценности ут-

верждается счастливая семейная жизнь, а погоня за деньгами и чувственными удовольствиями порицается. Носителями соблазнов выступают обычно аристократы; резко негативное отношение к светской жизни выражено в ром. «Московские коршуны» (М., 1896), «Дисконтер» (М., 1899), «Княгиня Бутырская» (М., 1903), «В вихре жизни» (М., 1912). Порой он обращался к изображению помещичьего («В тени тополей», М., б.г.; «Грядущая сила», М., 1915) или театрального («На сцене жизни», М., 1904) быта; писал также уголовные романы («На обрывах Поволжья», М., 1896). Однако первенствует в его романах любовная интрига, даже в прозв. на полит. («На баррикаде», М., 1906; «Военная гроза», М., 1915; «Вокруг трона», М., 1917) и ист. темы («Ополченая Россия», М., 1891; «Купленная невеста», М., 1895).

Романы П. написаны добротно и профессионально, но они во многом вторичны, используют давно отработанные в «высокой» лит-ре сюжетные схемы и стилистич. приемы (Н. А. Лейкин — А. П. Чехову, 1883; «Вода, вода, вода... да и та замаскированная, пережеванная из чужого». — В кн.: Переплiska А. П. Чехова, т. 1, М., 1984, с. 138). Тем не менее «отсутствие претенциозности ... живость повествования» (МВед, 1898, 11 июля), «всепримиряющий свет телого оптимизма» (Old Gentleman (А. В. Амфитеатров) — НВ, 1898, 17 июня) обеспечивали П. «свою, ценившую его как занимат. рассказчику аудиторию», покупавшую «Моск. листок» «в строго опред. дни, когда печаталось продолжение его романов» (Добанов В., Столешники дяди Гилья, М., 1972, с. 34).

Проза П. неоднократно переиздавалась (напр., ром. «Буря в стожарных волзах», М., 1884; 19-е изд., М., 1910), часто экранизировалась (см. Винокуров С. С., 189), а в 1920-е вошла в число наиб. популярных см.: Массовой читатель и книга, М., 1925, с. 77).

В Введенском нар. доме и театре сада «Аквариум» (Москва), а также на провинц. сценах шли пьесы П. «Московская бывальщина» (М., 1885), «Два пути» (М., 1887), «Безбрачные» (М., 1903) и др. Ценный источник сведений о разл. сторонах быта моск. купечества, мелкого чиновничества, гор. низов — очерки, сценки и рассказы П., объединенные в сб. «Злоба дня» (М., 1883), «Ландыши» (М., 1883), «Чужаки нашего века» (М., 1894), «На рубеже века» (М., 1900), «Матушка Русь» (М., 1901), «Шутки пера» (М., 1904).

Критики к П. относились по-разному. Если признавалась законность читательского влеса («низов», он получил положит. оценку: «делательство душ», в. б., десятка миллионов читателей, к-рые и сейчас не сдвинули с Чехова, Максиме Горьком и даже Льве Толстом!» (Рок Н. (Н. О. Рахшани) — «Новости и бирж. тайн», 1901, 15 дек.; см. также отзыв В. М. Дорошевича в кн.: Лидин, с. 204); в противном случае, даже

не отрицая, что кинганы П. зачитываются, говорилось, что «они похожи друг на друга, шаблоны и лубочны по приемам приготвления» (полемич. отклик на ст. Рахшаниа — «Курьер», 1901, 17 дек.). Еще в нач. 80-х гг. в «Осколках моск. жизни» Чехов назвал П. «горе-писателем» и относ его к числу «раздражительных розакоболыстных писателей» (Чехов, XVI, 46, 84); впоследствии П. ответил ему памфлетной притчей «Тенденциозный Антон» («Развлечение», 1887, № 36).

В конце жизни П. выступал в печати с восп. («Московские чудаки» — ВП, 1912, № 41—46, 49; «И. Ф. Горбунов» — «Рампа и жизнь», 1916, № 41; «Из ярославской театр. старины» — «Театр. курьер», 1918, № 33; и др.), болезненно переживая, что он, по собств. словам, всего лишь «поставщик фельетонных романов, на к-рые любое лит. ничтожество смотрит много-много что с презрит. синсхождением» (цит. по кн.: Лидин, с. 203).

Др. прозв. Романы: «Медовый месяц» (М., 1899), «Три счастья» (М., 1899), «Бархатные дамы» (М., 1900), «Светлый луч» (М., 1909), «Разрушенное счастье» (М., 1910), «Радость жизни» (М., 1911), «В наши дни» (М., 1915). Повести: «Так было суждено» (М., 1882), «Егор Урван» (М., 1893), «Два весны» (М., 1909), «Самозванка» (М., 1910); комедия «Ландыши» («Сб. Моск. илл. газеты», в. 3, М., 1891).

Лит.: Чехов, XVI (ук.); Горький (ук.); его же, Несобранные лит.-критич. статьи, М., 1941, с. 29; Круллова А., Пестрые странички. — НВ, 1895, № 12, с. 794; Мартынов П. К., Цвет нашей интеллигенции, СПб., 1893, с. 202; Андреев Л., ПСС, т. 6, СПб., 1913, с. 270; Скроботов, с. 59; Рославлев Б. А., Дело нар. сисми. Самара, 1918, с. 77—79; Амфитеатров А., Из лит. восп. — «Рубль», 1923, 17 февр.; Кугель А. Р., Лит. восп. П.—М., 1923, с. 104; Гиларовский В. А., Москва газетная. — В его кн.: Избр., т. 2, М., 1960, с. 103, 110, 180—81, 185—86, 226; Гинзбург (ук.); Лидин В. Г., Люди и встречи, М., 1965, с. 200—06; Мельгунов С. П., Восп. и дневники, в. 1, Париж, 1964, с. 187; Петровская (2; ук.); Некролог: «Дело народа», 1919, 30 марта; Пазухин А. А., Ростовская Пазухин и розовосные материалы Пазухинского архива, СПб., 1914, с. 20; Венгеров, Список; Грлат; Мезер; ИРДТ; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377 (автобиография 1913 г.); ф. 357, оп. 5, № 84 (автобиография); РГАЛИ, ф. 248, оп. 1, № 93 (дневник П.); ф. 317, оп. 1, № 274 (автобиография); ф. 90, оп. 1, № 28 (восп. Е. И. Васькова о П.).

А. И. Рейтман.

ПАЗУХИН Николай Михайлович [7(19).10.1857 — 26.5 (7.6).1898, Москва; похоронен на Лазарев. кладб.], лубочный писатель. Брат А. М. Пазухина. По свидетельству И. Д. Сыгина, «был за какие-то провинности исключен из гимназии» (Сытин, с. 46). Наиболее ранняя выявленная публ. — рассказ «Страшная ночь» («Радуга», 1883, № 24). Уже здесь проявились черты, характерные для ряда последующих прозв. П. (тяга к авантюриности и изображению бурных страстей, ужасов, убийств, экзотики и т. д.): пов. «Убийство миллионера разбойником Чуркиным» (М., 1884), «Заживо погребенный» (М., 1892), «Тайна

разрытой могилы», «Черный череп, или Таинственное преступление» (оба — М., 1894), изд. моск. лубочными издателями Е. А. Губановым, О. В. Лузиной, П. Н. Шараловым и др. В отличие от большинства лубочных литераторов, П. обращался не только к рус., но и к заруб. материалу: «Чертов мост. Пов. из американской жизни» (М., 1888), пов. «Убийство на дне моря» (К., 1892; 4-е изд., М., 1900), «В пасти крокодила. Рассказ из жизни путешественника по Африке» (М., 1889). Последняя, напр., «поражает читателя ужасными сценами, невозможными приключениями, невероятными абсурдами и необузданною фантазией» (Н. А. Рубакин — РБ, 1889, № 8, с. 172).

Писал также ист. романы («Ермак — покоритель Сибири», М., 1885; 3-е изд., М., 1897; «Любовь и война, или Грудью за Родину», М., 1886; «Князь Скопин Шуйский», «Страшная месть», оба — М., 1887; «Атаман Кирша», М., 1888), причем нередко перерабатывая изв. лит. произведения: А. К. Толстого — «Князь Серебряный, или Радостный гость» (М., 1885; 3-е изд., М., 1896), М. Ю. Лермонтова — «Боярин Орша, или Страшная месть отца» (М., 1887; 4-е изд., М., 1899), Н. А. Полевого — «Купец Иголкин и его подвиг» (М., 1888). Адаптировал и заруб. приключенч. романы: Э. Сю — «Блуждающий вечный жид» (М., 1886; 8-е изд., М., 1916), Майн Рида — «Всадник без головы» (М., 1893; 3-е изд., К., 1901); писал подражания популярным в лубочной лит-ре сказочным рыцарским повестям: «Роковое кольцо, или Тайна в могиле»; «Мертвая царевна, или Семь разбойников», оба — М., 1887).

В написанных в спешке кингах П. рецензенты порой обнаруживали глупость, несправильности и сюжетные неувязки (напр., в ром. «Князь Серебряный...» нередко встречаются такие сцены, выхваченные из оригинала, мало связанные с предумышл. или искаженные почти до неузнаваемости) — Ежовский. Опыт обзора книг для нар. чтения, 1892, М., 1893, с. 125), однако благодаря установке на сенсационность они имели успех у нар. читателя (см.: Сб-к статистич. сведений по нач. образованию в Орлов. губ. за 1900—1901 уч. год. Орел, 1902, с. 106, 138, 2-я табл.) и часто переиздавались.

Др. прозв.: «Игра судьбы. — Утопленник. Сб. рассказов и сцен» (М., 1886); рассказы: «Князь Олег и его роковая смерть» (М., 1885; 5-е изд., М., 1908), «Новобрачные» (М., 1887), «Безумный» (М., 1889), «Деревенский шут Иван» (М., 1894), «Гроб или русалка», «Последний поцелуй» (оба — М., 1891), «На краю света» (М., 1893).

Лит.: Ежегодник. Опыт обзора книг для нар. чтения, 1891—1894, М., 1893—95 (ук.); Ан-ский С. А., Очерки нар. лит-ры, СПб., 1894, с. 33; Пругавкин А. С., Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания, 2-е изд., СПб., 1895, с. 392, 401, 411; Пазухин А. А., Ростовская

Пазухинд и родословные материалы Пазухинского архива. СПб., 1914, с. 20; Сытин И. Д. Страницы пережитого. — В кн.: Жизнь для книги. М., 1962; Блюм А. В. Рус. дубочная книга второй пол. 19 в. — Книга. Невл. и мат.-л. сб. 42. М., 1981, с. 98, 100, 108.

А. И. Рейнголт

ПАКАТСКИЙ, Пакацкий Гавриил Авраамович (1756—1830, по др. сведениям — 1840), стихотворец, переводчик. Окончил Новгород. духовную сем.; с 1782 жил в Петербурге; в 1783 рукоположен в священники; служил в церкви святых Константина и Елены при петерб. градских богадельнях. Первое изв. лит. выступление — пер. с франц. нравоучительной кн. «Благоразумный гражданин, или Непустяки человеку, вступающему в должности общежития» (СПб., 1789). В 1802—03, имея по слабости зрения «от должности свободой» и обучая малолетнего сына, переложил стихами «изобильную мыслями и пылкими выражениями» (из автопредисловия) кн. «Свет зримый в липах, или Величие и многообразность зидательных намерений...» (СПб., 1773; 4-е изд., СПб., 1817), являющуюся переведенной И. П. Хмельницким нем. детской энциклопедией о мироздании и человеке; работу завершал уже при полной слепоте (см.: РИ, 1818, 20 нояб., с. 1088). Переложение (сделанное «четырехстоипными ямбич. стихами, довольно легкими для того времени, и языком довольно чистым» — Грот Я., Объяснит. прим. — В кн.: Державин, III, 426) вышло в 1805 под назв. «Зримый свет в стихах, или Возницающая Аврора» (СПб.).

Умелый опыт подвинул П. переложить стихами духовные произв. Переложения из кн. Ветхого и Нового Заветов (глав Исхода, Второзакония, Первой книги Царств, Книг пророков, Евангелия от Луки) вошли в «Священную поэму, состоящую из десяти песней, воспетых устами Богодуховенных человек...» (СПб., 1814); поэме предпослана ода, посв. Александру I по случаю победы над Наполеоном, и предисл. «К читателям». Тогда же вышла «Поэма. Пляч Переми...» (переложение книги архимандрита Анастасия, изданной в 1797 и являвшейся, в свою очередь, переводом соч. Ф. Бакулара д'Арно; СПб.) с посвящением губ. и главнокомандующему Москвит Ф. В. Ростопчину; поэмы созвучны по сл. мотивам и настроению: трагедия разрушения и доверие к высшему Промыслу.

За кн. «Псалтирь в стихах...» (ч. 1—2. СПб., 1818; ряд парафраз П. вошел в составленный из лучших работ сб. «Стихотв. переложение псалмов пророка и царя Давида», СПб., 1869, 1874) П. удостоился от Рос. акад. денежного вознаграждения (мотивировка: «предпринял великий труд переложить всю Псалтырь сти-

хами. Он совершил сие дело с ... немалым достоинством» — Изв. Рос. акад., кн. 8, СПб., 1820, с. 7; однако в 1853 духовная цензура отклонила перенд. книги из-за неточного или произвольного перевода мн. мест — см.: РГИА, ф. 807, оп. 2, д. 1198). Вторично получил академич. награду за переклад в стихах «Великого канона» визант. церк. поэта Андрея Критского («Благочестивое говениющих занятие...», СПб., 1829). «Канон Критского так хорошо переложен, так близко к подлиннику, что едва ли может быть лучшее переложение» (Филарет, II, 439). В таком же жанре П. воплотил и неканонич. библ. «Книгу премудрости Иисуса, сына Сирахова» (СПб., 1825; в письме к брату в кон. февр. 1825 А. С. Пушкин просит: «Слепой поп перевел Сираха... издаст по подписке — подпишись на несколько экз.»). С 1818 П. подписывался так: «лишенный зрения свещ. Гавриил Пакацкий».

П. приписывается авторство полемич. стих. обращения от имени обер-священника И. С. Державина к поэту Г. Р. Державину: «Ответ. Приказ моему секретарию» (опубл. в вышеупомянутых прим. Грота; список на бумаге 1818 руко не установлен. липа — РГБ, ф. 129, оп. 21, д. 30; см. также: Бобров В. И. С. Державин. (1755—1826). — ИВ, 1904, № 8; Бобров Е. И. Вероятно, П. принадлежат также стих. посвященные за подписью Г. П. в кн. «Забывшая ира умов, содержащая в себе ... несл. о философии, меланхолии и оратории...» (ч. 2, М., 1792).

Лит.: СПбВед., 1819, 14 февр., 2-е приб., с. 1СХХIV; Пушкин Письма. I, 120, 408; Спор Державиных. — БЗ, 1859, № 11, стб. 329—332; Колупанов Н. П. Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 2, М., 1889, с. 335; Чистович И. А., Руководство к истории духовного просвещения в России в 1-й пол. текущего столетия, СПб., 1894, с. 124, 150, 381; Бобров Е. А., Г. А. Пакацкий. — В его кн.: Из нашей лит. и культурной старины, Варшава, 1909; Котович А., Духовная цензура в России, СПб., 1909, с. 371; Кротов Я., [Предисл.]. — В кн.: Великий канон св. Андрея Критского, пер. на рус. яз., М., 1993, с. 3, 5. + Систематич. каталог книг б-ки Моск. духовной акад., т. 1, в. 1, М., 1881 (ук.); Очерки из истории управления воен. и мор. духовенством. — Вест. воен. и мор. духовенства», 1898, № 14, с. 433; РСБ; Брокгауз: Полный православ. богослов. энциклопед. т. 2, СПб., 1913, стб. 1739 (репринт — М., 1992); Мат.-л. по истории рус. дет. лит.-ры. (1750—1855), в. 1, М., 1927, с. 60; Сводный каталог рус. книги гражд. печати XVIII в. 1725—1800, т. 1, М., 1962, с. 353—54.

Архивы: РГБ, ф. 233, оп. 39, № 40 (библ. заметки С. Д. Полторацкого); РГИА, ф. 807, оп. 2, д. 1158 (мотивы отказа от перенд. «Книги премудрости Иисуса, сына Сирахова»).

См. также: Афанасий Гулеров, Е. Е. Пастернак.

ПАЛЭЙ Владимир Павлович, князь (9.1.1897, Булонь-Бийанкур, под Парижем — 18.7.1918, близ Алапаевска), поэт, прозаик. Отец П. — вел. кн. Павел Ал-дрович, младший сын Александра II, — был вынужден поселиться за границей со своей второй, мorganатической женой Ольгой Валериановной Пистолькорс [урожд. Карнович; 1865—1929; некролог: ПН, 1929, 5 нояб. (Я. К.); см. также: Любимов Л., На чужбине, М., 1963, с. 99—100]; их брак был заключен вопреки воле Николая II.

Мать имела худож. склонности. В ее переводе во Францию вышла книга А. Г. Ельчанинова «Царствование Государя Императора Николая Александровича» (1913), описывающая распорядок жизни и обычаи царской семьи, а собранная ею коллекция фарфора и др. предметов старины имела «музейное значение» (см.: Голлербах, 1922, с. 1). В 1904 ей и ее детям от брака с вел. князем пожалованы графский титул и фам. Гогенфельзен, а в 1915 — княж. титул и фам. Палей (старый род Карнович находился в некром родстве с угасшим родом Палей, упоминаемым в истории Запорожской Сечи).

До 1912 П. жил с родителями во Францию. Восп. детства, «те далекие, те радостные дни! Когда весь мир крутом был повестью Жюль Верна!» («Отчет в детской так тихо») поступают у П. в стихах 1914—16 светлыми видениями дет. Эдема: П. сочинил стихи (в осн. по-французски, рукописи — ГАРФ), играл на рояле, занимался живописью, изучал европ. языки. В февр. 1910 он был зачислен в лажи-кандидаты Рос. имп. двора, в окт. 1911 определен в Пажеский корпус, приступил к занятиям с сент. 1912, в июне 1914 переведен в спец. класс. Здесь продолжал писать стихи по-русски и по-французски, вел дневник. В 1914 с родителей окончательно сняли опалу, и они поселились в Царском Селе.

Дворец, построенный специально для семьи Палей по проекту арх. Э. Я. Шиндлера, представлял собой «настоящий атлас стилей, начиная с эпохи Людовика XIV и кончая империей» (Голлербах, 1922, с. 10).

Вел. кн. Гавриил Конст., сын поэта К. Р., вспоминал первый семейный визит летом 1914 к вел. кн. Палу Ал-дровичу и знакомство с П. после окончания ускоренных классов Пажеского корпуса служившим прапорщиком в одном с ним Л.-тв. гусар. полку: «Ботика [домашнее имя П.] не был военным в душе... был красив, мил и в высшей степени талантлив: он писал замечательные стихи... В полку Ботика любил» (Гавриил Константинович, вел. кн. В Мра-

морном дворце. Из хроник нашей семьи. СПб.—Дюссельдорф. 1993. с. 197).

Весной 1915 П. по приглашению К. Р. читал ему свой перевод на франц. яз. его драмы «Царь Иудейский» (рукопись — ГАРФ), к-рому предпослал посвящение автору — «О певец бесконечной природы! О России родимой природы! По свидетельству вел. кн. Гавриила Конст., «перевод превзошел все ожидания моего отца, он был в восторге и даже прослезился» («В Мраморном дворце...», с. 197) и выразил желание, чтобы франц. изд. вышло именно в переводе П. (см. зап. дочери К. Р. — Татяны Конст. в кн.: Сб. памяти вел. кн. Конст. Конст., поэт К. Р., Париж, 1962, с. 63—64; подпись Игуменья Тамара). В Крыму П. написал стих. «На смерть К. Р.» (4 июня 1915), в февр. 1916 в Царском Селе его памяти посв. большое стих. «Тень Иосифа Аримафейского» («Благослови меня на плодотворный труд! О тень прекрасная уснувшего поэта»), стих. П. «У солдатского кладбища» («Спите, соколки, спите, солдатики») навеяно стих. К. Р. «Умер бедняга в большие военные».

Летом 1915 из Крыма, где П. лечил слабые легкие, он сообщал матери: «Читаю, думаю, пишу. Кончил свой первый будущий сборник „На пороге“ и начал второй, серьезнее — „Эрос печальный“» («Поэзия. Проза...», с. 325). В Крыму происходило действие его пьесы «Белая роза» (1915; опубли. 1996), в к-рой почти все герои влюблены и разговаривают об иск-ве. Первый сб. П. «Стихотворения» (П.) (мн. стихи датированы 1913 и 1914) вышел в 1916.

В критик. отзывах отмечались «излишняя простота», «тонкий вкус и худож. чутье» автора, владение стихотв. техникой, особенно формой сонета (Ю-н (Н. Н. Венгеля) — НВ, бел. янв., 1916, 1 окт.), «чуждость новейшим поэтам, тем не менее (всего ближе он по структуре стиха и по настроениям к поэзии К. Р.» — Ф. Д. Батюшков, «Речь», 1917, 24 янв.). Темы его поэтик, опытов — «трегг молодой жизни», «трагическое чувство к отцу и матери, стремление к Богу, любовь к природе, литературе» (Ф. Н. Касаткин-Ростовский — НВ, Бе-ира, 1926, 27, 30 июня), уютный детский мирок мл. сестер (Ирина, 1903—91, и Наталья, 1905—81), балы, маскарады в иллюминированных парках, где «свет фарной прозрачно-блестящий» и «смерки сада голубого» располагают к любовному фашисту. Мн. стихи проникнуты репик. настроениями, сознанием военного долга и предчувствием трагич. судьбы («Ужаси следует нам удержать так рано! И души мальчиков, Господь, тебе нужны» — «Memento mori», июль 1915).

В нач. 1917 принят в д. члены Кружка любителей рус. изящных изданий.

В сент. 1915 П. «отправлен в Л.-гв. гусарский его величества полк на театр воен. действий» и тогда же произведен в корнеты, в февр. 1916 награжден орденом св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», в августе произведен в поручики (РГВИА. ф. 409), в сентябре переведен адъютантом к своему отцу — инспектору войск гвардии.

После Февр. революции 1917 вел. кн. Павел Ад-др. подал прошение об отставке — своей и сына, вскоре семья по приказу А. Ф. Керенского была заключена под дом. арест. Причиной ареста, возможно, стали стихотв. сатира и карикатура П. на Керенского (см.: Миллер, с. 202). Весной 1917 П. возобновил прерванные записи в дневнике. В круг его общения в это время входят А. В. Руманов, Н. Н. Пушин, А. Ф. Конн.

В письме к Конн. с к-рым П. познакомился весной 1916, он писал: «Мы осквернили ужасное время. Потрачены все основы государства, и хочется услышать Ваши мудрые слова — что делать? Как помочь? Как принести себя в жертву познанию любимой родине?» (ГАРФ. ф. 614, оп. 1, д. 40).

В 1917 написал песн. пьес на франц. яз., драм. этюд «Смерть Пушкина», пов. «Летчик Скворцов» (не окончена; оба пронзв. опубли. 1996). Накануне революции П., по свидетельству родных, «сидел часами за пишущей машинкой и печатал свои стихи» (Миллер, с. 202). Второй сб. «Стихотворения» (П., 1918), подготовленный к изданию летом 1917 самим П., насыщен иск.-культурными ассоциациями и аксессуарами, далекими от совр. рев. событий.

П. посетил своего издателя стих. — А. В. Руманову («У каждого мечтателя есть тайные друзья», дек. 1917 — РГАЛИ, ф. 1694, оп. 1, № 854; там же письмо о корректуре — № 483; сообщено Р. Д. Тименчиком), писал в дневнике 12 окт., что Руманов в выпуске книги во время революции «видит зерцало, красивый выговор» («Поэзия. Проза...», с. 342). В единств. и несколько запоздалой рец. Н. О. Лорвер, несомненно знавший о пьесах П., назвал его «небольшим, но настоящим поэтом», а его сб-к «мыслим гербарием», писал не без намека: «Разумеется, у него нет будущего, зато ему самому принадлежит прошлое» («Книга и революция», 1920, № 5, с. 55). Вероятно, об этой рецензии А. А. Блок сделал запись в дневнике 19 янв. 1921 — VII, 398.

Поэмы «Сафо» и «Благовещение» (архив И. П. Романовой, сестры П., в Бярицке), мн. стихи (рукописи — ГАРФ) впервые опубли. в 1996.

Рано осознав себя поэтом («Бросить стихи я не в силах: для меня это хлеб насущный» — письмо родителям от 28 мая 1916 — «Поэзия. Проза...», с. 329), П. переживал свою «несовременность» («Я один из тех, кто ошибся временем» — там же), был приверженцем классич. традиций рус. поэзии и ценителем франц. поэтов (Э. Ростана, Ф. Коппе, П. Верлена), Э. Верхарна, критически относился к новым направлениям в рус. иск-ве; иронизировал над «непонятными поэматтами какого-то Олега Южанина» (пьеса «Белая роза», прозрачная аллюзия на И. Северянина; чит. по кн.: «Поэзия. Проза...», с. 248), негативно отзывался о художниках «Мира иск-ва», у к-рых «в каждом мажке чувствовалась некультурность и несамостоятельность живописца» (пов. «Летчик Скворцов» — там же, с. 296).

Вызванный в петрогр. ЧК, П. отказался от предложения М. С. Уриц-

кого подписать отречение от отца и 13 марта 1918 вместе с тремя смят-выми К. Р., вел. кн. Сергеем Михайловичем и его секретарем был отправлен в ссылку в Вятку. В собрании М. С. Лесмана имеется экз. 1-го сб-ка П. с его дарств. надписью от марта 1918 балерине Е. А. Смирновой («от скромного поклонника ее огненных изгибов»). 20 апр. ссыльных отправили в Екатеринбург, 20 мая — в Алапаевск, куда привезли и вел. кн. Елизавету Фёд. Встречу с П. в Екатеринбурге описала Е. Семчевская (жена полковника В. В. Семчевского и мать товарища П. по Пажескому корпусу: «Какой-то наярв, тихая покорность судьбе светилась в прекрасных глазах», он читал свои новые стихи — «Столько тоски, жалобы было в них» («Двуглавый орел», Б., 1921, в. 10, июнь, с. 29—30). Все лит. наследие этого периода пропало (судя по письмам к матери, было обширным). В ночь на 18 июля, через сутки после расстрела царской семьи, П. и др. ссыльные были казнены (брошюры в шахту). После прихода А. В. Колчака проводилось расследование (см.: Соколов; Стюарт), к апр. 1920 гробы с останками доставлены в Пекин, в рус. духовную миссию, и захоронены в склепе Свято-Серафимовского храма (см.: «Двуглавый орел», 1920, в. 2, дек.; 1921, в. 6, апр.), в 1945 они пропали. П. вместе с др. новочучениками причислен в 1981 Рус. заруб. православной церковью к лику святых. «Расстрелянный мальчик-поэт» вошел в мартиролог жертв рус. лит-ры, сост. В. Ф. Ходасевичем (ст. «Кровавая пицца», 1932). Исследователи усматривают намеки на судьбу П. в «Поэме без героя» А. А. Ахматовой (Тименчик, Топоров, Шивьян).

Изд.: Поэзия. Проза. Дневники. М., 1996 (сост. и комм. Т. А. Александровой, Л. И. Тюпкина, вступ. ст. Т. А. Александровой); Отрывки из дневника — «Гражд. достоинство», 1990, 16 марта (вступ. подг. текста В. Галешилова); Перед памятником Пушкина в Царском Селе [Стх.]. — В кн.: Царское Село в поэзии. СПб., 1922 (статья Э. Ф. Голдербха, под ред. Н. О. Лорвера); Стихи. — в книгах: Коневска (в. 3), М., 1991 (публи. Т. Александровой); Гаспаров М. Л. Рус. спещ 1890-х — 1925-го гг. в комментариях. М., 1993 (справки о П. — с. 265); Кизель Вл. Палей. Биография. Стихи. СПб., 1997 (вступ. ст., послесл. А. В. Барановского).

Лит.: Голдербха Э. Ф., Дворян-музеи. Собрание Палей в Детском Селе, 1922; с его ж. Город муз. Царское Село в поэзии. Л., 1930 (перев. — СПб., 1993, с. 192); Paley O. W. — «Revue de Paris», 1923, № 11—16; в сокр. виде: Палей (О. В.). Мои восп. о рус. революции. — В кн.: Февр. революция. Мемуары. М.—Л., 1923 (сост. С. А. Алексеев; с предисл. и прил. А. И. Усаяна; только часть — 30 окт. 1917); Касаткин-Ростовский Ф., Творчество П. — НВ, Белград, 1926, 27, 30 июня; Тименчик Р. Д., Топоров В. Н., Шивьян Т. В., Ахматова Л. Кумис. — «Russian Literature», 1978, в. 6, № 3, July, p. 280; О. Е. Поэзия и судьба П. — РМ, Париж, 1968, в. 6; Лесман (№ 1693, 1694); Соколов Н. Убийство Царской семьи. М., 1990; Малашевский Н. Я., Вторая книга, М., 1990, с. 162; Ходасевич В. Калебейный треножник. М., 1991, с. 367, 369, 463; Алла-

и в М., Светлая Елена, маленький остров Убий-стой Уршиков, М., 1991, с. 79; Тимеичев Р., Замыслил на полях именных указателей. — НПО, 1993, № 4, с. 157—58, 160; Барановский А. В., Несостоявшийся поэт «Серебряного века». — «Час пик», СПб., 1993, 21 июля (там же — стихи П.); Миллер Л., Светлая мученица Российской всел. хн. Елизавета Федоровна, М., 1994, с. 200—15 и др.; Стюарт Дж., Правда о смерти царя — правда о страданиях России. — НН, 1995, № 33, с. 40; Жажоки М., На рус. Голгофе. — РМ, 1997, 16—22 янв.

Архивы: ГАРФ, ф. 614; ф. 613 (О. В. Пали-лей); ф. 644 (всл. кн. Павел Ал-др.); ИРЛИ, ф. 134, оп. 3, № 1252 (письмо к А. Ф. Коен, 27 янв. 1917); оп. 12, № 121 (два письма Е. В. Пономарёвой, 18 окт. 1917) [справка О. Е. Бли-женко]; РГВИА, ф. 409, оп. 1, л. 65490, л/с 12—590, окт. 1916 (дата рожд. по старому стилю — 28.12.1896) [справка Н. Ю. Марасейниковой]; частный архив М. Ф. Романова, Биарritz.

Т. А. Александрова, Л. Н. Клименко.

ПАЛИЦЫН Александр Александрович (ок. 1747 — между янв. 1814 и февр. 1816, с. Поповка Суцкого у. Слободско-Укр. губ.), поэт, переводчик; архитектор. Из Новгорода (?) ветви старинного дворян. рода, к к-рому принадлежал и келарь Троице-Сергиевой лавры, писатель нач. 17 в. Авраамий Палицын. Сын Ал-дра Ив. Палицына, премьер-майора. В детстве жил в родовом имении на р. Волхов. Воспитывался в Сухопутном шляхетном кадет. корпусе (1762—69), выпущен поручиком. Нек-рое время служил адъютантом при фельдмаршале П. А. Румянцева-Задуняйском (см. прим. к стих. «Чувствование, излившееся вдруг при чтении прекрасных стихов на ветвь, выросшую на памятнике графа Румянцева-Задуняйского» — РВ, 1808, № 2), по собств. словам, участвовал в воен. кампаниях; вышел в отставку в чине майора.

В 1770-х гг. (?) поселился в своем имении Поповке, где занимался архитектурой, живописью, словесностью (в 1805 Е. И. Станевич свидетельствовал, что П. сжег свои сочинения, — см.: Станевич, с. 30, 33). По его проектам были построены мн. помещичьи дома и церкви; с культурно-просветит. деятельностью П. В. Н. Каразин связывал «начала европ. быта в Украине» (Каразин, с. 605).

Вокруг П. в кон. 1790-х — 1800-х гг. организовался лит.-худож. кружок («Поповская академия»), в к-рый в разные годы входили и опекаемые им молодые люди и изв. писатели: Ник. Фед. Алферов, воспитанник П., архитектор и литератор (см. его «Письма» из Италии и Греции: ВЕ, 1808, № 7, 11; РВ, 1808, № 10), его сестра Ек. Ф. Алферова, крестная дочь П., его «чадо» и «Принцесса», поэтесса и художница (см. стих. опубл.: ВЕ, 1808, № 19; РВ, 1810, № 2), В. И. Ярославский, А. И. Караашевский, Станевич, Каразин, С. Н. Глинка и др. Культурная aura «Поповской академии» дополняется кругом друзей и знакомых П., к-рый составляли Итн. Ф. Богданович (см. «К творцу „Лушевичи“» — в кн.: Станевич, с. 29; «Стихи на смерть Богдановича» — ВЕ, 1803, № 8), Ив. Ф. Богданович, педагог и литератор И. Ф. Верст (см. обращение к нему «Послание», 1809, — «Харьковский Демокрит», 1816, № 2), В. В. Калинин, Г. Р. Державин («Гавриилу Романовичу Державину» — ВЕ, 1809, № 19) и др.

С 1770-х гг. П. работал над пер. «Новой Эпоицы» Ж. Ж. Руссо (ч. 1—

6, СПб., 1803—04; первый полный пер. на рус. яз.; 2-е изд., ч. 1—10, М., 1820—21), к-рую ставил «столько выше всех ... романов, как небо от земли» (Сумцов, с. 3). Руссоизм определил многое в жизненном поведении П. Проповедуя культ природы (отразился на архитектурном творчестве П., приносившем законы симметрии в жертву гармонии с естеством ландшафтом), «сладкий рай» сель. жизни, ценности подлинной дружбы, бескорыстного служения музам (см. в письме Каразину, 1806: «Благодарю судьбу, что живу с природой. Она научила меня не переменяться, не забывать старых привязанностей, ... не скучать покоем» — Каразин, с. 882), П. в письмах и стихах является в образе «поповского пустынника», к-рый охотно подделывается его корреспондентами (см., напр., постоянное акцентирование «уединения», «пустынничества» и пр., не слишком мотивированное образом жизни П., — в его стихотв. перепишке со Станевичем, в кн.: Станевич, с. 78—88). По свидетельству современника, П. был «холоден к обрядам христ. религии» (Ярославский, с. 138), очевидно, склоняясь к деизму.

Среди переводов П. выделяются описательные, дидактич. поэмы: «Независимость писателя» Ш. Мильвуа (Х., 1813), «Сады» Ж. Делиля, «Времена года» Ж. Ф. де Сен-Ламбера (оба — Х., 1814; П. ошибочно приписывались также пер. Вольтера — см. об этом: Заборов П. Р., Рус. лит.-ра и Вольтер. XVIII — первая треть XIX в., Л., 1978, с. 107, 142). П. принадлежит одно из первых стихотв. переложений «Слова о полку Игореве» — «Игорь, героическая песнь. С древней славенской песни, писанной в XII веке» (Х., 1807; перепечатано в изд.: Соч. и переводы, издаваемые Рос. академией, т. 3, СПб., 1808). Последовательно руководствуясь текстом перевода А. С. Шишкова (вплоть до включения комментариев последнего), П. обращается к александринскому стиху (единств. случай в истории переводов памятника), обычно используя славянизмы — переложение П. напоминает героич. поэму классицизма. По словам митрополита Евгения (Болховитинова), палицынский пер. — «почтенный с бородою седою русский старец в нынешнем французорусском кафтане ... передразнивание, а не предложение Игоревой песни...» (ЛА, в. 1, М.—Л., 1938, с. 404). Опыт ориг. героич. поэмы остался незавершенным: «Димитрий Донской (песнь первая)» (РВ, 1808, № 8).

Наиб. известность П. принесло «Послание к Привету» (Х., 1807; 2-е изд., СПб., 1903) — своего рода поэтич. «реестр» рус. литераторов 18 — нач. 19 вв., имеющий обшир-

ную зап.-европ. традицию, восходящий к «Поэтич. искусству» Н. Буало. П. резко осуждает галломанию в обществе и карамзинизм в лит-ре (показательно, что, давая в «Послании...» характеристики более чем ста писателям — от А. Д. Кантемира до М. Т. Каченовского, — П. ни разу не упомянул Н. М. Карамзина); в вопросах языка выступает традиционалистом, последовательным приверженцем Шишкова. Архаик, но не архаичен (в терминологии Ю. Н. Тыянова), П. не принимает стилистич. новаций С. С. Боброва, к-рый, «вкус Хераскова забыв в своей „Тавриде“ / И в страсти к новому игрой трескучих слов / Шероховатостью и мыслей и стихов / Подходит там в иных местах к „Телемахиде“» (Поэты 1790—1810, с. 769), и С. А. Ширинского-Шихматова (пародию П. на него см.: РС, 1895, № 3, с. 193). В письме к И. И. Дмитриеву (1810) П. приравнивает «поколение славонистов», к-рые «вырывают всю дичь и плесень из славенских» текстов, к «династии галлицистов», подбирающих «словами и речениями, до того у нас неходящими, из чужих книг», в их взаимной ненависти, постоянном стремлении к нововведениям «наперекор, и на убой остатков прежнего смысла здравого и вкуса» (там же, с. 192—93). В своих оценках П. опирается на категорию эстетич. критики европ. классицизма, к-рые деформируются им с поправкой на национальное (напр., русифицируется категория здравого смысла — см. об этом: Песков, с. 58).

Попытавшись вступить в «Послание...» за Станевича, к-рого «грубо критиковал Каченовский в „Вест. Европы“ (1806, № 2), П. сам получил отповедь последнего (ВЕ, 1807, № 19), спровоцировавшую дальнейшее развитие полемики, принявшей скандальный характер (см.: Станевич Е. И., Снобизм рассматривать кинти и судить о них, СПб., 1808; Воскряков А. Ф., Мнение беспристрастного о «Способ...» — ВЕ, 1808, № 18; Проза и поэзия, Ответ г-ну Воскрякову — «Драм. вестн.», 1808, ч. VII). Подпись в ст. «Взглян на анадктич. рус. стихотворения» («Благ.», 1823, № 5) означало, что в «Послании...» «исаостает ваду, но ... нередко встречаются справедливые замечания о языке и писателях» (с. 354).

Несмотря на то что П. не состоял в «Беседе любителей рус. слова» и не печатался в ее ж. «Чтение» (хотя и пользовался расположением Шишкова — см.: Лашенков, с. 11; РС, 1896, № 4, с. 37), за ним закрепилась репутация бездарного «беседчика»: А. Е. Измайлов в сатире «Певцы в Беседе славянороссов» наделяет его определением «гроза чтецов», по-видимому, имея в виду неудобопроизносимость стихов П., страдавших ритмич. сбоями, однообразным рифм, неправильными ударениями (см. также: Батушков, ук.; Арзамас и арзамас. протоколы, Л., 1933, ук.); имя П. упоминается в приписываемой А. С. Пушкину «Тени Баркова» — среди членов «Беседы», «проклятых

ПАЛЪМ

Аполлоном» (см.: «Летите, грусти и печали...». Неподцензурная проза поэзия XVIII—XIX вв., М., 1992, с. 137).

В кон. 1800-х — нач. 1810-х гг. соч. П. появляются в петерб. ж-лах разл. ориентации: в «Рус. вест.», «Улье», а также в «Вест. Европы» (в 1809 Каченовский писал В. А. Жуковскому: «Палицын мне очень добрый приятель, по Станевичу» — ИРЛИ, 28075/СС16115, л. 17а). П. отдает в печать стихотворения, основанные на «домашней семантике», написанные в жанрах «легкой поэзии», — дружеские послания, мадригалы, альбомные стихи: «Учредителю Филотехнического общества» [Карзинну. — *Ред.*] («Улей», 1811, № 12), «Стихи племянницам Е..... Н..... К..... и Е(катерине) Ф(едоровне) А(лфёровой)» (РВ, 1809, № 3), «Любезной крестнице моей А..... Н..... К..... на день ее рождения» (там же, 1810, № 3), «Осеня» (посв. Ек. Алфёровой — ВЕ, 1811, № 3) и др., в к-рых, в отличие от карзиннистов, использует «низкую» лексику и архаичные аллегорич. фигуры. Единств. прозаич. публикация — «Мысли при чтении в „Ведомостях“ статьи о храме победы, назначенном в Париже» (РВ, 1808, № 5) — обнаруживает публич. дарование П.

Последние годы жизни, окрашенные одиночеством (в 1806 овдовел, в 1811 вышла замуж Алфёрова, распалась «Поповская академия») и болезнями, П. почти не писал (в окт. 1808 признавался Ярославскому: «прежняя страсть моя к музам, без сил, иногда становится мне лишь мучкой» — Сумцов, с. 4). В 1810 избран почетным членом Харьков. ун-та, в янв. 1814 — действит. членом Харьков. об-ва наук. В февр. 1816 упоминался как «ныне покойный» («Укр. вест.», 1816, № 2, с. 247).

Др. произв. [Переводы]: «Дифирамб на бессмертие души» Ж. Делла (М., 1804), «О составлении ландшафтов...» Р. Л. Жирардена (СПб., 1804).

Изд.: Поэты 1790—1810; Письма П.: к В. Н. Карзину — «Молодик на 1844 г.», [с. 3], Х., 1843; СП, 1860, 25 апр.; к Д. И. Хвостову — БЗ, 1859, № 8.

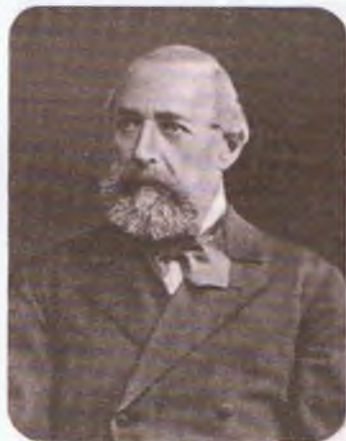
Лит.: «Арзамас» (укр.): Станевич Е. И., Собр. соч. в стихах и в прозе, т. 1, СПб., 1805, с. 29—46, 78—88; Поренкина Евгения с тр. Д. И. Хвостовым. — Сб. ОРЯС, т. 5, в. 1, СПб., 1868, с. 140—41, 200; Ярославский В. И., Зал. — КС, 1887, № 9; Сумцов Н. Ф., Культурный уклад Харьков. губ. (Поповская академия), Х., 1888; Багалей Д. И., Опыт истории Харьков. ун-та, т. 1, Х., 1893—98, с. 38—40, 747, 769—73 и др.; Лашенков Н. А., Е. И. Станевич. — В изд.: Сб. Харьков. историко-филол. об-ва, т. 9, Х., 1896, с. 5, 10—11; Карзин В. И., Соч., письма и бумаги, Х., 1910 (укр.); Шамбринаго С., Худож. переложения «Слова», — В кн.: «Слово о полку Игореве», М.—Л., 1934, с. 205—06; Игнаткин А. И., Архитектор П. и «Поповская академия». — В сб.: История и теория архитектуры и градостроительства, Л., 1980; Альтшуллер М., Предтечи славянофильства в рус. лит-ре (Об-во «Беседа любителей

рус. слова»), Анн-Арбор, 1984 (укр.); Лотман Ю. М., «Сазы» Делла в пер. Воейкова и их место в рус. лит-ре. — В кн.: Делла Ж. Сазы. Л., 1987, с. 194, 204; Песков А. М., Буало в рус. лит-ре XVIII — первой трети XIX в., М., 1989 (укр.); Лосицкий И. Я., Рус. лира с Украины. Рус. писатели Украины первой четв. XIX в., Х., 1993 (укр.). + Гейнрих; РВС; Брокгауз; Энцикл. «Слова...», СПб., 1995; Масанов (П. ошибочно приписан псевд. Пустылин).

Архивы: РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 444 (биогр. мат-лы) [Справка Н. Ю. Муравейниковой]; РГБ, ф. 32, к. 18, № 22 (неопубл. стих.); ИРЛИ, ф. 322, № 61 (письма Д. И. Хвостову, 1811).

Г. В. Зыкова, М. К. Евсеева

ПАЛЪМ Александр Иванович [28.12.1822 (9.1.1823), г. Краснопольск Пензен. губ. — 10(22).11.1885, Петербург; похоронен на Волковом кладб.], прозаик, драматург, поэт. Из дворян. Отец — обрусевший немец, мелкий провинц. чиновник (тит. сов.). Мать — из крепостных, выкупленная на волю мужем сразу после

рождения П. В 1837—42 П. (снимая квартиру с мл. братом Иваном, будущим художником) воспитывался в петерб. Дворянском полку, в к-ром преподавали Е. П. Гребенка и Ф. А. Кони, поседествовавший его поэтич. дебюту в «Лит. газ.» (стих. «Опустелый дом», 1843, 18 апр.), где П. нек-рое время довольно активно сотрудничал (1843: «Много горя, много дум тяжелых», 30 мая, «Воспоминание», 25 июля; 1845: «Я сидел задумчив», 3 мая, «Рус. песня», 7 июня, и др.). Печата л стихи также в «Б-ке для чтения» (1844, т. 63), «Отеч. зап.» (1845, т. 39), «Иностранщина» (1845, 26 мая), «Сев. обозр.» (1848, т. 2) и др. Кони приветствовал «весьма замечат. дарование» П.: «стих его звучен, правлен... компактен» (ЛГ, 1843, 18 апр.). Всего в 1843—50 П. опубл. ок. 30 стих. (позже к поэзии не возвращался). Наиб. значит. поэтич. соч. — «Сказка про царя с царевной да про гуслиря с заморским котом» (ЛГ, 1843, 17 окт.), вызвавшая в «Лит. газ.» сочувств. сопоставление с «Песней про купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова. В числе ранних лит. опытов П. — не-

сколько прозаич. соч., в т. ч. рассказы «Ничего, а воля ваша — странный случай» (ЛГ, 1843, 19 дек.), «Соседка» (посв. М. И. Глинке, СПбВед, 1849, 5—22 мая), пов. «Шалость» («Фин. вест.», 1846, № 9), «Один день из будничной жизни» («Моск. гор. листок», 1847, 23 мая, 27 мая, 29 мая—2 июня), ром. «Жак Бичовкин» (ОЗ, 1849, № 4—5), гл. герой к-рого «отчасти Печорин», представитель «обмельчавшей породы» чайльд-гарольдов. Однако ни лит. занятия, ни служба (в 1842—49 П. — офицер л.-гв. Егерского полка; по свидетельству П. А. Степанова, его командира, занимался распространением социалистич. идей среди офицеров — см.: История л.-гв. Егерского полка за сто лет, СПб., 1896, с. 295—96) не приносили П. полного удовлетворения: «... вот несчастье нашего поколения: есть головы светлые, талантливые, есть жажда, есть идея о лучшем, — а нет поприща этим головам... Пишу я очень мало, о чем писать? На всем, чего нужно бы коснуться, лежит печать запрещения — и пиши, знай, сладекие повести с их вечными пошлыми любовными интригами» (из письма Ег. П. Ковалевскому от 20 марта 1846, РНБ, ф. 356, № 299). В авг. 1847 П., познакомившись с М. В. Пестрашевским, вместе с С. Ф. Дуровым (верность дружбе с к-рым сохранял всю жизнь, в 1857—69 Дуров проживал с семьей П.) стал участником его кружка, произведя «самое приятное впечатление» на Ф. М. Достоевского: с П. его объединяло «сходство мыслей и вкусов» (Бельчикова Н. Ф., Достоевский в процессе петрашевцев, М.—Л., 1971, с. 138). (П. вновь встретился с писателем еще дважды — на благотворит. лит. вечерах в 1879 и 1880; на похоронах Достоевского произнес речь.) 23 апр. 1849 П. (несмотря на то, что в бумагах его ничего «предсудантельного» не оказалось) в числе др. петрашевцев был арестован и заключен в Петропавлов. крепость (где закончил 2-ю часть ром. «Жак Бичовкин»). В показаниях назвал себя «гнусным либералом» и раскался в «необдуманных поступках». Приговоренный к «смертной казни расстрелянием», был помилован, переведен из гвардии в армию и отправлен в Одессу в Литов. полк (дек. 1849). Участвовал в воен. действиях против Турции на Дунае (1852) и в Севастопольской кампании (1854; получил серебр. медаль). Все эти годы пытался печататься, но его письма (А. А. Краевскому, А. Н. Очкину, в ред. ж. «Москвитини») оставались без ответа, несмотря на заверения П. в том, что лит-рой он занимается «с позволения начальства». В июне 1852 Краевский выслал П. аванс (200 руб.), но ни одно из предложен-

ных ему П. произв. не напечатал. «Опальному» П. удалось опубл. (за подписью А—Ъ; атрибутируется на основании письма П. к Краевскому от 28 июня 1851 — РНБ, ф. 391, № 605, л. 292) только четыре очерка «Одес. письма» (СПбВед, 1850, 14 июля, 28 июля, 7 сент.; 1851, 23 марта).

В 1856 с П. были сняты секретный полис, надзор и ограничения в месте жительства. В 1857 вышел в отставку (майор) и поступил на службу к поручику Д. К. Волохову (на его племяннике К. Г. Жаковской П. женился в 1853), к-рый разорился и застрелился, а П. оказался в долгах. Надежды на лит. заработки разрушил провал его пьесы «Благодетель» («Совр.», 1864, № 6; Александрин. т-р, 1864; рец.: СО, 1864, 15 февр. — «литературно, но безжизненно»), о к-рой Ф. А. Бурдин писал А. Н. Островскому: «... вещь не глупая, но в высшей степени сухая, бесцветная, длинная» (А. Н. Островский и Ф. А. Бурдин, Нендз. письма..., М.—Л., 1923, с. 22). С мая 1864 П. служит управляющим банком в Кишинёве, с мая 1868 — в Полтаве. Увязая в долгах («Я измучен бедностью», — писал П. своему другу П. М. Ковалевскому), П. решил на расстрат (1871). Суд (март 1873) приговорил его к выплате денег и ссылке в Самару на 3 года (см.: Спасович В. Д., Дело о Пальме). Сочинения, т. 5, СПб., 1893, с. 248—69).

В 70.—80-е гг., когда лит. заработок стал единств. источником дохода («пишу, пишу до обморока»), П. проявил себя как весьма плодотворный беллетрист. Свое наиб. значит. произв. — «Книга скорбей» («Я кладу в нее лучшие мои силы» — письмо П. М. Ковалевскому от 25 авг. 1872) П. предложил Н. А. Некрасову [ЛН, т. 51—52 (II), с. 429], к-рый, отклоняя рукопись, посоветовал обратиться в «Вест. Европы» («Стасюлевич любит такие заглавия — да и скуку уважает», цит. по кн.: ЛН, т. 51—52, с. 38), где ром. под загл. «Алексей Слободин. Семейная хроника» и был опубл. (под псевд. П. Альминский, 1872, № 10—12, 1873, № 2—3; отд. изд. — ч. 1—3, СПб., 1873; отнриат. рец.: (Авсенко В. Г.), РВ, 1873, № 10). И. С. Тургенев, прочитав первые части, писал М. М. Стасюлевичу: «„Слободин“ — очень хорошая вещь... Я радуюсь за него (Пальма)» (Тургенев в Письма, X, 41). Определяя жанр произв., П. просил не называть его романом (ср. упрек рецензента: «никак не стиль художника-романиста», «Гражданин», 1873, № 1), стремясь построенным, характерным для записок («деление на тетради»), и подзаголовком («Из восп. о погибших людях») подчеркнуть мемуарно-автобиогр. характер сочинения. Одна из 5 частей по-

священа «известному происшествию» — истории петрашевцев, к-рых П. вывел под вымышлен. именами (Дуров — Рудковский, Петрашевский — Дмитрий Сергеевич, Пальм — Морич, «нек-рые черты молодой поры Достоевского», гл. обр. идейно-филос. воззрения, — в образе Слободина). В 1884 произв. П. попало в «черный список» книг, запрещенных к обращению в б-ках. Не касаясь, по совбств. признанию, «процесса», «дела по существу» (во мн. по ценз. условиям), П. сосредоточился на внеш. обстоятельствах, воспроизведенных бытового фона, подробностях личной жизни героев, биогр. деталях, воссоздавая хотя и «тускло», но достоверно картину жизни кружка («правдивый роман», по определению М. Горького, предпочитавшего его «Людям сороковых годов» А. Ф. Писемского, — ЛН, т. 70, с. 111). Размышляя в финале о судьбах своего поколения, П. не смог скрыть раздражения, войти в «примиряющий» тон: «небывалые „юные люди“» предали забвению идеалы «юных мечтателей» 40-х гг.: Слободин «становится человеком неужным». Этой же «заветной» для П. теме посв. проникнутые еще большим пессимизмом и разочарованием, автобиогр. ром. «Мирные времена» («Дело», 1882, № 8—12) и дилогия «Больные люди» (СПб., 1881, положит. рец.: ЖО, 1881, № 38), состоящая из повестей: «Конец старого романа» (ВЕ, 1874, № 10—11) и «Пропащие годы» (ОЗ, 1880, № 2—3). Горький пафос П. не вызвал сочувствия большинства критиков: его произв., составленные «из отдельных эпизодов, сшитых... на живую нитку», с героями, «механически» перенесенными в новую эпоху из 40-х гг. (новая версия «лишних людей») и выдаваемыми за современников, назвали «водвилем с переодешиванием» ((За с оди мский П. В.), Буря в стакане воды. — РВ, 1881, № 6, 7; см. также: (И. Н. Харламов). — «Страна», 1881, 6 окт.). В романе с авантюриным сюжетом «Петербургская саранча» (НВ, 1883, 26 июня... 11 дек., отд. изд. — СПб., 1884) П. обратился к новой для себя теме и героям. В центре повествования — вырождающаяся дворян. семья в поисках путей легкой наживы. Несмотря на следы «очевидной торопливости», в ром. «много жизни, чувства, движения, много тонких психол. черт, много бытовых ярких картинок из жизни», в нем «сверкают перлы крупного худож. таланта, достойного лучшей участи» (РВ, 1884, № 4, с. 159—160; положит. отзыв также в РВ, 1884, № 6).

В июне 1877 вместе с семьей П. отправился на Кавказ (там проводил лето 1879, 1880, 1881, 1884), откуда посылал корреспонденции в «Нов.

время» о рус.-тур. войне. С весны 1878 жил в Петербурге. В 1883 начал издавать, еженед. листок «Зритель» и газ. «Театр», желая сделать ее «голосом справедливой нейтральной критики» (печатались П. М. Ковалевский, П. Д. Боборыкин, В. П. Острогорский, А. Н. Плещеев, к-рый писал И. Л. Щеглову: газета «ведется недурно; и тон хороший, и отношение к делу серьезное. Не мешало бы только побольше перу...», ЛА, 1961, № 6, с. 375). Через три месяца П. прогорел и опять оказался в долгах. «По давней своей любви к театру» он выступал и как актер, играя (подчас «высокохудожественно» и «замечательно правдиво») на сценах Тифлиса (один из его сыновей — С. А. Пальм был антрепренером Тифлис. т-ра), Самары, Петербурга, Харькова, Ростова-на-Дону и др. городов, преим. в совбств. пьесах.

Из числа пьес П. (см. раздел Др. произв.) наиб. успех сопутствовал комедии «Старый барин» (ОЗ, 1873, № 5, отд. изд. — СПб., 1878; Александрин. т-р, 18 окт. 1872; обстоят. критик. разбор — А. С. Суворин, СПбВед, 20 окт., то же в его кн. «Театральные очерки», СПб., 1914) — о столкновении старого идеалиста с бесцеремненным прагматизмом молодого поколения. Образ старого барина, «теперь переходящего в предание» (Суворин), был удачен настолько, что А. М. Скабичевский, назвавший П. «одним из лучших драматургов» (Скабичевский А. М., История новейшей рус. лит-ры, 7-е изд., СПб., 1909, с. 414), отметил именно способность П. «не без мастерства выводить ... рыцаря и изнеженные барские типы» (там же, с. 415). С аншлагом прошла и др. комедия П. — «Наш друг Неклюжев» («Слово», 1879, кн. 12, отд. изд. — СПб., 1880; Малый т-р в Москве, 1879, 25 нояб., Александрин. т-р, 1879, 12 дек.; рец. (Немирович-Данченко Вас. И.) — «Рус. курьер», 1879, 30 нояб., (Плещеев А. Н.) — «Молва», 1879, 19 дек.), в к-рой осуждались «практические» тенденции общества, забывающего в погоне за богатством о нравств. ценностях. В основу сюжета этой пьесы были положены «шумное» реальное «дело Юханцева» и совбств. опыт, связанный с расстратой казенных денег.

Еще при жизни П. стал персонажем произв. П. М. Ковалевского — под именем Камеева выведен в пов. «Непрактические люди» и в ром. «Итоги жизни». Личный архив П. утрачен, сохранились рукописи аллегорич. «Последний сон» (к-рая была запрещена цензурой — РГИА, ф. 777) и четырех стихотворений.

Др. произв. П. в сье «Просветители» (ОЗ, 1871, № 3; отд. изд. под назв. «Очертга голову» — М., 1880), «Мышеловки» (Малый т-р, янв.

ПАЛЬМИН

1875), «И крылья есть, да лететь некуда» (СПб., 1875), «Доброделен Соколов» (опубл. под назв. «Гражданка», «Слово», 1878, № 3), «Господа избиратели» (ВБ, 1881, № 4), «Милочка» (СПб., 1883), «Грешница» (РБ, 1885, № 1). Повести: «Анкудинова дача» (НВ, 1884, 21 авг. ... 28 дек.), «Фрося» (СВ, 1885, № 3), «Ф. Н. Львов. Из старых восп.» (НВ, 1885, 4 июня). Ст. «Театр в провинции» («Слово», 1878, № 6).

Изд.: Драм. сочинения, М., 1893; Алексей Слюбин. Повесть из жизни петрашевцев. [М.], 1931; [Стх.]. — В кн.: Поэты-петрашесцы.

Лит.: П. К. (Ковалевский П. М.), О Пальме, как человеке. — НВ, 1885, 11, 14, 17, 21 нояб.; Суворов П. П., Заниски о прошлом, ч. 1, М., 1898, с. 265—68; Соколов А. А., Из моих восп. А. И. Пальмы. — «Моск. листок» (дил. приб.), 1909, 14 июня; Пальм Г. А., А. И. Пальм. — ИВ, 1911, № 3; его же, Театр в провинции. — ИВ, 1912, № 11; Семевский В. И., Петрашевцы С. Н. Дуров, А. И. Пальм, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев. — ТМ, 1915, № 11, 12; Сакулин П., Рус. лит-ра и социальные 2-е изд., ч. 1, М., 1924, с. 334—54; Соколов П. П., Воспоминания, Л., 1930 (ук.); Дело петрашевцев, т. 3, М.—Л., 1951; Корсаков И. М., Краснослободск, Саранск, 1966, с. 55 (о дате рожд. П.); Чистова И. С., А. И. Пальм и его ром. «Алексей Слюбин». — РЛ, 1969, № 2; Шадури В., Писатель-петрашесец в Гургии. — В кн.: «От „Слова о полку Игореве“ до „Тихого Дона“», Л., 1969; Тхоржевский С. С., Жизнь и репутация Александра Пальмы, Л., 1971; его же, Портреты пером, Л., 1984; Джавахидшвили Г. Д., Писатель-петрашесец П. И. Ф. Тхоржевский в пиджис. демокр. периодике. — «Труды Тбнтис. ун-та», 1975, т. 159; Новые мат-лы к истории рус. лит-ры и журналистики 3-й пол. XIX в., т. 1, Тб., 1977, с. 105—59, 243—48; ЛН, т. 53—54, с. 56, 63, 87, 88(1); * Некрологи: 1885 — «Несель», № 46; «Новости», 13 нояб.; «Свет», 12 нояб.; СПбвеса, 15 нояб.; «Кавказ», № 322; «Судур», ВВ, № 880, 14 нояб. РБС: Брокгауз, Яковл., в. 5; Миндичев: ИРЛТ; КЛЗ; Рус. писатели; Мезер; Муратов (1); Масанов (ошибочно приписаны псевд. Коператор, Плм., А. Тхорж., не учтена псевд. Сандро, Ал. П.-э, А. П.-м, А.—э, м-э, А. Н. А. П.).

Архивы: ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 1081 (28 писем М. М. Стасюлевичу, 1872—77), оп. 4, № 41 (письмо П. М. Ковалевскому, 1872), ф. 599, № 223 (7 писем В. П. Острогорскому), Р. 1, оп. 22, № 226 (26 писем С. Ф. Дурова к П., 1858—64), оп. 22, № 230 (аттестат П. о службе), оп. 22, № 231 (предл. дочери П. к кн: «Письма С. Ф. Дурова к П.»; 1909 г.?), ф. 155; РНБ, ф. 391 (А. А. Красестого) (письма П.); РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3126 (письма А. С. Суворину); РГИА, ф. 1343, оп. 27, л. 523 (аттестат о службе отца П.), ф. 776, оп. 8, л. 151, 1882 г. (приказ об отставке П.), ф. 587, оп. 30, л. 280 (дело о растрате), ф. 777.

Л. Дрейшгиз
(с использованным материалом, предоставленным С. С. Тхоржевским).

ПАЛЬМИН Иван Дунитриевич (1803—56), литератор. Отец Л. И. Пальмина. Из обер-офицерских детей. Окончив Демидов. коммерч. уч-ще в Ярославле, поступил в 3-е отд. канцелярии мин. финансов (1820—24). В 1824—28 — помощник надзирателя Питейного сбора в Ростове. В 1828 определен в канцелярию К-та о раненых (Петербург), где «усердно и ревностно» служил до конца жизни. С 1839 надв. сов. Женат на дочери кол. ас. Ал-дре Горбуновой.

Пост. посетитель вечеров гр. Д. И. Хвостова, П., по словам его сына, был «замечательным шахматистом»

(РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 387, л. 2). другом А. Ф. Воейкова и печатался в осн. в изданиях последнего (из письма Л. И. Пальмина С. А. Венгеру: «У меня целы отрывки его переписки с Воейковым и гр. Хвостовым» — ИРЛИ, ф. 377, оп. 6). Стихи П. в ж. «Славянин» (1828: «Грусть одиночества», ч. 8; 1829: «Печали и радости», ч. 10; «Свет», ч. 11; «Сравнение», ч. 12; 1830: «Уголь», ч. 13) и в «Лит. прибавлениях к „Рус. нивалиду“» (1833: «Шастие, мечта ли?», 18 янв.; «Молитва», 1 февр.; «Розь», 25 февр.; «Надгробие», 15 апр.; 1836: «Христианское мужество», 26 сент.; «Воспоминание», 23 дек.), а также в ж-лах «Сев. Минерва» (1832: «Мысль о будущей жизни», № 2; «Блага земные», № 4; «Судьба», № 5; «Воспоминание», № 6) и «Маяк» (1840: «Жизнь», кн. 12; 1841: «Рассудок», кн. 24), исполненные порой элеч. грусти, ренг. экзальтации, перепевающие распространенные в поэзии мотивы (Г. Р. Державин, В. А. Жуковский), несколько архаичны и диактичны, почти лишены конкретики личностного переживания. Из прозы П. (ему принадлежат многие миниатюры моралистич. характера в разделах «Любомудрие» и «Смесь» ж. «Славянин»; напр., 1830: «Память людей», «Оправдание», «Спор», ч. 13; «Проклятие», «Рифма», «Потери», «Нововодимые слова», ч. 15) наиб. интерес представляет рассказ в стиле нар. сатиры «Наследство» (ЛПРИ, 1834, 1—8 дек.), с живым остроумным сюжетом, увенчанным незамысловатой «моралью»: «Каменнем побит да будет всякий тот./ Кто заживо детям именем отдаст».

Лит.: Адрес-календарь, СПб., 1831—1855; РБС (ст. «Пальмин Л. И.»: сведения о дворянстве П. архивами не подтверждено).

Архивы: ИРЛИ, ф. 34, № 3 (ук. сотрудничество «Маяк» на 1840—41 гг.); РГИА, ф. 1343, оп. 3, л. 1657 (ф. с. 1844 г.); ф. 777 (изд. дело о разрешении к печати статьи (?) П. «Упрек» для ж. «Славянин», 1830, 11 марта) [справка Н. Н. Казаковой]. С. М. Гусков.

ПАЛЬМИН Лиодор (Илиодор) Иванович [15(27).5.1841, Петербург — 26.10(7.11).1891, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], поэт. Сын И. Д. Пальмина. П. вспоминал родителей как людей «глубоко мечтательных и религиозных», баюкавших его в колыбели балладами В. А. Жуковского (письмо Н. А. Лейкину от 10 янв. 1884 — РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 384, л. 22). После смерти отца в 1856 поступил казенно-коштным пансионером в 3-ю петерб. г-зию, к-рую окончил в 1860. В том же году стал вольнослушателем юридич. ф-та Петерб. ун-та. За участие в студенч. волнениях 1861 был арестован и заключен в Петропавлов. крепость (стих. «Крепость» — «Осколки», 1882, № 19). После освобождения продолжал учиться в ун-те до

его закрытия в 1863 (кумиры П. — М. М. Стасюлевич и Н. И. Костомаров, формировавшие его либеральные умонастроения). Недалго прослужив в адресной экспедиции, целиком посвятил себя лит. деятельности.

Первая публ. — пер. с франц. яз. («Луи», 1859). Начал с подражательной романтически окрашенной лирики о муках «безответной любви»: «Целый день проводил я с гостями...» («Век», 1861, № 27; подпись А. Пальман; ошибка исправлена в объявлении о ж-ле на 1862), цикл стихов (БлЧ, 1861, № 12; см. также: БзЧ, 1862, № 2). С сер. 60-х гг. печатался в «Будильнике», «Деле», «Жен. вест.» и др. Поэтич. ния П. получило известность прежде всего в ж. «Искра» (1863—68), куда ввел его Вас. С. Курочкин («незабвенный учитель мой... был вождем в борьбе с темной силой и нес знамя света» — письмо Лейкину от 31 июля 1890, РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 384, л. 19; вместе с тем тогда же «незабвенным учителем» своей музы П. называл А. А. Фета — ф. 289, оп. 1, № 31, л. 15). В «Искре» складывается стиль обличительно-юмористич. стихов П., ориентированный на демокр. вкусы ж-ла, исполненных едкой проны и вместе с тем преклонения перед «бессмертной красотой» идеи («Вечное бытие»). А. В. Амфитеатров видел в его поэзии «красивой и искренней, но малосамостоятельной», сочетание «геинизма с некрасовским течением» (Амфитеатров, с. 393). Сам П. в одной из позднейших оценок природы своего смеха явно гиперболизировал: «Пламя дьявольское скрыто в этом смехе незаметно! Так смеется жучей лавой огнедышащая Этна» («Свежее предание»). Ренг. экзальтация стих. «Requiem» («Не плачьте над трупами павших борцов...» — «Искра», 1865, № 11; по свидетельству Амфитеатрова, приписывалось Н. А. Некрасову), с ее неск. абстрактным па-

фосом преклонения перед борцами во имя идеи, импонировала настроениям читателей разных поколений: в годы рус.-тур. войны 1877—78, когда оно было разрешено к исполнению с эстрады, его воспринимали как патристическое; народнически настроенная молодежь относилась эти стихи к подсыдимым совр. полит. процессам. Благодаря чтению М. Н. Ермоловой «Requiem» приобрел широкую популярность и стал в дальнейшем рев. песней (см.: Гиляровский, с. 538—42).

После закрытия «Искры» П. в 1869 переехал в Москву, семь лет служил в Румянцев. музее («легкое местечко» — РГАЛИ, ф. 289, оп. 1, № 31, л. 47). В нач. 70-х гг. П. начал писать романы вместе с Н. А. Дубровским (1821—74), смерть к-рого превратила работу (см.: ЛН, т. 88, кн. 1, с. 320; судьба романа неизвестна). Средства к существованию добывал в осн. лит. трудом, печатаясь в изданиях разл. направлений: «Рус. мысли», «Осколки», «Стрекоза», «Заноза», «Наблюдателя», «Лит. б-ке» и др. (в кон. 80-х гг. безуспешно искал контакты с «Нов. временем» А. С. Суворина). Характерен по-своему трагикомич. эпизод с одой П. царю-освободителю Александру II (СПб., 1869), к-рая вопреки навным надеждам поэта не помогла ему получить стипендию, но поссорила на время с либеральными журналами (РНБ, ф. 438, № 18, л. 500). Поддерживая свою репутацию поэта-оппозиционера с «ехидной подкладкой» (по его собств. выражению), он пытался оправдать свое сотрудничество с «Моск. листком», всячески понося его в письмах Лейкину, однако признавая, что «лучшие и наиб. удачные вещи» он печатал в этом изд. (письмо от 7 авг. 1890 — РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 387, л. 22). Работа на потребу лит. рынка накладывала определен. отпечаток на стихотв. продукцию П. — многословную и порой однообразную. Вместе с тем стремление П. к независимости (как в «партийном», так и в худож. смысле) не могло удовлетворить публику ни в одном из враждующих между собой лит. лагерей: «Ненавидя фарисейские обряды и догматы, но будучи в душе истинным христианином, я искал участия нередко там, где было не только ледяное равнодушие, но даже злопамятство ... я не мог примкнуть ни к одной из партий, и каждая относилась ко мне неприязненно» (письмо Лейкину от 29/30 нояб. 1890 — там же, л. 47—47 об.).

Итогом поэтич. деятельности П. стали сб. «Сны наяву» (М., 1878) и «Собр. стихотворений» (М., 1881; 2-е изд. «Снов наяву» с добавлением 16 стих., а также «Цветы и змеи. Сатира, юмор и фантазия» (СПб., 1883). Пользуясь нек-рой популярно-

стью в читат. и лит. среде, П. не был замечен критикой (откликов на сб-ки его стихов не обнаружено). В сер. 80-х гг. П. намеревался издать свои «осколочные» (не только из ж. «Осколки», но и из «Рус. мысли» и «Наблюдателя») стихи в кн. «Изпод пепла с ветром» — «самое лучшее, остроумнейшее, пикантнейшее в известном направлении» (письмо Лейкину от 8/9 апр. 1890 — РГАЛИ, ф. 289, оп. 1, № 31, л. 21 об.; замысел не осуществился).

Лейтмотив «чистой» лирики П. — утрата современной (прежде всего городской) жизнью поэтич. содержания, возвышенно-романтич. стремлений, забвение «преданий старины» и нар. мифологии, с ее русалками, лешими, домовыми, старение и обесчеловечивание человека, особенно ошутимое в сравнении с природой. Так, природа у него выступает гл. свидетелем в споре о совр. нигилизме, отрицающем «любовь, и весну, и мечту», хотя худож. решение темы неск. нивно: «Но дальше идут нигилисты./ Замолкли шаги их, и вот/ Все снова вокруг оживает./ Все снова звучит и поет» («Нигилисты»). Вызывающе архаично на фоне совр. поэзии звучало назв. одного из разделов «Снов наяву» — «Любовь и грезы»: мир поэтич. видений автора не нов («Домик, густая рябина./ Саяк за ветхим плетнем/ ... Вот в темноте промелькнуло/ Белое платье в саду»), нек-рая новизна — в столкновении с враждебным этому миру началом («Город с своими домами/ В сирадней закутался дым/ Нагло смеясь над мечтами/ Каменным смехом своим...» — «В городе»).

В поисках утраченного современностью идеала П. обращается к Библии, ветхозаветным (в осн. и новозаветным) прераисиям к-рой навеяны его стихи из раздела «Пальмы Палестины» и др. Наряду с переизданием библ. сюжетов у него встречается и злободневное их переосмысление. П. гордился тем, что ему удавалось, образуя библ. целостность повести, «в форме знойной светы или кантов на двенадцатые праздники, под резинг. маской проводить излюбленные идеи космополитизма и социализма» («Н. А. Лейкин в его вост. и персидск.», СПб., 1907, с. 206). Не случайно стих. «Иисус на Елеонской горе» посл. памяти Я. Гуса: в одном из писем П. назвал Христа «революционером и социалистом... до сих пор не понятым большинством» (РГАЛИ, ф. 2567, оп. 2, № 384, л. 22 об.; не отличаясь ортодоксальностью в резинг. вопросах, П., однако, считал толкование Л. Н. Толстым Евангелия «белибердой»: «Мистично, но глупо и мелко» — там же).

Замысловатое место в сб-ках П. отведено поэмам, «монументальным» (по объему и построению), но с кратким, почти аскетич. сюжетом («Свежее предание в селе Волыньском»). Ист. поэмы исполнены романтич. nostalgia по прошлому («Все грациозное исчезло в старине»), живописные картины к-рого рисует автор, и пристрастия к совр. толпе, к-рую «не увлечет ни чувство, ни идея» («Покинутый замок»). В традициях романтизма — и героизма благородного атамана разбойников, кароного «леша злых», волеющего в любовно-авантурной истории («Горкуша»). В «Отрывках из поэмы „На родине“ и в „реликвии“ «На кладбище» (б. ч. проза. — размышления о бренности существования) звучит автобиограф. мотив: вост. об ушедшей возлюбленной, ставшей музой поэта.

Взгляды П. не претерпели серьезной эволюции; до конца жизни он оставался либералом, западником-прогрессистом (несмотря на любовь к прошлому и пристрастие к рус., укр. и антич. демонологии). Однако в «моск.» период в его стихах преобладают юмористич. (а не сатирические, как в период «Искры») интонации. Едва ли не каждый лирич. мотив имеет как бы своего двойника — сниженную комич. аранжировку. Это наиб. выражено в интерпретации любовной темы, к-рая в комич. варианте обрела черты игривой «великопостной поэмы» («Кающийся рыцарь») или «дачного» приключения с Глафирой и с горничной Аришей («В сельце Богородском»). Почти всегда (искл. нек-рые «фантастич.» стихи и стихи ужасов) удерживаясь в границах изящного, П., склонный к эротике, часто обрамляет ее иронич. контекстом: «Свеча в твоём окошке/ Блестит из-за кустов/ Уж либералки-ножки/ Свергают власть чулков» («Из летних песен»). В критич. обозрении юмористич. ж-лов А. Владимиров, давая отрицат. характеристику «Осколкам», упоминает и П.: «В каждом номере аккуратно выиссете до невозможности скучное и длинное стихотворение П., в к-ром нет ничего сатирического, ничего юмористического, а просто набор рифм» («Колосья», 1886, № 1, с. 344).

Современникам запомнилась необычная бытовая атмосфера, окружавшая П. в Москве (или летом под Москвой на даче): «слишком был привержен к напиткам и вел порядок жизни странный. ... У него не было детей, жена (Пел. Евд.) была небогатая, простая и замечательно гостеприимная хозяйка»; в его квартире жили куры и петух, собаки, кошка, утки (см.: В а с ю к о в С. И., Былые дни и годы. — ИВ, 1908, № 9, с. 856). Лейкин, близко знавший П., назвал его «схимником, но только при водке» (цит. по кн.: Чехов. Письма, I, 359). В 1888 П. познакомился с А. И. Куприным (по мнению М. К. Куприной-Иорданской, «на 3—4 года раньше» — «Годы молодости», М., 1966, с. 316), «протасил» его первый рассказ в «Рус. сатирич. листок»; П. выведен в ром. Куприна «Юнкера» под именем Миртова. Молодой А. П. Чехов, дружески общавшийся с П. (к-рый рекомендовал его в «Осколки») и безуспешно пытавшийся излечить П. от пьянства, то от бытового затворничества и неряшливости, видел в нем «языческого бога» и оригинального («несмотря на однообразие») поэта, к-рый «непрерывно будет в раю»; однако от прозы П. (он изредка публиковал в периодич. изд. свои рассказы и очерки; напр., рассказ «Летние зорьки» — «Сб-к Моск. илл. газ.», 1891, ч. 2), по словам Чехова, «попа-

хивает чем-то небесно-чутунно-кемским» (Чехов. Письма, I, 279, 268, 96, 86).

П. был известен также как переводчик стихов Г. Гейне, А. Мицкевича, В. Сорокинского, «Американских очерков и рассказов» Г. Сенсевины (М., 1883; соин. с В. М. Лавровым), либретто опер «Аида», «Дон Карлос», «Тангейзер», юмористич. романов В. Буша («Положения холостяка», «Служебные тайны»; оба — М., 1882, 1887; «Не хочу учиться, хочу жениться», М., 1888; «Прокляты шалуны», [М., 1890]) и др.

Др. произв.: «Альбом Маралы Иерихонского» (прил. к ж. «Будильник» за 1881).

Изд.: [Стихи]. — Поэты «Искры», Л., 1933 (БПбс; вступ. заметка и прим. И. Г. Янпольского); Поэты «Искры», М., 1939 (БПбс; 2-е изд., Л., 1950); Поэты «Искры», т. 2, Л., 1955 (БПбс; вступ. ст. и прим. И. Г. Янпольского); Поэты 1860-х гг., Л., 1968 (БПбс); Поэты-демократы 1870—1880-х гг.: Рус. духовная поэзия, М., 1996.

[Письма] И. С. Ивану. — РМ, 1903, № 4, с. 149—53; Н. А. Лейкину. — «Н. А. Лейкин в его восп. и переписке», СПб., 1907; «Встречи с прошлым», в. 5, М., 1984, с. 70—82.

Лит.: Чехов. Письма (ук.). Амфиитеatroв А. В., Забытый смех. «Помырная муза». Об-е второй. Гейневы, М., 1917, с. 393—96, 410 (стихи П. — с. 399—409); Белоусов (I; ук.); Мышковская Л., Чехов и юмористич. ж-лы 80-х гг., М., 1929, с. 21—26; Ардов А. П., Чехов, в. 2, М., 1941 (анотир. описание писем П.); Гиляровский В. А., Избр., т. 1, М., 1961, с. 538—42; А. И. Куринов о лит-ре, Минск, 1969 (ук.); Трофимова Л. М., Поэт-демократ П. и царская цензура. — В кн.: Вопросы рус. сов. и заруб. лит-ры, т. 3, Хабаровск, 1974; ЛН, т. 68 (ук.). — Некролог, 1891; ВЛ, № 21; РМ, № 11; ИВ, № 12; «Моск. илл. гал.» 29 окт., 5 нояб.; ИВ, 29 окт.; РВед, 29, 30 окт.; «Моск. листок», 28—30 окт.; РБС; Брокгауз; Языков; КЛЭ; Рус. писатели, 1990; Муратов (I); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 189, оп. 1, № 28 (письма Н. М. Ежову); ф. 640, оп. 1, № 156 (письма В. М. Лаврову); ф. 549, оп. 1, № 311 (письма А. П. Чехову); ф. 289, оп. 1, № 30, 31, оп. 2, № 11—13; ф. 2567, оп. 2, № 384—387, 494 (письма Н. А. Лейкину); РГБ, ф. 331, л. 55, № 8 (письма Чехову); Витк., к. 2, № 2 (письма А. Е. Викторину); ИРЛИ, ф. 123, оп. 1, № 1103 (письма Лейкину); РГИА, ф. 1280, оп. 1, д. 237, л. 401 (об аресте П.), ф. 777; РНБ, ф. 438, № 16, л. 652—654 об., № 18, л. 500—502 (письма К. Л. Кавелину); ф. 115, № 51 (письма Лейкину); ф. 120, № 1064 (письма А. Ф. Быкову). С. М. Гущиков.

ПАНАЕВ Валериан Александрович [29.8(10.9)], по др. сведениям — 27.8 (8.9). *1824, с. Емельяново (Емельяновка) Ланшев. у.* Казан. губ. — 8(20).8.1899, дер. Каменка близ Петергофа; похоронен на Свято-Троицком кладб. в Старом Петергофе), публицист, автор «Воспоминаний»; инженер путей сообщения. Сын отставного полковника. Род. в дворян. семье, известной своими лит. интересами (подробнее см. в ст. *Панаев В. И.*). П. — брат И. А. Панаева, племянник В. И. Панаева, двоюродный брат И. И. Панаева. Нач. образование получил в частном пансионе в Казани (арх. сведений в ЦГА Татарстана не обнаружено), затем окончил Ин-т инженеров путей сообщения в Петербурге (1840—44, в числе поручика; позднее совм. с братом Ил. Панаевым учредил именную стипендию для студентов; подробнее см. Житков, с. 481). В течение 25 лет занимался строительством и эксплуатацией ж. д. (в т. ч. Николаевской —

1844—55, Черноморской — 1855—1858, Грузинской — 1860—66, Курско-Киевской — 1867—70), с 1870 в отставке (д. стат. сов.).

В Петербурге П. первоначально посетился у матери И. И. Панаева,

где тогда же, в 1839, познакомился с В. Г. Белинским (несколько время жил с ним в одной комнате), их встречи не прекращались до самой смерти критика. Белинский подарил П. свою кн. «Основания рус. грамматики...» (М., 1837) с дарств. надписью (собрание И. С. Зильберштейна; ЛН, т. 55, с. 395). В дальнейшем П. часто посещал дом И. И. Панаева, сблизился с кругом «Современника» (в 1856—1866 его брат Ипполит заведовал конторой ж-ла). Приятельски общался с Н. А. Некрасовым, к-рый посвятил ему стих. «Старые хоромы. Из Ларры» («Родина» в издании 1856. В авг. 1864 Некрасов послал из Карабихи для П. стих. «Возвращение» («И здесь душа унынием объята»). П. выступал на похоронах поэта (см.: На память о Н. А. Некрасове. — Похороны Некрасова, СПб., 1878, с. 29; Пыпин А. Н., Н. А. Некрасов, СПб., 1905, с. 280, а также: Ашукин Н. С., Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова, М.—Л., 1935, с. 518).

Первое и наиб. значит. выступление П. в печати — ст. «Община» — состоялось в «Современнике» (1858, № 3). В статье, написанной на основе наблюдений над землевладением крестьян и помещиков, — свод размышлений о земельной реформе под знаком проигранной Крымской войны и назревавших полит. перемен. В ней П. доказывал прогрессивность общинного принципа землевладения, предполагавшего высокую производительность и свободу членов общины. На взгляд П., такая форма владения землей в России для сословия земледельческого должна сосуществовать с принципом пользования большими участками земли для сословия высшего. Сочетание этих

двух принципов является разрешением назревшей социально-экономич. проблемы.

Находясь в служебной командировке в Европе, П. в авг. 1858 встретился в Лондоне с А. И. Гершением и предложил ему для ознакомления свой «Проект освобождения крестьян». В основу его был положен принцип иррациональн. выкупа крестьян с землей без переходного состояния при сохранении обширного землевладения. Именно эта идея развивалась и редакцией «Колокола» в период подготовки реформы как компромиссное решение вопроса. Проект был напечатан («Голоса из России», кн. V. Об освобождении крестьян. Л., 1858, и в прил. к «Колоколу» в сокр. виде, л. 44, 1 июня 1859). Он заслужил одобрение Гершениа и Н. П. Огарева: «ясно и торжес. важно нельзя почитать» (письмо Гершениа сыну от 12 июня 1859); см. также: ред. заметку «О Проекте освобождения крестьян в России» («Колокол», л. 44, 1 июня 1859, с. 366); статью Огарева «О проекте освобождения крестьян» (там же, л. 45, 15 июня 1859, с. 372—73); «От издателя» («Голоса из России», кн. VI, Л., 1859, с. VIII); проект «тубоко обдуманной и очень замечательный». Свой проект, сопровождаемый анонимным письмом, П. отправил Александру II (III ота. предполагало авторство Гершениа или близких к нему лиц).

П. активно участвовал в полемике: он выступал в «Колоколе» по поводу публикующего Б. Н. Чичерина, дискутировавшего с Гершением (л. 30—31, с. 253—54; л. 32—33, с. 260—64), анонимно опубли. брошюру «Emancipation des serfs en Russie. Examen du projet financier de MM. Frenkel et Homberg, banquiers, suivi de résumé d'un autre projet» (Bruxelles, 1859) с критикой проекта банкиров С. А. Френкеля и Дж. Гомберга в газ. «Le Nord» (1858, 24 sept.), ставивших освобождение рус. крестьянства в зависимость от европ. капитала. Ст. П. «Реформа сверху или реформа снизу», в к-рой он защищал монархически-самодержавную форму правления, предназначенная им для «Колокола», не была опубли. ни в этом изд., ни в «Полярной звезде». В 1877 он сам напечатал ее (отд. брошюрой) в Париже под загл. «Проект полит. реформы в России» (под псевд. В. Патфиндер; о происхождении псевд. П. см.: И. А. Панаев в Разыскатели истины, т. 2, СПб., 1876, постсл., с. 7—8). О намерении Ф. М. Достоевского опубли. эту статью в «Гражданине» см.: Туниманов, с. 245—48.

В 1876 П. приехал во Францию, где испрождает, время издавал ж. «L'Homme Libre» для широкого слуху, читателя по проблемам славы и обществ. полит. жизни в России. Незабываемое посвящение редактора ж-ла Л. Блана, чуждого идеям, вдохновлявшим П., привело к конфликту — встал вопрос о закрытии ж-ла, начался судебный процесс. Вынужденное прекращение издания принесло П. большие убытки. Письмо к нему И. С. Тургенева из Буживала, в к-ром он предостерегает П. от этого назначения, приведено в «Воспоминаниях» последнего. Историко-отношений с Л. Бланом П. изложил в брошюре «Louis Blanc et Pathfinder» (Nice, 1877).

Дворян. интеллигент умеренно-либеральных взглядов, человек самолюбивый, не чуждый иногда упрямства и излишней уверенности в своей правоте, но гуманный, благожелат. к людям — таким предстает П. в

ПАНАЕВ

своих «Воспоминаниях» (частично опублик. — РС, 1893, № 8—12; 1901, № 6—12; 1902, № 5, 8, 9, 12; 1903, № 1, 2, 4; 1906, № 11; отрывки также публиковались в газ. «Рус. жизнь» в 1890, № 1... 48 и в 1891, № 51... 98; нач. главы вышли отд. изд.: «Воспоминания», СПб., 1893). П. одинаково внимателен к событиям большим и малым, обществу и личному, но прежде всего стремится «давать рассказы прием. о том, что могло связываться с интересами объективными или характеризовать черты, нравы и обычаи известной эпохи» (цит. по кн.: Григорович Д. В. Лит. восп., Прил. Из «Воспоминаний» В. А. Панаева, М., 1987, с. 192). Воспоминания, отразившие прирожденный лит. талант П., прагматичны по замыслу и в то же время подвластны воображению, не угнетенному бременем лет, проникнуты радостью бытия, в к-ром далеком ощущается как вчера: эпизоды детства, юношеская влюбленность, чувства, испытанные от игры В. А. Каратыгина, А. Е. Мартынова, П. А. Стрететовой, всей труппы Александрина, т-ра, пения П. Виардо, Дж. Марио. Запоминающимися штрихами нарисованы портреты Белинского, Герцена, Некрасова, Тургенева, И. И. Панаева, Ф. М. Достоевского.

О П. как строителе театра в 1833—37 на Адмиралтейской наб. в Петербурге упоминает А. Н. Бениу («Мои восп.», М., 1990, т. 1, с. 639, т. II, с. 637) в связи с тем, что старшая дочь П. — Ел. Валер., была маечкой С. П. Давыдова, друга Бениу. Через среднюю дочь, певицу, П. оказался свойственником П. И. Чайковского — Ал-др Валер. вышла замуж за родственника композитора Г. П. Карлова. А. Н. Апутина посвятил ей ряд стих.

Др. произв. Сб-ки статей: «Финансовые и экономич. вопросы» (СПб., 1878); «Восточный вопрос» (СПб., 1878); «Общинное землевладение и крест. вопрос» (СПб., 1881).

Изд.: [Отрывки из восп.]. — В кн.: Каратыгин П. А., Занькин, т. 2, Л., 1930, с. 385—406; Лит. салоны, с. 474—88; Герцен в восп.: Некрасов в восп.; Белинский в восп. совр., М., 1977.

Лит.: Герцен, Некрасов, Тургенев (вс — ук.); Ин-т интеллигентов путей сообщения... сост. С. М. Житков, СПб., 1899, с. 481; Ларионов А. М., История Ин-та интеллигентов путей сообщения... 1810—1910, СПб., 1910 (им. ук.); Евгеньев-Макинов В., [Из переписки Н. А. Некрасова и М. Е. Салтыкова-Щарина...], — НМ, 1929, № 5, с. 178—88; Дельван А. Я., Польская рус. жизни, 1820—70, кн. II, т. 9, М.—Л., 1930, с. 214—20; Огарев Н. П., Спиктория и поэмы, М., 1956, с. 263—64, 817; Ленингр. ин-т интеллигентов ж.-д. транспорта, 1809—1959, М., 1960, с. 65, 71—72; Давыдов Ю. А., Записки о П. И. Чайковском, М., 1962, с. 51; Мурыгин Г. И., [Восп. Е. В. Панасовой-Давыдовой о Тургеневе], — РЛ, 1972, № 4, с. 121—23; Тарановская М. Э., Архитектура театров Ленинграда, Л., 1988, с. 171—72; Летписис жизни и творчества А. И. Герцена, т. 1—5, М., 1974—90 (ук.); Пестровская И. С., Сомина В., Театр. Петербург. Нач. 18 в. — окт. 1917 г., СПб., 1994, с. 244—47, 377—78; Павлова Н. Б., Письмо из Нишцы, — ФН, 1994, № 5—6; Туниманов В. А., Ф. М. Достоевский о В. А. Панаеве, — В кн.: Достоевский. Мат-лы и исслед., т. 12, СПб., 1996; ЛН, т. 41—42, с. 572—620, т. 49—50, 53—54, 57. + Нек-

раптин, 1899; МВед., 11 авг.; ИВ, № 10. Брокгауз-Семевский; СКРНЭП; Масинов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 382, оп. 1, № 20, 35, 75 (письма, деловые бумаги, фотографии, документы роза Панаевых) и по путевоз.; РГБ, ф. 169, № 54, 27, 72, 67 (в т. ч. письма Д. А. Милотину); ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 1949—1954 (архив ж. «Рус. старина»); ф. 416 (Кашинской-Самаритной Е. П.) и ф. 102 (Дигоревых) — письма разным лицам; РГИА, ф. 207, оп. 10, л. 2041 (ф. с. 1870 г.); ф. 1343, оп. 27, л. 553, л. 6 и 6 об. (копия к. с. П.) [справка С. И. Варсковой]; ЦГА Татарстана, ф. 5, оп. 42, л. 22, л. 273* (запись в метрич. книге) [справка Г. А. Далеиновой]. И. Б. Павлова.

ПАНАЕВ Владимир Иванович [6(17).11.1792, г. Тетюши Казан. наместничества — 20.11(2.12).1859, Харьков; похоронен в Александр-Нев. лауре (Петербург)], поэт, прозаик, мемуарист, Дядя И. И. Панаева, В. А. Панаева и И. А. Панаева.

Отец П., Ие. На. Панаев (1753, Туринск — 1796, Ириет), — обществ. деятель; масон; в 1775 адъютант ген-майора гр. М. П. Румянцева, знакомый Н. И. Новикова, И. В. Лодыгина, Г. Р. Державина, Я. Б. Княжнина, И. А. Динтеревского, К. П. Тургенева, автор философ.-моралистич. сочинений (не печатались); с 1781 в отставке; в 1782 губ. стратный в Казани, где женился на Нат. Вас. Страховой, дворянской племяннице Державина. С 1786 губ. прокурор в Перми, заведующий Перм. нар. уч-щем (сже покровительствовал юному А. Ф. Мерзлякову, а затем отправил его в Моск. ун-т). Принимал активное участие в организации поездки за границу Н. М. Каратыгина с к-рым и позднее сохранил добрые отношения (см.: ВЕ, 1867, № 9, с. 196—205; Бантыш-Камский Д. Н., Словарь достопамятных людей... ч. II, СПб., 1847).

После внезапной смерти отца П. с братьями воспитывался в доме

Д. М. Перовишского и др.; со временем переросло в Об-во любителей отеч. словесности при Казан. ун-те; см.: Булич, 1904; архив — ИРЛИ, ф. 107).

Ал-др и Иван в 1807 вступили в воен. службу в л.-гв. Улан. полк (с 1808 корнета, с 1813 поручик). Иван скончался от болезни в Петербурге (его сын — И. И. Панаев); Ал-др участвовал в Отеч. войне и зарубежных походах, с 1816 штаб-ротмистр, с 1818 подполк. Иркутского гусар. полка (Бобровский П. О., История л.-гв. Уланского... полка, т. 2, СПб., 1903, прил., с. 289); с 1820 отставной полк.; стихотворчески выступил в ж. «Благонравнейший» (шараш; поэтисы: А-р-П-в); его сын — В. А. Панаев. Четвертый брат П. — Петр (1798—1870), полковник, с 1834 в отставке; сестры: Поликсена (1789—1848), замужем за Ф. М. Рязановским, полковником-дистантант, участником ж. «Благонравнейший», ей посвящена книга идилий П.: Татьяна (1783—1809), Варвара (1791—?), Глафира (1794—1880), ставшая женой Ф. С. Лихачева (Шульгина А., Росоловацкая Эврат Панаевых, СПб., 1894). О сотрудничестве сестер в «Благонравнейшем» упомянуто и в мемуарах А. Я. Панаевой.

П. воспитывался дома, затем в Казан. г-зине. Его ранние лит. ориентации определялись в общении с братьями, Аксаковым (с его подражаниями сентименталист. лирике) и преподавателем словесности Ибрагимовым; первое его стих. «Зима» (не сохр.) написано «в нижнем классе» г-зин и слов. Аксакову; отсюда же идет его устойчивое тяготение к идиллич. жанру. С преобразованием г-зин в Казан. ун-т П. становится одним из первых его студентов (18 февр. 1805 — 15 мая 1807; с авг. 1811 кандидат; в 1815 уволен по прошению — Михайловский, с. 9, 29, 54). Уже 27 авг. 1807 он представил в Об-во вольных упражнений неск. басен («Два персиянина», «Орел и малиновка», «Пристрастный выбор») и патриотич. стихи (ИРЛИ, ф. 107, № 26); в 1811—12 «студентско-кандидатские» П. и И. М. Попов вместе с магистром Д. П. Самсоновым (ему как близкому другу адресовано стих. П. «К Д. П. Са(м)сонову» — СО, 1817, № 34) по постановлению совета г-зин участвуют в ежегод. лит. занятиях на дому у В. Перовишкова, представляя ему соч. и пер. (Загоскин, т. 2, ук.; Радзиевская С. Б., Описание рукоп. Науч. б-ки им. Н. И. Лобачевского, в. 1, Каз., 1958, с. 4), 12 дек. 1812 на открытии Об-ва любителей отеч. словесности П. читает «Похвальное слово Александру I» (опубл. 1815), с к-рым связывал начало своей лит. известности; в дальнейшем — активный участник об-ва. Под влиянием братьев, а затем известного идилика Ф. К. Броннера (1758—1850), преподававшего в 1810—17 в Казани теоретич. физику, бывшего друга и последователя С. Гесснера, П. начинает специально культивировать жанр идилии (в 1813 Броннер представляет его идилии почитателю — Булич, 1904). Одна из первых идилий «Дафнис и Милон» (1810, опубл.: «Соревнователь», 1820, № 2)

Ал-дра Вас. Страхова, брата матери (Тетюши, Казань). Молодые Панаевы рано обнаружили интерес к лит-ре.

Ал-др Ив. (1788—1868), словесный участник Казан. г-зин (с 1800), студент Казан. ун-та (1805—07), с бр. Иваном (1787—1813) и Николаем (1785—?) (см.: Михайловский, с. 9) выпускал рукоп. ж. «Архадские пастушки» (1804), где помещал «извлеч. прозу» в подражание Карамзину; в 1806—07 вместе с близким другом С. Т. Аксаковым — «Журнал наших занятий» (сохранилось 6 номеров) с переводными и ориг. стихами и ист. новеллами-анекдотами (см. в кн.: Аксаков С. Т., Семейная хроника и восп., М., 1836, прил.; Машинский, с. 21); с Аксаковым и бр. Иваном, имевшим в дружеском кружке репутацию «первого лирика» (Аксаков С. Т., Собр. соч., т. 2, М., 1986, с. 176), участвует лит. Об-во вольных упражнений в рос. словесности при Казан. г-зине (пред. — Н. М. Ибрагимов, участником: бр. В. М. Перовишский,

отразила юношеское чувство П. к дочери проф. И. Ф. Яковкина.

Ок. 1814 об идиллиях П. известил Державина, к-рый ободрил начинающего поэта. В авг. 1815 он приехал в Петербург, представился Державину и вскоре вошел в лит. крути. С 1816 чл. возобновившегося ВОЛСНХ (называемого после возобновления также Михайловским об-вом); с янв. 1820 чл. ВОЛРС. Печатается в «Сыне отечества» (1816—1819). «Соревнователе» (1820—22, 1824), но особенно — в «Благонамеренном» (1818—21, 1824), с издателем к-рого, А. Е. Измайловым, сошелся ближе других. Стал одним из активнейших и наиб. авторитетных участников Михайловского об-ва, со мн. членами к-рого (Измайлов, М. В. Милонов, О. М. Сомов, Б. М. Фёдоров) состоял в дружеских или приятельских отношениях, иногда восходивших еще к казан. периоду (бр. Ал-др М. Княжевич, В. М. Княжевич и Д. М. Княжевич). Параллельно успешно служил в Деп. юстиции (1816—17; коллеж. секр.), экспедиции гл. директора путей сообщения (пом. столоначальника, 1817; нач. стола, тит. сов., 1819), комиссии духовных уч-щ (в 1820—25 нач. исполнит. стола; в 1823 — коллеж. ас.), под начальством И. И. Ястребова; принимал ближайшее участие в низвержении М. Л. Магницкого.

Лит. работы П. кон. 1810 — нач. 1820-х гг. жанрово разнообразны; неск. речей и похвальных слов: М. И. Кутузову (1814; отд. изд. — СПб., 1823), «Краткое похвальное слово Державину» (СО, 1817, № 5), охранительно-патриотич. «Речь о любви к отечеству» (СО, 1819, № 14); новеллы-анекдоты в жанре «справедливой» или «полусправедливой» повести со старательной разработкой сюжетной интриги: «Жестокая игра судьбы», «Отческое наказание», «Приключение в маскараде» (все три с подзаголовком «Истинное происшествие»; «Благ», 1819, № 3, 8; 1820, № 1; 2-я повесть — сюжетный аналог «Метели» А. С. Пушкина — см.: Гилл и ус В. В., От Пушкина до Блока, М.—Л., 1966, с. 25); альбомные стихи, послания, элегии, среди к-рых есть несколько, несомненно, удачных («Вечер», 1820; медитация «К родине», 1820, навеянная восп. детства).

Однако осн. жанром П. остается идиллия. принципы к-рой он формулирует в рассуждении «О пастушеской, или сельской поэзии» («Благ.», 1818, № 10). Ему чужд идиллич. тип «Fischergedichte» («песен рыбака»), созданный Броннером, — образцом для него является преромантизм. Геснер: вослед ему П. ищет в идиллии патриарх, «невинности», «чистоты нравов» и «языка сердца». Он отвергает, хотя и не без-

условно, возможность совр. идиллии, ибо «продолжительное рабство» сделало «грубыми и лукавыми» нынешних пастухов, а совр. сознание исключило мифол. вымыслы. Стремление к культурно-ист. локализации рассказа, передаче ист. психологии П. совершенно несвойственно; требование непренной назидательности, осуждение всего «низкого» и «грубого», рационализм и прямолинейность характеров сближают его с эпигонами позднего романтизма (в 1817 К. Н. Батюшков ассоциировал его «пастушеское» имя с «медом, патокой, молоком, творогом, [П. И.] Шаликовым и тминном, спрыснутым возой» (письмо Н. И. Гнедичу; см.: Батюшков К. Н., Соч., т. 2, М., 1989, с. 449).

Идиллии П. явились, однако, и лит. достижением, отличаясь свободой версификации, естественностью рассказа и упорядоченностью поэтич. языка («Коридон», 1817; «Палемон», 1818; «Сновидение», 1819; все три даты — написание); они показали также гибкость и пластичность самого жанра: от дескриптивной элегии («Осень», написана в 1819) до небольшого сценч. действия, впрочем, обычно лишённого драм. начала. Вместе с тем строго выдержанные в пределах нейтральной, «средней» лексико-стилистич. нормы, они производили впечатление слишком правильных и холодных поэтич. этюдов. В 1820 они были изданы отд. сб-ком: «Идиллии Владимира Панаева» (СПб.).

Выход сб-ка рекламировался в «Соревнователе» (1820, № 2) и особенно «Благонамеренном» (1820, № 9), где отмечались «простота и естественность разговора, нежность и сила в чувствованиях, верность и живость в картинах и описаниях, легкая и исправная версификация» идиллий, многие из к-рых объявлялись «образцовыми» (с. 224). Репутацию «прекрасного» собрания закрыла зол. медаль, полученная от Рос. акад. в окт. 1820 (см.: Сухомятинов), чтонисказало П. особое внимание А. С. Шишкова. Актом офиц. признания стало награждение поэта зол. часами от имп. Елизаветы Алексеевны (февр. 1821; см.: «Благ.», 1821, № 3, приб., с. 14). В печати к имени П. прикрепляется эпитет «русского Геснера».

Выход «Идиллий» выдвинул П. в число осн. лит. фигур Михайловского об-ва; Измайлов ввел его и в дом. лит. кружок С. Д. Пономарёвой — «Сословие друзей просвещения», или С. Д. П. (по инициалам хозяйки); в кружке он носил прозвище псевд. Аркадин, под к-рым выступал в ж-ле.

П. вошел в об-во Пономарёвой, по-видимому, в янв. 1821; на протяжении след. месяцев разворачивается его роман с Софьей Дмитриевной, в к-ром он явился соперником Измайлова, Сомова, П. Л. Яковлева, а затем Е. А. Баратынского и А. А. Дельвига. Перипетии личных отношений окрасили тонами недоброжелательства взаимные оценки, в частности П. и Баратынского, что сказалось в

резкой характеристике Баратынского и др. (кроме «гениального Пушкина») в ланевских мемуарах. П. выражал против допущения в дом Пономарёвой «лиценстов», ссылаясь на их «самонадеянность», «бесцеремонность», «беззастенчивость», «пристрастие»; причины антагонизма лежали, однако, глубже — в несовместимости лит. принципов и ориентаций (ср. позднее, 1845, замечание П. А. Плетнёва: П. «не уважал никогда лучшей нашей лит. школы» — Грот и Плетнев, II, 623—24). П. сочувствовал борьбе (а, м. б., и стимулировал ее) «Благонамеренного», возглавляемого Измайловым, против «вакхической» («сладопристрастной») и «либеральной» поэзии «союза поэтов», хотя не принимал участия в печатной полемике. Отношения, видимо, особенно обострились после того, как Яковлев с друзьями был принят в доме Пономарёвой (по-видимому, авг.—сент. 1821: Вацуро, С. Д. П., с. 171—72) вопреки его совету и в его отсутствие.

Положение П. как признанного лит. «мэтра» «измайловцев» прощически обыгрывалось в полемич. выступлениях Баратынского («Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры», 1823 (ранняя ред. стих. «Г(нед)ичу»), эпиграмма «Идиллик новый на искус», 1824 или 1825, куплеты (вместе с Дельвигом) «Певцы 15-го класса», 1823) и Пушкина («Русскому Геснеру», опубл. 1827), где сформулированы осн. упреки идилликам: «вялость», «холодность», «сухость». Для Пушкина П. — образец чиновничьего поэта, «идиллический коллеж. ассessor» (письмо Л. С. Пушкину, 4 дек. 1824). Конфликт с пушкинским кругом привел к отделению П. от дома Пономарёвой, с чем современники связывали любовную драму и безвременную смерть хозяйки. (Об истории этого об-ва, в центре к-рого находилась очаровательная женщина, умная, образованная, обладавшая изящным кокетством и вместе с тем по-детски шаловливая и непосредственная, бесстрашная и беззащитная, см.: Веселовский и Вацуро, С. Д. П.)

В нач. 1820-х гг. П. обратился к фольк. традиции и создал ряд стилизованных нар. песен, стремясь сблизить ее с идиллией в своем понимании («Расставанье», «Мать и дочь: Опыт народной идиллии», обе — 1826). По воспоминаниям Б. М. Фёдорова, друга и биографа П., он был «знаток рус. пословиц, поговорок и песен» и искал в них выражения нар. характера, предпочитая его консервативные и патриарх. черты (Фёдоров, с. 14). Такое восприятие сказалось в пов. «Иван Костин» («Б-ка для чтения, составленная из ... произв. изящной словесности...», 1823, кн. 10; отд. изд. — М., 1829; 3-е изд.,

СПб., 1856) — одним из ранних и удачных образцов рус. психол. повести; отойдя от рационалистич. характерологич. схем, П. создал драм. тип крест. женского характера: героиня повести — носительница невыблемой религ.-нравств. нормы, существо безропотно страдающее, но не утерявшее ни мужества, ни великодушья. Лаконизм и динамика повествования, попытка уловить диалектику поведения и чувства предвосхищали достижения рус. психол. прозы 1830-х гг. С кон. 1820-х гг. П. лишь изредка публикует небольшие повести («Наталя. Истинное прошествие» — альм., «Денница на 1830 г.», М., 1830; «Венгерский гусар. Рассказ» — БдЧ, 1834, т. 2).

В 1823 совершил поездку в Казань: в 1824 женился на дочери казан. вице-губ. Пракс. Ал-др. Жмакиной (1804—77) и целиком погружился в служебную деятельность. В 1826 нач. 5-го (с 1827 — 2-го) Деп. узавед., где под его начальством служил Н. В. Гоголь, отыскавший о нем весьма благоприятно (К. 176), с 1832 дир. канцелярии министра имп. двора (коллег. сов.); чл. Е-та по рассмотрению скрупулезного устава (1826—37), управляющий Контролем (с 1838), чл. Комиссии для устройства финансовой части в Петерб. театр дирекции (1840), статс-секр. (1856), управляющий канцелярией Мин-ва имп. театров (с 1844 тайной сов.), Тесно связанный с высшими деятелями бюрократич. сферы, П. устанавливает ин. рус. и иностр. орансы (в т. ч. св. Анны 1-й степени с короной, Александра Невского, Белого Орла, прусского Красного Орла 2-й ст. со звездой), чл. многочисл. науч. и лит. об-в. С мая 1833 з. чл. Рос. академии; с окт. 1841 ординарный акад. по Отд. рус. языка и словесности АН.

Любитель живописи, П. в течение 50 лет собрал одну из лучших в столице частных картинных галерей (с 1832 поч. вольный общник, с 1848 поч. чл. Акад. художеств). В своих лит. вкусах и симпатиях остановился на 1820-х гг.; он органически не приемлет совр. лит-ры, начиная с Гоголя, за ее демократически-разночинный характер и в 1840—50-е гг. представляет в глазах связанного с ним молодого поколения литераторов (его племянник И. Панаев, молодые бр. К. С. и И. С. Аксаковы) фигуру архаическую, смешную и реакционную (по описанию А. И. Шуберта, он походил на маркиза 18-го столетия, с изысканными манерами, в паричке и светлом галстуже — «Моя жизнь. 1827—1883 г.», СПб., 1911, с. СII—СIII). Опубликованные посмертно его «Воспоминания» (не полностью) посвящены адм., обществ. и отчасти лит. быту России 1820—50 (ВЕ, 1867, № 9, 12; РС, 1892, № 11; 1893, № 2, 5) — с рассказами о Магницком, Шишкове, Л. А. Перовском, М. М. Сперанском и др.; интересные по материалу, но пристрастные в оценках, они вызвали ряд полемич. откликов (ВЕ, 1867, № 12; 1868, № 4; возражения в связи с освещением биографии Баратынского — РА, 1868, кн. 1 — Н. В. Пята; кн. 2 — П. Г. Кичеев).

Изд.: Письма 1820—1830, т. 1 (биогр. справк., подг. текста и прим. В. Э. Вацуро); Отече-

ские наказания. — Приключения в маскарале. [Рассказы]. — В кн.: Начальная свадьба. М., 1991; Письма к И. М. Сидорову (5: 1839—54) — в кн.: Прошлое, далекое и близкое. Каз., 1993.

Лит.: Федоров Б. В. И. Панаев. Вост. с обзором его идей. СПб., 1860; Гербель С. Судилин М. И. История Рос. Академии. в. 8. СПб., 1887, с. 244—7, 422; Михайловский А. И. Прозаизавети, учившиеся и служившие в имп. Казан. уни-те, 2-е изд., ч. 1, в. 1. 1805—1854. СПб., 1912; Загоскин Н. П. История имп. Казан. уни-та за первые 100 лет его существования. 1804—1904, т. 1—4. Каз., 1902 (ук.); Булич Н. Н. Из первых лет Казан. уни-та. 2-е изд., ч. 1. СПб., 1904, с. 523, и след.; ч. 2, с. 237—38; Машинский С. М. С. Аксаков... 2-е изд., М., 1973 (ук.); Красноперов Д. А. Семья Панаевых. — В кн.: Пермский край: Стара Пермь. (1723—1917). Пермь, 1992.

Белинский (ук.); Достоевский (ук.); Булич Н. Н. Очерки по истории рус. лит-ры и просвещения с нач. XIX в., 2-е изд., СПб., 1912, с. 533—43; Веселовский А. А., Соловьев Андрей Иванович. Дружеское лит. об-во С. Д. Пономаревой. — Рус. библиограф., 1912, № 4; Кукулевич А. М. Рус. писатели Н. И. Гнезича «Рыбаки». — Уч. зап. Ленингр. уни-та. 1939, № 46, в. 3, сер. филол. наук; Рус. повесть XIX в. История и проблематика жанра. Л., 1973, с. 207—10 (ст. В. Э. Вацуро); Вацуро В. Э., Рус. излияние эпохи романтизма. — В кн.: Рус. романтизм, Л., 1978; Данилевский Р. Ю. Россия и Швейцария. Лит. свгн XVIII—XIX вв., Л., 1984; Беляев Ю. Самозане через века. М., 1988, с. 35—36 (о пов. П. «Промисшествие 1812 г.»); Вацуро В. Э., С. Д. П. Из истории лит. быта пушкинской поры. М., 1989; Батурова Т. К., Психол. повесть в альм. «Денница». — В кн.: Взаимосвязь творч. индивидуальностей рус. писателей XIX — нач. XX в., М., 1994, с. 42—45, + Старчевский; Сл. ОЛРС: РСБ; Мат-лы для биографии Н. И. Лобачевского, М.—Л., 1948 (сост. Л. Б. Молзалецкий); Черейский; Муралова (1); Мазанов.

Архивы: ИРЛИ. ф. 381 (в т. ч. ф. с. 1859 г.); РГАЛИ. ф. 382 (В. И., И. И. и А. Я. Панаевых); РНБ. Ук. (в т. ч. ф. 291 — 4 письма М. Н. Загоскину); РГБИА. ф. 489, оп. 1, л. 2639 (ф. с. А. И. Панаева, 1814 г.); ф. 395, оп. 23, 1834 г., л. 658 (ф. с. П. И. Панаева, 1834 г.).

В. Э. Вацуро.

ПАНАЕВ Иван Иванович (15(27).3.1812, Петербург — 19.2(3.3).1862, там же; похоронен на кладб. Имп. фарфорового завода), прозаик, поэт, критик, редактор. Род. в богатой и культурной дворян. семье. По отцовской линии внучатый племянник Г. Р. Державина; его дядя — В. И. Панаев, двоюродные братья — В. А. Панаев и И. А. Панаев. Отец — Ив. Ив. Панаев, сверстник С. Т. Аксакова (см. гл. «Гимназия», «Университет») «Воспоминаний» Аксакова).

сотрудничал в ж. «Благонамеренный» А. Е. Измайлова. Отец П. потерял в раннем детстве; его мать — Мар. Якимовна (урожд. Лалаева, 1791—1880) — промотала б. ч. богатого наследства, доставшегося ей от приемных родителей Берниковых. От матери усвоил привычку сорить деньгами (см. письмо А. Я. Панаевой к И. А. Панаеву от 16/28 янв. 1857 — ЛН, т. 53/54, с. 125) и др. барские замашки, над к-рыми добродушно пошмеивались лит. друзья и беспощадно издевались враги.

Восп. о детстве «Ночь на Рождество» («Совр.», 1858, № 1), «Наву и во сне» (там же, 1859, № 1) и др. рисуют типичную картину жизни состоят. дворянства, особенно колоритен образ деспотичной бабушки. Этот уклад жизни долгое время принимал П. как естественный. Сословные предрассудки побудили его просить о переводе из Петерб. высш. уч-ща, куда он поступил в 1824 (в 6-й класс), в более привилегиров. уч. заведение, и уже в февр. 1825 он был помещен в благородный пансион при Петерб. уни-те, в к-ром учились дети потомств. дворян (окончил в 1830). С 15 лет у него развивается страсть к лит-ре; зачитывается В. Скоттом, А. С. Пушкиным, пробует сам сочинять, в последних трех классах издает рукописный еженед. ж.-л. По воле М. А. Языкова, товарища П., «ист. рассказ П. под названием „Бельский“ ... был напечатан в каком-то альманаше того времени» (см. в кн.: Панаев И. И., Первое ПСС, т. 5, 1889, ч. 2, с. 4). Из ранних произв. известно стих. «Кокетка» (СП, 1828, 22 мая), другие не сохранились.

С янв. 1831 на службе в Деп. гос. казначейства, с февр. 1834 до авг. 1844 в Деп. нар. просвещения — сначала чиновник канцелярии, с авг. 1836 в редакции («Ж-ла Мин-ва нар. просвещения» (с 1837 коллеж. секр.); весь период гос. службы П. жалованья не получал. К службе относился как к досадной обузе, мешающей лит. занятиям, к-рые он более успешно совмещал со светскими развлечениями. «По происхождению, по родству и связям он мог рассчитывать на блестящую служебную карьеру», однако «оставил службу... и не жалел, что пренебрег служебной карьерой для литературы» (некролог — Чернышевский, XVI, 664). Лит. кумиром П. в это время стал В. Гюго: «После появления „Notre Dame de Paris“ я почти готов был идти на плаху за романтизм» («Лит. восп.», 1983, с. 58). Из шести тетрадей стих. в духе Гюго, А. Ламартина, Г. Гейне, рус. поэтов-романтиков лишь несколько произв. П. счит достойными публикации (остальные сжег) — «Стансы. Из В. Гюго», «Минувшая юность. Из

В. Гюго» (БлЧ, 1834, т. 7; 1836, т. 16). «Extase. (Из В. Гюго)» (МН, 1835, ч. 3), «Поэту», «Смерть», «Лжепоэту» (ЛПРИ, 1837, № 13, 37; 1838, № 25), «Две слезы», «Померкнул день» («Совр.», 1837, т. 7; 1838, т. 9).

Первое прозаич. произв. — пов. «Спальня светской женщины» (Эпизод из жизни поэта в обществе) («СО и СА», 1835, № 13—14), в к-рой он, по собств. признанию, старался «рабски подражать манере изложения и слогу Марлинского» («Лит. восп.», 1988, с. 63), она укрепила П. в мнении, что его призвание — проза. Вторую пов. — «Она будет счастлива. Эпизод из восп. о петерб. жизни» («Телескоп», 1836, № 7) А. Ф. Воейков назвал «прекрасной», не уступающей повестям Н. Ф. Павлова, А. Марлинского (А. А. Бестужева), А. Погорьевого, М. П. Погодина, однако приписал ее В. Г. Белинскому (ЛПРИ, 1836, 22 июля), к-рый, опровергнув эту атрибуцию, отметил в настоящем авторе «неподдельный талант, живое чувство и умение владеть языком» («Молва», 1836, ч. 11, № 12, с. 332). П. опубликовал пов. «Сумерки у камин» («Сб. на 1838 г., сост. из лит. трудов А. К. Бернета, В. А. Владиславлева, кн. П. А. Вяземского...», СПб., 1838), «Как добры люди!» («Одес. альм. на 1839 г.»; задумана как вступление к «Запискам безумного», работу над к-рыми бросил, видимо, после резкого отзыва Белинского, упрекавшего П. в желании «представить чем-то действительным истушенное фантазерство: оно как зло за зло само изрыло себе бездну погубили, а автор хочет завалить вину на людей» — МН, 1839, № 3, с. 15), «Два мгновения из жизни женщины» (альм. «Уз на 1839 г.»; положит. отзыв; Ф. (В). Булгарин) — СП, 1839, 2 янв.).

В 30-е гг. П. становится постоянным участником лит.-муз. вечеров Н. В. Кукальника, к-рого он тогда боготворил. В. Ф. Одоевского, Ф. П. Толстого, утренников А. А. Краевского, сближается с театрально-артистич. миром, делает для театра перевод «Отелло, венецианский мавр. Драма в 5-ти действиях Шекспира» (СПб., 1836). Для него в этот период характерно романтически экзальтированное отношение к людям иск-ва как к натурам «возвышенным, необыкновенным, непричастным никаким мелким страстишкам и слабостям» («Лит. восп.», 1988, с. 106). Неожиданная женитьба П. весной 1839 на А. Я. Бранской — дочери актера (см. А. Я. Панаева), вызвавшая неодобрение родни и плев матерн (см. об этом: Панаев в В. А. Восп. — РС, 1893, № 8, с. 344), вполне соответствовала такому настроению.

Романтич. иллюзии постепенно вытеснились более трезвым и прочн. взглядом, что сказалось на усилении реалистич. и сатирич. элементов в произв. П. Огромное значение имело сближение с Белинским — сначала заочное (вельса переписка), а затем и личное (весной 1839), вскоре переросшее в дружбу. В диалогти «Дочь чиновного человека» (ОЗ, 1839, № 4) и «Белая горячка» (ОЗ, 1840, № 5) П. не только преодолевает штампы романтич. повести, снижает и даже пародирует ее стереотипные мотивы, но и разрабатывает худож. приемы реалистич. повествования в духе формирующейся «натуральной школы».

Обе новости высоко оценил Белинский, первую — как «мастерскую картину петерб. чиновничества, не только с его внешней, но и внутренней, домашней стороной», хотя и осудил романтич. конспирок. терор, «идеал великого художника» в духе произв. И. А. Палевого (МН, 1839, № 4; III, 188), вторую — рекомендует В. П. Боткину: «сделай вещь: обрати все свое внимание на лицо Рабинина — это живой, во весь рост, портрет Кукольника» (письмо от 16 мая 1840 — XI, 525; см. также его положит. отзыв — ЛГ, 1840, 29 мая). С др. стороны, характерна пренебрежит. оценка повести С. П. Шембергем, называвшим их «ложными» («Москва», 1843, № 6).

В 1839—46 П. гл. обр. сотрудничал в «Отч. зап.», куда как ведущего критика привлек Белинского, жившего после переезда в Петербург в доме его матери (с окт. по дек. 1839). Повести и рассказы П. «Прекарасный человек» (ОЗ, 1840, № 11; пов. вызвала неудовольствие офицеров Измайлов. полка, в связи с чем распространился слух, что П. посажен в крепость), «Онагр» (ОЗ, 1841, № 5), «Барышня» (в кн.: Рус. беседа. Собр. соч. рус. литераторов, т. 1. СПб., 1841; издательский отзыв В. С. Межевича — СП, 1841, 12 нояб.; подписи Л. Л.), «Барышня» (ОЗ, 1844, № 1) были очень популярны в 40-е гг. и составили П. репутацию острого сатирика. В связи с ром. «Мамынькин сынок» (ОЗ, 1845, № 1—2) Белинский назвал талант П. «дагеротипным», т. е. отличающимся точным и в значит. степени публич. изображением действительности (IX, 397). Особенный успех выпал на долю пов. «Актеон» (ОЗ, 1842, № 1), в к-рой П. создал выразит. типы провинци. помещиков, во многом превосходящая худож. открытия И. С. Тургенева и М. Е. Салтыкова-Щедрина.

А. И. Герцен с «душевным восхищением читал эту мастерскую повесть» (письмо Краевскому от 3 февр. 1842 — XXII, 128); по словам Н. П. Огарева, «превосходная повесть «вырывает слезы»» (ВЕ, 1907, № 11, с. 43—44); А. В. Козлов сообщил в письме Белинскому от 27 февр. 1842: «все читают и хвалят, кроме помещиков, особенно молодых; тем она не по вкусу» (ПСС, СПб., 1909, с. 268); среди богатой читател. и моск. книгопродавец И. Г. Кольчугин — «Это не фантазия кадекого-нибудь Одоевского... это живая трагическая истина!» (в Г. Белинский и его корреспонденты, М., 1948, с. 283).

Не меньший успех имели фельетоны и памфлеты, в к-рых П. коснулся

закулисных тайн лит.-артистич. мира. Первым опытом в этом, одним из ведущих в его творчестве, жанре явилась «Портретная галерея» (ЛГ, 1840, 17 янв., 10, 24 февр., 6 марта) — выразит. серия лит. карикатур на Булгарина, Н. И. Греча, Полевого и др. Лучшими образцами жанра стали очерк «Петербургский фельетонист» (первонач. «Русский фельетонист» — ОЗ, 1841, № 3), отчасти воспроизводивший черты личности и биографии Межевича, и «не-повесть» «Литературная гля» (первонач. «Гля» — ОЗ, 1843, № 2).

В последней А. А. Григорьев высоко оценил «орскую и азвитую, несмотря на вослый тон сатиру» (Григорьев. Критика, с. 491); Белинский отозвался более сдержанно, отметив «слишком местное значение» (ст. «Рус. лит-ра в 1843»; характерен отзыв П. А. Плетнева — «несобыкновенно верно схвачен колорит и характер двух наших сословий: литераторов и актеров... Не гениальное перо, но весьма хорошо оцененное» (Грот и Плетнев, II, 6—7).

Петербург. и провинци. очерки, повести, фельетоны П. не имеют четких жанровых границ; сатирическое, нередко переходящее в памфлет и карикатуру изображение нравов разл. слоев рус. общества — своего рода зоологич. панорама или «физиологич. комедия», в к-рой значит. место уделено миру лит. «генералов», «гномов», «зайцев», «увекоченных» со знанием дела и нередко с подлинным блеском. Огромный круг знакомств, журналистское умение своевременно и точно схватить суть явлений (П. ввел в рус. язык такие слова-понятия, как «приживалка», «хлбщ», «моншеры») обеспечили его произв. неизменный, часто со скандальным оттенком, читательский успех и с годами возросшую вражду злетьих и развечиванных лит. кумиров, дельцов, продажных фельетонистов.

Л. В. Брант назвал П. а ром. «Жизнь, как она есть» «Тягостом бульваров и кофейных домов», к-рый «ежделт казаться львом, несмотря на свою ослиную природу и выгнутую, как у теленка, шею» (цит. по кн.: Белинский, VIII, 446); П. А. Каратыгин вывел его в вокалите «Натуральная школа».

Зависимое положение Белинского, Н. А. Некрасова и П. от Краевского послужило причиной их разрыва с «Отч. зап.». Осенью 1846 П. и Некрасов приобрели ж. «Современник» (гл. вклад сделал П.) и стали его фактич. редакторами (П. с 1848 и официальными). Редакторскую деятельность П. совмещал с лит.-художественной, напечатав в ж-ле пов. «Родственники» (1847, № 1—2) — одно из его самых зрелых и глубоких худож. произв. Белинский, возможно, неудовлетворенный изображением в ней филос. кружка Н. В. Станкевича, в письме П. В. Анненкову в марте 1847 назвал ее «подлейшей во всех отношениях», однако, возражая Ю. Ф. Самарину в ст. «Ответ „Москвитяину“» («Совр.», № 11), он отметил, что повесть «не без достоинств. местами замечательных».

Ее сюжетная коллизия и конфликт предвещают структуру и характеристику романа Тургенева «Фюли» (см. статью И. Т. Враско в об. «Памяти П. Н. Сакулина», М., 1933, с. 18—35; см. также: М. О. Габель — ЛН, т. 76, с. 19—21). Показательно, что роман Тургенева персонаж назывался «Сеннальная натура», психологически и идейно перекликался с фельетоном П. о «сеннальной натуре» в «Заметках и размышлениях Нового поэта по поводу русской журналистики» («Совр.», 1855, № 5). Отношения П. с Тургеневым до конфликта последнего с Н. А. Добролюбовым и Н. Г. Чернышевским были дружескими (см.: Тургенев и крут «Современника», М.—Л., 1930; ЛН, т. 73, кн. 2; Батюто А. (И.). Тургенев-романист, Л., 1972, с. 310—26). Именно вследствие просьб П. появился в «Современнике» очерк «Хорь и Калиныч» с прицуманьем им подзаголовком «И» записок охотника». Конфликт, бесспорно, отразился в воле Тургенева, где П. фигурирует как «человек добродушный, но крайне легкомысленный и способный скрывать свои лишь верки верхушек» и несамостоятельный в своих критич. оценках (Тургенев, XI, 30).

Ром. «Львы в провинции» («Совр.», 1852, № 1—9) вызвал шумный и специфич. читательский интерес («многие узнали себя в лицах прихлебателей графа и приходили объясняться» — см. письмо Е. В. Салиас к Н. М. Сатину — в кн.: Новые прописки, т. 1, М.—П., 1923, с. 27), но был сдержанно встречен критикой. С. С. Дудышкин в наиб. содержательной рецензии неудачу П. объяснял тем, что автор взялся за несоответствующий его таланту жанр и вместо героев романа представил галерею «харикатур» (ОЗ, 1853, № 1, с. 12), еще резче высказался критик «Москвитянина», недоумевавший, «для чего автор ... прекрасных рассказов и физиологич. очерков тратит время на составление такого пустого романа» (1852, № 13, отд. V, с. 25; др. рец.: СП, 1853, 15 янв.; БдЧ, 1853, т. 117). Хотя П. и не убедили «странные, не совсем вежливые и противоречащие толки» («Совр.», 1853, № 1, с. 118), к жанру романа он больше не возвращался. О цикле очерков-повестей «Опыт о хлыщах» («Совр.», 1854, № 11; 1856, № 4; 1857, № 4) Боткин писал П.: «Рассказ жив, занимателен и даже романтичен к концу, что придает ему поэтич. колорит» (см. в кн.: Тургенев и крут «Современника», с. 370); высокую оценку в письме к П. в мае 1857 дал Д. В. Григорович, сообщивший и о похвальном отзыве К. С. Аксакова (Ежегодник РО ПД, 1969, Л., 1971, с. 84; см. также рец.: (В. Н. Майков) — БдЧ, 1856, т. 138, с. 37—43; и негативный отзыв В. Р. Зотова — СПбВед. 1856, 2 мая). Последним большим худож. произв. П. была пов. «Внух русского мидляонера» («Совр.», 1858, № 7), реалистич. воспроизведение действительности в к-рой отметил Чернышевский (V, 455).

В 1847 в «Совр.» П. впервые выступил под псевд. Новый поэт (под этим псевд. П. публикует 6 ч. своих произведений) с лит. пародиями — на стих. В. Г. Бенедиктова и Н. М.

Языкова. Среди «любимцев» Нового поэта — Кукольник, Е. П. Ростопчина, поэты «гейнерской» эпохи, создатели драм Полевой, Л. А. Мей, «антологические» произв. А. Н. Майкова, А. А. Фета, Н. Ф. Щербина и др. Стихов и драм. пародии отчетливо перекликаются со статьями Белинского (а позднее — Добролюбова и Некрасова), высмеивавшими романтич., урапатриотич. и «салонную» поэзию. Успеху остроумных пародий способствовали и превосходные ответы П. на язвительные критич. нападки «обиженных» им авторов «Москвитянина», «Отеч. зап.», «Сев. пчелы» и др. изданий. Новый поэт — прямой предтеча Козьмы Прутова и др. пародийных лит. масок, в частности Обличительного поэта (Д. Д. Миннаева). В 1855 (СПб.) издал отд. кн. «Собрание стихотворений Нового поэта» с тем, «чтобы еще более подтвердить мысль... что можно, не имея ни малейшего поэтического таланта, писать гладкие, звучные стихи ... труд чисто механический, очень легкий в настоящее время, как писал П. в предисл. (с. IX).

В 1851—55 вел в «Современнике» (взамен рубрики А. В. Дружинина «Письма иногороднего подписчика») журн.-критич. обозрение «Заметки и размышления Нового поэта о рус. журналистике», в к-ром, критически развивая идеи Белинского, сочувственно выделял произв. худож.-реалистов (Тургенева, А. Н. Островского, А. Ф. Писемского, одним из первых оценил худож. талант Л. Н. Толстого), полемизировал с теоретиками «чистого искусства», славянофилами и почвенниками (Ап. Григорьевым и др.), с критиками «Отеч. зап.». Неоднократно выступал как театр. и муз. критик, многие его статьи стали образцами этого жанра («Садовский в Петербурге» — «Совр.», 1857, № 6; некролог (А. Е.) Мартынова — «Совр.», 1860, № 9).

Фельетонное обозрение «Петербургская жизнь. Заметки Нового поэта», к-рое он вел с дек. 1855 по 1861, упорно за П. репутацию изв. фельетониста. Согласно жанровым канонам, фельетоны содержали необходимые сведения о последних событиях обществ.-культурной жизни столицы. Очистив от сиюминутных злободневных напластований, П. издал их как рассказы, повести и памфлеты о ростовщиках, «львах» и «каменяках», лит. дельцах, бродячих актерах, «порядочных людях», фанерах и авантюристах — обо всей многоцветной галерее столичных обитателей — в кн. «Очерки из петербургской жизни» (ч. 1—2, СПб., 1860; рец.: «Светоч», 1860, № 8; БдЧ, 1860, т. 162). В 1860 вышло первое собр. соч. П. в 4 тт. (см.: Соко-

ловский Н., Соч. П. — «Светоч», 1861, № 5—6).

Вместе с популярностью П. резко возросло число критич. и памфлетных выпадов против него, среди к-рых «Ода петербургских камелей. Посвящается Новому поэту» Д. Д. Миннаева (в составе статьи Н. Н. Страхова — «Светоч», 1860, № 8; б. п.) и фельетон Ф. М. Достоевского («Время», 1861, № 1; б. п.). Шевырёв (см.: Рус. эпитаграма, Л., 1975, с. 398) и особенно Щербина объявляли ему настоящую эпиграммную войну. Злую и талантливую эпиграмму Щербина «Физиология „Нового поэта“. Фельетон в стихах» П. в сокращенном варианте включил в ст. «Несколько слов о влиянии осени на журналистику и литературу» («Совр.», 1853, № 10), вызвав этой публикацией крайнее раздражение Щербина (см. письмо В. Р. Зотову от 16 окт. 1853 — в кн.: Щербина Н. Ф., Избр. произв., Л., 1970, с. 556; там же эпиграмма «Превращение Фаддея в „Нового поэта“» и датируемая 1860 «Эпитафия И. И. Панаеву»; об отношениях П. и Щербина см.: Панаева, с. 162). В 1860—61 резкость выпадов достигла кульминации, особенно в «Отеч. зап.» и «С.-Петерб. вед.» — см. статьи Н. Н. Воскобойникова «Перестаньте бить и драться, гг. литераторы!» (СПбВед, 1860, 30 нояб.), «Держиморда в прогрессистах» (там же, 1860, 18 нояб.), а к-рых он назвал П. «совершенной бездарностью»; в памфлетно-пародийном ключе воссоздал лит. биографию П. в ст. «Литература скандальна» П. И. Веинберг (ОЗ, 1860, № 10; подписи Непризнанный поэт).

Противники не брезговали даже сплетнями о неч-рах обстоятельствах личной жизни П. В кон. 1840-х гг. А. Я. Пылева стала графиней Некрасова, но разрыв дружеских отношений у нее с П. не произошло, и они продолжали жить в одной квартире, что порождало грязные слухи, проникшие и в печать, в т. ч. в фельетон «Миния, чувства и воззрения статского советника Сакулина» Писемского (БдЧ, 1860, т. 163), изданный А. Н. Плещеевым под названием «Выходкой» («Письма к А. В. Дружинину», М., 1948, с. 262); в том же пасквильном стиле высказаны и «Опыт биографии» Н. М. Ламан («Восстание», 1858, № 28—31, 34—35).

Эта лит. травля вызвала решит. отпор Достоевского («Новый поэт всегда смеется над тем, что в самом деле смешно» — «Время», 1861, № 1; то же — Достоевский И., XXVII, 145), свхрвышего ее истинную подоплеку (переход П. из «Отеч. зап.»).

После того как П. отказался пойти на разрыв с радикальным крылом «Современника», от него отшатнулись старые друзья-либералы — Дружинин, Анненков, Тургенев, Боткин. П., конечно, многого не разделял во взглядах Добролюбова и Чернышевского; несколько преувелич. справедливости его сегований «на тех переломных людях, которые так много вредят делу настоящей свободы» оставил А. В. Никитенко в своем «Дис-

нике» (II, 258). Преувеличивал и Григорович, когда писал о подчиненном положении П. в «Современнике» и о его «мрачном, раздраженном до болезненности состоянии духа» (Григорович, с. 141). Сложные обстоятельства личной жизни, болезнь, журн. травля, больно задевавшая его роль присяжного фельетониста «Современника», естественно, сказывались на внутр. состоянии П. Но никогда не вступающий в полемику со статьями идеологич. вождей ж-ла, П. возражал против попытки «приписывать» его «слабости и непониманию» то, что он дает «волю Чернышевскому ... нет, литературная правда выше всяких приятельских отношений» (письмо Боткину от 31 марта 1857 — в кн.: Тургенев и круг «Современника», с. 413). Своё отношение к деятельности Добролюбова П. ясно выразил в некрологе («Совр.», 1861, № 11).

В 1860 П. опубли. в «Современнике» «Воспоминание о Белинском» (№ 1). В 1861 начал публикацию «Лит. воспоминаний» (не завершены; № 1, 2, 9, 10, 11; ота. изд., подг. Панаевой, — СПб., 1876; включались в Собр. соч. П.), к-рые стали настоящей сенсацией и оживленно обсуждались в печати. Это самое изв. соч. П., один из наиб. ярких и объективных источников о лит.-театр. жизни Петербурга и Москвы 1830—1850-х гг. Существо, особенность воспоминаний — их сугубо лит. характер: П. почти ничего не сообщает о своей семье и личной жизни; описав почти все изв. петерб. лит.-театр. вечера и утренники, он умалчал только о тех, к-рые устраивал сам, хотя, как вспоминает его двоюродный брат, дом П. в 1840-е гг. был «сосредоточением передового лит. кружка того времени» вследствие «притягательной силы, которой обладал Белинский, и характера Ив. Ив., искренно, горячо и бескорыстно преданного литературе» (В. А. Панаев — РС, 1901, № 9, с. 481). Иронич. ретроспективное повествование беспощадно не только к лит. кумирам, авторитетам, дельцам, но и к самому мемуаристу, строго исполняющему функции летописца, хроникера, стремящегося к созданию точной и реалистич. картины, а не восторженно-экзальтированной эпопей о рус. Олимпе и его обитателях. О деликатности автора говорит то обстоятельство, что он читал нек-рым героям мемуаров относящиеся к ним места до публ. (см. запись в дневнике В. Ф. Одоевского от 1 февр. 1861 — ЛН, т. 22/24, с. 126). Достоевский охотно ссылался на воспоминания П. в своей ст. «Г.-бов и вопрос об искусстве» («Время», 1861, № 2), соглашаясь с верностью его наблюдений. Во «Времени» были опубли. и две обширные, хотя весьма

сдержанные рец. Страхова, в первой (1861, № 3; б. п.) критик отдал должное «искренности рассказов автора, непринужденности и ... чрезвычайной занимательности их» (с. 108), более сухой тон второй (1861, № 12; б. п.) объяснялся антиславянофильским характером глав мемуаров (Страхов также автор некролога П. — «Время», 1862, № 2). П., страдавший пороком сердца, не успел завершить воспоминания; умер скоропостижно, не дожив меньше месяца до своего пятидесятилетия.

Изд.: Соч., т. 1—4, СПб., 1860; Первое ПСС, т. 1—6, СПб., 1888—89; Собр. соч., т. 1—6, М., 1912; Лит. восп., Л., 1928 (под ред. и с приим. Иванова-Разумника); Лит. восп., М., 1950 (перезд., — М., 1988; ред. текста, вступ. ст. и комм. И. Г. Яковлевского); Избр. проза, М., 1962 (подг. текста, вступ. ст. и приим. Ф. М. Норффа); Повести. Очерки, М., 1986 (вступ. ст. В. А. Тупицанова, приим. А. Л. Островля); Сов. Л., 1987 (подг. текста, вступ. ст. и комм. М. Отравина); Избр. проза, М., 1988 (вступ. ст. В. А. Тупицанова, приим. А. Л. Островля); (Пронин, П.). — В кн.: Рус. повести XIX в. 40—50-х гг., т. 1, М., 1952; Рус. очерки, т. 1, М., 1956; Рус. фельетон, М., 1958; Поэты 1840—1850; Санкт-М., 1981 (ЛП, бс).

Лит.: В. Белинский; Добролюбов; Герцен; Некрасов; Чернышевский; Достоевский; Тургенев; Панаев; Григорович (см. — у к.); Панаев В. А., Воспоминания. — РС, 1893, № 8, 9; 1901, № 9.

Трубачев С. С., Фельетонный беллетрист. — ИВ, 1889, № 4, П. В. Б. (Быков П. В.), И. И. Панаев. — ЖО, 1902, № 6; Васильев Ю. (Соболев Ю. В.), И. Панаев — «Путь», 1912, № 5; Евгеньев-Максимов В. Е., «Современник» в 40—50-е гг., Л., 1934; Иоффе Ф. М., Н. Г. Чернышевский о П. — Изв. ОЛЯ, 1952, т. 11, в. 4; Гинзбург С., Забытый некролог. — «Сов. музыка», 1952, № 7; Некрасовский сб., т. 2, М.—Л., 1956; Рус. повесть XIX в. История и проблематика жанра, Л., 1973, с. 177—180, 265—290 (и у к.); Кондратьев Б. С., Островский в критик. заметках П. — В кн.: Наследие Островского и сов. культура, М., 1974; его же, О жанровом своеобразии повестей П. «Онагр» и «Актюев». — Рус. критика 1850-х гг. о романе П. «Льва в провинции». — В кн.: Наследие худож. метода, жанра и характера в рус. лит-ре XVIII—XIX вв., М., 1975; Очерки истории рус. театр. критики. Вторая половина XIX в., Л., 1976, с. 30—39; Мельгунов В. В., Некрасов, Панаев — Новый поэт. (К истории создания журнальной маски). — РЛ, 1986, № 3; Ямпольский И. Г., Лит. деятельность П. — Из истории лит. борьбы нач. 1840-х гг. («Петербургский фельетон» и «Литературная гала» П.). — В его кн.: Поэты и прозаики, Л., 1986; Красноперов Д. Я. Усти из Перми воспоминаниями. Пермь, 1989, с. 16—28. + Шульгин А., Родословная дворян Панаевых, СПб., 1894; Брокгауз: РБС; КСЭ; Масанов И. Ф., Рус. сатирико-юмористич. журналы. (Библиографич. в. 1, Владимир, 1910; Масанов Ю. И., В мире псевдонимов, анонимов и лит. псевдонимов, М., 1963; Муромова (1); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, л. ф. в составе собрания П. Я. Дашкова; ф. 82; ф. 5041; ф. 5774 и др.; РИБ, ф. 560; ф. 391; РГБ, ф. 231; ф. 3; ЦГАИ СПб., ф. С. Т. Аксакова; ГИМ, ф. Щепетников; РГАЛИ, ф. 382 (В. И. и И. И. Панаева, А. Я. Панаева (Головачева)); ф. 772, оп. 1, л. 3296, 3512; ГАРФ, ф. 109; РГИА, ф. 777, оп. 2, л. 45, 1855 г.; л. 93, 1857 г.; л. 123, 1861 г.; ф. 1263, оп. 1, ст. 1047, л. 2705; л. 3963 (дела, связанные с «Совр.»); ф. 733, оп. 2, л. 135 — службное предание, ф. с. 1844 г., аттестат 1844 г. и др. (справка Г. Г. Лисицкой). В. А. Тушанов.

ПАНАЕВ Ипполит Александрович [28.7(9.8).1822, Петербург — 7(20).5.1901, там же; похоронен на Смоленском кладб.], беллетрист; инженер. Брат В. А. Панаева, племянник В. И. Панаева, двоюродный брат И. И. Па-

наева. По окончании Ин-та путей сообщения (1839—43) в чине поручика направлен на строительство Николаевской ж.д., по личной просьбе — «подальше от Петербурга», в д. Кузнецово под Валдаем (см. «Восп.» В. А. Панаева в кн.: Григорович, 1987, с. 204—09 и др.).

П. — анонимный соавтор Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой в романах «Три страны света» (1848—49) и, возможно, «Мертвое озеро» (1851), где написал несколько глав (подробнее см.: Марусенко, 1995, 1997).-Скорее всего, в ром. Некрасова «Жизнь и похождение Тихона Тростникова» (1843—48) содержится шутивно-иронич. намек на П. (Некрасов, 1984, VIII, 149).

Первая публ. П. — рассказ «Маскарадная быль» («Совр.», 1849, № 6; в этом ж-ле П. напечатал все свои беллетристич. произв.), перепевующий нек-рые мотивы лит-ры 30-х гг.: маскарадная игра, обернувшаяся «злой шуткой», разочарованный герой «на диване», опытный друг-наставник, «прописывающий» ему женитьбу, и т. д. — лапа повод Ф. В. Булгарину, использовавшему действительные промахи автора, для обличения безвкусицы и аморальности «натуральной школы» (СП, 1849, 2 нояб.), к к-рой П. трудно причислить. К излюбленному мотиву маскарада как источнику «занимательных интриг» и «смешных, жалких, романтических, комических и трагических сцен» П. обращается и в шутивно-романтич. пов. «Друзья» («Совр.», 1851, № 7), где в легкой, несколько инфантильной манере развивает тему игры в дружбу, перерастающую в любовь. На любовной интриге построен также рассказ «Недосказанная фраза» (там же, 1850, № 11). В ром. «Бедная девуш-

ка» (написан в 1849; там же, 1854, № 5, б. 7; отд. изд. — СПб., 1857) в образе гл. героини (гувернантки, с как бы предначертанной судьбой одинокой «жертвы обстоятельств») отразилась попытка П. воплотить свой идеал неординарной личности, способной в многочисленных испытаниях (скитания «в мамзелях» по чужим домам, бегство от любимого демонического злодея и т. д.) сохранить свою независимость. Ответвления осн. сюжетной линии (драматизм к-рой снижен счастливой развязкой) содержат почти автономные новеллы (наиб. интересное в романе) о таких же, как гл. героиня, одиноких и горючих людях (спившаяся старуха, деревенский уникум-педагог, ставший бездомным отшельником). Видимо, именно этот роман был объявлен в «Современнике» на 1854 под назв. «Напрасная жертва» (см.: Некрасов, XII, 168). Хотя и являясь изданием этого «литературного несчастливица» у моск. издателя Н. М. Шепкина, Некрасов отзывался о романе как о «вещи замечательной», признавая вместе с тем, что он «разгонисто писан. Местами в нем водянистый слог и есть лишние сцены» (Некрасов, X, 172). И. С. Тургенев в письме П. В. Анненкову от 15 февр. 1861 скептически упоминает «восторженные отзывы» Некрасова о П. (Тургенев, Письма, IV, 199).

Вернувшись в Петербург, П. служил (1855—67) в Ин-те путей сообщения (с 1864 — инспектор в чине подполковника) и параллельно заводил конторой и хол. частью (вместе с И. И. Панаевым) ж. «Современник» (1856—66); был совладельцем (с С. В. Звонарёвым и при участии Некрасова на паях) книжного магазина при конторе журнала (1864—1866).

П., принимая близко к сердцу слухи о нездоровьесостоянии Некрасова, с к-рым был дружен, предлагал поуту самому выступить с им опровержением: «Если ты сам не хочешь выступить, то поручи это дело мне! У меня ведь каждая копейка, выданная из кассы журнала, записана. Достаточно огласить эти записки, и все увидят, как щедро оплачивал „Современник“ своих сотрудников» [цит. по стл. Евгеньева-Максимов В. Е. Из прошлого. Записки некрасовца (1902—1921). — Некрасовский сб. к. в. 8, Л., 1983, с. 187].

После смерти поэта П. опубликовал опровержение восп. Н. В. Успенского, уличавшего Некрасова в корыстолюбии и денежной нечестоплотности [«О Некрасове (по поводу восп. Н. Успенского)» — НВ, 1889, 18 янв.; в др. редакции восп. П.: ЛН, т. 49—50, с. 536—46; деловая переписка П. с мн. литераторами, в т. ч. с Некрасовым, Н. А. Добролюбовым, Н. Г. Чернышевским, А. Н. Плещеевым, опубли. в ст. Евгеньева-Максимова «„Практичность“ Н. А. Некрасова в освещении цифровых и документальных данных» — ВЕ, 1915,

№ 4; письма П. к Некрасову см. также: Архив села Карабиха, М., 1916, ЛН, т. 51—52; письма Добролюбова к П. — ЛН, т. 25—26]. П. поддерживал дружескую доверит. переписку с Панаевой (ее письма к нему см.: ЛН, т. 53—54). Пользуясь большим и заслуж. доверием Некрасова, он, однако, стоял далеко от кружка «Современника»; по свидетельству Чернышевского, на еженед. обедах для ближайших сотрудников журнала П. никогда не присутствовал (Чернышевский Н. Г., Лит. наследие, т. 3, с. 472—73). В 60-е гг. П. — один из членов Шахматного клуба. После закрытия «Современника» (1866) П. с 1867 — в распоряжении учредителей Курско-Киевской ж.д.; с 1870 — в отставке.

Находясь с женой Сусанной Степ. (урожд. Лалаевой, ум. 1892) в Швейцарии (ок. 1875), свободный от забот и дел, П. под впечатлением от чтения Г. Гейне (вероятно, кн. «К истории религии и философии в Германии») и от «преlestных местностей» заинтересовался философией (не владея нем. яз., он знакомился с соч. нем. философов по франц. переводам). В результате упорных занятий появились неск. популярных филос.-публиц. работ о взглядах нем. философов (И. Кант, И. Г. Фихте), и прежде всего Ф. Г. Якоби — наиб. близкого ему по образу жизни и духу мыслителя («Разыскания истины», т. 1, 2, СПб., 1878). Не претендуя на оригинальность, П. использует филос. аргументацию для доказательства несостоятельности «науч. всяния», господствующего в совр. обществе. сознания, для к-рого Бог «не в моле» («Свет жизни. Неотразимые факты и мысли», ч. 1—2, СПб., 1893, с. 13). П. полагает, что совр. «псевдохристианское общество живет в атмосфере позорной измены» Христу («Голос неравнодушного», СПб., 1888, с. 29) и лучшим средством воспитания (к-рое, по его мнению, существеннее образования) была бы «евангелизация знания» («Голос долга. Мысли о воспитании человека», СПб., 1885, с. 162) усилениями интеллигенции. В рец. (чуть ли не единственной) на кн. «Пути к рациональному мировоззрению» (ч. 1—2, СПб., 1880) она была причислена к «сочинениям метафизической окраски» (наряду с работой Вл. С. Соловьёва, сравнение с к-рым было, разумеется, не в пользу П.), автор назван дилетантом, чуждым новейшему позитивизму и критич. философии (ВЕ, 1880, № 8, с. 730, б. п.). П. откликнулся на рец. и устные отзывы книгой «Nosse te ipsam» («Познай самого себя», СПб., 1881), в к-рой разъяснял свою позицию, настаивая на том, что сознание есть условие и источник бытия. Наиб. темпераментные публицист. пассажи, направл. про-

тив «передовой журналистики», пикирующей нравств. законы, — в его кн. «О алиансе направления знания на состояние умов» (СПб., 1882), в к-рой он противопоставляет своим оппонентам примеры из литературы (Ч. Диккенс, «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского, Некрасов). Идеалом П. была человек. личность, освобождающаяся от рабства слепой необходимости; реальное приближение к этому идеалу он видел и в своей жене, нравств. облик к-рой запечатлен на мн. страницах его соч. (ей посв. итоговый труд «Свет жизни») и в к-рой, по его словам, было все то, чего он сам добивался усиленным трудом мысли. О христ.-моралистич. философствовании П. и его критич. «научного направления» с одобрением отзывался Л. Н. Толстой [письмо кн. Л. Д. Урусово от 15(?) апр. 1885 — LXIII, 236].

Др. прозв.: «Еще о сознании как условии бытия, 1887—1888» (СПб., 1888), пер. «Логика гипотезы. Соч. Эрнеста Навиля» (СПб., 1882; с предисл. автора и переводчика).

Лит.: И. Г. Чернышевский в донесениях агентов III отделения (предисл. и прил. А. Шилова). — КА, 1926, т. 1(14), с. 85, 115, 126; Чернышевская Н. М. Летопись жизни и творчества И. Г. Чернышевского, М., 1953 (ук.); Гаркави А. М. Из арх. разгласки о Н. А. Некрасове. — Уч. зап. Калининград. пед. ин-та, в. 4, 1958, с. 121—25; Марусенко М. А. Атрибуция романа «Три страны света» и «Мертвое озеро», ч. 1. — Вестник СПб. ун-та, 1995, сер. 2, в. 1; ч. 2. — Там же, 1997, сер. 2, в. 1, № 2 (в соавторстве с Б. Л. Бессоновым, Л. М. Богдановой, Н. В. Фоминичевой). + Сообщения о смерти П.: НВ, 1901, 8, 9 мая. Муратов (1; ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 102, № 166 (письма П. к Е. В. Давыдовой); РГИА, ф. 207, оп. 10, л. 2043 (ф. с. 1870 г.); ф. 777 (цел. л. о ром. «Напрасная жертва»); ГАРФ, ф. 109, 1 экзп., 1863 г., л. 97, ч. 11, л. 14 об.

Л. Ф. Гучкова
(с использованием мат-лов, предоставленных
Б. Л. Бессоновым).

ПАНАЕВА Авдотья (Евдокия) Яковлевна [урожд. Брянская; во втором браке Головачёва; псевд. Н. Станицкий; 31.7(12.8).1820, Петербург — 30.3(11.4).1893, там же; похоронена на Литератор. мостках Волкова кладб.], прозаик, мемуаристка. Мать Е. А. Нагродской. Отец П. — Як. Гринг. Брянский (Григорьев), актер Александрин. т-ра; нек-рое время соперник В. А. Каратыгина; в актерской среде служил образцом трудолюбия, независимости, требовательности к себе (Зот в Р., И мон восп. о т-ре. — Пантеон, 1840, т. 2, с. 29—30); впервые целиком поставил «Горе от ума» А. С. Грибоедова (ЛН, т. 47—48, с. 299—324). Мать, Анна Матв., урожд. Степанова, и одна из сестер П. — Анна Як. (по сцене Григорьева, впоследствии жена А. А. Краевского) — актрисы. Позднее П. вспоминала о детстве: «меня никто не ласкал», «отец в молодости был очень горяч и в гневе ничего не пом-

нил... мать не позволяла ему вмешиваться в воспитание детей» (Панаева А. Я. Воспоминания, М., 1986, с. 20, 24). П. получила дом, образование; посещала, повинувшись воле матери, класс балета в Петерб. театр. уч-ще (арх. сведения не выявлены). В 1839 вышла замуж за И. И. Панаева, к-рый и в семейном положении не смог расстаться с привычками холостяцкой жизни, что делало П. беззащитной «против самого нахального, обидного волокитства со стороны приятелей дома» (Т. Н. Грановский и его переписка, т. 2, М., 1897, с. 284).

Позже П. писала: «Иногда я думаю, что я виновата в том, что я сделалась. Что за детство варварское, что за ужаснейшая юность, что за тревожная и одинокая молодость!» (из письма И. А. Панаеву от 5 авг. 1857 — ИРЛИ).

Современников, посещавших салон Панаевых, поражала хозяйка дома — «красавица, каких не очень много» (Чернышевский, XV, 145; см. также: Соллогуб В. А., Воспоминания, М.—Л., 1931, с. 300—301; Панаев В. А., Воспоминания — РС. 1893, № 8); ею были увлечены Ф. М. Достоевский (из письма брату от 16 нояб. 1845: «Вчера я в первый раз был у Панаева и, кажется, влюбился в жену его. Она умна и хорошенькая, вдобавок любезна и пряма донельзя» — Достоевский, XXVIII, 116) и Н. А. Некрасов. Через нек-рое время, после долгих и мучительных колебаний, П. стала гражд. женой поэта. Постоянным спутником их союза с самого начала была «проза в любви» (частые размовки, «ревности угрозы», «предчувствие развязки»), о чем прежде всего свидетельствует «панавский цикл» стихотворений Некрасова («Да, наша жизнь текла мятежно...», 1850; «Мы с тобой бестолковые люди...», 1851; «Тяжелый крест достался ей на долю...», 1855; «Прощанье», 1856; «Слезы и нервы», 1861; «Бьется сердце беспокойное...», 1873, и мн. др.). Однако ни характер взаимоотношений с Некра-

совым, ни формальная ложность помолочки (см. ст. Панаев И. И.) не омрачали жизнь П. так, как испытания, связанные со смертью их детей (особенно тяжело переживала она потерю новорожденного сына в марте 1848 в первый год совместной жизни с Некрасовым).

Участие в редакции «Современника» способствовало широким лит. связям П., укреплению дружеских отношений с В. Г. Белинским (познакомились в Москве в 1839; об их отношениях в эту пору см. восп. В. А. Панаева — РС. 1893, № 9). Н. Г. Чернышевским (П. в числе немногих навещала его в Петропавлов. крепости; была крестной матерью его сына Михаила) и особенно с Н. А. Добролюбовым — к нему и его братьям П. относилась с заботливостью «добрый сестры» (Чернышевский, XIV, 406; Добролюбов, IX, 437, 465). Помимо ред. деятельности в ж-ле (ведение отдела мод, чтение корректур и пр.) и обязанности хозяйки традиц. «лит. обеда» по случаю выпуска очередных номеров П. была активным автором журнала.

В качестве бесплатного приложения к «Современнику» в «Илл. альманахе» (1848) было напечатано ее первое и лучшее произв. — автобиогр. пов. «Семейство Тальниковых» на тему дом. воспитания с обличением деспотизма в семейных отношениях, обнаружившая в авторе острокритич. восприятие действительности и вызвавшая сочувствие Белинского (Оксман и Ю. Г., Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского, М., 1958, с. 543, 549). Альманах не был допущен цензурой к распространению, а повесть запрещена за «безнравственность и подрыв родительской власти». Попытки редакторов «Современника» опубликовать повесть на страницах ж-ла оказались безуспешными (впервые вышла в свет — Л., 1928; публ., вступ. ст. К. И. Чуковского). Совм. с Некрасовым (и И. А. Панаевым) П. работала над следующим произв. — ром. «Три страны света» («Совр.», 1848, № 10—12; 1849, № 1—5; отд. изд. — СПб., 1849, 1852, 1872). Жесточайшая цензура вынудила соавторов к письмам, заверениям в том, что «роман будет производить впечатление светлое и отрадное ... порок решительно торжествовать не будет» (цит. по кн.: Евгенийев-Максимов В., Некрасов как человек, журналист и поэт, М.—Л., 1928, с. 221). Однако, несмотря на это, авторам удалось сохранить социальную направленность романа за счет многочисл. любовно-романтич. и авантюрист. сцен (написанных гл. обр. П.), к-рые приглушали «нежелательную» критич. тенденцию.

Эта истинно-тематич. несоразность назолго определила репутацию романа как произв. «с узкими и пошлыми идеями», «блещего на внешние эффекты», притом, что рисунки увидели в нем и «протест против тогдашних порядков», и указание «на мрачные стороны помещичьей власти», «на самодурство богатей, разраженных крестным правом ... на бедность и страдания честных труженников» (Л. Н. Ткачев — «Дело», 1872, № 11, с. 11—12; см. также: Скабичевский А. М., Соч., т. 2, СПб., 1895, стб. 268—69).

Затем П. написала (совм. с Некрасовым, но при меньшем его участии) ром. «Мертвое озеро» («Совр.», 1851, № 1—10; отзвыв: «Москв.», 1851, № 5; Добролюбов, VII, 196; его же, Дневники. 1851—1859, 2-е изд., М., 1932, с. 48; «Превосходная», «прекрасная» вещь) — о жизни актеров. А. А. Григорьев, отрицательно относившийся к роману, вместе с тем признавал «справедливость» и яркость рассказа («Москв.», 1851, № 6). «Б-ка для чтения» (1852, т. 112) отнесла роман к числу произв. натуральной школы. В «Современнике» были опублик. ром. «Мелочи жизни» (1854, № 1—4), неск. повестей — «Воздушные замки» (1855, № 3), «Степная барышня» (1855, № 8), «Домашний ад» (1857, № 9), «Русские в Италии» (1858, № 2), «Фантазерка» (1864, № 9), рассказы «Необдуманный шаг» (1850, № 1), «Капризная женщина» (1850, № 12), «физиологич. очерк» «Железная дорога между Петербургом и Москвою» (1855, № 11).

В первых же произв. П. намечалась одна тема — положение женщины в семье и обществе, актуальная для лит-ры кон. 50—60-х гг. Не выходя практически за рамки «женского вопроса», П. в своих произв. сумела затронуть и др. острые проблемы (жестокость помещиков-крепостников, бедственное положение крестьян и гор. люда, равнодушие чиновничьего мнра, бесплодность дворян. либерализма) с позиций, свидетельствующих об идейно-тематич. соответствии ее произв. демокр. духу «Современника». Наиб. характерен в этом плане ром. «Женская доля» («Совр.», 1862, № 3—5), в сюжете к-рого отразились личные переживания П. (первое замужество, гражд. брак с его новыми испытаниями). Роман написан под влиянием идей Чернышевского, в нем созданы образы «новых людей». П. полагает, что «нравств. прогресс» в обществе наступит только тогда, когда «женщина без всяких толков и споров займет равное положение с мужчиной». «В наст. время участь женщины всегда в руках того, кто приобрел ее любовью... чуть она очутилась в руках эгоиста, она — жертва его прихотей и раба общества условий» («Совр.», № 3, с. 51—52). Не имея права распоряжаться своей судьбой, женщина в любой момент может быть подвергнута оскорбл. насильно. Варьирова-

ются лишь формы унижения, но и в светском обществе («Роман в петербургском полусвете» — «Совр.», 1860, № 3—4; отд. изд. — СПб., 1863), и в мешанской среде (рассказ «Жена часового мастера» — «Совр.», 1849, № 2) на нее смотрят как на предмет наслаждения. П. широко использует авт. отступления (присм, свойственный большинству ее соч.) для выражения собств. т. з. на затрагиваемые проблемы, что «расслабляет» фабулу произв., снижает целостность образов, их худож. выразительность. Характеры раскрываются через изображение крайних токов их внутр. развития: экзальтированная двушка — она же рассудительная дама (рассказ «Неосторожное слово» — «Совр.», 1848, № 3), восхищение жизнью в свете — и отвращение к нему (пов. «Безобразный муж» — «Совр.», 1848, № 4) и т. п.

Сложные долины, окрашенные, как пазю, романтик. патстикой, таггеломие к повншней. несколько утрированной драматичности ситуаций в сочетании с отступлениями публицистич. или резонерского толка, вызывали критику: но один роман П. «не удовлетворяет в худож. отношении... содержание многообразно, запутано и автор [с ним] справляется с большим трудом, часто обрывает, недосказывая... сценны грубы, характеры резки», однако, продолжал рецензент «Отч. зап.», «иной этой грубой работой всегда убеждение... всегда много житейской правды, позитивной... с болезненным чувством участия и недогадывания, чувством правды, смысла и истинности» (1862, № 5, с. 37, 38). Категоричнее был отзыв Д. И. Писарева. В полемич. ст. «Увольнение трагедия с букетом графа. скорбин» (РСЛ. 1864, № 8) о творчестве П. он отнес ее к числу беллетристов — «каррикатуристов извне, чисто страшных стать «под озким знаменем» с Добролюбовым (с. 1, 2).

В 1861 было завершено судопроизводство по делу об огаревском наследстве. Длительность процесса (начат в 1855) объясняется, в частности, поведением П., уклонявшейся под разными предлогами от выплаты капитала наследникам М. Л. Огаревой, доверенным лицом к-рой она была вместе с Н. С. Шаншиным. В 1859 состоялось решение моск. надворного суда, к-рый признал их виновными в присвоении огаревского имущества и денег, после чего им было выплачено 50 тыс. рублей (подробнее см. в ст. Некрасов, Н. А.). Эта история, получившая широкую огласку, породила немало толков, но обошедших и Некрасова, что послужило одной из причин его разрыва с П.

После смерти Панаева и разрыва с Некрасовым П. в 1864 (по др. сведениям в 1865) вышла замуж за А. Ф. Головачева. В 1877 он умер, оставив П. с малолетней дочерью. Последние годы жила скудным лит. заработком, чувствуя себя «позабитым автором прошлой лит. эпохи» (Лит. наследие Н. П. Чернышевского, т. 3, М.—Л., 1930, с. 595). Печаталась гл. обр. в «Ниве»; пов. «История одного таланта» (1888, № 24—34), рассказы «Дворяшка» (1889, № 49—51),

«Петух» (ЛПН, 1891, № 11), «Сироты» (ЛПН, 1893, № 3). В центре внимания П. — гор. труженники, обитатели глухих петерб. улгов, отчаянно борющиеся с нуждой. Строгость и сдержанность рассказов 80—90-х гг. сближают их с ранними соч. П. Беллетристич. опыт в полной мере отражен в ее последнем произв. — восп. «Рус. писатели и артисты. 1824—70» (ИВ, 1889, № 1—11, с многочисл. цит. и ред. сокращениями; отд. изд. — СПб., 1890; Л., 1927 — под назв. «Воспоминания», исправленное и проверенное К. И. Чуковским), публикация к-рых вызвала большой интерес.

Чернышевский (посвященный в план работы П. над восп. своим сыном Мих. Ник., посетившим ее в нояб. 1888, и горячо поддерживавший этот замысел), знакомясь с мемуарами по мере их публикации, считал, что они «очень хороши», и собирался подготовить отд. изд. с примечаниями (XV, 818, 898). Сочувственно отозвался о работе П. «Рус. богатство» (1890, № 5—6), «Рус. мысль», где восп. П. рассматривались в ряду мемуаров Панаева, Т. П. Пассек, П. В. Анненкова, А. И. Герцена: «Общий колорит ее изображений правдоподобен и весьма любознателен. Особенно ярки ее восп. из эпохи «Современника»» (1889, № 10, с. 460). А. М. Скабичевский, прочитав первые главы, предсказывал: «Здесь мы, без сомнения, найдем немало драгоценных сведений и про Некрасова, и про Панаева, и про всех сотрудников „Современника“ 50-х и 60-х годов» («Новости и бирж. газета», 1889, 19 янв.).

С тонкой наблюдательностью П. воссоздает многочисл. портреты деятелей 7-ра (А. А. Шаховской, В. А. Каратыгина, Е. С. и Н. С. Семёновы, Н. О. Лэр, В. Н. Асенкова, двинская Самойлова, А. Е. Мартьянов, М. С. Шеллин и др.), представителей обществ. мысли (Т. Н. Грановский, М. А. Бакунин, М. В. Петрашевский и др.) и литературы, музыкантов (М. И. Глинка, А. Н. Верстовский, А. Е. Варламов, К. А. Кавос, О. А. Петров, А. Я. Воробьев, П. Вязьмо); мн. внимания уделено рус. балету.

Живость и занимательность изложения достигались порою в ущерб документальности и достоверности. А. Н. Пыпин, отмечая справедливость мн. свидетельств П., обратил внимание на пространные диалоги и беседы, точное воспроизведение к-рых сомнительно, т. к. они не фиксировались в свое время (Пыпин А. Н., Н. А. Некрасов, СПб., 1905, с. 68). «Доля личного творчества» П. дала повод определить мемуары как «нечто вроде ист. романа» (А. М. Скабичевский — «Новости и бирж. газ.», 1889, 13 апр.). В письме Чернышевскому сообщала: «Я знаю, что мон „Воспоминания“ написаны плохо, потому что я их писала наскоро и при такой обстановке моей жизни, что и то удивительно, как я могла это написать» (Лит. наследие Чернышев-

ского, т. 3, М.—Л., 1930, с. 595). Не имея возможности навести необходимые справки, воспользоваться источниками, П. допускала хронологич. несоответствия, неточности в датах и написании фамилий, что вызывало нек-рое недоверие к восп. и опровержения в печати (ИВ, 1889, 6 апр.; ИВ, 1889, № 5, и др.), недоброжелат. суждения (Бибикова В., О «Восп.» г-жи Головачевой. — «День», 1889, 19 июля). К серьезным погрешностям следует отнести описание мнимой встречи сотрудников «Современника» с Н. В. Гоголем, истории создания письма Белинского к Гоголю, обстоятельств ссоры Л. Н. Толстого с И. С. Тургеневым и др. Нек-рые эпизоды носят полуфантастич. характер (встреча П. с Дж. Гарibaldi). Личные пристрастия П. высказаны порою в подчеркнуто polemic. тонах, что наполнило искажениями и противоречиями портреты В. П. Боткина, Анненкова, Тургенева (относившегося, в свою очередь, к П. крайне враждебно; см. его письмо от 4 июля 1857 в сб.: И. С. Тургенев, М., 1940, с. 114), Д. В. Григоровича (к-рый пытался воспрепятствовать публикации восп. — ЛПН, т. 49—50, с. 550). К. И. Чуковский полагал, что, излишне сосредоточиваясь на бытовых деталях, П. порою «обывательно поверхностно» интерпретирует события и факты (разрыв Достоевского с кружком Белинского, Тургенева с редакцией «Совр.»), имеющие сложную лит.-обществ. подоплеку; «но так как стержень книги надежен и прочен, так как в большинстве случаев основные оценки изображаемых ею людей вполне соответствуют ист. истине. — с указанными недостатками поневоле мириться» (в кн.: Панаева А. Я., Воспоминания, М., 1986, с. 7).

Изд.: Семейство Талыковых. — В кн.: Рус. поэт. XIX в. 40—50-е гг., т. 2, М., 1952; Воспоминания, М., 1972 [Вступит. ст. К. И. Чуковского, прим. Г. В. Крашова и Н. М. Фортунатова]; Стенная барышня. — В кн.: Дача на Петербургской дороге, М., 1986; то же, в кн.: Стенная барышня, М., 1989.

Лит.: Добролюбов, Некрасов, Чернышевский, Белинский (все — ук.); Чуковский К., Жена поэта. П., 1922; Черняк Я. З., Огарев, Некрасов, Герцен, Чернышевский в споре об огаревском наследстве. (Дело Огарева — П.), М.—Л., 1933; Евгеньев-Максимов В. Е., Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. 2, М.—Л., 1950, с. 123—71, 256—80, 304—20; Курова К. С., Творчество П. в 60-е гг. — «Уч. зап. Казан. ун-та», 1952, т. XIV, в. 1; Башта Т. А., Когда родился П. — РЛ, 1972, № 4; Бессонов Б. Л., К истории «огаревского дела». — РЛ, 1978, № 3; его же, Лермонтов в пов. П. «Пассека» (1849). — В кн.: М. Ю. Лермонтов. Иссл. и мат-лы, Л., 1979; его же, Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Некрасова (история одной публикации). — Чернышевский сб., т. 7, Л., 1980; его же, Об утраченной переписке А. Я. Панаевой и Некрасова. — Там же, М., 1986; Дементьев А. Г., К истории «огаревского дела». — ВЛ, 1979, № 11; Карамышева О. В., Жанровое своеобразие ром. Н. А. Некрасова и А. Я. Панаевой «Три страны света». — В кн.: Некрасов и его время, в. 6, Калининград, 1981; Дружинин А. В., Повести. Дневник, М., 1986 (ук.); Фортунат-

ПАНОВ

тов Н. М., Н. А. Некрасов и А. Я. Пылаев. — В кн.: Переписка Н. А. Некрасова, т. 1, М., 1987; Фролова Р. И. Традиции романа-фельетона Ф. Сю в романе Н. Некрасова и А. Панасова «Три страны света». — В кн.: Лит.-худож.-эстет. и взаимовлияния. Каз., 1990; Чуковский К. Дневник. 1901—1929. М., 1991 (ук.); ЛН, т. 49—54; Ledkovsky M. A. Panasev: Her Salon and Her Life. — Russian Literature Triquarterly, Ann Arbor, 1974, № 9, p. 423—32; Gregg R. A. Brackish Hippocrene: Nekrasov, Panasev and the «Prose in Love». — Slavic Review, 1975, v. 34, № 4, p. 731—51. + Некролог. 1893; «Нива», № 16; ИВ, № 5. Брокгауз: Голицын; Яльков; Мейер; БСЭ; КЛЭ; Лерн. энци.; Рус. писатели. 1990; Муратова (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ. ф. 382; ИРЛИ. ф. 155; ЦГА СПб. ф. 19, оп. 111, а. 195, л. 408 (дата рожд. П.). Н. М. Фортунатов.

ПАНКРАТОВ Василий Семёнович [26.1(7.2).1864, по др. сведениям — 21.1(2.2).1862*, с. Алексеевское Моск. у. Моск. губ. — 5.3.1925, Ленинград; похоронен на Волковом кладб.], публицист, мемуарист; народолец. Из мещан. По окончании нар. ремесл. уч-ща в с. Марьяне (Корчев. у. Твер. губ.), где обучался

токароному делу, работал с 1875 в оптич. мастерских Москвы, затем слесарем и токарем на Моск.-Рязан. ж.д., в Коломне (з-д Струве, 1877—1880), Твери (ф-ка Каулина). Петербурге (1880—81, в т. ч. на Балтийском з-де). С 1881 чл. «Нар. воли»; был связан с А. П. Булашовым. После обыска, спасаясь от ареста, уехал ненадолго в Москву, в 1882 на Юг (Ростов-на-Дону, Харьков, Севастополь и др.). Участвовал в устройстве подпольных типографий, вооруж. нападениях на почту (для получения средств на рев. дела), вел пропаганду среди рабочих, о чем позднее написал в своих восп. «Среди рабочих в 1880—84 г.» (анонимно, Женева,

1905; под назв. «Из деятельности среди рабочих за 1880—84 г.», М., 1906; 3-е изд. — «Воспоминания». Как приходилось работать среди рабочих...», М., 1923; доброжелат. рец.: КИС, 1924, № 4). Арестован в марте 1884 как чл. киев. группы «Нар. воли» (при аресте оказал вооруж. сопротивление), приговорен к смертной казни, замененной на 20 лет каторги (см. восп. П. «К процессу 12-ти 1884 г. в Киеве». — «Былое», 1907, № 2). В марте 1898 из Шлиссельбург. крепости (где в 1890 покушался на самоубийство) сослан на поселение в Вилуйск, затем переведен в Якутск.

«Попав в ссылку, я поставил себе целью... познакомить рус. общество с положением шлиссельбург. узников. Для этого я стал писать частные письма... на имя О. Н. Флоровской, сестры В. И. Фигнера... она отправляла их в ред. «Вест. рус. революции» (из авт. предисловия к кн. «Жизнь в Шлиссельбургской крепости», П., 1922, с. 6), где они под назв. «Жизнь в Шлиссельбургской крепости» были опублик. в 1901—1902 (№ 1, 2, б. и.; стд. изд. — Женева, 1902; Берлин, 1904, М., 1906; зап. и исправл. — П., 1922, положит. рец.: КИС, 1923, № 5). Написанная в момент, когда мы гнетались и переживали долгие 14 лет одиночного заключения сохранились во всей их выразительности, непосредственности и яркости. Книга П. — одно из первых свидетельств узника Шлиссельбурга — стала важным источником по истории царской тюрьмы. Опубли. также два из написанных в крепости стихотворений П. (сб. «Поэты ссылки», М., 1909, с. 297, 298).

В 1905, получив разрешение приписаться к крестьянам Иркутской губ., бежал. В Москве вступил в партию эсеров (в 1906 — чл. ЦК), активно участвовал в Декабрьском вооруж. восстании, после чего выехал за границу. В 1906 вернулся в Москву, в мае 1907 арестован и заключен в Таган. тюрьму (см. об этом восп. П. «Таганка 1907 года». — В кн.: «Пять тюрем», М., 1925, 2-е изд., М., 1934). В том же году сослан на 5 лет в Якутскую обл. под гласный надзор (сохранялся до 1917). После Февр. революции переехал в Петроград. Сотрудничал (под псевд.) в эсеров. газ. «Воля народа». Выступил с рядом публиц. статей, в к-рых отстаивал необходимость продолжения войны с Германией («Кому же мы протягиваем руку?», П., 1917). В ст. «Ленин, Ганецкий и К° — шпиль» (газ. «Живое слово», 5 июля, 1917, совм. с Г. А. Алексинским) — резкая критика большевиков. В июле 1917 П. подписал «Воззвание старых революционеров ко всем гражданам России» (вместе с Е. К. Брешко-Брешковской, В. И. Засулич, Г. В. Плехановым, Фигнер и др.), направленное против «разжигания классовой розни» и содержащее безусловную поддержку Врем. правительства (ИВ, 18 июля, 1917). Участвовал в Гос. совещании в Москве (12—15 авг. 1917), созванном правительством А. Ф. Керенского для объединения полит. единомышленников (Гос. совещание, М.—Л., 1930, с. 312).

С 21 авг. 1917 — комиссар Врем. правительства по охране Николая II и его семейства, отправленных в Тобольск (см. «Дневник Николая Романова». — КА, 1927, III, 1928, II). Этому периоду посв. восп. П. — «В Тобольске» («Былое», 1924, № 25—26, отд. изд. — «С царем в Тобольске», Л., 1925; переизданы — М., 1990, Л., 1990). Участник (созванного кадетами и правыми эсерами) Гос. совещания в Уфе (1918). В 1919 выпустил антибольшевист. брошюру «Почему мы бедны?» (Омск, 1919). Последние годы жил в Ленинграде; чл. Об-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев.

Лит.: Бурцев В. Л. За это лет. Лондон, 1897 (ук.); его же. Казначар рус. революции, П., 1917 (ук.); Спиридович А., Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 2-е изд., П., 1918 (ук.); Волкештейн Л. А. Из тюремных восп., Л., 1924 (ук.); Франкфурт С. Восп. о старом товарище П. — КИС, 1925, № 6; Николаев В., Ссылка и каторжение. — В сб.: Сиб. ссылка, М., 1927, с. 104; Савицкий Б., Восп. террориста, 3-е изд., 1928, с. 279, 292; Бая А. И., Записки народолюбца, М.—Л., 1929 (ук.); Народовольцы 80—90-х гг., М.—Л., 1929 (ук.); «Нар. воля» перед царским судом, в П. М., 1931 (ук.); Фигнер В., Полн. собр. соч., т. 2, М., 1932 (гл. «В. С. Панкратов»; см. также ук.). + Некролог. 1925; КИС, № 4, с. 255, 256 (А. В. Левановский), с. 302; «Былое», № 1. Полит. каторга и ссылка. Южнор. справочник..., М., 1934; Грант, т. 31; Южаков; БСЭ; СИЭ; ДРД; ИДРД; Масанов.

Архивы: ГАРФ, ф. 533, оп. 1, а. 1365, ф. 102, оп. 181, з. 293; РГВИА, ф. 1351, оп. 1, з. 6247* (справка Е. В. Каревой).

О. А. Сайкин

ПАНОВ Василий Алексеевич [17(29).8.1819, с. Анастасово Курмыш. у. Симбирской губ. — 21.10 (2.11)*.1849, там же], литератор, историк-славист, издатель-редактор. Отец — отставной гвардии штабс-капитан. Пройдя гимназич. курс в пансионе моск. проф. М. Г. Павлова, учится на филол. ф-те Моск. ун-та (с 1835), окончил со званием кандидата. В Москве вошел в круг славянофилов; посещал салон А. П. Елагинной, тесно общался с ее сыновьями (в т. ч. от первого брака — И. В. и

П. В. Киреевскими), подружился с Д. А. Валуевым, сошелся с семьей Аксаковых (состоял с нею в родстве — шурина брата С. Т. Аксакова и дядя А. Н. Аксакова по матери), с Ю. Ф. Самаринным, А. С. Хомяковым, Н. М. Языковым, Ал-дром Н. Поповым, позже — с Ф. В. Чичиковым, в 40-е гг. бывал также в салоне Е. А. Сербеевой и Д. Н. Сербеева (двоюродного дяди); дружил с М. Н. Катковым и прятельствовал с С. М. Соловьевым (примыкавшим одно время к этому круту).

В кон. янв. — нач. февр. 1840 в доме Аксаковых познакомился с Н. В. Гоголем, к-рого «вполне понимал и ценил» (Аксаков С. Т., История..., с. 36), а 13 апр. с радостью вылезал, «пожертвовав всеми своими расчетами» (в т. ч. экзаменом на магистра), сопровождать хворящего писателя за границу в Рим (там же, с. 37); выехали 18 мая 1840.

В Венс. вероятно 11 июля (по н. ст.; см. письмо П. к К. Аксакову от 7 июля — ЛН, т. 58, с. 394), расстался, затем встретился в Венеции (2 сент. по н. ст.), а 25 сент., проложив в Риме, постоянно общался до отъезда П. в Берлин в нач. мая 1841. По восп. Ф. И. Буслаева, «товарищески» сблизившись в Риме зимою 1840—1841 с П., Гоголь тогда проживал на квартире у П. (ул. Sissina; ср.: Манн, с. 92). к-рый «вполне предался неутраченным пожеланиям о своем дорогом госте, был для него и радужным, щедрым хозяином, и заботливо вышколил», переписывая набело гоголевские черновики — сохранились рукописи «Ревизора», «Женитбы», янв. главы 1-го тома «Мертвых душ» (Буслаев, с. 107, 259; Манн, 393). Интересные подробности о состоянии Гоголя в первые месяцы их совместного путешествия (время начинавшегося душевно-духовного кризиса Гоголя и зарождения «прямо русского» направления и религиозного «жизнестроения самого себя» — Аксаков С. Т., История..., с. 48—49) содержится в письме П. к С. Аксакову от 9(21) нояб. 1840. П. адресовано одно из первых писем Гоголя (нач. июня 1841, из Рима в Берлин), проникнутое нравочит. инфосом, характерным для умонастроения автора «Выборных мест из переписки с друзьями» (см.: Гоголь, XIV, 291; «Иррациональная» часть письма — о портрете итал. возлюбленной П.).

Пребывая в Европе после расставания с Гоголем (в I-й пол. мая 1841) еще два года. П. занимался ист. изысканиями в Праге, где встречался с П. Й. Шафариком, помогая ему «корректировать» работы о «великорусках», и посетил ряд слав. земель: Далмацию, Черногорию, Герцеговину; в Берлине в июле—авг. 1842 состоял в дружеской компании старых знакомых — Попова, Соловьёва, А. П. Ефремова; вместе слушали лекции историка Л. Ранке, Ф. Шеллинга («философию откровения») и др. берлинских знаменитостей, беседовали о личности и идеях Хомякова и И. Киреевского. Вернувшись в Москву (летом 1843), П. издал этногр. брошюру «Путешествие по землям зап. и южных славян. Ч. I. Которский округ в Далмации» (М., 1844), а на вырученные деньги и пожертвования послал церк. книги и утварь слав. монастырям. Возбуждая интерес рус. общества к заруб. славянству

и проблемам общеслав. солидарности на правосл. основе, публикует в ж. «Б-ка для воспитания» Валуева популярные ист. очерки: «Очерк Черногорской истории», «О настоящих жилищах юж. и зап. славян и их расселении в Европе», «История хорватов», «История Болгарского гос-ва» (все — 1845, ч. 3, 4, 5, 6). По слову В. И. Григоровича, П. вместе с Валуевым, «достойные ... стать у нас среди первых начинателей науки славянской» («Симбирские губ. вед.», 1867, 24 янв.).

Приобщаясь к совр. лит.-научным интересам «рус. партии», П. посещает публичные лекции С. П. Шевырёва (соперничавшие с параллельным курсом Т. Н. Грановского) и пишет отзыв «Несколько слов о публичном курсе истории рус. словесности проф. Шевырёва» [не пропущенный в «Моск. ведомости» полечителем Моск. уч. округа С. Г. Строгановым, не жаловавшим славянофилов, отзыв появляется в «Моск. губ. ведомостях» (приб., 1845, 13 янв.) и одновременно в ж. «Москв.» (1845, № 1; там же на курс Шевырёва помещены отклики И. Киреевского и М. П. Погодина)]. В отзыве, подобном реферату, живо изложена историко-лит. концепция шевырёвских лекций как первого систематич. курса рус. словесности с древних времен.

Уловые моменты концепции: облекшись в слав. реч. христианство через книжнич. и церк. службу сильно повлияло на поэтик, сознание народа; возник жанр «зубных стихов»; язычество сочеталось с христ. началами в образах рус. богатой, окружающей св. хн. Владимира; вслед за периодом «эпоического сознания» наступил период «сознания исторического», когда важную роль в становлении писемности и культуры играли монастыри; особая роль в истории др.-рус. просвещения — 12 век, с именами Даниила Заточника и Кирилла Туровского — «выскапатель и молитвенник» о суде правое и милостивое, чуждом всякому пристрастию (с. 13).

Хомяков, ознакомившись с текстом отзыва до его выхода, побуждал Самарина: «Отыщите статью П. ... и пустите ее сколько можно в ход ... Она ... слабо писана, но она имеет смысл и важность, особенно по вопросам современному... Впрочем, она и не без достоинства» (РА, 1879, кн. 3, с. 315).

Дружба и сотрудничество Валуева и П. в ряде организационно-издат. начинаний, в т. ч. в издании «Симбирского сб-ка» (М., 1844) и особенно — в подготовке своеобразного славянофильского альм. «Московский лит. и ученый сб-к», позволили Е. И. Поповой назвать их «побратимами» (Попова, с. 81). В день захоронения «брата ... по духу и сердцу» (там же, с. 3) в Даниловском мон. П. окончил некрологич. «Биографию Д. А. Валуева» (М., 1846, анонимно; переизд. — РА, 1899, кн. 3), где особо оценыл целеустремленные труды и действия Валуева по

собиранию лит.-ученых сил славянофилов.

Столь же ревностно продолжал совместно начатое журнально-издат. предприятие один П.: неустанно побуждал авторов (а старшие славянофилы писали неспешно, явно, по словам Соловьёва, предпочитая «красно говорить» в лит. салонах и гостиных, — см.: Цимбаев, 1990, с. 191—192); преодолевал ценз. препоны (в частности, с помощью Буслаева — см. две записки к нему в альм. «Почин», М., 1896, с. 6—7), а за изданиями славянофилов цензура назирала строже, чем за «Отеч. зап.» (не случайно в 1847 шеф III отд. А. Ф. Орлов распорядился поощрить А. А. Краевского за помещенные в его ж-ле опровержения «славянофильских бредней» — см.: Цимбаев, 1990, с. 191); непосредственно вел всю организац. работу и финансовые расчеты, вкладывая собств. деньги. Выпущенные им с небольшим промежутком (9 с половиной месяцев) два объемистых (580 и 935 страниц) сб-ка-альманаха на 1846 и на 1847 свидетельствовали, что уже сложился широкий славянофильский круг литераторов.

Правда, развернутое разъяснение или целостное выражение учения не состоялось, хотя в сб-ках участвовали почти все ведущие члены кружка (кроме бр. И. и П. Киреевских) и особенно отдаленные мн. идеи «славянофильского восторжен» — прени. в ст. Хомякова «Мнение русских об иностранцах» (1846), «О возможности рус. худож. школы» (1847), в «Трех критических статьях г-на Нирета» (К. Аксакова) (1847), в «Статьях на объявление памятника Историкографу Н. М. Карамзину» (1846) и др. стихотворения Языкова, в развращенной и острой рещ. Самарина (под псевд.) на «Тарактас» В. А. Соллогуба, в статьях и рец. Ал-дра Попова и Чичикова; менее определенно — в лирике и в своеобразном стихот. рассказе (эпизод, сцены в стихах и прозе) И. Аксакова «Зимняя дорога» (1847). В альманахах опубликовались также десятки полтора авторов, в разной степени близких или сочувствующих славянофилам, в т. ч. Соловьёва, И. И. Орловского, М. А. Макаеночья — «зачем» статьи К. К. Павлова, Ю. В. Ждановская, П. А. Вяземский, Я. П. Полонский — стихи С. Аксаков и В. И. Даль — проза, И. В. Берг — переводы «Краледворской рукописи» В. Ганца (1846) и серб. нар. песни (1847); А. О. Смирнова-Ростем обещала, но не подготовила для публикации отрывки из своих воспоминаний, весьма ценных П. и Аксаковым.

Сам П., не названный в обоих сб-ках как составитель и редактор, написал во втором выпуске за подписью «редактор» два предисл. — к подборке серб. нар. песен (об их истории, совр. бытовании, жанровом своеобразии, их высокой оценке Я. Гриммом и И. В. Гёте) и к стихотв. отрывку из 5-й гл. ром. Павловой «Двойная жизнь» (с проникновенным в сюжет главы и смысл романа в целом), а также оправдат. предуведомление о помещении «критики» К. Аксакова, написанной эти для 1-го сб-ка (запоздала по материалу, но «всегда современна» по идеям).

«Моск. сб-ки» не только свидетельствовали о широте и разнонарко-

сти круга причастников славянофильским идеям и темам. Вышедшие почти одновременно с программными для натуральной школы изданиями — «Петербургским сб-ком» Н. А. Некрасова (январь 1846) и 1-м номером «Современника» (1 январь 1847) (ср. «Моск. сб-ки»: май 1846 и март 1847), — они составили самую серьезную в 40-х гг. лит.-критич. оппозицию «пестрб. партии» (по слову Самарина) и ее идеологу и теоретнику В. Г. Белинскому. Их ведущие авторы (К. Аксаков, Хомяков, Самарин, Языков) решительно развели Гоголя как нац. гения и натуральную школу как круг его подражателей, воспринявших тему «пошлости» у Гоголя внешне, неосознанно подменив все человеческое — христианское — авторское сострадание надменным социальным обличением. Обсуждение проблемы «Гоголь и натуральная школа», как и защита первенства в творчестве рус. писателя (критика) традиционно национальных и духовно-правосл. устремлений в сравнении с «социальной» и общественно-полит. идейностью, ориентированной на европ. учения, побудили к откликам и рецензиям на сб-ки ряд именитых литераторов, публицистов, историков.

1-му сб-ку посвятили рец.: Погодин («Москва», 1846, № 5; развернуто одобрительная, почас не без иронии, с признанием заслуг «сacroного неглупого собрания-издателя», с. 188); А. В. Никитенко («БаЧ», 1846, т. 78; сдержанно одобрительная, кроме признания ст. Хомякова в корне одиозной и «сектаторской»); П. А. Плетнев («Совр.», 1846, № 8; хвалит); Буеязев, А. Д. Галахов, К. Д. Кавелин (ОЗ, 1846, № 7; с позиций христианского «завидника» Галахов признает логичность идей в статьях Хомякова, Самарина, Чичова, Попова как идей «славянизма», или, точнее, славянофильства; он снисходителен к стихам И. Аксакова, как «первому доброту», а стихам Языкова воспринимает скептически; см. с. 25—27). О 2-м сб-ке пространно рецензироно написали те же Кавелин (лишь о статье С. Соловьева) и Галахов (обо всем остальном) (ОЗ, 1847, № 5; см. также подробную рец. Е. Ф. Розина — СО, 1847, № 9, 10). В тексте Галахов преобладает негативный разбор «чисто славянских» статей Чичова («Просиение с Франшино и Женеза»), Хомякова («похвалой и обильно рецензир. штирует письма Н. М. Карамзина, но остро критич. статьи К. Аксакова [в т. ч. об «омияте» Никитенко, выявление идею и метод «истории литературы» и о «Пестрб. сб-ке», особенно о статье Белинского (ср. анонимную похвалу рец. Белинского на тот же сб-к; ОЗ, 1846, № 3)] лишь упоминает. Наиб. строгий разбор, порой суровый и саркастичский, 2-го выпуска (особенно статей Хомякова и К. Аксакова) анонимно учинил ж-л «Совр.» (1847, № 6); его гл. авторами были, очевидно, Некрасов и Белинский (см. Мельгунов). О первом выпуске Белинский лишь обронил мимоходом в обороте рус. лит-ры 1846 г. «несиорты на ...славянофильское направление [сб-к] заключает в себе несколько интересных статей, из которых особенно замечательна умная содержательная и материяльно изложенная ст. „Тарангас“» (Х, 46); впрочем, дальнейшее обострение полемики между итерб. и моск. «партиями» уже на страницах ж-лов (ср. ст. Самарина «О вменяем „Современника“ литературно и исторически» — «Москва», 1847, ч. 2, и «Ответ „Москвитяину“» — «Совр.», 1847, № 11) выразительно заключилось в знаменитой фразе Белинского: «Г-н Самарин не лучше друзей [славянофилов]; от его статьи несет мерзостям» (ХII, 457).

Среди кратких откликов на «Моск. сб-ки» замечательны: негативное отношение Герцена («русский и прустский» — ХХII, 255), неприязненная реплика Гоголя («этот же мертвый номер „Москва“, только немного потощше» — письмо к Н. Языкову от 3 окт. 1846), а с др. стороны — признание Каткова («вышла книга очень дельная» — в письме Попову от 23 июля 1846 — РА, 1888, кн. 2, с. 484), «чуждая радость» для всех Аксаковых и одобрение Ф. И. Тютчевым статьи Хомякова.

В 1847—48 П. состоял на службе переводчиком Моск. отделения Главного архива МИД. Весной 1847 неожиданно для своих моск. друзей решил вступить в брак (помолв. в Симбирске с А. А. Головинской); Соловьев по этому поводу написал в автописной манере сказание о том, как славянофилы ездили жениться, зачитав его на пиру по случаю зашиты дис. К. Аксаковым; свадьбу сыграли в июне (в браке родилось двое детей). П. продолжал писать магистер. дис. и много занимался сел. хозяйством. Но неожиданно, почти скоропостижно скончался в 30-летнем возрасте. Питавший к П. особое расположение Соловьев вспоминал: «Это был человек умный, распорядительный, несколько не даровитый, до крайности неказистый, вялый... но святой человек: окруженный самолюбиями, он отличался отсутствием самолюбия, скромностью необщительной, но где приходилось работать, работал за всех» (Соловьев в С. М., Избр. труды. Записки. М., 1983, с. 300). Печалась о кончине П., Гоголь назвал его «близким сердцу» (записка к С. Т. Аксакову, ноябрь 1849).

Лит.: Гоголь. XI, XIII, XIV (ук.); Герцен, II (ук.); Аксаков. История моего знакомства с Гоголем, М., 1960 (комм.); Белинский (ук.); см. «Московский лит. и ученик сб-ки на 1846 г.»; то же «на 1847 г.»; Анненков (ук.); Барсуков, V, VII—IX (ук.); И. С. Аксаков в его письмах, т. 1—3, М., 1888—92 (в т. ч.: т. 2, с. 254, т. 3, с. 438); Аксаков И. С. Письма к родным 1844—1849, М., 1988 (ук.); его же. Письма к родным. 1849—1856, М., 1994 (ук.); Колупянов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 2, М., 1892, с. 75, 77—78; Шафарик П. Я. Письма к О. М. Возницкому (1838—1857), М., 1895 (ук.); Буеязев Ф. И. Мои восп., М., 1897, с. 106—07, 258—60, 289—291; Попова Е. И., Дневник, СПб., 1911 (ук.); дата смерти — с. 214, 215*); Матл. по истории рус. дст. лит-ры, в. 1—2, М., 1927—29; Черныш Г. Г., Невз. письмо Гоголя. — В сб.: Finis duodecim lustris... Ташлин. 1982; Манн Ю. В., В поисках живой души, М., 1984 (ук.); Чичова Е. И., Славянофильство, [М.], 1986 (ук.); его же, С. Соловьев, М., 1990 (ЖЗЛ); с. 85, 106, 190—91, 193—94; Мельгунов Б. В., [Комм. 1995]. — В кн.: Некрасов, ХII, кн. 2, с. 311—16; ЛН, т. 56; т. 58 (в т. ч. отрывки из писем П. к К. С. Аксакову). † Адрес-календарь на 1848—1850], СПб., [6, г.]; РБС (Б. Л. Молявский); Вогар, ОЗ(1); СДР; ИДРДВ: Масанов (ошибочно отчество).

Архивы: РГБ, ф. 120, к. 9, № 37 (письма М. Н. Каткову); ф. 231/1, к. 23, № 68 (письма М. И. Погодину); ф. 88, 228—32 (упоминание в неопubl. восп. Е. В. Давыдовой); ИРЛИ, ф. 3, оп. 4, № 461 (письма И. Аксакову); оп. 9, № 61, 62 (письма К. Аксакову); ф. 234, оп. 3, № 501 (4 письма П. А. Плетневу; 1846—47); ф. 598, оп. 3, № 151 (2 письма Д. Н. Свербеева к П. [1843]); оп. 19, № 52 (очерковый текст П. «Рим»); ЦИАМ, ф. 418, оп. 105, д. 115 (м. с. свдзисис об окончании гимназич. курса в пансионе проф. Павлова); ГИМ, ф. 178

(А. С. Хомякова), № 34 и 36 (письма П. и к нему).

Н. П. Розин, при участии М. В. Новиковой

ПАНОВ Николай Андреевич [29.4 (11.5).1861, с. Софьино Самар. у. Самар. губ. — 29.8(11.9).1906, Петербург; похоронен на Литератор. мостках Волкова кладб.], поэт. Отец (ум. в 1868) — бывший крепостной, самоучкой овладевший грамотой, сельчак и песенник, служил экономом у графов Урусовых в Москве,

затем управляющим имениями у графов Гаранских и князей Касаткиных-Ростовских в Самар. губ.; мать — из семьи сел. священника. Памяти родителей посв. стихи П. «Старь и новь» и «Кольбельная песня» (в сб-ках П. «Гусли звончатые» и «Родному народу»). Учился в церк.-приход. школе, затем в Сызран. уездном и реальном уч-щах (чтобы поступить в последнее, самостоятельно выучил нем. язык и сдал экзамен на отлично), увлекался лит-рой, писал стихи. После смерти матери П. пришлось оставить уч-ще; жил у дяди, богатого лесопромышленника, депютичного и невежественного. Высмеял дядю в стихах (см.: «Север», 1902, № 35, стб. 1098), за что был изгнан из дома; большого, его подобрал на паперти мешане, выходили и пристроили обучаться телеграфу делу. Служил на жел. дороге под нек-рыми стихами П. из сб-ка «Думы и песни» стоят назв. станции Сызранско-Вязем. ж. д.: Батраки, Евлашево, Костычи и др.). Мечта поступить волюслушателем на ист.-фил. ф-т Казан. ун-та не осуществилась из-за незнания древних языков и болезни; «университетом» для П. стало самообразование (рус. и мировая классика, А. Шопенгауэр — см. стих. «Философия Шопенгауэра», в сб. «Зарницы и мошнии», Г. Стенсер — см. стих. «Памяти Сенсера» в сб. «Вперед!», Ч. Дарвин).

Лит. дебют П. состоялся в столичном ж. «Сев. звезда»; стих. «Родина (Село Софьино)» (1877, № 40), «Из дунайского альбома», «Птичка» (№ 41), «Зимний путь» (№ 43).

«Природа ночью» (№ 45). В 1881 при финансовой поддержке просвещенного сызран. купца Я. А. Журавлёва (ему посв. стих. «Вечерние размышления» — сб. «Думы и песни») побывал в Петербурге, в кружке Т. П. Пассек познакомился с литераторами, напечатался в ее ж-ле «Игрушечка»: стих. «Песня. Травушка-муравушка» (1881, № 44—45; отд. изд. на муз. П. с нотами — СПб., 1880); «Песня об урожае» (1882, № 23).

В рец. на первый сб. П. «Думы и песни» (СПб., 1882) В. П. Буренин упрекал автора за «идейность в совр. акусе», но отметил его образованность (темы пьес свидетельствуют о штудировании филос. и науч. книг), знание франц. яз. (стих. «По прочтении „La tentation de Saint Antoine“ Флопера»), а также талант и выработанную поэтик. технику (НВ, 1882, 4 июня).

В 1882—93 П. жил в провинции, часто менял работу: сел. писарь, писмоводитель на асфальтовом заводе в Сызрани (вступился за права рабочих и добился отстранения управляющего от должности), корректор в «Сызран. листке объявлений». Давал частные уроки: в Хвалынске собирал статистич. мат-лы для истории Хвалынского у. Бедствовал, томился скукой провинц. жизни, пережил чувство любви (стих. «Я слышу голос твой...» — «Село», 1887, № 6; см. также поэму «На родине» в сб. «Думы и песни»), думал о смерти и самоубийстве. В июне 1889 посетил в Саратове Н. Г. Чернышевского, беседовал с ним о Некрасове и совр. лит-ре (см. в Изд.: Из восп.); стих. П. «Памяти Н. Г. Чернышевского» цензура запретила для печати и чтения на похоронах Чернышевского (автограф — РНБ, ф. 309, № 29). С сент. 1892 по февр. 1893 — библиотекарь Лермонтов, 6-ки в Пензе. Публикуется в стлчн. и провинц. печати («Самар. листок», «Самар. газета», «Волгарь», «Театр. листок», «Колосья» и др.). Сб-к стихов «Искры» (1887) запрещен цензурой за «прославление разной гольтыбы» и стихотворения «социалистич. направления» («Каторжанин», «На смерть Некрасова») (РГИА, ф. 777, оп. 4, 1887 г., л. 128, л. 3, 5). С 1893 — в Петербурге: секр. редакцин ж. «Колосья», незолго работал в ж. «Семьянин», по протекцин А. В. Васильева служил мелким чиновником в деп. ж.-д. отчетности и деп. воен. и мор. отчетности Гос. контроля (1894—1905). Службой тяготился («... какой я чиновник? Начальство это видит и терпит меня как литератора...» — ИРЛИ, ф. 193, № 289, л. 3 об.).

В 1892—94 публиковал в петерб. газетах и ж-лах рассказы из жизни дер. и гор. бедноты, циклы очерков о

стлчничной и провинц. жизни: «Горемыка» («Колосья», 1892, № 6), «Вечерком за самоварчиком» (там же, 1893, № 11), «Двадцатое число» (там же, № 12), «Письма к дяденке» (там же, № 2—5, 10—12, подпись Коля Грозинин), «В гостях у художников» (там же, № 5), «Турусовцы и их благодетели» («Рус. жизнь», 1893, 4...20 авг.). «Наша обществ. жизнь» и «По земле русской» (там же, 1894, сент.—нояб.), «По стране родной» («Семьянин», 1894, № 1, 2, 4; подпись Певун-балатур).

На сб. «Гусли звончатые. Песни, были и разные стихотворения» (СПб., 1896; биогр. очерк С. Рыбакова) взял взаймы под вексель 500 руб. у «одного частного лица из провинции» (в сб-ке обозначено криптонимом А. И. П.) (ИРЛИ, ф. 540, № 381, л. 3 об.).

Один из рецензентов назвал книгу «макулатурой» (МБ, 1896, № 3, библ. отд.). М. А. Протопопов поставил нозию П. выше поэзии, «создающейся под влиянием фабрики и трактира», но ниже «старой нар. поэзии», к-рую автор лишь неудачно «исправляет» (СБ, 1896, № 4, с. 29—30; см. также возмезд. отзыв П. Я. Шляпникова: «Урал», 1897, 13—15 февр., 19, 25 февр.; отд. изд. — 1897). Н. А. Рыбакин («Нов. слово», 1895, № 3; авторство рецензии сообщено А. И. Рейнблатом) относ. П. к поэтам «рос. культурной и полтуктурной боемы», отметил «чистый язык, яркие образы и звучные рифмы, неподдельный нар. колорит» в лучших стихах («Община», «Поэт», «Гусли», «Волга» и др.), но низкость воззрений, мешающую определить «духовную физиономию» автора, соседство низких стихов с псалмистами; по его мнению, скудные по содержанию и ноориг. стихи заглушают все хорошее в книге.

После «Гуслей...» П. издал еще три сб-ка: «Родному народу» (СПб., 1901, предисл. М. А. Ягодина; сокращ. вариант «Гуслей...»), «Зарницы и молитвы. Мечты, элегии, сатиры и комедия „Их торжество“» (СПб., 1901), «Вперед!» (СПб., 1907; реу. В. С. (оловьёв): «Книга», 1906, № 3). Часть стихов — поэтик. переложения нар. песен и баллад («Масленица», «Пряха», «Бой-девка», «Русалки», поэма «Стенька Разин»). П. воспевае родные места, красоту рус. пейзажа, «разнольную степь» (поэма «Степь»). Религ. мотивы («Родное», «Гимн», «Вифлеемская звезда», «Рождественские песни» и др.) соседствуют с мотивами социальной несправедливости («Песня про голод», «Увели!», «Простые люди», «В рабочем квартале», «Памяти Д. Д. Минаева» и др.), «честного служения» обездоленного труженика и безответственности обитателей «раззолоченных палат»: «Деловые люди», «Беспечным современникам», «Сказка о потерянной совести», «Живучесть Хлестакова», «Родословная подлинни», «Верим ли?» («Но все на свете олевав позорно, / Мы распинаем Бога в наши дни».) Сб. «Зарницы и молитвы» содержит раздел «Из злопаметной книжки» — собрание довольно едких лит. элиграм («Спро-

шу без всякого злордства / И без особого раздумья! Что это, — „Русское богатство“ / Или коллика скузюмья?»).

Из драм. опытов П.: драм. сцени «Прошлый день» (сюжетно связана с «Песней про... купца Калашникова» М. Ю. Лермонтова), сатирич. пьеса в стихах «Утро в резалин» (оба соч. — в сб. «Гусли звончатые»), комедия «Их торжество» (СПб., 1901; перепеч. в сб. «Зарницы...»), направленная против торжества капитала (использованный размер «Горя от ума» А. С. Грибоедова; эх. комедия с дарств. надписью А. С. Суворову → в Гос. публ. ист. б-ке; возможно, П. некал пути к постановке комедии на сцене). Трагедия «Царевна Софья» — 1-я часть задуманной трилогии из Петровской эпохи (послед. часть «Имтарство» — РГИА, ф. 776, оп. 26, 1906, д. 24, л. 126), допущена к печати (см.: БВед, 1905, 26 авг.; не опубли.; авт. эх. с правкой и ценз. эх. — в СПб ГТБ). Драма «Возли народа» не обнаружена (упоминается в предисл. к сб-ку «Вперед!» в ж. «Изборник и печатный мир», 1916, в названии на мотильной лите П.).

В ром. в стихах «Владимир Волгин» (СПб., 1900; рец.: Троян и в Е., Грядущая сила, СПб., илл. прил., 1900; НВ, 1900, 4 окт.) — попытка представить интеллектуально-духовные искания совр. эпохи. Герой романа знаком с лит. и театр. жизнью Петербурга, участвует в спорах западников и славянофилов, ходит в народ, побывал в сиб. ссылке, увлекался толстовством и разочаровался в нем и после всего пережитого проинкся верой в Бога. Роман, отчасти автобиографический, отмечен влиянием религ. и славянофильских идей Васильева, о чем свидетельствуют посвящение, хвалебная рец. в ж. «Рус. паломник» (1901, № 47, с. 814; подпись П. Л(евичский)) и, по словам А. Н. Салыникова, блестящий доклад Васильева о романе Слав. благодворит. об-ву. П. имитирует опенискую строфу, использует нек-рые сюжетные ходы и композиционные приемы романа Пушкина.

Доброжелательная к П. критика (Рыбаков, А. И. Якимирский, Салыников и др.) рассматривала его как крест. поэта, «поэта из народа» — сам же П. полагал, что его творчество не вписывается «в одну линию с т. н. самоучками вроде Дрожжина... Я уже дальнее после Никитина. Сурикова, и моя поэзия была бы чем-то средним между их поэзией и поэзией Некрасова, если б я не написал „Волгина“» (письмо Якимирскому, 1901 — ИРЛИ, ф. 193, № 289, л. 4).

Перу П. принадлежат ряд статей о рус. писателях: А. В. Кольцов («Поэзия могучего простора» — «Колосья», 1893, № 2), И. З. Суриков («Певец тоски и горя» — «Семьянин», 1894, № 4; отд. изд. — СПб., 1894). В 1902—03 в газ. «Уральская жизнь» (с редактором к-рой Н. И. Певиним П. дружил) печатались фрагменты книги П. о Н. А. Некрасове (В. Е. Евгеньев-Максимов охарактеризовал этот опыт П. как наивный в публик. и эстетич. отношениях и отметил соседство вымысленных мат-лов с подлинными). Ст.

«Ум и сердце Герцена» («Наука и жизнь», 1906, № 1, 2/3) — о «рыцаре истины», выразителе «истинного нашего идеализма» (№ 1, с. 130—131). — написанная вскоре после манифеста 17 окт. 1905 (воспринятая П. как день «падения полицейско-бюрократич. строя», № 2/3, с. 325), исполнена надежда на коренное обновление общества и вместе с тем предостерегает против ужасов кровавых рев-шнй.

В 1905 — 06 П. выступал в печати со стихами (большой частью аллегорическими) на злободневные темы: «Под барабанный бой» («Стрелы», 1905, № 3), «Опозоренная» («Наука и жизнь», 1905, № 6), «В безвременье» (там же, 1906, № 2/3), «Вудкан» (там же, 1905, № 10/11), «Песня адмирала Дубасова» («Девятый вал», 1906, № 1), «Поздняя радость» («Пробуждение», 1906, № 4), «Великий перелом» («Огни жизни», 1907, № 1; против бюрократии; написано размером Некрасовского стих. «Дедушка Мазай и зайцы»).

Возможно, П. принадлежит памфлет «Записки неуважающего россиянина» («Наука и жизнь», 1905, № 6, 9; подпись Фамусов), содержащий отклик на поражение России в рус.-япон. войне и выпады в адрес рос. общ-ва и гос. деятелей (К. В. Плеск, ген. Е. И. Алексеев, А. С. Суворина), духовенства (Иоанн Крошпатко, митрополита Московского Владимира), перепадающиеся язвкт. расказами о бесчинствах рядовых охранителей и черносотенцев. Здесь же стихия. стихи г-на Эпига (фотограмма от критикона Н. А. П., к-рым подписывался П.); «Песенка патронного администратора», «Черная сотня» (написана размером пушкинской «Песни о вешнем Олеге»), «Стихи о приезде в Россию министра Стада». После смерти П. левая печать пыталась представить его как жертву общ-ва, строя и сторонника рев-шнй («Новый ж-л лит-ры, иск-ва и науки», 1907, № 4, с. 113), его стихи называли «гимнами освобожд. движению», сообщалось, что он был якобы судим за стихи «Самодержавие» и сидел в Петропавлов. крепости («Огни жизни», 1907, № 2; эти сведения документально не подтверждаются).

Нек-рые стихи П. положены на музыку Ш. А. Кюн («Тучки», хор «Слава»). А. Н. Чернышевский и др.

По настоянию друзей женился на давно преданной ему волжанке Ал-дре Игнатьевне Поселенновой. В 1905 из-за «неумеренного употребления» вина лишился службы в Гос. контроле. Нуждался, болел (злокачественная опухоль на шее). Скончался в Александровской больнице для чернорабочих (у П. был паспорт крестьянина Самар. губ., не дававший права на помещение в др. больницу). С. Ф. Годлевский свидетельствовал, что не видел человека, умирающего с такой глубокой верой. К. А. Максимов сравнил судьбу П. с судьбой Н. В. Успенского. Старинцем друзей и почитателей (среди них изв. оперная певица М. И. Долина, Васильев) на могиле П. был установлен памятник (см. о нем в кн.: Ист. кладбища Петербурга, СПб., 1993, ук.).

Др. пронзв.: «Позния гр. А. К. Толстого» (Екатеринбург, 1901);

«Чем велик Гоголь?» (Екатеринбург, 1902).

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Рус. поэты за сто лет... СПб., 1901 (сост. А. Н. Сальникова); Песни рус. поэтов. Л., 1937 (вступ. ст. И. Н. Розанова); Песни и романы; Из вост. — В кн.: Чернышевский в вост. совр., т. 2. Саратов, 1959.

Лит.: Поэт из народа П. — «Звезда», 1902, № 37; С(альнико)в А. Н., Н. А. Панов (По поводу 25-летия его лит. деятельности). — «Сев-ер», 1902, № 35; Янниарский А. И., Памяти поэта из народа. — ИВ, 1906, № 10; Максимов К., Поэт П. — Там же, 1909, № 9; Васильев В. В. (Ясан), Рус. самородки, Ревель, 1916; Н. А. Панов. — «Наборщик и печатный мир», 1916, № 201; Леонов М., Рус. самородки. — «Сед. утро» (Архангельск), 1917, 19—20 янв.; Белоусов (2); Евгений-Максимов В. Е., Незыблещая книга о Н. А. Некрасове. — «Некрасов. сб.», в. 2. М.—Л., 1956; Седяков Н. К., Лит. моста Ульянов. обл., Саратов, 1969; Заборова Р. Б., Из арх. райисполкома о Н. А. Некрасове. — РЛ, 1973, № 4; Лианц В. Г., Гусли эвонгала. — В его кн.: Другие мои книги. М., 1976; Н. А. Панов. — В кн.: Самар. обл. (География и история, экономика и культура). Уч. пособие, Самара, 1996, с. 486—94; ПН, т. 49—50, с. VIII, 600, 602; т. 84 (ук.). — Некрологи 1906; СПбВед., 14 нояб.: «Голос правды», 30 авг.: «Наборщик и печатный мир», № 124. ПНкор; Венгеров (Сл. Рус. кн.); Гранат; Назаров; Тарасенков; Адам; и сб-ки (1); Сырнов-Сольский; Иванюк; Маслаев.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1275; Назаров; ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, № 85 (письма А. Н. Сальникова); 181, оп. 1, № 519 (письма Н. К. Михайловскому); 115 (Лит. фонд, док-ты за 1894—1906 г.) (справка Н. А. Прокофьевой); РНБ, ф. 341, № 196 (письма П. А. Карпову по поводу издания книги о Некрасове) (справка Т. В. Мининевич).

И. П. Омоленчикова

ПАНОВСКИЙ Николай Михайлович [1802, по др. сведениям, 1797 — 9(21).9.1872, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], журналист, литератор, муз. критик. Из дворян. Слушал лекции в Моск. ун-те. В 1818 вступил в службу в Таврический гренадерский полк (подпрапорщиком), служил в Киевском гренадерском, Ахтырском гусарском полках; в 1828 вышел в отставку с чином штаб-ротмистра. В 1832—49 — в Варшаве; заведовал столом высшей полиции в Управлении варшавского воен. губернатора, служил в Гл. дежурстве действующей армии. По-видимому, в 1832—33 познакомился в Варшаве с

Л. С. Пушкиным, друж. отношения к к-рым сохранял и позднее. В кон. 1837 назначен редактором «Офиц. газеты Царства Польского». Занимал должности в Правительств. комиссии внутр. дел (секр.) и в канцелярии варшав. воен. губернатора. Вторично выйдя в отставку (ср. 1849), поселился в Москве, где пребывал почти безвыездно до конца жизни.

Лит. деятельность П., начавшаяся в 1830-е гг., возобновилась в 1850, вероятно, из-за финансовых затруднений (быстро растраченный довольно значит. состояние). Став пост. сотрудником «Москвитянина» (в осн. по разделам «Смесь» и «Совр. зап.-нич. известия»; заведовал последним в нач. 50-х гг.), он выступал с обзором зап.-нич. новостей, привлекавшими внимание живостью и занимательностью изложения. В канву культурной и полит. хроники П. вплетал небольшие фельетоны, зарисовки гор. быта, детективные сюжеты, порой не без юмора сравнивая пеструю мозаику зап.-нич. жизни с проиходящим в Москве и Петербурге (см.: «Москв.», 1853, № 3, 11, 17—19, 22; 1855, № 1, 2, 7 и др.).

«Легкий» и ироничный тон публикаций П., по-видимому, послужил одной из причин недовольства «молодой редакцией» «Москвитянина», представителю к-рой в ср. 50-х гг. когда журнал начал переживать организационные трудности, потребовали у М. П. Погодина права преследовать промисленый литературных, сомпаней по рус. быту и рус. истории» и «наблюдения, чтобы в статьях гг. Любецкии, Пановских и иных — не проскакивали противуречливые и противучеловеческие безобразия, приводящие нас часто в храску перед посторонними...» (письмо А. А. Григорьева Погодину — Барсукову. XIV, 228; аналогичные требования Б. И. Ормынского — там же. XVIII, 454).

Вероятно, в результате этих разногласий П. начал активно печататься в др. периодич. изданиях, гл. обр. — М. Н. Каткова: разнообразные заметки в «Рус. вест.», «Моск. вед.» (с 1857 и до конца жизни) и «Совр. летописи» (1861—71). Выступал в т. ч. с муз. и театр. рец. и статьями-обзорами (под рубрикой «Что делается в Москве?»), носившими любительский характер (проф. муз. образования П. не имел). В «Моск. вед.» 1863—65 (ст. «Русская опера», 1863, 19 окт., и др.) ратовал за поддержку рус. оперной труппы, отстаивая ее приоритет перед итальянской (подробнее см.: Ливанова, 1969, с. 272—73). Среди его выступлений — «Музыка и театр в Москве» (СЛ, 1867, № 46), «Обед г-ну Берлиозу в Московской консерватории» (СЛ, 1868, № 1), «Народные песни западных славян» (МВед, 1868, 25 апр.), «Московские спектакли» (СЛ, 1869, № 18) и мн. др. Муз. интересы П. составляли предмет его общения с В. Ф. Одоевским, с деятелями Моск. отделения Рус. муз. об-ва, советами к-рых П. пользовался при написании статей (см.:

Одоевский, ук.; Кашкин). Наив. ярко, по отзывам современников, талант П.-журналиста проявился в период сотрудничества с газ. «Наше время» (1860—63), с рел. к-рой Н. Ф. Павловым он был близким знаком. Помешал также критич. заметки, рецензии, фельетоны на страницах газ. «Рус. вед.» (1867), «Харьков. губ. вед.» (1871). «Вестник моск. политехнич. выставки» (1872: «Первое предостережение нашей промышленности», 9 мая; «В ожидании гостей. Случайный фельетон», 16 мая; «Англия и ее приверженцы», 9 авг., и др.). Имя П. — плодovitого фельетониста, пишущего в «великосветском, модном тоне», — иронически обыграно в стих. Н. А. Некрасова «Фельетонная бухалка» (1866; см.: Некрасов, т. 2, 1981, с. 217).

Лит. опыты П. немногочисленны: неск. мелких рассказов в «Вестнике моск. политехнич. выставки» (под псевд. Влвоем) — «Роман в трех частях» (1872, 27, 29 июня), «Отыскалось» (1872, 11—14 авг.), «Пятое сентября. Рассказ извозчика» (1872, 5 сент.) и пов. «Могила братьев». Из записок старого ротмистра» (РВ, 1858, т. XVI, № 8, кн. 1). Повесть П., варьирующая характерные темы и приемы прозы 30—40-х гг., в частности повестей Павлова (описание быта офицеров в заштатном городке, проблемы чести, авторские размышления о бесцельности жизни, лишенной переживаний), отличалась вместе с тем живым языком, стремительным развитием сюжета. Имевшая нек-рый успех, она была переведена на франц. яз. А. Дюма, к-рый во время своей поездки по России (1858) познакомился с П., близким ему «и по остроумной своей натуре, и по тому пристрастию к гастрономии, к-рым отличались оба даровитых рассказчика и веселых собеседника» (Як о в л е в). Рассказы П. не лишены занимательности, рассчитанной, вероятно, на невысокого читателя (действие в купеч. среде, мотивы похищения, убийства, коммерч. обмана и т.п.; повествование ведется от лица «простолюдина»), но талант П.-журналиста в них явно преобладает над писательским даром.

По свидетельству многолетнего приятеля А. Н. Андреева, П. был широко известен в Москве, в первую очередь как начитанный, образованный и «неистово остроумный» собеседник, имевший лишь одну странность — «страшный порок молодиться» (А н д р е е в, с. 547; по-видимому, это одна из причин разноречивых сведений о дате его рождения). Нек-рой популярностью пользовались его устные экспромты, калямбуры и сатирич. стихотворения.

Изд.: Рус. опера (статья, 1863). — В кн.: Ливанова Т. Н. Оперная критика в России. т. 2, в. 4, М., 1973, с. 335—38.

Лит.: Барсуков (ук.); Салтыков-Щедрин (ук.); Андреев А. Н. Дальше встреч. — РА, 1890, кн. 1, с. 345—47; Кашкин Н. Д]. Рус. муз. об-во. — «Моск. еженед.», 1908, № 27, с. 39; А. А. Григорьев. Мат-лы для биографии. П., 1917, с. 140—43, 168, 177, 203, 237 (в т. ч. упоминания П. под именем «старца»); Бородин А. П. Письма, в. 1, М., 1927—28 (ук.); Писемский А. Ф. Письма, М.—Л., 1936 (ук.); Одоевский В. Ф. Муз.-лит. написание. М., 1956 (ук.); Ливанова Т. Н. Оперная критика в России. т. 2, в. 3, М., 1969, с. 272—73, 275—78; т. 2, в. 4, М., 1973, с. 71—73, 248; Вильчинский В. П., Н. Ф. Павлов. Жизнь и творч. Л., 1970, с. 142; Егоров Б. Ф. Борьба эстетич. идей в России 1860-х гг., Л., 1991 (ук.); ЛН, т. 71, 88 (ук.). + Некрасов, 1872: МВед., 10 сент.; «Вестник моск. политехнич. выставки», 11 сент. (С. П. Яковлев); «Рус. мир», 14 сент.; Геннад: РБС; Брокгауз; Мейер; МЭ; Ливанова Т. Н. Виноградова О. А. (сост.). Муз. биография рус. периодич. печати XIX в., в. 4, ч. 1—2; в. 5, ч. 1—2; в. 6, ч. 1—4, М., 1967—79 (ук.); рец. и статьи П., св. 180 назв.; см. также в. 5, ч. 1, с. 18—20; Бернандт Г. Б., Ямпольский И. М., Кто шел о южн. Библиографич. словарь.... т. 2, М., 1974: Маслов.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 620 (дело о дворянств. в т. ч. ф. с. 1849 г.); ф. 1349, оп. 3, д. 1294 (ф. с. 1846 г.); ф. 1108, оп. 1, д. 204 (9 писем М. П. Погодину, в т. ч. от июля—сент. 1858 г.) (справка С. И. Вареховой); ЦГТМ, ф. 337, № 202 [письмо искут. лицу, включающее текст драматич. этюда «Разговор в кабинете» (посла. Клеймо — В. В. Андреев?) и стих. «Пора!» б. п.].

ПАНТЕЛЕЕВ Лонгин Фёдорович [6(18).10.1840, г. Сольвычегодск Вологод. губ. — 16.12.1919, Петроград; похоронен на Литератор. мостках Волкова кладб.], мемуарист, публицист, издатель, обществ. деятель. После смерти в 1841 отца (из кантонистов, офицер по выслуге лет) семья бедствовала. В 1850—58 П. учился в Вологод. г-зии (с 1851 на дворян. счет). В 1858 поступил на юридич. ф-т Петерб. ун-та; слушал лекции К. Д. Кавелина, В. Д. Спасовича, Б. И. Утина, Н. И. Костомарова, М. М. Стасюлевича, испытал влияние реформ. идеям «Колокол», «Современник». Средства к существованию зарабатывал в осн. частными уроками. Первая публ. — ст. «Новый наставник рус. народа» («Светоч», 1861, № 8), в к-рой П. критикует брошюру М. П. Погодина «Красное яничко для крестьян»

(1861) за наивно-идеалистич. отношение к крест. реформе. За участие в студенч. волнениях (1861) отбыл наказание в Петропавлов. крепости и был исключен из ун-та. В 1862 вступил в тайное об-во «Земля и воля», в составе «пятерки» Н. И. Утина занимался вербовкой новых членов, сочинял и печатал прокламации, был посредником между Об-вом и польской реформ. орг-цией в Петербурге. В 1863 сдал выпускной экзамен, но не получил степени кандидата, не представил диссертации. В том же году женился на Сераф. Вас. Латкиной [1846—1918; дочь В. Н. Латкина, занимавшегося торговыми делами в Архангельске, почетного гражданина, в дальнейшем — участница жен. движения, обучалась медицине в Цюрихе, автор ст. «Нар. ун-т во Флоренции» (РВед, 1902, 15 марта), кн. «Нидерланды и Бельгия. Очерки старого и нового» (СПб., 1905) и воспоминаний (Пантелеев)]. Архивовал (возможно, на капитал жены) типографию, намереваясь начать издат. дело. В 1864 арестован по обвинению в противоправительств. деятельности с целью возбуждения и поддержания польского мятежа (Пантелеев, с. 10; Лемке, с. 157—58) и после голичного пребывания в вилле следств. тюрьмах приговорен воен. судом к каторжным работам сроком на 6 лет с конфискацией имущества и лишением дворян. звания. В 1866 П. с женой прибыл в Енисейскую губ., где благодаря семейным связям каторгу ему заменили ссылкой. Из Сибири корреспондировал в «Голос» и «С.-Петерб. вед.» (Автобиография, с. 154—55). Нек-рые эпизоды сиб. жизни нашли отражение в его рассказах: «В первый раз на медвежьей охоте. Из восп. о Сибири» («Тифлис. вест.», 1876, № 28), «Макар» (ОЗ, 1879, № 5), «Тунгусская примадонна» (ОЗ, 1879, № 7). В Сибири П. служил в золотопромышленных компаниях у своего шурина Н. В. Латкина и В. И. Базилевского (управлял его делом, а позже и двумя собств. приисками), сколотил капитал (ок. 30 тыс. руб.).

После возвращения из ссылки в 1874 и восстановления в правах П. недолго жил на Кавказе, в 1876 окончательно поселился в Петербурге. С 1877 занялся издат. делом, печатая труды отеч. (И. М. Сеченов, А. Н. Бекетов, Н. И. Карсая, В. И. Модестов, Н. А. Добролюбов, В. А. Зайцев, В. В. Водовозов) и заруб. (Б. Спиноза, Б. Паскаль, И. Тэн, Г. Джордж. Г. Спенсер, Дж. Рескин и др.) ученых и мыслителей в естеств.-науч., социальной, политико-экономич. и др. областях. Выбор книг определялся в осн. западных, ориентальной П., науч.-просветит. задачами и его позитивистскими взглядами. Среди переводчиков и редакто-

ПАНТЮХОВ

ров, работавших у П. — Н. Г. Чернышевский, Н. Н. Страхов, Э. Л. Радлов, Н. Ф. Берг, М. В. Вагсон, А. К. Герцык и др. Издаст деятельность П., продолжавшаяся более 30 лет (за это время было издано св. 250 книг общим тиражом ок. 650 тыс. экз.), получила высокую оценку прежде всего в демокр. среде (см.: Люблинский, с. 23; см. также: ЛН, т. 90, ук.).

В 1879, поручив изда-во М. А. Антоновичу, П. уезжает на Амур и в Якутию для завершения своих золотопромышленных дел. В 1889 совершил поездку в Закаспийскую обл. (его записи об изысканиях по орошению этих мест — РГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 5), посетил в Астрахани Чернышевского («Восп. о Чернышевском» — «Речь», 1906, 15 окт., 18 окт.; см. также: Чернышевский в восп.). В 90-е гг. П., путешествуя за границей («В Европе не заглядывал только в Норвегию и Сан-Марино» — Автобиография, с. 156), печатает в «Рус. вед.» корреспонденции (без подписи и названия) о культуре, политике и экономике (напр.: 1894, 12 мая, 13 мая; 1902, 12 апр., 12 мая; атрибутировано по автографам: РГАЛИ, ф. 1691, оп. 1, № 4).

В 1901 П. подписал коллективный протест против изгнания участников демонстрации на Казан. площади в Петербурге и обратился с возмущенным письмом к мин. внутр. дел Д. С. Сипягину в ответ на произведенный в доме П. обыск (текст письма: «Былое», 1906, № 4), после чего был обвинен в полит. неблагонадежности и систематич. противоправительств. деятельности. Получив в Триесте известие о том, что приговорен к ссылке, П. остался за границей, продолжал путешествовать и, «располагая вынужденным досугом», написал восп., опублик. в «Сев. крае» (1902), «Рус. вед.» (1902—03), «Нашей жизни» (1904), а затем отд. книгами: «Из ранних восп.» (СПб., 1903), «Из восп. прошлого» (кн. 1, 2, СПб., 1905—08; рец.: Б. Глинский) — ИВ, 1908, № 6; Вл. Кр(анихфельд) — СМ, 1908, № 5; М. Ольминский — МГ, 1908, № 5—6; Л. Шиф — РМ, 1908, № 6). Первая книга — рассказ о быте и нравах вологод. мешан, чиновников и дворян, среди к-рых прошли детство и ранняя юность П. В положительн. отзывах отмечался «несколько миллион. характер изображения жизни» (Н. И. — «Обр.», 1903, № 10); М. С. Ск-вич — ИВ, 1903, № 5). В центре второй книги — эпоха 60-х гг. в Петербурге: студенч. среда, ун-тское образование, отношение к «великим реформам», роль видных ученых и писателей в обществ. жизни, первые слушательницы Петерб. ун-та. Пед. кружок, дом. лит. вечера (встречи с Я. П. Полонским, Н. Г. Помыловским и

др.), ж. «Основа», майские пожары 1862, об-во «Земля и воля», участники польского рев. движения (И. П. Огрызко, С. Падлевский), деловой и чиновничий мир столицы. По мнению А. Г. Фомина, восп. П. дают «ценный материал» будущему историку рус. общественности («Лит. вест.», 1904, № 8, с. 261; см. также рец.: А. Б(огданович) — МБ, 1905, № 6; Б. Глинский — ИВ, 1905, № 12). Мемуары П. были использованы Б. Б. Глинским, В. Я. Богучарским, В. Е. Чешинским-Ветринским и др. в работах по истории рев. движения в России. Негативно на мемуары П. отреагировал А. А. Слепцов, бывший чл. Центр. к-та «Земли и воли» (см.: Слепцова, с. 387, 402). Основываясь на восп. Слепцова, записавший их М. К. Лемке считал, что восп. П. «должны быть поставлены на свое место, перестав служить „...весьма ценным материалом“, как ... думали и думают нек-рые, писавшие о плохо знакомой им эпохе 1860-х гг.» (Лемке, с. 71; см. также: с. 72—102, 157—65). Перу П. принадлежит также восп. о М. Е. Салтыкове-Щедрине, с к-рым он поддерживал дружеские отношения в 80-е гг. (Салтыков-Щедрин в восп.; о фотографиях портрета писателя работы П. см.: «Изв. книжных магазинов Товарищества М. О. Вольф», 1911, № 5).

Вернувшись в Россию в 1904, П. сблизился с кадетами (с 1905 до февр. 1906 чл. Петерб. к-та партии), выступал в печати как публицист («Открытое письмо статс-секретарю А. М. Безобразову» (по поводу рус.-яп. войны) — «Наши дни», 1905, 27 янв.; «Даже и Вологодская губерния не обижена» (о новом избират. законе) — «Товариш», 1907, 3 июня; «Брадобрен и печать» — «Речь», 1907, 27 янв., и др.), публиковал некрологические и мемуарные статьи («П. Ф. Моравский (некролог)» — «Наша жизнь», 1905, 26 окт.; «Из личных воспоминаний о Г. Н. Потанине» — БВед, 1915, 21 сент., и др.), автобиографии [см., напр.: Фидлер: «Солнце России», 1915, № 297(42)]. Всего П. опублик. более ста статей. Будучи чл. (с 1904) и пред. (1912) К-та Лит. фонда, занимался благотворит. деятельностью.

Изд.: Из восп. прошлого, М.—Л., 1934 (ред. и комм. С. А. Рейсера); Восп., М., 1958 (вступ. ст., подготовка текста и прим. Рейсера); Из восп. прошлого. «Земля и воля». — В кн.: Штурмины будущей бури. Восп. участников рев. движения 1860-х гг. в Петербурге, Л., 1983; Автобиография. — В сб.: Книга. Иссл. и мат-лы, с. 39, М., 1979 (публик. М. Д. Эльмана).

Лит.: Достоевский (ук.). Издания П. 1877—1895 гг., СПб., 1895 (сост. И. Г. Белкин); Издания П. 1895—1907 гг., СПб., 1907 (сост. И. Г. Белкин); Лемке М. К., Кинменгарий, — В кн.: Герцык А. И., Пали, собр. соч. и писем, т. 16, Л., 1920, с. 69—102, 155—76; Слепцова М., Штурмины грядущей бури. — В кн.: «Звезда», в. 2, М.—Л., 1933; Вандалковская М. Г., К истории мемуаров П. — В кн.:

Рев. ситуация в России в 1859—1861 гг., М., 1974; см. же, История изучения рус. рев. движения сер. XIX в., М., 1982 (ук.); Люблинский С. Б., Павлижники книги, М., 1988, с. 18—36; Ротанов В. В., Уездничество, М., 1990, с. 289; Герцык Е. Восп., [М.], 1996, с. 57, 388; ЛН, т. 60, кн. 1 (ук.). — Некролог: «Вост. лит-ры», 1919, № 12. РВед. Сб.: Брокгауз; Мельер: ДРП; БСЭ; КЛЭД; Книговедение; Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград. Энци. справочник, М., 1992; ИДРЭВ: Муратов; Масланов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 224; РГАЛИ, ф. 1691; РГИА, ф. 776, оп. 8, з. 256 (о разрешении П. издавать ж. «Всесоюзная»); ГАРФ, ф. 102, 3 д-во, 1901 г., з. 564.
И. П. Оловинникова

ПАНТЮХОВ Михаил Иванович [4(16).1.1880. Петербург — 13(26).5.1910, Киев], прозаик. Сын врача-антрополога. Закончив 1-ю тифлис. г-зию, поступил в Моск. ун-т на естество-отделение, затем перешел на ист.-филол. ф-т. По окончании ун-та в 1906 «решительно отказывался от поступления на какую бы то ни было

службу, так же, как и от возможности остаться при университете» (предисл. в кн.: М. И. Пантюхов. Автор пов. «Тишина и старик». 1880—1910, Киев, 1911, с. 2). С осени 1902 П. посещает «среды» у В. Я. Брюсова, входит в круг моск. символистов, общается с К. Д. Бальмонтом, В. В. Гофманом; этому предшествуют его писательские опыты, в том числе лит. обозрения в газ. «Кавказ» (1 февр. 1903 П. сообщил Брюсову: «...все написанное до 1902 г. считаю плохим, написанное в 1902 — требует изменений» — РГБ, ф. 386, к. 97, № 33). При этом в лит. среде П. всегда держался особняком — «не сумел примелькаться ... в шумных кружках боевой литературы его не было видно» (Пильский П., М. И. Пантюхов. — «Одес. новости», 1911, 22 июня); брат П. сообщает, что он сгруппировал «вокруг себя небольшой кружок, в котором были лица разных профессий» (Пантюхов О. С., с. 168). В символист. изданиях были напечатаны два прозаич. эпизода П. в «ультра-декадентском» духе — «Вечером в девять» («Альм. кингтонд-ва „Гриф“», М., 1903) и

«Сказка о тумане» (альм. «Сев. цветы ассирийские», М., 1905); объединяющий их мрачный урбанистич. колорит характерен и для гл. произв. П. — повести «Тишина и старик» (СПб., 1907), являющейся, согласно авт. предисловию, «по своему внутреннему содержанию ... мировой сагрой» (с. [V]).

Худож. задача повести П. — показать абсурд, тщетность, мертвенность человеческого существования; вереница будничных эпизодов гор. жизни представлена автором как гнетущий, непрекращающийся, всеобволакивающий кошмар. Обыденные явления выступают как знаки таинственных метафизических, гл. обр. «инфернальных», сущностей, подчиняющих себе течение бытия.

Осн. герои повести — Юрий, выразитель авторского мироощущения, жена, сходная с ума и умирающая, демонич. и везучий старик, знаменующий «поскостороннее» действование, «позитивное» начало. — но столько реальные лица, сколько воплощенные символы, особенно утверждаемый П. в письме к Розанов: «Моя „Тишина“ это сиюию грезящийся неземной мир, уютный и темный. Жена — дочь „Тишины“. Мой старик нечто вроде Бога земной жизни... В его лице я осмелел ополчиться мысли во всех областях, между прочим и социализм, словом, всю жизнь в се целом. Мой третий герой Юрий, человек из оврага, отчасти хулиган, разумный, а философским смысле, отчасти сумасшедший, остающийся в стороне от жизни, не принимающий в ней участия и уходящий в глубь своих мыслей» («М. И. Пантюхов...», с. 6—7).

Образ Тишины у П. — не символ Бога, но нечто вроде будничной ирравны, в целом для худож. мира повести характерен последоват. антропоцентризм (в письме к А. А. Блоку от 24 мая 1908 П. пояснял, что его повесть — «безбожная (в точном смысле этого слова, т. е. — без Бога)... — в ней всегда и везде лишь один человек, разросшийся во весь мир, вобравший в себя всю его грязь и всю его святость» — РГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 357). Все худож. средства, используемые П., призваны заигноризировать читателя переживанием призрачности и гибельности жизни, к-рое усиливается благодаря унисонному эмоциональному звучанию различных образно-символич. рядов, составляющих ткань повествования. По своим стилистическим особенностям повесть представляет собой квинтэссенцию «декаданса» в рус. прозе, но также отмечена воздействием творчества Л. Н. Андреева («... мой единственный, несомненный брат по литературе (лично мне незнакомый)», — записал П. об Андрееве в дневнике 28 окт. 1907 — «М. И. Пантюхов...», с. 22) и во многом превосходит поэтику экспрессионизма.

Повесть П. вызвала резкое неприятие в «традиционной» критике: «Ничего более кошмарного в своей жизни не читал» (В. Ф. Воиновский) — «Русь», 1907, 4 апр.; «образец типично вырожденческой большой литературы», «Тишина и старик» открывает дорогу в лит-ру подлинным занескам сумасшедших» (Нейгаас-Лондонский читатель (А. А. Измайлов) — «Слово», 1908, 3 мая; ср.: б. п. — «Новый журнал лит-ры, иск-ва и науки», 1907, № 7, с. 110). В то же

время в кругах, сочувствовавших символизму, повесть была расценена как выходящее проявление: «Мирозерцание автора сложное и уютное; а повесть его читается с заворающим мучительным интересом» (И. И. Ясинский) — «Беседа», 1907, № 4, с. 255). Н. Я. Абрамович увидел в повести «жизню правду экзактенства и его переживаний, являющих истинную, изуродованную действительность» («Книга», 1907, № 22, с. 14); Н. И. Петровская, не принимая «длатонич. десрофилни» П. и его взгляда на жизнь «в ослеплении гипнотика», подчеркивает, что «в книге, страшно дисгармонируя с ее содержанием, встречается много прекрасных ... образов» («Перевал», 1907, № 6, с. 52—53); Б. А. Садовской, отыскав стилист. «выдержанность» повести и ее ценность как «элементка нового человека, пережившего вечные впечатления и сумевшего записать их без рисовки перед самим собой», добавляет, что П., «как писатель ... может говорить только о сумраках собственной души, а прямым следствием такого обособления является резкая однобокость мирозерцания» («Вестн», 1907, № 3, с. 84); А. К. Закревский (в его кн.: Подполье. Лейкол. параллели, К., 1911, с. 90—99) осмысляет повесть как одно из самых ярких и талантливых воплощений специфически «подпольного» мироощущения.

После выхода повести в свет П. пытался встать на путь переосенки воплощенных в ней убеждений: «Надо бросать мой слепой путь... Если пойду прежним путем, то попаду в руки сатаны!» (1 сент. 1907); «Во моей душе светает. И бессмысленный мир стат понятнее для меня» (28 сент. 1908); «Все идеи доведены до конца. Вне Христа — пустота, пустота, пустота!» (4 окт. 1908) («М. И. Пантюхов...», с. 21, 24, 25); «А пока я возвращаю себя снова жизни — окружающую меня» (письмо Брюсову от 6 сент. 1907 — РГБ, ф. 386, к. 97, № 33). В цитируе. выше письме к Блоку, с к-рым он стремился доверительно сблизиться, П. признавался: «Я уже не раб стихийной силы, влекущей меня ... я вышел из замкнутого круга моей „Тишины“». Христианская идея должна была лежать в основе новой книги П. «Кто?», однако этот замысел не был осуществлен. П. переживал душевный недуг и 5 окт. 1908 по собств. желанию поступил в психиатрич. лечебницу, где держал обет молчания и отказывался писать, в последние недели жизни отказывался и от пищи. Умер, согласно врачебному диагнозу, от милиарного туберкулеза.

Лит.: Измайлов А. А., Поэмаческие божков и новые кумиры, Книга о новых веяниях в лит-ре, М., 1910, с. 194—97; Книжнич В. Н., А. А. Блок, П., 1922, с. 94—99; Блок, VIII (ук.); Пантюхов О., О днях бытия. Семейная драмка Пантюховых, Мейлшуд (Нью-Джерси), 1969, с. 164—76; А. Блок. Перенеска. Аннотир. каталог, в. 2, М., 1979, с. 355—57; Бельгий, II, 230, 259—60, 293; Брюсов (2), с. 348—49; ЖБ, т. 92, кн. 3, с. 204, 227; Петровская Н., Восп. — «Минувшее. Ист. альм.», к. 3, Париж, 1989 (публ. Э. Гаретто), с. 21—23; Пастр, 1997.

А. В. Лапоро

ПАНЮТИН Лев Константинович [22.2(6.3).1831, Елизаветград, у. Херсон. губ. — 1(13).12.1882, Петербург], публицист. Из дворян Херсон. губ.; сын штабс-капитана. В 1853 в чине коллеж. рег. служил заседателем в Херсон. уездном суде. Начинал как поэт. Стихи П. (сб. «Стихотворения», СПб., 1858), разнообразные

по жанрам (баллады в фольклорном духе, пейзажная и любовная лирика; включены пер. из Дж. Байрона, Р. Бёрнса, Ж. Лафонтена), подражательны, отмечены в т. ч. влиянием поэтич. тенденций 50-х гг. (гражд. и сатирич. мотивы). Сб. получил разл. оценки критики: положит. — Б. Н. Алмазова (альм. «Утро», М., 1859), иронич. — Н. А. Добролюбова («Совр.», 1858, № 3, б. п.). В нач. 60-х гг. П. переселился в Петербург. Приобрел известность как фельетонист в газ. «Голос» (1863—74), где под псевд. Нил Адмирари (в пер. с лат.: Ничему не удивляйся) вел воскресный раздел «Веселая жизнь» — злободневные нравоописат. рассказы о жизни Петербурга, проделках разного рода ловкачей, дельцов и т. п. Эпизодически выступал с муз. рецензиями, заметками о драм. т-ре и др. Статьи П. затрагивали порой острые обществ. темы: «По вопросу о пролетариате» (1864, 16. 18 июля), «Смерть Герцена. Толки по поводу се. Наши герценысты и их противники» (1870, № 18) и др. Печатался также (мн. статьи б. п.) в «Неделе» (1866—67), «Бирж. вед.» (1871), причем выступал и как критик: [О трагедии гр. Толстого «Смерть Иоанна Грозного»] («Неделя», 1866, № 1), [О комедии Островского «Бешеные деньги»] («Голос», 1870, № 107), «„Горе от ума“ на Александрийской сцене» (там же, 1871, 12 дек.) и др. В 60-е гг. либеральная (со славянофил. оттенком) публицистика П., в т. ч. ст. «Элементы европ. цивилизации» (ОЗ, 1867, № 11), где, утверждая превосходство европ. культуры над европейской, он одновременно указывал на отсутствие свободы слова и печати в России как осн. препятствие в развитии рус. общества, вызвала недовольство цензуры (РГИА, ф. 776, 777). В 1872, выпустив свои фельетоны, очерки, корреспонденции отд. изд. — «Рассказы Нила Адмирари»

(т. 1—2, СПб.), П. несколько корректирует прежние взгляды: с сомнением относится к идеям панславизма (фельетон «Из письма петерб. философа к провинци. либералу»), с умеренно либеральных позиций высмеивает деление общества на «отцов» и «детей», споры утилитаристов и сторонников «чистого искусства». В 1875 перенес тяжелую болезнь, от последствий к-рой не мог оправиться до конца жизни. Лечился в Париже. По возвращении сотрудничал в ж. «Будильник» (1876). По восп. В. Г. Короленко (VII, 198), П. читал стихи над гробом Н. А. Некрасова (30 дек. 1877). В 1880 вел воскресный фельетон «Листок» в газ. «Россия», сумев сохранить независимость от общего монархич. направления газеты: выступал в защиту студентов, против смертной казни, полемизировал с М. Н. Катковым; его фельетоны по-прежнему злободневны и остроумны. Смерть П. в Обуховской б-це для бедных описана в рассказе А. В. Крутлова «Лавровый венок» (1882; см. в его кн.: Под колесом жизни, М., 1890).

Лит.: Лесков, X, 400, 407; Крутлов А. В., Пестрые странички. — ИВ, 1895, № 11, с. 471—79; Боборыкин (жур.); Плещеев А. А., Пянорада рус. жизни. — Мирской галл., 1882, № 46. + Некрасов: ВН, 1882, № 727. РБС; Брокгауз; Языков; Мехов; Смирнов-Сокольский; ИРДВ; Альтман М. С., Рус. писатели и ученые в рус. лит-ре XIX в. — Уч. зап. Горьков. гос. ун-та, в. 71. Горский, 1965, с. 306, 328; Лианозова Т. Н., Виноградова О. А. (сост.), Муз. библиография рус. периодич. печати XIX в., в. 5, ч. 1—2, М., 1971—72; в. 6, ч. 1—4, М., 1974—79 (ж-л); Мяснов.

Архивы: РНБ, ф. 391, № 607 (письма А. А. Краевского). А. А. Шелогова.

ПАКОВИЧ Фёдор Фёдорович (2-я пол. 1790-х гг., г. Белый Смоленской губ. — ок. 1835, Петербург), переводчик, литератор. Сын обер-офицера. В 1810—12 обучался в приходской школе в г. Белом, по окончании к-рой зачислен в штат писов одного из присутств. мест города. Переехав в Петербург (2-я пол. 1810-х гг.; предположительно, нек-рое время учился в Горном корпусе или в Дворян. полку), П. попал в литературно-ученую среду. Занимался изучением лат. языка, польского, санскрита, истории. В июле 1818, по предложению Ф. Н. Глинки, был избран действит. членом ВОЛРС (с нач. того же года чл. ВОЛСНХ, читал переводы с польск. яз., в т. ч. «О словесности индия», оставшийся не опублик.). При вступлении в ВОЛРС произнес «Речь по случаю возведения в действит. члены...», в к-рой говорил о «пламенной любви к Провещению» и необходимости для литератора «обширных познаний», а само Об-во уподобил «храму» Провещения и «разума... свободного от предрассудков суетного мира» («Соревнователь...», 1818, ч. 3, с. 118—119). В 1819 цензор прозач. статей ВОЛРС, в 1820 библиотечар и член

ценз. к-та, во втором полугодии сскр. ценз. к-та. (В бумагах Об-ва в 1818 значился в чине подпоручика — РБС.) В ж. «Соревнователь...» (органе ВОЛРС) напечатал «Изустные народные предания о городе Белом Смоленской губернии» (1818, ч. 2) — попытка лит. обработки фольк. источников; П. стремился обосновать ист. происхождение местных легенд и поверий. В бюгр. очерке «Жизнь Н. И. Шувалова» (там же, с. 401—23) П. воспевал патриотизм, покровительство иск-вам известного «просвещенного вельможи» (1-го куратора Моск. ун-та, президента Акад. художеств), «действенного представителя дарований» у трона (с. 407, 411), полемически отстаивал важность памяти «добродетелей гражданских» (с. 401).

П. принадлежит первый в России пер. из др.-инд. эпич. поэмы «Рамаяна» [из 2-й кн. «Плч родителей над прахом сына. Орывок из поэмы „Рамаяна-Яна“, творения на санскритском языке индиянина Вальмикия» («Из книги, вышедшей недавно в Варшаве» — «Соревнователь...», 1819, ч. 8; подпись Папк...)]. В др. переводе — трактата «О воображении» (там же, 1819, ч. 7; из польск. газ. «Вилен. вест.» — «Dziennik Wileński») — подчеркивается «обширная, гармонизирующая, укрепляющая разум и добродетели «власть воображения» (с. 36). Соч. в прозе «Поляки в 1812 году», читанное П. 20 мая 1818 в заседании ВОЛРС, не обнаружено.

Лит.: «Соревнователь...», 1819, ч. 7, с. 119; 1820, ч. 10, с. 101; ч. 11, с. 245; Н. Е. (Бельчанинов Н.), Ф. Ф. П(а)кович и его статьи. — Смоленские губ. вест., часть неофиц., 1857, № 34 (здесь же перепечатано указ. соч. П.). — «Изустные нар. предания...»; Базанов (ж-л); Махабхарата. Рамаяна. [пер. с санскрита], М., 1974 (БВЛ, т. 2), с. 549. + РБС.

Архивы: науч. б-ка СПбГУ (архив ВОЛСНХ, № 52, д. 66 — «Беседа старца о вере и истинна сее»; рукопис. пер. с польск.; д. 55, № 7, д. 198, № 3, д. 199, 205) [справки С. И. Николаева и О. Н. Зюлотовой].

О. В. Галушева.

ПАРНАХ (наст. фам. Парнох) Валентин Яковлевич [15(27).7.1891, Таганрог — 29.1.1951, Москва; урна с прахом похоронена на Новодевичьем кладб-е], поэт, переводчик, эссеист, хореограф. Брат С. Я. Парнок, брат-близнец Елиз. Як. Тараховской (1891—1968), дет. писательницы.

Отец, Яков Соломонович Парнох, — провинц. колдн аптеки, потомств. почетный гражданин. Мать, Ал-дра Абрамовна Идельсон, — врач, одна из первых выпускниц (1877) Высших жен. мед. курсов в Петербурге, умерла в 1895. Отец вскоре женился на губернкатке детей, к-рые не любили ее (см.: Т. А. Аронзон. «Мои восп. о поэтах: С. Я. Парнок, В. Я. Парнак(с) и Е. Я. Тараховской» — ГИМ, рп-в 1894; кн. 50961, ф. 242 «А»).

С детства П. знал франц. и нем. языки. В гимназич. годы (1902—10) пробовал писать стихи на латыни и позднее перевел фрагменты из Энния (опубл. в сб. «Карабкается акробат») и небольшой отрывок из «Энеиды» (рукопись — РГАЛИ, ф. 2251, оп. 1.

№ 2), был увлечен поэзией Ш. Бодлера и П. Верлена, кумиром для него стал А. А. Блок. Г-зию окончил с зол. медалью, это было необходимо ему, как еврей, для поступления в ун-т. В 1910—15 учился в Петерб. ун-те (сначала на юридич. ф-те, затем на отд. романских языков ист.-филол. ф-та; не окончил), в 1915—1917 — в Сорбонне.

~ В Петербурге в 1913 — 1-й пол. 1915 часто присутствовал как гость на занятиях Муз.-драматич. школы В. Э. Мейерхольда (Студии на Бородинской), где в значит. степени сформировались его эстетич. воззрения («То, что говорит Мейерхольд, меня восхищает; некоторые мысли важны не только для актера, но и для всякого художника», — признавался он своему другу М. Ф. Гнесину — РГАЛИ, ф. 2954, оп. 1, № 613, л. 1). В 1914 по рекомендации Блока (см. его письма от 10 и 12 янв. — РГБ, ф. 644, к. 2, № 1, л. 30, 32) в ж-ле Мейерхольда «Любовь к трем апельсинам» опублик. стих. П. «Араб» (№ 3), 16 февр. 1913 П. был принят в «Шех поэтов», однако с акмеистами сотрудничал мало: в «Гиперборее» появилось одно его стих. — «Из Афин» (1913, № 9—10). Стих. 1914 «Рестораны» (РГАЛИ, ф. 2954, оп. 1, № 613, л. 14—14об.; в сокр. виде и в посвящении «О. Мандельштаму» в сб. «Самум», 1919), в к-ром он «случайно ... напроорочил» (там же, л. 9 об.) грядущую мировую войну, несмотря на хлопоты О. Э. Мандельштама, не было помещено в «Аполлоне». Общение с Мандельштамом, наиболее тесное в 1914, прекратилось после выхода из печати «Египетской марки» (Л., 1928), к-рую П. — прототип героя повести Парнока (что отмечено в многочисл. исследованиях) — прочел как пасквиль на себя (об этом свидетельствует со слов матерн сын П., Ал-др Вал. Парнах, р. 1936). Побывал в Италии в 1913, летом 1914 путешествовал по Египту, Сирии и Палестине. Возвращение в Петербург было затруднено из-за начавшейся 1-й мировой войны и заняло месяц.

Доминантой душевных настроений П. тех лет было мучительное чувство раздвоенности, вызванной любовью к рус. поэзии и ненавистью к антисемитизму, к пассивному отношению к нему ми. еврейско-интеллигентов. Ретроспективный анализ этих переживаний составил сюжетную основу автобюгр. повести «Пансион Мобер» [1930-е гг. (?); текст — РГАЛИ, ф. 2251, оп. 1, № 44]. Не позднее 2 июля 1916 П. выехал через Стокгольм и Лондон во Францию с намерением навсегда покинуть родину и больше не писать на рус. яз. Решение вернуться в рус. стихотв. культуру пришло после изучения испано- и португалоязычных поэтов-

ПАРНАХ

евреев, пострадавших от инквизиции, но не презиравших языка своих гонителей. Первые поэтич. книги — «Самум» (рис. Н. Гончаровой) и «Набережная» (рис. М. Ларионова, изд. литографированное) — вышли в Париже в 1919. Наряду со стих., отразившими впечатления от поездки по Италии и Бл. Востоку, П. поместил в них стихи о другой — «полу-восточной Италии», как он называл Тагарот и портовые города Крыма с их экзотич. южной природой и прихотливым смещением наречий и обычаев. В Париже выходят и др. его поэтич. сб-ки — «Словодвиж» («Mot dupont»; стих. на рус. и франц. яз., рис. Н. Гончаровой и М. Ларионова, 1920; изд. литографированное). «Карабкается акробат» (портрет автора работы П. Пикассо, рис. Di-Lado (Ладло Гудиашвили), 1922; с. 25—26 были изъяты по ценз. соображениям, полный экз. — ГЛМ); рецензент назвал П. «идеальным антиромантиком латинско-мавританской культуры» (М. С(труве)? — «Сполохи», Б., 1922, № 4, с. 39).

В это же время он изменяет свою фамилию на Парнах в соответствии с еврейской произносительной нормой иврита (из мемуарных записей Гнесина — РГАЛИ, ф. 2954, оп. 1, № 177, л. 19 об.; ср. огласовку той же фамилии в Вестн. Завесе, Чис., 34, 23). Во франц. изданиях фигурирует как Парнас, Парнак, Парак (последнее под иск-рым ранним изд. — Парнок).

Полагая, что обновление затухающей европ. культуры возможно только благодаря вульгарной экзотике и низким зрелищным жанрам (эссе «Новое эксцентрическое искусство» — «Зрелища», 1922, № 1; «Чаплин» — там же, № 2; Н. К., Худож. жизнь Парижа. Беседа с П. — «Эрмитаж», 1922, № 15; «Опыт нового танца» — «Жизнь иск-ва», 1925, № 4), пытается перевести на язык поэзии язык цирка, кино, джаза и совр. танца, наиб. пригодно для выражения трагич. мироощущения человека 20 в., утратившего музыку «блаженства и похорон», «служений» и античных хоров (стих. «Потерянная музыка», 1918).

На формальном уровне это проявилось в переносе ударений с сильной позиции в строке на слабую, в использовании хорейба (для вытаскивания джазовых синкоп; ср. «Древность и современность в слове и движении» — «Театр и музыка», 1922, № 10, с. 155), в применении «исключенных слов» («пнеманит», «сертан», «дерги», «исзуромст») — условных наименований танц. движений и джазовых эффектов. Такая стилистич. особенность, с одной стороны, превращала стихи в «эрозографы» (подобные напечатанным в сб. «Карабкается акробат» «эрозографам танцев» работы автора), позволявшие прочтению только в контексте всей артистич. деятельности П., а с др. стороны, готовила «лексику для джазовых критиков» (Багачев, 1991, с. 119).

П. был одним из организаторов и пред. «Палаты поэтов», первого рус. лит. и худож. объединения в Париже. В собраниях, проходивших с авг. 1921 по янв. 1922 в кафе «Жамелон» на Монпарнасе, участвовали поэты и художники А. С. Гингер, Г. Е.

Евангулов, И. М. Зданевич, М. А. Струве, М. Л. Талов, Л. Гудиашвили, С. Ю. Судейкин, С. И. Шаршун, режиссеры П. К. Вейсбрем, С. М. Вермель и др. «Члены этого молодого содружества сошлись случайно и их не могла объединить никакая-либо общая поэтич. идеология...» (Бахрах, с. 156—57) — П. поощрял всякого, пожелавшего выступить. В то же время их связывал интерес к новейшим течениям в иск-ве. П. выступал (как танцовщик) 21 дек. 1921 на вечере Шаршуна с участием франц. поэтов (Вeuссас, р. 19; р. 14—21 — сведения о др. вечерах кружка) и на франц. вечере дада (афиша — РГАЛИ, ф. 2954, оп. 1, № 613) и оз-

В. Я. Парнах, Рис. П. Пикассо в сборниках Парнаха «Карабкается акробат», Париж, 1922, и «Вступление к танцам», М., 1925.

ним из первых информировал рус. читателя об этом течении [«Кризис франц. поэзии» — «Паруса», 1922, № 1; «Совр. Париж» — «Россия», 1923, № 7; см. комм. Е. А. Тоддеса, А. П. Чулакова, М. О. Чулаковой в кн.: Тынянов Ю. Н., Поэтика. История лит-ры. Кино, М., 1977, с. 446; переводы П. из Ж. Кокто, Б. Сандара, Н. Гарнье — «Совр. запад», 1923, № 4; 1924, № 1(5)].

В 1921—22 П. исполнял изобретенные им танцы в Севилье, Риме, Париже, Берлине. В авг. 1922 вернулся в Москву, привез с собой джазовые инструменты и создал первый в сов. России джазовый ансамбль — «Джаз-банд Валентина Парнаха» (дебют 1 окт. в ГИТИСе; существовал до 1927).

По восп. современников, невысокий, шустрый, с худым восточным лицом, желтыми глазами и рыжеватыми волосами, П. в танце проецировался и покорял зрителей: так, продемонстрировав 3 авг. 1922 в Доме печати на выступлении оркестра два танца, вызвал восторг «ураганной

силь» (Габрилович, с. 58—59; см. также Бессу А. Петрова в Габрилович в ст. «Жирфандный истукан», или Дядя у Мейерхольда» — «СпецСилезия Врежес», 1997, № 3). См. отзывы Франк (В. Ф. Федоров) — «Зрелища», 1922, № 7, 16; Абрамов А., Машинные танцы. — «Театр и музыка», 1922, № 13. По свидетельству мецената, у П. «было несомненно дарование имжа и он чувствовал себя одновременно и поэтом и артистом латинскими» (Юлиус А. Рус. лит. Париж 20-я ст. — «Совр.», Торонто, 1966, № 13, с. 86; ср. также поэтич. автопортрет П.: «Субверсивенчик наших лет... Протрез классический балет / Открыл свой талис небывалый. ...Супер, — один — па-встречу вою! / Встал, публике пяти страниц / Книжку с поведкой асолоном»).

Оркестр и танцы П. сопровождали спектакли Т-ра им. Вс. Мейерхольда (в 1922 Т-р ГИТИСа) «Великодушный ротозосек», «Д. Е.» (реж. б. п. — «Новый зритель», 1925, № 15, с. 4—5), «Учитель Бубуе» (реж. В. П. (арнах?) — «Жизнь иск-ва», 1925, № 5). По приглашению С. М. Эйзенштейна в том же 1922 году преподавал хореографию в драматич. студии Первого Рабочего Т-ра Пролеткульта.

Статьи П., посв. эстетике и критике совр. иск-ва, печатались в ж-лах «Вещь» (1922, № 1—2), «Театр и музыка», «Зритель» (оба — 1922), «Зрелища» (1922—23), «Россия» (1923), «Рупор» (1923—24). Его замыслы по изданию в Москве и Петрограде искк. книг — «Свод стихов», «Математика новых дервишей», «Собрание танцев», «От Архипелага до Атлантики», трагедии-буфф «Прекрасная зараза» (см. об этом — «Новая рус. книга», 1922, № 7, с. 33) — не осуществились. В 1923, несмотря на вмешательство А. В. Луначарского (см. публ. и комм. Ю. Фединского — ВЛ, 1973, № 6), ему было отказано в напечатании сб. стихов «Саранча» и перевода «Путешествия на Восток» Ж. де Нерваля (отрывок — в Сев3, 1913, № 8—9). Лишь в 1925 вышла 5-я кн. стихов «Вступление к танцам» (М.), большая часть к-рой включала отредактированные произв. из прежних сб-ков.

С окт. 1925 до кон. 1931 жил в Париже, в качестве секретаря собирал и переводил информацию из иностр. прессы для Т-ра им. Вс. Мейерхольда и сотрудничал в «Афише ТИМ», где появилась только малая часть присланных им материалов («Театр Парижа» — 1926, № 2; «Проспер Меримэ и „Ревизор“ Гоголя» — 1926, № 3; подпись В. П.). Пост. дохода, как и в первый приезд в Париж, П. не имел, иногда занимал деньги даже на чашку кофе. В эмигрант. изданиях напечатал ст. «О нек-рых возможностях стихосложения» (в сб. «Стихотворение. Поэзия и поэтич. критика», под ред. Б. Б. Божнева, в. 2, Париж, 1928; реш.: А. Э(й с н е р), Молодые зарубежные поэты. — «Воля России», 1928, № 6, с. 120) и «автобиографическое» стих. «Берлинская тюрьма Моабит, отд. V, камера 478» («Воля России», 1926, № 6—7, подборка «Парижские поэты»; в тюрьме П. оказался из-за просрочки визы). Эти публикации, как и издания его книг в 1919—21.

дали повод причислить П. к «парижской школе» поэтов, хотя, напр., Г. П. Струве не относил его к эмигрант. лит.-гр. Шаршуру называл П., как и Зданевича, «не нашим не вашим» («Магический реализм» — «Числа», Париж, 1932, № 6, с. 230). Сам П. полагал, что рус. эмиграция оказалась «вне культуры отечественной и латинской» («Эмиграция в Париже и Берлине. Впечатления путешественника») — «Известия», 1922, 29 дек.), и предпочитал в эти годы писать по-французски. Опубл. в Париже отд. изданиями переводы повести и рассказа К. А. Федина (1928), стих. Пушкина (1930). П. — автор кн. «Histoire de la danse» («История танца»; Р., 1932; см. там же франц. библиогр. его статей на эту тему) и составитель «L'Inquisition» [«Инквизиция», была сдана в 1930(?) в изд-во «Rieder», но не напечатана] — антологии исп. и португал. поэтов-евреев, пострадавших от инквизиции в 15—18 вв. Рус. вариант книги с включением новых стих., расширенными примеч. и вступ. ст., а также с описаниями аутодафе, протоколов, обвинительными актами и приговорами вышел в 1934 под назв. «Испанские и португальские поэты, жертвы инквизиции» (Л.—М.), и явился «крупнейшим лит. достижением П.», итогом 20-летних исследований (Краткая евр. энци., т. 6, Иерусалим, 1996, с. 337). Интерес к выражению трагического в поэзии продиктовал и обращение к переводам из Т. А. д'Обинье (отрывки — «Молодая гвардия», 1923, № 6; полностью все переведенные эпизоды в кн. его переводов: д'Обинье А., Трагические поэмы. Мемуары, М., 1949, — ставшей последней прижизн. публикацией П.).

Первыми выходами положит. отзывы Н. Н. Вильямс-Вильямса («Иностран. лит.-гр», 1939, № 9—10, с. 230). Б. Л. Пастернак, к-рый назвал их «очень замечными, а часть и превосходными; по силе, выразительности и точности» (РГАЛИ, ф. 2251, оп. 1, № 49, л. 8; на л. 11 — положит. отзывы И. И. Алхимовой, Н. Н. Ассова, М. А. Лифшица, Л. Е. Писского, Б. И. Пуришева). Появление этих переводов стало возможным потому, что, как заметил М. Л. Гаспаров, «в Париже печатали антигитлеровские стихи Агриппы д'Обинье как антифашистские (Агриппу у нас знали по Г. Манну), а „Еврейских поэтов — жертв инквизиции“ — как антисталинские. (...) эпопея язык переводчиков» (ИЛО, 1995, № 16, с. 422).

По возвращении в Россию занялся исключительно переводами, преим. с франц. (Стендаля, Р. Роллана, Л. Арагона, Г. де Мопассана, А. Франса) и исп. (Л. де Гонгоры, П. Кальдерона), переводил также с нем., польск., чеш., сербохорватского, латыш. языков; часть переводов не опубл. С 1934 в граждан. браке с художницей Ек. Робертовной Классон. В сент. 1941 вступила в Союз писателей. В 1941—42 находился в эвакуации в Чистополе.

Др. произв. «Gontcharova, Larionow» (в кн.: Gontcharova et Larionow, L'art décoratif théâtral moderne, P., 1919), «In the Russian world of letters» («The Menorah Journal», 1926, v. 3), «Les poètes russes d'aujourd'hui» («Europe», 1926, № 40).

Изд.: Выдающиеся. — В кн.: Стифы века (Переводы). Барбюс А., Огюль М., 1940 (путь изд.); Валери П., Морское кладбище (Фрагменты), Ларбо В., Моя юга. — В кн.: Золотая поэзия XX в. М., 1977; Рембо А., Руки Жанны-Марии, Сидания. — В кн.: Рембо А., Стихи, Последние стихи, Озарения. Одно лето в аду, М., 1982 (ЛП); в кн.: Гарсна Лорка Ф., Избр. произв. в 2 т., т. 1, М., 1986; в кн.: Мастера поэзии. Переводы XX в. СПб., 1997 (Нов. БП).

Лит.: Кан Е., Моск. новаторы танца. — «Рус. иск-во», 1923, № 1; Февральский А., Десять лет трагедии Мейерхольда, М., 1931, с. 31, 43; Струве Г., Рус. лит.-ра в изгнании, Н.-Я., 1936 (Париж—М., 1996, ук.); Язынштейн С., Избр. произв., т. 1, М., 1964 (ук.); Блок, Зол. кн., с. 207, 559; Габрилович Е., О том, что прошло, М., 1967, с. 58—59; Гриппич А., Учитель сцены. — В кн.: Встречи с Мейерхольдом, М., 1967, с. 124; Струве Г. П. и Филиппов Б. А. (сост.), Приложение. — В кн.: Мандельштам О., Собр. соч., т. 3, Н.-Я., 1969, с. 399—400; Баташев А. Н., Сов. драм., М., 1972, с. 8—15, 21, 24, 28, 40, 44—45; его же, Они стояли у истоков. — «Муз. жизнь», 1984, № 6, с. 22—23; его же, Египет, поворот. Заметки о П. — «Театр», 1991, № 10; Гладков А., Встречи с Пастернаком, Париж, 1973, с. 25; Тименчик Р. Д., Заметки об акмеизме. — «Russian Literature», 1974, № 7/8, с. 35, 37; его же, Из комм. к мандельштамовским текстам. — В кн.: О Мандельштаме. Поэтика и текстология, М., 1991, с. 67—68; его же, Евр. подтексты в «Египетской марке» Осипа Мандельштама. — «Jews and Slavs», v. 1, Jerusalem—St. Petersburg, 1993, p. 355—57; Флейшман Л. С., К публикации писем Л. О. Пастернака к Вильку. — «Slavica Hierosolymitana», 1977, v. 1, с. 311—13, 315—16; Рус. сов. эстрада, 1930—1945, М., 1977, с. 271, 279; Бахрах А., По памяти, по записям. Лит. портреты. Париж, 1980, с. 166—70; Рудницкий К., Мейерхольд, М., 1981, с. 284, 318; Козилев Г., Смерть дидрафованного искусства. — В его Собр. соч. в 5 т., т. 2, Л., 1983, с. 321—23, 496; Флейшман Л., Хьюз Р., Раскелла-Хьюз О., Рус. Берлин, 1921—1923, Париж, 1983, с. 312—14; Симоненко В. С., Мелодия драмы. Антология, К., 1984, с. 264—266; Чистопольские странички. Стихи, рассказы, повести, дневники, письма, восп., Каз., 1987 (ук.); Керлер П., [В. Я. Парнак]. — В кн.: Памятные книжки даты. 1991, М., 1991, с. 143—146; Багратини-Мухраели И., Кинематографич. стилистика «Египетской марки» О. Мандельштама. — «Иск-во кино», 1991, № 12, с. 156—58; Петровский И., История одного портрета. — «Эхо планеты», 1994, № 17, с. 38; Парнак А., Слово о моем отце. — «Евр. газета», 1995, № 15, август; Рус. зарубежье. Хроника науч. культурной и общественной жизни, 1920—40, Франкф., т. 1, 1920—1929, М.—Париж, 1995 (под общей ред. Л. А. Мнухина), с. 43—58; Фрезинский Б., Алы-Ата—Париж. Новиз. интервью Ю. Софиева. — «Рус. мысль», 1997, 22—28 мая; Вольф В. С., The prose of Mandelstam. — In: The prose of Osip Mandelstam, Princeton, 1965, p. 47—48, 199; Beysnac M., La vie culturelle de l'émigration russe en France. Chronique (1920—1930), P., 1971, p. 14—19; Rönöen O., Parnak V. Y., — Encyclopaedia Judaica, Year book 1973, Jerusalem, 1973; Rischin R., The Acrobat and his Tyrants: Valentin Parnak and his translation of Agrippa d'Aubigné's Les Tragiques. — In: O Rus! Slavia hierana slavia in honorem, Oakland, Hugh McLean, 1995; Polhak N., Mandelstam the reader, Baltimore, L., 1995 (lozeta), + ЛЭ рус. зарубежья.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2251; ф. 998, оп. 1, № 2163 (письма В. Э. Мейерхольду, 1915—30); ф. 420, оп. 2, № 51 (дальше, письма А. М. Ремболю на фото, 1922), ф. 3042, оп. 1, № 166 (письмо Е. А. Тяпкиной, 1927); ф. 53, оп. 2, № 54 (письмо А. А. Блоку, 1921); ф. 2954,

оп. 1, № 613 (письма М. Ф. Гнесину); ИМЛИ, ф. 516, оп. 1, № 60 (автобиогр. анкеты).

М. В. Алхимова

ПАРНОК София Яковлевна [наст. фам. Парнох; псевд. Андрей Полянин; 30.7(11.8).1885, Таганрог — 26.8.1932, с. Карнское близ Звенигорода, под Москвой; похоронена в Москве на Введенском кладб.], поэт, лит. критик. Сестра В. Я. Парнаха и Елиз. Як. Тараховской. Получила первонач. образование, в 1901

окончила таганрог. Маринскую гимназию (с зол. медалью). В эти годы развивается ее роман с Н. П. Поляковой (Н. П. П. — адресат мн. стихов в ученич. тетради П.), длившийся пять лет и во многом определивший особую личную судьбу П., любовной тематикой ее лирики. После повторной женитьбы отца (на гувернантке-немке) отношения с ним стали отчужденными, П. рано покинула родительский дом. В 1903 жила в Швейцарии, где сблизилась с семейством Плехановых, совершила с ними совм. поездку по Италии (ее впечатления в частном письме: «... они интересны как типы, но в жизни скучны бесконечно» — цит. по вступ. ст. С. В. Поляковой в «Собр. стих.» П., с. 10), училась в Женев. консерватории и на филол. ф-те Женев. ун-та. В 1904 занималась в Петерб. консерватории и на юридич. курсах Н. П. Раева, в 1908—09 слушательница Высших женских (Бестужев.) курсов. Короткий брак с В. М. Волькенштейном (сент. 1907 — янв. 1909, бракосочетание проходило по свр. обряду) распался из-за ее возобновившихся отношений с Н. П. Поляковой. Характерно признание П. в письме И. Ф. Гнесину от 6 февр. 1910: «Я никогда, к сожалению, не была влюблена в мужчину» (там же, с. 15). В этот период она приняла христианство.

Печаталась с 1906 — стих. «Осенний сад» («Нар. весть», № 1). С 1913 пост. сотр. ж. «Сев. зап.», в к-ром публиковала стихи и переводы с

франш., а также критич. статьи и рецензии, была рецензентом газ. «Рус. молва». Как критик выступала под псевд. Андрей Полянин. Формирование П.-поэта проходило вне лит. школ и течений, к к-рым она относилась отрицательно, критиковала само понятие лит. школы в «цеховом» смысле, призывая учиться только непрерывному творч. процессу: «Творить душу свою, искать и выявлять высокие ценности в хаосе своего я...», «устремлять свой шаг к несовершенному источнику эстетического опыта» (ст. «В поисках пути искусства» — СевЗ, 1913, № 5—6, с. 231, 230). Анализируя ранние сб-ки Н. А.

радуги» (созданном, по ее словам, «последними усилиями ослабвющей воли»), назвать «бестактностью» его дописывание «Египетских ночей» А. С. Пушкина, а самого мэтра совр. поэзии сравнить с «сумасшедшим актером», играющим «одну только роль: он играет великого поэта» («По поводу последних произв. Валерия Брюсова» — СевЗ, 1917, № 1, с. 160, 162).

Период с осени 1914 по осень 1915 отмечен сближением с М. И. Цветаевой. «Они появлялись вместе на лит. вечерах. Увлекались стихами друг друга...» (Цветаева А., с. 39), летом 1915 съехались в Коктебеле.

«С. Я. Парнок» — «Возрождение», Париж, 1933, 14 сент.; цит. по сб-ке: Колеблемый треножник, М., 1991, с. 434). В чело друзей П. входили композитор Гнесин, М. А. Волошин, с к-рым познакомилась летом 1916, К. А. Липскеров, Л. Я. Гуревич, сестры А. К. и Е. К. Герцык (соседействовала с ними в 1917—22 в Судаксе, сохраняла дружбу с Е. Герцык до конца своих дней).

В 1916 П. выпустила первый сб. — «Стихотворения» (П.), объединивший философскую и любовную лирику, стихи, посв. архитектурным памятникам, и злободневные стихи о 1-й мировой войне. П. демонстри-

Вечер поэтов в Москве, 1916. За столом слева направо сидят: Л. Столца, Е. Паламotti, Л. Сервинская, В. Юрнекс, Л. Ринкина, С. Парнок, А. Чумаченко, Л. Эрарская, А. Рачинская, Л. Копылова.

Клюева, А. А. Ахматовой, И. Северянина в ст. «Отмеченные имена» (СевЗ, 1913, № 4), находила изъяны в акмеистич. теории и практике, осуждала использование прозаизмов Северянином («прозаизм — не внешнее свойство, это — болезнь, таящаяся в недрах творческого духа» — с. 115), а позднее критиковала за акмеизм и Н. С. Гумилёва (СевЗ, 1916, № 6). П. регулярно решивала поэтич. сб-ки совр. поэтов, в т. ч. «Дали вечерние» А. В. Владимировой («Рус. молва», 1913, 17 февр.), «Стихотворения» Н. В. Крандиевской (СевЗ, 1914, № 2), «Камень» О. Э. Мандельштама (СевЗ, 1916, № 4/5), пронизательно улавливая характерные особенности их поэтики и поэтич. мировосприятия. Тон ее статей отличался корректностью и доброжелательностью, что, однако, не помешало П. дать острые оценки сб-ку В. Я. Брюсова «Семь цветов

Цветаева посвятила П. цикл стих. «Подруга» (впервые опубли. в 1976; «Я Вас люблю! — Как грозовая туча/ Над Вами — грех! За то, что Вы язвительны и жгучи/ И лучше всех»), но в дальнейшем прервала с ней все отношения (см.: Полякова С. В., Незакатные оны дни: Цветаева и Парнок. — В ее кн.: «Олейников и об Олейникове» и др. работы по рус. лит-ре, СПб., 1997; здесь же цикл «Подруга» и стихи П., посв. М. Цветаевой).

Привлекательные черты личности П. — серьезность, глубина, открытость — и ее поэтич. талант обеспечили ей устойчивые дружеские связи в лит.-худож. среде. В. Ф. Ходасевич вспоминал: «Ее суждения были независимы, разговор прям. Меня с нею связывали неск. лет безоблачной дружбы, к-рой я вправе гордиться и к-рую вспоминаю с глубокой сердечной благодарностью» (некролог

рует свободное владение твердыми формами строфики (сонет, рондо, галель) и редкими разновидностями метрич. форм (логазмы, антологич. стилизации). Стихи П. — это «классицистич. вариант общесимволистского стиля» (М. Л. Гаспаров — архив редакции). Книга как бы подтверждала независимую по отношению к совр. поэтич. авторитетам и теориям позицию П. (ближе др. современников ей Ходасевич). Лирич. героиня П. — натура сильная («женщина-ловец»), сознающая свое одиночество («Над бесприютной головой/ Пылай, кочующее небо!», подверженная страстям, самые сильные из к-рых — творчество («На святости, ни греха! Во мне, как во всем, дыханье./ Подземное колыханье/ Вскипающего стиха») и любовь («состязанье воле» и «яд предвкушений»), но также в экстазич. порыве ищущая успокоения в Боге, ощущаю-

шая себя частью Божьего мира. Критика в осн. доброжелательно отзывалась на выход сб-ка.

Волошин выстл в сочетании заумности с жестоким «основной пленяющий гибель лирик. голоса» П., а своеобразие ее «глубоко жежского контрапункта» — в «ногах испуганности и боли», «глубокой страстности и пронзительности всех слов, касавшихся любви и ее раи» («Голоса поэта» — «Речь», 1917, 4 июня; то же — в его кн.: Лирика творчества, Л., 1988, с. 543, 546). А. Герцык невила в поэзии П. «бесприютный, вечный скитальческий и гордый дух», стремление «уединиться, закопать женскую душу со всеми ее противоречиями в суровой мужественный стих» («Свз», 1916, № 2, с. 226, 228). Дипскеров отмечал владение «словом строгим, глубокоосознательным и вполне лирическим той комнатной интимности, к-рой грешны большинство совр. поэтов» (исопубл. рец. — РГАЛИ, ф. 1737, оп. 1, № 114). К достоинствам относили также наблюдательность, муз. слух (А. И. — «Одес. новости», 1916, 8 апр.), ср. с более поздним замечанием Н. Павловым о ее «узловатых ритмах, напоминающих А. Григорьевича» («Лит. зап.», 1922, № 2, с. 7). В то же время, по мнению Г. А. Ваткина, стихи П. страдали «киноскопностью»: П. — «изотестса очень культурная, начитанная, искусственная и в классицизме, и в модернизме. В ее стихах мы встречаем напев не только Пушкина и Тютчева, но и Сафо, и Овидия, и Шелли, и Гете... Но ни одна ее пьеса не трогает...» («Ежемес. журнал», 1916, № 7/8, стб. 356). см. также: Н. Венгров — «Литонис», 1916, № 3. В аннотации рец. П. противопоставляется М. А. Лохвицкой и З. Н. Гиппиус, как «надувательная и полусочная» — легу и змею (НРЛН, ф. 212, изд. «Олимп», № 44); зр. рец.: С. Яблонковский? — «Юж. мысль», 1916, 29 апр.

До 1917 публиковала стихи в ж. «Нов. жизнь», «Заветы», «Всеобщий ежемесичник», «Искры», «Родник», «Образование», «Вест. Европы», «Рус. мысль». Перевела и отредактировала (вместе с Гуревич) «Стихотворения в прозе» Ш. Бодлера (СПб., 1909; авторство переводов установлено по анкете — РГАЛИ, ф. 1276, оп. 1, № 18). Рассказы П. (над к-рыми она работала с лета 1908), пов. «Антон Иванович» («слабая попытка в духе Флобера», по определению автора, — см.: «Собр. стих.», с. 13) и оперное либретто на музыку композитора М. О. Штейнберга «Похитительница сердца» не сохранились.

Летом 1917 П. из Москвы, куда она переселилась во время войны, уехала в Судак, где до февр. 1918 работала над либретто оперы А. А. Спендиарова «Алмаст» (опубл. в «Собр. стих.», служила бухгалтером, печатала стихи в сб. «Камена» (кн. 2, X., 1919), в альм. «Ковчег» (Феодосия. 1920). В нач. 1922 вернулась в Москву, поселила моск. «Щех поэтов», «Никитинские субботники», входила в лит. группу «Лирический круг» (Дипскеров, Г. А. Шенгел, А. М. Эфрос, Л. П. Гроссман, С. М. Соловьёв, В. Г. Лидин, А. П. Глоба), собиравшуюся в Доме Герцена на Тверском бульваре и связанную общими взглядами на задачу лит-ры — учебу у классиков, пришедшую на смену различным «измам». Обвинения в эгоизме, несоответствии стихов мн. участников одноименного альманаха их широковещательным декларациям (см.,

напр.: Р. Гуль — «Нов. рус. книга», Б., 1922, № 7; О. Мандельштам — «Россия», 1922, № 2, с. 23; Г. Иванов — «Щех поэтов», № 4, Б., 1923, с. 68) и последовавший распад группы были тяжелым ударом для П. Неудачей закончилась и попытка создать на сходной платформе альм. «Узел» при одноименном кооперативном изд-ве (1926—28), одним из членов-учредителей к-рого она была. Перенести тяготы нового быта («... убого-черен/ Был засушенный мой ломоть») помогли близкие друзья — актриса Людм. Влад. Эзарская — адресат ряда любовных стих. 10-х — нач. 20-х гг., проф. математики Ольга Ник. Цубербиллер и физик-теоретик Нина Евг. Веденеева («Седая Муза» последних стихов П.), взявшие на себя материальные заботы о П. В 1922 вышел сб-к антологич. стихов «Розы Пиерин» (М.—П.).

Волошин назвал его в письме к П. от 22 дек. 1922 «прекрасной и благоуханнейшей книгой», соглашаясь с автором, что «среди запаха казарики и смачных салатов — она слышим не ко автору» (цит. по: Купченко, с. 419). Сходная, хотя и более сдержанная оценка содержалась в отзыве А. А. Барковой: «Красивые, холодноватые антологические стихи ... яркие, четкие, уравновешенные, наименеешие рисунки на греческих вазах... Другой вопрос, какое значение имеет подобная поэзия сейчас» (ПНР, 1923, № 3, с. 263—64). Негативным был отзыв Брюсова, к-рый отнес П. к энигомам парнасской школы и проинтерпретировал над ее «буздо бы сафич. строф» и «кассесуарными очертаниями античности» (ПНР, 1923, № 4; то же — в кн.: Брюсов (2), с. 62).

Наиболее полно поэтич. мастерство П. раскрылось в практически не замеченных критикой сб-ках 20-х гг. — «Лоза» (М., 1923), «Музыка» (М., 1926), «Вполголоса» (М., 1928; вышел на правах рукописи тиражом 200 экз.), в к-рых содержатся программные стихи, посв. очищающему воздействию иск-ва, и в особенности музыки («Орган», «Дирижер», «В концерт», «Играют гудки-самогуды...»). В кн. П. «Музыка» выделяется цикл цыганских стихов, в к-ром прослеживаются влияние А. А. Блока, прямые реминисценции из «Кармен» П. Мериме. В кн. «Вполголоса» наряду с просветленностью и приятием духовного начала мира звучат ноты отчаяния, вызванные бедственным положением («Об одной лошадиной чалой...»). Новой поэтике П. свойственны разг. интонация, сочетание бытовой лексики с возвышенной, отсутствие внешних эффектов. В стихах последних лет, при жизни не публиковавшихся (опубл. в «Собр. стих.», с. 229—57), появляются социальные мотивы, выразившиеся в протесте против удлинения человеческой личности («В форточку», «Трудно, трудно, брат, трехмерной тенью...»), а любовной лирике присуща прежде несвойственная П. предельная обнаженность чувств, сближающая ее с Цветаевой.

Ходасевич в некрологе писал: «Ею было издано неск. книг стихов, неизвестных широкой публике, — тем хуже для публики... Ее стихи. всегда умные, всегда точные, с нек-рою склонностью к неожиданным рифмам, имели как бы особый свой «до-черк» и отличались той мужественной четкостью, к-рой так часто недостает именно поэтам» (в его кн.: Колослемый треножник, с. 434).

Среди критич. статей П. этого периода выделяются ст. «Дни русской лирики» («Шиповник», № 1, М., 1922), «Б. Пастернак и др.» («Рус. совр.», 1924, № 1). В суждениях П. о поэтич. произв. и творчестве отд. поэтов в целом сказывается ее ориентированность на высокие эстетич. и духовные ценности («Только то должно быть высказано, какое не может не высказаться, и только тогда, когда эта потребность созрела в форму последней неотвратимой неизбежности» — «Дни рус. лирики», с. 158), ее приверженность традициям пушкинской поэтич. школы. П. первой назвала «большую четверку» постимпериалистической поэзии — Мандельштам, Пастернак, Ахматова, Цветаева («Б. Пастернак и др.») и одновременно предостерегла поэтов от «эпидемического беспокойства о несоответствии иск-ва с сегодняшним днем»: «А что если взяткой сегодняшнему дню откупаться от вечности...!» (там же). Для заработка занималась переводами (П. Моран, Ж. Жироу, М. Пруст, А. Барбюс, О. Мирбо, Р. Роллан, Ж. Ренар, Ж. Жюно; К. Лавниц — совм. с Б. В. Горнунгом).

На похоронах П. присутствовали Б. Л. Пастернак, Г. Г. Шлет, Гуревич и др.

Изд.: Собр. стихотворений, Анн Арбор, 1979 (вступ. ст., подг. текста и прим. С. В. Поликовой), СПб., 1998; [Стихи]. — В кн.: Рус. поэты XX в., М., 1925 (соств. И. С. Ежов и Е. Н. Шамурин; репринт — М., 1991); НН, 1989, № 2 (вступ. заметка и публ. Г. Н. Горчакова; здесь же публ. изд. Лидина Л. Горюниха «Из хроник одной дружбы»); в кн.: Гаспаров М. Л., Рус. стихи 1890—1925-го гг. в комм., М., 1993; в кн.: Рус. поэзия «серебряного века», 1890—1917. Антология, М., 1993 (составка М. Л. Гаспарова); «Накашле», 1995, № 4 (вступ. ст. и публ. Г. Н. Горчакова); Б. Пастернак и другие. — ЛО, 1990, № 11 (вступ. ст. «Страх и Муза», публ. и прим. М. Ратнуза); Статьи [о Ходасевиче]. Письма Стиши. — «De visu», 1994, № 5/6 (публ. и комм. Т. Н. Жуковской, Н. Г. Князьевой, Е. Б. Корытной и С. В. Поликовой).

Лит.: Брюсов В., Письма к П. В. Струве. — ЛА, т. 5, М.—Л., 1960, с. 276 (в уз.); Никитин Е. Ф., Поэты и надгробники. (Путь новейшей поэзии). — «Самгыз» [№] 3, М.—Л., 1924; Ассев Н., Новые песни. — ИМ, 1926, № 10; Чичерин А. В., В дни моей юности. — «Новь», 1967, № 8, с. 185; его же, Сила поэтич. слова, М., 1985, с. 270; Худябин К. Автор либретто оперы «Алмаст»... — С. Парнок. — В кн.: А. Спендиаров. Ст. и восм., Ер., 1973; Иваск Ю., Русская Саффо. — РМ, 1981, 10 сент.; Никольская Т. Л., Творчество П. — «Noue Russische Literaturwissenschaften», 2—3, Salzburg, 1979—80; Марков А. Ф., «Храпите у себя эту книжку...». М., 1989, с. 116—22; Цветаева А., Чтение стихов С. Парнок. — В ее кн.: Неизданные, М., 1992; Купченко В. П., С. Я. Парнок и М. А. Волошин. К исто-

рин взаимоотношений. — «Линг», в. 1, М.—СПб., 1992; Цветаева М. Нежданное. Сводные тетради, М., 1997 (изд. текста, предисл. и прим. Е. Б. Коргиной и И. Д. Шевченко) (ук.); Бургия Д. Атлетичность в лирике П. — В кн.: Сестры А. и Е. Герцык и их окружение. Материалы научно-теоретич. конференции в г. Суази 18—20 сент. 1996 г., М.—Суази, 1997; Borgia D. S. Fatok. The life and works of Russia's Sappho. N. Y., 1994. + Некролог: «Искусств», 1933, 30 авг. Владиславцев: «Новая рус. книга», Б., 1922, № 5, с. 36; Никитина Е. Ф., Рус. лит-ра от символизма до наших дней, М., 1926, с. 372; ЛЭ: КЛЭ; Манус; Масанов: Dictionary of Russian women writers.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; ИМЛИ, ф. 270; РГАЛИ, ф. 1276; ф. 1737, оп. 1, № 204 (письма К. А. Лиллерову), ф. 1611, оп. 1, № 95, 167 (письма к С. З. Федорченко), ф. 341, оп. 1, № 282 (биография П., 1926); ф. 13, оп. 1, № 22 (письмо к А. А. Ахматовой); ф. 2527, оп. 2, № 9 (Е. Я. Тардовская. «Восп. о старом Коктебеле»); ф. 131 (письма к Л. Я. Гуревич).

Т. Л. Никольская

ПАРФЕНИЙ [в миру Аггеев (Аггеев) Пётр; 1807, Яссы — февр. 1878, Сергиев Посад, по др. сведениям — Гуслицы Богородского у. Моск. губ.*], иеромонах, духовный писатель, мемуарист. Младенцем осиротел; усвоенный богатым купцом-раскольником, провел счастливое детство в его семье, к-рое, по его словам, «было как духовная академия и уч-ще благочестия» (ДЧ, 1898, № 11, с. 424). От приемных родителей, к-рых горячо любил, узнал грамоту и далее не учился. С детства мечтал о монастыре, получил прозвище «попа-проповедника», «игумена» (там же, 1898, № 12, с. 722); с 12 лет не раз пытался бежать в монастырь, хотел совершить «попытку юродства о Христе» (помысел о юродстве его «утнител ... более 20 лет» — там же, 1899, № 4, с. 787). Потерпев неудачу, помогал отцу в торговле, утешался чтением религ. лит-ры (собрал книг «рублей тысячи на две» — там же, 1899, № 2, с. 247) и верноподвигными премиями, любовь к к-рым сохранил на всю жизнь. Дождавшись совершеннолетия, снова бежал в монастырь.

Приняв у раскольников постриг с именем Пансий, объехал знаменитые старообрядческие скиты в надежде «наполнить свою несохую душу», но нашел, что раскольники «только и стараются одни внешние обряды соблности», не беспокоясь об «очищении внутр. человека» («Сказание...», ч. 1, 1856, с. 8, 9). К 1836 по книгам убедился в неправоте раскольников и принял единоверие, а после нового путешествия по России (во время к-рого частично оглох на 10 с половиной лет, но исцелился благодаря старцу) — православие (1837). Своих колебаний перед уходом из раскола позже так стыдился, что опустил их в автобиографии (см. об этом: «Книга о Промысле Божиим, как он чрез православие ведет ко спасению, а неправославных обличает собственными их делами», М., 1857).

В 1839 отправился на Афон. Крестота афонских обителей, церк. уста-

вы и подвиги старцев стали для П. на всю жизнь источником неиссякаемой радости («Сказание...», ч. 2, 1856, с. 230); П. постигся в ииосский чин с именем Памва, а весной 1841 принял схиму с именем Парфений (там же, с. 228). Тогда же послан на послушание в Россию, где обратил в православие приемных родителей. В 1843 вернулся на Афон, но духовник велел ему ехать в Иерусалим, а оттуда в Сибирь и более не возвращаться. Тяжело переживая разлуку с Афоном, П. покорился в конце концов воле старца.

В 1845 посетил Палестину, затем Константинополь и в 1847 прибыл в Томск. Епископ Томский Афанасий (Соколов) со временем расположился к нему и поселил в своем доме, читал с ним и часами беседовал, а в 1848 уговорил описать его странствия. Тогда же П. подал в Синод прошение о принятии в один из рус. монастырей. На просьбу не ответил, а в 1850 недоброжелатели призвали вовсе исключить П. из монашества, что было для него ударом. В 1851 обратился к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) и благодаря его ходатайству (митрополит надеялся «употребить его для вразумления раскольников» — «Письма Филарета...», ч. 2, 1888, с. 13) Синод разрешил в 1853 принять П. в братство Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры (переведен в авг. 1854). (В 1853, в ожидании решения Синода, составил рукоп. сб-к изречений о праздниках — «Торжественник» и переписал кн. «Цветник» Дорофея, послав ее Филарету.)

В 1856 рукоположен в сан иеромонаха и назначен «строителем» (настоятелем) Николаевской Берюковской пустыни (недалеко от Москвы). В 1858 управлял строительством Спасо-Преображенского мон. в Гуслицких лесах (Гуслицах), «где самое гнездо раскола» («Письма Филарета...», 1869, с. 388); затем стал его игуменом. Тоскуя по пустынножителю, нес послушание против воли, пренебрегал делопроизводством, и по завершении строительства монастыря остался должен ок. 40 тыс. руб. Пеняя ему на бесхозяйственность, митрополит Филарет стремился вместе с тем «утешить его и подкрепить в глазах людей» (там же, с. 560); за учреждение монастыря П. награжден в 1860 зол. наперсным крестом. (Миссионерская задача обители не оправдалась; однако мальчики-старообрядцы охотно посещали школу, осн. П. при монастыре.) В 60-х гг. продолжал действия по обращению раскольников: написал ряд апологетич. и обличит. сочинений; после беседы в 1863 с мн. внутр. дел П. А. Валуевым, на к-рого произвел впечатление (см.: «Письма Филарета...», ч. 2, 1888, с. 219—20),

составил для него записку о расколе (частично опубл.: там же, с. 234—235).

Написал подробную автобиографию (до принятия в рос. монашество), опубл. посмертно под назв. «Из автобиографии игумена Парфения» (ДЧ, 1898, № 5, 6, 11, 12; 1899, № 2, 3, 4; 1900, № 1, 3, 11, 12; 1901, № 1; отрывок о жизни в Томске под тем же названием опубл. и самостоятельно — М., 1898). В своей судьбе видел цепь чудесных событий: «это колесо пречудности и благости Божией» (ДЧ, 1898, № 11, с. 421). Умер «на покое» в Троице-Сергиевой лавре.

Гл. соч. схимника — «Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Св. Земле постриженника святые горы Афонския инока Парфения» (ч. 1—4, М., 1855; рец. — «Киев. губ. вед.», 1855, № 28); 2-е изд., испр. и доп., М., 1856; отрывок из соч. — «Сказание о жизни и подвигах... старца Даниила [Ачинского]...» вышел также отдельно (М., 1855), писалось почти против воли, с опасением стязать «маловажную славу суетного мира сего» (ч. 1, 1856, с. 1). Эпизоды расположены не в хронологич. порядке, а как автор нашел «вместительным для читателя» (с. III). Продолжая традицию стародавнего жанра хождений, П. описывает ми. религ. и церк. достопримечательности: в Стамбуле, Иерусалиме, на Карпатах (в т. ч. обители, где настоятельством предводительствовал Пансий Величковский), а также Саров (где беседовал с преподобным Серафимом) и особенно подробно и точно — Афон. Повествование включает биографии подвижников, рассказанные в житийном ключе, и словесные ратования с раскольниками, записанные почти с «протокольной» точностью. Монастырские службы, подвиги монахов, первоначальная природа изображены с духовным восторгом. Николаю не читавший худож. лит-ры, П. произвел на современников сильное впечатление не только духом, но и стилем своей книги, что пронизательно предсказал историк С. М. Соловьев: «Заглавие книги далеко не может дать понятия о содержании ее. в высокой степени любопытным и назидательным» для совр. «мыслящего человека». Здесь пред ним предстают «удивительные образы» и «живые отношения», «к-рые он привык относить ко временам далекой древности» и «совр. существование к-рых он не подозревал» (РВ, 1856, № 5, с. 17). В ходе повествования естественно возникают актуально-живучие для ряда веков рус. религ. жизни проблемы: распри со старообрядцами, взаимоотношения православия с иудаизмом, мусульманским и запад-

ным миром, соотношение церк. и гос. властей, ценности монашества.

По утверждению А. А. Григорьева «Сказание...» прочла «вся серьезно читающая Русь» (1864; см.: Григорьев. Эстетика, с. 150). Критика единодушно отменила большие пошваки, значение книги, искренность и простодушие автора, органич. родство его стиля с др.-рус. традицией; по Григорьеву, она подобно духовным стилям «ударилась... по одной из самых глубоких струн души рус. человека... аскетической», а в полноте своей свидетельствовала о «неразрывности органич. нар. жизни от 12 столетия до половины 19» (там же, с. 151—52; ср. также отзыв архимандрита Николая — ДЧ. 1898. № 11, с. 419). И. П. Гиларов-Платонов выдвинул в книге своеобразную смесь старослав. лексик и грамматики «с крайне живыми изложениями» и образ автора, «какой силой искренности и служебности истине резко противостоит совр. человеку» (Губ. 1856. кн. 3. с. 10—11, 6—8). Ю. Н. Говорухо-Отрох восхвалял «Сказание...» и рекомендовал его образованным людям, чтобы ближе узнать миросозерцание и весь духовный строй своего народа (см. об этом в предисл. архимандрита Николая к гтбл. автобиографии П. — ДЧ. 1898. № 11). М. П. Погодин почитал ее «украшением народной рус. словесности (не говоря о всякой ее многообразной пользе)» («Москва», 1855. № 2324, с. 296—97).

Общание «Сказание...» испытали писатели противоположных убеждений. М. Е. Салтыков-Щедрин, признавая свою отчужденность от взглядов П., отыскал «громадность позитого авторского подвига» (Салтыков-Щедрин. В. 33—68. 533—41; ср. также рец.: Чернышевский. П. 763—64). Для И. С. Тургенева П. — «великий рус. художник и рус. душа» (Тургенев. Письма. III. 242). А. В. Дружинин выдел в «Сказании...» «великую, поэтич. фантастицизм, переданную оригинальнейшим художником на оригинальнейшем языке»; «мы не видели еще такого высокого таланта со времен Гоголя» (письмо Тургеневу от 19 сент. 1858 — в кн.: Тургенев и круг «Современника», М.—Л., 1930, с. 217); по мнению критика, во 2-м т. «Мертвые души» следовало вывести как положит. пример именно таких героев, исполненных «ближайшей правды» (там же).

Ф. М. Достоевский, обрета в П. идеал цельного человека, противостоящего рационализму совр. цивилизации, не раз прибегал к мировосприятию, слогу и образу повествователя «Сказания...» как творч. ориентирам и источнику заимствований. Познакомившись с книгой, видимо, еще в ссылке, он собирался вывести П. в «Житии великого грешника» (Достоевский. ХХХ. кн. 1, с. 118), использовал эпизод из «Сказания...» (ч. 3, 1856, с. 63—64) в «Братьях Карамазовых» (см. комм.: XV, 571); неоднократно заимствовал отд. происшествия, мотивы и выражения из него в речи и поучениях Зосимы. Называя гл. «О Священном Писании в жизни отца Зосимы» «восторженной и поэтической», Достоевский указал, что взял для нее «наивность изложения — из книги... П.» (ХХХ. кн. 1, с. 102). Стиль «Сказания...» использовал Достоевский для рассказов странника Макара в «Подростке», а также для сцены приема юродивым Семёном Яковлевым и для исповеди Лебядиной в «Бесах» (см.: Белов, с. 185). Книгу писатель взял с собой за границу в 1867 и хранил всю жизнь; последний раз П. упоминает в его записной тетради за полгода до смерти (ХХVII, 55).

Др. произв.: «Сказание о начале и настоящем состоянии Спасо-Преображенского Гуслицкого мон.» (М., 1863), «Письмо правосл. священноиннока схимника к брату, мнимому старообразцу в Молдавию» (М., 1863).

Письма П.: архиепископу Иркутскому и Нерчинскому Ниту — ДЧ. 1900. № 1; митрополиту Московскому Филарету — там же, 1900. № 1, 11; кн. П. А. Шариинскому-Шехматову — там же, № 3; Н. А. Протасову — ДЧ. 1900. № 12 (см. также с. 635—45); прошение Филарету — там же. Письма к П.: митрополита Филарета (7) — ДЧ. 1868, № 6. Письма со сжезанными о П.: Письма митрополита Моск. Филарета к А. Н. Муравьеву, 1832—1867. К., 1869, с. 387—88, 541—42, 557, 572; Письма митрополита Филарета к синодальному обер-прокурору гр. А. П. Толстому (2) — «Чтения в ССПД», 1877, № 9; Письма митрополита... Филарета к наместнику Свето-Троицкия Сергиева Лавры архимандриту Антонию, ч. 3. М., 1883, с. 122, 264, 298, 311, ч. 4. М., 1884, с. 178, 182; Письма Филарета... к высочайшим особам и разным др. лицам. Тверь, 1888, ч. 1, с. 193, 198, 205—07; ч. 2, с. 12, 55, 257—58.

Лит.: Валувев П. А., Диванна, т. 1. М., 1961, с. 262; Дружинин А. В., Лит. критика, М., 1983, с. 278 (и ук.); БуЧ, 1860, т. 160, отз. IV, с. 8 (высокая оценка автора «Сказания...» как «писателя; анонимал); Григорьев, с. Критика (ук.); Григорьев. Эстетика, с. 449—50 (и ук.); А. А. Григорьев. Мат-лы для биографии. П., 1917, с. 154—64, 383—86 (и ук.); Достоевский (ук.), в т. ч. XV, 528; Достоевский. Мат-лы и иссл., т. 3. Л., 1978, с. 136—43; Толстой, XLVIII, LXII (ук.); Собр. мнений и отзывов Филарета... по учебным и церковно-гос. вопросам, т. 3. СПб., 1885, с. 469—72; т. 4, ч. 1, 1886, с. 231, ч. 2, с. 232, 268—69, 330, 414; т. 5, ч. 1, 1887, с. 211, 217—224; т. доп., 1887, с. 458—60, 513; Николаев Ю. (Говорухо-Отрох Ю. Н.). Мнение светского писателя о монашестве — МВБ, 1892, 12 нояб.; Гроссман Л. П. Смирняин по Достоевскому, М.—И., 1922 (ук.); Марков С., Верность прошлому. Достоевский и романы Парфений), — «Иртыш», Семипалатинск, 1968, 18 мая; Туниманов В. А., Достоевский и Некрасов — В кн.: Достоевский и его время. Л., 1971 (ук.); Белов С., Об одной книге из 6-ми Ф. М. Достоевского, — АВ, в. 2. М., 1975; Pletnev R., Dostojewskij und der Hiemopolnack Parfenij. — «Zeitschrift für slavische Philologie», Bd 14, H. 1/2, 1937; ЛН, т. 13/14, с. 502—04, 592; т. 53/54, 62. + Некролог: «Церк.-обществ. вестн.», 1879, 17 июня. РБС; Бродягу: ИДРДВ.

Архивы: РГНА, ф. 797, оп. 22, П. отз. 2, ст. д. 23 (авт.-тп П. и его прошение в Синод); ф. 832, оп. 1, д. 24 (справка Н. М. Корнеевой); ЦИАМ, ф. 709, оп. 1, д. 144 (сведения о монашестве П., в т. ч. о пребывании в Берлюковской пустыни в 1858); д. 137 (подробное зонесение П. об исцелении эликсир митрополиту Филарету); ф. 203, оп. 746, д. 970 (сведения о монашестве П., в т. ч. об участии в строительстве Гуслицкого мон.); ф. 2393, оп. 1, д. 2591 (звкз. сведения об исторических и доп. во 2-м изд. «Сказания...») (справка В. В. Александрову).

С. В. Шевцова

ПАРФЕНИЙ [в миру Васильев-Черток] Павел Васильевич; 10(21).8.1782, Москва — 5(17).8.1853, Воронеж; похоронен на юж. стороне кафедрального Благовещенского собора), архиепископ; проповедник, церковно-общественный публицист. Из семьи дьякона. Воспитывался в доме А. Н. Нарышкиной (1730—1820). Окончив курс в моск. Славяно-греко-латин. академии (1790 — янв. 1803), остался служить в ней; с янв. 1803 учитель высшего грамматич. кл., с дек. 1805 учитель поэзии, с сент. 1808 — ритори-

ки и высшего красноречия; с окт. 1810, после пострижения в монашество (по совету митрополита Моск. Платона, оказавшего на П. глубокое влияние, в т. ч. и знаменитыми проповедями; см. «Речь при гробе митрополита Платона» — в кн.: «Высокопреосвященный Парфений...» с именем Парфения, определен проповедником при сохранении прежних учительских должностей; с окт. 1811 префект (инспектор) и наставник философии [в письмах мин. нар. просвещения и духовных дел А. Н. Голицыну неоднократно отмечал, что филос. наставление благотворно только тогда, «когда основано на истинах Евангелия» (там же, с. 139)]. В общежитии отличался непосредственностью, живостью характера, говорил про себя, что в миру «совсем не был похож на монаха» (там же, с. 4).

Синская доерис начала глубокими познаниями и усердием, искусно продвигался по иерархич. лестнице, принимая как долгие частые перемены места службы; в дек. 1811 произведен в сан архимандрита; в 1818 избран д. чл. конференции при Моск. духовной акад. С 1819 настоятель Донского мон. и член Моск. синодальной канцелярии.

Проповедан П., нередко нося импровизацион. характер, оставались зачастую не записанными. Первое из изв. слов — «Слово в неделю первую Великого поста», содержащее призыв идти «узким» (аскетичным) и скорбным путем Христа, — произнесено еще в ранге светского учителя, предположительно, в 1806 (там же, с. 91—97). Будучи наставником и монастырским настоятелем. П., судя по прижизненным и посмертным публ., пренм. обращался к слушателям с церк. поучениями (в к-рых призывает искать прежде всего не земное благоденствие, а царствие Божие). Исключения составляют приветств. слова в дни рождений и тезоименитств особ царской фамилии (имп. Александра I, имп. Марии Фё-

доровны, цесаревича Константина Павловича и др.). Проповеди П., какой бы темы они ни касались, отличаются обстоят. знанием Священного Писания, ясностью мысли, строгой структурой речи, энергией и простотой изложения. По свидетельству очевидцев, сопутствовавшая П. известность проповедника в большой степени основывалась и на силе непосредств., личного влияния на слушателя.

С 1821 епископ, а с 1833 архиепископ Владимирский и Суздальский. Долгие 30 лет архиеп. П. цепком поощрял епархию, распределяя заботы и внимание между духовенством (никому не оказывая предпочтения и протекции, стараясь соединить милость с правосудием, опекал безмилостивостью, склонностью к назидат. беседам, особенно о ратных подвигах и о Москве как духовной столице России, ее красе и святости; любил певчих, сам будучи знатоком песни).

Фигура П. привлекала внимание М. П. Погодина — в сент. 1822 он расспрашивал о епископе возвратившуюся из Владимира Агр. И. Трубецкую (Барсуков, И. 190). В 1838 с П. познакомился А. Герцен, определенный на жительство во Владимир; в «Былом и думах» он свидетельствовал (1853; опубл. 1857), что П. интересовался лит-рой, «знал все ловкие русские книги, читал журналы», и запечатлел его колоритный характер («умный, суровый и грубый старик; распорядительный и своеобразный, он равно мог быть губернатором или генералом... управлял своей епархией, как управлял бы ливней на Кавказе ... больше человек крутой, чем злой» — Герцен, VIII, 371—72), а также один из эпизодов его архиепископской деятельности: «допросив» Герцена обо всех немалых делах прелатства к его браку с Н. А. Захарьиной и услышав неприятный рассказ, принял сторону молодых, помог им обвенчаться, послал свое благословение и вручил собственноручно нарезанный букет цветов (там же, с. 372—76). Слава об участливости П. надолго пережила его: в 1863 митрополит Московский Филарет (Дроздов), отзываясь о службе П. во Владимир епархии, писал, что он «не сильно действовал, но привлекал к себе добродушiem» («Письма Филарета... к высочайшим особам и разным др. лицам», ч. 2, Тверь, 1888, с. 165).

Превозмогая нездоровье (хворал с молодых лет), П. нередко совершал не только лит. церк. богослужения (см. описание пасхальной «архиеп. литургии» в письмах Герцена 1838: «восторг» и поэтич. и религиозный — XXI, 347, 357—58), но и обряды освящения мн. светских начинаний (открытие богоугодных заведений, учреждений).

Порой напутств. речн П. касались сутубо адм. дел: «Слово пред присягою на беспристрастный выбор чиновников» (произнесено 17 дек.

1826 при собрании владимирского дворянства, посвящено значимости «клятвенных обетов»); «Слово на случай присяги новозбранных чиновников» (22 дек. 1826; призывает творить «суд в правде», «любить милость», быть верным долгу, беспристрастным, нелицеприятным). Оба слова (отд. изд. под назв. «Слова на случай выборов во Владимир. губ. ...» — М., 1827) П. отправил М. М. Сперанскому.

В июле 1839 по поручению Синода архиепископ составил и вел церк. церемоннал, сопровождавший перенесение праха кн. П. И. Багратиона из Владимир. губ. на Бородинское поле. Перед окончанием заукокойной службы он произнес «Речь в напутствование тела кн. П. И. Багратиона, по высочайшему повелению назначенного к преданию земле на поле Бородинском» (полностью опубл.: «Приб. к „Владимир. губ. вед.“», 1839, № 28; см. также: «Высокопреосвященный Парфений...», с. 378—83). Энергичное, исполненное высокого одушевления слово выместило и мысли о бессмертии души, и лаконичный анализ сложных условий Бородинской битвы, и понимание трагизма подвига Багратиона («Ты всегда учил твоих ратоборцев побеждать врагов», «но здесь ты учил умирать за Отечество»), и оценку огромного значения «искупительной жертвы» (там же, с. 381—82).

В 1850 назначен архиепископом Воронежским и Задонским (о пропавшем слове перед пастырь сн.: «Владимир. губ. вед.», ч. неофиц., 1850, № 19, с. 95). Прибыв в Воронеж, обратился к новой пастве с приветствием (28 мая 1850), в к-ром говорил о значении слова Божия, пред к-рым «мерзает» мудрость человеческая («Высокопреосвященный Парфений...», с. 405). В мае 1851 перенес александр. удар, от к-рого окончательно не оправился, хотя продолжал управлять епархией. Скончался от холеры.

Изд.: Высокопреосвященный Парфений, бывший архиепископ Владимирский, впоследствии Воронежский. Его биография и не изл. дошедшие проповеди. Владимир, 1882 (предисл., биографич. очерк (впервые — «Владимир. спарх. вед.», ч. неофиц., 1881, № 11—12, 16—19) Вас. Орлова и ст. «Проповедь Парфения Чертова» (его же?); значит. часть проповедей, опубликованных ота. изданиями при жизни П.); О трогательности [Трактат]. — «Владимир. спарх. вед.», ч. неофиц., 1885, № 17 (перевод с рутунки П., написанной по-латински); Письма: к Серафиму Поголевскому, митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому (1821—42) — «Владимир. спарх. вед.», ч. неофиц., 1878, № 7, 8., 22; 1879, № 1, 2, 4, 5 (всего 58 писем); к Филарету Дроздову, митрополиту Московскому и Коломенскому. (1822—51) — там же, 1879, № 16, 23; 1880, № 3., 20.; 1881, № 4 (всего 108); к Филарету Амфиотрою, бывшему архиепископу Ярославскому... (1837—51) — там же, 1884, № 15., 21.

Лит.: Герцен (ук.); Тургенев. Письма, III, 182 (оценка герценовского «портрета» П.); «Приб. к „Владимир. губ. вед.“», 1839, № 18, с. 71—72; № 28, с. 111—17; 1841, № 38, с. 159—71; «Владимир. губ. вед.», ч. неофиц., 1850, № 19, с. 95—96; «Воронеж. губ. вед.», ч. неофиц., 1850, № 1, с. 167; № 34, с. 286; № 49, с. 406 (все — материалы об архиепископской деятельности П.); Смирнов С., История Моск. славяно-греко-лат. академии. М., 1855, с. 365—66; (Марьевский ?), Восп. о преосвященнейшем Парфении, епископе Воронежском и Задонском. — «Воронеж. спарх. вед.»

1868, № 9—12; Письма разных лиц к преосв. Парфению Чертову... — «Провосл. обзор», 1872, № 7, с. 1—66 (1816—50; письма Ярославского архиепископа Симона Крылова, митрополита Филарета Дроздова, Евгения Болховитникова, Серафима С.-Петербургского, епископа Владимира Тобольского, гр. А. А. Орлова-Чесменского; Гурьев В. О., Память о орлово. — «Странник», 1879, № 11, с. 266—70; Пр. С. А. (Архангельский С.), К очерку жизни П. ... — «Владимир. спарх. вед.», ч. неофиц., 1881, № 19; Три письма Моск. митроп. Филарета к П. ... — ДЧ, 1883, ч. 3, с. 500—04 (1835—1836); Малицкий Н., История Владимир. духовной сем., в. 2 — (1814—1869), М., 1902 (ук.). + Геннади; РБС; Брокгауз; Масанов И. Ф., Библ. Владимир. губ., т. 1, Владимир, 1905 (ук.).

Архивы: РНБ, ф. 608, оп. 1, № 2067 (письма А. Н. Голицыну. 1819—23); РГБ, ф. 316, оп. 65, № 6 («Мнение П. по двум пунктам, по высочайшему повелению предложенным Святейшему Синоду»; ф. 505, оп. 1, № 1 [Письма Назову (И. И. Вечеркову), 1833]; ИРЛИ, ф. 507, оп. 1, № 37 (письмо К. Н. Тихонравову от 18 апр. 1851).
И. А. Зайцева.

ПАРШИН Василий Петрович [1805, Иркутск — 6(18).7.1853, Москва; похоронен на Ваганьков. кладб.], очеркист, автор путевых записок. Из семьи казачьего урядника. По окончании Иркутской губ. гимназии поступил казаком в Иркутский городской казачий полк (1823); вскоре прикомандирован к канцелярии Иркутского общего губ. управления для занятия письм. делами; в 1827 произведен в пятидесятники (к этому времени женат, отец годоватого сына); в 1832 уволен по болезни с исключением из казачьего звания. С апр. 1833 возобновил службу, но уже на нед. поприще: учитель в Якутском уездном уч-ще; с июня инспектор в Троицкосавской войсковой рус.-монг. школе и вскоре одновременно учитель рисования в Троицкосавском уездном уч-ще; с 1835 — в Нерчинском уездном уч-ще (с 1836 штатный смотритель; одновременно преподает рисование, черчение, историю и географию).

С годами учительства совпавшие увлечения лит. работой. В Троицкосавске вместе с штаб-лекарем местной таможи А. И. Орловым подготовил два рукоп. изд.: ж. «Кяхтинский лит. цветник» и сатирич. газ. «Кяхтинская стрекоза». Будучи на службе в Нерчинском уч-ще (средоточии культурной жизни города), дебютировал в печати двумя безыскусными, отмеченными теплым чувством стихами: «Цветок. (Бурятская песня)» — фольк. стилизация на тему о ядовитом цветке, к-рый герой берет для себя в ожидании дня горестей и страданий (возможно, предомление мотивов пушкинского «Анчара»), и «Моя звездочка» — романтит. элегия об утрате светлых грез юности (СО, 1839, № 9/10; 1840, № 1/2). «Цветок» опубл. при посредничестве иркутского литератора Н. С. Щукина, перепечатан в хрестоматии Н. И. Греча «Чтения о рус. языке» (ч. 1, СПб., 1840). О стихах

дважды уничижительно отозвался В. Г. Белинский (IV, 142, 179).

В нояб. 1840 в чине коллеж. секр. возвратился в Иркутское общее губ. управление, служил чиновником по особым поручениям, а с 1842 нач. отделения (в чине тит. сов.).

В 1-й пол. 40-х гг. в печати появились первые прозаич. соч. П.: «Монголы-буряты в Нерчинском округе Иркутской губернии» и «Нерчинские тунгусы» (ЖМВД, 1843, ч. 3, № 7/9. б. п.; 1844, ч. 5, кн. 1/2), тяготеющие к этногр. описаниям, но вместе с тем сближавшиеся «натуральностью» зарисовок повседневной жизни и участливой позицией автора с жанром «физиологич.» очерка. Наблюдательность и науч. добросовестность (обилие фактич. мат-ла, в т. ч. статистич. данных) в сочетании с непосредственностью восприятия и доброжелательностью к людям (в т. ч. другой национальности и др. веры) позволили П. воссоздать точную, живую картину жизни сиб. народов (религия, богослужение, жилище, занятия, семейный уклад, праздники, обряды, фольклор). В первый очерк включен прозаич. пер. бурят. нар. песни.

В 1844 в Москве вышла первая книга П. — «Поездка в Забайкальский край» (ч. 1—2; ц. р. 1842). В 1-й ч., опираясь на 5-летний опыт жизни в Забайкалье и нередких путешествий по краю («самую короткую поездку» воспринимал как «маленькое счастье» — с. 12), П. рассказывает о сиб. природе (особо об умиротворяющей и «ужасной» — в часы бури — красоте Байкала), о местных жителях, о городах в их своеобразии: Верхнеудинск — «улыбающийся франтик из всех городов Иркутской губ.» (с. 40), Троицкосавск — «дышит довольством и торг. деятельностью» (с. 78), Нерчинск — «простота и единодушие» (с. 138; сам же автор признается, что, говоря о Нерчинске, всегда думает о ссылке — по привычке «соединять понятия с нек-рыми именами!...» — с. 102). Путевые записки П. не ориентированы на полный охват предмета, но отличаются непредвзятым и ненавязчивым комментарием умного, душевного одаренного рассказчика, владеющего незатейливым и близким к живой речи слогом. 2-я ч. книги (с подзаг. «История города Албазина...»), основанная на печатных источниках, устных преданиях и арх. док-тах, найденных автором в Нерчинске, посвящена завоеванию Сибири русскими в 17 в.

На выход «Поездк...» откликнулись три именитых ж-ла: «Б-ка для чтения» не нашла в ней ничего «любопытного или важного» (1844, т. 65, с. 52—53); П. Н. Кудрявцев, напротив, увидел много интересных сведений и подробности. При описании к-рых автор выказал зародившееся и поперку собственным опытом (ОЗ, 1844, № 7, с. 23—27; б. п.); в «Современнике»

отметил, что книга читается с «удовольствием и пользой» (1844, т. 36, с. 93); в годовом обзоре Белинского 1844 «Поездк...» отнесена к числу соч., «особенно замечательных важностью содержания» (VIII, 486—87). Позже 2-ю ист. часть книги высоко оценил Н. В. Сухов в ж. «Р. вест.», сожалев при этом, что труд П. остался в неизвестности, поскольку автор был «бедным, без связей, без покровителей» (1859, № 8, «Совр. летопись», с. 346).

С сент. 1845 П. вел напряженную работу в должности советника Иркутского губ. суаза. Лишь спустя 4 года опубл. «Рассказы кяхтинского старожила» («Москв.», 1849, № 16—17) — очерк о взаимоотношениях русских с китайцами в Кяхте, тогдашнем центре рус.-кит. торговли.

В апр. 1849 уволился от службы, а в июле выехал с семьей в Москву, очевидно, ради образования сына и дочери («средние» из четырех детей П.: старший сын уже состоял на службе). Путешествие, осуществившее давнюю любимую мечту П. «поглядеть на Божий мир», «благодарейно преклониться» пред святынею Москвы, стало темой его второй книги: «Описание пути от Иркутска до Москвы, составленное 1849 годом В. П.» (М., 1851; цитаты — с. 5).

Стремясь «составить описание почтового тракта», П. ограничился лозборным, но строгим и судим рассказом о дорогах, населенных пунктах, климате, ландшафте и пр. Отсутствие комментария (лишь о Москве написано, хотя и кратко, но живо и заинтересованно) и неполнота путевой информации (от недостаточной осведомленности автора) не позволили книге стать ни лит. путешествием, ни выверенным путеводителем. Автора упрекали в поверхностности («Совр.», 1851, № 7, с. 16—17), в однообразии, неумении распорядиться изг-лом, стилистич. погрешностях (ОЗ, 1851, № 9, с. 18—21); лишь в обстоят. рец. «Сына отечества» говорилось не только о фактич. неточностях и пропусках («Описание...»), но и о лит. способностях П., оригинальности и свежести его мыслей (1852, № 1, с. 14—24).

Сохранился в рукописи также относящийся к 1851 сб-к П. «Всего помемногу», включающий стихи (в т. ч. на сиб. темы — «Жемчуг», «Песнь юкагира»), притчи, басни, эпиграмы, сатирич. эссе («Совр. Аристарх», «Похвала глупости»), рассказ «Любопытный разговор», содержащий дискуссию о состоянии совр. лит-ры (с элементарной критикой в адрес многочисл. сочинителей, впрочем, тоннах описывающих жизнь бедствующих чиновников), «демонологич.» пов. «Три дня в аду, или Невероятное событие, случившееся с Якимом Миничем», в юмористич. духе изображающую пребывание живого человека в преисподней (в финале кошмарная история оказывается сном), и др. (ЦИАМ, ф. 31, оп. 4, д. 419).

Испытывая нужду (пенсию на гор. жизнь не хватало), в апр. 1851 П. определился штатным смотрителем 1-го моск. уездного уч-ща и занимал эту должность до конца жизни.

Старший сын, Н. В. Паршин (1826 — 31.12. 1878), — учитель истории и географии в Верхнеудинске,

автор краеведч. очерков и путевых записок о Сибири.

Лит.: Хамаганов М. П., Бурят. фольклористика, Улан-Удэ, 1962, с. 147—58; Петряев Е. Д. Вперед — огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья, Иркутск, 1968, с. 160—64; Постнов Ю. С. Рус. лит-ра Сибири первой пол. XIX в. Новосиб., 1970; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосиб., 1982, с. 292—309. + МНеср.; Гепнак: РБС; Петряев; РЛС, ч. 1; Бограз, ОЗ(1); Лит. Сибирь. Критико-библиогр. словарь писателей Вост. Сибири, т. 1, Иркутск, 1986.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 5, д. 7613, л. 1134—41 (ф. с. 1852 г.); РНБ, ф. 379, № 695 (письмо управляющему канцелярией моск. ген-губернатора Ф. П. Корнилову от 23 янв. 1851 об устройстве на службу); РГБ, ф. 108, к. 2, № 56 (письмо М. А. Зензинова к П. от 2 июля 1843, копия); ИРЛИ, 18.628.СХШ156 (письмо к А. В. Никитенко от 30 нояб. 1840). И. А. Зайцева. ПАССЕК Вадим Васильевич [20.6 (2.7).1808, Тобольск — 25.10(6.11). 1842, Москва; похоронен в Симоновом мон.], краевед, историк, фольклорист-этнограф, издатель. Муж Т. П. Пассек. Из старого укр. дворян. рода. Отец — Вас. Вас. — был обвинен в составлении «подложного письма» от имени гос. деятеля ки.

П. М. Волконского и сослан в Сибирь, где провел св. 20 лет (преступивший на родовое имение дядя воспользовался в целях доноса его шутливым письмом к одному родственнику — см.: Пассек, I, 370—373). Осенью 1808 семью выслали из Тобольска в село, но младенец был оставлен в семье тобольского друга отца — И. Х. Керна, где и воспитывался 10 лет; в 1818 мальчик вернулся в родную семью и наравне со взрослыми переживал все невзгоды ссылки. В июле 1822 получил аттестат об окончании Тобольской губ. г-зии. В 1824 отца простыли и вся семья, имевшая 17 детей (П. был 8-м), пересела в Москву. В 1826 подготовленный отцом П. поступил на этико-полит. отделение филос. ф-та Моск. ун-та, где сблизился с А. И. Герценом и его кружком. Одновременно слушал лекции др. отделений, в т. ч. словесного и физико-матем.

Дружил с А. Н. Савичем, будущим астрономом. Интерес к «векам минувшим» и лит. занятиям сблизил его с молодым проф. М. П. Погодиным, опубликовавшим в своем «Моск. вест.» историко-этногр. «Замечания о Сибири», ставшие лит. дебютом П. (1830, № 17—20) и одним из лучших очерков в ранней русско-сиб. этнографии.

По окончании ун-та (канцелятом, 1830) самоотверженно работал в период эпидемии холеры (заведовал канцелярней и х-вом больницы, ухаживал за больными), за что пожалован в тит. сов. Бедствие и подвигничество московской, загнупитых холерой, описал в очерке «Три дня в Москве во время холеры» («Молва», 1831, № 27—29). В 1832 совершил первую поездку на Украину (включая Харьков; май — сер. окт.). В ноябре 1832 женился на двоюродной племяннице и друг детства Гершена — Т. П. Кучиной. Зимой 1833—34, живя в Твери (у родственников жены), общался с И. И. Лажечниковым (ставшим его «хорошим приятелем») еще до свадьбы — Пассек, I, 360), читал ему фрагменты будущей эссенско-лирич. кн. «Путевые записки, Вадима*» (М., 1834; язвнт. отзыв О. И. Сенковского — БлЧ, т. 5, ч. 2, с. 24) и был «благословлен им на путь серьезного ист. труда» (Пассек, II, 25). В 1834 по приглашению гр. А. Н. Панина прибыл в Харьков, чтобы занять кафедру рус. истории в ун-те, но не был допущен к лекциям: обнаружилось прежнее связи с членами кружка Гершена, арестованного в июле того же года. Оставшись без места, поселился с семьей в родовом имении на Харьковщине.

Название первой кн. П. не соответствует ее жанру: это не путевые очерки, а рассуждения о нар. характерах, заметки и размышления об ист. событиях, нар. быте и фольклоре, поэтич. раздумья о прошлом и будущем России и «Украины с Малороссией» (так П. именовал, различая исторически, Харьковщину с Киевщиной).

Автор преиспит здесь более религ. мыслитель (склоняющийся к христ. «пластикству»), нежели историком и этнографом, и, подобно романтикам, стремится объединить историю с философией и поэзией. Ведущим устойчивым фактором органичности и самостоятельности ист. процесса он полагает нац. характер. У славян сильной осн. чертой характера он видит созерцательное начало («перевес внутр. жизни над внешним» и «тишина, спокойствия над деятельностью» — с. 42). х-рое в ист. общности русских проявляется в веротерпимости (в ср. с Западом), отсутствии «силных философских партий», немущими организованы отпор насильникам. Ист. суждения П. развивались по существу, аскариет. взгляды на историю и характер рус. народа и предвосхитили ряд идей славянофилов (внутренней расположенности созерцательной славе, лучшей к восприятию христианства). Самы «записки» вывалили резкое исприятие у будущих западников — Гершена (в его кружка; см.: XXI, 112) и В. Г. Белинского (иронич. рец. — «Молва», 1835, № 10).

Причисленный в 1836 к статистич. к-ту Мин-ва внутр. дел и считается командированным в Харьков. губ., подготовил «Историко-статистич. описание Харьков. губ.» (опубл. в сб.: Мат-лы для статистики Рос. империи, т. I, СПб., 1839), а позже написал научно-популярный «Очерк Харьков. губ.» («Приб. к „Харьков. губ. вед.“», 1839, № 20, 21, 25—27, 29, 30). Изучение укр. фольклора, памятников прошлого и совр. быта укр. народа свело П. с молодым ученым Харьков. ун-та И. И. Срезневским, возглавлявшим кружок харьков. романтиков. В 1837—38 жил в Одессе и Крыму, собирая мат-лы по статистике Таврич. губ. (В Одессе в сент. 1837 познакомился с В. А. Жуковским, М. М. Сперанским, А. П. Ермоловым, К. И. Арсеньевым, находившимся в свите наследника. Сперанский и Ермолов приняли участие «в деле» «Очерков России» — см.: РС, 1893, № 9, с. 548.) Осенью 1839 вернулся в Москву; был избран действит. чл. ОИДР; сблизился с кружком «москвофилов» А. Ф. Вельтмана (В. И. Даль, М. Н. Загоскин, Ф. Н. Глинка, Ф. Л. Морозкин, К. И. Рабус и др.); позднее дружески общался с Н. М. Языковым и А. С. Хомяковым (Пассек, укр.). Печатался в ряде периодич. изд. (в т. ч. ЖМВД, 1837; МН, 1837; ЖО, 1841; «Моска.», где опубл. ст. «Котляревский и его „Знезда“, издаваемая в Харькове» — 1841, № 4).

Изданные П. «Очерки России» (кн. I, СПб., 1838; кн. 2—4, М., 1840; кн. 5, М., 1842) положили начало разностороннему изучению нар. быта, ист. памятников, фольклора, этнографии, экономики и природы России, всех ее народностей. Среди их авторов — Вельтман, Т. Пассек, Срезневский, этнограф и поэт А. Л. Метлинский. Согласно собств. предисловию, издатель преследовал и науч., и просветительские, и воспитат. цели: сосредоточить «знания, приобретенные более опытом ... желети выведенные из умозрения», «завлечь» к наблюдению всего отечественного и «развить ... верным знанием горячее чувство любви к Отечеству и благоговение к его великой судьбе» (кн. I, с. VI—VII). Самому П. принадлежал целый ряд значит. очерков: «Киево-Печерская обитель», «Праздник Купаль» (кн. I), «Отрывки из путешествия по Крыму» (кн. 2, 4), «Малороссийские святки» (кн. 3), «Окрестности Переяслава» (кн. 4), «Простонародные средства лечения» (кн. 3, 4), «Веснянки» (кн. 5) и др. В сб. помещено немало литографий мастеров 20—40-х гг.; ок. трети литографий по рисункам П.

Рецензенты (БлЧ, 1838, т. 31; СО, 1838, № 10; П. А. Плетнёв) — «Совр.», 1838, т. 12; Ф. (В.) Буларгин) — СП, 1838, 17 окт.; ЛГ,

1840, 23 марта, 3 июля, 2 нояб.; ОЗ, 1840, № 6; БлЧ, 1840, т. 42; ОЗ, 1842, № 4; ЖМНП, 1842, № 9, и др.) отмечали ясность, разнообразие, занимательность статей и очерков, умение автора воспроизводить эстетиц. сторону образов, указывая одновременно на познавательную неравноценность публикуемых мат-лов (склонность к романтиз. популярности).

Особое одобрение критики (за полноту сведений и легкость языка) заслужила вобравшая монастырские рукоп. мат-лы кн. П. «Историческое описание Моск. Симонова монастыря» («Приб. к „Моск. губ. вед.“», 1842, № I—12; отд. изд. — М., 1843; рец.: «Совр.», 1843, т. 32; БлЧ, 1843, т. 59; ЛГ, 1843, 27 июня).

Не имея постоянного источника доходов, часто испытывая бедность и долговую зависимость от Погодина, П. в нач. 1841 соглашается редактировать начинающееся издание неофици. «Прибавления к „Моск. губ. вед.“», а с апреля еще и управлять делами Моск. статистич. к-та («все сии труды... принят без всякого вознаграждения» до конца года — см.: РГИА, л. 43 и об.). «Пожертвовав всем и бросив все», умело привлекая моск. ученых и литераторов (Вельтмана, И. М. Снегирёва, М. Н. Макарова, Н. Д. Горчакова, И. Г. Сенявина, открытого им И. Е. Забелина), увеличивая объем «Прибавления», он успешно превращает его в серьезный науч.-просветит. еженедельник; в нач. 1842 «Прибавление» заслужило высочайшую оценку ОИДР.

Используя многочисл. собственные статьи из еженедельника, подготовил «Московскую справочную книжку на 1842» (М., 1842, ц. р. 4 апр. 1842; одобрит. рец.: «Москв.», 1842, № 11), содержавшую ист. и статистич. обозрения столицы и губернии, описание древних памятников, путеводитель по совр. Москве, в частности адреса всевозможных учреждений, заведений (в т. ч. учебных, богоугодных и благотворительных), служб, магазинов («и где и какие монастыри по губернии, и сколько лошадей на станциях, и отчего завтра крестный ход»; из письма Погодину — РГБ, ф. 231/11, к. 23, № 77); карманного формата, с планами столицы (в т. ч. подробным планом Кремля) и картой губернии, книга явилась первым опытом систематич. ежегодного справочника о столице и Моск. губ.

П. записывал нар. песни (вошли в собрание нар. песен Н. В. Гоголя — ЛН, т. 79); вел общирную переписку (опубл. письма: к Срезневскому, 1837—39 — РС, 1893, № 9; Вельтману и Т. Пассек — в кн.: Пассек; Погодин — в кн.: Барсуков, V, и др.). По духовному складу и лекр-ным идеям П. явился предшественником славянофилов (хотя достаточных оснований сблизить его взгляды с целым учением «истинных славянофилов» — Хомякова, Кириевско-

го, К. Аксакова — нет; см.: Цимбаев). В его работах просматриваются историко-романтические концепции; в истолковании главной проблемы — народности — первостепенным определителем для него стали религ. верования; при этом в правосл. церкви он особо выявляет те устои, к-рые служат лучше всего выражению «славянской души» (см.: Азадовский, с. 412).

Умер от скоротечной чахотки. В его память друзья выпустили сб. «Литературный вечер» (М., 1844; рец.: П. А. Плетнёв) — «Совр.», 1844, т. 35), в к-ром участвовали люди разл. убеждений: С. П. Шевырёв, К. К. Павлова, Языков, Я. П. Полонский, Н. П. Огарёв, А. И. Подолнский, Г. Глинка, Снетирёв, Н. М. Сатин, И. П. Бороздина.

Др. произв.: «Св. неделя в Москве 1841 г.» («Приб. к „Моск. губ. вед.“», 1841, № 17); «Малороссийская свадьба» («Лит. вечер», М., 1844; описание включает свадебный фольклор; доработано Рингельманом).

Лит.: Пассек (ук.); Барсухов (ук.); Снетирёв Н. М., Диссерт. т. 1 — 1822—1852. М., 1904, с. 174, 175, 274, 305, 308, 310, 316, 326; Н. Р., Вост. о П. — «Приб. к „Моск. губ. вед.“», 1842, № 45; Белянский (ук.); Герцен (ук.); Заметки уроженцы и жители Харьков. губ. — «Харьков. сб.», в. 1, X., 1887; Пыпин А. Н., История рус. этнографии, т. 1, СПб., 1890, с. 329—40; Анисимов П. В., Искалцы тридцатых годов. — В кн.: П. В. Анисимов и его друзья, (т. II), СПб., 1892; Срезневский В. И., П. и его письма к И. И. Срезневскому (1837—1839). — РС, 1893, № 5, 9; Седлачнов В. В., Предания и восп. — Соч. т. 1, Владимир, 1901, с. 126; Дубровский К., Рожденные в стране изгнания. П., 1916, с. 69—77; Азадовский М. К., История рус. фольклористики, т. 1, М., 1958, с. 407—13 (на с. 411 полный перечень фольклорно-этногр. статей «Очерков России»); Филимонов С. Б., Записка П. о программе издания «Очерков России». — «Археограф. ежегод. за 1968 г.», М., 1970; Цимбаев Н. И., Славянофильство. М., 1986 (ук.); Фармозов А. А., Страницы истории рус. археологии, М., 1986, с. 52—53, 152; Новохолатский К. Е., «...Прошедшее в настоящем...». В. В. Пассек. 1808—1842. — В кн.: Красавцы Москвы, в. 1, М., 1991; Персиль М. К., П. и его «Очерки России». — «Этногр. обзор», 1994, № 6; ЛН, т. 4546, с. 712, 715—718; т. 61, 63, 79, 84. + Некрологи, 1842: МВСА, 31; ост.; ОЗ, № 12; «Приб. к „Моск. губ. вед.“», № 44; Срезневский В. И., Список соч. П. — «Книговедение», 1894, № 4 (неполный); [Биограф. сведения, библ. соч. П. и лит-ры о нем; реп. из его работ]. — В кн.: Белянский В. Г., ПСС, т. 2, СПб., 1900, с. 522—24 (соот. С. А. Венгеров); РБС (В. Срезневский); Брыкунов; НДРДВ: Муратова (1, ук.); БСЭ; СНЭ; КЛЭ; Мазюков.

Архивы: Новохолатский К. Е., Арх. материалы к жизни и творчеству П. — «Археограф. ежегод. за 1975 г.», М., 1976; ЦИНА Украины, ф. 1631 (Пассек); РГИА, ф. 1290, оп. 3, л. 134 (о службе по ведомству МВД, 1835—42 гг.); ф. 1343, оп. 27, л. 1011 (сведения об отце и его сыновьях); ф. 772, оп. 1, л. 922; оп. 1, ч. 1, л. 1545 (в т. ч. о несозвании миф. просветителя С. С. Уварова с помещиками в Моск., спрочной книги) энцикла ... с объяснением исторических собственно моск. событий на русском языке (молва) (справка С. И. Вареховой); ЦИАМ, ф. 418, оп. 96, д. 3 (об отлучении г-ни и поступлении в ун-т и его окончании); ф. 31, оп. 1, л. 13, 14; оп. 5, л. 88 (два свещения).

Славянск. Афишис (Гузевро), Н. П. Ротин. ПАССЕК Татьяна Петровна [урожд. Кучина; 25.7(6.8).1810, с. Новосе-

лье Корчев, у. Твер. губ. — 24.3(5.4). 1889, Петербург; похоронена на Новодевичьем кладб.), мемуаристка, переводчица. Жена В. В. Пассека. Из дворян. семьи; по материнской линии двоюродная племянница А. И. Герцена, описанная им в «Записках одного молодого человека» и «Былом и думам» («корчевская кузина», «корчевская племянница», «Темира»). Училась в Москве во франц. пансионах Данкварт (1820—22) и Воше (1822—25), воскресные дни часто проводила у родственников — кн. М. А. Хованской и Яковлевых. В дальнейшем из-за вторичной женитьбы отца (мать умерла в 1822) по собств. желанию ок. семи лет (с перерывами) жила в доме И. А. Яковлева, где воспитывалась вместе с Герценом. Эти годы (особенно 1825 — 1-я пол. 1827) — период восторж.

дружбы и духовного общения с Герценом, оживленной переписки (не сохранилась; по своему позднему признанию, П. сожгла более 200 писем Герцена сразу после его ареста в 1834 — Пассек, II, с. 31; см. также: Герцен, XXI, 440).

Позже Герцен так оценивал роль П.: «... последний элемент вложил с нею в мое калейное отрочество, омысел, а может, и сохранил славу ривертивавшегося чувства... Я научился быть внимательным, огорчаться от одного слова, заботиться о друге, любить; я научился говорить о чувствах» (VIII, 69).

В нояб. 1832, преодолев сопротивление родных, вышла замуж за близкого друга Герцена — Пассека, входившего в его кружок. Герцен, часто бывавший в их доме, писал Н. П. Огарёву в 1833: «Там отдыхают я от бурных порывов своей фантазии... там не гроза, а небо чистое и голубое. Сколько я обязан этому семейству!» (XXI, 17). В 1833 перевела с франц. ром. А. Карра «Под липами», оставивши в рукописи (ИРЛИ). В 1834—38 с мужем неоднократно меняла место жительства (Тверь, Харьковщина, Одесса, Крым). В 1835 дебютировала переводом рассказов Э. Фoa (сб. «Рахиль», М.), привлещив внимание В. Г. Белинского: он

«обличает руку мужскую, твердую и вообще так хороша, что не к чему и придраться» (I, 189). Под влиянием мужа П. увлеклась ист.-этногр. разысканиями, в издаваемых им «Очерках России» опубли. написанный под впечатлением поездки по Крыму очерк «Приезд в Бахчисарай. Увеселения и обычаи татарок» и пересказ поверий разл. народов «Русалка» (оба — кн. 3, М., 1840; положит. отзыв — ОЗ, 1840, № 6). Обозначившиеся в эти годы наейные расхождения Герцена и Пассека, а также способность П. «удовлетворяться вседневными заботами» (Герцен, II, 353) привели к их отлучению (в кон. 1839 Герцен писал: «Ни он, ни она ни на шаг вперед, стоят спокойно привычные к 1833 году» — XXII, 59).

По возвращении в Москву (осень 1839) Пассеки сближаются с кружком «москвофилов» А. Ф. Вельмана. Связи с представителями славянофильской среды П. поддерживала всю жизнь (в 1873 Огарёв писал П.: «Ты, кажется, славянофильствуешь, старый друг!» — ЛН, т. 39—40, с. 603).

После смерти мужа (раньше умерли малолетние сын и дочь) П. осталась без средств (см. запись Герцена: «... вдова, в крайности, с двумя детьми и с третьим неродившимся. Будущность ее ужасна, не представляется ни пристанища, ни куска хлеба» — II, 238). В марте 1843 у П. родилась дочь, умерла осенью того же года. П. опять бывает в доме Яковлевых, где встречается и с Герценом, но их друж. близость не восстанавливается. Получает поддержку от Вельмана, возглавившего издание сб-ка «Литературный вечер» (М., 1844), посв. памяти Пассека. Сильно нуждаясь, неоднократно обращается за помощью к М. П. Погодину (см. письма к нему — РГБ, ф. 231, к. 23, № 78), с к-рым ее муж сблизился еще в студенч. годы. При посредничестве Вельмана для заработка П. издает адаптацию «Чтение для юношества» (М., 1846, б. п.), включаящую составленные ею самой сведения по истории, географии, этнографии, а также пер. заруб. авторов (М. Н. Лихонин в письме Погодину: «очень дельное» соч. — РГБ, ф. 231, к. 19, № 12, л. 11; «язык её чистый, правильный» — ОЗ, 1846, № 8, с. 123).

С успехом этой кн. было связано намерение П. издавать ж-л «Чтение для юношества» (с участием Т. Н. Грановского, Вельмана и др. глв. литераторов); несмотря на одобрение его программы в 1833 Моск. исп. х-том (РГИА, ф. 772, оп. 1, л. 3080), допущение цензора на издание не последовало («... и без того довольно журналов» — там же, л. 35).

С конца 50-х гг. П. дружна с семейством М. Н. Каткова, давнего знакомого по дому Яковлевых (особенно близко сошлась с его свояченицей писательницей Н. П. Шаликовой). Порница полемич. страстность,

доходящую до крайности, тем не менее целита в Каткове лит. дарование и критич. склад ума («Из дальних лет», т. 3, 1889, с. 341). С этого же времени начинается долготелее знакомство П. с семейством художника-медальера Ф. П. Толстого, к-рому она посвятила в своих восп. отд. главу с обширными выдержками из его «Записок».

В сент. 1859 из-за родства с Герценом П. с трудом добилась для себя и сыновей разрешения на поездку за границу «с отобранием от нее обещания, что она не будет иметь свиданий и переписки с Герценом» (ГАРФ, ф. 109, оп. 1, С. А. д. 129). По дороге заезжала в Прагу к чеш. филологу В. Ганке, передавала ему книги (см. письмо П. к О. А. Новиковой от 20 дек. 1859 — РГАЛИ, ф. 345, оп. 1, № 576), вероятно, по поручению панславистов. За границей подвергалась слежке (см. письмо Марко Вовчок к Герцену в кн.: Листи Марка Вовчка, т. 1, Київ, 1984, с. 72). Осенью и зимой 1859—60 дом П. в Гейдельберге становится культурным центром рус. колонии (об этом см.: Сеченов И. М., Автобиограф. записки, М., 1907, с. 103—04).

Среди пост. посетителей — А. П. Бородин, С. В. Едусский, Д. И. Менделеев, Толсты, Марко Вовчок, посвятившая П. пов. «Червоный король». По словам дочери Толстого, вокруг П. «всегда образовывалась теплая, родная атмосфера, ведало чьего-то широко русским» (Ю и ге Е. Ф., Восп., М., [1914], с. 288).

Находясь в Дрездене (1859), П. через М. К. Рейхель возобновила переписку с Герценом (не сохр.), к-рую поддерживала до 1861 (Герцен пишет о ней Марко Вовчок 5 нояб. 1859: «она принадлежит к ... выносливому и тягучему кряжу» — XXIV, 304). На протяжении 2 лет, проведенных за границей, П. получала от Герцена газ. «Колокол»; летом 1861 встречалась с ним в Париже, затем в Лондоне («Я очарован ею на старости лет» — Герцен, XXVII, 37). Однако возобновившиеся семейно-родств. отношения осложнились разными воззрениями: П. не принимала радикализма Герцена (в частности, критически оценивала его позицию в «польском вопросе»: он «более вреда, нежели пользы приносит» — письмо А. В. Пасеку от 12 февр. 1862, ИРЛИ, ф. 52, оп. 6, № 94, л. 6, 6 об.), а он, в свою очередь, по свидетельству Н. А. Тучковой-Огаревой, не одобрял ее религиозности и приверженности «монархич. правлению», в к-ром она находила «спасение для своей родины» (Восп., М., 1959, с. 177—78). Неудачным было посредничество П. между Герценом и Катковым (встречались в 1859 в Лондоне). Решительный отпор Герцена вызывали также неоднократные попытки П. сосватать своего старшего сына с его дочерью. Сама П. позже признавалась, что оба «внутренно не

изменились, но близки только в прошедшем» (Пасек, II, 358; в ряде некрологов утверждалось, что Герцен сохранил с ней дружбу до самой смерти. — напр.: «Неделя», 1889, № 14; ИВ, 1889, № 5). По возвращении в Москву (1861) с согласия Герцена П. взяла из яковлевского дома на хранение рукописи его ранних произв. (автобиограф. пов. «О себе», пов. «Сорока-воровка» и др.).

В нач. 1860-х гг. тяжело переживала разлад со старшим сыном Александром, оставшимся за границей из-за его романа с М. А. Маркович (см. подробнее в ст. Марко Вовчок; об этом также 8 писем П. к Н. Ф. Шербине, 1861 — ИРЛИ, Р. I, оп. 22, № 5174). Смерть сына от скоротечной чахотки (1866) послужила толчком для начала работы над восп., в к-рых П. искала исцеления от «нестерпимой боли души» (Пасек, I, 228; см. также с. 76). В 1871 переехала в Петербург, где через И. М. Сеченова познакомилась с ред.-изд. «Рус. старинны» М. И. Семевским, предложившим ей писать для этого ж-ла восп. о Герцене (см.: Семевский, с. 132—33). Работая над ними, П. в 1872—73 вновь совершила загранич. поездки, встречалась с Огаревым и др. Восп. публиковались с перерывами и большими купюрами (обзор ценз. истории — ЛН, т. 63, с. 622—36) в «Рус. старинне» в 1872—87 (отд. главы в ж. «Полярная звезда» — 1881, № 1—5), первоначально под назв. «Из ранних лет, из жизни дальней» и «Воспоминания Т. П. Пасек», а затем под назв. «Из дальних лет» (отд., значительно доп. изд. — т. 1—3, СПб., 1878—89).

Задуманные сначала как записки о своем прошлом, «для себя», восп. П. постепенно переросли в широко оснащенную фактами мемуарную книгу, далеко выходящую за рамки «автобиограф. темы», охватывающую период 1810—80-х гг. Оригинальность наблюдений, привлечение обширного документа, материала создают напыщенное конкретными деталями, достоверное описание лиц и событий, среди к-рых центр. место отдано Герцену. Это первое (и мн. годы единственное) легальное в рус. лит-ре мемуарное произв., посвященное П. в письме к Рейхель, кон. 1872: «Я открыла имени Александра первый свободный вход в Россию» — ЛН, т. 63, с. 624; уникальны свидетельства о его детстве и юности; в тексте П. приведены фрагменты утраченных рукописей писателя (пов. «О себе» и др.). П. широко использовала автобиограф. соч. Герцена (в т. ч. «Былое и думы»), известные ей по лондонским изданиям). По ценз. соображениям П. прибегала к разл. приемам камуфляжа и маскировки подлинных текстов Герцена, часто приводила их в перифразе

(напр., свободно излагала отрывки из «Былого и дум»), ссылаясь на несуществующие источники, упоминала лица под вымышлен. именами (в дальнейшем подвергала подобной обработке материалы других авторов). При этом П. практически не искажала смысла первоисточников. Стремление представить Герцена прежде всего в семейно-бытовой сфере, как близкого ей человека определило примиряющую, в духе христ. всепрощения тональность повествования, намерение устранить все, что, по ее мнению, может бросить тень на него и его окружение.

Самостоятельное место в восп. П. занимает Огарев: описаны наиболее значительные факты его биографии, очерченные из мемуарных произв. Герцена, воспоминаний современников, переписки, а также из соств. автобиограф. соч. Огарева (в осн. из «Записок русского помещика», написанных им по настоянию П.). Особое внимание П. уделила Огареву-поэту: она впервые опублик. нех-рые его соч. (в т. ч. фрагменты поэмы «Матвей Радаев»), замаскировала стихотворные строки в качестве эпиграфов к отд. главам своих восп., перефразировала двустишие огаревского «Юмора» для заглавия своей книги и т. д.

П. ввела в лит. оборот ряд мемуарных произв., имеющих самостоят. значение. П. — вдохновитель создания, собиратель и публикатор восп. Рейхель, Т. А. Астраковой, Тучковой-Огаревой и др. (по замечанию последней, П. «не только трудилась, но умела заставить трудиться и других, в ней была подталкивающая сила, вызывающая энергию других» — ЛН, т. 63, с. 584).

Историко-культурный интерес представляют материалы о Т. Н. Грановском, Т. Г. Шевченко, архитекторе А. Л. Витберге, декабристе А. А. Тучкове, Ф. Толстом (фрагменты его несохранившегося дневника — ценного первоисточника по истории декабризма) и др.

Мемуары включают сведения о соств. жизни П. и ее обширных знакомствах (семействах Яковлевых, Пасеков, Голохвостовых, Мертваго, Мещерских и мн. др.). Эти эпизоды придают восп. П. глубоко личный характер. Книга П. — документ большого ист. значения, яркая, живая картина быта и нравов дореформен. дворянства; автор предстает как тонкий наблюдатель, обладающий лит. вкусом и непосредств. манерой изложения.

Мемуары П. вызвали неоднозначную реакцию. Д. Д. Гогольцов, брат П. Д. Голохвостова (родственников Герцена), располагавший ссы. архивом, отметил ряд неточностей и ошибок, обвинил П. в клевете на ссы. отношения (пронизывающая озаглавив статью «Wahrheit und Dichtung» («Правда и вымысел»: ироническое переосмысление назв. книги воспоминаний И. В. Гете —

ПАСТЕРНАК

РА, 1874, кн. 1; см. также: «Несч. замечаний по поводу вост. Т. П. Пасек» — РА, 1876, кн. 2]. Г. Е. Благовестов оценил их отрицательно («Дело», 1879, № 4, б. п.), указав на уклонение сверх меры изюмизмом личного характера, не являющимся объектом значения («Есть ли у чем вспомнить нам?» — там же, 1880, № 2; подпись Г. В.). На объективность фактов сетовал К. М. Станюкович («Дело», 1881, № 3). Рецензия ж-ла «Отеч. зап.», отметив связь восп. П. с мемуарами Герцена, назвал их «записками честного и уютного человека» (Михайловский Н. К.? — 1879, № 3). Среди достоинств отмечались «живое перо», «образность» языка, запечатлевшие аромат 30—40-х гг. (РС, 1879, № 3, с. 585; ар. рец. там же, № 10; Михайловский? — ОЗ, 1880, № 1). На самоубийство языка П. обратил внимание Ф. М. Достоевский (см. Кийко). Высоко оценил ее работу Огарев: «...нахожу, что ее записки превосходят» (письмо А. А. Герцену от 18 февр. 6 г. — ЛН, т. 63, с. 638). Записки П. были сочувственно встречены и др. близкими Герцену людьми, в частности Астраховой: «Завидный у нас талант — немногие так ясно и интересно для всякого сумеют передать то, что пережило и переучивало другим» (письмо к Тучковой-Огаревой от 7 дек. 1886 — там же).

С 1882 П. работала над 3-м томом записок (вышел посмертно). После появления ром. Н. И. Утлюной «Жизнь за жизнь» (ВЕ, 1885, № 4—6) о сем. драме Герцена считала своим долгом реабилитировать дорогие ей имена (об этом см. писем П. к Тучковой-Огаревой — РГБ, ф. 69, к. 10, № 87, л. 10) и с этой целью впервые опубли. переписку Герцена и Огарева 40—50-х гг. (РС, 1886, № 11—12; 1887, № 10; в наиб. полном виде — в отд. издании восп.). Не располагая собств. сведениями о последних годах жизни Герцена, П. составила его биографию в осн. по архивным материалам, хранившимся у детей Герцена и Тучковой-Огаревой, с к-рой вла оживленную переписку (1885—89).

В 1880—82 — ред.-изд. ежедн. ж-ла «Игрушечка», в 1882—87 — редактор (издателем ж-ла был племянник П. — И. А. Пашков (1847—1889), дипломат и журналист). Взяв на воспитание малолетнего внука после смерти мл. сына Владимира (1880), жила исключительно доходами от лит. и издат. трудов. Печатала в «Игрушечке» свои мемуары, адаптированные для детей («Карповка» — 1880, № 12; «Бабушка Праксодия Андреевна» — № 45), переводы-переделки популярных иностранных авторов (напр., роман Ж. Верна «Пятнадцатилетний капитан» — 1880, № 13..48), научно-популярные статьи (их список за 1880—87 — ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 952); публиковала стихотворения Огарева, отзывы из произведений Герцена (анонимно).

Привлекала к сотрудничеству в ж-ле Н. В. Соколова-Негмелова, С. И. Лаврентьеву (см. ее восп. «Т. П. Пасек в 1879—1889 гг.» — РС, 1890, № 2), А. Н. Пешковой-Толковой, Н. П. Валуева, Н. Н. Каразина, А. В. Крутова, С. Д. Дрожжина и др. Однако с педагогом П. «была совершенно не знакома и, притом, ей не верила» (Н. С. Лесков — ВП, 1889, № 15, с. 266). Отсюда — правдивейшая действительность ж-ла, а также «примесь нановой морали», «аспиративные выкрики» и т. п. (см. Феоктистов И. О кинотеатре для маленьких детей. — «Воспитание и обучение», 1888, № 4—5, стрб. 175—92).

Образованность и обширные связи в сочетании с практич. складом ума и душевной широтой обусловили популярность П. в 80-е гг. в разных кругах. В петерб. лит. среде ее называли «литературной бабушкой». Окруженные П. составляли бывший посол во Франции кн. Н. А. Орлов, Н. С. Лесков (о к-ром она писала Пешковой-Толковой: «Вот истинно христианин и человек во всем значении этого слова...» — ИРЛИ, ф. 52, оп. 6, № 5174, л. 1 об.), Д. В. Григорович, В. И. Прибыткова, В. А. Гатцуц, Н. П. Гиляров-Платонов и др.; она общалась также с М. Е. Салтыковым-Щедриным, А. С. Суворинным, И. С. Тургеневым.

«Симпатии ее... писал Лесков, — без всякого сомнения, лежали на стороне истой гуманистич. и добрых... Все бывало, — говорила она: и полятники, и нетерпеливые — Что делать... меня любят... Я дружно ничего никому не говорию...». Она писала с уважением про своего «Сашу» (Герцена), к-рый, по собств. его словам, был «исправитель социалст.» и дружил со славянофилами и с ортодоксами, а также не чууждалась знакомств с людьми знатными и богатыми, оказывавшими ей иногда поддержку, без к-рой ей нечего было бы жить...» (ст.-искрот «Литературная бабушка» — ВП, 1889, № 15, с. 265—66).

В последние годы жизни увлеклась спиритизмом, поверила в «иные миры» и «сверхчуждственное»; вошла в круг А. Н. Аксакова, А. М. Бутлерова, Вагнера. Нередко устраивала у себя в тесном кругу спиритич. сеансы [см.: С. У (Манец), Мозанка (Из старых зап. книжек) — ИВ, 1912, № 12]. В 1883—85 печатала небольшие рассказы в «железд. загадочном ж-ле» «Ребус» («Странный случай из жизни Алексея Петровича Ермолова» — 1883, № 20; «Из мира видений» — 1884, № 17; «Пророческое видение», 1885, № 34). Рассматривая восп. как свой гл. труд, П. закончила работу над ними за неделю до смерти.

Изд.: Из дальних лет, 2-е изд., т. 1—3, СПб., 1905—06 (редакт. М. К. Лемке — «Книга», 1907, № 10; К. И. Чуковский — ЛПН, 1906, № 1); то же (сокращенная редакт.), М., —Л., 1931 (пох. облож. ред. А. В. Луначарского, вступ. ст. Н. Я. Семеновича); то же, т. 1—2, М., 1963 (вступ. ст., погл. текста и прим. А. Н. Дубовикова).

Лит.: Герцен; Лесков; Тургенев; Салтыков-Щедрин; Стасюлевич; Никитенко (все — уз.); Никитенко А. В., Записки и дневник (1826—1877), т. 1, СПб., 1893, с. 570; Крутова А. В., Пестрые странички (Из лит. воспоминаний). — ИВ, 1895, № 8, с. 363—66; Уманец С., Отголоски 1870-х годов. — «Ребус», 1913, № 4—5; Лаврентьева С. И., Свет неслыханный... — РС, 1914, № 3; Пешкова-Толковой А. Н., Сестрой памяти П. — «Родник», 1914, № 4—5; Бардакова М., Памяти П. — РА, 1914, № 3; Дубовиков А. Н., Вост. П. «Из дальних лет» как источник для изучения биографии Герцена и Огарева. — ЛП, т. 63, с. 565—646; Летописль жизни и творчества А. И. Герцена, т. 1—4, М., 1974—87 (уз.); Листи до Марка Вовчка, т. 1, Кива, 1979 (уз.); Лесков А. Н., Жизнь Николая Лескова, М., 1984 (уз.); Кийко Е. И., К творч. истории «Братья Карамазовы». Лексикографич. заметка: «працдаки» или «шпиньты»? — В кн.: Достоевский. Мат-лы и исслед., в. 6, Л., 1985, с. 262—63; Попова А. В., Писем читательниц к Ф. М. Достоевскому. — В кн.: Лит. отношение рус. писателей XIX — нач. XX в., М., 1995, с. 173—90; ЛН, т. 61—64, 96 (все —

уз.); Lokys D., Tai'jana Passeks Materialien zu Alexander Herzens Jugendbiographie — wiewiel dürfen diese noch als authentisch gelten?, [Berlin], 1960. — Некрологи, 1889; «Новости и бирж. газет», 27 марта; ИВ, 26 марта; РГБвд, 28 марта и 2 апр.; «Игрушечка», № 4 (А. Н. Пешкова-Толковой); № 5; РС, № 5, 7 (Н. А. Тучкова-Огарева); ИВ, № 5; «Ребус», № 15; РС, 1890, № 2 (С. И. Лаврентьева); «Ребус», № 1000, СПб., 1901; Библиография лит-ры об А. И. Герцене, 1917—1970, в. 1—2, Л., 1978; Голицын; Пономарев; Микелевич; РБС; Брокгауз; Языков; Южаков; Мейер; Гранат; Женская энциклопедия, т. 2, М., 1915; КЛЭ; СИЭ; ИДРВБ; Ботрац, ОЗ (1, 2); Муратова (1, уз.); Смирнов-Сокольский; Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 430; ф. 265 («Рус. старина»; корректура восп. П., переписка и ар.); ф. 155; РГАЛИ, ф. 191, оп. 1, № 2125; ф. 1674, оп. 1, д. 3 (отрывки из восп.); ф. 176, оп. 1, д. 410 (ст. «Иван Суворин»); письма к разным лицам в составе Пражской коллекции (ф. 5770) и фондах Н. П. Огарева, Н. С. Лоскова, А. С. Суворина, Стрелевских и ин. др. (см. Путеводитель); РГБ, ф. Г—О, XIII, 17 (отрывок из восп.); письма к разным лицам в фондах Г—О, А. Ф. Вейгельма, Ф. М. Достоевского, М. Н. Каткова, М. П. Лопатина (см. Путеводитель); РГБ, ф. 682, № 190 (11 писем 1878—88 гг. Н. И. Семеновичу, родственнику Пасеков, — частного характера и по поводу публ. восп.); ГИМ, ф. 344, л. 42 (письма к Е. Ф. Юнге); РГИА, ф. 776, оп. 6, л. 428 (асло по изд. ж-ла «Игрушечка»); ф. 796, оп. 162, л. 420-6 (положит. отзыв Учебного к-та Союза и решение допустить «Игрушечку» в 6-кн перепр.-прихва. школ, духовных учебных и высших школ при духовных сем.); ЦНАМ, ф. 31, оп. 5, № 88 (рукописи переводов для цели, М. та).

М. А. Николаева, З. Н. Розанова

ПАСТЕРНАК Борис Леонидович [29.1(10.2).1890, по копии метрики — 30.1.1890, Москва — 30.5.1960, Переделкино под Москвой; похоронен там же], поэт, прозаик, переводчик.

Отец П., Леонид Осипович Пастернак (1862—1945), — из рус. семьи содержатель постоянного двора в Овессе, художник, преподаватель Уч-ща жопотники, майини и зоологата (1894—1921), с 1905 акад. живописи, чл.-учредитель «Об-ва 36-ти» (1901—02) и Союза рус. художников (1903—21). Автор восп. «Записки разных лет» (М., 1975) о Л. Н. Толстом, В. Д. Полное, Р. М. Рильке и др., иллюстратор произв. М. Ю. Лермонтова и Толстого, автор портретов и зарисовок Толстого, А. Н. Скрабина, С. В. Рахманинова, М. Горького, Э. Верхарна, А. Эйштейна, Рильке (см. о нем: Малиас G. de, A Russian Impressionist (L. O. Pasternak — «California Slavic Studies», в. 10, 1977). Мать, Розалия Исид. Кауфман (1867—1939), из семьи рус. инженера-самойкина в Овессе, лиристка. Концертировала в 1878—86 в России, Польше, Германии и Австрии, в 1907—11 — в Москве. В 1884—89 проф. Овесс. филында Петерб. консерватории (см. о ней: В ас h a т а н n O. Rosa Kaufmann. Eine biographische Skizze, nehn Rezensionen. Odessa, 1885). В 1921—38 развилась П. жила в Германии, потом в Англии. Брат П., Ал-яр (1893—1982), — архитектор, автор кн. «Воспоминания» (Мюнхен — [и др.], 1983); сестры Жозефина (1900—93), автор стихотв. сб-ков «Координаты» (Б., 1938; под псевд. Анна Ней); «Памяти Педар» (Париз, 1945) и Лидия (в замужестве Слейтер, 1902—89), биологич. автор стихотв. сб-ков «Before sunrise» (Л., 1971), «Вспышки маятника» (Женева, 1974) и стихотв. переводов на англ. язык произв. П.

Дет. впечатления П. связаны с проф.-худож. атмосферой родительского дома, где повседневной работой и единств. источником материальной обеспеченности семьи были занятия иск-вом, где П. «с первых дней» видел знаменитых современников и привык относиться «как к живой норме» «к высокому и исключительному», к-рое у него «от рожде-

нья слилось с обиходом» (письмо М. А. Фроману от 17 июня 1927 — ВЛ, 1972, № 9, с. 163); «пример отца и его близость со старой Москвой и большими суровыми людьми вроде Льва Толстого с детства повелительно и непобедимо сложили... характер» П. (письмо А. С. Щербакову от 16 июля 1943 — в кн.: «Лит. фронт». История полит. цензуры 1932—1946 гг., М., 1994, с. 79; см. также: Писатели. Автобиографии и портреты совр. рус. прозаиков, М., 1926, с. 225—27). До 1902 все летние месяцы большая семья Пастернаков проводила в Одессе. В 1901 П. поступил во 2-й класс 5-й моск. г-зии (в 1-й класс годом ранее не прошел по процентной норме для иноверцев), окончил ее в 1908 с зол. медалью. Гимназистом нек-рое время увлекался ботаникой и рисованием. По словам брата, П. в детстве отличало стремление «обязательно... занимать первенствующее положение»; оказываясь «на вторых ролях», он «мгновенно впадал в неизъяснимый мрак подавленности» (Пастернак А., Восп., с. 180, 181). Во время летних каникул 6 авг. 1903, в день Преображения, в деревне под Малоярославцем П. упал с лошади, чудом избежав смерти и отделившись переломом ноги. Пожизненная хромота (к-рую П. пост. усилием воли делал незаметной для окружающих) освободила его от воинской повинности. Через десять лет в автобиогр. фрагменте «Сейчас я сижу у открытого окна...» (ВЛ, 1972, № 9) П. связал с этим падением пробуждение «вкуса творчества» и начало своей «композиторской деятельности». Провиденциальное значение, к-рое П. придавал этому событию, отразилось также через 50 лет, в 1953, в стих. «Август» («Юность», 1965, № 8).

С лета 1903 под впечатлением от знакомства со Скрябиным П. шесть лет занимался муз. композицией, под руководством Ю. Д. Энгеля и Р. М. Глиэра прошел консерваторский курс (две прелюдии (1906) и соната (1909) изданы в кн. «Раскат импровизаций...» (Л., 1991)). От завершения муз. образования отказался в 1909 после встречи со своим «богом и кумиром» Скрябиным, несмотря на то, что он его «выступал, поддерживал, окрылил, благословил» (Собр. соч., т. 4, М., 1991, с. 305). П. объяснял свой поступок отсутствием абсолютного слуха и тем, что музыка не дает ему всей полноты самовыражения — «суживает» (см. письмо от 6 февр. 1915 гимназич. другу А. Л. Штиху — «Россия/Russia», Турин, № 8, 1993, с. 222). В то же время он определял свое отречение от музыки как уступку «самоубийственным задачам» молодости и «отнятие живейшей части своего существования» (письмо от 28 янв. 1917 К. Г. Локсу —

Собр. соч., т. 5, М., 1992, с. 99). Взгляды Скрябина на преобладавшее влияние иск-ва в жизни общества стали для П. решающими. «Оборотной стороной скрябинского влияния», по его признанию, явилось nihilistич. отрицание в молодости ремесл. стороны иск-ва, но оно же определяло максимализм его самоощенки и жажду совершенства.

С янв. по авг. 1906 П. жил с родителями в Германии (Берлин, о. Рюген). В круге его чтения этого периода — нем. романтики, Е. П. Якобсен и К. Гамсун, он увлечен поэзией младших символистов А. Белого и А. А. Блока, а с 1907 — Рильке.

Поступив в 1908 на юридич. ф-т Моск. ун-та, в 1909, по совету Скрябина, перевелся на филос. отделение

ист.-филос. ф-та. К числу спец. интересов П. относятся психология познания (семинар Г. Г. Шпета по Д. Юму), философия истории (Л. М. Лопатин, Н. В. Самсонов), Платон, Г. В. Лейбниц и нем. классич. философия. С мая по авг. 1912 занимался в Марбург. ун-те, участвовал в семинарах Г. Когена, П. Наторпа и Н. Гартмана (см. реферат П. о взглядах Наторпа на предмет и метод психологии — «Slavica Hierosolymitana», v. 4, 1979), тема его канд. соч. по возвращении в Москву — «Теоретич. философия Г. Когена». Не приняв предложения Когена продолжить занятия философией в Германии, фактически отказался от науч. карьеры, т. к. из-за ограничений для евреев в России он не мог быть оставлен при ун-те. Весной 1913 закончил ун-т с дипломом 1-й степени, к-рым не воспользовался, оставив его в архиве ун-та.

Разрыву с философией способствовали как разочарование в академич. среде, так и тяжело пережитые неудачные объяснения летом 1912 с

Идой Д. Высоцкой, в к-рую он был влюблен уже нек-л. лет. Здесь сказались также впечатление от свидания во Франкфурте с двоюродной сестрой Ольгой Мих. Фрейденберг (1890—1955), с к-рой его связывали воспоминания детства и возникшее в 1910 взаимное влечение и переплюска; уже первые письма к Фрейденберг выражают существеннейшие худож.-филос. взгляды П., пронесенные им потом через всю жизнь (см. Е. Б. Пастернак, Переписка с О. Фрейденберг, Н.-Й.—Лондон, 1981; сост. и комм. Е. Б. Пастернака и Е. В. Пастернак; на т. л. ред. и комм. Э. Моссмана; Переписка П., М., 1990; вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост. подг. текстов и комм. Е. В. Пастернака и Е. Б. Пастернака). Написанные тогда стихотворения стали для П. преодолением колебаний и победой над сублимированными тенденциями молодости. Марбургские темы и образы надолго вошли в творчество П., наиб. полно выразились в стих. 1916 «Марбург». Краткая поездка в Италию в нач. августа 1912 (Милан, Венеция, Флоренция, Пиза), знакомство с памятниками культуры показали ему неисчерпаемые возможности христ. традиции европ. иск-ва, укрепили П. в сознании правильности своего выбора.

Первые лит. опыты П. относятся к зиме 1909—10. На правах музыканта П. вошел в лит.-худож. кружок «Сердарда», собиравшийся у поэта Ю. П. Анисимова. Сохранились черновые наброски стихов и прозы 1910—13, перемежаемые с записями устных заметий (в семейном архиве). Фрагменты статьи, посв. 100-летию самоубийства Г. Клейста, «Об аскетизме в культуре» (1911) отразили автобиографич. аспекты первых литературных шагов П. [опубл. в кн.: «Труды по знаковым системам», Тарту, 1969, в. 4 («Уч. зап. ТГУ», в. 236); Памятники культуры, 1975, М., 1977].

Прочитанный П. 10 февр. 1913 в кружке по изучению символизма при изд-ве «Musaaget» доклад «Символизм и бессмертие», судя по сохранившимся тезисам (впервые опублик. в кн.: Флейшман Л., Статья о П. Бремен, 1977) и авт. пересказу, представлял собой изложение основ творч. эстетик П., ориентированной на субъективность восприятия как бессмертную категорию человеческой души и составляющую «извечный круг действия и главное содержание иск-ва» (Собр. соч., т. 4, с. 320). Здесь исток представления П. о «безличной» субъективности, с к-рым связаны отмеченные позднейшими исследователями пассивность субъекта лирики П., отказ от авторского «я» [ст. «Randbemerkungen zur Prosa des Dichters Pasternak» Р. Якобсона — «Slavische Rund-

schau», 1935, v. 7, № 6; рус. пер. — в кн.: Якобсон Р., Работы по поэтике, М., 1987; см. также: Снявский А., Поэзия П. — В кн.: Пастернак Б., Стих, и поэмы, М.—Л., 1965 (БПбс, 2-е изд.), с. 20—21).

Образовавшееся при кружке Анисимова изд-во «Лирика» ознаменовало свое открытие выходом одноим. альманаха (апр. 1913), в к-ром восемь поэтов напечатали по пять стихотворений. Выбранные из множества написанных к тому времени стихи «Я в мысль глухую о себе», «Сумерки ... словно оруженосцы роз», «Февраль! Достать чернил и плакать», «Сегодня мы исполним грусть его», «Как бронзовой золой жарювень» — первая публикация П. Тремя последними П. неизменно критовал потом в своих сб-ках раздел «Начальная пора». В этих стихах П. сразу вводит в оборот существенные для всего творчества темы и образы: реальность и ее преобразование, сад как мир, город как участник действия и автор как пассивный наблюдатель. По словам Локса, «то был подлинный свой голос, еще не в полной силе, но уже в основной тональности» («Минувшее», в. 15, М.—СПб., 1994, с. 77).

Летом 1913 написаны стихи, к-рые составили первую кн. П. «Близнец в тучах» (М., 1914, вышла в дек. 1913), названную так, по позднейшему свидетельству автора, «из подражания космологич. мудростям, к-рыми отличались книжные заглавия символистов» (Собр. соч., т. 4, с. 326).

В основу был положен цикл «Близнец в тучах», из создание к-рого повлияло стих. Блока 1904 «Темно в комнатах и душно» (см.: Блоковский сб., [а.] 2, Тарту, 1972, с. 448). П., говоря о «стремительности», «блуждающей приваглности», «блестящих ... наблуженной» Блока, считал, что эта черта наиболее «наибольший отпечаток» на него самого (Собр. соч., т. 4, с. 310).

В предисл. к сб-ку Н. Н. Асеев, подчеркивая его антисимволистскую направленность, причислял П. к «подлинным лирикам новой рус. поэзии», «родоначальником» к-рых называл «единств. и незабвенного Ив. Коневского» (с. 6), видимо, не считая его символистом. Локс находил в стихах П. «новую форму символизма», в основе к-рой — «реальность восприятия и душевного мира» и, «помимо скрытого смысла», «собств. музыкальная стихия, осложнявшая этот смысл новой семантикой не логического, а музыкального характера» («Минувшее», в. 15, с. 106, 107). П. считал свое согласие на предисловие уступкой С. П. Боброву, в то время идеологу изд-ва «Лирика», и Асееву, с к-рым дружески сблизился в это время (Асеев вспоминал: П. «покорил меня всем: и внешностью, и стихами, и музыкальной» — Асеев Н., Собр. соч., т. 1, М., 1963, с. 8; см. также его стих. «Тернины другу», 1913, написанные в ответ на стих. П. «Пиршества»). П. искал в 1913—14 собств. пути в иск-ве, стараясь усвоить опыт старших учителей-символистов, восхищаясь успехом И. Северянина и анализируя выступления кубофутуристов. «Ключевые слова» символистского словаря использованы П. для обозначения реальных, «осязаемых»

вещей. Городской пейзаж в стих. «Вокзал», «Венеция», «Зимняя ночь» возникает у П. из конкретных реалий и передает зрительное восприятие лирич. темы. Стихотворения книги объединяет импрессионистич. изображение ночного города в его сопоставлении со звездным небом. Через много лет в стих. «Город» (1940) П. выразил это впечатление: «Он звезды переобезьянил/ Вечерней выставкой благ/ И даже место неба занял/ В моих ребяческих мечтах». В «близнецном» цикле, объединенном мотивами смертного и бессмертного начал жизни (Кастор и Поллукс), П. реализовал теоретич. положения своего доклада «Символизм и бессмертие».

Первый отзыв на сб-к П. (одновременно и на сб-к Боброва) появился в апр. 1914 в «Первом журнале рус. футуристов» (М., № 1—2) и был выдержан в оскорбит. тоне; рецензент, скрывшийся под псевд. Егуд («стрижка», Бобров и др., а позднее и Б. К. Лившиц считали, что это — В. Г. Шершеневич), обвинял автора «кичлики, полной тоски и переливания из пустого в порожнее», в подражании Шершеневичу и др. поэтам — от Блока до А. И. Озювского (с. 140). Выступивший с рецензией в «Свободном журнале» под собств. именем Шершеневич принял у П. «несомненное искание новых путей, расширенное поэтик. словаря и тем», но обрушился на его «ископатки» — «результат бездумия и интуитивной иррационали»: «невротич. смешение неологизмов и старинных слов», «сосество инфл. имен с новыми темами совр. города» (1914, № 11, с. 134). Необычностью словаря и синтаксиса П. возмущалась и М. С. Шагинин («Призов. край», Р.нД., 1914, 28 июля). В благожелат. отзыве «Столичной молвы» (1914, 19 мая; подпись О. Аз.) отмечалась «подлинность и острота переживания, импрессионистич. смыслы и новизна образов». Но наиб. значимым для П. и его лит. репутации было мнение «критра» — В. Я. Брюсова, отменившего «самобытность» П. и то, что «футуристичность» его стихов — «не подчинение теории, а своеобразный склад души», «его страшные и по-

Б. Пастернак. «Близнец в тучах», М., 1914. Титульный лист с зарисовкой иллустрицией В. Я. Брюсова.

Б. Пастернак. Рис. Ю. П. Анисимова. 1921.

рой членивые образы не кажутся надуманными: поэт, в самом деле, чувствовал и видел так» («Гол. рус. поэзия... Побуждения» — РМ, 1914, № 6, с. 17; то же — Брюсов (2), с. 443).

С осени 1913 П. жил отдельно от родителей. Позднее зиму 1913—14 считал очень плодотворной. В это время Бобров, Асеев и П., по инициативе Боброва, вышли из состава «Лирики», разошлав 22 янв. 1914 письмо членам кружка от имени «Врем. экстраординарного к-та Центрифуги» с извещением об упразднении изд-ва. В ответ на оскорбит. записку Анисимова П. вызвал его на дуэль, благодаря посредничеству Локса не состоявшуюся. Бобров объяснял разрыв «патриархальной» и националистически-национальной ориентацией большинства в кружке, антропософ. «духотой» подражателей символистов, к-рым отколовшиеся противопоставляли бодрую открытость современности и новаторству в иск-ве. П. своим уходом хотел опровергнуть «позорную славу вечной тихости и смирения затравленной касты», ощутив оттенок антисемитизма в стилистич. придириках Анисимова и нек-рых его друзей (см. в письме Локсу от 27 янв. 1914 — «Минувшее», в. 13, М.—СПб., 1993, с. 182—183; см. также письмо Боброву от 27 апр. 1916 — Собр. соч., т. 5, с. 92).

В попытке самоопределения осенью 1913 Бобров, Асеев, П., еще не считавшие себя тогда футуристами, сблизжаются с эгофутуристами из ж. «Петерб. глашатай» (И. В. Игнатьев, В. Гнедов и др.). Отколовшись от «Лирики» группа весной 1914 создала изд-во «Центрифуга», к-рое ознаменовало начало своей деятельности выходом в конце апреля альм. «Руконог» (М.), направленного против альянса двух футуристич. лагерей — «Гилея» (Д. Д. Бурлюк, В. В. Маяковский, В. В. Каменский) и «Мезонин поэзии» (Шершеневич, К. А. Большаков и др.) и их «Первого журнала рус. футуристов» (1914), содержащего язвительные выпады против книжной продукции «Лирики» и обвинения ее авторов (в т. ч. «левых» — Боброва, Асеева и П.) в анахронизме и элитонстве (см. выше). Посмертная публикация в «Руконоге» стих. Игнатьева и объявление его «первым рус. футуристом» призваны были принизить значение «самозванцев» из «Первого журнала рус. футуристов». Теоретич. подкреплением полемич. позиции «руконогов» стала программная ст. П. «Васерманова реакция». За внешней резкостью, в целом не характерной для П., в статье скрывался глубокий анализ двух типов метафорич. поэтики — по «сходству» (Шершеневич) и «по смежности», более глубокой, оправданной «душевного драматизмом». На основе этого противопос-

тавления автор различает и подлинную поэзию, «истинный» футуризм В. Хлебникова, Маяковского, отчасти Большакова, и «ложный» — «фабрикаты» Шершеневича, «жертвы юридич. доступности стихотворчества», стихи к-рого определялись как потачка дурному вкусу потребителя (ср. с наблюдениями Р. Яacobсона в статье 1935 о преобладании в поэтике П. метонимич. построений над метафорическими). Среди образов «новаторской» поэзии были написанные специально для «Руконога» стих. П. «Цыгане», «Мельхиор» и «Об Иване Великом» с их сознат. установкой на эксперименты Хлебникова со слав. корне-словием.

Против «ходячей теории футуризма популярного образа» (по Ф. Т. Маринетти) П. позднее, в апр. 1916, выступил и в ст. «Черный бокал» («Второй сб. „Центрифуги“», М.), в к-рой использовал текст собств. статьи лета 1913 «Импрессионизм в лирике», впоследствии утраченной; П. давал свое объяснение футуризма, провозглашая его стихией лирику («...только с сердцем лирики начинает биться сердце футуриста, этого апрориаста лирики» — Собр. соч., т. 4, с. 357) и противопоставляя лирику истории, творимой героями.

Решительному повороту П. к футуризму способствовала встреча в нач. мая 1914 участников «Центрифуги» и «Первого журнала рус. футуристов», состоявшаяся по требованию последних и положившая начало знакомству П. с Маяковским и дважды описанная в его автобиогр. прозе (см. вост. Боброва в кн.: Мат-лы XXVIII науч. студенч. конференции ТГУ, Тарту, 1972; publ. Л. С. Флейшмана; письмо А. Л. Штиху от 1 июля 1914 — Собр. соч., т. 5, с. 81). Эта встреча вызвала у П. острое ощущение «трагизма» и нелепости своего лит. дебюта в «Лирике». Первые участники «Центрифуги» были названы футуристами в 1914 Брюсовым, к-рый отметил, что их футуризм «сочетается со стремлением связать свою деятельность с худож. творчеством предшествовавших поколений» (РМ, № 6, с. 16).

Лето 1914 П. провел дом. учителем в семье Ю. Батрушайтиса под Алексном, по его заказу перевел стихотв. комедию Г. Клейста «Разбитый кувшин» («Совр.», 1915, № 5) для Камерного т-ра. Познакомился с жившим на соседней даче Вяч. И. Ивановым, к-рый проявил к нему живой интерес. П. по-прежнему захвачен личностью и творчеством Маяковского, отдает ему в антивоен. подборку газ. «Новь» стих. «Артиллерист стоит у кормила», с характеристикой царя, ввязавшегося в преступную войну (1914, 20 нояб.), вместе с ним и Асеевым участвует в фу-

туристич. альманахах «Весеннее конгрентство муз» (М., 1915; стих. «В посаде, куда ни одна нога», «Весна, ты сырость рудника в висках», «Я клавишей стану кормил с руки») и «Взгляд» (П., 1915; стих. «Как казначей последней из планет»). В поэзии Маяковского П. увидел живое воплощение «зрелищного» восприятия биографии поэта, «полагающего себя в мерила жизни и жизнью за это расплачивающегося» (Собр. соч., т. 4, с. 227—28), в смелости его метафоризма — возможности, к-рые подавал в себе в угоду групповым вкусам «Лирики», где это воспринималось как «кривлянье». Желая обрести «утраченный лад», П. решительно отказывался от участия в издат. инициативах Боброва, что чуть не привело к их разрыву. В новелле «Апеллесова черта», написанной зимой 1914—15 (опубл. под назв. «Il tratto di Apelle» — «Знамя труда», 1918, № 1—2), в образе поэта Релинквиини П. жестоко высмеивал свое недавнее прошлое.

Релинквиини — любимый герой ранней прозы П. и псевдоним, к-рым П. подписывал не сохр. стихи. Брошенный лит. выгов, его герой оказывается орудием загадочным поэтом Г. Гейнс, к-рый переносит спор из лит-ры в реальность. Возмущенное отклонение Релинквиини к женщине терпит поражение перед полнотой чувства Гейнс, из игры перерастающего в жизнь. Упомянутые победитель Гейнс Маяковскому опиралось на писаную иронич. и гордую страстность их лирик. В образе восторженной Камиллы Арденне, героини новеллы, присутствуют черты славства с сестрами Спикомыи.

Зимой 1914—15 в Москве П. познакомился с сестрами Сняжковыми, у к-рых часто виделся с Маяковским, в июне 1915 ездил к ним на дачу в Красную Поляну (Харьков. губ.). Любимые стихи этого времени повс. молодой пианистке Н. М. Сняжковой-Пичете. Почти все написанное за этот и предыдущий годы погибло при пожаре во время антинемецкого погрома 28 мая 1915 в доме Филиппа на Пречистенке, где П. жил как дом. учитель. В разное время были утрачены также сказка «О Карпе и принце Нафтагене» с посвящением К. М. Сняжковой и тетрадь стихов 1914—1915 — «Лафоргианская», по словам Локса.

В окт. 1915 П. ездил на неск. дней в Петроград к Маяковскому. В стих. «Петербург» (1915), в к-ром город на Неве предстает воплощением вдохновенного замысла Петра, надевшего на «чертежный подрамник» «тажные топы», выразилось восхищение П. перед рвущим преграды своевольном гением. Выражение из этого стих. — «поверх барберов» вскоре стало названием новой книги, а потом и «названием периода или манеры, и под этим заголовком впоследствии объединял вещи, позднее написанные» (запись 9 дек. 1946 — Собр. соч., т. 1, 1989, с. 642). Событием для П. было также

первое знакомство той осенью с поэзией А. А. Ахматовой.

В нач. янв. 1916 П. уехал на Урал работать конторщиком на химич. заводах З. Г. Резвой (Морозовой) во Всеволодо-Вильву (Перм. губ.). Впечатления П. от поездки в мае 1916 на Великокняжеский рудник отразились в цикле «Уральские стихи» (1919; «Красная новь», 1921, № 2; см. также интервью газ. «Visto», Roma, 1959, 6 giugno). В конце июня вернулся в Москву. За три месяца, проведенные частью в Москве, частью на даче у родителей в Молодях (авг. — окт. 1916), П. подготовил 2-ю книгу стихов — «Поверх барьеров» (М., дек. 1916; на т. л. — 1917). Среди предполагаемых названий книги были «Gradus ad Parnassum», «44 упражнения», «Раскованный голос» и др. В «Охранной грамоте» П. связывал поэтику книги со знакомством с поэзией Маяковского и сознат. отказом от романтизма символистов, воспринятого ими из нем. поэзии, в то время как сам П. находил опору в англ. поэтах (Дж. Китс и У. Шекспир, А. Ч. Суинберн), к-рых он переводил и о к-рых писал статьи. Много значили для него и франц. символисты — Ш. Бодлер, П. Верлен и Ж. Лафонт. Книге была предположена эпиграф из Суинберна; с поклонением поэтам, чья «песня выше моей», непосредственно связано и первое стих. сб.-ка. Увлечение Суинберном в 1916 дало перевод трагедии «Шателляр», к-рый не сохранился. Не сохранились и ориг. произв. П. — новеллы «Карета герцогини» и «Чужая судьба», неотделанной осталась «История одной контроктавы».

Отказываясь от «героического тона» и «стремления к эффектам» (Собр. соч., т. 4, с. 335), отличавших Маяковского, П. в новых стихах сумел передать высокий трагизм пережитых разочарований, что, в частности, сказалось в последнем стих. книге — «Марбург». В этом стих. отмечали пересечения с «Человеком» Маяковского, к-рый писался почти в то же время и к-рого П. еще не знал (см. об этом: См и р н о в И., Достоевский и поэзия П. «Марбург». — В кн.: Dostoevskij und die Literatur, Köln—W., 1983), или с циклом «Философская грусть» в книге 1909 А. Белого «Урна» (тот же сущностный мотив см.: Лавров А. В., А. Белый и П. — В кн.: Темы и вариации. Сб. ... к 50-летию Л. Флейшмана). Но в отличие от романтич. осуждения «зла посредственности» П. выбрал путь удивления и восхищения перед красотой мира. «Дифирамбизм» явственно определяет тональность таких вещей, как «Петербург», «Урал впервые», «Счастье». В стихах П. добивается объективного тематизма и мгновенной, рисующей движением живопис-

ности» (надпись П. на кн. «Поверх барьеров», 1929; экз. А. Кручных. Собр. Е. Левитина). Желание достичь этой цели новаторскими приемами, родственными совр. живописи, подчеркнутой яркостью, динамикой, смешением или разложением формы впоследствии воспринималось П. как неоправданная претензия.

В рец. на книги, издаваемые «Центрифугой», Д. И. Вылковский определял «Поверх барьеров» как «более глубокую, более серьезную, более зрелую по своим стихотв. достоинствам книгу, чем «Оксана» Асеева, хотя и уступающую ей в «чистоэстетической поэтич. выносливости», и назвал П. «мастером причудливого, ископанного и потому ослепляющего, пропадающего поэтич. эффект. образа» («Нов. жизнь», 1917, 21 мая). Активный участник «Центрифуги» И. А. Акаев позднее определял «особое положение» П. в группе отсутствием у него интереса к «переобработке метрики и разработке новых возможностей в этой области», характеризую его новаторство «широким применением глагольной метафоры и эратических построений. Сильней лирика, температурит расширяет указанный метод широкими группами образов, количество к-рых может иногда показаться преувеличенным» («Худож. слово», кн. 1, М., 1920, с. 60).

После сдачи рукописи в типографию П. в нач. окт. 1916 уехал в Тихие Горы на Каме на химич. заводы Ушковых, где вел военно-учетный стол и был дом. учителем в семье директора Л. Я. Карпова. Из его работ этого времени остались неск. стихов (вошли в кн. «Темы и вариации»), отрывки из поэм «Город» («Лирень», М., 1920) и «Фантазия о ближнем» (в переработ. виде вошли в кн. «Поверх барьеров», 1929), а также рецензии на книги Асеева («Slavica Hierosolymitana», т. 1, 1977; публ. К. Барнса) и Маяковского («Лит. Россия», 1965, № 13; публ. Е. Б. Пастернака). Большая часть этих вещей была послана Боброву для неосуществленного «Третьего сб. „Центрифуги“». В тоне обеих рецензий сказалось ощущение близости поэтики Асеева и Маяковского самому П. Используя приемы формального анализа, П. показал широкий диапазон возможностей поэта. дара Асеева, а на примере Маяковского П., отказавшись от просьбы Боброва осудить его «низовичий жаргон», изобразил картину становления совр. худож. дарования.

Узнав о произошедшей в феврале в Петербурге революции, П. тотчас приехал в Москву. Он описал поездку в санях на перекладных в «главе из повести» — «Безлюбье» («Воля труда», 1918, 26, 28 нояб.), где вывел образ революционера, для к-рого его мысли о революции «дороже жены и ребенка, дороже собственной жизни и дороже чужой» (Собр. соч., т. 4, с. 496). Осуществлением его «мечты о драме (классич. типа, но в совр. духе)» стали «драм. отрывки» из трагедии «Смерть Робеспьера», написанные в июне—июле 1917 и посв. последним неделям яковин. террора. Непосредств. откликком на рев. со-

бытия стал также «Диалог» («Знамя труда», 1918, 17/4 мая) — в жанре диалогов-трактатов Платона. В нем утопич. картина идеального будущего России соотносена с идеями упреждения собственности по теории проповедников анархизма П. А. Кропоткина и Э. Малатесты.

Содержанием книги лирики «Сестра моя жизнь» (1917; М., 1922) стало пробудившееся чувство к Е. А. Виноград, двоюродной сестре его близкого друга А. Штиха. Они были знакомы с 1909, но после гибели на войне ее жениха (сына Л. Шестова) желание утешить ее переросло у П. во все поглотившую влюбленность. Первая рукопись стихов была сделана на заклеенных страничках кн. «Поверх барьеров» и подарена Елене Виноград в середине июня перед ее отъездом в Саратов. губ., куда он ездил к ней в гости. В стихах отразились их прогулки, всеобщий подъем и оживление общества рев. летом, митинги и собрания на площадях, повседневность вздыбленной гор. стихии, на глазах становившейся историей. Впечатления тех дней, «когда революция была тогланшим с неба на землю сошедшим богом, богом того лета», и двух поездок к Елене Виноград легли также в основание гл. «Прощание со старым» в ром. «Доктор Живаго» (1955; Собр. соч., т. 3, 1990, с. 448. См.: Пастернак Е. В., Лето 1917 г. — «Звезда», 1990, № 2).

Эпиграф из Н. Ленау передавал замысел книги о рев. буре, в к-рую автор «рисовывает черты своей любимой». В то лето П. «понял чудо становления книги» (см. запись его разговора с Н. Я. Мандельштам 1936 — ЛО, 1990, № 3, с. 97). П. видел в поэзии сб.-ке единое целое и стремился добиться этого расположением стих., последовательностью и развитием в них определенных тем. Для его стихов первостепенна роль биопр. моментов, крепко связанных своим возникновением с «фактом пережитого вдохновения», они уподоблялись, по его словам, «губке», пропитавшейся «всем, что вблизи ее находилось: приключеньями ближайшими, событиями, местом, где я тогда жил, и местами, где бывал, погодой тех дней» (письмо родителям от 7 февр. 1917 — Пастернак Е. Б., Б. Пастернак. Мат.-лы., с. 338; ср. с образом в стих. «Поэзия весной», 1916 — «Поэзия! Греческой губкой в присосах! Будь ты...»; этот же образ в ст. «Несколько положений», 1918 — «Совр.», 1922, № 1). Стихи слагались в циклы или главы в соответствии с общим замыслом. Цельность и единство книги были достигнуты отбором, к-рому подверглись стихи 1917. Любовные стихи весны и начала лета составили осн. тональность, по к-рой выравнивалось единое настроение книги. Диссонирую-

шине с ним стихи разлада и боли были отсыены, часть их попала в кн. «Темы и вариации» (Б., 1923), одним из предполагаемых названий к-рой было «Оборотная сторона медали»; на этом же основании в дарств. надписи М. И. Цветаевой стихи этой книги П. назвал «высевками и опилками» (Пастернак Е. Б., Б. Пастернак. Мат.-лы ..., с. 382). Заглавие «Сестра моя жизнь» повторяло форму обращения кантов Франциска Ассизского, проповедовавшего птицам и облакам.

Хотя «Сестра моя жизнь» была издана только в 1922, но ота. стихи ходили в списках, что отмечал Брюсов в своем отзыве: «Молодые поэты знали наизусть стихи П., еще прежде их появления в печати, и ему подражали полнее, чем Маяковскому, потому что пытались сделать самую сутью своего поэзии» (Пир, 1922, № 7, с. 57). Цветаева в своей ст. «Сестровой жизни» («Эпопея», Б., 1922, № 3), к-раз, по ее словам, «не отзыв: попытка выхода, чтобы не захлебнуться [от восторга]», сообщила, что до книги слышала стихи П. «изустно — от Эрнбургера» (Цветаева М., Проза, Н.-Я., 1933, с. 370, 354). В рещ. Асеева («Красная новь», 1922, № 3), О. Э. Мамвельштама («Россия», 1923, № 6) П. предстает как независимая фигура по своим ориг. поэтич. миром. В откликах на эту книгу был начат спор, сопровождавший П. почти всю жизнь: современен ли он, или устарел, несет ли его поэзия новые открытия, или это перемены отживших поэтич. мотивов. «Современность живет в этой книге, как запах, как ритм, как неожиданный эпитет, как меткое определение, как построение», — писал Я. З. Черник, отмечая в то же время ее коренную традиционность, к-раз «древней тавтологией соединит лирич. стихи книги в твердый культурный факт. И прежде всего быт этот факт по односторонности, по антикультурным настроениям футуризма» (Пир, 1922, № 6, с. 303—04).

Творч. подъем, переживаемый П. летом — осенью 1917, сказался на пов. «Детство Люверс» (альб. «Наши дни», № 1, М., 1922), посвященной той же героине. Повесть была началом большого романа, продолжение к-рого потом было уничтожено. В основе этой прозы — тема становления девочки, процесс ее духовного роста окрашен обостренным чувством греховности, голос совести заставляет искать в себе причину гибели постороннего человека, случайно заметив к-рого и запомнив, она «ввела его в жизнь семьи». Идея «третьего лица», «без имени или со случайным, не вызывающего ненависти и не всеяющего любви» (Собр. соч., т. 4, с. 86), стала центр. моментом освоения мира в этих главах, писавшихся осенью 1917 — во время, отмеченное широкой практикой насилия, называемого «рев. правосознанием». Резко неприязненный отклик на окт. переворот 1917 — стих. «Русская революция» (1917; опубл.: НМ, 1989, № 4) и гневный эссеист на убийство А. И. Шингарева и Ф. Ф. Кокوشкина — отразили перелом отношения П. к революции в свете неизменного для него неприятия насилия. Подобные настроения были причиной гл. конфликтов П. с временем, они сказались и в озн. идеи ром. «Доктор Живаго».

Пов. «Детство Люверс» вызвала сочувств. отклики критики, ее стали в один ряд с классич. произведениями о детстве, отмечая «в огромной волне любви, теплоты, приволакивания и какой-то мелодурадной откровенности эмоциональных восприимчивостей автора» аналогично с «Детством» Л. Толстого (Кузмин М., Условности. Статьи об иск.-ис. П., 1923, с. 160). Ю. Н. Тышков писал о ценности упоенного в повести «ощущения» новой вещи (в его кн.: Поэтика..., М., 1977, с. 161). Локс обращал внимание на «особый способ рассказывания, движущегося описанием частностей и деталей», на то, что повесть — это «исповедь художника, погруженного в глубокое первобытное почти дословесную жизнь ощущения, первого испытания» («Красная новь», 1925, № 8, с. 287).

«Сестра моя жизнь», «Детство Люверс» и «Темы и вариации» выдвинули имя П. в первые ряды рус. лит.-ры. «Дифирамбизм» отл. стихов сб. «Поверх барьеров» перерос в кн. «Сестра моя жизнь» в основополагающую для П. идею безусловного принятия

Б. Пастернак. 1924.

мира. «Детская» восторженность сочеталась с интеллектуальным напряжением мысли, доверие к жизни — с возмущающей силой трагич. мироощущения, о значении к-рого П. писал в «Охранной грамоте». Природа для П. — не предмет пейзажных зарисовок, но другое название жизни и нравств. пример. Непривольность и мгновенность образа, в основе к-рых непосредств. впечатления, превращены П. в творч. принцип. Рано отметил ограниченность лексич. символистов, П. сознательно расширил свой словарь, вводя в поэтич. обиход просторечие и жаргизмы. Ощущение свежести и легкости стиха П. достигается благодаря виртуозности ритмики, рисунка, детально разработанного и позволяющего обогатить стихосложение, не выходя за рамки классич. размеров, но делая их неизвестными благодаря новой семантике (см. об этом: Гаспаров М. Л., Семантика метра у раннего П. — В кн.: Пастернаковские чтения, в. 1 — «Быть знаменитым некрасиво...», М., 1992). Под «музыкальностью» П. понимал не напевность,

состоящую в «благозвучии гласных и согласных», но «соотношение значения речи и ее звучания» (Собр. соч., т. 4, с. 319). Формальные средства выразительности, по мнению П., должны служить поэту для передачи «действительно пережитого или свидетельской правды наблюдателя» (там же, с. 397), превращающей книгу в «кусочек горячей, дымящейся совести» (там же, с. 367). Можно сказать, что сам П. взамен физиологич. абсолютного слуха, отсутствие к-рого было поводом для его юношеского отказа от музыки, развил в себе духовный абсолютный слух — умение «не исказить голоса жизни, звучащего в нас» (там же). К 1917—18 он предстает вполне сложившимся художником с цельным мировоззрением и собств. худож. методом.

Для периздания стихов 1912—16 («Поверх барьеров», М.—Л., 1929) П. подверг их значит. редактуре, стремясь точнее «назвать» то состоявшее действительности, к-рое вызвало стихотворения к жизни, и «отобрать себя самого среди ... невольных приспособлений» к вкусам тогдашних лит. соседей (письмо к Е. В. Пастернак от 26 июня 1928 — семейный архив). Необходимость переделок объяснялась также обществ. изменениями, отсутствием воспринимающей среды, когда своб. жизнь более не подкашивает художника окончат. формы произв., выбор к-рой, теряя естественность, становится его нравств. долгом (письмо С. Д. Спасскому от 29 сент. 1930 — ВЛ, 1969, № 9; Собр. соч., т. 5, с. 310). Новый сб.-к, по мысли П., должен был стать книгой столь же композиционно цельной, как «Сестра моя жизнь», приобрести единство настроения. Вещи, не достигавшие до общего уровня, или эмоционально усиливались, или вовсе исключались из нее.

В автобиогр. прозе П. постоянно возвращался к годам своей юности, времени выбора призвания и проф. становления. «Охранная грамота» («Звезда», 1929, № 8; «Красная новь», 1931, № 4—6; отл. изд. — Л., 1931) представляет собой, по словам П., очерк его воззрений на внутр. суть иск.-ва, написанный в защиту лит.-ры в период гонений на нее в кон. 20-х гг. Автобиография «Люди и положения» (1957; опубл.: НМ, 1967, № 1) писалась в качестве предисловия к несостоявшемуся итоговому стихотв. сб.-ку, и автор органично включал перечислением важнейших жизненных событий, к-рые формировали его как писателя и характеризовали его знакомства и лит. пристрастия.

В поэмах «Лейтенант Шмидт» и «Десятьсот пятый год» (см. одноим. сб. — М.—Л., 1927) отразились дет. впечатления П. от рев. событий 1905 и восхищение жертвенным подвигом

лейтенанта П. П. Шмидта. В романе в стихах «Спекторский» (М.—Л., 1931) и прозаической «Повести» (НМ, 1929, № 7) ясно ощущаются автобиогр. моменты крушения мирного уклада, пережитого в годы войны и революции. Разработка этих тем была продолжена в неоконч. «Записках Патрика» (1936; опубл. под др. назв.: НМ, 1980, № 6) и получила свое завершение в ром. «Доктор Живаго» (1946—55; в СССР опубл. впервые: НМ, 1988, № 1—4). В романе выражено противоставление христ. понимания жизни идеологии и языч. поклонения «оспою изрытым Калигулам» 20 в., «не подозревающим, как бездарен всякий поработи-

П. хотел дать в нем «исторический образ России» за последние полвека (письмо к О. М. Фрейденберг от 13 окт. 1946 — там же, с. 453) и считал роман своей единств. настоящей работой.

Материальные возможности для работы над романом давали П. его переводы трагедий Шекспира, «Фауста» Гёте, лирики Ш. Петёфи и груз. поэзии. Занятия переводом в 1910-х гг. служили ему школой мастерства, в 20-е гг. стали материальной поддержкой в периоды безденежья, потом — осн. средством существования. Переводы П. стали классич. образцом равноценного воссоздания иностран. поэзии на рус. языке.

В Сокольниках у Брик. 1925. Слева направо сидят: Б. Пастернак, В. Шеловский, С. Третьяков, В. Маяковский; стоит: Л. Незнамов, О. Брик.

тель» (Собр. соч., т. 3, с. 14). Поворот к православию не был религ. обращением, т. к. внутренне оно было с малых лет близко П., к-рый уже в 1910-е гг. считал его причиной своей самобытности (см. письмо к Ж. де Пруайяр от 2 мая 1959 — НМ, 1992, № 1). Сделать христианство атмосферой и смыслом романа стало худож. решением, отчаянно рискованным для того времени. П. давал повествованию необходимую лирич. теплоту, согрел его «чудесной и победительной силой детской, покорной обстоятельствам и верной себе чистоты» (письмо к Г. С. Улановой от 13 дек. 1945 — Собр. соч., т. 5, с. 437). Герой романа Юрий Андреевич Живаго, лишний в социальном смысле человек, оказывается лирич. и духовным оправданием своего времени и мерлом будущего. На стержень плотного, детально разработанного сюжета насажены продуманные и персидские мысли и эпизоды. В романе отразились идеи и споры, занимавшие молодое поколение 10-х гг.

С 1945, после выхода «Избр. стихов и поэм» (М.), книги оргн. произв. П. при его жизни на родине не издавались. «Доктор Живаго» был опубл. за границей (на итал. яз.: Mil., 1957; на рус. яз.: Милан, 1958, 1959).

Публикация романа за рубежом и присуждение в 1958 Нобелевской пр. вызвали полнот. скандал, инспирированный Отделом культуры ЦК КПСС. — П. исключили из Союза писателей СССР, в печати была организована травля писателя от имени лит. и сов. общественности, требовавшей его высылки из страны. П. вынужден был отказаться от премии и подписать «покаянное» письмо. Все эти обстоятельства ускорили его кончину (см. мат-лы в кн.: Дело П., Мюнхен, 1958; Le dossier de l'affaire Pasternak, P., 1994; выдержки — «Континент», 1995, № 83; [из архивов ЦК] — «Источники», 1993, № 4).

Изд.: Собр. соч., т. 1—(4). Ани Арбор, 1938—61 (нов. ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова; вступ. ст. Ж. де Пруайяр и В. Вейсман); Собр. соч., т. 1—5. М., 1989—92 (вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост. и комм. В. М. Борисова, Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернак и К. М. По-

ливанова); Воздушные пути. Проза разных лет. М., 1982 (вступ. ст. Д. С. Лихачева; сост., подг. текста и подбор илл. Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернака; комм. С. С. Гречишкина и А. В. Лаврова); Стих. и поэмы. т. 1—2. Л., 1990 (Библиос. 3-е изд.; вступ. ст. В. Н. Алфоновса; сост., подг. текста и прим. В. С. Баевского и Е. Б. Пастернака); «Раскат импрессионизма...». Л., 1991; Избранные М., 1991 (сер.: Рус. писатели — лауреаты Нобелевской премии; вступ. очерк, сост. и прим. А. Н. Архангельского; ст. «Нобелевская пр. П.» Е. Б. Пастернака).

[Автобиография П.] — В кн.: Писатели. Автобиографии и портреты совр. рус. прозаиков. М., 1926 (нов. ред. В. Г. Лизина).

Письма: М. Горькому — ЛН, т. 70; Изд. ОЛЯ, 1986, № 3; к груз. писателям — «Лит. Грузия», 1966, № 1—2; 1980, № 2; ВЛ, 1966, № 1; В. М. Сазонов, М. А. Волошин; О. Д. Форш, Г. Э. Сорокину — Ежегодник РО ПШ [1977, 1979], Л., 1979—81; А. А. Ахматовой, Н. С. Тихонову и др. — ЛН, т. 93; Р. М. Рильке, Е. Пастернак, М. Цветаева. Письма 1926 г., М., 1990 (подг. текстов, сост., предисл., пер., комм. К. М. Азодовского, Е. Б. Пастернака, Е. В. Пастернака); письма из Марбурга — Памятник культуры, 1989, М., 1990 (публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова); К. А. Фаслю — «Волга», 1990, № 2; Из писем разных лет, М., 1990 (б-ка «Огонек»; публ. Е. Б. Пастернака); Переписка П., М., 1990 (вступ. ст. Л. Я. Гинзбург; сост., подг. текстов и комм. Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернака); письма к Ж. де Пруайяр — НМ, 1992, № 1; Письма П. к жене З. Н. Нейгауз-Пастернак, М., 1993 (вступ. ст. С. Л. Прокофьевой; предисл., сост., подг. текстов и комм. К. М. Поливанова); к К. Локсу — «Многочисл», в. 13, М.—СПб., 1993; П. и С. Бобров. Письма четырех десятилетий. — Всп. в. 8, 1996 (публ. М. А. Рашиковой); Существование ткан. «Клоака» Борис Пастернак. Переписка с Евгенией Пастернак. Дополненная письмами к Е. Б. Пастернаку и его восп., М., 1998.

Бюогр. мат-лы: Пастернак Е. Б., Е. Пастернак. Мат-лы для биографии, М., 1989; его же, Е. Пастернак. Биография, М., 1997; Видямонт Н., О. Б. Пастернак. Вост. и запад. М., 1989; Восп. о П., М., 1993 (сост., подг. текста и комм. Е. В. Пастернак, М. И. Фейнберг); П. и его семейное окружение. Офиц. докт-ты. — «Лича. Бюогр. альм.» [т.] 3. М.—СПб., 1993 (публ. Е. Г. Болдыной и О. В. Кузнецовой); Mallac G. de, V. Pasternak. His life and art. Norman, 1981; Hingley R. Pasternak. A biography, N. Y., 1983; Varcoe Ch., V. Pasternak. A literary biography, v. 1 — (1890—1928), Camb. — [a. o.], 1989; Pasternak Ev., V. Pasternak. The tragic years. (1930—1960), L., 1990.

Лит.: Асеев Н., Письма о поэзии. («Сестра моя жизнь» П.). — «Красная новь», 1922, № 3; Брюсов В., Вчера, сегодня и завтра рус. поэзии. [1922 г.] — Брюсов (2), с. 593—95; Зренбург И., Б. Пастернак. — В его кн.: Портреты совр. поэтов, М., 1923; Парнок С. Я., П. и другие. — «Рус. совр.», 1924, № 1; Мандельштам О., О поэзии, Л., 1928, с. 46—51; Тынянов Ю., Промежуток. — В его кн.: Архивы и повторы, Л., 1929; Шеловский В., Свет в сплех. (В. Маяковский и П.). — В кн.: Поэт. сб., М., 1934; Бухарин Н. И., Поэзия, поэтика и задачи поэтич. творчества в СССР. М., 1934, с. 53—56, 86—87; Сб. статей, посв. творчеству П., Мюнхен, 1962; Лотман Ю. М., Стих, раннего П. и некр-ые вопросы структурного изучения текста. — «Труды по языковед. систематике», № 4, Тарту, 1969; V. Pasternak. Essays, Stockholm, 1976 (статьи В. В. Тренина и Н. И. Харджиева, Е. В. Пастернак, А. К. Жалковского, Ю. И. Левина, F. Björting, N. A. Nilsson, F. A. Bodin); Флейшман Л., Статьи о П., Берлин, 1977; его же, П. в двадцатые годы, Мюнхен, [1981]; его же, П. в тридцатые годы, Иерусалим, 1984; его же, Фрагменты «футуристич.» биографии П. — В кн.: Рус. лит-ра XX в. Иссл. амер. ученом. СПб., 1993; Пастернак Е. В., П. и Брюсов К. Историч. отношений. — «Россия/Russia», № 3, Torino, 1977; Фарн и Е., К проблем. кода лирич. П. — «Russian Literature», Amst., 1978, v. 6, № 1; Юнггерен А., Juvenilia П., 6 фрагментов о Рембрандте, Стодльм., 1984; Альфонсов В. Н., Поэзия П., Л., 1990; Смирнов И., Рилько-спитакен. строй рус.

поэзия, Мюнхен, 1990; Казакова С. Я., Творч. история объединения «Центрифуга». (Заметки о ранних поэтич. взаимосвязях П. Н. Асеева и С. Боброва). — «Russian Literature», 1990, v. 27, № 4; (любимые номера я-лов) — ИМ, 1990, № 2; «Звезда», 1990, № 2; ЛО, 1990, № 2, 5; «Дружба народов», 1990, № 2—3; Б. Пастернак. Норвичский симпозиум. 1991; Пастернаковские чтения, в. 1 — «Быть знаменитым некрасиво...», М., 1992 (статья С. С. Аверинцева, К. М. Поливанова, Вяч. В. Иванова, М. Л. Гаспарова, В. Г. Смолникова, М. А. Рахмоновой и др.); Басевичий В. С., Б. Пастернак-лирик. Основы поэтич. системы, Смоленск, 1993; Темы и вариации. Сб. ст. и мат.-дов к 50-летию Л. Флейшмана, Станфорд, 1994 (Stanford Slavic Studies, v. 8; статьи Вяч. В. Иванова, А. В. Лаврова, Б. М. Гаспарова, Р. Д. Тыменина); Payne P. S. R., The three worlds of B. Pasternak, L., 1962; Auteursur M., Pasternak par lui-même, P., 1963; Markov V., Russian futurism. A history, Berkeley, Los Angeles, 1968 (Index); Hughes O., The poetic world of B. Pasternak, Princeton — L., 1974; Gifford H., Pasternak. A critical study, Camb. — [ao.], 1977; В. Pasternak. Colloque de Cerisy-la-Salle, P., 1979; В. Pasternak and his times, Berkeley, 1989; Fleischman L., В. Pasternak. The poet and his politics, Camb. (Mass.), 1990. + ЛЭ: КЛЭ: Краткая евр. энциклопедия, т. 6, Иерусалим, 1992; Писатели совр. эпохи (I); Troitsky N. A., В. L. Pasternak. A bibliography, N.Y., 1969; Рус. поэты, т. 18 — Б. Пастернак; Мир П. [Каталог выставки в Гос. музеем изобразит. иск-в им. А. С. Пушкина], М., 1989 (сост. Е. С. Левитин).

Архивы: РГАЛИ, ф. 379; ИМЛН, ф. 120; ГЛМ, ф. 143; семейный архив (Москва и Оксфорд). Е. В. Пастернак и Е. Б. Пастернак.

ПАСТУХОВ Николай Иванович [1831, г. Гжатск Смоленской губ. — 28.7(10.8).1911, Москва], журналист, прозаик, издатель. Из бедной мещан. семьи. Систематич. образования не получил. В молодости служил в Смоленской и др. губерниях развездным контролером по откупам (см. автобиогр. кн. «Похождения откупных странников», М., 1864). Приехав в Москву, нек-рое время работал на почтамте (развозит казенную корреспонденцию по присутств. местам); позднее показывал фокусы в балаганах. В нач. 60-х гг. открыл пивную лавочку на Арбатской пл. (см.: Данилин Ф., В Титы за Галилея. — «Рус. газ.», 1880, № 4). Описанию быта питейных заведений посвящены кн. «Стихотворения» (М., 1862) и комедия «Питейная контора» (М., [1862]). Адвокат Ф. Н. Плевако, посещавший лавочку П., приобщил его к журналистике и представил ред. «Рус. ведомостей». С 1865, разорившись, П. активно стал сотрудничать в этой газете, а также в «Петерб. листке» (корреспонденции с Нижегород. ярмарки под псевд. Философ с Откоса — не учтен у Масанова).

В агентурной справке III отд. отмечалось в 1867, что П., «будучи испорченной нравственностью... и заносчивого характера, провозит праздную жизнь, шляется постоянно в качестве газетного корреспондента по трактирам и др. публичным местам, собирает разные новости, распускает ложные слухи и сочиняет небылицы». Из-за чего моск. обер-полицейский просит моск. ген.-губернатора выслать П. из Москвы (ГАРФ, ф. 109, Сл. оп. 1, в. 2046, л. 27—28).

В сер. 1870-х гг. перешел в газ. «Совр. известия», где по 1880 печатал фельетоны, репортажи, уголовные рассказы [«Напророчичи. Из уголовной хроники Москвы» —

1878, 10 ... 26 апр.; «Убийство в селе Мытищах» — 1880, 26 янв.; и др.]. В кон. 60-х—70-х гг. печатался также в газ. «Петербург. газ.», «Нар. голос», «Рус. газ.», ж. «Развлечение», «Будильник» (репортажи, фельетоны, рассказы о моск. жизни). Благодаря хорошему знанию быта и живописи письма П. приобрел славу «первого репортера Москвы». Особенно любил П. описывать нижегород. ярмарки и пожары. «Он даже выработал особый пожарный стиль, „деклами“ к-рого впоследствии пользовалась плеяда репортеров „пастуховской школы“», не исключая и В. А. Гиляровского (см.: Шетинин Б. А., Легендарный издатель. — ИВ, 1911, № 9). Свои лучшие бытовые очерки («Гуляние в Кускове», «Очерки Рогожской»), юмористиче-

ские («Билет гамбургской лотереи», «Знакомство с писателем») и уголовные («Напророчичи», «Убийство на мельнице») рассказы объединил в кн. «Очерки и рассказы „Старого знакомого“» (М., 1879). Выпустил также очерковую брошюру «Святые ночи в Москве с 1882 по 1886 г.» (М., 1895).

С 1881 до конца своей жизни П. — изд.-ред. «Моск. листка», рассчитанного на неискушенного читателя; в нем П. постоянно выступал с фельетонами, очерками, корреспонденциями. «Моск. листок» «сразу завоевал симпатии ласков, горничных, кучеров, прачек, кухарок, лавочников, мелких ремесленников, кулечева средней руки и т. п.» (Шетинин Б. А., Хозяин Москвы. — ИВ, 1917, № 5/6, с. 455; ср.: Мартынов П. К., Цвет нашей интеллигенции, СПб., 1893, с. 206), тем самым создав нового газетного читателя в среде гор. низов. П. пользовался поддержкой М. Н. Каткова (см. передовую в «Моск. вед.», 1884, 8 февр.) и К. П. Победоносцева (к-рому иногда посылал материалы на предварит. просмотр — см.: РА, 1917, № 1,

с. 95). Лит. репутация П. и его газеты была невысока («лучше без штатного... на визит пойти, чем у него работать» — Чехов в Письма, I, 70).

В 1882—85 в «Моск. листке» П. опубликовал ром. «Разбойник Чуркин. Нар. сказание» (отд. изд., ч. 1—5, М., 1883—84, 2-е изд., ч. 1—4, М., 1908). Объединив традиционный для фольклора и любочной лит-ры сюжет о «благородном» разбойнике и репортерски точные описания недавних реальных событий (использовало подлинное следств. дело грабителя В. Чуркина), автор «сделал из этого вполне заурядного преступника героя» (К. Н. Смирнов — «Развлечение», 1884, № 47, с. 989). Притягательный для низового читателя образ гл. героя, с к-рым не могут справиться власти, подробное описание экстраординарных событий (грабежи, кровавые убийства и т. п.), простота стиля повествования обеспечили роману (а также газете) небывалую популярность, в т. ч. в рабочей среде (см.: Решетов С., К новой жизни, М.—Л., 1926, с. 8; Ушедшая Москва, М., 1964, с. 395; Лица. Биогр. альм., в. 4, М.—СПб., 1994, с. 335—38), поддерживавшуюся серьезностью и длительностью его публикации.

Нар. читатель воспринял Чуркина как бунтаря против фабрикантов, купцов, полиции и т. д., а роман использовался революционерами для пропаганды (см.: Моисеенко П. А., Воспоминания, 1873—1923, М., 1924, с. 57—58). «Разбойник Чуркин» породил множество подражания (см.: Пругавин А. С., Запрос народа в обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания, 2-е изд., СПб., 1895, с. 405—410) и пародии (см. напр.: «Вот она, наша интеллига Москва!», М., 1883, с. 67—84; Назосицкий знакомый, «Разбойник Чуркин». — «Новости дня», 1884, 10 нояб.; «Назосицкий разбойник Чуркин» — «Рус. сатирич. листок», 1884, № 33) и даже попал в любочную картинку (см.: Полвека для книги, М., 1916, с. 194—95).

Широкая популярность романа и его влияние на «нар. нравственность» вызвали озабоченность в лит. и общ. кругах. Так, А. П. Чехов в «Осколках моск. жизни» (1885, 19 янв.) утверждал, что «... в Москве считаются пастуховские „Разбойником Чуркиным“ и идут в... разбойничьи; осылают на случай с детьми, беззащитным «леся» и совершившими убийство, он пишет «стелворном влиянии чтения (повсюду) книги детские умы» (Чехов, XVI, 143). И. С. Андриков опубли в своей газ. «Русь» (1885, 9 февр.) подборку читательских отзывов (интерпретированных и, возможно, написанных им самим — см.: Васюков с. 6), в к-рых утверждалось, что роман развращающее влияет на рабочих. Через две недели Победоносцев в письме нач. Гл. управления по делам печати Е. М. Феофановича предлагал почитать «о средствах к ограничению распространения и публичной пролазе таковы изданий» (ЛН, т. 22/24, с. 514), а еще через три недели П. опубли. окончание романа, финал которого ста гибель Чуркина под упавшим асбестом (серая лиш. причастного к неординарному содержанию романа, называли Каткова (см.: Шетинин Б. А., Хозяин Москвы, с. 521) и ген.-губернатора Москвы В. А. Долгорукого («Моск. ведом.», с. 6)).

Популярность «Моск. листка» позволила П. быстро разбогатеть: в 1882 он приобрел собств. типографию (в конце жизни стал миллионером). Вокруг П. сложился своеобразный кружок из сотрудников «Моск. листка», в к-рый входили А. М. Гер-

сон, М. А. Козырев, И. К. Кондратьев, А. М. Пазухин, С. Ф. Рыскин и др. В 1888 получил звание потомств. почт. гражданина. Издавал также газ. «Нижегород. ярмарка» (1883), «Нижегород. почта» (1884—1903), ж. «Колокольчик» (1882), «Гуслиар» (1889—90), «Заноза» (1891).

Калоритная фигура П. запечатлена на совр. миниатюрах. В роме Н. Э. Гейнце «В тине адвокатур» (СПб., 1893) он изображен под фам. Петухова, получившего деньги на издание «Моск. листка» посредством шантажа; см. также пов. В. П. Буренина «Роман в Кисловодске», где П. послужил прототипом Сангова (Буренин В. П., Мертвая нога. — Роман в Кисловодске, СПб., 1886), и сатирич. рассказ в стихах И. С. Иванова «Старый знакомый» (М., 1881; полные И. К.-в). А. Р. Кутель встопанил, что П. «чмиче с сотрудниками не обращается, как на ты, попаре любви утлачивать в трагистре, за парой чаш, или в бане, куза бесплатно водил сотрудников, и всемо прсапониал и всемо более любил ... пожары» (Кутель А. Р., Лит. восп., П.—М., 1923, с. 100).

Сын П., Влостор Николаевич (1864—1902), — журналист, в 1885—1912 ред.-изд. газ. «Нижегород. почта», в 1889—90 редакторизовал издаваемый отцом илл. ж. «Гуслиар».

Лит.: Чехов. XVII (ук); Короленико (ук); Михневич; б. в. Причины нападков и разных выводов «Моск. листка» (— «Моск. газета», 1882, 5 окт.; Васюков С. «Скорпионы», М., 1901, с. б. 45—53; Короленико В. Г., Неск. слов ламити В. А. Гольшова. — В кн: Ламити В. А. Гольшова. М., 1910, с. 113; Тригорин К. (Кадитш М. П.), Пастухов. — «Моск. газета-копейка», 1911, 29 июля; Соколов А. А., Н. И. Пастухов (Из восп.). — «Моск. листок», илл. приб., 1911, № 31; Васильевский М. Н., Рус. Вильссал. — «Вест. лит.-ра», 1911, № 9; Соколова А. И., Встречи и знакомства. — ИВ, 1913, № 3, с. 850—63; Шеляков М. В., Оригиналы и чудеса. Н. И. Пастухов. — ИВ, 1913, № 11; Скроботов с. 18, 42; Амфиитеатров А., Из лит. восп. — «Рух» (Б.), 1923, 13 янв., 17, 22 февр.; Кубиков И., Ром. «Разбойник Чуркин» и его чптатели. — «Иск-во», 1927, кн. 2—3; Белоусов (2); Кизветтер А. А., На рубеже двух столетий. Прага, 1929, с. 20—21; Коротаев А. В., Чехов и малая пресса 80-х гг. — Уч. зап. ЛПТИ, т. 24, 1939, с. 91—94; Котыкин Б. П., Рус. журналистика 70-х и 80-х гг. XIX в., М., 1948, с. 50—52; Гиляровская В. А., Москва газетная. — В сто кн.: Избранное, т. 2, М., 1960; Балух В. П., Попил. редакция 80-х гг. XIX в. и рус. журналистика. М., 1971, с. 119—123; Есени Б. И., Рус. журналистика, т. 1702—1917 г., М., 1971, с. 49—50; Крымов В. А., Портреты необычных людей, Пермь, 1971, с. 236—37; А. Дуров, в жизни и на арене, М., 1984, с. 59—61. — Некрологи, 1911: МЛ, 29 июля; МВед, 30 июля; Утро России, 29 июля; Рус. слово, 29 июля; РВед, 29 июля; «Моск. газ.», 1 авг.; «Сев. утро», 30 июля (М. Горьшкин (М. Л. Леонов)), Самарин-Самойлович; Масанов (исчерно указавши даты жизни).

Архивы: РГАЛИ, ф. 860, оп. 1, в. 32 (рукописи статей Ю. В. Соболева «Вместе из Валанговского переулка»); РГИА, ф. 776, оп. 6, в. 534 (об изд. «Моск. листка»); ф. 1343, оп. 39, в. 3650 (дело о получении почт. гражданства П.); ЦНАМ, ф. 31, оп. 3, в. 156 (об изд. «Моск. листка»); оп. 3, в. 2123, л. 80—81 (жалоба в цензуру на изд.-ред. ж. «Развлекатель» Ф. Б. Миллера); ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 953 (письмо А. И. Арсеньеву, 1873). А. И. Рейнштам.

ПАТАРАКНИ Сергей Александрович [26*].(7.2).1860, Воронеж — янв. или февр. 1919, Петроград, писатель-юморист. Из дворян; сын офицера. В 1878 поступил на службу рядовым в правах вольноопределяющегося в запасной эскадрон 7-го гусарского Белорус. полка; через 3 месяца командирован в Елизаветград. кав. юнкерское уч-ще, по окон-

чании к-рого служил в чине корнета в 21-м драгун. Белорус. полку. После зачисления в 1882 в запас армейской кавалерии (с 1900 в отставке) жил в Петербурге.

Печататься начал в 1884 в газ. «Минута» — заметки из петерб. жизни (первая публ. — 21 июля, памяти писателя П. П. Сухонина). В 1885—1907 ближайший сотр. ж. «Стрекоза», его «столп» (Мартьянов П. К., Цвет нашей интеллигенции, 3-е изд., СПб., 1893, с. 206); с 1886 секр. редакции. Регулярно публиковал в «Стрекозе», ее альманахах и сб-ках бытовые юмористич. рассказы, сценки, анекдоты, стихи, эпиграммы, афоризмы, рассчитанные на массового читателя. Социальные проблем касался редко; наиболее острые рассказы «Первый дебют Ивана Ивановича» и «Прижок в либералы» были запрещены цензурой «за крайне неприличное глумление над деятельностью высоких адм. лиц» (РГИА, ф. 777, оп. 3, д. 41, 1875 г., л. 262—263, 419—420). В кон. 80-х — 90-х гг. под разл. псевдонимами печатался и в других юмористич. ж-лах: «Шут», «Заноза», «Осколки», «Будильник», «Весельчак» (и в его прил. «Веселые сб-ки»). В 1895 совм. с В. А. Мазуркевичем и М. В. Шеляковым выпустил кн. «Кровь растерзанного сердца. Тревожные песни трех первых рус. декадентов» (СПб., 1895), пародирующую два первых выпуска сб. «Рус. символисты» (сб. 1—2, М., 1894). В этой книге стихов, напечатанных красной краской (цветом крови «растерзанного сердца») и высмеивающих тех, «кто посвятил свою жизнь, чтобы воспевать лиловые звуки, железные страдания и бледно-розовые мечты» (с. 103), П. принадлежит циклы (подпись Сергей Терзаев): «Кружева» («...Все темно, нелепо, смирно./ Невозможно, как кошмар/ Адски-жалобно, досадно./ Словно

цепи и угар!» — «Гале К...»), «Терзания», «Нервы», «Скрежет». П. — автор книги шуточных афоризмов (подпись Не-Конфуций) «Философия нового века в ориг. изречениях, афоризмах и парадоксах» (СПб., 1901) и юмористич. «пестрых» рассказов на темы адюльтера (подпись С. Карр) «В чаду любви» (СПб., 1890), «Жирнода. Золотой поцелуй, Нан и др. рассказы», «В царстве любви и неги», «Блуждающие поцелуи» (все — СПб., 1902), «Похожденя дачного мужа» (СПб., 1903), «Тайны кокетливых будуаров» (СПб., 1904), «Мемуары дамской подвязки» (СПб., 1912).

Общств. значимость имели антибюрократич. сатирич. публикации П. периода Революции 1905—07. Он подверг критике существующий режим и высших гос. чиновников в 1-м номере собств. «политико-сатирич.» еженед. «Злой дух» (1906); 2-й номер ж-ла был уничтожен в типографии, арестованы все оставшиеся экз. 1-го номера, а П. обвинен в полит. неблагонадежности и выслан из столицы (РГИА, ф. 776, оп. 8, д. 1473; ф. 777, оп. 6, д. 144). В дальнейшем он вновь вернулся к чисто развлекат. сюжетам (публикации в илл. ж. «Родина», «Семейная илл.», «Живописное обозр. всего мира», «Всемирная новь» и др.); после февр. 1917 печатался в ж. «Путач».

Лит.: Наши юмористы за 100 лет... Обзор рус. юмористич. лит.-ры и журналистики, СПб., 1904, с. 46; Вальде ле-Барр Е. А., «Свобода» рус. печати, Самара, 1906, с. 54—55, 85; Рус. периодич. печать (1895 — окт. 1917), М., 1957, с. 110; Рус. лит.-ра и журналистика (2), — Некролог: «Вест. лит.-ра», 1919, № 1—2, с. 12; Алма. и сб-ки (1, 2); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 357, оп. 5, № 86; ф. 377 (автобиография); РГАЛИ, ф. 1666, оп. 1, № 3066 (стхотворения); ф. 1343, оп. 27, № 1068 (дело о доарестации); РГВИА, ф. 400, оп. 17, в. 12195* (п. с. 1882 г.). В. М. Лукин.

ПАШИНО Пётр Иванович [5(17).2.1836, г. Ирбит Перм. губ. — 3(15).9.1891, Петербург, похоронен на Волковом кладб., ориенталист, автор путешествий, мемуарист. Отец — почтмейстер, коллеж. секр., из рода прилуцких казаков (ум. 1838). П. учился в Соликамском приходском (1841), Чардын. уездном (1842) уч-щах, затем в Перм. г-зии, в 1845, после смерти матери, принят на казен. счет в 1-ю казан. г-зию.

Обная атмосфера в казан. г-зии, восплавленная И. А. Галкиным — участником морских экспедиций П. П. Ламие, наряду с упорными преполюванием спец. дисциплин (истории и географии) уже в эти годы пробуждали в П. азарт путешественника. Его незаурядные способности к языкам (кроме европ. владел кн. вост. языками) были отмечены поручиком И. Н. Березиным (восп. П.: БВед, 1881, 16 июня, с. 982), а успехи в вост. яз. поощренил публ. его пер. «Татарские сказания» («Казан. губ. вест.», 1851, 5 марта). Чрезвычайно общительный П. был инструктором кн. дерзких выходец, и только заступничеством В. И. Григорьевича, в то время преподававшего в казан. г-зии (и в дальнейшем опекал П.), спасло его от заключения.

После окончания г-зии (1852) — казеннокоштный студент вост. отд.

ист.-филол. ф-та Казан. ун-та (позже П. упрекает П. Д. Боборыкина в искажении студентч. быта в ром. «В путь-дорогу» — см. восп.: БВед, 1881, 16 июня), завершил курс на вост. ф-те Петерб. ун-та (1855—56). В 1856 как «выдающийся» студент был командирован в д. Болгары (Казан. губ.) для участия в археологич. раскопках, обнаружил много ценных монет, к-рые передал в нумизматич. кабинет Петерб. ун-та и Петерб. археологич. об-во (см.: «Изв. рус. археологич. об-ва», 1859, т. I, стб. 41, 313). В 1859 защитил магистер. дис. В 1856—72 служил в Азиат. деп-те Мин-ва иностр. дел (с 1866 — навл. сов.; в 1872 — коллеж. сов.). В 1858—61 преподавал в Лесном ин-те (сравнит. статистика и обзор производит. сил России). Писал статьи о Востоке для «Энциклопедии рус. литераторов и ученых» (1861), помещал иссл. по экономике и этнографии стран и областей Востока в «Известиях РГО» (1867—77); с 1863 — чл.-корр. ВЭО, с 1870 — чл.-сотрудник РГО.

В 1857 сблизился с Н. В. Шелгуновым и М. Л. Михайловым, а через два года — с кругом писателей, примыкавших к «Рус. слову»; был восторженным и «внимат. слушателем» лит. диспутов, проводимых этим ж-лом (восп. П. — «Минута», 1882, 21 мая, с. 1). В 1858 начал занятия журналистикой, выпустив три номера «уличного» юмористич. листка «Потеха» (совм. с Б. И. Корзуном). В «Газете лесоводства и охоты» Шелгунова помещал (1858) корреспонденции об Оренбурге, казначестве (псевд. Ф. И. Конев). В это же время через гимназич. товарища познакомился с Н. А. Добролюбовым, к-рый привлек его к работе в ж-ле «Современник», где появилась первая заметная публ. П. — этногр. очерки «Волжские татары» (1860, № 6—7), написанные по впечатлениям от науч. поездки в Казан. губ. (1856).

В 1861—62 — владский секр. рус. посольства в Тегеране. О жизни в дипломатич. миссии, тесном общении с европ. дипломатич. колониями, своих успехах в языках П. рассказал позже в мемуарах «Из восп. секретаря посольства (О тегеранской жизни)» («Колосья», 1887, № 7/8). Остро ощущая несоответствие дипломатич. карьеры складу своего характера, он писал: «Судьба меня втолкнула в неподходящую сферу людей, у к-рых прежде всего в виду интрига, копанье ямы друг другу» (БВед, 1881, 8 июля, с. 1029). Пользуясь случаем, взял отпуск для изучения края, по возвращении в Петербург опубликовал очерки «Письма о Персии» («Еженед. прибавл. к „Рус. инвалиду“», 1864, № 35 ... 45), заметки «За Эриванью» (СПбВед, 1864, 14—16 июня), «Встреча с Вамбери в

Персии» (там же, 9 авг.) и др. Разочарованный мизерными лит. гонорарами, решил продолжить дипломатич. карьеру и вернуться в Персию (назначен старшим секр.), однако по ложному доносу о сочувствии народнич. группе «Земля и воля» поездка была отменена. В 1863—66 находился под полиц. надзором по обвинению в полит. неблагонадежности (ГАРФ, ф. 109, оп. 1, д. 235). В 1864 получил от Мин-ва внутр. дел (ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, д. 192, с. 212) и Мин-ва нар. просвещения (там же, с. 18—19) отказы в выпуске в Петербурге изданий на татар. яз. — ж. «Файда» («Полез») и газ. «Чулпан» («Планета»).

В 1866 и 1869 — драгоман (переводчик) при ген.-губ. Туркестан. края. С осуждением относился к не-

компетентности рос. чиновников, творящих в устрашение другим скорый суд «над правым и виноватым» («Из восп. драгомана» — «Колосья», 1884, № 7/8, с. 127). В 1866 как неблагонадежный был выслан из Ташкента пол конвоем. Путевые наблюдения, сведения о природных богатствах, культуре и промышленности Туркестан. края обобщил в богатой илл. изд. «Туркестанский край в 1866 году» (СПб., 1868; с посвящением гр. И. И. Воронцову-Дашкову), охотно распушавшемся и вскоре ставшем библиогр. редкостью. Появление этой книги во мн. соответствовало гос. программе культурно-эконом. освоения новых территорий. П. дал их первое подробное и добросовестное описание.

Критика назвала работу «великим и очень любопытным соч.» (ВЕ, 1869, № 1, с. 425), «бойким рассказом, живо передающим впечатлениями» (СО, 1869, 24 янв., с. 2; др. полонит. рец. — «Голос», 1869, 19 февр.). Однако Н. С. Курочкин отнесся к ней скептически, сравнив ее с «бессодержат. пысовой» в «роскошных декорациях» (ОЗ, 1869, № 2, с. 339) со следствия успешности и неродуманности отбора фактов, излишним вниманием к второстеп. деталям.

При отсутствии четкой полит. позиции, П. симпатизировал демокр.

лит-ре, что в сочетании с энциклопедич. образованностью и природным добродушием определяло неоднородный круг общения; многолетние друж. отношения связывали его с литераторами Н. А. Демертом (соучеником по казан. г-зину), Л. Н. Модзалевским (университет. товарищем), бр. Курочкиными, особенно с Вас. С. Курочкиным (познакомился в 1865), Д. Д. Минаевым; как ученый П. долгое время пользовался покровительством гр. Воронцова-Дашкова, воен. ген.-губ. Туркестан. края Д. И. Романовского, порицая при этом политику пр-ва в Ср. Азии и заработав тем самым в офиц. кругах репутацию «скорее упрямого ученого, нежели дипломата» (цит. по: Гнев ушве а, с. 48). Неумение зачастую ориентироваться в лит.-журн. и обществ.-полит. ситуации вызывало иронич. отношение к нему и в лит. среде (Минаев: «Вся пресса стала так безвкусна, // Что в ней есть место Пашино: // Все это было бы смешно, // Когда бы не было так грустно» (цит. по: Мартынов, с. 199)).

В 1872 П. сделал неудачную попытку издавать «Азиатский вестник», субсидируемый гр. Воронцово-Дашковыми. Фактич. ред. ж-ла — Вас. С. Курочкин; среди сотрудников — А. П. Пятковский, В. В. Лесевич, Н. М. Яаринцев, Шелгунов. Журнал задумывался как «учено-лит.» изд.; помимо материалов по истории, этнографии, экономике Востока в нем планировался обширный лит.-беллетристич. раздел. Сразу после выхода первой книжки «Азиатского вестника», открывавшейся ст. Шелгунова «Что такое Азия?», ценз. к-том была отмечена «социал-демокр. направленность издания, предпринятые меры к сужению его программы до специально востоковедной» (РГИА, ф. 777, оп. 2, д. 31). После ареста второго номера журнал был запрещен.

В 70—80-х гг. П., несмотря на частичную парализованность после перенесенного удара (1867; вышел в отставку без пенсии за невыслугой лет), продолжал путешествовать. В 1873—75 трижды бывал в Индии, в т. ч. в сев. областях, еще не известных европейцам.

Путешествия П. были нередко сопряжены с большим риском. Так, напр., только блестящее знание Корали и местных наречий спасло П. от смертной казни в Пиллито от рук разлит. фанатиков (1873).

Впечатления от пребывания в Индии описал в цикле фельетонов «Шесть месяцев в коровьем царстве» — «Голос», 1874, 19 июня ... 11 сент.). В последующие годы путешествовал по Юж. Персии, Китаю, Японии, Америке, Египту и др. Свои наблюдения отразил в многочисл. очерках («Собачья жизнь в Константинополе» — «Права», 1879, 12 авг. — 22 сент.; «Поперек Аме-

рики» — «Минута», 1882, 1—3 июня; «Мое свидание с Гарибальди» — там же, 19 июня; «Благовоспитанный Вуи-Цзы» — «Семейные вечера», 1883, № 1; «Театральное дело в Японии» — «Театр. мирок», 1885, № 8—9; и мн. др.), написанных, по отзыву современника, «так ловко, что они читались с большим интересом» (Плещеев, с. 168).

В 1881 безуспешно хлопотал о передаче ему газ. «Кавказ» (ИРЛИ, ф. 184, письмо Л. Н. Молдзелевскому, 5 авг. 1881). В 1880—82 опублик. лит. мемуары («Живые и мертвые» — БВед, 1881, 16 июня ... 28 июля; «Лит. воспоминания» — «Минута», 1882, 11 мая ... 26 мая), в к-рых рассказал о своих дет. и юнош. годах, начале лит. деятельности, а также обширных лит. знакомствах. Довольно сбивчивые и непоследовательные, восп. П. были скептически оценены современниками (см.: Михневич, с. 168), хотя и содержали богатый (правда, бесспорный) материал о мн. писателях.

В 1885 выпустил кн. «Вокруг света. По Индии» (СПб.) — 1-й т. предполагавшегося 4-томного издания, прекращенного за недостатком средств. По замыслу П., книга предназначалась «для легкого чтения» (с. VII), была построена на основе дневниковых записей с последоват. изложением маршрута путешествия, содержала описания природы, культурных обычаев и религ. нравов страны. С симпатией П. описывал миссионерскую политику англичан в Индии, противопоставляя ее действиям рос. «присяжных цивилизаторов» в Ср. Азии (с. 149). Значит. место занимали рассказы о многочисл. приключениях П., к-рые, по выражению одного из рецензентов, граничили с «фантазерством» (ВЕ, 1885, № 8, с. 883). Несмотря на увлекательность содержания, точность и яркость языка динамизм повествования местами нарушался лишними подробностями и повторами. Критика отметила оригинальность фактич. материала (ВЕ, 1885, № 8, с. 883), живость и доступность изложения («Новь», 1885, т. 5, № 17, с. 318).

Пробовал свои силы в массовой беллетристике — пов. «Участь баядерки Амрапути» («Театр. мирок», 1885, № 9—16), где в трогательно-романтич. тонах изображена антиколон. борьба в Индии. К концу 80-х гг. практически отошел от серьезной лит. и науч. деятельности. Не имея достаточных средств к существованию, начиная с 1882 ежегодно получал помощь от Лит. фонда (ИРЛИ, ф. 155, Ж-л к-та об-ва для пособия нуждающимся литераторам и ученым). Получил увечья в уличном инциденте (1886); по ходатайству Лит. фонда в 1890 был помещен в гор. богадельню, где умер, забытый

всеми. В 1892 ж. «Природа и люди» посмертно опублик. очерки П. «По Японии» (№ 35—43).

Лит.: Мартынов П. К., Дела и люди века, т. 1, СПб., 1893, с. 202, 204—06, 208, 211, 213, 214, 225; Ясинский И. И., Мои лит. работы и редакция «Азиатского вестника», — ИВ, 1891, № 12, с. 668—75; его же, Некрасов и молодежь 60-х гг. — «Книга и революция», 1921, № 2; его же, Роман моей жизни, М.—Л., 1926, с. 88—95; Плещеев А. А., Что вспоминаю, СПб., 1914, с. 166—68; Гневушева Е. И., Путешествия П. по Персии и Индии. — В кн.: Очерки по истории востоковедения, М., 1954; с.с. же, Из истории востоковедной просв. в России. — «Сов. востоковедение», 1955, № 3; с.с. же, Забытый путешественник, М., 1958; Назаров О., Забытый странник. — «Вокруг света», 1995, № 12, с. 26—29; ЛН, т. 51—52, ч. 2, с. 433 (письмо П. к Н. А. Некрасову, (1860)); Некрасов, 1891; ИВ, № 11; ВВ, № 12; «Петербург. газ.», 6 сент.; «Неславя», 8 сент.; ИВ, 5 и 6 сент.; «Новости», 5 сент.; Владимирова В., Ист. записка о 1-й казан. г-зии, Казань, 1867, прил., с. 28; Мат-лы для истории ф-та вост. языков, т. 1—2, СПб., 1905, с. 185, 224, 231, 248; Состав «Имп. рус. геогр. об-ва», СПб., 1876; РВед.Сб.; РСБ; Брокгауз; Покр.; Муратов (1, ук.); Масанов (не указан левая. Мухоморова, атрибутир. Е. И. Гисовицовой).

Архивы: ИРЛИ, ф. 93, оп. 2, № 192 (л. ф. в составе собрания П. Я. Дашкова); ф. 357, оп. 2, № 283 (автобиография); № 2052 (письмо Н. А. Добролюбову, 1860 г.); № 24956 (письмо К. Н. Бестужеву-Рюмину, 1881 г.); РГБ, ф. 169, оп. 72, № 71 (письма Д. А. Милотину); ф. 86, оп. 7, № 6 (письма В. И. Григорьеву); ИП, оп. 15, № 43 (письмо Н. А. Попову); РГИА, ф. 776, оп. 4, д. 488 (об издании «Азиатского вестн.»; п. с. 1870 г.); ф. 776, оп. 2, д. 8, 9, 10; оп. 5, д. 9 (шп. мат-лы); АВПР, ф. 159, оп. 464, № 2583 (ф. с. 1863 г.); ф. 154, оп. 710/1, № 198 (л. д. 1863 г.); ЦГА Узбекистана, ф. И—1, оп. 20, д. 2882, л. 3, 5, 16, 18, 26, 29; ЦГА Татарстана, ф. 87, оп. 1, л. 5592, л. 1—21; ф. 977, ист.-филол. ф-т Казан. ун-та, л. 693, л. 14; Союз Казан. ун-та, д. 3669, л. 32—34. М. А. Николаева

ПЕКАРСКИЙ Пётр Петрович (19(31).5.1827, близ Уфы — 12(24).7.1872, г. Павловск Петерб. губ.; похоронен на Новодевичьем кладб. в Петербурге), историк литературы, библиограф. Родился в дворянской семье выходцев из Польши. Окончил Уфимскую г-лию и юридич. ф-т Казанского ун-та (1847) со степенью кандидата (ун-тскому периоду посв. его «Студенческие воспоминания о Д. И. Мейере, профессоре Казан. ун-та». — В кн.: Братчина, ч. 1, СПб., 1859). В апр. 1848 поступил помощником столоначальника в Оренбург. губ. правление, в окт. того

же года переведен в Самар. удельную контору. В Самаре состоялось знакомство с Н. В. Шелгуновым, вместе с к-рым в 1851 П. переехал в Петербург, где служил в канцелярии Мин-ва финансов (до февр. 1862).

В 1853 познакомился с Н. Г. Чернышевским, к-рый оказал большое влияние на П., привлек его интерес к рус. истории и словесности 18 в. и ввел в круг «Современника», где П. стал пост. автором отдела «Словесность, науки и искусства». В 1855—62 опубликовал в ж-ле цикл статей, написанных преимущественно по мат-лам рукописного отдела имп. Публ. б-ки: «Русские мемуары XVIII в.» (1855, № 4, 5, 8), где П. проследил развитие лит. языка, «Поездка графа Матвеева в Париж в 1705 г.» (1856, № 6), «Мистерии и старинный театр в России» (1857, № 2, 3), «Актеры в России при Петре Великом» (1858, № 2), «Композиторы, русский прозаик и стихотворец, филолог и беллетрист XVIII столетия» (1858, № 6). Напечатал также историко-бытовые очерки первой четв. 18 в. «Петербургская старина» (1860, № 6, 7, 10), ст. «Журналистика во Франции до первой революции» (1861, № 3, 5) и «Журналистика во Франции во времена консульства и империи» (1862, № 3). Науч. интересы П. нашли отражение и в его незавершенной драме «Русский дворянин при Петре Великом» (1862; черновик: РНБ) о судьбе провинциального дворянина, попавшего в Москву в разгар петровских преобразований. Одновременно П. печатался в «Отеч. зап.» (с 1856), «Библиографич. зап.» (с 1858), «Воен. сб-ке» (1858), публикуя неск. мат-лы о лит-ре 18 в. (о М. В. Ломоносове, В. К. Треднаковском, А. Д. Кантемире, Н. Н. Поповском и др.). В 1861—62 П. написал ряд статей о рус. деятелях 18 в. для «Энциклопедического словаря, составленного рус. учеными и литераторами» (т. 1—5). Для всех этих публикаций характерны не только источниковедч. основательность, но и демократизм науч. установок: П. с одинаковым усердием изучал как верхние явления отеч. словесности, так и массовую книжную продукцию безвестных авторов, избегая эстетич. критики. Об одной из статей той поры Чернышевский писал Н. А. Некрасову: «Не эффектно, порядочно, не больше» (Чернышевский, XIV, 340); позднее Чернышевский отдал должное труду П., назвав его «умнейшим и учнейшим из всех тогдашних членов рус. отделения Академии наук» (там же, XV, 389). По свидетельству П. (см.: Машкова, с. 20), именно Чернышевский подсказал ему идею науч. описания книг, изданных при Петре I. В 1855 П. напечатал «План и образцы библиографич. обозрения

рус. книг петровского времени» («Изв. АН по ОРЯС», 1855, т. 4; полужит. отклик А. Ф. Бычкова — там же) и в течение нескольких лет усиленно трудился над его воплощением, обследуя 6-ки Петербурга, Москвы и частные коллекции. Созданное им описание книг и для современников, и для последующих поколений стало эталоном тщательности и точности. Введение к библиографическому описанию разрослось в самостоятельную историю просвещения при Петре I, составившее первый том труда «Наука и литература в России при Петре Великом» (т. 1—2, СПб., 1862; библиографическое описание во 2-й т.). Обладавший поразительной работоспособностью, П. завершил свой труд в 1858, но выход книги был задержан цензурой, как светской, так и духовной, по требованию к-рой из рукописи была изъята целая глава «Полемич. соч. начала XVIII в.», посв. духовной лит-ре, в т. ч. старообрядч. сочинениям. Лишь в кон. 1861 работа П. была разрешена к печати (удостоена Демидовской пр.; рец.: И. И. Срезневский, Я. К. Грот — в кн.: Тридцатое присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград..., СПб., 1861).

Выход книги вызвал широкий резонанс, обусловленный актуальностью переоценки в эпоху Великих реформ значительности Петра I в истории России (реп. 1862: «Время», № 4; «Свисток», № 6; «Северная почта», № 121, 192, 193; БЧ, № 4). Средн. рец. выделял ст. Д. И. Писарева «Бедная русская мысль» (РСЛ, 1862, № 4—5), в к-рой труд П., как послепетровский «ограждение» Петра I, был подвергнут уничтожающей критике, а сам автор признан неспособным к науч. общению («Книга г. Писарева дает очень много фактов и очень мало выводов», «суха и бесплодна» — Писарев, II, 52, 53), хотя резидент и признавал, что П. — «сотрудник „Современника“, умеющий иногда отвечать живыми статьями на запросы времени» (там же, с. 56).

Увлеченный науч. работой и арх. разысканиями, П. постепенно отходил от активного участия в обществ. жизни. Еще в период работы над «Наукой и литературой...» он писал А. Н. Афанасьеву (1860): «Я почти совсем оставил не только знакомых, но и приятелей, и до меня едва доходит то, что совершается в XIX столетии» (см. в кн.: Помощь голодающим, М., 1892, с. 533). В марте 1862 П. переходит на службу в Гос. архив (1871 — д. стат. сов.). В 1863 избирается адъюнктом, в 1864 — экстраординарным, а в 1868 — ординарным академиком АН. Полностью связав себя с науч. и издательской деятельностью Академии, он ограничил свой круг общения почти исключительно коллегами (А. Ф. Бычков, Срезневский, Грот). С 1863 по поручению АН приступил к составлению ее истории по мат-лам академич. архива («История нинп. Академии наук в Петербурге», т. 1—2, СПб., 1870—1873; доведена до 1767; впервые написаны науч. биографии Ломоносова и Тредиаковского). В 1862—72 публи-

ковал новые мат-лы по рус. истории 18 в., в т. ч. «Маркиз де-ла-Шетарди в России 1740—1742 гг. Пер. рукописных депеш франц. посольства в Петербурге» (СПб., 1862), «Жизнь и литературная переписка П. Н. Рычкова» (СПб., 1867); подготовил кн. «Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву» (СПб., 1866, совм. с Гротом) и «Бумаги нинп. Екатерины II [1744—1771]» (т. 1—2, СПб., 1871—72). Выступал с многочисл. статьями по истории рус. образования и науки 18 в. Характер этих публикаций создал П. репутацию не историка, а собирателя («коллектора»), к-рый страшится делать выводы. В Академии П. занимал намеренно консервативную позицию, в политике мог заявить, что «в науке не нужно никаких убеждений» (Никитенко, II, 540) или что он «к литературе и литературам не питает ни малейшего сочувствия» (там же, с. 472). Вместе с тем Грот вспоминал, что «трудно найти человека, который бы с большею последовательностью держал своих убеждений и правил, и трудно встретиться с более честными и благородными убеждениями» (СПбВед, 1872, I авг., с. 1).

Усиленные занятия подорвали здоровье П., дважды у него были удары (1867 и 1868, лечился в Париже); по рекомендации врачей он жил в Павловске, где скоропостижно умер от холеры.

Изм.: Восп. П. о его службе в Гос. архиве. — «Историч. зап. поэт. ист.-археол. комиссии за 1926 г.», в. 1 (34), Л., 1927 (публ. И. А. Бычкова).

Лит.: Чернышевский (ук.); Никитенко (ук.); Шелгунов и др. (ук.); Грот Я. Восп. о В. И. Дале и П. СПб., 1873, с. 55—59; Субботин Н. Восп. о некоторых писателях прошедшего столетия и их письмах. — РВ, 1905, т. 298, № 7, с. 240—53; Пашин А. Н. Мои заметки, М., 1910, с. 99—101; Машкова М. В. П. П. Писаревский (1827—1872), М., 1937 (портрет, библиография соч. и лит.); Берков П. Н. Введение в изучение рус. лит-ры XVIII в., Л., 1964, ч. 1, с. 101—105. + Некрологи, 1872: РС, № 12 (А. А. Кунин); ВЕ, № 9 (А. Н. Пышкин); «Яросл. губ. вед.», 10 авг. (В. Лостынский); ВН, № 207 (б. п.). Стенограмм: Брокгауз; РБС; Южаков; КЛЭ; СДР; Муратов (1, ук.); Степанов. Стенограмм (ук.); ИДРЛВ: Ист. клубника Петербурга. Справочник-путеводитель, СПб., 1993 (ук.); Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 568 (в т. ч. восп. 1867 «Учено-лит. Москва в кон. 1866 и нач. 1867 гг.»); ИРЛИ, № 16421—23 (мат-лы к словарю рус. писателей 18—19 вв. и к словарю посв., 1855—72); № 18880 (ф. с. 1872 г.); № 18879 (записка П. о своих ученых трудах); № 16426 (ст. «В. Г. Болтинский»).

С. И. Николаев.

ПЕРВУХИН Михаил Константинович [6(18).9.1870, Харьков — 30.12.1928, Рим], беллетрист, журналист. Из дворян. Потомок художника Д. Г. Левицкого (1735—1822). Отец П. — Конст. Пав., тнт. сов., пом. губ. землемера, служил в Губ. чертежной (Харьков. календарь на 1871 г., Х., 1870, с. 527); мать — Мария Анд. (урожд. Дмитриева; ум. 1901); согласно семейной легенде, род матери происходил из Италии (письмо П. к

А. А. Золотарёву от 6 сент. 1915 — РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 115, л. 37).

По восп. П., его отец, «средний рус. интеллигент шестидесятых годов», «звонительно остроумный, несомненно широчайший, вспыльчивый до потери сознания. И вот, имея уже большую семью... — сорвался: слится» (письмо П. к Золотарёву от 2 мая 1916 — там же, л. 43). Самым близким (по духу, судьбе, мировоззрению) человеком в семье П. считал брата — живописца-пейзажиста К. К. Перехина (1863—1915), чл. Т-ва передвижных худож. выставок (1899—1903), Союза рус. художников (с 1903), Рус. фотографич. общ-ва в Москве (с 1910), участника лит. кружка «Среда» (см.: Скиталец. Повести и рассказы. Восп., М., 1960, с. 421; Белый, кн. 2, с. 403; Васильев В. А., Страници прошлого, Л., 1976, ук.).

Биографич. сведения о П. скудны и противоречивы. Окончил Харьк. реальное уч-ще (1890). В 1896 женился (известно лишь имя жены — Елиза. Гринг.). До 1899 служил в управлении Курско-Севастопольской ж.д. По свидетельству автора некролога, П. в молодости отдал дань «обычному интеллигентскому мировоззрению... царское правительство считал врагом народа. Был исключен из университета (неизв. какого. — С. Г.); жил в изгнании» («Возрождение», Париж, 1929, 8 янв.; подписан А. В.). Заболел чахоткой «последнего градуса» и с 1899 поселился в Ялте («в компании с Куприним, с вечном пьяным поэтом Рославлевым и с чахоточным беллетристом Башкирным» — «Обломки», с. 3—4). Там же познакомился с А. П. Чеховым (о нем восп. П.: «Ялтинские ситуации» — «Одес. листок», 1904, 6 июля; «Чехов и Ялта» — РСЛ, 1904, 9 июля; «Из восп. о Чехове» — в кн.: Чехов в восп.), к-рый ругал П. за газетную поденщину: «Бессовестно писать разную дрянь, когда можете писать серьезные вещи» (письмо П. к Л. Н. Андрееву от 16 марта 1914 — РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 171, л. 4).

Первая публ. — «Восточные легенды» («Харьков. губ. вед.», 1895; не обнаружена; возможно, П. принадлежит опубли. в этой газ. рассказ

«Находка» — 1895, 12 нояб.; подпись М. К.). Печатаются в газетах «Приазовский край» (1899—1906), «Крым. курьер» (1900—06; с 1901 — ред. газ.), «Рус. слово» (1903—13), в ж-лах «Природа и люди» (1904—18), «Вокруг света» (1905—10), «Совр. мир» (1906—08, 1910, 1913—16), «Рус. мысль» (1907—09, 1912—14), «Мир приключений» (1911—15), «Ист. вестник» (1915—17), в сб-ках приключенческих рассказов «На суше и на море» (1910—14) и др.

Первые книги беллетристики П., составленные из ранее напечатанных в газетах произв., вышли в Ялте: «У самого берега синего моря. Очерки и рассказы» (ч. 1—2, 1903—04; 2-е доп. изд. — 1906) — зарисовки крымского, в т. ч. курортного, быта (среди персонажей — много обреченных больных), остро сюжетные, комич., иногда «страшные» истории, с убийствами, кражами, лит. переложение местных легенд; «Обыкновенная история. Повестушка из ялтинской жизни» (1903) — мелодрама красивой женщины, завершившаяся ее самоубийством.

Трагич. события рус.-япон. войны 1904 (особенно падение Порт-Артура) повлияли на мировоззрение П., к-рый «почувствовал, что не правительство, а Россия понесла ущерб... и что от царя и до меня, мы все — русские, Россия» («Возрождение», 1929, 8 янв.). В 1906 по приказу ген. И. А. Думбадзе, главноначальствующего Ялты, был выслан из Крыма в 24 часа (местные монархисты постановили «казнить смертью» П. как якобы вожака рев. движения за отказ напечатать в «Крым. курьере» письмо офицеров полка, к-рым командовал Думбадзе). П. решил оставить Россию. Год жил в Берлине (корр. моск. газ. «Утро»); затем переехал в Венецию к брату, в 1907 — на о. Капри, где познакомился с М. Горьким [«У М. Горького на Капри» («Одес. новости», 1907, 11 авг.); в письме к Андрееву от 16 марта 1914 П. подчеркивал, что «не мог стать холопом Горького» — РГАЛИ, ф. 11, оп. 1, № 171, л. 5] и членами рус. колонии — Золотарёвым, В. Л. Львовым-Рогачевским и др. С 1909 — в Риме: приняв предложение «Рус. слова», стал пост. корр. газеты. Жил с женой и дочерью «в чрезвычайной бедности» (М. А. Осоргин — ПН, Париж, 1929, 8 янв.). Печатались во мн. европ. газетах, в осн. итальянских. Продолжал сотрудничать в рус. газетах и журналах. Переводил на рус. яз. произведения Л. Пираделло. Публ. его рассказ «Россия в Италии» (РМ, 1908, № 3) приобрела скандально-комич. характер: герой рассказа — форестер — по замыслу автора, мошенник, преследуемый карабинерами, был перелан редакцией в «опаснейшего социалиста»; однако

«итальянцы, узнав из рассказа о возможности ареста и выдачи рус. социалиста, желяют иметь доказательство сего факта» (из письма Горького к К. П. Пятницкому ок. 20 мая 1908 — Архив Горького, т. 4, с. 254).

Пронз. П., выходящие в России, редко удоставались откликов. Автор журн. обзор. «Рус. мысли» (1904, № 10; 1905, № 4; 1906, № 11; видимо, Ю. И. Айхенвальд) высоко оценил «живое и талантливое перо» П. в рассказах «Свинташкино счастье» (МБ, 1904, № 9; отд. изд. — СПб., 1912), «Полное право» («Обр.», 1905, № 2), «На даче» (СМ, 1906, № 1), хотя отметил как недостаток «изв. стуженность красок» и эскизность. Все три вошли в сб-к рассказов «Догорающие лампы» (СПб., 1909). Львов-Рогачевский, обратив внимание на сумрачный, безотрадн. тон произв. П. (похожий, с его т. з., на Чехова), заметил, что писатель «интересует судьба тех, кого сносит поток новой жизни, тех, кто догорает, чахнет и гаснет» (СМ, 1910, № 7, с. 143). А. В. Амфитеатров назвал автора «мастером хорошего и честного письма», «художником чеховской школы», сумевшим передать «скорбь серенькой жизни», по темам и психологизму напоминающим К. С. Баранцевича (Амфитеатров, с. 143—44). Однако художником чеховской школы П. не стал. Его дальнейшую лит. судьбу определили газетная выучка и склонность к мистификации [так, получив в ж. «Вокруг света» (видимо, ок. 1905) заказ на перевод и недостаточно владея в то время иностр. языками, он сочинил неск. текстов, подписав их своей фам. как переводчик (об этом «курьере писательской карьеры» П. в некрологе Осоргина)]. Ему больше импонировали приключенч. и научно-фантастич. жанры: для детей старшего возраста — «Бой на воздушном океане. Рассказ воздухоплователя», «Последний подст Гей-Люссака» (оба — [М., 1911]); ориг. произв. (все остальное — его переводы) в сб-ках «На суше и на море» (кроме указанных Масановым П. принадлежат псевд.: Л. Томский, В. Украинцев, Л. Т.) — «Тайна», «Колыбель человечества», «Зеленая смерть», «Над краем лазурным» (все — М., 1912; иллюстрированы рисунками автора и фотографиями). В них — динамичность повествования, построенного в осн. на диалогах (П. избегает пространн. описаний), увлекательный сюжет, с обыгрыванием достижений совр. цивилизации (прыжки с парашотом, полеты на дирижабле, встреча вололазов с подводным чудовищем и т. п.), бойкий язык, стилизованный под иностранный (почти все персонажи с иностр. именами).

В мировую войну 1914—18 и рев-цию 1917 П. остро переживал свою причастность России, пытаясь осмыслить ее судьбу («... нам абсолютно нужен Константинополь, нужны проливы, нужна Галлиция, нужна Прибалтика, ибо без них мы снова будем рабами» — письмо Золотарёву от апр. 1917, РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 115, л. 46). С 1917 П. — ред. рус. отдела рим. газ. «Эпоха», корр. газ. «Общее дело» (Париж) В. Л. Бурцева (с к-рым состоял в переписке), рижской газ. «Сегодня» и др. Работал в рус. б-ке Л. Толстого в Риме. Издал на итал. яз. кн. «I bolsceviki» («Большевики», Bologna, 1918; предлс. историка Е. Ф. Шмуцло) — ряд разоблачит. портретов «вождей» Окт. рев-ции (Л. Д. Троцкий, В. И. Ленин, А. В. Луначарский, Горький), многих из к-рых П. знал лично (по Капри). В кн. «La sfinge bolscevica» («Большевистский сфинкс»; Bologna, 1918) — картина рев. насилия в России глазами беженцев (приведен также пер. на итал. яз. письма Андреева к П. с отзывом о кн. «Большевики»). Эта же тема затронута в его кн. «Обломки» (Берлин, 1922), содержащей и автобиогр. мотивы.

Осмысление рев. событий в России способствовало отходу П. от демокр. лагеря. Осоргин в некрологе подчеркивает, что в 20-е гг. «резко расходился» в полит. взглядах с П., к-рый, по его мнению, «совершенно не мог разобраться в явлениях рос. жизни, забыть многое, чему раньше старался служить пером» (П., в свою очередь, видел в произв. Осоргина «коктейльное чистоплюйство» — письмо Золотарёву от 21 окт. 1915, РГАЛИ, ф. 218, оп. 1, № 115, л. 39 об.). На позицию П. в эти годы проливает свет его кн. «Мысли о фашизме» (Тяньшэнь, 1927), в к-рой он объявляет себя «первым по времени рус. фашистом» (с. 5), видя в фашизме (в его раннем итал. варианте) идеологию нац. возрождения, способную противостоять большевизму как в России, так и в Италии.

Наиб. известность получил его ист.-фантастич. ром. «Путачев-победитель» (Берлин, 1924; предлс. С. Кречетова; положит. рец. 1924: «Время», Берлин, 1 сент.; М. Борейский — НВ, Белград, 16 авг.; А. Филиппова — «Рус. газ.», 9 нояб.), первая часть к-рого опирается на ист. реалии, вторая — гипотетическая: что произошло бы, если бы Путачёв победил и воцарился на Москве. Роман навеян переживанием кровавых событий рев-ции и гражд. войны в России. По поволу романа из жизни богемы «Жемчужное ожерелье» (Рига, [1928]; рец.: «Лит-ра и жизнь», 1928, № 2—3, с. 24—25) Айхенвальд заметил, что, хотя его «содержание не бедно трагизмом... в шутилом больше вернии автору,

чем в серьезном», и уловил «намекы на реальных людей и реальные события — пожалуй, отзвуки каких-то сплетен» («Руль», Берлин, 1928, 10 окт.).

Незадолго до кончины П. писал Вас. И. Немировичу-Данченко: «... мы — я и жена (единственная дочь Елена к этому времени умерла. — С. Г.) — одним раз в день, да и то столько, что и воробья не накормишь. Изо дня в день, из года в год — живем надеждою на „близкое“ падение большевиков. А они, каналы, почему-то не хотят „рухнуть“» (письмо от 1 сент. 1928 — РГАЛИ, ф. 355, оп. 2, № 215, л. 1 об.).

Др. произв.: «Санта-Кьяра. (Из итал. акварелей)» («Жар-птица», 1921, № 4/5), «Достоевский в Италии» («Рус. книга», 1921, № 3), «Фьяметта» («Сполохи», 1922, № 6, 7), «Дьяволетто. Рассказы для детей» (Берлин, 1922).

Изд.: Пугачев-победитель, Екатеринбург, 1994 (послесл. И. Г. Халыбаздан).

Лит.: Чехов. Письма (ук.): Амфитеатров А., Заметы сердца. СПб., [1909]: «Природе и любви», 1910, № 32, с. 506 (биогр. очерк о П.); Волконская А. М., Ист. правда и украинификация пропаганды. Турин, 1920, с. 189; Гардзонно С. П. — летописец рус. репрессии для итальянцев и похода на Рим для русских. — Тезисы доклада на «Четвертых Балканских чехосл.», М., 1996; Струве Г., Рус. лит-ра в Испании. 3-е изд., Париж—М., 1996 (ук.); ЛН, т. 68, 95 (ук.). + Некролог, 1929: «Возрождение», 2 янв.; «Рут», Берлин, 4 янв.; Алексеев А. Д., Лит-ра рус. зарубежья. Книги 1917—1940. Мат-лы к библи., СПб., 1993; Гранат: Фостер; ИДРД; Алены и с-ки (2); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, письма П. ф. 11, оп. 1, № 171 (Л. Н. Андрееву); ф. 163, оп. 1, № 189 (Б. Б. Глинскому); ф. 218, оп. 1, № 115, 146 (А. А. Золотареву); ф. 419, оп. 1, № 565 (В. В. Розанову); ф. 355, оп. 1, № 59, 215 (письма Вас. И. Немировичу-Данченко к П.); ф. 1345, оп. 2, № 134 (очерки П. «Остров Калры» и «Рус. полководцы исполитан. генеральского»); ф. 2482, оп. 1, № 49 (памятная вырезка — «Одна из встреч с С. А. Толстой»); ф. 826 (л. ф. К. К. Павловой); ф. 439, оп. 3, № 366, л. 79—80 (памятная вырезка — «Чехов и Суворов»); РГБ, ф. 259, л. 18, № 54, 55 (письма П. к Ф. И. Блягову); ИРЛИ, ф. 377; письма П.: ф. 549, № 52 (М. И. Гаккельбушу); ф. 123, оп. 2, № 256 (Н. В. Корешкову), № 315 (К. Р. Миллю); оп. 1, № 659—76 (статья П. в мажоритис); ГА Харьков. обл., ф. 40, оп. 105, л. 37, л. 206 об. (м. с.) (справка Т. В. Чернявской).

С. М. Гусков.

ПЕРЕВЕРЗЕВ Валерьян Фёдорович [5(17).10.1882, г. Бобров Воронеж. губ. — 5.5.1968, Москва; похоронен на Пятницком кладб.], литературовед, лит. критик. Отец — Фёд. Ив., писмоводитель Бобров. прог-зии, тит. сов. (с 1889); мать — Ел. Григ. (урожд. Сергеева). По окончании Бобров. прог-зии (1891—1902) П. поступил на естеств. ф-т Харьков. ун-та. Увлёкся марксизмом; в Сумах (куда переехала семья в 1902) стал чл. РСДРП (1903—06; в Орлов. орг-ции 1917—18), вел антиправительственную пропаганду среди новобранцев, гимназистов, рабочих. В 1904 исключен из ун-та. Живя в Полтаве на нелег. положении (под фам. Егоров), в 1907 арестован и заключен в тюрьму за хранение запре-

щенной лит-ры и вскоре отдан под особый надзор полиции. В 1908 выслан в Нарым. край. Находясь в ссылке П. был привлечен к суду за рев. деятельность 1905 и приговорен Харьков. судебной палатой в 1908 к 2 годам заключения, к-рое отбывал в тюрьме г. Лебедина Харьков. губ. (ГАРФ; см. также «Семейные и автобиогр. заметки» П. — РГБ, ф. 723, к. 19, № 7).

По выходе из тюрьмы (1910) отбывал оставшийся срок наказания в Сумах, в 1911 приехал в Москву, зарабатывал репетиторством. Печатал в ж. «Совр. мир» статьи и рецензии, поев. работам по рус. и заруб. лит-рам, переводам И. Г. Эренбурга из «средневекового декадента» Франсуа Вийона (1916, № 11), произв. Д. С. Мережковского (1915, № 4), рассказам В. Г. Лидина (1916, № 1) и др., отдавая предпочтение реалистич. лит-ре. Как лит. критик П. высоко оценивал только произв. с социально значимой проблематикой. В рец. на собр. соч. К. К. Павловой П. объявил ее творчество «поэзией чистой формы, поэзией от нечего делать» («Салонная поэтесса», 1915, № 12, с. 186), отметил, впрочем, стилистич. изобретательность, нешаблонность рифм и ритмич. разнообразие ее стихов. В ст. «Воздушный замок эстетики» (1914, № 6) П. утверждал, что символизм и футуризм — варианты одного течения в иск-ве, отличит. черта к-рого — «вражда к реализму» (с. 45). Оспаривая К. А. Эрберта, противопоставлявшего худож. творчество практической «эпидемической» деятельности и называвшего техник. успехи совр. цивилизации «стекляшками культуры», П. рассматривал иск-во с т. з. теории игры, подчеркивал его связь со всеми сторонами человек. деятельности. Сходные мысли П. — в рецензиях на кн. А. М. Евлахова «Реализм или ир-

реализм» (1915, № 3) и на 7-й сб. «Вопросов теории и психологии творчества» (1916, № 2). П. печатал также в ж. «Жен. дело» статьи по педагогике и жен. вопросу (1912—15).

Написанная в тюрьме кн. «Творчество Достоевского» (М., 1912; 3-е изд. — М.—Л., 1928) — опыт использования социально-генетич. (каузального) метода в лит-ведении. Опираясь на эстетич. теорию Г. В. Плеханова, П. трактовал худож. характер как социокультурную личность, строго ограниченную определенной средой; стиль считал проекцией породившего характер бытия. Так, стиль Достоевского П. выводит из психологии «упадочного мешанства». В предисл. к книге П. Н. Сакулин (назвавший П. «молодым критиком») отметил, что социологического мерила, предложенного П., «недостаточно для того, чтобы понять Достоевского в его наиб. сложных созданиях» (с. XIV—XV). А. Г. Горнфельд считал, что П. дискредитировал социологич. метод «чуждым невниманием к человек. индивидуальностям» (РБ, 1912, № 11, с. 388). Однако конкретный анализ произв. Достоевского не свелен у П. к иллюстрациям социологич. метода: рассмотрен христ. оптимизм писателя, дана типология характеров в широком диапазоне их проявлений — от безграничной покорности до безудержного своеволия (о преобладании в анализе худож. произв. у П. экзистенциального подхода над социологическим и о его родстве с «органической критикой» А. А. Григорьева см.: Раков, 1993).

В кн. «Творчество Гоголя» (М., 1914; 4-е изд. — Иваново-Вознесенск, 1928) социологизаторство сочетается с характеристикой худож. типов, а также нек-рых элементов формы. П. определил психол. мимирию Чичикова и указал на использование в «Мертвых душах» «цветистого стиля» для юмористич. изображения. В формулировке исследоват. задачи — «обнаружить глубинную связь и взаимную обусловленность всех частей гоголевского творчества, его внутреннюю логику и органическую стройность» — содержится признаки системного подхода к лит-ре, к-рые укоренились в науке позднее. Однако Горнфельд отмечал, что П. «так задавлен марксистским шаблоном, так старается вогнать органическую жизненность гоголевского творчества в схему материалистического толкования, что о чем бы то ни было органическом не может быть речи» («Рус. записки», 1914, ноябрь, № 1, с. 408).

В 1916—17 П. служил воен. фельдшером. Был избран пред. Орлов. Совета рабочих и солдат. депутатов позднее — гор. голова Орла. Выступал с публицист. статьями на

страницах орлов. газет «Известия» и «Дело социал-демократа». Отмечая кризис совр. власти, полагал, что появление в России Учредит. собрания «будет великим торжеством революции» («Дело социал-демократа», 1917, 29 июля). В ст. «Сущность социализма» (там же, 3 авг.) утверждал, что «идея имущественного поравнения — совсем не социалистич. идея». Высоко оценивая Плеханова, воспитавшего целое поколение рус. социалистов, и именуя себя «плехановцем», П. одновременно говорит об его ошибках в оценке текущего момента (там же, 29 июля). В памфлете «Бесстыдники!» (там же, 25 авг.) П. выступает против тех, кто чернит рус. солдата, погибшего на войне за отечество.

С 1918 П. — чл. Социалистич. (позднее — Коммунистич.) акад. С 1921 — проф. Моск. ун-та (с 1934 по 1938 — ИФЛИ); чл. ГАХН (с 1922); одновременно — проф. Ин-та красной профессуры (1928—30) и др. учебных и науч. заведений и орг-ций. В 1926 женился на Кл. Ал-др. Эстриной. Статьи и рецензии публиковал в ж. «Печать и революция». Чл. редколлегий ЛЭ. В 20-е гг. возглавлял литературоведческое направление, названное тогда же «переверзевской школой» (Г. Н. Пospelов, У. Р. Фохт и др.; программную ст. П. «Необходимые предпосылки марксистского литературоведения» см. в кн.: Литературоведение. Сб-к статей под ред. П., М., 1928). В ходе дискуссии 1929—1930 эта школа была подвергнута резкой критике и обвинена в ревизионизме марксизма (см.: «Печать и революция», 1930, № 4). Выступления П. по докладу Г. Лукача, посвященным теории романа («Лит. критик», 1935, № 2, 3), расценивались Лукачем и М. А. Лифшицем как «буржуазно-меньшевистское» покушение на марксизм (там же).

В послереволюц. лит.-ведч. работах П. противопоставлял свой социологич. метод как культ.-ист. школе (с ее констатацией разд. «факторов» культурной жизни, влияющих на худож. творчество), так и формальной (сводившей специфику иск-ва слова к «системе приемов»). В ряде статей о творчестве И. А. Гончарова, преодолевая социологизаторство (им же декларируемое: «изображение эволюции бурж. поиски в период капиталистич. ломки» — «У истоков рус. реализма», с. 665), П. утверждает, что для проникновения в структуру романов писателя надо пользоваться не данными общественнознания, а «средствами чисто лит. анализа» (с. 664). Интерпретируя образы-персонажи романов Гончарова, П. не ограничивает их ни классовыми рамками, ни принадлежностью лишь к одному типу в лит. галерее (напр.,

«лишний человек», романтик и др.). По мнению П., вариант «обломовщины», представленный в «Обыкновенной истории» Александром Адуевым, получил завершение в образе Марка Волохова («Обрыв»), к-рый является не пародией на нигилизм, а банкротом в своем «обломовском нигилизме», отрицающим лишь семью и патриархальщину, а не рабство и эксплуататорство. Со слов Н. И. Либана, П. определял осн. коллизии романов Гончарова как конфликт двух миров: мира «коттеджа» и мира «ковчега» (инт. по кн.: Из истории рус. культуры, т. 5, М., 1996, с. 592).

В работе «Поэтворческий путь Пушкина» (1944—45; опубл. в кн.: У истоков рус. реализма) П. усматривает общность героев пушкин. поэм в индивидуализме, к-рый приводит к «трагедии обреченности». Характерен поворот П. к поиску связей, возникающих «из принадлежности поэтич. произведений личности одного и того же творца» («У истоков рус. реализма», с. 277). «Вышей тайной» композиционного мастерства Пушкина П. считал «прием многократного развертывания мотива» (с. 207).

П. придавал большое значение «малым именам» (А. Ф. Вельтман, В. Т. Нарезный) (см. его работу «У истоков рус. реального (во 2-м изд. — реалистич.) романа», М., 1937, 2-е изд. — М., 1965). Несмотря на прямолинейные социологич. выкладки (напр., сентиментализм объясняется «ростом денежного хозяйства»), здесь немало живых и ценных наблюдений. Так, в произв. Вельтмана усмотрены тяготение к ирреальному, «ассоциативный» синтаксис, «узурчатая, похожая на балагурство речь», превосходящие речевую форму романов Достоевского.

В 1938 П. был репрессирован. Отбывал заключение на Колыме и в Минусинске (здесь написаны работа «Поэтворческий путь Пушкина», в 1946 — заметки о философии Вл. С. Соловьева, проливающие свет на духовную эволюцию П.). В 1948 вернулся из лагерей в Александров, где написал кн. «Белнинский и театр» (рукопись — РГБ). В том же году снова арестован; находился в тюрьме и ссылке в Красноярском крае (здесь написана кн. об А. С. Макаренко, рукопись — РГБ). В 1956 вернулся в Москву, реабилитирован.

В «Основах эйдологической поэтики» (дописана в 1968; опубл. в кн.: Гоголь, Достоевский. Исследования) — возвращение к принципу каузальности, трактовка образа как «одушевленного познания». По мысли П., слово становится художественным лишь в образе. Кн. «Лит-ра Древней Руси» (опубл.: М., 1971), по мнению критики, ставила целью «максимально приблизить» предмет

своего исследования к совр. читателю (Демин А., «Близко ли далеко? — ВЛ, 1972, № 10, с. 207).

Изд.: Гоголь. Достоевский. Исследования, М., 1982 (вступ. ст. М. Полякова); У истоков рус. реализма, М., 1989 (вступ. ст. П. А. Николаева).

Лит.: Шуккин С., Две критики. Плеханов — Переверзев, М., 1930; Прохоров А., Переверзев и его ученики. — «На лит. посту», 1930, № 4; Михайлов А., К критике истологич. П. — Там же, № 5—7; Динамов С., Итоги литературоведческой дискуссии и «партийные друзья П.» — Там же, № 7; Против меньшевизма в литературоведении. О творч. проф. П. и его школе. Сб-к статей. М., 1931; Пospelов Г. Н., Методологич. развитие сов. литературоведения. — В кн.: Сов. литературоведение за пятьдесят лет, М., 1967; Рахов В., Из истории сов. литературоведения. Теория «социального генезиса» лит.-ры. Иваново, 1981; его же, О П. — по повому. — В кн.: Контекст. 1992, М., 1993; Таратуга Е., Учитель. — «Лит. обозр.», 1988, № 7, с. 92—93; Jackson R. L., The sociological method of V. F. Pervezzev. A rage for structure and determinism. — In: Literature and society in imperial Russia. 1800—1914, Stanford, 1978. ↑ Некролог: ЛГ. 1968, 8 мая. ЛЭ; КЛЭ; Муратов (1, 2; укл.).

Архивы: РГБ, ф. 723; РГАЛИ, ф. 984, оп. 1, № 155 (п. д. 1932 г.); ГАРФ, ф. 102, 7 а-во, 1907 г., а. 6620; ф. 63, 1915 г., а. 31, т. 2 (справка З. И. Перегудовой). П. А. Николаев

ПЕРЕВОДЧИКОВА Августа Васильевна [1838 — 18.4 (1.5), 1908, Саратов], поэтесса. Биогр. сведения о П. скудны и не всегда достоверны. По свидетельству А. Н. Мошина, П. род. в Сибири в семье бедного чиновника (переселившегося позже в Поволжье), к-рый выучил ее грамоте и отдал в монастырь. О матери сведений нет, возможно, по причине драмы, отголоски к-рой — в рассказе П. «Семейная история» («Саратов. дневник», 1893, 23 дек.): жена ушла от мужа, бросив дочь. Из монастыря П. вернулась домой, чтобы ухаживать за умирающим отцом. Оставшись сиротой, жила в Саратове в полусырой комнате, зарабатывая шитьем рубашек, вязанием карпеток и т. п. Вскоре отправилась в деревню и 18 лет проработала сел. учительницей от земства. Заболела, вернулась в Саратов; став уже известным в городе литератором, жила в бедности.

В первой публ. — стих. «О жизнь, скажи, открой твои мне тайны...» и «В сердце незаметно...» («Саратов. дневник», 1893, 9 мая) — переживание одиночества, боязнь бесцельного существования, надежда на то, что «туман тоски» рассеется. Стихи П. печатаются также в др. изд. («Тобольские губ. вед.», 1893). Сб-ки стих. «Осенние мотивы» (Саратов, 1895, 1897), «Вечерние тени» (Саратов, 1897; реп.: «Саратов. дневник», 1897, 6 сент.), «Мечты и жизнь» (Саратов, 1898) дали основание рецензенту назвать музу П. «печальной»: она поет «о разных „горестях земных“, о зле и больше всего о нужде» — «очень скучно, очень тоскливо, но зато правдиво» («Саратов. листок», 1897, 27 авг.). Моск. критик, не признавая у П. «крупного поэтич. дарования», отметил «доброе

ПЕРЕВОЩИКОВ

чувство» и «деятельную любовь к ближнему» как приятное исключение среди «совр. претензиозной декадентской дребедени» (РВед, 1897, 8 сент.). А. В. А. (мифотеатров?) с удовлетворением констатирует принадлежность П. к «поэтич. лагерю» Н. А. Некрасова, И. С. Никитина, Ю. В. Жаловской (а не Ш. Бодлера и не П. Верлена!), хотя отметил, что стихи ее «бледноваты по форме» (НВ, 1898, 21 янв.). В его же рец. на «Стихотворения» (2-е изд., Саратов, 1901; 3-е изд., М., 1902, с предисл. Мошина; рец.: РМ, 1903, № 3; «Обр.», 1903, № 8) использовано то же критич. клише: с одобрением говорится о простоте, искренности, отсутствии поэтич. кокетства и эффектных поз, о «живых гражд. нотах», о прелестной наивности, от которой «веет задушевностью старинного романа», о народности, за которую «можно простить многое», в т. ч. и шероховатость «спотыкливо-го» стиха («Россия», 1901, 9 окт.).

Стихи П. регулярно печатались не только в провинц. изд. («Саратов. дневник», красноварский «Енисей», 1904—05; новая кн. «Стихотворения», Саратов, 1905; рецензент «Сиб. края» назвал стихи П. «песнями опшельничества» — 1905, 6 июля), но появлялись и в столичных ж-лах («Новый век», 1901, № 8, 9, 11; «Нар. благо», 1902, № 36; «Ясный Сокол», 1908, № 3) и сб-ках («Нужды», М., 1896—97; рец.: РБ, 1896, № 8; «К заветной цели», М., 1904).

Рассказы П. публиковались в «Саратов. дневнике» в 1893 (напр., «Старый учитель» — 8 сент.; «Певичка» — 26 сент.; «На родине» — 14 окт.). Прозач. сб-к «Штрихи» (Саратов, 1898) вызвал упреки рецензента: автор взялся описывать жизнь «заурядных людей» и «слишком щедро» использует «таинственное значение смерти» (половина рассказов кончается смертью героев, в других — герои на краю могилы; МВед, 1898, 22 окт.). На фоне бытовых зарисовок выделяются персонажи, близкие П. по духу и по судьбе: бездомный сел. учитель-«просветитель», молодая труженица, взявшая на себя после смерти отца заботу о матери и о сестре.

Изд.: [Стихи]. — В кн.: Избр. прозы, рус. поэзия. 5-е изд. СПб., 1909 (сост. В. Д. Богач-Бруевич).

Лит.: Петрова Л., Из лит. прошлого Саратова. Заметки о творчестве поэтессы П. — В кн.: Лит. Саратов. Альян., кн. 8. Саратов, 1947; Рус. писатели в Саратов. Поволжье, Саратов, 1964, с. 110—116 (ст. В. В. Шабанова); Шабанова А., «...Колыбель моих песен — страдания...». — «Лит. Россия», 1985, 22 нояб.; ЛН, т. 53—54, с. 566. + Некрасов: «Саратов. вост.», 1908, 20 апр. Тарасенко: Каталог Б-ни Саратов. коммун. собрания. Саратов, 1904, с. 31, 54; 1914, с. 63; Альян. и сб-ки (1).

Архивы: РГБ, ф. 683, к. 3, № 11, л. 23 (Н. П. Рогожин. «Мат-лы к биобиблиогр. словарю рус. писателей. вышедших из трудовой среды»);

РГАЛИ, ф. 1307, оп. 2, № 68 (письмо Ф. С. Шугубеву).

В. Н. Абросимова

ПЕРЕВОЩИКОВ, **Перевощиков**, **Василий Матвеевич** (П(12).4.1785, г. Саранск Пензен. наместничества — 6(18).10.1851, Петербург, похоронен на Смоленском кладб.), автор трудов по эстетике и истории рус. лит-ры, переводчик. Происходил из неродовитых дворян Пензен. губ. Брат Д. М. Перевощиков (см. о нем ниже). Был женат на Е. М. Княжевич, сестре А. М., Д. М. и Н. М. Княжевичей; свидетельство Ю. К. Арнольда о том, что жена П. — «урожденная Воейкова» (Арнольд, с. 149), не соответствует действительности.

Первоначальное образование получил в Саранском нар. уч-ще. В 1801 поступил в Казан. г-зию, в 1805 казеннокоштным студентом в Казан. ун-т, где стал одним из основателей (1805) и активных участников Казан. об-ва любителей отеч. словесности. В 1805 выполнил перевод «Начальных оснований лит-ры» Ш. Баттё (не опублик.; см.: Бюотр. словарь профессоров Казан. ун-та, ч. 1, с. 147), положивший начало его работе по популяризации зап.-европ. эстетики 18 в. В 1806 П. как «признанный наилучшим достаточную подготовку» (там же, с. 147) переводится ст. учителем философии и словесности в Пензен. г-зию. В 1808 на торжествах в Казан. г-зии произносит речь, понравившуюся попечителю Казан. ун-та С. Я. Румовскому, благодаря чему в 1809 без экзамена получает звание магистра словесных наук ун-та и место пом. инспектора студентов, к-рое занимает до 1814.

В 1809—10 П. печатается в ж. «Цветник», с издателями к-рого сближается, возможно, через Княжевичей. Его первой публикацией становится стих. «Песня» (1809, № 6), за к-рой следует еще несколько оргий и переводных стих.: «Элегия» Э. Парни — «В печальной юности я жил одно мгновение» (1810, № 5), «Утро» Ф. Шиллера и романс «Павел и Виргиния» по мотивам ром. Ж. Бернарден де Сен-Пьера (1809, № 8, 10). Поэтич. опыты П. несут на себе следы добросовестного освоения стихота. культуры старшего карамянства. В том же русле находится и единств. прозаич. худож. произв. П., помещенное в «Цветнике», — сентимент. пов. «Модест и София» (1810, № 5—6), где речь идет о крушении, к-рое терпит сентимент. герой в свете, о счастье и любви, вновь обретенных им в сел. уединении. Скорее всего, П. был также автором (или переводчиком) сказочной повести «Лебеди» («Цветник», 1810, № 8—9), подписанной Ф. П.-ъ.

В 1811 П. становится адъюнктом Казан. ун-та, в 1814 — экстраординарным, а в 1820 — ordinaryным

проф. истории, географии и статистики. Помимо преподавания истории и лит-ры П. вел также переводч. семинар со студентами: под его наблюдением осуществлялись переводы с франц., нем. и лат. языков. П. участвовал в подготовке ун-тских изданий, был под началом Г. Н. Гордчаншинова редактором и цензором первой рус. провинц. газеты «Казан. известия» (1811—13); в № 33 газеты за 1811 поместил сатирич. фельетон «Разговор на бале» — о воспитании детей, единств. материал беллетристич. характера среди офиц. хроник. В 1814 на годовом акте ун-та произнес «Речь... [о пользе наук вообще и в особенности о пользе Казан. университета]» (Каз., 1814; ВЕ, 1814, № 18), где дана любопытная характеристика географич. положения и культурной ситуации Казани. С 1816 был членом ун-тского к-та по составлению «Ученых записок», замысел к-рых, однако, остался неиспользованным. В 1817—20 — чл. Правления ун-та и Училищного к-та, примыкал к «русской партии», вешая борьбу с нем. профессорами (Загоскин, т. 2, ч. 2, с. 109 и др.). П. принадлежит одно из немногих числ. свидетельств о последних годах жизни В. А. Озерова, с к-рым он виделся в Казани в 1812 (РС, 1896, № 3, с. 544—45).

Сотрудничество П. с «Вест. Европы», начавшееся в 1814, обозначает новый этап его лит. деятельности, всецело связанный с ун-тским преподаванием. Помимо «Речи ...» здесь в 1814—16 публикуются его переводы идилий Ф. К. Броннера с нем. (ВЕ, 1814, № 5, 9; подписаны в отличие от последующих публикаций, топонимом: село Покровское — так называлось владение П.). Ученик и последователь С. Геснера, Броннер в эти годы был профессором физики Казан. ун-та и приятелем П. Одновременно сначала в «Рос. музеуме» (1815, № 4—6), а затем в «Вест. Европы» (1816, № 12—13, 17/18) печатаются фрагменты написанной им теории словесности: «Опыт о средствах пленять воображение», «Опыт о возбуждении и утлении страстей» и «Опыт о убеждении разумом». По мнению П., сформулированные им во всех трех «Опытах ...» рекомендации в совокупности «дадут писателям силу всепобеждающую» (цит. по кн.: Рус. эстетич. трактаты..., с. 284). Считая «первым и главным предметом эстетики» вопрос, «что есть изящное вообщее», и видя в ней «учение» о чувственном восприятии мира (там же, с. 262), П. в своих эстетич. взглядах опирался по преимуществу на труды теоретиков 18 в.: Баттё, А. Г. Баумгартена, И. Г. Зюльера и др., критикуя как «материализм» франц. просветителей, «инстребивший и нравств-

ПЕРЕВОЩИКОВ

венность, и религию, и законы» (ВЕ, 1816, № 17/18, с. 22), так и новейших нем. философов, «со времен Канта, по введению им непонятному образу писания, едва ли самих себя разумеющих» (там же, с. 22; см. также прим., с. 25). Примеры для теории словесности П. черпает как из античной и зап.-европ. лит-ры, так и из рус. писателей 18 в., прежде всего из М. В. Ломоносова, М. М. Хераскова, Г. Р. Державина и Н. М. Карамзина, однако охотнее всего цитирует Н. Буало.

Ревизию Казан. ун-та М. Л. Магницким сложилась для П. благоприятно (Записки, т. 3, с. 299), он предполагал по закрытию ун-та использовать П. по его «собственному желанию» по Министерству духовных дел и нар. просвещения (там же, с. 306) и за «усердное содействие вселению нового порадка» представлял его к посылке «в столицу, где он никогда не бывал» (там же, т. 4, с. 290). Вероятно, изменением ситуации в ун-те продиктована публичная лекция П. (29 февр. 1820) «О взаимном отношении наук и христ. религии», а также восторг, отзыв, данный им на соч. Гордациниуса «Мнение христианства о праве естественном». Вместе с тем, как можно судить по мемуарам М. М. Погова, по-видимому, был не против представить себя жертвой гонений со стороны Магницкого: «В одном месте привелось ему быть свидетелем неправым, аслаемой людям столь смышленым, что их превозмочь было невозможно — и он тотчас пересел в другой город. Там, в стране лести и покорности, ожидали его чины и ордена, но он спешил уехать с собой гораздо лучшею вещью — свое доброе имя» (РС, 1896, № 3, с. 553). В биографии П. это показание может быть соотносено только с его переездом из Казани в Дерпт.

В Дерптском ун-те П. с осени 1820 получил место профессора рус. словесности, к-рое ранее занимал А. Ф. Воейков, в 1824 и 1827 — декан историко-филол. ф-та, в 1827 назначен дир. Профессорского ин-та, куда приезжали на подготовку к получению профессорского звания выпускники др. ун-тов Рос. империи.

Положение П. в этом, по преимуществу нем., ун-те было достаточно сложным. «Переселяясь из Казани в Дерпт, — вспоминал он, — я слышал чуждый язык, видел иные обычаи и нравы, должен был обращаться с людьми незнакомыми и ко мне равнодушными» («Атеней», 1828, № 6, с. 155). Его лекции по рус. словесности не пользовались популярностью у студентов, большая часть к-рых не знала рус. языка, а остальные не могли принять его консервативных лит. взглядов. По словам одного из его нем. студентов Э. Андерса, П. защищал поэзию 18 в. от поклонников новейших романтиков, всякий «со слезами на глазах» («Baltische Monatschrift», 1892, Bd 39, Heft 5, S. 286).

Самостоятельность о П. его рус. студентам достаточно разноразно. Ученившийся в Профессорском ин-те Н. И. Пирогов, вспоминал, напр., с П. личный конфликт, отзывавший о нем, как о «типе суевого, безызысканного, скрытного ... бюрократа» (Пирогов, с. 336). С др. стороны, Ариольда называет П. «чрезвычайно образованным и основательным лектором, к-рый умел привлекать в книги своих слушателей любовь к нашей литературе», и вспоминает, что гостеприимный дом П. был средоточием немолчаливой рус. колонии в Дерпте (Ариольда, с. 148—149). Гиперболически восторженную характеристику П. давший его позднее М. Попов, находивший в

наружности, характере и поступках П. «что-то караимское»: «Он всегда правдив и, можно сказать, грациозен в своих поступках. Кротость и доброты видны в каждом его действии. В его благосклонности ко всем, в его признательности за знаки уважения к нему так многого, что к нему невольно пишется самое нежное чувство ... Искреннее желание общего блага и спокойствия — вот основание его мыслей. Это один из тех людей, которыми твердо и счастливо царство. Если он не святой человек, то — святой гражданин» (РС, 1896, № 3, с. 551, 552—53).

В числе немногих рус. учеников П. был Н. М. Языков, поначалу сближенный с П., ценивший его «познавательный и верный ... вкус» (Языков, с. 77) и находивший общение с ним «чрезвычайно полезным» (там же, с. 35), хотя и сожалевший, что тот «почитает Хераскова величайшим поэтом и прозаиком» и «принимает... за образец слога русской прозы Шишкова» (там же, с. 178, 35). П. высоко оценил дарование Языкова, к-рый писал брату, что П. «даже на лекциях не начинает говорить, пока у я не приду; даже в глаза говорит мне, что я имею истинный талант» (там же, с. 119).

П. пытался использовать свое влияние на Языкова, чтобы направить молодого поэта к поэти. и религ. благонамеренности (он, в частности, осуждал А. С. Пушкина за недостаток «характера и постоянных правил нравственности», проявляющийся в сочинениях, — ВЕ, 1897, № 11, с. 163). Однако к концу своего пребывания в Дерпте Языков начинает тяготиться опекой П., чему способствует и резкое падение репутации П. в студенц. среде.

В 1827 столкновение П. со студентами, к-рого он назвал грубияном, приводит к бойкоту лекций П., примерив в то же время происходит его ссора с Пироговым и др. студентами Профессорского ин-та, раздраженными его напором. В результате в 1830 П. подал в отставку.

В Дерпте интересы П. смешиваются с эстетич. на историко-лит. проблемы (в 1825 будет избран чл. ОИДР при Моск. ун-те). В 1822 в «Вестнике Европы» появляется цикл статей П. под общим загл. «Материалы для истории рос. словесности». Цикл включал в себя очерки о Св. Димитрии Ростовском (Туптало) (№ 5), Ф. Прокоповиче (№ 9/10), А. Кантемире (№ 13/14), Ломоносове (№ 17—18). В очерках наряду с фактич. сведениями содержится попытка критич. оценки творчества этих писателей, причем отмечаются как их достоинства, так и недостатки, по мнению П., связанные с тем, что они жили «в таком веке, в котором вкус не имел еще надлежащего руководства и должен был бороться с языком необразованным, хотя и богатым» (ВЕ, 1822, № 18, с. 102). Свое повествование П. пытался оживить биографич. подробностями.

Содержавшееся в ст. о Димитрии Ростовском утверждение о единстве философии и религии, по з-речу «всех сей философии есть вера хри-стианская» (ВЕ, 1822, № 5, с. 24), вызвало ненатурный скандал. Попечитель Моск. ун. округа А. П. Обажинский указал, что статья «включает в показанию единства между данными предмета, кои им на высшей ступи между собой не име-

ют», потребовал от ректора ун-та А. А. Прокоповича-Антонского «предупредить во внимание цензуры, чтобы она ... такого рода рассуждений, с умножением христианства являющихся, не дозволяла печатать им под каким видом» (РА, 1897, кн. 2, с. 120).

В 1822 П. издает в Дерпте (с посвящением вел. кн. Михаилу Павловичу) свою итоговую книгу «Опыты», куда вошли его речи, переводы из антич. авторов (прежде всего из Тацита), переводы илидрий Броннера, слова «О темных и светлых видах при гробе» И. Г. Гердера и др., статьи по эстетике и житие князя Я. Ф. Долгорукова, ранее напечатанное в «Благонамеренном» (1819, № 2—4). В целом «Опыты» отчетливо ориентированы на пед. деятельность П. Характерно отсутствие здесь его ранних произв., публиковавшихся в «Цветнике». Критич. отзывы на «Опыты» были в целом благоприятны, хотя и не лишены замечаний («И. И. Давыдов» — ВЕ, 1822, № 20; «А. Е.» и «Земляков» — «Благ.», 1822, № 22; Анастасевич — СО, 1822, № 30). А. А. Бестужев (Марлинский) указал на архаичность «Опытов» и недостаточность «логики... в сей эстетике» (СО, 1822, № 36, с. 111). Ф. В. Булгарин в стихотв. переводах П. увидел более «усилия ученого человека, а не пинтические порывы» (СА, 1823, № 5, с. 402).

В дерптский период жизни П. также были опубли. «Слово о превосходстве самодержавного правления» (Дерпт, 1826; а также: «Славянин», 1827, № 17—18) — речь, прочитанная им на торжеств. акте в ун-те в день восшествия на престол имп. Николая I, а также жизнеописание ген. Б. Ф. Кнорринга, с к-рым он был знаком по Дерпту («Атеней», 1828, № 6; отд. изд. — М., 1828). Он поддерживал переписку с Воейковым (письма Воейкова к П. см.: РА, 1890, кн. 3), М. Т. Каченовским (см.: Языков, с. 43). Судя по свидетельству о тесном общении семьи П. с Мойерами (Уткинский сб., [в.] 1, М., 1904, с. 273), П. должен был быть знаком с В. А. Жуковским.

После отставки П. поселяется в Петербурге. В 1833 он занимается сбором материалов для биографии Карамзина, для жизнеописания к-рого им были составлены вопросы, обращенные к людям, лично знавшим Карамзина. Преположив их к И. Дмитриеву, П. А. Вяземский писал: «Мехотом из них... замечательны своею простосердечностью... Перевощиков ума не имеет острого и глубокомысленного, но литературные труды его не без достоинства» (РА, 1868, № 4/5, стб. 628—629). Гл. достоинство Вяземский и Дмитриев находили в том, что он «честный литератор». Замысел, однако, не был осуществлен.

Избрание П. в 1835 (по представлению А. С. Шишкова) в члены Рос. академии переклонило его внимание на труды, предназначенные для Академии. В 1836 (СПб.) выходил очередная часть его «Материалов для истории рос. словесности» «О рус. летописях и летописателях по 1240 г.» (2-е, доп. изд. — В кн.: «Тр.

имп. Рос. Академии, 1841, ч. 4) (сочувств. отзыв М. П. Погодина, встретившегося с П. в кон. 1838, — в его кн.: Год в чужих краях, ч. 1, М., 1844, с. 25—26). В эти же годы П. подготавливал «Росписи книгам и рукописям имп. Рос. Академии» (СПб., 1840).

В 1841 П. переживает личную драму в связи с обвинением его сына в краже казенного перстня [оправдан по прошению П. на высочайшее мнмя; зафиксированная в «Рус. старине» (1879, № 1, с. 157—58)] легенда о том, что прошение было обращено к Александру I и его составил Карамзин, опровергается не только датировкой рукописи (РНБ, ф. 452, № 603), но и содержанием документа]. В 1840-е гг. П., возможно, по причине плохого здоровья отходит от лит. деятельности.

Др. произв.: «Приветствие... вел. кн. Михаилу Павловичу от Казан. университета» (СО, 1817, № 41), переводы с нем.: фрагмент из «Истории Швейцарского Союза» И. Мюллера (ВЕ, 1822, № 21), «Избранные притчи» Ф. А. Круммахера (М., 1835).

Перевощиков Дмитрий Матвеевич (1788—1880), брат П., астроном, математик, акад. АН (с 1855). Проф. Моск. ун-та (1826—1851) и его ректор (1848—51) (восп. о преподават. деятельности см.: Колосовых Н. П. Из прошлого, [М.], 1894, с. 5—6; Сто один [А. Д. Галахов] — РВ, 1876, № 11, с. 188—91, 195). Учился в Казан. ун-те, где общался с Н. И. Лобачевским. С. Т. Аксаковым; с последним и позднее сохранял дружеские отношения (общался также с Т. Н. Грановским, осымь М. С. Щеглина, М. П. Погодина). Автор тр. по астрономии, физике и математике, одним из первых начал издавать матем. уч. лит-ру, подготовил «Рундую матем. энциклопедию» (кн. 1—12, 14, М., 1826—38).

Дн. Мать часто выступал в периодике: пост. сотрудник «Атеней» М. Г. Павлова, эпизодически печатался в «Моск. телеграфе» (1820), «Моск. вестнике» (1828), «Москвитинине» (1842, 1848), «Отеч. записках» (1834—1844), где опублик. статьи «О плавании звезд» (1839, № 8), «Звездное небо» (1840, № 10), о «физич. географии» и др. Пересказ в Петербурге (1857), став сотрудничать в «Современнике» (1848—49, 1852—53), помимо «чужих статей» пометив там «Поездку из Петербурга в Крым и обратно» (1853, № 1), переводил соч. франц. астронома и полит. деятеля Д. Ф. Араго «История моей молодости» (1854, № 6), «Слово Мольеру...» (1855, № 10). Дослужился до д. стат. советника. См. о нем: РБС; Брокгауз; Сп. профессоров Моск. ун-та, ч. 2; Полевой, Матем., с. 261—62; Белинский (ук.); Белинский в восп. совр., М., 1977, с. 142, 282, 601; Чернышевский (ук.); Богдан, ОЗ (1); Богдан, «Совр.», БЭЗ.

Над.: Опыт о средствах пленять воображение. — В кн.: Рус. эстетич. трактаты первой трети XIX в., т. 1, М., 1974; Моисей и София. — В кн.: Рус. сентиментальная повесть, М., 1979 (без атрибуции П.); Франц элима XVIII—XIX вв. в переводах поэтов пушкинской поры, М., 1989, с. 456—57, 600.

Лит.: Некролог: ЖМНП, приб., 1852, т. 73, № 1; Плетнева П. А. Отзыв юнк. АН по ОРЯС за 1851, СПб., 1852, с. 347—49; Белинский (ук.); Пирогов Н. И. Соч., т. 1, СПб., 1887, с. 336—38; Чумиков А. А. Летомские забавы и шалостей дерптских студентов. 1803—1862. — РС, 1890, № 2, с. 361; Воейков А. Ф. Из писем к П. — РА, 1890, кн. 3; Архивья Ю. К. Восп., в. 1, М., 1892, с. 148—50; Попов М. М. Мелкие рассказы. — РС, 1896, № 3; Шенрок В. И. Н. М. Языков. Биогр. очерк. — ВЕ, 1897, № 11—12; Сухомлинов М. И. История Рос. Академии, в. 7—8, СПб., 1885—88 (ук.); Вяз-

земский, IX, 145; Биогр. словарь проф. Казан. ун-та, ч. 1; Загоскин И. П. История имп. Казан. ун-та за первые сто лет его существования. 1804—1904, т. 1—4, Каз., 1902—04 (ук.); Булич Н. И. Из первых лет Казан. ун-та, 2-е изд., ч. 1, СПб., 1904 (ук.); Петухов Е. В., Имп. Юрьевский, близкий Дерптский, ун-т за сто лет его существования (1802—1902), т. 1, Юрьев, 1902 (ук.); Языков Н. М. Письма к родным... (1822—1829), СПб., 1913 (Языковский архив, в. 1; ук.); Каменский З. А., Филос. идеи рус. просвещения, М., 1971 (ук.); А. Т. Письмо В. С. Сопкина. — «Кинга», сб. 32, М., 1976, с. 180—81; Лисинов В. П., М. В. Ломоносов в рус. историографии 1750—1850-х гг., В., 1983, с. 78—81; Вауру (2), с. 118, + Гензали; РБС; Брокгауз; Воронин И. Д. Лит. деятели и лит. иств. в Морозии, Саранск, 1951, с. 105; Муратов (1, ук.); Масанов. Е. М. Бул. А. Л. Зорис

ПЕРЕТЦ Григорий Григорьевич [11(23).11.1823 — 11(23).12.1883, Петербург (?); похоронен на Волковом кладб.,] поэт, критик, журналист. Из дворян. Сын Г. А. Перетца (тит. сов.) — члена «тайного оппозиционерства» (с 1819 или 1820), арестованного в июне 1826 (подробнее см. о нем: Перетц В. Н.,

Перетц Л. Н., Декабрист Г. А. Перетц.... Л., 1926). Отец А. Г. Бородинной, дядя В. Н. Перетца (1870—1935; литературовед, академик, собиратель рукоп. книг; см. о нем: БЭЗ, КЛЭ). Вся жизнь П. была связана с Петербургом, где он успешно окончил 2-ую гимназию (1832—40; обучение частично оплачивалось из капитала умершей матери, частично из казны) и поступил на 2-е отд. филос. ф-та ун-та. Однако в 1843 оставил учебу и около года служил при Комиссарском деп. В числе первых публ. — стих. в «Маяк» («Коломба» — 1840, ч. 12; «Смерть», «Разочарованным» — 1842, ч. 6) и «Б-ке для чтения» («На кладбище» — 1843, т. 60). В 1845 вышел его сб. «Стихотворения» (СПб., псевд. Петр Штавер; доброжелат. рец.: «Совр.», 1845, № 8). В. Г. Белинский в рец. (ОЗ, 1845, № 7) писал: «... очень хочется, чтоб автору было никак не больше 15-ти лет, потому что в таком случае мы имели бы удовольствие признать в

его стихотворениях нечто вроде таланта, чувства, и если не мысли, то стремления к мысли...» (IX, 170), «и если б мы не предполагали их автора очень молодым, не стоило бы труда и говорить о них» (IX, 172). Книга П., отмеченная чертами псевдоромантич. поэзии 40-х гг., дала критику повод для разговора о гражд. инфантильности в иск-ве. После 1846 П. стихов не печатал.

Получив право преподавания рус. яз. и лит-ры (после чтения пробных лекций, на основании свидетельства гл. начальника Воен.-уч. заведений), служил в Гл. инж. уч-ще (1849—53), Строит. уч-ще (с 1856; в 1860 произведен в навл. сов.), в 1861—63 — в Мариинском ин-те, Школе гвард. подпоручиков и кав. юнкеров и Технологич. ин-те. Ученики П. называли его лекции «бесцветно-сентиментальными» (Кони, 352). Оставил пед. поприще. Был командирован для изучения вопроса о подделывании рус. ассигнаций в Лондон, где познакомился с А. И. Герценом. Тогда же П. стал нештатным агентом III отд.: по его телеграмме был арестован П. А. Ветошников, возвращавшийся в Россию с письмами Герцена (к-рым не заполозрил П.: «Он, кажется, очень хороший и образованный человек», — Герцен, XVII, 244), Н. П. Огарева, М. А. Бакунина и В. И. Кельснева к деятелям рус. рев. подполья. Уже в 1863 П. стал одним из тех сотрудников, к-рым поручался наиб. сложная и длит. работа. Гр. П. А. Шувалов, отзвываясь о П., писал: «очень способный и образованный ... состоит заграничным агентом по надзору за рус. эмиграншей и пишет интересные и очень полезные для нас донесения» (Кони, 353). Вступил в петерб. К-т грамотности (1863), сделался его подчеркивающим участником: вносил предложения об организации бесплатной школы для сел. учителей, об увеличении статьи расхода на бесплатную рассылку книг, об издании избр. соч. А. С. Пушкина для народа. Однако именно на основании его докладных записок о деятельности К-та, способного «под прикрытием дела грамотности успешно вести и организовать обширный заговор» (ЛН, т. 67, с. 689), и Об-ва женского труда, возглавляемого П. Н. Ткачевым и П. Л. Лавровым, организации были запрещены. Сотрудничал в «Голосе» (в 1869—70 зав. внутр. отд.), «Правительство вест.» (в 60-е гг.), состоял «в действит. службе ... по редакции „Сев. почты“» (1863—68), а также опубл. ряд лит. популяризаторских статей биогр. характера в ж. «Пантеон» («Его, его жизнь и лит. деятельность» — 1848, № 1; «Соч. Княжнина» — 1850, № 1) и «Лит. библиотека» («Карамзин и его лит. деятельность» — 1866, № 4). В 1869—

1872 П. — сверхконтатный чиновник особых поручений Мин-ва внутр. дел (в 1869—70 командирован «для занятий по редакции „Правительств. вест.“»). С 1872 на гласной службе в III отд. С 1877 в отставке.

Источником неточности (в частности, в «Словаре писателей» И. Ф. Маслова) стало полное совпадение имени, отчества и фамилии П. и Перетца Григория Григорьевича (1113). 2. 1876, Петербург — после июня 1919), историка, журналиста. Согласно автобиографии (ИРЛИ, ф. 377, № 2793, л. 1), его «отец — педагог, журналист, аса — декабрист». (Данные сведения дают возможность предположить, что П. и Перетц Г. Г. состояли в родстве.) Окончил г-зию Человеческого об-ва. Киев. воен. уч-ще и Военно-юридич. академию. С 1900 печатался (в т. ч. в «Варшавском воен. ж-ле», газ. «Русь», «Рус. слово», «Бирж. вед.», «Речь», «Равное утро», а также в «Ежемесячном ж-ле», «Ниве», участвовал в «Вост. энциклопедии»). Отдельно издали: «Военно-судебные уставы иностранных государств» (СПб., 1900). «Записки комиссара штабс-капитана рус. революции» (П., 1917). «Очерки по истории Красной гвардии» (М., 1919) и др.

Лит.: Герцен (ук.); Занятия К-та грамотности, в. 8. СПб., 1863, с. 344—51; Протопопов Д. Л. История С.-Петерб. к-та грамотности (1861—95 г.), СПб., 1898, с. 28, 29, 305—06; Конин А. Ф. На жизненном пути, т. 2. М., 1916; Кийко Е. И., Великий о «Бедных людях» Достоевского. — В кн.: Проблемы реализма рус. лит-ры XIX в., М.—Л., 1961, с. 356—58; Ореховский И. В., Самообразование против революции, М., 1982 (ук.); ЛН, т. 41—42, с. 54, 56, 418, 467. + Венгеров: РБС; Маслов:

Архив: ИРЛИ, ф. 377; ф. 646 (л. ф. Бородинной А. Г.) [справка Н. А. Прозоровой]; РГИА, ф. 1284, оп. 67, з. 17 (ф. с. 1869 г.); ГАРФ, ф. 109, 1 экз., 1826 г., з. 61, ч. 175 (сведения об отце П.). М. Г. Алмазова.

ПЕРОВСКИЙ А. А., см. *Погорельский Антоний*.

ПЕРЦОВ Пётр Петрович [4(16).6. 1868, Казань — 19.5.1947, Москва], критик, публицист, искусствовед, поэт, мемуарист, племянник Э. П. Перцова. Происходил из старинной дворян. семьи; отец, Пётр Петр., — зем. деятель, навл. сов. В 1887 П. окончил 2-ю казан. г-зию с серебрян. медалью, в окт. 1892 — юридич. ф-т Казан. ун-та (с дипломом 1-й степени). Лит. деятельность начал в апр. 1890 корреспондентиями в столичных газ. «Неделя» и «Новости»; первое опубл. стих. — «Я иду по тропинке тенистой» (Кн. «Недели», 1890, № 9; подпись П. П.-в; стихи П. печатались в этом ж-ле и в последующие годы: 1891, № 6; 1892, № 6; 1893, № 10, 11; 1895, № 2). В казан. газ. «Волж. вест.», «Казан. бирж. листок», «Казан. вестн.» помещал стихи, рассказы, критич. статьи (часть под псевд. Посторонний). В юности П. придерживался радикально-народнист. убеждений, пользовался поддержкой А. И. Иванчина-Писарева, фактич. редактора «Волж. вестника» с осени 1891, встретив в его лице «того „идеального“ человека, о к-ром мечтает (т. е. мечтал тогда) всякий не вовсе обывательских наклонностей юноша» («Лит. восп.», с. 10), через него в июне 1892 познакомился с Н. К. Михайловским.

Приехав вместе с Иванчиным-Писаревым в сент. 1892 в Петербург, П.

стал пост. сотр. «Рус. богатства»; опубл. в ж-де 33 рецензии (1892, № 11, 12; подпись П. П.) и статью об А. П. Чехове «Изыяны творчества» (1893, № 1; первонач. загл. — «Беллетристическая папье монте»), в

к-рой вслед за Михайловским писал о фотографич. беспристрастии «беллетристич. аппарата» Чехова, случайности в выборе тем, равнодушию к обществ. проблемам, проявив, однако, внимание к собственно худож. значению его произв. Приоритет «эстетического» перед «общественным» для П. был отчасти обусловлен авторитетом «триады 40-х годов» — А. А. Фета, Я. П. Полонского, А. Н. Майкова, бывшими для него образцом в его собств. поэтич. опытах.

Стихотворения П. печатались в «Казан. вестн.» (1890, 23 дек.), «Волж. вест.» (1891, 1 янв.; 1892, 1 мар., 4 июня; 1893, 21 нояб.), «Наблюдатель» (1895, № 4, 7, 8, 10; 1896, № 7), «С.-Петерб. вест.» (1898, 1 нояб.); лит. прил. к «Торгово-пром. газ.» (1899, 12, 19 сент., 24 окт., 21 нояб.; 1900, 9, 30 янв., 6 февр.), «Нов. времена» (1899, 24 нояб., 19 дек.; 1900, 3 марта), альм. «Сев. цветы» на 1901 и на 1902, «Нов. путев.» (1903, № 8), «Лукоморье» (1914, № 13), но отц. соб-вом изданы не были.

Довольно быстро П. разувсерился в обществ. направленности и лит.-критич. установках «Рус. богатства», придя к убеждению, что «всамделишную критику» нужно писать, ориентируясь не на Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева, а на новейших зап. европ. эссеистов; его новые статьи забравываются редакцией [обязательства сотрудничества в «Рус. богатстве» подробно освещены в письмах П. к отцу 1892—93; см.: Петрова М. Г., Мемуарная версия при свете арх. док-тов. (Чехов, Михайловский и др.). — ИзвОЛЯ, 1987, т. 46, № 2, с. 156—72]. «Весной 1893 г., разойдясь с ж-лом во взглядах на иск-во и начинавшееся движение модернизма, вырваться в Казань, где в местной печати проводил свою точку зрения» [«Criticium vitae П. П. Перцова» (1925). — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 235, л. 1];

в «Волж. вест.» П. «отвел себе душу за весь великий пост „Рус. богатства“ и настойчиво внушал казан. обывателю уважение к поэтич. творчеству и его независимости от аллобденных потребностей» («Лит. восп.», с. 96). Статьи, опубл. в «Волж. вест.» в 1893—94, П. объединил в кн. «Письма о поэзии» (СПб., 1895). Анализируя понятия «идеализма» и «реализма», П. заключал, что «изо всех временных категорий — классицизма, романтизма, реализма, натурализма etc. остается жить только то, что относится к вечной категории — идеализма. Только воплощения вечного идеала и будут вечно волновать нас, вечно говорить с душой человека»; наиб. полно представляли начала «идеализма», по П., «люди 40-х годов», сумевшие гармонически сочетать эстетич. и обществ. тенденции, присоединить к «художнику» «гражданина» и «синтезировать их в позитив человека», — в отличие от односторонних «шестидесятников», утверждавших приоритет «гражданина» перед «художником». Обращаясь к совр. лит-ре, П. с удовлетворением отмечал пробуждение симпатий к идеалам 40-х гг.: «... за последнее время мутная волна тенденцизма начинает спадать» и «начинает все более и более выясняться роль поэзии как одного из изящных искусств» (с. 10, 31, 42).

Доказательство этого убеждения призвана была служить антология «Молодая поэзия. Сб. избранных стих. молодых рус. поэтов» (СПб., 1895), сост. и изданная П. вместе с двоюродным братом В. В. Перцовым; во вступ. заметке оповещалось: «Чуждые всякой партийности и тенденциозности, издатели руководились в своем выборе единственно правым Тургеневым: „в деле поэзии важна только одна поэзия“» (с. 1). Стихотворения 42 поэтов 1880—1890-х гг. отбирались прежде всего по принципу отражения в них «всечных истин», чтобы дать обобщенное представление об «особой полосе рус. стихотворчества» — «между надсоновским моментом (1883—1887 гг.) и моментом ясного выявления символического течения (1895 г.)» («Рус. поэзия 30 лет назад. Из лит. восп.» — «Свиток», 1926, № 4, с. 252).

«Письма о поэзии» и «Молодая поэзия» вызвали иронически-насмешливый отклик Михайловского (РБ, 1893, № 6), названного статьи П. собранием пустостей и «полной чашей взора» (2-я паг., с. 63), а в антологии не увидящего «никакой системы, никакой руководящей мысли» (с. 62). П. расценил это выступление как сведение «эмоциональных сфер» за «измену» «Рус. богатству» («Лит. восп.», с. 94). Однако на критику П. скептически отреагировали и др. критич. анонимный рецензент в ж. «Нов. слово», написавший, что «мыслишки поэты страдал малоисдержательностью и художесч.» заключал по поводу «совр. стихотворчества», к-рому приветствовал П.: «... что Г. Перцову в радость, то другим в печаль» (1895, № 2, ноябрь, 2-я паг., с. 78, 77).

Б. Б. Глинский отнес книги П. к числу «главных памятников булгаковского десятилетия» (ИВ, 1896, № 6, с. 927). В известном отзыве на «Молодую поэзию» проецировал отношение от представляемой панорамы новых поэтов, к-рые «отлично отразили... свое „безвременье“» (А. Б. (А. И. Богданович) — МБ, 1895, № 4, с. 255), зачатки себя возможных участниках сб-ка под загл. «Молодая квази-поэзия» (Ал. (Коринфский) — «Труд», 1895, № 8, с. 477) и т. п.; др. реп.: Архангельский Н., Мотивы «молодой» поэзии. — «Саратов. дневник», 1895, 1 марта; (М. О. Меньшиков) — «Неделя», 1895, № 15; А. М. Схабичевский — «Новости и бирж. газ.», 2-е изд., 1895, 13 апр.; Ш. (В. А. Шуф) — ПЛ, 1895, 14 апр.; Красно в Пл., Поэзия многовековой. — Кн. «Неделя», 1895, № 8; (М. М. Гербаковский) — «Набл», 1895, № 9.

Эволюция взглядов П. способствовала его сближению с кругом рус. символистов. В окт. 1893 завязывались отношения с Д. С. Мережковским, переросшие в многолетнюю дружескую связь. «Першов был наш „содельств“, — свидетельствует З. Н. Гиппиус. — Сам, как писатель, не очень яркий, но человек с большим вкусом и большим умом» (в кн.: Мережковский Д. С., 14 декабря. — Гиппиус-Мережковская З. Н., Дмитрий Мережковский, М., 1991, с. 350). В 1894 П. знакомится с В. Я. Брюсовым, их переписка сосредоточена исключительно на обмене мнениями о поэзии и разл. проблемах совр. лит. и обществ. жизни (см.: Письма В. Я. Брюсова к П., 1894—1896 гг. К истории раннего символизма, М., 1927; 175 писем Брюсова к П. и 186 писем П. к Брюсову — ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, № 15—27; РГБ, ф. 386, к. 98, № 4—13).

К 1896 относится знакомство П. с В. В. Розановым, их дружеские отношения и интенсивная переписка продолжались до смерти Розанова (267 писем П., 231 письмо Розанова — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 77—87, 176—186; 32 письма Розанова к П. — в кн.: Розанов В. В., Соч., М., 1990, с. 489—516; публ. А. Л. Налепина и Т. В. Померанской). По свидетельству П. (в письме к Д. Е. Максимова от 5 окт. 1930), Розанов считал письма к П. «самыми интересными» из своих писем» (РНБ, ф. 1136, № 34; восп. П. о Розанове — ГЛМ, ф. 327).

Во 2-й пол. 1890-х гг. П. занялся в Петербурге собств. издат. деятельностью; не преследуя коммерч. целей, он выпускал в свет книги близких ему авторов: «...я издаю книги, к-рые считаю хорошими и к-рые издавать автор не может, а издатели-купцы не хотят» (письмо П. к отцу от нач. февр. 1897 — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 74).

В числе изданий П. — «Весные спутники» (1897) Мережковского, четыре книги Розанова, появившиеся начало его широкой лит. известности: «Сумерки просветления», «Религия и культура», «Лит. очерки» (все три — 1899), «Природа и история» (1900), а также «Стихотворения» (1900) Д. П. Шостакова, филолога-классика и друга П. по Казани, и «Посмертный сборник» (1901) В. Н. Соловьева, казан. протестан-

ка и журналиста (со вступ. биограф. очерком, написанным П.).

Стремление видеть в худож. творчестве отражение вечных тем бытия и осмыслять их преломление в мироощущении и эстетич. сознании писателя проявилось в составленном П. сб. «Филос. течения рус. поэзии. Избр. стих. и критич. статьи С. А. Алдеевского, Д. С. Мережковского, Б. В. Никольского, П. П. Першова и Вл. С. Соловьева» (СПб., 1896, 1899); произв. 12 поэтов сопровождалась аналитич. очерками (статьи о Н. П. Огарёве, А. К. Толстом, Поллоном, А. Н. Апухтине и А. А. Голенищеве-Кутузове написал П.).

В ряде «старой» критики оценки сб-ка колебались — от полного неприятия П. и Мережковского как «полуобразованных, полувзвешенных изощрок, путавшихся в метафизич. дебрях словотв. мрака» (А. М. Схабичевский — «Нов. слово», 1896, № 9, июль, с. 197), до признания критич. дарования П., к-рый «может быть интересен и остроумен» и к-рый «обладает тонким вкусом, и возмученностью, необходимым для критика» (А. Б. (А. И. Богданович) — МБ, 1896, № 7, с. 237). Нашедший неосновательность попытки П. осмыслить поэзию, «просто-напросто пересказыва... статьи...», и отрицательно отзывавшийся об его очерках Глинский отметил их соответствие «духу эстетич. критики 1840-х годов» (ИВ, 1896, № 6, с. 939).

С весны 1897 до лета 1898 П. жил за границей, преим. в Италии, где изучал иск-во Возрождения; вскоре стал фиксировать свои впечатления и размышления: «...сперва начал записывать, потом писать, а потом уж забыл и глядеть, а только знать себе пишу. В конце концов получается статья о Венеции и гл. обр. о венецианской живописи... — чуть не целая книга» [письмо к отцу от 24 окт. 1897 — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 75]. В нояб. 1897 была закончена кн. «Венеция» [впервые: НП, 1903, № 3 («Венеция. Путевые очерки»; подпись Владимир Ф.), № 8, 9 («Венецианская школа живописи»]; отд. изд. — СПб., 1905; 2-е изд., пересмотр. и испр., под назв.: «Венеция и венецианская живопись», М., 1912), к-рую П. называл «любимой моей книжкой» (письмо А. В. Звенигородскому от 17/30 дек. 1925 — РГБ, ф. 218, к. 1071, № 39). «Пассивный созерцатель-художник» (Розанов В. В., Среди художников, СПб., 1914, с. 412; то же — М., 1994, с. 375), П. сочетал личные впечатления и эмоционально-аналитич. оценки памятников архитектуры и живописи с ист.-психол. экскурсами, в совокупности дававшими целостное представление о феномене венециан. культуры; к «Венеции» приложима характеристика, данная П. «Образам Италии» П. П. Муратова (ИВ, 1911, 27 марта): автор «сумел сохранить изысканность, оставаясь общепонятным, и быть беспристрастным, не поступаясь субъективностью вкуса».

Книга вышла в печати в ост. высокую оценку: написана «яркой и сочной кистью» (Брешко-Брешковский Н., Горная сказка — СПбВед, 1906, 14 марта), «в неприступной, но изящной самой своей неприступностию,

форме бесгих заметок» (И. Ф. Анненский — ЖМНП, 1906, ч. 5, № 9, 3-я пол., с. 91—92), «заряжает чувством Венеции» и дает «как бы формулу этого очарования» (б. п. — РБ, 1913, № 3, с. 373); отмечалось верное воздействие на П. искусствовед. работ И. Тэна и Р. Мугера (Брешковский-Брешковский Н., Искусство и художники. — Введ. вч. в., 1906, 16 марта; А. В. Луначарский — «Обр.», 1906, № 4; др. рец.: В. В. Розанов — ИВ, изд. прил., 1905, 16 нояб.; Н. Т(амарин) (М. Н. Окулов) — «Слово», лит. прил., 1906, № 4, 27 февр.; б. п. — РМ, 1906, № 3; (К. С. Кузьминский) — «Голос Москвы», илл. обзор., 1912, 30 мая; А. (Б.) Дерман — «Звезда», 1912, № 6.

Позднее П. написал в сходном жанре очерки об Испании и Флоренции, частично печатавшиеся в периодике, но отд. книгами не вышедшие (см.: «Очерки Испании» (1911—1915) — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 23; «Флоренция» (1914) — там же, № 24—25]. В переводе П. было издано «Путешествие по Италии» И. Тэна (т. 1—2, М., 1913—16). С 1894 П. совершил 11 поездок за границу, из них 5 раз в Италию.

С 1897 и до конца своих дней П. работал над фундаментальным филос. трудом «Основания космогонии» (или «Основания диалогизма»), представлявшим собой «попытку установления точных законов мировой морфологии (аналогия, хотя не очень близкая, с построениями Вико, Гегеля, Конта, Шпенглера в рус. мыслителей, как Хомяков, Данилевский, К. Леонтьев и Влад. Соловьев)» («Criticulum vitae П.», л. 2 об.; рукопись книги — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 1—11). Попробовав вывести универсальную формулу мироустройства и эволюции мировой культуры, П. противопоставлял европ. антропологию П. началу «рус. космозизма»; в своих «диалогических» построениях он видел «эмбрион ... новой и самостоятельной рус. философии, завершение и подлинное раскрытие славянофильства» (письмо Д. Е. Максимова от 24 окт. 1930 — РНБ, ф. 1136, № 34). Неприятие нем. неокантианской философии П. обосновал в статье, содержащей критич. разбор классификации наук Г. Риккертса, — «Гносеологич. недоразумения» [«Вопросы философии и психологии», 1909, кн. 1 (96)]. Славянофильские убеждения П., к кон. 1890-х гг. окончательно определившиеся и обустившие его лит. и публич. позицию, сказывались как в постоянно скептич. отношении к новейшим либерально-западным и радикально-демократ. направлениям обществ. мысли, так и в неприятии гос.-бюрократич. консерватизма и монархизма, в к-ром он видел вариант западного индивидуалистич. цезаризма, чуждого «соборному», «внутреннему, психическому единению» (письмо П. по поводу полемики С. Ф. Шарапова с кн. В. П. Мещерским — «Рус. труд», 1899, 2 окт.). Столь определенно заявленные идейные предпочтения сочетались у П. с широтой и недогма-

тичностью воззрений и критич. оценок, изблличивших в нем писателя острого, пронизательного ума и тонкого вкуса, глубоко чувствующего и понимающего худож. творчество и способного осмыслить явления иск-ва в системе мирового культурного развития. В письме к А. С. Суворину от 25 февр. 1900 П. подчеркивал, что «для наших художественных симпатий, как для религиозной правды, „несть ни эллин, ни иудей, ни россиянин“» (РГАЛИ, ф. 459, оп. 1, № 3236).

В кон. 1890-х гг. П. сотрудничал в ж. «Вопросы философии и психологии», «Наблюдатель», «Рус. обозр.», «Мир иск-ва», в газ. «Нов. время» и в «Торгово-пром. газ.». Критико-публицистич. статьи 1898—1901, а также путевые очерки «Царград и Афины», написанные по впечатлениям поездки в Константинополь и Грецию летом 1899, составили кн. П. «Первый сборник» (СПб., 1902). Статьи первого раздела сб-ка («Славянофильство») объединены идеей культурного всеславянского единства, обосновываемой в разл. аспектах: рус. марксизм трактуется как новейший «воздушный замок», свидетельствующий об «оскудении подражательных течений рус. мысли» («Психология рус. марксизма»), фигура А. И. Герцена (чрезвычайно высоко ценямого П.; в 1899 он пытался издать в России собр. его сочинений) — как «психол. мост между рус. либерализмом и славянофильством» («А. И. Герцен»), толстовство — как «промежуточная форма» «между прошедшим рус. реализмом и наступающим рус. идеализмом», мыслимым как наш. движение («„Воскресение“ и толстовцы») (с. 36, 41, 75).

В отзывах отмечалось, что сб-к проникнут «борями оптимизмом и верой во все самобытно-русское» (К. Сочневберг) — НВ, кн. прил., 1903, 5 февр., с. 11); что «выжила», снр составившая, «гораздо содержательнее, не говоря уж об откровенности каждой мысли, нежели многие и многие книги» (Б. п. — РВ, 1903, № 1, с. 371); однако признание того, что П. «критикует афористично, свободно, с бодрой властью», «дополнилось сожалением, что он чиня одну строкою не поможет читателю разобраться в том, где же путь для нашего наш. самоознания» (А. П. Малинов — «Лит. вест.», 1903, т. 6, кн. 5, с. 59).

С янв. 1903 П. — ред.-издатель петерб. ж. «Нов. путь» (название и форма ж-ла предложены им), к-рый возник как печатный орган Религ.-филос. собрания, посв. диалогу между представителями интеллигенции и церкви и попыткам нового осмысления христ. заветов (наряду с П., во главе ж-ла стояли Мережковский и Гиппиус). В программной ст. «Новый путь» П. противопоставлял задачи нового издания ранее обозначившимся идейным векциям — «самодовлеющей эстетике» (декадентство), «умозрительному идеализму» и «отрицательной гражданственности» (марксизм).

«Мы стоим на почве нового религ. мироощущения. Мы познали, что осмысленный оптимизм „мистицизм“ есть единств. путь к твердому и светлому пониманию мира, жизни, себе... Гоголь, Достоевский, Владимир Соловьев — вот наша родословная. Постепенное раскрытие и углубление новой религ. мысли в последовательности этих имен — вот основание наших надежд, залог нашего будущего» (НВ, 1903, № 1, с. 5—6).

Предоставив значит. сумму для издания ж-ла и являясь офиц. редактором, П. мало участвовал в ред.-изд. процессе — отчасти потому, что, живя в Казани, появлялся в Петербурге наездами, отчасти по причине быстрого охлаждения к начатому делу из-за разурения в его перспективах (что привело к обострению отношений с соредакторами). Убедившись в невозможности превратить «Нов. путь» «в действительно крупный литературный орган нового направления» (письмо Брюсову от 30 июля 1903 — РГБ, ф. 386, к. 98, № 11), П. в февр. 1904 решил отойти от ж-ла (в № 6 за 1904 ред.-изд. помню П. значится Д. В. Философов, в № 7 ред. — Философов). П. старался приобщить к ж-лу яркие лит. силы; в частности, содействовал поэтич. дебюту в нем А. А. Блока (см. письма П. к Блоку — ЛН, т. 92, кн. 1, с. 458—65; публ. И. И. Аброскиной). После ухода П. из ж-ла отношения его с представителями «нового» иск-ва пошли на убыль, фактически разрывавшие связи с Мережковскими (П. не принимает их полит. радикализма в период Революции 1905—07 и в последующие годы).

В 1904—06 П. — ближайший сотр. петерб. газ. «Слово» (изд. его родственником Н. Н. Перцовым), вел там «Обзор печати», с янв. 1906 ред. лит. прил. «Понедельники газ. „Слово“», в к-ром участвовали Брюсов, Блок, Ф. Сологуб, И. Ф. Анненский и др. После перехода «Слова» осенью 1906 к др. издателю П. сотрудничества в газете не возобновлял. 12 нояб. 1906 он писал отцу: «...из тех газет, какие существуют, — в революционные и кадетские меня не примут, да я и не могу писать ничего для них подходящего, а в реакционные и сам не пойду, да опять-таки и для них не гожусь» (РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 76).

В 1906 П. женился на Мар. Пав. Перцовой, бывшей жене В. В. Перцова; по причине слабого здоровья ее и пасынка обосновался в Крыму; с осени 1910 поселился с семьей в Москве. После врем. отхода от активной лит. деятельности с сент. 1908 возобновил пост. сотрудничество в «Нов. временах».

Часть статей из «Нов. временах» на обществ.-полит. темы П. объединил в сб. «Панрусизм или панславизм?» (М., 1913). Написанные в осп. в период боснийского кризиса 1908 и стимулированного им в рус. обществе новославянофильского движения, статьи П. затрагивали проблему раз-

граничения понятий «русофильства» (идеологии старого славянофильства, по мысли П., исторически исчерпанного себя) и «ново-славизма», вдохновляемого идеей общеслав. интеграции, при к-рой «общеслав. культура» должна осуществиться через «равнодействующую всех частных культур и психологий, впадающих в общее русло». Утопизму, «досадному прекраснорусию» и «дешевой удовлетворенности» старого славянофильства П. противопоставляет «ново-славизм» как «полит. реализм, трезвость зрелого возраста, заменяющую эстетич. грезы и пристрастия юности „практическим“ взглядом на вещи, „как они есть“»; в этой связи П. констатирует глобальную отсталость России (не только в экономич. жизни и полит. формах, но «самой жар. психологии, самой „души“, „лексикон“ данного народа») и предлагает всем нашим «самобытникам», возводящим свою «старомодность» в норму жизни, «попосту съезжать за границу ... для излечения психич. зрения» (с. 9, 25—26, 59). Считаю насущно необходимым для России переместиться из 1-й пол. 19 в., где она продолжает пребывать, в 1-ю пол. 20 в.. П. отказывается от ретро-спективных идеалов родоначальников славянофильства, но разделяет их убежденность в том, что «слав. мир не только вариант западного. ... а некое новое „целое“ — самостоятельная планета, хотя и не горящая еще полным светом» (с. 48).

Книга вывала раз положит. отзывы, в к-рых отмечались талант автора, оригинальность и убедительность его построений (Ф. Е.) Корн — УР, 1913, 20 июля; А. — МВед, 1913, 4 янв.; Н. Энгельгардт — НВ, 1913, № 3); в то же время филолог-славист А. Д. Логодин, приспировавшийся либерально-кадет. взглядам, утверждал, что сама жизнь устранила «слаб. вопрос, что ныне существует больше того, что разделяют слав. народы, чем того, что их соединяет; раздвигая мысли П. об «ист. анадронизме» России в смысле европ. народов и даже сопоставляя их с взглядами П. Я. Чаадаева. Порогину призывал П. сделать логически вытекающие из его построений выводы о том, что «панрусизм давно потребен, а панславизм, немалый без России, превратился из здоровой полит. идеи в прекрасную менту поэта» (БВед, 1913, 21 авг.).

В 1908—17 П. постоянно печатается как публицист, лит. и худож. критик; по его подсчетам, в «Нов. временах» за этот период было опублик. 553 его статьи, в «Голосе Москвы» (1911—14) — 90 (РНБ, ф. 1136, № 58, л. 1 об.). Тематич. диапазон газетных выступлений П. широк: вопросы текущей политики, отклики на события повседневной жизни, путевые очерки (частично под рубрикой «Попутные заметки»), отд. образцы худож. прозы, юбилейные статьи о деятелях рус. и мировой культуры, рецензии, статьи о совр. лит-ре (частично под рубрикой «Лит. заметки»), фельетоны (в т. ч. полемико-иронич. заметки по поводу разл. выступлений в печати, составившие цикл «Лит. ракушки», к-рый П. по-

мешал в «Нов. времени» под псевд. Искатель жемчуга). В ист.-культурных экскурсах П. центром наиб. притяжения остается эпоха 1840-х гг., высоту умственного мира к-рой воплощает Герцен («Памяти А. И. Герцена... Западник-москвич» — «Голос Москвы», 1912, 25 марта), красоту — Т. Н. Грановский, «одно из самых красивых имен рус. истории и рус. духовной жизни», «едва ли не самая художественная внутренняя фигура — поэт не лит. творчества, а своей личности» («Рафаэль сороковых годов» — НВ, 1913, 9 марта); худож. вершины — Фет, Полонский, Майков; «трехгранный самоцвет», «самые лирич. поэты» рус. поэзии, «песны интимной стороны человеческой жизни, чисто личные переживания» («Памяти Я. П. Полонского» — НВ, 1913, 20 окт.). Убежденный в том, что будущее — за религ. течением в совр. рус. интеллигенции («Развал. Два течения» — НВ, 1909, 7 янв.), П., однако, скептически расценил начало деятельности Религ.-филос. об-ва («В Религиозно-философском» — НВ, 1908, 16 нояб.) и с годами все более резко выступал против Мережковского и его новейших ист.-культурных интерпретаций, приравниваемых к «прокрустову ложу нашей радикальности» («Ампутация Тютчева» — НВ, 1914, 20 янв.), подпisał Терапевт; «Лже-Александр» — НВ, илл. прил., 1913, 18 мая; «Тайны г. Мережковского» — НВ, илл. прил., 1915, 7 марта).

Своими газетными статьями П. подтверждает мнение Розанова о нем как о «критике-конструкционисте», к-рого «более всего занимают конструкции всемирной истории» (МИ, 1900, № [9/10], с. 205—06). Любая ист. фигура обмысливается П. как проявление некоего общего культурно-типологич. феномена, как часть целого, имеющая определ. соответствия — по сходству или по контрасту — с другими его частями: творчество Г. Р. Державина с его «упоением природной жизнью» отражает «психологию раннего возраста народа, ... еще не исчерпавшего себя и своих сил и даже не сознавшего их границы» («Столетний юбилей Державина» — «Приднепров. край», 1916, 8 июля); успех С. Я. Надсона, «поэта-отрока новой отроческой полосы рус. истории», — свидетельство о духовно-психол. незрелости рус. демокр. интеллигенции 1880-х гг. («Надсон» — «Голос Москвы», 1912, 19 янв.). Н. Н. Страхов — «мудрый старик», вынесший «всю тяжесть созерцательного призвания», — обмысливается по аналогии с «юношей» Н. А. Добролюбовым, посвятившим себя «злословной журнальной сутюжке», и в аспекте противостояния «тихого» творчества

«консерваторов» «шумной лит-ре „левого“ лагеря» («Н. Н. Страхов» — НВ, 1916, 25 янв.); напротив, Михайловский 1890-х гг., «с его степой и нетерпимой радикальной цензурой», помещается в один ряд с его „правым“ антиподом — таким же охранителем» К. П. Победоносцевым: «Они противоположны друг другу и в то же время как-то эстетически и необходимо дополняют друг друга ... Как личности, они ... сами пали жертвою возвеличивших их традиций» («Наследник традиции» — НВ, 1914, 27 янв.). Выводы П. часто контрастировали с установившимися критич. мнениями: напр., распространенной идее о «конце Распорок» П. противопоставил убежденность в положит. развитии его творчества («Горький продолжает» — НВ, 1909, 31 дек.), сам Горький как писатель усовершенствовался, «кончилась только мода на него, т. е. прошла та полоса обществ. психологии, с к-рой был связан бунтарско-бескультурный дух ранних его рассказов» («Рождение человека» — «Голос Москвы», 1912, 9 мая). Для статей П. предвзв. десятилетия справедлива более позняя оценка, данная ему М. В. Нестеровым: «Он, как критик, работает с мастерством большого художника» (письмо В. Г. Лидину, авг. 1942 — Нестеров М. В. Письма, Л., 1988, с. 446).

Рев. события 1917 вызвали у П. мрачные предчувствия: «... впереди, конечно, ужас ... для нас всех. Кончится, вероятно, страшная и общей катастрофой» (письмо жене от 17 мая 1917 — РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 69). На лит. время он уехал в Костром. губ., бывая в Москве наездами; работал в Театр. отд. Наркомпроса и в Отд. охраны памятников иск-ва, в 1921—22 читал лекции в Костром. ун-те (история рус. живописи и курс о Гоголе) и в Костром. пед. техникуме (история рус. обществ. движений 18—19 вв.). К столетию И. С. Тургенева П. подготовил сб. «О Тургеневе. Рус. и иностр. критика» (М., 1918). Обозначив два направления в интерпретациях его творчества — одно, обращавшее осн. внимание на обществ.-полит. сторону, и другое, открывавшее «вечного» Тургенева — мистика и религиозно-го писателя, — П. отдавал предпочтение второму, как проникающему «в самую сердцевину писательского творчества» (с. 8). Переживая в 1920-е гг. тяжелую материальную нужду, П. выпустил неск. худож. путеводителей: «Шукинское собрание франц. живописи» (М., 1921; на обл. дожде: 1922), «Третьяковская галерея. Ист.-худож. обзор собрания» (М., 1922), «Подмосковные экскурсии. Трамвайные поездки» (М., 1924), «Усадьбные экскурсии. Поездки по железным дорогам» (М.—

Л., 1925), «Худож. музеи Москвы» (М.—Л., 1925).

Выполняя свое прикладное назначение, эти книги имеют также ист.-культурную и искусствоведч. ценность: напр., очерк «Шукинское собрание ...» включает общую характеристику эволюции живописи от эпохи классицизма до А. Матисса и П. Пикассо, тонкий эстетич. анализ творчества крупнейших франц. мастеров с использованием характерных для П. «конструкций» — ист. психол. и типологич. параллелей на лит-ры и живописи: Э. Мане — Г. Флобер, К. Писсарро — братья Гонкур, О. Ренуар — А. Дюде; триада гитанов Возрождения (Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэль) и триада величайших новейших реформаторов живописи, отразивших символич. мировосприятие, — П. Сезанн, В. Ван Гог, П. Гоген. В 1921—24 П. подготовил для изд-ва М. и С. Сабашниковых «Историю рус. живописи» от эпохи Петра I до современности (в 2 т., 36 печатных л.), оставшуюся неизданной. «... Настоящие мои работы лежат в параллели...», — писал он Д. Е. Максиму (24 окт. 1930), подраумывая и судьбу этого труда (РНБ, ф. 1136, № 34).

Очерком «Ранний Блок» (М., 1922; переизд. в сокр. — в кн.: Блок в восп., т. 1; Блок А., Стих. Поэмы. Восп. современников, М., 1989; вступ. ст., сост., прим. Т. Н. Беляковой) началась деятельность П.-мемуариста (в письме А. В. Звенигородскому от 2/15 дек. 1927 П. признавался, что не любит эту книгу за «ложное расхваливание», — РГБ, ф. 218, к. 1071, № 39); позднейший мемуарный этюд П. о Блоке — «В синем воротнике» (опубл.: «Нева», 1980, № 11 — под назв. «Блок в синем воротнике»; в кн.: А. Блок и современность, М., 1981). Вслед за очерком «Рус. поэзия 30 лет назад. Из лит. вост.» («Свиток», № 4, М., 1926) П. в 1929—30 написал «Лит. восп. 1890—1902 гг.» (М.—Л., 1933) — ценный источник для ознакомления с лит. жизнью кон. 19 в., включающий яркие психол. портреты, а также документальные материалы из архива автора. Дальнейшую работу над мемуарами П. считал бесперспективной, поскольку объективная характеристика Религ.-филос. собрания и деятельности «Нов. пути» в сов. условиях была невозможна, а выступать в «обличительном» тоне и с «ругательными выпадами» против Мережковского он не мог: «... лягать его теперь найдутся и без меня копыта...» (письмо Максиму от 15 мая 1930 — РНБ, ф. 1136, № 34). Фрагменты продолжения воспоминаний сохранились в архиве П. (РГАЛИ); были опубл. отд. мемуарные очерки: «Брюсовские стих. „Младшим“» («30 дней», 1939, № 10/11), «Брюсов в нач. века. Из восп.» («Знамя», 1940, № 3).

Многолетние размышления П. о личности и природе творчества классиков рус. лит-ры синтезированы в его «Лит. афоризмах», окончательно оформленных в 1920—30-е гг. (см. в кн.: Рос. архив, [т.] 1, М., 1991, публ. Т. В. Померанской; П. о Пушкине. Публ. М. Ю. Эдельштейна. — В кн.: Творчество писателя и лит. процесс. Язык лит-ры. Поэтика, Иваново,

1995). Результаты поездок в Туркестан (1927—30) отражены в путеводителях П. по Туркестану и Самарканду, к-рые остались неизданными. Рукопись итогового сб. «Стихотворения (1890—1936)» — см. РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 52.

Др. произв.: «Труд в произв. великих художников» (в кн.: Невский В. А., Худож.-изобразит. работа в клубе. Сб. мат-лов, М., 1924, с. 90—110), «Что я слышал о Пушкине» («30 дней», 1937, № 2), «Худож. музей Тат. АССР» («Иск-во», 1938, № 5), «Письмо из Владимира» (там же, 1939, № 2), «Кассий. Из восп. [Качалов]» («Декада моск. зрелищ», 1940, № 5).

Лит.: Десять писем В. Брюсова к П. [1903—1910]. — ПИР, 1926, № 7 (с предисл. Г. Лескина и прим. П.); Максимов Д. «Новый путь». — В кн.: Евгений-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого рус. журналистики, Л., [1930]; В. Брюсов и «Нов. путь». [15 писем Брюсова к П., 1901—1906]. — ЛН, т. 27/28 (публ. Д. Максимов); Андроников И., Рекомандация Перлову Петру Петровичу. — В его кн.: Избр. произв., т. 2, М., 1975, с. 327—32; Лаврова А. В., Арлин П. — Ежегодник РО ПД, 1973, Л., 1976; Коичич Е. Нет, не эпигра в биографии. — «В мире книг», 1980, № 4, с. 73—74; Корсунца И. В., «Нов. путь», «Вопросы жизни». — В кн.: Лит. процесс и журналистика (2); [Письма В. В. Розанова к П. 1918]. — «Лит. учебн», 1990, № 1 (ступ. ст. Е. Ивановой, публ. и прим. Т. Померанской); Письма Д. С. Мережковского к П. — РЛ, 1991, № 2, 3 (ступ. заметка, публ. и прим. М. Ю. Кореневой); Письма З. Н. Гиппиус к П. — РЛ, 1991, № 4; 1992, № 1 (ступ. заметка, подг. текста и прим. М. М. Павловой); Эвальдштейн М. Ю., Комсапа Н. В. Гоголя «Рецензор» в трактатке П. — В кн.: Филол. штудии. Сб. научных тр., Иваново, 1995; ЛН, т. 15, с. 163—215; т. 27/28, с. 240—297, 359, 403, 512—578; т. 85; т. 92, кн. 1—5. + КЛЭ; Писатели европ. эротики (1); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1796; НМЛН, ф. 122; ГА Костром. обл., Р.—1356 (переписка с женой, ок. 900 писем; рукописи неизд. произв. и статей); ИРЛИ, Р. III, оп. 2, № 1204—1508.

А. В. Лаврова

ПЕРЦОВ Эраст Петрович [29.11 (11.12).1804, Воронеж — 11/12 (23/24).7.1873, Петербург; похоронен на Митрофаньевском кладб.], поэт, драматург, публицист, автор научно-прикладных соч. Брат В. П. Перцова (см. о нем: РБС; Эйфельман, 1965), дядя П. П. Перцова. Из дворян Воронежа; губ.; мать — урожд. Веневитинова. Из Воронежа семья переехала в Смоленск, а в 1811 в Казань. По окончании благородного пансиона при Моск. ун-те (1823) в марте 1824 поступил на службу в Кабинет е.н.в., с 1827 определен в Канцелярию статс-секретаря. В 1830—31 служил в Деп. гос. имуществ; выйдя в отставку, получил чин коллеж. ас. (1832).

Дебютировал в печати переводом с франц. трех больших науч.-популярных статей: «Описание Сунгума, в вост. части Тибета», «Чукчи» и «О китайском таире» (все — «Сибирский вестн.», 1824, ч. 2). Вскоре выступил с двумя «Письмами к издателю „Моск. телеграфа“» (МТ, 1825, № 3, 4), в к-рых уличал Ф. В.

Булгарина в плагиате у А. В. Шлегеля; как видно из писем П. к другу по пансиону и Казани Д. П. Ознобишину (см. в Изд.), эта критика носила принципиальный характер, и П. собирался продолжать лит. войну с Булгариным.

Вероятно, еще по пансионским связям П. был близок к кругу «Моск. вестника»: в 1828 В. П. Титов удивлялся тому, что М. П. Погодин не печатает «китайскую сказку» П., к-рую др. члены кружка находили «примечательной» (Барсуков, II, 191); она была опубл. в «Рус. зрители» («Обнаруженная клевета. Китайская сказка»; 1828, № 3—4), где П. поместил также стих. «К родной звездочке», «К увидящему цветку» (№ 11—12), исполненные элегич. грусти по родным местам и возлюбленной. В 1830 издал «юмористич. шутку над взяточниками» «Искусство брать взятки. Рукопись, найденная в бумагах Тяжалкина, умершего титулярного советника» (СПб.; о ценз. затруднениях — Шебальский; неолобит. рец.: ЛГ, 1830, № 35, б. п.), отмеченную ориентацией на традиции рус. дидактич. сатиры 18 века. П. А. Вяземский, достаточно прохладно оценивший «шутку», гораздо больше «соли, пера и веселости» находил в «шаловливых» стихах П., к-рые восхищались и А. С. Пушкин, читавший их наизусть (Вяземский, Записные книжки, с. 170). Эти, по-видимому, в осн. фривольные, опыты П. сейчас почти не известны (один текст, записанный С. А. Неёловым в 1849 в свой альбом неспристойных стихов, — РГБ, ф. 129, к. 20, № 1, л. 62; там же — «возражение» Неёлова).

Серьезно увлекаясь театром (прим. комедией), П. в 1820-е гг. определил свою позицию как «любителя истинного и народного вкуса» (письмо Ознобишину, 3 нояб. 1824;

см. публ. М. Васильева, с. 178), «на-родной драматич. поэзии» (МТ, 1825, № 3, отд. 2, с. 13), как противника комедийных школ А. А. Шаховского и А. И. Писарева. Фрагментарные теоретич. постулаты П. могут быть сближены с драматургич. концепцией П. А. Катенина. Из опытов самого П. известны пьеса для домашней детской постановки 1826 (РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 46, лл. 23—31) и комедия «Андрей Бичев, или Смешны мне люди» (СПб., 1833; отрывки: «СО и СА», 1829, № 4, 23). В предисл. к последней (подписи Издатель) П. заявляет ориентацию на комедию характеров (точнее, нравов) в противовес франц. комедии интриги и положений; образными названы англ. и исп. драматурги, особенно У. Шекспир.

Откровенно ориентируясь в комедии на «Горе от ума» (стих, стилистика, построение монологов и отчасти сюжет), П. вместе с тем значительно сближал и частично трансформировал сюжет и проблематику А. С. Грибоедова (в т. ч. в трактовке гл. героев), что было отмечено современниками (см.: Беллинский, I, 133; Кюхельбекер, с. 292), но оценивалось ими по-разному. Возражая на похвалы отымы В. Т. Пляскина (СП, 1833, № 272; ср. в его кн.: Руководство к познанию истории лит-ры, СПб., 1833, с. 350), К. А. Палевой в обстоят. рец. (1833) оспорил теоретич. рассуждения П. и дал отрицат. характеристику произв. (отметил, однако, ряд его частных достоинств): «... не комедия, а только усиленно содланная комедия без вдохновения, следуя правилу несомнительности, должно» (рец. опубл. в запрещенном цензурой номере — МТ, 1833, № 20; текст см.: Полевой Н. А., Полевой К. А., с. 488).

С кон. 1820-х гг. П. познакомился и даже сблизился с Пушкиным, горячим поклонником к-рого был еще в нач. 1820-х гг. Весной 1832 он выступил посредником в переговорах Пушкина с Н. И. Тарасенко-Отрепьевым о совместном издании газ. «Дневник». В сент. 1833 Пушкин посетил дом П. в Казани, в 1834 они выехали в Петербург. В 1844 П. подал в пушкинскую опеку два проекта неосуществившихся изд. соч. Пушкина, демонстрирующих его хорошее знакомство с пушкинским лит. наследием (планировал поместить в изд. хрестоматию критич. работ о Пушкине). В 1832 в Казани состоялось знакомство П. с Е. А. Баратынским, к-рый в письме И. В. Киреевскому (18 янв. 1832) высоко оценил ум и талант П. (в более поздних письмах оценка была существенно скорректирована: «Может быть, он человек с умом и даже с хорошими душевными качествами, но как-то существо его не гармонируется с моим. Мне с ним неловко и невесело»; см.: Баратынский, с. 229—30 и 237—38). Для ж-ла Киреевского «Европеец» Баратынский переслал два стих. П.: «(Пушкину)» и «Элегия» (не были опубл. в связи с прекрашением ж-ла).

В 1834 П. надолго уезжает в Казань (где в нояб. того же года женится на дочери генерала В. Н. Манд-

рыке, с к-рой позднее разошелся). Являясь «одним из двигателей казанской общественной жизни» 1830-х гг. (Н. Я. Агафонов; см.: Архангельский, с. 12), П. принимал деятельное участие в лит. кружке А. А. Фукса, возможно, сотрудничал в местном ж. «Заволжский муравей» (указания на это сотрудничество имеются в биогр. лит-ре; публ. не выявлены). В олт. 1834 из Казани в III отд. был послан донос на П., обвинявшегося в вольнодумстве («непозволительные и дерзкие выражения, разного рода пасквили»), общении с осыльными поляками и снабжении местных студентов запрещенной лит-рой [см.: КА, 1926, т. 3(16), с. 120—121]; после благоприятного отзыва начальства в февр. 1835 дело прекратили. Во 2-й пол. 30-х гг. у П. неоднократно останавливался М. С. Шепкин в свои присяды в Казань.

В это время, отойдя от лит-ры, П. начинает деятельно заниматься сельским хозяйством. Летом 1837 экспонирует «англ. многоплодный овес» на казанской выставке, дает пояснения посетившему ее вел. кн. Александру. В 1838 определен в Казань пригособительную комиссию по приему гос. имушеств. В марте 1841 вновь уезжает в Петербург, где служит по Воен. мин-ву. В 1844 определяется на должность правителя канцелярии Деп. хозяйств. дел Гл. управления путей сообщения и публичных зданий (шутки П. над начальником управления П. А. Клейнмихелем сохранились в семейных преданиях; вообще, по свидетельству племянника П., в семье П. «пользовалась репутацией остролова и юмориста. По ведомому, он любил изобретать шуточные истории, иногда не чуждые полит. оттенка» — Перлов П. П., РГАЛИ, л. 13); с 1846 в отставке (назд. сов.).

С 1842 П. — член Вольного экономического общества в 1847—54 редактирует «Ж-л обществ. сведений», где помещает ряд статей и пер. по вопросам хозяйства и прикладной науки (ранее — обширная ст. «О сорных травах» — ОЗ, 1844, № 5). В 1849 издает «Общепользовательный курс механики» (СПб., 2-е изд., СПб., 1847) — справочник общих понятий по физике, гидравлике, металлургии и инженерному делу (рецензентов не удовлетворили «теоретичность» изд. сведений и высокая цена книги: ОЗ, 1850, № 1: «Москва», 1850, № 5). В 1848 избран членом Базарского Королевского общества сел. х-ва. В 1850—60-х гг. владел пробной фабрикой в Петербурге, что в итоге привнесло ему убытки.

Сторонясь публичной лит. и обществ. деятельности, П. подерживает в Петербурге отношения лишь с немногими литераторами (в т. ч. с В. А. Кокоревым), близкими к славнофильству (см. упоминание его имени в 1858 в характерном контексте — ГМ, 1914, № 2, с. 209). Подготовка и проведение реформы 1861 подвинули П. к написанию цикла разоблачит. очерков о полит. ситуации, деятельности министерств, крест. волнениях (на основе личных

наблюдений, а также мат-лов, составляемых его братьями Владимиром и Константином — чиновником особых поручений при казан. ген.-губернаторе); по не до конца ясным указаниям, в это же время он, возможно, работал над «заметками о России вообще» (см.: КА, указ. публ., с. 136). Нек-рые из собранных сведений П. сообщает в «Колокола» А. И. Герцена, с к-рым встречался во время заграничной поездки в 1858 (в беседе с Герценом П. высказывал желание завести собств. типографию в Петербурге). В 1861 на П. поступил донос в III отд., тогда же полиция перехватила адресованное ему описание крест. бунтов в с. Бездне Казан. губ. 29 авг. 1861 П. был арестован; при обыске изъяты тексты 4 обличит. очерков (в частности, со сведениями о реакции высших чиновников на подготовку и обнаружение Положений об освобождении крестьян), стихи, исполненные «чрезмерно сильных и неприличных выражений» (там же, с. 119) в адрес Николая I и Александра II и содержавшие призывы народа к «топору», а также номера «Колокола», записки Герцена и черновики писем П. к нему (отчасти П. poleмицировал с программой, развивавшейся «Колоколом»). П. был выслан в Новгород, где прожил менее года, после чего вернулся в Петербург (версию о причинах мягкости приговора см.: Эйфельман, 1965). Последние годы его жизни прошли в сильной нужде, и в ночь с 11 на 12 июля 1873 П. покончил с собой, приняв яд.

Изд.: «Записки современника о 1861 г.» [публ. текстов, изданных у П. в 1861 г.] — КА, 1926, т. 3(16) (публ. и вступ. ст. А. Санина); стих. «Пущинскому». «Элегия». — В кн.: Европыс. Ж.-л. И. В. Кировского. 1832. М., 1969 (ЛП); Письма Д. П. Осибишину. 1824—25. — Изв. Об-ва археологич. историч. и этнографич. при Казанском гос. ун-те, т. XXXIV, в. 3—4. Каз., 1929, с. 176—80 (публ. М. Васильева).

Лит.: Пушкин; Герцен; Кюхельбекер; Пушкин в восст.; Шелгунов в дер. (всего — 4); Шебальский П. К. Ист. сведения о цензуре в России, СПб., 1862, с. 49; Тарасенко-Орешков Н. И., Неосуществившаяся газета Пушкина. — ИВ, 1886, № 2, с. 388; Барсуков (ук.); Архангельский А. С., А. С. Пушкин в Казани, Каз., 1899, с. 11—12, 19—21; Бобров Е. А., А. А. Фукс и казанские литераторы 30—40-х гг. — РС, 1904, № 7, с. 5—8; его же, А. С. Пушкин в Казани. — В кн.: Пушкин и его современники. Мат-лы и исслед., в. 3. СПб., 1905, с. 34—35, 39, 44, 47, 64; Пушкин. Письма, т. 3 (ук.); его же, Письма последних лет, Л., 1969 (ук.); Перлов П. П., Что я слышал о Пушкине. — «30 дней», 1937, № 2; Архив опытки Пушкина, М., 1939 (ук.); Вячеславский П. А., Записные книжки (1813—1848), М., 1963 (ЛП) (ук.); Эйфельман Н. Я., Случай неизданных, но шеар (Поиск тайных корреспондентов Герцена). — «Наука и жизнь», 1965, № 1, 2; его же, Тайные корреспонденты («Поларной звезды»), М., 1966 (ук.); его же, Анонимные корреспонденты «Колокола». — В кн.: Проблемы изучения Герцена, М., 1963 (ук.); Куниин В. В., Библиофилия пушкинской поры, М., 1979 (ук.); Славянский Ю. Д., Поездка А. С. Пушкина в Польшу и на Урал, Каз., 1980, с. 35—36, 102—05; Мещеряков В. П., А. С. Грибоедов, Лит. окружение и восприятие (XIX — нач. XX в.), Л., 1983 (ук.); Баратынский Е. А., Стих. Письма. Восп. современни-

ков, М., 1987, с. 229—31, 234, 237—38 (упоминания П. в письмах И. В. Кировскому); Полевая Н. А., Полевая К. А., Лит. критика, Л., 1990 (ук.); ЛН, т. 41—42, с. 603—04; т. 63 (ук.). + РБС; ПНБк.; Черейский; Масанов (в трех последних — с неверной датой рождения: 12 дек.).

Архив: РГАИ, ф. 217, оп. 1, л. 1474 (ф. с. 1844 г.); ф. 772, оп. 1, л. 1562, л. 1962 (о «Ж-ле обществ. сведений»); ф. 1343 (дело о здравстве) [справка Н. М. Корнской]; РГАЛИ, ф. 1796, оп. 1, № 46 (Перлов П. П., «Об Э. П. Перлове»; ст. и мат-лы); № 292 (Перлова М. И., «Лазитная книжка Перловых»); ф. 2819, оп. 1, № 15, л. 91 и след. (Залкина Г. М., Биограф. мат-лы о П.); ГАРФ, ф. 109, оп. 1, л. 237; оп. 214, л. 138 (дело П. 1861 г.; отрывки и него мат-лы); СА, оп. 3, л. 2165 (выписка из первопротестованных писем к П., дтв. 1860); ЦГА Татарстана, ф. 4, оп. 2, л. 171; ф. 350, оп. 2, л. 6 (биограф. сведения; дата рождения — 29 нояб.); РНБ, ф. 539, оп. 2, № 856 (2 письма В. П. Овощевскому).
С. Н. Павлов

ПЕСКОВСКИЙ Матвей Леонтьевич (1843, Витебский у. Витебской губ. — 29.1(11.2).1903, ст. Удельная, близ Петербурга; похоронен на Волковом кладб.), публицист, журналист, беллетрист, педагог. Из семьи священника. Окончил Витебское духовное уч-ще (1859) и Полошкую духовную сем. (1864). Ст. преподаватель в Дисненском приходском уч-ще (1864—65), письмоводитель и бухгалтер Вилен. дирекции нар. уч-ща (1865—66). По окончании естествоотделения физ.-матем. ф-та Петерб. ун-та (1870) был отправлен в Вилен. уч. округ, но вскоре перебрался в Вятку, где стал одним из организаторов и преподавателей учительской сем. Вятского земства. В 1874 из-за притеснений семинарии властями П., «руководивший воспитанием своих слушателей в прогрессивно-демок. направлении» (Халтурин И. П.), Семейные восп. о Степане Халтурине — «Былое», 1921, № 16, с. 50), оставил ее и переехал в Петербург. В 1874—77 воспитатель малолетних арестантов Литов. замка.

Критикой злоупотреблений тюремной администрации П. начал журналистскую деятельность в газ. «Голос» (первая публ. — «Заявление», 1875, 8 окт.); его выступления привели к конфликту с дир. Тюремного к-та В. Н. Никитиным, вплоть до судебного разбирательства в 1877 (РНБ, ф. 73, № 815, 816, 817, 821, 822, 823, 825), закончившегося наложением денеж. взыскания на П. за «опашение в печати заключений комиссии» (там же, № 826) в ст. «Темные стороны в деле тюремной филантропии» («Голос», 1877, № 54). П. — сотр. провинц. и зем. отделов «Голоса» до 1878. В 1876—78 факт. редактор (совм. с Г. К. Градовским) ж. «Рус. обзор». Критич. обзоры П. обществ. и культурной жизни натаккивались на ценз. препятствия; из-за ст. «Задачи рус. интеллигенции» (РО, 1877, № 12/13), призывавшей интеллигенцию «идти в народ» и содержавшей, по мнению цензора, «мысль об излишней ... правительстве. опеке над обществом»

(РГИА, ф. 776, оп. 6, д. 58, л. 82—86). «Рус. обозр.» было приостановлено на 6 месяцев (см.: «Правительств. вестн.», 1877, 21 апр.). С 1878 лит. секр. одного из крупнейших издателей — М. О. Вольфа, ред.

дет. худож. и учебно-воспитат. сочинений иностр. авторов; сотр. редакций подписного многотомного изд. «Живописная Россия», ж. «Новь», «Задушевное слово». Печатавшиеся в этих изд. очерки и рассказы П. частично вошли в книги для детей «Играйте и читайте!», «Прочитайешь — жизнь узнаешь» (обе — СПб., 1896).

Публицистика П. 80—90-х гг. в газ. «Молва», «Порядок», «Моск. телеграф», «С.-Петербург. вед.», «Новости и бирж. газ.», «Недельная хроника „Восхода“», ж. «Вест. Европы», «Нов. слово» и др. изданиях «доказывала необходимость самого широкого нар. просвещения, зем. и обществ. самостоятельности, веротерпимости» (Градо-вский Г. (К.). Памяти П. — «Известия от Кассы взаимопомощи литераторов и ученых», 1903, № 3, с. 3). Пропагандист реформы нар. образования, П. рассматривал на страницах ж. «Наблюдатель» (1882) и «Рус. мысль» (1886—87) состояние и перспективы жен. образования, отстаивал необходимость высших жен. курсов («Образование женщин у нас и за границей» — РМ, 1886, № 7); в ж. «Рус. школа» (1890—91) исследовал вопросы проф. обучения; в книге статьи «Обязательный минимум образования» (СПб., 1895) предложил программу реализации всеобщего нар. просвещения. Популяризируя достижения нар. пед. мысли, П. выпустил бюгр. очерки: «К. Д. Ушинский» (СПб., 1893), «Барон Н. А. Корф, его жизнь и общество. деятельность» (СПб., 1894), благожелательно встреченные критикой («искусная обрисовка нравств. личности

Ушинского» — «Рус. школа», 1893, № 11, с. 190; «полнота и достоверность фактов» — ЖМНП, 1895, № 9, с. 176). В публиц. иссл. «Роковое недоразумение. Еврейский вопрос, его мировая история и естеств. путь к разрешению» (ч. 1—2, СПб., 1891), рассматривая историю «рокового вопроса» и совр. правовое положение еврейства в Зап. Европе и России, утверждал необходимость распространения «полной гражд. равноправности» на евр. население (одобр. ред.: РМ, 1891, № 12).

Видя в нар. школе залог «прогресс. начала для всего общества» и добиваясь наибольшей популярности для своих «задушевных идей», П. иногда облекал «публиц. мысли в беллетристич. форму» (СВ, 1893, № 11, с. 43). Так, в пов. «В глуши» (СПб., 1893; сочувств. рец. В. П. Острогорского — МБ, 1893, № 11) он изобразил «идиллич. картину» устройства нар. школы, ее влияния на экономич. и бытовые условия крест. жизни (закрываются кабаки, исчезают отхожие промыслы, ростовщичество и т. д.), вызвав упрек ж. «Рус. богатство» в искажении «жизненной правды», указавшего также на «несомненную» худож. слабость (1893, № 11, с. 78). В связи с 40-летним реформы 1861 опубли. 1-ю кн. задуманной трилогии о положении крестьянства «от времен крепостничества до наших дней» (цит. по предисл.) — ром. «Мужик. До освобождения крестьян» (СПб., 1901), также отразивший приверженность П. идеям постнаролич. просветительства.

По отзыву рецензента, роман не принадлежит к числу «чисто худож. произв.: это скорее ряд ист.-бытовых очерков», в з-рлге «смелыми и резкими штрихами очерчены нравы крестьянского времени» (Нв. (А.) Порошин — НМ, 1901, № 61, с. 80).

В 90-х гг. П. активно участвовал в создании проф. объединения литераторов; один из организаторов (1891) и пост. чл. правления Кассы взаимопомощи литераторов и ученых.

После смерти жены остался с пятью малолетними детьми (в 1895—99 неоднократно обращался в Лит. фонд за материальной помощью — см.: ИРЛИ, ф. 155, № 268); вторая жена П., Ек. Нв. Верстисникова, — родственница В. И. Ленина.

Скончался в доме призрения душевнобольных.

Др. произв.: «Барон Н. А. Корф в письмах к нему разных лиц» (СПб., 1895); бюгр. очерк «А. В. Суворов. его жизнь и воен. деятельность» (СПб., 1899; положит. отзыв В. О. Михневича — «Новости и бирж. газ.», 1899, 26 февр.); ст. «Всемирная реформа в деле образования» («Нов. слово», 1896, № 7); восп. о годах учения в Зап. крае «На рубеже двух эпох» (РС, 1896, № 3—4).

Изд.: А. В. Суворов. — В кн.: Дашкова, Суворов. Вормицкая. Сперанский. Канкрин. Челябинск, 1995 (репринт очерков серии ЖЗЛ со справками об авторах).

Лит.: Михневич; Найдсон С. Я. Лит. очерки (1883—1886). СПб., 1887, с. 150—63; Новоселов В. Л. Провинция в столбчатой печати. — НМ, 1902, № 79, с. 103; Дибрович С. Ф. Из книжном посту. П.—М., 1916, с. 378—379, 463, 475; Петров В. А. Вятское зем. учение для подготовки учителей. — Уч. зап. Кировского гос. пед. ин-та, 1958, № 12, с. 161; Петрасев Е. Д., Лит. наработки. Киров, 1966, с. 131; его же, Вятские книголюб. Киров, 1986, с. 213; Изертгина Н. П., Писатели в Вятке. Киров, 1979, с. 149—153. + Некрологи, 1903: ИВ, № 3; МБ, № 3; «Мирской толк», № 7; «Задушевное слово для ст. возраста», № 15; «Нива», № 7. Печер.; Памятный листок о профессорах и студентах С.-Петерб. ун-та за 1870 г., СПб., 1871; РВед. Сб.; Южаков; Гранат; Евр. энц.: Муратова (1, ук.); Масанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 72, № 259 (36 писем Б. Б. Глинскому, 1896—1900); ф. 207, № 155 (10 писем О. К. Нотовичу, 1882—86); РНБ, ф. 874, № 62 (письма С. Н. Шубинскому, 1895); ф. 621, № 654 (5 писем А. Н. Пышину, 1881—1888). В. М. Лукин

ПЕТЕРСОН Карл Александрович [11(23).9.1811 — 12(24).1.1890, Петербург; похоронен на Смоленском лютеран. кладб.], поэт, публицист, переводчик, автор произв. для детей. Сын коллеж. секр.; евангелиско-лютеранского вероисповедания. Семья, вероятно, имела скромный достаток (в 1848 П. хлопотал о скорейшем устройстве свадьбы своей сестры и вдовца-чиновника с шестью детьми). С 1831 П. служил в Деп. нар. просвещения, с окт. 1832 — в канцелярии К-та министров (с марта 1834 коллеж. рег.).

Лит. деятельность П. началась в 1834 с публикации неск. стих. в «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“» («Сиротка» — «Нигде мне приюта бескровному нет...») — 1834, 11 авг.; «Призрак. Сказка» — 1835, 12 янв.; «Мотылек» — 1835, 7 сент.], в «Сыне Отечества и Сев. архиве» («Поэт», повсв. П. А. Корсакову, и «К демону» — 1834, № 48). В 1834 опубли. мелодрам. пов. «Адель» («СО и СА», № 43; отд. изд. в переработанном и расширенном виде — СПб., 1837) о любви, к-рая погибла (и герои повести тоже) из-за нелепой случайности.

С 1839 П. активно печатался в «Современнике» П. А. Плетнёва; первая публ. в ж-ле — стих. «Сонет» (1839, т. 13), повсв. памяти А. С. Пушкина (включено в юбилейный сб. «Рус. поэты о Пушкине», М., 1899; сост. В. Каллаш). В статье об изв. современнике — итал. поэте-карбонарии С. Пеллико и в прозачн. переводе его стихотв. трагедии «Томас Морус» (1839, т. 14) П. подчеркнул необычайные христ. добродетели автора трагедии (воспроизводил похвальный отзыв Пушкина о «Моих темницах» Пеллико), а также возвышенный характер, строгую честность ее героя — Т. Мора, каким представлял великого утописта история «всех веков и народов» (с. 66).

Вероятно, в янв. 1842 при посредничестве Я. К. Грота состоялось личное знакомство П. с Плетнёвым (Грот и Плетнев, I, 474—75, 479). Принимая П. дома, отзываясь о

нем как о «добром малом», к-рый «без всякого выкиновения в дело восхищается пустяками», а позднее заметив его «подозрительный характер» и «мнительность» (там же, I, 497; III, 166, 271). Плетнёв оказывал ему покровительство, хотя и не считал поэтич. и беллетристич. произв. П. Он досадовал на «модный франц. тон и слог, на искусственность во всем и на отсутствие истины и жизни» в прочитанной ему повести П., к-рую так и не опублик. в журнале, несмотря на обещание (там же, I, 600). Однако Плетнёв помогает в «Совр.» его статьи: «Заметки на книгу Капфига „Лига, Реформация и Генрих IV“» (1842, т. 26), считая, что она «незурна. Только есть что-то мелкое в изложении и тоне» (Грот и Плетнёв, I, 479), «Взгляд на Фронду» (1842, т. 27), «Замечания на Лока» (1842, т. 28), к недостаткам к-рой относит «сухость материи, смешной тон и упоминание я и *господа*» (Грот и Плетнёв, I, 484), «Наполеон и сын его» (1843, т. 29).

В ст. «Генрих Гейне» (1843, т. 30) биогр. очерк сочетается с рассуждениями об оригинальной, «пленительной» поэзии Гейне, в к-рой слиты «сарказм и чувственность», однако Гейне, по П., «не гений: гений атеистом быть не может» (с. 12, 9, 21); примеры из его стихотворений даны в переводе П., б. ч. из «Книжки песен»; последний раздел посвящен анализу прозы, особенно «Флорентийским ночам» и «Салону» (где также имеются стихотв. переводы П.). В «Совр.» также помещен перевод П. с нем. яз. повести Е. Ф. Канкринна «Танцовщица» (1846, т. 42).

В 1840-е гг. П., вероятно по рекомендации Плетнёва, был частым автором ж-ла для детей «Звездочка», войдя в круг близких знакомых А. И. Ишимова. Там он опублик. переводы стих. Ф. Шиллера «Весна» (1845, № 6; для детей младшего возраста), «Дитя в колыбели», «Сон» (1847, № 5; для детей старшего возраста). Среди многих его стих. для детей одно — «Молитва» («Звездочка», 1843, № 9; впоследствии публ. под назв. «Сиротка») стало очень популярным; бесхитростно по форме, оно привлекало трогательным, вызывавшим у ребенка сострадание сюжетом («Вечер был/ сверкали звезды/ На дворе мороз трещал/ Шел по улице малютка/ Посинел и весь дрожал»).

Назначение П. в 1849 пом. надзирателя студентов Моск. ун-та из кавк. воспитанников, по словам Плетнёва, было «благодарностью фортуны, к-рая так неожиданно бросилась к нему на шею» (Грот и Плетнёв, III, 486), и началом служебной карьеры П. Летом 1850, перед отъездом в Москву, П. был у Плетнёва на даче, совершал загород-

ные экскурсии, ездил в Валаамский монастырь (был от него «в восхищении» — там же, III, 519). После публикации ряда произв. в Моск. сб. «Раут»: стих. «Притворщице», «Незнакомка», «Голубые глаза» (кн. 2, 1852), главы из ром. «Любовь 15-летней девушки» (кн. 2), «Все из пустяков» (кн. 3, 1854), неск. переводов двустий Шиллера (кн. 3) под общим назв. «Отрывчатые мысли», лит. деятельность П. прекратилась. Его заметка 1863 в «Моск. вед.» «По поводу статьи „Роговой вопрос“ в журн. „Время“» (22 мая), гневно обвинявшая автора «Времени» (ны был Н. Н. Страхов, выступивший под псевд. Русский) в предательстве русских интересов в рус.-польском конфликте и написанная как бы от имени всех «истинно Русских», послужила сигналом к закрытию журнала. Имя автора заметки ничего не говорило читателям, и М. Е. Саттыков-Щедрин писал в одной из своих полемич. статей о «стрижах»: «... г. Петерсон не литератор, а просто проинквизиционный человек» (ЛН, т. 11/12, с. 124; публ. В. Гиппензуса).

В дек. 1863 в чине д. стат. сов. уволен в отставку. С февр. 1865 по янв. 1887 причислен (без содержания) к Мин-ву гос. имуществ. В 1870 на 6 месяцев командирован в Крым для управления Никитским ботанич. садом и Никитским уч-щем садоводства и виноделия. За 56 лет гос. службы от самого низкого, 14-го класса поднялся до 4-го класса, был награжден пятью орденами и двумя знаками отличия «За беспорочную службу». В аттестате 1864 и ф. с. 1880 возраст П. занижен на 3 года. П. был холост, мн. годы жил на Невском просп. (дом 84), «имений не имел» (ф. с. 1851 — РГИА), в 1882 писал прошения об увеличении пенсии.

Изд.: в кн.: Рус. поэзия детям [в биогр. заметке стихи П. ошибочно приписаны его полному тезке (о нем см.: РБС); исправлено в изд. 1997].

Лит.: Грот и Плетнёв (ук.); Нечасова «Время», с. 307—08; Путилова Е., Загадка К. А. Петерсона, или Фальстагория, по Гоголю. — «Нева», 1995, № 9; ЛН, т. 22—24, с. 652 (Г. Гейне в царской цензуре. Сообщения А. Федорова). + Сообщение о смерти: НВ, 1890, 13 янв.; ПНкр., т. 3; Мезьер, с. 285; Маслов.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 3, д. 1394 (ф. с. 1851 г.), ф. 381, оп. 8, д. 2900/1 (дело о причислении к Мин-ву гос. имуществ, 1865—87, и копия ф. с. 1882 г.) [справка Л. М. Сеселиной]; ИРЛИ, ф. 234, оп. 8, № 86 (письмо 1843 П. А. Плетнёву).

Л. Н. Гварина, Е. О. Путилова

ПЕТЕРСОН Николай Павлович (6(18).6.1844, д. Барановка Краснослободского у. Пензен. губ. — 4.3.1919, г. Звенигородка Киев. губ.), публицист. Из семьи коллеж. асессора. Отец изв. лингвиста М. Н. Петерсона (1885—1962). Учился в Пензен. дворян. ин-те, по окончании к-рого в 1861 поступил на ист.-филол. ф-т

Моск. ун-та. В том же году в связи со студенч. беспорядками оставил учебу. В 1862 по приглашению Л. Н. Толстого П. приезжает в Ясную Поляну, преподает в Головинской и Плехановской нар. школах, впервые выступает в печати со статьями о своем пед. опыте в ж. «Ясная Поляна» [1862, № 6, 10, подпись Н. П. П.; см. также «Из записок бывшего учителя» — в кн.: Междунар. толстовский альм. (сост. П. Сергеевко), М., 1909]; общение П. с Толстым продолжалось и впоследствии (П. до нек-рой степени послужил прототипом образа сеньора Владимира Симонсона в ром. «Воскресение»). В 1863 возвращается в Москву и вновь поступает в ун-т, уже на мед. ф-т. Однако внутр. неуспокоенность заставляет его снова искать свое призвание. Он слушает лекции на матем. ф-те, сближается с кружком ишутинцев. В 1864, вновь оставив ун-т, ради «пропаганды революционно-социалистических идей» (РГБ, ф. 657, к. 6, № 78) уезжает в г. Богородск, преподает арифметику и геометрию в уездном уч-ще, где знакомится с Н. Ф. Фёдоровым, под влиянием к-рого в его взглядах происходит коренной перелом: он оставляет рев. пропаганду. Преданный ученик и последователь Фёдорова, П. усердно помогает ему в работе над его сочинениями, стремится распространять его идеи. Дружеские связи с членами ишутинского кружка П. тем не менее сохранены; в 1866 был привлечен по делу Д. В. Каракозова и 4 мес. находился в заключении.

В 1867 П. получил место пом. библиотечкаря Чертовской б-ки, переписывал док-ты для издаваемого П. И. Бартевевым ж. «Рус. архив», держал корректуры журнальных статей, а также «Войны и мира» Толстого. В 1869 началась его служба секретарем съезда мировых судей сначала в Спасске, затем в Керенске (1870—91). В газ. «Справочный листок района Моршанско-Сызран.

ж. д.» появляются его статьи и заметки о работе мирового суда, на темы местного самоуправления: П., в частности, выступает за облегчение налогообложения крест. населения Керенского уез. (1876, 9, 12, 24 марта, 14 авг.; подписи К-нев, К-в).

В 70-е гг. П. много размышляет над изысками революционного, насильственного пути, утверждая необходимость внести в общество, строительство религ. идеал. Ему особенно близок путь Ф. М. Достоевского, тоже прошедшего через «перерождение убеждений», его анализ природы нигилизма. В 1876 П. обращается к нему с письмом, посылает рукопись статьи, фрагмент К-рей Достоевский поместил в «Дневнике писателя» за 1876. П. критикует совр. «артели, ассоциации, кооперации, торговые и другие всякие товарищества», утверждая, что они основаны не столько «на врожденном человеку чувстве общительности», сколько на принципе эгоистической «выгоды», взаимного соперничества и «поголовного шлюнцства». Истинной основой обществ. устройства, по мысли П., должны стать христ. начала «взаимной любви», «всеобщего единения» (ИРЛИ, ф. 100, № 29806, ССХ16.9). Достоевский сочувственно отзывался об идеях П. («Все это молодо, свежо, теоретично, непрактично, но в принципе совершенно верно и написано не только искренно, но с страданием и болезнью»), в то же время отмечает и нек-рую «обособленность» автора рукописи, расценив ее как общую черту совр. ему поколению (СХП, 81—83). В 1877 П. отправил Достоевскому письмо с развернутым изложением идей Федорова (не сохр.; ответ Достоевского: СХХ(1), 13—15; см. также др. письмо П. к Достоевскому — РГБ, ф. 657, к. 9, № 93).

В 1891 П. назначен судьей г. Мокшана, затем Воронеж (1894—98), в 1899 переехал в Ашхабад на должность члена ашхабад. окружного суда. Много внимания уделял красноречию и мужайному делу, активно участвовал в работе воронеж. и ашхабад. музеев. В статьях об истории Воронеж. края, о местных музеях (их деятельность должна не ограничиваться лишь хранением «священных останков предков»), но расширяться за науч. исследование, образования, духовного и нравственного просвещения — «Ашхабад», 1899, 30 окт.; 1900, 25 июля; 1901, 29 сент.; подписи З. Н. П.) прославил характер черта П.-публициста: всякий частный вопрос он стремился поставить метафизически, использовать с позиций федоровского начала. В кон. 90-х гг. П. выступал за просвещение в Туркестане науч. археологич. съезда, к-рый положили бы начало восторженному иссл. этой местности, лежащей «на рубеже двух миров — Ирана и Турана, пред лицом Памира, прекрасным человеческого рода» («Письмо в редакцию» — «Ашхабад», 1899, 27 мая). В своих статьях неоднократно касался вопроса о назначении России в Азии: умиротворение и просвещение населения ее народностей. Первое заключало в себе не только замещение враждебных племей, но и противодействие стихийным, разрушительным силам, грядущим человеку («треснувшая природа»). Второе требовало воспитания в духе деятельной любви («Ашхабад», 1899, 27 мая; 1901, 30 дек., и др.). В газ. «Ашхабад» П. опубли. ряд статей Фе-

дорова, принял активное участие в полемике вокруг них («Письма в редакцию» — 1902, 2 янв., 14 февр., 3, 19 марта; «Еще о смысле и цели» — 1902, 21 апр.). Переехав в 1904 в Верный (назначен чл. окружного суда), выпускает в 1906 первый том «Философии общего дела» Федорова, подготовленный П. соав. с В. А. Кожешниковым, знакомит с идеями издателя просвещ. Димитрия, епископа Туркестанского и Ташкентского, в школах к-рого в 1907 проходят чтения и обсуждения работ Федорова, освещает ход этих чтений в печати («Семиреченские обл. вед.», 9, 16, 19 янв.).

Теме образования, просвещения, нар. школ П. уделял особое внимание (см., напр., «К вопросу о лучшем устройстве нашей школы» — «Ашхабад», 1900, 1, 25 янв., подпись З.; «Новая школа» — «Туркестан. епарх. вед.», 1909, 1 марта). Выступал за создание школ при храмах, что позволяло бы максимально христианизировать обучение. В 1909 открыл на окраине Верного при строящейся церкви Воссекия во храм Пресв. Богородицы школу, сам вел в ней занятия.

Особое место в публицист. деятельности П. занимала критика религ. учения Толстого — см., напр.: «Закаспийское обозр.» (1903, 23, 30 дек.), «Семиреченские обл. вед.» (1908, 8 янв.), «Туркестан. епарх. вед.» (1907, 15 апр., 1 мая; 1909, 15 марта, 1 дек.; 1910, 15 сент.). Проповедь непротравления, по его мысли, не способна умиротворить вражду и уничтожить зло; напротив, требование «не платить податей», не исполнять воинской повинности, не участвовать в судах и т. п. ведет к анархии, сильнее накаляет бушующие в обществе страсти. Толстовство, по словам П., — это «клевета на христианство», «играющая на руку революционерам» (инт. по: Толстой, LXXX, 93). Путь к искоренению зла, считает он, лежит не в отрицании существующих обществ. и гос. учреждений, а в нравств. и религ. переориентации их деятельности — на благое христ. дело. Особенной остроты полемика достигла в ряде брошюр П.: «Правда о великом писателе земли русской — гр. Л. Н. Толстом к 55-летию юбилею его лит. деятельности» (Новочеркасск, 1908); «Моя переписка с гр. Л. Н. Толстым» (в. 1, 2, Верный, 1909). Статьи П. о Толстом собраны в изд. «Н. Ф. Федоров и его кн. „Философия общего дела“ в противоположность учению Л. Н. Толстого „о непротравлении“ и другим идеям нашего времени» (Верный, 1912). Здесь же помещены статьи о Д. И. Писарева («потеряв веру, он не знает дела, которое было бы действительно полезно всем», — с. 46) и о М. Горьком, где П. выступает с критикой пессимистич. мотивов в произв. писателя, к-рый «не только не указывает людям возможности иной, лучшей жизни, а разрушает у них всякую надежду...» (с. 144).

Одна из гл. тем публицист. выступлений П. в 1900—10-е гг. — вопрос о роли христианства и церкви в мире. В статьях, опубли. в «Туркестан. епарх. вед.» (1906—10), он развивает представления об истории как о божественно-человеческой «работе спасения», о

неразрывности личного духовного подвига и обществ. дела («шарстие Божие внутри нас можем создать лишь тогда, когда мы будем создавать его и вне нас» — 1907, 15 июня). Много внимания уделял проблеме гос. и социального устройства России, подчеркивая религ. значение царской власти и личности самодержца — «водителя народа путями правды», писал о необходимости воплощения в общество жизни принципа соборности (1910, 15 апр.).

В 1913 П. полемизирует с Е. Н. Трубецким по поводу его трактовок взаимоотношений Вл. С. Соловьёва и Федорова в работе «Мирозоерание В. Соловьёва» («Вопросы философии и психологии», 1912, № 4), подчеркивая глубину воздействия федоровских идей на взгляды молодого философа и подробно останавливаясь на тех вехах их взаимоотношений, к-рые были неизвестны Трубецкому («Вопросы философии и психологии», 1913, № 3; переписка по этому поводу — РГБ, ф. 657, к. 6, № 18, 64). В 1915—16 выступает против С. А. Голованенко, автора серии статей об учении Федорова в «Богослов. вест.» (переписка П. с П. А. Флоренским, ред. ж-ла, по этому поводу — РГБ, ф. 657, к. 6, № 20, 71), — в брошюре «О религиозном характере учения Н. Ф. Федорова» (М., 1915) и ст. «Христианство Н. Ф. Федорова, автора философии Общего Дела» («Богослов. вест.», 1916, № 1; здесь же — возражение Голованенко).

Своего рода итогом усилий П. по распространению федоровских идей стало его письмо к патриарху Тихону и Собору Рус. правосл. церкви в марте 1918 с просьбой рассмотреть составленную им заметку «Что такое православие?»: «Если Собор согласится с определением православия, к-рое делается в заметке, этим будет положено начало проникновению христианства в жизнь... когда жить и быть христианином будет значить одно» (РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, № 1073).

В 1912 П. покидает Верный и переезжает в Зарайск Рязан. губ., где занимается ту же должность чл. окружного суда — вплоть до ликвидации старых судов после революции 1917. Вместе с Кожешниковым активно работает над подготовкой к печати 3-го тома «Философии общего дела» (том этот так и не был издан из-за кончины обоих редакторов).

Лит.: Достоевский (ук.); Толстой (ук.); «Воскресное слово», Рязань, 1934, № 2, с. 179—81; Проксурин В. И., Верненский книжник. — «Простор», 1982, № 4; Верный, 1906 год — книга философа Федорова, Алматы, 1989 (сост. В. Н. Проксурин); Семенов С. Г., Преодоление трагедии. «Вечные вопросы» в лит.-р. М., 1989, с. 100—32; см. же, Н. Федорова. Творчество жизни. М., 1990; Переписка П. А. Флоренского и В. А. Кожешникова. — «Вопросы философии», 1991, № 6; Лазунский

О. Г. Лит. прогулка по Воронежу, Воронеж, 1993, с. 230—34; Акиньшина А., Ласунский О., Район с Федоровым. — «Утро», 1994, 28 июля; Гачева А. Г., Жить и быть христианином. — «Библиография», 1995, № 2 (библиограф. работ П.); Кочергина В. А., Проф. М. Н. Петерсон. М., 1996 (оп. 1 и прим.); Федоров Н. Ф., Собр. соч., т. 3. М., 1997; ЛН, т. 90 (ук.); Hagemeister M., Nikolaj Fedorov, Studien zu Leben, Werk und Wirkung, München, 1989. + Масаков.

Архивы: РГБ, ф. 657; РГАЛИ, ф. 95, оп. 1, № 707 (письмо А. Л. Волынского), № 1018 (записка П. «Что такое православие?»), № 1019 (ст. П. «Вопрос о цели и смысле существования»); Архив РАН, ф. 696, оп. 1, разд. III; ЦИАМ, ф. 418, оп. 32, л. 504 (студ. з.) (справка В. В. Александровой). А. Г. Гачева.

ПЕТЕРСОН Ольга Михайловна [25.5(6.6).1856, Воронеж — 1919, Петроград*], переводчица, историк лит-ры, педагог. Дочь М. Ф. Петерсона (1827—89), стат. сов., дворянина на Твер. губ., архитектора; двоюродная племянница А. Н. Бенуа. Окончила петерб. Коломен. г-знию (1873), затем Пед. курсы. В 1874—76 —

классная надзирательница в Коломен. г-зии, в дальнейшем (до 1890) преподавала арифметику и рус. язык в младших классах. В 1878—82 училась на ист.-филол. отд. Высших жен. (Бестужев.) курсов, где занималась у Ал-дра Н. Веселовского и О. Ф. Мидлера (высоко оценил доклад П. о Феодосии Печерском); одна из первых выпускниц курсов. С 1884 содержала в Петербурге частное жен. уч. заведение II разряда (преобразовано в 1910 в частную г-знию, просуществовавшую до 1917), в к-ром обучались дети разных сословий и вероисповеданий.

Занималась пед. деятельностью, П. публиковала обзоры и переводы статей по вопросам педагогики и преподавания иностр. языков в ж. «Пед. сб-к» (1890, № 12), «Жен. образование» (1891, № 2, 4, 8), «Образование» (1892, № 1, 7/8). Чл. Неофитолог. об-ва (с 1887) и Ист. об-ва (с 1890) при Петерб. уни-те. Чл. Об-ва вспоможения окончившим Высшие жен.

курсы, П. принимала на работу в свое уч. заведение выпускниц курсов. Активная участница издат. комитета об-ва, к-рый был организован для выпуска науч. и лит. трудов, в т. ч. книг и брошюр о женщинах, сыгравших заметную роль в истории, науке, иск-ве и т. д. Первым таким опытом явилась кн. П. «Семейство Бронте» (СПб., 1895), включившая пер.-пересказы романов сестер Бронте, а также пер. статей о творчестве писательницы и их семье.

В совершенстве владела англ., норв., франц. и др. европ. языками. Первая публ. — пер. статьи Р. Пейроля «Роза Боннер» («Вест. изящных иск-в», 1890, т. 8, в. 3, 6) о художнице-анималистке. Среди переводов и пересказов П., сделанных непосредственно с оригинала, — Лонгфелло Г., Евангелина («Родник», 1891, № 10; отд. изд. — «Разлученные, или Евангелина. Повесть о печальной невесте, искавшей своего жениха», М., 1900, 1912), Консианс Х., Слепая Роза, Матушка Иов (СПб., 1893), Бьёрнсон Б., Рассказы и повести (т. 1—2, СПб., 1894), Дефо Д., Робинзон Крузо (ч. 1—2, СПб., 1894), Лагерлёф С., Развенчанный король (СВ, 1895, № 2), Гарборг А., Усталые люди (СПб., 1897), Приключения Ренара-Лиса и его кума волка Изегрима. По франц. источникам... (СПб., 1898), Корнель П., Сид (2-е изд., СПб., 1899).

Своим главным лит. и науч. трудом П. считала кн. «Зап.-европ. эпос и средневековый роман в пересказах и сокращенных переводах с подлинных текстов...» (т. 1—3, СПб., 1896—1900), созданную совм. с Е. В. Балобановой, знакомой П. еще со времен Бестужев. курсов. Адресуя книгу учащимся и учителям средних уч. заведений и всем интересующимся ср.-век. эпич. лит-рой, к-рая до сих пор мало известна читателю, авторы отказались от традич. хрестоматийной подачи материала, дающей отрывки произведений, отдав предпочтение пер.-пересказу самых крупных и характерных явлений ср.-век. эпоса — романского, скандинавского и германского («удачный выбор песен и живое изложение» — РМ, 1898, № 4, с. 141; см. также: РМ, 1897, № 3; «непосредственное знакомство [составительница. — Ред.] с подлинниками» — ЖМНП, 1898, № 6, с. 437; др. рец.: Д. К. Петров — СВ, 1898, № 2; А. Г. Горнфельд — РБ, 1898, № 3; 1900, № 11).

Составила сб. «Лонгфелло и его произведения» (СПб., 1911), в к-рый включила пер. И. А. Бунина, А. Н. Майкова, М. Л. Михайлова и собствен. пер.-пересказ. Автор биограф. очерка «Сервантес, его жизнь и произведения» (СПб., 1901), «написанного легко», но перегруженного многочисл. отрывками из произв. писателя,

«отвлекающими от хода рассказа и иногда притянутыми насильно, без настоящей связи» (А. Г. Горнфельд — РБ, 1901, № 6, с. 98—99).

Др. произв.: «Из забытых преданий. Святочный рассказ» («Новости», 1892, 1 янв.), «Великие огни. Гренландское предание» (в сб.: «В добрый час», СПб., 1895; издан в пользу Об-ва вспоможения нуждающимся ученикам Коломен. г-зии), «Счастье рыбаков. Ирландская легенда» («Родник», 1895, № 1), «Скрипка. Рассказ» («Нов. слово», 1896, № 10), «Арне Гарборг и „Молодая Норвегия“» («Космополис», 1898, № 6, 7), «Песни моря. Рассказы и предания» (СПб., 1899), «Корнваллийские сказки» (СПб., 1907, бесплатное прил. к ж. «Родник»).

Лит.: «Ист. обзор», 1890, т. 1, 2-й отд., с. 62, 1893, т. 6, с. 14; «Записки Неофитолог. об-ва», СПб., 1894, в. 3, № 1, с. 23; 1914, в. 7, с. 83; Памяти Н. В. Стасовой, СПб., 1896, с. 3 (факсимальное воспроизведение письма Стасовой к П., содержащего высокую оценку кн. «Семейство Бронте»); Стасов В. В., Н. В. Стасова. Восп. и очерки, СПб., 1899, с. 343, 445. Памятная книжка окончивших курс на С.-Петерб. Высших жен. курсах 1882—1889... [Сост. Н. А. Ветвеницкая], 4-е изд., СПб., 1903, с. 5; С.-Петербург. Высшие жен. курсы за 25 лет, 1878—1903. Очерки и мат-лы, СПб., 1903, с. 33, 52, 139, 144; «дела и дни», 1920, кн. 1, с. 497; ЛН, т. 33—34, т. 87 (библ.); + Броузгу; Альм. и сб-ки (1).

Архивы: РГАЛИ, ф. 1624, оп. 1, л. 278 (автобиография); ИРЛИ, ф. 377, ф. 39, № 649; ф. 45, оп. 5, л. 605; ШГА СПб., ф. 113, оп. 10, л. 1; ф. 139, оп. 1, л. 10767, 18313, 18521; РГИА, ф. 1293, оп. 113, 1876 г., л. 1412; ф. 497, оп. 2, л. 21445; ф. 472, л. 23, 269, 280 (об учебе на Бестужев. курсах и пед. деятельности).

Т. Н. Гавриленко

ПЁТИН Иван Александрович [1788 — 16.10.1813, под Лейпцигом; похоронен ок. д. Госса близ Лейпцига], поэт-дилетант. Из дворян Моск. губ. Отец, Ал-др Бор., ротмистр в отставке, рано скончался. Воспитывался матерью Ал-дрой Пав. В 1797 определен в Моск. ун-тский благородный пансион, где познакомился с Ал-дром И. Тургеневым, В. А. Жуковским, С. П. Жихаревым; пользовался особым вниманием инспектора пансиона А. А. Прокоповича-Антонского. Участник драм. представления во время торжеств. акта в пансионе 14 нояб. 1798. Избран воен. карьеру, поступил в Пажееский корпус (записан в пажи 28 окт. 1801), откуда из камер-пажей выпущен поручиком в л.-гв. Егерский полк (нояб. 1806). Прикомандированный к милиционному (ополченч.) батальону, в сер. февр. 1807 вместе с войсками совершил поход в Германию навстречу франц. армии во время войны против Наполеона; в походе познакомился с К. Н. Батюшковым. После ранения, полученного в сражении под Фридрихландом (2 июня 1807), вместе с Батюшковым (пострадавшим 29 мая в сражении под Гейльсбергом) лечился в госпитале в Юрбурге (на Немане). С начала войны со Швейцарией (25 янв. 1808) — в действующей армии; вме-

ПЕТНИКОВ

сте с батальоном егерей 8 мая выступил в Финляндию. 30 окт. 1808 под Иденсальми был ранен вторично и отправлен в Петербург (об этих событиях Батюшков в 1810 написал стих. «К Петину»; см. также: Яковлев П., Нечаянное ночное нападение при Иденсальми в Новой Финляндии. — «Благ.», 1822, ч. 20, № 51—52, с. 459—67); по окончании войны с сер. 1809 долечивался в Москве, где в 1810 много времени проводил с Батюшковым. К нач. 1811 вновь в полку.

После вторжения Наполеона в Россию вместе с гвардией проделал поход к Вильне, затем к Смоленску, участвуя в его обороне. 26 авг. 1812 во время Бородин. сражения командовал атакой 3-й гренадер. и 9-й егерской рот; награжден орд. св. Анны 2-й степени с алмазами; был ранен вновь и отправлен во Владимир (в Шуйском у. находилось имение П. с. Кулеберово). Получив чин полковника и не совсем оправившись, вернулся в свой полк. В 1813 под Кульмом командовал 1-м батальоном; 17 авг. участвовал в Кульмском сражении, за что был награжден орд. св. Георгия 4-й степени. Возглавляя атаку егерей в «битве народов» под Лейпцигом, был убит.

Во время пребывания в пансионе П. регулярно печатал в составлявшихся из соч. воспитанников сб-ках «Утренняя заря» (М., 1800, кн. 1; 1803, кн. 2; 1806, кн. 4), «И отдых в пользу...» (М., 1804) б. ч. басни (в сб. 1800 они сопровождаемы пометой «сочинение 12-летнего стихотворца» — с. 59), а также прозаич. переводы с франц. («Нравоучительные мысли», «Арист. или Детское счастье», «Сетования. Идиллия»), стихотв. речь («Время дорого. К воспитанникам»). Стихи, носящие откровенно ученич. характер, были забыты; исключенным явилась басня «Солнечные часы» [перепечатана в рец. «Моск. Меркурия» (1803, ч. 2, с. 184) на «Утреннюю зарю»], ничем не выдающаяся, но введенная В. А. Жуковским в «Собрание рус. стихотворений, взятых из сочинений лучших стихотворцев российских...» (ч. 3, М., 1811) и затем неоднократно перепечатанная в др. подобных сб-ках: «Собрание образцовых рус. сочинений и переводов в стихах» (ч. 3, СПб., 1815); «Избранные сочинения и переводы в прозе и стихах. Тр. благородных воспитанников Университетского пансиона» (ч. 1, М., 1816); «Цветник избранных стихотворений в пользу и удовольствие юношеского возраста» (ч. 1, М., 1816); «Избранные места из русских сочинений и переводов в стихах и прозе» (ч. 2, Х., 1823). Позднее П. скрывал свои юнош. лит. «грехи», хотя словесность не была им вовсе забыта.

П. связывала тесная дружба с Батюшковым, к-рый в нояб. 1815 писал в «Воспоминании о Петине»: «Одни пристрастия, одни склонности, та же пылкость и та же беспечность, которые составляли мой характер в первом периоде молодости, пленяли меня в моем товарище» (Батюшков, «Опыты...», с. 403). В лагере при Кульме они говорили о своих надеждах, о будущем совместном путешествии на Кавказ; в сб-жении,

Н. А. Петин (?). Рис. К. Н. Батюшкова.

очевидно, сыграли роль и лит. инт-ресы П.

Батюшков вспоминал, как ознакамил П. «краснея», пришел к нему со стихами, написанными в молодости и весьма слабыми, но «в них приметны были смысл, ясность в выражении и язык довольно правильный» (там же, с. 404). Жуковский в годы редактирования «Вост. Европы» пытался привлечь П. к сотрудничеству и перепечатать для перевода сб. нем. баснописца К. В. Раулера. П. приступил к переводу, но затем отказался от продолжения работы — в дружеском иронич. письме Жуковскому от 14 окт. 1809 он уверял, что семь лет не занимался латинской и не в состоянии выполнить просьбу: «... никак не мог с ним справиться... все вышло фальшиво... Вините в том шедов... Песня... понос меня, но смотрите, совсем не по следам Раулера. От Феба в чистую отставку я уволен! И больше с Музьям знакомства не ведем» (РА, 1875, кн. 3, с. 362—63; автограф: ИРЛИ, ф. 18, оп. 1, № 147).

П. питал интерес к воен. наукам: по словам Батюшкова, вел воен. дневник «и в мирное время не выпускал из рук военных книг, и я часто заставлял его за картою в глубоком размышлении... но часто, по излишней скромности своей, таил свои занятия и хотел казаться рассезанным» (Батюшков, «Опыты...», с. 403). В «Воен. журнале» П. А. Рахманова П. поместил переводы ст. «Об атаке крепостей» (1811, кн. 15) из «Фортификации» Белявсена и Леклерка с прим. о сложности перевода на рус. яз. воен. терминологии.

Батюшков рассказывал, как П. в госпитале Юрбурга преподал ему и другим урок истинного патриотизма, услышав, что немцы демонстративно вырывают перед пленными противником, пока собьют, раненые солдаты съедают без хлеба и криши над головой. В характере П. была та оп-

ределенность и профессиональная целеустремленность, к-рой неоставало Батюшкову: «Пылкость ума, способного на многое; словесность требует воображения, наука — внимания и точности» (Батюшков, «Опыты...», с. 400), «ум зрелого человека и сердце счастливого ребенка» (там же, с. 399). Излагал письмо П., написанное накануне Бородин. битвы, Батюшков удивился «спокойствию душевному, которое являлось в каждой строке... Так должен писать истинно военный человек, созданный для сего звания природою и образованный размышлением» (там же, с. 404).

П. посвящена одна из лучших элегтий Батюшкова «Тень друга» (ВЕ, 1816, № 17/18). После гибели П. он посетил его свежую могилу и готов был заказать рисунок памятника и составить эпитафию (заказать его в Лейпциге брался Тургенев); уже больное, в дни просветления он часто рисовал могилу П. под деревом и шпиль соседней церкви.

Лит.: Сушков Н. В., Моск. Ун-тский Влагородный пансион..., М., 1858, с. 77—78; Батюшков; Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе, М., 1977; История Л.-Гв. Егерского полка..., СПб., 1896 (ук.); Левшин Д. М., Памятник Егер. Имп. Величества хоругви. За сто лет, 1802—1902, СПб., 1902 (ук.); Дурякин С. Н., Рус. писатели в Отеч. войне 1812 г., М., 1943, с. 110—11, + РБС.

Архивы: РГИА, ф. 1343, оп. 27, № 1998 (Дело о гербе рода Петиных), 1798—1801 (с автографами П.); ЦИОМ, ф. 4, оп. 14, № 1503 (дело о дворянстве П.). В. П. Степанов.

ПЕТНИКОВ Григорий Николаевич [25.1(6.2).1894, Петербург — 11.5.1971, Старый Крым], поэт, переводчик, издатель.

Отец, Ник. Осипович (Иосифович; 1857—1941), дворянин, род. в Харькове, окончил три класса Харьков. ж.-д. училища и в 1881 Елизаветград. юнкер. уч-ще, служил в уланском полку (1879—86), уволен в отставку в 1897 в чине поручика, служил затем на Сев.-Донск. ж. д. Мать, Эвелина-Анна Лявковична, урожд. Ратовская (? — 1941), полька, дочь полкового врача из г. Актюбск, братка ее матерн, урожд. Красевская, — участница Польского восстания 1863—1864, погипила на каторге в Сибири. Мать окончила г-зию с зол. медалью, работала учительницей, счетоводом, индентером транспорта. П. с детства любил читать к труду, к музыке, к Пушкину, родному слову» (автобиогр. 1949 — л. л., отвл. творч. хазарв Медуларн. сообщества писательских орг-ций России).

В 1905—13 учился в 3-й харьков. г-зии, увлекался естествознанием, из писателей ему «больше всего нравились Некрасов, Кольцов, мн. стихи Лермонтова, сказки Пушкина, „Капитанская дочка“, и особенно Лев Николаевич Толстой» (автобиогр. 1954 — РГАЛИ); учеником 3-го кл., 8 окт. 1907 отправил восторг. письмо Толстому (ТМТ, А-7 БАН); получил в ответ визитную карточку с автографом (хранит в дом. архиве), 8 окт. 1917, вопреки футуристич. выпадам против классиков и музеев, посетил вместе с В. Хлебниковым музей Толстого в Москве, так никогда не узнав, что среди экспонатов есть его письмо. В 5—6-м кл. выпускал рукоп. ж. «Народы и страны». В 5-м кл. сблизился с Б. П. Гордеевым (*Божидаром*), о к-ром писал: «стали мы неразлучными друзьями; под его. пожеланию, влиянием я стал еще больше любить и писать стихи, языками увлекаться, историей рус. языка, стихо-

сложением ... а он от меня — музыкой, сопровождавшей меня с ранних лет» (автобиогр. 1949 — отдел творч. кадров...). В последних классах г-зии не только писал стихи, но и переводил с нем. и франц. яз. (Э. Т. А. Гофман и др.).

Началом проф. лит. деятельности считал 1913, хотя намеревался включить в первый сб-к стихов с 1910. В 1912—13 познакомился в Харькове с поэтами, будущими футуристами — Н. Н. Асеевым и С. П. Бобровым, но ни в одну из футуристич. группировок не вошел. Через Боброва шли переговоры о предполагавшемся в 1913 в Москве издании перевода П. филос. пов. Новалиса «Ученики в Сансе» (опубл. позднее: «Пути творчества», 1920, № 6—7; отд. оттиск). В 1913 вместе с Божидаром поступил на слав.-рус. отд. филол. ф-та Моск. ун-та, одновременно посещал лекции в Нар. ун-те им. А. Л. Шанявского, по из-за болезни вернулся в Харьков, где провел б. ч. уч. года.

Летом 1914 совм. с Божидаром и Асеевым организовал в Харькове изд-во «Лирень» (от «лира» и «ливань»), первоначально тяготевшее к «Центрифуге». После трагич. смерти Божидара (сент. 1914) прервал учебу в Москве, стал его душеприказчиком и издателем (впоследствии Хлебников писал: «Мы постигаем Божидара через отраженное колебание в сердцах, знавших его» — «Сев. сборник», М.—[Х.], 1918, с. [32]). В том же году поступил на юридич. ф-т Харьк. ун-та (закончил в 1918). В 1919—22 учился на лит. отд. Акад. теоретич. знаний (б. Харьк. ун-т). Будучи фактически единоличным руководителем «Лирни», к-рый просуществовал до 1922, выпустил ок. 20 книг (своих, Асеева, Божидара, Хлебникова, Т. В. Чурилина и др.; на всех книгах указано мнимое место издания — М. или П. вместо Х.).

Дебютировал в авг. 1914 переводом кн. Новалиса «Фрагменты» (в. 1), изд. «Лирнем». Был одним из первых переводчиков в России Новалиса. Обращение к переводам предшественников новой европ. лит-ры свидетельствует о ранней ориентации П. на поэтику европ. модернизма. Увлечение нем. романтизмом, к-рое разделяли с ним Асеев, Бобров, а впоследствии Хлебников, возникло под воздействием Вач. И. Иванова и его переложений из Новалиса, опубл. в 1910 («Аполлон», № 7).

Нес-рые критики упрекали П. за крайний субъективизм, за то, что он отобрал только тридцатую часть всех фрагментов, предпочтя претенциозные натурфилос. потуги афоризмам, бол. «характерным для романтич. философии» (П. Юнгевич — СевЗ, 1915, № 2, с. 230—31), и поэтому «перевод ... не дает всякого понятия о творчестве Новалиса» (М. И. Сизов) — «Природа и люди», 1915, № 28, с. III; ср. с оценкой в «Изд. техн. магазинов Т-ва М. О. Вольф ...», 1914, № 10, стб. 179, б. л.); в др. отзыве, напротив, отмечено, что перевод «интересен, хотя местами переводчик слишком ударяется в модернизм» (Н. Ш. — МВед. 1915, 19 апр.). Отмечены рсизантентизм «вост. философии» крут тем в знании и близость нек-рых афоризмов к дремленду. речениям (М. Гарденина — 1915, № 7, с. 101—02), несомненно, отразили вкусовые критерии переводчика (см. также рсч.: Ю. Веселовский — РВед. 1915, 18 февр.; А. И. — УР. 1915, 31 янв.; «Утро», 1915, 10 марта). Впоследствии П. несч. раз анонсировал издание 2-й кн. «Фрагментов» (1916, 1919) и книгу афоризмов Новалиса «Цытеин» (не изданы). Мифологизм Новалиса, голубому цвету, был, очевидно, навеян один из тезисов публич. совм. выступления (или беседы) П. и Хлебникова в апр. 1917 («Он устал, этот путник столетий, зачем же в его пальную руку голубых цветков» (Хлебников, т. 5, с. 259)).

В авг. 1915 П. впервые опубл. оригинальные стихи в совм. с Асеевым сб. «Леторей» (М.—[Х.]; обложка М. М. Свияжковой; неологич. заглавие восходит, по сообщению П., к словам «лето/летний» и «речь»; сб-к подвергался врем. аресту из-за богоборч. стих. Асеева «Жалость»). В преисл.-декларации, написанном авторами совм. (подпись Лирень), повторялись нек-рые тезисы футуристич. группы «Гилея», провозглашавшая отказ от старых тем и «ходячего смысла», от новейшего «учения о форме слова и слога», утверждался приоритет арханч., «дикого», слова и «живого слова», к-рое «поражает чувство и ум»: «Поток звуков может образовать мысли, но они никогда не могут управлять им. Стих может быть размерен и созвучен, но размер и созвучие не могут быть признаками стиха. Дикое слово ведется нами из душевных дремлин». Первые стихи П. отличались принципиальной установкой на новацию, эксперименты с «оснасткой слова», тяготением к славо. тематике, характерной для арханч. крыла символистов, но гл. обр. находились под воздействием поэтики Хлебникова.

А. А. Блок, к-рому Асеев послал «Леторей» с предложением сотрудничества, ответил, что сб-к «оставил ... равнодушным» (письмо от 20 мая 1916 — ЛН, т. 92, кн. 4, с. 700, 701).

711). Бобров похвалил П. за «приятную для нашего уха темноту», но при этом отметил «быстрые славизмы и иск-рую изысканность в выборе метров» («Пета», М., 1916, с. 38). Ср. др. отзыв в «Изд. техн. магазинов Т-ва М. О. Вольф ...» (1915, № 11, стб. 166), где в качестве образца «для любителей патологич. поэзии» штировался стих П. «Ясень» («Никогда не устанет радио! Если в аспую вти бау...»); др. рсч.: Дм. В(а-равнин) (Ф. Вермель) — «Моск. мастера», М., 1916.

Отказавшись от предложения Боброва о присоединении изд-ва «Лирень» к «Центрифуге» (в мае 1916 отношения между ними были прекращены из-за разногласий по поводу издания Бобровым теоретич. труда Божидара «Распевочное единство»), П. в 1915—17 расширил издат. деятельность «Лирня». Осенью 1916 вместе с Асеевым готовил изд. «вестника худож. речи и критико-библиографии» «Слововед» и сб. «Улья, улья, марсиане», к-рые не были осуществлены, хотя П. привлек к сотрудничеству в них моск. и петрогр. футуристов Хлебникова, А. Е. Кручёных, В. В. Маяковского, Р. Инвева, М. В. Матюшина, П. Н. Филонова, а из «чужих» — П. А. Флоренского. П. печатался не только в «Лирне», но и в стальной. изданиях («Второй сб. Центрифуги», М., 1916, и др.).

Весной — летом 1916 П. сблизился с Хлебниковым (сначала по переписке, личное знакомство состоялось в августе) и стал его издателем. Хлебников неоднократно приезжал к П. в Харьков, вместе они затевали разл. проекты, составляли манифесты, воззвания. Тесная дружба, продолжавшаяся по июль 1920, во многом определила лит. судьбу не только П., но и Хлебникова, к-рый не раз писал о стихах П. В ст. «Ляля на тигре» (1916; «Сев. сборник», 1918) Хлебников развивал ряд положений декларации, напечатанной в сб. «Леторей», цитировал раннее стих П. «Палоротник», упомянул его переводы из Новалиса и работы «над исследованием корнев рус. языка» (ст. «Упевки языка» и «Прилоги рус. поэтич. речи» не изд.). Впоследствии Хлебников называл П. и Асеева «солетниками» (от «леторей»). Летом 1916 П. выпустил антивоен. манифест Хлебникова «Труба марсиан», деливший человечество на «изобретателей» и «приобретателей» и провозглашавший создание «государства времени». Под ним стояли имена единомышленников — П. и Асеева (они принимали участие в окончат. редакции текста и разделяли идею общности, исповедуемую Хлебниковым), художницы Свияжковой и Божидара (посмертно).

В. Я. Брюсов назвал манифест «трубным оригинальничатьем» (РВед. 1916, 6 июля), а Н. Н. Пулюн считал его «манифестом губыма» и «песней юности» («Хлебников — это стол века, издр. процветает на нем ветви») — «Палорама иск-ва», в. 12, М., 1969, с. 187). Ср. об этом в последи. стих. П. «Россия 1914—1916» (1934), написанном под влиянием структуры хлебниковского «Зверница»: «И даже в дальше города»

ПЕТНИКОВ

походит — / Наш / Маяковский, / И крик земного шара услышал / С „Трубой маршала“ Веземир».

П. стал одним из первых членов созданного Хлебниковым 29 февр. 1916 в Москве для решения судеб всего мира утопич. интернац. «Правительства Земного Шара» (др. назв. — «Правительство поэтов», «Общество Председателей Земного Шара», «Общество 317-ти»). Вместе с Хлебниковым разработал идею и план периодич. издания этого об-ва — «Временник», в к-ром публиковал преим. тексты Хлебникова. В кон. 1916 выпустил 1-й «Временник» и сб. Хлебникова «Ошибка смерти». На обложке 2-го «Временника», изд. весной 1917 и включающего только прозы, Хлебникова, в т. ч. «Воззвание Председателей Земного Шара», условно указаны три автора — Хлебников, П. и В. В. Каменский. Одновременно от их имени Хлебников написал открытое письмо М. Горькому с вопросом, считает ли он Председателей «достойными членами правительства земного шара» («Russian Literature», Amst., 1970, № 9, p. 19).

В мае 1917 П. и Хлебников приехали из Харькова в Петроград, чтобы собрать подписи Председателей. Вошли в Блок левых Союза Действительных Иск-в. 16 мая приняли участие в заседании Союза, 25 мая — в карнавальном шествии в поддержку «Займа Свободы», с машины Преземшара вместе с присоединившимся к ним Маяковским читали свои антивосп. стихи; стихи П. и Хлебникова в тот же день были опублик. в однодневной газ. «Во имя свободы» (см. свидетельство П. в кн.: Катанян В., Маяковский. Хроника жизни и деятельности, М., 1985, с. 131). Октябрь провели в Москве и Петрограде, где оказались свидетелями рев. событий.

Выслушав тех дней и эпатирующие акции (напр. предложение заменить Врем. правительство Правительства Земного Шара) Хлебников описал через год в мемуарном очерке «Октябрь на Неве» («Красный воин», Астрахань, 1918, 6 нояб.; впоследствии П. так назвал свою поэму). В 1967 П. сообщил вон. подробности: «Наше письмо Временному правительству обсуждали вместе с теми, кто его подписывал. Писалю в виде открытого письма (открыты) рукою Хлебникова... Где писалось это письмо? В Академии Художеств, в Петрограде, в предоктябрьские дни, в квартире 5, где я жил ту осень, в семье художника Льва Бруна ... И зювонила мне в Зимний из этой квартиры... Второе же письмо в Зювоний дворец Керенскому писалось в середине октября в вильсоновской студии, столовой» (письмо А. Е. Парину от 18 апр.). Об изданиях 3-го «Временника», в к-ром был начат только список Председателей (19 человек). П. пишет: «О „дорожном листке“: это была листовка Преземшара, „Временник 317-ти“, отпечатанная в одной из маленьких частных типографий в Петрограде. Зашли мы (в эту типографию, где instalлились малые офисы, вытисные карточки, и на другой день она вылетела в свет... (там же). В авг. 1918 П. писал Хлебникову (РГАЛИ, ф. 527, оп. 1, № 148), что готовит к изданию 5-й «Временник» и его драму «Тринадцатый ползунок» (не изд.).

После установления в Харькове сов. власти с дек. 1918 работал в Совете иск-в Наркомпроса, был пред.

Всеукр. Лит. к-та (до июля 1919), ред. «Лит.-худож. неделя» (прил. к газ. «Изв. Раб.-Крест. пр-ва и Харьков. Совета раб. депутатов»), где печатал Хлебникова, А. К. Гастева, Маяковского, Р. Иванова и О. Э. Мандельштама, а также сериал, а затем ред. ж. «Пути творчества» (1919—1920, № 1—7), в к-ром печатались представители разл. лит. направлений. В первом «Воззвании всеукр. Литкома» («Лит.-худож. неделя», 1919, 2 марта), подписанном П. (вместе с Гастевым и Н. И. Левченко), призывал пролетариат «творить новое иск-во» и был, вероятно, одним из первых, кто использовал слово «авангард» применительно к левому иск-ву: вскоре он напечатал программное стих. «Песнь авангарда» (1917; там же, 1919, 21 марта). Неск. стих. П. было опублик. в хрестоматии футуристов «Сб-к нового иск-ва» (Х., 1919, вышел в нач. 1920), где в обзорной ст. (б. п.) он был назван «бесстрастным искателем чистой словесной формы и ее магич. очарований» (с. 24).

В кон. марта 1919 переехал вместе с укр. пр-вом и Советом иск-в в Киев, 29 апр. принял участие вместе с Мандельштамом, И. Г. Эренбургом, Б. К. Лившицем, В. Н. Махматовым и др. в «Вечере иск-в» (в б. т-ре Соловцова). В сб. «Рев. иск-во», выпущенном Литкомом к вечеру, напечатал ст. «О творчестве настоящего» и 4 стих., участвовал в сб. «Гермес» (К., 1919). Вскоре пошел добровольцем в Красную Армию, был инструктором полнотдела Крымской (14-й) армии, после тифа демобилизовался. Ср. характеристику П. этого времени, данную Асеевым: «То в год революции нет никого./ Вместе летевшего в быстри дней./ Кроме Григория Петникова./ Кого бы я встретил искренней» (стих. «Если меня для каждой встречи...» — сб. «Булань», М., 1920).

В эти годы в изд-ве «Лирень» вышли футуристич. книги П. «Быт побегов» (1918), «Поросль солнца» (1918; 2-е изд., 1922), «Книга Марин-Зажги-Снега» (1920), тематически и стилистически близкие первому сб. «Леторей». Крученых, причислявший П. к школе заумной поэзии, «единственно самостоятельной в России», пригласил его в совм. сб.: Крученых А., Петников Г., Хлебников В., Заумники, М., 1922. В 1920 в Харькове вышел сб-к его стихов в переводе на укр. яз. — «Поэзии». Эти книги подводили итог раннему периоду творчества П., к-рого Д. И. Выгодский («Лит. современник», 1935, № 2, с. 221) считал одним из создателей «лирич. эмоц. струи» в футуризме.

Критик назвал «Книгу Марин-Зажги-Снега» «важнотворной» («В ней есть поэтич. элемент, а ее страницах бьется буйная струя первобытной

«ошанненности и влюбленности в жизнь») и даже отдал ее приобщению П. перед Хлебниковым («Но то, что у последнего слишком теоретично, мертво и сухо, у П. становится живым, мясным. Хлебникова можно принять, П. нельзя не принять, через него и Хлебников отчасти получает оправдание» (Выгодский — «Раута», Полтава, 1921, № 23, с. 101). О поэтич. роковой судьбе П. писал В. И. Нарбут: поэт «торит красноречием Баиба, говорит его речью и адает в его времена» («Слово о полку Игореве» является его «Евangelием» и он, «как никто, ощущает трудности слова» (неизд. статья о П., 1921 — архив С. В. Кузнецова).

Лившиц в ст. «В штабелях рев. слова» отмечал «словотворч. размах» в поэзии П., «буйный расцвет самостоятельного слова, т. е. слова, осознающего себя как самоцель», у него «слово — растение, „поросль“, „добег“, высад, что это один из наиболее высоких путей подлинной поэзии, ищущий выражения невыразимого и что его книги исполнены „неподдельной свежестью и радостью жизни“ («Пути творчества», 1919, № 5, с. 71). Переключаясь и полемизируя с Лившицем, Хлебников в ст. «О совр. поэзии» писал о сб. «Быт побегов» и «Поросль солнца»: П. «уборно и строго, с сильными нажимом волн текет своей „узорчик ветровых событий“», над его «думкой, „эткой и четкой“, „ясной и прозрачной“ «парит» «красно свеп. ратума», и противопоставлял «ясный волеюй холода его писем» и строго лезие ратума, управлюющее словом», «фуриско-гафизико-утопическое Ассеса («Пути творчества», 1920, № 67, с. 71). В прогрозальной ст. «Наша основа», написанной спец. для «Пути творчества», но опублик. в сб. «Лирень» (М., 1920), Хлебников, развивая идею «ползунок», о к-рой он ранее сообщил П., приволил примеры из его словотворч. опытов.

Высокую оценку творчества П. дал А. И. Белешкий в ст. «Торжество слова (О стихах П.)» («Худож. мысль», Х., 1922, № 9), написавший, что все три книги П., «словои фрагменты из этой великой Библии призыва», и что «читая П., мы не спрашиваем себя о его мировоззрении, мы прежде всего ощущаем поэта — но разве этого мало?» (с. 10—11). Схожую оценку дал И. А. Оксенов: «У П., прежде всего, своей собоств. словаря, и в нем иезолитизм, порою очень удачные, «из природы он вырывает свои „чуждые находки и плестет из них лепки, порой истерично зряме и душнотное, но причудливое — естля». И в этом своеобразии достигает иногда высокой предельной простоты» («Книга и революция», 1921, № 12, с. 18).

Сдержанный отзыв о ранних стихах П. принадлежит Б. Л. Пастернаку: «У него есть хорошие качества и на искт. миллиметров он — поэт. Он мог бы и должен был бы развиваться ... Я часто об этом с ним говорил ...» (письмо Д. В. Петровскому от 1 мая 1921 — Пастернак Б. Л., Собр. соч. т. 5, М., 1992, с. 120). Резкую предельную характеристику «Книги Марин-Зажги-Снега» дал Бобров в рец., подписанной псевд. В. Юрлов: «Весь изломанный язык футуристич. ластыки оказался просто невыятым бормотанием, лишившимся своего внутр. содержания» (Пир, 1921, № 2, с. 207). С Бобровым солидарен пролетар. поэт И. И. Сафьян, написавший в рец. на «Поросль солнца», что у П. «творчество большое, немощное» и что «чуждое творчество ... и б. будет когда-нибудь представлять интерес для археологов, но ... безусловно вредно для лит-ры» («Гражданин», 1921, № 7/8, с. 107—08, подпись И. С.).

В 1925—31 П. жил в Ленинграде, работал в изд-ве «Academia» (здесь в 1928 вышел его пер. «Михаила Кальгааса» Г. Клейста), печатал стихи и переводы в ж. «Звезда», «Красная панорама», «Новый мир», «Огонек». Близко общался с представителями худож. авангарда — К. С. Малевичем, к-рый оформил «Книгу избр. стихотворений» П. (Х., 1930; портрет П. работы Д. И. Митрохина), Матюшиным, Филоновым, В. Е. Tatлантиным, Н. И. Альтманом и др. В 1925 ездил в Берлин собирать мат-лы для антологии рев. поэзии 20 в. «Мо-

лодая Германия» (Л., 1926), куда включил помимо своих переводы Мандельштама, Пастернака, Ф. Солюба. Позн. сб-ки «Ночные молнии» (Л., 1928), «Молодость мира» (Х., 1934) знаменуют фактически новый этап в творчестве П., он отходит от алогизма и герметичности, характерных для ранних произв., стремится к ясности, простоте, к традиц. формам стиха, а его прежние темы (природа, пейзаж) в сочетании с социальными мотивами приобретают иное звучание, в них появляется новая для него производств. тематика. Вернувшись в 1931 в Харьков, П. занимался в осн. переводами: выпустил кб «Запад и Восток» (К.—Х., 1935), куда вошли произведения европ., амер., африкан., кит., япон., корейских поэтов, издание сказок бр. Grimm (1937, полный свод 1949) и кн. для юношества «Мифы Эллады» (1941).

В 1937—58 жил в Малоярославце. В годы войны работал на Сев. Кавказе (в Нальчике), печатался в местных «Окнах ТАСС», выступал на радио, занимался лит.-ред. работой, потом был эвакуирован в Кирпизацию. После войны переводил сказки бр. Grimm, укр. и рус. нар. сказки. В 1958 переехал в Старый Крым. После перерыва почти в тридцать лет в Симферополе были изданы его новые поэтич. сб-ки «Заветная книга» (1961), «Открытые странницы» (1963), «Утренний свет» (1967), «Лирика» (1969), «Пусть трудятся стихи» (посм., 1972), в к-рые наряду с новыми вошли стихи из ранних сб-ков. Н. С. Тихонов писал в предисл. к сб. «Утренний свет»: «В этих стихах свой голос, своя поэтич. линия, свой особый путь» (с. 3). Стихи П. переводились на укр. (2 отд. изд. — 1920, 1934), польский (отд. изд.), чеш., нем. и япон. яз.

Изд.: Стихотворения, К., 1935; Избр. стихи, М., 1936; [Стихи]. — В кн.: Строфы века: [Переводы]. — В кн.: Новалис, Гейнрих фон Офтердинген, Фрагменты, Ученики в Саусе... СПб., 1995; Мастера поэтич. перевода. XX в. СПб., 1997 (Нов. БП). [Письма]: Д. Д. Бурлаку. 1930 (1) — в сб.: Красная стрела, Н.-Я., 1932, с. 3; Д. И. Митрохину. 1952—66 (15) — в кн.: Книга о Митрохине, Л., 1986, с. 259—65, 471—72 (прии. И. Я. Васильевой).

Лит.: Перцов В., У истоков слова. — «Изм.», Х., 1921, 21 марта, прил. «Лит.-худож. неслы», № 3; Гусман Б., 100 портретов. Лит. портреты, Тверь, 1923, с. 210—12; Хлебников В., Собр. произв., т. 5, Л., 1933, с. 306—15 (письма к П.); Поступальский И., От «самолетов» слова к идейному творчеству. — «Худож. лит.-ра», 1935, № 1; Терпизано Ю., Г. Н. Петников. — РМ, 1961, 10 июня; Гельфанда-бей Г., Мухоморов в Харькове. Х., 1963, с. 13, 18—20, 22, 43, 44, 58—59; Ивань Р., Слово о бессмертном комиссаре. — «Радауга», 1965, № 6, с. 161—64; [Записи рассказа П. о знакомстве с Хлебниковым в письме А. Е. Парняка Д. Д. Бурлаку от 8 мая 1964]. — «Solog and Rhym», М. У., 1966, № 66, p. 122; Степанов И., О Григории Петникове. — ЛГ, 1970, 21 янв.; Мелодников С., Творч. путь П., К., 1972 (авторф. канд. дис.); Харджиев Н., Новое о В. Хлебникове... — В кн.: День поэзии, 1975, М., 1975, с. 203—06; Пророческая душа В. Хлебникова в восп. современников. — ЛО,

1985, № 12, с. 98 (публ. А. Е. Парняка); Выпеселавский Л., Прелещанара — 2. — В его кн.: Намуств, Восп., М., 1989, с. 11—25; Аренис Л., Слово о полку Буагтаданском (п. «Григорий Петников»). — В кн.: Хлебниковские чтения. Мат.-лы конференций... СПб., 1991; Очеретянский А., Янскс Д., Крейд В., Забытый ашгара, кн. 2, Н.-Я. — СПб., 1993, с. 189—96; Андерева-Бальмонт Е. А., Восп., М., 1997 (ук.); Markov V., Russian Futurism. A history, Los Angeles, 1968 (Index), + КЛЭ; Казах: Рус. сов. поэты Украины, К., 1987, с. 6—7; Рус. поэты, в 19 (отбика в месте рождения); Владиславлев И. В., Лит.-ра великого десятилетия (1917—1927), т. 1, М.—Л., 1928, с. 192.

Архивы: ИРЛИ, ф. 377; ф. 280, оп. 1, № 218 (2 письма А. П. Чапыжну, 1930—34); ф. 494, оп. 2, № 952 (письмо В. И. Малышеву, 1969) [справка Л. Н. Ивановой]; ГИМ, ф. 349, оп. 1, № 830, 550 (автопортр. 1964; письма к Е. Ф. Никитиной); кнпн П. с его дарств. напизлини — А. Е. Кручених (3; 1928—30); Д. И. Митрохину — (3; 1962—70); собр. С. В. Курявцева (61 письмо И. А. Поступальскому, 1929—70); 16 писем А. Е. Парняку, 1963—70; РГАЛИ, ф. 2554, оп. 1, № 57; оп. 2, № 568 (25 писем С. П. Воброву, 1913—16); ф. 613, оп. 7, л. 455 (автопортр. 1954); ф. 998, оп. 1, № 2180 (3 письма В. Э. Мейергольцу, 1917—20); Ист.-краевед. музей г. Старый Крым, л. ф.: РГВИА, ф. 409, л. с. 363-923, л. с. 349-104, 1887 г.; ф. 400, оп. 17, л. 10064 (свед. о службе отца) [справка Н. Н. Свинойковой]; Гос. музей лит.-ры Украины, л. ф.

ПЕТРАШЕВСКИЙ, Буташев-вич-Петрашевский Михаил Васильевич [1(13).11.1821, Петербург — 7(19).12.1866, с. Бельское Енисейской губ.; похоронен на местном кладб.], публицист, социалист-утопист. Род. в дворян. семье, отец — доктор медицины и хирургии, стат. советник. Обучался в Цар-

женском платье и т. п.) не смог получить место преподавателя. П. увлеклся трудами утопич. социалистов, особенно Ш. Фурье, Ф. Н. Львова, соратник П., подчеркивал: «Еще в начале 40-х годов П. ознакомился с социальными учениями и по влечению страстей природы своей сделался их усердным пропагатором» (ЛН, т. 63, с. 171). В 1845 заменил Вл. Н. Майкова в редактировании и составлении «Карманного словаря иностранных слов, вошедших в состав русского языка» — 2-й выпуск (СПб., 1846) почти полностью написан П. Его статьи в словаре «Натуральное состояние», «Новаторство», «Нормальное состояние», «Овеннизм», «Ораторство», «Ораторская речь», «Органическая эпоха», «Организация производства или произведение» и др. отличались резкой критикой тирании, требованиями изменить обществ. строй, создать социалистич. ассоциацию и общую собственность на орудия производства. Выпуск был запрещен цензурой, но разошлось 400 экз. (1 экз. увез с собой в Лондон А. И. Герцен).

В 1845 П. организовал кружок (собрания проходили по пятницам), в к-ром изучались и пропагандировались социалистич. учения. П. выступал за судебную реформу (введение гласного суда), написал (1848) «Прект об освобождении крестьян» (с землею, безвозмездно). По его инициативе была создана коллективная б-ка запрещенных в России изданий по обществ.-полит., филос., естеств.-науч. вопросам. В своей деревне Новгород. губ. — с. Демуровка П. построил, по фурьеристскому образцу, большой фанстер, общежитие, куда предполагал переселить крестьян из курных изб, но крестьяне перед переселением сожгли здание (сохранился фундамент со следами пожара).

В кружок в разное время входили М. Е. Салтыков-Щедрин, Вл. Н. Майков, Ф. М. Достоевский, А. Н. Плещеев, С. Ф. Дуров, А. И. Палый, Ф. Т. Толты, Н. Я. Данилевский и др.; в 1848 образовалась группа Н. А. Спешнева, наиб. радикальная настроенная, в ней принял участие Достоевский; в 1849 отпочковалась лит. кружок Дурова — Пазыма. На большинство писателей, участников кружка, социальные идеи П. оказали серьезное воздействие.

23 апр. 1849 посетители «пятницы» были арестованы и заключены в Петропавлов. крепость. Под следствием находилось 123 человека. Воен. суд приговорил П. к смертной казни, замененной бессрочной каторгой в Сибири, куда он и был отправлен в дек. 1849 прямо с Семёновского плаца, где произошла гражд. казнь петрашевцев. П. работал на Шилкинском з-де Нерчин. округа (1850—54), Александров. з-де (1854—55). По царскому манифесту 1856 «освобожден» и перемещен поселенцем в Иркутск. В газ. «Иркутские губ. ведомости» (ред. — Спешнев) опубли. ст.

скосельском лицее (1832—39). С 1840 служил переводчиком в Мин-ве иностр. дел, а также был вольнослушателем на юридич. ф-те Петерб. ун-та, окончил его в 1841 со званием кандидата. Отличался радикальными взглядами (в его записях «Мои афоризмы...», 1840—1841, предлагаются выборность всех офиц. должностей, resp. строй), непримирностью к деспотизму и подлости, стремится к журналистской и пед. деятельности, ждал воспитывать молодежь, но из-за своих «держких» взглядов и эксцентрич. поведения (экстравагантно одевался; однажды пришел в собор в

«Несколько мыслей о Сибири» (1857, № 9), призывавшую к распространению в Сибири разумных «общечеловеческих начал», и ст. «По поводу одного текущего дела» (1859, № 16), пропагандировавшую судебную реформу. По инициативе П. в Иркутске создается первая частная газета «Амур» (ред. М. В. Загоскин); П. ведет в ней раздел «Местное обозр.» (1860, № 1—4, 6—8), выступая за расширение обществ. движения, «гражданственности», за гласность адм. деятельности и печати.

Своими публикациями П. пытался настроить общество против администрации и ген.-губ. Н. Н. Муравьева-Амура, опираясь при этом на Свод законов. За строптивость с 1860 П. постоянно переводят во все более отдаленные пункты поселений — Минусинск, с. Шушенское, Енисейск, Красноярск, с. Верхний Кибех, с. Бельское. За судьбу П. внимательно следил Герцен, опубли. в «Колоколе» первое прошение П. о пересмотре «дела» и приложения к нему (1859, 1 авг.—1 окт.), сведения о борьбе П. с администрацией Вост. Сибири (1860, 15 июня—1 окт.; 1861, 15 февр.—1 марта), некролог П. (1867, 1 апр.).

П. сознательно избрал героич. путь: в 1846 на вечеру у квартиранта А. Т. Мадерского читал свое введение к «Дон Кихоту» (РГВИА, ф. 801, оп. 84/28, № 55, ч. 38, л. 41); на следствии же заявил: «... мысль моя — статья во главе разумного движения в народе русском — подобие попытке Икара» (Дело петрашевцев, т. 1, с. 29).

Нзз.: Мои афоризмы или обрывочные понятия мои обо всем, мною самим порождены. — Запас общепознаний. — В кн.: Дело петрашевцев, т. 1; О значении образования в отношении благосостояния общественного. — Карманный словарь иностр. слов... [и др.]. — В кн.: Филос. и обществ.-полит. прогн. петрашевцев, М., 1953 (см. также описание б-ки П.); Письма из ссылки. (1856—1864). — В сб.: «Звезда», [в.] 2, М.—Л., 1933.

Биогр. мат-лы: Петрашевцы, М., 1907; Петрашевцы, т. 1—3, М., 1926—28 (под ред. П. Шеголева; преисл. Н. Рожкова); Дело петрашевцев, т. 1—3; Залюка о деле петрашевцев. Рухонцев Ф. Н. Лыова с пометками М. В. Буташевича-Петрашевского. — ЛН, т. 63 (избл. В. Р. Лейкиной-Смирской); Мещерский А. П., Документ о пребывании М. В. Буташевича-Петрашевского в сиб. ссылке. — «Ист. архив», 1960, № 1; Дулов А. В. Новые акты о П. — Там же, 1962, № 6; Прокофьев В., Петрашевский, М., 1962 (ЖЗЛ); есть краткая библи. и осн. даты жизни и деятельности); Коккин Л., Зову живых. Повесть о П., 2-е изд., М., 1981.

Лит.: Зотов В. Р., Петербур в сороковых годах. — ИВ, 1890, № 6, с. 536—37, 539—45; Семевский В. И., М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы, ч. 1, М., 1922; Маллин А. И., Берков П. Н., Мат-лы для истории «Карманного словаря иностр. слов» Н. Киритова. — «Тр. Ин-та лингв. акад. наук», письма, т. 3, Л., 1934; Абрамова К. И., Пропанганд. б-ки петрашевцев. — «Уч. зап. Моск. библи. ин-та», 1959, в. 4; Мелюткина А., Ветреча Михайловна с П. в Красноярске. — «Енисей», 1962, № 3; Бунин А. К., Петрашевский, Київ, 1962; Лейкина-Смирская В. Р., Петрашевцы, М., 1965; Усакина Т., Петрашевцы и лит.-обществ. движение сороковых гг. XIX в., Сара-

тов, 1965; Шелгунов и др.; Дулов А. В., Сиб. публицистика П. — «Тр. Иркутского гос. ун-та», т. 59, сер. ист., в. 2, 1970; Возный А. Ф., Полиц. сыск и кружок петрашевцев, К., 1976; его же, П. и царская тайная полиция, К., 1983; Малинин В. А., Петрашевцы. — в его кн.: История рус. утопич. социализма (от зарождения до 60-х гг. XIX в.), М., 1977; Герцен (изд.): Смирнов-Сокольский Н., Рассказы о книгах, 5-е изд., М., 1983, с. 237—44; (Богатов В. В.), Идея утопии, социализма в трудах петрашевцев. — В кн.: История рус. утопич. социализма XIX в., М., 1985; Егоров Б. Ф., Петрашевцы, Л., 1988 (с ук. литер. адресов петрашевцев); Галактионов А. А., «Организм» и социализм М. В. Буташевича-Петрашевского. — В кн.: Социальная революция. Вопросы теории, Л., 1989; Słowo wska W., Sprawy pietraszewców, Warg., 1964; Evans J. L., The Petrashevsky circle, 1845—1849, The Hague — [а. о.], 1974 (рус.: «Вопросы истории», 1975, № 11). + КЛЭ (ст. «Петрашевцы»); СИЭ; БСЭ; ФЭ; Муратов (1).

Архивы: РГВИА, ф. 801, оп. 84/28, № 55, ч. 5 (следств. дело о П.); ЦГИА СПб., ф. 11, оп. 131, д. 758 а, оп. 1, д. 829; л. 9, 13 об.; ф. 14, оп. 1, д. 45, 90 (об учебе в лицее и ун-те); АРАН, ф. 489, оп. 1, № 113—117 (копии рукописей П.); ГАРФ, ф. 109, оп. 1849, № 214, ч. 4, д. III ота. о П.; РГИА, ф. 1343, оп. 2, д. 2111 (ф. с. ота П.), оп. 27, д. 2112 (дело о дворянстве Петрашевских); ИРЛИ, ф. 265 (архив РС), оп. 2, № 2005—2013 (письма П., офиц. прошение); Гос. архив Иркутской обл., ф. 24, К-1729, № 114/11 (прошение П.); Гос. архив Красноярского края, ф. 115, оп. 1, № 8 (протесты, протокол обыска). Б. Ф. Егоров.

ПЕТРОВ Василий Петрович [17(29).9.1823*, по др. сведениям — 1821**, Москва — 20.4(2.5).1864, Петербург; похоронен на кладб. Новодевичьего мон.], переводчик, журналист, педагог. «Из мещанского звания ... обучался дома» (ЦИАМ). С 1841 студент филос. ф-та (ист.-фил. отд.) Моск. ун-та, где проучался, по-видимому, 4 курса. В 1846 переехал в Петербург; ок. года преподавал рус. язык в школе для солдатских детей. Лнг. деятельность начал в 1847 изданием «Петербургского сб-ка для детей» (СПб.), в к-ром, среди сочинений др. авторов (ориг. и переводных), поместил свои произв., — популярное изложение биографии М. В. Ломоносова и пов. «Сирота» — иравоучит. историю о благородном юноше, оплатившем добром благодетелям — приемным родителям. В. Г. Белинский в отрицат. рец. детально проанализировал сб-к, упомянув, в частности, повесть П., к-рая «была бы недурна, если б рассказана была лучшим языком» («Совр.», 1847, № 4, с. 122). В нач. 1850 П. получил диплом Петерб. ун-та; в 1852 (выдержав пробный экзамен при штабе Управления воен.-уч. заведений) утвержден преподавателем рус. языка и словесности; в мае того же года поступил репетитором в Павлов. кадет. корпус. В 1853 по его проекту в Театральном уч-ще (где с 1853 П. преподавал историю театра, драм. иск-ва и лит-ры, занимая также с 1854 и должность репетитора практич. занятий) была открыта кафедра теории и истории театра, к-рую П. возглавлял до конца жизни. Чл. Театрально-лит. к-та (с 1859). П. сотрудничал под псевд. Василько-Петров в

«Петербур. вед.» (1848—59), «Современнике» (1852), «Репертуаре и Пантеоне» (1851—56), «Иллюстрация» (1861—62), «Сев. почте» (1863) и мн. др. Большинство его публикаций — театральная хроника, заметки о текущей культурной жизни, еженед. фельетон (в «Рус. инвалиде» в 1859/61 под псевд. Некто; не учтен у Масанова). Пьесы, переведенные П., с успехом шли на сцене Александрин. т-ра: «Свадьба Викторины» Ж. Санд («Пантеон», 1852, № 4; пост. в 1852), «Бенвенуто Челлини» П. Мерсиа (рукоп. в СПб ГТБ и музее Малого т-ра; пост. в 1853), «Парижские нищие» Э. Л. А. Бризбарра и Э. Ню («Муз. и театральные вест.», 1857, № 44, 46—48; пост. в 1857) и др. В 1855 П. писал для М. И. Глинки либретто оперы «Двузвучица» (не окончено; подробнее см.: «Мое знакомство с М. И. Глинкой». — В кн.: «Глянка в восп. совр.», М., 1955).

Др. произв. Пьеса «Супруги скороспелки» (СПб., 1859).

Лит.: Ильяский А. А., Заулынная хроника, СПб., 1897; ЛН, т. 63, с. 273, 276, 280; т. 67, с. 234, 243, 245, 246, 249. + Некрологи, 1864: «Голос», 24 апр.; «Илл. газ.», т. XIII, № 17, с. 272; «Рус. смена», т. II, № 4, с. 202—203; Месаселов на 1865, прлс., с. 34; Генштадт; РБС; Брокгауз; Востер; ИРДТ; Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 236, 391, 438, 760 (письма разным лицам); СПб. ГТБ (подпись «Суро-ровски»); ЦИАМ, ф. 203, оп. 745, д. 243 (м. с.)*, ф. 418, оп. 172, д. 139 (копия м. с., студенч. дело [справка К. Ю. Борисовой]); РГИА, ф. 498, оп. 1, д. 1623 (ф. с. 1864 г.)** [справка А. В. Мартиновской]; РГВИА, ф. 319, оп. 1 доп., д. 33 (дело о службе). В. И. Сажин.

ПЕТРОВ Григорий Спиридонович [25.1(8.2).1866*, г. Ямбург Петерб. губ. — 18.6.1925, Париж; кремнирован по его воле на кладб. Пер-Лашез; прах похоронен в Сербии], публицист, проповедник. Из мещан. Отец — мелкий торговец, содержатель постоянного двора в Ямбурге; по словам М. Горького, П. — «сын кабатчика или буфетчика, и в детстве ничего, кроме материнши, не слышал, ничего, кроме пьяных, не видел» (письмо А. П. Чехову от 5 мая 1899 — цит. по кн.: М. Горький и А. Чехов. Переписка, статьи и высказывания, М.—Л., 1937, с. 27). В Нарвский г-зин, где П. проучился 4 года (1877—81; ко времени перехода в 5-й класс, после смерти отца, платить за учебу было нечем), под влиянием классного наставника П. «потянуло к прометеиству», и он испытал первый лит. успех, написав лучшее сочинение (см.: «Мое лит. рождение» — в кн.: Фидлер, с. 20). В 14 лет П. «выпросился» в Петербург, где после окончания духовной сем. в 1886 (куда попал «совершенно случайно ... на казенный счет» — там же, с. 21) и духовной акад. (1887—1891) был рукоположен в священники. Студентом опубли. первую ст. «Фальсификация восковых свечей» («Черк. вестник», 1888, № 52; под-

пись Г. С. П.); впечатления семинарской и студенч. поры легли в основу пов. «Затейник» (ч. 1—3, СПб., 1904; рец. 1904: А. А. Измайлов — Бвед. 3 сент.; В. Ф. Боцковский — «Русь», 15 сент.). Через год стал законоучителем 5-й петерб. г-зии, с 1893 — законоучитель Михайловской арт. акад. и уч-ща (прослужил 10 лет), настоятель храма св. Александра Невского при акад.

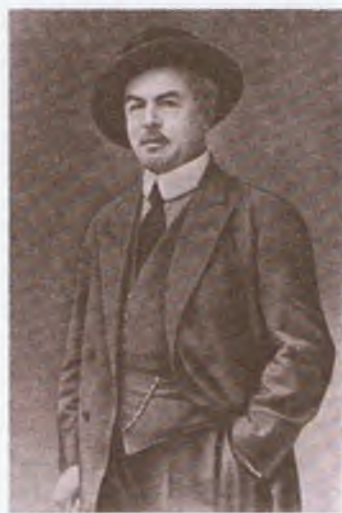
Проводил лекции П. (прочитал сотни лекций в уч. заведениях, в т. ч. в Александровском лицее и Пальцовском корпусе) пользовался популярностью у либеральной интеллигенции, а также в рабочей аудитории, для к-рой он выступал в манеже при Мраморном дворце (см.: Преображенский и др., с. 3; см. также: Розанов В. В., Нар. чтения в Петербурге. — НВ, 1902, 27 марта). Проф. богословия Политехнич. ин-та (1902—04). Одну из лекций «Вечный вопрос» («Вест. воен. духовенства», 1894, № 21; текст этой публ. был использован в его кн. «Евангелие как основа жизни»), по словам П., «размеш» в устном отзыве К. П. Победоносцев, возмущенный, в частности, тем, что священник цитирует стихи Г. Гейне (см.: Филлер, с. 24); по свидетельству В. В. Розанова, «своими познаниями, службою и первыми успехами» П. был близок Победоносцеву и митр. Антонию (Вадковскому), к-рые его «хвалили, ласкали» (записи Розанова о публ. В. Г. Сукачеве: «Лит. учебн.», 1989, № 2, с. 120). Вскоре П. стал модным проповедником, признанным и в придворных кругах: его приглашали воспитателями детей вел. князей Павла Александровича и Константина Константиновича. Говоря о процессе подготовки к публн., выступлению П. признавался: «Я зубрю наизусть мои заранее написанные речи, разыгрываю их вслух перед зеркалом, работаю над интонацией, мимикой и жестами совершенно так, как это делают добросовестные актеры...» (Скиталец. «Ущелье» — РАДИ, ф. 484, оп. 2, № 48, л. 78).

Лит. известность П. принесла кн. «Евангелие как основа жизни» (СПб., 1898; 20-е изд. — 1906), выдержанная в духе протестантизма, близкая религ. проповедям Л. Н. Толстого. Горький (познакомился с П. в Н. Новгороде в 1899, встречался с ним на Капри в 1908), рекомендует ее Чехову: «... в ней много души, ясноты и глубоко верующей ... ее написал поп и так написал, как вообще попы не пишут» (цит. по кн.: М. Горький и А. Чехов, с. 27), вместе с тем находил, что П. «лучше своей книжки неизмеримо» (Горький и др., XXVIII, 84). Розанову импонировала в книге П. «кроткая и какающая веселая любовь» («Религия — как свет и радость» — НВ, 1899, 14 апр.; то же в его кн.: Около церк. стен, М., 1995, с. 14). П. А. Козичкин назвал ее «экзальтированным призывом к нашей мягущейся интеллигенции обратиться к Евангелию» («О лит. проповеди св. св. Гр. Петрова», СПб., 1903, с. 5; критич. отклик см. также: Страхов Ф. А., Об отношении высшего культа к религ. чувству, М., [1898]). Ортодоксальная критика увидела в книге «решительное отрицание христианства, построенное как бы на началах самого христианства», и «проповедь антихристов» (Сенатов В. Г., Христианин ли священник? Г. Петров?, М., 1907, с. 11, 5).

С 1906 П. — под надзором полиции. Его жена Мар. Кап., студентка Жен. мед. ин-та в Петербурге, получала шифров. письма от «Кати» (Н. К. Крупской) из-за границы с марта 1902 для передачи представителям исперб. «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» (см.: Переписка В. И. Ленина и редакции газ. «Искра» с социал-демокр. организациями в России. 1900—1903 гг., т. 1—3. М., 1969—70; ух.).

Жил в осн. в Петербурге, в 1905—1906 в Москве (ходили слухи, что в его моск. квартире во время декабрьского восстания хранилось оружие; опровержение П. см.: РСЛ, 1907, 14 марта). Впервые посетил Париж во время Всемирной выставки 1900 и в дальнейшем часто бывал за границей (в Сербии — 1903, в Иерусалиме — 1905, и др.).

Проявлял интерес к философии; по свидетельству П., в последние месяцы жизни Вл. С. Соловьёва (1900) он часто встречался с ним, подолгу

беседовал («Приятная неожиданность» — РСЛ, 1901, 17 авг.). Участник Религ.-филос. собраний в Петербурге (1901—03), где резко выступил против доклада Д. С. Мережковского «Лев Толстой и рус. церковь», в к-ром утверждалось, что церковь не могла «не засвидетельствовать об отпадении Л. Толстого как мыслителя от христианства» («Новый путь», 1903, № 2, с. 73; см. также: Руманов, с. 15). Вокруг публн. выступления и проповедей П. разгорелась полемика в церк. и светской печати (подробнее см.: Воронец). В. К. Саблер поднял вопрос о лишении П. священнического сана, но благодаря заступничеству митр. Антония дело было приостановлено. Однако в 1903 он был отстранен от законоучительства и чтения лекций и уволен за штат.

С 1895 — сотрудник ж. «Вестник трезвости»; в 1900—01 — фактн. редактор и едва ли не единств. автор ж. «Друг трезвости»; статьи П. вошли в сб. «Долой пьянство!» (М.,

1901; 5-е изд. — 1904); той же теме посв. сб-к правоучительных рассказов «Апостолы трезвости» (СПб., 1903; 9-е изд. — 1903) — переводы или переложения с иностр. яз. Издал газ. «Правда Божия» (1906), задача к-рой — «выяснить и отстаивать... нужды крестьянства, фабричных и заводских рабочих» (3 янв.). Переловницы и мн. др. мат-лы писал сам (с подписью и б. п.). В ст. «Два пути» (3 июня) рассматривал Гос. думу как «последнюю попытку друзей народа двинуть обновление России путем мирной эволюции. Если тут Дума встретит преграду — Россия будет брошена на путь революции». Газета, расцененная в церк. кругах как кощунство (ее либеральный пропагандистский характер был очевиден; к тому же непосредственно под заголовком П. иногда помещал рекламу, напр. «Настоящее средство для рошения волос»), вскоре прекратила существование.

С 1899 по 1917 П. — один из ведущих публицистов газ. «Рус. слово», в к-рой обычно по пятницам (и чаще) выступал со статьями и фельетонами на разл. темы лит. и обществ. жизни. Программа П. эклектична, ее составляющие, в сущности, противоречат друг другу: западничество (идеалом для него были американская демократия и система образования в нек-рых европ. странах) под флагом рус. патриотизма (В. Г. Короленко усматривал в его взглядах «неглубокое славянофильство» — РБ, 1901, № 9, с. 62), просветительство, хилизм, социалистич. идеи (по словам Толстого, П. — «революционер, и все, кто не согласен с ним, ничего не значат» — цит. по кн.: Гусев Н. Н., Два года с Л. Н. Толстым, М., 1928, с. 114) и богоскачество (к-рое считал свойством рус. народа). Под Царством Божиим он понимал «совершенный социальный строй, при к-ром бы человек жил счастливо, удовлетворяя все свои естественные потребности»; отсюда — стремление «разрушить старые мрачные оковы жизни, социальную неправду» (Ильигорский, с. 405—406). Широкий резонанс получила его ст. «Для чего нужна свобода?» (РСЛ, 1905, 25 окт.; перепечатывалась в разл. изд., распространялась отд. листовками), к-рая воспринималась как антиправительство, прокламация; в правосл. печати П. был назван «ярким красносотенцем» (Спасский П. Н., Критич. заметка на прокламацию св. св. П., Старая Русса, 1907, с. 17—18; см. также: Беляев А., О народоласти, Х., [1906]). Мн. статьи П. включены в сб-ки: «К свету!» (М., 1901; 4-е изд. — 1904; рец.: Розанов В. В., Писатели-целители. — В его кн.: Около церк. стен), «Зерна добра» (М., 1901; 5-е изд. — 1904), «Школа

и жизнь» (СПб., 1902; 11-е изд. — 1903), «Люди-братья» (СПб., 1903; рец.: А. Вергежский (А. В. Тыркова) — «Сев. край», Я., 1903, 14 июня), «Лампа Аладина» (2-е изд. — СПб., 1905), «Церковь и общество» (СПб., 1906), «Камо грядеши?» (СПб., 1907), «Думы и впечатления» (СПб., 1907) и др.

В статьях о лит-ре и иск-ве П. рассматривал худож. произв. в традициях демокр. критики. Лит. характеристики порой остроумны, чаще схематичны и банальны — упрощенный пересказ «идейного содержания». Горький, к-рому посв. неск. статей, в т. ч. в сб-ке «Братья-писатели» (СПб., 1903; 7-е изд. — 1904), наиб. полно воплощал деятельный обществ. идеал П.: «На смену безволия и душевной усталости чеховских героев М. Горький принес смелость, гордость, безумство храбрых» (сб. «У пустого колодца», М., 1911, с. 137; положит. рец.: Н. Огнев (М. Г. Розанов) — «Речь», 1911, 6 июня; критич. отзыв: И. Л. (И. Д. Лукашевич?) — СМ, 1911, № 9). Толстой (относившийся к П. весьма сдержанно, несмотря на неоднократные попытки последнего к сближению, особенно в 1908) отличается, по его словам, «дряхлостью характера, духовной трусостью, боязнью жизни» («У Л. Н. Толстого» — РСЛ, 1908, 14 марта), хотя П. признавался Толстому, что «готов ехать рядом с ним на чем угодно, хотя бы на трамвае паровоза» (цит. по: Преображенский, с. 7). У Л. Н. Андреева — «досадное соединение большого лит. таланта с философией гимназиста» («У пустого колодца», с. 140); в «Красном смехе» П. отмечал «вымученную надуманность» [«Лит. очерки» (Последние три сб-ки «Знания») — РСЛ, 1905, 17 марта]. Резко выступал против «саннической волны» в совр. лит-ре; считал ром. «Саннин» М. П. Арцыбашева «просто глупой книгой» (но когда писатель «не выдумывает», получается нечто «антисанническое» — «Арцыбашев против арцыбашевщины», РСЛ, 1908, 4 мая). В борьбе за идеализм (А. Л. Волынский, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Мережковский) видел плодотворное начало, но декадентов и символистов называл «не настоящими бойцами за идеализм»; «Весьмы» — РСЛ, 1904, 11 февр.; подробный анализ ст. В. Я. Брюсова «Ключи тайны»). К. Д. Бальмонта за его оправдание О. Уайльда сравнил с «соломскими яблоками» — «ярко-красочный, красивый, но бессвязный, неосновательный бред» («Гнилая душа» — там же, 12 февр.).

В 1907 партия кадетов включила П. в список выборов. Намекался баллотироваться по 2-ю Гос. думу, он видел свое назначение в том, чтобы «словом обудить романическую совесть народа» (письмо Родзину от 4 февр. 1907 — РГБ, ф. 249, к. М3874, № 5, л. 2). За «аресту

публич. деятельность» указом Петерб. духовной консистории он был в нач. того же года сослан на 3 мес. в Иоанно-Богословский Черемисицкий мон. Лужского у. Петерб. губ. «на клирическое послушание» (РГИА, ф. 796, оп. 187, л. 6668, 1906—1908 гг., л. 57—60; см. также: Меньшиков М. О. Святое ремесло — НВ, 1907, 14 ян.). На Варшавском вокзале его провожала многочисл. толпа поклонников, в т. ч. Вас. И. Немирович-Данченко, А. А. Измайлов, С. К. Маковский, И. Д. Ситин. Находясь в монастыре, был избран в Думу, где ни разу не выступил (см. подробности: Румянов). Свои религ. и полит. взгляды П. изложил в письме в стараниями управление, но вопреки данной им полагке без разрешения церк. власти отбыл. отд. брошюры «Письмо... митрополиту Антонию» (СПб., 1908; Б., 1908; детальный критич. анализ см.: Петерсоев и Н. П. Письмо свящ. П. митр. Антонию, Верный, 1908; см. также: Буренин В., Критич. очерки. Разговор. — НВ, 1908, 1 февр.), в к-ром резко критиковал духовенство всех христ. исповеданий за шатан, обличая «главнейший самоотраженный строй» (с. 20) и «победоносивший» как воплощение «трагического атеизма» [с. 16; см. также памфлет П. «Страшный атеизм» (РСЛ, 1904, 2 нояб.; под назв. «Душегуб» вошла в «Сб-к избр. произв.»]; написанная на испанском мат-ле, статья воспринималась как выпад против Победоносцева]. За это письмо, содержащее «опишение правосл. церкви» и «упреждение существовавшего гос. строя России», Синод лишил П. в 1908 священнического сана (см. Ситин Духовного сана со свещ. О. Гр. Петрова, М., 1908). Гражд. власти ему было оставлено знание потомств. поч. гражданина, но запрещены на 7 лет въезд в Москву и Петербург иительство в них; он был лишен на 20 лет права поступления на гос. или обществ. службу, в т. ч. по выборам в Гос. думу (НВ, 1908, 15 ян.).

Лишение сана, в сущности, мало повлияло на публици. деятельность П., к-рый продолжал сотрудничать в «Рус. слове» (не менее интенсивно, но под др. псевд., из прозрачных — В. Курбский). Разъезжал с лекциями по всей России, выступая не только в больших городах, но и в захолустьях Сибири (некр-рые опубли.: «Лит-ра и жизнь», X., 1911; М., 1912; «Идейная пустота», М., 1912; «Конспект чтения на тему: Иск-во и жизнь», М., 1914). Выпустил неск. сб-ков статей, в т. ч.: «Наши пролежни» (М., 1913), «Сб-к избр. произв.» (СПб., 1911), кн. очерков «Страна болот (Финляндские впечатления)» (М., 1910, 1912), «Под чужим окном» (М., 1913). Характерно его выступление в защиту интеллигенции против авторов «Вех», к-рые, по словам П., «играют на руку темным силам реакции»; «если стегать, то ... всех; и всю запряжку, и самих седоков, а не одну пристяжную, интеллигенцию» («Кнзтом по пристяжной» — «У пустого колодца», с. 105, 111). Печатался в ж. «Крутозор» (1913, № 2); изложения его статей и лекций появлялись в «Бюллетенях книжных и лит. новостей» (1910, № 3; 1911, № 9, 10, 17, 18) и «Бюллетенях лит-ры и жизни» (1911, № 3, 7).

При внешнем благополучии (купил в Италии «выпlockу с виноградником на самом берегу моря») — письмо Сытину от 13 сент. 1908, РГБ, ф. 259, к. 19, № 20, л. 28, 28 об.; в 1909 строит себе «замок» в Коктебеле «в 3—4 комнаты» —

письмо Ф. И. Благову от 11 сент. 1909, там же, № 5) П. признается порой в мучительной тоске, предпочитая ссылку в монастырь и даже в Сибирь скуке жизни в Финляндии (письмо Благову от 3 февр. 1908 — там же, № 4).

С нач. 1-й мировой войны 1914—1918 П. — воен. корр. «Рус. слова» (ст. «Дьявольское семя» выпущена отд. брошюрой — Екатеринбург, 1915). В его урапатриотич. корреспонденциях Короленко видел «ворочи пошлости», а об их авторе замечал: «Точно превратился в зеленого фендрика, только что высочившего из кавалерийского училища» (письмо В. Н. Григорьеву от 16 февр. 1916 — X, 530).

Февр.-революции 1917 П. оценил положительно; в смуте винил народ, к-рый, «получив свободу, оказался недостойн ее» («Самоеды» — РСЛ, 1917, 5 окт.). «Вырождение» революции объяснял бахвальством тех, кто приписывал себе победу над «романовщиной», павшей потому, что «разедающий червец ... завелся внутри ее самой» («Иваны Непомятые» — там же, 18 нояб.; см. также, видимо, последнюю корреспонденцию П. из Новочеркаска «Вольный Дон» — 26 нояб.). В предл. к кн. «Костры» (Н. Новгород, [1918]), составленной из прежних его соч., П. назван «одним из талантливейших и известнейших лекторов настоящего времени» (с. 3). По косяк свидетельству, П. был реабилитирован Свящ. Собором правосл. рос. Церкви в 1918 как лишенный сана за полит. преступления в прошлом (митр. Иоанин, с. 106; Регельсон, с. 71, 250; в арх. мат-лах Собора (ГАРФ, ф. 3431) соответствующего постановления не обнаружено). Покинул Россию в 1920 (см.: Яблоновский С., Жизнь за Россию. — «Борьба за Россию», Париж, 1927, № 30, с. 5; «Изд. Петроград. Совета рабочих и красноарм. депутатов», 1920, 14 мая). Жил в Сербии; в качестве разьедного лектора при культурно-просветит. отд. Мин-ва нар. просвещения выступал на темы: рус. лит-ра, деятели славянства, произв. иск-ва и др. За культурно-просветит. деятельность был удостоен ордена св. Саввы. Печатался в болгар. газ. «Эпоха».

Умер в париж. клинике после операции рака желудка.

Отдавший всю жизнь публицистике и лекторской работе, выпустивший немало нравоучительных рассказов («Христос Воскресе! Сб-к рассказов для детей», М., 1901; 2-е изд. — 1903; рец.: Воронцов Е. Н., Пасхальные беседочные писания свящ. П., СПб., 1903; «Дары Артабана», М., 1903, и др.), П. признавался, что, если бы ему пришлось выбирать между лит-рой и др. рода деятельно-

стью, он «предпочел бы быть автором американской декларации прав человека и гражданина... чем автором всех романов Тургенева, Толстого и Достоевского» (Финдлер, с. 26).

П. пользовался авторитетом среди единомышленников (прежде всего сотрудников «Рус. слова») и многочисл. поклонников, вместе с тем его личность и его соч. вызвали немало негативных отзывов. М. О. Меньшиков считал его «посредственным журналистом» («Предатели» — НВ, 1907, 24 мая), Короленько — «пустозвонком» (Х, 530). В. П. Бурунин — «знаменитым фиглярном освободит. движения» (НВ, 1908, 1 февр.). Розанов, близко знавший П. и посвятивший неск. сочувств. статей его «делу» 1908, в дальнейшем резко изменил свое отношение и дал ему унизительную характеристику: «Одна из самых отвратительных фигур, мною встреченных за жизнь... Такого честолюбия я ни в ком не видел» (цит. по: «Лит. учебца», 1989, № 2, с. 120). По-разному определяли и позицию П.-публициста: В. И. Ленин — «христ. демократ, весьма популярный демагог» (ХV, 16). З. Н. Гиппиус — «из позитивистов-нравственников, с честолюбием, жестких» (Гиппиус-Мережковскийская З., Дмитрий Мережковский, Париж, 1951, с. 107).

Изд.: Долой пьянство, К., 1991; ст. «Семья и школа» — в кн.: Куломзина С. С., Наша Церковь и наши дети, М., 1993, с. 124—29; Евангелие как основа жизни, М., 1994; ст. «Высшее творчество» — «Проветритель», 1995, № 2—3; М., 1997 (послесловие А. Н. Стрижова).

Лит.: Горький, Короленько; Ленин; Толстой; Чехов. Письма (всё — укр.); Скроботов Н. А., Памятная книжка окончивших курс в С.-Петерб. духовной сем., СПб., 1896, с. 243; Преображенский И. В., Новый и традиционный духовные ораторы О. Григорий Петров и Иоанн Сергиев (Кронштадтские). (Критич. этюд), СПб., 1902; Воронцов Е., Итоги полемике по поводу провинциальности свящ. о. Г. Петрова и ист. справка, СПб., 1903; За (а не в) чм М. В. Савш. Г. С. Петров как проповедник и писатель. Критич. очерк, СПб., 1903; Беляев В., Ностальгия свящ. Христова («Миссионерские» этюды свящ. П.), Витебск, 1904; Румянцов А. В., Савш. Г. С. Петров, член Гос. Думы, Биография и история семиди в монастырь, М., 1907; Высотский Н. Г., «Дело» свящ. о. Г. Петрова, М., 1907; Фильш. А., Вступил ли свящ. Петров? Трагедия православного духовенства, М., 1907; Ильингорский И., Из восп. об отце Иоанне Кронштадтском и бывшем священнике Гр. Петрове. — «Верские епарх. ведомости», 1909, № 20, с. 405—07; Сивачев М. Г., «Прокрустово ложе» (Записки литературного Мухара), М., 1911, с. 93—127, 175; Абрамович И. Я., «Рус. слово», Л., 1916, с. 17—20; Немирович-Данченко Вас. И., В царств. мертвых. — «Слово», Рига, 1925, 26 июля; сго жс. О Петрове, Сатине и «Рус. слово». — Там же, 16, 18 авг.; Кугель А. Р., Литва с дерева, Л., 1926, с. 166—67; Поссс В. А., Мой жизненный путь, М.—Л., 1929, с. 160—61; Зернов Н., Рус. религ. возрождение XX в., Париж, 1974 (укр.); Ретельсон Л., Трагедия рус. Церкви, 1917—1945, Рига, 1977; Чуховский К. И., Дневник, 1901—29, М., 1991 (укр.); Аглы Салейшего Тилона, патриарха Московского и всея России, М., 1994; Флоренский П., Соч., т. 1, М., 1994; Иоанн митр., Стояние в вере. Очерки искр. сюжты, СПб., 1995; Колеров М. А., Не мир, но меч.

Рус. религ.-филос. исчат. от «Проблем идеализма» до «Всех», 1902—1909, СПб., 1996, с. 105, 163, 165, 168—70, 176—77 и др.; Высказување Града, М., 1997 (укр.); ЛН, т. 72, 83, 90, 95 (всё — укр.); Некрологи, 1925; ПН, 21 июня, 27 июля (М. Беляев); «Дни» (Б.), 23 июня, Брокгауз (пол.); ИДРДВ: Муратова (2, укр.); Алматы и сб-ки (1, 2); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 1132; Письма П.: РГАЛИ, ф. 355, оп. 1, № 61 (Вас. И. Немирович-Данченко); РГБ, ф. 259, к. 19, № 1—10 (Ф. И. Блягову); № 17 (В. М. Дорошевичу); № 18 (В. А. Никольскому); № 20, 21 (И. Д. Сатину); № 22 (А. С. Пашкратову); ф. 218, к. 375, № 44 (Сатину); ф. 331, п. 55, № 24 (А. П. Чехову); ф. 157, п. 3, № 58 (Д. Н. Мамин-Сибиряку); ИРЛИ, ф. 115, оп. 3, № 243 (А. А. Измайлову); ф. 123, оп. 2, № 126 (И. Я. Гинцбургу); № 395 (А. И. Сырскому); ф. 377 (автобиогр. 1916 г.) [справка Н. А. Прозоровой]; РГИА, ф. 25, оп. 1, д. 35276 (ф. с. 1902 г.); ф. 776, оп. 8, д. 2148 (об издании газ. «Правда Божия»); оп. 9, д. 1458 (о наложении ареста на «Письмо митрополиту Антонию»); ф. 1569, оп. 1, д. 35 (мат-лы по делу П., 1907—08 гг.); ф. 1622, оп. 1, д. 364—67 (письма П. к С. Ю. Витек, 1907 г.) [справка С. И. Вареховой]; ф. 878, оп. 2, д. 181 (восп. А. А. Татищева) [справка А. А. Волкова]; ГАРФ, ф. 102, ОО, 1903 г., д. 20—23 б, 1905 г., д. 2270, 1908 г., д. 98, л. 4.

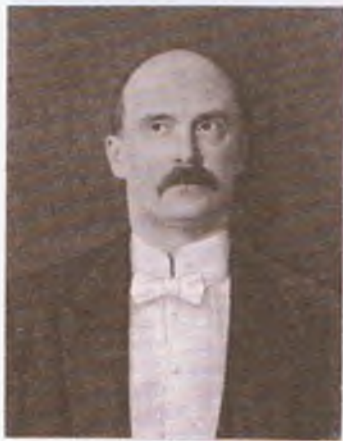
С. М. Гусков.

ПЕТРОВ Дмитрий Константинович [13(25).8.1872, Петербург — 2.5.1925, Ленинград], историк литературы, медиавист, переводчик. Из дворян. В 1894 окончил ист.-филол. ф-т Петерб. ун-та, оставлен Ал-др. Н. Веселовским при кафедре романской филологии и командирован во

«Очерки бытового театра Лопе де Веги» («Зап. ист.-филол. ф-та С.-Петерб. ун-та», 1901, ч. 60), «Испанские авантюристы XVI—XVII столетий» (опубл. в кн.: «Сб. в честь В. И. Ламанского», СПб., 1905), «Заметки по истории старонпанской комедии» (ч. 1—2, «Зап. ист.-филол. ф-та С.-Петерб. ун-та», 1907, ч. 82; 2-я ч. — публикация по мадридской рукописи-автографу неизд. текста Лопе де Веги «Lo que pasa en una tarde comedia deste año de 1617») заложили основу изучения классич. исп. театра в России. Популярностью в ун-те пользовался курс П. «Лекции по введению в романскую филологию» (литографир. изд., СПб., 1909). Педагог, эрудит и энтузиаст, он воспитал целую плеяду ученых-испанистов, филологов и переводчиков (А. А. Смирнов, В. А. Пяст, Д. И. Выгодский, Б. А. Кржевский, С. М. Боткин), неизменно высоко оценивавших его проф., пед. и личное качество. С кон. 1900-х гг. П. обращается к компаративистским исследованиям, прежде всего — к изучению рус.-исп. лит. связей: «Россия и Николай I в стихотворениях Эспирозеды и Россетти. Очерки по истории политической поэзии XIX века» («Зап. ист.-филол. ф-та С.-Петерб. ун-та», 1909, ч. 94), «А. И. Герцен и Доносо Кортес» («Записки нефилол. об-ва...», в. 8, П., 1915), «Мысли А. Н. Островского о Лопе де Вега» (в кн.: Памяти А. Н. Островского. Сб. статей об Островском и неизд. труды его, П., 1923), а также к изучению итал. и провансальской лит-ры.

Получив еще в малолетности основат. подготовку как арабист (у П. К. Коконилова и В. Р. Розена), П. посвящает ряд работ испано-араб. лит. и культурным связям, араб. источникам исп. лит-ры («Одна из испано-арабских проблем» — «Зап. коллегия востоковедов при Азиат. музее АН СССР», т. 2, [в. 1], Л., 1926). П. опубл. выходящая памятник араб. лит-ры 11 в. — «Ожерелье глупых» Ибн Хама («Abū-Muhāmmed-Abū-Ibn-Hazm-Abū-Andalusī, Taḥ-At-Namāma», publié par D. Pétrof. St-Petersbourg — Leiden, 1914) со своим введением, представлявшим собой самостоятельное, исключительно ценное исследование (см. Крачковский И. Ю., «Д. К. Петров — арабист» — «Зап. коллегия востоковедов при Азиат. музее АН СССР», т. 2, в. 1).

П. известен как переводчик исп. классики, гл. обр. драматургии («Жизнь егип. сон» П. Кальдерона, СПб., 1898; с предисл. П., и др.). Его переводы, точные в филол. отношении и снабженные науч. комментарием, по своим лит. достоинствам уступают переводам К. Д. Бальмонта, к-рые П. ценил именно с лит. точки зрения, но критиковал за «вольность» (см.: «К. Д. Бальмонт и его переводы с испанского» — «Зап. нефилол. об-ва...», в. 7, СПб., 1914). Исправленный и переданный П. пер. пьесы Лопе де Веги «Звезда Севильи», выполненный С. А. Юрьевым, не опубл. (СПб

Францию и Испанию, где работал под руководством крупнейших филологов-романистов Г. Париса, А. Морель-Фасно и М. Менендеса-и-Пелайо. Первая науч. работа — «Элегия Генриха Сеттмелло „О переменчивости фортуны и утешении филозофии“» (пер. и введение) опубл. в 1895 («Зап. нефилол. об-ва...», в. 3, № 2, СПб.). По возвращении из-за границы — приват-доцент (с 1899) и проф. (с 1908) Петерб. ун-та.

Последователь культурно-ист. школы, П. посвятил осн. работы 1900-х гг. классич. исп. драматургии и театру. Гл. внимание уделял сбору фактич. материала, изучению лит. и ист. источников, установлению лит. связей и реминисценций, публикациям неизд. текстов. Работы П.

ГТБ). П. посвятил отд. работы своему учителю Ал-дру Н. Веселовскому («А. Н. Веселовский и его историческая поэтика» — ЖМНП, 1907, № 4) и коллеге по ун-ту А. А. Шахматову («А. А. Шахматов как университетский деятель» — ИзвОУАС, 1920, т. 25, П., 1922).

П. выпустил (под инициалами «Д. К. П.») за свой счет тиражом 200 экз. сб. стихов «Элегии и песни (1889—1911)» (СПб., 1911), к-рый не поступал в продажу, а потому и не получил откликов в критике. Подобно многим ученым-филологам, П. был умелым версификатором, но адресовал свои опыты лишь ограниченному кругу друзей и близких, обилие посвящений к-рым придает книге «камерный» характер. Как стихотворец П. формировался в 1889—91 и на протяжении всей своей поэтич. деятельности оставался типичным «восьмидесятником»; в его стихах обнаруживается близость к поэзии А. А. Голеннищева-Кутузова, С. А. Сафонова и Ф. А. Червинского. Стихи П. отличаются высоким уровнем стихотв. техники, но метрически однообразны, их образы малооригинальны, а тематика, гл. обр. элегическая, ограничена и традиционна. Наиболее удачны стихи П. о природе, в к-рых он продолжает традиции рус. пейзажной лирики: «Но во сне холодно, под покровом снега / Жаворонка будем слышать пенье мы / Будем слышать, как в полях скрипит телега / И весну увидим в холоде зимы!» (с. 72). Откликов на совр. события в стихах П. практически нет, он сам декларировал свою апolitичность и отрешенность от актуальных проблем и забот: «Не верил я богам, / Своєю жил мечтою, / Своей иду тропой / Навстречу новым, лучшим дням» (с. 104). Чуждый новейшим лит. исканиям, дилетант и эпитон (впрочем, и не претендовавший на звание поэта), П. тем не менее был внимательным читателем совр. поэзии и в нек-рой степени усвоил ее достижения: «Чужого счастья сон мне снился / Но я был счастлив этим сном!» (с. 124). В сб-ке много стих., написанных во время поездок в Европу, гл. обр. во Францию и Италию; стих. «Ода» (1898) обозначено как «подражание Лопе де Вега».

В 1918—22 П. был одним из основателей и членом правления петроград. книгоиздат. кооператива (позднее превратился в изд-во «Петрополис», Чл.-корр. Рос. АН (1922)). Местонахождение осн. части архива П. неизвестно.

Др. произв.: «О трагедиях Кальдерона» (ЖМНП, 1901, № 1), «Из лит. истории романа Сервантеса „Трагедиях de Persiles y Segismunda“» (там же, 1903, № 10), «А. Манзонни и романтизм в Италии» (в кн.: «История

зап. лит-ры», под ред. Ф. Д. Батюшкова, т. 3, кн. 9, М., 1914), «Лопе де Вега и его сотрудники» (в кн.: «Очерки по истории европ. театра», П., 1923), «Забытая поэма о Фирдуси» («Доклады Рос. АН», сер. В, 1924, апрель—июнь), «Темные вопросы романтики. (По поводу новых книг)» (в кн.: «Яфетический сб.», в. 4, Л., 1926).

Лит.: Перетц В. П., Истрин В. М., Никольский Н. К., Записка об ученых трудах проф. П. — Изв. Рос. АН», сер. VI, 1922, т. 16; Лозинский Г. Л., Петрополис. — «Временик Об-ва друзей рус. книги», [в.] 2. Париж, 1928; Испания в Петерб.-Ленингр. ун-те. (Библиогр. указ.). — «Науч. бюллетень ЛГУ», 1947, № 14—15; Кржевецкий Б. А., Статьи о заруб. лит-ре. М.—Л., 1960 (ук.); Смирнов А. А., Из истории зап.-европ. лит-ры. М.—Л., 1965; Берков П. Н., История сов. библиофилии. М., 1971, с. 29, 40—42; то же, М., 1983 (ук.); Тимофеев А. Г., М. Кузмин и издательство «Петрополис» (новые материалы по истории «русского Берлина»). — РЛ, 1991, № 1, с. 190; Паст, 1997. + Тарасенко (критиком не раскрыт); КЛЭ; СИЭ.

Архивы: РГБ, ф. 218, к. 1262, № 14 (письма Ю. И. Верховского), № 18 (письмо Н. П. Кокашова); РНБ, ф. 585 (Шапонов С. Ф.; письма П. к нему); АРАН, ф. 777 (Рожен В. Р.; письма П. к нему), ф. 779 (Кокотов П. К.; письма П. к нему).
Ю. И. Глебов.

ПЕТРОВ Иван Матвеевич (1803, Иркутск (?) — между апр. и нояб. 1838, Харьков (?)), поэт, прозаик. Из обер-офицер. детей. В кон. 1814 поступил в Иркутский уездный суд колпином, в 1817 переведен в местное губ. правление. В 1818—23 служил в Томском губ. правлении в чине губ. регистратора (в 1818 коллеж. регистратор). Переехав в Красноярск, определен в Енисейскую казенную палату (1823—32): в 1824—26 пом. комиссионера по развозу соли, с 1826 ассessor (1828 лит. сов.).

Тяготы провинциальной жизни и мечта о лит. поприще заставили П. обратиться в 1825 к Д. И. Хвостову с просьбой о покровительстве и материальной поддержке («... охота к чтению возбудила во мне страсть к поэзии... Но чтоб иметь совершенный успех и быть полезным гражданином общества, должно быть в столице» — РС, 1892, № 6, с. 580), однако перебраться в столицу ему так и не удалось. Дебютировав в 1824 в ж. «Новости лит-ры» (№ 9—10) неск. стихотворениями («Знакомый гений», «К красавице», «Бард», «Младенец и бабочка», «К фантазии», «К листочку»), П. активно сотрудничал в столичной периодике: в ж. «Благонамеренный» (1825), «Сын отечества» (1827, 1829—30), «Славянин» (1828), «Галатее» (1829), «Телескоп» (1830—31), в газ. «Молва» (1833), «Лит. приб. к „Рус. инвалиду“» (1831—32, 1835), в «Нов. альм. на 1826» (1825); печатался также в ж. «Заволжский муравей» (1833).

Во 2-й пол. 1820-х гг. входил в кружок красноярских литераторов, образовавшийся вокруг енисейского гражд. губернатора А. П. Степанова.

Выступил составителем «Енисейского альм. на 1828 г.» (Красноярск, 1828), подготовленного силами кружка к 200-летию города; среди участников альманаха — Степанов, А. И. Мартос, А. К. Кузмин, И. И. Варлаков (см.: некролог П. «Сибирский поэт Варлаков» — СО, 1830, № 21), С. С. Рассказов, И. М. Козлов (поэт, одноклассник К. Ф. Рыльева по Кадет. корпусу) и др., а также художник Н. А. Степанов, позднее изв. карикатурист. Значит. часть издания составили произв. самого П.: прозаич. миниатюры, 14 стих., в т. ч. опубл. ранее. Рецензенты (МТ, 1828, № 3; ОЗ, 1828, т. 34; МВ, 1828, № 3 (М. П. Погодин?); СО, 1828, № 5 (О. М. Сомов)), с энтузиазмом встретили «Енисейский альм.» как знак распространения изящной словесности в рос. провинции, выделяли в числе лучших стих. П. «Волшебная арфа», «К фантазии», «Радуга», а также отмечали «правильность слога» его прозаич. соч. «Память сердца», «Юность». П. письменно благодарил М. П. Погодина за лестную оценку альманаха (РГБ, ф. 231/11, к. 47, № 78), прислал ему стих. «Вечернее волнованье» (МВ, 1828, № 13). Вдохновленный успехом, П. готовил вторую книжку «Енисейского альм.» (см. письмо Н. Степанову — ИРЛИ), однако издание не было осуществлено. В 1829 П. вместе с Н. Степановым, В. И. Соколовым и гарнизонным врачом И. Г. Красноярским составили об-во «Красноярская лит. беседа» (планировавшаяся чуть раньше «Беседа об Енисейском крае» не была разрешена Николаем I), имевшее строгий устав (опубл. в ст.: Богданова М., с. 246—47), «книгу занятий», ж-л постановлений.

Постоянно обращаясь в своих стихах к сиб. темам (история, природа, нар. поверья и т. д.), П. в их трактовке ориентируется на совр. поэтич. образцы: конкретные, живые впечатления очевидца б. ч. подменяются условно-романтич. образами и стилистич. клише («К Енисею» — «Галатее», 1829, ч. 7, № 35; «Марьины иветы (сибирская баллада)» — ЛПРЛ, 1831, № 101; «Дума на скалах Енисея» — там же, 1832, 23 апр.; «Гадание тунгусов» — там же, 1832, 6 авг., и др.). С романтич. традицией связаны и «восточные» мотивы в лирике П.: «Татарская песня» (СО, 1830, № 37; публ. снабжена авт. прим. этногр. характера о минусинских татарах), «подражания арабскому» «Красавице, поднесшей пригнетное вино» («Благ.», 1825, ч. 29, № 4), «Трудный портрет» («Заволжский муравей», 1833, № 3). Мн. стихотворения П. обнаруживают следы непосредств. влияния В. А. Жуковского (баллада «Услад» — «Енисейский альманах на 1828 г.»; «Не-

бо» — СО, 1830, № 25), А. С. Пушкина («Дева» — «Енисейский альманах на 1828 г.»; «Ночь» — ЛПРИ, 1831, № 21; «Картина из времен завоевания Сибири» — СО, 1827, № 3), К. Н. Батюшкова («Песнь радосты» — «Славянин», 1828, ч. 5, № 6); П. развивает темы и мотивы изв. произв., заимствует фразеологич., синтаксич. и ритмич. конструкции (см. об этом: Богданова А. А., 1947, с. 118—21).

Почти все опублик. ранее поэтич. произв. П. вошли в сб. «Стихотворения» (М., 1833; положит. рец.: «Молва», 1833, 26 окт.), не имевший успеха. Прохладная рецензия «Моск. телеграфа» (1833, № 16), содержащая упреки автору в подражании изв. рус. поэтам, возможно, явилась причиной, навсегда отравившей П. от стихотворства.

Имя П. было использовано при публ. в ЛПРИ (1831) отрывка из поэмы А. А. Бестужева (Марлинского) «Андрей, князь Переславский» (там же, № 10) — П. возглагал всю вину на А. Ф. Бойкова и уверял Бестужева, что принадлежит к числу его «увераснейших почитателей».

В 1832 П. переселяется в Харьков, получает место ассессора казенной палаты (с 1833 губ. казначей). Сближается с Г. Ф. Квиткой, И. И. Срезневским и В. В. Пассеком (см.: Из переписки И. И. Срезневского 1829—1839 гг., К., 1901, с. 33, 42, 45, 49—53; В. В. Пассек и его письма к И. И. Срезневскому. — РС, 1893, № 5, с. 382, № 9, с. 550). В кон. 1834 издает альм. «Утренняя звезда. Собр. статей в стихах и прозе» (кн. 1, М.; кн. 2, Х.), в к-рый вошли проза Срезневского, О. М. Сомова и др., стих. Я. И. Изюмцева и самого П. (кн. 1), а также стихи и проза И. П. Котляревского, Срезневского, Квитки на укр. яз. (кн. 2).

Под псевд. Пустынник Залопанский (Лопань — река в Харькове) печатает в «Телескопе» романтич. повести «Золотой самородок» (1834, № 9), «Х(арьковская) быль» (1834, № 50), «Предсказательница» (1835, № 21—24), «Мефистофель» (1836, № 9), собранные в отд. изд.: «Повести Пустынника Залопанского, изданные Иваном Петровым» (Х., 1837). Отмеченные динамизмом драм. сюжетов, стремлением к психол. характеристикам персонажей повести П. страдают нек-рой перегруженностью ужасным и фантастическим, что отмечалось в развернутой рец. «Б-ки для чтения» (1837, т. 25).

Незадолго до смерти П. получил назначение на должность директора уч-щ Бессарабской обл. (Одес. уч. округ).

Др. произв.: «О казаках Енисейской губернии» («Заволжский муравей», 1833, № 4).

Лит.: Богданова А. А., Сиб. поэты-романтики нач. XIX в. — Уч. зап. Новосиб. пед. ин-та, в. 4, сер. ист.-филол., Новосиб., 1947, с. 116—25; Гуревич А., Первый сиб. альманах, — «Енисей», кн. 8, Красноярск, 1951; Богданова М., К истории создания «Енисейского альм. на 1828 г.» и «Красноярский лит. бестужев-1829 г. — там же, кн. 21, 1958; Бестужев-Марлинский А., Полное собр. стихотворений, Л., 1961, с. 276—77; Постнов Ю. С., Рус. лит-ра Сибири первой пол. XIX в., Новосиб., 1970 (ук.); Жирмунский В. М., Байрон и Пушкин, Л., 1978, с. 295; Очерки рус. лит-ры Сибири, т. 1, Новосиб., 1982 (ук.). + РС; Богданова А. А., Сиб. тема в периодич. печати, альманахах и сб-ках XIX в. Уч.-науч. справочник, Новосиб., 1970; Лит. Сибирь. Критико-библ. словарь писателей Вост. Сибири, Иркутск, 1986; Масалов.

Архивы: РГА, ф. 1349, оп. 4, в. 449 (ф. с. 1837 г.); ИРЛИ, ф. 322, № 27 (тетрадь стихов П.); 4327.XXII.6, 104 (письмо Н. И. Гречу, 1830?); 4326.XXII.6.103, 4328.XXII.6.105 (письма Н. А. Степанову, 1829; стихотв. пародия Степанова на П.).
А. В. Жуковский.

ПЕТРОВ Михаил Александрович (1822 или 1823* — после 1881), прозаик. Из мещан Н. Новгорода. В 1849, став рядовым Казан. гарнизонного батальона, был переведен в Чистопольскую инваллидную команду, в 1851 произведен в писари и «прикомандирован для писем» (1852) к штабу 4-го округа корпуса внутр. стражи. После лит. дебюта, когда у П. появились могущественные покровители, в т. ч. воен. мин. В. И. Васильчиков, служил с 1859 в его канцелярии. Коллеж. рег. (1861). Исполнял должность пом. уездного исправника в Козьмодемьянске (1863—66), Казани (1868—69), Свяжске; затем зав. делопроизводством в уездном Свяжском присутствии по воинской повинности. Надв. сов. (1881).

Лит. деятельность П. продолжалась, по-видимому, всего полтора года: с февр. 1859 по июнь 1860 в «Б-ке для чтения» А. В. Дружининным были опублик. три небольших рассказа П.: «Саргина могила» (1859, № 2), «Выборы» (1859, № 9), «Богомолка» (1860, № 2), четвертый — «Наносная беда» в «Отеч. зап.» (1860, № 9; положит. рец.: Д. Саранчов — «Рассвет», 1860, № 10). Первое из этих произв. «сразу обратило на себя общее внимание... Г-н Петров черпает рассказы свои из крест. быта; к знанию дела примешивается у него теплая, ненакрашенная любовь к этому сословию, а худож. такт, поражающий почти на каждой странице этих рассказов, делает из них одно из лучших достижений современной нашей беллетристики». — писал критик газ. «С.-Петербург. вед.», презрекая автору «блестящую будущность» (1860, 10 марта). Действительно, творчество П. обнаруживало свою близость к лучшим традициям и перспективным тенденциям совр. ему лит-ры (социальная устремленность очерков натуральной школы, лиризм И. С. Тургенева, психологизм Л. Н. Толстого). При нек-рой идеализации деревен.

быта П. одним из первых сумел заметить и описать процесс расхождения крестьянства, хотя сочетание лирич. начала и социальной темы (механицист. сук. культура в «Выборах») не стало вполне органичным.

Рассказы П. вызвали сочувств. интерес изв. литераторов. Прочитав «Саргину могилу», В. П. Боткин писал Тургеневу (6 апр. 1859), что был поражен талантом автора, к-рый с «такой правдой и прелестью» изобразил любовь крест. девушки, как никто до него. «Крайне любопытно знать тот духовный процесс, который пережит был этим Петровым, что он читал, как он дошел до настоящего...» (В. П. Боткин и И. С. Тургенев. Неизд. переписка, М.—Л., 1930, с. 153). Ответ на этот вопрос — в письме Дружинина Боткину: «С Петровым я сошелся, невзирая на труд, представляемый его унтер-офицерским званием. Он человек тихий, хороший и необыкновенно умный. Читал он весьма мало, но дельно: Пушкина, Гоголя, из новых почти ничего, — я дал ему сочинения Островского и Писемского...» (Письма к А. В. Дружинину, М., 1948, с. 58). В письме Л. Н. Толстому от 28 сент. 1859, интересуюсь, читал ли тот второй рассказ П., Дружинин добавлял: «Этот человек меня изумляет своей воздержностью и совершенным отсутствием рутинности или подражательности» (там же, с. 308). Толстой был восхищен «Саргиной могилой» настолько, что проверял на ней худож. чутье своих братьев (письмо Дружинину от 16 апр. 1859); подарил П. свои книги «Детство и отрочество» и «Военные рассказы»; разделяя стремление своих друзей помочь П., просил графиню А. А. Толстую, чтобы та похлопотала через Б. А. Перовского о льготах для П. по службе. Вместе с тем по прочтении рассказа «Выборы», к-рый ему «положительно не понравился», Толстой писал Дружинину 9 окт. 1859: «... видна сила большая. Но его горе противоположное нашему и большое — совершенная бессознательность дарования. Он сам не знает, что в нем велико... Ежели бы он был помоложе — горе это было бы исправимо, а теперь, боюсь, он так и останется не „надежда“, а „сжаление“. Что бы он мог быть» (LX, с. 308, и по ук.). Неожиданный успех, участие в судьбе П. знаменитых литераторов и могущество чиновника, по-видимому, произвели на него сложное впечатление, выбили из колеи. Уже в письме Толстому от 22 авг. 1859 Дружинин с тревогой сообщал, что у П. «голова закружилась, и на Пасхе он загулял» (Письма к А. В. Дружинину, с. 257). Вскоре имя П. было прочно забыто. Лишь в 1934 К. И. Чуковский попытался воскресить память о нем в очер-

ке «Неизвестный Петров» (см. в кн.: Люди и книги. М., 1960; см. также в его Собр. соч., т. 5, М., 1967).

Лит.: Памятная книжка Казан. губ., Каз., 1866, с. 66; 1868, с. 46; 1890, с. 131—32; Адрес-календарь Казан. губ., Каз., 1875, с. 92; 1881, с. 136; Список лицам служащим по всем ведомствам Казан. губ. Составил... А. П. Орловым, Каз., 1885, с. 28.

Архивы: РГВИА, ф. 1, оп. 1, з. 25064 (п. с. 1859 г.*) [справка Н. Ю. Муравьиной]. М. Г. Алатова, Е. В. Войналович, М. А. Кармачинская.

ПЕТРОВ Павел Ильич (сер. 1770-х — после 1825), переводчик, литератор. Биограф. сведения скудны. Вероятно, в нач. 1790-х гг. учился в Моск. ун-те; к 1792 относятся прозаич. переводы, помещенные в моск. ж-ле В. С. Подшивалова «Чтение для вкуса, разума и чувствований» (с пометой «с немецкого»: небольшая чувствит. пов. «Макандал негрятинин» — ч. 5; краткий очерк «Землетрясение в Лиссабоне» — ч. 7). В дальнейшем печатался в петерб. ж-ле «Новые ежемес. соч.»: переводы с франц. яз. («восточная повесть» «Ардостан» — 1792, ч. 71), латыни (фрагмент «Истории Рима» Тита Ливия — «Речь Аннибата к П. Сципиону о мире» — 1793, ч. 88) и нем. яз. (мед. компиляция «О врачебном употреблении верховой езды» — 1795, ч. 103). Видимо, П. постоянно жил в Петербурге; в 1805 здесь вышла переведенная им комич. стихотв. повесть «Мраморная купель, или Наказанный пустосвят» К. М. Виланда; морализаторский пафос оригинала был сохранен и даже усилен в пер., выполненном тяжеловесным ямбич. стихом, изобилующим инверсиями и архаизмами. В «Журнале для пользы и удовольствия» П. опубликовал короткий прозаич. отрывок «О неугодности людей» (1805, № 7) с указанием «из соч. Клейста».

В 1810 перевел с нем. яз. сб-к назидат. историй «Зерцало добродетели, или Собрание благороднейших и превосходнейших деяний и душевных качеств, взятых из жизни великих, добродетельных и храбрых людей и из истории всех народов и времен», составленный неким Ф. М. и посвященный им д. тайному сов. А. И. Шлезе.

По семи разделам («Родительская любовь и почитание», «Детское почитание и послушание», «Непоколебимая приверженность к вере и др.) структурированы разнообразные «анекдоты», ин. из к-рых представляются как реальные случаи из жизни; приведены даты и места происшествий, названы имена как ист. лиц (Эрasmus), Иосиф II, Густав III), так и вымышленных персонажей, солдат, мещан, купцов. Не исключено, что истории из сообр. рус. жизни были введены в текст переводчиком, к-рый, в свою очередь, мог черпать их непосредственно из газетной или журн. хроники. Осталась нераспространенной часть тиража была в 1813 превращена в новое изд. (сюжет посвящения, напечатаны и иллюстрированы титульный лист и четыре гравюры), появившаяся под загл., к-рое четче определяло предполагаемому читат. аудиторию и акцентировало нравоподобность книги в целом: «Историческая библиотека для детей... служащая к образованию сердца и разума» (СПб.).

Свободное владение П. нем. и франц. языками, несомненно, сказалось на характере его сочинительства: в 1810 выходит пособие «Новые французские, русские и немецкие разговоры для начинающих учиться сим языкам» (СПб.; с пометой «новое и дополненное изд.»); в 1812 — bilingua «Езоповы басни для обучения юношества французскому языку...» (там же, ч. 1—2; 2-е изд. — М., 1824; 3-е изд. — СПб., 1830). Поместив в книге параллельные тексты на рус. и франц. языках, П. снабдил каждую басню «лексич. минимумом», в к-ром не только приводятся значения встречающихся в ней слов, но сами эти слова сделаны центрами словарных гнезд; в ряде случаев даны синонимич. цепочки, отд. фразеологизмы. Среди рус. эквивалентов, подобранных П., практически нет калек, фразовые конструкции свободны от галлицизмов, что обеспечило высокий лексикографич. уровень издания.

П. принимал участие в подготовке изд. трехязычного ж-ла «Волшебный фонарь, или Зрелище с.-петерб. расхожих продавцов, мастеров и других простонар. промышленников, изображенных верною кистью в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом соответственно каждому лицу и званию» (выходил в Петербурге в течение 1817 — 12 «ежемес. тетрадами»; факсимильное воспроизведение — М., 1988, подг. Е. И. Осетровым).

Степень и характер участия не выяснены до конца. Помимо П. авторами рус. текста назывались Н. И. Греч, Ф. Н. Глинка (обоснование этой гипотезы см.: Алексеева Т. В., Художественные школы Венерианова, М., 1982, с. 93—102; 40 помещенных в изд. офертов приписывались сначала А. Г. Венецианову, потом его ученику К. А. Зеленину). В любом случае несомненно, однако, что именно П. осуществлял пер. диалогов на франц. яз. и редактирование их нем. варианта (в переводе Я. Лангена). Возникший не без влияния европ. альбомов и изд. альманахов, в к-рых воспроизводились «голоса» (выкрики, проф. жаргон) и костюмы уличных торговцев («Cris de Paris» Лепренса), «Волшебный фонарь» по точности, с к-рой был переведен «язык уличн.», оказался «журналом совершенно в новом роде» (редакторское предисл., с. 3). При переводе диалогов языковое своеобразие оригинала терялось, особенно в текстах, где действительными лицами были иностранцы.

В 1822, в чине надв. сов., П. состоял переводчиком при ВЭО; в 1825 занимал ту же должность и был коллеж. сов.

Лит.: Морозов А. В., Фигуря Гаринара по гравюрам «Волшебного фонаря», М., 1929; РБС; Гензали; Брокгауз (с ошибкой в отчестве; см. также ст. «Волшебный фонарь»).

Е. Э. Лямин

ПЕТРОВ Павел Яковлевич [25.6 (7.7).1814, Петербург — 7(19).9.1875, Москва, похоронен в Ваганьков. кладб.], переводчик, поэт; лингвист-востоковед. Из обер-офицерских детей (отец, Як. Осип., учительствовал во 2-м кадет. корпусе; выйдя в отставку в 1819, переехал в Москву). После смерти отца (1826) П. получил дом, образование в доме кн.

А. П. Оболенского, тогда калуж. гражд. губернатора (отношения поддерживались и позднее). Знал новые европ. и овладел мн. вост. языками: персидским, санскритом, араб., тур. и др.; знал также еврейский, изучал китайский.

С 1828 студент словесного отд. Моск. ун-та (ученик А. В. Болдырева, проф. по кафедре вост. языков, преподававшего араб., персид. и сверх программы еврейский), окончил «с отличными успехами» (ЦИАМ) в 1832 кандидатом, вместе с В. С. Межевичем, М. Б. Чистяковым, Я. М. Неверовым, И. П. Ключниковым.

В конце 1829 студент Н. Л. Григорьев, товарищ В. Г. Белинского по Пензен. гимназии, знакомит П. с будущим критиком. Существует мнение (Храбровицкий А. В., Белинский и роман итал. революционера. — «Огонек», 1948, № 31, с. 24), что три друга совместно издали первый рус. перевод известного итал. романа У. Фосколо «Избранные письма Якова Ортиса» (М., 1831, переводчик не указан), о чем в письме родителям (5 янв. 1830) глухо упоминает Белинский (XI, 33). Белинский с большой симпатией относится к своему новому приятелю, с к-рым часто беседует о лит-ре (П., по его определению, «пишет прекрасные стихи» и упорно занимается языками — «неутомим, как Тредиаковский»), наука и др. «благородных предметах»: «Вот дружба, которую я могу по справедливости хвалиться!» (там же, с. 23).

Притягательные отношения с Белинским, а после переезда П. в Петербург оживленная переписка продолжалась до отъезда П. в 1838 за границу. Белинский время от времени публиковал стихи, и переводами П. в «Телескопе», «Молве», «Моск. наблюдателе». Семья П. (мать и две сестры) приняли большое участие в судьбе Белинского после его изгнания из ун-та (XI, 103). У Петрова Белинский встретил свою будущую жену М. В. Орлову (Белинский в восп., с. 364).

С осени 1833 Белинский и П. начинают посещать кружок Н. В. Станкевича (Аксаков К. С., Восп. студентства. 1832—1835 гг. — В кн.: Рус. об-во 30-х гг. XIX в. ..., М., 1989, с. 317—18). Пребывание П. в кругу Станкевича — наиб. известный эпизод его биографии, часто упоминаемый в лит-ре. Моск. философствующих юношей порою раздражало его стремление к кабинетным лингвистич. штудиям, хотя в целом отношения оставались взаимно доброжелательными; уже из-за границы Станкевич писал Т. Н. Грановскому (1838): «Отъезд его, поклонись по восточному обычаю, принеси какие-нибудь дары и попроси если не любить, то, по крайней мере, иметь ко мне некоторую склонность. Он торжественно объявил однажды Белинскому, что уважает, но не любит меня» (Н. В. Станкевич, Переписка..., с. 472).

Между 1832 и 1834 жил то в Москве, то в Петербурге, занимаясь частными уроками, в 1833 состоял «в учебном персонале Погодинского пансиона» (Барсуков, IV, 179). В 1834 по ходатайству М. П. Погодина был включен в число воспитанников Профессорского ин-та в Дерпте, но за отсутствием там кафедры вост. языков оставлен для слушания лекций в Петербурге. До 1838 занимался изучением араб., перс. и тур. языков под руководством акад. Х. Д. Френа, О. И. Сенковского, Мирзы Джаффара. Самостоятельно изучал кит. язык и санскрит. В 1836 — первая науч. публикация: «Прибавление к каталогу санскритских рукописей, находящихся в Азиатском Музее имп. С.-Петерб. Акад. наук» (ЖМНП, 1836, № 10). В лек. 1837 представил в Академию первый самостоят. науч. труд: перевод с санскрита отрывка «Похищение Ситы» (из «Рамаяны») с «пояснит. замечаниями и грамматич. разбором» (одобрит. оценка АН: ЖМНП, 1838, № 2, отд. III, с. 416). Стремление к языкам была у П. самостоятельной, своего рода «чистым искусством»: он стремился овладеть языком без малейшего прикладного интереса. Так, П. отказался от предложения Погодина занять место учителя в семье рос. посланника в Константинополе А. П. Бутенева на том основании, что там, имея возможность «усовершенствоваться» в неск. языках, будет «принужден» отказаться от «главного и любимого» предмета — санскритского языка... «Что же касается до жалования, то оно меня не прельщает» (Барсуков, IV, 251—52). В 1841 П. отказался вернуться в Москву по той причине, что там «всего только 11 мусульманских рукописей (они мною же были описаны)» (РГБ, ф. 231, Пог.Л1, оп. 24, № 24, л. 5); «Обозрение араб., персид. и турецких рукописей...», находящихся в б-ке имп. Моск. ун-та, было опублик. в ЖМНП в 1837 (№ 3). Занятия языками поглощали все время и силы П. (см., напр., письмо Погодину от 16 июня 1836: Барсуков, IV, 409).

1830-е гг. — период достаточно интенсивного участия П. в лит. жизни в качестве переводчика и автора ориг. стихов (романтич. и медитативных): «Улыбка милой» («Галатей», 1830, № 4), «Тень Великого» (о Наполеоне; там же, 1830, № 35), «Чапа солнца» («Молва», 1833, № 131) — филос. «мистерия», заставляющая вспомнить о П. Б. Шелли, «Пловей» («Молва», 1835, № 14).

Сам П. не относился к своим поэтич. опытам серьезно, уже в 1834 он писал Беллинскому: «ради Бога не плавай ты псать что-нибудь драматическое у тебя из моих стихоплетений. Даже заклинаю тебе старой дружбой... укради у Межанича «Джинны», а не то проклятие на тебя — не хочу тебе его исцелять — нет — эта дурь уже прошла» (Беллинский и его корреспонденты,

с. 226). Однако и в 40-е гг. он эпизодически пытался публиковать стихи под псевдонимом (РГБ, ф. 231, Пог.Л1, оп. 24, № 24, л. 11 об.) (не выявлены).

Переводные публикации П. 1830-х гг. типологически разделяются на две группы. Первую составляют журнальные переводы из Дж. Милитона [«Отрывок из Потерянного Рая» (посвящено В. Г. Белинскому)] («Галатей», 1830, № 22), «Из третьей песни Потерянного Рая» («Молва», 1833, № 85)], В. Пого — «Джинны» («Телескоп», 1835, № 1). Переводы П. с европ. языков отличает тщательность стилистич. отделки, а также стремление к лингвистич. и версификационному эксперименту (ср. сведения о попытках перевести Дж. Байрона на персидский).

Так, для перевода из Гюго П. выбирает метрически исключительно сложное стих. из популярного в 1830-е гг. сб-ка «Восточные мотивы», в к-ром последовательно чередуются 1-ст. амфибрахий, 2-ст. хорей, 2-ст. заклятый, 2-ст. амфибрахий, 3-ст. ямба, 4-ст. хорей, 4-ст. ямба, 5-ст. ямба и далее в обратном порядке убавления длины стиха.

Любопытным примером совмещения «европ.» и «восточных» интересов П. в области худож. перевода может служить стих. «Магадэва и баядера. Индийская легенда (Из Гёте)» — «Магадэва, царь создания...» (МН, 1838, ч. 16, март—апр.); в том же году в «Моск. наблюдателе», выполненный, видимо, в порядке творч. соревнования, появился перевод того же стих. И. В. Гёте К. С. Аксакова («Магадэва и Баядера») (1838, ч. 17, кн. 5). Н. Г. Чернышевский, желая создать идеальный рус. текст своего любимого гетевского стих. «Бог и баядера», использовал варианты обоих переводчиков (см. в кн.: Жирмунский В. М., Гёте в рус. лит-ре, Л., 1981, с. 287—88, с ошибкой. инициалами — результат смешения П. и И. М. Петрова).

Другую группу переводных публикаций образуют переводы с вост. языков (гл. образом с санскрита), по б. ч. они носят науч. характер, снабжены примечаниями и комментариями, нередко специально рассчитанными для использования в ун-тском преподавании языка. В этой области П. выступает в роли первооткрывателя: «Песнь Нальи, кн. I» («Телескоп», 1835, № 7) — первый рус. стихотв. перевод из «Махабхараты», выполненный непосредственно с санскритского оригинала. Далее последовало «Похищение Драупиды» (также из «Махабхараты», прозой — ОЗ, 1841, № 12) — на три года раньше первого из многочисл. переводов К. А. Коссовича (см. в доп. томе). В 1835 в «Молве» (№ 24/26) Беллинский опублик. «Газель (из Хафиза)» — перевод П. «с персидского», извлеченный из петерб. письма П. от 22 авг. 1834 (Беллинский и его корреспонденты, с. 237—38).

И здесь П. балансирует на грани версификационного эксперимента (адаптации газели к рус. стихосложению) и решения собственно худож. задачи. Перевод является первой «попыткой» ввести в русскую литературу арабско-персидскую форму газели» (Забераман В., Арабы и персы в рус. поэзии. — «Восток. Журнал лит-ры, науки и ист.-яз», 1923, кн. 3, с. 113).

В 1838 П. направляется в поездку по Европе, где в течение двух лет работает с вост. рукописями в б-ках и музеях Берлина, Парижа, Лондона, знакомится с ведущими востоковедами Европы. Есть сведения, что П. «своими познаниями удивил даже знаменитого Ф. Болла, который писал в Петербург, что Петрову... нечему учиться в Германии» (Барсуков, IV, 408; см. также публ. Погодина «Месяц в Париже» («Москв.», 1841, № 2, с. 451—52), в к-рой он рассказывает об встрече с П.).

По возвращении из Европы в 1841 П. должен был занять санскритскую кафедру в Акад. наук (академия в то время имела в своем составе учеб. кафедры), однако оказался не у дел: «кафедра моего предмета занята другим и... мне едва ли не приходится выбрать другое поприще» (РГБ, Пог.Л1, ф. 231, оп. 24, № 24, л. 1). П. старается не падать духом, по крайней мере — не показывать собою отчаяния: «Как бы то ни было, но все-таки лучше быть на Руси... нежели в чужой земле — будем бороться с судьбой с последними силами» (там же, л. 5). 1840—41 — драматичное время для П.: «Ровно год не получаю от начальства ни копеечки — живу Бог знает чем и как» (там же). В это время он публикует в недавно основанном «Москвитяине» переводы отрывков из «Махабхараты»: «Матсьо-пакьянам, или Сказание о рыбе»; «Сказание о Савитри» («Москв.», 1841, № 8, 12). Известны планы Погодина привлечь П. для сотрудничества в «Москвитяине» в качестве рецензента и критика.

Остается в Петербурге П. не удалось, в окт. 1841 он определен в Казан. ун-т на одну из учреждавшихся востоковедных кафедр (РГИА, ф. 733, оп. 37, д. 87, 1851 г., л. 173—174; оп. 42, л. 289, л. 1, 1 об.).

О возможной вползлке служебной драмы П. упоминает Н. И. Веселовский: «По возвращении в Россию Петров должен был поддержать экзамену в Академии наук; но так как там экзаменовало его было некому... то [он] счел ниже своего достоинства раздирывать комедию экзамена перед лицами, которые не могли быть судьями его познаний; но за то и не пошел в Академию, а принужден был скитаться в страшной бедности» (Веселовский, с. 140).

Нежелание зайти магистерскую ступень, явившееся причиной многолетних карьерных злоключений П., объяснялось, скорее всего, его чрезмерной тщательностью и идеализмом. Об этом свидетельствует рассказ ректора Казан. ун-та (видимо, Н. И. Лобачевского) И. В. Бергу, приятелю П., к-рому тот помогал в подготовке кн. «Песни разных народов» (М., 1854). Ректор ун-та «не мог уловить» П. «особости» «форму экзамена без всякого экзамена»: потребовал готовую бумагу для просмотра, П. «вместо просмотра изложил ее в великие ключи» (Берг, с. 398—99).

ПЕТРОВ

С 1841 до 1852 П. — исправляющий должность адъюнкта по кафедре санскрит. языка, преподавал также историю Кашмирского царства, санскрит. словесность и санскрит. древности (нек-рое время и англ. яз.) в 1844—45 студентом вост. отд. филос. ф-та был Л. Н. Толстой — по разряду арабско-тур. словесности). В 1846 в Казани П. издал первую в России «Санскритскую антологию» (ч. 1), но не окончил труда (см. прим. В. В. Григорьева — в кн.: Веселовский, с. 140); «делиться своими сведениями в языках готов он был охотно с каждым... но писать, печататься было для него мужином» (Григорьев В. В.), там же, с. 141).

Отсутствие повышения по службе в течение целого десятилетия не способствовало бодрости духа П.: ученый, «которого, по числу изученных им языков Азии и Европы, можно смело назвать русским Мециофантом [изв. полиглот — Д. Б.], сделался совершенным мизантропом: ни с кем не знаясь, никому не доверял» (там же).

К тому же он страдал от казан. климата и готов был на любые невыгодные условия перевода: «Я бы очень желал перейти в Москву, но на альюнскую кафедру санскритского, персидского или даже обоих языков вместе, кажется, нет надежды — и потому я бы удовольствовался местом в библиотеке Московского университета... притом же в Москве я бы нашел, с кем поделиться наукою, а у нас и этого нет» (письмо С. П. Шевыреву 1850 г. — РНБ, ф. 850, № 436, д. 1 об.).

При содействии Шевырева (тогда декана словесного ф-та) П. удалось перевестись в Моск. ун-т. Перевод П. в Москву означал воскрешение в ун-те кафедры вост. языков (вакантной с 1836, времени отставки Болдырева) в янв. 1852; П. был назначен на эту кафедру н. д. адъюнкта. (Вскоре после отъезда П. кафедра санскрит. словесности в Казан. ун-те была упразднена.)

В Москве служеб. обстоятельства П. складывались более удачно. В 1856 он был избран н. д. экстраординарного профессора, с 1864 до конца жизни — ординарный проф.; в 1863 возглавил кафедру сравнит. грамматики индоевроп. языков. В 1868 избран членом Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Моск. ун-те (см.: «Моск. ун-тские известия», 1868, № 3, с. 355; 1870, № 1, с. 7). К 1869 — д. стат. сов. В моск. период П. перевел (с санскрита) ист. поэму 12 в. Кальханы «Раджа-тарангини» («Поток царей») («Моск. ун-тские изв.», 1865, № 1; 1872, № 1), публиковал лингвистич. тр. «О важнейших афантах вост. языков...» (в кн.: Мат-лы для истории писем восточных... М., [1855]), «О гл. наречиях сев. Индии» («Моск. ун-тские изв.», 1866/1867, № 12; 1869, № 5; 1870, № 5) и речь в торжеств. собр. ун-та

1862 «Об араб. языке и литературе» (М., 1862).

В первые годы преподавания П. его лекции посещались сравнительно большим числом студентов (в 1852 — 15, в 1853 — 18), однако несогласиями со слушающими окр. профильные курсы (напр., по рос. словесности в 1852 — 280; в 1853 — 121) (Отчет о состоянии и действиях Моск. ун-та за 1852—1853 акад. и 1853 года, т. М., [без года], Прил. С. П. преподавал санскрит. и араб. яз., в 1858 по личной просьбе ему разрешено было заниматься с желавшими персидским, арабским и еврейским (Веселовский, с. 18). Лекции П. были обязательными для студентов, но слушали его и профессора (напр., П. М. Леонтьев).

П. подвижнически относился к своим профессорским обязанностям, порою производя на окружающих странное впечатление своею сосредоточенностью на проблемах науч. и учебных (восп. О. М. Бодянского — Сб. ОЛРС на 1891 г., М., с. 134). «Оригинал каких мало», человек необыкновенной «нравств. чистоты» (Берг, с. 394), «добрейшей души и огромных знаний», П. всю жизнь прожил «аскетом с девицами-сестрами на Плющихе» (Кирпичников, с. 758).

С течением времени П. все больше и больше замыкается в себе, ограничивает свои контакты с внешним миром. Обычным тоном его эпистолярного общения становятся жалобы на одиночество и тоску, «отвращение и к людям, и к науке. Климат, квартира, нетеплые толки в обществе — все сговорилось против меня» (письмо Бергу от 4 февр. 1859 — ИРЛИ, Р. III, оп. I, № 1602).

В 1880 (по др. данным, в 1877 — ЦИАМ, ф. 418, оп. 46, д. 197) Моск. ун-ту, по завещанию П., была передана его б-ка, содержащая книги на нескольких десятках европ. и вост. языков.

Лит.: Фойгт К. (Ж.). Обзор. додв и успехов преподавания азиатских языков в Казан. ун-те за десятилетие с 1842 по 1852 г. Каз., 1852; Савельев П. С., Вост. лит-ры и рус. ориенталисты. — РВ. 1856, № 1; Берг Н. В., П. Я. Петров, профессор-ориенталист. — РС. 1876, № 10; Веселовский Н. И., Сведения об офин. преподавании вост. языков в России, СПб., 1879; Кирпичников А. И., Первый зель в ун-те (Отрывки из восп.). — ИВ. 1897, № 6, с. 757—759; Барсуков (ук.); Мосерманц Л., Из истории ориенталистики в России. Мат-лы для биографии проф. П. — «Древности восточные. Тр. Вост. комиссии имп. Моск. археологич. об-ва», М., 1914, т. 4. Протокол; его же. К истории санскритологии в России. (Низд. мат-лы для биографии Р. Ленца и проф. П.). — «Новый Восток. Ж-л рос. ассоциации востоковедов», 1922, кн. 1; Н. В. Станкевич. Перестанка... М., 1914 (ук.); Модзалевский Л. В., Мат-лы для биографии Н. И. Лобачевского, М.—Л., 1948 (ук.); Поляков М. Я., Белинский в Москве, (1829—1839), М., 1948, с. 12—15; Белинский и его корреспонденты, М., 1948; Крачковский Н. Ю., Востоковедение в письмах П. Я. Петрова В. Г. Белинскому. — В кн.: Очерки по истории рус. востоковедения, [об. II], М., 1953; Нечаева В. С., В. Г. Белинский. Учение в ун-те и работа в «Телескопе» и «Милве», М., 1954; Шофман А. С., Санскритолог П. в Казан. ун-те, — «Зч. зап. Казан. ун-та», т. 117, кн. 9, в. 1, 1957; его же. Рус. санскритолог П. — В кн.: Очерки по истории востоковедения, об. 3, М., 1960; Стариков А. А., Вост. филология в Моск. ун-те (А. В. Болдырев и П.). — Там же. Белинский в восп. современников, М., 1977 (ук.); Клейнман Г. А., Проф. Моск. ун-та П.

и его б-ка вост. кннг. — В кн.: Из коллекций редких книг и рукописей Научной б-ки Моск. ун-та, М., 1981; Мани Ю., В кружке Станкевича, М., 1983, с. 109—12, ЛН, т. 55 (ук.); Некролог, 1875; МВест, 28 сент.; «Петербург. газ.», 23 сент.; «Голос», 28 сент.; «Иллюстриров. неделя», 12 окт.; «Гражданин», 1876, № 4; Отчет и речь, произнесенные в торжеств. собр. имп. Моск. ун-та 12 янв. 1876 г., М., 1876; Отчет о состоянии и действиях Моск. ун-та за 1853—1854 ... год, [6. м., б. г.], с. 12; Отчет ... [за] 1871—1872 г., М., 1873, с. 17; Геннадий РБС; Брокгауз; Бногр. словарь профессоров Казан. ун-та... Сл. профессоров Моск. ун-та; Летопись Моск. ун-та, 1755—1979, М., 1979 (ук.).

Архивы: ИБ МГУ (д. ф.); ЦИАМ, ф. 418, оп. 102, д. 100 (студенч. дело об увольнении); 1832 г.), оп. 21, д. 18 (ф. с. 1852 г.), оп. 23, д. 507, оп. 27, д. 645, оп. 31, д. 3, оп. 33, д. 120, оп. 38, д. 560, оп. 44, д. 185 (служб. дела П. по Моск. ун-ту) [справка В. В. Александровой]; РГБ, ф. 231, Подлп, оп. 24, № 25 (письма Полюдиной, 1860—68 гг.); ЦГА Татарстана, ф. 92, д. 5460, л. 19, 29; ф. 777, д. 5, зорна ф.т., 1844 г., л. 30, 36; ф. 977, д. 12, 1851 г., л. 7—9 (сведения о нед. деятельности П. в Казан. ун-те); РГИА, ф. 733, оп. 37, д. 37, 1851 г., л. 170—183 (офич. переписка Мин. нар. просв. и Казан. учеб. округа в связи с перемещением П. в Моск. ун-т); ИРЛИ, ф. 340, оп. 2, № 47 (письмо И. П. Миняеву 1872 г.). Д. П. Бак.

ПЕТРОВ Пётр Николаевич [19.6 (1.7).1827, Петербург — 29.3(10.4).1891, там же; похоронен на Волковом кладб.], историк-искусствовед, журналист, автор ист. романов. Род. в семье придворного служителя — «по главной кухне брандмейстера». В 1838—45 обучался в Доме воспитания бедных детей Человеколюбив.

вого об-ва (закончил с отличием). Нек-рое время посещал рисовальные классы Акад. художеств (в приятельских отношениях с К. Д. Флавициным), однако из-за отсутствия средств не смог продолжать учебу и в июле 1846 определился в деп. Гос. казначейства (канц. служитель). Активно занимался самообразованием, изучая историю живописи и архитектуры. В 50-е гг. посещал вечера М. И. Семевского, где в 1860 познакомился с А. Ф. Писемским, привлечшим его к сотрудничеству в «Б-ке для чтения» (дебут П. — ст. «Русский гравер Евграф Петрович Чемесов» — 1860, № 4) и ж. «Искусства» (заведовал в течение неск.

месяцев 1860 год, начертательных искусств). В том же году поступил писцом в петерб. имп. Публич. б-ку (совр. РНБ), в этом качестве был рекомендован А. Н. Майкову, заведовавшему ред. изящных искусств «Энци. словаря...» А. А. Краевского и П. Л. Лаврова (СПб., 1861); обнаружив разностороннее познания П., Майков пригласил его участвовать в «Словаре...», в к-рый вошли более 300 ст. П. по истории, архитектуре, живописи, топографии Петербурга («Академия художеств», «Александров-Невская лавра», «Митрополит Алексей», «Венецианов А. Г.», «Екатерина Великая», «Петр Великий» и др.). В 1865 по поручению ген.-губ. А. А. Суворова описывал древности одной из петерб. церквей, о результате докладывал Александру II; по предписанию Синода получил доступ для ист. иссл. во все церкви Петербурга, а также в крупнейшие архивы (Сената, Синода, Герольдии и т. д.). С 1866, оставаясь на службе в Публич. б-ке, служил одновременно чиновником Центр. статистич. к-та Мин-ва внутр. дел, с сер. 70-х гг. причислен к тому же мин-ву (1884 — тит. сов.).

Начиная с 1861 интенсивно занимался журналист. деятельностью: ред. (1862), сотрудник (1862—64) ж-ла «Иллюстрация», редактор илл. газ. «Воскресный досуг» (1865—70) и ж. «Фотографич. обозрение» (1865—69), активный сотрудник ж. «Всемир. труд» (1867), позднее — «Рос. библиографии» (1880), «Вестника изящных иск-в» (1883—90) и мн. др. Более тысячи статей П. опублик. в ж. «Всемир. илл.» (1869—1881) Г. Д. Гоппе (частично переизд. в сб. П. «Для немногих...», в. 1—3, СПб., 1871—75); в течение пяти лет (1873—78) являлся ред., единственным с-м и автором ежегодного «Всеобщего календаря» (СПб.) того же издателя, в к-ром помещал статистич. сведения, адресно-справочные данные и т. п. Печатался в газ. «Нива» и «Бирж. вед.» (ст. 1873—74 собраны в кн. «Листки на выдержку, из портфеля пишущего», СПб., 1875). В кон. 80-х гг. сотрудничал с ред. «Энци. словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Публикации в этих изд. (многочисл. статьи, реп., очерки, подборки док-тов, некрологи), а также выходившие отдельно ист. иссл. — результаты каждодневной кропотливой работы в Публич. б-ке и архивах.

Значит. число статей П. (более сотни) посвящено рус. художникам, архитекторам, скульпторам 18—19 вв. (рамки публ. из альманаха «Северянин» частично вошли в сб. *Tutti frutti*, Вып.р. художников. Заметки и смес. СПб., 1862). На основе мат-лов архива Академии художеств писал о И. К. Айвазовском, А. П. и К. П. Брюлловых, А. Г. Венецианове, Н. С. Пименове, Б. К. Растрелли, К. А. Тоне, П. А. Федотове, Флавицком и др.; акцентируя приверженность «исключительному изображению равной

обстановки», выступал с резкой критикой академич., оторванного от «старинного русского вкуса» искусства, чем вызывал упреки современников («Да могли ли мы быть тем, что мы есть, если бы не было предшественников», — возражал ему К. А. Ухтомский; см.: РА, 1907, № 4, с. 547). Итогом многолетних арх. разысканий П. явился «Сб. материалов для истории имп. С.-Петербургской Академии художеств за сто лет...» (ч. 1—3, СПб., 1864—66), не потерявший своего справочного значения до наст. времени.

Служба в статистич. к-те и деятельность в Комиссии для устройства празднования 200-летия со дня рождения Петра I (1871—72) стимулировали интерес П. к петровской эпохе: «юбилейный» обзорный очерк «Петр Великий, последний царь московский и первый император все-русский» (СПб., 1872; реп.: СПбВед, 1872, 19 июля), посвященный в осн. внешнему, действительности Петра и вызвавший насмешливый отклик Н. К. Михайловского («... Петр является у г. Петрова каким-то безалаберно странствующим фейерверкером и пиротехником» — ОЗ, 1872, № 7, с. 140), а также труды по истории живописи, градостроительства, флота, придворной жизни первой четверти 18 в. — «Петербургское житье-бытье в старину» (ВТ, 1867, № 7—9, 12), «Из истории нашего флота. Штурманское дело» (СПб., 1864), «Цесаревна Анна Петровна. 1708—1728» («Заря», 1870, № 11), «Русские живописцы-пенсионеры Петра Великого» («Вест. изящных иск-в», 1883, т. 1, в. 1—2). В 1885 опублик. работу «История С.-Петербурга... [за 1703—1782]» (СПб.), к-рая содержала огромный малоизвестный материал по истории застройки города, торгово-промышл. деятельности, быта. Иссл. П. по рус. генеалогии были обобщены в «История родов русского дворянства» (т. 1—2, СПб., 1885), где, проследив происхождение 339 семей рус. знати, прежде всего Рюриковичей, он обосновывал туземное происхождение ряда дворянских фамилий, родовые права Романовых на престол; рецензенты (А. П. Барсуков — «Зап. АН», т. 54, СПб., 1887; Кобелев Ф. Д., о разработке генеалогич. данных в смысле пособия для рус. археологии... СПб., 1887) отмечали компилятивный характер работы, нигилизм П. в отношении предшественников, отсутствие научно-справочного аппарата, упрекали автора в некритич. использовании источников. Склонность П. к разысканию и накоплению малозв. фактов реализовалась в работе по составлению в 1879—88 для Рус. историч. об-ва «Азбучного указателя имен русских деятелей...» к «Рус. биограф. словарю» под ред. А. А. Половцова («Сб. Рус. ист. об-ва», т. 60, 62, СПб., 1887—88); указатель содержал более 50 тыс. персоналий («Каков этот труд — редактор и издатель знает сам хоро-

шо» — Семеновский, с. 158, запис П.).

Тематич. разноплановость ист. публикаций П., их «перенасыщенность» фактич. данными сочеталась со слабым отбором значимого материала, противоречивостью (а также и полнотой отсуствием) концептуального его осмысления, что было вызвано особенностями П.-исследователя: являясь, по отзывам современников, «живым одичавшим аримом, подвизавшимся словарем», обладал «особенною памятью ... восприимчивостью», неисторичной фанатич. страстью к исследовательскому труду и изумительностью, он тем не менее был почти лишен способности «составлять ... данные, созидать из них стройное целое» (ВИ, 1891, № 1160, с. 267; Полевой, с. 435). В результате уникальность и ценность произв. казались свеселой зачатую скраивались непрофессиональным комментарием, неаргументированностью и идиотичностью выводов (ср. пожелание Ф. И. Бласса освободить составленный П. «Альбом русских народных сказок и былин» (СПб., 1875) от ком. и зап. составителя — «Учебно-воспитат. б-ка», 1875, т. 1, с. 307; др. отклики. 1875: БВед, 28 апр.: СПбВед, 3 мая).

В 70-е гг. П. обратился к жанру ист. беллетристики. Написанный в соавторстве с В. П. Ключниковым «роман Екатерининского времени» «Семья вольнодумцев» («Нива», 1872, № 1—19; отд. изд. — СПб., 1872) — ряд зарисовок из жизни купеч. старообрядч. семьи, отмеченных недостаточным знанием особенностей быта и вероучения раскольников, а также искусственностью и неразработанностью сюжетных линий (отрицат. отклик: [В. А. Павлович] — СПбВед, 1872, 2 июня, 1 сент.). В 1874 опублик. соств. версию неоконч. романа Н. В. Кукольника: «Иоанн III, собиратель Земли Русской. Ист. роман, начатый Н. В. Кукольниковом, а со 2-й гл. II-й части продолженный и оконченный Петровым» (СПб.). Трагич. судьбе дворянина, ставшего пешкой в полит. игре «партий» при дворах Петра I и Екатерины I, посвящены ром. «Балакирев» (ВИ, 1880, № 573—624; отд. изд. — СПб., 1881) и «Белые и черные» (журн. вариант под назв. «Козыри не в руке» — ВИ, 1883, № 729—79; отд. изд. — СПб., 1889), драматич. перипетиям жизни А. Я. Волкова (адьютанта сподвижника Петра I кн. А. Д. Меншикова) — ром. «Два узла одной веревки. (Характеристики времен Петра I)» (СПб., 1878). Мрачные эпизоды правительств. террора, произвола земской администрации в царствование Ивана Грозного рисует П. в пов. «Шарский суд» (СПб., 1877). В 80-е гг. работал над беллетриз. биографией Екатерины II (рукопись не была пропущена цензурой). В целом проза П., не отличавшаяся четкой или захватывающей фабулой, перегруженная бытовыми, этногр., ист. деталями, архаичная по стилю, не поднималась над уровнем массовой беллетристич. продукции эпохи и оставалась почти не замеченной критикой и читающей публикой.

Равнодушный к материальным благам, не признававший общепринятых норм поведения, П. жил на

грани нищеты и свиссал себе репутацию «литературного пролетария», «чудака», графомана и даже совр. «Диогена» (одновременно современники отмечали его честность и доброту, всегдашнюю готовность на услугу; см.: Поле в вой, с. 437). Участник мн. периодич. изд., почетный вольный общник Акад. художеств (с 1864), деятельный сотрудник науч. об-ва (Рус. историч., Рус. археол. гич. — с 1855, Петерб. об-ва архитекторов — с 1871, РГО, Об-ва поощрения художников), П. почти не имел друзей и, всеми забытый, умер в Мариинской больнице после скоротечной болезни. Оставшиеся по его смерти рукописи проданы частным лицам (в дальнейшем часть архива была передана В. В. Руммелью — РГАИ, ф. 1491, оп. 1, д. 27).

Др. произв.: «Памятник тысячелетью государства Российского в Новгороде» (СПб., 1862), «Карл Штейбен, биограф. очерк» (СПб., 1862), «Альбом 200-летнего юбилея Петра Великого. 1672—1872» (СПб., 1872; совм. с С. Н. Шубинским), «Русские бывшие деятели. Сб. портретов замечательных лиц прошлого времени, с краткими биограф. очерками» (т. 1—2, СПб., 1877—78); [перевод стих. И. В. Гёте «Магалава и баядера»] — в кн.: Нем. поэты в биограф. и образах (СПб., 1877).

Изд.: История розов рус. авиации. кн. 1—2, М., 1991 (репринт. воспроизведение изд. 1886); Белые и черные. — В кн.: Петров П. Н., Белые и черные. — Тминов Ю. М., Восковая персона. — Дружинин В. Н., Никитин Е. В., Величества, М., 1994 (ред. и комм. Ч. М. Задиковой, К. Н. Нешинской); Балакирев. — В кн.: Жаваков Л., Петр и София. — Мордовцев Д. Л., Державный плотник. — Петров П. Н., Балакирев, М., 1994 (ред. и комм. Л. К. Осиповой).

Лит.: Семеновский; Полевой П. Н., Восп. о П. — ИВ, 1891, № 5; Максимов А. П., Мат-лы к истории 25-летней деятельности С.-Петербурга. об-ва архитекторов, СПб., 1895, с. 3, 5—7, 130, 139, 161; Семидесятые г-зии нил. Человеческого Об-ва, СПб., 1898, с. 274; П. Н. Петров. Из восп. М. В. Шелухова. — ЖО, 1902, № 29, с. 35—38; Молева Н. М., Иван Никитин, М., 1972, с. 46, 65—68 и др. — Некролог, 1891; ВИ, № 1160, НВ, 30 марта; «Новости и бирж. газ.», 31 марта; «Ива», № 22 (П. В. Былов); ИВ, № 5; ЖО, № 15; Межов; РВС; Брокгауз; Языков; Пнекр; БСЭ; ИДРДВ; Сотрудник Рос. нел. б-ки. — Биограф. словарь, т. 1, СПб., 1995; Маслов (не учтен писем: «ров).

Архивы: РНБ, ф. 575 (описание фонда см.: Авторизированный указатель рукописных фондов ЛОБ, а. 3, л. 1983); ф. 120, оп. 1, № 1102 (письма А. Ф. Бычкову, 1866—89); ф. 874, оп. 1, № 2, ф. 9 (письма С. Н. Шубинскому, 1875—1877); ф. 708, № 1300—01 (мат-лы к словарю художников); ИРЛИ, ф. 45, оп. 3, № 608 (письмо Ал-хру Н. Веселовскому, 1888); ф. 273, оп. 1, № 465 (письма П. В. Бабурову, 1880—87); ф. 548, № 201 (письмо В. Р. Зотову, 1872); № 12, 942 (письма Я. П. Полонскому, 1887); № 16, 681 (письмо А. Н. Майкова к П., 1866); ИРЛИ, ф. 311 (письма А. Н. Майкова к П., 1866); ф. 783 (письма И. Н. Крамского к П., 1877); РГАИ, ф. 814, оп. 1, д. 147 (биограф. сведения); ф. 1290, оп. 3, л. 223 (о службе П.); ф. 777, оп. 2, л. 105 (письм. сведения о х-стве «Иллюстрация» и «Фотограф. обозрение», газ. «Воскресный дозуг»); оп. 3, 1884 г., л. 91 (о ром. «Белые и черные») (справа М. Л. Селесниной); ГАРФ, 1463, оп. 2, л. 1316 (черновики статей).

А. Н. Шагалов.

ПЕТРОВ-ВОДКИН Кузьма (Косма, Козьма) Сергеевич (24.10.(5.11). 1878, г. Хвалынский Саратов. губ. — 15.2.1939, Ленинград, похоронен на Литератор. мостках Волкова драб.), художник, теоретик иск-ва, драматург, прозаик. Отец — сапожник, мать — прислуга. После окончания гор. уч-ща в Хвалынске в 1893 — рабочий в судоремонт. мастерских. В 1893—95 занимался в классах живописи и рисования худ. Ф. Е. Бурува в Самаре, в 1895—97 — в Центр. уч-ще технич. рисования А. Л. Штиглица в Петербурге. Закончил Моск. уч-ще живописи, ваяния и зодчества (1897—1905; педагоги Н. А. Касаткин, В. А. Серов). С детства имел пристрастие «к упражнениям

К. С. Петров-Водкин. Автопортрет. 1901.

рифмю, а немного позже и к прозаическим выдумкам» («Хлыновск...», 1982, с. 178; см.: «Юношеский альбом П.-В.» (1892—94) — ГРМ, ф. 105, № 23, и «Тетрадь моих первых попыток в поэзии и прозе» — рукопись в РГАЛИ; здесь же его «Дневник» за 1893—96, «Зап. книжки» за 1894—1906, «Автобиография», 1928). В 1895 в Самаре принес поэму, написанную под влиянием толстовского учения, М. Горькому, к-рый, по свидетельству П.-В., в ст. «Самарский соловей» в «Самар. газ.» (не обнаружена) дал отповедь автору, подостыжавшему на него «отрезвляюще» («Письма. Статьи...», с. 328). С 1897 писал прозу.

Первое выявленное опубли. произв. П.-В. — мелодраматич. рассказ из мешанской жизни «Золотой день» (ж. «Театральная Россия, Театральная газета», 1905, № 2/3; подписан Кузьма Бронин). Рассказ понравился П. П. Гайдебурову, к-рый предложил П.-В. «написать пьесу для организуемого им ... театра» (см.: «Хлыновск...», с. 450). В марте 1906 пьеса П.-В. «Жертвенные (Художники)» (рукопись в РГАЛИ) «из быта живо-

писцев», утверждающая, по словам автора, «искусство во что бы то ни стало» («Хлыновск...», с. 437), в постановке Передвижного драм. т-ра шла в Петербурге, а затем в др. городах России.

По отзыву режиссера, «реалистически построенная, она озадачивала зрителей своеобразным языком и иск-выми др. особенностями формы» (Гайддебуров в П. П., Лит. наследие. Восп. Статк. Режиссер, экспликация. Выступления, М., 1977, с. 178). Критики увидели в П.-В. одного из представителей молодой прозы, настойчиво ищущего новых форм, отмечали «много головно-го и парного... Несмотря на все недостатки ... чувствуется сырой талант ... еще не встан, но интересный мысл» (Л. Васильевский — «Речь», 1906, 28 марта), «страстное искание и жалку разрешения мучительных вопросов, нарисованных в рус. душе и в рус. мысли», «алфоез индивидуализма»; «Молодой автор не выдерживает тона, расплывается в плачь, награждает эффекты (третий акт), но при всем этом в самолюбии, хотя и очень не уравновешенном, зарожается смелость отказываться» (Тий, 1906, № 14; подпись N); «тапталпный писатель, переборщивший в «жакдепстве»» («Слов», 1906, 28 марта); «внутренняя сущность [героя] приносится в жертву филос. идее» (Вель — СПбВест, 1906, 30 марта).

С 1906 П.-В. — чл. Союза драм. и муз. писателей. Дважды отменялась постановка пьесы «Звенящий остров» (рукопись — РГАЛИ, ф. 2010, оп. 1, № 118) — драм. поэмы-«сказки» (с посвящением Е. Можаровой, невесте автора, рано умершей), принятой в 1906 в Передвижном т-ре и в 1908 на франц. яз. в Париж. т-ре (реж. Люнье По); не была она поставлена и после того, как в 1918 в переработанном виде П.-В. снова предлагал ее Гайдебурову и Н. Ф. Скарской (об этом см.: «Зап. Передвижного Общедоступного т-ра», 1918, в. 11, с. 19).

Др. пьесы: «В саду ночью» — стихотв. лирич. сказка о вештах; «Узкобокие (Один из детей художника Зайбца, впрочем мать отгоражившей от прочих)» — о современности; «В маленьком городке» — действие происходит в «халерный 1892 г.» в одном из волжских городков; «Бална Васильева» — на биол. сюжет; «Ветер, хороня сумасшедших» и «Сказка жизни (на Земле)» — из времен средневековья; «Легенда пустыни. Три утра», «Айша и Хаман» — действие разворачивается на африкан. фоне; также «Звери», «Космич. дилем», «Сны жемчужины»; «Письма из Порт-Круа, или Когда лодка отчаливает» (рукопись — РГАЛИ). Опы написаны в 1901—09, это фантазии в символистском духе, отразившие мистич. и пессимистич. настроения П.-В., его эстетич. увлечения (в т. ч. творчеством М. Метерлинка и Л. Н. Андерса). О пьесе «Сны жемчужины», в х-рой «... распрямленная в мире дешонна умирает... Герои-мужчины, художник и доктор, влюбленные не умерают ... токуают над ее гробом ... В четвертом акте сам Конст. Сергеевич должен был изобрести балоронную смерть художника ... гибнет, зрительский трупный ядом, и доктор...», П.-В. впоследствии пишет: «Это ... истерическая мимика в дальнейшим галпимья...», «Слыло мне не оттого, что я ее написал, а что я ее вралчл для омыжонения Станиславскому» («Хлыновск...», с. 449, 448). Сохранились также рукописи повестей «Василий Сононов», «Повесть о художнике Бронине», рассказов «Девушка в яростной кофточке», «В вагоне», «В большом доме», «Четыре ночи», восп. (1899—1906) и др. (РГАЛИ).

П.-В. много путешествовал: в 1901 — в Германию, в окт. 1905 — в Итанию (через Турцию, Грецию). В мае 1906 — нояб. 1908 жил в Париже. В Итанию познакомился с Ф. Т. Маринетти, в Париже — с Метерлинком и Н. С. Гумилевым. В нояб.

1906 вступил в брак с Маргаритой Иванович (в 1910 они обвенчались; см. ее восп.: Петрова-Водкина М., *Мои grand maî gusse...* — «Волга», 1971, № 9). С апр. по июнь 1907 путешествовал по Сев. Африке (Алжир, Тунис), летом — на Пиринеях. В нояб. 1908 возвратился в Россию, в Петербург. Его картины выставляются в Париже и Петербурге. В нояб. 1909 в ред. ж. «Аполлон» состоялась первая персональная выставка П.-В. в России.

В 1910 П.-В. опублик. ст. «По поводу письма проф. Репина» («Речь», 5 марта) — ответ на публикацию И. Е. Репина «Критикам иск-ва. Письмо в редакцию» (БВед, веч. в., 1910, 2 марта), назвавшего картины П.-В. «возмутительным безобразием... неуча», а его самого «рабьей душой», следующим за «пахальными недоучками Гогеном и Матиссом». В защиту П.-В.-художника выступили А. Н. Бенуа («Речь», 1910, 5 марта) и Л. С. Бакст (БВед, веч. в., 1910, 6 марта), а итоги полемики, сделавшей его имя популярным, подвели в «Аполлоне» (1910, № 6) С. К. Маковский и А. А. Ростиславов.

В 1910 П.-В. напечатал путевой очерк «Поездка в Африку» («На рассвете. Худ. сб.», кн. 1, Каз.), отличающийся сложностью стиля, стремлением запечатлеть экзотику африканских реалий, в к-ром проявлялась заостренная наблюдательность художника. В 1910—17 преподавал в частной худож. школе Е. Н. Званцевой. С 1910 — чл. худож. объединения «Мир иск-ва». В кон. 1915 П.-В. издал книгу для детей — «Аойя. Приключения Андрюши и Катя в воздухе, под землей и на земле» (СПб.; на т. л. — 1914) о полете на воздушном шаре с описанием увиденных с высоты суши, гор и океана. Она широко анонсировалась в периодике (детских ж-лаз; РМ, 1916, № 1, с. 21, и др.). Книга заинтересовала и публику и критику, «читается... не без интереса, написана литературно», «илл. автора... — это рисунки большого художника, смелые, сильные, выразительные» (З. Павлова-Сильванская — «Что и как читать детям», 1916, № 4, с. 123—25). В ней П.-В. попытался реализовать одновременно в худож. прозе и иллюстрациях свои идеи о сферич. перспективе и т. п., «пропустив» их через детское, непосредственное восприятие. Осн. принципы своего творч. метода художник развивал в ряде научно-теоретич. статей «Письма об иск-ве. Письмо первое» («Заветы», 1914, № 5); «На рубеже иск-ва» («Дело народа», 1917, 20, 28 мая, 4 июня), «О науке видеть» (там же, 1917, 28 июня), опублик. при содействии Иванова-Разумника в изданиях, выходивших под его редакцией. Будучи

близким к «скифской» группе Иванова-Разумника, П.-В. оформил оба выпуска альб. «Скифы» (СПб., 1917—18). Начиная с 1910-х гг. он тесно связан с лит.-худож. средой Петербурга и Москвы: знаком с А. А. Блоком, А. Белым, В. Я. Брюсовым, дружески общается с Андреевым, Е. И. Замятиным, С. Д. Мстиславским, М. М. Пришвиным, Ф. Сологубом, В. Я. Шишковым, А. Н. Толстым.

С дек. 1916 по июнь 1917 — ратник л.-гв. Измайлов. полка в Петрограде. В 1918—32 — проф. АХ. Здесь 10 янв. 1918 прочитал доклад «Наука видеть» (полностью в ред. 1920 — «Сов. искусствознание», в. 27) о разработанной им особой системе восприятия природы — своеобразном способе изменения пространства при передаче его на плоскости и использовании весьма оригинальной цветовой гаммы (теории сферич. перспективы, хроматич. трехцветия): «Движение не предмета в картине, а движение художника... Ощущение движения земли. Форма, цвет, свечения суть планетарные ощущения предметного мира» («Творчество», 1978, № 11, с. 5; публ. Л. Зингера). К пространств. теориям П.-В. проявляли интерес и писатели (см.: Блок. Зап. кн., с. 447—510), его термин «наука видеть» часто использовал в своих произв. А. Белый (см.: Восп. об А. Белом, М., 1995, с. 459, 561). В 1919 П.-В. — один из 12 членов учредителей Вольфиль (през. совета был Белый, а тов. пред. — Иванов-Разумник), читал там «Науку видеть», в 1919—21 выступал также в Доме иск-в с докладами и в прениях. В февр. 1919 П.-В. подвергался кратковременному аресту вместе с Блоком, Замятиным, Ивановым-Разумником, Ремизовым и др. по фальсифицированному делу о заговоре левых эсеров.

В 1923 П.-В. опублик. в частном изд-ве «Аквилон» кн. «Самаркандия. Из путевых набросков 1921 г.» (П.), в к-рой текст и иллюстрации автора, органично дополняя друг друга, воссоздают яркий колорит Ср. Азии, необычность природных красок в соединении со своеобразием вост. архитектуры и этнографии. С авг. 1924 по июль 1925 жил в Париже, в кругу его общения кроме рус. и франц. художников И. Г. Эренбург. Избран членом Франц. астрономич. общества.

В кон. 1920-х гг. заболел туберкулезом и не мог больше заниматься живописью. С 1927 жил в Детском Селе (в здании Лицея). По соседству жили Шишков, Толстой, Иванов-Разумник, комп. Ю. А. Шапорин, на лит. «пятницах» у Шишкова П.-В. общался также с О. Д. Форш (о влиянии пространств. метода П.-В. на ее творчество см. в кн.: Тамарчен-

ко А., О. Форш. Жизнь, личность, творчество, 2-е изд., Л., 1974, с. 271—91), К. А. Федлиным, И. С. Соколовым-Микитовым, Пришвиным. Советы писателей (особенно Толстого и Шишкова) способствовали его решению обратиться к автобиограф. прозе. В 1930 вышла 1-я ч. автобиограф. трил. «Хлыновск. Моя повесть. Рис. автора» (Л.; [4-е изд.] — М., 1991), рассказывающая о детстве (одобрит. рец. — М. Виттесон — «Стройка», 1931, № 8/9), в 1932 — 2-я ч. «Пространство Эвклида. Моя повесть. Кн. 2-я. Рис. автора» (Л., 1932) о юности и молодости (со времени окончания учебы в Хлыновске и кончая пребыванием его в Италии), об обстоятельствах, сформировавших П.-В. как художника. В книге показаны жизнь и худож. атмосфера в России на рубеже 19—20 вв., созданы запоминающиеся лит. портреты мн. деятелей рус. иск-ва, прежде всего художников.

В критике отмечалось, что П.-В. «нашел себя как писатель в своих мемуарах», что это «очень свежая и живая книга, в к-рой все своеобразно и оригинально, начиная от материала и выходя до лит. оформления» (И. Оксенов — «Лит. совр.», 1933, № 1, с. 167; его же положит. рец. — «Веч. Москва», 1933, 11 янв.), своеобразный «философский» роман — «роман превращения» и личного совершенствования... «богатырши» заиспытаны об иск-ве, высказанных П.-В.» (Бассесекс А. Книга о фаустовской культуре. — «Худож. лит.-ра», 1933, № 8, с. 17, 19). Отрицат. отношение высказал М. Горький, обвинив автора не только в стилистич. погрешностях, но и в малограматности, хвастовстве, небездальней выдумке («О прозе» — «Лит. учебн», 1933, № 1, с. 81).

Сохранились небольшие фрагменты 3-й книги автобиограф. трилогии и один из них — очерк «О „Мире искусства“» (Отрывки из воспоминаний) (впервые опублик. в его кн.: «Хлыновск...», 1982) о худож. жизни Москвы и Петербурга в 1908—10. В 20—30-е гг. П.-В. выступал с теоретич. статьями, докладами, лекциями о совр. иск-ве и лит.-ре. С ноября 1930 — заслуж. деятель иск-в РСФСР, был первым пред. ЛОССХд. Ему принадлежат живопис. портреты А. А. Ахматовой, Белого, Толстого и др. деятелей лит.-ры нач. 20 в.

Др. произв.: Лит.-теоретич. статьи: «Культурный вклад» («Сов. иск-во», 1933, 20 мая), «О Пушкине (анкета)» («Лит. совр.», 1935, № 9), «Смотреть своими глазами» («Лит. Ленинград», 1936, 29 окт.), «Пушкин и мы» («Лит. совр.», 1937, № 1), «Конец уютам» («Панорама иск-ва», в. 1, М., 1978; публ. В. Ракитина), «Жадность к жизни будоражит меня» («Сов. Россия», 1989, 20 янв.; публ. Е. Селизаровой).

Изд.: Хлыновск. Пространство Эвклида. Самаркандия, Л., 1970; 2-е доп. изд., Л., 1982 (вступ. ст., полаг. текста и прим. Ю. А. Русаковой). Письма. Статьи. Выступления. Документы. М., 1991 (вступ. ст., сост. и комм. Е. Н. Селизаровой); Наука видеть. — «Сов. искусствознание», в. 27, М., 1991 (публ., предисл. и комм. Р. М. Гупиной).

Лит.: Маковский С. Выставка П.-В. в рез. «Аполлона». — «Аполлон», 1909, № 3; его же Сидурты рус. художники. Прага, 1922; Бениуа А. Н., Худож. письма. Выставка П.-В. — «Речь», 1909, 19 нояб.; К. С. Петров-Водкин. Альбом. П., 1916 (изд. «Аполлона»); Андриев Л., Картина П.-В. («Мир иск-ва»). — «Рус. воля», 1917, 23 февр.; Шагинян М., К. С. Петров-Водкин. — «Рус. иск-во», 1923, № 1; Галущкина А. С., К. С. Петров-Водкин. М., 1936; Блок. Зап. кн. (ук.); Костин В. И., К. С. Петров-Водкин, М., 1966; Мочалов Л., Неповторимость таланта. Л.—М., 1966; Аласкина Н., Петров-Водкин, М., 1970; Русаков Ю. А., Петров-Водкин, Л., 1975; его же, Вступ. ст. — В альбоме: К. Петров-Водкин. Живопись. Графика. Театр-декорационное иск-во. Л., 1986; Фортс О., О себе, П.-В. и Читателе. — ВЛ, 1978, № 6; Ливатов В., Заесь был человек. — «Культура и жизнь», 1978, № 11; Пистунюва А., Планета П.-В. — «Москва», 1978, № 11; Шилов К., Сост. неутраченного. — «Волга», 1983, № 3; Парнис А. Е., Тименчик Р. Д., Программы «Бродячей собаки». — В кн.: Памятник культуры. 1983, Л., 1985, с. 174, 220; Петрова-Водкина Е., Прикосновение к душе. — «Волга», 1987, № 10—12; Белый (1); Пришвин М., Дневники. 1914—1919]. [кн. 1]—2, М., 1991—94 (ук.); Селизарова Е. Н., П.-В. в Петербурге—Петрограде—Ленинграде. СПб., 1993; Русакова А. А., К. С. Петров-Водкин. — В 8 кн.: Символизм в рус. живописи, М., 1995; ЛН, т. 92, кн. 2—5 (ук.); т. 98, кн. 2, с. 477; + ИРДВ; ИРДТ; ТЭ; КЛЭ; БСЭ; Казак.

Архивы: РГАЛИ, ф. 2010, ГРМ, ф. 105, № 1—5 (письма к матери, А. П. Петровой-Водкиной), № 6—10 (письма к жене, М. Ф. Петровой-Водкиной); ИРЛИ, ф. 603, в. 1 (письма Л. А. Радищеву); ИБ Архива АХ СССР, ф. 7, оп. 3, в. 298 (биограф. мат-лы П.-В.); Музей Моск. Худож. т-ра им. А. П. Чехова (письма к К. С. Станиславскому). О. А. Сайкин.

ПЕТРОВСКАЯ Нина Ивановна (в замужестве Соколова; март 1879* — 23.2.1928, Париж), прозаик, критик, переводчица. Первая жена С. Кречетова. В 1903—04 помогала ему в организации символист. изд-ва «Гриф». Их брак был официально расторгнут в авг. 1907. О своей долитературной жизни П. не любила вспоминать. В. Ф. Ходасевич указывал на ее происхождение из чиновничьей семьи. Много позднее П. признавалась Ю. И. Айхенвальду: «я по профессии еще зубной врач. Из ложного стыда потом это тщательно таила от всех... даже самой это хотелось забыть» (письмо от 29 июня 1927 — «Мишурное», в. 8, М., 1992, с. 133—34). С 1903 П. входит в круг моск. символистов, выступает с рассказами, статьями, рецензиями в ж. «Перевал», «Весь» (псевд. Н. Останин), «Золотое руно», газ. «Столичное утро», общается с К. Д. Бальмонтом, В. В. Гофманом, дружит с начинающими авторами из «Грифа» (А. А. Коирайским, Ходасевичем, Е. Л. Яитарским; в первых альманахах «Грифа» ряд произв. посвящен П.).

Лит. дебют П. — рассказы «Осень» и «Она» в «Альм. „Гриф“» (М., 1903), лирико-психол. этюды, написанные в форме мужского монолога (как и большинство рассказов П.). Эти и последующие прозаич. эпюды П. «За гранью», «Последняя ночь», «Цветок Ивановой ночи» («Альм. „Гриф“», М., 1904), «Сны октябрьских ночей» («Альм. „Гриф“», М., 1905) — характерные

образчики «декадентской» прозаич. миниатюры, с детальной разработкой образно-метафорич. ряда и ослабленным сюжетом; в них варьируются темы любви и смерти, религиозно-экстатич. и демонич. мотивы, часто окрашенные в тона специфически модернист. урбанизма. Символистским эстетич. критериям П. верна и в своих критич. опытах, в рецензиях на книги писателей «бытовиков», эксплуатирующих «поношенные беллетристич. шаблоны» («Весь», 1907, № 11, с. 59).

Осенью 1903 сблизилась с кружком «аргонавтов» и его лидером А. Белым, к-рый в восп. писал о П.: «Раздвоенная во всем, больная, истерзанная несчастною жизнью, с отчетливым психопатизмом, она была — грустная, нежная, добрая, спо-

собная отдаваться словам... почти до безумия... жила исключительно словами друзей» (Белый, II, 305). Он надеялся, что их отношения с П. перерастут в мистич. союз, в «мистериальную» любовь, однако они оборачиваются в 1904 «романической» связью, а затем — по инициативе Белого, стремившегося вырваться из окружающей П. «атмосферы — опасности, пибели, рока» (там же, с. 307), — разрывом. В конце 1904 завязываются и отношения П. с В. Я. Брюсовым, к-рые переросли в многолетний любовный союз, полностью поглотивший ее внутр. мир (фрагменты из писем Брюсова к П. — ЛН, т. 85).

Образ П. — натуры страстной, митусойся, внутренне противоречивой, но безраздельно верной своему чувству, — отразился в любовных стих. книги Брюсова «Зеркало» (1905) и являясь прототипом Ренаты, героини его ром. «Оттенки Антея» (1907—08); за сюжетными линиями этого романа скрыты истинные взаимоотношения П., Брюсова и Белого, сама П. позднее идентифицировала себя с Ренатой и в своей жизни стремилась к слиянию с брюсовской героиней: «... во мне он нашел много из того, что требовалось для романтик. облика Ренаты: отчаяние, мертвую тоску по фантастически прекрасному прошлому, готовность швырнуть свое обесцененное существование в какой угодно котел, вывернутое наизнанку, отравленное змеиной, соблазнами религ. идеи и чашая (аллегорические мистерии), оторванность от быта и людей, почти что изгнание к предметному миру, органич. ду-

шкную бездомность, жажду пибели и смерти...» («Мишурное», в. 8, с. 56).

Единств. книга П. — «Sanctus amor. Рассказы» (М., 1908) — составлена из произв. на тему любви; отдельные психол. коллизии рассказов П. имеют автобиограф. подтекст (аллюзии отношен. с Брюсовым наиб. явственны в рассказе «Раб»). Любовь в трактовке П. — высшее, самое сильное и самое трагическое из человеческих переживаний, пребывающее в непримиримом конфликте с житейской повседневностью, это — «бездонная радость и вечное страдание», «огненный меч, взнесенный над нашей жизнью» (с. 62, 70). Рассказы написаны в единой стилиевой тональности: выполненные в сдержанной манере, с минимумом изобразит. средств, лирико-импрессионистич. и психол. зарисовки, ориентированные на повествовательную традицию К. Гамсуна, к-рого П. считала «единственным учителем в области худож. прозы» («О творчестве Осипа Дьмова» — «Перевал», 1907, № 4, с. 45), и С. Пшибышевского, сб-к посвящая С. А. Ауслендеру, с к-рым П. сблизилась в 1907—08 (в его ром. «Последний спутник», 1913, П. послужила прототипом Юлии Михайловны Агатовой) и совершила весной 1908 совместное путешествие в Италию [с посещением М. Горького, описанным в очерке П. «Максим Горький на Капри. (Лит. слухот.)» — «Тифлис. листок», 1908, 15 мая].

Сб. «Sanctus amor» вызвал иронич. отклик Белого, к-рый увидел в персонажах П. «максимов, опьяненных любовью» («Весь», 1908, № 3; Белый А., Арбески. Кн. статей. М., 1911, с. 347). Отрицательно отозвался о книге П. М. Пильский, указавший на зависимость рассказов П. от «лит. моделей» — Гамсуна и прозаиков-импрессионистов П. Альтенберга и О. Дьмова («Буларная литература. I. Мимоча в лит-ре» — «Свободные мысли», 1907, № 34). Др. критик, также признавая неоригинальность стиля, тем не менее отметил «одни обиль колорит» рассказов и искренность автора, к-рый «умест запечатлеть в себе тогчайшие оттенки жизни, беспощадно многообразной, умеет отдавать душу переживанию, чтобы рассказать потом людям ее тихую боль» (Костанян П., Н. Петровская и П. Пильский. — «Русь», 1908, 27 февр.). А. А. Тимофеев, напротив, указывал на «строгий, молчаливый, зный стиль» и «красоту, истинную художественность» рассказов П. и даже считал возможным провести параллель с А. П. Чеховым: подобно ему, П. показывает боль и смертность жизни, обретающей свой смысл только через любовь — «плазующую стихию, которая, раз овладев человеком... перерождает, пересоздает его» («Русь», 1908, 9 июня).

В последующие годы П. печаталась в ж. «Рус. мысль», «Нов. жизнь», газ. «Утро России», «Моск. газ.», «Русь». В рассказах П. по-прежнему развиваются мотивы призрачности бытия («Предупреждение теня» — РМ, 1911, № 9), непримиримости жизни и любви («На океане» — «Нов. жизнь», 1911, № 9, авг.; «Смерть Артура Линдау» — «Альм. „Гриф“», 1903—1913, М., 1914), загадочности и тьмоты человеческой души («На озере» — РМ,

1911, № 2; «Забвенные» — УР, 1913, 25 дек.). Издание второй книги рассказов П. — «Разбитое зеркало», анонсированное «Грифом» (1914), не состоялось. Драм. тональность, присущая рассказам П., отражала внутр. состояние автора. Угасание отношений с Брюсовым П. переживала трагически; ее жизнь постепенно превращалась в череду душевных срывов, скрашивавшихся алкоголем и наркотиками. В надежде на преодоление болезненного внутр. состояния П. с 1908 подолгу жила во Франции. В янв. 1911 выступала в Лит.-худож. кружке (одновременно с М. А. Волошиным), в начале ноября окончательно уехала из Москвы за границу в тяжелом нервном состоянии, после чего в Россию не возвращалась. После продолжит. лечения от алкоголизма и наркомании в Нерви долгое время жила в Риме, доходя «до очень глубоких степеней падения» (Ходасевич В., Коллеблемый треножник, с. 276), бывала также в Мюнхене, Варшаве, Париже; в 1912 пережила мучительную болезнь (туберкулез колена; ее отражение — в сюжете рассказа «Маленькая странница из жизни большого города» — УР, 1913, 19 дек.); постоянно испытывала материальную нужду. О своем пребывании за границей П. писала Горькому: «За 9 лет жизни без гроша в кармане я узнала там быт и людей и такие положения, которые никому и не снились в золотые дни символизма» («Минувшее», в. 8, с. 9). Заграничные впечатления и переживания П. отразились в ее рассказах, опубли. в «Утре России»: «Mademoiselle „без четверти десять“» (1913, 14 апр.), «В стране любви и смерти» (1914, 24 янв.), «Восемь человек» (1914, 6 апр.), «Шут» (1914, 8 июня), в к-рых сказывается стремление к более широкому и объективному отражению действительности, чем в прежних опытах. Лит. заработок П. складывался также из рецензий на новые книги, печатавшихся в «Утре России» (1911), и из переводов зап.-европ. авторов, к-рые Брюсов поощал в «Рус. мысли», однако с началом мировой войны связи П. с Россией оказались прерванными.

Осенью 1922 П. переехала в Берлин, где вновь вошла в круг рус. литераторов, стала пост. сотрудницей «сменовеховской» газ. «Накануне» и лит. прил. к ней, выходявших под ред. А. Н. Толстого (о пребывании П. в Берлине см. ее письма к О. И. Ресневич-Синьорелли — «Минувшее», в. 8). С нояб. 1922 до июня 1924, когда газета закрылась, там регулярно печатались произв. П. — фелетоны, очерки, рассказы, рецензии, обзоры итал. лит-ры, переводы итал. новелл. Наряду с очерками и рассказами из итал. жизни («В чистильнице» — 1922, 27 окт.; «Ноч-

ка» — 1923, 2 дек.; «Рим» — лит. прил., 1922, 15, 22 окт.; «Италия» — лит. прил., 1922, 5 нояб., и др.) П. поместила в «Накануне» ряд разоблачительных памфлетов о приходе к власти итал. фашистов («Муссолини-диктатор» — 1922, 22 нояб.; «Муссолини и terra incognita» — 1922, 10 дек.; «Шмениины» — 1923, 18 мая; «Что думает старуха, когда ей не спится» — 1923, 5 сент.; «С помощью Муссолини» — 1923, 25 февр.).

Пост. внимание П. уделяла новинкам рус. лит-ры, ей принадлежат отклики на «Адапта» А. Н. Толстого, «Шептание ветра» Вс. В. Иванова («одного из крупнейших ... писателей, порожденных рус. революцией» — лит. прил., 1923, 7 янв.), «Падение Данды» А. Г. Мадзинки («новый прекрасный романтизм непотворимых лет» — лит. прил., 1923, 11 марта), «Брагу» Н. С. Тихонова, «Сентиментальное путешествие» В. Б. Шкловского, собр. стихотворений С. А. Есенина и ин. др., а также статьи «Об Алексее Толстом. По поводу 15-летия лит. деятельности» (1922, 16 нояб.) и «Валерий Брюсов, приуроченная к 50-летию поэта («Накануне. Лит. неасы»). 1923, 16 дек.). Выполненные тогда же переводы П. о итал. составили сб.: Пирранделло Л., Папини Дж., Бонтиселли М., Новеллы (М., 1926; с предисл. В. Лизина); в переводе П., обработанном А. Н. Толстым, были изданы «Приключения Пинокио» К. Коллоди (Б., 1924) — первоисточник «Золотого ключика».

В 1925 П. написала «Воспоминания» (опубл. в извлечениях Ю. А. Красовским: ЛН, т. 85; полностью — Э. Гарто: «Минувшее», в. 8) — свое последнее крупное произв., выразительно воссоздающее эпизоды из жизни моск. символистов и дающее новый, трезво-аналитич. взгляд на «декадентские» настроения и соблазны; в центре «Воспоминаний» — «настоящий» Брюсов, к-рому П. противопоставляет расхожим мнениям и кривотолкам о нем. Горький рекомендовал напечатать «Воспоминания» П. в ж. «Рус. современник» (в письме к А. Н. Тихонову от 9 авг. 1925 — в кн.: Горьков. чтения, 1953—1957, М., 1959, с. 51), но издание ж-ла было прекращено. Замыслы повести П. «Разбитое зеркало» (см. письмо П. к А. С. Яшенко от 12 июля 1921 — в кн.: Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская Хьюз О., Рус. Берлин 1921—1923, Париж, 1983, с. 230) и книги об Италии, «бытовой, очень парадоксальной» (см. письмо П. к Ресневич-Синьорелли 1923 — «Минувшее», в. 8, с. 108), остались, по-видимому, неосуществленными.

После закрытия «Накануне» П. осталась без средств к существованию. Весной 1927 она вместе с младшей сестрой Надеждой, умственно неполноценной, переехала в Париж (см. ее письма к Ю. И. Айхенвальду 1927—1928 — «Минувшее», в. 8), где жила случайными заработками, «дошла до последнего опускания и до последнего ужаса» (письмо Ходасевича к Айхенвальду от 22 марта 1928 — РГАЛИ, ф. 1175, оп. 2, № 165). После смерти сестры (янв. 1928), месяц

спустя, П. покончила с собой, отравившись газом. В некрологе П. (написанном, видимо, Ходасевичем) говорилось: «... эта жизнь — одна из самых тыжелых драм в нашей эмиграции ... Выжужденная жить буквальною подаяннем, помощью отдельных писателей ... одинокая и забытая, — она не выдержала этой жизни, сложившейся для нее особо несчасно» («Дни», Париж, 1928, 25 февр.).

Др. произв.: «Из цикла „Песни любви“» (альб. «Кристалл», Х., 1908), «Жених» (УР, 1910, 1 июля), «Последняя ночь карнавала» (УР, 1911, 20 февр.).

Изд.: За гранью. — Последняя ночь. — Некролог Неапольской ночи. — В кн.: Юлия, или Встречи под Новоземлемым. Моск. романтизм. повесть кон. XIX — нач. XX в. М., 1990 (степ. ст. текст и прим. В. Б. Муравьева); Брагуа. — В кн.: Рус. новелла нач. XX в., М., 1990 (с. 375 — прим. Е. Е. Дмитриевой и С. В. Саложкова).

Лит.: Погорелова (Рунт) Б. М., В. Брюсов и его окружение. — «Нов. журнал», Н.-Я., 1953, № 33; то же. — В кн.: Вост. о серебряном веке. М., 1993 (ук.); Ходасевич В. Ф., Кошечка Репали. — В его кн.: Некролог. Вост.-Брос.-ст. (1939); М., 1991; то же. — В его кн.: Собр. соч. в 4 т., т. 4, М., 1997; Офроскимов Ю., Диктатура. — «Новое рус. слово», Н.-Я., 1954, 17 янв.; Рынгина Л., Упадение. — «Мосты», 1961, № 7; то же. — В кн.: Вост. о серебряном веке. М., 1993; Берберова Н., Курсы мой. Автобиография. Мюнхен, 1972; М., 1996 (ук.); Гуль Р., «Я умсе Россию», т. 1 — «Россия в Германии», Н.-Я., 1984, с. 206—12 (и ук.); Бельгий (ук.); Мирза-Авакян М. Л., Образ П. в творч. судьбе В. Я. Брюсова. — В кн.: Брюсовские чтения, 1983 г., Ер., 1983; Петровский М., Книги вышнего искусства. М., 1986, с. 152—59; Волошин М., Лики творчества. Л., 1988, с. 624 (и ук.); Гречинский С. С., Лавров А. В., Внорг. источники романа Брюсова «Отвечный Ангел». — В кн.: Ново-Бахманова. 19. М., 1990; Жизнь и смерть П. — «Минувшее», в. 8, М., 1992 (публ. Э. Гарто); Письма Андрея Белого к П. — Там же, в. 13, М.—СПб., 1993 (публ. А. В. Лаврова); Из переписки П. — Там же, в. 14, М.—СПб., 1993 (письма П. к В. Ф. Ходасевичу и Е. В. Галлоп) (публ. Л. Г. Шербакова и Е. А. Муравьевой); Локс К. Г., Повесть об ошном десятилетии. (1907—1917). — Там же, в. 15, М.—СПб., 1994 (публ. Е. В. Пастернак и К. М. Поливанова), с. 40—41 (и ук.); Grossman Joan Delancy, Valery Brusov and Nina Petrovskaja: clashing models of life in art. — In: «Creating life. The aesthetic utopia of Russian Modernism», Stanford, 1994, p. 122—50; Garetto Elda, Innessi Beelinosi: dalla corrispondenza di Nina Petrovskaja con V. F. Chodasевич e M. Gork'ij. — «Europa orientalis», 1995, v. 14, № 2; ЛН, т. 85; т. 92, кн. 1—5; т. 95; т. 98, кн. 1—2 (вс — ук.); Некролог, 1928; «Серебрян», Рига, № 57 (П. М. Пильский); там же, № 61 (Ю. И. Айхенвальд), Dictionary of Russian women writers.

Архивы: РГАЛИ, ф. 376; письма П.: А. Белому (РГБ, ф. 25, к. 21, № 17; к. 35, № 37), В. Я. Брюсову (РГАЛИ, ф. 56, оп. 1, № 95, л. 290 об.) — письмо нач. 1911; РГБ, ф. 386, карт. 98, № 19—22; ИМЛИ, ф. 13, оп. 3, № 105), Е. Л. Янгарту (РГАЛИ, ф. 1714, оп. 3, № 3).

А. В. Лавров

ПЕТРОВСКИЙ Алексей Сергеевич [15(27).12.1881, Москва — 14.9.1958, там же], переводчик. Сын С. А. Петровского. С детства был знаком с изв. литераторами, сотрудниками «Моск. вед.» (помешавшихся в том же здании, что и квартира его отца). В 1899 окончил моск. частную г-зию Ф. Креймана. В том же году поступил на отд. естеств. наук физико-матем. ф-та Моск. ун-та (специализи-

(ч. 1; неопубл.; сообщено Е. В. Ивановой).

В 1903 П. поступил в Моск. духовную акад. Влияние правосл. начала, усилившееся в его сознании (пример его сестры Елены, ставшей монахиней Серафимо-Дивеевского мон.; вместе с тем он неоднократно подчеркивал в письмах к Метнеру, что решение поступить в акад. в какой-то мере было вынужденным), обнаруживалось и у др. представителей «аргонавтического сообщества». При этом «православность» П. вполне уживалась с нишешанством (даже Бог «не может спасти меня против моей свободной воли. Хочу бунтовать, хочу — нет. И если я подлинно бунтовать, зная, против чего бунтовать, то бунт мой будет принят, как принят бунт Денницы (сатаны)» — письмо к Метнеру от 2 марта 1903, РГБ, ф. 167, к. 16, № 26, л. 18); более того — мораль Ф. Нише объявлялась наиб. близкой христ. морали. «Зарисовки» студенч. быта и офиц. атмосферы духовной акад. в письмах П. кошунственно-ироничны. И дальнейшее его духовное развитие отмечено оппозицией «метафизич. подполья» «верхним этажам» сознания, что зафиксировано самооценкой: «Становится ясной моя незрелость и еще долгий, пыльный, знойный путь» (письмо Метнеру от 3 июня 1904 — РГБ, ф. 167, к. 16, № 27, л. 23 об.).

В 1903 он познакомился Белого и др. «аргонавтов» с епископом Антоном (Флоренсовым). На следующий год знакомится с В. П. Свенцицким, В. Ф. Эрном, А. А. Блоком, [П. одним из первых высоко оценил его стихи: «Какое богатство, сжатость, значительность. Рядом с Брюсовым Блок — крупнейший теперешний поэт. Стихи же А. Белого мне теперь под такой степени стали чужды, что (странно) больно слышать» (письмо Метнеру от 29 июля 1904 — РГБ, ф. 167, к. 16, № 27, л. 25 об. — 26); и позже П. считал Блока «носителем пророческой рус. темы» (ЛН, т. 92, кн. 3, с. 537)]. Совм. с Флоренским (тоже студентом акад.; письма П. к нему 1904—18 гг. — в семейном архиве Флоренских) перевел книгу нем. историка-правоведа Р. Зома «Шерк. строй в первые века христианства» (М., 1906).

В 1906 П. тяжело заболел [«атрофия задерживающих центров (нечто весьма близкое к истерике...)» — письмо Метнеру от 24 окт. 1906, РГБ, ф. 167, к. 16, № 28, л. 18] и, взяв отпуск, уехал в Финляндию. С 1907 — сотрудник б-ки Румянцевского музея. Параллельно с работой в б-ке — чл. лит. к-та (наряду с Метнером, Эллисом, Белым, Н. П. Киселевым, Г. А. Рагинским) изд-ва «Муссагет» (1909—14), где занимался переводческой и редакторской деятельностью.

«Космическое любопытство» к теософии и оккультной практике способствовало сближению П. в годы учения в ун-те и в Моск. духовной акад. с П. Н. Батюшковым, М. А. Эртелем и их окружением, позднее — с А. Р. Минцловой («узор души его — мучительно сложен» — письмо Минцловой Белому от 17 нояб. 1909, РГБ, ф. 25, к. 19, № 17, л. 37); увлекаясь мистико-филос. тематикой, в 1910 он впервые посещает лекции Р. Штейнера, в дальнейшем лично встречается с ним, становится его последователем, участвует в стронительстве Гетеанума — антропософ. центра в Дорнахе (Швейцария). Один из основателей и редактор первого антропософ. изд-ва в России — «Духовное знание» (1912—18), где помимо работ Штейнера вышли книги М. В. Сабашниковой «Святой Серафим» (М., 1913), А. Белого «Р. Штейнер и Гёте в мировоззрении современности» (М., 1917). П. — один из учредителей Рус. антропософ. об-ва в Москве (1913).

Интерес к мистич. прозрениям изв. средневекового философа Я. Бёме, традиционно включаемого в круг идей розенкрейцеровского характера последователями Н. И. Новикова (часть архива к-рых находилась в б-ке отца П., где были и соч. Бёме), побудил П. перевести его кн. «Аутога, или Утренняя заря в восхождении» (М., 1914; предисл. (Н. П. Киселева) и стих. Новалиса «Яков Бёме» в пер. Вяч. Иванова; высокая оценка качества перевода: Н. А. Бердяев — «Путь», Париж, 1926, № 5, с. 631). Др. его переводы (из Бёме и Ф. В. Шеллинга), предназначившиеся для изд-ва «Путь», не опубл.

После 1917 активно участвует в мероприятиях по спасению памятников иск-ва и старины, в реорганизации и комплектовании фондов ГБЛ. В 1924 арестован (неск. месяцев находился под следствием в ОГПУ); освобожден по ходатайству коллектива ГБЛ (подписанному 124 сотрудниками; Архив РГБ, оп. 22, д. 174, л. 78). Написал и перевел ряд работ по библиотекведению. В 1931 снова арестован; более года отбыл наказание на строительстве Беломорско-Балтийского канала (см. письмо Белого к Г. Г. Шпету от 1 апр. 1933 — «Начала», 1992, № 1, с. 64; см. также письма Белого к П. 1931—32 — «Новый ж-л», № 122, Н.-Й., 1976). Вернувшись из заключения, перевел книгу П. Кристеллера «История европейской гравюры XV—XVII вв.» (М., 1939). В качестве редактора и комментатора подготовил ряд худож. произв., дневников и писем Л. Н. Толстого для Юбилейного ПСС. Совм. с К. Н. Бугаевой занимался изучением, систематизацией и описанием лит. наследия Белого (см.: ЛН, т. 27/28). В 1943—55 — сотрудник

ровался по химии), к-рый окончил в 1903.

Интерес П. к лит., театр. и муз. жизни отчасти реализовался в его эпизодич. публикациях в «Моск. вед.» 1902: о дебюте А. В. Неждановой (8 окт.), о выступлениях Ф. И. Шаляпина и Л. В. Собилова (11 окт.) и др.

В ун-те познакомился с А. Белым (1899; вскоре стал одним из ближайших его друзей), В. В. Владимировым, А. С. Челищевым, объединенными общими лит.-филос. интересами и мистико-алкалолич. настроениями. С 1901 — начало друж. отношений с Э. К. Метнером (познакомился в 90-е гг.), повлиявшим на формирование взглядов П. В 1903 становится «сопричастником» кружка «аргонавтов». Обладая способностью к не лишнему остроумию критико-аналитич. оценкам и «нигилистич. иронией», П., уступавший Белому, Эллису и С. М. Соловьеву в творч. продуктивности («лишен всякой почвы, всякого творчества, активности и пламени» — письмо Эллиса Метнеру от 15 февр. 1912 — РГБ, ф. 167, к. 7, № 51, л. 3 об.), был в их среде своеобразным «ферментом» общения и «провоцировал» худож. деятельность. «Домашний мифистифелизм» П. во взаимоотношениях с Белым на ранней стадии был, видимо, внутренне необходим последнему в силу особенностей его индивидуальности. Следы преодоления Белым идейно-психол. противостояния П. отразились в протескных персонажах «Симфонии (2-й, драматической)», «Рассказа № 2», позже в «Серебряном голубе». Белый поместил П. в лирико-иронич. контекст урбанистич. пейзажа: «Над цепью газовых оплей/ Пурга уныло песнь заводит.../ К нам Алексей Сергееч входит/ Лукаво глядя из песен./ И улыбается закату» («Э. К. Метнеру», 1909). Как «зооморфный персонаж» П. выведен в «Эсхатологической мозаике» (1904) П. А. Флоренского

ГБЛ. П. собрал богатейшую коллекцию зарубежной гравюры 15—20 вв., включая работы Рембрандта, А. Ван Дейка, А. Дюрера (см. кн.: Гравюры из коллекции П., М., 1980).

Лит.: Белый (ук.); Блок. Зап. кн.; Письма А. Бюка к родным, т. 1—2, М.—Л., 1927—32 (ук.); Брюсов В. Я., Дневники, 1891—1910, М., 1927, с. 110; Аничферов Н. П., Изумо былом (Восп.), М., 1992, с. 375—77, 386, 388; Белый А., Восп. о Блоке, М., 1995; сго же, О Блоке, М., 1997; Сафьянова Н., А. С. Петровский. — «Сенсж», 1995, 8 авг.; Лавров А. В., Белый в 1900-е гг., М., 1995; Бугаева К. Н., Дневники. — «Лит», в. 7, 1996; Вьюкунин Грэм, М., 1997 (ук.); ЛН, т. 92 (ук.); Fe-djus schin Victor B., Russlands Schacht nach Spiritualität, Schaffhausen, 1988, S. 100. + Некролог: «Библиотечная жизнь», 1958, 3 окт.

Архивы: Письма П.: РГБ, ф. 167, к. 16, № 24, 26—28, к. 14, № 35 (Э. К. Метнеру); ф. 109, к. 32, № 98 (Вас. И. Игнатьеву); ф. 369, к. 317, № 3 (В. Д. Бонч-Бруевичу); ф. 25, к. 21, № 16 (А. Белому); ф. 636, к. 1, № 26 (письма П. и его жены Н. В. Болдыревой к Н. А. Григоровой); ф. 190, к. 71, № 17 (письма Е. С. Петровской в редакцию «Мусагета»); к. 5, № 1, к. 6, № 1, к. 7, № 1, к. 8, № 1 (мат-лы к илл. пер. Я. Бёме); ф. 167, оп. 16, № 6—9 (письма Метнера к П.); Архив РГБ, оп. 22, л. 174 (л. з. П.); РГАЛИ, ф. 427, оп. 1, № 28—43 (письма П. к Г. А. Рачинскому); ЦНАМ, ф. 418, оп. 313, л. 531 (студенц. дело). Любова А. Новикова.

ПЕТРОВСКИЙ Сергей Александрович [1846, Москва — 23.6(6.7). 1917, ст. Быково Моск.-Казан. ж.д.; похоронен в Москве на кладб. Скорбящен. мон.], журналист, историк, публицист. Отец А. С. Петровского. Из дворян Нижегород. губ. Отец Ал-др Ник., коллеж. секр., заседатель уездного суда в Васильсурске. По окончании 2-го моск. кадет. корпуса (1863) и Александров. воен. уч-ща (1863—64; в числе преподавателей — Е. М. Феоктистов, Д. И. Иловайский, Н. С. Тихонов, С. В. Ешевский, А. М. Иванцов-Платонов, П. Д. Юркевич, С. М. Соловьёв) П. направлен в чине подпоручика в 62-й пехотный Суздальский полк.

С юности П. был близок к крутам «моск. писателей» и «крит. мистиков» — хранители традиций розенкрийстерства и орденского масонства, что отразилось на характере всей последующей его деятельности. По завещанию (1864; текст хранится: РГБ, ф. 237, № 68.19) душеприказчики Д. И. Попова (тесно связанного с А. Ф. Лобановым) П. перешли крупные денежные средства и ценная коллекция масонских документов издательства моск. розенкрийстеров (И. И. Новиков, С. И. Гамалея, И. Г. Шварц и др.) и их последователей; среди исполнителей и свидетелей подписавших завещание, — также влиятельные масоны, как Ю. А. Долгорукий и В. С. Арсеньев. В 1917 коллекция была передана Румянцевскому музею (в наст. время: РГБ, ф. 237).

В 1865, отказавшись от воен. карьеры, вышел в отставку. Выдержав экзамен при 1-й моск. г-зии, в 1866 поступил на юридич. ф-т Моск. ун-та (на 3-м курсе получил зол. медаль за соч. «О наместничестве»), к-рый окончил в 1870. Непродолжит. время служил столоначальником Архива Мин-ва юстиции, одновременно по поручению АН готовил к печати протоколы Сената за 1711—13. Как близкий ученик проф. И. Д. Беляева, П. после его кончины (см. написанный П. некролог — «Отчет моск. ун-та за 1873») был приглашен в ун-

дла чтения лекций по истории рус. законодательства (1873—78); защитив магистер. дис. «О Сенате в царствование Петра Великого» (М., 1875; Уваровская гр.), был командирован на год за границу для науч. занятий, в должности доцента стал зав. кафедрой рус. права. Выступая преемником славянофил. ист.-гос. концептуальных установок своего учителя (что привлекло к нему внимание П. М. Леонтьева и М. Н. Каткова), П. дважды издал его «Лекции...» (1879, 1888). В ст. «Страница из нашего прошлого» (РВ, 1881, № 9) обстоятельно рассмотрена работа А. П. Барсукова «Род Шереметевых» (кн. 1, СПб., 1881).

С сер. 1877 П. по приглашению Каткова начал сотрудничать в «Моск. вед.», в 1882—87 — второй

ред., с авг. 1887 (с № 239) — ред., в 1888—96 — ред.-изд. газеты. Отношение к участию негативное. Сдержанное и отчасти негативное отношение к значению П. консервативных, в т. ч. прицворных, кругов (Александр III: «... передать ему на год „Моск. вед.“, а потом увидим. Я слышал о нем не особенно благоприятные отзывы» — Феоктистов, с. 420) потребовало от него напряженных усилий и продуманных дипломатич. шагов на этом посту. Опираясь на квалифициров. редакцию и собств. принципы структурирования газеты («поддержание на желат. высоте» отдела передовиц, на к-ром прежде гл. обр. было сосредоточено внимание Каткова, с усилением интереса... к прочим отделам» — МВед, 1887, 21 нояб.), П. сумел расширить читат. аудиторию (в т. ч. за счет провинции); вел рубрику «Письмо к издателю», в к-рой отвечал на вопросы «рядовых» читателей; см., напр.: 1896, 28 янв.), увеличить тираж, обновить состав штатных (существ. помощь в решении организационных проблем оказывал П.

до 1894 В. А. Грингмут, в дальнейшем сменивший его на должности издателя-редактора; Ю. Н. Говоруха-Отрок — ведущий лит. и театр. обозреватель; Л. А. Тихомиров — пол-лит. обозреватель и внештатных сотрудников (публик. выступления А. А. Фета, В. В. Розанова и др.). Активные авторы «Моск. вед.» — правительств. чиновники, в т. ч. К. П. Победоносцев, С. Ю. Витте, Феоктистов (возглавлявший Гл. управление по делам печати, дружелюбно опекал П., постоянно информируя об изменениях полит. конъюнктуры). Позиция П., в сущности, свелась к имитации «катковского курса», что способствовало ослаблению престижа газеты как консервативного органа. В «Моск. вед.» появились публикации с критикой правительств. решений, хотя в целом оценки и понимание рос. действительности и полит. обстановки внешне не вступали у П. в противоречие с пафосом «служения самодержавию» (РСл, 1896, 24 дек.) и правосл. культуре (до 1896 П. — староста храма преп. Сергия Радонежского). Примеч. таких выступлений газеты может служить критика сепаратистских устремлений «финляндской окраины» и вместе с тем политикой, ведущей к ее насильственной русификации; так, по мнению министра внутр. дел И. Н. Дурново, в передовой статье (1890, 15 апр.) содержится «крайне дерзкий отзыв» о ген.-губ. края гр. Ф. Л. Гейдене (за эту статью «Моск. вед.» получили первое предостережение; см.: МВед, 1890, 28 апр.; резкие отклики кн. В. П. Мещерского на выступления «Моск. вед.» по финляндскому и еврейскому вопросам см.: «Гражданин», 1890, 30, 31 мая). «Строжайший выговор» газета получила за публ. перевода письма Л. Н. Толстого из «Daily Telegraph» о голодающих крестьянах (1892, 22 янв.); по остроумному замечанию Победоносцева, П. «поступил хуже Толстого — объявил на рус. яз. прокламацию, к-рая осталась бы в англ. тексте» — РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, № 450, л. 233). Анонимная ст. «Москва 20 апреля» (МВед, 1888, 21 апр.), содержащая рискованные натуралистич. пассажи по поводу стих. К. М. Фофанова «Танство любви», способные возбудить у читателя реакцию, прямо противоположную провозглащенным в статье объявительным сентенциям, также вызвала неудовольствие Победоносцева, назвавшего П. «шалым» (ЛН, т. 22—24, с. 533); ср. скандальный случай с критикой «Моск. церк. вед.» в «Моск. вед.» (1892, 12 сент.; см.: Тихомиров, с. 409).

Позиция П. часто оставалась в недоумении даже ближайших его сотрудников: «Не то он ничего не понимает, не то у него какою-нибудь особым путем, не известным отношениям к хорошему состоянию газеты» (Тихомиров, с. 419;

ПЕЧЕРИН

негативная оценка личности П. также в «Дневнике Л. А. Тихомирова» — ГАРФ, ф. 634, оп. 1, л. 6 об.; в «Моск. вед.» П. «должен быть изгнан и Грошгарт должен быть сделан редактором изв» (письмо К. Н. Леонтьева к Т. И. Филиппову от 3 сент. 1889 — ГАРФ, ф. 1099, оп. 1, л. 208/2, л. 6 об.). В памфлете С. Н. Трубецкого на «Моск. вед.» — «Правдивая история «Здравого Слова» (1895) П. выведен под фам. Обелянникова (чл. братства «Не умокну никогда»), получившего международное признание (его грудь украшали ордена от Льва и Солнца до братнического жука).

Из выступлений разных лет в рус. и иностр. печати (прежде всего в «Моск. вед.») и док-тов П. составил сб-ки «Финляндская окраина России» (в. 1—3, М., 1891—97), в к-рых, в частности, помещены статьи Каткова и самого П. по данному вопросу. В сб. «Памяти ... Александра III» (М., 1894), изданном П., — свидетельства о болезни и кончине императора. Практика появления в «Моск. вед.» публикаций без подписи не позволяет в полной мере оценить публнш. вклад П.

Значит. место в жизни П. занимает предпринимательская и коммерческая деятельность — издание и продажа книг и журналов (после смерти Каткова изд-во «Моск. вед.» сохранило монопольное право продажи разв. печатной продукции на станциях рос. жел. дорог). Проявившись с редакцией «Моск. вед.» (см.: РСН, 1896, 24 дек.), П. занимается и др. предпринимательской (чл. администрации Моск. вагоно-строит. завода), служебной (чиновник особых поручений при Мин-ве нар. просвещения), обществ.-благотворит. (чл. Об-ва распространения полезных книг, посетитель нар. б-ки в Мытищах, устроитель публич. б-ки в Хабаровске, чл. кружка по борьбе с алкоголизмом среди школьников) и лит. деятельности.

В 1906 П. издал брошюру «Основы рус. гос. устройства» (М.), в к-рой, разделяя «органическую» концепцию гос-ва, назвал «несродную нашему духу конституцию» и др. реформы гос. управления 1905 «гос. переворотом», совершенным в результате «рев. насилия над рус. народом» (с. 19, 1).

Дважды был женат; от первого брака (с Софьей Ив.) — сын Алексей. Последние годы жизни провел в Быкове вместе с второй женой Ольгой Ив. (урожд. Новиковой); родственница художника А. П. Богомолова, корреспондентка И. Е. Репина) и детьми.

«Черки по истории рус. масонства в XVIII в.» (Тула, 1890), «Дневник масона А. Д. Тейлора» (Тула, 1901) принадлежат однофамильцу П. Сер. Ал. — предводителю Тульского старинного ун-ща (сообщено А. И. Серковым).

Лит.: Толстой (ут.); Чехов. Письма (уж.); Поливанов А. Н., 50-летие 2-го моск. ... кадет. корпуса... М., 1899, с. 50, 36; Трубецкой С. Н., Собр. соч., т. 1, М., 1906, с. 413—30; Соловьев В. С., Письма, т. 2, СПб., 1909, с. 146—47, 150; т. 3, 1911, с. 196—208; К. П. Победоносцев и его корреспонденты, т. 1—2, М.—П., 1923; Тихомиров Л. А., Восп., М., 1927; Арсеньев Н. С., Дары и встречи жизненного пути, Франкфурт-на-Майне, 1974; 500 лет поэзии в Европе, Амстердам, 1993, с. 30—33; Письма А. А. Фета С. А. Петриоскому и К. Н. Леонтьеву. — «Philologica», 1996, № 517 (публ., вступ. заметка и прим. В. Н. Абросимовой); ЛН, т. 23—24, с. 533, 551. + Некролог МВед. 1917. 25 июня (там же статья памяти П.), Брюгге.

Архивы: РГБ, ф. 224 (в т. ч. ст. П. «Общество и государство», его письма); РГАЛИ, ф. 1303, оп. 1, № 446—450 (копии и оригиналы

писем разных лиц, в т. ч. В. В. Розанова, Е. М. Феофанова, С. Ю. Витте, В. А. Грингута, К. П. Победоносцева, Амвросия, архиеп. Харьковского).

Людвиг А. Новшала

ПЕТРОПАВЛОВСКИЙ Н. Е., см.

Каролин С.

ПЕЧЕРИН Владимир Сергеевич [15(27).6.1807, м. Дымер Киев. у. Киев. губ. — 29.4.1885, Дублин; похоронен на кладб. Гласневин], поэт, переводчик, мемуарист, мыслитель.

Предки П. были выходцами из Польши. Прадед, Федор Ив., начал служить при Петре I, при Елизавете пожалован обер-музыкантом (см.: Бобров, т. 4, с. 286—87); дядя, Федор Пятелевич-юноша, — автор «Занискох» (опубл.: РС, 1891, № 12). Отец П., Сер. Пят. (1781—1866), — казачий армейский офицер, дослужившийся до полковника, мать — Пел. Петр. (урожд. Симоновская, ум. в 1858).

В детстве П. много раз менял местожительство, переезжая вместе с полком отца (Кидля Бессараб. губ., Одесса, Липовец Киевской губ.).

Жизнь в провинции и отсутствие духовной общности с отцом рано сформировали в П. ощущение родины как «горьмы» («Замопильные записки» — в кн.: Рус. об-во 30-х гг. XIX в. Мемуары современников, М., 1989, с. 161; далее цит. по этому изд.). Получил дом. образование у гувернера Вильгельма Кессмана, к-рый воспитывал ученика «по Эмилю» Ж. Ж. Руссо (там же, с. 152); от Кессмана, близкого к декабрист. кругам, П. перенял идеи вольности и христианского равенства. В 1822 поступил в Киевскую г-зию, к-рую оставил через год по собств. желанию, неудовлетворенный уровнем подготовки; в его мечтах об университете, где «наспрессно должно быть, чтобы узнать что-нибудь совершенно» (письмо родителям, 30 авг. 1822 — РГБ, ф. 332, оп. 45, № 4, л. 1 об. — 2), уже в это время проявился максимализм, к-рый на всю жизнь остался доминантной чертой его характера. В 1825 переехал в Петербург, служил чиновником (подканцелярист Гос. контроля во Временной комиссии

для решения счетов и счетных дел прежнего времени). В 1829—31 — на ист.-филол. ф-те Петерб. ун-та, где изучает классич. филологию под руководством проф. Ф. Б. Грефе. Еще в студенч. годы, получив освобождение от части лекций, разбирая греч. рукопись сборника византийского канонич. права («Номоканон», или «Кормчая книга») для барона Г. А. Розенкампа, работавшего над «Обозрением Кормчей книги» (СПб., 1829, 1839). Окончив ун-т, занял место старшего учителя при Первой г-зии и суббиблиотекаря и лектора по кафедре лат. яз. ун-та.

На интеллектуальное и поэтич. становление П. оказало влияние его участие в кружке учителей товарищей, к-рым собирались по пятницам на квартире А. В. Никитенко (Ф. В. Чичков, И. К. Гебгарт, М. П. Сорокин и др.) и по убеждению самого П., не давали ему «погрязнуть в пошлости обыкновенной петербургской жизни» (лит. по: Гершензон, 1910, с. 28). П. — «обожатель Шиллера», живущий «в мире идеалов», — пользовался среди друзей репутацией человека, к-рый «в лит. отношении много знает» (см.: РС, 1900, № 2, с. 480).

В печати П. дебютировал переводами из Ф. Шиллера: «Желание лучшего мира» (СО, 1831, № 7, с типограф. погрешностями; републ. — № 13), «Чужеземная дева», «Дифирамб» и «Певцы древнего мира» (там же, № 12, 15). Переводы из древнегреч. антологии (НА на 1832 г.; «Комета Бельи. Альманах на 1832 г.», СПб., 1833; те же пер. в исправл. виде — «Совр.», 1838, т. 12) и ст. «Взгляд на трагедию Софокла Антигона и Аякса» (СО, 1831, т. 13) снизили ему благосклонность С. С. Уварова, знатока и любителя античности, в эту пору товарища мин. просвещения. В марте 1833 П. вместе с др. выпускниками ун-та направляется в Берлин для завершения образования и подготовки к профессорской деятельности.

Еще до отъезда, в февр.—марте 1833 П. создает цикл стихотв. «фантазий» (авт. определение) — род поэтич. эквивалента дневниковых записей: «Бал», «Продолжение бала» (беседа о русских романах), «Смольный монастырь», «Вы помните? — в тот вечер незабвенный...», «А! здравствуйте! здоровы ль? — слух идет...» и др. (самый пространный вариант цикла — РГБ, ф. 218, к. 131, № 1, с крайними датами 9 февр., Петербург — 8 апр., Берлин; самый краткий — в кн.: Поэты 1820—1830, II).

Лирич. стих. П. продолжает писать и за границей летом 1833 («Кто ты, милый гость нежданный?» и «Так, прекрасная Сабина...», посв. знаменитой певице Сабине Гейнсфеттер; неизд.). Свообразный сплав стих. «на случай» и стилизации древнегреч. оды — стих. «Было время — я пред вами...» (опубл.: Гершензон, 1910, с. 30—32), написанное в февр. 1833 к очередной годовщине

окончания ун-та, к-рую праздновали в кружке Никитенко. Этой же аудитории адресованы «Две сцены из трагедии „Вольдемар“. Действие происходит в Италии, в XV столетии» (посланы в Петербург при письме от 21 дек. 1833) — смесь стихов, монологов и прозаич. диалогов, в к-рых выразилось ощущение собственного избранничества («Сам Бог с младенчества меня избрал») и невозможности исполнить это высшее предназначение иначе, как обрешки себя на смерть.

В том же письме П. послал пetersб. друзьям «для февр. праздника 1834 г.» соч. в стихах «*Rot-rougi*, или Чего хочешь, того просишь» (впервые опубл. А. И. Гершенем — «Полярная звезда», Лондон, 1861, кн. 6; перепечатано в сб. «Русская лотаенная лит-ра XIX столетия», Лондон, 1861, под назв. «Торжество смерти»). В соответствии с признанием в письме к друзьям («с некоторого времени мною овладел демон драмы, и я все свои мысли стараюсь выражать в форме разговора» — цит. по: Гершензон, 1910, с. 58), «*Rot-rougi*» — ряд драматич. сцен в стихах (на выбор формы повлияло, очевидно, его юношеское увлечение Шиллером и Дж. Байроном). Личные переживания автора (любовная неудача, вызванная бедностью, желание «переустроить» мир) выражены здесь в полнжаровой форме: в состав «*Rot-rougi*» входят стилизации рус. нар. песни и исп. романса, романт. баллада («Песня о графине Турн») и эсхатологическая, символическая аллегория, мистерия (жанр, весьма популярный в позднем романтизме нач. 1830-х гг.; ср. соч. А. В. Тимофеева, В. И. Соколовского и др.; впрочем, возможно, что мистерия Тимофеева «Последний день» не столько повлияла на П., сколько сама явилась плодом знакомства Тимофеева с «*Rot-rougi*» при наличии общего источника — «Пира во время чумы» А. С. Пушкина; см. комм. В. С. Киселева-Сергеевны в кн.: Поэты 1820—1830, II, 734). Обобщенно-древний колорит второй части «*Rot-rougi*» («Театр») не отменяет присутствия в ней мотивов, актуальных для России: гибель грешного города в «последнем приливе моря» (ср. поверье о неминуемой гибели Петербурга от наводнения; показательно, что «*Rot-rougi*» пишется почти одновременно с «Медным всадником» Пушкина), восп. о декабристах («пять померших звезд», погубленные тираном).

«*Rot-rougi*», по-видимому, послужила одним из источников поэмы С. Т. Верховенского в ром. «Бесы» Ф. М. Достоевского (см.: Бобров, т. 4, с. 56—57; Поэты 1820—1830, II, с. 734—35). Судьбой «*Rot-rougi*» навеяны, очевидно, слова Хронекера в «Бесах» о спласск поэмы, возмущенной «между двумя ликбезителями и у одного студента» (см.: Достоевский, XII, 278); по сн-

дательству Н. П. Огарева, рукопись мистерии П. «не вышла из тесных пределов кружка и не отозвалась в публике» (преисл. к сб. «Рус. лотаенная лит-ра» — Огарев, с. 491). Тем не менее молва о ней дошла до нач. 1850-х гг., когда Гершен при свидании с П. в Англии весной 1853 попросил у автора позволения ее напечатать; сохранились и списки (переносный список исходил не от П., к-рый закрыл своего посетителя, что текстом поэмы не рассказывает и проинтервьюать его не может. — Гершен, XI, 395).

За границей особенное впечатление на П. произвели преподавание в Берлинском ун-те, к-рое «основано на идеях и насквозь проникнуто идеями» (цит. по: Гершензон, 1910, с. 46), и совершенное в авг.—окт. 1833 путешествие по Швейцарии (пешеходное) и Италии. Швейцарская его часть описана в очерке «Отрывки из путешествий доктора Фуссгэнгера» (МН, 1835, дек., кн. 1; подпись: П...); в семантике псевдонима (от нем. «пешеход») выразилась одна из гл. черт П. — его тяга к физич. и духовному «скитальчеству». Весной 1834 П. обратился к Уварову с просьбой позволить ему провести летние каникулы в Италии, т. к. он хочет «видеть Древность лицом к лицу» и быть в Риме для него так же необходимо, «как и дышать свежим воздухом» (письмо от 20 апр., цит. по: Штрайх, с. 94—95). Получив разрешение, провел в Италии почти всю вторую пол. 1834. Три стих., написанные в этот период («Ночь в Неаполе», «Римские вечера на Монте Пинцио», «Солнце и поэт»), напечатаны под назв. «Фантазии пешехода доктора Фуссгэнгера» в составе «Отрывков из путешествия...» (МН, указ. публ.; перепечатаны в кн.: Гершензон, 1910, с. 109—111).

В Берлине П. наблюдает «повсеместную и волюющую» ненависть к русским, к-рых считают «гуннами, грозящими Европе новым варварством» (Никитенко, I, 173). Сознание контраста между европ. репутацией России и казенными патриотич. славословиями, как раз в это время отливавшимися в форму гос. идеологии (в нач. 1834 впервые оглашена знаменитая «триада» Уварова), выражается в стих. «Как сладостно — отчизну ненавидеть! И жално жать ее уничтоженья!» (послано в Петербург в письме от 5 июля 1834; впервые опубл.: Гершензон, 1910, с. 108; о восприятии стих. в рус. эмигрантской критике 20 в. см.: Jusé, p. 10—11; ср.: Камю А., Творчество и свобода, М., 1990, с. 472).

В июне 1835 П. возвратился в Петербург и получил назначение преподавателем греч. словесности в Моск. ун-т, в ноябре выдержал испытание на доктора наук и начал готовить для публич. защиты дис. о греч. антологич. (по-видимому, осталась незаконченной). Как преподаватель П. составил себе блестящую репутацию среди коллег и студентов, хотя читал

лекции только один семестр (январь—июнь 1836); нек-рое представление о его подходе к изучению древности и о риторич. мастерстве дает статья «Археология» («Энци. лексикон» А. А. Плюшара, т. 3, СПб., 1835, с. 251—55). Однако П. отказался от блестяще начинавшейся карьеры (успеху к-рой способствовало покровительство Уварова); в февр. 1836 он подал прошение об отпуске в Берлин под предлогом устройства личных дел и печатания диссертации и в июле навсегда покинул Россию.

На склоне лет П. оценивал это событие «с гордостью»: «мне не в чем раскисаться, нечего жалеть... я исполнил священный долг самосохранения, оставаться в России было бы равносильно самоубийству» (письмо Чижову, 12 нояб. 1873 — РГБ, ф. 332, к. 45, № 17, л. 41 об.). К решению остаться в Европе П. подтолкнуло отвращение, к-рое внушили ему «грубо-животная жизнь» русских людей, «живущих лишь для того, чтобы копить деньги и откармливаться...» («Замогильные записки», с. 172—73), и страх уподобиться им (символом такого приспособленчества в письмах и мемуарах П. выступают «стегаемый халат», заимствованный из «Евгения Онегина» Пушкина). С др. стороны, на П., к-рый «всегда был под влиянием той или другой философской системы» (там же, с. 213) и стремился воплотить ее в жизнь, повлияло знакомство с новейшими идеями европ. христианского социализма, прежде всего с «Словами верующего» Ф. Р. де Ламени (1834); не ограничившись чтением книг, он захотел лично встать в ряды последователей нового учения.

В 1837 по распоряжению министра просвещения П. был исключен из службы, в февр. за невозвращение на родину против него было возбуждено судебное преследование, прекращенное в 1838 за нерозыском обвиняемого.

В 1836—40 П. странствует по Европе (Базель — Лугано — Цюрих — Нанси — Мец — Льеж) и познает изнутри разновидности рев. идеологии, к-рая привлекла его внимание еще в первое пребывание за границей (итал. республиканизм в духе Мадзини, франц. коммунизм в духе Г. Бабёфа, сен-симонизм). П. ищет сообщество людей, вместе с к-рыми он мог бы бескорыстно служить человечеству по образу первых христиан. Знакомство с новейшей франц. лит-рой (в частности, с «Мемуарами Лютера» Ж. Мишле, 1837) привело П. к чтению Библии, а проповедь аббата-редемпториста (члена ордена Св. Искупления, осн. 1608), услышанная в авг. 1840, обратила к католич. религии. Позже он объяснял свое обращение желанием «забыть, отвергнуть» самого себя, «без-

условно-жертвенно предать себя другому» («Замогильные записки», с. 241), жить «вдали от сует и драг большого света» (указ. письмо Чижову, л. 42 об.), а также неприятием «ужасной бессовестности во всех отраслях русского быта» (письмо П. В. Долгорукову — «Совр. листок», 1863, № 12, 23 сент.). Собственно богословский аспект в отношениях православия к католицизму П., в отличие от почти одновременно принявшего католичество И. С. Гагарина, считал, по-видимому, не перво-степенным.

19 июля 1840 в Льеже П. отрекся от православной веры и принял католичество, в окт. 1840 стал послушником редемптористского монастыря Сен-Трон (Бельгия), где 26 сент. 1841 принял пострижение. В 1841—1843 учился в редемптористской сем. в Г. Виттен (Германия), в сент. 1843 в Льеже принял священнический сан, после чего возвратился в Виттен в качестве проф. церковного красноречия. В 1841—44 к П. трижды приезжал Чижов (см. его письма к Никитенко — РС, 1899, № 11, с. 367—68; 1904, № 9, с. 681; см. также дневники Чижова — РГБ, ф. 332, к. 1, № 4, л. 130 об., 134 об., 136 об. — 137 об.; к. 2, № 1, л. 259—62). В 1845—48 П. жил в качестве миссионера в Фалмуте (Юж. Англия), в 1848—54 — в юж. предместье Лондона Клапам. Проповеди П. частично опублик. в лондонском ж-ле «The catholic pulpit» (т. 1, 1849; отд. оттиски — РГАЛИ, ф. 372, оп. 1, № 5). В Клапаме весной 1853 П. посетил Гершен, к этому времени уже написавший первую ред. повести «Долг прежде всего» (1847—51, опублик.: ЛН, т. 61), судьба главного героя к-рой, переходящего в католичество из ненависти к рос. деспотизму, навеяна судьбой П. (окончат., более краткую ред. Гершен опублик. в Лондоне уже после их встречи — в 1854). Письма к-рым П. и Гершен обменялись в апр.—мае 1853, последний опублик. в «Былом и думах» (ч. 7, гл. 6; здесь же — выразительный портрет П.).

В 1845 по указанию Николая I Сенат определил сделать П. «вызов о возвращении в Россию», после чего возобновить суд над ним, в т. ч. «за вступление в католич. веру» (определение от 15 сент. и 7 нояб. 1847 — РГИА). На встрече с управляющим ген. консульством России в Лондоне П. отказался вернуться на родину, в присланном позже письме подтвердил отказ «от всех прав и преимуществ, присвоенных рус. подданным». 27 дек. 1847 Сенат вынес окончат. решение о лишении его всех прав состояния и об изгнании из отечества (там же).

В 1840—50-х гг. отношение П. к России целиком определяется его религ. убеждениями. В русских он ви-

дит «новых варваров», призванных «оптем и кровью возобновить болтливую и меркантильную образованность, к-рая развратила Европу», а рус. императора «начинает любить» за то, что он, возможно, «обратит Россию в ленное владение Святого Престола», вследствие чего «революция побеждается навсегда» и во всем мире возобладает католичество (письма Гагарину от 21 марта и 16 июня 1850 — РС, 1911, № 1, с. 64—65). Парадоксальная надежда на Николая I, по-видимому, — плод известий о его посещении Рима в 1846 и контактах с папой (ср. отзывк порожденных этим визитом надежд с др., православной, стороны — в ст. Ф. И. Тютчева «Папство и римский вопрос», 1849).

В 1854—61 П. жил в Лимерике (Ирландия), в редемптористском монастыре. В дек. 1855 его обвинили в публич. сожжении протестантской Библии, но дублинский суд присяжных его оправдал (на самом деле прихожане, воодушевленные проповедями П., сжигали безразличную массовую лит-ру). В Лимерике П. «пользуется как среди духовенства, так и среди мирян, репутацией наилучшего священника во всей Ирландии» (РГАЛИ, ф. 372, оп. 1, № 37, л. 25). Янв.—апр. 1859 он провел в Риме, к-рый произвел на него отглаживающее впечатление («арена честолубий и лодлых интриг» — «Замогильные записки», с. 294). В марте 1861 П. написал (но отправил лишь в авг.) письмо верховному генералу ордена редемптористов с просьбой о выходе из конгрегации для перехода в др., «созерцательный» орден, члены к-рого «погребены в забвении своего одиночества» (там же, с. 296). Возможно, на это решение повлияли среди прочего и жалобы генералу ордена на то, что П. слишком быстро отпускает грехи (за 8 часов выслушивал исповеди 140 человек) и выступает против мирской власти Папы Римского. Однако ни франц. картезианцы в мон. около Гренобля, ни ирл. трапписты в Маунт-Меллерей не оправдали надежд П.: первые уязмили его «прозрачно-наглым лицемерием», вторые, среди к-рых П. прожил около трех месяцев (вторая пол. 1861), разочаровали полным отсутствием умств. деятельности, находящейся у них «на точке замерзания» (там же, с. 304, 307). В янв. 1862 П. просит дозволения вернуться в орден редемптористов; не получив его, в февр. того же года становится капелланом при больнице Матер-Мизерикордия в Дублине, где и живет до смерти, совмещая исполнение церк. обязанностей с изучением языков (санскрита, араб., перс.) и занятиями физиологией, геологией и ботаникой. Библиотека П. (188 томов), включающая бога-

тое собрание книг на вост. языках, по завещанию владельца была после его смерти передана б-ке Моск. ун-та, где хранится и по сей день.

Во время европ. странствий и в первые годы миссионерской деятельности П. оставил лит. занятия. В авг. 1854 он начал писать (на франц. яз.) исповедальные «Записки безумца» («Mémoires d'un fou»), проникнутые сознанием собств. ничтожества и неудовлетворенностью окружающим миром, погрязшим в корысти; в 1870 «цензор В. Печерин» заклеил этот набросок резолюцией: «Поэзия — риторика — чепуха!» (РГБ, ф. 332, к. 45, № 2, л. 1—6 об.; «Записки...» частично процит. по-франц. в кн.: Śliwowska, s. 286—87).

Следующий этап в лит. творчестве П. начался в сеп. 1860-х гг. в связи с возобновлением контактов с Россией. П. подписывается на «Колокол», в 1862 возобновляет переписку с Гершеном, «с жадностью» читает присланный ему том «полит. и социальных статей» Гершена и Огарева «За пять лет» (ч. 1—3, Лондон, 1860—61), жертвует деньги в «Общий фонд» на поддержку рус. эмигрантов (объявление об этом — «Колокол», 1863, 16 марта). Известия, приходящие из России, вселяют в него надежду на перемены, веру в ее ист. предназначение («Пора нам удивить Европу»). Однако предложение Огарева «отречься от господства вашей церкви и проповедовать народу свободу совести», П. отверг, настаивая на том, что достиг жизненного идеала: «служить страждущему человечеству» в больнице, жить «в совершенном уединении и совершенной независимости пополам с наукой и делами христианской любви» (см.: ЛН, т. 62, с. 462—84).

Контакты с Россией и русскими пробудили П. «от богатырского сна», и он «на старости лет снова принимается писать стихи» (письмо Долгорукову, 25 нояб. 1864 — Новые мат-лы..., с. 52). Авг. 1864 помечено стих. «Пробуждение» («Снова слышу — голос милый...»), повс. «святым видениям» отечества (послаю племяннику П. — С. Ф. Пояркову 13 окт. 1865). В газ. «День» появилось присланное П. стих. «Не погиб я средь крушения» (1865, 2 сент.) — с предисл. И. С. Аксакова, в к-ром П. представлен как необходимый России человек «убеждения и подвига», по трагич. случайности не знающий «истины православия» (перепечатано в кн.: Бобров, т. 4, с. 67—71; т. 1, с. 162—64; о последующей полемике о П. в «Совр. листке» — там же, т. 1, с. 164—68).

В 1860-е гг. юж. П. и его идеи ирредика упоминаются в рус. печати. М. Н. Катков, назвавший его настоящим христианином, хотя и католиком (МВЗ, 1863, 2 авг.), получил отзыв от М. П. Погодина, к-рый считал П. опаснее любого «превозврата шайки матаежиков»: П. «ни за

что на свете не тушу я злых и священствовать в России, потому что он принадлежит к себе прозвонив еще больше, чем к греческому языку» (в годы своего профессорства в Москве) (там же, 10 авг.). Позитив П. в споре с Гершенем о роли материальной цивилизации, запечатленной в «Былом и будущем», сочувственно упоминает Достоевский в «Идиоте» и «Бесах» (см.: Достоевский, VIII, 312; X, 172, 393).

В 1865 П. по просьбе Пярякова начал писать автобиографию. Более последовательно он работал над восп. начиная с 1869: отвечая настояниям Чиждова, регулярно посылал в письмах к нему мемуарные фрагменты (свидетельствующие о неверности вывода, сделанного Чиждовым во время их встречи в Виттене в 1844; у П. «почти не осталось воспоминаний о прошедшей жизни сердца» — см.: РС, 1904, № 9, с. 681). Работа над восп. продолжалась до 1875. П. хотел увидеть их напечатанными, однако Чиждову удалось опубликовать только «Эпизод из петербургской жизни» (РА, 1870, № 7, стб. 1333—42), письмо к попечителю Моск. уч. округа гр. С. Г. Строганову (от 23 марта 1837 — там же, № 11, стб. 2129—38) и ст. о преимуществах реального образования перед классическим (там же, 1871, № 10, стб. 1740—43); все остальное из-за ценз. ограничений не увидело света (об истории попыток публикации восп. см. комм. С. Л. Чернова в кн.: Рус. общество, с. 384—89). Мемуары не получали окончат. авторского назв.; принятое в наб. полном изд. (в кн.: Рус. общество) название «Замогильные записки (Aprologia pro vita mea)» (по назв. двух фрагментов) удачно отражает гл. побуждение автора — «оправдаться перед Россией», «протестовать, дать какой-нибудь знак жизни», опровергнуть утверждение Огарева, что он «погиб хуже всех смертей ... похоронил себя» (с. 235, 226), доказать, что «тут еще кое-что живет и шевелится и трепещет живой жизнью» (письмо Чиждову, 10 янв. 1876 — РГБ, ф. 332, к. 45, № 20, л. 3). Работа над мемуарами заменяла П. «обмен мыслями» с соотечественниками, в к-ром он так нуждался, что в 1865 даже всецело размышлял о переезде в Париж, где избирают приезжие из России (письмо к Долгорукову, 16 янв. 1865 — Новые мат.-лы..., с. 55). Назв. «Замогильные записки» полемично по отношению к одноименному автобиогр. произв. Ф. Р. Шатобриана: франц. писатель по своей воле лишил современников права прочесть его мемуары при его жизни, и они увидели свет лишь в 1848—50 (сразу после смерти Шатобриана); напротив, записки П. «замогильны» поневоле; тот факт, что его восп. «пишутся в истинно артистическом духе, т. е. совершенно бескорыстно о, без малейшей надежды на возмездие в здешней жизни» (с. 168), вызывает у П. приступы отчаяния.

Восп. П. — не только ист. и биогр. свидетельство, но и самобытное лит. произведение, к-рое отличаются невольное стерннанство (деление на фрагменты, посылаемые в письмах другу), осознанная литературность и насыщенность реминисценциями (Пушкин, В. А. Жуковский, Ж. Ж. Руссо, Жорж Санд, О. де Бальзак и др.). Собственный характер П. строит в соответствии с лит. прототипами: «Решительно, участь жизни моей зависела от последней книжки, вышедшей из парижских типошек» (с. 232); среди этих прототипов особ. важную роль играет Дон Кихот, родству с к-рым П. посвятил также стих. 1868 «Ирония судьбы» (опубл.: Гершензон, 1910, с. 211—12). Замечательно владение рус. языком в человеке, к-рый 30 лет как покинул родину, был лишен контактов с соотечественниками и имел основания бояться, что «почти разучился русской грамоте» (письмо Долгорукову, 7 сент. 1863 — Новые мат.-лы..., с. 50).

В 1860—70-е гг. П. постоянно включает в сферу своих размышлений Россию.

Его письма к Чиждову полны отзывов о рус. лит-ре: об И. С. Тургеневе («прочитали „Дым“ Тургенев и справились с собственными воспоминаниями, я очень хорошо понимаю, кака трудная задача принадлежит правительству: как справиться с этими молодым поколениями?» — 18 июля 1869; РГБ, ф. 332, к. 45, № 11, л. 11), о «Воле и мире» (Л. Н. Толстой «мастер описать военные действия, а домашние сцены у него, все эти Наташи и Дуниши очень пошла и скучны» — 24 февр. 1873; там же, № 17, л. 13 об.) и др. П. учит рус. языку проф. Дубинского у-та Р. Алкинсона, редактирует его пер. «Пиковый лезвие» (там же, № 11, л. 12 об., 22).

Призвание России в этот период он видит в следовании «путем всемирного развития человечества», полемизирует со славянофилами, чье андологическое единство рус. народу» вызывает у него протест. Весьма вольно развивая католич. традицию осуждения нац. религий, он утверждает, что «время церкви прошло» и «каждому человеку должна быть предоставлена полная воля верить во что ему угодно, а государство должно полностью отказаться от всякого вмешательства в дела совести»; те же, кто заботится об обращении России в католицизм, не знают даже «мало-малыши историю и характер рус. народа» (там же, № 11, л. 7—7 об., 9 об.). Несмотря на внешнее совпадение нек-рых аргументов П. с тезисами западников или славянофилов: причисление его к одному из этих течений было бы ошибочным. Всегда искавший не только в теории, но и на практике ту идею, к-рой он мог бы посвятить себя целиком, П., однако, до конца дней сохранил способность высказывать из рамок любой идеологии (включая католич. религию, к-рой он отдал более 30 лет жизни) и сохранять интеллектуальную независи-

мость. По-видимому, это уникальное сочетание максимализма в следовании идее с неудовлетворенностью какой бы то ни было идеологией и составляет суть характера П. как человека и мыслителя.

В мемуарах, тон к-рых иронически по отношению ко всем действующим лицам, включая самого автора, П. отказывается от тех романтических, курьезных, из к-рых нередко оставал в эпистолярной прозе 1830-х гг. Носей романтизма образ П. отчасти способствовал исследованию его творчества, прежде всего автор первой монографии о нем М. О. Гершензон, сделавший особенно много для введения эпистолярного и мемуарного творчества П. в науку. оборот: он издал десять отрывков П., к-рые в 1875 были подготовлены Чиждовым для публ. в «Вест. Европы» (Гершензон, 1915); он же, получив в нач. 1920-х гг. доступ к фонду Чиждова в Румянцевском музее, подготовил к печати др. мемуарные фрагменты (опубл. уже после его смерти, в 1932, см. Изв.). Полностью до сих пор не изданы ни стихотв. наследие П., ни его обширный и содержательный эпистолярный 1860—70-х гг.

В 20 в. П. вызывает интерес прежде всего как мыслитель и творец (и в жизни, и в лит-ре) собственной биографии, личность к-рого выразилась вполне в признании, сделанном в письме к Чиждову: «На голове моей нет ни одного седого волоса, а сердце-то ужасно как молодо! Того и гляди, что я затею какое-нибудь новое преобразование. Мне невозможно остановиться; я непременно должен идти вперед» (16 сент. 1865 — РГБ, ф. 332, к. 45, № 11, л. 1 об.).

Изд.: [Письмо П. В. Долгорукову от 7 сент. 1863 г.] — «Совер. восток», 1863, 23 сент. (перепечатано в кн.: Гершензон, 1910, с. 191—193); Замогильные записки, М., 1932 (сост. М. О. Гершензона, под ред. и со вступ. ст. Л. Б. Камнева); Замогильные записки (Aprologia pro vita mea). — В кн.: Рус. об-во 30-х гг. XIX в. Мемуары современников, М., 1989 (публ. и комм. С. Л. Чернова); Оправдание моей жизни. Памятные зап. — «Наше наследие», 1989, № 1—3 (публ. и комм. П. Горелова); [Пер.] — В кн.: Золотое перо. Нем., австр. и швейц. поэзия в рус. переводе, 1812—1970. М., 1974, с. 184—91; [Пер. из антологий]. — В кн.: Векос рус. классицизма, СПб., 1993, с. 105—11; Из переписки П. с А. И. Гершензон и Н. Л. Огаревым. — ЛН, т. 62, с. 463—84; [Стих.] — В кн.: Поэты 1820—1830 (биогр. справка и прим. В. С. Киселева-Сергеева); Новые мат.-лы к биографии П. Перельска П. с кн. Л. В. Долгоруком. — В кн.: Контакт — 1993, М., 1996, с. 29—74 (публ., вступ. ст. и прим. Е. Г. Местерган);

Лит.: Гершензон, XI, 395 (глава «Былого и будущего» (Pater V. Petchinev) (и по ук.); Никитенко (ук.); Достоевский (ук.); Попов Н., Прелезное суду проф. П. — «Юридич. вест.», 1880, № 5, с. 77—81; Бусласов Ф. И., Мон. вост., М., 1897, с. 129; [письма Ф. В. Чиждова к А. В. Никитенко] — РС, 1899, № 11, с. 367; 1904, № 9, с. 681; Бобров Е. А., Лит-ра и просвещение в России XIX в. Мат.-лы, текст и заметки, т. 1, с. 83—211, т. 4, с. 3—74, Каз., 1901—03 (первый очерк жизни и лит. деятельности; воспроизведение опубл. стихотв. наследия П.); Гершензон М. О., Жизнь П., М., 1910; его же, Автобиогр. П. — В кн.: Рус. прозаики, т. 1, М., 1915; его же, История молодой России, 2-е изд., М.—П., 1923; Пирлин П. П. в переписке с И. Галашиным. — РС, 1911, № 1, с. 59—67; Сивере А. А., К биографии П. (арх. справка) — «Рус. ист. журнал», 1918, № 5, с. 197—204; Штрайх С. Я., П. за границей в 1833—1835 гг. — «Рус. прошлое», 1923, № 3, с. 87—98; Сакулин П. Н., Рус. лит-ра и социализм, 2-е изд., ч. 1, М., 1924, с. 92—106; Изюмов А. Ф., Духовное возвращение П. на родину по его неопубл. письмам. — «Путь», 1925, № 47—48; Сабуров А. А., Из биографии П. — ЛН, т. 41—42, с. 471—82; его же, В. С. Печерин, М., 1940 (дис., машинописк.; дра-

пится в Науч. б-ке им. Горького МГУ); Шаабе Н. К., Архив Ф. В. Чижова. — «Зп. ОР ГБЛ», т. 13, М., 1954, с. 57; Огарев Н. П., Преисл. К сб. «Рус. погасная лит-ра XIX столетия». — В его кн.: Избр. проза, т. 2, М., 1956, с. 491—492; Кулшов В. И., Судьба незаконного романа. — ВЛ, 1962, № 12, с. 235—36; Володин А. И., Начало социализма, мысли в России, М., 1966, с. 95—99; Пудьригудова Е. М., Лит. творчество П. и рус. гражданский романтизм. — В кн.: Лит. направления и стили, М., 1976, с. 201—11; Симонова И. А., П. и Ф. В. Чижов. — В кн.: Общественное движение в России XIX в., М., 1986, с. 56—82; Корнев А., Печорин и П. — АБ, в. 22, 1987, с. 81—92; Горелов П., «История души человеческой...» — там же, в. 25, 1989, с. 98—110; Мильдон В. И., Из литературы в науку (К истобнографии П.) — В кн.: Лит. Биогр. альм., в. 4, М.—СПб., 1994, с. 355—72; Вагин Е., «Страх России» (Судьба П.). — В кн.: Антология Поэзия, т. 1, СПб., 1994, с. 265—71; Ван Дамме И., Рус. бродяги в Льеже, В. Везерин. — В кн.: Страна Силы и Гниль. Русские в Бельгии, М., 1995, с. 174—93; Дмитриева Е. Е., Обращение в католичество в России в XIX в., — «Мировое древо», в. 4, М., 1996, с. 84—110; Шуклин В. Г., Запад как пространство романтики, нобста (Замогильные загадки П.) — В кн.: Из истории рус. культуры, т. 5, М., 1996.

A special report of the trial of the rev. Wladimir Petcherin (one of the redemptionist fathers), in the Court-house Green-sreet, Dublin, December 1855 on an indictment charging him with burning the protestant Bible at Kingstown. Ed. by samces Dayles, Dublin, 1856; Iziumow A. F., Der Briefwechsel V. S. Petcherin mit A. I. Herzen und N. P. Ogarew. — «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», Bd. 9, № 4, 1933, S. 493—517; Iziumow A. F., Nowy rodzial biografi W. S. Peczczyna — «Przeglad Historyczny», t. 33, 1936, S. 297—318; Schelling A. von, Russland und Europa, Bern, 1948, s. 231 sq.; Frank V., Ein russischer Exilant im XIX Jahrhundert, Wladimir Petcherin. — In: Russland Studien, Gedenkschrift für Otto Hoetzsch, Siung., 1957, S. 29—42; Scheibert P., Von Bakunin zu Lenin, Geschichte der russischen revolutionären ideologien 1840—1895, Bd. 1, Leiden, 1956, S. 21—35; Scheibert P., Über einige neue Briefe von Wl Peczrin, 1867—1873 — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», Bd. 8, h. 1, Münch., 1960, S. 70—78; Giusti W., L'irrequieto itinerario di padre Wladimir Peczrin, Trieste, 1964 (Istituto di filologia slava, 1964, № 6); Lipski A., Pecherin's quest for meaningfulness. — «Slavic Review», 1964, v. 23, № 2; Hare R., Pioneers of Russian Social Thought, t. 2, N. Y., 1964, S. 30—35; Sliwowska W., W kregu porzadkowej Herceca, Wrocław, 1971, S. 257—300; Pierling P., Le Prince Gagarino et ses amis, 1814—1882, P., 1996, p. 141—155. Брокгауз; Яшков; СИЭ; КЛЭ; ФЭ; БСЭ; Рус. писатели; Муратова (1, у.ж.); Масанов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 372; ф. 130, № 37 (выписка из летописи ордена redemptionistov); № 81 (арх. дело Моск. ун-та); № 79 (дело о П. III ота.); ИРЛИ, ф. 384; РГБ, ф. 218 (в составе собр. ОР № 131); ф. 332, к. 45 (письма родителям и Ф. В. Чижову, 1820—70-е гг.); РГИА, ф. 1151, оп. 3, 1847 г., по уголовной части, л. 159 (о судебном преследовании П.) [справка Л. М. Сеселякиной].

В. А. Мильдона

ПЕШЕХОНОВ Алексей Васильевич [21.1(22).1867, с. Чукавино Старичицкого у. Твер. губ. — 3.4.1933, Рига; похоронен в Ленинграде на Волковом кладб.], публицист, полит. и общество. деятель. Из семьи священника. Рано лишившись отца, рос в многодетной семье, с детства зарабатывал взаимем чулок, сбором ягод и грибов, в 6 лет научился читать. Окончил Старичицкое духовное уч-ще на казенный счет, 5 кл. Твер. духовной сем.; улекая народничеством, в 1884 исключен из сем. за участие в подпольном студенч. ж-ле «Из-под гнета» без права поступления в уч. заведения. Давал частные уроки, слу-

жил в сел. школе, классным наставником в Варшав. реал. уч-ще, посещая лекции в Варшав. ун-те. В 1888 после обыска среди членов студенч. кружка П. был взят на воен. службу и направлен в укрепление Ходжал-Маха Дагестан. обл., перед увольнением в запас в 1891 служил в г. Темир-Хан-Шура (восп. «На действительной службе» — РБ, 1913, № 1—3). С 1891 занимался земской статистикой в Твер. (первая публ. в газ. «День»; не обнаружена), Ярослав. и Орлов. губ., в Калуге (1896—98), в Полтаве (был чл. кружка «толстовцев»). В 1894 арестован по делу «Нар. права» (содержался в предвар. заключении); находился под негласным надзором полиции. В 90-е гг. П. был принципиальным противником террора (Гранат, стб. 64).

Отстраненный от земской службы за протест против полит. доносчика, П. в 1899 переселился в Петербург, став пост. сотрудником отд. внутр. жизни «Рус. богатства»; с 1904 (до закрытия ж-ла в 1918) — чл. редакции. Занял видное место среди народнической интеллигенции (П. не без иронии вспоминал, что в 1904 «некоторые» прочили его на место Н. К. Михайловского — письмо М. Н. Слепцовой от 27 дек. 1912, РГАЛИ, ф. 462, оп. 1, № 199, л. 34). Бескомпромиссность П. (Михайловский назвал его «бычком бодливым и непокорным» — Слепцова, «Памяти П.», ИРЛИ, ф. 586, № 491, л. 4) часто приводила к расхождениям с В. Г. Короленко (Короленко, Х, 451). Ведущая тема П.-публицистика — крест. вопрос (первая статья «К вопросу о роли „собрателей земли“ в рус. земледельческом производстве» — РБ, 1897, № 7). Он хотел «реальные интересы многомиллионной массы ... сделать центром и целью всей дальнейшей гос. жизни» (РБ, 1901, № 1, с. 177). В статьях разделе «Хроника внутр. жизни» (в 1899 б. п.; см.: РБ, 1905, № 3, с. 164) и «На очередные темы» П., призывавший к теоретич. обоснованию крест. хозяйства (1902, № 9—10), стремился дать целостный анализ экономич. жизни деревни. Предвидя долгое развитие России по земледельческому пути (1903, № 6, с. 133), П. считает аграрный вопрос самой сложной из социальных проблем. Земельная зависимость пореформенного крестьянина и малоземелье обусловили, по его мнению, непрерывный процесс разорения крест. хозяйств (критику взглядов П. см. в сб. «Очерки реалистич. мировоззрения», СПб., 1904, с. 345—46, 457—71, 477, 479—82, 520, 537). Стержень позиции П. — необходимость гос. собственности на землю; вместе с тем он признавал существовавший общинный характер землепользования. П. не принимал

аграрную политику С. Ю. Витте и особенно П. А. Столыпина, в к-рой усматривал капиталистич., антинародную направленность, укрепляющую дворян. землевладение и приводящую к расслоению деревни («Старый и новый порядок владения надельной землей», СПб., 1909; о согласии Л. Н. Толстого с позицией П. см.: Булгаков В. Ф., Л. Н. Толстой в последний год его жизни, М., 1989, с. 184). После манифеста 18 февр. 1905 П. возлагает надежды на привлечение крестьянства к законодательной деятельности.

Считая себя прежде всего литератором, П. вместе с тем активно участвует в обществе и полит. деятельности. В 1900 вместе с П. Н. Милюковым составляет проект конституции (Милюков и П. Н., Восп., М., 1991, с. 138; Слепцова, л. 7). В 1901 составил письмо-протест 44 писателей против разгона демонстрации на Казан. площади, выслан на два года (Псков, Финляндия). После событий 9 янв. 1905 был арестован в Петербурге вместе с М. Горьким и сослан в с. Торшоний Псков. губ.; после манифеста 17 окт. вернулся в Петербург. В 1906 арестован за участие в Сев. крест. союзе, вскоре выпущен под залог по ходатайству трудовой фракции Гос. думы (газ. «Дума», 1906, № 5). Воспелдствием оправдан судом (речь адвоката О. О. Грузенберга см. в его кн.: Очерки и речи, Н.-Й., 1944, с. 18, 193—96). Революционер по убеждению и складу характера, П. поддерживал эсеров. партию с момента ее основания (1901), не будучи ее членом (входил в редакции ж. «Рев. Россия» и «Сын отечества», был автором прокламаций). Участвовал в организации убийства В. К. Плеве в 1904 (очерк «Мои отношения с Азефом» — «На чужой стороне», в. 5, Б.—Прага, 1924). В 1903—06 входил в группу «интеллигенции» нелегального «Союза освобождения», сотрудничал в ж. «Освобождение». В результате расхождения с эсерами и кадетами (по В. И. Ленину, П. — «социал-кадет», XVI, 262) он в 1906 вместе с В. А. Мякотным, Н. Ф. Анненским и А. Б. Петрищевым основал легальную партию нар. социалстов. Изложение целей партии в публицистике П. проникнуто стремлением к идеальным обществ. формам, для к-рых главное — интересы человек. личности, единство личности и народа (РБ, 1906, № 3, с. 107); народнический дуэнт «земля и воля» интерпретируется им в формуле «воля — гражданину как личности, земля — народу как коллективности» (1908, № 4, с. 121); социализм — осуществление этого идеала и единственно возможный путь к слиянию беспочвенного либерализма с народом (1909, № 2, с. 148—49); гос-во должно освобод-

даться от нас, и религ. принципов (1908, № 11, с. 70). Осн. заряд полемики П. направил против социал-демократов, фактически исключавших крестьянство (в к-ром П. видел будущий с.-х. пролетариат — 1905, № 6, с. 165) из социалистич. этапа революции и подменявших народовластие диктатурой пролетариата. В противоречивых оценках, к-рые Ленин давал П. в разные годы и в зависимости от полит. момента, он называет его то сильным и честным политиком (XX, 210), то идеологом старой буржуазии (VIII, 85) и защитником самодержавия (XIII, 401); осудив открытый тип партии нар. социалистов, Ленин объявил нар. социализм «пустой фразой» (XXII, 306).

Период 1905—09 — самый плодотворный в публич. деятельности П. Работая интенсивно (обычно до середины ночи, постоянно куря папиросы и подкрепляясь чаем), в своих статьях он касался разл. тем, освещая их с привлечением статистич. данных и личных впечатлений (все — РБ): смертная казнь (1906, № 10), влияние полит. сыска на обществ. жизнь (1910, № 1), права сектантов (1910, № 9), проблема северокавказ. народов (1911, № 7, 11), полит. сыска (1912, № 7) и др. Осознавая свой лит. труд как исполнение долга интеллигенции, призванной вносить идеалы в нар. жизнь (1906, № 1, с. 124; 1908, № 9, с. 145), П. особо выделял в культурной повседневности лит-ру и философию (любил также кинематограф, драм. театр, из музыки — рус. нар. песни; А. Ф. Пешехонова, «Восп. о П.» — РНБ, ф. 581, № 71). Состояние интеллигенции после революции 1905 он определял как сумятицу и раздор (1908, № 9), выражавшиеся, в частности, в неразборчивом потреблении экстравагантной продукции: успех спектакля МХТ «Синяя птица» считал «раздутым» (пьеса М. Метерлинка — «неглубокая по смыслу и не очень богатая по фантазии»); осуждал пристрастие «молодой» лит-ры к половым извращениям («Крылья» М. А. Кузмина — «за пределами того, что считается лит-рой»). «Времяпровождение», 1909, № 5, с. 113, 120). Герой «Санина» М. П. Арышбаева, по мнению П., схож с Базаровым и «новыми людьми» Н. Г. Чернышевского, но узок в запросах; «санниство» — тип не только лит. героя, но и нового человека («„Саннины“ и „Санни“» — 1908, № 5). Резкое осуждение идейной размытости периодич. изданий, в к-рых «художество прихотливо переплелось с порнографией» («Сумятица. В жизни. В лит-ре» — 1908, № 10, с. 73), вызвало ответную реакцию: по решению третейского суда (ИРЛИ, ф. 163, оп. 1, № 263) П. вынужден был отказываться от полемич. выпадов

против газ. «Понедельник» (1908, № 11). В ст. «Волна пошлости» (1911, № 3) П. критиковал ценного им Л. Н. Андреева (заодно отмечая «приспособленчество» К. И. Чуковского и «богемность» А. И. Куприна) за выход из лит-ры «на улицу» и неумеренное самомнение (ответное письмо Андреева от 20 апр. 1911 — РГБ, ф. 225, к. 2, № 9; письмо П. — к. 1, № 36).

Со свойственной П. жесткостью человека дела, унаследованной от «шестидесятников», он вторгается в зыбкую сферу мировоззрения, полагая, что оно должно быть неизменным с молодости на всю жизнь (РБ, 1908, № 11, с. 56). Отвергая крайности монистич. метода марксизма, равно как и идеалистич. метафизику,

А. А. Блока, Н. М. Минского, З. Н. Гиппиус («один из наиболее видных публицистов, каких оказалось в состоянии выдвинуть рус. декадентство» — 1908, № 11, с. 54). Интерпретацию кризиса интеллигенции в сб. «Вехи» (М., 1909) П. встретил враждебно — прежде всего за ее антирев. настрой и религиозность («Новый поход против интеллигенции» — 1909, № 4). Богоискательство Д. С. Мережковского, В. В. Розанова, Булгакова, Бердяева, богостроительство М. Горького и А. В. Луначарского (наряду с обсуждением полового и нар. вопросов) считал бессмысленными и отвлекающими общество (1909, № 5); бесперспективным называл путь Толстого, несмотря на общес. «евангелие мира, братства и

А. В. Пешехонов (2-й слева) среди членов Комитета Лит. фонда. Слева направо: Ф. Д. Батюшков, Л. Ф. Пантелеев, Н. Д. Набоков. 1900-е гг.

П. утверждает ценность позитивизма, свободного от к.-л. умозрения и опирающегося на «действительность»; за ней — создание стройной системы представлений о мире (науч. знание вместо веры, ясная мысль вместо инстинктов, сознание своего долга вместо страха загробной кары — 1909, № 5, с. 126). В ст. «Проблемы совести и чести в учении новейших метафизиков» (1903, № 2; см. также в его сб. «К вопросу об интеллигенции», СПб., 1906) по поводу сб. «Проблемы идеализма» (М., 1902; под ред. П. И. Новгородцева) П. критикует метафизику, этику бывших марксистов С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева прежде всего за рассуждения, допускающие зло и недостаточно объясняющие природу нравств. должествования, — свидетельство, по его мнению, обществ. индифферентизма авторов. Всеобщий отход от первоначальных убеждений и потеря цели — ключевая проблема кризиса интеллигенции: колебания П. Б. Струве в политике, отход от декадентства и противостояние ему

любви» («Гора и море» — 1910, № 11, с. 30).

Взгляды П. на интеллигенцию, ориентированные в осн. на Михайловского, воспринимались в определенной среде как архаизм и вызвали иронию («Слово», 1909, 5 июня). В ответ на критич. статью П. о Розанове («Бесстыжее светило, или Позблщенный двурушник» — РБед. 1910, 2 дек.) последний выступил с «Открытым письмом А. Пешехонову и вообще нашим „социал-сутенерам“» (НВ, 1910, 15 дек.) — о разрушительной роли революционеров, начиная с Чернышевского. В дальнейшем Розанов называл П. «последней значащей фигурой в с.-д.», «рыцарем бедным»; «В нем доброе — натура удивительно рожденная. Без мути в себе». Вместе с тем в своей иронич. табели о рангах он напроорочил П. место «столончальника»: «...я бы поставил его во главе интендантства» (Розанов В. В., О себе и жизни своей, М., 1990, с. 52).

За антиправительственные высказывания в ряде брошюр П. отбывал

заклучение в Двинской крепости Витебской губ. (1912—13; вместе с Мякотниным), занимаая рензированием рукописей для «Рус. богатства» (Ф. Д. Крюков в письме к Короленко от 24 янв. 1913 об условиях содержания в заключении: «даи Бог всякому» — РГБ, ф. 135, разд. 2, к. 27, № 55). Освобожден по манифесту к 300-летию Дома Романовых.

Во время войны 1914—18 П. помимо экономич. проблем заостряет внимание на растерянности и подавленности интеллигенции, не определившейся по отношению к войне и принявшей введение цензуры, на необходимости скорейшего решения внутреннего вопроса об организации нар. масс (в 1914—15 вел рубрику «Вопросы тыла» в «Рус. богатстве» и «Рус. записках»; псевд. А. В. Иноходцев). В итоговой ст. «Отечество и человечество» («Рус. записки», 1916, № 1) он окончательно отвергает марксизм и интересы классовой борьбы в пользу нац.-гос. объединения (хотя нац. подход допускает только в единстве с интернациональным), упоая гл. обр. на «живую человек. личность» (общее место народнич. социальной программы).

После Февр. революции 1917 П. становится одной из значительных полит. фигур. В марте он назначен комиссаром Петроград. стороны (очерк «Первые недели» — «На чужой стороне», в. 1, Б., 1923; использован А. И. Солженицыным в эпопее «Красное колесо»); чл. ИК Петроград. совета раб. и солдат. депутатов, чл. Совета Гл. земельного к-та, с июня чл. ЦК блока партий — Трудовой и нар. социалистов; изд. газ. «Нар. слово». С мая по авг. — министр продовольствия Врем. пр-ва. Его речь на I-м Съезде советов 5 июня («Известия», 1917, 7 июня; программа решения земельного вопроса изложена в его брошюре «О переходных мерах» [П., 1917]) вызвала разл. оценки среди большевистских лидеров: «одни прекрасные слова» (Ленин, XXXII, 317); «... если бы мне сказали, что министерство будет составлено из двенадцати Пешехоновых, я бы сказал, что это огромный шаг вперед» (Л. Д. Троцкий — цит. по брошюре П. «Почему я не эмигрировал?», с. 18). Из-за несогласия с повышением твердых цен на хлеб П. подал в отставку (см. скептич. оценку П.-политика: Ленин, XXXIV, 149, 184 и др.; Миллюков П. Н., Цит. соч., с. 503; Гиппиус З. Н., Живые лица. Стихи. Дневники, Тб., 1991, с. 328, 330, 331; Розалин В. В., Собр. соч. Миллюков, М., 1994, с. 362, 392). В окт. того же года П. — товарищ пред. Врем. Совета Рус. респ. После окт. переворота выступил с осуждением большевизма («отнимите дьяволию — и от большевизма ничего не

останется»), Декрета о земле (к-рый «представляет полный простор анархич. методам решения аграрного вопроса» — РБ, 1917, № 11/12). Летом 1918 в Москве был арестован (освобожден по ходатайству Д. Белого; см. очерк «Перед красным террором» — «На чужой стороне», в. 2, Б.—Прага, 1923).

В 1918 П. как представитель Союза возрождения России в Добровольческой армии уезжает на Юг, сотрудничает в ж-лх «Грядущий день» и «Объединение», в газ. «Парус». После гибели сына на войне П. взял на воспитание сироту. С 1920 — в Харькове чл. коллегии и зав. с.-х. статистикой ЦСУ Украины; рассчитанный П. на неудачный 1921 предзнал («Сравнительная тяжесть натуральных 1921 г. для разл. групп крестьянства», Х., 1922) был признан Лениным низким, роль П. — «хуже всякого белогвардейца» (ЛП, 62). По распоряжению Ленина с соблюдением строжайшей секретности П. был отстранен от должности и переведен в Москву под надзор ВЧК с предписанием Л. Б. Каменеву: «чтобы не касался политики» (Ленин, LIV, 182). В 1922 П. прибыл в Москву для работы в Наркомземе, вскоре был арестован, затем выслан из России; до 1924 жил в Риге и Берлине.

Брошюра П. «Почему я не эмигрировал?» (Б., 1923) положила начало движению мирного возвращаства («пешехоновщина»); вынужденный вновь стать из политика литератором, П. описывает свой личный опыт сосуществования с большевистским режимом, не принимая его, но призывая «претерпеть». Выступление П., по словам современника, произвело «впечатление разорвавшейся бомбы» (Гессен И. В., Годы изгнания. Жизненный отчет, Париж, 1979, с. 163). Вокруг личности П. разгорелась многолетняя полемика («Воля России», 1923, № 13; подробнее в кн.: Миллюков П. Н., Эмиграция на перелути. Париж, 1926, с. 70—95). Однако оптимистич. вера П. в «дело рус. демократии» в дальнейш. переходит в резкую критику эмиграции (об отношениях с ней письмо Н. А. Рубакину от 5 февр. 1925 — РГБ, ф. 358, к. 262, № 60) и настойчивое подчеркивание культурных и хозяйственных успехов большевиков («Воля России», 1925, № 7—10; 1926, № 8/9; 1927, № 11/12—1).

С 1924 П. — в Праге, управляющий делами Ин-та изучения России. Настойчиво добивается от сов. властей разрешения вернуться на родину. После неск. отказов и насмешек большевист. газет («Правда», 1925, 15 дек.; «Париз. вестник», 1927, 12 февр.) получает в 1927 сов. гражданство. Работает зав. информацион-

но-экономич. отд. при сов. торгпредстве в Риге, экономич. консультантом по Прибалтике. С 1931 решался вопрос о переезде П. в Москву, о работе в Госплане. В 1932 ему был поставлен диагноз рака легких.

Др. произв.: «На очердные темы» (СПб., 1904), «Крестьяне и рабочие в их взаимных отношениях» (СПб., 1905), «Накануне», «Экономич. политика самодержавия», «Аграрная проблема в связи с крест. движением», «Сущность аграрной проблемы» (все — СПб., 1906), «В темную ночь» (СПб., 1909), «Право на землю» (П., 1917), «Как трудовая Н.-С. партия считает необходимым разрешить земельный вопрос» (Од., 1917), «Гибель и спасение России» (М., 1918; совм. с В. А. Мякотниным), «Совр. Россия в цифрах» (Прага, 1925).

Лит.: Горький (ук.); Чехов. Письма (ук.); Крюков Ф. Д., Мельком. — РБ, 1914, № 7—9; Мякотин В. А., Из недавнего прошлого. — «На чужой стороне», 1923, № 2, с. 181, 185, 197; 1924, № 5, с. 51—69, 254, 256, 262; № 6, с. 77; 1925, № 11, с. 211, 233; № 13, с. 197—98; Короленко В. Г., Дневник, т. 4. Подлва, 1928; Белоконский И. П., В голы беспартия, М., 1930; Грузенберг О. О., Встр. Париж, [1938], с. 167, 189, 222—31; Терещенко Ю., Встречи. Н.-Я., 1953, с. 58; Айхсильвалд Ю. А., Пешехонов — рыцарь безлгий. — В его кн.: Дон Кихот на рус. почве, т. 2, Н.-У., 1984; Кареев Н. И., Прожитое и пережитое. Л., 1990 (ук.); Саавиков Б. В., Восп. террориста, М., 1990; «Минушес», в. 1, II (ук.); Ерофеев Н. Д., А. В. Пешехонов. — В кн.: Полит. история России в партиях и лицах, М., 1994; Образ будущего в соц.-экон. мысли кон. XIX — нач. XX в., М., 1994 (ук.); Белова Е. И., Гос. деятельность П. — В кн.: Личность и власть в истории России XIX—XX вв. Мат-лы науч. конференции, СПб., 1997; ЛН, т. 7—8, с. 372, 375, 383, 419, 422, 424, т. 68, 72, 80, 84, 87 (все — ук.); * Рус. эмиграция. Жлы и об-ны на рус. кн. 1920—1980, Париж, 1985; РВел, Сб.; Венгров. Источ.; Мельер; БСЭ; Полит. деятель. России. 1917. Биограф. словарь, М., 1993; ИЛРД; Муратова (1; ук.); Масанов.

Архивы: РНБ, ф. 581; ф. 211, № 362 (письма А. Г. Горького); РГБ, ф. 225; ф. 251, к. 18, № 33, 34 (письма В. А. Розенбергу); ф. 135, разд. 2, к. 31, № 52—58 (письма к В. Г. Короленко); ф. 218, № 383 (восп. Т. А. Богдановой); ГАРФ, ф. 4683; ф. 102, ОО, 1901 г., д. 927; ф. 124, оп. 3, 1894 г., д. 12; РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, № 426 (письма Горькому); ф. 280, оп. 1, № 231 (письма к Е. П. Леткиной-Султановой); ф. 462, оп. 1, № 199 (письма к М. И. Спеловой); РГНА, ф. 777, оп. 11, 1908 г., д. 111; ф. 1280, оп. 1, д. 929, 930; ф. 1405, оп. 530, д. 612 (в делах о привлечении П. к ответственности за рева. деятельность неоднократно провозгласит как «потомственный почетный гражданин»). М. В. Пашенко.

ПИКСАНОВ Николай Кирьякович [31.3.(12.4).1878, с. Дергачи Новоузен. у. Самар. губ. — 10.2.1969, Ленинград; похоронен на Богослов. кладб.], филолог-русист, библиограф, историк обществ. мысли; преподаватель. Сын дьякона. Окончил Самар. духовное уч-ще, затем Самар. духовную семинарию, где проявил склонность к словесности и написал соч. «Комедия „Горе от ума“ и ее историко-лит. значение» (рукоп. — ИРЛИ, ф. 496). В 1898 поступил на ист.-филол. ф-т Юрьев. ун-та, где сосредоточенно занялся изучением биографии и творчества А. С. Гри-

бюдова, обращаясь — письменно и лично — за советами и отзывами к именитым литературоведам (С. А. Венгерову, В. И. Сангову, И. А. Шляпкину, с 1903 — Ал. Н. Веселовскому, с к-рым переписывался до сер. 1918) и прибегая к арх. разяснениям в Петербурге и в рукоп. наследии преланного Грибоедова его добровольного лит. комиссионера Ф. В. Булгарина, к-рое хранилось в Карлтово, близ Дерпта (впоследствии ученый считал оценку личности и прозы Булгарина в сов. лит.-ведении несправедливо заниженной). Плодом арх. занятий стали: первое выступление П. в печати — публикация с автографов двух стих. друга Грибоедова — В. К. Кюхельбекера в ж-де «Лит. вестник» (1902, № 2), а «из архива Булгарина» — три публ. в «Рус. старине» (1903, № 12, 1905, № 4, 12). Одновременно студент-филолог изучал историю рус. права на юридич. ф-те и уже в 1900 подготовил под руководством проф. М. А. Дьяконова ст. «К вопросу о Боярской думе» («по поводу нового изд.» «Боярской думы» В. О. Ключевского), опубликованную лишь в 1903 («Журнал мин.-ва юстиции», № 3).

Подобно массе дерптских студентов, участвовал (вместе с В. А. Досициным, впоследствии сов. лит.-ведом) в студенч. рев. движении (пред. петерб. с.-д. Союзного совета дерпт. объединенных землячеств и орг-ций, один из организаторов подпольного «Свободного слова» (см.: ЦГИА СПб., ф. 1415, оп. 521, д. 456, л. 71). В февр.—марте 1902 жанезисское расследование установило, что П. является одним из деятелей Союзного совета. «... направивших преступную деятельность прочих членов сообщества» [там же, л. 72—73; см. также: Травушкин Н. С., Рев. кружки молодежи и пропаганда, лит-ра в Юрьеве в нач. 1900-х гг. (Из студенч. лет П.) — РЛ, 1968, № 1]. После патристичного заключения приговора к ссылке в Архангельскую губ. на 3 года, но по ходатайству ун-та наказание ограничилось выселкой на родину, в Самару, под надзор полиции.

К моменту ареста П. уже завершил две обстят. работы о Грибоедове: 1-ю часть биографии («Университ. годы») и библиографический (как дополнение к аналогичному ук. 1889 под ред. Н. М. Лисовского). Обе работы четверокурсника-арестанта проф.

Дьяконов счел достойными, чтобы послать их акад. А. Н. Пылину (см.: Эпизод из студенческой жизни П. ... — РЛ, 1978, № 2), а ук. опубликовали в 1903 в Юрьеве («Материалы для библиографического указателя произведений А. С. Грибоедова и литературы о нем»).

В 1903 П. восстановился в ун-те, надзор полиции заменен надзором уч. начальства, а в окт. 1904 снят (ЦГИА СПб., ф. 733, оп. 152, д. 126, л. 11). В дек. 1904 получает диплом об окончании ун-та. Вернувшись в Самару, организовал полит. б-ку для молодежи и кружков по распространению полит. знаний (см. подписанное П. и А. Г. Елтыным воззвание «К самарскому обществу» — «Самар. курьер», 1905, 6 нояб.). В 1906 женился на В. А. Губаревич-Разобольской (внучке писательницы Л. Х. Симоновой-Хохриковой; после ее смерти в 1-й пол. 60-х гг. его поминаний и женой стала М. И. Колосникова).

В том же — 1906 — году П. переехал в Петербург и, по собств. словам, «с головой ушел в профессиональную ученость» (см.: Ответное слово — РЛ, 1963, № 3), развернув многотемную лит.-исследовательскую и преподавательскую деятельность. В первые же два года он печатается одновременно в разл. ж-лах и изданиях: в «посвящ. истории освободит. движения» ж. «Былое» — рец. на «Историю рус. интеллигенции» Д. Н. Овсяннико-Куликовского (1906, № 9) и еще 5 мат-лов; в демократич. и тяготевшем к марксистам «Совр. мире» — рец. на 3-е изд. «Этюд и характеристик» Ал. Веселовского (1907, № 7—8) и еще 4 мат-ла (в тот же год); в 1-м т. (1907) собр. соч. А. С. Пушкина (в сер. «Б-ка великих писателей»), куда его привлек гл. ред. издания Венгеров, — статьи (с обширной библи.) «Пушкин и Оссан», «Кн. Д. П. Горчаков», «Н. Ф. Кошанский» и др. Ведущей же темой лит. занятий остается (и, пожалуй, до 50-х гг.) Грибоедов — во всей полноте его биографии и творч. судьбы. В 1906 «Изв. ОРЯС» (№ 4) публикуют ст. П. «Грибоедов и А. А. Бестужев», в 1908 выходит 1-й том «Истории рус. лит-ры XIX в.» под ред. Овсяннико-Куликовского, в к-ром гл. о Грибоедове написана П. (наряду со ст. «Публицистика Александровской эпохи»), а в 1909 АН пригласила его для издания ПСС писателя.

В 1911 вышел 1-й т. академич. изд. Грибоедова с «Биографическим очерком» (отд. оттиск — СПб., 1912, 147 с.) П. и его прим. (частично — И. А. Шляпкина). Для «очерка» исследователь использовал письм. и печатные источники гораздо полнее, чем кто-либо, истолковав их в русле культурно-ист. школы.

С исчерпанной — на то время — полностью раскриткованной Грибоедова к декаб. ризмам, особенно — к их издан. полит. переворота (что было отмечено Овсяннико-Куликовским в его «Истории рус. интеллигенции» в изд. 1914 — Собр. соч. т. 7. СПб., с. 22), определил его по «общественным взглядам» как либерала, скептика и националиста (см.: «Истор. очерк», с. СХХII — СХХV); охарактеризовал «сказку души» Грибоедова с ее неуязвимым патриотизмом

(«обожал» Россию) и «глубокой религиозностью» в зрелые годы, «мажким отблеском озарявшей его суровые черты» (с. СХI—СХII).

29 ноября 1911 избран чл. ОЛРС (активнейший участник до закрытия в 1930). В нач. 1912 П. читает на заседании ОЛРС реферат «Душевная драма Грибоедова», где, воспеывая «очерк», мотивирует позанний пессимизм писателя в первую очередь осознанием исчерпанности своего дара в одной комедии («поздние его произв. — по мнению П. — не имеют никаких достоинств»). Реферат обсуждали Ал. Веселовский, П. Н. Сакулин, А. Е. Грузинский и др. (см. отчет — РВед. 15 янв., 1912); с авторскими доп. его опубликовал «Современник» (1912, № 11).

Столь же интенсивно по приезде в столицу П. подвизался на преподават. поприще: до 1909 — в Павлов. ин-те (ЦГИА СПб., ф. 7, оп. 2, л. 1244), в жел. г-зии Л. С. Таганцевой (где его ученицей была Е. Ю. Кузьмина-Караева) и мужской г-зии Я. Г. Гуревича (с 1907), позже — в Демидов. жен. г-зии (1911). Психоневрологич. ин-те (1912—13); но наиб. плодотворно и продолжительно — на Высших жен. (Бестужев.) курсах (1908—17).

Выход 2-го т. грибоедовского ПСС (дек. 1913) предварил пииксанов. публикация рукоп. списка комедии, изготовленного А. А. Жандром еще в 1824 и признанного исследователем наиб. авторитетным из всех авторизов. списков, — «Грибоедов А. С. „Горе от ума“. Текст Жандровской рукописи» [М., 1912 (со ст. «Грибоедов и Жандр»); одобрит. отзывы В. Я. Брюсова (в письме П. от 25 сент. 1912) и в ж-ле «Заветы» (1913, № 1)]. Во 2-й т. помимо двух скрупулезно выверенных П. редакций высокой комедии вошли его обширные примечания, включавшие «Обзор литературы о Грибоедове» (в т. ч. иностранной), оценки комедии лит. критикой, ст. «Прототипы действующих лиц», сценар. история пьесы, и др. Том 3-й, содержащий письма писателя, небольшой раздел его «прозы», в т. ч. лит.-критич. записки, и обширные комм. П., вышел весной 1917. Вероятно, потрясавшие Россию военные и социально-полит. события не располагали к обстоятельному разбору академического 3-томника [серьезным можно назвать одобрит., но и полемич. отзыв Б. В. Варнеке (Изв. ОРЯС. 1914, № 2; см. возражения П. — там же, 1915, № 1)].

Со временем стало очевидно: по принципам текстологии и науч. комментирования подготовленное исследование ПСС стало образцом для последующих изд. такого типа. Изучив огромное кол-во существующих списков «Горя от ума», П. установил наиб. авторитетный, в конечном ито-

ге — канонич. текст комедии (окончательно — в серии «Лит. памятники» — М., 1969). Общетеоретич. значение работы П. над этим изд. — в ясно сформулиров. принципе соблюдения творч. воли автора как осн. текстологич. принципа.

В 1912 П., сдав магистерские экзамены, стал преподавателем Петерб. ун-та, не оставляя Бестужевских курсов, а в 1915 прибавил к ним еще преподавание в Имп. женском пед. ин-те (до 1917). Сочетание исследований и пед. деятельности позволило П. стать одним из создателей (вслед за А. С. Архангельским) научно-методич. лит.-ведч. жанра — семинария. После первых «опытов», изданных студентами П. литографически (1909 и 1910), вышло два изд. специально написанного для публикации семинария — кн. «Три эпохи: Екатеринбургская, Александровская, Николаевская. Темы и библиография» (СПб., 1912; 2-е изд., «совершенно перераб.» и доп. рубрикой «вопросы» — СПб., 1913; одобрит. рец.: А. А. Кизеветтер — РМ, 1913, № 2; «Заветы», 1913, № 1; «Совр. мир», 1914, № 3). На Бестужев. курсах особым успехом пользовались семинарии П. «Радищев», «Грибоедов и его время», «Тургенев и его время»; итогом работы семинария стал «Тургеневский сборник» (П., 1915) — статьи слушательниц курсов.

Как историк рус. лит-ры (преим. кон. 18—19 вв.) П. в сер. 10-х гг. продуктивно проявлял себя в периодич. (чаще всего в рецензиях) и разл. словарях (обычно — в жанре «малой» биографии) и совместных тематич. сб-ках. По приглашению Брюсова (уже отошедшего от символизма) с ноября 1912 по окт. 1916 сотрудничал в либерально-кадетском ж-ле «Рус. мысль» (свыше 30 публ.). Во 2-й пол. 1912 — нач. 1913 напечатал ряд рец. в просоциалистич. ж-ле «Современник», куда его (вместе с Сакулиным и А. Г. Фоминим) пригласил Е. А. Ляцкий (негативно воспринявший декадентство и модернизм); соредактором ж-ла по беллетристике в то время являлся М. Горький. В 1914—17 П. не менее 5 рец. поместил в «Голосе минувшего», «ж-ле истории и истории лит-ры», возглавляемом «нар. социалистами» В. И. Семевским и С. П. Мельгуновым; участвовал в ж-ле «Родной язык в школе» (1914 и 1916); в 1911—13 публиковался в газ. «Рус. вед.» (в т. ч. ст. «„Горе от ума“ в парадоксах рус. критики», 1913, 8 авг.); отд. мат-лы появлялись в ЖМНП и ИзвОЯС. Стал автором ряда статей в «Новом энци. словаре» (НЭС, выходил с 1911), в т. ч. «Авдеев М. В.», «Барсов Е. В.», «Беседа любителей русского слова», «Вольтер и вольтерьянство в России», «Гоголь Н. В.», «Крылов И. А.». Для остано-

вт. труда «Масонство в его прошлом и настоящем» (т. 1—2, М., 1914—1915) написал беспристрастный социально-психол. портрет влиятельного «теоретика и устроителя рус. масонства» — «Н. В. Лопухин». (В 1947, уже овладев — по собств. слову — «марксистским методом», подготовил ст. «Масонская литература» для академич. «Истории рус. лит-ры», т. 4.)

Между двумя революциями П. выступил с публич. брошюрой «В народ! Рус. рев. народничество сорок лет назад» (П., 1917; под текстом авторская пометка: Коржач. 27 июня 1917).

Итога свои раздумья от прочитанных воспоминаний и записок еще «зрелых русских народников» (Е. К. Брешко-Брешковская, В. Н. Фигнер, Г. В. Пеханова, П. А. Кроюткина, Н. А. Морозова, Н. В. Чайковского), П. публицист актуализирует для современников ряд уроков и издл. «выстраданных этим народолюбцами»: «великое значение деревни в рус. жизни» России (с. 3); «конституция, парламент, всеобщее избират. право, гражд. свобода, всеобщий демокр. програм., только укрепляют бурж. строй» (с. 9); а трудовому люду необходима социальная революция; теперь (после Февр. революции и возникновения идеи об Учредительном собрании) от решения «русского дела» и участи крестьянства зависит вся дальнейшая история «малой родины — на многие десятки, даже сотни лет» (с. 3); ныне «из очередей» поставлена «необходимость тщательного изучения» крестьянства и «долгой, упорной культурно-просветительской работы» (с. 29).

В сент. 1917 П. (вместе с М. Фасмером, будущим этимологом, и В. М. Жирмуцким) утвердили экстраординарным проф. Саратов. ун-та (ШГИА СПб., ф. 14, оп. 1, № 10619, л. 19). Незадолго до Октября он переехал в Саратов, где вскоре развернул широкую научно-просветит. и культурную деятельность. Наряду с профессорством в ун-те (см.: Саратовский ун-т. 1909—59, Саратов, 1960, с. 116—117), в апр. 1918 избран дир. Ин-та нар. образования, с успехом читал в нем лекции; основал Об-во лит-ры и этнографии; организовал выпуск науч. работ по лит-ре, образованию, этнографии.

В 1920 завершил исследоват. работу «Творческая история „Горя от ума“». Введение к ней, сократив и немного дополнив, опубликовал под назв. «Новый путь литературной науки» («Искусство», 1923, № 1; отклик — М., 1923). Констатируя кризис «культурно-ист. метода» (будто забывшего, что «лит-ра есть художество») и «естественное» нарастание в науке «формально-эстетич. проблем», П. предостерегает от абсолютизации «формального» метода и советует ввиду многогранности предмета исследования — «словесного художества» — сочетать различные методы и подходы — социально-генетич. (или социологический), «формально-эстетический», культурно-психологич. (уаочно реализованный М. О. Гершензоном), анализ «психологич. творчества» и др. В качестве

лит.-ведческого жанра, свободно объединяющего «в одном задании многие приемы как старой, так и новой лит. науки», П. выдвигает жанр «творческой истории» крупных произведений. Теоретич. оформлением и практич. реализацией жанра явилась его названная работа о «Горе от ума», опублик. лишь в 1928 (М.—Л.; перензд. — М., 1971), ставшая, по отзыву Сакулина, «надежным образцом методики исследования» («Изв. АН. Отдел гуманитарных наук», 1930, № 3). Обедненность и суженность истолкования худож. лит-ры «формалистами» — тема рец. П. 1927 «О сб-ке молодых литературоведов-формалистов» (ж. «На лит. посту», 1927, № 4), где вместе с тем отмечена их высокая «лит. выучка» в анализе стилистики худож. текстов.

С сент. 1921 проф. Моск. ун-та; вскоре избран чл. Гос. академии худож. наук и занял должность вице-президента и зав. отделом лит-ры; в 1923 по приглашению Брюсова начал преподавать в Высшем лит.-худож. ин-те. Продолжая развивать — путем дифференцирования ряда тем из «Трех эпох...» в самостоят. работы и включения новых тем, проблем, в т. ч. выдвинутых «формалистами», — жанр семинария, выпускает кн. «Пушкинская студия» (2-е изд. — П., 1922), «Два века рус. литературы» (М., 1923; 2-е, перераб. изд. — М., 1924; в кн., в частности, впервые дана проблемная библиография Ф. М. Достоевскому) и совершенно новой, «историко-краеведной семинарии», — «Областные культурные гнезда» (М., 1928), получивший высокую оценку известного фольклориста и краеведа М. К. Азадовского (обстоят. рец. — ж. «Северная Азия», 1930, кн. 1/2); кн. П. научно оправдывает необходимость и важность развернувшегося в провинции краеведч. движения, раскрывая особую роль и ценность провинц. лит-ры и культуры (ср. также одобрит. рец. И. М. Гресса и Н. К. Гудзия — «Красеведние», 1928, № 6, и «Красная новь», 1928, № 4). Однако книга не успела стать настольной для провинц. краеведов: вскоре в большевист. прессе появились статьи «интернационалистов», усмотревших в краеведч. лит-ре опасные тенденции увлеченности стариной и «патриотизмом», — и краеведч. движение подверглось разгрому (см. ст.: Первый перелом — «Знание — сила», 1988, № 11, с. 67—75). В 1931 П. избран чл.-к. АН СССР. В сов. период, продолжая издавать работы о Грибоедове и Тургеневе, он занимался также творч. наследием А. С. Пушкина, И. А. Гончарова, М. Горького, В. Г. Короленко и др. Он ввел в науч. обиход воспоминания современников писателя в качестве существенного историко-лит. источника. Вместе с

А. В. Луначарским редактировал сер. книг «Русские мировые классики» (1925—32). В 1928 на обсуждении плана издания классиков встречался с Горьким, поддержавшим план, предложенный П. (позже писатель одобрил ст. П. «Горький и фольклор» — «Сов. этнография», 1932, №5/6). С 1932 жил в Ленинграде; проф. ЛГУ и чл. Ученого совета ИРЛИ. В 1942—44 проф. Среднеазиат. ун-та; в 1944—48 — Московского, а затем вновь Ленинградского ун-та.

При внешне благополучном академич. статусе жизнь П. в сов. время не была лишена драматизма и горьких переживаний: ему пришлось каяться в печати за тенденции «вульгарного социологизма». Проводник идеол. диктата, орган ЦК ВКП(б) газ. «Правда» дважды (8 авг. 1936 и 30 дек. 1946) подвергла его резкому осуждению; он не раз подавался идеологии, конъюнктуре, вопреки собственным убеждениям и этике ученого-академика. О его скрытых переживаниях и «суде над самим собой» см.: Гришунин, 1991. В ИРЛИ хранится обширный массив переписки П. (в т. ч. письма П. И. Бартевева, С. А. Венгерова, П. Е. Щёголева, В. Я. Брюсова, А. В. Луначарского, В. Д. Бонч-Бруевича).

Др. произв.: «Из арх. мелочей. Столкновение Булгарина с матерью Грибоедова» (публикация; РС, 1905, № 12), «Несостоявшаяся газ. Пушкина „Дневник“ (1831—1832)» (в кн.: Пушкин и его современники. Мат-лы и иссл., т. 2, в. 5, СПб., 1907; отд. оттиск — СПб., 1907), «Памяти А. Н. Пылина» (ИзвОЯС, 1910, № 3), «Беллетристика Надсона» (газ. «Солнце России», 1912, № 3), «Историко-лит. труды в 1913 г. (Обзор книжных новостей)» (б. м., 1914), «Хронология рус. лит-ры для учащихся. Синхронистич. таблицы...» (СПб., 1914; положит. рец.: ЖМНП, 1914, № 12; ИВ, 1915, № 4), «Грибоедов и Мольер. (Переоценка традиции)» (М., 1922), «Лиризм В. Г. Короленко» («Жизнь», 1922, № 2), «Рус. писатели в неизд. восп. В. Н. Григорьева» («Совр.», 1925, № 1), «Стилизация Блока» («Веч. Москва», 1926, 17 авг.), «Белый А.» (БСЭ, 1-е изд.; ср. отзыв Белого в его кн.: Начало века, М., 1990, с. 34, 570), «Дворянская реакция на декабризм» («Звенья», сб. 2, М., 1932), «О классиках. Сб. статей» (М., 1933), «Грибоедов. Иссл. и характеристики» [Л., 1934], «Из истории ранней рус. демократии. (Черты ее идейной, моральной и социальной настроенности)» («Вопросы рус. лит-ры», в. 2, Львов, 1967).

Лит.: Несмирович-Данченко В. И. (Отрывок из письма к П. (апр. 1936 г.)). — В кн.: Контекст, 1964, М., 1986, с. 196—97; Берков

П. Н., Проф. П. — «Вест. ЛГУ», 1948, № 3; Городский Б. П., Н. К. Пиксанов. — В кн.: Вопросы изучения рус. лит-ры XIX—XX вв., М.—Л., 1958, с. 5—12; Барсук А. И. Пятитысячные семинарии по рус. лит-ре. (1904—1963). Ист.-библ. очерк, М., 1964, с. 21—26, 28—32, 44—50, 225, 228; Чернышевская Н. М. [вручка Н. Г. Чернышевского], Встречи с П. — В сб.: Вопросы рус. лит-ры, в. 1, Львов, 1972; Н. К. Пиксанов, М., 1968 (АН СССР. Мат-лы к библиогр. ученых СССР; Сер. лит-ры и яз., в. 8); Ревякин А. И., Краткий очерк и-кн., изд. и область деятельности. — Там же; Григорьян К. Н., Путь ученого (к 90-летию П.). — В кн.: От «Слова о полку Игореве» до «Тихого Дона». Сб. статей к 90-летию П., Л., 1969; Гришунин А. Л., [Космоцентризм]. — В кн.: Пиксанов Н. К., Творческая история «Гора от ума», М., 1971; его же, Он между нами жил... (к 95-летию со дня рождения П.) — В сб.: Вопросы рус. лит-ры, Львов, в. 2, 1972; его же, Два Николая [Н. К. П. и Н. К. Гусев]. — В сб.: Судет и время. Коломна, 1991; С.-Петерб. Высшие жен. (Бестужев.) курсы, Л., 1973 (ук.); Фомичев С. А., Грибоедовское собрание П. — В кн.: А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Труды, Л., 1977; Тихончик Г. А. П. — преподаватель Бестужев. курсов. — РЛ, 1978, № 4; Соколов Н. И., П. как историк рус. лит-ры. — В кн.: От Грибоедова до Горького. Из истории рус. лит-ры. Межвузовский сб., Л., 1979 (включает доп. библиографию работ П., не вошедших в кн. «Н. К. П.» 1968); История рус. лит-ведения, М., 1980 (ук.); Баскаков В. Н., Пушкинский Дом. (Ист. очерк), Л., 1980 (ук.); Тихончик Г. А., 3-и тмаческие чтения, Рига, 1988, с. 301 (отзыв В. М. Жиряковского); Азавонский К. М., Егоров Б. Ф., О космополитизме и космополитизме: 1948—1949. — «Экстаз», 1989, № 6, с. 169, 175—76; Шечкова С. А., Н. К. П. — исследователь жизни и творчества Грибоедова: Методологич. аспект (авторф. канд. дис.), Х., 1991; ЛН, т. 4/6, с. 965, 997, 1023, т. 13/14, с. 542, 627, 652—667, 670, 704; т. 16/18, с. 36, 37, 631—32, 1058—1161; т. 47/48, с. 74—92; т. 53/54, 56, 57, 60 (кн. 1), 69 (кн. 2), 73 (кн. 2), 76, 82, 83, 85, 95; т. 98 (тысяча: одно П. к В. Я. Брюсову и 2 от него к П.), + РВед. Сб.; Журнал «Рус. лит-ра» за 1958—1973 гг. Указатель содержания, Л., 1975, с. 143—44 (сост. В. П. Степанов); Пушкинский Дом. Библиография трудов, Л., 1981 (сост. А. К. Михайлова); Муратов (1, 2, 3; ук.); ЛЭ; КЛЭ [в т. ч. ст. «Семанарий» (т. 9); Маслов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 496, ф. 377, ф. 163, оп. 2, № 392 и оп. 4, № 88 (письмо Лыковой); РГАЛИ, ф. 395 (Пылины), оп. 1, «Восточная и настрония» В. А. Лыковой (Пылиной); ИМЛИ, ф. 239; РНБ, ф. 582; ГАРФ, ф. 102, оп. 199, 1902 г., л. 174, ч. 27.

С. А. Иватова, Н. П. Розин; при участии А. Л. Гришунина

ПИЛЬСКИЙ Пётр Моисеевич (Мосеевич) [16(28).1.1879, Орёл* — 21.12.1941, Рига; похоронен на Покровском правосл. кладб.], лит. и театр. критик, прозаик. «Моя родина — г. Орёл. Там офицер 144 Каширского полка Мосей Николаевич Пильский женился на дочери графа Девиера, Неониле Михайловне, и первенцем от этого брака родился я» (автобиогр. — ИРЛИ). Дед, Мих. Дм. Девиер, служил «в лейб-гвардии Конном полку» (родословные книги — РГИА, ф. 1343, оп. 46, № 1170, л. 26—27 и об.). В 10-летнем возрасте П. поступил по конкурсу в 4-й моск. кадет. корпус, затем был переведен в Александров. воен. уч-ще, откуда в 1894 вышел юнкером в 120-й пехотный Серпухов. полк (расквартированный в Минске). В 1895 произведен в офицеры, в 1897 (или 1898) вышел в отставку.

Воен. обучение оставил у П. тяжелые воспоминания. В юнкерском уч-ще, где, по его сло-

вам, «многие пути систематически и шли как раз наоборот: способность, живые, нормальные и неупругие» (МБ, 1906, № 6, с. 38). П. привык к алкоголю, в конце жизни даже боролся с этим пристрастием: в породах армия вывел примычные мн. негативные явления общества, жизни России (ст. «Во яраке казны» — РМ, 1905, № 11; журнал ст. «Армия и общество» — МБ, 1906, № 6—8, и др.).

Печататься «начал еще кадетом» (автобиогр. — ИРЛИ). Во время учебы в Москве участвовал в лит. кружке, собиравшемся в 1891—92 дома у В. Я. Брюсова. «Прекрасно знакомый с рус. критич. лит-рой», П., по восп. товарища по корпусу В. К. Станковича, был «одним из самых ярких спорщиков» и «лит. беседа нередко превращалась в турнир между этими двумя бойцами (П. и Брюсовым)» (ЛН, т. 85, с. 727, 753; см. очерк П. «Валерий Брюсов» — «Мансарда», Рига, 1931, № 5—6).

Посещал также лекции ун-тского проф. Н. И. Стороженко, к-рый советовал П. отказать от воен. службы и посвятить себя лит-ре. 19 апр. 1894 совершил поездку в Ясауя Подляну к Л. Н. Толстому (см.: «Моя беседа с Л. Н. Толстым» — «Каспий», 1903, 23 февр.; «У Толстого» — «Последние известия», 1923, 1 апр.). В том же году, приехав в Минск, к месту службы, стал сотрудничать в газ. «Минский листок», вел критич. и публич. отделы. Первые значит. публикации П. — рец. «Сочинения А. М. Скабичевского» (1895, 19 мая) и ряд статей об А. П. Чехове (1895, 28 июля, 15, 26 сент., 20 окт.). Позже П. опубли. в сб. «Незлюбивые пародии» (М., 1908; сост. Л. М. Василевский) в своей подборке две пародии — «Скабичевский. О жизни и литературе» и «А. Чехов. Дача с птичкой», столкнув в первой из них оба эти имени. Печатал библи. и критич. заметки также в киев. газ. «Жизнь и иск-во». В связи с запрещением «Минского листка» после евр. погромов и беспорядков 1897 на 8 месяцев П. приехал в Петербург, начал сотрудничать в «Бирж. вед.».

где познакомился с редактором отдела «ведомостей» И. И. Ясинским, печатавшим П. и в «своем» ж. «Ежемес. соч.»; вскоре вошел в лит. крупи Петербурга.

Началом своей журналистской деятельности П. считал 19 апр. 1901, связывая его с работой в «Курьере» (печатал библиограф. заметки). В этой моск. газете П. дебютировал и как беллетрист — рассказом «Что будет впереди» (1902, 3 янв.), к-рый, по словам П., «очень одобрил» Л. Н. Андреев (автобиогр. — ИРЛИ), опубликовавший в газете и рассказы «Золотые вилочки» (1902, 18 апр.) и «Власть смерти» (1903, 19, 21, 23 авг.) — о самоубийстве гимназиста, посв. Андрееву и написанный под его влиянием. Рассказы «Подруги», «У фабричной трубы» (МБ, 1902, № 10), «поэма в прозе» «Сумасшедший дом» («Ежемес. соч.», 1902, № 5), позже объединенные в сб. «Рассказы» (СПб., 1907; 2-е изд., 1910), внешне бытовые, содержали скрытый философский, даже символич. смысл, а отд. сюжеты (рассказ «Зарево») разворачивались в плане экспрессионистской картины, близкой нек-рым произв. Андреева. П. в предисл. назвал книгу «надгробным камнем на могиле беллетриста»; после ее выхода он всецело посвятил себя журналистике.

Отзывы на книгу были разноречивыми: П. «рассказывает... объективно до сухости и упрощает форму до того, что она совершенно не поддается пересказу. Оттого-то внутренние построения его рассказов и производят такое сильное впечатление» (А. Н. Куприн — СМ, 1907, № 10, с. 82—83); «как мило, просто, как ясно и благородно!» (Н. Рапп — «Перевал», 1907, № 11, с. 68); «ветхое холодно выдуманности и вымученности» (Н. Леонтьев — «Нов. книга», 1907, № 13, с. 22); «Да и о жизни ли эти рассказы? Эти маленькис довольно точные фотографии...? Эти люди выходящие из неведомого вольноверия» (Н. И. Петровский — «Вестн», 1907, № 9, с. 69—70).

В кон. 1902 П. уехал в Баку, где был сотрудником газ. «Каспий», а потом зав. редакцией газ. «Баку». В «Каспий» он поместил, кроме лит. очерков, циклы фельетонов «Петербург. письма» (1902, 29 окт., 21 нояб., и др.) и «Лит. впечатления» (1902, 25 окт., 8, 30 нояб., 14 дек., и др.). В кон. 1903 приехал сначала в Москву, а затем снова в Петербург, где возобновил бурную лит. деятельность, секретарствовал в газ. «Неделя» и ж. «Вест. знания». Перевез в столицу мать, жену, Анну Антонову, и сына, обращался в Лит. фонд за помощью (см. его прошение — ИРЛИ, ф. 155), часто переезжал (в письмах за 1904—05 упомянуты 5 адресов). В апр.—мае 1905 дважды подвергался аресту, сидел в одиночках. С 1906 сотрудничал в эсеровской газ. «Мысль». Против П. как автора брошюры «Охранный шпионат» (СПб., 1906) о деятельности рос. «охранки», к-рую он обвинял в некомпетентности, запугивании и обмане ча-

стных лиц и общества в целом, в прямых провокациях (напр., в выдаче жандармскими агентами задержанного революционера его же товарищам), было «возбуждено судебное преследование» за «оскорбительную и резкую критику деятельности рус. Гос. полиции» (РГИА, ф. 1405, оп. 530, д. 431; ф. 777, оп. 7, д. 179 — письмо прокурору Петерб. судебной палаты и доклад члена Петерб. к-та по делам печати К. Н. Осипова). На брошюру был наложен арест, а тираж конфискован.

Выступая как театр. критик, П. провозгласил смерть «быта» в иск-ве [«Социал-романтик. (С. Юшкевич)» — ТиИ, 1906, № 49; отклик: А. Р. Кутель — там же, 1906, № 50].

Налин критик. К. Чуковский, П. Пильский, М. Волошин. Шарж Ре-Ми. Журнал «Сатирикон», 1908, № 29.

После публикации критич. писем «Революция и беллетристика» («Мысль», 1906, 30 июня, «Свобода и жизнь», 1906, 8 окт., 5 нояб., 19 нояб., 3 дек. и пр.) П. приобрел репутацию задорного полемиста «по вопросу о революции и иск-ве», декларирующего необходимость новых худож. форм для наступающей «революции духа» (Неведомский и М., Художество и жизнь. — СМ, 1906, № 3, дек., с. 35, 38). П. полемизировал не только с ота. критиками, но и с изданиями.

Так, в 1908 П. в газ. «Свободные мысли», где он был ведущим критиком, в ст. «Вчерашнее письмо» (21 янв.) обвинил «Сталинскую почту» (ее лит. обзор) в несправедл. ко мн. новым явлениям в совр. иск-ве — Бросову, «мистич. анархизму», к. приравнению партийной полит. прессы с т. н. декларативным, появлению условного театра и т. д. Критик «Сталинской почты» Ф. Маловер (В. В. Португалов) в ст. «Пикетель полемизм» (8 февр.) и «Штабная критика» (24 февр.), возразив П., упрекал его в неосознанности. П. в ст. «Мой ответ Ф. Маловеру» («Свободные мысли», 11 февр.) защитил свое право на эволюцию взглядов. Вскоре его имя в «Сталинской почте» становится эталоном низкосортной кри-

тики (см. реплику Д. В. Философова «Весь это хуж Пильского!» — 1908, 27 февр.).

Фельетон П. «Казриль слепых» («Свободные мысли», 1908, 21 апр.) был нападком против марксистского лит.-критич. сб. «Лит. распад» (1908), в к-ром участвовали А. В. Луначарский, Л. Д. Троицкий, Л. Б. Каменев и др. и где сам П. получил отриц. характеристики; фельетон в свою очередь вызвал резкие выпады против него В. В. Воронского («О буржуазности модернизма» — «Одес. обозр.», 1908, 10—11 мая).

Гл. направлением в новой поэзии П. считал «мистический анархизм» и различал в нем три ветви: декадентов (Брюсов, К. Д. Бальмонт), романтиков-неохристиан (Д. С. Мережковский) и собственно мистич. анархистов (Вяч. И. Иванов, А. А. Блок) («Палка хромого» — «Свободные мысли», 1907, 13 авг.). Считал это явление «глубокоправдой выдумкой»: «за этим несуразным термином стоит пустое место, на к-ром можно построить и храм и пантеон» («Столыбы» — ТиИ, 1907, № 47, с. 778). Однако сам П. посвящал этой теме много статей (в т. ч. реш. на кн. Л. Кульчицкого «Современный анархизм» — «Свобода и жизнь», 1906, 5 нояб.; «Художник-анархист. [Об А. Куприна]» — там же, 1906, 3 дек.; «Анархическая критика» — «Перевал», 1907, № 12), вызвав иронич. отклики: «А то придет какой-нибудь трактирный нищеанец (Петр Пильский) и докажет, что Куприн — анархист, и Кузин — анархист, и он сам — анархист, и все хорошие люди — анархисты...» (Чуковский К., От Чехова до наших дней, СПб., 1908; с именем П. — в его Собр. соч., т. 6, М., 1969, с. 77). Впоследствии П. и сам иронизировал: «Разумеется „Л. Андреев — мистический анархист“ такой же хороший взгляд, как „Л. Андреев — социал-демократ“, он не мистический анархист и не социал-демократ, он просто Леонид Андреев» («Критич. статьи», с. 12). П. писал также предисл. к изданиям разных авторов, в т. ч. к книге Е. А. Соловьёва «Очерки из истории рус. лит-ры 19 в.» (3-е изд., СПб., 1907).

1907—08 — наиб. активные и плодотворные годы работы П. в столице. Он — сотрудник ж-лов «Наука и жизнь», «Перевал», «Журнал для всех», «Весна», «Пробуждение», «Образование», «Осколки», «Солнце России», «Всемирная панорама», газ. «Бирж. вед.», нек-рое время возглавлял лит. отдел в «Новой Руси», печатался в провинц. газ. «Одес. новости», «Юж. мысль», «Волярь». Автор статей и очерков о творчестве Куприна, И. А. Бунина, А. С. Роддаева, М. П. Арцыбашева, З. Н. Гиппиус, Л. Д. Зинovieвой-Аннибал, М. А. Кузмина, Андреева, Н. С. Гумилёва, рецензент мн. лит. дебютов. Читал лекции. Пытался организовать издание журнала, принимал активное участие в выпуске газ. «Эпоха» (1908, № 1—2; позже «Межа», 1908,

№ 1—3), куда привлек Андреева, А. Т. Аверченко, А. Н. Бенуа, Блока, Куприна, А. М. Ремизова, Сашу Черного. Как критик участвовал во всех номерах этих газет. В этот период П. обрел широкую популярность.

И. Северянин писал о читателях П.: «И журит обывателя в Рильске! Глаза, читая злой памфлет! Блистательное эпопею» (роман в строфах «Роль Леандра», 1925). А. Бухов назвал П. «один из самых зрых разбивателей лит. лиц и морд» («Весна», 1908, № 10, с. 14), см. также пародию О. Л. Д'Ора («Свободные мысли», 1908, № 49), комич. реплику Салты Черного, страдающего, что П. называет его «дешевой бездарностью» (стих. «Переутомление», 1908). П. называли «пламенным» и «талантливым» (Ю. Дюмов — «Свобода и жизнь», 1906, 19 нояб. (2 дек.), «мелодым и талантливым критиком», бичующим «фальшивое несомудрие» [Блок, V, 120, 723 (ст. «О реалистах», 1907)]. По словам Д. С. Святошника-Мирского, П. «в 1907 г. в петерб. газ. „Полуденник“ вместе с К. Чуковский обновлял рус. критику „совр.“ серию приемами хлесткой занимательности» («Лит. учебка», 1934, № 5, с. 31).

Портрет П. этого времени отразился в мемуаристике: «... был очень непути, довольно злоязыч и не бездарен» (Чалыгин); «изящный молодой человек... В перенос. Глазко выбранный подборкою. Чистейший костюмчик. Модный галстук... Фрагет» (Д'Ор); «молодой человек с закрученными маленькими усиками и пушком на подбородке... Яркий „богемнет“ Петр Пильский был талантливый, своеобразный, экспансивный, но взыбланный критик-любитель. Он умел остро писать памфлетные речи и произносить тосты, точно имитируя всех ораторов того времени» (Ходотов Н. Н., Близкое-далекое, Л.—М., 1962, с. 174—75); «темпераментный и бойкий писатель, отлично владевший пером, но бретер, самовак, забавка, кавайши драчук» (Чуковский К., Современники, М., 1963, с. 268).

Несмотря на критич. активность, П. почти постоянно нуждался, особенно после закрытия «Свободных мыслей» и «Эпохи» (см. его прошение от 20 янв. 1909 в Пост. комиссию для пособия нуждающимся ученым, литераторам и публицистам — ИРЛИ, ф. 540), а также в связи с арестом в дек. 1907 и судебным преследованием за ст. «Кладбище» («Утро», 1908, 7 июля) о революционере, к-рый согласился стать палачом, призначенную в соответствии с регламентирующим указом С.-Петербур. к-та по делам печати «написанной с несомненной целью возбудить в читателей вражду к правительству» (сообщение графа Головина петерб. градоначальнику — РГИА, ф. 776, оп. 9, № 858, л. 7).

В 1909 П. выпустил сб. «Проблема пола, половые авторы и половой герой» (СПб.). Несмотря на эпатажность названия, П. рассматривал проблему в подчеркнuto лит. ключе («... я очень любил, люблю и всецело защищаю и хвалю талант, а значит и темы М. Кузмина»), выводя за пределы лит-ры прозв., «цель к-рых подействовать не на мозг, не на душу и сердце, а на...» (с. 35). По своему пристрастию к необычным и даже скандальным сюжетам П. и позже интересовался прозв. этой тематики [см. его рец. «Сидорова коза...» на книгу А. Мар «Женщина на кресте» (ЖЖ, 1916, № 24, подпись Л. Фор-

туатов) и пр.], но оценивал их исключительно по эстетич. критериям.

Основу его сб. «Критические статьи» (т. 1, СПб., 1910; т. 2, как и подготовленный в это же время сб. статей «Армия и общество», не издан) составили «ряд живых и метких лит. характеристик — критич. этюдов» (Шмелев) об Андрееве, Брюсове, Н. М. Минском, Ф. Сологубе и др., ранее напечатанных в газетах, и программная ст. «О критике». В ней П. дал краткий ист. очерк рус. критики, определил задачи совр. критика — не учить читателя, почему прозв. иск-ва прекрасно, а почему это худож. обаяние, «уметь... перевоплощаться, как и сам художник, пройти с ним весь трудный путь творч. процесса... и восприняв... суметь передать, внушить и объяснить» (с. 153). П. считал, что новая критика будет «импрессионистической» и что самые интересные ее образцы принадлежат художникам, пишущим об иск-ве (А. Белому, Вяч. Иванову, Меркельскому, Гиппиус), позже он высоко оценил «критика-эстетика, мечтательного лирика, влюбленного прихожанина лит. храма» Ю. И. Айхенвальда («Затуманившийся мир», с. 116).

Восторженно отзывался о книге Л. П. Гроссман: «парадоксы г. Л... несколько и неизбежно вырываются из бурно-пламенной лавы его писаний. Это цвет и хмель его мышления... Его стиль изумительно богат, блестящ, ослепителен... книга П. представляет собой горячую, субъективную, интимную импровизацию ума...» («Одес. новости», 1910, 19 янв.).

В 1910 П. отправился в «добровольное самоизгнание из Петербурга» (см. его письмо Ф. Д. Батюшкову, 1913, ИРЛИ) на Юг: в Одессу и Киев, помещая статьи, фельетоны, рассказы, очерки, театр. рецензии в киев. изданиях, харьков. газ. «Утро». В Одессе он впервые попытается организовать студию молодых поэтов (куда вошли Э. Г. Вагнерикий и В. П. Катаев), ездил с лекциями. Наиб. активно сотрудничал в «Одес. новостях» в 1910—12, но посылал туда статьи и позднее. В 1914 конфрмировал в Одессе вечер футуристов с участием В. В. Каменского и В. В. Маяковского.

Д. Бурлюк демонстрировал на этом вечере футуристич. портрет П. (воспроизведен в «Одес. новостях», 1914, 18 янв., там же шарж на него М. Линского). Позже П. вспомнил в очерке «Маяковский»: «... когда Бурлюк вынес доску, на к-рой были нарисованы разноцветные треугольники, — лиловые, черные, желтые и малиновые, — и объявил: „Портрет Пильского“ — публика разразилась неудержимым хохотом» («Затуманившийся мир», с. 204), «Одес. новости» записали его в футуристы (Н с з н.). На футуристах... — 1914, 17 янв.). П. отличился письмом «Футурист ли?» (там же, 1914, 25 янв.), в к-ром прозекларировал свою испартийность («Я — не футурист... говорить о футуристах и даже за футуризм не обязывает ни заветы, ни быть футуристом!») и одновременно — поддержку «асстрого новаторства», «искания» как такового: «обсда футуристов, по мнению П., представляется «принципом нового иск-ва, их духовной близостью, их родством с новой динамикой нового города, новой лавшей

взлетной жизнью, новой механической культурой». Интересно его суждение о Маяковском: «... у него нет ничего от футуризма — ни лающего языка, ни нового лексикона, ни дакс непопности. Он умело талантлив и усердно лоси» (Петроний, Не... — ЖЖ, 1916, № 44, с. 8).

Считая позицию лит. критика необходимым беспристрастным, П. не входил ни в какие лит. группировки, никогда не связывал своего имени с каким-то определенным журналом или еженедельником, печатаясь по час в изд. разл. эстетич. ориентации. При его статьях были нередки замечания, подобные тому, к-рым Д'Ор сопровождал пародию на П. (см. выше): «Редакция уведомляет читателей, что совершенно не согласна с высказываниями автора». Но П. безусловно представлял либеральный лагерь: часто язвительно высказывался о сотрудниках «Нового времени» В. П. Буренине [«Буренин» — «Свободные мысли», 1907, 1 окт., с. 2; «Книга никого не роднящая, никого не дразнящая, никого не разящая... (Драматич. карикатуры В. Буренина)» — «Одес. новости», 1917, 8 февр.]; «Там не „стило литературы“» — там же, 1917, 24 февр., и др.] и М. О. Меньшикове («...от его писаний, бесцветных и мстительных, всегда мне становилось жутко» — «Меньшиков» — в кн: «Критич. статьи», с. 277). Позже писал: «Было время, когда восвать и бороться с Меньшиковым, и с Бурениным... имело смысл» («Одес. новости», 1917, 8 февр.), и хотя П. ценил В. В. Розанова «с его тонкими лит. догадками» («Мистик в должности околоточного» — «Свободные мысли», 1907, 23 июля), негативную оценку вызывали у него антисемитские пассажи этих авторов (в эмиграции П. посвятил одну из статей «Протоколам сионских мудрецов» — «Доказанный подлог» — «Сегодня», Рига, 1938, 10 марта).

Др. объектом неизменно критич. нападок П. была «будуарная литература»: произв. Петровской, к-рую он назвал «мимочкой в литературе» («Будуарная литература» — «Свободные мысли», 1907, 31 дек.), А. А. Вербицкой («А. А. Вербицкая» — «Сегодня», 1928, 21 янв.) и др. Однако к такой лит-ре он причислял не всю женскую прозу: так, вполне сочувственное встретил слово написал к книге Ф. Гуревич «Девичье. Рассказы» [Од., 1912].

В 1914 П., призванный в армию, служил в артиллерии (в чине капитана), на фронте был дважды ранен. На войне погиб его брат Павел, поэт и журналист (см. письмо П. к Ясинскому от 15 марта 1916 — РНБ, ф. 907, № 656). Только через год П. смог вернуться к лит. деятельности: работал в ред. «Журнала журналов», помещая статьи в «Солнце России» (1916—18), «Аргусе» (1916), «Рус.

ПИЛЬСКИЙ

воле» (1915—17), продолжил публикации в «Театре и иск-ве» (1908—1917) и др. В нек-рых его выступлениях критика заметила обычно несвойственное П. «брюзжанье» (см.: Феникс (И. М. Василевский), Вздохи о минувшем. «Владычество пустяка» П. Аргус. VI — ЖЖ. 1916, № 32). В отзывах П. на лит. и театр. события было много точных и образных характеристик.

Ощущая критику главным своим призванием, «считая ее самым радостным творчеством» и понимая ее «как постижение одной души другой, как высочайшее и прекрасное искусство» (автобiogр. — ИРЛИ), — П. ставил своей задачей довести ее «до поэтической формулы» («Критич. статьи», с. 167).

Характерен полушуточный отзыв Б. Филта: «Если дать ему волю, заговорит и зайдет всю Россию... Может писать о чем угодно, но всегда страстно и блестяще», «Этой в полемике — в остальном рьяный» (Незнакомая — ЖЖ. 1916, № 12, с. 8—9). При этом тон его статей был, как правило, в осн. благожелательным. Незарою один из раскритикованных П. авторов обратился к нему за лит. советом (см. письмо А. Н. Мошина от 22 авг. 1907 — РНБ. ф. 211, № 1397).

После Февр. революции 1917 в мае—июле П. — редактор (с Куприным) петрогр. газ. «Свободная Россия». В 1917 (до окт.) выпустил в Петрограде сатирич. эссе, над к-рым работал еще с 1913, — «Господин Петроград» (два изд. — Типография т-ва «Печатное слово» и изд-ва ЖЖ), в нем П., описывая превращение гоголевского франта-Петербурга в пошлого «мещанина», обыграл ин. канонич. метафоры столицы (в т. ч. Ф. М. Достоевского — о городе, исчезающем, словно туман). В это время вышли также небольшой сб-к рассказов «Подрутки» (П.) и расширенное второе соч. «Охранный шпионат» (под назв. «Охрана и провокация»; П.). П. осуществил мечту о собств. ж-ле и в мае (или июне) — «в дни имени глупости и бесчестия» (из подзаголовка) — начал издавать ж. «Эшафот», «орган памфлетов», в к-ром печатались Аверченко, А. В. Амфитеатров, А. С. Бухов, А. С. Грин, Вас. И. Немирович-Данченко, художник Ре-Ми (Н. В. Ремизов), Тэффи. После 3-го номера (вероятно, в окт.) ж-л был закрыт, т. к. к тому времени П. уже был «непримирным врагом планетарного опыта марксизмов» (С а в и ч). С окт. 1917 сотрудничал в газ. «Вольность» Амфитеатрова, в 1918 — в газ. «Вечерний час» (фельетон «Кухарка» — «Новый вечерний час», 30 июля, и др.).

В нач. 1918 П. основал в Петрограде Первую Всерос. школу журнализма (трехмесячную), в к-рой помимо него лекции читали Ф. Ф. Зелинский, С. А. Венгеров, А. Л. Вольянский, Ф. Сологуб, Блок, Куприн, Амфитеатров, В. М. Дорошевич.

Об этом см. его письмо П. П. Глебу от 17 янв. 1918 с предложением прочитать лекции о театре и театр. критике и описанию структуры школы («В ней 2 курса — параллельных. 1-й — исторический, основной; история лит-ры, эстетика и философия, внешняя политика и история, пресса, газета, техника, этнография и т. д. 2-я серия лекций как бы эпизодическая...» — ИРЛИ. ф. 73, ои. 1, № 369 а), а также: Блок. Зап. кн., с. 385, 394, 398, 403, 405, 409—10, 584; «Молва» [1918, 10 июня]: восп. П. «Лит. край» («Последние изв.», Ревель. 1923, 12, 19 февр.).

В 1918 П. в газ. «Петрогр. эхо» (под ред. И. М. Василевского) после ряда острых фельетонов («Реакция» — 15 марта, «Жаль графа Мпрбаха!» — 16 апр., «Вы... Ваше!» — 7 апр. и пр.) напечатал ст. «Смирительную рубашку!» (9 мая), в к-рой призывал остановить «безумие» новой власти «алкоголиков» и «дегенератов». П. был заключен в воен. тюрьму — ему приписывалась «цель вызвать в массах недоверие к Сов. власти и враждебное к ней отношение» (Архив ФСБ СПб. Пост. по делу..., № 5030), дело в «законченном следствием виде» было передано в Рев. трибунал. 28 мая 1918 П. выпустили из тюрьмы с подпиской о невыезде (документ Рев. трибунала — ЦИА СПб., ф. 2411, ои. 1, № 20), однако он спешно выехал на Юг. Историю своего бегства обрисовал в рассказе «Приговоренные (Торьские воспоминания)» («Последние изв.», 1922, 4 дек.): «От большевиков я бежал раз. Из Петербурга. Потом второй раз. Из Киева. Теперь меня судьба застала в Херсоне...». В авг. 1920, совершив трудную и рискованную переправу через Днестр, добрался до Кишинёва, сотрудничал вместе с Л. М. Доброуравовым и П. П. Потёмкиным в местных газетах («Наше слово» и др.). Из Бессарабии уже с рум. паспортом в 1921 переехал в Эстонию, где его вторая жена, актриса Е. С. Кузнецова, вошла в состав местной труппы. В Кишинёве и Ревеле читал лекцию «Ленин и Троцкий» (см. сообщение — «Рус. книга», Б., 1921, № 1, с. 28; А. М.-ов — «Последние изв.», 1922, 13 окт.), опубли. очерки «Ленин» (там же, 18—20 окт.), «Троцкий» (там же, 28, 29, 31 окт.).

Публикуясь одновременно в газетах «Последние известия» (Ревель) и «Сегодня» (Рига), П. прожил в столице Эстонии до 1926, когда поврал с «Последними известиями» (см. его письмо — «Сегодня», 1926, 6 мая) и переехал в Ригу, став пост. сотрудником газ. «Сегодня» и опубли. в ней более 2000 рецензий, откликов, регулярных лит. обзоров, в т. ч. — обзоров очередных номеров парижского ж. «Совр. записки» (см.: Абызов), т. о. успешно восполнив отсутствие в эмигрантских изданиях регулярного отдела с квалифицирован. библи. освещением новинок рус. лит-ры. По популярности в эмигрантской среде «Сегодня» шла непосредственно за

парижскими «Последними новостями». В 1928 пытался вести (вместе с В. Гадалиным) ж. «Лит-ра и жизнь» (вышло два номера), состоящий из кратких рецензий и аннотаций.

В Риге П. организовал курсы журналистики, к-рые вел один (в отличие от петроград. школы). В первую очередь он «выбивал» из начинающих журналистов тагу к газетным штампам и «красотам» (Е. Пильская — «Новое рус. слово», 1961, 24 дек.).

В 1927 П. под псевд. П. Хрущов выпустил ром. «Тайна и кровь» (Рига, с предисл. Куприна; 2-е изд. — 1930; тогда же переведен на неск. языков, вышел во Франции и в Англии). В нем острый сюжет о борьбе антибольшевистских сил с всевластным ЧК — ГПУ, о попытке противодействовать злу, прикидываясь его служителем, развернут в форме детектива. Тема переметчивости, предательства, доноительства, провокации вызвала у П. интерес еще с дореф. времен (см.: «Три охранника» — «Сегодня», 1929, 6 окт.). На протяжении 20 лет он неоднократно писал в статьях о провокаторах, женщинах и ЧК, чекистах-литераторах, лит. доносах, тайнах контрразведки, чекистах за границей и т. п.

Результатом приверженности театру, к-рый П. знал и с внешней, и с кулисной стороны, явилась кн. «Роман с театром» (Рига, 1929; рец.: А. А. Плещеев — «Сегодня», 1929, 20 дек.). В нее вошли эссеистские главы «Кулисы» и «Театральная тайна», портреты людей, к-рых П. знал лично, — артистов Т. П. Карсавиной, Н. В. Левинской, М. Н. Дальского, А. И. Сумбатова-Южнина, В. Н. Давыдова, П. Н. Орленева, А. Н. Вертинского, театр. критиков А. Р. Кутеля, Ю. Д. Беляева, Вольянского. В 1929 возобновилось издание еженед. «Театр и жизнь» (до 1931 вышло 5 номеров), в к-ром П. публиковал рецензии, мемуары, эссе (особенно интересен очерк «Русские театры» — 1929, № 3 — о судьбе рус. трупп за рубежом).

П. принадлежит предисл. к кн. «Гримасы кисти и пера. Сб. рус. юмористов, писателей и художников» (Рига, 1928), в к-рый вошла и его юмористич. автобиография. В 1920-х гг. написал носск. вступ. статей к книгам рус. авторов, живших как за рубежом (Куприн, Н. Н. Брешко-Брешковский и др.), так и в России (П. С. Романов, М. М. Зощенко, М. А. Булгаков и др.), к-рые выходили в рижском изд-ве «Лит-ра» К. Расина.

Память об уходящем десятилетии П. постарался запечатлеть в кн. «За туманным прошлым мир» (Рига, 1929), составленной из статей о Ф. Сологубе, Брюсове (ст. «Одинокий»), Розанов, С. С. Юшкевиче, Потёмкине,

И. В. Одошевой, Аверченко, Тэффи, Айхенвальде, Ясинском, а также о сов. писателях — И. Э. Бабеле, Зошенко, К. А. Федине, Б. А. Лавреневе, М. Е. Колыцове, Романове, В. М. Инбер и др. Тяга к худож. зарисовкам проявилась в яркой стилистике его критич. статей — броских афористич. характеристиках, разvernутых метафорах и сравнениях: «Когда читаешь книги Зошенко, кажется, будто сидишь среди тихих людей за пузатым самоварчиком» (с. 182), Одошевцева «любит полусвет больше пожаров» (с. 36), Ленин-публицист «скучен до тоски, однообразен, как замерзшая пустыня» (ст. «Извратители духа» — с. 246), книга М. И. Цветаевой «После России» — «горячая, бунтующая, нервная... Это открывение в темпе, раскрытие души в ритме» («Сегодня», 1928, 25 авг.); о Н. М. Минском: «По своему темпераменту он был задирой, в своих писаниях — капризником и упрямец» (там же, 1937, 12 июля). Среди насыщенных мемуарными вкраплениями очерков (все опубли. — «Сегодня»): «Дорошевич» (1922, 2 марта), «Беззаботные годы» (1925, 14 дек.), «Первый рус. „Понедельник“» (1925, 7 дек.), «Спустя десять лет» (1926, 21 мая), «Шаяпин» (1930, 20 апр.), «О Куприне», «Куприн в России» (1937, 6, 28—30 июня).

В рец. на «Затуманившийся мир» М. Алданов писал: «Особенности его [П.] таланта, необыкновенная память, сохранившая все, от малейших черт наружности давно умерших людей до шуток, сказанных много лет тому назад, делают его книгу чрезвычайно интересной» (СЗ, 1930, № 42, с. 540; др. рец.: В. Сестлов — «Сегодня», 1929, 28 апр.; М. А. Осоргин — ПИ, 1930, 16 янв.). По словам В. Казанова, «критика П. не только беллетристична. Она еще и театральна... он стремится быть творцом: его критич. очерки часто превращаются в представления... Ему мало разобрать писателя или театрального деятеля, ему надо показать его как действующего лицо» («Числа», 1931, № 5, с. 267—269).

Постоянно общаясь в той или иной форме с жившими в эмиграции И. С. Шмелевым, Ф. А. Степуном, Бальмонтом, Осоргиним, Б. К. Зайцевым, Аверченко и др., П. не мог не думать и о судьбе лит-ры в России, остро переживая раздвоенность рус. лит-ры на эмигрантскую и советскую: в программной ст. «Совесть, честь, предание» («Сегодня», 1931, 10 мая) писал о «сумерках рус. лит-ры», пытающейся устоять от «напряжения азиатского коммунизма и наваждения психо. европеизма».

Жанровый диапазон П., писателя и критика, был чрезвычайно широк. С его активностью как журналиста связан и обилие псевдонимов: Роланд, П. Т. Роний, Лентяй, П. Шуйский, Петрополитанус, Петр Пустынный, ТРЕ, Книголюб, Евлампий Кондаков, Стило и др. Легкомыслен, эпигуристство П., о к-рых вспоминали мн. мемуаристы, возможно, были обманчивыми или поверхностными.

Необычайная работоспособность, эрудиция, устойчивость лит. пристрастий, отменное лит. чутье и преданность иск-ву, полит. чистоплотность были отличит. чертами П. как лит. критика и публициста. В восп. А. И. Дейча П. — обаятельный человек, хотя его «своеобразное бретерство порой становилось грубоватым»; «он писал остроумно и увлекательно, блестяще владел стилем, им всегда руководила четкая мысль» (Дейч А., День вышедший и день минувший, 2-е изд., М., 1985, с. 295). П. является прототипом критика Каравая в романе «Корабли Старого Города» И. Сабуровой (Мюнхен, 1963; сокр. вариант — «Даугава», 1992, № 5—6).

После того как в июле 1940 в Латвию вошли сов. войска, у П., перенесшего в мае инсульт, были изъяты архив и громадный эпистолярный (очевидно, так и погнбиши), что ухудшило его состояние. Пролетав год в параличе, П. скончался уже после прихода в Ригу нем. войск. Его вдове, выехавшей в кон. 40-х гг. через Германию в Америку, не удалось сохранить ничего из лит. архива П.

Изд.: Статьи: Валерий Брюсов. — «Даугава», 1993, № 5; Первые декабрь. — Валерий Брюсов в Ревеле — Рус. дом — общий обзор. — Ревелгия о публике. — Все четыре в кн.: Балтийский архив. Рус. культура в Прибалтике, т. 1. Т., [1996].

Лит.: Новополов Г. С. Биография, эссеист в рус. лит-ре. СПб., 1909, с. 102; Огион, Братки, Л. Много «П». — «Новый путь», Рига, 1921, 16 окт.; Ольховский К. Преступившей лекции П. — «Последние века», 1922, в окт.; Старый журналист [Д'Ор О. Л.]. Лит. путь хорев. журналиста, М.—Л., 1930, с. 74—76; Чапыгин А., По тропам и дорогам, М.—Л., 1931, с. 102, 126—130; Амфиотаров А., Рышарь худож. критики. — «Сегодня», 1931, № 108; Куприн А., П. Пильский. — там же; Куприн Ш. Мелев И., П. Пильский. К 30-летию лит. деятельности. — «Россия и Славянство», Париж, 1931, 25 апр.; Казахов В., Пильский. К тридцатилетию лит. зательности. — «Числа», 1931, № 5; Грехов П., На скалке. — «Красная гал», вч. в., 1933, 5 мая; Катаев В., Встреча. — В кн.: Заура Бариний. Альманах, М., 1936, с. 177—81 (текст частично вошел в кн.: Катаев В., Альманах той вени, М., 1981); Камышников Л., Дом Жюан лит. фразы. — «Новое рус. слово», 1942, 10 мая; Слоним М., П. Пильский. (К 15-летию со дня смерти). — Там же, 1956, 12 дек.; Саввич И., Критик-художник. К 70-летию со дня рождения П. — «Грани», 1947, № 3; Воронский В. В., Лит.-критич. статьи, М., 1956 (ук. и с. 445); Аренский К., П. М. Пильский. К тридцатилетию со дня смерти. — «Рус. жизнь», 1972, 14 марта; Флейшман Л., Хьюз Р., Расвакам-Хьюз О., Рус. Берлин, 1921—1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском ин-те, Париж, 1983, с. 105; Поляк Г., «Многоголосый мир» П. — «Время и мы», 1987, № 94, с. 206; Белый (П. III), Амбров Ю., Пильский. Опыт стилистичной и провизн. биографии. — «Даугава», 1993, № 5; то же. — В кн.: Балтийский архив. Рус. культура в Прибалтике, т. 1. Т., [1996]; его же, Осколки разбитого прошлого. — «Даугава», 1995, № 3; Андреев Л., С. О. С. Дневник (1914—1919). Письма (1917—1919). Ст. и интервью (1919). Восп. современников (1918—1919), М.—СПб., 1994 (рец. и вступ. ст. Р. Девиса и Б. Хельмана; ук.); Исмагулова Т., «Фельетонист, бежавший из столицы». (П. в России и в эмиграции). — В кн.: Рос. интеллигенция на лит. переломе. Первая треть XX в. Тезисы докладов и сообщений науч. конференции. Санкт-

Петербург, 19—20 марта 1996 г., СПб., 1996; ее же с. П.-критик и его «школа журнализма». — В кн.: История журналистики рус. зарубежья XIX—XX вв. Тезисы науч. конференции..., СПб., 1997; ее же, Журналист и власть (П. Пильский). — В кн.: Личность и власть в истории России XIX—XX вв., Мат-лы науч. конференции, СПб., 1997; Амфиотаров А. Калаш в Вл., Страницы из дневника. — «Минувшее», в. 20, М.—СПб., 1996 (публ. С. В. Шумилина; ук.); Меймир А., П. в Эстонии, 1922—1927. — В кн.: Балтийский архив. Рус. культура в Прибалтике, т. 1. Т., [1996]; то же. — В кн.: Рус. филология, Сб. науч. работ молодых филологов, Тарту, 1996; Чуковский К. И., Дневник, 1901—1929, М., 1997 (ук.); ЛН, т. 85; т. 92, кн. 2—4; г. 98, кн. 1—2. + Некролог: «Новое рус. слово», 1942, 5 мая (А. Седых). ЛЭ: Писатели рус. зарубежья, ч. 2, с. 185—90 (ст. А. М. Шахмайллина: есть ошибки); Рус. зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энци. биогр. словарь, М., 1997 (ст. В. Н. Чуковский); Вильданова Р. И., Курджиев В. Б., Лапко-Данилевский К. Ю., Критич. биогр. словарь рус. зарубежья. — в кн.: Струвс Г., Рус. лит-ра в эмиграции, 3-е изд., М., 1997; прил.; Александр, воен. учине, М., 1901; Муратов (1, 2); Булгаков В. Ф., Словарь рус. писателей, И.И., 1933; Фостер; Аблязов; Алексеев; А. Блок. Перепица. Аннотир. каталог, л. 1—2, М., 1975—79; Масанов (не указаны посев.: Старожил, Журналист, Святств, Е. Девлер, Петр Петров, Петр Петр-в, Плон).

Архивы: Письма: РГАЛИ, ф. 161, № 39 (О. Дмохов); ф. 1839, № 12 (Н. Г. Шебеуев); ф. 32 (А. Т. Аверченко); ф. М. Осоргина; ф. 355, он. 2, а. 337 (В. Немирович-Данченко); РГБ, ф. 118, № 679; ф. 211, № 1395; ф. 124, № 3334—3336; РГБ, ф. 386, 98, 33 (В. Я. Брюсов); ф. 249, № 3876, № 36 (В. В. Розанов); ИРЛИ, ф. 115, он. 3, № 246 (А. А. Измайлов); ф. 352, он. 2, № 528 (И. Н. Ясинскому); ф. 736, № 57; ф. 377 (автобиогр., 1913 г.); РГИА, ф. 776, он. 9, № 858; Ист. архив Латвии, ф. 3283, он. 1

Ю. И. Амбров, Т. Д. Исмагулова.

ПИМЕНОВА Эмилия Кирилловна [урожд. Петриченко; 6(18).8.1854^а, о. Ашур-Аде, Астрабад. залив Касп. моря — 4.3.1935, Ленинград; похоронена на Литератор, мостках Волкова кладб.], автор публиц. обзоров, науч.-популярных книг для юношества, мемуаров; прозаик, переводчица.

Отец, Кир. Никиф. Петриченко (1822—95), потомок гетмана Наливайко, мор. офицер (пооже контр-адмирал); перенесся в ж. «Марской об-е» (с. М. Масанов), Мать, Мария Ива (? — 1885), урожд. Грабовская, из польск. аристократич. рода, выступала со статьями и переводами в газ. «Петербург. листок» и др. периодич. изданиях (име: РБС; Голицын; Языков). С пяти лет П. вместе с семьей контролировала отца в плаваньях. В 9—10-летнем возрасте, проживая в родовом поместье матери на границе Киев. и Волын. губ., переняла сытный польско-каштонич. питание; по своему позднему признанию, пережила «большую ломку» из-за насильств. возвращенца по воле отца в православ. веру — см. восп. «Дни минувшие», 1929, с. 21).

Получила хорошее дом. образование, затем училась в Киев. ин-те благородных девиц (1864—66), посещала занятия в Петерб. консерватории (1867). С 1868 вместе с семьей жила на о. Ашур-Аде, где познакомилась с будущим всемирно изв. путешественником Г. Стэнли; в 1869 как переводчица сопровождала его в экспедицию по Прикасп. краю.

Позже перевела и переработала его автобиографию («Жизнь Стэнли», СПб., 1912; 2-е изд. П., 1920), составила кн. «Сожрушительный свад. Жизнь и путешествия Г. Стэнли по его воспоминаниям» (М.—Л., 1928; 2-е изд., М.—Л., 1929).

В 1873 под влиянием знакомых из круга демократически настроенной офицерской молодежи решила продолжить образование, чтобы иметь возможность перебраться в Петербург, вступила в фиктивный брак (впоследствии — действительный) с мор. инженером-механиком И. Г. Пименовым. В 1873—78 училась на жен. акушерских курсах при Николаевском воен. госпитале (Рос. мед. список, изд. Мед. деп-том Мин-ва внутр. дел на 1883 г., СПб., 1883, с. 647). Затем вела врачебную практику среди рабочих и мелких служащих в посаде Коалино близ Петербурга, где ее муж служил на заводе. В 1885 познакомилась с Л. Н. Левинской, а через нее с Н. К. Михайловским, ставшим для П. не только идейным наставником, но и глубокой личной привязанностью. Вскоре рассталась с мужем, сохранив с ним добродетель. отношения, переселилась с четырьмя детьми в Петербург (в 1888 родила пятого ребенка; в письме к Михайловскому, б. д.: «Вы отец моего ребенка, к-рый мне дороже жизни» — РГАЛИ, ф. 462, оп. 1, № 290). Для заработка составляла рефераты в газ. «Врач», Понски лит. работы привели П. в газ.-журн. «Гражданин», где она вела (1885—91) обзоры иностр. жизни (в т. ч. лит.-ры). Написанные в духе массовой беллетристики мелодраматич. пов. «Пучина» («Колосья», 1885, № 9), «В стране Льва и Солнца. Из жизни русских в Персии» («Звезда», 1886, № 3) и «Марта» («Колосья», 1887, № 10) прошли незамеченными.

В нач. 90-х гг. при посредничестве Михайловского П. сблизилась с В. В. Лесевичем, Н. Ф. Анненским, Д. Н. Маминим-Сибиряком, Г. И. Успенским и др. литераторами; устранивала у себя лит. вечера, на к-рых присутствовали мн. члены кружка «Рус. богатства» (см.: Елпатыевский С. Я., Воспоминания. За 50 лет. Л., 1929, с. 266); в этом ж-ле опубликов. своих обзоров («Наполеон и женщины» — 1894, № 2; и др.). По восп. современницы, П. была «беззаветно... предана» Михайловскому (Тыркова-Вильямс А., На пути к свободе, 2-е изд., Л., 1990, с. 31); позже болезненно пережила его охлаждение (см. письмо М. А. Рубакину, ок. 1906—07, — РГБ, ф. 358, к. 263, № 6, л. 1).

Печаталась также в газ. «Новости» (1891—1900). В 1891—1908, подружившись с издательницей А. А. Давыдовой, наиб. интенсивно («из книжки в книжку» — «Дни минувшие», с. 162) сотрудничала в ж-лах «Мир божий» и «Совр. мир».

Осн. жанры П. — очерки и обзоры, как правило, компилятивного характера. В духе этно-социол. школы Михайловского писала о массовой психологии («Как действует

психич. влияния» — МБ, 1893, № 1; «Гипнотизм в истории» — там же, № 8; «Биологич. параллели (Ж. Массара и Э. Вандервельде)» — «Обр.», 1896, № 7—8]. В борьбе за жен. эмансипацию видела одно из частных проявлений «борьбы за индивидуальность» («Женское движение в Европе и Америке» — МБ, 1892, № 9; «Деятельность женщин в Соединенных Штатах Америки» — МБ, 1895, № 2; и др.). В свете воззрений Михайловского рассматривала и вопросы воспитания; приветствовала амер. систему развития в ребенке чувства личной ответственности, индивидуальной социал. энергии («Американская жизнь и воспитание» (По книге Поля де Рузье), — «Обр.», 1901, № 2,

с. 62). Не избежала влияния идей «незаконного марксизма», что сказалось в освещении жизни рабочих («Немецкий рабочий и его жизнь по его лит. произведениям» — «Обр.», 1904, № 5) и люмпенства («Бродяги разных стран» — МБ, 1901, № 7). Будучи сторонницей тред-юнионизма («Джон Бернс, вождь рабочей партии в Англии», СПб., 1908), П. подверглась критике со стороны большевиков (Ленин, XVI, 435, 437).

В целом П. придерживалась демокр. взглядов и считала своей гл. задачей пропаганду обществ.-полит. и естеств.-науч. знаний. С кон. 90-х гг. печаталась в ж-ле «Образование» и ж-ле для детей «Всходы»; в 1899—1903 — ред. «Юного читателя», издававшегося Давыдовой (в ж-ле участвовали З. Н. Журавская, Е. А. Колотоновская, М. В. Ватсон, Мамин-Сибиряк, И. А. Бунин и др.). Писала популярные очерки о героях освободит. движений («Георг Вашингтон и война за независимость» — «Юный читатель», 1900, № 2; отд. изд. — СПб., 1903), путешественниках и геогр. открытиях («Голодовка у Сев.

полюса. История одной полярной экспедиции», СПб., 1896; 4-е изд. — М., 1922; «Полярный Робинзон. Приключения капитана Микельсона во льдах Гренландии», СПб., 1914; 4-е изд. — Л., 1928), обществ.-полит. и культурной жизни заруб. стран («За океаном. (Природа и люди Америки)», СПб., 1901; «На запретном пути. Путешествие по Тибету Генри Ландора», ч. 1—2, СПб., 1899; на т. л. — 1901; «Австралия и ее обитатели», СПб., 1903; «Страна тысячи островов (Очерки Японии)», СПб., 1902).

Рецензенты называли П. «очень хорошим составителем», отмечали «живое изложение», в к-ром «не упущено ничего существенного» («Воспитание и обучение», 1903, № 10, стб. 400; др. отзывы: «Нар. лит.-ра. Сб. отзывов библиотеч. комисии Киев. об-ва грамотности о книгах для нар. чтения», л. 1, К., 1903; «Курьер», 1904, 2 февр.).

Издала дет. адаптации науч. трудов А. Брема, Н. П. Вагнера и др. («Мир животных в очерках и картинах», ч. 1—3, СПб., 1896—97; последнее изд. — П., 1924; «Море и его обитатели», СПб., 1898; 3-е изд. — М. — П., 1923), довольно добротные, но в то же время не имевшие к.-л. «особенных достоинств», выделяющих их из ряда подобных изданий (цит. по: Флеров, с. 265). Составила ряд биогр. очерков, страдавших схематичностью образов (напр., «Франциск Ассизский. Его жизнь и общества. деятельность», СПб., 1896).

В 1900—10-е гг. болезненно пережила потерю «старых», наиб. близких, друзей (см. письмо А. Г. Горнфельду, 5 нояб. 1912 — РГАЛИ, ф. 155, оп. 1, № 429, л. 4). Чувством ист. обреченности проникнут ром. «Былое. Из эпохи безвременья» («Грѣза», 1907, № 8—11) о драм. судьбе ученого и литератора. Его гл. герой, в молодости участник народнич. движения, а теперь либерал, осознав себя человеком, предавшим собств. убеждения, кончает жизнь самоубийством. Среди персонажей — большевик («узколюбый теоретик ... новый божок нашей молодежи» — № 10, с. 151).

Осн. сферой лит. деятельности П. стали худож. переводы для изд-в «Шиповник», «Польза» и др.: произв. Дж. Конрада, Дж. Лондона, Г. Уэллса, М. Твена, Б. Келлермана и др. (мн. из них неоднократно переиздавались). П. одной из первых познакомила рос. читателя с произв. Дж. Голсуорси («Братство» — РБ, 1910, № 1—7; «В мире собственников» («Собственник») — РМ, 1910, № 1—5; «Фарисей» («Острова фарисеев») — РМ, 1916, № 1—5; «Патриций» — СМ, 1912, № 6—9).

Февр. революцию приветствовала, став сторонницей Учредит. собрания и конституц. демократии. В популярных брошюрах разъясняла широкому кругу читателей формы полит. борь-

бы. В 20-е гг. сотрудничала в ж-ле «Книга и революция» (1921—22); печатала переводы в изда-вах «Петроград», «Всемир. лит-ра», «Прибой», «Мысль», «Красная газ.». Чл. Союза писателей. Опубл. восп. «Дни минувшие» (Л.—М., 1929), охватывающие период 1860—1904.

П. подробно описала эпитальные моменты своей жизни, в т. ч. начало лит. деятельности, знакомство с лит. средой, историю становления ж. «Мир бойкий» и его превращение в орган «левого марксизма», подчеркнув «дружеские отношения» между «Миром бойким» и «Рус. богатство», но умалчивая об острой полемике между ними во 2-й пол. 90-х гг. Создала живые портреты Михайловского, В. Г. Короленко, А. И. Богдановича, Н. Ф. Анненкова, В. П. Острогорского и др. литераторов, с к-рыми была близко знакома или встречалась. Язык восп. по словам автора предельно. М. Неведомского, отличает «хорошая простота, к-рая сделала столь популярной среди широкой читающей массы бесконечную серию популяризаций и книг (П.) «для юношества»» (с. 10).

Изд.: Франциск Ассизский. — В кн.: Буада Шахмуди. — Конфуций Мухамед. — Франциск Ассизский. Челябинск, 1995.

Лит.: Армян П. Н., Э. К. Пименов. — В кн.: Первый жен. календарь на 1905 г., П., 1905; Мамлыкина И. В. «Мир бойкий» — ж-л для юношества. — В кн.: Из истории рус. журналистики кон. 19 — нач. 20 вв., М., 1973; Бахтин В. «И свая времен нерасторжима...» — В кн.: АБ, в. 19, М., 1985; Ефремова Н. П., Э. Пименов. — «Вопросы истории», 1990, № 11; Russia Through Women's Eyes: Autobiographies from Tsarist Russia. L., 1996, S. 311—334, + «Мир бойкий. Содержание за десятилетия, 1892—1901», СПб., 1901; Флоров А. Указатель книг для дет. чтения, М., 1905; Соболев М. Сирочина книжка по чтению для детей всех возрастов. 2-е изд., СПб., 1907; Старцев И. И., Дет. лит-ра. Библиография, 1918—1931, М., 1933; Королюков А. Е. Что читать детям? Сб. рассказов на лучшие дет. книги и ж-лы, М., 1908; Писатели Ленинграда. Библиогр. справочник, Л., 1982; Брокгауз; Мельер; Муратова (1, 2; ук.); Альм. и сб-ки (2, 4); Мазанов (ошибочная дата рождения).

Архивы: РНБ, ф. 103, № 115 (автобиография 1928 г.); ф. 118, № 71 (словарь П. В. Быкова); ф. 211, № 863 (5 писем А. Г. Горькому, 1909—1913 гг. и б-л.); ИРЛИ, ф. 377; ф. 402, оп. 2, № 424 (4 письма к М. В. Ватсон, 1909—1913); ф. 661, № 838 (24 письма к М. К. Лемке, 1903—1908); РГБ, ф. 81, к. 14, № 376 (заметка 1920 г.); ИРЛИ, ф. 1018, оп. 1, № 178 (автобиография, б.д.); ф. 95, оп. 1, № 717 (письмо А. Л. Волынецкому, 20-е гг.); РГА ВМФ, ф. 406, оп. 3, д. 467, ч. 4, л. 743—748* (п. с. отца; сведения о П.); д. 822, ч. 2, л. 338—47; ф. 417, оп. 4, д. 4013, 4054 (сведения о П. и муже П.); ГАРФ, 3-я х-во, 1894 г., д. 794; ф. 102, ОО, 1912 г., д. 20, ч. 87, л. А; ф. 63, 1900 г., л. 672, л. 171об.; 1912 г., д. 18, т. 1 (генеральные сведения о П.).

М. А. Николаева.

ПИОТРОВСКИЙ Игнатий Антонович [30.6 или 31.7 (12.7 или 12.8)*. 1842, Мопляев — 18(30).3.1862, Петербург], критик, публицист. Из дворян, очевидно, польского происхождения (семья — католич. вероисповедания). Отец П. служил в Мопляев казенной палате. После его ранней смерти П. был отдан в Гатчинский Николаевский сиротский ин-т (1853), учился в т. ч. у К. Д. Ушинского (рус. словесность, юридич. дисциплины); окончил ин-т в 1859. Возможен, затем вольнослушателем посещал Петерб. ун-т. За участие в студенч. демонстрации перед ун-том 12 окт. 1861 арестован (в списках задержанных числился как «сторон-

нее лицо» — ЦГИА СПб., ф. 14), два месяца провел в тюрьме.

В печати дебютировал в 1860: ст. «Проявления общественной пед. деятельности» («Рус. пед. вест.», 1860, № 7; др. публ. — № 8—9) и «Сладкие сны и грезы над словами „великих мыслителей“» («Светоч», 1860, № 9, 10). В нач. 1861 сблизился с ред. «Современника», познакомился с Н. Г. Чернышевским, затем — с Н. А. Добролюбовым. В апр.—сент. 1861 стал одним из гл. сотрудников ж-ла, опубликовал цикл ст. «Погоня за лучшим. Критич. очерки» (№ 4—6, 8) и др. В это же время выступил со ст. антиклерикальной направленности «Одна из каст» (БдЧ, 1861, № 6). Однако после выхода из заключения не смог возобновить сотрудничества с «Современником», т. к. Чернышевский, неудовольствованный отсутствием у П. широкого кругозора и познаний, рекомендовал ему отложить на время творчество для углубленного самообразования. П. не внял совету, уверенный, что популяризатор и пропагандист радикальных идей не нуждается в учебе и серьезных знаниях, и, после отклонения «Современником» неск. новых рец., стал печататься в др. изд.: «Сев. пчеле», «Рус. инвалиде» («Лит. летопись», 1862, 12 янв.), «Иллюстрации» (некрол «Н. А. Добролюбов», 1862, 18 янв.).

Статьи П. (20 публ. в течение полутора лет), почти не отмеченные эволюцией взглядов и стиля, отразили идеи, типичные для публицистики «шестидесятников». Считая себя учеником Чернышевского и Добролюбова, П. пропагандировал необходимость скорейших коренных изменений обществ.-полит. строя для торжества идеалов равенства. Не отрицая нар. восстания, к-рое является «естеств. потребностью», реакцией на притеснения («Совр.», 1861, № 8, отд. 2, с. 241), П. в полит. программе уповал скорее не на нар. массы, а на мыслящее меньшинство (см. рец. на роман В. Крестовского (Н. Д. Хвошинской) «В ожидании лучшего» — СП, 1861, 9 окт.), предвосхищая т. о. идеи Д. И. Писарева. С позиций вульгарного материализма подвергал критике религию и церковь — в ст. «Одна из каст», а также в рец. «Книги для образования народа» (СП, 1861, 15 нояб.), вызвавшей обвинения в «кощунстве» («В. И. Аскоценский?» — «Дом. беседа», 1861, в. 49, 9 дек.; см. также отклик моск. митрополита Филарета — «Душеполезное чтение», 1862, янв., с. 8). Худож. лит-ру П. рассматривал как материал для социально-полит. выводов критики, считал недостатком провоз. изображение «неанализированного» чувства: «Поэзия до тех пор поэзия, пока она верна сознательной действительности, а следовательно

не различна во взгляде с науч. выводом» («Совр.», 1861, № 8, отд. 2, с. 256). Ценил в лит-ре полит. радикализм и «фотографирование» жизни, выделяя с этой т. з. очерки Н. В. Успенского (РНБ, 1862, 12 янв., с. 30). Нек-рые конкретные суждения П. в ст. «Одна из каст» — об образах Ольги («Обломов» И. А. Гончарова) и Инсарова («Накануне» И. С. Тургенева), к-рым он противопоставлял Елену Стахову («Накануне»), — отчасти переключаются с высказанными спустя год оценками Писарева. Отрицая приоритет морали над знаниями, П. оказывается (в ст. «Права жизни», рукоп. — ИРЛИ) предтечей С. Г. Мецаева: «нравственность» должна меняться согласно требованиям «разума»; главное — не причины и события, а результаты действий; восхваляется практичный человек, пренебрегающий окружением и непорочно идущий к цели. В целом взгляды П. предвещали радикализм публицистов следующего, после вождей «Современника», поколения.

Вернувшись из заключения, П. наделал долги у Н. А. Некрасова и др. знакомых и в нач. 1862 стал всюду получать отказы в субсидиях. Окончательно запутавшись в долгах, страдающий от безденежья (см. письмо от 16—17 марта Некрасова, отклонившего очередную просьбу П. о ссуде. — Некрасов, X, 467), П. отправил Чернышевскому письмо-завешание (со списком своих статей и просьбой издать сб-к его работ «За полтора года») и покончил с собой (в возрасте 19 лет). Чернышевский, зная о его связях с рев. кружками (в бумагах П. сохранилась почти полная коллекция рев. прокламаций нач. 1860-х гг. — ИРЛИ), заметил, что если покойный «не дорожил своей жизнью, то мог бы сделать из нее более разумное употребление, чем пустить себе пыль» (со слов Н. И. Утин, см.: Пантелеев, с. 296). По свидетельству А. Я. Панаевой, Некрасов уплатил долги П. и похоронил его за свой счет (см.: Панаева, ук.).

Изд.: Письмо Н. Г. Чернышевскому, 8 нояб. 1861 — КИС, 1928, № 7; то же — в кн.: Чернышевский. Лит. наследие, [т.] III, М.—Л., 1930; 13 писем ему же, 1861—1862) — в кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи..., [т.] 4, Саратов, 1965 (публ. и комм. В. Ф. Егорова, С. А. Рейсера).

Лит.: Чернышевский; Некрасов; Горький; Добролюбов; Панаева; Чернышевский в восп. (см. — ук.); Николаев Н. Я., Восп. о шестидесяти годах. — КИС, 1927, № 4, с. 46—49; Егоров В. Ф., П. — ученик Чернышевского и Добролюбова. — В кн.: Н. А. Добролюбов. Ст. и мат-лы, Горький, 1965 («Уч. зап. Горьков. гос. ун-та», в. 7); с библ. статей П.: отмечены поэм.: П-ский; И. А. П-ский; ***; Котан Л. А., Из истории рус. просвещения (П. и Н. Г. Чернышевский). — В кн.: Философия и история культуры, М., 1983; Елизаветина Г. Г., Н. А. Добролюбов и критич.-эстетич. М. Михайлов, Н. Огарев, П. — В кн.: Н. А. Добролюбов и рус. лит. критика, М., 1988; ЛН, т. 53—54 (ук.); т. 62, с. 125 (коллективная фотография студентов Петерб. ун-та в

Крошталт, казарме, кон. новб. 1861). + Некролог, 1862: «Книж. вост.», 31 марта; «Дом. беседа», в. 13, 31 марта (В. И. Аскоменский); «Колокол», л. 133, 15 мая (А. И. Герцен).

Архивы: ИРЛИ, ф. 8; ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 25, д. 19; ф. 751, оп. 1, д. 712, л. 2^а (бюро); сведения; в дате рождения — описка календаря: 31 июня); РГА, ф. 772, оп. 1, № 5807, 5875 (вент. мат-лы); РНБ, ф. 124, № 3340; ф. 438, № 1 (Лит. фонд). Б. Ф. Егоров.

ПИРОГОВ Николай Иванович [13(25).11.1810, Москва — 23.11(5.12).1881, с. Винница Винницкого у. Подольской губ.; тело П. поконится там же; ныне музей-усадьба П., в черте Винницы, Украина), врач, педагог, обществ. деятель; публицист, мемуарист. Из обер-офицерских детей, сын казначей Моск. военно-провин-

к-рого познакомился с Жуковским; в числе соучеников по Дерпту — В. И. Даль, поддерживавший друж. отношения с П. на протяжении всей жизни. В 1832—35 П. находился в командировке по уи-там Германии. С 1836 проф. Дерптского ун-та. В 1841 вступил в должность проф. Медико-хирургич. акад. в Петербурге. Один из основателей, директор (с 1846) Ин-та практич. анатомии при Академии. Подготовленный П. атлас «Топографическая анатомия» (т. I—4, 1851—54) принес ему признание в мировой науке.

В февр. 1847 впервые в России произвел операцию под эфирным наркозом. В июле избран чл.-к. АН по биологич. отд. В июне—дек. находился на Кавказе, где впервые в мировой практике оперировал с применением наркоза в военно-полевых условиях. В 30—50-е гг. издал ряд трудов, в к-рых разработал основы хирургии как науч. мед. дисциплины. Обобщив свой опыт работы на театре военных действий, П. сделался основоположником военно-полевой хирургии (гл. мед. труд — «Начало общей военно-полевой хирургии...», Дрезден, 1865—66).

В 1850, после смерти первой жены, Е. Д. Берзиной, от к-рой П. имел двух сыновей, женился на А. А. Быстром. В нояб. 1854 — дек. 1855 П. во главе Кресто-Воздвиженской общины сестер милосердия участвовал в обороне Севастополя, что принесло ему всероссийскую известность. В Крыму П. не только производил операции, но и занимался общими вопросами организации мед. помощи, протестовал против несоблюдения воен. командованием санитарно-гигиенич. норм содержания действующей армии и раненых солдат. Адресованные жене письма П., изд. под назв. «Севастопольские письма...» (СПб., 1899; 2-е изд. — СПб., 1907), представляют собой своего рода дневник, в к-ром описываются армейский быт и нравы, упавшие настроения защитников Севастополя («Все пребывал в трепете и страхе, о защите никто и не думал», с. 13). В письмах содержится раздумья о респиги, нравственности, человеческом призвании и долге. Подробно рассказывая о казачестве и чиновничьем произволе на всех уровнях, о равнодушии командования к судьбе солдат, П. приходит к мысли о том, что любые науч. достижения бессильны перед аморальным и безверием, охватившими, по его мнению, значит. часть рус. общества. Это заставило П. по возвращении из Крыма обратиться к нравственно-этич. проблемам, без решения к-рых дальнейший науч. труд казался ему бессмысленным.

В апр. 1856 П. подал заявление об уходе из Академии. В том же году

была напечатана его публиц. ст. «Вопросы жизни» («Морской сб.», № 7; перепечатана — ЖМНП, 1856, № 9; о позднейшей ред. «Вопросов жизни» см.: Штрайх, 1910, с. 85—88). В статье П. указывал на то, что гл. причиной обществ. неблагополучия является разлад между «направлением воспитания» и «направлением общества». По его мнению, большинство педагогов и родителей не уделяет внимания формированию «внутреннего человека», т. е. системы убеждений личности, ее характера и воли. В результате многие из людей отрекаются от идеалов своей юности и бесцельно плывут по течению жизни, не способствуя ее совершенствованию. Путь создания общества на нравств. началах П. видел в коренном пересмотре целей семьи и школы. Он заявил о необходимости создать систему гуманного («общечеловеческого») образования, к-рая могла бы воспитывать сильных духом и энергичных людей, способных противостоять «инерции массы». Выступая против ранней специализации образования, П. считал необходимым построить его на изучении дисциплин классич. курса: древних и новых языков и математики. Позднее, во время развернувшихся во 2-й пол. 60-х гг. споров вокруг гимназии образования, мнение П. использовалось как аргумент в защиту «классицизма». Однако сам П. не предложил конкретной воспитат. программы, подчеркивая, что пытается представить лишь общее направление нравств. преобразования общества.

«Вопросы жизни» вызвали широчайший обществ. отклик: о статье «всплу шумно и восторженно говорили: в гимназиях, приходских училищах, в клубе и в семейных собраниях», она стала «всечлвм колоколом для поднятия самого важного вопроса о воспитании. Все заговорили про воспитание, про одно только воспитание.» (Филонов, с. 223). Успех был обусловлен как актуальностью темы для публицистики этого времени, пытавшейся осмыслить духовные причины неудач Крымской кампании, так и высоким науч. и гражд. авторитетом П. В отклике И. Г. Чернышевского («Совр.», 1856, № 7) отмечалось: «Если он — слава наших специалистов — говорит, что специалистам обманчив, вреден и для общества и для самого обрекаемого на специалистов, когда не основан на объекте образовании — кто у нас может сказать: „Я лучший суавя в этом деле, нежели г. Пирогов?“» (III, 688—89). Н. А. Добролюбов особо подчеркивал лит. достоинства статьи, к-рая поразила всех «и светлостью взгляда, и благородным направлением мысли автора, и пламенной живой электической, и художественным представлением затронутого вопроса» («Совр.», 1857, т. 63, с. 43). По единодушному мнению современников, «Вопросы жизни» положили начало развитию в России иск. публицистики (Филонов, с. 225).

Вскоре после выхода «Вопросов жизни» мнн. нар. проsv. А. С. Норов предложил П. занять пост полечителя Одесского уч. округа. Стремясь реализовать на практике свои этиковоспитат. идеи (рождавшиеся в т. ч. в размышлениях о воспитании собственных сыновей), П. осенью 1856 принял предложение. В июле 1858 переведен на должность попечителя

антского депю; был тринадцатым ребенком в семье. Первонач. образование получил дома, в 1822—24 учился в частном пансионе В. С. Кряжева (оставил учебу из-за ухудшившегося материального положения отца). В пансионе в осн. сформировались его лит. вкусы: с увлечением читал Г. Р. Державина, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева, И. И. Хемницера, В. А. Жуковского и др., «Письма рус. путешественника» и «Историю...» Н. М. Карамзина. По его собственному свидетельству, «слово с ранних лет оказывало на меня... сильное влияние; я уверен даже, что сохранившимся во мне до сих пор впечатлениям я гораздо более обязан слову, чем чувствам» («Дневник старого врача»), цит. по изд.: Избр. пед. соч., с. 462—63). В 14-летнем возрасте поступил на мед. отд. Моск. ун-та (в провинции указал, что ему 16 лет, — ЦИАМ, ф. 418, оп. 121, л. 416, дело о принятии П.). По окончании (1828, со званием лекаря) избрал специальность хирурга, зачислен в числе нескольких лучших студентов на казенный счет в Профессорский ин-т при Дерптском ун-те. Занимался под руководством проф. теоретич. и практич. хирургии И. Ф. Мойера, в доме

Киев. уч. округа. Параллельно занимаясь частной мед. практикой, в т. ч. оказывая помощь обращающимся к нему гимназистам и студентам.

Во вверенных ему уч. округах П. предпринял ряд преобразований в организации школьного дела: расширил административные права пед. советов гимназий, вменил им в обязанности анализировать опыт учителей и обсуждать новейшие методики преподавания, ввел конкурсную систему замещения должностей преподавателей гимназий, создал пед. курсы при Ришельевском лицее в Одессе и ун-те Св. Владимира в Киеве, был инициатором кардинального изменения программ этих уч. заведений. П. добился передачи газ. «Одес. вест.» (ред. А. Богдановский и А. Георгиевский) в ведение профессоров Ришельевского лицея. Регулярно публиковал в газ. свои лит.-пед. статьи (1858: «Одесская Талмуд-Тора» — 6 марта; «Быть и казаться» — 29 марта; «Нужно ли сечь детей, и сечь в присутствии других детей» — 15 апр.; и др.), нек-рые циркуляры и распоряжения по уч. округу, а также заметки преподавателей округа, что способствовало превращению «Одес. вест.» в своеобразное пед. издание. В Киеве роль подобного органа играли при П. «Циркуляры по управлению Киевским уч. округом», ставшие благодаря статьям П., по отзывам современников, одним из лучших публич. изданий в России. В 1859 при содействии П. студентами и преподавателями Киев. ун-та была открыта первая в России воскресная школа.

Деятельность П. на посту инспектора получила противоречивые оценки. Большинство молодых преподавателей и учащихся отмечали его уважительное отношение к каждому ученику, доступность, неформальную манеру поведения, отличавшую П. от его предшественников на этой должности (см.: Бобровский, Добро). Однако нек-рые педагоги старшего возраста отнеслись к провозвешенным П. преобразованиям скептически, полагая, что основная часть учителей была не подготовлена к ним (Богатников Н. Д. Восп. — РА. 1899. № 8). Пед. стиль и политика П. были подвергнуты резкой критике со стороны киевского ген.-губернатора кн. И. И. Васильчикова. Достигшей огромной популярности среди студентов и гимназистов, П. по мнению губернатора, «совершенно распустил» эти уч. заведения. Особые нарекания Васильчикова выдвигала пед. политика П., к-рый часто брал под свое покровительство молодых учащихся, жаловавшихся на притеснения со стороны рус. учителей (см.: Острогорский А. И., П. и его пед. заст., СПб., 1914). Противоположна т. з. на нач. политике П. высказана в восп. В. Г. Амосова, в к-рых П. представлял как противника «польской партии», опирающийся в борьбе с ней в т. ч. на «украинофильские» настроения киевского студенчества (ИВ. 1881. № 4).

В период работы в должности попечителя уч. округа П. развил до целиной филол.-пед. системы идеи, изложенные в «Вопросах жизни». В ряде статей («Школа и жизнь...» — «Морской сб.», 1860, № 1, и др.), вошедших в кн. «Собрание лит. статей Н. И. Пирогова» (Од., 1858) и «Собрание лит.-пед. статей Н. И. Пирогова, вышедших в управление его

Киевским учебным округом» (К., 1861), он проводит мысль о том, что единств. разумным основанием обществ. устройства является «гегемония школы над жизнью»: «в отцы, и общество, и государство должны стремиться восстановить смысл и права школы, проистекающие из самой жизни. Должно восстановить прямое назначение школы... — быть руководителем жизни на пути к будущему» (Избр. пед. соч., с. 202). Выход сб-ков П. вновь способствовал оживлению в публицистике нач. 60-х гг. пед. темы. П. «дал действительный толчок нашему педагогическому прогрессу... Сумма гуманных воспитательных убеждений поднялась в обществе очень заметно» ((А. Е. Разин?) — «Время», 1862, № 4, отд. 2, с. 15; ср. др. отзывы: Н. А. Добролюбов — «Совр.», 1859, № 2; К. Д. Ушинский — ЖМНП, 1862, № 3).

В 1859 при участии П. специально созданной комиссией были разработаны «Правила о проступках и наказаниях учеников гимназий Киевского уч. округа» (опубл.: «Журнал для воспитания», 1859, № 11). С помощью этого своеобразного кодекса П. стремился «развить в учениках чувство законности», а также ограничить произвол учителей, имевший место в ряде гимназий. Меры, направленные прежде всего на воспитание самих педагогов, должны были, по мысли П., стать начальной ступенью глобального преобразования школы.

«Правила...», допускавшие в исключит. случаях наказание розгами, против к-рого П. ранее выступал в печати, вызвали резкие отклики Добролюбова («Воскресийские иллюзии, разрушаемые розгами» — «Совр.», 1860, № 1; «От досады да в воду» — там же, 1861, № 8). Критик обвинил П. в измене своим собственным гуманным взглядам, подчеркивая при этом, что отinine сторонники телесных наказаний получили авторитетную поддержку. П. ответил Добролюбову публической «Ответ в единственном издании „Правила о проступках и наказаниях“» («Жл. для воспитания», 1861, № 4), где приводилась статистика, показывавшая, что случаи наказания розгой становились все более редкими. В защиту П. выступили мн. педагоги, отмечавшие, что П. стремился сохранить верность своему гл. принципу — коллективности управления округом и всемерного развития пса. инициативы. Поэтому и в данном случае, даже рискуя своей репутацией, он не считал возможным настаивать на своей точке зрения и высказал пренебрежение к мнению большинства чл. комиссии.

В марте 1861 вследствие разногласий с Васильчикова П. подал в отставку. В 1862—66 находился в Гейдельберге в качестве руководителя стажировавшихся там молодых рус. ученых (в их числе — А. А. Потебня, В. И. Герье, Ал-др Н. Веселовский, Н. С. Таганцев, И. И. Мечников и мн. др.). В окт. 1862 ездил в Италию для оказания врачебной помощи раненому Дж. Гарibaldi. По возвращении в Россию жил гл. обр. в с. Вишня, где организовал поликлинику и больницу для местного населения. В 1870 совершил поездку на

театр франко-прусской войны. В сент. 1877 — марте 1878 находился в районе боевых действий против турецкой армии, изучал вопросы организации госпиталей.

С 1879 до самой смерти работал над своим итогов. произв. — «Вопросы жизни. Дневник старого врача...» (СПб., 1885; впервые опубл. под назв. «Вопросы жизни. Посмертные записки П.» — РС, 1884, № 9—12; 1885, № 1—6; 1887, № 1; переизд.: Соч., т. 1, СПб., 1887). Биогр. повествование (доведено до сер. 1842), достаточно подробный рассказ о рус. и мн. зап.-европ. учебных и науч.-мед. учреждениях, размышления (вызванные гибелью Александра II) о реформах 1860-х гг. и их последствиях для рус. государственности перемежаются в «Дневнике...» суждениями об абсолютном разуме, свободе и необходимости, воле, нравственности. П. выступает как ученый-аналитик, интерпретирующий в общем виде свои науч. идеи, и в то же время как христианин, к-рый рассматривает веру как наиб. надежный путь к постижению истины: «Способность познавать, основанная на сомнении, не допускает веры; но вера не стесняется знанием и идет своим путем. Идеал, служащий основанием веры... не допускает и тени сомнения, становится выше всякого знания и помимо его стремится к достижению истины» (отд. изд., с. 169). Подробно останавливаясь на детских и юношеских впечатлениях, П. рассказывает о них в контексте общей духовной эволюции: от отрицания догматич. христианства до постижения Евангелия как религ.-нравств. идеала.

Последние 24 листа рукописи П. дописывал карандашом, т. к. почти лишился сил вследствие ракового заболевания. 22 окт. 1881 он отметил в «Дневнике»: «Ой, скорее, скорее! Худо, худо. Так, пожалуй, не успею и половину петербургской жизни описать...» (отд. изд., с. 454).

После смерти П. по решению жены и с согласия Церкви его тело было набальзамировано петерб. доктором Д. И. Выдовцевым; в янв. 1882 саркофаг с останками П. был установлен в специально построенном склепе. Восстановленное в 1945 и постоянно ребаальзамируемое, тело П. сохраняется и поныне.

Изд.: Собр. соч., т. 1—8, М., 1957—62; Соч., т. 1—2, СПб., 1887; то же, 2-е изд., СПб., 1900; Соч., т. 1—2, К., 1910; то же, 2-е изд., т. 1—2, К., 1914—16; Письма к невесте, П., 1915 (вступ. ст. и прим. С. Я. Штрайха); Письма к сыну (1871—1879) — в кн.: Сб. ОУС, 1917, т. 95, № 4 (препел. и прим. С. Я. Штрайха); Севастопольские письма и восп., М., 1950 (ред. и комм. С. Я. Штрайха); Избр. пед. соч., М., 1985 (вступ. ст. А. Н. Алексюка, Г. Г. Савенюк).

Лит.: Чернышевский; Добролюбов; Гершен; Достоевский (все — ут.); Филонов А., Воспитание. Жл. для родителей и наставников... — ЖМНП, 1862, № 3, с. 223—25; Добролюбов Л., Восп. о П. — РС, 1885, № 6; Ост-

рогогорский В. П., Семенов Д. Д. Рус. пед. деятели, М., 1887; Бобровский С., Из восп. о П. — «Вестник воспитания», 1900, № 4; Чернышев В. И., Пед. деятельности П., СПб., 1911; Афонский А. П., Н. И. Пирогов: его жизнь и пед. проповедь, М., 1911; Казанский М. В., Н. И. Пирогов. Его жизнь и деятельность, Кат., 1912; Штрайх С. Я., «Вопросы жизни» П. — «Рус. школа», 1910, № 7—8; его же, Н. И. Пирогов, М., 1949; Порудоминский В. И., Пирогов, 2-е изд., М., 1969 (ЖЗЛ); Гесселевич А. М., Летопись жизни П. (1810—1881), М., 1976; Кульчицкий К. И., Кланна П. А., Собчук Г. С., П. в усадьбе Вишня, К., 1981; Брежнев А. П., Пирогов, М., 1990 (ЖЗЛ); П. — ученый, человек, гражданин, М., 1992; Василевская В. Я., П. и вопросы жизни. — В кн.: Психиатрия и актуальные проблемы духовной жизни, 2-е изд., М., 1997. + Эмсеес, Ямков; Брокгауз; БСЭ; ИЛРДВ; Гесселевич А. М., Научное, лит. и эпистолярное наследие П. [Библи. ук.], М., 1936; Муратова (1. ук.).

Архивы: Музей-усадьба П. (Вишня); РНБ, ф. 583; Воспит.-мед. музей (Петербург); ф. 21. А. О. Толстолуца.

ПИСАРЕВ Александр Александрович [16(27).8.1780, по др. сведениям, 1781 или 1782, Петербург (?) — 23.6(5.7).1848, Москва; похоронен на кладб. Симонов мон.], прозаик, поэт, критик. Двоюродный дед Д. И. Писарева. Первонач. образование получил в доме отца, Ал-дра Ив. Писарева, бывшего в друж. сношениях

со мн. европ. учеными и во время заграничных путешествий дважды посетившего Вольтера. В 1797, по окончании 1-го кадет. корпуса (по всей видимости, во время учебы в корпусе числился в Преображен. полку, в 1795 сержант; см.: Степанова, с. 229), вылушен в армию подпоручником; в 1799 переведен тем же чином в Семенов. полк.

В звании капитана участвовал в походах 1807 в Пруссию против франш. войск; полковник (1807), участник Бородин. сражения. В 1813 ген.-майор, полковой командир Киев. гренадер. полка и бригадный нач. Киев. и Моск. гренадер. полков, участвовал в походах по Пруссии, Саксонии, Австрии, Богемии, берегам Рейна, в сражениях при Люцене, Герсдорфе, Донуэ, Теплинге и Лейпциге. Бригадный командир Таврич. и С.-Петербур. гренадер. полков (1814); по взятии Парижа награжден орд. св. Георгия 3-й степени (вручен лично

Александром I); в компании с К. Н. Батюшковым совершил путешествие в замок Сире, где жил Вольтер (Батюшков, II, 61). Бригадный командир Таврич. и Екатеринослав. гренадер. полков (1815); был в походах от Риги за Неман, на Рейне, вторично в Париже. В 1817—1823 командовал 2-й гренадер. бригадой, расквартированной в Калуге; в 1823 по прошению уволен от службы с мундиром.

Современники ценили П. как неустрашимого и самоотверж. воина, хладнокровного и знающего военачальника (Батюшков, III, 234, 242; Глинка Ф. Н., Письма рус. офицера, М., 1990, с. 169); по слову самого П., вся его жизнь «была военным формуляром» (РС, 1881, № 12, с. 883—84). При этом П. неустанно интересовался историей, лит-рой и изящными иск-вами, поддерживал знакомство с широчайшим кругом литераторов, собрал обширную б-ку. По завершении кампании 1812—1814 стал тяготиться военной службой, ходатайствовал о переводе в статскую и хлопотал (через Д. И. Хвостова, Г. Р. Державина, А. С. Шишкова) о месте, имеющем отношение к сфере иск-в или воспитания: вице-президента АХ, директора 2-го кадет. корпуса (письма к Хвостову от дек. 1814 и февр. 1815 — ИРЛИ, ф. 322, № 63, л. 194—194 об., 26—27 об.).

Первые публ. появились в 1802 в ж. «Новости русской литературы»; в дальнейшем печатался в разных периодич. изданиях, в т. ч. близких к ВОЛСНХ: «Журнал для пользы и удовольствия», «Журнал российской словесности», «Линей», «Драматический вестник». В «Сев. вестнике» И. И. Мартынова, проводившем линию офици. либерализма, в 1804 поместил стихи («Стихи на известного виртуоза Френцеля» — № 1; «Милостыня игрока» — № 5), рецензии (в т. ч. на соч. П. Ю. Львова «Храм славы российских героев...» — № 2) и печатал пространное соч. «Предметы для художников, избранные из Российской истории, Славенского Баснословия и из всех русских сочинений в стихах и в прозе» (№ 10—12), оконченное в 1805 (№ 1; отл. изд. — СПб., 1807, ч. 10—12; рец.: РВ, 1809, № 3, с. 473—88). Соч. оформилось как справочник для воспитанников АХ.

В предисл. П. говорит о «слабости и различии словесности и изобразит. искусств и плодотворности образности живописи к сюжетам и образам рус. лит-ры. В осн. части перечислены возможные сюжеты и даже композиции картин, почерпнутые из трагедий А. П. Сумарокова, Я. Б. Княжнина, Н. П. Николаева, эпич. поэм М. В. Ломоносова («Петр Великий»), М. М. Хераскова («Россиада», «Владимир»), из Ломоносова, В. П. Петрова, В. В. Капниста, Е. И. Кострова и др. авторов, повести Н. М. Карамзина «Марфа Посадница», а также из «древних отрывков по части словесности: «Слова о полку Игореве» (примечательно, что П. советует обратиться к

пространным комментариям и прозам, пер. памятника, выполненным А. С. Шишковым в 1805), сб-ка Кириил Данилова и рус. нар. песни (усматривая в последних «чистоэстетские, невинные послания»). П. замечал, что «живописец найдет в них модели, сюжеты, эскизы для своей кисти»; ч. 2, с. 132). Труд П. обнаруживает близкое знакомство автора с зап.-европ. эстетик. сочинениями (Д. Дидро, А. Р. Менте, И. И. Винкельман, Г. Э. Лессинг, И. Г. Зюльмер, Ж. Б. Дюбо, граф де Кейпос); и в замысле, и в исполнении сказались личные впечатления, полученные в музеях и картинных галереях во время европ. походов (намерение выбрать из рус. истории предметы для картин высказывал еще в 1802 Карамзин (ВЕ, № 24), в ч. 2 «Предметов для художников» П. подтверждает его статью критич. разбору (с. 255—68)).

В 1808 П. выступил второе пособие для воспитанников АХ — «Начертание художеств или правила в живописи, скульптуре, гравировании и архитектуре...» (СПб.).

В поделанных и перевед. П. отрывках из франш. «Энциклопедии» и эстетич. трактатов сообразились нач. сведения по истории и теории изящных искусств, несладь библиографии европ. соч.; книга снабжена кратчайшей: отрывками из соч. Леонардо да Винчи, Мендеса Лессинга, Э. М. Фальконе и др.; составитель предостерегал калых франш. технич. терминов, не имеющих эквивалента в рус. яз. (в т. ч. «светлоты» — «clair-obscur», «очерчение» — «contours», «обрис» — «esquisses»).

За «Предметы...» и «Начертание...» П. был в 1810 выбран почетным членом АХ. Состоял также чл. Рос. акад. (с 1809; избран по предложению Державина; приветств. речь: Сухомлинов М. И., История Рос. акад., в. 7, СПб., 1885; там же опыт биогр. статьи П. об И. Ф. Копиевиче). ВОЛСНХ (д. чл. с 1804 — принят «без представления присной пьесы», в 1806 избран цензором об-ва, в 1823 переименован в поч. чл. — см.: НБ СПб ГУ), «Беседы любителей русского слова» (по 4-му разряду; до 1812 — непеременимым секр. об-ва), ВОЛРС (1820 — поч. чл.), ОЛРС (пред. в 1829—30; отзыв о его управлении делами об-ва: Дмитриев, с. 172), Петерб. медико-филиантропич. об-ва (1806—11), Моск. об-ва сел. хозяйства (с 1824), Моск. об-ва испытателей природы (в 1825 избран председателем).

Третье соч. П. компилятивно-учебного характера — «Общие правила театра, выбранные из полного собр. соч. Вольтера и расположенные по порядку драматических правил» (СПб., 1809) — подборка фрагментов о драм. иск-ве и актер. ремесле. В сдержанной рецензии («Цветник», 1809, № 6, с. 363—71) отмечены многочисл. недостатки книги; Батюшков в письме Н. И. Гнедичу назвал ее «вздором» (Батюшков, III, 57).

Параллельно лит-ре П. занимался разысканиями в области воен. истории; один из их результатов — «Подробное известие о Leib-Гвардии Семеновском полку» (СПб., 1811) — первая отд. полковая история (переизд.: Полтава, 1911). В русле тех же интересов составлена своеобразная антология, пользовавшаяся

широкой известностью «Военные письма и замечания, наиболее относящиеся к незабвенному 1812 г. и последующим...» (ч. 1—2, М., 1817; высокая оценка труда: Соц В., Опыт 6-ки для военных людей, СПб., 1826, с. 7, 337—38).

К подробному описанию воен. действий грен. корпус в 1812—1814 присоединены сведения по истории гв. полков, перечень рус. и иностр. книг (ок. 300) о кампаниях 1812, а также роостр карт, воен. планов, театр. и муз. произв. памятников и металей.

Подготовит. мат-лы к «Военным письмам» (и одновременно непосредств. реакция на события воен. лет) — стихи и заметки П., появившиеся в периодике (мн. вошли в книгу: «Любовь к отечеству», «Польской на прибытие императорской гвардии в город Вильну» (РВ, 1812, № 8), «Стихи на подвиги двух смоленских помещиков Энгельгардта и Шубина...» (РВ, 1813, № 12; СО, 1813, № 40), «Стихи на совершенное истребление неприятельских войск в пределах России» (РВ, 1814, № 1), «Подвиги русских gren. надер. Письмо Н. Н. о сражении под Лейпцигом» (СО, 1814, № 11), «Стихи... по получении повеления выступить в поход gren. надерам 16 марта 1815 г.» (СО, 1815, № 16), «Письмо из Парижа 1 августа 1815 г.» (СО, 1815, № 37).

Увлечения П. отец, историей отразились в многочисл. публикациях по археологии, нумизматике, эпиграфике, появившихся в «Трудах ОИДР (чл. об-ва с 1808, в 1824—30 — его пред.)» — «Историческая выписка о дворцах княжеских в Киев...» (1824, ч. 2, кн. 2), «Киевские древние памятники» (1830, ч. 2), «О древностях Новороссийского края» (1830, ч. 5, кн. 1) и «Сыме отечества» — «Сбор. Св. Апостола Андрея Первозванного (В селе Грузин)» (1816, № 11), «Замечание о нападках», 1817, № 36). Вопросы истории Смоленского края обсуждались в переписке с Н. А. Муравьевым: на экскурсиях в историю построены краткие описания Твери и Ростова («Ист. статистик. и географик. журнал...», 1825, ч. 2, кн. 2, с. 145—49; 1827, ч. 1, кн. 3, с. 213—32).

В пору командования 2-й gren. дер. дивизией П. организовал в своем калужском доме регулярные собрания офицеров, не чуждые словесности, — своего рода филиал «Беседы» или ОЛРС. Стараниями П. в Калуге, как и ранее в местах дислокации подведомственных ему частей — Смоленске, Дорогобуже, Вязьме (см. его письмо в ВОЛРС, 1821 — ИРЛИ, ф. 58, № 5, л. 211; справка Н. И. Хохловой), была открыта книжная лавка. Результат деятельности сообщества (председательствовал сам П.) — сб. «Калужские вечера, или Отрывки сочинений и переводов в стихах и в прозе военных литераторов» (ч. 1—2, М., 1825; отрывок перепечатан в кн.: Бурские А. Е., Общественное библиописание редких и замечательных книг..., т. 3, СПб., 1901, с. 86—88; нек-рые мат-лы по истории об-ва см.: РНБ, ф. 76, № 209).

Воспринятый современниками как неудачный («собрание совершенно

бесталанных произведений» — Дмитриев, с. 172), сб-к, с т. з. П., важен прежде всего как наглядное доказательство того, что досуг офицеров может быть занят не только карточной игрой, дуэлями и пьянством; характерен эпиграф к сб-ку: «Владей мечом в бою, а лирой средь друзей» (рассуждения П. о пользе подсобного рода обществ см.: «Военные письма...», ч. 1, с. 477—86). В 1-й ч. помещены три стих. самого П. («Агдлая», «Феона», «Аламиса»), в к-рых предпринята попытка доказать существование связи между содержанием и стихотв. размером; по мнению автора, для «нежного» содержания наиболее уместен ямб. для «шугливого» — хорей, а для «печального» — дактиль.

С 1825 по 1830 П. — попечитель Моск. уч. округа и ун-та; возбудил недовольство профессоров введением элементов воен. дисциплины: «мундирный попечитель» — Барсуков, П. 156; жалобы не имели никакого воздействия, т. к. П. пользовался расположением мин. нар. просвещения Шишкова. Дома П. на Волконке у Каменного моста и в подмосковном имении Люблино в сер. 1820-х гг. стали местом встречи моск. литераторов: здесь собирались И. И. Дмитриев, М. Н. Загоскин, Ф. Ф. Кокоскин, М. Т. Каченовский, В. Л. Пушкин, П. И. Шатилов, С. Д. Нечаев, М. А. Дмитриев, И. М. Снегирев и др. (РЛ, 1975, № 4, с. 99). В 1830 уволен от должности попечителя с пожалованием в тайные сов. и назначен сенатором. В 1840 переименован в ген.-лейтенанта и назначен воен. губ. Варшавы (до 1845). В 1847 в числе др. сенаторов, редко посещавших заседания Сената, уволен с мундиром и полным пенс. поном (РС, 1905, № 11, с. 379—81); переехал на житье в Москву.

Значит. число соч. П. (средн. них как хрестоматии-компиляции, так и оперы, комедии, подготовл. «Собрание мелких сочинений в стихах и прозе»; история 21 gren. полка), видимо, осталось в рукописях и впоследствии было утрачено (в архивах не обнаружены); упоминания о них см.: «Военные письма...», ч. 1, с. IX—XVI (предисл., написанное С. И. Селивановским и П. Субботиным, издателями книги), ч. 2, с. [465]; Сухомлинов, с. 61—62; Батюшков, II, 404—05, 624—26.

Др. произв.: «Военные хоры, петье в день праздника лейб-гв. Семёновского полка...» (муз. Дерфельда, СПб., 1809), «Описание нек-рых картин эрмитажной галереи» (СПб., 1811), «Описание знамени вел. кн. Владимира...» (1817; Новгород. сб., в. 2, Новгород, 1865, отд. 2, с. 129—136), «Речь о пользе отеч. археологии...» (М., 1827), «Описание древ-

них медалей Ольвин или Ольвинополь...» (пер. с франц.; М., 1828).

Изд.: Поэты-радищевцы. 1979, с. 377—84; Лит. критика 1800—1820-х гг., М., 1980, с. 48—55 [указание Л. Г. Фригмана на то, что П. в 1825 выступил против Грибоедова (с. 299), относится к А. И. Писареву]; Стихи, писанные к Н. Н. Раевскому. — В кн.: Вольтер в России, М., 1995, с. 363.

Письма: И. И. Дибичу (1825). — РС, 1881, № 12, с. 883—84; А. Х. Востокову (1823—1824). — Перспекта А. Х. Востокова в повременном порядке, СПб., 1873, с. 59—60, 130; Н. Д. Иванчину-Писареву. — Старина и новина, кн. 10, М., 1905, с. 502—04; А. С. Пушкину (1830). — Пушкин. Письма, т. 2, с. 124.

Лит.: Алексеев, II, с. 302; Кюхельбекер (ук.); Велицкий (ук.); Маслов С. Ист. обзорное действий и трудов Имп. Моск. об-ва ест. хоз-ства... М., 1846, с. 266, прил., с. 50; Иванчин-Писарев Н. Д., Восп. об А. А. Писареве. — МВед. 1849, 18 янв.; Имп. Моск. ун-т в восп. М. П. Третьякова. — РС, 1892, № 9, 10; Колупанов Н. П., Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 2, М., 1889; Станкевич Н. В., Студиторские Трагедии, Проза, М., 1890, с. 68—71; Максимов А. Г., Описание рус. переводч. изд. XIX в., Ж-лы И. И. Мартина «Св. вост.» 1804—1805 гг. и «Листы» 1806 г., СПб., 1904; Здобнов Н. В., История рус. библиографии XIX в., М., 1955, с. 273; Девнянский В. А., Из истории лит. области нах XIX в., в 1 — Ж-лы «Беседы любителей рус. слова». — В его кн.: Избр. ст. по рус. лит-ре XVIII—XIX вв., М.—Л., 1958; Гиллельсон М. И., Кольцов в письмах П. А. Вяземского и А. А. Писарева. — Уч. зап. Горьк. ун-та, в. 57, 1962, с. 302—03; Базанов (ук.); Алтушлер М., Предметы славянофильства в рус. лит-ре (Об-ва любителей русского слова), Ленинград, 1984 (ук.); Нарышкина Н. А., Худож. критика пушкинской поры, Л., 1987, с. 7—8; Автографы современников А. С. Пушкина, М., 1988, с. 141—43 (зарегистрированные папки П.); Моск. ун-т в восп. современников (1755—1917), М., 1989 (ук.); «Арзамас» (ук.); Степанова Е. Ю., К истории села Знаменского, места рождения Д. И. Писарева. — В кн.: Д. И. Писарев: Иссл. и мат-лы, в. 1, М., 1995; Горшман А. А. (А. А. Писарев). — «Рос. архив», 1996, т. 7 [справочная заметка]; Некролог: Отчет ОРЯС за 1848 — ЖМНП, 1849, ч. 61, с. 49—50, Брокгауз; Сп. ОЛРС; МСекр.; Воен. энци.; Клейменова; Смирнов-Сокольский; ИРДВ; Мурзгова; Масанов.

Архивы: Архивы деятелей библиографии, 1993, № 4, с. 142 (соств. В. И. Гулицкий); РГБ, ф. 226; ИРЛИ, ф. 320, № 1937 (ф. с. 1830 г.); ф. 322, № 19, 23, 26, 32, 35—38, 42, 54—55, 61—80 (переписка с Д. И. Хвостовым, 1813—34; в составе копийловтов); ф. 339, № 1, л. 230—31 (степоть, послание Д. И. Языкову, 1803); № 9292 (д) (письмо В. И. Штейнгелю, 1816); ф. 361, № 30 (письма И. М. Снегиреву, 1824—1834); ф. 590, № 126 (письмо Н. И. Гречу, 1827); Р. 1, оп. 9, № 95 (записка В. А. Жуковскому, 1844) [справка Н. А. Хохловой]; РНБ, ф. 542, № 1040 (письма А. Н. Оленину, 1826); РГИА, ф. 549, оп. 1, № 300 (ф. с. 1846 г.); ф. 733, оп. 29, № 29 (о назначении преа. ОЛРС); ф. 1005, оп. 1, № 159 (письма С. Д. Нечаеву); РГАН, ф. 10, оп. 2, № 1 (письмо С. Т. Аксакову, 1828); ф. 141, оп. 1, № 363 (деловые письма Ф. Н. Плиске, 1815 и 1820); ф. 1345, оп. 1, № 425 (письма ему же, 1818, 1821); ф. 191, оп. 2, № 787 (стгл. «К товарищу»); ф. 195, оп. 1, № 2547 (деловые письма П. А. Вяземскому, 1836, 1838); МВ СПб ГУ, ф. ВОЛСХ, л. 55, № 1, л. 78 и 152 [справка Т. В. Мищенко]; ГАРФ, ф. 109, оп. 221, л. 15, л. 235; РГВИА, ф. 395, оп. 39, св. 1507, № 446 (ф. с. 1846 г.) [справка Н. Н. Свищовой].

А. В. Жуковская, Е. Э. Личина

ПИСАРЕВ Александр Иванович [14(26).7.1803, с. Знаменское Елецкого у. Орлов, губ. — 15(27).3.1828, Москва; похоронен в Покров. монастыре], драматург, поэт. Сын небогатого помещика Орлов, губ. (дослужившегося до ротмистра — ЦИАМ). Дядя Д. И. Писарева, родственник

А. А. Писарева. В 1817 поступил в Моск. ун-тский благородный пансион, к-рый окончил в 1821 с отличием (2-й в выпуске, с чином коллеж. секр.). Рано проявил интерес к лит-ре, еще в пансионе пробует себя в разных родах и жанрах: перевод в стихах «Сцена из Метромании» (ВЕ, 1819, № 23/24 — лит. дебют П.), элегия — оригинальные (в т. ч. «Возвращение» — «Снова прелестный ангел свиданья/ Тихо крылами нас осенит») и подражания Ш. И. Мильвуа («Феникс» и др.), опубликов. в пансионском альм. «Каллиопа» (1820, ч. 4), критич. отклики (отрицат., на поэму «Освобожденная Москва» А. А. Волкова — ВЕ, 1820, № 11, 12), рассуждения («О нравственных качествах поэта», М., 1821). «Любимец» дир. Благородного пансиона А. А. Прокоповича-Антонского (Полевой. Мат.-лы. с. 157), П. и соученикам воспринимался как многообещающий талант: по восп. С. Т. Аксакова, «вся пансионская молодежь признавала его превосходство...» (Аксаков, с. 49); о влиянии П. на С. П. Шевырёва, к-рый был голым мологе, говорил сам Шевырёв (Сп. профессоров Моск. ун-та, с. 604) и М. П. Погодин (см. его «Восп. о С. П. Шевыреве», СПб., 1869, с. 5). Своим «товарищем» называл П. юноша В. Ф. Одоевский (РА, 1864, кн. 2, стб. 809), хотя к пансионским годам относится их первое лит. столкновение (см. набросок Одоевского «Ответ на критику А. И. Писаревым соч. Одоевского „Отрывок из пророчества Варуха“ и „Послание к Филону“» — РНБ, ф. 539, оп. 2, № 74). Позднее П. — участник издаваемого Одоевским и В. К. Кюхельбекером альм. «Мнемозина» (М., 1824, ч. 3; баллада «Выкуп Оссиана» на сюжет Мильвуа — Левин Ю. Д., Оссиан в рус. лит-ре. Л., 1980, с. 107; опубли. также: Тр. ОЛРС, 1824, ч. 28, кн. 1), а голым ранее — альм. С. Е. Райча «Новые Аониды на 1823 г.» (М., 1823); в 1825 примыкал к его кружку (Райч С. Е., Автобиография. — «Рус. библиофил», 1913, № 8, с. 28), говорил об уважении к Райчу «как автору и человеку» (СО, 1825, № 17, с. 85). По окончании пансиона подает прошение о принятии его в Моск. ун-т вольнослушателем (посещал ли лекции — неизв.), становится действит. членом ОЛРС при Моск. ун-те (чл.-сопр. с 1820; с 1821 чл.-сопр. ВОЛРС), активно печатается, преним. как поэт, в «Трудах» ОЛРС и «Вестнике Европы» М. Т. Каченовского.

Первые лит. опыты П. во многом носят ученич. характер. В изв. смысле под воздействием арханч. воззрений на иск-во, свойственных Обществу любителей рос. словесности, он совмещал дидактич. традиц. жанры — речи, сатиры и пр. (дифирамб

«Бессмертные души» (М., 1820), «Мудрей Альпийских гор», пер. из Ж. Ф. Лагарпа («Соч. в прозе и стихах», 1823, ч. 3, кн. 8), «К богатому соседю», «Различные. Басня» (там же, 1822, ч. 1, кн. 2), «К молодому любителю словесности» (ВЕ, 1821, № 7/8) с попытками усвоить новые веяния в поэзии: цикл элегий в духе Парни—Батюшкова (Тр. ОЛРС, 1822, ч. 18), очевидные подражания В. А. Жуковскому, особенно в балладе «Мальвина и Танкред» («Соч. в прозе и стихах», 1822, ч. 2, кн. 5), написанной строфой «Эоловой арфы», в элегиях с темой минувшей юности и энтузиастич. дружбы («К товарищу», там же, 1823, ч. 3, кн. 8). Более удачным оказался жанр ист. элегий, где одич. строфы сочетались с эллигическими: стих. «Бедринское озеро» (посв. Ф. Ф. Кокوشкину), «Берега Дона» (с реминисценциями из «Вечера» Жуковского — там же, 1822, ч. 2, кн. 5). П. был даже причислен Н. А. Цертелевым к поэтам «новой школы словесности» и подвергся критике вместе с Жуковским, П. А. Плетнёвым и др. («Благ», 1823, № 6). Тогда же обращался и к переводу высокой трагедии: опубли. два отрывка из «Федры» Ж. Расина (ВЕ, 1822, № 3; «Соч. в прозе и стихах», 1822, ч. 2, кн. 5).

Несмотря на несамостоятельность стих. П., он всегда считал себя поэтом, «лириком»; друзья поддерживали его в этом мнении. В нач. 1820-х гг. П. вошел в «лит.-театральную партию» — круг моск. драматургов, театр. деятелей и критиков: С. Аксаков, Кокوشкин, М. А. Дмитриев (см. послание «К М. А. Дмитриеву» — там же), А. А. Шаховской, М. Н. Загоскин, Н. Ф. Павлов, Человек раздражительного, по восп. современников, ула и самолюбия, П. «уживался в кружке драматич. писателей», был «так сказать „баловнем“ этого кружка, где любил талант, его пылкое сердце и ради них прощали... его резкие выходки...» (М. Лонгинов — БЗ, 1859, № 2, с. 609; см. также: Аксаков, с. 64). Познакомившись с Аксаковым зимой 1820—1821, П. стал его близким другом, Кокوشкин устроил его на незначит. должность в контору Моск. театра (репертуарная часть). П. страстно увлекался театром, «бывал всякое утро на репетициях и всякий вечер за кулисами, совершенно погрузился в этот обольстительный для страстей Пандемоним» (Дмитриев М. А. — НЛО, 1992, № 1) и в результате лирическому роду предпочел драматический.

Известность П. получил как один из лучших водевильных, утвердивший (вместе с Н. И. Хмельницким) этот жанр на рус. сцене. За пять лет (1824—28) им написано 23 водевиля и комедии (издано ок. 12), ставив-

шихся сначала в Москве — моск. Малый театр и в Петербурге — Александринский театр. Водевиль П. — это почти исключительно переделки франц. пьес, «переложенных» на рус. нравы и воспринимавшихся как русские. Наиб. успех имели водевили и оперы-водевили (с куплетами, танцами и хорами) «Хлопотун, или Дело мастера боится» (пост. 1824; М., 1825; 1886), «Поездка в Кронштадт» (пост. и изд.: М., 1824), «Учитель и ученик, или В чужом пиру похмелье», «Наследница» (обе — пост. и изд.: М., 1824), «Забавы каллифа, или Шутки на один сутник» (пост. и изд.: М., 1825), «Три десятички, или Новое двухдневное приключение» (пост. 1825, Большой т-р; отрывок в кн.: Стихотв. комедия...). Юмор, острокомедийные ситуации и, особенно, удачно схваченные характеры (почти объемные и, несмотря на комизм, вызывающие неподдельное сочувствие зрителей — «Хлопотун», «Наследница»), легкость («Бойкость») и чистота слога — отличит. свойства пьес П. В. Г. Белинский, у к-рого водевильный жанр всегда был на подозрении, скажет о водевилях П. в 1842: «Все наши теперешние водевильники, вместе взятые, не стоят одного Писарева» (VI, 371).

Представление об эстетич. принципах молодого драматурга дает рец. (О драматич. поэзии) (при вступлении в ОЛРС: «Соч. в прозе и стихах», 1820, ч. 3, кн. 7); П. декларирует верность нормативным принципам, критикует совр. нем. драматургию, выступает против смешанн. жанров; драматургич. характеров предпочитает драматургии интриги.

П. нередко затрагивал (прежде всего в куплетах) обществ. пороки: погоню за чинами, власть «капитала», боязнь общего мнения, взяточничество, подкуп судей. Успеху водевилей много способствовали известные актеры — М. С. Щепкин (роль Репейкина в «Хлопотуне» — одна из лучших в его водевильном репертуаре), В. И. Разанцев, А. М. Сабуров, Н. В. Репина, М. Д. Львова-Синицкая — и музыка А. Н. Верстовского, А. А. Алябьева и Ф. Е. Шольца. П. сделался любимцем моск. публики (Аксаков, с. 56). Известность его в значит. степени поддерживалась водевильными куплетами, изобиловавшими злободневными намеками (скандал вызвал явный намек на Н. А. Полевого в комедии «Три десятички...»: «Всем мила цветок оранжевой! И всем наскучил полевой ой!» — РА, 1869, № 12, стб. 2094; о реакции публики см.: Полевой. Мат.-лы. с. 186—87), рукописными эпиграммами, «альтами» и колкими, на людей лит.-театрального мира (см.: Рус. эпиграмма), а также экспромптами: «Скропал Арапов водевиль! Одоевский скропал музыку! Мал капл nicht immer, was man will! И пьеса хлопнула без крику!» (там же).

Куплеты из своих водевилей и фрагменты из пьес П. опубли. в издании им вместе с Верстовским «Драматич. альбоме...» на 1826 г.» (М., 1826, тт. 1—2; там же помещен «Разговор одного из издателей альбома с будущим читателем оном»; Собр. водевилей куплетов из иск-рых пьес П. — см. также: Пономарев).

Право на место в «серьезной» лит-ре в 1-й пол. 20-х гг. П.-драматург получил своей переделкой (единственной с англ.) «Школы злословия» Р. Б. Шеридана — комедией в стихах «Лукавин» (пост. и изд.: М., 1823; отрывки — ВЕ, 1823, № 17; отклики: ВЕ, 1823, № 21, с. 67; «Лит. листки», 1824, № 2, с. 69; Аксаков, с. 56; Жуковский В. А., Эстетика и критика, М., 1985, с. 313, 316).

П. воспользовался переводом И. М. Муравьева-Апостола (1794). В «Лукавине» он существенно отступил от текста Шеридана: «выпустил лучшие сцены» (письмо А. А. Бестужеву П. А. Вяземскому от 28 янв. 1824. — в кн.: Бестужев-Марлинский А. А., Соч., т. 2, М., 1981, с. 474), все, связанное с комической леди Синдрал: санит, отпрыск, героем стал Лукавин-Сэрфес. Остроумные пародосмы, х-рими ишибуют текст Шеридана, П. не пересад, и, видя, намерено: он следовал принципу, сформулированному позднее в «Прологе комедии „Христофор Колумб“»: «пусть лицо смеет, а не слова его».

Вместе с М. Дмитриевым П. участвовал на стороне «классиков» почти во всех лит. спорах сер. 1820-х, выступая со своими эпиграммами, водевильными куплетами (и реже — статьями) против Вяземского, А. С. Грибоедова (соответственно, Мишурского и Гривуса) и Н. Полевого, пост. адресата выладов П.; рукописные эпиграммы на последнего, известные в разных редакциях (Рус. эпиграмма; Пономарев, с. 350—351; Кагенин П. А., Размышления и разборы, М., 1981, с. 259), отличались особенной грубостью. Печатавшая полемика носила более сдержанный характер.

П. составил спец. брошюру, свод взаимных обвинений П. и Н. Полевого: «Анти-Телеграф или Отражение несправедливых нападений г-на Полевого» (М., 1826), но отражающую внутр. мотивов неприязни друг друга (отклики: МТ, 1826, № 6; подробнее — Лонгинов М. Н., О полемике Н. А. Полевого с П. — «Собр.», 1856, № 7). Полевой, в частности, считал, что П. напрасно тратит свой талант на водевилей; П., сам понимавший это, воспринимал слова Полевого болезненно.

В статьях, направл. против Вяземского, автора предисл. к «Бахчисарайскому фонтану» А. С. Пушкина («Еще разговор между двумя читателями „Вестника Европы“» — ВЕ, 1824, № 8; «Нечто о словах» — ВЕ, 1824, № 12), П. упрекал его, с одной стороны, в нарушении правил логики и драмматики (требуй ясности слога в критике), с другой — в особого рода партийности, принадлежности к «кругу знаменитых друзей», определяющей стиль лит. поведения (там же, с. 283, 290) (о реакции Вяземского см.: ОА, III, 38—39; РА, 1874, кн. 2, стб. 0541—43; РС, 1904, № 1, с. 120—22). Упреки Грибоедову — в неправомерности языка и построения (отсутствие «связи») «Горя от ума»,

высказанные в полемич., в защиту М. Дмитриева, ответах О. М. Сомову и «неизвестному Y. Y.» (В. Одоескому), опубли. в «Вест. Европы» (1825, № 10, 23/24) за подписью Пилат Белугин. Своего рода ответом на защиту Любомудрами Грибоедова явился комич. персонаж по имени Шеллинг (педагг-учитель) в водевиле «Учитель и ученик».

Склонность П. к лит. «дракам» была совершенно исключительной. Любивший его С. Аксаков писал о нем: «Раздражительность, жесткость ослепляли его, и в число его литературных врагов попали такие люди, которые заслуживали полного уважения по своим талантам» (Аксаков, с. 64). По мнению современников, лит. выпалы П. носили личный характер.

Сатирик, выкладки П. часто были направлены не только против его явных противников, но и против учителей, приятелей, редакторов журналов, где он печатался (см., напр., грубый выпад против А. Ф. Мерзлякова-Лавякова: «Второе послание к малому любителю словесности» (ВЕ, 1822, № 7). (Исключением в этом отношении было «Похвальное слово В. В. Каянству» (читано на заседании ОЛРС 27 февр. 1828; опубли. жважам: «Соч. в прозе и стихах», 1828, кн. 19, и «Атлант», 1828, ч. 2, № 5) — дифирамб лит. и человек, «подвигу» драматурга, по мнению П., несовершенного и в иск-ром отношении опередившего даже «Недоросль» Д. И. Фонвину.)

В целом же лит. позиция П. м. б. определена как «дромежучточная» и эклектичная: спектр задеваемых им имен очень широк; в неизд. при жизни сатиры (1825) «Певец на биваках у подошвы Парнаса» (БЗ, 1859, № 20; сопроводит. ст. и прим. Лонгинова) ее адресатами помимо упомянутых литераторов были как «классики», так и «новаторы», в особенности их эпигоны, среди них М. Т. Каченовский, А. Е. Измайлов, В. Л. Пушкин, М. Н. Макаров, П. И. Шаликов, а также А. Ф. Воейков и Н. И. Греч.

Ок. 1827 в творч. сознании П. происходят перемены. Он претендует на роль в лит-ре, большую, чем роль водевиллиста. Роль присяжного критика «Вест. Европы» перестает удовлетворять его, и вместе с М. Дмитриевым он планирует соств. издание (об этом в письме Н. Павлова к В. Одоескому от 2 сент. 1827 — РС, 1904, № 4, с. 194, и в письме П. 1827 к Погодину: РГБ, Погол, к. 46, № 45). П. возобновляет старое знакомство с Шевыр'евым и Погодиным, публикуется в «Моск. вест.» (1827, № 5: куплеты из водевиля «Странствующий лекарь...» и эпиграмматич. цикл «Журналы», в к-ром он выделяет «Моск. вест.» как избежавший «общей порчи»). Сближается с Любомудрами и во взглядах на лит-ру, что видно из его эстетич. манифеста «Парадоксы» (МВ, 1827, № 6, подпись **; атрибутируется по вышенз. письму Погодину 1827; содержательно в отд. моментах совпадает

со ст. «О драм. поэзии»); отходя от предустановл. эстетич. догм, П. утверждает, что «все может быть предметом ... искусства» (с. 166) и что «поэзия будет мертва без помощи истории, как физика без математики» (с. 166).

Как мн. его современники, П. ожидает нового — синтетич. — жанра в лит-ре и, приписывая особое значение драме, ожидает нового «драматич.» слова именно от рус. лит-ры. «Мы, русские, последние пришли на поприще словесности. Не нам ли определено замесить эпическое, теперь невозможное, драмою, соединяющее в себе все роды словесности и все искусство?» (там же, с. 168). П. зат. оригинальное определение романтич. драмы: ее гл. отличие от классической не в соблюдении или «нарушении» единства места и времени, но «в лицах второстепенных»: романтич. драма, поднимая их «общему ходу пьесы», а не гл. лицу, «не отнимает у них самостоятельности» (там же).

В 1826—28 П. пытается обновить жанр комедии, расширяя круг ее тем. По поводу водевиля П. «Три десятичка» С. Аксаков писал о «характере новейшего водевиля, распространенного пределы свои в область важного, трогательного и ужасного» (Аксаков, с. 556); «Странствующим лекарем...» (пост. 1827) Аксаков дал парадоксальное определение: «водевиль... серьезного содержания» (там же, с. 91). В прозаич. пьесе «Пятнадцать лет в Париже, или Не все друзья одинаковы» (переделка с франц. мелодрамы М. Теолона) (пост. и изд.: М., 1828) 1-й акт был обозначен как комедия, 2-й — как водевиль. 3-й — как драма; в авт. примечании сказано: «теперь ... почти невозможно писать характерную комедию; поэтому нынешние комки должны ограничиться комедиею нравов; а как нынче в обществе гораздо более пороков и ненависти, нежели слабостей и смешных сторон, то драма и становится настоящею комедиею нашего времени» (с. 149).

«Драмой, соединяющей в себе все роды словесности», должна была стать незаконч. «историч. комедия» «Христофор Колумб» (1-й акт опубли.: МВ, 1829, № 1). В прологе комедии «Несколько сцен в кондитерской лавке» (опубл. в «Драм. альбоме...») — о вреде «чужеземных» влияний в рус. языке — П. определял жанр своего произв. как «вовсе новый род», образцы к-рого находит «в гишпанских авторах, в Шекспире и у немцев», и в «Аристофане» Шаховского. О плане этой комедии умирающего в 25-летнем возрасте от чахотки П. рассказывал Погодину и Шевыр'еву (запись в дневнике Погодина 2 февр. 1828: «вечеру ездил с Шевыр'евым к умирающему Писареву и с состраданием слушал прекрасный план его „Колумба“. Ну, если он не приведет его в исполнение и не оставит по себе этого следа? Шевыр'ев должен выслушать еще раз и быть, чего не дай Бог, его душеприказчиком» (Барсуков, II, 222—223). С. Аксаков в некрологе П. пи-

сал, повторяя, в сущности, самооценку П.: «все заставляло ожидать от него комедий аристофановских...» (Аксаков, с. 405) (см. также: Кюхельбекер В. К., Дневник, Л., 1929, с. 89).

Др. прозв.: водевили и комедии: «Волшебный нос, или Талисманы и финики» (М., 1825), «Дядя напрахот» (пост.: М., 1827; СПб., 1828), «Пять лет в два часа, или Как дороги утки!» (пост. и изд.: М., 1828), «Средство выдавать дочерей замуж» (пост. и изд.: М., 1828; реизд.: МВ, 1828, № 15).

Переводы (с франц.): «Пиршество героев победителей», с поев. Н. И. Писарчу (из баллады «Торжество победителей Ф. Шиллера») («Соч. в прозе и стихах», 1822, кн. 2); романы В. Скотта «Квентин Дорвард, или Шотландцы при дворе Людовика XI» (М., 1827) и «Песерль Пик» (ч. 1; ч. 2—5 перевел С. Т. Аксаков) (М., 1830); «Похвальное слово картам. Подарок на 1825 год» (М., 1825); эскизы М. А. Л. — РС, 1880, № 7, с. 592; Гербель.

Изд.: «Хлюпотун» — Рус. водевил, М.—Л., 1959 (вступ. ст. В. В. Успенского, с. 21—24); Рус. водевил, М., 1970; «Лукавина», «Посадка в Кронштадт», «Несколько сцен...» — Стихотв. комедия кон. XVIII — нач. XIX вв., М.—Л., 1964 (ВПБ; биогр. справка В. А. Бочкарева); «Наследница», «Несколько сцен...», куплеты; Стихотв. комедия. Комич. опера. Водевиль кон. XVIII — нач. XIX в., т. 1—2, Л., 1990 (ВПБ; подготовлено А. А. Готенпулом); Эпиграмма и сатира, М.—Л., 1931, т. 1; Рус. эпиграмма.

Лит.: Аксаков, III (ук.); Пушкин; Пушкин. Переписка, т. 1: ОА, т. 3, ч. 2; Вяземский, VII (все — ук.); Головин В. И. Восп. о Ф. Ф. Кокоскине — «Пантеон», 1843, № 1, с. 106—111; Дмитриев М. А., Стих., ч. 1, М., 1865, с. 230—31; Дмитриев (ук.); его же. Главы из восп. моей жизни, НПО, 1992, № 1, с. 208—12, 221—225 (прим. О. А. Простуриной); Полсвой, Мат.-лы (ук.); Белкинский (ук.); Барсуков (ук.); Кюхельбекер (ук.); Пономарев С. А. И. Писарев — «Ежегодник нового времени», 1879, т. 1 (ост. библи.); Колупанов Н. П., Биография А. И. Корнеева, т. 1, кн. 1, с. 493—94; кн. 2, с. 300—302, М., 1889—92; Рязанов В. И., Из рассказов о соч. В. А. Жуковского, в 2 т., 1916 (ук.); Лонгинов М. Н., Соч., т. 1, М., 1915 (ук.); Мануйлов В. А., Записки о двух стих., — «Уч. зап. ЛПИИ им. А. И. Герцена», 1948, т. 67; Медведев М., Два новых стих. А. С. Грибоедова. — ВЛ, 1958, № 1; Базанов (ук.); Янковский М., [Вступ. ст.] — Стихотв. комедия кон. XVIII — нач. XIX вв., М.—Л., 1964; Гринт Т. С. М. С. Шелкин. Летопись жизни и творчества, М., 1966, с. 119; Машинский С. (И.), С. Т. Аксаков... М., 1973 (ук.); История рус. драматургии, XVII — первая пол. XIX в., Л., 1982 (ук.); Сербун М. Н., Рус. водевил 1810—1820-х гг., Томск, 1989 (авторф. дис.); Кетрф А. А. I. Pissarev als Dramatiker, Gieslen, 1980; ЛН, т. 47/48, с. 233, 239—40; т. 60, кн. 1 (ук.). + Некрологи: МВ, 1828, № 6 (Аксаков); ДЖ, 1828, № 8 (б.п.); Сушков Н. В., Моск. ун-тский Благородный Пансион, М., 1858, с. 82; Добролюбов Н. В., Яхонтов С. Д., Библиогр. словарь писателей, ученых... (пренес.) Рязан. губ., Рязань, 1910; Ст. ОЛРС; Гейланд; Брокгауз; ТБ; КЛБ; ИРЛТ, т. 3; Муратов (1, ук.); Машанов (не учт. криптонимы); А. А., А. Б. В. — ВЕ, 1824).

Архивы: СПб ГТБ (рукописн. фонд); РНБ, ф. 197, оп. 1, № 51 (письма Н. И. Писарчу, 1821 и 1822); ф. 291, № 129 (два письма М. Н. Загоскину, 1822 и б.д.); РГАЛИ, ф. 1346, оп. 1, № 311 (автографы стихов); ЦИАМ, ф. 418, оп. 118, л. 172 (о принятии П. вольнослушателем Моск. ун-та, 1821 г.) [справка В. В. Александровой]; ПЛТМ, ф. 53, № 297 (письмо А. Н. Верстовскому, 1820 г., с восп. о детстве), № 136 (шутливое письмо ему же П., М. А. Дмитриева и П. Н. Арапова, 1825 г.), № 465 (план трагедии «Оскар и Аллан», 1822 г.) [справка И. П. Гамулы].

Г. В. Зыкова

ПИСАРЕВ Дмитрий Иванович (2(14).10.1840, с. Знаменское Елецкого у. Орлов. губ. — 4(16).7.1868, Дуббельн, близ Риги; похоронен в Петербурге на Волковом кладб.), критик, публицист.

Отец, Ив. Ив. (1815—92), — штабс-капитан Новорос. драгун. полка, вышедший в отставку одновре-

менно с женьтбой, из небогатой помещицкой семьи с давними культурными традициями; мать, Варв. Дм., урожд. Данилова (1816—80), дочь полковника в отставке, из елецких помещиков, получила неплохое дом. образование, отличалась широким кругом интересов и восприимчивостью к новым идеям. Двоюродный дед П. по отцу — А. А. Писарев; дядя — А. И. Писарев; троюродная сестра П. — М. А. Маркович (см. Марко Вовчок), двоюродная сестра — Р. А. Коренева (в замужестве Гарднер). В доме П. царил атмосфера постоянного учения, культ знаний, поощрялись лит. творчество и чтение.

Воспитанием П. занималась страстно сго любившая мать, к-рая последовательно и целенаправленно формировала из ребенка необыкновенного человека, обладателя исключит. способностей.

За интеллектуальное развитие сына она принялась начиная с годовалого возраста — с использованием новейших пед. руководств и воспитат. методов, специально выписываемых из столицы (так, она обвела детской столице разноцветными картинками с изображением домашних животных и птиц и т. о. добилась того, что ее годовалый сын, не умея еще говорить, звукоподражаниями различал их). Опережающее развитие наблюдалось в разных областях. Трех лет П. мал уже жабку, чистых — читал по-русски и по-французски, свободно говорил на франш. яз., поражаа гостей, приезжавших в имение Писаревых. Начав изучать в восьмилетнем возрасте нем. яз. П. в девять лет уже легко и с большим интересом читал «Историю тридцатилетней войны» Ф. Шюллера. Рано пробудились творч. наклонности П.: с семи лет он пытался сочинять романы, в восемь написал сказку «Романтоне»; в десятилетнем возрасте начал вести дневник на франш. яз.

Несмотря на незаурядные способности и поразительные успехи в за-

нятиях гуманитарными предметами, формирование личности П. шло противоречиво, подчас драматично. Потребность в творч. самовыражении вступала в непримиримое противоречие с его «подневальным», постоянно контролируемым положением недоросля, «вечного дитяти». Атмосфера мелочливой опеки и семейного деспотизма — грубого и догматического со стороны отца, тонкого и любвеобильного, но и гораздо более систематического и назойливого, — со стороны матери — приводила к соединению в характере и поведении П. усидчивости, исполнительности, беспрекословного послушания, доходящего до слепой зависимости от мнений и оценок старших, и познавательной активности, творч. самостоятельности. Постоянная необходимость отдавать матери подробный отчет о всех своих поступках и проступках, достижениях и неудачах, интересах и привязанностях развивала в П. склонность к самоанализу. Его предельная искренность и правдивость доходили до самообнаженности, впечатлительности и раннине провоцировали подтрунивание и иронич. синхронность старших (домашнее прозвище П. — «хрустальная коробочка»). Вместе с тем нарастало ощущение душевной неустребованности, непонятости, толкавшее П. к одиночеству, уединению, изощренной рефлексии. В юном П. формировались скрытность мыслей и переживаний, обостренное чувство собств. индивидуальности, свободы, личного достоинства, исподволь подготавливался будущий конфликт с окружающим миром, в т. ч. с собств. семьей. Склонности П.-подростка разаванвались между серьезными занятиями («когда из первых молитв, составленная и преподанная» В. Писаревой детям, «стояла в том, что они должны были просить у Господа „поднятия к наукам“» — Гарднер, с. 1008) и худож. фантазиями, мечтательностью, игрой, разделяемыми с Р. Кореневою, его кузиной и ровесницей, братская и дружеская привязанность к к-рой впоследствии переросла у П. в страстную любовь.

В 1851—56 П. обучался в 3-й петерб. г-зии, известной высоким уровнем преподавания (словесник В. Я. Стоюнин, учитель нем. яз. Э. П. Буш); окончил г-зию с сереб. медалью. Ни лит., ни вообще проф. интересы П. в это время еще никак не проявились. Предпочтительным его занятием было чтение приключенч. романов (Ф. Кулера, А. Дюма), заслонявших романы Ч. Диккенса. Критич. статьи в ж-лах ассоциировались с «кодексом героикофигуреской налившей»; представления о рус. лит-ре оставались самыми поверхностными, на уровне имен (Пис-

сарев, II, 135). В целом г-зия заложила основы разносторонней образованности, но существ. ее пороками, по мнению П., были бессистемность образования, оторванность его от жизни, раскрытая П. в автобиогр. очерках «Наша университетская наука» (РСЛ, 1863, № 7, 8) и в ст. «Школа и жизнь» (Соч., ч. 5, 1866).

В становлении юношеского мировоззрения П. важную роль сыграла причастность к т. н. «Обществу мыслящих людей» — кружку, к к-рому он привлек в старших классах г-зии и с к-рым окончательно порвал лишь в 1859. «Общество», пронизанное по-детски наивным романтизмом, выделяло на первый план религ.-филос. вопросы (в духе «Выбравших мест из перекрестка с друзьями» Н. В. Гоголя), его члены проповедовали добровольный отказ от всех «радостей жизни» (танцы, курение, пустые разговоры и т. п.), упрекали в самоотречении, аскетизме (вплоть до обета девственности на всю жизнь), максимум исповедь в прегрешениях и коллективное услаждение и нравств. суд над каждым из «братьев». П. воспринимал все эти приемы и обыкн. со свойственной ему в то время серьезностью, глубиной и даже экзальтацией (см.: Скабичевский, 1928, с. 95, 107—111).

В 1856—61 П. — студент Петерб. ун-та, учился на ист.-филол. ф-те, выбор к-рого объяснял (не без полемич. заострений) ненавистью к математике и наивностью своих представлений о др. факультетах (II, 136). Его поступление в университет не повлекло за собой поначалу внешних изменений. По восп. однокурсников, он оставался «совершенным ребенком и ... тем же прилежным гимназистом» (Скабичевский, 1869, с. 46); «гораздо более нас подготовленный к университетскому курсу, гораздо более ... образованный — тяготился, однако ж, невыносимо и видимо тою ролью, которую ему постоянно приходилось разыгрывать перед всеми» (Полевои, с. 1). Сам П. определил это противоречие своей личности формулой «способность к развитию и совершенная неразвитость» (II, 137).

В «Нашей университетской науке», рассказывая об атмосфере ун-та и своих наставниках (И. И. Срезневский, М. И. Сухомилов, М. М. Стасюлевич, Н. И. Костомаров, М. И. Касторский, Н. Д. Астафьев), выведенных под условными именами, П. рисует гротескную, почти карикатурную картину выморочной, оторванной от реальности псевдонауч. и псевдоуч. деятельности, генерализируя и типизируя свои наблюдения в публицистич. и сатирич. целях. Воздействие преподавателей на формирование своего мировоззрения П. определяет как довольно сильное, но почти исключительно отрицательное, по принципу отталкивания, преодоления, а в каких-то случаях и «восстановления» (против «палеонтологических диаволов» и ложных, мнимых авторитетов). Именно из ун-та, по оценке П., вынесено им «ядовитое зерно скептицизма» (II, 141), к-рое, будучи посеяно в девственную почву его по-

детски неокрепшего сознания, породило взрыв огромной разрушит. силы, предопределило последовавший умств. переворот.

Первой проблемой, остро вставшей перед П. в ун-те, явился вопрос о специализации. Кружок студентов-филологов, в к-рый он входил на первых курсах (Н. А. Трескин, ставший близким другом П., Л. Н. Майков, А. М. Скабичевский, П. Н. Полевой, В. В. Макушев), в осн. уже определился в проф. интересах и занятиях. Трудности и сомнения в выборе «ученой карьеры» или хотя бы конкретной области приложения сил очень тревожили и угнетали П. Единств. относительно удачным собственн. науч. опытом П. стала трудоемкая и кропотливая работа по изу-

чению всей человек. природы, только избравший частный путь развития; обоснование свободы как сущностного качества человека; идея ист. прогресса, общечеловеч. гуманизма, развития и особой роли в нем цивилизации и культуры; просветит. точка зрения на нерасторжимое единство науки и жизни; последовательная критика элитизма, гос.-бюрократич. регламентирования человек. жизни. Во мн. отношении «мир Гумбольдта» стал первым образователем духовного «мира Писарева» (см.: Володин, 1993, с. 206).

Др. значит. событием в ун-тской жизни П. стал журналистский дебют в «Рассвете», ж-ле «наук, искусств и литературы для взрослых девиц», к-рый начал выпускать с 1859 В. А. Кремлин. 18-летний студент П. был приглашен вести библиограф. отд. (возможно, по рекомендации Стоюнина, близкого знакомого издателя и одного из авторов нового ж-ла). В течение года П. публиковал рец. на худож. и документ., ист. и пед., духовные и естеств.-науч. соч. (общим объемом ок. 25 авт. л.), получив хорошую школу не только рецензирования, но и науч. популяризации (в частности, из области предметов, рецензенту практически неизвестных, — физики, химии, физиологии — или знакомых чисто отвлеченно, как, напр., «женский вопрос»). Здесь же в 1859 П. дебютировал как лит. критик: ст. «„Обломов“. Ром. Н. А. Гончарова» (№ 10), «„Дворянское гнездо“. Ром. И. С. Тургенева» (№ 11) и «„Три смерти...“. Рассказ гр. Л. Н. Толстого...» (№ 12). Образцы критики, на к-рые ориентировался П. в этих, еще во мн. незрелых статьях, — ранний В. Г. Белинский, А. А. Григорьев. Делая акцент на нравств.-воспитат. значении лит.-ры, П. стремится к общественно значимым обобщениям. Характеры, сюжеты, проблемы, воссозданные в худож. произв., уже используются им гл. обр. как повод для рассуждений на волнующие лично его темы — человек. природы и разумной деятельности, семейного счастья и общественно полезного труда, личной свободы и равенства, жизненного опыта и мечты. Так, в образе Ольги Ильинской («Обломов») П. увидел «живой протест против зависимости женщины. Протест этот, конечно, не составлял главной цели автора ... но чем естественнее возник ... чем менее он был подготовлен, тем более в нем художественной истинны, тем сильнее подействует он на общественное сознание» (I, 16). Возможность самовыражения, свободного мышления на любые темы особенно увлекала П., а многообразие и «разношерстность» рецензируемого мат-ла поневоле расширяли его умств. кругозор: «библиография моя насильно вытаскила меня из закуполенной кельи на свежий воздух» (II, 177).

Журналист. деятельность П. вызвала в студенч. филол. кружке критич., а подчас и насмешливое отно-

Писарев-гимназист.

чению наследия нем. философа и филолога В. Гумбольдта, в то время в России практически неизвестного (во мн. заслоненного славою и авторитетом его брата — естествоиспытателя и путешественника А. Гумбольдта), а также его биографов и комментаторов (Х. Штейнтала, Р. Гайма, Г. Шлезинера), к-рую П. осуществлял под руководством Сухомилова: ст. «Вильгельм Гумбольдт» («Сб., издаваемый студентами имп. Петерб. ун-та», в. 2, СПб., 1860; похвальный отзыв А. В. Никитенко — там же, с. 8).

Сам П. оценивал работу исключительно негативно, как зря потраченное время и силы; на самом деле влияние идей Гумбольдта на формирование П. далеко превосходит воздействие всех др. теорий, распространившихся в ун-те (ср. имена, к-рые П. упоминает о предл. писателях, — С. М. Соловьев, К. Д. Кавелин, Ф. И. Буслаян, Срезневского, Т. Н. Грановского, Б. Н. Чичерина — II, 137), и состояли лишь с последующим влиянием на него рус. радикальн. демократов, с одной стороны, и зап.-европ. естествоиспытателей (Ч. Дарвин, Л. Бюффер, Я. Мюллер, К. Фохт), с другой. Средн. филос.-антропологич. идеи Гумбольдта, горячо воспринятые П. и ставшие его живейшим убеждением: положение о главенствующем значении человек. личности; представление о личности как вопло-

шение («пустословие», «пагубный дилетантизм», «суэта», удаляющие от науки, — II, 178). К осени 1859 товарищи заметили желание П. изменить соблюдаемому ими «строгую нейтральность» по отношению к студ. объединению радикальной настроенности (см.: Полевой, с. 1). Особенно занимал П. вопрос о жен. эмансипации, «мысль о каком-то новом идеале современной русской женщины...». Вчерашних друзей П. раздражали его «замечательная способность к быстрому созиданию теорий» и стремление «многое объяснить на основании своих, только что созданных, теорий» (там же). В свою очередь, П. возмущал становившийся все более настойчивым «товарищеский деспотизм». Назревал острый конфликт П. со студ. окружением; он охладел к ун-тским занятиям и почти перестал их посещать. Окончат. расхождение с кружком Трескина ускорил дошедший до П. отзыв И. А. Гончарова о его статье: «Из всех, разбиравших характер Ольги, один только Писарев угадал то, что автор хотел в нем выразить» (там же, с. 1—2). П. окончательно уверился в правильности своего выбора и призванию журналиста и критика.

Летом и осенью 1859 П. пережил мировоззренч. кризис, закончившийся психич. расстройством. Разочарования в «ун-тской науке», семейных противоречиях усугубились драматич. развитием безответной любви П. к Кореневой (именно в это время полюбившей Е. Н. Гарднера, за к-рого впоследствии она вышла замуж). Углубляющийся скептицизм П. по отношению к большинству общепринятых представлений завершился утратой веры сразу во все прежние идеалы, катастрофич. «обвалом», в основе к-рого лежало крушение религ. воззрений — от сомнений в церковной обрядности до отрицания бытия Бога и личного бессмертия («я ... совсем отвергнул вечность собственной личности, и потому жизнь, как я себе ее вообразил, показалась мне сухой, бесцветной, холодной» — из письма матери, шпт. по: Сол о вье в, 1894, с. 60—61). Повернутый в состоянии отчаяния и ужаса, П. лишь постепенно приходит к новому пониманию гл. позитивной ценности своего (и вообще человеческого) существования, к-рую определяет как «царство мысли», саморазвивающейся независимо от воли отдельного человека. Знания, научно доказанные истины П. признает не только безусловно объективным, но и первичным элементом мироздания, доходя до убеждения, что даже др.-греч. идея судьбы — «не что иное, как неизменная сила законов природы» (II, 181).

Однако автономно развивающаяся мысль пришла в конфликт с личностью П.; им овладела мания преследования и безотчетный страх. «Скептицизм мой вышел из границ и начал отрицать существование дня и ночи» (II, 182). С диагнозом «разжижение мозга», болезни неизлечимой, П. был помещен в частную психиатрич. больницу д-ра Штейна, где дважды пытался покончить с собой. Четырехмесячное пребывание в психолечебнице завершилось бегством П. в дом Трескиных, откуда он был препровожден в родительское имение (с. Грунец Новосильского у. Тульской губ.), где провел весну и лето 1860 на отдыхе и лечении. Чуть оправившись от душевного расстройства, он принялся за лит. работу.

Разброс занятий свидетельствовал о не завершившемся еще процессе мировоззренч. ломки: П. переводил XI повесть «Мессиды» Ф. Г. Кюстинга (опыт религ. злого на сыновнейский сюжет), поэму Г. Гейне «Атта Трольд» (опубл.: РСЛ. 1860, № 12), биографию Шиллера; одновременно писал в виде своеобразного лирико-публи. дневника «критич. эгоизм» «Мысли по поводу сомнения Марко Вовча» (опубл. в 1913), предназначивший для ж-ла «Рассвет». Статья эта, огромная по объему (6 лт. л.) и не пресказуемая по сюжету развития авт. мысли, отразила переходный характер его исканий: увлечение Гумбольдтом и И. В. Гете, Гомером и Гесиодом, пиетет перед «чистой» поэзией А. С. Пушкина, А. Н. Майкова, А. А. Фета дополняется интересом к новейшим провиз. И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Гончарова, А. И. Герцена и даже Н. В. Успенского и М. Е. Салтыкова-Щедрина; обличение рабств и деспотизма сочетается с полемик. выпадами против «красных прогрессистов» с «чуждыми руками», «алициными и вислокошпатыми волосами», готовых всю Россию «перекроить на свой лад» (ИСС. Доп. в., СПб., 1913, стб. 104).

Появление П. после каникул в ун-те осенью 1860 его прежние друзья восприняли с удивлением и настороженностью. Развиваемые им теории казались чуждыми и вызывающими, что было отпесено за счет «болезненного расстройства» (ср. восприятие его окружением «софизма» П. «все, что естественно, то и нравственно» — Полевой, с. 2). Его обязательство написать за 2—3 мес. каска. дис. на тему, предложенную Стасюлевичем («Аполлоний Тианский и его время»), было признано «ненормальной мечтой», «неуместной бравадой» и подтверждало в глазах однокурсников болезнь П. К всеобщему удивлению, П. не только завершил дис. (общим объемом в 15 печат. л.) в срок, но и получил сребр. медаль. Летом 1861 П. опубликовал дис. (по-видимому, с минимальными изменениями; оригинал не сохр.) в «Рус. слове»; «Аполлоний Тианский, Агония древнего римского общества, в его полит., нравств. и религ. состоянии» (№ 6—8). Налечитанная ранее ст. «Идеализм Платона» (там же, № 4), вероятно, также является незначительным переработанной главой дис. (см.: Плоткин, 1945, с. 158—59).

Сотрудничество П. с «Рус. словом» началось после его знакомства в 1860 с Г. Е. Благосветловым (в янв. 1861 П. вел также переговоры об участии в моск. ж-ле «Рус. речь», однако, представив себя «поклонником чистого искусства», получил отказ Е. Тур). Публикация дис., написанной на академич. тему, в «Рус. слове», уже заявившем о себе как левом и достаточно радикальном издании, свидетельствовала о том, что к кон. 1860 выработанные ист. и полит. воззрения П. отличались изв. стройностью и демократизмом. Описание римского об-ва открывало широкие возможности для параллелей и ассоциаций с окружающей действительностью (рабство, деспотизм, бесправие, падение нравов, состояние массовой психологии, формирование гражд. личности и т. п.). Т. о., история становилась мат-лом для публицистич. комментариев и инсказаний (при соблюдении всех фактич. деталей ист. реальности). Вместе с тем (в отличие от Н. Г. Чернышевского, также обратившегося к ист. мат-лу в публициц. целях — ст. «О причинах падения Рима», 1861) П. стремился к выявлению ист. закономерностей, сближаясь в методол. отношении более с Белинским и Гершеном, нежели с современниками — Чернышевским и Н. А. Добролюбовым. Подобная установка импонировала Благосветлову, близко общавшемуся с Гершеном и отмежевавшемуся от своего одноклассника по саратовской семинарии Чернышевского.

Деятельность в «Рус. слове» под руководством Благосветлова сыграла определяющую роль в радикализации идейных воззрений П., в выработке и доведении до логич. конца его осн. критико-публицистич. принципов — полемич. резкости тона, максимализма в оценках, утилитарного подхода к иск-ву (по сравнению с к-рым критич. метод не только Белинского, но и Добролюбова мог показаться чисто эстетическим), последовательной оппозиционности по отношению к любым проявлениям офиц. идеологии, использования чужеродного или идеологически нейтрального мат-ла для полит. инсказаний. Идея, в союзности составившие направление «Рус. слова», настойчиво проводившиеся в т. ч. в статьях П. (социально-ист. и культурного прогресса, гражд. свобод в об-ве, эмансипации личности, общественно-практич. направленности наук, иск-в, просвещения), в значит. степени также шли от Благосветлова. Его роль в становлении П.-критика и публициста подчеркнута в открытом письме Н. А. Некрасову, написанном П. от имени своей матери и за ее подписью: «В январе [1861] сын мой был еще эстетиком ... а в ноябре уже „Современник“ предлагал ему работу; дурно

или хорошо то превращение, которое в нем свершилось ... но факт состоит в том, что этим превращением он исключительно обязан г. Благовестову» («Совр.», 1865, № 3, с. 219); верность «всех показаний этого письма» П. подтвердил в ст. 1865 г. «Посмотрим!» (III, 453).

Почувствовав в молодом литераторе задатки острого полемиста, Благовестов неторопливо, но целеустремленно стал направлять П. в русло публицистики. П. рецензирует кн. очерков А. П. Голыцкого «Уличные типы», затем книги для нар. образования (РСЛ, 1861, № 2, 3). Рец., составляющие своего рода диалог, позднее получили назв. «Несоразмерные претензии» и «Народные книжки» (Соч., ч. 9, 1868); более резкие по тону, более непосредственно обращенные к социальной проблематике, в целом они, однако, соотносимы с библиографическими в ж. «Рассвет». Но уже следующая работа «Схоластика XIX века» (РСЛ, 1861, № 5, 9) — настоящий полит. и филос. манифест левого радикализма — сразу сделала П. скандально известным.

Публ. «Схоластики...», состоявшей по существу из двух самостоят. статей шла, переиздаваясь организованной Благовестовым дискуссионной [полемич. ответ П. Л. Лаврова «Мои критика» (№ 6, 8); заметка самого Благовестова «Литературный плач о пропаже рос. философии» (№ 7; отклик на ст. Н. Н. Страхова с критикой П., опубликованную в ж. «Время», 1861, кн. 6)]; с помощью дискуссионной заметки редактор недвусмысленным образом «вел» своего полемического, комментируя его статью, подсаживая новые «ходы» для ее продолжения, формулируя основ. идею «Схоластики...» — протест против «всехкой тираннии мышления» и «классого ученого чванства» (РСЛ, 1861, № 7, отз. 2, с. 51).

В первой ст. «Схоластики...» намечен исходный принцип радикализма, как он стал утверждаться в философии и публицистике, в идеологии и политике, проводимой рус. шестидесятниками, — непримиримость. Путем логич. размышлений и демонстрацией наглядных примеров борьбы в обществе («борьбы между старыми понятиями и молодыми стремлениями»), к-рые выступают как несомкнутые диаметрально-противоположные начала) П. приходит к отрицанию любых компромиссов, «золотой середины», «нейтралитета» и т. п.: «Попробуйте встать посередине между негром и плантатором, между самоудром-отцом и дочерью, которую насильно выдают замуж, между мистицизмом и рационализмом. Примирения нет, и держать нейтралитет значит стоять совершенно в стороне и не принимать никакого участия в обсуждаемом вопросе. Нейтралитет, который стараются держать люди рассудительные, есть в сущности оптический обман...» (I, 103, 104). Как «промежуточность», а следовательно беспринципность П. воспринимает попытки построения

умозрительных филос. теорий, исходящих из «размышления» и «системы», а не из «непосредственного чувства» (с этих позиций подвергается критике, в частности, филос. статьи Лаврова — I, 125—31). По мнению П., обуждение любого острого мировоззренч. или социального вопроса ведет не только к жесткому размежеванию старого и нового, но и к выяснению отношений между бескомпромиссными борцами и теми, кто вольно или невольно склоняется к компромиссам, т. е. между последовательным и непоследовательным радикализмом. Необходимо, по П., поколебать веру в мнимую нерушимость и святость существующего порядка, корнящегося в прошлом, и одновременно — подвергнуть сомнению непогрешимость и безусловность общепринятых авторитетов. Так у П. рождается идея «ультиматума» — обоснование необходимости тотальной критики того или иного предмета спора как средства выяснения истинности живущих в обществе ценностей, мнений, эталонов и т. д.: «Если авторитет ложный, тогда сомнение разобьет его, и прекрасно сделает; если же он необходим или полезен, тогда сомнение повертит его в руках, осмотрит со всех сторон и поставит на место. Словом, вот ультиматум нашего лагеря: что можно разбить, то и нужно разбивать; что выдержит удар, то годится, что разлетится вдребезги, то хлам; во всяком случае, бей направо и налево, от этого вреда не будет и не может быть» (I, 135). «Ультиматум» стал девизом рус. «инициализма» (крайней формы выражения левого радикализма) и произвел (даже на фоне наиб. радикальных идей «Современника») ошеломляющее впечатление на рус. обществ. мнение 1860-х гг.

Охранительная журналистика, ощутив близость «Схоластики...» к «Полюмч. красота» Чернышевского и публицистич. «Система» Добролюбова, немедленно причислила П. к компания «светитоз» [термин, отсылающий к назв. добродобовского сатирич. «журнала в журнале»; впервые употреблен М. И. Катковым (РВ, 1861, № 1), сравнившим ярче число публицистов «Современника» с хулиганством мальчишек, напавших из засады на перепутанных прохожих]. Катков писал о П.: «Юный светитоз полагает все призывание людей прогресса в том только, чтоб бить направо и налево, не разбирая, что хорошо, что дурно... Какое порицание сильнее посяданию смысла этой похвалябы? Считать себя дубиной, которая бьет направо и налево, не зная что и за что, не значит ли ставить себя ниже всякого обаного слова?» (РВ, 1861, № 10, с. 107).

Вместе с тем показательной была реакция на «ультиматум» и из «левого» лагеря. Лавров с сожалением назвал спор с П. «междоусобной войной», к-рая может образовывать только «общих противников» (РСЛ, 1861, № 8, отз. 2, с. 108). В дальнейшем принцип «бить направо и налево» остался в арсенале П. как своего рода методологич. установка. Среди его оппонентов «направо» окликались, наряду с консерваторами (В. Н. Аскоковский, М. П. Погодин, П. Д. Юревич, Катков и публицисты «Рус. вест.»), и умеренные полевники, и либералы-западники (А. Григорьев, Страхов, Е. Н. Эвальс, Н. В. Албертини, К. Н. Бестужев-Рюмин, С. С. Дудинкин и др.), и представители академич. науки (Буелав, Сре-

невский). В то же время П. уравновешивал свою позицию выпадами «налево»: сначала это Лавров и (по частным ист. проблемам) Чернышевский, затем (по частным эстетич. вопросам) — Добролюбов; наконец, по объектом все более резкой критики (уже по всему спектру спорных вопросов) стали ведущие публицисты «Современника» М. А. Антонович и Салтыков-Щедрин. Но существу, в провозглашении этого лозунга, ожесточенном неприятии любого компромисса уже содержалось зерно будущего насобного размежевания в земокр. лагере, к-рое Ф. М. Достоевский назвал «расколом в ингилистах».

Логичкой бескомпромиссной борьбы нового со старым продиктована вся публци. деятельность П., бурно разворачивавшаяся в «Рус. слове». Так, большая ист. ст. «Меттерних» (1861, № 11) посвя. не столько осмысленно деятельности австр. политич. консерватора, сколько критике «меттерниховских полумер», ответов типа «и да и нет или ни да, ни нет» (формулировки из ст. «Схоластика...» — I, 105). Ст. «Московский мыслитель» (1862, № 1—2) направлена против Каткова и публицистов «Рус. вест.», «Русский Дон-Кихот» (1862, № 2) — против славянофильства и его идеологов (в лице И. В. Киреевского), «Бедная русская мысль» (1862, № 4—5) одновременно против западников, славянофилов и предмета их споров — петровских реформ, а также против академич. ист. науки (критика работ П. П. Пекарского).

В двух последующих статьях (публ. к-рых пришла к временному запрещению ж-ла летом 1862) и петровские преобразования, и учение славянофилов предстают как в равной степени ложные программы — утопия, оторванные от рус. жизни. своего рода худ. ж. проекты преобразования действительности. Петровские реформы в восприятии П. — это «фокус», проливаемые по гипотетич. доктрине «человеческого человека», движимого честолюбием, большим воображением, а подчас и сумасбродством (II, 66, 83—85). В стремлении «одним декретом» навязать просвещение, исправить обычаи, нравы и т. п. Петр I слож с др. знаменитыми реформаторами: «они все ... вели сдвинутых людей к какой-нибудь мечтательной цели ... играли людьми, как шашками ... ни один из них не уважал человеческой личности...»; при этом фокус их жизни, деятельности всегда были «слезной фантазией» и «бесплатность всего народа» (II, 63, 78, 81).

Параллельно циклу публци. статей (как это будет постоянно происходить в журналистской деятельности П.) он выстраивает цикл собственн. лит.-критич. статей (также с явным преобладанием публци. начала): «Стоячая вода» (РСЛ, 1861, № 10, о пов. А. Ф. Писемского «Тюфяк»), «Писемский, Тургенев и Гончаров. Женские типы» (там же, № 11—12). В них П. не выходит за пределы установок «реальной критики» Добролюбова. Лит. типы трактуются П. как объективно описанные социальные типыаж, представляющие систему отношений в рус. обществе. жизни; вместо лит. сюжетов анализируются жизни. коллизии. Из трех писателей-современников «выше» и «глубже» других оказывается Писемский, названный «черноземной силой»; значение Тургенева ис-

черпывается «отрицательным и совершенно трезвым воззрением»; в творчестве Гончарова П. усматривает «только тщательное копирование мелких подробностей и микроскопически тонкий анализ» и не находит «ни глубокой мысли, ни искреннего чувства, ни прямодушных отношений к действительности» (I, 230). Лит. особенности произв. при этом никак не учитываются и не осмысливаются.

Вершиным достижением П. в этот период стала статья «Базаров» (РСЛ, 1862, № 3) — один из первых откликов на публ. в «Рус. вест.» романа Тургенева «Отцы и дети». Несмотря на явное предубеждение П. и к Тургеневу, и к ж-лу Каткова, критик увидел в романе знаменитое явление: в центре внимания — конфликт поколений (не только возрастной, но и социальный, и культурный), свидетельствующий о глубоком «разладе», проникшем во все «клеточки» рос. об-ва — от «частной семейной жизни» до «идей и стремлений»; гл. герой — «представитель нашего молодого поколения», «сильный по уму и по характеру», гл. проблема романа, как ее понимает П., — «почему наши старики не сходятся с нами», почему они «то сердятся, то недоумевают, то тихо грустят по поводу наших поступков и рассуждений» (II, 7—8).

На сей раз публичность критики П., сознательно размывающей грань между искусством и жизнью, лит. персонажем и реальными или потенциальными его прототипами, в целом не искажая логики соотношения социальных и эстетич. оценок в лит.-критич. анализе, позволяет создать зримый эффект читательского присутствия в интерпретируемой худож. реальности. Когда П. ставит гл. героя ром. Тургенева в один ряд с др. персонажами рус. лит-ры — Онегиным, Печориным, Рудиным, Бельтовым, Штольцем, Инсаровым, — его меньше всего занимает худож. сторона дела. Все лит. характеры в писаревском разборе — знаки определ. социальных и психол. типов, а выводы и обобщения критика, следующие из их сравнения, касаются общих тенденций смены поколений в России: «Словом, у Печориных есть воля без знания, у Рудиных — знание без воли; у Базаровых есть и знание и воля, мысль и дело сливаются в одно твердое целое» (II, 21). Образ Базарова, несмотря на демонстративную попытку критика казаться объективным («Хоть мне Базаров ни сват, ни брат, хоть я, может быть, и не сочувствую ему...» — II, 9), трактуется почти автобиографически. Когда критик, подводя итоги публн. анализу жизни, позиции и идеологии. кредо тургеневского героя, пишет: «Базарову некого любить, потому что вокруг него все мелко, плоско и

дрябло, а сам он свеж, умен и крепок», «для него нет ни деятельности, ни счастья», это «богатырь, которому негде повернуться, нечем дышать, некуда девать исполненной силы...» (II, 49) — П. имеет в виду себя и таких же, как он сам, «нигилистов», на самом же деле — людей будущего. В пристрастную интерпретацию Базарова критик привносит много личного, выстраданного — от несчастливой любви до интереса к естествознанию и идейного радикализма. Вместе с тем обобщения, к которым тяготеет П., выходят далеко за рамки исповеди молодого поколения, — критик поднимается до нст. прогноза закономерностей обществ. развития, а публицист — до программно манифестной демокр. лагерь: «Если базаровщина — болезнь, то она болезнь нашего времени, и ее приходится выстрадать, несмотря ни на какие паллиативы и ампутации. Относитесь к базаровщине как угодно — это ваше дело; а остановить — не оставите...» (II, 11).

Возникает в «Рус. слове» и третий параллельный цикл статей — науч.-популярный, представленный работами «Физиологические эскизы Молешота» (1861, № 7), «Процесс жизни. Физиологические письма Карла Фохта» (1861, № 9) и «Физиологические картины (по Бюхнеру)» (1862, № 2). С возмужностью и одержимостью неопифа П. очень точно перелагает соч. нем. физиологов, представителей вульгарного материализма. Однако и здесь публн. цели у П. преобладают (в частности, поэтому его очень мало смущали примитивизм и вульгарность проповедуемых идей и теорий, а также собств. ошибки и заблуждения, подмечаемые его оппонентами, естествоиспытателями по образованию — Н. И. Соловьевым, Страховым). Развивая идеи, высказанные в «Схоластике...», П. использует конкретный «физиологич.» материал как наглядную иллюстрацию тезиса о несостоятельности идеализма (а вместе с ним и всей отвлеченной, неэмпирич. науки и философии) и безусловности материализма, обосновываемого бесчисленными опытными данными естествознания и практич. здравым смыслом человека, руководствующегося чувственным восприятием. Косв. подтверждением того, что «физиологические» статьи и «Схоластика...» воспринимались как одно целое, служит запись Никитенко о появлении в «Рус. слове» «нового пророка в возможном направлении — Писарева с его статьей „Схоластика XIX века и процессы жизни“» (Никитенко, II, 227).

С помощью нарочито грубых и эффектных примеров, любовных сопоставлений, прямолинейных интерпретаций и выводов П. стремится «спус-

тить» своих читателей из сферы гипотез «на твердую почву положительных фактов», «разбить оковы человеческой мысли», излечить своих читателей от заразы «узколобого мистицизма» (Соч., ч. 6, 1866, с. 25—27). Естествознание служит «делу разрушения» архаич. мирозерования, переполненного преклонением перед мнимыми кумирами и ложными авторитетами, первобытными и средневековыми предрассудками, суевериями; дело «созидания» — вперед: это «соединение» наук естественных и «человеческих» (на базе, разумеется, естествознания), к-рое приведет к овладению человек. мышлением (через разложение на составные части понятий «психич. жизнь», «психол. явление»), позволив в недалеком будущем «химии и истории» идти «рука об руку», даст возможность научно управлять образом жизни и обществ. процессами народов (там же, с. 13, 50—51).

Гл. интерес в статьях по естествознанию представляют эстетич. аспекты. П. высмеивает как предрассудки поэтич. образы («каменного» или «ледяного» сердца, «сердечной боли» или «сердечной любви»), закрепляющие в обществ. сознании ложные, мистифицированные представления о природе (там же, с. 11—12, 67). Он как будто наслаждается антиэстетизмом: прозаич. описанием физиологических процессов, самим названием таких непозитич. предметов, как испражнения, моча, кнышки, кости черепа, процессы гниения и т. п. Сердце для естествоиспытателя — это «полый мускул» или «бессознательно действующий насос», а вовсе не источник нравств. переживаний и интимных чувств; мысль — «раздражение в мозговых нервах», и ничего, кроме этого; смерть — разложение органич. тканей (там же, с. 8, 13, 65—67). Все это рассчитано на эпатаж поэтич. натур — своего рода антиэстетич. «терапия», способ материалистич. и атеистич. воспитания читателя. В естеств.-науч. статьях П. обрабатывает не только позитивистскую методологию анализа обществ.-ист. явлений, к-рая получит у него развитие позднее, но и прославившие его идеи «эстетич. и гиллизма», будущую концепцию «разрушения эстетики».

П.-публициста интересует не столько физиология организма человека, сколько «физиология общества»: вопросы происхождения обществ. иллюзий, соотношения действительности с пустой мечтой и мечтой, активно направленной на преобразование жизни (в ст. «Промехи незрелой мысли», 1864, П. назвал эту проблему «разладом между мечтой и действительностью» — III, 149). Все чаще цензура замечает в его «естественнонауч. статьях» опасный крен —

атистический, социально-критический. Высшей точки в применении своего приема П. достигает в очерке «Пчелы» (1862; опубл. — Соч., ч. 9, 1868), где сжатое изложение, а местами простой перевод с нем. очерка К. Фохта «Государство пчел» превращается в аллегорич. изображение человеческого об-ва с его нормами, телеологией: «спокойствие и коллективное благоденствие улья» достигается в результате неравенства, разделения на группы, классы и присвоения им определ. социальных ролей. Одновременно очерк может быть прочитан как острый полит. памфлет на монархич. устройство России, требующее для нормального функционирования гос-ва «возвращения мрака», делающее об-во на трутней и рабочих, а главное — отдающее «почетное место» королеве, несмотря на меньшую степень ее «умственного развития» по сравнению с рабочими пчелами (II, 104—05). Полит. инскавание доведено здесь до чрезвычайной виртуозности.

Интенсивная публицист. деятельность П. прервалась в самом его творч. расцвете. 2 июля 1862 он был арестован по доносу типографши Горбановской и препровожден в Петропавловскую крепость. Основанием для ареста послужила написанная П. статья-прокламация («[О брошюре Шедо-Феррети]», впервые опубл. с ценз. искажениями и сокращениями М. К. Лемке — «Былое», 1906, № 2), к-рая предназначалась для нелегального распространения через подпольную («карманную») типографию, организованную его студент. товарищем П. Д. Баллодом. Предлогом для создания прокламации послужила провокац. брошюра Шедо-Феррети (псевд. барона Ф. И. Фиркса, агента царского правительства в Бельгии) «Письмо А. И. Герцена к рус. послу в Лондоне...» (Б., 1861, на франц. и рус. яз.), вызвавшая возмущенную реакцию в леворадикальных кругах рос. об-ва оскорбительными намеками на Герцена и его деятельность. Прокламация П. выдержана в агрессивном, доходившем до экстремизма тоне: «Тюрьмы набиты честными юношами, любящими народ и идею, Петербург поставлен на военное положение, правительство намерено действовать с нами как с непримиримыми врагами. Оно не ошибается. Примирения нет... Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть... То, что мертво и гнило, должно само собою свалиться в могилу; нам останется только дать им последний толчок и забросать грязью их смердящие трупы» (II, 126).

На допросе (после полуторамесячного отказа давать показания) П. объяснял написание статьи «раздражением», вызванным закрытием вос-

кресных школ, чтением, Шахматного клуба, приостановлением ж-лов «Современник» и «Рус. слово». Упомянул П. и о мотивах личного характера: «Я сделал это из мальчишеского ухарства; кроме того, я страдал тогда оттого, что любимая мною женщина вышла замуж за другого» [цит. по: Лемке (3), с. 575].

Замужество Коренной в апр. 1862 послужило за собой резкое объяснение, вызов ее избранника на дуэль, значимые оскорбления, публичный скандал на вокзале. Начавшись в мае пожара в Петербурге, в к-рый правительство обвинило полков и «инициатов», поддестнуло эстремист. настроения в молодежно-студент. среде; в столице стала распространяться прокламация П. Г. Занчевского «Милосердие России» с призывом к рос. кровопролитию. Соединение объективных и субъективных факторов предопределило настроение, к-рые выжили П., — ожесточение, воинственность, петербургность.

Почти 2 года П. находился в тюрьме (в отд. каземате Екатерининской куртины) в качестве подследственного. 25 мая 1864 состоялось сенатское определение, по к-рому он был признан виновным «в составлении возмутительной статьи ... неисполненной держки и оскорбительных выражений и против правительства, и против самого Государя Императора...». Особо отмечались «первоначальное упорное заперательство его в преступлении, а потом неискренность и в самом сознании» [Лемке (3), с. 589]. С учетом амнистии от 17 апр. 1864, сокращавшей срок наказания на треть, П. был приговорен к заключению в крепости на 2 года и 8 мес. Всего же в Петропавловской крепости он провел 4 года, 4 месяца и 18 дней.

В июне 1863 по ходатайству матери П. петерб. военный ген.-губ. кн. А. А. Суворов, изв. своим либерализмом, разрешил П. «продолжить лит. занятия» и с авг. 1863 (после годового перерыва) возобновились публикации П. в «Рус. слово». Каждая рукопись проходила просмотр в комендатуре крепости, в Управлении петерб. ген.-губернатора, в Сенате, а уже затем — обычную ценз. процедуру. Возможность лит. работы П. постоянно была на грани срыва. Первоначально (в 1863) управлявший III отд. ген. А. Л. Потапов предлагал перевести заключенного в Алексеевский рavelин, дабы прекратить «выпуск его статей» и «неуместные свидания» (гл. обр. с матерью, переселившейся в Петербург и нередко обеспечивавшей связь П. с журналом и друзьями). Затем, в нояб. 1864, после объявления приговора Сената, комендант Петропавловской крепости ген. А. Ф. Сорокин ходатайствовал о переводе П. в Шлиссельбургскую крепость (также с пресечением лит. деятельности). В конце дек. 1865, под влиянием предостережения, к-рое было сделано «Рус. слову» за статьи П. о Чернышевском («Новый тип» — 1865, № 10) и О. Конте

(«Исторические идеи Огюста Конта» — 1865, № 9—11; окончание ст. под назв. «Времена метафизической аргументации» — 1866, № 1), у него были отобраны все книги и бумага; для возобновления лит. работы понадобилось новое вмешательство Суворова. В письме на его имя П. называл лит. занятия средством преодоления «опасных заблуждений» и жаловался на психологич. последствия запретов, чреватых для него нервным расстройством (см.: П. в Петропавловской крепости. — ЛН, т. 25—26, с. 664—65). Однако после выстрела Д. В. Каракозова (4 апр. 1866) всякая лит. работа в крепости была запрещена. Тем временем за 2 с половиной года заключения П. напечатал в «Рус. слово» 24 статьи, среди к-рых его лучшие работы — по лит-ре и эстетике, истории, педагогике, естествознанию, осн. и наиб. впечатляющая часть его наследия.

Лит.-критич. деятельность П. периода тюремного заключения отмечена неуклонным усилением радикализма, перенесенного, однако, во внеполитич. области, гл. обр., в сфере педагогики и эстетики (первая давала возможность обсуждать вопросы формирования свободной личности, способной противостоять социальному и идеологич. насилию об-ва; вторая открывала перед радикальным критиком перспективы преодоления негативных воздействий офич. культуры, носящей репрессивный характер и подавляющей творч. свободу мыслящих личностей). Пед. и эстетич. концепции П. несли и прозрачное иносказание более широкого плана, легко угадываемое читателями, уже привыкшими со времен Чернышевского и Добролюбова читать критику «между строк», и практически неуязвимое для цензуры, терпящейся при столкновении со смысловой многозначностью. По традиции, основанной еще поэтом Белинским, П. прибегает к публицист.-методологич. «отступлениям», содержащим «ключ» к системе прокламируемых идей. Лит.-эстетич. проблематике посвящены ст. «Цветы невинного юмора» (РСЛ, 1864, № 2) и «Мотивы русской драмы» (РСЛ, 1864, № 3). Первая, с пристрастием анализирующая сатирич. творчество Салтыкова-Щедрина («Сатиры в прозе» и «Невинные рассказы»), продиктована прежде всего задачами полемики с «Современником», включавшей на этом этапе не только хлесткие обвинения по программным вопросам, но и личные выпады сотрудников двух демокр. ж-лов. П. парадоксальным образом превращает сатиру Щедрина, как слишком умеренную и осторожную, в «невинные видоизменения чистого искусства» — смех ради смеха, досужее зубобоскалье, эксплуатирующее «до-

верие публики вообще и молодежи в особенности» (II, 334, 351) и раздражающее читателя. Отделяя Щедрина от традиций социальной сатиры Диккенса, У. Теккерея, Г. Гейне, Гоголя, П. сравнивает его «юмористическое добродушие» (II, 348) то с «маленькой» лирикой Фета, то с антиингилистич. ром. Писемского. Минная благонамеренность Щедрина представляется соединением «русского Аристофана» с «современным Державиным» (глаголющим истину царям с обезоруживающей улыбкой), т. е. как предосудительная попытка стать в наиб. острых вопросах «на чисто эстетическую точку зрения» (II, 355). С аналогич. позиций в ст. «Мотивы русской драмы» рассматриваются драматургич. произведения Островского и их критич. прочтение Добролюбовым. П. полемически утрирует проблематику и худож. детали пьесы Островского «Гроза» и особенно восстает против признания Катерины Кабацовой «лучом света в темном царстве»; типу Катерины он противопоставляет деятельные характеры Базарова и героев «Что делать?» Чернышевского (Лопухова и Веры Павловны). По мнению П., ошибки Добролюбова в оценке образа Катерины объясняются преобладанием эстетич. точки зрения, ведущей к невольной идеализации и поэтизации лит. явлений.

Отстаивая с позиций апологии естеств.-науч. знания объективизм в лит. критике, П. в духе добролюбовского императива диктует методологич. принципы «реальной критики»: должно «объяснять явления, а не воспевать их... анализировать, а не лицедействовать» (II, 373—74). Здесь же возникает концепция критич. релятивизма, допускающего почти произвол в интерпретациях и оценках как лит. текстов, так и самой реальности. Т. к. «живое явление» не может быть в принципе адекватно выражено через «личные вкусы» и «лолит. симпатии» разл. людей, «нало взять сырые факты во всей их сырости, и чем они сырее... тем больше шансов уловить и понять живое явление, а не бесцветную фразу» (II, 372). Стремление во что бы то ни стало преодолеть оценочность («нравств., эстетическую»), заменив ее утилитарно-практич. требованиями, — один из характерных тезисов П., порожденный его наивным позитивизмом. Эстетика для П. — синоним фантазии, а фантазия — «сон наяву» (II, 388), т. е. источник всех заблуждений и ошибок в познании.

Борьба с эстетством и эстетикой становится гл. темой писаревской критики в 1864—65 гг. Именно на этом фоне формируется его концепция «реализма», далеко отходящая от своих истоков в качестве разнovidности «реальной критики»; в допол-

нение к ней П. предпринимает «разрушение эстетики», и его популярность как теоретика и духовного вождя рус. «нигилизма» достигает своего пика. Программой для П. стала работа «Реалисты» (ценз. назв. «Нерешенный вопрос»), к-рому автор, по свидетельству его изд. Ф. Ф. Павленкова, считал себя непричастным, см.: III, 515; опубл. с многочисл. ценз. искажениями — РСЛ, 1864, № 9—11). Эссе, совмещающее в себе черты лит. критики, публицистики, филос. трактата, полит. и эстетич. манифеста, касается практически всех аспектов нового демокр. мировоззрения, получившего отныне название «реализм». Однако в центре этой ценностно-смысловой системы находится именно эстетика (при всей видимости демонстративного антиэстетизма П.). Выбор ключевого термина как понятия лит.-эстетич., а не философского (слово реализм в то время воспринималось как синоним материализма) показателен: линия водораздела между реализмом и идеализмом пролегла в эстетич. сфере, реалистам в концепции П. противостоят «эстетики».

В лит.-критич. отношении «Реалисты» являются продолжением и развитием ст. «Базаров», преследуют в т. ч. полемич. цели (резкая оценка ст. Антоновича «Асмодей нашего времени», трактующей ром. Тургенева как антиингилистич. произв.). Нравств.-психол. проблематика, характеры, сюжет тургеневского романа в «Реалистах» выступают как иллюстрации коллизий мировоззренческих (ср., напр., трактовку неразделенного чувства Базарова к Одинцовой — III, 48—49). П. исходит из представления о культуре как об антагонистически расколотом целом и интерпретирует проблему эстетики как осн. вопрос жизни. На одном полюсе — «неизбежный вопрос о голодных и раздетых людях», на др. — представляющаяся на этом фоне безнравств. и пошлыми, низкими и мелкими эстетич. вопросы, интерес к к-рым означает, что «колоссальный талант отвергается от интересов живой действительности и уходит в область „беспечального созерцания...“» (III, 105, 107).

Называя эстетич. своим «кошмаром», П. обосновывает мотивы исключительного к ней внимания (в отринут. смысле): «... реализм должен радикально истребить эстетику, которая в настоящее время отравляет и обессмысливает все отрасли нашей научной деятельности, научная от высших сфер научного труда и кончая самыми обыкновенными отношениями между мужчиною и женщиною... Эстетика есть самый прочный элемент умственного застоя и самый надежный враг разумного прогресса» (III, 58). Доводя до логич. конца, практически до абсурда кантовское определение эстетики как «судачения вкуса», П. нарочито выставляет разнообразие чело-веч. вкусов — эстетич. и внеэстетич. (в одном ряду — еодака, музыка и сложные пирошки, допотопное, кулинарное искусство и биллард), удовлетворение к-рых предстает у П. бесплодным и рутинным времяпрепровождением. По той же

дошке «бесцельной забавой призраной фантазии» оказывается интерес к ист. прошлому (худож. или научный), в то время как лит.-ра и наука должны «служить живому делу действительной, современной жизни» (III, 114). «Размытой» т. о. эстетике и противопоставляется реальн., а красоте — польза.

По сути, речь у П. идет о выработке норм и принципов альтернативной эстетики, во всем контрапунктирующей официальной. Сам писаревский антиэстетизм глубоко эстетичен: только в безупречно эстетич. контексте, в отталкивании от норм и принципов традиц. эстетики он и может утвердиться. С «Реалистами» берет свое начало течения непримиримого и демонстративного отрицания П. эстетич. и худож. авторитетов — Пушкина и И. В. Гёте, Л. Бетховена и В. А. Моцарта, Рафаэля и Рембрандта, Вальтера Скотта, Купера и Дюма (последние эстетизировали историю). Отвергаются и непосредств. предшественники: лидер «нигилизма» представляет, что каждое следующее ист. поколение настолько далеко отходит от взглядов предыдущего, что между ними уже практически нет точек соприкосновения (ср. рассуждения о неизбежном непонимании «Печориньими» Белинского, Белинским Добролюбова, а последним — самого П.: III, 35). Эстетич. вопросы, по П., отделяют друг от друга даже представителей одного идейного лагеря.

Эстетико-идеологич. кампания, развернутая П. (и его ближайшим сподвижником по «Рус. слову» В. А. Зайцевым), получила дальнейшее развитие в резко полемич. статьях П. «Пушкин и Белинский» («Евгений Онегин» — РСЛ, 1865, № 4; «Лирика Пушкина» — там же, № 6), посвященным пушкинскому наследию с т. з. теории «реализма» («Имя Пушкина сделалось знаменем неисправных романтиков и литературных филистеров», его развенчание докажет об-ву, что «старые литературные кумиры разваливаются от своей востости при первом прикосновении серьезной критики» — III, 363—64). К ним примыкает ст. «Разрушение эстетики» (РСЛ, 1865, № 5) — отклик на перенд. 1865 г. Чернышевского «Эстетич. отношение искусства к действительности».

Критич. анализ, используемый П., достигнет в этих статьях крайних в стилистич. отношении и концептуально отточенных форм: злобный зрелищ П. иронич. наратив, прельстиво огулающийся характер и ситуации, идею и сюжет лит. произведений; саркастич. комментарий к поведению и репликам персонажей; воображаемый диалог то с автором проза (напр., Пушкиным), то с читателем; подвергнуто сопр. контекст лит. критич. высказываний и разбор в намеренно игнорируемый ист.-лит. контекст (включаясь своим антиинтеримизмом критик нарочито заостряет «звезд» между контекстом создания и контекстом прочтения, подзавая пример читателям в сознательной актуализации ослепленных поэтик. текстов) — все это делает антипушкинские статьи П. в своем роде непревзойденным лидерством жанра (ср. характеристику их как «боготропно-блестящих», трактовку как акта ингилистич. богоборчества со «свет-

ской «святошью» Пушкина — Панченко А. М. Церковная реформа и культура петровской эпохи. — В кн.: XVIII в.к. сб. 17. СПб., 1991. с. 13). Среди проф. читателей Л., ценных антипушкинских статей. — А. И. Герцен, Страхов, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, В. Б. Шкловский, Ф. О. Якобсон, Б. М. Эйхенбаум и др., оставшие должное полемике, таланту «страшилица нигилизма».

Творчество Пушкина, статьи Белинского и даже дис. Чернышевского (при всем апологетич. к ней оттошенности критика) используются П. лишь в качестве «сырого материала» для экспериментальной модели «антнэстетикн». Пределно заостряя и по-своему интерпретируя положения Чернышевского, он стремится преодолеть грань между иск-вом и действительностью и доказать протнвоестественность эстетики как науки, пытаящейся определить именно эту грань (попутно, иронически относн к разл. видам искусства аллею в парке, резное кресло, фарфоровый чайник, дамскую прическу и др. (III, 424)), он предвосхищает открытие на рубеже 19—20 вв. материальной эстетики, дизайна и т. п.). Наслаждаясь парадоксальными кунштюками своей пределно раскрепощенной мысли, П. прилает своим эстетич. эскападам характер интеллектуального розыгрыша, остроумной метафоры, точно спланированной провокации, рассчитанных на соответствующий адресат.

Идейной кульминацией критич. деятельности П. в заключении стала статья, изв. впоследствии под назв. «Мыслящий пролетариат» (впервые — РСЛ, 1865, № 10, под назв. «Новый тип»), посв. роману Чернышевского «Что делать?».

Вскоре после публ. «Что делать?» (1863) П. пишет ст. «Мысли о русских романах», к-рую Сенат посчитал неуважливой для печати (см.: Лемх и С.), с. 576). Два года спустя в «Рус. слово», выходящем без предварит. цензуры, была помещена, по-видимому, эта же статья, значит, сокращенная (сохранились фрагменты, см. вхождение в журн. и кнжн. варианты, хотя степень переработки статьи неизвестна). Публ. вызвала неск. преследования (первое предупреждение ж-лу от 20 дек. 1865); в неск. отыске Гончарова статья названа «поразительным образом крайнего злоупотребления ума и дарования», «буйно младежеским лепетом» (см.: Евгеньев-Максимов, 1919). В «Соч.» П. (ч. 4, 1867) статья о ром. Чернышевского вошла под назв. «Мыслящий пролетариат», ранее принадлежавшим др. статье, посв. повестям Помяловского «Мещанское счастье» и «Молотов» (РСЛ, 1865, № 1) и названной при публикации в «Соч.» (ч. 3, 1866) «Роман кисейной девушки».

Публикуя новую статью о «мыслящем пролетариате», П. корректировал первонач. замысел: разбор «Что делать?» тематически и идейно продолжал не столько статью о Помяловском, сколько статьи «базаровского цикла» («Базаров», «Реалисты»). Базаров, Лопухов, Кирсанов, наконец, Рахметов и есть «новый тип», «новые люди», подлинники представители «образованной массы», занятой «умственной работою»; они не собственники, а труженники (потому — «пролетариат»), но тру-

дятся они своим умом, интеллектом (потому это пролетариат «мыслящий»).

«Что делать?» представляется П. произведением мысли по преимуществу, причём мысли, преобразующей жизнь; роман ведет читателя «от отдельных явлений к высшим теоретическим комбинациям», недоступным для «рутинеров» (IV, 9). Относя Чернышевского и самого себя к умств. направлению, «в котором заключаются наша действительность», П. противопоставляет этой малочисл. группе молодых людей «всех, кого кормит и греет рутина», кого роман «приводит в неописанную ярость» — в эстетич., нравств. и едва ли не в уголовном отношении (IV, 7—8). Навыный рашноализм П. приводит его (вслед за Чернышевским) к выводу, что «цельность природы, гармония между умом и чувством и постоянное присутствие духа» новых людей способны переделывать обстоятельства, преодолевать препятствия и находить выход «из самых серьезных затруднений» там, где «ветхие люди ... приходят в безвыходное отчаяние» (IV, 30—31). Сам роман «Что делать?» П. признает уникальным явлением искусства: «г. Чернышевский, разрушитель эстетики, оказался единственным нашим беллетристом, художественное произведение которого имело непосредственное влияние на наше общество, правда на небольшую часть его, но зато на лучшую» (IV, 26). Т. о. П. продемонстрировал читателям, что «разрушение эстетики» официальной в то же самое время является созданием новой, альтернативной эстетики, непосредственно воздействующей на жизнь и преобразующей ее в соответствии с высшими идеалами социальной теории.

В целом период тюремного творчества П. во всех отношениях уникален. Из своей жизни — бедной в событийном отношении — он черпал материал для бесконечного лирико-публич. монолога, разветвлявшегося на разл., потенциально безграничные в своем многообразии темы. Однако весь жнзн. опыт П. — исключительно книжный и рассудочный; его пост. апелляции к жизни и реализму — отчаянные порывы к действительности, практически совершенно ему неизвестной, романтич. тоска по реальной жизни, по разным причинам оказывавшейся недоступной автору, а потому каждый раз представившей в идеализированном виде. Апология действительности, естественности и здравого смысла у П. — это прежде всего протест против любой несвободы (включая социальную изоляцию автора и духовную — общества), а проповедь «реализма», ведущаяся из тюремного каземата, — это в большей степени мечта о долж-

ном, нежели отчет о настоящем, реальность, преломленная через призму абсолютизированной теории.

Будучи по складу лит. и обществ. темперамента революционером (прежде всего в культуре) и радикалом, активность к-рого стимулируется «сопротивлением материала», П. достигал полного раскрытия творч. потенциала в условиях напряженной и опасной игры с судьбой. Нанб. ненавистные состояния жизни для П. (как можно судить, в частности, по назв. его статей) — «стоячая вода», «усыпление», самодовольное спокойствие. Все творчество зрелого П., ориентированное на подчеркнутую молодежную (молодую по возрасту и убеждениям) аудиторию, принципиально конституируется в противостоянии культуре официальной, нормативной (устоявшимся представлениям П. и др. радикалы противопоставляли собств. эпатирующие «антинормы», жесткость к-рых для мн. современников, напр. для А. Григорьева, служила ярким свидетельством «деспотизма» их теории, ее «лит.-террористической» направленности).

После манифеста от 28 окт. 1865 (в связи с бракосочетанием цесаревича — будущего имп. Александра III), к-рый сокращал срок пребывания в заключении по вынесенным приговорам на одну треть, П. 18 нояб. 1866 был освобожден из крепости под поручительство матери и без права отлучаться из Петербурга; за ним было установлено «длительное наблюдение».

Оказавшись на свободе, П. переживает творч. спад и новый душевный кризис (с признаками возвращения прежнего психич. расстройства) и как будто нарочно предпринимает все от него зависящее, чтобы осложнить свою и без того несчастливую жизнь. Начав сотрудничать в новом ж-ле Благосветлова «Дело» (опубл. в т. ч. ст. «Образованная толпа» — 1867, № 3, 4), он внезапно порывает с издателем (кон. мая 1867) из-за пустякового повода (упоминание без согласия Маркович имени Марко Вовчок в числе сотрудников ж-ла и отказ Благосветлова принести публич. извинения, см.: Благосветлов Г. Е., Соч., СПб., 1882, с. IV). Поведение П. во мн. было вызвано тем, что его личную жизнь отягощала новая драм. неразделенная любовь — к Маркович, вернувшейся в кон. 1866 в Россию после 6-летнего пребывания за границей. Судя по сохранившейся переписке и мемуарам современников (напр., В. М. Лазаревского), Маркович постоянно иронизировала над болезненной страстью своего «родственника» (так называл себя и подписывался в письмах к ней П.), усугубляя терзавшее его состояние непонятости, ненужности

(см.: Плоткин, 1945, с. 112—13). Летом 1867 П. приглашен Некрасовым сотрудничать с редакцией «Отч. зап.» и, несмотря на определенное внутр. сопротивление подобному сближению, был вынужден согласиться (к этому времени П. жил преим. переводами, в т. ч. совместными с Маркович). В «Отч. зап.» в 1868 появились его последние значит. статьи — «Старое барство» (№ 2; отклик на «Воюю и мир» Толстого) и «Французский крестьянин в 1789 году» (№ 6; о ром. Эркмана-Шатриана «История крестьянина 1789 г.») (обе — б. п.).

Поздний период творчества П. ознаменован явной растерянностью и напряженным поиском (так и оставшимся незавершенным) новых тем, лит. сюжетов, творческих имен. Статьи этого времени в значит. степени лишены той энергии и полемич. остроты, к-рые были неизменной составляющей успеха П. у читающей публики. Очевидно, что П. пытался выработать новую лит.-критич. стратегию, расширить контекст своего анализа. Он обращается к истории зап.-европ. философии и обществ. мысли («Популяризаторы отрицательных доктрин» — в кн.: Луч, т. 1, СПб., 1866; незавершенная ст. «Дядро и его время»), к зарубеж. лит-ре. В ст. «Генрих Гейне» (Соч., ч. 4, 1867) он попытался исторически осмыслить эстетич. проблематику лит-ры. По П., развитие «чистого искусства» связано с эпохами «политического застоя и отупения», «умственной неподвижности»; напротив, периоды полит. и экономич. обновления отмечены «живым содержанием», «процессом мышления, направленным на ближайшие и важнейшие интересы и вопросы жизни» (IV, 214). Пробуждение общества в умств. и полит. отношении, по мнению П., начинается с «очищения его эстетич. понятий», поскольку только с этой стороны оно оказывается «доступным для вразумлений». «Титаны воображения», стремящиеся обновить общество, должны сами сделаться «на всю жизнь эстетиками для того, чтобы положить конец неограниченному господству эстетики» (IV, 215). Таковы Г. Э. Лессинг и Белинский, таков Гейне; однако двое первых последовательны и целеустремленны, а Гейне противоречив и страдает «политическим дилетантизмом», к-рый «отравил» всю его лит. деятельность (IV, 215, 231). Обращение к творчеству любимого с юношеских лет поэта стало для П. своеобразным опытом самовыявления.

Подобную функцию выполнял для П. и критич. разбор ром. Достоевского «Преступление и наказание», предпринятый в ст. «Борьба за жизнь» («Дело», 1867, № 5, под назв. «Будничные стороны жизни»;

2-я часть ст. опублик. посмертно — 1868, № 8, под назв. «Борьба за существование»). Не предпринимая попыток проникновения в филос.-худож. замысел Достоевского, П. сосредоточился на выявлении процесса, сделавшего Раскольникова «безответным рабом своей проклятой мечты» (IV, 343). «Проклятые мечты», ведущие отд. личностей и человечество в целом по пути «страшных кровопролитий», — свидетельство недостатка «спокойного научного анализа», слабой проповеди «научной истины» и результат тех общих условий («невежества, умственной неподвижности, робкой безгласности и диких предрассудков массы» — IV, 346, 349), к-рые выдвигают на место «благотелей и установителей человечества» уголовных преступников и бандитов. «Общее дело человечества» подвигается вперед «несмотря на кровопролития, а никак не вследствие кровопролитий» (IV, 346—47). Т. о., П. подвел окончат. итог своей рев.-полит. деятельности, признал, что какие бы то ни было личные «дарования» не могут «ускорить, или поворотить назад, или свернуть в сторону естественное течение исторических событий» и что попытки «борьбы с целым обществом» «трудны, безнадежны» и должны кончиться «полным поражением» (IV, 350, 364). Осудив индивидуальный и массовый террор как преступление или сумасшествие, П. обнаружил в себе потенциал гуманизма и ист. оптимизма, несовместимый с экстремистскими идеями. Последние работы П. во мн. свидетельствуют об изменении строя и направленности его мысли.

Зимой 1868 П. тщетно добивался у властей разрешения на выезд за границу на лечение; получил позволение выехать в Дуббельн на морские купания, куда и отправился летом вместе с Маркович и ее сыном. 4 июля во время купания в Рижском заливе, в полном одиночестве, без свидетелей П. утонул (Благосветлов в письме Н. В. Шелгунову от 10 июля 1868 утверждал, что П. «упоился в душевно-расторможенном состоянии», не приводя, впрочем, никаких доказательств своей гипотезы, см.: Шелгунов в Н. В., Восп., П., 1923, с. 177). 29 июля состоялись похороны П., вызвавшие огромное стечение народа; были произнесены 4 краткие речи (Павленков, Благосветлов, П. А. Гайдебуров и Д. К. Гирс; все выступавшие подверглись полит. преследованиям, Павленков, Гирс и сестра П. Вера были по распоряжению III отд. задержаны и высланы под надзор полиции), Некрасов написал на смерть П. стихотворение, обращенное к Маркович: «Не рыдай так безумно над ним, Хорошо умереть молодым...».

Ранняя трагич. гибель П. сохранила его в памяти современников вечно молодым воплощением эстетич. ерничества, эпатажа. В сущности П. был вождем молодежного движения протеста в рус. культуре. Именно отсюда — демонстративная защита П. исключительно «новых идей» (в философии, естествознании, педагогике, истории, эстетике), поддержка «новых людей» в жизни и «новых типов» в лит-ре, крайний отстаиваемых положений, последовательный радикализм (в 20 в. подобным нигилистич. настроем отмечена зап. молодежная «контркультура» 50—60-х гг., отчасти корреспондирующая с рус. «нигилизмом» 60-х гг. 19 в.). Отсюда же и специфич. «реализм» П., построенный на поэтизации «разлада с действительностью», сугубо романтической представлении о преобразующей роли социальной мечты — по П., плодотворно разрушительной. Наиб. пронизательные его оппоненты (Григорьев, Страхов и др.) велили гл. заслугу П. в той смелости, с к-рой его мысль доходит и в утверждениях, и в отрицаниях до логич. конца в любом вопросе.

Творчество П. явилось высшей точкой в развитии рус. лит. и филос. радикализма 1860-х гг.; после смерти П. тенденция радикализма либо шла на спад, становясь более умеренными и распыляемыми (Шелгунов, Н. К. Михайловский и др.), либо выходила за пределы культуры в область социальной политики, организационно-практич. экстремизма (Зайцев, П. Н. Ткачев, С. Г. Нечаев и др.). Лит. талант, яркая творч. индивидуальность, романтизм, устремленность в будущее обеспечили П. на протяжении более чем полувека после его гибели репутацию «властителя умов» в рус. освободит. движении, прежде всего среди революционно и радикально настроенной молодежи.

Изд.: Соч., ч. 1—10, СПб., 1866—69; ПСС, т. 1—6, СПб., 1894—1907 (биогр. ст. Е. Соловьев; ПСС, Доп. в., 3-е изд., СПб., 1913; Избр. ст., т. 1—2, М., 1934—35 (вступ. ст. В. Я. Кирпотина); Избр. филос. и обществ.-полит. статьи, М., 1949 (предисл. В. С. Кружкова); Соч., т. 1—4, М., 1955—56 (вступ. ст. Ю. С. Сорокина); Избр. проза, Л., 1968 (вступ. ст. и прим. Ю. С. Сорокина); Лит. критика, т. 1—3, Л., 1981 (вступ. ст. Ю. С. Сорокина); П. об эстетике, редакции и чернови. М., 1984 (вступ. ст. Э. И. Розенберга); Избр. зап. соч., М., 1984 (вступ. ст. В. Большаковой); Неизд. мемуары! (Сб. ст.), М., 1987 (вступ. ст. И. В. Кокашвили); Ист. эскизы, Избр. ст., М., 1989 (предисл. и комм. А. И. Володина); «Намекы природы». — РЭ, 1959, № 2 (публик. Э. Розенберга); Незаб. список стих. П. «Ода на памятник имп. Николаю». — Там же (публик. Б. Смирнеского); Незабл. заметки П. «О жителях игумена Данила». — «Труды Новостыб. пед. ин-та», в. 3, Новосибир., 1962; Две статьи П. — в кн.: Кузнецов Ф. Ф., Круг П. М., 1990.

Письма: Письма покойного П., написанные им из-под ареста к разным лицам. — РО, 1893, № 1—3, 6, 8, 10, 12 (письмо Р. А. Корнеевой, 6 писем Г. Е. Благосветлову; публик. В. И. Штарка); РА, 1897, № 2; РС, 1900, № 10; КА, 1924, т. 1; ХА, 1928, т. 38; Из мемуар. иреспекти П.; П. в Петропавловской крепости. — ЛН, т. 25/26

ПИСЕМСКИЙ

(переписка с Р. А. Корнеевой, 1858 г.); Шестидесятилетие: Мат-лы по истории лит. и общества. Доклады. М.—Л., 1940 (тысяча родителей, товарищам по уму, М. А. Маркович).

Биогр. мат-лы: Севского берега. — «Дело», 1868, № 8; Полсвой П. Н., Восп. о П. (1857—1861 гг.). — СПбввд, 1878, 17, 18 икля; Кутейников Н., Неск. слов в память П. — «Неделя», 1868, № 33; Скабичевский А. М., Д. И. Писарева. — ОЗ, 1869, № 1—3; его же, Соч., т. 2. СПб., 1895; его же, Лит. восп., М.—Л., 1928; Шелгунов Н. В., Два слова о П. — «Неделя», 1875, № 28; его же, Восп., М.—Пг., 1923; Шелгунов и др. (ук.); Шелгунова А. П., Из далекого прошлого. Перестанка Н. В. Шелгунова с женой. СПб., 1901; Гаранер Р. А., В. Д. Писарева. — РС, 1880, № 12; Сорокин В., Восп. старого студента. — РС, 1888, № 12; Барро М., Забытое. Первые проза П., СПб., 1893; Лемке М. К., Дело П. (по неопубл. источ.). — «Былое», 1906, № 1—2; Лемке (З.); Фирсов Н. Н., В речахих ж-ла «Рус. слово» (Их восп. поестидесятилетию). — ИВ, 1914, № 5—6; Баллод П. Д., Заметка о деле П. — «Каторга и ссылка», 1924, № 10; Ковалев Н. П., и царская цензура. — КА, 1940, № 6; Данилов А. Д., Неск. отрицательных восп. о П. — ДА, т. 3. М.—Л., 1951; Лобач-Жуенко Б. Б., Знаменское, где родился П. — ВЛ, 1963, № 4; Степанова Е. Ю., Новое мат-лы к науч. биографии П. — РЛ, 1991, № 4.

Лит.: Герцен; Салтиков-Шшарин; Достоевский (все — ук.); Лемке (1); Шелгунов Н. В., Бессилье мысли и сила жизни. — «Дело», 1870, № 5; его же, Соч. П. — В его кн.: Лит. критика. Л., 1974; (Протопопов М. А.), Лит. збвца. — ОЗ, 1877, № 1; его же, Писарева. — БР, 1895, № 1; Тихомиров Л., Незавершенные вопросы. — «Дело», 1881, № 1; Де-Пуле М., Нигилизм как патология. явление в рус. жогии. — РВ, 1881, № 11; Соловьев Е. А., П., его жизнь и лит. деятельность. 3-е изд., П., 1899; его же, Д. И. Писарева, Берлин—П., М., 1922; Эрн Ф., Выгляды П. на воспитание и образование. — «Востокъ вост.», 1896, № 1; Волынский А. Л., Рус. критик. Лит. очерки, СПб., 1896; Иванова И. И., П., его сподвижники и враги. — МВ, 1899, № 1—3; его же, История рус. критики, ч. 3—4. СПб., 1900; (Засулич В.), Д. И. Писарев — «Науч. обзор», 1900, № 3, 4, 6, 7; его же, П. и Н. А. Добролюбов. — В его кн.: Сб. ст., т. 2. СПб., 1907; его же, Стати о рус. лит-ре, М., 1960; Волохов И. В., П. как экономист. — В его кн.: Экономич. этюды. 2-е изд., СПб., 1907; Л-ский Е., Нигилистич. педагогизм. — «Рус. школа», 1908, № 5—8; Евгеньев-Максимов В. Е., П. и охранители. — ГМ, 1919, № 1—4; его же, Гонимые в его отношении к нигилизму. — «Книга и революция», 1921, № 1; Казакович Е. П., Д. И. Писарев (1840—1856). П., 1922 (в т. ч. публ. дневника П.); его же, Некрасов и П. — «Печать и революция», 1925, № 1; его же, П. после крепости и его ст. «Диало и его время», — «Звезда», т. 6. М.—Л., 1936; Переварев В. Ф., Нигилизм П. в социологич. освещении. — «Красная новь», 1926, № 6; его же, Эстетич. взгляды П. — «Печать и революция», 1926, № 7; его же, Теоретич. прпосапки писаревской критики. — «Востокъ Кооперативн. акад.», 1929, № 31 (П.); Кириотин В. Я., Д. И. Писарева. — В кн.: Очерки по истории рус. критики, т. 2. М.—Л., 1931; его же, Различный разногласия Писарева, М., 1934; Козьмин Б. Л., Мат-лы для биографии П. — «Замиски Ота. рухонесий ГБЛ», в. 9. М., 1940; его же, «Раскол в нигилистах» (Этюд из истории рус. обществ. мысли 60-х гг.). — В его кн.: Из истории рус. мысли в России. Избр. труды, М., 1961; его же, П. и социализм: Полит. направленность очерка Шшарина «Калгурия». — В его кн.: Лит-ра и история. 2-е изд., М., 1982; Четунцова Н., Что разрушил «нигилизм»? — «Лит. критик», 1938, № 8; Кружков В. Д. И. Писарева. Филос. и социально-полит. взгляды, М., 1942; Бельчиков Н. Ф., П. и его эстетич. взгляды. — ИзвОИЯЛ, 1941, № 1; Мещеряков Н. Л., Эволюция мировоззрения П. — Там же; Плоткин Л. А., П. и лит.-обществ. движение шестидесятнич. П., М., 1945; его же, П. Жизнь и деятельность. М.—Л., 1962; Шипкин А. Н., П. и вопросы рус. романтики. — «Звезда», 1948, № 2; его же, Писарева. — В кн.: История рус. лит-ры, т. 7, ч. 1. М.—Л., 1956; Шварцман А. Л., П. и рус. эстетизмизация,

М., 1955; Гураевник У. А., Писарев. — В кн.: История рус. критики, т. 2. М.—Л., 1958; его же, Наследие П. сегодня. — «Лит-ра в школе», 1968, № 3; его же, Рус. лит. критика 50—60-х гг. и наука о лит-ре. — В кн.: Академия. школы в рус. лит.-овеании, М., 1975 (ук.); Калдер А. И., Эстет. взгляды П., М., 1962; Станис Л. Я., Осн. черты мировоззрения П., М., 1963; Демидова Н. В., П. и нигилизм 60-х гг. — «Вестник ЛГУ», 1965, № 5, в. 1; его же, Писарев, М., 1969; Кузнецов Ф. Ф., Ж. «Рус. слово», М., 1965; его же, Крут П., М., 1990; Барусти Л. Э., Жл. «Рус. слово», 1859—1866. Л., 1966; Масляни А. Н., П. в борьбе за материализм и социальный прогресс, М., 1968; Шыбенко В. А., Мироззрение П., М., 1969; Володина А. И., Раскольников и Каракозов (К вочр. истории стати П. «Борьба за жизнь»). — НМ, 1969, № 11; его же, Великая рус. мысль. — «Свободная мысль», 1992, № 5; его же, В. Гумбольдт и П. — В кн.: Россия и Германия. Опыт филос. диалога, М., 1993; Смыккин Я. Р., Жизнь П.: Личность и публицистика, РязД, 1969; Рейфман П. С., «Совр.» и «Рус. слово» перед «расколом в нигилистах». — «Уч. зап. Тартуского гос. ун-та», в. 251, Тарту, 1970; Новиков А. И., Нигилизм и нигилисты: Опыт критич. характеристики, Л., 1972; Конкин С. С., Пушкин в критике П. — РЛ, 1972, № 4; его же, Эстетич. и лит.-критич. взгляды П., Саранск, 1973; Ильин В. В., П. и Пушкин, Смоленск, 1972; Пантин И. К., Д. И. Писарева. Осмысление уроков первой ревал. ситуации. — В его кн.: Социалистич. мысль в России: переход от утопии к науке, М., 1973; Троицкая В. А., Принципы реальной критики (Эволюция П. в 1860-е гг.). — ВЛ, 1975, № 6; Уткина Н. Ф., Позитивизм, антропологизм, материализм и наука в России (вторая пол. XIX в.), М., 1975 (глава о П.); Коротков Ю. Н., Писарев, М., 1976 (ЖЗЛ); Розенберг Э. И., Писарев и «Отщепенцы» Н. Соколова (по поводу стати П. «Как дралдеко догадки»). — РЛ, 1976, № 3; Петряченкова В. М., Филос. взгляды П. в освещении зап.-герм. историографии. — В кн.: Актуальные проблемы истории философии народов СССР, в. 3. М., 1977; Лебедев А. А., Мировид Писарева, М., 1977; его же, Красота и ярость мира: Очерки становления рус. материалистич. эстетики, М., 1989; Виноградов И. И., Испытание Писаревым. — В его кн.: По живому слезу: Духовные искания рус. классики, М., 1987; Бсленкова Л. П., П. как историк философской и обществ. мысли, М., 1983; Николенко В. С., Материализм Чернышевского, Добролюбова, П. Л., 1983; Гошевский В. О., Проблема личности в филос. наследии П., Л., 1983; Прозоров В. В., Д. И. Писарева, М., 1984; Козаков И. В., Покушение на литературу (О борьбе лит. критики с литературой в рус. культуре). — ВЛ, 1992, в. 2; его же, Герцен и П. (К типологии мышления и творчества). — В кн.: Отец, философия: опыт, проблемы, ориентиры несл., в. 9. А. Герцен, М., 1993; его же, «Популяризация отрицательных доктрин». («Феномен П.» и эстетика рус. реализма). — ВЛ, 1995, в. 5; Лурье С. А., Литератор Писарева. Роман. Л., 1987; Искра Л. М., П. и его роль в истории рус. обществ.-полит. мысли, Воронеж, 1988; Мысленкова В. А., Писарева: романтик реализма. — РЛ, 1990, № 4; Бердяев Н. А., Истоки и смысл рус. коммунизма, М., 1990; его же, Рус. идея. — В кн.: О России и рус. культуре, М., 1990 (ук.); Лосский Н. О., Характер русского народа. — В его кн.: Условия абсолютного добра, М., 1991, с. 338—50; Зеньковский В. В., История рус. философии, в. 1, ч. 2. Л., 1991, с. 143—47; Егоров Б. Ф., Борьба эстетич. идей в России 1860-х годов, Л., 1991 (ст. «Рус. слово» и «Д. И. Писарев»); его же, Очерки по истории рус. культуры XIX в. — В кн.: Из истории рус. культуры, т. 5 (XIX в.), М., 1996 (ук.); Отец, философия: опыт, проблемы, ориентиры исследования, в. 8. Д. И. Писарева, М., 1992; Елизаветина Г. Г., Писарев-критик. Начало пути, М., 1992; Д. И. Писарев: Ноел и мат-лы. В. 1. Мир П., М., 1995; Тиргел П., К проблеме нигилизма в рос. И. С. Тургенев «Отцы и дети». — В кн.: Контгавр перед Сфинксом. Германско-рос. диалог, М., 1995; Парамонюв Б. М., Гала королевского нигилиста как культурный проект. — В его кн.: Конеч стигия, СПб.—М., 1997.

Coquery A., Dimitri Pissarev (1810—1868) et l'idéologie du nihilisme russe, P., 1946 (Biblio-

thèque de l'Institut français de Leningrad, continué par la Bibliothèque russe de l'Institut d'Etudes slaves, t. XXII); Barchoorn F., D. I. Pisarev: a Representative of Russian Nihilism. — The Review of Politics, II, April, 1948; Barchoorn F., Nihilism, utopia and realism in the thought of Pisarev. — Russian thought and politics / Ed. by H. Melean, Cambridge (Mass.), 1957; Boehenski L., Der Sowjetrussische dialektische Materialismus, Bern—München, 1960; Frich E., Russisch Kritiker (Belinski, Dobrolubov, Pisarev). — In: Frich E., Zum Verstandis des Geistigen. Heidelberg—Darmstadt, 1963; Hingley R., Pisarev. — В кн.: Hingley R., Russian Writers and society, 1825—1904, L., 1967; Hingley R., Nihilists: Russian Radicals and Revolutionaries in the reign of Alexander II, N.Y., 1969; Walicki A., A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism, Oxf., 1980; Gleason A., Young Russia. The Genesis of Russian Radicalism in 1860's, N. Y.; L., 1980; Copleston F., Philosophy in Russia. From Herzen to Lenin and Berdyayev, Notre Dame, 1966; Moser Ch., Esthetics as a Nightmarer, Russian Literary Theory 1855—1870, Princeton, 1989; Otazsek B., Dymitri Pissarev. Wokół problemów pozytywizmu w Rosji, Lodz., 1997. — Некрологи, 1868: «Неделя», № 32; ОЗ, № 8; «Капока», 15 сент. (А. И. Герцен); [неопубл. микролог Ф. Ф. Павленкова, признанный бывший ж-ла «Дело»]. — РЛ, 1959, № 2 (публ. Ф. Ф. Кузнецова); РБС; Брокгауз; Гранат; ЛЭ; КЛЭ; БСЭ; СНЭ; ФЭ; Рус. писатели (1996); Букштаб Б. Я., Д. И. Писарев. Указатель осн. лит-ры, Л., 1940; Григорьев К. Н., Рухонесий П. в собрании Ин-та лит-ры (Пушкинского Дома) АН СССР. Науч. описание, М.—Л., 1941 (поз ред. Л. Б. Мозельского); Муратов (1941); Маслов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 415; РГБ, ф. 178; ИРЛИ, № 9560 (ст. «Мысли о Марко Вочко»); Р. I. оп. 22, № 39 (письма П.).

И. В. Кондаков

ПИСЕМСКИЙ Алексей Феофилактович [10(22).3.1820, по др. сведениям — 11(23).3.1821, с. Раменье Чухлом у. Костром. губ. — 21.1 (2.2).1881, Москва; похоронен на кладб. Новодевичьего мон.), прозаик, драматург. Из старинного дворян. рода.

Один из предков — думный дворянин Фёв. Анд. Писемский выполнял личные поручения Ивана Грозного, в числе к-рых — поездка в Лондон по устройству брачных дел царя, другой — отъезд в монастырь и уединение быть причисленным к лику святых, в составе к-рых до сих пор существует Макарий Писемский, и моши его почитов в Макарьевском на реке Унже монастыре [Автобюгр. — ПСС, т. 1, 1895, с. ССХVIII—XVIII; о неточности последнего указания — моши предположено Макария Писемского покоянися в Преображенской церкви недалеко от г. Бух Костром. губ., — озаглавленного биографов П. (ИВ, 1889, № 11, с. 282—83), см.: С. М. Эстрт, К биогр. П. — РНБ, ф. 874, № 46, л. 12 и об.; см. также см. фам., по-видимому, связанная с названием костром. реки Писыма — РА, 1875, кн. 1, с. 454; «Совр. изв.», 1881, 10 нояб., с. 4; Татищев, с. 78]. Многми из позднейших Писемских тоже сопутствовали известности и богатству, но «ближайшая» генеалогич. ветвь «была совершенно закудала»: сам не знал грамоты, «ходил в лаптях и ледял на халат змилон» (Автобюгр. — ПСС, т. 1, 1895, с. ССХVIII—XIX).

Отец, Феофилакт Гаврилович (1781 — ок. 1843), начал воен. службу солдатом и только по прошествии ми. лет получил чин майора. Выйдя в отставку (подполковником) после жонтебы на Авдотью Ал. Шиповой (1787 — после 1850) — двоюродной сестре Ю. Н. Бартенева, поселился в приданной усадьбе Раменье. Здесь, а также в Ветлуге, где он был неск. лет городничим, и прошли — до 10-летнего возраста — дет. годы П., единств. в семье ребенка (девять дру-

гих умерли в младенчестве) — «божка» для родителей и двух незамужних теток Шиповых (там же, с. ССХХ).

Черты родителей — неподкупно-честного, трудолюбиво-исходившего, пылко-грубогого служки-отца и «нервной, мечтательной, тонкоумной» матери (там же, с. ССХХ) — П. залечил в автобиограф. заметках и ряде прозаич. — рассказы «Батюшка», драме «Ветеран и новобранец», ром. «Люди сороковых годов». Не получившие достаточного воспитания, стесненные материально, накрепко связанные с мат. почвой, родители не стремились походить на «серойшей»: домашний уклад отличался простотой отношений, интеллигентным здравым смыслом, близостью к традиц. формам быта и культуры рус. глубинки, что отразилось и в характере П.

Первонач. образование получил дома под руководством весьма посредств. педагогов. Благоприятное алианс на развитие П. оказал Вс. Н. Бартнев — двоюродный брат матери, отставной флот. офицер и книголюб. В 1834 П. поступил во 2-й кл. Костром. г-зии (окончил в 1840). Уже тогда сказались два увлечения, прошедшие через всю жизнь, — худож. лит-ра и театр. Сначала это было безудержное чтение рус. и переводных романов, посещение райка, потом — сочинительство и устройство дом. театра с пробой сил в качестве актера. В последних классах П. — «прекрасный стилист», по аттестатам учителя словесности, написал не дошедшие до нас подражат. повести «Черкешенка» и «Чугунное кольцо» (там же, с. ССХХIII). В 1840 П. зачислен на 2-е матем. отд. филос. ф-та Моск. ун-та («Желание мое было поступить на словесный ф-т, но, не зная греческого, не мог его исполнить...», Автобиограф. — Собр. соч., т. 9, 1959, с. 603). Пребывание в ун-те имело для П. положит. значение, к-рое определялось, помимо неизбежной косвенной причастности к «атмосфере» идейных исканий студенчества (ср. позднее высказывание о П.: «в нем всегда чувствовался моск. студент 40-х гг.» — Боборыкин, I, 202), широкой возможностью образоваться, развить себя, общаясь с профессорами не только «своего», но и «чужих» ф-тов.

Он посещает лекции С. П. Шевырева, увлеченно пишет по его заданиям сочинения, в частности «Смерть Огильи», в к-ром «почтенный наставник» отпустил «большую ловкость в приемах рассказа» (Автобиограф. — Собр. соч., т. 9, 1959, с. 604). В студенч. годы расширяется и одновременно упорядочивается круг чтения П.: «...познакомился с Шекспиром, Штилером, Гете, Корнелем, Расином, Жан-Жаком Руссо, Вольтером, Виктором Гюго, Жорж Зандом, сознательно оценил рус. литературу...» (Автобиограф. — ПСС, т. I, 1895, с. ССХХIII). Будучи «харизм. поклонником Гоголя и статьи Белинского...» (Алмазов, с. 454), П. в то же время не отвергал эстетич. идеи антагонистов «натуральной школы». Зася сказалась присущая натуре П. антигидеологич. к-рую он стремился возвести в принцип личностно-творч. независимости от школ, партий, течений и к-рай определил «независодательностью» его лит.-обществ. поведения (одновременно, симпатич к сторонникам «пушкинского» и «гоголевского» направлений, участво в ж-лах разл. ориентаций).

Заключив ун-т «действит. студентом» (1844), П. возвращается домой.

Непрочное материальное положение семьи, усугубл. смертью отца, тяжелая болезнь матери, отсутствие места и связей вызывают у сверхчувствит. от природы П. «меланхолию и ипохондрию», к-рые впоследствии разовьются в тяжелый недуг. В янв. 1845 определяется канцелярским чиновником в Костром. палату гос. имущества, а в окт. того же года переводится в Моск. палату гос. имущества, где становится (30 мая 1846) пом. столоначальника (латы, не совпадающие с указ. в автобиографиях, приводятся по «аттестатам» о службе П.). Однако казенная служба пока не по времени: «бес авторства» (Автобиограф. — Избр. прозв., с. 23) владеет П., и уже в 1846 он заканчивает ром. о жен. эмансипации. «Боярышня» (первонач. назв. «Винювата ли она?», исполз. впоследствии им для др. произведения). Ободренный ус-

пехом романа в «моск. кружках», гл. обр. у участников «Москвитянина», с к-рыми П., включая и будущих членов «молодой редакции» (в т. ч. А. Н. Островского, сыгравшего большую роль в его лит. судьбе), был лично знаком, он решает посвятить себя исключительно лит. занятиям. 8 февр. 1847 оставляет службу и уезжает на родину. Однако вскоре уверенность П. в писат. призвании была поколеблена. Посланный в «Отеч. записки» роман не был пропущен цензурой (о возможных причинах см.: Венгерова, 1884, с. 62—63; Кирпичников, с. 339—40; опубл. в БзЧ, 1858, т. 147), в пору уже упорчившейся лит. славы П., а первое выступление П. в печати — сильно сокращенный при публ. рассказ «Нина» (Эпизод из дневника моего приятеля)» (СО, 1848, № 7), в к-ром изложена «обыкновенная история» скорого превращения романтически-идеальной девы в заурядную обывательницу, — прошло незамеченным. 6 окт. 1848 П. возвращается на службу (чиновник особых поручений при костром. воен. губернаторе). В этом качестве был назначен секр. совеща-т. к-та по делам о раскольниках (о

его деятельности на этом посту и обещан терпимым отношением к расколу, несмотря на должностные акции по преследованию старообрядцев, см.: Виноградов, 1916). 11 окт. П. женится на Ек. Павл. Свинойной (1829—91), дочери П. П. Свинойна, двоюродной сестре А. Н. Майкова. «Всегда спокойная, с прекрасным тоном, с полным отсутствием какой-нибудь рисовки или жеманства», она бережно оплакала мужа, снисходя к его сердечным и гастрономич. «порывам» (Анненков, 488; Боборыкин, I, 205), помогая ему в лит. работе (ею было переписано большинство трудновыводимых черновых рукописей П.). П. с неизм. уважением отзывался о своей жене (прототип рассудит. и благойравной Евпраксии в ром. «Взбаламученное море»). После небольшого перерыва в службе из-за болезни (1849) 4 июля 1850 назначен исправляющим должность ассессора Костром. губ. правления. Осенью того же года П. опубл. пов. «Тюфяк» («Москв.», № 19—21; отд. изд. — М., 1850) при посредничестве Островского, считавшего это соч. «истинно художеств. произведением» («Москв.», 1851, № 7, с. 375).

«По-гоголевски» формулировал насильней замысел повести сам П. — раскрыть «в обыденной и весьма обыкновенной жизни» буднично-простое, но глубокое драмы «обыкновенных людей» (Письма, с. 27). Подобную «обыкновенную» драму (опротестившая женщина, крах юнош. надежд, капитуляция перед «потрясающей тьмой мещеще») переживает гл. герой, в к-ром, по мнению Алмазова (совпадающему с т. з. Островского и др. рецензентов — см.: «Совр.», 1851, № 2, с. 65—66; БзЧ, 1851, т. 107, с. 1—13), автор представил характерные «недостатки своего поколения — крайнюю мечтательность и крайне неадекватное отношение к действит. жизни» (РА, 1875, кн. I, с. 457). Типология, связь между «тюфяком» Бешметовым и «байбаком» Обломовым отметил поэтос Д. И. Писарев (I, 168—69). Следуя призывам «натуральной школы», П. вместе с ней иногда оппонировал им, что с полемик. подьемом констатировал круг «Москвитянина», в частности А. А. Григорьев: «Повести 40-х гг. постоянно стояли за жемчужной действительностью»; П., отнесшийся к «тюфякам» «как следует, комически», безнадолго проанализировал их пороки («Москв.», 1853, № 1, с. 29; см. также: «Стегоч», 1861, кн. 4, с. 18); ср. отзыв А. В. Дружинина, укорявшего П. за то, что он «се своим самостоят. талантом» шел «чужой дорогой», открыто «шиселась» подражанием Гоголю (БзЧ, 1854, т. 123, с. 48).

В «Тюфяке» четко обозначились характерные особенности творч. манеры П. 1840—50-х гг.: фотографически точное, нарочито бесстрастное воспроизведение действительности; показ сущностного, социально и психологически значимого через «быт»; подчеркнутая заземленность в обрисовке лиц и явлений, в т. ч. «положительных».

Успех «Тюфяка» вызвал у П. прилив творч. сил. В короткий срок он создает повести «Сергей Петрович Хозаров и Марн Ступищница. Брак по страсти» («Москв.», 1851, № 4—7), «М-г Батманов» (там же, 1852, № 17, 18; первонач. назв. «Москвич в Гарольдовом плаще»); ром. «Богат-

тый жених» («Совр.», 1851, № 10—12; 1852, № 1—5); рассказы и очерки «Комик» («Москв.», 1851, № 21), «Питершик» (там же, 1852, № 23), «Леший» («Совр.», 1853, № 11); комедии «Плюхондрик» («Москв.», 1852, № 1; Михайлов. т-р, 21 сент. 1855), «Раздел» («Совр.», 1853, № 1; Александрин. т-р, 6 февр. 1874). П. с откровенностью, окрашенной в тона простонар, пересмешничества, рисует по преим. «прозу» повседневной жизни провинци. чиновников и дворян. Много пошлого, мелочного открывает он в поведении, мыслях и чувствах своих героев, внешне благороднейших, а иногда и претендующих на утонченность («Умный скептик Писемский всю жизнь издевался над дворянником» — отмечает М. Горький в «Истории рус. лит-ры», М., 1939, с. 253). В изображаемых П. «семейных драмах» (раннее назв. «Тюфяка») и бытовых конфликтах («Ничего общественного я не касался...» — Письма, с. 27) оценок социальная основа: «Вглядитесь в личности, действующие в повести Писемского, — вы увидите, что, осуждая их, вы собственно осуждаете их общество...» (Писарев, I, 172). Без остатка растворенный в образной системе, авторский умысел во мн. связан с развенчанием человека поэмы и фразы — «мелкой природы» (Собр. соч., т. 2, М., 1959, с. 3), драпирующейся «плащом» необычных личностей.

Созвучия времени действования «наследников» и подражателей «лучших людей» нахлынуло прихода «нового человека» — рационалистом была сочувственно воспринята демократич. критикой. Вместе с автором «Рудина» П. дал об-ву такой важный «урок», «после к-рого отбрасывает целое поколение» (Писарев, I, 230). П. не торопится пересоздавать «живой» материал или морализировать, делать казенные-либо «скороспелые выводы» (Аппенков, с. 480). Он антологически исследует нутро мешаства, преследая цель глубоко натуралистич., не направленного тенденцией воссоздания его характерных черт. После того как не удалось В. Г. Белинскому (VI, 428—29; X, 310, 11), но у умеренных В. П. Боткин (см.: П. В. Аппенков и его друзья, т. 1, СПб., 1892, с. 321) было провозглашено особое значение идеи, имели в худож. творчестве новейшего времени, такая установка П. (неизменно отстаиваемая им теоретически, но далеко не всегда осуществленная практически) могла вызывать нареkania (ром. «Брак по страсти» — «хорош — но только уж слишком объективен...» — Тургенев. Письма, II, 24) и даже негодовать как органич. продолжение индифферентности, «результат, граничащий с «цинизмом» и «беспринципностью» (Венгеров, 1884, с. 66; Скабичевский, с. 39—41). Однако сторонником открытой идеи, не знающего субъективной рефлексии, как бы названное в своей неперспективности поствозражение П. тем самым достигает «значит. лит. интереса», порождая «полюсную историю» (Кириллинков, с. 341) самораскрывающейся реальности.

В нач. 1853 (М.) вышел трехтомник «Повестей и рассказов» П.; его имя начинает фигурировать в одном ряду с И. С. Тургеневым, И. А. Гончаровым и др. Отпуск 1853 (с 9 июня по 8 окт.) П. провел в Петербурге, где ближе сошелся с «Современником» (начало было положено зна-

комством с И. И. Панасовым) и публикацией «Богатого жениха», возобновил связь с «Отч. записками».

Столица проявила к П. живой интерес, словом, в частности, резкой оригинальностью сложной личности писателя («якобы овинка» — Аппенков), произвольностью разительное впечатление прилагательство ко всему несправедливо-привинительному (манера, речь), демонстративным желанием преречь «водный» текстам, острим, не лишены «единич. оттенка» юмором. В об-лке П. причудливо соединились духовность художника-творца и житейски-бытовая латентность «красивостью» (ЛН, т. 73, кн. 2, с. 147) барна-эпикрейша; глубокий природный ум, универсальность образованности и идеологич. «неравномерность» (Салтыков-Щедрин). Доминирующим было, однако, влечение к простоте, естественности и к свободному разумению вещей. Явившись в столицу, П. «ни на волос не изменил обычной своей физиономии, не прикрыл себя... не принарядился морально... перед незнакомыми лицами...» (Аппенков, с. 484—86, 314).

«Бессмысленное славянофильство» (Письма, с. 62) наиб. ортодоксальных участников «Москвитянина» все менее устраивает П., и он прекращает сотрудничество в этом журнале. По возвращении в Кострому П., произведенному в тит. сов. (сент. 1853), предложено стать «редактором неофиц. части Губ. Ведомостей» (Письма, с. 59). Вскоре его служебные дела осложнились из-за «драгз» между вице-губернатором и членами губ. правления. В марте 1854, отклонив предложение о переводе в Херсон, губ. правление, П. вышел в отставку и поселился в усадьбе Раменье. Руководствуясь соображениями лучшего устройства лит. карьеры, П. в дек. 1854 переезжает с семьей в Петербург, а в февр. 1855 определяется без олада на службу в Деп. уделов.

Включившись в лит. жизнь столицы, П. публикует рассказ «Фанфарон (Один из наших снобов...») («Совр.», 1854, № 8), «драматический случай» «Ветеран и влюбленный» (ОЗ, 1854, № 9; Александрин. т-р, 17 дек. 1854), рассказ «Плотничья артель» (там же, 1855, № 9), статью «Сочинения Н. В. Гоголя, найденные после его смерти» (там же, № 10), пов. «Виновата ли она?» («Совр.», 1855, № 2). В ст. о Гоголе провозглашает гл. эстетич. заповедью худож. правду, несовместимую, по его понятиям, с тенденциозностью, с «поучениями» и достигаемую непредвзятым объективно-образным воспроизведением жизни. Нек-рые суждения П., абсолютизовавшие инстинктивно-художнич. начало в творчестве, сближали его (что нельзя назвать случайным) с теоретиками «чистого искусства». Ранее, в письме к А. Н. Майкову от 12 марта 1854, П. мечтает о тех «блаженных временах», «когда критика в иск-ве будет видеть иск-во, имеющее в самом себе цель» (Письма, с. 63—64). В 1857 П. предпочтет сотрудничество с Дружинным, демонстративно покинувшим «Современник» и задумавшим противопоставить «щедринскому» на-

правлению «эстетическое». Наконец, в 1877 в письме «исповеди» к Ф. И. Буслаяу П. решительно выступит против тенденциозности («дидактики») в лит-ре. С др. стороны, эстетич. программа П. вбирает в себя элементы скептич. отношения к теории и практике «чистого искусства»: «В искусстве мы видим один из способов обнаруживать истину и, если угодно, доказывать ее, проводить, распространять...» (Собр. соч., т. 9, 1959, с. 562; см. также письмо Тургеневу — ЛН, т. 73, кн. 2, с. 133, 162). Показательна и следующая характеристика собств. творчества: «Сначала я обличал глупость, предрассудочность, невежество, смеялся над детским романтизмом и пустозвонными фразами, боролся против крепостного права, преследовал чиновничьи злоупотребления, обрисовал шетки нашего ингилизма... и в конце концов принялся за сильнее, может быть, врага человеческого, за Ваала и за поклонение Золотому тельцу...» (Письма, с. 391—392).

«Плотничья артель» и два «народных» рассказа — «Питершик» и «Леший» составили цикл «Очерки из крестьянского быта» (отд. изд. — СПб., 1856), поддержавший обостренный интерес рус. лит-ры в предреформ. десятилетие к теме «мужика». «...Отчего ты не займешься мужиком?», — спрашивает П. в это время Островского (Письма, с. 106). Не только в «лучших людях» из дворян, интеллигенции, но и в простонар. крест. массе П., как и автор «Залисок охотника», ищет коренные свойства нац. характера, оставаясь, в отличие от Тургенева, свободным от завеломо заступнического возвеличения мужика. Еще заметнее «наблюдательский» реализм П. разнится от того, как рисуют мужика подражатели Д. В. Григоровича с их избыточной дидактикой, «поучительной» сентиментальностью (А. В. Дружинин — БдЧ, 1857, т. 141, с. 12—14, 28). Обездоленность крепостного крестьянства подсказывала сатирич. (в отношении верхов) и страдал. (в отношении низов) направленность нар. рассказов, но П. сторонник «подказки»: его «питершик» — не безвольный страдалец «поребрика», а внутренне независимая личность, участвующая в устройстве своей судьбы и вызывающая представление не столько о господском «человеке», сколько о русском человеке «вообще» (Собр. соч., т. 2, 1959, с. 243). П. не выступает с прямым обличением крепостничества, сословного разделения людей (к-рое и им самим, и его героям воспринимается как данность не оправдываемая, впрочем, и не защищаемая). Генезис изображаемых коллизий возводится в первую очередь не к миру, а

к «душеустройству», к нравств. организации отд. человека.

«Очерки...» послужили предметом острого идейного столкновения. Полемика с С. С. Дудышкиным (ОЗ, 1856, № 12, с. 71—77) и особенно Дружининым (БаЧ, 1857, т. 141, с. 1—36), к-рые объявили П. (наряду с Островским и Л. Н. Толстым) «апогаеином» критики «гоголевского периода», одним из новейших представителей «школы чистого и издлинного творчества» (БаЧ, с. 7). Н. Г. Чернышевский особо подчеркнул близость автора к гоголевскому направлению. Стремясь нейтрализовать дружининский вывод о «призрачности», «отрадном» колорите «Очерков...», он с сознательным заострением формулировал: «... Никто из рус. беллетристов не изображал простонар. быта красками более темными, нежели Г. Писемский...» («Совр.», 1857, № 4, с. 47). Правда, «чувство», т. е. оценка, выражаемая у него «не личн. отступившим, а с смыслом целого произведения», экспрессивен он предпочитает спокойный «литерический тон». Но в случае с П. (отличающаяся, по мнению критика, известной уязвимостью импровизации, отсутствием скрепового наката — «рациональной теории») это «скорее составляет достоинство, нежели недостаток» (там же, с. 48—50). Близким экспрессивом отличалось отношение к П., в т. ч. и как к автору «Очерков...», Н. А. Добролюбов, намеренно — вопреки принципам «реальной критики» — отвлекавшегося от высказанной объективной мысли произв. П. и сосредоточивавшегося исключительно на его идейной ограниченности (подробнее см.: Мысляков, Саратов, 1971, с. 103—113).

В янв.—сент. 1856 П. участвует от Морского мин-ва (куда был командирован на год) в лит.-этнографич. экспедиции «в Астрахан. губ. и к прочим прибрежьям Каспийского моря» (Письма, с. 612). П. написал, как и было условлено, серию очерков (не ставших его творч. удачей) для «Морского сб-ка»: «Прием черноморцев в Астрахани» (1856, т. XXII, № 6), «Путевые очерки» (1857, т. XXVII, № 2), «Морские поездки» (1857, т. XXVIII, № 4). Ряд очерков опублик. «Б-ка для чтения»: «Астраханские армяне» (1858, т. 151), «Татары» (1858, т. 152) и «Калмыки» (1860, т. 158). Во время посещения Тюк-Караганского п-ова П. виделся с сыновым Т. Г. Шевченко, об улучшении участи к-рого писал в письме к жене вице-президента АХ гр. А. И. Толстой (Письма, с. 98—99).

В апр. 1857 П. вышел в отставку и всецело занялся лит. делами. С окт. 1857 по нояб. 1860 вместе с Дружининым, а затем по янв. 1863 единолично редактирует «Б-ку для чтения», в целом поддерживая линию на «противовесие» (Тургенев) радикализму «Современника», хотя и без крайностей дружининской доктрины, в объявлении об издании на 1861 декларирует центрист. направление (СПбВед. 1860, 13 нояб.). П., редактор шире открывает журнал «живой борьбе из-за живых предметов» (там же), печатая острые публицистич. статьи Е. Ф. Зарина, Д. Ф. Щеглова, Н. Н. Воскобойникова, П. Д. Боборыкина, в авг.—дек. 1860 ведет также лит. и библиогр. отдел ж-ла «Искусства» (заявление о прекращении «всякого участия» в нем с 1861 — СПбВед. 1860, 23 дек.). В это время

П. переживает период наивысшей популярности: публикуются роман «Боярщина», пов. «Старческий грех. (Совершенно романтическое приключение)» (БаЧ, 1861, т. 163; о замысле — см.: Письма, с. 131; добродет. отзывы: «Светоч», 1861, кн. 3; РР, 1861, 16 марта, с. 335; «Век», 1861, № 15, с. 530—33) о трагич. разладе природных нравств. инстинктов человека и практич. «морали» об-ва, а также самые изв. произв. П. — роман «Тысяча душ» (ОЗ, 1858, № 1—6; отд. изд. — СПб., 1858) и удостоенная в 1860 Уваровской пр. (вместе с «Грозой» Островского) драма «Горькая судьбина» (БаЧ, 1859, т. 158; отд. изд. — СПб., 1860; Александрин. т-р, 18 окт. 1863).

А. Ф. Писемский. Кол. 1850-л гг.

«Тысяча душ» — центральное произв. П.; оно связует этапы его творчества, в определ. мере удерживая «объективность» предшествующей и одновременно превращая «субъективность» последующего. Глубину содержания романа определил концептуально осмысл. признак времени — «убыль сердца», вытеснение «идеализма» практицизмом.

Новая эпоха с ее трепетованием «исправительного» идеализма «сороковых годов» побудила П. пристальнее и шире взглянуть на «романтизм» в жизни и на «поэзию» в иск-ве. В кон. 1856 он особо отмечает поэтически «благотворную», «прекрасную» поддалку тургенев. повествований, высказывая тут же неудовлетворенность чистым реализмом в своем произв.: перестыивая «Очерки из крест. быта», готов был плюнуть самому себе в лицо, так мне все показалось сухо и прозрачно. Говорят, правды много! Да черт ли в этой правде, когда ее слы, как немаящую кашу» (ЛН, т. 73, кн. 2, с. 148; ср. у Тургенева — по др. поводу: «Но один реализм губителен — правда как ни сильна, но художество — Тургенев. Письма, V, 159). П. готов ратовать за возвышенно-романтич. начало (применительно уже не к «художеству», а к самой жизненной практике, считая, что «всплутится» за него «в наше время — дело нужное и честное...» (ЛН, т. 73, кн. 2, с. 141).

«Тысяча душ» — «страшный удар» (говоря языком Белинского, антиромантич. выступлений к-рого

в 1847 П. сочувствовал) по практичности и положительности в защиту «глубокого романтизма». Есть в романе, кстати, и прямое «слово за романтизм», произносимое одним из героев: «бесплодно прожитое выше поколение, потому что оно окончательно утратило романтизм... Я с ужасом смотрю на совр. молодежь... что же, наконец, составляет для них смак в жизни? Деньги и разврат!» (Собр. соч., т. 3, 1959, с. 283). В процессе работы концепция романа обогащалась, захватывая дополнит. сферы (разночтением с его, по позднему определению Н. К. Михайловского, «возмущенной честью»; «непризванные» реформаторы с их культом цели и самовластием — «по мысли все идет шире и шире», ЛН, т. 73, кн. 2, с. 142), но в основе своей осталась именно той, к-рую П. изложил в письме А. Н. Майкову относительно «практической» тенденции «века» (Письма, с. 77—78). Гл. герой романа, жертвующий личными качествами ради богатства и карьеры, олицетворяет эту тенденцию, а точнее, ее полнокровную, чем и отличается от благонаправленных гончаровских прагматиков. П. по преим. занимает сопряженный с практицизмом процесс раздушевления человека, утраты им нравств. культуры, моральных устоев. Демонстрация об-ва, забывшего думать о «мировых идеях», «любви», «славе», поставившего на место животворных этич. идеалов губительного «идола» — комфорт (Собр. соч., т. 3, 1959, с. 135—36), переживает П. как исполненное трагизма историч. поветрие. Симпатизируя тем, кто наперекор утилитарист. стихии продолжает исповедовать «непрактичные» принципы чести, П. стремится воплотить нравств. норму в «положит.» жен. образе. Коализией «поэтич.» героини и «прозаич.» героя определяется вся идейная композиция романа, подводящая к общему выводу: как бы ни были важны для об-ва деловитость и энергичность, прогресс не должен и не может основываться на регрессе личности.

За нек-рым исключением критика восприняла роман как значит. лит. явление (Е. Н. Эдельсон — РСЛ, 1859, № 1; М. Ф. Де-Пуле — РусБ. 1859, № 2). У Анненкова осн. интерес вызвал «замечат.» тип «поддельного гос. человека», пытающегося встать в ряды распорядителей жизни, но не имеющего на то основания по «бедности и моральному ничтожеству своей натуре» («Атеней», 1859, № 2, с. 242—66). Н. Д. Алшарумов, констатируя не побеждаемую самообитательностью таланта П. его связь с «реальной школой», отмечает как следствие этого наличие в ром. прямой «тенденции», скрывающейся в одностороннем (акцент на «вине» об-ва) решении вопроса о взаимоотношении личности и среды (Вестн. Лит. сб. на 1859 г., СПб., 1859, с. 334, 337, 340). Резко отозвался Добролюбов: «обществ. сторона» романа «исполненно припала к заранее суживенной масе» (VI, 98). Писарев, напротив, поставил ром. «возбужденную выше всех произведений нашей новейшей лит-ры» (I, 230). Среди писат. мнений, как правило сочувственных (А. Н. Плещеев: «Сколько правды... Заесь

ПИСЕМСКИЙ

характеры есть» — в сб.: Ф. М. Достоевский. Материал и исск., Л., 1935, с. 41), подчеркиваем скепсисом выдвигает суждение (о первых 2 частях) Ф. М. Достоевского: «эолога... поспешность» (Достоевский, XXVIII, кн. I, с. 312).

Драма (диюлога определявшая П. и как «трагедия») «Горькая судьбина» напрямую связана с «Очерками из крест. быта» (о жизненно-реальной стороне произв. — см.: Миловидов И. В., «Две чухломские драмы, основа „Горькой судьбины“» — РС, 1889, т. 64). Центр персонажа пьесы — оброчный мужик, «питершик», поставленный в экстраординарную ситуацию: его жена, обвенчанная «по бедности» без собств. согласия («почесть что связанная»), вступила в связь с баринном — добрым, слабохарактерным человеком — не по «приказанью», а по любви. Беду героя заметно осложняет крепостная подневольность, о к-рой постоянно напоминают если не сам помещик, то его приближенные. По первонач. плану герой, в приступе гнева убивший «прижитого» женой ребенка, укрывался в лесу, становился разбойничьим атаманом и убивал бурмистра. Однако по совету актера А. Е. Мартынова (см.: Анненков, 506) и в соответствии с логикой характера мужика-христианина, могущего оступиться, но не способного отпасть от «божьей» правды, П. изменил финал: герой приходит с повинной, раскаиваясь и желая всем простить. Стремление предстать перед судом совести, искупить свой грех страданиями — признак той самой нравств. идеальности, к-рую так убежденно защищал П. в «Тысяче душ».

«Объяснение жизненности» и «бесусловную истинность изображения» (И. Ф. Анненский) подчеркивали мн. изв. критики, театры, артисты, в т. ч. Гончаров: «Силы и натуры природы: сцены между бабами, разговоры мужиков — все это так живо и верно, что лучше у него ни этого быта ничего не было» (VIII, 322; о положении роли Гончарова в театр. жизни см.: Никитенко, II, 100, 577); Ф. И. Тютчев (пересфериовавший слова Аристофана Византийского): «Не знаясь, художник ли поздравил здесь природу или природа художнику» (РА, 1875, кн. I, с. 457). Вместе с тем многократно, отзывы о драме отличаются большим разнообразием (ср.: «экслюзив. списание с натуры» — Салтыков-Щедрин, V, 187—98, и «поразительно верное воспроизведение жизни» — М. Л. Михайлов — РСЛ, 1860, № 2, с. 5); П. А. Плетнев («Отчет о четвертом представлении наград г. Уварова», СПб., 1860, с. 36—38); А. А. Майков оценил попытку П., не акцентировав общечеловеческий («идеалистический или соловьиный») обстоятельства, — поставить на первое место вопрос «человеческий» (столкновение личного произвола с нравств. законом), заключенный «в форму совр. обществ. отношений» (СПБвед. 1860, 23 марта; ср. с упреками К. С. Аксакова (Русб. 1860, № 1, с. 133—34) и А. С. Хомякова в «разнодумии» к героям и к самому нравств. вопросу («Отчет...», СПб., 1860, с. 52)). Замена «спущенных общественных пружин на нравств. закон» (С. С. Дудышкин — ОЗ, 1860, № 1, с. 55—57) вызвала особо резкую реакцию «Совр.», к-рый откатил пьесу в «высоком и обш. значении», а гл. героя — в правде представлять «даростерпим. нар. тип», «силую натуру» (Добродыров, VI, 335—36). Для Г. А. Кузнецова-Безбородко драма П. о нравств. вреде «крестного права как в среде семей крестьян, так и в среде

помещиков» (РСЛ, 1860, № 11, с. 3) стала предметной озадачившей крест. реформы. П. Е. Басистов, уделивший внимание психологич. стороне холмизма («противодействию» чувства долгу), также сделал итоговый акцент на «несудобность и эконоич. листво», 1860, № 1, 29 ян., с. 19—20). Из критиков последующего времени общей смыслом «Горькой судьбины» — при всей ее нравственно-психологич. направленности — выделяли И. И. Иванов (МБ, 1896, № 11, с. 138—45) и — особенно тщательно — Апенский, считавший, что П. «анализа чисто социальную драму и в то же время без всякой тенденции» (Ибр. произв., Л., 1938, с. 432 и др.).

Писат. известность П. дополнялась славой замечат. чтеца. «Это было не чтение, а высокая сценич. игра; каждое лицо выходило как живое, с своим тоном, с своим жестом, с своей индивидуальностью. Художеств. наслаждение было полное...» (Горбунов И. Ф., Из моего дневника.

А. Ф. Писемский.
Карикатура А. И. Лобсава. 1860-е гг.

1855 год. — НВ, 1881, 8 февр., с. 3; ср. Анненков, с. 489). П. обладал незаурядным актер. способностями; охотно играл гоголевских и собств. персонажей (Подколесина «лучше стодолжал... чем сам Шепкин» — Алмазов, с. 455) в любит. спектаклях (о нек-рых из них см.: МВед. 1863, 31 июля, с. 3; Письма, с. 659—660). П. пользовался также репутацией оригинального (начиная с костюмом, говорка — Боборыкин, I, 200), занимат. собеседника, неистощимого рассказчика «уморительных» историй о личных встречах с разными людьми: «Подобных анекдотов были у него целые короба, и в каждом из них... комич. тип. Многие из этих типов были им обработаны позднее и попали в его сочинения» (Анненков, с. 489).

Нецеремонно-прямой — с привкусом дразнящей нарочитости — в своем призрастном идти «против течения» (самооценочная формула Н. С. Лескова), П. мог чувствительно

завевать не только «консерваторов», но и «прогрессистов», что первоначально воспринималось последними как парадокс «знаменитости». «... До нач. 60-х годов Писемский считался, несомненно, либеральным беллетристом, с заветами Гоголя, изобразителем всех темных сторон „николаевщины“» (Боборыкин, I, 198), однако к нач. 60-х гг. возможность размолвки с радикальной оппозицией переросла в неизбежность. Ревнитель здравого смысла и нач. чувства как «хоронных и любимых понятий народа» (Собр. соч., т. 3, 1959, с. 470), П. не смог уверовать в инстинированные с его т. з., «чужой» (т. е. западноевроп.) мыслью преобразовательско-«гражданские» теории «новых людей». Многие неприятия в тогдашней России, искренне желая ее обновления, П. скептически относился и к самим обновителям, не отказываясь, впрочем, заявить участие в трагич. судьбе нек-рых из них (подпись 15 сент. 1861 под коллективным письмом протестом против ареста М. Л. Михайлова). В фельетонах (1861) от лица «стат. сов. Салатушки» П. язвительно прошелся по верхоглядным, нахватавшимся «с ветру» мнениям радикальной молодежи, по моде на воскресные школы, эмансипированности жен сановников, «начальническому» обличительству М. Е. Салтыкова-Щедрина; в довольно грубой форме коснулся моральных качеств и интимной жизни «свободномыслящего» И. И. Панаева и его «друга» Н. А. Некрасова (БдЧ, т. 164). Под др. сатирич. маской — «старая фельетонная кляча Никита Безрылов» — П. в дек. напечатал новый фельетон на те же «сюжеты» (БдЧ, 1861, т. 168). Стилизованные под гаерский, «пошлый» тон расхожего, «истасканного» фельетониста «безрыловский» заметки, касавшиеся весьма почитаемых современниками вещей, отдававшие при этом нек-рой двусмысленностью (осмеивались то ли вульгаризация передовых начинаний, то ли сами начинания; к тому же маска Никиты Безрылова выглядела менее объективированной, нежели таковая Салатушки), на этот раз вызвали резкие протесты.

Образовать «Сев. пчелы» назвал фельетон «безобразным», исполненным «балаганного глумления», «тупой враждой к нек-рым утешит. явлениям рус. жизни» (СП, 1862, 24 ян., с. 89—90). Г. З. Елисеев в «Искре» (1862, № 5) адресовал свои интимные («безмерная невестность», «глупый смех», «тупоумное невежество») не «безрыловской» маске, а самому П., к-рый не оправдал «надежд» передовых людей: «галант, употребивший свои силы на разрушение [обществ. дела], достоин полного презрения» (с. 71). П. объявлялся обскуртантом наглобис В. И. Аксеновича (Ответ П. от имени своего и Никиты Безрылова см. — БдЧ, 1862, т. 169). Заявление «Рус. искра» (1862, 10 февр.; см. также 1862, 17 марта) об участии рява Ахмет. иванов в подготовке «лит. протеста» против «Искры» решительно дезавуировало «Совр.», руковоство к-рого озабочено ст. «Искры» («Рус.

мир». 1862. 17 февр.; «Искра». 1862. 16 февр.) и выразило, т. е., безоговорочное осуждение П. В состоянии полнеч. возбуждения П. позволил себе вставить резкую фразу в «Вестраж замисти! Бобрынина (см. Бобрынкин, I. 278) о «не совсем благородной натуре» «Искры» (БЧД. 1862. т. 169, с. 146—47). В. С. Курочкин и Н. А. Степанов направили П. ультимативное письмо (от 17 марта 1862; текст см.: ИВ. 1882. № 5, с. 322), фактически содержавшее вызов на дуэль, отклоненный П.: «В вашем журнале... лично про меня напечатано было столько глумительств, что я считаю себя вправе ответить вам в моем журнале, насколько уж не церемонясь... представляю вам выдаться со мною судебным порядком» (там же).

«Безразловская» история потрясла П., к-рый не смог освободиться от душевной смуты до конца дней, что заметно сказалось на мн. его прозе, предопределив их лампетные интонации. Отрицательно повлиял инцидент и на здоровье П.: врожденная мнительность начала принимать болезненные формы, сделавшись источником неустойчивой тоски по поводу воображаемых несчастий или собств. близкой кончины («А Писемский часто при мне умирает! / Раз сорок!... Какие страдания...! Отдохну с чувством над мн. и читал! / а он диктовал записаше» — А. М. Лавров Б. Н., Соч., т. 2, М., 1892, с. 320; один из случаев такого «умирания» позже записался Лесков — VI, 641—43).

В 1862 П. несколько месяцев провёл за границей (Дрезден, Лондон, Париж; П. выезжал за границу также в 1874 и 1875). В надежде на моральную поддержку в своей тяжбе с демократами «желчевиками» добился (июнь 1862) свидания с А. И. Герценом, к-рый, однако, оценивая полемич. выступления П. как «дуриные вещи в самом гадком смысле и направлении», имел с ним «сильно неприятные объяснения» (Герцен, т. XXVII, кн. I, 235, 241). В памфлете «Ввоз нечистот в Лондон» («Колокол», 1863, 15 дек.) он, представив этот визит как заведомо искаженный, публично осудил общественно-лит. позицию П., опубл. к этому времени ром. «Взбаламученное море» (РВ, 1863, № 3—8; отд. изд. — т. 1—3, М., 1863).

Задуманный как широкое эпич. повествование о совр. истории страны («захватывает всю почти нашу матушку Русь» — Письма, с. 151) роман трансформировался в «картину нравов нашего времени», в к-рой если и «не отразилась вся Россия, то зато тщательно собрана вся ее ложь» (ПСС, т. 10, 1895, с. 288). Проблемно-тематич. основа произв. — глубокий кризис рус. об-ва сер. века, вызванный, по мнению П., фальшью в жизни, укладе «отцов», в т. ч. и либеральным «фанфанством» дворян, интеллигенции. Особый скепсис П., испытывавшего серьезные сомнения в эффективности крест. реформы (он был «совершенно свободен от розовых надежд... на освобождение» — А. И. Енчков, с. 497) с ее по преим. «фискальными», а не нравств. ориентирами, порождался осознанием реальных трудностей перехода бесправной крепостной «души» в личность. Желание демократов «детей» тотчас радикальней перестроить весь существующий порядок изображается как нечто несерьезное, гранича-

щее с небезвредной игрой. Претендуя на роль исцелителей об-ва, они, в понимании П., лишь усугубляют тяжесть ситуации своими ложными, «шарлатанскими» методами, их идеология наносна, практика беспочвенна. Не отделяя существование от второстепенного, П. характеризует все движение радикалов-шестидесятников как игнорирующее естество, ход вещей и «нашу главную нар. силу — здравый смысл» (ПСС, т. 10, 1895, с. 288), как «псевдо-революцию» (Письма, с. 164). Шаржированное изображение «детей», выпады против «властителей дум» — Герцена, Н. П. Огарёва, Чернышевского («лондонские» сцены, образ Прокриптического) сближают «Взбаламученное море» с т. н. антиинглистич. романом («Некуда» Лескова, «Марев» В. П. Ключникова и др.).

Откровенная тенденциозность («я называю эту революц. направленно... шесток» — Письма, с. 160) определила преим. отрицат. отношение к «фальшотному» («Голос», 1863, 29 нояб.) роману; предвзятость, «слепоту взгляда», «бездальность» констатировали «Дни» (1864, I, 8, 15 авг.), «Сын отчества» (1863, 19, 20 нояб.), «Одес. вест.» (1865, 8 июля), одновременно пеняя автору за недооценку «людей 40-х годов» (ОЗ, 1863, № 12; «Якорь», 1863, 24 авг., 14 септ.). С «ложной установкой» дать именно обличение, а не беспристрастное воспроизведение или высказание эпохи и десятилетий 60-х П. связал все «ошибки» против соратник П. по журналу Засильев (БЧД, 1863, т. 168). В итоге, по его мнению, роман потерял «неотрапимости» правды и приобрел весьма условное значение памфлета», легко уязвимо в своей публицистичности, заведомо «односторонности» (там же, с. 13, 19). Эту уязвимость силно использовала рев.-демократич. журналистика, подвергнув «обличит.» позицию «взбаламуч.» романтизма с его «далгими шутками» вместо подлинных «инглистов» (В. А. Зайцев — РСЛ, 1863, № 10, с. 39, 42) беспощадному осуждению (Елисеев — «Искра», 1863, № 40; Салтыков-Шчарин — «Совр.», 1863, № 12, 1864, № 3; Писарев — РСЛ, 1864, № 2, 1865, № 6, 9); М. А. Антонович, завяв об отсутствии всякой «художественности» («Совр.», 1864, № 4, с. 216), возвел «тенденциозность» романа к «безразловской» мисте. антиинглистич. природе этой тенденциозности — к тургеневским «Отцам и детям», общий идеологич. импульс — к изданиям М. П. Каткова. Автор не понимает будущее — в этом основная причина его кризиса (Писарев — РСЛ, 1865, № 3, с. 10—11); Тургеневский крут, проявивший значит. интерес к роману («отличная вещь!», «превременно правдив» — о печале романа — Тургенева, Письма, V, 135, 137; см. также с. 159, 587), находил ряд упреков автору неправомерными (П. В. Анненков — СПбВед, 1863, 9 нояб.).

Незаведомо до публикации романа измученный полемикой П. решил поехать с опустыленным Петербургом, отказаться от «Б-ки для чтения» и даже от участия в делах Лит. фонда, одним из учредителей к-рого являлся. 31 янв. 1863 он выехал в Москву (остановился по прибытии в Гагаринском пер., затем проживал на Новой Басманной ул. и в Нашокинском пер. у Синцева Вражка, а с сер. 1865 и до кон. дней — в собств. доме № 7 близ Поварской ул. в Борисоглебском пер.). Возглавил беллетристич. отд. «Рус. вестника» по приглашению Каткова, альянс с к-рым (не имевший, однако, прочных основа-

ний и распавшийся «к обоюдному удовольствию» уже летом 1864 — Письма, с. 203 и 170) окончательно уронил П. в глазах демокр. читателя. Отражая мнение последнего, Н. А. Белоголовый в письме к брату (кон. 1868 — нач. 1869) не колеблясь относит П. к числу «скандальных» писателей (РГБ, ф. 22, к. 3, № 139, л. 7).

Первонач. замысел цикла «Русские лгуны» (ОЗ, 1865, № 1, 2, 4), включивший 8 «серий» (в т. ч. «тонкие эстетикки», «катковисты», «народолюбцы», «герценисты»), был ограничен — по-видимому, из-за иск-рого отхода от прежних полемич. настроений — разработкой лишь «простейших», политически менее злободневных типов «лгунов» — «невинных врадей», «сентименталов», «мартинистов» (примечательен и отказ П. от начатых в 1864 тенденционных очерков о «Свищах» — см.: «Из начала новых очерков: „Свищи“» — Лит. архив, в. 6, М.—Л., 1961, с. 19—21). Одновременно П. усиленно работал над драматич. произв.: «Бывшие соколы» (ВТ, 1868, № 9; Харьк. Большой т-р, 1876, 28 сент.; Общедоступный частный т-р в Москве, 1876, 29 сент.; рец.: МВед, 1876, 19 окт., см. также — РВед, 1876, 21 окт.; иная т. з. на эту «капитальную» пьесу — с учетом первонач. рец. — «Театр. газ.», 1876, 3 окт.; НВ, 1876, 9 и 30 окт.), «Екатерининские орлы»; ВТ, 1867, № 2; отд. изд. — СПб., 1868; Малый т-р, 1866, 17 янв.), «Поручик Гладков» (ВТ, 1867, № 3), «Милославские и Нарышкины» (опубл. — Соч., т. 20, 1886). Написанные на ист. сюжеты (кроме «Бойцов и выжидателей» и «Птенцов последнего слета», обе опубл.: Соч., т. 20, 1886) драмы П. подвели к выводу о том, что мн. «тени прошлого» (деспотизм, помещичий и чиновничий произвол, фаворитизм и интриганство) продолжают существовать, несмотря на реформы. Злободневность пьес (обусловившая трудную ценз. судьбу мн. из них) особенно остро воспринималась на фоне усиления реакции, к-рое вызывало у П. внутри. протест: «такая гадость стала, что гораздо хуже прежнего» (Письма, с. 179). Элементы схематичности в построении образов и развитии действия, избыточность и прямолинейность обращений к печатным источникам — ист. монографиям и статьям (напр., в «Поручике Гладкове») — стали причиной неудач П. на Уваров. конкурсах (1866, 1868), а также поводом для язвит. пародии Ивана Маслова [П. А. Ефремова] «Старец Пафнутий» («Искра», 1867, № 16).

Ром. «о постепенном развитии» «обыкновенного» человека (Письма, с. 42), сформиров. «замчат, десяти-

летием». — «Люди сороковых годов» («Заря», 1869, № 1—9; отд. изд. — СПб., 1869), продолжая спор с шестидесятниками, вместе с тем свидетельствует о «смягчении» прежнего «антинигилистич.» пафоса, а также стремлении подладиться («поспеться») — Письма, с. 234) под неославнофил. направление «Зари» (отклики в целом неодобрительные; «бессильные» перед залачей, заявленной «широковещат. заглавием», — Н. В. Шелгунов, «Дело», 1869, № 9, с. 9; отступничество «от своего идеала гуманности» — М. К. Щербикова, ОЗ, 1870, № 2, с. 228; «беллетристич. вздор» — СПбВед, 1869, 2 мая; см. также 18 окт.). Небеспорный в плане идейно-худож. значимости, роман представляет несомненный автобиографич. интерес, являясь дополнит., а то и единств. источником сведений о фактах жизни П. (в особенности духовной), что засвидетельствовано писателем (см. отсылки к соответствующим страницам ром. «Люди сороковых годов» в автобиографии П. — ПСС, т. 1, 1895, с. ССХХII, ССХХIV; см. также признание в письме к В. Дерягу от 14 окт. 1878 — Письма, с. 391).

В понимании идеалов, к-рые «живут в русском народе» (Письма, с. 234), П., делаящий акцент на здравоумии и влечении к бессословному, «хоровому» государству (Собр. соч., т. 5, 1959, с. 469—70), продолжает расходиться с «мужичкинскими демократами», однако самый тон его полемики к нач. 1870-х гг. заметно приглушается. По-прежнему видя в революционерах силу искусственную, без глубоких почвенных корней, а потому и обреченную на неудачу, писатель склонен теперь отдавать должное честности их помыслов. Образ Елены Жиглинской из ром. «В водовороте» («Беседа», 1871, № 1—6; отд. изд. — М., 1872), явно «возвращающий» читателя к «нигилистам» «Взбаламученного моря» (Елена Базелейн), разработан П. (сохраняющим принципиальную оппозицию к вероучению «любовых людей») без заведомого обличительства, без карикатуры. Увеличающиеся утопич. формами жизнеустройства, превеличивающиеся преобразоват. возможности совр. им об-ва, «нигилисты», однако, правомерно, с его т. з., ставят вопрос о пороках и изъянах старого миропорядка.

Если «С.-Петерб. вед.» отказались от романа как от очередной «искладницы» (1871, 24 июля, см. также 6 марта), то «Рус. мир» рассматривал его как несомненный шаг вперед против «Людей сороковых годов» (1871, 18 сент.), а «Голос» поставил в один ряд с «лучшими» произв. П. «прежнего времени» (1871, 30 июля). Высоко оценили роман Толстой (LXI, 273) и Лесков, к-рый писал П.: «Помимо мастерства, Вы никогда не достигли такой силы в работе. Это все из матерой брони, этому всему века не будет» (X, 300; см. также с. 320). Постыженный «мужик» (там же, с. 341—42) и одновременно оппонент учителя-скептика, сознательно проти-

вопоставивший его не-героям через «праваников» (там же, VI, 641—43), Лесков питал к П. «неизменное расположение», отдавая должное «громадности ума, знанию России, ясности таланта» (Лесков А., Жизнь Николая Лескова... т. 1, М., 1984, с. 357; зарисовку, передающую живой колорит писат. и человек. личности П., см.: Лесков, VII, 432—33).

В 1865 П. едет в Петербург хлопотать по лит. и служебным делам (20 окт. того же года причисляется к Мин-ву внутр. дел, с апр. 1866 — и. д. советника Моск. губ. правления, с дек. 1868 — старший советник; в 1869—72 неоднократно исправлял должность моск. вице-губернатора; 17 июня 1872 окончательно вышел в отставку в скромном чине наив. сов.). Небольшое наследство от родной тетки вместе с казенным жалованием и неплохим лит. заработком упрочило материальное положение семьи

А. Ф. Писемский. Кон. 1870-х гг.

(Письма, с. 210). Писемские, быт к-рых был близок укладу барского дома средней руки, жили в 70-е гг. довольно гостеприимно: их навещали Островский, Алмазов, С. А. Усов, М. Н. Лопатин, В. С. Соловьев и др., а по средам составлялось немалочисл. лит.-артистич. об-во. (П. был близко знаком со мн. изв. актерами: П. М. Садовским, П. А. Стрелитовой и др.; с сер. 60-х гг. он — активный участник Артистич. кружка, а с 1879 — почетный член его.)

Ведущей темой творчества П. в последнее десятилетие жизни стало пришествие буржуа-«чумазого». В пьесах «Подкопы» («Хищники») («Гражданин», 1873, № 7—10; отд. изд. — СПб., 1873; ценз. запрет на пост. — до 1905), «Ваал» (РВ, 1873, № 4; отд. изд. — М., 1873; Александрин. т-р. 1873, 12 окт.), «Провесенное время» (РВ, 1875, № 1; Малый т-р. 1875, 30 янв.), «Финансовый гений» (ГазГ, 1876, № 3—4; отд. изд. — М., 1876; СПб., 1876; Малый т-р. 1876, 30 янв.), в ром.

«Мешане» («Пчела», 1877, № 18—49; отд. изд. — СПб., 1878) П. выводит целую галерею новых «героев времени» — дельцов, одержимых исключительно денежными интересами. Рассматривая проблему, П. преим. (в отличие от Салтыкова-Щедрина) делает акцент на эthic. аспекте — личной нравств. ущербности «чумазого», ни во что не ставящего моральные ценности, «бессмертные идеи». Отсюда и морализат. доминанта позитивной программы — призыв к нравств. очищению, возрождению духа «рышарства» и прямо связанный с ней тип положит. героя (в ром. «Мешане», лучшим произв. П. на эту тему) — чуждого меркантильности, утонченно-возвыш., но бедн. «барина»-идеалиста (см. Письма, с. 347).

Герой-«рышар» вызвал скептич. отношение «Отч. зап.» (Н. К. Михайловский — 1878, № 5, 151—52). В целом сочувств. были отклики «Рус. мира» (1877, 14 авг.), «Совр. известий» (1877, 18 марта) и «Нов. времена»: «Картина... пестрая, яркая, набросанная грубой и даже неряшливой кистью, но тем не менее все-таки картина, дышавшая жизнью, натурой и талантом» (В. П. Буренин — НВ, 1878, 24 марта). Положит. оценки «Мешан» Анненков (в письме П. от 9 июля 1878 — «Новь», 1888, № 20, с. 205) и Тургенева, назвавший П. несомненным «мастером», хотя и несколько «усталым» (Тургенев в Письма, XII, 316). Писья же с их памфлетно-публицистич. заостренными были встречены прохладно (Анненков, 488—89; М. К. Щербикова — «Неселян», 1871, № 41—42; П. Д. Боборыкин — «Слово», 1878, № 9—10, с. 120—24; (В. В. Чуйко) — «Голос», 1875, 6 февр.; ср. положит. отзывы А. В. Инкитенко и Гончарова — Письма, с. 700—02, 724—26).

В последнем ром. «Масоны» («Огонек», 1880, № 1—6, 8—43; отд. изд. — т. 1—2, СПб., 1880—81; отзывы, 1881: «в романе ни эпохи, ни масонства, ни характеров», ОЗ, № 1, с. 79; более доброжелат. оценки: ВЕ, № 2, с. 881—91; РВ, № 1, с. 438—465; «Русь», 7 февр.) П., охваченный сомнениями в способности «нынешнего племени» обеспечить социальный прогресс, снова — только уже на ист. мат-ле (идеализируемой им эпохи 1830-х гг.) — производит взволнов. слово в пользу высших нравств. ценностей человек. жизни. Роман, отразивший идейную умеренность автора, заключал в себе вместе с тем и сильные, социально значимые мотивы, созвучные активным эthic. исканиям рус. лит-ры 1870—1880-х гг. Ряд образов произв. подтверждал репутацию П. как мастера «лит. рисунка», обнаруживал «все признаки большого и далеко не утешного таланта» (Анненков, с. 512). Одновременно «Масоны» в качестве финального творч. аккорда весьма ошутливо обозначили связь программно-демонстративного — особенно в ранних произв. — скептицизма П. с заветами рус. идеализма.

19 янв. 1875 ОЛРС чествовало П. в связи с 25-летием его лит. деятельности (см. за 1875: «Голос», 23 янв.; СПбВед, 23 янв.; РА, кн. I, с. 453—

467. речь Алмазова). Отвечая на приветствия (среди поздравивших П. — Гончаров, Тургенев, Достоевский, А. Майков, Я. П. Полонский, Н. И. Костомаров, О. Ф. Миллер, В. В. Самойлов, П. А. Каратыгин, М. Г. Савина и др. — ИРЛИ, ф. 232, № 39, л. 18—32; см. также: Письма, с. 717—18), юбиляр подчеркнул: «Сознавая всю слабость и недостаточность моих трудов, я считаю себя вправе сказать только то, что я никогда не становился ни под чье чужое знамя... писал то, что думал и чувствовал... во всех трудах моих было желание сказать стране моей ... может быть несколько и суровую, но все-таки правду про нее самое...» (МВед, 1875, 21 янв.). Чествование лишь на короткое время прерывало П.: угнетали предубежденное, как и прежде, отношение критики, прогрессирующий недуг (ипохондрия), усугублявшийся возрастающей слабостью к вину. «Истомился», «устал», жаловался П.: «ведь я, шутка сказать, уже восемьсот лиц вывел в своих романах и повестях, и все дрянь какую!» (В. Г. Авсеенко — МВед, 1881, 26 янв.). После необъяснимого (предположения А. Майкова см.: Письма, с. 581—86) самоубийства в Петербурге сына Николая (1852—1874), многообещавшего выпускника Моск. ун-та, П. охватило чувство полнойшей безысходности: «... я действительно устал писать, а еще более того жить» (Письма, с. 385). С помощью близких П. удавалось на время преодолевать душевную депрессию, продолжать лит. занятия: осенью 1880 работает над начатой в сер. 1876 драмой «Старые ссеты» (неоконч.; фрагменты были прочитаны Н. И. Стороженко на заседании ОЛРС, поев. памяти Достоевского и П. 31 янв. 1882, — «Совр. известия», 1882, 2 февр.; под назв. «Семейный омут» опубл. в кн.: Соч., 1886, т. 20); одновременно пишет 3-ю редакцию рассказа (незаверш.) «Зенаида Семеновна Грудинна» (наброски см.: Письма, с. 559—569). Летом 1880 принял участие в пушкинских торжествах; 7 июня в ОЛРС произнес речь о А. С. Пушкине как ист. романисте (текст не сохранился; см. о ней: Письма, с. 803—04; Ф. Булгаков), Венюк на память Пушкину, СПб., 1880, с. 52). «Неожиданное и невыносимое горе» — душевная болезнь в 1880 сына Павла (1850—1910), одаренного ученого-юриста, доцента Моск. ун-та, окончательно «сломило» П. Один из очередных приступов ипохондрии свел его в могилу. Похороны П. были немногочисленными («Рус. курьер», 1881, 25 янв.; описанные могилы — РВед, 1895, 26 сент., с. 3).

«... Историч. великорус. мужик, прошедший через ун-т, усвоивший себе общечеловеч. цивилизацию и

сохранивший многое, что отличало его до этого посвящения в европ. науку» (Анненков, с. 486) — здесь ключ к феномену П. В числе «многого» — недоверчиво-скептитч. пригляд бывалых простолуднинов, здравый смысл выучеников реальной практики, наш инстинкт (не доктрина!) человека почвы, «русака» (Письма, с. 80). Отмеченные мыслучувствования получили в творчестве П. значение программных установок, символов веры, определенных характерные идейные («непотворство ни вправо, ни влево», БЛЧ, 1862, т. 169, с. 111) и эстетич. приоритеты, обусловившие в свою очередь своеобразие содержания и формы его произв. У П. мало места иллюзиям и вере на слово, у него верховенствует — выказывая неизменное желание копнуть поглубже, добраться до потайных, изнаночных сторон всего, что претендует на исключительность, — грубовато-земная «правда-матка». Доведенным до «крайнейшей последовательности» в своей «непосредственности», «чистым» — без «идеализма» Тургенева и «сентиментального натурализма» Достоевского — «отрицательным» реализмом называл эту установку Ап. Григорьев («Светоч», 1861, кн. 4, с. 8—22). Негативизм, не покрывавший, впрочем, всех творч. стремлений П. (от ранних произв. до «Масонов» не прекращен поиск положит. начал рус. действительности), отразил, в частности, представления П. об аномалиях совр. жизни, несвершенстве человека, обнажил его внутр. тоску по идеалу. Видимая «безыдеальность» созданий П. заметно сближает его манеру с натурализмом (что отмечал еще Салтыков-Щедрин — V, 184—185, 196—97). Не препятствует этому сближению и декларирование принципа «объективной», «непосредственной» рисовки, а также особый эмпиризм художеств. мысли, ее теоретико-философская «ненскусшенность». Произв. П. не знают идеологич. насыщенности, свойственной ром. Достоевского или Толстого. Проблемы бытия предстают у П. первоначально «обмирщенными», незкстрагированными из вещно-материальной конкретности. За неск-рыми исключениями, он не «замечает» осязанных лит. традиций обобщений-символов, не прибегает к реминисценциям и «цитатам» знаковых образов и мотивов. Круг т. н. лит. источников его соч. заметно сужен; доминирует реальность в ее самостоятельном, свободном — без оглядки на старые и новые догматы цивилизации — разумении. В системе изобразительных средств преобладают «формы жизни»; художеств. условность не выходит за пределы жизнеподобия, допуская гиперболлизацию, карикатурность, но избегая гро-

тесковой деформации, фантастики. «Натуралистич.» реалист П. здесь необыкновенно последователен.

Выбранный в качестве универсального мировоззренч. принципа, «здравый смысл» не мог стать достоянием идейно-филос. почвой творчества П. Это обстоятельство более других помошало П. занять в лит-ре место, соответствующее масштабу его таланта (ср.: Ап. Григорьев — «Москв.», 1853, № 1, с. 27). За всем тем искусство реализма обязано П. одной из своих интереснейших страниц, с предельной достоверностью запечатлевшей рус. действительность, в особенности провинциальную, до- и пореформ. десятилетий. Неоспоримы языковое мастерство писателя, приемы и формы его колоритной словописи. «Профессором лит. рисунка» называл П. Тургенев (Письма, III, 109). «Это большой, большой талант», убежденно говорил о нем А. П. Чехов (Чехов. Письма, V, 204).

Изд.: Соч. т. 1—4. СПб., 1861—67; Комедии, драмы и трагедии. ч. 1—2. М., 1874; Соч. т. 1—20. СПб.—М., 1883—86; Полн. собр. соч., 2-е изд., т. 1—24. СПб.—М., 1895—96 (вступ. ст. В. Зеллинского); Полн. собр. соч., изд. 3-е. т. 1—8. СПб., 1910—11; Избр. произв., Л.—М., 1932 (вступ. ст. П. Н. Беркова и М. К. Клемяна; библиогр. проп. П.); Соч. т. 1—3. М., 1956; Письма, М., 1959 (вступ. ст. М. П. Еренина); Собр. соч., т. 1—9. М., 1959 (вступ. ст. М. П. Еренина); Собр. соч., т. 1—5. М., 1982—84 (вступ. ст. К. И. Тюнякина).

Письма, М.—Л., 1936 (подгот. текста и комм. М. К. Клемяна и Н. П. Могилницкого). М.—Л., 1936; Письма к А. С. Лескову и П. А. Струтинскому — «Уч. зап. Азерб. пед. ин-та рус. яз. и лит-ры», 1957, в. 2, с. 84—85; Письма (47) к И. С. Тургеневу — ЛН, т. 73, кн. 2, 1964, с. 125—94 (предисл. и публ. Ива Мийе; вступ. ст. К. И. Тюнякина).

Биогр. мат-лы: [Автобиография] — РХЛ, 1859, № 14, с. 43—44; то же в кн.: Писемский А. Ф., Избр. произв., Л.—М., 1932, с. 23—24; «Новь», 1889, № 5, с. 2—8; то же в кн.: Писемский А. Ф., Полн. собр. соч., СПб.—М., 1895, т. 1 (частично в кн.: Избр. произв., с. 24—26); Писемский А. Ф., Собр. соч., т. 9. М., 1959; Алмазов Б. И. П. и его двадцатипятилетняя лит. деятельность. — РА, 1875, кн. 1, с. 453—67; Курятов Н. (К биогр. П.). — «Совр. язв.», 1881, 10 янв.; Сибирский казак [Черепанов С. И.]. (К биогр. П.) — Там же, с. 4; Н. — в. Три новые утраты — «Страна», 1881, 29 янв.; Анненков П. В., Ухудшился и простой человек. Из восп. о П. — ВЕ, 1882, № 4; Венгеров С. А., А. Ф. Писемский, СПб., 1884; Мартынов П., Три встречи. — ИВ, 1885, № 11; Максимов С. В., Лит. экспедиция (По арх. документам). — РМ, 1890, № 2; Скабьяевский А. М., А. Ф. Писемский, его жизнь и лит. деятельность, СПб., 1894 (ЖЗЛ); К. А., А. Ф. Писемский (Из дневника лит. знакомств). — РО, 1894, № 6; Вейнберг П. И., Лит. спектакли (Из моих восп.). — ЕБТ, 1893—94, Прил., кн. 3, СПб., [1895], с. 96—108; Русаков В. (Либрович С. Ф.), Граф А. К. Толстой и П. (Из лит. восп.). — Изд. книж. магазина т-ва М. О. Вольф, СПб., 1900, № 12; Боборыкин П. Д., За полсека. — МГ, 1908, № 4, 11; Виноградов Н., Мелочи из биографии П. и А. А. Потехина. — ИзвОРЯС, 1908, т. XIII, кн. 3; его же, А. Ф. Писемский (Материалы для его биографии и выяснения процесса творчества). — Там же, 1916, т. XXII, кн. 2; Татищев Ю. В., Татищевы и Писемские. — В кн.: Сб-к статей, поев. Л. М. Савелову. М., 1915; Могилницкий А., Новые документы о П. — «Ленингр. правда», 1946, 6 апр. (дата рожд. П. — 11 марта 1821); его же, Писемский. Жизнь и творчество. Л., 1991 (дата рожд. П. —

10 марта 1821); Чичерин А. П. и старш Кострома. — В кн.: Костромской алмазд. Кострома, 1946, с. 192—202; Касторский В. П. и Костромский край. — В кн.: Кострома. Лит. сб., № 8. Кострома, 1956, с. 233—41; Панасов, с. 162—64; Артамонов М. Д., Об одной ошибке красное (к биографии П.). — РЛ, 1973, № 2; Писханов С. Писемский, М., 1986 (ЖЗЛ); Григорович, с. 122—23, 138—139; Коки А. Ф., Восп. о писателе, М., 1989, с. 180—86; Манькова Л., Жизнь и восп. А. Бренко, — В альм.: Литур., в. 1, М., 1989.

Лит.: Боборыкин П. Д., Островский и его сверстники. — «Слово», 1878, № 9/10; Иванов И. И., Писемский — МБ, 1896, № 7—12; отз. изв. — СПб., 1898; Евнин Ф. А., А. И. Достоевский и П. (Попыт сравнит. характеристик). — В его кн.: Очерки по истории нов. рус. лит-ры, т. 1, М., 1903; Лобов Л., Славянофильство и его лит. представители. Писемский. — «Славянские изв.», 1905, № 7, с. 567—575; Чешнякин В. Е., А. Ф. Писемский. — В кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. III, М., 1909, с. 232—52; Измайлов А. А., А. Ф. Писемский. — ЛПН, 1909, № 11, стб. 439—72; Миллер О., Рус. писатели после Гоголя, изв. 6-е т. II, П., 1915, с. 33—76; Евнин Ф. А., Ф. Писемский, М., 1945; Мартынов И. А., Писемский. — В кн.: История рус. лит-ры, т. VIII, ч. 1, М.—Л., 1956, с. 462—83; Козьмин Б. П., П. и Герцен (К истории их взаимоотношений). — В кн.: Жизнь, в. VIII, М., 1950; то же в его кн.: Лит-ра и история, М., 1969; Бренин М. П., А. Ф. Писемский, М., 1966; Лакшин В., Спор о П.-романтизме. — «Татра», 1959, № 4; Гин М., Собр. соч., т. 1, ВЛ, 1960, № 10; Оганян Н. С., К вопросу оценки творчества П. рус. лит. критикой. — «Науч. труды Ерван. ун-та», 1960, т. 70, серия филол. наук, в. 7, ч. 1; Урбан А. А., Из наблюдений над становлением реализма в творчестве П. — «Уч. зап. ЛПИ», 1961, т. 219; его же, Материалы к изучению жизни и творчества П. — Там же, 1963, т. 245; Картанова И. В., Худож. своеобразие романа П. «Тысяча душ». — «Уч. зап. Казан. ун-та», 1963, т. 123, кн. 8; Грузинская Н. Н., Об изучении мировоззрения и метода П. в сов. лит-ве. — «Уч. зап. Томского ун-та», 1964, № 48; Лотман Л. М., П. — романтист. — В кн.: История рус. романа, т. 2, М.—Л., 1964; Могиланский А. П., Цепь исторической прозы П. «Хищники». — РЛ, 1965, № 2; Листратова А. В., О лит.-обществе позиции П.-60-х гг. — «Уч. зап. Иванов. пед. ин-та», 1967, т. 38; Пуустовойт П. Г., П. в истории рус. романа, М., 1969 (отз. библи.); его же, Историко-графическое изучение творчества П. — РЛ, 1976, № 4; Винникова И. А., «Дым», Туренев и П. (Еще раз о «блудливых арабках»). — Туреневский сб., в. V, 1969; Рошаль А. А., П. и революц. демократия, Баку, 1971; Мысляков В. А., Салтыков-Щедрин и П. — РЛ, 1971, № 4; его же, П. и рев.-демократич. критика. — В кн.: Н. Г. Чернышевский. Статьи, иссл. и мат-лы, в. 6, Саратов, 1971; его же, П. о Гоголе. — РЛ, 1992, № 4; его же, Белинский в творч. самоопределении П. — РЛ, 1994, № 4; Малкин В. А., О лит. судьбе П. — В кн.: Вопросы лит-ры и фальшатор. Воронеж, 1973; его же, П. и М. Е. Салтыков-Щедрин. — ФН, 1980, № 1; Развитие реализма в рус. лит-ре, т. 2, кн. 1, М., 1973, с. 90—124; Конкин С. С., Творчество П. в критике Писарева. — В кн.: Из истории рус. и зарубежной лит-ры, Саратов, 1976; Власова З. И., А. Ф. Писемский. — В кн.: Рус. лит-ра и фольклор (первая пол. XIX в.), РЛ, 1976; Самочатова О. Я., Поэтика «Очерков из крестьянского быта» П., его жанровые истоки. — В кн.: Жанр и композиция лит. произведения, в. 3, Калининград, 1976; Акимов В. А., Общественно-лит. позиция П. в годы редактирования «Б-ки для чтения». — В кн.: Творч. индивидуальность и взаимосвязи литератур, Душанбе, 1977; ее же, П. и славянофиль (На мат-ле ром. «Юди сороковых годов»). — В кн.: Писатель и лит. процесс, в. VI, Душанбе, 1979; Шустов А. Н., Чернышевский и П. в 1861—1862 гг. (К истории конфликта). — В кн.: Освободит. движение в России, в. 9, Саратов, 1979; Мумжиева Л. В., Полит. злободневность историч. трагедии П. «Плоручий Глазков». — ФН, 1982, № 1; Манькова Л. В., Тематика и антитебура, нафос драматургии П. 1870-х гг. — ФН, 1985, № 6; ее же, Борьба рус. общественности с царской цензурой за драматургию П. (По арх.

мат-лам). — РЛ, 1986, № 2; Зельдович М. Г., Первая ст. А. Дружинина о П. — РЛ, 1987, № 2; Аннинский Л. А., Три еретика, М., 1988; Орлова С. В., Автопортр. и типичное в образе центр. героя романа П. 1860-х гг. — В кн.: Документальное и худож. в лит. произведении, Иваново, 1994; ЛН, т. 79, с. 573—88.

Schmidt J., Turgenjow und Pisemski. — В его кн.: Bilder aus dem geistigen Leben unserer Zeit, Bd IV (Charakterbilder aus der Zeitgenössischen Literatur), Lpz., 1875, S. 238—71 (пер. Елена) Б(парабелер) (Апроньева Е. И.), — ГЛГ, 1875, № 42—44, 25 окт.—8 нояб.; Mrstik V., A. F. Pisemskij, Praha, 1908; Backus C., Un témoin négligé d'une grande époque: le romancier Pisemskij. — Revue des études slaves, t. 32, P., 1955, p. 42—55; Brown D., Pisemskij: the aesthetics of scepticism, The Hague, 1963; Moser C. A., Pisemsky, A Provincial Realist, Camb. (Mass.), 1969 (отз. библиогр. проза), П., лит-ры о нем и пер. его соч. на иностр. яз.; Jenkins M., A Study of A. F. Pisemsky and his Place in Russian Literature, Ph.D. thesis, University of London, 1976; Woodhouse J. A. F. Pisemsky: the making of a Russian novelist. — В кн.: Forum for Modern Language Studies, v. 20, № 1, L., 1994, p. 49—69; ее же, A Realist in a Changing Reality: A. F. Pisemsky and Vzbalmuchenskoye more. — В кн.: The Slavonic and East European Review, v. 64, № 4, L., 1986, p. 489—505; Scragda J., Proza powieściowca Aleksieja Pisemskiego, Wrocław etc., 1988. + Некролог, 1881: В. № 3 (А. Н. Пылин); ИВ, № 3; РМ, № 2; «Худож. журнал», № 2; МВЕв, 26 янв. (В. Г. Авескиан); РВез, 1 февр. (П. Д. Боборыкин); «Отголоски», № 3; ПЗ, № 1; «Нива», № 9; НВ, 24 янв.; «Рус. курьер», 24 янв. (Ф. Нефедов); МТ, 24 янв.; «Каз. губ. вестн.», 4 февр.; «Науч. известия», 24 янв.; ГЛГ, 31 янв.; Брокгауз; Языков; Гранат; Южаков; КЛЗ; ИДРДВ; Муратов (1); Масанов.

Архивы: РГБ, ф. 407; РНБ, ф. 584; РГАЛИ, ф. 375; ИРЛИ, ф. 232, 273, оп. 1, № 238, 239 (автопортр. мат-лы), ф. 274, оп. 1, № 281 (письма М. И. Семесколову), оп. 3, № 178 (письма С. В. Максимова), № 183 (письма Я. П. Полонскому); Р. III, оп. 1, № 1606 (рукописи), № 1610 (копия писем к разным лицам 1874—83), оп. 2, № 1059 (письма Вл. С. Соловьева), № 3156 (письма Б. Н. Альшопу); РГИА, ф. 515, ф. 1284 (служеб. деятельность); ф. 776, 777 (исп. мат-лы).

В. А. Миславский.

ПЛАКСИН Василий Тимофеевич [7(18).4.1795, Спасский у. Рязан. губ. — 6(18).2.1869; Петербург; похоронен на Смоленском кладб.], критик, литератор, автор учебников по теории и истории лит-ры; педагог. Сын сел. священника; вырос в доме деда, тоже священника. По окончании Рязан. дух. семинарии (1816, по сведениям РГИА — 1814) в 1817 по предложению ее ректора поступил казеннокоштным студентом в Гл. пед. ин-т (с 1819 Петерб. ут-т). В авг. 1822 в числе 30 студентов исключен Д. П. Рунинцем (в связи с «делом профессоров») за «неблагоденность к учительскому званию» (см.: Назарова, с. 141). Это, однако, не помешало ему в сент. 1823 поступить канцеляристом в Деп. нар. просвещения; будучи «прошен» вместе с другими исключенными, в 1826 получил «права кандидата с утверждением в 10 класс» (Семевский, с. 762), что позволило ему стать педагогом. Вероятно в нач. 1827 женился на С. К. Герц; имел 3 сыновей (офицеров) и 4 дочерей.

Боле 40 лет П. преподавал рус. словесность (первым введя в курс историю — см. там же) и рус. яз. в петерб. уч. заведениях, частных и государственных (обычно совмещая

работу в неск. учреждениях): Мор. калет. корпус (по приглашению И. Ф. Крузенштерна) — авг. 1827—1836 и 1849—54, Арт. уч-ще — 1828—47, 2-й калет. корпус — 1829—32, Технологич. ин-т — 1829—38, Академия Художеств — 1832—34 (см.: Назарова, с. 141). Школа гв. подпрапорщиков и кав. юнкеров — 1834—38 и 1855—60. Инженерное уч-ще — 1837—64, Уч-ще торгового мореплавания — 1846—49 и любимое уч-ще П. 1-й калет. корпус (с 1863 — 1-я военная г-зия) — март 1835—66 (29 выпусков). 27 февр. 1866 вышел в отставку в чине стат. советника.

С 1829 няя П. появляется в периодике; первоначально, вероятно, под уч.-компанияльными ст. «Вступление в историю России» и «Обозрение племен славянских и финских, вошедших в состав России» в ж-л Н. И. Греча и Ф. В. Булгарина «Детский собеседник» (1829, № 1/2 и 3/4; подготовл. и помеч. 1828 г. — см.: Лисовский Н. М., Рус. период. печатать..., П., 1915). Одна из первых публикаций — проблемно-критич. ст. «Взгляд на состояние русской словесности в последнем периоде (Лекции из истории литературы)» (СО и СА, 1829, № 33, 34, 35) — посвящена романтизму как «новому лит. течению» и его значности в истории рус. лит-ры.

Не претендуя на «глубокую ученость» и непродолжитель выходя (только «взгляд»), критик-дебатант, признавая успешность борьбы «классиков» и «романтиков», смело излагает (и без малейшей полемич.) разл. противополож. эстетич. доктрины романтизма, оценивает их [опираясь на «просто размышление и на зернро предмета» (№ 33, с. 411), но используя при том теоретич. суждения из «Опыта науки изящных А. И. Галича (1825)] и суммирует наиб. значимые для совр. рус. лит-ры: «чужды века, народности, личности» и «отрывные от нас влияния известных периодов» (т. е. ист. моменты) (№ 34, с. 20); «дух таинственности» и стремление (обычно скрытое) к «религиозно-чуждому» (№ 33, с. 404); «наивно-замысловатые отценки» (№ 34, с. 20); обращение к темам и образам баснословных сказаний и отеч. мифологии (образы — «Руслан и Лизанета» А. С. Пушкина и «Красный Карбулук» В. А. Жуковского); обозначение в «общественном» тайного и сокровенного» и откаты в «отаратип. действитель» и «излиш. предмета» мотива и чувств «несобственноных, реших, по-к-рым они сдвизались с высоконы», неоткуда пробуждал «чувство нашего, идею действительную» (там же). Однако преобладающее (по разуму, «как к цели») стремление художника к ром. фантазии — смешно и бессмысл., «ибо здат преслагодаете свобода, совершенная свобода векового, народного и личного духа» (там же, с. 28).

Отмечая успехи романтизма, призванного выразить «нашу народность» (первоначально — в поэзии Жуковского, затем — Пушкина и Е. А. Баратынского), П. не отказывает в ряде непреходящих ценностей и его недавнему сопернику — «новейшему классицизму», представленному по П., жанрами оды и басни (достигли «немемслимого совершенства»), сатиры и комедии (в т. ч. «Горе от ума»), трагедиями В. А. Озерова и особенно — поэзией К. Н. Батюш-

кова. [Впрочем, само понятие «классицизма» (или «классического») у П. неоднозначно: то лишь др.-греч. классика и подражавшая ей рим. словесность, то и ориентированная на их поэтику, жанры и образы новоевроп. лит-ра («ново-классическая»), то и следовавшая антич. классике и европ. «классицизму» (а заодно — и европ. «индизмизму») рус. словесность — от М. В. Ломоносова до Н. М. Карамзина включительно (ср. аналогичное применение понятий В. Г. Белинским в 1840: «Пушкин, Жуковский... романтики»; «Крылов, Карамзин... — классики» — IV, 549).]

Статья вызвала двойств. отклик в дневнике В. К. Кюхельбекера: «довольно занимательны различные определения романтизма» (Кюхельбекер выписал их суммарно); «статья не без достоинств; в ней есть мысли новые, справедливые, резкие, но... много диковинок»; «системы целого вовсе нет, но есть мысли, и мысли искупают многое» (Кюхельбекер, 294, 711). Отсутствие цельности, строгой «определенности» в толкованиях и применениях понятия «романтизма», очевидно, осознавал и сам П. (их, кстати, не достигли и сильные теоретич. умы — Н. И. Надеждин, и позже — Белинский). В последующих критич. статьях 30-х гг. — рец. «Замечания на соч. А. С. Пушкина „Борис Годунов“» (СО и СА, 1831, № 24—28), проблемной ст. «О народности в изящных искусствах и преимущественно в словесности» (СО и СА, 1835, № 1, 2), обзоре «Взгляд на последние успехи рус. словесности 1833 и 1834» [в изданной совм. с Галичем кн.: *Летопись факультетов*, СПб., 1835; ст. полемична по отношению к осн. тезису «Лит. мечтаний» Белинского — «у нас нет литературы» (ср. его ответ: Бел и с к и й, II, 196)] — П. избегает понятий «романтизм» и «романтический» как определенных высокого достоинства произведений совр. рус. лит-ры, употребляя нередко вместо них (как их синонимы) понятия «народность» и «народная поэзия».

По П., каждый «народ имеет свою личность, особенность, и только со знанием их может жить в качестве нравств. существа. И степень сознания собственной самобытности народа свидетельствует о степени нравственной его деятельности» (СО и СА, 1835, № 2, с. 104). Постичь же самобытность народа, его сердце, душу и дух позволяет в наиб. полноте искусство (ведь «разум — космополит» — там же, 1835, № 1, с. 21) и в первую очередь — «изящная словесность», способная предстать все грани бытия от «грубой существенности» до «метафизических и ист. истин» (там же, 1835, № 2, с. 115;

1831, № 24, с. 223). Первыми рус. «нар. поэтами в полном смысле этого выражения могут назваться только И. А. Крылов и А. С. Пушкин»; «все их предшественники, классики и романтики, писали для немногих, для высших... сословий» (там же, 1831, № 24, с. 223).

Понятие романтизм П. сохранил лишь в учебн. кн. «Руководство к познанию истории литературы» (СПб., 1833) и «Руководство к изучению истории рус. литературы» (СПб., 1846). Но заимствованное название во 2-й кн. последнего периода в истории рус. лит-ры, значащегося с Крылова, Жуковского и Пушкина, — «Период пятый. Романтическая литература или возращение к народности» («возращение» — ибо она умиротворяется в словесности 1-го, языческого (водританского), и 2-го (до ср. 17 в., когда «христ. простота» сочеталась с «естественной нар. смышленостью») периодов (с. 245 и 271)).

Ранее «Руководство...» заслужило «снисходительную аминистю» злостно-строгого в те годы критика и проф. Н. И. Надеждина — как первый, минуя «адрес-календаря» Н. И. Греча (это «Опыт»), с учебной последовательностью развернутой курс рус. словесности, хотя и с серьезными ошибками, но и с достоинствами, написанный к тому же «независимо и откровенно мыслящим автором» («Молва», 1833, № 154, 156). Историк и филолог С. В. Руссов, особо заветный умалеин Карамзина как писателя («подражатель» Ж. Ж. Руссо) и историка, писал брошюру с 32 критич. поэтас весьма колкими, замечаниями «Калесские вопросы, или Разбор книги под назв. „Руководство...“» (СПб., 1834). К. А. Пазовский, сверляно оценив выступ. теоретич. часть работы и безле характеристики других лит-р (срв., илл., греч., рим. и нововаро-пелеской), отметил достоинства в «познании рус. лит-ры» от Ломоносова до 20-х гг. 19 в.: первое издание «главных действователей» лит-ры, практические суждения о Ломоносове, Державине, Карамзине — «бескорыстные», «с благодарной откровенностью», изучающей «человечество», что позволяет книге в целом быть «хорошою» (МТ, 1834, № 2, с. 319—26).

Во 2-й работе (имевшей подзаг. «второе изд., оконченное и во мн. частях совсем переделанное») новейшей лит-ре («5-му периоду», включая 1-й т. «Мертвых душ» Н. В. Гоголя) посвящена почти половина текста (218 с. вместо прежних 12).

Молодой Вал. Н. Майков, анти-славянофил в оценке допетровской культуры и поборник совр. «натуральной литературы», осудил труд преподавателя словесности (в ст. «Руководство к изучению...», составл. В. Плаксиным) — ОЗ, 1846, № 6: не выявил, как обещал в предисл., влияния на историю лит-ры «рус. гражданственности и нравов» и «общечеловеч. значения» рус. лит-ры в кругу лит-р др. народов (Майков, 1891, с. 370); лит-ра от Жуковского до «натуральной школы» «сожмкнута в один период», названный в книге «романтическим», тогда как Пушкин, Лермонтов, Гоголь — представители разных эпох рус. цивилизации; нет «единого эстетич. взгляда» на «изящную словесность как таковую» (с. 371); это «не история рус. лит-ры, а собр. статей, более или менее относящихся к предмету» (с. 379).

Строгость оценки Майкова чрезмерна. «Руководство...» не индивидуальный ученый труд, а «учебно-по-

собие, предназначенное для средних и негуманитарных высших уч-щ; в отборе имен и произведений, ориентированном на юношеский возраст, проявлены вкус и устойчивая иерархия нравств. и худож. ценности (почти все, за малым исключением, стали в рус. школе 19 в. хрестоматийными) при известной идейно-эстетич. широте (ср.: Ф. И. Буслаев в 1844 отклонял изучение новейших произв. в школе и средоточием гимназич. курса рус. лит-ры полагаал лишь «Историю» Карамзина и прозу Пушкина); и наконец, в характеристиках творчества и анализах произв. у П. нередки и новизна, и оправданные обобщения.

К примеру: Крылов «теплыми инстинктом прямо отвергнул общий вековой предрассудок против народности и нар. яз.» в лит-ре (с. 337—338) и «соединил высшую степень народности с мировой общностью» (с. 333); в «Капитанской дочке» Пушкина образное воплощение «общих законов извешного» и вместе с тем — своеобразия пушкинского гения: «необычайный талант простота, соединенной с прличьем и даже благородством», «естественное знание Руси, к-рос он не черпал ни из книг, а из сердца, из жизни» (с. 373); Гоголь: «его произведения обнаруживают... пренебрежение к прежним знаниям, опытам и образам, он читает только книгу природы, изучает только мир действительный», «красоты его создания всегда новы, свежи, поразительны... он, как будто забыв историю, подобно древним, начинает новый мир искусства, выывая его из небытия» (с. 420). Белинский, не раз поклада осуждавший плаксиновские «курсы» и «руководства», к собственному удивлению, признал суждение П. о Гоголе «самым замечательным и близким к истине» из всех мнений об этом писателе (1848; X, 292).

Ист. подход П. к лит. произв. и фольклору далекого прошлого, наметившийся в раннем «Руководстве» (т. е. до выхода ролоначальных в ист. направлении рус. лит.-ведч. мысли работ М. А. Масляникова и С. П. Шевченко), явственно обозначился во 2-й книге в восприятии мн. древней и допетровской рус. словесности («исмотрение высокой поэзии и лирики и эпич. фольклора, поэтик, достоинств историч., воинских сказаний, эпичеств, словесности — светской (послания, поучения) и духовной (проповеди, «слова», духовные стихи»). Объективно такой подход противостоял властному мнению Белинского — будто «Слово о полку Игореве», истинно, нар. песня и «сходолистическое духовное красноречие» не имеют отношения к нашей лит-ре (заявлено в «Лит. мечтаниях» в 1834; ср. также суждение Майкова о летописях и духовной лит-ре в рец. 1846 на учебник В. И. Аскоцкого).

Историзмом отнесена и колкая рец. П. на «Очерк истории рус. поэзии» (1847) А. П. Милонова (ФВ, 1847, т. 23, с. 1—9). Пл. упрек: автор, «русский европеец», подлагает, что славы оазрили поэзией (как и «слово духа» и удалством) скандинавы, но с принятием «греко-византийских идей» в 10 в. (т. е. христианства) эти начала стали запускаться; и будто старинные нар. песни и сказки перестали быть источником новейшей поэзии, а высокой похвалы в рус. лит-ре 18—19 вв. заслуживают лишь произвасения с эстетич. или отринял. зародок (и потому М. Ю. Лермонтов выше Пушкина, Г. Р. Державин «старее» Д. И. Фонвизина, а Гоголь выше и современнее всех).

Параллельно «руководствам» по истории лит-ры и с тем же адресом («то, что нужно, полезно и доступно ученику, при объяснении умного наставника» — см. «Учебный курс...», с. VII) П., учтя опыт рецензирования «Общей риторики» Н. Ф. Кошанского (достоинство соч. ученого «с известностью и славою» лишь в «изяществе многих примеров» — СО и

СА. 1830, № 6, 7 и № 8, с. 121) и «Теории красноречия для всех родов прозаич. соч.» Галича (одобрительно: СП, 1830, 20 нояб.), а главное — практику разл. «метод» соств. преподавания в разных уч-щах, написал учебные курсы по теории лит-ры. Вначале — только о прозе (или, по синонимич. привычному выражению тех лет, о разных видах «красноречия» в широком смысле: ист. и биогр. повествование, воспоминания, дневники, путевые очерки, нравств. описания, ораторские речи. в т. ч. проповеди; романы, повести и анекдоты причислялись одновременно и к прозе и к «поэзии», или «изящной словесности»): «Краткий курс словесности, приспособленный к прозаическим соч.» (СПб., 1832; 2-е, доп. в примерах, изд. — СПб., 1835); ч. 1 — предварит. понятия: о человеке, его познават. силах, о законах смысла и речи, об «изящном вообще и в речи»; ч. 2 — «общая риторика»; ч. 3 — «частная риторика».

К. Пазюков, отмечая существенные недостатки 1-го изд. — сбивчивое разграничение прозы, поэзии и стихотворства, так что проза отходит в поэзию, usefulness «мало-полезный» извлечением общей риторики «за счет скучного изложения совр. видов прозы, — заключил все же рекомендовавший его «всем преподавателям и любителям словесности», признав «курс» одним из лучших по своей части» (МТ, 1832, № 11, с. 347—354). «Сев. пчела» в анонимной одобрит. рец. на аналогич. работу И. И. Давыдова («Чтения о словесности», 1833) именитого назвала книгу П. «скупой», лишённой «системы» и фальш, «неправильности» понятий (1838, 24 нояб.; см. «Литкритику» П.: СО, 1838, № 12, отд. 6).

Лермонтов, в 1828—30 бравший на дому уроки у моск. «проф. красноречия» А. Ф. Мерзлякова, в 1834 слушал лекции П. в Школе юнкеров, очевидно, со вниманием: сохранился его конспект мн. лекций, совпадающий с курсом 1832, а по правилам, рекомендуемым в нем для «описательной» прозы, поэт написал соч. «Эпиграма Москвиты» (см.: Лерм. анн.). Спустя без малого 100 лет акад. В. В. Виноградов включил в анализ риторики 1-й трети 19 в. «курс» П. [как «отчетливый» образец тогдашней теории прозы (в т. ч. в ее сопоставлении с «поэтикой»), адекватно (подчас осознанно) отразивший и кризис «риторики», и переходное состояние самой прозы и ее стилистики (от книжного «красноречия» к «натуральной» речи) (см.: Виноградов, с. 110—12, 115)].

Через 10 лет, исправив «во многих местах» и дополнив «совсем новыми статьями», П. выпускает свой курс прозы 1832 в качестве «книги первой» «Учебного курса словесности...» (СПб., 1843; негативная рец. С. А. Бурачка: «Маяк», 1844, т. 13, гл. 4); его «книгой второй» стало новое «учебное» пособие, излагающее «общую теорию изящного», его разл. виды (эстетич. категории), их присутствие в природе и иск-ве, характе-

ристику видов иск-ва и подробную картину разделения поэзии на роды, виды и жанры с «присовокуплением» образцовых текстов. По существу, «вторая книга» явилась поэтикой, хотя она вышла (СПб., 1844) под тем же названием и с тем же подзаголовком, что и первая.

Вал. Майков — знатоком в 1847 — назвал «Учебный курс» (вместе с 3-м изд. «Учебной книги» Греча и «Руководством к изучению рус. словесности» П. Е. Георгиевского) «средним», или «междумозным»: «по духу схоластической (ранней «чисто-схоластич.») риторики и поэтики (Копланского), но не имеет быть «современником настоящего движения мысли» (очевидно «философского изложения» курсов «теории словесности» у современников П. — И. И. Давыдова и М. В. Чистякова) (Маяков, с. 440—64). Рецензент «Журнала мин-ва нар. просвещения» А. Г. Филонов в обзор «учебников по теории прозы», соч. (1860, № 4, с. 41—48) весьма одобрил в «курсах прозы» П. подбор, ясность и безболезненность суждений, в т. ч. о крупных писателях; но в самой теории — в составе и «выполнении» форм общей и частной риторики не усмотрел продвижения «вперед» в сравнении с работой Мерзлякова 1809 (4-е изд. — 1828).

В 1836—46 П. поглощен преподаванием словесности (постоянно — не менее 3 гос. заведений) и основат. переработкой и расширением своих уч. курсов; продолжает внимательно следить за совр. лит. процессом, что продуктивно сказалось и в классных занятиях, и в освещении лит-ры последних 25 лет в «Руководстве» 1846, и в критич. выступлениях 2-й пол. 40-х гг. Причем, в статьях, предназначенных для «взрослой» периодики, П. судил о рус. лит-ре свободнее и острее, особенно об отражении «нравственно-отрицательного».

В уч. книге, признавая «сильный талант» Лермонтова (еще в 1834 он, прочитав в Школе юнкеров рукопись поэмы «Хаджи Абрек» тогда совершенно неизв. поэта, воскликнул: «Приветствую будущего поэта России!» — Лермонтов в восп., с. 146), П.-учитель встревожен «безудержным напором» («безудельно записанным от «бессмысленного времени») Лермонтов. «Думая: «Поэт в этом ужасно верно изображая создает пустоту своего поколения, он скорбит о нем, и между тем вступает по его следам». Выразителем «бессмысленного» времени становится «Герой нашего времени» — «простой, но великий сплоск с землей дурной природы, к-рый не стоит иск-ва» («Руководство...», 1846, с. 397—398). В журнальной же обзоре рец. «О сочинениях Лермонтова» («Сев. обзор», 1848, № 3), сохранив приоритетным в Лермонтов. лирике выражение страстей запечатленного в «Душе-коллекция — с «огнем в крови» и несоборными «колхозом гайным» в душе, с его эгоизмом и вместе с тем «тающего какую-то нравств. силу и она рождает», — П.-критик называет «лучшим прозой» Лермонтова ром. «Герой нашего времени» в нем прообладал не самоопределение «страсти» самого автора (как в лирике), а «творческое воображение», создавшее «представительный действительный мир, с их действительной натурой, с их грубой простотой и светской испорченностью... с робкой покорностью предсуджам и простого населения (Максим Максимич) и светской образованности [Печорин]» (с. 127—29, 141, 143).

Более объемная с меньшими укороками — в сравнении с «Руководством» 1846 — дана характеристика П. в поздних критич. статьях П. и творчеству Гоголя. Там: у «великого художника» «идеалы [образы «действительных»]... слишком естественны и просты до наготы» (с. 420); или «Ревизор» — «пустая трата сильного

таланта» на изображение «глупобесовственного мира» (с. 431). Позже: обзорно-биогр. ст. «О сочинениях Н. В. Гоголя» (написана вскоре после смерти писателя, с пометой: 25 июля 1852) — обширная и во многом панегирическая (не опубли.; рукопись: РГБ, ф. 231/III); ряд ее суждений повторен в ст. «Голое за прошедшее» (напис. для «Сб-ка лит. статей, посв. рус. писателями памяти А. Ф. Смירнина», СПб., 1858): в «длинных изданиях» — «Тарасе Бульбе», «Старосветских помещиках», «Шинели» — Гоголь, действуя как «первобытные гении» (как бы в лич. истории и вне традиции), явил себя в «характерах» своих созданий «современно-самостоят. рус. писателем» (с. 302); в «Ревизоре» же и «Мертвых душах» он чрезмерно ухлекся «негодованием против нравств. зароды нашего об-ва», забыв «поверить» «верные копии» «частных уродливостей» «законами человек. природы и ист. судеб народа» (с. 302—03).

Полагаю «чужое за прошедшее». По одним из первых в рус. критике и публицистике записав несомненные и высокие достижения в лит-ре, иск-ве, образовании и гуманитарной науке 1830-х гг. — эпохи, к-рую, по его слову, уже «ок. 15 лет» преследуют литераторы, вставшие в прогресс во всю ширину» (с. 294). «Прогрессисты» истерируют, есть не презирают прошлое. Примечательно, однако, что Лермонтов бросил «жестокое, хотя во многом справедливое упреки своим годам», но его творчество и личность, столь любимые «нашим об-вом», порождены той же эпохой 30-х гг. (с. 305, 326). Незогадание журн. «прогрессистов» — от недостатка ист. знаний, «философии в науке» и от «излишнего предпотопа практического учения» (с. 326—327). Тому же способствует совр. «негустенькое» поощрение Западу: «Теперь же с тех пор, как в лит-ру нашу вошло слово «индивидуализм», поощрение всему иностранному сделалось как бы священным и надобно писать о нем много словести тому, кто захочет осудить поощрение; его во имя «индивидуализма» и «гуманности» называют... и староромом, и отсталым знанием, врагом просвещения» (с. 327). Не будучи собственно славофилом и приняв науч. знание от своего народа, ибо «наука космополитична», он настаивает: «лучше, надо помнить, что великий народ имеет свой природный характер, свою особенность, народность», утрата к-рой губительна (с. 328—29).

Начиная с 1840 П. пробует себя в качестве худож. критика. Опубликовал четыре обзора выставок Академии Художеств: 1840 («Маяк», 1840, ч. 2), 1853 («Посильный взгляд на выставку имп. Акад. Художеств» — «Москва», 1853, № 1, 5), 1855 (там же, 1855, № 3) и 1860 («Семейный круг», 1860, № 46); пятый обзор (о выставке 1852), посв. К. П. Брюллову, остался неопубл. (см.: РГБ, № 21); о его же картине «Последний день Помпеи» написал отд. статью (опубл.: Рамазанов, с. 225—30). В рус. живописи 18—19 вв. ценил реалистичность, гением же рус. живописи 1-й пол. 19 в. почитал Брюллова. С 1845 работал над кн. «Опыт истории изящных искусств» (не оконч.; отрывки см.: ЖМНП, ч. 43, отд. II; ч. 45, отд. II).

В 1860 П. печатался как критик и публицист в ж-ле «Семейный круг» А. М. Станюковича. «Мысли и заметки по поводу статьи об изболничительной литературе» (№ 14) — развернутый и подчас полемичный отклик на ст. С. Т. Славутинского «Об изболничительной лит-ре» (1859). Признавая обществ. пользу т. н. изболничительной лит-ры, П., как и автор статьи, сетует, что «обличит. писатели» проходят мимо «исторического происхождения наших нравств. и гражд. язв» (впрочем в этом грешек, по мнению П., и сам Славутинский). Ист. корнями многих язв совр. рус. народа П. называет «татаршину» (как «восточно-азиатскую»), так и «западно-европейскую»), к-рая со временем породила и свою «доморощенную татаршину» (с. 17). Совр. фактором, поощряющим злодеяния, остается слабость «общественного мнения», неравная обязательность его «приговор» для бедных и богатых; но гл. причиной всевозможных беззаконий и произвола П. полагает всеословное отсутствие у русских «чувства законности» (с. 19): соотечественники уклоняются прибегать под защиту закона — «так сказать „земной религии“», к-рая составляет священную, ничем не нарушаемую связь между народом и правительством» (с. 20).

О П. сохранилось немало восторженных восп. его учеников (см.: Бооль, Рамазанов [скульптор и историк иск-ва]). Бывший его учеником историк М. И. Семевский писат.: П. «горячо любил науку, еще горячее привязан... был к своим юным питомцам; приветливый, ласковый, всегда ровный в обращении — он в годы, когда царизм в военно-уч. заведениях капральство, — был прежде всего гуманен в отношении к молодежи и ревностно заботился о поддержке в ней любви к науке» (Семевский, с. 763—64).

В кон. жизни пишет обширные мемуары, погибшие по вине слуги во время болезни П. (там же); посмертно опубликован отрывок под назв. «Имп. Николай Павлович» (РС, 1880, № 11), где рассказывается о либеральных «жестах» императора: публичной насмешке над Д. П. Руничем, иронии в адрес М. Л. Магницкого и отмене цензурного запрета на продажу свыше 100 иностр. книг.

Др. произв. Рец.: [На кн. «Руководство... к познанию... истории народов» П. Вознесенского] (СП, 1831, 5 окт.). «Разбор речи, открытой г. Строевым [по случаю коронавания царя Василия Шуйского]» (СП, 1832, 5—9 нояб.), [На пьесе Э. П. Перцова «Андрей Бичев, или Смешные мне люди»] (СП, 1833, 29 нояб.; хвалебная); [О «Картина человека» А. И. Галича] (СП, 1834, 17 марта). [На ром. Н. Полевого «Аббаллонна»]

(СО и СА, 1835, № 7), «Заметки о специальном образовании» («Семейный круг», 1860, № 2); статьи, в т. ч. «Батюшков К. Н.» (в словаре А. А. Плюшара).

Изд.: (Рец. и отзывы о Лермонтове и Пушкине). — В кнгах: Рус. критич. лит-ра о произв. Лермонтова, ч. 1—2, М., 1897; Рус. критич. лит-ра о произв. Пушкина, 3-е изд., М., 1907, ч. 1—3 (обе составлены В. А. Зелинским).

Лит.: Кюхельбекер; Лермонтов в Пушкине. — В кнгах: Рус. критич. лит-ра о произв. Лермонтова, ч. 1—2, М., 1897; Рус. критич. лит-ра о произв. Пушкина, 3-е изд., М., 1907, ч. 1—3 (обе составлены В. А. Зелинским). Лит.: Кюхельбекер; Лермонтов в Пушкине. — В кнгах: Рус. критич. лит-ра о произв. Лермонтова, ч. 1—2, М., 1897; Рус. критич. лит-ра о произв. Пушкина, 3-е изд., М., 1907, ч. 1—3 (обе составлены В. А. Зелинским). Лит.: Кюхельбекер; Лермонтов в Пушкине. — В кнгах: Рус. критич. лит-ра о произв. Лермонтова, ч. 1—2, М., 1897; Рус. критич. лит-ра о произв. Пушкина, 3-е изд., М., 1907, ч. 1—3 (обе составлены В. А. Зелинским). Лит.: Кюхельбекер; Лермонтов в Пушкине. — В кнгах: Рус. критич. лит-ра о произв. Лермонтова, ч. 1—2, М., 1897; Рус. критич. лит-ра о произв. Пушкина, 3-е изд., М., 1907, ч. 1—3 (обе составлены В. А. Зелинским). Лит.: Кюхельбекер; Лермонтов в Пушкине. — В кнгах: Рус. критич. лит-ра о произв. Лермонтова, ч. 1—2, М., 1897; Рус. критич. лит-ра о произв. Пушкина, 3-е изд., М., 1907, ч. 1—3 (обе составлены В. А. Зелинским).

Архивы: РГБ, ф. 231/П, к. 9, № 19—22 (рукописи неопубл. статей); П., в. 24, № 48 (письма М. П. Погозину); ИРЛИ, 18639, СХХ116,6 (письма в А. В. Никитченко); РГИА, ф. 733, оп. 20, д. 276, л. 41—42 (о деле П. в протоколах проверки Д. П. Рунича); ф. 1349, оп. 3, л. 1723 (ф. с. П.); РГВИА, ф. 314, оп. 1, д. 193 (п. с. на 1840 г.); д. 6260 (п. с. на 1864 г.); РНБ (портрет П.). См. также арх. источ. в ст. Н. Назаровой. Н. П. Розин, при участии М. А. Котлякова.

ПЛАТОН Иван Степанович [15(27). 4.1870, Ростов-на-Дону (?)] — 11.10.1935, Москва], театр. режиссер, драматург, переводчик. Внук малознат. грека, участника восстания А. И. Писиданти, к-рый после 1825 осел в России, женился на русской и преподавал в Таганрог. г-зине. Отец П. занимался постройкой и арендой водяных мельниц в области Войска Донского. С 1880 П. учился в гимназии станции Каменской, затем в Новочеркасской г-зии. В 1886, после смерти матери, П. с отцом переехал в Москву, перевелся в 1-ю моск. г-зину, к-рую окончил ок. 1890. Еще на гимназич. скамье интересовался театром и пробовал себя в лит-ре: сочинял стихи, рассказы, сотрудничал в газетах, где писал по вопросам театра (ранние публ. не выявлены). В 1891—92 учился на драматич. курсах

при театр. школе Малого т-ра (причем, для поступления туда П., с рождения считавшийся турецким подданным, должен был принять рос. гражданство). По окончании школы стал по конкурсу актером Малого т-ра (прослужил в нем до конца жизни, сменив несколько должностей; подробнее см.: ТЭ, т. 4), затем там же сделался режиссером и поставил множество пьес текущего репертуара; но постановки его были слабы, и К. С. Станиславский оценивал их как «пример режиссерской безграмотности» (Виноградская И., Жизнь и творчество К. С. Станиславского. Летопись, т. 2, М., 1971, с. 422). В 1905—12 преподавал (проф.) в драм. уч-ще Моск. филармонич. об-ва. Чл. к-та (с 1910) и казначей ОРДП.

Древ. драматургич. наследие П. состояло из комедии («Лечебница для влюбленных», совм. с И. Н. Худолеевым, М., 1904) и четырех мелодрам из быта купечества, интеллигенции, гор. низов («Напасть», М., 1902; Малый т-р, 1902, Новый т-р, М., 1903—04; «Люди», СПб., 1902, М., 1910; «Рабья», СПб., 1904; Малый т-р, 1904—05; «Сказка Марнулы», М., 1906; Малый т-р, 1905). Наиб. удачная пьеса «Люди», свособразно решавшая тему жен. эмансипации, динамичная по сюжету, с довольно убедительными персонажами, с успехом прошла в 1902 в т-ре Корша и долго потом держалась в провинц. репертуаре. Переводч. деятельность П. была подчинена репертуарным нуждам Малого т-ра: «Безумный день, или Женитьба Фигаро» П. Бомарше (М., 1909, совм. с Худолеевым), «Стакан воды» Э. Скриба (М., 1916, совм. с Н. О. Рутильской) и др.

После Октября П. написал еще несколько пьес: «Наследие времени» (М., 1926), «Арачкеевщина» (М., 1926; Малый т-р с В. Н. Пашенной в роли Минкиной), «1917 год» (совм. с Н. Н. Сухановым; М.—Л., 1928) и два небольших мемуара: «Памяти А. И. Южина» («Красная Нива»,

1927, № 40) и «Восп. о Ермолковой» (там же, 1928, № 14).

Был одним из организаторов филантра Матого т-ра в Земетчине (в 1936 колхозному т-ру присвоено имя П.), где завешал похоронить себя (подробнее см.: В. А. Ерин С., И. С. Платон. — «Колхозный т-р», 1935, № 23).

Лит.: Актеры и режиссеры. Театральная Россия, М., 1928; Пашенная В. И. Искусство актрисы, М., 1954 (ук.); Прозоровский Л. Из прошлых лет, М., 1958; Некролог: «Вест. Москва», 1935, 13 окт.; ИДРДВ; ИРДТ; Масанов.

Архивы: ЦТМ, ф. 209, ф. 514, № 142 (некролог на смерть П.) и др. (справка И. П. Гамулы); РГАЛИ, ф. 970, оп. 4, № 216 и ф. 2579, оп. 1, № 963 (автобиография 1926), и по ук.; РГБ, ф. 369, к. 20, № 20 (Болгов-Бруевич В. А., Памяти товарища Платона). В. М. Бокоев.

ПЛЕТНЁВ Алексей Петрович [21.2*(5.3).1854, Петербург — после 1916], прозаик, очеркист, публицист. Сын П. А. Плетнёва. Биограф. сведения фрагментарны. Получил дом. образование и окончил курс Тульской губ. гимн (ШГИА СПб.). Воспитывался в лит. и ун-тской атмосфере. В 9 лет, по причине болезни отца, был

увезен в Париж, посещал вместе с братом Александром франц. пансионы, занимался спортом, верховой ездой; скоро превратился в «полуфранца мальчишка» [«Воспоминания» (Од., 1910, с. 4); там же краткие восп. об отце, встречах в России и за границей с И. А. Гончаровым, И. С. Тургеневым, Ф. И. Тютчевым (см. также: Собр. соч., т. 3, 1913), Н. И. Тургеневым, вел. княгиней Марией Николаевной, бывшей ученицей отца и восприимницей П.]. Впервые вернулся в Петербург, видимо, в 1869 или 1870; в 1875—78 учился на юридич. ф-те Петерб. ун-та, не окончил («уволен» по болезни в 1879). Вскоре снова уехал в Париж и до 1910 не оставал его надолго, друзья называли его «гражданином Парижа» («Восп.», с. 16). П. много путешествовал по Европе (Англия, Швейцария, Германия, Италия, Испания), вел «бродячую» жизнь, не отождест-

вляя себя с к.-л. «кастой или классом», изучал «нижние обществ. слои», пытался «искать у народов разных стран смысл их полит. жизни» («Жизнь и мечты», с. 36). Не помышляя о карьере литератора, печататься начал поздно, в 1884: был иностр. корреспондентом в Париже, в 1880—90-е гг. публиковался в газ. «Новое время», «С.-Петерб. ведомости», «Мировые отголоски», «Гласность», «Петербург. жизнь», «Россия», ж.-лжх «Наблюдатель», «Огонек» (в кн.: «На чужбине...», с. П), «Ист. вестник», «Всемирный вестник», «Европ. жизнь и Россия», «Родина» (1909, № 8—20), газ. «Рус. вед.», «Одес. листок» (1911—12) и др. По свидетельству Г. М. Пилипенко, знакомого и биографа П., в его произв. изображалась «та самая среда, где когда-то писал и вращался сам автор» (Собр. соч., т. 3, с. VIII).

В 1890-е П. издает пов. «Новые люди» (СПб., 1897; в др. изд. — «Честные люди»; с одобрением отмечена в рец.: «Всемирный вест.», 1903, № 8) — о неудовлетворенных столич. жизнью интеллигентах, уехавших в «провинц. захолустье», чтобы оживить его умств. и обществ. интересами (открытие библиотеки, учительство) и самим освободиться «от фальши и лжи»; здесь же выведен образ вернувшегося из-за границы нравственно переродившегося князя, ради «уменьшения страдания неминуемых» (с. 28) оживившего свое состояние в развитие фабрики. Др. пов. «Бездомовье. Пов. и рассказы» (СПб., 1896) построена на контрасте двух типов (друзей), бедного студента из Москвы Кремнёва и сына крупного петерб. администратора Невина (идеологически значимое для П. противопоставление Москвы и Петербурга неоднократно встречается и в др. его соч.); первый видит свой патриотич. долг в том, чтобы засеять «нвы бесплодные» (занимается культ. и воспитат. работой) для «новых поколений», второй, сомневающийся «космополит», еще готов обрести свой «дом» на родине, но как бы сам уклад рос. жизни (сюжетно — семейства Арнаутова, богатого петерб. домовладельца) вновь выталкивает его за границу. К повестям из рос. жизни примыкает и «Исповедь террориста. Пов. из времен Александра II» (СПб., 1906; написана в 1880-е гг., по ценз. соображениям П. предполагал издать ее в Лондоне, что не осуществилось из-за проважи рукописи; др. названия: «Исповедь нигилиста», «Исповедь революционера»). П. с явным сочувствием рисует тип «революционера-идеалиста», убежденно помогающей террористам его сестры и их единомышленников-евреев: борьба с правительством велась ими ради «высокого всечеловеч.

идеала», где нет нац. и классовых «застенков» (с. 21).

Если последние две пов. включали картины англ. жизни, то пов. «Миллионщик. Космополитич. нравы» (опубл. вместе с рассказами под псевд. Алексей Руссов, СПб., 1893; первонач. на франц. яз.) рассказывает о парижской — многолетнем пребывании в Париже рус. купца (выдающего себя за князя) и его франц. окружении. Изображение нищеты и роскоши, нравов париж. полусвета, продажности и морального разложения (доходящих у гг. героев до патологич. художественно не мотивированной) делает повествование занимательным, убедительным в частностях и эпизодах, а в целом эффектно-мелодраматическим.

В 1901 П. издает избранное «На чужбине и дома» (СПб.; включает повести, «картинки» париж. жизни, статьи, рассказы), в предисл. к к-рому формулирует свою позицию публициста (отрицат. рец.: Н. К. Михайловский — РБ, 1902, № 1; б. п. — РМ, 1902, № 1; положит.: Ник. М-в — «Всемирный вест.», 1903, № 8; А. Г. — НВ, илл. прил., 1901, 14 нояб.).

Человек либер. убеждений, прогрессист и социал-утопист (как это явствует из его очерков и рассказов, написанных б. ч. в 1880—90-е гг. и позднее перепечатаваемых в «петерб.» сб-ках, различного рода статей и заметок), разделяющий, в той или иной степени, взгляды Р. Оуэна, Ж. Ж. Руссо, Ш. Фурье, У. Ю. Гластона, П. верил в общечеловеч. «солидарность», всеобщий мир, сотрудничество между нациями на «почве труда и промышл. прогресса» («Восп.», с. 18), в возможность нового мироустройства, новых отношений между людьми (мечтал о «новых горизонтах для идеала добра и справедливости» — «На чужбине...», с. 244, 371; см. также очерк «Максим Горький», с. 5). Он приветствовал разрушение порочных основ совр. общества: в России это прежде всего «омерзительный формализм» и административный бюрократизм — язва «петерб. периода» рус. истории, отсутствие гражд. свобод, культ. отсталость, невежество, нищета, в Европе — социальное расслоение, пауперизм, «стихийный эгоизм», власть капитала, «золотого тельца» (см., в частности, ст. «Преступность денег» — в кн.: «Упитанные и отъевшиеся», «Два полюса» — Собр. соч., т. 3). П. не был чужд и нек-рых черт идеологии анархизма (об интересах и изв. близости к анархистам свидетельствуют «Восп.», с. 37—38; рассказ «Компаньон» — в кн.: «Париж. уголки»; ссылки на П. Ж. Прудона и проч.). В культурно-ист. плане осн. «приметой» нового времени П. считал «упразднение идеалов»,

правств, апатию, неоднократно писал об обществ. вреде утраты нравственности, выразившейся, в частности, в «понижении» лит-ры и воспитания (см. также ст. из кн. «На чужбине...» — «Лжеинтеллигенция», «Жизнь и идеализм», «О „реализме“ в литературе», поев. Э. Золя, и др.).

В предисл. к кн. «На чужбине...» и ст. «Наш космополитизм» (там же) гл. пороком безверия и «умств. шатания» в России П. назвал «дряблый, беспочвенный космополитизм» (связав его с «рус. полит. болезнью нигилизма» и отсутствием «ясного нац. самосознания» (с. II, 253). П. объявляет себя «демофилом» и «националистом», уважающим «права всякой отд. народности» (с. IV), рассматривая национализм как 1-ю ступень любви к человечеству (та же интерпретация понятия в ст. «Что такое национализм?» — сб. «Жизнь и мечты»; см. также: ИВ, 1915, № 4, с. 72—73), космополитизм же считает специфические рус. чертой: «у нас» он заключается «не только в любви ко всему иностранному», но и «в пренебрежении и даже в ненависти ко всему родному» (с. 251), в отличие от европейцев, стремившихся в общежитии к нац. «выделенности» и обособленности (отчасти эти же идеи развивает в письме Михайловскому 1902 г. — ИРЛИ, ф. 181, оп. 1, № 533).

В ст. «За кружкой пива» П., рассуждая об экон. основании борьбы классов во Франции, усиления борьбы двух начал — коллективизма и капитализма, указывает на обусловленность рев. ситуации совр. состоянием цивилизации. В худож. творчестве свойств. П. «классовый» подход получил органич. применение в создании очерков в кн. «Упитанные и отъездившие» (СПб., 1905); «Живой идол», «Пани Генералова», «Клоп Иванович» и др. — о развращающей власти денег и губительности для человека праздности (резко негативная рец.: С. Вл. — ЖО, 1905, № 12).

Отд. пласт творчества П. — очерки и рассказы из париж. жизни (кн. «Типы и картинки париж. жизни», 1902; «Париж, уголки. Из зап. книжки корреспондента», 1903, сокращ. изд.: 1905; «Париж. босяки», 1905; «Встречи и характеристики», 1906; вкл. заметки о В. Гого, Л. Бетховене, Гладстоне, А. И. Герцене и др.; все изд. в Петербурге и частично совпадают по содержанию); отклики носили разноречивый характер: «бойкость языка», «пестрота содержания» и отсутствие нового угла зрения на предмет (В. В. Савинков) — РБ, 1902, № 5, с. 104; напротив, его «своеобразие и новое освещение» отметил рецензент ж. «Всемирный вест.» (И. В. П. — 1904, № 1, с. 180; см. также полуиронич. отклик: Ю-н

(Вентцель) — ИВ, илл. прил., 1904, 11 авг.). В этих сб-ках, как и в повестях «Миллионщик», «Клуб эротомагов» (где Париж — осн. место действия), Париж для П. не только «умств. центр человечества» («Париж. уголки», 1903, с. 8), город «кутежа и разгула», но «город труда, город прогресса и город поэзии» («Типы и картинки...», с. II), «благословенное место... таланта и свободы» (там же, с. 112). Жизнь улицы, париж. толпы с «демокр. смешением сословий» и свободой общения, поэзия париж. бульваров, Латинского квартала, экзотич. типы чудачков («Гражданин будущего», «Философ», «В парламенте», «Эстеты и декаденты Люксембургского сада» — «совр. перипатетики париж. мостовой» — там же, с. 111) и обычные парижане (очерки «Натурщица», «Кабак ночных гуляк», «На бульварах», «Кафе де-ля-Па», «На ярмарке» — «Типы и картинки...», частично облubl. в кн. «На чужбине») — все это предстает со страниц книг П., несмотря на скрупулезно отмечаемые им социальные язвы и контрасты, в образе притягательного космополитич. города, со своим особенным ритмом и нац. «отпечатком». Сравнит. нац. характеристикам (русских, французов, англичан, немцев), разбросанным в «париж.» и др. книжках П., поев. очерк «Русский парижанин» и «Путевые впечатления» (от Петербурга до Парижа) («Париж. уголки», 1903).

В 1902 П. собирався открыть гостиницу-приют для русских в Париже («„Рус. дом“ в Париже...», СПб., 1902). К 20-летию своего «литераторства» выпустил сб. «Жизнь и мечты» — очерки, путевые заметки, критика и публицистика (СПб., 1905), своего рода краткое избранное, в к-рый вошел очерк совр. франц. прессы обличит. характера «Газеты и публика». Оставившись, по собств. признанию, «по завещанию матери... фактически без средств существования» (из письма М. М. Стасюлевичу 1904 г. — ИРЛИ, ф. 293, оп. 1, № 1126), П. испытывает материальные затруднения, регулярно (в 1902—08) обращается в Комиссию для пособия нуждающимся литераторам и в Лит. фонд (там же, ф. 540, № 45/902, ф. 155 — справка Т. В. Мисникевич).

В 1900-е гг. П. печатается в Моск., петерб. и одес. изданиях (не выданы), в 1905 в Петербурге с воодушевлением встречает «великий день» — объявление Манифеста 17 окт., в эти дни выпускает 4 номера газ. «За Правду и Правду», по совету, определенно, «разумно-прогрессивного направления» (Собр. соч., т. 3, с. 187—188). Полит. публицистике 1905—06 П. посвящен 3-й том Собр. соч.: «Рус. идея», «Смысл выборов», «По вопросу о печати», «Охрана и бюрократия», «Формализм» и др. В связи с рев. событиями 1905—07 П. писал о несравнимости ее результатов с результатами Вел. франц. рев-ции, потому что «наша революция не считалась ни с историч., ни с экономич. фактами рус. действительности и работала не столько для русского

народа, сколько для отдаленного счастья всего человечества» («Восп.», с. 43).

Из рассказов П. выделяются «Вечная любовь» (в кн. «Миллионщик»), «Серафита» (Собр. соч., т. 1, 1910) и «Taedium vitae» («Всем. вест.», 1904, № 2) — об идеальной любви, вере в загробную жизнь и о таинств. явлениях человек. психики. Последняя, крупная для П., прозаич. вещь — пов. «Клуб эротомагов» (СПб., 1909; фрагменты — «Европ. жизнь и Россия», 1908, № 5—8) — увлекательно и психологически правдоподобно описывает судьбу двух неустroенных рус. дворян с драм. эпилогом (оба проигралась в казино в Монте-Карло; любопытно описание типов игроков: с. 155—158), их жизнь в Петербурге и Париже, устройство аристократич. клуба междунар. проституции, куда приятель подают, спасая молодую французенку, очередную жертву торговцев живым товаром. В другой, «высокой», лирико-публич. тональности, написана короткая пов. «После грозы» (ИВ, 1915, № 3—4) — о совр. временах рос. жизни.

В 1910—13 выходит «Собр. соч.» П. (Юд.), т. 1—3; в т. 3 — ст. Пилипенко, замеченное так или иначе критикой; одобрит. рец. (соч. П., с их «правдивостью» и «безыскусственной простотой», — «настоящий кинематограф заграничной жизни»: М-о — ИВ, 1912, № 2, с. 355; сдержанная, того же автора, на выход 3-го тома — там же, 1914, № 1) и отрицат. отклики: В. Мордовцевой — ж. «Вешние воды» (кн. 4/5, П., 1916: «отсутствие рос. глубины», «аффектацию» рецензент связывает с инвектирующим «либер. языком европ. цивилизации», с. 224—25), В. Краинфельда (СМ, 1913, № 7).

На протяжении всей жизни, хотя и не часто, П. выступал как критик-публицист, с краткими критич. очерками — «Эмиль Золя» (СПб., 1903), где говорит об ответственности «натурализма» и теории наследственности в его произв., «Максим Горький» (СПб., 1902), «Горький и босяки» (Собр. соч., т. 3); П. приветствует «свежесть и непосредственность» мировоззрения писателя, «певца босяков» и «сильных людей» (а не «культурных нытиков»), видит в гл. герое его ром. «Фома Гордеев» «род купеч. Гамлета, ищущего суть жизни и ничем не удовлетворенного» («Максим Горький», с. 5). П. говорит об открытой Горьким «бездне рус. социальной подпочвы»: босяки и бродяги впервые получили в его соч. «санкцию историч. действительности» (т. 3, с. 48). Др. заметки посв. творчеству Л. Н. Андреева («сказки для взрослых людей» — там же, с. 56), А. П. Чехова («Обескураженный писатель»), П. Д. Бобрышкина, Руссо (все — Собр. соч., т. 3). В по-

лемия. Очерке «Лев Толстой» (Од., 1912) П. ставит целью разрушить гипноз Толстого, доказать обществу вред его теории непротивления злу, т. к. она «упраздняет идею о законности борьбы со злом» (с. 9; см. также ст. «Насилье добра» — сб. «Жизнь и мечты»). П. признает в Л. Н. Толстом «искателя истины», но не «учителя жизни» (с. 15).

Др. произв.: брошюры «Принципы будущего социального строя» (СПб., 1907), «Что такое анархизм» (по франц. источникам) (СПб., 1907).

Изд.: Три встречи с Гончаровым. — В кн.: Гончаров в восп. современников. Л., 1969.

Лит.: Пилипенко Г. (М.), А. П. Плетнев. — «Мыслитель», 1906, № 14; его же. Писатель-свободы. (Критич. очерк). — «Дворян. рус. вестн.», 1912, № 4, 5/6; его же. А. П. Плетнев (Критич. очерк). Од., 1912; Толстой, Л. Х. с. 423—24; ЛН, т. 97, кн. 1, с. 555, 561. + Венгеров. Сл.; ЦРЭВ; Масанов (из уст. псевд. А. П. П.-а; Алексей Руссов).

Архивы: ЦГИА СПб., ф. 14, оп. 3, д. 18619* (биограф. сведения, в т. ч. об учебе в уни-те) [справка А. Г. Румянцева]; деловые письма: ИРЛИ, ф. 72, № 263 (Б. Б. Глинскому, 1907—14 гг.), ф. 115, оп. 3, № 249 (А. А. Имялову, 1916 г.); РНБ, ф. 124, № 3374 (письмо А. П. Петковскому, 1900 г. — ст. «Наполеон и Европа», ф. 874, оп. 1, № 106, 110, 114 (письма С. Н. Шубинскому, 1906—08 гг.) [справка Т. В. Мисюкович].

Л. Макарова.

ПЛЕТНЁВ Пётр Александрович [1(12).9.1791, с. Теблеша Бежецкого у. Твер. губ. — 29.12.1865 (10.1.1866), Париж; похоронен на Тихвинском кладб. Александро-Нев. лагвы в Петербурге], критик, поэт; журналист, издатель; педагог. Отец А. П. Плетнёва. Сын сел. священника, умершего в младенч. годы П. (см. заметку «К моей родине», 1820); до 9 лет жил в Теблешах, систематич. домашнего воспитания не получил. В 1800 зачислен на казенный кошт в Твер. духовную сем. (где с 1795 учился брат Иван). Семинарии обязан серьезными познаниями в области древней словесности (позволившими ему в 1832 одному из первых разработать курс истории рус. словесности с древних времен). В 1810 в связи с набором, объявленным для воспитанников старших классов семинарий, П., принадлежа к «обучающимся, кроме лат. словесности, употребит. иностр. языкам и вместе отличающимся добрым поведением, природными талантами и склонностью к наукам» (РГИА, ф. 733, оп. 20, № 84, л. 8), оставляет сем. (не пройдя богослов. класса) и становится студентом Пед. ин-та (с 1816 — Главный пед. ин-т) в Петербурге.

Господствовавшая в ин-те система зубрежки рождала неприязнь к занятиям, и свои успехи в учебе П. объяснял удачливостью (Грот и Плетнев, I, 529—30). Вместе с тем ин-т давал главное, в чем он тогда нуждался: «И новый образ жизни, и новые занятия, и новые связи» (Плетнев, I, с. 3); по рекоменда-

ции дир. ин-та Е. А. Энгельгардта, студент дает частные уроки. Судя по офин. документам и признаниям самого П., его успехи в учебе оценивались неодинаково товарищами («почитали меня отлично-хорошим уче-

ником» — Грот и Плетнев, I, 529—30) и наставниками: в ведомостях ни разу не удостоен высшего балла, но аттестовался как ученик «нехудого понятия», приобретший «хорошие» знания по рос. словесности, грамматике, эстетике и «очень хорошие» в математике, физике, истории, франц. языке. Позднее П. скажет: «В институте я ничего основательно не узнал» (ШИА СПб., ф. 13, оп. 1, д. 1455, л. 7). Пора настоящего ученичества наступила для него после ин-та, особенно когда он погрузился в атмосферу лит. кружков, салонов и обществ 1820-х гг.

Сразу по окончании ин-та П. 23 мая 1814 определен учителем словесности в Екатеринин. ин-т, где прослужил до апр. 1830. Пед. деятельность принесла удовлетворение: «В короткое время я ... постигнул способ преподавать занимательно и успешно» (Грот и Плетнев, I, 529). Молодого педагога оценили по достоинству: в нояб. 1814 назначен учителем словесности в женском Патриотич. ин-те (первые 3 года без жалования; в 1829—39 — только инспектор классов), а в янв. 1815 привлечен к преподаванию в Павлов. кадетский корпус (до сент. 1832). Со временем П. зарекомендовал себя мыслящим педагогом; уже в ст. 1819 «О средствах усовершенствования русской словесности как науки» («Благ.», 1819, ч. 8, с. 28—40) осознает необходимость уч. пособия по лит-ре, к-рое учитывало бы достижения совр. отеч. словесности, и предлагает ввести «характеристики классических писателей». В неопубл. статьях: «О подготовке учителей в России», «О методике преподавания» (ИРЛИ, ф. 234, оп. 1, № 70.

159) размышляет о характере преподавания, о личности наставника, «родительских свойствах души, ума и сердца». Современники вспоминают о большом успехе его лекций (РС. 1881, № 5, с. 157) и сравнивают П.-преподавателя с др. именитыми уни-тскими профессорами: «если П. уступал [И. И.] Давыдову и особенно [Н. И.] Наледжину в широте филос. образования, то стоял выше их по своим лит. вкусам и симпатиям» («Под знаменем науки», М., 1902, с. 562).

В лит. кругах Петербурга П. появился в сер. 1810-х гг. Одним из первых шагов к лит. миру стало сближение с однокашником И. С. Георгиевским, знакомым еще по Твер. духовн. сем. Утверждение в кругу «арзамасцев» происходило непросто; в февр.—марте 1816 возможно состоялось личное знакомство с В. Л. Пушкиным; в 1820 — официально представлен В. А. Жуковскому; в февр. 1821 знакомится с П. А. Вяземским. П., однако, не сумел добиться одинаковой доверенности литераторов и поначалу на него смотрели как на удачливую выскочку.

Даже значительно позже, когда авторитет П.-критика достаточно упрочился, в письме А. И. Тургенева Вяземскому от 21 апр. 1839 звучит полунронич. удивление: «Вообрази себе, что Плетнев, учитель языка и литературы и корреспондент, пишет письмо ко мне хотя с чувством о старых наших отношениях, к-рое меня тронуло, но с грамотностью замосворещкой дамы. И он — наследник журнала Пушкина и биограф его!» — ОА, IV, 71). Да и сам П., недоуменно вспоминал в 40-е гг.: «Мне самому странно, какую судьбою я, чуждый всем вам, брошен был в ваш круг, и незаметный для вас, я про себя складывал ступени жизни своей из событий, вам принадлежавших» (Плетнев, III, 565).

Отношения с В. К. Кюхельбекером и А. А. Дельвигом складывались легко и быстро, чему способствовало их раннее общение как членов ВОЛСНХ, а затем и ВОЛРС, и то, что Дельвиг был обязан П. знакомством с будущей своей женой, его воспитанницей по пансиону Е. Д. Шретер. Дружеские симпатии Пушкина к П. возникают постепенно (знакомство состоялось, по-видимому, в кон. 1816 в доме родителей поэта), и до 1820 их отношения остаются слержанными. Сближение с известными поэтами открывает ему доступ на вечера Н. М. Карамзина, лит. «субботы» Жуковского. С 1818 П. сам устраивает вечера по субботам, на к-рых можно было встретить лит. «цвет» столицы, в т. ч. ставших близкими его приятелями Дельвига, Кюхельбекера, Ф. Н. Глинку, Е. А. Баратынского, часто наезжавшего из Фин-

ляндии. «Плетневские» собрания отличались сугубой лит. направленностью: «обсуживались все лит. новости недели, читались и разбирались собственные только что написанные стихотворения, и т. о. совершалось взаимное лит. образование собеседников» (В. П. Гаяцкий — «Совр.», 1853, № 5, с. 54).

Начиная с 1818 интенсивные пед. занятия П. совмещает с продуктивной лит. деятельностью. Он начинал как воспитательник карамзинской школы, о чем свидетельствовали стилистика, фразеология, идейная установка его первой критич. статьи «Известие об авторе», явившейся как предисл. к посмертно изданному им (совм. с Кюхельбекером) роману Георгиевского «Евгения, или Письма к другу» (СПб., 1818; ш. р. 9 авг. 1817; согласно записи Бартенева, Пушкин назвал предисл. «преlestным» — см.: Бартенев П. И., О Пушкине, М., 1992, с. 222). П. воспринял карамзинскую веру в нравств. совершенствование человека, силу разума, в лит. прогресс, и усвоил навсегда карамзинское правило критич. оценки: «более хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно» (Карамзин Н. М., Избр. соч., т. 2, М.—Л., 1964, с. 230). Но к исходу 10-х гг. П. испытал воздействие романтизма и романтич. критики, его система лит.-критич. воззрений впитала элементы просветительства, сентиментализма и романтизма.

В том же 1818 П. впервые выступил как поэт (стих. «К Гонорскому» — СО, № 48). В ранних стихах, и не только явно автобиографических («Загородная роща», «К моей родине» — СО, 1818, № 50; 1820, № 3), выразилась его внутр., нравств. связь с отчим домом и родным краем — воспевание честной бедности («Похвала учительской жизни» — «Соревнователь», 1820, № 9) и «совести» — верного друга, «утешителя» в «пучине бед», «целителя» в страданиях души («Совесть», 1820; по Кюхельбекеру, удачное подражание «стиху философич. од Державина»). Идеальные устремления и добродетельные чувства соответствовали духу элегич. медитации с ее устойчивыми мотивами скорби об утраченном прошлом, чистоте и естественности неискушенной юности и с ее заданной композиц. моделью: исповедальные размышления-воспоминания героя на фоне сугубого пейзажа. В элегич. «Гробница Державина» (1819) и «Миник» (1821) ист. медитации накладываются на традиц. кладбищенские мотивы в духе Жуковского, появляются гражд. мотивы, предвещающие думы К. Ф. Рылеева. Наряду с ведущим для П. жанровым началом элегической медитации он сочинял баллады, мадригалы, по-

сплания, в сер. 20-х гг. — автологич. стихи.

Как поэт особым авторитетом среди литераторов не пользовался. Пушкин в письме к бр. Льву (от 4 сент. 1822) бросил упрек: «П. приличнее проза, нежели стихи ... слог его бледен, как мертвец»; но вскоре весьма одобрил его послание «К А. С. Пушкину» (написано: сент. — 1-я пол. окт. 1822; опубл. «Соревнователь», 1824, кн. 2), а позже в письме к А. А. Бестужеву от 22 февр. 1824 написал: «Плетнева „Родина“ [ПЗ на 1824] хороша» (Пушкин, XIII, 46, 53, 88). Кюхельбекер, вначале почтительный П. «слишком близким подражателем Батюшкова и Жуковского», в февр. 1820 нашел явные приметы «поэтич. таланта» в стих. П. «К моей родине» и «Победа» (1820) (Кюхельбекер, 438).

В 1818 П. принят в члены ВОЛСНХ. С 20 окт. 1819 становится (по инициативе Ф. Н. Глинки) одним из деятельнейших членов ВОЛРС — «ученой республики»; сторонник демокр. крыла Об-ва П. успешно продвигается к должности редактора ее органа — ж-ла «Соревнователь просвещения и благотворения» (Труды ВОЛРС): в дек. 1819 вместе с Дельвигом избран в состав ценз. комитета, в 1820 исполнял обязанности цензора библиографии, а с нач. 1821 — цензора поэзии и фактически ред. «Соревнователя» (официально с 23 марта 1822). Вице-президентом Об-ва в 1821 избран Н. И. Гнедич, а П. совм. с Дельвигом взял на себя осн. часть труда по цензуре произведений сочленов и ввиду частого отсутствия председателя Глинки (1819—25) выполнял его обязанности в собраниях. Его трудам «сореvнователи» обязаны продуманным планом издания журнала, четко налаженной системой организационных мероприятий.

В начале, вызванном речью В. Н. Каразина «Об ученых об-вах и периодич. сочинениях в России», в к-рой издатель ж-лов обвинялся в пропаганде «инсургентов», «вольных областей» и «их конституций», П. наряду с Кюхельбекером, Дельвигом, Н. И. Гречем, А. А. Никитиным и др. признал оправдат. рассуждение Каразина (15 марта 1820) «весьма оскорбительным для Общества» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 26, л. 70). Происходит сближение П. с крутом Глинки, Гнедича, Дельвига: его активность как политически умеренного члена развивалась в русле просветительских требований. Одновременно с кон. 1822 в Об-ве крепнут позиции «левой» партии Греча, Бестужева, Рылеева, претендующих на руководящее положение.

Решающую роль в консолидации сил сыграл Греч. Видной причиной к разрыванию послужила статья П. об алм. Рылеева и Бестужева

«Полярная звезда» («Соревнователь», 1823, № 1; «эпиграма»). В целом полемик, отклик вызвал, однако, бурную полемику на чрезвычайном заседании 29 янв. 1823. Присутствовали в осн. сторонники партии Греча — Рылеева — Бестужева. Греч в большой мере представил статью П. как «эпиграмную» и оскорбительную для издателей «Полярной звезды», что привело к временному ограничению от дел П., Глинки и назначению на ключевые посты Греча, О. М. Сомова, Рылеева, А. О. Коринловича. Гнедич и Дельвиг самоустранились. Перемена декораций прежде всего устраивала Греча: как издать журнала «Сын отечества» он был заинтересован в ослаблении влияния «Соревнователя» — конкурирующего издания. Об «удаче» Греча свидетельствует отчет скар. Об-ва Никитина за 1823: «Общество, отказавшись уже от славы поминать в „Соревнователе“ отборные произведения, должно было довольствоваться весьма посредственными» (ИРЛИ, ф. 58, оп. 1, № 5, л. 3). Поисторическая асла Об-ва — сохранение числа подписчиков и нерегулярность издания ж-ла — лобовали его членов казаться откровенно о возобновлении активной сотрудничества П. в 1824.

Плодом участия П. в ВОЛРС является идейно однородный цикл критич. статей и рец. (к нему примыкали его пер. из книги Ж. де Сталь «О Германии»: «О главных эпохах немецкой словесности» и «Лессинг и Винкельман» — «Соревнователь», 1820, ч. 11). В образах совр. поэзии — в т. ч. идиллии Гнедича «Рыбак», сатиры М. В. Милонова, в пер. Жуковского «Шильонский узник» Дж. Байрона — критик усматривал приметы народности и гражд. звучания (все три рец. 1822).

В идиллии Гнедича «народное» выдел в использовании «местного» мат-ла — рус. простонар. быта и рус. фольклора (при соблюдении ограничений в изображении «ничего» — истина не должна оскорблять вкуса). Выделя в поэзии Милонова «стихур», «ничего неговорящие» на «разрвет века». П. называет его поэтом «душевного дарования»: «он самым резким чертам изображает пороки» (Плетнев, I, 13, 15, 22). Традиционные, оценочно-эмоц. «стилистические» суждения о стихах П. «пирирается» на конкретные особенности поэтич. речи и нередко соотносит индивидуальную поэтику с всеобщими эстетич. тенденциями времени.

Ж. заслуга П.-критика: он первым в самом нач. 20-х гг. (еще за 14 лет до В. Г. Белинского) ввел характеристики поэтов по внутр. существу их поэзии, прилебая при этом и к общим, историко-типологич. определениям и сопоставлениям.

В «Заметке о соч. Жуковского и Батюшкова» (опубл. в уч. кн. «Опыт краткой истории рус. лит.-ры» Греча, 1822) впервые выделяется общее достижение «сих утвердителей новейшего языка поэзии» русской — «чистота» (отсутствие усеченных слов, насправленных узарений, смеси ставящихся с «рус. наречием»), «свобода» (расстановка слов «в периоды» в согласии с «естественным словосочетанием», что «очищает зоркую течению мысль», придает поэтич. речи «легкость») и «гармония» («золотая звуков, смотря по обязанности мысли, т. е. точного соответствия между поэтич. содержанием и поэтич. выражением»). (Названные П. «совершенство» в целом предвзят пушкинское понятие «школа гармонической точности».) Переходя к индивидуальной типологии, своеобразию поэтов, П. называет Жуковского основателем романтич. школы в России (непривозимым по глубине серьезных чувств, силности воображения и мечтательности, «свежести» картин природы), а Батюшкова — представителем «новой классич. школы» («воображение», выделяющее «истинную обязательность», красота «пластическая», а «лице воображения», «он задумывается, а не воображает», слог его необычайно метричен) (шт. по кн.: «Статьи», 1988, с. 24—28).

Образом емкой духовно-эстетич. характеристики у раннего П. явился заметка «Элегия Батюшкова „Умирающий Тассе“» (в «Журнале изящных искусств на 1823», где он сотрудничал); в ней отмечены и культурно-ист. «подтекст» ряда ключевых слов элегии, и сочетание в ней «героического» и «трогательного», и «моральная истина» о всевластии судьбы, воспринимаемой, однако, с христ. надеждой на «небесное» возрождение, и заветная идея Батюшкова-поэта о единстве жизни и поэзии. Так же сквозь призму одного стих. («Муза», 1821) критик увидел и ряд устойчивых особенностей пушкинской поэтики («необыкновенную прелесть простоты и естественности» вымысла, «живость, разнообразие и легкость» «хода» лирич. сюжета) и способность Пушкина создавать всечеловеческое произведение — «совершенство таланта, ничем не привязанного к к.-н. одному месту на земле, но свободного и всем общему» («Антологические стихотворения: „Муза“ и „К уединенной красавице“» — «Соревнователь», 1822, № 7; цит.: Плетнев, I, 60). О нелюбимости оценок П. свидетельствовал критич. разбор «Кавказского пленника» Пушкина, содержащий упрек в неубедительности любовной коллизии (одобрен на заседании ВОЛРС 11 сент. 1822). По более позднему определению Вяземского, П. рано обнаружил «изящный и верный вкус, с к-рым любил справиться и советоваться Баратынский и сам Пушкин» (Вяземский и Памяти П., с. 154). К 1825 П. уже получил известность как один из лучших столичных критиков, хотя его разборы и рец. почти всегда оставались лишь «добрыми критиками» (по дружески-укорит. слову Пушкина — XIII, 154).

В нач. 20-х гг. П. примыкает к пушкинскому «союзу поэтов» (Дельвинг, Кюхельбекер, Баратынский; сам Пушкин — в смысле). В его лирике на первый план выходят послания с традиц. культом дружбы, личных симпатий («К Дельвингу», «К Баратынскому», написаны в 1820 и 1822); служение «высоким истинам», поэзия утверждаются как абсолютные жизненные ценности, предназначение поэта декларируется как высшее («К Музе», 1822). Жанр послания позволил П. обрести свою нишу в «союзе поэтов», почувствовать себя равным высоким друзьям («К Вяземскому», написано в 1822, «К Ф. Н. Глинке», 1821, «К Н. И. Гнедичу», «К Воейкову» — оба 1822). «Личностный комплекс» плетневских посланий, включавший тяготение к исповедальности, слиняю с миром поэзии и мечты, в известной мере наложили отпечаток на образ П. — адресата пушкинского посвя-

щения к «Евгению Онгину» («Не мысля гордый свет забавить»), где образ-формула «прекрасная душа» (восходящая к понятию нем. септимиентализма «schöne Seele») выражала и склад его души, и эстетико-этич. программу его лирики [см.: Вацуро (2), с. 34, 173].

Не лишней имплицитной способностью (его стих. «К рукописи Баратынского», 1821, долго приписывалось самому Баратынскому) П. в том же году написал послания «Батюшков из Рима» (1821, анонимно) и «Жуковский из Берлина» (1822), выдержанные в элегич. манере поэтов. Авторство первого мн. современники приписали самому Батюшкову, пребывавшему в Италии; но болевшая реакция наступившего дулкнским искутом поэта («Я отныне писать ничего не буду» — I, 290—91), увлеченного в послании открытое признание угасания его таланта, вызвало их неудовольствие: похвальная шутка П. была воспринята как умышленно недоброжелат. мистификация. Гнедич пытался зловеще объяснить и оправдать поступок П. Пушкин же отреагировал (в письме к брату) на огорчит. инцидент резко: «Батюшков из Рима» не имеет человеческого смысла...» (XIII, 46), добавил далеко не лестное суждение о поэзии П. Брат покаял письмом П.; желание правомерно оправдаться в глазах Пушкина вылилось его написать элегич. послание «К А. С. Пушкину», полученное адресатом не позже окт. 1822.

В центре пресально исповедальной элегии — образ бескорыстного труженика на поэтик. поприще, отгороженного чуждой «забав умысла», среди «суровых муз, жеман безнадельных». За традиц. метафорами — «топав одинокий», «бурн грохнул иней» — тупая юность разночища, одиночество в мире, где он «теплой отравной не согрет». Устойчивое уже для совр. лит-ры противопоставление рублина и хилити злуту мира проникнуто у П. такой теплотой, что Пушкин не мог не принять искренности тона элегии и достоинства чувства: «Если первый стих твоего послания написан также от души, как и все прочее, то я не раскаяюсь в минутной моей несправедливости — она доставила нежданное украшение словесности» (письмо к П. от нояб.—дек. 1822).

С 1824 П. — ближайший сотрудник Дельвинга по альм. «Северные цветы». 1-я книга альм. (на 1825; вышла во 2-й пол. дек. 1824) открылась его обзорной статьёй «Письмо к графине С. И. С(алтыковой) о русских поэтах». Статья проникнута патриотич. стремлением открыть образованной публике, увлекавшейся преим. франц. поэзией (особенно А. Ламартиню), несомненные достоинства совр. рус. поэзии — Жуковского, Батюшкова, Баратынского («соединяет истину чувств с удивит. точностью мыслей» — с. 192), Пушкина (его «три поэмы... доставили бы ему славу не только во Францию, но и в Англию» — с. 178), И. А. Крылова, а также Вяземского, Глинки, Гнедича, Д. В. Давыдова, Н. М. Языкова, Кюхельбекера, Рыльева [в альманашной публикации сознательно был опущен отзыв о Дельвинге], — позволившие обозревателю назвать ее началом «золотого века» (с. 174) рус. словесности (инт. по кн.: Плетнев, I).

Отрицат. мнение о статье было высказано А. А. Бестужевым («ахиллес Баратынскому и прочим» — письмо Вяземскому от 12 янв. 1825), но наиб. резко — в рец. на альм. в «Свете отечества» (№ 2, с. 200—08; № 3, с. 320; вероятно авторство Греча и Булгарина — см. об этом в кн.: Пушкин в прижизненной критике, с. 423—24). Однако ею остались недовольны и

Пушкин с Баратынским за апологию уходящей элегич. школы, назвавшее сопоставление с кумиром умалая эсгилов Ламартиню, акцентирование элегич. мотивов в их собственном творчестве, превлечия. деалу элегич. А. А. Крылова и В. И. Туманского, преждевременное провозглашение «золотого века» рус. поэзии и «разнообразия» нашей словесности; словом, в суждениях критика они усматривали следы доромантич. «караменской» эстетики (см.: Вацуро-I, с. 42—43). Критич. разбор статьи, сделанный по настоянию автора, Пушкин дал в письме П. (кон. янв. — нач. февр. 1825); оно не сохранилось, но сужда резюмен Пушклина хорошо просматривается в столь же правдоподобном покаянно-оправдат. письме критика от 7 февр. 1825. Смирясь с осп. пушкинским осуждением, П. все-таки не отказывал совр. рус. поэзии в высоких достоинствах и «разнообразии» «истинных поэтов» (попутно называя «оскобеченными» Г. Р. Державина, И. Крылова и Пушкина).

Той же мыслью — по достоинству совр. рус. лит-ра не уступает совр. европейской — проникнута и собств. рецензия П. на 1-й выпуск «Сев. цветов» («Соревнователь», 1825, № 1, с. 85—111), составленная из характеристик бесспорных образов поэзии и прозы альманаха. Обе «добрые критики» (обзор и рец.) П., несмотря на отрывочность характеристик и отсутствие общезстетич. идеи-ориентира («какая ералаш!» — реплика Пушкина об обзоре в письме Вяземскому от 25 янв. 1825), способствовали (наряду с его же рец. 1827 «О стихотворениях Баратынского», защищавшей поэта от упреков в безнравственности, — СЦ на 1828, СПб., 1827) объединению лит. сил вокруг «Сев. цветов» не менее, чем его участие в редакционно-издательских делах по альманашу.

Еще в 1821 П. предпринял 2-й книжно-издательский опыт: по просьбе Тургенева выступил в свет сочинения В. Л. Пушкина. Удачное начало укрепило его авторитет в кругу петерб. литераторов в качестве «энтузиаста истинных талантов» (как сам он себя называл). В 1823 он взял на себя хлопотные обязанности по 3-му изд. «Стихотворений» Жуковского (вышло в трех томах к нач. марта 1824). Издание удалось: Пушкин пожелал издать «не хуже» собств. стихотворения — при участии того же П. В 1824 Пушкин поручает ему издание 1-й гл. «Евгения Онгина» и включает его в число судей романа: «Созови мой Ареопаж, ты, Жуковский, Гнедич и Дельвинг — от вас ожидаю суда и с покорностью приму его решение» (письмо к П.: кон. окт. 1824). В 1825 поэт уполномочил П. издать его стихи, расположив их и исправив смысловые искажения по собств. усмотрению. В янв. 1826 издание вышло в свет («Стихотворения Александра Пушкина», СПб.), и П. хлопочет о публикации глав романа (Пушкин решает опубликовать отдельно 4-ю и 5-ю гл. с посвящением П.; 1828). Переписка П. с опальным поэтом уже к 1824 отнюдь не сводилась только к материально-

деловым издат. интересам и была исполнена духовного и лит.-эстетич. взаимопонимания. В 1826 за Пушкиным устанавливается полит. надзор (по делу декабристов), а вместе с ним, с 6 мая, учреждено секретное наблюдение за П.

Очевидно, что П., как и др. участники дельвинговского кружка (хотя и в меньшей степени), сочувствовал декабристским взглядам эпохи: обличению двора, отщепенцам и без того «несчастную долю» «судеделов» (послание «К Вяземскому», 1822, опубл. 1885), осуждению произвола властей, официоза и засилья цензуры («И хар убит несчастьем и стеной» — не пропущенная цензурой строка в послании «К Пушкину»), хотя идеологии декабризма он остался чужд (что не мешало ему ценить стихи Рылкова, Кюхельбекера, Ф. Глинки и соглашаться с их анонимной публикацией в дельвинговских изданиях после восстания 1825).

Самые заметные и сокровенные интимные чувства и мысли П. посвящая своей лирике. Вероятно, в 1824 его настало тяжелое сердечное испытание — разлука с женщиной близкой ему и «сердцем, и душою», но внезапно полонившей чужим пороком, лишившейся в «образе дружества» («Разлука», написано в 1824, опубл. 1825). Серьезная боль отозвалась «улыбкой» мотивами в стих. 1824—25: прощание «и с весной и с красотой», несбыточность желаний и надежд («Изнанка»), «души черныя» («К товарищам»), «дух немощи» и сомнения, игмена собственной душе по приходе страстей («К И. И. Козлову»); закрывает их почти романтизм, отчаянием в стих. «Объяснение» (написано до окт. 1825): «Я мрачен, дик, людей бегу!.. Боюсь друзей возненавидеть!.. Мне страшно думать это людям» (последний стих не раз цитировался в переписке Пушкина и его родных).

Этим же настроением окрашено «Послание к Жуковскому» (1824, опубл. «Современник», 1825, № 1). Высоко чте поэзию Жуковского и зашиная ее от критик. нападок, П. не пренебрег, однако, высказал сомнения в благоговении поэта, упоминания о реальном торжествующем зле.

Согласно архиву (РГИА, ф. 519, оп. 9, 1826 г., л. 607, л. 3—4) к концу июля 1826 П. был женат. Прот же относит женитьбу П. на С. А. Раевской (1795—1839) к концу 20-х гг. (они имели дочь Ольгу, май 1830 — окт. 1851).

В нач. 2-й пол. 20-х гг. П. написал ряд кратких «антологич. аллегорич. идиол.» наряду с «Садовником» (и в русле того же патриархально-горананского устроения) — «Рассудок и страсть», «Море», «Ночь» (все — СЦ на 1827) и «Беззастенчивый» (СЦ на 1828, 1827). Они исполнены умиротворенной и чистой мечтательности; интонационно-синтаксич. строй, особенно размеренный рус. александрийский стих — отделаны строго и в уклон осн. мотивам элепч. миниатюр. Им по существу закончился творч. путь П.-поэта (после опубл. два персодовых отрывка из «Ромео и Юлии» Шекспира — без подписи и ориг. «Отрывок»).

Во 2-й пол. 20-х гг. расширились пед. занятия П.: с 1826 (по рекомендации Жуковского) преподавал язык и словесность вел. кн. Елене Павловне, с янв. 1828 — вел. княгиням Марии Николаевне, Ольге Николаевне и наследнику — будущему имп. Александру II (с ним занятия продолжались до 1837); с мая 1825 до февр. 1828 — в Пажеском корпусе; с мая 1830 до 1832 — в Школе гв.

подпрапорщиков и кав. юнкеров. (Уже в 1826 получил 2-й орден за пед. деятельность.)

В тот же период, оставаясь в ядре дельвинговского кружка, П. продолжал интенсивно сотрудничать в издании «Северных цветов», в т. ч. подбирал мат-лы, вел переписку с авторами, корректуру, переговоры с цензурой (с нач. 1827 свои редакционные хлопоты делил с Сомовым). Участвовал также в изд. «Лит. газет» Дельвига (янв. 1830 — июнь 1831).

В 1830 Жуковский препоручил заботам П. молодого малороса — Николая Гоголя (уже признавшего авторитет критика анонимным предположением ему в 1829 книжки «Ганс Гюхельгартен»). П. посодействовал его учительской карьере, но, главное, с воодушевлением подвел начинающего писателя под «благословение» Пушкина (их личная встреча состоялась у П. 20 мая 1831; см. также письмо П. к Пушкину от 22 февр. 1831). Введение в пушкинский круг привело к решит. повороту в творч. судьбе Гоголя.

В 1831 П. постигло горе: неожиданная кончина Дельвига и вскоре скорострительная смерть от холеры П. С. Молчанова, второй его привязанности (стат.-секр., его покровитель при дворе). П. «ко всему охладел» (из письма к Пушкину от 19 июля 1831) и погрузился в уныние и апатию настолько, что почти не участвовал в издании последнего вып. «Сев. цветов», посвященного памяти Дельвига (Баратынский тчетно уговаривал его: «Примись опять за перо, мой милый Плетнев»: «выразит чувство ... значит овладеть им. Вот почему самые мрачные поэты могут сохранить бодрость духа» — см.: Летопись жизни..., 1998, с. 264).

В «Некрологич.» другу (ЛГ, 1831, 16 янв.), написанной намеренно сдержанно и беспристрастно, он выложил три достоинства творчества и деятельности Дельвига: «чужда возмущенной простоты» в поэзии, «чистота и ясность» критич. суждений о «разных отраслях словесности», «аристократич.» ума и сдержан в об-ве, сложившаяся вокруг него как издателя «Сев. цветов» и «Лит. газет». Пушкин, не раз перечитав «некрологич.», одобрил ее.

Со смертью Дельвига «союз поэтов», бывший ядром дельвинговского кружка, распался; отделяется Баратынский (хотя с самим П. он до конца жизни сохраняет прежние дружеские отношения и переписку). В июне закрылась «Лит. газ.», в дек. вышли последние «Сев. цветы» (на 1832 г.). В лит. деятельности П. наступил спад, отчасти обусловленный и его новой, ответственной пед. деятельностью в сент. 1832 по приглашению С. С. Уварова он занимает кафедру рус. словесности Петерб. ун-та и Гл. пед. ин-та в звании ordinarily профессора. 31 авг. 1833 на торжественном открытии уч. года произнес речь «О народности в лит-ре» (публикация речи открывала пер-

вый программный номер «Журнала Мин-ва нар. просвещения», созданного в 1834 под эгидой Уварова).

П. соотнес и связал «идею народности» с понятием «нашин»: «нашню» помимо языка определяет некое самобытное единство душевных «стихий», особенностей «народного духа» и «нравств. сил» народа, складывающихся и проявляющихся в ходе его истории; именно они являются «конечной причиной всех учреждений, всех подвигов, всех памятников, существования ... наших» (с. 6). Устремленность к нап. истокам наиболее естеств. путь художника к достижению «истины» в иск-ве; так П. стремится сомкнуть «идею народности» с понятием правды в иск-ве (путно осуждая «проповедников космополитизма», готовых «весь род человеческий облечь в свою бесцветную одежду» — с. 17). В России народность в лит-ре «возродили» Державин и Д. И. Фонвизин (чему способствовала Екатерина II, ее «верование в историю России» и «воззвание русского духа на все попрания гражданственности нашей» — с. 24), а закрепили ее «преимущество» в лит-ре — Карамзин-историк и Крылов (с. 24, 29).

Утрата друга еще теснее сблизила Пушкина и П. В 1835—36 П. ревностно сотрудничает в пушкинском «Современнике»: заведует редакцией, корректурой, пишет статьи — так, в первом же номере ж-ла публикует программную ст. «Императрица Мария» (1836).

Гибель Пушкина глубоко сокрушала П.; он был одним из немногих, кого пожелал поэт видеть перед смертью (в 1838 П. написал: «Я был для него всем, и родственником, и другом, и издателем, и кассиром» — Пушкин и его современники..., в. 13, СПб., 1910, с. 636). В 1837 вместе с Жуковским, Вяземским, В. Ф. Одоевским и А. А. Краевским выпускает в пользу семьи 4 тома «Современника» (более походившие на сб-ки поэзии и прозы). Безвозмездно участвует в посмертном издании «Соч. А. С. Пушкина» (т. 1—8, 1838, т. 9—11, 1841), терпя подчас небосбосн. упреки и грубый тон Опеки. Отчитываясь за каждый свой шаг, отстаивал право издавать в «Современнике» неопубл. произв. Пушкина, ссылаясь на Жуковского, но не получал его поддержки, что обижало П. Написанный им для собр. соч. очерк о творчестве и личности Пушкина Опека отклонила как не соответствующий жанру биографии. Опубликованный позже в «Современнике» под назв. «Александр Сергеевич Пушкин» (1838, т. 10), он был замечен Белинским: «Статью эту можно назвать взглядом на жизнь нашего поэта» (II, 407).

В 1838 П., следуя примеру и заветной цели Пушкина, взял на себя бремя издателя-редактора «Современника» как журнала, полагаая на участие в нем литераторов из ближайшего окружения Пушкина 30-х гг. и вкладчиков «Совр.» 1836 и 1837.

Временное огорчение не ослабило крепнувших в 30-е годы отношений между П. и Жуковским — во 2-й пол. десятилетия они приобрели характер идейно-эстетич. близости, явно запечатленный в их ставшей с сер. 30-х гг. систематич. переписке. Усилиями П., Вяземского и Гоголя Жуковский воспринимался как духовный глава «послепушкинского» кружка («У тебя на Руси, — писал Вяземский 21 ноября 1842 — есть апостольство и ты должен проповедовать Евангелие правды и Карамзин за себя и за Пушкина»).

«Современник» сохранил прежние ведущие вкладчиков: Жуковского (стихов, сказки: «Тыльшанное зеро», «Кот в сапогах», «Сказка об Иване-царевиче и сером волке»; стихи, переводы, статьи), В. Озоевского («Городок без имени», «Психологические замечки»), Тургенца («Хроника русского»), Баратынского (св. 10 стих.), Вяземского, Гоголя (2-я ред. пов. «Портрет», ст. «Об „Одиссее“, переводимой Жуковским»), Тютчева (14 стих.); однако деятельное участие в судьбе ж-ла ближайшие друзья Пушкина не приняли. Сам П. напечатал ок. 50 статей и библ. заметок, в т. ч. направленных против «торговой словесности» (тогдашней «массовой литературы»), к к-рой относил и чересовидные романы «новой франц. школы», постоянно указывая на их «безвкусицу» («Совр.», т. 44, с. 246—247); опубли. не менее 50 зам-лов (стихов, и прозаич.) из наследия Пушкина. Из поэтов «пушкинской поры» в ж-ле участвовали также Ф. Глинка, Н. Яковлев, из поэтов, зашедших о себе в ее последнее пятилетие. — М. Д. Деларю (преим. переводы), Л. А. Якубович, А. В. Кольцов (6 стих.), П. П. Ершов, Е. П. Ростопчина (ок. 40 стих.; 10 дек. 1840 П. назвал Я. К. Гроту, «она... первый поэт теперь на Руси»); из вошедших в лит-ру вслед за ними «Совр.» опубли. стихи Э. И. Губера, К. М. Айбулата, И. П. Матвеева (свыше 10 стих.), Н. Я. Прокоповича, В. Г. Бенедиктова, Е. П. Гребендик, ранний М. Е. Салтыкова-Шчедрина (8 стих.), И. С. Тургенева, Н. С. Аксакова (1846, т. 4) и Н. В. Берга (преим. переводы с сербского), малоизвестной поэтессы Е. Н. Шаховой, а также «введенная» в лит-ру непосредственно П., — Е. Л. Милькева и Д. И. Коптева, в 1837—38 в «Совр.» появились «Бороздино» (т. 6) и «Тамбовская канцелярия» (т. 11) М. Ю. Лермонтова.

Проза «Совр.» (включая не только «изысканную словесность», но и ист. статьи, правды, очерки, воспоминания) представляла помимо названных давних вкладчиков имена А. И. Никитиной, П. А. Кулиша, Ф. Ф. Корфа, И. В. Невзломского (историка), О. П. Шлишковой, В. И. Дала (скупю и до 1842). Но ведущим беллетристом стал Г. Ф. Квитка (преим. своими серьезно-чувствительными) — в традици. сентиментализма — пов. и романы, весьма ценными П., — см. письмо Вяземскому от 28 дек. 1838; побуждаемый П., он написал также два памфлета «Живые поэты» (1840) и «Мисюрю Евстратия Милушина» (1841), колко засевавшие альянс Греча — Булгарина, Н. А. Полевого, а также статьи Белинского в «Отеч. зап.».

Критика «Совр.» написана по преим. самим лт. редакторам. Старшим именитым лт. друзьям и близким — Жуковскому, Вяземскому, Гоголю — принадлежат лишь отз. выступления. Не лишены критич. актуальности и ист. историко-лит. статьи Я. К. Грота, второго, после П., лица в «Совр.» — и как плодотворного автора и как непосредственного соучастника в составлении программы и редактуре очередных номеров. [Лично их знакомство состоялось при посещении Гро-

лом (по приглашению хозяина) «плетневской среды» 2 марта 1838 для обсуждения сделанного гостем пер. «Мэксид» Байрона. Перевод вышел в т. 1 за 1838, и вскоре Грот стал постоянным сотрудником, а затем другом П. на всю жизнь, несмотря на 20-летнюю разницу в возрасте (в февр. 1841 они заочно выжили «для потопления ненавистного „ды“ и перейти на „ды“»). Вместе с Иппитовой, дружески преданной П., они составили редакционный «триумвират», осн. на лт. единомыслии и идеаль. единодушии и так определявший критич. «лицо» ж-ла: «Суждение „Совр.“ беспристрастно, положительны и строго усердны, сколько требует того перва в общественной обязанности — благоприличия» (т. 9, с. 330). (О составе ж-ла см.: [Грот Я. К.], Ук. содержания «Совр.» за десятилетие с 1836 по 1845 г., СПб., 1846.)

Благодаря Гроту «Совр.» явился посредником между рус. и скандинавской культурами, опубликовав немало переводов лит. памятников и произв. швед. и фин. авторов, а также работ о них (в т. ч. П.: «Финляндия

«Современник» (СПб., 1836). Обложка.

дня в рус. поэзии», 1842, и «Епископ Франсен, шведский поэт», 1845). Ориентируясь на сканд. лит-ру (особенно Фредерику Бремер и Х. К. Андерсена), «Совр.» вырабатывает своеобразную концепцию «Севера» как альтернативу «схватке» западников и славянофилов: в сканд. цивилизации достоинства европ. просвещенности сочетаются с неспорченностью и патриархальной нравственностью.

Обстоятельства, требовавшие пост. присутствия П. на посту издателя, выдвинули его не только как связующий центр для литераторов старшего поколения (наряду с Жуковским, активно переписывается с Вяземским, Гоголем, для к-рого становится, как прежде для Пушкина, и другом, и издателем, и кассиром), но и как наставника и покровителя для молодых литераторов (к чему его подвигала и проф. деятельность).

В 1838 он принял участие в судьбе сиб. поэта-самородка Милькева, публикуя на страницах «Совр.» его автобиографию, стихи и любуясь материально. П. стал крестным отцом «Конька-горбушка» 19-летнего студента П. П. Ершова:

ввел сказку в студенч. аудиторию, а автора — в круг Пушкина, Жуковского (в 40-е гг. между ними сохранился переписка, Ершов переслал из Сибири для «Современника» два неопубл. стих. Пушкина, посл. И. И. Луизию и от него же полученный П. одобрительно отзывався о рукописи «Сибирских вчергов» Ершова и выслотал для него должность ассистент-профессора в университете Ершова (не смог воспользоваться). П. открыл для лит-ры писательницу Н. С. Козановскую, заочное знакомство с к-рой началось в 1846, а в 1850 он рекомендовал ее Жуковскому как «чуждое существо», автора «интересных, оригинальных и со всею увлекательностью написанных» рассказов (Плетнев, III, 622). Сборник Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» (1843) П. увидел как создание поэта многообещающего, названного «миллищим воображением». (Поэзия привлекала лит. дарование Некрасова, считал возможным говорить о существовании школы «некрасовцев», но не принимал его общества-журналист. позицию.)

«Совр.» почти все время сознательно чуждался открытой идейно-обществен. полемики и борьбы «лит. партий». Но к «скрытой» полемике он прибегал не раз: так, статья П. о пер. Жуковского «Нале и Дамаянти» явилась козырным ответом на упрек Белинского в несоответствии общественным вопросам «безличностного» пафоса Жуковского; его мемуарно-биограф. очерк о Пушкине противостоит некрологич. ст. «Пушкин» Н. Полевого; в его же рецензиях на первые стих. Тургенева, А. Н. Майкова, А. Н. Плещеева улавливается стремление огранчить поэтов от влияния Белинского, направив их в «пушкинское» русло.

Отстраненность от прямой полемики вокруг кардинальной для 40-х гг. рус. культуры проблемы — «западничество и славянофильство» вызвала недовольство даже у сочувствующих П. славянофилов: И. В. Киреевский называл направление «Совр.» «исключительно литературным» (Киреевский, с. 199) и, по словам самого обиженого П., уверял, что ж-л «закупорил себя в устарелой форме эстетич. изящества» (РНБ, ф. 850, № 441. письмо С. П. Шевырёву от 4 апр. 1846). Второй упрек П. толкует суждено: как увлеченность внешними, формальными изысками, и в оправдание (хотя и не по адресу) в том же письме пишет: «Я в самых коротких моих заметках всех выражал идею, что литература и жизнь — одно и то же, что изящество без отношения к фактам — пустозвон» (там же).

Вторым «недостатком», охлаждавшим интерес к ж-лу широкой публики, стало исчезновение в нем, с нач. 1840-х гг., русской прозы: настало время прозаичности рус. словесности и распространения в ней принципов «натуральной школы», а «Совр.» воспринимал ее довольно критично. Гоголь, вначале приветствовавший «скромное и чистое направление» «Совр.» («рыночная толпа не должна знать к [нему] дороги» — см. письмо к П. от 17 марта 1842), сочувствовавший его внеконфликтной поэзии, со временем опасался его недееспособ-

собности; а в 1846 он вынес строгий приговор: «„Современник“ вышел плохим журналом. Несмотря на прекрасную цель» (Гоголь Н. В., Письма, т. 3, СПб., 1901, с. 267).

В 1840-е гг. П. способствовал изданию «Мертвых душ» и «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя. Его ст. «Чичиков или „Мертвые души“ Гоголя» («Совр.», 1842, т. 27), ставшая событием в лит. жизни, написана по просьбе автора: «Я дорожу вашим мнением. У вас много внутреннего, глубоко эстетического чувства, хотя вы не брызжете внешним, блестящим фейерверком» (Гоголь, ук. соч., т. 2, с. 231—32). Белинский признал статью П. «единственно хорошей статьей из всех напечатанных по поводу поэмы Гоголя» (VI, 410). Определяющая установка статьи: «Мертвые души» — вершинное «создание ума высшего и необыкновенно оригинального» и нуждается не в защите, а в понимании (Плетнев, I, 480).

Гоголь идет по пути непроторенному и сам создает эстетич. традиции; он «возводит в эстетич. сферу такие обстоятельства, из к-рых обыкновенный читатель не извлек бы ничего, кроме наглых острот и скучных шуточек»; он видит даже в мелких героях, высокое и трагическое, у него «ничто не смелой, потому что в жизни и действиях каждого есть истина, убеждающая читателя». Недостатком ром. П. считает отсутствие в нем «серьезного общественного интереса»; «но его мы еще не встречаем и в нашей жизни» (там же, с. 487).

Во 2-й пол. жизни П. создал лучшее в своем лит. наследии — «биографии»: Пушкина (1838), Баратынского («Е. А. Баратынский» — «Совр.», 1844, т. 35), Крылова («Жизнь и соч. П. А. Крылова» — в кн.: Крылов И. А., ПСС, т. 1, СПб., 1847) и Жуковского («О жизни и соч. В. А. Жуковского» — «Живописный сб.», 1853, т. 3), выполненные в жанре лит.-мемуарного портрета или очерка. «Биографии» вочию «оправдали» предсказание П. в давней элэгии, обращенной к Пушкину: «Их счастьем я счастлив был равно; / В моей тоске я видел их унылых; / Мне в славе их участие дано; / Я буду жить бессмертным мне милых» («К А. С. Пушкину»).

Общей основой и решающим «документальным» источником «портретов-очерков» явилось личное знакомство автора с их «героями». Оно влекло за собой другую особенность — «анекдоты» или «предания» из жизни писателя. П. успешно избегал подмены повествования «распространенным» формулярным списком. Пушкинская идея об «анекдотах» отложилась в сознании П. рядом с другим советом поэта: писать «жизнь, богатую не романтическими приключениями, но прекрасным, светлым, чистым разумом и надеждами» (Плетнев, III, 363).

В очерке о Пушкине гг. источником информации стали письма поэта к П. Публикуемые впервые, скупо и борозжа, они вводили в повествование

сложные и простые вместе коллизии внутр. мира поэта. В портрете Баратынского минимум личного начала — встреча, писем. Он представлен психологом-аналитиком: «Он весь предается развитию страсти, изменению человека по глубине его сердца и воли» (Плетнев, I, 560). В портрете Крылова изобилуют «анекдоты», что особенно способствует рельефности и полноте портретирования рус. баснописца на широком фоне лит.-обществ. жизни. Критик убежден в «эксклюзивности» баснописца. «На него никогда не пройдет мода, потому что успех его от нее никогда и не зависел» (Плетнев, II, 111). Парадоксы личности и творчества Крылова наложили отпечаток на стиль, манеру, характер заключений самого «портретиста» (по оценке Белинского, «умная, мастерски написанная работа» — X, 270). Портрет Жуковского отличает элэгия, интонация. Литер. стиль, присущ ретроспекции, вытекает из писем: создают оптимистич. связи времен почти 5 десятилетий. П. рисует мастера и в процессе творчества, и стоически несущего бремя земных невзгод, повелевающего своей большой плотью. Повествование пронизано атмосферой «высокого»; судьба поэта и судьба России слены — такова исходная позиция П. при характеристике и переломе Жуковского и его патриотич. стихов («Эпоха была беспримерная — и люди выжили достойным ее» — Плетнев, III, 767).

Боле чем сдержанно отнеслись П. к М. Ю. Лермонтову и А. И. По-

П. А. Плетнев. Рис. Борнстольца. 1840-е гг.

лежаеву; он не сочувствовал подчеркнутой дисгармоничности их поэтик, миров. В переписке с Гротом скептически отзывался о Лермонтове, но как критик, историк лит-ры признавал «независимость таланта» и «верность чувств» поэта. Называя Лермонтова идейным преемником Пушкина («прекрасно достигнул все то, что ... завещал великий его предшественник» — «Совр.», 1843, т. 29, с. 121), считал, однако, что Лермонтов не внес в литературу «нового характера и собственного направления». Среди последних выступлений П. в критике «Отзыв о драмах „Горькая судьбина“ и „Гроза“» («Отчет о четвертом присуждении награды графа Уварова», СПб., 1860, с. 30—41). Высоко оценивая драмы (отмечая даже их «привилегированность» в рус. лит-ре 2-й пол. XIX в.), он как председатель II отд. АН (с марта 1859) исходатайствовал присуждение писем А. Ф. Писемского и А. Н. Островского академич. премии.

Последние пять лет жизни из-за болезни провел во Франции, вместе со второй женой (после десятилетнего вдовства П. в 1849 обвенчался с княжной А. В. Шетинной; у них родились два сына), где и скончался. «Заслуги, оказанные им отечественной литературе, не кидаются в глаза с первого раза. Но они отыщутся и по достоинству оценятся при позднейшей разработке и приведении в порядок и ясность действии и явлений современной ему эпохи», — так писал Вяземский («Утро. Лит. и полит. сб.», М., 1866, с. 154).

За 5 дней до смерти по просьбе М. М. Стасюлевича П. написал письмо для первого номера «Вест. Европы» (1866) о высокой культурно-ист. миссии Карамзина, его плодотворных усилиях примирить различные культурные и общественные рус. течения, сохраняя при этом их способность к обновлению и развитию. Письмо стало лит. завещанием самого П.

Др. произв.: «Хронологический список рус. сочинителей и библиографич. замечаний о их произведениях» [Пособие по истории словесности для наследника] (СПб., 1835; перепеч.: «Сб. Импер. рус. ист. об-ва», т. 30), «Шекспир» («Совр.», 1839, т. 13), «„Опыт истории рус. лит-ры“ проф. Никитенко» (там же, 1845, т. 38), «Граф Е. Ф. Канкрин» (там же, 1846, т. 42; включает сведения о нем как писателе), «К читателям „Современника“» (там же, 1846, т. 44), «Памяти С. С. Уварова, президента АН» (МВед., 1856, 28 февр., 1, 5, 6, 8 марта).

Изд.: Соч. и переписка, т. 1—3, СПб., 1885 (т. 3 включает поэзию и переписку с Пушкиным, Вяземским и Жуковским); [Стих.]. — В кн.: Поэты 1820—1830; Избр. послания А. Н. Майкова и П. — РЛ, 1984, № 2 (изд. Е. П. Горбенко); Стихи. Стихотворения. Письма, М., 1988 (вступ. ст. А. А. Шеловой); К моей родине. Собр. стих., Тверь, 1992 (вступ. ст. С. Белковой и М. В. Строганова); Стихотворения (сост., ред. текстов и прим. С. П. Белковой и М. В. Строганова) и Треть. 1998 [полн. комментарий, собр.]: О новых стих. В. А. Жуковского. — «Филология», Краснодар, 1993, № 1 (изд. Е. П. Горбенко); [Рец. и отзывы о Пушкине]. — В кн.: Пушкин в прижизненной критике 1820—1827. СПб., 1996 (ук.).

Письма: Переписка Я. К. Грота с П., т. 1—3, СПб., 1896 (ук.); Муратов (I); Письма к В. А. Жуковскому — Ежегодник РО ПД, 1980, Лт., 1984 (изд. Е. П. Горбенко); Горбенко Е. П., Из переписки П. (1821—1864). — Памятник культуры, 1986, Лт., 1987; Переписка Н. В. Гоголя, т. 1, М., 1988 (замыслил и комм. о переписке П. — М. Н. Виროлаини; ук.). См. также раздел Изд.

Биогр.-мат-лы: Тургенев И. С., Лит. воспом. о П. [1869]. — Тургенев, XI; Грот Я. К., [Восп. о П.]. — РА, 1869, кн. 3 (есть отзыв о ст. Тургенева; ср. также ее сдержанную оценку Гротом в кн.: Сб. ОРЯС, 1885, т. 36, № 2, с. 14); М., Восп. из дальних лет. — РС, 1881, № 5; Вяземский П. А., Памяти П. — Вяземский, VII; Устрялов Ф. Н., Восп. о С. Петерб. уни-те в 1852—1856 гг. — ИВ, 1864, № 6; Скабичевский А. М., Плетнев, Биограф. очерк. — ВЕ, 1885, № 11; его же, Катарсический опыт тридцати годов (Переписка Грота с П.). — РМ, 1897, № 7; Колмаков Н. М., Очерки и восп. [1835—1840]. — ГС, 1891, № 5;

ПЛЕХАНОВ

Майков Л. И., Пашот П. — *Сб. ОРЯС*. 1892. т. 54, № 2; Петров П. В. — *О саваих учителях П. с литератором Пушкиным*. — *РС*. 1899. № 6; Плещеев Ал. (сын П.). — *Восп.* о П., СПб., 1907, с. 3—14.

Лит.: Пушкин: Пушкин: Переписка: Пушкин: Письма (в т. ч. биогр. заметки о П. — [т. 4], с. 446—47); Кюхельбекер; Тургенев А. И. *Хроника русского...* М.—Л., 1964; Барсуков; Беллицкий; Никитенко; Аксаков И. С. *Письма к родным*. 1844—1849. М., 1988; [кн. 2], 1849—1856. М., 1994 (все — ук.); Давыдов И. И. *Заметки о лит. трудах...* академика П. ... — *Изв. ОРЯС*. 1853. т. 2; Кулиш П. *Заметки о жизни Н. В. Гоголя...* т. 1—2. СПб., 1856; Данилевский Г. П., Основьяченко, СПб., 1856; Чернышевский (ук.); Вяземский П. А., Пашот П. — «Утро. Лит. и полит. сб-ка». М., 1866 (то же в его кн.: *Эстетика и лит. критика*, М., 1984); Лонгинов М. П., А. Плещеев. — «*Совр. летопись*», 1866, № 2, 3; Коронюковский И., Воспоминание о П. — там же, 1866, № 6; Летописец Дмитрий (Языков Д. Д.), *Жизнь и труды П. в рус. лит-ре*. — БЗ. 1892, № 7; его же, П. А. Плещеев, М., 1896; Пономарев С. И., П. и И. С. Соханская. — В кн.: Соханская (Сохановская) Н. С., *Автобиография*. М., 1896; Глазковский Б. Б., *Загробный ж-л Пушкина*. — *ИВ*, 1897, № 1; Платонова Н., Переписка Я. К. Грога с П. — *ЖМНП*, 1897, № 9; Грот Я. К., *Труды*, т. 3. СПб., 1901; Письма Н. В. Гоголя, т. 1—4. СПб., 1901; Белошапкина Д. П. как лит. критик. [СПб., 1903]; Каминский В. А., П. и его отношения к Жуковскому и Пушкину. — *РС*, 1904, № 9; его же, П. как критик и публицист. — *РС*, 1906, № 11; его же, Гоголь и П. — *Изв. ОРЯС*, 1912, т. 17, № 2; Грот К. Я., Плещеев. — *РБС*, 1905; В. Н., *Жизнь и лит. деятельность П.* — *РС*, 1908, № 6—8 (библ. 76 номеров); Кружковский А. В., П. как критик. — *ФЗ*, 1916, в. 1.

Розанов Н. Н., Плещеев. — *В* его кн.: *Пушкинская легенда*. М., 1923; Айтенштох И. Я., Г. Ф. Квитка и П. О. Плещеев. — «*За это лит.*», Х.—К., 1930, кн. 5; Архив Онегина Пушкина. М., 1939 (Летописи ГИМ, кн. 5); Левакович Я. Л., *История статьи Пушкина «Альмашицкий»*. — *Пушкин. Иссл.*, т. 1, М.—Л., 1956; Базанов (ук.); Гиляровский М. И., П. А. Вяземский... Л., 1969; Азбукин В. Н., *Лит.-критич. взгляды П.* — В кн.: *Романтизм в искусстве*. М., 1972; *Возникновение рус. науки о лит-ре*. М., 1975 (ук.); Вацуру (3; ук.); Горохова Ф. М., Пушкин и эстетика К. Н. Батюшкова «Умирающий Таос». — *Пушкин. Временник*, 1976, Л., 1979; Горбенко Е. П., П. и А. С. Пушкин. — В кн.: *Эстетик. взгляды писателя и худож. творчество*. Красноар., 1981; *се же*, П. как исследователь др.-рус. лит-ры. — *РЛ*, 1982, № 4; *се же*, П. — лит. деятель пушкинских эпох. (20—40-е гг. XIX в.). Л., 1983 (авторф. канд. дис.); Вацуру В. Э., А. С. Пушкин и П. — *Пушкин. Переписка*, т. 2; Шубин В. Ф., *Вечера П. в Ресторане Фисше*. — В кн.: *Очерки по истории Ленинград. ун-та*, т. 5. Л., 1984; Горбенко Е. П., Профессора словесности. — Там же; Прокурякина В. Ю., *Эстетика*. позиция П. — издателя «*Современника*». (1838—1846). — *ВМУ*, 1984, № 6; *се же*, П. — лит. критик. — *ФН*, 1985, № 5; *се же*, Лит. позиция ж. «*Современник*» (1838—1846 гг.). М., 1985 (авторф. канд. дис.); Афанасьев В. В., Жуковский, М., 1986, с. 223, 295, 387; Яворская Л. К., Поэма А. С. Пушкина «Кавказский пленник» в оценке П. — В кн.: *Рус. поэзия XVIII—XIX вв.*, Куйбышев, 1986; Вацуру В. Э., «Отлит промолочена». — *ЛО*, 1987, № 2; Вацуру (2), с. 171—76 (и ук.); Смирнова-Россет А. О., *Дневник*. *Восп.*, М., 1989 (ук.); Песков А. М., *Боратынский*. М., 1990 (ук.); Кибальниченко С. А., *Рус. апокалипс. поэзия I—II трети XIX в.*, Л., 1990 (ук.); Горбенко Е. П., П. — лит. деятель пушкинских эпох. Красноар., 1992; *се же*, В. А. Жуковский и П. (О лед. деятельности и историко-лит. концепции творчества). — «*Филологический*», Красноар., 1993, № 1; *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского*. М., 1998 (соств. А. М. Песков ук.); *ЛН*, т. 16/18, с. 21, 156...188, 203...247—50...298, 350...378, 517...595, 608...652, 711...795, 810—811, 840—43...899, 916...974, 1023...1088, 1132...1163; т. 4/9/50, с. 98, 154...190, 354—56...378, 440—41; т. 56, 57, 58, 59; т. 60, 76, 86, 87; т. 97 (Ф. И. Тютчев). + Брокгауз: РБС; Сл. ОЛРС; ИБРЛБ;

КЛЭ; *Чертежный*; *Лерн. энци.*; *Рус. писатели*, т. 2 (ст. В. Ю. Прокурякина); Муртова (1; 3 — № 2952—2960, о ж-ле «*Современник*»); Массанов.

Архивы: ИРЛИ, ф. 234 (10 описей: автографы стихов, статей; офин. документы: письма П. к Пушкину, Жуковскому, Вяземскому, Глинцу, М. Д. Деларию, М. А. Дмитриеву, Н. Б. Булову, К. Д. Кавелину, М. Н. Лонгинову и др.; письма к П.; мат-лы к биографии; статьи и мат-лы Я. К. Грога о П.); ф. 58, № 47, 49, 97—99 (о лит. деятельности П. в ВОЛРС; № 48, 49, 50, 56 (об участии П. в организации работе ВОЛРС и в издании «*Соревнователя*»); РНБ [письма П. к Г. П. Данилевскому (9. 1851—63), К. А. Коссовому (5. 1847—48), В. Ф. Одоескому (11. 1838—61), С. П. Шенарву (56. 1837—1863) и др.]; письма к П. Жуковскому (11. 1848—52), П. А. Кулиша (38. 1846—61); биогр. мат-лы о П.: С. Д. Поторащкому, П. П. Пескарского — см. шифры в справочнике: ППБ, Ук.); РГБ. [Письма П. к М. П. Погодину (1828—1861) и от Погодина (1851 и 1859—1865); к В. Н. Каратыну (1838), А. П. Елагину (1840), И. Е. Бесухому (1844); от Игнатия Британникова (1847); к С. Д. Поторащкому (1849; рядом библ. заметка о П.); А. С. Норову (1850); А. П. Зонтаг (1852); Н. С. Тихонравову (1855); В. И. Григорьевичу (1860); А. О. Смирновой-Россет (1861) и др.]; НБ СПб ГУ, а. 54; а. 161, № 1—3, 6; а. 205 и 212 (сведения о деятельности П. в ВОЛРС с 25 сент. 1819); РГАН. [Письма П. к нему]; П. А. Вяземскому (1822—1864); И. И. Сретенскому (1830—1863); А. И. Тургеневу (1838—1843); В. И. Далю (1838); С. А. Соболевскому (1838—1862); Ф. И. и А. П. Глинкам (1839—1854); С. Т. Аксакову (1846, 1855); И. С. Аксакову (1846); К. С. Аксакову (1860). и др.]; от С. Т. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. А. Вяземского и др.; РГИА, ф. 759, оп. 19, а. 4126 (ф. с. 1840 г.); ф. 733, оп. 279, 242 (ф. с. 1861 г.); ф. 772, оп. 1, а. 1011 (о разрешении издателя ж-ла «*Современник*»); ф. 1661, оп. 1, а. 1370 (3 письма К. С. Сербиничеву 1846 о задержке цензуры 2 тисем Гоголя из его рукописи «*Выбранные места из переписки с друзьями*»); ф. 1604, оп. 1, а. 514 (письмо И. Д. Дельзюва от 21 июня 1864; касается писемных работ деятелей, посвятивших его в Сен-Жермен; олицетворяет деятельность М. Н. Каткова) (справка В. Лупановой); ГАРФ, ф. 109 (офин. документы); ПДА РАН, ф. 9, оп. 1, а. 10; ф. 2, оп. 1 — 1856, д. 4 (о содействии ин. ученым в работе над филол. и ист. исследованиями и словарями).
Е. П. Горбенко, Н. П. Розин

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович [осн. псевд. Бельтов; 29.11 (11.12).1856, с. Гудаловка Липецкого у. Тамбов. губ. — 30.5.1918, Питкере, хвора под Териоками (Финляндия); похоронен в Петрограде на Волковом кладб.], лит. критик, философ, рабочий и социалистич. движения. Род. в семье потомств., но небогатых дворян, приверженных к воен. службе.

Отец, Вал. Петр., штабс-капитан в отставке (подробнее см.: Плеханова — «Диалог» № 14, с. 92). Мать, Мария Фёв. Бельнская, влиятельная племянница В. Г. Белинского, вступившая ин-та благотворительности, да мужества служившая гувернанткой, обучала детей (в семье их было пятизвезд. подробнее см.: Березинский А. С., *Новое о семье*, в к-рой рос П. — «*Вопросы истории*», 1993, № 4) франц. и рус. языкам, музыке, математике.

С 1863 П. — ученик Михайловской воен. г-зии в Воронеже, к-рую окончил с отличием (1878); впоследствии имя П. из-за его «подрывной» деятельности было стерто с мраморной доски и вычеркнуто из списка лучших учеников). На духовное развитие П. значит. влияние оказал преподаватель словесности Н. Ф. Буна-

ков, познакомивший его со взглядами рев.-демократов.

В гимназии гоам П. прочитал ром. «Что делать?», о к-ром отзывался как о произв., одавшим его «страсть, силой и верой в лучшее будущее» («Н. Г. Чернышевский» — «*Социал-демократ*», Лознов. 1890, № 1; *Соч.*, т. 5, с. 114). В это время в осн. сложилась лит. пристрастия П.: Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский, Ф. М. Достоевский, к-рого П. ненавистил за демократизм. Вместе с тем его огорчало, что идеи писателя, у к-рого каждый «титулетный» обязан «хоть немного сумасшедший» (Аксаков Л. 1922, с. 17), легко могут быть использованы в реакц. целях.

В 1873 П. поступил во 2-е Константинов. арт. юнкерское уч-ще в Петербурге, к-рое оставил через 3 мес., «по состоянию здоровья», решив избрать гражд. специальность. С 1874 — студент петерб. Горного ин-та (где познакомился с В. М. Гаршиным), вошел в кружок бунтарей-бакунистов, руководимый историком экономик, ученик И. Ф. Фесенко; изучил «*Капитал*» К. Маркса, подружился с С. Л. Перовской, С. М. Степняком-Кравчинским, Л. Г. Дейчевым, П. Б. Аксельродом, начал вести рев. пропаганду среди рабочих (в числе слушателей — С. Н. Хатурин и Л. А. Монсенко). На его полит. формирование значит. влияние оказали кн. «*Государственность и анархия*» М. А. Бакунина, «*Ист. письма*» П. Л. Лаврова, что во многом определило всю дальнейшую трактовку П. марксизма: от бакунистской интерпретации истории в духе экономич. материализма он так и не избавился до конца дней. За успехи в учебе удостоен Екатеринбургской стипендии, но в кон. 1876 вошел в народнич. орг-цию «*Земля и воля*» и после выступления 6 дек. 1876 на полит. демонстрации у Казан. собора был вынужден оставить ин-т, перейти на нелег. положение и покинуть Россию; в 1-й пол. 1877 жил в Берлине и Париже, где познакомился с Лавровым (подробнее об их отношениях см.: Письма П. к П. Л. Лаврову — «*Дела*

и дни», 1921, кн. 2; сообщение Л. Г. Дейча).

В 1876 П. вступил в брак с Н. А. Смирновой, курсисткой Медико-хирургич. акад., ожидавшей ребенка от студента-революционера М. А. Гриценко, находившегося в ссылке (новорожденную П. удочерил; их сын Николай, назв. в честь Чернышевского, умер в младенчестве). С 1878 — в гражд. браке (развод с первой женой был оформлен только в 1909) со слушательницей Высших жен. курсов при Медико-хирургич. акад. Р. М. Боград (из четырех дочерей в этом браке две умерли в раннем детстве).

С кон. 1877 до сер. 1879, бывая наездами в Петербурге, вел в Саратове губ. и на Дону активную рев. пропаганду. Весной 1878 П. участвовал в редактировании окончат. варианта программы «Земли и воли», печатал статьи в одном из нелег. газет, писал листовки. Первое выступление в легальной печати П. — заметка (б. п.) в газ. «Новости» (март 1878) о забастовке рабочих Новой бумагопрядильной ф-ки. 30 дек. 1877 П. выступил на похоронах Н. А. Некрасова, к-рого, возражая Достоевскому, ставил выше Пушкина (подробнее см.: «Наше единство», 1917, 29 дек., то же в кн.: Иск-во и лит-ра; см. также: Достоевский, XXVI, 112—113). Первая лит.-критич. статья П. (в народнич. духе) «Об чем спор» («Неделя», 1878, 24 дек.) написана в связи с полемикой об очерках Г. Успенского «Из деревенского дневника». Сравнивая отношение к развитию капитализма в рус. деревне Успенского и Н. Н. Златовратского, оптимистич. взгляд к-рого на общину и «мирскую солидарность» деревни П. разделял, он критикует Успенского за незнание жизни крестьян, к-рым приписаны взгляды гор. мешан и рабочих.

После раскола «Земли и воли» (летом 1879 вследствие расхождений в вопросе тактики террора) П. — один из создателей и руководителей орг-ции «Черный передел» (осень 1879—82), к-рая сохранила программу «Земли и воли» (в противоположность «Нар. воле»). С 1880, после разгрома типографии, в к-рой печаталась газета орг-ции, П. в эмиграции (Швейцария, Франция, Италия), где жил, не возвращаясь в Россию, до марта 1917, перебиваясь случайными заработками (переводы, преподавание, чтение лекций). Слушал лекции в Женевском ун-те и Сорбонне, участвовал в подготовке ж. «Черный передел», под разл. псевд. печатался в рус. изд. («Отеч. зап.», «Новое слово», «Науч. обзор.» и др.). Знакомился с произв. Маркса и Ф. Энгельса, в т. ч. «Манифестом Коммунистич. партии» (1881; перевел его на рус. яз.; изд. — Ж., 1882). причем работа

над переводом оказалась столь значимой, что впоследствии П. писал: «Я стал марксистом не в 1884 г., а уже в 1882 г.» (Лит. наследие П., сб. 8, ч. 1, с. 22), а Дейч вспоминал, что П. любил повторять: «Я большой марксист, чем сам Маркс» (Группа «Освобождение труда», сб. 8, 1925, с. 190). Однако движение П. к марксизму парадоксально сочеталось с поисками точек соприкосновения и даже объединения «Черного передела» и «Нар. воли», чьи методы борьбы были признаны ими объективно полезными, а их критич. отношение к марксист. теории рассматривалось как временное заблуждение. Но идейные разногласия оказались все же очень велики, и в 1883 в Женеве П. вместе с В. И. Засулич, Аксельродом, В. Н. Игнатовым и Дейчем создал первую рус. марксист. группу «Освобождение труда». П. пересмотрел свои прежние народнич. убеждения и признал необходимость полит. борьбы и организации рус. рабочего класса по европ. образцу, что было зафиксировано в работах «Социализм и полит. борьба» (Ж., 1883) и «Наша разногласия» (Ж., 1885).

Существует версия, что П. проигнорировал идею о «рус. альтернативе» — обычном социализме, выдвинутой Марксом (см. его письмо к В. И. Засулич от 8 марта 1881 — Маркс, Энгельс, XIX; подробнее об этом: Куницын Г. И. Марксизм в России начинался со лжи. — «Правда»—5, 1996, 6—13 сент.; Бережанский А. Так со лжи ли начинался марксизм в России? — Там же, 1996, 6—11 дек.).

Книга П. «К вопросу о развитии материалистического взгляда на историю» (СПб., 1895; выдержала 4 изд. до 1917), существенно повлиявшая на развитие марксизма в России, сделавшая, по выражению М. И. Антонова, «евангелием русской социал-демократии» (см. его одноим. брошюру, СПб., 1907). В полемике вокруг нее участвовали Н. А. Бердяев, Н. К. Михайловский, Н. И. Кареев, В. Г. Короленко, Л. Мартов, П. Б. Струве, В. М. Чернов, В. И. Ленин, М. М. Ковалевский и др. В ней впервые в компактном виде П. сделал попытку объяснить происхождение и функционирование иск-ва. «последовательное державо одного принципа» — ист. материализма (Избр. филос. произв., т. 1, с. 684). Свое понимание марксизма П. развернул в таких фундамент. трудах, как «Очерки по истории материализма» (Штутгарт, 1896; на нем. яз.), «О материалистич. понимании истории» («Новое слово», 1897, № 12, сент.), «К вопросу о роли личности в истории» («Науч. обзор.», 1898, № 3—4), «Основные вопросы марксизма» (СПб., 1908).

Вследствие перехода на марксист. позиции П., проследившая эволюцию народнич. лит-ры [цикл «Наша беллетристика-народники»; ст. «Г. П. Успенский» («Социал-демократ»,

Женева, 1888, кн. 1), «С. Каронин» (там же, Лондон, 1890, № 1, февр.) и «Н. И. Наумов» («Новое слово», 1897, № 8, май); полностью опублик. в сб. «За 20 лет» (СПб., 1905)], дает совершенно иную трактовку творчества Успенского.

По П., Наумов представляет собой поколение правых народников 70-х гг., творчество Успенского — это творчество народника-классика, беспристрастного исследователя пар. жизни, произведения же Каронина, сумевшего создать образ рабочего, становится показателем «тробного, почти бесотнательного» зарождения новых течений в народнич. среде. Гл. противоречия народнич. беллетристики заключались, на взгляд П., в несогласованности социальности-полит. взглядов писателя и его худож. наблюдений, к-рые опровергали все осн. положения народнич. доктрины, тем самым обуславливая реализм писателя. Определеи вышесказ. писателя как «художников-социологов» (к ним он отнес еще Некрасова, Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина), интересующихся условиями жизни, быта, нравов нар. массы, и противопоставив им «художников-психологов» — И. С. Тургеневу, И. А. Гончарову, А. Н. Островскому, Достоевскому и Л. Толстому, сосредоточившим внимание на духовной жизни личности, П. охарактеризовал своеобразие их худож. манеры. Являясь в первую очередь публицистами, народники не чужды романтики (например, возвышающие земледельц. труд Успенскими). Все это вместе придает особое качество их творч. методу: «острот чувством, проникнут мыслью» (Иск-во и лит-ра, с. 509) и этим отличается от натурализма последователей Э. Золя, к-рые ищут объяснения склонностей, вкусов и привычек человека в физиологии и патологии, не понимая, что они обусловлены обществом, отношениями. П. подробно охарактеризовал натурализм в ст. «Иск-во и общество жизни» («Соед.», 1912, № 11—12; 1913, № 1).

Анализируя произв. писателей-народников, П. констатировал существ. различие между народничеством — социальным учением и народничеством — лит. течением, к-рое «развилось» как идеалы самих писателей, так и иллюзии учения в целом. На этом основании П. сделал вывод об особом познании значения лит-ры, поскольку никакие спец. иссл. не могут заменить правдиво нарисованной картины нар. жизни. Оценку народнич. критики он дал в рец. («Новое слово», 1897, нояб., кн. 2) на «Историю новейшей рус. лит-ры 1848—1892 гг.» А. М. Скабичевского, к-рого упрекал за матую осведомленность в важнейших филос. течениях 18 и 19 вв. и непонимание существа эстетич. теорий Белинского и Чернышевского. Примиывают к теоретич. размышлениям П. о народнич. лит-ре его рец. («Новое слово», 1897, № 8, май; «Заря», 1902, № 4) на «Житейские были» В. П. Быстреннича и на ром. нем. писателя В. фон Поленца «Крестьянин» о процессе расслоения деревен. жителей и их психологии. С самого начала присутствовавший в лит.-критич. работах П. интерес к психол. характеристикам персонажей объясняется тем, что он рассматривал лит-ру как феномен, способный наиб. полно отразить «социальную психологию» — то промежуточное звено, к-рое соединяет экономич. базис и идеологич. надстройку.

Уже в работе «К вопросу о развитии монистич. взгляда на историю» он писал: «Идеология приспособляется к экономике. Но это приспособление есть сложный процесс, и чтобы поить весь его ход, чтобы наглядно представить себе и другим, как именно он совершается, не раз и не раз понадобится талант художника» (Истор. филос. произв., т. 1, с. 684). В «Очерках по истории материализма» П. привнес в название «слово», через к-рые должно проходить материалистич. исследование идеологии, в т. ч. и иск-ва (т. н. «патилливая формула»); производ. силы; производств. отношения; социальное полит. строй, выросший на экономич. основе; психика обществ. человека, определяемая экономической и соответствующим ей обществ. формами; религия, философия, лит-ра, иск-во, отражающие свойства этой психики (там же, т. 2, с. 171).

В создании своей философии иск-ва П., по его признанию, опирался на позитивист. теории И. Тэна, Ф. Брюнетьера, Г. Гетнера, Л. Пти де Жюльвиля, Г. Лансона и др., чьи верные, но, на его взгляд, слишком отвлеченные воззрения он старался конкретизировать, переводя их предположения об экономич. обусловленности духовной деятельности в несомненные доказательства. Но П. предложил при раскрытии особенностей развития иск-ва учитывать не только производит. силы, определяющие обществ. психологию и ист. среду как некий самостоят. фактор, а также некий внутр. закон, имевший своим источником нек-рые положения гегелевской теории иск-ва. Согласно этому закону, названному А. А. Богдановым «теорией полемических крайностей» («Из рукописи „Десятилетие отлучения от марксизма“» — «Ист. архив», 1994, № 4, с. 6), развитие идеологии идет или в русле предшеств. традиций, или выступает с ней в противоречие.

Этот момент как особенно важный в ист. лит. концепции П., свидетельствующий о признании им отчужд. самостоятельности идеологии, вывел И. Борнхейм («По поводу „Истории рус. обществ. мысли“» — СМ, 1917, № 2—3), подчеркивавший, что т. о. является удар по учению о «предустановленной гармонии» между экономич. базисом и «надстройкой», сторонником к-рого выступил Богданов. В. М. Фрэнк и В. М. Шулягиков, правомерно выводящие все разнообразие идеологии из экономики, основн. И. Аксельрод в ст. «Г. Плеханов об иск-ве» («Возрождение», 1909, № 9—12; 1910, № 1) также указала на значение обнаруженного П. в человеческой психике стремления к противоречию» (цит. по: Аксельрод Н., Лит.-критич. очерки, Минск, 1927, с. 9), а-рос обуславливает отнесен. независимость худож. творчества от обществ. коллизий, или, как выражался сам П., возможность существования «лит. традиций» («К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», 2-е изд., СПб., 1905, с. 172), не затронутый классовый борьбой. Даже К. И. Чуковский, непримиримый оппонент П., вынужден был признать, что критик удачно корректирует жесткую схему зависимости иск-ва от производит. сил предположением, что в иск-ве может возникать «отражение из противоречия» («Веси», 1906, № 2, с. 49).

«Отцом» народничества как обществ. движения и народничества как лит. явления П. считал А. И. Герцена. В его худож. творчестве он увидел соединение двух ведущих тенденций рус. лит-ры: «сатирической» (А. Д. Кантемир, Д. И. Фонвизин, А. С. Грибоедов, Гоголь, Остров-

ский, Салтыков-Щедрин) и «идеальной» (А. Н. Радищев, декабристы, Пушкин, Лермонтов, Чернышевский, Некрасов), для каждой из к-рых характерно критич. отношение к рус. действительности, что вылилось в убежденно П., отличит. чертой рус. лит-ры в целом. В ст. «А. И. Герцен и крепостное право» (СМ, 1911, № 11, 12), «Филос. взгляды А. И. Герцена» (там же, 1912, № 3, 4), «Герцен-эмигрант» (в кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. 3, М., 1909), «О книге В. Я. Богучарского „А. И. Герцен“» (СМ, 1912, № 6), «Речь на могиле А. И. Герцена в Ницце» («Будущее», Париж, 1912, 21 апр.), предметом к-рых стала «драма» мыслителя, П. настойчиво проводил мысль о чуждости герценовскому духовному складу любых религ. конструкций. На фоне в значит. степени одностороннего освещения наследия Герцена в марксист. критике работы П. о нем (как, впрочем, и о др. деятелях рев.-демокр. движения в России) выделяются своим более широким филос. взглядом. П. доказывал возможность разностороннего подхода к деятелям 40-х и 60-х гг. даже в условиях острейшей политической борьбы.

В статьях, посв. Толстому («Толстой и природа», 1908, впервые опублик.: «Звезда», 1924, № 4; «Симптоматич. ошибка» — «Товарищ», 1907, 22 сент.; «Заметки публициста „Отсюда и досюда“» — «Звезда», 1910, 16 дек.; «Смещение представлений» — «Мысль», 1910, № 1, дек.; 1911, № 2, янв.; «Карл Маркс и Лев Толстой» — «Социал-демократ», 1911, 13 янв.; «Еще о Толстом» — «Звезда», 1911, 26 февр., 5, 12, 19 марта; «Толстой и Герцен» — лекция 1912, впервые опублик.: Лит. наследие П., сб. 6, 1938), П. развил положение о возможности противоречия между теоретич. взглядами писателя и его худож. творчеством. Признав величие Толстого как художника, «воспользовавшегося своим огромным худож. талантом», чтобы обнажить «неудовлетворительность нынешнего обществ. строя», П. — поскольку писатель осудил «наше освобоdit. движение» — сделал вывод о «крайней ограниченности» его «обществ. взглядов» (Иск-во и лит-ра, с. 662, 663, 646, 647). Но если Толстой-художник для П. крупнее Толстого-мыслителя, то случай с Г. Ибсенем иной: мыслитель в нем пересилил художника («Генрик Ибсен», впервые изд. отд. брошюрой в составе 8 глав — СПб., 1906; 9-я гл. написана в 1908 и изд. на нем. яз., полностью на рус. яз.: Лит. наследие П., 1931, т. 1). В произв. Толстого торжествует реализм, «живая жизнь», непонимание же Ибсенем ист. задач своего времени и в то же время желание проповедовать заста-

вили его прибегать к символизму, навязывать героям «туманные», «отвлеченные», «бессодержательные» идеи (Иск-во и лит-ра, с. 771, 772).

П. убежден, что скептик, идеалист Ибсен — результат природной склонности писателя к отрицанию, но она многократно усилилась экономич. отсталостью Норвегии. К-рая порождает только мелкобурж. психологию и мелкобурж. индивидуалистич. протест. Это утверждение вызвало бурную реакцию. В числе оппонентов П. — А. М. Редко (РБ, 1906, № 11), П. М. Пильский («Критич. статьи», т. 1, СПб., 1910, с. 226), В. Ф. Эрн («Веси», 1907, № 11). В числе поклонников этой работы — Н. Я. Абрамович, сделавший ряд возражений, но в итоге назвавший ее «умной и увеселительной в идейном смысле» (СМ, 1906, № 11, с. 83). И. Аксельрод и А. М. Коллонтай (см. письмо см.: Дом Плеханова, ф. 1093, оп. 3, В.2208.57).

Ст. «Франц. драм. лит-ра и франц. живопись XVIII века с т. з. социологов» (ж. «Правда», 1905, № 9/10) П. рассматривал как одну из наиб. развернутых своих попыток применения материалистич. метода к истории лит-ры и иск-ва. Она дает представление о последоват. проведении П. классового взгляда на эволюцию худож. содержания и формы в зависимости от смены полит. строя. Классовая борьба во франц. об-ве определила, по его убеждению, замену трагедии, господствовавшей во времена Людовика XIV, «слезливой» комедией П. К. Нивеля де Ла Шоссе и П. Бомарше, отразившей потребность бурж. зрителя видеть гл. героем «идеализированного... человека среднего сословия», к-ую вновь сменила трагедия, но выражавшая уже гражд. и тернич. устремления буржуазии, обратившейся за поддержкой к республиканским героям «Плутарха» (Иск-во и лит-ра, с. 174). В статье содержались высказывания, к-рые позволили последующим поколениям лит-ведов трактовать нек-рые эстетич. положения П. как уступку кантианству (см.: Лебедев А. А., К вопросу об «уступках» Плеханова Канту в эстетике. — «Вопросы философии», 1970, № 9).

Более, чем кто-либо из критиков-марксистов, П. придавал значение худож. таланту, интуиции, считая, что даже для выработки критич. суждения необходимо обладать чутьем художника. В то же время П. был убежден, что и с малым талантом можно создавать великие произв., если направить его «на настоящую дорогу» (Иск-во и лит-ра, с. 621), т. е. научить художника мыслить в духе марксизма. П. признавал и наличие публицистич. элемента в критич. высказывании, но утверждал, что публицистичность является имманентным свойством критики, определяемым включенностью критика в спектр обществ. интересов. Однако слишком «горячая» публицистичность в духе Д. И. Писарева вызвала его осуждение. П. воспринимал его критику как морализаторски-просветительскую, т. е. такую, к-рая не указывает на

«средства борьбы» с обществ. недостатками, а лишь осуждает их: критика этого рода воспринимается как «смешной архаизм» (Эстетика и социология иск-ва, т. 2, с. 403, 404, 405). В ст. «Белинский и разумная действительность» («Нов. слово», 1897, № 10, 11), «Лит. взгляды В. Г. Белинского» (там же, № 1, 2), «Виссарион Григорьевич Белинский (1811—1848)» (в кн.: История рус. лит-ры XIX в., т. 2, М., 1909), «О Белинском» (СМ, 1910, № 5—6), «Виссарион Белинский и Валериан Майков» (СМ, 1911, № 5—6), «О книге С. Ашевского „Белинский в оценке его современников“» (там же), «Эстетич. теория Чернышевского» (1-я пол. статьи — «Нов. слово», 1897, № 3, дек.; полностью — в сб. П. «За 20 лет», СПб., 1905), «Лит. взгляды Н. Г. Чернышевского» (СПб., 1909), «Добролюбов и Островский» («Студия», 1911, № 5—8) П. призвал молодых критиков равняться на рев.-демокр. наследие, хотя нередко и в нем отмечал черты просветительства и утопизма. По поводу работ П. о Чернышевском В. Е. Чехинин-Ветринский высказал мысль, что если филос. и социально-полит. взгляды революционера-демократа могут быть истолкованы и иначе, то «вне спора» находится предпринятый П. анализ его эстетич. и лит. теории (КО, 1909, № 8).

Специфика понимания П. критики нового типа — научной, объективной (марксистской) — была раскрыта им в отзвье («Нов. слово», 1897, № 7, апр.) на кн. А. Л. Вольнского «Рус. критицизм». П. писал о необходимости соединения в лице критика литератора и практич. деятеля, т. е. политически ангажированного участника классовых битв. П. считает обязательным для критика в оценке поэтич. идей, в раскрытии творч. процесса опираться на историю, рассматривать в первую очередь зарождение и утасание худож. явлений, памятуя о том, что в иск-ве отражаются потребности и вкусы разл. классов, определяемые в конечном счете экономич. фундаментом. Но П. призывал не играть лишь на одной «экономич. струне» (выражение Н. К. Михайловского), а интересоваться индивидуальным предомлением обществ. идей в творчестве конкретного писателя. Однако призывая обращаться к частностям, сам он свободнее чувствовал себя в анализе целых лит. школ и эпох. П. как критика интересует не индивидуальная психология социальных типов, а психология целых обществ. классов. В предложенной П. критич. методологии отсутствовало требование оценки худож. достоинств и недостатков произв.: истинно научная объективная критика «не дает иск-ву никаких предписаний... у нее нет

пристрастий... она объективна, как физика» (Эстетика и социология иск-ва, т. 2, с. 400). Дело критика не «плакать», не «смеяться», а «понимать» (Иск-во и лит-ра, с. 208).

Вместе с тем П. принимал, например, И. Аксельрода в ее статье о Г. Зудермане построжее «наказав» писателя за его изображение «социал-демократов как грустных шпаллетеров» (письмо от 24 июля 1907 — Дом Плеханова, ф. 1097, оп. 3, А.93.12), говорил, что критик в конечном счете может и «осуждать», и «сововетовать» (Эстетика и социология иск-ва, т. 2, с. 405), демонстрируя т. о. свою классовую позицию.

Изякая принципы своей лит.-критич. методологии, П. поначалу не затрагивал вопроса о необходимости анализа формы худож. произведения. Позже — в предисл. к 3-му изд. сб. «За 20 лет» (СПб., 1908) П. скорректирует нек-рые положения. Наряду с оценкой эстетич. достоинств разбираемого произв. он также будет настаивать на важности единства формы и содержания, что станет для него критерием совершенства худож. произведения. В идеальном случае форма должна максимально соответствовать идее, но П. допускал и возможность «отставания» формы: «в старые лит. мехи» может вливаться «совершенно новое рев. содержание» (Иск-во и лит-ра, с. 175). И все же для П. превыше всего содержат компонент иск-ва, причем именно его социальный аспект. И хотя П. указывал, что задача иск-ва — изображать все то, «что интересует и волнует обществ. человека», его «многоязычие переживания» (там же, с. 198, 261), даже любовная тематика казалась ему уводящей от осн. цели (так, он считал, что история взаимоотношений с Гретхен ослабила идейную мощь гетевского «Фауста», — см.: Аксельрод Л., 1922, с. 18). «Обезыдевание» иск-ва ведет художника к творч. гибели.

Однако эта сформулированная П. аксиома не помешала ему диалектически подойти к проблеме «иск-во для иск-ва» и доказать, что существуют ист. периоды, когда отказ от обществ. задач творчества помогает художнику сохранить в неприкосновенности свой внутр. мир, избавляет его от подчинения диктату власти предрержащих, что и произошло с Пушкиным, отвернувшимся от «толпы», объявившим поэта «царем» и призвавшим его к полнейшему одиночеству. П. совершенно определенно выразил свое отношение к полит. и гос. давлению на иск-во: «Музы художников ... стали бы, сделавшись гос. музами, обнаруживать самые очевидные признаки упадка...» (Лит-ра и эстетика, т. 1, с. 149). П. выдвинул свою версию появления теории «иск-ва для иск-ва»: она возникает как следствие безнадежного разлада творч. личности с обществ. средой, утилитарный же взгляд на иск-во является результатом «взаим-

ного сочувствия между значит. частью об-ва и людьми, более или менее деятельно интересующимися худож. творчеством» (там же, с. 144).

Размышления П. о влиянии идейного содержания на худож. форму содержатся в статье о драме К. Гамсуна «У врат царства» «Сын доктора Стокмана», помещенной в сб. «От обороны к нападению» (М., 1910), оцененном в крутах, близких П., как книга, «ясность» и «глубина» к-рой недоступны «совр. интеллигенции, настроенному на мистич. лад» (Ортодокс (Л. Аксельрод) — СМ, 1910, № 10, с. 145).

В статье П. проводит мысль о том, что реакционная (с т. з. марксизма) идея, положенная в основу замысла, неизбежно приводит художника к творч. неудаче: «...агитпролет. тенденция совр. „героических“ мещал сильно вредит интересам иск-ва». Бурж. об-во переживает фазу развития, когда сознание освобожд. движение смыслом разбавляется идеей рабочего класса, что провоцирует появление в иск-ве «шпаллетич. типов», снитогающих себя неспиритизмами врагами мещанства, а на деле несколько пропитавшихся его духом; поэтому, на взгляд П., вопреки желанию автора его герой воплотит не трагический, а гротескночеловеческий. П. был убежден, что «капитализм налагает свою грязную руку на лит-ру и науку» (Филос.-лит. наследие, т. 1, с. 38), что осмертвенно господство класса, потеря им рев. идеалов находит прямое отражение в творчестве. Поэтому для П. неоромантизм (модернизм) явился «продуктом старчества рабочих классов», проявлением индивидуальности, сознания. Отправив на «закол противоречия», он утверждал, что в бурж. иск-ве возникает потребность в «капитализирующей парадоксальности характера» (письмо к И. Аксельроду от 1 сент. 1906 — там же, т. 3, с. 234), обусловленная именно природной дряхлостью неоромантизма.

П. был приверженцем реализма, но подлинно эстетически состоятельными для него могли быть только произв., произанные пролет. идеологией. Создание пролет. лит-ры казалось ему делом грядущего, но прогноз черт будущего иск-ва содержался уже в его обращении «Два слова читателям-рабочим» (1885), к-рое должно было стать предисл. к неопубл. сб-ку «Песни труда» (впервые опубли.: «Летописи марксизма», 1928, № 5). Иск-во должно улавливать динамику роста, уметь раскрывать явление в процессе его становления, обладать ист. сознательностью, умением видеть действительность в рев. перспективе, несокрушимой верой в социализм. Вывод звучал категорично и определенно: «... рабочий класс даст поэзии самое высокое содержание, потому что только рабочий класс может быть представителем идеи труда и разума» (там же, с. 44). При этом П. был очень строг к «качеству» пролет. идеологии. Любое отступление от ортодокс. марксизма он категорически отвергал.

Осн. объяснением идейных и худож. просчетов служило то, что писатель недостаточно понимает и методологически улавливает марксизм, теорию. Поэтому и «Мать» М. Горького в письме к И. Аксельроду (от 24 июля 1907) он не расценил как произв. пролет. лит-ры: в романе «вос фальшиво» (Дом Плеханова, ф. 1097, оп. 3, А.93.12). Согласно П., Горький взял на себя роль проповедника социализма, и она ему явно не удалась.

Последний тезис связан с убежденностью П. в неполноценности мировоззрения. багажа людей творч. профессий и в интуитивной природе творч. процесса: «... Даже гениальные художники нередко совершенно беспомощны в области теории... Гоголь, Достоевский, Талстой, эти гиганты в области худож. творчества, обнаруживают лет. слабость каждый раз, когда берутся за тот или другой отвлеченный вопрос» (Иск-во и лит-ра, с. 389—90). Но если художник не рассуждает, а изображает, то ему обеспечена творч. победа. П. ценил мастерство воспроизведения социальной психологии Горьким в «Жизни Матвея Кожемякина» (там же, с. 756—757). В посве «Враги» (ст. «К психологии рабочего движения» — СМ, 1907, № 5) П. отметил точность изображения новых черт пролет. психологии, глубокое раскрытие основ иррац. нравственности (отказ от героизации своих поступков, приношение себя в жертву другим, более достойным без излишней патетики и т. п.), показ того, как классовая борьба определяет собою внутр. мир действующих лиц. (Спустя пять лет с интерпретацией П.ступил в спор критик-рабочий Ф. Казиниц, сказав, что «никогда критик социальности», к-рав так воспитала П. на самом деле есть произведение «фанатич. мистицизма» и «социальности ... сектант. типа» и не имеет ничего общего с нравств. ориентацией совр. рабочих — НЖВ, 1912, № 9, стб. 101.) Однако поскольку позиция опирающаяся на опыт нем. социал-демократии П. в годы первой рус. революции была слишком «академической», извлеченной на несвоевременное осуществление реф. перемен (он считал пролет. переворот преждевременным, т. к. он не подготовлен соответствующим уровнем культурного, классового и социального развития рабочего класса), постольку во «Врагах» П. обнаружил неточное усвоение Горьким взглядов Маркса, излишнюю преданность большинству сторонникам «страстной» и «громкой» тактики в революции.

Несприятие «интеллигентского», романтич. оптимизма «Врагов» во многом было обусловлено вообще недоверчивым отношением П. к романтикам и романтизму, что с очевидностью проявилось в его противопоставлении О. Бальзака и В. Гюго: человек. страсти берутся Гюго «в самом абстрактном виде и действуют в выдуманной, искусственной ... утопической обстановке»; реалист Бальзак, напротив, изображал «страсти в том виде, какой ему давало с одновременное ему буржуазное об-во», «со вниманием естественности следил за тем, как они растут и развиваются в данной обществ. среде» (Лит. наследие П., сб. 6, с. 344).

П. в глазах своих полит. противников выглядел ортодоксальным марксистом, обвиняющим всякого, кто не согласен с ним, в невежестве и ренегатстве (Богданов А., Из рукописи «Десятилетие отлучения от марксизма». — «Ист. архив», 1994, № 4, с. 5). На механистичность мышления П. указывал Чукковский, назвавший П. «марксостромом», т. е. «машинной для измерения марксистских идей» («Весы», 1906, № 2, с. 46). В. Я. Брюсов ставил П. в упрек игнорирование новейших открытий в теории познания («Бельтов. За 20 лет» — «Весы», 1905, № 11). Но именно с ортодоксальностью П. его сторонники связывали «цельность», «свежесть», «жизненность» (Л. М. Клейнборг — «Обр.», 1905,

№ 10, отд. 2, с. 20, 22) его филос. и лит.-критич. построений.

П. вел непримиримую борьбу с теми, в ком усматривал ревизионистов и вульгаризаторов марксист. теории. К последним он отнес Шудатникова, расценив его кн. «Оправдание капитализма в зап.-европ. философии» как предельное упрощение ист. материализма (СМ, 1909, № 5). Выведение автором идеол. систем из господствующей на данный момент структуры производства П. расценил как «злейшую насмешку над учением Маркса» (Предисловие к 5-му изд. кн. «К вопросу о развитии мошнстического взгляда на историю». — «Обществ. мысль: исследования и публикации», в. 4, М., 1993; публ. и прим. Т. И. Филлимоновой), «паксвилль на человеческую мысль» (Соч., т. 17, с. 10). П. критиковал «трусливый идеализм» махистов и эмпирико-критиков. Особенно непримирим был П. к субъективизму, гносеологии Богданова (цикл статей «Materialismus militans». Ответ г. Богданову. Письмо первое — «Голос социал-демократ», 1908, № 6—7; Письмо второе — там же, № 8—9; Письмо третье — в кн.: «От обороны к нападению»). Этому же посв. его рец. 1909—11 на книги неокантианцев Л. Робинсона, Р. Гольцапфеля, В. Виндельбанда, Р. Рихтера, Л. Бурдо, Г. Риккерт. Цикл «О так называемых религ. исканиях в России» (статьи: «О религии»; «Еще о религии»; «Евангелие от декаданса» — СМ, 1909, № 9, 10, 12) был направлен против идеологов богостроительства (Горького и А. В. Луначарского) и богоскательства («веховцев») и примыкал к вышеназв. работам. В этих статьях возрождение интереса к религ. вопросам объяснялось активизацией контррев. сил в стране, обострением классовых противоречий, разочарованием интеллигенции в близком осуществлении социалистич. идеалов. В целом религ. искания современности истолковывались П. как реакция испуганного мешанина на совершающиеся события. Критику возрождающегося интереса к религ. обоснованию нравств. и социальных отношений содержат отзывы П. (1907—11) на книги М. Гюйо, А. Планкеука, О. Пфлейдерера, Ф. Лютегенау. Имманентный субъективизм Иванова-Разумника получил негативную оценку в отзывах П. на его книги «О смысле жизни. Федор Сологуб, Леонид Андреев, Лев Шестов» (СМ, 1909, № 3) и «Историю рус. обществ. мысли» (отзыв на нее П. красноречиво озаглавил «Идеология мешанина нашего времени» — СМ, 1908, № 6, 7). Подобная характеристика вызвала резкое несогласие автора, выступавшего с опровержением критикам-марксистам (Иванов-Разумник Р.,

Марксист. критика. — В его кн.: Лит-ра и общественность, СПб., 1911).

В 1910-е гг. П. занимают поиски объективных критериев красоты. Еще по поводу статьи «Симптома-тич. ошибка» З. Н. Гилпнус, разделяя с П. лафос критики нравств. позиции Толстого, указала на недооценку П. существования абсолютной истины («Из дневника журналиста. Толстой и П.» — РМ, 1908, № 2), что якобы позволило П. «снять» вопрос о прогрессе в иск-ве и отвергнуть «вечные» критерии прекрасного. Обсуждение этой проблемы стало центр. темой в парижском реферате П. «Иск-во и обществ. жизнь» (1912; одноим. статья — 1913), в к-ром он, борясь против идеалистич. представлений о независимости иск-ва от обществ. деятельности (в данном случае его оппонентом был Луначарский, к-рого он воспринимал как субъективного идеалиста), отверг самую возможность сравнения эстетич. ценностей одного ист. периода, а также эстетич. принципов отд. эпох, считая, что «художники самых противоположных направлений одинаково правы на свой особый лад». «Все зависит от обстоятельств времени и места» (Иск-во и лит-ра, с. 297, 296).

Последним лит.-критич. выступлением П. стала ст. «О том, что есть в романе „То, чего не было“» (СМ, 1913, № 2), посв. роману Б. В. Савинова, напис. в жанре «открытого письма». П. попытался в равной мере распределить свое внимание между социальным и эстетич. компонентами произв., с разных т. з. анализируя проблему героя романа, к-рый вынужден, по его выражению, решать гамлетовские вопросы. П. ответ от автора упреки в подражании, назвав его произв. «крупным событием в нашей лит-ре» (Лит-ра и эстетика, т. 2, с. 449), ценным своей психол. правдой, постановкой вопросов о соотношении стихийности и сознательности в обществ. жизни, о роли личности в ист. процессе, о силе обстоятельности.

Последние годы жизни П. работал над заказанной ему изд-вом «Мир» в 1909 «Историей рус. обществ. мысли» (иссл. доведено до 2-й пол. 18 в., т. 1—3, СПб.—М., 1914—17). В работе наш. и обществ. самосознание и идеол. содержание ист. процесса анализировались П. с привлечением лит. мат-ла (произв. Кантемира, А. П. Сумарокова, М. В. Ломоносова, Фонвизина). Лит.-критич. концепция П. во многом определялась его ист. взглядами, согласно к-рым Россия на ранних этапах развития сложилась как страна полувост. деспотизма со стабильным режимом и абсолютным подчинением населения гос-ву, но духовное ее развитие все-

гда зависело от Запада, особенно в период пришествия капитализма, опередившего европеизацию общества.-экономич. строя. Вследствие этого лит.-ра 18 в., занявшись освоением культурного наследия Зап. Европы, представляет собой матоориг. явление, но уже в 19 в. возникает самобытное наш. иск.-во.

Результаты работы П. как «общителю для рус. ист. науки» (А. Кудрявцев — «Летопись», 1916, № 11, с. 310), подготовит. этап на пути исследования «свободной», исключившей от экономич. основ «свободности» человек, мышления и творчества» (И. Борковский — СМ, 1917, № 23, с. 214), но отметили переосмысления расхождений над анализом конкретных фактов (А. Кизветтер — ГМ, 1916, № 1).

В 1912—14 П. занял центрист. позицию внутри с.-д. партии, явившуюся продолжением его тактики, начатой еще на II съезде РСДРП (1903), когда он, поддержав Ленина, выразил в то же время беспокойство по поводу возможности превращения партии в сектант. орг-цию. Тогда с большевиками его объединили культ социалистич. революции, отвращение к реформизму, принятие яковинских методов борьбы, а с меньшевиками — критика волюнтаризма, признание объективных факторов ист. процесса, готовность к союзам и блокам с др. полит. силами. Это же послужило основой того, что сначала (с 1900) П. сотрудничал в шерсерс. с.-д. газ. «Искра», опубли. в ней более 50 статей, а затем, когда (с 1903) она стала меньшевистской, отказался (1905) от участия в ней. Теперь он осуждает большевиков (вождизм, сектанство, прямолнейность) и меньшевиков (аморфность программ, амбициозность лидеров) и обязуется поддерживать то течение в РСДРП, к-рое будет наиб. полно соответствовать потребностям рабочего движения. Выступая за единство партии, П. утверждал, что разногласия между партийными фракциями не столь велики. На этих принципах им было создано Заграничное Орг. Бюро, а в 1914 — газ. «Единство», в к-рой печатались меньшевик-оборонцы, «межрайонцы» и представители др. группировок. Разногласия с большевиками усилились после Февр. революции, когда П. в ст. «О тезисах Ленина» («Единство», 1917, 9 апр.), выразил согласие с их оценкой как «бредовых» репортеров в той же газете 5 апр., сказал о неподготовленности России к социалистич. революции. П. не дал согласия войти в состав Врем. правительства. В дальнейшем он отверг программу конфискации помещичьей земли по большевист. сценарию, создания республики Советов (предпочел парламентскую республику) и в итоге, обвинив партию Ленина в анархизме и бланклизме, не принял Окт. революция, хотя и отклонил предложения Савинкова бороться с сов. властью.

Несмотря на существовавшие разногласия, сов. правительство 3 нояб. 1917 приняло «Декрет о неприкосновенности гражданина П. и его имущества» с целью занять скандал, возникший после того, как большевист. власти устроили у П. обыск в первые дни после переворота.

Вскоре после возвращения в марте на родину у П. обострился туберкулез (болел с 1887). В дек. 1917 жена перевезла П. в санаторий в Финляндии, но его состояние ухудшалось. Однако П. держался мужественно и даже утешал окружающих, говоря, что смерть для материалиста, по словам П. Б. Шелли, это возвращение в природу. Гроб с телом П. был выставлен для прощания в Волном экономич. об-ве. Выпущена однодневная газ. «Памяти Плеханова» (9 июня 1918).

Изучению деятельности П. способствовала безымянная передача женой и дочерями его архива и библиотеки, до этого находившаяся за границей, в дар сов. гос-ву. В 1928 был открыт Дом Плеханова — филиал РНБ, к-рым до 1939 заведовала Р. М. Плеханова, под ее руководством были изданы 8 сб-ков «Лит. наследия П.» (1934—40).

Изд.: Соч., т. 1—24, М.—П.—Л., 1923—1927; Истоунов, М., 1922 (вступ. статьи Л. Аксельрод-Ортодокс и В. Фриче); Плехановская хрестоматия, [К.], 1925; Лит. наследия П., сб. 1—8, М., 1934—1940; Иск-во и лит.-ра М., 1948 (вступ. ст. М. Розенталя); Избр. филос. произв., т. 1—5, М., 1956—58; Лит.-ра и эстетика, т. 1—2, М., 1958 (вступ. ст. Б. И. Бурова); Филос.-лит. наследие, т. 1—3, М., 1973—74; Эстетика и социология иск-ва, т. 1—2, М., 1978 (вступ. ст. М. А. Лифшица).

Лит.: Дейч Л. Г., Г. В. Плеханов. Мат-лы для биографии, в. 1, М., 1922; его же. О лит. наследии П. и В. Засулки (в связи с разбором архива П. в Париже). — «Пролет. революция», 1923, № 1; Аксельрод Л. Об отношении П. к иск-ву. По личным восп. — «Под знаменем марксизма», 1922, № 5—6; Аптекман О. В., Г. В. Плеханов. Из личных восп., Л., 1924; П. — лит. критик. Новые мат-лы, Л., 1933 (ред. и предисл. И. Импонита); Вольфсон С. Я., Плеханов, Минск, 1924; Ваганян В. А., Г. В. Плеханов, М., 1924; Группа «Освобождение труда», сб. 1—6, М.—Л., [1923]—28; Лехисе А., П. как теоретик иск-ва. — «Печать и революция», 1925, № 3; его же. П. и совр. критика. — «Красная новь», 1925, № 5; Дельевич Т. П. и задачи марксист. критики. — В его кн.: О принципах марксист. лит. критики, Л., 1925; Розенталя М. М., Вопросы эстетики П., М., 1939; Асмус В., Вопросы эстетики в работах П. — «Под знаменем марксизма», 1943, № 6; Бурова Б. И., П. и Берлинский. — ЛН, т. 55; его же, Плеханов. — В кн.: История рус. критики, т. 2, М.—Л., 1956; Трофимов П. С., Эстетич. взгляды П., М., 1955; Зиль А., Эстетич. взгляды П. — «Иск-во», 1956, № 8; Силороев М. И., П. и вопросы истории рус. рсв.-эстетич. мысли XIX в., М., 1957; Акулов В. Л., О неких спорных вопросах эстетики П. — В кн.: Нек-рые вопр. философии. Междувосточный филос. сб., № 3. Кишинев, 1963; Луначарский А. В., П. как лит. критик. — Собр. соч., т. 8, М., 1967; Ленин В. И., ПСС (см.: Справочный том, ч. 1, с. 471—74); К. Маркс, Ф. Энгельс и рев. Россия, М., 1967; Николаев П. А., Эстетика и лит. теория П., М., 1968; его же. Возникновение марксист. лит.-ведения в России, М., 1970; его же. Утверждение материалистич. принципов познания лит.-ры. Г. В. Плеханов. — В кн.: Рус. наука о лит-ре в кон. XIX — нач. XX в., М., 1982; Плеханова Р. М., Из восп. «Моя жизнь». — «Вопр. истории», 1970, № 11—12; Восп. Р. М. Плехановой о жизни П. в Париже. (1880—1891 г.). — «Жизнь и полемика историка», 1981, № 6; (стубл. И. Н. Курбатовой); Антонова Л. А., Козлова Н. А., Социально-психологич.

анализ иск-ва в работах П. — В сб.: Нек-рые проблемы социологии культуры, Саратов, 1972; Горбанев Н. А., П. в лит. борьбе нач. XX в., Малахала, 1972; его же. Из истории рус. марксист. критики: П. и лит. борьба 80—90-х гг., Малахала, 1981; его же, Лев Толстой — художник и мыслитель в лит. критике XIX—XX вв., Малахала, 1983; Чагин Б. А., Курбатов И. Н., Плеханов, М., 1973; Астахов В. Г., Лит.-эстетич. взгляды П. в сов. критике. (20-е и нач. 30-х гг.). Душанбе, 1973; Эльяшева А. П., От П. к Луначарскому. — В его кн.: Единство цели, многообразие понсков в лит.-ре социалистич. реализма, Л., 1973; Иовчук М., Курбатов И. Н., Плеханов, М., 1977 (ЖЗЛ); Кунин Г. Г., Во всем он был Плехановым. Ю. П.-критике). — «Лит. учеба», 1980, № 1; Раковский С. М., Л. Н. Толстой в оценке рус. и арм. дореф. критики. (К проблеме типологии, изучения лит.-критич. наследия П., С. Г. Шауряна, С. С. Спафария). — В кн.: Проблемы типологии лит. процесса. Пермь, 1981; Лифшица М. Г., В. Плеханов, М., 1983; Осипов В. Д., Подоскина. Повесть о П., 2-е изд., М., 1985; Курбатов И. Н., Мат-лы Дома Плеханова как источник для изучения истории марксист.-ленинской философии. — В кн.: Диалектика объективного и субъективного в ист. процессе и социальном познании, Л., 1986; Книжное дело в России во второй пол. XIX — нач. XX в., в. 2, Л., 1986, с. 23—29; Шашков Н. И., Эпич. воззрения П., Кишинев, 1987; Соловей Л. С., Г. В. Плеханов. — В его кн.: Вождизм. Лидерство. Личности!, Кишинев, 1989; Днепров В., Потеря П. и эстетика 30-х гг. — ЛО, 1989, № 4; Бережанский А. С., Г. В. Плеханов: от народничества к марксизму, В., 1990; Дрыгал Я., Эстетич. идеал рев. эпохи в работах П. и А. В. Луначарского дореф. периода. — В кн.: Культура и процессы социализации, в. 1, М., 1990; Кабинов С. С., Нек-рые осн. вопросы эстетики П., Тб., 1990; Плеханова Р. М., Год на родине. — «Диалог», 1991, № 8—15; Коротаев Ф. С., Г. В. Плеханов. Человек и политик, Пермь, 1992; Иванова А. А., Пухляков В. К., Марксизм в России. — В их кн.: Пути рус. филос. самостоятельности, М., 1993; А. А. Богданов о П. и В. И. Ленин. Из рукописи «Эстетич. отлучение от марксизма». — «Ист. архив», 1994, № 4; Ветхоко А. Н., Ветхошко Л. И., П. — бунтарь, марксист, революционер. — В кн.: История Отечества в портретах полит. и пис. деятелей, в. 2, Брянск, 1994; Любин В. П., П. и становление рос. социал.-демократич. в исп. сов. и зар-пб. общественств. — В кн.: Социальная демократия в России. Ист. аспекты, М., 1994; Бейрон С. Г., П., утопизм и рус. революция. — «Отеч. история», 1995, № 5; Тютюнник С. В., Г. В. Плеханов. Судьба рус. марксизма, М., 1997; Вагон С. Н., Plekhanov. The father of Russian Marxism, Stanford, 1963; Morawski S., *Art e società nel pensiero di Plekhanov*, «Critica marxista», Roma, 1970, № 4; Wilezyński W., *Kształtowanie się rosyjskiej marksowskiej krytyki literackiej (1885—1917)*, Wrocław—[i.], 1981; Атанасов А., Сравнительная эстетика. Основные вопросы на эстетике в тружестве на Георги Плеханов, Тодор Палков, Георги Лукан и Моисей Каган, София, 1988. + СИЭ; КЛЭ; ФЭ; Рус. писатели; Каталог 6-ти П., в. 1—4, Л., 1963; Муратова (2); Масилов

Архивы: РГАЛИ, ф. 1127; РШХИДНИ, ф. 264; РНБ (Дом Плеханова).

М. В. Михайлова

ПЛЕЩЕЕВ Александр Алексеевич [7(19).10.1858*], Петербург — 5.12.1944, Париж; похоронен на кладб. Сент-Женевьев-де-Буа], меуарист, журналист, беллетрист. Сын А. Н. Плещеева (издавал его соч. и мат-лы архива). Получил домашнее образование. Детство провел в Москве; учился в г-зии Л. И. Поливанова; переехав в Петербург, учился в 1-й г-зии; курса не окончил, увлекшись театром. В 1870-е гг. играл на провинци. сценах (т-р Казанцевой в Ростове-на-Дону, т-р в Ковно и др.), в моск. Пушкин. т-ре; в 1879 дебюти-

ровал в Моск. Малом т-ре в роли Платона Зыбкина («Правда хорошо, а счастье лучше»); в 1883 в петерб. частном т-ре играл Хлестакова, в Александрин. — Белутина («Женитьба Белутина»). Зыбкина. Рецензенты отмечали его чрезмерную застенчивость (П. Штеллер — «Иск-во», 1883, № 40, с. 481; благожелат. отзывы: «Голос», 1879, 18 сент.; П. Д. Боборыкин — РВед, 1879, 11 сент.; подпись П. Б.). Исполнял обязанности канцелярского служащего I разряда в Горном деп. (1891—96). Д. чл. Попечительного совета принята принята П. Г. Ольденбургского (с 1899).

В 1907—09 П. — дир. рус. драм. труппы, гастролировавшей в Варшаве (об ее успехе см.: ТИИ, 1907, № 19, с. 310; БВед, 1909, 23 апр.; интервью с П. «Может ли существовать в Варшаве рус. театр?» — «Раннее утро», 1908, 19 апр.). С 1912 помощник дир. театр. школы Лит.-худож. об-ва (школы А. С. Суворина — «Обозрение т-ров», 1907, 28 июля). Помогал А. А. Бахрушину в создании музея как коллекционер и посредник (см. письма к Бахрушину 1892—1929 — ЦТМ, ф. 1, оп. 1, № 2463—2578, 4501).

Завявшись журналистикой, П. в кон. 70-х гг. отказался от карьеры артиста, но работал как театр. критик, драматург; активно участвовал в закулисной жизни. В 1903 познакомился с актрисой Е. Н. Рошиной-Инсаровой, впоследствии его гражд. женой (ее письма к П. — РГИА, ф. 1102, оп. 3, № 138^б—138^к).

С 1876 П. печатался во многих периодич. изд. («Стрекоза», «Шут», «Будильник»), пробыв силы в разных жанрах — от юмористики в стихах и прозе до романсов. Пост. сотрудник «Петербург. листка» (1883; вел еже-

дневный юмористич. фельетон под псевд. Муха; выпустил кн. «Петербург. сказки Мухи», СПб., 1883). Как театр. критик сотрудничал в «Бирж. вед.» (1888—1906), «Нов. времени» (1899—1916), «России» (1899—1902), «Петербург. газ.» (1903—10). Издавал и редактировал газ.: «Невод» (1906—07), «Минута» (1908; «газета архивная, архингородская, архиразубахистая, архибульварная, на франц. лад» — Кугель, с. 55—56), «Что нового» (1909) и др.; соред. П. Ф. Леванка в «Бирж. изв.» (1908—09). Член Союза театр. критиков.

П. отклонялся на спектакли, писал об актерском мастерстве, о закулисном быте (о взаимоотношениях актеров с антрепренерами и критикой, о жизни актера в провинции); однако избегал высказываться о значительных явлениях совр. драматургии. Отмечалось, что в своих театр. рец. П. был «по рукам и по ногам связан ... дружественной паутиной» (Измайлов, с. 12). В издаваемых им еженедельниках «Театр. мирок» (1884—1886) и «Петербург. дневник театра» (1903—05) систематически высмеивался модернизм (см. статьи о новой живописи — «Петербург. дневник театра», 1905, № 8; подпись Не художник; о «патологич.» сюжетах и героях «новой драмы» — «Амплуа близкого будущего» — там же, 1903, пробный номер и др.). Нападая на «новую драму», П. обличал ее эпигон и отрицал причастность к ней А. П. Чехова; утверждал, что А. Белый «насильно навязывает» Чехову «символизм, о к-ром он едва ли подзревал» (там же, 1904, № 9, с. 4). Театр. еженедельники П., видимо, «в пику» модернистам, избивают мат-лами о Чехове; П. подчеркивает свою дружескую близость с ним («А. П. Чехов о пьесах, драматургах, артистах и пр. Неизд. мнения и мысли (из писем к П.)» — там же, 1904, № 28, 29; 1905, № 7, 9, 10, 11; восп. о встречах с Чеховым — там же, 1904, № 1, 28; 1905, № 15, 16; «Петербург. газ.», 1910, 17 янв., с. 3; перепечатано в кн. П. «Что вспомнилось». «Мое время», а также в кн. «Чеховские мелодии», М., 1990). Однако при жизни Чехова П. на его пьесы не отклонялся.

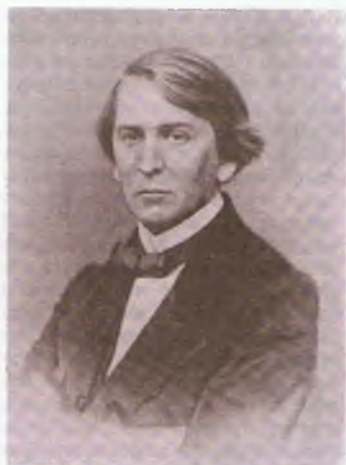
П. написал более 30 одноактных пьес — водевилей, сенок, монологов («Для театра», СПб., 1892; «Сборник пьес», СПб., 1897; «Театр», т. 1—2, М., 1913), ставившихся в Александрин. т-ре, в «Кривом зеркале» и др. По мнению критиков, пьесы П. — талантливые и непритязательные «жанровые картинки» (см. отзыв А. Р. Кутеля об «Ужине»: ТИИ, 1897, № 49, с. 905), где в журнальной манере изображается быт, по преимуществу божественный (пьесу «В своей роли» В. М. Дорошенич в неодобрительном отзыве назвал

«очень модной» — Собр. соч., т. 8, М., 1907, с. 169); отмечалось отсутствие у П. традиционной интриги (отзыв о «Неврастениках»: НВ, 1902, 27 июня).

Драматургии П. во многом близки его очерки (сб. «В дороге и дома», СПб., 1892, — о Европе и Юж. России с т. з. туриста-театрала; «Без ужасов». Рассказы, Рига, 1928; предисл. П. Пильского), — в осн. из театр. и лит. быта (очерки «Балетоманы», «Газетчики», «Школа репортёров» и др.); о прозе П. благожелательно отзывался А. И. Куприн (бывший с ним в приятельских отношениях; письма Куприна к П. — ЦТМ, ф. 210, № 257—59), отметив черты, сближающие ее с прозой молодого Чехова: остроумие, скупость в описаниях, отсутствие прямых авторских оценок (Куприн А. И., О. П. и его кн. — В кн. П. «Мое время», Париж, 1939, с. 7—12).

По словам современника, П. «был истый тип старого, породистого литератора-театрала и, пожалуй, это было в нем интереснее в собственном смысле писательства» (Измайлов, с. 12). Дир. петерб. Лит.-артистич. клуба, «джентльмен», энтузиаст, сибарит, щедрый до комизма. П. был одной из заметных фигур театр.-лит. об-ва (см.: Кугель, с. 132; см. также: ИВ, 1912, № 1, с. 339—43).

Наиб. интересен П. как мемуарист. Вспомывая о людях театра, П. делился своими впечатлениями, оценивая их творчество как профессионала [см. портреты М. Г. Савиной, В. Ф. Комиссаржевской, Н. Х. Рыбакова, В. В. Самойлова, А. А. Нильского, К. А. Варламова, И. И. Монахова, В. П. Далматова, Н. Ф. Сазонова, В. Н. Давыдова (его письма к П. — в кн.: Театр. наследство. Сообщения. Публикации, М., 1956), М. И. Писарева, Е. Н. Жулевой и др. в кн. «Что вспомнилось» (СПб., 1914; рец.: БВед, 1914, 14 марта); отзывы из восп. первоначально печатались: ИВ, 1901, № 10; «Петербург. дневник театра», 1904, № 9—30; 1905, № 3—4; «Б-ка театра и иск-ва», 1906, № 3—12; «Рампа и жизнь», 1908, № 2; СнУ, 1913, № 38—39, 42; см. также «Что вспомнилось за 50 лет. Театр. восп.». Париж, 1931]. В собственно лит. жизни П. занимала прежде всего ее бытовая сторона (см., напр., о петерб. ресторане «Малый Ярославец», где в 1870—80-е гг. сходились И. Ф. Горбунов, Д. В. Григорович, М. Н. Пыляев и др.; о жизни Григоровича за границей, о К. А. Скальковском как чиновнике; письма Скальковского к П. — ЦТМ, ф. 210, № 402—404) и др. В 1919 П. выехал за границу, не позднее 1924 обосновался в Париже (о ностальгич. настроениях П. и неприятн. сов. власти в это время его письма Вл. И. Немировичу-Данчен-

ко — РГАЛИ, ф. 355, оп. 2, № 216; в 1926 Немирович-Данченко звал П. в Россию — ЦГТМ, ф. 210, № 293; поддерживал связь с Москвой, посылая туда восп., мат-лы об отце и лит. жизни 19 в. В мемуарах, законченных в эмиграции («Под сению кулис...», Париж, 1936; «Мое время»), П. вспоминает разрушенный революцией быт в его подробностях, пишет об Анне Павловой, С. А. Андреевском, Т. П. Карсавиной, М. М. Фокине, В. Н. Кашперове, Н. А. Некрасове, З. Н. Некрасовой, Боборыкине, С. Я. Надсоне, С. В. Максимова и др., об улицах Петербурга и Москвы, извозчиках, ресторанах (в т. ч. «театральном» Балашова в Москве на Петровке), о Павловске, гулянье на островах в Петербурге, о балаганах (отд. главы первоначально опубли.: «Огонек», 1906, № 4; СпУ, 1914, № 19, 20; 1915, № 38, 39, 44; «Наша старина», 1917, № 1).

В эмиграции резко изменилось отношение П. к новым величиям в иск-ве (см., напр., о совр. балете: «вы гонитесь за вещами, не считаете с его возрастом» — «Сергей Лифарь. От старого к новому», Париж, 1938, с. 18).

П. — автор первой кн. по истории рус. балета «Наш балет (1673—1899)» (СПб., 1896, 1899); по мнению Скальковского, это «не столько история, сколько хроника балета, особенно подробная за 15 последних лет» (в его кн.: В театр. мире, СПб., 1899, с. 12); рецензент «Моск. вед.» упрёк П. за ошибку, «всякий фельетонный тон „маленькой прессы“ и слишком подробное описание послепобедных ужасов (1896, 18 февр.).

В последние 10 лет жизни П. страдал тяжелой болезнью глаз. «Старик А. А. Плещеев, 85 лет, почти слепой, ходит с белой палкой, рассказывает о Некрасове и Достоевском, к-рые его когда-то по головке гладили... Однажды ему подали милостыню» (Берберова Н., Курсив мой, М., 1996, с. 482).

Др. произв.: «За кулисами и в публике» (СПб., 1885; сб. фельетонов), «М. И. Петина (1847—1907)» (СПб., 1907; впервые опубли.: ИВ, 1907, май), «29 рассказов» (СПб., 1912), «Сановник», сб-к рассказов (2-е изд., П., 1916).

Изд.: Соч. т. 1—3, СПб., 1912—14.

Лит.: Чехов (ух.); Афанасьев, т. 2, с. 336—39; Измайлов, А. А., А. А. Плещеев — «Вест. лит.-рев», 1919, № 9; Кугель А. Р., Лит. вост., П., 1923; Бахрушин Ю., Вост., М.—П., 1994 (ух.). + Брокгауз; КЛЭ; Масанов.

Архивы: ЦГТМ, ф. 210 (в частности, письма С. А. Андреевского, В. П. Давыдова, С. П. Давыдова, М. Н. Пыляева, В. С. Розанова, М. Г. Савиной, П. Б. Струве, А. С. Суворина, М. М. Фокина); ф. 76, № 35—51 (письма А. Ф. Горюхиному); РГАЛИ, ф. 339, оп. 1, № 197 (письма О. К. Хотютову); РГБ, ф. 331, к. 55, № 43 (письма А. П. Чехову); РГИА, ф. 1343, оп. 27, д. 3459, л. 24 и об. (и. с.).

Г. В. Зюкова, при участии Л. Е. Липшиной

ПЛЕЩЕЕВ Алексей Николаевич [8(20).12.* по др. сведениям — 22.11 (4.12).1825, Кострома — 26.9.1893, Париж; похоронен в Москве на Новодевичьем кладб.], поэт, переводчик, прозаик, драматург. Отец А. А. Плещеева. В старинном дворян. роду П. — неск. литераторов, в т. ч. изв. в

же материальные затруднения и глазная болезнь привели его к решению уйти из ун-та (лето 1845).

В 1844 П. познакомился с М. В. Петрашевским, с 1845 стал посещать его «пятницы», особенно тяготя к «дуровскому» кружку, в к-ром преобладали лит. интересы (Достоевский, С. Ф. Дуров, А. И. Пальм и др.). На следствии П. показал, что, «будучи характера впечатлительного ... не раз подчинялся влиянию к.-л. прочитанной ... книги или к.-л. разговора...» (Дело петрашевцев, т. III, М.—Л., 1951, с. 304). Изв. откровенность этого признания подтверждается и восп. П. П. Семёнова-Тян-Шанского: «... туманно было ... направление этого идеалиста в душе, человека доброго и мягкого характера. Он сочувствовал всему, что казалось ему гуманным и высоким, но определенных тенденций у него не было, а примкнул он к кружку потому, что видел в нем более идеалистические, чем практические стремления» («Петрашевы в восп. современников», [т. I], М.—Л., 1926, с. 52). Зимой 1848/49 он вместе с Н. А. Мордвиновым и А. П. Милюковым переводит памфлет «Слово верующего» франц. христ. социалиста Ф. Р. де Ламенне, интерес к к-рому выдает христ. окраску его социалистич. взглядов.

В марте 1849 П. едет в Москву; пересылает текст письма В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю, прочитанный Достоевским на одном из заседаний кружка и занявший ключевое место в последующем обвинении. В эту пору уважит. отношение к западникам (Т. Н. Грановскому и др.) содействует у П. с резкими отзывами о славянофилах (см. письмо к Дурову от 26 марта 1849 — «Филос. и обществ.-полит. произв. петрашевцев», [М.], 1953, с. 722—23), что естественно при общей западнич. ориентации кружка Петрашевского. (Спустя десять лет, под влиянием моск. атмосферы, П. увидит «в славянофилах больше жизни, энергии и любви, чем в западниках» — письмо к Е. И. Барановскому от 22 дек. 1859 — «Шестидесятые годы», с. 454.)

Начиная с 1844, когда в «Совр.» (№ 2) появилась (за подписью «А. П.-въ») первая подборка стих.: цикл «Ночные думы» и «Песня странника. Из Рюккертса», П. регулярно печатается в «Репертуаре и Пантеоне», «Иллюстрация» и др. изд. Ранняя лирика тяготеет к жанрам послания, элегии и акцентурует в основном «общие» романтич. мотивы (особенно сильно влияние М. Ю. Лермонтова) — ранней смерти («Страдал он в жизни много, много...», (1846); угловые скобки здесь и далее означают, что произв. написано не позже данной даты), безства (180сти», (1846)), бегства

кон. 18 в. писатель С. И. Плещеев. Отец — Ник. Серг., служил чиновником по особым поручениям при арханг., вологод. и олонеч. ген.-губернаторе; с 1826 — на должности губ. лесничего в Н. Новгороде, где прошло раннее детство П. Мать — Ел. Ал-др. (урожд. Гореккина), из костром. дворян. Дала сыну хорошее дом. образование (знал три иностр. языка). После смерти отца (1832) П. вместе с матерью (к-рую нежно любил) поселился в родовом имении в Княгинин. у Нижегород. губ. Возможно, вследствие этой ранней утраты П. рос нервным и впечатлительным. В 1839, добившись ленских, мать переезжает с сыном в Петербург и отдает его (1840) в Школу гвард. подпрапоршников и кавалерийских юнкеров, учеба в к-рой вызвала в П. «самую искреннюю антипатию» к воен. службе. Уволившись «по болезни» (1842), он поступает на мет.-фил.-ф-т Петерб. ун-та по разряду восточных яз. (1843). Заметное влияние оказали на него лекции проф. В. С. Порошина, поклонника Ш. Фурье (ср. письмо П. к А. П. Чехову от 12 сент. 1889: «мы воспитывались и развивались на франц. культуре, на идеях 48 года» — ЛН, т. 68, с. 348). К 1843—44 относятся первые стих. П. Складываются его лит. интересы, круг знакомств (покровительствующий начинающему поэту ректор ун-та П. А. Плетнёв, А. А. Краевский, А. Н. и В. Н. Майковы, в доме к-рых П. встречался с Ф. М. Достоевским, И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, М. Е. Салтыковым-Щедриным и др.). Большую роль в становлении личности П. сыграла студенч. среда, бекетовский кружок (см. Бекетов А. Н.). Царившее в нем критич. отношение ко мн. явлениям обществ. жизни усилило и скепсис П. по отношению к учебе: мн. предметами он занимался «без всякой любви» (письмо к Плетнёву от 8 июня 1845 — ЛА, в. 6, с. 211). Это, а так-

с возлюбленной «от народа подальше» («Челнок», (1844)) и т. д. В стих. «Дедемон (Винаро Гарсия)», (1843—44), «Старик за фортепьяно», (1844) и др. ошутим романтич. культ музыки. Обращение П. к социальной теме («В ужасной нагоде еще не представляли! Мне бедствия тогда страны моей родной! И муки братьев дух еще не волновали! Но ныне он прозрел, и чужд ему покой!» — «Назов друзей», (1845)) повлекло отход в 1845—46 от Плещеева [по мнению К-рого, П. находился под сильным воздействием «доктрины Краевского», т. е. статей Белинского (лично знакомы с 1847), опублик. в «Отеч. записках»] и его политически нейтрального «Совр.». Из стих. такого рода (написанных, как правило, в форме ораторских обращений к своему поколению) особую известность получило «Вперед! Без страха и сомненья...», (1846), ставшее гимном неск. поколений демократич. молодежи. Лирика П. этих лет несет отпечаток идей петрашевцев с их верой в грядущее равенство и братство, а также «гуманнического космополитизма» В. Майкова: «Навеки в мире воцарится! Священной истины закон» («Поэту», (1846)). Надежды на будущее могут быть связаны у П. с вмешательством высшей силы («Новый год», 1848). «Распятий на кресте божественный плетей» («Назов друзей») — образ, тоже связанный с христ. стороной исканий ранних рус. утопистов, в рус. традиции восходящий к Белинскому и ставший «общим местом» демокр. сознания. Большая часть стих. этих лет вошла в первый сб. П. — «Стихотворения. 1845—1846» (СПб., 1846).

Состояние в нем графа, и любовной лирики осознано П. как принципиальная позиция (эпиграф к кн.: «Нояз сил, et nihil humani a me alienum fuit») — «Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо». Широка сфера сочувствия была, с одной стороны, отмечена одобрением Д. П. (Протопопова) — ЛГ, 1847, 13 февр., а с другой — вывала упрёки в отсутствии у П. «определённого направления» («Филетий пост», 1846, т. XII). В. Майков назвал П. «бесспорно первым нашим поэтом в наст. время» (ср.: «Помните ли вы время, когда П. был нашим первым поэтом?» — Н. Н. Страхов — Достоевскому, 1870) и отметил, что он «сильно сочувствует вопросам своего времени, страдает всеми недугами своего века...» (ОЗ, 1846, № 10, с. 39, 40). В противополож. Белинскому (к этому времени изменивший свое отношение к «рефлективной» поэзии и критически относившийся к утопии) причислял П. (не называя имени, но ссылался именно на его кн.) к «мелким талантам», усмотрев в его стихах только «элементарную мысль-разражение» («Совр.», 1847, № 1, с. 31—32).

В апр. 1849 П. был арестован в Москве и доставлен в Петропавлов. крепость. 22 дек. 1849 вместе с др. петрашевцами, приговоренный к расстрелу, мужественно ожидал казни на Семеновском плацу (свидетельство самого П., см. в кн.: Ф. М. Достоевский в забытых и неизв. восп. современников, СПб., 1993, с. 41). В последний момент приговор

П. был заменен 4-летней каторгой, а затем вновь смягчен «во внимание к молодым летам»: П., лишенный всех прав состояния, был отправлен рядовым в отдельный Оренбург. корпус. В янв. 1850 прибыл в Уральск, зачислен рядовым в линейный батальон № 1. Тяжелая поднадзорная служба и казарм. жизнь скрашивались знакомством с др. ссыльными — Т. Г. Шевченко, польскими революционерами (З. Сераковский и др.), а также общением с местной интеллигентнейшей в доме подполковника В. Д. Даидевиля в Оренбурге, куда П. был переведен в марте 1852. Положение П. несколько смягчилось благодаря хлопотам матери, еще по Петербургу знакомой с оренбург. губернатором В. А. Перовским. Он дал П. возможность продвигнуться по службе путем участия в июле 1853 в штурме кокашской кре-

А. Н. Плещеев в ссылке.
Рис. неоп. художника. Гос. лит. музей.

пости Ак-Мечеть (после взятия — форт Перовский). За «отличие в деле» в дек. 1853 П. произведен в унтер-офицеры (но офицерское звание получил лишь в 1856). Имея чин прапорщика, П. смог оставить воен. службу и определиться (в чине коллеж. рег.) в Оренбург. погранич. комиссию (1857—58). К этому времени относится знакомство и тесное общение с врачом И. В. Павловым, А. М. Жемчужниковым, встреча с М. Л. Михайловым, благодаря к-рому П. устанавливает контакты со столичными журналами.

Стихи П. периода ссылки, подкрепл. личным жизн. опытом, во мн. перекликаются с поэзией 40-х гг., но уже лишены нередко ощущавшейся в них условной лит. позы. Сочетанием традиц. образности и поэтич. искренности отмечены и любовные стихи, посв. Елинкonde Ал-др. Рудневой, дочери местного чиновника, ставшей в окт. 1857 женой П. («Когда твой кроткий, ясный взор...», «Тобой лишь ясны дни мон...», оба — 1857). Эти и др. стих. с 1856 публиковались в «Рус. вестнике» и с 1858 — в «Совр.», вошли в сб. «Стихотворения» (СПб., 1858; сдержанный отзыв Н. А. Добролюбова —

«Совр.», 1858, № 10, с. 194; добротелат. рец. А. Тихменева — «Атеней», 1858, № 51), изд. в отсутствие П.

В апр. 1857 П., сохранявшему и в армии «учтивость ... чисто боярскую» (Из восп. Н. А. Виноградова — РГАЛИ, ф. 378, оп. 1, № 36, л. 3) и вообще являвшему собой «одно из аристократич. имен лит-ры» (Розанов В. В., О писательстве и писателях, М., 1995, с. 477), было возвращено звание потомств. дворянина. Выхлопотав отпуск, П. в мае 1858 выезжает в Петербург. Знакомится с Н. А. Некрасовым, Н. Г. Чернышевским, высоко отзывавшимся о П.-поэте (см.: Чернышевский, XIV, 64, 70—71). Добролюбовым, с к-рым до самой его смерти будет вести переписку (ему посв. стих. П. «Ты жаждал правды, жаждал света...», 1881). С апр. 1859 — в Оренбурге, служит в губ. канцелярии. В авг. 1859, получив разрешение, поселяется в Москве (с сохранением секр. надзора до переезда в Петербург в 1872; в 1863 в связи с провокацией В. Д. Костомарова привлекался к следствию по делу Чернышевского) и полностью отдается лит. деятельности: печатается, в частности, в «Рус. вестнике», «Времени», «Совр.».

Одно из стих. опублик. в этом же л. — «Еще одна — и такая утрата...» ошибочно атрибутировалось П. (см. ЭЛЭ о П.); автограф стих., хранящийся в РГАЛИ (ф. 167, оп. 3, № 21, л. 11), свидетельствует об авторстве А. В. Дружинина (сообщено Б. Ф. Егоровым).

В 1860 П. становится пайщиком и чл. ред. «Моск. вест.»; заботясь о том, чтобы газета имела «цвет, направление», привлекает к сотрудничеству лучших имен. В 60-е гг. в его доме на лит. и муз. вечерах бываю Некрасов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, А. Ф. Писемский, Н. Г. Рубинштейн, П. И. Чайковский, актеры Малого т-ра. П. не принадлежал к к.-л. лит.-обществ. партии (по определению Добролюбова, «стоит на распулье двух дорог»; см. также его пародию на выражавшее «либеральную тенденцию» стих. П. «Трудилась, бедные, вы, отдыхе не зная...», Добролюбов. VII, 523). Оставаясь в нек-рой степени «человеком 2-й пол. 40-х гг.» (письмо П. к Чехову от 12 сент. 1889 — ЛН, т. 68, с. 348) и симпатизируя всему, что считал гуманным и передовым, П. вместе с тем ощущал потребность в определении своих позиций: «Нужно сказать новое слово, а где оно?» (из письма Достоевскому в 1862. — В кн.: Ф. М. Достоевский. Мат-лы и исследования, Л., 1935, с. 458).

В 1861 выходит сб. «Стихотворения» (СПб.), в 1863 — «Новые стихотворения» (СПб.). Выделяя удачные, искренние стихи, В. В. Крестовский вместе с тем отмечает, что в поэзии П. нет «особенной яркости и особенного разнообразия» и что он

«пишет головой, где следовало бы говорить сердцу» (РСЛ, 1861, № 3, с. 73, 76). Во многом сходную оценку дали М. М. Достоевский («Время», 1861, № 3) и В. Р. Зотов (рец. на сб. 1863 — БЧ, 1864, № 2, б. п.), попытавшийся также сформулировать общую характеристику поколения П. В рец. Салтыкова-Щедрина на эту книгу талант П. — «гуманитарного лирика», назван «скромным, но честным и искренним»: «он сумел возвыситься над миром мотыльковым и перенес свою лиру в мир человеческих интересов» («Совр.», 1864, № 1, с. 82). Резко отрицает, анонимная рец. на сб. 1863 в «Отеч. зап.» (1864, № 5) откровенно предвзята и имеет, по предположению самого П., полнит. посылку (см.: Пустильник И. К., 1988, с. 100). П., вслед Некрасову (у которого подчас замещает нек-рые сюжетные ситуации — ср. «Я у матушки выросла в хале...» (1860) и «Тройку» Некрасова), обращается к жанру гор. зарисовки («На улице», (1860)), стих.-новеллы с сильно выраженным «бытовым» началом («Она и он», (1862)), оживляя в поэзии традицию «натуральной школы», что, по мнению Михайлова, было малоугодно: «элегич. стихи его не перестраиваются на сатирич. лад» («Совр.», 1861, № 3, с. 94). Наиб. интересны у П. в этот период собственно лирич., пейзажно-филос. стих.: «Облака», цикл «Летние песни» (написанный, впрочем, не без влияния А. А. Фета). П. ценил в лирике Некрасова изображение нар. жизни, к-рое «исполнено у него такой любви, что мнение нек-рых, будто бы он хорошо только тогда, когда негодует, оказывается совершенно несостоятельным» (МВед. 1861, 17 янв.). Притягивала П. и сама личность поэта: «Некрасова я люблю. В нем есть стороны, влекущие к нему невольно; за них прощаешь ему многое» (письмо А. М. Жемчужникову от 25 июля 1875 — РМ, 1913, № 7, с. 128). Влияние Некрасова (крестьян. тематика, «ролевая» лирика) ощущается и в стихах П. для детей — сб-ки «Подснежник» (М., 1878; рец.: «Новые книги», 1878, № 5) и «Дедушкины песни» (М., 1891). В 1861 П. издал совм. с Ф. Н. Бергом сб.-хрестоматию «Детская книжка» (СПб.; полжит. рец. В. В. Крестовского — РСЛ, 1861, № 6), в 1873 совм. с Н. А. Александровым сб. «На праздник» (СПб.; в числе авторов — сам П., Я. П. Полонский, Некрасов и др.; рец. — «Сияние», 1873, № 7, с. 112). Критика отметила «регулирующую тенденцию», опирающуюся «на почву общих понятий о зле и добре» (ОЗ, 1878, № 5, с. 98). Нек-рые из дет. стих. П. (напр., «Старик») получили хрестоматийную известность.

Поэтич. мастерство П. в наиб. степени проявилось в его переводах,

к-рым он занимался на протяжении всего творч. пути. Крут переводимых авторов, преим. романтич. типа (в т. ч. Дж. Байрон, Г. Гейне, Ш. Петёфи, Т. Мур, В. Гюго, М. Гартман; всего более 30), обусловил широту творч. диапазона переводчика, обязал к поиску разнообразных поэтич. средств, адекватных оригиналу (напр., «Сельские песни» польск. поэта С. Витвицкого, в т. ч. широко изв. стих. «Травка зеленеет...»; подробнее см.: РЛ, 1976, № 4, с. 194). В лучших переводах стих П. обретает выразительность, не всегда свойственную его орг. лирике («Повсюду ненавистный запах масла... / Вот лампа замигала... и шипя / С отчаяньем — последняя — утасла! / Тот бедный пламень был — душа моя». — «Спектакль окончен...» Гейне). Очевидно, переводч. работа была ближе П. по самому складу его дарования, не предполагавшего значит. собств. поэтич. открытий, но чутко улавливавшего ценное в чужом творчестве. По замечанию М. Достоевского, «П. в переводах еще более поэт, чем в оригиналах» («Время», 1861, № 3, с. 160). Ю. И. Айхенвальд считал, что у переводимых поэтов П. «черпал ... те звуки и темы, на к-рые ему недоставало собств. мощи и творчества» (Айхенвальд Ю., Силуэты рус. писателей. М., 1994, с. 279). Среди крупных поэтич. переводов П. — драматич. баллада Гейне «Вильям Ратклиф» («Совр.», 1859, № 11, с. посв. Чернышевскому; отд. изд. — СПб., 1869), отрывок из трагедии Байрона «Сарданпал» (ОЗ, 1875, № 7). Мелодичность ориг. стих. и переводов П. не раз привлекала внимание композиторов (Чайковский, М. П. Мусоргский, С. В. Рахманинов и др.).

Как прозаик П. дебютировал (на время отойдя от поэзии) в 1847 рассказом «Енотовая шуба» (ОЗ, № 10, посв. «Ф. М. Д(остоевскому)»). Следом появляются рассказы «Папирска» («Совр.», 1848, № 1), «Протекция» (СПбВед. 1848, 3, 5, 6, 9—13 марта), пов. «Шалость» (ОЗ, 1848, № 11), «Дружеские советы» (ОЗ, 1849, № 3), в к-рых П. выступает в русле натуральной школы, сатирически или иронически («сострадательной насмешкой» — Добролюбов) изображая героев разных слоев петерб. населения: от «лишних» людей до представителей «солдной жизни» (по определению М. Достоевского; его отзыв о прозе П. см.: «Пантеон», 1848, № 5). Социальная и психологич. типология героев становится более отчетливой в кон. 50-х гг., на к-рые пришелся пик творчества П.-прозаика (таково, напр., изображение «артистич.» и «практич.» типов в пов. «Наследство» — РВ, 1857, № 16, и «Призвание» — «Светоч», 1860, кн. 1—2). В

числе лучших — пов. «Отец и дочь» (РВ, 1857, № 19), где тема протеста «маленького человека» воплощена в динамич. трагич. сюжете (по-видимому, именно эту пов. читает не могущая «удержаться от слез» мать героини чеховского рассказа «Невеста» — см.: Чехов Х, 207), а также пов. с автобиогр. мотивами «Пашинцев» (РВ, 1859, № 21—23), особо ценная П., и «Две карьеры» («Совр.», 1859, № 12), в к-рых он обращается к образу «героя времени» — молодого интеллигента. Если Пашинцев терпит моральный крах, то герой второй пов., напротив, сохраняет достоинство и благородство. Оба героя умирают, погубл. средой (сходная ситуация — в рассказах «Благоденные», 1859, «Лотерея», 1863).

Добролюбов, откликнувшийся на сб. «Повести и рассказы» (из прозы. 40—50-х гг., ч. 1—2, М., 1860), видит в героях-испытателях П. «печальность и неумелость», отсутствие «озабоченности и определенности стремлений»; у нек-рых из них он замечает, однако, «при всей видимой алчности и неразвитости ... смутное сознание неуловительности своего положения» (Добролюбов, VI, 202, 208). А. П. Миллюков отметил «возвышенность и сюжетное однообразие произв. писателя, что не мешает им «быть оригинальными и интересными» («Светоч», 1860, кн. 3, с. 71, 72).

В целом проза П., как правило, ориентирована на лит. образцы: он использует лерм., гооголевские и др. сюжетные ситуации (ср., напр., посв. П. пов. «Белые ночи» Достоевского и сюжет пов. П. «Дружеские советы»), мотивы. Герои постоянно и много читают; лит. пристрастия должны, по замыслу П., прояснить характер персонажей, однако этот худож. прием используется им несколько прямолинейно. Встречаются и необязательные сюжетные линии. Сам П. признавался: «Все мои повести вообще — вещи неважные...» (письмо Добролюбову от 25 февр. 1860 — РМ, 1913, № 1, с. 145). В 1880 П. издал 2-й сб. своей прозы — «Житейское» (СПб.); положит. отзыв — РВ, 1880, № 6), куда вошли произв. кон. 50-х — 60-х гг.

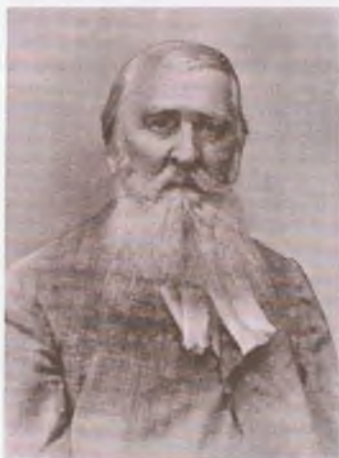
П. был близок к театр. среде, тесно общался с А. Н. Островским, мн. актерами, участвовал в разл. театр.-обществ. начинаниях (старшина Артистич. кружка, пред. Об-ва сценич. деятелей и проч.), был хорошим чтецом (см.: Из восп. Анны Бренко. — В альм.: Лазурь, в. I, М., 1989, с. 163—64), немало писал для театра. Известны 13 орг. пьес П., преим. сатирич. комедии; в т. ч.: «Услуга», «Нет худа без добра» (обе — БЧ, 1860, № 7/8), «Счастливая чета» («Совр.», 1862, № 3), «Командирша» («Время», 1862, № 10), «Братья» («Рус. сцена», 1864, № 2). Пьесы П., как правило, невелики по объему, просты и занимательны по сюжету. Они ставились в Малом, Александрин. и др. театрах.

В 1864 умирает жена П. На руках поэта, тяжело перенесшего эту потерю (см. цикл стих. «Памяти Е. А. Плещеевой», 1865), осталось трое детей: Александр (А. А. Плещеев), Елена и Николай. Пережив в нач. 60-х гг. свой жизненный и творч. пик, он вступил теперь в длившуюся четверть века полосу «мытарств литераторского необеспеченного существования» (Боборыкин, т. 1, с. 402). Материальные затруднения вынуждают П. определяться на тяготившую его службу в Гос. контроль и заниматься ею до 1875 (подробнее см.: ИРЛИ, ф. 273, оп. 2, № 115, ф.с. 1893 г.); по служебной лестнице дошел до чина тит. сов. (1872). Со 2-й пол. 60-х гг. у П. новая семья — Эк. Мих. Данилова (урожд. Успенская) и дочь (в ф.с. и завещании именуется воспитанницей) Любовь (р. 1869).

На рубеже 1871—72 П. переезжает в Петербург, где с 1872 становится секретарем ред. «Отеч. записок», а после смерти Некрасова — зав. стихотв. отделом; редакция ж-ла находилась в квартире П. на Спасской ул. П. публикует в ж-ле собств. сокращ. переводы романов Э. Золя «Брюхо [так в пер.] Парижа» (1873, № 7—8; в предисл. он высказал ряд соображений о лит.-ре франц. натурализма, в к-рой ценил «широкий захват»), Стендаля «Красное и черное» (1874, № 3—6), бр. Гонкуров «Молодая буржуазия» (1876, № 11—12) и др. и одновременно компилятивные работы по зап.-европ. истории и социологии («Вот работа, за к-рую я бы взялся с любовью: изложение социальных систем» — РМ, 1913, № 1, с. 145), напр. «Жизнь и перепiska Прудона» (1873, № 11; вызвала ценз. затруднения), «Несколько портретов 18 века» (1880, № 4—5) и др. К соч. такого рода относятся и «Жизнь Диккенса» (СПб., 1891). В 1874 П., еще в молодости пробовавший себя в публицистич. жанре (фельетоны в «Рус. инвалиде», 1846—48), вел в «Отеч. зап.» рубрику «Совр. заметки». С 1874 по рекомендации Некрасова сотрудничал в «Бирж. вед.», где помимо рец. публиковал «Легучие заметки из обществ. жизни». В эти же годы П. «переделал» ок. 30 комедий заруб. драматургов, в т. ч. Э. М. Лабиша, Пальерона. После закрытия в 1884 «Отеч. зап.» П. — зав. лит. отделом «Сев. вест.», в создании к-рого принял участие. В 70—80-е гг. П., загруженный лит. поденщиной, к лирике обращается относительно редко. Итог своего творч. пути подвел сб-камн «Стихотворения» (1846—86) (М., 1887; отклики 1887: СВ, № 1, РМ, № 2, ВЕ, № 3) и «Песни старого друга» (М., 1891; выдержал 5 изд.).

В 80-е гг., отмеченные обшим интересом к «людям 40-х годов», П. на-

ходится в центре лит. жизни, поддерживает молодых писателей — В. М. Гаршина, С. Я. Наасона (письма ему 1882—85 см.: «Невский альманах», в. 2, П., 1917), А. Н. Алухтина, И. З. Сурикова и др., общается с Д. С. Мережковским (см. его эссе «Памяти А. Н. Плещеева» — в сб.: А. Н. Плещеев, 1911), З. Н. Гиллиус (см. гл. «Благоухание седины» в ее восп. «Живые лица», т. 2, Тб., 1991). Одним из первых оценил талант А. П. Чехова, с к-рым познакомился с 1887 и вел насыщенный лит. переписку; опубликовал в «Сев. вест.» «Степь» (см.: Памятные книжные даты. 1988, М., 1988, с. 101—102), «Скучную историю» и др. его прозв. Хотя отноше-

А. Н. Плещеев. 1880-е гг.

ния П. с «совр. молодежью» вызвали разноречивые мнения (В. А. Тихонов: «...ухаживает и ... подлаживается. Чуть кто произвестнее становится, он уж тут как тут...», ИРЛИ, ф. 567, № 3, л. 29), черты его личности привлекали окружающих: «Это был мягкий, скромный, почти всегда грустно настроенный и, я бы сказал, запуганный жизнью человек, если бы не то присущее ему изящество, с к-рым он нес бремя жизни» (Н. К. Михайловский — РБ, 1893, № 10, с. 140). 60-летие П. (осень 1885) и 40-летие его лит. деятельности были торжественно отмечены (15 янв. 1886) лит. общественностью (подробнее см. за 1886: ЖО, т. 4; «Нива», № 17; «Новь», т. XII, № 23; РВед, № 14).

В 1890 в результате разногласий внутри ред. П. уходит из «Сев. вест.» и остается без твердых доходов. Смерть богатого родственника в 1890 делает его обладателем крупного состояния. П. участвует в ряде благотворит. акций. С 1890 несколько раз выезжал для лечения за границу (первое путешествие по Европе — Италия, Франция, Германия,

Англия — состоялось в мае—июне 1862; дорожная записная книжка — РГАЛИ, ф. 378, оп. 1, № 8). Умер от апоплексич. удара в Париже, откуда намеревался ехать в Ниццу. Смерть П. вызвала ряд поэтич. откликов (К. М. Фофанов, К. Д. Бальмонт, К. Хетагуров и др.).

Др. прозв. П. с е с ы: «Свиданье» («Время», 1861, № 11), «Получник» («Эпоха», 1864, № 9), «Жилец», М., [1885].

Изд.: Сборник театр. пьес для домашних и любительских спектаклей, т. 1—3, СПб., 1876—1880; Стихотворения (1846—1891), СПб., 1894 (вступ. ст. П. И. Вейнберга); Повести и рассказы, т. 1—2, СПб., 1896—97 (вступ. ст. П. В. Быкова; есть библи.); Стихотворения, 4-е изд., СПб., 1905 (вступ. ст. П. В. Быкова; есть библи.); Стихотворения. [М.—Л.], 1937 (ВПис; вступ. ст. Г. Сорокина); Стихотворения, [Л.], 1948 (БПб; вступ. ст. А. В. Федорова); Стихотворения, Л., 1950 (БПис); Стихотворения, Л., 1957 (БПис); Поэты-петрашевцы. Избранное, М., 1960 (вступ. ст. И. М. Гайдарова и В. И. Коровина); Полн. собр. стихотворений, М.—Л., 1964 (БПб; вступ. ст. М. Я. Полькова); Стихотворения, М., 1975 (вступ. ст. Л. С. Пустыльник); Житийские сцены, М., 1986 (вступ. ст. Н. Г. Кузина); Стихотворения. Проза, М., 1988; Памятка. — В сб.: Живые картины, М., 1988; Стихотворения. Проза, М., 1991.

Письма: Плещеев, т. 2; Избл. стихи и письма к Л. З. Давыдовой. — МГ, 1908, № 7, № 10; Письма П. к Е. И. Барановскому. — В сб.: Шестидесятилетие года, М.—Л., 1940 (публ. М. А. Ланченко); Письма П. к разным лицам. — ЛА, в. 6, М.—Л., 1961 (есть библи. опублик. писем П.); «Такие души я любил давно...» — Письма П. к М. И. Ларионовой. — «Лит. Россия», 1984, 13 янв. (публ. М. Филина); Персицка А. П. Чехова, т. 1, М., 1984; Персицка Н. А. Некрасова, т. 2, М., 1987.

Лит.: Беллинский; Горшен; Некрасов; Тургенев; Добролюбов; Чернышевский; Достоевский; Островский; Салтыков-Щедрин; Толстой; Чехов (все — укр.); Достоевский в восп. (укр.); Гербель; А. Н. Плещеев. — «Театр. мирок», 1892, № 5; Плещеев А. А. Что вспоминалось. Соц. т. 3, СПб., 1914; то же, отз. изд. — Париж, 1931; Скабичевский А., Характеристика П. как поэта. — «Новости и бирж. газ.», 1893, 30 сент., 7 окт.; Гольцев В. П. как поэт и прозаик. — В сб.: Прометей, СПб., 1898; Заболотский П. А., Поэт гуманности и светлого идеала, Варшава, 1904; Сакулин П. Н., А. Н. Плещеев. — В кн.: История рус. лит.-ры, т. 3, М., 1909; А. Н. Плещеев. Его жизнь и соч. Сб. ист.-лит. статей, М., 1911 (сост. В. И. Покровский); Покровский К., Стихотворения П. для дет. возраста, М., 1911; Кругляков А. В., А. Н. Плещеев. Биография и характеристика, [М.], 1914; Семеновский М. И., Петрашевцы [М.], 1914; А. И. Палам, Ф. М. Достоевский и А. Н. Плещеев. — ГМ, 1915, № 11—12; Комарович В. Л., Юность Достоевского. — «Былое», 1924, № 23; Скабичев А., Чернышевский и П. — В сб.: Н. Г. Чернышевский, Саратов, 1926; Феоктистов; Петрашевцы (укр.); Жуковская Е. К., Залески, Л., 1930, с. 123—139; Быков П. В., Спутник далекого прошлого, М.—Л., 1930, с. 133—43; Бикмухаметова Е. М., Гражд. лирика П. 40-х гг. XIX в. — «Уч. зап. Казан. гос. пед. ин-та», в. 12, 1958; Галландина Н. С., Театр.-критич. деятельность П. — Вестник МГУ, сер. VII, 1960, № 4; Апов Н. И., Ак-Мечеть. Ист. ром., А.-А., 1965; Шуров И. А., Лирика П. — В сб.: Писатели и жизнь, в. 3, М., 1966; его же, А. Н. Плещеев. Жизнь и творчество, Я., 1977; Пустыльник Л. С., Автор статьи «Гейне и шартров» (Заблутный отзыв о Добролюбов). — ВЛ, 1961, № 11; его же, Атрибуция анонимных и псевдонимных критич. статей и рецензий П. — ФН, 1962, № 2; его же, Жизнь и творчество П., М., 1981, 2-е изд. М., 1988; Поляков М., Встречи с незабвенным [П. и Беллинский]. — «Наука и жизнь», 1961, № 8; его же, Поэзия торжеств и ссылки. — В его кн.: Цепи пророчества и бунта, М., 1975; Гордон Я. И., Гейне в России (1830—

1860-е гг.). Душанбе, 1973, с. 117—27; Очерки истории рус. театр. критики, [кн. 2]. Л., 1976, с. 196—207; Масалдык А. Г. И. Теорет. искания писателя натуральной школы и проза П. — В сб.: Проблемы реализма, в. III. Вологда, 1976; см. же. Голышевские традиции комического в лит.-реп. натуральной школы (сатира П.). — В кн.: Вопросы рус. лит.-р. в 2(4)0. Львов, 1982; Никитина Ф. Г., Петрашевы и Ламение. — В сб.: Достоевский. Иссл. и мат.-ли. т. 3, Л., 1978; Головки И. В., Рус. критика в борьбе за реализм (А. Н. Плещеев, М. Л. Михайлов), Минск, 1980; Лаврищева Т. И., Романы и дет. песни П. И. Чайковского на стихи П. — В сб.: П. И. Чайковский и рус. лит.-ра. Иванов, 1980 (ж.); Прийма Ф. Я., П. и Христо Ботев. — В сб.: Классицизм, наследие и современность, Л., 1981; Элизон М. Д., Об авторе одного стих. в некростом «Современнике». — В сб.: И. А. Некрасов и его время, в. 7, Калининград, 1983; Первые рус. социалисты, Л., 1984 (ж.); Рус. писатели в Москве, М., 1987, с. 529—539; Егоров Б. Ф., Петрашевы, Л., 1988 (ж.); Кузнецов И., Плещеев, М., 1988 (ЖЛП); Головки В. М., Поэтика рус. повести, Саратов, 1992, с. 127—47; см. же. Рус. реализм: повесть Герасименко и типология жадра, М.—Ставрополь, 1993 (ж.); ЛН, т. 51—52, 68, 84, кн. 1. + Некрологи, 1893; НВ, 27 сент.; СПб, 27 сент.; РБ, № 10, с. 139—41 (Н. К. Михайловский); МБ, № 11 (В. Островский); НВ, 1893, № 11; «Кураер Львовский», № 286 (Н. Франко); Вьюков П. В., Библиографический П., СПб., 1898; Михайлов: Языков; Бронков; Гранат; Березин; Валяф (ж.); Каталог ОРДП: Полный алфавитный список драматич. соч. на рус. языке..., СПб., 1888 (ж.); ЛЭ: КЛЗ; Лерн. жин.; Рус. писатели, 1990; ИДРАВ: ИРЛТ; Иванов: Смирнов-Солдатовский; Богора; «Совр.»; Богора. ОЗ (1, 2); Мельер; Муратов (1); Максимов.

Архивы: РГАЛИ, ф. 378; ИРЛИ, Р. III; РГБ, ф. 178, ГЛМ, ф. 145; РНБ, ф. 1029, № 76, 79, 94, ф. 621, № 668, ф. 608, он. 1, № 2527 и др. (письма разным лицам), ф. 438 (Литфонд), ф. 236, № 174, ф. 118, № 1270 и др. (автографы стих. П.), ф. 118, № 59, л. 247—261 (библ. публикации П.); РГИА, ф. 1343, оп. 27, л. 34, 34, 66, л. 114 (копия м.с.), д. 3459, л. 22—52 и л. 3466, л. 104 об. (дело о дворянстве П.), д. 3459, л. 27—31 (копия ф.с. 1891 г.) (справка Л. М. Сестеловой). А. В. Кузнецов.

ПЛОХОВО Александра Ивановна [7(19).11.1811, Вологда — не ранее кон. мая 1867], беллетристка. Родилась в семье бедного помещика Грязовещского у. Вологод. губ. Карьера отца складывалась неспросто; в нач. 1797 — гв. прапорщик; в 1808 гв. подпоручик; в дальнейшем он часто менял места службы; с 1810 — частный пристав вологод. полиции; в 1814 избран заседателем в Вологод. палату гражд. суда (уволен в 1815), в 1820—26 служил в Ковенской таможене (с 1822 — тит. сов.), а с 1828 «по болезни» находился в отставке; умер в 1835, так и не сумев обеспечить жену и дочь. Долгие годы обе зарабатывали на жизнь «трудами рук своих», не раз обращались с прошениями о помощи, указывая на «крайнюю бедность» (см.: РГИА, д. 1247, л. 35—36 об.). В поисках новых возможностей заработка П. обратилась к лит. труду, ставшему едва ли не единственным «средством к поддержанию себя и престарелой матери» (письмо П. А. Вяземскому — РГАЛИ, № 656).

Первая публикация П. — пов. «Месть женщины» (М., 1845; криптоним; Ал... Пл...; авторство установлено в кн.: Анонимные и псевдонимные произв., в. 2, Л., 1977, с. 168)

прошла незамеченной; первого критич. отклика удостоилась ее перевод ист. повести польской писательницы И. Осиповской «София, последняя из княжон Служских» (М., 1845; отзыв: БлЧ, 1846, т. 76, с. 12—13). Три ориг. произв. «Любовь самый лучший доктор», «Людишка. Отрывок из жизни девушки», «Чубук. Повесть 1846 г. (Истинное событие 18... г.)» и один пер. с польского «Мценские. Повесть времен минувших» составили книгу П. «Импровизации из рассказов моих знакомых» (М., 1847, и. р. 2 февр. 1846; поев. назв. сов. Платону Вас. Голубкову). Наивно-реалистич. изображение социальных противоречий (герои историй — пьяницы, бесприданницы, белые сироты) бледны на фоне романтич. коллизий и чудесных пережитий героев. Наметившийся в книге мотив религ. благочестия в дальнейшем станет пафосом всей — лит. и обществ. — деятельности П. По выходе об-ка автор обратилась к Авдотье Глинке с просьбой организовать за него подписку на одном из лит. вечеров в доме Глинок.

В 1848 вышел «Сумский, или Нечто вроде были» (М.; и. р. получено еще 23 авг. 1845) — «маленький роман, до крайности романтический, с вулканическими страстями, гвардейскими офицерами, нежными графинями, перехваченными письмами, слезною славой и штурмом Варшавы. Героиня его — чудо красоты и нежности, герон — образцы ума и храбрости, язык и правописание самого хорошего тона, то есть, совершенно не русские» (БлЧ, 1848, т. 89, с. 3). Пролонжая пронизывать, рецензент укоряет автора в пристрастии к словам «электричество», «магнетизм», «гальванизм» при передаче чувств и в совершенно произвольной пунктуации (см. также отпечат. отзыв: ЛГ, 1848, № 29).

Синхронизм с Моск. романтике отозвалась два других петерб. ориана — «Сын отечества» («...есть искусство, есть талант, но жалко, что сознательнейшая волея не владеет словом... Расстояние слов у нее самая неправильная, знаки проницания поставлены или для красоты, или по слепому случаю, очевидно, что сознательнейшая, верность, молчалива» — 1848, № 8, с. 62—63) и «Сев. пчела» («Повесть не то чтобы была плохотва: она написана правильными рус. языком и может быть прочитана без без удовольствия. Мы желаем только, что автор не выиграл во внутреннюю жизнь своих героев и поэтому предоставлял читателю интересоваться ими не более, как и естественными случаями, размысливающимися перед окном на улице» — 1848, 6 июля).

Все главы повести предваряются стихотв. эпиграфами, позволяющими представить круг поэтич. чтения П.

Испытывая неудачи в публикации других беллетристич. соч. (рассказы, повести и даже драма «Шкатулка, или Сын нотариуса» — см. ШИМ, д. 17, 18), П. обращается к иному виду словесности. В 1849 она предпринимает «душевно полезный труд» — выборочный пер. кн. религ. лезеши южнорус. духовного писателя 17 в., ректора Кисно-Могилинского колледжиста и архимандрита Иоаннина Голыцкого «Новое небо с новыми звездами, или Повествование о чудесах Богородицы, почерпнутое из достоверных преданий и древних летописей...», присвоившись к нему «вспомогательных иконох Богородицы Тихийския, Владимирския Святитрии и прочих, также о положенных рыбах Богородицы во Влахерской церкви» (опубл.: М., 1850, 3-е изд., 1854). 2-я религиозно-просветительская композиция П. — «Пять цветков из сада духовного, или Сведения о подвигах святых мужей: царя и пророка Давида, св. митрополита Петра, св. великомученика Георгия, св. Нила Столобенского и святителя Дмитрия Ростовского и всея России чудотворца» (СПб., 1859). По словам П., обе книги выдержали по три издания (см.: РНБ, № 12). Ближе к религ. беллетристике три коротк. «Поучительных предельных случая и христианских эрмитажей» («Странник», 1860, № 4) и очерк «Судьба» («Сев. пчела», 1859; с подзаголовком «Быль девятнадцатого столетия»).

Еще в 1854 она сама доставила на имя М. П. Погодина рукописи «путевых записок одной дамы» (в контуре «Москвитянина»), а затем — «Молитвы к Божьей матери в стихах» (на дом); в том же году она в письме к Погодину справлялась об их участии, одновременно предлагая «услуги в сотрудничестве» в журнале (см.: РГБ, № 67, л. 1, 2). Адресат, очевидно, не воспользовался ее предложением (что не помешало П. в 1862 и 1864 обращаться к Погодину как деятелю общественного благотворения — см.: РГБ).

В 1856 П. обращается к др. разновидности популярной композиции — выпускает кн. «Паштине защитники Севастополя: Корнилов, Истомин и Нахимов...» (М.), представляющую собой переработку известий о Крымской войне, опубликованных в периодике («Моск. вед.», «Рус. инвалид», «Совр.», «Вед. моск. гор. полиции» и др.), с включением офиц. документов (высочайших рескриптов, приказов адмирала, извлечений из записок врача). Такой тип «массового» издания бытовал на книжном рынке уже с сер. 1820-х гг. (см. Н. В. Данилевский, И. Г. Гурьянов). Выручка от издания была назначена в пользу вдов и сирот, потерявших кормильцев в Севастополе. Со 2-й пол. 50-х гг. П. подключается к широкой общественно-благотворит. деятельности: согласно ее письму-прошению 1867 на имя кн. П. А. Вяземского, она состоит членом Кавк. к-та, Об-ва вспоможения беднейшим церквам России, «более 10 лет» служит «по Дамскому благотворит. об-ву», в прошлом собирала деньги «в пользу Алтайской миссии» (см.: РГИА, д. 1532, л. 28—29), а в письме к Погодину (1864) она называет себя «уполномоченной сотрудницей Рус. дамского варшавского к-та для распространения рус. школ в Зап.-рус. крае» (см.: РГБ, ф. 231, № 67).

Последняя опубл. работа П. — «Памятник в Бозе почившему государю наследнику императору и вел. кн. Николаю Александровичу» (СПб., 1865) — продолжает традицию лит. изданий, посвященных уходу из жизни членов имп. фамилии: она состоит из двух частей, первая из к-рых — описание жизни и смерти цесаревича, основанное на офиц. сообщениях, а вторая —

подборка стих., написанных разными авторами по поводу его смерти. (Издание, как обычно, выдано с высочайшего позволения, предназначено для самой разнообразной читательской аудитории и преподнесено всем членам имп. фамилии.) Книгу П. завершал ее собственный «Экзепрокст, сочиненный по прогнетику высочайшего манифеста о кончине — государя наследника цесаревича»... «Две Марии» (выходил отд. изд., М., 1865). Часть выручки от издания автор передала в пользу рус. школ Царства Польского. (100 экз. приобретено и разослано в уч. заведения по повелению Государыни — см.: РГИА, ф. 759, л. 31 и 35).

Сведений о том, как сложилась жизнь П. с кон. 60-х гг., не сохранилось. Очевидно, замужем она не была, все время жила с болезненной матерью: в 1836 — в г. Лодейное Поле Олонецкой губ., в 1846 — в г. Ардатове Нижегород. губ. (см.: РГИА, ф. 1343, л. 4), в кон. 40-х и вероятно в 50-е гг. — в Москве, в 60-е — в Петербург.

Лит.: Голышев; Мезер.

Архивы: РГИА, ф. 1349, оп. 27, л. 3550 (о дворянстве рода Плохово, ф. с. отца 1821 г.); ф. 19, оп. 2, л. 1247 (аттестат о службе отца; прошенье матери и П. о воспомоществовании); ф. 759, оп. 22, л. 1532 (прошение П. от 29 мая 1867 за имя П. А. Вяземского о приобретении женского г-зония из кн. «Памятник...») (справка В. В. Бархатовой); РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 656 (письмо П. А. Вяземскому, апр. 1867); ф. 141, оп. 1, № 620 (письмо А. П. Глинка); РГБ, ф. 231, оп. 2, к. 24, № 67 (пять писем к М. П. Пощину); ф. 156, к. 5, № 95 (пять писем к А. М. Потемкину — петерб. губ. правительств. дворянства, гл. совета Имп. человеколюбивого общ-ва — по делам благотворительности); РНБ, ф. 438, № 12, л. 123; № 17, л. 852, 1052; № 18, л. 102—103; ШНАМ, ф. 31, оп. 1, л. 16—18 (неп. сведения).

О. Б. Лето, Т. Ф. Нейшмова; при участии А. Н. Рейтвиста.

ПНИИ Иван Петрович [1773 — 17(29).9.1805, Петербург], поэт, публицист, идеолог рус. Просвещения. Внебрачный сын фельдмаршала и изв. дипломата кн. Ник. Вас. Репнина (фам. П. — от усеченной фам. отца); родился, вероятно, за границей; мать, по-видимому, была иностранкой; по отцу брат изв. польск. полт. деятеля кн. Алама Ежи Чарторыского. Воспитывался как дворянин в доме отца, затем в Благородном пансионе при Моск. ун-те (1782—87) и в Артиллерийско-инж. кадет. корпусе (1787—89). Выпущен подпоручиком в полевую артиллерию, участвовал в рус.-швед. войне 1788—90, командовал отд. плавучей батареей. По окончании воен. действий до 1796 служил в Риге, затем в западных губерниях России и Польше. Известно о дружеских отношениях П. в эти годы с И. Н. Изюмовым (соученик по пансиону, впоследствии ген.-лейтенант; его письмом к П. — ЧОИДР, 1906, кн. 4, с. 19) и с др. людьми из окружения Репнина. В нач. 1797 П. вышел в отставку и поселился в Петербурге на квартире А. Ф. Бестужева (начальник канцелярии при през. Акад. художеств А. С. Строганове), отца А. А. и Н. А. Бестужевых, с к-рым, вероятно, познакомился во время швед. кампании. В 1798 П. и А. Ф. Бестужев начали издание

«С.-Петерб. журнала». Журнал (просуществовавший всего год) негласно субсидировался вел. кн. Александром Павловичем. Его программа была связана с политико-просветительными замыслами кружка «молодые друзья» будущего императора (гр. П. А. Строганов, гр. Н. Н. Новосильцев, Чарторыйский — гос. деятели, члены Негласного к-та 1801—03), по заказу к-рых переводились и печатались в журнале новейшие политико-экономич. сочинения (Дж. Стюарт, А. П. Кондорсе, П. Верри, П. Гольбах). П. был действующим редактором издания.

Среди периодики павловского царствования журнал выделялся публикациями отрывков из сочинений европ. просветителей, помимо Гольбаха и Верри — А. Л. Тома и К. Ф. Вольфа (последний находился под ценз. запретом в России). Большинство статей и переводов печаталось анонимно. Предполагается, что значит. часть стих. без подписи принадлежит П. Кроме того, ему приписываются четыре лит.-критич. статьи за подписью «Читатель», помеченные как корреспонденции из Торжка (атрибутировались также А. Н. Радищеву). В 1-м «письме» особый интерес представляют рассуждения о цензуре («С.-Петерб. журнал», № 9).

Лит. знакомства П. складываются прежде всего среди сотрудников «С.-Петерб. журнала». Среди них библиограф В. С. Соликов, в лавке к-рого велась подписка на журнал (ему П. адресовал «Послание к В. С. С. на новый год», СПб., 1805), А. Е. Измайлов, И. И. Мартынов (Мартынов И., Записки. — «Заря», 1871, № 6, с. 96) и участники его журнала «Муза» (1796): Н. И. Анненский, Е. А. Кольчев (ум. 1800; П. посвятил ему «Надгробие»).

7 мая 1801 (сразу после востечения на престол Александра I) П. был зачислен на должность письмоводителя Гос. Совета (в чине коллеж. асессора). К 1802 относится его знакомство с А. Н. Радищевым, у к-рого он бывал в доме (см. его стих. «Послание к Брежнинскому. На смерть Радищева», 1802; опубл. 1858); близок он также с В. Н. Каразиным и А. В. Казалаевым, деятелями нового царствования. В янв. 1803 П. получает место в 1-й экспедиции Департамента нар. просвещения, где были сосредоточены дела по цензуре. Он получил доступ в дом М. Н. Муравьева (см. о нем в ст. Н. М. Муравьев), где имел возможность познакомиться с писателями старшего поколения. Круг его непосредственных знакомых — молодые литераторы-сослуживцы Д. И. Языков, Н. А. Радищев (сын), К. Н. Батюшков, Н. И. Гнелич, также Н. П. Брусилов и А. Н. Варенцов, вокруг журналов которых («Журнал рос. словесности» и

«Журнал для пользы и удовольствия») группируются участники «Вольного общества словесности, наук и художеств». В ноябре 1802 по предложению В. В. Понугаева П. был принят в число его действит. членов. Литературный и моральный авторитет П. в этом кругу был столь высок, что, хотя он почти не посещал заседаний, 15 июля 1805 Общество избрало его своим президентом. Членов Общества, несомненно, привлекало филос. и гражд. содержание его творчества. После смерти П. они дважды, напр., перепечатали проникнутую (как и др. произв. П.) пафосом служения отечеству, «общей пользе» «Оду на правосудие» («Журнал для пользы и удовольствия», 1805, № 6; «Журнал рос. словесности», 1805, № 10) — как «славнейший памятник, оставленный Пнинным» (там же, с. 62; отд. изд. при жизни П. — СПб., [1805]). В ней развивались нек-рые идеи «Опыта о просвещении...»: правосудие обеспечивает не только «царство законов» и «равные права граждан», но и поддерживает «обществ. добродетели»: правду, добро и справедливость. Брусилов назвал П. «поэтом истины» и подчеркнул его умение жить в соответствии со своими идеалами: «Будучи весьма небогат, он любил помогать несчастным... Всякую скорбь угнетенного людьми или судьбою человека брал он близко к сердцу своему и не шадил ни трудов, ни покоя, ни изживания для облегчения судьбы несчастных» (цит. по кн. П.: Соч., с. 234—36).

В мае 1801 скончался Репнин (обладатель огромного состояния), не упомянув П. в своем завещании и разрушив его надежды на обеспеченное будущее. Глубоко личный вопрос о правах незаконнорожденных П. поднял в соч. «Вольд невинности, отвергаемой законами» (там же), к-рое поднес Александру I (24 нояб. 1802). Пафос П. направлен против разврата дворянства, в защиту добрых нравов и семейных устоев. П. призывал императора ввести законы, поощряющие добродетель (П. ссылается на пример Древнего Рима); общие идеи такого законодательства — упрощение процедуры усыновления, принудительное установление отцовства с правом на наследство, право незаконнорожденных приписываться к любому сословию. Соч. было удостоено высочайшего благоволения, но ничего не изменило в судьбе П. и не было рекомендовано к изданию (сохранилось в черновой, парадной подношью и беловой редакциях). Судя по приписке к последней, П. собирался позднее напечатать «Вольд...».

Наиб. важное из публицист. соч. П. «Опыт о просвещении относительно к России» (СПб.) вышло в свет в

сер. 1804 и в значит. степени посвящено положению крепостных крестьян («земледельцев»), к к-рым П. относится с живым сочувствием. Путь к смягчению обществ. противоречий он видит в совершенствовании законодательства под эгидой просвещенной власти, к-рой он советовал избегать управлять «невежественным народом» «страхом и жестокими законами» (см. также басню П. «Верховая лошадь» — «Любитель словесности», 1806, № 6), как это было в эпоху петровских реформ: Петр Великий не терпел «ограничений и постепенности» ... «пожелал варуг образовать Россию во всем ее просторстве» (Соч., с. 122). П. подвергает резкой критике франц. конституцию 1793; проповедует равенство всех перед законом и социальную справедливость, П. объявляя провозглашенные франц. «законодателями» «вольность», «равенство» и «права» человека метафизическими и ложными понятиями, разрушающими словесную иерархию как основу гос-ва и миропорядка: «дух безначалия» перемещал «все гражданственные состояния», вооружил «развращенное тунеядство противу добродетели, лесть противу трудолюбия, своевольство противу порядка» (там же, с. 127).

Истинное просвещение состоит в том, чтобы власть и «низший разряд людей» свято исполняли свои обязанности, руководствуясь «мудрым законодательством», цель к-рого — сохранение личной безопасности граждан и «свободные прав собственности», «основании» правосудия и «души обожения» (там же, с. 129 и др.). [Возможно, П. было известно рукоп. «Рассуждение о непеременимых гос. законах» Д. И. Фонвизина (1780-е гг.); в «С.-Петерб. журнале» (№ 7, 9—10) впервые появилась автобиография Фонвизина «Чистосердечное признание...» и письма его к гр. Н. И. Панину.]

Однако свою аргументацию он противопоставляет ссылкам на «Наказ» Екатерины II, закон о вольных хлебопашцах (1803), установление о крепостных в Лифляндии, англ. законодательство, труды И. Н. Болтина и др. общезвестные источники. Прагматич. предложения П. касаются предоставления крепостным права на движимую собственность и необходимость заведения сословных училищ, где будет внедряться в умы идея общесословной, гос. пользы.

Оба публич. сочинения П. не дают оснований, как это утверждалось в ряде нек-рых работ, считать его прямым преемником и последователем Радищева.

Исполненный надежд на либеральные реформы, П. представил «Опыт...» Александру I, распорядившемуся напечатать новей тираж книги на счет Кабинета е.и.в. Пятнадцатого ноября 1804 П. через П. А. Строганова передал испр. экземпляр в цензуру. Но ценз. комитет признал книгу вредной и даже постановил конфисковать в лавках ее перепроизведенные экземпляры. Несмотря на согласие П. издать из книги сочинительские места и его «пронесение» на имя Строганова, перепечатки не состоялось (отзыв цензора и жалобу П. см. в книгах: Сухомлинов М. И., Иссл. и ст. по рус. лит-ре и просвещению, т. 1, СПб., 1889, с. 430—34; Беседа в

ОЛРС, в. 3, М., 1871, с. 8—9; см. также остроумный диалог П. «Сочинитель и Цензор» (опубл. посмертно: «Журнал рос. словесности», 1805, № 12).

Комплекс умеренных просветит. идей присутствует и в поэтич. творчестве П. Среди его произв. есть стих. легкого жанра (эпиграмы, дружеские и шуточные стихи, басни — иногда, с социально-обличит. подтекстом), но явное тяготение П. испытывал к филос. размышлениям, облакавшимся в одич. формы; помню «Оды на правосудие» получили известность ода «Бог» (1804; опубл. посмертно в «Журнале для пользы и удовольствия», 1805, № 12) — о непостижимости божеств. воли, с инвективами человеческому роду «за реки крови» и повсеместные «злодействия» («О человеки! Вы виною/ Терпимых между вами бед!») и обширное одич. стих. «Человек» («Журнал рос. словесности», 1805, № 1), прославляющее зиклительную мощь человека («Ты на земли, что в небе Бог!»), его разум, проникающий в тайны природы, цивилизаторскую миссию, труд, нравств. силу и способность к искусствам (при том, что картины человек. пороков здесь, как и в большинстве произв. П., занимают значит. место).

Длит. время (начиная с 1878 — «Древняя и новая Россия», 1878, т. 3, с. 23; ст. Н. В. Протокова) стих. считали полемическим («Какой уж слабый, униженный! Тебе зать ина червя смел?») по отношению к ода «Бог» Г. Р. Державина (1784) (см. также в кн.: Поэты-радищевцы, 1935, с. 774 — прим. В. Орлова; Запад о в) — точка зрения, оспариваемая М. Г. Альгульером, предложившим гипотезу, что полемич. адрес стих. П. — «Ода на гордость» П. П. Сумарокова (1789), в свою очередь остроумно Ю. М. Лотманом. По мнению последнего, «Человек» не имеет конкр. адресата (образ «человек-червь» — общий лит. мотив в 18 в.); П. в своем стих. излагает осн. положения эгиды материализма, противопоставляя ее травни церк. взгляду на человека, источник к-рого восходит к Библии (Псалтирь, 21-й псалом царя Давида, седьмой стих. — см.: Лотман, с. 166—67).

Предметом поэтич. медитаций П. были также фундамент. свойства и страсти человек. природы, к-рые он пытался исследовать, исповедуя излюбленную просветит. оппозицию «истина — заблуждение»: «Слава» (1804), «Надежда» (1805), «Зависть» (1805). По своей лит.-эстетич. ориентации П. не был ни карамзинистом, ни сторонником А. С. Шишкова. Подобно членам ВОЛСНХ, он, скорее всего, надеялся на возможность простого синтеза старой традиции с новейшими лит. веяниями (см., напр., «Плач над гробом друга моего сердца», 1805; предположительно посв. памяти жены).

В последние годы жизни П. был полон планов и намерений выйти на широкую лит. арену. Он собирался (в 1804) издать сб. стих. «Моя лира», писал драму «Велизарий» (закончил действие; не сохр.), с 1806 хотел издавать журнал «Народный вестник». Н. Ф. Остолопов упоминает неоконч. соч. П. «О возбуждении

патриотизма». В июле 1805 П. подал прошение об отставке в связи с ухудшением здоровья и через месяц получил ее с награждением пенсией и чином коллеж. советника, но уже не сумел этим воспользоваться, скончавшись от скоротечной чахотки.

Согласно описанию Н. И. Греча, П. был «невысок ростом, худощав, притом очень жив в движении своих, любезен и учтив в обращении со всеми, остроумен и добродушен. Все знавшие его были к нему искренно привязаны» (СП, 1857, 10 июня, с. 587). По-видимому, личными качествами П. («В беседах дружеских любезен./ Друзей в родных он обращал» — написал о нем Батюшков в стих. «На смерть И. П. Пнина»; ср. Брусилов в некрологе: «Нашед приятелей, он не терял их никогда; знал тайну привлекать к себе сердца людей и умел в самом дружеском обращении соединять любовь с уважением» — цит. по кн. П.: Соч., с. 235) во многом объясняются широкие мероприятия членов Вольного общества, посвящ. его памяти. 23 сент. и 7 окт. состоялись заседания Общества, на к-рых с речами выступали Брусилов («О Пнине и его соч.»), перепеч. в «Соч.» П. и кн. «Лит. критика 1800—1820-х гг.», М., 1980), Попугаев, Языков, Ф. И. Ленкевич (ИРЛИ, ф. 461, оп. 1, № 18, № 65—68); стих., ему посвященные, прочли А. Е. Измайлов, Остолопов, Н. А. Радищев, А. А. Писарев, Батюшков, С. Н. Глинка, Вареников [отчет и большая часть выступлений были опубл. в «Журнале рос. словесности» (1805, № 10), «Сев. вестнике» (1805, № 9), «Журнале для пользы и удовольствия» (1805, № 10)]. Общество также организовало подписку на надгробие П. по модели Т. И. Терещенина (др. модель, предложенная И. И. Гальбергом, была отвергнута), однако замысел не был осуществлен. Бумаги П. были утрачены сразу же после его смерти.

Сын П., П. И. Пнин, окончил Акад. художеств; умер в Италии (1837).

Др. произв. Переводы: с франц. — А. Л. Тома, ода «Время» («С.-Петерб. журнал», 1798, № 1), с нем. — А. Галлер, ода «Солнце неподвижно между планетами» (там же, 1798, № 2).

Изз.: Соч., М., 1934 (Классич. рос. мысли дооктябрьского периода, в 3; вступ. ст. и ред. И. К. Луппала, вог. текста, комм. и биогр. очерк В. И. Орлова; вкл. стих., посв. памяти П. и биогр. его тр.); Поэты-радищевцы, 1935; Поэты-радищевцы, 1979; Рус. басня XVIII и XIX в., Л., 1949 (БПБ); Рус. басня; Рус. просветители, т. 1, М., 1966; Стихотв. скалка; Рус. эпиграма; Вольная рус. поэзия XVIII—XIX вв., т. 1, Л., 1988 (БПБ; 3-е изд.).

Лит.: Греч (ук.); его же. Опыт краткой истории рус. лит-ры, СПб., 1822, с. 329—30; Белинский (ук.); Петухов Е. П. и его «Вопль неистинности...» — ИВ, 1889, № 7; Давиденков Н., И. П. Пнин. Опыт его биографии и обзор лит. деятельности, Нежа, 1912; Лон-

гитов М. Н. Соч., т. 1, М., 1915, с. 52—54, 189, 576; Якушкин В., Крест, вопрос в рус. лит-ре XVIII и XIX в. — РВСА, 1897, 15 марта; Кизеветтер А. А., Из истории рус. либерализма (И. П. Панин). — В его кн.: Ист. очерки, М., 1912; Филиппов А., П. и его непрочувствованную историю «Опыт о просвещении...». — Изв. по рус. яз. и словесности. АН СССР, 1929, т. 2, кн. 2; Поляков А. С., Пушкин и П. — В кн.: Пушкин и его современники, в. 1718, СПб., 1913; Орлов В. Н., Радншев и рус. лит-ра, М., 1949; то же, 2-е изд., Л., 1952; его же, Рус. просветители 1790—1800-х гг., 2-е изд., М., 1953; Берков П. Н., История рус. журналистики XVIII в., М.—Л., 1952 (ук.); Макагоненко Г. П., Радншев и его время, М., 1956 (ук.); Деркачев И. З., Был ли П. радикальцем? — «Вопросы философии», 1958, № 8; Лотман Ю. М., А. С. Кайсаров и лит.-обществ. борьба его времени, в. 63, 1958, с. 116—119 (Уч. зап. ТГУ); его же, С кем же полемизировал П. в оде «Человек? — РЛ, 1964, № 2; (Радншев Н. А., Радншев П. А.), Биография А. Н. Радншева, написанная его сестрами, М.—Л., 1959 (ук.); Осетров Е., Новые вариации на старую тему. — В его кн.: Познание России, М., 1962, с. 201—06; Альтшуллер М. Г., С кем полемизировал П. в оде «Человек? — РЛ, 1963, № 1; Запад и В. А. Держанин и П. — РЛ, 1965, № 1; Писатели-декабристы в вост. совр., т. 1—2, М., 1980 (ук.); Лидин В. Г., Друзья мои — книги, М., 1976, с. 103—07; Осоргин М. А., Заметки старого кинжеса, М., 1989, с. 111—13; Зайцева А. А., Заметки конволята, — В кн.: Книжкины сокровища, Л., 1990, с. 163—68; ЛН, т. 9/10, с. 314—18; 60, кн. 2 (ук.). + Евгений Болховитинев; Геннад: РБС; Брокгауз; СИФ; ФФ; КЛЭР; БСЭ; Степанов Степан (ук.); Смирнов-Солдатовский Н. П., Моя 6-ка, т. 1, М., 1969; Масанов.

Архивы: РГИА, ф. 733, оп. 86, з. 59, л. 65 (формуляр 1805); РНБ, ф. 325, № 71 (2 письма А. В. Казлаеву); ф. 588, № 285 (В. Н. Карзинин); ф. 550, оп. 1, № 3790; ф. 775, оп. 6, № 4072; ф. 885, № 34 (текст «Вольг невинности...»).

В. П. Степанов

ПОБЕДОНОСЦЕВ Константин Петрович [21.5(2.6).1827, Москва — 10(23).3.1907, Петербург; похоронен близ церкви Свято-Владимирской жен. церк.-учительской школы], гос. деятель, правовед, публицист, переводчик. Брат С. П. Победоносцева (в статье о нем см. также об их сестре Варваре).

Отец П. — Петр Вас. (1771—1843), из семьи священника, экстраординарный проф. рос. словесности Моск. ун-та (1826—35), чл. ОЛРС с 1811, автор ряда соч.: «Иногда меланхолия, питающаяся для чувствительного сердца» (ч. 1—2, М., 1796); «Восп. о П. А. Плавильникове» («Новый Пансион отеч. и иностр. словесности», 1819, № 4); «Направление ума и сердца к истине и добродетели» (ч. 1—3, М., 1830—31), статей (в «Трудах ОЛРС»), а также о «моск. разорении» 1812 (РА, 1895, кн. 1, № 2), переводчик; реж. ж-лов «Новости рус. лит-ры» (1804—05), «Миржева» и др. (подробнее о нем см.: Сл. профессоров Моск. ун-та: РБС; Брокгауз).

О дет. годах в благочестивой семье — отрывочные восп. в его кн. «Праздники Господни» (СПб., 1893; рец.: И. Фудель — РО, 1893, № 5; 8-е изд. — М., 1995; послесловие прот. В. Асмуса) — опыте религ. лирики. Получив под руководством отца хорошее дом. воспитание, в 1839 поступил в Уч-ще правоуведения; с интересом читал Н. И. Гнедича, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, К. Ф. Рылеева («Отрывки из школьного дневника. 1842—1845. Для немногих», СПб., 1885). По окончании Уч-ща в 1846 (с чином тит. сов.) занимал разл. должности в моск. де-

партаментов Сената (от помощника секретаря до обер-прокурора 8-го деп. — с 1863). В 1848 «с жадностью» читал франц. либеральную прессу и соч. Л. Блана, Ж. Прудона, Ш. Фурье, А. де Ламартинна («Моск. воспоминания. В. П. Зубков», М., 1904, с. 11). Сблизился с В. Ф. Одоевским (см. некролог «Князь В. Ф. Одоевский» — МВед, 1869, 6 марта; «Еще на память о князе В. Ф. Одоевском» — там же, 19 марта; см. также в сб. «В память о князе В. Ф. Одоевском», М., 1869).

Одновременно со службой П. был проф. Моск. ун-та (1859—65). А. Ф. Кони вспоминал его «прекрасный курс» «Гражданское судопроизводство» (изд. — М., 1863) — «ясный, сжатый, точный и поучительный»; из лекций П. слушатели выносили «ясное понимание задач и приемов истинного правосудия» (Кони и А. Ф., Собр. соч., т. 7, М., 1969, с. 99—100; см.: его же, Триумфы, — Там же, т. 2, М., 1966). На «Курсе гражданского права» (ч. 1—3, СПб., 1863—1880; 5-е изд. — 1896) выросло неск. поколений юристов.

Б. В. Никольский, оговорившись, что «теоретич. споры курса не встретили похвал и одобрений от представителей нашей юридич. науки», тем не менее утверждал, что «яростич. характер книги сделал ее одним из тех утесов, к-рым держится наша цивилизация» (Никольский, с. 16). К «Курсу» прилежал фундамент. работа П. — «Судебное руководство. Сб-к правил, положений и примеров...» (СПб., 1872).

В кон. 50-х гг. П. выступил с развернутым обоснованием судебной реформы: «О реформах в гражданском судопроизводстве» (РВ, 1859, № 12—14). П. был автором памфлета «Граф В. Н. Панин, Министр юстиции» (опубл. в «Голосах из России» А. И. Герцена и Н. П. Огарёва, кн. 7, Л., 1859; репринт — М., 1976; обоснование авторства П. см.: там же, кн. 10, в. 4, М., 1975, с. 234—35; предположительно, П. был одним из авторов «Колокола» — там же, с. 240), направл. против личности министра и всей дореформ. судебной

системы. П. исследовал также историю крепостного права в России (см. в его кн.: Ист. исследования и статьи, СПб., 1876). Первоначально П. воспринимал реформы Александра II восторженно (отклик на отмену крепостного права в письме к С. П. Энгельгардт от 9 марта 1861: «Нет больше людей, к-рые считались бы собственностью себе подобных. Нет бесправных! Мы еще не можем понять, что это значит...» — цит. по: Зайончковский, с. 55). В 1861—63 участвовал в составлении судебных уставов. С 1861 преподавал законоведение цесаревичу Николаю Александровичу и сопровождал его в путешествии по России, описанном П. в «Письмах о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма» (М., 1864; совм. с И. К. Бабстом).

Отрывки из «Писем...» помещались в хрестоматии «как лучшие образцы рус. прозы и отеч. стилистики» (Глинский, с. 252). Никольский считал, что «Писма...» заложат «классический автор»; «Самые, по-видимому, значительные подробности и эпизоды знаменательного путешествия приобретает какою-то особенную яркость, выпуклость и значение от того сжатого, точного и оживленного слога, к-рым описано» (Никольский, с. 12).

После смерти Николая Александровича в 1865 П. давал уроки новому наследнику — вел. кн. Александру Александровичу (будущему имп. Александру III) и нек-рым другим детям Александра II, а в дальнейшем и будущему Николаю II. В 1863 получил чин д. стат. сов. Назначенный чл. консульта при Мин-ве юстиции (1865), окончательно переезжает в Петербург.

В 1866 П. женился на Ев. Ал-ар. Энгельгардт, к-рая была моложе его на 22 года и в к-рую он был тайно влюблен 10 лет. Вопреки мнению слухов, изображавших П. старым мужем, обаятельным молодой женой (см. об этом: Шведель), Ев. Ал-ар. была верной помощницей и единомышленницей супруга, и их брак можно было бы назвать счастливым, если бы не бедность (супруги жили в семье младшего брата и сестры Ев. Ал-аровны).

В 1868 П. становится сенатором. С 1872 — чл. Гос. совета с присутствием в департаментах гражд. и духовных дел.

Летом 1873 сблизился с Ф. М. Достоевским, статьями и полит. обзорами помогал ему в изд. «Гражданина»; подсаждал образ Зосими в «Братьях Карамазовых»; дружба продолжалась до смерти Достоевского (Гроссман Л., Достоевский и правительственные круги 70-х гг. — ЛН, т. 15).

В письме к А. Г. Достоевской П. вспоминал: «...в последние годы часто приходил он ко мне по субботам вечером на беседу — и как всегда, помню, как бывало, опустевшая и бегающая кляника, рассказывал от главы Карамазовых, к-рым писал тогда» (ЛН, т. 15, с. 89). Достоевский писал П. к числу тех, «к-рым верю, ум и убеждения к-рых я глубоко уважаю», а его деятельность называл «драгоценною» (XXX, кн. 7, с. 209, 204). К кн. П. «Ист. исследования и статьи» Достоевский обращался при подготовке Дневника писателя на 1876 г. (XXIV, 133). Свою речь об А. С. Пушкине Достоевский характеризовал в письме к П. как написанную «в

самом крайнем духе мона (наших то есть осмысленно так выразился) убеждений» (XXX, кн. 1, с. 156). П. высоко ценит творчество и общность деятельности Достоевского: «Это был человек единственный. Влияние его на молодых людей было великое и благотворное. В нем были крепки основы веры, народности и любви к отечеству. Он имел в себе осязку, от когто многие загорались теплотою и светом» (письмо П. к М. Н. Каткову от 29 янв. 1881 — РГБ, ф. 120, к. 19, л. 56; см. также: Письма П. к Александру Ш. т. 1, М., 1925, с. 310). Худож. выражение близких себе идей П. видел в «Преступлении и наказании» («Письма...», т. 2, М., 1926, с. 132), «Дневнике писателя», «Братьях Карамазовых» (см. «Письма к Достоевскому» — ЛН, т. 15). После смерти Достоевского П. содействовал назначению А. Г. Достоевской пенсия, был опекуном их детей.

П. — горячий поклонник поэзии Ф. И. Тютчева, состоял в доверит. переписке с его дочерьми — А. Ф. Аксаковой и особенно с Е. Ф. Тютчевой. Др. любимый поэт П. — А. А. Фет: «У него звучала совсем особенная струна, отзывавшаяся в молодых и свежих душах, — такой струны ни у кого из поэтов не слышал и теперь» (из письма А. Н. Майкову — ЛН, т. 22—24, с. 542). В свою очередь, Фету льстило расположение П. (см.: Фет А. А., Стихотворения. Проза. Письма, М., 1988, с. 399). П. высоко ценил также поэзию А. Н. Майкова и Я. П. Полонского и находился с ними в друж. отношениях. Неприязнь у П. вызвала «юродивая муза „гражданских мотивов“, прогнавшая анафемою Фета с Олимпа и блуждающая ныне между нас в растерзанном виде» (ЛН, т. 22—24, с. 543). У П. был подлинный культ поэзии Пушкина. Вместе с женой он составил небольшой том «Северные цветы. Выбор из стихотворений А. С. Пушкина» (СПб., 1888), не предзнамененный для продажи, посланный Александру III, а также Д. А. Толстому и ближайшим друзьям. Полонский откликнулся на этот сборник восторженным стих. «К. П. Победоносцеву» («При бледных признаках рассвета...»). Положительные отзывы П. вызывали «В лесах» П. И. Мельникова-Печерского и «На краю света» Н. С. Лескова («Письма П. к Александру III», т. 1, с. 18, 44; о сложных отношениях между Лесковым и П. см.: «Путь», 1994, № 5; публ. статьи Лескова и предисл. О. Е. Майоровой).

С 1865 (и до конца жизни) П. — постоянный сотрудник «Рус. архива» П. И. Бартевева, вел в нем рубрику «Книжные заграничные вести (отзывы о России)», поместил (б. п.) более 150 отзывов и рецензий.

Наряду с П. А. Вяземским, С. Д. Шереметьевым, Н. П. Барсуковым, М. Н. Лопитиным П. входил в своего рода «редакционный совет» издания, оказывавший значит. влияние на Бартевева при составлении отз. номеров (см.: Заичев А. Д., П. И. Бартевева, М., 1989, с. 150 и ук.). В некрологе Бартевева пишется о П.: «Это был мне сверстник, единомышленник, постоянный сотрудник, заслуживший, благодетель „Рус. Архива“» (РА, 1907, № 4, с. 635).

П. сочувствовал борьбе слав. народов против тур. ига, был чл. Слав.

благотворит. к-та. Перевел с англ. и издал со своим предисл. кн. У. Гладстона «Болгарские ужасы и Восточный вопрос» (СПб., 1876), с чешского — кн. «Приключения чешского дворянина Вратислава в Константинополе и в тяжкой неволе у турок, с австрийским посольством 1591 года (описанное им самим)» (СПб., 1877).

П. скоро разочаровался в реформатор. курсе Александра II. Уже в 1862 он записывает в дневнике, что почти все министры — «люди оторванные от земли, не имеющие корней в быте общества» (цит. по: Эвэнчик, с. 118). Вероятно, катализатором его антилиберальной эволюции (как и для многих др. рус. интеллигентов) стало польское восстание 1863. В 1873 в качестве чл. Гос. совета выступил против воен. реформы Д. А. Милюткина. Критич. выпадами против «болтунов, и трусов, и лакеев, к-рые состоят — увы! — ближайшими ныне советниками» («Письма П. к Александру III», т. 1, с. 194), изобилуют письма П. 70—80-х гг. В 1880 П. (по рекомендации М. Т. Лорис-Меликова) становится обер-прокурором Синода и вскоре — чл. К-та министров; вступает в резкую конфронтацию с министрами-реформаторами (Лорис-Меликовым, Милюткиным, А. А. Абазой).

Крайне негативной становится оценка П. личности Александра II, усугубляемая ощущением собственного идейного одиночества: «Нас гнетет это роковое царствование — гнетет роковым падением в какую-то бездну. Прости, Боже, этому человеку — он не асадет, что творит, и теперь еще менее ведает. Теперь ничего и не отличить в нем, кроме Сарданпала» (из письма Е. Ф. Тютчевой от 2 янв. 1881 — РГБ, ф. 230, к. 4410, № 1, л. 1, 2). Гл. опасность П. видел в намечавшейся конституции: «...лучше уж революция русская и безобразная смута, нежели конституция. Первую еще можно побороть вскоре и возвернуть порядок в земле; последняя есть для всего организма, разлагающего его постоянною ложью, к-рой русская душа не принимает» («Письма П. к Александру III», т. 1, с. 249). Общ. мн. врали сблизил П. с Катковым, к-рому он в своих письмах дал важную информацию о состоянии дел в верхах, ободрил его, иногда структурирует, зашифрует от неуртов при дворе (письма П. к Каткову — РГБ, ф. 120, к. 19, л. 49—70 об.). Эту линию в отношении Каткова П. проводил и во время правления Александра III (несмотря на изначал. разногласия П. с этим влнзт. публицистом — см.: Феоктистов, с. 221—22).

После убийства Александра II (1 марта 1881) П. уже вечером того же дня умолял Александра III уволить «фокусника» Лорис-Меликова, а в последующие дни постоянно убеждал императора «покончить разом... все разговоры о свободе печати, о своеобразии шлоков, о представительном собрании» («Письма П. к Александру III», т. 1, с. 317). 8 марта на заседании Гос. совета выступил с речью, содержащей резинт. осуждение реформатор. курса правительства и возможности введения конституции (опубл.: «Былое», 1906, № 1; отз. изд.: Речь П. о конституции, Астрахань, 1907; см. также: П. и его корреспонденты, т. 1, полутом 1—2,

М.—П., 1923; рец.: А. А. Кизевтер — «На чужой стороне», 1924, № 4). П. составил «Высочайший манифест» от 29 апр. 1881 (МВед, 1881, 30 апр.), утверждавший неизбежность самодержавия и, по сути, демонстрировавший разрыв с политической Александр II. Этот документ вызвал демонстративную отставку министров-либералов. В 1882 П. способствовал роспуску т. и. Священной Дружины, созданной представителями знатных аристократич. фамилий (И. И. Воронцов-Дашков, П. Л. Шувалов и др.) для защиты монархии, но в то же время лелеявшей конституционные проекты (см.: Письма П. к Александру III, т. 1, с. 392—96; Корнилов, с. 404). В том же году П. употребил все свое влияние, чтобы похоронить проект мнн. внутр. дел Н. П. Игнатьева о созыве Зем. собора (см.: Феоктистов, с. 204—09), подлинным автором к-рого был П. Д. Голохвастов, поддерживаемый И. С. Аксаковым.

П. многое вознего от славянофилов, но в их желании расширить гос. формы 16—17 вв. он видел вредную утопию. Глубоко уважал и часто поддерживал деятельность Аксакова. П. осуждал его как «бессмысленного мечтателя»: «... сам он кто же, как не либерал по тому же знаменному типу, к-рого только в своем либерализме не узнает, потому что овет его по своей фантазии в рус. платье» (РГБ, ф. 230, к. 4410, № 1, л. 133). Аксаков же видел в позиции П. проявление «упитливости» («П. и его корреспонденты», с. 276). Но это не нарушало дружеских отношений между ними. П. посетил Аксакову провиденциальный мекрлот (см. кн. П. «Вечная память»; см. также письма Аксакова к П.: РА, 1907, кн. 3).

С 1883 П. — д. тайный сов.; с 1894 — стат.-секр. Репутация П. как своего рода «тайного властителя» России относительно верна лишь для первых лет правления Александра III. Гос. программу П., к-рую он пытался осуществить, можно назвать «программой нравств. перевоспитания об-ва» (см. подробнее: Полунов, 1991). П. не верил в возможность улучшения об-ва посредством переделки его гос. интитуттов, считая, что только исправлением человека. Нравов можно добиться к.-н. положит. изменений в жизни страны.

Отсюда репутация П. как гос. деятеля без позитивной программы, умевшего лишь злобно критиковать программы других. Отсюда же его скептич. отношение к большинству т. и. «контр-реформ» Александра III. Уже с кон. 80-х гг. П. теряет влияние на Александра III, разочарованного его тщательным критичизмом (см.: Зайончковский, с. 59—60; Соловьев, 1973, с. 104—05).

Гл. средство для осуществления своей программы П. видел в возрастании влияния на об-во прарост. церкви. В год его оберпрокурорства церк. жизнь действительно оживилась: Синод получил право решать нек-рые вопросы без ведома царя; после 200-летнего перерыва возобновился собор епископов; с 1881 по 1894 каждый год открывалось 250 новых храмов, причем их архитектурный стиль приближался к допетровскому; реставрировались и восстанавливались древние храмы, активизировалась миссионер. и просветит. деятельность. Личным стараниями П. было организовано общенародное празднование 1000-летия со дня кончины св. Мефодия (1885), 900-летия Крещения Руси (1888), 500-летия со дня кончины преп. Сергия Радонежского

(1892). П. покровительствовал религ. живописи В. М. Васнецова и М. В. Нестерова. Но осн. делом П. стало воссоздание системы церк. школ для народа. В его представлении «школы — прямое место при церкви и в тесной связи с церковью. Она должна быть проникнута церковностью в лучшем, душою смысле этого слова» («Учебные и учебн. Пед. заметки», 4-е изд., М., 1902, с. 29). П. считал, что «народная школа должна быть не только школой арифметики и грамоты, но прежде всего школой добрых нравов и христ. жизни» («Всеобщейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству Правосл. исповедания за 1902 г.», СПб., 1905, с. 27). За образцы П. взял школу С. А. Рачинского в Татеве. Если в 1881 в России существовало 4440 церк. школ для народа, то в 1902 их насчитывалось 43696 (Глинский, с. 266; см. также: Обзор деятельности ведомств правосл. исповедания за время царствования имп. Александра III, СПб., 1901; Преображенский И., Отец, первый по статистике, данных с 1840—41 по 1890—91 гг., СПб., 1897). Однако первоначально введенная почти всеобщим одобрением в церк. среде, деятельность П. на посту обер-прокурора вывала затем разочарование как иерархов, так и правосл. мистической интеллигенции. Причиной являлось бовить П. самостоятельности Церкви, его нежелание оставить над ней гос. опеку; идеи самоуправления Церкви П. отождествал со стремлениями к парламентаризму: «Идеологии наши пропагандируют ... обремененное управление церковью посредством иерархии и священников. Это было бы то же самое, что ныне выборы, земские и крестьянские, из коих несутся собою пр. представительное собрание для России» (РГБ, ф. 230, к. 4410, № 1, л. 75—75 об.). До конца жизни П. оставался принципиальным противником восстановления патриаршества (см. его аргументацию в полемике с С. Ю. Витте в кн.: А. Р., Ист. перемиска о судьбах правосл. Церкви, М., 1912), с недоверием относился к св. Иоанну Кронштадтскому (см.: О. Иоанн Кронштадтский и П. 1883. — Река времени, кн. 2, М., 1995; издб. и предисл. А. Ю. Полунова), противодействовал начинаниям митр. Антония (Храновского), пытался воспрепятствовать канонизации св. Сергия Саровского. П., будучи «типографом в государстве», оставался «бюрократом в Церкви» (Бердяев, с. 205).

П. пристально следил за культурной жизнью страны, лично знакомился практически со всеми книгами и периодич. изданиями, выходящими в России (Феоктистов, с. 221), и бдительно пресекал проповедь либеральных идей. В 1883—85 при его непосредственном участии прекратили существование 9 периодич. изданий (среди них «Отеч. записки» М. Е. Салтыкова-Щедрина). Драматично складывались отношения П. с Л. Н. Толстым. В 1881 П. отказался передать письмо Толстого Александру III с просьбой о помолвании народолюбивых «первоапрельцев». Резко отрицательно встретил П. нравственно-религ. проповедь Толстого, видя в нем ересиарха, главу опасной секты («Всепопданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода ... за 1887 г.», СПб., 1889, с. 80—81). По инициативе П. были запрещены нек-рые религ.-этич. и отд. лит. произведения Толстого. Особенно возмущение П. вызвала «Власть тьмы» («Письма П. Александру III», т. 2, с. 251—54). В то же время П. не без восхищения воспринял «Крейцерову сонату» («Произведение могучее. И когда я спрашиваю себя, следует ли запретить его во имя нравственности, я не в силах ответить да»), увидев правду

«в этом негодовании, с к-рым автор относится к обществу и его быту, узаконяющему разврат в браке» («Письма П. к Е. М. Феоктистову», — ЛН, т. 22—24, с. 540). Борьба с толстовством привела к «Определению Св. Синода от 20—22 февр. 1901» («Церк. вед.», 1901, 24 февр.), в к-ром говорилось, что «церковь не считает его (Толстого) своим членом» (ответ Толстого см.: XXXIV; Толстой дал резкую характеристику П. в письме к имп. Николаю II от 6 февр. 1900: LXXII). П. способствовал запрету нек-рых филос.-богослов. трудов Вл. С. Соловьёва и его публич. лекций. Соловьёв же называл П. «лжецерковником» (Соловьёв В. С., Письма, т. 4, П., 1923, с. 30). Вместе с тем от «Трех разговоров» Соловьёва П., по словам С. М. Соловьёва, «был в восторге» (цит. по: Лосев А. Ф., Владимир Соловьёв и его время, М., 1990, с. 472; там же см. об отношении П. и Соловьёва, с. 472—76). П. высоко ценил англ. культуру, в частности его благосклонностью пользовался Т. Карлейль, чьи сочинения, по мнению П., «проникнуты нравств. началом — до суровости!» (ЛН, т. 22—24, с. 531). П. возмушало, что в рус. пер. издан «Капитал» К. Маркса — «одна из самых зажигательных книг» (там же). П. покровительствовал рус. музыкальному иск-ву, способствуя оказанию помощи (в т. ч. и материальной) таким композиторам, как Н. А. Римский-Корсаков, П. И. Чайковский, М. А. Балакирев, А. Г. Рубинштейн (см.: Письма П. к Александру III, т. 1, с. 173, 342; «П. и его корреспонденты», с. 557—58).

Квинтэссенцией религ.-филос. и обществ.-полит. воззрений П. стал составл. им «Моск. сб-к» (М., 1896; 5-е доп. изд., 1901; изд. в 1897—98 на франц., англ., нем. яз.; рец.: Б. Никольский — НВ, 1896, 8, 12 июня; Л. Тихомиров — РО, 1896, № 10; совр. републикацию 1-го изд. см. в кн.: К. П. Победоносцев. Про е сонга. Антология, СПб., 1996). В «Моск. сб-к» вошли гл. обр. вольные переводы произв. Г. Мэна, Г. Спенсера, Карлейля, Гладстона, Р. У. Эмерсона и др. (в 5-е изд. была включена ст. С. А. Рачинского «Древние классич. языки в школе»). Вольными переводами из книги М. Нордау «Ложь пресоциалистической культуры» (первое изд. на нем. яз. — 1883, полный рус. пер. — 1907) являются и самые изв. статьи «Моск. сб-ка» — «Великая ложь нашего времени» и «Печать» (впервые на это обратил внимание Соловьёв; см.: Соловьёв В. С., Письма, т. 4, с. 226; вероятно, П. не указал имя автора из-за однозности подобного «союзника» — социалиста, антихристианина — для главы ведомства правосл. исповедания). При внешней

эклектичности, «Моск. сб-к» — цельная книга, объединенная общей идеей и тональностью.

Суть антропологии П. — глубочайшее неприятие к несовершенной, историчной человеку, природе («чужой человек развился в себе — хочет чего не хочет и делает чего не хочет», 5-е изд., с. 212). Несовершенный человек не может построить совершенного об-ва. Отсюда — принципиальное отвержение П. любых радикальных изменений социального бытия. Только гос. форм., проникнутые религ. началом, способны удержать человечество от гибельного хаоса. Социальный радикализм, по П., проистекает из самособластвения человеческого «я», утратившего способность «покоряться законам жизни» (с. 112). Гл. враг П. — «общие мизантропические конструкции безбожного разума. По его мнению, даже предрасудки опасно разрушать — под их грубой оболочкой часто таится зерно истины. Огромное значение для П. поэтому имеет «натуральная, земная сила искренности... Ею, как сундо базальтом, держится человечество в судьбах своей истории» (с. 85). П. считает либерально-демокр. об-вство и гос. формы прогнившими от «общих начал» и подвергает резкой критике систему отделения церкви от гос-ва, суду присяжных, парламентаризм, идею «правового государства», «всеобщую» прессу и др. ценности зап. демократии. П. предпочитает традиц. последиствия секуляризации об-ва: «Печальное будет время ... когда водворится проповедущий илие новый культ человечества. Личность человеческая немалого будет в нем значить; стимулирует и те, какие существуют теперь, нравственные преграды насильно и самовольно. Во все доктрины, для достижения воображаемых целей ... будут приноситься в жертву самые священнейшие интересы личной свободы, без всякого зазора совести; о совести, впрочем, и поминать не будет при водворении отрицающем самую идею совести» (с. 205—06). Либеральной интеллигенции П. противопоставляет идеалы религ.-аграрной харальной нар. жизни и религиозно освященного гос-ва, несущего в себе «идею правды».

В консервативных кругах «Моск. сб-к» был встречен в осн. восторженно: «Эта книга — реваншизм в области культуры ... Рус. ум вооружается в ней по всей западной границе» (Никольский, с. 22; резко отрицат. отзыв в дневнике А. А. Киреева — РГБ, ф. 126, № 12, л. 74). Язычителю отозвался о книге Вл. Соловьёв: «к лучшей ее части он относил переводы в двух других частях видел «алинные страницы, извлеченные из старых рус. славнофильов» и «личные размышления автора, к-рые дышат «будничным» старым маленьким людским, у к-рых вера слабая, а расенная больная и к-рые жалуются не умолака» (Соловьёв В. С., Письма, с. 226). Негативно оценил «Моск. сб-к» В. В. Розанов, назвавший его «грешной книгой», полной «скептицизма и протестающей из него печали», отмечая при этом, что «Сборник» этот «прелестен по языку, краткости статей и по вольному их содержанию. Это как бы листки записной книжки, но без небрежности изложения: все статьи одушевлены и чистосердечны именно как страницы дневника. Невозможно читать эту книгу и несколько не заражаться ею» (Розанов В. В., Скелетический ум. — В его кн.: Около церковных стен, М., 1995, с. 136—37, 135). Отношение П. к Розанову было еще более негативно: Розанов — «проповедник и поклонник собачьего брака»; «у Розанова не все дома» (цит. по: Преображенский, с. 61).

Особым жанром публицистики П. были некролог-биография. статьи (кроме указанных выше — «Н. В. Качалов», «Н. И. Ильминский», «Прощание народа с царем своим» и др.), собранные в кн. «Вечная память» (М., 1896; 2-е изд., М., 1899; рец.: «Набл.», 1896, № 5). В нек-рых из них он достигает портретной выразительности, но в целом прав Никольский, что «характеристика людей — задача, совершенно не соответствующая особенностям лит. дарования автора. Он не умсет чувство-

вать и схватывать индивидуальностей людских, тех частностей и особенностей, к-рые создают человека» (Никольский, с. 20).

П. — автор стих. «Вечная память (посвящается памяти Н. В. Шеншина)» (РусБ. 1859, т. 5, кн. 17). «В пылу и брени земли...» (РО, 1897, № 2). Среди переводов П. — «О подражании Христу» Фомы Кемпийского (СПб., 1869; 9-е изд., СПб., 1904; с латин.) и 9-я кн. «Исповеди» Августина («Победа, победившая мир», М., 1895; 10-е изд., М., 1905). П. составил компилятивную кн. для юношества «История православ. церкви до начала разделения церквей» (СПб., 1891; 8-е изд., СПб., 1903). Никольский отмечал, что манера письма П. «всешло заимствована им у наших духовных писателей» (Никольский, с. 10, 11).

П. подготовил для имп. Николая II текст его речи 17 янв. 1895 перед представителями земств о «бессмысленности» конституционных «мечтаний», однако решающей роли в его царствовании не играл. Все более усиливается пессимизм П. в оценке будущего России: «Пишете Вы так, как будто власть у нас в руках. Ныне и власть женская, и головы перевернулись!» [из письма Никону (Рождественскому) от 12 марта 1899 — РГБ, ф. 765, к. 11, № 16, л. 15]. А. А. Киреев в окт. 1900 заносит в свой дневник фразу П.: «идем на всех парах к конституции и ничего, никакого противовеса, какой-либо мысли, какого-либо культурного принципа нет!» (РГБ, ф. 126, № 13, л. 51 об.). В 1901 на П. совершает 2-е неудачное покушение (1-е было в 1893) некто Н. К. Лаговский (статистик самар. зем. управл.), считавший его за «главного виновника всяких стеснений, мешающих прогрессу и свободе» («Письма П. к Александру III», т. 2, с. 335). В 1903 П. был осн. инициатором закрытия Религ.-филол. собраний в Петербурге; при встрече по этому поводу с Д. С. Мережковским он произнес знаменитый, «пронзительный» (Флоровский, с. 413) афоризм: «Да знаете ли вы, что такое Россия? Ледяная пустыня, а по ней ходит лыхой человек» (Мережковский Д. С., 14 декабря, Гиппиус З. Н., Дмитрий Мережковский, М., 1991, с. 372). После издания манифеста 17 окт. 1905 П. по требованию Витте был уволен от должности обер-прокурора Синода, но до конца своих дней оставался членом Гос. совета и участвовал в обсуждении проектов гос. преобразований в различных особых совещаниях 1906. Последний лит. работой П. стал перевод Нового Завета на рус. язык (СПб., 1906; см. републикацию Соборных посланий — «Лит. учеба», 1991, кн. 6), завершен-

ный им незадолго до смерти, наступившей от воспаления легких.

Личность и деятельность П. нашли отражение (порой карикатурное) в худож. лит-ре. Толстой использовал некр-ые черты внешности и характера П. при создании образов Каренина (ром. «Анна Каренина») и, возможно, Топорова (ром. «Воскресение»). П. посвящены сатирич. стих. Соловьёва «Кузир Небукаднечара» и эпиграмма «На разных поприщах прославился ты много...». Он явился одним из прототипов сенатора Аблеухова в ром. А. Белого «Петербург». А. А. Блок метафорически изобразил П. в поэме «Возмездие» («... над Россией простер свиные крыла...»).

Либеральная и демокр. общественность была единодушна в оценке П.: «великий инквизитор», Торквемада (см.: Тургенева Письма, XII, кн. 2, с. 329), «злой гений России» (Либрович С. Ф., На книжном посту, П.—М., 1916, с. 319), «олицетворение мертвенного бюрократизма» (Бенуа А. Н., Мои восп., т. 2, М., 1980, с. 196). По мнению С. А. Венгерова, П. «создал целую стройную теорию застоя» (Венгеров С., Очерки по истории рус. лит-ры, 2-е изд., СПб., 1907, с. 122). Вместе с тем и эта пресса отмечала личное бескорыстие, честность П., к-рый охранял «как черный рыцарь, вход в замок, где томилась в заключении весна русской свободы», но «надо быть справедливым — охранял не из корыстных побуждений, не ради выгоды и власти, а только исключительно по непоколебимому убеждению в своей правоте... И в этом и был секрет его силы, его огромного авторитета» (цит. по: Преображенский, с. 10). Неоднозначно воспринимался П. и в консерват. лагере, многие представители к-рого обвиняли его в нерешительности, голом критицизме, отсутствии положит. программы, типична и в то же время наиб. выразительная характеристика П., данная К. Н. Леонтьевым: «Человек он очень полезный; но как? Он как мороз; препятствует дальнейшему пниению; но в а ст и при нем ничего не будет. Он не только не творец, но даже не реакционер, не восстановитель, не реставратор, он только консерватор в самом тесном смысле слова; мороз, я говорю, сторож; безвоздушная гробница; старая «левинная» девушка и больше ничего!» («Памяти К. Н. Леонтьева», СПб., 1911, с. 124). Для Розанова П. был «Гамлет по устройению и Дон-Кихот по историческим задачам»; П. «нервно ненавидит общество и обществу, и в этом отношении произносил слова удивительной дерзости, но уже по их температуре и вообще по отсутствию в нем лукавства, хитрости, двуличия, притворства,

заискивания, по этому свободному прекрасному в нем духу, он был наш!.. Плоть от плоти общества, литературы, скажу необыкновенную вещь — улыщи...» (Розанов В., Из восп. и мыслей о П.).

Др. произв.: «Записка о гражд. судопроизводстве» [СПб., 1861], «О жалобах на действия должностных лиц административного ведомства» [СПб., 1864], «Доброе слово воспитанникам духовных семинарий и академий по поводу нынешних страшных событий» (СПб., 1881), «О работах комиссии для изыскания главнейших оснований лучшей постановки жен. образования в России» [СПб., 1885], «Ответ на письмо пасторов И. И. Меуера, И. С. Бехтольда и Э. Фраунфельдера [СПб., 1887], «Речи и тоasty... сказанные на обеде, данном городом в день юбилейного торжества 900-летия Крещения Руси» (К., 1888), «Ле Пле» (М., 1893), «Выписки из полного собрания законов» [СПб., 1895], «Адреса разным лицам» [Пенза, 1896], «Ист. записка о Холмской Руси и г. Холме, о судьбах Унии в Холмском крае и совр. положении в нем Униатского вопроса» ([СПб.], 1897), «Организация обществ. призрения в России» [СПб., 1898], «Воспитание характера в школе» (СПб., 1900), «Ответ рус. человека Крапоткину» (МВед, 1901, 15—16 окт., б. п.).

Изд.: Великая лодка нашего времени, М., 1993; Соч., СПб., 1996.

Письма: Е. Ф. Тютчевой (фрагменты) — РА, 1907, № 3; 38 писем... к высокопоставл. Махариню, архиеп. Томскому, Томск, 1910; Переписка с преем. Никанором, еп. Уфимским — РА, 1915, № 5—11; преем. Илариону, архиеп. Полтавскому, М., 1916; к гр. Н. Г. Игнатьеву — «Былое», 1924, № 27—28; Николаю II (1898—1905) — Религия мира, М., 1983 (публ. и предисл. М. Н. Куроп); П. в письмах к друзьям. — ВЛ, 1989, № 4 (публ. О. Е. Майоровой); свестям А. Ф. и Е. Ф. Тютчевым — ИМ, 1994, № 3 (публ. и комм. О. Е. Майоровой); П. в 1881 г. (письма Е. Ф. Тютчевой) — в кн.: Река времени, кн. 1, М., 1995 (публ. А. Ю. Полунова).

Лит.: Письма Н. Н. Ильминского [к П.]. Кал., 1885; Никольский Б. В., Лит. деятельность П., СПб., 1896; Языков Д. П. и его учено-лит. деятельность. — МВед, 1896, 14 июня; Анифеев А. А., Аничков Е., Победоносцев, СПб., 1907; Меньшиков М. О., Письма к близким. Два Россия. Удалок черкы. Судок оспарив. — ИВ, 1907, 21 янв.; Глинский Б. П. (Материалы биографии). — ИВ, 1907, № 4; Розанов В., Из восп. и мыслей о П. — ИВ, 1907, 26 марта; его же, Лейда о великом инквизиторе Ф. М. Достоевском, М., 1906, с. 316—30; Слонимский О., О великой лодке нашего времени, СПб., 1908; Брэдьяев Н., Нигилизм на религ. почве. — В его кн.: Духовный кризис интеллигенции, СПб., 1910; Преображенский И. В., Его личность и деятельность в представлении современников его кончины, СПб., 1912 (обзор некрологов); Мещерякий В. П., Мои восп., т. 3, СПб., 1912, с. 333—39; Козьмин Н. М., Тургенева и П. в 1881 г. — в кн.: Сбч Пушкинского Дома на 1923 г., П., 1922; Витте С. Ю., Восп., т. 1—3, М., 1960 (ук.); Эвчирик С. Л., П. и дворянско-крестьян. линия самозарядки в пореформ. России. — Уч. зап. Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина, № 309, М., 1969; Зайончковский П. А., Рос. самозарядка в конце XIX ст., М., 1970 (ук.); Соловьев Ю. Б., Самозарядка и дворянство в кон. XIX в., Л., 1973 (ук.); его же, Начало царствования Нико-

лая II и роль П. в определении полит. курса эволюционизма. — «Археологический журнал за 1972 г.», М., 1974; Твардовская В. А., Исследования эволюционизма самодержавия, М., 1978; см. же, Достоевский в обществе жизни России, М., 1990 (ук.); Сухолина-Толстая Т. Л., Дневник. М., 1979, с. 403—07; Флоровский Г., Пути рус. богословия, 4-е изд., Париж, 1988 (ук.); Зубов А. Б., Политико-правовые воззрения П. и их интерпретация зарубеж. исследователями рус. мысли. — В кн.: Рус. полит. мысль 2-й пол. XIX в., М., 1989; Данищев А. А., Прозритель ли душою правду? — «Москва», 1991, № 5; Полунов А. Ю., К. П. Победоносцев в нач. 1880-х гг.: программа нравств. перевоспитания общ-ва. — В кн.: Россия и реформа, 1861—1881, М., 1991; его же, Под властью обер-прокурора..., М., 1996; Шелестев А. С., Тайный властитель России, Смоленск, 1991; Корнилов А. А., Курс истории России XIX в., М., 1993, с. 391—394, 403—05; Никитина В. А., Издания П. и его духовно-просветительская деятельность. — В кн.: Книга в России. Из истории духовного просвещения, СПб., 1993; Рабкина Н. А., К. П. Победоносцев. — «Вопросы истории», 1995, № 2; Сергеев С. М., К. П. Победоносцев. — В кн.: Великие рус. деятели России, М., 1996; К. П. Победоносцев. Про et contra. Антология, СПб., 1996; Yngnes R. F., Pobedonosstzev. His life and thought, Bloomington—L., 1968; Simon G., Konstantin Petrovitch Pobedonosstzev und die Kirchenpolitik des Heiligen Synod, Göttingen, 1969; Стоянов Ш., Гениет и негодия истинник. София, 1978. † Брокгауз; Грант; СИЗ; БСЭ; Софиа.

Архивы: РГБ, ф. 230 [особенно важны письма П. к Е. Ф. Пютчевой и Амвросию (Ключареву)], ф. 126, М8479 (письма к О. А. Новиковой); РГИА, ф. 1574; ф. 1162, оп. 6, л. 423 (фс. 1907); РНБ, ф. 587; ф. 631 (письма к С. А. Рагинскому); РГАЛИ, ф. 46 (письма к П. И. Баргману); GARF, путевое.

С. М. Сергеев, А. А. Гумеров.

ПОБЕДОНОСЦЕВ Сергей Петрович [псевд. Нейтральный; 8(20).11.1816, Москва — 1850, там же (?)], прозаик, переводчик. Брат К. П. Победоносцева. По окончании 1-го моск. кадет. корпуса (1835) определен в Салерный батальон в Царство Польское. В Варшаве изучил польский яз. и занялся переводами, к-рые помещал в местной периодике (не выявлены), в т. ч. опубликовал на польском неск. глав из романа И. И. Лажечникова «Басурман» (Лажечников, бравший уроки риторики у отца П., состоял в дружеских отношениях со всей семьей). В 1842 вышел в отставку и вскоре определен чиновником особых поручений к казанскому ген.-губернатору С. П. Шипову, знакомому П. по Варшаве. В 1843 перешел в Петербург, причислившись к Мин-ву гос. имуществ с чиновником коллеж. секретаря. В 1843—45 (?) по делам службы проживал в Новгороде. Одновременно П. сотрудничал в 1840-е гг. в ж-лах «Отеч. записки», «Москвитинин», «Б-ка для чтения» (по свидетельству брата, помещал там без подписи переводы и статьи — Победоносцев, с. 574), «Репертуар русского и Пантеон иностр. театров», «Рус. вестник».

Как прозаик П. дебютировал отрывком из «большой повести» «Отчаянный Вертер» (не изв.), «Мамзель Бабетт и ее альбом» (БдЧ. 1842, т. 10), «представляющим собой нечто целое — род юмористического очерка, игриво написанного» (Бе-

линский, VI, 542). Повести П. «Из «Записок неизвестного»» (ОЗ, 1843, № 12), «Няня. (Из записок неизвестной)» (там же, 1845, № 11), «Походная барышня» (там же, 1846, № 11), написанные в русле «натуральной школы», тяготеют к сатирич. изображению провинциальных нравов (в осн. женских), однако по исполнению весьма заурядны (в них «рассказ ... не довольно сжат и быстр» — Белинский, IX, 397). Пов. «Милочка» (ОЗ, 1845, № 6), в концентрированном виде содержащая атрибуты «повести о чиновнике», представляет собой монтаж физиологич. очерков с подробным анализом характеров и обстоятельств.

В переводах и статьях П. нашел выражение его интерес к польской культуре (см., напр., «Польский театр. Ст. 1. Исторический взгляд на театр в Польше со времени его основания» — «Пантеон», 1843, кн. 10), рассматриваемой им как часть общеславянской. Вскоре после возвращения из Польши П. безуспешно пытается при содействии Лажечникова организовать отдел «польской и вообще славянской литературы» в «Отеч. записках» (см.: РО, 1895, № 4, с. 883—84), предлагает М. П. Погодину в каждой книжке «Москвитинина» помещать «известия о новостях славянских литератур, особенно польской» (РГБ). В ст. «Казимир Владислав Войцицкий» (РВ, 1842, № 5, 6), посв. «Сказкам или старинным поверьям народа польского и Руси», собранным Войцицким, утверждает необходимость собирания и изучения старинных преданий, сказок, песен, пословиц — «всего, что может характеризовать дух народа, отдаленного... веками» (с. 117), связывает надежды с деятельностью рус. фольклористов М. А. Максимовича и И. П. Сахарова. Среди переводов П. преобладают фольк. тексты и сочинения, основанные на нар. поверьях и ист. мат-лах: «Старинные поверья ... собранные Войцицким. Твардовский. Чума. Изуроченный пан» («Москв.», 1842, № 1), «Твардовский. Повесть, взятая из нар. преданий, И. И. Крашевского» («Пантеон», 1847, кн. 1—2), «Колыбельная и стелы», повесть М. Грабовского («Москв.», 1842, № 4), «Карпатские горы, драма ... И. Корженевского» («Пантеон», 1846, кн. 1).

Находясь в Новгороде, П. по просьбе Погодина занимался изучением древних рукописей, «большим любителем и знатоком» к-рых он считался. П. сам имел замечательное собрание русских древностей, из-рас из них пополнил «Древнерусские» Погодина (Барсуков, VII, 258, VIII, 166).

Скандалную известность П. принесла ст. в «Москвитинине» «Николай Коперник. (Голос за правду)» (1843, № 9), вызванная желанием «защитить ... общую всему могучему

славянскому племени драгоценную собственность» (с. 122). Присоединяясь к биографам Коперника (А. Крыжановский, И. Рихтер), доказывающим польское происхождение астронома. П. аргументирует их правоту «корнесловием» его фамилии (Коперник — покорник); отталкиваясь от предположенной этимологии, делает ориг. попытку связать науч. открытия Коперника с «религиозной покорой», к-рая «дала ему средства и силы ... постигнуть... тайну мировращения» (с. 111). Курьезная ошибка П., утверждавшего, что Коперник шел по следам Галилея, Кеплера и Ньютона, случившаяся, по его словам, «единственно от ... рассеянности» (Барсуков, VII, 80), дала повод А. И. Гершену («Москвитинин о Копернике». — ОЗ, 1843, № 12) смеяться над «филолого-мистическим изысканием» «Москвитинина» и упрекать его «ультраславянский галос» в «совершенном незнании предмета» (Гершен, II, 103—07).

В 1847—48 П. совершил заграничную поездку (Германия, Франция), впечатления от к-рой нашли отражение в «Путевых записках русского по Европе в 1847-м году» (ОЗ, 1848, № 5). Подробные описания достопримечательностей в «Путевых записках...» местами окрашены патристически-ностальгич. настроениями (ср., напр., размышления при посещении рус. церквей в Париже: «у нас есть своей прекраснейший язык и хотя молодая, но свежая и полная сил литература!» — с. 56). В Париже П. познакомился с А. С. Хомяковым (с. 17), в Германии встречался с В. Г. Белинским (см.: Белинский, XII, 362, 365).

Сестра П., Варвара Петровна Победоносцева [17(29).10.1810, Москва — не ранее 1880]. — церковница. Окончила моск. уч-ще орден св. Екатерины (1828). В 1830-е гг. печатала в «Дамском ж-ле» свои переводы («Верность друзьям и нежность любви» — 1830, № 8; «Вестуня, мать Корнолана, к Валерию» — 1830, № 32; «Женщина» — 1833, № 16; «Краснощечные Гортеши» — 1833, № 18; «Еще несколько восточных анекдотов» — 1833, № 20, 22), выполненные в «чувствительной» манере, характерной для об-щей пафосности журнала (о В. П. Победоносцевой см.: РБС; Голлиц).

Др. прозаик: ст. «Записки Пасека» («Москв.», 1842, № 2); переводы — ст. Т. Готье «Оперная крыса» («Пантеон», 1843, кн. 3), отрывок из соч. А. Дюма «Пожар Москвы» («Москв.», 1843, № 7), прозаич. пер. поэмы А. Мальевского «Мария» (РВ, 1844, № 10—11).

Изд.: Повести, СПб., 1856 (нов. поевд.); «Милочка». — В кн.: Живые картины. Повести и рассказы писателей «натуральной школы», М., 1988 (сост. А. Л. Основат. В. А. Туманов).

Лит.: Белинский; Гершен; Барсуков (вс. — ук.); Победоносцев К. П. Один из поевд. в рус. журналистике. — БЗ, 1892, № 8; Письма И. И. Лажечникова к С. П. и К. П. Победоносцевым. — РО, 1895, № 4 (тубл. К. П. Победоносцев); Кулешов В. И., Натуральная школа в рус. лит-ре XIX в., М., 1982 (ук.); Туниманов В. А., «Милочка» П. и «Слабо сердце» Ф. М. Достоевского. — В сб.: Достоевский.

Мат-лы и исследования. т. 8. Л., 1988. + РБС; Брокгауз; Маслов; Польская худож. лит-ра в рус. и сов. печати. Библи. ух., т. 1—2. М., 1982—1986.

Архивы: РГБ, ф. 231/Л, к. 24, № 73 (12 писем к М. П. Погодину, 1841—49).

О. В. Голубева

ПОГОДИН Михаил Петрович [11(23).11.1800, Москва — 8(20).12.1875, там же; похоронен в Новодевичьем мон.], прозаик, драматург, публицист, издатель; историк. Отец. Пётр Моис., — крепостной, управляющий моск. домами П. И. Салтыкова, отпущенный на волю в 1806. Первоначальное образование П. по-

лучил дома, выучившись грамоте у дома писаря (П. вспоминал, что восьми—девяти лет читал все переводные романы и плакал над «Марьиной рошей» В. А. Жуковского), и на пансионе в доме типографшица А. Г. Решетникова (1811—12).

Откупщица Москвы французиня во время Отеч. войны семья переехала во Владимир и Суздаль, лишившись б. ч. имущества; именно с патриотич. атмосферой 1812 П. связывал начало своего интереса к рус. истории, подорванного историко-патриотич. публикациями «Рус. вестника» С. И. Глинки (в выражении им он считал надписи к портретам рус. героев); эти впечатления дополнили позднее ист. отрывки, повести Н. М. Карамзина и первые тома его «Истории государства Российского», развивавшие в П. ист. чувство.

С февр. 1814 — в Моск. губ. г-зии (см.: «Школьные воспоминания, 1814—1820 гг.» — ВЕ, 1868, № 8), где познакомился с Ираклием Карповым [в будущем один из первых переводчиков В. Скотта; перевода «Кенильворта» (М., 1823), пользовался советами П.]. Окончив г-знию первым студентом, поступил на словесное отд. Моск. ун-та (1818), где наибольшее влияние на него оказали проф. Р. Ф. Тимковский, И. А. Гейм и особенно А. Ф. Мерзляков, определивший его ранние лит. воззрения (разбор оды И. И. Дмитриева с одобрит. пометой Мерзлякова — РГБ, ф. 231/Л, к. 27, № 9; частично опублик. — Барсуков, I, 41—44) и остававшийся неотмененным автори-

тетом для П. вплоть до нач. 1830-х гг. Вместе с ун-тским товарищем А. М. Кубаревым (впоследствии адъюнкт кафедр рус. словесности Моск. ун-та) П. увлекается классич. писателями, а также ист. трудами А. Л. Шлёйсера, под влиянием к-рого укрепляет Карамзина в неприятии отношении к источникам; вместе с тем П. тщательно штудировал новые тома карамзинской «Истории...», пишет на них «Замечания» (РГБ, указ. фонд, № 4, с пометой: «начато в 1818», бумага — 1819 и 1822 гг.).

С июля 1819 П. — домашний учитель в семье кн. И. Д. Трубецкого (о нем и др. членах семьи см.: Черейский); связь с этим домом и в особенности летнее пребывание в подмосковном имении Трубецких с Знаменском (Подольский у.) с 1819 по 1827 составило важную эпоху его жизни, а очаровавшая П. аристократич. атмосфера дома и общение со здешней молодежью отразились на характере ранних лит. опытов: перевод франц. светской комедии (там же, к. 29, № 11), ром. «Елеозар...» Флоринана (1820), составление рукоп. знаменского журнала «Не для всех» (1822). Здесь же летом 1820 по совету знаменской молодежи и, видимо, под влиянием Ж. Ж. Руссо П. начал дневник под назв. «Моя жизнь», восемь книг к-рого, охватывающие 1820—1875 гг., являясь одним из самых значит. в рус. культуре памятников этого жанра, отразившим интеллектуальную жизнь, перипетии лит. и идеол. борьбы и коллизии личн. взаимоотношений изв. деятелей эпохи (РГБ, ф. 231/Л, к. 30—37; далее — «Дневник», с указанием картона и листа). В то же время, в роли «русского учителя», П. проповедует у Трубецких против франц. языка и франц. учителей; этот патриотич. пафос определил характер его первых печатных выступлений: рец. «Нек-рые замечания на таблицы Рос. истории Филистри...» (ВЕ, 1822, № 11/12) и более известных писем «К Лужицкому старцу» (ВЕ, 1823, № 5, 6, 11) (позднее П. даже обсуждал с близкими друзьями идею создания тайного об-ва для противодействия находящимся в России иностранцам — «Дневник», к. 30, л. 18, 19 об.).

Выделяясь в ун-те старательностью и ревностью к наукам (сын крепостного, П. всегда видел в ун-тской карьере также и возможность социального самоутверждения), П. еще студентом начал работу над компилятивным изданием од Горация («Оды Горациевы, с объяснит. примечаниями Мичерлиха, Бакстера, Демре, Тимковского и Давыдова», М., 1823) и переводом «Краткого начертания древней географии» П. Ф. Нича (М., 1823, 1825; рец.: МТ, 1825, № 13; от-

вет П. — там же, 1825, № 18). Окончив ун-т в 1821 кандидатом [за «Опыт рассуждения о пользе, источниках и нынешнем состоянии статистики» (РГБ, ф. 231/Л, к. 21, № 42а) удостоен зол. медали], преподает географию в Моск. ун-тском благородном пансионе.

Гердеровский взгляд на географию как «первую главу» всемирной истории определяет ракурс занятий ею П. и убеждение в ее особом воспитат. значении (см. «Вступление к популярному учебнику географии» и др. наброски — там же, № 43—45; пер. из И. Г. Гердера «О приятности, пользе и необходимости географии» — ВЕ, 1825, № 9; ст. «Мысли, как писать историю географии» — МВ, 1827, № 5). С надеждой на коммерч. успех П. перевел соч. К. Риттера «Карты Европы...» (М., 1828; отрывки — в «Вест. Европы», «Сыне отечества», «Моск. вестнике» в 1826—27; в рец. «Моск. телеграфа» отмечено, что «перевод негладок, тяжел, но верен» — 1828, № 18, с. 219).

«Серьезное» направление П. и его ун-тского круга отразилось в намерениях переводить лучшие книги «со всех языков» и организовать «общество переводчиков» (идея обогащения, посредством переводов, рус. науки и лит-ры, впрочем, неизменно сопутствовала мысли о приработке от их издания). Любимой мыслью П. уже в это время становится «просвещение», понимаемое, однако, в духе нем. и франц. раннеромантич. мысли, т. е. с акцентом на его «духовной» перспективе и «национальном» характере [огромное впечатление на него произвели книга Ж. де Сталь «О Германии» и «Гений христианства» Ф. Р. Шатобрена, полный пер. к-рого он предпринял в 1821 («Дух христианской религии» — РГБ, ф. 231/Л, к. 29, № 2; опублик. лишь отрывок — МВ, 1828, № 5)]. Не удивительно поэтому, что энтузиазм к науч. соседствует у П. с сомнениями в их пользе, интересом к мистич. лит-ре (И. Г. Юнг-Штуплинг, К. Эккартсгаузен) и даже намерением стать масоном (под влиянием ун-тского товарища Н. А. Загряжского). С др. стороны, представление о «просвещении», сопряженном с христ. «духом благолюбия» (ср. запись 1826: «Дух благолюбия явился в конце прошедшего столетия. Между французами в Руссо, между американцами в Франклин, между немцами в Гердере и между русскими в Карамзине» — Барсуков, II, 17), предопределило убеждение в особом значении истории для «нравств. просвещения».

В том же ключе эволюционируют и лит. воззрения П. (восхищение Ф. Шиллером и И. В. Гёте, критич. отношение к франц. лит-ре 17—18 вв., понятию «вкус» и прозе К. Н.

Батюшкова). Интерес к нем. лит-ре стимулировало и сближение с университетским соучеником Ф. И. Тютчевым (ЛН, т. 97, кн. 2, с. 7—29); в 1820—22 П. обсуждает с ним полит. и лит. события, в частности поэму А. С. Пушкина «Руслан и Людмила», в оценке к-рой, как позднее «Кавказского пленника» и «Шильонского узника» Дж. Байрона, расходится со своим кумиром Мерзляковым («Автобиография», с. 235—36). Почти восторженное отношение к пушкинской поэме проявляется в первой критич. ст. П. «О „Кавказском пленнике“» (ВЕ, 1823, № 1; «вместе с юным, крепким, пылким воображением видно искусство и зрелый плод труда», с. 35), несмотря на архаич. приемы нормативной школьной критики. Эволюция лит. вкусов отразилась и в собств. лит. опытах П.: замысел героич. оперы «Гаральд» (РГБ, ф. 231/л, к. 26, № 24), переводы Гёте, Шиллера (трагедия «Смерть Валленштейна» — там же, к. 29, № 6; вероятно, П. принадлежат и опубликов. за подписью Н. Н. отрывки — МВ, 1828, № 19—22), Гердера, трагедии Ц. Вернера (тетр. 1822 г. «Мои грехи» — ф. 231/л, к. 29, № 4—6, 9—10; «Суждение г-жи Сталь о Вернеровой трагедии „Двадцать четвертое февраля“ и отрывок из оной» — ВЕ, 1823, № 23/24).

Дружба с Тютчевым способствовала сближению с его лит. наставником С. Е. Раичем, приглашившим П. в дек. 1822 в свое лит. об-во.

Принят по представлению перевода из Тита Ливия «Софонисба» (опубл.: МВ, 1828, № 21—22) в февр. 1823 (см.: Аронсон М., Рейсер С., Лит. кружки и салоны. Л., 1929, с. 123—28, 265—71); П. читает в об-ве в 1823—1825 «Рассуждение о начале Рос. гос-ва» («Не что против мнения Н. М. Карамзина...» — МВ, 1828, № 4), перевод пов. «Рене» Шатобриана (МВ, 1827, № 17—18) и отрывок из «Истории Италлии» Н. Маклаудти (РГБ, ф. 231/л, к. 12, № 3), пережитых гекзаметром, в подражание Жуковскому; отрывки из Овидия «Нюба» («Телескоп», 1831, № 3), «Меркурий и Батт» (МВ, 1829, ч. 1) и др. соч. Составляет соим. с А. Ф. Томашевским устав об-ва Раича, принимает активное участие в обсуждении планов предполагаемого ж-ла и избирается его цензором.

Здесь же знакомится с моск. лит. молодежью и, в частности, — С. П. Шевырёмов, В. Ф. Одоевским, В. П. Титовым, к-рый вводит его в круг философско-эстетич. интересов «любомудров». При этом, с одной стороны, П. тяготеет к «шеллингианскому» крылу об-ва, воспринимая, впрочем, идеи нем. философа преим. в их приложении к эстетике и теории истории у К. Ф. Бахмана и Ф. Аста (в 1823 по совету И. И. Давыдова переводит «Введение в историю» Аста, а позднее — отрывки его курса филологии: МВ, 1827, № 14, 21; 1829, ч. 3; 1830, ч. 6) и оставляет чуждым натурфилософии Ф. В. Шеллинга (видимо, поэтому П. не звали на собрания «любомудров» в доме Веневитиновых, ср. запись П.: «Досадно,

что не принимаюсь к Веневитиновым. Смотрят на меня как на неспособного к мудрствованию» — «Дневник», к. 31, л. 128 об.). С др. стороны, проникается эстетич. идеями Раича: изучает с его помощью итал. яз., ищет Тассо, а в 1825 вступает (в соавт. с Томашевским) в полемику с О. М. Сомовым, защищая опыты перевода Тассо Раичем и отстаивая приоритет «идеи» в прозв. перед нормативными требованиями к «форме» (СО, 1825, № 12, 16, 22; подпись В. атрибутирована по: «Дневник», к. 31, л. 114, 123—124) (подробнее о кружке и об-ве Раича, о месте в нем П. — см.: Рогов).

Избранный в 1824 корреспондентом ОЛРС при Моск. ун-те, П. представил перевод из древних и ст. «Об употреблении наречий „уже“ и „еще“» («Соч. в прозе и стихах», 1826, ч. 6, кн. 16), отражавшую одно из многочисл. направлений его «ученых» интересов, а в речи по случаю избрания в действит. члены заявил о намерении заняться преим. рус. грамматикой (там же, 1828, ч. 7, кн. 21, с. 205, 222, 231—34).

Однако в центре этих интересов — ист. занятия. В марте 1825 П. защищает магистер. дисс. «О происхождении Руси» (М.; реш.: МТ, 1825, № 20; СП, 1825, 21 июля; см. также: М. П. Погодин. Первые его шаги на ученом поприще — РА, 1900, кн. 3, с. 476—78), тема к-рой выросла из замечаний на «Историю...» Карамзина. Вслед за Шлёссером П. доказывает норманнское происхождение варяжских князей, основателей рус. гос-ва и становится на неск. десятилетний гл. поборником

«норманнской теории» в рус. ист. науке.

С этих позиций включился в полемику вокруг «Истории...» Карамзина, оспаривая как ист.-рыс. ее положения, так и взгляды критика Карамзина — И. Лелевеля (ВЕ, 1824, № 4—7, 9—11). Параллельно печатает переводы тех соч. исследователей, с к-рыми полемизировал в дис. (И. Э. Тулина — ВЕ, 1823, № 23/24; И. Ф. Г. Эверса — «Предварит. критич. испл. — для рос. истории», кн. 1—2, М., 1825, отрывки печатались в «Отеч. зап.» и «Сев. архиве»; И. Е. Неймана — «О жилищах древнейших руссов», М., 1826). Эти пер. и ориг. статьи («Несколько слов о договорах Олегом и Игорем с греками» — МТ, 1825, № 20; «Нечто о роде вел. кн. Ольги» — ОЗ, 1826, № 71; то же — «Тр. и летописи ОИДР», 1828, ч. 4) приносит П. известность: в 1824 гос. канцлер гр. Н. П. Румянов поручил ему перевод соч. И. Добровского «Кирилл и Мефодий» (М., 1825; впрочем, свершенный пер. А. Х. Востоков счит. что П. «слаб в нем. языке», и внес правку (Барсуков, I, 266).

По предложению М. Т. Каченовского (не разделавшего осн. идей П.) избран соревнователем (февр. 1824), в нач. 1825 — действит. членом ОИДР. Через И. Дмитриева П. преподнес диссертацию Карамзину («Автобиография», с. 240), а в кон. 1825 в Петербурге лично ему представился («Мое представление исторнографу» — РА, [кн. 3], 1866, стб. 1766—70).

Лит. занятия этого времени отражают увлечение драматургией Шиллера и шеллингианскими идеями (замысел эпич. поэмы «Моисей», в к-рой хотел «обнять» всю систему Шеллинга). Наконец, летом 1825 в Знаменском П. пишет ряд повестей. «Русая коса» («СЦ на 1827 г.»; подпись 3-ий (Знаменский)) и «Соколыничий сад» (МВ, 1829, ч. 2; подпись 3.) отражали реальные обстоятельства и переживания, связанные с развившимся чувством П. к княжне Александре Ив. Трубецкой и увлечением Елизаветой Вас. Вагнер (1809—44), компаньонкой в доме Трубецких (с 1833 — жена П.). В отличие от созданного тогда же опыта «светской пов.» «Как аукнется, так и откликнется» («Уrania»), их автобиогр. герой, в облике к-рого доминируют черты юношеск. «любомудра», останавливает выбор на девушке среднего сословия. Демокр. идеология П. проявилась и в замысле пов. «Барская спесь» («Вы часто спрашиваете ... почему я ... оказываю всегда предпочтение среднему состоянию мимо сиятельной пышности мапатов» — РГБ, ф. 231/л, к. 26, п. 12), и в пов. «Ничий» («Уrania») — рассказе отставного солдата о своей невесте, обесчещенной помещиком. Эти опыты П. мыслит как дополнения к ист. занятиям, а их эмоционально-моралистич. интонация связана с традицией карамзинской прозы (ср.: «Не пойду ли я по одной дороге с Карамзиным в литературе» — «Дневник», к. 31, л. 122 об.).

В кон. 1825 (после отъезда Раича и прекращения собраний об-ва) П. составил собств. лит. альм. «Уrania.

Карман, книжка на 1826 г.» (М., [1825]; ц. р. 26 нояб., вышел в нач. янв. 1826), призванный стать «моск. ответом» на «Полярную звезду» А. А. Бестужева и К. Ф. Рыльева (ср. также первонач. назв. альм. «Моск. Комета» и отзыв Н. А. Палевого: МТ, 1826, № 8, с. 357—59). П. удалось привлечь к сотрудничеству Мерзлякова, Тютчева, Е. А. Баратынского, П. А. Вяземского, доставившего ему также стих. Пушкина (Пушкин. Переписка, I, 233—34, 239—40), однако основу альм. составили участники об-ва Ранча и моск. «любомудры»; т. о., здесь впервые был представлен круг лит. имен и эстетич. устремлений, к-рый характеризует моск. лит-ру 1820—30-х гг. Успех альм. (одобрит. рец. — СП, 1826, 16 янв.) и организаторский энтузиазм выдвинули П. на первые роли среди моск. лит. молодежи.

К этому же времени относится и переросшее вскоре в дружбу сближение с Д. В. Веневитиновым. Разделяя общее увлечение Гёте, летом 1826 они «по уговору» параллельно переводят его драмы: Веневитинов — «Эгмонта», а П. — «Гёша фон Берлингенга».

Перевод П. вышел отд. изд. в 1828 с посвящением Веневитинову (М.: Г. з. — «Рус. зритель», 1828, № 1—2; рец. Шевырёва, в осп. изучающая лит. значение драмы. — МВ, 1828, № 21—22). Рецензент «Моск. телеграфа» (1828, № 24, 6 п.), отмечая, что перевод «тяжел», не одобрял также «русифицизма», заменившего «ср. значениям», составлявшие национальность трагедий Гёте и Шиллера (с. 498); эту «перелицовку» саркастически помянул позже В. Г. Белинский, говоря о незрелом периоде рус. романтизма (Белинский, VI, 63, 519); в разгромной рец. «Сына отечества» указывались многочисленные ошибки пер. (1829, № 1—2, 4).

Кроме того, П. и Веневитинов задушевно продолжают «Уранин» и новый альм. «Гермес» — собрание переводов из антич. и совр. истории; (Барсуков, II, 38—40); обсуждают план «гётевского» ром. Веневитинова «Владимир Паренский» [см. написанное, видимо, П. предисловие ко 2-й ч. «Соч.» Веневитинова (М., 1831) — в кн.: Веневитинов Д. В., Стих. Проза, М., 1980, с. 496—497, 513, 534]. В то же время сам П. возлагал надежды на «нст. роман» в духе В. Скотта, указав в «Письме о рус. романах» на «романич.» предметы в рус. истории [«Сев. лира на 1827 г.», М., 1827; отзыв Вяземского: МТ, 1827, № 3; см. совр. науч. изд. «Сев. лира на 1827 г.», М., 1984 (ЛП), с. 133—40, 229]. Особую роль в их дружбе играет Александр Трубецкая, для к-рой Веневитинов, по просьбе П., пишет «Письма к гр. NN о философии» и к-рую П. мысленно «уступает» другу (Барсуков, II, 36—40). Эта коллизия отозвалась в пов. П. «Адель» (МВ, 1830, № 17/20; замысел — лето 1826): в образе гл. героя — возлюбленного Адель, П., соединив свои и веневитиновские черты, дал обобщенный портрет ро-

мантнч. энтузиаста-«любомудра», а смелое использование страниц реального «Дневника», повс. Трубецкой, и трагич. развязка, подсказанная ос. болезнью и скоростной смертью Веневитинова в 1827, придали ей «вертеровскую» бурную исповедальность (см.: Вирролайн М., Молодой Погодин. — В изд.: Повести. Драма). Юношеский энтузиазм, культивируемый чтением Шиллера, разнонаправленность науч. интересов, соответствовавшая отчасти шеллингианским идеям науч. синтеза, формируют романтич. черты личности молодого П., соседствовавшие, впрочем, с недоверчивостью и скуповатостью, грубостью манер и внешности, определявших для современников облик П. в более поздние годы (ср., напр., запись А. В. Никитенко 1852: П. «николько не переменился: то же простое лицо, те же тяжелые, медвежьи приемы и грубоватое обращение» — Никитенко, I, 352).

Наконец, через Веневитинова П. знакомится 11 сент. 1826 с Пушкиным, отношение к к-рому при значит. интересе отнюдь не апологетично (ср. запись «Вздор!» о «Бахчисарайском фонтане» и характеристику: «Пушкин — поэт чувства. Штиллер — мысли»: Цявловский, 1914, с. 70, 77). Однако появление Пушкина в Москве и чтение в 1826 «Бориса Годунова» вызвали решит. энтузиазм, а его высказывания в пользу общего ж-ла стали окончат. поводом учреждения Д. Веневитиновым, П., Шевырёвым, Титовым, Н. М. Рожалиным и др. «Моск. вестника» (издавался в Москве в 1827—1830), редактором к-рого «назначен» П. («Из вост. о Пушкине» — РА, 1865, [кн. 1]; «Вост. о С. П. Шевырёве» — ЖМНП, 1869, № 2). Явившийся компромиссом между мечтами «любомудров» о «серьезном» философско-ист. издании и желанием Пушкина иметь «свой» журнал, этот альманх, скептически восприимчивый его лит. окружением, должен был обеспечить подписчиков, а самому Пушкину стабильный доход: ему причитались 10 тыс. руб. с 1200 подписчиков (ЛН, т. 16/18, с. 680—700).

Сладкий стиль, разв. запоздавший в 1827—29 проза, Пушкина, Н. М. Языкова, Ф. Н. Глинка, Д. В. Давыдова и поэтов «моск. круга» (Д. Веневитинов, А. С. Хомяков, Шевырёв, Д. П. Оболенский), а также принципиальный для «любомудров» отказ от «тесноты» критики в пользу «теории эстетики» и «серьезных» статей, определили лицо журнала, а по мнению современников, — и его неуспех у публики («Моск. вест.» был лишен современности и те-керь его можно читать как хорошую книгу... по журналу... он никогда не был» — Белинский, I, 89). «Философичность» «Моск. вест.» вызвала недовольство Пушкина (Пушкин в вост., II, 23; Пушкин, XIII, 320) и неособрание петерб. литераторов (ср. отзыв П. А. Плетнёва: «Моск. вест.» «...кипит действительностью. Кажется однако же мне, что оно круто все хочет повернуть. Ему хочется вдруг развить у нас и германские идеи и таинства Востока. Это как-то мутит во-

ду...» — Плетнёв, III, 389). Переезд в Петербург Пушкина и др. основателей «Моск. вест.» делал П. уже к сеп. 1827 фактически единоличным издателем, однако незлобие его редакторством, усугублявшееся коммерч. неуспехом и небрежностью П. в финансовых делах, стали причиной уступительного требования сотрудничества о «соредакторстве» Шевырёва; кроме того, в отношениях «москвичей» с Пушкиным обострились и расхождения лит. порядка: сдержанно-неодобрит. отношение к 4 и 5 тл. «Емения Оленина», несогласие в оценке Баратынского, обострившие отношения с изд. «Св. цветов» А. А. Дельвином (Пушкин. Итоги и проблемы изучения, М.—Л., 1966, с. 213—17; Ваурус (1), ух.). К 1829 окончательно распадается круг учредителей журнала (в 1829 он выдался в виде тиражи об-ков, а в 1830 — с сильным опозданием), все большую роль в нем играет новый лит. круг П., связанный с именем С. Т. Аксакова (М. Н. Загоскин, М. А. Дмитриев, А. А. Шаховской), а публ. ист. статей Н. С. Арбушица (1828, № 19—24), наплевательных критич. высказываний в адрес «Историч.» Карамзина, вызвала возмущение «карамзинистов»: Вяземского (МТ, 1828, № 19; Вяземский, II, 82—84), И. Дмитриева, В. В. Измайлова («СП на 1829 г.», СПб., 1828), мнш. муотр. дел Д. Н. Блудова, фактически заблокировавшего решенный (при его же содействии) перевод П. в альманхы Рос. экзд.

Несмотря на формальный «неуспех», «Моск. вест.» явился выражением круга идей, складывавшегося в 1820-е среди молодого поколения моск. литераторов, — своеобразного «моск. романтизма», воспринявшего парадигму нем. романтич. лит. теории и философии. Роль ист. материи определялась шеллингианским пониманием истории как науки «самопознания» человечества и романтич. интересом к наст. истории: программный характер имели «Ист. афоризмы и вопросы» П. (1827, № 2, 23), отразившие его шеллингианские увлечения и стремление к философии «теории истории».

Заметное место в прозаич. разделе «Моск. вест.» наряду с пер. из Шатобриана, Гёте, Э. Т. А. Гофмана, Л. Тика занимают ориг. пов. П. (ср. совет Пушкина наполнить ж-л рус. повестями — Пушкин, XIII, 341). Жанровые каноны занимат. пов. разрабатывались в «святочной» пов. из купеч. быта «Суженый» (1828, № 1—2) и пов. «Преступница» (1830, № 1), где бразильч. сюжет о случайном убийстве девушкой поклонника помещен в декорации быта древнего Новгорода (анализ стилистич. эклектич. пов. см.: Виноградов В. В., Сюжет и стиль, М., 1963, с. 105—14). Несомненной жанровой новацией были очерки «Убийца. Анекдот» (1827, № 20) и «Возмездие» (1827, № 24), вошедшие затем, наряду с более поздними («Пенхол. явление» — альм. «Денница на 1830 г.»; одобрит. упоминание: МТ, 1830, № 1, с. 85; «Неистовство», «Любовь», «Искушение»), в цикл «Пенхол. явления» (в изд.: Повести, 1832) — основанные на реальных случаях зарисовки на тему «феноменологии преступления» и загадочности моральной природы человека [это направление интересов П.-прозаника отразилось и в предназнач. для невыведшего альм. «Альциона на

1834 г.» пов. «Новый Эдип» (РГБ, ф. 231/1, к. 26, № 26), любопытном опыте перенесения антич. сюжета на совр. рус. почву). Начало нравоописат. пов. «Невеста на ярмарке» (МВ, 1827, № 8—9) получило одобрение Пушкина, по совету к-рого (Пушкин в восп., II, 24) П. пишет ее продолжение (МВ, 1828, № 19—22). Программный характер имела «Черная немочь» (подзаг. «Пов. из прежнего времени» — МВ, 1829, ч. 2; отд. изд.: М., 1829) — рассказ о трагич. судьбе стремящегося к знаниям и «высшим истинам» юноши из купеч. семьи, доведенного до самоубийства непониманием и противодействием родных, один из первых опытов изображения подобного конфликта и среды (одобрена Пушкиным и в кругу «Моск. вест.» — см.: Пушкин в восп., II, 26; в недобр. экз. рец. Кс. А. Полевой, указав на «несообразность» философии, устремлений и мыслей героя, вычленившего на «медные деньги», упрекал П. в страсти к грубой стороне быта «простого народа» и отказывал ему в таланте «романиста» (МТ, 1829, № 15, с. 320—22, 327; то же — в кн.: Полевой Н. А., Полевой Кс. А., Лит. критика. Статьи и рец. Л., 1990). Подобные оценки П.-прозаика воспроизводились неоднократно (ср. напр. слова рецензента «Сына отечества» о выходивших «за рамки приличия» «площадных выражениях» в пов. «Невеста на ярмарке» — 1829, № 1, с. 32); в более поздних отзывах Белинский, признавая «теплоту чувств» и значит. роль П. в становлении «народного» направления, подчеркивал его талант «в Теньерском роде» (повторяя уничтожит. определение «Моск. телеграфа» — МТ, 1830, № 1, с. 85), т. е. как «нравоописателя низших слоев нашей общественности», но упрекал в неумении признать своей худож. мысли законченность (Белинский, I, 94—95, 276—78 и др.). Вместе с тем приемы изображения разночинной среды, как и автобиогр. тема ученого-разночинца (ср. также замысел П. писать «простонар. языком» «Жизнь и чудные похождения М. В. Ломоносова», отрывок — РГБ, ф. 231/1, к. 28, п. 16), оказали несомненное влияние на формирование канонов «бытовой повести» (см. в кн.: Рус. повесть XIX в., с. 210—14).

К кон. 1820 — нач. 1830-х гг. относится б. ч. беллетристич. наследия П.: колоритный очерк моск. торговых рядов «Фомин понедельник» (лит. и муз. альм. «Раута на 1830 г.», М. [1829]), написанная по просьбе Н. И. Надеждина для первых номеров его ж-ла занимат. «разбойничья» пов. «Васильев вечер» («Телескоп», 1831, № 2—4). Интерес к «малорос.» колориту отразился в пов. «Петрусь Малорос. анекдот» (альм. «Сиротка

на 1831 г.», М.; с поств. И. П. Котляревскому) и пересказе пов. Г. Ф. Квитки «Харьковская Ганнуся» («Телескоп», 1832, № 2—4); близкая «любомудрам» тема научного познания, непонятого современниками, — в пов. «Галлеева (Галилея) комета» (альм. «Комета Бельи на 1833 г.», СПб.). Проблема обществ. статуса науки обсуждается и в продолжавшей «Письма...» Веневитинова ст. «Нечто о науке (Отрывок из письма к графине N.)» («СЦ на 1832 г.», СПб.; науч. перезд. — М., 1980, с. 128—33; отзывы — «Телескоп», 1832, № 2; СП, 1832, 23 янв.). Наконец, пов. «Счастье в несчастье», поводом к к-рой послужило письмо Жуковского А. П. Елагиной о смерти А. А. Воейковой (жены А. Ф. Воейкова), раскрывала важнейший, по мнению П., феномен христ. мироощущения, определенный в ее заглавии (с посвящением А. П. Елагиной) — «Телескоп», 1832, № 7; в 1837 объединена с пов. «Невеста на ярмарке» — «Невеста на ярмарке». Повести, ч. 1—2, М., 1837). Большинство пов. и некоторые новые (ист. анекдот «Дьячок-калду» и др.) вошли в изд. «Повести» (ч. 1—3, М., 1832; рец. — МТ, 1832, № 9; «Телескоп», 1832, № 17), ими фактически исчерпывается беллетристич. наследие П., разочарованного безразличием критики [в 1840-е гг. он обдумывал ром. из совр. рус. жизни (Барсуков, IX, 167, 386; «Дневник», к. 33, л. 50—51 и др.), а в 1849 «дописал» начатую с Е. И. и А. Ф. Вельтманами пов. «Дочь матроса» для альм. «На Новый год», М., 1850, б. п.]. Между тем появившиеся почти одновременно с «Вечерами...» Н. В. Гоголя и «Повестями Белкина» Пушкина «Повести» стали еще одной попыткой разрешения проблемы «национальной» повести, представив, в частности, ранние опыты изображения быта разночинных слоев в рус. лит.-ре.

Тяготясь «Моск. вестником», П., успевший в 1828 издать № 1—6 «Рус. зрителя» вместо заболевшего К. Ф. Калайдовича (во время халеры 1830 П. издавал также «Ведомость о состоянии Москвы» при газ. «Моск. ведомости»), планирует начать новый ж-л с Надеждиным, сближение с к-рым отразило лит. расхождение П. с Пушкиным и его кругом: он критически воспринял пушкинскую «Полтаву», неприязненно относился к «Лит. газете» Дельвига и петерб. «лит. аристократии» (РА, 1882, кн. 3, с. 6, 125, 129, 134), уклонялся от прямого участия в борьбе с Ф. В. Булгаринным (Пушкин в восп., II, 28; подробнее см. в кн.: Пушкин. Письма последних лет, с. 447—48). Несмотря на различия лит. позиций и отход Пушкина от «Моск. вест.»,

1829—1831 — период наибольшего сближения Пушкина и П., почвой к-рого стало созвучие ист. интересов и взглядов, в частности, восходящее к А. Г. Л. Герулу представление об отсутствии феодальной системы и «свободных городов» как отличит. черте рус. истории; именно с этой т. з. они полемизируют с «Историей рус. народа» Полевого, прямо переносившего схемы франц. романт. историографии на рус. почву (МВ, 1830, № 2, 21—24). Кроме того, критика методич. принципов Карамзина-историка, П. остается последователем его осн. ист. схемы, разделяя с Пушкиным острый интерес к намеченным Карамзиным драм. моментам становления рус. самодержавия, определившим судьбу рус. гос-ва и просвещения, и к «нравств. смыслу» ист. коллизий. В янв. 1829 П. читает Пушкину ст. об Иоанне Грозном, объясняющую действия царя не только «нравств. перерождением», но и необходимостью твердого единовластия (МВ, 1829, ч. 3; первый вариант читан в об-ве Ранча; позже П. отчасти изменил свой взгляд, отрицая полит. «заслуги» царя, — «Иоанн Грозный», БдЧ, 1834, т. 2, с. 113, 138—39).

Схожая проблематика — в центре стихотв. трагедии (в 5 д.) «Марфа, Посадница Новгородская» (М., 1831; замысел — 1825; отрывки — МВ, 1830, № 17—20; «Телескоп», 1831, № 1), в к-рой, следуя формуле Карамзина («Иоанн III) был достоин сокрушить утлую волюность Новгородскую...»), П. дал полемич. по отношению к декабристской героизации Новгорода картину драм. столкновения логики истории и «частных» стремлений. Форма «народной» ист. трагедии (опиравшаяся на опыт «Бориса Годунова» и ист. драм Гёте и Шиллера), а также установка на достоверность ист. колорита и «драматизацию» истории (ср. запись П. 1825: «Историю всю можно представить в трагедиях» — «Дневник», к. 31, л. 117) вызвали горячее сочувствие Пушкина («Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города! ... трагик не ниже своего предмета» — Пушкин, XI, [О нар. драме и драме «Марфа Посадница», 182—83], к-рый ставил нар. сцены П. выше собственных, отмечая, впрочем, недостаточное «развитие характеров» и «неправильности» языка (см.: Пушкин, XIV, 128—29; Пушкин в восп., II, 29—30).

Под впечатлением этой оценки и острых споров с Пушкиным о вине Бориса Годунова в смерти царевича Дмитрия (асомох. настроения П. предопределили его восхищение Годуновым как царем-«выдвиженцем», см. «Об участии Годунова в убийстве Царевича Дмитрия» — МВ, 1829,

ч. 3; полемич. пометы Пушкина на его ст. — Пушкин, XII, 243—56) П. приступает к драм. трилогии о Смутном времени (первая мысль — в 1825 под влиянием трагедии Шиллера «Дмитрий»); «История в лицах о царе Борисе Федоровиче Годунове» (окончена весной 1833, опубл.: М., 1868), «История в лицах о Дмитрии Самозванце» (М., 1835; с посвящением Пушкину); в 1834 П. обдумывал также трагедию «Царь Василий Шуйский» (Барсуков, IV, 199). Жанр «ист. хроники» — «истории в лицах» — стал результатом колебания между ист. исследованием и трагедией («Молва», 1832, № 67, с. 267—68), призван был в шеллингианском духе объединить «науку» и «поэзию» и давал П. возможность в драм. форме представить свою ист. концепцию: аргументацию невиновности Бориса, сочувств. толкование его политики, объяснение причин возвышения и падения Самозванца, а также отрицат. роли «боярства» (изложена в ст. «Нечто об Острепьеве» — МВ, 1829, ч. 3; «Период самозванцев» — БЧ, 1835, т. 10). Однако никакого лит. успеха эти опыты не имели.

Др., общий с Пушкиным, предмет интереса — эпоха Петра I: в 1829 П. опубл. следственное дело царевича Алексея (МВ, 1829, ч. 5; позднее также издал соч. И. К. Кириллова «Цветущее состояние Всерос. гос-ва... при Петре Великом», кн. 1—2, М., 1831; об истории издания см.: Пушкин. Письма, III, 318—19); мат-лы дела и легли в основу написанной в нач. 1831 стихотв. трагедии «Петр I» (в 5 д.; отд. изд. с посв. Пушкину и автокомм. — М., 1873), в к-рой дан идеализиров. образ монарха, противостоящего рус. псевдоаристократии. В 1833 Пушкин просил Николая I о привлечении П. к работе над историей Петра, но это сотрудничество не состоялось (Барсуков, III, 159—61; Пушкин и Н. Переписка, II, 394—97).

Судьба ист. драматургии П. не сложилась. Выход «Марфы» был запрещен по рекомендации А. Х. Бенкендорфа в связи с полнит. обстоятельствами (РА, 1873, [кн. 2], стб. 02299—02300); осенью 1831 П. хлопотал о разрешении «Марфы» и «Петра I» в Петербурге, где читал «Петра I» (одобренного в Москве в доме Ахасковских) в салонах В. Ф. Одоевского и графини А. Г. Лаваль, а также Пушкину и Жуковскому, по совету к-рых сократил его. Несмотря на содействие Блудова и др., трагедия была запрещена Николаем I, считавшим невозможным выводить Петра из системы (эта мотивировка появилась П. к публ. отв. ст.: «Отрывок из драм. поэм» — альм. «Новоселье», [ч. 1], СПб., 1833; «Сцены из жизни Петра Великого» — МН, 1835, окт., кн. 2; отв. — «Телескоп», 1833, № 5); после многократных отказов впервые опубл. частями в сб. «Утро» на 1859 и 1868 гг.

Поступившая в кон. 1831 в прозаку «Марфа» не вызвала сочувствия. Рецензент «Самыя отечества» не признал драм. талант П., критиковал героизацию Марфы и «пылоспанный» язык (1832, № 20; ответ С. Ахаскова — «Молва», 1832, № 49; также см.: «Молва», 1832, № 41, с. 162—63). В сочувств. рец. «Телескопа» (1832, № 1) и «Молвы» (1832, № 19) отмечалось, что

наряду с «Борисом Годуновым» «Марфа» открывает эру «драматизированн. ист. истории» и при многих отблках «богата красотами перифразности»; упреки в «искусственности» совершались и в р. О. И. Сенковского на «Историю в лицах о Дмитрии Самозванце» (БЧ, 1833, т. 11; там же критик упомянул о своем отделе печатать шесу; не хотел ее печатать и изд. «Моск. наблюдателя» В. П. Андросов — «Дневник», к. 32, л. 69). Заключит. сцены драмы о Годунове П., неизменно подчеркивая связь своих ист. драм с именем Пушкина, опубл. в «Смертном» 3-м томе «Совр.» за 1837 (1-е действие впервые — «Москва», 1842, № 6).

В нач. 1830-х гг. П. сотрудничает в изд. Надеждина «Молва» и «Телескоп», помещая здесь помимо повестей и очерков разные заметки («Молва», 1831, № 20; 1832, № 41, 49; 1834, № 25, 27, 36, 40 и др.), ист. рец. («Телескоп», 1831, № 5; 1833, № 13) и т. д., а также ст. на актуальную польск. тему: «Ист. размышления об отношении Польши к России (По повозу разных статей о том же предмете, помещаемых в иностр. журналах)» («Телескоп», 1831, № 7) и разбор «Истории Гос-ва Польского» Г. С. Брантке (там же, 1831, № 9), заслужившие одобрение Бенкендорфа. По мысли П., исполненная смуты и «безначалия» история Польши доказывает необходимость рус. господства (этой гл. идее оставался привержен и позже, см.: «Польский вопрос. Собр. рассуждений, записок и замечаний. 1831—1867», М., 1867), однако вывод о важности изучения и популяризации польской истории, языка и лит-ры делал его позицию неоднозначной (по свидетельству И. М. Снегирёва, П. в ун-те «почитали Лелевелем» — Барсуков, III, 164—65); в позиции П. отразились, видимо, как разговоры с Пушкиным, горячо одобрявшим статью, так и общение с А. Мишквичем и Ф. Матевским, с к-рыми он знаком еще с 1827 (об отношении П. к Лелевелю — Пов-ков в Б. С., Польск. ученый и революционер И. Лелевель, М., 1974, ук.).

Однако гл. своим делом П. считает собственно историю. С 1825 читает всеобщую историю «для первоначальных студентов» в Моск. ун-те, с 1828 — альюнкт кафедрой всеобщей истории; с 1833 — ординарный проф. (в 1836 избран в д. чл. Рос. акад., с 1841 — акад. Петерб. АН).

Преподавание всеобщей истории заставляет П. обратиться к трудам европ. историков, к-рых он популяризирует для рус. аудитория. Читая в первые годы по Шлёйсру, П. параллельно переводит его «Введение во всеобщую историю для детей» (ч. 1—2, М., 1829—30; 2-е изд., М., 1837; см. также: ВЕ, 1825, № 19; МВ, 1829, ч. 6). Позднее гл. источниками для него становятся Герен (см. изд. в 1835—36 «Лекции проф. Погодина по Герену...», ч. 1—2, М.; отрывок «О Зороастре», не пропущенный цензором, — ЖМНП, 1835, № 4), О. Тьерри, Ф. Гизо и др. совр.

историк. к-рых под его руководством переводят студенты. Философия истории Герлера (см. набросок «О Герлере», 1832, — РГБ, ф. 231/1, к. 21, п. 47), шеллингианские идеи и франц. романтич. историография формируют теоретич. воззрения П. (на рубеже 1820—1830-х гг. мечтает даже заняться исключительно «теорией истории»); заключенная в истории картина «мира нравственного», продолжающего «мир физический», и подчиненная сходным законам (П. широко использует аналогии и термины точных и естеств. наук), несет в себе черты божеств. замысла, а разл. ист. эпохи и нации представляют собой отд. ступени его осуществления. В драм. столкновении этих «законов» и «частных» стремлений, благодаря к-рому история есть также «курс психологии в лицах», П. видит «главное таинство истории», подобное таинству соединения души с телом.

Наиболее полно эти теоретич. идеи были изложены П. в отд. изд. «Ист. афоризмов» (М., 1836; с шифров. посвящением митрополиту *Инокентию*; нем. пер. преподавателя Моск. ун-та И. Х. Э. Геринга, Лpz., 1836), объединившем опыты П. в этом жанре с сер. 1820-х гг. и включившем также статью «О всеобщей истории. Лекция при вступлении в должность ординарного проф.» (ЖМНП, 1834, № 1; по восп. П., лекция «очень нравилась Пушкину» — Автобиография, с. 245; ее франц. пер. Э. П. Мещерского опубл.: *Journal général de l'instruction publique*, 1834, vol. 4, 6, 28 nov.). Вопреки надеждам П., книга вызвала лишь сдержанные или критич. отзывы: издavat. рец. в «Б-ке для чтения» (1836, т. 15; ответ Андросова — МН, 1836, кн. 1, апр.); неслетная, но сочувств. рец. в «Совр.» (1836, т. 1) принадлежала Гоголю, скрывшему от П. свое авторство. Вместе с тем «Ист. афоризмы» остаются примечат. памятником электич. освоения романтич. историософии, а отд. черты ист. философии и стилистика П. (прежде всего уподобление нравств. метафизики истории явлениям физич. мира) оказали определ. влияние на ист. рассуждения Л. Н. Толстого в «Войне и мире» (Эйхенбаум Б., Лев Толстой, кн. 2 — 60-е гг., Л.—М., 1931, с. 326—41). Взгляды на европ. цивилизацию (почерпнутые из той же романтич. историографии) подвергаются у П. определенной коррекции в контексте формирующихся представлений о роли России и славянства в ней. Так, Гизо П. упрекает в недооценке роли христианства и «слав. мира» («Очерк Европ. истории в Средние века. По Гизо» — ЖМНП, 1834, № 4), а рассматривая Реформацию как первонач. толчок к «нац. просвещению», видит в эпохе Пет-

ра 1 ее рус. аналог, в различии же конфессий усматривает лишь разницу нац. взглядов на христианство: неоконч. соч. «О Реформах» (РГБ, ф. 231/1, п. 11, № 36—38) и ст. «Ист. афоризмы» (БДЧ, 1834, т. 1), вызвавшая недовольство духовной цензуры. В 1837—38 П. готовил еще две кн. «Ист. афоризмов», частично опубликов. в «Москвитянин» (1844, № 5).

Представление об особом характере рос. истории в сравнении с европейской сформулировано в лекции, прочитанной при тов. мин. нар. просвещения С. С. Уварове и получившей его полное одобрение («Взгляд на Рос. историю» — «Уч. записки имп. Моск. ун-та», 1833, ч. 1, № 1). Принятие православия, развивающего «особую сторону веры», и добровольное «призвание варягов», положивших, в отличие от завоевания на Западе, начало рос. государственности, предопределили специфич. характер отношения верховной власти к нации и ее роль во всех сферах жизни, в частности нац. просвещения. Причем, в духе романтич. философий истории осознание этих коренных черт П. считает залогом «самобытного» развития и обществ. спокойствия. Эта ист.-полит. концепция отразилась в ун-тском курсе рус. истории (П. начал читать ее в 1829, посвятив первую лекцию Карамзину; в 1836 получил кафедру рус. истории; курс 1832—33 сохранился в конспекте Белинского: ГИМ, ф. 440, № 1059; краткая характеристика: Петров, с. 32—34), а также в «Слове об ученом сословии» («Молва», 1834, № 27) и «чертеже» рус. истории («Отрывок из Рос. истории» — ЖМНП, 1834, № 12; «Очерк рус. истории» — МН, 1835, март, кн. 1).

Созданный на основе «чертежа» учебник «Начертение Рус. истории. Для училищ» (М., 1835), отстреленный несообразности и вызвавший полемичку о «природах» рус. истории (рец. Белинского — «Молва», 1835, № 36; в защиту П. выступил Н. Савельев — МН, 1836, нояб., кн. 2), не был принят уни-вом, так же как и 2-е, исправл. изд. (М., 1837), и «Краткое начертение Рус. истории» (М., 1838; соавт. рец. — «Совр.», 1838, т. 12).

Вектор ист. занятий П. определялся принципиальной полемикой со скептической школой (давний науч. антагонизм с главой «скептиков» Качениским усугубился личной неприязнью); отставная достоверность Несторов летописи; П. выступает не только последователем Шубнера, но и защитником ар.-рус. просвещения в целом, выдвигая также сущность для науки предположения об источниках Нестора. Статьи П. на эту тему [БаЧ, 1834, т. 6; 1835, т. 8, 9; возражение «скептика» С. М. Стрובה (послед. Сергей Скрипичко) — СО, 1834, № 49—50; 1835, № 3, 11; также — ЖМНП, 1835, № 7] позднее вошли в несл. «Нестор, историч.-критич. рассуждение...» (М., 1839, с посп. П. И. Шафарико; нем. пер. — СПб., 1844). П. представил его в качестве дис. (по озаглав. заключению акад. Ф. И. Крута удостоено Демидов. премии — Делатов предложение учреждения Демидовым награды... СПб., 1840; рец. Н. Савельева — ОЗ, 1839, № 4).

В качестве секретаря ОИДР (избран 12 дек. 1836) П. издает «Рус. ист. сборник» (1837—42),

где наряду с полемик. статьями против «скептиков» (1838, кн. 3) публикует несл. о местничестве, в к-ром «выражен характер русский под печатью Востока» (1839, кн. 3—4), а кроме того — «Петковскую летопись» (М., 1837; рец.: БаЧ, 1837, т. 24). Наконец, уже частным образом П. издал 20 кн. «Всеобщей ист. библиотеки» — собрание несл. изст. сочинений, нацел. совместить просветит. и комиссар. цели (П. мечтал открыть книжную лавку, сравнял себя с Н. И. Новиковым).

Актуальный обществ. и идейный подтекст ист. работ П. способствует его известности, однако конкретные соч. каждый раз вызывают противоречивые и критич. отзывы, направленные, в частности, на слог П. (см., напр., мнение А. И. Тургенева 1840: «в его новом взгляде есть что-то дельное, но наш Michelet [Ж. Мишель, франц. историк, — Ред.] пишет хуже французского: не позволено о России писать почти не по-русски...» — Тургенев А., Полит. проза, М., 1989, с. 226).

Ист. занятия отдаляют П. от лит.-журнальной деятельности, однако в 1835 он активно участвует в учреждении ж. «Моск. набл.», где помещает ист. статьи и рецензии; несмотря на выступление ж-ла в защиту П., обнаруживаются серьезные расхождения с ред. (по поводу стих. Пушкина «На выздоровление Лукулла», высоко оценки его «Истории Пугачевского бунта»; апологетич. рец. П. на нее не была напечатана в «Моск. набл.» (РА, 1865, [кн. 1], стб. 103; там же опубли. «Неск. слов об „Истории Пугачевского бунта“»). Избранный 12 дек. 1834 секретарем ОЛРС, П. планировал дать об-ву новый характер, однако отказ Пушкина и Гоголя от участия подорвал этот план (Пушкин И. Письма последних лет, с. 32, 217—18).

Несмотря на определ. охлаждение, Пушкин пригласил П. в «Совр.» (задумывая в 1832 газ. «Дисвик», он также выдв. в П. осн. месл. сотрудничества), напечатал, однако, из всего присланного лишь «Прогулку по Москве» (1836, т. 3, вошедш. в Пепелько: о нем, соаврещении и рец. П. в Пушкина на ст. — см.: РЛ, 1969, № 2, с. 130), уклонившись от публикации ст. «Об ист. повертн» (ЛН, т. 16/18, с. 722; т. 58, с. 130).

Частные уроки и издат. предприятия (не приносящие, впрочем, значит. дохода) позволили П. в 1829 купить дом (вскоре проданный), а в 1831, сделав значит. долги, — дер. Сергово под Москвой. В 1836 П. приобрел дом на Девичьем поле, в к-ром жил до кон. дней и к-рый стал неоспоримым атрибутом моск. лит. и ученой жизни. В нач. 1830-х гг. П. осуществил свою мечту о частном пансионе для подготовки в ун-т. ставшего осн. источником его доходов (в связи с запрещением в 1834 преподавателям держать пансионы даже намеревался оставить ун-т).

Важная составляющая ист.-полит. концепции П. — представление об общеслав. корнях рус. истории и культуры, предопределившее сочувствие идеям «слав. возрождения» и формирование панславистских взглядов. Еще в 1826 П. соавт. с Шевыревым перевел «Грамматичку языка славян по древнему наречию...» И. Добровского [СПб., 1833—34; изд. Дел-том нар. просвещения, предисл. П. исключено цензурой; см. «Мои восп. I. Перевод слав. грам-

матики Добровского в 1826» («Москв.», 1856, № 4; «Русский», 1867, № 9/10, с. 133); РГБ, ф. 231/1, п. 21, № 50], считая этот труд «прозрением» общеслав. коренного наречия (убежденность в его существовании П. сохранял и впоследствии), а позднее помещал в «Моск. вестнике» «слав. известия» и принял горячее участие в трудах Ю. И. Венелина (однако выступил против «словенской» школы, считавшей «варягов» славянами; см. полемичку с М. А. Максимовичем, дружеские отношения с к-рым П. сохранял на протяжении всей жизни, и Ф. Л. Морозкиным — «Москв.», 1841, № 3, 5 и др.). Совершив в 1835 поездку по Германии, побывав в Праге и Вене, П. представил Уварову «Отчет» (6 ч. опубл. — ЖМНП, 1835, № 9; 1836, № 1, 7, 9), в к-ром сообщал новости науч. жизни Германии (в т. ч. о посещениях Шеллинга и новом религ. направлении его философии) и рассказывал о встречах с деятелями «слав. возрождения» — В. Ганкой, Шафариком, В. Караджичем и др.; возрасшае сочувствие к ним усиливается впечатлениями полит. утешения слав. образования в Австрии. Слав. тема становится значит. частью лит.-обществ. деятельности П.

П. издал «Слав. древности» Шафарика, переведенные под его руководством О. М. Боданским (т. 1—2, М., 1837—43; предисл. П. многа запрещен цензурой), собрал средства в пользу слав. ученых, содействовал пригласению в Россию Л. Гаю (1840), перевод соч. Я. Коллара «О лит. взаимосвязи между славянскими и наречиями славянскими» (ОЗ, 1840, № 1—2).

Наконец, в «Отчете» Уварову о новом заграничном путешествии (1839; командированный для посещения Копенгаген. об-ва Сев. антиквариев, объехал всю Европу) впервые сформулирована панславистская доктрина П. Дав очерк положения славян в Австрии, П. наметил программу слав. культурно-языкового «сближения», дополнив ее полит. предположениями — о необходимости изменения политики в отношении Австрии и объединения славян под скипетром России (частично опубли. РусБ, 1859, кн. 13; полностью — Соч., т. 4). Выписка из «Отчета» (не включавшая, впрочем, полит. рассуждений) получила одобрение Николая I, а сам П. — орден Станислава 2-й ст. и 2 тыс. рублей (РА, 1871, кн. 3, стб. 2079—2103), не удовлетворившие его: он мечтал о непосредств. полит. влиянии своих ист. концепций. С этими надеждами, подогревавшимися близостью к Уварову, связана и активность П. во время пребывания в Москве (1838) — на следящая вел. кн. Александра Николаевича (будущего имп. Александра II), для к-рого написана ст. «О Москве» (МВед, 1837, 21 авг.), а также (после посещения им лекции П.), зал. «Об осн. эпохах в рус. истории»

(опубл.: «Письмо к Государю Цесаревичу, вел. кн. Александру Николаевичу», 1838 — Соч., т. 4); излагая в ней излюбл. мысли о специфич. роли самодержавия в рус. гос. устройстве («одушевленная машина»). П. подчеркивал слав. основу рус. «народности» и предсказывал грядущую «слав.» эпоху мировой истории (попечитель Моск. уч. округа С. Г. Строганов не переслал записку — «Русский», 1867, № 17/18, с. 257—263; Соч., т. 4, с. 14). В 1841 Уваров предложил П. место нач. своей канцелярии, однако его претензии на особую роль при министре стали причиной вежливого, но твердого отказа. «Второе донесение ... о путешествии 1842 г., прем. в отношении к словенам» (частично — РусБ, 1859, кн. 13), содержавшее вывод о враждебности нем. земель к России, непрочности Австрии и целесообразности союза с Францией, т. е. направленные против офиц. внешней политики, еще менее соответствовали полит. конъюнктуре и «оставлено» в мин-ве без последствий.

После путешествия 1839 П. окончательно решил на изд. «Москвитянина» (замуанного еще в 1836 в связи с охлаждением к «Моск. наблюдателю»), получив «благословение» Жуковского и одобрение Гоголя, а официальное дозволение — благодаря поддержке Уварова. Название и концепция ж-ла отражали «москвофильские» взгляды П.: воплотившая в своей судьбе особенно полно providenci. характер всей рус. истории («облики чудесного»), Москва, даже утратив полит. значение, остается центром рус.-слав. просвещения, к к-рому должна вернуться Россия по окончании «петерб. периода» (ст. «Москва» — «Москв.», 1841, № 5; под назв. «Приращение Москвы» вошла в сб-к П. «Историко-критич. отрывки», 1846). Выражением «моск.» взгляда на совр. пути рус. просвещения (противостоящего духу петерб. журналистики) являлся приоритетный интерес к «слав. миру» (отдел «Слав. известия»), к рус. провинции, сохранившей элементы «органичного» рус. образования (для провинци. корреспондентов, в частности П. И. Савитова и П. И. Мельникова, П. разработал «памятку» о предметах для ж-ла), а также к мат-лам по рус. истории и лит-ре (их обилие придавало ж-лу учено-публик. характер, делая его прообразом историко-культ. изданий кон. 19 в.).

Особая позиция П. заявлена в открывавшей ж-л программной ст. «Петр Великий» (1841, № 1; с подтекстовой пометой: 11 сент. 1838), написанной в ответ на первые моск. славянофильские дискуссии: считая реформы Петра необходимым ист. этапом, П. видел их всемирное значение в попытке соединить два типа

просвещения, призвав греко-правосл. «духовному образованию», носительницей к-рого была Др. Русь, элементы римско-католич. культуры (опубликована после поправок и одобрения Уварова).

В русле этих идей лежали программные ст. Шевырѳа, гл. соратника П., курировавшего отдел критики («лагеротипические» принципы «науч. школы» он противопоставлял двудеяную «органическую» формулу «ист.-во и жизнь» (см. о ней: «Москва», 1841, № 2, с. 313—14), основывая на ней славянофильскую интерпретацию творчества Гоголя, М. Ю. Лермонтова и совр. лит. ситуации), и статьи отдела «Христ. философия» (обычно выдержанные в духе позднего Шеллинга, Ф. Баасера и К. А. Эшшмайера), отражавшие надежды П. и Шевырѳа на то, что истинной, религ. философией суждено состояться в России. Установка на «самобитность» характера и для раздела прозм. идею постоянно исцелявших В. И. Даль и А. Ф. Вельями, а также Захоскин, Квитка, Спилота, раздел, во многом определявший лит. лицо ж-ла, объединял как поэтов круга «Моск. вестник» (Языков, Хомяков, М. А. Дмитриев, А. и Ф. Глинки), так и новое моск. поэтик. поколение, чья лит. карьера прем. связана с «Моск.» (Ф. Б. Миллер, Н. В. Бегр, К. К. Павлова); публицистика в «Моск.» вводит в лит. жизнь Я. П. Полонского, А. А. Григорьева и А. А. Фета.

Стремление П. сделать «Моск.» органом самого широкого «рус. просвещения», дистанцируясь в то же время от славянофильской доктрины, сказалось в попытках привлечь в журнал Т. Н. Грановского и Е. Ф. Корша (1842). Однако против его воли Шевырѳ (оставшийся наряду с А. Е. Студийским фактич. ред. в отсутствие П.) вступил ж-л в полемику с «Отч. зап.». Кроме того, нем. дальнее («недоброджелательные» ж-ла выступают Бенксдорф и Строганов), материальные издержки, обилие занятий и в особенности отчуждение моск. славянофильского круга вынуждали У. П., несмотря на первонач. успех, в 1843—44 разочарование и желание переехать «Моск.» в казну или кому-либо из своего окружения.

Лит. творчество П. в 1-й пол. 40-х гг. ограничивается популярным в 1830—40-е гг. жанром «путешествия». В «Москв.» (1841, № 9, 11; 1842, № 8; 1843, № 11) он помещает заметки о своей поездке по сев.-вост. губ., где сохранились черты коренной рус. «образованности» (к ним примыкает запись тверских наблюдений — ЛПРП. 1838, № 35); одновременно увлеченно работает над описанием своего путешествия 1839, стремясь дать целостный взгляд «москвитянина» на совр. Европу, сохранив в то же время фактуру дневника, изобилующего domestic facts [домашними делами] и частными впечатлениями. — «Год в чужих краях. (1839). Дорожный дневник» (ч. 1 — 4, М., 1844; отрывки — ОЗ, 1840, № 7; «Москв.», 1841, № 1—3, 5; 1842, № 2, 4, 7; «Молодик на 1843 г.», ч. 1, X., 1843).

Жанровая манера книги выглядела соцветием «Совр.» Петерб.: «совершенно новый род лит-ры. не только нашей, но и вообще европ. ской» (1844, т. 36, с. 220) — и издалки «Отч. запосок» (Беллинского (1842, № 3; 1843, № 1), А. Д. Галахова (1844, № 9), А. И. Герцена (памфлет «Путевые записки г. Везарина» — 1843, № 11), а также В. Н. Майкова, относившего «манеру» П. к худшей в жанре «путешествия» — «эгоистической»: «место описания страны ... рассказы о событиях, приключенных в пути... интересна только для друзей и родных» (1847; см. М. И. К. в В. Н., Лит. критика, Л., 1985, с. 198). Ср. также отзывы: Н. А. Некрасова (ЛГ, 1843, 24 окт.), Н. Полевого (БдЧ, 1844, т. 65).

В 1844, после отхода Шевырѳа от журнала, П. вынужден привлечь малоизвестных сотрудников (Н. К. Калайдовича, Н. И. Стояновского, М. В. Поленова), а ряд несчастий, обрушившихся на него (тяжелый перелом ноги и смерть жены), побудил П. окончательно решить вопрос о неофич. передаче издания И. В. Киреевскому, оставив за собою лишь ист. раздел. Редакторство Киреевского (№ 1—3 за 1845) ознаменовалось воодушевлением лит. общественности и оживлением ж-ла, зашедшими П. К тому же опубл. в № 1 за 1845 ст. П. «Параллель Рус. истории с историей Зап. Европ. государств, относительно начала», наиб. полно излагавшая погодинскую ист. концепцию и имевшая, по его мнению, «государственное значение» как объяснение основ рус. общественного и гос. устройства (ее цельность и важность, несмотря на архаичность отдельных положений, отметил даже Герцен — ОЗ, 1845, № 3), стала поводом печатной полемики со славянофилами: в теории «призвания варягов» П. В. Киреевский увидел недооценку самобытных «родовых» начал слав. общества (в т. ч. общинного землевладения); отвечая, П. охарактеризовал его мысли как «родную Славяно-русскую утопию» («Письмо Киреевского и ответ П. см.: «Москв.», 1845, № 3).

Полемика с моск. славянофилами и сдержанная оценка ими ст. «За Рус. Старицу» («Москв.», 1845, № 3), к-рой П. предначертал роль манифеста в борьбе с «западничеством» (см.: восп. П. «К вопросу о славянофилах» — «Гражданин», 1873, № 12 и 13, с. 415), приводят к взаимному охлаждению и решит. отстранению славянофилов от «Моск.» по возвращении ж-ла к П. Результатом «раскола» явился славянофильский «Московский лит. и ученый сборник на 1846», выход к-рого (май 1846) П. воспринял с горечью, однако написал сочувственную реш. («Москв.», 1846, № 5) и принял участие в «Московском ... сб-ке на 1847 г.», опубликовав отрывок из заграничных писем «Прага» (о сб-ках см. ст. В. А. Панов).

Личные потрясения, отчуждение славянофилов и, наконец, разрыв с ун-том (следствие конфликтов с ун-тским начальством, в 1844 подал в отставку, надеясь, что она не будет принята; ушел в отставку в чине стат. сов.; в февр. 1845 по тем же мотивам покинул пост секретаря ОИДР) стали причиной тяжелого душевного настроения, отражавшегося в лирич. памфлете «К юноше» («Москв.», 1846, № 2): традиц. для П. тема учено-энтузиаста, не встречающего понимания современников, приобретает автобиогр. конкретность и трагич. интонацию. Публиц. «шосла-

ние», явившееся ответом на многочисл. претензии как друзей, так и врагов, а также язвнт. нападки «Отсч. зап.» [особенно резок фельетон их постоянного автора Некрасова (опубликован в альм. «Первое апреля», СПб., 1846), печатно обвинявший П. в склонности к сомнит. финансовым оборотам] превращают характер и репутацию П. в обществ.-лит. проблему (ср. также благожелат. отклик на «послание» Н. А. Мельгунова — «Об искусстве жить. Посвящается Юноше» — ОЗ, 1846, № 4). Свообразной кульминацией печатной дискуссии о лит. личности П. стал пассаж из «Выбранных мест из переписки с друзьями» Гоголя (кн. вышла в нач. янв. 1847). В главе IV — «О том, что такое слово» — лит. неудачи и не вызывающий сочувствия общественно-лит. облик П. объясняются его «нрщавшимся» обращением со словом, отражающим душевную растрепанность и необработанность мыслей. «Тридцать лет работал и хлопотал, как муравей, этот человек, торопясь ... передать поскорей в руки всем все, что находил на пользу просвещения и образования русского... И ни один человек не сказал ему спасибо; ни одного признательного юноши я не встретил... Заговорит ли он о патриотизме, он заговорит о нем так, что патриотизм его кажется подкупиной... Его искренний, непритворный гнев противу всякого направления, вредного России выразится у него так, как бы он подавал донос на каких-то некоторых, ему одному известных людей. Словом, на всяком шагу он сам свой клеветник» (ср. также надпись Гоголя на экземпляре «Выбранных мест», подаренном П.: «неопытному и растрепанному душой П.») (VIII, 230—232, 789). Мотив поспешного и небрежного обращения со словом варьировала также известная реплика Жуковского об отсутствии у П. лит. «такта» (см.: Барсуков, VIII, 251).

Взаимное сочувствие, возникшее между Гоголем и П. при знакомстве летом 1832 (П. усердно хлопотал по делам Гоголя и пытался устроить 2-ю изд. «Вечер...» в Москве — Гоголь, X, 237; «Дневник» — РГБ, к. 32, л. 86 об.), окрасило весь первый период их отношений и основывалось преим. на общем энтузиазме к ист. занятиям (переписка 1832—36; нек-рые ист. заметки П. отразились в ст. Гоголя «Миллер, Шнейер и Герднер; вместе с тем П. не отказывал на его просьбу написать рец. на «Арабский»). В 1835 П. поединичает в отношении Гоголя с рец. «Моск. наблюдателя», в познакомиться с его драм. опытами, становится первым пропагандистом его комич. таланта, связывая с ним надежды на «восстановление рус. театра («Письмо из Петербурга» — МН, 1835, март, кн. 2; в мае 1835 он устраивает у себя актер. чтение «Желтубы», а в 1836 соавт. с М. С. Шепкиным и С. Аксаковым — моск. премьеру «Ревизора»). Однако уже в рец. Гоголя на «Ист. афоризмы» высказано неодобрительное мнение о П. (Гоголь, VIII, 564—69; текст в «Совр.» значительно сокращен — см. там же, с. 191—94).

После смерти Пушкина П. в письме Гоголю предлагает его новое положение («Ты у нас остался») и призывает вернуться в Россию (ЛН, т. 58, с. 793—96; Гоголь, XI, 91—92), а

в 1838, звалованный слушать о его тяжелом материальном положении, посылает ему собранные его моск. друзьями деньги. Во время путешествия 1839 П. тесно и дружески общался с Гоголем, а затем «принес» его в Москву, несколько администрируя свои патронаж и заботу (см.: «Год в чужих краях»; «Отрывок из зап. „О жизни в Риме с Гоголем и Шевыревым в 1839 г.“» — РА, 1865, № 7, стб. 887—93; мимы 1839—40 и 1840—41 Гоголь жил у П., однако отношения их именно в это время крайне обострились, в частности, П. оскорблено равнодушием Гоголя к «Моск.» (гас, впрочем, опубликованы его рец. на альм. «Утренняя заря» и очерк «Рим» (1842, № 1, 3), а также — без его вклада — мат.-лы ко 2-му изд. «Ревизора» (1841, № 4—6), предоставленным Гоголем в счет лежачего долга). Возможно, печата на их отношения наложила и сдерж. реакция П. на «Мертвые души» (см.: Аксаков, III, 207; Гоголь, Переписка, т. 1, с. 417—18); очень болезненно Гоголь отреагировал на самовольную рубл. его портрета в «Моск.» (1843, № 11). Попытки объяснений в письмах 1843—47 не приводят к примирению: П. не принял их тона порицания и утешения, выставив встречные моральные упреки. После выхода «Выбранных мест...», оправдываясь перед Шевыревым и С. Аксаковым, резко осуждавшим пассаж о П., Гоголь обещал написать для 2-го изд. ст. «О достоинстве соч. и лит. трудов П.» (замысел не осуществился), а в кн. 40-х гг. он вновь останавливается в Москве у П., однако в их отношениях нет былой теплоты. В некрологе Гоголя («Моск.», 1852, № 5) П. подчеркивает «особенность», неизвестность его натуры, призывая тем не только исследовательность лит. заслуг писателя, но и обществ. значение той драмы мирского учителя, к-рая отразилась в их взаимоотношениях.

Жизненные и лит. неудачи укрепляют П. в мысли посвятить себя исключительно написанию полной рус. истории, для к-рой он в течение ряда лет «ищет тон». Др. стимулом к тому стала работа над «Историческим похвальным словом Карамзину...» для торжества открытия памятника ему в Симбирске (описание торжества — «Москв.», 1845, № 9; «Ист. ... слово» опублик.: М., 1845, и «Москв.», 1846, № 1 (не пропущенное в Москве, прошло петерб. цензуру благодаря Уварову); публ. мат.-лов к биогр. Карамзина — «Москв.», 1846, № 3, 4, 7). Написанное в исполнение обещания, данного И. И. Дмитриеву, «Ист. ... слово» получило одобрение как бывших «карамзинистов», так и «славянофилов», Гоголя (см.: «Выбранные места...», глава XIII «Карамзин»; все здесь, напротив обычного у П. «торпорного неряшества слога», «стройно, облумано... Все места из Карамзина прибраны так умно, что Карамзин... становится как живой перед глазами читателей») и даже «западников» (Герцен, XXII, 253—54; он же высоко оценил и погодин. некролог А. И. Тургеневу (опубликован: МВед, 1845, II дек.)). Однако, по замечанию Шевырева, на образ историка, единственного труженика, чуждого «светских» отношений, П. спроецировал свои обстоятельства и душевное настроение (Барсуков, VIII, с. 205—24). В отрывках из др.-рус. истории, к-рые П. впервые читал на лит. вечере 4 мая 1847, пригласив представителей разл. ученых и лит. кругов Москвы («Святослав», «Вел. княгиня Ольга», «Ярополк. Владимир» — «Москв.», 1847, ч. 2, 3;

1848, № 2, и др.; «Князь Андрей Юрьевич Боголюбский» — ЖМНП, 1849, № 9—10; оттиск — [СПб., 1849]; отд. изд. — М., 1850; рец.: (А. Н. Афанасьев) — «Совр.», 1850, № 10), П. пытался совместить критич. изыскания с традициями ист. повествования в духе Карамзина — эта трудно разрешимая задача (ср. отзыв Уварова: «нельзя быть вместе и Нибуром, и Шнеллером» — Барсуков в X, 135) явилась одновременно и гл. ориентиром, и камнем преткновения П.-исторнографа.

Оставив ун-т (1844), П. издает сочинения, подводящие итог его «подготовительных» ист. работ: сб. концептуальных статей 1828—45-х гг. «Историко-критич. отрывки» (М., 1846; кн. 2-ю составят аналогичные статьи, напис. в 1847—63, — М., 1867) и 3 тома «Исследований, замечаний и лекций о рус. истории» (М., 1846; изд. ОИДР), в к-рых, стремясь представить связь др.-рус. истории с общеславянской, объединил изыскания об источниках и «норманском периоде» рус. истории с пересказом исследования Шафарика о славянах.

С рец. К. Д. Кавелина на них (ОЗ, 1847, № 1) началась печатная полемика между П. и новым поколением историков — его бывших учеников, расхождения с к-рыми обозначились раньше (см. отзыв П. о дис. Кавелина — «Москв.», 1844, № 3, и «ответный» памфлет «Приношение М. П. Погодину» — ЛГ, 1844, 13 апр.). Ответ П. и подробный разбор сочинений Кавелина, С. М. Соловьева и др. спровоцировали ожесточ. полемику («Москв.», 1847, ч. 1—3; «Совр.», 1847, № 8; МВед, 1847, 17...26 июля); новое поколение рассматривало древнюю рус. историю как закономерное развитие семейно-родовых отношений в гос. и общественные и последующее формирование «начала личности»; для П. ее содержанием оставался провиденциальный процесс «формации гос-ва» — «зерно» и ключ ко всей нац. истории, а их требованию «прагматической» истории он противопоставлял тезис о роли «чуждого». Принципиальные расхождения предопределили позднейшие выступления П. против трудов Соловьева и его «Истории России», а с противной стороны — отношение к работам П. как безнадёжно устаревшим (см.: С. М. Соловьев. Персональный укл. лит.-ры., М., 1984).

В 1850-е гг. П. выпустил очерзные тома «Исследования...», посвященные «удальному периоду» (т. 4, 1850, т. 6, 1855, т. 7, 1856, т. 5, 1857; все — М.; отрывки печатались в ЖМНП, «Моск.» и др.), в к-ром видит специфич. явление, носительное с феодализмом, и «протолевное» «слишкомнажское правление» (рец.: А. Н. Афанасьев) — «Совр.», 1850, № 12; С. Соловьев — ОЗ, 1851, № 3; И. Д. Беляев — РусБ. 1858, [ч.] 1; полемика П. с И. Е. Забелиным — «Атеней», 1858, № 22, 26).

Сущность частью многообразной деятельности П. явилось его «Древлехранилище» — уникальный собр. древних книг и рукописей (включало также пресметы ар.-перс. утарри, монети, лубочные картины, украшения). По его мат-лам П. подготовил просветительско-комерс. издания, представлявшие образцы ар.-рус. почерков, снимки с авторграфов знаменитых лиц и членов нип. фамилии: «Исторический рус. альбом на 1837» (М., 1837; рец. — ЖМНП, 1837, № 2), «Образцы славянорус. древлеписаницы» (стр. 1—2, М., 1840—41; рец.: П. И. Кудрявцев) — ОЗ, 1840, № 11; (А. Д. Галяхов) — 1841, № 7), «Русский ист. альбом. 1853» (М., 1853); в 1844 П. попрос обр. авторграф царской семьи Николаю I, получил 4 тыс. руб. серебром. Как издатель П. выводит в оборот соч. историка И. Т. Посошкова («Москва», 1842, № 3 (в извлечении); отз. изд. — «Соч. крестьянина Ивана Посошкова», ч. 1, М., 1842 («Предисл. с исследованием о жизни Посошкова» Погодина); ч. 2, М., 1863), продолжение «Истории...» В. Н. Татищева («Москва», 1843, № 6—7) и др. источников. В «Москв.» печатал хронику своего приобретения, расширял представление об источниках рус. истории и письменности и привлекал к ним обществ. внимание. В кон. 1840-х гг. «Древлехранилище» становится Моск. достопримечательностью, поощряемой видными путешественниками, сановниками и членами нип. фамилии (МВед. 1849, 5 февр.); после неудачных попыток получить пособие на его содержание и на постройку каменного здания П. начал переговоры о его продаже, и по распоряжению Николая I «Древлехранилище» (рукописи, книги, гравюры и лубки) приобретено в 1852 за 150 тыс. руб. серебром с расстройкой на 10 лет для Нип. публ. б-ки.

Многочисл. занятия П. и всеобщее охлаждение к «Москв.» приводят ж-л к упадку, а в 1846, во время очередной поездки П. за границу, практически почти к полной остановке (последние номера вышли лишь к маю 1847, число подписчиков сократилось до 150; в 1847 выходил в виде 4 «учено-лит. сборников» под номинальной ред. Студитского). Очередная попытка (после неудачных переговоров с В. В. Григорьевым, Ю. Ф. Самариным, К. С. Аксаковым) возродить ж-л в 1848, заручившись поддержкой Шевырëва и ряда ун-тских профессоров, имела небольшой успех. Недовольный и редакторством Вельтмана (1849 — нач. 1850), П. решил привлечь Е. П. Ростопчину и А. Н. Островского, чьи лит. опыты вызвали у него ощущение оживления лит. ситуации и побудили даже издать «На Новый год. Альб. в подарок читателям „Москв.“» (М., 1850), где П. намеревался опубликовать «Банкрута» Островского и где наряду с собств. ст. «К ученому», варьировавшей темы послания «К юноше», поместил отрывки из «Псковитянки» Л. А. Мея, прозв. Ростопчиной, Вельтмана, Шевырëва.

Новый лит. круг «Москв.» складывается на вечерах Ростопчиной, ставшей в 1849—50 одним из ведущих авторов ж-ла, а также на лит. чтениях у самого П. в 1849—51 (чтение «Банкрута» 3 дек. 1849 в присутствии Гоголя и мн. гостей стало началом широкой лит. известности Островского). С 1850 к редакции ж-ла привлечены Мей и Островский (с кон. 1850 он вел с П. переговоры о полном переходе «Москв.» под его

редакчество; см.: Коган Л. Р., Летопись жизни и творчества А. Н. Островского, М., 1953, с. 39—46); к ним присоединились С. П. Колошин, Б. Н. Алмазов, Т. И. Филиппов и А. А. Григорьев (принимавший горячее участие в его судьбе, П. вел переговоры о его сотрудничестве с 1846), составив т. н. «молодую редакцию» «Москвитянина».

В этом альянсе помимо практич. интереса обеих сторон отразились демократические лит. и культ. установки П. (еще в пов. 1825 «Нишней» он писал о своей «любимой ... привычке шататься в народе, присматриваться к лицам и образам ... прислушиваться к речам ... и поговоркам»), проявившиеся и в его расхождении со славянофилами, в интересе к этногр. мат-лам и бытовому очерку из жизни разночинных слоев (см., в частности, очерки И. Т. Кокорева, сотрудника «Москв.» с 1846), а также в стремлении привлечь в ж-л писателей лит. круга «Отеч. зап.» — Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева (их лит. выступления 40-х гг. соответствуют представлениям П. о самобытной рус. прозе), в публикации рассказа П. И. Мельникова-Печерского «Красильниковы», варьировавшего ситуацию «Черной немоции».

Несмотря на постоянные конфликты «молодой редакции» с П., происходившие от неупорядоченности (внутриред. и денежных отношений) (во выражении Григорьева, ж-л «пал от алской скудости» П. — Григорьев. Восп., с. 309), энтузиазм членов «молодой редакции», публикация пьес Островского, прозв. А. Ф. Писемского, Полонского и лит. критика делают «Москв.» одним из центров лит. жизни нач. 50-х гг. Тогда же П. удалось привлечь новых сотрудников и в ученые разделы (М. М. Стасюлевича, Ф. И. Буслаева, А. Ф. Гильфердинга), а с др. стороны — постоянно публиковать мемуары своих «старших» сотрудников — А. С. Стурдзы, С. Аксакова, М. Дмитриева, «Дневник студента» С. П. Жихарева, явившиеся не только важными ист. мат-лами, но и существ. литературным явлением эпохи.

Во время начавшегося распада «молодой ред.» проект П. П. Сумарокова (1855), а после вел переговоры с А. И. Кошелевым (1856), знакомым ему еще по об-ву Рязня; однако наладить выход ж-ла не удалось (последние номера 1856 вышли в окт. 1857). Отъезд Григорьева за границу расстроил проект совместного с ним изд. «Москв.»; планы возобновления ж-ла мучаются в их переписке, а в 1860 П. официально оформил передачу ж-ла Григорьеву, однако его редакторству воспротивился цензура (А. А. Григорьев. Мат-лы для биогр., П., 1917; ЛН, т. 86, с. 367—80). Попыткой продолжить сотрудничество периода «молодого» «Москв.» стало издание «Утро. Лит. сборник» (совм. с Алмазовым; М., 1859), в к-ром принял участие Е. Н. Зделович, Колошин и др.

В сент. 1853 П. вернулся из заграничного путешествия, обновившего

полит. впечатления 1840-х гг., твердо убежденным в необходимости войны с Турцией. Письмо А. Д. Блудовой от 7 дек. 1853, излагавшее его взгляд на совр. полит. ситуацию и имевшее успех в петерб. об-ве, положило начало т. н. «историко-полит. письмам и запискам» времен Крымской войны (позже составили 4-й т. Соч. П. под назв. «Историко-полит. письмам и записки в продолжении Крымской войны 1853—1856» — М., 1874) и активной публич. деятельности. Особая популярность второго письма «Взгляд на рус. политику в нынешнем столетии» (апр. 1854), резко критикувавшего легитимист. принцип рус. внешней политики, определялся тем, что в нем (наряду с полит. статьями Тютчева, оказавшими на П. определенное влияние) отчетливо сформулирован тезис о противоположности интересов Европы и России как представительницы восточного русско-слав. мира.

Успех побудил П. вновь искать способов непосредств. полит. влияния, предлагая себя на службу, пытаться официально представить письма императору и добиться разрешения на издание полит. газ. или ж-ла, а в серии писем весны—лета 1854, развивая мысль о неизбежности столкновения с Австрией и Европой в целом, развернуть свою панславист. доктрину: освободив слав. племена и образовав слав. конфедерацию под покровительством России и со столицей в Константинополе (мысль о нем есть «средоточие», сокровенный смысл рус. истории), Россия выполнит свою миссию, осуществив от имени Вост. церкви то, чего не достиг Запад крестовыми походами (см.: «Настоящая война с т. з. Европейской историей», написано в июне 1854). Начало воен. столкновения с Европой вызывает патриотич. воодушевление П. (ст. о бомбардировке Соловецкого мон. — МВед. 1854, 14 авг.; перепеч.: «Москв.», 1854, № 15, и др. изд.); однако неудача рус. армии и неодобрит. отзыв Николая I о письмах (Барсуков, XIII, 117—18) меняют их тон и тематику: в письме «О влиянии внешней политики на внутреннюю» (окт. 1854) он резко критикует «охранительное» направление текущего царствования, к-рое, не учитывая особенностей нац. истории и нац. характера и пренебрегая рус. самобытному просвещению, лишь усиливает бюрократич. «язвы»; единственным же лекарством от них П. провозглашает «гласность» (см.: Соч., т. IV, с. 267).

Надежды П. на непосредств. полит. роль оживило восшествие на престол в февр. 1855 Александра II; он намеревается просить аудиенции и пишет новую серию статей, в т. ч. записку о гласности «Царское время» (17 апр. 1855; опубл.: «Рус-

ский», 1866, л. 12), описание посещения Москвы Государем (МВед, 1855, 10 сент.; с 30-х гг. подобные описания являлись для него поводом выражения своего москвофильского патриотизма). Однако позиция П. вскоре вновь приходит в противоречие с официальной внешней политикой; терпит неудачу неоднократные попытки публикации полит. писем в 1856—58. Опубл. по совету Тютчева за границей «Письма и статьи о политике России в отношении слав. народов и Зап. Европы» (ч. 1—3, Париж—[и др.], 1860—1861), письма в газ. «Le Nord» (1857, 11 авг., то же — МВед, 1857, 21 мая; 2-е — 17 пов.; оба письма см. также: Соч., т. 5, М., 1876) и полит. ст. в «Рус. беседе» (1859, ч. 3, 4) и «Рус. газете» (1859, 15 июля) вызывают резкое недовольство властей, а ст. «Прошедший год в рус. истории» стала причиной закрытия газ. «Парус» («Парус», 1859, 10 янв.). Погодинское же письмо к мин. нар. просвещения о запрещении «Паруса» опубликовал герценовский «Колокол» (1859, 15 июня). [О противоречивом отношении П. к эмигрант. периоду Герцена, к-рого он призывал в 1865 и 1867 гг. «покаяться» и вернуться в Россию (на что тот ответил теплым письмом от 13 авг. 1867), см. его ст. «А. Н. Герцен» («Заря», 1870, № 2), «превосходную», по определению Ф. М. Достоевского (XXI, 8); статья-некролог включала перепечатку его «Дорожных записок 1865 г.» о непредвиденной встрече и беседах с Герценом в Швейцарии (опубликовано: «Русский», 1867, 10 апр.).]

Общественно-публиц. деятельность П. кон. 1850—1860-х гг. чрезвычайно интенсивна: помимо организации торжеств, обзоров героев Крымской войны (совм. с В. А. Кожемякиным, с е-рым «близость» (см.: «Москва», 1856, № 1) и другим обществ. и культ. деятелями (в частности, по случаю юбилея Шенкина — «Москва», 1855, № 21/22; см. также: Соч., т. 3 — «Речи, произнесенные П. в торжеств. и прочих собраниях, 1830—1872», М., 1872) П. подает многочисленные «записки» по разл. вопросам гос. и обществ. жизни, в т. ч. о структуре, о железных дорогах, «о должности инспектора студентов». Особое значение придал письму к Титову, ставшему воспитателем вел. князя Николая Александровича; однако его публ. в «Рус. запечатленном сборнике» (ч. 1, встр. 3, Париж — и др.), 1858, вызвала резкую реакцию при дворе и способствовала удалению Титова от места.

Новый всплеск публиц. активности связан с полит. событиями нач. 60-х гг.: освобождением крестьян (эпитузиаста, опустошение П. проявилось в книге «Красное яйцо для крестьян от М. Погодина» (СПб., 1861, нр. 21 апр.), благожелательно разглядевшей намерения правительства; она включала две короткие статьи: «Ступи о решении крестьянского вопроса» (транс опубл.: СП, 1861, 28 февр.), «5-е марта в Москве» (блго-образованная манифеста) и разгромлено-благо-намеренную, написанную нар. льдом «Грамотку» (перенач. публ.: СПбВед, 6, 21 апр.), призывавшую к «сесосоловию» единству в момент ист. но мирного сдвига в социальном укладе России; Герцен обронил о впаде: «детский бред» (XV, 136), Н. Г. Чернышевский отозвался иронически (VII, 710), Достоевский принял ее «неудачнейшей» для «народного чтения» (XIX, 21); польскими волнениями 1861—63 (запре-

щенное цетурой «Послание паликам» и др. статьи — см.: МВед, 1863, 17, 24 июля, 20 авг.), а также с деятельностью П. в качестве главного Моск. гор. думы (ст. и речи о разных предметах гор. хозяйства, напр. «речь о газовом освещении»; частично собраны в сб.: «Утро», М., 1866). Характеризуя свою публиц. деятельность только за 1861, П. писал Шевыреву 4 мая 1861: «Всего читать ты не мог, потому что оно рассчитано по всем изданиям ... Дон-Кихотство мое кажется мне самому позач смехливым; но грешно, жалеться, и молчать» (РА, 1883, кн. I, с. 119).

Хотя все попытки П. вступить в службу с 40-х гг. терпят неудачу, верный романтич. идеалам 30-х гг., он стремится сформулировать русскую национальную гос. идеологию в духе совств. историко-полит. теории; его архаичная позиция прео-пределила, с одной стороны, восприятие П. ин. западниками как официального публициста (ср. замеча-

М. П. Погодин. Конец 1850-х гг.

ние Герцена от 15 июня 1861: «Правительство [Александра II] ... поддерживаемое штыками и статьями П.» — XV, 107), а с др., напротив, — постоянные ценз. сложности и недовольство им в правительственных кругах.

Не встретили сочувствия и итоговые ист. соч. П.: «Норманский период рус. истории» (М., 1859; рец.: К. Н. Бестужев-Рюмин — ОЗ, 1859, № 12; Н. А. Добролюбов — «Совр.», 1860, № 1), «Древняя рус. история до монгольского ига» (т. 1—2, М., 1871; см. также: «Обзорные древней рус. истории до татар» — «Заря», 1871, № 1; рец.: Бестужев-Рюмин — ЖМНП, 1872, № 5; П. Н. Полевой — СПбВед, 1872, 31 марта; И. Беляев — РВ, 1873, № 4). Научный темперамент П. преим. направлен на уточнение и отстаивание своих ист. концепций перед лицом новой, скептически-враждебной к нему эпохи в историографии (см.: «Должны ли считать Борису Годунова основателем крепостного права?» —

РусБ, 1858, т. 4; «Царь Иван Васильевич Грозный» — в кн.: Архив ист. и практич. сведений, относящихся до России [за 1859], кн. 5, СПб., 1860).

Принципиальное значение для П.-историка имели: защита «норманской теории» происхождения Руси (полемика со «жмудской» теорией Н. И. Костомарова закончилась публичным диспутом в 1860: РСЛ, № 4—5; СП, 24 марта; МВед, 24 марта; РусБ, [т. 1]; «Совр.», № 3, 5; см. также: «Гдеонов и его система о происхождении Варягов и Руси» («Зап. АН», прил., 1864, т. 6, № 2) и «Борьба не на живот, а на смерть с новыми ист. ересями» (М., 1874)); полемика с «украинофилами» о др.-рус. яз., к-рый П. считал ближайшим к церк.-славянскому, а т. о. — и к «коренному» слав. наречию (обширная полемика с И. И. Срезневским и Максимовичем в «Рус. беседе», «Москв.» и др. изданиях 1856—57); и особенно — отстаивание своей «срединной» позиции в отношении Петра I («Петр Первый и национальное, органическое развитие» — РВ, 1863, № 7; см. также: РВ, 1875, № 4).

Вновь обратился к ересь. делу царевича П. хотел разрешить противоречия, перед к-рыми по его мнению, остановился в работе над Петром Пушкин, и считал князя царевича «искупит. жертвой», произошедшей грив между старой и новой Россией: «Суа над царевичем Алексеем Петровичем» (РусБ, 1860, [т. 1]; статья имела большой резонанс; перенач. читана в ОЛРС 2 февр. 1860, в марте публично чтение в Петербурге в зале Пассажа — см.: РСЛ, 1860, № 4, и др.) и в экстраординарном заседании АН. Итоги занятой первым периодом царствования Петра I П. подводит в основном на источниках (в частности, открытым им «Дневнике П. Горюна») сопоставлении «Семинарских первых лет в жизни Имп. Петра Великого» (М., 1875; полжит. рец.: Е. Белов — «Древняя и Новая Россия», 1875, № 10, с. 185—92; ZZ — МВед, 1875, 22 июля).

Важной для П. остается слав. тема; он участвует в составлении с Хомяковым и Самариним «300-го послание к сербам» (Хомяков, I, 377—408), в организации празднования 1000-летия слав. письменности (см. «окружные постановления к Славянству» — газ. «Наше время», 1862, 6 мая), а также в работе слав. комитетов (Никитин С. А., Слав. комитеты в России в 1858—1876 гг., М., 1960, ут.).

В 1859 П. активно содействует возрождению ОЛРС, а после смерти Хомякова становится председателем общества (1860—1866), стремясь совместить в его занятиях историко-лит. и обществ.-полит. направленность. Однако наиб. значительной предстает его мемуарно-публикаторская деятельность — публикации биогр. материалов и восп. о Пушкине, Гоголе, Шевыреве, Одоевском и мн. других лит. друзьях (печатались в «Москв.», «Рус. архиве» и др. ж-лах). Естественно продолжить мемуарные выступления сочинения, посв. деятелям Александровской эпохи: «А. П. Ермолов: Мат-лы для его биографии» (М., 1863) и «Н. М. Карамзин, по его соч., письмам и отзывам современников. Мат-лы для биографии»

(ч. 1—2, М., 1866; первонач. — в периодике: «День», 1865, № 29; ВЕ, 1866, т. 2, и др.; реш. — ОЗ, 1867, март, кн. 1) — фундаментальный труд, канонизировавший образ Карамзина как первого рус. национально-исторического историографа. Построенные как монтаж ист. документов, работы о Ермолове и Карамзине представляли новый жанр ист. биографии и вместе с тем отражали позицию П., живого представителя прошлой эпохи, активно отстаивавшего ее дух и мировоззренческую основу перед лицом новой. Все это предопределило, в частности, значит. интерес Л. Н. Толстого к ист. мат-лам и соч. П. в период работы над «Войной и миром». В свою очередь П., несмотря на мн. критич. замечания, восторженно отзывался о романе, находя в нем верное изображение того самобытного рус. духа, к-рый «встречается deus ex machina в Рус. истории» (см.: «Из „Петерб. заметок“ П.» — ЛН, т. 97, кн. 2, с. 28, публ. А. Л. Осовата; Толстой, Л., 1931, с. 248—50, 326—41, 347—49; Гусев Н. Н., Л. Н. Толстой. Мат-лы к биографии..., М., 1956, с. 829).

Характерное для П. тех лет соединение мемуарно-публикаторских выступлений и полемичной к совр. обществ. жизни публицистики определяло облик издаваемой им «полит. и литературной» газ. «Русский» (в 1867 — еженедельно, в 1868 — ежедневно), состоявшей почти исключительно из его авторских мат-лов и не имевшей (как и прежние его периодич. издания) читательского успеха [в 1867 газ. одобрял Достоевский (см. ЛН, т. 86, с. 406), а в 1872—73 печатал аналогичные статьи П. в своем «Гражданине», в частности ст. «К характеристике Белинского...» (1873, № 9), к-рую считал «превосходною вещью» (ХХХ, кн. 1, 261)].

В 1873 П. издает задуманную еще в кон. 30-х гг. «Простую речь о мудреных вещах» (М.), посв. интересующим его с юности таинственным явлениям обыденной жизни («явлениям мира невидимого»); собрание свидетельств такого рода составляет осн. часть книги, а восходящий к интеллектуальной атмосфере романтич. эпохи (интерес к магнетизму, ясновидению, предсказаниям и т. п.) ее пафос актуализирован полемикой к совр. рационализму «наших философов, лингвистов и прогрессистов» (с. 47); полемич. разделы оубл. первонач. в газ. «Русский» — 1868, № 68—73).

Содержательные реплики Достоевского (в письме П. от 26 февр. 1873: «явного и скрытого вспылкого при чтении „Речи“»; см. также косвенные отсылки в черновиках «Дневника писателя» — ХХV, 261—65, 461) сопоставлены со сдержанно-укорит. реп. Н. Н. Стрелова, ва-

рыровавшей давние упрёки сочинениям П. («ничтожность и неясность в понятиях, пренебрежение к системе и иск-ву и форме изложения — «Гражданин», 1873, 22 окт.). Учительская критика Стрелова, а также письма отрывки нек-рых ученых, читавших «Речь» в гранках, П. во 2-м изд. (М., 1874) перекомпоновал мат-лы, выделив три раздела: «нравственно-художественные афоризмы», собственно — «случаи» философов для обсуждения) и полемич. публицистика. В 1875 выпустил «Сб-я, служащий дополнением к „Простой речи о мудреных вещах“» (М.), включивший разнородные статьи и заметки (в т. ч. статью работу «О преподавании легки Евангельской истории», заметки о картинах Н. Н. Ге); тогда же вышло 3-е изд. «Речи» (М.).

В неутомимой и необычайно обширной деятельности П., многочисл. лит. и издат. предприятиях, как правило вызывавших противоречивую реакцию критики и даже друзей, проявилось причудливое сочетание романтич. колорита его «энтузиастической» личности, представления о «предварительном» характере совр. эпохи рус. просвещения и цензурное стремление повысить свой социальный статус, определявшие жизненную стратегию П. еще с ун-тской скамьи. Вместе с тем исключит. широта круга интересов, деятельности и знакомств превращают его в одну из центральных фигур рус. лит. и обществ. жизни сер. 19 в., а его архив — в своеобразную энциклопедическую эпоху. На мат-лы уникального архива опирается фундамент. труд Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (кн. 1—22), охватывающий 1820—60-е гг. и включающий многочисл. свидетельства и письма (часто во фрагментах) как самого П., так и его современников.

Др. произв.: «Восп. о Хомякове» (Рубц., 1860, ч. 2), «К. С. Аксаков. Некролог» (там же), «Венок на могилу высокопреосвященного Иннокентия (Борисова)» (М., 1867), «Нигилистам» (там же, № 68), «Эмансипация женщины» (там же, № 101), «Иерусалим, из дорожных записок» («Русский», 1868, № 3/4, 5/6, 7/8, 12, 14, 15, 18).

Изд.: Соч., т. 1—3. 1872, т. 4. 1874, т. 5. 1876 (все — М.: какадой под соств. (названиями); Повести. Драма, М., 1984 (сост., вступ. ст. и прим. М. Н. Виролайнис); Точка в аистах и восп. П. — ЛН, т. 97, кн. 2 (вступ. ст., публ. и комм. Л. Н. Кузиной); Ист. афоризмы [не полностью]. — В сб.: Тайны истории. П., Н. Н. Костомаров, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский о пользе ист. знаний, М., 1994; О «Калужском пленнике». — В кн.: Пушкин в провинциальной критике 1820—1827. СПб., 1996 (ук.); Восп. об А. М. Бухареве (Архимандрит Феофан) (1874) — в антолог.: Архимандрит Феофан... Pro et contra. СПб., 1997 (ук.; сост. Б. Ф. Егоров).

Письма: А. И. Герцену — «Заря», 1870, № 2; М. А. Максимовичу — в кн.: Юбилей Максимовича, К., 1871, и Сб. ОРЯС, 1882, т. 31, № 2; А. Х. Востокову — Сб. ОРЯС, 1873, т. 5, в. 2; С. П. Шеварьеву — РА, 1882, № 3—6, 1883, № 1; РЛ, 1962, № 1 (в ст. о В. Г. Белинском); О. М. Бодянской — ЧОИДР, 1884, кн. 3 М., 1885; Иннокентию Борисову — в кн.: Письма разных лиц... архиепископу Иннокентию Борисову, М., 1889; Митрофану Иннокентию — «Зал. одес. ОИДР», 1889, т. 15; П. А. Плетневу — Грот и Плетнев (ук.); В. А. Жуковскому — РА, 1899, № 10; П. А. Вяземскому — в кн.: Письма П., С. П. Шеварьева и М. А. Максимовича к кн. П. А. Вяземскому 1825—74 гг., СПб., 1901 (прислел. и прим. Н. П. Барсукова);

М. Н. Загоскину — РС, 1902, № 8; В. Ф. Озювскому — РС, 1904, № 3; М. С. Шенкину — РС, 1913, № 11; А. Н. Островскому — в кн.: Непозн. письма Л. Н. Толстого, И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова и др. из архива Островского, М.—Л., 1932; С. Т. Аксакову — в кн.: Аксаковские чтения, к. 1, Абрамцево, 1988. Переписка П.: с А. С. Пушкиным — в кн.: Пушкин, Переписка (ук.); с Н. В. Гоголем — в кн.: Переписка Н. В. Гоголя, т. 1, М., 1988; с В. И. Далем — альм. «Лира», т. 2, М.—СПб., 1993. Письма к П.: А. А. Григорьева — в кн.: А. А. Григорьев. Мат-лы для биографии, П., 1917; «Уч. зап. гос. Тартуск. ун-та» 1973, в. 306; 1975, в. 358; Н. В. Гоголя — Гоголь, X—XIV; А. Н. Островского — Островский, XIV; А. С. Пушкина — Пушкин. Письма. [т. 4]. Письма последних лет (ук.); Н. И. Надеждин — ЗалГЛ, а. 39, М., 1978. См. также: Муратова (1); о «Письмах к П. из слов земель. 1835—61», а. 1—3, М., 1879—80; о письмах П. в изд. Н. П. Барсукова; о письмах к П. в изд.: ЛН, т. 16/18, комм. М. Я. Цыбовского).

Биогр. мат-лы: Автобиография. — Сп. профессоров Моск. ун-та; Барсуков: Пушкин; Пушкин. Письма, [т. 4]; Пушкин в восст., т. 2; Полевой. Мат-лы; Гоголь; Белинский; Гершен; Никитенко; Тургенев; Островский; Некрасов; Анненков; Толстой; Добролюбов; Достоевский; Моск. ун-т в восп. (все — ук.); М. С. Шепкин: Жизнь и творчество, т. 1—2, М., 1984 (ук.); Аксаков И. С., Письма к родным, 1844—1849, М., 1938; его же, Письма к родным, 1849—1856, М., 1994 (обе — ук.); Писемский А. Ф., Письма, М.—Л., 1936 (ук.); Соколов С. М., Избр. труды, Записки, М., 1883 (ук.); Крайнев С. А., Знакомство моск с П. — «Пчела», 1876, № 1; Бодянский О. М. В память П. — ЧОИДР, 1877, кн. 3; Смирнов М. П., Воспоминание о П. — ИВ, 1885, № 5; Буслаев Ф. И., П. как профессор. — В его же: Мои восп., ч. 2, М., 1886; его же, Мои восп., М., 1897, с. 127—29, 242, 336—67; Арсеньев И., Слово живое о неждивом — ИВ, 1887, № 3; Галахов А. Д., Погодин. — РВ, 1889, № 8; его же, Сорочковские голы. — ИВ, 1892, № 2; Берг Н. В., Посмертные зап. — РС, 1891, № 2, с. 235, 243—44, 252—54, 270—76; Погодин Д. М., Из восп. — ИВ, 1892, № 4; РВ, 1895, № 10, с. 163—89 (В. В. Розанов о личности П.; вошло в его кн. «Религия и культура»); Бартевц П. И., Неход. слов в воспоминании о П. — РА, 1900, кн. 3; Потекин А. А., Восп. о П. — Сб. ОРЯС, 1901, № 6; Часов И. А., Восп. о П. — ИВ, 1901, № 1; Ятклов Д. Д., М. П. Погодин, М., 1901; Егоров А. Е. (Константинов), Страница из прошлого, т. 1, Од., 1913; Линиченко И. А., Погодин. — В его же: Речь и поминки, Од., 1914; Цыбовский М. А., Пушкин по док-там погодинского архива. — В кн.: Пушкин и его современники, в. 19/20, П., 1914; в. 23/24, П., 1916.

Лит.: Григорьев. Критика; Григорьев. Эстетика (обе — ук.); Пыпин И. А., Характеристика лит. мнений от 20-х до 50-х гг., СПб., 1873, тл. 4—5; Пономарев С. П. в его отношении к Клеву. — «Киевлянин», 1876, 20—27 янв.; Попов Н. А., Докл. к биогр. П. — «Моск. учебн. изв.» 1871, № 9; его же, П. как слава и заблужд. — «Розанов чтения. Сб. в пользу слепых Балканского полуострова...», кн. 2, М., 1877; Козлович М. О., История рус. самосознания по ист. памятникам и научным соч., М., 1884; Иконников В. С., Опыт рус. историографии, т. 1 (кн. 1—2) — 2 (кн. 1—2), К., 1891—1908; Милонов П. Н., Гла. течения рус. ист. мысли, т. 1, М., 1898, с. 358; Ашевский С. (Строганов М. Н.), Полит. письма П. — «Обр.» 1900, № 12; Кириличников А. И. и Н. В. Гоголь (1832—1852 гг.) — РС, 1901, № 1; Ключевский В. О., М. П. Погодин. — В его же: Неопубл. произв., М., 1983 (то же: Соч. в 9 томах, т. 7, М., 1989, с. 280—97); Кондаков Н. П., П. как археолог — Сб. ОРЯС, 1901, т. 71, № 4; Корсаков Д. А., О. И. Сенковский и П. как журналисты, Каз., 1902; Лилев А. М., П. как профессор и историк. — В кн.: Сб. Ист.-филос. обз-ва при ин-те кн. Безбородко, т. 4, Нежин, 1903, т. 4; Крымский А. Е., Филологич. и Погодинская гипотеза, К., 1904; Кузмин С. К., Россия и рус. народ в характеристике П., СПб., 1908; Тишневская Б. П. и Зубричичев. — «Знаки Наукового товариства им. Шевченка», Львів, 1912, кн. 4; Казанович Е. П.,

ПОГОДИН

К истории сношений Гоголя с П. (Новые мат-лы). — Временник ПД. 1914, П., [1915]; Плеханов Г. В. П. и борьба классов. — Соч., т. 23, М.—Л., 1926; Францев В. А., П. и Фр. Палацкий, Прага, 1928; Варнеке Б. В., П. и Островский — Сб. ОФЯС, т. 101, № 3; Флоровский (ук.); Рубинштейн Н. Л., Рус. историография, М., 1941; Тойбин И. М., Пушкин и П. — Уч. зап. Курского гос. пед. ин-та, 1956, в. 5; его же, Пушкин и философско-ист. мысль в России на рубеже 1820 и 1830 гг., В., 1980; Серман И. З., Пушкин и рус. ист. драма 1830-х гг. — Пушкин. Носл., т. 6, Л., 1969, с. 125—29, 132—34, 148; Рус. пов. XIX в., История и проблематика жанра, Л., 1973 (ук.); Михальсон В. А., «Путешествие» в рус. лит-ре, Р.И.Д., 1974, с. 69—74; Возникновение рус. науки о лит-ре, М., 1975 (ук.); Терещенко В. К., П. в обществ.-нац. борьбе 30—50-х гг. XIX столетия, М., 1975 (авторф. канд. дис.); его же, П. и споры западников и славянофилов в 1840-х гг. — В кн.: Проблемы истории СССР, сб. 5, М., 1976; Колесник И. И., П. об «Истории России» С. М. Салозьева. — В кн.: Новые проблемы отеч. историографии и источниковедения, Сб. науч. трудов [2], Днепропетровск, 1976; Лахшин В. Я., А. Н. Островский, М., 1976, с. 128—41, 164—79, 426—45; Осовцов С. М., П. — рецензия Пушкина. — РЛ, 1976, № 2; Цамутали А. Н., Борьба течений в рус. историографии во 2-й пол. XIX в., Л., 1977 (ук.); Проценко Е. Г., Рус. критика 40—50-х гг. XIX в. о жанре путешествия. — В сб.: Поэтика жанра. Орадоникизис, 1980, с. 143—146; Капитанова Л. А., Жанровое своеобразие пов. П. «Черная немота». — В сб.: Проблемы жанров в рус. лит-ре, М., 1980; его же, Жанр повести в творчестве П. (20—30-е гг. XIX в.), М., 1981 (авторф. канд. дис.); Вауоро (1); Вауоро В. Э., Ист. трагедия и романтическая драма 1830-х гг. — В кн.: История рус. драматургии XVIII — 1-й пол. XIX в., Л., 1982; Эйдельман Н. Я., Пушкин и его друзья под тайным надзором. — ВЛ, 1983, № 2; Осипов А. Л., П. о Лермонтове в 1838. — В кн.: Лермонтовский сб., Л., 1985; Розанова С., Толстой и пушкинская Россия. — ВЛ, 1986, № 1; Ломо-

ва Е. А., Ирония в рус. повествоват. прозе 20—40-х гг. XIX в. (На мат-ле повестей Одоевского, Палова, Сомова и П.). — В сб.: Жанрово-стилевые искания и лит. процесс, А.—А., 1988; Досталь М. Ю., Славистика в ун-тских курсах П. — «Слав. филология», Л., 1988, в. 6; Козлов В. П., «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников, М., 1989 (ук.); Пронштейн А. П., Источниковедение в России, Р.И.Д., 1988; Тарасов Е. Н., Чаадаев, М., 1990, с. 64, 351, 397, 422—23 и др.; Цинбаев Н. И., С. М. Соловьев, М., 1990 (ЖЗЛ), с. 63, 68, 97—102, 136, 142—44, 150—153, 164—68 и др.; Анненкова Е. И., Н. В. Гоголь и Погодин. Эволюция творч. отношения. — В кн.: Н. В. Гоголь. Проблемы творчества, СПб., 1992; Умбрашко К. Б., Дзевенко П. как источник для реконструкции его биографии, Новосибир., 1992; его же с М. П. Погодин: Человек. Историк. Публицист, М., 1995 (авторф. докт. дис.); Петров Ф. А., Погодин и создание кафедр рус. истории в Моск. ун-те, М., 1995; Рогов К. Ю., К истории «моек, романтизма»: Кружок и об-во С. Е. Рязца, — «Лотмановский сб.», 2, М., 1997; ЛН, т. 55, 56, 58, 59, 60 (кн. 1), 62 (кн. 2), 67, 73, 79, 83, 88, 97.

Библ.: Бартснев П., Ук. статей и мат-лов по истории словесности, статистике и этнографии России, помещенных в «Москва» за 1841—1853 гг. — «Временник ОИДР», 1855, кн. 21; (Погодин М.), Хронологич. список соч. и пер. П., составл. по желанию ОИРС (Поев, мом. лит. архив и одному нелитературному). — газ. «Русский», 1868, № 12; его же, Книжки, издания П. — там же, № 14; Патмасситлетис града, и ученой службы П. (1821—1871), М., 1872; Дворецкая Н. А., Каталог собр. автографов П., Л., 1960; История ист. науки в СССР, Доистаб. период. Библ., М., 1965; Попкова Н. А., «Моск. Вестник». Журнал, изд. П. 1827—1830, Ук. содержания, Саратов, 1991; Рукоп. книги, собрания П., в. 1—2, Л.—СПб., 1988—92; Ивамова Кл., Български, сръбски и молдавски диалекти дирикти в рукописи в библиката на П., София, 1981; Каталог библики П., М., 1993 (соств. И. И. Ковригина и др.). † Некрологи: РВ, 1875, № 12;

ВЕ, 1876, № 1 (М. Стасюлевич); «Древняя и Новая Россия», 1876, № 2 (К. Бастужев-Рюмин); «Православ. обзор», 1876, № 2 (И. Аксаков), РБС (Л. Корсаков); Ст. ОИРС; Геннази; Мелков; Гранат (М. Н. Покровский); СНЭ; Черейский; Рус. писатели (В. Н. Некрасов); Ботра, «Совр.»; Ботра, ОЗ (1; 2); ИДРДВ; Лерн. зны.; Клейменова; Смирнов-Сожальский; Мурагова (1; 3).

Архивы: Козьменко И. В., Ариев П. — ЗапГЛ, в. 11, 1950, с. 39—54; РГБ, ф. 231; РГАЛИ, ф. 373; РНБ, ф. 588; РГИА, ф. 1108; ИРЛИ, ф. 26 (в т. ч. автобиограф. 1848 г.; переписка с женой (1835—43 гг.); письмо Николаю I, письма С. П. Шевырева (134; 1829—1863 гг.); 2 письма Ф. Гизо); там же письма П.: ф. 18 (П. И. Баргенис; 1840—55, б. а.); ф. 90 (В. И. Даль; 1842—54, б. а.); ф. 93 (П. Я. Лавинский; 1839—60, б. а.); ф. 158 (Лонгинов; 1859—1871, б. г.); ф. 205 (А. В. Никитенко; 1835—55; творч. мат-лы о П.); ф. 234 (П. А. Плетнёв; 1841—62); ф. 244 (А. С. Пушкин; письма П. и к П., статьи — 1827—36 гг.); ф. 265 (ж. «Рус. старина»; лекция, статьи, письмо П. и др.); ф. 274 (М. И. Семевский; 1860—72); ф. 293 (М. М. Стасюлевич; [1866]—1873); ф. 357 (В. И. Яковлев; 1867—74, б. а.); ф. 652 (Н. В. Гоголь; письма П. и к П., 1841—67, б. а.); ф. 677 (Е. А. Бобров; письма б. д., автографы); там же во имп. фондах, разряды (I, П, III) и документы, хранящиеся под инвентарными номерами, имеются письма П. к И. С. Аксакову, П. В. Анненкову, Г. Н. Геннази, М. Н. Каткову, А. А. Красковскому, М. Н. Лонгинову, А. Н. Майкову, А. С. Новору, А. Ф. Писемскому, К. С. Сербиновичу, И. М. Снегирёву, Н. Г. Устрялову, Н. Ф. Шербини и письма к П.: А. Н. Верстовского, Н. А. Добролюбова, А. Н. Майкова и им. другим); СПбФИРИ РАН, ф. 107; ГИМ, ф. 280 (см. также: ГИМ. Путеводитель по фондам личного происхождения. Отдел письменных источников, М., 1967, ук.); ИБ Каз. ГУ; ГАРФ, СА, оп. 1, в. 93, 1141, 1632, 1804, 1808, 1883, 1944, 2030, в также ряд дел в оп. 2 и 3 (везл. записки из отосл. 2-й пол. 20-х—60-х гг. Погодина и к Погодину).
К. Ю. Рогов.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ И УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ В РОССИИ XIX — НАЧ. XX ВВ.

Адекватное понимание биографий, а нередко и творчества русских писателей 19 — нач. 20 вв. требует, как в этом уже неоднократно убеждались читатели настоящего издания, учета многочисл. реалий тогдашней жизни. Среди различного рода особенностей гос. и обществ. устройства дореволюционной России далеко не последнее место (а для литературной деятельности, быть может, и одно из первых) занимает система образования и учебных заведений. Вопросы социального статуса русских писателей, определявшиеся наличием у них свидетельств об окончании тех или иных учебных заведений, уже затрагивались в приложении ко 2-му тому данного Словаря (см., напр., разделы Гражданская служба, с. 598—99, Военная служба, с. 595—97 — наст. изд., т. 2, М., 1992; Приложения). В данной статье рассматриваются вопросы структуры, содержания обра-

зования в различных типах (гос., обществ., частных) учебных заведений Рос. империи 19 — нач. 20 вв., круг учебных дисциплин — как общеобразовательных, так и специальных — и объем знаний, получаемых в этих учебных заведениях, а также в какой-то мере системы воспитания. При этом необходимо творчество, что домашнее образование, равно как и самообразование, в рассматриваемый период зависели от господствующей системы образования и в значит. мере определялись требованиями к выпускникам казенных или частных учебных заведений. Нетрудно заметить, что эти вопросы имеют самое непосредственное отношение к формированию и пониманию внутреннего мира писателя, его кругозора, этических и идейных основ его творчества, а также отраженному в его сочинениях жизненному материалу.

СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В конце 18 в. в России в дворянской среде преобладало домашнее воспитание, причем если у аристократич. верхушки оно предполагало порою довольно высокий уровень знаний, хотя и не всегда систематических, а также зачастую дополнялось заграничным образованием, то у основной дворянской массы нередко ограничивалось элементарной грамотностью, в лучшем случае при знании иностранных языков (гл. обр. французского). Систематич. образование дворянам давали только кадетские корпуса (Сухопутный шляхетный и Морской) и Пажеский корпус. Отдельные случаи отправления в «чужие края» молодых дворян не меняли дела. У купечества, мещанства и тем более у крестьян образование сверх элементарной грамотности, получаемой дома, у мастериц и у церковного дьячка, как правило, отсутствовало. Единств. сословием, для которого образование носило обязательный характер, было духовенство, дети которого получали воспитание в духовных семинариях, а высшее образование — в духовных академиях. Светское образование считалось необходимой принадлежностью только «ученого сословия». При этом, однако же, начиная с Екатерины II существовала система учебных заведений на основе принятого в 1786 Устава народных училищ. По этому Уставу в губернских городах учреждались всеобщие главные народные училища, а в уездных — малые училища. Первые играли роль средних учебных заведений, вторые — начальных и служили предларт. ступенью для подготовки к первым. Высшее образование давал основанный в 1755 Московский университет, но системной связи среднего образования (в основном предполагавшегося самодостаточным) с высшим не было. Образование в Пажеском и кадетских корпусах — закрытых учебно-воспитательных заведениях, равно как и в женском Смольном институте, совмещало среднее и высшее. Большинство народных

училищ, как главных, так и малых, числилось только на бумаге.

Существовали также сословно-профессиональные учебные заведения, например горнозаводские школы, предназначенные для подготовки специалистов в узкой области.

Начало более упорядоченной образоват. системе было положено созданием Министерства народного просвещения (учреждено наряду с другими министерствами в 1802) и учебных округов (на которые делилась вся Рос. империя) вместе с основанием университетов Казанского и Харьковского в 1804, позднее — Санкт-Петербургского (Петербургского; здесь и далее Санкт- в официальных названиях многих учреждений опускается, как и в предыдущих томах Словаря), по мысли законодателя — методич. и административных центров. В 1803 приняты *Предварительные правила народного просвещения*, а в 1804 — *Университетский устав и Устав учебных заведений, подведомых университетам и полечителям округов*. Отныне низшее образование базировалось на системе *приходских и уездных училищ*, учреждаемых вместо прежних малых народных (здесь и далее выделенные курсивом или разрядкой учебные заведения рассматриваются ниже в соответствующих разделах). Смотритель уездного училища являлся в то же время начальником приходских училищ данного уезда. В каждой губернии взамен главных народных училищ создавались *губернские училища* или *гимназии* (последнее название на практике возобладало), причем директор гимназии становился одновременно и директором народных училищ всей губернии. Система общегражданских всеобщих учебных заведений предусматривала начальные учебные заведения как подготовительную ступень к средним, а средние — к высшим (целью гимназий Устав определял подготовку к слушанию университетских курсов). Наряду с этими учебными заведения-

ми существовал ряд специальных, сословно ограниченных заведений, являвшихся часто средними или смешавшими в себе тип среднего и высшего учебного заведения (благородные пансионы, лицей).

Изданный в 1828 новый Устав изменял положение гимназий, приходских и уездных училищ, а также и частных учебных заведений. Этот Устав усилил сословное начало в образовании. Каждое из перечисленных заведений оказывалось замкнутым и самостоятельным. Продолжительность гимназич. курса увеличивалась до 7 лет, включая курс начального образования, так что для поступления в гимназию отныне не требовалось окончания уездного училища, окончание же последнего не давало права поступления в гимназию. Одновременно при гимназиях открывались *благородные пансионы* для детей дворян, а во многих губерниях — *дворянские институты* с сокращенным гимназич. курсом (продолжительность обучения 5 лет).

С 1835 университеты были устранены от управления гимназиями, а гимназии от управления уездными училищами.

Наряду с казенными и учебными заведениями продолжали действовать различные частные и обществ. (пансионы и др.), но они были подчинены правительственному контролю. Во всех типах учебных заведений студенты делились на *своёкоштных*, обучавшихся на свой счет, и *казеннокоштных* (бедные дворяне, разночинцы, учившиеся на казенные деньги). Учащиеся и студенты имели и др. источники финансирования: научные сообщества, премиальные фонды, субсидии дворянских собраний (в губерниях), местные поощрительные фонды, а также пожертвования и стипендии частных лиц.

В 30—40-е гг. 19 в. получили также распространение различные сословные учебные заведения — как низшие, так и средние. Это *училища для детей канцелярских служащих*, училища Удельного ведомства, *горнозаводские училища* и т. п., дававшие начальное или среднее (среднее специальное) образование детям лишь определенных сословий и рода службы, с расчетом на продолжение ими занятий своих родителей.

После административной и школьной реформ 1828 г. шел процесс формирования высших учебных заведений, главной задачей которого была подготовка чиновников для гос. службы. Начиная с 1831 в России стали открываться *институты* и близкие к ним по типу учебные заведения: Технологический институт, Институт гражданских инженеров, Институт инженеров путей сообщения и т. д. (к 1851 в России было св. 3200 студентов; профессоров и преподавателей — ок. 600). В то же время в связи с военизацией некоторых отраслей гражданского управления ряд высших технич. учебных заведений, например Горный институт (Горный кадетский корпус), имел военизированное устройство.

По Уставу 1871 окончательно было введено разделение средних учебных заведений на *классические гимназии* и *реальные училища*. При этом право на поступление в университеты давали только классическая гимназия и духовная семинария, реальное же училище оставляло своим выпускникам лишь возможность поступления в институты и др. специальные высшие учебные заведения.

Такое жесткое разделение среднего образования на классич. и реальное, закрывающее для выпускников реальных училищ путь в университеты, было предметом длительной и весьма бурной полемики в обществе. Реальное образование вообще, а естественные науки в частности стали лозунгом демократич. публицистики, воспринимавшей классич. образование с «мертвыми языками» как символ реакции и консерватизма. Противопоставление это не было, однако, связано с природой той или иной системы образования. Более того, на За-

паде, на пример которого ссылались сторонники классич. образования, указывавшие, что оно наиболее эффективно во всем мире, как раз классич. образование было очагом свободомыслия, а реальное, ориентированное на узко профессиональную подготовку, — способом деидеологизации образования и насаждения конформизма. Если же говорить о собственно содержании этих двух систем (на уровне состава предметов и программ), то главными их отличиями были преподавание и роль древних языков, а также степень подготовки в области естественных и отчасти точных наук.

Программа советской средней школы 1930—60-х гг. больше всего соответствовала программе именно реальных училищ, уступая последней в количестве и качестве изучения новых иностранных языков.

В результате земской реформы 1864 земствам было предоставлено право открывать различные учебные заведения, в т. ч. *сельские училища*, причем земства ведали этими училищами преим. в хозяйственном отношении, а программы преподавания и методич. руководство принадлежало Министерству народного просвещения (соответственно, учебным округам, директорам народных училищ). Положения 1864 и 1872 закрепили систему сельских (земских и министерских) и городских начальных училищ (с предназначенными для подготовки педагогич. кадров учительскими институтами и семинариями).

Действовавшие наряду с земскими и министерскими *церковно-приходские школы* первоначально втащили довольно жалкое существование. Но с начала 1880-х гг. Духовное ведомство стало претендовать на ведущее положение в сфере начального народного образования. С 1883 из сметы Министерства народного просвещения в Святейший Синод были перечислены средства на поддержку школ, а законами 1884 и 1891 руководство церковно-приходскими школами и *школами грамоты* было предоставлено Синоду.

Система начального и среднего образования для отдельных регионов и конфессий предусматривала специальные типы учебных заведений: училища в губерниях Киевской, Волынской и Подольской, училища в северо-западных губерниях, училища в прибалтийских губерниях, училища Кавказского округа, училища, преобразованные из церковно-приходских школ иностранных исповеданий, еврейские училища и др.

Характерными чертами этой системы было разделение типов и подчиненности учебных заведений по ведомствам и наличие своего рода тупиковых вариантов. Так, окончание начальных училищ не давало права на поступление в соответствующие классы средних учебных заведений. На последнее обстоятельство неоднократно указывали как деятели народного образования, так и земства. Отчасти такое положение устранилось учреждением в 1912 *высших начальных училищ*, дававших более углубленную подготовку сравнительно с городскими училищами и предоставлявших своим выпускникам право на поступление в соответствующие классы гимназий и реальных училищ.

Средние и начальные общеобразовательные учебные заведения были в пореформенное время всесословными, но существовали ограничения по национально-вероисповедному принципу (пресловутая «процентная норма» для евреев с 1887).

Система высшего и среднего образования включала университеты, а также специальные высшие учебные заведения (институты, высшие училища). Ряд привилегированных учебных заведений (Училище правоведения, лицей), как правило закрытых и полузакрытых, для детей дворян, совмещал в себе среднее и высшее образование. Прием в каждое конкретное высшее учебное заведение зависел от наличия среднего образования того или ино-

го типа; имелись также ограничения по национально-вероисповедному признаку.

В целом кроме гимназий и реальных училищ право на поступление в высшие учебные заведения давали: частные гимназии и реальные училища с дополнит. классом, пользующиеся правами правительственных гимназий и реальных училищ; коммерческие училища Министерства финансов и Ведомства учреждений императрицы Марии; средние промышленные училища (а также Комиссаровское училище) — по соответствующим специальностям; кадетские и Морской корпус; духовные семинарии — исключая возможность поступления в университеты (кроме Томского); училища при церквях иностранных исповеданий в Петербурге и Москве — для окончивших курс гимназического и реального отделений в дополнит. классом; Нижегородский (Дворянский) институт императора Александра II; Гатчинский сиротский институт императора Николая I; гимназич. классы Лицея цесаревича Николая (Катковский лицей в Москве); Коллежия Павла Галагана в Киеве; гимназич. классы Лазаревского института восточных языков; Московская практическая академия коммерческих наук; Лодзинское высшее ремесленное училище; Техническое училище Морского ведомства в Кронштадте; Военно-топографическое училище; Михайловское и Константиновское артиллерийские училища; Николаевское инженерное училище; Павловское и Александровское военные училища; Николаевское кавалерийское училище, а также Пажеский е.и.в. корпус.

В земледельческих училищах некоторые из успешно окончивших курс с особыми свидетельствами получали право на поступление в высшие специальные учебные заведения Ведомств земледелия и гос. имущества.

Отдельными замкнутыми и самодостаточными системами образования были женские и учебные заведения, военно-учебные заведения и учебные заведения Духовного ведомства. Появившиеся в последние треть 19 в. и особенно активно развивавшиеся в нач. 20 в. высшие женские учебные заведения первоначально существовали на правах частных и не давали никаких особых прав. Впоследствии они стали давать выпускникам некоторые права, преим. на занятие педагогич. должностей в женских учебных заведениях.

В 60—70-х гг. 19 в. начали формироваться на правительственные высшие учебные заведения, возникавшие по инициативе интеллигенции и финансовой помощи буржуазии; выпускники таких учебных заведений не получали права на чин и сословные привилегии. По инициативе Русского музыкального общества были открыты консерватории в Петербурге (1862) и Москве (1866). С 70-х гг. по инициативе и на средства общественности стали открываться высшие женские курсы. В Петербурге по инициативе профессоров Петербургского университета открыт Археологический институт. Система неправительственных высших учебных заведений университетского типа включала (помимо высших женских курсов, частных университетов и др.) женские медицинские институты, педагогические, археологические, коммерческие. В 1917 в неправительственных высших учебных заведениях обучалось свыше 70 тыс. студентов.

Частные учебные заведения подлежали правительственному надзору и делились на обладающие правами соответствующих казенных учебных заведений и не обладающие такими правами. Чаще всего они были ориентированы на определенные типы казенных учебных заведений (гимназии, реальные училища и т. д.).

Если в 18 — нач. 19 вв. домашнее образование и не играло ведущую роль, в дальнейшем его роль стала заметно снижаться. Одновременно содержание домашнего образования вынужденно стало ориентироваться на программы казенных учебных заведений. Будучи принадлежностью богатого дворянства (и лишь от-

части первостепенного купечества), домашнее воспитание, как правило, не поднималось выше среднего, так что поступление в высшие учебные заведения порождало необходимость сдачи экзаменов в объеме, соответствующем средним учебным заведениям, а получение необходимых для военной или гражданской службы прав выпускников средних учебных заведений диктовало необходимость сдачи экзаменов по программе этих учебных заведений на правах экстерна. К тому же, начиная с 1830-х гг. права на занятия домашним обучением стали жестко регламентироваться. Поэтому к середине 19 в. домашнее обучение стало либо способом подготовки к поступлению в средние учебные заведения, либо выступало как дополнение к обучению в них (гувернеры, репетиторы). Долгие сохраняло свое значение домашнее воспитание для женщин, но массовое открытие женских средних и начальных учебных заведений во 2-й пол. 19 в. резко уменьшило его значение.

И, наконец, получение образования за границей в течение 19 в. также заметно потеряло свое былое значение. К концу 19 в. основными группами обучающихся за границей были женщины (до сер. 70-х гг.), для которых высшее образование в России было сначала недоступным, а затем ограниченным по профессиям (напр., они долго не могли получать высшего юридич. образования; право на получение университетского медицинского и физико-математич. образования было дано в 1915 — Казанскому и Саратовскому университетам, в значит. степени — революционно настроенная молодежь, нередко устремлявшаяся в швейцарские, а также германские учебные заведения не столько за образованием, сколько за участием в политич. деятельности, и в особенности евреи, права которых в области как среднего, так и высшего образования в России были резко ограничены т. наз. процентной нормой и для которых получение в заграничных учебных заведениях ученой степени доктора философии (или доктора медицины) означало возможность права жительства вне черты оседлости.

Что касается проблемы «конвертируемости» заграничного образования в России и русского за границей, то в России она решалась таким образом, что для получения прав и преимуществ, связанных с высшим образованием, обладатели ученых степеней зарубежных университетов должны были сдать экзамены на рос. дипломы об окончании университета или другого высшего учебного заведения, после чего заграничный диплом заменял выпускное свидетельство соответствующего факультета об окончании полного курса этого факультета; действительное рос. дипломы за рубежом и, главное, признание качества рос. образования определялись по-разному в различных странах. Сравнение уровня подготовки возможно только применительно к конкретным дисциплинам и в конкретное время. В целом можно сказать, что рос. высшее образование начиная со 2-й пол. 19 в. по большинству тонких и гуманитарных, а также по некоторым естественным наукам не уступало европейскому.

Языком преподавания на территории Рос. империи был гл. обр. русский, а в Царстве Польском до поражения восстания 1863—1864 — польский. Начиная с 1869 — преобразования Варшавского университета — русский язык окончательно стал языком высшего образования в России и Польше. Исключение составлял только Дерптский университет, в котором преподавание до 1893 велось на немецком языке. В средней школе русский язык был принят повсеместно, за исключением училищ при церквях инославных исповеданий, колонистских, а также средних учебных заведений остзейских губерний и Царства Польского, где во 2-й пол. 19 в. также произошла русификация. В начальной школе языки народов России (наряду с русским) преподавались в Поволжье (Казанский учебный округ, с 1870), Закавказье и Средней Азии. Этим языкам обучали также в специальных учебных заведениях — для подготовки преподавателей начальной школы; инородческие учительские семинарии, в т. ч. знаменитая Симбирская чувашская школа, основанная известным чувашским просветителем И. Я. Яковлевым, церковно-учительские школы. В основе педагогич. процесса в этих учебных заведениях лежала т. наз. система Н. И. Ильминского,

Если в начале 19 в. количество людей, обучающихся в рос. высших учебных заведениях не превышало нескольких сотен человек, то к 1917, по подсчетам А. Е. Иванова, в России имелось 124 высших учебных заведения, в которых обучалось (на 1913) более 120 тысяч студентов. За 1898—1917 полный курс обучения в высших учебных заведениях России прошло ок. 160 тыс. человек.

Управление высшими учебными заведениями было многоведомственным: 65 гос. и 59 неправительственных, все они находились на правах местных учрежде-

ний в ведении 10 министерств. Синода, Ведомства учрежденной императрицы Марии; в ведении Министерства народного просвещения — 67 вузов, Министерства торговли и промышленности — 13, Министерства земледелия — 11, Министерства внутренних дел — 11. Министерства самостоятельно проводили свою «академическую политику», руководство вузами осуществлялось на основе уставов. Для гос. вузов уставы издавались в виде законод. актов, для неправительственных — в виде ведомственных распоряжений.

ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

УНИВЕРСИТЕТЫ

Первый русский *Московский университет* (1755; самый крупный: к 1831 св. 800 студентов; в 1914 ок. 10 тыс.) управлялся кураторами и коллегией профессоров, подчинявшихся Сенату. Первоначально состоял из трех факультетов: философского, юридического и медицинского; на философском факультете изучали кроме философии также красноречие, историю, физику. С нач. 19 в. стали открываться новые университеты: *Харьковский*, *Казанский* (оба в 1804), *Петербургский* (с 1819, основан на базе *Главного педагогического института*; по мнению ряда историков, ведет начало от Академического университета, Петербург, 1722—66); к ним присоединились *Дерптский* (основан в 1632; вновь открыт в 1802; с 1893 — *Юрьевский*; с 1919 — Тартуский) и *Виленский* (основан в 1579, реорганизован в 1803 из Гл. виленской школы, 1797, закрыт в 1832; в 1919—39 существовал как один из университетов Польши, позднее Виленский). В дальнейшем были открыты *Университет св. Владимира в Киеве* (1834) или Киевский университет св. Владимира, *Новороссийский университет* в Одессе (1865; преобразован из *Ришельевского лицея*), а затем *Томский* (1880), *Саратовский* (1909) и, наконец, *Ростовский университет* (основан в 1915 на базе эвакуированного в Ростов-на-Дону Варшавского университета). В 1916 основан *Пермский университет* как отделение Петроградского. В 1817 по указу Александра I был открыт *Варшавский университет* (до 1830 назывался Александровским), готовивший польские национальные кадры учителей, врачей, католич. священников; с ликвидацией самостоятельности учреждений Царства Польского включен в систему русских университетов в 1867, вновь открыт в 1869. В 1809 к рос. университетам был причислен Абоский (г. Або, или Турку) университет, основанный в 1640 в Финляндии; в 1828 переведен в Гельсингфорс (Хельсинки) и получил название Александровского, или Гельсингфорского. До 1918 сохранял свою автономию.

Университеты обладали, в зависимости от общей ситуации в стране, большей или меньшей автономией; при них находились цензурные комитеты (до реформы цензуры в 1826), включавшие своих представителей; университеты сохраняли право цензуры своих изданий. Финансировались за счет казны и частных пожертвованных.

В 60-е гг. усилился приток разночинцев (впрочем и в нач. 19 в. они составляли значительный процент учащихся). В 1901 в рос. университетах было ок. 17 тыс. студентов (дворян — 50,3%, духовенства — 10,3%, др. сословий — ок. 40%) и 832 вольнослушателя; в 1916 — ок. 39 тыс. студентов, ок. 1900 профессоров и преподавателей: по данным СИЭ, т. 14, с. 817—818.

В российских университетах (в отличие от европейских) с самого начала не было факультетов богословия. Исключение составлял Дерптский университет, но там богословие преподавалось лютеранское и факультет го-

товил гл. обр. священнослужителей для лютеранской церкви в России.

Студенты, окончившие университеты и защитившие дипломную работу, получали звание кандидатов, не защитившие — действительных студентов.

По Уставу 1804 (давшего автономию университетам) вводился трехлетний курс обучения. Университеты делились на отделения.

Медицинские отделения (факультеты) были во всех российских университетах, кроме Петербургского. Поскольку изучаемые там предметы, характер и цель обучения более или менее очевидны, здесь и в дальнейшем медицинские структуры в составе университетов специально не рассматриваются.

I. На отделении словесных наук изучались красноречие, стиховорство, русский язык, греч. язык и словесность Др. Греции, латинский язык и римская словесность, всемирная история, география и статистика Рос. государства, восточные языки, теория изящных искусств и археология. II. На отделении физических и математических наук изучали теоретич. и опытную физику, чистую и прикладную математику, астрономию, химию, ботанику, минералогию и сельское домоводство, технологию и науки, относящиеся к торговле и фабрикам, а в Харьковском университете также военные науки. III. На отделении нравственных и политических наук изучались богословие, философия (умозрительная и практическая), право — естественное, политич. и народное, а также гражданское и уголовное судопроизводство в России, дипломатика и полит. экономия. В 20-е гг. преподавание философии было сведено к минимуму, а преподавание богословия усилено.

Университетский Устав 1835 (подчинивший университеты попечителям учебных округов) вводил четырехлетний курс обучения, для медиков — пятилетний. По этому уставу университеты делились на философский и юридический факультеты.

Философский факультет состоял из двух отделений: на первом изучались философия, греч. словесность и древности, латинская словесность и древности, рос. словесность и история литературы, история и литература славянских наречий, восточная словесность и языки, всеобщая история, рос. история, а также полит. экономия и статистика; на втором — чистая и прикладная математика, астрономия, физика и физич. география, химия, минералогия и геогнозия, ботаника, зоология, технология, сельское хозяйство, лесоводство, архитектура.

В Дерптском университете философский факультет по Уставу 1803 делился на физико-математический, филологическо-исторический и технологико-экономический классы, а по Уставу 1820 философское отделение состояло из 4 классов: наук философских и математических, естественных наук, филолого-исторических наук и технологико-экономи-

ческий (с кафедрами экономики, технологии и гражданской архитектуры).

На юридическом факультете изучались энциклопедия права, основные рос. законы, римское право, гражданское право, законы благоустройства и благочиния, законы о гос. повинностях и финансах, полицейское и уголовное право, начала «общенародного правоведения».

В 1828—39 при Дерптском университете был открыт Профессорский институт — для подготовки профессоров в другие университеты.

С 1843 в Петербургском университете, а затем также в Казанском и Харьковском для приготовления «людей, способных к службе хозяйственной и административной», был учрежден камеральный (административно-управленческий) разряд юридического факультета, на котором изучались гос. право европейских держав, гос. учреждения Рос. империи, законы о благоустройстве и благочинии, полит. экономия и статистика, естественная история, технология, агрономия, архитектура, а в виде дополнительных предметов также русские гражданские и уголовные законы, всеобщая и отечественная история и один из новых языков.

С 1860 в Петербургском университете камеральный разряд был преобразован в административное отделение, упраздненное в 1863. В Казанском университете с 1865 вместо камерального разряда учрежден разряд гос. наук, просуществовавший до 1878. На юридическом факультете Дерптского университета существовали специализации правоведение и дипломатия. Прием на дипломатич. отделение прекратился только с 1889. С 1819 в этом университете существовала специализация камералистов, или экономистов.

По Университетскому уставу 1863 (восстановившему автономию университетов) также предусматривался четырехлетний учебный курс, пятилетний — для медиков. Устав вводил 3 основных факультета:

Историко-филологический:
преподавались философия, логика, психология, история философии, греч. язык, словесность и история Др. Греции, латинский язык и рим. история, сравнительная грамматика, русский язык и словесность, история всеобщей литературы, славянские языки и литература, всеобщая история, русская история, церковная история.

Физико-математический:
включал кафедры математики, механики, астрономии, физики, химии, минералогии, географии, геогнозии и палеонтологии, ботаники, зоологии, технич. химии, астрономич. химии.

Юридический:
преподавание энциклопедии права, истории иностранного (древнего и нового) и русского законодательства, римского права, государственного, гражданского и уголовного права, полицейского права, финансового права, международного права, церковного права и полит. экономии.

На всех факультетах преподавался Закон Божий. В Петербургском университете Устав 1863 вводил также восточный факультет.

Университетский устав 1884 (вновь упраздненный университетскую автономию; действовал до февраля 1917) сохранил прежнюю продолжительность учебного курса и прежнее деление на факультеты.

Для историко-филологических факультетов предусматривались кафедры философии, классич. филологии, сравнительного языковедения, русского языка и литературы, славянской филологии, истории западноевропейских литератур, географии и этногра-

фии, всеобщей истории, русской истории, церковной истории и истории искусств;

Для физико-математических факультетов — чистой механики, механики, теоретич. и практич. астрономии и геодезии, физики, физич. географии, химии, минералогии и геологии, ботаники, зоологии, сравнительной анатомии и физиологии, технологии и технич. химии, агрономии;

Для юридических факультетов — римского права, гражданского права и судопроизводства, торгового права и судопроизводства, гос. права, международного права, полицейского права, финансового права, церковного права, полит. экономии и статистики, энциклопедии права и истории философии права.

Университетский устав 1906 не внес существенных изменений в состав факультетов и распределение кафедр. Можно отметить, что к нач. 20 в. состав кафедр и характер преподаваемых дисциплин приближался к современному при всем отличии распределения факультетов.

ПРИВИЛЕГИРОВАННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Прообразом привилегированных закрытых учебных заведений для дворян был *Благородный пансион при Московском университете* (другое общепринятое название — *Московский университетский благородный пансион*), открытый в 1779. Хотя он давал подготовку ниже университетской, но в конце 18 — нач. 19 вв. учеба в университете считалась делом недворянским, так что долгое время образование большинства пансионеров ограничивалось только пансионом, после чего они успешно поступали на службу. Но требования университетского образования по знаменитому Указу 1809 (об экзаменах на чин), ставившему карьеру дворянина в зависимость от университетского диплома, а затем и изменения в общественном сознании привели к тому, что пансион стал лишь подготовительной ступенью к университету. В 1830 пансион был закрыт (преобразован в дворянскую гимназию, с 1833 — Дворянский институт). Другое элитарное учебное заведение, просуществовавшее лишь несколько лет, — *Школа сенатских юнкеров*: основана в 1797, состояла из 3 классов, первые 2 — подготовительные.

В них преподавались русский язык (грамматика и чистописание), немецкий язык, латинские, «княжеские должности человека и гражданина» (ничто вроде современного обществоведения), арифметика, геометрия, тригонометрия, история, география, логика и рисование, а в 3-м курсе ч. классес преподавались правоведение и немецкий язык.

Царскосельский лицей (с 1844 *Александровский лицей*, в память Александра I), основан в 1810, открыт в 1811 — для подготовки высших гос. чиновников, и вплоть до 1917 одно из самых элитарных (закрытых) учебных заведений в России. До 1836 состоял из 2 курсов с обучением в каждом по 3 года (принимались мальчики 10—12 лет). Количество курсов (классов) менялось со временем, но 6-летний срок обучения сохранялся. С 1814 по 1829 при лицее существовал также *Благородный пансион*, созданный для подготовки к поступлению в лицей, но поскольку его выпускники имели право поступления на гос. службу, играл роль самостоятельного учебного заведения. Первоначально курс Царскосельского лицея включал русский, французский, немецкий и латинский языки и словесность на всех этих языках, нравственную философию, логику, математику (арифметику, алгебру до кубич. уравнений, геометрию, тригонометрию), физику (вплоть до электричества), историю рос. и всеобщую, географию, а также изящные искусства. Этот курс приравнялся к университетскому.

К кон. 19 в. в лицее преподавались Закон Божий, русский, французский, немецкий, английский и латинский языки, логика, история (рос. и всеобщая), география, математика, физика и космография, а на старшем

курс — также русская словесность, история западной литературы, история Церкви, энциклопедия права, история русского права, церковное, гос., гражданское, уголовное, польское, финансовое и международное право, статистика, полит. экономия, гос. устройство восточных держав и история философии.

Таким образом, из заведения, дававшего абстрактно-гуманитарное образование, лицей эволюционировал в сторону высшего юридич. учебного заведения с усиленной языковой и общепедagogич. подготовкой.

Ришельевский лицей в Одессе открылся в 1805 на базе частного пансиона (до 1847 именовался *Благородный воспитательный институт*). Он состоял из начального училища и собственно лицея и двух дополнительных училищ: *правоведения* и *полит. экономии* и *коммерч. наук*, а также *педагогического института*. В начальном училище было 3 класса, в собственно лицее — 4 класса гимназич. и 4 лицейских с философским и юридич. отделениями. С 1837 лицей был отделен от гимназий, состоял из физико-математич. и юридич. отделений, а также института восточных языков (до 1854). С 1842 в лицее было также камеральное отделение. В 1865 лицей преобразован в Новороссийский университет.

Кременецкий (Вольнский) лицей, с 1805 по 1819 — классическая (Вольнская) гимназия в г. Кременце для детей польской шляхты. Состоял из низшего и высшего отделений с курсом обучения, соответственно, 4 и 3 года. В лицее преподавались русский, польский, латинский, немецкий и французский языки, математика, география, учение о нравственности, словесные и юридич. науки. В 1831 закрыт в связи с Польским восстанием 1830—31.

Лицей кн. Безбородко в Нежине (другое название — *Нежинский лицей*), основан в 1820 (до 1832 — *Гимназия высших наук кн. Безбородко*) первоначально давал 9-летний курс образования.

Включалась преподавание Закона Божьего, русского, немецкого, французского и древних языков, математики, истории, географии, словесности российской и древней, философии, права (естественного и позитивного), государственного хозяйства, финансовой науки, технологии с химией, естественной истории, римского права, русского гражданского и уголовного права и делопроизводства.

С 1832 преобразован в физико-математич. лицей, состоявший только из 3 высших классов, а с 1840 — в юридич., с 3-летним курсом обучения и преподаванием прежде всего практич. юридич. предметов (без теории права), а также истории, статистики, русской словесности и теории поэзии. С 1875 лицей был преобразован в *Историко-филологический институт в Нежине* (с 1920 — Педагогический институт, с 1939 — им. Н. В. Гоголя).

Демидовский юридический лицей в Ярославле (*Демидовский лицей*, высшее учебное заведение; учрежден в 1805 (на пожертвования П. Г. Демидова) как *Ярославское Демидовское высших наук училище* (до 1833), для лиц всех свободных состояний. В нем преподавали философию, др.-греч. и рим. словесность, рос. красноречие, право (естественное и народное), математику, естественную историю, химию, финансовую науку, новые языки; с 1819 открылась также кафедра богословия и введено преподавание истории Русской Церкви. С 1810—11 Демидовское училище получило права университетов (при училище существовал дворянский пансион), в 1833 преобразовано в *Демидовский лицей* с 3-летним курсом обучения, причем главными предметами считались юридич. и камеральные науки (среди неглавных — русская и латинская словесность, философия, естественная история, рос. и всеобщая история, новые языки). С 1832 в лицее было введено обучение фронтальной службе. С 1845 к числу предметов прибавились сельское хозяйство, лесоводство, земледелие, бухгалтерия. Направление образования было в основном камеральным, с большим количеством предметов и неглубоким их изучением. В 1870 лицей был преобразован в Демидовский юридический лицей с 4-летним курсом

обучения, соответствующим юридич. факультетам университетов. С 1885 в него стали приниматься лишь выпускники гимназий (ранее принимались также воспитанники семинарий); закрыт в 1918.

Катковские лицей (с 1893 *императорский Лицей в память цесаревича Николая*, сына Александра II) основан в 1868 в Москве М. Н. Катковым и др. Состоял из восьми гимназич. классов, дававших общее среднее образование (с большей, чем в гимназиях, подготовкой в области древних языков и естественной истории, и с дополнительными вечерними занятиями по новым языкам), и трех лицейских, где проходил университетский курс (по всем факультетам, кроме медицинского); историко-филологич. и физико-математич. факультеты (до 1899), затем только юридический. Закрыт в феврале 1917.

Императорское Училище правоведения учреждено в 1835 в Петербурге как закрытое элитарное учебное заведение, дававшее высшее юридич. образование (св. 2000 выпускников). Обучение в нем продолжалось сначала 6, а затем 7 лет (4 класса общих и 3 специальных). С 1847 существовали также приготовительные (с 1876 — 3-летние) классы.

Первоначально общий курс включал Закон Божий и церковную историю, русский и славянские языки, латинский, немецкий и французский языки (греч. и английский преподавались факультативно), историю, географию, математику, естественную историю и физику, логику и психологию, а специальный курс — энциклопедию права, римское право, рос., гражданское и уголовное право, судебную медицину, судопроизводство, местные законы, законы финансовые и полицейские с предварительным изложением полит. экономии, сравнительное законодательство и юридич. практику.

С 1856 общеобразовательные предметы в Училище были в основном приведены в соответствие с курсом классических гимназий (без греч. языка, но с естественноведением), в старших классах по-прежнему преподавались специальные юридич. предметы (включая полит. экономию, историю вероисповеданий и историю философии в связи с философией права). Курс обучения длился 10 лет (3 года в приготовительном классе, 4 в общеобразовательном и 3 в специальном). Закрыто в 1917, после Октябрьской революции.

(См. также разделы Военно-учебные заведения и Женское образование.)

ИНСТИТУТЫ И ВЫСШИЕ УЧИЛИЩА

Основным высшим педагогическим учебным заведением долгие годы был *Главный педагогический институт*, открытый в 1816 в Петербурге (на базе реорганизованного *Петербургского педагогического института*, 1804—16); преобразован в 1819 в Петербургский университет, с 1828 возобновлен как *Главный институт*. Готовил преподавателей для гимназий, высших, частных учебных заведений. Институт состоял из 3 курсов: предварительного, окончательного и педагогики (педагогич. практика), причем первый продолжался 2 года, второй — 3, а третий — 1 год. В институте принимались преим. выпускники духовных семинарий.

На предварительном курсе изучались логика и метафизика, высшая математика, математич. и всеобщая география, физика, «обозрение» всеобщей истории, древняя география, мифология, риторика, грамматика и словесность русского, древних, немецкого и французского языков, искусства, гражданская архитектура, рисование и черчение.

Окончательный курс состоял из 3 отделений: наук философических и юридических (с изучением философии, права, в т. ч. гос., гражданского, рос. и римского, и полит. экономии; юридич. отделение было до 1847), наук математич. и физических (с изучением высшей и прикладной математики, физики, химии, технологии, естественной истории, зоологии, ботаники и минералогии) и наук историчес-

ких и словесных (с изучением всеобщей и рос. истории, всеобщей и рос. статистики, русской, латинской, греч., немецкой и французской словесности).

На всех отделениях изучался также Закон Божий. Обучение искусством на окончательном курсе велось факультативно. С 1833 для учителей, направляемых в западные губернии, было введено также преподавание польского языка. В 1817 при институте был открыт Благородный пансион (до 1830). В 1838—47 при нем существовал «второй разряд» института — для подготовки учителей уездных и приходских училищ (аналогичное отделение было и в 1817—22). В 1858 институт был упразднен. Для подготовки педагогов в 1860 были учреждены педагогические курсы при университетах.

Среди высших гуманитарных учебных заведений (кроме уже упомянутых выше) выделяется старейшее из них — *Лазаревский институт восточных языков* в Москве. Учрежденное в 1815 *Армянское Лазаревых училище* (на средства богатой армянской семьи — предпринимателей и меценатов Лазаревых (Лазарян)) первоначально имело 5-, а затем 8-летний срок обучения. С 1837 институт получил права правительственных заведений. Первоначально в нем преобладали общеобразовательные предметы для армян (хотя обучались и русские ученики), с частичным преподаванием на армянском языке, затем усилилось преподавание восточных языков и др. специальных предметов, ориентированных на подготовку к гос. службе на Кавказе и дипломатической — в странах Востока. С 1841 в институте было учреждено духовное отделение для подготовки священнослужителей армяно-григоринанской церкви, позднее введено преподавание также коммерц. наук.

С 1850 при институте существовало *малолетнее отделение*. С 1871 введено разделение на гимназич. и специальные классы. Гимназич. классы давали образование в объеме классич. гимназии с обновлением армянского языка (только для армян), а специальные классы — специальную подготовку в области арабского, персидского, турецкого, армянского и грузинского языков (последние 2 были обязательными только для казачьих стипендиатов, готовящихся к службе на Кавказе), истории Востока и русской словесности. Курс в специальных классах длился 3 года. С 1892 был добавлен курс юридич. наук (проходился в университете); 3-й класс для изучающих эти науки был пропущен до 2 лет.

Историко-филологический институт основан в 1867 в Петербурге, с 4-летним курсом обучения, готовил преподавателей гимназий по соответствующим предметам, прежде всего по классич. языкам. Для подготовки преподавателей классич. языков с 1873 по 1888 действовала также Лейпцигская русская филологическая семинария при Лейпцигском университете.

Во Владивостоке в 1889 открыт *Восточный институт* (первое высшее учебное заведение на Дальнем Востоке), с 4-годовалым сроком обучения, имевший китайско-монгольско-маньчжурское, китайско-японское и китайско-корейское отделения. В 1910 в Петербурге была основана (императорским Обществом востоковедения) также *Практическая восточная академия*.

Петербургский (основан в 1877) и *Московский* (в 1907) *археологические институты* с 2- и, соответственно, 3-годовалным курсом обучения предназначались для профессиональной подготовки в области археологии, археографии и архивного дела лиц с высшим образованием. Московский археологический институт состоял из археологич. и археографич. отделений.

Художественное, художественно-прикладное и музыкальное образование в России традиционно слабо связывалось с общим.

Основанная в 1757 *Академия художеств* давала высшую подготовку в области живописи, ваяния и архитектуры, но общее образование ее студенты получали либо до поступления в академию, либо в специальном *малолетнем отделении* (1764—1802), позднее — *Воспитательном училище* (1802—43).

Воспитанников первого обучали русскому и иностранному языкам, арифметике, геометрии, географии и истории (сокращенно), основам физики и естественной истории, второго — Закону Божию, русскому, немецкому и французскому языкам, истории, мифологии, географии, арифметике, геометрии, анатомии, эстетике, теории и истории искусства, истории нравов, обрядов и быта древних народов. Другой общеобразовательной подготовки выпускник Академии художеств мог не иметь. Впоследствии (с 1859) курс Академии предусматривал подготовку по таким общеобразовательным предметам, как Закон Божий, священная история, история изящных искусств, эстетика, археология, всеобщая и рос. история, русский язык и словесность, а для архитекторов также физика, математика, прикладная химия и строительное законодательство, все в сокращенном, сравнительно со средней школой, виде и приспособленно к строительству.

Московское училище живописи, ваяния и зодчества; история основания восходит к 1832, созданию любителями искусства художественного кружка — натурального класса в 1832—43. Художественный класс в 1843 преобразован в Училище живописи и ваяния; отделение архитекторов появилось в 1866 (после присоединения Дворцового архитектурного училища). Вместе с состоявшимся при нем *Училищем художеств* давало среднее общее образование и высшее специальное. Общеобразовательное отделение состояло из 4 классов, курс художественного отделения продолжался 3 (для зодчих — 4) года.

Императорское Строгановское центральное художественно-промышленное училище в Москве основано графом С. Г. Строгановым в 1825 как частная Школа рисования в отношении к искусствам и ремеслам. Принимались дети с 10 лет, срок обучения 6 лет. В 1843 получило статус гос. учебного заведения. Как и *Центральное училище технического рисования барона Штиглица*, основанное в 1876 в Петербурге (открыто в 1879) на средства мецената, барона А. Л. Штиглица, было по сути дела средним специальным учебным заведением; оба училища положили основание специальному художественному образованию в России. В училище Штиглица принимались лица обоего пола с образованием не ниже городского училища, в Строгановском имелось 8 общеобразовательных классов, в которых можно было получить законченное среднее образование.

Петербургская (1862) и *Московская* (1866) *консерватории* основаны А. Г. и Н. Г. Рубинштейнами; принимали лиц со средним образованием и давали высшую профессиональную подготовку.

Петербургское театральное училище, получившее свое название в 20-е гг. 19 в. (создано на основе Театральной школы, 1779, в свою очередь восходящей к Танцевальной школе, 1738), и *Московское театральное училище* (официально учреждено в 1809, преобразовано в 1806 из Театральной школы при Московском воспитательном доме, 1773) давали своим воспитанникам общеобразовательную подготовку лишь ненамного выше начальной. В 1888 на основе обоех училищ открыты драматич. курсы.

Политехнические институты стали появляться в России сравнительно поздно. Самый старый — *Рижский* (1862), затем *Киевский* (1898) и *Петербургский* (1899), потом *Донской* (в Новочеркасске, 1907). Политехнич. институты состояли из отделений: механического (Петербургский, Киевский, Рижский, Донской и Варшавский институты), инженерно-строительного (Петербургский, Киевский, Варшавский) или просто строительного (Рижский), металлургического (Петербургский), электромеханического (Петербургский), химического (Киевский, Рижский, Варшавский), горного (Донской, Варшавский), кораблестроительно-

го (Петербургский), сельскохозяйственного (Киевский; в Донском политехническом институте, состоявшем из факультетов, был инженерно-мелиоративный факультет), экономического (Петербургский; в Рижском политехническом институте — коммерческого отделения), а также инженерного (в том же институте; на отделении изучались машиностроение и электротехнич. науки). Продолжительность обучения колебалась от 4 до 5 лет (на коммерц. отделении в Рижском политехническом институте — 3 с половиной года).

Технологические институты появились в России раньше. *Петербургский практический технологический институт (Технологический институт императора Николая I)* основан в 1827 (но высшим учебным заведением стал лишь в 1862), *Харьковский технологический институт* — в 1835, *Томский* — в 1896. Петербургский и Харьковский имели два отделения — механическое и химическое, в Томском были также инженерно-строительное и горное. Срок обучения — 5 лет.

Горные высшие учебные заведения были самыми ранними. *Горный институт (императрицы Екатерины II)* основан в 1773 в Петербурге как Горное училище, с 1804 именовался *Горным кадетским корпусом*, с 1833 — *Институтом Корпуса горных инженеров*, а с 1866 — Горным институтом, т. е. первоначально функционировал как среднее специальное учебное заведение, с 1804 по 1866 — военизированное и лишь затем стал высшим гражданским учебным заведением.

Екатеринославский горный институт (до 1912 — *Екатеринославское высшее горное училище*) основан в 1899. Оба горных института делились на разряды — горный и заводской. Продолжительность обучения — 4 года. В 1914 к ним добавился *Уральский горный институт* (в Екатеринбурге).

Институт инженеров путей сообщения императора Александра I основан в 1809 в Петербурге (до 1864 назывался *Институтом Корпуса инженеров путей сообщения*). Продолжительность обучения в нем составляла 5 лет.

Институт гражданских инженеров императора Николая I основан в 1832 в Петербурге на базе *Архитектурного училища* и до 1882 именовался *Строительным училищем*. Он состоял из архитектурного, инженерного и инженерно-санитарного отделений. Обучение продолжалось 5 лет.

Инженеров-строителей готовило также *императорское Московское инженерное училище Ведомства путей сообщения*, но в нем срок обучения составлял всего 3 года и по типу оно приближалось скорее к современному техникуму.

Императорское Московское техническое училище (Высшее техническое училище), основанное в 1830 как ремесленное училище, получило новое наименование и статус высшего учебного заведения в 1868. Оно состояло из механического и химического отделений с продолжительностью обучения 5 лет.

Электротехнический институт императора Александра III был создан в 1891 в Петербурге на базе основанного в 1886 технического училища Почтово-телеграфного ведомства; состоял из электромеханического и электрохимического отделений со сроком обучения 5 лет.

Императорский Петербургский Лесной институт — одно из первых высших учебных заведений в России, основан в 1803.

Среди *высших сельскохозяйственных учебных заведений* самыми старыми были *Новоалександровский институт сельского хозяйства и лесоводства*, основанный в 1816 в Марьиноне (близ Варшавы) как агро-

номич. институт (с 1840 — *Институт сельского хозяйства*) и переведенный в 1863 в Новую Александрию (в 1914 эвакуирован в Харьков), и *Горы-Горейский земледельческий институт*, основанный в 1840 как земледельческая школа, высший разряд которой в 1848 был преобразован в *Земледельческий институт*; в 1864 институт был переведен в Петербург, а на базе низшего разряда создано Горейское земледельческое училище.

Московский сельскохозяйственный институт учрежден в 1865 (в с. Петровском-Разумовском близ Москвы) как *Петровская земледельческая и лесная академия* (с 1890 по 1894 именовался *Петровской сельскохозяйственной академией*). Первоначально для поступления в академию в Петровском-Разумовском не требовалось никаких аттестатов, образование в ней не давало никаких особых прав и могло продолжаться любой срок по усмотрению самого студента. Впоследствии институт стал более упорядоченным учебным заведением и состоял из сельскохозяйственного и сельскохозяйственно-инженерного отделений.

В 1911 к этим учебным заведениям добавился *Вологодский институт молочного хозяйства*, в 1913 — *Воронежский сельскохозяйственный институт* и *Саратовские высшие сельскохозяйственные курсы*. Срок обучения в сельскохозяйственных высших учебных заведениях составлял, как правило, 4 года.

Специалистов межевой службы готовил *Константиновский межевой институт* в Москве, основан в 1779 как Константиновская землемерная школа (в честь великого князя Константина Павловича) при Межевой канцелярии; в 1819 училище, с 1835 Межевой институт, сначала среднее закрытое учебное заведение, с 1845 — высшее.

Ветеринарные институты были в Харькове (с 1875; с 1851 по 1875 — Харьковское ветеринарное училище), Казани (с 1873), Дерпте (с 1873; с 1849 до 1873 — ветеринарное училище) и Варшаве (с 1889; с 1840 до 1889 — ветеринарная школа). Срок обучения в них также составлял 4 года.

Из *медицинских учебных заведений* старейшее — основанная в 1798 (как и московская — на базе медико-хирургического училища) *Медико-хирургическая академия* в Петербурге. В 1881 перешла в военное ведомство и получила наименование *Военно-медицинской академии*. В 1800 учреждена также *Московская медико-хирургическая академия*; в 1804 закрыта, восстановлена в 1808 как отделение Петербургской медико-хирургической академии, с 1837 вновь обрела статус «отдельной академии»; упразднена в 1844. Обе академии готовили лекарей гл. обр. для армии и флота.

Медицинское образование давали также медицинские факультеты университетов. Продолжительность медицинского образования составляла, как правило, 5 лет.

В 1907 в Петербурге был основан *Психоневрологический институт*, действовавший на правах частного учебного заведения; готовил преподавателей, юристов и врачей и состоял, соответственно, из педагогического, юридического и медицинского факультетов со сроками обучения 5, для медиков 6 лет.

Специальное высшее экономическое образование в России долгое время было сосредоточено в юридик. факультетах университетов. В нач. 20 в. оно могло быть получено также на экономическом отделении Петербургского Политехнического института.

В 1903 основан *Московский коммерческий институт*, состоявший из экономического (с инклами основным, коммерческо-финансовым, педагогическим, фабричной инспекции и местного хозяйства) и ком-

мерческо-технического отделений (с циклами фабричной инспекции, лабораторным, торгового агентства и педагогическим). В институт принимались лица со средним образованием в качестве действующих слушателей, так и вольнослушателей. Курс обучения продолжался 4 года. Институт, основанный Московским обществом распространения коммерч. образования, пользовался большой популярностью среди предпринимателей. Впоследствии к нему присоединился также *Коммерческий институт* в Киеве с ком-

мерческим и экономическим отделениями и подотделами железнодорожным, страхового и оценочного дела и податного дела.

Статистические курсы Министерства внутренних дел давали в течение 2 лет специальную подготовку лицам со средним (гимназич. или реальным) образованием и формально также были отнесены к высшим учебным заведениям. (См. также в разделе *Военно-учебные заведения*.)

СРЕДНИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

ГИМНАЗИИ

К началу 19 в. в России при развитой высшей школе отсутствовала упорядоченная система среднего образования. Существовавшие в ряде губерний главные народные училища не обеспечивали законченного среднего образования в рамках стабильного состава предметов.

В гимназиях по Уставу 1804 было 4 класса (общий курс среднего образования с уездным училищем составлял 6 лет). В них преподавались чистая и прикладная математика и опытная физика, история, география и статистика (общая и государства Российского), философия и «язычные науки» (начальные основания), полит. экономия (начальные основания), естественная история, технология и коммерч. науки, латинский, французский и немецкий языки, рисование, а факультативно — танцы, музыка и гимнастика.

Принимались в гимназии окончившие курс в уездных училищах. Бросается в глаза чрезвычайное разнообразие преподаваемых предметов.

С 1819 вводились чтение Священного Писания (взамен книги «О должностях»), греч. язык «по возможности», дополнительный курс географии и истории (включая мифологию и древности), логика и риторика; преподавались также латинский, немецкий и французский языки, статистика общая и частная Рос. государства, чистая математика и механика, курс опытной физики и естественной истории и — если позволяли доходы гимназии — рисование, музыка, танцы и гимнастика. До 1824 в ряде гимназий преподавались также естественное право и полит. науки. С 1824 было увеличено количество часов на преподавание латинского, греч. и русского языков.

По Уставу 1828 курс гимназии увеличивался до 7 классов (ранее вместе с уездными училищами он составлял 6 лет). Учебный курс сокращался. Гимназии в университетских городах сохраняли преподавание греч. языка, в других он мог не преподаваться.

Предметами преподавания в реформированных гимназиях были: Закон Божий, русский язык и словесность, латинский, немецкий и французский языки, математика, география и статистика, история, физика, чистописание, черчение и рисование. В курс словесности входили логика, риторика, грамматика и синтаксис, проза, извлечения из лучших писателей, упрощения в переводах и легких сочинениях, пиитика с кратким разбором образцов, краткая история рос. словесности. Курс математики включал алгебру, геометрию (для гимназий без греч. языка также прямоугольную тригонометрию), начала начертательной геометрии, математич. анализ (до конических сечений). Изучение истории предусматривало «обозрение всеобщей истории», древнюю, средневековую и новую и, соответственно, рос. историю.

Вводимые Уставом 1828 Благородные пансионы, с 1833 получившие название *Дворянских институтов* (закрытые мужские средние учебные заведения, готовившие к поступлению в университет), имели срок обучения на год меньше, чем гимназии, при той же про-

грамме и правах. Такие институты имелись в Петербурге, Москве, Вильне, Нижнем Новгороде, Пензе и Тифлисе.

С 1836 в ряде гимназий стали вводиться начная с 4-го класса *реальные классы (курсы)*. Эти курсы предусматривали преподавание естественной истории, химии, технологии, товароведения, бухгалтерии и счетоводства, коммерч. законодательства и механики. Такие классы (курсы) были в 3-й московской гимназии, в Туле, Курске и Вильне, а также при уездных училищах в Риге и Керчи.

В 1837 в сибирских гимназиях, затем в пансионах Псковской, Новгородской, Пензенской и Нижегородской гимназий, а также в Кишиневской, Оренбургской, Уфимской, Виленской, Минской, Смоленской, Воронежской и Симбирской гимназиях был введен в качестве дополнительного предмета курс *законоведения*, включавший общие понятия о праве, историю русского законодательства, основные законы Рос. империи, учреждения, законы о состояниях, гражданские и уголовные законы. С 1848 стало практиковаться разделение гимназий на латинское и юридич. отделения, причем первое предназначалось для подготовки к университету, а второе — для подготовки к службе.

В 1844 из гимназич. курса была исключена статистика, в 1846 — начертательная и аналитич. геометрия, в 1847 — логика.

С 1852 существовало 3 типа гимназий: 1-й — с преподаванием латинского языка (только для готовящихся в университет) и русского законоведения (для готовящихся поступить на гос. службу), 2-й — с одним законоведением и без древних языков, 3-й — с двумя древними языками и без законоведения.

Устав 1864 вводил 3 типа гимназий: с 2 древними языками, с 1 древним языком и реальную (без древних языков). Наряду с полными гимназиями в ряде уездных городов учреждались *прогимназии*, состоявшие из младших гимназич. классов.

В гимназиях первых двух типов преподавались Закон Божий, русский язык с церковно-славянским, рус. словесность, история, география, латинский, греч., французский и немецкий языки (в гимназиях с двумя древними языками преподавался или немецкий или французский, на выбор, с одним — оба новых языка, также и в реальных гимназиях при расширенной программе), математика, естественная история, физика и космография, чистописание, рисование и черчение.

В реальных гимназиях было расширено, сравнительно с классическими, преподавание естественной истории и к последней присовокуплены химия, физика, рисование и черчение и — в очень небольшой степени — русская словесность и история.

Реальные гимназии не давали права на поступление в университет, а в высшие технич. учебные заведения не гарантировали, если это не предусматривалось уставами последних.

Устав 1871 окончательно разделил среднюю школу на два типа учебных заведений: гимназии,

или классич. гимназии, дававшие классич. образование (с изучением древних языков и словесности) и реальные училища (подробнее см. в разделе Состояние образования в Российской империи).

Гимназии по Уставу 1871 имели 7-й, а с 1875 — 8-классный курс (в 1871—75 7-й класс имел 2-летний срок обучения), включавший Закон Божий, русский и церковно-славянский языки (включая и русскую словесность), краткие основы логики, греч. и латинский языки, математику с физикой, географию с кратким естествознанием, историю, французский или немецкий язык, чистописанье. С 1898 вводились отдельные курсы математики и физики, отдельный курс естественной истории, обязательное преподавание двух новых языков (немецкого и французского); к чистописанию прибавилось рисование. Соответственно несколько уменьшился курс древних языков.

При гимназиях существовали также подготовительные классы. Для приема в 1-й класс гимназии требовалось умение читать, пересказывать прочитанное, написать диктант, прочесть наизусть стихотворение, читать по-церковно-славянски, знать молитвы и важнейшие события из Священной истории (Ветхого и Нового Завета), знать начала арифметики и уметь пользоваться счетами.

Преподавание русского языка в гимназиях включало изучение основных литературных жанров, основ стихосложения и истории русской литературы (до Н. В. Гоголя). История, как российская, так и всеобщая, проходила до конца 19 в. География изучалась физическая, политическая и экономическая. Изучение алгебры доходило до бинома Ньютона, геометрии — включало стереометрию; тригонометрия также входила в гимназич. курс математики. В 20 в. гимназич. курс включал философию пропедевтику — изучение логики и психологии — и основы законодательства.

С последней трети 19 в. начали открываться частные гимназии и реальные училища; наиболее известными среди них были гимназия Л. И. Полivanова (Полвановская, основана в 1868), женская гимназия С. Н. Фишер (обе в Москве), гимназия Я. Г. Гуревича и Тенишевское реальное училище (основано В. Н. Тенишевым в 1896) в Петербурге.

РЕАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩА

Первоначально курс реальных училищ, преобразованных из реальных гимназий, состоял из 6 классов, с 1888—90-х гг. он стал включать 7-й, дополнительный; с этого времени реальные училища реорганизованы в полные средние школы. С 5-го класса реальные училища могли иметь 2 отделения; основное и коммерческое.

В реальных училищах преподавались Закон Божий, русский язык и словесность, немецкий и французский языки, география, история, математика, технич. черчение, физика, природоведение (неживая природа, основные животные и растения), естествознание (ботаника и зоология), химия, минералогия, анатомия и физиология, коммерч. экономика и коммерч. вычисления, в т. ч. теория полит. экономии, векселей, банков, бухгалтерия, коммерч. география и законодательство, а в качестве необязательного предмета — гигиена.

Преподавание словесности включало историю русской литературы до А. Н. Островского, а также произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Н. А. Не-

красова, А. К. Толстого, А. Н. Майкова. История, как и в гимназиях, изучалась до конца 19 в. Курс математики включал кроме алгебры, геометрии и тригонометрии основы аналитич. геометрии, основы анализа бесконечно малых, интеграл, неопределенный интеграл и дифференциал.

В целом курс реальных училищ приближался по типу к существовавшему до недавнего времени курсу советской средней школы, отличаясь от последнего большей языковой подготовкой и более продвинутым изучением математики.

Коммерческие училища

Учрежденные в 1896 в качестве средних специальных учебных заведений, коммерч. училища на практике стали прежде всего средними общеобразовательными и учебными заведениями, отличающимися от гимназий и реальных училищ большей свободой преподавания и более либеральными условиями приема.

Коммерч. училища состояли из 7 классов, но по ходатайству попечительских советов и учредителей могли открываться дополнительные классы, т. е. полный курс обучения доходил до 8 лет. (См. также ниже в подразделе Другие профессиональные училища и школы.) В 1914 в коммерч. училищах был введен нормальный восьмилетний курс.

В этих училищах изучались Закон Божий, русский, немецкий, французский и другие (в т. ч. армянский) языки, математика, космография, история, география, естествознание, физика, коммерч. арифметика, бухгалтерия, коммерч. корреспонденция, полит. экономия, законодательство, товароведение с текстилькой, экономич. география, рисование, черчение, лепка, каллиграфия.

Курс русского языка включал изучение истории русской литературы (Г. Р. Державин, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, А. В. Кольцов, Ф. И. Тютчев, Н. В. Гоголь, В. Г. Белинский, А. Н. Островский, И. С. Тургенев, И. А. Гончаров, А. Н. Майков, А. А. Фет, Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев, А. А. Григорьев), немецкого языка — Г. Э. Лессинга, Ф. Шиллера, И. В. Гёте, Г. Гейне, романтиков и современной немецкой литературы, французского — чтение произведений 19 в. и авторов новейшей французской литературы, «представляющих» страну.

Курс математики включал алгебру (до бинома Ньютона и функций), геометрию, тригонометрию, аналитич. геометрию, элементарную теорию вероятностей, географию — страноведение, физич. географию и антропогеографию, историю — русскую историю до царствования Александра III и всеобщую до кон. 19 в., естествознание — начальное природоведение, ботанику, зоологию, анатомию и физиологию, физику — до рентгеновских лучей и явления радиоактивности, химию — неорганич. и органическую (до белковых веществ) химию.

Училища при церквях и иностранных исповеданий

Эти учебные заведения, важнейшими из которых были Главное немецкое училище св. Петра, училище св. Анны, училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Екатерины, училище при реформатских церквях, мужское училище при римско-католич. церкви св. Екатерины в Петербурге, мужское училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Петра и Павла, реальное училище при евангелическо-лютеранской церкви св. Михаила, реальное училище при Реформатской церкви в Москве, давали учебный курс и имели права казенных гимназий и реальных училищ, причем в составе реальных училищ при этих церквях были также коммерч. отделения.

Учительские институты

В 1872 с целью приготовления учителей для городских училищ были учреждены *учительские институты*. Это были закрытые учебные заведения (в виде исключения допускались и приходящие ученики). Курс обучения в них продолжался 3 года (3 класса). Комплект каждого института составлял 75 человек: 60 казеннокоштных и 15 стипендиатов различных ведомств, городских обществ и дворянских. Учительские институты были в Петербурге, Москве, Харькове, Казани, Вильне, Тамбове, Томске, Тифлисе, Глухове, Феодосии. Принимались в эти институты молодые люди не моложе 16 лет, сдавшие экзамены по Закону Божьему, рус. языку, арифметике, истории и географии России, а также без экзаменов, по окончании гимназий и других средних заведений.

Преподавались Закон Божий, педагогика, рус. язык и церковно-славянское чтение, арифметика и начальная алгебра, геометрия, история российской и всеобщая, география, естественная история, физика, черчение и рисование, чистописание, пенные и гимнастика, а в Петербургском, Глуховском и Виленском (христианском) институтах — также ручной труд. Воспитанники старшего класса проходили педагогику, практику в городских училищах.

В Житомире и Вильне существовали *еврейские учительские институты* (преобразованы в 1873 из *раввинских училищ*) с преподаванием основных предметов на рус. языке, а на еврейском — еврейского языка, Библии, еврейского Закона и Священной истории. Эти учебные заведения были рассадником рус. образованности среди евреев и положили начало формированию русско-еврейской интеллигенции.

Учительские семинарии

Для подготовки учителей народных училищ были созданы *учительские семинарии* — профессиональные учебные заведения открытого типа с трехлетним курсом обучения (при некоторых действовали также подготовительные классы); содержались за счет казны, земства и частных лиц. В эти семинарии принимались молодые люди не моложе 16 лет православного исповедания в Новочеркасскую — также калмыки-ламаисты, в семинарии Одесского учебного округа — всех христианских исповеданий, в некоторые, напр. в Валжскую (Прибалтика) — также лютеране), выдержавшие испытания по курсу начальных народных училищ.

Преподавались Закон Божий, рус. язык, церковно-славянский язык, чистописание, арифметика, геометрия, российская и всеобщая история, география, естествознание, рисование, основы педагогики, гимнастика, пенные; проводились также практич. занятия по педагогике в школах.

При учительских семинариях открывались также дополнительные курсы для учителей начальной школы (на современном языке — курсы повышения квалификации). На правах учительских семинарий действовали также *инородческие учительские школы*: татарские (в Казани и в Симферополе), чувашская в Симбирске, киргизская (т. е. казахская) в Оренбурге, инородческая

в Бирске (Башкирия). В этих школах преподавались рус. язык, арифметика с краткими основами геометрии, география, в некоторых — история, а также родной язык.

Средние технические училища

Средние технич. училища, открываемые за счет казны, земств, сословий, общественных организаций и частных лиц, делились на механические, химические, строительные, сельскохозяйственные технические (в т. ч. Комиссаровское, открыто в 1865, с 1886 — с 7-классным курсом обучения) и горнозаводские. Курс обучения в них продолжался 4 года, принимались лица всех сословий и вероисповеданий, окончившие 5 классов реального училища или другого среднего учебного заведения (с дополнительными испытаниями), а также проработавшие не менее 2 лет в соответствующей отрасли промышленности и выдержавшие экзамены. В сельскохозяйственных технич. училищах принимались выпускники учительских семинарий и прослужившие не менее 2 лет учителя сельских школ. При некоторых средних технич. училищах существовали подготовительные классы для подготовки к поступлению в младший специальный класс выпускников городских училищ. Выпускники средних технич. училищ получали звание техника.

В училищах преподавались Закон Божий, математика, физика, химия, механика, коммерч. география, счетоводство и коммерч. корреспонденция, законод., черчение, рисование, а также специальные предметы с практич. занятиями.

Другие профессиональные училища и школы

Для подготовки специалистов среднего и низшего звена различные ведомства, земские и городские учреждения, общественные организации и частные лица открывали (особенно активно с кон. 19 в.) *железнодорожные, мореходные, речные, промышленные, ремесленные* (в т. ч. так называемые комиссаровские училища и школы), *сельскохозяйственные, лесные и др. училища и школы, как средние, так и низшие. Они давали начальное или незаконченное среднее и среднее или начальное профессиональное образование. Срок обучения составлял, как правило, от 2 до 4 лет. Существовали также коммерч. (возникшие до принятия Устава коммерч. училищ Министерства финансов) и торговые училища и школы, в т. ч. упоминавшаяся выше Московская практическая академия коммерческих наук (среднее специальное учебное заведение), Александровское коммерческое училище (открыто в 1885, содержалось Московским биржевым обществом), Московское мещанское училище (готовившее торговых служащих и очень популярное среди работодателей) и др.*

НАЧАЛЬНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Уездные и приходские училища

По Уставу 1804, самой нижней ступенью образования должны были быть *приходские училища*, в которых преподавались элементарная грамотность и начатки арифметики. По Уставу 1828 приходские училища должны были давать самые первоначальные сведения: Закон Божий по краткому катехизису, чтение церковной и гражданской печати, чистописание, 4 действия арифметики.

Следующей ступенью становились учреждаемые в каждом уездном городе *уездные училища*, предиа-

значенные для образования купеческих и мещанских детей.

В них преподавались Закон Божий, «должности человека и гражданина», русская грамматика (там, где был в употреблении другой язык, наряду с русской преподавалась и грамматика «местного» языка), чистописание, правописание, правила слога, всеобщая география и начальные правила математики, географии, география России, история всеобщая и российская, арифметика, начальные правила геометрии, начала физики и естественной истории, начальные правила технологии

(применяясь к местному положению и промышленности), рисование.

Уездные училища состояли из 2 классов (курс каждого по 1 году), в них принимались окончившие приходские училища или самостоятельно овладевшие грамотой и начатками арифметики. Уездные училища по Уставу того же 1828 должны были состоять уже из 3 классов, со сроком обучения по 1 году в каждом.

В них преподавались Закон Божий и Священная и церковная история, рус. язык, включая грамматику, арифметика, геометрия (до стереометрии включительно), но без доказательств, география, история России и всеобщая, «но сокращенно», чистописанье, черчение и рисование. С разрешения правительства (однако без казенных пособий), на средства частных лиц и общества могли вводиться также дополнительные курсы: общие познания об отечественном узаконении, порядке и формах производства дел; основания коммерч. наук и бухгалтерия; основания механики, технологии, рисование и т. п.

В 1828 был принят и Устав сельских училищ в уездных имениях.

Ученикам в этих училищах преподавались чтение книг церковной и гражданской печати и рукописей, Закон Божий по краткому катехизису и свещенная история, чистописанье, 4 действия арифметики с употреблением счетов. Указанного срока обучения в сельских училищах Уездного ведомства не было, но обучение могло продолжаться до 3 и более лет. В Красном Селе (близ Петербурга) и повл. Москвой учреждалась (1828) 2 главных уездных училища, с младшим классом (изучались чтение, письмо, свещенная история и 4 действия арифметики) и с высшим (срок обучения 2 года); преподавались пространный катехизис и свещенная история, чистописанье, краткая рос. грамматика, но преем. практич. — с употреблением в сочинении легких деловых бумаг, арифметика. Закрыты в 1836.

Училища для детей канцелярских служащих

В 1828 были учреждены училища для детей канцелярских служащих, закрытые учебные заведения, предназначенные оказать помощь недостаточным служащим в воспитании детей и для образования детей, способных к канцелярским должностям и вообще к гражданской службе.

В них преподавались чтение и чистописанье, Закон Божий, рос. грамматика с практич. употреблением, истории всеобщая и российская, география всеобщая и российская с основными математик. географией, арифметика, начальная алгебра, бухгалтерия и основания геометрии, по возможности, начала тригонометрии и геометрии, формы делопроизводства и служебного порядка с практич. употреблением в них.

Объем обучения и предметы во многом совпадали с курсом уездных училищ. Полный курс училищ для детей канцелярских служащих продолжался 6 лет (3 класса по 2 года). Для воспитанников с отличными успехами дополнительно вводились также немецкий и латинский языки. В Петербурге, Москве, Харькове и Казани для наиболее способных выпускников учреждались специальные отделения при гимназиях, где они проходили гимназич. курс и последние 2 года слушали в университете лекции по правоведению, после чего лучшие из них зачислялись в Главный педагогический институт, а остальные определялись на службу.

Начальные народные училища

Принятое в 1864 Положение о начальных народных училищах вводило приходские училища (см. выше) в городах, посадах и селах, содержавшиеся за счет местного общества, городского или сельского, частично за счет казны и пожертвований частных лиц, и народные училища, учреждаемые частными лицами, министерствами и ведомствами (бывшие сельские училища), а также церковно-приходские училища, открываемые духовенством. По мере распространения земской реформы все больше и больше сельских училищ открывалось и содержалось за счет земств. Министерство народного просвещения открывало образовательные

сельские училища (т. н. министерские). Последние были одно- и двухклассные со сроком обучения, соответственно 3 и 5 лет.

Во всех народных училищах по Уставу 1864 преподавались Закон Божий (краткий катехизис и Священная история), чтение (церковное и гражданское) и письмо, 4 действия арифметики, где возможно — церковное пение. В министерских и некоторых земских училищах программа преподавания была несколько более расширенной. В частности, в министерских училищах с трехгодичным сроком обучения преподавались грамматика рус. языка, составление несложных описаний и писем, чистописанье, по пению — нотная грамота, пение по нотам уже разученных сочинений, мажорная гамма, а также пение молитв, народных и военных песен и песен «патриотич. и бытового характера».

Церковно-приходские школы

Начальные народные училища, подчиненные с 1883/84 Синоду и руководимые приходским духовенством, делились на школы грамоты (или школы грамотности) и церковно-приходские школы, двухлетние и двухклассные с четырехлетним курсом.

В школах грамоты — срок обучения 1 год — изучались Закон Божий, церковное пение (с голоса), чтение церковно-славянских и рус. книг, письмо и начатки арифметики (счет). В церковно-приходских школах к этому добавлялись церковное пение по нотам, рус. грамматика и синтаксис (с написанием диктантов), чистописанье, 4 действия арифметики. счет и меры, а также (для двухклассных училищ, начиная с 3-го года обучения) начальные сведения по рус. истории (до Александра II). Т. о., выпускники церковно-приходских школ (а в начале 20 в. они составляли большинство среди выпускников начальных сельских училищ) получили меньшее, сравнительно как с министерскими, так и земскими училищами, общее образование, но приобрели довольно прочные навыки хорового пения (нередко по нотам) и зачастую хороший почерк.

Городские училища

По Положению 1872 взамен уездных училищ в городах учреждались правительством, земствами и городскими думами, а также отдельными сословиями и общественными организациями городские училища с 6-летним сроком обучения. Они бывали одно-, двух-, трех-, четырех- и даже пяти- и шестиклассные (в одноклассных — 3 отделения по 2 года, в двухклассных — 1-й класс 4 года, 2-й — 2 года, в трехклассных — каждый класс по 2 года, в четырехклассных — 1-й и 2-й классы по 2 года, 3-й и 4-й по 1 году и т. д.). Сроки пребывания в каждом классе могли, в зависимости от успехов, сокращаться.

В число обязательных предметов городских училищ входили Закон Божий, чтение и письмо, рус. язык и церковно-славянское чтение, арифметика, практич. геометрия, география и история России (с необходимыми сведениями по всемирной географии и истории), сведения по естественной истории и физике, черчение и рисование, пение, гимнастика. В старших классах могли вводиться дополнительные предметы.

Преобразование уездных училищ в городские по Положению 1872 растянулось на 20 лет.

Высшие начальные училища

Учрежденные в 1912 высшие начальные училища имели своей целью дать законченное начальное образование, но поскольку выпускники 3-го и 4-го классов этих училищ имели право поступления, соответственно, в 4-й и 5-й классы средних учебных заведений, получаемое в них образование может быть отнесено к незаконченному среднему. В высшие начальные училища принимали окончивших не менее 1 класса начальных учи-

лиш Министерства народного просвещения. Курс высших начальных училищ продолжался 4 года.

В предметы обучения входили Закон Божий, рус. язык и словесность, арифметика, алгебра (до уравнений 1-й степени), геометрия (до стереометрии), черчение, география, история, естествознание (неживая природа, ботаника, зоология, анатомия и физиология), физика (до магнетизма и электричества), рисование, чертосписание, пение и рукоделие.

В высших начальных училищах учреждались также дополнительные курсы или классы: педагогич., почтово-телеграфные, строительные, электротехнич., сельскохозяйственные, ремесленные и т. п. При этих училищах действовали курсы для взрослых (вечерние и воскресные), т. н. воскресные школы. С 1916 в высших начальных училищах были введены новые, расширенные программы, до этого преподавание в них велось по программам городских училищ.

Одним из наиболее известных общественных учебных заведений был *Университет им. А. Л. Шаняв-*

ского в Москве, городской народный университет (начало основания 1905, открыт в 1908), учрежден на средства генерал-майора в отставке золотопромшленника А. Л. Шанявского (находился в ведении Московской городской думы); имел два отделения — научно-популярное (4-годичное, дававшее знания в объеме среднего учебного заведения) и академическое, со сроком обучения 3 года (по программе университета). Окончание университета не давало никаких прав.

Другой тип общественных учебных заведений — общеобразоват. *воскресные школы* для взрослого населения и работающих детей (нередко и для детей рабочих). Начали открываться предпринимателями в 1-й пол. 19 в., интенсивное развитие как средство борьбы с неграмотностью получили с конца 1850-х — нач. 1860-х гг. (к 1862 — 300 воскресных школ).

ДУХОВНЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Система духовных учебных заведений — одна из старейших в России. Первые *духовные семинарии* (возникшие в 1-й четверти 18 в.) были учреждены в соответствии с духовным регламентом. Наряду с чисто богословской подготовкой они давали общее образование, прежде всего в области древних языков (греч., латинский, еврейский), логики, красноречия. С кон. 18 в. высшую ступень духовного образования обеспечивали *духовные академии*: *Киевская* (старейшая, ее история восходит к 1615), в 1631—1701 — Киево-Могилянская коллегия, с 1701 академия; *Московская* — восходит к Славяно-греко-латинской (в 1701—75 — Славяно-латинская) академии (1775); преобразована в духовную в 1814 (переведена в Троице-Сергиеву лавру); *Петербургская* (с 1809), восходит к Славяно-греко-латинской семинарии (1726—97), в 1797—1809 называлась Александрово-Невской академией; *Казанская*, преобразована в 1797 из Казанской духовной семинарии (основанной в 1723), закрыта в 1818 и вновь восстановлена в 1842.

С 1809 духовные семинарии — по одной на епархию — становятся средними духовными учебными заведениями, а для приготовления к ним в уездах учреждаются *уездные духовные училища*. Курс обучения в духовных семинариях продолжался 6 лет (3 двухгодичных класса) и включал светские предметы в объеме гимназич. образования с добавлением логики, психологии, естественной истории, сельского хозяйства и медицины (не считая чисто духовных предметов). Хотя большое разнообразие разнородных предметов — точные, естественные, гуманитарные и практич. науки — исключало глубину их изучения, а знание выпускниками семи-

нарий новых языков (французского и особенно немецкого) намного отставало от древних и было в основном пассивным, семинарное образование (при поступлении выпускников семинарии в университеты) вполне успешно конкурировало с гимназическим. С 1867 семинарии были преобразованы в 6-классные (каждый класс годичный), вместо преподавания медицины и сельского хозяйства введено преподавание педагогики.

Духовные академии были разделены на факультеты: богословский, церковно-исторический и церковно-практический. В 1884 это деление было отменено. Кроме чисто богословских кафедр в духовных академиях существовали 3 кафедры философии (логики, психологии и метафизики и истории философии; именно выпускники духовных учебных заведений, семинаристы, оказывались наиб. философски подготовленными), 2 кафедры всеобщей гражданской истории, кафедры рус. истории, теории словесности и истории иностранной литературы, рус. и церковно-славянского языков, греч., латинского, еврейского, немецкого, французского и английского языков. В Казанской академии преподавались также татарский, арабский, монгольский и калмыцкий языки. Изучаемые в духовных семинариях светские предметы по-прежнему соответствовали полному курсу классич. гимназий с прибавлением психологии и начального курса истории философии. В некоторых семинариях преподавались также медицина и сельское хозяйство.

Формально с 1869 духовные семинарии и академии были всеословными учебными заведениями, но на практике в них преобладали дети духовенства.

ВОЕННО-УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Одним из старейших типов учебных заведений в России были *кадетские корпуса*. Самые ранние из них — *Сухопутный шляхетный корпус*, основан в 1732 в Петербурге как Корпус кадет (с 1752 императорский Сухопутный кадетский корпус), с 1800 — *1-й петербургский кадетский корпус*; *Инженерный шляхетный корпус*, основан в Москве в 1712 как Инженерная школа (в 1719 переведена в Петербург, в 1762 — Артиллерийский и инженерный шляхетный кадетский корпус), с 1800 — *2-й петербургский кадетский корпус*; *Московский (1-й) кадетский корпус* (с 1778). Офицеров для флота готовил *Морской шляхетный кадетский корпус*, основан в 1752 в Петербурге (в 1762—1867 и 1906—1916 — *Морской корпус*, в 1867—91 и 1915—18 — *Морское училище*). К кон. 19 в. в России имелся 21, к 1917 — 29 кадетских корпусов; среди них: *Павловский*, преобразован в 1829 из императорского Военно-сирот-

ского дома (основанного в 1798, преим. для солдатских детей), в 1863 на его основе создано Павловское 1-е военное училище (с 1894 — Павловское военное училище), *Константиновский*, основан в 1855 на базе Дворянского полка (1808; с 1807 Волонтерский корпус), *Николаевский* (1882, на базе Николаевского кавалерийского училища, созданного в 1864), *Александровский* (1882, на базе 3-й петербургской гимназии; создана в 1873), кадетские корпуса (все — в Петербурге). В Царском Селе был *Александровский кадетский корпус* (1829) для подготовки сирот и детей военных к поступлению в столичные кадетские корпуса. Учреждены в 1918.

Кадетские корпуса изначально были привилегированными, преим. для детей дворян и офицеров, закрытыми учебно-воспитательными заведениями, дававшими как общее, так и специальное военное образование.

К кон. 19 в. они делились на 5 возрастов, каждый по 3 года, с преподаванием математики, физики и механики, астрономии, естественной истории, права, гос. экономики, истории, географии, красноречия, русского, славянских и иностранных языков, логики, а также «художества» (живописи, ваяния, музыки и т. д.) и, конечно, военных наук. Впоследствии курс учения в кадетских корпусах составлял 9, а с 1836 — 8 лет и включал Закон Божий, русский (с церковно-славянским), французский и немецкий языки, арифметику, алгебру, геометрию, тригонометрию, аналитич. геометрию, физику, механику, химию, естественную историю, историю российской и всеобщую, географию, законоведение, статистику и военные науки. С 1852 было усилено преподавание специальных военных предметов, а также математики, черчения, архитектуры и военной истории.

Пажеский корпус — самое аристократич. учебно-воспитательное заведение в России — основан в 1779 в Петербурге, а статус учебного заведения окончательно получен в 1802. В нем воспитывались дети дворян гл. обр. первых трех классов по Табелли о рангах (см. наст. изд.; т. 1, М., 1989, Приложения), выпускал преим. офицеров гвардии.

Состав первоначально из 3 пажеских и 1 камер-пажеского (старшего) класса, с обучением французскому, немецкому и латинскому (с 1785) языкам, алгебре, геометрии, физике, фортификации, истории, географии, геральдике. С 1802 предметами преподавания стали Закон Божий, русский, французский, немецкий языки, «образование в слого», в т. ч. зелоном (на русском, французском и немецком языках), история, география, история международных отношений, арифметика, алгебра, геометрия, в т. ч. высшая, тригонометрия, физика, механика, рисование, ситуация, артиллерия, фортификация.

Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров основана в Петербурге (в 1823—26 Школа гвардейских подпрапорщиков), предназначалась для обучения дворян, не получивших военного образования. С 1859 — Николаевское училище гвардейских юнкеров, с 1864 — Николаевское кавалерийское училище. Срок обучения 2 года.

В 1862 кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии, курс обучения в которых составлял 6, а с 1870 — 7 лет и соответствовал в основном курсу реальных гимназий (реальных училищ). Выпускники военных гимназий поступали в учрежденные тогда же военные училища с 2-, а в артиллерийских и инженерных училищах — с 3-летним курсом обучения. В военных училищах в основном преподавались военные дисциплины, но предполагалась также дополнительная подготовка по ряду общеобразовательных предметов. Т. о., военные гимназии давали общее среднее образование и начальную военную подготовку, а военные училища — среднее специальное военное образование. Соответствующие изменения были проведены в 1865 и в Пажеском корпусе, сохранявшем при этом свое прежнее наименование (2 старших класса были приравнены по программам к военным училищам, а младшие — к военным гимназиям); с кон. 19 в. обучалось 330 воспитанников. Упразднен в 1918.

С 1882 военные гимназии были вновь преобразованы в кадетские корпуса в основном с теми же сроками и программами обучения, с 1889 в программу было введено законоведение.

Новая программа предусматривала преподавание в кадетских корпусах русского языка и словесности

(включая теорию словесности и чтение классич. литературы), французского и немецкого языков (обеспечивавшее «необходимое понимание» легкой прозы и «некоторые навыки» передачи на иностранном языке прочитанного на этом языке), математики (алгебры, геометрии, тригонометрии, начал аналитич. геометрии), физики, космографии, начальных понятий химии, начальных сведений по естественной истории, всеобщей и рос. истории, законоведения (основных понятий о нравственности, праве и общежитии), чистописания и рисования.

В военных училищах из общеобразовательных предметов были русский язык и словесность (включая историю литературы до Гоголя), практич. знания по немецкому и французскому языкам (в основном переводы текстов военного содержания), механика, химия.

Т. о., хотя формально кадетские корпуса были приравнены к средним учебным заведениям, только курс военных училищ обеспечивал полное общее среднее образование.

С 1864 стали открываться юнкерские училища, первоначально с 2-, а затем с 3-летним курсом обучения. В них принимались лица с незаконченным средним и законченным начальным образованием.

Курс общеобразовательных предметов в этих училищах включал Закон Божий, русский язык (повторение грамматики, чтение образцовых произведений литературы, практич. упражнения), математику (элементарную геометрию, начала алгебры, включая уравнения 2-й степени), элементарные сведения из физики, географии и истории России. Общеобразовательный курс юнкерских училищ, готовивших значит. часть рос. офицерства, соответствовал начальному образованию (напр., в городских училищах), несколько превосходя его в математике. Лишь появившиеся впоследствии училища с 3-летним курсом, в которые принимали после 6 классов гимназий или реальных училищ, обеспечивали своим выпускникам более обширное образование.

ВЫСШИЕ ВОЕННЫЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ

Николаевская академия Генерального штаба (императорская Военная академия), основана в 1832 в Петербурге, Николаевская инженерная академия (создана в 1855 в Петербурге на базе Николаевского инженерного училища), Михайловская артиллерийская академия, создана в 1855 в Петербурге (на базе офицерских классов Михайловского артиллерийского училища, основанного в 1820; до 1863 входила, как и Инженерная академия, в состав Военной академии), Александровская военно-юридическая академия (1867) давали высшее военное образование.

В 1827 в составе Морского корпуса создан Офицерский класс, который приравнивался к высшим учебным заведениям (с 1862 — Академич. курс морских наук, с 1877 — Николаевская морская академия).

Училище (Школа) колонновожатых в Москве, основано в 1815 Н. Н. Муравьевым как частное учебное заведение (Муравьевское училище; выросло из основанного им же в 1810 Общества математиков) для подготовки офицеров Генерального штаба, в 1817 стало государственным учебным заведением; закрыто в 1823.

ЖЕНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ЖЕНСКИЕ ИНСТИТУТЫ (ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ) И ПАНСИОНЫ

Первыми женскими учебными заведениями в России стали т. н. институты благородных девиц, закрытые привилегированные учебно-воспитательные заведения. В 1764 в Петербурге открылось *Воспитательное общество благородных девиц* (*Смольный институт*), старейший среди институтов благородных девиц (с 1797 управление ими находилось в основном в Ведомстве учреждений императрицы Марии), в 1798 *Петербургское училище ордена св. Екатерины* (*Екатерининский институт*), с 1844 причислен к I разряду женских институтов, в 1813 — *Патриотический институт* (учрежденный Женским патриотич. обществом) — наиболее аристократич. женские институты. Менее аристократич. и привилегированными были *Петербургский Мариинский институт* (1797, до 1800 — Сиротское училище), *Елизаветинский институт* (1808), *Павловский институт* (1829), *Петербургский Николаевский институт* (1837), *Петербургский Александровский институт* (1865; создан на базе Мещанского отделения Смольного института), *Ксенинский институт* (1895; открыт в память бракосочетания великой княжны Ксении (дочери Александра III) с великим князем Александром Михайловичем 25 июля 1894), для полусирот из детей дворян с 10-летним курсом обучения (7 общих и 3 профессиональных класса).

В Москве также имелись институты благородных девиц (одноименные с петербургскими): *Екатерининский институт* — *Московское училище ордена св. Екатерины*, основано в 1802; в 1804 добавилось мещанское отделение, в 1842 преобразовано в *Мещанское училище* (на базе последнего в 1891 создан *Александровский институт*), *Елизаветинский институт*, основанный в 1825, в т. ч. для обучения дочерей военных, чиновников, духовенства, купцов, *Московский Николаевский сиротский институт*, основан в 1837 — для обучения сирот потомственных дворян, офицеров, чиновников. Постепенно такие институты были созданы почти во всех губерниях. Упразднены после 1917.

В наиболее аристократич. институты принимались только дочери потомственных дворян и чинов первых четырех классов, в другие — всех обер-офицеров и классных чиновников, а в качестве своеобразных — и дочери духовенства и купечества. За казенный счет, а также за счет различных стипендий (императора, членов императорской фамилии, различных ведомств и дворянских обществ) воспитывались сироты, полусироты и дети недостаточных и заслуженных родителей, а часть воспитанниц — за плату.

Первоначально срок воспитания в Смольном институте составлял 12 лет, но потом он был сокращен. В начале 19 в. в большинстве институтов он составлял 6 лет, к концу века основной курс — 7 лет. Принимались девочки с 6, позднее 8—10 лет. С 1803 в институте стал вводиться класс п е п и н ь е р. Пепионерки готовились к роли будущих воспитательниц и выполняли обязанности помощниц педагогов. В кон. 19 в. пепионерские курсы были преобразованы в педагогич. классы, со сроком обучения 2 года. При Ксенинском институте с 1901 действовали также профессиональные курсы, дававшие квалификацию ученых контролниц, рисовавших и мастериц по женским рукоделиям. Но основной целью образования в институтах благородных девиц была подготовка будущих жен и матерей, в них уделя-

лось большое внимание навыкам домашнего хозяйства (кройка и шитье, приготовление пищи и т. д.). Преподавание русского языка и словесности включало историю отечественной литературы до Тургенева, Гончарова и Островского, французского языка (в женских институтах это был один из важнейших предметов), преподавало знакомство с П. Корнелем, Ж. Расином и Мольером, немецкого — с Г. Э. Лессингом, Ф. Шиллером и И. В. Гёте.

Математика изучалась в объеме арифметики, геометрии (включая стереометрию), алгебры (до уравнений 2-й степени и логарифмов). История включала сведения о всемирной и рос. истории до кон. 19 в., география — о физич. географии, основных странах, физич., полит., этнографич. и экономической географии России. Среди других предметов были естествоведение — начальные сведения по естественной истории, химии и геологии, краткая ботаника, зоология и краткая анатомия и физиология, а также физика и космография (курс физики до электричества).

Т. о., женские институты давали воспитанницам облегченный курс средней школы, усиленный педагогич. и специфически женскими предметами (домашнее хозяйство).

Частные женские пансионаты поначалу были чрезвычайно многообразны как по предметам и программам обучения, так и по внутреннему устройству, составу воспитанниц и т. д. Но начиная с 30-х гг. 19 в. усиливается правительственный надзор за частными учебными заведениями, их устройством и программы ориентируются на казенные (Марининского ведомства — императрицы Марии) женские институты.

Женские гимназии

С 1862 стали открываться *женские гимназии Ведомства учреждений императрицы Марии* — открытые средние учебные заведения с 7-летним курсом обучения.

В них изучались Закон Божий, русский язык и словесность, французский и немецкий языки, история, география, математика, естествоведение и физика, педагогика, рукоделие, гимнастика, чистописание, рисование и пение. Курс математики, как и других точных и естественных наук, был облегчен сравнительно с мужскими гимназиями, зато преподавались педагогика и рукоделие.

В том же году начали открываться и *женские гимназии Министерству народного просвещения*.

7 классов и дополнительный 8-й, педагогический, давали права преподавания. В этих гимназиях был несколько расширен курс математики, естественной истории и физики, также преподавалась педагогика, факультативно изучались древние языки. В процессе развития женских министерских гимназий их программы постепенно сближались с программами мужских средних учебных заведений.

В пореформенное время на базе частных пансионатов стали создаваться *частные женские гимназии* как с правами, так и без прав казенных гимназий.

Марининские женские училища

Для низших слоев городского населения с 1882 стали создаваться женские училища Ведомства учреждений императрицы Марии, приближавшиеся к начальным учебным заведениям. Курс в них продолжался 4 года, изучались Закон Божий, русский язык, арифметика, география и история России, естествоведение, чистописание, пение, рукоделие. При них создавались также профессиональные женские училища с 3-летним курсом обучения.

Училища для девиц духовного звания

Для дочерей православного духовенства, а также — за плату — и для девиц других сословий существовали *епархиальные женские училища*, с 6 классами обучения. Их устройством регулировалось Уставом 1868.

В число предметов входили Закон Божий, русский язык и словесность (включая ознакомление с церковно-славянским языком), арифме-

* Многие высшие, высшие и женские учебные заведения получали названия по имени рос. императоров или членов императорской фамилии; повсюду заботы в случаях, не указанных для современного читателя.

тика и общие основания геометрии, география (всобщая и Россия), история, общие необходимые сведения из физики, педагогика, чистописание, церковное пение, рукоделие, а факультативно — новые языки, музыка, рисование. История преподавалась спаркиалкам по Д. И. Иловайскому (рассматривалось также чтение Н. М. Карамзина и С. М. Соловьева), словесность — в пределах хрестоматии А. Д. Галахова.

В Царском Селе, Ярославле, Казани, Иркутске и губерниях Западного края существовали также *маринские училища для девиц духовного звания*, с программой обучения, приближающейся к епархиальным училищам.

Высшие женские учебные заведения

К кон. 19 в. все казенные и частные женские учебные заведения давали лишь среднее, и то облегченное, сравнительно с мужским, образование. С 1870-х гг. стали открываться (на правах частных учебных заведений) *высшие женские курсы*: в 1872 курсы В. И. Герье в Москве, в 1876 — высшие женские курсы в Казани, в 1878 — высшие женские курсы в Киеве и, наконец, в том же году — *Бестужевские курсы в Петербурге* (официальное название — Петербургские высшие женские курсы). Они ориентировались на университетские программы и постепенно включали отделения, соответствующие основным университетским факультетам (кроме медицинского) со сроком обучения 4 года. В нач. 20 в. некоторые из них (Бестужевские, Герье) получили права правительственных учебных заведений. Выпускницы получали права преподавательниц женских учебных заведений. В 1897 в Петербурге основан *Женский медицинский институт* с 5-летним сроком обучения и полным курсом медицинского образования, в 1910 — *Харьковский женский медицинский институт*; в 1903 — *Женский педагогический институт* (бывший в Ведомстве учреждений императрицы Марии) со сроком обучения в 4,5 года, с двумя отделениями: словесно-историческим и физико-математическим. В 1906 в Петербурге открылись *Женские политехнические курсы*, преобразованные в 1915 в *Женский политехнический институт*.

Существовали также на правах частных учебных заведений возникавшие с нач. 20 века *Высшие Стебутовские сельскохозяйственные курсы* в Петербурге, *Высшие женские Голыцинские сельскохозяйственные курсы* в Москве, *Московские высшие женские медицинские курсы* *приват-доцента императорского Московского университета П. Г. Статкевича и доктора А. Б. Изачика*, *Юридические высшие женские курсы Е. И. Песковской*, *Женские архитектурные курсы Е. Ф. Багаевой*, *Высшие курсы воспитательниц и руководительниц физического образования* (3 последние — в Петербурге) и др.

Среднее специальное медицинское образование женщины получали в различных *фельдшерских училищах*, *училищах лекарьских помощниц* и *повивальных институтах* (императорский Клинический повивально-гинекологический институт, Повивальные институты при императорских Петербургском и Московском родовспомогательных заведениях и др.), а также на *подготовительных курсах сестер милосердия* и в *фельдшерских школах*.

Лит.: Сборник постановлений по Министерству народного просвещения, т. 1—17, СПб., 1864—1904; Дополнение к Сборнику постановлений по Министерству народного просвещения, 1803—1864, СПб., 1867; Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения, т. 1—7, 14—16, СПб., 1866—1907; Сборник материалов для истории просвещения в Рос-

сии, извлеченных из архива Министерства народного просвещения, т. 1—4, СПб., 1893—1902; Рождественский С. В., Историч. обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802—1902, СПб., 1902; Учебные заведения ведомства Министерства народного просвещения. Справочная книга, составленная по официальным сведениям за ... [1883/84, 1890/91, 1895, 1898, 1905, 1907—1909, 1911—1916] год, СПб., 1883—1916; Спутник школы. Календарь для русской учащейся молодежи на ... [1884/85—1916/17] учебный год, СПб.—Пг.—М., 1885—1917; Воротицев Н. Н. Полный сборник правил приема и программ высших, средних и низших общеобразовательных, специальных и профессиональных учебных заведений России, мужских и женских, правительственных и частных, Пг., 1915.

Вессель Н., Учебный курс гимназий, СПб., 1866; Лаурсон А. М., Программы и правила об испытаниях для мужских гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения, СПб., 1913; Примерные программы предметов в начальных народных училищах Министерства народного просвещения, СПб., 1912; Средние и низшие технич. и ремесленные учебные заведения, СПб., 1889; Программы для высших начальных училищ ведомства Министерства народного просвещения, Пг., 1916; Устав женских учебных заведений ведомства учреждений императрицы Марии, высочайше утвержденный 30 августа 1855 г., с дополнениями, СПб., 1884; Основные положения, нормальная табель и учебные планы женских институтов и гимназий ведомства учреждений императрицы Марии, СПб., 1905; Программы для церковно-приходских школ, Пг., 1916; Маврицкий В., Правила и программы реальных училищ ведомства Министерства народного просвещения, изд. 17-е (значительно измененное и дополненное), М., 1910; Фальборк Г., Чернолуцкий В., Инородческие и иноверч. училища: Систематич. свод законов и распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колонистских, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, инородческих, магометанских и еврейских, СПб., 1903; Константинов Н. А., Струминский В. Я., Очерки по истории начального образования в России, М., 1949; Веселов А. Н., Среднее профессионально-технич. образование в дореволюционной России: Очерки по истории, М., 1959; Кузьмин Н. Н., Низшее и среднее специальное образование в дореволюционной России, Челябинск, 1971; Ганелин Ш. И., Классич. гимназии. Реальные училища. — В кн.: Очерки истории школы и педагогич. мысли народов СССР. Вторая половина XIX в., М., 1976; Днелров Э. Д., Соотношение различных типов начальных школ — там же; Иванов Н. Е., Высшая школа в России в кон. XIX — нач. XX вв., М., 1991; его же, Высшая школа Рос. империи нач. XX в. — «Вестник Рос. Академии наук», 1997, т. 67, № 3; Иванов А. Е., Ученые степени в Рос. империи. XVIII в. — 1917 г., М., 1994. + Брокгауз (статья): Университеты, Гимназии, Академии ..., Консерватории, художественно-промышленное образование, Начальное народное образование, Народные училища, Женское образование, Учительские институты, семинарии и школы, Ведомство учреждений императрицы Марии Федоровны, Духовно-учебные заведения, Ветеринарные институты и школы и т. п.; Санкт-Петербург. Петроград. Ленинград. М., 1992; Отечественная история, т. 1, М., 1994, т. 2, М., 1996; Москва, М., 1997.

СОДЕРЖАНИЕ

Состояние образования в Российской империи, с. 673

Высшие учебные заведения, с. 676

Университеты

Привилегированные учебные заведения (Благородный пансион при Московском университете, Лицей, Училище правоведения и др.)

Институты и высшие училища, в т. ч. художественные

Средние учебные заведения, с. 681

Гимназии

Реальные училища

Коммерческие училища

Училища при церквях иностранных исповеданий

Профессиональные учебные заведения, с. 683

Учительские институты, учительские семинарии, средние технические училища и др.

Начальные учебные заведения, с. 683

Уездные и приходские училища, церковно-приходские школы, городские и др.

Духовные учебные заведения, с. 685

Военно-учебные заведения, с. 685

Женское образование, с. 687

(Институты благородных девиц, пансионы, гимназии, училища и др.)

Д. И. Раскин.

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ РОССИИ В 1917

Продолжение

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Университеты		
Варшавский	1816—31, 1869; в 1915 эвакуирован в Ростов-на-Дону; с 1917 Ростовской	Мин-во нар. просвещения
Казанский	1804	—
Киевский	1834	—
Московский	1755	—
Новороссийский (в Одессе)	1865	—
Петроградский (до 1914 Петербургский)	1819	—
Пермский	1916	—
Саратовский	1909	—
Томский	1878; открыт в 1888	—
Харьковский	1805	—
Юрьевский	1632; вновь открыт в 1802 под назв. Дерптский, с 1893 Юрьевский	—
Специальные юридические высшие учебные заведения		
Александровский лицей в Петрограде	1811	Ведомство учреждений имп. Марии
Лицей цесаревича Николая (Катковский) в Москве	1869	Мин-во нар. просвещения
Уч-ще правоведения в Петрограде	1835	Мин-во воспитания
Демидовский юрид. лицей в Ярославле	1805	Мин-во нар. просвещения
Востоковедческие высшие учебные заведения		
Учебное отделение восточных языков при Азиат. деп-те Мин-ва иностр. дел в Петрограде	1818	Мин-во иностр. дел
Восточный ин-т во Владивостоке	1899	Мин-во нар. просв.
Лазаревский ин-т вост. языков в Москве	1815	—
Специальные медицинские высшие учебные заведения		
Воен.-мед. академия в Петрограде	1798; до 1881 Мед.-хирургич.	Воен. мин-во
Жен. мед. ин-т в Петрограде	1897	Мин-во нар. просвещения
Педагогические высшие учебные заведения		
Петрогр. инст.-филол. ин-т	1867	—
Нежинский инст.-филол. ин-т	1820	—

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Пед. ин-т им. П. Г. Шеллупнина в Москве	1911	—
Жен. пед. ин-т в Петрограде	1903	Ведомство учреждений имп. Марии
Учебное заведение изобразительного искусства		
Высшее худ. уч-ще живописи, скульптуры, архитектуры Академии художеств в Петрограде	1764	Мин-во Имп. двора
Военные и военно-морские учебные заведения		
Академия Генштаба в Петрограде	1832	Воен. мин-во
Арт. академия в Петрограде	1855	—
Инж. академия в Петрограде	1855	—
Интендантская академия в Петрограде	1900; до 1911 Интендантский курс	—
Воен.-юрисп. академия в Петрограде	1867	—
Мор. академия в Петрограде	1877	Мор. мин-во
Мор. уч-ще в Петрограде	1701; до 1906 Мор. кадет. корпус, в 1906—1916 Мор. корпус	—
Мор. ниж. уч-ще в Кроноцком заповеднике	1894	—
Духовные высшие учебные заведения		
Казанская духовная академия	1797	Святейший Синод
Киевская духовная академия	1701	—
Моск. духовная академия	1775	—
Петрогр. духовная академия	1797	—
Высшие жен. богословские курсы в Москве	1914	—
Римско-католич. духовная академия в Петрограде	1842	Мин-во внутр. дел
Энциклопедическая духовная академия	1874	—
Инженерно-промышленные высшие учебные заведения		
Моск. высшее техн. уч-ще	1830	Мин-во нар. просвещения
Петрогр. техн. ин-т	1828	—
Харьковский техн. ин-т	1885	—
Томский техн. ин-т	1896; открыт в 1900	—
Варшавский политехн. ин-т	1898; в 1915 перенесен в Инст. Новгород, с 1917 Нижегородский	Мин-во торговли и промышленности

Примечание. Данная таблица, подготовленная для энциклопедии «Отечественная история» (т. 1, М., 1994, с. 492—96) А. Е. Ивановым, не является «комплексом» Приложения, а имеет самостоятельное значение — по состоянию рос. образования на 1917 год. Расхождения в датах с текстом Приложения объясняются разницей в годах основания и фактич. открытия некоторых учебных заведений. Ред.

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Донской политехн. ин-т в Новочеркасске	1907	—
Киевский политехн. ин-т	1898	—
Петрогр. политехн. ин-т	1898; открыт в 1902	—
Рижский политехн. ин-т	1862	Мин-во нар. просвещения
Ин-т инженеров путей сообщения в Петрограде	1810	Мин-во путей сообщения
Ин-т инженеров путей сообщения в Москве	1896; до 1913 Инж. уч-ще	—
Петрогр. горный ин-т	1773	Мин-во промышленности и торговли
Екатеринославский горный ин-т	1899; до 1912 Высшее горное уч-ще	—
Электротехн. ин-т в Петрограде	1868	Мин-во внутр. дел
Ин-т гражд. инженеров в Петрограде	1842	—

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Сельскохозяйственные высшие учебные заведения Моск. с.-х. ин-т	1855; до 1894 Петровская земледельч. и лесная академия	Мин-во земледелия
Ин-т с.-х. и лесоводства в Новой Александрии (Люблинская губ.)	1862	—
Лесной ин-т в Петрограде	1803	—
Воронежский с.-х. ин-т	1913	—
Высшие муж. курсы по виноделию при Институте уч-ще садов и виноделия в Ялте	1888	—
Константиновский межовой ин-т в Москве	1779	Мин-во юстиции
Варшавский ветеринарный ин-т	1840; в 1915 эвакуирован в Новочеркасске, в 1916 Донской	Мин-во нар. просвещения
Казанский ветеринарный ин-т	1874	—
Харьковский ветеринарный ин-т	1850	—
Юрьевский ветеринарный ин-т	1848; до 1893 Дерптский	—

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ЧАСТНЫЕ ВЫСШИЕ УЧЕБНЫЕ ЗАВЕДЕНИЯ РОССИИ В 1917

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
1. Учебные заведения с университетской программой преподавания		
а) Женские курсы		
Варшавские высшие жен. курсы	1909; в 1915 эвакуированы в Ростов-на-Дону, в 1917 переименованы. Общества.	Мин-во нар. просвещения
Екатеринославские высшие жен. курсы	1916. Общества.	—
Казанские высшие жен. курсы	1872; в 1886 приостановлены; в 1906 возобновлены. Общества.	—
Киевские высшие жен. курсы	1872; в 1886 приостановлены; в 1906 возобновлены. Общества.	—
Киевские общеобразоват. вечерние жен. курсы А. В. Житковой	1905. Частные	—
Моск. высшие жен. курсы (Герье)	1872; в 1886 приостановлены; в 1900 возобновлены. Общества.	—
Моск. высшие жен. ист.-филос. и юрид. курсы В. А. Поторащой	1906; до 1907 Высшие жен. частные юрид. курсы кн. Голицыной и Поторащой. Частные	—
Одесские высшие жен. курсы	1909. Общества.	—
Петрогр. высшие жен. курсы (Бестужевские)	1878; в 1886 приостановлены; в 1889 возобновлены. Общества.	—
Петрогр. высшие жен. ист.-лит. и юрид. курсы Н. П. Раева (Вольный жен. ун-т)	1906. Частные	—
Петрогр. высшие жен. курсы при Биологич. лаборатории проф. П. Ф. Лестафта, учрежденные Дмитриевым	1905. Курсы по биологии, пед. и социальным наукам при Лаборатории проф. П. Ф. Лестафта; в 1907 закрыты, в 1910 возобновлены как Высшие курсы. Частные	—
Петрогр. жен. естество-науч. курсы М. А. Лохвицкой-Скалон	1905. Частные	—
Сибирские высшие жен. курсы в Томске	1910. Общества.	—
Тифлиские высшие жен. курсы (не имели статуса высшего уч. заведения)	1909. Общества.	—
Харьковские высшие жен. курсы Об-ва взаимопомощи трудящихся женщин	1907. Общества.	—

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
б) Женские медицинские учебные заведения		
Киевский жен. мед. ин-т	1916; преобразован из мед. ф-та Киевских высших жен. курсов, созданного в 1907, с 1908 — самостоятел. уч. заведения	Мин-во нар. просвещения
Моск. жен. мед. ин-т проф. П. Г. Статкевича и А. Б. Ивачева	1909. Частный	—
Одесские высшие жен. мед. курсы	1909; открыты в 1910. Общества.	—
Жен. гор. мед. ин-т в Ростове-на-Дону	1916. Общества.	—
Саратовские высшие жен. курсы Саратовского сам. об-ва	1913. Общества.	—
Харьковский жен. мед. ин-т	1909; открыт в 1910. Общества.	—
в) Для мужчин и женщин		
Моск. частный юрид. ин-т	1915. Частный	—
Петрогр. частный ун-т при Психоневрологич. ин-те	1907; до 1916 Пенко-неврологический ин-т	—
Юрьевские университетские курсы естества и мед. наук, учрежденные проф. М. И. Ростовцевым	1908. Частные	—
Новороссийский (в Одессе) междунар. ин-т	1914. Частный	—
Петрогр. высшие геогр. курсы при Докучаевском почвенном к-те	1916. Общества.	Мин-во земледелия
Моск. гор. ун-т им. А. Л. Шанявского	1908. Общества.	Мин-во нар. просвещения
Нижегородский гор. нар. ун-т	1916. Общества.	—
Томский нар. ун-т им. П. И. Макушина	1915. Общества.	—
Петрогр. археол. ин-т	1877. Общества.	—
Моск. археол. ин-т	1907. Общества.	—
Педагогические учебные заведения		
Петрогр. академия пед. наук Липи образования	1907. Общества.	Мин-во нар. просвещения
Петрогр. пед. курсы Об-ва эксперимент. педагогики	1910. Общества.	—
Петрогр. пед. курсы Фребелевского об-ва для содействия первонач. воспитанию	1872; в 1907 преобразованы в высшие женские. Общества.	—
Киевский жен. Фребелевский ин-т Киевского Фребелевского об-ва	1907. Общества, жен.	—

Продолжение

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Моск. пед. курсы при Об-ве воспитательниц им. Д. И. Тихомирова	1872. Общественные.	—
Учебные заведения изобразительного и музыкального искусства		
Моск. уч-ще живописи, здания и зодчества	1843. Общественные.	Мин-во внутр. дел
Моск. худ. об-ва	—	—
Киевская консерватория	1912. Общественные.	—
Рус. муз. об-ва	—	—
Моск. консерватория	1866. Общественные.	—
Одесская консерватория	1913. Общественные.	—
Петрогр. консерватория	1862. Общественные.	—
Саратовская консерватория	1912. Общественные.	—
Муз.-драм. уч-ще Моск. филармонич. об-ва	1878. Общественные.	—
Петрогр. ин-т истории искусства	1912. Общественные.	Мин-во нар. просвещения
Учебные заведения народнохозяйственного профиля		
в) Коммерческие		
Киевский коммерч. ин-т	1906. Общественные.	Мин-во торговли и промышленности
Моск. коммерч. ин-т Об-ва распространения коммерч. знаний	1906. Общественные.	—
Высшие коммерч. курсы М. В. Побединского в Петрограде	1906; с 1917 Торг.-пром. ин-т. Частный	—
Петрогр. коммерч. ин-т	1906; Высшие коммерч. курсы при Об-ве содействия высшему коммерч. образованию; в 1910—17 Ин-т высших коммерч. знаний (вечерний). Общественные.	Мин-во торговли и промышленности

Продолжение

Учебные заведения	Годы основания, открытия, реорганизации	Подведомственность
Харьковский коммерч. ин-т Кулековского об-ва	1912; до 1916 Высшие коммерч. курсы. Общественные.	—
Практич. вост. академия Об-ва востоковедения в Петрограде	1910. Общественные, муж.	—
б) Сельскохозяйственные		
Моск. высшие жен. с.-х. курсы С. К. Голышиной	1908. Частные	Мин-во земледелия
Новочеркасские высшие жен. с.-х. курсы Донского с.-х. об-ва	1916, на основе Ново-черкассских высших жен. курсов. Общественные.	—
Петрогр. жен. с.-х. курсы Об-ва содействия жен. с.-х. образованию (Стебутовские)	1904. Общественные.	—
Петрогр. с.-х. курсы Саратовские высшие с.-х. курсы Саратовского с.-х. об-ва	1906. Частные 1913. Общественные.	—
в) Инженерно-промышленные		
Петрогр. жен. политехн. ин-т	1906. Жен. политехн. курсы; в 1915 переименованы в ин-т. Общественные.	Мин-во нар. просвещения
Курсы высших archit. знаний Е. Ф. Багаевой и Л. П. Молье в Петрограде	1906. Частные, жен.	Мин-во торговли и промышленности
Моск. жен. политехн. ин-т	1916. Частный	Мин-во нар. просвещения
Екатеринославский политехн. ин-т, учрежденный А. А. Прессом и Л. Г. Рабиновичем	1916. Для мужчин и женщин евр. национальности	—

СПИСОК ОСНОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

авг. — август, августовский
 авт. — авторский
 автобиогр. — автобиографический, автобиография
 автороф. — автореферат
 азм. — асимметричный
 акад. — академик, академия
 алма. — алмазах
 АН — Академия наук
 антч. — античный
 апр. — апрель, апрельский
 арт. — артиллерийский; артист
 арх. — архивный
 археогр. — археографический
 АХ — Академия художеств
 Б. — Большой
 б. — бывший
 б. г. — без указания года
 б. д. — без указания даты
 б. м. — без указания места
 б. п. — без подписи
 БП(б)м(с) — Библиотека поэта, Большая серия (малая серия)
 б. ч. — большая часть, большей частью
 библи. — библиографический, библиография; библиевский
 биогр. — биографический
 бирж. — биржевой
 б-ка — библиотека
 Вл. Восток — Ближний Восток
 бр. — братья
 букв. — буквально, буквальный
 бурж. — буржуазный
 в. — все; выпуск
 в осн. — в основном
 в т. ч. — в том числе
 вв. — века
 вед. — ведомости
 вел. кн. — великий князь
 вест. — восточный
 веч. — вечный
 визант. — византийский
 вел. — включительно, включая
 вич. — вичский
 внутр. — внутренний
 воен. — военный
 восп. — воспоминания
 вост. — восточный
 европ. — европейский
 вступ. — вступительный
 г. — год; город
 ГА — Государственный архив
 газ. — газета
 гв. — гвардия, гвардейский
 гг. — годы; города
 ген. — генерал, генеральный
 геогр. — географический
 г-ния — гимназия
 гл. — главный; глава
 гл. обр. — главным образом
 ГМ — Государственный музей
 гор. — городской
 гос. — государственный
 гос-во — государство
 гр. — граф, графиня
 гражд. — гражданский
 губ. — губерния, губернский
 д. — деревня; действие; дело
 Д. Восток — Дальний Восток
 д. стат. сов. — действительный статский советник
 д. тайный сов. — действительный тайный советник
 д. чл. — действительный член
 з-во — заводничество
 декр. — декретный
 дек. — декабрь, декабрьский
 демокр. — демократический
 деп. — департамент; депутат
 лет. — летский
 энпл. — дипломат, дипломатический
 дир. — директор

дис. — диссертация
 жоб. — зобаленне
 докт. — докторский
 док-ты — документы
 док. — домашний
 доп. — дополнение, дополнительный, дополненный
 ДП — Департамент печати
 д-р — доктор
 Др. — Древний
 др. — друтой
 др. — древнее...
 драм. — драматический
 с. и. в. — его императорское величество
 европ. — европейский
 сжег. — сжогший, сжегши
 ежед. — ежедневный
 ежемес. — ежемесячный
 ежекв. — ежеквартальный, ежеквартальный
 епарх. — епархиальный
 ж., ж-л — журнал
 ж. д. — железная дорога
 ж.-д. — железнодорожный
 жен. — женский
 журн. — журнальный
 зав. — завлашый
 запл. — заплавие
 зам. — заместитель
 зап. — западный; записки
 зап.-европ. — западноевропейский
 заруб. — зарубежный
 зсм. — жемский
 зол. — золотой
 изв. — известный; известия
 изд. — издание, издатель, изданный и т. д.
 изд-во — издательство
 илл. — иллюстрация, иллюстрированный
 им. — имени
 имп. — император, императрица, императорский
 инж. — инженер, инженерный
 ин-т — институт
 иск-во — искусство
 искл. — исключительно, исключая
 испр. — исправленный
 иссл. — исследование
 ист. — исторический
 источ. — источники
 к. — Каргон
 кав. — кавалерийский
 кавк. — кавказский
 канц. — канцелят, канцелятский
 канц. — канцелярский
 кл. — класс
 к.-л. — какой-либо
 класб. — класбише
 клас. — классовый
 кн. — книга; князь, княжна
 к.-н. — какой-нибудь
 колл. эк. — коллежский ассессор
 колл. рег. — коллежский регистратор
 колл. экскр. — коллежский секретарь
 колл. экскр. сов. — коллежский советник
 комм. — комментарий
 комп. — композитор
 конц. — конец
 консерват. — консервативный
 корр. — корреспонденция
 крест. — крестный
 к-рый — который
 к-т — комитет
 л. — лист
 л. д. — личное дело
 л.-г. — лейб-гвардия, лейб-гвардейский
 ленингр. — Ленинградский
 либр. — либретто

лингв. — лингвистический
 лит. — литературный
 Лит. — литература (в библиографии)
 лит.-исл. — литературовед
 лит.-ведение — литературоведение
 лит.-вед. — литературоведческий
 лит.-ра — литература
 М. — Малый
 м. — местечко
 м. б. — может быть
 м. с. — метрическое свидетельство
 матем. — математический
 мат-лы — материалы
 мез. — мезопитский
 междунар. — международный
 мин. — министр
 мин-во — министерство
 мифол. — мифологический
 млн. — миллион
 мн. — многие
 мон. — монастырь
 мор. — морской
 моск. — московский
 муз. — музыкальный, музыка
 Н. — Нижний
 и. ст. — новый стиль
 н. э. — наша эра
 назв. сов. — назворный советник
 наз. — называемый, называютой
 назв. — название
 наиб. — наиболее, наибольший
 напр. — например
 нар. — народный
 наст. — настоящий
 науч. — научный
 нач. — национальный
 наз. — начало, начальник, начальственный
 ИБ — Научная библиотека
 ис сохр. — не сохранился
 неизв. — неизвестно, неизвестно, неизвестный
 нек-рый — некоторый
 неск. — несколько
 н.-н. — научно-исследовательский
 Нов. — Новый
 нояб. — ноябрь, ноябрьский
 о. — остров
 об. — оборот
 об-во — общество
 обл. — область, областной
 обзор. — обзорный
 о-ва — острова
 оном. — ономический
 ок. — около
 окт. — октябрь, октябрьский
 Окт. революция, Октябрь — Октябрьская революция 1917
 ОО — особый отдел
 оп. — опия
 опубли. — опубликованная, опубликованная
 орг-ция — организация
 орн. — орден
 ориг. — оригинал, оригинальный
 осн. — основан, основанный; основной
 отз. — отзыв, отделение, отдел
 отец. — отечественный
 офиц. — официальный
 п. с. — воздушный список
 паг. — пагинация
 парт. — партийный
 исд. — педагогический
 пер. — перевод
 первонач. — первоначальный, первоначально
 перени. — переименован
 пестерб. — петербургский
 петрогр. — петроградский
 пех. — пехотный
 пов. — повесть

п-ов — полуостров
 подг. — подготовка
 подгиз. — подзаголовочный
 пол. — половина
 полит. — политический
 полн. — полный
 полт. — полтавский
 пост. — полностью, полный
 пом. — помощник
 пос. — поселок
 пост. — послешен, послешенный
 послосл. — послешенные
 пост. — посмертно
 пост. — постановка; постановления
 пост. — постановленный
 пр. — премия; прочее
 правосл. — православный
 пред. — председатель
 предл. — предисловие
 преим. — преимущественно
 препода. — преподаватель
 приб. — прибавление
 прил. — прилагательное
 прил. — приложение
 прим. — примечание
 прогр. — прогрессивный
 трониз. — тронизация
 прелет. — прелетский
 пром. — промышленный
 просветит. — просветительский
 проф. — профессор; профессорский
 псевд. — псевдоним
 психол. — психологический
 ПСС — Полное собрание сочинений
 ПССИП — Полное собрание сочинений и писем
 публ. — публикация
 публн. — публицистический
 Р. — разряд
 р. род. — рождение
 разл. — разговорный
 разл. — различный
 рев. — революционный
 ред. — редактор, редакция, редакционный
 реж. — редактор, режиссерский
 религ. — религиозный
 респ. — республиканский
 рец. — рецензия
 рнк. — рынок
 р-н — район
 РО — Рукописный отдел
 ром. — роман
 рос. — российский
 рукоп. — рукописный, рукописный
 с. — село; страница
 СА — секретный архив
 сб., сб-к — сборник
 св. — святой; священный
 с.-д. — социал-демократ, социал-демократический
 сев. — северный
 секр. — секретарь
 сел. — сельский, селение
 сем. — семинария
 сент. — сентябрь, сентябрьский
 сер. — серия; серия
 серб. — сербский
 сиб. — сибирский
 слав. — славянский
 сл. — слезушый
 сл. — слотный
 соавт. — соавтор, соавторство
 собр. — собрание
 собств. — собственное
 сов. — советский
 совр. — современный
 сокр. — сокращенный, сокращенно, сокращение

сост. — составитель, составленный, составление
 сотр. — сотрудник
 соч. — сочинение
 С. Петерб. — Санкт-Петербургский
 спец. — специальный
 ср. — сравня; средин
 ср.-век. — средневековый
 ст. — станица; статья
 стб. — столбец
 стих. — стихотворение
 стихотв. — стихотворный
 стр-во — строительство
 т. — том
 т. с. — то есть
 т. з. — точка зрения
 т. к. — так как
 т. л. — титульный лист
 т. н. — так называемый
 т. о. — таким образом

тн. — тома
 тайный сов. — тайный советник
 т-во — товарищество
 терр. — территориальный, террито-
 рия
 тетр. — тетрадь
 тит. сов. — титулярный советник
 торг. — торговый
 т-р — театр (при названии)
 Тр. — труды
 тыс. — тысяча, тысячелетие
 у. — уезд
 ук. — указатель
 ул. — улица
 ум. — умер
 ун-т — университет
 ун-тский — университетский
 урожд. — уроженец (-ая)
 усл. — условно, условный
 утр. — утренний

уч. — учебный
 Уч. зап. — Ученые записки
 уч-ще — училище
 ф. — фонд
 ф. с. — формулярный список
 факс. — факсимильный
 фам. — фамилия
 февр. — февраль, февральский
 феод. — феодальный
 филол. — филологический
 филос. — философский
 фольк. — фольклорный
 ф-т — факультет
 хол. — хозяйственный
 христ. — христианский
 худ. — художник
 худож. — художественный
 ц. р. — церковное разрешение
 ЦГА — Центральный государствен-
 ный архив

цех. — цеховой
 центр. — центральный
 церк. — церковный
 шит. — штурман
 ЦНБ — Центральная научная биб-
 лиотека
 ч. — часть
 чсть. — четверть
 чл. — член
 чл.-к. — член-корреспондент
 экз. — экземпляр
 экзп. — экспедиция (в описании ар-
 хива)
 эмоц. — эмоциональный
 энци. — энциклопедия, энциклопе-
 дический
 этногр. — этнографический
 юж. — южный
 яз. — язык
 янв. — январь, январский

Примечания:

1. В словаре применяются сокращения слов, обозначающих государственную, языковую или национальную принадлежность (напр., герм. — германский, лат. — латинский, рус. — русский).

2. В прилагательных и причастиях допускается отсечение окончаний и суффиксов: «ский», «анский», «ский», «онный», «еский», «ытный», «ель-
 ный» и др. (напр., «казан», «киостр», «писем», «традиц», «критич», «провинц», «лингв.»).

Сокращения названий городов

А.-А. — Алма-Ата
 Б. — Берлин
 В. — Воронеж
 Г. — Горький
 Д. — Дрездт
 Ер. — Ереван
 Ж. — Женева
 К. — Киев
 Каз. — Казань
 Л. — Ленинград
 М. — Москва
 Н. Новгород — Нижний Новгород
 Н.-Й. — Нью-Йорк
 Новосиб. — Новосибирск
 Од. — Одесса
 П. — Петербург, Петроград
 (1914—24), Санкт-Петербург
 Р. и Д. — Ростов-на-Дону
 СПб. — Санкт-Петербург
 Т. — Таллин
 Таш. — Ташкент
 Тб. — Тбилиси
 Х. — Харьков
 Я. — Ярославль
 Амст. — Amsterdam
 Амв. — Antwerpen
 В. — Berlin
 Camb. — Cambridge
 Чик. — Chicago
 Дрезд. — Dresden
 Един. — Edinburgh
 Фр.М. — Frankfurt am Main
 Жен. — Genève
 Гамб. — Hamburg
 Гейлб. — Heidelberg
 Хельс. — Helsinki, Helsingfors
 Л. — London
 Лпз. — Leipzig
 Мил. — Milano
 Мюнх. — München
 Н. У. — New York
 Оксф. — Oxford
 Пар. — Paris
 С. — Sofia
 Стокх. — Stockholm
 Стутг. — Stuttgart
 В. — Wien
 Варш. — Warszawa
 Уаш. — Washington
 Ц. — Zürich

Сокращения личных имен (в алфавите)

Абр. — Абрам
 Ал. — Алексей
 Ал-др — Александрович(на)
 Ал-др(а) — Александр(а)
 Амвр. — Амвросий
 Анаст. — Анастасий, Анастасия
 Анат. — Анастоль
 Анд. — Андрей
 Ант. — Антон(ина)
 Ап. — Апполон
 Арх. — Аркадий
 Арх. — Архим

Аф. — Афанасий
 Богд. — Богдан
 Бор. — Борис
 Вал. — Валери
 Вал. — Валентин(а)
 Валер. — Валерий, Валерия
 Варв. — Варвара
 Вас. — Василий, Василиса
 Вил. — Вильям
 Викт. — Виктор, Виктория
 Вит. — Виталий
 Вл. — Владимир
 Влад. — Владислав
 Вс. — Всеволод
 Вяч. — Вячеслав
 Гал. — Галактион, Галина
 Ген. — Геннадий
 Георг. — Георгий
 Гер. — Герасим
 Григ. — Григорий
 Дав. — Давид
 Дани. — Даниил
 Дем. — Деметрий
 Дм. — Дмитрий
 Евг. — Евгений, Евгения
 Евз. — Евдоким, Евдокия
 Евст. — Евстахий
 Евстаф. — Евстафий
 Ег. — Егор
 Ек. — Екатерина
 Ел. — Елена
 Елиз. — Елизавета, Елизавет
 Ем. — Емельян
 Ерем. — Еремей
 Еф. — Ефим
 Ефр. — Ефрем, Ефросинья
 Зах. — Захар
 Зина. — Зинаида
 Ива. — Иван
 Иг. — Игорь
 Игн. — Игнатий
 Илл. — Илья
 Илл. — Илларион
 Илл. — Илльокантий
 Иос. — Иосиф
 Ишт. — Иштвант
 Ир. — Ирина
 Исид. — Исидор
 Кап. — Калитоллина, Капитон
 Кир. — Кирилл
 Кл. — Клавдий, Клавдия
 Клим. — Климент(ий)
 Конд. — Кондрат(ий)
 Конст. — Константин
 Кс. — Ксения, Ксенофонт
 Куз. — Кузьма
 Лавр. — Лаврентий
 Лаз. — Лазарь
 Лар. — Лариса
 Леон. — Леонид
 Леонт. — Леонтий
 Лид. — Лидия
 Люб. — Любовь
 Люд. — Людмила
 Мах. — Макарий
 Макс. — Максим

Марг. — Маргарита
 Матв. — Матвей
 Митр. — Митрофан
 Мих. — Михаил
 Моис. — Моисей
 Мст. — Мстислав
 Наз. — Надежда
 Наз. — Назар
 Нат. — Натан, Наталья
 Ник. — Николай
 Никан. — Никанор
 Никиф. — Никифор
 Окс. — Оксана
 Оста. — Остап
 Пал. — Павел
 Пант. — Пантелеймон
 Пал. — Пахом
 Пел. — Пелагея
 Петр. — Петрович(на)
 Пол. — Поликарп, Павлина
 Порф. — Порфирий
 Пот. — Потап
 Праск. — Прасковья
 Прох. — Прохор
 Рад. — Родион
 Ром. — Роман
 Рост. — Ростислав
 Сав. — Савелий
 Сам. — Самуил
 Свет. — Светлана
 Севт. — Севтослав
 Сев. — Севастьян
 Сем. — Семён
 Сер. — Сергей
 Сераф. — Серафим(а)
 Сид. — Сидор
 Сол. — Солон
 Софр. — Софрон(ий)
 Спир. — Спиридон
 Стан. — Станислав
 Степ. — Степан(ица)
 Там. — Тамара
 Тар. — Тарас
 Тат. — Татьяна
 Тер. — Терентий
 Тим. — Тимофей
 Тих. — Тихон
 Триф. — Трифон
 Троф. — Трофим
 Фед. — Федор
 Фел. — Феликс
 Фер. — Ферлант
 Фил. — Филипп
 Филли. — Филимон
 Хар. — Харитон
 Христоф. — Христофор
 Эв. — Эдуард
 Эл. — Элеонора
 Эм. — Эмилия
 Эмил. — Эмилия
 Эфф. — Эффира
 Юл. — Юлий, Юлиа
 Юр. — Юрий
 Як. — Яков
 Яр. — Ярослав

АББРЕВИАТУРЫ УЧРЕЖДЕНИЙ, ОРГАНИЗАЦИЙ И ОБЩЕСТВ

АВНП	—	Архив внешней политики России (М.)	ОРЯС	—	Отделение русского языка и словесности Петербургской Академии наук (с 1841)
АРАН	—	Архив Российской Академии наук (до аск. 1991 — Архив АН; М.)	ПД	—	Пушкинский Дом (с 1930 официально — Институт русской литературы — ИРЛИ) (СПб.)
АРАН СПб	—	Архив Российской Академии наук; СПб.	РАН	—	Российская академия наук
БРАН	—	Библиотека Российской Академии наук (М.)	РАПП	—	Российская ассоциация пролетарских писателей (1925—32)
ВМП	—	Всероссийский музей А. С. Пушкина (СПб.)	РГА ВМФ	—	Российский государственный архив Военно-морского флота (СПб.) (до 1992 — Центральный...)
ВОЛРС	—	Вольное общество любителей российской словесности (1816—25, П.)	РГАДА	—	Российский государственный архив древних актов (М.) (до 1992 — Центральный...)
ВОЛСНХ	—	Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (1801—25, П.)	РГАЛИ	—	Российский государственный архив литературы и искусства (М.) (до 1992 — Центральный...)
ВЭО	—	Вольное экономическое общество (1765—1919, СПб.—П.)	РГБ	—	Российская государственная библиотека (до февр. 1992 — см.: ГБЛ)
ГАРФ	—	Государственный архив Российской Федерации (М.)	РГБИ	—	Российская государственная библиотека по искусству (М.)
ГАХН	—	Государственная академия художественных наук (1921—30, М.)	РГВИА	—	Российский государственный военно-исторический архив (М.) (до 1992 — Центральный...)
ГБЛ	—	Государственная библиотека им. В. И. Ленина (с февр. 1992 — РГБ)	РГИА	—	Российский государственный исторический архив (СПб.) (до 1992 — Центральный...)
ГИМ	—	Государственный исторический музей (М.)	РГО	—	Русское географическое общество (1845—)
ГЛМ	—	Государственный литературный музей (М.)	РИИИ	—	Российский институт истории искусствознания (прежде — ЛГТИ)
ГММ	—	Государственный музей В. В. Маяковского (М.)	РНБ	—	Российская национальная библиотека (СПб.) (до 1992 — ГПБ)
ГМТ	—	Государственный музей Л. Н. Толстого (М.)	РЦХИДНИ	—	Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (М.)
ГПБ	—	Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щварина (с марта 1992 — РНБ)	СПб ГПУ	—	Санкт-Петербургский государственный педагогический университет (до 1991 — ЛГПИ)
ГРМ	—	Государственный Русский музей (СПб.)	СПб ГТБ	—	Санкт-Петербургская государственная театральная библиотека (прежде — ЛГТБ)
ГЦММК	—	Государственный центральный музей музыкальной культуры им. М. И. Глинки (М.)	СПб ГУ	—	Санкт-Петербургский государственный университет
ГЦМ	—	Государственный центральный музей им. А. А. Бахрушина (М.)	СПбФ ИРИ РАН	—	Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН
ИМЛИ	—	Институт мировой литературы (М.)	ТГУ	—	Тартуский государственный университет
ИРЛИ	—	Институт русской литературы (Пушкинский Дом — ПД) (Л.—СПб.)	ЦА ФСБ	—	Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации
ЛГАЛИ	—	см. ШГАЛИ СПб	ЦГА ВМФ	—	см. РГА ВМФ
ЛГПИ	—	Ленинградский государственный педагогический институт (с 1991 СПб ГПУ)	ШГАДА	—	см. РГАДА
ЛГТБ	—	Ленинградская государственная театральная библиотека (см. СПб ГТБ)	ШГАЛИ	—	см. РГАЛИ
ЛГТИ	—	Ленинградский государственный театральный музей (см. РИИИ)	ШГАЛИ СПб	—	Центральный государственный архив литературы и искусства в Санкт-Петербурге (до 1991 — ЛГАЛИ)
ЛГУ	—	см. СПб ГУ	ШГАОР	—	см. ГАРФ
МГУ	—	Московский государственный университет	ШГВИА	—	см. РГВИА
МПГУ	—	Московский педагогический государственный университет (до 1990 — МГПИ)	ШГИА	—	см. РГИА
МХТ	—	Московский художественный театр	ШГИА СПб	—	Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга
ОИДР	—	Московское общество истории древностей Российских при Московском университете (1804—1918)	ШГИАМ	—	Центральный государственный исторический архив г. Москвы (с 1993 — ЦИАМ)
ОЛДЛ	—	Общество любителей духовного просвещения (1863—1917) (М.)	ШНАМ	—	Центральный исторический архив г. Москвы (до 1993 — ШНАМ)
ОЛРС	—	Общество любителей российской словесности при Московском университете (1811—1930)			
ОРДЛ	—	Общество русских драматических писателей и оперных композиторов (1874—1904, М.)			

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ НАЗВАНИЙ ПЕРИОДИКИ

АБ	— «Альманах библиофила», в. 1—28—, 1973—93, М.	ИВ	— «Исторический вестник», ж., 1880—1917, П.
БВ	— «Богословский вестник», ж., 1892—1918, Сергиев Посад.	ИзвОЛЯ	— «Известия АН. Отделение литературы и языка» (с 1996 «Известия РАН. Сер. литература и язык»), ж., 1940—, М.
БВса	— «Биржевые ведомости», газ., 1) 1861—79, П.; 2) 1880—1917, П.	ИзвОРЯС	— «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», ж., 1896—1927, П.—Л.
БаЧ	— «Библиотека для чтения», ж., 1834—65, П.	ИзвРАН	— продолжение изд. ИзвОЛЯ с измененным назв. (с 1996).
БЗ	— «Библиографические записки», ж., 1) 1858—59, 1861, М.; 2) 1892, М.	«Илл.»	— «Иллюстрации», 1) ж., 1845—49, П.; 2) ж., 1858—63, П.; 3) периодич. изд., 1899—1900, П.
«Благ.»	— «Благонмерней», ж., 1818—26, П.	КА	— «Красный архив», ж., 1922—41, М.
БТ	— «Богословские труды», сб., в. 1—31—, 1960—92—, М.	Карманная книжка	— «Карманная книжка для любителей русской старины и словесности», альм., 1829—32, П.
ВВ	— «Военный вестник», ж., 1903—08, П.	КВ	— «Квиццый вестник», ж., 1) 1860—67, П.; 2) 1884—1918, П.
ВЕ	— «Вестник Европы», ж., 1) 1802—30, М.; 2) 1866—1918, П.	КиС	— «Каторга и ссылка», ж., 1921—35, М.
ВостРХД	— «Востник русского христианского движения» («Вестник русского студенческого христианского движения»), ж., 1925—1997— (с перерывами; сплошная нумерация с 1953, включая кн. 1938—39 и 1950—52), Париж	Кн. «Недели»	— «Книжки «Недели»», ж., приложение к газ. «Несвля», 1885—1901, П.
ВН	— «Всемирная иллюстрация», ж., 1) 1869—1898, П.; 2) 1912—16, П.	КО	— «Книжное обозрение», газ.-семедел., 1966—, М.
ВИЛ	— «Вестник иностранной литературы», ж., 1891—1908, 1910—16, П.	КС	— «Киевская старина», ж., 1882—1906, К.
ВЛ	— «Вопросы литературы», ж., 1957—, М.	ЛА	— «Литературный архив», сб. Пушкинского Дома, 1938—61, М.—Л.
ВЛит	— «Вестник литературный, политический, научный и художественный», газ., 1884—1895, М.	ЛГ	— «Литературная газета», 1) 1830—31, П.; 2) 1840—49, П.; 3) 1929—, М.
ВМУ	— «Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология», ж., 1960—, М.	Летописи	— «Государственный литературный музей. Летописи», 1936—48, М.
Всп	— «Встречи с прошлым», сб. Центр. государственного архива лит-ры и иск.-ва, в. 1—8—, 1970—96—, М.	ЛН	— «Литературное наследство», сб., т. 1—101—, 1931—97—, М.
ВТ	— «Военный труд», ж., 1867—72, П.	ЛО	— «Литературное обозрение», ж., 1973—, М.
ГазГ	— «Газета А. Гапуха», 1875—90, М.	ЛЛГ	— «Лит. приложение к „Гражданину“», газ.-ж., 1883—95, П.
ГБ	— «Голос минувшего», ж., 1913—23, М.	ЛПН	— «Ежемесячные литературные приложения к ж. „Лива“», ж., 1894—1916, П.
ДБ	— «Домашняя беседа», газ.—ж., 1858—77, П.	ЛПРИ	— «Литературные прибавления к „Русскому ювалду“», газ., 1831—39, П.
ДЖ	— «Дамский журнал», 1) 1806, М.; 2) 1823—1833, М.	МБ	— «Мир божий», ж., 1892—1906, П.
ДЧ	— «Душеполезное чтение», ж., 1860—1917, М.	МВ	— «Московский вестник», 1) ж., 1809; 2) ж., 1827—30; 3) газ., 1859—61.
ДЮ	— «Друг юношества» (с 1813: «... и всяких лет»), ж., 1807—15, М.	МВед	— «Московские ведомости», газ. 1756—1917.
Ежегодник РО ПД	— «Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома», 1971—97—, Л.—СПб.	МГ	— «Минувшие годы», ж., 1908, П.
ЕЖЛ	— «Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни» (с № 10 1914 — «Ежемесячный журнал»), 1914—17, П.	МН	— «Мир искусства», ж., 1899—1904, П.
ЕНТ	— «Ежегодник имп. театров», 1890—1915, П.	МЛ	— «Московский листок», газ., 1881—1918.
ЖаВ	— «Журнал для всех», 1) 1896—1906, П.; 2) 1928—30, М.	МН	— «Московский наблюдатель», ж., 1835—39.
ЖаО	— «Жесткое образование», ж., 1876—89, 1890—91, П.	«Москва»	— «Москвитини», ж., 1841—56, М.
ЖЖ	— «Журнал журналов», 1) 1905—06, П.; 2) 1915—17, П.	МТ	— «Московский телеграф», ж., 1825—34.
ЖМВД	— «Журнал Министерства внутренних дел», 1829—61, П.	НА	— «Невский альманах», 1825—33, 1846—47, П.
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения», 1834—1917, П.	«Набл.»	— «Наблюдатель», ж., 1882—1904, П.
ЖО	— «Живописное обозрение», ж., 1) 1835—1844, М.; 2) 1868, П.; 3) 1872—1905, П.	НВ	— «Новые времена», газ., 1868—1917, П.
ЗапГБЛ	— «Записки Отдела рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина», сб., в. 1—49, 1938—90, М.	НЖаВ	— «Новый журнал для всех», 1908—16, П.
ЗапРГБ	— продолжение предыдущего изд. с измененным назв.: «... Российской государственной библиотеки», в. 50—, 1995—.	НЗ	— «Невский зритель», ж., 1820—21, П.
«Знание»	— «Знание» (Сборник товарищества «Знание»), 1904—13, П.	НЛ	— «Новости литературы», газ., с. 1824 ж., 1822—26, П.
ЗР	— «Золотое руно», ж., 1906—09, М.	НЛО	— «Новое литературное обозрение», в. 1—32—, ж., 1992—98—, М.
		НМ	— «Новый мир», ж., 1) 1899—1905, П.; 2) 1925—, М.
		НН	— «Наше наследие», ж., 1988—, М.
		НП	— «Новый путь», ж., 1903—04, П.
		«Обр.»	— «Образование», ж., 1892—1909, П.
		ОЗ	— «Отечественные записки», ж., 1) 1820—1830, П.; 2) 1839—84, П.

«Пантеон»	— «Пантеон русского и всех европейских театров», 1840—41; «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров», 1842; «Репертуар русского и Пантеон иностранных театров», 1843; «Репертуар и Пантеон», 1844—46; «Репертуар и Пантеон театров», 1847; «Пантеон и Репертуар русской сцены», 1848, 1850—51; «Пантеон. Журнал литературно-художественный», 1852—56. журналы, П.	СвЗ	— «Северные записки», ж., 1913—17, П.
ПЗ	— «Полярная звезда», 1) альм., 1823—25, П.; 2) альм., 1855—68, Лондон, Женева (факс. изд., в. 1—8, 1966—68, в. 9 — ук., 1968, М.); 3) ж., 1881—82, П.	СЗ	— «Современные записки», ж., 1920—40, Париж.
ПНР	— «Печать и революция», ж., 1921—30, М.	СибЖ	— «Сибирская жизнь», газ., 1894—1918, Томск.
ПЛ	— «Петербургский листок», газ., 1864—1917.	СибС	— «Сибирский сборник», научно-литературное периодич. издание, 1886—88, П.; 1888—1904, Иркутск.
ПЛит	— «Пантеон литературы», ж., 1888—95, П.	СмУ	— «Столица и усадьба», ж., 1913—17, П.
ПН	— «Последние новости», газ., 1920—40, Париж.	СП	— «Современная летопись», газ., 1861—71, М.
РА	— «Русский архив», ж., 1863—1917, М.	СМ	— «Современный мир», ж., 1906—18, П.
РБ	— «Русское богатство», ж., 1876, М., 1876—1918, П.	СО	— «Сын отечества», 1) ж., 1812—52 (перерыв 1844—46), П.; 2) ж., 1856—61, продолжение — газ., 1862—1905 (перерыв 1900—03), П.
РВ	— «Русский вестник», ж., 1) 1808—24, М.; 2) 1841—44, П.; 3) 1856—1906, М.	«Собеседник»	— «Собеседник любителей русского слова», ж. июнь 1783 — сент. 1784, П.
РВед	— «Русские ведомости», газ., 1863—1918, М.	«Совр.»	— «Современник», ж., 1) 1836—46, П.; 2) 1847—66, П.; 3) 1911—15, П.
РН	— «Русский инвалид», газ., 1813—1917, П.	«Соревнователь»	— «Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Вольного общества любителей русской словесности)», 1818—25, П.
РЛ	— «Русская литература», ж., 1958—, Л., с сент. 1991 — П.	СП	— «Северная пчела», газ., 1825—64, П.
РМ	— «Русская мысль», ж., 1880—1918, М. (в 1920—30-х гг. — София, Прага, Париж, Белград)	СПВед	— «Санкт-Петербургские ведомости», газ. 1718—1917.
РО	— «Русское обозрение», ж., 1890—98, 1901, 1903, М.	СПВест	— «Санкт-Петербургский вестник», ж. 1) 1778—81; 2) 1812; 3) 1831.
РР	— «Русская речь», 1) газ., с № 39 «Русская речь и Московский вестник», 1861—62, М.; 2) ж., 1879—82, П.; 3) ж., 1967—, М.	СПЖ	— «Санкт-Петербургский журнал», 1) 1798; 2) 1804—09.
РС	— «Русская старина», ж., 1870—1918, П.	«СПМеркурий»	— «Санкт-Петербургский Меркурий», ж., 1793.
РСл	— «Русское слово», 1) ж., 1859—66, П.; 2) газ., 1895—1917, М.	СЦ	— «Северные цветы», альм. 1) 1825—31, П.; 2) 1901—05, 1911, М.
РусБ	— «Русская беседа», ж., 1856—60, М.	Тчд	— «Труды и дни», ж., 1912—14, 1916, М.
РФВ	— «Русский филологический вестник», ж., 1879—1914, Варшава; 1915—16, М.; 1917, П.; 1918, Каз.	ТИИ	— «Театр и искусство», ж., 1897—1918, П.
РХЛ	— «Русский художественный листок», ж., 1851—62, П.	УЗ	— «Утренняя заря», 1) сб., 1880, 1803, 1805—08, М.; 2) альм., 1839—43, П.
СА	— «Северный архив», ж., 1822—28, П.	УР	— «Утро России», газ., 1907, 1909—18, М.
«Сат.»	— «Сатирикон», ж., 1910—14, П.	ФВ	— «Финский вестник», ж., 1845—47, П.
Сб.ОРЯС	— 1) Сборник статей, читанных в Отделении рус. языка и словесности императорской АН, т. 1—7 (1867—73), П.; 2) Сборник Отделения рус. языка и словесности АН, т. 8—101 (1872—1928), П.	ФЗ	— «Филологические записки», ж., 1860, 1862, 1864—1917, В.
СВ	— «Северный вестник», 1) ж., 1804—05, П.; 2) газ., 1877—78, П.; 3) ж., 1885—98, П.	ФН	— «Филологические науки», ж., 1958—, М.
		ФО	— «Филологическое обозрение», ж., 1891—1903, М.
		ХГ	— «Художественная газета», 1836—41, М.
		ЧОИДР	— «Чтение в знак Общества истории и археологии российских», 1845—48, 1858—1918, М.
		«Чтеник»	— «Чтение в Беседе любителей русского слова», ж., 1811—16, П.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ ЛИТЕРАТУРЫ В БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ОПИСАНИЯХ

Абызов	— Абызов Ю., Русское печатное слово в Литани. 1917—1944 годы. Библиографический справочник, ч. 1—4, Стэнфорд, 1990—91 (Stanford Slavic Studies, v. 3, pp. 1—4).	Анненков	— Анненков П. В., Литературные воспоминания. Вступ. ст. В. И. Кулешова, Кома. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Мамина, И. В. Павловой, 2-е изд., М., 1989 (ук. имен и названий).
Аксаков	— Аксаков С. Т., Собрание сочинений. Вступ. ст., подг. текста и прим. С. Мещинского, т. 1—4, М., 1953—56 (в т. 3 ук. имен).	Арапов	— Летопись русского театра. Сост. Пинен Арапов, СПб., 1861.
Алексеев	— Алексеев А. Д., Литература русского зарубежья. Книги 1917—1940. Материалы к библиографии. Отв. ред. К. Д. Муратова, СПб., 1993 (ук. имен писателей, выступавших под псевд.: список акроним. изданий и сб-ков).	«Арзамас»	— «Арзамас». Сборник. Под ред. В. Э. Вацура и А. Л. Основата. Сост., подг. текста и комм. В. Э. Вацура, А. А. Ильмина-Тольча, Л. Н. Киселевой и др. Вступ. ст. В. Э. Вацура, кн. 1—2, М., 1994 (ук. имен).
Альм. и сб-ки (1)	— Литературно-художественные альманахи и сборники, т. 1. 1900—1911 годы. Библиографический указатель. Сост. О. Д. Голубева, М., 1957.	Архив Горького	— Архив А. М. Горького, т. 1—14, М., 1939—76 (в ряде томов ук. имен и названий).
Альм. и сб-ки (2)	— Литературно-художественные альманахи и сборники, т. 2. 1912—1917 годы. Библио-	Архив Тургеневых	— Архив братьев Тургеневых, в. 1—6, СПб., 1911—21.

- Афанасьев — Афанасьев Н. И. Современник. Альбом биографии. т. 1—2. СПб., 1909—10.
- Базанов — Базанов В. Г. Ученая республика. [Вальное общество любителей российской словесности]. М.—Л., 1964 (ук. имен).
- Барсуков — Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. кн. 1—22. СПб., 1888—1910 (ук. имен в кн. 22 сост. В. В. Майков).
- Батюшков — Батюшков К. Н. Сочинения. Вступ. ст. Л. Н. Майкова, прим. Майкова и В. И. Саитова. т. 1—3. СПб., 1885—87 (в т. 2 и 3 ук. имен).
- Белинский — Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. т. 1—13. М.—Л., 1953—59 (изд. ИРЛИ; в т. 13 указатели, в т. ч. ук. имен).
- Белоусов (1) — Белоусов И. А. Литературная среда. Воспоминания. 1880—1928. М., 1928 (ук. имен).
- Белоусов (2) — Белоусов И. А. Литературная Москва. Воспоминания. 1880—1928. М., 1929 (ук. имен).
- Белый — Белый А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. [кн. 1]; Начало века. Воспоминания. [кн. 2]; Между двух революций. Воспоминания. [кн. 3]. М., 1989—90 (вступ. ст., подг. текста и комм. А. В. Лаврова; в кн. 3 ук. имен).
- Березин — Русский энциклопедический словарь, издаваемый профессором С.-Петербургского университета Н. Н. Березиным, отд. 1—4, т. 1—16. СПб., 1873—79.
- Бюгр. словарь профессоров Каз. ун-та — Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. Казанского университета. За сто лет. (1804—1904). Под ред. Н. П. Загоскина. ч. 1—2. Каз., 1904.
- Бюгр. словарь профессоров СПб. ун-та — Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования. 1869—1894. т. 1—2. СПб., 1896—98.
- Б-ка Смирдина — Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Смирдина. ч. 1—4. СПб., 1828; прибавления 1—4. СПб., 1829—36.
- Блок — Блок А. А. Собрание сочинений. Вступ. ст., подг. текста и прим. В. Орлова. т. 1—8. М.—Л., 1960—63 (в т. 8 ук. имен и названий).
- Блок в восп. — Александр Блок в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост., подг. текста и комм. В. Орлова. т. 1—2. М., 1980 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Блок. Зап. кн. — Блок А. А. Записные книжки. 1901—1920. Под общ. ред. В. Н. Орлова и др. Сост., подг. текста, предисл. и прим. В. Орлова. М., 1965.
- Боборыкин — Боборыкин П. Д. Воспоминания. Вступ. ст. и прим. Э. Виленской и Л. Ройтберг. т. 1—2. М., 1965 (в т. 2 ук. имен).
- Боград. ОЗ(1) — Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки». 1839—1848. Указатель содержания. М., 1985.
- Боград. ОЗ(2) — Боград В. Э. Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971.
- Боград. «Совр.» — Боград В. Э. Журнал «Современник». 1847—1866. Указатель содержания. М.—Л., 1959.
- Брокгауз — Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауза и Ефрона. т. 1—41А, кн. 1—82. СПб., 1890—1904 (доп. т. 1—2, кн. 1—4, 1905—07).
- Брюсов (1) — Брюсов В. Я. Дневник. 1891—1910. Подг. текста Н. М. Брюсовой, прим. Н. С. Ашуркина. М., 1927.
- Брюсов (2) — Брюсов В. Я. Среда стихов. 1894—1924. Минифакты. Стихы. Решения. Сост. Н. А. Богомолова и Н. В. Котрелев. Вступ. ст. и комм. Н. А. Богомолова. М., 1990.
- БСДЕиТ — Биографический словарь деятелей естествознания и техники. т. 1—2. М., 1958—59.
- БСЭ — Большая советская энциклопедия. 3-е изд., т. 1—30. М., 1970—78 (ук. имен в спис. т., М., 1981).
- Вацуро (1) — Вацуро В. Э. «Северные цветы». История альманаха Дельянта — Пушкина. М., 1978 (ук. имен).
- Вацуро (2) — Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры. «Эстетическая школа». СПб., 1994 (ук.).
- Венгров. Источ. — Венгров С. А. Источники словаря русских писателей. т. 1—4. СПб.—П., 1900—17 (доставлено до сл. «Некрасов»).
- Венгров. Лит-ра — Русская литература XX века. (1890—1910). Под ред. С. А. Венгрова. т. 1—3, а. 1—8. М., 1914—18 (издание не закончено).
- Венгров. Сл. — Венгров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). т. 1—6. СПб., 1889—1904 (издание не закончено; в т. 6 ук. имен).
- Венгров. Список — Венгров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней). 2-е изд. Предварительный список. т. 1—2, а. 1—5. П., 1913—18.
- Вигель — Вигель Ф. Ф., Записки. Ред. и вступ. ст. С. Я. Штрайха. т. 1—2. М., 1928 (ук. имен).
- Вишневский — Вишневский В. Е. Художественные фильмы дореволюционной России. М., 1943 (ук. имен).
- Владиславлев — Владиславлев И. В. Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX—XX столетий. 4-е изд., М.—Л., 1924.
- Вольф — Вольф А. И. Хроника петербургских театров [с конца 1826 до начала 1881 года]. ч. 1—3. СПб., 1877—84.
- Восстание декабристов — Восстание декабристов. Документы. Под ред. и с предисл. М. В. Неждановой. т. 1—18. М.—Л., 1925—86 — (в т. 15 указатели, в т. ч. ук. имен).
- ВЭ — Военная энциклопедия. Под ред. В. Ф. Новицкого. А. В. фон Шварца, К. И. Вельчеко и др. т. 1—18. СПб., 1911—15 (доставлено до слова «Порт-Артур»).
- Вяземский — Вяземский П. А. Полное собрание сочинений. т. 1—12. СПб., 1878—96 (в т. 8 и 9 ук. имен. в т. 12 ук. стихотворений).
- Геннади — Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых, умерших в XVIII и XIX столетиях (по буквам Р включительно — те, кто умер до 1874). т. 1—3. Б.—М., 1876—1908 (т. 4 остался в рукописи — ПИБ, ф. 178, № 13).
- Гербель — Гербель Н. В. Русские поэты в биографиях и образах. 3-е изд., СПб., 1888.
- Герцен — Герцен А. И. Собрание сочинений. т. 1—30. М., 1954—65 (изд. ИМЛИ; справочный том — М., 1966).
- Герцен в восп. — Герцен в воспоминаниях современников. Сост., вступ. ст. и комм. В. А. Пугинцева. М., 1956 (ук. имен).
- Гинзбург — Гинзбург С. С. Кинематографы дореволюционной России. М., 1963 (ук. имен).
- Гоголь — Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. т. 1—14. М.—Л., 1937—52 (изд. ИРЛИ; в т. 9 ук. проза и письма, в т. 10—14 ук. имен к переписке).
- Гоголь в восп. — Гоголь в воспоминаниях современников. Ред. текста, предисл. и комм. С. Машинского. М., 1952 (ук. имен).
- Голыцын — Голыцын Н. Н. Биографический словарь русских писателей. СПб., 1889.
- Гончаров — Гончаров И. А. Собрание сочинений. Вступ. ст. С. М. Петрова. т. 1—8. М., 1952—55 (в т. 8 ук. имен).
- Горький — Горький М. Собрание сочинений. т. 1—30. М., 1949—56 (изд. ИМЛИ; есть прим.; в т. 30 ук. имен, проза и письма).

- Горький. ПСС — Горький М., Полное собрание сочинений. Художественные произведения, т. 1—25, М., 1968—76 (изд. ИМЛП).
- Гофмант — Книга о русских поэтах последнего десятилетия. Критические очерки. Силитовщина и автографы. Под ред. М. Гофмант, СПб.—М., 1909.
- Гранат — Энциклопедический словарь Русского библиографического института «бр. А. и И. Гранат и К^о», 7-е изд., переработанное, т. 1—55, 57, 58, 1 доп. т., М., 1910—48 (в т. 11 «Библиогр. ук. новейшей рус. библиографии 1861—1911»; в т. 40 «Автобиографии рев. деятелей рус. социалистич. движения 70—80-х гг.»; репринтное изд. приложений к т. 40 и 41 под назв. «Деятели СССР и революционного движения России», М., 1989).
- Греч — Греч Н. И., Записки о моей жизни. Текст по рукописи под ред. и с комм. Р. В. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. М.—Л., 1930 (ук. имен).
- Грибозов в восп. — А. С. Грибозов в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост. и подг. текста П. С. Краснова и С. А. Фомичева, М., 1980 (ук. имен).
- Григорович — Григорович Д. В., Литературные воспоминания. Приложения. Из «Воспоминаний» В. А. Паньева. Вступ. ст. Г. Г. Елизаветиной. Сост., подг. текста и комм. Елизаветиной и Н. Б. Павловой, М., 1987 (ук. имен и назв.).
- Григорьев. Восп. — Григорьев А. А., Воспоминания. Изд. подготовил Б. Ф. Егорова, М., 1988 (ук. имен и периодич. изд.).
- Григорьев. Критика — Григорьев А. А., Литературная критика. Сост., вступ. ст. и прим. Б. Ф. Егорова, М., 1967 (ук. имен).
- Григорьев. Театр. критика — Григорьев А. А., Театральная критика. Вступ. ст. А. Я. Альшуллера и Б. Ф. Егорова. Сост. и прим. Т. Б. Заболзлеевой, Л. С. Даниловой, Н. В. Кузряшовой, М., 1985 (ук. имен и проза).
- Григорьев. Эстетика — Григорьев А. А., Эстетика и критика. Сб. ст. Вступ. ст., сост. и прим. А. И. Журавлевой, М., 1980 (ук. имен).
- Грот и Плетнева — Перепетка Я. К. Грота с П. А. Плетневой. Под ред. К. Я. Грота, т. 1—3, СПб., 1896 (в т. 3 ук. имен).
- Гумилев — Гумилев Н. С., Письма о русской поэзии. Сост., вступ. ст. Г. М. Френкельера. Подг. текста и комм. Р. Д. Тименчика, М., 1990 (ук. имен); Гумилев Н., Сочинения в трех томах, т. 3 — Письма о русской поэзии. Подг. текста, прим. Р. Д. Тименчика, М., 1991.
- Гусман — Гусман Б. Е., Сто поэтов. Литературные портреты. С приложениями библиографического указателя русской поэзии за последнее десятилетие. Тверь, 1923.
- Движение декабристов — Движение декабристов. Аннотированный указатель к документам фондов и коллекций ЦГИА СССР. Сост. А. Л. Вайнштейн, В. П. Павлова, М., 1981.
- Движение декабристов. 1977—1992 — Движение декабристов. Указатель литературы. 1977—1992. Сост. Н. П. Дробышская и др. Науч. ред. С. В. Мироненко, М., 1994.
- Движение декабристов. ЦГВИА — Движение декабристов. Именной указатель к документам фондов и коллекций ЦГВИА СССР. Сост. Л. П. Петровский, в. 1—3, М., 1975.
- Декабристы — Декабристы. Биографический справочник. Изд. подготовлено С. В. Мироненко. Под ред. М. В. Нечкиной, М., 1988 (ук. имен и губерний).
- Декабристы в восп. — Писатели-декабристы в воспоминаниях современников. Вступ. ст. Н. Б. Мушиной и Я. Л. Левкович. Сост. и прим. Р. В. Нечкиновой и др. Под общей ред. С. Н. Машинского, т. 1—2, М., 1980 (в т. 2 ук. имен).
- Дело петрашевцев — Дело петрашевцев. Под ред. С. Н. Ватца, т. 1—3, М.—Л., 1937—51 (в т. 3 ук. имен).
- Державин — Державин Г. Р., Сочинения, с объяснительными прим. и предисл. Я. К. Грота, т. 1—9, СПб., 1864—83.
- Дилакторский (1) — Дилакторский П. А., Воложские писатели. (Материалы для словаря уроженцев Вологодской губернии). Вологда, 1900.
- Дилакторский (2) — Дилакторский П. А., Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 по 1904 год, Вологда, 1921.
- Дмитриев — Дмитриев М. А., Мелочи из запаса моей памяти. 2-е изд., М., 1869 (ук.).
- Добролюбов — Добролюбов Н. А., Собрание сочинений, т. 1—9, М.—Л., 1961—64 (в т. 9 указатели имен, писем по адресатам; проза, не вошедшая в наст. собр. соч.).
- Добролюбов в восп. — Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. Сост., подг. текста и комм. С. А. Рейсера. Вступ. ст. Г. Г. Елизаветиной, 2-е изд., М., 1986 (ук. имен и назв.).
- Добрыя — Биографии русских писателей среднего и нового периода. С алфавитным указателем произведений писателей. Сост. А. П. Добрыя, СПб., 1900.
- Достоевский — Достоевский Ф. М., Полное собрание сочинений, т. 1—30, Л., 1972—90 (в т. 30, кн. 2 совмещая указатели проза, имен, периодич. изд. и выписки прочт., адресатов писем и яловых бумаг, адресатов несохранившихся и ненайденных писем).
- Достоевский в восп. — Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост. и комм. К. Тюшкина, т. 1—2, М., 1900.
- Достоевский. Письма — Достоевский Ф. М., Письма. 1832—1881. Под ред. и с прим. А. С. Долгичина, т. 1—4, М.—Л., 1928—59.
- ДРДР — Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь. От предшественников декабристов до писемых партизан, т. 1—3, М., 1927—34.
- Евгений Болховитинов — Евгений (митрополит) (Болховитинов), Словарь русских святых писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России. Предисл. М. Погодина, т. 1—2, М., 1845.
- Евр. энци. — Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем, т. 1—16, СПб., 1908—14 (в т. 16 ук. имен).
- Жиларса — Жиларса С. П., Записки современника. (Воспоминания старого театрал). Рец., статьи и комм. Б. М. Эйхенбаума, М.—Л., 1955 (ЛП; ук. имен и пьес); то же. Вступ. ст. М. А. Горанина, комм. Л. Н. Киселевой, т. 1—2, Л., 1989 (в т. 2 ук. имен и пьес).
- Змеев — Змеев Л. Ф., Русские врачи-писатели, в. 1—3, СПб., 1886—89 (в алфавите фамилий).
- Иванов — Русская поэзия в отечественной музыке. Справочник. Сост. Г. К. Иванов, в. 1—2, М., 1966—69.
- ИДРДВ — История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Под рук. П. А. Забонковского, т. 1—3 (ч. 1—2), М., 1976—89.
- ИРДТ — История русского драматического театра, т. 1—7, М., 1978—87 (библ. в прим., репертуарная сводка, ук. имен).
- Казак — Казак В., Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 г. Пер. с нем., Лондон, 1988 (ук. имен).
- Каталог ОРДП — Каталог писем членов Общества русских драматических писателей и оперных композиторов. 1874—1914, М., 1914 (список членов общества и их псевдонимов) (воп. выпуски за 1915—1930).
- КЕЭ — Краткая еврейская энциклопедия, т. 1—7—, Иерусалим, 1976—96—.
- Киреевский — Киреевский И. В., Критика и эстетика. Сост., вступ. ст. и прим. Ю. В. Манна, М., 1979 (ук. имен).

- Клейменова — Клейменова Р. Н., Систематическая роспись изданий Общества любителей российской словесности. М., 1981.
- КЛЭ — Краткая литературная энциклопедия, т. 1—8, доп. т. 9, М., 1962—78 (в т. 9 ук. имен).
- Книговедение — Книговедение. Энциклопедический словарь. М., 1982.
- Коллюпанов — Коллюпанов Н. П., Биография А. И. Кошелева. т. 1 (кн. 1—2)—2, М., 1889—1892.
- Короленко — Короленко В. Г., Собрание сочинений, т. 1—10, М., 1953—56 (в т. 10 ук. имен и названий).
- Короленко в восп. — В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. Предисл. и прим. Т. Г. Морозовой, М., 1962 (ук. имен и названий).
- Курпри — Курпри А. И., О литературе. Вступ. ст. Ф. И. Кулешова, Минск, 1969 (ук. имен).
- Кюхельбекер — Кюхельбекер В. К., Путешествие. Дневник. Стихи. Изд. подготовки Н. В. Королёва, В. Д. Рак, Л., 1979 (ук. имен).
- Ламбини — Русская историческая библиография. Годы 1—10, [1855—1864]. Сост. Б. П. и П. П. Ламбини. СПб., 1861—84.
- Лемке (1) — Лемке М. К., Очерки освободительного движения «шестидесятых годов». СПб., 1908.
- Лемке (2) — Лемке М. К., Николаевские жаннары и литература 1826—1855 гг., 2-е изд., СПб., 1909.
- Лемке (3) — Лемке М. К., Политические процессы в России 1860-х гг., 2-е изд., М.—П., 1923.
- Лермонтов в восп. — М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. Сост., подг. текста и комм. М. И. Гюлельсона, О. В. Миллер, М., 1989 (ук. имен).
- Лери. энци. — Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов, зам. гл. ред. В. Э. Вацуро и В. В. Жданов, М., 1981.
- Лесков — Лесков Н. С., Собрание сочинений. Сост. и общ. ред. В. Ю. Троицкого, т. 1—12, М., 1989 (в т. 12 ук. произв.).
- Лесман — Книжки и рукописи в собрании М. С. Лесмана. Аннотированный каталог. Публикации. Вступ. ст. Н. Г. Клязской, М., 1989 (ук. имен; ук. адресатов зарств. надписей).
- Лит. процесс и журналистика (1) — Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1900—1904. Социал-демократические и общедемократические издания, М., 1981 (ук. имен и произв.).
- Лит. процесс и журналистика (2) — Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. Буржуазно-либеральные и модернистские издания, М., 1982 (ук. имен и произв.).
- Лит. салоны — Литературные салоны и кружки. Первая половина XIX века. Рец., вступ. ст. и прим. Н. Л. Бродского, М.—Л., 1930.
- Лит. Сибирь — Литературная Сибирь. Критико-библиографический словарь писателей Восточной Сибири. Сост. В. П. Трушкин, В. Г. Волкова, [ч. 1—2], Иркутск, 1986—88 (ук. имен и алфавитный ук. содержания).
- ЛЭ — Литературная энциклопедия, т. 1—9, 11. Отв. ред. В. М. Фриче, А. В. Луначарский, М., 1929—39; т. 10, Минск, 1991.
- ЛЭ рус. зарубежья — Литературная энциклопедия русского зарубежья. 1918—1940. [т. 1] — Писатели русского зарубежья. Гл. ред. А. Н. Николюкин. Библиограф. ред. О. В. Этова, М., 1997 (1-е изд.: Писатели русского зарубежья. 1918—1940. Справочник. Гл. ред. А. И. Николюкин. Библиограф. ред. О. В. Этова, ч. 1—3, М., 1993—95).
- Масанов — Масанов И. Ф., Словарь писавших русских писателей, ученых и общественных деятелей, т. 1—4, М., 1956—60.
- Мацуев — Мацуев Н. И., Русские советские писатели. Материалы для биографического словаря. 1917—1967, М., 1981.
- Межов — Русская историческая библиография за 1865—1876 годы включительно. Сост. В. И. Межов, т. 1—8, СПб., 1882—90 (в т. 7—8 ук. имен).
- Мельер — Мельер А. В., Русская словесность с XI по XIX столетия включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой, ч. 1—2, СПб., 1899—1902.
- Миллюков — Миллюков А. П., Литературные встречи и знакомства, СПб., 1890.
- Михайловский — Михайловский Н. К., Полное собрание сочинений, т. 1—8, 10, СПб., 1906—14.
- Михайловский. Статьи — Михайловский Н. К., Статьи о русской литературе XIX — нач. XX века. Сост., вступ. ст., комм. В. Аверина, Л., 1989 (ук. имен).
- Миданвич — Миданвич В. О., Наши знакомые. Фельетонный словарь современников, СПб., 1884.
- МНСер. — Московский некрополь. Сост. В. И. Сантов и Б. Л. Модзалевский, т. 1—3, М., 1907—08 (ук. в предисловии).
- Мордовченко — Мордовченко Н. И., Русская критика 1-й четверти XIX века, М.—Л., 1959 (ук.).
- Моск. ун-т в восп. — Московский университет в воспоминаниях современников. (1755—1917). Сост. и вступ. ст. Ю. Н. Емельянова. Под ред. Л. М. Исаской, М., 1989 (ук. имен).
- Муратова (1) — История русской литературы XIX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой, М.—Л., 1962.
- Муратова (2) — История русской литературы конца XIX — начала XX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой, М.—Л., 1963.
- Муратова (3) — История русской литературы XIX — начала XX века. Библиографический указатель. (1960—1988). Общая часть. Под ред. К. Д. Муратовой, СПб., 1993 (предметн. ук., алфавит имен и названий период. изд.; кружков и обществ).
- МЭ — Музыкальная энциклопедия, т. 1—6, М., 1973—82.
- Навекдин — Навекдин Н. И., Литературная критика. Эстетика. Вступ. ст., сост. и комм. Ю. Манна, М., 1972.
- Некрасов — Некрасов Н. А., Полное собрание сочинений и писем. Под общей ред. В. Е. Евгеньевича-Максимов, А. М. Егорова, К. И. Чуковского, т. 1—12, М., 1948—52 (в т. 12 ук. имен и произв.); его же. Полное собрание сочинений и писем. В 15-ти тт., Л.—СПб., 1981—98; Художественные произведения, т. 1—10, 1981—85 (в т. 10 ук. произв.); Критика. Публицистика. Письма, т. 11—13 (кн. 2)—, 1989—98—.
- Некрасов в восп. — Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. Вступ. ст. Г. В. Краснова. Подг. текста и прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунцова, М., 1971 (ук. имен и иероним. илл.).
- Нечаева «Время» — Нечаева В. С., Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время». 1861—1863, М., 1972.
- Нечаева «Эпоха» — Нечаева В. С., Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—1865, М., 1975 (хронологич. роспись журналов «Время» и «Эпоха», а также ук. имен к обсьеи книгам Нечаевой).
- Никитенко — Никитенко А. В., Дневник. Подг. текста, вступ. ст. и прим. Н. Я. Алксандрова, т. 1—3, [М.], 1955—56 (в т. 3 аннотир. ук. имен).
- НЭС — Новый энциклопедический словарь. Издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона [в 48 тт.], т. 1—39, СПб., 1911—16 (доп. вкл. до сл. «Отто»).

- ОА** — Остафьевский архив князей Вяземских. Издание пр. С. Д. Шереметьева, т. 1—5, СПб., 1899—1913; т. 1—4, Под ред. и с прим. В. И. Сантова; т. 5, в. 1—2, Под ред. и с прим. П. Н. Шеффера (прим. и ук. в т. 1, дополнительных томах — Примечания и т. 5 (в. 1—2)).
- Огарев в восп.** — М. П. Огарев в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост. С. С. Конкина, комм. С. С. Конкина и Л. С. Конкиной, М., 1989 (ук. имен).
- ОМС** — Общий морской список, ч. 1—13, СПб., 1885—1907 (ук. имен).
- Островский** — Островский А. Н., Полное собрание сочинений, т. 1—16, М., 1949—53 (ук. имен в тт. 12—16).
- Островский в восп.** — А. Н. Островский в воспоминаниях современников. Погг. текста, вступ. ст. и прим. А. И. Ревакина, М., 1966 (ук. имен).
- Павловский** — Павловский И. Ф., Краткий биографический словарь ученых и писателей Полтавской губернии с половыми XVIII в., Полтава, 1912.
- Памятники культуры** — Памятники культуры. Письменность. Искусство. Археология. Новые открытия. Ежегодник, [М.—Л.], 1973—97 — (за 1974—1995; в кн. 1989 г. — ук. статей за 1974—88 гг.).
- Панасев** — Панасев И. Н., Литературные воспоминания. Ред., вступ. ст. и прим. И. Ямпольского, М., 1988 (ук. имен и периодич. изд.).
- Панасова** — Панасова (Головачева) А. Я., Воспоминания. Вступ. ст. К. Чуковского, прим. Г. В. Краснова и Н. М. Фортунатова, М., 1986 (ук. имен и периодич. изд.).
- Пантелеев** — Пантелеев Л. Ф., Воспоминания. Вступ. ст., погг. текста и прим. С. А. Рейсера, М., 1958 (ук. имен).
- Пассек** — Пассек Т. П., Из дальних лет. Воспоминания. Вступ. ст., погг. текста и прим. А. Н. Дубовикова, т. 1—2, М., 1963 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Периов** — Периов П., Литературные воспоминания. 1890—1902 гг. Предисл. Б. Ф. Поршнев, М.—Л., 1933 (ук. имен и ук. произв. журналов, газет).
- Песни и романы** — Песни и романы русских поэтов. Вступ. ст., погг. текста и прим. В. Е. Гусева, М.—Л., 1965 (БПБс, 2-е изд.; ук. имен).
- Песни рус. поэтов** — Песни русских поэтов. Вступ. ст., сост., погг. текста, биогр. справки В. Е. Гусева, т. 1—2, Л., 1988 (БПБс, 3-е изд.).
- Петрашевыми** — Петрашевыми. Сборник материалов, т. 1—3, М.—Л., 1926—28 (ук. имен).
- Петровская (1)** — Петровская И. Ф., Театр и зритель провинциальной России. Вторая половина XIX в., Л., 1979 (ук. имен и пьес).
- Петровская (2)** — Петровская И. Ф., Театр и зритель российских столиц. 1895—1917, Л., 1990 (ук. имен и пьес).
- Петрвев** — Краеведы и литераторы Забайкалья. Биобиблиографический указатель. Дореволюционный период. Сост. Е. Д. Петрвев, 2-е изд., испр. и доп., Читя, 1981.
- Писарев** — Писарев Д. И., Сочинения. Под ред. Ю. С. Сорокина, т. 1—4, М., 1955—56 (в т. 4 ук. имен и произв.).
- Писатели земли Ивановской** — Писатели земли Ивановской. Биобиблиографический справочник. Сост. З. Н. Корчагина, Я., 1988.
- Писатели Ленинграда** — Писатели Ленинграда. Биобиблиографический справочник. 1934—1981. Авторы-составители В. Бахтин и А. Лурье, Л., 1982.
- Писатели Орл. края** — Писатели Орловского края. Биобиблиографический словарь. Под общ. ред. К. Д. Муратовой, Г. М. Шевельвой, Орел, 1981.
- Писатели совр. эпохи (1)** — Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь русских писателей XX века. Под ред. Б. П. Козыкина, т. 1, М., 1928; 2-е изд., М., 1992 (в томах 1—3 словаря «Русские писатели» сокращение — Козыкин).
- Писатели совр. эпохи (2)** — Писатели современной эпохи. Биобиблиографический словарь. Книга подготовлена к изданию Н. А. Богомоловым, т. 2, М., 1995 (ук. имен).
- Писатели чеховской поры** — Писатели чеховской поры. Избранные произведения писателей 80—90-х годов. Вступ. ст., сост. и комм. С. В. Бухчина, т. 1—2, М., 1982.
- Плетнев** — Плетнев П. А., Сочинения и переписка. Подг. и предисл. Я. Гротя, т. 1—3, СПб., 1885.
- ПНхкр.** — Петербургский некрополь. Сост. В. И. Сантов, т. 1—4, СПб., 1912—13.
- Полевой. Мат-лы** — Николай Полевой. Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов. Ред., вступ. ст. и комм. В. Орлова, Л., 1934 (ук.).
- Пономарев** — Пономарев С. И., Наши писательские, СПб., 1891 (Сб. ОРЯС, т. 52, № 7).
- Поэты «Искры»** — Поэты «Искры». Вступ. ст. и прим. И. Ямпольского, т. 1—2, Л., 1987 (БПБс, 3-е изд.; в т. 2 ук. имен и периодич. изд.).
- Поэты-петрашевы** — Поэты-петрашевы. Погг. текста, биогр. справки и прим. В. Л. Комаровича. Вступ. ст. В. В. Жданова, Л., 1957 (БПБс, 2-е изд.).
- Поэты-радищевцы. 1935** — Поэты-радищевцы. Ред. и комм. В. Орлова, М., 1935 (БПБс).
- Поэты-радищевцы. 1979** — Поэты-радищевцы. Вступ. ст., биогр. справки и погг. текста П. А. Орлова, Л., 1979 (БПБс, 2-е изд.).
- Поэты реп. народничества** — Поэты революционного народничества. Погг. текста, предисл. и прим. А. Бихтера, Л., 1967.
- Поэты-сатирики** — Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX века. Вступ. ст., погг. текста, биогр. справки и прим. Г. В. Ермаковой-Битнер, Л., 1959 (БПБс, 2-е изд.).
- Поэты «Сатирикона»** — Поэты «Сатирикона». Вступ. ст., биогр. справки, погг. текста и прим. Л. А. Евстигнеевой, М.—Л., 1966 (БПБс, 2-е изд.).
- Поэты 1790—1810** — Поэты 1790—1810-х годов. Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана, Л., 1971 (БПБс, 2-е изд.).
- Поэты 1820—1830** — Поэты 1820—1830-х годов: т. 1 (вступ. ст. Л. Я. Гинзбург, биогр. справки и прим. В. Э. Валуру); т. 2 (биогр. справки и прим. В. С. Киселева-Сергенина), Л., 1972 (БПБс, 2-е изд.).
- Поэты 1840—1850** — Поэты 1840—1850-х годов. Сост., погг. текста, биогр. справки и прим. Э. М. Шнейдермана. Вступ. ст. и общ. ред. Б. Я. Бухштаба, Л., 1972 (БПБс, 2-е изд.).
- Поэты-демократы 1870—1880** — Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Вступ. ст. Б. Л. Босонова. Биогр. справки, погг. текста и прим. В. Г. Баланова и др., Л., 1968 (БПБс, 2-е изд.).
- Поэты 1880—1890** — Поэты 1880—1890-х годов. Вступ. ст. и общ. ред. Г. А. Балого. Сост., погг. текста, биогр. справки и прим. Л. К. Долгополова и Л. А. Николаевой, Л., 1972 (БПБс, 2-е изд.).
- Пушкин** — Пушкин А. С., Полное собрание сочинений, т. 1—16, М.—Л., 1937—49; Справочный том, М.—Л., 1939.
- Пушкин. Временник** — Временник Пушкинской комиссии, в. 1—27—, М.—Л.—СПб., 1963—96— (ук. имен и произв. в томах).
- Пушкин. Иссл.** — Пушкин. Исследования и материалы, т. 1—15 —, М.—Л.—СПб., 1956—95— (ук. имен и произв. в томах).
- Пушкин. Переписка** — Пушкин А. С., Переписка. Вступ. ст. И. Б. Мушковой. Сост. и комм. В. Э. Валуру и др., т. 1—2, М., 1982 (в т. 2 ук. имен).
- Пушкин. Письма** — Пушкин А. С., Письма, т. 1—3, М.—Л., 1926—35; т. 1—2, Под ред. Б. Л. Модзалевского; т. 3, Под ред. Л. Б. Модзалевского; (т. 4) — Письма последних лет. 1834—1837. Под ред. и с предисл. Н. В. Измайлова, Л., 1969 (ук. имен и произв.); расширенное изд. — т. 1—3, М., 1989—90.

- Пушкин в восп. — Пушкин в воспоминаниях современников. Вступ. ст. В. Э. Вадуро. Сост. и прим. В. Э. Вадуро и др. т. 1—2, М., 1985 (в т. 2 укр. язык).
- Пяст — Пяст В. А., Ветсени, М., 1929; то же. Сост., вступ. ст., подг. текста и комм. Р. Тименчикс, М., 1997 (укр. язык).
- РБС — Русский биографический словарь. Изд. под наблюдением председателя императорского русского исторического общества А. А. Половцова, т. 1—25, П.—М., 1896—1918 (не закончен, пропущены буквы В, Е, М, У, часть Г, Н, О, Т).
- РБса. Сб. — Русские ведомости 1863—1913. Сб. статей. М., 1913 (словарь авторов).
- РЭНекр. — Чернопатов В. И., Русский некрополь за границей, в. 1—3, М., 1908—13.
- РЛС — Русская литература Сибири. XVII в. — 1970 г. Библиографический указатель, ч. 1—2, Новосиб., 1976—77.
- РНекр. — (Андерсон В. М.), на т. д. — Николай Михайлович, вел. кн. Русский некрополь в чужих краях, в. 1 — Париж и его окрестности. Вступ. ст. В. М. Андерсона, П., 1915.
- РПНекр. — Шереметевский В. В., Русский провинциальный некрополь, т. 1, М., 1914.
- Руммель, Голубцов — Руммель В. В., Голубцов В. В., Родословный сборник русских дворянских фамилий, т. 1—2, СПб., 1886—87.
- Рус. басня — Русская басня XVIII—XIX веков. Вступ. ст. Н. Л. Степанова. Сост., биогр. справки и прим. В. П. Степанова и Н. Л. Степанова, Л., 1977 (БПбс, 2-е изд.).
- Рус. лит-ра (1) — Русская литература конца XIX — начала XX века. Десять лет, М., 1968 (укр. язык и проза).
- Рус. лит-ра (2) — Русская литература конца XIX — начала XX века. 1901—1907, М., 1971 (укр. язык, проза и альманахов).
- Рус. лит-ра (3) — Русская литература конца XIX — начала XX века. 1908—1917, М., 1972 (укр. язык, проза и альманахов).
- Рус. лит-ра и журналистика (1) — Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Большевикские и общедемократические издания, М., 1984 (укр. язык и проза).
- Рус. лит-ра и журналистика (2) — Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания, М., 1984 (укр. язык и проза).
- Рус. об-во 30-х гг. XIX в. — Русское общество 30-х годов XIX века. Люди и идеи. Мемуары современников. Под ред. И. А. Фелозова. Вступ. ст. Н. И. Шлябза, М., 1989.
- Рус. пародия — Русская стихотворная пародия. (XVIII—начало XX в.). Вступ. ст. и прим. А. А. Морозова, Л., 1960 (БПбс, 2-е изд.).
- Рус. писатели — Русские писатели. Библиографический словарь. Под ред. П. А. Николаева, т. 1—2, М., 1990; новое изд. — т. 1—2, М., 1996.
- Рус. писатели 18 в. — Словарь русских писателей XVIII в., в. 1. А.—И, Л., 1988 (изд. ИРЛИ).
- Рус. поэзия детям — Русская поэзия детям. Вступ. ст., сост., подг. текста, биогр. справки и прим. Е. О. Путиловой, Л., 1989 (БПбс, 3-е изд.); испр. и доп. изд. — т. 1—2, СПб., 1997 (Новая БП).
- Рус. поэты — Русские советские писатели. Поэты. Библиографический указатель, т. 1—20, М.—СПб., 1977—97. (с 16-го т. под назв. Рус. писатели. Поэты).
- Рус. прозаики — Русские советские писатели. Прозаики. Библиографический указатель, т. 1—3, Л., 1959—64; т. 4—6, М., 1966—69; т. 7 (воп.), ч. 1—2, М., 1971—72.
- Рус. фольклор — Русский фольклор. Библиографический указатель. 1800—1855. Сост. Т. Г. Иванова, СПб., 1996; то же. 1881—1900, Л., 1990; то же. 1901—1916. Сост. М. Я. Мельц, Л., 1981; то же. 1917—1944, Л., 1966; то же. 1945—1959, Л., 1961; то же. 1960—1965, Л., 1967; то же. 1966—1975, ч. 1—2, Л., 1984—85; то же. 1976—1980. Сост. Т. Г. Иванова, Л., 1987; то же. 1981—1985, СПб., 1993 (изд. ИРЛИ) [в томах 1—3 словаря «Русские писатели» сокращение — Мельц].
- Рус. эмиграция — Рус. эмиграция. Журналы и сборники на русском языке. 1920—1980. Свойный указатель статей. Под ред. Т. Л. Глазковой, Т. А. Осоргинной. Париж, 1988 (L'émigration Russe. Revues et recueils. 1920—1980. Index Général des articles, P., 1988).
- Рус. энциклопедия — Русская энциклопедия. Под ред. С. А. Андрианова [и др.], т. 1—11, СПб., 1911—15 (дореволюц. до сл. «Максимум»).
- Рус. эпитафия — Русская эпитафия. XVIII — нач. XX в. Вступ. ст. М. И. Гиллельсона. Сост. М. И. Гиллельсон, К. А. Кушман, Л., 1988 (БПбс, 3-е изд.); см. также — Русская эпитафия второй половины XVII — начала XX века, Л., 1975.
- Салтыков-Щедрин — Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений и писем, т. 1—20, М., 1963—1977 (изд. ИРЛИ; укр. язык и периодич. изд. в томах).
- Салтыков-Щедрин в восп. — М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Вступ. ст., сост. и комм. С. А. Макашина, 2-е изд., т. 1—2, М., 1975 (в т. 2 укр. язык и проза).
- СДР — Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь, М., 1979.
- Семевский — Семевский М. И., Знакомые. Альбом, СПб., 1888 (автобиографические заметки, алфавит фамилий в содержании).
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия, т. 1—16, М., 1961—76.
- СКРНЗП — Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX века. Книги и периодические издания. 2-е изд., ч. 1—3, М., 1981—82.
- Скрябин — Скрябин Н. А., «Петербургский листок» за тридцать пять лет. 1864—1899, СПб., 1914.
- Сл. ОЛРС — Словарь членов Общества любителей российской словесности при Московском университете. 1811—1911, М., 1911.
- Сл. профессоров Моск. ун-та — Биографический словарь профессоров Московского университета, ч. 1—2, М., 1835.
- Смирнов-Россет — Смирнов-Россет А. О., Дневник. Воспоминания. Изд. подготовил С. В. Житомирская, М., 1989 (ЛП; укр. язык).
- Смирнов-Соколовский — Смирнов-Соколовский Н. П., Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX веков, М., 1965 (укр. язык и альманахов).
- Сисгирса — Сисгирса И., Словарь русских светских писателей, соотечественников и чужестранцев, писавших в России, т. 1 — От А до Г, М., 1838.
- Соколов — Соколов С. Д., Саратовцы писатели и ученые. Материалы для библиографического словаря, в. 1. А.—К, Саратов, 1913; то же. К — Павел. — В кн.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии, в. 30—33, Саратов, 1913—16.
- Солнцов — Солнцов В. С., Опыт российской библиографии. Фед., прим., дополнения и указатель В. Н. Рогожина, ч. 1—3, СПб., 1904—06; Указатель, СПб., 1908.
- СП. Автобиография — Советские театры. Автобиографии, т. 1—5, М., 1959—88.
- ССЭ — Сибирская советская энциклопедия, т. 1—3, Новосиб. — М., 1929—32 (А—И), т. 4, Н.-Я., [1992] (О—С).

- Старчевский — Справочный энциклопедический словарь. Под ред. А. В. Старчевского. т. 1—12. СПб. 1847—55.
- Стасюлевич — М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Под ред. и с предисл. М. К. Лемке. т. 1—5. СПб. 1911—13 (ук. имен и названий в каждом томе).
- Степанов. Стенник — История русской литературы XVIII в. Библиографический указатель. Составили В. П. Степанов и Ю. В. Стенник. Под ред. П. Н. Беркова. Л., 1968.
- Стихотв. сатира — Стихотворная сатира первой русской революции. (1905—1907). Вступ. ст. А. А. Никова. Сост., подг. текстов и прим. Н. Б. Банк, Н. Г. Захаренко и Э. М. Шнейкертман. Л., 1985 (БПбс, 3-е изд.; ук. имен; кн. подг. на основе одного изд. БПбс — Л., 1969).
- Стихотв. сказка (новелла) — Стихотворная сказка (новелла) XVIII — начала XIX века. Вступ. ст. и сост. А. Н. Соколова. Подг. текста и прим. Н. М. Гайденкова и В. П. Степанова. Л., 1969 (БПбс, 2-е изд.).
- Сто писателей — Сто русских писателей. Портреты, биографические данные, образы произведений. Сост. В. А. Никольский. СПб., 1904.
- Строфы века — Езушенко Е., Строфы века [1900—2000]. Антология русской поэзии. Науч. редактор Е. Витковский. Послеисл. Л. Алексеевой. Минск — М., 1995 (ук. имен).
- Тарасенков — Тарасенков А. И., Русские поэты XX века. 1900—1955. Библиография. М., 1966.
- Тартаковский — Тартаковский А. Г., 1812 год и русская меццларистика. Опыт источниковедческого изучения. М., 1980.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы. АН СССР [РАН]. Институт русской литературы (Пушкинский Дом). т. 1—30—, Л.—СПб., 1934—96—.
- Толтъ — Настольный словарь для справок по всем отраслям знания. Справочный энциклопедический лексикон. Сост. под ред. Ф. Толля при содружестве В. Воллеса. т. 1—3. СПб., 1863—64; Приложение. СПб., 1866; Дополнение, а. 1—2. СПб., 1875—1877.
- Толстой — Толстой Л. Н., Полное собрание сочинений. (Юбилейное издание), т. 1—90. М.—Л., 1928—58 (Указатели, М., 1964).
- Толстой в восп. — Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Ред. С. А. Макашина. Вступ. ст. К. Н. Ломунова. сост., подг. текста и комм. Г. В. Краснова и И. М. Фортунатова. т. 1—2. М., 1978 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Толстой. Переписка — Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. Сост., вступ. ст. и прим. С. А. Розановой, 2-е изд., т. 1—2. М., 1978 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Трубицын — Трубицын Н. И., О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912 (Записки инт.-филол. ф-та СПб. ун-та, ч. 110; ук. имен авторов).
- Тургенев — Тургенев И. С., Полное собрание сочинений и письма. В 30 тт. Под ред. М. К. Алексеева и др., 2-е изд., М., 1978—95—; Сочинения, т. 1—12, 1978—86 (в т. 12 ук. имен и прозв.).
- Тургенев. Письма — Письма. В 18 тт., т. 1—10—, М., 1982—95— (ук. имен, названий и адресатов писем в томах). В составе предыдущего издания.
- Тургенев в восп. — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Вступ. ст. С. М. Петрова. Сост. и подг. текста С. М. Петрова и В. Г. Фридлянда. т. 1—2. М., 1983 (в т. 2 ук. имен и названий).
- Тургенев в восп. Письма — И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. Сост., вступ. ст. и комм. В. Г. Фридлянда. — Переписка И. С. Тургенева с Пашей Вязной и ее семьей. Сост., вступ. ст. и комм. Н. П. Генераловой. М., 1988 (ук. имен).
- Тынянов — Тынянов Ю. И., Пушкин и его современники. Вступ. ст. В. В. Виноградова. М., 1969 (ук.).
- ТЭ — Театральная энциклопедия, т. 1—5 и доп. т., М., 1961—67 (ук.).
- УРЕ — Украинська радянська енциклопедія, т. 1—17. Київ, 1959—65; новое изд. — т. 1—12. Київ, 1977—85; в рус. пер. — т. 1—12. К., 1978—85.
- Успенский — Успенский Г. И., Полное собрание сочинений, т. 1—14. М.—Л., 1940—54 (в т. 13 и 14 ук. адресатов писем).
- Феокистов — Феокистов Е. М., За кулисами политики и литературы. 1848—1896. Воспоминания. Ред. и прим. Ю. Г. Оксман. Вступ. статьи А. Е. Пресникова и Ю. Г. Оксман. [2-е изд.], М., 1991 (ук. имен).
- Физлер — Физлер Ф. Ф., Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. М., 1911.
- Филарет — Филарет (Гумилевский), список Черниговский. Обзор русской духовной литературы, 3-е изд., кн. 1—2. СПб., 1884.
- Флоровский — Георгий Флоровский, прот., Пути русского богословия. Предисл. И. Мейендорфа. Париж, 1981 (1-е изд., Париж, 1937; прим., ссылки, ук. имен); то же, К., 1991; то же, Вильно, 1991 (два последние — репринты).
- Фостер — Библиография русской зарубежной литературы 1918—1968. Сост. Л. А. Фостер. т. 1—2. Восток, 1970.
- ФЭ — Философская энциклопедия, т. 1—5. М., 1960—70 (в т. 5 предметный и именной ук.).
- ФЭС — Философский энциклопедический словарь. М., 1983 (ук. имен).
- Ходасевич — Ходасевич В. Ф., Собрание сочинений. Под ред. В. П. Кочетова. Сост., подг. текста и комм. И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова и др. Вступ. ст. С. Г. Бочарова. т. 1—4. М., 1996—97 (в т. 4 ук. имен).
- Хомяков — Хомяков А. С., Полное собрание сочинений, т. 1—8. М., 1900—06.
- Чениов — Восстание декабристов. Библиография. Сост. Н. М. Чениов. Ред. Н. К. Пиханов. М.—Л., 1929.
- Черейский — Черейский Л. А., Пушкин и его окружение. Словарь-справочник. Под ред. В. Э. Вакуро, 2-е изд., Л., 1983.
- Чернышевский — Чернышевский Н. Г., Полное собрание сочинений, т. 1—16. М., 1939—53 (в т. 16 ук. имен).
- Чернышевский в восп. — Н. Г. Чернышевский в воспоминаниях современников. Вступ. ст. и прим. А. А. Демченко. М., 1982 (ук. имен).
- Чехов — Чехов А. П., Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Под ред. Н. Ф. Бельчикова и др., М., 1974—83; Сочинения, т. 1—18, 1974—82 (в т. 18 ук. имен, прозв., проза, поэза. Чехова); доп. тираж — М., 1983—88.
- Чехов. Письма — Письма, т. 1—12, спец. том указателей прозв., псевдонимов, имен, писем по адресатам, М., 1974—83. В составе предыдущего издания.
- Чехов в восп. — А. П. Чехов в воспоминаниях современников. Подг. текста и прим. И. И. Гитович и И. В. Федорова. Предисл. А. К. Котова. М., 1960 (ук. имен и названий).
- Чуковский — Чуковский К. И., Собрание сочинений, т. 1—6. М., 1963—69 (в т. 4—6 ук. имен; в т. 6 ук. прозв.).
- Шелгунов и др. — Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л., Воспоминания, т. 1—2. М., 1967 (в т. 2 ук. имен и журналов).
- Шмаков — Шмаков А. А., Уральский словарь писателей. Челябинск, 1978.
- Шмаковом — Шмаков А. А., Шмакова Т. А., Урал литературный. Краткий библиографический словарь. Челябинск, 1988 (ук. имен и периодич. изд.).

Штагеншнейдер	—	Штагеншнейдер Е. А. Дневник и записки. (1854—1886). Рец. ст. и комм. Н. Н. Розанова, М.—Л., 1934 (ук. имен).	Южаков	—	Большая энциклопедия. Под ред. С. Н. Южакова и П. Н. Миллюкова, т. 1—22. Лейпциг—Вена—СПб., 1900—09.
Эймонтова (1)	—	Движение декабристов. Библиографический указатель. 1928—1959. Под общ. ред. М. В. Нечкиной. Сост. Р. Г. Эймонтова при участии А. А. Соленинковой, М., 1960.	Языков	—	Языков Д. Д. Обзор жизни и трудов покойных русских писателей, в. 1—13. СПб.—М., 1885—1916; 2-е изд. испр. изв., в. 1—2. М., 1903—16; его же. Материалы для «Обзора жизни и сочинений русских писателей и писательниц», в. 14 (Русские писатели и писательницы, умершие в 1894 г.). Публ. Г. Ю. Дрезгуновой. — В кн.: Российский архив, [кн.] 1. М., 1991.
Эймонтова (2)	—	Движение декабристов. Указатель литературы. 1960—1976. Рец.-сост. Р. Г. Эймонтова. Сост. В. С. Биряжкова [и др.], М., 1983.	Dictionary of Russian women writers	—	Dictionary of Russian women writers. Ed. by M. Ledkovsky, Ch. Rosenthal, M. Zirin, Westport (Conn.) — L., 1994 (Contributions to the study of world literature, № 3).
Эпх. «Слова...»	—	Энциклопедия «Слова о полку Игореве». Отв. ред. О. В. Творогов, т. 1—5, СПб., 1995 (изд. ИРЛИ; в т. 3 ук. имен и др.).			

УТОЧНЕНИЯ И ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Столбец	Строка	Напечатано	Следует читать
г. 1				
133	средний	10-я сверху	1941, Париж (?)	7.11.1948, Париж
149	левый	28-я снизу	1890—1924	1890—1926
233	правый	12—13-я снизу	на кладб. Воскресенского Новодевичьего мон.	на Смоленском кладб.
239	левый	27-я сверху	1929	15.3.1929, Ленинград; похоронен на Литейкт. мостках Волкова кладб.
270	левый	21-я снизу	3.6.1973	1.3.1973
313	левый	7-я снизу	25.10 (6.11).1846	не позднее 25.10 (6.11).1845*
315	правый	23-я снизу	ф. 646	ф. 646*
вклейка 320—21		портрет	Ф. М. Достоевский, 1848	М. М. Достоевский, 1847
323	правый	7-я сверху	Витте	Витте
368	правый	7-я сверху	Впервые напечатал стихи в сб.	В числе наб. ранних публ. — стих. «Цветы» (ЖаВ, 1898, № 7, с. 790). Печатался в сб. 25.1.1985
449	правый	27-я снизу	яв. 1985	«Тёмные силы» (там же, 1907, № 1—38)
471	левый	24-я снизу	«Тёмные силы» (там же, 1907, прил.)	
г. 2				
63	правый	18—19-я снизу	1922, Петербург (?)	29.11.1922, Петроград; похоронен на кладб. Александр-Невской лавры
120	средний	33-я снизу	1802	1806 (описанный в статье однокл. сб. 1802 принадлежит неустановл. автору)
160	левый	8-я сверху	Дорошевич	Дорошевич
187	правый	8-я снизу	Волковым	Смоленском
209	левый	26-я снизу	Парголов. кладб.	Северном кладб.
342	средний	24-я снизу	22.10 (4.11)	17(30).10
520	левый	36—37-я сверху	не позднее июля	23.3 (4.4)*
520	левый	38-я сверху	10 (22).1870	10 (22).1.1870
520	правый	37-я снизу	Ф. Л. Федорова].	Ф. Л. Федорова]; ГА Владимир. обл., ф. 556, оп. 107, д. 69* (справка Г. Д. Овчинникова)
г. 3				
24	левый	21—22-я сверху	Петроград ?	Петроград; похоронен на Литейкт. мостках Волкова кладб.
94	правый	24-я сверху	Прелестнова	Прелестнова
106	левый	28—29-я сверху	после окт. 1941*	21.12.1941, Фергане*
106	правый	1-я снизу	округа.*	округа; расстрелян.
107	левый	23—24-я сверху	№ 214—П—203* [справка В. П. Сороченко];	№ 214—П—203 [справка В. П. Сороченко]; ЦА ФСБ* [справка А. И. Шинкина];
114	правый	18—21-я сверху	был будущий знаменитый рус. физик Э. Х. Ленц и нем. писатель и естествоиспытатель А. Шамиссо	был нем. писатель и естествоиспытатель А. Шамиссо
115	левый	17—18-я сверху	Первое описание этого плавания вышло	Первое описание этого плавания (в нем участвовал Э. Х. Ленц) вышло
136	правый	19-я снизу	после 1813	8 (20).3.1814, Петербург (?); похоронен на Волковом кладб.
172	средний	27-я сверху	Кукиш пошлакам:	Кукиш прощякам:
191	левый	10-я сверху	1840—	1840, Владимир—
191	средний	5-я снизу	оп. 20, д. 175 (дело о службе).	оп. 20, д. 175 (дело о службе); ГА Владимир. обл., ф. 556, оп. 107, д. 253 (м. с.) [справка Г. Д. Овчинникова].
193	правый	27—28-я сверху	Г. Ф. Пыттелева	Л. Ф. Пыттелева
219	правый	17-я снизу	25.4 (7.6)	25.4 (7.5)
225	правый	36—37-я сверху	[К. с. Гроссгейтрихом;	[Е. П. Буризнаевой с Гроссгейтрихом;
277	левый	28-я снизу	т. 1—2	т. 1—8
277	левый	26-я снизу	ПСС, т. 1—2	ПСС, т. 1—12
290	левый	34-я сверху	Д. М(аслен)ко	Д. М(аслен)ко
302	средний	5-я сверху	12 (?).9.1934, Ленинград	до 10.9.1934, Ленинград, похоронена на Волковом кладб.
302	правый	11-я снизу	Некролог:	Некролог, 1934: «Ленинградская правда», 10 сент.;
326	средний	5-я сверху	ЦГИАМ	ЦГИА
350	левый	3-я снизу	7.1	5.4
359	левый	9-я снизу	Лондон	Брайтон, Англия

Страница	Столбец	Строка	Напечатано	Следует читать
398	правый	5—6-я снизу	похоронен на Листератор. моетка Волкова кладб.	похоронен на Мревском кладб. в Лузе
424	правый	9-я снизу	на Волковом кладб.	на Смоленском кладб.
429	левый	16-я сверху	П Некр. (с ошибочными датами рожд. и смерти); ИДРДВ.	П Некр.; ИДРДВ.
472	правый	47-я сверху	В. И. Черняговский	Д. И. Черняговский
543	средний	1-я снизу	В. Г. Розальон-Социальского	А. Г. Розальон-Социальского
543	правый	28-я снизу	После смерти Нахимова он [В. Г. Маслович]	После смерти Нахимова Д. С. Борзенков (Эти сведения относятся к ст. А. Н. Нахимова).
587	левый	2-я снизу	1915—16	1915—18

При уточнении сведений о захоронениях писателей учтены материалы А. Б. Кустова.

Редакционно-издательский совет НВП ФИАНИТ

В. Ф. ЕЛАГИН (председатель), А. М. АЛЕКСЕЕВ, А. Г. МАЛЕНКОВ, В. Н. ХАДЕЕВ.

ISBN 5-85270-256-0

9 785852 702562 >

Русские писатели. 1800—1917: Биограф. словарь. / Гл. ред. П. А. Николаев. — М.: Большая Российская энциклопедия. — (Русские писатели 11—20 вв.).
Т. 4: М.—П. — 1999. — 704 с.: ил.
ISBN 5-85270-256-0 82.0(P)

Лицензия № 010144 от 14.01.97. Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-005-93, том 2: 953000. Сдано в набор 10.09.97. Подписано в печать 30.03.98. Формат издания 70×108¹/₁₆. Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Объем издания 64,44 усл. печ. л.; 131,74 усл. кр.-отг.; 148,1 уч.-изд. л. Тираж 20000 экз. (1-й завод 1—10000 экз.). Цена 1605 С 8

Научное издательство «Большая Российская энциклопедия». 109544, Москва, Покровский бульвар, 8.

Научно-издательское предприятие ФИАНИТ. 103051, Москва, ул. Петровка, д. 20, кв. 18.

Отпечатано на Волжском полиграфкомбинате. г. Волжский, ул. Пушкина 79.

